

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Том IV
VII–XVI века

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М.А. Аль-Бахита,
Л. Базена и С.М. Сиссоко

ПРИ УЧАСТИИ

М.С. Асимова, А. Гейштора,
И. Хабиба, Е. Караяннопулоса,
Х. Литвака Кинга и П. Шмидта

КОНСУЛЬТАНТ

Р. Мантран

ЮНЕСКО

благодарит

ОАО «Промышленная Группа «ЛанРусинвест»

и ее Председателя Совета директоров,
Председателя Попечительского Совета
Общероссийского фонда «Единение»

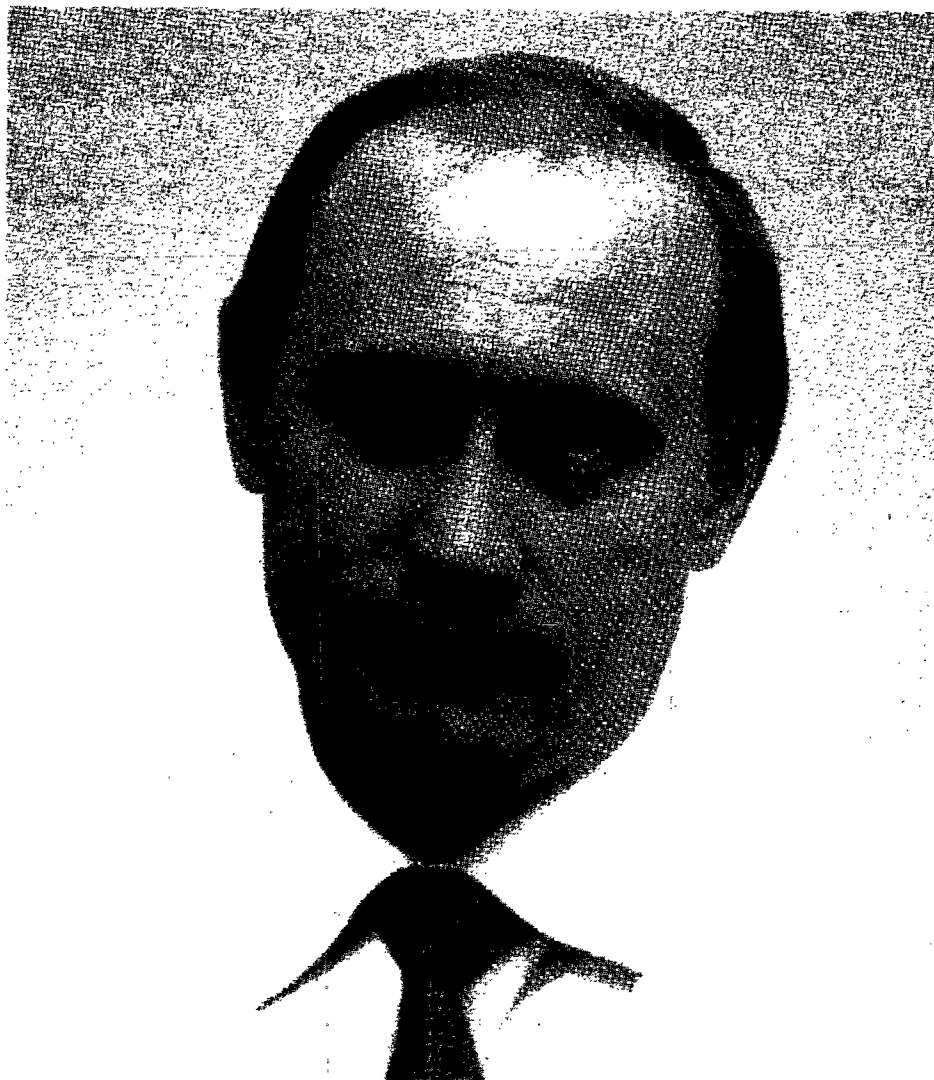
Владимира Николаевича Кишенина

за содействие в издании русскоязычной версии
«Истории человечества»

Промышленная Группа
ЛанРусинвест

Авторам, издателям и читателям
русскоязычной версии энциклопедии
«История человечества», издаваемой ЮНЕСКО

Сердечно поздравляю вас и всех, кто интересуется историей, с важным событием в мировой культурной и научной жизни — выходом в свет русскоязычной версии «Истории человечества», издаваемой по инициативе ЮНЕСКО. Этот масштабный проект — яркий пример плодотворного международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Собранные на страницах энциклопедии факты и материалы убедительно свидетельствуют о неразрывной связи духовного и исторического наследия народов мира и, конечно же, об уникальном вкладе России в сокровищницу цивилизации.

Признателен авторам и издателям за глубокий и кропотливый труд. Желаю вам новых творческих успехов и всего самого доброго.

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is located at the bottom right of the page, below the main text. It appears to be a personal name, possibly 'В. Путин', though the exact characters are difficult to discern due to the cursive style.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Благодаря поддержке отечественных и международных организаций, и в первую очередь ЮНЕСКО, появилась возможность довести предлагаемый выдающийся труд до русскоязычных читателей России и всего мира.

Читателю представляется результат огромной работы, которую трудно с чем-либо сопоставить. По сути это коллективная концентрированная память человечества и каждой из его частей. Задача по созданию такого памятника настолько грандиозна, что пока в полном объеме не завершена: Международная комиссия ЮНЕСКО завершает работу над VI томом, продолжает подготовку к изданию VII тома «Истории», а Институт российской истории Российской академии наук закончил написание дополнительного VIII тома, посвященного истории России.

«МАГИСТР-ПРЕСС» воспринял работу по подготовке к изданию столь масштабного историко-литературного труда как весьма престижную. В ходе подготовки к выпуску энциклопедии решалось много важных проблем, касающихся перевода и редактирования, терминологии, оформления и др.

К проблемам, связанным с содержанием, относятся, прежде всего, неидентичность подходов разных авторов к оценке доисторических (и исторических) событий, явлений и т.д.; зачастую некоторое смещение акцентов при оценке важности тех или иных событий; повторы, которые при принятой структуре книги неизбежны; отчасти – разная терминология и т.п. Во всех этих отношениях нами был принят единственный целесообразный, с нашей точки зрения, принцип – как можно ближе придерживаться английского оригинала книги. По сравнению с ним были сделаны два изменения.

Во-первых, включено специально написанное для русскоязычного издания предисловие Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацууры, в котором дана краткая философская оценка издаваемого труда.

Во-вторых, по нашему предложению и с согласия ЮНЕСКО включено предисловие научного редактора всего издания директора Института российской истории Российской академии наук, члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова (кроме того, являющегося редактором и одним из авторов VIII тома).

В нашей работе над этим томом, как и над другими, большие трудности встретились при переводе на русский язык многих фамилий и имен, которые редко встречаются в литературе; географических названий, отсутствующих в официальных и достаточно полных географических атласах (включая «Иллюстрированный атлас мира», изд. Ридерз Дайджест, 2002 г.); археологических культур, имеющих названия по археологическим стоянкам, местонахождениям и т.п. В этих случаях в тексте помимо русского в скобках даются написания фамилий и имен на английском языке, взятые из оригинала; названия культур переведены как можно ближе к оригиналу и т.д. В то же время, в данном томе все карты (а их немало!) мы решили дать на русском языке, поскольку речь идет о тех временах, которые не так уж от нас и далеки, и многие географические названия имеют современное написание и звучание. Для проверки правильности фамилий, названий и терминов использовался широкий список словарных, справочных и географических изданий, в частности, электронная версия «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», «The Concise Oxford Dictionary», «Хроника человечества», «Атлас мира», «Библиотека Всемирной литературы» и др. Весьма ценными были консультации с Отделом переводов ЮНЕСКО.

Мы понимали, что многие термины желательно было пояснить, но в то же время осознавали, насколько увеличился бы и без того немалый объем книги; кроме того, этому препятствовали условия контракта с ЮНЕСКО. Тем не менее, в некоторых исключительных случаях редакторские пояснения были даны, но в целом для выяснения значений подобных терминов мы отсылаем читателя к известным справочным изданиям.

При работе над книгой мы со всей ответственностью осознавали, что результат нашей работы может представлять интерес для науки и образования России, способствовать сохранению общего научно-образовательного пространства стран СНГ, повышению роли и расширению применения русского языка во всем мире. Мы уверены, что в этом по существу энциклопедическом издании каждый читатель – от школьника до академика, интересующийся судьбами людей, когда-либо населявших нашу Землю, желающий узнать больше об общепланетарных корнях всего человечества, найдет для себя много интересного и полезного.

История человечества

- Том I *Доисторические времена и начала цивилизации*
ISBN 92-3-102810-3 (UNESCO)
ISBN 5-89317-155-1
- Том II *III тысячелетие до н.э. – VII век до н.э.*
ISBN 92-3-102811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-156-X
- Том III *VII век до н.э. – VII век н.э.*
ISBN 92-3-102 812-x (UNESCO)
ISBN 5-89317-157-8
- Том IV *VII–XVI века*
ISBN 92-3-102813-8 (UNESCO)
ISBN 5-89317-158-6
- Том V *XVI–XVIII века*
ISBN 92-3-102814-6 (UNESCO)
ISBN 5-89317-159-4
- Том VI *XIX век*
ISBN 92-3-102815-4 (UNESCO)
ISBN 5-89317-160-8
- Том VII *XX век*
ISBN 92-3-102816-2 (UNESCO)
ISBN 5-89317-161-6
- Том VIII *Россия*
ISBN 5-89317-184-5 (Рус.)
ISBN 5-89317-187-X (Англ.)

УДК 930.9 (03)
ББК 63.3(0)я2
И 90

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов, содержащихся в этой книге, и за выраженные в ней мнения, которые могут не совпадать с мнением ЮНЕСКО.

Принятые обозначения и представление материала во всей публикации не означают отражения мнения какой-либо части ЮНЕСКО относительно законного статуса стран, территорий, городов, областей, а также их властей и границ.

Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества несет интеллектуальную и научную ответственность за подготовку этого издания.

Согласно контракту № J 2000-036 между ЮНЕСКО и Издательским Домом «МАГИСТР-ПРЕСС» на совместное издание **История человечества** ЮНЕСКО предоставляет исключительные права соиздателю на продажу книги на территории Российской Федерации и дает право распространять ее на русскоговорящих территориях. Ни книга целиком, ни отдельные ее части не могут быть перепечатаны или воспроизведены электронными, механическими или какими-либо другими средствами, известными в настоящее время или изобретенными впоследствии, включая фотокопирование и запись, или в любой системе хранения и поиска информации, без письменного разрешения Издательского Дома «МАГИСТР-ПРЕСС».

Замысел издания на русском языке:

Министр иностранных дел России **И.С. Иванов**,
Генеральный директор ЮНЕСКО **К. Мацуура**,
Постоянный представитель России в ЮНЕСКО **В.А. Каламанов**,
Генеральный директор Издательского Дома «МАГИСТР-ПРЕСС» **В.Н. Харьков**,
Директор Издательства ЮНЕСКО **М. Танака**

Рецензент: **С.Л. Тихвинский**, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Российской академии наук

Под общей редакцией **А.Н. Сахарова**, доктора исторических наук,
профессора, члена-корреспондента Российской академии наук

Ответственный редактор **Э.А. Манушин**, доктор технических наук,
профессор, действительный член Российской академии образования

Научный консультант **А.И. Смирнов**, доктор исторических наук, профессор

***Русскоязычная версия издается при участии
Института российской истории Российской академии наук***

Том IV. VII–XVI века

Редактор: Э.А. Манушин

Переводчики: В.Н. Ковалев, В.И. Колодников,
группа переводчиков Некоммерческого партнерства
«Независимая Ассоциация Переводчиков и Педагогов»
Художественное оформление: Л.Е. Головин
Верстка: М.А. Казимиров, Н.В. Морозина, Я.В. Мустаева
Корректоры: Н.В. Назарова, Т.Х. Валавина, С.Н. Воейкова, О.А. Михайлова
Зав. производством: Л.В. Колесникова
Служба реализации: А.А. Романченко

Подписано в печать 11.09.2003 г. Формат 60х90/8. Печать офсетная
Усл. печ. л. 99,5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1431.
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 01537 от 14 апреля 2000 г.
Адрес Издательства: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 7/15, офис 16
Для писем: 115419, а/я 14
Тел./факс: +7 (095) 290-0689
E-mail: m.press@comail.ru
Интернет: <http://www.magister-unesco.ru>

Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5

ISBN 5-89317-156-X

9 785893 171563 >

ISBN 92-3-102 811-1 (UNESCO)
ISBN 5-89317-154-3
ISBN 5-89317-156-X (Т. IV)

© ЮНЕСКО, 2003
© ООО «Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Коитиро Мацуура,
Генеральный директор
ЮНЕСКО

Мне доставляет огромное удовольствие представить публике превосходное русское издание «Истории человечества» и горячо приветствовать партнерскую работу ЮНЕСКО и Издательского Дома МАГИСТР-ПРЕСС, благодаря которой мы знакомим широкий круг новых читателей с этим выдающимся трудом.

Сегодня, когда мировое сообщество вновь охвачено беспокойством, чувством опасности, поскольку оказалось перед лицом очевидных и грубых вызовов, не может быть публикации более своевременной, чем эта. Глубокая мысль, зафиксированная еще пять десятилетий назад в Уставе ЮНЕСКО: «Поскольку войны рождаются в умах людей, то именно в умах людей должна быть создана система защиты мира», – вновь обретает актуальность.

Ответить на эти вызовы путем развития подлинно межкультурного диалога и есть та конкретная цель, которая обусловила появление «Истории человечества». Точно так же, как едина Земля, един и человеческий род при всем его разнообразии. Этот труд – плод объединенных усилий более 450 специалистов всего мира – представляет собой всеобщую историю человеческого духа во всем многообразии путей развития, точек зрения и культурных предпочтений. В книге читатель найдет панораму становления мировых культур, широкое видение научного и культурного развития, включающего многие формы человеческого творчества, приведшего не только к особенностям различных культур, но и к аналогиям между ними, к их конвергенции.

Как определил Альберт Эйнштейн, у человечества нет иного выбора, кроме как «быть единым или не быть вообще». Идти вперед можно, только возводя мосты взаимопонимания между народами и укрепляя тем самым непреходящую убежденность в том, что именно в единстве заключено многообразие человечества. Сегодня этому видению всемирного сообщества брошен насильственный вызов. Именно поэтому наша Организация испытывает глубокое удовлетворение в связи с тем, что издаваемый жизненно важный источник, являющийся одновременно свидетельством общего прошлого человечества и проявлением веры в его общее будущее, становится более доступным широкой публике.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕДИНА. ОТНОСИТЕЛЬНО

А.Н. Сахаров,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Слова, вынесенные в заголовок Предисловия, являют, на мой взгляд, ту незамысловатую, но одновременно невероятно трудную для разумения истину, которой буквально пронизана семитомная «История человечества», выпущенная по решению ЮНЕСКО вторым изданием на исходе XX в. и сегодня, уже в начале XXI в., публикуемая в России.

Действительно, эта истина незамысловата, потому что она лежит как бы на поверхности человеческой истории, изучаемая самим единым научным сообществом. Именно поэтому создатели «Истории человечества» впервые в мировой историографии попытались представить развитие Человеческого рода в соответствии с самим естественным ходом исторического процесса, обнимающего всю планету, все ее материки, все регионы, все страны и народы, прошлые и настоящие; потому что, по мнению 450 авторов этого монументального труда, представляющих десятки стран и все без исключения геокультурные регионы, вся история Человечества – это единая линия развития.

Все более крепнущее в научном мире понимание единства истории Человечества основано не только на анализе прошлых и современных мировых общественных тенденций, отличающихся интеграционными процессами, на нашем сегодняшнем прозрении многих объединяющих Человечество общественных явлений, но и на новом уровне знаний, полученных наукой на исходе XX в., новых методологических и конкретно-исторических подходах, не известных ранее археологических и антропологических данных, уводящих в глубь тысячелетий, объединяющих неожиданными находками, параллелями, прямыми связями и взаимовлияниями разные народы и обширнейшие регионы.

Этому пониманию способствовали и новые технологии, на которые оказался так богат XX в. и которые помогают проникнуть в тайны человеческого бытия, а также ставшая очевидной хрупкость этого мира в связи с уже потрясшими землю как грандиозными стихийными, так и рукотворными бедствиями и катастрофами, вроде взрыва на Чернобыльской АЭС, которые повлияли на жизнь буквально всего Человечества. Это единство было подчеркнуто нависшей над землей, особенно во второй половине XX в., угрозой атомной войны и возможными неисчислимыми потерями для всего Человеческого рода и даже прекращением его истории.

Сегодня единство Человечества, его общая судьба, взаимосвязь истории всех людей земли еще раз подчеркнута воздушными атаками террористов на Нью-Йорк, их захватом в центре Москвы музыкального театра, другими атаками мировых фанатиков-экстремистов, повлекшими колоссальные жертвы и, возможно, самую страшную из них – осознание всей

незащищенности нашей планеты и ее обитателей, несмотря на горы накопленного оружия, всю иллюзорность нашего благополучия и стабильности, к которой упорно год за годом, столетие за столетием, тысячелетие за тысячелетием с разными успехами и разными результатами шло человечество через тернии своего трудного и долгого пути.

И все же, как показывает «История человечества», постижение единства, глобальности развития человеческого рода – задача невероятно сложная, а само единство весьма относительно по многим параметрам, в том числе из-за природного разобщения, межкультурного, межцивилизационного, межрасового, межнационального, социального отчуждения, тем более что Человечество находится в пути, и какая часть этого пути пройдена, а какую еще предстоит пройти – постигнуть очень трудно, как трудно ответить на вопросы, связанные с возможным влиянием цивилизационных достижений, нынешних и будущих, на ближнюю и дальнюю историю Человечества.

Прекрасно осознавая эти трудности, преодолевая или оговаривая индивидуальные подходы и гипотезы, авторы, тем не менее, попытались показать историю Человечества в совокупности как объединяющих, так и разрывающих ее тенденций, выявить адекватность понимания истории, ее естественной, сложной и противоречивой сути.

Думается, что одним из важных достижений «Истории» является объективное, научно обоснованное, покоящееся на огромном количестве как прежних, так и новых систематизированных данных понимание эволюции Человеческого рода от выделения предков человека из мира приматов примерно 60 млн. лет назад, затем этап за этапом превращения этой части животного мира в современного человека. Эта эволюция охватывала все континенты, проходила близкие превращения, хотя и в разное время, под влиянием аналогичных условий существования выявила колоссальную способность человека к адаптации в окружающем мире, его неразрывную связь с постоянно меняющейся экологической средой. Авторы, возможно, впервые в историографии в столь обобщенном виде показывают, как в различные периоды, в далеко отстоящих друг от друга регионах экологическая среда, изменение климата воздействовали на развитие человеческого общества в сходном направлении, что само по себе уже говорит об общности и подверженности единым законам бытия Человеческого рода.

Мне представляется, что издание «Истории человечества» несколько приглушило эгоцентризм поколения рубежа XX–XXI вв. и показало, что все мы, люди этого времени, лишь ничтожная часть единой, идущей из глубины тысячелетий мировой истории. Действительно,

лишь 0,5% этой истории, открытой 2,5–2 млн. лет тому назад появлением Человеческого рода, приходится на то время (с V тысячелетия до н.э.), которое считается историческим, т.е. обеспеченным письменными источниками, а 99,5% – на время, когда простиралась так называемая преистория человечества, полная своих великих общественных свершений, духовных прозрений, технологических революций, массовых миграций, демографических взрывов. На долю же XX в. приходится совсем ничтожная часть этой истории.

Мир постоянно менял человека, человек, меняясь с тысячелетиями сам, изменял существующий мир. Но вряд ли кто рискнет сегодня, особенно после выхода в свет этого издания, утверждать, что поколения, живущие в XXI в., свободны, несмотря на кажущееся могущество нынешнего человеческого разума, от тех же планетарных явлений и законов развития, с которыми столкнулись наши далекие предки, к которым они, как это показывает мировая история, успешно адаптировались и которые продолжают оказывать неодолимое влияние и на сегодняшнюю человеческую жизнь. Просто для того чтобы увидеть и понять хотя бы некоторые из этих процессов, вникнуть в сущность перемен, происходящих с человеком и с человеческим обществом, прикоснуться к происходящим с ними коренным сдвигам, меняющим ход истории, необходим, как показывает «История человечества», охват истории от 25–30 до 50–60 поколений. И это как минимум, и это в период уже письменной истории. Что же говорить о временах «доисторических». Погружение в хронологические глубины бытия отнюдь не меняет общих закономерностей развития Человечества.

Ключом к пониманию единства и особенностей развития различных групп людей на нашей планете, разнообразных регионов земли является, по моему мнению, использование трехуровневого цивилизационного подхода. Первый уровень охватывает основные признаки человеческой цивилизации, свойственные Человечеству в целом на различных этапах его развития. Второй относится к цивилизационным региональным особенностям, третий – к характеристике отдельных стран и народов. Все они взаимосвязаны, все проистекают из общемировых цивилизационных параметров и покоятся на них.

К общемировым цивилизационным ценностям относятся прежде всего такие общие категории, как становление самого человека, его духовное и физическое совершенствование (например появление речи), развитие его разума. Именно первичность мысли, ее приоритет над экономическими, социальными и другими общественными категориями стали основой всего хода человеческой истории и определили цивилизационные черты как первого уровня, так и двух последующих. Человеческий разум создал цивилизацию как постоянно развивающуюся систему человеческих ценностей, куда входят основные технико-экономические показатели, социальные отношения, религия, искусство, культура, духовное развитие, образ жизни, система власти и общества, право, международные связи, военная организация, демографические процессы, взаимодействие человека с окружающей средой, миграции и т.д. И все это в постоянном развитии, становлении от глубин древности до наших дней.

Определяющими в этом цивилизационном развитии выступают такие действия людей, которые по мере освоения их значительными группами и на значительной части планеты круто меняют жизнь людей, давая начало новым виткам человеческой истории, перемене в образе жизни. К таким явлениям относятся овладение огнем, переход к производящему хозяйству, великие изобретения неолитической революции (гончарный круг, колесо, лодка и парус, лук и стрелы, рыболовный крючок и сети, зарождение прядения шерсти и ткачества и многое другое). А позднее – освоение плавки металла, период «городской революции», появление письменности, складывание универсальных

религий, зарождение научных знаний, дальнейшее развитие человечества и становление частной собственности и великих и драматических последствий внедрения в жизнь людей этого общественного института.

«История человечества» неумолимо включает все новые и новые цивилизационные параметры первого уровня, определяющие жизнь населения планеты: освоение конной тяги, что кардинально меняет систему передвижения и военную организацию, создание системы дорог, начало использования пороха и появление огнестрельного оружия, что резко повлияло на «взаимоотношения» как человека с животным миром, так и между самими людьми. Сюда же можно включить великие географические открытия, эпоху Возрождения, а затем эпоху Реформации, великие изобретения человеческой мысли XIX–XX вв. буквально во всех областях знаний, вновь изменившие мир и давшие новое направление мировой цивилизации. Социальными новациями стали выкристаллизовавшиеся за столетия и определившиеся к середине XX в. основные права и свободы человека, главные параметры гражданского общества.

Все эти новации охватили и охватывают всю планету. Благодаря высокому уровню трансляции человеческого опыта и знаний из более развитых регионов в менее развитые (скажем, металлургия зародилась в Западной Азии и оттуда распространилась на огромные пространства Старого Света), мобильности людей, миграционным и демографическим процессам, совершенствованию средств сообщения и связи эти важнейшие для изменения образа жизни людей новации становились неотъемлемым достоянием либо всего человечества, либо значительной его части.

Авторы «Истории человечества» отмечают, что все эти цивилизационные параметры (назовем их параметрами первого уровня) стали таковыми, поскольку они сделали определяющими в наиболее продвинутых частях мира, начали диктовать цивилизационное развитие в основных регионах планеты, сосредоточились в так называемых ключевых культурных регионах, влияющих на мировую периферию. Концепция «ключевых регионов» и «периферии» и, добавив мы, наличие между ними так называемых буферных зон дает панорамную, постоянно меняющуюся картину цивилизационного развития мира, поскольку некоторые «ключевые регионы» по многим причинам, в том числе освоения «периферией» еще более новых цивилизационных параметров или, скажем, демографического взрыва, мощных колониционных процессов или продвижения там новаций социального характера, обгоняют в своем развитии старые центры и сами превращаются в новые «ключевые центры», обрастая собственной периферией.

В этой связи и встает вопрос о втором и третьем уровнях цивилизационного развития Человечества. В силу особых исторических причин отдельные регионы развивались вне магистральных цивилизационных путей, но имели свои специфические достижения, ставшие основой для их развития. Как показано в «Истории человечества», таковыми стали регионы Центральной и Южной Америки, Австралии, восточная часть Европы. Да и основная часть Европы – ее центральные и западные районы – до определенного времени оставались вне общих мировых достижений, которыми были отмечены продвинутые с V тысячелетия до н.э. регионы Северной Африки, Восточного Средиземноморья, Западной Азии, Индии, Китая, где зарождались мощные цивилизационные потоки, полководцем одолевшие позднее значительные части планеты.

Но существовали еще более замкнутые районы, отдаленные на тот или иной период от основных культурных центров и связанные с развитием отдельных народов или групп народов. Это был третий цивилизационный уровень. К таковым можно было бы отнести районы Сибири, Океании, части Юго-Восточной Азии и некоторые другие.

Однако все они – любой регион, любой народ – не выпадали из общей истории Человечества. Они привносили

и привносят в эту историю свой, пусть не универсальный, как ведущие регионы, но оригинальный и неповторимый опыт. Универсальная история и история отдельных регионов и народов тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлияниям. Каждый народ вносит свой неповторимый вклад в историю Человечества, что становится особенно очевидным по мере нарастания с каждым тысячелетием и столетием интеграционных мировых процессов. Каждый народ, удобряя почву цивилизации своим разумом, знаниями, опытом, своим трудом, наконец, своими жизнями, создает общий мировой цивилизационный фон, на котором развивается и совершенствуется весь Человеческий род.

Исходя из этих посылов, авторы «Истории человечества» и построили свой труд. В основу его периодизации положен тематически-хронологический принцип и асинхронный подход. Это означает, что вся история Человечества делится на периоды, которые определяются основными цивилизационными критериями, о которых шла речь выше и которые прокладывали, так сказать, «столбовую дорожку» Человеческого рода. Но вместе с тем совершенно очевидно, что понятия «неолитическая революция», «античность», «средневековье», «новое время» «современность», характеризующие набор этих основных критериев, вовсе не совпадают ни по времени, ни по сущности их основных цивилизационных качеств с развитием других регионов и народов, чье вовлечение в общий исторический поток по ряду причин либо замедлялось, либо было неполным. Не случайно сегодня в науке оспаривается вопрос об адекватном хронологическом соотношении понятий «средневековье» и «новое время» одновременно в истории стран Западной Европы и России. Столь же очевидна бессмысленность приложении понятия «античность» к регионам, скажем, Юго-Восточной Азии или Южной Африки, не говоря уже об Австралии и Новом Свете. И все же в рамках общей истории Человечества создается Всемирная, но не универсальная история, в условиях которой происходит развитие основных ведущих культур, обогащающихся свойствами иных культур, что и дает общее понимание их прошлой истории в ее целом. Основные же критерии периодизации выступают как важные ориентиры, как векторы всего развития Человечества от низших к высшим формам его существования.

В этой же связи отступает на второй план традиционный европоцентристский подход к мировой и региональной истории, когда такие явления, как Великая французская революция 1789–1794 гг. или начало первой мировой войны (1914 г.) неизменно становились определяющими гранями мировой истории, как впрочем и обращение Римской империи в христианство в качестве конца античности и начала средневековья, что прошло совершенно незамеченным для огромного азиатского региона, или важная для мусульманского мира дата Хиджры (исхода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину), определявшая начало мусульманского летоисчисления, но совершенно незамеченная остальным, немусульманским миром.

«История человечества», построенная по асинхронному, тематически-хронологическому принципу, учитывающая основные стадии эволюции Человечества, его материального и духовного развития, заключена в семь томов. Том I посвящен «предыстории» Человечества и охватывает период от глубин древности до III тысячелетия до н.э.; том II – с III тысячелетия до н.э. до VII в. до н.э.; том III – с VII в. до н.э. до VII в. н.э.; том IV – с VII в. до XVI в.; том V – с XVI в. до XVIII в.; том VI охватывает период XIX в. и том VII посвящен истории Человечества в XX в.

Важнейшим вопросом всего издания «Истории человечества» является характеристика сущности тех эволюционных перемен, которые положены авторами в основу серии. Ответ на него прост и ясен: квинтэссенцией всей истории Человеческого рода, как видно из анализа, принятого авторами, является качество жизни, совершен-

ствование образа жизни людей, прогресс человеческой личности в рамках как индивидуальных, так и коллективистских усилий, прогресс, базирующийся на вечных человеческих цивилизационных ценностях, основными из которых являются права и свободы людей, частная собственность. Люди испокон веков стремились к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, и в этом смысле история Человечества также является единой и неделимой, хотя не существует измерений, на которых можно было бы построить понимание этого благоденствия и, если угодно, счастья в те или иные периоды истории. Но общая тенденция ясна. Правда, путь к этому прогрессу длителен и противоречив, откаты на этом пути глубоки и порой необратимы, но Человечество в целом и в отдельных своих частях, даже в малых ячейках, упорно, день за днем, год за годом, век за веком продвигалось и продвигается по пути к материальному и духовному совершенствованию своей жизни, улучшению ее качества.

И все же история Человечества продолжается, и наступивший XXI в., как и предшествующие периоды истории, дает ему на этом пути новые рычаги, новые возможности, новые надежды.

Четвертый том «Истории Человечества» посвящен периоду между 622 г. – первым годом мусульманского календаря Хиджры и 1492 г. – годом открытия Христофором Колумбом Америки. Тем самым подчеркивается, что этот период в истории стал временем доминирования на планете двух величайших ее цивилизаций: зародившейся новой молодой – исламской, вовлекшей в свой ареал сотни стран и народов, и воспрянувшей после заката античного мира – христианской, европейской.

Это было время, когда Человечество, аккумулируя в мировом масштабе технологические, культурные, политические, религиозные, а значит и философско-нравственные ценности, стремительно продвигалось вперед в своем общем поступательном движении, несмотря на всё еще существующую колоссальную разницу в уровне развития отдельных регионов и материков.

Создатели четвертого тома, в отличие от предшествующих трех томов, для объяснения этого движения уже располагали материалами, более точно связанными с изменением климатических условий жизни людей, экологией Земли того времени, с демографическими процессами, которые определяли во многом массовые переселения, миграции населения, порой приобретавшие форму устрашающих экспансий, вроде монголо-татарского нашествия, буквально на весь окружающий мир того времени, исключая Средиземноморье и Центральную Европу.

Как и в прошлые тысячелетия и века, локомотивами этого движения являлись основные культурные регионы и «поддерживающие» их «вторичные культурные зоны».

В первую очередь это Китай, китайская цивилизация, давшая миру именно в это время феноменальные изобретения – порох, компас, бумагу, книгопечатание и другие, – и оплодотворившая человечество великими достижениями философской мысли, политическим рационализмом, замечательными научными достижениями, в том числе в области медицины. Именно в это время китайские флотоводцы начали осваивать безбрежные просторы Тихого и Индийского океанов, достигли берегов Африки.

Арабисламская цивилизация, ворвавшаяся с VII в. смерчем в историю Человечества, принесла на огромные пространства Земли новое индийско-арабское письмо, равное по своему значению изобретению алфавита, достижения арабской технологии, науки, в первую очередь – математики с ее новым обозначением цифр. В расплавленном политическом тигле арабского мира в течение веков эволюционировала культура и наука Персии и Средней Азии, Ближнего Востока и Египта, государств Магриба

и Испании. Свой вклад в мировую цивилизацию вносил такой древний культурный регион, как Индия.

Именно в это время сформировалась Европа – не только как географическое понятие, но и как цивилизационно-политический феномен истории Человечества, открытый благодаря политической активности франков, возглавленных Карлом Великим, которого авторы тома об­разно называют «отцом Европы».

В этот период, как никогда ранее, проявили свою силу опыт трансляции мировых культур, обмен знаниями, синтез науки и искусства. Опыт прошлых веков в это время был многократно ускорен мировыми миграциями, все увеличивавшимся торговым обменом между государствами и народами, финалом которого и стало открытие Америки Колумбом в 1492 г., положившее начало вступлению истории Человечества в новую фазу развития и вовлечению в его активную орбиту новых регионов и материков.

Масштабная трансляция опыта проходила, как это ни парадоксально, в ходе масштабных завоеваний арабов, сельджуков, крестоносцев, монголов. Сражения, зах-

ваты огромных территорий, кровь и страдания миллионов людей оборачивались дальнейшим смешением рас, народов, языков, обогащением культур, наук, синтезом искусства.

Одновременно с этим происходило и становление новых политических систем уже на новой религиозной, культурной, социальной и даже научной основе. Взаимодействие религий – таких как христианство, ислам, буддизм, индуизм, – несмотря на порой жесточайшее их противостояние и ведущуюся внутри них борьбу течений и идей, также вело, не без потерь и издержек, к новой фазе общего миропонимания.

Впервые за всю историю Человечества в период 622–1462 гг. четко обозначились понятия Востока и Запада, и не только как противостоящие друг другу цивилизационные конгломераты, но и как базовые платформы их постоянного синтеза. А в рамках конгломерата «Запад» обозначилось понятие католической части Европы, ставшей олицетворением Запада, и православного «Востока». Это разделение на долгое время определило разные пути развития евразийского региона.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	V	5 Средства сообщения и транспорт	86
Предисловие к русскоязычному изданию «Истории человечества»	IX	<i>Ричард У. Буллье</i>	
<i>Коитиро Мацуура</i>		6 Познания и науки	99
Предисловие	X	<i>Ахмад Юсуф Аль-Хасан</i>	
<i>А.Н. Сахаров</i>		7 Религии, этика и философия	124
Список рисунков	XVII	<i>Морис Борман</i>	
Список карт	XVIII	8 Искусство и художественное выражение	149
Список иллюстраций	XIX	8.1 Старый Свет	149
Авторы	XXIII	<i>Олег Грабарь</i>	
Список сокращений	XXVII	8.2 Новый Свет: данные о Мезоамерике	170
		<i>Альфонсо Арельяно Эрнандес</i>	
A Введение	1	C Региональная часть	177
Введение	3	I Наследники греко-римского мира	179
<i>Мохаммед Аднан Аль-Бахит, Луи Базен и Секене Моду Сиссоко</i>		Введение	181
		<i>Яннис Караяннопулос</i>	
Б Тематическая часть	9	9 Византия	184
1 Окружающая среда и народонаселение	11	9.1 Исторический обзор	184
<i>Виктор Иванович Козлов</i>		<i>Любомир Максимович</i>	
2 Семья, семейные группы и общество	23	9.2 Государственная организация, социальная структура, экономика и торговля	189
<i>Робер Фосье</i>		<i>Яннис Караяннопулос</i>	
3 Государство и право	42	9.3 Культурное развитие	192
От редактора	42	<i>Панайотис Л. Вокотопулос</i>	
<i>Луи Базен</i>		10 Каролингская Европа	201
3.1 Европа	43	<i>Пьер Рише</i>	
3.1.1 Принципы	43	II Формирование европейской идентичности	211
<i>Рафаэль Хиберт-и-Санчес-де-ла-Вега</i>		Введение	213
3.1.2 Практика	48	<i>Жак Ле-Гофф</i>	
<i>Александр Гейштор</i>		11 Средневековая Западная Европа	215
3.2 Исламский мир	51	<i>Жак Ле-Гофф</i>	
<i>Маджид Хаддури</i>		12 Восточная и Юго-Восточная Европа	228
3.3 Государства кочевников в Центральной Азии	56	12.1 Этнические и политические изменения на Балканском полуострове	228
<i>Луи Базен</i>		<i>Василка Таткова-Заимова</i>	
3.4 Южная и Юго-Восточная Азия	58	12.2 Христианизация славян и других этнических групп (в особенности причерноморских)	232
<i>Ирфан Хабиб</i>		<i>Василка Таткова-Заимова</i>	
3.5 Восточная Азия	61		
<i>Гуанда Чжан</i>			
3.6 Африка	64		
<i>Исидор Ндайвел-э-Нзием</i>			
3.7 Америка	67		
<i>Уильям Т. Сэндерс</i>			
4 Системы хозяйствования и технологии	72		
<i>Ричард У. Буллье</i>			

12.3	Формы литературного и художественного выражения	236	21	Мусульмане на Пиренейском полуострове, Средиземноморском побережье и островах Средиземного моря	356
12.3.1	Литературные формы <i>Василка Таткова-Заимова</i>	236		<i>Мануэль Санчес-Мартинес</i>	
12.3.2	Художественные формы выражения <i>Василка Таткова-Заимова</i>	239			
13	Центральная и Северная Европа <i>Люсьен Мюссе</i>	242	IV	Азиатский мир	369
14	Распространение европейского влияния <i>Хосе-Луис Мартин-Родригес</i>	249		Введение <i>Ирфан Хабиб</i>	371
15	Коридор между Европой и Азией	257	22	Иран <i>Сейед Хоссейн Наср</i>	373
15.1	Киевская Русь <i>Анатолий Петрович Новосельцев</i>	257	23	Центральная Азия <i>Мухамед С. Асимов и Нуман Негматов</i>	386
15.2	Армяне <i>Виада Артуровна Арутюнова-Фиданян</i>	259	24	Турецкая экспансия на Запад	394
15.3	Грузины и другие народы Кавказа <i>Виада Артуровна Арутюнова-Фиданян</i>	261	24.1	Исламизация тюркских народов, огузы и туркмены <i>Клиффорд Эдмунд Босуорт</i>	394
15.4	Народы Крыма <i>Сергей Павлович Карпов</i>	263	24.2	Набеги туркменов на Западную Анатолию и Балканы <i>Робер Мантран</i>	400
III	Мусульманский мир и его арабская часть	265	24.3	Туркмены в Западной Анатолии и их эмираты <i>Халил Инальчик</i>	404
	Введение <i>Абдул Азиз Дури</i>	267	25	Южная Азия	405
16	Становление ислама	270	25.1	Индия <i>Ирфан Хабиб</i>	405
16.1	Появление ислама в Аравии <i>Абдул Азиз Дури</i>	270	25.2	Шри-Ланка <i>Кингсли М. де Сильва</i>	420
16.2	Источники ислама <i>Азми Таха Аль-Сайед</i>	275	25.3	Непал <i>Александр У. Макдональд</i>	424
16.3	Ранние этапы формирования исламского государства и общества. Основные характеристики <i>Клиффорд Эдмунд Босуорт</i>	278	26	Юго-Восточная Азия и азиатские острова в Тихом океане <i>Дени Ломбар</i>	426
17	Распространение ислама и его отличия в Азии, Африке и Европе	282	27	Китай <i>Гуанда Чжан</i>	432
17.1	Полюса распространения ислама из Аравии <i>Салех Ахмед Аль-Али</i>	282	28	Япония и Корея	459
17.2	Экспансия арабов в мусульманском мире <i>Салех Ахмед Аль-Али</i>	286	28.1	Япония <i>Франсин Эрай</i>	459
17.3	Возрождение Ирана и подъем национального языка и литературы <i>Эхсан Яриатер</i>	289	28.2	Корея <i>Огг Ли</i>	470
17.4	Тюрко-монгольский период <i>Франсуаза Обен</i>	294	29	Сибирско-маньчжурские народы	473
17.5	Исламский Запад	297	29.1	Сибирские и маньчжурские народы: кочевничество <i>Михаил Васильевич Воробьев</i>	473
17.5.1	Магриб, Испания и Сицилия <i>Юнес Шанван</i>	297	29.2	Тюркские и монгольские степные народы: пастушеское кочевничество <i>Луи Базен</i>	477
17.5.2	Судан и страны, расположенные южнее Сахары <i>Джибрил Тамсир Ниане</i>	300	30	Монгольская империя <i>Шагдарин Бира</i>	483
18	Исламский мир: общественная и материальная жизнь, классы и сообщества	303	31	Зона тибетской культуры <i>Йонтан Гуацо и Фернан Мейе</i>	492
18.1	Общество и материальная культура исламского мира <i>Мунира Шапуто-Ремади и Радхи Дагфу</i>	303	V	Африканский континент	497
18.2	Немусульмане в исламском обществе <i>Бенджамин Брод, Ирфан Хабиб, Камаль Салиби и Ахмад Тафациоли, при координации Мунира Шапуто-Ремади и Радхи Дагфу</i>	320		Введение <i>Секене Модии Сиссоко</i>	499
19	Аравия и восточные арабские земли (Эль-Машрик) <i>Фаруж Омар Фавзи</i>	323	32	Западная Африка	502
20	Северная и Северо-Восточная Африка	341	32.1	Народы <i>Секене Модии Сиссоко</i>	502
20.1	Миср (Египет) <i>Айман Фуад-Сайид</i>	341	32.2	Экономика <i>Секене Модии Сиссоко</i>	505
20.2	Магриб <i>Мохаммад Бенабуд</i>	347	32.3	Общества и политические структуры <i>Секене Модии Сиссоко</i>	509
			32.4	Религии	512
			32.4.1	Традиционные африканские религии <i>Исаак Адеагбо Акинджогбин</i>	512

32.4.2 Ислам и христианство	515	37.1 Североамериканские арктические культуры	565
<i>Секене Моду Сиссоко</i>		<i>Жан Энье</i>	
32.5 Искусства и науки	517	37.2 Северо-Запад североамериканского материка	571
<i>Исаак Адеагбо Акинджогбин</i>		<i>Рой Л. Карлсон</i>	
33 Нубия и Нильский Судан	520	37.3 Восточные лесные зоны Северной Америки	578
<i>Юсуф Фадл Хасан</i>		<i>Джеймс Б. Сталтмен</i>	
34 Эфиопия	528	37.4 Большой Юго-Запад	585
<i>Э. Й. ван Донцель</i>		<i>Линда С. Корделл</i>	
35 Восточное побережье и острова Индийского океана	536	37.5 Северо-Восточная Мексика	589
35.1 Окружающая среда и технологии	536	<i>Джеремии Ф. Энттейн</i>	
<i>Эдвард А. Алтерс</i>		38 Мезоамерика и Центральная Америка	592
35.2 Торговля и развитие городов	538	38.1 Мезоамерика	592
<i>Эдвард А. Алтерс</i>		<i>Пол Джендрон, Хаиме Литвак Кинг и Пауль Шмидт</i>	
35.3 Арабо-мусульманские и местные культуры восточного побережья Африки и островов Индийского океана	541	38.2 Центральная Америка	602
<i>Виктор Владимирович Матвеев</i>		<i>Вольфганг Хаберланд</i>	
35.4 Смешанные культуры Мадагаскара и других островов	543	39 Южная Америка	606
<i>Рафоло Андрианавоаривони</i>		39.1 Территории вокруг Карибского моря и регион Ориноко-Амазонки	606
35.5 Международное значение региона	548	<i>Марио Саноха и Ираида Варгас Аренас</i>	
<i>Эдвард А. Алтерс</i>		39.2 Центральные Анды	615
		<i>Луис Мильонес</i>	
36 Центральная и Южная Африка	551	39.3 Южная часть Южной Америки	625
<i>Исидор Ндайвел-э-Нзием</i>		<i>Ана Мария Лоранди и Даниэль Шавельсон</i>	
VI Цивилизации Америки	559	VII Океания и другие острова Тихого океана	631
Введение	561	Океания и другие острова Тихого океана	633
<i>Кристина Нидерберже и Луи Базен</i>		<i>Жаклин де Ла-Фонтинель и Мишель Офрэ</i>	
37 Северная Америка	565	Хронологическая таблица	638

ПРИМЕЧАНИЕ О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ИЗДАНИИ
 Множество усилий предпринималось, чтобы достигнуть согласованности в транслитерации для передачи текста и имен собственных, написанных не латинским алфавитом, средствами английского языка, но, вероятно, это не во всех случаях удалось сделать.

СПИСОК РИСУНКОВ

- 1 Узловое письмо кипу: напоминающие домино фигурки, расположенные слева, объясняют принцип его десятичной системы счисления в доиспанском Перу
- 2 Мужчины и женщины, работающие совместно в группе, собирают с помощью палок-копалок урожай картофеля в доиспанском Перу
- 3 Женщина, ткающая на станке с задней скобой, доиспанское Перу
- 4 Пара драконов, бронзовый дверной молоток из сельджукидского Ирана, XII или начало XIII в.
- 5 Изображение правительственного чиновника и носильщика, переходящего по подвесному мосту, доиспанское Перу.
- 6 Три основных типа лошадиной сбруи
- 7 Иллюстрация видов транспорта и сообщения в раннем средневековье в Северной Европе
- 8 Уйгурское письмо, адаптированное к монгольскому языку
- 9 Страница главы, посвященной империи Мали, из сочинения «Путешествия» выдающегося арабского (марокканского) путешественника XIV в. Ибн Баттуты
- 10 Двадцатеричная система счисления майя
- 11 Развитие системы записи чисел в Индии
- 12 Модель движения Луны, предложенная Ибн аль-Шатиром в XIV в., разработанная по теории планетарного движения Птолемея
- 13 Схема приводимой в движение водой системы зубчатых колес для подъема воды
- 14 Изображение растения, оказывающего активное окситоксичное действие, из книги «Шаосин Бенкао», 1159 г., о китайской травной медицине
- 15 Страница из «Руководства по акупунктуре» Ван Вей-И (1026 г.)
- 16 Изображение урока анатомии в Италии конца XV в.
- 17 Изложение принципов оптики в испанском списке XIII в. с латинского перевода XII в.
- 18 Вход в мечеть аль-Азхар в Каире (Египет)
- 19 Реконструкция первоначального Софийского собора в Киеве (Украина)
- 20 Готическая башня и скульптуры собора в Лане (Франция), XIII в.
- 21 Исходная идеализированная проекция VIII–IX вв., современные очертания и космический символизм буддийского святилища Боробудур на о. Ява (Индонезия)
- 22 Изображение мусульманского и христианского менестрелей Испании XIII в. на миниатюре из *Cantigas de Santa Maria* короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого
- 23 Изображение обряда жертвоприношения на площадке для игры в мяч (Мексика)
- 24 Изображение ацтекского храма и домов, к которым движется вождь
- 25 Ранние глаголическое и кириллическое письмо
- 26 Схема внутреннего двора *фундука*, или *хана*, постоянного и торгового двора для караванов, купцов и склада их товаров; Каир, XV в.
- 27 Образцы исламской архитектуры в Кордове (Испания), X в.
- 28 Пример исламской архитектуры в Севилье (Испания), XII в.
- 29 Астрономические часы в виде башни, построенные в Кайфыне в XI в.
- 30 Древний китайский компас
- 31 Схематический вид Тёдайdzi (Япония), VIII в.
- 32 Гранитная черепаха, найденная у развалин дворца в Каракоруме (Хара-Хорине), Монголия, XIII в.
- 33 Резные окна трех каменных церквей в Лалибэле (Эфиопия), конец XII–XIII вв.
- 34 Атлатль, приспособление для метания дротика у миштеков или ацтеков (Мексика)
- 35 Изображение «Бога с посохом» или «Плачущего бога» Тиауанако (Боливия) на большой урне, найденной в Наске (Перу)
- 36 Архитектурный орнамент Чиму, вылепленный из глины в Чан-Чане (Перу)

СПИСОК КАРТ

- 1 Климатические и растительные зоны мира в VII–XVI вв.
- 2 Перемещения народов на дальние расстояния и завоевания в Европе в VII–XV вв.
- 3 Распределение университетов в Европе в средние века
- 4 Границы Византии: от славы к упадку
- 5 Империя Каролингов и Верденский раздел (843 г.)
- 6 Европа около 1000 г.
- 7 Интеллектуальные центры Западной Европы в XII в.
- 8 Этнические перемещения в Центральной и Юго-Восточной Европе VI и VII вв.
- 9 Основные города на Балканах в раннем средневековье
- 10 Северная и Центральная Европа
- 11 Путешествия Христофора Колумба в Америку
- 12 Направления распространения ислама в Старом Свете с VII до XV в.
- 13 Основные средневековые географические территории Центральной Азии
- 14 Ирак в начале правления династии Аббасидов
- 15 Египет
- 16 Средневековый Магриб
- 17 Иран и соседние территории
- 18 Государство Саманидов между 874 и 999 гг.
- 19 Турецкие переселения X и XI вв.
- 20 Турецкие княжества в Анатолии в XII в.
- 21 Наступления османов в XIV и XV вв.
- 22 Индия в X в.
- 23 Индия в XIV в.
- 24 Империя Тан в 755 г.
- 25 Северная империя Сун в 1111 г.
- 26 Южная империя Сун в 1028 г.
- 27 Морские походы Чжэн Хэ в 1405–1433 гг.
- 28 Схема отношений между Китаем и Японией в VII–IX вв.
- 29 Монгольская империя: завоеванные территории и военные кампании в XIII в.
- 30 Африка в период между VII и XV вв.
- 31 Остров и город Килва
- 32 Археологические местонахождения, известные и датированные на Мадагаскаре и Коморских о-вах, относящиеся к периоду с 600 по 1500 г.
- 33 Распространение народов банту в Центральной и Южной Африке
- 34 Территории распространения американских культур
- 35 Расположение племенных территорий в Арктике
- 36 Языковые группы, реки и основные археологические местонахождения на северо-восточном побережье Северной Америки в 700–1500 гг.
- 37 Восточные лесные зоны Северной Америки
- 38 Большой Юго-Запад Северной Америки с доисторическими культурными территориями и археологическими местонахождениями
- 39 Территории культур Северо-Восточной Мексики
- 40 Территория, занятая археологическими культурами Мезоамерики
- 41 Центральная Америка
- 42 Территории вокруг Карибского моря и регион Ориноко-Амазонки в 700–1600 гг.
- 43 Центральные Анды в 700–1600 гг.
- 44 Южная часть Южной Америки в 700–1500 гг.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фотографии, взятые для иллюстрации этого тома, были намеренно помещены в определенном порядке по рекомендации г-на М. Барри, специалиста, назначенного ЮНЕСКО для этой работы. Он предложил расположить фотографии не только по регионам, но и так, чтобы была возможность провести содержательное культурное сравнение между цивилизациями этого периода и выявить их взаимное влияние. Таким образом, последовательность ссылок на иллюстрации в тексте не обязательно соответствует их порядковому номеру в разделе иллюстраций в конце тома.

- 1 Кодекс Фехервари-Майера (Мексика); изображение девяти «Повелителей ночей», управляющих ацтекским календарем
- 2 Китайский крестьянин с плугом и двумя волами, запряженными в ярмо
- 3 Мусульманский крестьянин с плугом и двумя волами, запряженными в ярмо
- 4 Верблюды и пара волов тянут плуги в римской провинции Северная Африка
- 5 Французский крестьянин с колесным плугом и двумя волами, запряженными в ярмо
- 6 Английский крестьянин, боронящий на «лошади, запряженной с помощью эффективного хомута», из *Luttrell Psalter* (Англия)
- 7 «Современная» хомутная упряжь в Европе
- 8 Конный рессорный экипаж, поднимающийся на холм, из *Luttrell Psalter* (Англия)
- 9 Транспорт в бывшей столице Китая – Бейцзин (Кайфын), фрагменты свитка «Весеннее празднество на реке»
- 10 Западноевропейская геральдика
- 11 Исламская геральдика (Ирак)
- 12 Центральноазиатская конница. Фарамарз преследует армию царя Кабула
- 13 Монгольская княгиня в высоком колесном экипаже с впряженным в него верблюдом пересекает реку
- 14 Японский конный аристократ
- 15 Западноафриканская фигурка всадника (Мали)
- 16 Изображение мельницы и водяного колеса, Марокко или исламская Испания
- 17 Изображение французского водяного колеса.
- 18 Водяное колесо, которое приводят во вращение воды (Ирак)
- 19 Использование энергии воды в Китае: (а) цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое в движение волном; (б) цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое во вращение водяным колесом; (в) *Vache*, цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое в движение вручную
- 20 Торговое судно викингов (Норвегия)
- 21 Крепление руля на ахтерштевне китайского судна; деталь из свитка «Весеннее празднество на реке»
- 22 Мусульманское одномачтовое каботажное судно, используемое в Персидском заливе и Индийском океане (Ирак)
- 23 Венецианское парусное судно; картина «Легенда о святой Урсуле» (Италия)
- 24 Португальская каравелла начала XV в. глазами мусульманского гончара из Испании
- 25 Полностью оснащенная португальская каравелла при полном попутном ветре (Португалия)
- 26 Строительство Великой мечети Тимура в Самарканде (Узбекистан)
- 27 Строительство замка Хаварнак; иллюстрация Бихзада из Герата для персидскоязычных сказок (Азербайджан)
- 28 Реймсский собор (Франция)
- 29 Изображение строительства готического собора в г. Тур (Франция)
- 30 Цитадель Алеппо (Сирия)
- 31 Крак-де-Шевалье, замок крестоносцев (Сирия)
- 32 Баб-Зувейла, крепостной вал с воротами, Каир (Египет)
- 33 Большой Зимбабве (Зимбабве): (а) вид с воздуха; (б) башня и вал
- 34 Крепостной вал и минареты мечети Джингеребер, Томбукту (Мали)
- 35 Ворота форта Килва-Кисивани, о. Килва (Танзания)
- 36 Крепостные валы и ров с водой, Провен (Франция)
- 37 Генуэзская крепость в Судак, Крым (Украина)
- 38 Крепость Саксауаман близ Куско (Перу)
- 39 Укрепленные ворота «*Porte du Croix*», Невер (Франция)
- 40 Североамериканское представление о Венеции (Италия)
- 41 Укрепленный итальянский приморский город
- 42 Демон с огненным копьём на буддийском флаге (Китай)
- 43 Древняя бронзовая пушка, отлитая в 1331 г. (Китай)
- 44 Английский граф Уорик осаждает французский укрепленный порт Кан с пушками
- 45 «Купол скалы», Иерусалим
- 46 Средневековый взгляд французов на Иерусалим с «Куполом скалы» (Франция)
- 47 «Соломонов суд», иудейский молитвенник, Тур (Франция)
- 48 Царь израильско-иудейского царства Соломон с царицей Савской, собор Нотр-Дам-де-Корбей (Франция)
- 49 Соломон, «Книга псалмов» (Эфиопия)
- 50 Царь Соломон держит свою волшебную печать, Тебриз (Иран)
- 51 Царя Соломона, царицу Савскую и их министра Асафа несут покорные духи (джинны); возможно, Тебриз (Иран)
- 52 Ганеша и его Шакти, или воплощение его женского двойника; комплекс храмов Кхаджурахо (Индия)
- 53 Ганеша как властелин процветания и покровитель торговцев (Индия)
- 54 Ганеша и другие индуистские божества (Китай)
- 55 Ганеша, восседающий в царственной позе на лотосе, Полоннарува (Шри-Ланка)
- 56 Иисус Христос как Вседержитель-Пантократор в позе императора-защитника, со св. Менасом (*Menas*), Восточная христианская церковь (Египет)

- 57 Распятый Иисус Христос—Спаситель между Девой Марией и св. Иоанном. Восточная христианская Церковь: византийская икона, Синай (Египет)
- 58 Погребение. Восточная христианская Церковь, Фессалоники (Греция)
- 59 Христос—Пантократор. Западная христианская Церковь, Каталония (Испания)
- 60 Иисус Христос—Спаситель. Западная христианская Церковь, Ареццо Италия)
- 61 Христос с ранами после распятия. Западная христианская Церковь, Прага (Чешская Республика)
- 62 «*Esse Homo*» («Се человек»). Западная христианская Церковь (Португалия)
- 63 Вознесение Девы Марии, увиденное перед императорской базиликой святых апостолов в Константинополе (Турция)
- 64 Процессия со Святым Крестом на площади Сан-Марко, Венеция (Италия)
- 65 Большая мечеть Кордовы (Испания)
- 66 Отдельная молельня халифов в Большой мечети Кордовы (Испания)
- 67 Полосатые арки в нефе аббатства Церкви св. Мадлен, Везлэ (Франция)
- 68 Полосатые арки в галереях собора Нотр-Дам, Ле-Пюи-ан-Велэ (Франция)
- 69 Дольчатые арки портала часовни Сен-Мишель д'Агилье, Ле-Пюи-ан-Велэ (Франция)
- 70 Глухие стрельчатые арки фасада мечети аль-Акмар, Каир (Египет)
- 71 Стрельчатый свод в молитвенном зале Масджид-и Джамии («Соборной мечети»), Исфахан (Иран)
- 72 Глухие стрельчатые арки в фатимидском стиле на апсиде Собора, Монреале (Сицилия)
- 73 Стрельчатые арки в фатимидском стиле в крытой аркаде собора, Монреале (Сицилия)
- 74 Романский собор в Дареме (Англия)
- 75 Собор Сент-Этьенн в Бурже (Франция)
- 76 Страница на древнееврейском языке из «Путеводителя колеблющихся» Моисея Маймонида (Испания)
- 77 Царь Давид, изображенный в образе короля Франции, Тур (Франция)
- 78 Окна в исламском стиле в синагоге Эль-Трансито, Толедо (Испания)
- 79 Смешанная иудейская и арабская каллиграфия в синагоге Эль-Трансито, Толедо (Испания)
- 80 Изображение лица царевича Гаутамы как бодхисатвы, Аджанта (Индия)
- 81 Изображение лица бодхисатвы махаяны Авалокитешвары, Нара (Япония)
- 82 Будда Шакьямуни, Ангкор (Камбоджа)
- 83 Будда Акшобхья, Тибет
- 84 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара, Верагала (Шри-Ланка)
- 85 Бодхисатва Авалокитешвара, династия Сун (Китай)
- 86 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара, династия Корё (Корея)
- 87 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара, представленный как проводник души человека, Дуньхуан (Китай)
- 88 Большая мечеть г. Тлемсен (Алжир)
- 89 Отверстие в вершине купола над могилой суфийского учителя Шах-Ниматулла Вали, Махан (Иран)
- 90 Страница многотомного Корана, Каир (Египет)
- 91 Орнамент над предполагаемым захоронением суфийского учителя Шамси-Тебризи, Мултан (Пакистан)
- 92 «Писец», Паленке, штат Чьяпас (Мексика)
- 93 Идеограммы, или глифы (символические знаки) майя, Паленке, штат Чьяпас (Мексика)
- 94 Письмо миштеков, регион Пуэбла—Оахака (Мексика)
- 95 Портрет китайского поэта Ли Бо, Южная династия Сун (Китай)
- 96 Курсивная каллиграфия, династия Юань (Китай)
- 97 Классически оформленная каллиграфия (Корея)
- 98 Портрет поэта Акахито, период Камакура (Япония)
- 99 «Травяная» каллиграфия стихов знаменитых поэтов, период Камакура (Япония)
- 100 Образованная индийская женщина, пишущая на пальмовом листе, Кхаджурахо (Индия)
- 101 Астасахасрика-Праджна-Парамита (Непал)
- 102 Буддийский миссионер в Китае читает манускрипт на санскрите
- 103 Джованни Боккаччо за своим письменным столом, с фигурой Судьбы, Париж (Франция)
- 104 *Маркус* (Марк): начальная буква Евангелия от св. Марка из монастыря Линдисфарн, с англо-саксонским переводом (Англия)
- 105 Изображение двойных греческих инициалов имени Христа (Ирландия)
- 106 Кириллица на керамической пластинке, Преслав (Болгария)
- 107 Страница каллиграфии стиля *куфи* из Корана на пергаменте (Тунис)
- 108 Страница каллиграфии стиля *куфи* из Корана на тонком пергаменте (Ирак)
- 109 Молитва, написанная каллиграфией стиля *куфи* на раскрашенном глиняном блюде, Нишапур (Иран)
- 110 Страница каллиграфии стиля *наسخ* (стандартной курсивной каллиграфии) из Корана на бумаге, Каир, (Египет)
- 111 Настенный орнамент из плиток и искусственного мрамора (стукко) с полосами курсивной каллиграфии стиля *ibulut*, Фес (Марокко)
- 112 Арабский шрифт, использованный для персидского языка в каллиграфии *nasta'loq* («висячий курсив»), Герат (Афганистан)
- 113 Арабский шрифт, использованный для языка тюрки в каллиграфии *nasta'loq* («висячий курсив»), Герат (Афганистан)
- 114 Арабский писец, пишущий тростниковым пером на колоне, Багдад (Ирак)
- 115 Китайская печать: ксилография на бумаге, Дуньхуан (Китай)
- 116 Арабская ксилография (Западная Азия)
- 117 42-строчная Библия, отпечатанная с наборных литер, Майнц (Германия)
- 118 Поэт Франсуа Вийон, Париж (Франция)
- 119 Мир глазами франкофламандца Жана Манселя: три континента, окруженные океанским течением
- 120 Уродливые создания: иллюстрация к трудам Солиния, Арнштейн (Германия)
- 121 Марко Поло пробует образцы перца на Малабарском побережье Индии: иллюстрация к «Книге чудес»
- 122 Птолемеева карта мира, опубликованная в Ульме (Германия)
- 123 Средневековый арабский взгляд на мир
- 124 Карта мира Генрикуса Мартеллуса, Флоренция (Италия)
- 125 Копия фрагмента карты мира, Корея
- 126 Арабский перевод сочинения Диоскорида «О лекарственных средствах»
- 127 Торжество св. Фомы Аквинского, Пиза (Италия)
- 128 Правитель государства Ямато Сётоку-тайси со своими сыновьями (Япония)
- 129 Миниатюра из трактата Аполлония Китионского о вывихах костей. Византийская рукопись
- 130 Страница с изображением лекарственных растений из арабского перевода «*О лекарственных средствах*» Диоскорида
- 131 Сатана насыляет болезнь на Иова (Франция)
- 132 Фигура церковника в очках, собор г. Мо (Франция)
- 133 «Канон врачебной науки»: (а) Авиценна, читающий лекцию; (б) врач, анализирующий мочу; (в) магазин аптекаря; (г) вызов врача на дом; (д) кровопускание
- 134 Астрономическая обсерватория в Пекине (Китай)

- 135 Созвездие Персея (Иран)
- 136 Центральноазиатское изображение созвездия Волоса
- 137 Созвездие Водолея. Иллюстрация из «*Liber de stellis fixarum*»
- 138 Небесный глобус (Иран)
- 139 Астролябия (Иран)
- 140 Астролябия (Сирия)
- 141 Астролябия (Франция)
- 142 Астролябия (Египет)
- 143 Астролябия (Испания)
- 144 Камень Солнца, или календарный камень ацтеков (Мексика)
- 145 Император Константин, основатель Константинополя
- 146 Св. Деметрий в позе Верховного защитника над архиепископом, Фессалоники (Греция)
- 147 Христос-младенец как Всевластитель с Девой Марией на троне, Византия
- 148 Византийский император Иоанн II Комнин и его супруга императрица Ирина, с Девой Марией и младенцем, храм св. Софии (Айя-София), Константинополь, Византия
- 149 Христос коронует германского императора Оттона II и его супругу, византийскую императрицу Феофану, Византия
- 150 Император Мануил II Палеолог. Иллюстрация к рукописи, Византия
- 151 Царь Болгарии Иван Александр со своей семьей, Тырново (Болгария)
- 152 Сербский король Милутин символически предлагает свою церковь Благовещения в Граканике (бывш. Югославия)
- 153 Крещение болгар при князе Борисе I (Болгария)
- 154 Голова архангела, София (Болгария)
- 155 «Святой Феодор», керамическая икона из Преслава (Болгария)
- 156 «Преображение Господне» (Армения)
- 157 Крещение Руси
- 158 Святой Борис и святой Глеб, Московская школа (Россия)
- 159 «Троица» Андрея Рублева (Россия)
- 160 «Спас» Андрея Рублева (Россия)
- 161 Бронзовая статуэтка всадника – императора Карла Великого; империя Каролингов
- 162 Франкские конные воины, Каролингская империя
- 163 Рабан Мавр, христианский богослов и писатель, аббат Фульдского монастыря, дарит свою книгу папе Римскому Григорию IV; Каролингская империя
- 164 Мистическое видение св. Иоанна поклонения агнцу Божьему; Каролингская империя
- 165 Голова дракона, резная главная мачта из могильника корабля викингов в Озеберге (Норвегия)
- 166 Голова дракона, орнамент к оглобле лошади из Маммена (Дания)
- 167 Голова воина-викинга из Сигтуны (Швеция)
- 168 Скульптурное изображение головы короля Норвегии Эйстейна I Магнуссона, Берген (Норвегия)
- 169 Франкский (и римский) император Карл Лысый и настоятель монастыря Сен-Мартен-де-Тур (Франция)
- 170 Германский император Генрих II – «король, коронованный Богом» (*Rex a Deo Coronatus*) (Германия)
- 171 Убийство архиепископа Томаса Беккета рыцарями короля Англии Генриха II (Англия)
- 172 Робер Анжуйский и епископ св. Людовик Тулузский (Италия)
- 173 Надгробный скульптурный портрет королевы Беатрисы де Бурбон в базилике Сен-Дени (Франция)
- 174 Портрет супругов итальянского купца из Брюгге Джованни Арнольфини и Джованны Ченами нидерландского художника Яна Ван Эйка, Брюгге (Бельгия)
- 175 Святая Бриджет (*Bridget*) из Вадстены, Остерготланд (Швеция)
- 176 Статуя Девы Марии из Креуцлова (Польша)
- 177 Австрийский поэт-лирик и рыцарь Вальтер фон дер Фогельвейде (Германия)
- 178 Рыцарская любовь: коленопреклоненный рыцарь и дама его сердца, Вестфалия (Германия)
- 179 Нотная запись: фрагмент из служебника Сен-Дени (Франция)
- 180 «Данте предостерегает Флоренцию», фреска Доменико ди Микилино, Флоренция (Италия)
- 181 Мекка, мечеть Харам с древним святилищем Кааба в центре
- 182 Девушка-бедуинка со стадом верблюдов, Багдад (Ирак)
- 183 Выход каравана паломников, Багдад (Ирак)
- 184 Путешественники в иракской деревне, Багдад (Ирак)
- 185 Семьи кочевников с круглыми войлочными палатками (юртами) тюрко-монгольского типа, Багдад (Ирак)
- 186 Празднование возведения на престол Тимура у его юрты правителя, Герат (Афганистан)
- 187 Принц Баяд играет на лютне для госпожи Рияд и ее служанок
- 188 Служанка Шамуль приносит письмо от госпожи Рияд принцу Баяду
- 189 Традиционный особняк (Йемен)
- 190 Доисламские монеты
- 191 Ранние монеты династии Омейядов с изображением фигур
- 192 Исламские монеты только с надписями
- 193 Влияние исламских монет на христианскую Европу
- 194 Возвращение всей Европы к золотому стандарту
- 195 Мавзолей шаха Исмаила из династии Саманидов, Бухара (Узбекистан)
- 196 Мавзолей Гияс-ад-Дина Туглака, Дели (Индия)
- 197 Медресе «Цитадели», Багдад (Ирак)
- 198 Дворик львов в Альгамбре, Гранада (Испания)
- 199 Михраб Соборной мечети, Исфahan (Иран)
- 200 Дольчатый стрельчатый михраб мечети Джума на о. Мафия (Танзания)
- 201 Вход из внутреннего двора в молитвенный зал в мечети Карауин, Фес (Марокко)
- 202 Минарет Большой мечети (Сиди Окба) Кайруана (Тунис)
- 203 Минарет «Книготорговцев» (Кутубия), Марракеш (Марокко)
- 204 Минареты мечети аль-Азхар, Каир (Египет)
- 205 Минареты, стоящие по бокам от входа в мечеть Дженне (Мали)
- 206 Минарет мечети Самарры (Ирак)
- 207 Два каменных минарета, стоящие по бокам от входа в «Голубую медресе» (*Гёк Медресе*), Сивас (Турция)
- 208 Минарет Джам (Афганистан)
- 209 Минарет Кутб-Минар (Башня победы), Дели (Индия)
- 210 Шакал Димна и Король-Лев, Багдад (Ирак)
- 211 Король-Лев убивает Быка Шанзабу, а шакалы Калила и Димна смотрят на это, Герат (Афганистан)
- 212 Узорчатая плитка в виде крестов и звезд с изображениями животных и других сюжетов из мастерских Кашана (Иран)
- 213 Грифон, исламская работа, Пиза (Италия)
- 214 Доисламские владыки Согдианы с чашей в руке в сасанидской царственной позе, Пенджикент (Таджикистан)
- 215 Аббасидский халиф аль-Мамун с чашей в руке в сасанидской царственной позе
- 216 Мусульманский завоеватель Северо-Западной Индии на троне в сасанидской царственной позе
- 217 Мамлюкский султан с чашей в руке в традиционной царственной позе, Каир (Египет)
- 218 Султан Хусейн Мирза Байкара из Герата под покровом ночи смиряется перед святым, Герат (Афганистан)
- 219 Иранский герой Сиявуш со своей невестой Фарангис, Гуджарат (Индия)
- 220 Калпасутра и Калакахарья Катха, Гуджарат (Индия)

- 221 Храм-колесница Джагамоханы, Конарак, штат Орисса (Индия)
- 222 Шива-Натараджа («танцующий»), штат Тамилнад (Индия)
- 223 Шива-Натараджа («танцующий»), Полоннарува (Шри-Ланка)
- 224 Ваджранртья (*Vajranrtya*), богиня бурного танца, о. Ява (Индонезия)
- 225 Храм Лингараджа, г. Бхубанешвар, штат Орисса (Индия); X–XII вв. (Фото *Archaeological Survey of India*)
- 226 Южный фасад мавзолея По Клаунг Гарая (*Po Klaung Garai*), Биньдинь (Вьетнам)
- 227 Общий силуэт центрального храма Байон в Ангкор-Вате (Камбоджа)
- 228 Буддийский храм Боробудур на о. Ява (Индонезия)
- 229 Декоративный фасад храма Шивы в Бантеай-Срей (Камбоджа)
- 230 Будущий Будда бодхисатва Майтрея (Камбоджа)
- 231 Дурга Махисасурамardini (Камбоджа)
- 232 Увенчанная короной голова Будды (Таиланд)
- 233 Рисунок на погребальной камере в могильном холме Когуре
- 234 Галвихара, Полоннарува (Шри-Ланка)
- 235 Многорукий Шива, восседающий на быке Нанди, Дандан-ойлик (Китай)
- 236 Многорукий вариант бодхисатвы Авалокитешвары, Киото (Япония)
- 237 Император Тайцзун (Ли Шиминь), династия Тан (Китай)
- 238 Император Тайцзу (Чжао Куаньинь), династия Сун (Китай)
- 239 Император Тайцзу (Чжу Юаньчжан), основатель династии Мин (Китай)
- 240 Три музыкантши, династия Тан (Китай)
- 241 Плотные толпы горожан на мосту и вокруг его в столице династии Сун, фрагмент свитка «Весеннее празднество на реке» художника Чжан Цзедуана (Китай)
- 242 Отдых членов династии Мин, с картины «Весеннее празднество на реке» (Китай)
- 243 Чингисхан (Монголия)
- 244 Хан Угедей (Монголия)
- 245 Хан Хубилай (Монголия)
- 246 Бронзовые погребальные маски киданей (Монголия)
- 247 Фрагмент фрески из дворца хана Угедая, Каракорум (Монголия)
- 248 Монгольский всадник и его добыча, династия Юань (Китай)
- 249 Керамические плитки из Погая
- 250 Металлический амулет древних жителей степи
- 251 «Постоялый двор в горах», династия Сун (Китай)
- 252 «Осень в речной долине», династия Сун (Китай)
- 253 «Осенний пейзаж» (Япония)
- 254 «Пятицветный длиннохвостый попугай на цветущем абрикосовом дереве», династия Сун (Китай)
- 255 Овца и коза, династия Юань (Китай)
- 256 Министр Тайра-но-Сигэмори (Япония)
- 257 Портрет госпожи Коданоками, поэтессы (Япония)
- 258 Принц Ниономия и его жена принцесса Уйя (Япония)
- 259 Положение империи Мали в «Каталонском атласе»
- 260 Пара: терракотовые статуэтки (Нигер)
- 261 Железная шпилька для волос, Санга (Мали)
- 262 Железные удила, XIV в., Кумби Сале (Мавритания)
- 263 Накладка, волокна и солома, Санга (Мали)
- 264 Статуэтка додогонского периода (Мали)
- 265 Португальский рыцарь глазами жителей Западной Африки, государство Бенин (Нигерия)
- 266 Бронзовый оплетенный сосуд, Игбо-Укву (Нигерия)
- 267 Бронзовый бюст королевы-матери, царство Бенин (Нигерия)
- 268 Голова молодого *они* (царя), Ифе (Нигерия)
- 269 Предполагаемый портрет Орсон, супруги *олово* (царя), правившего в Ово (Нигерия)
- 270 Декоративный бронзовый набалдашник для посоха священнослужителя, Игбо-Укву (Нигерия)
- 271 Большая мечеть Килвы (Танзания) (Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО», август–сентябрь 1979 г.)
- 272 Арки Большой мечети Килвы (Танзания)
- 273 Королевский дворец в Донголе, превращенный в мечеть
- 274 Средство платежа – раковины каури
- 275 Захоронение времен классического периода Кисальян, местонахождение Санга
- 276 Епископ Фараса Мариано (*Marianos*) под защитой Девы Марии и младенца
- 277 Марта, королева-мать, с Девой Марией и младенцем (Судан)
- 278 Рождество Христово (Судан)
- 279 Святой Марк (Эфиопия)
- 280 Высеченная в скале церковь Бета-Гиоргис, Лалибела (Эфиопия)
- 281 Каньон-де-Челли: *Белый Дом*, штат Аризона (США)
- 282 Расписные гончарные изделия Мимбрес, штат Нью-Мексико (США): (а) птица; (б) кузнечик; (в) индейка; (г) черепаха; (д) сцена, изображающая мифологическое или ритуальное событие
- 283 Резная фигурка головы оленя, западное побережье штата Флорида (США)
- 284 Голова человека с оленьими рогами, Спиро, штат Оклахома (США)
- 285 Голова воина, Спиро, штат Оклахома (США)
- 286 Воин, штат Теннесси (США)
- 287 Танцующий шаман, Спиро, штат Оклахома (США)
- 288 Сосуд в виде человеческой головы, штат Арканзас (США)
- 289 Камень с тремя выступами, Санто-Доминго (Доминиканская Республика)
- 290 Камень с тремя выступами, Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико)
- 291 Лопаточка, Хигуэй, Санто-Доминго (Доминиканская Республика)
- 292 Кинжал или скипетр, антропоморфный предмет, вырезанный из камня, Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико)
- 293 «Пояс» или «ожерелье», Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико)
- 294 Обожествленный предок, проявившийся в фигуре змея, Яшчилан, штат Чьяпас (Мексика)
- 295 Обряд кровопускания, Яшчилан, штат Чьяпас (Мексика)
- 296 Правитель и знать с военнопленными, Бонампак (Мексика)
- 297 Голова правителя, Паленке, штат Чьяпас (Мексика)
- 298 Пирамида дель-Адвинуо, Ушмаль, штат Юкатан (Мексика)
- 299 Статуи-колонны, Тула, штат Идальго (Мексика)
- 300 Барабан с изображением змея, Мехико (Мексика)
- 301 Кецалькоатль в виде человека и змея, Мехико (Мексика)
- 302 Сидящий на корточках Бог, Мехико
- 303 Бирюзовая маска, Мехико (Мексика)
- 304 Воин-орел, Мехико (Мексика)
- 305 Кецалькоатль как повелитель ветров предлагает жертву (Мексика)
- 306 Двухголовый змей, Мехико (Мексика)
- 307 Ацтекский храм-пирамида, Мехико (Мексика)
- 308 Золотая лягушка (Панама)
- 309 Бог-«аллигатор», Рио-де-Хесус, провинция Верагуа (Панама)
- 310 Бог-«аллигатор», Кокле (Панама)
- 311 Погребальная маска, Толима (Колумбия)
- 312 Стилизованная золотая фигура, Толима (Колумбия)
- 313 Фигура из тайника, Тунха (Колумбия)
- 314 Золотая маска, Наска (Перу)
- 315 Церемониальный нож, или «Туми», Толима (Колумбия)
- 316 Чан-Чан, древний город в долине р. Моче (Перу)
- 317 Антропоморфный сосуд (Перу)
- 318 Керамический сосуд с мифологической сценой (Перу)
- 319 Золотая погребальная маска, Ламбайек (Перу)
- 320 Террасы Писака, г. Куско (Перу)
- 321 Храм Солнца, Мачу-Пикчу (Перу)
- 322 Керамический сосуд: воины инков (Перу)
- 323 Фигурка альпаки, район оз. Титикака (Перу–Боливия)

АВТОРЫ

Акинджогбин, Исаак Адеагбо (Нигерия), специалист в области истории Западной Африки, языка и литературы народов йоруба. Профессор истории Университета Аволово, Ифе

Алперс, Эдвард А. (США), специалист в области истории Восточной Африки. Профессор отделения истории Калифорнийского университета

Аль-Али, Салех Ахмед (Ирак), специалист в области социальной и экономической истории раннего ислама. Президент Иракской академии. Профессор арабской истории в Колледже искусств Багдадского университета

Аль-Бахит, Мохаммед Аднан (Иордания), специалист в области истории ислама. Президент университета Аль аль-Бейт, Эль-Мафрак (Иордания)

Аль-Сайед, Азми Таха (Иордания), профессор отделения философии Университета Аль аль-Бейт, Эль-Мафрак (Иордания)

Аль-Хасан, Ахмад Юсуф (Сирия), специалист в области истории науки и техники исламского мира. Профессор Института истории арабской науки Университета Алеппо, Сирия. Профессор Торонтского университета

Анрианаивоаривони, Рафоло (Мадагаскар), специалист в области археологии и культурного наследия. Директор Центра искусств и археологии факультета искусств Университета Антананариву. Член Малагасийской Академии

Арельяно Эрнандес, Альфонсо (Мексика), специалист в области истории цивилизаций Мезоамерики, письма и культуры майя. Эксперт координационного совета по гуманитарным исследованиям. Профессор гуманитарного факультета (доиспанское искусство и литература) Национального автономного университета в Мехико

Арутюнова-Фидания, Вида Артуровна (Российская Федерация), специалист в области истории и культуры Византии и Армении. Ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, Москва

Асимов, Мухамед Сайфитдинович (Таджикистан), специалист в области философии и истории науки. Профессор, член Академии наук Таджикистана, Душанбе

Базен, Луи (Франция), специалист в области филологии и истории культуры тюркоязычного и тюрко-монгольского мира. Заслуженный профессор в отставке Университета Париж-III – Новая Сорбонна. Заведующий научной частью (история и филология тюркских народов) Практической школы высших исследований, IV сектор. Член Института Франции (Академия надписей и изящной словесности)

Барри, Майкл (США), специалист в области истории средневековой культуры (исламской и христианской) Пиренейского полуострова и в области истории Афганистана в средние века и Новое время. Одна из его книг – «Цвета и символизм в исламской архитектуре» (изд. *Times & Hudson*) удостоена в 1997 г. медали Французской академии наук за исследования по истории искусств

Бенабуд, Мохаммад (Марокко), специалист в области социальной средневековой истории Аль-Андалуса (Андалусии) и Магриба. Профессор университетов в Рабате и Тетуане. Координатор Исследовательской группы по истории Марокко и Аль-Андалуса Университета в Тетуане

Бира, Шагдарин (Монголия), специалист в области истории, религии и культуры Монголии. Профессор и старший научный сотрудник Института истории Монгольской академии наук. Генеральный секретарь Международной ассоциации монгольских исследований. Действительный член Монгольской академии наук. Почетный член Международной академии индийской культуры

Борман, Морис (Франция/Италия), специалист в области истории исламского права, духовной жизни исламского общества и мусульманско-христианских отношений (в особенности в арабском мире). Главный редактор ежегодника *«Islamochristiana»*. Член Международной академии религиоведения (Брюссель). Профессор Папского института арабских исследований и исламистики (Рим)

Ученые звания, степени и должности, которые занимали (или занимают) авторы этого тома, как и названия учреждений, в которых они работали (или работают), приведены в переводе с английского издания «Истории человечества», том IV, 2000 г.

Босуорт, Клиффорд Эдмунд (Великобритания), специалист в области истории и культуры исламского Среднего Востока и Индии. Профессор Манчестерского университета. Член Британской академии

Бруд, Бенджамин (США), специалист в области истории Среднего Востока. Профессор Университета Бостонского колледжа

Буллье, Ричард У. (США), специалист в области средневековой истории исламского мира. Профессор Колумбийского университета, Нью-Йорк

Варгас Аренас, Иранда (Венесуэла), специалист в области археологии среднего течения Ориноко, Северо-Восточной Венесуэлы и Антильских островов. Профессор археологии Центрального университета Венесуэлы, Каракас. Председатель Общества венесуэльских археологов

Вокотопулос, Панайотис Л. (Греция), специалист в области искусства и архитектуры Византии и поствизантийского периода. Профессор отделения истории и археологии Афинского университета

Воробьев Михаил Васильевич (Российская Федерация), специалист в области истории культуры Восточной Азии в древности и средневековье. Главный научный сотрудник Института восточных исследований Российской академии наук

Гейштор, Александр (Польша), профессор Варшавского университета

Гиацио Йонган (Франция), специалист в области истории тибетской и буддийской философии. Сотрудник Центра тибетских исследований Национального центра научных исследований (CNRS) в Париже

Грабарь, Олег (США), специалист в области истории искусства и архитектуры мусульманских стран. Заслуженный профессор в отставке Школы исторических наук Института перспективных исследований в Принстоне. Бывший профессор (стипендия Ага-Хана) исламского искусства в Гарвардском университете

Дагфу, Раджи (Тунис), специалист в области средневековой истории исламского мира (в том числе Аравийского полуострова и Йемена). Директор отделения истории на факультете гуманитарных и социальных наук. Профессор средневековой истории Университета Тунис-1

Джендроп, Пол (Мексика), профессор истории доиспанской архитектуры (в особенности народа майя) Школы архитектуры Национального университета в Мехико

Донцель Э.Й. ван (Нидерланды), специалист в области истории Эфиопии и исламского мира. Генеральный секретарь и соредактор «Энциклопедии ислама». Член *Academia Europea*

Дури, Абдул Азиз (Иордания), специалист в области арабской истории (в особенности экономической). Профессор истории Иорданского университета. Член Королевской академии исследований исламской цивилизации. Почетный член Иорданской академии арабского языка

Инальчик, Халил (Турция), специалист в области османской истории. Профессор Билкентского университета. Заслуженный профессор в отставке отделения истории Чикагского университета. Член Американской академии искусств и наук, Турецкой академии наук, член-корреспондент Британской академии

Караяннопулос, Яннис (Греция), специалист в области истории Византии. Член-корреспондент Австрийской и Болгарской академий наук. Заслуженный профессор в отставке Университета в Фессалониках

Карлсон, Рой Л. (Канада), специалист в области археологии, этнографии, предистории Северной Америки (в особенности северо-западного побережья и Юго-Запада) и первобытного искусства. Профессор отделения археологии и директор музея археологии и этнографии Университета Саймона Фрейзера

Карпов, Сергей Павлович (Российская Федерация), специалист в области экономической и политической истории Византии и причерноморского региона в XIII–XV вв. Профессор Московского государственного университета. Заведующий лабораторией истории Византии и Причерноморья (МГУ). Председатель Российской национальной ассоциации историков-медиевистов

Козлов, Виктор Иванович (Российская Федерация), специалист в области этнодемографии и этногеографии. Профессор и главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук

Корделл, Линда С. (США), специалист в области археологии и истории Юго-Запада США. Директор музея Университета штата Колорадо. Профессор отделения антропологии Колорадского университета в Боулдере

Ла-Фонтинель, Жаклин де (Франция), специалист по языкам Океании. Профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж

Лебут, Рене (Бельгия), специалист в области исторической демографии и социально-экономической истории Европы Нового времени. Профессор отделения истории и цивилизации Европейского университета во Флоренции, Италия

Ле-Гофф, Жак (Франция), специалист в области исторической антропологии средневековой Западной Европы. Бывший президент Школы высших исследований по социальным наукам. Сопредседатель журнала *Annales, Histoire, Sciences Sociales*

Ли, Отг (Корейская Республика), специалист в области древней истории Кореи. Заслуженный профессор в отставке отделения истории Восточной Азии Университета Париж-VII. Бывший директор Центра корейских исследований (Коллеж де Франс)

Литвак Кинг, Хаиме (Мексика), специалист в области археологии Мезоамерики. Член Института антропологических исследований Университета Мехико

Ломбар Дени (Франция), специалист в области истории Юго-Восточной Азии. Заведующий научной частью Школы высших исследований по социальным наукам. Директор Французской школы Дальнего Востока

Лоранди, Ана Мария (Аргентина), специалист в области археологии андского региона и этноистории доколумбовой эпохи. Бывший директор Института антропологии Университета Буэнос-Айреса. Член ряда международных научных организаций

Макдональд, Александр У. (Великобритания), специалист в области этнографии Гималаев и Тибета. Почетный директор Национального центра научных исследований (CNRS) в Париже

Максимович, Любомир (Югославия), специалист в области истории Византии (в особенности истории общества и государственных учреждений). Профессор Белградского университета. Советник по науке Института византийских исследований Сербской академии наук и искусств

Мантран, Робер (Франция), специалист в области османской истории. Профессор Университета Прованса. Почетный председатель Международного комитета по доосманским и османским исследованиям. Член Института Франции (Академия надписей и изящной словесности)

Мартин-Родригес, Хосе-Луис (Испания), специалист в области истории средневековой Испании. Профессор Национального университета дистанционного обучения, Мадрид

Матвеев Виктор Владимирович (Российская Федерация), специалист в области истории и этнографии народов Северной и Восточной Африки, по средневековым арабским трудам, посвященным Африке. Бывший заведующий отделением Африки Музея антропологии и этнографии Российской академии наук

Мейс, Фернан (Франция), специалист в области тибетологии. Профессор Практической школы высших исследований – исторические и филологические науки (кафедра наук и цивилизации тибетского мира), Париж. Директор «UPP 299: Среда, общество и культуры в Гималаях» Национального центра научных исследований (CNRS) в Париже

Мильонес, Луис (Перу), специалист в области этнической истории Центральных Анд. Профессор антропологии Университета св. Марка в Лиме. Член Чилийской академии истории. Старший исследователь фонда им. Симона Родригеса в Буэнос-Айресе

Мюссе, Люсьен (Франция), специалист в области истории средневековой Скандинавии. Заслуженный профессор в отставке Университета в Кане. Член Академии надписей и изящной словесности, Париж

Наср, Сейед Хоссейн (Иран), специалист в области истории наук и философии исламского мира. Бывший профессор и декан в Тегеранском университете. Основатель и первый президент Иранской академии философии. Профессор Университета им. Джорджа Вашингтона. Член Международного института философии

Ндайвел-э-Нзем, Исидор (Демократическая Республика Конго), специалист в области истории Центральной Африки. Титулярный профессор отделения истории факультета искусств Университета в Киншасе. Ассоциированный директор Центра африканских исследований Школы высших исследований по социальным наукам в Париже. Президент Общества конголезских историков

Негматов, Нуман (Таджикистан), специалист в области археологии. Заведующий сектором культуры Института истории. Член Академии наук Республики Таджикистан, Душанбе

Ниане, Джибрил Тамсир (Гвинея). Почетный доктор Университета Тафта в штате Массачусетс. Специалист в области истории и культуры народов мандинка. Бывший директор фонда Л.С. Сенгора в Дакаре. Редактор IV тома «Всеобщей истории Африки». Бывший декан факультета литературы в Конакри

Нидерберже, Кристина (Франция), специалист по отношениям древнего человека с окружающей средой, по традиционным аграрным технологиям и хозяйственным системам, социополитическим и иконографическим проблемам ранней Центральной Америки и ольмекской цивилизации в Центре мексиканских и центрально-американских исследований в Мехико

Новосельцев Анатолий Петрович (Российская Федерация), специалист в области средневековой истории Закавказья и Центральной Азии. Профессор Московского государственного университета. Главный редактор ежегодного издания «Древнейшие государства на территории СССР». Член-корреспондент Российской академии наук. Бывший директор Института российской истории Российской академии наук

Обен, Франсуаза (Франция), специалист в области истории, социологии и религиоведения Центральной и Восточной Азии. Заслуженный директор в отставке Национального центра научных исследований (CNRS) и Центра международных исследований (CERI) при Национальном фонде политических наук

Офрэ, Мишель (Франция), специалист по языкам и цивилизациям Востока. Преподаватель Национального института восточных языков и цивилизаций. Научный сотрудник INALCO, Париж

Рише, Пьер (Франция), специалист в области истории религии и культуры раннесредневековой Западной Европы. Заслуженный профессор в отставке Университета Париж-Х (Нантер). Член Национального общества древностей Франции. Член отделения средневековой истории и филологии Комитета исторических и научных работ

Салиби, Камаль (Ливан). Профессор истории и директор Центра арабских и средневосточных исследований Американского университета в Бейруте. Директор Королевского института межрелигиозных исследований в Аммане (Иордания)

Санеха, Марио (Венесуэла), специалист в области археологии Латинской Америки, аграрной истории Старого и Нового света. Профессор Центрального университета Венесуэлы. Член Национальной академии истории Венесуэлы

Санчес-Мартинес, Мануэль (Испания), специалист в области истории Аль-Андалуса и позднесредневековой Испании. Научный сотрудник CSIC (*Institucion Mila y Fontanals*) в Барселоне

Сильва, Кингсли М. де (Шри-Ланка), специалист в области истории Шри-Ланки. Бывший преподаватель истории Шри-Ланки в Университете Перадения. Исполнительный директор Международного центра этнических исследований в Канди

Сиссоко, Секене Моди (Мали), специалист в области истории средневекового Томбукту. Автор многочисленных работ по истории Западного Судана (от средних веков до времени колониального завоевания). Научный сотрудник Дакарского отделения IFAN. Профессор Университета Шейха Анта Диопа, Дакар, затем – Университета в Либревиле

Столтмен, Джеймс Б. (США), специалист в области предистории Северо-Восточной Америки. Профессор Висконсинского университета в Мадисоне

Сэндерс, Уильям Т. (США), специалист в области антропологии и предистории Мезоамерики. Профессор отделения антропологии Пенсильванского университета.

Ташкова-Займова, Василка (Болгария), специалист в области истории Балканского полуострова и Византии. Бывший заведующий сектором средневековой Византии и балканских народов Института балканских исследований. Адъюнкт-профессор Велико-Тырновского и Софийского университетов и Академии изящных искусств. Член Международной ассоциации Юго-Восточной Европы

Тафаззоли, Ахмад (Иран), специалист по древнему Ирану. Профессор Тегеранского университета. Вице-президент Персидской академии языка и литературы. Почетный доктор Санкт-Петербургского университета (1996 г.)

Фавзи, Фарук Омар (Ирак), специалист в области истории и цивилизации ислама. Руководитель отделения истории исламского мира Университета Аль аль-Бейт, Эль-Мафрак (Иордания)

Фоссье, Робер (Франция), специалист в области средневековой истории Западной Европы. Заслуженный профессор в отставке Университета Париж-1 (Сорбонна). Почетный директор отделения истории

Фуад-Сайид, Айман (Египет), специалист в области мусульманской истории, кодификации арабских рукописей и истории городских центров. Профессор истории и мусульманской цивилизации Университета в Хелуане. Консультант Национальной библиотеки и Национальных архивов Египта

Хаберланд, Вольфганг (ФРГ), специалист в области археологии (в особенности археологии Центральной Америки и искусства коренных народов Северной Америки). Бывший вице-директор Гамбургского музея антропологии

Хабиб, Ирфан (Индия), специалист в области социально-экономической истории средневековой Индии, истории науки и техники Индии и ее связи с наукой исламского мира. Преподаватель истории средних веков Мусульманского университета в г. Алигарх (штат Уттар-Прадеш)

Хаддури, Маджид (Ирак), специалист в области истории исламского права. Член делегации Ирака на конференции в Сан-Франциско, на которой была основана Организация Объединенных Наций. Заслуженный профессор в отставке Университета им. Дж. Хопкинса. Член Академии арабского языка в Каире. Член Иракской академии. Председатель Общества международного права

Хасан, Юсуф Фадл (Судан), специалист в области истории Среднего Востока, Судана и Африки южнее Сахары. Профессор и бывший директор Института африканских и азиатских исследований в Хартуме. Вице-канцлер Хартумского университета. Редактор издания «*udan notes and records*»

Хиберт-и-Санчес-де-ла-Вега, Рафаэль (Испания), специалист в области истории права. Преподавал историю испанского права. Профессор истории права и государственных учреждений. Заслуженный член Португальской академии истории (Лиссабон)

Чжан, Гуанда (Китай), специалист в области истории средневекового Китая (в том числе по дуньхуанским рукописям). Профессор истории Пекинского университета. Профессор Коллеж де Франс (международная кафедра, 1993–1994 гг.). Приглашенный профессор Университета штата Пенсильвания

Шавельсон, Даниэль (Аргентина), специалист в области исторической археологии городских поселений. Директор Центра археологии городских поселений Университета Буэнос-Айреса. Попечитель Национального совета по историческим памятникам

Шанван, Юнес (Иордания), специалист в области литературы Аль-Андалуса (арабо-испанской). Заведующий арабским отделением Ярмукского университета, Иордания

Шапуто-Ремади, Мунира (Тунис), специалист в области средневековой истории исламского мира, Сирии и Египта мамлюкского периода. Профессор отделения средневековой истории на факультете гуманитарных и социальных наук Университета Тунис-1

Шмидт, Пауль (Мексика), специалист в области археологии Мезоамерики. Научный сотрудник Национального университета в Мехико

Энзе, Жан (США), специалист по доисторическим временам и палеоэкологии человека в регионах Восточной Азии, Арктики и приполярных регионов. Профессор антропологии Университета штата Аляска

Эпштейн, Джереми Ф. (США), специалист в области археологии Мезоамерики и истории древних людей в Новом Свете. Заслуженный профессор в отставке отделения антропологии Техасского университета

Эрай, Франсин (Франция), специалист в области истории Японии (в особенности периода Нара-Хэйан). Заведующая научной частью Практической школы высших исследований (исторические и филологические науки)

Яршатер, Эхсан (США), специалист в области истории персидской культуры, персидской литературы и иранской диалектологии. Директор Центра иранистики, преподаватель Колумбийского университета. Редактор «*Encyclopaedia Iranica*». Главный редактор программы «Проект переводов им. Табери»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век
вв. – века
г. – год, город
гг. – годы
гл. – глава
град. – градус
илл. – иллюстрация
кв. – квадратный
кг – килограмм
км – километр
куб. – кубический
м – метр
млн. – миллион
наст. в. – настоящее время
н.э. – наша эра
о. – остров
о-ва – острова

оз. – озеро
ок. – около
п-ов – полуостров
р. – река
рис. – рисунок
с. – страница
сек. – секунда
см. – смотри
см – сантиметр
т – тонна
табл. – таблица
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.п. – тому подобное
тыс. – тысяч
ч. – час
чел. – человек

А

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Мохаммед Аднан Аль-Бахит, Луи Базен и Секене Модди Сиссоко

Установление периодов – основная проблема, которая постоянно возникает при написании истории. В коллективном труде, выполнить который можно, лишь разделив его на несколько томов, начало и конец периода, рассматриваемого в каждом из них, следует определять временем тех событий, которые оказали большое влияние на ход истории в целом. Но какой бы выбор мы ни сделали, нам не удастся избежать некоторой произвольности и субъективности, а в таком обширном и всеобъемлющем труде, как «История человечества», вообще невозможно установить даты, одинаково важные для всех регионов и народов, живущих на нашей планете. Особенно это касается тех периодов, когда связи между народами еще не достигли той универсальности, к которой приближается человечество в наше время.

Мы должны, по меньшей мере, попытаться выбрать даты тех событий, которые, несмотря на отсутствие незамедлительного или хотя бы быстрого их влияния на человечество в целом, как минимум, дали толчок процессам развития, которые на протяжении последующих веков и, возможно, вплоть до наших дней постоянно усиливались и в конечном итоге воздействовали на значительное количество, а в некоторых случаях и на большинство народов Земли. Именно этот подход мы, вслед за авторами первых трех томов, выбрали в отношении данного, четвертого тома «Истории».

Том III «Истории человечества» заканчивается на проповедях пророка Мухаммеда между 610 и 632 гг. и последующих достижениях его приверженцев, которые в 622 г. (год хиджры или переселения) ушли вслед за ним из Мекки в Медину, т.е. на начале VII в., первого века хиджры, когда стала распространяться и оказывать влияние на ход истории последняя из великих мировых религий – ислам, и это время является абсолютным хронологическим рубежом, с которого начинается том IV. К тому же это было время, когда на восточном краю Старого Света новая династия Тан (618–907 гг.) объединила и преобразовала Китай, начала проводить политику территориальных захватов в Центральной Азии и на некоторое время подняла Поднебесную империю на вершину могущества, одновременно устанавливая культурные связи с западным иранским миром Согдианы и сасанидской Персии, а на востоке стремясь распространить китайскую форму буддизма в Японии.

Двум основным экспансионистским силам той эпохи, каждая из которых породила оригинальную культуру и идеологию, суждено было встретиться в середине VIII в. в Центральной Азии, и в 751 г. битва при Таласе между исламскими войсками под предводительством арабов и армией китайской империи Тан положила конец продвижению китайцев на запад. Эта победа арабов установила ис-

ламский аванпост в восточном регионе Центральной Азии и показала способность ислама закрепиться в иранском мире, чтобы затем постепенно распространиться и на мир тюрков, в котором укоренение новой религии значительно ускорило в X в. Передвижение исламизированных тюрков-сельджуков на Запад в XI в. завершилось тюркским завоеванием территории п-ова Малая Азия и обеспечило возможность создания Османской (Оттоманской) империи, которая впоследствии, контролируя Западную Азию, Восточную Европу и Северную Африку, стала одной из величайших держав мира.

Таким образом, хронологическая точка отсчета для этого тома соответствует событиям, имевшим огромную важность для истории Старого Света.

Время, выбранное в качестве завершающего этот период (конец XV в.), соответствует событию, последствия которого ощущаются и по сей день: в 1492 г. Христофор Колумб впервые пересек Атлантический океан, что привело к открытию Нового Света Старым и установлению прямой и постоянной связи между ними. Именно тогда началась колонизация Америки европейскими странами (Испанией, Португалией, Англией и Францией), которая продолжалась на протяжении всего XVI в. и последующих веков и будет подробно рассмотрена в томе V «Истории». Ставшая трагедией для туземцев, но принесшая неисчислимые богатства некоторым завоевателям, колонизация привела к полному преобразованию экономической и геополитической ситуации в Европе и вызвала множество последствий.

Мы решили не завершать период, рассматриваемый в данном четвертом томе, 1453 г. – датой падения Константинополя, которую классическая, как правило, евроцентрическая традиция рассматривает как время «завершения Средневековья» и начала «Новой истории». Такое решение было принято потому, что эта дата, поначалу вызвавшая эмоциональное потрясение у всей христианской Европы по символическим, в сущности, причинам (турки завоевали столицу Восточной империи, унаследовавшей половину христианской Римской империи!), не имела того решающего значения для мира в целом, которое ей обычно приписывают. На самом деле к 1453 г. территория Византийской империи сводилась в Европе к самому Константинополю и его окрестностям, а Османская империя, еще в 1365 г. сделавшая своей столицей г. Адрианополь (Эдирне), уже заняла большую часть Греции и Балканы. Не был 1453 г. и апогеем Османской империи, которая еще не успела захватить всю политически раздробленную Анатолию.

В то время связи между главными регионами мира еще не вполне установились, но некоторые события уже привели к значительному развитию общения в пределах Ста-

рого Света. Ислам, быстро распространившийся в VII–XV вв. в большей части Азии, на островах Юго-Восточной Азии, в Северной и Восточной Африке, в Испании и на Балканах, привнес не только свои религиозные доктрины, но и высокоразвитую научно-техническую культуру на территории от Гуанчжоу до Гранады.

В XIII и XIV вв. Монгольская империя Чингисхана, раскинувшаяся от Волги до Тихого океана и от Инда до Черного моря, на некоторое время возродила Великий шелковый путь; после того как закончились резня и разрушение, снова стали возможными сухопутные передвижения через Азию. Самым известным примером этого является путешествие венецианца Марко Поло в Пекин и Фуцзянь. Замечательный религиозный эклектизм монголов, на землях которых свободно практиковались и проповедовались буддизм, христианство и ислам, служил ярким подтверждением того, что различные религии способны мирно сосуществовать.

Однако эти два примера (а есть и другие) не должны затмевать неистовство стычек и жестокость войн, в которых с VII по XV в., как и раньше (да и позднее), восставали друг против друга религии, народы и государства. Однако эти противостояния, хоть и трагическим путем, но все же приводили победителей и побежденных к своего рода общению, которое, несмотря на то, что его вряд ли следует восторженно рекомендовать, все же порождало какие-то перемены. Так произошло и во времена крестовых походов, которые принесли не только беды, но и привели христианский Запад и мусульманский Восток в непосредственное соприкосновение с материальной, интеллектуальной и технической культурой враждующих сторон и позволили им лучше узнать друг друга.

Поскольку память о войнах религиозных и политических, войнах завоевательных, убийствах, геноциде, гонениях, разрушении материальной и культурной собственности способна воскресить или укрепить вражду между народами, мы решили, что в книге, опубликованной ЮНЕСКО – организацией, одной из миссий которой является обеспечение мира и согласия между народами, эти события следует описывать в таком контексте, чтобы они не могли затмить культурную и научную историю человечества – цель нашего труда. Вместе с тем такой подход не следует рассматривать как отрицание установленных фактов или исторический ревизионизм.

В любом серьезном историческом труде должно присутствовать уважение ко всем народам, этническим группам, религиям и культурам. Поэтому мы старались избегать любых утверждений или высказываний, которые можно было бы истолковать как выражение враждебности или презрения, даже если мы не имели в виду ничего подобного. Мы рады, что все наши авторы по собственной инициативе следовали этому принципу.

В совместном труде подобного широкого масштаба вполне естественны различия во мнениях историков, но они носят чисто научный характер. Мы должны понимать, что ни один исторический очерк нельзя считать окончательным. Документы, которыми располагают историки, никогда не бывают исчерпывающими. Источники информации могут быть двусмысленны или противоречивы. И даже если какие-то факты установлены совершенно точно, всегда остается место для различных интерпретаций. Самый объективный историк порой вынужден прибегать к гипотезам. Более того, он имеет полное право поддерживать ту гипотезу, которую считает наиболее убедительной. А другой историк имеет точно такое же право на иное мнение. И если они не могут прийти к соглашению, ограничивать нельзя ни того, ни другого: оба мнения должны быть выражены под ответственность каждого из историков. В данном томе такие моменты имеют место.

Формирование новых, а затем и современных государств породило конфликты и вражду, которые отчасти существуют и по сей день. Желание правящих кругов оправдать и укрепить установленный порядок и, наоборот, враждебное отношение к нему их оппонентов, религиозных сообществ, лингвистических или этнических меньшинств, выдвигающих в качестве аргументов исторические факты, многие из которых относятся к периоду, рассматриваемому в данном томе, неизбежно привели к противоречивым оценкам. Историк, который старается судить беспристрастно, не должен их игнорировать, но и разрешать их – не его задача. Вместо того чтобы оценивать исторические факты, он должен пытаться более точно установить их, а в спорных ситуациях это сложная задача, в которой всегда остается место для сопоставления с вновь открытыми свидетельствами. Задача эта еще больше осложняется, когда социальная, религиозная, политическая история или какие-то конкретные события по-прежнему резонируют или преображаются в коллективном сознании, как это нередко бывает.

Историческое исследование развития науки и культуры также нельзя считать полностью лишенным такого рода сложностей, но неопределенность здесь гораздо ниже, равно как и риск оскорбить мнения отдельных групп людей, за редким исключением. Исследование в данном случае может основываться на фактах и иметь описательный характер, мало подверженный влиянию заранее predetermined концепций. Другое дело, что его выводы, подобно результатам любых исторических исследований, иногда могут подойти под ту или иную идеологическую схему, и, поскольку непогрешимых людей не бывает, заключения историка всегда будут подвергаться объективной критике.

Однако разные культуры, характерные особенности которых, в сущности, и образуют индивидуальность различных человеческих сообществ, не являются замкнутыми группировками. Хотя и в разной степени, но они всегда каким-то образом, мирным или не очень, контактируют друг с другом, что приводит к заимствованиям и обменам, которые в результате могут составлять цепочки и целые сети, порой распространяющиеся на огромные расстояния. Примеров тому множество: в духовной сфере – это распространение мировых религий; в интеллектуальной сфере – система фиксации речи; в сфере обеспечения продовольствием – обмен окультуренными растениями и т.д.

По всему миру распространились технические и научные изобретения; так, технология получения бумаги, разработанная в Китае во II в., около 300 г. появилась в Согдиане; арабы научились этой технологии в Центральной Азии в середине VIII в. и привезли ее в Багдад и Дамаск, а затем, около 1000 г., – в Северную Африку и мусульманскую Испанию; итальянцы узнали об этом технологическом процессе в XIII в., после чего бумагу начали производить во всей Европе и она полностью заменила пергамент. Столь важное изобретение, как десятичная система счисления, включающая девять цифр и ноль, появилась в Индии в VI в.; в IX в. ее переняли исламские ученые, распространившие ее по всему мусульманскому миру. В XII–XV вв. десятичную систему счисления постепенно приняли европейцы, и, наконец, она распространилась по всему миру.

Тогда как многообразие культурной антропологии посредством особых религиозных, социальных, этических и, в более общем плане, идеологических традиций поддерживает великое множество индивидуальностей, научные и технические достижения стремятся к универсальности. Они постепенно становятся общей собственностью человечества, и историю их развития, даже при наличии конкурирующих притязаний в отношении приоритетности их изобретения, следует рассматривать с единой точки зрения. По крайней мере, именно такой подход мы при-

няли в данном труде. Однако он ни в коем случае не означает, что мы не желаем отдать должное изобретателям, имена которых нам известны, или тем, кто распространял или совершенствовал изобретения; наша цель – не допустить превращения их в яблоко раздора.

Подобно томам III и V, том IV включает две части – *тематическую* и *региональную*.

Восемь глав тематической части тома IV дают общее представление о состоянии культурного и научного развития человечества в целом между VII и XV вв. по следующим главным темам:

1. Окружающая среда и народонаселение.
2. Семья, семейные группы и общество.
3. Государство и право (устное, статутное и обычное).
4. Системы хозяйствования и технологии.
5. Средства сообщения и транспорт.
6. Познания и науки.
7. Религии, этика и философия.
8. Искусство и художественное выражение.

Эти темы, количество которых можно было бы увеличить, лишь рискуя получить фрагментарную картину, сформулированы так, чтобы в общих чертах охватить основные сферы деятельности человека, включая культуру, традиции, а также интеллектуальное и духовное развитие. Авторами соответствующих разделов стали специалисты по общей и сравнительной истории.

Некоторые исторические дисциплины, например, политология и исследование войн, нашедшие отражение в региональной части книги, в тематическую часть не были включены. Кроме того, несмотря на солидный объем тематической части, полностью осветить в ней каждую тему для всех регионов мира оказалось невозможным, к тому же современное состояние исторического знания, несмотря на его быстрое и постоянное развитие, все равно не позволило бы сделать это, так как в истории по-прежнему существуют белые пятна, особенно это касается тех регионов, где отсутствие документальных источников, их недостаток или наша неспособность расшифровать имеющиеся данные крайне осложняет воссоздание прошлого. Обращение к археологическим свидетельствам, какими бы ценными они ни были, не всегда способно прояснить интересующие нас аспекты, а проецирование современных данных культурной антропологии на прошлое – всегда небезопасное предприятие.

Чтобы подвести под свои аргументы достаточно надежную основу, не выходя за рамки, которые были установлены для разделов, авторам пришлось выбирать те элементы (из достаточно обширного их диапазона, который можно использовать для передачи общей картины), достоверность которых установлена более или менее определенно. Тем самым были удовлетворены требования исторической науки. Таким образом, выбор производили авторы, ведомые собственным знанием, на универсальность которого они ни в коем случае не претендуют, и выбор этот неизбежно был ограниченным. Наверное, можно было выбрать и другие варианты. С целью дать некоторое представление о возможностях более обширного изучения каждой темы к главам приложены библиографические списки.

Региональный раздел был составлен после длительных и детальных консультаций членов редакционного совета данного тома. Члены совета, интернационального по своему составу, сами консультировались с многочисленными специалистами из разных стран. Историки посоветовали представить в данном труде все регионы мира, и редакторы полностью согласились с ними. По принятии этого решения возникли две взаимосвязанные проблемы: во-первых, нельзя было проигнорировать различный уровень

изучения истории разных регионов и, во-вторых, какими бы ни были эти различия, нужно было добиться справедливого распределения объема книги между всеми рассматриваемыми регионами. Эта необходимость неизбежно привела к некоторым спорам.

В дополнение к указанным трудностям существовала проблема установления границ регионов, географическое расположение которых, связанное скорее с выявлением культурных зон, нежели с физической географией, изменялось на протяжении девяти веков, охватываемых данным томом. Логично было в первую очередь решить именно эту проблему. Ради ясности было определено ограниченное число основных регионов, которые затем были разделены на вторичные культурные зоны, так как они, обладая некоторыми общими чертами, все же представляли большее или меньшее культурное разнообразие.

Одним из основных регионов, характеризовавшимся явно выраженным культурным своеобразием, четким географическим определением и достаточно поздним появлением в мировой истории, был Новый Свет, открытие которого представителями Старого Света завершает данный том. Том IV охватывает период, предшествующий интенсивному проникновению в данный регион внешних культур (в основном европейских), – этот процесс рассматривается в томе V. Таким образом, Америка до Колумба определена как один крупный регион, тем более интересный, что изучение ее богатой истории получило значительное развитие в последние несколько десятков лет.

По прямо противоположным причинам другим основным регионом была выбрана Европа: в очень большой степени унаследовав греко-римскую культуру и институты Римской империи, в рассматриваемый период она приобрела некую однородность, обусловленную распространением христианства, ставшего главной ее характеристикой. Кроме того, на протяжении многих веков Европа оставалась наиболее интенсивно изучаемым регионом, о котором было написано огромное количество исторических трудов. История Европы представлена в двух хронологических частях («Наследники греко-римского мира» и «Формирование европейской индивидуальности») и занимает около 20% объема IV тома.

Следующей задачей после несложного определения основных – европейского и американского (доколумбового) – культурных объединений стало установление тех культурных групп, которые в географии традиционно называют Африкой и Азией (история Океании в этот период – случай особый, поскольку о ней до сих пор мало что известно). Следует отметить, что эти названия и соответствующее разделение придумали европейцы (данные регионы были названы в честь двух провинций Римской империи – Африки, в широком смысле соответствующей северному Тунису, и Азии, западной части Анатолии), и использование этих названий распространилось в новый период, хотя и нельзя сказать, что сейчас Африка и Азия составляют культурные зоны как таковые, и в еще меньшей степени это относится к древности: на п-ове Малая Азия греческая цивилизация была развита не меньше, чем в Греции, а римская цивилизация распространилась во всем бассейне Средиземного моря – в Европе, Азии и Африке (правда, позволяя существовать и местным культурам). И это лишь самые важные примеры, а Уральские горы, которые считались естественной границей, отделяющей Европу от Азии (на самом деле это всего лишь две части огромного материка – Евразии), реальным барьером никогда не были.

Между VII и XV вв. в Старом Свете появился исторический, религиозный и культурный феномен исключительной важности, который, на наш взгляд, глубоко изменил природу и распределение зон цивилизации. Этим феноменом стало распространение ислама. Зародившись в Аравии, ислам охватил Северную и Восточную Африку, часть

(небольшую) Европы, Западную и Центральную Азию, внутренние районы Китая, значительную часть Индии и островов Юго-Восточной Азии. Нельзя отрицать, что на этих обширных территориях, где распространился ислам, продолжали существовать и различные местные культуры, но наряду с религией, которая в своей основе оставалась единой (различия взглядов в отношении второстепенных проблем носили скорее политический, нежели теологический характер), процесс исламизации внес определенные перемены в общественные отношения, социальные институты, образ жизни, знания и искусства, сформировавшие гармоничную систему и предоставившие мыслящим людям общее средство выражения – арабский язык, – выходящее за пределы огромного разнообразия региональных языков.

Вследствие этого некоторым авторам тома IV казалось, что в данном особенном и замечательном случае было бы вполне уместно отказаться от традиционного определения регионов по материкам и рассмотреть весь исламский мир в целом как один из великих культурных регионов данного периода (не пренебрегая при этом и входящими в него региональными культурами, которые продолжали существовать). Другие историки согласились, что в такой точке зрения есть полезное зерно, но заметили, что подобное представление, главной нотой которого станет арабо-исламская тема, может отчасти затмить историю и столь давно сформировавшиеся особенности этих региональных культур (например, иранской, тюркской и индийской).

Тогда был принят компромисс, который, хотя и не является идеальным во всех отношениях, все же устранил этот недостаток: значительная часть данного тома (немногом более 20%), названная «Мусульманский мир и его арабская часть», охватывает не только арабский, но и неарабский ислам на основе его распространения (в разное время) в Иран; в тюркскую, таджикскую и тюрко-монгольскую Центральную Азию; в Северную Африку, Испанию и Сицилию; в Судан и в Африку южнее Сахары. В этой части книги история событий сведена к минимуму, необходимому для понимания глав (14% общего объема книги и, следовательно, 70% раздела), посвященных развитию культурного влияния, с проведением межрегиональных сравнений и выявлением роли немусульман в цивилизации мусульманских стран.

Раздел тома, озаглавленный «Азиатский мир» (30% объема тома), посвящен регионам Азии и ее островам, которые в рассматриваемый период не были частью мусульманской культурной зоны, включая те, где адаптация к исламской культуре произошла позднее, была лишь частичной, случайной или оставалась второстепенной при явном господстве местной национальной культуры. Этот раздел включает (1) Иран, Центральную Азию и тюркский мир; (2) Индию и соседние с ней страны (Южную Азию), Юго-Восточную Азию и Индонезию; (3) Китай (территории проживания собственно китайцев), Японию и Корею; (4) Сибирь, Монголию (включая ханства Монгольской империи) и Тибет. Редакторы постарались расположить главы так, чтобы рядом оказались регионы с родственными культурами. Такое расположение помогает читателю увидеть (через неформальную разбивку на подгруппы) разные степени культурной общности этих четырех основных регионов и в то же время отметить различия в пределах каждой из конкретных региональных культур. Более того, между регионами первым и вторым, подвергшимся частичной исламизации, вторым и третьим (влияние буддизма), третьим и четвертым (влияние буддизма и китайской культуры) существуют культурные связи, которые придают всем вместе определенную цельность.

Что касается Африки, то поскольку адаптация некоторых ее регионов (особенно Северной Африки) к мусульманству рассматривается в разделе, названном «Мусульманский мир и его арабская часть», другим регионам мы

решили посвятить отдельную часть, которую назвали «Африканский континент». В этом разделе, занимающем около 15% объема тома, в основном рассмотрены территории, о которых имеется достаточное количество письменных источников или данных археологических раскопок (в период с VII по XV в.): Западная Африка, Нубия и Нильский Судан, Эфиопия, восточное побережье и острова Индийского океана (включая Мадагаскар), а также Центральная и Южная Африка.

Наконец, в отношении тихоокеанских островов, которые лежат на большом расстоянии от всех континентов и о существовании которых остальной мир в рассматриваемые века только-только начал узнавать, нам пришлось ограничиться несколькими страницами, где под заголовком «Океания и другие острова Тихого океана» изложены установленные к настоящему моменту факты.

Как указано выше, основные регионы, однажды определив, нужно было подразделить. Как только редакторы после довольно продолжительных обсуждений приняли решение о принципах разделения и объемах подразделов, для каждого из них были сформулированы подзаголовки. В результате содержание включило почти 130 пунктов. После рассмотрения различных предложений подготовка глав или подглав была поручена специалистам, и после их обращения к предполагаемым авторам порядка 80 около 40 национальностей согласились принять участие в написании тома IV. Редакторы стремились сформировать команду с возможно более широким интернациональным охватом, которая в то же время представляла бы достижения исторических исследований в разных частях света.

Размышляя о работе такого рода, которая имеет дело с различными культурами, можно представить, как сложно достигнуть соглашения при выборе группы авторов, одновременно компетентных, заинтересованных в данном предприятии и стремящихся постоянно удерживать перед своим мысленным взором человеческую перспективу в целом. Не менее сложная задача стояла и перед авторами: им было отпущено строго ограниченное число страниц, так что в своих рукописях они должны были безжалостно сжать свои детальные знания в широкой исторической области, но при этом не сделать никаких серьезных упущений. Эта задача еще больше осложнялась тем, что, поскольку центральной темой оставались исторические события, авторы должны были излагать только самое существо научной и культурной истории человечества, сводя к минимуму упоминания о событиях, вызвавших ее развитие.

В любом случае ограничения, наложенные на объем тома и, следовательно, глав, принудили авторов к крайней сдержанности при выборе материалов. Поскольку любой выбор по самой своей природе является ограничивающим, не все выбранные материалы удовлетворяют ожидания каждого читателя. Кто-то, возможно, посетует на то, что какая-то культура осталась не рассмотренной в книге или была недостаточно изучена, а другой культуре, которая данному читателю безразлична, уделено слишком много внимания. Редакторы вовсе не притязают на совершенство, а потому первыми согласятся, что данный труд можно подвергать разумной критике. Всеми силами и способами они стремились соблюдать рекомендацию, данную ЮНЕСКО: «Следует внимательно следить за тем, чтобы содержание любых публикаций ЮНЕСКО охватывало максимально возможное число стран и культур». Это указание не всегда легко выполнить, если речь идет о девятивековом периоде (VII–XV вв.), который завершился полтысячи лет назад, в течение которого происходили значительные изменения в структурах народонаселения и культурных зон, а о жизни многих регионов в течение этого же периода мы имеем весьма скудные данные. В то же время искушение спроецировать в прошлое современные культуры и, тем более, со-

временные государства исторически ошибочно, и ему необходимо противостоять.

Взаимоотношения разных культур и стран претерпели глубокие изменения на протяжении рассмотренного в томе IV периода, в который происходили весьма разнообразные интенсивные культурные обмены и массовые переселения. Во многих регионах происходило смешение народов и культур, продолжившее слияния, происшедшие в Старом Свете после великих вторжений в V и VI вв. В сущности, именно в результате этих смешений и сформировались средневековые, а затем и современные нации, характерные синтезом разных культур, который часто превосходил былой антагонизм.

Мы уверены, что нашим читателям будет особенно интересен именно такой синтез, а также обобщение некоторых культурных компонентов в результате контактов разных народов, независимо от того, происходили они в мирное или в военное время. Кроме тех компонентов, на которые авторы старались обратить внимание читателей, последние откроют для себя и другие, а также, несомненно, смогут найти следы некоторых из них в своей собственной культуре. Быть может, кто-то и не захочет увидеть, как аккумуляция этих обобщенных культурных особенностей приводит к однородности цивилизации, которая придает жизни человечества в целом скучное сходство. Однако это не тот случай, хотя сейчас подобная тенденция действительно зарождается из-за развития коммуникаций, технических достижений, некоторых проявлений материальной жизни, например, одежды, а также в спорте, играх и даже в искусстве. Однако остается и значительное разнообразие, которое проявляется в духовности, образе жизни и национальных традициях, и это разнообразие, при правильном его понимании, как и в прошлом, вновь может стать источником обогащения человечества. Но чтобы это произошло, культурные идентичности должны сохранять свою самобытность, не стремясь силой навязывать ее другим народам, обладающим собственной культурной идентичностью, а эти народы, в свою очередь, должны уважать культурную идентичность первых. Все это не произойдет само по себе, а будет достигнуто лишь в процессе взаимопонимания, для которого необходима объективная и беспристрастная информация, предоставить которую обязан историк.

Именно таков дух этой «Истории», изданной при поддержке ЮНЕСКО, и этому духу старались следовать все редакторы и авторы данного тома.

Работа над нашим томом началась сразу после принятия решения об издании «Истории» в семи томах с одинаковой базовой структурой, включающей тематическую часть, региональную часть и приложения. В 1985 г. на совещании главных редакторов всех семи томов были составлены проекты содержания каждого из них. На протяжении следующих четырех лет в черновой вариант тома IV были внесены некоторые изменения, обусловленные накопленным опытом. В мае 1990 г. макет этого тома, в который впоследствии были внесены лишь незначительные изменения, был принят на совещании редакторов в г. Авила (Испания), на котором присутствовали различные специалисты.

Позднее случилось несчастье: в апреле 1991 г. внезапно скончался профессор Абдулазиз Камель (*Abdulaziz Kamel*), выдающийся египетский историк, главный редактор этого тома, который сыграл столь важную роль в его составлении. Его кончина опечалила всех, кто работал вместе с ним над томом, и стала жестоким препятствием при дальнейшей работе над этим трудом.

Потребовалось изменить программу важного раздела тома IV, озаглавленного «Мусульманский мир и его арабская часть», найти новых авторов ключевых глав этого раздела (составляющих более четверти раздела), которые намеревались написать профессор Камель, а также укомплектовать группу редакторов. Все эти мероприятия завершились лишь к началу 1992 г.

Пока данный том готовился к публикации, редакторская коллегия с огорчением узнала о смерти еще трех соредкторов: профессор П. Гендропа (*Paul Gendrop*) из Мексики (в 1988 г.), М. С. Асимова из Таджикистана (в 1996 г.) и А. Гейштора (*Aleksander Gieysztor*) из Польши (в 1999 г.).

Менее серьезными были проблемы, вызванные задержками с предоставлением рукописей в редакцию или отказом некоторых авторов (которых порой очень трудно было заменить) от участия в данном проекте. Мы знали, что это может случиться, учитывая большое количество людей, привлеченных к работе над книгой. Кроме того, некоторых авторов приходилось просить изменить форму той или иной части готовой рукописи, сократить текст, убрать повторы или заполнить пробелы. Время от времени такие просьбы вызывали вполне понятное недовольство, но в конечном счете любезно принимались.

Как было решено с самого начала, все материалы рассматривали две авторитетные комиссии: редакционный совет каждого тома и Международный комитет всего проекта. Редакционный совет тома IV включал трех главных редакторов, которым помогали шесть соредкторов и консультант, все они были разных национальностей; в совете были представлены Европа, Азия, Африка и Америка. Совет нес полную ответственность за данную публикацию. Подготовка работы Международного комитета, который состоял из 40 членов, представлявших очень разные культуры, была поручена Бюро из восьми человек. Для окончательного принятия всех материалов требовалось сначала одобрение редакционного совета тома, а затем принятие их Бюро. Ни одна из комиссий не могла исправлять текст, но любая могла попросить автора внести требуемые улучшения. Нам очень приятно, что эта система действовала в духе научного обдумывания, сотрудничества и принятия согласованного решения, поэтому непреодолимых проблем не возникало, даже если порой проявлялись различные точки зрения по одному и тому же вопросу.

Результаты такого предприятия не могут быть ни исчерпывающими, ни совершенными, и теперь мы с готовностью представляем его критике – важнейшей движущей силе исторического исследования. Мы лишь надеемся, что, давая информацию, глобальную по своему масштабу (хотя и неизбежно сжатую), наш труд также поможет широкому кругу читателей осмыслить весь огромный диапазон мировых культур и должным образом оценить тот вклад, который они внесли в общее наследие человечества.

Б

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*

Виктор Иванович Козлов

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Чтобы понять, как на протяжении долгих 900 лет, разделившихся VII и XVI вв., народы исторически взаимодействовали с окружающей средой, в которой им суждено было жить, необходимо, как минимум, сначала взглянуть на то, что тогда (равно как и сейчас) являлось двумя главными ограничивающими географическими условиями для всего мира. Во-первых, это орография (положение местности, ее горы и рельеф), созданная внутренними силами самой Земли. Во-вторых, климат и его изменчивость в зависимости от количества солнечных лучей, попадающих на разные поверхности земной сферы. Дальнейшую корректировку в климатические условия вносит рельеф. Но изменялись также численность народов и плотность населения, зависевшие от того, когда были заселены регионы или даже целые материки, не говоря уже о переменах в местных способах производства и превратностях контактов между регионами. Таким образом, до начала XVI в. земли так называемого Нового Света – обе Америки, Австралия и Океания – вообще никак не контактировали со Старым Светом: они шли своим собственным путем и развивались, наверное, медленнее, но в любом случае иначе. И все же человечество впервые вступило в эти регионы и заселило их намного позднее, чем даже некоторые из географически крайне отдаленных областей так называемого Старого Света (карта 1).

Одного взгляда на карту Евразии достаточно, чтобы увидеть огромные горные цепи, тянущиеся с востока на запад, которые почти разрезают материк на две части. Эти высокогорья простираются от дальневосточных гор Куньлунь, проходят через Гималаи, Памир («Крышу Мира») и Кавказ и достигают на самом западе Карпат, Альп и Пиренеев. Эти переходящие одна в другую горные цепи весьма препятствовали общению северной и южной частей Евразийского материка и, напротив, способствовали перемещениям целых народов в параллельных высокогорьях восточно-западных направлениях. Почти весь рассматриваемый период характеризуется значительными перемещениями кочевых народов – главным образом тюркских и монгольских племен – с нагорий Алтая и Монголии в более западные области и лишь эпизодически – в южном направлении. Чтобы сдерживать нашествия движущихся на юг, на свою родину кочевников, китайцы к III в. до н.э. в основном возвели свою Великую каменную стену. Илишь пройдя дальше в западном направлении, кочевники нашли брешь в горах Туркестана, которая позволила им повернуть на юг – на Иранское нагорье или прямо в Индию. На самом дальнем западе такие кочевники в конце концов смогли попасть по долине Дуная в самое сердце Центральной Европы. Однако другие великие переселения этой эпохи – германских и славянских племен в Европе и арабов в

Западную и Центральную Азию – не имели столь отчетливого географического направления.

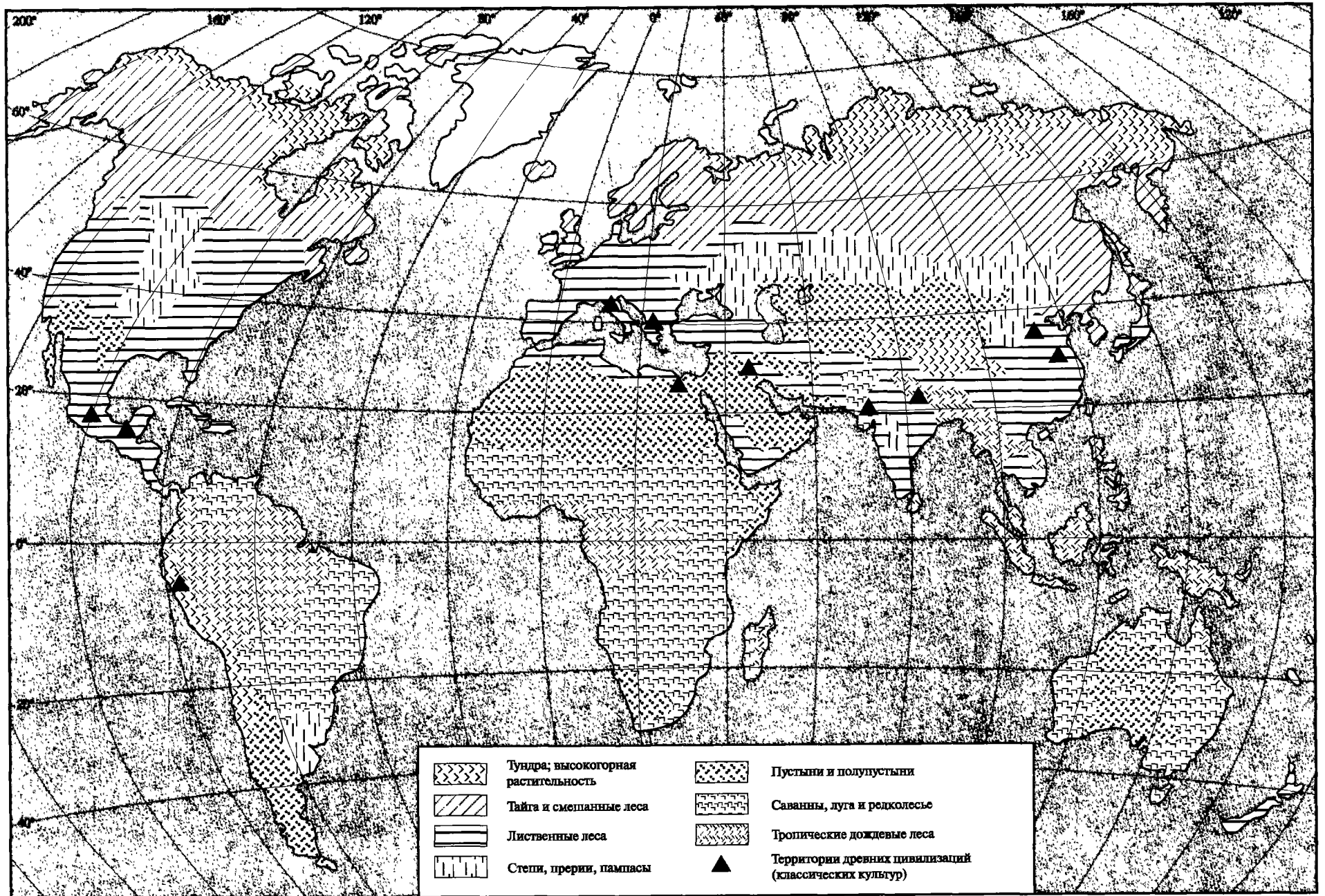
Горные цепи и высокие нагорья Африки имеют совершенно иное расположение. Они поднимаются в восточной части континента, но тянутся с севера на юг. Несмотря на неблагоприятные климатические условия (например, условия зоны тропических лесов, к которой мы еще вернемся), по таким нагорьям также перемещались целые народы (главным образом полукочевые племена, говорящие на банту), хотя на этот раз в четко выраженном южном направлении. Таким образом, перемещение арабов в Африке с востока на запад вдоль побережья Средиземного моря было в некотором роде исключением.

Способы обитания и типы расселения людей по тому или иному материку также во многом определялись распределением основных климатических зон с их различной природной растительностью. На карте Евразии мы видим длинный и широкий пояс степей и полупустынь, тянувшийся от Монголии до Центральной Азии. Эта равнинная зона затем распадается на две ветви: одна из них тянется из Центральной Азии в степи юга России и дальше в долину Дуная, а другая ветвь, становясь все более засушливой, переходит в сухие степи и полупустыни Ирана, Азербайджана и Западной Азии.

На протяжении рассматриваемого периода пастушеские племена превратили всю эту зону в свою родину. Они гоняли свои стада на пастбища, расположенные в основном между большим поясом лесов на севере и горными цепями, тянувшимися на юге. Ведение сельского хозяйства оказалось возможным лишь в менее засушливых европейских степях или вблизи постоянных источников воды, которые можно было найти в оазисах Центральной Азии, хотя над такими сельскохозяйственными участками всегда висела угроза нападения кочевых племен.

К северу от степей простирается зона лесов, характерных для умеренного климата. Главным образом смешанные и широколиственные европейские леса не страдают от недостатка влаги. После вырубki лесов и расчистки территории обработанная земля дает хороший урожай, поэтому она могла прокормить достаточно плотно селившихся людей. Но на лесных территориях к востоку от Уральских гор климат более сухой и холодный, а леса переходят в тайгу, хвойный борсальный лес. В далеком прошлом там жили только небольшие группы охотников, рыболовов, скотоводов и пастухов, занимавшихся разведением и выпасом оленей.

Но к югу от засушливой азиатской зоны, с ее полупустынями и настоящими пустынями, которые пересекаются горными хребтами, лежит более теплая и влажная зона, покрытая широколиственной и субтропической растительностью. Многие части этой зоны в высшей степени удобны для обработки. Огромные речные долины с плодородными

Карта 1. Климатические и растительные зоны мира в VII–XVI вв. (В.И. Козлов)

аллювиальными почвами, легко поддающиеся вспашке и с дикорастущими зерновыми растениями (рис, пшеница, ячмень и т.п.), которые можно употреблять в пищу, создавали особенно благоприятные условия для ведения сельского хозяйства. Таковы были реки Тигр и Евфрат в Месопотамии; Инд, Ганг и Брахмапутра на севере индийского субконтинента, а также Хуанхэ и Янцзы в Китае. Именно в таких местах, где существовали наилучшие возможности для выращивания урожая и орошения земли, возникли первые великие цивилизации Старого Света (4000–1500 гг. до н.э.). Лишь малая часть Азии лежит в настоящей тропической зоне с лесами, обильно поливаемыми муссонными дождями, но даже здесь некоторые территории прекрасно подходят для развития сельского хозяйства, например, о. Ява с плодородной почвой вулканического происхождения.

В Африке климатические зоны выражены более резко, чем в Евразии. Экватор делит Африку на две почти равные части, причем весь центр материка занят зоной тропических дождевых лесов. К северу и югу от этой лесной зоны простираются африканские степи – саванны, которые на севере переходят в Сахару – огромную пустыню с немногими оазисами. Для ведения сельского хозяйства Африка предоставила куда меньше возможностей, чем Евразия. Этот материк явился счастливым обладателем нескольких видов дикорастущих зерновых растений (например, пшеница и рис в Восточной Африке) и клубневых (например, ямс в Западной Африке). Но в Африке оказалось намного меньше животных, пригодных для одомашнивания: так, например, и коз, и лошадей пришлось завозить из Западной Азии. Разведение крупного рогатого скота в центральных районах Африки оказалось невозможным из-за мора, вызванного укусами мух цеце. Поэтому в далеком прошлом на основной части территории Африки жили только небольшие группы собирателей и охотников. Пояса плодородных земель можно было найти только вдоль восточного, северного (средиземноморского) и западного побережий материка. Великая древнеегипетская цивилизация, в основе которой лежало орошаемое земледелие, могла укорениться только в низовьях долины Нила.

Географические условия в Америке имеют некоторые явные отличия от тех, что преобладают в Старом Свете. (В английском оригинале часть света, которую в русской литературе принято называть Америкой, состоящей из Северной и Южной Америки, названа *Americas*, т.е. «Америки» – во множ. ч. Здесь мы придерживаемся русских понятий. – *Прим. ред.*) Пояс горных цепей здесь уже, но тянется почти непрерывно вдоль западного побережья обоих материков: от самой северной точки Северной Америки до самой южной точки Южной Америки. Однако система климатических зон почти не отличается от системы Старого Света. К югу и северу от экватора, пересекающего Южную Америку, простирается зона дождевых тропических лесов. Южнее начинается зона *пампасов*, или саванн, покрытая в основном травянистой растительностью. К северу (т.е. в Северной Америке) полупустыни чередуются с прериями, очень похожими на южные пампасы. Они сменяются широколиственными лесами. Еще севернее снова начинается зона смешанных лесов, а затем хвойные леса, переходящие в приполярную тундру.

В целом, непривлекательные географические условия Южной Америки вряд ли были более пригодны для жизни человека, чем африканские. А в Северной Америке они, пожалуй, были еще хуже. И все же люди, главным образом небольшие группы охотников и собирателей, проникли на оба материка Америки через 20–30 тыс. лет после того, как первые человекообразные потомки обезьян начали заселять Африку. Коренные американские потомки этих первых групп в ходе длительных переселений от Аляски до островов архипелага Огненная Земля и с западного побережья материка на восточное сумели, хотя и медленно,

адаптироваться к местным экологическим условиям. Некоторые территории Западного полушария обеспечили людей дикими растениями, пригодными для окультуривания (маис или индейская кукуруза, картофель, хлопок и т.д.), но там почти не было животных, которых можно было бы одомашнить, за исключением ламы (и альпаки) на высокогорьях Центральных Анд. Со временем лама стала давать людям мясо и шерсть и носить людскую поклажу по горным тропам. Однако суровые условия жизни препятствовали разрастанию нации коренных американцев, и число людей, населяющих обе Америки, в ту эпоху оставалось гораздо меньше численности населения Африки (табл. 1).

Вероятно, люди достигли Австралии раньше, чем Америки, но условия жизни здесь оказались наименее привлекательными из всех. Половину территории этого материка занимают пустыни или полупустыни. Лесные массивы расположены в основном на востоке Австралии. Животных, на которых можно охотиться, совсем немного, а одомашниванию вообще не поддавалось ни одно из них. Почти ни одно из местных растений не подходило для окультуривания. Поэтому до прибытия сюда европейцев оседлого населения в Австралии не было; единственными жителями были маленькие кочевые группы туземцев, которые существовали за счет собирательства (включая собирание гусениц и червей) и охоты на некоторую дичь (сумчатых животных, птиц и т.д.). Коренным австралийцам не было знакомо такое распространенное оружие, как лук, но они изобрели весьма необычное оружие – бумеранг.

Чтобы закончить это географическо-экологическое введение, следует добавить, что климат Земли в тот период был подвержен некоторым колебаниям: дождливые века чередовались с засушливыми. Документально подтверждено, что по крайней мере в Евразии того периода самыми дождливыми были VII и XVI века, а самым сухим – XII век. Такие колебания погодных условий оказали соответствующее влияние на растительность различных климатических зон и даже немного сдвинули их границы, тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы вызвать экологические изменения и вынудить целые группы населения переселиться в другие регионы.

Такие перемены всегда очень тонко чувствовали кочевые народы степей и полупустынь, чьи стада сильно зависели от количества и качества естественной растительности, чем и объясняются многочисленные перемещения скотоводческих племен на огромные расстояния от родных мест, происходившие в тот период (илл. 182, 185).

ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Исторические повороты в судьбе человечества, особенно в отдаленные от нас времена, такие, как рассматриваемый период, во многом зависели от численности населения каждой конкретной территориальной единицы или государства. Более многочисленные народы стремились к интенсивному культурному и экономическому обмену и обеспечивали для себя большие резервы рабочей или военной силы, укреплявшие стабильность государств или этнических единиц. Низкие демографические показатели, напротив, ослабляли такие единицы.

К сожалению, мы располагаем очень малым объемом надежных статистических данных, чтобы глубоко проанализировать изменения численности народонаселения в допромышленную эпоху. У нас имеются собранные антропологами этнографические данные, позволяющие опеределять размеры различных племенных формирований с XVII по XX в., хотя эти более поздние цифры вряд ли помогут дать точную оценку демографической ситуации в племенах или кочующих группах более отдаленного прошлого. Кроме того, мы располагаем данными археологических

Таблица 1. Средние оценки численности населения мира по регионам и странам¹ (в млн. человек)

	Начало I в. н.э.	600 г.	1000 г.	1300 г.	1500 г.
ВСЬ МИР	170–185	195–220	265–290	370–405	440–475
ЕВРОПА (кроме России)	30–35	25–30	40–45	75–80	80–85
Италия	7	3,5–4,5	5–7	10	9–10
Франция	6	4–5	6–7	16–17	15–16
Испания и Португалия	5–6	4	9–10	7–8	7–8
Британия и Ирландия	1	1	2–3	4–5	5–6
Германия	2–3	3–4	4–6	8–9	10–11
Россия ²	5–7	5–6	9–10	12–13	15–16
АЗИЯ (кроме России)	115–120	140–150	180–190	230–250	270–290
Индия	35–40	50–55	70–80	80–90	100–110
Китай	50–60	50–60	60–70	85–95	110–120
Япония	1	3	4–5	9–10	15–17
Турция	5–7	5	7	7	6
Сирия и Ливан	3–5	3–4	2–3	2	2
АФРИКА	15–20	20–25	30–35	40–45	50–55
Египет	4–6	3–5	3–5	4–5	4–5
Страны Магриба	3–4	2–3	4–5	5–6	5–6
Западная Африка	2–4	4–5	7–8	9–10	12–13
Восточная Африка	2–3	4–5	6–7	8–9	10–11
ЦЕНТРАЛЬНАЯ и ЮЖНАЯ АМЕРИКА	2–3	4–5	5–10	10–15	20–35
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	1	1–2	1–2	2–3	2–3
АВСТРАЛИЯ и ОКЕАНИЯ	1	1	1,5	1,5–2	2

¹ Здесь были использованы оценки всех авторов, представленных в библиографическом списке; более достоверными представляются меньшие цифры из указанных пределов.

² Под регионом России понимаются все страны бывшего СССР.

раскопок: они дают информацию о древней технологии, размерах сельских или городских поселений, общем плане строений и т.п., но не дают демографической статистики. И все же иногда нам попадаются списки, составленные в древних или средневековых государствах, например, налогоплательщиков или домовладельцев, или мужчин, призванных на военную службу. Поэтому наши различные демографические расчеты учитывают конкретный уровень культуры и технологии; основной способ производства и определенный способ жизнеобеспечения; размер обрабатываемых территорий и, особенно, вероятную плотность населения. (Известно, что плотность населения составляет 2–5 чел. на 1000 кв. км при хозяйстве, основанном на охоте и собирательстве; 7–15 чел. на 10 кв. км территории, на которой преобладают кочевые племена, разводящие крупный рогатый скот; 1–2 чел. на 1 кв. км в регионах, практикующих подсечно-огневое земледелие, и, наконец, 3–10 чел. на 1 кв. км на территориях, где наряду с ранними формами ремесел и торговли существует развитое сельское хозяйство. Это далеко не исчерпывающий список.) Следовательно, все цифры, приведенные в этом тексте, способны обрисовать лишь общую картину.

В самом начале этой главы полезно заметить, что в любом случае по средним оценкам население Земли в самом начале нашей эры (н.э.) равнялось примерно 170–185 млн. чел. К началу VII в. н.э. оно, судя по всему, увеличилось до 195–220 млн. (см. табл. 1). Судя по этим цифрам, рост населения был очень медленным. Для сравнения отметим, что население Соединенных Штатов Америки в период с 1957 г. по 1964 г. выросло со 170 до 190 млн. чел. Причины столь малого прироста населения, а также основные особенности распределения населения между материками (и внутри их) будут описаны ниже. А пока заметим лишь, что тремя основными

зонами, в которых в первые шесть веков н.э. была сосредоточена большая часть населения, были бассейн Средиземного моря и европейские страны, расположенные к северу и западу от Италии и попавшие под власть Рима, Северная Индия и Китай. Здесь проживало более 3/4 всего населения мира.

Тенденции в статистике населения определяются двумя основными факторами: рождаемостью и смертностью, или коэффициентом рождаемости и показателем смертности. Вычисленная разность между этими показателями представляет собой уровень естественного прироста, или, наоборот, сокращения численности населения. Коэффициент рождаемости, в свою очередь, определяется сложным комплексом факторов – физиологического, психологического и социологического. Эти факторы влияют на средний возраст вступления в брак, отношение к безбрачию, частоту сексуальных связей, соответствующий статус бездетных и многодетных семей, применение контрацептивов или искусственного прерывания беременности и т.д.

Здесь также важно упомянуть о роли, которую сыграли господствующие религиозные нормы. Они очень сильно повлияли на коэффициент рождаемости, так как устанавливали общественные приоритеты, определяли возраст вступления в брак, предписывали, какой должна быть структура семьи, накладывали табу на сексуальные отношения в определенные периоды времени, определяли отношение к бездетности и т.п. Мы не всегда четко представляем себе роль, которую в этом отношении сыграли ранние формы религии, например анимизм, фетишизм и тотемизм, или даже столь древнее вероучение, как зороастризм, но в основном все они, видимо, примерно одинаково ощущали многодетность.

Если мы в нашем кратком обзоре ограничимся рассмотрением лишь четырех самых крупных мировых религий –

буддизма, христианства, индуизма и ислама, то обнаружим, что две последние, т.е. индуизм и ислам, оказывали сильное и позитивное влияние на увеличение численности населения, так как и та и другая поощряли ранние браки и рождение множества детей, особенно сыновей. Однако влияние буддизма и христианства в этой сфере далеко не так ясно и однозначно, так как порой в нем проявляются сильные противоречия. С одной стороны, различные учения этих религий не только не противились древним традициям ранних браков, но даже одобряли их. Основные доктрины обеих религий запрещали использование контрацептивов и аборты, что также способствовало высокой рождаемости. С другой стороны, эти же религии придавали большое значение «умерщвлению плоти», безбрачию, монашеству и т.п., тем самым снижая коэффициент рождаемости. Что касается конфуцианства – в основе своей полурелигиозной этической системы, господствующей главным образом в Китае, оно, поддерживая культ своих предков, также активно стимулировало рождаемость.

Вместе с тем и в Древнем Мире, и в рассматриваемый здесь более поздний период различия в коэффициентах рождаемости у народов разных стран или культур оставались в конечном счете пренебрежимо малыми. Почти везде древняя традиция поощряла высокую рождаемость, чтобы компенсировать непомерно высокую смертность. Практически повсеместно существовал обычай выдавать девочек замуж почти сразу по достижению ими половой зрелости.

На самом деле ранние браки были прямым следствием параллельных попыток принудить фактически всех достигших брачного возраста женщин к супружеским сексуальным отношениям – иногда посредством полигамии. Женское безбрачие было редким явлением, и там, где оно существовало, оно обычно обуславливалось каким-либо религиозным запретом. Индуизм, например, особенно в отношении верховных каст своих жрецов, запрещал повторный брак вдовам, даже если некоторые из них были еще совсем молоды. В Западной Европе одобрялось соблюдение строгого безбрачия молодыми женщинами, являвшимися членами одного из религиозных орденов, что тоже было немаловажной традицией. И все же многодетных матерей почитали повсюду, а бездетные семьи в обществе жалели и даже презирали.

Что касается показателя смертности, то следует отметить, что точный его анализ имеет самое прямое и важное отношение ко всем исследованиям, связанным с исторической демографией. На протяжении тысяч лет одна только смертность определяла, какие главные различия действительно существуют между разными демографическими тенденциями.

В отличие от рождаемости, показатель смертности определяет разнообразное влияние изменяющихся биологических факторов, включая относящиеся как к экологии, так и к антропологии. Народы, проживавшие в определенной естественной среде обитания на протяжении тысяч лет, биологически адаптировались именно к этой среде. В результате появились и закрепились такие расовые различия, как более темная кожа, которая служит для ее обладателей защитой от вредных последствий солнечной радиации. Здесь, хотя бы мимоходом, следует упомянуть и о роли некоторых наследственных заболеваний, особенно если принять во внимание, что в прошлом почти повсеместно были распространены этнически однородные браки. Вследствие этого такие заболевания могли начать ассоциироваться с конкретной этнической группой и даже усиливаться везде, где бытовали традиции заключения браков между родственниками. Более того, природные условия разных географически локализованных и этнические однородных территорий могли иметь очень ярко выраженные отличия. Этнические единицы, полностью адаптировавшиеся к определенной среде обитания, но вынужденные переселяться в новые регионы, где начинали прояв-

ляться другие экологические факторы (иной климат, рельеф или солнечная радиация), обычно страдали от повышенной смертности.

Таким образом, определенные заболевания и преобладавший показатель смертности довольно точно отражали конкретный образ жизни, включая типы хозяйственной деятельности, которая действительно очень важна для определения связи людей с их природным и социальным окружением. Факторами смертности, которые привели к значительным различиям между разными этническими и культурными группами, являлись преобладающий режим работы, ежедневный распорядок дня и питания, а также соответствующие религиозные нормы или обряды. Во многих случаях сочетание этих факторов приводило к этнически и культурно заметным изменениям показателя смертности в различных половых или возрастных группах. Так, например, численное преобладание мужчин во многих евразийских странах (Индии, Китае, Японии и других) изначально было вызвано традиционно пренебрежительным отношением к женщинам¹: о новорожденных девочках заботились куда меньше, чем о мальчиках, их хуже кормили и одевали. Это, а также тяжелый труд, ранние браки, частые беременности и многочисленные роды имели негативные последствия в виде высокой женской смертности и низкого коэффициента рождаемости жизнеспособных девочек. Сюда же относятся и те случаи, когда некоторых членов семьи могли убивать намеренно. В отдельных группах охотников-собирателей, например, в коренном австралийском племени сан существовала традиция – все новорожденные одной матери должны были умерщвляться до тех пор, пока ее предыдущий ребенок не начинал ходить. Другие группы охотников, жившие в районах с суровым северным климатом (эскимосы, атапаски, чукчи), чтобы не голодать зимой, отдавали на смерть своих стариков (или сами убивали их). Традиции, связанные с охотой за головами, ритуальными жертвоприношениями, и даже канибализм, тоже способствовали росту показателя смертности.

Но тремя главными факторами, обуславливавшими в то время смертность, «удержать которую было вряд ли легче, чем свору гончих», были голод, болезни и война, или, говоря словами поэта, – «глад, меч и пламя». Все они, и особенно голод, оставили сильный отпечаток во всех странах, независимо от природных условий. Самым сильным фактором были болезни. Почти до конца XIX в. люди были фактически бессильны перед инфекциями и эпидемиями, будь они местными или глобальными. Чума, тиф, оспа и холера (последняя еще в начале XIX в. в Европе и Северной Америке) безжалостно сокращали численность населения.

Однако с голодом людям всегда в той или иной степени удавалось справляться: они либо придумывали новые способы производства пищи, либо совершенствовали старые, совместимые с природными условиями той местности, где они жили. Так человечество перешло от охоты и собирательства к подсечно-огневому земледелию и разведению крупного рогатого скота, а затем к регулярной обработке полей и орошаемому земледелию.

Что касается войны, нельзя забывать, что в рассматриваемый период заметные случаи сокращения численности населения были вызваны не столько прямыми потерями людей на поле боя, сколько частотой и длительностью вооруженных конфликтов, не говоря уже о жестокости, которую проявляли победители в отношении побежденных и беззащитных.

Но во всех регионах, которые волей счастливого случая на протяжении длительного периода времени заходили стороной голод (наступавший в результате засухи или какого-то другого природного бедствия), эпидемии или длительные военные действия, численность населения росла до тех пор, пока ее рост не прекращала какая-нибудь новая природная или общественная катастрофа.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА ОКОЛО 600 Г. Н.Э.

Как отмечалось выше, в начале нашей эры наиболее густонаселенными областями Европы были страны, находившиеся под властью Рима, особенно те, которые окружали Средиземное море на западе – Италия, Галлия (приблизительно соответствующая современной Франции) и Иберия (современные Испания и Португалия). Восточно-европейские провинции Римской империи в это время были заселены гораздо реже. Демографический спад в Греции был отчасти вызван экологическим кризисом: непомерно огромные и многочисленные стада коз почти полностью уничтожили природную растительность, а кораблестроители вырубали большую часть некогда обширных лесов. Однако численность населения всех европейских провинций Римской империи уменьшилась после вторжений разных варварских племен в ходе миграционных процессов, получивших название Великого переселения народов (*Völkerwanderung*). Шайки мародеров жили роскошно, грабя мирных жителей, при этом уничтожая урожай и тем самым способствуя распространению болезней и эпидемий.

Ключевую роль в Великом переселении, судя по всему, сыграли кочевые конные племена, известные под именем гуннов, которые вначале жили в Центральной Монголии. В начале IV в. н.э. некоторые из этих племен смогли пробить брешь в Великой китайской стене и вторглись в Северный Китай, но основная их масса двинулась через степи на запад и достигла Паннонии (примерно соответствующей современной Венгрии) в долине Дуная, а затем и Галлии, где они своей непривычной внешностью и невероятной свирепостью привели в ужас коренных европейцев. Давление гуннов, в свою очередь, заставило переселиться многие германские народы: готов, вандалов, франков, ломбардов и др. Сам Рим, «Вечный город», в 410 г. н.э. захватили и разрушили вестготы, или «западные готы», а в 455 г. н.э. им завладели вандалы. Население Рима сократилось с 300 тыс. чел. в середине IV в. до менее 50 тыс. или даже 30 тыс. чел. к концу VI в. Часть Рима разделили и многие города распадающейся Западной Римской империи в Италии, Галлии, Иберии и других провинциях. Крупный рогатый скот был вырезан, оросительное земледелие пришло в упадок, обрабатываемые земли заросли кустами и деревьями или превратились в болота, а голод и сопутствующие ему болезни забрали тех, кому удалось пережить войну. Когда численность населения Северо-Западной Европы вновь начала расти, его плотность еще долго оставалась очень низкой, так как большая часть земли теперь была покрыта лесами и болотами.

В Азии в ту же эпоху, благодаря успешному ведению сельского хозяйства, численность населения, напротив, неуклонно росла – как в Индии, так и в Индокитае, но не в Китае, главным образом потому, что северные регионы этой страны, обычно наиболее плотно заселенные, регулярно подвергались набегам кочевых завоевателей вроде гуннов, в результате которых многочисленным разрушениям подвергалась оросительная система долины р. Хуанхэ. Частые войны (между Византией и Персией) сдерживали рост населения и в Западной Азии.

В Африке наиболее плотно заселенной областью материка, а в эту эпоху и всего мира, оставался Египет. Наряду с остальной Северной Африкой, тоже попавшей под влияние римлян, Египет был главной житницей империи. Но он сильно пострадал в конце VI в. из-за войн между Византией и Персией, равно как и соседние североафриканские провинции, когда в V в. на их территории из Иберии вторглись вандалы (перемещение которых вокруг Средиземного моря дошло и сюда), однако в VI в. эти земли вновь захватила Византия. На протяжении сотен лет после описанных событий численность населения этих стран не могла подняться до прежнего уровня. В африканских странах к югу от Сахары небольшие и живущие далеко друг от друга

группы оседлого населения занимались только подсечно-огневым земледелием. В Западной Африке такие общества постепенно осваивали ранние формы выплавки железа. Однако во всех регионах к югу от Сахары преобладало хозяйство, основанное на охоте и собирательстве. Численность населения росла, хотя и медленно.

Плотность населения в Америке в 600 г. н.э. была еще ниже, чем в Африке. Лишь два изолированных друг от друга региона могли похвастаться зачатками сельского хозяйства наряду с некоторыми формами государственной организации – центральная и юго-восточная части Мексики и северная территория Анд. Но ни одна из этих культурных зон не была знакома с выплавкой железа или хотя бы с медными инструментами и оружием, давно известными в Старом Свете. Здесь по-прежнему пользовались обсидианом и подобными каменными материалами. В других регионах Южной, Центральной и Северной Америки небольшие разрозненные группы людей существовали в основном за счет охоты и собирательства. Мнения ученых расходятся в отношении общего населения Америки в 600 г. н.э., но по средним оценкам эта цифра составляет порядка 5–7 млн. чел. Австралия и Океания в этот период служили пристанищем лишь для 1 млн. обитателей.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА ПОСЛЕ 600 Г. Н.Э.

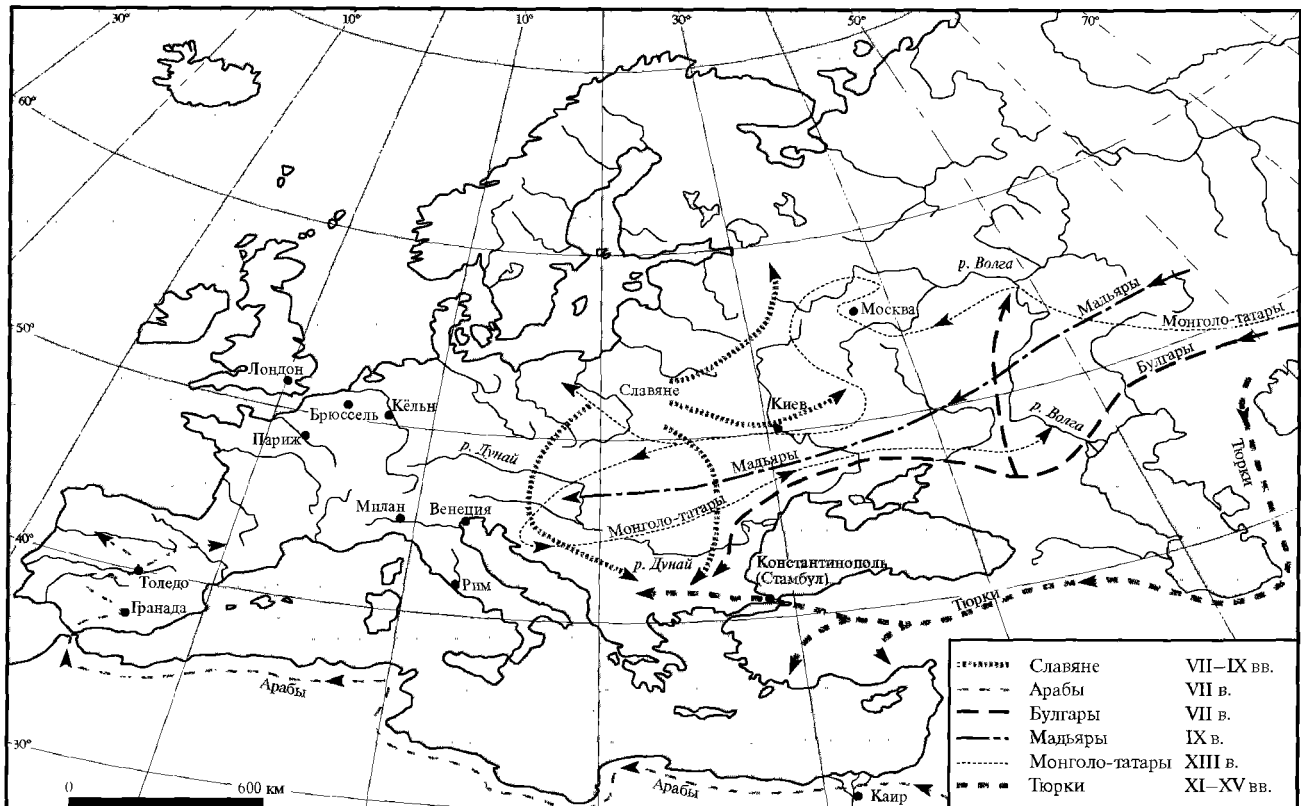
Протяженный исторический период, длившийся с 600 по 1500 г. н.э., был разнообразным и сложным для всех регионов мира. Вплоть до самого конца XV в. на Земле вообще существовали два мира. Только экспедиция Колумба в 1492 г., когда генуэзский мореплаватель, находившийся на испанской службе, причалил к одному из островов Багамского архипелага, думая, что достиг Японии, воистину связала доселе отдельные истории Старого Света и Нового Света.

Затем за рассматриваемые девять веков население мира, по средним оценкам, увеличилось более чем вдвое: со 195 до 440 млн. чел. Этот демографический вывод свидетельствует о крайне медленном общем усредненном темпе роста численности, который составляет всего примерно 1 чел. на тысячу человек населения в год. Но даже такой вялый прирост не был постоянным – он изменялся не только от региона к региону, но и в пределах одного и того же региона в разные периоды времени. Целые регионы страдали от абсолютного снижения прироста населения в катастрофические времена войн или эпидемий.

Прирост населения в мире был в основном обусловлен развитием разных способов производства. Усовершенствования в сельском хозяйстве привели к расширению возделываемых земель, чему также способствовали развитие и распространение черной металлургии, позволившей изготавливать такие инструменты, как железные топоры, лопаты, мотыги с железными наконечниками, плуги и т.д. Таким образом, здесь ключевую роль сыграло совершенствование ремесел и появление торговли (илл. 2–6).

К тому же в Старом Свете единая гигантская торговая сеть в конце концов охватила столь далекие друг от друга регионы, как Восточная Азия и Западная Африка, Северная Европа и Южная и Юго-Восточная Азия. Но завоевания, присоединения и перераспределения территорий, а также распространение торговли были свойственны и некоторым регионам Нового Света.

Однако основные принципы распределения населения мира за это тысячелетие в действительности изменились очень мало. Как и прежде, на Земле оставались три главных средоточия людей: Китай, Индия и страны Средиземноморья. Здесь проживало подавляющее большинство всего населения Земли, но по мере роста численности народов этих трех регионов их культурные границы постепенно размывались. Более того, важно отметить, что плотность населения в ту эпоху достигала максимальных значений именно

Карта 2. Перемещения народов на дальние расстояния и завоевания в Европе в VII–XV вв. (по В.И. Козлову)

там, где появились империи или крупные государства, так как выдающимися особенностями преобладавшей в них системы хозяйствования были аграрная технология, развитие городов и распространение торговли.

Такие империи или крупные государства с их стабильными политическими институтами и расширяющимися системами хозяйствования возникали в основном в субтропических зонах или в регионах с теплым, влажным или умеренным климатом. Широколиственные или смешанные леса в таких зонах вырубались, чтобы освободить место для сельскохозяйственных угодий или ради строительства домов, кораблей, нужд металлургов и т.п. Сокращение лесных массивов стало главной экологической особенностью этого времени. Однако зоны, в которых преобладали бореальные хвойные леса или приполярная тундра, вообще лишённая деревьев, оставались почти такими же незаселёнными, как и в самом далеком прошлом. Малой плотностью населения отличались также зоны пустынь и тропических лесов. В засушливых степных зонах изредка встречались сельскохозяйственные угодья, так как здесь землю делили между собой крестьяне и пастухи, виды деятельности которых чаще всего дополняли друг друга.

Относительно важные перемены в распределении населения произошли в результате Великого переселения народов: на новые территории отправились крестьяне, на дальние расстояния переместились кочевники (карта 2). Другим фактором, обусловившим перемены, стала урбанизация.

В XII и XIII вв. в Европе после длительного перерыва, отмеченного переселением городских жителей в деревню из-за сложностей обороны городов и нехватки в них пищи, рост городов возобновился. Этот рост в позднем средневековье был связан с возрождением международной торговли, с возвышением Венеции, которая стала самым замечательным проявлением этой тенденции (илл. 36, 39, 40, 41).

Однако до самого начала XV в. кочевые племена степных зон и полупустынь продолжали играть в истории Страны

рога Света важную и в высшей степени специфическую роль, так как это были племена не просто пастухов. Как правило, их воинственные группы были организованы и экипированы не хуже любого военного отряда. Конные кочевники могли удерживать стратегические пункты, сдерживать передвижения своих противников и всей массой нападать на городские торговые центры, как это случалось с оазисами. Но, что наиболее примечательно, они умело занимались разведением скота и передвигались вместе со своими стадами в поисках пастбищ и воды. При этом они все же зависели от оседлых крестьян, которые обеспечивали их зерном и продуктами ремесленного производства. Поэтому связь скотоводов и крестьян, которые таким образом обменивались крайне необходимыми друг другу продуктами, как правило, имела характер взаимозависимости, но этот характер мог и измениться в соответствии с балансом сил скотоводов и крестьян². Располагая военными средствами передвижения (обычно это были лошади, а на Ближнем Востоке еще и верблюды), эти скотоводы имели значительное стратегическое превосходство над оседлыми народами, которое выражалось в мобильности, тактике внезапного нападения и поразительной мощи. На протяжении многих веков кочевники с очень больших расстояний могли нападать на целые земледельческие территории. Причины такой агрессивности кочевников не всегда вполне ясны, но экологические сдвиги вроде засухи и сокращения пастбищ, безусловно, только увеличивали число их нападений. Кроме того, тактическая способность кочевников собирать большие, но быстро передвигающиеся отряды под руководством бесчеловечных начальников, очевидно, служила им на пользу во время сражений. Вместе с тем победа в войне порождала новые проблемы, как только восстанавливался мир. Как однажды было сказано: «Верхом на лошади можно завоевать империю, но управлять верхом на лошади ею нельзя». Поэтому завоеватели-кочевники обычно полностью перенимали систему управления завоеванных ими оседлых народов.

Так, монгольские кочевники, в XIII в. покорившие Китай, позаимствовали модель правления их предшественников – китайских императоров (илл. 12, 186, 248). Магьярские, или венгерские племена, которые в IX в. проникли в долину Дуная из южно-уральского региона, тоже в конечном итоге приняли культурные нормы западного христианства.

Многие кочевые племена также играли ключевую роль в международной работорговле той эпохи. Гунны и монголы продавали рабов китайцам. Тюрки продавали пленников, захваченных на славянских землях, в разные страны Ближнего Востока. Прочие кочевые работорговцы занимались африканскими пленниками, которых они продавали в арабские страны, Иран и Индию³.

ЕВРОПА

На протяжении всех рассматриваемых здесь веков Европу терзали войны. С VI по X в. они в основном сопровождали постоянные переселения местных, как правило сельских, европейских народов. Так, германские племена добрались даже до Гданьска и Силезии, а славянские племена переместились в южном направлении на Балканы и в восточном до Днепра и Средней Волги.

Под давлением, вызываемым переселениями народов, которые пришли из еще более дальних стран, возникали и другие конфликты.

В VII в. арабские племена, объединенные Мухаммедом под зеленым знаменем ислама, внезапно покинули Аравию и отправились завоевывать тех, кого они считали «неверными». Передвигаясь вдоль побережья Северной Африки, они смешивались с коренными берберскими племенами, и их потомки, по крайней мере, в средневековой христианской Европе, стали зваться «маврами» (испанское *moros* от более старого латинского *mauri*, которое, в свою очередь, от греческого *mauros* – темный – название обитателей этого региона). В начале VIII в. арабские военачальники из Сирии, собрав берберские марокканские племена, переместились на Пиренейский п-ов, уничтожили существовавшее там Вестготское королевство и покорили почти всю Испанию, за исключением самой северной ее полосы вдоль Пиренеев. Христианское население Иберии (жители Наварры, Леона, Кастилии, Арагона и Португалии) более семи веков пыталось вытеснить со своих земель мусульманских недругов.

Другие захватчики вторглись в Европу непосредственно с востока. В IX в. кочевые магьярские племена завладели Венгрией – небольшой территорией, расположенной почти в самом центре Европы, откуда стали совершать набеги на соседние страны.

В X в. началось движение тюркских племен из Центральной Азии в Западную. Но в XIII в. монгольские и тюркские (или татарские) племена к югу от оз. Байкал объединились под руководством Чингисхана, образовав единое, и гигантское, войско. В 1212–1213 гг. монголы покорили Северный Китай и повернули на запад, где уничтожили центральноазиатское мусульманско-тюркское государство *Хорезм*, а затем вторглись в Закавказье. Отсюда монголы проникли на Северный Кавказ и в степи Приазовья. В 1237–1241 гг. монгольская армия под предводительством хана Батю (Бату) подобно урагану пронеслась через всю Восточную Европу, сокрушив все славянские государства, достигла Адриатического моря, а затем повернула назад, чтобы осесть в низовьях Волги, где монголы создали собственное полукочевое государство, известное под названием «Золотой Орды». Монголы взяли приступом, выжгли дотла или разрушили огромное количество городских центров, попутно убивая, обращая в рабство или прогоняя их жителей. Потери от монгольских нашествий в некоторых славянских странах Восточной Европы (особенно в русских княжествах) составили около одной третьей части от общей численности населения.

Еще до начала XV в. тюрки-османы, которые впервые вторглись на п-ов Малая Азия (Анатолия) из Центральной Азии, начали проявлять свое военное присутствие на Балканском п-ове. К середине XV в. они полностью его покорили. Коренное население п-ова, будучи в основном славянского происхождения, понесло тяжелые потери. Так, регион Косово лишился своего в основном сербского населения (хотя частично это произошло вследствие эмиграции людей в северные регионы). Константинополь, столица Восточной Римской империи и некогда величайший из всех средневековых городов с населением в XI в. 300 тыс. чел., сжался катастрофически в результате его захвата латинскими крестоносцами в 1204 г. и бубонной чумы, охватившей город в 1338 г. К 1453 г., когда Константинополь оказался в руках османов, число его жителей сократилось уже во много раз.

В это время другие европейские государства сражались друг с другом, страдали от восстаний или гражданских войн. Наиболее затяжной конфликт получил название «Столетней войны» между Англией и Францией (1337–1453 гг.). Восемь крестовых походов, начавшихся в основном во Франции и Германии между 1096 и 1270 гг. и имевших целью спасение «Гроба Господня» в Палестине, также привели к многочисленным жертвам как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

Как уже отмечалось ранее, средневековые народы были беззащитны перед эпидемиями. В то же время постоянный рост численности и все большее скопление населения в городах и крупных деревнях создали в высшей степени благоприятные условия для быстрого распространения заразных болезней. Самой опустошающей из всех эпидемий стала бубонная чума, которая разразилась в середине XIV в. Переносимая по торговым путям, к 1339 г. чума из Центральной Азии добралась до Крыма, откуда торговые суда перевезли ее в Италию, после чего в 1347–1349 гг. она опустошила Францию и все лежащие за ней страны Западной Европы, неоднократно возвращаясь в те места, где уже однажды побывала. До 30% населения Европы, в основном на юге и западе, погибло от этой напасти, которую прозвали «черной смертью». Немало людей пало жертвами и вторичной эпидемии, а в некоторых областях жителей косил еще и голод; все эти причины привели к резкому увеличению показателя смертности в данный период (илл. 131).

И все же, несмотря на столь многочисленные потери, население Европы на протяжении рассматриваемого 900-летнего периода постепенно росло. Согласно средним оценкам, оно выросло с 25–30 млн. чел. в 600 г. н.э. до 40–45 млн. чел. в 1000 г. н.э., а к 1500 г. н.э. достигло 80–85 млн. чел. Эти оценки основаны на некоторых имеющихся материалах средневековых переписей, которых больше всего накопилось в Англии; среди них, например, результаты описи всех земельных владений, проведенной в 1083–1086 гг. в 34 графствах Англии («Книга Страшного суда»), или переписи взрослого населения, платящего подушный налог, проведенной в 1377 г. Так, между началом и концом рассматриваемого периода население Великобритании и Ирландии выросло с 1 млн. до 5–6 млн. чел., а население Франции – с 4–5 млн. до 16 млн. чел. (см. табл. 1).

Рост населения Европы можно объяснить в основном тем, что люди стали меньше голодать. По мере совершенствования методов земледелия они начинали обрабатывать все большие площади земли. Подсечно-огневое земледелие сменилось трехпольным севооборотом. Усовершенствовалась обработка металлов, благодаря чему расширилось применение железных инструментов. Болота осушили, многие леса вырубали, однако последнее нельзя отнести к благоприятным достижениям с экологической точки зрения, так как лесные массивы средневековой Европы неуклонно сокращались.

Тем временем быстро росла как внутренняя, так и внешняя торговля. Европейская часть Евразии имела одно пре-

имуущество – близость к морским путям, которые проходили вдоль его периметра от Финского залива и Балтийского моря до восточной части Средиземного моря. Другие водные пути для внутренней торговли пролегали по судходным рекам Рейну и Дунаю. Когда в результате ослабления угрозы нападения со стороны вооруженных групп и грабителей повысилась безопасность наземных путей, регионы, которые постигла засуха или голод, могли получать продовольствие из более благополучных областей.

В целом же преобладающей тенденцией в средневековой Европе стал имевший решающее значение рост численности населения, хотя и подвергавшийся резким колебаниям как общего, так и регионального характера. Максимальный рост численности населения наблюдается в поздние заселенные областях Северо-Западной, Центральной и Восточной Европы, т.е. в областях, расположенных к северу от Альп и Карпат, включая Британию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Германию и Польшу. Чтобы освободить землю для обрабатываемых полей, леса вырубали, а болота осушили. В результате численность населения Германии выросла с 3–4 млн. чел. в 600 г. н.э. до 15 млн. чел. к концу XV в. Однако в Южной и Западной Европе демографический подъем был не столь быстрым из-за эпидемий и войн. На землях Пиренейского п-ова число жителей увеличилось всего лишь в два раза. Но при этом быстро росли новые города. К XV в. Западная Европа насчитывала шесть городов с большим числом жителей: Париж (274 тыс. чел.), Брюгге (125 тыс. чел.), Милан (125 тыс. чел.), Венеция (111 тыс. чел.), Генуя (100 тыс. чел.) и Гранада (100 тыс. чел.), не говоря уже о сотнях более мелких городов. В то же время торговая и промышленная активность городских центров Северной Италии превратила этот регион в самый развитый в Европе и в истинную колыбель европейского Возрождения.

Мы также располагаем некоторыми сведениями о демографическом изменении в европейской части России, которое произошло еще до того, как в начале XVIII в. Петр I ввел систематическую перепись населения. Так, в VI в. н.э. можно проследить переселение предков племен восточных славян, которые когда-то жили в регионе, расположенном к северу от Карпат, в верховья Днестра и Волги. В IX в. возникли два государства, городскими центрами которых были Киев и Новгород. Их связывал торговый путь, ведущий от Балтийского моря к Черному. Затем эти государства объединились в одно, и центром нового образования стал Киев, отсюда и его позднейшее, уже историографическое название – Киевская Русь. (Само же государство идентифицировала себя в официальных документах X–XIII вв. как Русь, Русская земля. – *Прим. ред.*) Границы нового государства достигали Средней Волги, где жили финно-угорские племена. Степи Южной России занимали тюркоязычные кочевые племена. К началу XI в. в европейской части России проживало 4 млн. чел. Хозяйство страны основывалось на подсечно-огневом земледелии, разведении крупного рогатого скота и охоте. Даже вокруг Киева плотность населения составляла всего 5 чел. на 1 кв. км – в несколько раз меньше средней цифры для большинства стран Западной Европы. На севере и востоке европейской части России плотность населения была еще ниже – примерно 1 чел. на 1 кв. км.

В XI в. Киевская Русь распалась на несколько княжеств. В XIII в. все они были завоеваны монголами (или татарами), и только в XV в. Русь вернула себе независимость под властью московских князей.

На протяжении этих двух с половиной столетий господства на Руси татары, ставшие повелителями завоеванных ими оседлых славянских племен, продолжали вести кочевой образ жизни в степях. Они собирали со славян дань, но крайне редко вмешивались в их образ жизни, в результате чего численность восточных славян начала расти. Потери, вызванные «черной смертью», были здесь не так велики, как в остальной Европе. Видимо, главными причинами тому стали более низкая плотность населения и более холодный

климат. К 1500 г. н.э. население выросло до 11–12 млн. чел. Москва к началу XVI в. стала крупным городским центром, в котором проживало более 50 тыс. чел. Однако со всех сторон город по-прежнему окружал густой лес, а уровни сельского хозяйства, промышленности, образования и т.п. в Московии оставались намного ниже западноевропейских.

АЗИЯ

В регионе, который когда-то был советской Азией, население Закавказья в рассматриваемый период было ограничено всего 2 млн. чел. из-за беспрестанных набегов центральноазиатских кочевников из Трансоксании (от Окс – древнего названия р. Амударья. – *Прим. ред.*) и иранских военных отрядов. Почти такая же ситуация сложилась и в самой Трансоксанийской Центральной Азии после вторжения монголов в XIII в. на эту территорию: разграбленные города, разрушенные ирригационные системы и поля, превратившиеся в пастбища. Улучшения в хозяйстве и культуре в Трансоксании произошли в основном при Тимуре, или Тамерлане (правил в 1370–1405 гг.), который завалил свою родину военными трофеями, захваченными в ходе своих успешных завоеваний. Однако при этом Тимур отправлял на смерть многих своих подданных мужского пола, вследствие чего численность населения Трансоксании оставалась на отметке около 2 млн. чел. Самым крупным городом Трансоксании при Тимуре был Самарканд – столица государства Тимура, в которой жило более 100 тыс. чел. Однако обширные современные российские территории в Сибири и Восточной Азии оставались почти незаселенными. Даже в XVII в., согласно сделанным оценкам, коренное население этих регионов насчитывало всего около 240 тыс. чел., из которых самую большую этническую группу составляли буряты (одна из ветвей монголов) – 35–40 тыс. чел.

Как отмечалось выше, два основных азиатских региона с наибольшей плотностью населения располагались на востоке и юге. В некоторых демографических отношениях характер воспроизводства китайского населения напоминал европейский, хотя и был подвержен меньшим региональным колебаниям. В Древнем Китае постепенно формировались компактные этнические и административно-территориальные единицы, и каждое из этих соперничающих государств уже достигло огромных размеров по сравнению с современными им западными государствами. Формирование Китайского государства в начале определялось распространением коренного населения хань (самоназвание китайцев) в северо-восточные долины рек Циньхэ и Вэйхэ, а также в низовья р. Хуанхэ. В этом регионе в основном выращивали просо, но после 700 г. н.э. здесь стали выращивать и пшеницу. Более старые политические центры Китая стали теснее общаться с долиной р. Янцзы, где выращивали рис, и в VII в. эти территории соединили крупными каналами. В VIII в. этнические китайцы быстрыми темпами стали переселяться в плодородные речные бассейны к югу от Янцзы, что объясняется развитием технологии выращивания риса, основанной на применении лучших инструментов, использовании лучших семян и усовершенствованных методов орошения. К югу от теперь единого китайского этноса хань жили народы, к нему не относившиеся, или «варварские» племена, которые говорили на мяо, яо и тай. Переходя через Янцзы на эти «варварские» территории, китайцы не только смешивались с теми из этих народов, уровень культуры которых не слишком отличался от их собственного, или ассимилировали их, но и постепенно отесняли более слабые группы, существовавшие за счет охоты или подсечно-огневого земледелия, в менее благоприятные горные местности и другие территории, непригодные для ведения сельского хозяйства. Кочующие племена, занимающиеся сельским хозяйством, в свою очередь, не стремились защищать свои

общества и образ жизни от неослабевающего давления более развитых в экономическом плане китайцев. В результате к XII–XIII вв. в нагорьях Юго-Западного и Западного Китая выжили лишь остатки этнических меньшинств, не относившихся к народу хань.

Рост численности китайского населения постоянно прерывался народными восстаниями (особенно восстаниями IX и XIV вв.), вооруженными вторжениями (в XII и XIII вв.), наводнениями и голодом, а также эпидемиями чумы и холеры. Численность населения на юге Китая росла быстрее, чем на севере, который оставался главным объектом нападений монгольских кочевников. Тем не менее численность населения Китая выросла с 60–70 млн. чел. в 600 г. до 110–120 млн. чел. в 1500 г. К концу XV в. в соседней Корее жили 4–5 млн. чел., а в Японии – уже 15–17 млн. чел. К этому времени в Китае, Корее и Японии в целом проживало уже более трети всего населения мира. Среди крупных городов Восточной Азии в 1500 г. н.э. следует упомянуть Чаньань, Лоян, Наньчан, Пекин, Янчжоу, Гуанчжоу (Кантон), Киото и др. (см. табл. 1).

Важно иметь в виду, что китайцы имели значительно более развитые многие области технологии и культуры, чем современные им средневековые европейцы. К VII в. им уже был знаком порох, а к VIII в. – искусство печати. К XII в. они прославились применением компасов для целей навигации. На протяжении многих столетий китайцы контролировали большую часть основного торгового пути, связывающего Восток с Западом, – так называемый Великий шелковый путь. На море, между 1405 и 1433 гг., суда китайского флотоводца Чжэн Хэ несколько раз огибали Южную Азию и приставали к побережью Красного моря и даже Восточной Африки. Но уже к концу XV в. технологическое преимущество Китая перед Европой почти исчезло (илл. 21, 42, 43, 115).

Южноазиатские центры, в которых была сконцентрирована основная масса населения, судя по всему, мало изменились в отношении его численности за рассматриваемый период. Такие демографические катастрофы, как голод, эпидемии и войны привели к исчезновению прежнего прироста. Тем не менее, продолжала расти численность населения Индии: с 50–55 млн. чел. в 600 г. до 100–110 млн. чел. в 1500 г. н.э. (см. табл. 1). Демографическое отставание средневековой Индии от Китая, видимо, было вызвано кровопролитными войнами конца XIV в., например той, в которой Тамерлан уничтожил Делийский султанат (государство в Индии в 1206–1526 гг. со столицей в Дели. – *Прим. ред.*).

Главные демографические очаги Индии располагались вдоль р. Ганг и особенно на территории современного штата Бихар и исторической области Бенгалия. Из зерновых культур здесь в основном выращивали рис, а от наводнений в областях, где в год выпадало более 2000 мм осадков, защищались дамбами и плотинами. В Индии распространение интенсивного сельского хозяйства тоже приводило к вытеснению живших на холмистых местностях племенах, существовавших за счет подсечно-огневого земледелия, на территории с менее благоприятными для жизни природными условиями, в данном случае – в тропических лесах (как в случае с народом группы мунда и ораонами из Бихара). Плотность населения на юге Индии в эту эпоху была обычно ниже, чем на севере, хотя на прибрежных низменностях людей проживало больше, чем на возвышенностях во внутренних южных областях, покрытых тропическими лесами. Тем не менее южное население Индии непрерывно росло, причем темпы роста были близки к китайским, а потому они были более быстрыми, чем на севере страны, благодаря обширным незанятым землям, которые можно было использовать в качестве сельскохозяйственных угодий.

На огромных территориях между Китаем и Индией, известных под названием Юго-Восточной Азии, несколько стран (включая Вьетнам, Таиланд и Мьянму) развива-

лись по похожим схемам. Их прогрессивное хозяйство повсеместно основывалось на выращивании риса. Центры орошаемого земледелия возникали в долинах, а население на возвышенностях вело крестьянские хозяйства или прибегало к экстенсивному подсечно-огневному земледелию в более гористых и суровых внутренних регионах. А в самой гуще тропических лесов на этих территориях некоторые племена навеки сохранили родоплеменные общественные системы и продолжали заниматься только охотой и собирательством.

Тем не менее за эти девять столетий численность населения западноазиатских стран не смогла подняться до того уровня, которого она достигала в более древние времена. Демографические показатели в Анатолии (современной Турции) колебались между 6 и 7 млн. чел., в Иране и Аравии – между 4 и 5 млн. чел. в каждой из стран и всего около 1 млн. чел., судя по всему, проживало в Ираке. Основные причины такого демографического застоя могли быть вызваны упадком сельского хозяйства и почти непрерывными завоевательными походами арабов, монголов и тюрок. В Византии и впоследствии в сельджукской Анатолии, центральной части будущей Османской империи, сельское хозяйство было развито только на побережье Средиземного и Черного морей, а также вдоль некоторых путей, ведущих через гористое плато. Остальная часть ее территории, главным образом степная, была оставлена кочевым и полукочевым народам. Величественным городским центром высокоразвитой исламской цивилизации был Багдад, который в период его расцвета населяли 300 тыс. чел. Среди других важных городов средневековой исламской Западной Азии можно назвать Антиохию, Триполи, Дамаск, Тебриз, Герат и Газни.

АФРИКА

Северная Африка вошла в состав более крупного исламского мира после завоевания ее арабами в VII в., но в развитии этого региона сохранились некоторые оригинальные черты. Сельскохозяйственная часть Северной Африки ограничивалась в основном полосой обрабатываемых земель вдоль Средиземного моря к северу от гряды Атласских гор, так как ее распространение к югу осложнялось из-за сухих степей и пустынь. Пшеницу выращивали в прибрежных областях между Марокко и Тунисом, а также в оазисах Ливии, но особенно в огромном египетском оазисе, образованном Нилом. Египетским зерном кормился Рим во времена Римской империи, затем зерно поставлялось Византии, центру Арабского халифата в Дамаске и, наконец, после османского завоевания – Стамбулу. Однако в рассматриваемый период ключевую стратегическую роль в Северной Африке играли кочевники. Каждый из североафриканских городов был в первую очередь торговым караванным центром, окруженным обрабатываемыми полями и пальмовыми рощами и отделенными от других городов степями или пустынями. В то же время эти города были связаны друг с другом длинными торговыми путями, хотя эти пути проходили по очень негостеприимным территориям кочевых и полукочевых народов, которые преследовали свои интересы. Однако, несмотря на кажущуюся изолированность, города во многом были связаны окрестностями и деревнями в них, все этнические или племенные группы которых были широко представлены в определенных городских кварталах. Сплоченность ислама и множество браков между людьми разных племен еще больше объединяли город и страну.

Северная Африка понесла тяжелые потери от «черной смерти», но быстро восстановилась, так как численность ее населения в то время росла быстрее, чем в Западной Азии. Тогда как Египет в XV в. все еще не мог достигнуть того уровня численности населения, который

имел в древности, три страны Магриба (Марокко, Алжир, Тунис), напротив, превзошли количество своих древних обитателей.

Демографический рост в саваннах, а также в менее засушливых тропических областях к югу от Сахары, постепенно ускорялся, но плотность населения по-прежнему оставалась низкой. В некоторых западных и восточных регионах преобладало подсечно-огневое земледелие, причем на западе распространялись клубневые растения, а на востоке выращивали в основном зерновые культуры. В древних центрах люди продолжали заниматься выплавкой и обработкой металла. Демографические показатели в сахеле – переходной полосе от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки, или на южном краю пустыни (между Мавританией и Чадом) возросли от 1–2 млн. чел. в 600 г. до 3–4 млн. чел. в 1500 г. В Западной Африке (от Сенегала до Нигерии) соответствующие цифры составили 4–5 млн. и 12–13 млн. чел.; точно такие же цифры справедливы для Восточной Африки (от Судана и Эфиопии до Танзании).

Население пояса сахеля и Западной Африки поддерживало связь с Северной Африкой. Главные торговые пути Африки тянулись из Каира вдоль средиземноморского побережья в марокканский г. Фес, затем поворачивали на юг и пересекали Сахару в различных направлениях, сходящихся в городах Гао и Томбукту в излучине р. Нигер, откуда речной транспорт или ослиные караваны везли товары в центральные районы Западной Африки (илл. 259). Торговля через Сахару с западноафриканскими странами имела огромную важность не только для Северной Африки, но и для Среднего Востока и даже для Европы. Западноафриканские золотые прииски (в Бамбуке и Буре) играли жизненно важную роль для экономики Старого Света, являясь главным поставщиком слитков золота и серебра. Менее населенной и более изолированной была зона тропических лесов, из которой тем не менее вывозили некоторые товары, пользовавшиеся спросом на Среднем Востоке (слоновую кость, кофе, рабов), и в которую ввозили лошадей, латунь, ткани и продукты питания из Северной Африки, а также соль из соляных копей Сахары. Связи Восточной Африки со Средним Востоком умножились, когда часть местного населения обратилась в ислам. Исламские порты Занзибар и Малинди превратились в центры торговли с Южной Азией. В Малинди в 1498 г. Васко да Гама даже получил от местного правителя надежного лоцман-мусульманина, который провел его суда в Индию (илл. 22, 200, 271, 272).

Южная Африка оставалась крайне редко заселенной. Племена, говорящие на банту, пастухи и земледельцы, знакомые с железными инструментами, пришли на эту территорию с севера примерно в VI в. В течение рассматриваемого нами периода они открыли новые земли и адаптировались к незнакомой окружающей среде. Но и они отесняли более древние местные народы, говорящие на койсанских языках (койкой и сан), охотников-собирателей, которые жили до народов банту в этих регионах и которых теперь вытеснили в более суровые места юго-запада или даже в пустыню Калахари. В 1500 г. н.э. в Южной Африке (включая Намибию) проживало всего около 1 млн. чел.

АМЕРИКА

Наиболее культурно развитые области Западного полушария доколумбовых времен (с соответственно самой высокой плотностью населения) находились в Центральной Америке и на западных нагорьях Южной Америки. Двумя такими регионами Центральной Америки была территория низменности на п-ове Юкатан, где селились майя, и Мексиканское нагорье, где жили тольтеки, а затем ацте-

ки. Население этих регионов существовало за счет полурошаемого выращивания маиса. Еще до появления здесь Кортеса с его испанцами классическая цивилизация майя погибла, и многие ее поселения оказались заброшенными. Но в Центральной Мексике продолжал существовать сильный союз ацтеков, который насчитывалось 5–10 млн., а может быть, и больше. Менее значительными по размерам были обрабатываемые земли, лежавшие к северу, на территории, которая сейчас принадлежит Соединенным Штатам, там, где жила группа индейских народов «пуэбло» (современные штаты Нью-Мексико и Аризона. – *Прим. ред.*), долина Миссисипи и берега Великих озер.

В Южной Америке, в регионе Центральных Анд, включающем современную Республику Перу, возникло высокоорганизованное государство инков, хозяйство которого основывалось на выращивании маиса в низинах и картофеля в нагорьях. Инки использовали густую сеть горных троп и общались с племенами из зоны тропических лесов, жившими в верховьях Амазонки. Инки разводили лам на мясо и шерсть, а также использовали их для перевозки товаров (илл. 323). К северу от Перу индейцы группы чибча выращивали картофель и маис. Общая численность населения этой сельскохозяйственной территории на северо-западе Южной Америки до ее завоевания испанцами, вероятно, была почти равна численности населения соответствующей сельскохозяйственной территории Центральной Америки, т.е. 5–10 млн. чел.⁴. Другие территории Южной и Северной Америки были очень редко заселены в основном племенами охотников-собирателей, общее число которых можно оценить как 2–3 млн. чел. Здесь необходимо отметить, что оценки демографических показателей доколумбовой Америки вообще весьма различны, изменяясь от 8–9 млн. до 90–100 млн. чел. Точны или нет более высокие цифры из указанных, но все ученые сходятся во мнении, что коренные американцы претерпели катастрофическое сокращение численности в первый же век, последовавший за их встречей с европейцами. Война и завоевание стали далеко не единственным основанием этого; главной причиной стало распространение европейских эпидемий оспы, кори и малярии, к которым коренные народы Америки не имели иммунитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продолжительный период, с 600 по 1500 г. н.э., был отмечен постоянным и стойким ростом населения, несмотря на высокий уровень смертности, и расширением контактов между населением разных частей планеты, несмотря на глубинную враждебность. В Старом Свете отдаленные земли были связаны торговыми путями и обменивались не только товарами, но и достижениями в технологии и других сферах знания, что вносило немалый вклад в прогресс Европы. В конце этого периода между Старым и Новым Светом (за исключением Австралии) сформировались прочные связи. В отличие от бессистемного расширения путей сообщения в пределах Старого Света, связи, протянувшиеся через Атлантику, установились однажды и навсегда благодаря массовому переселению жителей Испании и Португалии на земли Центральной и Южной Америки.

Чтобы быть точным, надо помнить, что история этих девяти столетий была насыщена событиями, преисполненными противоречий – и жестокости. Установившиеся пути сообщения способствовали не только развитию торговли, но и распространению эпидемий и более быстрому продвижению к намеченной цели агрессивных захватчиков. Совершенствование технологии обеспечивало прогресс не только в сельском хозяйстве, – но и в изготовлении оружия.

Основной экологической характеристикой этого периода стало сокращение лесных массивов Земли. Леса вы-

рубали, чтобы расчистить место для обработки земли, чтобы получить топливо для домашних целей или удовлетворить потребности судостроения и металлургии (особенно добычи руды и выплавки железа). Леса сжигали группы людей, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, или охотники, стремившиеся выгнать из них дичь. Вполне возможно, что часть африканских саванн появилась как следствие таких лесных пожаров. Вплоть до XVII в. лесные зоны или то, что от них осталось, отступали все дальше перед многочисленными народами Средиземноморья, Северной Индии и Восточного Китая. И все же это было лишь прообразом великого экологического кризиса нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

* И. Хабиб (*Irfan Habib*) и Р. Лебут (*René Leboutte*) добавили несколько замечаний, чтобы уточнить некоторые положения этой главы или обновить библиографию.

¹ В средневековой Европе среди «подкидышей» девочек было значительно больше, чем мальчиков (С. Cipolla, 1981, р. 69 and п). Кроме того, было доказано, что в Италии XV в. был «один важный социальный фактор, который разрушал ряды маленьких девочек намного сильнее, чем ряды мальчиков: детоубийство и отказ от младенцев» (D. Herlihy & Z. C. Klapische, 1987, р. 145). Убийство новорожденных девочек еще шире было распространено в Японии.

² Следует также упомянуть и об очень важной роли кочевников как людей, перевозивших товары на дальние расстояния между оседлыми регионами. Этот факт должен несколько смягчить взгляд на кочевые народы как на лишь отрицательный фактор в хозяйственном и социальном окружении средневекового мира.

³ Необходимо отметить еще один факт: оседлые сообщества получали множество рабов в результате набегов на кочевые племена и путем вербовки рабов среди самих кочевников. Этим объясняется и большое количество тюркских рабов в исламском мире в X–XIII вв. Кстати, согласно некоторым оценкам, через Сахару в 700–1400 гг. были перевезены более 2 млн. африканских рабов (с побережий Сахары и Гвинеи) (J. D. Tracy, 1990, р. 322).

⁴ Население Центральной Мексики в 1518 г., согласно современным оценкам, составляло не 5–10, а 25,2 млн. чел. (при возможном диапазоне от 18 до 30 млн. чел.). См. S. F. Cook & W. Borah, 1979, pp. 132–168.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КОЗЛОВ В. И. 1969. Тенденции численного увеличения народов. – М. (на русском языке).
- УРЛАНИС Б. З. 1941. Рост населения Европы. – М. (на русском языке).
- Anthropology and Population Problems. Apr. 1982. Current Anthropology.
- BAIROCH, P. 1985. De Jericho à Mexico: Villes et économie dans l'histoire. Paris.
- BELOCH, J. 1886. Die Bevölkerung der griechisch-romanischen Welt. Leipzig.
- CARR-SAUNDERS, A. M. 1936. World Population: Past Growth and Present Trends. Oxford.
- CHAND, T. 1963. Influence of Islam on Indian Culture, 2nd edn. Allahabad.
- CIPOLLA, C. 1981. Before the Industrial Revolution, 2nd edn. London.
- COOK, S. F.; BORAH, W. 1979. Essays in Population History: Mexico and California, Vol. III. Berkeley, Calif.
- DAVIS, K. 1951. The Population of India and Pakistan. New York.
- DENEVAR, W. M. (ed) 1976. The Native Population of the Americas in 1492. Wisconsin.
- HERLIHY, D.; KLAPISCHE, Z. C. 1987. Tuscans and their Families. New Haven.
- HONENBERG, P.; LEES, L. H. 1992. La formation de l'Europe urbaine, 1000–1950. Paris, p. 29.
- LORIMER, F. 1954. Culture and Human Fertility. A Study of the Relation of Cultural Conditions to Fertility in Non-Industrial and Transitional Societies. UNESCO. Paris.
- MCEVEDY, C.; JONES, R. 1978. Atlas of World Population History.
- OHLIN, C. 1964. Historical Outline of World Population Growth. United Nations, World Population Conference. Belgrade.
- PERROT, C. (ed) 1987. Démographie historique. Paris.
- POLGAR, S. (ed) 1975. Population Ecology and Social Evolution. The Hague, Paris.
- RAYCHAUDHURI, T.; HABIB, I. 1982. Cambridge Economic History of India c. 1200–1750, Vol. I., Cambridge.
- REINHARD, M.; ARMENGAUD, A. 1961. Histoire générale de la population mondiale. Paris.
- Review of Historical Demography. 1987. Budapest.
- RUSSEL, J. C. 1958. Late ancient and medieval population, Transactions American Philosophical Society, New Series, Vol. 48.
- TRACY, J. D. (ed) 1990. The Rise of Merchant Empires. Cambridge.
- TREWARTH, G. T. 1969. A Georaphy of Population: World Pattern. New York.
- USHER, A. P. 1930. The history of population and settlement in Eurasia. In Geographical Review, Vol. 20.

СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЕ ГРУППЫ И ОБЩЕСТВО

Робер Фоссье

И по сей день семейная ячейка остается базовой социальной структурой любого человеческого сообщества. Это может быть так называемая нуклеарная семья (т.е. семейная пара и их ребенок), семья, состоящая из большего числа близких или дальних родственников (совместное проживание), или семья, включающая большое число возможных постояльцев, домашней прислуги и друзей. Столь разные формы объединений естественно определяются в соответствии с уровнем или типом хозяйственной структуры, в зависимости от влияния психологических или религиозных ограничений и весомостью обычая или закона. Кроме того, совершенно очевидно, что семья – это живой организм, который развивается с течением времени, он подвержен изменениям, вызванным внешними воздействиями, и, в свою очередь, даже провоцирует такие воздействия. Вместе с тем, какую бы форму семья ни принимала, она остается исходной рамочной структурой человеческого сообщества. Она превосходит по важности любые другие политические и экономические формы объединений, соответствует самому первому уровню строительных лесов, на которых зиждется вся структура производства и потребления, и продолжает оставаться местом, где сохраняются обычаи и верования. Этого вполне достаточно, чтобы утверждать, что на протяжении большей части истории человечества изучение семьи должно предшествовать изучению всех прочих форм его жизни.

Подобные предварительные наблюдения достаточно заурядны. Но здесь они весьма и весьма уместны, поскольку наша задача состоит в исследовании различных форм, которые принимала семья на протяжении тысяч лет в разных местах нашей планеты. Простое перечисление неодинаковых или даже противоречивых семейных форм ясно показывает, что подобное изучение должно быть сведено к выявлению ее основных характерных черт. Ограничиваясь (а это неизбежно) наблюдениями антропологического характера, мы все равно многое можем показать, даже не останавливаясь на более развитых структурах устоявшихся обществ и упоминая лишь некоторые основные особенности.

ПОДХОДЫ К СЕМЬЕ

Независимо от того, состоит ли семья из двух или из гораздо большего числа человек, она всегда оставалась чем-то *taisible*, «делом секретным», как говаривали старомодные французские юристы, т.е. она возводит преграду между замкнутым пространством, в котором существует, и «всеми остальными людьми», которые не имеют права вмешиваться в касающиеся только самой семьи дела. И нет такого общества, которое стремилось бы выставить на всеобщее обозрение столь частные особенности. Поэтому

очевидно, что получение подробного представления о семейной группе – дело не из легких.

Историк, занимающийся вопросами семьи, располагает немалым объемом письменных источников. Учитывая влияние религии (которое будет показано ниже) на различные общества рассматриваемого периода, он видит перед собой целые наборы установлений, как правило, сверхъестественного или, по крайней мере, теологического происхождения, скрывающиеся под освященными веками обычаями. Человечество получило массу предписаний, которые, как предполагалось, должны наставлять его на путь к спасению в делах интимных, супружеских или ритуальных. Правила эти были прописаны сначала в догматах Библии, затем христианского Нового завета или мусульманского Корана; за ними следовали соответствующие комментарии, например: канонические установления христианского мира или *хадисы*, на которых держится мусульманский *шариат*. На более отдаленном Востоке люди руководствовались отголосками изречений Будды и сборниками предписаний и правил, например, законами Ману (наиболее известная часть из «Дхармашастры» – сборника предписаний и правил, регламентирующих поведение индийца в частной и общественной жизни в соответствии с региональными догматами брахманизма. – *Прим. ред.*), а также учениями, автором которых традиционно считается Лао-цзы или (что более вероятно) Кун Фу-цзы (Конфуций), и, наконец, за океаном – пророчествами коренных американцев. Очевидно, эта огромная масса нормативных постановлений, регулирующих повседневную жизнь людей, указывает на различные способы, посредством которых священному закону волей-неволей приходилось мириться с законами человеческими. Но, хотя и не лишённые религиозного вдохновения, мусульманская *фатва* (*fatwā*), европейские законодательные акты и древнеиндийские рифмованные тексты *дхармашастры*, не говоря уже о китайских сводах законов, составленных в эпоху династий Тан и Сун, вынуждают историка принять во внимание пропасть, отделяющую божественную волю, или идеал, от истинных возможностей человека. Однако в действительности, независимо от того, было ли применяемое предписание творением Бога или человека (судьбы), в большинстве случаев законы оставались чисто теоретическими, соответствовавшими лишь воле, чистому идеалу. Но что же творилось в хижинах простых людей? В частную жизнь таких жилищ можно надеяться проникнуть только с помощью документов, относящихся к повседневной практике, или через литературные произведения. Позднее мы увидим, что иногда с этой целью действительно можно воспользоваться письменными источниками. Тем не менее их нельзя назвать абсолютно надежными, так как в то время литература не была самопроизвольным, независимым явлением: литературные произведения

писались по заказу, подгонялись под требования тех или иных покровителей или следовали господствующим модам. Что же касается документов, оформляющих, например, сделки купли-продажи, или брачных контрактов, то в них вообще не упоминается о бедных, слабых и обездоленных (простолюдинам всего рассматриваемого периода были свойственны эти три эпитета), хотя именно такие люди и составляли подавляющее большинство населения.

К письменным документам добавляются данные археологических раскопок и художественные материалы. Они важны для нас потому, что резные, гравированные или рисованные изображения семейных групп (иногда священных семейств) насыщены символизмом и личностными подробностями. Скульптуры римлян, майя или буддистов, а также миниатюры, гончарные изделия и гобелены, которые встречаются повсюду от Средиземного моря до Японии, изображали семейные пары, родовые группы, благочестивые сцены и свадьбы. Но и здесь факты могли искажаться в соответствии с требованиями покровителя или принятыми образцами. И все же изобразительное искусство передает нам такие же ясные сообщения, как и записанные тексты, а раскопки предоставляют еще более наглядный материал. Надписи на надгробиях, кладбища или остатки жилищ позволяют нам хотя бы в общих чертах представить истинную структуру семьи, обряды, связанные с переходом в мир иной, или окружающую людей повседневную обстановку домов. Однако развалины, оставшиеся от поселений ацтеков, отличаются от заброшенных европейских деревень, а иракские археологические местонахождения – от раскопок в Северном Китае. И все же камни и скелеты вводят нас в заблуждение куда реже документов.

Так как быть с документами? Конечно же, использовать! Но что делать, если текстов нет вообще? Или, что еще хуже, нет и археологических свидетельств? Тогда необходим антропологический подход. Мы знаем о его богатых потенциальных возможностях, но нам известно, сколь запутанны могут быть его напластования. По определению, даже сам обычай должен быть специально приспособлен, чтобы он уложился в рамки развития человеческого групп. Так как же можно быть уверенным, что какая-то характерная особенность будет действовать на протяжении всего исследуемого нами периода? И можно ли считать, что какая-то практика, существовавшая на берегах Нигера, прольет свет на то, что в это же время происходило на берегах Сены?

Складывающуюся картину вряд ли можно назвать обнадеживающей, особенно если учесть, что мы должны еще кое о чем предупредить читателя. Дело в том, что если бы все вышеописанные средства доступа можно было использовать повсюду и в равной степени, то мы, наверное, смогли бы четкими штрихами наметить общую картину истории семьи за все тысячелетия ее существования. Но у нас нет и малой толики таких возможностей. Если говорить о регионе Тихого океана, то мы вообще сталкиваемся с покровом безмолвия, через который пробиваются лишь несколько устных свидетельств, смешивающих воедино несколько веков. Доколумбову Америку мы можем увидеть лишь мельком глазами испано-португальских колонизаторов этого региона. Африка южнее Сахары (по меньшей мере, значительно севернее экватора) отличается огромным множеством традиций, которые к настоящему времени достаточно изучены, однако все равно вряд ли можно заглянуть глубже, чем во времена великих западно-африканских империй XV–XVI вв., но и о них мы не имеем письменных источников. Азия же, в свою очередь, предстает перед нами совершенно контрастными гранями, так как о территориях к северу от Гоби мы можем знать только из смутных упоминаний, в то время как китайский, корейский и японский миры переполнены каноническими, нормативными и литературными

письменными источниками, а также художественными свидетельствами; хотя и здесь не хватает документов, рассказывающих о повседневной жизни людей. И все же эволюционные процессы разглядеть можно, и это обнадеживает, хотя и одновременно осложняет стоящую перед нами задачу. Более стабильным и определенным представляется индийский мир. Исламский мир почти не оставил документальных свидетельств относительно повседневной жизни людей и лишь демонстрирует серьезные различия между регионами – вполне предсказуемое следствие завоевания, которое произошло быстро и в течение долгого времени проявлялось достаточно поверхностно. Человечество осталось с двумя ветвями христианства – римской (католическая) и византийской (православная). Но беспристрастный читатель быстро почувствует, что здесь глубинные структуры зачастую более примитивны, чем где-либо еще.

Помимо неизбежных различий, девять или десять веков, которые мы должны рассмотреть, характеризуются и некоторыми поразительными сходствами. Повсюду, даже в наиболее развитых регионах, можно заметить одинаковые особенности, характеризующие жизнь семей. Сельскохозяйственные технологии и ремесла, а также средства доминирования над другими людьми, такие как политические и правовые институты, в то время особой эффективностью не отличались нигде, даже на тех территориях, которые смогли извлечь максимальную выгоду из своих достижений, как это произошло в Восточной Азии или Западной Европе. Могущество все еще господствующей и пока непокоренной природы по-прежнему довлело над группами людей, которые могли получить утешение и твердость духа, лишь обратившись к одной из двух структур, или, если можно так сказать, к одному из двух предприятий. Они могли либо оставаться тесно связанными между собой в пределах своей группы, особенно если принять во внимание отсутствие легкого общения с представителями других групп, либо обратиться к религиозной сфере, чтобы обеспечить ту защиту, которую не могла предоставить группа. Отсюда и присутствие двух мощных факторов: частной сферы, доминирующей над общественной, и божественных существ, имевших огромное влияние на людей.

Даже когда король, император или один из его наместников хотел выступить от имени государства, чтобы обнародовать закон, он мог сделать это, только уподобив свою персону всей своей семье и говоря от ее имени. Так, в Китае считалось, что частная жизнь императора должна служить примером для его подданных. В Японии домашнее хозяйство, или *ие* (*ie*), считалось естественной заменой власти. В христианском мире изучением римской *res publica* (букв. – общественное дело. – *Прим. пер.*) занималось только духовенство; правитель жил в своем «замке», правил вместе со своим родом и устанавливал со своими поданными связи, основанные на кровном родстве. В Индии дом считался закрытым местом, в котором не имели доступа никакие общественные дела: в нем царили личностные отношения. Вероятно, самую точную картину предлагает ислам: в *гарем*, где правили женщины, не мог войти никто, кто к нему не принадлежал. Помимо этого, появляются многочисленные внешние символы: семья занимала оборонительную позицию по отношению к окружающему миру, первостепенную важность имел выбор места жительства для супругов, дети жили в изоляции, пока им не исполнялось семь лет, и, наконец, каждая женщина от Индии до Италии, уходя из своих «частных» владений, должна была надевать покрывало (*паранджу*, *чадру*, *хаик* и т.д.), чтобы ее не сочли «общедоступной» (илл. 188).

Наиболее заметным, сильным и повсеместным было влияние, которое оказывала на структуру и жизнь семьи религиозная сфера. Так, на первом месте стояло глубокое осознание порядка, установленного божественными силами (или силой). Отказ от этого осознания тут же превра-

шал человека в пария в Индии, в мятежника – в Китае и в еретика – в Европе. Земные же представители божественной власти должны были претворять этот порядок в жизнь. В этом отношении нам достаточно хорошо знаком успех индийских ведических текстов, сущность которых, связанную с тройной функцией в мире людей, в конечном счете приняло и христианство. Мораль, защита и плодovitость – таковы были божественные требования, которые на Западе выражались в службе Богу.

Божий умысел заключался во власти над всеми делами человека. Его представители могли управлять временем – как прошлым, так и будущим. Африканские *гриоты* (от франц. *griots* – общее наименование профессиональных сказителей, музыкантов-певцов Западной Африки. – Прим. пер.) среди белых людей могли прослыть колдунами, но и они были одержимы Святым Духом. Шаманы Северной Азии и Океании черпали вдохновение от духов, оживлявших мир. Жрецы коренных американцев – майя, ацтеков, мочика или инков – тщательно изучали ход времени и руководили трудовой деятельностью, необходимой для поддержания жизни. Общество могло существовать только при условии строгого соблюдения обрядов и веры в сверхъестественные проявления. Порядок, установленный людьми, подчинялся Космическому порядку, и это убеждение разделяли все люди от Индии до Мексики. Однако на границе рассматриваемой темы мы находим некоторые удивительные проявления, например, идею (насаждаемую как *брахманами*, так и христианской церковью), будто человек рождается грешным, и этот первоначальный грех он должен искупить. Кроме того, что особенно важно для вопросов хозяйства, труд имел ценность, только если был освящен, как, например, в исламских и западных торговых гильдиях, где благочестие сочеталось со способностью владеть инструментами.

Между божеством и человечеством стремились поставить себя *гриоты*, *брахманы* или христианские церковники, о которых мы уже говорили. Однако это стремление не имело жизненно важного значения, так как на практике ни в исламском мире, ни в Китае «духовенства» не существовало, а японское духовенство, как правило, оказывало не слишком сильное давление на людей. Что было на самом деле важным – так это священные книги, а там, где их не было, как в Африке или Океании, – обычаи. Во всех других местах священные книги отличались большим объемом, изобиловали детальными предписаниями и различными по времени толкованиями. Правда, нам пока еще не удалось прочесть священные книги майя или инков, но чтение Слова Божьего (Корана) вместе с последовавшими за ним *хадисами* положило начало его повседневному использованию и обычаям, или *шариату* исламских правоверных. Евангелие же, а впоследствии и писания отцов Церкви, папские декреты и обширное влияние канонического (церковного) права привели к тому же и христиан. Права и обязанности индийцев постепенно устанавливались, начиная с Законов Ману (200 г. до н.э. – 200 г. н.э.) и заканчивая текстами средневековых *Дхармашастр*, хотя последние представляли собой скорее моральные нормы, нежели своды законов. Учения Божественной мудрости предлагали китайцам многочисленные подходы к устройству жизни, но все они сводились к понятию универсальной стабильности, установленной божественным промыслом. Лао-цзы проповедовал своеобразный натурализм, который вновь проявляется среди японских приверженцев синтоизма (синто). Конфуций заложил четыре принципа порядка, или *шу*, в которых послушание и добрая воля служили для выражения социального равновесия. Таким образом, в отличие от жесткого ригоризма христианства, ислам на основе обычая (*сунны* – мусульманского священного писания, состоящего из *хадисов*) смог охватить несколько разных обрядов, вернее, смог примириться с двумя видениями послания Пророка, благодаря чему *мусульмане-шииты* остались верны почитаемому «мединскому»

типу семейного общества. В Индии и Восточной Азии молчаливое послание, содержащееся в улыбке Будды, упростило путь верующих к спасению. Воистину индивидуалистическая доктрина Индии, основанная на индуизме, имела столько подходов, сколько существовало главных божеств: с *бхагаватам* для приверженцев Вишну, *насунатой* (*рашубата*) для сторонников Шивы и т.д.

Что касается роли семьи во всем вышеизложенном, мы просто не могли рассматривать ее вне религиозного контекста, преобладавшего в данный период. Именно этот контекст определяет четыре уровня исследования, на которых далее будут строиться наши аргументы.

Семья и непознаваемое

Боги были могущественны. То, что было известно им, человеку ведать было не дано. В то время все, что окружало человека, имело отпечаток непостижимого: повсюду против человека была природа, он не понимал ее тайн и механизмов, а все непонятное он считал «сверхъестественным», «чудодейственным» и воспринимал как послание с «того света». Для него любые природные явления, связанные с географией или биологией, свидетельствовали о проявлении гнева или милости Божьей. Ежегодное возвращение растительности, дарующей жизнь, а также ежедневный восход Солнца люди праздновали как великие благодеяния. Даже в тех местах, которые славилась научными достижениями, где историки восхваляли многочисленные успехи в познании мира, эти достижения ограничивались лишь кругом ученых. Все прочие люди просто верили в капризы богов или, в лучшем случае, в случайности земледельческого цикла.

Для нас существенно то, что это всеобщее смирение имело отношение к проблемам, рассматриваемым в этой главе: откуда мог появиться человек, если не в результате божественного акта творения? В чем смысл крови, циркулирующей в его организме, а иногда вырывающейся оттуда? Почему ребенок наследует психологические особенности своего деда по линии отца и физические черты лица своего дяди по материнской линии? Были ли люди, умершие в юности или не сумевшие вступить в брак, каким-то образом «отмечены»? Область общих знаний людей, несомненно, постепенно расширялась. Никто не станет отрицать достижений китайской и ацтекской астрономии, индийской и исламской медицины и европейской технологии того времени (см. гл. 4, 5 и 6). Но подчинение вполне устраивало народные массы. Достаточно лишь указать на то, что очень часто простой народ обращался к матери как к посреднику между ним и Небесами, а подробно рассуждать о значении такого символа веры, как христианская Дева Мария, вообще излишне (илл. 147). Некоторые цивилизации, например византийская, стремясь описать неизвестный мир, куда, как считалось, возвращаются души, осмелились прибегнуть к его изображениям. Так, в результате этого Византийская империя между VII и IX вв. фактически раскололась на части при спорах об одной только допустимости подобных изображений божеств и посредников между ними и людьми. Ислам же принципиально отказался от такого подхода (илл. 90). В свою очередь, появление многочисленных статуй богов, вырезанных в камне в Америке, а также в Центральной и Восточной Азии, объясняются более твердой верой людей в силу освященной материи (илл. 236, 301).

Загрязнение

Мир был нечист. По разумению иранских мыслителей, с которыми фактически согласились и христиане, это объяснялось тем, что мир людей считался полем боя, на котором сражаются силы добра и зла. Эта загрязненность обуславливалась также и тем, что сам человек был сотво-

рен из брэнной материи. Индейцы, коренные американцы и представители других цивилизаций предпочитали сжигать тело умершего человека и таким образом очищать от него Землю, а не гнить его в могиле, как на том настаивали три великие монотеистические культуры Средиземноморья. Кроме того, еще при самой жизни человека из его тела исходили нечистоты, от которых он должен был тайно избавляться в своем «укромном утолке». В тех цивилизациях, которые все еще оставались наиболее подверженными силам природы, например, в Америке, Африке и Океании, дефекация считалась источником отвращения и знаком вины, тогда как в странах, где человек получил большую власть над окружающей средой, эти естественные процессы воспринимались гораздо проще. Общественные и, фактически, коллективные отхожие места встречаются повсюду от древнего Рима до средневековой Индии.

Человек должен был оберегать себя от такого загрязнения и, конечно, очищаться от него. В моральном смысле очищение достигалось при прохождении через обряды, которыми сопровождалось появление новорожденного на этот свет: обряды крещения и т.п. в средиземноморских странах или обряды магического посвящения в Америке и Африке. Если говорить конкретнее, люди весьма заботились о чистоте, совершая омовения, соблюдая гигиену и другие действия по очищению. В Индии это были частые купания, в мусульманских странах – омовения и посещения *hammām*, а в Японии – частые смены одежды и уничтожение запачканных предметов. Подобная приверженность чистоте была менее выражена в Китае (где правилом было два купания в месяц), а Европа, за населением которой надолго закрепилась изначальная репутация нечистого, вообще находилась в состоянии неопределенности, по крайней мере, до XII в., когда в ней вновь открылись купальни.

Христианский мир больше всех остальных регионов заботился, чтобы нечистота человека не наносила оскорбления Богу, и определил три области, в которых она вызывала наиболее разрушительное действие. Одна из них касалась денег и злоупотребления ими – вопрос, к которому мы вернемся лишь попутно; вторая (на которой нам придется остановиться подробнее) – связана с сексуальностью, из-за которой, по мнению церкви, ослабевала сила воли человека; наконец, третья связана с ситуацией, когда из тела жертвы исходит кровь, особенно если «жертвой» была женщина, кровотечение у которой в определенные периоды времени остановить невозможно, вследствие чего женщина считалась воплощением нечистоты.

Женщины: между мужчинами и неизвестным

Если и существует какая-то особенность, общая для всех культурных территорий рассматриваемой эпохи, то она сосредоточивается на унижении представительниц того пола, который почему-то считается «слабым». Говоря о территориях, на которых позднее мы попытаемся найти следы «продвижения женщин», например об африканских странах к югу от Сахары, об Индии или о Европе, мы должны признать, что в них неравенство полов продолжает оставаться нормой. Поводы для недовольства у мужчин всегда черпались из избитого арсенала, который, по крайней мере внешне, основывался на исключительно моральных причинах. Женщин называли жестокими, развратными, непостоянными, болтливыми, ревнивыми, расточительными и капризными созданиями. Но, поскольку без труда можно было бы составить аналогичный (и совсем не менее критичный) список мужских «ценностей», ясно, что подобные поводы вряд ли могли являться истинной причиной унижительного отношения к женщинам. В некоторой, но в любом случае спорной степени относительная физическая слабость женщин впол-

не могла стать одной из причин лишения их прав в первых культурах охотников и собирателей, хотя их роль продолжательниц рода и хранительниц домашнего очага безусловно могла являться некоторой компенсацией. Истинную причину такого отношения к женщине, скорее всего, следует искать в чем-то другом, и на Земле нет места, где эта самая причина приводилась бы в качестве убедительного доказательства. Заключается же она в том, что женщины, искушая мужчин и заставляя их терять самообладание, тем самым разрушают их и отнимают у них силы. Женщина, по выражению ацтеков, была *tetzabuitl* – вызывающей ужас. В монотеистических цивилизациях в «писаниях», говоривших о грехе и падении, на женщину возлагалась ответственность за все несчастья живых существ. В индуизме она была владычицей жизни и смерти. Она находилась между этим миром и следующим, будучи связующим звеном и колдуньей, которая могла общаться с мертвыми или наводить чары на мужчин. В христианском мире она была повинна, как бы по определению, даже в мужской импотенции.

Источником неверия, которое вызывала женщина, служили ее половые органы, вызывавшие одновременно изумление и отвращение. В Африке и Океании считалось, что менструальная кровь убивает сперму; повсюду такую кровь считали, как минимум, испорченной, а потому никак не связанной с благородной кровью, сочащейся, скажем, из раны. В свои критические дни женщина должна была находиться в уединении. В Японии, Океании и Америке ее изолировали от группы и отправляли в специально отведенные места; по окончании этого периода женщина нуждалась в очищении (как в Индии или христианском мире).

От женщин, являвшихся в соответствии с подобными взглядами одновременно жертвами и разрушительницами, отвращались еще и из-за их половой активности. Их право гордиться своей особой формой сексуальности проявлялось крайне редко и только в мире Ислама и в Японии. Женщина, выходя из дома, должна была закрывать всю себя. Покрывало, которое она носила, предназначалось скорее для защиты ее самой и других людей, а не для отчужденности и не для демонстрации того, что она является чьей-то собственностью.

Очевидно, в идеале было бы вообще желательно не иметь контактов с представительницами «нечистого» пола или по крайней мере следовало ожидать, что божество, поместившее женщину на пути мужчины, чтобы испытать его, должно в конце концов стать источником спасения, раз уж оно стало причиной наказания мужчины. Подобные предрассудки никогда не покидали умы христиан. Ева стала причиной падения рода человеческого, следовательно, Дева Мария должна была спасти его как «новая Ева», и ее культ спасения действительно нередко отдает чем-то индуистским. Таким образом, запутавшись в своих собственных противоречиях, Церковь вынуждена была волей-неволей проклясть Еву, но при этом по необходимости пощадила Марию. Между тем до спасения следовало остерегаться женщин. Подобное поведение уже рекомендовал Ману в Индии, а проповеди западных христианских отцов церкви от св. Иеронима до Жака де Витри (1170–1240 гг., французский проповедник. – *Прим. ред.*) ничем от доктрины Ману не отличались. Церковные мыслители настаивали, чтобы девственность сохранялась как среди женщин, так и среди мужчин, и это «состояние» церковные мыслители возвели на уровень «порядка» (*ordo virginarum, viduarum* или *monachorum*), высшего по отношению ко всем прочим. Точно также восхваляемая в Восточной Азии и особенно в Японии как знак наивысшего морального самообладания девственность в исламе приобрела дополнительный аспект – она стала символом чести. Естественно, все люди и повсюду знали, что сохранение вида зависит от полового акта и сопутствующего ему «осквернения»,

и что Бог сказал: «Плодитесь и размножайтесь». Так что проблема заключалась в том, чтобы обуздать свой инстинкт и найти тонкую грань «целомудренного поведения», которая защитила бы человеческий род от вымирания, но и не позволила бы перейти к безнравственности.

Осознание бытия

Взаимоотношения человека с себе подобными, лежащие в основе жизни в обществе, подразумевали осознание себя и своей принадлежности к группе, обладающей некоторыми чертами, отличающими ее от всех прочих сообществ, будь то клан или узкий семейный круг. Человек в рассматриваемую нами эпоху не имел понятия о происхождении своего собственного вида или о том, каким образом различные этнические группы распространились по всему миру. Он верил в изначальную пару, составленную Адамом и Евой в Эдеме, или в таких первых человеческих существ, как Фукси (*Fuxi*) и Нугна (*Nügnä*) в далеком китайском и корейском прошлом, от которых соответственно и произошли разные народы, но ничего не знал о генах и наследственности, которые привели к появлению разных человеческих родов. Ислам, будучи наследником греческой мысли, пошел намного дальше других в отношении оценки физических или моральных особенностей, передаваемых от поколения к поколению. Во всех остальных странах буддийский индивидуализм, синтоистское поклонение природе и христианская покорность промыслу Божьему ставили преграды размышлениям людей над наследственностью или зовом кровного родства. Если порой и возникала идея о возможной принадлежности индивидуума к какой-то группе с общими характеристиками, важным считалось не столько генетическое родство, сколько священная сторона такой группы. Везде, где люди понимали, что какой-то человек походит на такого-то своего родственника, а потому имеет право получить его фамилию, эти эмпирические наблюдения чаще всего сводились к признанию деспотичной воли богов. И все же желание продлить существование своего рода во всей его силе и самобытности составляло основу выживания группы. Поэтому каждая культурная территория, несмотря на реально существовавшие местные отличия, поклонялась своим предкам, заботилась об общей родословной и настороженно относилась к столь переменчивому элементу своей среды, который представляли собой женщины.

Место предков

Человек получал признание благодаря обстоятельствам своего рождения, т.е. его признавали членом рода, дальние корни которого, в случае необходимости (если соответствующих доказательств не было) придуманные, становились предметом гордости для группы в целом, а также основой ее сплоченности. Предки, будь они мифическими или реальными, относились к сфере священного. Их могли связывать с богами, как в Японии или у народов майя; сочетать с духами и сверхъестественными «объектами», как в Африке к югу от Сахары; представлять их родство с тотемами – видами животных, например, волка, орла или медведя, как в Центральной и Восточной Европе; наконец, на простом человеческом уровне могли позволить человеку смело заявлять, что он происходит от, например, Карла Великого.

В обществах, условия выживания которых были трудными, (как на островах Океании, в Африке к югу от Сахары или в Америке), люди почитали предков, которые были первыми земледельцами. Именно на их землях, которые теперь считались отданными в общее пользование, продолжалась жизнь. Кочевые племена, например,

бедуины, монголы или фульбе (или фулани – народ, в основном в Нигерии. – *Прим. ред.*), считали, что древние люди пасли первые стада. В других местах, где социальная организация была более развитой, как в Китае, предки служили гарантией законного единства семьи. В Индии предки своими предыдущими жизнями определяли судьбу и касту своих потомков, а в Японии – тип их хозяйственной деятельности. В христианском же мире верили, что предки закладывали основы обязанностей, добродетелей и чести своих потомков.

Таким образом, людям приличествовало уважать мертвых и память о них. Создание культа предков, безусловно, означало попытку снискать их благоволение, но, вероятно, то была далеко не единственная причина: поклонение предкам служило еще и доказательством права на существование кого-либо в этом мире. Обряды могли быть разными, но в их основе лежал единый принцип: праздники, жертвоприношения и заклинания открывали доступ к духу конкретного предка, который при этом мог сделать непознаваемое известным. Подобные культы приобрели крайние формы в Азии, однако в Индии они были менее развиты, чем в Китае и Японии, так как в этой стране понятие реинкарнации непременно ограничивало идею о навечном исчезновении предков из этого мира. Китайский мир на протяжении тысячи или даже более лет в этом отношении отличался некоторым противостоянием традиционного уважения к пожилым людям – как отошедшим в мир иной, так и живущим, и некоторого скептицизма, порожденного в умах людей сначала конфуцианством, а затем буддизмом. Корейцы и японцы, напротив, сделали и продолжают делать ежедневное поклонение умершим основной точкой опоры всей социальной жизни.

Группа «старших» стремилась оказывать влияние на жизнь молодежи. Старые люди никогда не уставали давать советы; с ними консультировались по вопросам заключения браков и охоты; они несли ответственность за усыновление, выступали в роли судей и свидетелей, воспоминаниям которых внимали. Старейшины советовались друг с другом, как в Африке к югу от Сахары (такой совет назывался *манса*), в исламском мире (*мала*), в Византии, или собираясь у вяза на площади европейской деревни. Такие старейшины председательствовали при посвящении молодых людей (в специально отведенных для этого местах; например, в Новой Гвинее для этого предназначались *тсимиа*). Они же, вместе с женщинами, толковали знаки, посланные Неизвестным. Самыми восприимчивыми собеседниками старейшин в семейной группе становились дети, что гарантировало власть старших. Эта особенность показывает нередко недооцениваемый статус ребенка, подчеркивает связь поколений как истинный смысл существования рода. И, наконец, в кругу жилищ возвышалось строение, куда отправляли умерших стариков, – некрополь. То была не просто усыпальница (как, например, христианский *атриум* или антильская *кива*), где никто не осмелился бы потревожить умерших, а еще и семейный храм, в котором сохранялось навсегда поклонение предыдущим поколениям.

Постепенно появилась «династическая приверженность» (*Sippenbewusstsein*), которой наделялся каждый влиятельный индивидуум и которую он, в свою очередь, передавал как священный фрагмент своей власти. Так делали правители Ганы и Мали в Африке, западные правители, а также китайские и японские императоры. Даже в тех случаях, когда наследственный уровень был не столь высок, люди старались сохранить детали, свидетельствующие о неразрывной связи поколений, вплоть до ногтей и волос усопшего. Не было ли это знаком того, что смерть – еще не конец всему? Если где-то что-то забывалось, то о мертвых помогали вспомнить предусмотренные обычаи. Так, человек мог носить имя своего предка; в Восточной Азии повсеместно детей называли именами предков, равно как

и в Китае, где название клана (*синь*) добавлялось к названию дома (*си*); в Византии к имени человека добавлялось имя отца, которое напоминало об общих предках. Имена могли указывать и на предков, живших два или три поколения назад, как в исламе. Полное мусульманское «имя» включало племя (*нисба*), к которому добавлялся род (*насаб*), затем шло имя отца (вводимое через *ибн*) или имя сына (вводимое через *абу*) и прозвище, часто почетное (*лакаб*). Как ни странно, Запад очень долго сопротивлялся такому присвоению имен. Вплоть до XI в. при крещении младенца называлось имя только этого младенца, даже если оно традиционно использовалось в семье. Присвоение родовых имен («сын такого-то») или передаваемых по наследству прозвищ получило распространение только после 1100 или даже 1150 г. н.э.

Общая родословная

Под общим родом понималась группа людей, не только принадлежавших к одной родословной, сюда входили и те люди, которых представитель данного семейства любил или которые ему служили, благодаря чему данное понятие представило идею семьи во всей ее полноте. Лексикон, выражающий эти связи, вполне однозначен: африканское (суахили) слово *уджамаа* (*ujamaa*) могло одновременно означать три понятия – родство, взаимопомощь и сообщество; в Мексике слово *текали* (*tecalli*) аналогичным образом могло означать группу людей, связанных кровным родством, исповедовавших определенный культ и деловых партнеров. Японское *но ко* (*no ko*) охватывало род по крови, политических союзников и соседей; христианская фамилия (*familia*) означала род, домашних и тех, кто оказывал семье «помощь и поддержку». Таким образом, расширенная семейная ячейка стала первой структурой для общественной жизни и, кроме того, как уже указывалось, для культа предков, а также, как будет показано далее, для хозяйственной и политической деятельности. Такие понятия, как сплоченность и взаимопомощь, естественным образом привели к понятию коллективной ответственности не только по моральным, но и по весьма реальным практическим причинам. В Африке к югу от Сахары вся группа страдала от наносящих ущерб последствий «колдовства» соперничающей с ней группы, поэтому и в ответных насильственных актах группа выступала целиком. В Восточной Азии, начиная с VIII в., оскорбление или необъяснимое бегство с поля боя могли стать причиной цепи действий, направленных на сведение счетов; порой дело доходило до войны между кланами, преследующими политические цели, как в Японии, где узы преданности соперничали с узами кровного родства. Ислам, возможно, теоретически и запрещал месть, особенно в частной сфере, но на практике происходили кровавые столкновения родов. В свою очередь, христианский мир Запада не стремился остановить проявления наследственной вражды (всем знакомы итальянские слова *файда* и *вендетта*, которые ее обозначают), поэтому и правосудие зачастую следовало тому, что требовал обычай.

Не вдаваясь в тонкости, которые чаще всего оказываются формальными, можно считать, что в этот период, судя по всему, наиболее широкое распространение получили семейные структуры по общим предкам по мужской линии, или пирамидальные рода только по мужской линии, прочность которых была, несомненно, обусловлена культом общих предков. Патрилинейный (отцовский) характер рода наиболее ярко проявляется в наследовании имущества и структуре брака. Поскольку в века, предшествующие средним, такие рода можно было наблюдать у всех индоевропейских народов, живших на территории индийской цивилизации и христианского мира, а также на островах Океании, в доколумбовой Америке, на семитских

землях и в Восточной Азии, их истоки следует, несомненно, искать в основных хозяйственных структурах, т.е. среди групп охотников и воинов, пастухов и бродячих собирателей растений, система ценностей которых предполагает, что главенствующую роль должны играть мужчины клана и особенно его вождь.

Однако в рассматриваемый период эти исходные типы родов подверглись глубоким изменениям. Тогда как в племенах Океании и у коренных американцев наблюдаются устойчивые модели, в которых в скрытом состоянии присутствуют признаки матриархата, в африканских странах к югу от Сахары примерно к XIV в. мы наблюдаем увеличение числа оседлых поселений, в результате чего в пределах тех же самых этнических групп возникают стычки между кланами, которые владеют совместно обрабатываемой землей, и кланами, которые по-прежнему пасут свои стада. Среди первых (которые могли состоять из нескольких сотен людей, отличавшихся друг от друга степенями богатства, причем некоторые могли даже иметь рабов) теперь порой возникали стремления нарушить равенство всех членов клана по отношению к общему предку. Именно в этих случаях родство по материнской линии могло дать весомые преимущества, повышавшие социальную значимость семьи жены. Такая же ситуация стала преобладать и в исламском мире. В принципе, женщина вместе с приданным попадала под власть своего мужа и, соответственно, его родословной. Если она не выходила замуж, то оставалась под властью братьев. Христианский мир пошел еще дальше, смешав римское право, которое мало-помалу начало благоволить к родству по материнской линии, с кельтским или германским обычаем, в котором женщина и ее род играли действительно очень важную роль.

После XII в. прогресс достиг того, что отцовская и материнская линии вообще стали считаться равными, как произошло, например, в Византии, где, по крайней мере среди аристократии, женщины снова стали пользоваться своими девичьими фамилиями. Но эта ситуация осложняется, когда мы обращаемся к Азии. Принцип родства по отцовской линии с трудом развился только в Северной Индии, на юге же на первый план вышло родство по материнской линии и даже матриархат. Китай, Корея и Япония оставались приверженцами твердой патриархальной структуры, потому что здесь культ предков стоял на прочной основе и сопровождался бескомпромиссным почитанием всемогущих отцов. Но даже здесь в рассматриваемый период люди начали поклоняться и представителям семейного культа по имени матери.

Таким образом, «семья» как таковая, т.е. коллектив, связанный кровными узами, согласно результатам археологических раскопок, например, в Европе, могла включать до 100 или даже до 200 человек вплоть до начала X и XI вв. (это же касается и японского *хиван* – «совместного проживания»). Вероятно, столь широкая структура семьи, т.е. племя или этническая группа (в сравнении с кланом или родом; немцы вообще проводят различие между *Sippe* и *Geschlecht*) включала всех подряд только до начала рассматриваемой нами эпохи. Образ жизни простого народа чаще всего остается скрытым от нас. Тем не менее поразительные сходства типов родов проявляются всякий раз, когда мы позволим себе не обращать внимание на исключительно локальные различия в терминологии. Так, среди коренных американцев мексиканские *сенкалтин* (*cencahtin*) и перуанские айю (*ayllu*) представляли собой сгруппированные вокруг общих дворов постройки, в которых жили люди, связанные кровными узами, объединявшими четыре поколения. В Африке к югу от Сахары совет клана (*манса* в Мали) правил тремя поколениями. Ислам поддерживал еще более высокую степень солидарности под наблюдением *мала* (*malā* – «собрания» или «совета») племени. В христианском западном мире семьи, состоявшие из родителей и их женатых детей, сплелись узы своих

ближних и дальних родственников вплоть до шестого поколения предков, создавая тем самым среду экономической и политической власти, из которой черпала силу землевладельческая аристократия. В Византии, в деревенских рамках (*χοριον – chōrion*) родовая группа (*сингеней – syngeneia*) соединяла отцовскую и материнскую линии для совместного управления общим имуществом. В Индии *готра* (род, клан, главным образом брахманский; браки внутри готры были запрещены – *Прим. ред.*) соответствовал клану, связанному кровными узами на протяжении шести поколений. В Японии *юджу (uji)*, образование которого между VI и IX вв. н.э. является важным этапом истории японского общества, связывало в пределах отдельной группировки весь род одного предка – группу, которая могла включать всех жителей деревни или людей, объединившихся на основе преданности друг другу, таким образом являясь чем-то средним между базирующимся на этнической основе кланом (*дайказоку – daikazoku*) и родовой системой, охватывающей лишь несколько поколений (*дозоку – dozoku*). В такую группу могло входить от 100 до 1000 человек, связанных узами солидарности.

Кульг предков касался только людей, действительно имевших общее происхождение, но «род» мог включать всех тех, от кого можно было ждать помощи, будь она добровольной или не очень. Так «искусственный род» включал значительное количество людей, связанных с кланом узами дружбы или зависимости. Членами рода могли быть даже рабы, как VII в. в Гане или в XV в. у ацтеков и инков. На территории ислама данники, покинувшие свою родину или семью, могли стать *мавали*, или «новообращенными» господствующего племени и входить в эту же группу, что и рабы, слуги и пленники. В этом, а также в других известных случаях свободные люди могли вступить в своего рода добровольную личную зависимость и считаться «кормящимися» за счет богатого поведителя. Именно так поступали, например, *облати (oblait)* – люди, «предложенные» на службу в монастырь, или даже вассалы «феодалной» системы христианского мира. В Японии, в свою очередь, были как «безусловные» (*нотто*) приверженцы, так и «участники» (*мунчу*) кульга или труда клана. Таким образом, группа могла выйти за отметку в 1000 чел. Однако подобное расширение угрожающим образом искажало всю структуру семьи, так как семья превращалась из ритуальной ячейки, целью которой было прокормить себя, в более крупную хозяйственную, политическую или военную единицу. Эту структуру можно представить в виде концентрических кругов, расходящихся из начального ядра, образованного кровными узами, независимо от того, происходило это на исламских землях, внутри византийской аристократии, среди больших «домов» христианского западного мира или даже в Китае и Японии. На данном этапе в центре вызванных реакций обнаруживаются уже не узы «родства», а лишь интересы отдельных личностей.

В расширившейся семье или клановых группах совершенно естественным образом могли появиться подгруппы. Фрагментарный характер этих подгрупп в конечном итоге мог даже вызвать их отделение от семейного культа. Нам наиболее понятны сообщества родных братьев и зятьев с шуринами, потому что они зачастую возникали из-за условий, продиктованных наследством, которое должно было оставаться неразделенным: фратрии, братства и т.п. – лишь некоторые термны, которые использовались на Западе для описания таких сообществ, которые зачастую тесно объединяли нескольких родственников мужского пола как по отцовской, так и по материнской линии. «Подобные» группировки были знакомы и исламу, стремившемуся не спускать глаз со «своих» женщин. Поэтому такие группы могли появляться еще до смерти отца семейства. Далее к востоку, в Китае, по крайней мере между VII и XI вв. существовали союзы братьев и сестер. Позднее, в XIII и XIV вв., появились, так сказать, «братства», объединяющие сестер.

Таким образом, на данном этапе нам следует обратиться к вопросу о том месте, которое в подобных группировках действительно занимали пары. Практически все группы претендовали на происхождение от самой первой пары. Однако изучение этой проблемы, даже если на какое-то время брачные обряды оставить в стороне, становится еще более сложным, потому что имеющиеся у нас материалы, связанные с нормами, в течение долго времени писались «с оглядкой», а потому весьма сдержанно повествуют об «опоре» всей семейной жизни. Вспомните, что учения буддизма, синтоизма и даже конфуцианство во всей Восточной Азии, равно как и положения ислама, Евангелие и канонические усложнения христианства, подчеркивали важную роль пары, но то были лишь официальные тексты, которые могли удачно маскировать действительность. В пользу жизнеспособности супружеского ядра свидетельствует сам размер клановых группировок. Возможно, что в Америке, Африке и Океании характер местного хозяйства вряд ли позволил бы развиваться подобной структуре. Во всех же прочих регионах, учитывая то, что психологическая и, главное, культурная зависимость пары от какой-либо большей группы никогда не переставала существовать, она несомненно имела возможности для укрепления своего положения на протяжении времени с X по XIV в., когда влияние родителей, братьев и более дальних родственников несколько ослабло, а производственная деятельность расширилась. Западному «дому» (*domus, ostal, haus*) соответствовали североиндийские «дом» (*gbar*) и «очаг» (*chūlbā*), а также их южноиндийские эквиваленты (*vitū* и *kutumpa*) и японский *ie*. После XII или XIII в. археология и иконография повсеместно предоставляют многочисленные указания на группировки, состоящие из одного взрослого мужчины, одной или нескольких супруг и их детей, которые жили у своего «очага» в отдельном помещении. Можно даже предположить, что чем ниже был социальный уровень подобной ячейки, тем выше были ее шансы избежать контроля более крупного сообщества.

Мир женщин

На протяжении всех рассматриваемых веков и на всех территориях женщина считалась созданием «нечистым» и хрупким и одним только своим существованием вызывала недоумение второй половины человечества. С одной стороны, из-за пороков, запечатлевшихся в самой ее сущности, ее следовало держать в удалении или даже в уединении, но, с другой стороны, ее изначальная роль, а также естественная притягательность смущали церковников всех духовных санов. В результате этого, хотя в культурах Индии и Японии с женщинами обращались мягче, чем в мусульманских странах и на христианском Западе, повсюду считалось, что мужчины имеют несомненное превосходство над женщинами.

Поскольку женщин нужно было прятать и вместе с тем о них заботиться, различные культуры выделяли для них специальные территории. У аборигенов Америки и Океании и, в меньшей степени, у африканцев к югу от Сахары женщины жили отдельной группой (как в мексиканской *цитмалли*). Повсюду женщина имела свою часть дома, в которую мужчины могли войти только при исключительных обстоятельствах. В этом отношении не существовало реального различия между исламским *гаремом* (от араб. *харам* – запретное. – *Прим. ред.*) и «её собственными владениями» в замках христианского мира. Восточная Азия следовала практически таким же обычаям, но практиковала и другие, например, жена могла жить в доме своего отца, а муж навещал ее там, как это происходило в XIV в. в Японии. Но даже в тех странах, где женщина жила со своим супругом, за ней внимательно следили, поскольку женщина составляла ценное «семейное» имущество, поэтому любыми средствами ее нужно было ограждать от мужского вожде-

ления и плотского греха. Таким образом, отцы, мужа, братья и дядя (последние в зависимости от региона имели разнообразные полномочия) должны были не спускать с женщины глаз из чувства чести – или собственничества, – особенно когда она выходила из дома. Ее покрывало, как уже говорилось, было продолжением ее уединения даже в обществе.

Хотя к женщинам относились как к предметам обстановки, им все же, как будет видно, суждено было сыграть выдающуюся роль. Однако если женщине не удавалось правильно выполнить свои обязанности матери, наставницы или хранительницы очага, то ее присутствие в семье рассматривалось скорее как бремя, нежели как благо. Например, стоило ли заботиться о маленьких девочках, если их было много, или о дочерях, которые не вышли или не могли выйти замуж? Проблема детоубийства, совершаемого систематически открыто или ловко прикрытого плохим обращением с ребенком, соответствует практике, распространенность которой приводит историков в замешательство. Однако факт его существования совершенно точно установлен в культуре инков, в Японии первых веков н.э. и даже в Индии. В Китае младенцев бросали на произвол судьбы вплоть до X в. Известно, что в начале средневековья то же самое происходило и в христианском мире, причем это с жаром, хотя и стыдливо, отрицается, но отрицается голословно, так как убедительные доводы не приводятся.

Некоторого рода компенсацию, к счастью, составляла положительная сторона женской судьбы. Считавшиеся по сути своей непостижимыми, женщины, как мы уже видели, рассматривались как естественные толкователи потустороннего мира, поэтому существовали богини и заступницы, начиная с христианской Девы Марии. Однако следует отметить, что женщины имели доступ к литургическим функциям только в тех культурах, которые меньше всех прочих изменили свою первозданную природу. Так, шаманки существовали в Океании, Центральной Азии и еще, вероятно, в Мексике; в обществах всех остальных регионов женщинам разрешалось только посвящать себя божественной службе, как в Индии и Южной Америке; к ним можно причислить также «колдуний» из христианского мира. Две фундаментальные сферы, в которых женщина могла в полную силу играть свою роль, очевидно, были связаны с производением ею потомства и сохранением устойчивости ее семейной группы. Будучи матерью, женщина имела привилегированный статус во всех обществах, даже если она еще не разрешилась от бремени. В раннем средневековье на Западе цена ее крови, или англосаксонский *wergild* (немецкий *Wehrgeld*) [*вергельд* – в германских Варварских правах (Варварских законах, записанных в V–IX вв.) – денежное возмещение за убийство свободного человека. – Прим. пер.], могла в четыре раза превысить цену крови убитого мужчины; в Индии мать «стоила тысячу отцов». Ее ценность как производительницы потомства была естественно связана с необходимостью сохранения рода. В этом отношении сразу же бросается в глаза различие полового акта, к которому относились очень подозрительно, от являющегося его результатом зачатия и беременности, прерывание которой считалось бедствием. Огромное внимание уделялось распространению почитания матери в различных цивилизациях тысячелетнего периода, рассматриваемого в данном томе, особенно это касается Запада, где культ Девы Марии был совершенно определенно ориентирован на защиту материнства.

Если не учитывать некоторые хозяйственные заботы, именно вследствие своего авторитета мать обучала детей обоих полов. Женщинам вверяли заботу о малышах и воспитание мальчиков до достижения ими 7-летнего возраста на Западе, в мусульманских странах, в Африке и Океании и до достижения детьми 10–12 лет – в Восточной Азии. Даже если бы эта сфера была единственной, в которой

могла распоряжаться женщина, она вполне была бы достаточна, чтобы установить ее фундаментальную роль, поскольку характер и ум человека формируются в самые первые годы жизни. Таким образом, все средневековые мужчины в большей или меньшей степени были в моральном отношении сформированы женщинами, причем женщины не только воспитали их, но и дали им образование, по крайней мере самые его азы. И все же мы не можем не остановиться на удивительном контрасте: одни цивилизации постарались открыть для своих женщин двери знания и даже сочинили «Писания», как в Японии и Китае (так, «Совет девочкам» Бан Чжао восходит к III в. н.э.), а другие (например, ислам и христианство) предпочли держать женщин в «святом неведении».

Постепенный переход к оседлой жизни, из-за которого мы вынуждены исключить из своего рассмотрения пастушеские народы или народы, на протяжении длительных периодов времени занимавшиеся кочевым земледелием, также сделал немалый вклад в развитие роли женщин. Ведь мужчина, будь он охотником или лесорубом, землепашцем или пастухом, не мог следить за хозяйством или запасами пищи и поддерживать огонь или готовить пищу. Даже самые «прогрессивные» сообщества той эпохи очень сильно зависели от умения добыть средства к существованию. Мужчины, безусловно, были главными добытчиками, но именно женщины распоряжались тем, что приносили мужчины. Абсолютно все имеющиеся факты свидетельствуют о влиянии женщин. Принести воды, присмотреть за емкостью, где она хранится, приготовить пищу на огне – от Мексики до Японии все эти функции выполняли женщины, равно как и хранение, а также приготовление кукурузы, пшеницы, ячменя или риса, плюс кормление и забой птицы или поросат. Будучи «хозяйкой» в доме, женщина имела безраздельную власть над западным «очагом» и японским *изэ*; ей вверялись ключи от всего хозяйства (откуда и возникло древнегерманское *früwa*), а также счета. Вместе с другими женщинами деревни она устраивала «парламентские заседания», во время которых они обменивались новостями, передавая их друг другу от корыта к мельнице, а от мельницы к колодезю. Тем временем мужчины буйствовали в таверне или другой забегаловке, хвастались своими подвигами, на ходу их сочиняя, а затем шумно вторгались в свою «частную» сферу. Так кто же на самом деле всем руководил?

За единственным возможным исключением территорий в Африке к югу от Сахары, женщины не имели доступа к званиям и чинам мирских служб. Тем не менее историк хранит сведения о христианских княгинях, восточноазиатских императрицах, а также индийских и мусульманских наперсницах, поэтому, вероятно, подобное замечание не следовало бы высказывать, по крайней мере, в отношении X, XI и XV вв. для христианского мира, XIII в. для Индии, X в. – для ислама и XIV–XV вв. – для Восточной Азии. Здесь многое зависит от нюансов. Но при необходимости можно указать на судебные заседания, которые позволяли женщинам выступать свидетелями, начинать судебные тяжбы, упомянуть о возможности распоряжаться своим имуществом и даже открывать собственное дело.

При этом мы не имеем права позволить себе принять чрезмерно оптимистичную точку зрения. Нужно обратить особое внимание на то, что, за пределами сугубо принципиальной изоляции женщин от общества существовали многочисленные сферы деятельности, в которых представители обоих полов имели равный статус, до того как их кости (мужские или женские) обретали покой в одной и той же земле. Конечно, рядом с прядильщицами и косильщицами жили жестокие графини, рядом с образованными и мягкими матерями существовали властные, а среди жен встречались не только покорные, но и деспотичные. Периоды прогресса сменялись временами регресса: здесь хронология может нас подвести, потому что местные ус-

ловия жизни слишком сильно отличались друг от друга. Если рассмотреть всего лишь два края Евразии – Японию и западный мир, то можно видеть, что между XII и XIV вв. (эпоха Камакуры – древней японской столицы) положение женщины в Японии было очень низким, тогда как на Западе в то же время сложилась диаметрально противоположная ситуация (илл. 173, 174, 257, 258).

Необходимость производить потомство

Беспокойство, вызываемое в наше время неконтролируемым ростом численности населения, которое нужно кормить, не ново. На Земле всегда были времена и места, где мир казался слишком «переполненным», если принимать во внимание уровень, которого тогда достигла технология. Нам известна очевидная причина этого. Сексуальность человека, равно как и всех других природных видов, сильна и эффективна настолько, что есть желание отвести ей роль основы всего общества. Избыточность населения может сдерживать только сознательная воля или неистовство природы. Вследствие этого сексуальные потребности человека все общества, начиная с самых древних, стремились направить в русло брака, который считался единственным средством, способным оградить его от излишеств. Ни одна из исследованных культурных территорий в ту эпоху не пребывала в доисторическом или протоисторическом состоянии сексуальной анархии, когда все мужчины и женщины, живущие на определенной территории, могли сходиться с кем захотят и когда захотят.

Интимные отношения

Притягательность одного пола для другого представляется нам настолько естественной, что, казалось бы, останавливаться на этом не имеет смысла. Даже если бы мы могли это доказать, плотный занавес помешал бы нам в полной мере оценить, что все это могло бы значить, ибо половой акт, совершенный на людях, всегда считался нарушением порядка и потому повсеместно наказывался, а будущий совершенный в уединении, он практически недоступен нашему взгляду. И все же некоторые документы имеются. Это, например, постановления религиозных властей, записи семейных советов, выдуманные подробности частной жизни, стихи и рисунки.

Ради Творения, божественная власть допускала появление на сцене самого вызывавшего беспокойство элемента – интимных отношений, которые, по крайней мере для мужчин, являются источником удовольствия, а следовательно, влечения и искушения. «Люди Священного писания» пытались убеждать, что это – не что иное, как испытание, которому Бог захотел подвергнуть свои творения, желая, чтобы они соблюдали *moderatio* (умеренность), при этом сам акт все равно оставался одновременно неизбежным, приемлемым и необходимым. Хотя девственность или даже строгое целомудрие, как мы уже видели, безусловно, считалась лучшим путем для человечества, подобный подход подвергал опасности культ предков, а в конечном итоге обрекал весь человеческий вид на вымирание. Кроме того, подобное поведение, если не все стороны желали его разделить, нарушало социальный порядок. Поэтому, несмотря на широкие выступления против брачных отношений, проводившиеся в начале XI в. в Иране, Византии и на Западе, законный характер *copula carnalis*, как называли интимные отношения христиане, был признан повсеместно. Самое большее, чего удалось добиться сторонникам умеренности в *pugna carnis*, «борьбе плоти» против необузданного влечения (своего рода сексуального иступления, которое в Индии называли *gandharva*), так это создать преграду для крайностей. Начиная с IX в., христианский мир

установил еще более мелочные предписания: потворство своим желаниям допускалось только с целью произведения потомства и не во время религиозных праздников, периодов беременности и кормления грудью, но даже тогда лишь при условии *delectatio moderata* («умеренности в наслаждении»), как подчеркивал Фома Аквинский. Евреи допускали только одно сношение в неделю, а мусульмане – только по желанию женщины. В Индии особые предписания могли устанавливать воздержание на несколько месяцев. За пределами монотеистических цивилизаций интимные отношения могли быть запрещены на период охоты или расчистки пашни, а также запрещались в непригодных для этого местах, например, на болотах, в садах или на кладбищах. Более того, самый акт, даже «благоразумный» (*discretio*), как того неустанно требовали Отцы церкви от апостола Павла до св. Альберта (Альберта Великого), оставался источником осквернения, поскольку, как уже отмечалось, женщина считалась «нечистой», а сила воли мужчины при этом уменьшалась и иссякала, вследствие чего нарушалось его физическое состояние.

Некоторые культуры даже гордились тем, что считали необходимым обоюдное удовольствие партнеров и что мужчина обязан доставлять наслаждение партнерше. Такое мнение существовало в исламских странах, в Индии и Японии. Естественным подходом к достижению взаимного удовольствия мог стать эротизм. Повсеместно существовали любовные трактаты: от Овидия до *Liber Gonorrhini* на Западе и от «Книги подушки Сеи Шахагона» (*Pillow Book of Sei Shōnagon*) в Японии XI в. до индийской *Камасутры*, и люди наслаждались тонко написанными руководствами. Священники, брахманы и буддийские монахи метали громы и молнии, но то было пустое сотрясение воздуха. Однако следует отметить, что истинная география эротизма нам до сих пор не известна. Так, придание особого значения наготы, свойственное Западу, уступило место сосредоточению внимания на платье и прическе, но возродилось в качестве сильнейшего стимулятора в Восточной Азии и странах ислама; привычка возбуждаться алкоголем получила распространение в Перу, а сделанные из растений препараты, усиливающие половое влечение, – в Африке. В Новой Гвинее под запрет попали поцелуи, а в Китае источником эротизма стали считать маленькую женскую ножку, поэтому девочкам ноги бинтовали с самого детства (этот обычай появился не позднее X в.). К данному списку можно добавить немало других примеров фантазий, присутствующих в разных культурах.

Все культуры предоставляют нам свидетельства взаимной любви. До наших дней сохранились многочисленные поэтические сочинения арабских авторов, любовные истории XIII–XIV вв., написанные христианами, и даже «Жития» святых в Византии и других местах. В Индии у некоторых высших каст существовал обычай (*sati*) саможжения вдов на погребальном костре мужа. В Японии и в Китае отраженные в литературе приключения тайных любовников недвусмысленно свидетельствуют о наличии в культуре подобного явления.

Не нужно иметь слишком богатое воображение, чтобы представить, что жесткие нормы, определенные служителями Бога, простой народ соблюдать не спешил. Можно оценить серьезность мер, которые предпринимались, чтобы избежать последствия нежелательного поведения, особенно незаконного рождения детей. Подобные «грехи» были одинаковы повсюду: прием лекарств, вызывающих самопроизвольный аборт, удушение плода, применение мужчинами *coitus interruptus* и другие меры, не говоря уже о магических заклинаниях. Сторонники целомудрия относились к подобным вещам по-разному, порой впадая в крайности. За обычая, считавшиеся приемлемыми в Японии, в Мексике могли казнить. Между этими крайностями нашли свою нишу ислам, порицавший ослушание, но при этом более терпимо к нему относившийся, и христианство

с его более строгими и вместе с тем хитроумными мерами. Так, за использование противозачаточных средств перед половым актом человек мог понести наказание, а за их же использование после полового акта наказание было еще более суровым. При этом детоубийство, будь то убийство только что родившегося младенца или плода на последних сроках беременности, расценивалось как убийство и оскорбление предков; виновного в этом преступлении ждала смерть.

Очевидно, что «самоудовлетворение» позволяло человеку избежать подобной опасности, но сделать вывод о повсеместности подобных занятий мы можем скорее исходя из здравого смысла, нежели из наличия каких бы то ни было свидетельств. Однако законы были суровы даже к подобным вещам, расценивая их как напрасную трату дара Божьего. И здесь женщины считались более виновными, чем мужчины, несомненно потому, что законы писали последние. Гомосексуализм, как правило, расценивался примерно так же, но методы борьбы с ним в разных регионах весьма отличались. Это, видимо, объясняется тем, что в разных странах социальные структуры так или иначе способствовали его появлению, как, например, на Западе и в исламских странах, где представителей разных полов изолировали друг от друга с 12 лет до времени бракосочетания. Кроме того, гомосексуализм практиковался везде, где существовали однополые организации, например, в среде христианского духовенства и монашеских орденов; в военных отрядах, были ли они мусульманскими или христианскими; среди брахманов и подобных им групп, возникших из-за кастовых барьеров в Индии. В принципе, виновные могли поплатиться за подобное преступление опять-таки жизнью. Так было в Америке и в исламских странах, но подобная практика была настолько распространена, особенно среди женщин, что властям приходилось делать вид, что они ничего не замечают, как это систематически происходило в Восточной Азии.

Естественно, при подобных обстоятельствах следовало опасаться неконтролируемых вспышек мужского насилия. Хотя изнасилования порицались всеми, они постоянно совершались во множестве разных форм и стали сексуальной чумой той эпохи. В Америке и исламских странах наказанием за такое преступление была смерть, на Западе же на виновного налагались огромные штрафы, так как и краткосрочные и долгосрочные последствия изнасилования нарушали порядок в обществе, в семье и даже в имущественных отношениях. В тех случаях, когда власти под влиянием сложившихся обстоятельств вынуждены были не замечать произошедшего, это происходило потому, что порой они предпочитали рассматривать случившееся как своего рода показатель возмужалости тех мужчин, или, по крайней мере, юношей, которые его совершили. Но опасности, связанные с изнасилованием, настолько быстро и явно признали выходящими за рамки терпения общества, что задолго до средневековья возникли официально узаконенные формы проституции. Предполагаемый вклад женщин, занимавшихся этим ремеслом, в защиту общественного порядка и семьи объясняет, почему Церковь терпела, защищала и даже поощряла «услуги» проститутки. Индийские жрицы и «хозяйки» – *девадаши* (*devadasi*) занимались своим ремеслом в храмах; в христианском мире дома «почтенных дам, которые честно зарабатывают себе на жизнь иглой и ниткой», располагались вокруг церкви; уличные девки в исламских странах собирались перед мечетями, а японские проститутки принимали своих клиентов в «квартале благословенных цветов» – *йошивары* (*yoshiwara*). Коренные американцы превратили этот обычай в правило жизни, а в Перу каждый большой дом имел собственную «женщину, оказывающую услуги», которой доверяли обучение юношей, живущих в нем. Статистика соответствовала практике. К концу средневековья во французском г. Дижоне проституцией на постоянной или вре-

менной основе занимались 10% жительниц. К началу второй половины I тысячелетия н.э. в индийском г. Танджавуре (Танджуре) насчитывалось 500, в Киото – 1500, а в Чаньане (после XIV в. – Сиань, Китай) – 2000 проститутки, не считая трансвеститов. При этом можно наблюдать резкие территориальные различия. Индийские *девадаши* и японские *гейши* («люди искусства») были образованны, зачастую достаточно эрудированны и, помимо предоставления физического удовольствия, могли поддержать светскую беседу, но большинство проститутки были обычными деревенскими девушками.

Брак

Браком был союз мужчины с одной или несколькими женщинами (если у кельтов, в некоторых частях Африки кою от Сахары или в Южной Индии когда-то и существовали иные варианты, то к средним векам они присутствовали только в виде смутного воспоминания), ставший основой общества, так как благодаря ему исчезла сексуальная анархия. Был он продолжительным или не очень, основанным на взаимном согласии или навязанным силой, представлял собой простое сожительство или заключался в результате сложных церемоний, такой союз лежал в основе отношений между полами, а потому является центральным моментом нашей темы. Тем не менее историю брака на протяжении тысячи лет во многих совершенно разных местах невероятно сложно проследить, так как супружество является самым гибким и наиболее противоречивым звеном нашего обзора. И вновь, причем здесь даже больше, чем обычно, нам придется ограничиться общими соображениями.

Прежде всего, нельзя забывать, что, хотя из брака вряд ли можно исключить интимные отношения, отдать им главную роль было бы ошибкой. Брак, какие бы формы он ни принимал, – это в первую очередь договор, а удовольствие – лишь его украшение. Главное – это имущество, которым нужно распорядиться, наследство, которое нужно предусмотреть, родословная, которая не должна прерваться. Многие особенности брака очень сильно зависели от противоречивых обстоятельств, существующих в данной культурной зоне. Моногамия в большинстве случаев была уделом бедняков, которые не могли позволить себе иметь несколько жен, или городских жителей, у которых не хватало места для создания обширного домашнего «очага». В подобных вопросах решение зачастую определялось суммой денег, возрастом, своекорыстием и квадратными метрами, а вовсе не божественными ограничениями.

Первый аспект этого комплекса проблем, очевидно, касается количества супругов. Моногамные культуры, как правило, сурово осуждают полигамию. В ней они видят терпимость к распущенности, форму презрительного отношения к женщинам и отказ от полного участия одного человека в судьбе другого. В свою очередь народы, для которых полигамия является обычной, утверждают, что человеку, особенно мужчине, полигамия совершенно необходима, чтобы навсегда сохранить свой род и религию, и ссылаются на важность подобных союзов для общества и хозяйства, а также для обеспечения прочности семьи благодаря присутствию в доме нескольких женщин. Но, несмотря на то, что подобные принципы можно четко сформулировать для каждой культуры, практика вновь отличается от теории, поскольку в одном случае моногамия может компенсироваться наличием у мужчины любовниц, а в другом нищета не позволяет иметь несколько жен. Моногамия, была ли она освещена примером первой супружеской четы, созданной в Эдеме, либо где-то еще, как о том повествуют различные азиатские мифы о сотворении мира, или определялась священной силой союза двух полов, существовала у евреев, христиан, народов Восточной Азии и Индии. В этом случае в одном «доме», японском *из*,

могли жить от пяти до семи человек, даже если эта базовая единица должна была существовать в рамках более обширного клана. Однако на установление подобного порядка ушло немало времени. На Западе, особенно среди богатых людей, полигамия (допускаемая или не разрешенная) открыто практиковалась до принятия решений Вселенских соборов VIII и особенно XI вв. Известно, однако, что в несколько видоизмененной форме (мужчины имели содержанок) она продержалась до XV в., но когда Церковь причислила брак к своим таинствам, хотя и поставив его на самую низшую ступень, она наложила на него очевидные ограничения.

В Индии существовало противостояние достаточно терпимых буддистов и более суровых брахманов, которые дошли до поощрения обычая *сати*. Предполагается, что 90% индийских семей были моногамными (илл. 219, 220). Моногамными странами были Япония и Китай, хотя и здесь мужчины на законном основании могли содержать любовниц. В исламских странах Коран разрешал иметь четырех жен при условии, что мужчина может кормить их и относиться к ним одинаково. В менее стабильных обществах, судя по всему, практиковалась откровенная торговля женщинами, а потому полигамия в них была обычным явлением. Это, без сомнения, касается африканских народов, живших к югу от Сахары, и ранней Америки, особенно Перу, где у инков распределением жен занималось жречество. Как ни странно, жители островов Океании, видимо, склонялись к моногамному союзу; удовлетворительно объяснения подобному поведению пока не найдено.

Однако подобные союзы имели ограничения, в основном определявшиеся запретом на инцест. Но, несмотря на это (как и в случае с египетскими фараонами), инка мог жениться на сестре, а ацтек – «познать» свою дочь, но в целом связей с единокровными родственниками избегали, хотя и в разной степени. Было ли это вызвано реальной боязнью физиологических последствий подобных отношений? Или люди просто не хотели смешивать идентичные родословные? А может быть, это вновь было предосторожностью против объединения слишком большого числа наследств? Судя по всему, коренные американцы терпимо относились к контактам с достаточно близкими родственниками, например, с сестрой или тетей (но под контролем правителей, как в Перу), и хотя брак с двоюродными братьями или сестрами считался вполне законным в Новой Гвинее, в других странах запрет на связи с родственниками был очень строгим. Византия к VII в. запретила браки с родственниками даже четвертого, а затем и пятого колена, Запад в VII в. распространил этот запрет на родственников седьмого колена, а Индия в IX в. довела этот запрет до родственников восьмого колена. Ислам и Дальний Восток распространили подобный запрет и на некровных родственников.

Естественно, эволюция сопровождала ослабление религиозных ограничений. В определенной степени загладить вину можно было благодаря развитию практики усыновления, когда-то столь широко распространенной в греко-римском мире. К этому средству часто прибегали на христианском Ближнем Востоке, в исламских странах и в Индии, начиная с VII в., но на Запад практика усыновления пришла гораздо позднее (в XIII в.). Здесь христианская Церковь в 1215 г. ослабила строгость запрета на инцест: браки с родственниками, начиная с четвертого колена, перестали считаться инцестом, что можно объяснить появлением признаков снижения материальной угрозы, которую несла в себе систематическая эндогамия.

Термин «эндогамия» приводит нас ко второму аспекту мира брака. Поскольку законный характер союза мог быть обеспечен (при обручении имена вступающих в брак оглашались во всеуслышание, чтобы любой мог выразить протест, если таковой имелся, против этого брака), главным вопросом, который предстояло решить, оставался

вопрос выбора пары в пределах своего рода (эндогамия) или вне их (экзогамия). Во всех культурах бок о бок существовали оба варианта. ЗаклЮчить брак с представителем своего рода, без инцеста, означало усилить чистоту крови, сохранить культ предков, избежать ухода супруга из своего клана или после кончины отца без труда заменить его дядей, предпочтительно по материнской линии, поскольку он ближе к матери по возрасту. Такие браки были распространены в Африке к югу от Сахары, а также в Индии, Японии и Китае. Этой тенденции придерживался и буддизм, отказавшийся поддерживать неравенство социальных уровней супругов (гомогамию). Ислам также присоединился к этой тенденции даже в своей теории, хотя Пророк такого исхода не предвидел, так что средневековая практика мусульман была скорее обусловлена более поздним влиянием, в особенности иранским.

В христианском мире все было еще сложнее. В течение долгого времени в нем бок о бок существовали оба варианта брака, несмотря на активные усилия, предпринимаемые Церковью в пользу экзогамии, исключавшей возможность инцеста, вследствие чего ослаб главный соперник Церкви – военная аристократия. Эта длительная борьба привела к противостоянию Церкви и могущественных членов общества, тех, кого переполняло осознание чистоты своей крови и кто стремился заключать браки с людьми, занимающими гораздо более высокое положение в обществе (гипергамия), тогда как простолюдины гораздо охотнее следовали совету своих священников.

Учитывая эти ограничения, вполне можно представить, насколько мала была доля браков, заключенных по любви, да такой подход и не был обязательным: главной целью брака оставалось рождение детей, т.е. результативный союз представителей разных полов. При этом следует отдать должное мудрецам, которые наблюдали за состоянием дел и принимали решения. В Африке это были «старейшины», в Японии – *накодо* (*nakodo*), в Китае – *мей цзен* (*mei jen*). Эти люди подбирали будущих супругов из достигшей брачного возраста молодежи. Такой выбор могло делать и особое лицо вроде жреца инков. В Индии, христианском мире и исламских странах родители вступали в зачастую длительные переговоры, в суть которых их обрученные дети вообще не посвящались. Порой они могли впервые встретиться только в день бракосочетания, как в Восточной Азии, или в день обмена клятвами (*sponsalia, verba de futuro*) у христиан. В исламских странах после обручения вопрос о браке еще не считался улаженным, и невеста вполне могла отказаться от его заключения, но во всех остальных странах подобное поведение сочли бы неслыханной дерзостью. Более того, родители обручали детей еще до достижения ими сознательного возраста – такие случаи имели место во всех рассматриваемых регионах. Христианский мир зашел дальше прочих в том, что касается свободной воли, т.е. одобрения или *взаимного согласия* «обрученных». Римский закон, как он изложен в «Корпусе гражданского права», составленном по распоряжению византийского императора Юстиниана I, введенном в действие в VI в. н.э. на Востоке и к X в. на Западе, был основан на привязанности, *dilectio*, которую по теории обязан был поддерживать принцип экзогамии, поощряемый Церковью. Тем не менее в Европе, как и повсюду, брачная «модель», как правило, объединяла только что достигших брачного возраста девушек с уже «состоявшимися» мужчинами, т.е. мужа были на 10–15 лет старше жен. Зависимое положение слишком молодой невесты, господствующая роль ее братьев в случае отъезда или кончины мужа, краткосрочность подобных союзов и непременное участие проституток, оказывавших услуги множеству, пока «не состоявшихся» юношей, а также получение невесты из рук ее отца (вследствие чего возникла одна особенность, столь ярко выраженная в исламе с его *адатом* (обычным правом), с группами холостых юношей, которые рыскали в

поисках девушек, чтобы украсть их или изнасиловать) были основными характеристиками такого устройства брака.

Если брак приравнивался к контракту, значит, его заключение должно было сопровождаться совершенно определенными публичными проявлениями. Так, брачующиеся давали обет перед свидетелями, а в Византии даже перед нотариусом; произносили слова или клятвы, которые придавали договору характер торговой сделки; обменивались символическими и ритуальными предметами, например, кольцами, которые символизировали пару и надевались на палец (в христианском мире) или вдевались в ноздрю (в Индии и Африке). Обязательным условием было осуществление брачных отношений, без которого соглашение и контракт лишались юридической силы. Наконец, мужчина и его супруга или супруги должны были поселиться в жилище, которое с момента поселения в нем становилось его «очагом», даже если вместе с молодыми в нем проживали другие люди. В отношении проживания наблюдались различные варианты. В христианском мире, в Индии, Китае и исламских странах молодые селились в доме мужа; Япония признавала две возможности, а в Африке к югу от Сахары и Америке молодожены, по крайней мере в течение некоторого времени, жили в доме отца невесты. Жители Океании решали эту проблему вполне определенным образом: каждый из супругов оставался жить в своем доме.

В любом случае одних обрядов могло быть недостаточно. Стороны, заключающие «сделку», должны были договориться о ее материальной стороне. Так, повсеместно практикуемой гарантией был неписанный закон, согласно которому отец невесты давал за дочью приданое, чтобы обеспечить ее содержание в замужестве. Отец жениха, в свою очередь, давал или обещал дать выкуп за невесту, чтобы обеспечить ей достойную жизнь в случае кончины мужа. Законоеды всех стран единодушно расценили подобную практику как пережиток прошлого, когда женщин покупали и продавали. В действительности же, две материальные части контрактов далеко не всегда были равными. Вклад невесты мог сводиться лишь к нескольким предметам мебели или другого движимого имущества, которые принадлежали не только ей одной, тогда как муж обеспечивал тестя продовольствием и даже наделом земли. Так было в Америке, Африке и Японии. В исламских странах к выкупу за невесту (*mahr*), собранному для будущей жены, жених добавлял подарок, который преподносил невесте в день свадьбы, причем, даже если приданое невесты было небогатым, оно оставалось в полном ее распоряжении. Практически противоположная ситуация сложилась в Индии, где приданое для невесты могли собирать чуть ли не всей деревней, тогда как жених вообще практически ничего не отдавал. Наиболее уравновешенные схемы обмена материальными ценностями существовали в Китае и христианском мире. С одной стороны, семья невесты давала за дочью богатое приданое (*maritagium, dotalicium, exovale*), которое оставалось собственностью жены, но распоряжался им ее супруг под неусыпным наблюдением тестя. Жених же, с другой стороны, откладывал долю своего имущества, чаще всего треть, чтобы в случае его кончины вдова могла вести достойную жизнь, а в некоторых случаях дарил что-то ценное еще и в день бракосочетания (*doarium, donatio propter nuptias, Morgengab*).

Развод не мог не быть крайне серьезным вопросом. Без труда можно определить основную причину расторжения браков: отсутствие интимных отношений или бесплодие. В последнем, кстати говоря, всегда обвиняли женщину, причем в худшем случае ее могли заподозрить в колдовстве. Однако желание развестись могло найти и другие пути решения, например, в исламских странах и на Западе муж мог заявить, что с возрастом жена подурнела. По причине подтвержденного бесплодия разводы существовали повсеместно: в Африке, в Китае, в Индии и даже в Византии. Чаще всего инициатива в этом случае исходила от

мужчины, но в Восточной Азии первые шаги могла сделать женщина, или развод вообще мог состояться по взаимному согласию. Здесь стоит заметить, что супружеская неверность, хотя и могла повлечь за собой развод, основной его причиной не становилась. Так происходило потому, что супружеская неверность расценивалась как преступление против семьи и даже против общества, поэтому наказание зависело от психологического настроя каждого конкретного общества. Среди инков измена каралась смертью, а в Мексике «ответная» измена второго супруга могла искупить вину первого. В Восточной Азии изменника изгоняли и подвергали принудительному труду на срок в несколько лет. Ислам в этом случае требовал забивать виновного камнями, хотя, как правило, можно было достигнуть компромисса. Христианский мир, судя по всему, предпочитал особо выделять постыдность и глупость совершенного действия, выставляя его на всеобщее обозрение, которое бесчестило виновного. Таким образом, верность одному мужу являлась основой семейной группы. Она могла довести даже до практикуемого в Индии *sati*, или почти до доходившего до этой крайности запрета на повторный брак, особенно для вдов, которых в любом случае было куда больше, чем вдовцов. Последний запрет, оставаясь в силе в Китае и Индии, окончательно исчез на Западе и в Византии соответственно к X и XI вв., вероятно, с целью повышения коэффициента рождаемости.

Суметь выжить и вытерпеть

Как обеспечить необходимую преемственность, без которой семейная, да и любая другая человеческая группа, очевидно, не смогла бы выжить и передать своим потомкам физическое, материальное и психологическое наследие, которое она хранит, живя в этом мире?

Место ребенка

В мире, где перед каждым человеком стояла проблема добычи пропитания, где тяжелый труд был уделом всех, а сплоченность – принципом, помогавшим выжить, люди, неспособные работать, вполне могли считаться бесполезным бременем или, как минимум, иждивенцами, с которыми подолгу не нянчились. То, что ребенок был явным залогом будущего, и так понятно. Рождения младенца ждали, так как он представлял собой либо будущую мать, либо будущего продолжателя рода. Вполне возможно, что мальчиков, которые физиологически оказывались слабее девочек, в большей степени старались защитить от жизненных тягот, а от девочек порой вообще тут же избавлялись, как уже было указано выше. Кроме того, детская смертность была гораздо выше, чем даже в большинстве самых бедных современных стран (европейские кладбища, в частности, свидетельствуют о том, что умирал каждый третий или даже каждый второй ребенок). Живя под постоянной угрозой смерти и в течение времени, взятого взаймы, будущи ненужным и тяжким бременем, не представляя ценности для хозяйства, дети выживали только в счет того, что они могли дать в будущем, во взрослом состоянии. Высказывается даже предположение, что самого понятия детства с присущими ему отношениями в то время не существовало.

Однако подобное утверждение следует уточнить. Для начала укажем, что в некоторых культурах появление ребенка считалось знаком прощения Небес, ниспосланным свыше, поэтому даже если сам ребенок не играл никакой роли, он оправдывал существование семьи. В Индии и Китае, как и в наши дни, судя по всему, ценностью считался сам младенец. Ребенка там считали «хорошим примером», «возвращением долга», а не только человеческим детенышем или бесполезным коротышкой. Более нетерпимой по

отношению к детям была японская культура, но и ее превозмогал ислам. В исламских странах дети, за исключением старших сыновей, считались существами подозрительными и безответственными, а потому их принципиально прятали. В течение долгого времени христиане думали примерно так же, однако сейчас мы располагаем убедительными свидетельствами археологических раскопок, поэтических произведений и иконографии, в частности XII в., которые указывают на интерес, проявляемый, по меньшей мере, к самым первым годам жизни ребенка. В эти первые годы жизни ребенок, как уже говорилось, находился только в мире женщин, что наводит на мысль, хотя она может быть ошибочной, о более нежном и внимательном отношении женщин к этим маленьким созданиям, появившимся у них.

Достигнув пятилетнего (в Африке), семилетнего (в Европе, исламских странах и Восточной Азии) и десятилетнего (в Индии) возраста, мальчик переходил в мир мужчин, а девочка оставалась с женщинами. Именно тогда и начинался самый сложный этап в жизни ребенка, который мог длиться около десяти лет: несколько меньшее время для девочек, которых рано выдавали замуж, но большее – для мальчиков, которые вынуждены были дожидаться своего занятия, статуса и пары. Юность мальчика могла продолжаться до 25 лет (как в Византии), соответствуя периоду, на протяжении которого он учился жизни. Такая учеба могла потребовать от него куда большей способности к концентрации и труду, чем могли обеспечить его все еще незрелые ум и тело. «Переход» от юности к зрелости сопровождался обрядами посвящения. В христианском мире и Китае простые намеки, нередко литературные, приподнимают лишь краешек занавеса, скрывающего жестокие конфликты между растущими и упрочившимися силами; в Японии и исламских странах письменные тексты уделяют особое внимание жестокостям, которые творили в деревнях молодые парни или группы холостых людей, бродивших по улицам арабских городов. Индии тоже были знакомы обряды, после совершения которых юноша становился мужчиной и начинал нести ответственность, но эти обряды носили совершенно мирный характер, вообще свойственный этому региону. Самые суровые формы «перехода» принимал в Америке, Африке и Океании, когда подростков силой отнимали от их матерей, избивали плетью, оставляя шрамы и другие отметки, и доводили почти до изнеможения. Такие обряды могли повторяться на протяжении нескольких лет и иногда сопровождались длительными периодами изоляции или лишений, приводившими к насилию или гомосексуализму среди представителей обоих полов.

Наиболее распространенной, явной, а для ребенка, вероятно, самой болезненной особенностью была сокрушительная «забота» отца, который распоряжался своим отпрыском как частью своего имущества. Нет никаких сомнений в том, что подобное абсолютное владение (*patria potestas*), существовавшее в законе средиземноморских стран, утратило некоторую часть своей силы, но власть отца по-прежнему оставалась неограниченной. В Японии отец мог продать, развратить или даже убить своего ребенка, если считал его бесполезным или виновным в чем-либо, а в Индии отец имел право изгнать ребенка из касты с согласия остальных ее членов, что означало полную изоляцию изгнанника, а значит верную смерть. Китай и исламские страны, видимо, не стали заходить так далеко, но преданность и почтительность по отношению к отцу были в этих обществах основами основ. Индия, как обычно, уравновесила власть отца, который по-прежнему оставался главой семейства, властью матери, которая тоже имела некоторое влияние. Как ни странно, но именно христианский мир, хотя на нем и лежала печать римского права, больше других стран ослабил авторитет отца.

Передача состояния

Юридические дела, касающиеся наследства, являются одними из наиболее объемных и сложных документов, с которыми приходится работать историку. Это обусловлено тем, что в каждом человеке живет сильное желание обеспечить передачу по наследству потомкам плодов его земного труда. Поэтому намеревался ли человек обеспечить постоянное поклонение своим предкам, двигала ли им привязанность или даже какое-то минутное увлечение, факт остается фактом: человек приумножал количество предписаний, запретов и возможных лазеек.

Любой человек, стремившийся завещать свое имущество, желал, чтобы все, что он унаследовал или приобрел за свою жизнь, сохранилось в целостности. В этом случае он должен был выбрать одного наследника – решение, достаточно простое и эффективное с точки зрения сохранности наследства, но естественно губительное для других возможных наследников этого человека. Однако он мог проявить и большую заботу, следуя привязанности или чувству справедливости, и по-честному разделить свое добро на более или менее равные доли, никого не обидев, но при этом разорив свой дом. Наконец, если человек был женат и близок к своей кончине, он мог задуматься о судьбе своей будущей вдовы и, быть может, дочерей. Ведь если на первом месте стоял вопрос о поклонении предкам, или, в равной мере, стремление приумножить свое наследство, то завещатель должен был выбрать одного наследника или, по крайней мере, основного предпочитаемого наследника, тем самым обеспечивая преемственность. Однако если тип занятий группы требовал коллективных усилий ее членов, например, если это были охота, пастушество, расчистка земли под пашню, или если сильное беспокойство вызывала демографическая ситуация, то предпочтительным могло быть разделение наследуемого состояния между всеми поровну. Вместе с тем в сообществе положение женщины могло быть настолько прочным, что завещатель вряд ли мог обойти ее стороной. Что касается бедняков, наследство, пусть и неразделенное, могло оказаться бесполезным, но, если говорить о сильных мира сего, то наследство могло стать состоянием, которое нужно было сохранить с целью поддержания богатства и престижа. Если род объединял не слишком близких или щепетильных людей, то завещатель мог поступать, как ему заблагорассудится или как подскажут ему последние желания. Но там, где в силе оставалась семейная система, основанная на кровном родстве, завещатель должен был прислушаться к мнению остальных, которые могли принять решение, исходя из интересов группы, а не завещателя. Право первородства, или, говоря проще, право старшего сына на получение наследства (хотя выбор мог пасть и на младшего сына, как это бывало у монголов, со всеми последующими обидами и беспорядками), – первое, на что нам следует обратить внимание. Мы уже упоминали о причинах права первородства в связи с ответственностью за сохранение культа предков, согласно которому наследное поместье и право им распоряжаться переходит к старшему сыну. Но передачи всего наличного имущества только старшему сыну не было нигде. Если даже не принимать во внимание долю, которая переходила вдове, всегда существовало немало препятствий для полного лишения имущества остальных сыновей. Даже завещания, составленные в соответствии с римским правом, воздерживались от передачи всего наследства старшему сыну, и еще большие ограничения на это накладывали обычаи. Даже в Японии, где право первородства соблюдалось настолько строго, что старший сын, будучи еще совсем ребенком, уходил от матери и жил вместе с отцом, на передачу ему всего имущества отца устанавливались определенные запреты. Так, бывали случаи, когда сын, обязанный покорно демонстрировать свое почтение (*ко*) по отношению к отцу, вместо этого ставил на первое место своих

военных или политических наставников (*чу – чби*), вследствие чего отец исключал его из числа наследников. Кроме того, в основном среди простого народа, от четверти до трети наследства «отводилось» на прочих наследников. В Индии, где ситуация была гораздо менее жесткой, человек мог отдать наследство своему зятю, если его собственный старший сын умер. После 1200 г. право первородства было вообще практически вытеснено правом на долю в наследстве всех детей; примерно одновременно то же происходило и в Китае. Ислам был благосклонен к праву первородства, и основной наследник имел право скупить доли остальных, но практика разделения наследства между всеми детьми здесь была весьма распространена. Христианский мир принимал оба варианта, а преимущество одного над другим зависело от рассматриваемого периода. Как и следовало ожидать, принципа первородства придерживалась аристократия, но даже в этом случае старший сын имел право только на самую большую долю наследства, равную максимум двум третьим от всего состояния отца. Подобные ограничения на полную передачу имущества одному наследнику были связаны скорее с осознанием возможного риска, нежели с чувством справедливости. В этом можно убедиться, видя, к какой анархии приводил другой возможный подход к завещанию имущества – его разделение на равные доли.

Именно в разделении наследства начинали проявляться местные традиции, истоки которых нам часто неизвестны. В западном христианском мире обычаи кельтов оставляли место для женщин и рекомендовали разделение наследства; германские народы ставили на первое место мужчин (как в Салическом законе), но могли выделить наследство и вдовам (бургундское право); лангобарды делили наследство на равные доли, а готы выступали за право первородства; римское право отдавало предпочтение старшему сыну, но при этом поддерживало разделение наследства; у скандинавских народов во число наследников входили дядя и тети. Не менее запутанными были и решения, касающиеся вдов. Если подобный беспорядок царил на такой небольшой западной оконечности Евразии, вряд ли можно надеяться на создание четкой картины для целых материков. Поэтому мы ограничимся лишь наиболее выразительными примерами.

Прежде всего, на части могло делиться далеко не все имущество. В Перу инки и храмы оставляли две трети наследства себе; в Африке к югу от Сахары из наследства, подлежащего разделению, исключались общие земли; в Индии по-разному делилось отцовское и материнское имущество. Кроме того, по крайней мере, среди христиан, родственники всегда могли вмешаться, чтобы одобрить решение, оспорить его или даже вернуть себе несправедливо распределенные вещи (*laudatio parentum, retrait lignager, ritorn*), или, наоборот, способствовать тому, чтобы отдать свободное наследство близким или двоюродным родственникам (в Византии это называлось *epibole*, а на Западе – *adfectio sterilium*). Если к этому добавить, что в зависимости от правового статуса человека его мог обобрать собственный хозяин, зачастую лишая большей части имущества, а иногда отбирая его полностью, и что подобная ситуация была знакома европейцам, американцам и индийцам, то не сложно оценить, какое множество источников конфликта мог породить такой беспрепятственный и мучительный беспорядок. Достаточно взглянуть на Европу и практиковавшийся в ней дележ детей, родившихся от свободного мужчины и рабыни, или возвращение их всех в рабство, если обычай решал, что в данном случае нужно следовать «худшему» варианту.

Однако у нас есть более ясное представление в отношении третьего подхода – наследства, передаваемого женщинами или предназначенного для них. В Европе все зависело от обычаев, принятых на конкретной территории. В некоторых ее частях, например там, где атмосферу об-

щества определяла военная аристократия, передача основной части наследства шла по мужской линии (*per virgam*). На других территориях (по общему признанию, с начала XII в. их становилось все меньше) более распространенным обычаем была передача наследства по женской линии (*per ventrem*). Здесь можно упомянуть несколько простых принципов. Девушка, за которой давали приданое и которая выходила замуж, исключалась из числа наследников своего отца, так как уже получила свою долю наследства авансом. Именно такого порядка с XII в. придерживались христианский мир и Индия. Причина состояла в том, что если женщина могла сохранить за собой право распоряжаться своим имуществом или, по крайней мере, оставалась его основной владелицей, то после смерти мужа она могла забрать все, что от этого наследства осталось. Второй принцип давал дочерям право на долю в наследстве повсюду, где наследство должно было делиться между детьми, но только после наделения сыновей и благодаря привлечению имущества матери (*materna maternis*). Таким образом, доли дочерей всегда были меньше, а в исламских странах никогда не превышали половины всего наследства.

Право на большую часть наследства, очевидно, имели вдовы, если учесть их все еще молодой, по причине принятой «матримониальной модели», возраст, или запрет на вступление в повторный брак, а также жесткость того времени, которая не оставляла им иного выхода, кроме нищеты или монастыря. Исключая регионы, где было принято подвергать суровому исключению женщин, не способных больше вынашивать детей, вследствие чего считавшихся бесполезными, как в Океании и Африке, во всех других странах вдовы имели право распоряжаться своей вдовой частью наследства (т.е. выкупом, который жених платил за невесту) и остатком своего приданого (т.е. даром своего отца). Это был минимальный вариант наследства, распространенный в Восточной Азии. Другой вариант заключался в возможном праве пожизненного пользования чужим имуществом и доходами от него, имевшемся у вдовы, т.е. в возможном узурфрукте вдовы на долю, оставшуюся от наследства, равную его трети в христианском мире, но ограниченную либо имуществом, нажитым супругами в их совместной жизни, либо собственностью, относящейся к материнской линии. Здесь вдова имела приоритет перед прочими наследниками, связанными кровными или брачными узами, в частности, перед зятями.

Наиболее благоприятная ситуация существовала в Индии, особенно на юге этой страны. В начале XIII в. вдова имела право на нормальную, а иногда и преобладающую над всеми прочими долю в наследстве своего мужа, по крайней мере, в тех областях, где не практиковался обычай сати.

Жить вместе

Различные сообщества этого тысячелетия трогательно стремились укрепить те связи, которые могли позволить им выжить. Некоторые основывались если не на взаимной привязанности среди мужчин, то, по крайней мере, на проявлениях дружеских чувств в повседневной жизни. Другие в большей степени надеялись на узы общественной организации, посредством которой общие интересы были связаны с уважением к власти. В конечном итоге практически везде общество превращалось в иерархическую структуру, которой казалось достаточно для сплочения человеческих групп и их выживания.

Дружеские отношения несомненно зависят от определенных культурных устоев, степень выражения их отличается в разных этнических группах, и зависит от чувства гостеприимства, развитого в этих группах, от склонности к играм или касается способов распределения продовольствия. Поэтому мы ограничимся описанием важности

празднований, которые часто принимали ярко выраженный религиозный оттенок и объединяли мужчин (гораздо реже женщин) в регулярных и частых игрищах (считается, что на Западе более ста дней в году занимали разного рода фестивали, пиршества, развлечения или шествия). Танцы, костры, испытания ловкости, гонки, бои животных, костюмированные шествия, сопровождаемые шумовыми эффектами, существовали повсюду как в городах, так и в деревнях. Естественно, что и проявления подобных праздников были многочисленными. «Майское дерево» (украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют 1 мая в Англии. – *Прим. ред.*) и костры, разжигавшиеся в Иванов день (24 июня) на Западе, восходят к языческим корням; у коренных американцев игра в мяч на специальной площадке предшествовала кровавому жертвоприношению; попойки в христианском мире, соревнования по стрельбе из лука в Китае и гонки на лодках в Японии могли привести к соперничеству семей или кланов; даже на первый взгляд такие совершенно безобидные игры, как шахматы у мусульман или карты у китайцев зачастую напоминали скорее поединки, чем приятное времяпрепровождение.

Мужчины, «братающиеся» в таверне, или женщины, болтающие около корыта для стирки, представляют аспект равноправия, который, тем не менее, нужно рассматривать на фоне вертикальных связей, соединяющих мужчин внутри очень мощных структур, где чувство причастности к человеческому роду, искусственно созданное, может соседствовать с родственными узами или даже вытеснять их. Наиболее ярко эта тенденция выразилась в двух культурных регионах. Одним из них был западный христианский мир, где содружества молодых воинов, начиная, по крайней мере, с VII в., связывали себя узами почти сыновней преданности своему господину («сеньору», хотя возможны и другие наименования этого человека в романских языках, от латинского *senior* – «старший»), становясь его «вассалами» (от кельтского *gwass* – «мальчик»). Именно таким был знаменитый источник вассальной зависимости в XII, XIII и последующих веках. Другим подобным регионом была Восточная Азия, где военная сторона жизни Японии представляет собой любопытное и почти зеркальное отражение христианского мира того времени, тогда как узы, связывавшие учителей и учеников в Китае, были скорее интеллектуальными и психологическими.

«Царственная модель», или пример императора, имела психологическое значение, которое ориентировало общество на стремление к вершине иерархии, при котором каждый хотел быть причастным к семье правителя или, по меньшей мере, связать свою семейную группу с величественной, религиозной и, если требуется, жестокой властью правителя. В Китае слова «князь» и «отец», «граф» и «старший сын» имели одинаковое значение. В Японии того времени поражает почти милитаристский аспект социальной структуры этой страны. Следует ли объяснить его сознательным желанием различных кланов, которые, начиная с VII в., не стеснялись в средствах, чтобы заполучить власть? Или политической системой, придуманной *сёгунами* (правителями Японии) XIII в.? Или попросту сложной формой местности, увековечившей традиции самозащиты в трудных условиях, или даже чувством чести и уважения к силе, которая столь прочно укрепилась на архипелаге? Ислам также уважал воинов (откуда и возникло слово *асабийя* (*‘aşabīyya*), обозначающее «братство воинов»), независимо от того, сражался воин за веру или нет, но не превратил это уважение в столь жесткий шаблон, как Япония. Нельзя забывать и о том, что хотя христианский мир Запады, часто и опрометчиво называемый «феодальным», безусловно, считал своих вооруженных людей политически важным звеном, но все же оставал значительные сферы своей социальной жизни свободными от контроля военных.

Абсолютным исключением был Китай. В этой стране общество спланивали не воины, а писцы. Вначале посла-

ние Конфуция сделало знание правил. На протяжении всей тысячи лет роль «правоведов», школ и образованных людей продолжала расти. Династии Цинь к III в. до н.э., Тан, Сун и Мин в VIII, XII и XV вв. н.э. развили систему обучения, состоящую из кодексов (насчитывающих несколько сотен статей), экзаменов, бесчисленных проверок, что привело к появлению всемогущей бюрократии, разноуровневых «манدارинов», чиновников, которые стали хозяевами повседневной жизни и которых привлекала возможность продвижения в обществе, уважение к записанному слову и эффективность административного аппарата. В XV в. у одного только императора насчитывалось 80 тыс. титулованных чиновников. Естественно, вряд ли можно сравнивать христианский мир Запады с Китаем, но и здесь уважение к закону, будь он мирским или духовным, записанным или произнесенным (в любом случае, к XII–XIII вв. традиции, ранее передававшиеся из уст в уста, записывались), а также роль грамотных людей, состоящих при мирских или церковных правителях, доказывает, что и в этой части света общество больше не могло надеяться на поддержание порядка с помощью одной только грубой силы.

Одним из возможных выходов могло бы стать управление обществом, вверенное чисто религиозным властям, однако влияние различных церквей было неравным, а иногда его не было вовсе. Так, ислам, равно как и буддисты на Востоке, не проводил различия между верующими. Индия, безусловно, была подвержена мощному давлению миллионов своих брахманов, но они составляли обособленную и закрытую для остальных людей касту, которую заботила только ее собственная судьба. Больше других к созданию религиозных группировок прибегал христианский мир с его братствами (не без примеси язычества, проявлявшегося в их обычае пить из ритуальной чаши), в которые ради взаимопомощи и благочестивых занятий объединялись крестьяне или ремесленники. В некоторой степени, примерно в таком же свете можно рассматривать монашеские заведения, в которые, помимо действительно призванных Богом людей, стекались бедняки, изгнанники, младшие сыновья и старые девы. В Византии, где такие религиозные дома выполняли многочисленные функции, их даже называли «семейными монастырями».

От внимания историков не ускользнул тот факт, что различные преграды, ограждающие людей, например горизонтальные и вертикальные братства и определенное влияние меча или пера, привели к появлению мощной иерархической организации мира живущих. За возможным исключением тех культур, которые, как островитяне Океании, по-прежнему оставались весьма подверженными жестокостям природы, глубокие пропасти разделяли людей. Некоторые различия (мы коснемся их лишь мимоходом) были обусловлены разными правами, которыми были наделены разные люди. Рабство, например, существовало повсеместно; этот общественный институт подпитывался военнопленными, осужденными преступниками и простыми людьми. Можно долго рассматривать нюансы и утверждать, что западная форма рабства, которая вымерла к X в., была еще более жестокой, чем сменившее ее крепостничество, что с пятью процентами рабов в Китае и Японии обращались хорошо и что судьба невольников, если рассматривать их повседневную жизнь, была ничуть не хуже судьбы всех остальных. И все же рабство в средние века было фактом, который бесполезно пытаться скрыть во имя христианства, особенно если учитывать, что христианской цивилизации не было до этого дела, как это станет ясно через много времени после средневековья. Достаточно сказать, что этот постыдный институт существовал на грани гуманности, так что лучше не останавливаться на этих нюансах слишком подробно.

Другие элементы дифференциации общества можно определить с помощью двух критериев, которые в данном вопросе не были взаимоисключающими. Одним из них

был тип деятельности, который отводился для данного человека в обществе, другим – его экономическое, политическое или религиозное положение. Первый элемент, как правило, относил человека к некоторой группе, которую он уже не мог покинуть и в которой к нему не мог приблизиться ни один человек, принадлежащий к любой другой группе, так как каждый должен был играть свою роль, вести свой образ жизни и следовать закону для обеспечения гармонии более крупного сообщества. В Японии, например, человек мог принадлежать к группе, или *сеи*, воинов (*самураев*), ремесленников, крестьян, купцов или изгоев (*се мин* – те, кто выбрал для себя унизительное ремесло, например мясники и кожевники) и рабов (*ятсудо*). В Индии же, как известно, особенно в долине Ганга и на юге страны, обязательной формой жизни стали касты (санскр. *джати*). Древнеиндийские тексты – *дхармашастры* никогда не прекращали подтверждать кастовую систему, а комментарии к этим текстам (*нибандха*) постепенно приводили общество в состояние закоснелости. В Индии существовало почти 3000 закрытых каст, каждая из которых противостояла любым контактам, способным привести к смешению ее родословной или культуры с другими. Каждая каста следовала своим собственным обычаям (*ачар*) и имела свои традиции (*ачаран*), подражать которым другие не имели права. Касты подобно заразной болезни распространились по всей Южной Азии (Индии) между X и XII вв., так как в конечном итоге их сочли самой надежной гарантией от беспорядка, причем, судя по всему, не было сделано ни малейшей попытки ниспровергнуть подобную систему. Напротив, представители многих из этих каст были очень уважаемыми людьми, например, воины (*кшатрии*), часто склонные к буддизму, брахманы (жрецы) и даже торговцы (*вайшьи*). Худшая же судьба ждала тех, кто занимался унизительными и грязными ремеслами. Таких людей называли «те, кто ниже» (*параиан* – *параиян*, откуда и произошло слово «пария») – недостойные, неприкасаемые.

Не доходя до подобных крайностей разделения, христианский мир и, в меньшей степени, ислам тоже соблазнялись идеей раз и навсегда распределить людей для выполнения определенных функций. Трехсторонняя (тринитарная) модель, унаследованная из Индии и определенная выше, выделяла тех, кто молился за других (*ораторес*), тех, кто их защищал (*bellatores*), и тех, кто их кормил (*laboratores*). Подобное равновесие, которого желал Бог, препятствовало любому продвижению в обществе, так как попытка вырваться из своей «социальной группы» была равносильна кощунству в отношении Творца. Тем не менее идея соперничества вводилась в рамках каждой социальной группы, так что богатые боролись с бедными, сильные со слабыми; соперничество присутствовало и среди людей с разной «ценой крови», или *вергельдом*.

Так появились группы, которых объединяли семейные механизмы и насущные потребности, но разъединяли практические ценности и общественные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце общего обзора, в котором автору, очевидно, пришлось пропустить множество тонкостей, порой даже важных, можно попытаться подвести некоторый итог. В данной главе мы ни словом не обмолвились ни о Корее или Тибете, ни о Южной Африке, американских равнинах, Северной Азии, Северной Европе, ни о евреях или кхмерах. Что касается рассмотренных регионов, то общий характер повествования вынудил нас пренебречь специфическими особенностями, и мы говорили об «Африке к югу от Сахары», «Океании», «христианском мире» и, что еще хуже, об «Исламе». Но только благодаря такому выбору нам удалось избежать путаницы и излишне мелких подробностей, в которых достаточно легко погрязнуть.

Возможно ли в таком случае сделать хотя бы общий вывод? Возможно, причем даже в двух разных плоскостях. Во-первых, рассматриваемый тысячелетний период действительно характеризовался некоторыми особенностями, общими для всего мира, но более ярко выраженными на отдельных территориях. Все общества были погружены в религиозную атмосферу, которая окрашивала все, что они делали, и зачастую даровала ведущее положение тем, кто служил божествам и был хранителем установленной семейной жизни. Кроме того, все эти общества имели жесткую иерархическую организацию в виде социальных слоев, каст и кланов. Их движущим фактором была вооруженная сила, т.е. сила государства или воинов. Что касается последних, то для усиления власти семьи объединялись друг с другом. Если глубже вникнуть в рассматриваемую сферу, то можно также обнаружить почти повсеместное ухудшение положения женщины, хотя и с двумя важными оговорками: во-первых, гарантии правового или даже экономического характера теоретически ограждали ее от нужды; во-вторых, в стенах дома, т.е. ее «частной сферы», она пользовалась весьма ощутимой и практически безраздельной властью, особенно над своими детьми. Наконец, огромную роль играло давление родственных уз, в том числе и со стороны дальних родственников, от которых зависело решение вопросов брака, наследования и управления имуществом. Именно здесь проявлялись дружеские чувства, формировалась политическая активность.

Вторая область наблюдения, способная представить общий взгляд на все эти составляющие, приводит нас к попытке систематизации типов семьи. Судя по всему, здесь можно выделить три основные группы.

Первая группа охватывает Восточную Азию. Особенности, наблюдаемые здесь, видимо, формируют социальную модель из моногамной (в целом) семьи, находящейся под строгим надзором сексуальности и преобладающей эндогамии. В Японии к женщинам относились более уважительно, чем в Китае, а родственные узы повсеместно были всемогущими, даже несмотря на распространенность права первородства. Влияние религии было слабым, чего нельзя сказать о значении политических структур. Устойчивостью характеризовались проявления дружеского расположения и социальная иерархия. Короче говоря, прочной, даже жесткой, была общественная и семейная атмосфера, в которой правил закон. Вообще (причем сравнение может вызвать удивление) сообщества, жившие в Андах, имели довольно схожие черты, хотя и пользовались большей сексуальной свободой, но при этом они находились под более жестким контролем жрецов. Это были прочные сообщества, разрушить которые можно было только силой. Все, что нам известно об обычаях жителей Океании, вновь свидетельствует о достаточно схожем устройстве семьи, однако отсутствие здесь политических структур, очевидно, придает культуре региона в целом совершенно другой оттенок.

За вторую модель можно принять устройство индийской семьи, которая кажется нам наиболее гибкой, либеральной и, воистину, «близкой по духу». Здесь не было непреклонности ни в матримонильной системе, которая могла совмещать моногамию с полигамией, ни в отношении положения женщины, жены или ребенка. С одной стороны, духовенство не вмешивалось в повседневную жизнь людей, а политического влияния на семью не существовало или практически не существовало. Но, с другой стороны, будучи основной гарантией прочности общества, строгая кастовая иерархия стянула страну тугим поясом. В тех случаях, когда Восточная Азия проявляла стабильность, Индия предлагала относительную неподвижность. Вот почему в эту общую разновидность, несмотря на очевидные расхождения, такие как большая строгость по отношению к женщинам (но только когда они выходили в «общество») и более сильное

влияние религиозной идеи, можно включить соседние исламские территории, которые, в свою очередь, унаследовали очень разные традиции. И все же, как и в Индии, в исламских странах дружеские чувства выражались нечасто, а вмешательства сверху не было вообще. Это было гибкое общество, взятое со своими местными обычаями и оставшееся почти неподвижным. Можно было испытать искушение поискать ряд схожих особенностей в африканских обществах, хотя в них тоже присутствовали островки отличия, например, еще сильнее сдерживалась сексуальность, более ярко проявлялись дружеские отношения и более могущественно было жречество.

Таким образом, остается только христианская модель, в которой мы найдем большинство только что выявленных особенностей, причем в самом крайнем их выражении: деспотическая моногамия, сдерживаемая сексуальность, тяжелое положение женщин, влияние рода, могущественные братства, строгий контроль священнослужителей, вмешательство политических властей и жесткая социальная иерархия. Да, Византия не была Римом; хотя на Востоке само государство было еще более требовательным, но к женщинам там относились более уважительно, а родственные узы были менее тираническими, при этом восточное общество было прочным, жестоким и динамичным. По странному стечению обстоятельств Мексика, населенная майя и ацтеками, тоже имела некоторые сходные с этой моделью черты, поэтому конфликт, произошедший в XVI в., стал борьбой не на жизнь, а на смерть.

Несложно представить, что единственного объяснения, которое подошло бы для всех трех моделей, нет. Каждая из них явилась результатом сложного переплетения верований, различных этнических групп, природных условий и экономических возможностей, и корни каждой модели следует, безусловно, искать в далеком прошлом, поэтому будет лучше, если историк оставит эту задачу антропологу. По крайней мере, мы можем считать, что в конце XV в. из трех описанных здесь моделей восточно-азиатская модель была прочной и однородной, занятой своей стабильностью и замкнутой на самой себе. Вторая модель, индийская, отличалась гибкостью и одновременно слабостью, вследствие чего она изменялась под ударами извне. Третья модель, европейская, представляется наиболее сильной, наиболее способной к расширению, хотя, безусловно, далеко не самой «гуманной» или самой уравновешенной. Но, быть может, именно эта структура с ее динамизмом сыграла свою роль в покорении всего мира европейцами, которое тогда только-только начиналось.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

Огромный объем и чрезвычайная сложность рассматриваемой темы означали, что, учитывая неизбежные требования редакторов к соблюдению объема разделов тома, автор вынужден был делать сложный выбор, касавшихся существа проблем и охвата регионов, а также сокращать более полный и подробный оригинал, что далеко не просто.

Кроме того, когда подготовленные статьи направляли на просмотр различным специалистам, некоторые из них присылали свои замечания, самые подробные из них прислал профессор Ирфан Хабиб, специалист по Индии и исламу. Мы не можем привести эти комментарии полностью, но ниже следует их краткое обобщение.

1. Проф. Хабиб сомневается, могли ли индийские Веды, составленные между 1500 и 800 гг. до н.э., повлиять на христианство в отношении «тройной функции» (религиозной, военной и производительной), если принять во внимание несоответствие дат. [Нельзя ли более общим образом объяснить это сохранением индоевропейской традиции?]

2. Индийская доктрина *кармы* отличается от понятия «первородного греха», так как она утверждает, что положение человека в его настоящей жизни определяется его поведением в предыдущей жизни, которое могло быть добродетельным или греховным. От этого зависит судьба и каста данного человека, но это никак не влияет на его потомков. Однако этот индивидуальный фактор индуизма находится в противоречии с коллективной системой каст. (Люди рождаются в какой-то касте, но после смерти, в следующей жизни, они могут эту касту поменять, в соответствии с их добродетелями или пороками.)

3. Погребальные обряды: в Индии трупосожжение было обязательным прежде всего для трех высших каст (*варн*). Трупосожжение разрешалось для других каст (и для детей). Лишь совсем недавно кремация начала использоваться и более низкими кастами и даже неприкасаемыми. Мысль о загрязнении земли в результате кремации отсутствует в трудах ортодоксального брахманизма. Парсы же (религиозная община зороастрийцев в Западной Индии и Пакистане. – *Прим. ред.*), напротив, запрещают кремацию, объясняя это тем, что трупосожжение «оскверняет огонь».

4. Статус женщин: в канонических писаниях ортодоксального брахманизма к женщинам относятся довольно плохо. Их обвиняют в злобе и похоти и представляют как символ нечистоты. Этого нельзя сказать о некоторых тантрических сектах, которые не принадлежали к основному течению индуизма, наделявшего женщин рядом магических и религиозных способностей. Индийская традиция сати (добровольного самосожжения вдовы на погребальном костре ее мужа) препятствует всеобщему соглашению в том, будто в индийской культуре положение женщин было более благоприятным, чем во всех остальных. Однако практика сати никогда не была повсеместной в этой стране, а в низших кастах Индии и среди париев вдова, как правило, вновь выходила замуж, чаще всего за младшего брата своего покойного мужа.

5. Что касается буддизма, то следует отметить, что эта религия учит, как можно вырваться из цепи перерождений и достигнуть полного освобождения, *нирваны*, и это учение варьируется от одной школы к другой. В консервативной школе, известной под названием Малая колесница (хинаяна), это очень строгое учение. Более свободным оно является в так называемой школе Большой колесницы (махаяны), возникшей приблизительно в начале нашей эры. Это учение признает спасение через милость освобожденных душ, *бодхисатв*, благодаря чему у нее появилось много последователей.

6. В исламе центральной частью доктрины, связанной с верой и поведением, являются Коран (слово Божье, произнесенное пророком Мухаммедом, а не слово Пророка) и *хадис* (собрание заповедей Пророка и описаний его поступков, которые должны служить примером для подражания всем людям). Именно они определяют исламский закон (*шариат*), который является авторитетным для всех мусульман в строгом смысле этого слова – суннитов или шиитов. Разница между первыми (которых большинство) и вторыми появилась, когда после смерти Пророка возник спор о том, кто должен стать его преемником и верховным главой мусульман. После убийства первого преемника Пророка, Али, мужа Фатимы, единственной дочери Пророка, шииты не признали власти халифов, избранных не из числа родственников Пророка, так как они считали, что преемниками Пророка должны быть только его потомки, воплотившиеся в сыновьях Али и Фатимы. Таким образом, все началось с конфликта сторонников преемственности через избрание (сунниты) и сторонников преемственности через наследование (шииты).

7. Что касается исламского закона патримониального наследования, то проф. Хабиб упоминает, что сыновья любого возраста наследуют равные доли имущества, дочери тоже получают равные доли наследства, но размер их доли равен половине сыновней доли наследства. Ему не знакомы источники, в которых рассказывалось бы о случаях покупки старшим сыном остальных долей.

8. Говоря об уважении к девственности и безбрачии в исламе, проф. Хабиб отмечает, что сам Пророк был женат (на самом деле, у него было несколько жен).

9. Наконец, проф. Хабиб оспаривает гипотезу, которую автор приводит в заключении (автор, впрочем, лишь вскользь о ней упоминает) об особой роли «христианской модели» в экспансии европейцев после 1500 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КАЖДАН А.П. 1960. Деревни и города в Византии с IX по X в. – М.
ЛИТАВРИН Г. Г. 1977. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М.
ЧИЧЕРОВ А.И. 1971. Индия: экономическое развитие в XVI–XVIII вв. – М.
ABD EL JALIL, J. M. 1950. Aspects intérieurs de l'Islam. Paris.
AHRWEILER, H. 1971. Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London.
AIYANGAR, S. K. 1941. Ancient India. Pune.
ALLEN, M. R. 1967. Male Cults and Secret Initiation in Melanesia. Melbourne.
ALTEKAR, A. S. 1973. The Position of Women in Hindu Civilization. Hindu University, Varanasi.
AMIRA, K. 1960. Germanisches Recht, Vol. I. Berlin.
ANGOLD, M. J. 1984. The Byzantine Aristocracy from the IXth to the XIIIth Centuries. Oxford.
ARUGA, K. 1943. The Family System and the System of Tenure in Japan. Tokyo.
— 1953. The Family in Ancient Japan. Tokyo.
ATYIA, A. S. 1968. A History of Eastern Christianity. London.
AUGÉ, M. 1975. Les domaines de la parenté. *Filiation, alliance, résidence*. Paris.
BEATTIE, H. J. 1973. Land and Lineage in China. London.
BECK, B. E. F. 1972. Peasant Society in Konkku: A Study of Rights and Left Subcastes in South India. Vancouver.
BENVENISTE, E. 1969. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, Vol. I. Paris.
BERNAND, C.; GRUZINSKI, S. 1988. De l'idolâtrie: une archéologie des sciences religieuses. Paris.
BERQUE, A. 1982. Vivre l'espace au Japon. Paris.
BIARDEAU, M. 1981. L'Hindouisme, anthropologie d' une civilisation. Paris.
BLUNT, E. A. H. 1931. The Caste System of Northern India. London.
BOULEGUE, J. 1987. Le grand Jolof, XIIIe–XVIe s. Paris.
BUGGE, J. 1975. *Virginitas: An Essay in the History of a Medieval Ideal*. The Hague.
BUSHNELL, G. H. 1977. Peru. London.
CALVERLEY, E. F. 1958. Islam: An Introduction. Cairo.
Cambridge Economic History of India. 1983. Cambridge.
Cambridge History of Africa, Vol. III. 1977. Cambridge.
Cambridge History of Islam. 1970. Cambridge.
Cambridge Medieval History, Vol. IV: Byzantium and its Neighbours. 1968. Cambridge.
CAMERON, A. 1981. Continuity and Change in VIth Century Byzantium. London.
CHAPELOT, J.; FOSSIER, R. 1980. Le village et la maison au Moyen Âge. Paris.
CHARANIS, P. 1973. Social, Economic and Political Life in the Byzantine Empire. London.
CHAUNU, P. 1969. Conquête et exploitation des nouveaux mondes. Paris.
CHOWNING, A. 1977. An Introduction to the Peoples and Cultures of Melanesia. Menlo Park. California.
CH'U, T. T. 1959. Law and Society in Traditional China. Paris.
CISSOKO, S. M. 1975. Tombouctou et l' empire songhaï. Dakar.
COE, M. D. 1965. The Jaguar's Children: Preclassic Central Mexico. New York.
— 1966. The Maya. London.
COQUERY, G. 1965. La découverte de l' Afrique. Paris.
CORNEVIN, E. 1965. Histoire de l' Afrique. Paris.
COULSON, N. J. 1978. A History of Islamic Law. London.
DAUVILLIER, J. 1933. Le mariage dans le droit classique de l'Eglise. Paris.
DAUVILLIER, J.; DECLERCQ, C. 1936. Le mariage en droit canonique oriental. Pâris.
DIOP, C. A. 1960. L'Afrique noire précoloniale. Paris.
DJAIT, H. 1974. La personnalité et le devenir arabo-islamique. Paris.
DUBY, G. 1981. Le chevalier, la femme et le prêtre: le mariage dans la France féodale. Paris.
DUBY, G.; LE GOFF, J. 1977. Famille et parenté dans l' Occident médiéval. Rome (Actes du colloque de Paris, 6–8 Juin 1974).
DUCELLIER, A. 1986. Byzance et le monde orthodoxe. Paris.
— 1994. Le drame de Byzance; idéal et échec d'une société chrétienne. Paris.
DUFF, R. 1956. The Moa-Hunter Period of Maori Culture. Wellington.
DUMONT, L. 1975. Dravidiens et Kariéra. L'alliance de mariage dans l'Inde du sud et en Australie. Paris.
— 1979. Homo hierarchicus. Le système des castes et ses implications. Paris.
DUSSOURD, H. 1979. Au même pot et au même feu. Etudes sur les communautés familiales agricoles du centre de la France. Moulins.
DUTT, N. K. 1931. Origin and Growth of Castes in India. London.
DVORNIK, F. 1970. Les Slaves. Histoire et civilisation. Paris.
EBERHARD, W. 1962. Social Mobility in Traditional China. Leiden.
EBREY, P. B. 1984. Family and Property in Sung China. Princeton.
EMORI, I. 1976. The Structure of Japanese Village Society. Tokyo.
ESCARRA, J. 1955. La Chine. Paris.
EVANS, C.; MEGGERS, B. J. 1966. Mesoamerica and Ecuador (Handbook of Middle American Indians, IV). Austin.
FARES, E. B. 1932. L' honneur chez les Arabes avant l'Islam. Paris.
Femme au moyen âge (La). 1990 (Colloque international de Maubeuge 6–9 Octobre 1988; éd. par ROUCHE, M.; HENCLIN, J.).
Femme dans les civilisations des Xe–XIIe s. (La). 1977. Poitiers (Actes du colloque tenu de Poitiers, 23–25 Septembre 1976).
FENG, H. Y. 1967. The Chinese Kinship System. Cambridge.
FITZGERALD, C. P. 1954. China: A Short Cultural History. London.
FLANDRIN, J. L. 1970. L'Eglise et le contrôle des naissances. Paris.
— 1977. Les amours paysannes. Paris.
— 1983. Un temps pour embrasser. Aux origines de la morale sexuelle occidentale. Paris.
FOX, R. 1967. Kinship and Marriage. An Anthropological Perspective. London.
— 1972. Anthropologie de la parenté. Une analyse de la consanguinité et de l'alliance. Paris.
FREDERIC, L. 1968. La vie quotidienne au Japon à l'époque des samouraïs. Paris.
FREEMAN, J. M. 1979. Untouchable, an Indian Life History. London.
FUKUO, T. 1972. General History of the Japanese Family System. Tokyo.
FUKUTAKE, T. 1967. Japanese Rural Society. Oxford.
GARDET, L. 1961. La cité musulmane: vie sociale et politique. Paris.
— 1977. Les hommes de l'Islam. Paris.
GAUDEMET, J. 1963. Les communautés familiales. Paris.
— 1980. Société et mariage. Strasbourg.
GERNET, J. 1959. La vie quotidienne en Chine à la veille de l'invasion mongole. Paris.
GODELIER, M. 1982. La production des grands hommes. Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinée. Paris.
GOODY, J. 1971. Kinship. London.
— 1982. Parenthood and Social Reproduction. Fostering and Occupational Roles in West Africa. London.
— 1985. L'évolution de la famille et du mariage en Europe. Paris.
GRANET, M. 1932. Catégories matrimoniales et relations de proximité dans la Chine ancienne. Paris.
GRIMAL, P. 1967. Histoire mondiale de la femme, Vol. II. Paris.
GROUSSET, R. 1957. Histoire de la Chine. Paris.
GRUNEBBAUM, G. E. von 1947. Medieval Islam: A Study in Cultural Orientation. Chicago.
GRUZINSKI, S. 1985. Les hommes-Dieu du Mexique. Paris.
HERRS, J. 1974. Le clan familial au Moyen Âge. Paris.
HENIGE, D. P. 1974. Chronology of Oral Tradition. Oxford.
HERITIER, F. 1981. L'exercice de la parenté. Paris.
Histoire de la famille (éd. Levi-Strauss, Duby), Vol. I, 1986. Paris.
HOGBIN, I. 1973. Anthropology in Papua New Guinea. Melbourne.
HOHLFELDER, R. I. 1982. City, Town and Countryside in the Early Byzantine Era. New York.
HONJO, E. 1935. The Social and Economic History of Japan. Kyoto.
HOWARD, A.; HIGHLAND, G. H. 1967. Polynesian Culture History. Honolulu.
INOUE, K. 1965. A History of Japan. Tokyo.
JOHNSON, D. J. 1977. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder.

- JOLLY, J. 1928. *Hindu Law and Custom*. Calcutta.
- KAEGI, W. E. 1982. *Army, Society and Religion in Byzantium*. London.
- KAPADIA, K. M. 1966. *Marriage and Family in India*. Bombay.
- KAWASHIMA, T. 1948. *The Family Structure of Japanese Society*. Tokyo.
- KI-ZERBO, J. 1962. *Les civilisations noires*. Paris.
- KING, D. P. 1972. *Law and Society in the Visigothic Kingdom*. London.
- KURIAN, G. 1974. *The Family in India. A Regional View*. Paris.
- LAIOU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire*. Princeton.
- LE GOFF, J. 1964. *La civilisation de l'Occident médiéval*. Paris.
- LEMERLE, P. 1979. *The Agrarian History of Byzantium*. Galway.
- Le Moyen âge (éd. Fossier), Vols I et II. 1982. Paris.
- LEROY LADURIE, E. 1975. *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. Paris.
- LEVI-PROVENCAL, E. 1948. *Islam d'Occident*. Paris.
- LEVI-STRAUSS, C. 1967. *Les structures élémentaires de la parenté*, Paris; The Hague.
- LEYSER, K. 1979. *Rule and Conflict in Early Medieval Society. Ottonian Saxony*. London.
- LINANT DE BELLEFONDS, Y. 1965. *Traité de droit musulman*. Paris.
- LINGAT, R. 1967. *Les sources du droit dans le système traditionnel de l'Inde*. Paris.
- LUI WANG, H. C. 1969. *The Traditional Chinese Clan Rules*. New York.
- LORCIN, M. T. 1979. *Façons de vivre et de penser: les fabliaux français*. Lyon.
- LY, M. 1977. *L'empire du Mali*. Paris.
- MACDONALD, C. 1977. *Une société simple: parenté et résidence chez les Palawan (Philippines)*. Paris.
- MACDONALD, D. B. 1965. *The Religious Attitude and Life in Islam*. Beirut.
- MADAN, T. N. 1965. *Family and Ship. A Study of the Pandits of Rural Kashmir*. Bombay.
- MAGLI, I. 1983. *Matriarcat et pouvoir des femmes*. Paris.
- MAJUMDAR, R. C. 1952. *Ancient India*. Varanasi.
- MALINOWSKI, B. 1987. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia*. Boston.
- MANDELBAUM, D. G. 1972. *Society in India*. Bombay.
- MAQUET, J. 1966. *Les civilisations noires*. Paris.
- MASON, J. A. 1966. *The Ancient Civilizations of Peru*. London.
- MAZAHERI, A. 1951. *La vie quotidienne des musulmans au Moyen Âge*. Paris.
- MEAD, M. 1973. *Mœurs et sexualité en Océanie*. Paris.
- MEGGERS, B. J. *Aboriginal Cultural Development in Latin America*. Washington.
- METRAUX, A. 1962. *Les Incas*. Paris.
- MEYER, J. J. 1971. *Sexual Life in Ancient India: A Study in the Comparative History of Indian Culture*. Delhi.
- MURAKAMI, Y. 1979. *The Society of the Ie as a Civilization*. Tokyo.
- MURRAY, A. C. 1983. *Germanic Kinship Structure*. Toronto.
- NAKANE, C. 1967. *Kinship and Economic Organization in Rural Japan*. London.
- NOONAN, J. T. 1969. *Contraception et mariage*. Paris.
- OLIVER, D. L. 1961. *The Pacific Islands*. New York.
- OSTROGORSKY, G. 1956. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie Byzantine*. Brussels.
- PATLAGEAN, E. 1977. *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, IVe-VIIe s.* Paris.
- 1981. *Structure sociale, famille, Chrétienté à Byzance, IVe-XIe s.* London.
- PEZU-MASABUAU, J. 1981. *La maison japonaise*. Paris.
- POWER, E. 1979. *Les femmes au Moyen Âge*. Paris.
- RADCLIFFE-BROWN, A. R. 1950. *African Systems of Kinship and Marriage*. London.
- REISCHAUER, E. O. 1953. *Japan, Past and Present*. New York.
- RENOU, L. 1950. *La civilisation de l'Inde ancienne*. Paris.
- 1978. *L'Inde fondamentale*. Paris.
- RODINSON, M. 1979. *Les Arabes*. Paris.
- ROUCH, J. 1980. *La religion et la magie songhaï*. Paris.
- SANSOM, G. B. *Japan: A Short Cultural History*. New York.
- SCHACHT, J. 1952. *Esquisse de droit musulman*. Paris.
- 1964. *An Introduction to Islamic Law*. London.
- SONTHEIMER, G. D. 1977. *The Joint Hindu Family. Its Evolution as a Legal Institution*. New Delhi.
- SOOTHILL, W. E. 1934. *Les trois religions de la Chine*. Paris.
- SOUSTELLE, J. 1955. *La vie quotidienne des Aztèques à la veille de la conquête espagnole*. Paris.
- SRINIVAS, M. 1978. *The Changing Position of Indian Women*. Delhi.
- STONE, L. 1977. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800*. London.
- TENG, S. Y. 1968. *Family Instructions for the Yen Clan*. Leiden.
- TILLON, G. 1966. *Le Harem et les cousins*. Paris.
- URVOY, Y. 1949. *Histoire de l'empire du Bornou*. Paris.
- USHIOMI, T. 1982. *La communauté rurale au Japon*. Paris.
- VAILLANT, G. 1951. *Les Aztèques du Mexique*. Paris.
- VAN GENNEP, A. 1909. *Les rites de passage*. Paris; The Hague.
- WALTHER, W. 1981. *Femmes en Islam*. Paris.
- WEMPLE, S. F. 1981. *Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900*. Philadelphia.
- YAWATA, I. 1968. *Prehistoric Culture in Oceania*. Honolulu.
- ZIMMERMANN, F. 1972. *La parenté*. Paris.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

ОТ РЕДАКТОРА

Луи Базен

В этой главе рассматриваются очень сложные проблемы, которые различны в разных регионах. К сожалению, объем очень обстоятельного материала, который мы получили от выдающегося историка профессора Рафаэля Хиберта-и-Санчес-де-ла Вега (*Rafael Gibert y Sánchez*), оказался намного больше отведенного на эту главу. Кроме того, поскольку ни один специалист не смог бы при обсуждении столь обширной темы охватить все регионы мира, автор сосредоточил свое внимание прежде всего на событиях, происходивших в Европе. Считая, что в главе о государстве и праве необходимо рассмотреть и другие культурные регионы того времени, Редакционный совет обратился к специалистам из других стран с просьбой написать краткие статьи по данному вопросу.

К сожалению, во избежание слишком серьезного превышения числа страниц, отпущенных на эту главу изначально, нам также пришлось сократить и материал, представленный проф. Рафаэлем Хибертом-и-Санчесом-де-ла-Вега. Автор очень любезно согласился на это, но не захотел сокращать статью сам. Таким образом, выполнять эту сложную и рискованную задачу пришлось членам Редакционного совета, которые прекрасно понимают, что любые сокращения могут привести к появлению противоречий. Вследствие этого мы хотим предупредить читателя, что за любые упущения, которые он, возможно, встретит в сокращенном тексте, отвечают редакторы, а не выдающийся ученый, которому мы приносим свои искренние извинения.

3.1 ЕВРОПА

3.1.1 ПРИНЦИПЫ

Рафаэль Хиберт-и-Санчес-де-ла-Вега

ГОСУДАРСТВО

К 600 г. н.э. политическая карта Земли уже пестрела многочисленными названиями, однако вплоть до 1500 г. н.э. на ней продолжали появляться названия новых государств. Обычно они образовывались от наименований народов или от имен отдельных личностей, причем эти люди могли не быть ни основателями, ни завоевателями данного государства, а иногда названия и вовсе возникали произвольным или случайным образом. На протяжении всего средневековья государства исчезали по естественным причинам, однако наиболее распространенной причиной их разрушения были дела человеческие. Впоследствии государство (или, возможно, город) могло быть отстроено заново на том же или на более подходящем месте. Название государства сохранялось и порой позволяло воскресить само государство. Отследить положение дел в средневековой политике, или, скорее, в средневековом государстве, сложно, так как отдельно взятое государство могло поменять название или, наоборот, не меняя названия, увеличить (уменьшить) размеры своей территории. Слово «территория» затрагивает один из основных элементов любого государства, поскольку невозможно представить город, находящийся в полной изоляции от окружающей его сельской местности.

Строго говоря, город представлял собой политическую территорию. Это была уникальная часть земли «длительного пользования», выбранная случайно или с помощью примет, отобранный, отмеренный, после чего город воистину основывался или, по крайней мере, начиналось его строительство. Каждый город был творением одного, двух или нескольких реальных или мифологических основателей, имя которых он обычно получал, хотя порой обстоятельства вынуждали дать ему другое название или оставить название, под которым эта местность была известна до основания здесь этого города. В 600 г. н.э. все еще существовали древние города. Как и во многие другие периоды и в конце каждого века, в самом начале VII в. произошел так называемый кризис городской цивилизации, т.е. возвращение к жизни в селах или лесах. Вторжение леса в городскую и сельскую местность – процесс, обратный урбанизации в его разных формах, – периодически происходило повсюду. Не существует неизменного правила управления продолжительностью жизни городов. Отличительной особенностью города в ту эпоху были окружающие его стены, хотя сам город, разрастаясь, мог выйти за их пределы (илл. 36, 39, 40, 41).

Были священные города и города военные по своей природе; последние, как правило, вырастали на базе военных лагерей. Но даже если город создавался и развивался по другим причинам (как место пребывания правительства или как промышленный или торговый центр), его все равно нужно было защищать. Для защиты города рядом с ним всегда возводили крепость. Сельское хозяйство и разведение скота, две родственные области деятельности, были тесно связаны с городом, одной из главных особенностей которого был рынок – специфический, надежно защищенный сектор, который был безопасным местом, мог даже иметь свое собственное правление и был открыт для иноземцев. Крупный или знаменитый город, выделявшийся на фоне остальных, служил столицей или главным городом государства, с которым оно отождествлялось. Города-государства раннего средневековья постепенно утратили те особенности, которыми отличались в эпоху классической античности; в основном это произошло из-за вторжений варваров. Политическая власть в них проявлялась лишь там, где жил правящий монарх, но вплоть до X в. такой правитель обычно менял свою резиденцию, переезжая из одного города в другой. Однако впоследствии с появлением более устойчивого правления и развитием экономической деятельности, особенно в Средиземноморье на рубеже X и XI вв., города, бывшие явными политическими столицами, стали отличаться от истинно торговых городов. Некоторые из последних обрели полную независимость, так что все их дела, как хозяйственные, так и политические, оказались в руках их собственных правителей (как, например, итальянские города Венеция, Генуя, Флоренция) (илл. 40, 41, 64). Точно также мы считаем территориальное государство свойственным исключительно современной эпохе, однако это не так. В эпоху феодализма власть и закон находились в руках тех, кто имел укрепленные замки, пользовался авторитетом и брал под свою защиту более или менее обширные территории. В XI–XII вв. возникло новое явление: все больше власти сосредоточивалось в руках одного правителя, навязанного вооруженными силами или признанного таковым в результате избрания, выбора или по необходимости. Когда такого правителя признавали религиозные власти, он становился сувереном – полновластным правителем, которому все подданные присягали на верность; эта тенденция привела к появлению монархий в постфеодальную эпоху. Столицей называли город, где пребывал такой правитель и были сосредоточены правительственные, политические, военные, финансовые и хозяйственные организации. Чаще всего политическая сто-

лица одновременно являлась и местом пребывания верховных религиозных властей данной территории, поэтому законы и распоряжения, исходящие из таких центров, как правило, определялись религиозными критериями, а мирская власть порой вообще могла получить от Церкви официальный выговор и даже суровое наказание.

НАСЕЛЕНИЕ

Население – это не просто скопление отдельных людей, хотя в некоторых целях государства (и средневековые государства в этом не являлись исключением) рассматривают его именно таким образом. В государстве мы всегда находим семью. Метафора, взятая из биологии, подобно другим, взятым из ботаники, механики или, что более кстати, из зоологии, утверждает, что семья – это базовая ячейка общества. Семье всегда удавалось сохранить свою идентичность и в некоторой степени способность выживать в рамках государства. Само государство считалось большой семьей, а правитель называл себя отцом своего народа.

Племя представляет собой группу семейств, признающих общее происхождение и своего вождя. Определенное племя могло занять какую-то территорию и основать город, в пределах которого сохранялась его идентичность и собственное название, когда на одной и той же территории жили несколько племен. Племена являются частным примером государственной структуры, в которой отсутствуют правительство и воинская повинность. Подлинная политическая организация привела к исчезновению племенного порядка, но как только связь с государством ослабевала, племенной порядок появлялся вновь. Племенной порядок, сплоченность и правосудие всегда существовали бок о бок

ВЛАСТЬ

Определяющей особенностью государства является его власть. К VII в. уже возникла семья и появились вожди племен, но главы государства еще не было. В государственной, политической власти проявились семейные и племенные черты. Существует предельное, решающее разграничение, которое превращает политическую власть в конкретную реальность, в некоторой степени автономную, хотя и не абсолютно независимую, нередко конфликтующую с родственными ей военной и моральной сторонами действительности, но одновременно подпитываемую ими. Власть есть нечто неопределимое, но очевидное. Как и почему властвует человек? Связь с физической силой и моральным превосходством здесь очевидна. Властью суверена обладается индивид, хотя в исключительных обстоятельствах и на короткий срок власть может стать коллективной по своей природе. При этом она всегда остается личной и реализуется в виде одного или нескольких человек, наделенных высшей силой, которая по своей природе в средние века была священной.

«Уважение подданного и присяга на верность вассала феодалу были взаимным долгом неагрессивности и взаимопомощи в отношениях вассала и его сеньора, долгом, который мало отличался от обычных взаимоотношений кровных родственников. Но преобладающее значение феода (пожалованной земли) в отношениях вассала и сеньора ослабило узы личного чувства, поэтому феодальные институты в конечном итоге не сумели освободить аристократическое общество от жестокости и анархии, несмотря на усилия Церкви (как в случае с «миром Божьим»). Начиная с XII в. усиление власти правителя сначала проявилось в системе феодальных институтов, которые затем постепенно смирились с появлением персоны правителя» (G.Duby).

Наряду с религиозным аспектом монархия подразумевала и семейный аспект, так как влекла за собой управление государством со стороны семьи, было это правление законным или нет. В средневековой монархии власть переходила от отца к сыну, хотя в конечном итоге появилась возможность перешагивать через поколение или даже степень родства, когда власть переходила к внуку, племяннику или к еще более дальнему родственнику, право которого признавалось законным на основании его происхождения от бывшего короля. Иногда переход власти происходил в разгар общественных волнений и притязаний на нее нескольких конфликтующих сторон, а порой сопровождался настоящими войнами. Преступление в виде цареубийства стало даже в некотором роде установившейся практикой. Св. Григорий Турский назвал это *morbus goticus* (готической болезнью), но существовала эта практика повсеместно. Смерть наследного принца позволяла возвести на трон члена другой ветви фамильного древа. Как до, так и после 600 г. н.э. женщины короновали и возводили на престол, они могли править государством и даже воевать, вкладывая в это исключительную энергию, но такие случаи были скорее исключением, нежели правилом. С другой стороны, широко распространено было восхождение на престол мужчины путем заключения брака с престолонаследницей, если в королевской семье не было наследника мужского пола. Несмотря на практиковавшееся разделение королевства между сыновьями или между главами различных группировок (подобно тому, как делилось остальное наследство), в скрытой форме присутствовал принцип сохранения наследства целиком или восстановления единства. Избежать разделения королевства позволяла передача престола первенцу.

ПРАВИТЕЛИ И ПОДДАННЫЕ

В средние века были проявления стабильности, которые совпадают с определением государства. Народ еще не составлял структурированное общество, разделенное на классы, которые можно было бы назвать просто высшим, средним и низшим. Средний класс представлял собой основу гражданской нормы. В отсутствие среднего класса общество становилось поляризованным, разделяясь на класс знатных людей или аристократов, обладавших властью при правителе, и класс низов, вообще лишенный права голоса в политике. Принадлежность к высшему обществу передавалась по наследству, попасть же в него иначе было просто и сложно одновременно: все зависело от женитьбы, выдающихся заслуг или милости правителя. В среде знатных людей тоже существовала своя градация. Представители высшего класса вели себя надменно и не спешили делиться благами, дарованными им их положением, к которому прилагались различные привилегии. Основой и оплотом знати было владение или управление землей. Владение землей представителями любого класса, включая низший, означало участие во власти. Одна из форм абсолютной власти сделала владение землей исключительным правом короля и его семьи. Таким образом, владение землей было связано с политическим господством над территорией. Временное предоставление земли во владение, за которую человек должен был платить ренту или налог, практически превращало его в раба.

Взаимоотношения между правителями и подданными можно выразить одним словом – верность. Какой бы суровой и жестокой не казалась политическая власть, она оправдывалась заботой о благе подданных, которые, в свою очередь, обязаны были почитать короля и служить ему верой и правдой. Такое отношение определялось и прочно закреплялось повсеместной религиозной практикой принесения клятвы верности, которая, хотя и не была свойственна только средневековью, как правило, характеризует именно эту эпоху. Однако такая прямая связь между сувереном и его подданными нарушалась, когда между последними тоже возник-

ли отношения по типу «господин–подчиненный», основанные на узаконенности. В результате этих отношений высокопоставленные подданные покровительствовали подданным ранга ниже, наделяя их землей, оружием и т.п. После этого подданный более низкого ранга был обязан оказывать своему покровителю помощь, платить ему дань и воевать за него. Когда такие взаимоотношения получили широкое распространение, они изменили понятие государства и породили новую его разновидность – феодальное государство. Феодализм был главной характеристикой средневекового государства, но полностью исчез в результате перемен, произошедших в начале нового времени.

ДВОР

При передвижениях народов по своей территории в поисках новых мест для поселения вождя каждого племени, пока оно не осело в каком-нибудь городе, сопровождала группа его сторонников. Дворец предыдущего правителя или вновь построенный дворец становились видимыми признаками установившейся власти. По военным или каким-то другим причинам двор правителя вновь начинал переезжать. У правителя было немало различных резиденций, например места, где он отдыхал, или охотничьи домики; охота вообще была типичным королевским занятием. Даже недолгое пребывание властителя приводило к расширению города, так как в нем строились храмы, судебные учреждения, театры, обеспечивались всевозможные условия для интеллектуальной деятельности и развития искусства. На всех этих городах отражалось влияние двора. В противоположность таким открытым и постоянно расширяющимся дворам существовали и другие, изолированные и занятые исключительно решением управленческих и административных задач. Закрытый, непроницаемый и отдаленный от людей двор подобного типа являлся местом, где были сосредоточены чиновники и соратники короля. Писец и хранитель королевской печати, заверявший документы (канцлер), олицетворял действительную власть правительства. В зависимости от соотношения личных качеств короля и его министра, последний мог быть всего-навсего простым исполнителем королевских решений или становиться действующим членом правительства.

СОВЕТ И АССАМБЛЕЯ

Раньше или позже общую ассамблею (или собрание) – основной общественный институт, типичный для всех средневековых государств, заставляла замолчать или отменяла вовсе личность, которой принадлежала абсолютная власть и которая превращала людей в пассивную толпу. Существование же подобной ассамблеи, напротив, предполагало образование видимой структуры государства из представителей различных ведущих социальных кругов – религиозных лиц, занимавших высокие посты, баронов, министров, управляющих и судей, которые тем самым должны были окружать персону суверена. В ассамблею могли быть приглашены и представители местных сообществ, но еще очень долго представителей простого народа не было ни в одном государственном органе. Когда народ оседал на некоторой территории и там устанавливалась централизованная властная структура, то роль таких ассамблей уменьшалась.

ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

Правосудие в средние века было двояким: правосудие короля и правосудие людей, объединившихся в ассамблею. Тайное вмешательство короля в дела неправедных судей и его право по собственному желанию изменять нечестные

решения последних являлись средством, к которому могли прибегнуть угнетенные люди. Обращение к королю было правом, которому иногда мешало отчуждение правосудия, равнозначное распаду государства. Взывать об отмене приговора, вынесенного королем, можно было только к Богу. Вопиющая и повторявшаяся несправедливость приводила к восстаниям, свержению с престола и в конечном итоге к смерти короля. В исключительных случаях в некоторых государствах существовал еще один уровень правосудия, занимавший промежуточное положение между королем и его подданными. Судьей королей был император. В тех странах, где король не был еще и религиозным главой, апелляцию можно было направить к церковным властям. Римский папа мог отлучить императоров и королей от Церкви из-за их несправедливых решений и освободить их подданных от данной ими клятвы верности и послушания.

Чисто юридические аспекты религиозного права можно отличить от духовных или внутренних, а также производных или социальных его аспектов. Религия предполагала, что миром правит Божество, что Бог установил определенные законы, из которых человек вывел свои законы, и что, будучи Верховным Судьей, именно Бог вершит последний суд, поэтому люди могут взывать к его окончательному решению. Долг людей перед Богом можно было облечь в рамки права. Монарх состоял с Богом в особых отношениях, причем они могли варьироваться от полного отождествления монарха с Богом (как в случае теократического государства) до его притязаний на божественную наследственность и особое покровительство. В том, что любая власть исходит от Бога, убеждены были абсолютно все. Посвящение королей, равно как и принесение клятвы, было религиозным обрядом, вовлекавшим Бога в отношения людей, в некоторые штрафные санкции, прописанные в контрактах, и даже в отношения доверия или кредита. В большей или меньшей степени религия пронизывала всю жизнь государства и права. Церковь существовала бок о бок с политическим государством, так что иерархий было две – государственных чиновников и священников. Свод положений, в соответствии с которыми наказывали за религиозные преступления, существовал наряду с обычным сводом законов, также рассматривавшим правонарушения религиозного характера. Монастыри были центрами, посвященными духовности, науке, торговле и службе обществу. Они также играли определенную роль во временном правительстве, особенно в сельских местностях. Брак и рождение ребенка имели религиозный смысл, и религиозные суды отвечали за разрешение конфликтов в этой сфере. Влияние религиозного закона на мирской составляло отдельную главу любого свода законов.

С течением времени обнародовалось все большее количество (хотя количеству не всегда сопутствует качество) усовершенствованных законов, которых вначале было очень мало или не было вообще, и все чувствовали необходимость установить точные правила, до того времени бессознательно, но неявно соблюдавшиеся, которые регулировали бы общественные отношения.

При этом возникла фигура знатока законов – правоведа, юриста. Это был специалист, суммировавший правила и принципы путем толкования давних обычаев и решения сомнительных дел, которыми, по определению, являются все дела, попадающие на стол судьи. Закон, сначала просто суммировавший обычаи, впоследствии стал активным элементом, способным развивать или подавлять обычаи. Как только с появлением свода законов установилась правовая система, обычай, определенный и поддерживаемый законами, был ограничен законными рамками. Обычай принимался в соответствии с законом или на его грани. С течением времени обычай возвращал свою созидательную силу тайными путями, постепенно подрывая и в конечном счете вытесняя построенную правовую систему.

В период расцвета законодательной деятельности, который пришелся на начало средневековья, когда составлялся Свод римского гражданского права (*Кодификация Юстиниана*), обычай был признан в Юстиниановых дигестах. Правоведы времен Юстиниана полагали, что, если невозможно применить записанные законы, следует принимать решение, соответствующее обычаю. Старый обычай запросто мог соблюдаться как закон. Поскольку свой ограничивающий характер законодательство принимало главным образом по воле людей, обязательным было и то, что люди одобряли, хотя и не записывали. Свою волю люди выражали через голосование или действия. В системе, настолько пронизанной властью, как система канонического права, мало-помалу развивавшаяся вплоть до XII в., обычай получил полное признание как источник закона Церкви и в конечном счете даже превзошел писанные законы, которые нередко уступали силе противоположной практики. В конце концов обычаи или законы становились юридически действенными, когда их применял или создавал судья, – вот что следует учитывать повсеместно. Эта функция судей, обуславливающая действенность законов и обычаев, известна как юриспруденция (правоведение). Этот же термин применяется и для обозначения доктрины, обеспечивающей сущность этого вопроса. Между территориями и местными обычаями, равно как и между обычаями различных социальных групп, профессий и объединений, безусловно, проводилось различие. Обычай, закрепленный в результате изучения и внесенный в кодекс, продолжал развиваться, несмотря на то, что был записан.

ВОЙНА И МИР

Вопрос законности войны подвергался сомнению в сфере религии, где общепринятым было стремление к миру. Повсеместно велись войны за наследство, в которых сражения перемежались с краткими перемириями; например, обычным было разрешение обид с помощью оружия.

Средневековые войны следовали некоторым условностям. Так, войну всегда объявляли, место для сражения выбирали, а его дату назначали. Вызов неизменно принимался. В некоторых известных случаях побежденных убивали, а население выселяли и отправляли в изгнание, отобрав у людей все нажитое ими имущество. Города, сопротивлявшиеся осаде, отдавали на разграбление и разорение. Однако известны и случаи капитуляции, когда обе стороны получали определенные гарантии, в частности, касавшиеся жизни и имущества людей, сдавшихся на милость победителя. Древняя практика превращения побежденных в рабов уже не являлась нормой, однако все еще существовала практика временного пленения с возможностью выкупа пленника; такой способ считался благочестивым деянием.

Союз, альянс – это договоренность двух или более государств о достижении определенных целей. Самая главная особенность альянсов состоит в том, что подписавшие договор государства должны воздерживаться от агрессии по отношению друг к другу. Само понятие союза, или альянса, часто связывают с дружбой, однако это разные понятия. Дружба приводит к более эффективному сотрудничеству, альянсы же содержат элемент защиты от общего врага и представляют угрозу, пусть всего лишь потенциальную, для третьей стороны. В средневековье естественным считался альянс государств, исповедовавших одинаковую религию. Альянс, заключенный правителями разных вероисповеданий против правителя той же веры, считался *Impium foedus*.

Чтобы гарантировать соблюдение и выполнение договоренностей, их можно было укрепить с помощью дополнительных средств. Любой договор сопровождался религиозным обрядом, принесением клятвы, а любая сторона, нарушившая договоренность, должна была понести

божественную кару. В это время в качестве гарантии соблюдения договоренности все еще применялась древняя практика взятия заложников.

ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Под влиянием содержания документальных источников историки, как правило, большее внимание уделяли межгосударственным отношениям, в частности, отношениям правителей соответствующих государств. Личный характер этих отношений проявляется в том, что после смерти одного из монархов дружественные отношения и альянсы, заключенные во время его правления, приходилось возобновлять. Хотя дружественность и враждебность в какой-то степени переходили по наследству, каждое государство и, особенно, каждая династия устанавливали новый тип и стиль межгосударственных отношений. Самым заметным проявлением таких отношений было отправление послов к иноземным дворам.

Дипломатия являлась особым видом деятельности, пользовавшимся независимостью в пределах всей обширной области политической деятельности. Определенное различие проводилось между курсом внешней политики каждого государства, который выбирал монарх или министр, и претворением этого политического курса в жизнь дипломатами. Представительская роль, которую исполняли дипломаты, наряду с их посредничеством получала отражение в документах. Браки между членами правящих семейств тоже являлись ярким выражением согласия и добрых намерений разных народов. Одним из последствий подобного брака был союз государств, в котором правил единственный наследник. Помешать этому разными способами могло сильно развитое национальное чувство. Аналогичным образом, ошутимое влияние на политические отношения оказывали семейные конфликты. Практика включения в приданое регионов, провинций и городов также могла изменить границы территории и повлиять на состав государств. Помимо брака, во внешней политике использовались такие подходы, как усыновление и статус крестных родителей. Таким образом, развитие средневековых государств было неразрывно связано с семейной историей отдельных династий.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В средние века существовали два аспекта социального права, противоречащих естественному праву, – рабство и пытки. Что касается рабства, то выше уже упоминалось о свободах горожан и крестьян, однако в тех же условиях и в то же время имели место противоположные события: изначально свободные поселенцы подвергались действию правил и практике порабощения. В некоторой степени юридический аспект освобождения удовлетворял естественное право человека на свободу, о котором прямо говорили многие. Однако при рассмотрении уголовного права можно найти многочисленные свидетельства повсеместно практиковавшихся постыдных наказаний в виде смертной казни, расчленения и т.п. Вместе с тем следует отметить, что на протяжении столь длительного промежутка времени были периоды, когда наказания, назначенные общественной властью с ее репрессивным аппаратом, приостанавливались по причине слабости органов власти или даже их полного исчезновения. В такие времена вновь появлялась отжившая ранее практика личного мщения.

Некоторые имеющиеся свидетельства позволяют сделать вывод о существовании определенных принципов,

которые можно считать зачатками прав человека. В Испании раннего средневековья, где деспотизм бывшего римского проявления сочетался с «варварскими» обычаями, был сформулирован так называемый вестготский *habeas corpus* (предписание о предоставлении арестованного для рассмотрения законности ареста. – *Прим. ред.*) VI–VII вв., в соответствии с которым ни один человек не мог быть осужден без публичного обвинения и представления убедительного доказательства его вины на открытом судебном процессе. То, что это делалось с целью гарантировать человеку право на справедливый суд, становится совершенно ясно, если учесть состояние неопределенности (Толедо, 583 г. н.э.), в котором находился данный орган власти, осложнявший преследование изменников короля. В городах утверждалась неприкосновенность жилища. В средневековье обвиняемому также предоставлялась отсрочка, во время которой он мог бежать; при этом предполагалась возможность добровольной явки обвиняемого в суд, вместо того чтобы сталкиваться с последствиями безграничной враждебности. Наконец, в средние века было широко распространено право на убежище в церквах и других святых местах, которое имели даже люди, совершившие тяжкие преступления, но оно исчезло в новое время и совершенно незнакомо нашей эпохе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AMIRA, V. 1907. Grundriss des germanischen Rechts. Strasbourg.
- BELOW, J. von 1900. Territorium und Stadt (2nd edn, 1927).
- BRAS, G. LE 1955. Histoire du Droit et des Institutions de l'Eglise en Occident. Prolégomènes. Paris.
- BRUNNER, H. 1894. Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechts. Stuttgart.
- BUSSE, E. 1954. In torno al concetto di diritto commune. Milan.
- CALASSO, 1954. Medioevo del diritto. Milan.
- CIANI, A.; DIURNI, G. (eds) 1991. Esercizio del potere e prassi della consultazione. Atti dell'VIII colloquio internazionale romanistico-canonicistico (1990).
- ERMINEI, G. 1952. Corso di diritto comune. I. Genesi ed evoluzione storica. Elementi costitutivi e fonti. Milan.
- FICKER, J. 1891–94. Untersuchungen zur Erbenfolge der ostgermanischen Rechte. Innsbruck.
- GANSHOF, F. L. 1953. Le Moyen Âge. In: RENOUVIN, P. (ed.) Histoire des relations internationales. Paris.
- GENICOT, L. 1963. Les lignes du faite du Moyen Âge. Tournai.
- 1980. La loi. In: Typologie des sources du Moyen Âge Occidental, fasc. 30. Brepols, Turnhout.
- GIBERT, R. 1982. Elementos formativos del derecho en Europa: germánico, romano, canónico. Madrid.
- HERSCH, J. 1968. Le droit d'être un homme. UNESCO.
- KANTOROWICK, E. H. 1957. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton.
- 1968. Les libertés urbaines et rurales du XIe au XIVe siècles. Collection Histoire, Brussels.
- LION, M. 1968. Los derechos humanos en la historia y en la doctrina. In: Veinte años de evolución de los derechos humanos. México.
- MITTEIS, H. 1940. Das Staat des hohen Mittelalter. Böhlau, Weimar.
- OSSORIO, A. 1928. Derecho y Estado. Reus, Madrid.
- PARADISI, B. 1950. Storia del diritto internazionale del medioevo. Jovene, Naples.
- PIRENNE, H. 1927. Les villes du Moyen Âge. Brussels.
- RUIZ DE LA PEÑA, J. I. 1984. Introducción al estudio de la Edad Media. Madrid.
- SAVIGNY, F. K. von 1834–1851. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, I–VIII (ed. anastática Darmstad, 1951).
- SCHRAMM, P. E. 1954–1956. Herrschaftszeichen und Staatssymbolique. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum achtzehnten Jahrhundert, I, II, III. Stuttgart.
- SERRA, A. Los derechos humanos. Madrid.
- VANDERLINDEN, J. 1967. Le concept de Code en Europe Occidentale du XIIIe au XXe siècle. Brussels.
- VINOGRADOFF, P. 1929. Roman Law in Medieval Europe. Oxford.

3.1.2

ПРАКТИКА

Александр Гейштор

В начале средневековья на развалинах бывшей Западной Римской империи выросли новые государства с монархическими институтами. Несколько веков спустя подобные политические организмы возникли из племенных сообществ Скандинавии, а также Центральной и Восточной Европы. Повсюду преобладал сельскохозяйственный уклад жизни, а земля была поделена на различные по площади поместья, хозяйства которых оставались более или менее замкнутыми на самих себя. Вся торговля предметами роскоши и все ремесла были сосредоточены в нескольких центрах городского типа и удовлетворяли требованиям крошечной правящей элиты.

В монархиях раннего средневековья, в некоторой степени до XI и даже до XII в., понятия власти и собственности оставались тесно переплетенными, равно как и общие подходы к публичному и частному праву. Монархия сохранила свой наследственный характер: правитель не только правил своим государством, но и фактически владел им, так, когда он умирал, его наследство делилось между всеми его сыновьями. Однако к подобной концепции власти империя Каролингов добавила понятие миропомазания: подобная сакрализация члена королевской фамилии с момента ее свершения наделяла правителя харизмой и господствующим положением в общественных институтах Церкви (илл. 169). С этого времени королевская и церковная власть тесно сотрудничали друг с другом от имени *Civitas Dei*, града Божьего, и играли активную роль в формировании суждений в сферах этики, социальных отношений и духовной культуры. Мирская власть щедро наделяла Церковь землей, а феодальные сеньоры, как мирские, так и духовные, оказывали все большее политическое влияние на правящего государя.

Мирские феодалы имели право передавать свои поместья по наследству и пользовались прерогативой поддержания общественного порядка, особенно среди своих подданных. На основе этой прерогативы мирские землевладельцы освобождались от налогов и вмешательства судебных органов в их дела; она же служила подтверждением их влияния в высших органах и обеспечивала им немало других привилегий.

Поначалу и на протяжении некоторого времени государственная власть была достаточно могущественной, поскольку основывалась на личной связи правителя с его подданными. Но потом эта власть разделилась на различные местные королевства и княжества. Так возникло феодальное звено – договор вассальной зависимости, формировавший отношения между королем и его герцогами или графами, и, в свою очередь, между этими герцогами и графами и менее важными господами, что привело к возникновению связи между личными отношениями и землевладением. Эта система, хотя ей точно следовала Франция, все же соблюдалась только в нескольких других странах, да и то в разной степени.

Изначально власть короля была патримониальной, но с началом сакрализации правителя через миропомазание

королевская власть стала превращаться в наследственную и передаваться старшему сыну правителя. Вместе с тем даже тогда власть короля в глазах христианского общества оставалась подчиненной Божественному закону и ограниченной, так как король не мог принять ни одного решения без одобрения магнатов, наряду с ним входящих в совет. В случаях возникновения конфликта столь высокопоставленных феодалов и их короля, юридическая формулировка предусматривала право на сопротивление несправедливому правителю. К организации государства относились формирование вооруженных сил (в первую очередь, охраны правителя, а затем призыв рыцарей), налогообложение и отправление правосудия. Но и при центральном дворе короля, и при дворах местных магнатов формы исполнения различных функций управления оставались в зачаточном состоянии, а зачастую даже передавались магнатам-землевладельцам.

В разные периоды времени, но повсеместно (за несколькими исключениями, как в Англии) различные монархии сгибались под гнетом центробежных сил, которые представляли собой магнаты. Всплеск западной хозяйственной жизни проявлялся не только в сельском хозяйстве и улучшении образа жизни крестьян, но и в расширении торговли, ремесел и различных услуг, которые все чаще располагались в городах. Этот всплеск способствовал также и усилению иерархических отличий в привилегиях представителей различных слоев общества или сословий.

Центральная власть исчезла или серьезно ослабла под давлением магнатов, которые правили *сеньориями* (*seigneuries*), или «феодальными поместьями» во Франции, основными местными княжествами в Германии и автономными или вообще независимыми княжествами в Польше или России. В некоторых из этих земель власть монарха сохранилась, хотя и весьма ослабла; в остальных представители привилегированных слоев общества собирались в советы и брали на себя управление делами общества. Государственный аппарат развалился, что позволило Церкви полностью освободиться от влияния мирских правителей и разработать свою собственную теократическую программу в Риме, хотя это и привело к натянутым отношениям с различными мирскими монархами.

На фоне этих явно обобщенных соображений с разной степенью резкости выделяются некоторые конкретные особенности. В начале XIII в. наконец-то начали ощущаться центростремительные тенденции к воссоединению, обусловленные необходимостью защищаться не только от внешней угрозы, но и от злоупотреблений собственных феодалов; особенно широко такие настроения были распространены среди рыцарей, но при этом они не были чужды и горожанам. Свою роль в этом стремлении к единению сыграло и зарождающееся чувство патриотизма. Воссоединение под властью короля происходило по-разному, но если монарх брался за дело с умом, он мог извлечь выгоду даже из таких понятий, как верность, ко-

тору должны были питать к нему его вассалы, или патриониальные правила наследования. Начинаясь воссоединение на уровне регионов, постепенно разрастаясь до масштаба всей нации. В XIII и XIV вв. во Франции и в Центральной Европе возникли подлинно национальные монархии. В Священной Римской империи германской нации, где притязания на мировое господство теоретически преобладали уже в XII в., появилось несколько великих герцогств, в том числе Австрия, которые *де-факто* были суверенными государствами. С того времени все германские княжества объединились в ни с чем не сравнимую и в высшей степени сложную федерацию. В Италии города-государства приняли форму республики, в которой правили олигархи, постоянно расширявшие свои территориальные владения и завладевшие даже заморскими землями.

Социальную основу новых монархий составляли привилегированные сословия: духовенство, знать, горожане и иногда йомены, или мелкие свободные земледельцы. Однако духовенство и знать, а особенно их верхушки, по-прежнему оставались самыми могущественными элементами государственного устройства и часто конфликтовали с зарождающейся буржуазией, важность которой для экономики Запаदा постоянно росла.

Таким образом, власть королей возрождалась, находя поддержку среди горожан, рыцарей и даже крупных баронов, преданных короне. В этих условиях монархия искала фундаментальное обоснование своего существования в таких символах, как священное помазание королевской персоны; в таких идеях, как отношение к государству как внеперсональному, публичному и суверенному институту; в таких понятиях, которые выражались фразами типа «два тела короля» и «каждый король – правитель своего королевства» (*rex imperator in regno suo*). Ограничения королевской власти заключались в привилегиях, которые имели различные группы, получившие их на основе коллективной сплоченности и следившие за их надлежащим политическим функционированием. Таким образом, вертикальная структура, которая была характерна для старой формы монархии, теперь в некоторой степени сменилась горизонтальной структурой.

Как только на высших уровнях королевского управления появились первые буржуазные признаки бюрократии, советы, состоявшие из представителей привилегированных сословий, стали стремиться сохранить равновесие с монархией, ставшее столь шатким. Ведь теперь у короля появился свой собственный суд, действующий по нормам права, а обновленная территориальная администрация раскинула свою собственную управленческую сеть, хотя и до сих пор признавала весьма ощутимую административную автономию на местном уровне провинций, городов, Церкви, а иногда даже культурных и религиозных меньшинств. Более того, налоги, платившиеся в королевскую казну, по-прежнему зависели, главным образом, от договоренности с привилегированными сословиями, которая должна была достигаться перед их возможным увеличением. Однако собирали их теперь соответствующие правительственные учреждения и службы.

В XIV и XV вв. разные монархии в таких европейских странах, как Франция, Англия и Испания, наконец-то подчинили себе политический феодализм, постепенно ослабили власть привилегированных слоев общества и добились территориального единства государства, где теперь только король мог издавать законы, владеть абсолютной властью, повышать постоянные налоги, набирать постоянные войска, назначать судей и создавать государственные учреждения. Несмотря на то, что советы и ассамблеи все еще ограничивали полноту власти правителя, в некоторых странах к этому времени уже стала проявляться тенденция, указавшая путь к системе королевского абсолютизма, установившегося в Европе в начале нового времени.

Понятия гражданского и уголовного права, а также различных судебных процедур выросли из чрезвычайно сложной социальной культуры средневековой Европы, развившейся в ней с течением времени.

Отправная точка истории права средневековой Европы совпадает с исчезновением римского права на Западе, хотя оно продолжало существовать и оставалось влиятельным на Востоке. С развалом римских общественных институтов Запада их место заняло обычное право, распространенное не только среди германских народов, занимавших территории, ранее принадлежавшие Западной империи, но и на скандинавских и славянских землях. В раннем средневековье правовые нормы, сформировавшиеся еще в племенной период существования этих народов, и судебная практика, впоследствии одобренная властью государства (хотя на законных основаниях государство вмешивалось крайне редко), обеспечили преобладание обычного права в жизни социума. Обычное право возникло среди разбросанных человеческих групп, племен и этносов за пределами Римской империи. Эти группы, перемещаясь с места на место, переносили с собой свои правовые обычаи и традиции, так что изначально обычное право относилось не к какой-то конкретной территории, а к определенной группе людей. По мере того как вторгающиеся группы делили Запад на отдельные области, их правовые традиции тоже разграничились как на личном, так и на территориальном уровнях. Так, самые старые тексты, рассказывающие о традициях обычного права, ссылаются на «законы варваров», или *leges barbarorum* (речь может идти о вестготах, остготах, бургундских лангобардах или франках), отличающиеся от «римских законов», или *leges romanae*, применявшихся к романизированным народам и к Церкви.

Обычное гражданское право занималось личным статусом человека, его родом и семьей. В область его действия попадали разные формы брака, структура семьи, вопросы имущества и прямого или косвенного владения, обязательств и права наследования. В обычном уголовном праве наказание за убийство могло (властью правителя) принять форму компенсационной выплаты точно определенной суммы *вергельда*, или (в Древней Руси) виры, которую род убийцы платил роду жертвы, т.е. одна семейная группа другой. Нам известно, какие именно нарушения общественного спокойствия или порядка нужно было улаживать так, чтобы в выигрыше остался правитель. Широко распространенной судебной процедурой являлся «суд Божий», который мог представлять собой судебный поединок или необходимость доказать собственную невиновность, подвергнувшись испытанию кипятком или раскаленным железом. В данном случае невиновную сторону должно было определить божество, сначала языческое, а впоследствии христианское.

Важные перемены произошли в XIII в., когда наконец-то был остановлен и даже обращен вспять процесс распада государства, и правители смогли реализовать свои притязания на издание законов. Такое королевское законодательство подкреплялось теоретической аргументацией: в университетах возобновили изучение римского права, а с XII–XIII вв. стало развиваться каноническое право. Первый этап возрождения законодательства, который можно наблюдать во всей Европе, в каждом регионе состоял в том, чтобы «зафиксировать его обычаи в письменной форме» (*consuetudines in scriptis redactae*). Практикующим правоведам, работающим самостоятельно (хотя и не без вмешательства королевских властей), не пришлось собирать этот материал в виде утвержденных руководств. В XIV–XV вв. королевское законодательство приняло такие различающиеся между собой формы, как предоставление особых привилегий и статутов, тогда как автономные ассамблеи и правящие органы (как в городах) тоже издавали свои законы. Корпоративный характер общества нашел выражение

в разнообразии обычного права, применимого к знати и горожанам. Духовенство подчинялось каноническому праву, а крестьяне – имущественным правам.

В гражданском законодательстве преобладающее влияние воскресшего римского права с комментариями университетских толкователей стало еще более ярко выраженным, как это произошло, например, в случае с разграничением, проведенным между *dominium directum* и *dominium utile*, разделявшими собственность между законным владельцем и тем лицом, которое имело право пользования чужой собственностью и доходами от нее без причинения ущерба, или узурфруктом. Что касается законодательства, относящегося к личности и семье, то дееспособность определялась в соответствии с возрастом и полом, социальным положением и вероисповеданием; субъектами права считались любые корпорации, а гражданские решения относительно брака выносились в соответствии с каноническим правом.

Уголовное право занималось проблемами общественного порядка, которому угрожали частные войны, а также растущим числом преступлений, разбирательством которых должен был заниматься правитель, включая «преступление, связанное с предательством монарха», или *crimen laesae majestatis*, т.е. государственную измену. Особое значение теперь придавалось ответственности и намерению личности, а *вергельд* был ограничен и превратился в строго определенный штраф. Однако большее распространение получила смертная казнь, которая нередко исполнялась с особой жестокостью.

В судебной практике присутствовали лишь зачатки будущего разделения дел на гражданские и уголовные. Независимо от того, было ли совершенное преступление уголовным или гражданским, для начала устного, публично и в высшей степени формализованного судебного процесса требовалась подача иска против ответчика. В ходе такого судебного процесса судья восседал в зале суда меж-

ду двумя спорящими сторонами и определял важность представляемых ими аргументов. Ближе к концу средневековья судебная процедура обогатилась в нескольких областях: в гражданском праве появилась возможность подачи апелляции в более высокий судебный орган с целью добиться пересмотра дела. В Италии, начиная с XIII в., в свете норм римского и канонического права судебные процедуры начали фиксировать в письменной форме, что весьма повлияло на гражданское судопроизводство некоторых европейских стран в начале нового времени.

Институциональное и правовое наследие средневековой Европы продолжало существовать и оставаться жизнеспособным вплоть до смены в Европе государственного порядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CHÉNON, E. 1928. Histoire générale du droit français public et privé, Vol. I. Paris.
- EBEL, F.; THIEMANN, G. 1989. Rechtsgeschichte, Vol. I. Berlin.
- HATTENHAUER, H. Europäische Rechtsgeschichte. Heidelberg.
- IMBERT, J. 1972. Histoire du droit privé. Paris.
- KANTOROWICZ, E. 1957. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton.
- KOSCHAKER, P. 1993. Europa und das römische Recht, 2nd edn. Munich.
- LANGUI, A.; LEBIGRE, A. 1979. Histoire du droit pénal, Vols I and II. Paris.
- LEMARIGRIEN, J. F. 1970. La France médiévale, institutions et société. Paris.
- MITTEIS, H. 1968. Deutsches Privatrecht. Munich.
- PLANITZ, H. 1997. Deutsche Rechtsgeschichte. Graz.
- PLÖHL, W. 1960. Geschichte der Kirchenrechts, Vols I and II, 2nd edn. Vienna.
- SCZANIECKI, M. 1997. Powszechna historia państwa i prawa [General History of the State and of Law], 9th edn. Warsaw.
- SOJKA–ZIELIŃSKA 1997. Historia prawa [History of Law], 6th edn. Warsaw.

3.2

ИСЛАМСКИЙ МИР

Маджид Хаддури

Право – это система социального контроля, целью которой является регулирование поведения людей в соответствии с определенным набором правил. Каждая сформировавшаяся правовая система записывает опыт людей, стремящихся поддерживать порядок и безопасность в данном обществе. Таким образом, в той части света, где господствовал ислам, мусульмане – приверженцы ислама в своих правовых нормах описывали собственный опыт решения вопросов поддержания порядка и безопасности. Однако, даже включив в свою структуру иноземные элементы, мусульманский закон все же сумел сохранить свой основной характер неизменным.

ТЕОРИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

В обществе, которое считало людей чрезвычайно слабыми, а потому неспособными подняться над своими личными недостатками, вряд ли могла появиться мысль о том, что подверженные ошибкам люди способны создать свод правил, удовлетворяющий всем требованиям человека. Вследствие этого, такое общество считало необходимым, чтобы его правовая система воспринималась как установленная некой формой верховного авторитета. Поскольку такое законодательство представлялось исходящим от высшего, божественного источника, олицетворяющего волю и правосудие самого Господа, оно формировало иную категорию права. Такое законодательство можно назвать священным или божественным законом, передававшимся через пророка (*Kamali*, 1991; *Khadduri*, 1955). В мусульманской теории права такой закон считался божественным и вечным. Он превосходил общество, ибо сосуществовал с самим Аллахом; он непогрешим и неприкосновенен, ибо воплощает в себе волю, власть и справедливость Аллаха.

Распоряжения Аллаха, сообщенные пророку Мухаммеду, «печати Пророков» (*Коран* 33:40; *Calvery*, 1936) являлись в глазах верующих окончательными и самыми совершенными из всех божественных законодательных откровений. Среди этих распоряжений были как религиозные догматы, так и правила поведения. Сообщенные как Слово самого Господа, собранные в книге, известной как Коран (араб. кур'ан, букв. – чтение), эти распоряжения составили совокупность правовых норм, ставшую фундаментальным законом государства и определившую законы, управляющие его международными отношениями.

Несмотря на то, что Коран считается источником всего законодательства, не все содержащиеся в нем законы представлены одинаково ясно и подробно. По всем вопросам закона и веры Пророк вел речи не по прихоти [своей] (*Коран*, 53:3), ибо ему была дарована божественная мудрость, благодаря которой он мог применить общие принципы к конкретным ситуациям. Установления Пророка, передаваемые в виде «преданий» (*сунны* – священного предания, состоящего из хадисов – преданий о поступках и изречений Мухаммеда), являлись постоянно обновляющимся источ-

ником правовых норм, которые считались не менее важными, чем божественные откровения (*Sbaji*ʔ, 1961). Однако ни Коран, ни *сунна* не считаются реальным сборником правовых норм. Они были источниками, на основе которых мусульманские богословы и законоведы (*улемы*) создали скрупулезную законодательную структуру, подробно описывающую весь диапазон возможного поведения человека.

Шариат (букв. – надлежащий путь), или Священный Закон, направляет верующих на протяжении всей их жизни в этом мире и подготавливает их к спасению в следующем. Шариат разграничивает два основных понятия: хорошее (*хусн*), которому нужно следовать, и скверное (*хубх*), которого должно избегать, или, другими словами, «правильное» и «неправильное». Однако и шариат дает людям возможность выбора между строго обязательным (*фард*) и строго запрещенным (*харам*). Между двумя этими крайностями верующие вольны совершать определенные поступки, считающиеся «рекомендуемыми» (*мандуб*), и отвергать противоположные, считающиеся «возмутительными» (*макruh*). Но при этом ни последние не являются абсолютно запрещенными, ни первые – абсолютно обязательными. Более того, между двумя крайностями есть также категория поступков, которые считаются приемлемыми (*йа'из*), т.е. закон к ним безразличен и верующие имеют полную свободу действий.

Можно считать, что шариат имеет три фундаментальные характеристики. Первой является его постоянное действие, не зависящее от времени и места. Так, даже если верующие живут на территории другой страны, они остаются связанными шариатом. Второй состоит в том, что этот закон прежде всего печется об этических нормах и интересах всей общины в целом, тогда как личные интересы отдельного верующего находят понимание лишь настолько, насколько они соответствуют интересам всей общины. Третья характеристика заключается в том, что этот закон должен соблюдаться искренне и с доброй верой.

В результате своих завоеваний мусульмане познакомились с законами и обычаями завоеванных территорий, например, Византийской империи и государства Сасанидов. Некоторые из этих законов и обычаев, не противоречивших шариату, прижились и в мусульманских странах. Точно так же в местном «публичном праве» тех или иных мусульманских стран могли прижиться отдельные элементы правовой системы монгольских государств империи Чингисхана. В XV в. османские султаны поступили аналогичным образом в отношении местного судопроизводства балканских провинций.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Поскольку мусульманское право считалось вечным, общество воспринималось как созданное в соответствии с этим правом. Но общество – это продукт общительности человека, так как по самой своей природе «человек – животное

социальное», поэтому никто, за исключением Аллаха, не может жить в одиночестве, ибо люди были созданы, чтобы жить вместе. Мусульманские мыслители считали само собой разумеющимся, что мужчины и женщины должны жить вместе, образуя сообщества (*al-Fārābī*, 1895; *Ibn Khaldūn*, 1958; *Aristotle*, 1946). И все же «люди – враги друг другу», как утверждает одно из откровений Корана (К, 20:121), и «если бы не удерживание Аллахом людей друг от друга, то пришла бы в расстройство Земля», как утверждает другое откровение (К, 2:252). Иными словами, общество способно выжить только при наличии власти. Таким образом, как мусульманская доктрина считает общество необходимым для выживания людей, так же она считает государственную власть необходимой для выживания общества. Ибо индивид, будучи по природе своей социальным животным, благонаправленным не является. Ибн Халдун (ум. в 1406 г.), философ-историк, резюмировал подобную концепцию власти следующим образом:

«Когда человечество достигло уровня социальной организации... людям нужен кто-то, осуществляющий ограничивающее влияние и разводящий их, ибо животной природе человека присущи агрессивность и несправедливость. Оружия, изготовленного для защиты людей от агрессивности бессловесных животных, недостаточно для защиты человека от агрессивности другого человека, ибо каждый имеет это оружие. Поэтому для защиты от агрессивности людей в отношении друг друга нужно что-то еще... Человек, осуществляющий ограничивающее влияние... должен доминировать над остальными, иметь власть и авторитет, чтобы ни один из них не смог напасть на другого. В этом и заключен смысл власти правителя (*мульк*).» (*Ibn Khaldūn*, 1958, pp. 91–92).

Кому же, в таком случае, принадлежит наивысшая власть? В Коране есть несколько стихов, в которых термин *мульк* («верховная власть» или «государственность») и производный термин *малик* («обладатель» такого *мулька*) указывают на то, что наивысшая власть принадлежит Аллаху. «Разве ты не знаешь, что у Аллаха власть над Небесами и Землей?» – вопрошает Коран (К, 2:101). Таким образом, выражения воли Аллаха будут передаваться на Землю через пророков. Более того, опять-таки в соответствии с Кораном, верховную власть можно понимать как нечто переданное: «Аллах дарует Свою власть, кому пожелает» (К, 2:248 и 3:25).

Когда пророк Мухаммед отошел в мир иной, заменить его было нечем. Но главные сподвижники пророка встретились и выбрали первым его «преемником» (*kalīf* – «халифом») Абу Бакра. Это избрание Абу Бакра создало прецедент для последующего превращения человека, занимающего пост халифа, в главу государства.

Выборы первого халифа прошли без особых проблем, так как Мухаммед перед кончиной поручил Абу Бакру миссию проведения молитвы; более того, Абу Бакра считали знающим, мудрым и влиятельным человеком. В свою очередь, когда Абу Бакр выбрал своего преемника в лице Умара (Омара), его выбор сразу одобрили сподвижники пророка и *умма*, или «сообщество» верующих. Умар же доверил задачу назначения своего преемника совету (*шуре*) из шести человек, назначенных им самим. Преемником Омара был назван Усман (Осман). Однако при весьма неопределенных обстоятельствах Усман был убит, и четвертым «праведным» халифом был провозглашен Али (женатый на Фатиме, дочери Мухаммеда. – *Прим. ред.*). Муавия (наместник халифа в Дамаске и племянник Усмана. – *Прим. ред.*) из рода Омейядов, в свою очередь, был объявлен халифом не в результате третьей очереди суда в Адрухе, а стал им после убийства Али соперниками в 661 г. н.э. До этого времени принцип выбора в

данном вопросе подкреплялся понятием *байя* (*bay'a*) или *мубайя* (*tubāya'a*), т.е. «одобрения» со стороны тех людей, которые имели право судить: законовладельцев, или *улемов*, «ученых».

Затем, начиная с Муавии, институт халифата принял династическую форму, и практика передачи титула по наследству стала традицией. Возможно, это было обусловлено влиянием Византии, но прежде всего необходимостью противостоять возможным притязаниям Алидов (потомки халифа Али и его жены Фатимы. – *Прим. ред.*), обеспечить передачу власти в пределах рода Муавии (Омейядов), узаконить эту власть и тем самым избежать разногласий в отношении халифата или уменьшить их. Наследственная передача власти никогда не считалась абсолютно законным процессом.

В шиизме (от араб. *шиа* – группа приверженцев. – *Прим. ред.*) миссия пророка была продолжена через имамат (общее название мусульманского теократического государства. – *Прим. ред.*), правитель которого пользовался всеми прерогативами власти пророка, кроме откровения. Согласно учению шиитов, законным *имамом* является Али; законными считаются и его потомки.

Поскольку наивысшая власть и право установления законов по-прежнему, в принципе, принадлежали Аллаху, законовладельцы сделали вывод, что земная власть, или проявление верховной власти, остается подчиненной закону. Таким образом, закон равно ограничивал как простых людей, так и правителя, полномочия которого выводились из *шаариата* и определялись им.

Халиф, хотя на практике и считался обладателем божественной верховной власти, не считался – в отличие от некоторых концепций современной власти – стоящим над законом. Государство и правитель воспринимались лишь как инструменты, посредством которых исполнялся закон. Если государству не удавалось претворить закон в жизнь, то оно, очевидно, лишалось *raison d'être* (смысла своего существования), тогда как если халиф нарушал закон, то, согласно некоторым законовладельцам, он не имел права оставаться халифом; но даже при таких обстоятельствах верующие теоретически были обязаны полностью соблюдать закон. Однако на практике халифы, сознательно или нет, издавали указы, действительно противоречащие закону.

Благодаря главенствующему положению закона в мусульманском государстве само государство принимает характер, отличный от того, который оно имеет в других обществах, где закон оказывается в подчинении у государства. Считается, что такое государство следует относить к теократическим (этот термин ввел Иосиф Флавий), так как высшим его правителем является Бог (*Mawardi*, 1853). Однако правит в нем на самом деле не Бог, а закон Бога, ибо Бог никогда не считался непосредственным правителем подданных такого государства. Исполнительной властью наделялся лишь представитель Бога (пророк или халиф), получающий свою власть от божественного закона, поэтому такое государство можно назвать не теократическим, а «номократическим» (в котором власть основана на законе. – *Прим. ред.*), ибо реальным источником власти оставался закон.

ШКОЛЫ ЗАКОНА

Не все мусульманское право было извлечено из Корана, так как Священная книга зачастую лишь кратко останавливается на тех вопросах, которые требуют подробного рассмотрения. Тем не менее Коран считался основным источником закона. Подробности законов разработали законовладельцы; они же выработали скрупулезные учения и создали школы закона.

Все богословы и законовладельцы, или *улемы*, единодушно согласились с тем, что Коран, бесспорно, является основ-

МУСУЛЬМАНСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ным источником права. Но на этом их согласию пришел конец. В процессе развития мусульманского права постепенно выделились четыре школы закона.

Первая, так называемая ханифитская (иракская) школа, носила имя иракского правоведа Абу Ханифы (ум. в 767 г.). Отличавшаяся свободным использованием «соизмерения» (*хяяс*), позволявшего проводить аналогию (*райа*) со случаями, описанными в Коране, эта школа возникла на территории, где процветали ранние цивилизации, и стала отражением новых условий, сложившихся за пределами Аравии.

Вторая школа появилась в Хиджазе (узкой полосе оазисов, протянувшейся через Западную Аравию с севера на юг. – *Прим. ред.*), где Малик ибн Анас (ум. в 795 г.) особое внимание уделял обращению к традициям Пророка; эта школа стала называться школой Хиджаза или Малика. Однако свод законов Малика свидетельствует о том, что этой школе обращение к «аналогии» было знакомо в не меньшей степени, чем иракской (*Schacht*, 1951; 1964).

Третью школу, шафиитскую, основал Шафия (ум. в 820 г.), создавший систематический метод использования источников права своих предшественников. Однако Шафия весьма настороженно относился к любым обращениям к заветам Пророка, так как настаивал, что обязательными можно считать только те предания, подлинность которых доказана. Более того, Шафия был сторонником обращения к *иджме*, или единогласному мнению всей общины, ссылаясь на то, что такой консенсус соответствует воле сообщества верующих на основании традиционного высказывания Пророка: «Мой народ никогда не согласится на ошибку». На практике, однако, получалось, что только законоведы могли следовать *иджме*, или консенсусу, от имени сообщества.

Что касается четвертой школы закона, основанной Ахмадом ибн Ханбалом (ум. в 855 г.), то она особое внимание уделяла зависимости от *сунны* Пророка и выступала против использования «соизмерения» (аналогии), считая его неадекватным источником для принятия решений (*Abmad ibn Hanbal*, 1949).

Шиииты создали собственную школу (или школы) закона, но они не запрещали (как не запрещают и сейчас) верующему переходить из одной школы закона в другую. Приверженность к ханифитской и шафиитской школам преобладала в Ираке, Сирии и Египте, и лишь при османах ханифитская школа была признана официальной. Школа Хиджаза постепенно потеряла почву в самой Аравии, но распространилась по Северной Африке и занимала главенствующее положение в Испании до тех пор, пока страна не стала христианской. Шиитская доктрина в конечном итоге стала преобладающей в Южном Ираке и Иране и обрела приверженцев в Центральной Азии и Индии.

Ни при четырех первых («праведных») халифах, ни при Омейядах ни один человек не занимал положение главы гражданской власти при халифе. Высокопоставленные чиновники отвечали главным образом за управление вооруженными силами, ведали финансовыми вопросами и управлением провинциями. При первых Аббасидах ни один везир (визирь) также не имел полной власти, однако в последующий период и на всех мусульманских землях везир (в Испании известный как *хаджиб*) начал играть важную роль в результате ослабления власти халифа и в конце концов захватил всю власть.

Начиная с X и особенно с XI в., выдающееся положение рядом с халифом заняла другая личность – *султан*, ставший главой военной и политической власти. Впоследствии в некоторых регионах султаны получили статус верховных правителей, а потому полностью перестали зависеть от какого бы то ни было признания со стороны халифа. Роль султана четко определена в труде везира Низама аль-Мулька «Книга о правлении»; султанат как таковой появился у сельджукидов во второй половине XI в., у египетских мамлюков он существовал с 1258 г., а у османов – с конца XIV в.

Исламское государство, с его обращением ко всему человечеству, неизбежно поднимало вопрос о принципе построения своих отношений с другими государствами и обществами. Особый раздел мусульманского права, названный «*Сийяр*» (*Siyar*)¹ и написанный мусульманскими законоведами для определения отношения ислама к немусульманам, можно назвать мусульманским международным правом. В его основе лежал принцип, гласящий, что субъектом мусульманского права является исключительно община верующих, тогда как все остальные сообщества являются объектами исламской системы, хотя им ни в коей мере не отказано в определенных преимуществах, которые эта система дает. Главная цель ислама заключается в установлении спокойствия и порядка на территории, где властвует его закон, и в расширении территории действия этого закона с целью охвата им всего мира.

Но исламское государство, подобно другим государствам, обращающимся ко всему человечеству, не имело возможности установить спокойствие и порядок во всем мире, руководствуясь исключительно своим законом. За его пределами оставались другие сообщества, с которыми ему постоянно приходилось иметь дело. Таким образом, мир разделился на две части: территорию ислама (*дар аль-ислам*), на которой главенствовало мусульманское право, и весь остальной мир, называемый *дар аль-харб*, или территория войны, где преобладали другие общественные порядки. В первую часть входили сообщества верующих и прочие, имевшие свои священные писания и решившие строго придерживаться своих собственных законов, что им было позволено в обмен на уплату подушного налога (*джизья*) мусульманским властям. Отношения между исламскими и остальными сообществами регулировались в соответствии с особыми соглашениями, признающими каноническое право каждого религиозного сообщества по всем вопросам, относящимся к личному статусу.

Миром, окружающим *дар аль-ислам*, является *дар аль-харб* – территория войны. Теоретически *дар аль-ислам* не находился ни в состоянии мира, ни в состоянии постоянной враждебности с *дар аль-харб*; их отношения, говоря на языке современной юриспруденции, можно описать как «состояние войны». Но *дар аль-харб*, хотя и рассматривался как часть мира, находящаяся в особом состоянии по своей природе, не считался ничьей землей, на которую не распространялось правосудие.

ДЖИХАД КАК КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Поскольку конечной целью ислама был весь мир, средством, с помощью которого он стремился достичь своей цели, был *джихад* (араб. – священная война, война за веру). Ислам запрещал любые военные действия, за исключением *джихада*, но последний, хотя его часто называют священной войной, не обязывал к борьбе, несмотря на то, что *дар аль-ислам* и *дар аль-харб* находились в состоянии войны, так как конечная цель ислама может быть достигнута не только посредством силы, но и мирным путем. Строго говоря, слово *джихад* не значит «война» в материальном смысле этого слова. Буквально, оно означает «усердие», «рвение» и «попытку», показывая тем самым, что верующий должен приложить все усилия, чтобы выполнить конкретную задачу. Технически этот термин означает использование всех сил верующего для выполнения долга, предписанного законом «на пути Аллаха» (*К*, LXI: 10–11), пути правды и справедливости. Таким образом, *джихад* можно определить как религиозный и правовой долг, который обязан исполнять каждый верующий либо сердцем и языком, сражаясь со злом и распространяя слово Божье, либо рукой и мечом,

принимая участие в сражениях. Лишь в последнем смысле ислам считал джихад коллективным долгом, который был обязан выполнять каждый верующий, если он мог выйти на поле боя. Такая война, в западной правовой традиции именуемая «справедливой войной» (*bellum justum*), в соответствии с мусульманским международным правом – единственная законная разновидность войны.

В раннем исламе ученые, например Абу Ханифа (ум. в 767 г.), не заявляли открыто, что джихад – это война, которую нужно вести против немусульман только из-за того, что они являются «неверными». Напротив, они подчеркивали, что к неверным нужно относиться терпимо, и советовали халифу начинать войну только, когда жители *дар аль-харб* вступают в конфликт с исламом. Но Шафия (ум. в 820 г.), определяя отношение ислама к немусульманам, встал на защиту доктрины о том, что весь смысл джихада состоит в ведении войны против неверных за их неверие в ислам, а не только тогда, когда они конфликтуют с исламским государством (Shāfiʿī, 1904–1908). Таким образом, джихад, который изначально не был наступательной войной, превратился в коллективную обязанность, предписанную всему мусульманскому сообществу, – сражаться с неверными, «где их найдете» (К, IX: 5), а разница между наступательной и оборонительной войной более не имела значения.

Однако доктрину джихада, выдвинутую Шафией, приняли далеко не все правоведы и даже не все его последователи. Когда власть ислама начала ослабевать, государство, очевидно, не могло занять господствующие позиции, не ослабив внутреннего единства. Тогда долг джихада сделали обязательным только в тех случаях, когда сила верующих была на их стороне (К, II:233). Но исламским государствам пришлось решать не только проблемы, связанные с внутренней безопасностью, – их территориальная целостность тоже подверглась опасности, когда иноземные войска (крестоносцы или монголы) из *дар аль-харб* бросили вызов их власти и стали угрозой самому их существованию. Ибн Таймийя (ум. в 1328 г.) – правовед, всерьез обеспокоенный внутренним беспорядком, осознал тщетность классической доктрины джихада, когда иноземные войска начали угрожать вратам *дар аль-ислама*. Он сделал «уступку» действительности, дав новое толкование концепции джихада как ведения оборонительной войны против неверных, когда они угрожают исламу (*Taqī al-Dīn Abmad bin Taymīya*, 1949). Более не рассматриваемый как война против *дар аль-харб* по причине его неверия, джихад стал обязательным для верующих только в целях защиты ислама, и мусульманские правители должны были объявлять его, когда ислам оказывался в опасности.

УСЛОВИЯ МИРА

Хотя состояние войны считалось нормой в отношениях исламских и неисламских государств, мусульманское право допускало установление краткосрочных мирных отношений с немусульманами как на уровне личности, так и на уровне общества. На уровне личности оно принимало форму *аман* (безопасного поведения). На официальном уровне оно выражалось в виде дипломатии и заключения краткосрочных договоров.

Аман

Аман – это обещание безопасности, благодаря которому любой человек из *дар аль-харб* имел право прожить в *дар аль-ислам* не более года. Если немусульманин появлялся в *дар аль-ислам* без амана, он должен был подвергнуться наказанию. *Мустамин* (человек, которому пожалован аман) имел право привезти с собой семью и мог попасть в любое интересующее его место, кроме священных горо-

дов Мекки и Медины. Он также мог остаться на постоянное место жительства, если становился *джимми* (*dhimmi*) и платил подушный налог или принимал мусульманство. Живя в мусульманском государстве на постоянной основе, он имел право вести свое дело и выполнять любые другие функции, если соблюдал законы и традиции ислама. Если он этого не делал и совершал преступление, он подвергался наказанию. Если он оказывался шпионом, его могли казнить. Как правило, аман заканчивался по истечении срока, на который он был пожалован. Если человек хотел вернуться, ему нужно было получить новый аман. Аман служил благой цели, позволяя мусульманам и немусульманам пересекать границы своих государств и бывать в странах друг друга на основе взаимного обмена. Аман можно считать движущей силой, содействующей установлению мирных отношений между мусульманами и немусульманами.

Дипломатия

Принятие исламом дипломатии не означало его мирных намерений, поскольку дипломатия нередко использовалась в качестве дополнения к войне. Когда джихад прекратился, поддержание официальных отношений между исламскими и прочими государствами стало чрезвычайно важным. Однако использование посланников имело своей целью не установление постоянного представительства, а в первую очередь отправку временных миссий, чтобы доставить послания, провести переговоры по поводу договоров и других вопросов. Иностранные посланники, приезжавшие в *дар аль-ислам*, имели при себе рекомендательные письма и пользовались дипломатической неприкосновенностью с того самого момента, как сообщали, что едут с официальной миссией. Однако если их миссия оказывалась неудачной, эмиссаров отпускали с очевидной холодностью (*Afifi*, 1986).

Договоры

Заключение договора устанавливало состояние мира между мусульманами и немусульманами. Из-за состояния войны, постоянно существовавшего в то время между исламскими и остальными государствами, длительность договора непременно ограничивалась. В силу прецедента, созданного пророком Мухаммедом в виде договора, который он заключил с жителями Мекки на 10 лет, было установлено правило, что длительность мирных договоров не должна превышать 10 лет. После смерти пророка Мухаммеда право заключать договоры перешло к халифу. Однако свою власть он нередко делегировал своим военачальникам или правителям провинций. После подписания договора мусульманские власти обязаны были строго соблюдать все его условия. Как сказано в Коране, от мусульман требовалось «не нарушать клятвы, после того как она дана» (К, XVI:19), и если немусульмане не нарушали договор, мусульманам рекомендовалось «выполнять договор до окончания срока его действия» (К, IX:4; III:75–76). Договор мог быть объявлен завершенным до истечения срока его действия по обоюдному согласию сторон (*Afifi*, 1986; *Khadduri*, 1955; *Fattal*, 1958).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу XV в., несмотря на то, что *дар аль-ислам* и *дар аль-харб* по-прежнему находились в состоянии войны, государство ислама уже не могло продолжать расширяться, но ислам как религия никогда не прекращал распространяться в Центральной и Южной Азии, а также в Афри-

ке, добиваясь этого с помощью культуры и торговли. Можно сказать, что со времен падения династии Аббасидов в 1258 г. *дар аль-ислам* формально разделился на три категории политических субъектов права: полностью независимые государства; субъекты права, номинально считавшиеся владениями османов или персов, но абсолютно независимые в своих внутренних делах; периферия *дар аль-ислама*.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Термин Сийяр (*Siyar*, мн. число от *sira*), со II в. эры ислама приобрел два значения: первое использовалось в хрониках для обозначения жизни или библиографии, а второе применяли правоведы для обозначения позиции государства в его отношениях с другими народами (*Nāsir Bin Abd-Allah al-Mutarrazi*, 1950).

БИБЛИОГРАФИЯ

'AFIFI, M.S. 1985. *Islam and International Treaties*. Cairo. Arabic text.
— 1986. *Diplomacy in Islam*. Cairo. Arabic text.
AHMAD IBN HANBAL, A. B. 1949. *al-Musnad* (ed. Shakir). Cairo.
ARISTOTLE. *Politics* 1946. (Barker's translation.) Oxford. Book I, p. 6.

CALVERLY E. 1936. *Muhammad, Seal of Prophets in Moslem World* (Vol. 25), pp. 79–82.
AL-FĀRĀBĪ. 1895. *Risala Fi Ahl al-Madina al-Fadila* (ed. Dietrici), p. 53.
FATTAL, A. 1958. *Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam*. Beirut.
IBN KHALDŪN. 1958. *al-Muqaddima*, tr. Rosenthal. London. Vol. I, pp. 89–92.
KAMALI, M. H. 1991. *Principles of Islamic Jurisprudence*. Cambridge. Chs. 2–3, 10.
KHADDURI, M. 1955. *War and Peace in the Law of Islam*. Baltimore. pp. 24–25.
MAINE, H. S. 1931. *Ancient Law (World's Classics)*. pp. 101, 138–44.
MĀLIK. 1951. *al-Mutta'*. Cairo.
MĀWARDĪ. 1853. *Kitab al-Ahkan al-Sultāniya* [Book on the Principles of Government] (ed. Enger). Bonn. Ch. I.
NĀSIR BIN ABD-ALLAN AL-MUTARRAZI. 1950. *al-Mughrib*, Vol. II. Hyderabad. p. 972.
SCHACHT, J. 1950. *Origins of Muhammadan Jurisprudence*. Oxford. pp. 311–314.
— 1964. *An Introduction to Islamic Law*. Oxford.
SHĀFIĪ. *al-Risala Fi Usul al-Fiqh* [Treaties on the Sources of Law], tr. Khadduri, 1961, *Islamic Jurisprudence*. Baltimore. Ch. 8, ch. XVIII.
— 1904–1908. *Kitab al-Umm*. Vol. IV. Cairo. pp. 84–85.
TAQI AL-DĪN Ahmad bin Taymiya, 1949, *Majmu'at Rasā'il*, (ed. Hamid al-Fiqqi) Cairo. pp. 115–146.

Луи Базен

Около 600 г. н.э. (и с ранней античности) преобладающим социально-хозяйственным укладом в степях Центральной Азии было кочевое пастушество с племенными структурами организации. Однако племена, обитавшие в лесистых гористых зонах и перемещавшиеся по меньшей территории, чем те, которые жили в степях, в большей степени полагались на скотоводство, нежели на охоту, и, кроме того, занимались собирательством. Охота обеспечивала ценное дополнение к рациону пастухов, а набеги на оседлых жителей позволяли им получать различные товары. Сельское хозяйство у обеих групп находилось в зачаточном состоянии.

В таких обществах наиболее высоко структурированной и иерархической организацией было племя. Различными ступеням иерархии соответствовали титулы, которые нужно было использовать, называя людей по имени. Самыми важными, особенно в степях, были титулы, связанные с военной иерархией, которая чаще всего определяла структуру власти в племени.

В Центральной Азии в раннем средневековье термин «государство» в нашем понимании можно достаточно обоснованно применить к территориям, находившимся под контролем оседлых групп, особенно индоевропейцев (иранцев в Согдиане и Хотанском царстве и тохаров из региона Таримской равнины), имевших свои столицы (такие как Самарканд, Бухара, Хотан, Куча, Агни). Вместе с тем концепция кочевого государства с гибкой племенной структурой и столицей, перемещающейся вместе с «палаточным дворцом» верховного вождя, требует некоторого разъяснения.

В действительности, союзы племен создавались на основе поражения в битве одного или нескольких племен от другого, которое, одержав победу, навязывало побежденным как структуру управления, так и правовую систему, сохраняющую ее. Точно так же внутреннюю структуру племени определяла именно сила, которая стояла гораздо выше наследственного принципа. На протяжении всей истории племена формировались, распадались и возрождались в результате коалиций, внутриплеменных распрей, смены вассальной зависимости и «дворцовых переворотов». Эти потрясения, происходившие внутри племен и их союзов, не означали постоянной анархии. Как только один клан одерживал победу, глава этого клана (или его прямой наследник) тут же начинал восстанавливать «государство» и «законы», используя практически те же принципы.

Эти принципы, насколько можно судить из самых надежных исторических источников (как местных, так и иностранных), были довольно однородными в двух основных этнолингвистических сообществах Центральной Азии, где возникли государства, которые можно назвать «империями»: у древних тюрков и монголов. Они, равно как и их соседи (главным образом китайские летописцы), оставили наиболее интересные тексты по данной теме. Поэтому наш анализ будет сосредоточен на этих двух ключевых примерах.

Из китайских летописей мы узнаём, что в 552 г. н.э. вождь племенной группы, называемой тюрками, ранее обитавшей к югу от Алтайских гор, поднял восстание против своего сюзерена, Великого хана (кагана) *жуаньжуаней* (вероятно, протомонголов), который правил на территории современной Монголии. Вождь тюрков одержал победу, вынудил хана совершить самоубийство, захватил его землю и присвоил титул. Этот завоеватель, ставший Бумьин (*Bumîn*)-каганом, умер вскоре после одержанной им победы. Его потомкам суждено было контролировать монгольскую территорию от границ Северного Китая до бассейна Иртыша вплоть до начала 740-х гг., не считая половины столетия (630–682 гг.), когда она находилась под властью Китая. Истеми (*Istâmi*)-каган – младший брат Бумьин-кагана – расширил свои владения на западе Центральной Азии до границ сасанидской Персии, но созданный им Западный (среднеазиатский) тюркский каганат в 630 г. распался, не оставив ни одного изначального документа, касающегося его истории. Однако надписи на надгробных стелах, воздвигнутых в Монголии в память о вождях Восточного (центральноазиатского) тюркского каганата, представляют большую историческую ценность и являются старейшими (из поддающихся датировке) памятниками с тюркскими надписями. Самые длинные из этих надписей, дающие наибольшую информацию об идеологии государства и ее применении в законодательстве, содержатся в биографии Тоньюкука (*Tonyukuk*) (ум. ок. 726 г.), военачальника и советника своего внука, императора Бильге (*Bilgä*)-кагана; с другой стороны, в биографии младшего брата Бильге-кагана, Кюль-тегина, воина-героя, погибшего в 731 г., и в эпитафии Бильге-кагана, написанной от первого лица единственного числа (эта система письма использовалась и Тоньюкуком), содержится некоторая дополнительная автобиографическая информация и описание устройства государства. Биография и эпитафия были написаны самим Бильге-каганом (ум. в 734 г.); все эти надписи являются ключевыми источниками информации об этом периоде.

Все три текста выражают одну и ту же концепцию власти, не очень сильно отличающуюся от аналогичной концепции императорского Китая: государство – это институт божественного права, управляемый Великим небесным богом Тенгри, представителем которого является каган, означающий «подобный Небу» (ср. «мандат Неба» китайских императоров). Если каган честно выполняет свою небесную миссию в интересах тюркского народа (*Türk bodun*), включая простолюдинов (*kara bodun* – «темных людей»), Тенгри всегда поможет ему в управлении и ведении войны. Но если каган совершает ошибки, особенно, если он не подчиняется закону (*törü*) тюркского народа (т.е. обычному праву, передаваемому из уст в уста и управляемому всеми институтами, публичными и частными, а также отношениями между отдельными людьми), Тенгри откажется от него и он потеряет свою власть (а иногда и жизнь). Точно так же Тенгри накажет или даже уничтожит

того, кто низложит своего законного кагана, например, покорится китайцам и станет одним из них. Содержание этого закона определено не полностью, ибо это – закон природы, священный закон; его положения знакомы всем вождям в той степени, в какой они касаются их, от вершины иерархии до частной жизни семей и отдельных людей. Тенгри в его действиях нередко связывают с двумя важными божествами: *Умай*, его божественной супругой и матерью-богиней, представительницей которой на земле является императрица *Катун* («подобная *Умай*»), и *Йер-суб*, «Землей и Водой» тюрков, защитницей их жизненного пространства. Самого Тенгри иногда называют «Тенгриси тюрк» («небом тюрков»).

В трех надписях термин «тюрки» охватывает, в самом строгом смысле, все тюркские племена Бумбин-кагана и прочие тюркоговорящие племена, составлявшие неотъемлемую часть их союза и подчиненные каганам и их законам. Другие племенные тюркоязычные группы, например огузы из Северной Монголии и *кыргызы* (древние киргизы) из верховьев Енисея, хотя и были насильно подчинены тюркскому кагану, тюрками не считались, так как они сохранили неизменной свою собственную внутреннюю организацию. Однако они входили в государство (*эль*) тюрков (*Тюрк эли*) как вассалы его суверена, которому платили дань.

Это идеальное государство, описанное Бильге-каганом, который надеялся на его вечное существование, не знало продолжительных периодов стабильности. Его подрывала неоднородность, распри между вождями племен, между бейями (первоначально от тюркского титула «бег» – правитель, вождь, князь, господин. – *Прим. ред.*), входящими в союз тюркских племен, и соперничество кровных князей (*тегинюв*). В 744 г. это государство пало, и власть в Монголии захватили девять огузов (*Tokuz Oguz*), а в 840 г. их самих прогнали *кыргызы*.

Через пять веков после правления Бильге-кагана пришла очередь монголов Чингисхана, который создал государство, впоследствии превратившееся в огромную империю. Самый старый из дошедших до нас исторических и литературных монгольских памятников – «Сокровенное сказание», заверченный в 1240 г. кем-то из окружения Чингисхана, содержит основные понятия о правителе, государстве и праве, которые очень сильно напоминают эпитафии Кюль-тегина и Бильге-кагана. Согласно «Сокровенному сказанию», Тэмуджин (Темучин), будущий Чингисхан, был потомком в десятом поколении по прямой мужской линии младшего из трех сыновей, которых прекрасная вдова Алан Коа (*Alan Qo'a*) принесла Тенгири (*Tenggin*) (соответствует тюркскому Тенгри), который по ночам навещал ее в обличье святающегося желтого человека. Таким образом, Тэмуджин был потомком Великого небесного бога, которому он истово молился и который руководил его решениями, дав возможность после не очень счастливого детства стать ханом своего племени, а в 1206 г., в возрасте около сорока лет, – быть избранным великим ханом (*каан* – тюркский каган) всех монгольских и тюркских племен Монголии. С того времени и до своей смерти в 1227 г. он покорил всех кочевников степей и лесов Центральной Азии и завоевал принадлежащие оседлому населению области от Северного Китая до Каспийского моря. Все это он сделал «силой

Вечного Неба» – с этой фразы начинались все письма и указы его прямых преемников Угедея (третий сын Чингисхана. – *Прим. ред.*), Гуока (сына Угедея) и Мункэ (внука Чингисхана) с 1229 по 1259 г.

До возведения Чингисхана на престол связи между монгольскими племенами были слабыми и нестабильными, и о формировании государства не могло быть и речи. Но как только Чингисхан стал великим ханом, он сразу занялся энергичной реорганизацией монгольского общества, сосредоточившись на создании военных структур на основе племенных организаций и назначая начальников «десятков», «сотен», «тысяч» и «тьмы» (10 000) конных воинов, как он считал нужным, не беспокоясь о ранее существовавших иерархиях. Так он ликвидировал стремление племен к автономии. На протяжении его жизни созданное им государство не имело монгольского названия, но перед смертью он разделил свою империю на отдельные территории (улусы), завещав их своим сыновьям, поэтому в дальнейшем образованные таким образом государства так и стали называть – «улусами».

У древних монголов не было слова, которое обозначало бы «государство», но было слово, обозначавшее «обычай» (*törä/törü* – в тюркском языке тот же смысл, а также «закон»), и слово, обозначавшее «закон» (*jasah/jasaq*, производное от *jasa* – «приводить в порядок», аналогичное тюркскому *yasa* – «определять»). Впервые в тюрко-монгольском мире Чингисхан приказал составить свод монгольских законов, как видел их он. Этот свод (до наших дней сохранились лишь отрывки из него) включал множество монгольских обычаев, но Чингисхан сделал их более жесткими (например, смертная казнь полагалась не только за убийство, но и за серьезную кражу, владение украденными вещами, преднамеренную ложь, супружескую неверность, изнасилование и т.д.). После его смерти в 1227 г. этим законам стали постепенно следовать менее строго.

После распада Монгольской империи, который последовал за ее разделением на улусы, происходило увеличение числа поселений и городов, что мало-помалу уменьшало важность кочевого образа жизни. Безусловно, в Монголии и в степях Центральной Азии еще оставались кочевые племена, но они уже не создавали настоящих государств, а их традиционные законы-обычаи попали под влияние буддизма и, более того, ислама, в который повсюду, кроме Монголии, начали обращаться кочевники.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВЛАДИМИРЦОВ Б. Я. 1934. Общественный строй монголов. – Л.
GROUSSET, R. 1941 (and reprints). L'Empire des steppes. Paris.
HAENISCH, E. 1948. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig.
[German translation of the Secret History (with commentary).]
LEMERCIER-QUELQUEJAY, C. 1970. La Paix Mongole. Paris.
PELLIOT, P. 1949 (printed posthumously). L'Histoire secrète des
Mongols. Paris. [Transcription of the Mongolian text and French
translation of the first six chapters.]
TEKIN, T. 1995. Les inscriptions de l'Orkhon. Istanbul. [French version
of the book by the same author, Orhon Yazitlari, 1988. Ankara.
Old Turkic text and translation of the three epitaphs mentioned.]

Ирфан Хабиб

Основная сложность в определении природы государства как части социальной структуры в раннесредневековой Индии обусловлена неясным восприятием нашими источниками различных его составляющих: монархии, аристократии, бюрократии и разных сегментов высших классов, претендующих на определенную административную или политическую власть. Можно предположить, что слабая монархия все же могла сформировать часть могущественного государства, если все прочие составляющие рассматривать вместе. Таким образом, одно и то же «государство» может казаться одновременно слабым и сильным, либеральным и жестким в зависимости от того, какие его элементы рассматривать. Это можно проиллюстрировать, сравнив описание, данное китайским паломником Сянь Чжуаном (*Xuan Zhuang*) (634–644 гг.), правления в Индии как «щедрого», «с легким налогообложением» (*Watters*, 1904–1905, I, p. 176), с видением историка Калханы (*Kalhana*) (ок. 1148) (через слова, приписываемые идеальному правителю Лалитадитье) сурового государства, которое должно оставлять крестьянам не «больше пищи, чем нужно на один год, и не больше крупного рогатого скота, чем требуется для [возделывания] их полей» (*Stein*, 1900, p. 154).

Возможно, Сянь Чжуан говорил только о царских кругах и налогах, а Калхана рассматривал весь аппарат власти в обществе. Мы на самом деле не имеем никаких доказательств того, что между VII и XII вв. в Индии происходил сколь-нибудь существенный рост могущества царя; напротив, имеется немало свидетельств ослабления царской власти из-за «феодализации» страны (*Sharma*, 1980, pp. 63–90). В отношении Южной Индии в этот период времени Б. Стейн (*Stein*, 1980) выдвинул вызвавший много споров тезис о «сегментарном государстве», но уменьшилась ли сила государства, в более широком смысле, вместе с ослаблением монархии – вопрос совсем другой. Б.Д. Чаттопадхьяя (*Chattopadhyaya*, 1996, pp. 143–146) указывает, что в тот период тенденция к замене региональными государствами более крупных государств возникла не обязательно в результате простого разделения ранних империй на части, а была обусловлена, скорее, местными властными силами, центры которых, судя по всему, сосредоточили в своих руках гораздо большую власть, нежели их более крупные предшественники.

Следовательно, можно предположить, что, по крайней мере, в большей части Северной Индии и на плато Декан (северные части полуострова) одновременно протекали два процесса. С одной стороны, наблюдался рост наследных «феодов» (*sāmantas, śhakkuras*, впоследствии – *rāṇakas, rāutas, nāyakas*) и появление «клановых монархий», формировавших новые единицы территориального деления, каждая из которых определялась числом деревень (12, 42, 84 и т.д.) (*Ghoshal*, 1929, pp. 241, 259–260). С другой стороны, происходило усиление власти высших классов над населением, особенно с появлением класса *раджпутров*, или

кавалеристов, ставших оплотом северо-индийских государств (*Habib*, 1995, pp. 138–140). В результате число налогов и сборов умножалось, и финансовое давление на крестьян постепенно возрастало (*Sharma*, 1980, pp. 190–192).

Расширение масштабов строительства оросительных каналов и водохранилищ, например, тех, которые были сооружены правителями Чандели в Центральной Индии и Чола в Южной Индии (X–XI вв.), свидетельствует о том, что эти государства имели достаточные ресурсы, чтобы вложить их в работы, обещающие принести налоговую прибыль. Гунавардана (*Gunawardana*, 1981) выделяет два этапа строительной активности на о. Шри-Ланка: вплоть до VII в. крупные работы предпринимали цари; после VII в. работы стали менее крупными, но более многочисленными и проводились частными собственниками, а цари выступали в роли «арбитров», призванных рассудить собственников и крестьян, пользовавшихся водой. Важный вопрос состоит в том, были ли эти «собственники» действительно частными лицами или же фактически местными правителями, а потому – частью государства. Если верно последнее, то распространение контроля за распределением воды на о. Шри-Ланка не следует рассматривать как ослабление государства, так же как его наличие со стороны государства не обязательно символизирует «восточный деспотизм» (см. *Wittfogel*, 1958).

Одной из сфер деятельности, на властное участие в которой индийские правители обычно не претендовали, было законодательство. Законы в большинстве своем происходили из обычаев, в формировании которых правящий класс, несомненно, принимал участие; затем их, как правило, кодифицировали в текстах *дхармашастр*, обычно составляемых школами жрецов. В *дхармашастрах* фундаментальную роль играло разделение на касты, или *варны*, и декларируемое превосходство высших каст (развитие этого законодательства см. в *Kane*, 1930). Правители могли сочинить закон, если он был им нужен, как часто отмечает Калхана в своей истории Кашмира, однако ни одного царя, правившего в эту эпоху, нельзя назвать истинным законодателем. Напротив, правители стремились получить звания защитника *дхармы*, или противника «смешения каст», которые столь часто встречаются в надписях. Таким образом, жрецы отводили государству важную функцию органа, претворяющего в жизнь законы брахманизма, причем на эту функцию не влияла приверженность отдельных монархов и династий к буддизму или джайнизму.

Имеющиеся у нас свидетельства существования в Юго-Восточной Азии многочисленных царств в достаточной степени соответствуют тому, что нам известно об их индийских моделях. В большой части Юго-Восточной Азии, особенно на Суматре, Яве, в некоторых частях Таиланда, в Камбодже и Аннаме (территория современного Северного и частично Центрального Вьетнама) в эту эпоху

официальным языком был санскрит; правители и их дворы придерживались индийской политической и управленческой терминологии и покровительствовали пришедшим из Индии религиям – буддизму, шиваизму и вишнуизму (Majumdar, 1927, 1933, 1937, 1938, 1944). Государства эти, подобно их индийским двойникам, были аграрными; они также могли изыскать достаточные ресурсы, чтобы построить огромные памятники вроде буддийского святилища Боробудур на юге о. Ява (X в.), грандиозного комплекса Ангкор-Ват в Камбодже (XII в.), причем по сравнению с последним любые монументальные памятники Индии кажутся небольшими. (Самую близкую параллель в этом отношении представляют собой крупные комплексы «дравидийских» храмов Южной Индии.) Государства Юго-Восточной Азии тоже проводили работы по орошению (как, например, в Ангкор-Тхоме в Камбодже, ок. 1200 г.), что только усиливает впечатление об их сходстве с государствами п-ова Индостан.

Завоевание Северной Индии Гуридами (династией султанов государства в горной области Гур. – Прим. ред.) в конце XII в. привело к основанию государства со столицей в Дели (Делийского султаната, 1206–1526 гг.) по образцу султанатов иранского и центральноазиатского миров. Живой связи с Багдадским халифатом больше не было, даже несмотря на то, что Багдад был разрушен монгольскими завоевателями лишь в 1258 г. Отдельные правители Делийского султаната, как, например, Ильгутьмыш (Шамс-ад-дин Ильгутьмыш, 1210–1236) или Мухаммед Туглак (1324–1351 гг.), еще могли получать какие-то официальные документы от халифов, но и они были скорее церемониальными жестами, направленными на укрепление законности, так как султаны стремились к полной независимости (*ūlī' amart*), свободной от любых ограничений со стороны церковных или мирских властей. Это утверждение подкреплялось прямым притязанием султана на все излишки продуктов сельского хозяйства – притязанием, претворенным в жизнь на очень большой территории султаната при Ала-ад-дине Хильджи (1296–1316 гг.). Вполне возможно, что именно этим временем датируется знаменитая индийская система «налог–рента», политический и экономический смысл которой столь сильно поразил К. Маркса.

Это стремление султанов к абсолютной власти породило важные вопросы, рассмотрением которых мы, в особенности, обязаны историку Зийя Барани (род. в 1285 г.). Несмотря на то, что Барани написал особый трактат, посвященный проблемам правления («*Fatāwā-i Jabāndārī*») (см. *Habib & Khan*, 1957–1958), его основные идеи, нередко выраженные в словах, приписываемых историческим личностям, в наиболее ясном виде и в контексте реальных событий, присутствуют именно в его истории Делийского султаната (1357 г.).

Султану Бальбану (1266–1286 гг.) Барани приписывает притязание на то, что тот пользуется особым божественным вдохновением; однако наивный Джалал-ад-дин Хильджи (1290–1296 гг.) представлен в его описании как человек, обнаруживший, после того как стал султаном, что это не более чем притворство! Правда была за теми знатными людьми, которые в этой связи поговаривали: «Царская власть – это не что иное, как террор, могущество и притязание на единоличный авторитет» (цит. по: *Habib*, 1981, p. 104). Таким образом, нет необходимости ссылаться на священный нимб или религиозное одобрение, оправдывающее власть султана. Султаны, свободно пользовавшиеся такой властью, например, Ала-ад-дин Хильджи или Мухаммед Туглак, в начале своего правления способствовали расширению и укреплению государства, а также увеличению его ресурсов, которые, естественно, обогащали весь правящий класс. И все же власть султана всегда находилась в противоречии с амбициями отдельных представителей знати, которые претендовали на свою

долю ресурсов и власти как владельцы *икта* (земельных наделов) либо как *амиры* (военачальники). Барани поражен тем, что могущественные султаны могли разрушать целые слои знати («людей знатного происхождения») и набирали чиновников из представителей более низких слоев общества. Другими словами, между монарха и стабильностью правящего класса всегда существовало неразрешимое противоречие. Если побеждало стремление знати к стабильности, как произошло после вступления на престол Фироза Туглака в 1351 г., то способность султанов совершать завоевательные походы или подавлять мятежи и управлять мелкими эксплуататорами (*khuṭs*, *chauthburis* и т.п.) очень быстро исчезала (*Habib*, 1981, pp. 99–113).

Другим важным вопросом, беспокоившим Барани, было отношение султана к шариату (мусульманскому праву). Законоведы завершили кодификацию мусульманского права задолго до возникновения Делийского султаната, поэтому индийские условия и обычаи не сыграли в кодексе никакой роли. Несмотря на то что ни один султан не претендовал на права изменять шариат, управленческие действия, предпринимаемые султанами, содержали предписания, которые зачастую не проявляли к шариату должного уважения. В целом же Барани относится к этому вопросу весьма прагматично: он сравнивает желательность претворения шариата в жизнь с целесообразностью отказа от него (например, не слишком строго относясь к индийцам как к кафирам, т.е. «неверным» или терпимо – к проституции). Фактически он допускает, что интересы правителя должны быть выше его долга претворять в жизнь какой-либо закон.

Делийский султанат и региональные государства, им порожденные (за исключением отдельных выдающихся аналогов типа индуистской Виджаянагарской империи на территории современных штатов Андхра-Прадеш, Карнатака и Тамилнад), имели черты, которые делали их похожими на более древние индийские государства. Однако главные общественные институты султанатов имели иное происхождение, нежели их индийские предшественники: степень и централизация царской власти в них была намного большей и, самое главное, система рента-налог признавалась и проводилась в жизнь уже гораздо более явно. Это были значительные изменения в характере государства. Быстрая адаптация правящего класса султаната к индийским условиям и спокойное отношение мусульманского права к достижению компромисса с индийскими правителями и их подданными не внесли серьезных изменений в структурные характеристики султанатов. Дело в том, что их успех был обусловлен не столько религиозным энтузиазмом, сколько профессиональной армией (в которую постепенно привлекалось все большее число индийцев); так что пока их конные лучники одерживали верх над своими противниками, выгодные компромиссы с подчиненными группами не могли причинить султанатам никакого вреда.

История султанатов Юго-Восточной Азии начинается уже с XIII в. Они возникли из мусульманских сообществ, состоявших из торговцев из Индии (особенно из современного штата Гуджарат), с побережий Персидского залива и Красного моря. Поскольку эти сообщества имели торговый характер, султанаты Юго-Восточной Азии, такие как Самудра, Пералак и Ачех на о. Суматра, Матарам на о. Ява и Малакка (Мелака) на п-ове Малакка базировались в портовых городах, откуда распространялись вглубь страны. У таких приморских государств было мало аналогов в исламских странах и практически ни одного в Индии: они начали подчиняться султанатам, которые базировались на суше, только когда тем покорились их территории, расположенные в глубине страны, т.е. в процессе, который шел полным ходом ко времени завершения рассматриваемого нами периода (около 1500 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- CHATTOPADHYAYA, B. D. 1996. Change through Continuity: Notes towards an Understanding of the Transition to Early Medieval India. In *Society and Ideology in India: Essays in Honour of Professor R. S. Sharma*, ed. By D. N. JHA. New Delhi.
- GHOSHAL, U. N. 1929. Contributions to the History of the Hindu Revenue System. Calcutta.
- GUNAWARDANA, R. A. L. H. 1981. Total Power or Shared Power? A Study of the Hydraulic State and its Transformation in Sri Lanka from the Third to the Ninth Century A. D. *Indian Historical Review*, Vol. VII, pp. 70–98.
- HABIB, I. 1981. Barani's Theory of the History of the Delhi Sultanate. In: *Indian Historical Review*, Vol. VII, pp. 99–115.
- 1995. *Essays in Indian History: Towards a Marxist Perception*. New Delhi.
- HABIB, M.; KHAN, A. S. 1957–1958. *Fatawa-i Jahāndārī of Zia-u'ddīn Baranī Medieval India Quarterly, Aligarh*, Vol. 1957–1958, pp. 1–87, 151–252; reprinted as *The Political Theory of the Delhi Sultanate*, Allahabad, n.d.
- KANE, P. V. 1930. *History of the Dharmasāstra*, five vols. Pune.
- MAJUMDAR, R. C. 1927. *Champa: History and Culture of an Indian Colonial Kingdom*. Dhaka (reprint, Delhi, 1985).
- 1933. *Inscriptions of Kambuja*, Calcutta.
- 1937, 1938. *Swarnadvipa*, two parts. Dhaka; Calcutta.
- 1944. *Hindu Colonies in the Far East*, Calcutta.
- SHARMA, R. S. 1980. *Indian Feudalism, c. A. D. 300–1200*, 2nd edn. Delhi.
- STEIN, A. 1900. *Kalhana's Rājatarangīni* (trans.), two vols. Westminster.
- STEIN, B. 1980. *Peasant State and Society in Medieval South India*. Delhi.
- WATERS, T. 1904–1905. On Yuan Chwang's Travels in India (A. D. 629–45), ed. by T. W. RHYS DAVIDS. London.
- WITTFOGEL, K. A. 1958. *Oriental Despotism, a Comparative Study in Total Power*. New Haven.

3.5

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Гуанда Чжан

КИТАЙ

Источники власти и основные правовые нормы

Начиная со времени появления в предыстории, приблизительно в 1766 г. до н.э., Китая как государства, у населения этой страны преобладало убеждение в том, что императоры имеют мандат Неба (*тянь мин*) на правление, а наследственная передача королевской или императорской власти в пределах семьи может быть увековечена только с одобрения Неба. Это представление привело к тому, что каждый основатель последующих династий оправдывал свои притязания на власть, просто утверждая, что Небо доверило ему заботу о народе, так как уже не одобряет его предшественника. При династии Хань, которая правила на протяжении четырех веков: с 202 г. до н.э. по 220 г. н.э. (Западная Хань – 202–9 гг. до н.э.; Восточная Хань – 25 – 220 гг. н.э. – *Прим. ред.*), когда окончательно были созданы высокоцентрализованное государственное управление и правовая система, правитель начал притязать еще и на то, что является «сыном Неба», и стал оказывать заметное предпочтение традиционному, в основном конфуцианским, идеалам правления. Поскольку сам император стоял над законом, его главной функцией, предложенной в рамках конфуцианской идеологии времен правления Хань, было систематическое применение вверенной ему власти, служение нравственным примером для подражания и демонстрация добродетели и доброжелательности. При следующих династиях, всякий раз, когда законы систематически объединялись в кодекс или пересматривались, особое внимание уделялось принципу, который гласил, что польза закона заключается не столько в том, чтобы обеспечивать эффективное управление империей, сколько в том, чтобы сохранять моральные устои. Мудрый правитель должен править, сам подавая пример; только посредственный правитель – тот, которому не удалось воспитать свой народ, – занижит нравственные нормы и станет прибегать к правлению через наказание.

В рамках контекста китайской патриархальной родовой системы искусное управление государством китайскими императорами и кодифицированное право также подверглись влиянию ритуальных ценностей конфуцианства (см. ниже).

Закон династий Суй – Тан

Династии Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.) были очень важными в истории Китая. Одним из их выдающихся свершений стало упорное стремление (не выданное ни до, ни после них) установить нормы для общественных институтов и управленческих процедур путем кодификации законодательства и административного статута. Теперь в их политическую структуру были включены неко-

торые тенденции, связанные с созданием долгосрочных общественных институтов прежних веков, а в традиционных ведомствах появились нововведения, позволившие изменить механизм управления огромной воссоединенной империей. С 581 по 737 г. правители Суй и первые правители Тан кодифицировали все аспекты политических и социально-экономических институтов и практики управления в виде единых норм и правил, применяемых по всей империи. Длительные и всеобъемлющие усилия этих правителей привели к созданию единой и универсальной системы кодифицированного права, подразделявшейся на четыре категории: уголовное право (*лю*), административный статут (*линг*), постановления (*дже*) и указы (*ши*). В целом эта кодифицированная система называлась *лю-лингдзэши* по-китайски и *ритсуриоши* – по-японски.

Лю (*li*), или кодифицированное статутное право, в сущности, представляло собой кодекс уголовного права. Оно определяло категории и степени преступлений и нарушений административных правил. Наказание зависело от положения преступника в социальной иерархии, причем во внимание принимались как смягчающие, так и отягощающие вину человека обстоятельства. Так, преступление, совершенное рабом против своего хозяина, или низшим членом семьи против высшего, наказывалось гораздо строже, чем обратное. Можно отметить некоторые моральные нормы кодифицированного права Суй и Тан. Учитывая неравноправные отношения между отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими членами рода, неравенство хозяина и его раба, или подобного рабу простолюдина, а также неравенство правителя и подданного, распространенное в общественных отношениях, в соответствии с правом назначалось конкретное наказание не только за данное преступление. Закон отражал тот факт, что огромное значение, которое придавалось «ритуалам» и «обрядам» в конфуцианстве, являлось самой важной составляющей закона.

Кодификация уголовного права началась с пересмотра существующих законов основателем династии Суй – Вэньди (*Ян Цзянь*) в 581–583 гг. и была в основном завершена обнародованием одного из самых важных и влиятельных из всех кодифицированных законов Тан – кодекса 651 г. В 653 г. был опубликован подробный комментарий к этому кодексу. Кодекс Суй, желая показать терпимость императора, отменил многие суровые наказания и был сокращен до 500 статей (около трети размера кодекса, действовавшего при прежней династии), чтобы уменьшить количество противоречий и избыточной информации и тем самым облегчить судопроизводство. Он стал моделью для кодекса Тан. Кодекс, который в настоящее время в западной литературе обычно называют *Кодексом Тан*, оставался самым авторитетным комментарием к китайскому уголовному праву вплоть до XIV в.; он существует и в наши дни, выдержав уже 737 изданий. *Уголовный*

кодекс династии Сун, обнародованный в 963 г., и *Новый кодекс эпохи Цзинь-Юань* (*Zhiyuan Xingde*), обнародованный в эпоху правления монголов (императорская династия Юань) в 1291 г., были одними из многочисленных отголосков Кодекса Тан.

Линг (*ling*), или административный статут, занимался в основном ведением официальных дел и регламентированием официального поведения. Административное право подвергалось регулярным ревизиям через различные промежутки времени (в 583, 624, 637, 651, 712 и 737 гг.). Например, статут 637 г. состоял из 1590 статей, распределенных по 30 главам. Первая глава определяла различные официальные посты, соответствующие каждому уровню ранжированной системы. Аристократы, сановники и чиновники в зависимости от их социального положения получали привилегии: почетные титулы (*san guan*), звания за военные заслуги (*xian*) и назначения на определенную должность. Главы 2–5, 11–19, 21, 25 и 26 касались учреждений и ведомств центрального и местного правления, функций каждой правительственной организации и административных процедур, обязанностей старших чиновников и подчиненного персонала, набора служащих, дисциплины и вознаграждения, или жалования всем классам чиновников. Гл. 8 («Домашнее хозяйство») определяла жесткие категории населения, которое сначала делилось на *liang* («хороших людей») и *chien* («людей низкого происхождения»); затем «хорошие люди» подразделялись на *chi*, *nung*, *kung*, *shang*, или образованных людей, крестьян, ремесленников и торговцев, а «люди низкого происхождения» – на пять групп, имевших холопский статус. Семейный статут также занимался переписью населения, которая проводилась регулярно каждые три года. В гл. 9 («Пахотные земли») излагались точные правила системы равного наделения землей (*chiin tian zhi*) и описывалась новая хозяйственная структура владения и пользования землей на протяжении почти трех веков (486–780 гг.). Согласно этой системе пахотная земля, принадлежащая государству, периодически подвергалась перераспределению и отдавалась в пользование мужчине на все время его взрослой жизни. Выделение определенного количества земли было сопряжено с наложением на взрослых подданных некоторых налогов. Налоги продуктами или в виде выполнения работ чиновники собирали с каждого хозяйства по принципу налогообложения на душу населения (как это сказано в гл. 10 «Налоги продуктами или выполнением работ»).

Поскольку главной целью кодифицированного права и административных статутов было создание единых норм и подробных инструкций, определяющих проведение официальных дел на любом уровне, данная система могла функционировать должным образом, если обстановка в обществе оставалась стабильной или спокойной. Однако хозяйственные и социальные перемены приводили к появлению множества отклонений от первоначальных предписаний единых кодексов, поэтому правителям приходилось публиковать указы и постановления, содержавшие особые правила и дополнительные распоряжения. Впоследствии их повторно публиковали в официальных сборниках законов, называемых *ке* (*ke* – «Распоряжения», вносящие поправки или расширяющие кодифицированные законы и статуты). Сборник, заверченный в 637 г., ограничивался 700 статьями, образующими 18 глав. Эти статьи были выбраны из 3000 указов, изданных с 618 г. Сборники распоряжений также подвергались систематическим переработкам, в результате которых составлялись сборники «Указов, следующих за распоряжениями» (*Kebou chi*, выпущенные в 651, 685, 705, 712, 719, 737, 785, 807, 818, 830, 839 и 851 гг.).

Наконец, существовали еще дополнительные предписания, называемые *shih*, целью которых было создание подробных положений или конкретных изменений для выполнения *лю*, *линг* и *ке* различными правительственными

управлениями. Их в составе 33 глав обнародовал центральный правительственный орган.

Однако после антиправительственного мятежа китайского военачальника Ань Лушаня в 755–763 гг. многие нормы статутов применяться перестали.

Частные договоры между отдельными людьми

Уже в VII–VIII вв. вне официальной правовой системы появились частные договоры между двумя сторонами («*ssu-yueh*»), позволявшие ускорить хозяйственные сделки. Стереотипная формула этих контрактов гласила: «У чиновников есть правительственный закон, а простые люди пользуются частными договорами». При более поздних правителях династии Тан, Пяти династиях (907–960 гг.) и династии Сун (960–1279 гг.) из-за развала системы *лю* и *линг* и заметного экономического роста китайское общество становилось более дифференцированным и в большей степени ориентированным на рынок. Люди начали составлять договоры, так как они были единственным надежным документом, позволявшим зафиксировать смену владельцев. Привычным делом стали письменные договоры о покупке и закладе земли или другой собственности, о покупке товаров, рабов, коровы или лошади или о найме рабочих, об усыновлении ребенка или о провозглашении помолвки. Благодаря все более интенсивному использованию подобных контрактов появилась возможность оформления и защиты делового партнерства в области торговли и сельского хозяйства. Практика составления контрактов широко использовалась в повседневной жизни и при монголах (династия Юань).

Семейные предписания и популяризованные священные указы

При императоре первенство семьи провозглашалось законодательными кодексами. Жизненно важным средством для укрепления семейной этики и моральных устоев с VI по XV в. была традиция передачи конфуцианских ценностей через записанные в разговорном стиле тексты. Знаменитым ранним тому примером является работа «Семейные предписания для клана Йен» (*Yanshi Jiaxun*) Йена Чжитуй (*Yen Zhitui*), опубликованная в VI в. Более поздним примером является работа Чжу Байлу (*Zhu Bailu*) «Принципы управления семьей» (*Zhijia Geyan*). Примеры другого типа предлагают Священные указы. Основатель династии Мин Тайцзу (Чжу Юаньчжан, 1368–1398 гг.) издал шесть своих заповедей в 1388 и 1399 гг. Он приказал также, чтобы эти принципы были написаны на стенах школ и вырезаны на каменных табличках: «Заботься о своих родителях; уважай старших; живи в согласии со своими соседями; учи своих сыновей и внуков; будь доволен своим призванием; не делай зла» (*Rauski*, 1985, p. 32). Кроме того, эти надписи шесть раз в месяц зачитывали сельским жителям.

ЯПОНИЯ

Китайский буддизм пришел в Японию из Кореи примерно в середине VI в. Буддизм сопровождали связанные с ним изящные искусства и различные типы влияния китайской культуры, например, китайские иероглифы. Первым толчком к принятию Японией социальной и институциональной системы Китая стало восхождение процветающей и высокоцентрализованной империи династий Суй и Тан. С VII в. японцы начали намеренно организовывать свое государство по модели государства Тан, хотя их родная традиция, строго аристократическая, тоже оказа-

лась могущественной. Период с 604 г., когда двор японского императора предпринял первые конкретные меры по созданию бюрократических ведомств, по 967 г., когда императорская власть оказалась зависимой от регентского правления, можно считать периодом в истории Японии, в котором эпоха Нара (710–794 гг.) была классической эпохой процветания китайской цивилизации в Японии. Правительство, копирующее китайскую практику, ввело регулярную программу обучения праву в правительственной академии (*Daigakuryō*). Свод законов, вступивший в силу в 757 г., был создан по образцу китайского Кодекса 651 г. Но Япония вынуждена была несколько отступить от китайских моделей из-за свойственных ей особенностей. Например, японцы попробовали применить систему континентальной милиции, но вскоре отказались от нее, а китайская система проведения экзаменов при поступлении на гражданскую службу так и не была введена.

СИЛА

Сила была хорошо организованным государством, расположенным на Корейском п-ове и созданным по образцу империи Тан. Правящий класс копировал систему *лю* и *линг* империи Тан, пользовался китайской письменностью и практиковал как конфуцианство, так и китаизированную форму буддизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BALZS, E. 1954. *Le Traité juridique du 'Souci chou'*. Leiden.
- CHEN, YIN KO. 1944. *Sui T'ang zhi-du yüan-yuan Lue Lun Gao* (Brief remarks on the origins of the Sui and T'ang institutions, a preliminary discussion draft), 1st edn Chong ching, latest edn. In: Chen Yin ko Wen-ji (Collected Works of Chen Yin ko). Shanghai. 1980.
- IKEDO, O. 1993. *Tōryō*, In: Chūgoku Hōseishi, ed. by Shiga Shuzō. Tokyo.
- INOUE, M. et al. 1976. *Risuryō* Tokyo.
- JOHNSON, W. 1979. *The Tang Code*, Vol. 1, General Principles. Princeton.
- NIIDA, N. 1933. *Tōryō shui*. Tokyo. Reprint Tokyo. 1964.
- 1936–63. *Chūgoku hōseishi kenkyū: hō to kanshu, hō to dōdoku*, four vols, Tokyo. Reprint, Tokyo. 1980.
- RASWIKI, E. 1985. *Economic and social foundations of late imperial culture*. In: *Popular Culture in Late Imperial China*. California.
- ROTOURS, R. des. 1947–8. *Traité des fonctionnaires et traité de l'armée*. Two vols. Leiden.
- TWITCHETT, D. 1963. *Financial Administration under the T'ang Dynasty*. Cambridge (2nd rev. edn., 1970).
- 1979. *Sui and T'ang China, 589–906*. In: *Cambridge History of China*. Vol. 3, Part I. Cambridge.
- YAMAMOTO, T.; IKEDA, O.; OKANO, M. (eds.) 1978, 1980. *Tun-huang and Turfan Documents Concerning Social and Economic History*. Vol. I, Legal Texts. Tokyo.
- YOSHIDA, K. 1979. *Zui Tō Teikoku to Nippon no Risuryō Kokka*. In: *Zui Tō Teikoku to Higashi Ajia Sekai*. Tokyo.

3.6

АФРИКА

Исидор Ндайвел-э-Нзием

В Африке к югу от Сахары, где существовали многочисленные разновидности государств¹, каждый народ характеризовался определенным набором общих институтов и социальных практик, которые все считали своими обязательными социальными нормами. Наряду с общим языком, подобный правовой порядок, неизменно воздействовавший на организацию рода и брака и определявший принципы наследования и правила надлежащего общественного и морального поведения, являлся наиболее надежным критерием, в соответствии с которым могла идентифицироваться любая группа. Совокупность этих элементов являлась «традицией» такой группы. Более того, какими бы ни были конкретные правовые мероприятия такой группы, законность всей власти все равно основывалась на наследовании. Такое наследование, в свою очередь, находило оправдание в концепции того, что власть, в сущности, является чем-то сверхчеловеческим и, в принципе, не может быть захвачена теми, кому она не дарована судьбой.

Но несмотря на то, что такие элементы должны были гарантировать постоянство общества, сами по себе они не были непреложными, так как все-таки постоянно развивались. На самом деле, абсолютные нововведения иногда проводились и претворялись в жизнь выдающимися личностями. Самым типичным примером здесь является сильный зулусский правитель начала XIX в. Чака (Шака), который, вопреки традиции и дерзким новым образом сумел создать сильное войско и заложил основы государственности у народа зулу (*Ki-Zerbo*, 1972, p. 355–356). При этом запреты на, к примеру, потребление определенных видов пищи развивались менее эффективным образом на протяжении нескольких эпох и прошли через разные стадии приспособления, зависящие от конкретной экономической ситуации, от переселений или изменений окружающей среды. Так, табу, соблюдаемые жителями лугов, могли отличаться от тех, которые считались обязательными для жителей лесов.

Однако даже принцип родства, который когда-то считался самым стабильным элементом этнической традиции, мог подвергаться переменам. Так, центральноафриканский матримонийный «пояс», простиравшийся от Намибии до Замбези и от р. Огове до оз. Танганьика, вероятно, является остатком более древнего отжившего матримонийного порядка, который когда-то, видимо, был характерен для всех народов, обитающих к югу от Сахары (*Diop*, 1960; *Vansina*, 1985, p. 607). В любом случае является общепризнанным, что лубам из Катанги, как и всем народам, обитающим в лесах к западу от р. Луалабы [название верхнего течения р. Конго (Заир)], был знаком матримонийный строй до того, как они приняли родство по отцовской линии, которому следуют теперь (*de Heusch*, 1972; *Murdock*, 1959, p. 287). Обратный процесс – переход от патримонийного порядка к матримонийному – хотя и редко, но тоже имел место, особенно у народов Центрального бассейна (*Mumbanza mwa Bawele*, 1976), и был обус-

ловлен экономическими причинами. На самом деле, приверженность по сей день к системе родства по обеим линиям, свойственная народу лунда (*Vansina*, 1966b), позволяет нам наблюдать именно такой процесс в действии, ибо традиция, как в прошлом, так и в будущем, тоже подвергается законам эволюции.

Самые ранние судебные предписания уже включали ряд законов, определяющих права и обязанности каждого члена племени. Неуважение к предписаниям закона приводило к моральным санкциям: преданию позору, обвинению, проклятию и изгнанию на самый низкий уровень социальной группы.

За рамками «обычая» и над ним существовали законы, называемые политической аристократией, а потому тесно связанные с реальным обладанием властью. Так, преданность определенному двору, далекому или близкому, должна была принимать форму предлагаемых подношений². Такие подношения должны были совершаться регулярно, например, всякий раз после удачной охоты человек имел возможность преподнести ее трофеи своему повелителю. При этом отказ от обязательного подношения служил сигналом политического противостояния и началом бунта. Достаточно было однажды не совершить подношения правителю, чтобы навлечь на себя его гнев и подвергнуться суровому наказанию. Однако подданный, побеждавший своего повелителя в бою, тут же получал независимость. Именно такая ситуация существовала между царствами Конго³ и Анголы. Правитель Конго получал дань от правителя Ндонго (государственное образование в Северной Анголе в XV–XVII вв. на территории современной Анголы. – *Прим. ред.*) и давал ему право называть себя «повелителем народов амбунду» (народ группы банту в Анголе. – *Прим. ред.*). Факт исчезновения этого титула в XVI в. служит доказательством того, что правитель Ндонго вступил в борьбу со своим политическим владыкой, одержал в ней победу и, наконец, завоевал себе право на автономное правление (*Randall*, 1968). В результате отношения, основанные на подчинении, преобразовались во взаимодействие.

Представители центральной политической власти, регулярно посылаемые в составе миссий к провинциальной знати для сбора дани, на самом деле имели своей основной целью обеспечение контроля над обширной политической областью. Политическое завоевание сводилось к навязыванию народам общей сверхструктуры, существующей над ранее созданными политическими сетями. Группы, ранее бывшие автономными, оказывались в новой структуре и с этого времени должны были функционировать как подгруппы. Они теперь подвергались постоянному контролю со стороны представителей центральной власти через сбор дани.

Расширение государства, таким образом, гарантировало распространение власти закона. Самый типичный пример такого процесса политической интеграции предоставляет Руанда, где клан тутси из *Нынгиньи* (*Nyunginya*) завоевал одно за другим все владения народа хуту, создав к XVI в.

феодалное государство Руанду, в котором жили как пастухи, так и фермеры (Ogo, 1985).

Что касается судебной власти, она, несмотря на свою зависимость от власти политической, все же руководствовалась собственными принципами в работе. Фактически, хотя соответствующие политические власти и наблюдали за судебными процессами, они никогда не делали это в одиночку, их всегда сопровождали местные «начальники» – хранители закона, отвечавшие к тому же за образование и, достаточным странным образом, одновременно за обвинение и защиту. Подобные суды функционировали на всех уровнях – от деревень до самых высоких иерархических ступеней государства, в зависимости от серьезности рассматриваемого дела и ранга сторон, вовлеченных в судебный процесс. Спор между деревнями мог разрешить только сановник, ответственный за власть местного вождя, а спор между двумя сановниками должен был выноситься на суд правителя.

Наиболее распространенными нарушениями, если не считать тех, что относятся к области общего права, были споры о наследстве, ссоры, касающиеся унаследованных земельных владений, и случаи «убийства» с помощью колдовства. Когда истец утверждал, что проявилось влияние колдовства, то суды обычно прибегали к ордалии (суду Божию), чтобы определить личность того, кто считался «уничтожившим» умершего.

Кроме того, существовал международный кодекс поведения, регулирующий отношения между государствами. Мирное сосуществование и благосклонные отношения находили выражение в образовании уз политических «родства», объединявших всех власть имущих аристократов. «Семейные» узлы такого вида могли означать подчинение или взаимодействие. В южных равнинных районах, т.е. к югу от экваториальной лесной зоны, все многочисленные царские дворы, которые со временем подверглись влиянию культуры народа лунда, провозглашали себя «младшими отпрысками» *Ант Яв (Ant Yaw)*, правящей династии этого народа (Vansina, 1966b). Царь Конго в своих отношениях с португальской монархией, завязавшихся после «открытия» устья р. Конго португальским мореплавателем Диего Каном в 1483 г., нередко называл коллегу, сидящего на троне в Лиссабоне, своим «братом». Чтобы придать такому братству практический смысл, члены семьи правителя Конго при крещении выбрали себе те же христианские имена, что носили правящие португальские монархи¹. Падение государства было вызвано главным образом тем, что Дон Афонсо (1506–1543 гг.), царь Конго, всеми силами стремившийся осовременить свои владения, воспринял понятие братства с португальским правителем слишком серьезно, начав верить, что его личное вмешательство может способствовать прекращению работорговли, тогда как самым главным работорговцем был не кто иной, как сам португальский монарх (Jadin & Dicorato, 1974, p. 155–156).

Споры не обязательно заканчивались войной, потому что политические переговоры могли проводиться между государствами через должным образом назначенных эмиссаров. Такую роль у народности куба, как и у лилей (*Leele*), живших на территории современной Демократической Республики Конго, могли играть высокопоставленные и зачастую многожущие женщины (*Ndaywel è Nziet*, 1981, p. 129–130), которых посылали к врагу или которым доверяли встречу вражеских посланцев (Douglas, 1963, p. 129–130). Когда война все же начиналась, она велась до тех пор, пока одна из воюющих сторон не признавала себя покоренной, или, если это было внутреннее восстание, до тех пор, пока центральная власть либо одолевала восставшую провинцию, либо оставляла дальнейшие попытки сделать это, что обеспечивало данной провинции автономию.

Если фактическую историю Древней Африки рассматривать с точки зрения уважения прав человека, то она, несомненно, демонстрирует явные недостатки в этом отношении, связанные с неспособностью людей того времени

признать принцип равенства всех человеческих существ. Более того, местные концепции полностью признавали понятие неравенства людей. Некоторые личности занимали более высокое положение в обществе, чем другие, так как их считали поддерживающими связь с потусторонним миром; к ним относились, например, цари и вожди, противопоставлявшиеся простым людям; хозяева в противоположность их рабам; мужчины противопоставлялись женщинам, а старшие – младшим. Поэтому всем казалось справедливым вместе с умершим вождем хоронить его рабов, которые должны были продолжать служить ему в ином мире; старший отпрыск мог держать младших под строгим контролем, который обязывал их подчиняться каждому его слову, сказанному как в добром настроении, так и в гневе; а чтобы сделать женщину своей женой, мужчина мог ее похитить, если этот союз считался выгодным для данной семьи. И все же подобные недостатки в некоторой степени компенсируются общим восприятием жизни как феномена, свидетельствующего о глобальном превосходстве человека в естественном порядке вещей. Вследствие этого ни одного человека никоим образом невозможно спутать с каким-либо животным или вещью. Правда, требующие гостеприимства, уважения жизни и материнства, имели смысл только потому, что они касались прежде всего индивидуальной человеческой личности.

Африка к югу от Сахары, если рассматривать эту часть как целое, действительно отличалась своими собственными детально разработанными системами права, содержащими необходимые предписания, правила и ранжированные санкции. Судопроизводство прошлого по-прежнему в полной мере и совершенно обоснованно принимается во внимание в осмыслении, осознании и устройстве современной постколониальной Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание редактора. В средние века в Африке существовали государственные структуры, создающие основу для истории данного континента, рассматриваемой в этой главе в рамках регионов. Автор статьи, являющийся специалистом по Центральной Африке, сосредоточил свое изложение на регионе к югу от Сахары, где можно увидеть самые основы государства и права средневековой Африки, т.е. ее обычаи и их развитие в структурированное общество и классическую федералистскую власть. За пределами Центральной Африки, в судано-сахельском или Судано-эфиопском регионах, где некоторые формы государственного устройства можно найти, например, в империях Ганы (VII–XI вв.), Мали (XIII–XIV вв.), Гао (XV–XVI вв.), государствах народов хауса, йоруба, государствах Канем-Борну и нило-эфиопском мире, формирование государства вело к объединению племен и стран, а также к развитию общества на основах, которые автор анализирует на примере Центральной Африки.

¹ Некоторые ученые пытались классифицировать и сравнивать различные политические системы Африки: M. Fortes & E. Evans-Pritchard, 1940; J. Vansina 1962, 1966a.

² Здесь главным образом имеются в виду те подношения, которые несли *знать*, а не *простолудины*, чьи подношения состояли в основном из продуктов, которые они добывали охотой и собирательством или выращиванием сельскохозяйственных культур. Знать же обязана была подносить подарки вышестоящим аристократам в виде таких символов власти, как шкуры леопардов или пантер, клыки хищных животных, орлиные перья, слоновьи бивни и т.п.

³ Здесь необходимо отличать средневековое царство *Конго* и две современные республики, носящие имя *Конго* (со столицами Браззавиль и Киншаса).

⁴ В конце XV в. короны короля Португалии и царя Конго носили Жуан (II) и его королева Элеонора и Жуан (Нзинга Нкуву) и его собственная королева Элеонора, соответственно.

БИБЛИОГРАФИЯ

- de HEUSCH, L. 1972. *Le roi ivre ou l'origine de l'Etat*. Gallimard, Paris.
- DIOP, C. A. 1960. *L'Afrique noire précoloniale*. Présence Africaine, Paris.
- DOUGLAS, M. 1963. *The Lele of Kasai*. Oxford University Press, London.
- FORTES, M.; EVANS-PRITCHARD, E. (eds) 1940. *African Political Systems*. IAI, London.
- JADIN, L.; DICORATO, M. 1974. *Correspondance de Dom Afonso, roi du Congo (1506–1543)*. ARSOM, Brussels.
- KI-ZERBO, J. 1972. *Histoire de l'Afrique*. Hatier, Paris.
- MUMBANZA MWA BAWELE, 1976. *Fondements économiques de l'évolution des systèmes de filiation dans les sociétés de la Haute-Ngiri et de la Moëka, du XIXe siècle à nos jours*. Communication aux Deuxièmes Journées d'Histoire du Zaïre (Bukavu, April 1976).
- MURDOCK, G. P. 1959. *Africa: its Peoples and their Culture History*. New York.
- NDAYWEL È NZIEM, I. 1981. *Histoire de l'institution polyandrique dans le Bas-Kasaï (Zaïre)*. In: *2000 ans d'histoire africaine: Le sol, la parole et l'écrit (Mélanges offerts à Raymond Mauny)*. Société Française d'Histoire d'Outre-mer, Paris, pp. 769–789.
- OGOT, B. A. 1985. *La région des Grands Lacs*. In: *Histoire générale de l'Afrique, IV*. UNESCO-NEA, Paris, pp. 543–570.
- RANGLES, W. 1968. *L'ancien royaume du Congo, des origines à la fin du XIXe siècle*. Mouton, Paris–The Hague.
- VANSINA, J. 1962. *A Comparison of African Kingdoms*. In: *Africa, XXXII*, 4, pp. 335–342.
- 1966a. *Kingdoms of the Savanna: a History of the Central African States until European Occupation*. University of Wisconsin Press, Madison.
- 1966b. *Introduction à l'ethnographie du Congo*, Ed. Universitaires. Kinshasa.
- 1985. *L'Afrique équatoriale et l'Angola, les migrations et l'apparition des premiers Etats*. In: *Histoire générale de l'Afrique, IV, L'Afrique du XIIe au XVIe siècle*. UNESCO-NEA, Paris, pp. 601–628.

Уильям Т. Сэндерс

В Новом Свете ко времени открытия его европейцами социальная и политическая организация коренного населения варьировалась очень сильно: от мелких эгалитарных кочевых групп охотников-собирателей до крупных империй; при этом были представлены и все промежуточные ступени культурного развития. Но всего лишь на двух территориях – в Мезоамерике и Центральных Андах коренные народы создали общественные устройства государственного уровня. Когда в 1519 г. испанский конкистадор Эрнан Кортес высадился на побережье Мексики, примерно третья часть этого культурного региона входила в великое основанное на уплате дани государство ацтеков, столицей которого был Теночтитлан (на месте современного города Мехико); кроме того, фактически вся культурная область Центральных Анд, включая некоторые территории, которые раньше, вероятно, могли не рассматриваться, была организована в большое единое государство инков, столицей которого был город Куско; это было самое обширное государство из созданных в Новом Свете. Нижеследующее обсуждение политической организации двух этих территорий сосредоточено на двух государствах – ацтеков и инков.

Период с 700 по 1500 г. н.э. в Мезоамерике – это последний период доевропейского культурного развития и одновременно первый период, в отношении которого мы имеем совокупность достаточно подробно записанной истории с данными археологических раскопок, особенно в отношении двух последних из рассматриваемых столетий. Именно поэтому в отношении данного периода времени мы располагаем более обстоятельной картиной политических институтов и жизни людей, чем для более раннего периода, в отношении которого большая часть наших реконструкций основана на археологических находках. Единственным существенным исключением, относящимся к последнему замечанию, является записанная на общественных памятниках история классической цивилизации майя, однако из-за условий появления этих документов их тексты очень коротки и пока все еще до конца не расшифрованы.

На протяжении рассматриваемого периода на большей части данной территории государства были относительно небольшими. Население большинства государств, как и раньше, составляло порядка 10–20 тыс. чел. Были и много более крупные государства, но чаще гораздо меньшие, в каждом из которых правила династия, а власть передавалась по наследству. Кроме того, несомненно, существовал класс с промежуточным статусом, включавший людей знатного происхождения (т.е. имевших унаследованный статус и земельную собственность с прикрепленными к ней рабами) и людей, которые достигли знатного положения в результате военной службы государству. Представители этого класса проживали рядом с правящим кланом в центральных городах с населением 3–6 тыс. чел.

Профессионалы-ремесленники и торговцы составляли оставшуюся часть населения города, а сами города являлись центрами многочисленных сельских поселений. Однако в этот период одно из таких маленьких государств могло порой проявлять экспансивность, покоряло своих соседей и создавало основанную на уплате дани империю, население которой нередко превышало 100 тыс. чел. Самое крупное государство и первую панмезоамериканскую империю со столицей в Теночтитлане создали ацтеки в Центральной Мексике. Ацтекская империя по своей территории и внутренней организации была наиболее сложным политическим институтом за всю историю рассматриваемой культурной территории.

Ацтеки, или, точнее, мексиканцы, были народом, организовавшимся в небольшое государство в 1376 г., когда на трон сел их первый правитель Акамапичтли (*Acamapichtli*). Вскоре после этого, примерно в 1428 г., ацтеки начали военную экспансию.

Помимо класса профессиональных воинов и периодического призыва на военную службу крестьян, ацтеки имели ряд постоянных гарнизонов, расположенных на границах с соперничающими государствами и в стратегически важных местах. За 90 лет они создали гегемонистскую империю, в которой порядка 500 мелких местных государств, разбросанных на площади свыше 200 тыс. кв. км, входили в состав единого государства с населением 5–6 млн. чел. Вместе с расширением империи постоянно росла и ее столица Теночтитлан, пик численности населения в ней составил 150–200 тыс. чел. к 1519 г. – году появления Кортеса в Мексике.

Первичное государство, государство-ядро до этой экспансии, вероятно, насчитывало 10–20 тыс. жителей, как и все небольшие государства повсюду в Мезоамерике. Прежде всего следует рассмотреть организацию и структуру этого государства-ядра, а затем управление всей империей. Во главе мелких государств Центральной Мексики, подобных первичному государству ацтеков, стоял человек, носивший титул *тлаток* или *тлатоани*. Этот пост передавался по наследству в пределах определенных кланов, но зачастую переходил не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему и только после этого – к представителю следующего поколения. Могущество тлатоани невероятно возрастало в случае расширения государства, так как он устанавливал контроль над мелкими соседними государствами. Ступенькой ниже тлатоани в Теночтитлане стоял чиновник, называемый *сихуакоатль* (*cihuacoatl*). Он был близким родственником тлатоани и считался военным советником. Город Теночтитлан делился на четыре административных района, глава каждого из них назначался обычно из класса воинов. Они подчинялись напрямую тлатоани или его представителю сихуакоатлю и выполняли главным образом управленческие функции: занимались мобилизацией мужчин перед войной и контролем за уплатой налогов. Далее каждый из районов города делился

на 12–15 кварталов, называемых *кальпулли* или *тлакси-калли*. Главой каждого из них был наследный вождь, положение которого ограничивалось определенным родом данного района.

На протяжении многих лет историки обсуждали, был ли кальпулли не только пространственной единицей, но и в некотором роде теоретической наследной группой. Нам известно лишь, что в сельской местности название кальпулли носила землевладельческая единица и общая земля, которая распределялась главой и советом старейшин между отдельными семьями, входившими в кальпулли. Точно так же называлась и единица налогообложения, согласно которому взрослые мужчины кальпулли поголовно мобилизовались с целью обеспечения тлатоани местного государства продуктами или для выполнения задаваемых им работ. Кальпулли был также церемониальной единицей в том отношении, что каждый кальпулли имел храм, посвященный его богу-покровителю. Наконец, так же называлась и часть войска, т.е. юношей обучали в специальных школах, называемых *тельпочкалли* (*telpochcalli*), прежде всего навыкам военного дела, а в битвах кальпулли сражался как самостоятельное военное подразделение. В городах, особенно крупных, кальпулли или более мелкие его подразделения считались единицами профессиональной специализации.

Отдельно от этой административной иерархии существовала специализированная судебная система с профессиональными судьями, которых тлатоани назначал из наследственной аристократии или из класса военных. Суды организовывались на двух уровнях: один для дел, связанных со знатыми людьми, другой – для дел простолюдинов. Суд знати одновременно служил апелляционным судом для простолюдинов. Вообще же любые споры среди людей одного кальпулли разрешал глава кальпулли и его совет старейшин. К официальному суду обращались лишь тогда, когда спор возникал между представителями разных кальпулли или в случае споров между самими корпоративными группами кальпулли. Заседания суда происходили во дворце правителя, где профессиональные судьи выслушивали спорящие стороны или их представителей и принимали решения. Судебное разбирательство записывали профессиональные писцы, регистрировавшие имена спорящих сторон, имя судьи, характер дела, дату и принятое решение в специальных книгах, которые хранились как свидетельства судебных разбирательств. В повествованиях испанских путешественников нет ни одного упоминания о кодификации ацтеками законов в письменной форме; очевидно, в письменном виде фиксировались только конкретные судебные разбирательства.

Огромное впечатление на испанцев произвела эффективность судебного разбирательства в отношении его скорости и честности судей; они всегда сравнивали судебную систему ацтеков с испанской, причем сравнение было явно в пользу первой. В целом, за уголовные преступления ацтеки карали чрезвычайно сурово: смертная казнь могла стать приговором за многие преступления. Например, если человек намеренно ограбил кукурузное поле крестьянина, наказанием была смертная казнь. Однако интересно, что ацтеки проводили различие между злонамеренным поведением такого рода и кражей кукурузы из-за нужды. В последнем случае вора не наказывали вообще, а главу кальпулли и его совет старейшин порицали за то, что они не обеспечили землей для прокорма всех членов своей общины. Менее серьезные наказаниям было временное рабство, когда на определенный период времени виновный становился рабом пострадавшего.

Что касается военных, то в небольших государствах Центральной Мексики фактически все войска, которые формировались для войны против соседних государств, состояли из призванных, представлявших все слои общества, т.е. знать, ремесленников и торговцев, живущих в городе, и особенно крестьян, часть которых проживала в городе, а часть – в отдаленной сельской местности. Во вре-

мена испанской конкисты повсеместной практикой в Центральной Мексике был захват вражеских воинов для жертвоприношений богам-покровителям местных государств. Воины, которым удавалось захватить пленных в битве, получали специальные звания и награды; из этих людей постепенно создавалась своего рода военная аристократия. На определенном этапе продвижения по воинской службе они получали поместья с прикрепленными к ним рабами и становились, в сущности, особой разновидностью знати. Они составляли единственные постоянные армии среди мелких государств Центральной Мексики. По мере развития государства ацтеков и роста размеров ее столицы этот класс воинов стал довольно большим: в нескольких испанских источниках предполагается, что к 1519 г. число воинов, получивших такой статус, составляло тысячи, а возможно, и десятки тысяч человек.

Этих людей поддерживало государство, и они действовали как ударные части, необходимые в экстренных случаях, например, с целью подавления восстания или для вмешательства в важную битву, чтобы изменить ее ход.

Р. Хассиг (*Ross Hassig*) охарактеризовал государство ацтеков как «гегемоническую империю». Под этим названием он подразумевал, что главы входящих в эту империю государств имели очень специфические и ограниченные цели и готовы были на минимальные административные издержки ради их достижения. В результате действительно развитой административной иерархии не было.

Главной целью военной экспансии был захват товаров, особенно тех, которых не было в долине Мехико, где располагалось центральное государство. Например, в тропических низменностях дань взыскивалась в виде бобов какао, ткани из хлопка, перьев тропических птиц и других экзотических товаров. Там, где природа напоминала условия долины Мехико, дань брали основными продуктами питания – маисом и другими зерновыми. В большинстве из 500 покоренных государств ацтеки оставили местную династию, позволив ей продолжать править своими людьми, причем в само правление они вмешивались очень редко. Местный тлатоани нес ответственность за привлечение труда и товаров для выполнения обязательств по уплате имперской дани; он передавал товары жившим в его городе ацтекским сборщикам дани, называемым *кальтиксками* (*calpixque*).

500 завоеванных государств ацтеки сгруппировали в 38 провинций, обычно выбирая столицей каждой из них один из местных городов. В этих провинциальных столицах обязательно жил свой правитель, основной задачей которого было следить за тем, чтобы местные кальпикски, приписанные к небольшим государствам на данной территории, собирали дань и передавали ее ему в столицу провинции. Затем дань отправляли в Теночтитлан, где ее получали профессиональные счетоводы, которые тоже назывались кальпикски. Они принимали дань, записывали ее количество и перераспределяли ее с королевских складов. Во главе этой иерархии счетоводов стоял чиновник, которого называли *хьюкальпикски* (*buescalpixque*). Некоторая доля дани шла в виде сырья, например, металла и хлопка, и передавалась королевским ремесленникам, живущим во дворце. Они превращали сырье в готовый продукт. Все товары предназначались для использования правящим кланом, а также преподносились в виде даров людям более низкого ранга, служившим государству. Все представители этого официального класса судей, администраторов, стоящих над уровнем глав кальпулли, губернаторов, а также сборщиков и получателей дани назначались на свои должности, и эти должности занимали представители наследной знати или военачальники.

До возникновения империи ацтеков, в период 900–1200 гг. в Центральной Мексике, хотя мы и располагаем некоторыми историческими документами об этом времени, история писалась не одновременно с происходящими

событиями: приказ о ее написании отдали правители, жившие в XV в., прежде всего с целью узаконить права правящей династии на ее правление, обнаруживая ее происхождение от более древних династий. Например, многие правители XV–XVI вв. в Центральной Мексике утверждали, что являются потомками древней династии царей, правивших из города Тула, или Толлан (исторический город в мексиканском штате Идальго. – *Прим. ред.*) в период с 900 приблизительно по 1200 г. н.э. Более позднее мексиканское население называло народ Толлана тольтеками.

Если верить преданию, именно тольтеки создали в Центральной Мексике города и цивилизацию, а также первое завоевательное государство. Как было показано в томе III, первый великий город и крупное государство в Центральной Мексике возникли в Теотиуакане между 100 г. до н.э. и 700 г. н.э. Благодаря археологическим раскопкам, ученые обнаружили, что к 1100 г. н.э. в Толлане жили около 60 тыс. чел. Общественные здания этого города были очень похожи на описанные испанцами и обнаруженные в результате археологических раскопок в ацтекской столице более позднего периода. Этот факт говорит о том, что многие общественные институты и политические структуры, обнаруженные в ацтекском государстве-ядре, существовали уже в Толлане, созданном тольтеками, и, возможно, исторически восходят именно к нему. Государство тольтеков по своим размерам было приблизительно таким же, что и государство более раннего Теотиуакана, но в пространственном отношении оно располагалось в основном на севере и западе центрального плоскогорья. Оно, вероятно, включало штат Мехико, часть штата Пуэбла, полностью современные мексиканские штаты Идальго (где находилась столица), Гуанахуато, Керетаро, Агуаскальентес и части штатов Мичоакан и Тамаулипас. На п-ове Юкатан примерно в то же время возникло крупное государство майя, современное Толлану и связанное с ним через общую культуру. Его центр находился на месте крупных археологических раскопок в древнем г. Чичен-Ица.

Расположенное на культурной территории Центральных Анд, государство инков было самым крупным и наиболее высокоорганизованным из всех государств Нового Света. Ко времени испанской конкисты в 1532 г. оно располагалось примерно на площади в 1,5 млн. кв. км, в длину простираясь на 3000 км от границы современных Эквадора и Колумбии до Центрального Чили. Его ширина составляла 200–300 км. Эта своеобразная форма площади и неровный ландшафт, обусловленный гористой местностью, к тому же чрезвычайно сухой климат перуанского побережья ставили трудноразрешимую проблему управления, которую инки решили весьма оригинальным образом.

Как и у ацтеков, вершиной власти у инков был потомственный правитель, имевший автократические полномочия. Основная проблема, вероятно, обусловленная кратким периодом существования империи инков (менее 100 лет), заключалась в том, что со смертью каждого правителя происходил кризис наследования. С одной стороны, выбор ограничивался одним из его сыновей, но конкретный наследник определялся не автоматически. С другой стороны, быть может, такая ситуация имела свои преимущества, так как благодаря соревнованию, по крайней мере, в последний век династии инков, главой становился самый энергичный, воинственный и блестящий из претендентов.

Общину Куско составляли 11 родственных групп, или *айлью* (*ayllus*), каждая из которых происходила от предыдущего правителя инков. Они составляли высший слой знати и выполняли множество функций, направленных на поддержание и расширение империи. Из этого класса набирались многие администраторы высшего уровня, а крепкие и здоровые мужчины из этого класса служили профессиональными воинами. Десять дополнительных *айлью* из людей, претендовавших на звание инков, но имевшие более простое происхождение, проживали в Куско и тоже могли попасть на две эти службы. При правителе Пачаку-

теке появились первые признаки нехватки людских ресурсов, но он решил эту проблему, наделив статусом инка представителей большого народа, говорившего на языке кечуа и жившего на центральном плато. Благодаря этой хитрости, т.е. расширению числа представителей правящей группы инков, он обеспечил людскими ресурсами как администрацию, так и профессиональную армию. Кроме того, эта политика обеспечила преданность более крупного и живущего на обширной территории народа.

Ниже статуса инка стоял класс знатных людей, являвшихся потомками истинных правящих родов покоренных государств; таких людей называли *кураками*. Размеры и численность населения завоеванных государств были очень разными: от нескольких тысяч человек до государства Чиму (Чимор) на северном побережье Перу, в котором при завоевании его инками, должно быть, жило не менее нескольких сотен тысяч человек. Потомки этих правивших родов становились местными управляющими, и эта их должность считалась наследственной. Однако инки требовали, чтобы кураки женились на женщинах из правящих родов инков. Если бы империя просуществовала в течение еще нескольких поколений, то в результате этого процесса возникла бы единая правящая аристократия.

В отличие от ацтеков, инки создали государство, которое по праву можно назвать административной империей со сложной иерархической бюрократией. Одной из отличительных особенностей правления инков была периодическая перепись всего населения империи по возрасту и полу – перепись, которая проводилась с помощью замысловатого узлового письма *киту* (рис. 1). Эту перепись проводили особые профессиональные чиновники («вязатели узлов»). На основе этой переписи налоги трудом или товарами взимались с каждого здорового мужчины, живущего в империи и имеющего статус ниже, чем инка или *курака*. Это резко контрастировало с ацтекской системой,

Рис. 1. Узловое письмо *киту*: напоминающие домино фигурки, расположенные слева, объясняют принцип его десятичной системы счисления в доиспанском Перу. Перерисовано из труда инка – испанского летописца Фелипе Гуамана Пома де Айяла (*Felipe Guamán Poma de Ayala*) (XVI в.) (по Hagen, V. W. von, *Realm of the Incas*, NY 1957, p. 157).

в которой данью в виде определенного количества товаров облагался местный правитель государства, несший прямую ответственность за сбор подати. Все управленческие должности высокого уровня, например губернаторы четырех «великих четвертей» империи или губернаторы провинций, принадлежали знатым инкам. Перепись, очевидно, служила для организации местных кураков в иерархию чиновников, основанную на надзоре за налогоплательщиками, по отношению к единицам в десятичной системе. На тех территориях, где местные политические государства были малыми, а политическая организация – в высшей степени раздробленной, более высокие уровни этой численной иерархии, в частности по надзору за единицами, состоящими из 10 тыс. налогоплательщиков, тоже занимали инки. За исключением «четырех господ четырех углов империи» и двух самых низких уровней иерархии, т.е. начальников 50 и 10 налогоплательщиков, все эти посты, передававшиеся по наследству по мужской линии, занимали инки или местные кураки.

Как уже было отмечено, кураки также должны были жениться на женщинах из королевских родов инков. Вторым техническим приемом администрации инков было создание воистину необыкновенной системы дорог. Высокогорная дорога шла через всю империю: от границы между Эквадором и Колумбией до Сантьяго в Чили. Прибрежная дорога тянулась вдоль всей перуанской прибрежной пустыни. Более того, две эти главные дороги были связаны рядом поперечных больших дорог. Вдоль каждой дороги в государстве инков были выстроены *тамбос* (постоялые дворы) для людей, перемещающихся по дороге; работала также почтовая служба, в которой послания переносились бегунами и доставлялись ими на сотни километров за несколько дней.

Археологические проявления следов империи настолько очевидны, что один исследователь Анд заметил, что даже если бы империя инков зародилась задолго до испанской конкисты, мы, исходя лишь из результатов археологических раскопок, все равно признали бы ее как империю, принимая во внимание ее протяженность и расположение ее столицы. Это обусловлено тем, что инки, помимо системы дорог, в стиле, характерном только для них, построили десятки главных административных центров провинций по всей империи, где они занимали должности по своему происхождению или социальному положению. Эти центры были построены местными жителями в счет уплаты налога подневольным трудом; правители инков вообще взимали гораздо больший налог трудом на общественных работах, чем ацтеки.

Армия инков, как и армия ацтеков, была укомплектована в основном призывниками, но и у инков, опять-таки как и у ацтеков, был класс профессиональных воинов. У инков воинами становились здоровые и крепкие мужчины из королевских родов и инки более низкого происхождения, жившие в Куско. Они служили постоянным источником людских ресурсов. Военные кампании, которыми сопровождалась 80-летняя экспансия империи, были постоянными и длительными, и в результате такая политика привела к формированию профессиональной армии. В отличие от ацтеков, набравших призывников в свои армии только с центральной территории долины Мехико, инки собирали мужчин со всей империи. В некоторых случаях захватнические силы почти полностью состояли из призывников, которые не были инками и не говорили на кечуа.

В критические времена ацтеки перевозили семьи из долины Мехико в города, чтобы контролировать управление своей империей и воинскими гарнизонами, инки же проводили такую политику в гораздо более широком масштабе. Помимо переселений инков, связанных с их происхождением или социальным положением, в провинциальные центры, построенные по всей империи, они также переселяли местные народы с одной территории на другую, в частности стогнали людей с тех территорий, где местные власти призывали народ к сопротивлению захватчикам-инкам, с

целью уничтожения местных властей и создания дробности во всех частях империи. В ряде случаев инки переселяли почти все население области, рассеивая его по своим владениям. Некоторых из этих чужаков селили в столице Куско, чтобы они служили для поддержки государства инков. Переселение говорящих на кечуа народов из центральных гористых местностей во все части империи привело к однородности языка. Если бы этот процесс не прервался в результате испанского завоевания, такая политика привела бы к возникновению в Центральных Андах единой однородной лингвистической и культурной территории. Принимая во внимание физические особенности и огромные размеры территории империи инков, можно отметить, что эти административные приемы были замечательно успешными и основательными.

Что касается судопроизводства, то в самом Куско была создана специальная иерархия судей, напоминающая ацтекскую; судьи должны были контролировать ход уголовных и гражданских дел. В остальной империи административная иерархия наряду с функциями управления занималась и судопроизводством.

Период с 600 по 1000 г. н.э., предшествовавший появлению в Центральных Андах империи инков, называется «Средним горизонтом». Этим термином обозначен важный исторический процесс – широкое распространение в высшей степени интегрированного стиля и связанной с ним иконографии в большей части Центральных Анд. Этот стиль выражался в расписной керамике, тканых изделиях, украшениях из драгоценных металлов и – в ограниченной области – в каменной скульптуре. В иконографии инков проявлялась смесь политической и религиозной идеологии. Также параллельно с феноменом инков мы располагаем совершенно определенным свидетельством существования крупномасштабной имперской организации. Периоды, предшествовавшие и сменившие этот период, характеризуются высокоразвитыми и жизнестойкими региональными культурами и стилями.

Религиозная и политическая идеология является более старой, более всеобъемлющей и, кроме того, выражена в каменных памятниках и архитектуре, найденной при раскопках на месте Тиауанако в нагорьях Боливии, где она, очевидно, и зародилась. Правда, несколько загадочным остается тот факт, что специфический стиль, проявившийся в Тиауанако, ограничивается нагорьями Боливии и близлежащими территориями Чили, Аргентины и очень малыми прибрежными долинами на юге Перу. На более обширной территории, включающей перуанские нагорья, а также северную и центральную прибрежные территории Перу, широкое распространение получила другая характерная версия этого стиля. Ее можно отличить от стиля самого Тиауанако, который при этом, очевидно, является ее первоисточником. Происхождение этого созданного на основе культуры Тиауанако стиля всегда озадачивало археологов, пока они не обнаружили Уари, огромное городское поселение неподалеку от Аякучо, в нагорьях центральной части Перу. Судя по всему, некоторые представители высшего класса Тиауанако покинули город, возможно, в результате династических споров, и поселились в долине Аякучо, введя в организацию и связанную с ней идеологию элитные проявления культуры Тиауанако. Из этого центра они на протяжении 100 или даже 200 лет расширили свои владения и включили в их состав большую часть нагорий Перу, а также северное и центральное побережья этой страны.

Явное свидетельство распространения их власти обнаружено и в архитектуре. Ярко выраженной пространственной особенностью столицы Уари является ее организация в виде больших прямоугольных огражденных частей, в пределах которых находятся дома, состоящие из центральных дворов и рядов комнат, расположенных друг за другом по периметру этих дворов. В нагорьях, в двух главных поселениях – Пикиллакта на юге и Виракоча Пампа на севере (и, возможно, в некоторых других), каждое из которых при-

близительно отмечает южный и северный пределы распространения данного стиля, воспроизводились эти архитектурные особенности. На прибрежных территориях впервые возникли спланированные сообщества, в которых каждая единица города отделялась прямоугольным ограждением из необожженного кирпича. Эти центры создают впечатление, что существовала империя, очень похожая на империю инков, – достоверность такого вывода подтверждается наличием дорог, связывающих прибрежные долины между собой и с нагорьями. Таким образом, период с 600 по 800 г. до н.э. является периодом образования в области Анд двух крупных империй – первой с центром в Тиауанако и второй – в Уари. По многим характеристикам эти империи, особенно с центром в Уари, схожи с более поздним государством инков. Между двумя этими периодами образования крупномасштабных государств Центральные Анды делились на отдельные кланы и небольшие государства, за исключением северного побережья, где несколько прибрежных долин были завоеваны и объединены в единую государственную систему, столицей которой был величественный город Чан-Чан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BRUNDAGE, B. C. 1963. *The Empire of the Inca*. University of Oklahoma Press.
- EKHOLM, G. F.; BERNAL, I. (eds.) 1971. *The Handbook of Middle American Indians: Archaeology of Northern Mesoamerica, Part I*. University of Texas Press, Boston, Texas.
- GIBSON, C. 1964. *The Aztecs Under Spanish Rule: A History of the Indians of the Valley of Mexico 1519–1810*. Stanford University Press, California.
- HASSIG, R. 1985. *Trade, Tribute and Transportation: The 16th Century Political Economy of the Valley of Mexico*. University of Oklahoma Press.
- 1988. *Aztec Warfare: Imperial Expansion and Political Control*. University of Oklahoma Press.
- LANNING, E. P. 1967. *Peru before the Incas*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey.
- SCHREIBER, K.J. 1989. *Planned Architecture of Middle Horizon Peru: Implications for Social and Political Organization*. University Microfilms, University of Michigan.

СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Ричард У. Буллье

Сто лет назад в европейской истории преобладал взгляд на развитие человечества, сформировавшийся на основе анализа «западной истории» – интеллектуальной парадигмы, заключающей в себе следующую последовательность: Древний Египет и Месопотамия → классическая античность → средние века → позднее средневековье → эпоха Возрождения и Реформации → эпоха Просвещения → новое время. Альтернативные парадигмы неевропейцев, например Ибн Хальдуна (1332–1406 гг., арабский историк и философ. – *Прим. ред.*), представляли интерес лишь как составляющие интеллектуальной истории мира, а «западная историческая» парадигма преобладала в качестве объяснительной модели отчасти потому, что она сделала огромный вклад в объяснение и оправдание европейского империализма и покорения европейцами остальных народов. «Западная историческая» парадигма принималась как сама собой разумеющаяся профессиональными историческими журналами, историческими обществами, университетскими программами и прочими общественными институтами, организованными по европейским образцам во всех частях света.

Необходимой составляющей этой парадигмы было понятие средневековья – периода, который мы здесь более справедливо обозначаем лишь датами, – как эпохи экономического и технического застоя. Утверждалось, что современная эпоха и гегемония европейского мира возникли в результате ряда достижений в науке и производстве, нередко именуемых «революциями», которые, в свою очередь, не могли бы произойти без секуляризации (обращения государством церковной собственности), преимущественно земли, в светскую – *Прим. ред.*) и рационализации мысли, которые неизбежно вытекают из связи эпохи Возрождения и Реформации → эпохи Просвещения. Сколь бы ни были велики достижения европейского средневековья в вопросах духовности или искусства, считалось, что им не достает таких качеств, как изобретательность, техническое воображение, природное любопытство и жажда перемен. Подобная концепция была необходима, чтобы провести черту между ранним средневековьем и предположительно более поздним переходом от просвещенной мысли к научным и техническим открытиям и, наконец, к промышленной революции.

Приступив к изучению древней истории неевропейских частей света, историки столкнулись с потенциальными парадоксами. Если наука и производство определяются уникальным европейским поэтапным развитием от застойного раннего средневековья до нового времени, то в других частях света самостоятельно развившееся современное индустриальное общество должно было бы отсутствовать по причине экономического и технического застоя, который никогда не испытывал стимулирующего влияния в виде эпохи Просвещения. Однако вскоре стало

совершенно очевидно, что подобная ситуация имела место далеко не везде. Синхронный взгляд на мир в целом показал, что китайское и индийское общества, а также общества различных мусульманских стран отличались изобретательностью и хозяйственной динамичностью даже тогда, когда Европа, судя по всему, находилась в состоянии застоя. Более того, многие общества в Японии, Африке, на островной и континентальных частях Юго-Восточной Азии, а также в Южной и Центральной Америке использовали гораздо более сложные технологии и имели более совершенную систему хозяйствования, чем некоторые территории Европы.

По мере того как мы больше узнаем о всемирной экономической и технической истории до XVI в. с его бурными переменами, тем более очевидным становится, что термин «застой» совершенно неуместен как для Европы, так и для всего остального мира. Соответственно, привилегированное положение экономического и технического развития Европы в формировании всемирной истории должно отступить перед более широким изучением взаимосвязей между экономическими и техническими условиями, с одной стороны, и интеллектуальными и религиозными или политическими и социальными формациями – с другой стороны.

В этой главе акцент делается на разнообразие, изобретательность и географические взаимосвязи, так как производится попытка показать всю сложность мировых экономических и технических сдвигов в эпоху европейского средневековья. К сожалению, здесь остаются без внимания многие типы хозяйствования и целый ряд технических и технологических достижений, но это неизбежно: недостаток объема препятствует полноте изложения любого вопроса и требует тщательного отбора примеров, необходимых для аргументации намеченных выше положений.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАРОДОВ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Историки очень многое объясняют перемещениями народов по поверхности Земли. Действительно, можно показать, что, начиная с доисторических времен, завоевания, миграции народов, насильственное переселение, захватнические войны и создание колоний приводили к изменениям языков, распространению технологий и изменению социальных и политических моделей. Некоторые специалисты по историческим и доисторическим временам даже рассматривали такие перемещения, как основной механизм перемен в системах хозяйствования и технологиях, нередко объясняя вторжениями или переселением народов важные технические и технологические изменения, которые иначе объяснить не удавалось. Такая историографическая

практика наводит на мысль о возможном существовании взаимосвязи между периодами сравнительно массового перемещения народов и периодами ускоренных перемен в экономике и технологии. Для проверки этой гипотезы можно сравнить два 900-летних периода: 300 г. до н.э. – 600 г. н.э. и 600–1500 гг. н.э.

В более древний период происходили массовые перемещения европейских народов в виде переселений германских племен и роста Эллады и Римской империи, время от времени сопровождавшегося порабощением и переселением покоренных народов. В этот период также началось переселение народов банту с северо-запада части Африки к югу от Сахары в южном и восточном направлениях и движение на запад тюркских и иранских народов в Центральной Азии. Но в целом то было время сравнительно ограниченных перемещений людей. За исключением вероятного превосходства в оборудовании и в методах ведения сельского хозяйства народов, говорящих на банту, и создания римлянами системы дорог и централизованного имперского хозяйства, происходившие перемещения народов были связаны с глубокими переменами в хозяйствовании или технологии только в последние века существования Римской империи, когда Европа переживала сильнейший политический и экономический упадок. Использование воинов на лошадях, которые, в конечном счете, стали военным фактором во многих частях Африки, Азии и Европы, было, вероятно, самым далеко идущим событием, связанным с перемещением народов, начавшимся у кочевых племен скотоводов из Центральной Азии, которые вторглись на сельскохозяйственные земли Среднего Востока и Восточной Европы.

В другой период – с 600 по 1500 г. н.э., напротив, происходили гораздо более широкие перемещения народов. Арабские завоевания VII в. не только позволили племенам Аравийского полуострова, с их особыми верованиями и образом жизни, распространиться от Афганистана до Испании, но и сделать обычными перемещения народов в рамках географически обширного халифата, основанного мусульманскими арабами. Зинджи, рабы из Восточной Африки, повсеместно использовались для сельских работ в Ираке. Джаты (группа племен, в начале н.э. населявших западные районы Пенджаба. – *Прим. ред.*), люди из Северной Индии, которые, вероятно, появились в Ираке до арабского завоевания, были переселены в Сирию, а затем на границу с Византией; вполне возможно, что именно от них произошли цыгане. Появление индонезийского сообщества в Ираке, Сайабиджи, вероятно, было связано с общим переселением народов Индонезии в западном направлении, которое привело к заселению о. Мадагаскар. Рабы славянского происхождения (*saqāliba*), захваченные в результате войны, трудились в Северной Африке, а тюркские воины, купленные или набранные в Центральной Азии, служили там, куда их посылали халифы.

Во второе крупное переселение народов в ту эпоху тюркские и затем монгольские племена переместились по Центральной Азии в западном направлении. Первые после 950 г. н.э. достигли Балкан и Ирана, а после 1071 г. – Анатолии, а вторые в XIII в. под эгидой Чингисхана завоевали крупнейшую территорию и основали самую большую в мире империю. Как и в случае с арабами, тюрко-монгольское движение имело сильные вторичные последствия. В Иране наиболее заметным следствием вторжения и подрыва торговли стал экономический спад, вынудивший многие тысячи иранцев, особенно представителей образованной элиты, мигрировать в Индию, Анатолию и арабские страны.

В Европе викинги нападали на Британские о-ва и северо-западную часть Европы между IX и XI вв., создали крупную колонию в Нормандии. Вторжение норманнов (потомков викингов из Нормандии) на Сицилию в 1060 г., завоевание Англии в 1066 г. (после битвы при Гастингсе)

и находки в Скандинавии и Польше огромных кладов исламских монет, появившихся в результате торговли викингов, которую они вели по российским рекам (по «пути из варяг в греки»), являются наглядными примерами широты их походов. В Китае характерным признаком данного периода стало неуклонное перемещение коренного народа хань (самоназвание китайского народа. – *Прим. пер.*) из северных провинций страны в южные. Южная Сунская династия (1127–1279 гг.) основала первое крупное китайское государство с центром на юге страны. Переселения народов банту в Африке и перемещение полинезийцев с острова на остров в Тихом океане добавляют еще один штрих к картине эпохи, отмеченной необычайной подвижностью населения. При этом еще ни слова не сказано о морских путешествиях европейцев, кульминацией которых в самом конце рассматриваемого периода стало кругосветное плавание вокруг Африки и открытие Америки.

Произошли ли в этот период какие-либо технологические и экономические перемены, соизмеримые с этим беспрецедентным смешением народов? Вероятно, да. Несколько технологий воистину преобразовательного характера распространились благодаря переселениям и контактам народов. Порох, изобретенный в Китае, главным образом (хотя и не исключительно) для фейерверков, после 1300 г. преобразовал армии и политические системы всего мира (илл. 42, 43). Производство бумаги и ксилография распространились из Китая в Японию, Корею и Центральную Азию (илл. 115, 116). По-видимому, примерно в то же время ксилография независимо возникла в Западной Азии (*Bulliet*, 1987). Можно спорить о том, переняли ее европейцы у китайцев через Центральную Азию или получили от египтян, но европейская ксилография, видимо, послужила стимулом для создания Иоганном Гутенбергом в XV в. печати с наборных литер (илл. 117). Во всех вышеперечисленных азиатских странах, за исключением, как ни странно, западноазиатских, книгопечатание оказало сильнейшее преобразующее влияние на многие аспекты жизни общества.

Китайский компас в этот период тоже попал на Запад, сделав возможными великие морские путешествия мореплавателей XV в. Васко да Гама, Христофора Колумба и других европейцев, а также не менее впечатляющие путешествия в Африку китайского флотоводца Чжэн Хэ между 1405 и 1433 гг. На суше важные усовершенствования в транспорте и производстве сельскохозяйственной продукции были сделаны после того, как европейцы осознали технические достоинства используемой китайцами упряжи. Рост производительности сельского хозяйства был во многом обусловлен использованием упряжи нового типа, благодаря которой землю можно было пахать быстрее и, кроме того, появилась возможность обработки более сложных почв. Увеличение скорости движения конных транспортных средств для перевозок пассажиров стимулировало рост интереса к удобству людей, что привело к изобретению в Восточной Европе кареты – фургона с отделением для пассажиров, подвешенного на ремнях или пружинах (илл. 7–9).

Таким образом, с точки зрения всемирной истории, судя по всему, имеются основания согласиться с идеей о том, что ускорение связей между разными обществами и перемещение народов в ту эпоху действительно послужили стимулами к изменениям в технологии, так же как они способствовали усилению художественных перемен, например, в виде влияния китайской живописи и гончарных стилей в Монголии и Иране при правлении династии Тимуридов; изменениям в религии, например распространению ислама в Индии и Индонезии и буддизма в Японии; распространению болезней, например евразийской пандемии бубонной чумы, пришедшей из Центральной Азии в середине XIV в. К этой гипотезе мы вернемся после рассмотрения основных типов хозяйственной жизни, распространенных в тот период.

ОХОТНИКИ, СОБИРАТЕЛИ И РЫБОЛОВЫ

Бурная панорама перемещений народов и сопутствующих им изменений в технологии и экономике представляет основную суть драмы, разыгравшейся в социальной истории мира между 600 и 1500 гг. Тем не менее всегда следует иметь в виду, что для большинства людей те формы хозяйственной жизни и технологии, которые они использовали для удовлетворения своих потребностей, за рассматриваемый период изменились мало. Так, например, в Северной и Южной Америке, где земледелие было преобладающим способом производства пищи, особенно в некоторых областях Анд, Мексики, Центральной Америки и на востоке Северной Америки, все же многие племена, жившие в лесах, на равнинах и в пустынях, продолжали существовать благодаря собиранию диких растений и охоте на диких животных, как и многие тысячелетия тому назад. То же самое справедливо для народов Австралии, Новой Гвинеи и ряда частей островной Юго-Восточной Азии, для некоторых народов центральноафриканских тропических лесов и южноафриканских пустынь, а также к некоторым народам, жившим к северу от Полярного круга, хотя там важным средством к существованию было еще и рыболовство. В других частях света небольшие группы народов тоже существовали за счет охоты и собирательства.

Общества, жившие охотой, рыболовством и собирательством, приобретали и передавали из поколения в поколение огромные запасы практических знаний о флоре и фауне окружающей их среды. В настоящее время этноботаники изучают созданные этими обществами системы классификации и определения растений, а исследователи-медики выясняют у их целителей и шаманов свойства природных лекарственных веществ. Проведенные подобные исследования показали, что, несмотря на низкую плотность населения и ограниченные масштабы производства, эти народы с технологической точки зрения были достаточно искусственными, если в понятие технологии включить сбор и передачу знаний, необходимых для использования окружающей среды и управления ею. Более того, знания, накопленные охотниками и собирателями, нередко сохранялись и после достаточно глубокого знакомства данных групп с одомашненными растениями и животными.

У народа каапор (*ka'apor*) в Северо-Восточной Бразилии, например, взрослые мужчины 20% времени занимаются садоводством, а 30% – охотой, рыболовством и собирательством (Balée, 1994). Взрослые женщины работают в саду 15% времени, а 14% посвящают охоте, рыболовству и собирательству. Несмотря на безграмотность, они могут различать более 500 видов растений, произрастающих в их местности, причем окультурена из них всего лишь седьмая часть. Эти растения составляют основу их рациона, из них они также изготавливают материалы для одежды, строительства домов и оружие. Кроме того, эти же растения служат личными украшениями, из них производят косметику, красящие вещества, очистители, краски для тела, духи, лекарства от 37 различных заболеваний, магические амулеты и предметы для совершения ритуалов. Каапорам также знакомы многие ядовитые растения, которых нужно избегать, и растения, с помощью которых можно убивать рыбу.

Познания каапоров в ботанике представлены обширными знаниями, накопленными путем экспериментирования с окружающей средой многими поколениями людей, для которых типичным является удовлетворение многих, если не всех своих потребностей с помощью охоты, рыболовства и собирательства. Однако в период с 600 по 1500 г. лишь малая часть этих знаний могла выйти за рамки отдельной рассматриваемой группы. Народы, занимавшиеся земледелием, обычно знали о диких растениях и животных куда меньше. Даже после 1500 г., когда об американо-африканских растениях и животных узнали в Европе, а затем

и во всем Старом Свете, такие окультуренные растения, как кукуруза, картофель, какао и табак вызывали у людей гораздо больший интерес, чем дикие виды.

Однако самое важное дикое растение этого периода, которое предстояло окультурить и научиться использовать, пришло не из Нового Света, а с территории Сомали и Йемена. Возможно, сомалийские скотоводы и собиратели на протяжении многих веков знали, что если съесть боб с кофейного дерева, то это поможет не заснуть, но приготовление напитка из этих бобов (или из их шелухи) приобрело экономическое значение только в XIV в., зародившись в Йемене и распространившись на север в Османскую империю, а затем в Европу (Hattox, 1985). Любопытно, что небольшое бодрящее действие, хорошо знакомое всем жителям Йемена, которое ощущается, если пожевать листья дерева *kat*, не привело к его распространению наряду с кофе.

СКОТОВОДЫ

Скотоводство представляет собой более специализированную хозяйственную систему, адаптированную к регионам, почва в которых слишком неровна или слишком засушлива для ведения земледелия. Подобно охотникам и собирателям, скотоводы обращают пристальное внимание на природные условия и накопили огромные запасы практических знаний о растениях, которые едят их животные, и о дичи, которую можно добыть на их территории. Большая часть скотоводов также контролирует размножение скота. Как правило, большинство самцов забивают в молодом возрасте с целью увеличения доли самок, что приводит к получению максимально возможного репродуктивного потенциала стада, кормящегося на редких пастбищах. Малое количество самцов, которых держат ради производства потомства, ограничивает размер генофонда и способствует выведению местных пород. Иногда путем селекции у животных добиваются появления определенных черт: характерной формы рогов у крупного рогатого скота, пегой окраски у лошадей и верблюдов, курдюков у овец и многих разнообразных качеств у собак. Границы между породами, например, между пегими верблюдами Южной Сахары и одноцветными животными севера, или между ливийскими и тунисскими курдючными овцами и обычными алжирскими и марокканскими овцами скрывают отличия, которые пока мало изучены историками.

И все же, несмотря на определенное сходство с охотниками-собирателями, большая часть сообществ скотоводов была более или менее тесно связана с оседлыми земледельческими сообществами. В отличие от охотников, собирателей и рыболовов, образ жизни которых зачастую был вполне самодостаточным, большинство скотоводов пользовались некоторыми продуктами и изделиями, производившимися оседлыми народами, и торговали крупным рогатым скотом, шерстью и шкурами, чтобы получить их.

Хотя потребление продуктов животного происхождения является достаточно неэффективным способом преобразования растительности для поддержания жизнедеятельности человека, в пастушеских сообществах плотность населения обычно была больше, чем у охотников-собирателей, живших в таких же природных условиях. Плотность населения скотоводов зависела, главным образом, от двух переменных: типа растительности, который в свою очередь определял, какие животные могут кормиться в данной местности, и борьбы земледельцев за землю, пригодную для выращивания сельскохозяйственных культур. В Аравийской пустыне, а также в пустынях Сомали на протяжении долгого времени обитали скотоводы, разводящие одногорбых верблюдов. Поскольку верблюды, в отличие от овец и коз, которых приходилось поить ежедневно, мог-

ли целую неделю обходиться без воды, для них подходили любые земли, кроме самых сухих. В Аравии вместе со стадами перемещались целые кочевые группы, состоявшие из родственных друг другу семей, а в Сомали мужчины обычно оставляли свои семьи на некоторое время и уводили верблюдов кормиться в пустынных районах внутри страны (илл. 182–184).

В рассматриваемый период верблюдоводство распространилось по всей Сахаре (Bulliet, 1975). Начиная примерно с III в. до н.э., верблюды постепенно вытеснили крупный рогатый скот и лошадей вдоль всей южной границы этой пустыни. Постепенно на территории от западного Судана до Мавретании (исторической области на северо-западе Африки. – *Прим. ред.*) возникло множество обществ, разводящих верблюдов. Однако вплоть до XIV в. н.э. разведение верблюдов не играло столь важной роли в Северной Сахаре. Южные народы, например теда из Чада и туареги (народ группы берберов) из Нигера и Мали, создали собственные обычаи и технологии, особенно в отношении конструкции седла для верблюда, в то время как берберы из Северной Сахары, несмотря на языковое сходство с туарегами, приняли технологии, заимствованные из римских и арабских источников.

На севере основное количество осадков выпадало зимой, в отличие от юга, где сезон дождей приходился на весну, поэтому люди и стада находились вдалеке друг от друга, так как разведение верблюдов было физиологически связано с периодом дождей. Тем не менее распространение разведения верблюдов способствовало расширению караванной торговли с использованием путей, проходивших через Сахару, вследствие чего Северная Африка и Африка к югу от Сахары стали контактировать друг с другом гораздо теснее, чем на протяжении многих предыдущих веков, по крайней мере с тех пор, когда около 2500 г. до н.э. климат пустыни достиг своего современного уровня сухости.

Чтобы показать, что плотность населения, обусловленная степенью засушливости, лучшим показателем которой служат виды разводимых животных, имеет решающее влияние на политические способности различных групп скотоводов, можно сравнить Сомали, регионы Аравии и Сахары. Де Планоль (*Xavier de Planhol*) показал, что кочевники, разводящие лошадей, будучи самой многочисленной группой, более склонны объединяться в воинственные группы, чем рассеянные по обширной территории группы верблюдоводов (*de Planhol, 1968*). Однако тогда как сомалийские верблюдоводы никогда не вставали на путь завоевания и создания империи, а сахарские верблюдоводы делали это лишь изредка (как в случае с империей, созданной мавретанскими *мурабитунами*, или династией и государством Альморавидов в Северной Африке в XI в., арабские племена покорили большую часть Западной Азии и Северной Африки между 632 и 711 гг. н.э. Конечно, многие арабы пришли из оседлых частей полуострова, например из Йемена; часть арабов разводила не верблюдов, а овец и коз, которые паслись на окраинах пустыни, но некоторые из наиболее часто упоминаемых племен периода завоеваний – это племена, разводившие верблюдов.

Цель такого сравнения состоит в том, чтобы не возникало представление, будто некоторые типы кочевой жизни имеют внутренние качества, способствующие политической активности, или что перемены в пастушеской жизни, которые могли проявиться, например из-за колебаний климатических условий, вызывают важные политические события в областях проживания кочевников. Известная история Арабской империи VII в. и Монгольской империи XIII в., если взять два самых важных государства, созданных скотоводами в этот период, свидетельствует о том, что в инициировании важных исторических событий огромную роль играет множество других факторов, включая состояние окружающих территорий, таланты конкретных вождей и стремление к сотрудничеству.

Кочевники-коневоды, составившие хозяйственную и военную основы монгольских вторжений, господствовали в Центральной Азии со времен скифов на западе и стуну (*хунну*) на востоке. Историки пытались объяснить их периодические насильственные вторжения в сельскохозяйственные районы как реакцию на климатические изменения (*Huntington, 1907*), на периоды китайской экспансии в северном направлении (*Lattimore, 1951*) или, наоборот, ослабления Китайской империи (*Barfield, 1989*). Однако ни один из ранних завоевательных периодов не выдерживает сравнения с достижениями Чингисхана и его потомков. Они вместе с союзными им племенами тюрков не только захватили весь Китай, Россию и Иран и попытались вторгнуться в Японию, но на протяжении более 100 лет успешно выстраивали отношения между отдаленными частями своей империи и сохраняли свое, в основном мирное господство над обширными сельскохозяйственными территориями (илл. 14, 248).

Арабские и монгольские завоевания, а также развитие караванной торговли через Сахару, оставляют в тени прочие особенности кочевого образа жизни скотоводов рассматриваемого периода из-за их влияния на межрегиональные связи и обмены технологиями и другими культурными ценностями. Тем не менее многочисленные скотоводы, сезонно перегонявшие свои стада овец, коз или крупного рогатого скота на высокогорные летние пастбища или зимние равнинные пастбища, кочевали в гористых местностях Западной Азии (например курды) и Северной Африки (например атласские берберы) и, в меньшем количестве, в гористых областях Европы (илл. 185). Разведением крупного рогатого скота занимались в основном кочевники в полусухой зоне сахели в Африке к югу от Сахары, а северных оленей разводили саами (лопари) в Северной Скандинавии и чукчи в Восточной Сибири.

Мобильность различных скотоводческих народов во многом определяется климатом и местностью. Группы, разводящие выючных животных и перемещающиеся на большие расстояния, могут принимать участие в караванной торговле, что и происходило в Западной Азии, Северной Африке и Центральной Азии. Даже в оседлых регионах Индии скотоводы племени банджар перевозили товары большими партиями на огромных стадах разводимых ими выючных волов (*Tracy, 1990*). Таким образом они могли служить посредниками в межрегиональной передаче способов производства, продуктов и культурных достижений. Однако чаще всего скотоводы оставались верными культурному консерватизму. Их кочевое или полукочевое существование в условиях, как правило, бедных природных ресурсов препятствовало накоплению товаров или существенным переменам в их образе жизни, которые могли подвергнуть риску их выживание. Таким образом, империи, созданные арабами и монголами, соответствуют периодам беспрецедентного межрегионального взаимодействия и обмена, несмотря на то что образ жизни самих арабских и монгольских конных кочевников изменялся очень мало.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Огромное большинство населения мира посвятило большую часть своих усилий выращиванию пищевых растений. Термин «земледелие», которым обычно обозначают это занятие, нередко вызывает в воображении образ зерновых полей, обрабатываемых с помощью крупного рогатого скота или лошадей, тянущих плуги. Для большей части Европы, Западной Азии, Индии и Восточной Азии эта картинка довольно точна. В этих регионах основными культурами были рис, пшеница, ячмень, овес, просо или рожь. Однако процессы обработки земли, сева, сбора урожая и обработки зерна весьма различались в разных регионах. Для выращивания риса требовалось много

воды, поэтому его сеяли очень плотно в тщательно вспаханные грядки, чтобы через 30–50 дней рассадить появившиеся ростки. В качестве тяглого скота на затопляемых рисовых полях Южной и Юго-Восточной Азии, а также Южного и Центрального Китая нередко использовали буйволов (илл. 19). Орошение играло важную роль не только на многих территориях, где выращивали рис и где требовалось огромное количество воды, но и в засушливых зонах, таких как в Западной Азии, где большая часть располагаемой рабочей силы была занята строительством и обслуживанием оросительных систем, а также надзором за поступлением воды на поля либо по подземному каналу (канат – *qānāt*) в Иране, либо по каналу от Тигра или Евфрата в Ираке или с помощью различных типов водяных колес в других местах. Европа, напротив, полагалась главным образом на дожди (илл. 16–18). Однако основной работой европейских крестьян была очистка новых земель от деревьев и подлеска.

Площадь земли, которую можно было обрабатывать, зависела от числа рабочих рук и эффективности имеющейся технологии. Хотя в Южном Китае широкое распространение получило выращивание риса, все же самой важной технологической переменной в выращивании зерновых в этот период, вероятно, стало ранее упомянутое введение в европейских странах более эффективной упряжи (White, 1962). Со времен классической античности европейцы считали, что пахать нужно на паре животных, обычно это была пара запряженных с помощью ярма волов. Для лошадей такая упряжь была неэффективна, потому что для достижения максимальной тяги ремень, привязывающий животное к ярму, плотно облегал его шею и слишком сильно давил на горло. Свидетельства о появлении новых типов упряжи – хомута для лошади и супони, опоясывающей животное, – восходят к VIII в. (илл. 5–8). Лингвистические свидетельства указывают на то, что подобная технология могла прийти из Китая, но неизвестно, как эта передача могла произойти. Подобные упряжи использовались в римских провинциях Тунисе и Ливии, но, судя по всему, распространения не получили (илл. 2–4).

Более быстрые, чем вола, лошади, запряженные с помощью этих новых приспособлений, позволили расширить площадь, обрабатываемую за данное количество человеко-часов. Их большая сила, отчасти обеспеченная путем селекционного выведения лошадей с целью получения боевых коней для массивных, одетых в доспехи рыцарей, облегчила возделывание тяжелых глинистых почв, которых ранее избегали. Использование отвала плуга, который позволял опрокидывать почву, вместо того чтобы просто проскребать в ней канавку, – практика, которая тоже впервые проявилась в Китае, – стало второй переменной в способе выращивания зерновых. В то же время в Европе совершенствовался помол зерна. Широкое распространение получили водяные мельницы, вода на которые подавалась сверху и сила потока в которых увеличивалась благодаря силе тяжести падающей воды, а также ветряные мельницы с горизонтальной осью (Forbes, 1964–1966) (илл. 17). И все же большая часть остальных операций, например жатва, молотба и веяние, по-прежнему выполнялась силой людей или животных.

Однако сколь бы широко ни было распространено на этих территориях выращивание зерна как основного продукта питания, обеспечивающего, кроме того, сезонный цикл работ, оно представляет собой лишь один из элементов общей картины земледелия. Определенную важность даже в тех регионах, где выращивали зерно, имели незерновые культуры. В Восточной Азии жизненно важным дополнением к рисовому рациону была соя, а листья тутовых деревьев питали шелкопрядов, на жизнедеятельности которых было основано самое важное производство ткани в Китае. В Западной Азии и Северной Африке в первые века рассматриваемого периода широкое распространение получили сахарный тростник и хлопчатник, изначально

пришедшие из Индии, причем первый стал основным продуктом Египта, а второй – Ирана (Watson, 1983). Только к концу этого периода сахарный тростник распространился в некоторых частях Южной Европы и на средиземноморских островах, контролируемых Европой. Тот же инновационный дух, который подстегивал популяризацию этих растений, до арабского завоевания выращиваемых в Западной Азии в очень ограниченных количествах, поспособствовал и распространению цитрусовых деревьев, баклажанов и других растений, родиной которых являлась Восточная Азия. Историки полагают, что Великий шелковый путь, тянувшийся через Центральную Азию, был самой первой дорогой, по которой распространялись эти культурные растения, хотя свою роль в этом могли сыграть и торговцы, перевозившие товары морем.

Хотя у большинства людей земледелие чаще всего ассоциируется со вспаханной полями и колыхающимися просторами зреющего зерна, население Африки к югу от Сахары, большей части Юго-Восточной Азии и всей Америки при выращивании пищевых растений прибегали к совершенно иным способам земледелия. Вместо плуга при посадке они использовали мотыгу или палку-копалку (рис. 2). При севе, вместо того чтобы горстями щедро разбрасывать зерно по земле, – малоэффективная практика, используемая в Европе, – семена или ростки аккуратно сажали в отдельные ямки или холмики. Кукуруза, которая в Мексике из дикорастущей травы превратилась в растение с крепким стеблем и большими початками и выращивалась также в некоторых частях Северной Америки, и внешне похожие на нее разновидности сорго в Африке к югу от Сахары, требовали для выращивания сезонного цикла работ, аналогичного тому, который был необходим для выращивания более мелких зерновых культур. Но урожаи содержащих крахмал корнеплодов и клубневых растений,

Рис. 2. Мужчины и женщины, работающие совместно в группе, собирают с помощью палок-копалок урожай картофеля в доиспанском Перу. Перерисовано из труда Фелипе Гуамана Пома де Айала (*Felipe Guamán Poma de Ayala*) (по Hagen, V. W. von, Realm of the Incas, NY 1957, p. 55)

например картофеля, ямса и маниока, основных продуктов питания населения Анд, Карибского региона и островов Юго-Восточной Азии, можно было собирать круглый год (*Sauer*, 1972).

Выращивание этих растений, которые растут не из семян, а из отростков, иногда называют овощеводством. Несмотря на то что в рассматриваемый период в Африке территория, отведенная под выращивание растений, постоянно расширялась вместе с распространением народов, говорящих на банту, все же между областями, где выращивались зерновые культуры, и теми, которые занимались овощами, существовал сравнительно малый обмен технологиями производства. В самом деле, сообщения, имеющиеся в латинских текстах, о том, что туземным берберским народам Северной Африки сельское хозяйство было незнакомо до тех пор, пока они не узнали о нем от римлян, вероятно, отражает тот факт, что крестьяне, которые выращивали мелкозерновые культуры, были незнакомы с другими типами окультуренных пищевых растений (*Bulliet*, 1981). Одомашненные растения и способы их выращивания и обработки повсеместно имели религиозную и символическую ценность.

Еще одной разновидностью получения пищевых продуктов было выращивание плодовых деревьев. Кокосы, плоды хлебного дерева и бананы были основными продуктами питания на островах Тихого океана и островной части Юго-Восточной Азии. Очевидно бананы попали в Африку именно в этот период вместе с переселенцами из Индонезии. В жарких пустынях Северной Африки и Западной Азии в качестве основного продукта высоко ценились плоды финиковой пальмы. На полуострове Юкатан майя, судя по всему, тоже во многом зависели от урожая тропических фруктов (*Netting*, 1977). Однако в большинстве регионов плоды деревьев служили дополнением к рациону, но не основным продуктом питания.

Разнообразие способов производства пищи, существующих во всем мире, настолько огромно, что рассмотреть все их здесь не представляется возможным, к тому же различались и качество почв, и отношение людей к природным ресурсам. Феодалное поместье Европы X в. с его деревенской из крестьянских хижин, прижавшихся к огромному дому хозяина, свидетельствует о распределении земли и склонности к самодостаточности региона, где городская и торговая жизнь находились в состоянии упадка, а политическая власть основывалась на личной преданности вассала феодалу. Однако поместья и крепостничества там официально не было. Налоги назначались и собирались представителями властей или чиновниками, которые имели право распоряжаться данной землей и доходами от нее (без причинения ущерба) и приезжали из процветающей новой столицы – Каира (*Rabie*, 1972). В Андах распределение деревень отражало общую политическую ситуацию. Великие завоевания инков в XV в. привели к изменению расположения поселений и продуктовых складов: они устанавливались вдоль дорог с целью облегчения передвижений войск и снабжения их провизией (*D'Altroy*, 1992). Эта ситуация отражает степень контроля, который правительство инков установило над своими подданными-земледельцами (илл. 320).

В общем, организация сельскохозяйственного поселения отражала местные условия распределения собранного урожая. С одной стороны, сельскохозяйственные общины, например, многих гористых и пустынных территорий Западной Азии, отличались почти абсолютной самодостаточностью. С другой стороны, например в Китае

при династии Сун, чиновники посредством тщательно разработанной системы налогообложения и перевозок собирали продукты сельского хозяйства и по развитой системе каналов переправляли их в голодающие города.

Существует теория центрального места, включающая географические модели пространственного распределения различных функций в разных сообществах (*Christaller*, 1966). Например, одна земледельческая деревня не могла бы загрузить работой сапожника, но в нескольких деревнях ее хватило бы с лихвой. Поэтому небольшой город, в котором жил сапожник и другие ремесленники, должен был теоретически вырасти в центр для группы из нескольких деревень. Группа таких небольших городов, в свою очередь, должна была бы окружать более крупный город, в котором могли быть рынок и церковь. Соответственно, эти более крупные города должны были распределяться вокруг еще большего города, выполняющего еще более важные функции, такие как сбор налогов или судебные функции. Теорию центрального места можно использовать как средство для понимания того, каким образом сельскохозяйственные поселения распределяются в обществе с более или менее известной иерархией функциональных потребностей. С другой стороны, ее можно использовать, как в упомянутом выше примере с Перу, для выявления функций поселений, зная распределение последних; т.е. в том же примере зернохранилища, расположенные вдоль дорог, свидетельствуют о необходимости обеспечивать провизией войска, даже если и не имеется описаний материально-технического снабжения во времена завоевательных походов инков. Таким образом, пространственное распределение функций добавляет еще одно измерение к огромному объему знаний и опыта, зашифрованного в способах и типах ведения сельского хозяйства.

ИСКУССТВА, РЕМЕСЛА И ПРОИЗВОДСТВА

Все народы мира, независимо от их социальной организации или средств существования, занимались производством вещей, предметов и т.п. Обычные подходы к различению производств, ремесел и искусств не всегда помогают разобраться в этом огромном диапазоне деятельности. Изготовление тканей, например, обычно относят к производству, и историки уделили значительное внимание анализу технологий прядения, ткачества, валяния, крашения и т.п. Портняжное дело, шитье и вышивание, напротив, считали ремеслами, или, попросту, разновидностями домашнего производства. Одно из следствий такого разграничения в классификации состоит в том, что ролью женщин в изготовлении различных вещей чаще всего пренебрегали. Тем не менее в вещах, сделанных женщинами дома или в лагерном поселении скотоводов, охотников-собирателей и рыболовов, нередко проявляется большая художественность исполнения, творчество и усердие. Вышивание, нанизывание бус, изготовление украшений из перьев и шитье требовали огромных усилий женщин практически в любом сообществе мира (рис. 3). Более того, рисунки и сюжеты, обнаруживаемые на бытовых предметах, нередко влияли на стили лучше изученных сфер производства. Сохранившиеся записи редко позволяют исправить эту гендерную предвзятость, внутренне присутствующую при изучении искусств, ремесел и производств. В производственных работах вне дома преобладали в основном мужчины, даже если там трудились женщины и дети, как это было, например, в ткацкой промышленности Европы и Западной Азии и в производстве шелка в Китае, по крайней мере до тех пор, пока в XIII в. не был усовершенствован станок для намотки шелка (*Elwin*, 1973).

Другой способ классификации изготовленных предметов состоит в распределении их на категории предметов повседневного пользования, предметов роскоши

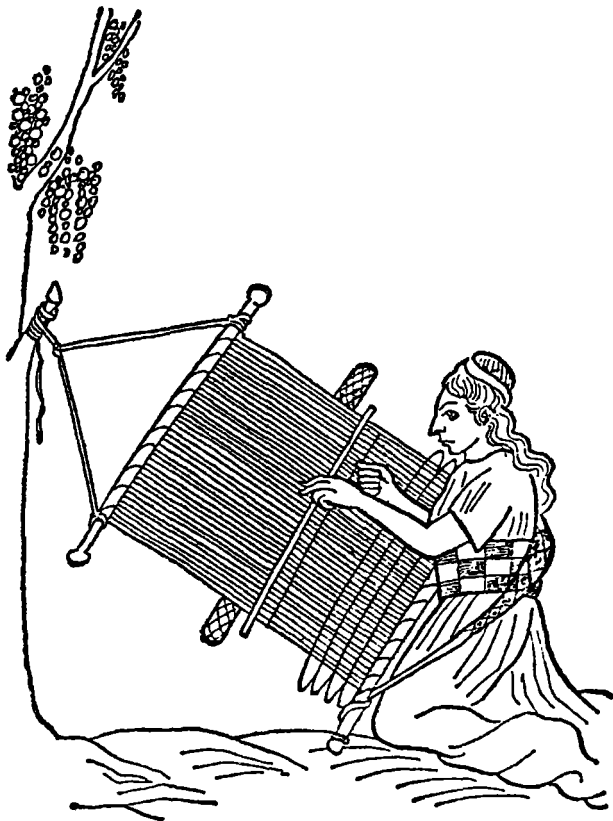

Рис. 3. Женщина, ткающая на станке с задней скобой, доиспанское Перу. Перерисовано из труда Фелипе Гуамана Пома де Айала (*Felipe Guamán Poma de Ayala*) (по Hagen, V. W. von, *Realm of the Incas*, NY 1957, p. 83)

и предметов изящного искусства. Эти термины частично обусловлены сравнительной нехваткой изделий, а частично – оценками времени или мастерства, необходимого для их создания. Вследствие этого данную классификацию можно считать относительной. В сфере гончарного производства, например, многочисленны были китайские изделия, которые, в среднем, отличались высоким качеством. Большие глазурованные терракотовые статуэтки лошадей и верблюдов, найденные в захоронениях правителей династии Тан, возрастающая тонкость расцветки и применение технологии глазурования фарфоровых изделий в правление династии Сун, богатый орнамент на бело-голубом фарфоре во времена династии Мин были знакомы гончарам исламского мира, куда китайские изделия попадали по торговым путям через Центральную Азию и по Индийскому океану. Однако иранские гончарные изделия, лучшие в исламском мире того времени, не могли даже сравниться по качеству с китайскими. В IX в. в Иране были распространены подделки раскрашенных пятнами и узкими полосками изделий китайской эпохи Тан, а в XV в. – подделки китайского «селадона» (фарфора). Но сделать настоящий китайский фарфор, который получается спеканием пластичной огнеупорной глины – каолина с полевым шпатом при очень высоких температурах, гончары не могли, да и изысканность цвета и изящество форм крайне редко приближались к китайским стандартам (илл. 200).

Тем не менее уровни мастерства иранских гончаров определяются без труда. В X в., например, повсеместно были распространены неглазурованные изделия с очень небольшим или минимальным украшением поверхности. Глазурованные изделия утилитарного характера были распространены в городах и, вероятно, приобретались представителями среднего класса, а немногочисленные изделия

необычных размеров и изящества, наверное, высоко ценились элитой общества. Тем не менее относительно производства гончарных изделий не сохранилось никакой информации, и лишь на некоторых изделиях написаны имена гончаров, которые в целом, видимо, имели очень низкий статус.

Триста лет спустя иранское гончарное дело подверглось преобразованию, значение которого наиболее ярко проявилось в огромной популярности новой бирюзовой глазури (илл. 212). Изготовленные для элиты, замысловато расписанные гончарные изделия, разноцветные плитки и керамическая мозаика для архитектурных орнаментов свидетельствуют о незаурядных творческих способностях мастеров, имена которых появляются на изделиях несколько чаще. Кульминацией этого нового направления развития гончарного дела стали величественные, выложенные плиткой, гробницы и мечети Самарканда в пору правления Тимуридов в XV в. (илл. 26). С другой стороны, изобилие и качество товаров, предназначенных для среднего класса, который значительно сократился во время беспорядков непосредственно перед вторжением монголов и при их правлении, судя по всему, снизились, особенно по сравнению с Китаем того времени, в правление династий Юань и Мин.

Расширяя далее проводимое сравнение и сопоставляя иранские гончарные изделия с изделиями, производимыми в мусульманской Испании и Марокко, можно действительно увидеть заметную разницу в качестве. Западные гончары обладали гораздо более ограниченными познаниями в химии, использовали значительно меньшее разнообразие форм и узоров. Голубой цвет Востока так никогда и не дошел до Запада, где в керамических архитектурных украшениях и многих бытовых изделиях преобладал темно-зеленый цвет (илл. 24).

И все же по сравнению с Западной Европой мусульманская Испания была центром производства замысловатой керамики. Гончары из Южной Европы пользовались исламскими моделями для создания глазурованных изделий, чтобы добавить их к своему прежнему ассортименту достаточно простых глиняных изделий. Поэтому изящное глиняное изделие, сделанное для европейской элиты XII в., было значительно хуже, чем современное ему изделие, предназначенное для элиты Ирана, и еще хуже, чем изделие из Китая.

Все, что говорилось о гончарном деле, относится и к большинству других производств. В пределах производства изделий определенного типа из металла, кожи, ткани, драгоценных камней или любого другого материала сравнение позволяет выявить уровень мастерства ремесленника и его творчества при создании узоров, время, затраченное на изготовление, или сложность процесса производства. При таком подходе несложно отличить изделия, предназначенные для элиты, от обычных изделий. И все же способы производства были настолько локализованы, а знакомство с изделиями из других земель – настолько ограниченным (еще более ограниченным было знание иноземных способов производства), что сравнение различных зон производства становится почти бессмысленным.

Европейский плотник, например, обычно пользовался пилой, которая резала при перемещении вперед. Никто не подвергал сомнению этот традиционный способ пиления. Однако японские плотники использовали пилы, которые резали при перемещениях назад. Разница состояла в том, что первой пиле приходилось выдерживать как сопротивление дерева, так и сжимающую силу руки плотника. Поэтому такая пила должна была быть толстой и жесткой, чтобы иметь достаточное сопротивление изгибу. Пила с рабочим перемещением назад должна была преодолевать сопротивление дерева и испытывать силу растяжения от руки плотника, который ее тянул. Но поскольку у металла предел прочности на растяжение больше

предела прочности на сжатие, то японская пила могла быть тоньше и выполнять тонкие прорезы, и об этом свидетельствуют образцы японских деревянных гребней, зубья которых расположены в несколько раз чаще, чем у европейских гребней.

Следовательно, при оценке истории производств, искусств и ремесел этого периода следует крайне осторожно пользоваться заключениями специалистов, занимающихся историей искусств, и смотрителей музеев, относящих некоторые изделия к «изящным искусствам», другие – к «легким искусствам», а третьи – к «прикладным», или «народным искусствам». Золотые рельефные маски из Перу, бронзовые портретные бюсты из западноафриканского Бенина, бронзовые статуэтки божеств из южноиндийского государства Чола и бронзовые курительницы из Ирана времен правления Сельджукидов (рис. 4) относятся примерно к одному времени и представляют наивысший уровень развития металлообработки в соответствующих регионах (илл. 222, 267, 319). Вероятно, можно было бы без особых усилий ранжировать имеющиеся образцы в соответствии с эстетическими критериями, утонченностью технологии их изготовления или пониманием свойств материалов, но исторически гораздо более важно исследовать организацию производства, разделение труда, а также местные традиции и подходы к конструктивным моделям, о которых свидетельствует существование самих изделий. На протяжении всего рассматриваемого периода влияние методов и стилей одних географических регионов на другие, например испанских на остальные европейские в области гончарного дела, оставалось сравнительно слабым и редким.

Исключения из этого общего положения связаны в большинстве своем с покровительством правителей или аристократов в сфере, которую чаще всего именуют «изящными искусствами». Правители с неограниченными финансовыми ресурсами нередко были падки на экзотические иноземные изделия и время от времени приглашали зарубежных специалистов, чтобы те обучали местных ремесленников своим способам производства. Известным тому примером служит ввоз в Западную Азию китайских произведений искусства и ремесленников в период правления монголов и Тимуридов для обучения китайским стилям и методам местных художников-миниатюристов. В облаках, деревьях и скалах, которые являются характерной особенностью рукописей, выполненных в Тебризе (Восточный Азербайджан, на северо-западе Ирана; там существовала Тебризская школа миниатюры. – *Прим. ред.*) при монголах или Герате (город на северо-западе Афганистана; там в XV в. также существовала своя школа миниатюры. – *Прим. ред.*), явным образом отражаются китайские

истоки (илл. 12, 211). Однако тот факт, что изменение вкусов двора иногда приводило к значительным изменениям художественных или архитектурных стилей, не противоречит существенной локализации и медленному темпу усвоения уроков или стилей других регионов в большинстве ремесленных и производственных традиций этого периода.

ИЗОБРЕТЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Выше уже приведены некоторые примеры распространения технологий и упоминаются технические достижения этого периода: компас, эффективная конская упряжь, производство бумаги, ксилография, порох, африканские железные инструменты и т.д. Однако эти примеры мало что говорят о природе изобретения и о причинах его распространения. Специалисты, занимающиеся историей техники, уже давно борются с бременем европейской исключительности. Модель истории, представленная в самом начале данного очерка, достигает своего пика ко времени появления в Европе современного индустриального мира, и его возникновение обычно считается уникальным следствием гораздо более широкого интеллектуального и философского развития, в частности, появления рационалистического экспериментального взгляда на мир природы. Эта исключительность только усиливается благодаря изобилию документальных источников, относящихся к изучению изобретений и технологических перемен в Европе после широкого распространения печатных трудов и секуляризации образования, начиная с XV в.

Однако очевидно, что в мировом масштабе в рассматриваемую эпоху изобретения были многочисленными, несмотря на почти полное отсутствие более поздней европейской приверженности рассуждению и эксперименту. При этом имена отдельных изобретателей и истории их изобретений в основном остаются неизвестными.

В Китае при династиях Сун и Юань техника и технология развивались очень быстро. В каждом направлении, от горного дела и орошения до производства оружия и судостроения, появились значительные усовершенствования, подробное описание которых можно найти в многотомном труде Дж. Нидхема «Наука и цивилизация в Китае» (*Needham, 1954*). В свою очередь исламский мир проявился своими инновациями в химии, например, открытием процесса дистилляции, и созданием астрономической аппаратуры, которая привела к огромным успехам в астрономических наблюдениях и разработке концепций астрономии как науки в XIV и XV вв. (*Saliba, 1994*).

Из вышеприведенных примеров, как и из бесчисленного множества иных, относящихся к другим обществам, явствует, что взгляд на мир природы, отличающийся любопытством и практичностью, вполне способен сосуществовать как с теистическим мировоззрением, свойственным, например, исламу, так и с нетеистическим, присущим, например, неоконфуцианству. Для наблюдения за каким-либо процессом и размышления о том, как его можно усовершенствовать, или понимания какой-то потребности и изобретения соответствующего нового способа ее удовлетворения человеку не требуется наследие, например в виде мыслей Аристотеля, или отказ от взглядов, связанных с существованием потустороннего мира. Изобретательность – отличительная черта всех людей.

С другой стороны, распространение технологии значительно меняется в зависимости от времени и места. Изменяющееся соотношение между людьми, более склонными к инновациям, и людьми более консервативными, еще в прошлом веке заинтересовало итальянского экономиста и социолога В. Парето (*Pareto, 1980*), а впоследствии изучение распространения инноваций на основе этого спектра психологической предрасположенности продолжили

Рис. 4. Пара драконов, бронзовый дверной молоток из сельджукского Ирана, XII или начало XIII в. Государственный музей, Берлин (по *Otto-Dorn, K., Kunst des Islam, Baden-Baden 1964, p. 151*)

Э. Роджерс и другие ученые (Rogers, 1962). В результате этих исследований специалисты пришли к выводу, что люди, которым предоставляется возможность что-либо изменить, для принятия решения взвешивают многие факторы. Какую выгоду принесет им эта перемена? Какие затраты предстоят? Насколько сложно это будет? Кто еще этим занимается? Примут ли это члены семьи и друзья? Противоречит ли это установленным законам или обычаям? Сочтут ли меня эксцентричным или непочтительным, если я это сделаю?

Специалисты по истории экономики, например Р. Хейлбронер (Heilbroner, 1994), особое внимание уделяют соотношению затрат и выгоды при принятии инновационных методов и считают технические изменения, происходившие до появления европейских капиталистических методов хозяйствования, в которых финансовое вознаграждение напрямую зависело от деятельности конкурентов, в основном случайными. С другой стороны, Д. Ландес (Landes, 1983), занимающийся историей техники, прибегает к идеологическим факторам, пытаясь объяснить, почему механические часы были созданы и распространились в Европе в рассматриваемый период. Он полагает, что христианские монахи должны были внимательно следить за ходом времени, чтобы придерживаться расписания молитв, однако он игнорирует равную, если не более настоятельную необходимость соблюдать расписания молитв и постов в мусульманских странах.

Факторы, от которых зависело распространение технологий на территориях военных действий, гораздо более отчетливы, чем повсюду. Появление нового или усовершенствованного оружия у одной стороны беспрепятственно вынуждало другую сторону пытаться копировать, захватить или сделать его еще лучше. В этом отношении Европа с ее избытком независимых королевств и княжеств предоставляла больше возможностей для военных столкновений, чем большинство других регионов мира, поэтому военные технологии и производство оружия здесь развивались быстро, даже несмотря на то, что мусульманский мир научился использовать порох несколько раньше.

В мирной обстановке скорость распространения изобретений могла быть очень разной. Производство бумаги, например, судя по документам, появилось в Самарканде из Китая в 751 г. н.э., а в Нюрнберг попало лишь через 640 лет. Некоторые технологии вообще не получили распространения из-за социальных препятствий. Ксилография, иногда выполняемая с помощью литых оловянных пластинок, в Египте существовала уже в IX в., а в Иране появилась лишь в XIV в. (Bulliet, 1987). Однако в промежуточные века книгопечатание широкого распространения так и не получило. В более позднем мусульманском обществе Османской империи оппозицию книгопечатанию возглавили религиозные власти, которые понимали, что появление печатных книг снизит ценность их священного писания (и, возможно, посягнет на принадлежащую им монополию переписывания книг). Но даже первые гравюры, давно забытые ко времени османов, в основном представляли собой амулеты, на которых были начертаны стихи из Корана (или 116). Скорее всего, неуспех печатания в древнем мусульманском мире был связан с его тесным общением с отдельными представителями нищей братии, которые обманым путем сбывали отпечатанные амулеты неграмотным людям, полагавшим, что они написаны святыми. Другими словами, в этом случае препятствием к распространению новшества являлась скорее социальная причина, нежели причина, связанная с экономическим потенциалом.

Рассматривая период в целом, можно без труда выделить те регионы, где местные экономические и социальные условия благоприятствовали восприятию новых технологий. Наиболее ярко здесь выделяется Китай при правлении династии Сун, а также исламские города IX–XII вв. и европейские города-государства XIII–XIV вв. Однако избира-

тельное распространение технологий происходило и в других регионах; нередко технологии распространялись по торговым путям или в связи с переселениями народов. В целом, темп технологических изменений во всем мире представляется гораздо более быстрым, чем в предыдущем тысячелетии, а среди неевропейских народов – неоспоримо более быстрым, чем в последующие 500 лет.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Организация сельскохозяйственного и промышленного производства изменялась в зависимости от масштаба деятельности, сложности выполняемых действий, ограничений со стороны окружающей среды и местной политической и социальной структуры, хотя последнюю также можно рассматривать как проявление организации производства. Поскольку накопление богатства происходило чаще в результате политического насилия или религиозного рвення, а не в условиях конкурентной торговли, то эффективность производства имела далеко не первостепенную важность. Тем не менее рабство как основа сельскохозяйственного производства в данный период стало менее распространенным, вероятно из-за неэффективного труда рабов и затрат на их содержание. Труд рабов в сельском хозяйстве был обычным явлением, например в Китае VII в. при династии Тан, но при сменившей ее династии Сун на смену рабству почти повсеместно пришло крепостничество или прикрепление человека к участку земли и/или к господину/владельцу этой земли. Точно так же после падения Римской империи крепостничество сменило рабство в большинстве европейских стран.

Главной заботой правящей элиты было обеспечение урожайности и контроль над излишками продукции. Аптеки и инки сохраняли свои государства с помощью военной угрозы, а поэтому могли брать дань с покоренных народов. В большинстве исламских государств правители требовали уплаты налога за то, что защищали местные мусульманские общины от внешней угрозы и внутренних беспорядков. Налоги сначала назначались, а затем собирались усердной государственной бюрократией единого Халифата, но к X в. возникла и широко распространилась тенденция отдавать участки налогооблагаемых земель чиновникам и военачальникам в качестве дара (*икта*) с правом пользования этой собственностью и доходами от нее без причинения ущерба. В Европе в последнее время существования Римской империи мирские собственники получали землю за службу правителю, который обычно становился таковым с помощью силы, чаще всего силы германского племени. В результате мелкие собственники присягали на верность более крупным, так что цепочку клятв можно проследить вплоть до короля или графа, но они ничем не были обязаны крепостным и свободным крестьянам, жившим на их земле. Собственники из рядов священнослужителей, которым наделял землей сам Папа римский (иногда его решения утверждали мирские монархи), заботясь о душах людей, не позволяли им конфликтовать, когда забирали у них излишки сельскохозяйственных продуктов. Некоторые монахи, в частности цистерцианцы в XII в., считавшие, что мирская братия вполне может обрабатывать монастырские земли, были несколько более великодушными землевладельцами.

Таким образом, большинству населения Земли суждено было трудиться на ней в условиях принуждения или полупринуждения. Все, что производилось свыше уровня минимального жизнеобеспечения, у населения регулярно отнимали в виде налога, ренты, податей или дани. Кочевники-скотоводы, даже когда вынуждены были платить подобные налоги или подати, обычно вели более свободную жизнь, так как собрать с них дань было очень сложно, а охотники, собиратели и рыболовы обычно

жили самодостаточными общинами и имели лишь ограниченные обязанности перед своими вождями. Вознаграждение за труд на земле было столь скудным, что стремление крестьянина к переменам было очень слабым, а его желание сбежать в город, податься в бандиты или вести бродячую жизнь стало постоянным искушением, по крайней мере для молодежи.

Бремя организации производства или его усовершенствования пало главным образом на владельцев земель или имевших право (узурфрукт) пользования ею, а также на служивших им доверенных лиц. В регионах с менее развитыми денежными отношениями, где продукция потреблялась главным образом в самом поместье и лишь малая ее часть превращалась в изделия длительного пользования или деньги, нововведения и повышение эффективности давали лишь незначительные результаты и предпринимались крайне редко. То же самое касается и военных систем, в которых вооруженные сборщики налогов или дань с далекого двора правителя, из столицы или лагеря вождя регулярно появлялись перед земледельцами, чтобы забрать все излишки. Однако распространение денег и расширение торговой деятельности открыли новые возможности для значительного увеличения богатства землевладельцев, которые знали, как извлечь из них выгоду.

Рост городов и распространение межрегиональной торговли в Иране в IX–X вв. вызвали, в частности, резкое расширение выращивания хлопчатника, благодаря которому торговцы, занимавшиеся продажей хлопка, и изготовители тканей из него оказались на вершине торговой иерархии. Происходившее в то же время распространение сахарного тростника – главной вывозимой культуры Египта – свидетельствует о похожей реакции на введение широкой денежной системы и появление безопасной транспортной сети, созданной Халифатом и поддерживаемой большинством сменивших его государств после IX в.

В Китае при династии Сун увеличение количества денег и заметное улучшение сетей дорог и каналов стимулировали расширение межрегиональной торговли, что, в свою очередь, способствовало резкому росту объемов продукции и эффективности сельского хозяйства. Вклад в земледельческую революцию, по мере того как зона выращивания риса распространилась дальше в южном направлении, был обеспечен использованием новых сортов риса, лучшей подготовкой почвы, получением нескольких урожаев в год и новых методов орошения. Печатные трактаты по земледелию подтверждают эти усовершенствования как еще один фактор, обуславливающий нововведения и рост производства.

В противоположность Западной Азии и Китаю, в европейских странах земледелие мало изменилось в первые века рассматриваемого периода, когда денег было немного, города были небольшими, а перевозка товаров была сопряжена со многими трудностями. Самые важные перемены – глубокая вспашка, усовершенствованная конская упряжь и широкая расчистка новых земель – оказали влияние в XI–XII вв., когда в Италии и Фландрии начали процветать города, в результате чего возросла важность региональных ярмарок.

Что касается реальной организации труда на полях, то зачастую бывает сложно отличить обычай от хорошо продуманного плана. Например, в иранских деревнях земли, орошаемые с использованием подземных каналов, были разделены между наследственными рабочими группами, которые назывались *boneh* (*boneh*), однако сохранившиеся письменные документы не содержат никаких указаний на то, когда и каким образом начала использоваться такая система. Египетская практика ежегодного (происходившего после разлива Нила) передела деревенских земель между возделывавшими их крестьянами тоже восходит своими корнями к неопределенной античности.

Переходя к организации несельскохозяйственного производства, можно отметить, что самыми обширными

и наиболее сложными проектами были общественные строительные работы. В Китае и в меньшей степени в Ираке правительство набирало и организовывало большие группы рабочих для рытья каналов. В Европе самым трудоемким общественным предприятием было строительство соборов. Различные этапы постройки собора требовали участия людей многих профессий: архитекторов, рабочих в каменоломнях, каменотесов, строителей лесов, скульпторов, специалистов по глазурованию, производителей работ, учетчиков, казначеев и т.д. Доведение этих крупных проектов до завершения требовало мощной и стабильной организации на протяжении длительного времени. То же самое касается повсеместного строительства (относительно которого сохранилось меньше документов) выдающихся религиозных сооружений: построенного в IX в. буддийского храма Боробудур на о. Ява; построенных в XI в. индийских храмов в Танджуре (Танджавуре) на юге Индии и комплекса храмов Кхаджурахо на севере этой страны; построенного в XII в. посвященного богу Вишну храмового комплекса Ангкор-Ват в Камбодже; относящихся к XIV и XV вв. комплексов мечетей и мавзолеев мамлюкского Египта, монгольского и тимуридского Ирана и Центральной Азии, а также относящихся к XIV в. пирамидальных храмов в столице ацтекского государства Теночтитлане. Несколько менее сложным было строительство защитных стен и укреплений. Крепость Саксауаман, построенная инками в XV в., защищавшая их столицу Куско (Перу); город Зимбабве XI века, обнесенный каменной стеной, от которого берет свое название современная африканская страна; Великая китайская стена, заново отстроенная из камня правителями династии Мин после XIV в., а также величественные замки-крепости эпохи крестоносцев, например Крак-де-Шевалье в Сирии, Бофор в Ливане и цитадель Каира свидетельствуют о способности организовывать выполнение обширных строительных проектов почти во всех частях света (илл. 26–41, 221, 229, 307, 320, 321).

По масштабам работ вслед за огромными строительными проектами шло строительство верфей и арсеналов. В большинстве крупных государств эти работы по уровню разделения труда и объемам производства относились к самым важным несельскохозяйственным производствам после текстильной промышленности. Венеция, например, слабый город-государство, возникший в 829 г. н.э., когда двое ее граждан привезли из Александрии мощи ее покровителя св. Марка, начиная с XII в. следовала успешной политике торгового империализма, которая позволила ей опередить своих соперников, города-государства Пизу и Геную, и к 1500 г. превратиться в главную силу восточного Средиземноморья. Мощь Венеции была сосредоточена в ее Арсенале – укрепленной судостроительной верфи, на которой в период расцвета Венеции трудились 16 тыс. ремесленников, способных построить боевую галеру за один день. Аналогичным образом большая часть железа, производимого в Китае при правлении династии Сун (а до промышленной революции здесь производились наибольшие объемы железа в мире), шла на изготовление оружия. Акконцу рассматриваемого периода главным занятием европейцев стало литье пушек, тогда как личное огнестрельное оружие и ручное оружие с прикладом только начинали свое восхождение к будущему господству на поле боя. В обоих регионах важные усовершенствования в конструкции и методах строительства парусных судов привели к снаряжению исследовательских путешествий на огромные расстояния и к расширению масштабов морских сражений (илл. 21–25, 42–44).

В сфере того, что в наше время можно называть товарами широкого потребления, первенство принадлежало производству тканей как самой крупной и самой ценной отрасли промышленности. Производство тканей и одежды из них варьировалось от изготовления материала в домашних условиях для нужд семьи до производства на крупных

предприятиях украшенных одеяний для чиновников (*tirāz*) в исламском халифате или шелковых одежд в Китае при династии Сун. Один из китайских предпринимателей держал 500 ткацких станков для производства шелковой ткани у себя дома (*Elvin*, 1973). Разделение труда при производстве ткани могло аналогичным образом варьироваться от простого домашнего прядения и ткачества до сложных операций, требующих множества этапов. Производство серебряной нити в Иране, например, начиналось с получения небольших цилиндрических слитков серебра из печи (*Wulff*, 1966). Их растягивали в неровную проволоку, а затем путем волочения на особом станке превращали эту проволоку в тонкую. Полученную проволоку пропускали через роликосое устройство, в результате она превращалась в тонкую фольгу. Затем намоточно-резательный станок превращал фольгу в нить и наматывал ее на бобины. И только после этого нить можно было использовать для шитья или вышивки.

Ремесла и профессии, существовавшие в городах, естественным образом приводили к возникновению чувств родства среди представителей этих профессий. Более или менее организованным выражением таких чувств в разных регионах стали гильдии. Экономически важную роль гильдии сыграли в Византии X века и во Фландрии XII в. В исламской Западной Азии профессиональные объединения, по-видимому, возникшие к XI в., до XIV в. не успели превратиться в настоящие гильдии, т.е. в профессиональные организации, устанавливающие стандарты и уровни производства. Члены мусульманских гильдий нередко принадлежали к одной и той же суфийской организации [в то время в суфизме преобладали братства, посвятившие себя не только мистицизму, но и товариществу и религиозной ортопраксии (правильность практики, в противоположность *ортодоксальности* – правильности теории. – *Прим. пер.*)], а члены европейских гильдий зачастую оказывались последователями определенных христианских святых или сект. В индийском обществе разделение людей на группы по роду их занятий было еще более ярко выраженным и религиозным. Члены одной из многочисленных каст (*джаты*) обычно занимались одним ремеслом или вели одинаковую деятельность, а чувство родства, вызванное одинаковым занятием, усиливалось благодаря традициям эндогамии, совместной трапезы и соответствующим запретам.

РОЛЬ ГОРОДОВ

Потреблением излишков сельскохозяйственной продукции и произведенных товаров занимались в основном малые и большие города, однако размеры, организация и функции этих центров сосредоточения населения варьировались весьма сильно. Города, не расположенные на судоходных реках, каналах или вблизи морского порта, редко вырастали больше, чем до 100–200 тыс. жителей, а большинство таких городов имели гораздо меньший размер. Высокая стоимость наземного транспорта с использованием тягловой силы животных, обусловленная, прежде всего, стоимостью корма для них, платой возницам или погонщикам верблюдов и определенной суммой, которую нужно было платить за охрану и виде дорожных сборов, крайне осложняла доставку продуктов для большого числа жителей, поскольку чем больше численность населения, тем больше площади сельскохозяйственных угодий вокруг города, необходимых для обеспечения продовольствием, и тем на большее расстояние приходится перевозить продукты. Морские же порты, например Константинополь и Гуанчжоу, или речные порты, например Багдад и Каир, и города, расположенные на каналах, например Пекин и Янчжоу, могли вырастать до много больших размеров, а численность их населения в некоторых случаях могла превышать миллион человек (илл. 241, 242).

В пределах данного географического региона некоторые функции должен был выполнять самый большой город, что следует из вышеописанной теории центрального места. Меньшие города имели меньшее значение не только по размерам, но и по видам выполняемых ими функций. Расчет отношения числа жителей в 10 крупнейших городах к населению всего региона дает примерный сравнительный показатель степени урбанизации для разных регионов мира (*Russell*, 1972). Несмотря на то что сведения о численности населения в данный период скудны, а их надежность или интерпретация нередко вызывают сомнения, ясно, что основное население Европы проживало в сельской местности. На большинстве европейских территорий в 10 крупнейших городах проживало не более 10% ее населения. Тем не менее области, имевшие доступ к морю, такие как Тоскана (крупнейший город – Флоренция), Венеция (Венеция) и Фландрия (Гент), смогли удвоить это число, как только в XII в. начала развиваться морская торговля (илл. 40, 41).

В исламских городах Западной Азии, Северной Африки и Испании уровень урбанизации был гораздо более высоким. Кордова, Каир, Багдад и Нишапур были гораздо крупнее европейских городов. Доля населения, проживавшего в десяти крупнейших городах северо-восточного Ирана – в регионе, центром которого был Нишапур, приближалась к аналогичному числу в Венеции или Фландрии, несмотря на то, что здесь не было судоходных рек или морских портов (*Bulliet*, 1994). Отдельные области Китая в правление Южной Сунской династии (1127–1279 гг. – *Прим. ред.*) отличались еще более высокой степенью урбанизации. Например, в г. Чжэньцзян, расположенном в месте пересечения Великого канала с р. Янцзы, в начале XIII в. жили 24% людей этого округа, а к концу этого столетия – уже 33% (*Elvin*, 1973). В среднем в более плотно заселенных частях Китая доля урбанизации составляла около 20%.

Функции больших и малых городов частично зависели от их размеров и степени урбанизации. Низкий уровень урбанизации и небольшой размер европейских городов делали их местом проживания и хранения богатств сельской землевладельческой аристократии. В сфере служения Богу большая часть сельских мужских и женских монастырей жила по этому же образцу. Города, как правило, были слишком малыми (и как центры производства, и как центры потребления), чтобы оказать ощутимое влияние на экономику в целом, и так продолжалось до XII в., когда возродилась средиземноморская торговля, а во Фландрии расцвела текстильная промышленность. Но даже тогда на последующий рост городов за пределами территорий современных Италии, юга Франции, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга влияло не только развитие торговли и промышленности, но и королевские дворы и растущая власть монархов над аристократией.

В Иране, напротив, арабские завоевания VII в. переместили власть, ранее принадлежавшую мелкой сельской аристократии Сасанидской империи, в узловые пункты арабско-мусульманского правления, расположенные в небольших городах на Иранском нагорье (*Bulliet*, 1994). Богатства сельской местности стекались в эти центры управления через собираемые налоги и продажу награбленного добра, а процесс обращения привлекал новоявленных мусульман во вновь образующиеся города, где они могли получить свою долю исламского благосостояния, избежать гонений или агрессии со стороны бывших единоверцев и найти общину, в которой можно было вести праведную религиозную жизнь мусульманина. В результате этого произошел резкий рост городов: некоторые города, число жителей которых в 700 г. н.э. не превышало 10 тыс. чел., к 950 г. имели гораздо больше 100 тыс. жителей. Такой рост обеспечил рыночную и финансовую основу для увеличения торговли и производства – характерного признака средневекового исламского общества. За исключением Багдада и Каира, присутствие

королевского двора обычно не являлось главным толчком к росту благосостояния и процветания города.

Как только где-нибудь город достигал определенных пороговых уровней численности и площади, а также процветания и торговой деятельности (происходило ли это благодаря благосклонности правителя, обладанию святым местом паломничества или выгодному расположению у моря или на реке, пересекающей торговый путь), в него начинало стекаться богатство сельской местности и ее население. Поскольку в антисанитарных условиях переполненных средневековых городов смертность, как правило, преобладала над рождаемостью, постоянный приток переселенцев из сельской местности был необходим хотя бы для того, чтобы сохранялась численность населения города. Быстрый рост городов требовал широкой миграции. В Европе XIII в. основу для такой миграции создал общий рост населения, вызванный введением технологических инноваций, повысивших производительность сельского труда. В исламской Западной Азии социологические факторы, связанные с обращением людей в мусульманство, послужили стимулом к переселениям, хотя резкого скачка общей численности населения не произошло. В Китае развитие земледелия, социологическая смена элиты с сельской аристократии на городской образованный класс и общий рост населения, особенно на юге страны, сыграли свою роль в сильнейшем всплеске урбанизации в рассматриваемый период.

Эти отличия разных культурных регионов отражались символическим образом. Европейская литература с самой ранней части этого периода основное внимание уделяла подвигам рыцарей и знатных людей, которые жили в замках, окруженных деревьями или небольшими городками. Точно так же на монастырях в сельской местности и на поместьях аристократов были сосредоточены основные строительные проекты и покровительство искусствам. Однако к XIV в. городские кафедральные соборы, ученые, сосредоточенные в университетах, и произведения, написанные в угоду буржуазии, например книги Джованни Боккаччо и Джеффри Чосера (илл. 103), стали отражением нового расцвета городов. И все же в народной крестьянской литературе продолжали изображаться злоеющие леса и странствия в поисках счастья.

В сравнительно неурбанизированной Индии, напротив, эпическая поэма «Рамаяна», повествующая о странствиях и подвигах Рамы и его добродетельной жены Сит после того, как их изгнали в лес, сохранила неоспоримую популярность, как и пьесы и поэмы Калидасы, написанные несколько раньше этого периода и имеющие явно не урбанистический характер, не утратили своей репутации самых высокохудожественных литературных произведений, написанных на санскрите. Притягательность этих произведений, конечно же, не означает полного отсутствия городской жизни, так как санскрит прежде всего был языком городской элиты. Она, скорее, говорит о том, что индийским городам не удалось развить очарование и культурное самосознание, свойственное городам европейским.

В исламской Западной Азии основным литературным жанром, получившим распространение в самом начале всплеска урбанизации в IX–X вв., стала *макама* – жанр взаимосвязанных новелл, названия которых часто совпадали с названиями городов, в которых происходило их действие (илл. 184). Покровительство искусству и архитектуре тоже почти полностью базировалось в городах, за исключением недолгого времени при монголах и родственных им династиях со странствующими дворами правителей. Тимур (Тамерлан), один из величайших в мире завоевателей, командовал войсками, состоявшими в основном из скотоводов-кочевников (илл. 186), но искал славы и как градостроитель. Благодаря ему и его семье, Самарканд в XV в. стал городом, о котором слогали легенды, да и по сей день в нем сохранились несколько самых прекрасно орнаментированных зданий мира (илл. 26).

Вслед за Максом Вебером (*Weber*, 1992) многие историки расширили понятие города как символа, включив в него феномен судебной автономии, которая, начиная с XII в., в некоторых европейских городах вводилась королевской хартией или общей присягой всех жителей. Несмотря на то что лишь немногие города сохранили свою автономию на протяжении более двух веков, эти историки утверждают, что автономия должна входить в определение «настоящего» города. С помощью таких символических определений они отдали торговым городам Италии и Фландрии XII–XIII вв. особое место не только в истории западной цивилизации, но и в мировой истории в целом. При этом городские объединения Западной Азии, Индии, Китая и других регионов иногда лишались названия городов, и их историческая роль преуменьшалась.

Хотя и нет смысла отрицать важность королевских хартий или общей присяги в Европе как средства, с помощью которого некоторые города устанавливали собственную сферу полномочий, извлекая отдельные, даже противоречивые положения канонического права, феодального права и королевского права, вся эта беспорядочная масса противоречивых правовых систем была свойственна исключительно Европе. В исламском мире, например, существовало лишь единое религиозное право, которому обязаны были подчиняться и султан, и торговец, и крестьянин (*Bulliet*, 1972). Однако это право не было обеспечено централизованной системой судов. Правители вольны были выбирать судей в каждом городе, но на практике судьей назначался человек, кандидатуру которого выдвинули (или, по крайней мере, с ней согласились) местные жители (торговцы, землевладельцы и религиозные деятели), или данная должность вообще становилась наследственной и оставалась в одной семье. Поскольку здесь, в отличие от Европы, где можно было подать апелляцию Папе римскому или королю, за пределами местного суда апелляционных полномочий не существовало, то большинство городов были автономными в своих действиях, даже несмотря на отсутствие присяги или хартии.

Ситуации, сложившиеся в европейском и исламском мирах, отражают частные исторические условия, которые не следует распространять на остальные части света. В Индии, например, при условии уплаты налогов автономия обладали скорее деревни, нежели города. Во многих местах земного шара города возникали как центры проживания, торговли, промышленного производства, распределения, управления и отправления религиозных обрядов. Их рост и функции следует описывать и оценивать в соответствии с правовыми, правительственными, экономическими, демографическими и культурными особенностями, соответствующими каждому конкретному случаю, а не частной европейской модели.

ТОРГОВЛЯ

Во всех вопросах, которые обсуждались выше, предполагался обмен. На базовом уровне обмен товарами и услугами является неотъемлемой частью деятельности всех не пользующихся деньгами обществ от тропических лесов Амазонки до арктической тундры и самодостаточных деревень Европы, Китая, Сенегала или Малайзии. Товарообмен может также подняться и до уровня торговли, о чем свидетельствуют обмены на дальние расстояния товарами типа обсидиана и лазурита, происходившие еще в доисторические времена. Однако для торговли обычно требуется средство обмена – некоторый символический знак, или предмет, имеющий общепризнанную ценность. Металлические средства обмена, не имеющие никакой другой области применения, обычно называют монетами. Металлические средства, выполняющие ту же функцию, включали бобы какао в Центральной Америке, раковины каури

в Африке к югу от Сахары и в Юго-Восточной Азии, нитки бус из раковин или *вампум* (нити с нанизанными на них раковинами – средство запоминания и передачи сообщений у индийских племен. – *Прим. ред.*) на востоке Северной Америки. Хотя некоторые средства обмена высоко ценились в других областях их использования, как, например, золото и серебро, из которых во многих странах изготавливали ювелирные украшения, это не имело ничего общего с их символической ценностью при обмене.

В первую часть рассматриваемого периода отечественные из золота, серебра или меди монеты служили главным средством обмена в средиземноморской Европе, Византии, на севере Индии, а также в исламских частях Западной Азии, Центральной Азии и Северной Африке. Во всех этих местах использование монет являлось совокупным наследием эллинистической и римской эпох. С течением времени производство монет возродилось в отдаленных областях бывшей Римской империи, например в Англии и Франции, но медленнее принималось в Северной и Восточной Европе. Исламская зона использования монет после 1000 г. постепенно протянулась через Индию и достигла побережья Восточной Африки. Китай стал отдельной монетной зоной, во всех областях которой использовались литые медные монеты, а в некоторых – свинцовые и железные.

Количество монет на любой территории зависело от наличия источников сырья – рудников, от превращения металлических предметов в монеты и ввоза монет из других мест, а их ценность как монет или слитков определялась их стоимостью в тех местах, с которыми осуществлялась торговля. Регионы, вывозимая продукция которых пользовалась большим спросом и которые ограничивались малыми объемами ввоза товаров, накапливали деньги, которые впоследствии могли быть перечеканены или превращены в сокровища. Индия, торговавшая хлопковыми тканями, пряностями и драгоценными камнями, в рассматриваемый период, судя по всему, имела благоприятный торговый баланс. Регионы, стремившиеся ввозить товары в объемах, превышающих объемы экспорта, например Западная Европа, которая на международном рынке могла предложить лишь шерстяные ткани, меха и янтарь, но отличалась высоким спросом на пряности, сахар и ткани из хлопка, с трудом поддерживали большой запас дорогостоящей валюты. Обычное чеканка монет была прерогативой правителей, но хождение однажды отчеканенных монет контролировать было невозможно (илл. 190–194).

Торговцы, продававшие товары как в пределах региона, так и между регионами, получали немалый доход, но при этом подвергались и значительному риску. Кораблекрушения, разбой, военные действия и пиратство постоянно угрожали им. Кроме того, недостаток информации о предложении и спросе на удаленных территориях мог привести к тому, что торговец делал закупки в одном месте по высоким ценам и был вынужден распродавать свой товар где только мог, на затоваренных рынках. Из-за больших прибылей, которые приносила торговля на далекие расстояния, присутствие торговцев в городе или стране могло внести ощутимый вклад в его/ее благосостояние. Экономическое возрождение Европы после XI в. совершенно определенно связано с растущей ролью торговцев из Южной Франции и Италии в средиземноморской торговле и ослабевшим влиянием ранее господствовавших здесь мусульманских торговцев. Некоторые режимы, например монгольский, способствовали деятельности как местных, так и иноземных торговцев, обеспечивавших благосостояние государства. Другие, как мамлюки в Египте XIV–XV вв., препятствовали развитию торговли, устанавливая государственную монополию на некоторые товары.

Мало кто понимал, почему экономика процветает или ослабевает. Экономические причины могли подтолкнуть к войнам или набегам с целью захвата земли или трофеев, но сами по себе они редко приводили к процветанию или

прекращению экономического спада. Викинги, например, совершали многочисленные набеги на проживающие на берегу побережья Северной Европы и Британии, но крупные клады иранских монет, обнаруженные в Скандинавии и на островах Балтийского моря, свидетельствуют о том, что, вероятно, более богатым источником благосостояния была мирная торговля, а не военные трофеи. Точно так же организация регулярной караванной торговли через пустыню Сахара VIII в. городами-государствами Тахерт в Алжире и Сиджильмаса в Марокко сделало эти места очень богатыми, так как они меняли соль, добываемую в пустыне, на золотой песок из региона р. Нигер. Поскольку африканские общества, расположенные к югу от Сахары, не пользовались золотыми монетами или предметами, они поначалу не считали золотой песок очень ценным. Однако в конце концов Тахерт и Сиджильмаса утратили свое экономическое превосходство и были заброшены. Их падение, судя по всему, было связано именно с переменами в торговле, а не с военным завоеванием.

Организация местного обмена была в гораздо большей степени подвержена регулированию, чем торговля на дальние расстояния. Верность семье или секте была общей чертой межрегиональной торговли, в которой доверительные сведения о состоянии далеких рынков могли приводить к получению прибыли вместо убытков (*Steensgaard*, 1974). Еврейские и армянские торговцы поддерживали переписку и деловое партнерство на огромных расстояниях. Но в пределах городского рынка торговля часто находилась под надзором правительственных чиновников. *Этарх* (градоначальник) в Константинополе и *мухтасиб* в крупных исламских городах имели широкие полномочия в области цен, весов и мер, а также рыночного поведения. В Китае городские рынки имели официально установленную границу и подлежали тщательному контролю правительством. Еще большие ограничения могли быть наложены на иностранных торговцев. Арабы и индийцы, например, имели право торговать только в определенных морских портах, например раннегосударственного образования Гана в Африке (на территории Западного Судана, в верховьях рек Нигер и Сенегал. – *Прим. ред.*); в области сахеля Западной Африки, арабские торговцы с севера Сахары проживали в отдельном районе столицы.

С другой стороны, рынки, находившиеся за пределами городов, невозможно было столь же тщательно контролировать. Еженедельные или ежемесячные рынки и сезонные ярмарки были важными торговыми посредниками между городом и селом. Ярмарки в области Шампань в XII и XIII вв. славились во всей Европе и проводились под надзором особых чиновников, но большая часть сельских или периодически работающих рынков и ярмарок в различных частях Африки и Евразии, включая Китай при правлении династии Сун, проводились при менее тщательном контроле. Еще более случайным видом торговли за пределами города были сделки с проходящими караванами и странствующими торговцами. Караваны обычно считают средством торговли на дальние расстояния, но многие караванные торговцы обменивали свои товары на продовольствие на каждой остановке, которую делали на пути. Далекие города и деревни в своей связи и торговле с внешним миром зависели именно от таких случайных посещений и странствующих торговцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ

Изображение всемирных технологических и экономических систем за 900-летний период в рамках объема, отведенного в данном труде, в лучшем случае можно представить лишь как прерывистый ряд снимков. Автор данной главы ставил перед собой две цели: во-первых, наметить

бесчисленное множество технологических и экономических ситуаций, существовавших в мире между 600 и 1500 гг. н.э., и, во-вторых, показать небольшую ценность историографической традиции рассматривать мировую историю с позиций превосходства истории Европы, принятой в качестве модели. Нет никаких сомнений, что истинным экономическим и технологическим гигантом в рассматриваемый период был Китай при правлении династии Сун. В сферах урбанизации и торговли исламский мир значительно опередил Европу. Межрегиональные контакты, имевшие огромную важность для распространения растений и способов производства, существовали задолго до европейских географических открытий. А способность к созданию технологических новшеств и их широкому использованию была свойственна многим народам и никак не связана с идеологическими или религиозными надстройками.

Ученые утверждают, что в эти века весьма ускорился темп перемен в области технологии и межрегиональных связей; объяснить это можно скорее большим размахом перемещений и переселений людей по сравнению с предыдущими веками, чем какой-либо политической или идеологической причиной. Впечатляющими примерами политического взаимодействия и обмена между регионами в период с 300 г. до н.э. по 300 г. н.э. были завоевания Александра Македонского, Римской империи и династии Хань, однако большее влияние на технологический и культурный обмен имели широкие этнические движения арабов, тюрков, монголов, коренных китайцев-ханей (в Южный Китай) и банту.

Следует отметить, что Западная Европа оставалась в изоляции от большинства из этих крупных перемещений народов. История Европы всегда будет важной частью мировой истории благодаря достижениям, получившим распространение, начиная с XVI в., но ее можно лучше понять, если историки станут рассматривать Европу в контексте развития всего мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ADAMS, R. E. W. (ed.). 1977. *The Origins of Maya Civilization*. Albuquerque.
- BALLET, W. 1994. *Footprints of the Forest: Ka'apor Ethnobotany – The Historical Ecology of Plant Utilization by an Amazonian People*. New York.
- BARFIELD, T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford.
- BULLIET, R. W. 1972. *The Patricians of Nishapur*. Cambridge, Mass.: Ch. 3.
- 1975. *The Camel and the Wheel*, Cambridge, Mass.
- 1981. *Botr et Baranès. Hypothèses sur l'histoire des Berbères*. In: *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*, Jan. – Feb. pp. 104–16.
- 1987. *Medieval Arabic Tarsh: a forgotten chapter in the history of printing*. In: *Journal of the American Oriental Society*, 107/3, pp. 427–38.
- 1994a. *Islam: The View from the Edge*. New York.
- 1994b. *Medieval Arabic Tarsh, op. cit. and Determinism and pre-industrial technology*. In: SMITH, M. R.; MARX, L. (eds.) *op. cit.* pp. 201–15.
- CHRISTALLER, W. 1966. *Central Places in Southern Germany*, tr. Carlisle W. Baskin. Englewood Cliffs, New Jersey.
- D'ALROY, T. N. 1992. *Provincial Power in the Inka Empire*. Washington, DC.
- DE PLANHOL, X. 1968. *Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam*. Paris.
- DUBY, G. 1977. *L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident*. Paris.
- 1988. *La société chevaleresque*. Paris.
- DYER, C. 1989. *Standards of Living in the Later Middle Ages: Social Change in England c. 1200–1520*. Cambridge.
- EL FASI, M.; HRBEK, I. 1988. *General History of Africa, Vol. 3, Africa from the Seventh to the Sixteenth Century*. London.
- ELVIN, M. 1973. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford.
- FORBES, R. J. 1964–66. *Studies in Ancient Technology*, six vols. Leiden.
- GERNET, J. 1978. *La vie quotidienne en Chine à la veille de l'invasion mongole, 1250–1276*. Paris.
- GOITEIN, S. D. 1967–83. *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*, five vols. Berkeley.
- HARTOX, R. S. 1985. *Coffee and Coffeehouses: The Origin of a Social Beverage in the Medieval Near East*. Seattle.
- HEILBRONER, R. L. 1994. *Do Machines Make History? Technological Determinism Revisited*. In: SMITH, M. R.; MARX, L. (eds.) *Does Technology Drive History? Cambridge, Mass.* pp. 53–78.
- HUNTINGTON, E. 1907. *The Pulse of Asia*. Boston.
- LAIU-THOMADAKIS, A. E. 1977. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study*. Princeton.
- LANDES, D. 1983. *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World*. Cambridge, Mass.
- LATTIMORE, O. 1951. *The Inner Asian Frontiers of China*. New York.
- MOKHTAR, G. 1981. *General History of Africa, Vol. 2, Ancient Civilizations of Africa*. London.
- MOKYR, J. 1990. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York.
- MUMFORD, L. 1961. *The City in History*. Harmondsworth.
- NEEDHAM, J.; WANG, L. et al. 1954. *Science and Civilization in China*, 6 Vol., Cambridge.
- NETTING, R. M. C. 1977. *Maya Subsistence: Mythologies, Analogies, Possibilities*. In: ADAMS, R. E. W. (ed.) *The Origins of Maya Civilization*. Albuquerque: pp. 299–333.
- PARETO, A. 1980. *Compendium of General Sociology*, Minneapolis.
- RABIE, H. M. 1972. *The Financial System of Egypt AH 564–741/ AD 1169–1341*. London.
- RICHÉ, P. 1973. *La vie quotidienne dans l'Empire Carolingien*. Paris.
- RODINSON, M. 1966. *Islam et Capitalisme*.
- ROGERS, E. 1962. *Diffusion of Innovations*. New York.
- RUSSELL, J. C. 1972. *Medieval Cities and their Regions*. Bloomington.
- SALIBA, G. 1994. *A History of Arabic Astronomy: Planetary Theories during the Golden Age of Islam*. New York.
- SAUER, C. 1972. *Seeds, Spades, Hearths, and Herds: The Domestication of Animals and Foodstuffs*. Cambridge, Mass.
- SJOBORG, G. 1960. *The Preindustrial City: Past and Present*. New York.
- STEENGAARD, N. 1974. *The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade*. Chicago.
- THAPAR, R. 1966. *A History of India, Vol. I*. Harmondsworth.
- TRACY, J. D. (ed.) 1990. *The Rise of Merchant Empires: Long-distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750*. Cambridge: pp. 372–379.
- WATSON, A. M. 1983. *Agricultural Innovation in Early Islamic World: The Diffusion of Crops and Farming Techniques*. Cambridge.
- WEBER, M. 1962. *The City*, tr. New York.
- WIET, G. 1960. *L'évolution des techniques dans le monde musulman médiéval*. In: *Cahiers d'histoire mondiale, Vol. VI–I, UNESCO*.
- WHITE, L. JR. 1962. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford.
- WULF, H. 1966. *The Traditional Crafts of Persia: Their Development, Technology, and Influence on Eastern and Western Civilizations*. Cambridge, Mass.

СРЕДСТВА СООБЩЕНИЯ И ТРАНСПОРТ

Ричард У. Буллье

Век, начавшийся в 600 г. н.э., явился свидетелем двух небывалых политических экспансий: арабского мусульманского халифата с центром в Западной Азии и процветающими столицами в Медине (Аравия), Дамаске (Сирия) и Багдаде (Ирак), а также династии Тан в Китае. К 711 г. арабские войска при поддержке на самых дальних рубежах со стороны берберов в Северной Африке и персидскоязычных жителей Центральной Азии расширили свои завоевания до Испании и юга Франции на западе и до бассейна р. Тарим на востоке. Северная граница арабских владений установилась в районе гор Тавр (Торос) на юге Турции, а южная граница – вблизи линии, разделяющей Египет и Судан и далее вдоль северных оазисов Сахары. Эти две границы были достаточно закрытыми, по крайней мере в политическом отношении, до XII в. На другом краю Азии династия Тан стала контролировать значительные части Кореи, Манчжурии, Монголии, Тибета и Туркестана; кроме того, культура Тан оказала глубокое влияние на Японию. Две захватнические силы, арабов и китайцев, столкнулись в сражении на р. Талас в Киргизии в 751 г. н.э.

Окончание рассматриваемого периода также отмечено эпохальным событием – прибытием Христофора Колумба в Вест-Индию. Путешествие Васко да Гамы вокруг Африки спустя пять лет после этого вывело европейцев в Индийский океан, а возвращение флота Магеллана в Испанию в 1522 г. завершило кругосветную связь земель, которая далее, во всей более поздней истории, рассматривалась уже как естественная.

Два типа экспансии – арабская и китайская по суше, а европейская по морю – зависели от мировой системы сообщений и транспорта, и в то же время сами изменяли таковую. Обеспечивая связь между народами, которые ранее мало знали друг о друге, они стимулировали глубоко значимые обмены произведенными товарами, сырьем и идеями. Не только во много раз возросло число людей теперь было вовлечено в дальние путешествия, но и совокупное мировое хозяйство совершило скачок в своем развитии, частично благодаря расширившемуся международному потоку товаров.

Однако морские приключения европейцев в конце этого периода вряд ли могли состояться, если бы ранее не было путешествий по суше. Установление монголами в XIII в., хотя и всего лишь на столетие, единой империи, раскинувшейся от Китая до Восточной Европы, повторило достижения арабов-мусульман и китайцев династии Тан. В этом случае вновь возникла возможность свободного обмена товарами, идеями и знаниями между разными народами на огромных территориях. Но поскольку европейцы были в значительной мере изолированы от более ранних достижений в мировых взаимных связях, такие люди, как Марко Поло предпринимали длительные путешествия

в Китай и обратно, чтобы сообщить жителям Европы о громадных пространствах и высоком уровне цивилизации в Азии.

Тем временем караванная торговля через Сахару в Африке, доставлявшая большие количества золота из регионов к югу от этой пустыни в Марокко, позволила правителям Испании и Португалии узнать о далеком источнике богатства, к которому имели доступ только их извечные враги-мусульмане. Задача обойти соперников и найти источник африканского золота сделалась важной целью их походов, которые в конце концов позволили Европе установить прямой контакт с остальным миром.

Однако транспорт и средства связи в эти века, несмотря на их огромное значение, редко становились предметом специального интереса историков. Кроме того, большая часть людей на континентах повсеместно жила сравнительно замкнутой жизнью, в полной зависимости от своих полей, стад или рыболовства, и редко удалялась на большие расстояния от родных деревень или привычных пастбищ. Для них весь транспорт был в основном местный, а чаще они просто предвигались пешком.

В качестве примера можно привести Иран в XI в., где вьючные верблюды были обычным средством для перевозки грузов. Расположенный вдали от моря г. Нишапур имел в 1000 г. н.э. примерно 150 тыс. жителей, не занятых в сельском хозяйстве. Основным видом грузового транспорта в этом регионе служили верблюды, каждый из которых перевозил примерно по 225 кг груза. Таким образом, если каждому из этих жителей требовалось по 1 кг зерна в день, не менее 600 нагруженных верблюдов или равноценных вьючных животных должны были доставлять подобную поклажу в город ежедневно. Их требовалось разгрузить, а груз на ослах или на плечах носильщиков доставить на мельницы, в пекарни, конюшни и дома. С учетом других потребностей, таких как фураж и сено для животных, другие сельхозпродукты, дрова и высушенные на солнце кирпичи, это число должно быть по меньшей мере удвоено до 1200 груженых верблюдов или эквивалентного числа других животных, которые прибывали в город ежедневно. Это количество значительно выше любой правдоподобной оценки караванного движения, проходившего через Нишапур каждый день.

Исходя из этого, очевидно, основным транспортом повсеместно являлся транспорт местный. Это следует иметь в виду, хотя большая часть данной главы и будет посвящена дальним путешествиям и соответствующему транспорту. Безусловно, контакты между разными частями мира существенно возросли в период между 600 и 1492 гг., и на жизнь миллионов людей это развитие сообщений оказало значительное влияние. Но такое воздействие по большей части являлось непрямым. Основная часть людей на планете оставалась привязанной к своим домам как физически, так и по образу мышления.

НАЗЕМНЫЙ ТРАНСПОРТ

У. Мак-Нэйл (McNeill, 1987) отметил, что тяжелый транспорт в средневековую эпоху и до нового времени может быть разделен на три широких технологических типа, соответственно характеризующихся преимущественным использованием верблюдов, повозок и каналов в разных географических зонах. Хотя вьючные животные интенсивно использовались во всех трех зонах, для Ближнего Востока и Северной Африки особо характерен именно этот тип транспорта.

В отличие от этой ситуации, повозки и фургоны, а в более поздний период – дороги как средство облегчения их использования, наиболее широко развивались в Европе. Повозки использовались также в Индии, Китае, Центральной Азии и Японии. Предположение о том, что все эти «колесные общества» получили толчок к развитию из единого источника происхождения колесного транспорта в Европе или на Ближнем Востоке, относится к более раннему периоду (Piggott, 1983; Littauer & Crouwel, 1979). Как бы то ни было, гипотетические более ранние связи не имеют подтверждения, а Индия и Китай характеризуются собственными особенностями развития.

В обществах, использовавших колесные повозки, общей потребностью, которая также развивалась по-разному в разных регионах, была потребность в мостах. Конструкции мостов существенно различались в зависимости от имевшихся строительных материалов и особенностей реки, которую надо было пересечь. Великий город Багдад на р. Тигр, например, имел только мосты понтонного типа, поскольку характер русла реки был непредсказуем и весной при разливах она часто разрушала мосты. В Андах, где колесный транспорт был неизвестен, подвесные мосты через ущелья, построенные при инках, достигали длины 60 м (рис. 5). Китай, Индия, Европа и исламский Средний Восток

Рис. 5. Изображение правительственного чиновника и носильщика, переходящего по подвесному мосту, доиспанское Перу. Воспроизведено с рисунка Фелипе Гуамана Пома де Айяла (по книге Hagen, V. W. von, Realm of the Incas, NY, 1957, p. 169)

также имели определенные традиции возведения мостов (илл. 30, 31, 40, 241, 242).

Каналы, которые в более позднее время оказали существенное влияние на Европу, в рассматриваемый период были отличительной чертой транспортной системы Китая. Они будут рассмотрены ниже в разделе, посвященном внутренним водным путям.

К этим трем зонам следует добавить четвертую, о которой Мак-Нэйл не упоминает. Это зона, где использовался труд людей-носильщиков. В доколумбовой Америке ни одно из домашних животных, за исключением лам в Андах, не было приспособлено для перевозки грузов, но и ламы не были достаточно сильны для этого. Подобная ситуация складывалась на обширных территориях к югу от Сахары; там укусы мухи цеце являлись смертельными для животных – крупного рогатого скота, верблюдов и в несколько меньшей степени для лошадей, – которые использовались для перевозки грузов вдоль суданского пояса между ареалом обитания мухи цеце и пустыней. В обоих этих регионах мускульная сила человека оставалась единственно возможной. К сожалению, существует мало информации относительно переноски грузов людьми-носильщиками в рассматриваемый период, а потому специально обсуждаться этот вид перемещения не будет.

Средний Восток, Центральная Азия, Северная Африка и пустыня Сахара

Практика применения верблюдов для перевозок сложилась ввиду отсутствия колесного транспорта в течение нескольких столетий, предшествующих рассматриваемому периоду. Средневосточное и североафриканское общества исторически уникальны своим отказом от общеизвестных достижений человеческой изобретательности в период поздней Римской империи и империи Сасанидов, который в других отношениях был сравнительно процветающим и мирным. Этот очевидный технологический регресс более всего удивителен ввиду того, что Ближний Восток, вероятно, если и не являлся местом появления колесного транспорта, то, по крайней мере, был регионом, в котором в древние времена основные технические усовершенствования благополучно приживались.

Разрушение римских дорог являлось, вероятно, в большей степени результатом отказа от колеса, чем причиной его использования, поскольку верблюды предпочитали двигаться по более мягким поверхностям. Отсутствие технических терминов для производства повозок и колес как в арабском, так и в новом персидском языке, который записывался арабским шрифтом, а также чрезвычайно редкое упоминание колесных транспортных средств в исламских текстах, подтверждает тот факт, что отказ от колеса произошел в основном до арабских завоеваний VII в. (Bulliet, 1975: Chs. 1, 3–4).

В хронологические рамки данной главы не входит детальное рассмотрение предположения о том, что отказ от колеса являлся результатом внутрихозяйственных подходов к использованию дорогих, способных находить себе корм в пустыне верблюдов вместо буйволов или мулов, и преднамеренной (но лишь частично подтвержденной) склонности арабских верблюдоводов продавать, сдавать внаем или самим использовать своих верблюдов для любых видов перевозок на дальние расстояния и, таким образом, подавлять конкуренцию со стороны владельцев колесных повозок. Однако это предположение достойно упоминания, поскольку постепенный захват арабами первенства в транспортной системе на Среднем Востоке в доисламские века подготовил ступень как для более поздних завоеваний, так и для последовавшего за ними расцвета торговли и путешествий. Халифат, созданный последователями Мухаммеда, не только политически господствовал

на огромном пространстве от Португалии до р. Инд, но и с самого начала своего существования, учитывая возраставшую склонность арабов к странствиям, всемерно способствовал расширению связей между своими отдаленными провинциями.

Способы перевозки грузов с помощью животных в исламском мире до XII в. были везде примерно одинаковы. Вьючные седла для верблюдов и ослов были недороги и удобны. В частности, седла для верблюдов сохранили черты своего арабского происхождения повсюду – от Марокко до Афганистана. Только в Центральной Азии арабское влияние оказалось некоторым образом ограничено (*Bulliet*, 1975: Ch. 5). Вероятно, еще до принятия в Иране ислама одногорбые аравийские верблюды быстро вытеснили там местных двугорбых верблюдов, но холодные зимы в Центральной Азии оказались для них совершенно неприемлемыми. Грузы, перевозимые по Великому шелковому пути из Месопотамии к р. Окс (Амударья) на одногорбых верблюдах, в торговых центрах Трансоксании перегружались на двугорбых верблюдов, которые и проделывали остальную часть пути по бассейну р. Тарим и далее на юго-восток через провинцию Ганьсу до Северного Китая. Седла для двугорбых верблюдов полностью отличались от аравийских седел и были разработаны на основе независимых технологических традиций.

Исчезновение колесных повозок и распространение перевозок на верблюдах оказало сильное и разноплановое воздействие на хозяйственную и социальную жизнь (*Bulliet*, 1975: Ch. 8). Дороги обычно представляли собой ухабистые тропы, а не ровные, и тем более мощные, поверхности. Некоторые преграды, которые повсеместно препятствовали движению колесного транспорта, такие как ущелья, крутые склоны, деревья и крупные валуны, можно было легко обойти или преодолеть колонной по одному, и вьючные животные могли добраться до любого селения. С другой стороны, реки, хотя в этой засушливой зоне они встречались и не часто, являлись серьезным препятствием и для вьючных животных, и для повозок. Поэтому нет ничего удивительного в том, что возведение мостов, равно как и строительство караван-сарая для ночевки при переходах между городами, являлось признаком сильного правления (илл. 13, 184, 241, 242).

Для обслуживания караванной торговли в Центральной Азии возникла специфическая отрасль, которая в начале нового времени исчезла почти бесследно. Это – выведение гибридной породы верблюдов путем скрещивания одногорбого и двугорбого видов (*Bulliet*, 1975: Ch. 5). Гибрид, называвшийся на арабском *бахт* (*bukhti*), был необычайно крупным и сильным, сравнительно хорошо переносил холода и был способен перевозить значительно больший груз. Однако потомство двух *бахтов* было слабым, поэтому каждый раз приходилось проводить новое скрещивание, как это делается и в случае бесплодных мулов, т.е. гибрида лошади (кобылы) и осла (самца).

Караванные пути обычно пролегали через пустыни или по их краям. Многие из них, в дополнение к Великому шелковому пути через Центральную Азию и Северный Иран, шли параллельно рекам Тигр и Евфрат в Месопотамии; по путям паломников в Аравии на запад и на восток от Евфрата до Мекки, а также на север и юг вдоль гор провинции Хиджаз из Сирии в Йемен; по пути вдоль Нила с южным ответвлением, пересекавшим пустыню вокруг Асуана в направлении Суданского пояса в Африке к югу от Сахары, и путь через плато Северной Африки из Туниса в Марокко.

Пути через Сахару представляли особую проблему. Ученые существенно расходятся во мнениях по поводу торговли в Сахаре. Некоторые историки, полагаясь на письменные источники, придерживаются мнения, что верблюды не появлялись в Сахаре до времен Римской империи и считают, что эти животные попали туда с севера. Однако технические данные свидетельствуют о том, что верблюды

на самом деле распространились в Сахаре значительно раньше, и начиналось это распространение вдоль южного края пустыни, а также по центральным плато и горным массивам (*Bulliet*, 1975: Ch. 4). Хотя вьючные седла, встречаемые в Сахаре, арабские по конструкции, верховые седла, применяемые там же, совершенно иные, они значительно рациональнее, и аналогов им нигде больше нет. В частности, эти седла никогда не использовались племенами северных частей Сахары. Хотя, судя по всему, они по способу изготовления идентичны северным аравийским седлам, однако эти верховые седла из Сахары явно непригодны для перевозки поклажи. При этом очевидно, что их конструкция претерпела длительный период развития в изоляции от иных традиций изготовления седел и от потребности, наблюдаемой повсеместно в других местах, – создавать седла, которые могут применяться равно как для перевозки грузов, так и для верховой езды. Это условие наилучшим образом согласуется с предположением, что распространение верблюдов в Южной Сахаре шло без ориентации на перевозку грузов, за которым последовало постепенное проникновение их на север.

Если следовать этому предположению, то представляется вероятным, что весьма интенсивная транссахарская торговля получила развитие только в исламские времена, особенно после восстаний против центральной власти халифата, начавшихся в 740 г. н.э. Новые торговые пути первоначально концентрировались на западе (Марокко, Мавритания, Мали), вдали от оставшегося еще от халифата аванпоста в Тунисе, но после покорения малых североафриканских государств Фатимидами (династия халифов-исмаилитов. – *Прим. ред.*) в начале X в. гораздо большую значимость приобрели центральные пути от северной излучины р. Нигер в Тунис и Триполитанию. При определенной ясности того, что все эти пути были проложены купцами с севера, которые имели контакты с рынком золотого песка, рабов и других товаров из областей к югу от Сахары, остается невыясненной роль народов южной части Сахары, особенно в налаживании поэтапного обмена южносахарской соли на сенегальский и нигерийский золотой песок, обмена, который (учитывая тот факт, что спрос на соль существует всегда), вероятно, предшествовал открытию маршрутов через Сахару (илл. 259).

Поскольку все товары перевозились вьючными животными, выделение отдельных их видов заметно исказило бы общую картину перевозок. Достаточно сказать, что при дальних караванных перевозках отдавалось предпочтение дорогим, компактным товарам, таким как драгоценные металлы, пряности, дорогие ткани и произведения искусства. При этом многие караваны вели торговлю на всем протяжении пути, закупая продовольствие в тех городах, через которые они проходили. Это в меньшей степени было присуще зимним караванам, следовавшим через практически безлюдный бассейн р. Тарим, или караванам, которые передвигались через малонаселенные пустыни Аравии и Сахары. Однако, несмотря на распространенное представление о караване в пустыне, большая часть дальних торговых путей проходила через густонаселенные сельскохозяйственные земли со сравнительно короткими пустынными промежуточными участками. Роль дальних караванов в поддержании регулярных торговых контактов и передаче новостей между соседними крупными и мелкими пунктами на маршруте весьма важна для общего понимания существовавшей транспортной системы.

Предполагается, что стоимость наземной вьючной перевозки была сравнительно высокой, правда, достоверных данных слишком мало. В любом случае, малое количество водных путей во внутренних частях материков, бесплодные местности вокруг большинства морских портов, не дававшие возможности таким портам обслуживать большие регионы, и отсутствие колесного транспорта в значительной мере ограничивали возможную ценовую конкуренцию.

Очевидно, цены на товары, привозимые издалека, значительно превосходили цены в местах закупок товаров, однако существенная часть этой надбавки создавалась не самой по себе стоимостью перевозки единицы товара. С учетом малой скорости передвижения каравана верблюдов – обычно около 30 км в день – кушцы, занимавшиеся торговлей на дальние расстояния, вынуждены были ждать месяцы, если не годы, доставки товаров, в которые они вложили свои средства, или же ждать возвращения с выручкой своих отправившихся торговать партнеров. Цена, по которой они в конечном итоге продавали свои товары, включала не только стоимость перевозки (затраты на животных, погонщиков, продовольствие, охрану, убытки от порчи товара, мелких краж и т.п.), но и возможные издержки, связанные с краткосрочными сделками или менее рискованными вложениями, которые предпринимал купец в надежде на получение большей прибыли.

Европа

В начале рассматриваемого периода экономика Европы находилась в упадке, сопровождавшем падение Западной Римской империи, и в течение последующих четырех веков значительных успехов она не добилась. Римские города превратились в сравнительно небольшие поселения. Деньги в значительной степени вышли из употребления. Земледельцы ориентировались больше на обеспечение собственного пропитания и поставку сельскохозяйственной продукции местным правителям, чем на рыночную торговлю. Малые размеры государств, языковая разобщенность и привязанность земледельца к его наделу или к господину препятствовали дальним перемещениям людей и товаров. Вдобавок, большая часть территории Европы была покрыта густыми лесами и изрезана реками. Все еще использовались немногие качественные дороги, построенные римлянами для связи разных частей империи и передвижения войск (в основном – пешим порядком) (Forbes, 1965: pp. 161–164).

Вместе с тем Европа унаследовала давнюю традицию использования колесного транспорта. Хотя самые ранние изображения колесных повозок появились со Среднего Востока, археологические находки колес и повозок в Северной Европе, а также на равнинах Восточной Европы, относящиеся еще к доисторическому периоду, указывают на применение усложненных новых видов колесных повозок, не имевших прямых аналогов со средневосточными моделями (Piggott, 1983). По-видимому, эта транспортная традиция относится скорее к обозначению социального статуса, чем к торговле. От Скандинавии до Памира и Тянь-Шаня встречаются доисторические наскальные схематичные изображения повозок и запряженных животных, но всегда без груза, и много повозок было обнаружено в захоронениях знати.

Более того, Европа унаследовала от классической античности отношение к колесным транспортным средствам, близкое к религиозному. Описание состязания колесниц в память о смерти Патрокла в «Илиаде» является самым древним, свидетельствующим о традиции проведения подобных мероприятий, которая продолжилась и во времена Рима, приобретя особое значение на византийском Востоке. Не стоит недооценивать и тот факт, что, согласно мифам, языческие боги классической античности обычно ездили в колесницах. Как и в Древнем Риме, колесница, хотя и перестала выполнять военную функцию, тем не менее служила транспортным средством, на котором триумфатор-военачальник торжественно проезжал по улицам, облаченный в красные одежды, подобно статуе Юпитера на Капитолийском холме. Аналогично этому германская традиция объявляла франкских королей династии Меровингов в VIII в. использовать фургон, запряженный

волами, в случаях, когда им требовалось куда-либо ехать. Что-то иное считалось ниже королевского достоинства (Haupt, 1986; p. 189).

Таким образом, средневековая Европа унаследовала определенную культурную традицию применения колесного транспорта наряду со слабыми экономическими стимулами для его развития. Тем не менее термины, использовавшиеся в латинских средневековых текстах, – *biga* (колесница, запряженная парой), *carpentum* (двухколесная повозка), *carrus* (телега), *essedum* (дорожный экипаж – у римлян), *vehiculum* (повозка, экипаж) и другие сохраняют архаичный словарный романский базис и свидетельствуют о несколько большем, чем просто о том, что повозка имела два или четыре колеса и, следовательно, могут заключать в себе некоторые технические новации (Haupt, 1983: pp. 194–195).

Одноосные повозки являлись, безусловно, наиболее распространенным видом транспорта, но служили скорее для перевозки пассажиров, чем грузов. Крепление и уравновешивание тяжелой или громоздкой поклажи, например камней для строительства собора, непосредственно над осью такой повозки было делом довольно сложным, а невыполнение этого условия осложняло задачу людей по перевозке груза. Четырехколесные повозки, или телеги, были значительно более устойчивыми, но такой повозкой было трудно управлять, особенно на поворотах. Несмотря на то что передняя ось поворачивалась на центральном шкворне, требовался очень большой радиус поворота телеги, так как поворот передней оси был ограничен самим корпусом повозки, в который в пределе упиралось колесо. Разные варианты решения этой проблемы имели и различные недостатки. Поднятие корпуса повозки выше уровня колес делало всю тяжелую конструкцию весьма неустойчивой. Сужение корпуса при максимальном увеличении длины оси на ширину, какую допускали дороги, уменьшало полезный объем перевозимого груза. Применение колес малого диаметра, с тем чтобы при повороте оси они свободно проходили под корпусом, вызывало увеличение нагрузки на сами колеса, особенно на неровных поверхностях (илл. 7, 8).

Различные типы поворотной передней оси использовались в разных регионах, но хронология и места появления таких усовершенствований остаются невыясненными (Haupt, 1986: pp. 191–194). Тип городских улиц с недостатком пространства для поворотов позволяет предположить, что поворотные передние оси использовались, возможно, уже в начале XIII в., однако впервые подробное описание такого устройства было дано в военном руководстве XIV в.

С проблемой управления повозками связан и вопрос о том, как корпус повозки крепился на колесной базе. Постройка корпуса в виде отдельной конструкции могла привести к идее о том, как обеспечить поворот колес и как сделать поездку более комфортной (Wackernagel, 1986: pp. 197–205). Одно из таких усовершенствований заключалось в установке арок над корпусом повозки, на которые накладывалась матерчатая или жесткая крыша для укрытия пассажиров от стихийных невзгод. Другие идеи направили разработчиков повозок на путь, который постепенно привел к изобретению рессорной подвески корпуса.

Дороги, вне зависимости от того, были ли они вымощены булыжником (что являлось обычным при обустройстве городов, начиная с XII в.), камнем (как на сохранившихся римских дорогах) или же просто были относительно ровными немошеными земляными, песчаными или щебеночными, вызывали огромные неудобства для пассажиров двух- или четырехколесных повозок без рессор. Имеется свидетельство, датированное не позднее чем 1000 г., о наличии повозок с подвесным гамаком или креслом на металлических крюках, закрепленных на приподнятых стойках, установленных спереди и сзади корпуса. Это было не слишком практично для одного седока, но уже в конце рассматриваемого

периода появилась конструкция, обеспечивающая подвеску на крюках самого корпуса повозки, который мог свободно качаться над колесами, испытывающими толчки при езде. Из этого позже возникла идея применения ресор в подвеске.

Заметим, что по истории колесного транспорта в Южной Европе было предпринято сравнительно мало исследований. Хотя можно предполагать, что в ней развитие происходило параллельно с развитием транспорта в Северной и Восточной Европе, некоторые данные свидетельствуют о разных традициях в крайне важной сфере — в использовании упряжи. В 1962 г. Л. Вайт-младший (White, 1962)¹ опубликовал серьезную работу, в которой предложил считать начало использования хомута и сбруи с грудным ремнем наряду с прочими техническими новшествами ключевым элементом в деле возрождения экономической активности в Европе. Ременная шейно-подпружная сбруя времен классической античности была предназначена для того, чтобы повозку тянули животные в парной упряжке. Поскольку лошади держат голову выше, чем быки, и не имеют точек возможного упора для упряжи на спине, аналогичных выступающим грудным позвонкам быков, то единственным способом крепления дуги оставалось привязывание ее вокруг шеи и груди лошади (илл. 6, 7, 8). Этот способ крепления приводил к тому, что точка приложения усилия тяги размещалась на шейных мускулах лошади, а не на ее скелете, и потому основным фактором, ограничивающим усилие тяги животного, была не сама его сила, а вероятность того, что лошадь начнет задыхаться. Новые упряжи (рис. 6) присоединялись к оглоблям или постромкам, проходящим от корпуса повозки вдоль боков каждой лошади, что смещало точку приложения усилия тяги на плечи животного (хомут) или его грудь (грудной ремень), что позволяло максимально эффективно использовать его силу. Вайт приводит аргументы в пользу того, что эти новые упряжи, появившиеся в VIII в., позволили быстрее вести вспашку, пахать более плотные почвы и перевозить более тяжелые грузы.

Мнение Вайта вызывает вопросы о том, откуда появились эти новые упряжи и когда точно они были созданы. Он и другие исследователи приводят доводы, часто лингвистического порядка, в пользу того, что проникновение такого типа упряжи происходило в эпоху Меровингов через Центральную Азию из Китая, где эффективная упряжь для одного животного появилась значительно ранее (Haudricourt, 1948: p. 61; Needham & Ling, 1965: pp. 243–253, 303–328).

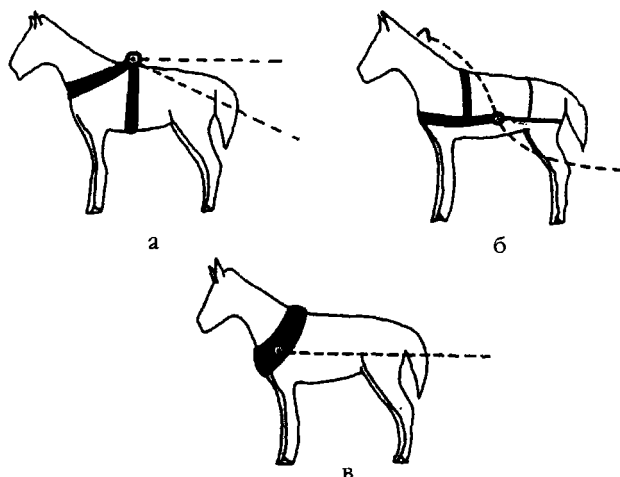

Рис. 6. Три основных типа лошадиной сбруи: (а) шейно-подпружная сбруя (времена западной античности); (б) грудной ремень (древний и ранний средневековый Китай); (в) хомут с войлочной подбивкой (поздний средневековый Китай и средневековая Европа) (по книге Needham, J., Science and Civilization in China, Cambridge, 1952)

Однако имеются свидетельства независимых разработок эффективных сбруй указанных типов (с грудным ремнем и хомутом) еще в римском Тунисе и Триполитании. Плуги, которые тянули одиночные верблюды (и, возможно, лошади) в такой сбруе, и одиночные лошади в хомутной упряжке, запряженные в двуколки, изображены на североафриканских барельефах и светильниках III и IV вв. до н.э. Кроме того, имеется письменное упоминание о двуколке, в которую запряжен верблюд (Bulliet, 1975, pp. 192–202; Dencauwe, 1986: p. 152, figs. 12–13). Более того, такие же способы сохранились и в наши дни в оазисах южного Туниса и на п-ове Кап-Бон.

Вопрос о том, могла ли эффективная упряжь проникнуть отсюда на север, в Южную Европу во времена поздней Римской империи, возникает на основании лингвистических соображений (Bulliet, 1975: pp. 202–208). Испанский, португальский, итальянский, мальтийский языки и современная арабская речь в ряде достаточно изолированных оазисов южного Туниса содержат ключевые термины и слова, касающиеся упряжи грудных ремней и кнутов, по-видимому, имеющих общее романское происхождение. С другой стороны, во французском языке и провансальском диалекте присутствуют существенно иные термины. Даже если предположить, что беженцы во времена христианской реконквисты в Андалусии принесли эти термины в южный Тунис, сложно объяснить, почему, например, слово *каппита* (латинское *carretta*) в арабском языке используется только в оазисах, а в остальных частях Туниса — нет. Более правдоподобно предположить, что такое слово постоянно использовалось на данной территории, но это подразумевало бы общую зону применения подобной упряжи, происходящей из позднего Рима, связывающую Тунис и Триполитанию с северным побережьем Средиземного моря. А это, в свою очередь, подразумевало бы более раннее знание и иной источник появления эффективной упряжи в Европе, возможно, включая проникновение ее в Северную Европу в эпоху правления Меровингов.

Из предшествующего обсуждения видно, что вопросы, сопутствующие принятию эффективной упряжи и ее воздействию на Европу между 600 и 1492 гг. н.э., остаются неразрешенными. Но если рассматривать сами транспортные расходы, то, в отличие от стоимости пахоты, весьма сомнительно, что лучшая упряжь могла привести к значительным изменениям в их объемах в начальные века рассматриваемого периода, когда города были небольшими, дороги — плохими, а объемы торговли были невелики. В этих условиях, вероятно, вполне объяснимо, что все улучшения яснее проявились на пассажирских транспортных средствах, чем на грузовых.

В рассматриваемый период наземным путем в Европе нельзя дать однозначную характеристику. Сеть римских дорог, многие из которых оставались в приличном состоянии, связывала основные пункты определенного региона, но объем грузоперевозок был низок — по некоторым оценкам около 1000 тонн в год в конце периода (Forbes, 1965). Однако были очень популярны маршруты, по которым передвигались паломники; к ним относились несколько путей через Францию в крупнейший паломнический центр Западной Европы Сантьяго-де-Компостела в Галисии, на северо-западе Испании, и пути, которые сходились в Риме и Константинополе. В целом картина разнообразного дорожного движения с конными всадниками, пешими путниками с тюками или тачками и колесными повозками, чаще двигавшимися группами и останавливавшимися в примитивных постоялых дворах после дневного перехода в 30–50 км, представляется вполне реальной для различных регионов Западной Европы. Далее к востоку имеет серьезное археологическое подтверждение такой важный маршрут, как протяженный путь от Балтийского моря в исламские земли вокруг Каспийского моря. Однако о торговцах, двигавшихся по этому пути, и типах транспортных средств известно крайне мало.

КИТАЙ И ИНДИЯ

Подобно тому как многочисленные данные о временах римского владычества затегают развитие транспорта в Европе в течение последующих столетий, так и дискуссии о наземном транспорте в Китае и Индии обычно сосредоточиваются на более ранних периодах. Двухколесные повозки применялись в Китае еще в XIV в. до н.э. Древние идеограммы, находки в захоронениях и рисунки показывают, что они были весьма похожими на современные им повозки из Центральной Азии, Европы и Среднего Востока (*von Dewall*, 1986: pp. 168–186); *Needham & Ling*, 1965). На всех изображениях показаны от двух до четырех лошадей, запряженных с помощью ярма в повозки на колесах со спицами. Ввиду этого сходства и отсутствия более древних находок или изображений цельных или составных колес, обычно полагают, что китайцы переняли такие повозки из Центральной Азии.

Однако к началу правления династии Хань в III в. до н.э. в устройстве упряжи произошли большие изменения. Одно среднее дышло и ярмо, распространенные ранее, были заменены парой оглобель, идущими от повозки по бокам одной лошади и поднимающимися к дуговому соединению, расположенному поперек спины животного. Тяга передавалась через грудной ремень, прикрепляемый к оглоблям. Таким образом, изобретение эффективной упряжи в Китае произошло за несколько столетий до того, как аналогичные разработки, рассматривавшиеся выше, получили распространение в Европе и Северной Африке.

Начиная с этого времени и до XIX в. в китайских транспортных средствах произошло сравнительно мало изменений. Возможно, из-за раннего изобретения эффективной конской упряжи для одного животного китайцы явно предпочитали двуколки фургонам и поэтому не имели проблем, возникавших с четырехколесными повозками, запряженными несколькими животными. Поскольку такие важные разработки, как рессорные подвески, поворотные оси, тормоза и сложная упряжь (а также улучшение дорог, которое требовалось для перевозки более тяжелых грузов) в большей степени связаны с применением фургонов, чем двухколесных повозок, то можно сделать вывод, что в Китае значительно раньше наступило устойчивое состояние с транспортом, что помешало дальнейшим нововведениям. Исключением из этого общего вывода служит область применения колесных тачек. Хотя хронология здесь, вероятно, не точна, все же можно предположить, что в Китае было разработано много сложных конструкций тачек (илл. 9а, 9б). Любопытно, что не наблюдается никаких связей между китайскими тачками и менее совершенными европейскими, и само по себе широкое использование тачек мало известно в мире, включая Центральную Азию.

Великий шелковый путь из Пекина через провинции Ганьсу и Синьцзян (бассейн р. Тарим) позволяет сравнить перевозку на двухколесных повозках и на вьючных верблюдах. Такие повозки, иногда запряженные верблюдами, в большинстве случаев перевозили пассажиров на участках пути, контролируемых китайцами, а некоторые центральноазиатские пастухи таким же образом перевозили свои юрты (илл. 185), однако тяжелые грузы обычно на всем протяжении пути до Пекина перевозились на двугорбых вьючных верблюдах. Важность этого торгового пути и ценность товаров, перевозившихся по нему, подтверждается в самых первых веках рассматриваемого периода (династия Тан – VII–X вв.) множеством керамических фарфоровых фигурок вьючных верблюдов (покрытых глазурью и без нее), обнаруженных в захоронениях (*Bulliet*, 1975: pp. 161–170, pp. 209–213; *Hdusler*, 1986: pp. 139–152). Представляется очевидным, что в то время, как на Среднем Востоке и в Северной Африке вьючные верблюды были более эффективны для перевозки тяжелых грузов, чем двухколесные повозки, но без легкого доступа к местам выпаса скота

в пустыне (каковые имелись в засушливых местностях), большая часть Китая была слишком удалена (и при этом имела слишком теплый климат), чтобы было экономически целесообразно использовать животных, разводимых в Монголии (илл. 13).

В любом случае, перевозка тяжелых грузов на широких китайских заливных равнинах основывалась на использовании каналов, а не дорог, как будет показано ниже. Маршруты перевозок формировались в направлении перемещения грузов к таким каналам и от них, а также к крупным морским портам на китайском побережье и от них в полосу прибрежной торговли.

В Индии колесные повозки существовали еще в III тысячелетии до н.э. и делались по образцу двухколесных повозок, присущих Индской цивилизации, рассчитанных на запряжку буйволами. Ко времени арийского владычества в Индии во II тысячелетии до н.э., когда появились древнейшие литературные произведения ариев – веды, в которых рассказывается больше об ариях – вновь прибывших носителях индоевропейских языков, чем о ранее жившем населении, относится появление более легких повозок, особенно повозок типа боевых колесниц. Все эти повозки, рассчитанные на индийских зебу (горбатых волов) или лошадей, характеризовались наличием двух животных в яремной упряжи (*Gail*, 1986: pp. 153–167). Главное отличие просматривается на изображениях двухколесных воловьих повозок в начале рассматриваемого периода; близок к ним и тип повозок с полурессорной подвеской, не встречаемый в других регионах и находивший применение в новое время. Не известно, когда точно было разработано это усовершенствование подвески. Вьючные быки использовались для перевозки зерна также и в период, предшествовавший новому времени.

Потребность в эффективной упряжи для лошадей никогда не возникала, поскольку в Индии лошади всегда были редкостью, и распоряжалась ими в основном армия. От колесниц постепенно отказались, так как появление кавалерии сделало их неэффективными в военном отношении. Много позже иллюстрации в манускриптах со сценами сражений из эпоса «Махабхарата», часть из которой («Бхавагадгита») изображает бога Кришну, правящего колесницей, показывают, что художники не имели представления о том, как колесница выглядит на самом деле.

Другим индийским нововведением в области транспорта, относимым ко времени после 1000 г., является применение одногорбого верблюда (*Bulliet*, 1975: pp. 153–156; 188–190). На фризе XII в. из Мандора на северо-западе изображены как вьючные верблюды, так и двуколка с запряженным верблюдом². Двугорбые верблюды, вероятно, происходили из Афганистана и были хорошо известны на северо-западе Индии в качестве вьючных, верховых и тягловых животных. Однако одногорбые верблюды Бельуджистана (историческая область в Азии, на юго-востоке Иранского нагорья. – *Прим. ред.*), в конце тысячелетия переместившиеся в регионы, которые в настоящее время относятся к Южному Афганистану и Пакистану, составили конкуренцию своим двугорбым родственникам. Перевозки на двугорбых верблюдах постепенно прекратились, и одногорбые верблюды, лучше приспособленные к жаре, стали привычным видом вьючных животных во всей Северной Индии. Двухколесные же повозки, в которые запряжены верблюды, и в настоящее время являются вполне конкурентоспособным видом транспорта для перевозки грузов в некоторых частях Пакистана и Индии.

Основные пути в Западной Индии соединяли долину Инда с Афганистаном и, вероятно, с Великим шелковым путем через долину р. Кабул на севере, а также с Ираном через г. Кандагар на юге (*Schwartzberg*, 1978: plates III.C.5a, III.D.4, IV.3e). Из Пенджаба или верхней части долины Инда главный путь вел на восток по окраине обширной пустынной и полупустынной равнины Тар, соединяя этот регион

с Доабом – долиной рек Ганг и Джамна. Далее пути шли параллельно обеим этим рекам до самого Бенгальского залива. Другой путь, проходивший по южной окраине пустыни, соединял долину Инда с территорией современного штата Гуджарат и западной частью плато Декан. Однако крутые склоны Западных Гат за прибрежной равниной усложняли движение в направлении восток–запад по плато Декан. Основные маршруты во внутренние территории плато Декан и к портам на восточном побережье из Доаба проходили южнее.

Мало что можно сказать о характере движения и о товарах, перемещавшихся по данным путям в рассматриваемый период. Разделенная, как и Европа, на множество мелких государств и подвергавшаяся нападениям извне сначала со стороны арабских мусульман, захвативших нижнюю часть долины Инда в VIII в., а затем и более разрушительному нашествию турецко-иранских завоевателей из Афганистана, Индия переживала сложный и бурный период своей политической истории. Тем не менее торговые пути в исламские земли на северо-западе особенно процветали после установления мусульманского Делийского султаната на севере Индии в конце XII в.

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ

Интенсивные португальские и испанские морские путешествия примерно за полвека обеспечили Европе связь с остальным миром; их первая кульминация соответствует прибытию Христофора Колумба в Новый Свет в 1492 г. и высадке Васко да Гамы в Индии в 1498 г. Первая из этих дат соответствует также концу рассматриваемого периода, поскольку символизирует поворот в мировой истории, ознаменовавшийся окончанием тысячелетней изоляции Европы после падения Римской империи и началом активного взаимодействия с остальным миром.

Тем не менее было бы ошибкой рассматривать эти важные путешествия европейцев как несвязанные этапы дальнего мореплавания и открытий. К сожалению, за исключением почти одновременного с этими путешествиями плавания китайского флота под командованием китайского флотоводца Чжэн Хэ, сопоставимые достижения моряков бассейнов Индийского и Тихого океанов в период 600–1492 гг. почти не оставили о себе документальных свидетельств. Хотя исторические последствия подвигов последних оказали меньшее влияние на мировую историю в целом, чем путешествия европейцев, но их мастерство, отвага, упорство и техническая компетентность заслуживают особого упоминания, несмотря на недостаток прямых исторических свидетельств.

С применением археологических и лингвистических методов датировки событий, а также по другим отрывочным сведениям ученые установили, что острова Полинезии начали заселяться после 500 г. н.э. Например, весьма вероятно, что азиатские моряки достигли о. Таити уже в XIV в. Аналогично, о. Мадагаскар заселялся мореплавателями из Индонезии на протяжении длительного периода времени вплоть до XV в. Хотя последние из упомянутых плаваний, возможно, и не требовали преодоления таких широких морских просторов, как при пересечении Тихого океана, индонезийские источники малагасийского языка свидетельствуют в пользу того, что значительное число колонистов должно было преодолеть расстояние, сопоставимое с расстоянием между Европой и Северной Америкой.

Несмотря на то что компас еще не применялся, эти полинезийские и индонезийские мореплаватели на своих небольших суденышках с балансирами и на парусных плотах оказались прекрасными навигаторами и бесстрашными искателями приключений. Парусная оснастка их кораблей, которые вместе с поплавками катамарана могли иметь длину, сравнимую с длиной европейских кораблей

эпохи Колумба, свидетельствует о длительном периоде разработок и усовершенствований и, очевидно, указывает на Индонезию как на родину шпринтовых парусов, от которых были получены остальные типы (*Bowen*, 1953: pp. 81–117, 185–211; *Hornell*, 1946). Этот традиционный тип парусов значительно отличается от треугольных (латинских) парусов западной части Индийского океана и от китайских рейковых парусов из циновок.

Таким образом, следует полагать, что в течение рассматриваемого периода островной регион от Индонезии до Гавайских о-вов имеет богатую историю (сегодня, к сожалению, утерянную) рискованных исследований, изобретений и тяги к новому опыту и истинным открытиям (*Dodd*, 1972). Хотя эта история в итоге оказалась в тени и была прервана европейской морской экспансией после 1500 г., о ней желательно помнить, чтобы предупредить появление поверхностных выводов о врожденной смелости, сообразительности или технических и научных навыках европейцев, которые осуществили эту экспансию.

Индийский океан

Плавание в Индийском океане получило развитие задолго до 600 г. н.э. Парусные суда, известные под общим названием *доху* (*dhows*), осуществляли прибрежную торговлю от Мадагаскара до побережья Восточной Африки; на южном побережье Аравийского п-ова и Ирана; много плавали по Персидскому заливу, где были установлены торговые связи с Месопотамией; вдоль западного побережья п-ова Индостан и Индии или Малабарского берега до Шри-Ланки. По-видимому, прибрежная торговля по восточному периметру океанского побережья и вдоль восточного побережья п-ова Индостан и Индии к югу от дельты р. Кришна (Коромандельского берега); через Бенгальский залив, а также вдоль п-ова Малакка до Индонезии в основном осуществлялась индийцами и индонезийцами, а не арабами и персами, которые преобладали на западных путях; вместе с тем среди торговцев и моряков в космополитическом мире торговли в Индийском океане можно было встретить представителей самых разных культур и языков. Более того, способы мореплавания были примерно одинаковыми во всем регионе.

Паруса шпринтового типа с тихоокеанских островов обычно отличаются треугольной формой с креплением паруса к брусу в нижней части. Латинские паруса, широко распространенные в Индийском океане, были также приблизительно треугольной формы, но не имели внизу крепежного бруса. При всей схожести эти типы парусов развились от разных простейших вариантов шпринтового паруса происходил от прямого (в виде равнобокой трапеции) паруса, который натягивали между двумя вертикальными шестами, а латинский – от косоугольного паруса, подвешиваемого на поперечном рее, привязанном к вертикальной мачте.

Тот факт, что эти типы парусов развивались отдельно, указывает, что мир Индийского океана и регион морей, лежащих дальше к востоку, в древние времена не составляли единого пространства мореплавания. Тем не менее к VII в. н.э. паруса китайской конструкции на индийских судах встречаются на изображениях в пещерах Аджанты в Западной Индии, а арабские торговцы начали формировать свою процветающую общину в Южном Китае. Короче говоря, раннее разделение двух регионов мореплавания к началу рассматриваемого периода было уже преодолено.

Поскольку большая часть письменных свидетельств, касающихся мореплавания в Индийском океане между 600 и 1492 гг., получена из мусульманских источников, то вполне вероятно, что роль арабов в этом слишком преувеличена. Мнение о том, что ислам являлся побудительным фактором в стимулировании морской активности, также пока не может быть признано безоговорочным.

Более вероятным представляется то, что все моряки из Индонезии, Индии, Ирана и Аравии активно участвовали в торговле как дорогостоящими товарами типа пряностей из Восточной Индии, так и товарами массового спроса, например лесоизделиями из Восточной Африки. Тот факт, что в 711 г. н.э., спустя 75 лет после начала арабских завоеваний, часть арабских войск была переправлена по морю для завоевания Синда, южной части долины Инда, характеризует мореходные навыки, грузоподъемность судов и информированность завоевателей о многообещающих целях на побережье Персидского залива. Присутствие в Ираке приблизительно в тот же период этнических групп индонезийцев, называемых на арабском языке саябиджа (*Sayabija*), подтверждает примерно тот же уровень знаний и навыков на другом краю океана. Знания такого типа, без сомнения, существенно улучшились в XIII в. после появления в регионе магнитного компаса из Китая (*Needham*, 1954: р. 247).

Таким образом, можно полагать, что в течение рассматриваемого периода прибрежные районы Индийского океана имели постоянные контакты между собой и характеризовались более или менее сходной культурой мореплавания, объединяющей моряков и торговцев из многих стран. Но это вовсе не означает, что районы, находящиеся в глубине континентов, на удалении от прибрежной полосы, поддерживали такие же активные контакты. Археологические находки в Восточной Африке не свидетельствуют о широком распространении в глубине материка прибрежной культуры суахили. Что касается Сомали и юга Аравийского п-ова, а также сравнительно малого распространения мореплавания в Красном море примерно от середины пути по нему на север, то, видимо, дело в том, что большинство бухт там располагались на бесплодных берегах. И даже если в этих регионах имелись заселенные территории, удаленные от берегов, как в исторической области Хадрамаут в Йемене и на возвышенностях Йемена, а также в Зеленых Горах (*Джебель-Ахдар*) Омана, то окружающие пустыни и горы препятствовали контактам этих районов с другими землями по суше. Иными словами, даже территории, соприкасавшиеся с системой мореплавания по Индийскому океану, сами находились в слабых связях с остальным исламским миром.

То же справедливо и для большей части Персидского залива, окруженного безводными пустынями как со стороны Аравийского п-ова и Персии, так и со стороны побережья Аравийского моря у Магранского Берегового хребта и Белуджистана. Река Шатт-эль-Араб, образованная слиянием рек Тигр и Евфрат, впадающая в Персидский залив, а также р. Инд, впадающая в Аравийское море, создавали удобные подходы к морю к обширным сельскохозяйственным регионам и, в несколько меньшей степени, обеспечивали несколько пунктов, где караванные пути заканчивались в небольших бухтах. Однако в целом, несмотря на огромную протяженность береговых линий, Восточная Африка и Западная Азия оставались ориентированными на сухопутную торговлю, даже если периодически пользовались выгодами от приобретения товаров, ввозимых энергичным и многонациональным торговым сообществом, с которым эти регионы иногда контактировали. Северо-Западная Индия в некоторой степени также испытывала на себе это разобщение между прибрежными и внутренними районами из-за пустынь и обрывистых Западных Гат, но далее на юг на Малабарском берегу внутренние земли были более заселены.

Берега Бенгальского залива, протянувшиеся до п-ова Малакка и до островов Индонезии, обеспечивали в некоторых местах более свободный доступ к сельскохозяйственным зонам в глубине материка, а также были более ориентированы на морские сообщения. Не удивительно поэтому, что черты индустриальной и буддийской культуры распространялись из Индии через острова и материковую часть Юго-Восточной Азии, но при этом не проникали по морю в западном направлении.

К сожалению, недостаток информации по ранней истории восточной части Индийского океана препятствует обсуждению конкретных дат и видов связи между разными областями данного региона.

Средиземное море

С открытием Суэцкого канала в 1869 г. люди привыкли думать о Красном море как о естественном связующем звене между Средиземноморьем и бассейном Индийского океана. В действительности регион Красного моря являлся когда-то тупиковым пространством, окруженным на севере обширными пустынями, настолько лишенными пресной воды, что несколько имевшихся там морских портов никогда не могли перерасти размеров мелких поселений. Более того, преобладание северных ветров на этой территории делало мореплавание чрезвычайно сложным для судов с той парусной оснасткой, какую они имели в период между 600 и 1492 гг. н.э.

Рассматривая Западную Азию как труднопреодолимый сухопутный барьер между торговлей в Восточном Средиземноморье и вокруг Индийского океана, вряд ли стоит удивляться существованию технических различий в средствах и способах мореплавания в этих двух зонах. Суда, плававшие в Индийском океане, обычно (хотя и не исключительно) были построены из обшивных досок, скрепленных между собой веревками из пальмового волокна, пропущенными через отверстия, просверленные в досках для этих целей. Швы затем заделывались природным битумом, широкодоступным в местах, которые сейчас называют нефтеносным регионом Персидского залива (илл. 22). Средиземноморские судостроители, наоборот, применяли для соединения досок гвозди, а в какое-то время, относящееся к рассматриваемому периоду, стали строить некоторые суда посредством обшивки досками заранее сооружаемого каркаса.

При этом к IX в. на Средиземном море (вероятно, из Персидского залива) стали появляться новые типы парусов, характерные для Индийского океана (*Bowen*, 1953: pp. 197–198). Прямые паруса античности сменили косые треугольные (латинские) паруса, и эта замена являлась, без сомнения, результатом взаимного обогащения культур, стимулировавшегося мусульманской унификацией византийского Египта и Сирии – с одной стороны и сасанидской Месопотамии и Ирана – с другой.

Но даже после появления паруса нового типа передвижение судов с помощью весел оставалось главенствующим в плаваниях по Средиземному морю (паруса служили вспомогательным двигателем. – *Прим. ред.*). Галеры применялись в качестве как военных, так и грузовых судов до XIV в., когда для торгового плавания в Северной Атлантике получили преимущественное распространение *коги* (*kogge*), неуклюжие тихоходные суда с прямыми парусами, но с вместительными трюмами (*Parry*, 1963: pp. 60–61). Грузовому судну XIV в. обычной средиземноморской конструкции, оснащено латинскими парусами, требовалась команда из 50 матросов для перевозки 250 т груза. Ког мог выполнять ту же задачу при команде численностью примерно 20 человек (илл. 23).

Тихоходные грузовые корабли ограниченной маневренности подчеркивали потребность в других – быстроходных и подвижных военных судах. Поэтому галеры с латинскими парусами продолжали преобладать при военных конфликтах в рассматриваемый период. В самом деле, военные действия и пиратство играли в истории Средиземноморья более существенную роль, чем где бы то ни было, по крайней мере до XV в. Изобилующее небольшими островами, удобными гаванями и узкими проливами, Средиземноморье являлось идеальным местом для ведения боевых действий на галерах. Боевые галеры могли выходить

с баз у берега и перехватывать торговые суда, но они не были способны находиться в море длительное время. У них были слишком большие экипажи (вместе с воинами численность людей на галере достигала 450 чел. – *Прим. ред.*), а сугубо военное назначение корабля не позволяло иметь достаточного места для хранения пресной воды.

Более поздняя концепция ведения боевых действий, в которой ставка делалась на разгром флота противника и блокирование его портов кораблями, способными находиться в открытом море в течение длительного времени, не была реализована в Средиземноморье (*Guilmartin, 1974*). В морском сражении могла быть достигнута победа, но после нее нельзя было блокировать порты, если только победитель тоже не располагал прибрежными пунктами, в которых могли базироваться его галеры. Соответственно, укрепленные гавани и береговые форты имели в истории Средиземноморья значительно большее развитие, чем где-либо. К тому же развитие артиллерийского дела в конце этого периода гораздо сильнее затронуло береговые орудия, чем морские. Экипажи галер задавали во время атаки высокую скорость движения, и это позволяло прорываться вплотную к врагу значительно быстрее, чем тот успевал перезарядить орудия после первых выстрелов на еще достаточно большом удалении. Поэтому пушечные выстрелы приберегались на самый последний момент перед соприкосновением кораблей, а потому отсутствовал стимул совершенствовать галеры в качестве носителей артиллерии, как это происходило с кораблями, плававшими в Северной Атлантике (илл. 25, 44).

Плавание в Средиземном море в начале рассматриваемого периода в основном осуществлялось в прибрежной зоне. Моряки редко ходили на большие расстояния вне видимости земли, а на время зимних штормов плавание вообще прекращалось. Хотя Средиземноморье представляется некоторым историкам и политическим лидерам своеобразным естественным центром единения культур ввиду его узости и географического единообразия окружающей суши, тем не менее в течение большей части рассматриваемого периода само море являлось основным барьером между его южной и северной сторонами, за исключением крайних оконечностей, где на Западе Испания и Марокко почти соприкасались, а на Востоке побережье Леванта обеспечивало удобную связь между Египтом и Грецией. Кроме того, в самой узкой части Средиземного моря Сицилия и Мальта создавали своеобразный мост между Италией и Тунисом.

Европейское торговое возрождение XII в., возглавляемое итальянскими прибрежными городами-государствами Венецией, Пизой и Генуей, восстановило потенциал для транссредиземноморских контактов, которые угасли после крушения Римской империи. Порты Египта, Туниса и Черного моря стали основными пунктами захода итальянских судов, а европейцы стали основными потребителями товаров, произведенных или переправляемых через

исламские страны (*Asbtor, 1983*). Эта новая эпоха грузовых перевозок отмечена разработкой *портуланов* (*портланов*), или морских навигационных (компасных) карт, подробно описывающих береговую полосу Средиземного моря и указывающих направления сторон света согласно компасу, что позволяло капитанам уверенно преодолевать большие участки открытого водного пространства. Хотя большинство дошедших до нашего времени портуланов созданы южноевропейскими картографами, сохранилось и несколько североафриканских карт, выполненных на арабском языке и относящихся примерно к 1330 г. (*Soucek, 1992*: pp. 263–265). Самые ранние европейские портуланы относятся к концу XIII в. (*Parry, 1963*: p. 101). По-видимому, это новое европейское достижение не проникло сквозь исламский мир, так как подобные морские навигационные карты оставались неизвестными в регионе Индийского океана до конца рассматриваемого периода (*Tibbets, 1992*: pp. 256–262) (илл. 122–124, 259).

В эти времена развитию средиземноморской торговли также способствовала разработка правовых основ белого партнерства в христианском и исламском обществах. Итальянское слово *камменда*, т.е. «партнерство» прямо соответствует мусульманскому *мудароба* (*Udovitch, 1970*). Оба термина обеспечивают какому-либо купцу правовое условие предоставлять капитал, с помощью которого другой купец мог бы совершить поездку за границу для закупки и продажи товаров с последующим распределением прибыли между обоими участниками предприятия. Поскольку этот тип партнерства основывается на доверии, а стоимость товаров на разных рынках было сложно заранее выяснить, то торговые связи часто устанавливались на основе личных отношений. Так, граждане городов-государств создавали товарищества и вели деловую переписку с гражданами других городов. Евреи поддерживали тесные торговые отношения с другими евреями на обеих сторонах Средиземноморья и далее, вплоть до Индонезии. Несколько позже так же стали действовать армянские и индийские купцы (*баньяс*).

Северная Атлантика

Изолированные от средиземноморского региона и жившие среди изобилия устьев рек и фьордов народы побережий европейской Атлантики и Балтийского моря, развивали свои мореходные навыки в иных направлениях. Прямой парус античных времен оставался преобладающим, но парусная оснастка стала более развитой. С другой стороны, применение весел постепенно осталось только на небольших судах. Галеры викингов VIII и IX вв. доказали, что с помощью весел и одиночного прямого паруса можно преодолевать все вызовы Северной Атлантики, и этот факт был лучше всего подтвержден плаванием Лайфа

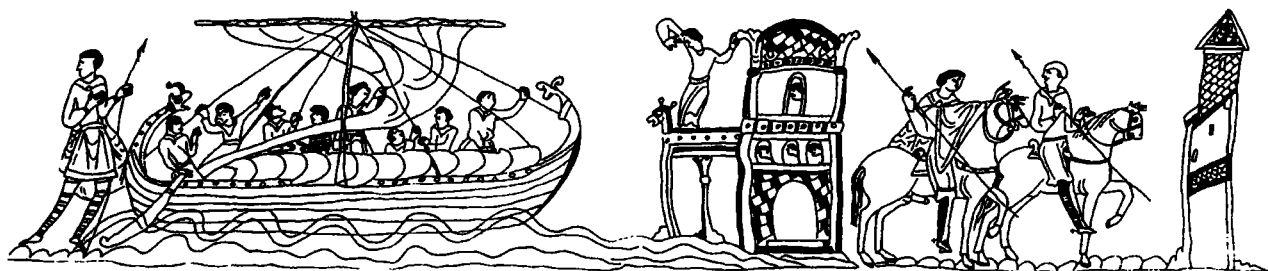

Рис. 7. Иллюстрация видов транспорта и сообщения в раннем средневековье в Северной Европе: корабль викингов, береговая сторожевая башня и гонцы на конях, оснащенных седлами и стременами ранних типов. Репродукция с ковра XI в. (уникальный ковер длиной 70 м, изображающий историю норманнских побед. – *Прим. ред.*) из музея г. Байе, Нормандия, Франция (по рис. в книге *Parrisse, M. «La tapisserie de Bayeux»*, Paris, 1983, p. 21).

Эрикссона к берегам Северной Америки в XI в. (рис. 7; илл. 20). Но общая траектория развития мореплавания шла в направлении создания более ширококорпусных судов с более высокими бортами и под прямыми парусами. В XV в. под влиянием мореходной практики Средиземноморья, к которой северные корабли вновь приобщились в предыдущем столетии, судостроители во всех частях Европы начали экспериментировать с дополнительными парусами и мачтами, устанавливаемыми на ширококорпусных судах североатлантического типа, подтверждая, таким образом, данную траекторию (Parry, 1963: pp. 62–63) (илл. 23, 24).

Причины, по которым галеры перестали применяться, нетрудно понять. Атлантическое побережье Пиренейского п-ова, Бискайский залив и Северное море не подходили для ведения боевых действий с применением галер, которые практиковались в узких морях Средиземноморья. Воды Атлантики были суровы, островов сравнительно мало, а расстояния до портов на противоположных берегах были велики. Паруса являлись совершенно необходимыми, высокие борта судов защищали от волн, а более широкий корпус давал возможность перевозить больше груза. Галере, перевозившей 250 т груза, требовалась команда из 200 чел. Для типичного же североатлантического парусного судна XIV в. требовалась команда из 20 с небольшим чел. (Parry, 1963: pp. 55, 61).

Преимущество в эффективности, полученное от создания ширококорпусных парусных судов, обеспечило повышение прибыльности оптовых перевозок товаров невысокой стоимости. Шерсть, зерно и вино явились характерными торговыми товарами в Северной Атлантике, в то время как для средиземноморской торговли были характерны пряности и другие дорогостоящие товары, хотя ни один из этих типов перевозимых грузов не исключался полностью в каждом из регионов.

Хотя конструкция судов Северной Атлантики оказалась в конечном итоге важным фактором установления владычества европейцев в Мировом океане, многие прогрессивные достижения в мореплавании, включая применение компаса и лощи были получены в этом регионе сравнительно поздно, и оба были заимствованы из Средиземноморья. Мореходные карты и таблицы, указывающие линии траверза и направления по компасу для плавания в открытом море, имелись у итальянских и каталонских моряков еще в XIII в., но были неизвестны в Северной Европе вплоть до XVI в.

Историческая важность мореплавания в Северной Атлантике возросла в течение нескольких десятилетий, предшествовавших плаваниям Колумба, которыми и оканчивается рассматриваемый период. Португальский принц Генрих Мореплаватель (ум. в 1460 г.) организовал ряд морских экспедиций к северо-западным берегам Африки (положившим начало португальской экспансии на этот материк – Прим. ред.). Распространение реконквисты (отвоевание коренным населением Пиренейского п-ова территорий, захваченных арабами. – Прим. ред.) в Африку, развившееся в виде нападений на марокканские морские порты, поддало португальцам идею обследовать побережье Западной Африки с целью открытия новых путей, которые позволили бы проникнуть в Азию в обход арабских торговцев и обнаружить их источники золота. С 1434 г., когда Жил Эаниш впервые обогнул мыс Бохадор на побережье Западной Африки, к югу от Канарских островов и лишь в 1000 милях от Лиссабона, и до 1488 г., когда Бартоломеу Диаш вернулся из плавания, чтобы сообщить своему монарху о том, что он обогнул оконечность Африки и, таким образом, открыл прямой путь для плавания в Индию, португальцы были поглощены своего рода национальной идеей, которая постепенно изменилась от цели обхода мавров до задачи обнаружить путь в Индию. Для сравнения, Испания поддерживала путешествия генуэзца Колумба, имевшего

опыт плавания на португальских кораблях в Гвинею, связанные с более рискованным предприятием. Он предполагал продвинуться значительно дальше атлантических островов, которые были достигнуты несколько десятилетий назад. Если бы Колумбу не повезло и он не столкнулся бы с совершенно непредсказуемым препятствием в виде нового, неизвестного континента, он и его люди просто погибли бы в море, как и предсказывали противники этих экспедиций.

Китайское море

В рассматриваемый период китайское мореплавание было развито весьма высоко. Джонки и сампаны, плавающие по рекам в прибрежных морских водах, представляют собой техническое явление, совершенно независимое от мореходной техники Индийского океана и Юго-Восточной Азии (Needham & Ronan, 1986: Chs. 2, 5, 6)³. В отличие от килевых индонезийских судов, называемых на малайском языке *джонг* (вероятно, отсюда и происходит название «джонка»), джонки обычно имели плоские днища и разделенный на отсеки корпус. Это последнее техническое решение в конечном итоге оказалось заимствованным европейскими судостроителями. Рули китайских джонок навешивались на массивные основания, устанавливаемые на кронштейнах посередине кормы, в отличие от *джонгов*, имевших два боковых руля. А китайские паруса четырехсторонней формы имели не только крепящие рей поверху и брус внизу, но также и ряд горизонтальных реек, скрепляющие полосы ткани или (чаще) циновок, из которых делалась паруса. Китайские суда со своими парусами, установленными на трех или более мачтах (что также переняли и в Индонезии), изумили европейцев, которые впервые попали в восточные воды, и, возможно, оказали влияние на переход к нескольким мачтам на судах в Европе. Для военных целей здесь были разработаны «башенные корабли», несшие на палубе миниатюрное защитное сооружение, а также катапульты (в противоположность продольным защитным сооружениям на кораблях), и имевшие весла наряду с парусами, позволявшие повысить маневренность (Needham & Ronan, 1986: p. 91, fig. 189).

Хотя внутренние водные пути представляются более важными для развития китайского судостроения в начале рассматриваемого периода, Китай извлек большую пользу из своих протяженных береговых линий и отличных гаваней, в которых производилась погрузка на суда зерна и разнообразных товаров, особенно во время правления монгольской династии Юань в конце XIII в. Китайские суда плавали в Японию и в различные части Юго-Восточной Азии, чему имеется подтверждение в виде детального резного изображения джонки в Анкор-Тхоме в Камбодже, датированного примерно 1185 г. Суда, построенные в Южном Китае, имели конструктивные особенности как джонок, так и *джонгов*, они были скреплены гвоздями, а не связаны канатами, и имели осевой руль, как и суда Северного Китая, однако были оснащены килем индонезийского типа (Manguin, 1993: pp. 253–280). Тем не менее китайские суда не были широко распространены в Индийском океане и, кроме того, не имеется подтверждений тому, что эти суда вели торговлю в портах Среднего Востока. Наоборот, в исламский период к северу от г. Сямьнь (Амой) в Южном Китае выросло процветающее торговое арабское сообщество Зайтун (илл. 21).

Наиболее яркие эпизоды в китайском мореплавании имеют место между 1405 и 1433 гг., когда флотоводец Чжэн Хэ по прозвищу «трижды драгоценный внук, плававший далеко на запад», совершил семь грандиозных путешествий по Восточно-Китайскому и Южно-Китайскому морям, а также через Индийский океан до Африки (Needham & Ronan, 1986: pp. 128–132).

Китайцы за многие века торговли были прекрасно осведомлены о землях вокруг Индийского океана – в основном

через посредников-арабов, но в определенной степени и благодаря самим китайским торговцам, а также путешествиям в Индию китайских паломников-буддистов. Таким образом, экспедиции Чжэн Хэ нельзя напрямую сравнивать с плаваниями европейцев через абсолютно неизвестную им Атлантику в конце XV в., однако подобные путешествия, тем не менее, демонстрируют способность китайцев преодолевать огромные водные пространства и, если на то была воля императора, оказывать влияние на заморские страны.

Китайские морские устремления стали очевидны с учреждением военно-морского ведомства в XII в. при правлении династии Сун, т.е. в период значительного экономического и технического подъема (*Needham & Ronan*, 1986: pp. 120–126). Число эскадр кораблей выросло за столетие с 11 до 12, а катапульти, стреляющие пороховыми бомбами, стали обычным торговым вооружением. На некоторых кораблях применялись только что изобретенные гребные колеса, устанавливаемые либо на корме, либо по бортам и действующие по педальному принципу; в начале XIII в. делались попытки обшивать корпус судна металлическими листами. Вскоре после прихода к власти династии Юань территориальная морская экспансия стала политической целью правителей. В 1274 г. только плохая погода помешала 900 кораблям доставить через Японское море 250 тыс. воинов для нападения на Японию. В 1281 г. 4400 кораблей предприняли вторую попытку нападения, но японцев вновь спас «святой ветер», или тайфун.

В начале XV в. при следующей династии Мин с китайских верфей сошло огромное количество новых судов. Самое крупное было длиной 135 м и шириной почти 55 м с экипажем в 400–500 человек, а также девять мачт с парусной оснасткой (*Needham & Ronan*, 1986: p. 123). Для сравнения можно упомянуть, что современная им средиземноморская боевая галера имела в длину 40 м и в ширину 5 м (*Parry*, 1963: p. 55). Тоннаж китайских кораблей был на порядок выше, чем у испанских и португальских судов, плававших в Западном полушарии и вокруг Африки. Именно такие суда составляли флот адмирала Чжэн Хэ.

В первый свой поход (1405–1407 гг.) Чжэн Хэ посетил Яву, Суматру, Шри-Ланку и западное побережье Индии. Некоторые эскадры четвертой экспедиции (1413–1415 гг.) достигли Ирана, тогда как другие плавали вокруг всех стран Ост-Индии (Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии. – *Прим. ред.*). В 1417–1419 гг. китайские эскадры достигли Кении и Сомали и привезли домой, помимо всего прочего, жирафов. Наконец, в 1431 г. последняя экспедиция, имевшая в своем составе 27 550 командиров и матросов, установила контакты с двадцатью различными королевствами и проплыла еще дальше вдоль побережья Африки (*Needham & Ronan*, 1986: pp. 132–138). Два года спустя после возвращения флота, в 1433 г., умер второй из двух императоров династии Мин, которые покровительствовали походам, а последующие императоры, следуя советам группы новых государственных чиновников, перестали обращать внимание на морские дела, сконцентрировавшись на сельскохозяйственной политике. Дальнейшие усилия в области морского дела ограничились защитой прибрежного плавания от пиратов, и Китай упустил свой шанс стать мировой морской державой.

Принимая во внимание то, что экспедиции Чжэн Хэ, в отличие от тех, которые были посланы позднее правителями Португалии и Испании, не открыли никаких не известных до того времени земель и не доставили новых сообщений о конкретных, представляющих коммерческий интерес месторождениях золота и серебра, решение отказаться от дорогостоящих морских исследований могло быть вполне разумным. Такое же решение было принято четырьмя веками ранее норвежцами, когда они отказались продолжать исследования земель на дальних сторонах Северной Атлантики.

Сравнения подобного рода позволяют увидеть случайный характер более поздних европейских экспедиций – случайный в том смысле, что европейские мореплаватели открыли огромные богатства на сравнительно раннем этапе своих совместных попыток.

ВНУТРЕННИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ

Уильям Мак-Нейл в работе, упоминавшейся ранее, отстаивает точку зрения о том, что ситуация в Евразии в целом с внутренним транспортом в рассматриваемый период была такова, что речные суда обычно являлись более эффективными и более надежными, чем перевозки по суше. А в Китае, где за несколько веков строительство каналов достигло своего первого пика еще в 605 г. н.э. с завершением Великого канала, соединившего реки Хуанхэ и Янцзы, речные суда дополнились и специальными судами для движения по каналам. Там, где существовали судоходные реки и каналы, сухопутный транспорт составлял транспортную сеть с узловыми пунктами в речных портах, служившую для сбора и распределения продукции и товаров (илл. 241, 242).

Древняя система каналов в Китае в основном следовала за ландшафтом местности. Однако инженеры династии Юань попытались решить сложную задачу строительства шлюзов, чтобы поднять Великий канал вверх по холмам, чтобы обеспечить подход к Пекину (*Elvin*, 1973: pp. 104–105). На раннем этапе решить эту задачу им удалось лишь частично, и только в 1411 г. в период династии Мин была построена система из 15 шлюзов, завершившая создание нового водного пути, который имел глубину в 13 китайских футов и ширину в 32 фута. В результате объем зерна, поставляемый в Пекин ежегодно, увеличился десятикратно.

Состояние речного транспорта существенно различалось в разных регионах, а потому с трудом поддается обобщению. В Европе имелось множество рек, и самые разнообразные суда бороздили эти водные пути. Мелкие весельные лодки, сделанные из кожи, плетеные, деревянные и даже глиняные служили в разных местах для рыболовства и перевозки небольших групп людей. Обсуждая малые суда, следует отметить, что Западное полушарие явилось родиной широкого разнообразия конструкций, зачастую совершенно новых – от кожаных каяков эскимосов Аляски до каноэ из березовой коры североамериканских индейцев из лесных областей и плотов из бальзового дерева в Перу (*Hornell*, pp. 148–175).

Некоторые из этих судов использовались для прибрежных сообщений, другие – для плавания по внутренним водным путям и озерам. К сожалению, большая часть сведений об этих перевозочных средствах поступает из более поздних источников, и поэтому о периоде до 1492 г. можно только строить предположения.

Более тяжелые грузовые суда плавали под парусами, но на них могли использоваться также весла и шесты. В некоторых регионах, особенно на Тигре и Евфрате, где движение вверх по течению легче было осуществлять не по реке, а по суше караванами, для сплава вниз обычно применялись плоты.

Деревянные платформы, прикрепленные к наполненным воздухом шкурам животных, применялись для перемещения по этим рекам еще во II тысячелетии до н.э. и в течение всего рассматриваемого периода оставались главным способом доставки грузов в Багдад и в города к северу от него (*Hornell*, pp. 26–30). Преимущество подобных транспортных средств в данном регионе или где-то еще, например, на реках, текущих с Гималаев, заключалось в том, что дерево можно было продать, а из шкур выпустить воздух и увезти вверх по течению на вьючных животных.

Наиболее развитая в мире система перевозок по внутренним водным путям была в Китае. Великий канал

позволил осуществлять перевозки риса из Южного Китая вниз по Янцзы и затем на север с выходом в Хуанхэ и последующей его доставкой в Северный Китай. Марко Поло, говоря о Янцзы в конце XIII в., отмечал, что «ценные товары привозятся и увозятся по этой реке в большем количестве, чем по всем рекам христианского мира вместе взятым, если не по всем его морям», и оценивал количество судов в нижнем течении этой реки в количестве до 15 тыс. (Needham & Ronan, 1986: p. 115).

Но и Великий канал до XV в. не являлся системой, действовавшей круглогодично. После указанной выше постройки системы шлюзов перевозка зерна в прибрежных водах на джонках, которая значительно расширилась во времена династии Юань, стремительно сократилась. Масштабы и интенсивность использования военно-морского флота стремительно последовали тем же путем, и к 1474 г. основной флот сократился с 400 военных кораблей до 140.

ДРУГИЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ

Данная глава посвящена средствам перевозок, при этом подразумевается, что всегда, когда люди путешествуют, они устанавливают определенные связи и общаются друг с другом. Однако следует заметить, что многие крупные государства создали специальные системы связи для передачи сообщений, но лишь для решения государственных задач. В исламском халифате этим средством был *барид*, и это слово выдает его романское происхождение от латинского *veredus* (*veredus*), или «почтовая лошадь». Монголы называли свою систему сообщений *ям*. Обе эти системы основывались на применении лошадей. В Индии, однако, для передачи сообщений служили гонцы; они же были в Перу у инков, где сообщение могло передаваться со скоростью до 240 км в день с передачей по эстафете через каждые 1,5 км. Нет необходимости отмечать, что подобные системы коммуникаций выполняли также роль разведывательных систем, сообщая правителям о том, что происходит в дальних частях их владений.

Другие средства связи, соответствующие этому периоду, были обусловлены разработкой примерно в IX в. техники ксилографии в Китае и способа печати с применением наборного шрифта в XIII в. в Корее. Естественно, что большая часть первых печатных работ отвечала религиозным нуждам. Большинство сохранившихся образцов из Центральной Азии являются именно религиозными текстами, так же как и в Египте, где, по-видимому, ксилография была разработана независимо примерно в то же самое время, что и в Китае. Но ко времени династии Сун в Китае печать широко использовалась для создания книг любого вида (илл. 115, 116).

Однако связь посредством писем или книг зависела от грамотности и общности языка. В Китае общность использования единой системы иероглифов для передачи в письменном виде слов, которые имели сильно различающееся произношение в диалектах разных регионов, намного облегчала такое общение и помогала объединять огромную страну в единое целое. Несколько иначе, но, тем не менее, латинский язык в Европе и арабский в исламском мире выполняли аналогичные функции. Латинский фактически являлся единственным письменным языком, представленным именно в письменной форме в Европе в начале рассматриваемого периода. Он и оставался общим языком образованных людей до конца этого периода, хотя позднее литература на местных языках стала весьма популярной. Общее хорошее владение латинским языком позволяло всем образованным европейцам общаться друг с другом независимо от различий их родных языков (илл. 117, 118).

То же самое было справедливо в отношении арабского языка для образованных мусульман, хотя этот язык интенсивно не развивался в качестве инструмента для передачи

технических знаний до VIII в. Статус арабского языка в качестве языка Корана установил его неизменную форму как первого языка для обучения детей. Это препятствовало письменной форме арабского языка следовать за его разговорными версиями, что приводило в течение столетий ко все большему различиям между ними, пока они фактически не превратились в разные языки, за исключением сохранения в них грамматического и лексического стандарта текста Корана.

Другие языки служили целям общения образованных людей более ограниченным образом. Евреи обычно писали на местных языках тех регионов, где они проживали, используя шрифт иврита. Это позволяло им пользоваться многими языками – иудейско-арабским, иудейско-персидским и т.п. – для письменного общения в форме, которая не могла быть прочитана другими людьми, что являлось особым преимуществом в сфере торговли. Армянский язык и шрифт давали армянским торговцам аналогичное преимущество.

Наконец, следует упомянуть о смешанных торговых языках, которые позволяли людям из разных земель общаться друг с другом. Такие языки, иногда называемые «пиджины» (от искаженного английского *business* – дело. – Прим. ред.), являются грамматически более простыми, чем языки, от которых они происходят. Первоначально смешанный язык (*Lingua Franca*) служил торговым языком Средиземноморья в течение всего рассматриваемого периода. Сейчас этот язык исчез, но в его основе лежал итальянский, и в него также входили слова из испанского, французского, греческого и арабского языков. Торговый язык, разработанный в Восточной Африке в течение этого же периода, назывался суахили, «язык людей побережья». Его грамматика основана на языке банту, но он содержит множество арабских слов. Островная и материковая Юго-Восточная Азия также имели в то время единый торговый язык, который был основан на упрощенной форме малайского языка. В новые времена этот язык стал официальным языком Малайзии и Индонезии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемые на общемировой основе системы транспорта и связи между 600 и 1492 г. лучше всего все-таки поддаются анализу по регионам, как это и было выполнено выше. Китай и окружающие его моря составляли единую систему, если иметь в виду большинство технических, экономических и военных вопросов. Местные наземные маршруты обслуживались системами рек и каналов при достаточно активной, но, как правило, не очень широкой морской торговле. Островная часть Юго-Восточной Азии и Полинезия, несмотря на нехватку сведений о них, по-видимому, входили в систему морских связей при пренебрежимо малой наземной составляющей. Такой вывод делается главным образом на основе технологической непрерывности и из явных свидетельств о перемещениях людей и товаров на дальние расстояния в течение рассматриваемого периода. Побережья Индийского океана аналогичным образом представляются единой системой, однако во многих ее местах по географическим причинам они были слабо связаны с землями, удаленными от берегов. Являясь космополитизированной областью с морями и пассажирами из многих стран и разных верований, в этой зоне не продолжалось развитие ни одной из культур, которые ее окружали. Но она оказывала влияние на каждую из этих культур, обеспечивая им возможность устанавливать связи друг с другом. Первоначально наземные системы сообщений включали в себя Индию, Средний Восток и Центральную Азию, а также северные и южные прибрежные зоны пустыни Сахара. Европа же может рассматриваться либо как единая система, основанная на речном и прибрежном транспорте со вспомогательной сетью дорог,

либо как две подсистемы, сконцентрированные на Средиземном море и Северной Атлантике.

Критерии, вырабатываемые для классификации всех этих структур как отдельных систем, включают существенное техническое единообразие, возможность обмена экономическими и культурными ценностями внутри данной системы и отсутствие значительных внутренних барьеров для общения, настолько значительных, что могли отделять одну систему от другой. Эти барьеры иногда могли быть природными географическими, а временами – культурными, религиозными или политическими. Без сомнения, между этими системами существовали значительные возможности для связей и обмена товарами, но это не вело к их объединению или созданию единой «мировой» системы. Межсистемные связи оставались медлительными и затрудненными, а информация об одной системе, достигая другой, рассматривалась как предмет изумления и удивления.

Тем не менее контакты между этими системами, во многом поддерживавшиеся людьми с великой технической проницательностью, постоянно рождали стимулы к разнообразным усовершенствованиям и повышению эффективности, что в конечном итоге привело к созданию сравнительно однородных транспортных систем в новые исторические времена. Латинские паруса из Индийского океана появились в Средиземноморье. Средиземноморские многомачтовые корабли, созданные вероятно, под влиянием рассказов о Китае, оказали серьезное воздействие на судостроителей Атлантики. Конструкция седел для верблюдов с Ближнего Востока стала применяться в Марокко, Индии и Центральной Азии. А эффективная упряжь для тягловых животных проделала путь от Китая до Европы.

История компаса является наиболее показательной для весьма размытой схемы технологического обмена. В 1088 г., за сто лет до самого раннего упоминания о компасе в Европе, китайский инженер и астроном писал:

«Волшебники коснулись наконечника иглы куском магнитного железняка, после чего игла могла показывать направление на юг. Но она всегда при этом слегка отклоняется на восток и не показывает точно на юг. [Ее можно заставить] плавать на поверхности воды, но тогда она довольно неустойчива. Иглу можно установить равномерно на краю ногтя или на краю чаши, где она может вращаться свободнее, но с этих жестких и гладких опор она легко упадет» (*Needham & Ronan*, 1986: pp. 9–10)

Так и чувствуется, что века наблюдений и экспериментов, проведенных китайскими учеными, содержатся в этом описании компаса. Но безотносительно к иным применениям, компас как морской инструмент четко обозначен в документах того периода, который следует непосредственно за тем, когда писался цитируемый отрывок. Долгие споры вызывал вопрос о том, попал ли компас в Европу в следующем веке через Индийский океан. Не перечисляя все аргументы «за» и «против» этой гипотезы, достаточно указать, что в данном аспекте, как и во многих иных аспектах истории транспорта до 1492 г., недостаток, неточность и отрывочность данных создают трудности, препятствующие рассмотрению предмета в целом. Таким образом, история транспорта и связи в период между 600 и 1492 гг. остается чрезвычайно важной темой, и в будущем весьма вероятно появление новых открытий и аналитических работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первым, кто поднял вопрос об изменении в устройстве упряжи как о значимом историческом вопросе, и чья подборка иллюстраций по-прежнему имеет высокую ценность, является Ричард Лефевр де Ноэтт (*Richard Lefebvre des Noëttes*, 1924, 1931).

² «Археологическое обозрение Индии», ежегодный отчет (*Archaeological Survey of India, Annual Report*) 1909–1910, илл. XLIVa, с. 98. Автор признателен профессору И. Хабибу за ценные замечания.

³ В этой работе в одном удобном для чтения томе собраны разнообразные суждения по морским вопросам, которые рассеяны в двух объемистых томах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABU LUGHOD, J. 1989. Before European Hegemony: The World System AD 1250–1350. New York, Oxford.
- ASHTOR, E. 1983. Levant Trade in the Later Middle Ages. Princeton.
- BOWEN, R. LE BARON, JR. 1953. Eastern Sail Affinities. In: *American Neptune*, Vol. 13, pp. 81–117, 185–211. Salem, Mass.
- BULLIET, R. W. 1975. The Camel and the Wheel. Cambridge, Mass.
- DENEAUVE, J. 1986. Note sur quelques lampes africaines du IIIe siècle. *Antiquités Africaines*, Vol. 22. Paris.
- DEWALL M. VON, 1986. Der Wagen in der Frühzeit Chinas. In: TREUE, W. (ed.), Achse, Rad, und Wagen: fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, pp. 158–186.
- DODD, E. 1972. Polynesian Seafaring. New York.
- ELVIN, M. 1973. The Pattern of the Chinese Past. Stanford, pp. 104–5.
- FORBES, R. J. 1965. *Studies in Ancient Technology*, Vol. 2. Leiden.
- GAIL, A. J. 1986. Der Wagen in Indien. In: TREUE, W. (ed.) Achse, Rad, und Wagen: fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, pp. 153–7.
- GUILMARTIN, J. 1974. Gunpowder and Galleys. London.
- HAUDRICOURT, A. 1948. Contribution à la géographie et à l'ethnologie de la voiture. *La Revue de Géographie humaine et d'Ethnologie*, Vol. I. Paris.
- HAUPT, H. 1986. Der Wagen un Mittelalter. In: TREUE, W. (ed.) Achse, Rad, und Wagen: fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, pp. 187–96.
- HÄUSLER, A. 1986. Rad und Wagen zwischen Europa und Asien. In: TREUE, W. (ed.) Achse, Rad, und Wagen: fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, pp. 139–52.
- HORNEL, J. 1946. Water Transport: Origins and Early Evolution, Cambridge.
- LEFEBVRE DES NOËTTES, R. 1924. La Force motrice animale à travers les âges. Paris.
- 1931. L'Attelage: le cheval de selle à travers les âges. Paris.
- LITTAUER, M.; CROUWEL, J. 1979. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden.
- MCNEILL, W. H. 1987. The Eccentricity of Wheels, or Eurasian Transportation in Historical Perspective. In: *American Historical Review*. Vol. 92, pp. 1111–26. Washington.
- MANGUIN, P. Y. 1993. Trading Ships of the South China Sea. In: *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 36, pp. 253–280.
- NEEDHAM, J. 1954. Science and Civilisation in China, Vol. II (1). Cambridge. p. 247.
- NEEDHAM, J.; LING, W. 1965. Science and Civilisation in China, Vol. 4, parts 2–3. Cambridge.
- NEEDHAM, J.; RONAN, C. A. 1986. The Shorter Science and Civilisation in China. Vol. 3. Cambridge.
- PARRY, J. H. 1963. The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration and Settlement 1450–1650. Berkeley.
- PIGGOTT, S. 1983. The Earliest Wheeled Transport: From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London.
- SCHWARTZBERG, J. E. 1978. A Historical Atlas of South Asia. Chicago.
- SOUCEK, S. 1992. Islamic Charting in the Mediterranean. In: HARTLEY, J. B.; WOODWARD, D. (eds) *The History of Cartography*, Vol. 2b, Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies, Chicago, pp. 263–292.
- TIBBETS, G. R. 1992. The Role of Charts in Islamic Navigation in the Indian Ocean. In: HARTLEY, J. B.; WOODWARD, D. (eds) *The History of Cartography*, Vol. 2b, Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. Chicago, pp. 256–62.
- UDOVITCH, A. L. 1970. Partnership and Profit in Medieval Islam. Princeton.
- WACKERNAGEL, R. H. 1986. Zur Geschichte der Kutsche bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. In: TREUE, W. (ed.) Achse, Rad, und Wagen: fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, pp. 197–235.
- WHITE, L. JR. 1962. Medieval Technology and Social Change. Oxford.

ПОЗНАНИЯ И НАУКИ

Ахмад Юсуф Аль-Хасан

РАЗВИТИЕ ПОЗНАНИЙ

Восточная Азия

Китайская цивилизация развивалась с древнейших времен. В 589 г. страна была вновь объединена императорской династией Суй (581–618 гг.), во время правления которой было завершено строительство Великого канала. Период правления династии Тан (618–907 гг.) был отмечен прогрессом в образовании, искусстве и литературе. Образование находилось под влиянием конфуцианства. В каждом округе, городе и деревне работали государственные и частные школы. В столице имелись колледжи, в которых учащиеся изучали вершины науки. Для отбора государственных чиновников прочно утвердилась система письменных экзаменов. Помимо университета была основана Императорская академия. После изобретения ксилографии появилась возможность издавать учебники, необходимые для проведения экзаменов на должности гражданских служащих и удовлетворяющие требованиям к буддийским и даоистским молитвенникам и сборникам заклинаний. Хотя это была в основном эпоха литературы, определенную научную деятельность вели буддисты, а даоисты занимались алхимией. Появились и новые религии и религиозные учения, такие как зороастризм, несторианство и манихейство.

Период правления династии Сун (960–1279 гг.) стал временем величайших культурных достижений. Традиционные взгляды конфуцианства были пересмотрены, что привело к появлению неоконфуцианства. Изобретение способа печати с наборными шрифтами позволило умножить число книг и способствовало распространению грамотности и культуры. Изыскания последователей даосизма в области алхимии привели к созданию пороха. Процветали биологические науки, увеличился объем собраний сочинений и энциклопедических трудов.

Династия Юань (монгольская) (1279–1368 гг.) оказалась менее плодотворной на культурные достижения, но империя монголов охватила громадные территории, что привело к росту числа международных контактов. Двор хана был полон мусульман и европейцев. Развитие зарубежных контактов, особенно с исламским миром, принесло новые идеи в науку и технологии, и расширились знания о мире за пределами Китая. Культурные контакты способствовали также созданию астрономической обсерватории. Однако вследствие общего снижения возможностей для применения своих знаний китайские ученые стали во все возрастающей степени находить приложение своим талантам в создании драматических произведений и романов. При этом они пользовались родным языком, и это было очень важно для развития китайской культуры (илл. 95, 96, 115, 134).

Династия Мин (1368–1644 гг.) восстановила исконную китайскую культуру. В ранние времена династии Мин

энциклопедическое движение в Китае достигло своего пика, и в 1403 г. была создана универсальная энциклопедия *Yongle Dadian*, содержащая более 11 тыс. томов. В XV в. китайский флотоводец Чжэн Хэ осуществил ряд крупнейших морских исследовательских экспедиций.

Япония начала свое развитие с приобщения к некоторым сторонам китайской цивилизации. В VI в. идеографический китайский шрифт, идеи конфуцианства и буддизма проникли в Японию через Корею. В VII в. правитель Сётоку-тайси установил прямые связи с династией Суй (илл. 128). Был совершен обмен дипломатическими представителями, и в Китай на учебу была послана японская молодежь. В 701 г. была учреждена система университетов, а в провинциях построены школы.

В 710 г. столица империи была перенесена в Нару, где начался значительный расцвет культуры. Четырежды за семьдесят лет официальные делегации, включавшие большое число студентов, направлялись ко двору китайской династии Тан. Были составлены два наиболее древних японских исторических труда – «Кодзюки» («*Kojiki*») и «*Нихон Сёки*».

В 794 г. столица вновь была перенесена, на сей раз в Хэйан. В Хэйанский период (794–1185 гг.) были изданы блестящие литературные произведения, было составлено множество исторических трудов. Однако почти все ранние произведения этого периода написаны на китайском языке.

В течение X в. развивалась подлинно японская культура, одним из наиболее значительных событий этого времени было введение собственных шрифтов и слоговой азбуки *кана*. Два варианта этой азбуки, *хирагана* (используется для собственно японских слов) и *катакана* (для записи заимствованных слов), позволили писать на национальном языке, а их изобретение стало ключевым моментом в истории Японии. Было создано множество письменных памятников уже на японском языке. Письмо *хирагана* позволило некоторым талантливым женщинам создать свои литературные работы (илл. 257).

Установление военного правления, или «сёгуната», ознаменовало начало правления военного класса самураев и окончание значимой роли аристократии. В период, когда столицей был г. Камакура (1192–1333 гг.), заморская торговля способствовала развитию новых культурных направлений, таких как проникновение дзэн-буддизма и неоконфуцианства из Китая в правление династии Сун. Китайское влияние наложило отпечаток на формирование культуры самураев, а также на повседневную жизнь Японии (илл. 14, 98, 256, 257, 258).

Корея тоже восприняла многое из китайской культуры, например китайские иероглифы, законы, конфуцианство и буддизм. Объединенное раннее корейское государство Силла (668–935 гг.) тяготело к культуре времен китайской

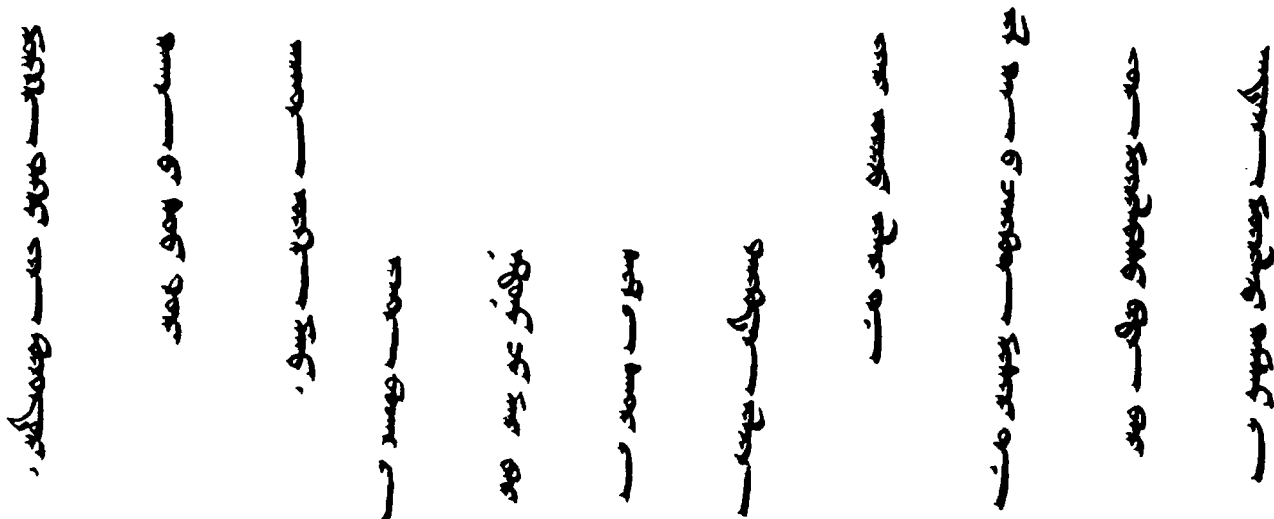

Рис. 8. Уйгурское письмо, адаптированное к монгольскому языку. Письмо от ильхана («хана-вассала») Персии Аргуна королю Франции Филиппу IV Красивому, 1288 г. (по *Mostaert, Cleaves, Woodman*, 1962; p. 105, plate 1)

династии Тан. Язык государства Силла явился предшественником современного корейского языка. Существовала вера в буддизм как в религию, а на конфуцианстве строились многие политические и этические принципы (илл. 86). В 1392 г. была основана династия Ли, а г. Ханга (современный Сеул) стал столицей государства. Этическая система конфуцианства была принята официально и заменила буддизм. Ученые-неоконфуцианцы получали государственные посты, сдавая экзамены на право поступать на гражданскую службу. Ранняя династия Ли в культурном отношении процветала. Благодаря технологии печати с наборными шрифтами, усовершенствованной в Корее в 1234 г., было издано множество научных публикаций. В 1420 г. была учреждена Королевская академия. В 1443 г. было завершено создание корейского фонетического алфавита (илл. 97, 125).

Чингисхан принял уйгурскую письменность для монгольского языка в 1204 г. (рис. 8). Тибетский язык был адаптирован для письма в VII в., а шрифт для него был разработан на основе письменности брахми.

Индия и Юго-Восточная Азия

Первые века новой эры стали классической эпохой индийской науки, славным периодом в ее истории. Период правления Харши (Харшавардханы, 606–646 гг.), получивший название Эры Харши, и последующий период до конца VIII в. явились продолжением эры Гуптов. Крупные достижения продолжали появляться примерно до 1200 г. После этого индийская наука пошла двумя путями: один явился продолжением более ранних традиций, а второй развивался в результате исламского присутствия.

Начальное образование в основном было доступно лишь высшим кастам. Изучаемым языком по большей части был санскрит (илл. 100). Высшее образование давалось в университетах и колледжах, которые первоначально были основаны буддистами, а позднее и индуистами. В Северной Индии имелось несколько культурных центров, наиболее значимыми из которых были Наланда, Валабхи и Викрамасила. Университет в Наланде был учрежден в период правления Гуптов. Слава о нем привлекала сюда даже студентов из зарубежья. Университеты и колледжи были весьма многочисленны на севере и юге страны и являлись частями буддийских монастырей или индуистских храмов. Некоторые индуистские высшие школы организовывались учеными брахманами в их собственных домах.

Индийская математика и астрономия процветали и достигли в этот классический период пика своего развития. Были созданы выдающиеся труды по медицине, алхимии и сельскому хозяйству. Появилось множество юридических текстов и комментариев к ним. Литературные произведения продолжали сочиняться на санскрите, и наблюдалось возрождение интереса к просодии (стихосложению), грамматике и лексикографии.

Санскрит и позже пракрит являлись средой обучения до появления местных языков. Сингальский алфавит является модификацией языка брахми, на котором ранее стал записываться и язык пали. Пракриты – среднеиндийские языки и диалекты – находятся между санскритом и некоторыми живущими местными диалектами Индии (илл. 101, 102). Литература на пракритах в основном известна как литература джайнизма, одной из основных религий Индии.

В XIV в. приверженцы религиозного течения «бхакти» проповедовали уже на местных языках, а не на санскрите. Одним из таких был Намдев, проповедовавший на языке маратхи – одном из основных литературных языков Индии. Религиозные проповедники других течений, такие как натх-йоги на севере и лингаиты в Карнатаке, стали пользоваться местными разговорными диалектами несколько ранее. Это привело к постепенному отходу от санскрита и пракрита и окончательному переходу на местные языки. Бенгали, хинди, гуджарати и маратхи развились как разговорные языки между VII и XIV вв. Все они принадлежат к индийской (индоарийской) группе языков. Среди семьи дравидийских языков наиболее важными являются телугу, тамильский, каннада (или каннара) и малаялам. За исключением тамильского, литература в течение рассматриваемого периода развивалась на остальных трех языках, оставаясь под влиянием санскрита (илл. 220). С XI в. языком культуры и придворных сделался персидский язык (илл. 219), и в результате современные индийские языки содержат множество персидских слов.

Индийское и китайское влияния стали проникать в Юго-Восточную Азию в первые века н.э. Наиболее заметное влияние здесь оказала индийская цивилизация. Китайское влияние сказалось только на Вьетнаме, поскольку данный регион был на много веков захвачен Китайской империей. Индийское влияние распространилось на те области, которые называют «дальней Индией» (Мьянма, Южный Таиланд, Камбоджа и Южный Вьетнам), а также на Малайю (западную часть Малайзии), восточную часть о. Суматра и северную часть о. Ява. Индийские ученые и монахи,

изъяснявшиеся на санскрите, селились в этих краях и помогали консолидировать местные сообщества в государства с четкой региональной, теократической и социальной стратификацией, которые в разные времена были либо буддийскими, либо индуистско-брахманскими. На Яве и в Камбодже, где общество выработало категорию бога-короля, ученые санскритской школы являлись частью королевского двора, но литературное творчество на санскрите было привилегией элиты общества и его результаты никогда не доходили до народа. В Мьянме индуизм так и не получил широкого признания, и по всему королевству у более открытого обучения на пали находилось гораздо больше последователей, но не при дворе, а в многочисленных буддийских монастырях, что делало это учение более доступным для народа.

Литература на местных языках стала появляться в XIV и XV вв. Вьетнамский язык стал использоваться после получения независимости от Китая в XV в.; при этом для письма использовался видоизмененный китайский шрифт. Малайский сделался литературным языком в XIII в., с принятием ислама и письменности на основе арабской, после чего обучение стало возможным для всех. В Мьянме первыми писателями были монахи, а позднее и миряне, получившие образование в их монастырях. Тайские короли Лаоса и Сиам развili свою собственную местную литературу, но в Камбодже в данный период никакой литературы на местном языке не появилось.

Исламский мир

Исламская наука вначале развилась в Юго-Западной Азии и в Египте – на территориях, которые еще за 4 тыс. лет до рождения ислама были сердцем Старого Света. Период между 622 и 750 гг. явился периодом формирования исламской науки. К середине IX в. большая часть населения была обращена в ислам. Арабский язык стал национальным языком населения большинства стран, составлявших сердцевину исламского мира, – в Сирии, Ираке и Египте, в то время как в Иране он остался только языком, на котором получали образование. Подобные вариации в степени языковой арабизации отмечались и в других регионах распространения ислама. Первыми центрами исламского обучения стали Медина и Мекка. После завоеваний VII в. во вновь построенных городах Басра и Эль-Куфе в Ираке были созданы новые учебные заведения. Когда при Омейядах двор халифа переместился в Дамаск, новая столица тоже стала важным культурным центром. Подлинно мусульманская система обучения берет начало со времени создания рукописного варианта Корана в 650 г. н.э. То значение, которое арабский язык получил как язык Корана, привело в VIII в. к изучению арабской грамматики и лингвистики. Расцвели мусульманские теология и законоведение, возникли разнообразные культурные, религиозные и философские движения. Обучение естественным наукам по-прежнему велось на греческом, сирийском языках и среднеперсидском языке (пехлеви), но именно в этот период начали выполняться переводы с этих языков.

С приходом к власти династии арабских халифов Аббасидов в 750 г. н.э. была подготовлена почва для научного возрождения и для начала второй фазы развития исламской культуры. Халиф аль-Мансур (754–775 гг.) заложил первый камень при начале строительства столицы халифата Аббасидов Багдада в 762 г. Спустя несколько лет город стал культурным центром исламской империи. При аль-Мансуре и последующих халифах достигли расцвета исламская наука и система обучения. В IX в. значительно возросло число научных исследований на арабском языке. Пришло время, когда начали выполняться многочисленные переводы на арабский язык различных трудов по естественным наукам. Массовая переводческая деятельность началась при аль-Мансуре и продолжалась около 150 лет.

Система исламского обучения распространилась во всех крупных и средних городах на востоке и на западе исламской империи, во всех регионах появились замечательные ученые. К середине VIII в. была принята система начального школьного обучения, а подобные школы, или *мактабы*, были основаны практически в каждом городе и деревне. Обучение на более высокой ступени проводилось в ранние века под руководством независимых учителей, которые вели занятия в мечетях. Система преподавания в мечетях дала начало созданию колледжей, или *медресе* (араб. *мадраса*, от *дараса* – учить. – Прим. ред.), которые стали возникать в XI в. Щедрое пожертвование обеспечивало преподавателей хорошим содержанием, а учащихся кровом, питанием и одеждой. Медресе получили распространение во всех исламских регионах. Некоторые медресе фактически являлись университетами, например медресе Муставанья в Багдаде (1234 г.) (илл. 197). Многие независимые учителя преподавали философию, астрономию, астрологию, геометрию, медицину, фармакологию, естественные науки и алхимию. Часто медицинские предметы изучались в специализированных школах при больницах, а обучение точным наукам (математике, астрономии и физике) велось при обсерваториях. Исследовательская деятельность осуществлялась в научных институтах, таких как, например, Байт аль-Хикма («Дом мудрости»), основанном халифом ал-Мамуном (813–833 гг.) в Багдаде в 830 г. н.э. При нем была астрономическая обсерватория, бюро переводов и огромная библиотека. В 1005 г. халиф ал-Хаким основал институт научных исследований в Каире. В период правления Саманидов в X в. крупным центром науки и образования стала Бухара со своей знаменитой библиотекой. Широкое распространение библиотек стало возможным благодаря развитию производства бумаги, что привело к возникновению новой профессии – *вафрак*, т.е. тот, кто работает с бумагами и копирует рукописи. Бумага получила широкое распространение во всех исламских регионах и в конце концов попала в Европу (илл. 114, 126, 130).

В Иране после VII в. язык пехлеви стал все меньше использоваться, пока совсем не вышел из употребления. Формировался новый персидский язык, но литературная деятельность на нем началась не ранее IX в. В этот период великий персидский поэт Фирдоуси (ум. около 1020–1026 г.) завершил поэтическую эпопею «Шахнаме» («Книга о царях»), в которой описал историю Персии (илл. 12, 219). К XIII в. персидский стал языком, на котором уже было создано значительное число научных и исторических трудов. Сюда относится одна из первых известных работ по географии «Пределы мира» (X в.) и труд Ибн Сины (Авиценны) «Дянишنامه» («Книга знания»).

Для турецкого языка использовался уйгурский шрифт. Однако после обращения в ислам турки Центральной Азии вслед за таджиками приняли арабский алфавит (илл. 112, 113). Турецкие литературные труды появились в XI в. Арамейский язык являлся местным языком Сирии до тех пор, пока его не вытеснил арабский. Сирийский язык остался в качестве церковного языка монофиситов. Иврит использовался в качестве литературного и литургического языка. Арабский служил языком получения образования для еврейских ученых, которые жили в исламских регионах (илл. 76–79). Арабский также стал литературным языком для народов, говоривших на берберском, и арабский шрифт стал применяться для письма в большинстве берберских языков. Коптский язык был вытеснен арабским, но сохранился в качестве литургического языка.

Африка южнее Сахары

Между VIII и XV вв. в Африке южнее Сахары существовало несколько процветающих королевств и империй. Африканские народы имели высокоорганизованные системы дальней торговли, развитое сельское хозяйство,

вели добычу полезных ископаемых и имели металлургическое производство. Наиболее выдающимися государствами в Западной Африке были суданские империи Гана, Мали, Сонгаи (империя Гао) и Канем-Борну. Некоторые из них превосходили по территории и населению государства, которые существовали в то время в Европе. Население восточного побережья континента от Африканского рога до Софалы имело прямые торговые связи с исламским миром и Дальним Востоком. Это привело к образованию прибрежных торговых городов-государств, среди которых выделялась Килва. Смещение арабов, персов и азиатов с туземным населением банту привело к формированию новой культуры суахили и нового типа народности. На Мадагаскаре также имел место симбиоз восточной и африканской культур.

В начале IV в. Аксумское царство, предшественник современной Эфиопии, приняло монофиситскую разновидность христианства. Несколько государств было создано в Центральной Африке. Наиболее значительными являлись королевство Конго на западе и империя Мвенемотапа на востоке. Имеются свидетельства наличия развитой цивилизации в этот же период на южной оконечности континента.

Построение системы образования в Африке южнее Сахары было направлено на формирование у детей ответственности за работы по дому, в деревне и в обществе. Такой подход обеспечивал религиозное и профессиональное обучение и полную интеграцию в общество. Исламская система образования, основанная на письменности, была принята на всех территориях, где распространился ислам. Были созданы начальные школы, базировавшиеся на изучении Корана. К концу рассматриваемого периода в центре исламского государства Мали г. Тимбукту имелось 180 начальных школ и знаменитый университет. Успешная экономика сделала возможным формирование в обществе образованного класса, целиком посвятившего себя богослужению и наукам. Процветала торговля книгами. В суданских университетах (в средневековом арабском языке слово «Судан» относилось ко всей полосе сахеля к югу Сахары с запада до востока) преподавали гуманитарные науки, которые включали исламские предметы, а также грамматику, риторику, логику, астрологию, астрономию, историю и географию. Суданская элита достигла значительных высот в изучении ислама. Африканская исламская литература возникла во всем Судане от побережья Атлантического океана до Красного моря. Помимо рукописных материалов богатым источником знаний и наук в Африке оставались устные предания (см. историографию ниже).

Африка является обширной лингвистической территорией, включающей не менее 1000 языков. Выделяются четыре макросемьи языков в Африке: афразийская, нигро-конголезская, нило-сахарская и койсанская. Нигеро-конголезская является крупнейшей семьей, распространенной по всей части Африки южнее Сахары. Наиболее важными языками здесь являются суахили, фула, игбо (ибо), волоф, йоруба и зулу. Языки афразийской макросемьи распространены в Северной Африке, на Африканском роге и в Юго-Западной Африке. Наиболее распространенными являются языки галла (оромо), сомали и беджа (бедауйе) из кушитской ветви; хауса из чадской ветви; арабский, иврит и амхарский – из семитской ветви, а также берберо-ливийская ветвь и коптский язык (египетская ветвь).

Языки нило-сахарской макросемьи распространены на территории от Мали на западе до Эфиопии на востоке и от Египта на севере до Танзании на юге. Язык сонгай (сонгой) является одним из наиболее значимых языков в этой семье. Койсанские языки распространены в основном на крайнем юге Африки.

Для письма применялись идеографические системы, подобные египетским иероглифам. Старая нубийская письменность, заимствованная из коптского письма, еще продолжала применяться, но в более позднем нубийском

языке уже использовался арабский шрифт. В геэзском, амхарском, тигре и тиграи (тигринья) письменность базируется на эфиопском алфавите, который сам происходит от южноарабской сабейской письменности (илл. 279). Стандартные литературные языки хауса и суахили записывались в этот период арабским шрифтом (рис. 9).

Европа, Византия и Древняя Русь

В VII в. нации Северной и Западной Европы продолжали находиться в стадии формирования, складываясь вследствие миграций народов в этот период истории. Лингвистическая и этническая карта Северной Европы стабилизировалась и начала принимать современную форму не ранее X в. В этот период церковь становится наследником Римской империи и покровителем образования, создавая и поддерживая школы. Большинство образованных людей были священниками или монахами, а все ветви знаний были подчинены богословию. Работы Исидора Севильского (ок. 570–636 гг.) и Беды Достопочтенного (672 или 673–735 гг.) являются типичными образцами научной литературы раннего средневековья. Единственной их целью было сохранить остатки унаследованных классических познаний. Ренессанс науки, начавшийся в Европе с XII в., был для нее (науки) важнее, чем более позднее возрождение классической античности в Италии. Этот ренессанс обеспечил Европу полным объемом знаний в философии, логике, точных науках, естественных (не математических) науках и медицине греков и мусульман. Понадобились

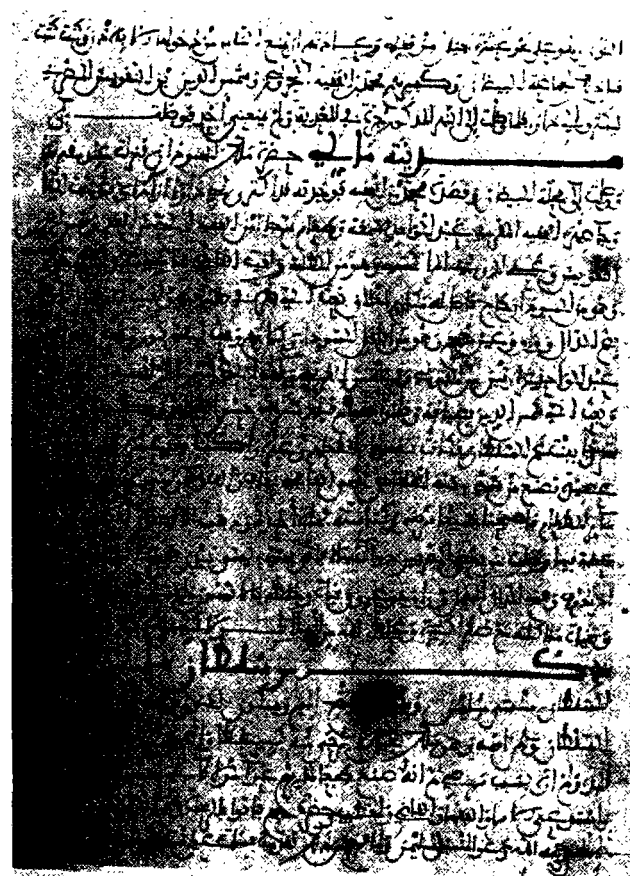
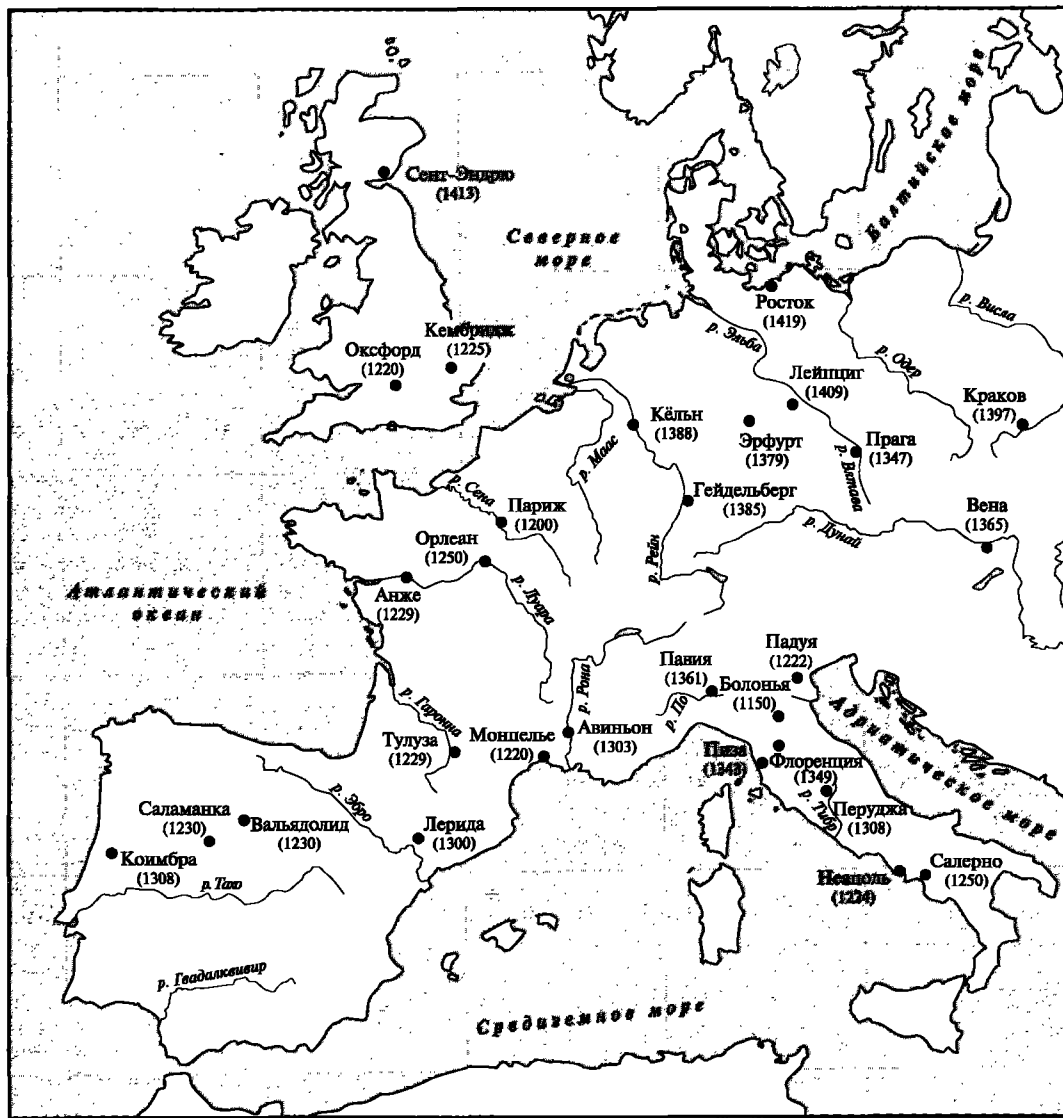

Рис. 9. Страница главы, посвященной империи Мали, из сочинения «Путешествия» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий») выдающегося арабского (марокканского) путешественника XIV в. Ибн Баттуты, написанная арабским письмом в том виде, в каком оно использовалось в Северной и Западной Африке (Национальная библиотека, Париж, отдел арабских манускриптов, № 2291–103.)

Карта 3. Распределение университетов в Европе в средние века (в скобках указаны годы основания) (по Lindberg, 1992, "The Beginnings of Western Sciences", Chicago University Press, p. 207)

лось не менее двух столетий – XIV и XV вв., чтобы впитать эти знания и на их основе начать развитие новой науки.

Массовая переводческая деятельность сопровождалась подъемом общего уровня образования на Западе. Западная Европа находилась накануне своего политического, социального и экономического возрождения, а рост численности населения и расширение урбанизации способствовали развитию школ. Школы возникали при соборах, среди них особенно заметными были школы в Реймсе, Шартре и Париже. С появлением после XII в. переводов греческих и арабских трудов в подобные школы стали стекаться многие учащиеся из разных частей Европы. Когда численность учеников и учителей значительно увеличилась, стали появляться и университеты. Возникнув в Париже и Болонье в конце XII и начале XIII в., университеты распространились по всей Европе. Именно в них происходила адаптация и усвоение научного наследия Греции и исламского мира, велась основная интеллектуальная деятельность. Но важность появления университетов для формирования современной науки не ограничивается только этим: они заложили основы, на которых строились все достижения последующих столетий (илл. 127, 133, 137, 141 и карта 3).

Тем временем владычество в христианском мире на Востоке обрел Константинополь, а на Западе – Рим. Раскол

между Западной и Восточной церквями начался в VIII в. и окончательно оформился в 1054 г. Вслед за «золотым веком» Византии в IX и XI вв. последовал ее упадок. Византия подверглась нападениям тюрков-сельджуков с востока, а с запада – норманнов, болгар и печенегов. Экономическое господство перешло к Венеции. Константинополь был захвачен крестоносцами (при четвертом крестовом походе) в 1204 г., которые были изгнаны из него в 1261-м, но в конце концов город пал под натиском Османской (Оттоманской) империи в 1453 г.

В византийском высшем образовании риторика считалась более важной, чем оригинальное мышление. Поэтому обучение философии сосредоточивалось на объяснении, а не на анализе и в научных изысканиях ученым явно не хватало индивидуальности. Однако, несмотря на такие ограничения, византийцы сохранили литературу, науку и философию классической Греции в переписанных манускриптах, некоторые из них были затем вывезены на Запад (илл. 127).

Славяне могут быть разделены на восточные, западные и южные. По религиозному принципу они могут быть разделены на две основные группы – принадлежащие к восточной православной Церкви и к римской католической Церкви. За немногими исключениями, дальнейшее разделение может быть проведено в связи с использованием

кириллицы первыми из них и латинского алфавита – вторыми (илл. 105, 106).

Культурная и политическая жизнь западных славян была интегрирована в общую структуру жизни Европы; они более, чем остальные славяне, были связаны с культурными, философскими, политическими и экономическими изменениями на Западе. В Богемии, Польше и Венгрии были основаны университеты. С другой стороны, российские и балканские славяне, чьи земли были захвачены монголами и турками, оставались в течение многих столетий без каких-либо тесных контактов с Западом; таким образом, они оказались в стороне от возрождения науки, которое началось с переводов арабских трудов.

Раскол между двумя церквями стал дополнительной причиной изоляции. Основным отличием являлось то, что в каждой стране православная церковь использовала национальный язык для ведения религиозных служб, и потому греческий не стал универсальным языком культуры, как латынь на Западе.

В 1240 г. монголо-татарское государство, известное как Золотая Орда, установило контроль над Русью, длившийся до 1451 г. Это оказало отрицательное воздействие на русскую культуру, включая и церковь, которая сделалась еще более формалистичной и ритуальной. К тому времени как владычество татар подошло к концу, Русь, объединенная теперь уже вокруг Москвы, вступила в новую фазу своего развития. В конце этого периода разные страны Восточной Европы после создания и падения собственных королевств оказались под давлением Османской империи еще на четыре столетия.

Латинский язык оставался языком обучения в Западной Европе в течение всего этого периода, а языки романской группы развились из разговорного латинского языка. Французский был первым, который развился в литературный язык, за ним пришла очередь итальянского, испанского, португальского, провансальского (окситанского) и каталанского. Из-за политических мотивов провансальский и каталанский языки пришли в упадок и уступили место французскому и испанскому соответственно. В этот же период до уровня литературных языков полностью развились языки германской группы (английский, немецкий, голландский и скандинавские). Исландский язык развился из норвежского. Он сам служил языком обучения, и латинский никогда полностью не заменял его в качестве литературного языка. Идиш относится к германской (западногерманской) группе языков, он стал идентифицироваться с еврейским населением Центральной Европы примерно в IX в. Он включает в себя смесь германских и древнееврейских элементов с отдельными славянскими элементами. Гэльский (гаэльский), или ирландский язык в VIII в. являлся литературным языком, и на нем было создано много средневековой литературы. В этот период вся Ирландия говорила на гаэльском языке (илл. 104).

Греческий язык сохранился благодаря литературному наследию и Византийской империи. Он существенно изменился в течение столетий и характеризовался внутренним двуязычием в виде различий разговорной и письменной форм. В результате параллельно классическому возник и местный греческий язык, который стал использоваться для ненаучной литературы. Св. Кирилл в IX в. использовал южную форму славянского языка для перевода Ветхого Завета, и церковнославянский язык сохраняется как культовый язык русской православной церкви. Кириллица используется для письма у всех восточных славян (илл. 106, 153), в то время как западные славяне и большинство хорватов используют латинский алфавит.

Наиболее значимым славянским языком в рассматриваемый период являлся богемский, или чешский. Самые древние чешские тексты относятся к XIII в. Русская литература представлена отдельными текстами религиозного характера и записками путешественников. Словари по ботанике, появившиеся в Польше, ознаменовали начало существования этого языка как литературного. Среди

финно-угорской семьи родственных языков венгерский язык стал письменным начиная с XIII в., при этом использовался модифицированный латинский алфавит. Самые ранние грузинские надписи датируются V в. Новый грузинский язык развился как среда для светской литературы в XII в. и основан на алфавитном письме «мхедрули». Армянский просветитель Месроп Маштоц (V в.) разработал армянский алфавит (в 405–406 гг.), а к IX в. разговорный армянский язык выделился из литературного и стал применяться для письма наравне с классической формой в XII в. (илл. 156).

Америка до Колумба

Термин «доколумбовая цивилизация» относится к туземной американской культурам, существовавшим до испанских завоеваний XVI в. Выдающиеся достижения этих цивилизаций часто сравнивают с древними цивилизациями Старого Света.

В Западном полушарии одну из наиболее великих цивилизаций создали майя. Они имели развитое сельское хозяйство, строили большие каменные дома и храмы на пирамидах, обрабатывали золото и медь, разработали точный календарь и применяли иероглифическое письмо. Только недавно удалось добиться значительных успехов в расшифровке этих текстов. Майя с большим уважением относились к своим жрецам: чтобы стать жрецом, кандидат должен был пройти серьезную подготовку в школе, где изучал историю, грамоту, гадание, медицину и систему отсчета времени по календарю (илл. 92, 93, 294, 295).

Ацтеки создали великую империю с населением около 6 млн. человек и с замечательной системой сельского хозяйства, орошения и мелиорации. Ацтекский календарь был принят на большей части Мезоамерики (илл. 144). Мексиканцы разработали письменный язык, но точнее его можно определить как рисуночное письмо (илл. 94), поэтому сохранение культурного наследия в основном зависело от устной передачи знаний и сведений о важнейших событиях.

В Центральных Андах наибольшего культурного развития достигла империя инков, население которой в период расцвета также насчитывало порядка 6 млн. человек. Инки имели развитую технологию и архитектуру, а их оросительные системы, дворцы, храмы, крепостные сооружения сохранились до наших дней. Они построили широкую сеть дорог. У инков не было письменности, поэтому передача сведений об истории и культуре происходила устно. Образование у инков разделялось на две вполне определенные категории: профессиональное обучение для простого народа и высокоспециализированная подготовка знати.

ТОЧНЫЕ НАУКИ

Математика в доколумбовой Америке

В математике народ майя добился двух выдающихся достижений: разработки разрядной системы счисления и введения понятия нуля. В системе чисел счет велся кратным 20 во всех разрядах, исключая третий. Таким образом, 20 единиц низшего разряда (*кин* или «дни») составляли одну единицу следующего более высокого разряда (*уинал* или 20 дней); 18 *уиналов* составляли одну единицу третьего разряда (*тун* или 360 дней); 20 *тунов* образовывали одну единицу четвертого разряда (*катун* или 7200 дней), и так далее до высшего разряда *алаутун*. Один *алаутун* равнялся 64 млн. *тунов*. В записях майя числа от 1 до 19 обозначались черточками и точками. Каждая черта соответствовала пяти единицам, а точка – одной. Ноль обозначался символом, напоминающим полузакрытый глаз. Числа записывались вертикально, при этом низший порядок соответствовал нижнему положению на письме (рис. 10).

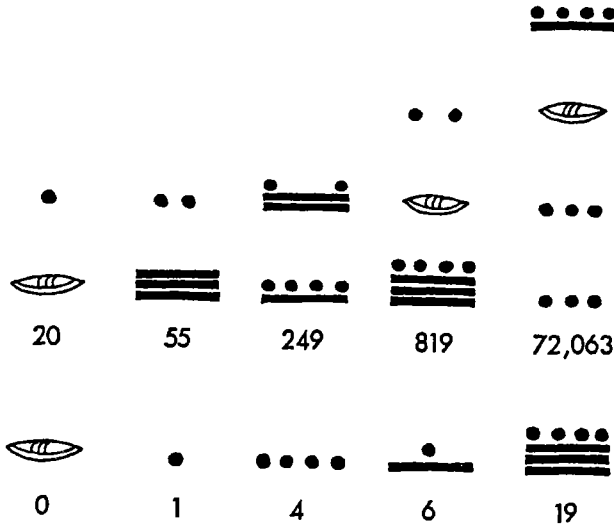

Рис. 10. Двадцатеричная система счисления майя (по Coe, The Maya, London, 1966, p. 183)

Математика в Китае и Японии

В период правления в Китае династии Тан (618–906 гг.) Ван Сяогон написал работу «Цигу Сюанцзинь» (*Qigu Suanjing*), в которой рассмотрел уравнения третьей и четвертой степени. В конце VIII в. десятичная система счисления была упрощена, и Хань Ян просто записал слово «дуан» для отдельных десятичных дробей. В том же веке символ нуля упоминался в работе индокитайского астронома Кутан Сида (*Qutan Xida*). Во времена династий Сун и Юань появились четыре знаменитых математика. Цинь Цзюшао в 1247 г. написал сочинение «Девять книг по математике» («*Шу шу цзю чжань*»). Он работал с неопределенными уравнениями и дал сведения о решении алгебраических уравнений высших (до десятой) степеней. В 1248 г. Ли Йе (*Li Ye*) написал работу «Морское отражение измерения окружности». Он занимался проблемой вписывания окружности в треугольник и решал системы уравнений с четырьмя неизвестными. Янь Гуи в 1261 г. написал труд «Детальный анализ математических правил» в девяти главах, где давал суммы различных числовых рядов и решал уравнения с пятью неизвестными. Последним из крупных математиков был Чжу Шицзе, написавший в 1299 г. работу «Введение в математические исследования», а в 1303 г. – сочинение «Точное отражение четырех элементов», которое знаменует пик развития китайской алгебры. Первая из этих работ была тем средством выражения и распространения мысли, с которым китайская алгебра достигла Японии. Во второй работе Чжу Шицзе применил диаграмму, идентичную треугольнику Паскаля для нахождения коэффициентов в биномиальной теореме.

Работы китайских математиков попадали в Японию сначала через Корею, а позднее уже непосредственно из Китая. Правитель японского государства Ямато Сётоку-тайси (574–622 гг.) был назван отцом японской арифметики. Школа арифметики была основана около 670 г. н.э., и для студентов математического направления предписывалось изучение девяти работ китайских математиков. Этот период являлся своеобразным периодом подготовки и не внес ничего нового в то, что уже было создано в Китае.

Индийская математика

Еще до 600 г. н.э. математика в Индии уже достигла зрелого уровня. Следует упомянуть два важных ранних достижения. Десятичная система счисления стала известна

индийцам в начале VI в., а идея такого подхода, вероятно, пришла из Вавилона (рис. 11). Другое достижение связано с тригонометрией: самые первые известные таблицы синусов появились в Индии. Среди математиков, работавших после 600 г., трое наиболее выдающихся. Брахмагупта (род. в 589 г.) сформировал лемму для решения неопределенных уравнений второго порядка и предложил формулу для вычисления суммы арифметической прогрессии. Арифметические действия Махавиры (ок. 850 г.) основывались на десятичной системе счисления, а некоторые включали понятие нуля. Этот математик вычислял сумму геометрической прогрессии. Работы Бхаскары II (род. в 1114 г.) представляют собой вершину древнеиндийской математики. Он стал первым, кто утверждал, что результатом деления числа на ноль является бесконечность. Он занимался линейными и квадратными уравнениями (как с определенными, так и с неопределенными), простыми измерениями, арифметическими и геометрическими прогрессиями, иррациональными числами и пифагоровыми числами.

Исламские математики

Индийские числа были введены в Сирии в VII в. Индийская арифметика появилась здесь в VIII в. вместе с переводами работ по астрономии. Первыми трактатами по арифметике и алгебре были работы Мухаммеда бен Мусы аль-Хорезми (787– ок. 850 гг.). Важным шагом явилось применение десятичных дробей, которые первым использовал аль-Уклидиси (*al-Uqlidisi*, примерно в 950 г.) и окончательно доработал аль-Каши (*al-Kāshī*, около 1420 г.). Метод последовательных приближений позволил математикам создавать числовые таблицы с небывалой точностью. Аль-Махани (*al-Māhānī*, примерно в 860 г.) и другие изучали теорию отношений и пропорций и ввели понятие иррациональных чисел. В теории чисел багдадский математик Сабит ибн Курра (836–901 гг.) выдвинул важную теорему о так называемых дружественных числах.

Исламская алгебра началась с усвоения знаний Вавилона, Греции и Индии, но именно Хорезми заложил основы

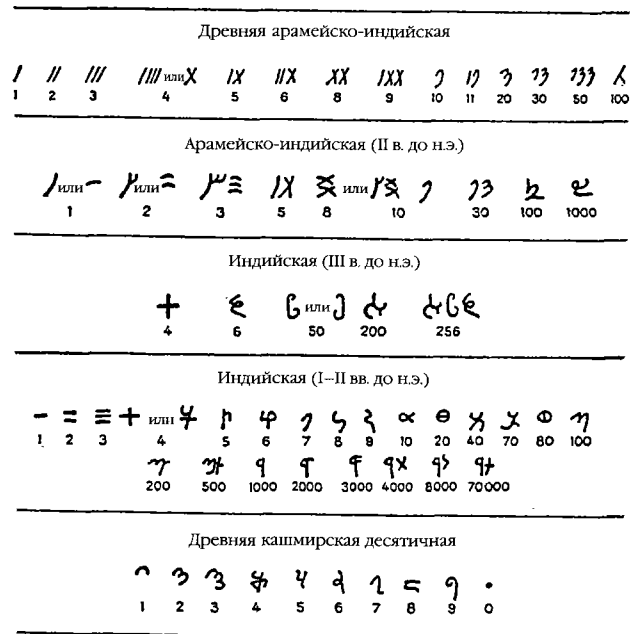

Рис. 11. Развитие системы записи чисел в Индии (по Taton (ed.), 1963, p. 149)

алгебры как независимой дисциплины. Он дал решения квадратных уравнений шести типов. Далее алгебра была развита несколькими выдающимися последователями, особенно Омаром Хайямом (ум. в 1131 г.), который дал изложение решения уравнений до 3-й степени включительно. «Треугольник Паскаля» был открыт аль-Караджи (*al-Karaji*, около 1011 г.) и использован Омаром Хайямом и Насирэддином Туси (ум. в 1274 г.). Символы вместо слов в алгебре впервые были введены аль-Каласади (*al-Qalasādi*, около 1486 г.).

Геометрия основывалась на работах греческих математиков, особенно на «Началах» Евклида. После перевода работ Архимеда Бану Муса (IX в.) написал труд «Об измерении простых и сферических тел». Другой классической задачей, которая привлекала внимание, была теория параллельных линий. В поисках лучших решений математики доказали несколько неевклидовых теорем. Доказательство Насирэддина Туси было переведено на латынь.

В тригонометрии мусульмане переняли функцию синуса из работ на санскрите. В IX в. Хабаш аль-Хасиб (*Ḥabash al-Ḥasib*) ввел понятие «тени», или тангенса и создал таблицу тангенсов, которая явилась первой в своем роде. Мусульмане дали определение шести тригонометрических функциям и составили их таблицы с очень высокой степенью точности. В 1260 г. Насирэддин Туси написал книгу по тригонометрии, в которой тригонометрия рассматривалась как отдельная ветвь математики (илл. 139).

Математика в Европе

Первыми арабские цифры в Европе ввел Герберт (папа римский Сильвестр II) (ок. 940–1003 гг.) для использования вместе с абаксом (счетами). В XII в. трактат Хорезми по арифметике был переведен на латинский язык, и именно от латинского заглавия этой работы происходит слово «алгоритм». Арабско-индийские числа были введены в пользование также итальянским математиком Леонардо Пизанским (Фибоначчи) (1180 – ок. 1245 гг.), который изучал арифметику во время проживания в арабских странах. В 1202 г. он написал свой основной труд «Книга абака». Около 1240 г. Джон Холивуд написал труд «Простые алгоритмы», основанный на работах Хорезми, который сделался классическим университетским пособием на несколько столетий. Однако новая система счисления встретила сопротивление, и только в XVI в. арабско-индийские числа окончательно заменили римскую систему чисел.

Трактат Хорезми по алгебре был также переведен на латынь (слово «алгебра» происходит от арабского *аль-джебр*, содержащегося в названии труда Хорезми). В книге Фибоначчи рассматриваются проблемы алгебры и приводятся сведения из работ Хорезми и аль-Караджи. Эти работы по алгебре не привлекали значительного научного внимания, и лишь немногие математики были с ними знакомы. Только в конце XV в. алгебра была введена в Лейпцигском университете. В области геометрии на латынь были переведены «Начала» Евклида, а также некоторые работы Архимеда и труды Бану Мусы. Но «Начала» Евклида являлись весьма сложной для понимания работой, и требовалось время, чтобы ее освоить.

С тригонометрией Европа впервые познакомилась в переводах арабских работ по астрономии. Роберт Честерский в 1249 г. был первым, кто использовал слово «синус», происходившее от арабского *джаиб* (*jaib*). Неясно, была ли известна в Европе работа Насирэддина Туси по тригонометрии как по независимой области математики, но Уаллингфорд (ум. в 1335 г.) и Региомонтан (немецкий астроном и математик, настоящее имя Иоганн Мюллер. – *Прим. ред.*) (1436–1476 гг.) также рассматривали тригонометрию как независимую дисциплину.

Астрономия в доколумбовой Америке

С поразительной точностью здесь были рассчитаны продолжительность солнечного года и сидерический период обращения планеты Венера. В Дрезденском кодексе имеются чрезвычайно точные таблицы движения Венеры и Луны, а также метод предсказания солнечных затмений. Священный год у майя равнялся 260 дням, официальный год составлял 360 дней, а солнечный год равнялся 365 дням.

Китайская астрономия

В 1092 г. Су Сун описывал большие астрономические часы с водяным приводом, вращавшим небесные глобусы и сферу. Мусульманский астроном Жамалудин (Джамал ал-Дин) в 1267 г. разработал новый календарь для великого хана Хубилая. Он также ввел в пользование в Китае некоторые арабские астрономические инструменты. В то же самое время Гуо Шоуцзин (*Guo Shoujing*, ум. 1316 г.) составил список астрономических приборов, включавший арабский *торкветум* (илл. 134).

Индийская астрономия

В течение IV–VI вв. появилось несколько работ под общим заглавием «*Сиддханта*». Эти работы явились результатом длительных контактов с вавилонской и греческой культурами, но содержали и оригинальные разработки. Работа «*Сурьясиддханта*» была лучшей и наиболее точной. Она периодически перерабатывалась на протяжении столетий и служила образцовым текстом по астрономии. Два трактата по астрономии написал Брахмагупта. Бхаскара следовал общим принципам «*Сурьясиддханты*», и его работа стала продолжением трудов предшественников, особенно Брахмагупты. Он способствовал дальнейшему развитию эпициклической и эксцентрической теорий планетарного движения.

Исламская астрономия

Исламская астрономия началась с переводов различных работ с санскрита, греческого языка и языка пехлеви, особенно важным для нее была работа древнегреческого ученого Клавдия Птолемея «*Альмагест*» – энциклопедия астрономических знаний древних. Мусульманские астрономы достигли выдающихся успехов в своих исследованиях. Величайшим астрономом и математиком IX в. был арабский ученый аль-Баттани (абу Абдаллах Мухаммед бен Джабир), который вел наблюдения и составил каталог звезд на 880 г. н.э. Он вычислил различные астрономические коэффициенты с высочайшей точностью, определил наклон эклиптики и значение прецессии, написал детальный трактат, который оставался актуальным вплоть до XVI в. В многочисленных арабских трактатах велись обсуждения планетарной теории. Астрономическая литература все более усложнялась и достигла своей вершины, когда в работах по астрономии началась критика Птолемея трактата «*Альмагест*». Ибн аль-Хайсам (латинизир. Альгазен), аль-Урди и Насирэддин Туси выступили против астрономии Птолемея и предлагали альтернативные планетарные модели. Туси вывел новую математическую теорему, известную сейчас как «пара Туси». Иранский математик Кут-ад-дин Ширази (аш-Ширази) предложил модель движения планеты Меркурий. Ибн аль-Шатир в XIV в. создал первую модель движения Луны (рис. 12). Последние исследования показали, что модель Коперника для движения удаленных планет использует подходы аль-Урди и Насирэддина Туси, а модель движения Луны идентична той, что была предложена аль-Шатиром. Это точное соответствие вызывает вопрос о возможной передаче исламских моделей в Европу.

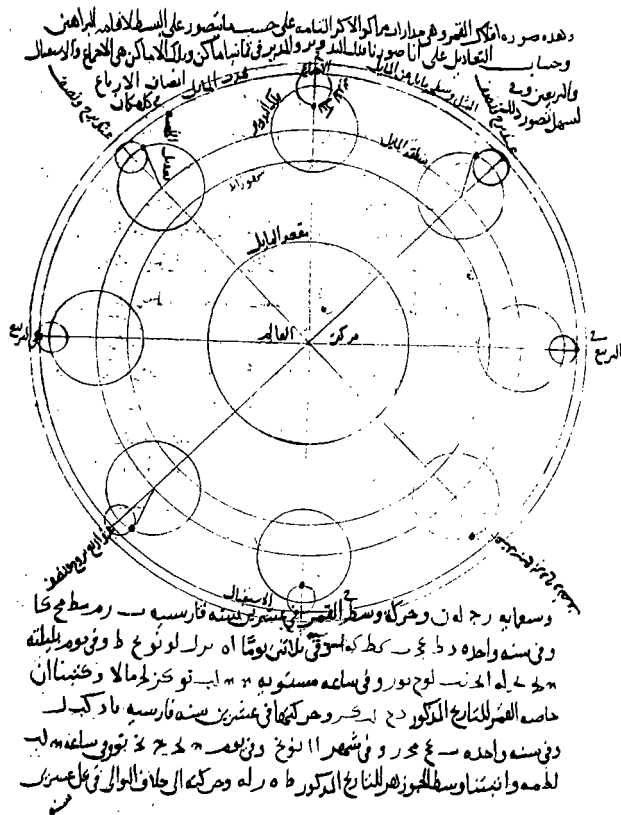

Рис. 12. Модель движения Луны, предложенная Ибн аль-Шатиром в XIV в., разработанная по теории планетарного движения Птолемея (по Badaoui et al., 1978, p. 127).

Арабские обсерватории были центрами астрономических исследований и образования, и между IX и XV вв. они были учреждены во многих городах, из которых особо можно выделить Багдад, Дамаск, Каир, Шираз, Хорезм, Марраг (в Иране) и Самарканд. Обсерватория около Самарканда была построена просвещенным правителем Улугбеком (1394–1449 гг.). Создание обсерватории завершилось в 1420 г., и научные работы под постоянным покровительством правителя продолжались почти 30 лет. Помимо Улугбека, который и сам являлся ученым, в обсерватории работали выдающиеся астрономы и математики, такие как аль-Кашчи. Их работа привела к созданию астрономического справочника «Зидж» – образца наблюдательной астрономии, являвшегося вершиной достижений исламских обсерваторий, и отсюда арабская традиция создания обсерваторий передалась в Европу (илл. 135, 136, 138–140, 142, 143).

Астрономия в Европе

В X в. Герберт благодаря знакомству с арабской наукой в Северной Испании стал применять модель небесной сферы и астролэбию. Для применения астролэбии был необходим набор астрономических таблиц (илл. 141), которые английский философ-схоласт и знаток арабской науки и философии Аделард Батский перевел из трудов аль-Хорезми в 1126 г. Были также переведены «Зидж» аль-Баттани и «Толедские таблицы», составленные аль-Заркали. Но помимо астролэбии и таблиц астрономам требовались более глубокие знания астрономической теории. С греческого и арабского был переведен «Альмагест» Птолемея, но этот труд был слишком академичным, чтобы использоваться им как учебным пособием. Нематематический трактат аль-Фаргани (al-Farghānī) «Начала астрономии» («Rudimenta astronomica») служил в качестве введения в теоретическую астрономию.

Для удовлетворения потребностей университетов был разработан курс на основе практических руководств, написанных Джоном Холивудом. К ним было добавлено руководство «Планетарная теория» (автор неизвестен), а также некоторые трактаты Табита (Thābit) и «Альфонсинские таблицы». При короле Кастилии и Леона Альфонсо X (правил в 1254–1284 гг.) в Испании были составлены сборники трактатов об астрономических инструментах и таблицы на кастильском языке, и состояли они главным образом из переводов с арабского. В XV в. Пейербах (Peuerbach) написал труд «Theoricæ novæ planetarum» («Новая планетарная теория») (1454 г.). Региомонтан в 1471 г. основал небольшую частную обсерваторию в Нюрнберге (одну из первых в Европе. – Прим. ред.), но первые обсерватории с крупными, стационарно установленными инструментами появились только в XVI в. (илл. 137, 141).

Физика в Китае

Китайские ученые более склонялись к концепции волн и не принимали атомистический подход к строению вещества. Их основным достижением было создание магнитного компаса. Самым ранним четким упоминанием о магнитной стрелке является описание, данное Шен Гуа (Shen Gua) в 1086 г., а наиболее раннее свидетельство о применении компаса в навигации встречается после 1100 г. у Чжу Ю. В разделе оптики в 940 г. появился трактат «Хуа шу», в котором описаны четыре типа линз. Шен Гуа знал о камере-обскуре. В разделе акустики еще в 1060 г. Чжан Цзай (Zhang Zai) объяснял возникновение звука трением между материальными телами.

Физика в Индии

Здесь физика не изучалась отдельно, и каждая из различных религиозных школ имела собственное представление о строении вещества, пространстве и времени. Атомизм был известен с VI в. до н.э. Понятие о количестве движения появилось в VII в. до н.э., но стало признаваться только в V в. н.э.

Физика в исламском мире

Статика и гидростатика изучались в рамках раздела «наука о весах тел». Арабские книги по этому разделу физики описывают теорию, устройство и применение научных приборов для взвешивания. Несколько работ представляли собой переводы и комментарии трудов древнегреческих ученых, как, например, работы Сабита ибн Курры. Персидский ученый-энциклопедист аль-Бируни описал методы определения удельного веса камней и металлов. Книга аль-Хазини «Равновесие мудрости» является одной из наиболее примечательных работ по механике, гидростатике и другим разделам физики в средние века. Результаты по измерению удельного веса, полученные аль-Бируни и аль-Хазини, являлись одними из самых выдающихся достижений экспериментальной физики. Законы гидростатики широко использовались в работе «Китаб аль-Хийал» (Kitāb al-Hiyāl) братьев Бану Муса. Аль-Бируни использовал эти законы в своих исследованиях по гидрогеографии для объяснения возникновения естественных ключевых источников и артезианских колодцев. Были сформулированы некоторые оригинальные теоремы гидродинамики для описания движения тел в жидкостях и влияния формы тела на сопротивление движению.

Хотя кинематика и не являлась отдельной ветвью науки, было дано определение равномерному движению

по окружности. Сабит ибн Курра близко подошел к определению мгновенной скорости. В работах Ибн Сины (Авиценны) и Ибн Рушда (латинизир. Аверроэс. – *Прим. ред.*) можно найти замечания, касающиеся понятия ускорения. В области динамики Ибн Сина предложил понятие *майл (mayl)*, или «импульс» для объяснения движения метательных снарядов. Другим важным понятием явилось «количество движения» (*куват аль-хараках*), введенное Ибн аль-Хайсамом. Сила тяжести была предметом широких исследований многочисленных ученых, которые выдвинули чрезвычайно интересные идеи. Аль-Хазини дал определение силы тяжести как всеобщей силы, направленной к центру Земли. Работы Ибн Баджи (латинизир. Аемпас, Авенпаус. – *Прим. ред.*) по динамике были известны в Европе и оказали там большое влияние.

Особая категория работ была посвящена исследованиям и созданию остроумных механизмов (*ильм аль-хийял*). Самой ранней была книга братьев Бану Муса. В Испании аль-Муради (XI в.) описал большие водяные часы и механическое устройство, приводимое в движение полноразмерными водяными колесами (рис. 13). Эти часы сравнимы с большими водяными часами Су Суна. Наиболее важным трактатом о механизмах в Средние века являлась книга аль-Джазари (*al-Jazari*, XIII в.). Все эти работы описывали хитроумные устройства, которые создавались как для производственных целей, так и для развлечения.

Оптика была одним из разделов физики, в которую исламские ученые внесли весьма значительный вклад. Наиболее выдающиеся разработки в этой области принадлежат аль-Хайсаму. Его труд «Сокровище оптики» является всесторонним исследованием, которое представляло новую теорию зрения и рассматривало вопросы распространения, отражения и преломления света. Другим важным открытием этого ученого является описание увеличивающих свойств линз. Камалю аль-Дин аль-Фариси (*Kamal al-Din al-Farisi*), шедшему по стопам аль-Хайсама, удалось дать удовлетворительное объяснение появлению радуги.

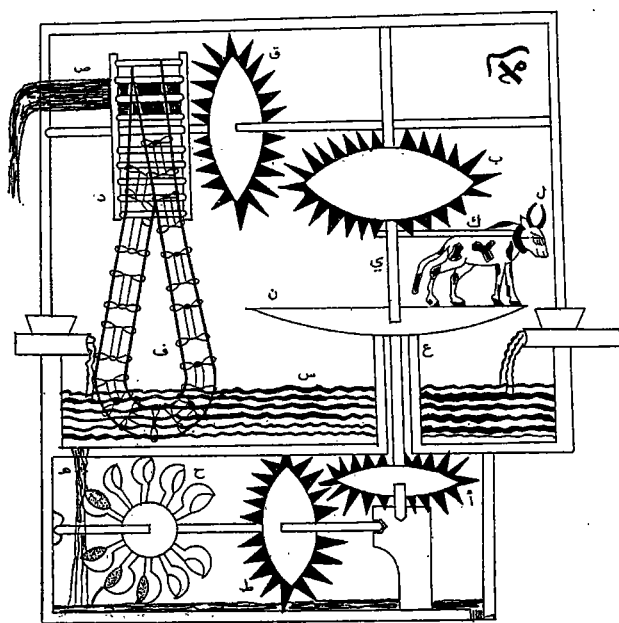

Рис. 13. Схема приводимой в движение водой системы зубчатых колес для подъема воды (с индикатором вращения в виде игрушечного бычка). Копия с трактата аль-Джазари (*al-Jazari*) «Automata», Ирак, 1206 г. н.э. Хранится в библиотеке дворца Тонкапы в Стамбуле (по *al-Hassan & Hil*, 1986)

Физика в Европе

Источником, оказавшим наибольшее влияние на развитие статике в средневековой Европе, явилась работа Сабита ибн Курры «*Liber Karastonis*». Некоторые оригинальные идеи по статике давались в работе Йордана Неморария (*Jordanus Nemorarius*, ум. в 1237 г.) «*Elementa Super Demonstrationen Ponderis*». За ней последовала более объемная и качественная работа неизвестного автора «*De Ratione Ponderis*», в которой исправлены многие неточности более ранних трактатов.

Большое внимание уделялось природе движения. Среди ученых, занимавшихся этим вопросом, был Уильям Оккам (ум. в 1347 г.) из Оксфорда и Жан Буридан (ум. около 1358 г.) из Парижа. Понятие о том, что движение является свойством, способом существования, стало общепризнанным во второй половине XIV в. В кинематике движение описывалось без каких бы то ни было ссылок на причину, его вызывающую. Жерар Брюссельский написал «Книгу движения», положив начало кинематической традиции на латинском Западе. Различие между кинематикой и динамикой было далее развито группой ученых колледжа Мертона в Оксфорде, куда входил Брэдвардайн (*Bradwardine*) и другие. Они внесли в технический словарь такие термины, как скорость и мгновенная скорость. Н. Оресм (*Nicolas Oresme*) в Париже разработал геометрическую систему для представления движения.

В разделе динамики в VI в. н.э. Джон Филопон из Александрии отверг взгляды Аристотеля на природу движения. Он предполагал, что брошенное с силой тело приобретает саморастрчиваемую движущую силу или отклонение от физического тела, производящего начальное движение. Ибн Сина изменил это положение, утверждая, что вынужденное отклонение не является саморастрчиваемым – есть постоянная сила, действие которой уменьшается только под влиянием внешних причин, таких, например, как сопротивление воздуха. В XIV в. идеи относительно приложенной силы были развиты далее в устоявшуюся теорию Ж. Буриданом и его последователями. Буридан назвал эту приложенную силу «импульсом» и сделал шаг далее, утверждая, что импульс зависит от количества вещества в теле и от его скорости.

В Европе стали известны работа аль-Кинди (*al-Kindi*) по оптике и взгляды Ибн Сины на природу света. Однако главной в этой области оставалась работа аль-Хайсама «Сокровище оптики», имевшая огромное значение. Интерес западных европейцев к оптике начался с Роберта Гросвеста (ум. в 1253 г.) и Роджера Бэкона (ок. 1214–1292 гг.). Пичэм (ум. в 1292 г.) и Уайтло (ум. после 1281 г.) написали трактаты по оптике, следуя идеям Ибн аль-Хайсама (Альхазена), и благодаря их работам в области оптики теории аль-Хайсама стали преобладающими. Теодор Фрайбургский (ум. около 1310 г.) использовал теории Ибн аль-Хайсама для разработки теории радуги. Как уже было упомянуто, современник Теодора аль-Фариси разработал сходную теорию.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Естественные науки в Китае

Китайцы вели метеорологические записи таких природных явлений, как дожди и землетрясения, составляли таблицы морских приливов и отливов и делали прогнозы погоды. Анализ работы Шен Гуа (XI в.) показывает, что он уделял значительное место результатам наблюдений в метеорологии, геологии и минералогии. Ду Ван в 1133 г. изучал окаменелости, а Му Бяо в 806 г. написал труд «Синонимический словарь минералов и лекарств». Составление китайских травников (*Бенжао – Bencao*) являлось уникальной традицией, которая

продолжалась столетия (рис. 14). Появлялось множество изданий этих списков, к которым постоянно добавлялись новые сведения о травах. Среди многочисленных подобных изданий данного периода выделяется «Чжэнлей Бенкао», составленное в 1108 г. Тан Шенвеем. Важное издание «Шаосин Бенкао» в 33 книгах было составлено и отпечатано в 1159 г. Наиболее оригинальным изданием являлось «Цзююан Бенкао», составленное в 1406 г. принцем Чжу Сяо (ум. в 1425 г.) из династии Мин. В 1256 г. Чен Цзинь составил ботанический словарь «Цюйанфан Бейцзу». Объемный трактат по сельскому хозяйству «Нонсан цзяо» был составлен в 1273 г. Ван Чжэнь в 1314 г. написал трактат «Нониу» по земледелию. Кроме того, писались также специальные труды о таких культурах, как чай и бамбук. В книгах Бенкао также перечислялись и описывались домашние животные. Создавались также книги об отдельных видах, например о птицах и даже сверчках.

Естественные науки в Индии

Предметами интереса лексикографов, энциклопедистов и поэтов в Индии являлись растения и животные. Существовали системы классификации животных и растений. Отдельные труды, такие как «Криши Парасара», были посвящены земледелию и садоводству.

Естественные науки в исламском мире

Вслед за Аристотелем исламские философы обсуждали вопросы метеорологии и выдвигали новые идеи. Ибн Сина изучал явления, происходящие у поверхности Земли: формирование речных отложений, структуру гор, явление ископаемых и образование каменных пород, – и дал наиболее полную для средних веков трактовку проблем геологии. Аль-Бируни провел важные наблюдения за таким геологическим изменением, как землетрясение. Он высказал мысль, что долина Инда некогда была дном моря. Ихван ас-Сафа («Братья чистоты», или «Чистые братья» – группа философов X в., в которую входили мыслители Ирака, Ирана, Азербайджана, стран Средней Азии, Сибири. – *Прим. ред.*) дали точное толкование появлению природных ископаемых и кругооборота воды в природе.

На основе исследования по минералогии часто появлялись справочники по камням – «лапидарии», труды в этой области также рассматривали вопросы металлургии и петрологии. Среди подобных исследований выделяются трактаты арабского ученого аль-Кинди (около 800 – около 870 гг.) о драгоценных камнях и металлургии стали и работа аль-Бируни «Китаб аль-Джамахир» («Книга о драгоценных камнях»). В работах по алхимии и космографии также рассматривались подобные вопросы.

Ботаника была связана с медициной и земледелием. Об отдельных видах растений писались работы философского характера (илл. 130). Наиболее значительным арабским трудом по ботанике являлась «Китаб аль-Набат» («Книга растений»), созданная аль-Динавари (IX в.). В работах по медицине обязательно был раздел, посвященный лекарственным растениям, как это делалось в энциклопедических трудах, подобных работам аль-Нувайри. Хорошими источниками сведений были также книги по земледелию (*ильм аль-филахха*), такие как «Набатейское земледелие», написанная Ибн Вахшийя (X в.). С X в. почти все арабские работы по земледелию писались в Аль-Андалусе (Кордовском халифате). Ибн Басал и Ибн аль-Аввам стоят в длинном списке тех, кто занимался вопросами сельского хозяйства. В Йемене в XIII в. практические приемы земледелия были изложены в документах, составленных двумя правителями из династии Расули.

Зоология была связана с ветеринарией, медициной и сельским хозяйством. Самыми ранними арабскими трудами

Рис. 14. Изображение растения, оказывающего активное окситоксическое действие, из книги «Шаосин Бенкао», 1159 г., о китайской травной медицине. Китайские травники, или «бенкао» составлялись на основе уникальных свойств растений. (по Needham, 1970, p. 413)

о животных были филологические трактаты, рассматривавшие отдельные домашние виды, такие как лошади. Из ранних работ по зоологии выделяется «Китаб аль-Хайаван» арабского писателя аль-Джахиза (IX в.), в которой были выдвинуты некоторые новые теории. Все энциклопедические и космографические работы XIII и XIV вв. и некоторые трактаты по сельскому хозяйству уделяют внимание и животным. В XIV в. Камаль аль-Дин аль-Дамири написал «Великую книгу о жизни животных» – наиболее полную и обширную работу на арабском языке по зоологии.

Ветеринария развивалась как самостоятельная отрасль науки, и одна из наиболее ранних работ в ней была написана Ханайном ибн Исхаком. В тот же период (IX в.) Ибн Ахи Хизам написал первую книгу по лечению лошадей. Наиболее значительной была работа «Камиль аль-Сина'атайн» Абу Бакра аль-Байтара (ум. в 1340 г.). Специальной отраслью являлась соколиная охота, занимавшаяся ловчими птицами. Труды по этим отраслям знаний стали появляться с первых дней правления династии Аббасидов, но наиболее значимой работой являлась «аль-Канун аль-Вадих», написанная Ибн Куштимуром (XIII в.).

Естественные науки в Европе

Интерес к метеорологии стал проявляться в Европе после XII в. Европейский еврейский ученый Сэмон (примерно XIV в.) составил список «Вопросы к четырем книгам Аристотеля по метеорологии». Труд Ибн Сины «О формировании камней и гор» был переведен на латынь. Альберт Магнус (ум. в 1280 г.) в своей «Книге минералов» рассматривал материал, твердость и расщепляемость камней и дал много оригинальных сведений. Ж. Буридан сформулировал основы геологии.

Книги, известные как «лапидарии» (справочники по минералам), были широко распространены и содержали сведения о магических свойствах камней. Собрание научных работ, составленное под покровительством короля Кастилии и Леона Альфонса X (правил в 1252–1284 гг.), включало лапидарий, в котором разъяснялись астрологические и оккультные понятия.

Существовало два типа литературы по ботанике: трактаты по теоретической ботанике и книги о травах. Написанию теоретических работ главным образом способствовал труд «О растениях», приписываемый Аристотелю, к которому Альберт Магнус написал важный комментарий. Наиболее примечательной была книга о травах Педания Диоскорида «О лекарственных средствах». Примерно в 1300 г. Симон Генуэзский составил словарь «*Synonyma Medicinæ*», содержащий около 6000 статей, собранных из позднеклассических и арабских источников.

Из работ по зоологии труды Альберта Магнуса были самыми точными из когда-либо написанных в Европе. Его труд «Вопросы к трактату «О животных» (основанный на труде Аристотеля «О животных»), появился с дополнением в виде существенных комментариев Ибн Сины. Другим источником средневековых знаний служили бестиарии (от лат. *bestia* – зверь. – Прим. ред.), или книги по наукам, связанным с животными, которые широко распространились в XII в. и постоянно увеличивались в объеме по мере того как с них делались копии. Знаменитой работой по ловчим птицам был трактат германского короля, императора «Священной Римской империи» Фридриха II (1194–1250 гг.) «Об искусстве охоты с птицами». Во многом он основывался на трудах Аристотеля и арабских источниках, а также на собственных наблюдениях автора.

Китайская алхимия

Алхимия в Китае связана с даосизмом. Его основным положением является вера в физическое бессмертие и возможность достижения его с помощью эликсира (от араб. *аль-иксир* – философский камень, фантастический напиток, якобы продлевающий жизнь, сохраняющий молодость. – Прим. ред.). Вероятно, наиболее знаменитым трактатом по алхимии является «*Данцизи Яоцзу*», приписываемый Сун Симо (ум. после 673 г.). Одной из основных работ был сборник трактатов по алхимии, известный как «*Юджи Кигиан*», составленный Чжан Цзунфаном в 1022 г. Другим важным трудом являлся «*Даоцзань*». Эликсиры бессмертия или долголетия были разными по составу, а их основными компонентами служили киноварь, ртуть, свинец, серебро, золото и сера. В своих поисках эликсиров бессмертия алхимики – последователи даосизма проводили множество химических опытов и сделали несколько открытий, включая изобретение пороха. В их трактатах содержится масса сведений по химии.

Индийская алхимия

Алхимия появилась в Индии в V или VI в. н.э. по двум причинам: как попытка найти эликсир жизни, а также как способ превращения металлов в золото. В последующие семь или восемь столетий индийская алхимия привлекала много последователей в силу своей связи с тантризмом. Представляется вероятным, что представление о мужском-женском начале в индийскую алхимию пришло из Китая, где оно основывалось на понятиях *инь-ян* древнекитайской философии и где киноварь рассматривалась как основной ингредиент эликсира бессмертия. Алхимия, или *расавидья* развилась в систематизированную область знаний, по которой появилось большое число

текстов, известных как *расас-астра*, в X в. н.э. В этих трактатах содержался большой объем алхимических знаний, включая описание материалов, процессов и алхимических аппаратов.

Исламская алхимия

Доисламская александрийская алхимия основывалась на идее, что все вещества состоят из четырех элементов – воздуха, огня, воды и земли, а также на вере в возможность превращения одного металла в другой. Начало исламской алхимии положил принц Халид ибн Язид (ум. в 704 г.) из династии Омейядов, однако величайшим алхимиком до возникновения современной химии был арабский ученый Джабир ибн Хайян (латинизир. Гебер) (ок. 721 – ок. 813 гг.). Он обратил внимание на важность экспериментов и получил значительные результаты в теории и практики химии. Джабир ввел общее понятие о значении серы и ртути в процессах получения металлов. Он был хорошо знаком с обычными химическими операциями и располагал собственной лабораторией. Джабир описал большое число экспериментов, которые привели к открытию азотной и других кислот. В его книгах описаны разнообразные технологические новации, такие как производство чугуна и стали. Работы, приписываемые Джабиру, чрезвычайно многочисленны, но только некоторые написаны действительно им, а остальные – его последователями. Как и многие труды на арабском языке, некоторые работы Джабира сохранились только в переводах на латынь, а остальные утеряны. Во времена Джабира были известны арабские версии таких поздних греческих работ, как псевдоэпиграфическая «*Turba Philosophorum*» и «Секрет творения» (приписываемая Аполонию) с прилагаемой к ней «*Tabula Smaragdina*».

Другой весьма значимой личностью в арабской алхимии был Абу Бакр Мухаммед бен Закария ар-Рази (Разес, ум. в 925 г.). Вместе с Джабиром он способствовал началу преобразования алхимии в химию. Наиболее важными его работами являются «Книга секретов», «Книга секрета секретов» и «*Liber de Aluminibus et Salibus*», которые можно найти только на латыни. Одним из главных вкладов аль-Рази может служить его классификатор минеральных веществ. Кроме того, он дал подробное описание оборудования для химической лаборатории и основных процессов, которые можно осуществлять на нем, и описал большое число экспериментов, во время которых он получил некоторые кислоты и различные химические вещества. Знание химии аль-Рази применял в медицине, и, таким образом, его можно рассматривать как прародителя химеотерапии.

Ибн Сина не был химиком, но интересовался алхимией и опровергал теорию превращения элементов. Многие другие видные мусульманские ученые описывали технологии процессов алхимии и химии. В многочисленных манускриптах, которые еще предстоит изучить, содержится значительная информация, касающаяся свойств веществ, необходимого оборудования и процессов производства неорганических и органических кислот и щелочей, технологий перегонки вин, производства таких продуктов, как мыло, стекло, керамика и красители, а также сведения по вопросам металлургии. Существует также обширная литература на арабском языке по зажигательным средствам, включая порох.

Алхимия в Европе

В начале рассматриваемого периода существовала техническая литература в виде рецептов красок и пигментов, но алхимия как направление в развитии химии не была известна. В XIII в. наибольшее влияние оказывали работы аль-Рази «*De Aluminibus et salibus*» и «*Liber Secretum Secretorum*», а также «*De Anima in Arte Alchimiae*» Ибн Сины.

В конце XIII в. появились четыре трактата, приписываемые Джабиру, включая «*Summa Perfectionis Magesterii*», которые стали главными учебными пособиями по химии в средневековой Европе. Несмотря на сомнения относительно авторства латинских работ Джабира, известно, что они представляют арабскую школу алхимии. С середины XIII в. вопросы алхимии начинают рассматриваться в рукописях, приписываемых таким значимым именам, как Альберт Магнус и Раймунд Луллий (латинизир. *Lullius*).

МЕДИЦИНА

Китайская и японская медицина

Древняя китайская натурфилософия основывалась на двух фундаментальных понятиях – инь и ян. Древнекитайские доктора полагали, что все болезни делятся на шесть классов, являющихся производными от избытка одного из шести основных *ки*. Натурфилософы делили все естественные явления на пять групп, связанных с пятью стихиями – водой, огнем, деревом, металлом и землей. Эти стихии считались находящимися в тесной внутренней связи с органами человеческого тела. Так, огонь сердца считался красным, как киноварь, которая могла обеспечивать постоянное обновление организма.

Организация медицины на государственном уровне в Китае началась рано. Проводились экзамены по медицине, а преподавание и оказание медицинской помощи регулировались законодательно. По императорскому приказу Чо Юаньфан написал в 610 г. «Трактат о причинах и симптомах болезней». Данный труд является важной работой по теоретической медицине, посредством которой распространялись клинические знания. В трактате содержится описание заболеваний мочеполовой системы и оспы. Другим известным врачом был Сунь Симо. Его книга «Тысяча золотых лекарств» представляет собой внушительный сборник рецептов. Например, он прописывал применение хлористой ртути при венерических заболеваниях. Другой всесторонний труд «Важная семейная практика пограничного чиновника», написанный Ван Тао, был опубликован в 752 г. В нем содержатся все разделы медицины и терапии, а также краткое руководство по ветеринарии.

Многие работы были написаны во времена династии Сун. Ван Вейде написал (ок. 1027 г.) трактат по искусству акупунктуры (рис. 15), а Сун Си (ок. 1247 г.) – сборник по судебной медицине. Появились работы по педиатрии, определению пульса, женским болезням и лихорадкам. Общественной и личной гигиене и профилактической медицине уделялось особое внимание; применялась оральная вакцинация. Специальные диеты прописывались при таких заболеваниях, как пеллагра.

Корейские доктора передали медицинские знания китайцев в области медицины в Японию в VI в. н.э. Впервые японские учащиеся-медики были посланы в Китай в 608 г., а некоторые китайские врачи добивались высоких постов в Японии в VIII в. Самая первая японская больница была основана в 758 г. К IX в. китайская медицина полностью вытеснила старинную медицину Японии. Вакэ Хиройо в IX в. написал трактат по медицинским вопросам на основе китайских работ. В этом же столетии Фукуйоши Омуура написал самый первый в Японии труд по хирургии, также основанный на китайских работах.

Индийская медицина

Теоретические основы индийской медицины (*аюрведа*) были сформулированы до рассматриваемого периода. *Аюрведа* означает «знание долголетия». Ее основная теория базируется на функциях органов и нарушении их

Рис. 15. Страница из «Руководства по акупунктуре» Ван Вей-И (1026 г. н.э.) со схемой китайской акупунктуры (по *Needham*, 1970, p. 290)

равновесия. Полагалось, что человеческое тело, как и Вселенная, состоит из пяти элементов – воды, огня, ветра, пространства и земли. Задача *аюрведы* состоит в поддержании равновесия между ними. Труд Вагбхаты (ок. 625 г.) «*Астангахрдайя*» («*Astangabradaya*») служил признанным проявлением аюрведического учения, и такие врачи, как Чарака и Сусрута, относились к нему с одинаковым уважением. Труд «*Ругвинишайя*» («*Rugvinischaya*»), написанный Мадхавакарой (примерно VIII или IX в.), посвященный в основном методам диагностики, стал настоящим учебным пособием. Индийские лечебные средства (*materia medica*) состояли в основном из растительных веществ, а позднее в них начали вводиться некоторые неорганические вещества. В хирургии применялись разнообразные инструменты, позволявшие проводить такие операции, как удаление камней из мочевого пузыря и удаление катаракты.

Исламская медицина

Когда ислам распространялся по Ближнему Востоку, здесь уже существовали медицинские школы (например, в Александрии). В IX в. Хунайн ибн Исхак и его школа переводчиков осуществили перевод греческих работ на арабский язык. Другие работы были переведены с пехлеви и санскрита. Некоторые переводчики сами являлись подготовленными врачами и писали собственные труды; например, много трактатов написал Хунайн, среди них «Введение в медицину». Первой медицинской энциклопедией на арабском языке был «Рай мудрости» Али ибн Сахль Раббан аль-Табари (ум. после 861 г.).

Величайшим врачом исламского мира считается Абу Бакр Мухаммед бен Закария ар-Рази (865–925 или 934 гг.). Среди его самых значительных работ выделяются «*Китаб аль-Хауи фи аль-Тибб*» в 23 томах, «*Китаб аль-тибб аль-Мансур*» и «Трактат об оспе и кори». Другим замечательным медиком был Али ибн Аббас аль-Маджуси (Хали Аббас) (ум. около 994 г.), написавший труд «Совершенство в искусстве медицины». Абу аль-Касим аль-Захрави (Альбукасис) (ум. примерно в 1009 г.) из Испании написал «*Китаб аль-Тасриф*» («Книга уступок»), содержащую иллюстрированный трактат по хирургии, который считается величайшим достижением средневековой хирургии. Другой выдающейся фигурой в исламской медицине был Ибн Сина (Авиценна). Наиболее значительной его работой в области медицины является «*аль-Канун*» («Канон врачебной науки»). По совершенству формы изложения и своей истинной ценности «*аль-Канун*» превосходил все остальные работы в области медицины и оставался обязательным руководством в Европе на протяжении шести веков. По нему в основном преподавали медицину до конца XVI в., и его продолжали переиздавать до конца XVII в. (илл. 133, а-е).

Исламская физиология основывалась на системе основных «соков» в организме человека – понятии, которое пришло с греческими рукописями по медицине. В этой системе все считается зависящим от состояния четырех «соков». При нормальном состоянии здоровья эти «соки» считались находящимися в теле в сбалансированном состоянии. В области анатомии первичным источником сведений считались труды Галена. Некоторые медики критически относились к работам этого врача, например, аль-Рази написал «Книгу сомнений о Галене». Считалось, что сердце имеет два желудочка, левый и правый, разделенные перегородкой, в которой имеется отверстие. Ибн аль-Нафис (ум. в 1288 г.) отверг это мнение и считал, что перегородка между желудочками сплошная. Таким образом, он открыл легочное кровообращение.

Существовало понимание того, что внешние факторы, такие как окружающая среда, возраст пациентов, их пол и жизненные привычки, играют определенную роль в развитии заболеваний, и это позволяло дать объяснение возникновению некоторых болезней, в частности инфекционных. В области диагностики внимание уделялось температуре органов, частоте пульса, состоянию мочи и кала. То, что сегодня можно назвать клинической патологией, являлось существенной составляющей при постановке диагноза в те времена. Диагностировались многие заболевания, например оспа, септическая лихорадка, менингит и коклюш.

Аль-Захрави утверждал, что хирургия должна основываться на достаточном знании анатомии. Есть сведения, что им было описано применение анестезирующих повязок, а также антисептиков при лечении ран. Работы по офтальмологии достигли своего расцвета к 1000 г. н.э., когда Али ибн Иса аль-Каххал написал книгу «*Тадхжират аль-каххалин*». Его последователь Аммар аль-Мавсили стал первым, кто разработал технику удаления катаракты. В фармакологии существовало явное различие между простыми лекарствами и лекарствами, представлявшими собой смеси. По простым лекарственным препаратам было написано несколько работ, и все труды по медицине включали в себя разделы о лекарствах. Двумя наиболее значимыми работами по аптечному делу являлись «*Китаб аль-Сайдала*» Бируни и трактат Абу Мансура Муваффака. В Аль-Андалусе Ибн Джулджул (*Ibn Juljul*) написал комментарии к работам Педания Diosкорида. Ибн аль-Байтар (ум. в 1248 г.) написал самую объемную фармацевтическую энциклопедию. Первый известный формуляр о сложных лекарственных препаратах был составлен Сабиром ибн Сахлем (ум. в 869 г.).

Больницы были известны еще до исламских времен. Первая исламская больница была организована в VII в. Множество других были созданы в Багдаде, после чего

очень быстро распространились в большинстве городов. Больницы вместе с медицинскими школами при них стали крупными научными учреждениями, предназначенными для лечения всех видов заболеваний.

Медицина в Западной Европе

В раннем средневековье уже существовали переводы на латынь некоторых практических медицинских трудов Галена и Гиппократов. Одно время медициной занимались при монастырях, где преобладали религиозные традиции веры в чудесное исцеление и в культ святых. Постепенно получение медицинского образования переместилось из монастырей в городские школы, и к 1200 г. медицинская практика стала почти целиком светским занятием. К концу XI в. г. Салерно в Южной Италии стал центром медицинского образования. Из Северной Африки туда переехал Константин Африканский (ум. в 1087 г.) и положил начало переводу многих работ с арабского на латынь. После 1150 г. было переведено еще большее число работ. Изучение греко-арабской медицинской литературы, начало которому было положено в Салерно, помогло становлению медицины как профессиональной отрасли со своей системой образования, и в университетах Парижа, Монпелье, Болоньи и других были организованы медицинские факультеты. Переводы Константина привели к формированию собрания трудов по медицине («*Articella*»), которое стало основой учебной программы в европейской медицине. Этот сборник материалов был дополнен работами Галена, аль-Рази, Ибн Сины и других. В таком виде учебная программа приобрела сильную философскую направленность. Средневековые медицинские теории соответствовали греко-арабским теориям. В медико-ботанических словарях приводились лечебные свойства растений. Широко использовались многочисленные сборники рецептов и медицинских предписаний, такие как «*Antidotarium Nicolai*», который завоевал особое признание в конце XIII в.

Изучение анатомии в Салерно начиналось с «*Pantegni*» Хали Аббаса и сопровождалось практическим анатомированием свиней. Анатомические вскрытия человеческих тел начались, вероятно, ближе к концу XIII в. в Болонье. Мондино деи Луцци из Болоньи (ум. в 1326 г.) написал руководство «*Анатомия*», которое на два столетия стало практическим пособием по вскрытию тел. В течение XIV в. вскрытие становится общепринятой частью обучения медицине (рис. 16). Несмотря на это, продолжали преобладать анатомические теории Галена. Впервые хирургия приобрела «интеллектуальный» статус в итальянских университетах. Работа «*Chirurgia Magna*» Ги де Шольяка (ум. ок. 1370 г.) оставалась образцом в Западной Европе до конца XVII в. Выполнялись некоторые смелые операции, такие как удаление катаракты или камней из мочевого пузыря.

ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

География

Китайская география

В этой стране в рассматриваемый период внимание более уделялось проведению наблюдений, чем формированию теоретической базы. Существовали записи погоды, обзоры природных ресурсов и производимых продуктов, карты характера почв и описания водных путей. Применялись приборы для измерения количества осадков и компас для навигации применялся. Была правильно определена природа кругооборота воды, и во времена, когда Ибн Сина описывал свои теории эрозии горных пород, Шен Гуа (ок. 1070 г.) развивал аналогичные идеи.

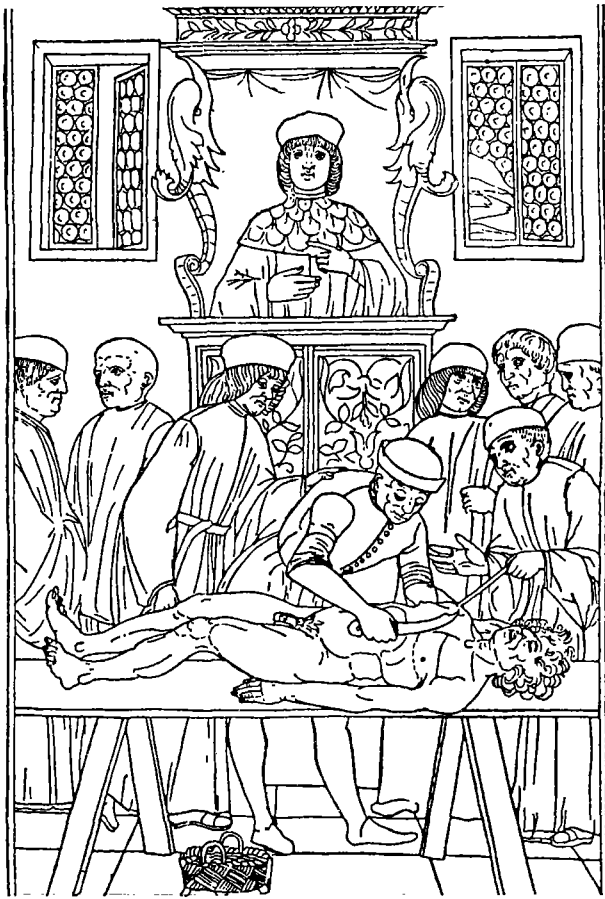

Рис. 16. Изображение урока анатомии в Италии конца XV в. Вскрытие человеческого тела сделалось в XIV в. неотъемлемой частью медицинского образования в Италии. Сюжетом этой резанной по дереву итальянской картины конца XV в. стало первое вскрытие, выполненное более чем за столетие до этого под руководством знаменитого врача Мондино деи Луцци (по Goldstein, 1980, p. 149).

Многочисленные китайские путешественники оставили записи, имеющие историческое значение. Одним из таких путешественников был буддийский монах Сунцзянь, который в VII в. отправился в Индию изучать буддизм. Затем монах христианин-несторианец Бар Саума путешествовал в Европу в XIII в. В этот же период Чжоу Дагуань (*Zhou Daguan*) посетил Камбоджу и составил подробное описание обычаев камбоджийцев. Китайские торговцы плавали на Яву, к Малайскому архипелагу, в Индию и Персидский залив. Основной объем исследований был проведен китайским флотоводцем Чжэн Хэ в XV в. Он руководил семью морскими походами к берегам Явы, Суматры, Малайского архипелага, Шри-Ланки и Западной Индии. Кроме того, он достиг Персидского залива, Красного моря и восточного побережья Африки.

Существует два образца китайских карт XIV в., вырезанных на камне. При правлении монголов начали составляться карты, охватывавшие весь континент Азии. Географ Чжу Сифень подготовил подробную карту Китая, а его последователи добавили к ней и другие страны. На сохранившихся корейских переработках подобных карт XV в. показаны многие участки Европы и Африки (илл. 125).

Индийская география

Индийские знания географии могут быть определены по Пуранам – священным книгам индуизма, в которых содержатся материалы по региональной и общей географии.

В этих записях также рассматривается метеорология, климатография и океанография. В трактатах «*Сиддханты*» по астрономии уделено место и географическим вопросам. Брахманические труды по географии редки, но имеются названия четырех работ, созданных между X и XIII вв. Сообщается также, что джайны провели значительные работы в области географии до 1200 г. В целом можно сказать, что индийцы имели представление о географии Индии и что индийская литература отражает прекрасные знания о других странах.

Исламская география

Мусульманская научная география возникла в начале периода правления Аббасидов. Географические знания в доисламский период находились в начальной стадии. Труд аль-Хорезми «*Китаб Сураат аль-ард*» (IX в.) ближе всего приближается к «Географии» Птолемея. Основа системы, предложенной Хорезми, состояла в разделении населенного мира на семь «стран света», расположенных параллельно экватору. Полагалось, что жизнь к югу и северу от «стран» невозможна. Другое полушарие («то, что ниже нас») также считалось безлюдным. В данной системе нулевой меридиан проходил через Канарские острова и далее на восток до Кореи, где долгота составляла 180 град. Этот интервал составляет половину полушария. Размышляя над сферичностью Земли, географы предполагали возможность попадания на восток при движении в западном направлении. При описании стран, которые должны встретиться при движении вдоль «общего Океана, охватывающего все земли», географы делали интересные заключения о гипотетическом кругосветном плавании вокруг Африки при начале движения из Атлантического океана. На основании конкретных свидетельств аль-Бируни сделал вывод о том, что Индийский и Атлантический океаны соединяются между собой. Он сделал также интересное предположение, что по мере приближения к Южному полюсу ночь становится все короче, пока совсем не исчезает. Аль-Туси и аль-Бируни выступали против классической идеи о ненаселенности южной части света ввиду того, что жар Солнца делает там жизнь невозможной. Школа Балхи и другие не придерживались системы «стран света», а вместо этого принимали теорию деления на провинции на территориальной основе. Это была придуманная людьми география видов, или типов.

В течение всего рассматриваемого периода была выпущена обширная литература по географии, в которой давались детальные описания всех регионов исламского мира. Часто упоминались и описывались другие страны Азии, Африки и Европы. Из длинного перечня географов и путешественников можно упомянуть Истахри, Ибн Хавкала, Мукаддаси, Масуди, Бируни, Насир-и Хусрава, Ибн Джубайра и Ибн Батуту. В нескольких работах была описана Индия, Китай и Юго-Восточная Азия. Были совершены путешествия в Корею и открыта Япония. Исследовательские экспедиции были направлены в глубь Центральной и Северной Азии. Предприняты походы к Нигеру и в экваториальные районы Западной Африки. Восточная Африка была изучена примерно до 24 град. с.ш. В Атлантике арабские суда плавали вдоль западных берегов Европы, включая Англию, Шотландию и Ирландию, а также далеко к югу от Марокко. Были известны Канарские и другие острова в Атлантике. Рассказы о путешествиях в Атлантику даются у Масуди и Идриси. Страны Западной Европы были описаны несколькими географами. Путешественники представили отчеты о посещении Византии, Арало-Каспийского региона, Хазарского каганата и государства Рус (Россия).

Аль-Хорезми в IX в. в дополнение к другим картам составил карту мира, основанную на координатах местностей по широте и долоте. Положения по долоте определялись путем расчетов. Труд аль-Балхи, известный как

«Атлас Ислама», составлял набор из 20 карт, представляющих различные регионы. Этот атлас дополнялся картой мира. Работа Идриси включала в себя набор из 70 карт, основанных на традиционных «странах света» (илл. 123). Эти карты дополнялись большой картой мира, выгравированной на серебре. Работы Хамдаллы Мустафи «*Тарих-и Гузидех*» (1329–1330 гг.) и «*Нузхат аль-Кулуб*» (1339–1340 гг.) были также дополнены географическими картами.

Арабская литература по навигации, которая во множестве стала появляться в XI в., является подборкой высокоспециализированных рукописей. Вся обширная литература относится к регионам Индийского океана, Красного моря и Персидского залива. Ахмед ибн Маджид (XV в.), являвшийся одним из опытных арабских лоцманов, написал около 50 работ по навигации и, согласно арабскому летописцу XVI в., служил лоцманом в экспедиции Васко да Гамы на пути от Малинди до Калькутты. Работы Маджида и аль-Махри свидетельствуют о высоком уровне знаний арабами морской географии. Они использовали великолегкие морские карты, на которых были указаны линии меридианов и параллелей. Кроме того, эти мореплаватели применяли многие точные приборы, включая компас, и полностью использовали астрономические знания для навигации.

География в Африке к югу от Сахары

Купцы западного Судана имели вполне точное представление о географии исламского мира и, возможно, об остальном известном тогда мире. В XV в. купцы из Уангары (*Wangara*) обычно были грамотными людьми и имели очень ясное представление об окружающем мире. Благодаря паломничеству, которое организовывалось королями, многие люди из Судана обладали точным представлением о Магрибе, Египте и Аравии. На восточном побережье Африки народности занде и суахили были хорошо знакомы с восточным арабским миром, с Индией и, возможно, с далеким Китаем. Географию преподавали в школах Тимбукту. Африканцы совершали морские плавания вдоль побережий Западной и Восточной Африки. В XIV в. Муса из Западной Африки рассказывал историю о своем предшественнике, который направил экспедицию из 200 кораблей в Атлантику. Некоторые ученые пытались обнаружить в этом интересном повествовании свидетельство о гипотетическом открытии Америки моряками из Мали.

География в Западной Европе

В начале средних веков большинство европейцев представляли себе Землю в виде диска или прямоугольника. Однако имелись ученые, которые принимали гипотезу о шарообразности планеты. В XII в. на латынь были переведены «Альмагест» Птолемея – энциклопедия астрономических знаний древних и арабские труды по географии. В начале XV в. появились две важные книги: одна являлась латинским переводом «Географии» Птолемея, а другая – трудом Пьера д'Айи (*Pierre d'Ailly*) «*Imago mundi*», который оспаривал идею Птолемея о замкнутом Индийском океане (илл. 122). Этот автор был одним из первых в Европе, отстаивавших идею о возможности достижения Индии путем плавания на Запад. Хотя информация, представленная в этих двух работах, не являлась новой для ученых, знавших латинский язык, их опубликование еще раз подчеркнуло базовые положения, необходимые для создания предпосылок грядущих великих географических открытий.

До XI в. горизонты европейской географии оставались весьма узкими, и многие из европейцев были знакомы только с их ближайшими окрестностями. Скандинавы, как известно, существовали в своем собственном мире, на землях, которые, по-другому, считались ненаселенными, однако

в IX в. те же викинги достигли Исландии и основали там поселения. Спустя столетие они открыли Гренландию и в 1003 г. высадились в Северной Америке. В XI в. с началом крестовых походов люди стали путешествовать на Ближний Восток по следам крестоносцев, и, кроме того, Европа вступила в контакт с монголами. Начиная с XIII в., миссионеры и купцы много путешествовали, добираясь до Китая и оставляя записи о своих путешествиях. Наиболее выдающимся среди всех них оказался Марко Поло (ок. 1254–1324 гг.). В 1271–1295 гг. он совершил путешествие из Европы в Азию, прожив в Китае около 17 лет. Написанная с его слов книга «*Il milione*», известная также как «*Путешествия Марко Поло*», стала классикой (илл. 121).

В начале XV в. был сделан новый шаг к познанию мира, характеризовавшийся значительным прогрессом географических знаний. Были созданы более совершенные суда для плавания в Атлантике. Навигационные приборы, включая компас, были усовершенствованы, а применение астролябии для определения географической широты стало обычной практикой. Португальский принц Генрих Мореплаватель (1394–1460 гг.) организовал ряд морских экспедиций в Атлантику вдоль побережья Африки с целью достичь Индии. Еще при его жизни был обследован Золотой берег. В 1487 г. Бартоломеу Диаш первым из европейцев обогнул Африку с юга, и, наконец, Васко да Гама завершил это путешествие, достигнув Калькутты в 1498 г. (илл. 124).

Христофор Колумб был вдохновлен географическими идеями своего времени и верил в возможность достижения Индии, плывя на Запад. Он отплыл из Испании в 1492 г. и, упорно держа выбранный курс, вследствие географической неизбежности открыл Америку.

Более поздние составители средневековых карт полностью представляли себе шаровидность Земли, однако в большинстве случаев карты оставались неточными и схематичными. Обитаемый мир был представлен в виде круга, окруженного океаном. В середине территории суши располагалась Т-образная группа континентов. Три участка – Европа, Азия и Африка – рассматривались как некий эталон. Центром населенного мира, как раз над центром Т-образной формы, изображался Иерусалим (илл. 119). В конце XIV в. наблюдалось значительное усовершенствование искусства составления карт. Морские навигационные карты (*портуланы*) стали обычными пособиями для капитанов морских судов. Знаменитая каталонская карта мира, составленная в 1375 г., вобрала в себя данные, содержащиеся во множестве *портуланов*. Эта карта содержала также части западного побережья Африки и Восточной и Юго-Восточной Азии, включенные по материалам записей Марко Поло. К концу XV в. уровень географического знания повысился еще более значительно. Морские карты, включавшие результаты открытий Колумба, Васко да Гамы и других, постепенно видоизменяли географические карты мира.

Историография

Историография в Китае

Китай имел наиболее продолжительное и непрерывное историческое прошлое и обладал столь обширными историческими летописями, с которыми не могла сравниться ни одна другая страна. Китайские ученые проявляли большой интерес к истории своей страны начиная с самых древних времен. Конфуций подчеркивал важность уроков истории. Согласно его учению, добросовестная передача подлинных записей является главной обязанностью историка. Спустя несколько столетий после его смерти фиксация исторических событий и тщательное сохранение этих записей сделались одной из основных функций китайских правительственных чиновников как на центральном, так и на местных уровнях. Большинство этих записей сделано

официальными историками. Хотя содержание подобных записей диктовалось прежде всего интересами официальных властей, среди историков встречались люди с подлинно научным подходом и честным взглядом на события. Одним из величайших историков такого типа был Лю Чжий (661–721 гг.), создавший эпохальную работу «Шитон» по историческому критицизму, опубликованную в 710 г. Понимая, что он не может давать независимые суждения при контроле со стороны правительства, он ушел в отставку для написания собственной исторической критической работы.

Первой всеобъемлющей работой по общей истории Китая была «Цзычжи тонгузянь» (*Zizhi tongjian*), написанная Сыма Гуаном (1019–1086 гг.), которая охватывала период с 402 г. до н.э. по 959 г. н.э. Этот историк работал 19 лет при содействии трех других ученых, а первоисточниками были труды, отобранные из более 320 исторических работ.

Историография в Японии

Записи по генеалогии и мифологии велись в Японии по меньшей мере с VI в. н.э. Император Тэмму (правил в 673–686 гг.) приказал собирать мифы и генеалогические данные, что в конечном счете привело к созданию таких нарративных работ, как «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихон Сёки» («Хроники Японии»). Первая работа – «Кодзики» в основном посвящена генеалогии и мифам, тогда как «Нихон Сёки» вносит значительный вклад в научное понимание как истории, так и мифов древней Японии. Обе эти работы чрезвычайно важны, поскольку об истории древней Японии не существует иных достоверных источников, а также потому, что в них содержится вся мифология синтоизма. «Нихон Сёки» явилась первой из работ по национальной истории, которые появились до X в., входит в число шести японских общегосударственных хроник.

Историография в Индии

Достоверных сведений об историографии древней и средневековой Индии явно недостаточно. Единственной индийской исторической работой этого периода может считаться «Раджатарангини» кашмирского поэта XII в. Калханы, написанная на санскрите. Вероятно, эта работа представляет собой нечто большее, чем просто летописное повествование. Все другие работы могут рассматриваться только как квази-историческая литература; к ним можно отнести поэтические произведения из Раджпутаны и баллады, героические поэмы, хроники штатов Раджастхан и Ассам. Хотя эти работы и не соответствуют критериям политической истории, все же они содержат ценные данные для историков, занимающихся социальными и культурными проблемами.

Дий аль-Дин Барани, или Барни (ум. после 1357 г.) написал историю Индии на персидском языке. Этот ученый являлся видной фигурой индомусульманской мысли в правительстве. В труде «Фатава-и Джахандари» он подробно излагал политико-религиозную философию исторической науки. В работе «Тарих-и Фируз-Шахи» он описывает историю Делийского султаната и показывает, что происходит в истории, когда пренебрегают заповедями Фатава. Его труд по истории являлся продолжением работы Минхаджа Сираджа «Табакат-и Нашири» по истории первых султанов Дели и их придворных, законченный в 1260 г.

Исламская историография

Хронология исламского мира начинается с хиджры (переселение Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину. – Прим. ред.) в 622 г. н.э. С момента установления халифата Аббасидов в 750 г. историческая наука уже дос-

тигла зрелости. Особенностью историографии является тщательное изучение историками тех источников, которыми они пользуются. Вплоть до времени арабского историка Табари (838 или 839–923 гг.), когда ученые еще находились поблизости от основных событий, сопровождавших зарождение ислама, они разработали специальный метод, названный *иснад*, объединявший последовательность достоверных источников, по которой информация доходит до более поздних времен. По мере того как исторические события прошлого отдалялись от историков все более позднего времени, эти историки должны были самым тщательным образом использовать все накопленные достоверные данные своих предшественников и обязательно ссылаться на такие источники. Метод тщательного исследования исторических фактов был доведен до совершенства Ибн Хальдуном, который утверждал, что исторические свидетельства должны проверяться по присутствию им достоверности и степени доверия.

Самые первые мусульманские историки имели дело с фактами из жизни Пророка и миссионерских кампаний по распространению ислама. Вслед за этим шла последовательность историй о завоеваниях (*футух*). Наиболее заметными среди историков *футуха* были аль-Вакиди (ум. в 823 г.) и аль-Баладхури (ум. в 892 г.). Труды по общей истории начали появляться в IX в. Всеобщая история аль-Табари («История посланников и царей». – Прим. ред.), известная на Западе как «Анналы», является самой значительной и наиболее достоверной работой подобного типа. Табари использовал метод *иснад*, который предписывает работать только с четкой и проверенной информацией. Величайшим достижением мусульманской историографии является труд по всеобщей истории Ибн аль-Асира (1160–1232 гг.), известная под названием «Совершенство в истории» (биографический словарь сподвижников Мухаммеда. – Прим. ред.). Ибн аль-Асир был беспристрастным историком, который пользовался в своей работе любыми доступными источниками. Другим крупным трудом являлась работа «Джами аль-Таварих», написанная иранским ученым Рашидаддином (1247–1318 гг.), везиром монгольских ильханов. Эта история мира была издана как на персидском, так и на арабском языке. В основу ее легли обширные исследования, проведенные по арабским, персидским, уйгурским, монгольским и китайским источникам.

Помимо летописей по всеобщей истории, появлялись летописи, касающиеся конкретных важных событий, например летопись Сиффина. Местные исторические записи стали появляться в IX в. Среди крупнейших египетских историков можно выделить Макризи (1364–1442 гг.) и Ибн Тагхрибарди (ум. в 1469 г.). Многие историки Андалусии и Магриба описывали исторические события, происходившие в западной части исламского мира. Широко известным историком позднего арабо-испанского периода был андалусийский везир Ибн аль-Хатиб (1313–1374 гг.). Были записаны истории о некоторых исламских героях, например о Салах-ад-дине (Саладине). Существовали летописи важных исламских городов, таких как Багдад и Дамаск. Писались книги по генеалогии, а также книги о везирах и исламских писателях. Биографические и автобиографические работы являются важными историческими источниками и, вероятно, наиболее важными из таковых был «Биографический словарь», написанный Ибн Халликаном (ум. в 1282 г.).

Наиболее блестящим историком средневекового периода и одним из наиболее выдающихся во все времена был Ибн Хальдун (1332–1406 гг.), основавший свою систему взглядов на развитие общества. Он написал работу «Мукаддима» («Введение в историю»), в которой рассматривал историю как науку (илл. 123). Ибн Хальдун понимал, что история охватывает такие отрасли науки, как экономика и социология, а также как наука рассматривает чисто политические, военные и религиозные события. Он разработал концепцию роста и изменения в истории, сравнимого

с ростом отдельного организма, и объяснил, как сообщества поднимаются, развиваются и угасают. Помимо этого он объяснял социальную солидарность и ее основу, влияние климата и деятельности человека на характер социальной группы, закономерности социальных перемен и политической стабильности, а также влияние экономики и религии на поведение человека.

Историография в Африке южнее Сахары

Возрождение обучения, которое происходило в африканском регионе южнее Сахары в XIV и XV вв., привело к появлению своеобразной африканской исторической литературы, написанной на арабском языке, в XVI и XVII вв. К ней можно отнести, например, трактат «*Тарих аль-Фатташ*», созданный несколькими поколениями семьи Кати (начиная с 1519 г.), и работу «*Тарих аль-Судан*», написанную аль-Сади (завершена в 1655 г.). В тот же период историческая литература появилась и на восточном побережье Африки. Большое количество африканских исторических рукописей еще предстоит найти.

Устная традиция также являлась важным источником сведений об африканской истории. Сюда относятся мифы, хвалебные песни, эпические поэмы, народные и детские песни, магические заклинания, загадки и поговорки. Сбор и сохранение устных традиций теперь более не является занятием только иностранцев. Некоторые из самых лучших сборников составлены африканскими учеными, и многие университеты в Африке привлечены к записи и интерпретации этих материалов.

Европейская историография

В течение большей части рассматриваемого периода историография в Западной Европе являлась христианской литературой на латинском языке, которая писалась служителями религии, в основном монахами. Метафорический язык Библии раскрывал фрагменты мировой истории. Библейское повествование зачастую являлось паратаксистическим по стилю, с отсутствием каузативных или связующих слов. Этот стиль стал характерным и для историографии раннего средневековья. Однако начиная с IX в. историки обогатили свои тексты разнообразными речевыми оборотами, заимствованными из римской риторики и литературы. К концу IX в. уже имелось значительное разнообразие исторических рукописей, включая летописи, всеобщие хроники и родовые записи. Одной из особенностей средневековой историографии является большое количество описаний жизни святых, для которых было характерно включение сверхъестественных событий. Другой особенностью была попытка церковных писателей связать родовую историю различных «варварских» народов с Библией, как, например, в случае с английскими и германскими племенами, франками и испанскими вестготами.

Период с X по конец XII в. составлял наиболее продуктивные годы средневековой историографии. Постепенно кругозор историков расширился, по мере того как европейцы больше контактировали друг с другом и с другими культурами, такими как ислам. Крестовые походы способствовали созданию ряда лучших исторических повествований за весь средневековый период. К XIV в. историография более не принадлежала только Церкви, и записи об исторических событиях уже велись на местных языках. Происходили изменения и в самом процессе изучения и документального фиксирования исторических событий, что побуждало историков уделять большее внимание событиям во всем мире. Во Франции монахи королевского аббатства Сен-Дени составили «*Великие хроники Франции*» за период с середины XIII по конец XV в. В Англии

монахи Сент-Олбанса вели записи событий национальной истории в течение более двух веков начиная с 1214 г. Подобные летописи во множестве велись в Италии, Нидерландах и Германии. Широко распространились городские хроники, такие, например, как «*Нюрнбергские хроники*» и «*История Флоренции*».

Эпоха Ренессанса принесла значительные изменения в методы исторической науки и характер записей. Большинство летописцев теперь были мирянами, а не священнослужителями. Франческо Петрарка (1304–1374 гг.) составил историю Рима. Джованни Виллани (ум. в 1348 г.) был первым выдающимся флорентийским летописцем. Написанная им на итальянском языке история родного города ценна широким использованием статистических данных. Лоренцо Валла (1405 или 1407–1457 гг.) считается пионером нового исторического критицизма.

В Византийской империи историки сознательно придерживались классической греческой традиции, они больше сосредоточивались на современных им мировых событиях и в меньшей степени управлялись церковью. Византия подарила миру одну из первых и лучших женщин-историков Анну Комнину (ум. в 1148 г.), дочь византийского императора Алексея I, основателя династии Комнинов. Девочкой она видела армии, проходившие через Константинополь первый крестовый поход.

Грамматика и лексикография

Китай

Китайская письменность является идеографической, использующей идеограммы, в отличие от алфавитной. Для выражения понятий в таком письме применяются знаки (условное изображение или рисунок). В наиболее распространенном виде такое письмо состоит из сочетания семантического (называемого корнем) и фонетического элемента. Число корней к настоящему времени уменьшено до 214. Китайские слова имеют только один слог. Тоны составляют интегральную часть односложной морфемы. Во многих случаях они помогают определить различия в значениях слогов, которые иначе являются идентичными¹. В VII в. Лу Файян (*Lu Fayuan*) составил самый первый фонетический словарь китайского языка, «*Цеюнь*» («*Qieyun*»), в котором слова классифицировались по 204 рифмам. В 1067 г. Сыма Гуан в свой словарь «*Лейшань*» добавил ключ к словарю «*Цеюнь*». Этот прием позволил получить усовершенствованный словарь, включавший более 31000 слов.

Япония

Первый энциклопедический японо-китайский словарь был составлен в XI в. В период между XII и XV вв. за ним последовал выпуск других словарей.

Тибет

Собрание текстов «*Тенджур*» («*Tenjur*») включало в себя тибетско-санскритский словарь, а также трактаты по грамматике, логике, медицине и другим предметам.

Индия

Здесь санскрит являлся языком науки, подобно латинскому на Западе. Начальное обучение велось на санскрите, и, таким образом, это был единственный язык, общий для всех индийцев. Грамматика развилась сравнительно рано, но развитие лексикографии продвигалось намного

медленнее. Словари санскрита были составлены между VI и XII вв. Распространение буддизма привело к составлению двуязычных словарей для китайского, тибетского, корейского, монгольского и японского языков. Пали являлся языком, на котором, согласно легенде, проповедовал Будда. Несколько специалистов создали пособия по грамматике этого языка и словари для него. Сингальский язык (официальный язык Республики Шри-Ланка) происходит от языка пали с сильной примесью дравидийских слов, однако его грамматика близка к грамматике пали.

Исламский мир

Грамматика арабского языка оформилась в Басре и Куфе (Ирак) в VII в. В своей выдающейся работе «*аль-Китаб*» Сибаваях (*Sibawayh*, VIII в.) впервые составил полное описание арабского языка на трех уровнях – синтаксическом, морфологическом и фонологическом, встраивая это описание в структуру унифицированной грамматической модели. Золотым веком грамматики в Багдаде считается X в. Там преподавали несколько замечательных специалистов по грамматике. В течение последующих веков, вплоть до XIV в., появилось целое созвездие ученых в этой области. Одним из наиболее замечательных являлся Ибн Джинни (X в.) со своей работой «*Хаса'ис аль-Арабийях*». Это было настоящее исследование в поисках общих принципов построения арабского языка на всех уровнях, от фонологии до синтаксиса, с позиций семантики и психологии. Ибн Хишам (XIV в.) написал труд «*Китаб Мугхни аль-Лабиф фи аль-Нахв*», который стал руководством по преподаванию арабского языка.

Аль-Халил Ибн Ахмад (VIII в.), систематизировавший арабскую просодию (стихосложение), был первым лексикографом, составившим общий арабский словарь. В промежутке между VIII и XV вв. было составлено более десятка обширных словарей арабского языка. В X в. Джавхари составил «*аль-Сихах*», в котором содержалось 40000 слов и выражений, расположенных в алфавитном порядке в соответствии с последним корнем слова. Два замечательных словаря появились в XIII–XIV вв. Один из них, «*Лисан аль-Араб*», составлен Ибн Мансуром. Подобный объемистый словарь, содержащий более 80000 слов и выражений, мог являться величайшим средневековым лексикографическим памятником для любого языка. Второй значительной работой являлся труд Фирюзабади «*аль-Камус аль-Мухит*».

Было составлено множество специализированных списков слов или словарей по отдельным темам. Наиболее полным примером произведений такого типа может служить словарь синонимов «*аль-Мухашиша*» филолога и лексикографа арабской Испании Ибн Сиды (1006–1066 гг.). Кроме того, появлялись также технические словари по различным отраслям знаний, например «*Мафатих аль-Улум*» Хваризми (X в.).

Другие языки исламского мира

В XI в. был закончен словарь восточного турецкого языка «*Диван-лухат аль-Тюрк*», включавший грамматические пояснения. В XIII в. в пользовании появились турецко-арабский и персидско-турецко-монгольский словари. В тот же период было написано первое систематизированное пособие по турецкой грамматике. Из сохранившихся персидских словарей самым старым является «*Лухат-и Фурс*», составленный Али ибн Ахмадом Асади Туси в XI в. Два других персидских словаря были составлены в Иране в XIV в. Еще больше было составлено словарей в Индии, а также турками. Создавалось также большое число специализированных словарей.

Самый ранний систематизированный трактат по сирийской грамматике был написан в первой половине VII в. Наиболее полный сирийский словарь был составлен Бар Бахлулом в X в. Между XI и XIII вв. появился ряд трудов по грамматике, написанных по арабским образцам.

Саадия в Ираке (X в.) создал две работы по грамматике еврейского языка и еврейский словарь. Он считается основателем филологии этого языка. Изучение грамматики еврейского языка интенсивно велось в Кордове. Ибн Джанах (*Ibn Janah*, X в.), виднейший средневековый филолог иврита, составил грамматику и словарь еврейского языка, обе работы были написаны по-арабски. В этот же период был создан первый полный словарь библейского языка на иврите и были разработаны новые правила просодии для иврита, основанные на арабской модели. Большое влияние имели грамматика и словарь «*Мишлал*», созданные европейским еврейским ученым Давидом Кимхи (ум. около 1235 г.). Решение более серьезной задачи по адаптации языка для научных и философских целей было начато Джудагом ибн Тиббоном (*Judah ibn Tibbon*, ум. в 1190 г.).

Имеется несколько коптских рукописей по грамматике и лексикографии, относящихся к XI в., также написанных по-арабски.

Европа и Византия

Двумя наиболее популярными пособиями по грамматике в средние века являлись латинская грамматика Доната (*Donatus*, IV в.) и Присциана (конец V в.). Между X и XIII вв. появилось несколько трактатов, основанных на этих пособиях. Джон Гарландский (XIII в.) был одним из первых филологов-теоретиков, кто поднял грамматику как науку на более высокий философский уровень. В XIV в. работы по теоретической грамматике велись весьма активно. Эта наука была в большой степени теоретической и ориентировалась на университетское образование, в то время как школьная грамматика продолжала основываться на старой грамматике Доната и Присциана.

Хотя латинский являлся в определенной мере установленным языком на Западе, в начале рассматриваемого периода лексикография была развита слабо. Для конкретных видов работ было подготовлено большое количество глоссариев (собраний глосс – непонятных слов и выражений с толкованием или переводом на другой язык – *Прим. ред.*). Позже глоссы из различных источников собирались и объединялись в сборники. Но такой сборник пока еще не мог рассматриваться как словарь. Первой значимой лексикографической работой на латыни стал труд Папия Ломбардского (XI в.). Вслед за этим появились другие лексикографические работы, например «*De Usilibus*», написанная Некхэмом. Списком слов являлся также и «*Dictionarius*» Джона Гарландского – название демонстрирует первое использование слова «словарь» («*dictionary*»). Наиболее значимой работой XIII в. стал «*Catholicon*» Джона Балби. Этот труд представлял собой совокупность грамматики, просодии, риторики, этимологии и словаря. После этого стали появляться более специализированные словари, такие как словарь Симона Генуэзского, включавший греческие, арабские и латинские термины.

Другие языки в Европе

Пособие по латинской грамматике, основанное на работах Присциана и Доната, написал в Англии в IX в. Эльфрик, имея целью применить эту грамматику к старому английскому языку. Однако первой настоящей грамматикой, которой было суждено появиться в Европе, стала уникальная исландская работа «*Первый грамматический трактат*», написанная в XII в. неизвестным специалистом,

продемонстрировавшим оригинальность и уникальную независимость мышления. Литература трубадуров повысила потребность в знаниях грамматики, и поэтому начиная с XIII в. было написано несколько грамматических трудов на провансальском и каталонском языках. Первой работой по итальянской филологии была «*De Vulgari Eloquentia*» («О народном красноречии») Данте (XIV в.). Но, несмотря на появление этих работ, развитие грамматики в Западной Европе было чрезвычайно медленным. Первая французская грамматика для английских студентов была написана в Англии в XV в., она была основана на латинской модели. Первые испанские и немецкие учебники грамматики появились тоже в XV в. Первые работы по грамматике итальянского, французского, среднеанглийского и голландского языков появились не ранее XVI в.

В Восточной Европе в XIV в. появилась работа Мсхопулоса по греческой грамматике. Самая первая грамматика славянского языка была составлена в Сербии тоже в XIV в. Рассматривая ситуацию еще далее к Востоку, отметим, что тексты по грамматике армянского языка были написаны в XIII в.

Разработка лексикографии местных языков тоже развивалась медленно. Еще только начинали составляться и появляться словари, глоссарии и списки употребляемых слов. Некоторые из них были двуязычными. Настоящие словари не появились до XVI в. Латинско-староанглийский глоссарий появился вместе с грамматикой Эльфрика, которая является самой ранней из сохранившихся латинско-английских лексикографических работ. Самый древний латинско-германский глоссарий был составлен тоже в IX в. В конце XIV в. была предпринята попытка создания работы по французской лексикографии на французском языке посредством адаптации латинского труда «*Catholicon*» Джона Балби. В конце XV в. был составлен англо-латинский словарь. Армянский словарь был составлен в этот же период, в то же время появился и армяно-арабо-латинский глоссарий.

ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ

Проникновение китайской культуры в Корею и Японию

Прежде чем японцы установили прямые контакты с Китаем в VII в., китайская цивилизация сначала проникла в Корею, а уже оттуда достигла Японии. В период *Тайка* (Великая перемена), когда при японском императоре Котоку были осуществлены важные реформы, которые привели к созданию централизованного государства и установлению монархии в 645 г., стали учреждаться многие новые институты, большинство из которых были копиями тех, что уже имелись в Китае при правлении династии Тан. *Даигакуро*, или колледж, который был учрежден в столице, и провинциальные школы сначала следовали программам, почти одинаковым с теми, которые преподавались при династии Тан в Китае. Другие аспекты китайского влияния как на Корею, так и на Японию были рассмотрены в предыдущих разделах.

Китай и Индия

После распространения буддизма в Китае многие индийские монахи посетили эту страну, тогда как сама Индия сделалась целью посещения китайских паломников-буддистов. Это создавало возможности для китайско-индийского обмена в области культуры и научных знаний, который усилился в середине IV в. и продолжался до начала XI в. Официальная история династии Суй, завершенная в 636 г. н.э., содержит в своем библиографическом каталоге

большое число книг, и все они начинаются со слова «*болуомен*» или «*брамин*». Хотя все эти работы в настоящее время утеряны, их простое перечисление в официальном историческом документе свидетельствует о многом. В VII в. индийские труды «*Сиддхантас*» изучались в Чанъане, а в VIII в. при дворе правителей Тан были индийские астрономы. С другой стороны, имеются примеры влияния китайских математиков на развитие индийской математики. Кроме того, имелись сообщения об обменах в области алхимии, фармакопеи и медицины. На этом этапе сложно составить какой-либо равновесный перечень взаимных влияний между индийцами и китайцами.

Китай, исламский мир и Западная Европа

Можно считать, что в целом науки в Китае развивались независимо как от исламской, так и от европейской (латинской) цивилизаций, но в средние века наука и научная мысль исламского мира составляли во многом единое целое с европейской наукой. С другой стороны, древняя и средневековая китайская наука была ограничена рамками иероглифического китайского языка, и поэтому труды с китайского не переводились ни на арабский язык, ни на латынь. Заметное количество переводов с других языков на арабский начало появляться с середины VIII в. до конца IX в. В этот период у власти в Китае была династия Тан, а арабы уже установили хорошие торговые отношения с Китаем. Но хотя в Гуанчжоу жила арабская община, ни одна из китайских научных работ не попала к арабам. Это дало возможность Саиду аль-Андалуси (ум. в 1070 г.) в его книге «Категории наций» сделать заключение, что китайская цивилизация является лишь технологической.

Научные контакты между исламскими и китайскими учеными продолжались и в период правления в Китае монгольской императорской династии Юань в XIII и XIV вв. Этим контактам способствовало также включение некоторых исламских стран в эту империю. Азербайджанский астроном Насирэддин Туси в Марагинской обсерватории в Мараге (Иран) имел в штате китайского астронома (илл. 139). Весьма вероятно, что этот ученый вернулся домой с некоторыми математическими знаниями своих исламских коллег. Другой мусульманский астроном Джамал аль-Дин и члены его группы работали при дворе монгольской династии Юань в Китае в течение нескольких лет. Хотя о влиянии этой миссии судить сложно, возможно, что они оказали воздействие на развитие китайских астрономических приборов и на создание китайской обсерватории. Мусульманские военные инженеры служили монгольскому хану Хубилаю, который завершил завоевание Китая в 1279 г., и строили метательные машины (баллисты) для его армии. Примерно в 1313 г. Рашидаддин положил начало созданию энциклопедии китайской медицины на персидском языке. В течение всего периода правления монголов Европа имела прямой доступ в Китай, но это не привело к переводу каких-либо китайских научных работ на латынь; однако дело с передачей технологических изобретений обстояло совершенно иначе.

Индия, исламский мир и Западная Европа

Индия, безусловно, играла важную роль в передаче и распространении научных знаний между Востоком и Западом. С одной стороны, в Индию поступали вавилонские, египетские и греческие достижения научной мысли и технологий, с другой – ее собственные знания передавались в исламскую цивилизацию в ранние центры ислама и далее на Запад. С началом осуществления переводов различных трудов на арабский язык в VIII в. одной из первых переведенных книг по астрономии было сочинение Брахмагупты,

которое стало известно на арабском как «Синдхинд». Эта работа осталась основным трудом для исламской астрономии до перевода «Альмагеста». На этой основе было подготовлено множество *зидж* (альманахов), наиболее серьезным из которых были работы аль-Хорезми, пересмотренные позднее аль-Маджрити. Выше уже было рассмотрено, как в сфере арифметики индийские цифры попали к арабам и как они эти цифры далее распространили в Западной Европе. Великий исламский ученый Бируни жил некоторое время в Индии, учил санскрит и изучал науки и культуру этой страны. Известно, что он и сам преподавал там греческие и арабские науки. Его «*Китаб аль-Хинд*» («Индия») (1305 г.), возможно, является наиболее глубоким трудом прошлых времен об одной культуре ведущего ученого другой культуры.

Индийские труды по медицине были переведены на арабский в VIII в. Абу аль-Хасан Али аль-Табари посвятил значительную часть своего выдающегося труда «Рай мудрости» (IX в.) индийской медицине. Эта работа не переводилась на латынь, и потому индийские медицинские теории не достигли Европы. С установлением в Индии мусульманского правления при династии Газнавидов и позднее – власти Делийского султаната (начало XIII в.) в этой стране появились исламские науки, включая греческие астрономические и медицинские теории. И хотя в первую очередь они изучались в мусульманских кругах, постепенно эти знания стали известны и индийским ученым.

Африка южнее Сахары, исламский мир и Азия

Этот период являлся золотым веком для трансафриканской торговли. В результате активных торговых процессов многие представители берберов и арабов селились в городах Судана. Роль ислама в распространении знаний имела первостепенное значение. Арабский язык стал языком образованных людей и дворов правителей, например, *манса* (император) Муса прекрасно на нем говорил. Появилась африканская литература на арабском языке. Обмены учеными между университетами Судана и Магриба продолжались с XIV до XVI в., а в течение XIV в. многих суданских ученых привлекал и Каир. Расположенный на паломнических путях, Каир давал пристанище большой общине африканских жителей и учащихся. Правители Судана были окружены арабскими учеными и советниками. По возвращении из своего паломнического странствия Муса имел в свите писателей, ученых и архитекторов (илл. 259).

То же можно сказать о влиянии международной торговли на побережье Восточной Африки. Новая цивилизация суахили родилась под сильным исламским и арабским влиянием. В свою очередь, на эфиопскую культуру на раннем этапе развития оказали влияние христианские миссионеры из Сирии, а эфиопский язык и письменность имели южно-арабское происхождение. Культура Мадагаскара складывалась под влиянием поселенцев из Юго-Восточной Азии. Побережье Восточной Африки посещали китайские торговые миссии, и таким образом африканцы получали доступ к товарам из Китая.

Переводы трудов с греческого, сирийского и пехлеви на арабский

К середине VIII в. с приходом к власти династии арабских халифов Аббасидов настало время широкомасштабных переводов разнообразных трудов с греческого, сирийского, санскрита и пехлеви на арабский язык. Этот процесс был начат при халифе аль-Мансуре (правил в 754–775 гг.), и его последователи уделяли этому должное внимание, особенно аль-Мамун (правил в 813–833 гг.). Работы по переводу поддерживались не только самими халифами, но и другими

влиятельными лицами. Ибн аль-Мукаффа (ум. в 757 г.) переводил с пехлеви на арабский труды по логике, истории и медицине. Члены семьи аль-Навбахт (*al-Nawbakht*) перевели с пехлеви работы по астрономии и астрологии. В IX в. «*Альмагест*» был неоднократно переведен на арабский. Аль-Хаджадж ибн Матар выполнил два перевода «*Начал*» Евклида, а Исхак ибн Хунайн сделал третий перевод, который позднее был откорректирован Сабитом ибн Курра.

Всё медицинское наследие Александрийской школы было полностью переведено Исхаком ибн Хунайном (ум. в 877 г.) и его учениками. Они перевели труды Галена, Гиппократа и работы Диоскорида о лечебных травах, а в области философии – все труды Платона и Аристотеля. Сабит ибн Курра был инициатором перевода или правки некоторых наиболее важных работ Архимеда, Аполлония Пергского (ученика Евклида), Евклида, Птолемея, Феодосия и других (илл. 126, 130). Как и Хунайн, Ибн Курра возглавлял школу переводчиков.

Переводы с арабского на латинский

Контакты между Западной Европой и исламским миром существовали как на дипломатическом уровне, так и на уровне торговли. Дипломатические контакты восходят ко временам Гарун аль-Рашида (Харун ар-Рашида) и Карла Великого в VIII в. В 950 г. Оттон I из Франкфурта и халиф Кордовского халифата Абд ар-Рахман обменялись послами, оба из которых были учеными. Определенные контакты с исламской культурой происходили в Северной Испании, куда студенты из Западной Европы приезжали, чтобы ознакомиться с исламской наукой. Герберт (будущий папа Сильвестр II) совершил такое паломничество в 960-е гг. для изучения исламской математики. Подобные контакты создавали в сознании западных европейцев представление об исламе как об интеллектуальной сокровищнице. Первые переводы с арабского в X в. были сделаны с некоторых трактатов по математике и руководств по астрологии. В XI в. Константин Африканский, упоминавшийся ранее, перевел несколько медицинских трактатов, составлявших основную литературу по медицине на Западе в течение нескольких веков. Переводческое движение набрало силу в первой половине XII в. Наиболее естественным центром подобной деятельности была Испания, поскольку она обладала блестящими достижениями исламской культуры и географически относилась к Западной Европе. В 1085 г. город Толедо оказался в руках христиан (и стал столицей королевства Кастилии и Леона. – *Прим. ред.*). Кроме богатых библиотек, в Толедо имела большая община мосарабов (христиан, живших в VIII в. под властью арабов и воспринявших арабский язык и культуру) и местных евреев, которые играли значительную роль в выполнении переводов с арабского языка на латынь. Взятие Толедо дало уникальную возможность ученым из Западной Европы прибывать в этот знаменитый город для изучения арабской и исламской культуры и науки.

Одним из первых переводчиков стал Аделард Батский (годы деятельности 1116–1142) из Англии. Он прожил в Сирии несколько лет, в течение которых много занимался арабскими науками. Аделард перевел астрономические таблицы аль-Хорезми в редакции аль-Маджрити и «*Начала*» Евклида. Джон Севильский (годы деятельности 1133–1142), мосараб из Толедо, перевел множество астрологических трудов. К другим испанским переводчикам можно отнести Марка Толедского (ок. 1191–1216 гг.), который перевел несколько текстов Галена. Среди переводчиков, приезжавших в Толедо, следует упомянуть Роберта Честерского из Уэльса, славянина Германа Далматинского и Платона из Тиволи, Италия. Крупнейшим переводчиком той эпохи был Жерар Кремонский (ок. 1114–1187 гг.), который прибыл в Толедо из Италии в поисках «*Альмагеста*» и остался для изучения

арабского языка. После того как он закончил перевод *«Альмагеста»* на латынь, он оставался в Толедо еще 35 или 40 лет, работая с группой помощников над переводами наиболее важных арабских трудов. Число сделанных им переводов превышает 90, они включают труды по астрономии, математике, медицине, логике, философии и алхимии. Такое переводческое движение продолжалось в Испании до XIII в., и к этому периоду относится работа таких переводчиков, как Альфред Сарашельский, Майкл Скот, Маррочини, Арнольд из Виллановы и Раймонд Лалл (*Raymond Lull*). Как уже отмечалось выше, важные усилия по выполнению переводов с арабского на испанский были предприняты Альфонсом X Мудрым. Вне Толедо и Испании Стефан Антиохский в 1127 г. перевел *«Liber regalis»* Али ибн Аббаса. Веком позже Филип Триполийский перевел работу «Секрет секретов», приписываемую Аристотелю.

В XII в. центром перевода исламских научных трудов стала также Сицилия. Сицилийские короли привлекали к своим дворам образованных людей вне зависимости от их религии или языка. Исламская культура продолжала занимать исключительное положение. Оно особо проявилось при короле Рожере II (правил в 1101–1154 гг.), который покровительствовал арабскому путешественнику Идриси. Двор короля Сицилии Фридриха II Штауфена (1194–1250 гг.) также был наводнен образованными людьми самых разных вероисповеданий. Наиболее выдающимися учеными, работавшими на Сицилии, были Майкл Скот, Теодор Антиохский и Леонардо Пизанский (Фибоначчи). Эти ученые переводили трактаты по философии, зоологии, математике, механике и космологии. Король Фридрих основал университет в Неаполе в 1224 г. и организовал при нем библиотеку с большим собранием арабских манускриптов. В университеты Парижа и Болоньи он безвозмездно передал копии переводов трудов Аристотеля и Ибн Рушда, которые были выполнены по его распоряжению. Переводческая деятельность продолжалась и при Манфреде и Карле I Анжуйских. Наиболее значительной работой, которая была выполнена Фарадж бен-Салимом при правлении Карла I, был перевод объемистого трактата *«Китаб аль-Хауи» аль-Рази* (илл. 133).

В XIII в. переводчики работали также в Италии и Франции, особенно в Монпелье. Хотя переводческое движение пошло на убыль в конце XIII в., значительное число переводов выполнялось вплоть до XVI в.

Переводы с греческого на латинский

Переводческое движение XII в. положило начало попыткам прямого перевода с греческого языка на латынь. В Италии, особенно на юге страны, существовали грекоязычные сообщества, а в библиотеках там было значительное число трудов на греческом языке. Кроме того, ученые могли получать работы на греческом непосредственно из Византии. В XII в. усилия ученых привели к тому, что были переведены некоторые трактаты Аристотеля, *«Альмагест»* Птолемея, а также труды Евклида – *«Начала»*, *«Оптика»* и *«Катоптрика»*. Эта активность продолжалась и в XIII в., в значительной степени благодаря Вильяму Морбекскому, который старался донести до латинского Запада труды Аристотеля в наиболее полном варианте. Он также сделал переводы нескольких работ неоплатоников и рукописей Архимеда.

В XV в. вновь возникла потребность обратиться к греческим источникам. В 1410 г. была переведена с греческого *«География»* Птолемея (илл. 122). Над переводом *«Альмагеста»* работал Региомонтан (Иоганн Мюллер), но оставил работу неоконченной. С падением Константинополя в 1453 г. византийские ученые переселились в Италию, привезя с собой классические греческие труды, что, в свою очередь, способствовало возрождению гуманитарных наук. Но фактически к этому времени многие греческие научные тексты уже были переведены.

ПОСЛЕДСТВИЯ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ

Истоки современной науки

Прежде чем обсуждать последствия ряда научных открытий, полезно дать общую оценку того наследия, которым наука располагала в данный период истории. Наука до Нового времени сделала существенный вклад в современную науку, которая начала складываться в Европе в XVI и XVII вв. Именно тогда была подготовлена почва для более поздних достижений. Хотя новая наука началась с ниспровержения преобладавших до того в астрономии и механике систем Евклида и Аристотеля, она в своей новой форме сохранила основную массу материала, который унаследовала от древних и средневековых цивилизаций. Как можно видеть, на каждом этапе своего развития наука наследует результаты предшествующей цивилизации, либо приобретает знания современной цивилизации.

Средневековая Западная Европа начала строить собственную науку, вобрав достижения греческой и исламской науки, главным образом путем перевода научных трудов с арабского языка. В этих переводах оказалась сосредоточенной большая часть наследия классической и индийской цивилизаций. Потребовалось бы много веков, если бы европейцам пришлось делать эти же открытия самостоятельно, путем собственных научных поисков и исследований. Исходя из этого, понятно, что наука Нового времени не появилась бы в XVI и XVII вв., если бы Коперник, Галилей, Кеплер и Ньютон не имели бы в своем распоряжении научных результатов труда своих предшественников. Достаточно привести несколько примеров.

Выше уже упоминалось, как исламские астрономы работали над реформированием теории планетарной системы Птолемея и насколько они преуспели в создании нептолемеевых планетарных моделей. Эти модели вновь принесли плоды уже в Западной Европе, дав развитие трудам Коперника. Единственной существенной новацией в планетарной системе Коперника было повторное принятие им древнегреческой концепции гелиоцентрической Вселенной. Астрономия Коперника сохранила основные принципы этой науки, которые были разработаны ранее.

Уже отмечалось, что сомнения в правильности положений физики Аристотеля относительно динамики движения начали выдвигаться еще Филопоном из Александрии, а понятие импульса было предложено Ибн Синоу и другими учеными и окончательно утверждено Буриданом. Индийские ученые также рассматривали понятие импульса. Историки науки нашли явно прямое соответствие между комментариями Ибн Баджа (латинизир. Авемпас, ум. в 1139 г.) к трудам Аристотеля и теорией свободного падения тел Галилея. Они приписывают Ибн Бадже важную роль в выработке понятий, которые позволили Галилею обобщить теорию импульса Буридана и приложить ее к общему понятию инерциальной системы отсчета в динамике. Галилеев анализ кинематики падающих тел в значительной мере был развитым и практическим приложением принципов кинематики, разработанных в XIV в. в Оксфорде и Париже.

Оптика – другая область, в которой проявляется высокая степень преемственности между наукой до Нового времени и наукой раннего Нового времени (рис. 17). Теория Кеплера о формировании изображения на сетчатке глаза была важным усовершенствованием теории зрения, но она полностью была выработана в рамках средневекового концептуального подхода, без опровержения каких-либо фундаментальных принципов. Опубликованные работы Ибн аль-Хайсама, Уайтло и Пичема составили основу новой кеплеровской теории зрения. Кеплер в своих решениях точно применил аксиомы, выведенные задолго до него.

Преемственность наблюдается и в области математики. Здесь прослеживается постоянная эволюция в течение столетий, и, поскольку темп развития этой науки возрастал

— 69 —

eius. Et eclipsarum de ea in secunda fuit medietas eius et fuerunt
 in utraque duarum eclipsium pro longitudine longiorum orbis
 reuolutus. Denique inuenit per computationem longitudinem ce-
 triline in duobus mediis temporibus duarum eclipsium a fi-
 ne septentrionali in circulo declinationis ergo sunt per illud longi-
 tudinem lune ab orbe signorum in circulo transierunt per centrum con-
 us lune et tunc super orbem declinationis orthogonale in una
 duarum eclipsium. Inuenit igitur longitudinem in eclipsi pro
 23. m. et medietatem minutam. Et in eclipsi secunda 20. m. et 23.
 cial. minuta. ergo accipit superfunditatem me illas duas longi-
 tudines et illud quidem est. a. uniuersa et medietas et tunc minuta sa-
 ut utaq. q. hoc est quantitas arcus cui subtrahitur diamet-
 er orbis lune in eclipsi prima quanta eius et in secunda
 medietas ipsius. et cetera. Illud summa arcus cui subtrahitur di-
 ameter lune. 21. minuta et tertia minuta. (Et ipse q. in eclipsi fa-
 ciatur longitudine lune ab orbe signorum in circulo transie-
 rit per eam tunc super orbem declinationis orthogonale. 20. m.
 et duas tertiae minuta et iam eclipsium erat de luna medietas
 diametri eius. et ipse illud quantitas arcus cui subtrahitur medi-
 etas diametri orbis umbrae. et 21. m. et 20. secunda. et tunc e-
 sti umbrae semper sit super hemisphaerum orbis signorum. Erit ergo ipse
 illud arcus cui subtrahitur diametrum orbis umbrae. 21. m. et 20.
 minuta. et tertia. Et dicitur q. huiusmodi quantitates inuenit per a-
 sseruones eclipsium plurimum aliarum ab istis. Et postquam declaratur
 sunt et res iste inceptum post illud declaratur longitudinem solis a
 centro terre. et q. declaratur cum declaratione eius de proportionibus ca-
 pituli solis et lune ad invicem. ergo declaratur illud q. sic modus.
 et circulus magnus sui quantitates que est corporis solis.
 circulus. abg. in eadem. centum. d. et circulus corporis lune in
 longitudine magna circulus. ch. circa centrum. v. et circulus corpo-

q. q. d. e. q. d. m. p. a. c. n. e. l. u. e. d. ad. a. b. b.
 b. i. s. d. u. f. i. g. u. r. e. b. a. b. a. b. g. i. s. a. u. a.
 o. p.

q. q. d. e. q. d. m. p. a. c. n. e. l. u. e. d. ad. a. b. b.
 b. i. s. d. u. f. i. g. u. r. e. b. a. b. a. b. g. i. s. a. u. a.
 o. p.

q. q. d. e. q. d. m. p. a. c. n. e. l. u. e. d. ad. a. b. b.
 b. i. s. d. u. f. i. g. u. r. e. b. a. b. a. b. g. i. s. a. u. a.
 o. p.

q. q. d. e. q. d. m. p. a. c. n. e. l. u. e. d. ad. a. b. b.
 b. i. s. d. u. f. i. g. u. r. e. b. a. b. a. b. g. i. s. a. u. a.
 o. p.

q. q. d. e. q. d. m. p. a. c. n. e. l. u. e. d. ad. a. b. b.
 b. i. s. d. u. f. i. g. u. r. e. b. a. b. a. b. g. i. s. a. u. a.
 o. p.

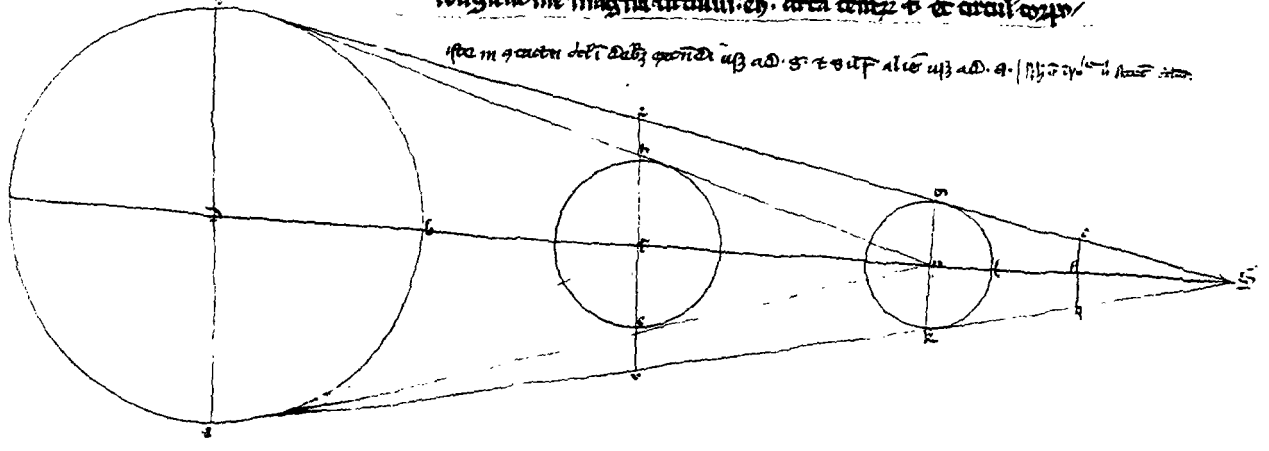

Рис. 17. Изложение принципов оптики в испанском списке XIII в. с латинского перевода XII в., выполненного в Толедо Жераром Кремонским с арабской рукописи начала XII в. «Ислах аль-Маджисти» («Поправки к «Альмагесту» Птолемея») Джабира ибн Афлаха из Севильи (Национальная библиотека Мадрида, арабский манускрипт 10006)

с течением времени, нельзя говорить о некоем революционном скачке в математике. В рассматриваемый период времени арифметика, алгебра и тригонометрия развились в независимые дисциплины. Усложненные подходы, применявшиеся в алгебре, стали первыми шагами в создании новых разделов математики, таких как алгебра многочленов, численное решение уравнений и анализ неопределенностей. Эта взаимосвязь между наукой до Нового времени и наукой раннего Нового времени проявляется и во всех других научных сферах, включая естественные науки, алхимию и медицину.

Кратко рассмотрев преемственность в развитии науки в рассматриваемый период, следует дать обзор некоторых научных открытий и их последствий. Однако приводимый перечень ни в коей мере не является исчерпывающим.

Индийско-арабские числа

Трудно переоценить важность введения индийско-арабских чисел. Это важная веха в истории, сравнимая по значению с созданием алфавита.

Оптика и линзы

В труде Ибн аль-Хайсама «Сокровище оптики» (ок. 1038 г.) рассматривались линзы и их увеличительные свойства. Роджер Бэкон (ум. в 1294 г.) упоминает об использовании линз для коррекции зрения пожилых людей. Очки с выпуклыми стеклами, вероятно, были изобретены до 1280 г. К 1300 г. они были изготовлены в Венеции. Это дало толчок развитию торговли шлифованными линзами и очками (илл. 132). В 1608 г. в результате этой деятельности в Нидерландах появился один из первых телескопов.

Оптика и перспектива

Ибн аль-Хайсам сформулировал теорию проникновения света, которая объясняла основные факты зрительного восприятия. «Оптика» по-латыни стала известна как «перспектива» (*perspectiva*). В XIII в. Бэкон, Пичэм и Уайтло написали комментарии по вопросам «перспективы». Современное понятие перспективы как раздела оптики родилось во Флоренции в XIV в. Ее основополагающим понятием служит зрительный конус лучей, сходящихся от объекта в глаз. Первым, кто отстаивал принципы линейной перспективы, был флорентийский скульптор Лоренцо Гиберти. Латинский манускрипт работы Ибн аль-Хайсама в библиотеке Ватикана содержит его комментарии. Гиберти являлся одним из нескольких скульпторов, художников и архитекторов, включая Леонардо да Винчи, которые создали легко узнаваемую школу перспективы. Перспектива в искусстве Ренессанса вдохновила Десарга (ум. в 1661 г.) на создание проективной геометрии. Большой интерес математиков к перспективе поддерживался и в последующие столетия, до тех пор пока этот раздел не был включен в геометрию и не сыграл важнейшую роль в преобразовании самой этой дисциплины.

Прикладная механика машин, часов и автоматов

Эллинистическая традиция механики водяных колес и водяных часов продолжалась в исламскую эпоху и породила более совершенную и детальную литературу, описывающую множество конструкций водоподъемных механизмов, водяных мельниц, ветряных мельниц, осадных машин, часов, автоматов и других устройств. Разработки в области механики достигли Западной Европы и привели к

созданию механических часов в XIV в. В XVI и XVII вв. появилось большое число книг о механизмах как на арабском, так и на латинском языках, в которых были изложены механические идеи, существовавшие ранее. Например, в одном из таких трактатов (Таки аль-Дин, 1552 г.) описан шестицилиндровый моноблочный поршневой насос, в котором применен кулачковый вал. Такие машины были непосредственными предшественниками парового двигателя и многоцилиндровых современных моторов.

Влияние географии и астрономии на мореплавание и географические открытия

Великие географические открытия XV в. стали возможны благодаря применению научных знаний для улучшения навигации и из-за стремления достигнуть Индии путем плавания в западном направлении через Атлантический океан. Это являлось основным мотивом, который побудил Христофора Колумба плыть на Запад в надежде достигнуть Индии, что и привело к открытию Нового Света. При плавании по Атлантическому и другим океанам мореход должен был уметь точно определять свое местонахождение, и частично это достигалось расчетом широты. К северу от экватора ночью географическая широта могла быть определена путем наблюдения за высотой Полярной звезды над горизонтом. Но уже вблизи экватора эта звезда видна слишком низко над горизонтом, а к югу от экватора ее вообще нельзя наблюдать, поэтому широты определялись путем измерения меридиональной высоты Солнца. Это вызвало потребность в применении специальных астрономических инструментов и таблиц склонений. «Толедские таблицы» аль-Заркали (Арзакель), «Альфонсинские таблицы» и арабские, испанские и португальские календари XIV в. давали необходимые теоретические данные. Вычисления упрощались с применением формул тригонометрии. Долгота определялась приближенным методом навигационного счисления пути. Другими факторами, ставшими решающими в совершенствовании навигации, явились использование компаса и развитие картографии. Применение ахтерштевневой опоры руля и совершенствование конструкций судов также имели важное значение. Треугольные латинские паруса дали возможность каравеллам ходить практически против ветра (илл. 21–25).

В дополнение к колоссальному историческому значению великих географических открытий, их влияние на науку было также огромно. Успехи первых путешествий создали огромную потребность в судостроении и развитии навигации. Резко возросло число моряков, которые были математически подготовлены, чтобы уметь обращаться с компасом, приборами и картами. В нескольких странах были основаны мореходные школы. Потребность в астрономических наблюдениях и картах непосредственно воздействовала на дальнейшее развитие астрономии, которая стала менее зависимой от астрологии.

Алхимия и металлургия

Металлы интересовали алхимиков больше всего, и их свойства изучались при проведении многочисленных опытов. Помимо трактатов по алхимии в некоторых специальных работах описывалось производство и термическая обработка стали, а также изготовление мечей. Производился чугун, описывались его свойства. Замечательные качества имели мечи, которые делались из дамасской стали. В течение примерно полутора столетий в Европе предпринималось множество попыток получить сталь со свойствами, сопоставимыми с качествами дамасской стали. В этих исследованиях участвовали выдающиеся ученые, такие как Майкл Фарадей. Все это во многом способствовало

становлению современной металлургии. Значение чугуна возросло при расширении производства пушек и с началом развития машиностроения.

Порох и пушки

Порох – изобретение китайских алхимиков, и в трактатах XIII в. имеется множество описаний разных его составов. Помимо применения в увеселительных фейерверках, порох начал использоваться и в военном деле. Его первое применение для пушек относится к XIII в. В XIV в. пушки и ручные ружья все шире использовались как в исламских странах, так и в Европе. Применение пороха и артиллерийских орудий имело далеко идущие исторические последствия.

Влияние пороха на развитие науки

Изобретение пороха оказало огромное влияние на науку. Главный ингредиент – нитрат калия, или калийная селитра, в своем природном состоянии нестабилен и непригоден для производства пороха. Чистая селитра получалась как результат тщательного разделения и очистки солей – процесса, который впервые был описан аль-Раммахом (ум. в 1292 г.). Рост потребности в чистой селитре привлек внимание к процессам растворения и кристаллизации. Кроме того, взрывные свойства пороха не могли быть объяснены, поскольку ему не требовалось воздуха, в отличие от всех остальных горючих веществ. Поэтому спустя века изучения и экспериментов этот научный интерес привел к открытию кислорода в XVIII в., что ознаменовало конец алхимии и подъем современной химии.

Сила взрыва и выброса ядра из ствола орудия подсадила идею о возможности использования подобных сил, что послужило толчком к созданию паровых двигателей. Производство пушек стимулировало развитие сверлильных станков для получения каналов стволов, что, в свою очередь, подготовило почву для производства цилиндров паровых двигателей с большой точностью.

Изучение полета пушечных ядер в воздушной среде имело большое значение для расчетов траекторий, что, в свою очередь, явилось серьезной мотивацией для развития динамики.

Дистилляция и неорганические кислоты

Алхимики получали азотную, серную, соляную кислоты и «царскую водку» (*aqua regia*) путем дистилляции. Эти кислоты использовались как мощные растворители и для промышленных процессов, таких как разделение серебра и золота. Методы производства были усовершенствованы в XVI в. и позднее. Совершенствование способов получения кислот имело исключительно важное значение для становления современной химии и химических производств.

Дистилляция и алкоголь

Производство чистого спирта было тесно связано с совершенствованием дистилляции как химического процесса. В арабских трактатах по алхимии VIII–XI вв. упоминается о дистилляции вин. Джабир отмечал горючие свойства алкоголя еще в VIII в. В Салерно спирт был известен примерно в 1100 г. В XIV в. появились дистилляторы для

производства алкогольных напитков. В тот же период спирт в исламских странах применялся как компонент боевых зажигательных смесей. Производство спирта привело к изобретению водоохлаждаемых конденсаторов. Появились идеи подобным образом охлаждать и другие летучие вещества, например эфиры. Для расширения производства к дистилляторам и конденсаторам были добавлены перегонные кубы и реторты, что сделало возможным возникновение новой отрасли – органической химии. Водоохлаждаемый конденсатор помог Джеймсу Уатту изобрести первую паровую машину с разделением процессов нагревания и охлаждения, что позволило сократить потери энергии и уменьшить расход топлива.

Химические лекарства и ятрохимия

Применение химических препаратов для медицинских целей было известно еще в Китае и Индии. Исламские врачи, например аль-Рази, использовали химические лекарственные вещества. Однако общественное мнение связывает основание ятрохимии (иатрохимия) с именем Парацельса (1493–1541 гг.). В XVII в. доверие к химическим лечебным препаратам возросло, когда Бойль поставил производство химических составляющих лекарств на более серьезную научную основу. Вслед за этим в XVIII в. последовало дальнейшее развитие фармацевтических лабораторий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Это весьма грубое приближение. Проблема чрезвычайно сложна и требует значительно более глубокого рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BEAZLEY, C. R. 1949. *The Dawn of Modern Geography*. New York.
- BERNAL, J. D. 1969. *Science in History*. Vol. I, *The Emergence of Science*; Vol. II, *The Scientific and Industrial Revolutions*. Middlesex, England.
- BOSE, D. M.; SEN, S. N.; SUBBARAYAPPA, B. V. (eds) 1971. *A Concise History of Science in India*. New Delhi.
- COLLISON, R. L. 1982. *A History of Foreign Language Dictionaries*. London.
- HARTMANN, R. R. K. (ed) 1986. *The History of Lexicography*. Amsterdam.
- AL-HASSAN, A. Y. and HILL, D. R. 1986. *Islamic Technology*. Cambridge University Press and UNESCO.
- LINDBERG, D. (ed) 1978. *Science in the Middle Ages*. Chicago.
- NASR, S. H. 1976. *Islamic Science: An Illustrated Study*. London, World of Islam Festival.
- NEEDHAM, J. 1954. *Science and Civilization in China*. Cambridge.
- ROSENTHAL, F. 1968. *A History of Muslim Historiography*, (2nd rev. edn). Leiden.
- SARTON, G. 1927–48. *History of Science*. Baltimore, MD.
- TATON, R. (ed) 1967. *A General History of the Sciences*, Vol. I, *Ancient and Medieval Science*, Vol. II, London. *The Beginnings of Modern Science*. London.
- THOMPSON, J. W.; HOLM, B. J. 1942. *A History of Historical Writing*. New York.
- UNESCO *General History of Africa*, 1981–1993, Vol. I, *Methodology and African Prehistory*, KI-ZERBO, J. (ed); Vol. III, *Africa from the Seventh to Eleventh Century*, EL-FASI, M. (ed); Vol. IV, *Africa from the Twelfth to Sixteenth Century*, NIANE, D. T. (ed). UNESCO.
- YU-SHAN, Han 1955. *Elements of Chinese Historiography*. California.

РЕЛИГИИ, ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ

Морис Борман

В течение девяти столетий с начала VII века, который стал свидетелем рождения и распространения ислама на Ближнем Востоке, и до открытия Америки европейцами в 1492 г. все человеческие общества имели более или менее развитые формы религии, которые чрезвычайно сложно классифицировать по четким категориям. Некоторые из них коренились в основах сообществ, стран или племен, представляя собой естественные или «космические» религии, которые отдельные исследователи порой объединяют под весьма нечеткими терминами вроде «анимизма», «шаманизма» или «природного политеизма». На протяжении многих веков некоторые религии способствовали поискам в области философии и мистики, поискам, которые приводили к расцвету замечательных цивилизаций в сельских или городских условиях, а для некоторых из подобных религий были характерны поиски в вопросах дуализма и познания.

Другие религии выкристаллизовывались в некие формы мудрости, в них философия и духовность сливались, образуя сплав в виде «мирового взгляда», заключавшего в себе цельность человеческого развития. К ним можно отнести даосизм, синто (синтоизм) и индуизм – до того времени, когда они были преобразованы или обновлены благодаря появлению более персонализированных форм религии, таких как джайнизм и буддизм. Кроме этих религий, связанных с прилагательными «космический» и «исторический», часто используемыми по отношению к двум последним, существовали пророческие религии – монотеистические ислам, иудаизм и христианство, базирующиеся на неких откровениях, передаваемых человечеству единым Богом через неких избранных посредников.

Цель всех этих религий (если использовать термин «религия» в широком смысле) состояла в получении ответов на исконные вопросы, которые всегда волновали сердце человека религиозного: какое значение следует придавать человеческим существам, жизни, добру и злу, страданию, счастью, смерти и загробной жизни? Повсюду в мире люди были охвачены поиском «божественной сущности», которая бы дала им «промысел», и поиском «духовной сущности», которая бы дала им «достоинство». Религии обеспечивали людей необходимым доступом к таким сущностям посредством обрядов и символики, дававших возможность общаться с абсолютными сущностями (высшим существом, богами или единым Богом), с духами (нематериальным миром сверхчувственного) и предками (великой непрерывной человеческой семьей).

Эта глава не рассматривает конкретную историю этих религий или их успешных или безуспешных взаимоотношений с экономикой, культурой, эстетикой или политикой, а всего лишь описывает их ритуальные проявления, определяет верования и догмы и оценивает результаты их духовного и мистического поиска в более или менее тесной связи с господствующими философскими учениями.

АНИМИЗМ, ШАМАНИЗМ И ПОЛИТЕИСТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Анимизм, или вера в высшую сущность («жизненную силу» или «душу»), которая, как подразумевается, обитает в определенных местах или в объектах, имеет разнообразные характеристики, зависящие от типа местной культуры и периода истории. Повсюду в мире целью религии, укоренившейся в определенной стране, в сообществе или племени, было обеспечить своим последователям доступ к божественному или священному посредством символики, которая придавала особое значение существам или вещам, чтобы объединить всех в социальную группу и включить всех в жизненно необходимую непрерывность существования этой группы. Вне зависимости от того, были ли подобные группы оседлыми или кочевыми, и были ли такие общества сформированы земледельческими, охотничьими или рыболовецкими сообществами, цель состояла в обеспечении выживания посредством приобщения к таинствам и жизненной энергии с помощью обрядов и магии, которые через своих специализированных посредников давали возможность участия в «сверхъестественном» и придавали смысл жизненно важным этапам индивидуального и коллективного существования человека.

«Шаманизм» – термин, применяемый для описания религии народа тунгусов (устарелое название эвенков. – *Прим. ред.*) в Сибири – был, таким образом, «формой религии, философским базисом которой являлся анимизм». Слово *шаман* относится к человеку, способному вступать в общение со сверхъестественными силами, чтобы оказать помощь сообществу в решении проблем повседневной жизни. Являясь религией в широком смысле этого слова, шаманизм, как представляется, существовал в течение всего рассматриваемого исторического периода во всех регионах мира, где высшие «формы мудрости», представленные космическими, затем историческими и, наконец, монотеистическими религиями, еще даже не возникли или лишь укоренились. Примеры многочисленных исторических вариантов можно встретить в Европе и Северной Азии, регионе Тихого океана, в Африке южнее Сахары и Америке.

Шаманизм в Северной Европе и Северной Азии характеризовался «архаичными приемами экстаза», коренившись в «комплекс верований, ритуалов и преданий, основанных на фигуре шамана» (у мадьяр – *майтос*). Этот «экстаз» знаменовал вознесение души шамана к божеству, тогда как камлание (одержимость) означало, что шамана посетили духи, которые взяли контроль над его (или её) телом. Это представляет сдвоенное действие вознесения и нисхождения, которое встречается во всех естественных религиях и которое на самом деле продолжает существовать как субстрат более развитых форм мудрости и религий. Шаман, «он или она; тот, кто знает», подразумевался

представителем «примитивного гностицизма» и являлся колдуном, предсказателем, целителем и волшебником. Он (или она) был священной личностью, ставшей таковой случайно или благодаря профессиональной способности, тем кто дает возможность группе общаться с предсказателем или божествами, а некоторым членам группы получить долю энергии *маны* – «физической или сверхъестественной силы или влияния», которая передавалась духами или предками, пробуждаемыми шаманом.

Многие аспекты такого шаманизма существовали среди обычного народа в те времена в Китае и Японии: там происходило общение с покровительствующими божествами и духами умерших через «медиума» (*шамана*), мужчину или женщину, чьи переходы в состояние транса интерпретировались как космическое выражение веры. В Тибете религия *бон* («правда», «реальность»), практиковавшаяся перед появлением там буддизма (который получил королевское покровительство в VIII и IX вв.) и частично воспринятая последним в результате постоянного взаимодействия, имела последователей, целью которых было вознесение благодарностей «вечной доктрине» за учение и обычаи, переданные их *шаманами* в священных писаниях, их собственных *канджур* (тексты, которые, как считается, были представлены Тонпа Шенрапом (*Tönpa Shenrap*) после того как он достиг полного озарения) и *танджур* (более поздние комментарии и правила). Шаманизм мадьяр до принятия ими христианства после расселения в долинах Дуная (X и XI вв.) тоже представлял собой набор магических верований, которые включали иерархическую космологию множества различных «миров», реальность животных и духов этого «нижнего мира», энергии которых могли быть сохранены ношением амулетов и благодаря интуитивной осведомленности о «высшем существе», господине вселенной (*Истен*).

Похожий «анимизм», дающий ответы *человеку религиознаму*, можно было встретить на многочисленных островах Тихого океана (о-ва Микронезии, Меланезии и Полинезии), при чем отдельные территориальные культуры характеризовались своими особенностями. У микронезийцев было множество божеств, от высших богов неба или отдельных героев – основателей групп, за которыми следовали духи, связанные с отдельными местами, объектами и действиями, и до предков. Специальные жрецы отвечали за знание мифов и родовых генеалогий. В Меланезии, по-видимому, высшим богам уделялось мало внимания, в то время как большая важность придавалась «героям культуры» (*дема*) и «основателям кланов», а также определенным злым духам (*масалаи*), защита от которых обеспечивалась ритуальными действиями (изгнанием нечистой силы). Предки играли основную роль благодаря своей способности передавать *ману* (энергию) через «специалистов» в посвящении и через похоронные обряды (маски и магию). Полинезийцы имели более структурированную систему с аристократическими семьями, более организованное жречество и лучше структурированную мифологию и теологию. Для них характерна иерархия космических богов, священный мир, который внушал благоговейный страх и был недоступен (посредством соблюдения запретов, физических и моральных ограничений-табу, которые не могли быть нарушены), и наличие специалистов по «религиозным предметам» («шаманским фигуркам»); эти мастера также являлись «учителями молитвы» (входили в культовые объединения, или *ка-иои*).

Религия аборигенов Австралии основывалась на культуре (*кунатиши*) плодородия, а их божества («сосредоточия или резервуары энергии», четко соотносящиеся с временами года) были представлены в видимом мире специфическими созданиями и элементами. Ритуальные действия, которыми отмечались важные события в жизни (рождение, половая зрелость, женитьба, смерть), образовывали часть «скрытого священного» и «открытого священного».

Они были тесно связаны с космогоническими мифами («Время грёз»), а литургическая деятельность была разработана таким образом, чтобы обеспечивать постоянное обновление «жизни».

Религии Африки были сравнительно разнородными по культурам и включали огромное языковое разнообразие. Тем не менее все они похожи по общему взгляду на существование, согласно которому «жизненная сила» и «мудрость» находятся в равновесии. По определению М. Гриоля (*Marcel Griaule*), это была «система взаимоотношений между видимым миром человечества и невидимым миром», которая управлялась Создателем и силами, которые (под разными названиями и в качестве различных проявлений единого Бога) выполняли все виды функций, по существу формируя жизненный союз посредством промежуточных сил (предков, джиннов, духов). «Мир иной» управлялся верховным Богом, создателем и властителем космоса, Богом, которого не следовало бояться ввиду его естественной божественности, который был нигде и везде в одно и то же время. Предки играли центральную и главенствующую роль. Они были покровительствующими силами, которые поддерживали жизнь, плодородие и процветание, а также хранителями семейных традиций. Поклонение предкам с соответствующими обрядами и верованиями дополнялось поклонением «вторичным богам», местным и посторонним духам и джиннам, благосклонность которых следовало заслужить, выполняя характерные ритуалы, посредством которых каждый мог установить необходимые отношения с предками и духами. Такие обряды требовали выполнения материальных приемов, таких как танцы и ритмы (маски, вхождение в транс, одержимость), совершения основных ритуальных актов (периодического или приуроченного к определенному событию) в форме молитв, дароподношений и жертвоприношений и, помимо всего прочего, проведения церемониальных комплексных мероприятий с их священным символизмом (обряды посвящения, погребения и исцеления). Таким способом отдельный человек встраивался в группу, а человеческое развитие – в развитие космоса с целью обеспечения «выживания», которое преобладало над смертью.

В Северной Америке эскимосы (самоназвание – инуиты) имели очень простую религию, в которой не было ни богов, ни священнослужителей, ни религиозных празднеств, но эскимосы обладали осознанием принадлежности к «космическому порядку», в котором духи обитают в царстве животных, равно как и в царстве камней. Эта религия, которая находилась под сильным влиянием подобной формы анимизма, возглавлялась *ангакотом* (шаманом), который имел моральное влияние на группу, обеспечивая соблюдение табу, т.е. запретов на совершение определенных «действий, составляющих явное нарушение мирового порядка». Чем выше был уровень организации общества и его эволюции от охоты к земледелию среди американских аборигенов, тем сильнее мирское было отделено от священного, что и отражалось в верованиях и обрядах, а также тем сильнее проявлялось разделение фигур шамана и вождя. Глубокая религиозность американских аборигенов была направлена на почитание и обеспечение непрерывности гармонии Вселенной; она заключалась в сильнейшей привязанности к «Матери-земле», поклонении созидательному (и иногда – солнечному) «великому духу», который давал небесам их священную природу, в проявлении тесной связи с определенными животными, «мистические фигуры» которых (переодетые люди) передавали легенды и обряды. Престиж шаманов основывался также на их медицинском и магическом искусстве, гарантировавшем эту вселенскую гармонию.

Религии Центральной Америки являлись значительно более развитыми и высоко структурированными. В регионе уже были созданы системы письменности, в результате чего у майя и ацтеков были священные книги. Например,

тольтеки-мая имели три религиозные книги – «*Чилам Балам*», «*Ритуал бакабов*» и «*Пополь-Вух*», в которых описывались подробности проведения ритуалов. Вобрав в себя древние традиции ольмеков, чей анимизм возвел хищников семейства кошачьих, прежде всего существо, сочетающее черты ягуара и ребенка, и мать-богиню воды и плодородия в ранг «высших существ», религия тольтеков и их столицы Тулы (в 856–1168 гг.), религия мая на полуострове Юкатан (с VII по XV в.) и, наконец, религия ацтеков в Мексике (с XII по XV в.) слились синкретическим образом, что привело к дальнейшему усложнению пантеонов, верований и обрядов (илл. 144). Все мезоамериканские религии имели общие особенности. Реальность мира в их понимании была полна опасностей и риска. Это был мир, переживший четыре разрушения под действием мифических сил, а пятому солнечному циклу (в котором живем мы) тоже суждено погибнуть в космической катастрофе. Выработанные таким образом космологические представления включали 13 небес и 9 подземных миров с равным числом богов.

Представляется, что время являлось объектом поклонения, особенно у мая (для сравнения можно вспомнить о стелах, которые они воздвигали в конце каждого *катуна*, равного 7200 дням). С замечательным мастерством они разработали исключительно точные системы календарей, которые должны были управлять буднями и праздниками, а также судьбами отдельных людей и сообществ. Мая имели солнечный календарь с годом из 365 дней. Он состоял из 18 месяцев по 20 дней и пяти «лишних», или «несчастливых» дней. Каждый месяц находился под знаком конкретного божества. Кроме того, они имели ритуальный календарь с годом из 260 дней, приуроченный к празднованиям и предназначенный для культовой деятельности, а также «венерианский» календарь для предсказаний, основанный на периоде обращения планеты Венера.

Календарный «отсчёт дней» и «предназначений судьбы» давал людям веру в строгое предопределение жизненного пути, начиная с рождения. Развился неограниченный политеизм, основанный на понятии о первой паре, «потомки» которой множились со скоростью, пропорциональной буйному росту «мифологических историй». Ацтеки, например, в конце концов остановились на пантеоне, в котором традиционные и вновь принятые божества были разделены на божеств земли, воды, растительности и неба (звезд), на божеств, которые защищали отдельные группы, на «корпоративных» божеств отдельных видов торговли и на божеств, ответственных за все виды человеческой деятельности вообще.

Ацтеки унаследовали четырех главных богов. Двумя основными из них были Тескатлипока («Бог дымного зеркала» – бог ночи и судьбы) и Кетцалькоатль («Пернатый змей»), которые постоянно находились в состоянии вражды. Первый являлся богом воинов, а второй – покровителем жрецов. Тескатлипока победил Кетцалькоатля. Кетцалькоатль был богом востока и ветра, а также изобретателем письменности. Он не одобрял человеческих жертвоприношений и был высшим героем процесса цивилизации. В противовес ему Тескатлипока был богом-колдуном, пришедшим с севера и требовавшим человеческих жертв. Это был бог, который «видел все в своем секретном зеркале» и в результате определял выбор властителей. В Мексике XV в. существовал культ двух божеств – Тлаолока, великого бога дождя, обитавшего на вершинах гор и требовавшего жертвоприношений детей, поскольку являлся солнечным божеством оседлых земледельцев, и Уитцилопochtli («Воскресший воин» – бог войны), который направлял продолжительную миграцию ацтеков, указав им место для основания города Мехико (1325 г.) после бесконечной череды завоеваний (илл. 300, 301, 305, 306, 307).

Боги этой запутанной и иерархичной политеистической системы были как доброжелательны, так и враждебны,

требовательны и ревнивы, жадными до дароподношений и жаждущими жертв. Подобное деление привело к множеству скрупулезно организованных ритуалов, выполняемых кастой жрецов, которые делились на столько общин, сколько имелось храмов, где требовались их услуги. Великолепная архитектура и многоцветная отделка таких храмов служат свидетельством совершенного искусства цивилизации ацтеков. Мезоамериканские ритуалы состояли из проведения процессий, подношения плодов, нанесения себе порезов, животные и даже человеческие жертвоприношения. К XV в. последняя составляющая этой практики достигла своего зенита в империи ацтеков (жертвы выбирались из лучших граждан или рабов). У жертвы вырывалась грудь, вырывалось сердце и помещалось в сосуд, стоявший перед изображением божества. Считалось, что также жертвы необходимы богам, поскольку «нашей матери и отцу, Земле и Солнцу» человеческая кровь и сердца должны были поставляться непрерывно, чтобы гарантировать порядок в космосе, смену времен года и регулярный восход Солнца. С такой системой, включавшей политеистический анимизм, четко детализированные ритуалы и плюралистический синкретизм, и пришлось столкнуться испанским завоевателям.

В Южной Америке инки, империя которых в Андах достигла вершины расцвета при правлении Верховного инки Пачакутека (1438–1471 гг.), исповедовали культ Солнца, что очень тесно увязывалось с властью правителя. Были разные типы ритуалов и верований. Широко распространенный культ *хуакас* (предметов и мест, которые были связаны с духами и предками и которым вследствие этого присущи таинственные и сверхъестественные силы) существовал бок с теологическими построениями, касающимися великого бога Виракоча, «создателя верхнего и нижнего миров, формирующего мир» и культурного героя, который отвечал за создание Солнца и Луны, а также за разделение земли между разными народами. Солнечный культ пантеона инков касался как Солнца, так и его спутницы – Луны, которая также являлась его сестрой. Жрецы и «избранные женщины» («девственницы Солнца») вели службу на религиозных церемониях, которые определялись по календарю, включавшему 12 месяцев. Преобладали ритуалы прорицания.

Вышеизложенное является обзором многочисленных и разнообразных религий, которые существовали в период с VII по XV в. в странах, племенах и сообществах, и которые временами разрастались до масштабов религий целых империй. Обзор демонстрирует огромное разнообразие религий и их форм, которое часто определялось временем и местом их возникновения. Мифы, символика и обряды действовали совместно и целенаправленно, обеспечивая отдельного человека или группу соответствующим уровнем организации, давая возможность выживать и верить в судьбу. *Человек религиозный*, переполненный страхами и обладавший сознанием, которое было восприимчиво к мифам, сам использовал мифы, этот «секрет, сохраняемый в источнике, который ведет к рубежам между человечеством и богами», как лучшее средство для реконструкции известной Вселенной и определения места в ней для существ и вещей (высшего бога, божеств, предков, взаимоотношений, географических мест, растений, животных, предметов). Как писал Мирче Элиаде, «миф рассказывает священную историю, повествуя о событии, которое произошло в первобытную эпоху». Это – «традиционное повествование, касающееся событий, которые происходили в начале времен, и направленное на обеспечение основы для ритуальных действий современных людей и, в целом, на формирование всех видов деятельности и мышления, посредством которых люди достигают понимания своего существования в этом мире» (P. Ricoeur). Символ играл в данном контексте главную роль, устанавливая интригующие взаимосвязи между разумом и материей. Он давал

понимание невидимого мира, переходов энергии, главенствовал над общностью людей и направлял молящегося. Таким образом, это был символический жизненный опыт, который универсальным образом усиливал мифическую значимость мира слов, который овеществлялся ритуальными церемониями, сглаживавшими таким образом неполное отражение значения и смысла слов. Этот выход за пределы земных горизонтов посредством вызова духов, «коммуникация» с предками и желание вечности проявлялись во всем, причем посредники могли принимать вид множества божеств в меру тех человеческих потребностей, которые они были призваны удовлетворять. В этой связи с большой готовностью использовались магия и колдовство, в которых единство и противоположность между добром и злом и между жизнью и смертью проявлялось непрерывно. Далеко не «языческие», эти так называемые «примитивные» религии были этническими, местными, семейными, привязанными к одной деревне, городу или же служили королевскими религиями. Они являлись глубоко социальными, а их последователи были вполне осведомлены о том, что невидимые силы могли быть хорошими и плохими, двойственными или однозначно полезными для сообщества. Служители религий обеспечивали положение, при котором сохранялся весь спектр ритуалов, посредством которых группа формировала и сохраняла свою индивидуальность.

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ И РЕЛИГИИ ИРАНА

В VII в. до арабского завоевания и постепенного обращения населения в ислам империя Сасанидов (простиравшаяся от Месопотамии до Туркестана) исповедовала в качестве официальной религии *маздеизм* (иногда – *маздакизм*). Эта религия имела свое священное писание – канон «*Авеста*». Маздеизм, религия «поклоняющихся Мазде» или Ахурамазде (Ормазд на пехлеви; букв. – «Господь премудрый». – *Прим. ред.*), ответвление древней религии Ахеменидов, был основан на собрании верований и ритуалов, общих для иранцев и индийцев. В этой религии был установлен возрастающе строгий и четко структурированный дуализм с целью объяснения божественного, истории мира и Вселенной. Зороастр (греческая передача имени Заратуштра, отсюда и название религии «зороастризм», связанной с маздеизмом) считается его пророком и жрецом, жил в Мидии в промежутке между XVII и VI вв. до н.э. (по некоторым сведениям – 599/598? – 522/521 гг. до н.э. – *Прим. ред.*). Он также считается автором древнейшей части «Авесты» – 17 гимнов («*Гатов*») маздеистской литургии, в которой восхваляется «Премудрый Господь» (Ахурамазда), создатель и господин мира, и его свита из божеств и человеческих существ. Пытаясь достигнуть согласия рода человеческого с самим собой для всеобщего блага, Зороастр принял старинный миф о «жалобах быка», который был несправедливо принесен в жертву. Зороастр под покровительством царя (*кави*) Вишгаспы объяснял содержание мирового процесса противопоставлением и борьбой двух «вечных начал» – света и тьмы, добра и зла, которая началась со столкновения изначальных близнецов. Он восхвалял огонь, огонь Ахурамазды, который являлся символом справедливости и орудием суда Божьего. Позднее Зороастр приобрел легендарный статус, будучи образцовым жрецом, воином и скотоводом-земледельцем. Это изложение легенды дано в Книге 7 маздеистской энциклопедии «Религиозные установления» «Денкарт» из 9 книг, написанных на пехлеви (X в.).

Маздеизм выражал веру в существование «Премудрого Господа» (Ахурамазды), в источник и оплот всех «хороших» сущностей, и в того, кто был и божеством, и человеком (собрательно названным *Амеша Спента*, или «бессмертные

святые») в ближайшем окружении Ахурамазды, обладающим одновременно качествами как бога, так и человека. В состав Амеша Спента входили: *Аша Вахшита*, огонь («истина»); *Воху Мана*, покровитель скота («благая мысль»); *Хиштра Вайрья*, небо («власть» с оттенком значения «Царство Божие»); *Армайти*, земля («благочестие»); *Аурват*, вода (*Хаурватат*, «целостность» как полнота физического существования, противоположность болезни, смерти, старости); *Амертат*, растения («бессмертие»). Эта группа иерархов существовала в симметричной противоположности к группе, представляющей силы зла, все из которых происходили от верховного божества зла, Духа Разрушения *Ангро Майнью* (*Ахриман*), врага Бессмертного Духа. Пантеон включал древнего бога Митру, который был создан Премудрым Господом до того, как он стал его соперником или равным ему, и которому также следовало поклоняться. В незапамятные времена Бессмертный Дух встретил своего близнеца-противоположность, Духа Разрушения, и это привело к непрерывной борьбе между силами добра и силами зла в самом широком космическом смысле и отразилось в каждом человеческом существе. Подразумевалось, что по окончании истории некий Спаситель *Саошьянт* принесет на Землю вселенское обновление (*фраши карети*). Бессмертный Дух с самых ранних времен был соединен с Премудрым Господом, который таким образом был вовлечен в почти вечную борьбу с Духом Разрушения, хотя они оба были порождены Временем (*Зерваном*, или *Зрваном*). Маздеизм, который обрел четкую форму и структуру усилиями верховного жреца Картира в правление Вархрана II, после периода господства манихейства (III в.) стал национальной религией в иранской столице Сасанидов Ктесифоне в VII в. с жреческой иерархией и признаками формальной ортодоксальности. Канонические (ортодоксальные) тексты, написанные на пехлеви в IX в., утверждали, что мир был создан, чтобы служить сценой для великого сражения: за начальным нематериальным и невидимым этапом развития Вселенной следовал наш мир, который создавался в шесть этапов (небо, вода, земля, деревья, бык, человек). Ахурамазда и Ахриман сошлись в непрекращающемся сражении, и последний (Дух Разрушения) умертвил первородного быка, смерть которого была преобразована в «плодородную жертву». Первый человек (*Тайомарт*, *Тайа Марман*) считался прародителем рода человеческого и источником всего полезного, что было в космосе.

Обряды посвящения вводили зороастрийцев в практику религиозной жизни, в которой все определялось строгим выполнением ритуалов: пяти ежедневных молитв (стоя, лицом к Солнцу), участия в торжествах, связанных с временами года, а также похоронных церемониях. Судьба верующих в загробном мире зависела исключительно от их морального поведения в жизни земной, поэтому им следовало воздерживаться от любых нечестных связей (существовали очень точные правила очищения) и обеспечивать постепенное спасение души благими мыслями, словами и делами, поднимаясь над мирской сущностью и избегая соприкосновения с силами зла, чтобы после смерти войти в свои собственные «ранее существовавшие души» (*фраваши*). В период правления династии Сасанидов культ огня преобладал над официальной литургией. Были возведены сотни храмов огня, а служба в честь огня проводилась в соответствии со сложным ритуалом и по строгим предписаниям. Каждый правитель владел собственным огнем, символом его власти, зажигаемым при его коронации. Общество, разделенное на три социальных класса (жрецы, воины и скотоводы-земледельцы), ожидало прихода следующих друг за другом Спасителей, последний из которых должен был добиться окончательной победы над злом и мраком. Ахриман, потерявший силы, должен был быть низвергнут в ад, где и подвергнут окончательному наказанию, после которого он мог присоединиться

к благоверным на обновленной Земле, где будет править один Ахурамазда (или Ормазд – наименование Ахурамазды на пехлеви).

Таковы пророчества, которые были записаны примерно в IX в. на пехлеви в главных книгах маздеизма, являвшегося преобладающей религией. Ее священный текст «*Авеста*» («знания») в 21 книге сведен в писание «*Денкарт*», но сохранился лишь частично в форме «*Видевдат*». Другие его составные части можно найти в «*Ясна*» (вид служебника) и в «*Яит*» (молитвы по особым случаям). «*Хорда Авеста*» («Младшая Авеста») состоит из различных молитв и пяти ежедневных молитв (*гах*). Маздеистское космогоние (мироустройство) было представлено в IX в. в «*Бундахшису*» («Изначальное Творение»), а в X в. – в новом труде «*Денкарт*» («Религиозные установления»), являвшемся полноценной энциклопедией по маздеизму. Маздеизм был дуалистической религией, возникшей на основе древних арийских и иранских религиозных традиций. В III в. он стал одним из источников, вдохновившим появление манихейства.

Манихейство было основано Мани (216–277 гг.) в III в. н.э. в эльхасаитской среде (гностицистская разновидность иудео-христианского баптизма) и объявлялся как «религия Книги», которой предполагалось занять место якобы «неудачных» религий Зороастра, Будды и Иисуса. Мани, заменивший восточно-сирийский алфавит на письменность пехлеви, позже стал основателем церкви и создателем настоящего сокровища рукописей. Начальный священный канон из семи (сакральное число – образ идеальной целостности и совершенства) сочинений, написанных на восточно-сирийском («*Живое евангелие*», «*Сокровище жизни*», «*Книга мистерий*», «*Кефалайя*», «*Книга исполинов*», «*Прагматейя*», «*Письма*») и два других текста («*Шапуракан*», посвященный Шапуру I, правителю Сасанидской империи, и «*Arzhang Mānī*», книга икон) показывают, что манихейство частично было связано с маздеизмом, но в то же время многое существенное заимствовало из христианства, с позиции которого оно считалось ересью или альтернативной Церковью. Манихейство – дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных равноправных принципов бытия. В этом учении Мани отводилось место параклета (заступника, утешителя), посланника истинного Бога, и он предлагался в качестве последнего пророка, открывающего истинную религию. Новая Церковь «Света» – манихейство с его писаниями, жречеством и институтами – рассматривала себя как результат откровения, данного Мани параклетом, чтобы тот завершил религию прошлого, и включила в себя лучшие аспекты маздеизма.

Согласно учению манихейства, в самом начале Свет и Тьма были разделены, что подчеркивало непримиримое противостояние духа и материи. В течение среднего периода существования человека, то есть в исторические времена, первочеловек был облажен последовать за «Архонами» этого материального мира, и в результате люди были вовлечены в погоню за удовлетворениями желаний плоти и, соответственно, в грех. Учение утверждало, что не существовало недостатка в посланниках знания, и восхваляло Иисуса Христа, которого оно рассматривало как одну из трех определяющих фигур (наряду с Заратуштрой и Буддой), собиравших искры света от узников материального царства в свой «Крест Света». Таким образом, аналогично христианской церкви, «духовная» Церковь Мани обладала собственной доктриной, иерархией, обрядами и миссиями. Ее последователи-гностики должны были следовать таинствам, освобождать себя от погони за всем плотским и материальным, молиться, поститься, подавать милостыню и подчиняться заповедям справедливости (истина, воздержанность, скромность, ненасилие, вегетарианство). Манихейское сообщество – это сообщество избранных, которые были «отделены» от мира; это сообщество обладает собственными правилами богослужения, а наиболее священной церемонией является

Бема (прощение грехов, поминовение мук Мани, умершего в тюрьме, и празднование Пасхи).

Сходство манихейства с маздеизмом сделали его опасным соперником последнего. В результате огромного множества негативных оценок нового учения и гонений на него к VII в. распространение манихейства было ограничено Уйгурским царством в Центральной Азии (762–840 гг.), где оно стало господствующей религией (илл. 54). Но манихейству суждено было вновь появиться в христианском мире как в своей исходной, так и в радикальной формах. Сначала христианские церкви боролись против него, используя ненасильственные методы, но позже начали применять репрессии. Манихейство было осуждено императорами Византии, и в VII в. оно все еще считалось представляющим смертельную угрозу Восточной Римской империи. Без сомнения, у него имелись последователи в форме крипто-манихейских христианских доктрин, ограничивавших христианский взгляд на мир дуалистической борьбой добра и зла.

Имеется пример кратковременного существования такого учения как мессалианство (путь тех, «кто молится»), которое принимало только Новый Завет, отвергая таинства и возвеличивая молитву и аскетизм как пути освобождения кающихся грешников от всех нечестивых страстей (последователи учения отвергали ручной труд и одобряли жизнь нищих). Кроме того, можно привести пример павликианства (от имени апостола Павла), который перед появлением на Балканах получил значительное развитие в Армении и Малой Азии. Это учение было основано армянином Константином из Мананали, изначально исповедовавшим манихейство; он, как предполагается, произвел ревизию учения Мани в свете Нового Завета. Это новое движение имело намерение примирить манихейство с христианством. Согласно ему злобный дух создал материальный мир и вдохновил появление Ветхого Завета, тогда как добрая Сущность положила начало духовному миру и написанию Нового Завета. Рядовые члены секты одобрили это учение, тогда как его основатели были привержены сути дуалистической традиции, согласно которой Иисус никоим образом не мог быть человеческим существом, поскольку он не мог принадлежать материальному миру, являвшемуся источником всего зла. Павликиане отвергали таинства, догмы и структуру Церкви, сохраняя ее терминологию, но отбрасывая суть. Они выступали за нравственные принципы освобождения сродни манихейству, но делали меньший упор на размышление и аскетизм. Павликиане являлись подготовленными миссионерами, прекрасно умевшими вести диспуты, проповедовавшими примитивную равноправную анархию в обществе. В середине VIII в. деятельность в качестве миссионеров и политических изгоев привела их на Балканы, где они сумели найти последователей как среди болгар, недавно переселившихся в эти места, так и среди сельских бедняков. Вслед за этим здесь начали формироваться основы еретического течения – богомилства, на которое оказала влияние догматика павликиан.

В течение половины тысячелетия богомилство представляло «балканский вариант» дуалистических религий. Оно было основано в середине X в. Богомилем, болгарским проповедником, который вначале вел деятельность в Македонии. Доктрина Богомила имела серьезные внутренние противоречия, несмотря на попытку в XI и XII вв. выработать ее четкую систему (в «*Книге Святого Иоанна*», называемой также «*Сокровенной Книгой*», и в «*Тивернадском море*»). Дуалистические космологические представления этого учения состояли в том, что «злое начало» (Сатана) являлся старшим сыном Бога, а не его ровней, и что Христос был его младшим сыном. В результате историческая борьба между Сатаной (Сатанаилом) и его ближайшим окружением (включая Ветхий Завет и государственную Церковь), с одной стороны, и Иисусом, который лишь осуществил «пришествие» на Землю, – с другой была лишь последовательностью символов и аллегорий послания, содержащегося в Евангелии

и Деяниях апостолов. Богомилы отказались от культа креста и таинств в пользу молитвы (*Отче наш*) и аскетизма, отвергая почитание кардиналов и епископов, которых они считали жертвами их собственного богатства. Религиозные люди разделялись на две категории – «верующие» и «совершенные». Последние должны были являться непорочными христианами, свободными от всех страстей (помимо всего прочего, от них требовался отказ от алкоголя и насилия). А поскольку Сатана создал этот мир и оставался господином материальной сферы, души должны были в конце концов «переселиться», чтобы освободить себя от этой сферы посредством «Христового очищения через Дух». Богомилы постепенно организовались в свою Церковь с иерархическим правлением «совершенных» и были тесно связаны на Западе с катарами (от греческого *katharos* – чистый). Для их доктрины было характерно смешение разнородных понятий (синкретизм), но в то же время богомилство сделалось патриотической идеологией в Болгарии и особенно в Боснии, где оно использовалось местной знатью в ее борьбе против Венгерского королевства. В конце средневековья некоторые богомилы под влиянием проповедей францисканцев перешли в католичество, а другие под властью оттоманских завоевателей приняли ислам.

Катары (приверженцы ереси XI–XIII вв. – *Прим. ред.*) в то время уже присутствовали на Западе, где они именовались также альбигойцами. «Совершенные» катары желали исправить недостатки западного христианства и очистить его отказом от материального мира, обезопасив таким образом «религиозную» сферу от влияния сферы «политической». Деятельность странствующих проповедников, которые принимали реформистские идеи папы Григория VII, привела к созданию многочисленных общин на территории от Рейнланда до Испании. Между 1140 и 1170 гг. при поддержке местных кардиналов они прочно укрепились в Лангедоке и Аквитании. Катары принимали умеренное богомилство и отвергали Ветхий Завет. Они получили поддержку Нисета (Никиты), главы павликианской церкви в Драговице (на Балканах), во время существования их Совета св. Феликса Караманского (1167 г.) и в завершение приняли радикальные дуалистические взгляды павликиан. После этого они стали бедными и «совершенными» приверженцами богатой Церкви и сектой с явной политической ориентацией. Доминиканцы нападали на них словом и примером, но основной причиной их упадка следует видеть в «Альбигойских войнах (крестовых походах)» и действиях зарождавшейся инквизиции. Катары полностью исчезли к XV в.

ФОРМЫ ЭТИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Даосизм

В то время как «дуалистические течения» несли на себе отпечаток древних религий Ирана, Япония и Китай развили более или менее религиозные формы мудрости из простоты собственных верований шаманского характера. Даосизм пустил корни в Китае во II в. до н.э., развивался в течение столетий, был объявлен «государственной религией» во времена династии Северная Вэй (в 444 г.) и наконец, незадолго до начала XVII в. превратился всего лишь в официально признаваемый культ. Считалось, что *дао*, или *тао* (букв. – «путь»), определяемый как «независимая реальность, которая является началом и концом всех вещей», представляет собой первооснову мира, великую общность и является проявлением единства всех живущих существ. Таким образом, *дао* символизировало внутреннее «я» каждого индивидуума, которое превосходит двойственность *инь-ян* (небо-земля, тень-свет), но его можно достигнуть только через чередующуюся природу этих двух противоположных составляющих. Существовало множество даосских школ со своими особыми опреде-

лениями даосизма, а более поздние секты и институты толковали его во многом по-разному. Школа «Совершенной общности» (*Чжэнъицжон*), или Западная школа относится ко времени Чжан Даолин. Официально она была утверждена властями в 444 г. н.э. Северная школа (*Бейцзынь*), основанная в X в. Ван Чжу, исповедовала суровый аскетизм и соединяла даосизм с конфуцианством и буддизмом. Южная школа (*Наньчжон*) была основана Лиу Хайчанем, а доктрины двух последних школ были систематизированы Лю Донбинем во времена правления династии Тан (618–907 гг.).

Две другие школы были основаны при династии Юань (1271–1368 гг.) – школа «Великой общности» (*Тайицжон*) и школа «Истинного пути» (*Чжэндаочжон*). Учение *Дао* было в значительной степени систематизировано Чжуан-цзы и Ли-Цзы и особенно Лао-цзы («старый мудрец»), который был современником Конфуция. Лао-цзы, «уйдя на покой от мира», являясь олицетворением «смиренности и святости», изложил суть учения *Дао* в трактате *«Дао дэ цзин»* («Классика Пути и его Власть»). Сам он стал главным выразителем идей даосизма и как высшее божество был даже включен в даосский пантеон в 666 г. н.э. под именем Лао-Цзюнь («Старый Господин»). Напротив, *Хуайнань-цзы*, – другой трактат, который был создан группой ученых, объединившихся вокруг Лиу Аня, вассального правителя Хуаняня (начало периода первой (Восточной) династии Хань) является чисто синкретической энциклопедией. *«Дао-цзан»* – свод литературы даосизма, составленный в 745 г. н.э., содержит 1464 выпуска, в которых рассматриваются все науки и методики, связанные с «долголетием».

Характерной особенностью даосизма в его как философских, так и религиозных формах является поиск долголетия (или бессмертия) через единение с великой и мирной гармоничной Вселенной, сущность которой проявляется в каждом, кто подчиняется простой (*су*), суровой (*пу*), природной (*цизиран*), или, коротко, естественной реальности (*дао*). Таким образом, даосизм VII в. может быть определен как поиск мудрости и долголетия, основанный на хорошо организованной религиозной структуре. Его целью было подчинение всеохватывающей Высшей общности (*Тайи*), сопровождаемой Небесной общностью (*Тяньи*) и Земной общности (*Дийи*). В такой системе канонизированный Лао-цзы занял свое место, и при династии Сун (960–1279 гг.) «Три Чистых» (*Саньцинь*) являлись посредниками в пантеоне: небесный Абсолютный господин («кто есть и кто правит»), духовный Абсолютный господин («кто действует целесообразно») и божественный Абсолютный господин («кто вдохновляет бытие»).

Даосские школы имели различные названия, свои секты и учреждения, различную практику церемоний. «Секта накопления добродетели» (*Цзишантай*) стремилась усовершенствовать человеческое бытие посредством моральных усилий; «Секта книги» (*Цзиньдьянтай*) размышляла над таинством доктрины даосизма. Из других сект можно назвать «Секту алхимиков», или «Секту треножника» (*Дандинтай*), систематизировавшую фармакологические опыты и приемы дыхания; «Секту талисмана» (*Фулутай*), поклонявшуюся духам (*шень*) Неба и предков; «Секту экспериментальных предсказаний» (*Чжэнянтай*), тщательно исследовавшую знаки в Небесах и на Земле, чтобы точно предсказать будущее. Аскетизм и культовые приемы (например, методы зародышевого дыхания) включали деятельность, направленную на самосовершенствование, которая неотделима от набожности, и придание видимой формы богам (*шень*) с целью достижения единения с *Дао* (придание духовности всему существованию индивидуума). Это был культ сообщества «богов», которые были сложным образом связаны с повседневной деревенской жизнью и нацелены на защиту человеческого существа от всего вредного для него. Духовенство всегда было готово пользоваться предсказаниями, применяя даосскую литургию, в которой одеяния играли огромную символическую роль.

Конфуцианство

В рамках вышесказанного конфуцианство может быть определено как этическое направление общественной и религиозной мысли Китая, нацеленное на сохранение традиционного общества и структуры государства, но способное в то же время примирять все остальные религии. Учение восходит к Конфуцию (551–479 гг. до н.э.), который во времена феодальных беспорядков и междоусобных войн выступал за возвращение к нравственному закону, основанному на космическом порядке (*Закон Небес*). От своих последователей конфуцианство требует «доброго намерения и склонности к пониманию, а также желания нравственного и социального совершенствования». Оно было частично оттеснено буддизмом, но пережило существенное возрождение при династии Тан (618–907 гг.). Знаменитые поэты, среди которых одним из наиболее известных был Ван Вэй (699–759 гг.), излагали это учение в своих назидательных поэмах. Указ от 845 г., направленный против буддизма и других иноземных религий, позволил конфуцианству восстановить доминирующее положение в китайской культуре. Позднее, во времена правления династии Сун оно приняло форму неоконфуцианской философии: Чжао Ян (1001–1077 гг.), Чжоу Дуньи (1017–1073 гг.), Чжан Цзай (1020–1076 гг.), братья Чэнь Хао (1032–1085 гг.) и Чэн И (1033–1107 гг.) среди многих других являлись наиболее заметными выразителями данного направления. Китайский реформатор Ван Аньши (1021–1086 гг.) также сыграл заметную роль, а столетия спустя при правлении династии Мин другой реформатор – ученый и чиновник Ван Янмин вдохнул новую жизнь в это учение. Традиционные верования, особенно поклонение предкам, по-прежнему сосуществовали с конфуцианством, но упор там делался уже на такие качества человека, как *цзэн* (человечность, доброта). Ожидалось, что постепенное распространение семейного и социального благочестия позволит каждому человеку достичь контроля над своими эмоциями и возлюбить других людей как самого себя. Поступающий так становился «превосходной личностью» (*цзунцзы*), и превосходство было свойственным добродетели и культуре субъекта. Достижение такого персонального достоинства означало, что индивидум участвует в поддержании гармонии общества, особенно если последнее управляется «правителем-мудрецом». Доктрина конфуцианства была сосредоточена в четырех книгах, среди которых «Учение о Средстве» (*Чжунйон*), в которой утверждалось, что посредством своей «природы» индивидумы помогают поддерживать гармонию космоса и метафизический порядок, управляющий всеми сущностями.

Этот китайский гуманизм должен был оказать глубокое влияние на Японию и Вьетнам. Уступая «религиозную» сферу и «мир иной» синтоизму и буддизму, японское конфуцианство определило свою цель как регулирование человеческих взаимоотношений и обеспечение основы для гражданского нравственного поведения в этом «нижнем мире». Таким образом, моральные нормы, законы, политические принципы и программы обучения – все они служили опорами жестко структурированного общества, в котором совершенная этика принимала как должное существование слоев общества в виде социальных классов, общества, в котором воины (*самураи*) занимали положение выше крестьян, ремесленников и купцов. Это может быть объяснено тем фактом, что форма конфуцианства, привнесенная в Японию в VI в. н.э., сложилась при последней (Восточной) династии Хань Китая. Идеология этой разновидности конфуцианства оправдывала и поддерживала институт правительства, сосредоточенного вокруг императора, который получал право власти от Небес и, таким образом, не имел обязательства быть «правителем-мудрецом». В 604 г. н.э. правитель Сётоку-тайси систематизировал конфуцианство в своем труде «Конституция семнадцати статей».

Позднее в «Кодзики» (около 680 г.) и в «Нихон Сёки» (720 г.) добродетельное правление определялось как правление императора, потомка богов. Неоконфуцианские модели времен династии Сун, которые попали в Японию в конце XII в., также были японизированы. Вьетнам, оставшийся под китайским влиянием до 939 г., также был свидетелем торжества государственного конфуцианства, идеал которого был кратко выражен в понятии *нхань* (благожелательность), а литургический процесс сосредоточивался на культе Неба и предков. Велись богослужения и в честь самого Конфуция, а король Ли Тханг Тон (правил в 1054–1073 гг.) построил *Храм литературы* (*Ван Мьеу*) в Ханое в честь Великого учителя.

Синто

В Японии религиозная система синто (синтоизм) («путь *ками*», или «путь божеств») была основана на традиционной культовой практике, в которой проявлялось отношение к жизни, и на наборе верований, изобиловавших символическими построениями. Существовала система синто императорского дома (обряды, проводимые императором в честь *Аматэрасу-о-миками*, богини солнца и прародительницы японских императоров, главы пантеона синтоистских богов), храмовая синто (упорядоченный набор ритуалов и верований) и народная синто с ее глубокой религиозностью. Из первых двух «государственная синто» представляла собой правительственный институт (как заявлялось, «нерелигиозный»), предназначенный для усиления чувства самоидентичности японцев. Однако систему синто, произрастающую на почве древних мифов и культовых практик, следовало преобразовать в религию, для того чтобы провести более четкое разграничение между нею и конфуцианством и буддизмом, которые проникали из Китая начиная с VI в. н.э. Поэтому в VII в. по указанию императорского дворца были составлены первые письменные документы синто – «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихон Сёки» («Хроники Японии»). Позднее синто была приведена в соответствие с мифологией, был установлен порядок формирования штаба священнослужителей, дополнены обряды и определены места поклонения. Синто, религия персональной веры в божества – *ками*, повысила сплоченность общества, члены которого часто бывали на церемониях, которые проводились в местных святилищах; в то же время она оставалась терпимой к другим религиям, например к буддизму. Понятие *матсури* («праздник жизни») является центральным в синто; в соответствии с ним утверждается, что жизнь в настоящем следует проживать активно, в гармонии с космосом, поддерживая связи каждого индивидума с тысячами божественных существ (*ками*) японской мифологии. С веками синто стала играть роль «национальной религии».

Индуизм

В VII в. народы Индии исповедовали огромное количество религий, в которых невозможно усмотреть никаких следов ортодоксальности. Индуизм являлся комплексом разнообразных верований, положений и обрядов; в его основе лежало понятие *дхармы*, или «общего ограничивающего порядка бытия». Этот порядок был неизменным (*санатана дхарма* – «извечный порядок», «извечный закон») и управлял всеми и каждой личностью в соответствии с их условиями (*варнами*), наделяя их «направляющим усилием» нравственной, духовной и социальной природы на каждом из четырех периодов (*ашрамы*) собственной жизни индивидума. С VII по XV в. приверженцы индуизма – религии, получавшей поддержку путем многочисленных усовершенствований ведических и дравидийских традиций и, кроме того, одобрявшей поклонение личным богам, которые были достаточно понятны простым людям, –

чувствовали потребность противостоять новым реформаторским веяниям со стороны буддизма и джайнизма. Они записывали свои разнообразные религиозные обряды в форме *пуран*, или «древних историй» (включая «*Бхагавата пурана*»), которые являлись священными книгами индуизма и основных религиозных групп шиваизма и вишнуизма. *Пураны* описывают сотворение мира, его воссоздание после периодических разрушений, генеалогию древних богов и святых, последовательность эр и эпох мировой истории и генеалогии правителей. Они также включают в себя энциклопедии светских наук.

Ведийская (ведическая) религия, ранняя стадия формирования религии индуизм, если не в теории, то по обрядам являлась политеистической, имела множество богов (Индра, Агни, Сома, Митра и Варуна, Сурья и т.д.), хотя и была видоизменена и перестроена, чтобы обеспечивать объединение с «Господином всех созданий», или «Единственным». Утверждалось, что духовное начало *атман*, иногда отождествлявшееся с космическим (объективным) началом *брахман*, является исходной точкой Вселенной. Каждое живое существо имеет свой *атман*, свое «Я» (отличное от тела и разума). Это – суть живого, одинаковая у всех индивидуумов, его можно постигнуть только после последовательных усилий, направленных на понимание внутреннего мира. *Брахман* – это высший *атман*, Абсолют в центре всех вещей и даже выходящий за пределы этих вещей. Пути к этому не персонифицированному и нейтральному *брахману* даются богами (*дэва*), которые являются его вторичными проявлениями. В конечном итоге *брахман* становится тождественным *атману*, чтобы «ты стал Этим» (твой *атман* – твой же *брахман*). К этой относительно политеистической религии следует добавить многочисленные обряды жертвоприношений, которые выполняли брахманы – представители одной из высших каст. Такие жертвоприношения включали подношение «эликсира бессмертия» – дурманящего напитка (*сома*) или просто молока, риса, цветов или фруктов. Именно брахманы посредством литературного совершенствования *Упанишад* преобразовали жертвоприношение в ритуал, направленный внутрь: «Жертва персонифицируется индивидуумом». Общество было разделено на касты брахманов (по происхождению – древнее сословие жрецов), воинов, скотоводов-земледельцев, торговцев; самая низшая каста – *шудры* (часто полурабы). Каждая каста имела своих собственных богов-покровителей, и считают, что во времена *Упанишад* даже появлялся бог Брахма – персонификация *брахмана*. Все индивидуумы независимо от их касты страстно стремились освободить себя от «кругов бытия» (*сансара* – перевоплощение души или личности в цепи новых рождений) живущих существ и непрекращающегося процесса рождений и смертей посредством этических и религиозных «деяний» (*карма* – деяние – понятие, дополняющее понятие сансары), которые могут спасти их, освободя, таким образом, личность от множества мира, воспринимаемого органами чувств. «Закон *кармы*», с его немолчимым карающим наказанием за деяния, означал, что для того чтобы не было неизбежного состояния повторных рождений в животной, человеческой или небесной форме, индивидуумы обязаны были обеспечить свое освобождение посредством служения (*бхакти*) своим богам, *його*, или медитации и, таким образом, стать способными наконец достигнуть осознания *атмана*. Конечное препятствие, которое требовалось преодолеть, состояло в том, что после ухода из материального мира плоти *атман* должен был обеспечить свою сущую свободу посредством слияния с *брахманом*, его исходным источником.

Индуизм со временем создал множество возможностей для обеспечения такого освобождения *атмана*. В дополнение к ритуалам и интеллектуальному мистицизму жрецов-брахманов и в противовес духовным системам, разработанным в буддизме и джайнизме, индуизм на целые столетия дал простым людям персонифицированных богов –

Шиву и Вишну, культы которых были особенно хорошо развиты совместно с культами Васудевы и Рамы. Одним из наиболее выдающихся богов, чтимым в бесчисленных храмах, прославляемым в огромном количестве мифологических историй и находящимся в центре философских размышлений, является Шива («благий», «принносящий счастье»). Это высший бог, который управляет всеми мирами и вмешивается в организацию и развитие Вселенной. Супругой Шивы (*шаакти*) является Великая богиня, а сам он – «Великий бог», «Великий господин», «Сущее» и т.д., с поразительными силами сосредоточения и созидания, а также – «истинный *гуру*» (учитель). Однако эти качества не являлись божественным проявлением (*аватара*), так как Шива превосходит царство собственного творения. Он изображается как «царь танца» – танца, воплощающего космическую энергию Шивы, регулирующую мировой порядок, создающую и разрушающую миры. Шива является также Высшим существом, освобождающим *атман* тех живущих, кто старательно следует його и аскетизму, чтобы соединиться с Шивой за порогом смерти. Шиваизм был широко распространен с VIII по XIII в. в Кашмире, где это учение было систематизировано Абхинавагуптой в IX в.

Вишну – имя Высшего космического существа, представляющего всеобщность Вселенной. Он организует пространство и является защитником этого мира. Супруга Вишну – богиня Лакшми, а его «божественными проявлениями» (*аватарами*) являются Кришна и Рама, а также Брахма, создатель мира. В вишнуизме энергия, которую олицетворяет Вишну и именуемая Вишну, предстает во множестве обликов: от неопишемого абсолюта до личного бога, к которому человек может испытывать сильную эмоциональную привязанность (*бхакти*). Вишнуизм представляет собой набор верований, духовной культуровой практики, а также религиозных групп, сосредоточенных на боге Вишну. Панкаратры (*pañcarātras*) рассматривали себя как истинных представителей Вишну, и религиозный философ Рамануджа в XI в. дал окончательное философское выражение идеологии данной группы. Священными текстами религиозного течения бхагаватизма, или движения «последователей благословенного» Господа Вишну, были «*Бхагавата-пурана*» и «*Вишну-пурана*», которые систематизировали *бхакти* и, таким образом, доводили присутствие божества до верующего. Кришна, мистический герой, или одна из *аватар* Вишну, является в одной из частей великого мифологического эпоса «*Махабхарата*» «*Бхагавадгите*» – Учителем мудрости, а в другой – «*Бхагавата-пуране*» – Победоносным воином. Именно в его честь поэт Джагдэва в XII в. сочинил любовную поэму «*Нита-говинда*». И наконец, Рама, другая *аватара* Вишну, звался богом милосердия. В XV в. последователи культа Рамы основали секту «тех, кто находит свое счастье в Раме». «Романтическая история Рамы» («*Рамаяна*»), приписываемая легендарному поэту Вальмики, наравне с «*Махабхаратой*» является одним из величайших достижений индуистской литературы.

Таким образом, индуизм VII в. проявлялся в широком разнообразии форм, имевших корни в философских или народных религиозных традициях. В последующие века, но до иноземного вторжения XIII в., вызвавшего значительные потрясения социально-политических основ, индуизм пережил чрезвычайно значимый период роста, в который наиболее важным достижением было создание *пуран* – священных книг индуизма. Верующие, продолжавшие отпращивать ведический (ведийский) культ, свели свои традиции в *смрити* («запомненное») – священные тексты, содержащие предания, в отличие от *шрути* («услышанное») текстов Вед. Это имело отношение к культовым действиям, личной и общественной нравственности, семейным обрядам и ко всему, что происходило в сфере *дхармы*. Многие люди упорно продолжали поклоняться верховным богам, упоминавшимся выше, в частности Шиве и Вишну. Приверженцы двух этих богов позднее сочинили *пураны*

(«древние истории»), в которых мифология богов и их супруг переплеталась с космологическими представлениями и теологическими рассуждениями. «*Бхагавата-пурана*» («Божественная пурана»), относящаяся к этому периоду, представляет собой текст из 18000 строф, собранных в книги, среди которых книга X является мифической биографией Кришны. Все эти разные религиозные системы были систематизированы мыслителями, философами и теологами в «дисциплины», постепенно всё более становящиеся теистическими. Одним из примеров разнообразия школ аскетизма и медитации являются *даршаны* (*darsanas*), или философские системы приближения, направленные на достижение «видения» первичной реальности и, таким образом, на обеспечение конечного освобождения индивидуума.

Два *даршана* касаются предписаний Вед (например, *пура-минанса* – «первая миманса» описывает тонкости ритуалов) и их главных сокровенных знаний (*веданта* – толкование, относящееся к природе отношений между *атманом* и *брахманом*). Два других *даршана* относятся к правилам логики (*ниая*, или «метод» прямого наблюдения, выводов, сравнения и достоверных свидетельств) и суммированию категорий действительности (*вайшешика*, или «физическая наука» о природе вещей и существ). Остальные касаются широкого спектра ценностей и фактов (*санкхья* устанавливает дуализм природы; *пракрити* – первомаатерия, творческая сила природы и *пуруша* – творческое духовное начало), аскетизма (*йога*) и благочестивых религиозных практик (*бхакти*).

«Пути» индуизма, таким образом, весьма многообразны, включают жесткую систему социальных классов (каст). Такие эстетические и литургические построения находили выражение в быстром увеличении числа святых образов (статуй, представляющих святое присутствие), строительстве роскошных храмов с великолепной архитектурой и сочинении хоралов большой лирической ценности. Шиваизм и вишнуизм имели при этом основное значение, а братства, которые они породили, играли решающую роль. Сюда можно отнести *альваров*, т.е. тех, кто «погружён» через медитацию в любовь к Богу, которые оказали большое влияние на мир тамилгов (VI–IX вв.).

Другие группы индийцев в тот период сосредоточивали свое внимание на действенной власти своих божеств, чья жизненная энергия (*шакти*) которых была персонафицирована их супругами или богинями. Эта форма индуизма, определяемая как тантризм или шактизм (в основе которых лежит поклонение обоженной женской энергии *шакти*), делала упор на самореализацию с целью преступить границы человеческой природы путем аскетизма или проризания, которые в каждом индивидууме вызывают появление божественной энергии (*шакти*), передающейся женскими божествами, которые почитались более всех других. Посвящение в культ осуществлялось *гуру*, которые проводили новообращаемого через последовательные этапы совершенствования, включающие ритуалы и жертвоприношения. Тантризм в рассматриваемый период, очевидно, представлял крайнюю форму индуизма, вобравшую в себя многие противоречивые течения, которые джайнизм и буддизм стремились реформировать или вообще отрицали (илл. 52, 53, 55, 221–231, 235, 236).

Важное направление развития в индуистской религиозной мысли было начато Шанкаркой (около 800 г.) с создания комментариев к «Упанишадям», в которых он предлагал пантеистический вариант «Веданты», отстаивая принцип первичной «недвойственности» (*адвайта*), который утверждает неразделенность основного духовного начала (*брахмана* – *атмана*), его единственную реальность и иллюзорность эмпирического мира (майя). Если не сразу, то в течение нескольких веков религиозно-философское учение Шанкары стало доминирующим в индийской религиозной мысли, и ему начали приписывать предание о пути формирования буддизма в Индии.

КОМБИНИРОВАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Джайнизм

Современник Будды (около VI–V вв. до н.э.) Махавира («великий герой» на санскрите), именуемый также Джинной («победитель»), строил свое учение – джайнизм – на примерах и проповедовании. Особенной нацеленностью этой религии, часто рассматриваемой как еретическая школа (*даршихана*) индуизма, является строгий аскетизм и первичность духовной сферы. «Путь» в джайнизме не оставляет места для божеств; эта религия требует от своих сторонников полного осознания жертвенности. Джайны укоренились только в Индии, где они всегда составляли малую группу, которая никогда не была поглощена индуизмом ввиду сурового аскетизма его монахов и из-за взаимоотношений между этими монахами-аскетами и мирянами – последователями этого учения. Обе эти категории верующих существенно обогатили религиозную индийскую литературу. Второй сбор джайнов (около 500 г. н.э.) привел к систематизации канона учения (сначала на языке ардхамгадхи, а затем и на санскрите), включавшего 45 текстов, описывающих учение, ритуалы, жизнеописание святых и требования к монашеской дисциплине. Тексты Канона представляли собой изложение учений 24 знатоков аскетизма (тиртханкаров), среди которых Махавира считается последним. Джайнизм широко связан с торгово-ростовщической деятельностью и городской культурой. В число его последователей входят как монахи, так и миряне. Подразумевалось, что монахи-джайны (*садху*) и монахини (*садхви*), после того как они посвящены своими *гуру*, должны вести жизнь скитальцев и соблюдать строгие правила, в частности *ахимсы*, – непричинения вреда живым существам (абсолютное вегетарианство). Монахи-джайны делятся на две категории: «одетые в белое» (*шветамбары*) и те, кто придерживается полного нудизма, или «одетые сторонами света» (*дигамбары*). Светские последователи соблюдают те же обеты, хотя и в меньшей степени, посещая храмы и места паломничества, где они поклоняются *тиртханкарам* (букв. «создателям брода»), двадцати четырем указывающим путь к освобождению. Для джайнов Вселенная является единственной реальностью. Она населена активными агентами восприятия и действия (*дживами*), которые лишены ощущений и являются духовными по природе, и неживыми, неодушевленными началами (*адживами*), которые не имеют сознания, но по природе материальны. *Дживы* ведут независимое существование, их неотъемлемой характеристикой является сознание (*сетана*). *Дживы* имеют отчетливую разрушительную или неразрушительную *карму*, освобождение от которой должно обеспечиваться «правильным видением (истины), правильным знанием (вероучения) и правильным поведением». С этой целью странствующий аскет дает обет воздерживаться от совершения пяти великих грехов (причинение вреда живым и чувствующим существам, ложь, воровство, сексуальное удовольствие и владение материальными благами). Пост, уединение, умерщвление плоти и признание вины обеспечивают контроль над разумом и непосредственностью принятия решений как предварительный этап к медитированию, направленному на постижение *атмана*. Джайнизм довел требования психологического анализа до его пределов – конкретно это достигалось в виде прохождения через 14 этапов духовных квалификаций, которые приводили душу к «воссоединению с ее истинной сущностью». Именно так достигается состояние всеведения (совершенное сознательное знание в объединении с психологическим и психическим организмом) и «реализованное» совершенство (*сиддхи*), в котором душа, освобожденная наконец от тела, достигает блаженства. Поэтому, несмотря на строгий характер своей системы, джайнизм превозносит первичность духовного, ценность ненасилия, преимущество самообладания и желание полностью осознанного существования.

Буддизм

Буддизм, историческая религия, основатель которой являлся современником Махавиры, распространился в Азии к началу VII в. Развиваясь во многих различных направлениях, он проявился как всеобщая проповедь, выраженная учениями и школами, которые оказали серьезное влияние на национальные религии и культуры. Сиддхартха Гаутама родился в индуистском окружении в северной Индии в середине VI в. до н.э. После своего личного обращения в веру он стал странствующим монахом. Затем, после отказа от полного и строгого аскетизма он решил посвятить себя медитации и наконец обрел понимание пути для освобождения (*мокиша*) от «бесконечной цепи рождений и смертей» (*сансара*) и прекращения перевоплощений, благодаря чему и стал Просветленным (отсюда имя «Будда» – «проснувшийся», «прозревший», «Просветленный» на санскрите и пали). Он описал этот опыт окружающим в своей проповеди в Сарнатхе близ г. Варанаси (Бенарес) о четырех благородных истинах, «первом обороте Колеса Закона». Таким образом, возникла буддийская монашеская община (*сангха*). Его «четырьмя возвышенными положениями» были истинная любящая доброта (*майтри*), деятельное сострадание (*каруна*) ко всем существам, получение радости (*мудита*) от чистоты намерений и стремление к равновесию, или невозмутимости (*упекиа*) в поступках, словах, мыслях, которое распространяло три предшествующие добродетели на все существа. Эти четыре положения в собирательном смысле были известны как *Брахма-Вихара* (Обитель Брахмы), а тот, кто достигал соответствия им, становился «равным Брахме». Будда Шакьямуни (одно из имен Будды – «отшельник из шакьев»; шакья – племя, из которого, по преданию, происходил Будда), который вскоре стал легендарной фигурой, рассматривался как один из довольно большого числа будд, которые получили просветление после бесчисленной череды предыдущих существований. Таким образом, в ответ на экзистенциальные сомнения индуизма буддизм предлагает основной принцип несобственной личности, не-«Я», или *анатта* (иллюзия существования «Я»). Он принимает ведические концепции *кармы* и *сансары*, но отрицает концепцию *атмана*, собственного «Я» как на индивидуальном, так и на всеобщем уровне (*анатман*). Поиск ответов на метафизические вопросы является тщетным, а человеческое существование есть страдание (*дуккха*). Только через подавление причин страданий личность может стать свободной, чтобы достичь *нирваны*, которая полностью устраняет все людские пороки (гнев, зависть, невежество и т.д.), удерживающие людей в непрекращающейся череде перерождений, подобной вращению колеса. Путь буддизма, таким образом, ведет к конечной цели, описываемой в терминах отрицания: существует абсолютная реальность, которая не может быть ни познана, ни выражена словами («всецело пустой позитивный полюс»), а единственным средством спасения для людей является освобождение их самих от «отрицательно-го полюса» мира чувственного восприятия, в который они погружены и где чрезмерно страдают. Характер индивидуального доступа к *нирване* зависит от того, придерживается ли человек учений и обрядов «Малой колесницы» (хинаяны) или таковых «Большой колесницы» (махаяны). Буддизм махаяны исповедовался в Китае, Японии и Вьетнаме в VII в., в то время как Шри-Ланка и Юго-Восточная Азия сохранили приверженность традициям хинаяны. Хинаяна является весьма требовательным учением, будучи духовной «Малой колесницей» на пути к спасению, и призывает к верности исходным учениям Будды. Четыре религиозных собора привели к расколу в буддийском учении.

Хинаяна («Малая колесница») направлена на сохранение близкого соответствия опыту и начальным положениям учения Будды. Буддисты, приверженцы хинаяны, выступают за «строгое соблюдение» и сохранение религиозной

практики школы *тхеравадинов* (старейшин), представители которой наряду с другой школой осуждали подходы сторонников *сарвастивады* – еще одной школы хинаяны. Они собрали и записали на языке пали буддийский канон и укрепились в Шри-Ланке, а далее их учение распространилось в Мьянме, Таиланде, Лаосе и Камбодже благодаря увеличению количества школ, монастырей и храмов. Хинаяна, представляющая «древний буддизм», или Южную школу, прежде всего делала упор на две фундаментальные стороны учения. Первая относилась к ее космическому взгляду: поскольку мир объектов чувственного восприятия считается реальным, хотя не вечным и непрочным, и поскольку всё страдание коренится в его «установленном и обусловленном» характере, *нирваны* можно достичь, только покинув этот мир. Вторая сторона касается той важности, которая придается мудрости (*праджня*), ведущей к непривязанности, отрицанию собственного «Я» (*анатман*). Истинный буддист, таким образом, это существо (*архат*, на пали – *арахант*), «достойное войти в нирвану», достигшее полного отрешения (*паринирвана*), высшей стадии духовного совершенствования, после которой уже не бывает перерождений. Архат непосредственно после данной жизни уходит в нирвану. В школе *тхеравады* эта мудрость продолжала получать поддержку в виде утверждений «Старейшин», оставаясь прерогативой монашества. В изначальном виде она была записана на пали в указанном выше каноне и дополнена комментариями к нему, выполненными индубуддийским мыслителем V в., крупнейшим философом тхеравады Буддхагхошей в его труде «*Висуддхи-магга*» («Путь к Чистоте»). В течение рассматриваемого периода хинаяна, таким образом, стала выражать основные аспекты исходной формы буддизма, оказывая влияние на искусство, литературу и культуру разных стран, в которых она стала официальной философией.

Махаяна (Большая колесница), разработанная позднее, к началу рассматриваемого периода, утверждала, что учения «Старейшин» составляли только часть учения Будды. При этом считалось, что Будда передал лишь избранным последователям свои конечные намерения, и эти сторонники махаяны уполномочены передавать учение Будды через раннебуддийскую школу махасангигов, так чтобы не только монашество, но и всё большее число людей встало к свободе посредством учения «Большой колесницы». В центре доктрины махаяны – учение о земных и небесных идеальных существах *бодхисатвах* (просветленных существах), помогающих другим освобождаться. Развиваясь, вероятно, параллельно понятию *бхакти* в индуизме, учение о бодхисатвах в махаяне заменило аскетизм религиозной преданностью. Монашеский идеал потерял свою важность, так как теперь спасение стало возможным посредством преданности тем исключительным существам, которые достигли Просветления, но остались на Земле из великого сострадания, чтобы принести спасение всем.

Исходный обет *бодхисатвы* в этой форме буддизма никоим образом не отделяет индивидуальное спасение от спасения всех («я решил достичь полного Просветления, чтобы все живущие были спасены»). Таким образом, в этом учении указано значение как сострадания, так и «тайнства пустотности». Посредством постижения «великой Пустоты» *бодхисатвы* достигают вида существ, «настолько прозрачных, что поток вселенской любви может свободно проходить через них». Махаяна, таким образом, постепенно пришла к обожествлению и умножению числа Будд. Она делает различие между «историческим телом» Будды (*нирманакая*, что значит «временное тело»), его «тело блаженства» (*самбхогакая*), преображенное всеми достоинствами, приобретенными в предыдущих жизнях, и космическим телом Будды (*дхармакая*) – абсолютная сущность Будды, чистая духовная реальность, которая безгранична и равнозначна по протяженности во времени и пространстве с Вселенной. Существует даже концепция «исходного Будды», который

граничит с Абсолютом. Махаяна идет далее, подчеркивая, что все индивидуумы, независимо от того, монахи ли они или миряне, должны повышать свою мудрость, переживая опыт Будды. Поскольку абсолютная реальность является бесформенной и выше понимания, а каждый буддист есть хранилище «зародыша Будды», то каждому требуется лишь возвращать стремление к углубленным поискам внутри себя и раздумьям с помощью приемов медитации. С философией, основанной на пустоте, махаяна не признаёт интеллектуальный подход и временами принимает тантрическую форму (например, третье направление в буддизме – *ваджраяна* характеризуется недогматическим подходом, сочетающим спасительную любовь и трансцендентальное знание). Эта форма буддизма, использующая «Большую колесницу» для обеспечения возможности спасения каждому, была более доступна простым людям и особенно широко распространилась в Северной Азии.

Изменчивая судьба постигла обе буддийские «колесницы» между VII и XV вв. К XII в. брахманы в Индии преуспели практически в полном устранении буддизма с субконтинента, хотя школа хинаяны тхеравада сумела закрепиться в Шри-Ланке, откуда распространилась в Мьянму (XI в.). В Камбодже существовал странный сплав из махаяны и шиваизма. Хинаяна была принесена в страну монахами-тхеравадинами в период правления Джаявармана VII (1191–1218 гг.) и расцвела, несмотря на шиваитские гонения в конце XIII в. Махаяна занимала главенствующую роль в Таиланде до вторжения с севера тайских племен в XIII в., которые затем перешли к хинаяне в трактовке школы тхеравада. В этот же период Вьетнам и Индонезия частично приняли махаяну.

В Китае, однако, буддизм распространился чрезвычайно широко начиная с I в. н.э., когда в г. Луоян на р. Хуанхэ были переведены первые *сутры*. Здесь буддизм «Малой колесницы», рассматривавшийся как вариант даосизма, был принят и простыми людьми, и правящими классами, а Будда был даже обожествлён. С падением династии Хань (220 г. н.э.) со вторым поколением миссионеров в Китае распространился махаяна-буддизм. Конечная китайская форма буддизма имела оттенок даосизма, а две школы – Чань и «Чистой земли» (*Jingtu*) развивали ее философию и практику. Чань-буддизм сделал конечной целью медитацию, поскольку она считалась непосредственным опытом, через который открывается абсолютная реальность, в то время как школа «Чистой земли» делала упор на индийский культ будды Амитабхи (санскр. – Бесконечно сияющий Будда, один из главных будд в махаяне. – *Прим. ред.*), посредничества которого было достаточно для повторного рождения в «западном Раю» (небесная страна счастья, располагающаяся на западе и относящаяся к высшему разряду «чистых земель», «преддверию» нирваны. – *Прим. ред.*) и вхождения в *нирвану*. Примечательной особенностью распространения буддизма в Китае был приход в Индию большого количества китайских паломников, которые отправились для сбора и перевода санскритских текстов, относящихся и к хинаяне, и к махаяне. Наиболее выдающимся из таких паломников, оставившим подробное описание своих путешествий, был Сюань-Цзан (602–664 гг.) и его последователь И Цзин (635–713 гг.).

Таким образом, период между VII и IX вв. при династиях Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.) является золотым веком буддизма в Китае. Было создано множество школ, организаций и монастырей, а богатство и власть сделали их политической силой, с которой вынуждено было считаться государство. Но светская власть буддизма в Китае привела к его закату. Лидеры конфуцианства и даосизма оказались в рядах гонителей буддизма в 626, 714 и 842–845 гг. Это привело к разрушению около 40000 монастырей, превращению в мирских жителей более 260000 монахов и монахинь и конфискации миллионов гектаров плодородных земель. Поэтому, хотя китайский махаяна-буддизм был

вновь официально признан в 846 г., он выжил только в небольших общинах, которые хранили свидетельства славного прошлого.

В середине VI в. буддизм через Корею распространился в Японию. Он был с одобрением воспринят правящими классами обеих стран и быстро поставлен на службу государству. В период нахождения первой столицы Японии в г. Нара (710–784 гг.) буддизм представлял собой шесть школ, которые сообщали японским мыслящим людям основные направления развития буддийской мысли. Мирянам буддизм представлялся в виде величественных храмов, статуй, обрядов и церемоний с магическим скрытым значением. Император Сему придал буддизму статус государственной религии. В начале периода (794–1185 гг.), в который столицей Японии стал г. Хэйан (современный Киото), Денгидэ Даиси (*Dengyo Daisi*, 767–822 гг.) основал школу Тэндай («опора неба») на базе своего монастыря на горе Хиэй. В спорах с соперниками, утверждавшими, что начало Будды присутствует во всех чувствующих созданиях и что просветление есть не более чем осознание врожденного начала Будды, он отстаивал всеобщность спасения души (просветления). В те же времена Кобо Даиси (774–835 гг.) основал учение Сингон, в котором буддизм рассматривался как главенствующая религия, и его истины рассматривались выше истин даосизма и конфуцианства. Его трактат «Десять ступеней духовного развития» заложил основу народной религии в Японии, а сам Кобо Даиси был оценен как национальный герой. Чрезвычайно иерархичная система монашества, которое пользовалось поддержкой государства, придавало политический вес «японскому буддизму». Однако странствующие монахи, придерживавшиеся шаманизма, вели активную деятельность среди простого народа. Сюда можно отнести Коя (*Кбуа*, 903–972 гг.), который проповедовал культ будды Амиды (япон.; санскр. – Амитабха – Беспредельно сияющий Будда), обещавший защиту от духов мертвых. Амидизм позднее стал крайней формой бхакти (набожности, преданности), что делало аскезу и монашескую жизнь совершенно ненужной, так как спасительная власть Амиды гарантирована в большей степени именно тогда, когда ей нет необходимости бороться с аскетическими усилиями. Буддизм стал полностью японизирован во времена, когда столицей Японии был г. Камакура (1185–1333 гг.) и ответственность за культурные аспекты развития перешли от знатных придворных к классу воинов. Благодаря трем своим новым движениям – сектам Дзёдо-сю (букв. «чистая земля»), Сингон и Ничирен – доктрина Тэндай была донесена до простых людей при посредничестве сильных феодальных структур. Только учение сингон с его монашеской составляющей оказалось духовно соединимым с воинственными устремлениями сёгуната Камакуры и преуспело в дальнейшем при Иккью (*Ikkyu*, 1394–1481 гг.). В этом отношении японский буддизм в рассматриваемый период проявил собственные характерные черты: компромиссы, которые способствовали неразрывности между богами, людьми и Природой; склонность к формализму и обрядности; тесные связи с государством; связь школ буддизма с харизматическими лидерами; упор учения на текущую жизнь и отказ от строгих монашеских правил. Все эти разнообразные аспекты сделали махаяну в этой стране ярко выраженной японской формой гуманизма.

Буддизм в Тибете адаптировался к методикам местной религии бон и ее более позднему культу шаманов, которые рассматривались как божества (илл. 83). Там появилось большое количество школ, включавших, в частности, школы нерезформированного буддизма (Красные шапки) и школы реформированного буддизма (Жёлтые шапки). Успех буддизма рассматривался в Тибете как исполнение надежды на всеобщее спасение через сострадание и с помощью Бодхисатвы. Во времена правления тибетского царя Сронцангамбо (VII в.) при содействии индийских проповедников

и тибетских переводчиков буддизм прочно укоренился в этом регионе. Усилия «несчастливого» царя Лангдармы уничтожить буддизм в X в. оказались тщетными. Вторая волна распространения буддизма имела место при активной деятельности двух лам, Йеше Вои (*Yeshe Woi*) и Ринчен Сангпо (*Rinchen Sangpo*). Учения индийских буддийских университетов распространились в Тибет, где были созданы школы Ньигмапа, «те, кто следует за старейшинами» (не реформированный буддизм); Кагьюпа, основанная Марпа (1012–1096 гг.), объединявшая мирских последователей тантризма и аскетов, а также йогов-отшельников; Сакаяпа, также основанная в XI в.; Кармапа, основанная Дусумом Кхиенпа (1110–1193 гг.) («система последовательных реинкарнаций»); и Гэлукпа, основанная в 1409 г. Цзонхавой, который соблюдал безбрачие и строгую монашескую дисциплину. Эти школы стали суровым испытанием для своеобразных «религиозных взглядов» лам («высших»), «истинными наставлениями, показывающими путь, ведущий к Будде тех, кто достоин и способен выбрать свои реинкарнации». Влияние, которым они обладали в общественной и политической жизни, играло решающую роль в распространении тибетского буддизма, на который, помимо этого, оказывал воздействие тантризм, или «короткий путь» к достижению Просветления буддийского проповедника Падмасамбхвы, «Рожденного лотосом» (VIII в.), и его школы, которая воспитала замечательного ученого Лонгченпа (*Klong-chen*, 1308–1364 гг.). *Далай ламы*, которые стали духовными и светскими правителями Тибета, появились впервые в конце рассматриваемого периода и передавали свою власть через череду последовательных реинкарнаций. Предположительно первым *ламой* был Гедун Друп (*Gedun Drub*), родившийся в 1391 г., которого считали физическим проявлением Ченрэзи (*Chenrezig*), одного из *бодхисатв* махаяны, «Господином бесконечного сострадания» и божеством – покровителем Тибета.

Таким образом, буддизм через многочисленные проявления хинаяны или махаяны сумел сохранить свое действительное присутствие в Юго-Восточной Азии, Тибете, Китае и Японии. Безусловно, в этих землях вероучению Будды часто приходилось идти на компромиссы с местными религиозными традициями и преобладающими социальными и политическими условиями, но этой ценой буддизм выжил и преуспел, тогда как в Индии – там, где он впервые появился и развился, – буддизм практически исчез (илл. 80–87, 232–234).

МОНОТЕИСТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

Ислам

В начале VII в. появился новый Пророк. Стучилось это на дальних южных рубежах двух главенствующих в то время религиозных миров – империи Сасанидов в Персии, большинство населения которой придерживалось маздеизма – веры своих правителей, терпимо относясь при этом в своей среде к христианско-несторианскому меньшинству, и Византии, или Восточной Римской империи, где всецело властвовало христианство, хотя власть эта и оспаривалась представителями двух течений – православия (известными в Сирии как «партия императора») и монофиситизма (представители «яковитской» Церкви). Если быть точным, новый Пророк родился поблизости от западного побережья Аравийского полуострова в городе-оазисе Мекка и первыми обратил в свою веру людей из соседнего оазиса Ятриб (Ясриб), который позже стал называться Медина (*Мадина* – город). Звали нового Пророка Мухаммед ибн Абд Алла ибн Абд аль-Мутталиб. Его «вдохновения», или откровения (*вахы*) снизошли к нему от Господа (Бог по-арабски – Аллах). Проповеди, которые он излагал в устной форме, позднее были записаны его последователями и в конечном итоге

собраны целиком в книгу, известную как Коран («чтение»). Каждодневные деяния Пророка, или *сунны* (священные предания), составили дополнительный образец веры и поведенья для его последователей, а его руководство новым сообществом, или *уммой* стало служить моделью всеобщего устройства для «преемников» – «халифов». Этот титул поочередно принимали на себя действующие или номинальные правители Медины (632–661 гг.), Дамаска (661–750 гг.), Багдада (762–1258 гг.), Кордовы (929–1031 гг.), Каира (969–1171 и 1258–1517 гг.) и, кроме того, Стамбула (с 1453 г.). Повинуясь своим исключительным религиозным переживаниям, Мухаммед проповедовал своему народу (который в большинстве своем придерживался политеизма) сначала в Мекке (с 610 по 622 г.), а затем в Ятрибе (Медине) (с 622 по 632 г.). Его учение, в ряде черт близкое к основам иудаизма и христианства, отличалось от этих двух «божественных религий» тем, что было предназначено преобразовать некоторые положения их доктрин и частично подправить в отношении религиозных обрядов и моральных норм. Мухаммед настаивал на необходимости безусловного следования, покорности (араб. – *ислам*) одному и единственному Богу (*Аллаху*) – так же, как Авраам полностью подчинился указаниям своего Господа в соответствии с иудаистической и христианской легендой.

Когда Мухаммед впервые начал проповедовать народу в Мекке, он подчеркивал необходимость социальной справедливости по отношению к беззащитным и нищим. Он также утверждал, что в день воскрешения из мертвых каждому придется ответить за свое поведение перед Создателем и Господом, который явится одновременно их судьей и защитником. В соответствии с этим, он проповедовал существование конечного места вселенского счастья – Сада (*Джанна*), и противоположного места вечного проклятия – Огня (*Наф*), или Геенны. Когда Мухаммед встретил сопротивление в своей собственной общине, он продолжал утверждать, что пророки (*анбийя*, *русул*) многократно посылались на Землю на протяжении истории человечества, и что наиболее значительными из них были Ной, Авраам, Моисей, Иисус и сам Мухаммед. Послание от Бога, который «обращается к людям», всегда было одинаковым: Бог всепрощающ (*аль-Рахман*), его провидение требовало подчинения и поклонения, его правосудие наступит в Судный день в виде последней кары, а его послание записано в таких книгах, как Тора, Псалтырь (Книга псалмов), Евангелие и Коран; при этом последний, арабский вариант исходных записей священных откровений (*аль-Китаб*) – наиболее точный и совершенный и отменяет все предшествующие Писания. Мухаммед заявлял, что «противники» веры будут наказаны, а «верующим» будет воздано, поскольку Бог желает установить свой закон (*шариат* – букв. «надлежащий путь») для всех, с тем чтобы мир сделался «местом справедливости и мира».

После заключения соглашения с двумя арабскими племенами, которые приняли ислам, а также с тремя еврейскими племенами как временными союзниками, Мухаммед вместе со своими сторонниками ушел из родного города в Ятриб (Ятриб был переименован в Мадина Ан-Наби (город Пророка) либо просто в Мадину или Медину (город) в 622 г. Это переселение (*хиджра*) ознаменовала начало новой эры – эры ислама. В течение последующих десяти лет Мухаммед развил свое вероучение. Его положения стали предельно точными и конкретными. Пророк вступил в полемические споры с евреями и христианами и начал вести военные кампании, которые в конце концов открыли пред ним ворота Мекки. Таким образом, он основал исламское государство, в которое ему удалось включить всех арабов, живших на Аравийском полуострове, которые либо стали мусульманами (слугами Бога и его Мессии), либо предпочли остаться «находящимися под защитой» иудеями или христианами.

После смерти Мухаммеда в 632 г., его преемниками стали четыре «праведных халифа». Абу Бакр (правил

в 632–634 гг.) укрепил сплоченность молодого государства. Омар (Умар, 634–644 гг.) предпринял завоевательные походы на Среднем Востоке. Его победа при Ярмуке (636 г.) над византийцами принесла ислам в Сирию, Палестину и Египет, а другая – при Кадисии (637 г.) над Сасанидами сделала и Персидскую империю страной ислама. Третьим «праведным халифом» был Осман (Усман, 644–656 гг.), при котором исламское государство значительно расширилось после завоевания Туркестана на востоке и Ливии на западе. По поручению Османа была составлена официальная редакция Корана, что способствовало сплочению мусульманского сообщества. Ислам везде становился политической силой и в то же время гарантировал защиту христианского и маздеистского большинства в завоеванных странах посредством гарантирования им специального и весьма либерального статуса терпимости (*дхимма*).

Четвертому халифу Арабского халифата Али (656–661 гг.), двоюродному брату и зятю Мухаммеда, пришлось столкнуться с серьезными внутренними разногласиями, которые привели к междоусобным военным действиям между его сторонниками и сторонниками убитого Османа. Конфликт завершился насильственной смертью Али и привел в итоге к расколу мусульманского сообщества – *уммы* на шиитское меньшинство, т.е. тех, кто поддерживал преемников Али (Хасана и Хусейна), ортодоксальных хариджитов (от араб. *хаваридж*, букв. – вышедшие, возмущившиеся – малая группа, существующая до сих пор) и на суннитское большинство – тех, кто поддерживал Муавию, двоюродного брата Османа, правителя Дамаска. Последний сделал свой город новой столицей, откуда начали править халифы династии Омейядов (661–750 гг.). Им суждено было расширить исламскую империю до севера Испании и до р. Инд в Индии.

После «золотого века» халифата Аббасидов (750–1258 гг.), пришедших к власти после династии Омейядов, оттоманские турки расширили «обитель ислама» до Балкан и до Константинополя, переименованного в 1453 г. в Истанбул (Стамбул) и ставшего столицей могущественного исламского государства, которое объединило все исламские страны от Алжира до Ирака и от Балкан до Йемена. В то же время исламские правители оказывали покровительство искусствам и наукам в широком этническом и государственном масштабе, а их вера распространилась далее – до Индии, в конце концов достигнув Суматры и Явы. Кроме того, в результате торговой деятельности мусульман в Восточной Африке и наличия их миссионерских общин на севере и западе континента ислам стали исповедовать многочисленные этнические группы в регионе южнее Сахары. Таким образом, ислам распространился от Сенегала до Индонезии и от Туркестана до Судана.

Ислам, столь быстро расширявший свои границы вследствие его политического и военного влияния, оказался спустя несколько веков после христианства представлен на Среднем Востоке как «совершенная монотеистическая религия». Он являл собой комбинированное религиозное, культурное и политическое движение, которое быстро вступило в противоречие с предшествующими монотеистическими религиями. Потребовалось три столетия, чтобы утвердить его структуру на основе разнообразия школ и множества сект. Действительно, исламу потребовалось утвердить свою «индивидуальность» по отношению к иудаизму и христианству во всех областях, где эти религии уже систематизировали содержание веры, описали характер обрядов и установили собственные моральные нормы. В течение очень короткого промежутка времени ислам, таким образом, оказался способен «определить» собственное вероучение, культ и этические нормы, а также свое законодательство и мировоззрение в почти непреложных понятиях. Вне зависимости от того, являются ли они суннитами, шиитами или хариджитами, все мусульмане уважают одно и то же вероучение, выполняют одинаковые обряды и живут в соответствии с одинаковым моральным идеалом.

Мусульманское вероучение определяет изречение: «Нет иного божества кроме Бога, и Мухаммед – Пророк его». Все догматы выражают веру в Бога, его ангелов, его книги, его пророков, воскрешение и предопределение. Единый Бог, таким образом, составляет саму суть исламской веры. Он Творец и высшее существо, поскольку «ничто не сравнится с ним», и он также судья, оценивающий итоги человеческого бытия. Через простое созерцание (медитацию) или повторение девятидесяти девяти его «наиболее прекрасных имен» верующий может приблизиться к непередаваемому и непознаваемому чуду. Ангелы являются посланниками этого Бога, который, кроме того, соответствует доброму Провидению, бдительно следящему за человеческой гордыней, которую использует великий искушитель Сатана и что положило начало всем драматическим перипетиям истории. Коран перечисляет имена 25 пророков, многие из которых присутствуют и в библейской истории: Адам, Енох/Идрис, Ной, Авраам, Лот, Исмаил, Исаак, Яков, Иосиф, Худ, Шуайб, Салих, Моисей, Аарон, Джошуа/Дхуль-Кифл, Давид, Соломон, Илия, Элиша, Иов, Иона, Захария, Иоанн, Иисус и Мухаммед. Четверем из них отводилась выдающаяся роль: Авраам является образцом чистого монотеизма, избранного Мухаммедом; Моисей был основателем иудаизма, создал Тору (Пятикнижие), на что он получил благословение от Бога; Иисус был основателем христианства посредством Евангелия, которое ему также передал Бог; Мухаммед есть «печать Пророков», пришествие которого было предсказано другими и кому был доверен Коран. Таким образом, мусульмане верят, что Коран придает доверие всем предшествующим «книгам» – Торе, Псалтырю и Евангелию, в то же время преобразуя и отвергая их. Ислам при этом определяется в терминах строгого монотеизма, проповедовавшегося Мухаммедом и сохраненного в Коране, который служит окончательной «книгой», к которой обращаются все мусульмане (илл. 90, 107, 108, 110).

Коран содержит 114 глав (*суры*) и 6235 стихов (*аяты*), написанных на «чистом арабском» языке, который не может быть воспроизведен (*иджаз*). Для мусульман он является книгой по медитации и богословию, а также собранием законодательных установлений и литургических текстов. Эта книга дает им веру в телесное воскрешение в Судный день (в который все «узрят Бога»), и в конечное воздаяние. Единственным не прощаемым грехом, наказываемым Вечным огнем, является сомнение в единственности Бога. Все иные грехи верующих должны либо наказываться (в течение короткого периода времени), либо прощаться (немедленно). В загробной жизни в райском Саду человек будет вознагражден всеми удовольствиями души и тела, которые известны одному Богу. Относительно предопределения в Коране имеется множество стихов, где категорично утверждается, что «Бог наставляет каждого, кого выбирает, и вводит в заблуждение любого, кого выбирает». Во многих стихах также утверждается об ответственности человека («Любому, кто выбирает веру, позволь верить, а тому, кто веру не выбирает, позволь не верить»).

Исламская доктрина сопровождается, кроме безусловной веры, ритуальными обязанностями верующих (которые сохранились до сих пор с тех времен, когда их заповедал Аллах через Мухаммеда. – Прим. ред.): молитвой (*саят*); милостыней (*закат*), которую собирало государство и использовало на поддержку нуждающихся; соблюдением поста в месяц рамазан; паломничеством (*хадж*) в Мекку (в месяц *зильхиджа*). Правоверные мусульмане должны совершать молитву пять раз в день в определенное время, расположившись лицом по направлению к храму (*Каабе*) в Мекке, предварительно совершив малое или большое омовение, в зависимости от степени своей «загрязненности», без которого молитва недействительна. Используемые жесты и фразы очень просты, занимают мало времени и выполняются в одиночестве или по пятницам в составе группы молящихся в полдень после проповеди *имам*. Архитектура мечетей, в которых

мусульмане выполняют свой еженедельный ритуал, приспособлена именно к выполнению таких функций (имеются комнаты для омовения, внутренний двор и крытая аркада, помещенные для моления и молитвенная ниша в стене мечети (*михраб*), обращенная к Мекке) (илл. 199–209). В Коране часто восхваляются те, «кто произносит свои молитвы и раздает пожертвования», которые состоят в передаче одной десятой дохода «бедным и нуждающимся», а также другим людям (Коран: 9, 60). Пост в рамазан (воздержание от пищи в солнечное время суток) продолжается полный лунный месяц (есть и пить можно только после захода и до восхода Солнца); этот период должен быть занят размышлениями и празднествами, завершающимся «праздником разговенья» (*ид сагир*, «малый праздник»), предшествующим «большому празднику» (*ид кабир*), который ежегодно отмечается во время паломничества. Фактически каждый мусульманин обязан совершить хадж – паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни (илл. 181, 183, 214): поступая так, они считаются искренне прошедшими «путь к Богу». Таким образом, паломники поощряются быть полностью преданными своей вере и культуре, а также жить в соответствии с десятью заповедями, которые были даны Моисею и о которых Коран напоминает верующим в своих нравственных поучениях (наиболее характерный пример – в главе 17, стихи 22–39). Мусульмане верят, что Коран является волей Божьей, открываемой им и касающейся поведения, требуемого от всех в личной и домашней, а также в общественной и политической жизни. В дальнейшем все аспекты такого поведения детально рассматриваются в *Шариате* (араб. *шариа* – свод мусульманских правовых и теологических нормативов. – *Прим. ред.*), который построен на принципах Корана.

Хотя сунниты, шииты и хариджиты разделяют единое вероучение ислама, его культ и этический кодекс, они различаются в определенных вопросах, по которым произошло расхождение в ходе истории ислама. Так, в дополнение к двум «праздникам», упомянутым выше, под влиянием халифов Фатимидов был введен «праздник рождения Пророка», в то время как шииты всегда отмечают первые 10 дней месяца *мухаррам* – дни траура – в память их великомученика Хусейна, сына халифа Али и внука Мухаммеда, убитого 10 мухаррама (680 г.) в битве при Кербеле соперниками из-за того, что отказался признать правление халифов из рода Омейядов. Шииты считали, что Али обладал особой высшей святостью, которая передается его прямым наследникам. Движение шиитов было наиболее сильным в Ираке и Иране, но также дополнительно разделилось на множество социально-политических «ветвей», основанных на частных разновидностях богословских вопросов веры. Многие, особенно «двоинники» (сторонники двенадцати *имамов*) в Ираке и Иране, придерживались веры в то, что харизма пророка Мухаммеда распространяется до двенадцатого («скрытого») *имам*а, Мухаммеда аль-Махди, который загадочно исчез в 940 г. («большое исчезновение») и который вернется в конце времен как вестник «часа предназначения». Заидисты в Йемене являлись сторонниками четвертого *имам*а, Али Зайн аль-Абидина (680–714 гг. – продолжительность его правления в имамате) через его сына Заида. Исмаилиты (которые породили движение кармаилитов, существовавшее с 874 по 1078 г. и деятельность пресловутого «Старца гор» в Аламуте с 1090 по 1256 г.), заявляли о верности Исмаилу, сыну шестого шиитского имама Джафара аль-Садика (733–765 гг. – период правления в имамате). Друзья на Среднем Востоке следовали учению аль-Хакима, халифа из династии Фатимидов (996–1021 гг.) и его ученика Хамзы. Появление этих и многих других сект, отделившихся по политическим или религиозным мотивам, подтверждало правоту Мухаммеда, утверждавшего, в соответствии со знаменитым *хадисом* – преданием о его поступках и изречениях, что «моя община распадется на 73 секты, из которых выживет лишь одна».

Именно в рамках этого многоэтнического религиозного общества с множеством школ и сект классический

ислам установил собственное толкование Корана и теологию и систематизировал свои науки и формы духовности. Пояснения и интерпретации (*тафсиры* и *тавил*) к священной книге Корану, были сделаны такими выдающимися толкователями, как Джафар (699–765 гг.), Ибн Кутайба (828–889 гг.), аль-Табари (839–923 гг.), аль-Муртада (965–1044), аль-Табарси (ум. в 1153 г.), аль-Замахшари (1075–1144 гг.), Фахр аль-дин аль-Рази (1148–1209 гг.), аль-Куртуби (ум. в 1272 г.), аль-Байдави (ум. в 1286 г.), аль-Хазин (1279–1340 гг.), аль-Кашани (ум. в 1329 г.), два аль-Джалалаина (1388–1459 гг. и 1445–1505 гг.). Слова и деяния Мухаммеда, собранные его последователями, были сведены в сборник преданий, которые составили «Сунну Пророка» (второй фундаментальный «источник» после Корана). Составителями этого труда были Малик ибн Анас (ум. в 795 г.), аль-Бухари (ум. в 870 г.), Муслим (ум. в 865 г.), Ибн Ханбал (ум. в 855 г.), Ибн Маджа (ум. в 886 г.), Абу Дауд (ум. в 888 г.), аль-Тирмидхи (ум. в 892 г.) и аль-Насаи (ум. в 917 г.). На основании этих двух главных источников исламское суннитское законодательство оказалось разделено на четыре «школы права» (*мадххаби*), в то время как шииты считали имама Джафара главным авторитетом. Используя определенные наборы признанных методик (личное мнение, рассуждения «по аналогии», взаимное согласие, предпочтительное суждение), школа Ханафи, берущая начало от Абу Ханифа (ум. в 767 г.), школа Малики (от Малика ибн Анаса), школа Шафии (ум. в 820 г.) и школа Ханбали (от Ахмада ибн Ханбала, ум. в 855 г.) выработали правила управления культовой деятельностью, семейным и договорным правом, а также правила организации общества и государства. Сравнительно просто видоизменяемое приложение данных «текстов» к социально-экономическим реалиям различных культурных территорий обширного исламского мира гарантировало мусульманской вере интеллектуальный и духовный плюрализм, который давал возможность воспринимать философию Греции и мудрость Индии. Христианские монастыри на Ближнем Востоке обеспечивали исламских правителей переводами греческих философских трудов с сирийского языка на арабский, в то время как поэты, прозаики и специалисты в грамматике новой арабской литературы преобразовывали древний язык арабов в лингвистический инструмент, способный выражать все нюансы знания.

В этот период наблюдалось растущее влияние на мусульманских ученых и философов арабских переводов древнегреческих трудов, не только работ Аристотеля, но и более поздних трудов неоплатонистов, например так называемой «*Теологии Аристотеля*» (средневековое искажение названия сочинений, в действительности написанных Плотином) и «*Начал теологии*» Прокла. Часть этого эллинистического наследия вошла в богословие и мистицизм, тогда как другие направления развивались независимо в границах «исламской философии». На Среднем Востоке аль-Кинди (801–866 гг.), аль-Фараби (873–950 гг.) и Ибн Сина (980–1037 гг.) вкликолепно преуспели в восприятии и развитии идей Аристотеля и Платона. В то же самое время «Чистые братья» (или «Братья чистоты», араб. *Ихван ас-сафа*), являвшиеся исмаилитами, в X в. развили идеи нео-пифагорейзма и популяризовали философские исследования. Яхья ибн Ади (ум. в 974 г.), аль-Тавхиди (ум. в 1023 г.) и Мискавайх (ум. в 1030 г.) делали упор на «дисциплину поведения» – этику. Позднее в Испании Ибн Баджа (ум. в 1138 г.), Ибн Туфайль (ум. ок. 1185 г.) и Ибн Рушд (Аверроэс) (1126–1198 гг.) дали новый толчок развитию философии с целью придать равное значение разуму и богооткровению, т.е. философии и теологии. Хорошо известно, что многие греческие сочинения (особенно Аристотеля и Платона) в средние века попали на латинский Запад через переводы и комментарии арабских философов.

Мусульманская теология, достигая расцвета в Багдаде с VIII по X в., также столкнулась с необходимостью философской аргументации. Первые возникшие там школы делали

упор на свободу воли (*кадария*) или настаивали на ограничивающей власти Бога (*джабария*), тогда как другие считали любое нравственное суждение (*мурджия*) исходом от мусульманских грешников». В Басре и Багдаде мутазилиды (от араб. *мутазила* – обособившиеся. – *Прим. ред.*) старались совместить лучшие аспекты греческой философии со своей теологической доктриной, видя в этом способ наилучшего возможного доказательства того, что ислам является «религией здравого смысла». Аль-Аллаф (ум. в 849 г.), аль-Наззам (ум. в 846 г.), аль-Джуббай (ум. в 916 г.), его сын Абу Хашим (ум. в 933 г.) и кади (судья) Абд аль-Джаббар (ум. в 1025 г.) использовали аналогию бытия (аналогию сущего) и сформулировали свою философию на основании пяти основных принципов. Исключительность Бога подразумевает, что его свойства идентичны его сущности, и, поскольку ничто с ним не сравнимо, был «создан» Коран. Божий суд подразумевает, что людям свойственна ответственность и, следовательно, они являются «творцами» собственных поступков; как результат, добро и зло существуют «в природе вещей» и не поддаются произвольной силе провидения. «Обещания и угрозы Бога» являются подлинными, и люди, таким образом, будут судимы по их вере и деяниям. Мусульманские грешники не исключаются из *уммы*, где они находятся в «промежуточном состоянии». *Умма* имеет обязанность «допускать добро и запрещать зло». При халифе аль-Мамуне (правил в 813–833 гг.) мутазилиды проводили свое учение в жизнь через притеснение инакомыслящих (*мишна*). Их противники, последователи аль-Ашари (873–935 гг.), действовали сходным образом во время правления аль-Мутаваккиля (847–861 гг.), что в конечном итоге привело к торжеству «фундаменталистской» теологии, выраженной школами ашаритами, матуридитами и ханбалитами, которые были ближе к «оригинальным текстам» и менее поддавались искушениям философии.

Для аль-Ашари и его учеников аль-Бакиллани (ум. в 1013 г.), аль-Джувайни (ум. в 1085 г.) и аль-Газали (1058–1111 гг.) аргументы традиций и, следовательно, богопознания преобладали над доводами разума. Поэтому они полагали, что Коран «существует вечно» и что его антропоморфические свойства должны признаваться «без понимая причины» (*би-ла-кайфа*). Деяния человека «созданы» Богом и всего лишь осознаются (*касб*) человеческими существами, притом доброе и злое производится исключительно из божественного решения (отсюда и важность исламского закона, который выражает божественную волю). Наконец, вера сама по себе может быть достаточной для обеспечения спасения, и в загробной жизни есть даже возможность «узреть» Бога. Для аль-Матуриды (ум. в 944 г.) и подобных ему философов из Туркестана аль-Самарканди (ум. в 1002 г.) и аль-Насафи (ум. в 1142 г.) был возможен компромисс между верой и разумом, поскольку в людях существовала «имеющая силу причинность», и мутазилиды были частично правы. Занимая противоположную точку зрения, Ибн Ханбал (780–855 гг.), чьи мысли отражали Ибн Батта (ум. в 997 г.), Ибн Хазм (994–1063 гг.), Ибн Акил (ум. в 1119 г.) и Ибн Таймия (1263–1328 гг.), подчеркивал важность «оригинальных текстов» и толковал их дословно, защищая прямое применение закона ислама (*шариата*) в мельчайших деталях, с тем чтобы «воля Господа» полностью исполнялась. Он отвергал любые сравнения между Богом и его созданиями (*ташбих*), придавая еще большее значение абсолютному превосходству Всевышнего (*танзих*), но, несмотря на это, признавал все антропоморфические нюансы Корана. Таковы были тенденции в исламской теологии, которые выражали различные школы в период с VIII по XV в.

В то же время возникло целое движение, направленное на аскетизм и мистицизм (*тасавуф*). Оно отвергало философские рассуждения и политические конфликты, утверждая вместо этого духовное существование, ведя которое, верующий «воспроизводит поведение Бога» и способствует установлению мира в *умме*. Более чем в течение трех сто-

летий имелись свидетели подобного «единства в созерцании», представленные такими личностями, как, например, Хасан аль-Басри (642–728 гг.), «мистик в общине»; Рабий аль-Адавия (713–801 гг.), «поэтесса бескорыстной любви»; аль-Мухасиб (781–857 гг.), «мастер самоанализа»; аль-Джунайд (ум. в 910 г.), «рассудительный духовник»; Бистами (ум. в 874 г.), «глашатай абсолютной исключительности»; аль-Халладж (858–922 гг.), свидетель «любовных отношений», основанных на мучительном вдохновении. Затем был аль-Газали, который оказался способен примирить суфизм (мистическое течение в исламе, к которому политические и религиозные власти относились как с подозрением, так и с осуждением) с ортодоксальной суннитской доктриной благодаря его труду, аналогичному *«Summa Theologica»*, который он назвал *«Возрождение наук о вере»* (1095–1098 гг.). Впоследствии другие мистики, которые были более подвержены влиянию философов школы Платона и индийских школ, провозглашали «единство существования». В их числе можно назвать Ибн аль-Араби из Дамаска (1165–1240 гг.), Ибн аль-Фарида из Каира (1181–1235 гг.), Шихабалдина Яхья Сухраварди из Алеппо (1151–1191 гг.), которые отстаивали «озаряющую мудрость», и Джалаледдина Руми из Коньи (1207–1273 гг.), мастера «мистической поэзии». Их личный опыт был распространен на группы учеников, которые должны были создать «религиозные братства» (*турук*). Эти сообщества разрастались с XII в. как в городах, так и в сельской местности, обеспечивая верующих поддержкой проповедника и благотворительными организациями, в которых медитации святых и приемы медитации могли удовлетворить желания всех с «исламом в сердце». В XIII в. были основаны такие суфийские братства, как Кадирия, Шадхилия, Рифайя, Мавлавия, Бадавия и Каландария, в XIV в. – Бекташия, Халватия и Накшабандия; а в XV в. – Джазулия и Ниматаллахия. К концу XV в. население в городах и селах имело в своем распоряжении целую сеть религиозных братств, которые давали им глубокое религиозное образование и настоящую социальную помощь еще до того как эти братства стали играть большую политическую роль в последующие столетия.

Таковы основные черты, которые были характерны для исламского мира, простиравшегося от Сенегала до Индонезии и от Балкан до Йемена в конце XV в. и которые проявлялись посредством огромного разнообразия социально-политических институтов, теологических и правовых школ, духовных течений и религиозных братств. В интеллектуальной сфере период с VIII до X в. в Багдаде оказался решающим, но только после угасания и упадка халифата Аббасидов такие знатоки законов, как аль-Маварди (991–1031 гг.) и Ибн Таймия (1263–1328 гг.) дали определение «политическому порядку» в этот период как «золотому веку» исламской цивилизации.

Иудаизм

После антиримского восстания в Иудее под предводительством Бар-Кохбы (135 г. н.э.) и указа императора Адриана, по которому евреям под страхом смерти было запрещено жить в Иудее, еврейские общины оказались рассеянными более чем когда-либо. Однако они продолжали прилагать усилия по постижению и объяснению «устной Библии». Примерно в 200–220 гг. рабби (раввин) Иегуда Ганаси, глава синедриона, собирая различные *мишнаоты* (сборники устных законов), составил *Мишну* (евр. «повторение») и таким образом учредил нормативную *Галаху* (еврейский закон), иногда делающий эклектичный выбор между несколькими вариантами законов и постановлений. Его попытка кодификации привела к созданию «Мишна». Она состоит из 63 трактатов, объединенных в 6 разделов (седеров): Семена (*Зраим*), Праздники (*Мозд*), Женщины (*Нашим*), Ущерб (*Незикин*), Святыни (*Кодашим*) и Чистота (*Тохорот*).

С VI по X в. канонический текст «Письменного Закона» (Библии) на иврите был зафиксирован масоретами (еврейскими толкователями текстов) с целью обеспечения однозначной его передачи, а также достоверного прочтения, благодаря введению символов для гласных звуков. «Западная система» галилейской школы безоговорочно возобладала над «Восточной вавилонской школой» благодаря работе, выполненной рабби Аароном бен Моше бен Эшером (с IX по X в.).

Мишна, написанная на иврите и систематизирующая законодательные установления устной Торы, в дальнейшем претерпевала редакционные изменения своего содержания для прояснения некоторых положений и в соответствии с определенными обстоятельствами. Так, работа над Талмудом состояла из воспроизведения *Мишны* – толкования *Торы* и *Гемары* – толкования *Мишны*, написанного на арамейском языке. Законченный примерно в 400 г. н.э. усилиями пяти поколений израильских *амораев* («толкователей») – группы раввинистических законоучителей в Палестине и Вавилонии. – *Прим. ред.*), Талмуд из Кесарии, Галилеи и Сепфора (Иерусалимский Талмуд), имевший лаконичный стиль и логичные пояснения, включал только 39 трактатов *Мишны*, не оказал влияния и не комментировался, поскольку в 425 г. н.э. император Византии положил конец «еврейским институтам» в Палестине. Влияние на все еврейские общины оказал именно Вавилонский Талмуд, который стал также объектом бесчисленных комментариев. Вавилонская диаспора к этому времени уже создала свои академии, из которых самая первая в Суре (Тире) была основана в 219 г. н.э. Затем академии были основаны в Мата-Мехасии, а в 260 г. – в Пумбедите после разрушения академии в Нахардее (259 г.); затем эта академия была заменена академией в Махозе. В результате труда восьми поколений Вавилонских амораев был создан Вавилонский Талмуд – единственный Талмуд, который имеет нормативное значение. *Геонимы* («великолепные мастера»), унаследовавшие знания вавилонских академий, давали все возраставшее число ответов на возникающие вопросы, внося, таким образом, вклад в сам Талмуд, создание которого восходит ко временам Рава (Абба Ареха), Самуила и Равины. Одна треть Вавилонского Талмуда, в которой записаны обсуждения толкователей, включает *Галаху* (свод правовых норм), а две трети – *Аггаду* (евр. «сказание» – повествования, легенды, рассуждения и др.); в нем рассматриваются также 36 трактатов *Мишны*. Этот Талмуд был воспроизведен рабби Хананелем из Кайруана (XI в.) в форме *Компендиума* (сокращения) и рабби Исааком Альфаси (1013–1103 гг.) из Северной Африки в форме *Алахота* (*Halakhot*). Затем еврейский философ Моше бен Маймон (Моисей Маймонид) (1135–1204 гг.) установил почти окончательную кодификацию еврейского религиозного закона в своем труде *«Mishne Torah»*.

Еврейская философия к этому времени уже была хорошо развита, а плодотворным трудом в ней являлся трактат «Верования и Мнения» Саадийи (*Sa'adya*) Гаона (812–942 гг.), написанный на арабском языке. Целый свод еврейской философской литературы получил развитие в рассматриваемый период в Испании. Наиболее прославленными авторами являлись Соломон Ибн Гебироль (Авицеброн, 1020–1050 гг.); Бахья бен Иосиф Ибн Пакуда (конец XI в.) с трудом *«Книга настаиваний об обязанностях сердца»*; Моисей Ибн Эзра (1060–1139 гг.); Иегуда Галеви (1080–1145 гг.) с трудом по защите иудаизма («Книга доказательств и доводов в защиту униженной веры», или «Сэфер ха-Кузари», т.е. *«Книга хазара»*). – *Прим. ред.*); Авраам бен Мейр Ибн Эзра (1092–1167 гг.) с комментариями к Библии; наконец, Маймонид с трудом *«Путеводитель колеблющихся»* (*Morax Nevuchim*). Его кодификация еврейского закона (*«Mishne Torah»*) предварялась *«Книгой Знания»* и была продолжена работой *«Книга Наставлений»*. Кроме того, он систематизировал еврейскую веру в работе *«Тридцать статей веры»*. Работа Маймонида длительное время

служила в качестве справочника, а его дорогой пошло много других ученых (Илл. 76). Так, рабби Моисей бен Яков из Куси (середина XIII в.) собрал все учения специалистов из Испании и Германии, а раввин Эшер бен Йехиель (1250–1327 гг.) с помощью своего сына Якова заново систематизировал еврейский Закон. В конце XV в. рабби Иосиф Каро (1488–1575 гг.) в Галилее восстановил «Круг пресыщенного» и ввел сокращенное описание нормативов под названием «Хорошо продуманная таблица» (*Шульхан арух*).

Все эти работы, целью которых были комментарии к *Мишне* и Талмуду, обогатили ритуал службы в синагоге, там, где общины диаспоры вновь осознали свою идентичность и подтверждали свою веру. Несомненно, раввин Амрам бен Шешна (конец IX в.) в Суре уже собрал все литургические тексты данного периода. Независимо от того, соблюдали ли они ритуалы сефардов в Испании и Северной Африке или ритуалы ашкеназов в Центральной и Восточной Европе, еврейские общины подвергались всем историческим превратностям: иногда они имели полную свободу самовыражения и роста (как в Испании при Омейядах и в раннем средневековье в Европе), а в другие времена вынуждены были скрываться или бежать (в Испании при Альморавидах (1130–1269 гг.) и во время реконкисты, когда евреи испытывали враждебное к себе отношение). Потребность быть принятыми в окружающее общество привела рабби Гершома бен Иегуду к решению ликвидировать полигамию у евреев в Германии (около 1000 г.), а рабби Соломона бен Исаака (*Раши*) (1040–1105 гг.) в Труа – еще раз дать комментарии к Вавилонскому Талмуду, до того как многие дополнительные комментарии были сделаны знатоками в Центральной Европе. Рейнландские погромы (1096 г.) и гонения со стороны королей Англии (1290 г.), Франции (1306 г.) и Испании (1492 г.) вынудили большое число еврейских общин искать убежище в исламских странах (в основном в Османской империи) или в Восточной Европе.

Как бы то ни было, в некоторых из этих общин возникли мистические тенденции, которым способствовали вышеупомянутые Ибн Пакуда и Маймонид вместе с массой «специалистов», которые развили их учение в Испании, Германии и Провансе. В XII в. рабби Иегуда Благочестивый из Ратисбона написал *«Книгу Благочестия»* (*Сефер Хасидим*), а в конце XIII в. рабби Моше де Леонем было заявлено об «открытии» *«Книги Сияния»* (*Сефер га-Зогар*), название которой он приписывал рабби Шимону бар Йохане (II в. н.э.) и которая явилась одним из основополагающих каббалистических трудов. Термин *«каббала»* («предание») означает «мистическую традицию иудаизма». Это эзотерическое мистическое учение, основанное на космогонии творения и теософии книги «Божественная колесница» пророка Иезекииля (*меркава*). Таким образом, корни каббалистического учения могут быть найдены в апокалиптическом субстрате еврейской истории, но на его формирование оказали влияние и нееврейские источники, такие как неоплатонизм и гностицизм. В своей теории каббалистическое учение сосредоточивалось на символическом описании Божественной сущности, постижение которой осуществляется с помощью интуитивного мышления и особой системы символов – десяти первочисел, творческих сил – сефирот (синонимов 10 Божественных ипостасей). С практической точки зрения Каббала включала магические и пифагорейские аспекты. «Круг пресыщенного» рабби Иосифа Каро, а позднее рабби Исаака бен Соломона Лурии (1534–1572 гг.), были главными, в которых делался упор на аскетизм и мистицизм.

Такими были этические, религиозные и мистические характеристики еврейских сообществ в конце XV в., подтверждаемые большим разнообразием их социально-культурных положений как в мусульманском, так и в христианском мире (илл. 48, 77).

Христианство

В начале важного по своим последствиям VII в. христианство, с явным триумфом начавшее свое существование, основные заботы которого на Земле по-прежнему, как представлялось, состояли в социальных и политических преобразованиях на руинах Римской империи на Западе или под властью все еще жизнеспособной Римской империи на Востоке, фактически оказалось в шатком положении перед грядущим натиском величайшего исторического вызова, с которым оно столкнулось в ту эпоху, – подъемом и быстрым расширением Исламской империи. Ранее христианство появилось в самом сердце палестинского иудаизма. Вначале оно выросло среди разбросанных еврейских общин диаспоры и было обращено монотеизмом Израиля, а позже сформировало собственное содержание израильских мессианских обещаний через Иисуса Христа. Иисус, обретший новую веру, умер на кресте, но восстал из мертвых в Пасху. Слово Божье обрело плоть и таким образом даровало спасение и «причастие» всем, кто «достойн Бога». Таким образом, христианство выражало монотеизм, при котором Бог показал себя человечеству посредством видимой персоны Иисуса в едином лице – «истинный Бог и истинный человек». Посредством этого Бог даровал свое «милосердие» людям (илл. 56–61). Христианство начало развиваться, формулируя собственное учение, устанавливая систему богослужения, проясняя свои этические постулаты и организуя мирские общины в чрезвычайно различных социальных и культурных условиях. После гонений в течение первых трех веков новой эры, в которые одновременно стимулировался и испытывался, закалялся и укреплялся дух верующих, христианство сделалось религией большинства населения империи и даже официальной религией государства. Христианские Вселенские соборы определили базовые положения вероучения и организовали светскую структуру. Соборы, прошедшие в Никее (325 г.) и в Константинополе (381 г.) определили «Символ веры» – краткое изложение основных догматов христианства: вера в единого Бога, Отца всего и Создателя Вселенной; вера в его Слово, Иисуса Христа, который был единосущным с ним и который стал плотью через Деву Марию, с тем чтобы придать «божественность» состоянию человека и принести спасение всем людям через собственные муки на кресте, через смерть и воскресение; вера в Святой Дух, «который нисходит от Отца и от (или через) Сына» и обеспечивает приобщение к святости всех верующих через таинства (крещение; конфирмацию; причащение – реальное соединение верующего со Христом во всей полноте Его Божества и человечества; епитимью; духовные саны; брак; соборование); вера в Церковь, которая сводит все это воедино на пути к «причащению к святым» ожидающих воскресения из мёртвых, второго пришествия Иисуса и конечной встречи с Богом «лицом к лицу». Предыдущие Соборы проводились исключительно для выработки этой доктрины и культа и, как результат, философской системы Евангелия. На III Вселенском соборе в Эфесе (431 г.) была подчеркнута уникальность личности (*гипостасис*) Воплощенного Слова – Иисуса Христа, что позволило осуществить «идиоматическую связь», дало возможность христианам называть Марию «Богородицей» (*Теотокос*). На IV Вселенском соборе в Халкидоне (451 г.) было вновь подтверждено, что Христос обладает двойственной природой – божественной и человеческой; он «один в двух ипостасях, соединенных без путаницы и смешения»; этим было осуждено учение монофиситов о поглощении человеческого начала божественным при воплощении их в Христе. В Константинополе (553 г.) доктрина предшествующих Соборов была подтверждена осуждением «трех глав», или тезисов тех, кто занимал позиции, осужденные как еретические. Объяснение таинства воплощения Слова в Иисусе в различных языках и культурах того времени – греческой, сирийской,

коптской и латинской (и более поздней арабской) – было непростой задачей.

Неизбежно в результате этого страдали организация и общность церквей. Церковь оказывала влияние по свету через пять исторических патриархий (Иерусалим, Антиохия, Александрия, Рим и Константинополь), при этом Рим обладал почетным главенством (благодаря мученичеству Петра), а Константинополь – главенством *де факто* (ввиду расположения в нем резиденции императора). Но после проведения нескольких Соборов церковь оказалась разделена. Схизмы (расколы) и ереси привели к разделам, обусловленным или законодательно определенным языковыми предпочтениями и политическим выбором. Позом после Эфеса церкви Месопотамии, оставшиеся верными христологии Константинопольского патриарха Нестория (основное положение: «Мария – мать Христа, но не Богородица. – *Прим. ред.*), искали убежище в империи Сасанидов и преуспели там как несторианская Церковь, с расположением своего патриарха в Ктесифоне. После Халкидона церкви Сирии и Египта, которые враждебно восприняли любую форму главенства Византии, заявили о своей приверженности монофиситской христологии («воплощение Богом Слово имеет только одну сущность»). В Сирии они были организованы Яковом Барадаем (*Jacob Baradaai*) в соответствии с местной ситуацией и возобладали в яковитской Церкви, в то время как в Египте коптская Церковь заявила, что следует христологии Александрийской епархии. Армянская церковь, находившаяся под протекторатом Сасанидов, также отвергла решения, принятые в Халкидоне, и самоопределилась на католикосском синоде в Двине (552 г.). Тем не менее всюду от Балкан до Палестины и от Карфагена до Дамаска огромная масса населения оставалась приверженной ортодоксальности Соборов и вере, которую исповедовал император. Они сформировали то, что стало известно в Сирии как мелхитская Церковь (*малки* в Сирии означает «царь»), и извлекали пользу от богатого собрания рукописей, оставшихся от отцов-основателей греческой Церкви. Индивидуальные характеристики независимых церквей вскоре были фактически усилены распространением Исламской империи, которая вынудила их сохранять собственные особенности, чтобы не потерять паству. Напротив, Церкви, которые были связаны с Константинополем, столкнулись с трудностями из-за роста напряженности в отношениях между Константинополем и Римом, двумя политическими объединениями, пути которых начали серьезно расходиться.

Несторианская Церковь, называвшаяся также «Восточной Церковью», претерпела начальную реформу при патриархе Мар Абба I (540–551 гг.) и гордилась известными «теологическими школами» в Нисибисе и Эдессе. К ним добавились Ктесифонская школа (получившая название *Мадаин* после арабского завоевания), полностью сформировавшаяся теологически, в отношении текстов и литургии учебное заведение, которая славилась до XI в. Здесь располагалась резиденция «патриарха-католикоса Востока». Несторианская Церковь, хотя и страдала от постоянных расколов и нехватки патриарших епархий, тем не менее смогла создать целую сеть образования на сирийском языке. Например, большая часть преподавательского корпуса университета в Гондешапуре (Месопотамия) при Сасанидах, а также его медицинский персонал были христианами-несторианцами. Пять провинций внутренних районов страны являлись также административными подразделениями империи Сасанидов. Монашество распространилось повсюду в результате важной реформы Авраама Кашкарского (491–586 гг.), «отца монахов», который организовал жизнь иноков. Внешними провинциями, где преобладала несторианская Церковь, были Парса (арабизир. Фарс, по обеим сторонам Персидского залива, с епархией в Рев-Ардашире) и Хорасан (с его сдвоенными епархиями в Мерве и Нишапуре). К ним в VII в. были добавлены

епархии в Медесе (Хулван, затем Хамадан – древняя Эббатана), Бактрия (Северный Афганистан) и Согдиана, или страна тюрков (Самарканд) при патриархате Ихояхбе II (628–644 гг.). Церкви были созданы даже в Китае.

При халифате Аббасидов (750–1258 гг.) несторианская Церковь получила определенные выгоды от культурного и политического объединения Исламской империи и распространилась снова в Сирию, где вступила в соперничество с яковитской Церковью. Несомненно, мусульманский халиф, имея в окружении врачей-христиан, играл весьма важную роль при избрании несторианских патриархов, и, естественно, он же подтверждал правомочность избранного патриарха. Несторианская Церковь достигла пика своего расцвета в интеллектуальной и миссионерской сферах при патриархе Тимофее I (780–823 гг.), который переместил свою резиденцию в Багдад. Он организовал два несторианских Собора (790 и 805 гг.) и написал «*Восточный Синодикон*» и «*Правила управления церковными разбирательствами и право наследования*» (805 г.), которые дали «защищенным» христианам свод законов, охватывающий их персональный статус наподобие исламского шариата для мусульман. Тимофей I был ученый-теолог, известный также своими «*Диалогами*» с халифом аль-Махди и его преемниками.

В этот период в Багдаде появился целый ряд апологетических произведений христианской и исламской литературы, прославились такие несторианские ученые, как Хунайн Ибн Исхак (ум. в 873 г.) и Элия (*Elias*) из Нисибиса (975–1046 гг.) – со стороны христиан и аль-Хашими и аль-Табари – со стороны мусульман. В Азии в IX–XII вв. некоторые тюркские племена – уйгуры, тангуты и другие стали христианами, а несторианское христианство пустило корни даже в Южной Индии (Малабар). Надпись на стеле из Синьгань-фу, которая была воздвигнута в Китае в 781 г. н.э., повествует об истории прихода христианства в страну во времена династии Тан, рассказывая о том, как Тимофей I назначил митрополита, который проживал в пределах империи. Ответные действия со стороны приверженцев даосизма в 843–845 гг. положили конец этим миссионерским усилиям.

Позднее, когда Чингисхан и его последователи были на вершине власти, наблюдалось возрождение несторианской Церкви в Персии при правлении монгольской династии ильханов-хулагуидов (от имени Хулагу-хан – основателя династии. – *Прим. ред.*) (1256–1355 гг.). Патриархи Денха I (1265–1281 гг.) и Яхбаллаха III (1283–1318 гг.) воспользовались преимуществами, появившимися в такой ситуации, особенно последний, которых был монахом и принадлежал к той же культуре, что и ильхан («повелитель народа») Персии. Под защитой «монгольского мира» Восточная церковь предприняла свою самую значительную экспансию на Ближнем Востоке и в Азии, распространившись в 30 провинциях и располагая 250 епископами. Раббан Саума, «учитель» патриархов, был послан в качестве посла в Рим (1286–1288 гг.) в расчете на установление священного союза между римским папой и ильханом Аргуном, но раздоры, неудачи и гонения положили конец его патриархату (Арбела была разрушена в 1310 г.). В 1318 г. несторианская Церковь провела свой последний синод. Вне сомнения, она была слишком тесно связана с монгольскими властями и пришла в упадок вместе с уходом монголов как со Среднего Востока (после победы мусульманских мамлюков при Айн-Джалуте в 1260 г.), так и из Восточной Азии, где династия Мин изгнала монголов из Китая и свергла монгольскую династию Юань в 1369 г.

В Египте коптская Церковь постепенно вошла в переменчивую полосу, когда в зависимости от расположения правящей династии или иных исторических обстоятельств она то испытывала к себе терпимое отношение со стороны мусульманских арабских властей, то подвергалась гонениям. Она оставалась верна своим верованиям, берущим истоки в «эре мучеников», которая началась с гонений Диоклетиана

(284 г. н.э.), и принятой после Халкидона монофиситской доктрине, окрепшей в результате собственной эволюции этой церкви. Поэтому она придерживалась содержания скрижалей великих теологов Александрии и «Отцов пустыни», придавая большое значение монашеству и отшельничеству. Хотя Христодулос (1044–1075 гг.) по-прежнему имел титул патриарха Александрии, он решил поселиться в г. Вавилоне (затем г. Фустат) на территории современного г. Каира, основанного Фатимидами. Как и в случае с Восточной Церковью в Багдаде, коптская Церковь быстро приняла арабскую культуру. Она гордилась многими патриархами-реформаторами, стремившимися восстановить благочиние, обновить литургию и обогатить теологию. Среди них – Христодулос и Кирилл I (1078–1092 гг.) в XI в., Макариос II (1103–1129 гг.) и Габриель Ибн Тарик (1132–1145 гг.) в XII в., а также Кирилл III Ибн Лаклак (1235–1243 гг.) в XIII в. с его «*Таинствами*». Существовало также много историков-церковников, таких как Ибн аль-Мукаффа (ум. в 987 г.), Михаил, епископ Таниса, и Ибн Бана с его «*Историей сорока восьми монастырей и церквей Египта*» (1188 г.). Коптская Церковь претерпела особое обновление в XIII в. благодаря сочинениям братьев Ибн аль-Ассал: Абу Исхак был теологом и медиумом, Абуль-Фарадж – толкователем библейских текстов, а аль-Сафи – талантливым участником диспутов, который умело противостоял всем аргументам против христианства со стороны исламских полемистов. К высшему достижению XIV в. следует отнести церковную энциклопедию «*Лампа Тьмы*», составленную Абу ль-Баракатом Ибн Кабаром, которая явилась вкладом коптской Церкви в поддержание традиций александрийской Церкви.

Византийская Церковь, чьим уделом оставалась тесная связь с Римской империей на Востоке, достигла своего пика развития в период правления императора Юстиниана (527–565 гг.) (илл. 145). Охваченный «теологическим рвением» и «христианской умеренностью» Юстиниан на Соборе в Константинополе в 553 г. попытался приблизить монофиситские церкви (коптскую и яковитскую) к православному вероучению, тем более что империя по-прежнему объединяла Средний Восток, Африку и Италию с греческим миром. Империя управлялась теократической властью *басилея* (по-гречески «василевса» – титул византийского императора), хозяина всех целей и средств, который придал христианские черты наследию древней эллинистической культуры и подчинил послушную Церковь, которая с готовностью сделалась «проводником воли государства». Однако затяжная война (572–628 гг.) между Византией и империей Сасанидов, в результате которой императору Ираклию (610–641 гг.) военным путем в 630 г. удалось вернуть в Иерусалим увезенный ранее персами Животворящий крест Господень – главную святыню государства, серьезно ослабила империю. Вскоре после этого распространяющийся ислам захватил все византийские провинции на Среднем Востоке и в Африке (Иерусалим – 638 г.; Дамаск – 635 г.; Египет – 643 г.; Карфаген – 698 г.) и даже держал в осаде Константинополь в 717–718 гг. К концу VII в. Византийская империя занимала территорию только от Малой Азии до Равенны в Италии. Церковь с VII по IX в. при сложившейся в империи *де факто* двойной власти патриарха и императора сотрясали кризисы, в которых догматы, набожность и политика проявлялись порознь. Император Ираклий по-прежнему стремился подчинить монофиситские церкви и, подталкиваемый патриархом Сергием, в 634 г. сделал официальной теорией «моноэнергизма», которая устанавливала, что Иисус Христос имеет две природы, но единую волю (энергию) – богочеловеческую. Эта теория получила слабую поддержку и в 638 г. стала «монофелитизмом», течением, которое указом императора Константа II (правил в 641–668 гг.) было объявлено обязательным. Император не остановился даже перед высылкой резко выступившего против данного указа папы римского Мартина I в Крым, в Херсонес (где тот умер в 656 г.).

Среди церковников по-прежнему велись догматические споры об одной или двух «волях» во Христе. При Константине IV Погонате VI Вселенский собор («Трульский») в Константинополе (680–681 гг.) дополнил решения Халкидонского собора утверждением о том, что в Христе воплотилась «свободная воля человека», которая отличается от божественной воли, но полностью совместима с ней.

Последовавшие иконоборческие раздоры явились естественным следствием подобных христологических диспутов. Император Лев III Исавр (Сириец) (правил в 717–741 гг.) запретил религиозные изображения (*иконы*) и отдал приказ об их уничтожении (независимо от совета папы из Рима в 730 г.), исходя из желания противодействовать исламскому вызову (исламский культ отвергал человеческие изображения) и с целью реформирования общераспространенной набожности (неумеренность в которой приводила к поклонению иконам). Его сын Константин V Копроним (правил в 741–755 гг.) пошел еще дальше, утвердив тождество между поклонением иконам и идолопоклонничеством. При этом даже образ самого Христа был запрещен на Синоде в 753 г., однако на нем епископы подтвердили культ Святой Девы и посредничество святых. VII Вселенский собор (II Никейский) в 787 г. осудил иконоборчество, восстановив культ икон (*иконопочитание*), и предпринял реформу Византийской церкви. Но иконоборцы вновь одержали верх при императорах Константине VI, Льве V Армянине (правил в 813–820 гг.) и Феофиле (829–842 гг.). Смерть Феофила привела к торжеству ортодоксальности, для которой «почтение, воздаваемое иконе, представляло почтение, воздаваемое изображенному на ней прототипу». Полностью оформившаяся христология подразумевает именно это, поскольку «если искусство не может представить Христа, то это должно означать, что Слово не может иметь Воплощения» (преподобный Федор Студит, стоявший во главе иконопочитателей и неоднократно апеллировавший к папе в решении догматических вопросов. – *Прим. ред.*). В конце иконоборческих споров, в которых Византийская церковь выступала против императорских решений, она вновь стала независимой и обрела обновленный интерес к развитию теологии через церковные школы и монастыри, в которых формировались такие знаменитые личности, как Иоанн Грамматик и Федор Студит, продолжившие традиции византийского богослова Максима Исповедника (580–662 гг.) и византийского богослова, философа и поэта, ведущего идейного противника иконоборчества Иоанна Дамаскина (675–749 г.).

Этот период ознаменовал и начало конфликтов с Римом, поскольку византийские провинции Италии постепенно вновь встраивались в латинскую систему, в то время как усилия константинопольских миссионеров были более направлены на славян, которые оставались одной из сфер раздора между Византией и Римом. Эта активность Константинополя проявилась, например, в проповеди христианства и культурно-просветительской деятельности братьев Кирилла (827–869 гг.) и Мефодия (825–885 гг.) (изобретателей славянской Литургии и кириллического письма). Византийская церковь намеревалась сохранить для себя принятие христианства славянами и добилась этого, обратив в христианство болгар и основателя Болгарского царства князя Бориса в 865–870 гг. (илл. 153), а затем и русских при крещении князя Владимира Святого (Киев, 988 г.). Однако славяне Центральной Европы приняли христианство в результате миссионерской деятельности римских пап (например, принял крещение первый достоверно известный правитель Польши князь Мешко в 967 г.). Разногласия Византии и Рима продолжали нарастать, и в IX в. обернулись «делом Фотия» (низложение VIII Вселенским собором в Константинополе патриарха Фотия) и расколом в 858 г. В 858 г. византийский император Михаил III сместил патриарха Игнатия. Его преемником император хотел видеть «просвещенного гражданского

чиновника» Фотия. Фотий был избран новым патриархом, и римский папа Николай I (858–867 гг.) признал его, одновременно заявив о главенстве Рима и других обещав; в ответ Фотий нашел повод отлучить Николая I («схизма Фотия»). Фотий критиковал заявления латинского Запада о том, что Святой Дух происходил как от Отца, так «и от Сына» (*filioque*), а не только от Сына (*per filium*). Созванный папой Адрианом II Вселенский собор в Константинополе (867 г.) осудил и отлучил Фотия. Однако четвертый Константинопольский собор (879–880 гг.) отменил это решение и восстановил видимость согласия между Римом и Византией, хотя некоторые вопросы вероучения были обойдены молчанием.

Положение самой Византийской церкви в это время во многом определялось сборником законов «*Эпанахога*» императора Василия I, в котором указывалось происхождение и пределы власти патриархов (помощь которому оказывал «постоянный Синод») по отношению к власти императора. Несмотря на принятие в этом документе определенных ограничительных методов политического контроля и на возрастающую значимость придворного духовенства, а также многие проблемы, вызванные богатством церкви и монастырей (семейственность, симония, т.е. продажа и покупка церковных должностей или духовного сана, и иные нравственные недостатки вслед за ними), церковь получила истинную духовную независимость. Византийская церковь имела достаточное количество собственных реформаторов, а ее «духовное течение» служило питательной основой для взращивания возвышенной культуры – как духовной, так и светской, с «умеренной набожностью» Анны Комнины и сочинениями Христофора Митиленского, Симеона Метафраста, Михаила Пселла и Кирилла Филеота. Тем самым Церковь обеспечивала культурную однородность Византии, организовала в середине XII в. «Патриаршую академию» для обучения трем доктринам, или *дидаскалиям* (псалмы, апостол Павел и Евангелие).

Затем согласие между Римом и Византией рухнуло. Папы и император Франкской империи Карл Великий отвергли власть Византии над Италией и начали проводить политику собственного главенства *urbi et orbi* («городу, т.е. Риму и миру»). Далее последовало взаимное отлучение 1054 г., когда посланник папы Льва IX Кардинал Гумберт Сильва Кандиди отверг требования константинопольского патриарха Михаила Керулария (правил в 1043–1058 гг.), а последний вместе с его синодом придал анафеме папу Лев IX. Это был типичный случай взаимного непонимания, в котором «Риму совершенно не удалось понять византийскую теократию, которая казалась неспособной провести различие между целями трона и целями Церкви, в то же время как Византия осталась полностью глуха к духовному возрождению Запада и объясняла эти тенденции исключительно в терминах политической гегемонии» (*Alain Ducellier*). С этой поры византийской церкви суждено было идти собственным путем, проводя политику недоверия – к евреям, мира – с мусульманами и понимания – со славянами. В то же время наблюдался новый рост монашества и влияния центра православного монашества – монастырского комплекса на горе Афон (после восстановления св. Афанасием в 960 г.), распространения в столице обычая молча молиться Иисусу и учения Симеона Нового Богослова (917–1022 гг.) (развивал тему самоутлубления и просветления личности; приближал поэтический язык к живым речевым нормам. – *Прим. ред.*).

Страстная проповедь крестового похода в Палестину, начавшаяся в 1095 г. по всей Европе, встретила непонимание в частях Византийской империи, поскольку к тому времени уже имелись широкие различия между греческими и латинскими христианами в культурных традициях, богословских воззрениях, духовных верованиях и практике монашеской жизни. И хотя четвертый крестовый поход был изначально одобрен римским папой и византийским

императором, его цели (поход против мусульманского Египта) были извращены венецианцами, которые в 1204 г. напали, захватили и разгромили Константинополь, превратив его в столицу новой «Латинской Римской империи». Спасшиеся остатки правящих кругов Византии с трудом удерживались в Никее (1204–1261 гг.), но в 1261 г. никейский император Михаил VIII Палеолог вновь овладел Константинополем. Однако теперь уже Византийская «империя» была ограничена только берегами Эгейского моря, а Византийская Церковь была вынуждена попеременно следовать то за прооттоманской, то за проримской политикой своих императоров. Медленно, но верно Османы во время правления султанов Мурада I (1362–1389 гг.), Баязида I Молниеносного (1389–1402 гг.), Мехмеда I (1413–1421 гг.) и Мурада II (1421–1451 гг.) стали вытеснять турок-сельджуков из Малой Азии и византийцев на Балкан. Все чаще византийцы становились защитниками православного христианства как от турок, так и от латинян. Такие патриархи, как Афанасий, Каллист, Нил Керамей и талантливые священнослужители Иосиф Бриенниос, Григорий Паламас, Исидор Глабас и другие наставляли православных христиан посредством литургии, проповедей и составления жизнеописания святых, везде встречая генуэзцев и венецианцев и рассматривая их присутствие как вызов собственной идентичности.

Между тем примирение и «союз» между Римом и Византией формировали часть хорошо продуманной имперской политики. Папа Георгий X и базилией Михаил VIII Палеолог на Соборе в Лионе (1274 г.) подтвердили приверженность единой «римской вере», но император не был уполномочен на это духовенством и народом Византии, а патриаршество Византии вследствие этого претерпело множество расколов и нехватку служителей. Под давлением обстоятельств император и те его византийские сторонники, которых он смог найти для «унии», были вынуждены примириться с папой Евгением IV и «латинянами» на Соборе в Ферраре-Флоренции (1438–1439 гг.) после долгих теологических споров о *филиокве*, главенстве папы, понимании чистилища, православных обрядах, браках священников и причащения как духовенства, так и мирян «под обоими видами» – хлебом и вином, а также разбирательств мелких жалоб и несправедливых нападок. В Константинополе, однако, оппозиция *унии*, которая возглавлялась византийским митрополитом Марком Эфесским, имевшим огромный авторитет, одержала верх над теми, кто склонился к принятию унии (Виссарион Никейский, архиепископ г. Никей, русский митрополит (родом грек) Исидор. Однако русское духовенство и великий князь Василий II Темный отказались принять унию. – *Прим. ред.*).

Константинополь в конце концов был захвачен в 1453 г. султаном Мехмедом II Фатихом (Завоевателем), который сделал его своей столицей, переименовав в Истанбул (Стамбул), и немедленно оказал покровительство тем византийцам, которые «предпочли тюрбан папской митре».

Недостаток взаимопонимания между византийской Церковью и латинской ветвью христианства продолжался много веков и далее.

В Риме папы отобрали государственное управление у политических властей, становившихся все более неэффективными по мере того, как волны «варваров» прокатились по бывшим провинциям Западной Римской империи. Так, Лев I Великий, папа с 440 по 461 г. вместе со своим посольством в 452 г. провел успешные переговоры с Атилией, вождем гуннов, убедив того отказаться от намерения захватить и разгромить «Вечный город» и таким образом заработал для своих преемников титул *defensor civitatis* («защитник города»), а также почетное прозвание *Великий*. Папа Григорий I Великий (около 590–604 гг.), по праву прославившийся как проповедник и эрудированный толкователь рукописей, начал новый этап реформ в Западной Церкви. Он настаивал на том, чтобы почетное главенство

среди всех епархий сохраняла Римская епархия и она же несла единственную ответственность за отношения с восточными Церквями на Вселенских соборах. Усердие папы Георгия вдохнуло новую жизнь в кампанию по обращению в христианство Северной Европы – процесс, который продолжался с начала VII по IX в. Григорий в 596 г. лично предписал своему миссионеру Августину (ставшему позднее, в 601 г., архиепископом Кентерберийским, «апостолом Англии») отправиться в англосаксонские земли, где Августин и его последователи заложили основы ранней английской Церкви, а главным богословским светилом в Англии стал Беда Достопочтенный (673–735 гг.), англосаксонский теолог и летописец, монах, святой католической церкви. Тем временем и таким же образом были укреплены кельтская и бретонская Церкви, тогда как миссионеры, принадлежавшие к аскетическим монашеским орденам, учрежденным вдали от берегов Шотландии и в Ирландии (монастыри Иона и Бангор), вернулись, чтобы распространять Евангелие на самом континенте в своем «паломничестве к Богу». Ирландский монах, миссионер в Галлии святой Колумбан при этом основал аббатства Люксей во Франции и Боббио в Северной Италии (590 и 615 гг.). Эти аббатства в свою очередь стали важными центрами христианской учености и подвижничества, подготовки новых миссионеров, епископов и монахов, которые проповедовали Слово в VII в. по всей Северной Галлии и во Фландрии (святой Аманд), а затем в Германии VIII в. и на территории современных Нидерландов: на западных окраинах Германии проповедовали святые Фридолин и Пирмин (ум. в 753 г.); в Баварии – святые Руперт (ум. в 715 г.) и Эммеран; в Тюрингии – св. Киллиан; во франкской Фрисландии – бенедиктинский монах св. Виллиброрд, с 695 г. епископ в Утрехте (ум. в 739 г.), а монах-бенедиктинец, «апостол Германии» св. Бонифаций (672–754 гг.) проповедовал во всех германских землях. В Италии св. Виллибальд в 729 г. восставил бенедиктинский монастырь в Монте-Кассино близ Неаполя (основанный в 529 г. св. Бенедиктом из Нурсии. – *Прим. ред.*) и возродил его влияние по всему полуострову. Монахи повсюду соблюдали одно и то же основное правило: хвалы, воздаваемые Господу («божественная служба»), ручной труд (чистка, осушение и обработка земель), умственный труд (обучение в сочетании с переписыванием манускриптов) и миссионерская деятельность (включая изложение основ вероучения в форме вопросов и ответов или преподавание основ веры).

В ту эпоху папы служили посредниками между различными соперничавшими правителями Запада (франкскими, лангобардскими и другими) и занимали определенные позиции – хотя и на расстоянии – в различных богословских спорах, сотрясавших Восточную церковь (например, при обсуждении учения монофелитов и иконоборческих противостояниях). Тем временем первая королевская династия – династия Меровингов во Франкском государстве теряла власть на фоне политического возвышения королевских управителей на местах – майордомов (палатных эрвов), таких как Карл «Молот», который лично командовал франкскими войсками, которые остановили в 732 г. при Пуатье вторжение сил мусульман из Испании. Сын Карла майордом Пипин Короткий сверг в 751 г. последнего короля из династии Меровингов и был коронован как король франков (правил в 751–768 гг.), основав династию Каролингов. Пипин силой отобрал у лангобардов земли бывшего Равеннского эзархата в Италии (византийское владение, образован в 80-х гг. VI в. как форпост против наступления варваров и завоеван лангобардами в 751 г. – *Прим. ред.*) и даровал их папе («*Пипинов дар*»). Его сын и преемник Карл Великий (правил в 768–814 гг.) подтвердил этот дар, а взамен был коронован папой Львом III в Риме на Рождество 800 г. как «Император Запада» (илл. 161). Карл заложил и отстаивал организационные основы этой восстановленной «Западной Римской империи», которой он правил

из своей столицы в Ахене. Реформа Церкви и государства при Карле шла рука об руку во всех сферах. Собственная придворная школа Карла и различные школы, которые субсидировались городскими епископами (в Лионе, Меце и Орлеане) или монастырями, способствовали интеллектуальному возрождению («Каролингское возрождение»), путеводными маяками которого были такие замечательные церковные ученые, как Пол (*Paul the Deacon*) Дьякон, Флакк Альбин Алкуин, Дунгал Затворник (*Dungal the Recluse*) и Теодальф Орлеанский (*Theodulf of Orleans*). Культурный импульс этого возрождения выдержал проверку временем, хотя сама империя и разделилась на части в 843 г. Со своей стороны Церковь воспользовалась передышкой, предоставленной эпохой Каролингов, для улаживания недоразумений, возникших в ее собственном «доме», как те, что появились из-за испанской ереси «адаптионизма» (это учение утверждало, что Бог «принял» как своего сына «человека» Иисуса через обряд крещения), а также для дальнейшего прояснения собственной позиции по различным теологическим проблемам, связанным с Византией. Тем временем быстро расширялось миссионерское движение в римской Церкви, направленное на проповедование Евангелия еще оставшимся языческим народам Северной и Центральной Европы. Сначала, в IX в., были обращены в христианство саксы, затем, в X в., – даны (коренное население на территории современной Дании. – *Прим. ред.*) и западные славяне. Аббатства вновь были реформированы усилиями таких личностей, как реформатор бенедиктинского ордена Бенедикт Аньянский. Политические разделения, вызванные распадом империи Каролингов, не могли более препятствовать быстрому росту интеллектуальной культуры в германских землях или на территории Лотарингии (ядро будущего королевства Лотарингия). Споры по вопросам основ вероучения, в которых сталкивались интересы участников различных соборов по поводу евхаристии (причастия), или предопределения, к счастью, были в основном разрешены к IX в., а изучение канонического права возобновлено. Папы по-прежнему часто призывались для решения практических повседневных задач политической жизни: такие понтифики, как Николай I Великий (управлял в 858–867 гг.), Адриан II (867–872 гг.) и Иоанн VIII (872–882 гг.) играли ведущую роль в определении порядка наследования различных западноевропейских светских правителей; они назначали епископов и даже снова «защищали город», когда в 846 г. арабские войска после захвата Сицилии и Южной Италии (827 г.), действуя по морю из Сицилии, напали на сам Рим.

Но наконец социальные соперничества, которые раздирали империю на части в политическом отношении, оказали свое разрушительное влияние и на Церковь. Почти на два столетия (888–1057 гг.) Церковь фактически оказалась «в руках светских лиц». Теперь уже Рим был разорван соперничавшими группировками из собственной местной знати, возглавлявшимися людьми вроде «патрициев» в начале X в., или фактического диктатора Теофилакта (*Theophylactus*), стоявшего во главе своего клана, или позднее графами Тусколо, которые боролись за политическую власть не только над городом, но и за само место папы. Когда германские короли, начиная с Оттона I, коронованного в Риме 9 февраля 962 г., пытались укрепить свое положение и править тем, что когда-то составляло Западную империю Карла Великого, то этим северным монархам приходилось распространять собственное влияние также и на Святой престол в противовес римской знати. Папы и соперничавшие «антипапы», таким образом, восходили на престол в Риме в результате выборов, организуемых попеременно жестоко противоборствующими между собой сторонами – германскими императорами и римской знатью, до той поры пока полный набор семейных междоусобиц, кровавых уличных стычек, военных вторжений германцев и народных волнений снизил престиж папства

до позорно низкого уровня. Но два папы римских смогли устоять в ту эпоху: Сильвестр II (999–1003 гг.) и Лев IX (1049–1054 г.). Оба пытались остановить сползание в пропасть и усилить реформы. Было увеличено число епархий, но Церковь разрывалась между соперничающим духовенством, знатью и простыми людьми, которые по существу оказались в феодальной зависимости. Епископы превратились в феодальных господ с собственными ленами, и церковная карьера рассматривалась скорее как возможность увеличить собственное земное богатство, чем как религиозное призвание свыше.

Но даже при этих условиях, когда некоторые монастыри могли богатеть чрезмерно, светские феодалы удерживали контроль над аббатствами, расположенными на их землях. Ясно, что только «освобождение от налогов», т.е. сохранение независимости монастырей от всех местных светских властей, могло способствовать истинному возрождению монашества. Это и произошло. В 910 г. аббатство Клуни в Бургундии возглавило реформирование, распространив собственную сеть реформированных монастырей по всей Европе. Тем временем латинское христианство продолжало распространяться на землях славян, в Моравии, в Польше и во всей Скандинавии. Одновременно местные Церкви возобновили борьбу за внедрение «моральных» правил в светское общество, а также за интеллектуальное и художественное возрождение. Во главе этого процесса стояли такие священнослужители, как Одон Клунийский, Лиутирон Кремонский и Герберт из Ориака. Все это привело к началу расцвета романского искусства; появились великолепные фрески и рельефы, украшавшие заставшую, статичную архитектуру, свидетельствующие о замечательном подъеме творческого вдохновения.

«Григорианская реформа», названная так после решающего периода правления в конце XI в. папы Григория VII (1073–1085 гг.), возвестила о начале истинно христианских средних веков как определенной фазы европейской цивилизации. Папство к этому времени полностью освободилось от главенства (или «монархо-папизма») германских императоров над Церковью. На Латеранском синоде 1059 г. папа Николай II издал декрет о выборах папы коллегией кардиналов-епископов (при этом Николай мог рассчитывать на новых союзников – войска норманнов в Риме, чтобы освободиться от имперского германского влияния). Церковь исключила в дальнейшем любое жалование (инвеституру) светскими правителями титулов епископов, где бы то ни было, а также осудила «симонию» (продажа или покупка церковных должностей или духовного сана) и объявила обязательным целибат – безбрачие католического духовенства. Александр II (1061–1073 гг.) и особенно Григорий VII развили реформы далее посредством папских декретов (1075 г.). Безусловно, ключевым фактором обеспечения новой свободы Церкви был союз с норманнами: в те годы норманнские рыцари присутствовали в Южной Италии, где они военной силой освобождали для христиан Сицилию от мусульман – так же, как перед этим, в 1066 г., под предводительством герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя они покорили Англию. Но насущной проблемой теперь была «власть Петра», заменявшая власть всех земных суверенов и гарантировавшая справедливость и мир через папских легатов. Германский император Генрих IV был вынужден претерпеть унижение перед Григорием VII в Каносе в 1077 г. для снятия папского отлучения его от церкви. Кроме того, «раздор между папой и императором» вспыхнул с новой силой, когда Генрих IV вновь осмелился назначать всех епископов в своих владениях, еще раз осуществил военное вторжение в Италию с целью низложения Григория, обратил его в бегство, захватив в 1084 г. Рим, и утвердил антипапу Климента III (1084–1110 гг.). Но ничто из того, что мог совершить император, не могло более остановить постепенное торжество «григорианских идей» (илл. 169–172). Папа Урбан II (правил в 1088–1099 гг.)

направил всю энергию на претворение этих идей в жизнь, оказывая поддержку не только таким отважным епископам, как Гуго Лионский, и выдающимся богословам вроде святого Ансельма Кентерберийского, но и всему ордену бенедиктинцев в Клонии. Соборы, проведенные в 1095 г. в Пьяченце и Клермоне, одобрили дальнейшие реформы. Но Урбан смог получить поддержку и иного рода – от рыцарей. Он призвал испанские королевства Арагон, Кастилию и Леон поторопиться с Реконкистой (отвоевание народами Пиренейского полуострова земель, завоеванных арабами; Реконкиста началась в 718 г. – *Прим. ред.*): Толедо был окончательно отвоеван у мавров в 1085 г., а Валенсией и Лиссабоном временно овладевали в 1092 и 1093 гг. На соборе в Клермоне Урбан призвал рыцарей Франции к великим крестовым походам в ответ на просьбу о помощи со стороны византийского императора Алексея I Комнина. Антигригорианская реакция началась во время понтификата Пасхалия II (1099–1118 гг.). В это время борьба за инвеституру между папой и светскими правителями продолжалась, и так длилось до заключения Вормского конкордата в 1122 г., в соответствии с которым император Генрих V отказался от притязаний на инвеституру, и тем самым было подтверждено исключительное право папы на жалование епископского титула. В то же время было признано право «вето» императора на такие назначения. «Григорианские» епископы и доктора канонического права в конце концов объединили всю западную Церковь и провозгласили необходимость постоянного обновления на IX Вселенском Латеранском соборе в 1123 г. Аббатства, относящиеся к системе Клонии, всегда были центрами епископов-реформаторов, но теперь наступило время создания католического монашеского ордена картезианцев (во главе со св. Бруно) в 1084 г. близ Гренобля в местности Шартрез (лат. *Cartusia*) и ордена цистерцианцев в 1098 г. в монастыре Сито (Цистерциум) близ Дижона во Франции (в этом монастыре произошло становление выдающегося французского теолога Бернара Клервоского. – *Прим. ред.*). В те же времена (около 1120 г.) св. Норбертом был основан монашеский орден премонстрантов (белых каноников, норбертинов); в 1121 г. Норберт дал усиленный августинский устав первой обители в Премонтре, Франция. Все эти ордена поддерживали местные церкви в стремлении реформировать духовенство, наставлять верующих, воссоздавая христианские законы брака и трудиться для мирной жизни, но они также способствовали формированию рыцарства, поскольку крестовые походы пробуждали новый дух, в котором «духовная сила и светское оружие» действовали совместно для «освобождения Святой земли».

Несмотря на пролитую кровь, в результате девяти крестовых походов в течение двух столетий, в которых сталкивались христиане и мусульмане, появилась необходимость в переговорах и, помимо этого, в более тесных контактах между Латинской и Восточной церквями. Торговля, технологии, архитектура и науки – все извлекли пользу из нового интереса латинского Запада к древнему греческому наследию, которое поступало в Европу через арабских посредников. Эта эпоха характеризовалась в Западной Европе замечательными достижениями в области экономики, культуры и религии (с распространением «общественных хартий»), хотя повсюду «разногласия между папой и императором» принимали местные формы конфликта между папством и обретающими влияние государствами; особенно сильно этот конфликт проявился в связи с обнародованием в 1140 г. «Декрета» (*Decretum*) монаха Грациана (*Gratian*) с целью обосновать статус монарха, который, по его словам, отобрали папы. Однако были характерны и более мягкие взаимоотношения, например в случае возведения римским папой в ранг святых короля Франции Людовика IX (правил в 1242–1270 гг.). Организация и проведение крестовых походов вряд ли являлись помехой созданию и развитию знаменитых университетов в Болонье

(1119 г.) и Падуе (1221 г.), а за ними – Сорбонны в Париже (1257 г.). Но наконец конфликт между светским правителем Франции королем Филиппом IV Красивым и папой Бонифацием VIII (понтификат 1294–1303 гг.) был полностью разрешен, и в результате папа утвердил свой суверенитет над всеми христианскими государями, издав в 1302 г. буллу *Unam Sanctam*, в которой провозгласил абсолютный приоритет церковной власти над светской. Однако менее чем через год один из сподвижников Филиппа IV захватил и заточил в г. Ананьи папу Бонифация; несмотря на быстрое его освобождение, папа сразу же скончался от апоплексического удара.

Еще до этих событий папа Иннокентий III (понтификат 1198–1216 гг.) существенно реорганизовал жизнь западного христианства после принятия ряда важных решений на IV Латеранском соборе в Риме в 1215 г.; II Лионский собор в 1274 г. в понтификат папы Григория X ввел постоянные правила выбора пап (на конклавах – собраниях кардиналов, созываемых после смерти римского папы для избрания нового. – *Прим. ред.*). Тем временем папа Гонорий III (понтификат 1216–1227 гг.) признал нищенствующие ордена – «братья ордена проповедников» (доминиканский орден), основанный св. Домиником (1170–1221 гг.) и «орден братьев меньших» – миноритов (орден францисканцев), основанный св. Франциском Ассизским (1181–1226 гг.). Подавая пример христианской жизни через собственную жизнь в бедности, собирая подаяние, странствуя и проповедуя, совместно с Третьим орденом, который объединял мирян, они вдохнули новую жизнь в проповедование Евангелия в средневековом обществе и продвигали «григорианскую реформу» посреди попрежнему буйствующей симонии и постоянных угроз возрождающейся ереси.

Семь пап, имевших резиденцию в Авиньоне в 1305–1377 гг., после того как под давлением французского короля Филиппа IV папа Климент V перенес сюда свою резиденцию из Рима, пытались должным образом организовать папский двор или «Римскую курию» (совокупность учреждений, подчиненных папе как главе католической Церкви): вводили авторитарное правление, централизованную администрацию и высокие налоги. Набожно настроенные сторонники, однако, критиковали «Авиньонских пап» за их сильную зависимость от французских королей и по-прежнему тесную связь с богатыми церковными приходами. Св. Екатерина Сиенская в 1377 г. убедила Григория XI вернуться в Рим, но после его смерти и выборов в Рим папой Урбана VI (римский папа в 1378–1389 гг.) в Авиньоне заявил свои претензии новый антипапа Климент VII (1378–1394 гг.). Началась Великая схизма, расколывшая западнохристианский мир на два (а в 1409–1417 гг. даже на три) лагеря. Две следующих соперничавших фигуры – папа Григорий XII в Риме и антипапа Бенедикт XIII в Авиньоне были объявлены отстраненными от власти Пизанским собором в 1409 г. на основании некомпетентности и бездеятельности. С целью исправления положения Собор избрал другого папу – Александра V, после смерти которого в 1410 г. последовало избрание Иоанна XXIII (понтификат 1410–1419 гг.). Однако против обоих этих прелатов продолжали выступать Бенедикт XIII в Авиньоне и Григорий XII в Риме (который по-прежнему считал себя единственным законным наследником Урбана VI). В конце концов Констанцкий собор (1415 г.) освободил все три папских престола – в Риме, Авиньоне и Пизе и остановил выбор на едином папе Мартине V (1419–1431 гг.), положив конец Великой схизме. Преемнику последнего папе Евгению IV (1431–1447 гг.) пришлось бороться с «абсолютистскими» претензиями Базельского собора (1431 г.), провозгласившего «верховенство собора над папой». Базельский собор заканчивал работу в состоянии смятения и разногласий участников после избрания еще одного антипапы – Феликса V (он стал последним, кому удалось незаконно занять место папы. – *Прим. ред.*),

который, однако, оставил папский престол в 1449 г. после начала конфликта с Базельским собором. До этого Евгений IV открыл собор в Ферраре (1437–1439 гг.), затем провел Флорентийский собор (1439–1442 гг.) и Римский собор (1443 г.), где он торжественно зачитал Декрет об унии католической и православной церкви.

Николай V (понтификат 1447–1455 гг.) добился значительных успехов в умиротворении соперничавших сторон, сведя их вместе при проведении юбилея (1450 г.), имевшего важное значение для укрепления авторитета папства и престижа города Рима. Он стал первым из так называемых «ренессансных пап». Но последствия Великой схизмы оставались более чем глубокими. Разногласия повсюду были скрытыми (участники Соборов голосовали «национальными списками»), и националистические возмущения находили свое выражение, во Франции, например, в виде «галликанства» (от лат. *gallicanus* – галльский, т.е. французский), поддержанного Сорбонной и «наиболее христианскими» королями страны; кое-где подобные возмущения вырывались наружу в более радикальных формах; примерами могут служить восстания гуситов в Богемии; позднее произошел полный разрыв с Римом немецкого протестантизма, основателем которого был Мартин Лютер, кальвинистов в Женеве и сторонников Реформации в Англии при правлении короля Генриха VIII.

Тем не менее в промежутке между XIII и XV вв. теологическое и духовное развитие западного христианства происходило очень быстро; оно отмечено расцветом католических монашеских нищенствующих орденов и возрождением монашества под началом таких групп, как цистерцианцы и картезианцы. Развитие теологов проявлялось в большом разнообразии сводов (*summae*) и сентенций (*sententiae*) (пример был подан Петером Ломбардским, 1110–1160 гг., главное сочинение которого – «Сентенции» – первая «сумма» (свод) католического богословия). Объем знаний в XIII столетии значительно расширился с началом изучения на Западе трудов греческих философов (в виде переводов на латынь арабских версий этих работ). Тяга к изучению такой философии нарастала в Париже и в Оксфорде, притом что свою роль здесь играла и Церковь, стремившаяся обеспечить правильное христианское толкование древних языческих текстов. Примерно в середине и второй половине XIII в. было предпринято много попыток синтеза различных доктрин: св. Бонавентура (1221–1274 гг., один из 10 величайших учителей христианской Церкви) отстаивал естественную целостность христианской мудрости; св. Альберт Великий (1193–1280 гг.) стремился «пересмотреть» языческое знание в ракурсе «римско-католического христианства»; св. Фома Аквинский (1225–1274 гг.) в труде «Сумма теологии» обосновывал христианское понимание веры на базе философского познания и естественной теологии, основанной на аналогии сущего (илл. 127). Осуждение многих тезисов нового учения епископом Парижа в 1277 г. лишило возможности проверить его развитие в различных школах. В XIV в. философ и теолог, представитель схоластики, монах-францисканец Иоанн Дунс Скотус настаивал на доверии к *via antiqua* («старому пути»), или на доверии к евангелической практике, тогда как монах-доминиканец Иоганн Экхарт, основатель немецкого мистицизма, и его ученики остановились на «обожествлении» через мистическое единение христианского мира. Петрарка делал упор на гуманизм, основанный на учениях св. Августина, а английский философ-схоласт Уильям Оккам стремился через свой *via moderna* («новый путь») определить «номинализм» – направление философии, которое, в противоположность реализму, отрицало реальное существование общих понятий, считая их лишь именами, словесными образованиями.

Культурные элиты и простые люди сходным образом находили духовную пищу во всех этих направлениях развития мысли. Несмотря на то что крестовые походы, расколы,

конфликты и действия инквизиции, созданной в 1229 г., чтобы в союзе со светскими властями служить орудием правосудия Церкви в борьбе с ересью, и другие подобные явления оставили свой отпечаток на жизни западного христианства, перспективы его развития обеспечивались теми, кто проповедовал в массах, реформировал духовенство и оказывал влияние Церкви на все стороны жизни через аббатства. Литургия, религиозные обряды и основные братств и сестринских общин обеспечивали доступ к истинной вере и привлекательность церковных таинств для всех. Христиане верили в приобретение духовных благ и в спасение через причащение к святым. Христианские ученые, еще до того как они полностью использовали возможность контактов в Испании между приверженцами христианской веры и сторонниками исламского суфизма (мистического течения), выражались в терминах «засилья мистики» той эпохи, особенно в Италии и Северной Европе. Мирянам был обеспечен доступ к духовному опыту, отраженному в таких работах, как трактат «Подражание Христу», приписываемый нидерландскому религиозному писателю Фоме Кемпийскому (1380–1471 гг.), а также через третьи ордена, поселки наподобие монастырей, с кельями для одиноких женщин, через различные школы мистического знания, включая школы Иоганна Экхарта, доминиканцев Иоганна Таулера (*Jobann Tauler*) и Генриха Сузо (*Heinrich Suso*) в Рейнланде, Яна ван Руисбрюка (*Jan van Ruysbroeck*) во Фландрии, Юлианы из Нориджа (английская духовница, мистическая писательница), монахини-доминиканки Екатерины Сиенской в Италии. Западная приверженность поклонению страдающему человечеству, выраженная, например, в изображениях фигуры Христа (*Ecce homo! – Вот человек!*) или Марии как «Скорбящей Божией Матери» (*Mater dolorosa*), выступала в качестве дополнения к предпочитаемому византийцами созерцанию Воплощенного Слова в ореоле величия. Большинство произведений в данном случае являлось следствием постоянных и многообразных деяний «духовников», которые во всех религиозных приходах поддерживали возврат к «строгому соблюдению» тех принципов, которые были утверждены основателями их орденов. Средневековая Церковь «всегда испытывала потребность в реформе» и в то же время стремилась быть «единой, святой и католической». Объединенные подлинной верой, церковной иерархией и мирские верующие поддерживали величие вертикали церковной власти (или власти небесной), а также ее горизонталь (или власти земной). Искусство фресок и изображений распятия в церквях, где романский стиль уступал в величии только готике, свидетельствовало о приверженности данному направлению. Каждый город, где властвовал епископ, имел возможность полностью выразить эстетические стремления через братства, привлеченные к строительству возносящихся к небу храмов, расцвеченных витражами, символика которых отражала духовность своей эпохи (илл. 28, 29, 74, 75).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ

Эти религиозные миры между собой поддерживали постоянные контакты и, как можно было видеть, их тревожная история была отмечена как разрушительными конфликтами, так и созидательными взаимодействиями. Можно, таким образом, подвести некоторый итог взаимодействию культур, происходившему в различных сферах интеллектуальной и практической деятельности. Школы переводчиков дали возможность мусульманским *медресе* и западным университетам познакомиться с цивилизациями других народов. Научный центр («Дом мудрости») в Багдаде, который достиг вершины развития при халифе аль-Мамуне (813–833 гг.), располагая элитной группой исламских и христианских мыслителей и знаменитых переводчиков, среди которых, например, Бану

аль-Мунаджжим (*Banū l-Munajjim*), позволил арабскому и исламскому миру во времена правления Аббасидов (VIII–IX вв.) освоить мудрость и науки греков. Именно этим путем Платон, Аристотель, Птолемей и Гален стали известны арабам, и труды их придали развитию арабо-исламских наук (философии, теологии, астрономии, медицине и прочим) серьезный импульс. Позже в отвоеванном Толедо (1085 г.) такие переводчики, как Роберт Кеттонский (*Robert of Ketton*), Герман Далматинский (*Hermann of Dalmatia*) и Пьер из Пуатье обеспечили передачу этого наследия латинскому миру (они даже перевели Коран на латынь), а Константин Африканский (1051–1087 гг.) перевел для медицинской школы в Салерно труды Гиппократ, Галена и ар-Рази. Немного позднее доминиканцы под руководством Раймунда Марти открыли *studium* в Тунисе (1250–1259 гг.), а францисканцы вместе с философом и теологом миссионером Раймундом Лулием организовали институт по изучению ислама и арабского языка на Балеарских островах (1274–1287 гг.). Кроме того, Венский собор на Роне (1311 г.) решил основать департамент арабского языка при университетах Рима, Болоньи, Саламанки, Парижа и Оксфорда.

Эти центры средневековой культуры были обогащены историями о путешественниках (и паломниках во время крестовых походов) и трактатами географов. Марко Поло (1254–1324 гг.) совершил путешествие в Монголию и даже до Пекина, где его знаниями пользовался Великий хан (с 1280 г. – китайский император) Хубилай. По возвращении в Венецию он написал свою «*Книгу чудес света*» (1298 г.) (илл. 121).

Арабо-исламский мир также дал целый свод литературы, касающейся открытий мира, начиная с безымянного «*Повествование о Китае и Индии*» (851 г.) и заканчивая трудами аль-Умари (1300–1384 гг.), Ибн Баттуты (1304–1377 гг.) и историями других путешественников. Подготовка концептов для использования государственными секретарями велась такими учеными, как Ибн Хурдадбек (*Ibn Khurdādhbih*, ум. в 885 г.), Ибн Рустех (*Ibn Rusteh*, ум. в 903 г.) и Кудаме (*Qudāma*, ум. в 932 г.); работы по географии для знати, включая труды Ибн аль-Факиха (*Ibn al-Faḥīh*, ум. в 903 г.), были продолжены рассказами таких знаменитых путешественников, как Ибн Фадлан (начало X в.) и Бузург Ибн Шахрияр (*Buzurg Ibn Shahrīyār*, конец X в.). Успех имели также «Книги путей и королевств» аль-Якуби (ум. в 897 г.), аль-Балхи (ум. в 934 г.), аль-Истахри (*al-Isṭakhrī*, ум. в 951 г.), Ибн Хавкаля (*Ibn Hawqal*, ум. в 977 г.), аль-Мукаддаси (ум. в 988 г.), аль-Бакри (ум. в 1091 г.) и аль-Идриси (1099–1153 гг.). Популярны были аль-Масуди (ум. в 956 г.) с его «*Золотыми лугами*», аль-Бируни (973–1046 гг.) и его «*Описание Индии*», Якут (1178 или 1179–1229 гг.) и его «*Словарь стран*», аль-Казвини (ум. в 1283 г.) и его «*Чудеса живых существ*», Абу ль-Фида (1273–1331 гг.) и его «*Определение местонахождения стран*». Подобные книги по истории и географии иных регионов мира были основаны не на строгих научных данных, как в наши дни, а на верованиях, ритуалах и обычаях своих авторов. Так, описание и классификация религий привела к появлению у мусульман специфического литературного жанра – книг о «*Сообществах и сектах*», в написании которых преуспели андалузец Ибн Хазм (*Ibn Ḥazm*, 994–1064 гг.) и иранец аль-Шахрастани (1076–1153 гг.), несомненно, почерпнувшие вдохновение из того, что Ибн аль-Надим (*Ibn al-Nadīm*, 936–995 гг.) написал по данному вопросу в книге IX своего труда «*Энциклопедия наук*». Один из положительных аспектов крестовых походов состоял в том, что они вынудили христиан и мусульман признать свои различия и, таким образом, заняться соответствующими объяснениями и аргументацией. Эта ситуация придала подобным диалогам и противоречиям философский смысл, который часто прояснялся с использованием греко-эллинистического наследия как «общего языка» для нахождения истины.

Религиозное взаимодействие занимало в этом специфически средиземноморском контексте такое место, в котором древняя и светская философия предъявляли одинаковые требования к монотеистическим религиям Среднего Востока. Бесчисленные встречи и дебаты между христианами и мусульманами происходили и на Ближнем Востоке. С VII по X в. христианские богословы, философы и писатели, такие как св. Иоанн Дамаскин (675–753 гг.) с философско-теологическим сочинением «Источник знания» (в заключении к которому он рассматривает вопросы ислама), Теодор абу Курра (740–825 г.) с его «*Трактатом о существовании Творца и истинной Религии*»; несторианцы – Тимофей I (728–823 гг.) с его «*Диалогом с халифом аль-Махди*» и Аммар аль-Басри (800–850 гг.), автор «*Вопросов и ответов*», ставили под сомнение ислам и превозносили христианство. Напротив, мусульмане Али аль-Табари (ум. в 855 г.) и аль-Джахиз (776–869 гг.) написали «*Опровержение христиан*», а «*Переписка между аль-Хашими и аль-Кинди*» (первый – мусульманин, второй – христианин) была опубликована примерно в 820 г. Византийцы также внесли вклад в этот жанр – можно упомянуть Никиту (*Nicetas*) Византийского (842–912 гг.), Георгия Арматола (Георгия Смирренного) (IX в.) и Николая Мистика, патриарха Константинополя с 901 по 925 г. с его «*Письмами к эмиру Крита*» и «*Перепиской между Омаром и Львом*» (Омар II – халиф Дамаска; Лев III – император Византии) примерно в 900 г.

Знания христиан и мусульман друг о друге в XI и XII вв. сразу же порождали ссылки на произведения представителей обеих сторон. Например, со стороны мусульман такие знания проявлялись у Ибн Хазма в его «*Книге различий между общинами и сектами*», у аль-Джувайни (*al-Juwaynī*, 1028–1085 гг.) в «*Толковании об измененных, обнаруженных в Торе и Евангелии*» и у Мухаммеда аль-Газали (1059–1111 гг.) в «*Благородном опровержении божественности Иисуса, основанном на Евангелии*». Со стороны христиан несторианец Элиас Нисибский (*Elias of Nisibis*, 975–1046 гг.) повествовал о том, что происходило во время его многочисленных «сессий» (*маджалисов*) на Ближнем Востоке с эмиром Мосула. В свою очередь, на Западе сочинения Петра Достопочтенного (1094–1156 гг.), аббата Ключийского монастыря (в течение некоторого времени являвшегося ведущей фигурой Толедской школы), письмо папы Григория VI эмиру Хаммадидов в Биджае (Алжир) в 1076 и «*Письмо от монаха из Франции к аль-Баджи*» (1078 г.) являются свидетельством истинной открытости мнений и резко контрастируют с опровержением аль-Хазраджи (*al-Khazraji*, 1125–1187 гг.), озаглавленным «*Маками аль-сулбан*».

К счастью, в течение XIII и XIV вв. были предприняты новые попытки, особенно христианами, понять представителей противоположной стороны и поддержать дискуссии с ними, используя их язык, тексты, философские и теологические размышления. На Западе Раймунд Марти (1230–1284 гг.) написал «*Pugio Fidei adversus Mauros et Judaeos*», св. Фома Аквинский (1225–1274 гг.) – «*Сумму против язычников*», Вильям Триполийский (*William of Tripoli*, 1220–1291 гг.) – «*Tractatus de Statu Saracenorum*» (после своих многочисленных поездок на Средний Восток) и Рикольдо ди Монтекроче (*Ricoldo di Montecroce*, 1243–1320 гг.) – трактат «*Contra legem Saracenorum*» (после длительного знакомства с мусульманами на Среднем Востоке). Все эти писатели были доминиканцами. У францисканцев св. Франциск Ассизский нанес из лагеря Крестоносцев мирный визит (1219 г.) королю Египта аль-Малику аль-Камилу. Францисканец Раймунд Луллий (1235–1315 гг.) последовал примеру Франциска в своих сочинениях и путешествиях по Северной Африке. В одно и то же время были учреждены два монашеских ордена. Это был орден тринитариев (основан св. Иоанном Матта (1160–1213 гг.) и пустынноиком Феликсом Валуа) и орден мерседариев

(«Богоматери милосердной»), основанный Раймондом де Пеньяфортом и Петером Ноласко для «возврата земель», захваченных сарацинами. Однако дух полемики по-прежнему существовал, о чем свидетельствовало опровержение аль-Куртуби «Толедского текста» (1236 г.) в Испании и реакция Ибн Таймии (*Ibn Taymiya*, 1263–1328 гг.) на Среднем Востоке на сочинения мелхитского автора Павла из Антиохии (ум. в 1180 г.), даже несмотря на то, что последний озаглавил свой трактат «Письмо к моим мусульманским друзьям». Но подход не возник частично под влиянием христианского монашества на Ближнем Востоке в период с VII по X в.? (Отсюда, вероятно, настойчивое требование суфизма о «единстве и единственности бытия» в мистической практике.) И аналогично, разве христианские «возрождения» в Испании, в свою очередь, не позаимствовали словарь и методы андалузского суфизма (Ибн Аббад из Ронды, ум. в 1389 г.) и североафриканских братств (в качестве примера можно привести обмена между Ибн Сабинном и Раймундом Луллием)?

Культурные обмены между арабо-мусульманским миром, с одной стороны, и Латинской Европой и Византией, с другой, стали настолько распространенными, что не могли не привести к возобновлению исследований в сферах философии, науки и искусства. Захват Багдада монголами (1258 г.) и прекращение крестовых походов (1291 г.), видимо, заставили ислам в некоторой степени замкнуться в самом себе, хотя турки-османы и тунисский мыслитель Ибн Хальдун (1331–1406 гг.) оставались в значительной степени открытыми внешнему миру (илл. 123).

Несомненно, в Западной Европе появлялись отдельные разработки, проистекавшие от встреч двух культур. Творения Платона, Аристотеля, Плотина и, в особенности, аристотелевы физика, этика и метафизика стали доступны в переводах на латынь с комментариями аль-Кинди, аль-Фараби, Авиценны и Аверроэса, которые были мусульманами, и евреев Авицеброна и Маймонида. «Блок доктрин» унитарного «августинизма» под влиянием Авиценны был заменен «неоплатонистским августинизмом», а затем – «аристотелеанизмом» Аверроэса (с принятием таких положений, как бесконечность мира, детерминизм природы, трансцендентальность Бога; отрицанием провидения и моносихизма). В своем труде «*Opus Majus*» Роджер Бэкон (1214–1294 гг.) в Англии придавал большое значение математике и опыту – как научному эксперименту, так

и внутреннему мистическому «озарению». Большое влияние на Сигера Брабантского (*Siger of Brabant*, 1235–1281 гг.) оказал рационализм Аверроэса. Св. Альберт Великий и св. Фома Аквинский смогли оформить все эти философские труды в новаторский теологический синтез, глубоко христианский по природе (илл. 127). Сама по себе литература приобрела новые формы выражения в лирической поэзии трубадуров и утверждении «изысканной любви». Вне сомнения, сам Данте (1265–1321 гг.) находился под влиянием некоторых произведений арабо-исламской литературы, создавая свою «Божественную комедию» (илл. 180).

В середине XV в. Николай Кузанский (1401–1464 гг.) принял на себя роль предвестника грядущего Ренессанса. Этот немецкий гуманист и римский кардинал (1448 г.) участвовал в Базельском соборе (1431 г.) и бывал в Византии как папский легат. Он также принимал активное участие в соборе в Ферраре–Флоренции, отстаивая идею «унии» в своем труде «*De Concordantia Catholica*». Познакомившись с реалиями ислама и «неизвестными сторонами» других религий, в работе «*De Pace Fidei*» («Мир веры») он выдвинул мысль о возможности «приведения противоположностей к совпадению». Он рассуждал о том, что гармония Бога, который един в трех ипостасях и воплощением которой в мире был Иисус Христос, предписывает терпимость между религиями, которая и в самом деле приводит к «совпадению противоположностей» в мире творений божьих: материального и духовного, тела и души, Бога и людей, одного и многого, единства и различия, в результате чего все религии наследуют часть общей мудрости. Имея целью «разумное созвучие между религиями», его утопическая точка зрения усматривала в космическом порядке гуманизм, основанный на божественной мудрости, и пути, которые могли привести к миру между народами. В грядущем XVI в. труду Николая Кузанского суждено было стать истинным образцом для христианских гуманистов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dictionnaire des Religions. 1993. POUPARD, P. (ed.), Paris.
 Encyclopaedia Britannica. 1966. Chicago.
 Encyclopaedia Cattolica. 1949–1954. Vatican City.
 Encyclopaedia of Islam. 1960 (new edn.). Leiden.
 Encyclopaedia Judaica. 1971. Jerusalem.
 Encyclopaedia of Buddhism. 1961. Colombo.
 Encyclopaedia delle Religioni. 1970–1976. Florence.
 Encyclopaedia of Religion. 1987. New York.
 Encyclopaedia Universalis. 1970–1973. Paris.
 Histories des Religions. 1970–1976. PUECH, H. Ch. (ed.), Paris.
 Homo Religiosus. 1978–1993. Louvain-la-Neuve.
 New Catholic Encyclopaedia. 1967. New York.

ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

8.1 СТАРЫЙ СВЕТ

Олег Грабарь

Все мужчины и женщины всегда и везде выражали свои чувства, эмоции, убеждения, ассоциации, амбиции и т.д. с помощью огромного множества устных, письменных, песенных, игровых, инструментальных, пластических, декоративных или символических способов. Некоторые из этих выражений, или посланий, предназначались только для близких родственников, другие – для всего человечества. Одни послания были написаны с помощью шифров, ключ к которым знали лишь немногие, поэтому в наши дни о содержании таких посланий мы можем только догадываться; другие же с самого начала предназначались для широкого использования современниками и с надеждой донести их смысл через века. Многие из созданного было утрачено навеки; все, что осталось и что сумели восстановить современные ученые, – это лишь статистически неясные фрагменты того, что когда-то существовало.

Кроме того, есть одна проблема, относящаяся, в частности, к религиозному выражению, так как именно оно господствовало в рассматриваемые века. Она заключается в том, что восприятие этого выражения как раньше, так и сейчас, зависит от категории, к которой относится наблюдатель или получатель этого проявления. Так, высказывание, священное для верующего, читающего или слушающего Евангелие, Коран или персидскую мистическую поэзию, для неверующего становится литературным шедевром мысли, построения или образности. Христианские иконы или индийские мантры можно рассматривать как объекты веры и набожности и в то же время – как произведения искусства; их можно увидеть и в храме, и в музее, причем в каждом случае они будут поняты совершенно по-разному. Более того, такие документы являются индивидуальными и уникальными источниками, рассказывающими о конкретных исторических моментах и местах, и служат примером для изучения поэтического, музыкального или визуального опыта вообще. Ниже можно найти оба подхода: один, направленный на культурное своеобразие времени и места, другой – особо подчеркивающий вселенские ценности и суждения.

Полностью сбалансированного обзора восьми веков художественного выражения во всем мире добиться невозможно. Здесь неуместно вступать в дебаты об этической правомерности распространения на конкретные культурные достижения суждений, выведенных из других культур. Не имеет какого-либо смысла и ценности и попытка составления сравнительных списков свершений и распределения наград за успехи в искусстве. Поэтому ниже выделены четыре темы,

влияющие на художественное творчество. Каждая из них обсуждается как оказывающая влияние на все искусства: архитектуру, скульптуру, декоративное искусство, письменность, музыку, устную и письменную литературу и исполнительские виды искусства. Выбор примеров не может быть полным, но есть надежда, что удалось наметить общий курс к пониманию сильнейшего стремления к художественному выражению, существовавшего повсеместно. Однако один момент уточнить все же следует. Исламский мир занимает в этой главе особенно большое место, так как его возникновение в VII в. стало самым важным событием рассматриваемого периода. Будучи расположенным в центре афроевразийского мира, он оказал свое влияние на все остальные культуры; порой это влияние было поверхностным, а порой – радикальным. Об искусствах доколумбовой Америки в некоторых разделах этой главы встречаются лишь упоминания, так как история этого континента развивалась независимо от истории Евразии и Африки. Поэтому на формальном и структурном уровнях ее можно вписать в общее состояние искусств и их выражений во времена, предшествовавшие «эпохе великих открытий» (см. раздел 8.2 и часть IV).

Из четырех тем, которые рассматриваются в этой главе, две первые в большей степени свойственны именно этим векам, нежели другим периодам мировой истории. Это переселения народов, особенно художников и ремесленников, и контрасты (или их отсутствие) между вероисповеданиями и религиозными системами, господствовавшими в те времена. Две другие темы – это универсальные и вечные вопросы поведения людей искусства, хотя их специфическое выражение может быть оригинальным для периода с 600 по 1492 г. н.э. Первая тема связана с природой покровительства, спонсорства и востребованности искусств. Вторая заключается в явном противостоянии, с разной степенью интенсивности, набожности и удовольствия, замысла и «потребления», коллективных и индивидуальных целей – т.е. в контрасте, который всегда влияет на создание произведений искусства и пробуждаемое ими поведение социума или индивида.

ИСКУССТВА И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

От китайских границ до Пиренейского п-ова и Северной Африки великие переселения главным образом индоевропейских, но уже достаточно часто тюркских и даже монгольских народов все еще продолжались в начале VII в.

и оказывали влияние на самые разные территории: долины Паннонии, южную Россию и Украину, республики Средней Азии, Афганистан и Монголию. Оседлые культуры Китая, Северной Индии, Ирана и Средиземноморья создали большую часть художественных сюжетов, найденных на металлических изделиях или тканях, изготовленных для семей воинов-кочевников или используемых ими; кочевники же перевозили эти сюжеты в те земли, где они не были известны. В то же время оригинальное восприятие форм животных и очарование геометрическими узорами нередко превращали людей, животных или растения в цветистые образцы. Могильники, раскопанные на границах Китая и на Кавказе, или серебряная сокровищница Нагисентмиклош, которая теперь хранится в Венском музее, – это лишь примеры из множества изделий, предназначенных для практических целей (чашки, кувшины, тарелки, одежда, саваны), дата изготовления, принадлежность и точное иконографическое значение которых остаются вопросом для размышления, но формы которых содержат поразительные смешения стилей Средиземноморья, Ирана или Китая со стилями, распространенными на землях кочевников.

Таким образом, в самом начале рассматриваемого периода наглядные искусства большей части евроазиатского мира попали под влияние переселения тысяч людей в его северной половине. При этом происходили соприкосновения форм, которые ранее были лишь локальными, и возникали сочетания и связи, причины которых мы теперь не можем ни представить, ни реконструировать. Не знаем мы и то, как покровители и потребители в VII в. на заселенных территориях или на землях кочевников реагировали на эти произведения искусства, так как иконографический и выразительный смысл сохранившихся серебряных и бронзовых сосудов по-прежнему остается невыясненным. В последнее десятилетие XV в. первые шаги к сильнейшей экспансии Западной Европы и рост новых империй создали ни на что не похожий тип взаимоотношений разных культур, когда нормой стало господство европейского искусства и непонимание или отказ от всех других искусств, несмотря на некоторые яркие исключения.

Искусства промежуточных веков тоже попали под влияние многочисленных переселений народов. Некоторые из этих переселений происходили медленно и почти незаметно, другие были резкими, быстрыми и проявлялись в высшей степени ярко. Толчком к некоторым перемещениям послужила идеология, другие обуславливались чисто экономическими причинами. В одних переселениях приняло участие небольшое число людей, другие характеризовались передвижениями целых народов. При этом одни переселения имели важные, хотя и временные, последствия, а другие отличались постоянством проявления. Тремя примерами, особенно связанными с искусствами, являются так называемый Великий Шелковый путь, три миссионерских вероисповедания – буддизм, христианство и ислам, а также экспансия монголов и тюрок. Некоторые из этих движений, например Шелковый путь и буддизм или ислам и экспансия тюрок, частично пересекаются и перекрывают друг друга, в то время как распространение ислама и христианства и вторжение монголов являются более значительными и важными, чем другие. И все же каждое из них освещает ту или иную грань художественного выражения того времени.

Шелковый путь

Мало что известно об экономике Великого Шелкового пути, который служил для перевозки ценных тканей, изготовленных в Китае, на рынки Средиземноморья и Индии и который продолжал действовать даже после прекращения в конце VI в. китайской монополии на производство

шелка, так как пристрастие к шелковым тканям, произведенным именно в Китае, никогда не исчезало. Более того, этот межконтинентальный путь, пересекавший некоторые из самых закрытых областей мира, вносил свой вклад в движение других товаров, идей и людей даже после вторжений в Тибет в IX в. и его частичного возрождения при правлении монголов.

Одним из последствий этого движения был рост и поддержание на высоких уровнях благосостояния и художественного творчества городских центров в Согде (Согдиане, приблизительно соответствующей современным республикам Узбекистан и Таджикистан), на северной и южной границах Таримского бассейна (в современном китайском Синьцзян-Уйгурском автономном округе) и на западных окраинах Китая (от Дуньхуана до Сианя). В творчестве на этих территориях преобладали живопись и деревянная и гипсовая скульптура, главным образом благодаря буддизму, который стал самой яркой системой верований этой страны, хотя здесь в то же время исповедовались и другие религии, например христианство, манихейство, различные формы зороастризма, шаманизм и языческие культы. Изобразительный синкретизм с присущей ему собственной оригинальностью характеризует искусство таких мест, как Пенджикент, Афрасиаб, Кызыл или Турфан. Он содержит темы и идеи, заимствованные в Китае, Индии и Иране, так что, возможно, именно присутствием этих форм объясняется появление в Алтайском регионе странной мемориальной скульптуры, ассоциирующейся с уйгурскими и другими тюркскими правителями (илл. 54, 87, 214, 235).

По Шелковому пути перемещалось сравнительно немного людей, да и товары, которые по нему перевозили, были относительно немногочисленны, а использовали их в основном представители высших классов. Однако эти предметы продолжали оставаться источником вдохновения для изображения людей и изготовления других предметов. Они расширяли визуальный ряд в творчестве художников и потребителей, которые никоим образом не были связаны со сложным ландшафтом самого пути. В этом смысле Шелковый путь – это образец значимости относительно небольших передвижений людей и товаров, которые могут повлиять на искусство из-за престижности перевозимых изделий. Он также иллюстрирует по меньшей мере одно относительно новое явление в искусстве рассматриваемых веков – признание того, что и другие люди достойны почестей и изображения. Многие картины, написанные в Согдиане и во внутренних частях Азии, изображают определенные этнические группы, вместе выполняющие религиозные действия или занятые другими делами.

Три миссионерских вероисповедания – буддизм, христианство, ислам

Это три преобладающих религии рассматриваемых веков. Все три религии являются миссионерскими и несут послания всему миру; все три охватили огромное число людей, и все три оказали очень большое воздействие на художественное выражение своих последователей. В данном разделе делается попытка определить то влияние, которое их распространение оказало на развитие искусства, а более формальные вопросы будут рассмотрены позднее.

Что касается христианства, то в эту религию были обращены язычники Северной и Восточной Европы, в результате чего латиница или кириллица стали средством, с помощью которого были записаны языки, доселе (за немногими исключениями) бывшие лишь разговорными. Более того, хотя некоторые территории были христианизированы путем постепенного давления на языческое население (например, на бриттов), во многих местах колонисты и завоеватели преобразовывали земли по своему

представлению. Иногда сельские, военные и городские поселенцы принимали и развивали местные языки, а порой они навязывали местным жителям свои собственные или даже допускали сосуществование двух или нескольких литературных культур. Одна культура основывалась на латинском, греческом или славянском языках, сосредоточенных в руках образованного духовенства; эти, как правило, внеэтнические языки веками оставались языками обучения и управления. Другая культура базировалась на народных языках и диалектах, на которых говорили жители отдельных областей, причем большинство таких диалектов в конце концов превращались в средства письменного художественного выражения.

Двойственность языкового выражения, возникшая в результате перемещений народов, повлияла на литературу и мышление всех народов, кроме населяющих Восточную Азию. Что касается изобразительных искусств, то характер вложений, необходимых для развития архитектуры, а также догмы и практики Церкви, как Западной, так и Восточной, привели к появлению двух главных изобразительных выражений литургического пространства и христианских догм: «латинского» – везде, где правила Римская церковь, и «греческого» – везде, где главенствовала Восточная церковь. Из этого правила, несомненно, есть и исключения, но в общем случае применительно к архитектуре можно установить четкое различие между продольным видом высоких нефов, многочисленными апсидами и причудливыми лепными фасадами зданий христианского мира Запада и центрально-купольными, направленными внутрь святилищами восточных церквей, украшенных цветной росписью и мозаикой. Когда два этих стиля встречаются, как в некоторых зданиях, построенных в XII в. в российском г. Владимире или сицилийском Палермо, контрасты получаются впечатляющими, но не всегда гармоничными (илл. 28, 29, 63, 64, 72–75).

Нечто очень похожее произошло и с исламом. Большинство первых его последователей были арабами; они обратили в свою веру и завоевали регионы, на территории которых существовали лингвистические культуры, отличающиеся от арабской. Большие массы мусульман-арабов селились в Южной Испании, Центральной Азии, а позднее и на восточном побережье Африки, находившихся далеко от их родины. Интенсивность процесса обращения менялась от территории к территории и от одного времени к другому, но арабский язык повсюду стал языком религии и обучения. Постепенно другие языки приспособливали арабский алфавит к своим фонетическим системам. В Персии самые ранние из сохранившихся фрагментов, написанных новым шрифтом, которые смогли датировать, относятся к X в., тогда как самым древним из известных и датированных тюркских текстов, написанных арабским шрифтом, является словарь XI в. Близкие отношения ислама и арабского шрифта можно видеть на примере надписей из Килвы в Танзании, в которых понятен шрифт, но не язык. На самом деле, от Китая до христианского Запада существует масса примеров арабских букв, которые явно использовались в качестве приятного орнамента, не неся при этом никакого смысла. В результате, даже несмотря на то, что местные обычаи многих различных культур остались за рамками обращения (как это произошло в Иране и в Африке) и независимо от господства мусульманских правящих классов (как на Индийском субконтиненте), постоянное присутствие арабского алфавита наложило заметный формальный отпечаток на регионы, в которых использовался не один этот язык. Такие перемены во многих разных местах стали возможны вследствие переселений народов и иногда перемещения товаров, ставших прямым результатом существования новой веры.

Формальные моменты типа букв были не единственным следствием мусульманской экспансии. В конце VII в.

и особенно в VIII в. Северная Африка подверглась арабизации, которая укоренилась в ней навеки, а Андалусия и Центральная Азия – на более ограниченное время. С мусульманской экспансией было связано также распространение иранской литературной культуры в Индию и за ее пределы, ставшее прямым результатом распространения ислама с иранским оттенком. В несколько меньшем масштабе появление мусульманских торговцев, миссионеров или воинов повлияло на устные традиции курдов, берберов, эфиопов, малайзийцев и индонезийцев. А поскольку большинство новоприбывших были мужчинами, которые женились на местных женщинах, возникающая культура нередко становилась средством, с помощью которого сплачивался семейный круг. Женщины играли огромнейшую роль в сохранении и даже создании культуры на территориях физической и религиозной экспансии.

Помимо формальных особенностей типа арабского шрифта, литературных – типа распространения арабских, персидских или тюркских повествований и поэтических жанров или культурных особенностей, например поощрения важных для каждой конкретной местности смешений новой веры со старыми традициями, распространение ислама путем переселения мусульман оказало важное влияние на некоторые функции и формы архитектуры (рис. 18). Мусульмане строили мечети повсюду, где бы они не появились, поэтому можно даже нарисовать карту распространения типов классической раннеисламской гипостильной мечети с ее огромными пространствами, поддерживаемыми сотнями колонн (в Кордове, Кайруане, Каире, Самарре, Конье, Герате, Дели); созданной в XII в. мечети иранского типа со сводчатыми залами (айванами), открытыми со стороны внутреннего двора (в Ардистане, Исфахане, Бухаре, Самарканде); небольших мечетей с девятью пролетами (в Толедо, Каире, Балхе); центрально-купольной мечети, которая появилась в зарождающейся Османской (турецкой) империи (в Бурсе, Эдирне; мечеть Фатихджами в Стамбуле). Трудно выяснить, было ли распространение этих различных типов зданий обусловлено выбором, сделанным большими массами людей, в памяти которых всплывали воспоминания об общем прошлом (как вполне могло произойти с ранним искусством Андалусии или более поздним искусством Северной Индии), или каким-то идеологическим обоснованием со стороны правителей и прочих покровителей архитектуры. Несомненно одно: распространение ислама наиболее конкретно проявляется в архитектурных формах типа минаретов и куполов, выросших в очень ограниченных местных условиях, но приобретающих панисламский смысл (илл. 195–209).

Буддизм – третья из миссионерских мировых религий – также распространился из той страны, где зародился, т. е. из Северной Индии, во многие другие места, во время рассматриваемого периода – главным образом в Шри-Ланку, Корею и Японию, в конечном счете вообще исчезнув из Индии, но закрепившись в Китае еще до 600 г. н.э. Его распространение не было результатом крупномасштабных переселений народов, оно было достигнуто усилиями небольших групп миссионеров и паломников, направлявшихся в те места, где достиг Просветления Гаутама Будда. К таким паломникам относится и китаец Сюань-Цзан, оставивший удивительные описания своих странствий. В результате распространение буддизма не имело тех лингвистических последствий, которые сопутствовали экспансии мусульман и христиан. Однако оно повлияло на образность искусств, что будет рассмотрено позднее, породив яркое повествование о святой жизни, ясные видения эсхатологии и эмоциональную связь со священными изображениями. Больше влияние буддизм оказал на литературу, изобразительные искусства и производства различных изделий, нежели на архитектуру, хотя мемориальные

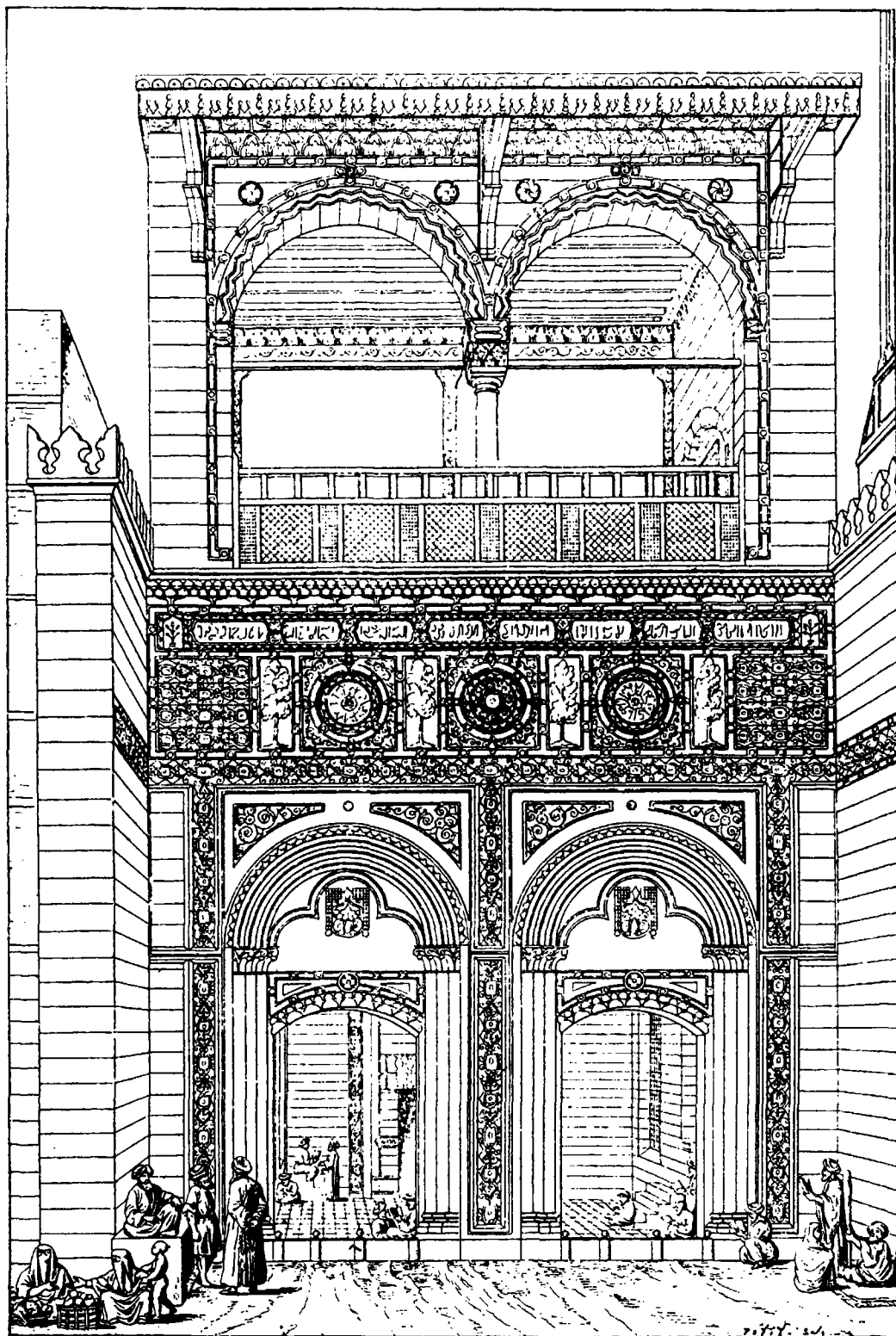

Рис. 18. Вход в мечеть аль-Азхар в Каире (Египет), основанную в X в. н.э., постоянно реставрируемую и достраиваемую с XIII по XV в. (по Le Bon, La civilization des Arabes, Paris, 1883, p. 158)

памятники типа ступ вскоре вслед за Индией возникли и в Китае. Но, наверное, важнее всего то, что присутствие буддизма дало всей Азии (за исключением ее западных окраин, где жили семиты) видение красоты, мечту о физическом совершенстве, так что, даже когда буддизм почти полностью исчез из Ирана и Афганистана, персидская поэзия продолжала описывать физическое совершенство выражением «подобный Будде».

Тюрки и монголы

Уже в IX в. тюркские воины сформировали основу армии Аббасидов в Ираке и часто занимали важные административные посты во всем мусульманском мире. Арабский литератор аль-Джахиз писал изящные эссе в честь тюрков. Век спустя тюркские династии в Центральной Азии возглавили первые набеги мусульман на равнины Северной

Индии. Так началась экспансия, которая в конце концов привела османские войска в Вену, тюркских правителей – в большую часть Южной России и на равнины Украины и тюркских или монгольских военачальников – в Южную и Юго-Восточную Азию. Эти этнические и военные перемещения изменили лингвистическую карту Восточной Европы, равно как и карту Западной и Центральной Азии, и ввели во многие земли с древними культурами новый «набор» обычаев и воспоминаний о далеких землях и далеком прошлом. Тюркская экспансия получила дополнительный импульс в связи с монгольскими нашествиями в XIII–XIV вв., так что появления последователей Чингисхана или Тимура (Тамерлана) избежала только Япония, а в Евразии – лишь Средиземноморье и Западная Европа.

Эти грандиозные события и изменения в населении и этническом составе различных земель оставили множество следов в искусстве, которые, однако, различались по своей важности и эффективности. На самом практическом и непосредственном уровне монгольские государства сделали возможными художественные обмены. Тимур и его последователи в Иране и Центральной Азии отправляли ремесленников и архитекторов из Шираза на юго-запад Ирана, чтобы строить, планировать и украшать города, особенно Самарканд и его окрестности, которые в Хорасане и на землях за Амударьей создавали и украшали они сами и их военная аристократия. «Возрождение» в период правления династии Тимуридов во всех искусствах, в живописи и архитектуре можно, по меньшей мере частично, объяснить этим более или менее вынужденным переселением художников и ремесленников. Раньше, в XIV в., персидских художников посылали в Китай, а в академии, созданной в Тебризе (на северо-западе Ирана) визирем Рашидом ад-Дином, китайские живописцы помогали персидским художникам осваивать новые направления, вводя основы композиции (используя объединения персонажей в группы по два-три человека; применяя в изображении ландшафтов сходящиеся или расходящиеся линии вместо параллельных; изображая стволы деревьев неровными и т.д.) и приемы рисования (использование краски как чернил, экономия цветов), которые, как говорится в более поздних текстах, «открыли лицо живописи» в Иране. Подобным же образом, даже несмотря на то, что точная история нам все еще не известна из-за отсутствия четких археологических данных, возникновение и распространение в Китае и Иране «бело-голубой» керамики и ее превращение в наиболее распространенную раскрашенную керамику, которую можно было встретить как в торговых портах Западной Африки, так и на большей части Европы, являются результатом сочетания технических умений и художественных вкусов, которые стали возможны при монгольском нашествии.

Среди самых неожиданных следствий этих нашествий стало появление в Каракоруме, столице монгольского государства (в верхнем течении р. Ор) французского ювелира Гильома Буше. Он был взят в плен в Венгрии и привезен в Монголию как редкий специалист по металлообработке. В монгольской столице он создал чудесные изделия из золота и серебра, включая дерево со змеями, обвившими его ветви, которое служило трубопроводом для алкогольных напитков. На вершине дерева находился ангел с трубой, посылавший звуки своего инструмента на кухню всякий раз, когда требовалось вновь наполнить сосуды. Предполагалось также, хотя и не все это приняли, что итальянские архитекторы привлекались к строительству величественного купола над мавзолеем Ольджейту-Ходабенде в Сольтание на севере Ирана, так как его конструкция в техническом плане напоминает в равной степени инновационную конструкцию купола собора Санга-Мария дель Фьоре во Флоренции.

Второй по важности уровень тюрко-монгольских переселений народов заключается в контакте со старыми культурами, основанными на письменных традициях, что

привело к записыванию сведений, до тех пор передаваемых устным путем. На свет появилась новая монгольская литература, которая лучше всего известна своими историческими и религиозными книгами, но включает также эпическую поэзию, тексты которой сохранились в летописях XVII в. Для записи произведений уйгурской литературы использовался старый согдианский алфавит, а исламские религиозные тексты появляются на чагатайском языке (средневековый среднеазиатско-тюркский письменно-литературный язык. – *Прим. ред.*), и что наиболее интересно, это мистические рассказы о ночных странствованиях Пророка. Татарские стихи записаны арабским шрифтом, однако самые важные перемены произошли в Анатолии и Фракии, где из-за приезда множества тюрок и туркменов развилась сначала тюркская популярная литература, затем исламская религиозная литература и, наконец, изысканная литература, сосредоточенная вокруг правителей.

В результате этих переселений и завоеваний процветали не только тюркские языки. Культура тюркской и монгольской элит в основном представляла собой персидскую культуру, так как исламизация тюрок и монголов чаще всего происходила в регионах, где преобладала иранская культура. Именно она передавалась в тюркские дворы в Анатолии и Индии, и в результате литература на персидском языке и изобразительное искусство, особенно рисование миниатюр с персидскими условностями, стали нормой как в османском мире, так и на индийском субконтиненте, а также в некоторых, хотя и не во всех, его продолжениях в Юго-Восточную Азию (илл. 113, 219).

Наконец, существует еще и третий уровень важности тюркских и монгольских переселений и вторжений – уровень мифов. В Европе эти вторжения отрезали христианский мир Востока от христианского мира Запада, тем самым способствовали оригинальности более поздних, в основном религиозных традиций в Литве, на Украине, в России, Румынии, Болгарии, Сербии и Греции. Они также отсрочили непосредственное подключение Восточной Европы в имевшие важное значение перемены в интеллектуальной и художественной жизни, которые произошли в XIV и особенно в XV в. в Италии и которые вели к коренному перелому в искусстве и мышлении. Повсюду монгольский мир стал мифом, и рассказы путешественников, в частности Марко Поло, расширялись до фантастических легенд. В Китае трагические рассказы госпожи Венджи (*Wenji*) и госпожи Ван Чжаоцзун (*Wang Zhaojun*) включали описания их путешествий в земли уйгуров или монголов, и эти путешествия описывались в литературе как своего рода изгнания в лишенные культуры земли, тогда как художники использовали эти повествования для представления, с одной стороны, изощренного вкуса китайцев, а с другой – «иных» центральноазиатских правителей (илл. 13). Более непосредственным образом японские манускрипты описывали божества морей и ветров, защищающие Японию, нанося поражения монгольским захватчикам. А тюрко-монгольский мир вообще представлял себя мифом в серии потрясающих изображений, которые сейчас хранятся в Стамбуле, а выполнены, судя по всему, были в Центральной Азии. Гораздо позднее приписанные таинственному «Черному Перу» (*Şiyah Qalam*), они изображают мужчин, женщин, детей и животных в измученном и нередко уродливом сатирическом виде, наводя на мысль о некоей нереальности изображаемого, а не о точных конкретных воспоминаниях. Исходный художественный язык этих произведений в большей степени заимствован из изобразительного искусства Китая и в меньшей – из искусства Ирана. Из Китая эти изображения, где бы они ни были созданы, позаимствовали не изощренные, почти современные стили живописи периода династии Сун, а стили более старых и несколько более грубых буддийских росписей из святилищ и мемориальных памятников древнего Шелкового пути.

Тремя темами, намеченными для рассмотрения в этом разделе, – торговые начинания, миссионерские вероисповедания и переселение завоевателей не ограничиваются причины проявления миграции или переселений народов, которые воздействовали на художественное выражение в рассматриваемые века. Были и другие повторяющиеся или единичные события, которые приводили к значительным переселениям народов. Это крестовые походы XII–XIII вв.; распространение манихейства в Иране и Центральной Азии, а также на Балканах и в Альпах; папничество многих верующих, и особенно одна из основных обязанностей мусульман хотя бы один раз в жизни побывать в Мекке; распространение брахманизма и буддизма в Юго-Восточной Азии и множество других. Следствием всех этих перемещений является любопытный парадокс. С одной стороны, значительно расширились возможности знакомиться с различными убеждениями и стилями жизни, так что можно указать на десятки способов художественного и лингвистического выражения или образа жизни (на столь разные вещи, как бело-голубая керамика, литература о путешествиях, одежда и мебель), свидетельствующих об осведомленности о других людях и других культурах и высокой оценке качеств этих «других». В то же время эти контакты, переселения и перемены нередко способствовали развитию местных языков, расширению разнообразия искусств, индивидуальных вкусов и культур. Они подпитывали чувства индивидуальности и уникальности. Именно в эти века возникла национальная или, по меньшей мере, этническая литература, а традиционный эпос часто рассматривал чужеземцев как врагов; это произошло, например, в виде вечно опасного «Турана», обращенного к «Ирану» в персидской «Книге о царях» («Шахнаме»), сочиненной при дворе тюркского правителя примерно в 1000 г. Указанный выше парадокс хорошо выявляет выдающийся арабский путешественник XIV в. из Марокко, Ибн Баттута, который посетил большую часть известных тогда территорий Африки и Азии. Будучи мусульманином, он мог найти себе подобных почти повсеместно, но, помимо этого, он также очень хорошо понимал, что многие мусульмане, не говоря уже о немусульманах, очень сильно отличаются от него.

ВЫРАЖЕНИЕ ВЕРОВАНИЙ

Рассматриваемые века нередко называют Эпохой Веры. Это традиционное определение обосновано во многих отношениях. Религия господствовала во всех определениях, которые люди давали как себе, так и другим, а большая часть созидательной энергии того времени была направлена на строительство зданий, украшения и любое другое представление священного. Однако это определение в то же время обманчиво, так как может привести к мысли о том, что в последующие века альтернативные направления возникли за счет религиозных, а в искусстве 600–1500 гг. нерелигиозные мотивы отсутствовали вообще. На самом же деле только в Западной Европе XVI в., а в остальных регионах в XIX и XX вв. альтернативные ценности, носящие явно мирской или национальный характер, по-настоящему начали соперничать с религиозными, хотя в то же время намерения, далекие от священных, оказывали свое влияние на искусство до 1500 г. Поэтому можно просто считать, что религиозные ценности и условия были наиболее распространенными способами самоопределения и идентификации групп, с которыми человек отождествлял себя или которые он отвергал. Ближе к концу рассматриваемого периода лингвистическая идентификация начала преобладать над исходным способом определения себя и других.

Эта глава сосредоточена на трех аспектах религии в их влиянии на искусство: на строительстве запретных или святых мест, способах изображения священного или

божественного и на процессах символизации веры. В каждом случае примеры отобраны без каких бы то ни было попыток добиться полноты представления и особенно без сколько-нибудь важного стремления к соблюдению хронологии и описанию развития.

Священные и запретные места

У любых религий есть такие места, которые по своему смыслу или назначению являются запретными и предназначаются для тех, кто принадлежит к общине верующих. Принадлежность к общине обычно была автоматической; человек становился ее членом, когда рождался или вступал в брак, хотя в то же время происходили и переходы в иную веру, как добровольные, так и принудительные. Признание человека членом общины, как правило, происходило в виде церемонии, совершавшейся дома или в специальных местах, посвященных выражению верности вновь присягнувшего. Именно таким является обряд христианского крещения, который изначально проводился в отдельных зданиях, называемых баптистериями, но в конечном итоге стал проводиться в самих церквах. Общественные места в африканских деревнях превращались в запретные посредством их украшения или особого расположения участников церемонии, когда молодых мужчин или женщин принимали в общину как взрослых.

Священные места часто представляли собой постройки, однако могли и не быть таковыми, так как одна из самых поразительных особенностей священного пространства состоит в том, что почти во всех культурах определенные типы ритуального поведения, например процессии или образование круга, превращают любое пространство в священное, по крайней мере на время церемонии. Временами горы и долины Индии, Африки или Центральной Азии становятся священными, когда их созерцают или посещают те, кто верит в их святость, и остаются запретным или обособленным местом для всех остальных людей. Эти места, невидимые для тех, кто не принадлежит к общине, нередко бывают связаны с воспоминаниями о далеком прошлом или с умершими предками, которые захоронены там и чьи могилы потеряны, как это было у монгольских и тюркских правителей внутренних территорий Азии. На некоторое время монголам удалось распространить этот обычай до Ирана и до Центральной России. Иногда, как в Китае, предков хоронили в их доме, так что они навеки становились ангелами-хранителями живых.

Короче говоря, религиозные места – это нечто гораздо большее, чем здания разных видов. Ими могут быть природные или жилые зоны, но именно акт строительства иногда превращал эти территории в места проведения мероприятий, связанных с отдельными религиями, и даже в произведения искусства. Три следующие категории мемориальных, приходских и социальных мест, предназначенных для религиозных целей, являются примерами богатой и сложной типологии религиозной архитектуры.

Мемориальные места

Под этим термином прежде всего подразумеваются отдельные памятники или комплексы типа Гроба Господня в Иерусалиме (созданного в память о смерти и захоронении Христа; он был построен в начале IV в. и на протяжении веков много раз реставрировался), могилы аш-Шафии в Каире (мавзолея основателя одной из четырех главных школ мусульманского права в суннитском исламе; был возведен в XII в. и часто перестраивался) или комплекса усыпальницы имама Резы в Мешхеде (крупномасштабное строительство началось в XIV в. на месте захоронения прямого потомка Али, священном для шиитов, но комплекс постоянно

переделывался). В этих и тысячах других типологически подобных построек само их существование воскрешает у людей память о каком-то человеке (или событии), который имеет признанное отношение к вере через свой род, из-за своего мученичества, пророчества или свидетельства божественных явлений. Вместе с тем памятники, выражающие поведение людей, например смерть за веру или прославление праведной жизни, часто похожи между собой и следуют формальным образцам, свойственным всем культурам и религиям (например, часто в них присутствуют разноцветные купола); памятники, увековечивающие явления Бога человеку, как правило, уникальны.

Самым замечательным из этих памятников является Кааба в Мекке – доисламское святилище арабского язычества, понимаемое через деяния и откровения Пророка Мухаммеда как «Дом Бога», возведенный, как полагали арабы, самим Авраамом – первым распространителем божественного откровения, которое завершилось с Пророком Мухаммедом. Этот памятник стал *киблой*, или направлением молитвы для всех мусульман, целью ежегодного паломничества и центром притяжения для мистиков. В связи с проблемами, рассматриваемыми в этой главе, Кааба имеет две замечательные особенности. Одна из них заключается в том, что, несмотря на ее конструктивную простоту (это почти куб относительно небольших размеров: примерно 15 x 12 x 10,5 м), ее никогда не копировали до ряда аномалий XX в. Другой особенностью является то, что ее святость вышла далеко за ее пределы, распространившись на сам город Мекку и территорию вокруг него. На протяжении двух первых веков существования ислама видимое выражение этой святости создавалось через разрушение домов, окружавших святилище, и возведение на их месте того, что после многочисленных расширений и перестроек можно увидеть сегодня: огромное открытое пространство, окруженное портиками и небольшим количеством дополнительных участков, освященных святыми событиями, например священный колодец Земзем, на который Бог указал Агари, чтобы она смогла напоить своего сына Измаила (илл. 181), когда им угрожала смерть от жажды.

В равной степени необычным и уникальным является великолепная мечеть Куббат ас-Сахра (Купол скалы) в Иерусалиме, завершенная в 691–692 гг. по приказу омейядского халифа Абд ал-Малика. Она расположена на священном месте древнееврейского храма Соломона, который римская армия сравняла с землей во II в. н.э. Вероятно, его первой задачей было обнаружение исламского откровения в городе Христа, но достаточно быстро он и большая территория вокруг него (которая теперь называется Харам ал-Шариф – Благородное святилище) стали местом, посвященным памяти Ночного путешествия Пророка в Иерусалим (*Исра*) – события, которое с течением времени приобрело глубокое мистическое значение, и ожиданию будущей жизни, так как Иерусалиму суждено было стать местом восхождения. Архитектурные формы «Купола скалы» (купол на высоком барабане, окруженном восьмиугольником с двумя концентрическими галереями) и его великолепная облицовка изразцами выполнены в стиле современного средиземноморского искусства, но сочетание художественных особенностей, обнаруженных в этом здании, было уникальным тогда и осталось таковым сейчас (илл. 45, 46).

Такие в высшей степени уникальные мемориальные здания встречаются достаточно редко. Во всех остальных странах мусульманского мира могилы святых мужчин и женщин изобилуют множеством форм и размеров, но почти всегда увенчиваются высокими заметными куполами. У христианской религии был один памятник, уникальный в своей святости, – рогонда вокруг Гроба Господня в Иерусалиме, но даже он стал моделью, округлые формы которой нередко стремились копировать в сложных средневековых сооружениях (илл. 46). Кресты и трансепты многих западных церквей и полные купола церквей Востока имеют мемо-

риальный смысл. Идея мартирного (*martyrium*) типа здания, посвященного памяти людей и событий, свидетельствующих о существовании Бога, пронизывает большинство форм христианской церковной архитектуры. Аналогичным образом мусульмане развили идею машхада (*masbhad*); это арабское слово имеет такое же значение, что и *martyrium* – «место свидетельства».

Буддизм и индуизм не подчеркивали в той же степени индивидуальную особенность священного места и не увековечивали личности или священные события так, как ислам и христианство. И все же ступы, нередко огромные курганы, покрытые изображениями и окруженные оградой и воротами, увековечивали присутствие Будды, как, например, в построенном в XII в. комплексе в г. Полоннар, Шри-Ланка. В местах, подобных г. Варанаси (Бенарес – культурный исторический центр и место религиозного паломничества индуистов и буддистов – до 1 млн. чел. ежегодно. – *Прим. ред.*), мемориальные святилища строились в наизидание паломникам. А в совершенно ином мире тольтекской и ацтекской Мексики для поминовения и литургии требовались огромные храмы.

Поминовение, кроме того, было важным фактором в изготовлении различных предметов, которые часто представляли собой священные сувениры из святых мест, и в изображении священности (см. ниже). В более глубоком смысле истинное выражение поминовения имело место в практиках верующих, в формальных литургиях в индуизме и христианстве или в виде особых событий типа мусульманского хаджа, а также личных религиозных обрядов во всех вероисповеданиях с намерениями и выражениями, столь же обширными, сколь и сама человеческая природа.

Приходские места

Проведение общих собраний для совместной или личной молитвы, литургии, принесения жертв или любого сочетания этих благочестивых дел было главной задачей при строительстве так называемых приходских зданий.

Самым простым из них, по крайней мере в своей изначальной форме, была мусульманская мечеть – от арабского слова *масджид* (*masjid*), или *джами* (*jāmi*) (на современном турецком языке *cami*) – мусульманское культовое сооружение. Корни, от которых происходят эти слова, имеют совершенно ясный смысл: «собираться» (*jama'a*) и «падать ниц [перед Богом]» (*sajada*). Сначала верующие собирались в доме Пророка в Медине, двор которого в северной части был заполнен тенистыми участками, а южная часть стала местом, отождествляемым с присутствием только что возникшей общины. Расположенная в глубине колоннада выделяла *киблу*, или направление молящихся лицом к Мекке; небольшая кафедра с тремя ступенями служила местом, с которого вещал Пророк и где он принимал уверения в преданности от своих последователей; призыв к молитве провозглашался с крыши. Именно из этой простоты выросла классическая гипостильная мечеть с ее огромным крытым пространством, с многочисленными колоннами или столбами, со двором, в котором фасад осевого нефа нередко был выше всех остальных, с ярко украшенной орнаментальной резьбой, инкрустацией, росписью молитвенной ниши в задней стене (*михрабом*), указывающей на присутствие Пророка и, косвенно, на направление молитвы, с искусно сделанной кафедрой (*минбаром*) и, гораздо позднее, с одним или несколькими высокими минаретами, выполнявшими многочисленные функции, а не только как места, с которого звучат призывы к молитве.

Во многих городах от испанской Кордовы (примеры из IX и X вв.) до турецкой Коньи (XIII в.) и, с некоторыми изменениями, до Самарканда в Узбекистане (начало XV в.), где до настоящего времени сохранились достаточно ранние гипостильные здания (или их можно реконструировать

Рис. 19. Реконструкция первоначального Софийского собора в Киеве (Украина), заложенного в 1037 г. (рис. по *Brimou*, в *Schung-Ville*, C.; *du Ry*, C.J., *L'art de Byzance et de l'Islam*, Brussels, 1979, p. 11)

с высокой степенью достоверности), простые требования веры превращались в важные произведения искусства благодаря пышным орнаментам (особенно вокруг *михраба*), искусно сделанным воротам, качеству строительных методов и художественным модульным композициям, основанным на геометрии (илл. 199–209). Вероятно, эти преобразования являлись результатом двух факторов, отличающихся от функций мечети – литургической (необходимость коллективной молитвы) и социальной (на протяжении многих веков мечети служили для общин школами и гостиницами, а некоторые из этих функций по-прежнему присутствуют в современной практике): стремление показать присутствие ислама в немусульманских землях или немусульманам и покровительство халифа или другого правителя (илл. 65, 66). Эстетическое выражение мечети нередко было проявлением могущества ислама.

Подобные доводы и заключения можно привести и в отношении христианства и средневековой европейской Церкви. Она тоже находилась под влиянием правителей: королей и императоров династии Каролингов в Ахене; русских великих князей в Киеве, Москве или Владимире; сербских и болгарских царей в Сопокани и Бояне, соответственно; французских королей в Сен-Дени или Сент-Шапель в Париже; все они оказывали церквям финансовую поддержку для проведения литургий, но иногда объединяли эту приходскую цель с поминовением и прославлением отдельных правителей и династий. Однако самым могущественным покровителем церквей была сама Церковь – сложная организация со своей собственной иерархией священников и монахов и с очень разным отношением к верующим.

Основные планы церквей – продольный базиликальный зал с несколькими нефами в Западной Европе, центрально-купольный или квадратнокупольный в Восточной Европе – установились к VI в., так что помимо формирования и

развития местных стилей, которые описываются в этом томе, история средневековой христианской архитектуры заключалась в структурных преобразованиях, воздействующих на два эти типа зданий и отделку, использованную в них. Особое внимание следует обратить на два аспекта этих преобразований.

Первым является размер, так как с течением времени средневековые церкви очень сильно изменились и в ширину, и в высоту, даже несмотря на то, что литургические потребности центрального алтаря, который должен был быть виден отовсюду, и масс народа, которые нужно было слышать, ограничивали приходское пространство церквей, особенно по сравнению с мечетями. В IX и X вв. на севере Центральной Испании в деревнях существовали небольшие мосарабские церкви, а некоторые средневековые церкви на Балканах или в Скандинавии были очень большими. Но уже в XI в. романская церковь Сен-Сернен в Тулузе должна была вмещать тысячи паломников, а Софийский собор в Киеве (рис. 19), построенный под впечатлением от величественного шедевра VI в. в Константинополе, не только возвышался над всем, что его окружало, но и мог вместить тысячи верующих. В этих примерах пространство ограничивалось технологией строительства, развившейся в поздней Римской империи и на некоторых отдаленных от нее территориях, например в Армении. На протяжении веков изменялись лишь детали, а базовые структуры оставались неизменными. С наступлением технической революции готической эпохи – появлением стрельчатых арок, боковых распоров крестовых сводов, контрфорсов – появилась возможность создавать небывалые по высоте и обширности интерьеры соборов, что привело к появлению высоченных огромных церковных зданий Северной Европы, нефы и шпили которых высились над возникавшими в XIII в. городами (илл. 28, 29, 75). Десятки соборов

(в Амьене (самый большой во Франции собор Нотр-Дам), Бове (собор св. Петра), Лане (см. рис. 19), Кёльне (крупнейший из готических соборов) имеют высоту более 100 м – размер, не имеющий никакого отношения к практическим потребностям литургии и служащий своего рода космическим покровом и световым фильтром (рис. 20). Техническая перемена, произошедшая в какой-то момент XII в., не имеет единственного объяснения, но ее распространение, если не само появление, безусловно, связано с ростом городов и новым типом городского достоинства и благополучия. Практически в то же время из того же типа городского окружения начало возникать увлечение мусульман высотой и украшением минаретов (многочисленные примеры которых можно видеть в Иране и Каире) (илл. 202–209).

Второй характеристикой христианского приходского здания является его украшение. Роспись и мозаика продолжали преобладать на Востоке, тогда как на Западе начиная с XI в. произошло обновление в искусстве скульптуры, по мере того как порталы, а затем и многие другие части церквей приобретали сложную религиозную образность. Несколько позднее в окнах церквей стало использоваться

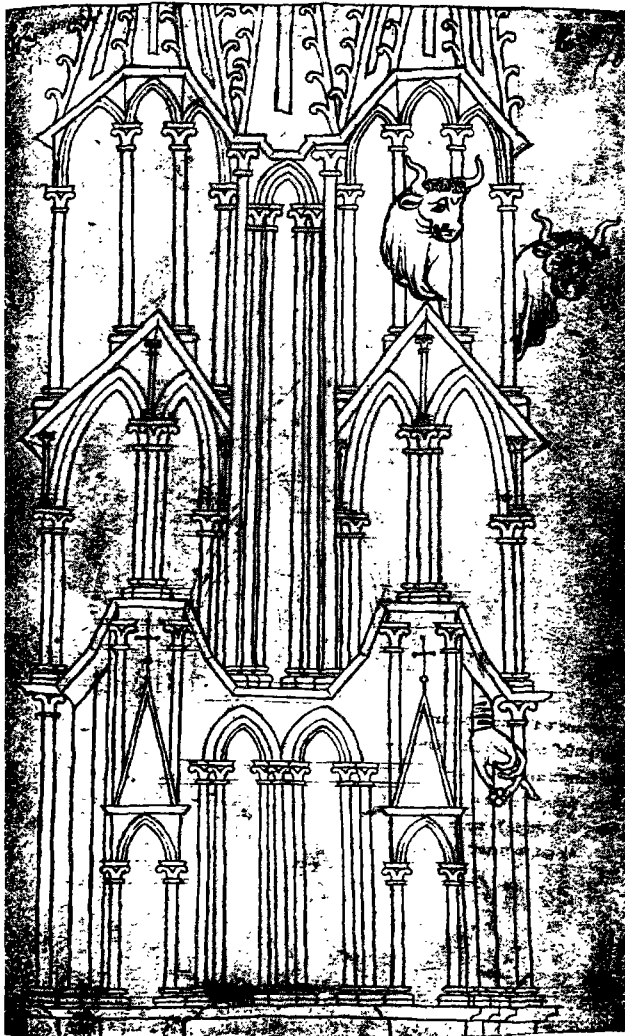

Рис. 20. Готическая башня и скульптуры собора в Лане (Франция), XIII в. по рисунку Вийяра де Оннекура (Villard de Honnecourt), взятому из единственного сохранившегося до наших дней альбома этого западноевропейского архитектора, жившего в средние века (по Brandenburg, et al., Le Carnet de Villard de Honnecourt, Paris, 1986, pl. 19; Bibliothèque Nationale, Paris, MS n° 19093, f° 10 r°)

цветное оконное стекло, фильтровавшее попадающий в церковь свет и рассеивающее по природным камням строения свет божественного откровения. В гораздо большей степени, чем мечети с их приглушенным украшением, в основном ограниченном письменами и цветочным или геометрическим орнаментом, христианские церкви имеют поверхность, «кожу», передающую послания не только технически виртуозной архитектуры и пространственной изобретательности, она погружает верующих в праздник их веры и провозглашает для внешнего мира присутствие веры и богатства или могущества ее покровителей (илл. 48, 145, 146, 148, 152).

Величественные индуистские и джайнистские храмы Индии, Камбоджи и Индонезии имеют много общего с мусульманскими и христианскими приходскими строениями (рис. 21). Они занимают большие пространства для размещения огромных толп верующих; они крайне тщательно ориентированы и спланированы согласно очень древним принципам священной геометрии, чтобы гармонизировать с постоянно действующими силами природы. Кроме того, они обычно содержат центральный объект в форме тщательно построенной пирамидальной структуры, которая одновременно является домом святого и демонстрацией этой святости окружающему миру. Некоторые из этих храмов, например знаменитые камбоджийские храмы в Ангоре (VIII–XIII вв.), были основаны правителями и отражают могущество и идеологические устремления монархий. Большая часть поверхностей этих храмов была покрыта скульптурами и барельефами, как и в более ранних буддийских храмах Индии и Афганистана (илл. 221, 225–229). Однако в ранних пещерах Аджанты и в буддийских святилищах внутренних территорий Азии скульптуры и барельефы нередко заменялись росписями (илл. 80).

Приходские пространства не всегда представляли собой высоко структурированные, по-особому построенные архитектурные композиции. На территориях современной Монголии, Синьцзяна и Казахстана, а также в Центральной и Западной Африке, в оазисах и пустынях семитской Аравии до появления ислама, в высокогорных долинах и на плато Атласа природные пространства, подобные укромной долине или открытым пространствам, окруженным искусственной средой в виде деревьев и других поселений, иногда превращались в коллективные приходские места. Здесь, в таком случае, могли устанавливаться временные опоры, подставки, палатки, помосты, флаги и другие принадлежности и символы, которые не слишком долговечны, но все же способны стать альтернативой постоянным постройкам из кирпича, дерева или камня. Вполне возможно, что в прошлом, как и сегодня, эта альтернативная архитектура нередко сосуществовала с официально построенными мечетями, храмами и церквями. Примером этого является *мусалла* – четко определенное, но почти незастроенное пространство за пределами мусульманских городов, используемое только для важных торжеств. Другим примером является преобразование городских пространств в Иране и на севере Индии во время представления так называемых «страстных пьес» шиитов, в которых изображалось мученичество Хусейна. Такие представления, связанные с постройкой моделей архитектуры, переносимыми сценами и процессиями, тянувшимися по улицам, украшенным разными тканями, были наиболее распространены после 1500 г., но некоторые их прототипы существовали, должно быть, и в рассматриваемый период. На христианском Западе литургические представления и процессии порой тоже преобразовывали улицы и площади городов. Эти временные видоизменения пространства, естественно, не могли оставить после себя архитектурных следов, но они часто формировали вкус ремесленников и публики.

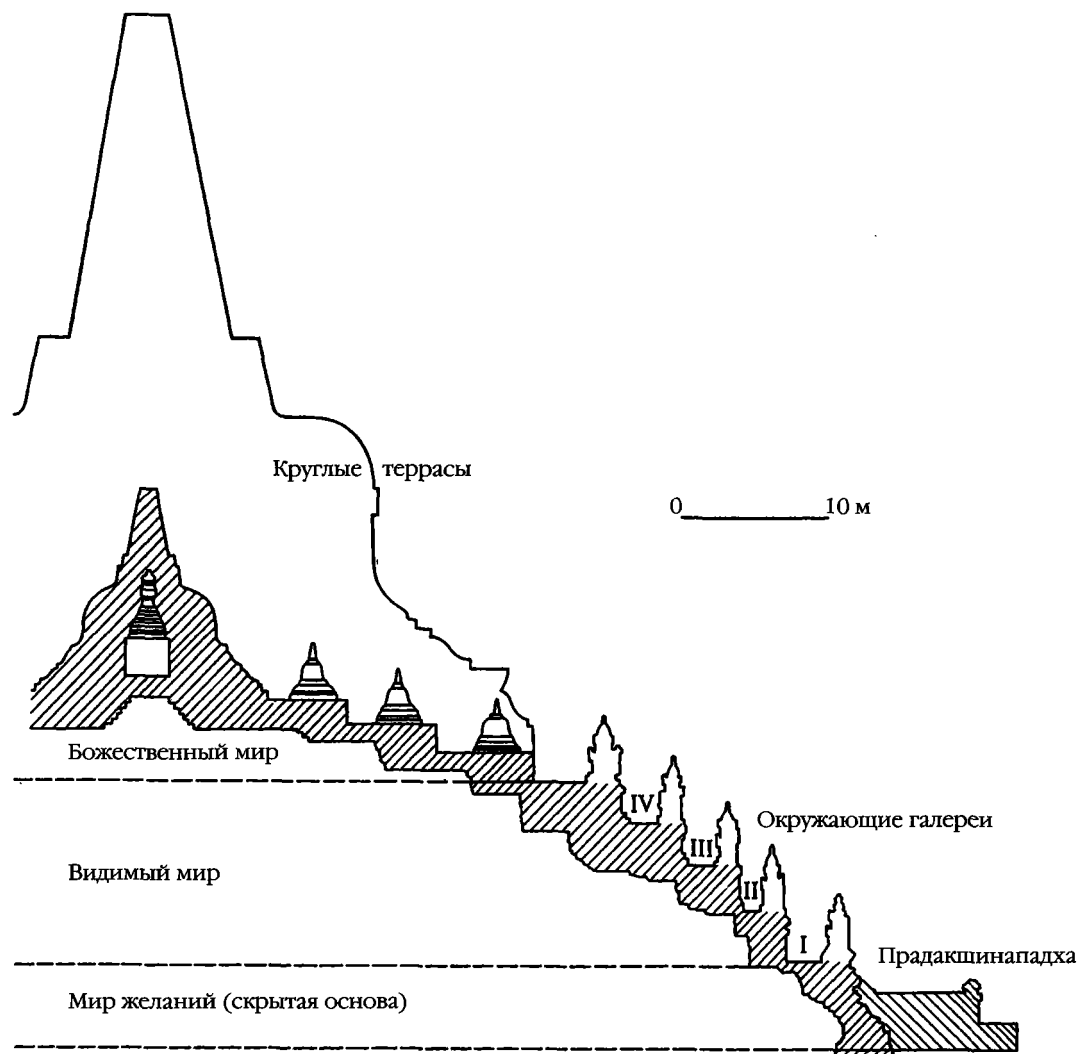

Рис. 21. Исходная идеализированная проекция VIII–IX вв., современные очертания и космический символизм буддийского святилища Боробудур на о. Ява (Индонезия) (по Nou, Frédéric, Borobudur, Paris 1994, p. 25)

Места для службы

Оригинальным явлением средневековой исламской культуры было придание монументального характера обслуживающим институтам, занимающимся исцелением больных, формированием религиозной и правовой элиты, объединяющим мужчин (и в редких случаях женщин), принадлежащих к одним и тем же сектам или выражающим одинаковую религиозную преданность, и предоставлением жилья ветеранам священных войн. Самым знаменитым из этих заведений было *медресе* (школа правовой и религиозной мысли), которое начиная с XII в. существовало в каждом городе от Марокко до Северной Индии, а в больших городах типа Каира их сохранились десятки. *Ханаки* (*ханеги*) (странноприимные дома типа монастырей с мечетью и кельями), *рибаты* (*рабаты*) (сначала укрепленные военные лагеря, а впоследствии места проживания членов религиозных групп) и больницы тоже существовали в большом количестве, причем их часто бывает сложно отличить от вездесущих *медресе*. Почти все эти обслуживающие заведения представляют собой совокупность вариаций на одну тему: разукрашенный портал, служащий своего рода демонстрацией или рекламой для внешнего мира; увенчанная куполом гробница основателя и покровителя; открытый двор, окруженный комнатами для коллективных занятий, например вознесения

молитвы, ухода за больными или проведения занятий, и иногда жилые помещения. Многие из этих зданий, особенно ранние сирийские, имели относительно скромный размер и внешний вид, даже несмотря на то, что финансировались правителями и посвящались глубоким идеологическим целям возрождения ортодоксального ислама и защиты его от сектантских распрей. Однако в примерах, подобных мечети-медресе султана Хасана в Каире (1356–1363 гг.), мечети Гаухаршад в Мешхеде (первая половина XV в.) или мечети Харгирд (середина XV в.) в Восточном Иране, мы встречаемся с огромными и монументальными многоэтажными зданиями с изысканными декоративными оформлениями и эстетическими устремлениями и ожиданиями, превосходящими их религиозные цели. На другом краю шкалы архитектурно-строительных устремлений находится место типа Бистама в Северном Иране, где на протяжении нескольких столетий совокупность практических функций, варьирующихся от коллективных мечетей до комнат для уединенных медитаций и ворот, построенных правителями, в конечном итоге привела к созданию небольшого «города Бога». Мусульманский феномен архитектуры высокого качества для различных служб, которыми распоряжалась и которые поддерживала вера, уникален по разнообразию функций, которые архитектура выполняла. Однако похожие строительные устремления проявлялись и в других местах. Есть и буддийские,

и христианские монастыри. На Западе самыми красивыми монашескими заведениями являются монастыри, оставшиеся от романских времен в испанском Силоесе, французском Муассаке и, в несколько ином контексте, в сицилийском Монреале. Гармонично скомпонованные пространства с блестящими рядами резных каменных капителей и других форм лепной отделки служили целями практической жизни и медитации монахов и монахинь, а также их гостей. Больницы, часовни, дома и школы появляются в городах после XIII в. В Восточной Европе монашеские заведения часто обносились стенами с бойницами, маленькие или большие «Божьи города» с церквями, часовнями, гостиницами, библиотеками, жилыми или гостевыми кварталами и даже тюрьмами помещались на открытом пространстве или вокруг него.

Культурная важность этих служебных памятников религиозного вдохновения распространяется намного дальше их архитектурного значения. Они были центрами копирования книг и других средств передачи религиозного и светского знания. Монастыри и медресе формировали сети, связывавшие город с городом и территорию с территорией; посредством этих сетей можно было исследовать и преобразовать всё: от новых идей до вкусов в стилях письма. В христианстве и буддизме они также были важными центрами сочинительства, исполнения и развития музыки, а также сохранения музыкальной информации, главным образом в виде рукописей. Ислам испытывал более противоречивые чувства в отношении благочестивых ценностей музыки, но, например, религиозный мыслитель Мухаммед аль-Газали писал о психологической законности музыки из-за ее смягчающего влияния на душу как исполнителей, так и слушателей.

Хотя можно обобщить функции архитектуры вероисповедания – множества мест, созданных для благочестия верующих в нескольких разных религиозных системах, оказывается почти невозможным предложить ее формальные обобщения. Архитектура такого великого множества разных регионов и четырех или пяти основных религиозных групп совершенно не свойствен единый стиль. Стили и техника строительства в большинстве своем не зависят от конкретных религий. И все же, когда смотришь на тысячи зданий, упоминающихся на предыдущих страницах, создается ощущение, будто во всей религиозной архитектуре на протяжении рассматриваемых и, вероятно, следующих веков преобладали две отчасти противоречивые проблемы. Одной из них было стремление к самопоказу, посредством которого религиозный памятник «навязывает» себя живому или природному ландшафту. Гигантские башни, купола, украшенные сложным орнаментом порталы, устремленные ввысь узкие пирамиды, контрфорсные арки и многие другие архитектурно-строительные элементы используются для провозглашения присутствия веры, и даже божественного, среди людей. Большей частью такое провозглашение направлено к верующим, поскольку памятник успокаивает и поддерживает их одним своим присутствием. Но при этом памятники являются провозглашением и для тех, кто не верит: они стремятся обратить этих людей в свою веру или подавить их, как мечеть Купол скалы в Иерусалиме, минарет Кутб-Минар (Башня победы, 1199 г.) в Дели или мечеть Фатиха в Константинополе, построенная вскоре после завоевания этого города в 1453 г. на месте византийской церкви Святых апостолов, где были похоронены все христианские императоры. На самом деле, в рассматриваемые века проповедь веры перестала ограничиваться одними верующими, так как разные сообщества жили бок о бок друг с другом и каждое хотело провозгласить свою истину.

Вторая проблема была связана с ограничением доступа: различные церемонии, молитвы, литургии, подношения и жертвоприношения должны были происходить в отсутствие

чужаков, даже несмотря на редкие исключения, которые делались, чтобы произвести впечатление на иноземцев или варваров. В большинстве своем религиозная архитектура должна была обеспечивать наличие границ, барьеров, дававших возможность ограничить функции, общие для всех людей и доступные всем мужчинам и женщинам, и те, что предназначались только для верующих. Стены и барьеры можно найти повсюду, но в воротах и порталах обе функции провозглашения и разделения сливаются воедино.

Изображения священного

Выражаясь во всей своей полноте через ученые дискуссии или проявляясь инстинктивно, без философских или богословских изысканий, вопрос законности изображения священного пронизывает все основные религии Европы, Азии и Африки. Это особенно справедливо в отношении религий откровения, подобных христианству и исламу, с их верой в трансцендентного и невидимого Бога, который сейчас действует в мире так же, как и в прошлом. Его реальность абсолютна и непостижима, а потому уникальна, и ее невозможно скопировать или подделать. Наиболее всестороннее обсуждение вопросов изображения божественного произошло в ходе так называемого кризиса иконоборчества, потрясшего восточно-христианский мир Византии между концом VII в. и 843 г., когда верховные церковные власти разработали и приняли официальную доктрину о характере изображений. Богословские, философские и исторические доводы, обосновавшиеся на протяжении этих полутора веков, в конечном итоге и почти случайно привели к возникновению вопросов о самой возможности представления того, что известно, но невидимо, и об истинной природе того, что можно видеть.

Византийский феномен называется «иконаборчеством», так как социальным и политическим последствиями этого движения нередко было массовое уничтожение икон. Такие разрушения были редкими при мусульманском правлении до гораздо более позднего времени, но почти с самого начала существования публичного искусства мусульман в нем отсутствуют изображения людей, животных и всего, что можно воспринять как живое. В противовес преобладающим художественным способам выражения всего божественного христианством, язычеством, индуизмом и буддизмом и в ответ на очень точные вопросы со стороны верующих ислам разработал свою собственную доктрину, которая очень верно называется «аниконизмом», поскольку ведет не столько к уничтожению изображений, сколько к полной их отмене. Западное христианство на самом деле никогда не отказывалось от изображений, но споры об их ценности (или отсутствии таковой) продолжались на протяжении всего средневековья и объясняют иконоборческое восстание протестантов в 1566 г., с которого началась Нидерландская революция XVI в. Буддизм, как правило, относился достаточно терпимо ко всем разновидностям поведения, но в Китае в IX в. был объявлен запрет на изображения, который, впрочем, просуществовал достаточно недолго, хотя в результате некоторые изображения все же были уничтожены.

Причины озабоченности законностью изображений живого мира носят как общий, так и частный характер. Частные причины применимы, главным образом, к христианству и к исламу. На обе религии сильное влияние оказал древний и очень действенный иудейский запрет на изображение всего живого. Однако повлиял на них и платонизм, и особенно неоплатонизм, подробно истолковавшие принципы отношений между субъектом, его изображением и его теоретической и идеальной моделями или даже его истинным (в противоположность видимому) существованием. В то же время эти религии находились под почти ежедневным воздействием приемов изображения,

доставшихся еще от классической античности, которые могли обеспечить иллюзию иного видения почти всего. И, наконец, все эти три религии были миссионерскими, и их приверженцы понимали, что в мирах, где преобладает безграмотность, изображения и другие визуально воспринимаемые знаки можно использовать для обучения и обращения в веру. Изображения могут служить предметами изучения для безграмотного человека, равно как и способом прославления божественного и священного через окружение этого человека красотой и различными видениями – от священной истории до загробного мира. Все религиозные системы, за исключением ислама, приняли понятие о том, что изображения можно использовать для просвещения верующих или новообращенных и для почитания Бога, Христа, Девы Марии, пророков, Будды и всех святых.

Однако всем религиям также приходилось сталкиваться с возможностью, почти с вероятностью идолопоклонства, т.е. превращения изображений в тот самый объект, который они должны были представлять. Именно поэтому в буддизме, как и в христианстве, любые оправдания изображений исходили из того, что само изображение – это не что иное, как материальный объект, который может получить определенную святость от персонажа или истории, которые оно представляет, но изображение является только посредником между людьми и этим персонажем или этой историей. На самом же деле не все верующие принимали этот последний аргумент, поэтому изображения нередко превращались в действующие факторы в жизни мужчин и женщин. Они исцеляли больных, спасали города от врагов, защищали добро от зла, а иногда им даже поклонялись. Чтобы предотвратить опасности, присущие поклонению неживым объектам, ислам или, точнее, арабские лидеры ранних мусульманских общин интуитивно и поначалу не деля из этого догмы (в Коране нет каких бы то ни было формальных возражений против изображений), просто научились избегать изображений из-за потенциальной возможности их превращения в идолы. И только гораздо позднее, вероятно не раньше середины VIII в., оправдание этих первых отказов от изображений получило более осмысленное объяснение.

Однако для изобразительных искусств в целом эти споры важны для нахождения ключевой цели всех искусств, вдохновленных верой, – определить, а затем воспроизвести понятную или эмоциональную реальность священного. Это можно было сделать путем повествования, чем пользовались церкви и индуистские храмы; во всех вероисповеданиях, кроме ислама (за важными исключениями после 1300 г.), просвещающие книги или переносимые предметы описывали священные истории: истории Ветхого и Нового Заветов, жизнь Будды, приключения Шивы, деяния тысяч святых и божеств. Повествования могли иметь вид письменных документов, в которых брались какие-то события и истории и затем упрощались до кратких изложений, которые диктуются литургическими обязанностями или обычаями (книга молитв и служебники в христианстве, мантры в индуизме); события могли трансформироваться в иконах, на которых святым считался один человек или группа людей (самым известным примером являются русские или греческие иконы, но существуют также их индийские эквиваленты); были также функциональные предметы, например принадлежности для совершения литургии или сувениры из святых мест (фиалы из Иерусалима, потиры и диски для проведения служб, раки для мощей, предметы, которые покупали и носили в качестве сувениров из храмов и священных городов, четки). Хотя по своему существу эти вещи повествованиями не являются, они могут быть наглядными, изобразительными, как и изображение священных событий или персонажей на стенах храмов и церквей. Эти изображения могут создавать в памяти человека образ Бога-Отца (в византийской мозаике), Пантократора (властителя) – Христа в окружении

ангелов и архангелов или, как на порталах церквей Западной Европы, Христа в виде попечителя или судьи (илл. 59). Подобным образом высокие улыбающиеся и неподвижные Будды приглашают каждого достигнуть совершенства (илл. 82, 83).

Через эти изображения божественного и событий, его касающихся, все основные религиозные системы, кроме ислама, поднимали фундаментальный вопрос: можно ли выразить то, что реально и понятно, но не видимо, так, чтобы это можно было увидеть воочию. На этот вопрос удовлетворительный ответ не будет дан никогда, и некоторые византийские теологи понимали, что техническая конкретность произведения искусства почти по определению ограничивает его способность «изображать» понятное так, как можно изобразить природу или человека. Христианская доктрина инкарнации, провозглашавшая, что божественное становится плотью, помогала сделать его изображение возможным, если не необходимым. Однако некоторые теологи и, конечно, верующие и практикующие художники развили два отношения к искусствам изображения. Одно из них заключалось в том, что стиль изображения можно выбрать так, чтобы он скорее вызывал восхищение, воспоминание, нежели описывал физическую реальность. Нечто священное можно показать без технического представления, так как для его изображения используется другой уровень, отличающийся от того, который получается при визуальном наблюдении. Стилистические условия и каноны в той же степени, что и основная тема, становились средствами выражения священного. Так, двумерные тела, повторяющиеся типы лиц, упрощенные жесты и произвольное отношение к окружающему пейзажу становились в христианском или буддийском искусстве способами изображения божественного. В индуизме, напротив, использовалось преувеличение естественных черт при изображении священного, создававшее впечатление невероятной благодати.

В искусстве Западной Европы начиная с XIII в. эти каноны соперничали с другим видением божественного – таким, которое рассматривает реальную природу и физическую красоту живым доказательством величия Бога. В рамках совершенно иного набора условностей и при совершенно ином типе верования похожее вдохновение от прекрасной природы проявляется в китайских и японских картинах, созданных под влиянием даосизма. Наконец, можно доказать, что в персидских миниатюрах с начала XV в. и далее или во многих классических китайских и японских картинах правил религиозный пантеизм, который увеличивал все созданное как проявление божественного, или хотя бы простой всеобъемлющий гуманизм (илл. 211, 212, 251–255).

Другой стороной стремления сделать священное видимым стало распространение того, что противники и критики этого явления называли идолопоклонством. За очень немногими исключениями в виде реликвий, связанных с Христом, Буддой или святыми, и небольшого числа изображений, которые считаются сотворенными «без вмешательства рук [человеческих]», мало кто верил, что естественные объекты (кость или зуб) или вещи, сделанные людьми (ткань), действительно являются божественными. Но даже средневековые мусульманские источники изобилуют историями о предметах, нередко содержащих надписи на неизвестных языках и способных исцелять, приносить счастье и успех. Произведения искусства могли действовать подобно магическим формулам и таким образом соперничать с божественной властью или отражать ее.

Следовательно, реальная проблема, которую поднимали средневековые художники и теологи, заключается в силе искусства, силе ради удовольствия или поведения и действия, силе ради благочестивых или аморальных мыслей и поступков, но всегда отвлекающей от истинного и чистого выражения веры. Подобно буддийским правителям Китая IX в.,

которые порицали создание изображений Будды, французский теолог-мистик св. Бернар Клервский, аббат монастыря в Клерво, Бургундия, XII в., в знаменитой проповеди, обращенной к своим собратьям-монахам, утверждал, что созерцание прекрасных вещей – это приглашение к греху или, в лучшем случае, огромная и бесполезная трата ресурсов, которые следовало бы потратить на лучшее.

Доводы св. Бернара приняли и традиционные мусульманские ученые, так как они, по крайней мере в большинстве своем, тоже видели опасности всего, что уводит верующего с прямого пути откровения. Этот вопрос становится спорным, когда речь заходит о том, что, безусловно, явилось одним из наиболее оригинальных художественных вкладов средневекового ислама, – украшении письма, известном как каллиграфия (греч. «красивый почерк»). Причиной для спора является очевидное противоречие между двумя категориями доводов. С одной стороны (и это утверждение принадлежит нашему времени), каллиграфия была для мусульман способом выражения эмоций и ожиданий, которые в других культурах и религиях проявляются через изображения. С другой стороны, не существует общеизвестных средневековых или традиционных утверждений, которые хотя бы отдаленно ссылались на взаимосвязь веры и очень хорошо документированного развития разных видов шрифта. Документально лишь подтверждено, что правители гигантской мусульманской империи стремились стандартизировать письменность, используемую для переписки между отдаленными провинциями империи, и в результате разработали *хатт аль-мансуб* (*khatt al-mansub*) – «соразмерный шрифт», регулируемый через различные соотношения частей букв и, по меньшей мере изначально, основанный на алмазной точке, которая получается при касании пером поверхности для письма. С X в. когда впервые появился соразмерный шрифт, и вплоть до XX в. был создан ряд вариаций исходного шрифта, главным образом в рассматриваемый нами период, в Багдаде, Тебризе и Герате – столицах политических единиц. Таковым является умеренный и строгий шрифт *мухаккак* (*muḥaqqaq*), столь высоко ценимый переписчиками Корана, или мягкий и «текущий» *наста'лих* (*nasta'liq*), которым написаны многие произведения персидской литературы.

Можно утверждать, что, даже несмотря на то, что развитие каллиграфического арабского шрифта было обусловлено государственными задачами, всё же непрерывное совершенствование письма и его признание ранней эстетической попыткой мусульманского мира в письменных источниках происходили или обрели вдохновение благодаря центральной роли письма в исламском Откровении. По этому вопросу споры ведутся до сих пор, и, быть может, следует признать, что современное суждение, связывающее прекрасный почерк с выражением веры, обосновано в своих эмоциональном и эстетическом аспектах, даже если не согласуется с историческим свидетельством (илл. 107–114).

Какие бы ответы ни давались на этот вопрос, преобразования арабского письма высоко ценили за пределами мусульманского мира. Сотни западных объектов, даже порталы церквей, а в XV в. итальянские религиозные картины, многие византийские здания и некоторые виды китайской керамики копировали арабские буквы и слова, не осознавая их религиозного или какого-либо иного значения. Только на примерах из Восточной Африки (мечеть г. Килва в Танзании и некоторые из надгробных плит, найденных там) можно видеть образцы арабских надписей, которые невозможно прочитать полностью, но которые явно имеют священный смысл.

Трудно также предположить религиозный источник каллиграфических искусств Китая и Японии. Здесь главными факторами поддержки искусства прекрасного письма, судя по всему, были мирские эстетические ценности и почитания

памятников прошлого. И все же здесь, как и в случае с более поздним персидским письмом (и, конечно, с письмом арабскими буквами после 1500 г. в Османской империи или на Индийском субконтиненте), можно увидеть мистический или, по крайней мере, эзотерический смысл преобразований букв; именно этим угонченный даосизм часто объясняет высокую оценку этих изменений и, возможно, причину их появления (илл. 95–99).

Следует также упомянуть и два других способа изображения священного. Один из них – литература. Существуют литературные жанры, например проповеди и литургические молитвы, которые сосредоточены на практике веры и в которых для улучшения наставлений или толкований и усилении их воздействия используются разнообразные риторические примеры. Константинопольский патриарх Фотий (IX в.) и св. Бернар на Западе (XII в.) сочинили немало проповедей, имеющих литературную ценность, а песнопения Иерусалимского патриарха Софрония (VII в.), Иоанна Дамаскина (VII в.; точное авторство некоторых из этих произведений сомнительно) и образцы латинской литургии при погребении умерших (например, *Dies Irae*) используются и вызывают восхищение по сей день. В мусульманском мире риторическим и украшательским приемам в прозе, относящейся к религии, уделялось меньшее значение, поэтому проповедь не стала литературным упражнением, каким она была у христиан. И все же некоторые отрывки из сочинений аль-Газали, в которых он обсуждает силу красоты, и работ ал-Мақдиси, в которых он старается показать существование Бога, окрашены в драматические тона и могут рассматриваться как литературные произведения. Несмотря на всю свою догматичность, многие введения к религиозным книгам порой являются подлинными сочинениями уравновешенной прозы. Кроме того, существовала и арабская молитвенная литература, коллективная и личная, причем она была распространена во всех лингвистических группах мусульман.

Религиозные образы, благочестивые цели и способность убеждать словом являются ядром мистических сочинений в прозе у Ибн аль-Араби или Ибн Хазма, и особенно в поэзии, в которой мусульманские авторы использовали самые тайные сокровища арабского и персидского языков и все виды литературных приемов, чтобы проявить свое видение божественного через аллитерации, неожиданные ассоциации образов и соответствий между чувствами, превратившие некоторые из этих работ в шедевры мировой поэзии. Персоязычный поэт-суфий Джалаледдин Руми в исламском мире XIII в. и магистр Иоганн Экхарт в христианском мире XIII–XIV вв. писали поэтические произведения, пропитанные их верами, эстетически поразительные, временами выражающие пантеизм, из-за чего они и другие, подобные им, были отвергнуты официальными религиозными учреждениями того времени. В Индии же эпическая традиция прежде всего с помощью литературы сохранила религиозное знание, записанное в древних пуранах. Но, подобно всем эпическим традициям, индийский эпос находился под влиянием мирских вкусов и ожиданий, которые будут рассмотрены ниже.

Но кроме литературы была еще и музыка, иногда сопровождаемая танцем. Музыка играла огромную роль в христианской литургии, и западные монастыри способствовали развитию как монофонии, так и, начиная с XII в., полифонии. Именно в монастырях были записаны первые музыкальные произведения и была создана система обозначений, так как для надлежащего исполнения литургии требовалась запись слов и звуков (илл. 179). Течение *бхакти* в средневековом индуизме поставило музыку в особое положение во время молитв и церемоний; ритмическое песнопение и движение присутствуют также в образах поведения буддистов и даосов. Хотя чтению Священного писания наростеп и провозглашению призыва к молитве суждено было развиваться в исламском мире, самые главные известные

результаты появились в Османской империи после 1500 г. Официальный ислам страшился эстетических удовольствий, которые доставляла музыка, не меньше, чем наслаждений от живописи. Основным ранним исключением из общего правила является суфизм, практиковавший как танцы, так и музыку. Зрелищные танцы праведников – членов секты в Анатолии или других были полны благочестия, но вряд ли они были типичными для ислама.

В Восточной Азии религиозная музыка, в основном инструментальная, сопровождала общественные и частные церемонии: в саду перед тем местом, где происходили ритуальные церемонии, играл музыкальный ансамбль (илл. 240). Однако публичные богослужения и коллективное поведение верующих не были развиты в той же мере, что в христианстве. На Индийском субконтиненте, с другой стороны, религиозная поэзия читалась нараспев, как, например, произведение XII в. «Гита-говинда», в котором рассказывалось о любви Кришны к Радхе. Более того, увлечение индийцев логическими системами и порядком привело к созданию музыкальных трактатов уже в VIII и IX вв. (появился «*Брахм-дези*» – учебник музыкальной логики) и продолжалось до XIII в., реализовавшись в более утонченном *сангиту-ратнакане*. Танец с его ритмичным и повторяющимся построением телесных форм, произвольно выбранных для представления эмоциональных или других состояний, также использовался в большинстве стран Южной Азии (илл. 224), во многих шаманских культах Центральной Азии и, вероятно, в Африке для выражения религиозных чувств или передачи священных повествований. Однако танец и музыка, даже больше, чем литература или изобразительные искусства, связаны с мирскими функциями и целями, поэтому не всегда бывает легко провести границу между сферой священного и владениями двора правителя или города.

Символы веры

Идентификация символов всегда затруднительна, поэтому проще бывает относить к ранним датам более поздние характеристики; это, в частности, нередко происходит с утверждением, что полумесяц с самого начала был мусульманским символом или что зеленый цвет всегда ассоциировался с семьей Пророка. Действительно, есть сравнительно немного символов типа креста, которые во всех своих многочисленных формах достаточно рано приобрели устойчивый смысл как для самих христиан, так и для других людей в отношении христиан. В рассматриваемые века только христианство и ислам, две религии с миссионерскими программами и многочисленными и устойчивыми отношениями с другими религиями, создали символические формы, с помощью которых они определяют самих себя и определяются другими. Существует, например, минарет, который впервые появился, чтобы показать существование мусульман в изначально не исламской окружающей обстановке, причем это его дополнительное и символическое значение всегда опережало его практическую цель – призыв верующих к молитве. Минарет Кутб-Минар в Дели, минарет Джам в скрытой долине Афганистана (илл. 208, 209) и минарет в ансамбле Пои-Калиан в Бухаре (Узбекистан) являются поразительными примерами (созданными в XII и начале XIII в.) архитектурного и технического искусства с богатым украшением в виде письма и геометрических фигур, и их функция была куда более важной, чем призыв к молитве, к тому же адресованы они были не только мусульманам. Шпили церквей и особенно готических соборов (илл. 28; рис. 20) или колокольни русских церквей имели в большей степени символический характер, нежели практическое значение. Символическое значение можно приписать множеству деталей в христианском, языческом,

исламском, буддийском и индуистском искусствах: колесу Будды, индийской мандале, изображениям божества христианскому нимбу, простому провозглашению могущества Бога или его имени во многих иранских мечетях, а иногда имени Пророка, Али и первых халифов, цвету одежды, которую носили шаманы в Центральной Азии, и т.д. Войти в некоторые часовни или молельни, принадлежащие любой религии, часто означало войти в то, что французский поэт Шарль Бодлер назвал «лесом символов». Мы должны принять, что во время создания и раннего использования эти символические системы были известны более или менее инстинктивно тем, кто принимал участие в практике различных религий, с ними связанными.

Но символы прежде всего предназначались для внутреннего «потребления» и использования отдельными религиозными общинами. Только в пределах внутренних механизмов этих общин символы можно понять в исходной полноте их смысла, и религиозные системы с сильными традициями могли сохранять символы дольше и эффективнее, чем системы со слабыми церковными традициями, например ислам. Вторая, или альтернативная функция или польза символов состоит в том, что даже тем, кто не полностью понимает их, они дают доступ к своим формам и тем самым к религиям, которые представляют. Все символы имеют также эстетическую ценность, независимо от их значения, так что крест или мандала, вероятно, всегда были и остаются как носителями святости, так и предметом украшения тела. Однако символика становится особенно выразительной, когда созерцаешь мощную скульптуру аггекских и еще более древних храмов, в которых малопонятные значения поражают одной только силой преобразования материала руками неизвестных художников.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

Художественные выражения требуют инвестиций. Иногда эти инвестиции могут быть чисто финансовыми, а возврат денежных вложений может быть в виде самого объекта, как при вложении средств в строительство зданий, приобретении книг или каких-то предметов или при исполнении какого-то музыкального произведения. Иногда требуются социальные и гуманитарные инвестиции, например при поддержке творческих коллективов или групп исполнителей, а также отдельных исполнителей, причем инвестиции делаются без предвзятого отношения к тому, что в результате получается. Существуют также долгосрочные инвестиции, направленные на поддержание и сохранение того, что ранее сделано или построено. И, наконец, есть более сложные инвестиции, связанные с памятью и не требующие сопутствующих фондов. Они помогают сохранять и передавать знание и понимание художественного выражения культуры. О двух первых типах инвестиций известно куда больше, чем о двух последних, но всех четырех можно коснуться при рассмотрении четырех типов покровительства, нередко связанных между собой.

Церковное покровительство

Крупные и организованные религиозные учреждения типа христианской церкви во всей Европе и в некоторых частях Западной Азии, буддийских монастырей в Китае, Тибете, Японии и на Шри-Ланке, индуистских и джайнистских храмов в Индии и Юго-Восточной Азии были переполнены священниками, монахами и всевозможными светскими чиновниками, организованными в тщательно проточенные иерархические системы и обыкновенно отмеченные знаками (одеждой или символическими предметами), указывающими на их функции. Эти индивиды, в большинстве своем, хотя и не исключительно, мужчины,

часто распределяли очень внушительные фонды, пожертвованные массой верующих или, чаще, богатыми персонами, и давали деньги на всё – от архитектуры до религиозных сувениров. Таких групп с полнотью установленной ответственностью за художественное выражение не было в мусульманском мире, по крайней мере официально, хотя к XIV в. можно предположить существование ограниченного покровительства суфийских орденов и, на некоторых территориях, возможно, религиозных лидеров шиитов.

Очень сложно сделать какие-то общие выводы о характере церковного покровительства в Европе и Азии, но в этих регионах, судя по всему, преобладали две особенности. Одна заключается в сохранении наследия, так как святилища, храмы, монастыри и церкви хранят предметы и их окружение из-за их священной ценности и из-за того, что поддержание традиций и отказ от перемен являются основными столпами, на которых зиждется любое религиозное учреждение. Особенно поразительным примером является храм Сёсоин в первой столице Японии, городе Нара, построенный в 752 г., регулярно разбиравшийся с целью ремонта и восстанавливаемый каждый раз в прежнем виде и теми же методами. В нем содержится запечатанная сокровищница, содержащая предметы со всего мира; увидеть эту сокровищницу можно только один раз в год, причем со времени построения храма в нее не было добавлено ничего нового. Христианские церкви и монастыри тоже хранили сокровища. Обычно содержимое этих сокровищниц представляет собой странную смесь замечательных произведений искусства с обилием однотипных принадлежностей для богослужений. История не всегда была милостива к христианским сокровищницам Европы, поэтому лишь некоторые из них – в Бургосе (Испания), Сансе (Франция), Ахене (Германия) – содержат предметы высокого качества, которые были, очевидно, гораздо более распространенными. В мусульманской культуре только в самом начале X в., подвергшись ограблению радикальной религиозной группой, Кааба в Мекке утратила свою функцию хранилища дорогих и необычных сокровищ, добытых в процессе завоеваний. Однако сама идея утрачена не была, и начиная с XIV в. в сокровищнице религиозной и династической усыпальницы в Ардебиле на северо-западе Ирана хранилась уникальная коллекция рукописей, китайской керамики и ковров.

Другой особенностью церковного покровительства является спонсирование архитектуры и других искусств. Иногда это спонсирование отражало истинные практические потребности церковных общин, но достаточно часто это делалось в ответ на просьбы к богатым людям, и каждое религиозное учреждение даже разрабатывало способы выпрашивания и использования денег у них, иногда в виде благочестивого дара. Ислам, например, создал систему *вакф* (*вакуф*) передачи имущества государством или отдельным лицом на благотворительные или религиозные цели. В большинстве случаев такое покровительство было в высшей степени консервативным. Новые пагоды и новые церкви заменяют старые, а при переписывании рукописей и изготовлении религиозных и декоративных предметов использовались традиционные методы, стили и темы.

Правители и дворы

Одно исключительное архитектурное сооружение – дворец – связано исключительно с правителями и властью. Почти повсеместно дворцы представляли собой идеал красоты и роскоши, часто воспеваемый поэтами (илл. 5, 187–189). В иранской поэме «Шахнаме» («Книга о царях»), в лирической поэзии Низами, в русских народных сказаниях, например «Сказаниях о невидимом граде Китеже», или в «Тысячи и одной ночи» прекрасный дворец появляется на нескольких уровнях его восприятия.

Это роскошное место, полное золота, драгоценных камней и диковинных предметов; во дворце проявляется власть через скопление богатства и чудес. Это уединенное место, надежно отделенное от остального мира стенами, прекрасными садами, фонтанами и воротами; дворец является психологически далеким, поэтому доступ в него затруднен и чреват опасностями, но и возможными благословенными наградами. И, наконец, на символическом уровне реальные или воображаемые формы дворца тоже являются способами представления божественного, особенно воображаемого божественного из сферы мистики или эсхатологии. Королевские или императорские сады подобны божественному раю и грядущему Иерусалиму в иудейской и христианской традициях. Исламский рай, места в облаках или в скрытых горных долинах, описанные в китайских романах, созданных под влиянием паломников-буддистов (многочисленные версии «Путешествия на Запад»), также напоминают величественные королевские дворцы.

Однако, несмотря на свою роскошь, уединенность, величелие и атмосферу предвкушения вечности, дворцы сохранились не так хорошо, как памятники религиозной архитектуры. Многие из них были разрушены соперничающими правителями и династиями, стиравшими все следы своих предшественников, или дворцами могли перестать пользоваться, когда изменялись вкусы или умирали их покровители. Поэты осознавали краткосрочность жизни дворцов и часто использовали королевские строения в качестве метафоры для описания неизбежности смерти, мимолетности жизни и тщетности любых человеческих усилий.

В результате мы не располагаем большим объемом информации о том, как на самом деле выглядели и как были спланированы дворцы. Дворцы в Константинополе (начиная с IV в., но главным образом с VI в.), Багдаде (середина VIII в.), Каире при Фатимидах (конец X – XI в.), Тебризе (первая половина XIV в.), Самарканде (конец XIV – начало XV в.) или Пекине (в основном в XIII и XIV вв.) были императорскими дворцами, оказывавшими огромное влияние на своих современников и иностранных гостей, но от дворцов Стамбула, Каира, Самарканда и Виджаянагара на юге Индии (конец XIII в. и позднее) остались лишь руины. В результате в основном приходится полагаться на описания и воспоминания, которые зачастую совсем непросто интерпретировать, даже когда их можно соотнести с достаточно обширными остатками зданий, раскопанными или все еще захороненными в местах типа Мадина аль-Захры (недалеко от Кордовы, места важного королевского строения в X в.), Самарры (огромной временной столицы Аббасидов, построенной в IX в. к северу от Багдада в Ираке) (илл. 206) или Каракорума (столицы монгольского государства, основанной Чингисханом в 1220 г., где обширные остатки дворцов Великих ханов были частично раскопаны) (рис. 32).

Несколько лучше мы информированы в отношении второго уровня дворцовой архитектуры – резиденций местной (а не центральной) власти. К ним относятся укрепленные цитадели, замечательно сохранившиеся примеры которых имеются десятки: лондонский Тауэр, старый парижский Лувр; цитадели Каира, Герата или Алеппо; московский Кремль, а также кремни ряда других столиц княжеств домонгольской Руси. В большинстве своем эти цитадели были военными укреплениями феодальных правителей относительно небольших царств, и их совершенно справедливо соотносят с джозинами укрепленных замков аристократов-землевладельцев, наиболее известных по Западной и Центральной Европе, но существовавших и в Западной Азии (Крак-де-Шевалье и Босра в Сирии, Аджлун и Джераш в Иордании), Северной Африке (Кала-Бени-Хаммад и Ашир в Алжире) и Центральной Азии (сельская местность в Согдиане и Таджикистан) (илл. 30–32, 36–41). Их впечатляющий внешний вид не всегда означал не менее впечатляющий интерьер, так как жизнь в таком замке, примечательная,

должно быть, своей скукой, протекала в окружении, главным образом, мрачных залов или кладовых, темниц, конюшен, арсеналов и простых молелен. Однако в феодальной архитектуре виден высокий уровень технической компетенции в сооружении стен, и особенно сводов из камня, кирпича и бетона, без применения дерева, столь чувствительного к огню. Можно также отметить, что похожее проявление высокого технического мастерства встречается в царских городах Перу, например в Куско и Мачу-Пикчу (илл. 320, 321).

У поразительной однообразности большинства замков и цитаделей есть одно поразительное исключение – дворец-замок мавританских властителей Альгамбра близ Гранады, основные особенности которого сформированы в XIV в. (илл. 198). Здесь внутри совершенно типичной укрепленной ограды, состоящей из стен и башен, рядом с большой, но довольно обычной цитаделью, у подножия холма, засаженного совершенно стандартными садами, поднимающимися вверх по горе, был заложен утонченный ансамбль уединенных покоев вокруг двориков с бассейнами со стоячей или текущей водой. Для Альгамбры были написаны ученые стихи, которые затем начертали на стенах дворца как своего рода руководство для пользователя и гостя. Это придало эстетическому великолепию цветочного и геометрического украшения иконографическое и идеологическое значение, объясняющее космический смысл этого орнамента. Другие столь же блестящие интерьеры можно представить на основе археологических находок в нескольких раскопанных мусульманских виллах VIII в. в Сирии, Иордании и Палестине и по описанию дворца, построенного в X в. армянским царем Гагиком на о. Ахтамар на оз. Ван в Восточной Турции.

Правители и их дворы осуществляли свое покровительство еще двумя путями. Одним из них была организация и финансирование отдельных художников или художественных студий, каллиграфов и ремесленников. Такой подход наиболее заметен при монгольских дворах уже в XIV в. в Тебризе и при дворах типа первых османских или тюркских династий в Северной Индии, находившихся под культурным влиянием монголов. Построенное заведение, которое в конечном итоге называли *китабханех* (*kitābkhāneh*, букв. «дом для книг») или *наккашханех* (*naqqāshkhāneh*, букв. «место производства и украшения»), представляло собой смесь библиотеки-музея и настоящей школы-студии, где производились различные вещи для двора, особенно те, которые правитель потом раздавал. Вполне возможно, что истоки появления подобных заведений можно найти в своеобразном сочетании древнеримского и византийского императорских обычаев и обычаев Китая при правлении династии Тан, но важно отметить, что они стимулировали передачу стилей, технических знаний и изготовленных предметов. Именно благодаря таким студиям появилась возможность создать сборники, подобные знаменитым стамбульским и берлинским альбомам конца XV в., в которых собраны вместе китайские, иранские, центральноазиатские и западные изображения и идеи. Кроме того, благодаря подписанному рисунку из персидского альбома, который сначала хранился в Стамбуле, а теперь находится в Берлине, мы можем установить, что древнеримская чаша, украшенная драгоценными камнями и мифологическими фигурками, была подарена мамлюкским правителем Египта монгольскому правителю в Персии, потомок этого монгольского правителя преподнес эту чашу в дар одному итальянцу и она в конце концов оказалась у Фарнезе – династии герцогов Пармы и Пьяченцы, затем у рода Медичи, а теперь находится в музее Неаполя.

Другой способ покровительства со стороны правителей относится к сложной сфере создания образов. Финансируя официальные изображения на монетах и медалях, в скульптуре соборов, на манускриптах и на иллюстрациях к книгам, дворы правителей в Европе и Азии создавали набор стандартных изображений правителей. Лишь некоторые

из них, если таковые вообще были, представляли собой портреты в смысле отражения реальности. В большинстве из них выделялись знаки и символы власти: короны, скипетры, державы, одежды особых цветов, например пурпурные мантии византийских императоров, позы в положении сидя или стоя, присутствие многочисленной свиты и т.д. Так создавалась иконография фигуры правителя, имевшая формы для каждой отдельной культуры, и ценности, общие для всех. В некоторых случаях, как, например, в ранних халифатах Аббасидов и Фатимидов в мусульманском мире, двор контролировал производство некоторых материалов, в первую очередь тканей, используемых для церемоний, и раздавал их в качестве даров. Таким образом, многие искусства правящих дворов имели похожие формы. Существовала также иерархия, вершиной которой были истинно императорские дворы Византии, Багдада, Пекина, а ниже шли десятки более мелких центров, копирующих более или менее верно и более или менее успешно темы и идеи императорских столиц. Некоторые из этих изначально мелких центров на Балканах, в Иране, Индии, Западной и Центральной Европе и в центре или на севере России превратились в важные самостоятельные творческие центры к концу XV в. (илл. 145–152, 214–217).

Литературный и музыкальный опыты, сопровождающие видимый мир правителей, ограничиваются хвалебной поэзией, которая интересна лишь изощренностью образов, описывающих принцев и императоров. Более оригинальными являются разнообразные церемонии, которые управляли жизнью правителя, организовывали ее и служили для повышения важности и престижности его положения. Церемониальные книги хранились для императоров Византии, халифов династии Аббасидов и императоров Китая. В формальности и строгости одеяния и жестов, присущих большинству церемоний, проявлялась театральность, сравнимая с религиозными обрядами. Театральной стороне придворной жизни суждено было на века остаться в памяти людей и повлиять на изобразительные искусства всех стран. Кроме того, по скульптурным изображениям на стенах храмов и дворцов можно реконструировать церемониальный и театральный аспекты жизни ацтеков и инков.

Городское покровительство

Рост торговых и промышленных городов на всех территориях Европы, Азии, Северной и Восточной Африки является одной из главных новых особенностей рассматриваемого периода. В покровительстве искусству, связанном с этими городами, проявляется любопытный парадокс, о котором уже несколько раз упоминалось. С одной стороны, эти города были форумами, на которых встречались люди и вещи самого разного происхождения, и мы знаем, насколько разнообразными были искусство и культура согдианских городов на Шелковом пути в VII и VIII вв. и что Гуанчжоу (Кантон) и Сиань (Чанъань) в Китае, Басра в Ираке, Каир и Александрия в Египте, Новгород в России и Амальфи, Генуя и Венеция в Италии были местами, знакомыми с экзотическими вещами и людьми. Знаменитый своими достижениями и тем, что выжил, чтобы записать их, Марко Поло все же был не единственным в свой век, да и затем у него нашлось немало последователей. Тем не менее преобладающей особенностью самопроявления средневековых городов в это тысячелетие стали местные пристрастия в письменном и устном творчестве, изобразительных искусствах и музыке. Результаты городского творчества при этом обычно оставались в пределах того места, где были получены, в противоположность произведениям искусства, принадлежавшим правителям, которые часто ими обменивались; в конечном итоге это впоследствии привело к появлению национальных искусств.

Достаточно привести несколько примеров. От Японии с удивительным романом «Гендзи моногатари» выдающейся писательницы XI века Мурасаки Сикибу до «Макам аль-Харири (XI в.) и «Бейбарса» (XIV и последующие века) в арабском мире, а также до поэта Кретьена де Труа и куртуазных романов во Франции XII в. – повсеместно появляется искусство рассказывания историй. Прототипы героев и главных действующих лиц брались из придворных и аристократических кругов, из популярных источников или даже из множества воображаемых миров, подобных миру антропоморфических животных. Однако почти во всех случаях язык повествования был в высшей степени локальным, широко использующим диалектные выражения, несмотря на их трудность, как в случае с «пиротехникой» арабского языка Харири. Благодаря языку, доступному географически ограниченным группам людей, появились авантюрные герои вроде Абу Зайда из Сираджа, благородные герои с человеческими слабостями, подобные хранителям чаши Грааля, чувственные героини, подобные японским дамам, и фантастические персонажи вроде Аладдина. Городская среда поставляла публику, покупающую книги, слушающую истории, читавшиеся вслух, и даже посещавшую театральные представления. Как в Китае, так и в Западной Европе, пьесы разыгрывали в общественных местах. Некоторые из них представляли религиозные истории, однако в кукольных представлениях, известных от времен Египта и Анатолии, поднимались также и социальные проблемы (илл. 11, 18, 178, 182–184, 258).

Хотя специалисты в сравнительной лингвистике способны выявить любое количество совместимых типов историй, характерных для разных территорий, прямые переводы в рассматриваемые века на данном уровне литературного знания были относительно редкими. Однако исключения действительно существуют. Это, например, «Панчатантра» – памятник санскритской повествовательной литературы – книга басен, сказок, притч и новелл нравоучительного характера, переведенная на персидский и арабский языки под названием «Калила и Димна» и распространенная по всей Западной и Восточной Европе (илл. 210, 211) (имеет свыше 200 переводов и переложений в литературах Азии и Европы. – Прим. ред.).

Покровительство городов значительно повлияло и на изобразительные искусства. Это явление было всеобщим, и, например, ганзейские города вокруг Балтийского моря, Новгород на севере России, города долины р. Маас и фламандские города раннего средневековья финансировали всевозможные художественные предприятия, сосредоточенные в основном вокруг церквей и других религиозных учреждений. Однако самое широкое развитие покровительства городов произошло в мусульманском мире. Начиная с IX в. в Ираке, а затем повсеместно приемы и методы промышленных искусств – изготовления керамики, металлических изделий, стекла и ткачества по своему разнообразию и качеству поднялись до уровня, который стал соответствовать широкому ряду различных функций и разнообразных вкусов. На сценах предтеатров, сделанных прежде всего для представителей городской элиты, присутствуют надписи, растительный или геометрический орнамент и, что самое неожиданное, огромное разнообразие всевозможных изображений – от рисунков животных до астрологических мифов и сцен эпических или лирических повествований. После вторжений монголов и социальных и политических перемен, которые за ними последовали, творческий уровень и оригинальность мусульманских городов как покровителей искусств значительно снизились, однако эстафета была подхвачена Китаем в производстве тканей, но особенно Италией, а затем и Северной Европой, где со временем были вновь открыты и усовершенствованы западноазиатские технологии. К 1500 г. «восточные» латуни и шелка часто производились в Венеции и Лукке, откуда распространялись по всей Западной Азии.

Народное покровительство

Нелегко отделить народное покровительство от городского, а иногда даже от придворного, так как многие темы, идеи, методы и типы поведения, зародившиеся на простонародном уровне, были включены в систему покровительства буржуазии или правителей, а иногда и духовенства. Это особенно справедливо в отношении музыки и исполнительских видов искусства. Например, ударные и струнные вариации отдельных племен и деревень запоминали и записывали городские специалисты, которые затем исполняли их в городах или при дворах. Так, нововведения в арабской музыке в VIII в. приписываются в более поздних трактатах по искусству Ибн Мудже (*Ibn Muja*) и Ибн Мухризу, которые, как утверждается, путешествовали и собирали материалы по всей Аравии. А философскую теорию этой популярной музыки разработали совершенно городские «Ихван ас-сафа» («Чистые братья»), а затем аль-Кинди и Ибн Сина. В Китае при династии Сун, Корее и Японии в XI и XII вв. шел подобный процесс кодификации народной музыки. В Индии и, возможно, в ацтекской Мексике аналогичный процесс затронул танец и драматургию, так как тогда была создана комплексная теория манипулирования движениями тела, превратившаяся в учебные каноны. И же зачастую мы можем лишь догадываться о народных корнях искусств, так как лучше всего сохранились их варианты, обработанные специалистами.

Интересный случай в этом отношении представляют собой ковры. Лишь немногие из них сохранились от рассматриваемых веков до наших дней, да и те, за немногими анатолийскими, египетскими и китайскими исключениями, дошли до нас в основном в виде фрагментов. О коврах многое известно из текстов и немногое – из изображений на картинах из всех городских, правительственных и духовных центров-покровителей. Способы производства и назначения ковров всегда оставались неотъемлемой частью всех кочевых и большинства деревенских культур. Однако ковры производили и использовали также при дворах правителей, поэтому можно допустить, что коврами пользовались на всех уровнях общества и везде, за исключением тропиков, где для тех же целей использовались циновки. Однако практически невозможно произвести визуальную идентификацию сотен терминов, касающихся типов ковров.

Таким образом, можно сделать несколько выводов относительно покровительства искусствам в эти века. Повсеместно существовали два относительно «высоких» вида покровительства: религиозная и политическая власти, которые следовали достаточно похожим и нередко взаимозаменяемым подходам и процедурам, независимо от географического положения. Кроме того, существовали узко локальные народные и городские виды покровительства, которые отличались друг от друга, но которые заключались в постоянном записывании и превращении в ученые философские теории и трансформации их либо в науку, либо в риторику. Несмотря на различие используемых способов, систематизация этих знаний была удивительно согласованной на двух континентах и почти всегда приводила к разделению на два взаимно исключаящих типа. Так, в Японии существовала «музыка левого» (*тогаку*), относящаяся к китайским и индийским мотивам, и «музыка правого» (*камабуку*) – по отношению к корейским и маньчжурским пьесам. Придворные и народные течения соперничали в Западной Европе, а русские народные сказки и игры формировали еще один жанр, отличающийся от поэм типа «Сказания о полку Игореве». Именно это разнообразие типов покровительства способствовало созданию богатого искусства того времени, и с него началось движение к индивидуализированному и раздельному художественному выражению, которое постепенно привело к появлению литературы на разных языках, а также разных стилей в искусстве и музыке.

БЛАГОЧЕСТИЕ И УДОВОЛЬСТВИЕ

Большая часть этой главы пока что была сосредоточена на практических и идеологических функциях и целях художественных выражений и разновидностях финансирования создания и использования произведений искусства. В приведенных примерах были отмечены способы, с помощью которых творчество людей отражало социальные, политические и религиозные потребности и, кроме того, путем распространения произведений формировало поведение людей, расширяя или ограничивая их доступ к определенным местам, изображениям, словам или звукам. Формы художественного выражения были рассмотрены относительно поверхностно. Так случилось отчасти потому, что формы ограничены в гораздо большей степени, чем покровительство и религиозные или политические виды деятельности. Они зависят от материалов, имеющихся в конкретном месте, от сохранения традиций, а также от обычаев гильдий и других ассоциаций ремесленников и поэтов. Кроме того, быстрому распространению новых идей, песен, изображений и методов препятствовали еще и экономические стороны художественного выражения. Однако, несомненно, существуют и примеры переносов технологий или форм. В начале средневековья они особенно характерны для мусульманского мира, который в конце VIII–IX вв. сумел произвести переворот в искусстве керамики, открыв местные иракские, египетские и иранские способы копирования китайских моделей. Из неизвестных источников в Ираке IX или X в. *мукарны (сталактиты)*, т.е. архитектурные декоративные выступы призматической формы, расположенные нависающими друг над другом рядами на сводах ниш, карнизах и т.п., распространились в Марокко и Индию уже в XI в. и использовались в Византии и на христианской Сицилии (илл. 197, 198, 201, 207, 209).

Нам не известно, каким образом осуществлялись эти переносы технологий и форм через моря и пустыни, но один хорошо документированный пример показывает, что они были относительно редкими, так как этот пример приобрел почти мифические пропорции. Речь идет о Зириябе (*Ziryāb*), поэте-певце из Ирака, который приехал в испанскую Кордову в IX в. и, по утверждениям современников, изменил все в Андалусии: от искусства пения до манер поведения за столом и причесок. Смысл истории о Зириябе состоит в том, что в рамках разумного подхода того времени ряд важных перемен в художественном выражении можно объяснить только произвольным вмешательством одной личности.

В более позднее средневековье такие примеры распространения методов, приемов и форм являются более характерными и лучше известны для европейского искусства; это справедливо, например, для техники создания архитектурных сооружений готического стиля, но не менее поразительным является и мощное влияние китайских форм, особенно в живописи и поэзии, на Корею, Японию и даже более далекий Иран.

Один из наиболее действенных инструментов для осуществления таких переносов появился благодаря распространению бумаги из Китая сначала, во второй половине VIII в., в мусульманскую Азию, и затем в христианский мир. Относительно дешевизна и легкость производства делали ее доступной в гораздо большем числе мест и для значительно большего числа людей, в отличие от пергамента, папируса, коры дерева, глиняных табличек и других более древних материалов для письма или хранения информации. Появилась возможность передавать без труда рисунки и модели, а литературу или идеи можно было записать и скопировать для широкой продажи или распространения. Так, в Китае, где впервые возникла печать на бумаге, в 932 г. благодаря средствам, выделенным министром Фэн Дао, начали издавать собрание китайской классики в 130 томах. Известно, что в XIII в. печатались уйгурские тексты, однако дальше на запад распространение печати не произошло (илл. 115).

Таким образом, средства передачи форм на большие расстояния существовали, но были ограничены до XV в. Перемещения народов – добровольные или вынужденные переселения ремесленников, упоминавшиеся ранее; перемещение монахов и священников в христианстве и буддизме; широкомасштабные паломничества, такие как ежегодный хадж у мусульман или ежесезонные паломничества индусов из многих стран в Индию, – приводили к ознакомлению со значительной частью существовавших тогда иноземных форм и идей. Несмотря на все ограничения, вполне можно предложить три формальные характеристики художественного выражения между 600 и 1500 гг., проявившиеся почти повсеместно, хотя и не обязательно связанные между собой – генетически или каким-то иным образом. Эти три характеристики здесь названы «благочестием», которое в данном контексте понимается как отношение к священному, воздействующее как на поведение, так и на идеи и интерпретации; «удовольствием» – чувственной взаимосвязью привязанности и желания, лежащей у истоков большинства художественных потребностей и выражений; «личным интересом» – особенностью, не имевшей того важного значения, которое она приобрела в последующие века, и относящейся к частному и исключительному, а не к публичному и коллективному наслаждению искусствами. Однако во всех случаях важно помнить, что эти характеристики не исключительны и что искусства того времени, иногда даже те самые работы, которые здесь упоминаются, также важны и на всех других уровнях и во многих других отношениях.

Благочестие

Изучение буддийской картины или скульптуры из китайского пещерного монастыря Цяньфодун близ г. Дуньхуан, японского храма или Шри-Ланки выявляет в них несколько общих особенностей: почти полная фронтальность; схематическое изображение тел под упорядоченными складками одежды; невыразительные лица, но непременно с застывшими улыбками; небольшое разнообразие жестов правой руки, которая нередко кажется (и часто является) несоразмерной с остальным телом; некоторое количество знаков, по которым можно догадаться, даже и не зная об этом, об особом значении этого произведения для принадлежащих к вере. Почти похожее заключение можно сделать в отношении многих византийских картин и мозаик после IX в., в отношении греческих и русских икон, фронтисписов ирландских, каролингских и османских манускриптов и некоторых более крупных скульптурных изображений на порталах романских церквей.

На другом уровне сложная образность произведений Джалаледдина Руми, великого персидского поэта-мистика XIII в., жившего в Анатолии, отражает систему соответствий между божественным миром, природой и человеческими эмоциями или поведением. Столь же богатые особенности можно найти у западнохристианских писателей-мистиков, а в ином направлении – в работах и высказываниях св. Франциска Ассизского. В религиозно-философском учении, подобном исихазму – мистическому течению, этико-аскетическому учению о пути единения человека с Богом через «очищение сердца», которое распространилось в XIV в. из Византии по всему восточному христианскому миру, присутствуют образы и обычаи, которые можно сравнить с обычаями и образами мусульманского мистицизма и даже китайского даосизма.

Эти примеры свидетельствуют о том, что некоторые формальные качества сдержанного упрощения и абстракции, очевидных символических ассоциаций, богато расцветшего видения, расплывчатого пантеизма начинали сочетаться с выражениями веры и благочестия. Эти же качества появляются в некоторых удивительных западноафриканских скульптурах из Бенина (в Южной части современной Нигерии. – *Прим. ред.*) и других регионах Африки в конце рассматриваемого периода. В изобразительных искусствах формальный

результат проявления этих качеств обычно называется «иконическим» по двум причинам. Одна из них заключается в том, что он встречается достаточно часто и повсюду на предметах для личных религиозных обрядов, например иконах Восточной христианской Церкви. Другая причина состоит в том, что он представляет собой такое преобразование изображений, которое позволяет вызывать появление других идей и персонажей и играть для зрителей или пользователей роль посредников между ними и божественным. Они находятся в истинных поисках выражения невыразимого – в одной из самых удивительных попыток человечества в истории художественного выражения. Можно утверждать, что даже мусульманский мир, обычно менее подверженный таким чувственным произведениям, создал письменную иконическую свойства, так как словами «Аллах», «Бог», «Мухаммед» или «Али» испещрены стены религиозных зданий, а покрывала должны скрывать лица пророков, чтобы вид красоты не ошеломил тех, кто способен их увидеть. Сила икон в конечном счете превосходит формы и значения, для которых они применяются.

Совсем иначе дело обстоит со вторым видом выражения благочестия – повествованием. Необходимость рассказывать истории, относящиеся к священному, о жизни Христа или Будды, жизнях святых и праведных мужчин и женщин, объяснять поведение божеств или людей в их поисках божественного – воистину всеобщее явление, и даже суровая строгость ортодоксального ислама не избежала агиографии Пророка и бесконечных рассказов о жизни первых пророков или более поздних праведников. Эти повествования становятся художественными выражениями при преобразованиях в одну из многочисленных форм. Они могут стать танцами, в которых разыгрывается жизнь и любовь индуистских божеств. Они могут превратиться в драмы, как в христианских страстных пьесах или в шиитских представлениях о трагической гибели Хусейна. Они могут найти выражение в прозе или поэзии, и особенно в рисованных или лепных образах. Технические стили в этих примерах различаются, но в композиционной структуре повествований присутствуют некоторые общие черты. И даже предполагалось, что образцом для грандиозного шедевра – «Божественной комедии» Данте – послужило явление вознесения Пророка Мухаммеда на небеса (илл. 180).

Наконец, на протяжении всего нашего тысячелетия священное и благочестивое делалось материальным, проявляясь в переносимых предметах, сувенирах из святых мест, подобных Мекке, Бенаресу и Иерусалиму, молитвенных ковриках для путешественников или небольших алтарях и иконах для путников, которые должны были напоминать им об их религиозных обязанностях, а также их надлежащем исполнении. Использование некоторых из этих предметов граничило с магией, так как подобно многим фразам или изречениям, взятым из литургической практики, они служили для отражения зла и опасностей и привлечения блага. Стили, способы получения и качество этих предметов и устных или письменных формул, выполнявших некоторые из подобных функций, были самыми разными. И все же они представляют собой практику, общую для всех верующих многих различных религий. Особый случай среди этих предметов представляют объекты, используемые в формальном богослужении, т.е. в заранее определенном, как правило, навязанном и относительно негибком коллективном поведении. Все святые лица, включая даже принадлежавшие к суннитскому исламу, пользовались услугами некоторых из самых способных своих прихожан, чтобы те купили или сделали обрядовые предметы, многие из которых в наше время украшают музеи мира.

Удовольствие

Религиозные искусства – изобразительные, разговорные, певческие, исполнительские – не могли бы влиять на такое множество людей, не обладай они ценными качествами при-

влечения и доставления удовольствия. Некоторые художественные выражения предназначались главным образом, а иногда исключительно для того чтобы добавить что-то особенное к тому, что делал человек или что он собой представлял, чтобы доставить ему удовольствие, преобразуя окружающую обстановку, в каких-то отношениях повседневную жизнь и каждодневное поведение, в других отношениях – они предназначались только для особых случаев вроде частных событий и публичных празднеств.

Продолжая античную практику, правители обеспечивали развлечение народа с помощью церемоний, проводившихся при их приходе к власти, при проведении свадебных и других семейных торжеств, по прибытии иностранных послов или по случаю каких-то региональных событий, например повышения уровня воды в Ниле в Египте. Рассказы о таких событиях существуют почти в каждом крупном центре власти и культуры и иногда вызывают особый интерес, если написаны иноземцами, например испанцем Клавихо, посланником португальского короля ко двору Тимура в Самарканде (ок. 1400 г.), или Лиудпрандом Кременским после визита в Константинополь в X в. Эти двое, несомненно, были очевидцами всего, о чем повествуют. Другие использовали приемы особого литературного жанра – описание воображаемых далеких земель. Неизвестно, правда это или легенда, но предполагают, что правители устраивали представления, включавшие показ императорских или королевских сокровищ; обивку стен и ворот всевозможными тканями; возведение пестрых палаток; одевание солдат в маскарадную форму; представление экзотических и диких животных вроде леопардов и жирафов; выставление огромных количеств пищи; пение и танцы, а иногда и акробатические номера; устраивались также спортивные состязания и приуроченные к торжеству процессии духовенства или мирских служителей. Цель всегда преследовалась одна – показать свою власть через свое богатство и оригинальность представлений, но при этом истинным источником гордости правителя были радость и удовольствие, доставляемое другим. Сохранилось совсем немного прямых зримых доказательств подобных представлений, но на персидских миниатюрах, а позднее на миниатюрах, выполненных художниками османского и могольского миров, часто изображалось яркое оформление садов, беседок и даже целых городов, расписанных яркими красками, где богато одетые и красивые мужчины и женщины пили, ели, играли и слушали музыку и стихи. Даже в иллюстрациях к книгам проявилась чувственность персидских миниатюр, например в прекрасных миниатюрах «Богатейшего часослова герцога Беррийского», выполненных французскими живописцами братьями Лимбург в начале XV в. (илл. 5, 218).

На менее роскошном уровне изображения, отражающие подобные церемонии, встречаются на византийских и западноевропейских миниатюрах более ранних времен, в скульптурах храмов Ангкора в Камбодже, проявляются и в таких предметах, как мантия первого короля Сицилийского королевства Рожера II, сшитая в Палермо и хранящаяся в Вене, применявшаяся при короновании императоров Габсбургской династии, или как сохранившиеся короны правителей Венгрии или Московии. Во многих случаях сохранились лишь второсортные предметы роскоши, принадлежавшие мелким феодальным правителям, но не императорам и султанам, которые правили целыми империями.

Еще более важную роль искусство доставлять удовольствие людям играло в литературе и музыке. Мирская поэзия могла быть поэзией безответной любви трубадуров Западной Европы и лирических поэтов Ирана или поэзией блестящих образов, как у японского поэта Ямато, но везде она выражала большой объем человеческих эмоций и чувств, вызывая к аудитории или рассказывая об удовлетворенности людей. Она могла быть драматической, и даже мелодраматической, – в выразительных стихах персидской эпической

поэмы «Шахнаме» или в «Песни о Роланде» в средневековой Франции, утонченно-лирической – у Низами или Хафиза, сугубо личной, гуманистической и великолепно исполненной – в сонетах Франческо Петрарки. Но во всех этих примерах поэзия служила источником наслаждения для тех, кто ее читал, и особенно для тех, кто ее слушал. В XIV в. в Китае появился Светский театр; по стране начали распространяться всевозможные романы, утешая или просвещая читателей. В Китае же появился своеобразный идеал, своего рода сфера деятельности образованных людей, которые частично отделились от мира для созерцаний и иногда – для проявления себя в рисовании картин и для упражнений в каллиграфии, предназначенных исключительно для собственного удовольствия. Все эти примеры свидетельствуют о тонкой изысканности образцов (илл. 95, 99, 113, 177, 257, 258).

Нечто подобное происходило и с музыкой, так, в Индии, Китае, Иране и в Европе в музыке преобладали мирское пение и инструменты (рис. 22). Дворы поддерживали оркестры материально, и возникла интересная дихотомия между народной музыкой, постоянно обновлявшейся благодаря разнообразию народного опыта, и «ученой» музыкой, которая развивалась и оценивалась по сложным и нередко произвольным канонам. Арабские тесты проводят различие между «тяжелым» (*thaqil*) и «легким» (*khaftf*) музыкальными стилями. Подобное различие существовало также между *ya-sheng* и *cheng-sheng* – «правильным» и «простонародным» направлениями в Китае, да и, возможно, повсеместно. В Западной Европе музыкальный трактат Филиппа де Витри (1291–1361 гг.) назывался «Арс нова» – «Новое искусство», по-видимому, чтобы отделить его от старых традиций («арс антиква»). А почти современный ему французский поэт и композитор Гильом де Машо (1300–1361 гг.) разработал жанр мотета – многоголосовой вокальной музыки и установил новые правила для большинства певческих жанров (илл. 179, 187, 240, 258).

Вероятно, наиболее оригинальную и интересную сторону развлекательных искусств составляла отрасль ремесленных искусств, развивавшихся прежде всего при поддержке городов. Большинство относящихся к этой сфере предметов имели в общем прозаическую цель: готовить пищу, освещать дома, пить, есть, обогревать, одеваться для выхода на публику или дома. Сначала в Китае, затем в мусульманском мире и гораздо позднее в Европе появилась

Рис. 22. Изображение мусульманского и христианского менестрелей Испании XIII в. на миниатюре из *Cantigas de Santa María* короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого (no Pidal, *Poesía árabe y poesía europea*, Madrid, 1941, p. 75)

возможность превращения почти любого аспекта жизни в искусство, которое доставляло удовольствие путем добавления цвета, изображений, узоров и т.п. к предметам повседневного применения. Так возникли первые веяния стиля жизни, *genre de vie*, который уже был характерен не только для богатых и могущественных, а благодаря чуждым новым технологиям стал доступен всем. Эта перемена в зрительно воспринимаемых и осязаемых окружениях людей была, несомненно, связана с литературой и поэзией, которую они знали, или с музыкой, которую слушали; и женщины наряду с мужчинами участвовали в создании и понимании этих новых окружений.

Влияние и широту новых сторон жизни можно проиллюстрировать на нескольких произвольно выбранных примерах. Торговцы из Лизы купили (или похитили) странного исламского грифона и водрузили его на вершину своего собора (илл. 213). Архиепископ Кентерберийский св. Фома Бекет похоронен в настоящем западноазиатском шелке. Среди скульптур из Бенина в Западной Африке есть поразительные изображения европейских купцов (илл. 265), а китайские гончары производили бело-голубую керамику для заморских рынков (илл. 200). Иноземцы считались кудесниками и чародеями. Их иногда изображали в виде причудливых чудищ или плодов народного воображения (илл. 120), как в случае с преподобным Иоанном, который скрывался где-то в Азии или Эфиопии и всегда был готов помочь христианам спастись от мусульман. Но при этом иноземцы были поставщиками роскошных, красивых изделий и всего того, что было приятным и уникальным в жизни человека.

Личный интерес

На протяжении всего рассматриваемого нами периода, и особенно со времени монгольских нашествий, народы евразийского и североафриканского континентов проявили оригинальность творческих умов, либо «маршируя под иные барабаны», чем те, которые их окружали, либо культивируя нечто, свойственное только им. Такой была придворная дама Мурасаки Сикибу в Японии и многие другие авторы литературных произведений как в этой стране, так и в Китае. Таким был персидский поэт, математик и философ Омар Хайям – скептик, завоевавший всемирную славу своими философскими четверостишиями – рубаяи. Таковы были японские скульпторы, которые брали традиционные изображения Будды и превращали их в почти портретоподобные фигуры. Таков был Данте, благодаря одной только гениальности его произведений (илл. 180); Петрарка, превративший свою личную жизнь в народную поэзию; Джеффри Чосер, в своих стихах изображавший общество своего времени на новом языке; выдающийся французский поэт позднего средневековья Франсуа Вийон, который был приговорен к смерти и рисковал быть повешенным за свои правонарушения, но писал удивительные лирические стихи (илл. 118). Особенно среди таких следует отметить художников и скульпторов от Дуччо ди Буонинсеня до Мазаччо и братьев Губерта и Яна Ван Эйк (илл. 174) или ряд итальянских скульпторов и архитекторов Пизано и бургундского скульптора Клауса Слютера, итальянского скульптора Донателло, создавшего классические формы и виды ренессансной скульптуры, открыв, с одной стороны, античное наследие, а с другой – зрительную неповторимость каждого человека и каждой вещи; или живописцев времен династии Сун в Китае Ма Юань и Чэн Сиань (*Chen Xian*), наделавших традиционные темы в высшей степени личными восприятиями.

В целом, рассматриваемые нами века были не таким временем, когда личности отдельных художников имели более важное значение, чем их технические познания; анонимность творцов по-прежнему преобладала. И все же поэзия вряд ли существует без реальных поэтов, а с течением времени их странностей характеров и убеждений

уже было недостаточно, чтобы заставить помнить или забыть художников. Качества художественного выражения начали отождествляться с мужчинами или женщинами, а не только с их творениями или спонсорами.

В качестве выводов к этой главе можно предложить два парадокса художественного выражения, характерных для рассматриваемых девяти веков.

Первым из них является контраст или контрасты общекультурных или даже всеобщих средств и способов выражения, с одной стороны, и важности местных, иногда ограниченных и даже краткосрочных видоизменений, компетенций и ожиданий – с другой. Эти местные факторы существовали всегда, но в рассматриваемые века возможность появления всеобщих форм и универсальных средств их выражения возникла из-за обращающих в свою веру религий, которые уже не запрещались ни этически, ни как-то еще, благодаря нескольким империям или имперским идеалам без обязательных и постоянных функций и благодаря языкам или по крайней мере системам письменности, которые предназначались для выхода за границы. Эти всеобщие импульсы поддерживали материально большую часть того, что было новым и блестящим в искусстве того времени, особенно в архитектуре и других изобразительных искусствах, в некоторой степени в музыке и определенных высоких литературных формах, например религиозной или литургической поэзии, некоторых видах эпической и лирической поэзии и в героических темах. Но именно местный потенциал и местные устремления превращали всеобщие импульсы в выражения, достижимые и доступные для всех. Этот контраст постоянно оставался в мировых искусствах. Его многочисленные вариации, произошедшие за века, лежат в самом центре любой интерпретации произведений искусства из-за способов, с помощью которых средние века распространили их далеко за пределы тех мест, где они были созданы.

Второй парадокс заключается в темах и формах искусств. В одном, достаточно бесхитростном смысле, это контраст религиозных и мирских целей, услуг и почестей, оказываемых сфере божественного или правителю на Земле. На практике между ними, несомненно, были сходства, и они часто влияли друг на друга, но в целом «пользователи» каждой искали две разные аудитории и вели себя по-разному. В более глубоком смысле контраст существовал между наглядными изображениями и представлениями разговорных или певческих высказываний, стремившимися доставить удовольствие и предназначенными для убеждения. Первые развивали чувственные качества, а вторые – риторические. Оба набора качеств искали основания и образцы в своем прошлом или прошлом других. Тем самым они регулировали не только диахронное развитие искусств, но и постоянно обновляющуюся интерпретацию этих искусств. В конечном итоге к концу этого периода сложности социального, политического и интеллектуального роста привели к повсеместному появлению художников слова, образа или модели, способности и взаимоотношения которых в большой степени вытеснили ранее существовавшую напряженность между религиозными и мирскими целями. Их появление было возможным только благодаря векам «брожения» в рамках структуры, совершенно отличавшейся от художественных выражений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., БЕНТОВИЧ И.Б., БОЛЬШАКОВ О.Г. 1973. Средневековый город Средней Азии. – Л.
- РЕМПЕЛЬ Л.И. (ред.) 1983. Художественная культура Средней Азии. – Ташкент.
- АЗАРОВ И., РЕМПЕЛЬ Л. 1971. Резной мрамор Афрасиаба. – Ташкент.
- ADLE, C. (ed.) 1982. Art et société dans le monde musulman. Paris.
- ALLAN, S. 1991. The Shape of the Turtle: Myth, Art and Cosmos in Early China. New York.
- ASHENE, E. V. 1978. Understanding the Traditional Art of Chana.
- ASTON, W. G. 1971. History of Japanese Literature. C. E. Tuttle.
- AZARPAY, G. 1979. Soghdian Painting. Berkeley.
- BADEL, P. 1984. Introduction à la vie littéraire de Moyen Âge. Paris.
- BECKWITH, J. 1979. Early Christian and Byzantine Art. London.
- BLAIR, S.; BLOOM, J. 1994. Art and Architecture of Islam: 1200–1600.
- BLIER, S.P. 1987. The Anatomy of Architecture. Cambridge.
- BRANER, R. 1991. Dichtung des europäischen Mittelalters. Munich.
- BROWNE, E.G. 1957. A Literary History of Persia, 4 vols. Cambridge. (reprinted several times since.)
- BUSSAGLI, M. 1963. Painting of Central Asia. Geneva.
- BYONG–WON, L. 1974. An Analytical Study of the Sacred Buddhist Chant of Korea. (Diss. U. of Washington).
- Cambridge History of Arabic Literature, 1983–1900, 3 vols. Cambridge.
- CHANDRA, L. (ed.) 1991. The Art and Culture of South-East Asia.
- COLE, H. M. 1990. Icons: Ideals and Power in the Art of Africa. Smithsonian, Washington, DC.
- CONANT, K.J. 1979. Carolingian and Romanesque Architecture. London.
- COSTA, P. M. 1978. The Pre-Islamic Antiquities at the Yemen National Museum. Rome.
- DODWELL, C. R. 1993. The Pictorial Arts of the West. London.
- DURLIAT, M. 1985. L'art roman. Paris.
- ETTINGHAUSEN, R.; GRABAR, O. 1992. The Art and Architecture of Islam: 650–1250. Pelican History of Art Series.
- ETTINGHAUSEN, R. 1963. Arab Painting. Geneva.
- FARHAT, H. 1973. The Traditional Music of Iran. Tehran.
- FOUCHÉCOUR, C. H. DE. 1969. La description de la nature dans la poésie lyrique persane du XIe siècle. Paris.
- 1986. Moralia. Paris.
- FRANKL, P. 1962. Gothic Architecture. London.
- GALLY, M.; MARCHELLO–NIZIA, CH. 1985. Littérature de l'Espagne médiévale. Paris.
- GILES, H. 1985. The Classical History of Chinese Literature, 3 vols. Gloucester.
- GRABAR, O. 1973. The Formation of Islamic Art. New Haven. (French translation, 1987. La formation de l'art islamique. Paris.)
- 1992. The Meditation of Ornament. Princeton.
- HARLE, J. C. 1986. The Art and Architecture of the Indian Subcontinent. London.
- HEINRICH, W. (ed.) 1990. Orientalisches Mittelalter. Wiesbaden.
- HERBERT, P.; MILNER, A. 1989. South-East Asian Languages and Literatures: A Select Guide. Hawaii.
- HOBSON, R. L. 1993. The Master Book of Chinese Art. Gloucester.
- KATO, S. 1989. A History of the First 1000 Years. Kodansha.
- KOBAYASHI, T. U. 1993. Portraits From the Floating World. Kodansha.
- KRAUTHEIMER, R. 1988. Early Christian and Byzantine Architecture. London.
- LANDY, P. 1970. La musique bouddhique, musique du Japon: les traditions musicales. Paris.
- LAZARD, G. 1962. Les premiers poètes persans (IX–X siècles). Paris; Tehran.
- LUCE, G. H. 1969–70. Old Burma – Early Pagan. J. J. Augustin.
- MASON, P. 1993. History of Japanese Art. Abrams.
- MEDINA, J. T. 1982. Introduction to Spanish Literature. Krieger.
- MITCHELL, G. (ed.) 1997. Architecture of the Islamic World. London.
- NKETIA, J. H. 1963. African Music in Ghana. London.
- PORTE, J. (ed.) 1968. Bouddhisme; autres musiques traditionnelles en Extrême-Orient: Encyclopédie des musiques sacrées. Paris.
- RAGUSA, O. 1990. First Readings in Italian Literature. S. F. Vanni.
- RAWSON, P. 1990. The Art of Southeast Asia: Cambodia, Vietnam, Thailand, Laos, Burma, Java, Bali. Thames & Hudson, London.
- RYPKA, J. 1968. History of Iranian Literature. Dordrecht.
- SADIE, S. (ed.) 1980. The New Grove Dictionary of Music and Musicians, 20 vols. REF. ML. 100, N. 48. London.
- SCHIMMEL, A. 1992. A Two-Colored Brocade, the Imagery of Persian Poetry. Chapel Hill; London.
- SCHMIDT. 1970. Volkslied und Volkslied: Proben und Probleme. Berlin.
- SOURDEL–THOMINE, J.; SPULER, B. 1973. Die Kunst des Islam. Berlin.
- STRACHAN, P. 1990. Pagan: Art and Architecture. United Kingdom.
- WATSON, W. 1994. Chinese Art and Architecture. London.
- WRIGHT, O. 1978. The Modal System of Arab and Persian Music, AD. 1250–1300. London.
- ZUMTHOR, P. 1987. La lettre et la voix. Paris.

НОВЫЙ СВЕТ: ДАННЫЕ О МЕЗОАМЕРИКЕ

Альфонсо Арельяно Эрнандес

В огромной области, известной под названием Мезоамерика и теперь занимаемой Белизом, Гватемалой, Гондурасом и отдельными частями Сальвадора и Мексики, возникло множество разных народов, культурные и художественные достижения которых стоят в одном ряду с самыми выдающимися в истории человечества. Имеется немало примеров замечательных произведений искусства от огромных каменных скульптур до хрупких изделий из перьев, включая архитектуру, керамику, небольшие скульптуры из базальта, тесонгле (наполнителя вулканического происхождения), оникса, обсидиана, пирита, жадеита, бирюзы, горного хрусталя, гипса, кости, раковин, дерева, меди, серебра, золота и других материалов, росписи (на стенах, сосудах и в рукописях) и в качестве непрямого свидетельства – литературу и музыку.

Эти произведения искусства в основном созданы уастеками, майя, ацтеками, миштеками, ольмеками, уакусечами (*uacusechas*) или пурепечами (*purepechas*), теотиуаканами, тольтеками, тотонаками, хочикальками (*hochicalcas*) и сапотеканами – и это лишь некоторые из народов, принимавших участие в творческой деятельности. Художественная и историческая ценность работ, оставленных после себя этими группами, теперь является общепризнанной.

Однако, несмотря на то, что люди в Америке появились, по меньшей мере, 50000 лет назад и что во время раскопок были найдены археологические остатки, свидетельствующие о самых древних стремлениях и эстетических критериях тех первых поселенцев, ученые в большинстве своем сходятся во мнении, что мезоамериканское искусство зародилось около XVII в. до н.э. и существовало вплоть до XVI в. н.э. Этот продолжительный период времени ученые разбили на три основных этапа: доклассический (ранний – 1800–1300 гг. до н.э.; средний – 1300–500 гг. до н.э.; поздний – 500 г. до н.э. – 300 г. н.э.); классический (ранний – 300–600 гг. н.э.; поздний – 600–900 гг. н.э.) и постклассический (ранний – 900–1250 гг. н.э.; поздний – 1250–1500 гг. н.э.).

На протяжении этих трех веков сцены повседневной жизни, взгляды на мир и богов и мифы получали художественное выражение во многих различных и сложных формах. Далее в *общих чертах* приведены некоторые из самых примечательных примеров.

Ранние этапы

Одним из мест, в которых первыми появились признаки художественного выражения, был бассейн Мехико. На раннем доклассическом этапе здесь появились первые поселения, построенные с применением прогрессивных методов обработки камня. Среди таких мест можно назвать Эль-Арболито, Сакатенко и Тлатилько. Однако первыми произведениями искусства были керамические изделия: помимо сосудов, украшенных насечками или полосками, существует множество небольших женских фи-

гурок, иногда окрашенных в красный цвет, со схематически изображенными чертами лица и выступающей грудью и бедрами.

Во времени среднего доклассического этапа появились новые поселения, например Копилко, Тлапакоя и Чалкатсинго, с насыпными холмами из угранованной земли, на месте которых впоследствии вырастут жилища и храмы на пирамидах. На этом этапе широкое распространение получили скульптурные фигуры из глины (такие как «Акробат из Тлатилько») и камня, отражающие влияние ольмеков, проявляющееся, например, в Чалкатсинго.

Однако впервые города стали играть важную роль именно на раннем доклассическом этапе с ростом таких важных городских центров, как Аскапоцалько, Теотиуакан, Хико, Тикоман и Серро-де-ла-Эстрелья. Куикуилко знаменит своей пирамидой, круглой в плане и включающей четыре ступенчатые конструкции. Гончарные изделия раскрашивались в разные цвета и нередко выполнялись в виде, например, рыб или птиц, сочетающих в себе как схематические, так и естественные черты.

Боги, ягуары и люди

Несмотря на вышеприведенные замечания, термин «родная культура» в истории Мезоамерики применяется к культуре ольмеков. Самой важной территорией их расселения было побережье Мексиканского залива к югу от г. Веракруса и к западу от мексиканского штата Табаско. Именно здесь начиная с середины раннего доклассического этапа вырастали такие значительные города, как Ла-Вента, Трес-Сапотес, Сан-Лоренсо, Эль-Манати, Серро-де-лас-Месас и Лос-Тухтлас.

Ла-Вента является одним из крупнейших и старейших ольмекских поселений. Оно ориентировано в направлении север-юг, и по этой оси расположены дворы, к которым примыкают широкие платформы и несколько различных земляных сооружений, самым выдающимся из которых является огромный курган *C* – первая пирамида в Мезоамерике.

Произведения из камня (базальта) включают сложные из геометрических фигур мозаики, выложенные на уровне земли и впоследствии засыпанные землей. Они изображают фантастические лица, возможно божества, и колоссальные головы – скульптурные портреты с индивидуализированными чертами, миндалевидными глазами, толстыми губами и плоскими носами; головы непременно украшены различными головными уборами. Необходимо также упомянуть и о массивных каменных алтарях, на которых изображались антропоморфные существа, появляющиеся из пастей животных, – «Чудища Земли», иногда держащие маленькие человеческие фигурки, вероятно, изображающие детей. Есть также и примеры стел – огромных необработанных каменных плит, на которых вырезались фигуры животных (семейства кошачьих, например ягуаров, и рептилий) и людей (поодиночке в различных

позах или группами в сложных сценах). Особо следует упомянуть о «борце» – мускулистой фигуре, изображенной в сидячем положении, с ногами, повернутыми влево, наклонившейся вперед и повернутой вправо торсом, с руками, согнутыми и поднятыми почти до уровня плеч.

Сохранилось много предметов, сделанных из жадеита и других полудрагоценных камней, вырезанных в форме маленьких каноэ, топоров (гладких или резных), масок или человеческих фигурок с вырезанной на лбу буквой «V». Примером такой работы является «Подношение 4» из Ла-Венты. Гончарные изделия представляются не только сосудами различных форм, но и фигурками, известными как «детские лица»: бесполоыми человеческими фигурками с лицами овальной формы, раскосыми глазами, плоскими носами и толстыми губами с опущенными уголками рта.

В результате раскопок, проведенных в Эль-Манати, появились также примеры резьбы по дереву, свидетельства о существовании игры с мячом (о чем свидетельствуют находки мячей из каучука) и человеческого жертвоприношения. Влияние ольмеков распространилось на различные части Мезоамерики, включая Лас-Бокас (современный штат Пуэбла), Теопантекуанитлан (Герреро), Чалкатсинго (Морелос) и Хок (Чьяпас).

Земля заходящего Солнца

Западная Мексика (штаты Синалоа, Керетаро, Гуанахуато, Колима, Наярит, Халиско, Мичоакан и Герреро) – это территория, начиная с доклассического этапа занимавшая особое место. Она знаменита главным образом своими гончарными и металлическими изделиями, в которых, хотя и не являющихся только средством художественного выражения, обнаружены неординарные уровни мастерства в украшении и создании различных форм. Большая часть этих произведений создавалась для ритуальных и погребальных целей и была найдена в шахтных захоронениях с камерами.

Начиная с V в. до н.э. сосуды украшали, раскрашивая в разные цвета и используя разнообразные узоры, типы которых продолжали использоваться вплоть до конца постклассического этапа. Красный, черный, охристый и кремовый цвета иногда использовались по отдельности, а иногда по два или более цветов объединялись в сложных геометрических формах, а изделие проходило тонкую полировку и покрывалось глазурью.

На протяжении доклассического этапа миниатюрные статуэтки производили в Чупикуаро, тогда как фигурки более крупных размеров были обычными в штатах Колима, Наярит и Халиско на классическом этапе. В штате Синалоа преобладали геометрические орнаменты красного и черного цветов на кремовом фоне. Помимо обычных сосудов различных форм (чаш с носиками, блюд и «патохос» – кружек для питья), Колима знаменита своими фигурками животных: собак, броненосцев, опоссумов, попугаев, уток, змей, ящериц, крабов и рыб. С другой стороны, Халиско знаменит фигурками людей в различных позах, обильно раскрашенными геометрическими узорами в разные цвета, и маленькими фигурками, сгруппированными в сцены из повседневной жизни: матери с детьми на руках; люди, играющие друг с другом, например, в мяч или в сопровождении маленьких собачек; собрания в зданиях или на открытом воздухе.

Обработка металла на постклассическом этапе достигла чрезвычайно высокого уровня, когда по выплавляемым моделям производились различные украшения и ювелирные изделия из меди, золота и серебра, например маленькие колокольчики, топорики и застежки. Наконец, в Герреро, где развился особый мескальский стиль, создавались прекрасные предметы из камня; особенно хороши были схематические предметы с прямыми линиями и резкими

очертаниями. Этот стиль особенно ярко проявляется в топорах, антропоморфных масках и нагрудных украшениях, а также в некоторых видах ювелирных изделий.

Для архитектуры и строений постклассического этапа стали примечательными большие платформы, на которые ставились храмы, или *якатас* – прямоугольные и полукруглые в плане строения.

Преобладание горизонталей

Одним из самых крупных городов горной долины на классическом этапе был Теотиуакан. Его расположение дало ему возможность контролировать всю Мексиканскую долину и, судя по результатам археологических раскопок, распространять свое влияние на различные регионы Мезоамерики. Теотиуакан представляет особый интерес из-за своего построения, главными особенностями которого являются правильная планировка с разбивкой на кварталы, ориентация вдоль двух взаимно перпендикулярных главных осей (одной из них является «Дорога мертвых»), использование *талуды* (низкой наклонной стены) и *таблеро* (вертикальных плит, окруженных опалубкой, образующей выступающий каркас) и почти полное отсутствие вертикальных плоскостей у строений, выполнение их элементов наклонными и горизонтальными, чтобы они повторяли склоны окружающих холмов и долин.

Эти особенности наиболее ярко проявляются во дворцах или жилых комплексах, состоящих из центральных внутренних двориков, окруженных портиками и колоннами, проходами и комнатами (Атетелько, Тетитла и Сакуала).

Одной из самых важных построек является Цитадель – архитектурный комплекс, представляющий собой замкнутое пространство 400х400 кв. м, окруженное четырьмя большими платформами с пирамидами на них. Главной была «Пирамида Кецалькоатля» («Пернатого Змея»), в которой объемная скульптура сочеталась с росписями: *талуды* и *таблеро* были украшены изображениями пернатых змей, головами божеств и водными элементами, а весь комплекс раскрашен в зеленые, красные, охристые и белые цвета.

Пирамиды Солнца и Луны – главные центры вдоль «Дороги мертвых» – представляют собой нечто исключительное как из-за отсутствия *талудов* и *таблеро*, так и из-за их размеров, поскольку их высота свыше 60 и 40 м соответственно.

Другой отличительной чертой Теотиуакана является изобилие цвета, так как огромнейшие поверхности раскрашены, главным образом, в сочетания красных, зеленых, голубых, охристых, белого и черного цветов, с тем чтобы создать комплекс геометрических, антропоморфных или зооморфных изображений. Подобными примерами такой работы являются Атетелько, Куэтсальпалотл, Тепантитла, Тетитла, Ла-Вентилья, Йайауала и Сакуала.

Гончарные изделия различных форм (горшки, чаши, кружки, вазы) тоже были раскрашены в различные цвета: от монохромных (черная, полированная красная и тишичная «бледно-оранжевая» утварь) до полихромных, и украшались сценами, по стилю напоминавшими стенные росписи. Различными сочетаниями цветов часто расписывались также фигурки и курительницы.

Строгая и схематичная геометрия архитектуры проявляется также и в скульптуре. Это касается изображения, которое считается изображением Чальчиутликуэ («она в одежде из нефрита», богиня пресной воды, озер, морей и рек. – *Прим. ред.*), объемных скульптур (многие из них сделаны из оникса и керамики) и масок, изготовленных из ценных материалов. Особого упоминания заслуживает стела Ла-Вентилья, в которой сочетаются прямые и кривые линии как в самой структуре, так и в украшении, образующие сложные переплетающиеся узоры.

Хозяева белого холма

Гористую территорию современного штата Оахака занимали сапотекы и миштеки, а также другие народы, начиная со среднего доклассического этапа и заканчивая завершением постклассического этапа. Здесь были построены многочисленные города: Коихтлауака, Куилапан, Дайнсу, Этла, Ламбитиеко, Митла, Монте-Альбан, Монте-Негро, Теотитлан, Йагул, Йануитлан и Саачила.

Одним из главных городских центров был Монте-Альбан, где несколько внушительных архитектурных сооружений окружали большое прямоугольное пространство, на котором располагались различные другие здания. Они отличаются использованием «двухрамных» *таблеро*, в которых двойная опалубка располагалась вокруг каркаса, открытого снизу и образующего перевернутую букву «U». Есть также дворы для игры в мяч и жилые блоки с портиками и внутренними дворами.

Особо примечательны храм Дансантес (строение L) и Обсерватория (строение J), пятиугольная в плане. Оба сооружения облицованы резными прямоугольными плитами из гнейса. На плитах храма Дансантес выгравированы изображения людей в свободных, расслабленных позах, вероятно, на этих блоках представлены тела умерщвленных пленников; на плитах Обсерватории изображены сцены завоеваний Монте-Альбана. Здесь есть также многочисленные стелы с резными изобразительными сценами и сопровождающими их гравированными иероглифическими надписями, обозначающими даты и исторические события (как на стелах 12 и 13, относящихся к концу среднего доклассического этапа, и *Камене Базан* – середина классического этапа).

Другой интересный аспект искусства сапотеков представлен многочисленными захоронениями, содержащими изображения сложных сцен, символизирующих богов и, возможно, реальных лиц. Среди наиболее известных можно назвать гробницу 105 в Монте-Альбане и гробницу 1 в Хучилкуитонго. Кроме того, они содержат погребальные приношения, включающие изделия из одноцветной и разноцветной керамики в виде утилитарных и портретных урн; почти все они – с изображениями бога Косихо-Питао («великий Косихо», бог дождя и молнии. – *Прим. ред.*) и тринадцати змей. Среди других приношений встречаются ювелирные украшения из жадеита, горного хрусталя и кости, выдающимся примером которых является жадеитовая маска так называемого «Бога – Летучей мыши».

Побережье улыбающихся лиц

На территории, лежащей между реками Сото-ла-Марина (штат Тамаулипас) и Грихальва (штат Табаско), возникли несколько различных культур, включая, кроме ольмекской, культуру уастеков, тотонаков и культуру, связанную с Ремохадас. Именно к тотонакам относят такие поселения, как Эль-Тахин, Йоуаличан, Исла-де-Сакрифисиос и Трес-Пикос. В других местах, например в Киауицлане и Кем-поале, явно чувствуется влияние мешиков (ацтеков).

Отличительной особенностью архитектуры Эль-Тахина и Йоуаличана является устройство ниш на *таблеро* и изящных рельефных резных узоров на каменных плитах, колоннах, *таблеро* (панелях) и объемных скульптурах, среди которых преобладали переплетенные узоры и завитки. Примеры такой работы обнаруживаются в большом дворе для игры в мяч в Эль-Тахине, на «камне Тепетлахко» и в трех видах предметов, связанных с игрой в мяч: «*ача*» («топор»), «*ого*» («ярмо») и «*тальма*» («пальмовое дерево»).

Гончарные изделия примечательны статуэтками, особенно теми, у которых «улыбающиеся» лица и которые являются погребальными приношениями, замечательными уже одним только фактом изображения улыбок. Есть также крупные керамические фигурки, найденные в Эль-Сапоталь,

изображающие женщин, – так называемые *снуетете* (*cibuatete*) – с распростертыми руками и по-разному одетых, а также глиняные скелеты, известные под названием Миктлантекутли («владыка Миктлана») – бог подземного мира (Миктлана) и преисподней. Как в Эль-Тахине, так и в Лас-Игерас найдены остатки стеновых росписей, включающих узоры, очень похожие на те, что использовались в их скульптуре.

Уастеки, поселения которых включали Тамуин, Танток и Кастильо де Теайо, знамениты своими ювелирными украшениями из ракушек и золота и гончарными изделиями, украшенными *чанопоте* (*chanopote*) – черным битумом. Однако эта культура отождествляется в основном с объемными скульптурами обнаженных или полубнаженных мужчин и женщин со скрещенными на груди руками и одетыми на голову коническими шляпами с прикрепленными к ним предметами, похожими на веера. Эти фигурки обычно представляют собой определенный контраст, например противопоставление жизни и смерти, как в примерах с «уастекской молодежью» и несколькими женскими фигурами.

Джунгли и люди

Одной из великих мезоамериканских культур была культура майя, известная благодаря достижениям этой цивилизации в науках и искусстве. Эту культуру классифицировали на региональной основе – Исапа, Мотагуа, Петен, Усумасинта, Рио-Бек, Ченес, Планисиес Нортеньяс, Пуук, Коста Ориенталь; при этом такие города, как Бонампак, Серрос, Чичен-Ица, Коба, Копан, Дсибилчалтун, Паленке, Киригуа, Тикаль и Ушмаль, – это лишь несколько из сотен возможных примеров (илл. 297, 298).

Архитектура майя характеризуется использованием выступающих сводов и каменных мостовых, а также выполнением на крышах жилищ ярко раскрашенных коньков. Типичными чертами архитектуры полуострова Юкатан также являются использование колонн (монолитных или состоящих из нескольких барабанов), отделка, включающая каменную мозаику и огромные маски божеств с выступающими носами (Ушмаль, Кабах, Чиканна), и башни в виде пирамид (Рио-Бек, Шпуил).

Здания представляют собой в основном строения, похожие на дворцы, низкие и широкие, в один или более этажей, с многочисленными помещениями, расположенными вокруг внутренних дворов; очень высокие пирамидоподобные платформы (высотой от 20 до 70 м), с храмами на плоских вершинах; площадки для игры в мяч, открытые с двух торцов. Здания расположены таким образом, чтобы оставались открытые пространства между ними и, конечно, с учетом неровностей поверхности. Большинство стен были покрашены либо в один цвет, либо были украшены геометрическими узорами или сценами, а также скульптурами из гипса и камня. На большей части стен изображены как божества, так и простые люди (илл. 296).

Живопись использовалась также для украшения текстов или кодексов и урн. Некоторые тексты были извлечены из гробниц, однако, за исключением трех из них, названных по наименованиям мест хранения (Дрезден, Мадрид и Париж), они окаменели, так что их страницы невозможно раскрыть. Тексты снабжены символическими рисунками и иероглифами; они содержат истории о богах, календари и различные ритуальные или мистические сцены.

Другая отличительная особенность архитектуры майя – алтари и стелы, расположенные у зданий. На них скульптурные изображения царей, участвующих в важнейших церемониях в их жизни: восшествия на престол, захвате пленников или кровавых обрядах (рис. 23). Подобные сцены также представлены на каменных и деревянных перемычках дверей и окон.

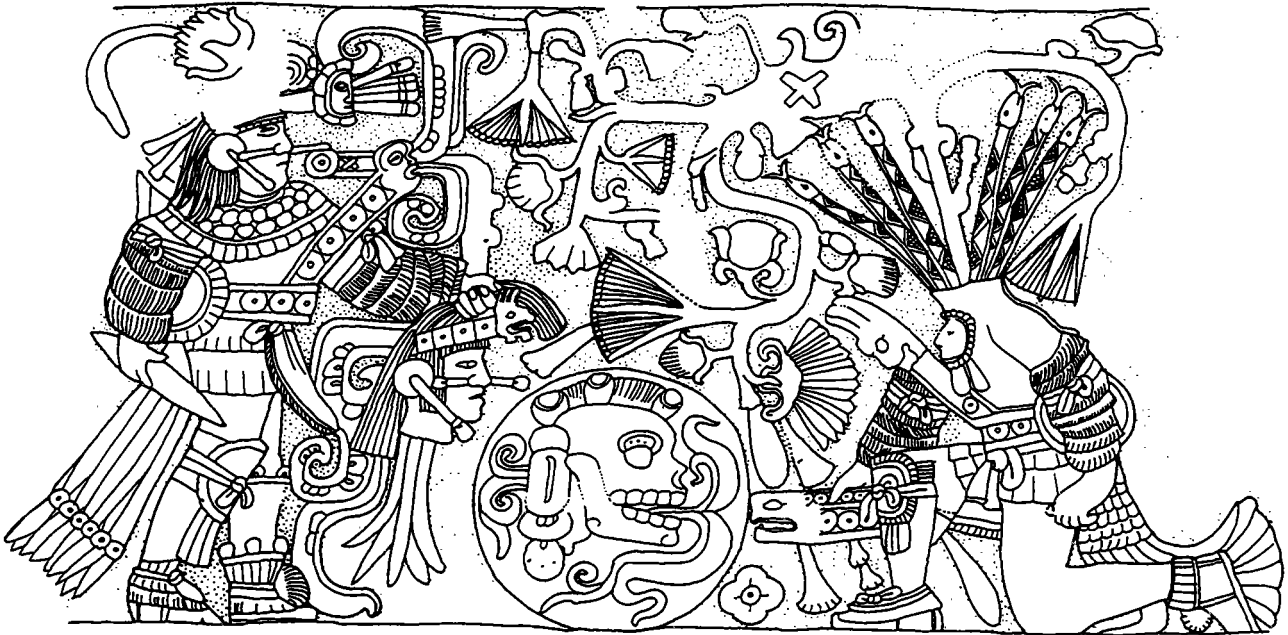

Рис. 23. Изображение обряда жертвоприношения на площадке для игры в мяч. Постклассический рельеф майя из Чичен-Ицы, штат Юкатан (Мексика), 900–1200 гг. н.э. (по Schele; Miller, *The Blood of Kings*, NY, 1986, p. 244)

В скульптуре и живописи также проявлялась явная приверженность к изображению людей и животных, как схематичному, так и натуралистичному, хотя и смешанному с различными элементами, пропитанному религиозным символизмом, свойственным всей Мезоамерике (илл. 92, 93, 295, 296, 297).

Эти же характеристики обнаруживаются в живописных украшениях на керамических изделиях, особенно на портретных урнах. На самом деле, именно на классическом этапе все эти особенности проявились наиболее ярко, о чем свидетельствуют тарелки, чашки, вазы и горшки, например урны из Петена, ваза из Алтаря Сакрифисиос, курильницы из Майялана (города-государства X–XV вв. индейцев майя на п-ове Юкатан. – *Прим. ред.*) и статуэтки.

Вместе с тем предметы высокого качества и яркой красоты создавались еще и из других материалов – ракушек, гипса, кости, жадеита, дерева, обсидиана, а поверхность их украшалась либо процарапыванием поверхности, либо гравировкой. Примерами некоторых великолепных объектов, изображающих фигурки животных, людей и божеств и украшенных петроглифами, являются гипсовые скульптуры «Бога К» из Тикаля, жадеитовые мозаичные маски из Калакмуля, декоративные тарелки из Небаха, деревянные скипетры, найденные в Священном кенотафе Чичен-Ицы и многочисленные необычные изделия из обсидиана.

Божественное наследие

С падением Теотиуакана на первый план вышли другие города, избежавшие участи огромных городов-государств. Поэтому в постклассическую эпоху продолжали развиваться Чолула, Какахтла, Хочикалко и Эль-Тахин, а также различные центры в Оахаке и на территории проживания майя. Особую важность имели Хочикалко и Какахтла.

Хочикалко (в штате Морелос) в основном известен благодаря одному своему сооружению – Пирамиде Пернатого Змея. Здесь *талуды* и *таблеро* украшены резными рельефами извивающихся пернатых змеев и водяных змей, обрамляющих сидящие фигуры в богатых одеяниях. Отличительный художественный стиль города признан уже давно из-за памятного камня на площадке для игры в мяч в форме головы попугая ара и нескольких резных стел,

хотя во время последних археологических раскопок были обнаружены новые произведения искусства, которые расширили наши знания об этом месте.

Точно так же Какахтла (в Тласкале) знаменита своим акрополем, состоящим из нескольких различных строений, расположенных вокруг дворов. На *талуде* одного из этих строений – Галереи В нарисованы разноцветные фрески, изображающие сцену кровавого боя, в котором две группы вражеских воинов с открытыми, словно кричащими ртами рубят друг друга, отчего вся земля вокруг них залита кровью и усыпана внутренностями. Другие постройки (Галерея А, Красный храм и Храм Венеры) также содержат картины, изображающие людей в масках, животных и петроглифы. В художественном стиле Какахтлы отражается сильное влияние майя и, вероятно, нюинье (*ñuiné*), причем первое наиболее ярко проявляется в Красном храме, а второе – в Галерее В.

Диалоги с центром

В середине VII в. н.э. на Центральное плато прибыли несколько племен с севера. Одна из этих групп, известная как *тольтеки*, основала свой главный центр в Толлане (историческая Тула в мексиканском штате Идальго) (илл. 299). Тольтеки принесли с собой новые художественные стили в архитектуре и скульптуре, которые были привиты кумирающей теотиуаканской культуре. Они включали модификации конструкции *таблеро-талуд*, которую тольтеки украсили резными рельефами, а также колонные залы, или галереи, скамьи с резными рельефами, серпентиновые колонны, пилястры и стены с фризами, на которых изображали воинов, птиц, животных семейства кошачьих и змей, составлявших процессии; алтари, поддерживаемые небольшими атлантами, и *чакмоол* (*chacmool*) – откинувшиеся назад антропоморфные фигуры с установленными на животах сосудами.

Керамические изделия характеризуются своим цветом и узором, в частности красным на кремовом и охристом цветах с рисунками из волнистых линий. Совершенно другой разновидностью были гончарные изделия со свинцовой глазурью (вывозимые также в Гватемалу), иногда инкрустируемые перламутром.

Влияние искусства Тулы было настолько огромным, что достигло даже п-ова Юкатан и слилось с традицией майя, что явствует из различных зданий в Чичен-Ице, например Храма воинов, Двора тысячи колонн и «Меркадо».

Облачный народ

В штате Оахака главные города типа Монте-Альбана уступили место другим городам – Тилантонго, Ачиутле и Митле.

Традиционно относимая к культуре миштеков, культура Митла также имеет ряд особенностей, свойственных сапотекам, например использование «рамных» опалубок на *таблеро* и монолитных колоннах. Использовалась также и каменная мозаика в сочетании с некоторыми из вышеперечисленных особенностей для создания фриз с бесконечным разнообразием замысловатых узоров, главным образом «*gracas*».

Необычный вид имеют и гончарные изделия из-за их цветов и узоров: геометрические и стилизованные фигурки животных и людей изображены очень живо благодаря использованию красных, охристых, коричневых, синих, зеленых, а также черного и белого цветов. Более того, существуют некоторые сходства между росписью керамики и стилем, использованным в таких текстах (кодексах), как *Bodley*, *Borgia* (конец XV в. н.э.), *Colombino* (XII в. н.э.), *Féjérvary-Mayer*, *Nuttall* и *Selden*. Кроме того, этот же изобразительный стиль можно увидеть на гончарных изделиях Чолулы (илл. 1, 94).

Кроме резьбы по кости, горному хрусталу, янтарю и бирюзе, миштеки чрезвычайно умело обрабатывали металл, особенно золото, с применением литья по выплавляемым моделям. Некоторые из самых впечатляющих изделий были обнаружены в гробнице 7 в Монте-Альбана: серьги, браслеты, ожерелья, шейные и нагрудные украшения (особенно пектораль из Миктлантекутли и *Чималли* из Йануитлана), кольца для губ, а также фигурки животных, бусы и бокалы, вырезанные из горного хрусталя.

Последний поворот

Новые переселенцы появились в Центральной долине Мехико в XIII в. н.э. Среди них были теночки, или мешики (ацтеки), которые менее чем за 200 лет взяли под свой контроль обширную территорию Мезоамерики.

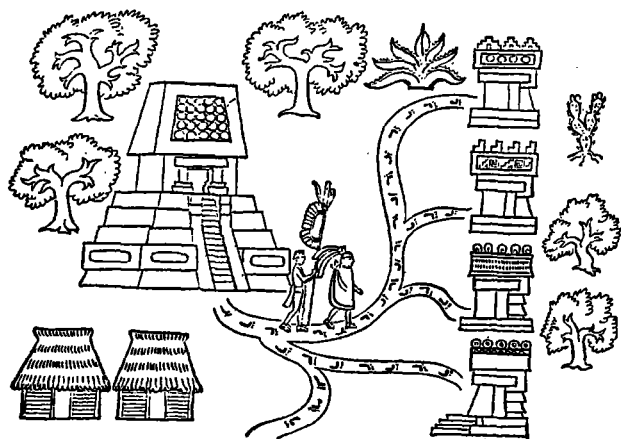

Рис. 24. Изображение ацтекского храма и домов, к которым движется вождь. Отпечатки ступней указывают на переселение или движение людей (перерисовано А. Белтраном (*Alfredo Beltrán*) из ацтекского кодекса XV в. н.э.; в кн. *Hagen, Victor W. von, The Aztec: Man and Tribe*, NY, 1958, p. 46).

Теночтитлан (на месте современного г. Мехико) – столица мешиков – развивался как городской центр на одном из островов оз. Тескоко и постепенно расширялся путем постройки плотины для защиты от наводнений; в нем была спланирована упорядоченная сеть улиц; были как наземные мощеные улицы, так и каналы для каноэ. С суши город был соединен тремя длинными насыпными дорогами с подъемными мостами через каналы. Архитектура города, помимо жилых комплексов, напоминающих дворцы, характеризуется двойной платформой, на нижней была сооружена огромная усеченная ступенчатая пирамида; крутые лестницы пирамиды ограничивались каменными балюстрадами. Пирамида наверху заканчивалась платформой с кубическими сооружениями, увенчивалась храмовыми помещениями и круглыми пирамидальными конструкциями, посвященными богу ветра (рис. 24). Священная территория была окружена «стеной мезев» (*коатепантли*) (илл. 307).

Скульптура имела реалистические черты, но в то же время являлась схематичной и жесткой. Некоторые выдающиеся примеры представлены головой «воина-орла», «хранилищ сердец» в виде представителей семейства кошачьих или птиц, обсидиановыми или ониксовыми сосудами в форме обезьян и черепами из камня или горного хрусталя. Есть также примеры монументальной скульптуры: Коатликуэ, Хочишилли, «камень Солнца», отрубленная голова Койольшаукуи и др.

До наших дней сохранились лишь немногие примеры изделий из перьев, но их достаточно, чтобы получить представление о тонкости таких предметов; это, например, так называемый «головной убор Монтекумы» (который теперь находится в Вене) и щит с изображением мифической «водной собаки».

Наконец, до нас дошли и несколько текстов (кодексов). Это книги, содержащие нарисованные истории царей, богов и мифы, а также реестры сбора дани. Они включают кодекс *Borbonicus*; кодекс *Boturini*, или *Tira de la Peregrinación*; *Tonalámatl Aubin*, *Matrícula de Tributos* («Реестр податей») и кодекс *Mendoza* (илл. 300–306).

Появление новых богов

Когда в первые десятилетия XVI в. в Америке появились европейцы, разные народы Мезоамерики находились на разных уровнях развития. Некоторые из них завершили свой цикл развития, другие начали приходить в упадок, а третьи были уничтожены пришельцами.

По мере слияния традиций вскоре произошло взаимное обогащение культур. В результате этого архитектура и изобразительные искусства Мексики до сих пор сохраняют некоторые эстетические особенности, унаследованные от Мезоамерики, и именно в них они черпают свою силу, как и в традициях, пришедших из Старого Света. Эти голоса, связывающие прошлое с настоящим, дополняют жизнь и смерть, являются эхом прошедших времен и слышны через века, по-прежнему завораживая нас своей гармонией.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРОВ

На заключительном этапе подготовки данного тома редакторы приняли решение включить в него раздел «Искусство и архитектура доколумбовой Америки». Рамки времени и пространства вынудили ее автора, Альфонсо Арельяно Эрнандеса, ограничиться текстом о Мезоамерике, учитывая культурное богатство этого региона в рассматриваемый период. Однако в то время Америка включала и другие центры цивилизации, в частности те, что располагались в Центральных Андах, где инки основали в равной степени высокоцивилизированную империю. Эти цивилизации рассмотрены в части VI данного тома (во Введении к ней и в главах 37–39) и в разделе иллюстраций.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BENSON, E. (ed.) 1981. *Mesoamerican Sites and World-views*. Dumbarton Oaks. Washington.
- BERNAL, I. et al. 1974–1976. *México, panorama histórico y cultural*, 10 vols. Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico City.
- CASO, A. et al. 1981. *Cuarenta siglos de arte mexicano*, 2 vols. Porrúa–Herrero. I. Mexico City.
- COOK DE LEONARD, C. et al. (eds.) 1959. *Esplendor del México antiguo*, 5 vols. Centro de Investigaciones Antropológicas de México. Mexico City.
- COVARRUBIAS, M. 1957. *Indian Art of Mexico and Central America*. Knopf. New York.
- DAHLGREN DE JORDÁN, B. 1954. *La Mixteca: su cultura e historia prehispánicas*. Instituto de Investigaciones Antropológicas, UNAM. Mexico City.
- FLANNERY, K.; MARCUS, J. 1983. *The Cloud People. Divergent Evolution of the Zapotec and Mixtec Civilizations*. Academic Press. New York.
- FONCERRADA DE MOLINA, M. 1993. *La iconografía de los olmeca–xicalanca*. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM. Mexico City.
- FONCERRADA DE MOLINA, M.; LOMBARDO DE RUIZ, S. 1979. *Vasijas pintadas mayas en contexto arqueológico (catálogo)*. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM (Estudios y Fuentes del Arte en México, XXXIX). Mexico City.
- FUENTE, B. DE LA, 1965. *La escultura de Palenque*. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM (Estudios y Fuentes del Arte en México, XX). Mexico City.
- 1974. *Arte prehispánico funerario. El Occidente de México*. Coordinación de Humanidades, UNAM (Colección de Arte, 27). Mexico City.
- 1975. *Las cabezas colosales olmecas*. Fondo de Cultura Económica (Testimonios del Fondo). Mexico City.
- 1978. *Los hombres de piedra. Escultura olmeca*. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM. Mexico City.
- FUENTE, B. DE LA, 1965. et al. 1982. *Historia del arte mexicano*, 12 vols. Secretaría de Educación Pública–Salvat Mexicana de Ediciones, S.A. I–III (Pre-Columbian Art). Mexico City.
- 1995. *La acrópolis de Xochicalco*. Instituto de Cultura de Morelos. Mexico City.
- FUENTE, B. DE LA (co-ord.) 1995. *La pintura mural prehispánica en México. Teotihuacán*, 2 vols. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM. Mexico City.
- GENDROP, P. (co-ord.) 1971. *Murales prehispánicos. Artes de México (Artes de México, 144)*. Mexico City.
- 1973. *La escultura clásica maya. Artes de México (Artes de México, 167)*. Mexico City.
- GUTIÉRREZ SOLANA, N. 1985. *Códices de México. Historia e interpretación de los grandes libros pintados prehispánicos*. Panorama Editorial. Mexico City.
- HEYDEN, D. 1983. *Mitología y simbolismo de la flora en el México prehispánico*. Instituto de Investigaciones Antropológicas, UNAM (Serie Antropológica, Etnohistoria, 44). Mexico City.
- INSTITUTO NACIONAL DE ANTHROPOLOGÍA E HISTORIA. 1993–1996. *Revista de Arqueología Mexicana*, 3 vols. (19 nos.). Consejo Nacional para la Cultura y las Artes–Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico City.
- KELEMEN, P. 1969. *Medieval American Art. Masterpieces of the New World before Columbus*, 3rd edn, 2 vols. Dover Publications. New York.
- KUBLER, G. 1962. *The Art and Architecture of Ancient America*. Penguin Books, Harmondsworth.
- LOMBARDO DE RUIZ, S. (co-ord.) 1987. *La pintura mural maya en Quintana Roo*. Instituto Nacional de Antropología e Historia–Gobierno del Estado de Quintana Roo (Colección Fuentes). Mexico City.
- LÓPEZ AUSTIN, A. 1981. *Tarascos y mexicas*. Secretaría de Educación Pública–Fondo de Cultura Económica (SEP/ 80, 4). Mexico City.
- LÓPEZ AUSTIN, A. et al. 1989. *Teotihuacán. El Equilibrista–Turnier Libros, Citicorp–Citybank. México–Madrid*.
- MANZANILLA, L.; LÓPEZ LUJÁN, L. (co-ord.) 1989. *Atlas histórico de Mesoamérica*. Larousse. Mexico City.
- 1994. *Historia antigua de Mézico*, 3 vols. Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico City.
- MARQUINA, I. 1951. *Arquitectura prehispánica*, 2 vols. Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico City.
- MILLER, M. E. 1982. *The Murals of Bonampak*. University of Texas Press. Austin.
- MORLEY, S. G. 1982. *La civilización maya*, 3rd reprint. Fondo de Cultura Económica (Sección de Obras de Antropología). Mexico City.
- NICHOLSON, H. B. (ed.) 1967. *The Origins of Religious Art and Iconography in Preclassic Mesoamerica*. University of California. Los Angeles.
- NOGUERA, E. 1965. *La cerámica arqueológica de Mesoamérica*. Instituto de Investigaciones Históricas, UNAM (First Series, 86). Mexico City.
- OCHOA, L. (ed.) 1979. *Historia prehispánica de la Huasteca*. Instituto de Investigaciones Antropológicas, UNAM (Antropología, Etnohistoria, Serie Antropológica, 26). Mexico City.
- O’GORMAN, E. et al. 1994. *México en el mundo de las colecciones de arte*, 7 vols. Crupo Azabache: I–II (Mesoamérica). Mexico City.
- PIÑA CHAN, R. 1975. *Historia, arqueología y arte prehispánico, Ist reprint*. Fondo de Cultura Económica (Sección de Obras de Antropología). Mexico City.
- PROSKOURIAKOFF, T. 1950. *A Study of Classic Maya Sculpture*. Carnegie Institution of Washington (Publication 593). Washington.
- RUIS LHUILLIER, A. 1981. *El pueblo maya*. Salvat Mexicana de Ediciones, S.A. –Fundación Cultural San Jerónimo Lídice. Mexico City.
- SÉJOURNÉ, I. 1983. *El pensamiento náhuatl cifrado por los calendarios*, 2nd edn. Siglo XXI (Colección América Nuestra, América Indígena, 35). Mexico City.
- SOUSTELLE, J. 1966. *L’Art du Mexique ancien*, Arthaud Paris; Spanish trans., 1969. *El arte del México antiguo*. Editorial Juventud. Barcelona.
- 1986. *Los olmecas, Ist reprint*. Fondo de Cultura Económica. Mexico City.
- THOMPSON, J. E. S. 1966. *The Rise and Fall of Maya Civilization*. University of Oklahoma. Norman.
- TOSCANO, S. 1984. *Arte precolombino de México y de la América Central*, 4th edn. Instituto de Investigaciones Estéticas, UNAM. Mexico City.
- WAUCHOPE, R. (gen. ed.) 1965. *Handbook of Middle American Indians*, 16 vols. University of Texas Press. Austin.
- WEAVER, M. P. 1981. *The Aztecs, Maya and their predecessors. Archaeology of Mesoamerica*, 2nd edn. Academic Press. New York.
- WESTHEIM, P. 1957. *Ideas fundamentales del arte prehispánico en México*. Fondo de Cultura Económica. Mexico City.
- WHITECOTTON, J. 1985. *Los zapotecos. Príncipes, sacerdotes y campesinos*. Fondo de Cultura Económica. Mexico City.

С

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

I. Наследники греко-римского мира

ВВЕДЕНИЕ

Яннис Караяннопулос

ОТ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ДО КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

За три столетия, прошедших после смерти Юстиниана в 565 г., эта часть мира испытала коренные перемены, приведшие к появлению территории, известной нам как Европа. Во-первых, она навсегда разделилась на два больших региона, Восток и Запад, которым было суждено развиваться независимо друг от друга. На Западе центр тяжести переместился на север, отодвинувшись от Средиземного моря, тогда как восточная, или византийская, часть Европы, несмотря на свою озабоченность событиями на севере и на востоке, продолжала «существовать» со средиземноморским миром.

На Востоке преобладающее влияние на частную и общественную жизнь продолжали оказывать греко-римская традиция и христианство – с различными модификациями и изменениями, приспособляющими их к меняющимся обстоятельствам. В западной же части развивались новые формы на основе на греко-римской традиции, но многим обязанные теперь влиянию германских народов. Эти новые элементы объединились в новом государстве и общественных структурах и стали источником образа жизни и мышления, который со временем начал рассматриваться как собственно европейский.

Усилия Юстиниана по отвоеванию захваченных варварами земель были последней серьезной попыткой возрождения Римской империи в форме средиземноморской державы. После занятия Африки, Юго-Восточной Испании, Балеарских островов, Корсики, Сардинии и большей части Италии средиземноморская Европа, вытянутая по оси восток-запад, казалось, была восстановлена. Но это оказалось иллюзией. Прежде всего, она включала в себя лишь малую часть земель, когда-то занимаемых римлянами в Испании, не затронула территории Галлии и Англии и большую часть Северной Италии. Более того, в областях за пределами отвоеванных территорий образовались новые германские государства, которые отнюдь не стремились принадлежать Римской империи. Империя для них была лишь неясной идеей, лишенной осязаемого политического содержания.

Воображаемая линия, которая с 395 г. проходила от Илирии до Африки, в реальности была не разграничительной линией между двумя частями одного государства, а границей между греческой культурой на Востоке и германо-латинской культурой на Западе. Тем не менее можно было бы говорить о понятии средиземноморской оси и средиземноморской Европы, если бы эта ось не была разорвана вандалами, пиратские действия которых на сто лет сделали почти невозможными торговые отношения между

западно-средиземноморским бассейном и другими областями, и если бы средиземноморские народы имели общий язык и общий религиозный догмат.

Таким образом, военные действия Юстиниана привели к появлению искусственного образования, которое не могло быть долговечным, хотя и создали впечатление, что ось восток-запад еще существует и является подлинной Европой. Однако за эффектным фасадом разрушались сами основы этой Европы. В течение VII в. на западе возникали новые государства: вестготы установили ограниченное господство в Испании, удерживали Септиманию (историческая область на средиземноморском побережье Франции. – *Прим. ред.*), франки образовали государство, в которое вошли почти вся Галлия и область к западу от Альп и Юры; лангобарды основали государство в Италии, бок о бок с византийским Равеннским экзархатом.

К этим внешним факторам, обусловившим крушение географического и политического единства средиземноморской Европы, добавилось чрезвычайно важное событие – экспансия арабского мира. Двинувшись из Аравии на второй год после смерти Мухаммеда (632 г.), арабы между 637 и 647 гг. захватили Сирию, Палестину, Египет и некоторые области Персии и Северной Африки. В 673–678 гг. и повторно в 717–718 гг. они осаждали Константинополь, но были отбиты. На этом направлении Европа была надежно защищена.

Почти в то же время арабы попытались вторгнуться в Европу через Испанию и дошли до Аквитании, однако в 732 г. были разгромлены при Пуатье Карлом Мартеллом. Это ознаменовало конец арабской угрозы Европе. Но несмотря на этот благоприятный исход, арабское присутствие в Восточном и Западном Средиземноморье, несомненно, разрушило географическое единство региона, поскольку два берега моря оказались в руках непримиримых врагов. Более того, одержав успех при изгнании арабов, франки не продвинулись за линию между Памплоной и Сарагосой. Они были заняты экспансией на северо-востоке и юго-востоке и вовсе не стремились к морскому господству в Средиземноморье.

На другом конце Европы на север и северо-запад Балкан в течение последних 20 лет VI в. вторгались славяне. Постепенно, попутно создавая славянские государства болгар, сербов, хорватов и словенцев, они медленно продвигались в южном направлении и вступили на Балканский п-ов, где основали небольшие изолированные поселения, которые с течением столетий стали христианскими, эллинизировались и уподобились в образе жизни основному населению страны.

В начале VII в. сербы и хорваты расселились на западе и северо-западе Балкан, а словенцы – на территории ны-

нешнего п-ова Истрия, образовав таким образом барьер, который император Ираклий пытался использовать против аваров, хотя с 626 г. последние не представляли более угрозы для Византии. После второй трети VII в. появляется новый враг, арабы. Это обстоятельство, наряду с агрессивной политикой молодого болгарского государства, вызвало беспокойство в Византии и отвлекло ее внимание от западного мира.

Вторжение лангобардов в Италию пополнило список факторов разделения двух миров, поставив римского папу в оппозицию Востоку. В 751 г. лангобарды заняли Равенну и ликвидировали византийский экзархат. Так как Византия не располагала силами, чтоб помочь Италии, папа обратился к франкам, и те по договору, заключенному в Понтионе (754 г.), обещали ему свою помощь. Когда лангобарды в 756 г. вновь напали на Рим, Пипин Короткий пересек Альпы и, разбив лангобардов, передал папе территории, ранее управлявшиеся экзархами Пентаполиса и Эмилии. Двадцать лет спустя, в 774 г., Карл Великий уничтожил лангобардское государство и утвердил дар Пипина уже как папское государство. Все эти события привели к окончательному обособлению папы от Византии. Действительно, после 781 г. в папских документах более не указывается год правления византийского императора.

В политическом и интеллектуальном отчуждении между Западом и Востоком, в дистанцировании западного мира от средиземноморского и в его повороте в северном направлении сыграли свою роль и политические интересы самих франков. Народ, северный по происхождению, был напрямую связан с регионом своего исконного проживания и в меньшей степени – с теми областями на юге, что были заняты ими позднее. Когда в конце VIII в. норманнские вторжения стали угрожать их северным владениям, франки естественным образом переключили свое внимание на данные области, оказавшиеся под угрозой. Следует добавить также, что из-за этих вторжений франкский народ сохранял хорошие отношения со своими местными вождями, организовавшими отпор норманнам, и это имело политические и социальные последствия для Франкского государства.

Вполне естественно, что вследствие всех этих событий Византия в сознании западных европейцев стала невероятно далекой и почти мифической страной. Запад и Восток, эти две половины «единой и неделимой Римской империи» минувших дней, находились в процессе формирования двух миров, чуждых один другому. И это было еще не все. Накопление культурных различий, враждебность и непонимание в вопросах религии и культуры, столкновения между Востоком и Западом были столь сильны, что понятие «Европы» в глазах западноевропейцев оказалось сведенным к северным и западным частям континента, фактически представлявшим собой империю Карла Великого. По словам историка Нитгарда, «*Carolus... omnem Europem [sic] omni bonitate repletam reliquit*» («Карл... оставил после себя всю Европу всяческим благом преисполненной»). Восточные части Европы образовали отдельный мир, называвшийся «Востоком», или «Восточной империей». Наиболее очевидные различия проявлялись в образе жизни.

В основу европейской культуры в Средиземноморье легли достижения греко-римской цивилизации. Но если в Византии, несмотря на первоначальное отвержение христианства к язычеству, сохранялся интерес к классической литературе, на Западе этот интерес снизился и, в особенности с VI в., имел место заметный спад культурной активности, как интеллектуальной, так и лингвистической. В значительной степени это явилось результатом разрушения материальной основы образования. Во время постоянных войн и прочих бедствий VI и VII вв. библиотеки были разорены и школы лишены возможности работать. Единственными исключениями были вестготская Испания и в Италии Равенна и Рим.

То, что классическая традиция все же сохранилась, можно объяснить существованием монастырей, особенно в Ирландии, которые в эти нелегкие времена не только предоставляли убежище, но также были местом, где изучались и переписывались классические тексты. Из Ирландии и из Англии, после ее обращения в христианство, элементы классического образования были не ранее VII в. принесены обратно в Галлию (св. Колумбаном, ок. 530–615 гг.), а в первой половине VIII в. – в Германию (св. Бонифацием, 672/3–754 гг.).

То обстоятельство, что интеллектуальная деятельность велась теперь в большей степени духовенством, а не мирянами, привело к переменам в ее направленности, которая перестав быть сузубо культурной, приобрела религиозное содержание. Это изменение продолжало традицию, заложенную св. Августином, считавшим, что единственная цель обучения – углубление понимания людьми Священного Писания. Данная тенденция оказала неблагоприятное воздействие на светское образование, пришедшее в необычный упадок. Вся культурная активность в континентальной Европе исходила от духовенства, а миряне почти поголовно оставались неграмотными (гл. 10).

Тем не менее интеллектуальная и культурная деятельность в это время не стала исключительной прерогативой церкви и теологов, потому что монархия в собственных административных и политических целях также использовала людей, обученных церковью. В силу этого церковь и монархия оказались институтами, тесно связанными между собой, что создало новые возможности для художественного и интеллектуального творчества. В результате сотрудничества со светской властью Рим сумел шаг за шагом собрать под свое духовное крыло различные местные церкви, чем придал средневековому западному миру одну из его важнейших отличительных черт – наднациональное религиозное единство, сосуществовавшее со множеством политических различий.

Во времена Карла Великого произошел новый расцвет культуры, называемый «Каролингским возрождением», существенная особенность которого – подъем образования. В основе обучения лежал метод Исидора Севильского, сохранившего римскую систему, но при этом рассматривавшего *тривиум* (1-й цикл «семи свободных искусств», включавший грамматику, риторику и логику) и *квадривиум* (2-й, повышенный цикл, следовавший после тривиума и включавший арифметику, музыку, геометрию и астрономию) как служителей духовной царицы всех наук – теологии. Эта просветительская работа, обеспечившая благоприятные условия для возведения барьера против невежества и варварства, началась еще задолго до Карла Великого. Уже с начала VIII в. активно функционировали монастырские школы. Но их подлинный расцвет наступил позднее, и одним из наиболее ярких примеров является начавшая свою деятельность в последней трети VIII в. школа в аббатстве Сен-Дени, где делалась работа по восстановлению латинского языка в его чистых формах.

Карл Великий основал придворную школу, о которой до нас дошло очень мало сведений. Главным же его достижением стала придворная Академия, где собрались вместе ученые мужи из различных стран. Ее влияние на развитие западной литературы было весьма значительным. Академия провела работу по очищению латыни от просочившихся в нее элементов общеупотребительных тогда германских и романских языков и разработала необыкновенно изящную форму письма (каролингский курсив), использовавшуюся при переписке рукописей и в дипломатических документах.

Арабы, в свою очередь, обнаружили в завоеванных ими областях, в особенности в Сирии и Египте, важные учебные центры, истоки которых восходили к золотому веку классической Греции. Во множестве здешних библиотек сохранялись сочинения греческих, еврейских, персидских,

китайских и индийских ученых. Западный мир, вновь открывая для себя через посредство арабов греческую науку и философию, оказался в состоянии внести в них свой оригинальный вклад прежде всего потому, что был способен смотреть на плоды греческой науки и философии не с почтением подражателя, а с любопытством исследователя.

На Востоке, в Византии, положение было иным. Классическое образование и интерес к античному миру здесь были неизменны. В Византии культивировалось изучение древнегреческой литературы, хотя поначалу это выглядело лишь имитацией духа античности.

Таким образом, независимая традиция в литературе, науке и искусствах (каролингское искусство) прежде всего возникла в Западной Европе. Традиция эта восприняла элементы, позаимствованные у германских народов, воспользовалась философией и наукой Древней Греции, обогащенной арабами, и положила в основу всего христианское вероучение, открыв таким образом новые культурные горизонты и приведя к появлению интеллектуальных и философских концепций, весьма отличных от византийских. В результате культурный разрыв между Византией и Западом, их языковые и политические различия создали между ними пропасть, углубившуюся из-за ненависти, вызванной разницей в догматах.

Европа средиземноморского единства ослабела. Теперь рядом с византийским миром, на Западе, возникло то, что стало преимущественно «Европой», с собственными политическими задачами и собственной интеллектуальной, художественной, общественной и научной жизнью. Так, поначалу медленно, но начиная с VIII в. все интенсивнее центр политической активности перемещался с берегов Средиземного моря на территории, входившие во Франкское государство. На смену средиземноморской Европе пришла Европа континентальная.

В Европе развивались не только политика и культура. В обществе, экономике и системе управления появились изменения и новшества, обусловившие коренные отличия в положении Средиземноморья и континентальной Европы. Если в Византии эти перемены поддерживали старую социальную и административную структуру, трансформируя ее в соответствии с требованиями дня на основе римского права, то подобные изменения на Западе вели к новшествам, которые, разумеется, испытали на себе влияние римского права, но многим были обязаны также законам, нравам и обычаям германских народов. Последствия этих инноваций проявились в переменах, происходивших в сельской жизни и отношениях землевладения, а также, что наиболее важно, в появлении феодализма. Если западные аграрные отношения, несмотря на все отличия, имели что-то общее с соответствующими институтами на Востоке, то феодализм был исключительно западным явлением. Основную роль в его возникновении сыграли потребность в сильном, хорошо оснащенном, и потому дорогом, войске, невозможность оплачивать его содержание деньгами, обусловленная состоянием хозяйства того времени, и, наконец, необходимость управлять государством, состоявшим из множества разных народов со своими обычаями и традициями, без государственных служащих и без развитой административной системы.

Все это означало, что изощренный римский стиль управления не годился для новых условий. Поэтому он был

в конечном счете отвергнут, а на его место пришла более простая и более соответствовавшая новым отношениям децентрализованная феодальная система, ставшая типичной для новой континентальной Европы. При ее формировании в период средневековья воспользовались позднеримским институтом бенефициев (от лат. *beneficium* – благодеяние, пожалование), кельтской вассальной системой (от кельт. *vassus* – слуга) и германской системой *Gefolgschaft* (от нем. *Gefolge* – свита), создав таким путем новую систему – феодализм, характерным признаком которого были личные отношения между господином и его вассалом, основанные на взаимной верности, а также ступенчатая система землевладения и политической власти. При всех своих местных особенностях, феодализм включал в себя и новую для того времени идею рыцарства с присущими ей правилами поведения и системой социальных связей.

В Византии феодализма никогда не существовало. Власть византийского императора была абсолютной и нераздельной. Все прочие – простой народ, крупные землевладельцы и высшие чиновники – были прямо подчинены ему и не могли обладать иной властью, кроме ограниченных полномочий, которыми их наделял император. Равным образом здесь не было таких общественных групп, как рыцари, и специфической литературы, ими вдохновлявшейся. Эти отличия также способствовали трансформации некогда единой средиземноморской Европы в континентальную – независимую и оторванную от средиземноморского мира и Византии.

По сути, история Европы с VI в. н.э. (и даже с более раннего времени) – это история разделения и отчуждения двух половин европейского мира – Запада и Востока. Каждая из этих, основанных на различных культурных фундаментах частей пошла своим особым путем в формировании экономических и социальных структур, при создании которых Запад в наибольшей мере использовал вклад чужеземных народов. Как следствие, на Западе сложился собственный уникальный подход к данным проблемам. Восток же в своей системе управления продолжал следовать римским традициям. В течение долгого времени он сохранял формы социальной организации, бывшие более свободными и гибкими, однако при этом оставался верен старинным консервативным принципам государственного вмешательства в торговлю и экономику. Лишь на закате его существования была предпринята попытка применить новые идеи в хозяйстве, городской организации и управлении, но было уже слишком поздно. Восток попал под турецкое господство и на протяжении четырех столетий не участвовал более в жизни Европы. В течение всего этого переломного периода – эпохи географических открытий, изобретений, развития науки и мысли – Европа была представлена лишь своей западной частью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BOECKMANN, H. 1985. Einführung in die Geschichte des Mittelalters. Munich.
 FOLZ, R.; GUILLOU, A.; MUSSET, L.; SOURDEL, D. 1972. De l'antiquité au monde médiéval. Paris.
 LOPEZ, R. S. 1962. Naissance de l'Europe. Paris.
 MAIER, F. G. 1968. Die Verwandlung der Mittelmeerwelt. Frankfurt.

ВИЗАНТИЯ

9.1 ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Любомир Максимович

Ранняя история Византии (с IV по VI в.) укладывается в рамки позднеимперского периода. В правление Юстиниана I (527–565 гг.) были предприняты отчаянные усилия по отвоеванию западных территорий, а огромная работа по кодификации римского права имела целью заложить основы мировой империи. Однако затраты на воплощение этой грандиозной политической идеи оказались для империи непомерными, и во второй половине VI в. последовал период застоя. На деле он стал не только передышкой, но началом новой эры.

В это время давление со стороны варваров на северные границы представляло более серьезную угрозу, чем в прошлом. Оборонительная система на Балканах постепенно распадалась и в 602 г. развалилась полностью. Славянские переселенцы наводнили полуостров, ограничив в скором времени власть империи над прибрежными городами. На востоке в начале VII в. добилась значительных успехов Персия, которая захватила большую часть богатых территорий в восточной части империи (Сирии, Палестине, Египте). Это стало концом античного мира, силы которого были подорваны отчаянными предприятиями эпохи Юстиниана и полностью истощились при его преемниках.

Так в начале VII в. империя лицом к лицу столкнулась с новыми опасностями, несмотря на то, что она еще контролировала бассейн Восточного Средиземноморья. Ее территория включала большую часть Италии (Равеннский экзархат), центральные области Северной Африки и ее средиземноморское побережье (Карфагенский экзархат), прибрежные зоны на Балканах, Эгейские острова, Крит, Кипр и Малую Азию, позднее ставшую подлинным источником византийской мощи. Империя была по существу космополитична, с преобладанием греческого элемента в культурном и, возможно, численном отношении. Это был организм, в котором, несмотря на грядущие испытания, имелись возможности для возрождения.

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ СОСЕДИ (ОК. 600–1025 ГГ.)

Перемены, ознаменовавшие подлинное начало византийского периода, произошли при императоре Ираклии (610–641 гг.) и его наследниках. К тому времени стало ясно, что Константинополь более не является столицей христианства, хотя его правители по-прежнему провозглашали

себя римскими императорами. Император официально принял древнегреческий титул василевса (греч. – *basileus*), а греческий язык полностью вытеснил в официальном обращении латынь, с соответствующим изменением титулования чиновников. Наряду с этим появление новых учреждений в провинциальном управлении ознаменовало начало фундаментальных перемен в общественной и военной организации.

Новая административная система приобрела военный характер, что было ответом на серьезную внешнюю угрозу. Постоянное размещение войск в военно-административных округах – фемах (в VII в. почти исключительно в Малой Азии) позволяло создать при небольших расходах сильную местную армию, состоявшую из большого числа ополченцев – мелких землевладельцев. Более того, в качестве составной части этого процесса проводилась политика перемещений населения, затронувшая балканских славян, армян и племена Малой Азии и Кавказа.

Эти перемены происходили не в самых благоприятных условиях. На большей части Балкан славянская экспансия стала приобретать характер крупномасштабного заселения. Аварское государство в Паннонии, которое в предшествующем столетии многим казалось бастионом против надвигавшихся славянских племен, организовало свое последнее большое наступление на империю. Осада Константинополя в 626 г. стала кульминационным пунктом этого предприятия, авары потерпели поражение и навсегда покинули византийскую политическую сцену. Помощь из Персии, на которую они рассчитывали, оказалась совершенно недостаточной, поскольку государство Сасанидов уже тогда столкнулось с большим византийским контрнаступлением на востоке.

После серии крупных побед, одержанных персидской армией во втором десятилетии VII в., начал брать верх восточноримский император Ираклий, перенесший войну в период между 622 и 628 гг. в самое сердце Сасанидской империи. Однако начавшееся в четвертом десятилетии VII в. арабское вторжение застало византийцев врасплох, став для них новой опасной угрозой. Карабам отошли сначала страны Ближнего Востока и Северной Африки, затем Кипр и острова Эгейского моря, расположенные на пути в Константинополь. Сама столица с немалыми трудностями выдержала две продолжительные осады (674–678 гг., 717–718 гг.). Хотя разгром завоевателей у стен Константинополя привел к полной победе, тем не менее арабские

завоевания привели к долговременным переменам в положении империи. Возникновение же в 680-х гг. Болгарского государства – первого иноземного государства к югу от Дуная – еще более осложнило и без того чрезвычайно неустойчивое положение Византийской империи.

Утрата множества богатых городов привела к упадку ранее процветавшей торговли с Дальним Востоком. Изменения произошли также в религиозной и политической ситуациях. Империя потеряла три своих больших духовных центра (Иерусалимскую, Александрийскую и Антиохийскую патриархии), в то время как в VII в. папство выступало со все более настойчивыми притязаниями. Константинопольская патриархия осталась единственной уравновешивающей силой перед лицом императорской власти, и ее лидеры неожиданно осознали свое возросшее значение. Впервые прозвучала серьезная критика по поводу преобладания светской власти над духовной, а в VIII в. (официально с 730 г.) разразился иконоборческий конфликт, ставший концентрированным выражением противоречий, которые возникли между государством и Церковью. Этот конфликт усилил антагонизм между европейскими и анатолийскими провинциями и привел в конечном итоге к глубокому внутреннему кризису, который лишь на время был отсрочен VII Вселенским собором (787 г.).

Иконоборческий кризис вызвал глубокие изменения и во внешнеполитическом положении Византии, а также ознаменовал начало процесса, последствия которого ощутились гораздо позднее. Разногласия между Константинополем и Римом выражались все более открыто, особенно после утраты Равеннского экзархата (751 г.) – удара, который принудил империю уступить франкским правителям инициативу в Италии. Однако на других фронтах император Константин V (741–775 гг.) одержал выдающиеся победы над болгарам и не дал арабам взять верх над Византией.

В начале IX в. ситуация вновь осложнилась. Хотя, благодаря реформам Никифора I (правил в 802–811 гг.), экономические трудности были на удивление быстро преодолены, в войне против болгар Византия потерпела поражение, усугубившееся гибелью самого императора на поле боя. Второй мощный удар по престижу империи был нанесен императорской коронацией Карла Великого (800 г.), которую Византии пришлось в конце концов признать (812 г.) после безуспешных попыток не замечать этого факта. В знак протеста византийские правители официально принимают с этого времени титул «император римлян» (который ранее лишь молчаливо предполагался), заявляя таким образом, что вызов с Запада несколько не поколебал их позиций как иерархических глав христианства.

Неустойчивая ситуация в начале столетия привела к оживлению иконоборчества, хотя на сей раз это движение имело весьма ограниченный характер. Однако трудный период еще не завершился: изнутри Византия была потрясена массовыми социальными и этническими волнениями (821–823 гг.), а Сицилия подверглась нападению арабов. Лишь после окончательного прекращения длительного иконоборческого кризиса (842/843 г.) Византия вновь вступила в полосу политического и культурного подъема, плоды которого вскоре проявились и за пределами империи.

Начиная с этого времени, византийское государство прилагало усилия, чтобы создать собственную сферу влияния, обратив свои действия на сравнительно небольшое число стран. Это предприятие, которому благоприятствовало восстановление византийской власти на Балканах за пределами греческой этнической области, сочетало в себе религиозные, политические и культурные компоненты. В этот период византийская миссионерская деятельность осуществлялась совместно государством и церковью. Ее результатом стало обращение в христианство хазар, славян-моравов и болгар в 860-х гг. и сербов в 870-х гг.; в последующие десятилетия среди народов балканских славян распространилась письменность, основанная на византийских образцах.

Надежным фундаментом для культурных и политических изменений и последовательных усилий по их распространению за пределами империи служила вновь упрочившаяся государственная структура. В конце IX в. в системе управления окончательно установилось единовластие, причем в правление Василия I (867–886 гг.) и Льва VI (886–912) была предпринята всеохватывающая кодификация законов. Усиление государства сопровождалось заметным ростом его военной мощи. Во второй половине IX в. Византия оказалась наконец способна вновь перехватить стратегическую инициативу в борьбе с арабами, овладев в 875 г. городом Бари в Южной Италии.

Рост могущества Византии сопровождался и некоторыми тяжелыми ударами, наиболее чувствительным из которых были последствия агрессивной политики Первого Болгарского царства в правление болгарского князя, затем царя Симеона (893–927 гг.). Это государство, консолидировавшееся в течение IX в. как на этническом, так и на политическом уровне, находилось в ту пору на вершине своего могущества. Нанеся Византии ряд сокрушительных поражений (896, 913, 917 гг.), Симеон получил право претендовать на имперскую корону. Хотя он и не сумел реализовать амбициозный замысел объединения Болгарии и Византии, но все же вынудил Константинополь признать его василевсом (т.е. императором) болгар. Тот факт, что этот титул касался лишь территории Болгарии, отнюдь не уменьшал впечатления от идеологической и политической уступки, содержащейся в нем. Однако это не слишком сильно отразилось на положении империи, поскольку Константинополь вскоре приобрел большое влияние на преемника Симеона.

Хотя могущество Византийской империи в Восточном Средиземноморье было неоспоримым, стали появляться первые симптомы кризиса, прежде всего – упадок мелкого землевладения. Уже в первом десятилетии X в. имперские власти были встревожены опасностью, которую создавало для финансовых и военных ресурсов государства исчезновение мелких землевладельцев. В 920-х гг. и позднее несколько раз издавались законы, призванные приостановить этот процесс и сдерживать рост могущества аристократии, однако эти меры могли лишь ненадолго замедлить ставшие неизбежными социальные преобразования.

Десятое столетие тем не менее не было временем застоя; напротив, оно было ознаменовано развитием блестящих достижений предыдущего века. В области культуры особую роль играло гуманистическое течение, вершиной которого стал «энциклопедизм» интеллектуального кружка, сложившегося вокруг Константина VII Багрянородного (правил в 913–959 гг.). В военно-политической сфере наступление, которое велось на протяжении многих лет, увенчалось заметными успехами: Крит, Кипр, Киликия и Северная Сирия, а позднее и часть территории Армении, были отвоеваны у арабов. На севере был нанесен смертельный удар болгарскому государству (971 г.), а византийские миссионеры занялись Киевской Русью (988 г.). И наконец, чреватое очередной угрозой восстановление на новой основе Болгарского государства (976–1018 гг.) было предотвращено Василием II (976–1025 гг.), впервые после переселения славян сделавшим возможным установление надежной границы по Дунаю. Однако вскоре после смерти Василия империя оказалась на историческом переломе, уже давно назревавшем (карту 4).

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ СОСЕДИ ДО ЗАХВАТА КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНЯНАМИ (1025–1204 ГГ.)

В первой половине XI в. результаты больших социальных изменений предшествующего столетия стали вполне очевидными. Это было начало периода открытого господства аристократии, или, точнее, константинопольской

бюрократии. Ревнивое отношение гражданской аристократии к провинциальным военным аристократам, открыто проявившееся при первых же финансовых затруднениях, привело к падению заинтересованности в армии. Последствия оказались катастрофическими. Восстания славян и несколько армейских мятежей (1035, 1040, 1047, 1072 гг.) серьезно подорвали господство Византии на Балканах, которому и без того угрожали печенеги. Последнее наступление, предпринятое в Италии (1043 г.), провалилось, а норманны и турки-сельджуки в один и тот же трагический год (1071 г.) положили конец византийской власти соответственно в Италии (Бари) и на большей части Малой Азии. В довершение ко всему, этой катастрофе предшествовал окончательный раскол римской и константинопольской церквей в 1054 г., означавший для Византии утрату последних шансов осуществлять свое влияние в Западной Европе.

Глубокая неудовлетворенность в среде военной аристократии, которую долгое время удерживали от государственных дел, привела к очередному перевороту. Новая династия Комнинов (1081–1185 гг.) взошла на престол, когда Византия находилась в крайне бедственном положении: казна была пуста, а империя столкнулась с норманнской угрозой на Балканах, сильным сельджукским Румским султаном (образовался в 1085 г.) и небезопасным усилением Сербского государства. Империя ответила проведением первой крупной девальвации монеты, сочтавшейся с попытками заручиться помощью со стороны внешних союзников и усилить армию.

Хотя первая из этих мер имела некоторый успех, позволивший временно смягчить финансовые проблемы, она положила начало постоянному обесцениванию денег в последующих столетиях. Помощь со стороны новых венецианских (и позднее генуэзских) союзников была приобретена ценой освобождения их от всех торговых пошлин (в мае 1082 г.), что постепенно привело национальную торговлю на край пропасти. Один из немногих успехов, достигнутых благодаря этому союзу, можно приписать участникам первого крестового похода, которые, соблюдая соглашение с Алексеем I Комниным (1081–1118 гг.), отвоевали для него у сельджуков несколько городов в Малой Азии (1096–1097 гг.). Армия была усилена благодаря типично феодальному институту *пронии* (греч. – попечение) – условному пожизненному пожалованию источника дохода, обычно в форме поместья с прикрепленными к нему арендаторами, в обмен на обязанность нести военную службу. Таким образом возникла новая армия, способная восстановить пошатнувшийся престиж империи.

Восстановление военной мощи империи сделало возможным наголову разгромить печенегов (в 1091 г. и окончательно в 1122 г.), отвести норманнскую угрозу в начале XII в. и во время второго крестового похода и свести опасность со стороны сербов и венгров к коротким набегам в те периоды, когда основная часть имперской армии была занята в другом месте. В итоге серия наступательных операций привела к отвоеванию обширных территорий в Сирии (1130–1137 гг., 1159 г.) и Италии (1155–1156 гг.). Ценой этих побед, однако, стало истощение материальных ресурсов империи.

К концу столетия постепенно копившиеся слабости привели к внезапной утрате военной удачи. Ряд тяжелых поражений, нанесенных сельджуками (1176 г.), сербами и венграми (1181–1183 гг.) и норманнами (падение г. Фессалоники в 1185 г.), перечеркнул все предыдущие победы. Болгары, сбросившие византийское ярмо, сумели восстановить свое государство (1185–1190 гг.), а независимость Сербии, не признанная номинально, была признана во всем остальном (1190 г.). Уже нельзя остановить процесс упадка, который привел к окончательной катастрофе во время четвертого крестового похода. Захватив и разграбив Константинополь (13 апреля 1204 г.), венецианцы и латиняне разделили поверженную империю.

ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ (1204–1261 ГГ.)

На территории завоеванной империи возникли новые государства крестоносцев, их возглавлял латинский император, имевший трон в Константинополе, несколько анклавов в Константинополе и ряд стратегических пунктов на островах и на материке удержали за собой венецианцы. Тем не менее византийская традиция смогла сохраниться в трех государствах – Трапезундской империи, Эпирском деспотате и Никейской империи; последней предстояло стать центром, откуда осуществилось восстановление Византийской империи.

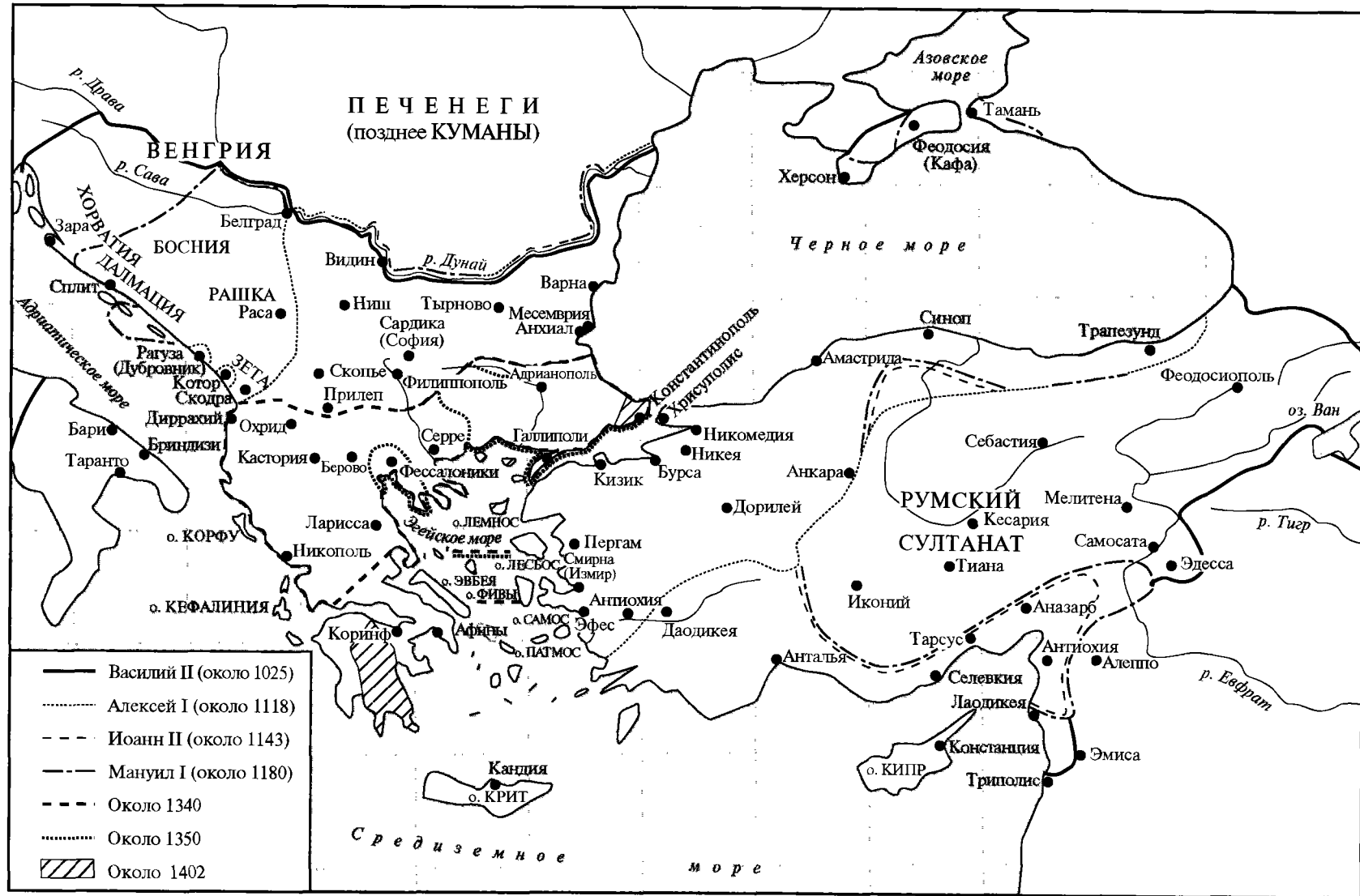
Одерживая победы в неравной борьбе против латинян и сельджуков, малоазийская Никейская империя, управляемая Ласкаридами, во втором и третьем десятилетиях XIII в. заставила считаться с собой другие государства. Трапезунду же, в силу его расположения на Черном море, было суждено оставаться периферией византийского мира вплоть до своего падения в 1461 г. Эпир, усилившийся после отвоевания г. Фессалоники у латинян (1224 г.), также стал империей и пытался оспаривать престиж Никейской империи. Разгромленное болгарами, это западногреческое государство было, однако, вскоре вытеснено с политической сцены, и именно Никейская империя, усилившаяся после вступления ее войск в г. Фессалоники (1246 г.), стала в конечном счете господствующей державой в регионе, как и в глазах Западной Европы. Государство Ласкаридов пережило после этого период экономического и культурного процветания. Восстановление Византии оставалось вопросом времени. Когда к власти в Никейской империи пришел Михаил VIII (правил в 1258/59–1282 гг.), основатель династии Палеологов, эта цель, несмотря на сильное противодействие со стороны европейских и балканских держав, была достигнута, и Константинополь 25 июля 1261 г. был взят никейскими войсками.

ПАЛЕОЛОГИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, УПАДОК, КРУШЕНИЕ (1282–1453 ГГ.)

Восстановленная Византийская империя вскоре оказалась в чрезвычайно сложном международном положении, в особенности после того, как Карл I Анжуйский овладел сицилийской и неаполитанской коронами (1266 г.) и обратил свой взор на столицу Византии. Его союз с крупными балканскими государствами и другими европейскими державами, в сочетании с предьявленным Сенатом (Курией) ультиматумом, заставил Константинополь согласиться на церковную унию с Римом (Лион, 1274 г.). Это дало, однако, лишь кратковременную передышку, и опасность со стороны анжуйской коалиции вскоре возникла вновь, еще более грозная, чем прежде. Византию спасло большое восстание в Палермо – главном городе Сицилии против Карла Анжуйского («Сицилийская вечерняя», март 1282 г.), которое, положив конец анжуйскому господству на острове, одновременно разрушило западный антивизантийский союз.

Византия возродилась, но была истощена этими конфликтами, поглотившими все финансовые и военные ресурсы, унаследованные от никейского периода. В результате постоянных финансовых трудностей и преобразования проний в наследственное владение армия стала немногочисленной и второразрядной по своим боевым качествам. Последствия были губительными, что показали события начала XIV в., когда каталонские наемники, обратив оружие против империи, опустошили большую часть ее европейских владений.

К концу XIII и началу XIV в. слабость империи стала очевидной. Нападения со стороны Сербии, захватившей стратегическую инициативу в Македонии, представляли теперь постоянную угрозу на северной границе, а война

Карта 4. Границы Византии: от славы к упадку (рис. Л. Максимовича)

между Венецией и Генуей (1294–1302 гг.) закончилась усилением позиций обеих этих итальянских республик в ущерб Византии. На востоке в начале XIV в. турки поставили под свой контроль всю Малую Азию, за исключением немногих городов и важных крепостей.

Ухудшение международных позиций Византии и ее хроническая внутренняя слабость ввергли империю в ряд гражданских войн, начатых соперничавшими группировками аристократов (1321–1328 гг.) продолженных династическими конфликтами (1341–1347 гг.), имевшими, помимо всего, социальную и религиозную окраску.

Этот кризисный период был также временем все возрастающего давления со стороны сербов и турок. Сербское государство, захватившее большую часть балканской территории империи, выступило с притязаниями на имперскую корону (1346 г.), а турки в 1320-х гг. овладели последними большими византийскими оплотами в Малой Азии и вскоре начали угрожать европейским владениям империи, что было еще хуже, чем гражданские войны с их разрушительными последствиями.

Агония Византии началась в середине XIV в. Хотя после смерти царя «сербов и ролиев (греков)» Стефана Душана (1355 г.) Сербия более не представляла угрозы, турки, захватившие плацдарм на европейском континенте – г. Галлиполи в 1354 г., стремительно укрепляли свои позиции во Фракии. Константинополь оказался полностью окруженным, без какой-либо реальной власти над теми немногими территориями, которые еще принадлежали империи. Единственная надежда возлагалась теперь на христианский Запад, поэтому была предпринята серия дипломатических шагов с целью получить поддержку от католических держав. Однако нежелание, выказанное западными государствами, и оппозиция по отношению к любым уступкам в самой империи не позволили добиться никаких реальных результатов. Единственное событие, имевшее серьезные последствия, состояло в победе турецкой армии над войском крестоносцев в битве при Никополе (1396 г.), после чего Болгария была завоевана турками и до 1878 г. стала провинцией Османской империи.

Тем временем давление со стороны турок стало еще сильнее: византийский император сделался вассалом эми-

раи, соответственно, султана (1372–1402 гг.), а большая часть Греции была ими завоевана. Разгром армии турецкого султана Тимуром в битве при Анкаре (1402 г.) и последовавшая смута в Османской империи дали Византии короткий период передышки, однако вскоре турки нанесли империи еще ряд болезненных ударов: осада Константинополя (1422 г.); опустошение Мореи, ее последней относительно богатой территории (1423 г.); возобновление обязанности платить султану денежную дань (1424 г.); окончательная утрата г. Фессалоники (который в 1423 г. стал венецианским, а в 1430 г. – турецким). Последними тщетными усилиями было формальное восстановление церковного единства на Ферраро-Флорентийском соборе (1439 г.), новый крестовый поход, закончившийся поражением войска крестоносцев в сражении под Варной (1444 г.) от армии турецкого султана Мурода II, и провозглашение унии в самом Константинополе (1452 г.).

В апреле 1453 г. султан Мехмед II во главе огромной армии начал осаду Константинополя, который защищала лишь горстка храбрецов. Их героическое двухмесячное сопротивление было сломлено янычарами при штурме 29 мая 1453 г., во время которого погиб, сражаясь, последний император Константин XI Драгас (Палеолог). Взятие столицы, сопровождавшееся уничтожением бесценных культурных сокровищ, означало конец Византийской империи, несмотря на то, что некоторым ее областям еще удавалось, хотя и недолго, сопротивляться установлению турецкого господства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- История Византии. 1967. I–III – М., с. 471–519.
 BECK, H. C. 1978. *Das byzantinische Jahrtausend*. Munich.
 BRÉHIER, L. 1970. *Le monde byzantin, I: Vie et mort de Byzance*. Paris.
 Cambridge Medieval History. 1966. IV/1: *Byzantium and its Neighbours*. Cambridge.
 OBOLENSKY, D. 1971. *The Byzantine Commonwealth*. London.
 OSTROGORSKY, G. 1963. *Geschichte des byzantinischen Staates*, Munich.
 VASILIEV, A. A. 1952. *History of the Byzantine Empire*. Madison, Wisconsin.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ

Яннис Караяннопулос

Во внутренней истории и эволюции Византийской империи играли особую роль три фактора: старая римская государственная организация и социальная структура, эллинистическая культурная традиция и христианство.

Под сильным влиянием этих факторов находилась также теория власти императора в Византии. Византийский император воспринимался как преемник императоров Рима и носил титул *басилея* (императора) римлян. В соответствии со старой римской традицией *принципата*, император избирался как «принцепс», т.е. «первый гражданин», сенатом, армией и *димами*, действовавшими в качестве представителей римского народа. Однако в соответствии с новыми христианскими идеями в избрании императора проявлялась божественная воля. Император был избран не только народом, но и Богом.

Принцип, согласно которому император рассматривался как «первый» и «богоизбранный», был несовместим с практической необходимостью в наследственном преемстве, которое единственно могло обеспечить нормальный порядок престолонаследия. Чтобы теоретический принцип и практическая потребность не расходились, византийцы ввели институт соправителя, длительное существование которого создало и окончательно закрепило династический и наследственный переход престола, хотя фикция «подлинного» избрания императора и соответствующая церемония сохранялись вплоть до падения Византийской империи.

Государственное управление в ранний византийский период основывалось на реформах двух позднеримских императоров, Диоклетиана (245–313 гг.) и Константина (ок. 285–337 гг.); на строгом разделении военной и гражданской администрации; на создании больших *префектур*, которые были разделены на *диоцезы* и *провинции*. Однако постоянные нападения иноземных народов заставили государство мало-помалу отказаться от принципа разделения военной и гражданской властей. Эти тенденции были систематизированы в годы правления Юстиниана, который реорганизовал управление многих округов на основе объединения двух властей. После периода застоя в VII в., когда внимание правителей было отвлечено внешними факторами, реорганизация была в VIII в. завершена созданием военно-гражданской системы управления в виде *фем*, как назывались теперь военно-административные округа, на которые была разделена империя. Но вскоре первоначальные фемы были разделены на меньшие по размеру, и в силу этого фемная организация постепенно утратила многое в своем значении. В течение позднего византийского периода фемы были разделены на еще более мелкие единицы, наделенные одной лишь хозяйственной властью; этому разделению пришел конец с ликвидацией фемной организации, которая почти совпала по времени с засвоением Византийского государства крестоносцами в 1204 г.

После освобождения Константинополя (1261 г.) тем, что осталось от государства, управляли *кефалаи* (*kephalai* – главы), которые находились в городах или крепостях и обладали властью лишь над небольшой территорией вокруг своей резиденции. В то же время создавались и более обширные административные единицы, имевшие в основном временный характер и управлявшиеся членами императорской семьи. Наиболее важной из этих административных образований был Морейский деспотат (условное название ряда греческих государственных образований – XIII–XV вв., полузависимых от Византии или фактически самостоятельных, правители которых назывались деспотами. – *Прим. ред.*), который продержался еще несколько лет после падения Константинополя в 1453 г.

Управление государственными финансами в ранневизантийский период находилось в руках трех независимых учреждений: *comitiva sacrarum largitionum*, *comitiva rerum privatarum* и *comitiva sacri patrimonii*. С конца ранневизантийского периода позиции *логофетов* – чиновников, которые возглавляли эти учреждения, усилились и финансовое управление было разбито на большое количество особых экономических отделений, *логофесий* (*logothesia*), каждое из которых занималось своим сектором общественных финансов. Эта новая финансовая организация, несмотря на постепенное разрушение, продержалась почти до XII в.

Однако после XII в. произошли коренные изменения. Власть логофета досталась начальнику над *вестиярием*, тогда как управление провинциальными финансами осуществлялось местными «главами» (*кефалаи*) с помощью особых хозяйственных служащих.

Методы экономической политики оставались неизменными и не развивались, характеризуются сильной централизацией и постоянным государственным вмешательством в сферу хозяйственной жизни.

Процедура сбора налогов в средне и поздневизантийский периоды делилась на три этапа. Сначала осуществлялись обмер и распределение земли по категориям (пахотная или пастбищная, виноградники и т.д.) и по качеству (первого качества, второго и т.д.). Результат пересчитывали в *модии*. *Модий* был единицей поверхности земли, варьиовавшийся по своему значению в зависимости от качества земли или способа ее обработки. Впоследствии государство само стало определять ценность одного модия, также в зависимости от качества или способа обработки земли. Продукция с имеющегося количества модиев каждой категории земли или способа обработки умножалась на определенную стоимость соответствующих модиев, представлявшую собой стоимость этой земли при том или ином способе ее обработки. Полученное значение служило для исчисления основного поземельного налога, составлявшего 4,16% *ad valorem* (соответствующей стоимости). Ценность остальной части поместья (например огородов, оливковых деревьев, мельниц) определялась

приблизительно такой же процедурой. Налог на животных составлял 8,5% от их стоимости.

В качестве существенной части общей стоимости имущества землевладельца рассматривались его *paroikoi* – арендаторы. Землевладелец облагался налогом за каждое отдельное семейство арендаторов соответственно количеству тягловых животных, принадлежащих этому семейству.

Налогов в средне- и поздневизантийском государстве было много, и они служили главным образом нуждам казны, хотя при этом присутствовал и социальный фактор. Существовали не только прямые налоги (подати), но также косвенные (при купле-продаже), различные сборы и таможенные пошлины.

В ранневизантийский период денежное налогообложение дополнялось воинской повинностью, а позднее – разного рода работами, которые налогоплательщики были обязаны выполнять.

Результаты оценок возможностей налогоплательщиков вносились в акты книги; последние, однако, не имели решающего значения и редко использовались в качестве документов при спорах об имущественных правах.

Армия ранней Византии, организованная на основе реформ Диоклетиана и Константина, делилась на оборонительные силы (*limitanei*) и полевую армию (*comitatenses*).

Как общий резерв, так и силы для развертывания и наступления располагались вокруг Константинополя. Византийское войско делилось на различные войсковые единицы – *магистерии* (*magisteria militum*), во главе каждой из которых был военачальник (*magister militum*).

В ранневизантийский период армия состояла как из местных уроженцев, так и из наемников. Со времен правления Юстиниана призыв на службу соотечественников расширился и с конца VI в. практиковался чрезвычайно активно.

Как отмечалось выше, с VII в. *магистерии* были постепенно заменены новыми военно-административными округами – *фемами*, во главе которых стояли *стратиги*, с середины VIII в. осуществлявшие на территории своего *фема* судебную, фискальную и военную власть.

До X в. фемная армия, как написано в «Тактике» императора Льва VI Мудрого и других военных учебников этого периода, мало чем отличалась в своей организации от армии конца VI в., известной нам по трактату по воинскому искусству «Стратегикон» византийского императора Маврикия. Различия имелись прежде всего в военной терминологии и номенклатуре. Однако с XI в. призыв местных уроженцев отошел на второй план, а использование наемников вновь сделалось преобладающим, в основном по причине развития военного искусства, что сделало необходимым наличие хорошо обученных и опытных профессиональных армий.

Поэтому основой частью войска в поздневизантийский период, вплоть до падения империи, был небольшой наемный контингент, численность которого была ограничена из-за слабых финансовых возможностей государства. Попытки Мануила I Комнина реорганизовать на новой, национальной базе формирование армии результатов не дали.

Флот после средневизантийского периода также был в плохом состоянии и в конце этого периода был почти полностью распущен. В поздневизантийский период это положение сохранялось. Поэтому со времен Алексея Комнина государство было вынуждено просить о содействии морские города Италии, помощь которых обходилась слишком дорого, потому что им гарантировались слишком большие коммерческие привилегии, что подрывало экономическую мощь империи. Даже во время последней осады Константинополя борьба на море и на суше лишь отчасти велась византийскими силами. Государство утратило все возможности самозащиты и рассчитывало только на иностранную помощь, которая носила ограниченный характер и была не в состоянии спасти его от нападений врагов.

Осуществление правосудия было прерогативой императора. Прочие судьи выполняли свои функции в качестве его уполномоченных, так как император не мог судить лично в каждом отдельном случае. Поэтому существовала иерархия судей, возглавляемая императором, которая обычно рассматривала апелляции, за исключением случаев государственной измены, которые передавались непосредственно на его суд. В рамках данной судебной системы оформились и епископские суды в форме епископских слушаний (*audientia episcopalis*).

В поздневизантийский период был создан институт «главных судей» римлян, тогда как в *castra* (на местах) и в небольших административных округах обязанности судей выполнялись их «главами».

В законодательной области ранневизантийский период характеризуется активными усилиями по кодификации законов. В 438 г. был опубликован кодекс Феодосия – свод законов, составленный по указу византийского императора Феодосия II. В его 16 книг были включены законы всех византийских императоров, начиная с Константина. Гораздо более систематической стала кодификация, проведенная в правление Юстиниана. В три отдельные части «Корпуса гражданского права» (*Институции*, *Дигесты*, *Кодекс Юстиниана*) были включены все решения прежних юристов и все еще используемые законы предыдущих императоров. Уже после смерти Юстиниана к этим трем частям корпуса были добавлены Законы самого Юстиниана, так называемые «Новеллы» – собрание императорских постановлений, вышедших после издания кодекса, составившие четвертую часть этого законодательного труда.

Средневизантийский период отличался интенсивной законодательной деятельностью правителей. В годы правления Льва III – первого императора из Исаврийской (Сирийской) династии была издана *Эклога* (726 г.), бывшая по преимуществу собранием документов, относящихся к обычному праву, в которых проявилось сильное влияние греческого права. В отличие от *Эклоги*, законодательство Македонской династии (хотя в нем и было много элементов, позаимствованных из законодательства исаврийских императоров) больше напоминает правовую модель времен Юстиниана. Важное значение с социальной точки зрения имели законы Македонской династии, имевшие целью сдержать расширение крупного землевладения.

В поздневизантийский период государство не проявляло такой активности в законодательной сфере, как в предшествующие периоды. Однако подобная деятельность могла осуществляться и по личной инициативе, доказательством чему является «Руководство к законам, или Шестикнижие», составленное византийским юристом Константином Арменополом (1320–1380 или 1383 гг.), который был главным судьей г. Фессалоники.

Социальный облик империи в ранневизантийский период характеризовался сосуществованием крупных землевладельцев, мелких свободных сельских хозяев, свободных работников, прикрепленных к арендуемой ими земле или к своим профессиям, и рабов.

Разрыв между *potentiores* (представители высшего класса и крупные землевладельцы) и *humiliores* (представители других социальных слоев) был велик и еще более возрастал вследствие увеличения крупных имений за счет небольших хозяйств. Юстиниану, в правление которого рост крупной земельной собственности достиг максимальных значений, удалось при помощи мудрых и точных законов несколько обуздать аппетиты крупных землевладельцев и наметить путь последующего развития.

Социальные мероприятия Юстиниана, а при его преемниках – нападения врагов, глубоко проникших в пределы империи, существенно ограничили могущество крупных землевладельцев, создав на некоторое время впечатление равновесия и социальной уверенности: вновь ожили небольшие сельские общины, наиболее крупные имения, как

казалось, попали под государственный контроль, а давление на небольшие хозяйства, как представлялось, было устранимо. Но после побед над арабами началось повальное приобретение земель крупными землевладельцами, которые, пользуясь различными неблагоприятными условиями, всевозможными способами присоединяли земли мелких сельских хозяев, солдат и других лиц, создавая тем серьезные социальные и военные проблемы. Военные проблемы возникали потому, что с поглощением крупными землевладельцами т.н. военной собственности солдаты оказывались без доходов, необходимых для оплаты нужного им оружия и снаряжения; социальные – потому, что было разрушено мелкое свободное землевладение.

Императоры Македонской династии много раз пытались с помощью строгих законов остановить тенденцию к росту крупного землевладения и предотвратить социальные бедствия, угрожавшие государству. Но политика македонских императоров приносила лишь временные успехи. С конца XI в. государственная политика поддержки мелких владельцев земельной собственности была прекращена; система *проний*, которая первоначально представляла собой пожалование поземельных налогов, в ином случае отходивших государству, эволюционировала теперь от кратковременных выплат к пожизненному пожалованию и в конце концов превратилась в наследственную передачу получателю самой земли.

В поздневизантийский период в византийском обществе наблюдался постоянный рост политической нестабильности, государство слабело, постоянно ухудшалось его финансовое положение и непрерывно усиливалось давление на налогоплательщиков. Данная ситуация создавала опасную поляризацию: небольшому количеству очень богатых землевладельцев противостояла огромная масса очень бедных сельских хозяев, многие из которых становились зависимыми работниками у землевладельцев, поскольку не имели собственной земли. Тем не менее следует отметить, что зависимое состояние в Византии предполагало особую категорию арендаторов – работников, которые по закону оставались совершенно свободными и могли покинуть арендуемую ими землю, как только они получали собственную. Переходную стадию в этом развитии представляли *ипостатики* (*hypostatikoí*) – крепостные, зависимые работники, бывшие одновременно и арендаторами, и владельцами земли.

Византийская экономика была сельскохозяйственной. Земли Египта до их завоевания арабами, равнины Малой Азии и Балкан были житницами того времени, однако их продукция использовалась главным образом для местного потребления; забота проявлялась лишь об обеспечении продовольствием самого Константинополя, куда поставлялось зерно из других провинций. Помимо выращивания зерновых и бобовых, основными отраслями сельского хозяйства были производство вина и масла, лесоводство, садоводство и пчеловодство.

Наряду с чисто земледельческими занятиями в Византии развивалось также разведение крупного рогатого скота, особенно на горных плато Малой Азии и Балкан. Важное место занимало рыболовство из-за особого значения рыбы в рационе византийцев.

Большое значение в византийской экономике имело также горное дело. Разумеется, лучшие и наиболее продуктивные копи и мраморные разработки, месторождения квасцов и т.д. принадлежали государству, которое при их эксплуатации использовало рабов, первоначально из военнопленных, и осужденных на горные работы – *металлариев* (*metallarii*).

Менее продуктивные копи государство передавало отдельным гражданам за арендную плату, соответствовавшую ценности добычи, но при этом оно сохраняло за собой приоритет при приобретении добытых там полезных ископаемых.

Византийская экономика была ориентирована как на село, так и на город. Городское население некоторым образом также было связано с сельским производством. Вокруг городов были земли горожан, трудившихся на них и живших с их обработки, однако проживавших при этом в городах, бывших центрами сельскохозяйственной торговли и рынками для ремесленной продукции. Город был также местом, где оказывались все виды услуг.

Однако торговля носила ограниченный характер. Распространялись и обменивались, за немногими исключениями, лишь предметы роскоши, небольшие по размеру и массе, высокая цена которых покрывала расходы и оправдывала опасности их транспортировки. Поэтому торговля того времени была по большей части ориентирована на богачей, т.е. небольшой социальный слой, и, как правило, не имела для экономики того значения, которое ей приписывают ученые.

С финансовой точки зрения для Византии была важна только международная торговля. Товары прибывали в Константинополь или Антиохию и Александрию, откуда их везли на Запад или продавали в Византии для нужд двора, церкви и богатых слоев населения.

С VII в. арабская экспансия вдоль средиземноморского побережья изменила основное направление этой торговли: на смену оси восток-запад пришла ось север-юг. Новые торговые пути вели в Константинополь из портов Черного моря, тогда как г. Фессалоники обслуживал внутренние районы Балкан. Но несмотря на эти перемены, торговля между Востоком и Западом, хотя и ослабев, все же не прервалась.

С IX в. в большие византийские города привозили свои товары иностранные купцы, и когда к концу X столетия, но главным образом с XI в., византийцы стали по политическим соображениям предоставлять иноземным торговцам различные привилегии и освобождения от пошлин, эти самые купцы постепенно сумели подмять под себя византийскую коммерцию и ограничить ее значение как основного источника доходов Византии. Позднее же вся византийская торговая деятельность была парализована проникновением на Балканы турок.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AHR WEILER, H. 1979. Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London.
- BRÉHIER, L. 1970. Les institutions de l'empire byzantin. Paris.
- Cambridge Medieval History 4, II: 1966–1967. Government, Church and Civilization. Cambridge.
- GROSSE, R. 1920. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin.
- KARAYANNOPOULOS, Y. 1988. La théorie politique byzantine. Thessaloniki (in Greek).
- 1991. Entwicklungsetappen der agrargesellschaftlichen Verhältnisse. In: Byzanz. XXIIIe Congrès International des Etudes Byzantines, Rapports pléniérs, Moscow, pp. 102–51.
- KÜHN, H. J. 1991. Die byzantinische Armee im 10. u. 11. Jh. Vienna.
- LEMERLE, P. 1991. Histoire de Byzance, Paris.
- RUNCIMAN, S. 1958. Byzantine Civilization. New York.
- ZACHARIA, K. E. 1892. v. Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin.

Панайотис Л. Вокотопулос

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Германские историки назвали Византийское государство «Священной Римской империей греческой нации». Византийская цивилизация также следовала двум традициям: римской, которая в основном ощущается в законодательстве и в меньшей степени в архитектуре (в том ее варианте, который существовал в восточных провинциях империи), и греческой, ставшей преобладающей после утраты Италии и проявлявшейся в литературе, науке и искусстве. В то же время византийская культура насквозь была пронизана христианством, которое присутствовало и в частной, и в общественной жизни. В византийском орнаменте часто появлялись восточные, главным образом арабские элементы, а после крестовых походов латинский запад оказал влияние на различные стороны византийской культуры.

Литература

Византийская литература является преемницей древнегреческой. Здесь не было разрыва с классической традицией, который произошел на латинском Западе. Часть произведений написана на языке, имитирующем аттический диалект V и IV вв. до н.э., тогда как в других трудах используется общеупотребительный язык, существенно не отличавшийся от современного греческого, на котором говорили в XIX в. Некоторые древние жанры, такие как трагедия и комедия, исчезли, что было вызвано изменениями в воззрениях людей средневековья и растущим влиянием церкви. Лирическая поэзия представлена главным образом религиозными гимнами; наиболее выдающимися сочинителями их в VIII в. были Андрей Критский, Иоанн Дамаскин и Козьма Маюмский. Первому из них принадлежит заслуга создания «Великого канона», состоявшего из около 250 тропарей, который заменил *контахион* – господствовавшую до того форму церковного гимна. Наиболее важный эпос «Дигенис Акрит» (XII в., но фольклорная основа восходит к IX–X вв.) посвящен подвигам легендарного защитника восточных рубежей богатыря Дигениса. Романы периода правления Палеологов, такие как «*Белтандр и Хрисанца*», подражают западной рыцарской литературе. Сочинялось много эпиграмм, особенно с XI в. (Христофор Митиленский, XI в.; Мануил Фил (*Manuel Philes*), XIV в.). Богословие всегда имело привилегированный статус в византийской философии и литературе. В VIII и IX вв. основным предметом споров было почитание икон. Главными защитниками иконопочитания были св. Иоанн Дамаскин и св. Феодор Студит. Переживали расцвет, особенно в средневизантийский период, жизнеописания святых и поучительная литература. В XII в. было создано много сборников, состоящих из отрывков, касающихся различных ересей. В XIV в. движение последователей исихазма, сосредоточенного на этико-аскетическом учении

о пути единения человека с Богом, вызвало ожесточенные споры между такими его защитниками, как св. Григорий Палама, и его противниками, например, Димитрием Кидоном. Выдающимся византийским философом был Георгий Гемист Плифон (Плетон) (ок. 1360–1452 гг.), сторонник Платона в противовес Аристотелю; первоначально он преподавал в Константинополе, но последние 40 лет своей долгой жизни провел в Мистре на п-ове Пелопоннес, где занимался преподаванием и написал ряд трудов.

Представление о частной жизни византийцев позволяет получить эпистолография, хотя она слишком часто придерживается стереотипных формул. Историки, например Лаоник Халкокондил (XV в.), своим стилем и языком подражали Фукидиду, а авторы хроник писали историю человечества на общеупотребительном языке, начиная ее от Адама и заканчивая своим временем. Из выдающихся историков можно назвать Михаила Пселла (XI в.), Анну Комнину (XII в.), Никиту Хониата (сер. XII в. – 1213 г.) и Никифора Григору (XIV в.), а из хронистов – Феофана (ок. 760–818) и Иоанна Скилицу (XI в.).

Образование

На греческом востоке, по крайней мере в городах, грамотность имела, по-видимому, большее распространение, чем на латинском Западе. Языком и содержанием образования был греческий язык; читать или говорить на латыни могли очень немногие. Маленькие дети учились читать и писать по Библии и по Псалтири. Дети постарше, 10–12 лет, правописание и грамматику изучали по греческим классическим текстам. Следует помнить, что греческие классические литературные и научные тексты постоянно копировались и были спасены от забвения византийскими учеными и переписчиками (илл. 129). Образованные византийцы прекрасно знали как Священное Писание, так и классических греческих авторов и, будучи благочестивыми христианами, нередко являлись знатоками древнегреческой мифологии. Однако школы в Византии были редкостью, и обучение чтению, письму и арифметике часто велось частным образом. Впрочем, в середине IX в., в Константинополе возродилась высшая школа, где изучались риторика, философия, математика и астрономия, а также музыка, право и медицина. В XI и XII вв. в столице действовало несколько высших образовательных учреждений, бывших своего рода аналогом западных университетов. Преподавателями в них были самые знаменитые интеллектуалы эпохи, такие как Иоанн Мавропус (*John Mauropus*) и Михаил Пселл, гордившиеся своими многочисленными иноземными учениками. Эти учебные заведения перестали функционировать после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Известно и о некоторых школах университетского уровня, возникших после освобождения города в 1261 г., таких как школа Максима Плануда (*Maximos Planoudes*) (ум. ок. 1305 г.); некоторые из них

действовали вплоть до турецкого завоевания, например, *katholikon mouseion*, где преподавали знаменитые ученые Иоанн Аргиропул (*John Argyropoulos*) и Михаил Апостол (*Michael Apostolis*). Константинополь до конца сохранил свою репутацию центра высшего образования. В XV в. много знаменитых ученых эмигрировали в Италию, где они очень высоко ценились.

Спорт

Спорт не играл столь большой роли, как в поздней античности. После VII в. практиковались бег, борьба, стрельба из лука и конные скачки. Представители высших классов играли в *циканион* – игру в мяч верхом на коне, которая появилась из Персии и напоминала поло. В эпоху крестовых походов появились турниры (поединки и групповые).

Наука и техника

Византийцы сохранили научное наследие древних греков. Работы греческих астрономов, математиков и других ученых переписывались и иллюстрировались; также создавались краткие изложения их трудов, но существенного прогресса в научных исследованиях византийцами достигнуто не было.

Византийская география основывалась на трудах Страбона, однако византийские авторы старались примирить свои познания с Библией и данными, полученными из более ранних источников. В сочинениях Константина VII Багрянородного (X в.) содержатся сведения о Византийской империи и соседних странах, но в них перемешаны данные о современной ему ситуации с теми, которые приведены в древних трактатах. В поздний период (XII–XV вв.) создается литература о путешествиях. Византийских карт рассматриваемого периода сохранилось немного; большая их часть относится к XIII и XIV вв. и иллюстрирует трактаты Птолемея (илл. 122) и Страбона. Средиземное море в них представлено как центр Земли.

Цифрами служили 27 букв греческого алфавита, в том числе три уже не употреблявшиеся. В XIII в. начали применяться индо-арабские цифры, но греческие буквы продолжали использоваться в качестве цифр еще на протяжении многих столетий.

Для измерения времени византийцы наряду с солнечными часами применяли водяные; механических часов они, судя по всему, не делали. Системы сигнальных огней позволяли очень быстро передавать сообщения.

Хотя многие древние копи были заброшены уже к VI в., в Византии продолжали добывать золото, серебро, железо и медь. Главным источником энергии были животные. В поздневизантийский период широко распространились водяные мельницы, известные еще с поздней античности, а в XIV в. появились и ветряные мельницы. Среди технических новшеств можно назвать использование стремян, впервые документированное в VII в., и появление в X в. лошадиных подков, крепившихся гвоздями. Византийцы пользовались разнообразным оружием (копья, луки, мечи, булавы, секиры и пращи различных типов). Продолжали применяться осадные машины таких использованных в античности типов, как деревянные башни, тараны, катапульты и установленные на станках арбалеты. Чтобы обрушить стены, делались подкопы. Хотя «греческий огонь» (зажигательная смесь, вероятно, из смолы, нефти, серы, селитры и др.) был изобретен в VI в. в Византии, византийцы не производили огнестрельного оружия, появившегося на Западе в XIV в., а в поздний период не имели средств для найма западных оружейных мастеров.

Византийские корабли были небольшими и быстроходными. Они имели округлый корпус, одну–три мачты

и треугольные паруса. Константинополь был главным центром судостроения. Отказавшись от позднеантичного метода постройки с наружным креплением, византийцы первыми стали сооружать суда с внутренним каркасом.

Византийские ткани делались из шерсти, льна и шелка; хлопок стал использоваться в поздний период. Ткачеством занимались государственные и частных мастерские, а также в домашних условиях. Шелк появился в VI в., причем шелкоткацкие мастерские были организованы как в столице, так и в провинции, например в Фивах и Коринфе.

Основным материалом для письма был пергамент. В IX в. у арабов была заимствована бумага, однако до XII в. она не получила большого распространения. В XIV в. восточная бумага была вытеснена итальянской. Византия, вплоть до X в. опережавшая своих соседей по уровню развития техники, позднее существенно отстала от западных и мусульманских держав. В середине 1440-х гг. архиепископ Виссарион Никейский обратился с письмом к Михаилу Палеологу, убеждая его послать молодых людей в Италию для изучения ими техники, производства оружия и судостроения.

Медицина

Византийская медицина унаследовала принципы греко-римской и полагалась на авторитет Гипократа и Галена. Многие были позаимствованы из арабской, а в последующие столетия и из западной медицины. Врачи имели специализации, использовали новые методы, против различных недугов применялись разнообразные лекарства. Врач VII в. Павел Эгинский (*Paul Aegina*) детально описал десятки трудных операций. Византийцы применяли большое количество хитроумных хирургических инструментов. В военных трактатах сообщается о врачах и людях, задачей которых было оказание помощи раненым. Больницы существовали не только в Константинополе, но и в провинциях. Во всех больших монастырях имелись места для приема больных. В единственной хорошо известной из письменных источников больнице, которая находилась в столичном монастыре Всевластителя, было 50 коек, врачи-специалисты, в том числе женщины – для пациенток и много аптекарей. Трактаты древних врачей по фармакологии и хирургии копировались и иллюстрировались. Наряду с использованием научной медицины, пациенты искали исцеления, посещая чудотворные святыни или астрологов (илл. 129).

Право

Византийское право основывалось на римском праве в том виде, в каком оно было кодифицировано при императоре Юстиниане в VI в. Во второй четверти VIII в. император Лев III издал «Эклогу» (законодательное сводное издание), цель которого было упрощение сложной правовой системы VI в. Так называемый «Родосский морской закон», регулировавший вопросы судоходства, относят к VII–IX вв. *Nomos Georgikos* («Земледельческий закон»), определявший отношения между деревнями, относится примерно к VIII в. и впоследствии был пересмотрен. Много законов было издано или кодифицировано при императоре Льве VI Мудром (правил в 886–912 гг.). *Procheiros Nomos* был пересмотром раннего законодательства Македонской династии в области частного и уголовного права. «*Василики*» представляют собой свод законов, направленный на упрощение кодекса Юстиниана. К X в. относятся также специальные постановления, изложенные в «Книге эпарха», которые регламентировали деятельность константинопольских гильдий. Наиболее важным сводом законов на закате Византийской империи стала книга «Руководство

к законам, или шестикнижия» Константина Арменопола, юриста в г. Фессалоники середины XIV в.; это была удобная в использовании компиляция светского права, которая приобрела большую популярность и применялась в качестве свода законов в Греции до начала XX в., а также использовалась в некоторых славянских странах.

Архитектура

Принятая в древности регулярная городская планировка, которая сохранилась до VI в., уступила место лабиринту узких извилистых улиц с крайне малым количеством открытого пространства.

Как и в предшествующем периоде поздней античности, из построек сохранились почти исключительно церкви и укрепления. Лишь очень немногие дворцы, дома, бани и монастырские строения сохранились до нашего времени или были раскопаны и должным образом описаны.

Основное отличие в планировке церквей, вызванное переменами в богослужении, состояло в том, что были добавлены два пролета – *prothesis* и *diakonikon*, – расположенные по сторонам храма. В большинстве церквей крыши теперь были сводчатые, а не сделанные из балок. Следует отметить, что в противоположность латинской практике функция церковного здания не предписывала архитектурную форму (монастырская или приходская церковь, собор и т.д.).

В течение так называемого «темного» периода (VII – середина IX в.) церквей было возведено немного. Наиболее внушительной, вероятно, является церковь св. Софии в г. Фессалоники, построенная в VIII в. большая базилика с куполом, установленным на массивных столбах, с трех сторон окруженная галереями. Такая планировка продолжала использоваться вплоть до XIV в., главным образом в Константинополе и Южной Македонии.

После VIII в. отличительной чертой византийской церковной архитектуры стали скромные – по сравнению с раннехристианскими храмами – размеры церквей. Длина средне- и поздневизантийских храмов редко превышает 30 м, тогда как длина некоторых раннехристианских иногда была более 100 м. Основной тенденцией стало строительство большого количества малых церквей вместо немногих крупных.

План церкви, типичный для средне- и поздневизантийской архитектуры, – крестово-квадратный, пришедший на смену характерной для раннехристианского периода базилике; купол такого собора ставился на пересечении двух барабанных сводов, образующих крест и вписанных в квадрат или прямоугольник. Угловые выступы обычно венчались сводами, а реже – меньшими по размеру куполами.

С VIII в. боковая переключина креста часто продолжалась двумя боковыми апсидами. Этот вариант пользовался особой популярностью при постройке монастырских церквей вплоть до XVII в. В XI в. появляются два еще более тщательно разработанных типа церковного здания: один – с куполом на восьми опорах, примерами которого являются главные церкви монастырей в Хосиос-Лукас в Центральной Греции и в монастыре Дафни возле Афин; другой представлял собой купольный храм с восемью конхами на квадратном основании. Лучшим образцом является церковь в Неа-Мони на о. Хиос в Эгейском море. Другие церкви имели форму свободно стоящего креста с куполом, сводчатого или с балочной крышей здания, или же трехнефной базилики.

Некоторые церкви имели нестандартную планировку. В поздневизантийский период церкви в Константинополе, Фракии, Македонии и Эпире нередко окружались с двух или трех сторон балконами или часовнями.

До конца X в. фасады оставались довольно строгими. Со временем их стали делать ярче и оживлять при помощи кирпичной различной формы. В Константинополе, Фракии и Македонии церкви часто украшались перемычками

и пилястрами. Скульптурный декор ограничивался капителями, карнизами и дверными проемами, здания поскромнее не имели его вовсе. У более роскошных строений, например у главных церквей монастырей в Хосиос-Лукас и Неа-Мони, нижняя часть стены была облицована мрамором, а мраморный пол был украшен разноцветными геометрическими узорами. В верхней части стены сверкала мозаика. Однако в большинстве церквей стены и своды были украшены менее дорогостоящими фресками (илл. 63, 145, 146, 148).

После VI в. в провинциях строилось очень мало крупных общественных зданий. Резиденцией византийских императоров по-прежнему оставался Большой дворец в Константинополе, представлявший собой комплекс построек на обширной огороженной территории и скорее напоминавший московский Кремль, чем отдельные большие здания Версальского или Букингемского дворцов. В XII в. Большой дворец был покинут и резиденцией императора стал меньший по размерам Влахернский дворец, похожий на замок.

Самые важные здания имели внутренний двор. Качество постройки в целом было невысоким. В сельской местности дома порою возводились из необожженного красного кирпича или промазанного глиной тростника, пол их был земляным.

Традиция купания в банях, являвшаяся важным элементом античной культуры, в VII в. подверглась серьезным изменениям. Многие термы были заброшены, а само мытье в бане, если оно не предписывалось в медицинских целях, стало рассматриваться как роскошь. Монастырские уставы предписывали мытье в бане от двух раз в месяц до трех раз в год; недужным монахам, однако, бани посещать дозволялось чаще. Византийские бани имели планировку, подобную баням римского периода и состояли из сводчатых помещений для переодевания и купания в холодной, теплой или горячей воде.

Византийские укрепления состояли из стен с выступающими башнями и укрепленными воротами. По большей части они окружали города; строились также внутренние цитадели и стены-преграды, подобные Гексамиллиону, защищавшему перешеек, открывавший доступ на п-ов Пелопоннес. Наиболее внушительными были стены, окружавшие Константинополь, наземные укрепления которого состояли из рва, внешней стены и более высокой внутренней стены с выступающими башнями. Сравнительно хорошо сохранились стены г. Фессалоники. Укрепления изменялись в соответствии с меняющимися нуждами. В XII в. башни строились для использования арбалетов, а в XV в. появляются круглые отверстия для огнестрельного оружия.

Монументальная живопись

Живописные украшения церквей и светских зданий выполнялись в виде мозаик или чаще фресок. Росписей светского характера сохранилось немного, но по старинным описаниям известно, что византийские дворцы и дома украшались сценами охоты и войны. Широко были распространены портреты, выполнявшиеся не только в виде мозаик и фресок, но также на досках и в миниатюрах.

Большая часть церковных зданий до начала VIII в. украшалась изображениями Христа, Девы Марии, святых и сценами, либо изображавшими события Старого и Нового завета, либо имевшими аллегорический характер. Проявлялась также тенденция украшать церкви только геометрическим или растительным орнаментом. Часть духовенства и верующих была против изображения Христа, святых и религиозных сцен, считая это языческой практикой, и эта оппозиция достигла кульминации во время иконоборческого кризиса, который, с перерывом в 30 лет, тянулся с 720-х до 843 г. В те времена изображения на религиозные темы были запрещены, уничтожались и заменялись

орнаментом и крестами (илл. 193, а, б). После победы иконопочитателей система церковного декора стала иной: теперь под куполом рисовалась фигура Христа, окруженная ангелами, пророками и апостолами, в апсиде помещались изображения Богоматери и наиболее почитаемых святых епископов, на сводах – сцены из жизни Христа и Марии, а на нижних частях стен – изображения различных святых.

Некоторые произведения этого столетия, выполненные после окончания иконоборчества, например мозаика в апсиде храма св. Софии в Константинополе, производят особое впечатление своими классическими реминисценциями, удлинненными пропорциями и умением выразить идеальное начало (илл. 148).

Для большей части настенных росписей первой половины XI в. характерны неподвижные фигуры в экстазических позах, четкие контуры и складки, подчеркивающие различные части тела (например в Хосиос-Лукас). В течение XI в. появляются новые сюжеты росписей, например Страшный суд. В конце XI и начале XII вв. возникает стиль, подражавший классическому: с чарующими, полными жизни фигурами, благородными позами и идеализированными чертами; свое лучшее выражение он нашел в мозаиках монастыря Дафни возле Афин.

В третьей четверти XII в. появляется изысканный линейный стиль с удлинненными телами, сложной драпировкой и склонностью к изображению драматических сцен; его шедевром являются фрески в церкви св. Пантелеймона в Нерези возле Скопье, заложенной в 1164 г. членом правящей династии и явно связанной с нуждами столицы. Эта тенденция была доведена до высшей выразительности в «динамическом стиле» фресок в Курбиниове на Охридском оз. (1191 г.) и в церкви св. Анаргири (Saint Anarghyri) в Кастории. Реакция была неизбежной: во второй и третьей четвертях XIII в. возобладал монументальный «скульптурный» стиль, лучшими произведениями которого являются фрески в Милешове (ок. 1235 г.) и в монастыре Сопочани (1265 г.) в Сербии.

Около 1300 г. развился кубический стиль, с массивными фигурами, исполненными значения жестами и суровыми лицами, который к тому же изобилует символическими сценами. Иконопись в XIII и XIV вв. обогатилась иллюстрациями на темы церковных гимнов. Во втором десятилетии XIV в. в росписях храма св. Апостолов в г. Фессалоники и в церкви монастыря Хора в Константинополе неизвестные художники создали ряд многофигурных композиций, добившись необыкновенной пластичности, плавных переходов светотени и мастерски изобразив эмоции своих персонажей. Продуманная конструкция зданий создавала при этом совершенно особое ощущение пространства.

В столичной живописи второй половины XIII и начале XIV в. сосуществовали две тенденции: экспрессионистская – с персонажами, представленными в стремительном порыве, в развевающихся одеждах, в необычных позах, какие можно увидеть на фресках в Иванове в Болгарии и в селе Волоотово в России близ Новгорода (церковь Успения); и стиль близкий к классическому, с ритмичной и симметричной композицией, сдержанными жестами и спокойной выразительностью, что лучше всего видно на фресках в церкви Перивлевта в Мистре, которую расписывали константинопольские мастера.

С начала XV в. художественная активность в Константинополе, практически лишенном могущества городо-государстве почти не прослеживается. В качестве основного художественного центра столицу постепенно заменил о. Крит, где при венецианском правлении создались благоприятные социальные и хозяйственные условия для художественного творчества. Вплоть до завоевания в 1669 г. турками Крит оставался главным культурным и художественным центром греческого мира.

Иконопись

Иконы, то есть религиозные картины, обычно писавшиеся на деревянных досках, играли важную роль в общественной и частной жизни православного мира, так как в них воплощались общественные и эстетические идеалы. От периода с VI по XI в. сохранилось очень немного. Несколько десятков икон дошло от XII и XIII вв., гораздо больше – от XIV и XV вв., икон же XVI столетия сохранилось очень много.

По своему стилю и иконографии иконы существенно не отличались от произведений монументальной и миниатюрной живописи. Начиная с XII в. преграда, отделявшая алтарь от остальной части церкви, постепенно покрывается иконами и получает название *иконостаса*. Главные сцены из жизни Христа и Богородицы, а также стоящий или восседающий Христос, которого Богородица, Иоанн Креститель, ангелы и апостолы умоляют спасти человечество, изображались на перекладинах или отдельных досках в верхней части иконостаса, тогда как большие иконы Христа, Богородицы и св. Иоанна помещались в нижних рядах. Прочие иконы развешивались по стенам или размещались на специальных стендах для поклонения. Иконы обычно писались в технике темперы, но некоторые создавались из мелких стеклышек или золотых кубиков, закрепленных на восковой основе (илл. 56, 57, 147).

Подобно настенным росписям и миниатюрам, иконы обычно оставались анонимными. Это происходило не столько из-за христианской скромности, сколько из-за того, что художников в Византии, как и в средневековой Западной Европе, рассматривали как обычных ремесленников.

Рукописи, украшенные рисунками

Сохранилось несколько сотен византийских рукописей, украшенных цветными рисунками. Их часто раскрашивали те же мастера, которые создавали фрески или иконы, и потому в них отражались те же самые стилистические и, коль скоро это касалось церковных сюжетов, иконографические тенденции. Чаще всего обращались к тексту Евангелия. Среди миниатюр были портреты четырех евангелистов, обычно во всю страницу, расписные заглавия и композиции, иллюстрирующие евангельский текст, во всю страницу или меньшего формата, помещенные среди текста; таких композиций могло быть от четырех-пяти до нескольких сотен. Из других библейских текстов чаще всего иллюстрировали Псалтирь – несколькими изображениями большого размера или множеством небольших композиций, помещенных на полях (илл. 150).

Скульптура

В VII столетии статуи практически исчезли, но алтари, саркофаги и многие здания украшались мраморными рельефами, в особенности здания церквей, в которые вводились резные капители, порталы и карнизы. Их декор включал геометрические и растительные узоры, гораздо реже изображения животных, человеческие фигуры и сюжеты, заимствованные из арабской письменности. Довольно часто использовался мрамор, взятый из разрушенных старых построек. С XII в. заметно выросла пластичность изображений.

Образцов византийской резьбы по дереву сохранилось очень немного из-за непрочности самого материала. Это двери, алтарные врата и иконы, причем дерево также раскрашивалось. Все они относятся к последним столетиям существования Византии.

Искусство малых форм

Резьба по слоновой кости, традиция которой прервалась в VII в., вновь появляется в большом количестве в X и XI вв., когда создаются произведения очень высокого качества (илл. 149). Рельефные пластинки из слоновой кости с сюжетами на религиозные темы использовались как небольшие иконы или составляли триптихи, а пластинки с мифологическими сюжетами, позаимствованными из классического искусства, а также с изображениями животных и растений, украшали шкатулки, первоначально по большей части предназначенные для хранения драгоценностей. В отличие от Запада, в Византии пластинки из слоновой кости для украшения книжных переплетов не применялись. С XII в. слоновую кость заменил стеатит – камень, как правило, зеленого цвета, который был дешевле и легче поддавался резьбе. Из него делали не только небольшие иконы, но также амулеты и диски.

В VII в. прекратилось создание бронзовых статуй, однако металлы – золото, серебро, бронза и свинец использовались при изготовлении медальонов, украшений, церковной утвари и блюдов. Серебряные украшения могли делаться с чернью, получавшейся при добавлении серы в серебро, медь или свинец. Бронзовые пластины с черным или гравированным рисунком использовались в качестве облицовки монументальных дверей. Некоторые из них, датируемые XI в., сохранились в Италии.

Ювелирное искусство в Византии основывалось как на греко-римской, так и на восточной традициях. Его произведения пользовались наибольшим спросом при императорском дворе и в среде аристократии, однако и простые люди носили позолоченные бронзовые украшения, имитирующие золото, тогда как драгоценные камни заменялись стеклянными стразами.

Эмали, раскрашенные оксидами металлов и смешанные с металлом, использовались для украшения таких роскошных предметов, как раки, иконы, металлические кресты, обрядовая посуда и короны.

Византийцы производили множество разнообразных стеклянных изделий: кубки, бутылки, лампы, кубики для мозаик и оконные стекла. В сокровищнице собора Сан-Марко в Венеции хранятся изящные византийские сосуды из стекла, на некоторых изображены мифологические сцены.

Обычным сырьем для византийских тканей были лен, шерсть и шелк. Античный костюм постепенно отошел в прошлое, появились брюки и рукава. В период правления Палеологов костюм находился под влиянием как западных, так и исламских мод.

Помимо пошива одежды, ткани использовались для занавесей, широко применявшихся в культовых и светских зданиях, и для разнообразных литургических облачений. Производившиеся в Константинополе дорогостоящие шелковые ткани раздавались по особым случаям или преподносились в качестве подарков иноземным правителям и высшим чиновникам. Их часто украшал симметричный растительный узор или сильно стилизованные фигуры животных и людей.

Одеяния императоров и высших сановников, а также церковные облачения украшались вышивками. Их выполняли золотыми и серебряными нитями по шелковой основе и порой дополняли драгоценными камнями. Шелковые нити использовались при вышивке изображений лиц людей, которые иногда еще и расписывались красками. Искусством вышивки занимались мужчины; своего пика оно достигло в период правления Палеологов (илл. 58).

У средневековой керамики не было такого высокого качества как у древнегреческих изделий. В VII в. глазурованная посуда вытеснила красную гладкую посуду поздней античности. В IX–XII вв. белый материал расписывался цветными геометрическими и растительными узорами с добавлением стилизованных фигур животных, а иногда

и людей. Не чуждыми византийцам были и мусульманские мотивы, в особенности арабское куфическое письмо. Среди технологий, появившихся после X в., частично под мусульманским влиянием, было изготовление посуды с резным узором. Несколько лучших мастерских того времени определены как константинопольские. Помимо изготовления столовой и кухонной посуды, глина использовалась для производства ламп, кадилниц, кирпичей и различных видов эффектных украшений фасадов зданий, применявшихся с конца X в.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: БЛЕСК, ВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Проникновение достижений византийской цивилизации в другие страны и культуры, равно как и обратное действие представляют собой сложные процессы, продолжавшиеся в одних случаях в течение тысячи, в других – нескольких сотен лет. Мы ограничимся рассмотрением взаимных отношений в области искусства.

Многие из вовлеченных в эти процессы стран были некогда частями Византийской империи, в них жили бывшие византийские подданные, а на их землях сохранялись старинные византийские памятники; другие имели лишь косвенные контакты с Византией. Некоторые из стран объединяла с Византией христианская вера; другие имели догматические различия, а арабы и турки вообще принадлежали другой религии. Некоторые из народов, с которыми контактировала Византия, уже обладали собственной высокой культурой, другие же только что сформировались в качестве государственных и культурных общностей. В отдельных случаях имело место взаимное воздействие; в иных же Византия оказывала влияние на искусство других стран, не испытывая влияния с их стороны. По общему мнению, византийская живопись обладала гораздо большим престижем и имела значительно большее число подражаний, чем византийская архитектура.

Если говорить о латинском Западе, то византийское влияние было более сильным в Италии и государствах крестоносцев, чем в странах по другую сторону Альп. Первоначально византийское искусство оказывало воздействие на западное, но в XIII–XVI вв. ситуация постепенно стала противоположной. Отношения с исламским миром были взаимными: временами преобладало византийское влияние, как то было в VIII или в XIV вв., временами – мусульманское, как в средневизантийский период. Христианские страны Кавказа многим обязаны византийской живописи, но не архитектуре. Болгария не создала собственного стиля, и ее искусство является неотъемлемой частью византийского. В прочих православных странах Восточной Европы – Сербии, России, Румынии – византийское искусство и архитектура были частью общего религиозного и культурного багажа, полученного этими странами как единое целое. Влияние византийской живописи было здесь постоянным, однако развитие архитектуры находилось под воздействием и западных образцов или же шло собственным путем.

Латинский Запад

Византия всегда поддерживала тесные отношения – дружеские или враждебные – с латинской Церковью и «франками», как называли в Византии всех западных христиан. На Западе, за исключением Южной Италии, греческий язык не был распространен. Поэтому многочисленные греческие теологические тексты и акты соборов, а также светские тексты, такие как «Роман об Александре», переводились на латынь. Для распространения греческого языка на Западе были написаны несколько греческих грамматик,

в числе авторов был и Роджер Бэкон. В XII–XIII вв. были переведены труды Платона, Аристотеля и Прокла. Классические авторы, тексты которых бережно сохранялись в Византии, сыграли серьезную роль в подготовке итальянского Возрождения. Такие византийские ученые, как Мануил Хрисолор и Иоанн Аргиропул (*John Argyropoulos*) в XIV–XV вв. преподавали в Италии греческий язык. Визит Георгия Гемиста Плифона во Флоренцию в конце 1430-х гг. и защита им в диспутах с итальянскими гуманистами философских идей Платона, вероятно, привели к основанию в этом городе Платоновской академии. Начиная с раннего Возрождения, византийские рукописи древних авторов стали на Западе предметом коллекционирования и копировались осевшими в Италии греческими писцами. Византийские ученые участвовали также в подготовке первых печатных изданий греческих авторов.

Греческие научные трактаты впервые пришли к западным ученым в переводах с арабского. Византийская медицина оказала влияние на западную хирургию и фармакологию. В XIV в. были переведены на латынь труды древнегреческих географов Птолея и Страбона. С XI в. огромное влияние на западных юристов оказывало римское право в виде Кодекса Юстиниана. С другой стороны, франкское право в Ахейском княжестве латинских крестоносцев восприняло византийские нормы, применявшиеся в XIV в. в отношении греческих подданных.

Греческий и латинский языки оказывали воздействие друг на друга. На Западе были усвоены многие греческие слова, относившиеся к религии, музыке, праву, мореплаванию, торговле, тканям и приготовлению пищи. Византийские рыцарские романы XIV в. восходили к западным оригиналам и имели смешанный словарь. Взаимное влияние происходило также в сфере обычаев и повседневной жизни. При византийском дворе были популярны турниры, заимствованные в XII в. с Запада. В costume XIV и XV вв. преобладали итальянские фасоны.

В области музыки на латинский Запад из византийского придворного церемониала пришел орган, а латинская система нотной записи имела греческое происхождение.

Византийское влияние на западное искусство VII–X вв. более всего проявляется в Италии, притом даже в тех областях, которые не находились под византийским контролем, как в случае с фресками Санты Марии Антиква (*Santa Maria Antiqua*) в Риме и Кастельсеприо (*Castelseprio*) возле Милана. К северу от Альп косвенные контакты с византийским искусством проявляются в миниатюрной живописи (илл. 105). Брактгерманского короля и императора Священной Римской империи Оттона II с византийской принцессой Феофано, племянницей византийского императора Иоанна I, усилил византийское влияние в Германии, что можно видеть в изготовленном из слоновой кости изображении императорской четы, благословляемой Христом (илл. 149) или в миниатюрах Райхенауской (*Reichenau*) школы. В Италии византийское влияние было особенно сильным в XI–XII вв., как в Венеции, так и на Сицилии: поздние мозаики собора Сан-Марко в Венеции отражают стиль, господствовавший в то время в Византии. При этом сама архитектура собора Сан-Марко, который начал строиться примерно в 1063 г., являлась моделью относящейся к VI в. пятикупольной крестообразной церкви Святых Апостолов в Константинополе, а не на архитектуре современных ей зданий, поскольку предназначалась для помещения в ней мощей св. апостола Марка, подобно тому как ее прототип в Константинополе содержал мощи св. апостолов Андрея и Луки (илл. 64). Однако некоторые церкви в Южной Италии, такие как храмы в Россано и Стило имеют характерный для той эпохи крестово-купольный план.

В XIII в. византийское искусство оказывало сильное влияние на западную живопись, что можно определить по фрескам в Аквилес, некоторым пизанским расписаниям и таким иконам, как икона Мадонны, хранящаяся в коллекции

Меллона в национальной галерее искусств в Вашингтоне (илл. 147). Романское влияние проявляется в Греции в то же время в архитектурном декоре некоторых храмов и в скульптурах Парегоретиссы (*Paregoretissa*) в г. Арта. Франкская архитектура оказала влияние на светскую архитектуру XIII–XIV вв., например на дворцы в Трапезунде и Мистре. Большая группа икон, сохранившаяся в Синайском монастыре, где традиционный византийский стиль и иконография сочетаются с западными чертами, была определена как произведения западных живописцев, осевших в самом монастыре или в Палестине во время крестовых походов. Совершенно готические по стилю несколько поздних фресок, украшавших православные храмы в Греции и на Кипре.

Светская и церковная архитектура занятых латинянами областей Греции – о-вов Крит и Хиос усвоила западные декоративные мотивы. Существование православных христиан и католиков отразилось и на планировке церковных зданий. Некоторые церкви на о. Хиос и на Кикладах имели по два расположенных бок о бок различной формы святилища с двумя алтарями: один – для православного, а другой для католического обряда. Критские и кипрские иконы и фрески XV–XVI вв. находились под влиянием стиля эпохи Палеологов, но при этом обладали некоторыми западными иконографическими и стилистическими чертами. Критские мастера могли также писать иконы полностью в итальянском стиле иконографии. Некоторые греческие живописцы перебрались на Запад и работали исключительно в стиле Ренессанса. Наиболее видным среди них был Доменико Теотокопули из Кандии, в свои двадцать с небольшим лет хорошо известный на родине, который, однако, прославился в Испании, где его называли Эль Греко, т.е. «грек».

Армения и Грузия

Армения и Грузия, представлявшие своего рода буферную зону между Византией и мусульманским миром (Персией, арабами и турками), всегда имели тесные отношения с Византийской империей. Некоторые византийские императоры и представители знати сами были армянского происхождения, хотя и полностью «византинизированными». Армянская живопись часто подражала византийским образцам. Однако в области архитектуры связи не были столь сильными, как представляется порой. Хотя в своей планировке армянские церкви и следовали раннехристианским моделям, строительная техника заметно отличалась, а рельефы, покрывающие фасады армянских церквей подобно ковру, византийскому искусству были не известны (илл. 156).

То обстоятельство, что грузинская церковь по своей догматике была близка византийской, способствовало более тесным контактам Грузии с Византией. Грузинские монахи проявляли активность на Синае, Афоне и в Константинополе. В сфере искусства византийское влияние наиболее сильно проявилось в грузинской живописи X–XIV вв. Основная тематика и стиль настенной живописи находились под сильным влиянием византийских образцов, за исключением размещения изображения креста под куполом и изображения Христа в апсиде. Рукописи, украшенные рисунками, и иконы соответствовали константинопольским вкусам того времени, а в некоторых рукописях и на некоторых иконах делались двуязычные надписи.

Мусульманский мир

Несмотря на почти постоянные военные столкновения, между Византией и мусульманским миром существовали тесные торговые и культурные связи. В начале VIII в. греческих мастеров мозаики приглашали украшать мечети

в Дамаске и Иерусалиме, а в X в. – работать в Кордове. Греческие философские, медицинские и научные труды переводились на арабский язык (илл. 126, 130); например, сочинения врача VII в. Павла Эгинского, который работал в Александрии, были переведены на арабский и заметно повлияли на арабскую медицину. Такие византийские ученые, как Лев Математик (IX в.), приглашались к арабскому двору. Философия Аристотеля оказала воздействие на арабскую мысль, а затем через Испанию и Сицилию проникла в Западную Европу. Образцами дворцов и беседок, построенных в Константинополе и его пригородах при императорах Феофиле и Василии I, послужили здания двора Аббасидов, которые произвели большое впечатление на византийских посланников. Византийские шелковые ткани часто украшались узорами, характерными для мусульманского искусства. Угловатые арабские буквы, позаимствованные из так называемого куфического алфавита, были обычным элементом кирпичного церковного декора и украшали ткани и витражи. Арабская орнаментация проявлялась также в керамике и металлических изделиях. Арабские трактаты по географии, естественным наукам и медицине оказали влияние на византийских географов, естествоиспытателей и врачей. Многие арабские слова перешли в греческий язык, и наоборот.

Сасанидское влияние, сильно ощущавшееся в предшествующий период, сохранялось в византийском искусстве также при Исаурийской и Македонской династиях.

Некоторые заимствования из персидской литературы обнаруживаются в «Повести о Варлааме и Иосафате» и в «Романе об Александре». На греческий язык были переведены персидские астрономические трактаты. Персидского происхождения был и циканион, популярная игра, напоминавшая конное поло.

Византия оказала сильное влияние на искусство и культуру турок, и в свою очередь испытала воздействие с их стороны. Придворный церемониал султанов и структура управления их государства несут на себе сильный византийский отпечаток. Греческий язык стал языком документов, посылавшихся иностранным правителям, а многие греческие слова попали в турецкий язык. Османская архитектура усвоила перегородчатую каменную кладку византийского типа, а мечети, начиная с XV в., по образцу храма св. Софии украшались куполом.

Болгария и Сербия

Очень сильным было влияние Византии в Болгарии, до X в. являвшейся ее главным врагом в Европе. Протоболгарские надписи писались по-гречески. Христианизация Болгарии была осуществлена византийскими миссионерами, которые были учениками двух святых братьев – Константина-Кирилла и Мефодия из г. Фессалоники, прибывшими в Моравию с миссией, которая из-за противодействия со стороны папства в итоге окончилась неудачей. Кирилл и Мефодий перевели на славянский язык Ветхий и Новый завет, а также другие тексты и разработали особый алфавит, «глаголицу». Папские миссионеры, не настаивая на том чтобы различные обряды отправлялись по-гречески (при том что сами использовали латынь), перевели литургию на родной для славян язык. Глаголица позднее была вытеснена кириллической азбукой (рис. 25 а и б), которая являлась адаптированным к нуждам славянского языка греческим письмом IX в. (илл. 106). Переведенные на старославянский теологические трактаты, хроники и географические сочинения заложили основу для развития славянской литературы. В X в. византийская культура преобладала при дворе болгарского царя Симеона I Великого. Был принят византийский этикет, дворцы и церкви, возводившиеся Симеоном в его столице Преславе, своим планом и убранством напоминали византийские образцы.

В первой столице Болгарии Плиске, напротив, использовались сохранившиеся позднеантичные здания. В эпоху Второго Болгарского царства была принята упрощенная версия византийского права, а в архитектуре и живописи прямо зависела от византийских образцов (илл. 151, 153–155).

В Сербское королевство при династии Неманичей византийское влияние проникало главным образом благодаря церковным связям, бракам византийских принцесс с членами сербской королевской семьи и присоединению к королевству греческих территорий. Сербский двор усвоил византийский церемониал, костюмы и иерархию. «Законник», свод законов, принятых при правлении короля Стефана Душана, следовал византийским образцам. На сербский язык переводились теологические трактаты и романы, а греческая агнография послужила образцом для составителей жизнеописаний выдающихся сербов. Сербская церковная архитектура первоначально следовала в основном далматинским образцам, однако в XIV в., при королях Милутине и Душане, тип церковного здания, убранство и строительная техника испытали сильное воздействие архитектуры г. Фессалоники и области Эпир. Большая часть церкви моравской школы XV в. была построена по «неправильному» плану – в виде трилистника и имела романский скульптурный декор. Живопись следовала византийским образцам, а некоторые из лучших церковных росписей XIV в. были произведениями греческих мастеров, приглашенных по большей части из расположенного неподалеку г. Фессалоники (илл. 152).

Русь

Отношения между Византией и Русью прослеживаются с IX в.; в X в. они стали более интенсивными, в особенности после обращения народа в христианство. Главой русской церкви с резиденцией в Киеве обычно был грек, равно как и многие подчиненные ему епископы. После крещения Руси Константинополь стал для русских местом паломничества, причем они стремились во всем подражать византийцам. Древнерусская литература находилась под сильным влиянием византийских образцов – хроник, проповедей, житий святых, но попытки имитировать произведения более сложных жанров не предпринимались. Некоторые русские путешественники создавали сочинения о своих поездках на греческий Восток с яркими описаниями Константинополя.

Уже с конца X в. на Русь приглашали греческих архитекторов и художников, однако самые ранние сохранившиеся работы датируются 1030 г. К ним относятся Золотые ворота и собор св. Софии в Киеве (рис. 19) и Спасо-Преображенский собор в Чернигове. В то время на Руси еще не была известна каменная кладка, поэтому использовались строительная техника, архитектурный декор и планы, преобладавшие в Константинополе. И Софийский собор, и Спасо-Преображенский собор в Чернигове являются крестово-купольными зданиями с кирпичной и каменной кладкой, слепыми арками и кирпичными колоннами снаружи и напоминают образцы современной им константинопольской архитектуры. Русские были вполне удовлетворены крестово-купольным планом и не приняли других планировок, существовавших в Византии. С конца XI в. в архитектуре на Руси шел процесс преобразования византийских моделей и развивался собственный стиль.

Ситуация оказывается иной, если речь заходит о живописи. До начала XV в. художники более или менее близко следовали византийским образцам – до тех пор, пока ученики Феофана Грека, в частности Андрей Рублев, не отказались от византийского стиля в пользу характерного русского – с изысканными плоскими и линейными фигурами (илл. 159, 160). Мозаичная отделка Софийского собора в Киеве, первая важная проба подобного рода на русской почве, – работа мастеров, присланных из Константинополя (илл. 157).

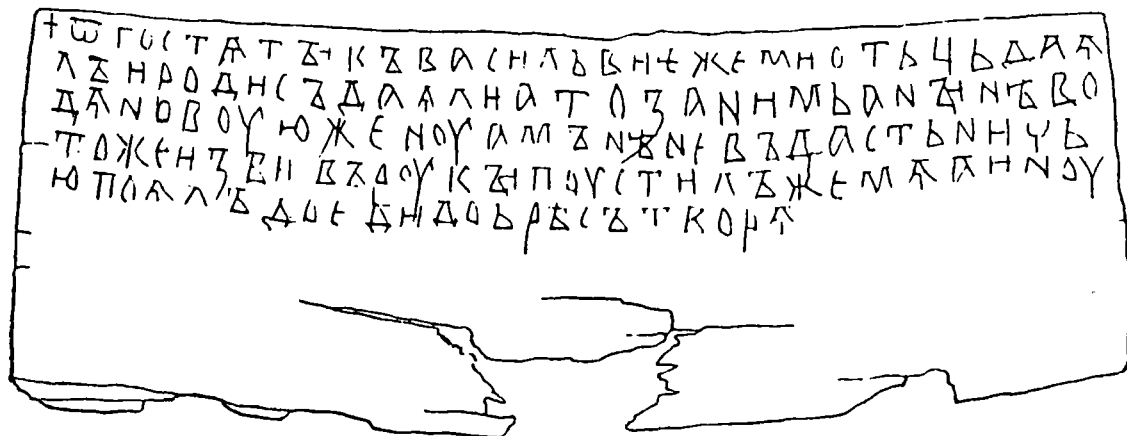
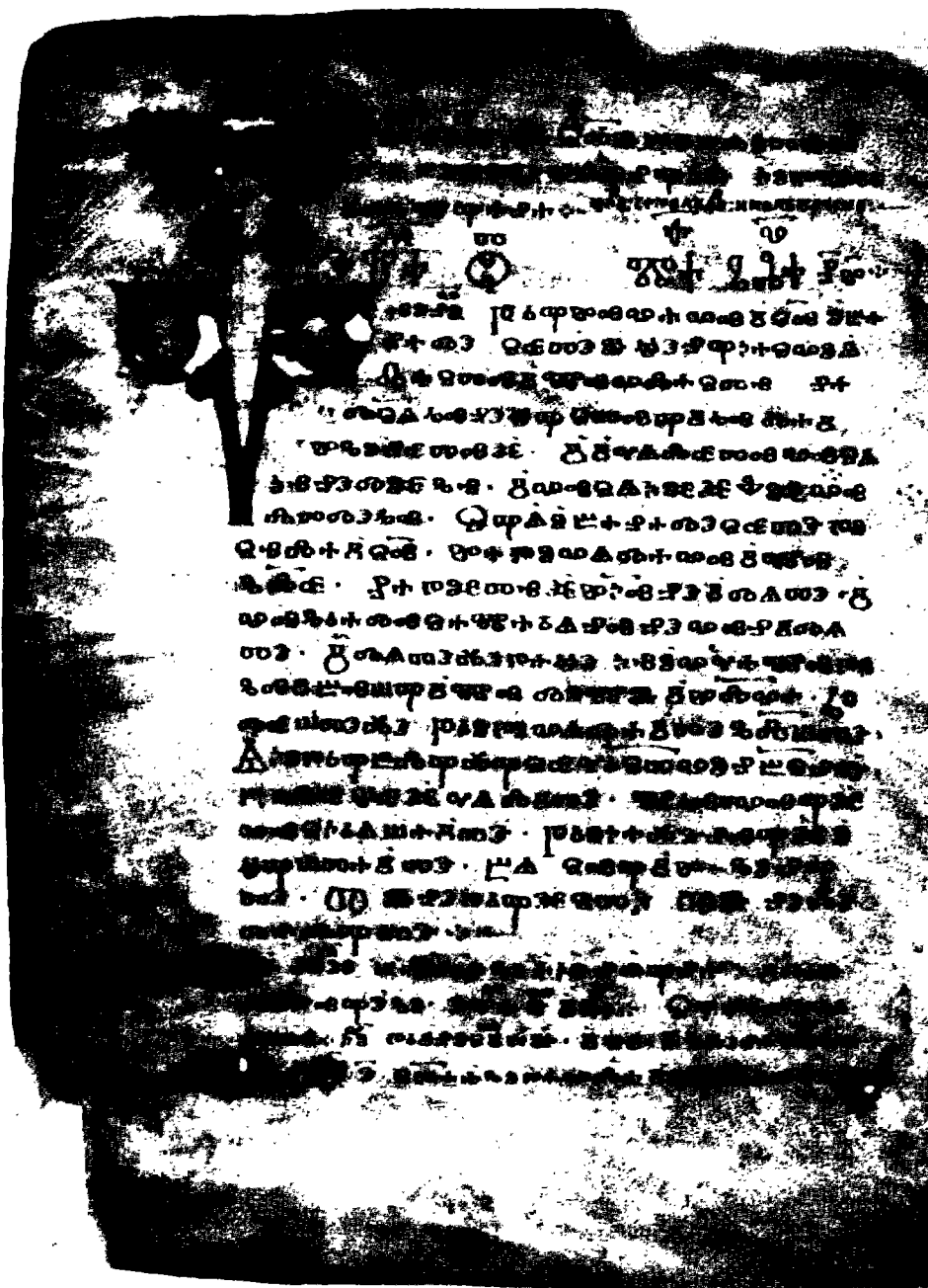

Рис. 25. Ранние глаголическое и кириллическое письмо: (а) глаголица (от старославянского слова глагол – «слово»): Из Ассеманева Евангелия, Болгария, IX в. (Академия изящных искусств, София); (б) кириллица: письмо, написанное на бересте, Новгород, Россия, XI в. (из «Очерков истории СССР, IX–XIII вв.», I, Москва, 1953. С. 217)

Местные русские художники, работавшие над ее декором позднее, не отклонялись от стандартных иконографических циклов и, по-видимому, были хорошо информированы о последних константинопольских новинках, стилю которых они подражали. Величайший византийский живописец конца XIV в. Феофан покинул свой родной Константинополь и отправился в поисках лучших заказов в Новгород и Москву, где оставался до конца жизни, оказав сильное воздействие на развитие русской живописи.

После крещения Руси Византия обеспечивала ее не только кадрами духовенства, но также иконами, рукописями и церковной утварью. Этот экспорт предметов культа продолжался много столетий. Знаменитая икона Владимирской Божией Матери – главная чудотворная икона России, величайшая национальная русская святыня была послана из Константинополя в Киев в середине XII в. и впоследствии многократно копировалась. На Руси сформировались местные школы иконописи, находившиеся под византийским влиянием, но обладавшие при этом и своими местными особенностями (илл. 158). Византийских образцов придерживались и создатели русских иллюстраций в рукописях.

Скульптурным произведением XI в. подобным тем, что сохранились в Киевском Софийском соборе, присущ характерный византийский стиль, однако более поздние рельефы отмечены местным стилем и собственной иконографической традицией. Скульптурное убранство фасадов, подобное тому, какое имеет Дмитровский собор во Владимире, было в Византии не известно. Влияние византийского искусства прослеживается также в работах по металлу, резьбе по дереву и кости.

В XV в. греческие иконы и вышивки продолжали ввозиться на Русь, а русские иконы, церковная утварь и облачения также посылались в качестве даров монастырям и церковным деятелям на греческий Восток, где их высоко ценили.

Румыния

Княжества Валахия и Молдавия были основаны в XIII–XIV вв. Для архитектурных памятников раннего времени здесь характерно грубое подражание византийской планировке и строительной технике. Отношения этого региона с Византией оживились после его политического освобождения от венгров в середине XIV в. Дворовый уклад был устроен на византийский лад, а литература находилась под влиянием византийских образцов. Королевская церковь в г. Куртя-де-Арджеш, наиболее важный памятник в Валахии, имеет крестово-купольный план, а более поздние церкви часто относятся к «неправильному» типу с добавленными боковыми апсидами. С другой стороны, в Молдавии сложилась местная архитектурная школа, для построек которой характерен очень высокий купол, покоящийся на внешних стенах, мощные контрфорсы, а также окна и порталы готического типа.

Фрески в обоих княжествах выполнялись в духе византийской иконографии и стиля. Позднее на них оказали влияние фрески моравской школы, тесно связанные с живописью г. Фессалоники конца XIV в. Иконы, миниатюры, вышивки, керамические изделия и резьба по дереву также несут сильный византийский отпечаток. В Молдавии фрески покрывали всю внешнюю поверхность церкви.

Венгрия

В X в. в Венгрии действовала византийская миссия; монастыри, в которых соблюдают греческие обряды, появились в XI и XII вв. Несмотря на то что в XII в. латинское влияние стало преобладающим, здесь продолжали переводиться греческие богословские трактаты. В XI и XII вв. в страну попало много произведений греческого искусства, среди них – корона с выполненными с технике эмали портретами, которая была подарена королю Геза I (правил в 1074–1077 гг.) и стала составлять нижнюю часть священной короны Венгрии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1972. Actes du XXIIe congrès International d'Histoire de l'art, Budapest, 1969. Section II. Le rayonnement des modèles byzantins. Vol. I. Budapest, pp. 111–283.
- BAYNES, M.; MOSS, H.; St. L. B. (eds) 1948. Byzantium. Oxford.
- BECK, H. G. 1959. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Munich (Handbuch der Altertumswissenschaft, XII, 2. I).
- 1978. Das byzantinische Jahrtausend. Munich.
- BECKWITH, J. 1970. Early Christian and Byzantine Art. Harmondsworth, Penguin Books (Pelican History of Art).
- COLLINET, P. 1923. Byzantine Legislation from the Death of Justinian (565) to 1453. In: Cambridge Medieval History, Vol. IV. Cambridge, pp. 707–723.
- DELVOYE, C. 1967. L'art byzantin. Paris.
- DEMUS, O. 1970. Byzantine Art and the West. New York.
- DER NERSESSIAN, S. 1945. Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, Mass.
- DUMBARTON OAKS PAPERS. 1964. Papers on the Relations Between Byzantium and the Arabs, Vol. 18, pp. 1–132.
- GUILLOU, A. 1974. La civilisation byzantine. Paris.
- HAUSSIG, H. W. 1966. Kulturgeschichte von Byzanz, 2nd edn. Stuttgart.
- HUNGER, H. 1978. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Munich (Handbuch der Altertumswissenschaft, XII, I, 2).
- KAHANE, H.; KAHANE, R. 1976. Abendland und Byzanz: Sprache. Reallexikon der Byzantinistik, Vol. I. Amsterdam, pp. 347–498.
- 1982. The Western Impact on Byzantium: The Linguistic Evidence. Dumbarton Oaks Papers, Vol. 36, pp. 127–153.
- KRAUTHHEIMER, R. 1986. Early Christian and Byzantine Architecture, 4th edn. Harmondsworth, Penguin Books (Pelican History of Art).
- LAZAREV, V. 1967. Storia della pittura bizantina. Torino.
- 1970. Regard sur l'art de la Russie pré-mongole. In: Cahiers de Civilisation Médiévale, Vol. 13, pp. 195–208; Vol. 14, 1971, pp. 221–238; Vol. 16, 1973, pp. 1–15; Vol. 17, 1974, pp. 99–108.
- MANGO, C. 1975. Byzantine Architecture. New York.
- MOURIKI, D. 1981. The Formative Role of Byzantine Art in the Artistic Style of the Cultural Neighbors of Byzantium. Reflections of Constantinopolitan Styles in Georgian Monuments. In: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik Vol. 31/2, pp. 725–757.
- OBOLENSKY, D. 1971. The Byzantine Commonwealth. London.
- SCHÄFER, H. 1973–1074. Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert. In: Istanbuler Mitteilungen, Vol. 23–24, pp. 197–224.
- THÉODORIDÈS, J. 1957. La science byzantine. In: Histoire générale des sciences, I, pp. 490–502.

КАРОЛИНГСКАЯ ЕВРОПА

Пьер Рише

Вторжения варваров в V и VI вв. нанесли смертельный удар Западной Римской империи, на руинах которой образовалось несколько варварских королевств. Некоторые из них – Вандальское, Остготское и Бургундское – быстро исчезли, тогда как другие – Вестготское, Лангобардское (Ломбардское) и в особенности Франкское, – просуществовали долгое время. На Востоке империя сохранялась, и император Юстиниан, пользуясь благоприятными обстоятельствами, тщетно пытался отвоевать западные провинции. Ему удалось закрепиться только в Италии, но и здесь византийцам пришлось отражать нашествие лангобардов.

Варвары явились с новой моделью цивилизации, но, будучи малочисленными, они не сумели установить на Западе свои законы. В публичном праве они пользовались римским законодательством, а в частном праве сохранили германские обычаи. Романская культура, находившаяся под влиянием христианства, оказывала сопротивление, и на практике варвары постепенно обращались в католичество, а их короли становились главами национальных церквей; создавалась новая христианская культура, в особенности в монастырской среде. Ирландские, англосаксонские и меровингские монахи ревностно занимались изучением Библии и написанием комментариев к ней, используя латинский язык при отправлении богослужений и толковании священных текстов. Однако устав св. Бенедикта, введенный в Италию в VI в., еще не распространился тогда по обширному западноевропейскому региону (илл. 104, 105).

Накануне каролингского периода для Запада были характерны разнородность и разобщенность; не было политической, нравственной или религиозной сил, способных сплотить и организовать этот огромный регион. Папство было ослаблено вторжениями варваров; римский епископ смирился с господством сначала остготов, а потом византийцев, тогда как лангобарды, захватившие Северную и Центральную Италию, хотели завладеть всем полуостровом, взяв византийский город Равенну, а затем и сам Рим. Таким образом, будущее представлялось весьма неопределенным.

Великой заслугой Каролингов было то, что они объединили силы Запада и вернули Европе ее первоначальные контуры. До них слово «Европа» было всего лишь термином, служившим для того, чтобы отличать этот регион от Азии и Африки. Но уже к концу каролингского периода Европу уверенно можно было считать своего рода «юридическим лицом». Культурная, политическая и духовная деятельность мирян и духовенства создала благоприятные условия, в которых смогла оформиться первая европейская общность.

НАЧАЛЬНЫЕ КОНТУРЫ КАРОЛИНГСКОЙ ЕВРОПЫ

Возвышение аристократического семейства

В VII в. на Западе прочно удерживали свои позиции вестготы и франки, однако в начале VIII в. из Северной Африки на Пиренейский п-ов вторглись берберские и арабские войска. Вестготы были разгромлены в 711 г., и их вожди нашли укрытие на северо-западе полуострова. Большая часть Испании оказалась в сфере действия исламского права, и эта ситуация сохранялась на протяжении столетий.

Перейдем к Франкскому королевству. Меровинги, правившие им со времен Хлодвига, не сумели сохранить единство Галлии. После смерти в 639 г. Дагоберта I, последнего великого короля этой династии, регионы (на западе – Нейстрия, на востоке – Австразия, на юге – хранившая верность римским традициям Аквитания) постоянно враждовали между собой. Меровингские короли были слабыми правителями, так как зависели от своей аристократии и ее верхушки – *майордомов*. Аристократам принадлежали огромные земельные владения, где трудились свободные крестьяне и рабы.

Среди этих семейств особо следует упомянуть о клане, из которого вышли Каролинги. Он сделался заметным в конце VI в. благодаря деятельности двух человек – Арнульфа, епископа Мецского, и франкского майордома Пипина из Австразии. Арнульф владел обширными землями в междуречье Мозеля и Мааса, а также в районе Вормса и под конец жизни удалился в монастырь Ремиремон, основанный учениками св. Колумбана. Пипин, которого с XIII в. называли Пипином I Старшим из Ландена, владел землями в области среднего Мааса, большого водного пути, ставшего одной из важнейших артерий хозяйственной жизни Северной Европы. Дочь Пипина стала невесткой сына Арнульфа. После смерти Пипина его сын Гримоальд наследовал отцу в должности майордома и основал монастыри в Ставло и Мальмеди, поставив свою сестру во главе монастыря в Нивеле. Власть Гримоальда была достаточной, чтобы попытаться изгнать меровингского короля Австразии и посадить на его место своего сына, но этот государственный переворот потерпел неудачу, так как большая часть аристократии сохранила верность Меровингам. Эта знатная семья вернула себе былое выдающееся положение только с выдвиганием Пипина II, называемого Пипином II Средним. Ему удалось объединить дворцовые управления (майордомства) Австразии и Нейстрии, обеспечить своих приверженцев графскими должностями в различных частях королевства и осуществить военное вмешательство в дела Фризии (Фрисландии), Алеманнии и Баварии.

Правление Карла Мартелла

После смерти франкского майордома Пипина II Среднего (714 г.) разгорелась борьба за власть, однако его внебрачный сын Карл (лат. *Carolus*), давший свое имя династии Каролингов, сумел взять власть в свои руки. Пользуясь упадком Церкви, он конфисковал часть ее владений и распределил их среди своих сторонников, которые вскоре стали называться «вассалами». Благодаря им он смог сосредоточить в своих руках значительную власть и приобрести периферийные княжества: Фризию, Тюрингию, Гессен и Алеманнию; усилению его власти способствовало присутствие там миссионеров, которым он оказывал покровительство: Вилибродта – во Фризии и Бонифация в Германии. Бонифаций был англосаксом, вместе с папой он трудился над обращением языческой Германии в христианство и основал монастыри для подготовки будущих миссионеров.

Неожиданные события дали Карлу возможность распространить свое влияние к югу от Луары и установить свою власть в Аквитании. Случилось так, что испанские мусульмане пересекли Пиренеи, и герцог Эд Аквитанский из Южной Франции вынужден был призвать Карла на помощь. Знаменитая победа Карла в решающей битве при Пуатье положила предел исламскому вторжению. Это выступление предопределило дальнейший ход событий (считается, что именно после этой битвы Карл получил прозвище Мартелл («Молот»). В 739 г. папа Григорий II обратился к Карлу Мартеллу за помощью перед лицом постоянно растущей опасности со стороны лангобардов. Они угрожали Риму, а поскольку папство из-за споров об иконопочитании находилось в состоянии конфликта с Византией, оно обратилось на Запад. Однако Карл нуждался в поддержке лангобардов для отражения мусульман в Провансе и отказался от войны с лангобардами.

Карл Мартелл чувствовал себя достаточно сильным и воздержался от вступления на престол после смерти в 737 г. короля Теодориха IV Меровинга; этот шаг оказался, по сути, вторым, более осторожным государственным переворотом: не принимая королевского титула, он вел себя как король, осуществив даже раздел Франкского королевства между двумя своими сыновьями Пипином Коротким и Карломаном. Он скончался 22 октября 741 г. и был погребен в аббатстве Сен-Дени, ставшем впоследствии некрополем французских королей.

**СОЗДАТЕЛИ КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ
ПИПИН И КАРЛ ВЕЛИКИЙ****Майордом Пипин Короткий***Подчинение княжеств*

Смерть Карла Мартелла ввергла Франкское королевство в новый кризис, воспользовавшись которым князья Германии и Аквитании подняли мятеж. Пипин и его брат Карломан все же сумели найти средства сохранить и укрепить дело своего отца. Они вновь возвели на трон Хильдерика III, последнего номинального короля из династии Меровингов, удовлетворив таким образом тех, кто хранил верность этой династии, уходящей корнями в далекое прошлое. Эти короли в позднейшей французской традиции были названы *les rois fainéants* («ленивые короли»), но продолжали занимать престол под контролем своих майордомов.

Тем временем Пипин и Карломан напали на Аквитанию, упорно отстаивавшую независимость, и принудили правящего там герцога принести присягу верности. Они поставили под свой контроль Баварию и совершили несколько походов в Алеманнию. При проведении этих операций миссионеры Бонифаций и Пирмин оказывали им полную поддержку.

Реформа франкской Церкви

Пипин и Карломан, будучи благочестивыми правителями, стремились реформировать франкскую Церковь, находившуюся тогда под влиянием вялых, невежественных священников, мало заботившихся о своей пастве. Народ погряз в суевериях. В 742 и 743 гг. Пипин и Карломан при полной поддержке Бонифация провели соборы с целью утверждения церковной реформы. Эти соборы выработали стандарты поведения для священнослужителей, приличествующие их сану, сделали устав св. Бенедикта обязательным для всего монашества, восстановили полноту епископской власти и начали борьбу с народными суевериями. Однако Пипин и Карломан не отважились потребовать назад розданные некогда земельные владения Церкви из страха ввергнуть в бедность и потерять слишком многих своих сторонников. Не только Бонифаций, но и папы поддержали братьев в их реформаторской деятельности. Когда набожный Карломан в 747 г. удалился в итальянский монастырь, Пипин, оставшийся теперь единственным майордомом, почувствовал себя достаточно могущественным, чтобы осуществить план, уже некоторое время им вынашиваемый, – открыто провозгласить себя королем франков.

Королевство Пипина

У историков, пишущих о жизни и деятельности Пипина и его сына, будущего Карла Великого, существует неверная тенденция изображать правление первого всего лишь как прелюдию к блестящей эпохе второго. Ведь уже при Пипине были приняты великие решения, во многом обусловившие историю западного мира в последующем столетии: в качестве своих главных приоритетов правители из династии Каролингов с этого времени рассматривали обеспечение прочного союза с римским папой, освящение своего королевского сана (помазание папой священным елеем), повсеместное насаждение сложившейся в Риме литургической практики, денежную реформу и объединение главных регионов Запада в союз вокруг франкского политического ядра.

«Государственный переворот» Пипина Короткого

Задавшись целью свергнуть и заменить Меровингскую династию, Пипин должен был вначале заручиться необходимой поддержкой. Открытую агитацию за него вели монахи расположенного неподалеку от Парижа аббатства Сен-Дени. Пипин и его сторонники решили также привлечь Святой престол. Папа Захария I соглашался, что тот, кто действительно выполняет функции короля, не обладая при этом королевским титулом, должен королевский титул принять, поэтому «своей апостольской властью» он распорядился, чтобы Пипин был коронован королевской короной. Пипин был избран и возведен на трон советом магнатов в Суассоне. Но затем – и это было уже новшеством – он принял королевское помазание священным елеем от миссионера-епископа Бонифация. Поступая подобным образом, Пипин не только воспроизводил обычай вестготских правителей Испании, но, что было более существенно, следовал примеру ветхозаветных царей. Пипин сделался правителем, «помазанным» Господом, обеспечив себе тем самым моральную и религиозную власть.

Образование папского государства

Папы умоляли нового короля о помощи в их борьбе против наседающих лангобардов: в 751 г. (год государственного переворота Пипина Короткого) эскархат Равенна, последнее византийское владение в Северной Италии, был захвачен

лангобардским королем Айстульфом, которому оставалось взять лишь Рим, чтобы Италия стала полностью лангобардской. Стремясь сохранить независимость Святого престола, папа Стефан (II) III разыскал Пипина в Галлии, чтобы получить от него помощь – впервые за все время папа посетил «варварскую» территорию. Пипину не оставалось ничего иного, кроме как радушно его принять и дать обещание послать в Италию необходимые силы. Возможно, что именно тогда папа показал Пипину пресловутый документ, известный под названием «Константинов дар», поддельный документ, согласно которому первый христианский император Рима Константин Великий якобы заявлял, что передает папе Сильвестру I во владение город Рим, Италию и западные области, перенося свою столицу на Восток в недавно им основанный г. Константинополь (чтобы впредь править оттуда только Востоком). Во время своего пребывания во французском аббатстве Сен-Дени папа совершил вторичное помазание Пипина на царство. Приняли помазание от папы также жена Пипина и его сыновья; кроме того, всем им папа пожаловал титул римских патрициев.

Пипину понадобились два похода в Италию, чтобы навязать свою волю королю лангобардов Айстульфу и принудить того уступить часть захваченных тем территорий римскому папе (в том числе Равеннский экзархат. – *Прим. ред.*). Этот акт стал началом папского государства, которое существовало до 1871 г.

Завоевание Аквитании

Пипину Короткому было суждено положить конец независимости Аквитании. С 760 г. и до своей смерти в 768 г. он каждый год вел военные кампании, все дальше проникая вглубь страны, продвигаясь вниз по Гаронне и принуждая басков к сдаче. Аквитания была покорена, но при этом подверглась опустошению; ее цивилизация и культура, сохранявшиеся со времени больших вторжений варваров, теперь были погребены под руинами. Этому краю понадобилось долгое время, чтобы залечить раны, нанесенные Каролингами.

Продолжение церковной реформы

Помазание Пипина обязывало его к распространению христианства в своем королевстве. В этом его поддерживал Хродеганг (Chrodegang), епископ Metz, который составил канонические правила, вдохновляясь бенедиктинским уставом; в соответствии с этими правилами все священники, подобно монахам, были обязаны вести жизнь в общине. Он помогал Пипину насаждать в Галлии римскую литургию для унификации ритуала во всех церквях. Эта деятельность, требовавшая длительного времени, была продолжена Карлом Великим.

Престиж Пипина

Слава Пипина вышла далеко за пределы его королевства и даже за пределы Италии: он был первым властителем франков, заключившим соглашения с мусульманскими правителями и восстановившим добрые отношения с византийцами. Он усилил административный аппарат своего двора и, что важнее всего, положил конец анархии в денежной системе, вновь введя королевскую монополию на чеканку монеты. Начиная с его правления и вплоть до XIII в. его серебряная монета, *денарий*, являлась повсеместным денежным стандартом. Помимо всего, при нем наметилась тенденция к вытеснению делавшихся все менее образованными светских чиновников священнослужителями – и этому господству бюрократии священнослужителей во Франции было суждено длиться до начала XIV в., когда к власти пришел Филипп IV Красивый.

Когда 24 сентября 768 г. в возрасте 54 лет Пипин умер, его тело было погребено в аббатстве Сен-Дени. Он воспитывался в этом аббатстве в своей юности, оказывал помощь при постройке там новой церкви (краеугольный камень которой торжественно заложил папа Стефан II) и на протяжении всего своего правления пользовался поддержкой монахов аббатства. В Сен-Дени был составлен список значительно ранее составленного сборника «Салическая правда»; в его прологе, восхваляющем франков как новый избранный народ, содержится следующая сентенция: «Да будет прославлен Христос, Который возлюбил франков, чьей власти Он покровительствовал, чьих вождей Он исполнил светом Своей милости, чье войско Он охранял, и Который поручил им быть оплотом Его Веры».

Карл Великий – завоеватель

После смерти Пипина Короткого два его сына, в соответствии с германским обычаем, разделили королевство между собой. Однако старший из них, Карл, не смог достичь взаимопонимания со своим братом Карломаном. Этот раздор побудил их мать Бергтруду вмешаться в государственные дела. Она заручилась союзом не только с баварским королем Тассилоном III, но и с Дезидерием, королем лангобардов. Однако после смерти Карломана в 771 г. Карл сам приступил к проведению активной внешней политики в самых разнообразных направлениях.

Условия завоеваний Карла Великого

Большую часть своего правления Карл Великий посвятил завоевательным войнам. Согласно его биографу Эйнгарду, он «расширил» королевство, присоединив к нему около миллиона кв. км, что соответствовало большей части территории латинского Запада. Эти завоевания осуществлялись шаг за шагом, без заранее установленного плана, однако до самого конца Карл Великий был верен определенным принципам. С одной стороны, он хотел защитить свое наследное королевство от нападений язычников, в особенности саксонских. С другой стороны, как самый пристрастный последователь христианства и христианский король он стремился сдерживать натиск мусульман и отвоевать часть захваченных ими земель; таким образом, его походы, имея политический характер, приобретали внешний вид религиозных войн (илл. 161, 162). Следует также учитывать, что этот прирожденный воин, который любил битвы и ни на миг не мог оставаться без действия, искренне считал войну «национальным занятием франков». Она позволяла ему сосредоточивать в своих руках богатства и делить их потом между церквями и своими сторонниками. Пока продолжались завоевания, король был в состоянии держать свою знать в строю и быть уверенным в ее поддержке. Его военные успехи зависели от мощи его армии, возможно, и не столь большой, как это утверждалось. По мнению некоторых историков, Карл Великий имел в своем распоряжении лишь 5 тыс. воинов, что объясняет трудности, с которыми он порою сталкивался, особенно в Саксонии. Однако другие ученые, которые принимают в расчет количество владений, епископств и аббатов в королевстве, считают, что король мог выставить 36 тыс. всадников, помимо пеших воинов и вспомогательных союзных отрядов, составивших бы в целом 100 тыс. человек. Главной силой каролингской армии была тяжелая конница, ее численность при Карле Великом заметно возросла. Успех военных операций зависел от скорости мобилизации и сосредоточения войск в начале каждой весны. Карл следил за тем, чтобы большие и малые дороги поддерживались в хорошем состоянии, а мосты хорошо ремонтировались; он даже планировал

прорыть канал между Рейном и Дунаем; археологи обнаружили следы этого канала в районе, названном позднее *Fossa Carolina* (Карловы рвы).

Этапы завоевания

Разорвав союз с лангобардами, сторонницей которого была его мать, Карл решил ответить на призыв о помощи со стороны нового папы Адриана I завоеванием Лангобардского (Ломбардского) королевства. Поход прошел без каких-либо осложнений; король Дезидерий сдался, и Карл Великий сделался королем лангобардов. Он совершил также паломничество в Рим и подтвердил совершенное его отцом 20 лет назад дарение территорий Святому престолу.

Вторым театром военных действий была Саксония, завоевательные походы против которой Карл Великий начал в 772 г. Ни одному римскому или франкскому правителю не удавалось прежде проникнуть в эту страну лесов и болот и разгромить саксонских язычников. Карл, разумеется, не предполагал вначале, что будет вести здесь войну на протяжении 30 лет. Впервые он принял изъявление покорности от саксов в 777 г. в своей новой резиденции в Падерборне, надеясь после этого обратить подчиненное население в христианство. В Падерборне же он встретился с мусульманским правителем, который просил его помощи против своих соперников в Северной Испании. Карл пересек Аквитанию и осадил Сарагосу, однако осада окончилась неудачей, а при отступлении аррьергард франкской армии был перебит басками, союзниками арабов, в Ронсевальском ущелье (Западные Пиренеи). Так что 778 г. оказался для Карла крайне тяжелым, поскольку вслед за ронсевальской катастрофой вспыхнуло восстание саксов и возникла угроза со стороны Арихиса (Arichis), герцога Беневентского, стремившегося расширить свое герцогство за счет папского государства.

Карл сумел преодолеть этот кризис, провозгласил при втором посещении Рима в 781 г. своего сына Пипина королем Италии и тогда же завоевал герцогство Беневенто. Он отправился назад, чтобы принять под свою власть Баварию, где правил его кузен Тассилон III, и развязал политику террора против Саксонии, поставив саксов перед выбором: сдаться и принять христианство или же быть уничтоженными. Этот период решительных действий завершился новым кризисом, еще худшим, нежели в 778 г. Мусульмане перешли через Восточные Пиренеи, а Беневенто и Саксония подняли восстания против Карла. 46-летнему Карлу пришлось приложить немало усилий, чтобы с честью выйти из этого тяжелого положения. В 794 г. он руководил собором франкских богословов во Франкфурте-на-Майне, посвятив его восстановлению внутреннего порядка в Церкви и разрешению хозяйственных и финансовых вопросов; в том же году он окончательно сделал своей резиденцией Ахен. С этого времени он начал подготовку к своей императорской коронации.

Карл Великий становится императором

С 476 г. существовал лишь один император – Восточный византийский. Карла, ставшего повелителем нескольких западных регионов, в намерении восстановить империю на Западе поддерживал ряд церковников, среди них его советник Алкуин. Этому замыслу благоприятствовали некоторые события: впервые императорский престол в Константинополе занимала женщина, императрица Ирина. Чтобы укрепить свое положение, она восстановила на VII Вселенском (II Никейском) соборе иконопочитание; но она захватила власть в обход прав своего сына. Карл Великий также осудил иконоборчество на соборе во Франкфурте в 794 г., хотя сам был противником культа икон; он построил дворец в Ахене, который соперничал со священным

дворцом в Константинополе; он также величал себя «королем и священником» и выступал в качестве главы христианской империи. Более того, новый папа Лев III, которому угрожала римская знать, нуждался в помощи Карла, поэтому и он благосклонно отнесся к идее восстановления Западной империи.

Это восстановление произошло в Рождество 800 г. «Большие Лоршские анналы» (*Annales Laureshamenses*) (Анналы Эйнгарда, найденные в Лоршском монастыре в Германии. – *Прим. ред.*) так описывают это событие:

«Поскольку в земле греков более не было императора и поскольку все они пребывали под властью женщины, папе Льву и всем Отцам Церкви, заседавшим в собрании, и всему христианскому народу представлялось разумным дать имя императора Карлу Великому, королю франков, которому принадлежал Рим (где обычно находились цезари), а также Италия, Галлия и Германия... Если Бог всемогущий дал согласие на то, чтобы эти страны собрались под его властью, то будет разумно подчиниться требованию всего христианского народа, что он должен также носить и императорский титул».

Папа короновал Карла Великого императором, и потом, на протяжении всего средневековья, правители должны были приезжать в Рим, чтобы получить императорскую корону (илл. 194, а). Однако Карл не хотел признавать над собой авторитет римского понтифика и быть императором римлян; он стал «Римской империи правителем и королем франков и лангобардов». Когда в 813 г. он решил сделать своего сына Людовика соправителем империи, он сам короновал его в Ахене, не привлекая к этому папу. Это означало противопоставление двух концепций империи, противопоставление, посеявшее семена конфликта между папой и императорами, который будет длиться на протяжении всей истории средневекового Запада.

Карл Великий до самой смерти (814 г.) укреплял дело своей жизни, защищая свою империю от нападения новых противников: славян, живших за Эльбой и в Богемии; датчан, которые опустошали Фризию и для борьбы с которыми он создал флот; на юге – от мусульманских набегов с Корсики и Сардинии. При этом он осуществил завоевание аварской крепости на дунайской равнине и захватил Барселону, что позволило ему основать Испанскую марку – будущую Каталонию.

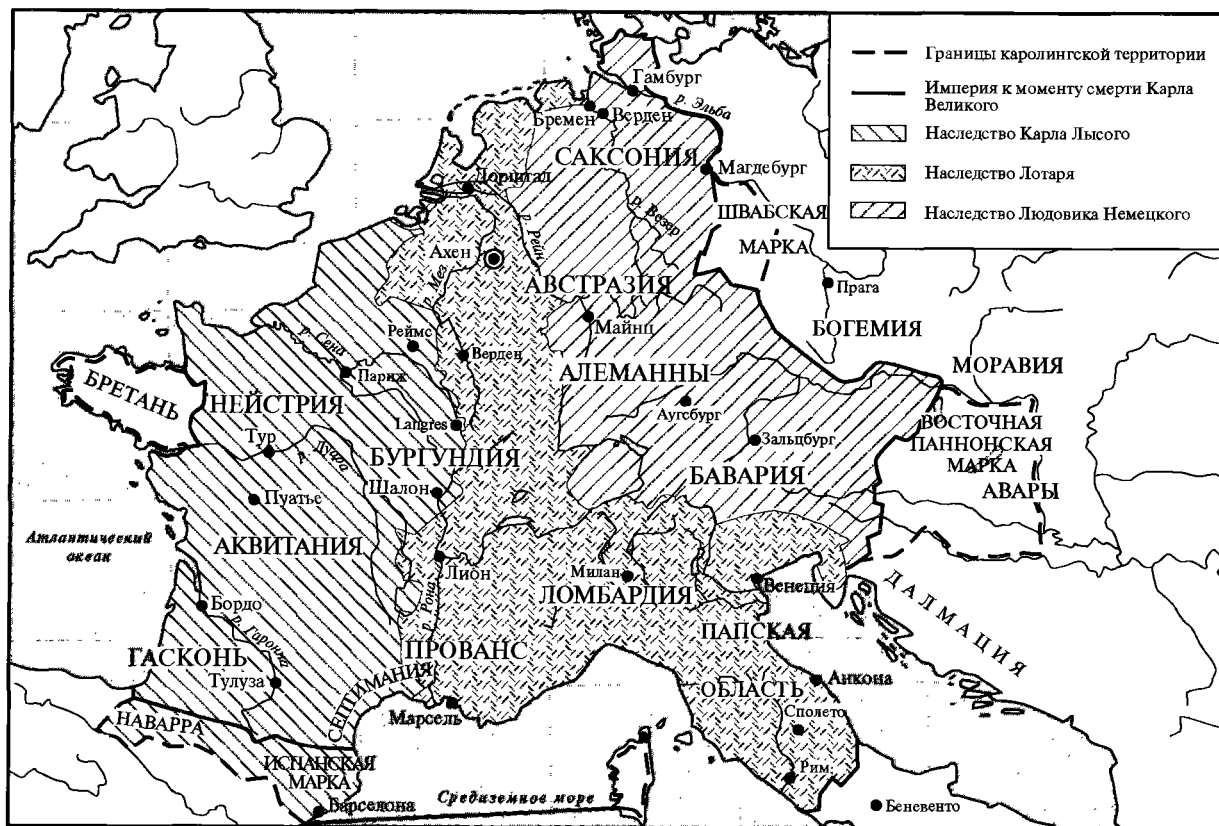
Когда в 814 г. Карл Великий умер, почти достигнув 70-летнего возраста, его по праву можно было считать «отцом Европы», сумевшим собрать под своей единоличной властью ее разнородные области. Но какая судьба ожидала эту «Европейскую империю» при его преемниках?

СУДЬБА ИМПЕРИИ С 814 ПО 877 Г.

Мы можем проследить здесь лишь основные черты этой истории, рассмотрев основные этапы развития каролингской Европы (см. карту 5).

Попытка создать единую империю и ее неудача

Людовик, сын Карла Великого, прозванный позднее Благочестивым, находился под сильным влиянием духовенства, которое ратовало за единство империи. Некоторые из них мечтали о слиянии всех ее народов и об отмене всех «варварских» законов. В 817 г. Людовик решил провозгласить своего старшего сына Лотаря императором-соправителем, тогда как братья Лотаря должны были довольствоваться титулами королей. Однако у Людовика было четыре сына, самый младший из которых, Карл, был рожден во втором браке. Согласно германской традиции, всем детям причиталась их доля наследства, в том числе –

Карта 5. Империя Каролингов и Верденский раздел (843 г.) (по Riché, 1968, *Grandes Invasions et empires*, in *Histoire universelle*, Larousse, Paris)

территориальная. Эта традиция противоречила церковной объединительной концепции. Поэтому, несмотря на многообещающее начало, правление Людовика Благочестивого после 833 г. было омрачено непрерывными войнами между Лотарем и его братьями. Когда в 840 г. Людовик умер, единство империи оказалось под угрозой.

Верденский раздел

С началом скандинавских вторжений в Западную Европу каролингские правители были вынуждены прийти к соглашению и решились на раздел империи. После нескольких лет подготовки империя была в 843 г. разделена в Вердене между Карлом Лысым, получившим всю западную часть, Людовиком Немским, получившим земли на востоке, и Лотарем, сохранившим императорский титул и получившим в управление центральный регион, протянувшийся от Ахена до Рима. Историки пытались понять принцип, лежащий в основе новой карты Запада. Осуществленный раздел не подкреплялся ни языковыми, ни национальными соображениями, экономический статус каждого королевства также не принимался в расчет. При разделе позаботились, чтобы каждый из братьев имел владения, аббатства и епископаты, расположенные на родовых землях и находившиеся в руках главных австразийских семейств, так чтобы владения и бенефиции их вассалов в течение ближайших лет не попали бы в руки другого владельца.

Разумеется, при разделе империи никто не предполагал, что установленным в Вердене границам, наметившим карту средневековой Европы, и в особенности границе между Западнофранкским королевством и королевством Лотаря (проходившей, в частности, по рекам Соне и Роне), суждено было сохраняться на протяжении столетий. После смерти Лотаря в 855 г. его удел был вновь разделен на три части — так были обозначены границы будущих государств средневековой Европы: Лотарингии, Прованса, Бургундии и Италии.

Распад империи

На время отдельным королям удавалось объединять силы для борьбы против внешнего врага, прежде всего скандинавов. Духовенство благосклонно относилось к подобным союзам и пыталось сохранить хотя бы видимость морального и религиозного единства. Но каролингские правители руководствовались прежде всего собственными выгодами и интересами своих вассалов.

Папство, освободившееся теперь от опеки императора, в понтификат Николая I (после 867 г.) и Иоанна VIII (872–882 гг.) перехватило политическую инициативу. В 877 г. Иоанн VIII короновал Карла Лысого императором.

Карл Лысый, последний каролингский император

Карл Лысый, образованный, энергичный и честолюбивый правитель, мечтал о восстановлении империи своего деда Карла Великого. Укрепляя *марки* (пограничные укрепленные административные округа во главе с маркграфами. — *Прим. ред.*) и возводя замки, он смог остановить вторжения скандинавов. Он упорядочил денежную систему и превратил свой двор в престижный культурный центр. Папа Иоанн VIII предложил ему императорскую корону, и на Рождество 875 г. короновал его вместе с женой (илл. 169). Однако история не повторилась. Карлу угрожали его брат Людовик Немский, новые нападения викингов на регионы вокруг Сены и неповиновение собственной знати. Несмотря на все это, он откликнулся на просьбу Иоанна VIII об оказании военной помощи против мусульман, напавших на Южную Италию, однако 6 октября 877 г. он умер, когда возвращался во Францию для подавления мятежа собственных аристократов.

В поисках нового императора папа Иоанн VIII остановил свой выбор на короле Западнофранкского королевства Карле III Толстом (младшем сыне Людовика Немского), которого короновал императором Римским в 881 г. Однако

новый император потерпел неудачу, защищая Италию от пиратских набегов сицилийских мусульман, и оказался неспособен помочь Парижу, когда город был в 885–886 гг. осажден викингами. Болезненный император в 888 г. был низложен знатью, после чего аристократы каждого королевства избрали короля из своей среды. Это стало концом империи Каролингов.

ИМПЕРСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Хотя империя Каролингов просуществовала всего несколько десятилетий, учреждения, созданные Карлом Великим и его наследниками, действовали еще долгое время после ее распада.

Религиозные институты

Нам следует начать с религиозных институтов, потому что «посвященный» правитель прежде всего стремился реформировать Церковь и обеспечить должное функционирование ее организации на Земле.

Структура Церкви

Пипин и Карл Великий восстановили церковные провинции-митрополии во главе с епископами, называвшимися с тех пор архиепископами. В «Завещании Карла Великого» перечисляется 21 такая провинция. Архиепископы осуществляли полную власть над своими епископами, и некоторые из них, например Гинкмар, могущественный архиепископ Реймский, заявлял, что никогда не откажется от своего права поступать подобным образом. Архиепископы Гамбурга, Зальцбурга и Майнца распространили свою власть на территории, недавно завоеванные христианами, – на некоторые земли в Скандинавии во времена правления Людовика Благочестивого и на славянские территории. С середины VIII в. регулярно созывались соборы для обсуждения моральных, религиозных, доктринальных и даже политических вопросов; они утверждали каноны, входившие составной частью в формирующееся церковное право.

В управлении епархией (диоцезом) епископу помогали священнослужители его собора, которые, как правило, вели общинную жизнь и соблюдали канонические правила, введенные Хродегангом Мецским в середине VIII в. Слишком большие епархии подразделялись на более мелкие, а те – на еще меньшие. Это административное деление оставалось в силе на протяжении всего средневековья. Каролинги стремились обеспечить опеку над верующими и дать христианству возможность пустить глубокие корни в народе, заботясь, чтобы все дети были крещены при рождении, все христиане присутствовали на церковной службе по воскресеньям и получали причастие по крайней мере три раза в год. Это почтительное отношение к внешним установлениям было вполне созвучно законам Ветхого Завета.

Каролинги с недоверием относились к монахам, жившим уединенно и в изоляции от мира; им хотелось повсюду насадить устав св. Бенедикта. В 817 г. друг Людовика Благочестивого Бенедикт Анианский руководил церковным собором в Ахене, который пытался привести единообразие в монастырские установления и придать общий дух различным монашеским объединениям. Это прокладывало пути для будущей деятельности монахов аббатства Клонь в X в.

Церковь в подчинении у государей

Содействуя церковной реформе и восстанавливая структуру церкви, правители рассчитывали на полное

сотрудничество с ее стороны в своих политических начинаниях и на ее послушание своей воле. В качестве «нового Давида» Карл Великий создал своего рода священную монархию, где все решения принимали государь и его представители. Правитель назначал епископов и аббатов и считал, что они должны делить свое время между исполнением пастьерского долга и службой государю. Правитель призывал их к своему двору и давал административные и дипломатические поручения. Аббаты, ставшие теперь вассалами правителя, могли даже выделять войска для военных походов. Правители также осуществляли надзор за управлением все более увеличивавшимися церковными богатствами и приказывали составлять их описи (илл. 169). Сейчас мы можем удивляться тому, что духовенство не протестовало против подобного королевского контроля и не пыталось во имя своего религиозного призвания отстоять свободу Церкви. Однако епископы и аббаты, участвуя во власти и получая от этой власти материальные выгоды, а также из-за нечеткого разделения духовной и мирской сфер, не могли представить себе иной системы. Если некоторые священнослужители во времена Людовика Благочестивого и заявляли о примате духовного начала, то делали это лишь с целью узурпации политической власти в своих бенефициях. Крушение Каролингской империи и господство могущественных аристократических семейств поставило Церковь в еще более сильную зависимость от светских властей.

Структура управления

Каролингский правитель не был тираном, а его монархия не была абсолютной в том смысле, в каком ею была Византия. Он стремился поддерживать контакты со своими подданными, проводя генеральные ассамблеи, подобные тем, что собирались до его правления. Во времена Карла Великого видные светские и духовные лица, военачальники и магнаты созывались на совещания перед началом ежегодной военной кампании для обсуждения главных вопросов. В результате таких собраний составлялись хорошо известные «капитулярии» – распоряжения, состоявшие из ряда статей, или глав – *capitula*, откуда и происходит их название, – которым мы обязаны значительной частью наших сведений о жизни империи.

Генеральная ассамблея была своего рода расширением того совета, который помогал государю в повседневном управлении и заседал у него во дворце. Правитель давал своим друзьям разнообразные поручения – как различные «должности» в дворцовом хозяйстве, так и более важные обязанности. Казначей отвечал за казну, где хранились все средства, полученные от косвенных налогов, ежегодных даров, дани, военной добычи и т.д. Глава канцелярии, канцлер, составлял и подтверждал подлинность королевских грамот. Каролингские правители стремились возратить письменности утраченное ею значение, поэтому всякого рода документы, исходящие от двора и присланные туда, проверялись представителями духовенства.

Решения, принятые правителем у себя во дворце или на генеральной ассамблее, передавались его местным представителям – *графам*. В империи было около 300 графов, обладавших, как и в меровингские времена, обширной властью. Так как они порой злоупотребляли этой властью, Карл Великий осуществлял надзор за ними с помощью разъездных так называемых «императорских посланцев» (*missi dominici*), которым он давал инструкции перед их отъездом на проверяемую территорию. В 802 г., например, он писал:

«Осуществляйте полное, равное правосудие по отношению к церквам, вдовам, сиротам и всем остальным, без обмана, подкупа и недолжных отсрочек, и добивайтесь, чтобы ваши подчиненные поступали так же... Прежде всего, да не услышит никто от вас или ваших

подчиненных: «Не шумите, пока не проедут *missi*, и мы уладим все потом между собой». Напротив, пусть станет вашим занятием ускорение разбора незаконченных дел до нашего приезда. Читайте и перечитывайте это письмо и держите его в сохранности, чтобы оно могло послужить свидетельством ваших полномочий».

Всегда придававший большое значение личным отношениям со своими подданными, Карл Великий решил обязать всех свободных мужчин принести ему присягу верности; кроме того, он призывал служивших ему чиновников становиться его *вассалами*. Благодаря этому он был уверен, что окружен верными людьми, способными в любое время оказать ему помощь; каждому из них, в свою очередь, он давал *бенефиций* (от лат. «благоденствие»), обычно в виде земельного надела. Вассальное пожалование было пожизненным, т.е. оставалось в силе до смерти вассала или господина, после чего «бенефиций» возвращался во владение правителя. Пока последний располагал значительной властью, эта система была довольно эффективной, но когда его власть ослабела, вассалы стали стремиться закрепить пожалованные им земли за собой и своими потомками. Это произошло во второй половине IX в.

Одной из обязанностей правителя было обеспечение правосудия и преобладания публичного права. Данная функция предписывалась не только фактом его «посвящения», но также была данью римской и германской традициям. Правитель должен был гарантировать, что права всех будут уважаться, а законы будут исполняться независимо от их «варварского» или римского происхождения. Представитель правителя, граф, был обязан трижды в год устраивать судебные заседания, при проведении которых ему помогали специалисты-законоведы, называвшиеся *скабинами* (*scabini*). Именно в этот период «важные дела» стали отличаться от «менее важных»; граф разбирал первые, поручая вторые своим заместителям. Таким образом установилось классическое разделение (действовавшее на протяжении средних веков) на «высшее» и «нижнее правосудие». В конфликтной ситуации можно было либо передать дело на рассмотрение императорским посланцам, которые могли отменить решение графа, или апеллировать к дворцовому трибуналу. Согласно франкской судебной процедуре, бремя доказательств лежало на самом обвиняемом, которому приходилось защищать свою невиновность принесением присяги на святых реликвиях или путем «божьего суда», заключавшегося в испытании кипящей водой, огнем или дуэлью. Эта практика, имевшая языческое происхождение, осуждалась частью духовенства, но сохранялась на Западе до XIII в.

Ресурсы империи

История экономики Запады в раннее средневековье уже несколько лет является предметом серьезных разногласий: одни ученые считают, что до XI в. она переживала упадок и застой, тогда как другие придерживаются противоположной точки зрения, утверждая, что после VII в. Запад переживал хозяйственное возрождение. По-видимому, Каролинги поддерживали процесс хозяйственного оживления своими инициативами и законодательными мерами, что привело к росту производства товаров и стимулировало расширение рыночных операций.

Карл Великий был крупнейшим землевладельцем, сосредоточившим в своих руках необъятные владения (около 600 из них – унаследованные или завоеванные), протянувшиеся от Луары до Рейна, из которых он пытался извлечь максимальный доход. Он стремился получить точную информацию о текущем состоянии своих имений (*villae*) и давал своим управляющим указания по составлению описей его богатств. Это было темой знаменитого капитулярия «О поместьях», выпущенного около 800 г. Главный управляющий,

которому помогали *майоры* (лат. *majores* – «старшие»), следил за организацией земледельческих и ремесленных работ, определял время сева, пахоты и сбора урожая, обеспечивал исправность прессов и следил за разведением лошадей и состоянием лесов. В то время леса были не только источником разнообразных ресурсов, но также являлись охотничьими заповедниками правителя.

Крупные светские и церковные землевладельцы, подражая правителю, издавали подобные правила и для своих имений. При Людовике Благочестивом в аббатстве Сен-Дени был создан знаменитый полиптик (опись монастырских владений), в котором описывались 25 отдельных владений в районе Парижа. Двоюродный брат Карла Великого Адельгард, настоятель монастыря в Корби (близ Амьена), детально описал работу, выполнявшуюся ремесленниками и крестьянами на его землях.

Одной из целей регулирования в области земледелия была продажа излишков продукции, что требовало выработки правил торговли на местных рынках. Карл Великий стремился поощрять честность участников коммерческого обмена путем следования принципу «честной цены» – к этой теме часто обращались в средние века. Он препятствовал появлению монополий и спекуляции, часто возникавшей во времена нехватки продовольствия; в 794 г. он установил максимальную цену на зерно и повелел организовать строгую проверку мер и весов.

С 744 г. каждый епископский город должен был иметь рынок, место, где торговые операции находились бы под постоянным надзором властей и которое служило росту королевских доходов, так как пошлины и сборы поступали в казну правителя. В 864 г. Карл Лысый поручил графам составить список существующих рынков, указав при этом, какие из них были устроены в правление его деда, а какие были основаны после его собственного вступления на престол. Рынки давали столь значительную прибыль, что епископы и аббаты просили правителя о пожаловании им грамот об освобождении от налогов, что позволяло им оставлять у себя часть доходов от торговли.

Надлежащая коммерческая политика была невозможна без стабильного инструмента обмена – денег. В свое время Пипин Короткий возобновил чеканку монет и постановил, чтобы серебряный *денарий* чеканился в нескольких местах под его непосредственным контролем. Наследники Пипина вели упорную борьбу с фальшивомонетчиками и регулярно чеканили новые *денарии*. Ценность *денария* была определена как 1/12 часть *солида*, расчетной денежной единицы; эта двенадцатичная система была также принята в Англии, где сохранялась до 1971 г. Таким образом, реформы правителей из династии Каролингов позволили установить в Европе «серебряную зону», просуществовавшую до XIII в., когда все чаще стали чеканить золотую монету.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

При мысли о заслугах династии Каролингов на ум немедленно приходит слово «возрождение». С VIII в. в Испании, Италии и на Британских островах начался подъем новой, христианской по духу культуры, возникшей на руинах культуры римской, долгая агония которой продолжалась до VII в.

Заслуга Каролингов состоит в том, что они сумели успешно воспользоваться первыми признаками культурного оживления на Западе, восстанавливая школы и собирая вокруг себя художников и ученых, оказывая им покровительство и поощряя их деятельность. Современники хорошо сознавали значение культурных стимулов со стороны королевской власти и, говоря о *renovatio* (лат. «обновление, восстановление»), «возрождении», приписывали все заслуги Карлу Великому. Однако Карл был не одинок: еще до него начало этому положил его отец Пипин Короткий, а преемники Карла были продолжателями.

Образовательная политика

Церковные школы на Западе возникли задолго до Карла Великого. Такие школы существовали с VI в. при кафедральных соборах, монастырях и даже в сельских приходах, но они пострадали вследствие кризиса, обрушившегося на церковь в конце VII – начале VIII в. Пипин Короткий, занявшись реформой Церкви, заложил основы для культурного обновления. Карл Великий пошел дальше, стремясь полностью восстановить школьную систему; поскольку король нес ответственность за духовенство, он хотел, чтобы его представители имели достаточное образование, которое позволило бы им наставлять вверенную их попечению паству. Литургическая реформа, начатая при Пипине, и реорганизация Церкви могли иметь успех лишь в том случае, если духовенство было достаточно сведуще в латыни, чтобы уметь читать Писание и проповедовать. Более того, правитель, как мы уже видели, отчетливо сознавал, что для усовершенствования управления необходимо вновь придать письму то значение, которое оно имело в Римской империи.

Поэтому в указе *Admonitio Generalis* («Всеобщее увещание») 789 г. Карл Великий особо оговаривал, чтобы в каждом монастыре и епархии детей учили псалмам, умению делать краткие записи (своего рода стенография той эпохи), пению, счету и грамматике (т.е. латыни). Кроме того, он побуждал епископов открывать в каждой деревне и поселке сельские школы, где дети могли бы учиться бесплатно. В 813 г. он даже выразил надежду, что, вернувшись домой, эти дети станут учить своих домашних выученным в школе молитвам. Разумеется, Карл Великий осознавал трудности повсеместного проведения реформ образования. Реформы требовали от епископов выполнения на уровне епархий королевских распоряжений. Долгое время считалось – на основании известного рассказа немецкого писателя, монаха Ноткера Санкт-Галленского, – что Карл Великий основал школу в своем дворце. Ноткер описывал, как правитель, inspectируя свою школу, порицал ленивых молодых аристократов и хвалил учеников более скромного происхождения. В действительности эта «школа» состояла из писцов, нотариусов, певчих и копистов, занятых изучением своей будущей профессии в дворцовых учреждениях и дворцовой часовне.

Образовательную политику Карла Великого продолжили Людовик Благочестивый и его сыновья. На Соборе в Ахене в 817 г. Бенедикт Анианский выразил пожелание, чтобы в монастырские школы принимали только молодых людей, готовящихся стать монахами. При этом большие аббатства, подобные Санкт-Галленскому, должны были на несколько дней открывать свои школы, чтобы представители духовенства и даже миряне могли бы получать некоторое образование. На хорошо известном плане Санкт-Галленского монастыря можно видеть контуры школы, расположенной севернее церкви, с 12 классными комнатами и домом учителя; помещение для послушников и братства располагалось к востоку от здания церкви. В 822 и 829 гг. император Людовик несколько раз указывал на необходимость организации школ. Его сын Лотарь в качестве правителя Северной Италии основал девять образовательных центров, где «учителя учеников», присланные из разных епархий, могли продолжить свое образование.

Хотя оценить непосредственные результаты подобной образовательной политики довольно трудно, несомненным является культурный прогресс в среде духовенства и рост количества всевозможных рукописных трудов, так что королевские усилия не пропали втуне. В Северной Франции, Германии и Италии существовали многочисленные культурные центры; лишь Аквитания и Прованс не знали школ. Учителя – духовенство и монахи – изучали науки, учили, писали; они с энтузиазмом открывали для себя древних авторов – грамматиков, риторов, авторов трактатов по астрономии и медицине. Они знали, что изучение свободных искусств давало, по словам Алкуина, «не только возможность постичь вершины Священного Писания, но также истинную

мудрость, каковая есть познание Бога». Количество книг, находящихся в их распоряжении, постоянно росло, потому что со времен Карла Великого писцы занимались переписыванием (используя новый стиль письма) книг, до тех пор не тронутых ошибками. Новый стиль написания букв, получивший в честь Карла Великого название «каролингского минускула», был очень правильным, с появившимися наконец между словами пробелами. Постепенно он был принят по всему Западу и даже дошел до нас, так как настолько восхитил первопечатников эпохи Возрождения, что те использовали его; именно к нему восходят строчные буквы современных печатных шрифтов.

Невозможно переоценить изумительный по своим масштабам труд каролингских писцов, начатый в правление Карла Великого. Их преемники непрерывно пользовались созданным ими письмом до конца XI в. До нас дошло огромное количество рукописей (около 8 тыс.), но это лишь малая часть продукции каролингских *скрипториев*. Благодаря этим писцам в библиотеках сохранились труды отцов Церкви, античных грамматиков, риторов, поэтов и крупнейших латинских прозаиков. Европейская культура обязана им в величайшей степени; без них знание латинской классической литературы было бы невозможным (илл. 163, 164).

Императорский двор как центр интеллектуальной культуры

Восстановление школ и меры, позволявшие приобретать знания и осваивать различные методы, являлись необходимой предпосылкой интеллектуального возрождения, однако этого было недостаточно. Правителям следовало подать пример, превратив свой двор в место, где могли собираться писатели, и заказывая им написание сочинений. Одним словом, они должны были осуществлять литературное покровительство.

Хотя Карл Великий и не умел писать, он проявлял живой интерес ко всем отраслям знания. Его биограф Эйнгард рассказывает, что франкский король получал наставления от итальянца Петра из Пизы, а позднее от Алкуина – ученого, автора богословских трактатов, учебников по философии, математике и др. Карл интересовался грамматикой, риторикой, астрономией и более всего богословием. Религиозные, научные и философские вопросы обсуждались в так называемой «Палатинской академии»; например, Карл приглашал англосаксонских ученых для дискуссии о подлинном или воображаемом существовании небития и призраков. Он пользовался помощью Алкуина и аквилейского архиепископа Паулина (*Paulinus*) при исследовании испанского еретического течения адопцианства, последователи которого считали, что Иисус был лишь усыновлен Богом. В ответ на доводы византийцев относительно почитания икон он апеллировал к Теодульфу, который работал над так называемыми «Каролингскими книгами». Он возражал против византийской точки зрения, придерживаясь знаменитого добавления «филиокве» («и от сына»), сделанного в VII в. западнохристианской (католической) Церковью к христианскому «Символу веры»; как известно, восточная (православная) Церковь не приняла филиокве, что позднее послужило одним из поводов для разделения церквей.

Двор Каролингов сохранил свой блеск и при Людовике Благочестивом, в особенности же – при Карле Лысом. Здесь радушно принимали чужеземных странников – испанских, англосаксонских, ирландских. Конец политического единства империи в 843 г. отразился на каролингском культурном возрождении в крайне незначительной степени.

В различных религиозных спорах, в особенности касающихся вопроса о двойственном предопределении, принимало участие большое количество духовных лиц из различных областей. Монах Готтшалк утверждал: что бы люди ни делали, злым предопределена вечная смерть, а добрым – вечная жизнь; это вело к отрицанию свободного выбора

человека. Гинкмар, архиепископ Реймский, воспринял это мнение как ересь и призвал ученого ирландца, первого выдающегося философа средневековья и одного из ярчайших представителей Каролингского возрождения Иоанна Скота Эриугену (Ирландец), помочь ему в ее опровержении.

Эриугена – переводчик греческих Отцов Церкви (Максима Исповедника, Псевдо-Дионисия Ареопагита и др. – *Прим. ред.*). Его книга «О разделение природы» (написанная ок. 864 г.) была, по утверждению Этьена Жильсона (французский религиозный философ, представитель неомизма, историк средневековой философии; годы жизни – 1884–1978. – *Прим. ред.*), огромной метафизической эпической поэмой, автор которой задолго до св. Ансельма Кентерберийского определял права и функции рассудка перед лицом авторитета. Деятельность Эриугены привлекла в школу в Осере таких ученых, как Эрик (*Heric*), а позднее Ремигий (*Remigius*) (Реми), важность работ которых мы только теперь начинаем открывать.

Другой характерной чертой каролингского Возрождения было то, что некоторые светские аристократы, подражая правителю, также стремились приобщиться к учености. В их дворцах было множество книг, и они поручали монахам и представителям духовенства составлять трактаты, призванные стать для них руководством по хорошему поведению и достижению спасения. Эти трактаты назывались «зеркалами» и показывают, что требовалось от образцового аристократа: энергия, справедливость, верность своему государю, милосердие к бедным, исполнение епитимий, участие в богослужении и чтение Библии. Некоторые из этих «зеркал» предназначались молодым людям, которым в будущем предстояло исполнять политические функции, и отражали идеи духовенства об отправлении королевской власти. Особого внимания заслуживает «наставление», написанное светским аристократом Дуодой (*Dhuoda*) для своего 16-летнего сына Вильяма и представляющее собой подлинный учебник по богословским и моральным проблемам.

Так как светские аристократы не знали латыни, Карл Великий заботился о «переводе древних варварских поэм, где воспеваются история и войны былых королей»; некоторые фрагменты, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что эти поэмы являлись первоэлементами *chansons de geste* («песен о подвигах») – старофранцузских героических поэм средневековья. Другие поэты писали на германском языке о жизни Христа, Сотворении мира и Последнем суде. Народные языки, как германский, так и романский, становились литературными – первым примером являются «Страсбургские клятвы».

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВ

Каролингское возрождение проявилось также во впечатляющем росте масштабов строительства. Было возведено или перестроено более 100 королевских резиденций; построено 27 кафедральных соборов; в сотнях монастырей появились новые здания. Повторное открытие классических трактатов по архитектуре, таких как сочинение Витрувия, сделало возможным применение в строительстве камня, ранее мало применявшегося на территориях к северу от Луары. Путешествия Каролингов в Италию открыли им красоту римских базилик, триумфальных арок и построек на Палатинском холме в Риме. К сожалению, образцов каролингских построек сохранилось немного.

Самым знаменитым считается дворец в Ахене, построенный Карлом Великим после 795 г. и призванный стать соперником императорского дворца в Константинополе. Некоторые фрагменты этого здания сохранились внутри ратуши (построена в 1353 г. на развалинах дворца Карла Великого); в частности, прекрасно выглядит королевская часовня, украшенная мраморными колоннами, привезенными из Италии, с бронзовыми решетками и бронзовыми

дверьми. Эта часовня была так популярна на Западе, что по ее образцу строились часовни с IX по XI в. Когда Теодульф, епископ Орлеанский, строил молельню на своей вилле в Жерминьи, он пытался состязаться с императором, хотя в его квадратной церкви, которая вызывает восхищение и по сей день, проявляется большее влияние Востока и вестготской Испании, откуда Теодульф был родом.

От каролингских соборов не сохранилось ничего, потому что архитекторы романского периода заменили их своими постройками; знаниями о них мы обязаны лишь археологическим раскопкам, позволившим обнаружить фундаменты и выявить их планы. Эти церкви имели двойные фасадные апсиды, и этот архитектурный элемент использовался во многих зданиях, строившихся после каролингской эпохи. В отдаленных частях храма устраивались сводчатые крипты, где хранились реликвии и где им могли поклоняться верующие, – подобные тем, которые можно и сегодня увидеть в аббатстве Сен-Медар в Суассоне или в церкви Сен-Жермен в Осере, крипты которой, освященные в 859 г. в присутствии Карла Лысого, были украшены великолепными фресками, различными еще и сегодня.

Каролингские церкви богато декорировались мраморной и гипсовой облицовкой, капителями, резными балюстрадами. Хотя стены церкви в Осере, церкви св. Иоанна в Мюстаире (кантон Граубюнден в Швейцарии) и в аббатстве Рейхенау были расписаны фресками, эти изображения имели главным образом эстетическую и педагогическую ценность и, как утверждалось в «Каролинских книгах», не являлись предметом поклонения. В этом Каролинги противостояли византийцам.

В своих часовнях правители и крупные аристократы хранили богато орнаментированные литургические книги. В мастерских Тура, Сен-Дени и других монастырей создавались библии, евангелия и псалтири. Выполненные в них миниатюры и переплеты из слоновой кости или золота – прекрасное свидетельство мастерства художников той эпохи (илл. 164).

Каролинги, которые ввели в церквях одноголосное пение, поощряли создание музыкального репертуара, призванного сделать проведение литургии пышным и торжественным. В управляемом зятем Карла Великого аббатстве Сен-Рикье около 800 г. составили первый *монариум*; он представлял собой книгу, в которой была записана высота антифонов. В IX в. было сделано выдающееся изобретение в области музыки – невменная система записи музыки и тропы (вставки в канонизированный напев); кроме того, появились первые теоретические трактаты по гармонии и музыке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отдельные критически настроенные умы могут заметить, что каролингская цивилизация выглядит довольно бедно по сравнению с великолепием византийской в эпоху Македонской династии или багдадской культурой при Аббасидах. Однако благодаря каролингским правителям, церковнослужителям и монахам Запад пережил свой первый расцвет. Кое-кто считает, что объединение Европы Карлом Великим было преждевременным, поскольку его преемники оказались неспособными сохранить империю, но никто не станет отрицать, что культурное единство Запада начало развиваться именно тогда. Распад империи на отдельные королевства, вторжения, опустошавшие их во второй половине IX в., не могли уничтожить все религиозные и культурные достижения эпохи Каролингов.

Европа превратилась тогда в нечто большее, чем сугубо географический регион, понимавшийся в начале IX в. как нечто отличное от Африки или Азии: теперь это был комплекс территорий с общей судьбой. Карла Великого называли «отцом Европы», его внука Карла Лысого – «государем Европы», а папу Иоанна VIII – «пастырем Европы». Все эти выражения, наряду со многими другими, не лишены были

смысла. Европа еще не состояла из мощных объединений, рассматриваемых как национальные общности; еще не было Германии, Франции или Италии, а было сообщество множества народов, каждый из которых обладал собственным характером, языком и неповторимыми чертами. Смягчение противоречий между ними, существовавших и сохранившихся до нашего времени, было заботой политических властей и Церкви. Каролингские правители совместно с Церковью выработали новую концепцию государства, основанного на уважении к религиозным законам.

Эта Европа идентифицировалась также с латинской церковью или, как все чаще и чаще стали говорить потом, с «христианством». Фризы и саксы были обращены в христианскую веру, мусульман вытеснили с севера Испании. Каролинги поддерживали хорошие отношения как с испанскими христианскими королями в Овьедо, так и с англо-саксонскими королями по другую сторону Ла-Манша.

Европа была также интеллектуальным сообществом, сообществом ученых, говоривших и писавших на одном языке – латинском, чистота которого была восстановлена в результате реформы школ. Как считал поэт, «Карл Великий проявил столько же рвения при искоренении ошибок в текстах, сколько и при покорении своих врагов на поле битвы». Неоднократно говорилось, что, останавливая эволюцию латинского языка, который постепенно превращался в народный (как предшественник романских языков), Каролинги создали пропасть между культурой образованных людей и культурой народа. В этом есть некоторая доля истины, однако ради успеха реформы ритуала церковной службы, возрождения учености и обеспечения единства управления империей было необходимо, чтобы латынь вновь приобрела точность и универсальность. Благодаря Каролингам в будущих столетиях Запад будет располагать международным языковым средством общения, и его не придется впоследствии изобретать вновь.

Знание латыни позволяло грамотным людям, имея в своем распоряжении новые рукописи, начать изучение трудов, называемых «классическими». Хорошо это или плохо, западная образованность отныне будет характеризоваться знанием правил грамматики, традицией виртуозной риторики и вкусом к ученой поэзии. Каролингские писатели, поощряемые своими государями, оставили сочинения в стихах и прозе, которые отнюдь не выглядят как плагиат классических произведений.

Каролингское наследие проявилось как в культуре, так и в обществе. Оформилась структура Церкви; папство получило из рук Каролингов светскую власть; папы настояли на своем праве «посвящать» государей в императоры; сформировалась иерархическая сеть архиепископств, епископств, архидиаконатов и диаконов. Устав св. Бенедикта был введен во всех монастырях. Система церковной десятины исчезнет лишь после Великой Французской революции. Что же касается «помазания» королей, закрепляющего религиозный характер их власти, то этот обычай сохранится вплоть до XIX в. Все европейские короли будут основывать свою королевскую власть на фундаментальных принципах каролингской монархии. Коронационная присяга напрямую заимствуется из «обещаний», дававшихся правителями IX в. Концепция «королевского служения», обязывающая короля обеспечивать правосудие и мир и пользоваться при этом помощью и советом своих епископов, также имеет каролингское происхождение.

Нельзя не упомянуть о том, что до самого конца средних веков все западные государи и аристократы стремились с необыкновенным рвением и изобретательностью доказать свои родственные связи с Каролингами. Поскольку это блестящее семейство имело множество потомков, рассеянных по различным регионам Европы, то подобные претензии можно представить как вполне законные. К тому же помимо подлинных доказательств родства существовали бесчисленные фальшивые генеалогии. Так или иначе, все представители знати гордились возможностью назвать

среди своих предков того или иного каролингского государя или, по крайней мере, одного из героев – приближенных Карла Великого, подвиги которых были возведены в *chansons de geste*. Когда речь заходит о единстве Европы, будь то при Наполеоне или в наши дни, мы обращаемся к имени Карла Великого. Кстати, каждый год в Ахене присуждается «Премия Карла Великого» политику, который внес наиболее весомый вклад в достижение этого единства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AMANN, E. 1947. L'époque carolingienne. In: FLICHE, A.; MARTIN, V. (eds) Histoire de l'Eglise, Vol. VI. Paris.
- BLOCH, M. 1939. La société féodale. Paris.
- BRUANFELS, W. (ed.) 1965–1968. Karl der Grosse, Lebenswerk und Nachleben. 5 vols. Dusseldorf.
- BUTZER, P. L., LORZMANN, D. (eds) 1993. Science in Western and Eastern Civilization in Carolingian Times. Birkhäuser Verlag, Bale.
- BUTZER, P. L., KERNER, M., OBERSCHELP, W. (eds) 1997. Charlemagne and his Heritage. 1200 Years of Civilization and Science in Europe. Brepols.
- CONTRENI, J. J. 1992. Carolingian Learning, Masters and Manuscripts. Variorum, Great Yarmouth.
- FOLZ, R. 1964. Le couronnement impérial de Charlemagne. Paris.
- 1972. De l'antiquité au monde médiéval. Paris. La montée des Carolingiens au pouvoir, pp. 289–310; la formation et l'organisation de l'Empire carolingien, pp. 315–353; les destinées de l'Empire carolingien au IXe siècle, pp. 354–399.
- GANSHOF, F. L. 1968. Frankish Institutions Under Charlemagne. Providence, Rhode Island.
- 1971. The Carolingians and the Frankish Monarchy. London.
- GUADAGNIN, P. (ed.) 1988. Un village au temps de Charlemagne (éd. de la réunion des Musées nationaux, Paris).
- HALPHEN, L. 1995. Charlemagne et l'empire carolingien, 3rd edn. Paris.
- HEITZ, C. 1981. L'architecture religieuse carolingienne. Paris.
- HUBERT, J.; PORCHER, J.; WOLBACH, W. F. 1968. L'empire carolingien, 2nd edn. Paris.
- LEBECQ, S. 1990. Les origines franques (V^e–IXe siècle). In: Nouvelle Histoire de la France médiévale. Vol. I. Paris.
- MCKITTERICK, R. 1989. The Carolingian and the Written Word. Cambridge.
- Nascita dell'Europa ed Europa Carolingia. 1981. Un'equazione da verificare. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo, Vol. XXVII. Spoleto.
- PACAUT, M. 1980. L'Europe carolingienne ou le temps des illusions (milieu VIIIe–milieu Xe siècle). In: Histoire générale de l'Europe. Vol. I, L'Europe des origines au début du XVe siècle. Paris.
- PIRENNE, H. 1939. Mohammed and Charlemagne. London.
- RICHE, P. 1986. La vie quotidienne dans l'Empire carolingien, 4th edn. Paris (English trans. 1978; Polish trans. 1979; German trans. 1981; Japanese trans. 1993).
- 1993. Le Christianisme dans l'Occident carolingien (milieu VIIIe–fin IXe siècle). In: A. VAUCHEZ (ed.) Histoire du Christianisme, Vol. IV. Paris.
- (3rd edn) 1999. Ecoles et enseignement dans le haut Moyen Âge, Paris (Italian trans, Rome, 1984).
- 1992. Les Carolingiens. Une famille qui fit l'Europe (new edn). Paris.
- (2nd edn) 1992. Dhuoda, manuel pour mon fils. (Introduction and critical edition) 'Sources chrétiennes', Paris.
- ROUCHE, M. 1983. Les premiers frémissements de l'Europe. In: FOSSIER, R. (ed.) Le Moyen Âge. Vol. I, Paris, pp. 369–397.
- SKUBISZEWSKI, P. 1998. L'art du Haut Moyen Âge. Paris.
- SULLIVAN, R. E. 1989. The Carolingian Ages. Speculum, pp. 267–306.
- THEIS, L. 1990. L'héritage des Charles de la mort de Charlemagne aux environs de l'an mil. In: Nouvelle histoire de la France médiévale. Vol. 2. Paris.
- TOUBERT, P. 1988. La part des grands domaines dans le décollage économique de l'Occident (VIIIe–Xe siècle). FLARAN, 10, pp. 53–86.
- ULLMANN, W. 1969. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. London. Law and Politics in the Middle Ages. Introduction to the sources of medieval political ideas, 1975.
- WERNER, K. F. 1984. Les Origines. In: FAVIER, J. (ed.) Histoire de France, Vol. I. Paris.
- WHITE, L. 1962. Medieval Technologies. Oxford.

II. Формирование европейской идентичности

ВВЕДЕНИЕ

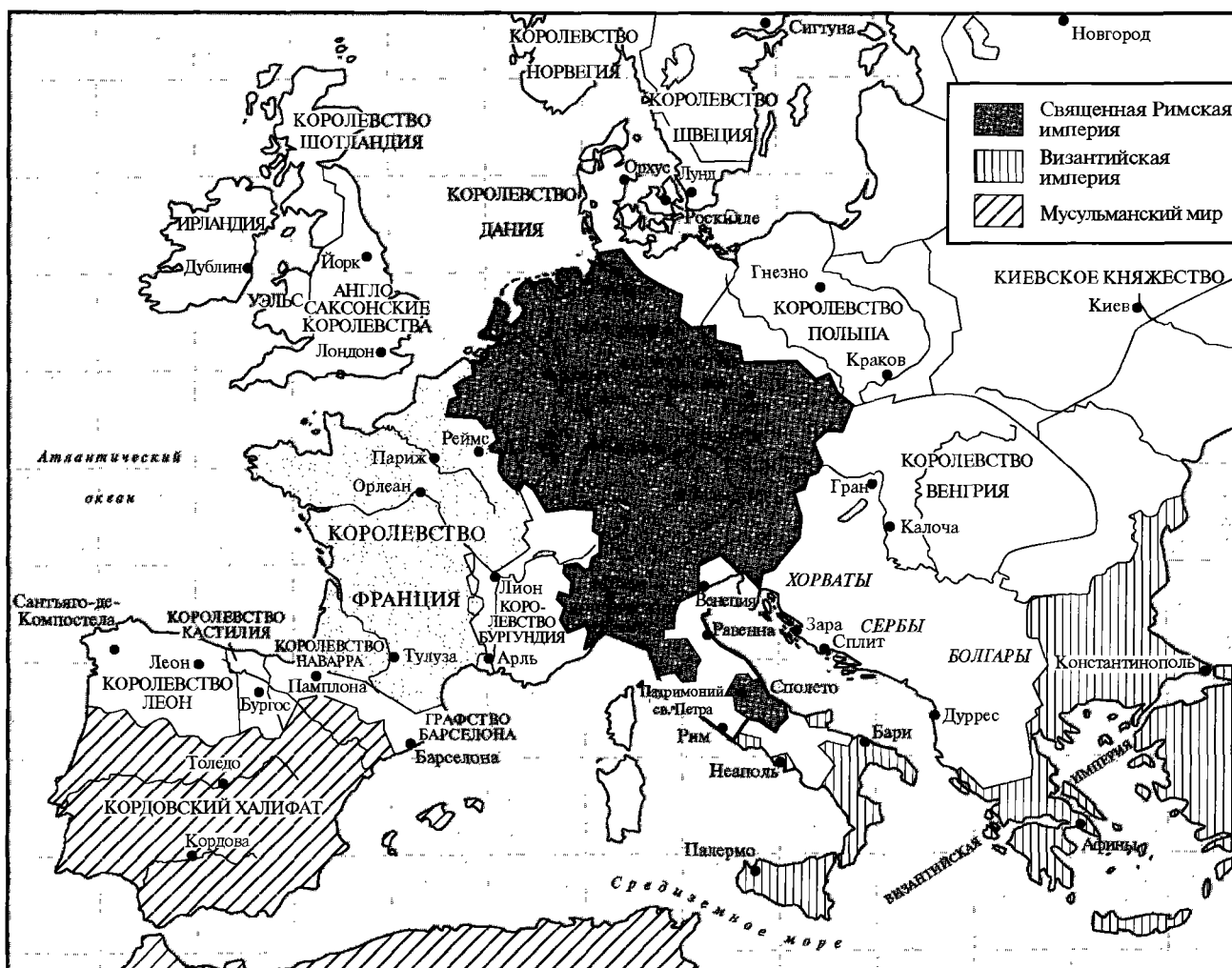
Жак Ле-Гофф

Европа родилась в средние века, между VI и XVI столетиями. На ее пространстве осуществился, хотя и не без конфликтов, культурный синтез христианства и нескольких цивилизаций, бывших наследниками Древнего мира, в ней слилось общее достояние не только Римской империи, но также древних культур кельтов, германцев и славян.

Христианская религия создала новую культурную общность – христианский мир. Но этот мир сам был разделен на отдельные, все более отдалявшиеся и все более

самостоятельные национально мыслящие государства. Поэтому в формирующейся Европе сочетались единство и разделение, единство и разнообразие (карта 6).

Но Европа унаследовала также, частично от римских времен, зияющий культурный разрыв. Римская империя не была столь едина, как каждый из двух соседствующих в ней разных миров: латиноязычного Запада и грекоязычного Востока. Так возникла и сформировалась двойственная Европа, одна – под главенством римского католического

Карта 6. Европа около 1000 г. – политически более раздробленная, но обогащенная в результате появления новых христианских государств (Le Goff, 1964, *Civilisation de l'occident médiéval*, Flammarion-Arthaud)

христианства – на Западе и другая – созданная греческим православным христианством – на Востоке.

После длительного периода демографического, экономического и культурного упадка Западная христианская Европа в конце X в. пришла к стабильности, затем развивалась в условиях феодальной системы, а с XIII в. стала постепенно двигаться в направлении предкапиталистической цивилизации.

Таким образом, в средневековый период были заложены основы будущего могущества Западной Европы, которой было суждено на протяжении XV–XVI вв. доминировать над остальным миром. Это могущество основывалось не только на техническом, экономическом, военном и политическом фундаменте, но имело также свои интеллектуальные и идеологические основания – основания, суще-

ствовавшие как бы в умах. Источником этого могущества стал подъем европейского города на исходе средневековья.

Несмотря на упорную приверженность традиции, этот подъем городов способствовал обновлению и модернизации, базировавшимся на развитии науки и разума. Но за этим подъемом европейского могущества следовал рост европейского духа нетерпимости, репрессий и преследований внутри Европы, смыкавшийся с жадной не только естественного расширения, но и прямых завоеваний за ее пределами.

Основы европейского единства были заложены еще в средневековой Европе. То, что было создано в области науки и мышления и достигнуто в сфере искусства, далеко вышло за рамки своего, зачастую не лучшего применения в средние века и в результате обогатило мировую культуру.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Жак Ле-Гюфф

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СВЕТСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Великой новой религией и главным идеологическим течением средневекового Запада христианство стало после своего признания в IV в. официальным вероучением Римской империи. Но и в этой религии стали постепенно выделяться отдельные враждующие направления. На Западе появилась латинская Церковь, а на Востоке – греческая Церковь, которые все более отдалялись одна от другой, находясь по сторонам долго просуществовавшего культурного рубежа, который со временем утвердился вдоль политической границы – трещины, протянувшейся по земле от Скандинавии до Хорватии. По одну, западную, сторону этого разлома оказались балты (балтийские племена), поляки, чехи, словаки, венгры и словенцы, тогда как по другую остались, в числе многих иных народов, русские и греки. Начало этого разделения было положено великим расколом христианской Церкви в 1054 г. на восточную и западную, православную и католическую, который навсегда отделил греческую Церковь от римского престола и сделал разделение между западным христианством с одной стороны, православными владениями Византии и восточными славянскими землями – с другой стороны чем-то окончательным. Из двух этих миров более богатым первоначально был византийский, в котором лучше всего сохранилось наследие античной культуры; но постепенно он ослабел настолько, что сделался объектом как экономической эксплуатации со стороны западных народов (в особенности итальянцев), так и территориальных захватов со стороны турок – вплоть до своего крушения в 1453 г. В свою очередь Запад был сильно варваризованным, разделенным миром; его слабое единство первое время довольно невыразительно олицетворялось двумя ключевыми фигурами – папой и императором; но затем мир латинского христианства пережил необычайный экономический, политический и культурный подъем, который вел его на путь экспансии и во все большей степени – завоеваний.

Римская империя на Западе не пережила нашествий и расселения на своей территории множества германских народов, которые начиная с III в. постоянно преодолевали ее оборонительный военный рубеж, известный как *лимес*, который был возведен в качестве барьера против набегов кочевников. Империя также не смогла пережить развала своего высококоразвитого денежного хозяйства и последствием упадка городов, массового обнищания и всеобщего кризиса культурных и нравственных ценностей, которыми сопровождался закат античной цивилизации и распространение христианства. На ее месте теперь выросли две новые мощные силы.

Первой из них была Церковь, власть которой ощущалась на двух уровнях. На местном уровне она все еще оставалась способной воздействовать на сеть городов, хотя сами горо-

да уменьшились в размерах, – и это воздействие проводилось через городских лидеров, сосредоточивших в своих руках религиозные, экономические и политические функции, т.е. епископов. На более общем уровне Церковь стремилась занять все пространство, которое было занято прежде Западной Римской империей, переставшей существовать в конце V в. Ее наследие пытался теперь присвоить римский епископ. В качестве своего рода епископа над епископами, называвшегося папой, он заявлял о своем главенстве над Восточной церковью (все более, однако, ускользавшей из-под его контроля) и над Западной церковью, и в этом направлении он постепенно, пусть медленно и с большими трудностями, но все же преуспел. Решающий успех папства здесь был достигнут в VIII в. при поддержке франкских королей – оно получило территориальную базу в Центральной Италии – *Патримоний св. Петра*. Основная часть церковной реформы, вошедшей в историю как григорианская по имени сыгравшего в ней главную роль папы Григория VII (1073–1085 гг.), была проведена между серединой XI и концом XII в. Ее целью было выведение Церкви из-под власти подчинивших ее ранее феодальных светских властей и резкое отделение духовенства от мирян путем введения для первых celibата, а для вторых – церковного брака, который рассматривался как нормальное состояние для мирянина.

Вторая сила была представлена королевствами. Они появились в результате смешения в пределах бывшей Римской империи вновь прибывших и победивших народов, захвативших ту или иную территорию, и старого оседлого населения, оказавшегося под властью вождей-завоевателей, принявших теперь королевские титулы и основавших правящие династии. Такими были королевства остготов и лангобардов в Италии, вестготов в Аквитании (позднее в Испании), франков в Галлии и множество небольших англосаксонских королевств в Великобритании.

Так впервые определились контуры Европы, которые основывались на двух моделях. Первая из них была откровенно общинной, отмеченной общими религиозными и культурными представлениями – это было само христианство. Вторая модель характеризовалась бóльшим разнообразием, она была скроена из различных королевств, основанных как на привнесенных извне этнических традициях, так и на традициях более древних, местных, с присутствием последним опытом сосуществования различных культур (как, например, при встрече германцев и галло-римлян в Галлии). Эта вторая модель словно бы предвосхищала Европу национальных государств.

В результате этого преобразования Западной Римской империи в Западный мир проявились два главных признака последнего. Первым было неприятие теократической власти. Религиозная власть принадлежала Церкви и папе, политическая власть – королям. Этот дуализм власти основывался на евангельском предписании: «Воздайте кесарю

кесарево» (илл. 169–172). Вторым признаком было слияние различных этносов, усилившееся с распространением христианства и возникновением христианских королевств: кельты, германцы, галло-римляне, римляне Британии, римляне Италии, римляне Иберии и евреи стали смешиваться с норманнами, славянами, венграми и арабами. Подобное культурное смешение начиналось еще во времена Римской империи и предвещало будущую открытость мультикультурной и полиэтничной Европы перед волнами переселений. При этом уже в вестготской Испании начал принимать свои пока еще неясные очертания злой дух европейской цивилизации – антисемитизм.

Западнохристианский мир дважды пытался создать свое собственное политическое объединение в форме империи, независимой от империи византийских греков: сначала при Карле Великом, коронованном папой в Риме в 800 г., а затем при Оттоне I, подобным же образом коронованном в Риме папой в 962 г. Такого рода имперское возрождение породило институт в большей степени теоретический, нежели реальный – Священную Римскую империю германской нации, с Римом, который наивно рассматривался в качестве ее столицы. Почти все время существования средневековой Европы эта империя была всего лишь пустой оболочкой. Папа же и император, эти два символических главы средневекового христианства, совершенно истощили свои силы в спорах о превосходстве духовной власти над светской и наоборот (илл. 149, 169, 170).

Между тем в начале VIII в. до Западной Европы докатилась мощная волна арабских завоеваний. Хотя она лишь в малой степени и ненадолго затронула Прованс, а на Сицилии задержалась, пусть и более основательно, но на ограниченной территории, тем не менее она захлестнула большую часть Испании, откуда стала отступать лишь в XII и особенно в XIII вв. под напором встречных военных волн *Реконквисты*; эти войны вели небольшие христианские королевства севера Пиренейского полуострова – Кастилия, Леон, Наварра, Астурия, Галисия и Арагон. Однако только в 1492 г. вновь объединившейся христианской Испании удалось изгнать ислам из его последнего оплота на полуострове – небольшого королевства Гранада.

Борьба против мусульман дала папству возможность объединить западных христиан единой целью – отвоевать христианские святыни в Палестине, Святой земле. Когда папа проповедовал в 1095 г. в Клермоне крестовый поход, его целью было не только присоединить Палестину к христианским землям, но и переключить агрессивность христиан с внутрехристианских войн на внешнюю борьбу, а также найти за пределами христианского Запада отдушину для избыточного населения и обуздать те страсти, которые такая ситуация порождала. Кроме того, в крестовых походах выразилось коллективное возбуждение западных христиан, очарованных воображаемым образом Иерусалима, к которому они стремились как к земному отражению Иерусалима небесного, считая при этом, что он расположен в самом центре земной тверди. Однако крестовые походы окончились военным поражением, и после падения последнего оплота западноевропейских рыцарей на Святой земле – города Аккры в 1291 г. христианам не удалось удержать в Палестине ни пяди земли (илл. 31, 45, 46).

На самом деле крестовые походы ослабили христианские государства и их аристократию, резко ухудшили отношения между латинянами и византийцами после захвата Константинополя в 1204 г. во время Четвертого крестового похода, в мусульманской среде усилили дух священной войны (*джихада*) и скорее затруднили, чем помогли торговле христиан на Востоке, где она полностью сосредоточилась в руках венецианцев и генуэзцев, основавших соперничавшие между собой торговые империи в Восточном Средиземноморье, регионе Эгейского моря вплоть до Кипра и на Черном море.

Однако на Сицилии и особенно в Испании, несмотря на вооруженную борьбу, контакты между мусульманами и христианами (а также евреями) привели к важным культурным заимствованиям, наиболее значимым в художественной сфере. Арабские науки (в первую очередь медицина и астрономия) оказали большое воздействие на западнохристианские. Более того, арабы оказались носителями философской и научной традиций, которые были унаследованы от древних греков, но в латинской науке того времени уже были утрачены. Все это ускорило развитие образования на христианском Западе, что привело к расцвету схоластики в XIII в. Возможно, что и арабская поэзия сыграла важную роль в качестве модели для ранней придворной поэзии трубадуров в христианской Южной Европе с конца XI до середины XIII в. Кордова и в особенности Толедо, который испанские христиане отвоевали в 1085 г., стали главными местами встречи великих цивилизаций ислама, иудаизма и западного христианства. Подобную, хотя и менее значительную роль в сфере науки играл также город Палермо (илл. 65–69, 70–73, 133, 137, 141).

Западному христианству, столкнувшемуся в виде ислама с внешним вызовом, приходилось также противостоять и внутренней угрозе, представленной рядом неортодоксальных движений, иначе говоря – ересей, которые начиная с XI в. постоянно зарождались в его недрах. Следует быть чрезвычайно осторожным, чтобы правильно выделить те ереси, которые в первую очередь были направлены против официальной Церкви, ее ощущавшегося морального разложения и неоправданной монополии на таинства. Подобные ереси проповедовали возврат к тому, что считалось изначальной бедностью, чистотой и братством раннего христианства. Таким образом эти движения выражали мятежный клич, направленный против богатства и мирского приземления, которые становились всё более заметными на Западе со времени великого экономического подъема в XI в.

Однако еще большую угрозу представляло движение, которое на самом деле было вовсе не христианской ересью, а другой, довольно сложной религией, со своей особой теологией, духовенством и обрядами. Это было движение катаров (от греч. *katharos* – чистый), приверженцев особой доктрины, позаимствованной из одного из дуалистических вероучений, появившихся на Ближнем и Среднем Востоке еще в античные времена – в особенности из возникшего в III в. н.э. манихейства. Движение катаров не было вполне побеждено даже к концу XIII в.

Ведя ожесточенную борьбу против подобных течений, Римская Церковь, самое меньшее, избавила Западную Европу от невежества и угнетения, которыми грозила победа различных фундаменталистских сект. Но в процессе этой борьбы Церковь оказалась вовлеченной во всеобщие репрессии, которые, помимо еретиков, обрушились на евреев, гомосексуалистов, прокаженных, нищих и бродяг. Европа позднего средневековья удерживала свое положение благодаря экспансионистскому настрою и нескрываемому любопытству ко внешнему миру, но эта экспансия обеспечивалась за счет беспощадной внутренней нетерпимости и гонений. Европа искала внутренних козлов отпущения и множила их число.

МОНАСТЫРИ И МОНАСТЫРСКАЯ КУЛЬТУРА

Весьма примечательной стороной великого кризиса III–IV вв. н.э. было распространение аскетизма: отказ от плотских удовольствий, связанных с пищей, одеждой и половой жизнью. На Востоке люди в поисках спасения стремились удалиться от городской суеты, поглотившей их собратьев, в отдаленные места – небольшими группами или же в полном одиночестве. Это называлось «бегством в пустыню». Подобный образ жизни стал распространяться на Западе с начала VI в., и в результате появился тип человека, ранее

на Западе неизвестный, – монах, человек, пребывающий наедине с самим собой. Европейской «пустыней», доступной для таких западнохристианских отшельников, был лес, занимавший обширные пространства на континенте. Здесь монахи строили свои монастыри, предназначенные для совместной жизни, или же устраивали свои уединенные отшельнические жилища. Впоследствии, между V и VIII, а затем между X и XII вв., Европа последовательными волнами буквально наполнилась монахами и отшельниками (илл. 163).

Одно из итальянских монастырских установлений VI в. имело особенно выдающийся успех – это был устав св. Бенедикта Нурсийского, основателя монастыря в Монте-Кассино в южной части Лация (на полпути между Римом и Неаполем. – *Прим. ред.*). Бенедиктинский орден, число монастырей которого постоянно увеличивалось, был обязан своим успехом в первую очередь суровой умеренности, практичности и чувству равновесия, присущими его уставу, который к тому же пользовался активной поддержкой со стороны Карла Великого и Людовика Благочестивого. Последний позднее пересмотрел этот устав, а затем сделал его обязательным для всего западного монашества.

Однако с конца X в. стали возникать и другие ордены. Могушественная клонийская конгрегация породила сеть новых монастырей, но осталась все же слишком тесно связанной с феодальной знатью. В Италии отшельническое движение приняло большой размах. Основанный в 1098 г. в бургундском Сито цистерцианский орден приобрел славу и влияние благодаря усилиям и авторитету своего монаха св. Бернарда Клервоского (1091–1153 гг.), широко почитавшегося уже при жизни.

Средневековое монашество колебалось между двумя полюсами. Один полюс был связан с покаянием. Особое значение при этом придавалось физическому труду – и как форме покаяния, и как средству обеспечения хозяйственной самодостаточности, которая бы позволила монастырю избежать, насколько то было возможно, контактов с внешним миром. На деле это превращало монастыри в действенные факторы экономического развития сельской и лесной зон, и здесь цистерцианский орден играл особую роль. Другим полюсом была литургическая практика – *Opus Dei*, или Труд Божий – ритуальное и молитвенное служение Господу, а также величественный церемониал, которым отдавалась надлежащая дань Творцу. В этом отношении особенно выделялись члены Клонийского ордена.

Монастырская организация внесла свой вклад в изменение и фиксирование времени. Разделение дня на канонические часы, предназначенные для различных служб, дало образец для повседнежного применения и широко прижилось в миру. Звон колоколов, которые стали распространяться в VII в., на многие будущие столетия ввел ритм церковного распорядка дня в повседневную жизнь всего христианского мира.

И, наконец, монахи придали самому физическому труду, понимаемому как форма покаяния, некоторое достоинство, которое было связано с их собственной личностью и общественным статусом. В результате они далеко продвинулись по пути реабилитации трудовой этики во всеобщей системе религиозных и человеческих ценностей.

ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ

В период раннего средневековья, растянувшийся с V по IX вв., сложилась новая историческая система, в рамках которой способ производства оказался связан с особым типом общества и специфической шкалой ценностей, – это был феодальный строй.

Более ранняя система, представленная большими имениями, восходящими к модели крупного имения поздней античности, эволюционировала в присущую феодализму

систему сеньориально-вассальных отношений. В рамках новой системы крупная земельная собственность уступила свое первенствующее социальное место сеньориальным отношениям, посредством которых под властью сеньора объединялось население нескольких замков и деревень. Сеньор обладал военной властью (*бан*) в сочетании с гражданской юрисдикцией и хозяйственным преобладанием над крестьянским населением, личный статус которого постепенно эволюционировал от юридически совершенно бесправного рабского состояния (*серф*) к частичной или даже полной свободе. Феодализм фактически стал победой регионализации.

Однако феодализм дополнялся и корректировался двумя другими явлениями. Первым из них был происходивший между X и XIV вв. рост городов. Города были связаны не только с феодальной системой, но и с широкой сетью дальней торговли, а их население образовывало новую социальную категорию, стоявшую вне характерной для феодального мира шкалы сеньориально-вассальных отношений. Это были бюргеры, выработавшие свою собственную систему ценностей: глубоко укоренившееся чувство свободы («городской воздух делает свободным»), самоуправление, а также стремление к выгоде и к приобретению новых знаний в школах.

Вторым явлением было возрождение центральной власти, сопровождавшееся возникновением монархий и постепенным генезисом современного государства, особенно ярко представленного двумя моделями: собственно монархией (в Англии, Франции, на Пиренейском полуострове и в светском государстве пап) и городами-государствами (в Италии и в меньшей степени Германии). Власть, воплощенная в монархе или городе-государстве, противопоставляла собственный централизм силам регионализации, создавала бюрократические институты и постепенно отвоевывала часть своих суверенных прерогатив, касавшихся войска, финансов, правосудия и чеканки монет.

Феодальный строй основывался на двух фундаментальных принципах – владении землей и личных связях. Личные отношения в пределах феодальной системы теоретически были уделом верхних слоев общества, представленных знатью. Сеньор низшего ранга, то есть вассал, приносил клятву верности сеньору более высокого ранга, который в свою очередь обещал оказывать покровительство своему вассалу и жаловал ему землю, или феодал (фьеф).

С начала XI в. особой чертой феодального порядка стал социальный слой *milites*, или рыцарей. Наиболее значительные рыцари владели собственными замками. В феодальном обществе замок был центром власти и престижа, а также подлинным культурным центром. Наряду с военными походами и военными действиями замок был той средой, где разрабатывалась и воплощалась система ценностей и образ мышления времен феодализма. Помимо проявления доблести в битвах, аристократы стремились добиться расположения дам и служить своим возлюбленным, следуя при этом манерам, принятым в замках своих сюзеренов, – поведение, которое вводит нас в суть феодального идеала – куртуазности.

Ключевым элементом всей этой системы являлась семья – семья в широком смысле, вокруг которой были завязаны сложные узлы родственных или союзных связей.

Феодальное общество не может, однако, быть понято, если мы пренебрежем низшим классом, на котором в конечном счете покоилось экономическое благосостояние всей этой взаимосвязанной системы сеньоров и вассалов, т.е. классом крестьян, представлявшим подавляющее большинство населения. Хотя этот крестьянский класс вовсе не был единым, в социальной практике господствовала тенденция презрительно рассматривать всех сельских труженников как однородную массу не различавшихся между собою «крестьян вообще» – вилянов (илл. 5, 6, 8).

Никак невозможно переоценить то особое значение, которое в феодальном обществе имела Церковь, с самого

начала бывшая его важной составной частью. Многие и зачастую весьма обширные земельные владения принадлежали многочисленным церковным феодалам. Епископы, члены монашеских орденов и целые монастыри были феодальными сеньорами. Более того, Церковь давала всей феодальной системе религиозное и идеологическое обоснование. Бог был в действительности верховным Сеньором всего сущего. Первородный грех изначально обрек людей на рабство, а крестьяне были не чем иным, как многочисленными воплощениями этого рабского состояния человечества. Церковь воспринималась как союзник светских господ – и как краеугольный камень всего здания феодального строя.

Средневековое западное христианство выдвинуло и идеализировало социальную модель, восходившую в конечном счете к древним индоевропейским прототипам, которая предусматривала три общественные функции: первыми были те, кто молится (*oratores*), т.е. духовенства, клир, представлявший священную функцию; затем шли те, кто сражается (*bellatores*), воины, т.е. те, кто исполняет функции, связанные с физической силой; и, наконец, те, кто трудится (*laboratores*), – крестьяне и позднее ремесленники, воплощающие производственную функцию. Сколь бы ни была ограниченной данная схема, она служила признанию достоинства труда, и это признание стало одной из характерных черт европейской идентичности.

Другой идеал был выражен в придворной литературе, давшей раннюю форму идеализированным представлениям европейцев о куртуазном поведении. Но феодальный дух по своей сути оставался военным. Основной формой развлечения в феодальном обществе был турнир, являвшийся военной игрой, а также (чем он весьма напоминает современный спорт) чрезвычайно доходным предприятием.

Знать, господствовавшая в рамках феодальной структуры, оставила европейской системе ценностей представление о «чести». Но она же выказывала чрезмерную озабоченность в связи с преимущественными правами «крови»: этой идее, нашедшей выражение в возникшем в Испании XV в. представлении о «чистоте крови», было суждено оказать свое влияние на становление европейского расизма.

РЕГИОНЫ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

После норманнского завоевания 1066 г. правители Англии в конце XIII в. присоединили Уэльс, однако им не удалось распространить свое влияние на всю Ирландию, и в еще в меньшей степени – на Шотландию, которая оставалась независимым королевством. Но вместе с тем английская монархия преуспела в приобретении обширных владений в Западной Франции, протянувшихся от Нормандии до р. Луары и далее до Гаскони, и в какой-то момент почти поглотила все Французское королевство – перед тем как потерять все свои французские земли на исходе Столетней войны в середине XV в. В свою очередь английская знать и английские города сумели установить пределы власти своих монархов, ограничить королевский произвол (в Великой хартии вольностей 1215 г. и в Оксфордских провизиях (Оксфордских определениях) 1258 г.). Так Англия подала Европе пример политической власти, находящейся под контролем конституции и парламента.

Франция, завершив свое соперничество с Англией, дала Европе наиболее впечатляющий образец централизованного государства. К концу средних веков она почти преодолела еще один существенный барьер на своем пути – тот экономический, социальный и политический разрыв, который все еще разделял ее более развитые северные территории и южные районы, где в течение долгого времени политическое влияние Севера почти не усилилось, где все еще преобладал иной язык (провансальский) и где, благодаря античной традиции, сложились формы цивилизации, от-

личающиеся от северных, а в более ранний период нашли благодатную почву восточные влияния.

Развитие Испании было двойственным: мусульманское присутствие в ее центральной части постепенно исчезало, а позднее прекратилось, тогда как множество христианских королевств в конце концов свелось всего лишь к двум – Кастилии и Арагону, последнее включало в себя Каталонию на восточном побережье Средиземного моря. Объединение этих двух королевств в конце XV в., совершившееся благодаря браку Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, обеспечило будущее испанское единство, хотя Страна Басков и Каталония сохранили свою сильную языковую и этническую идентичность.

Подобно английским королям правители Испании были вынуждены считаться с сословно-представительным собранием – кортесами. В 1492 г. Фердинанд и Изабелла обеспечили снаряжение экспедиции Колумба, которая достигла островов Вест-Индии, позднее названных Америкой в честь итальянского мореплавателя Америго Веспуччи.

Португалия отделилась от Испании к середине XIII в. и стала важнейшей частью атлантического побережья Европы. Будучи обращенной в открытый океан и в сторону западного африканского побережья, Португалия в XV и начале XVI в. играла ведущую роль в подготовке и осуществлении экспедиций эпохи Великих географических открытий: португальские суда прошли вдоль берегов Африки, обогнули мыс Доброй Надежды, вышли в Восточные моря и наконец достигли Индии, а позднее Бразилии (илл. 24, 25).

Германия и Италия оставались непрочными, не обладавшими единством политическими образованиями, где доминирующую роль играли города. На побережье Северного и Балтийского морей господствовала немецкая Ганзейская лига – торговый политический союз могущественных северонемецких торговых портовых городов. Однако на исходе средневековья в Центральной Европе и за ее пределами стало распространяться влияние династии Габсбургов.

В Италии сложились подлинные города-государства, базировавшиеся на мощной экономике, которая отчасти покоилась на экономических позициях, приобретенных в различных местах от Фландрии до Кипра. После упадка Генуи, Пизы и портов Южной Италии главными городами-государствами стали Милан, Венеция и Флоренция. В связи с турецкой угрозой (с падением Константинополя в 1453 г.) Италия оставалась главными воротами Европы в Средиземноморье и на Средний Восток, а также наиболее важным центром высокоразвитой городской цивилизации, унаследованной от средневековья (илл. 40).

Оригинальное политическое образование появилось в Швейцарии – самом сердце Западной Европы – Швейцарская конфедерация, сложившаяся вокруг первоначального ядра из трех «лесных» кантонов (Швиц, Ури и Унтервальден), которые объединились и заключили соглашение о «вечном оборонительном союзе» в 1291 г. Швейцария фактически держала под контролем большую часть альпийских перевалов, обеспечивая наземное сообщение между Южной и Северной Европой (несмотря на то что с XIV в. между Италией, Англией и Фландрией регулярно ходили суда).

Приблизительно в начале XI в. частью западного, или латинского христианского мира стали после обращения в христианство своих правителей и народов две новые группы государств.

Первая группа состояла из скандинавских государств, сформировавшихся тогда, когда викинги, успевшие к тому времени оставить специфические нордические черты по всей Западной Европе – от Нормандии и позднее Англии и до Сицилии, – перешли к оседлому образу жизни, т.е. в X и XI вв. Этими новыми государствами стали Дания, Норвегия и Швеция, наряду с которыми следует назвать и Исландию, внесшую в средневековую цивилизацию свой собственный оригинальный вклад (илл. 168).

Второй группой стали государства западных славян, сложившиеся вдоль границы, разделявшей латинский католицизм и греческое православие. Отношения Польши с Германской империей чаще бывали конфликтными, чем мирными, тем не менее королевство Польша приняло множество немецких колонистов, осевших здесь, преимущественно в городах. Свой блестящий период Польша пережила в XIV и XV вв., которые позднее озаменовались Люблинской унией с Литвой и тенденцией к восточной экспансии в правление династии Ягеллонов (илл. 176).

Золотой век Чехии (Богемии) и Моравии под властью собственно чешских князей и королей из династии Пржемысловичей, приходящийся на XI–XIII вв., завершился, когда страна все более стала попадать в политическую орбиту Германии. Тем не менее на XV в. пришлось мощное революционное движение, одновременно религиозное, социальное и политическое по своим целям, – восстание гуситов, ставшее одним из первых сильнейших проявлений неприкрытого национализма в Европе и предшествовавшее Реформации (илл. 61).

Другие славянские народы – словаки (к востоку от чехов), словенцы и хорваты (к югу от них) – испытали лишь недолгий период самостоятельного развития, продолжавшийся до XI в., после чего оказались под управлением венгров.

Последним из новых европейских государств стала Венгрия. Венгры, являвшиеся народом азиатского происхождения, были последними, кто вошел в мир латинского христианства, к которому они присоединились благодаря обращению в эту веру своего короля Стефана, получившего корону от папы Сильвестра II 25 декабря 1000 г.

ГОРОДА

Средневековый город в корне отличался от своего античного предшественника, поскольку был не столько военным, политическим и административным, сколько экономическим и культурным центром.

Сельскохозяйственные излишки давали пищу городскому населению, численность которого росла вследствие переселения в город крестьян, и в этих условиях мужчины и женщины находили себе занятия в сфере ремесел. Такие строительные проекты, как возведение новых храмов, достигавших порой очень больших размеров (как у соборов), вызывали дальнейший спрос на рабочую силу. Расширявшаяся торговая сеть привлекала массы людей на рынки и ярмарки, к ростовщикам и банкирам. Город подчинил сельскую округу и породил новое общество, основанное на новых видах хозяйственной деятельности и связанных с ними интеллектуальных занятиях; отсюда идет развитие правового образования, правовой науки и практики. Наиболее передовой в социальном и политическом отношении тенденцией XI и XII вв. являлось общественное движение, которое наиболее ярко проявилось в Северной Франции и особенно в Северной и Центральной Италии. Городское управление перешло в руки группы горожан, формировавших городской совет, который регулировал хозяйственную жизнь, гражданские дела и собирал налоги. Власть принадлежала гражданам, которые, по крайней мере теоретически, были равны, хотя на деле юридические различия в их статусе выстраивали их по ступеням иерархии.

Главным действующим лицом городской жизни был купец, занимавшийся крупной торговлей, которая открывала перед ним чужеземные и порой весьма отдаленные горизонты. Развился сильный городской патриотизм, который воспринимал представление горожан о своем городе. Появилась новая система ценностей, сосредоточенная на выгоде, трудовой этике и чувстве прекрасного, чистоты и порядка: так был найден положительный образ средневекового города. Большинство мужчин и женщин средневековья рассматривали свои города со всеми их памятниками как место, где

царили красота и богатство, а также как место, которое, помимо прочего, обеспечивало убежище за своими стенами.

Город также предлагал своим жителям новые формы социальной солидарности. Первоначально они были в основном профессиональными. Городские ремесленники организовались в более или менее структурированные профессиональные «цехи» (*arti* в Италии, *Zünfte* в Германии, *guilds* – гильдии – в Англии). Но низшие слои работников в больших городах были представлены неквалифицированной рабочей силой, зависевшей от случайных заработков и борющейся лишь за насущный хлеб, – пролетариатом, не имевшим какой-либо иной формы самозащиты, кроме время от времени применявшегося им насилия. Во второй половине XIII в. в Северной Франции и Фландрии прошли первые настоящие забастовки. Кризис XIV в. лишь добавил безработицу к жалкому прозябанию, антисанитарии, бездомности, нищенству, преступности и проституции, которые все более омрачали городскую атмосферу. Вспыхивали городские волнения и открытые бунты, каким было, например, большое восстание *чопти* (беднейших наемных рабочих мануфактур) во Флоренции в 1378 г. Социальная напряженность в сельских местностях находила выражение в крестьянских восстаниях, какими были французская *Жакерия* 1358 г. или крестьянское восстание под руководством Уота Тайлера в Англии в 1381-м.

Другие узы солидарности укреплялись в религиозной сфере. Множились приходские товарищества и светские братства, считавшие себя находившимися под покровительством Девы Марии, Святого Духа или различных святых. Такие благочестиво настроенные организации предоставляли братьям утешение в ходе совместных богослужений, поддержку в несчастьях, а в случае смерти своего члена участвовали в организации его похорон и чтении заупокойных молитв. С началом XIII в. появились новые религиозные ордены, но теперь не в «пустыне», а в гуще народа, в городах. Это были нищенствующие ордены (доминиканцев, францисканцев, августинцев и Белых братьев). Их монахи занимались проповедью Слова Божьего в новых городских поселениях, непосредственно сталкивались с городскими проблемами труда и денег, исповедовали живых горожан и служили умирающим.

Городская жизнь создала также новый способ измерения течения времени с более рациональными и упорядоченными средствами обозначения часов, который более соответствовал нуждам торговцев и к ритму городской деятельности и существовал параллельно с освященным веками распорядком литургических часов, соблюдаемым Церковью. Отныне колокольный звон раздавался и со светских колоколен, а к концу XIII в. начался отсчет времени при помощи механических часов.

Начиная с XII в. города по праву становятся культурными центрами. При новой системе обучения, предлагаемой все более многочисленными городскими школами, теперь учиться чтению, письму и счету могли и миряне. Экономическое оживление вызвало к жизни преподавание законоведения и привело к появлению множества новых профессий в области права; так, в Южной Европе заметно увеличилось число публичных нотариусов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

С X, а может быть, даже с VII в. средневековый Запад переживал постоянный хозяйственный подъем, который не был остановлен даже трудностями XIV в., представлявшими собой скорее кризис роста, чем упадка.

Первое время развивалось по преимуществу сельское хозяйство. Стала вырисовываться та Европа, которая питалась белым хлебом и большим количеством мяса, а карта напитков на континенте разделялась на потреблявшую пиво северную часть и пившую вино южную часть. Чувство вкуса

в определенном гастрономическом значении этого слова вернулось с появлением в XIII в. руководств по кулинарии, распространившихся не только в среде светской и духовной знати, но даже среди горожан. Подъем сельского хозяйства, наиболее заметный на обширных равнинах Северо-Восточной Европы, а также в Ломбардии, Фландрии и Нормандии, обеспечивал питанием население, которое между VII и XIV вв. выросло втрое, увеличившись с 15 до 50 млн. в одной лишь Западной Европе, а в Европе в целом – с 27 до 73 млн.

Нельзя сказать, что большая часть Европы была защищена от капризов погоды и природных бедствий. Если к XIII в. голодные годы почти прекратились, то в XIV в. они вернулись вновь, приводя к высочайшей детской смертности.

Специализация ремесел и ростки промышленного производства особенно ощутимы были в металлургии, строительстве и производстве тканей; развитие специализации в свою очередь вызвало спрос на предметы роскоши и привело к появлению самых настоящих мод. Широко распространились меховые одежды – от дорогих шуб, которые носили богатые и могущественные люди, до более скромных меховых изделий простых горожан. Появившийся вкус к ярким цветам вызвал живой спрос на красители. Цвета были перегружены символическими значениями и служили одной из форм выражения рыцарского кодекса (геральдика была усвоена всеми профессиональными и социальными категориями населения).

Заметный рост торговли ускорил восстановление денежного обращения в хозяйстве. Имевшееся в наличии количество золотых и серебряных монет византийского и арабского происхождения уже не удовлетворяло спроса, и в Западной Европе – как показатель экономического роста – вновь стали чеканить собственные золотые и серебряные деньги (*гбаты*) (илл. 193, d; 194, a, b, c).

Крупнейшими в Европе XIII в. были ярмарки во французской провинции Шампань, где продукция Севера обменивалась на продукцию средиземноморского Юга.

Основная международная торговля, ведущая к созданию «мирового хозяйства» (*Weltwirtschaft*), в которую была вовлечена вся Европа, имела дело с такими дорогими товарами, как шелк, золотая и серебряная посуда и пряности. Львиная доля этой торговли попадала итальянцам, в особенности ломбардцам. В XIV и XV вв. итальянцы создали настоящие банки и дочерние фирмы, объединявшие банковское дело с торговлей. Наиболее знаменитой из них стала фирма, основанная флорентийскими Медичи.

Однако денежное хозяйство и рост крупной торговли создавали для христианской Европы серьезные религиозные проблемы. Те торговцы, которые имели дело с деньгами, увеличивали свои состояния и получали проценты, словно бы спекулировали на самом течении времени (право распоряжения которым, с точки зрения Церкви, принадлежало одному лишь Богу) и поэтому неизбежно рассматривались как ростовщики. Церкви понадобились годы, чтобы отделить те виды коммерческой деятельности, которые считались позволительными, от тех, что являлись незаконными, и дать христианским торговцам возможность отшлифовать те докапиталистические навыки, которые позволили им занять полноправное место в христианском обществе, и частично при этом реабилитировать использование самих денег (наряду с реабилитацией достоинства труда). Тот способ, с помощью которого латинское христианство нашло в своей системе ценностей место для поднимающегося капитализма, стал, в свою очередь, одним из главных исторических условий будущего развития Западной Европы.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Экономический рост стал возможен благодаря прорывным достижениям в технической области, обусловленным не только выдающимися изобретениями, но также

углублением и лучшим применением ранее известных технологий.

Основным сырьем средневековья было дерево, но со временем стали все чаще прибегать к использованию камня и железа. В XIII в. расширилась эксплуатация железных, свинцовых, медных и угольных копей.

Наиболее важными энергетическими устройствами были мельницы. Водяные мельницы в городах и в сельской местности обеспечивали энергией кузнечные горны, а также сукновальные, дубильные и бумажные мастерские, пивоварни, лесопилки и т.д. В конце XII в. появились ветряные мельницы. Таким образом мельница стала подлинной промышленной машиной своего времени (илл. 17).

Транспорт улучшался медленно. Торговцы добивались большей безопасности, организуя совместные караваны. Наиболее существенный прорыв наметился в технике судостроения и мореплавания: увеличились тоннаж и прочность судов (как средиземноморских типа *naue*, так и ганзейских типа *kogge*), а гораздо более практичный и подвижный кормовой руль пришел на смену старым бортовым рулям (илл. 23–25). Улучшенный такелаж включал теперь латинский парус. Усовершенствовались астрольбия и другие инструменты для измерения склонения звезд, тогда как распространение компаса дало возможность чертить более точные карты (илл. 141). Европейские суда позднего средневековья были готовы уходить далеко в открытое море и не должны были непременно становиться на якорь с наступлением холодного времени года. В конце XV в. венецианский «арсенал», бывший настоящей корабельной верфью, где можно было строить и ремонтировать военные корабли и торговые суда, сделался первым «современным» промышленным предприятием Европы. К концу XV в. Европа использовала свои технические средства, чтобы открывать и завоевывать мир.

Прогресс сельского хозяйства был вызван все большим применением железа для орудий труда, а также использованием новых орудий и методов, включавших использование колесного плуга с отвалом, бороны и плечевой упряжи для лошадей, не дававшей им на горло, применением трехлетнего севооборота, позволившего существенно увеличить площади обрабатываемой земли. Тенденция к более рациональному и грамотному сельскому хозяйству нашла отражение в появлении в XIII и XIV вв. трактатов о земледелии и в расширении использования природных удобрений (илл. 5, 6).

Помимо ветряной мельницы и различных способов ее применения главным новшеством в ремесленной и производственной технологии стал вертикальный педальный станок, или прядильное колесо, изобретенный с конца XIII в. На строительных площадках были усовершенствованы разные типы рычагов и появились колесные тачки. Как и во многих иных обществах, технический прогресс подстегивался потребностями военного дела. На смену временам тяжелых осадных машин из дерева пришла эпоха артиллерии, что к концу XV в. стимулировало развитие металлургии, особенно заметное в Ломбардии и нескольких областях Германии (илл. 44).

Выдающимся достижением стало использование кулачкового вала, который позволял преобразовывать непрерывное движение в прерывистое. Это сделало возможным использовать давление воды для привода механических молотов, деревянных колотушек и дробилок. В XIV и XV вв. многообещающее практическое применение получили два технических новшества, связанных с миром эстетики и знаний: оконное стекло, явившееся побочным продуктом витражного искусства, и бумага, производство которой увеличивалось в связи с растущим спросом на книги.

У истоков этого всплеска творческой активности лежала присущая европейской цивилизации расплывчатость и в то же время осязаемость разграничительной линии между ролью ремесленника, или человека ручного труда, общественный статус которого был если не всегда пре-

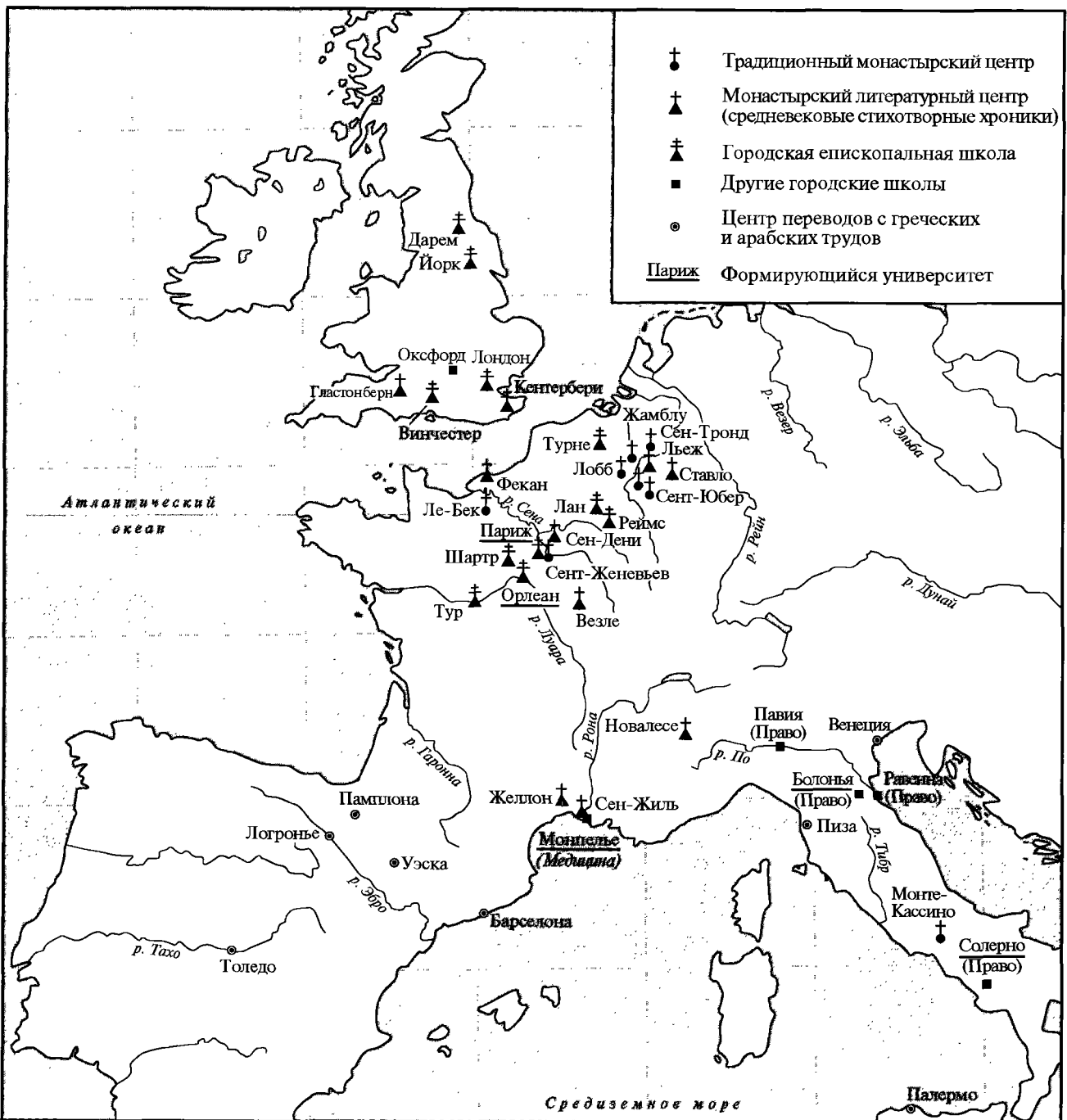
зираем, то заведомо низок, и ролью художника, представлявшего собой выдающуюся личность, готовую вырваться из плена безвестности и социальной посредственности. В XII в. появляется концепция «механических искусств», существовавших наряду со «свободными искусствами», которая была призвана объяснить и дать определение методам и умениям, которые применяли мастера и ремесленники, занятые в сфере сельского хозяйства и строительства, в металлообработке, ковке оружия и доспехов и т.д. Извечный западноевропейский спор между деятельной и созерцательной жизнью нашел свое материальное воплощение в каменных изваяниях готических соборов.

Технический прогресс в торговле также имел очевидный культурный компонент. Бухгалтерия, в том числе ведение двойных бухгалтерских книг, наряду с составлением справочников для торговцев и распространением долговых обязательств были следствием доступного теперь

купцам нового уровня образования и все более повышали их запросы. Общее умение читать, писать и производить арифметические действия все более сближало мир торговли и мир культуры. Купец позднего средневековья был, как правило, образованным человеком, ценившим и зачастую финансировавшим создание произведений искусства; такие купцы сами могли быть авторами произведений. Особенно многочисленны были подобные купцы-писатели во Флоренции XIV и XV вв. (илл. 103).

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ (см. карту 7)

Христианство решительно отбросило философию древнего языческого мира, но тем не менее переняло энциклопедическую упорядоченность знаний и другие интеллектуальные средства, позаимствованные из греческого

Карта 7. Интеллектуальные центры Западной Европы в XII в. (Le Goff, 1964, Civilisation de l'occident médiéval, Flammarion-Arthaud)

аристотелизма, а также – и в первую очередь – образовательную программу, которую римляне унаследовали от греков. Отцы Церкви сохранили латынь в качестве языка культуры и создали возможности для систематического изучения «семи свободных искусств» по двум программам: *тривиуму* – циклу, включавшему грамматику, риторику и диалектику, и *квадривиуму* – повышенному циклу, следовавшему после тривиума и состоявшему из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

Каролингское возрождение очистило употребительный латинский язык и возродило культуру, основанную на обучении по книгам и изучении большого числа трудов классических авторов.

Имевшая классические основы структура философии средневекового христианства была создана такими итальянскими мыслителями VI в., как Магн Аврелий Кассиодор (ок. 490 – ок. 585 гг.), работавший в «Виварии» – основанном им самим монастыре на юге Италии, и в особенности Аниций Манлий Северин Бозций (480–525 гг.), бывший одновременно и чиновником еретического арианского короля Теодориха, и великим философом и логиком. Сочинение Бозция «Утешение философией», с присущим ему сильным духом неоплатонизма, стало классическим произведением для позднесредневековой мысли, всегда остававшейся погруженной в неоплатоническую традицию. Едва ли менее значительным был культурный вклад христианских мыслителей с Британских островов, внесенный в годы, непосредственно предшествовавшие или совпавшие с Каролингской эпохой. Это были Беда Достопочтенный (673–735 гг.), ученый и выдающийся историк ранней английской Церкви; Флакк Альбин Алкуин (ок. 735 – 804 гг.), автор богословских трактатов, советник Карла Великого, ставший вдохновителем его образовательной реформы; живший в IX в. Иоанн Скот Эриутена (т.е. «Ирландец»), выдающийся философ средневековья, один из ярчайших представителей Каролингского возрождения. В Италии лангобардский историк и поэт Павел Диякон (720 – ок. 800 гг.), монах из Монте-Кассино, внес в возводившееся здание средневековой христианской учености свой собственный германский компонент.

Позднеклассическая энциклопедическая традиция обобщения знаний была развита в христианском духе испанским епископом Исидором Севильским (ок. 570 – 636 гг.), создавшим огромную 20-томную энциклопедию под названием «Этимологии, или Начала», а позднее немецким монахом-бенедиктинцем Рабаном Мавром (ок. 780 – 856 гг.), который был аббатом Фульдского монастыря, а позднее – архиепископом Майнцским (илл. 163).

Западное христианство воспринимало греческие и арабские влияния через Испанию и Южную Италию (илл. 72, 73). Город Палермо, в XII в. находившийся под властью норманнских королей, а в XIII в. – под управлением императора Фридриха II Штауфена, стал плавильным котлом для греческой, арабской и латинской культур, что в свою очередь способствовало развитию медицинского образования в Салерно и Монпелье. Благодаря путешествию в Испанию приобрел энциклопедическую ученость Герберт из Ориака, которому было суждено в качестве папы Сильвестра II встретить роковой 1000 г. Научный и интеллектуальный обмен обусловил большую роль переводчиков. По крайней мере до XIII в. развитию интеллектуальной жизни способствовали частые контакты между христианами и иудеями, которые располагали собственными процветающими центрами учености в городах Толедо, Нарбонн и Труа (илл. 76–79).

Родившийся в Италии, в Аосте, настоятель бенедиктинского монастыря Ле-Бек в Нормандии, а позднее (1093–1109 гг.) архиепископ Кентерберийский Ансельм стал подлинным «отцом схоластики», философского направления, стремившегося показать подлинность веры в свете разума, согласно знаменитому определению самого Ансельма: «*Fides quaerens Intellectum*» («Вера, вопрошающая рассудок» – т.е. богословие может воспользоваться разумом, чтобы

лучше понять то, во что он верит. – Прим. ред.). Зарождение подобного подхода стало знаменательным рубежом в истории европейской мысли. Настроение умов беспокойного XII в. привело к переносу интеллектуальной жизни из монастырских школ в городские. Это был век теологии (термин, введенный Абельяром, который превратил эту интеллектуальную дисциплину в нечто напоминавшее науку), когда выделились такие центры, как Лан, а затем Шартр: тамошние ученые считали, что Природа составляет подлинную суть христианской философии. Капитул собора Парижской Богоматери дал приют собственной знаменитой Сен-Викторской школе. В том же веке отмечается возобновление изучения права. Болонский университет внес свой вклад как в оживление древнеримской юриспруденции, так и в подлинное рождение канонического права (здесь появилось сочинение «*Декреталии*» монаха Грациана около 1140 г.). И, наконец, XII в. породил специфически христианскую форму гуманизма, в которой сократическая традиция подверглась христианизации в соответствии с библейским утверждением, что «Бог создал человека по своему образу и подобию».

В XII в. городские интеллектуалы сделали профессионалами. Гильдии, объединявшие вместе преподавателей и студентов, привели к зарождению университетов. Последние искали поддержки со стороны папы, чтобы обеспечить себе независимость от местных и общенациональных властей – как светских, так и духовных. После сдачи кандидатами экзаменов они также присуждали степени бакалавров и докторов. Это был первый в Европе пример социального возвышения, основанного не на праве рождения, а на испытании индивидуальных достоинств. Только что появившиеся университеты имели факультеты искусств, медицины, римского права, канонического права и теологии; они составляли программы обучения; преподавание велось в соответствии со схоластическим методом, в рамках которого студенты посещали устные лекции и читали книги. Университетское образование было международным. Преподаватели и студенты переходили из одного университета в другой, писали и общались на латыни, получали в основных университетских учреждениях докторские степени, признававшиеся во всем западнохристианском мире. В каждом университете студенты группировались по нациям, связанным с их общим географическим происхождением, нежели с «национальностью» в современном смысле слова. Небогатые студенты могли получить доступ в университеты благодаря стипендиям, которыми обеспечивалось как их проживание, так и прохождение курса наук в коллежах (колледжах). (Один из таких коллежей, основанный в середине XIII в. духовником короля Людовика IX Робером де Сорбоном в Париже, со временем прославился и превратился в Сорбонну.) Преподаватели в XII в. получали свои гонорары из платы студентов за учебу. В XIII в. преподавателями обычно бывали духовные лица, имевшие невысокий сан в церковной иерархии, но все еще жившие за счет церковных бенефициев. Однако уже с XIII в. в Парижском университете стали нередкими острые столкновения между преподавателями из «белого» («живущего в миру») духовенства и преподавателями из «черного» («регулярного») духовенства (ко вторым относились преподаватели, вышедшие из одного из нищенствующих монашеских орденов – доминиканского или францисканского). Новые идеи, выдвигавшиеся «регулярными» преподавателями, пользовались большим успехом среди студентов, но полностью отвергались их враждебно настроенными коллегами из числа «белого» духовенства; эта враждебность возникала не только из-за конкуренции между этими группами, но и потому, что «регулярные» магистры ставили преданность своему ордену выше корпоративной солидарности (что проявлялось, например, в случае преподавательских забастовок).

Самыми знаменитыми учеными Парижского университета XIII в. были, с одной стороны, два францисканца – англичанин Александр из Гэльса и итальянец св. Бонавентура,

а с другой – два доминиканца, немец Альберт Великий (*Albertus Magnus*) и итальянец св. Фома Аквинский (илл. 127).

Те университеты XIII в., которые сохранились до наших дней, появились в Италии (в том числе Болонский, ставший первым и главным центром изучения права), во Франции (Парижский университет сделался теологическим центром христианского мира, но имелись также важные школы в Орлеане, Тулузе и Монпелье, последняя из которых позднее стала специализироваться в области медицины), в Англии (в Сент-Эндрюс, 1413 г.), Брабанте (в Лувене, 1425 г.), Португалии (в Лиссабоне и Коимбре, 1290 г.), Австрии (в Вене, 1365 г.), Швейцарии (в Базеле, 1459 г.), Швеции (в Уппсале, 1477 г.), Дании (в Копенгагене, 1478 г.) и в других христианских странах.

В XIV–XV вв. университеты стали открываться уже по всей Европе, в том числе в Германии (в Гейдельберге, 1386 г.), Чехии (в Праге, 1348 г.), Польше (в Кракове, 1364 г.), Шотландии (в Сент-Эндрюс, 1413 г.), Брабанте (в Лувене, 1425 г.), Португалии (в Лиссабоне и Коимбре, 1290 г.), Австрии (в Вене, 1365 г.), Швейцарии (в Базеле, 1459 г.), Швеции (в Уппсале, 1477 г.), Дании (в Копенгагене, 1478 г.) и в других христианских странах.

Первоначальная университетская система преподавания «искусств» была признана устаревшей представителями нового теологического гуманизма XIII в., нашедшего свое выражение в огромных синтетических трудах, известных как *суммы* (*summae*), которые метко сравнивали с соборами мысли. Но новая система в свою очередь пережила упадок в результате конкуренции со стороны философии, в то время как теологические факультеты все более вовлекались в осуществление репрессий (уже в 1270 и 1277 гг. парижский епископ выступил с осуждением пространного списка мнений, которые высказывались преподавателями Парижского университета). Развитие медицины и права продолжалось лишь потому, что они все более становились светскими дисциплинами, выполняя в связи с этим чрезвычайно важную социальную функцию подготовки новых элит (илл. 133 а, b, c, d, e).

Установившееся к XII в. равновесие между верой и разумом было наиболее существенным вкладом средневековой мысли в традиционное для Европы стремление найти средство, которое помогло бы добиться гармонии между велениями рассудка и зовом сердца.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Европа средних веков не имела особых слов для обозначения искусства и литературы как таковых. Люди средневековья едва ли рассматривали их как строго разграниченные области человеческой деятельности. «Искусство» (по-латыни *ars, artis* – отсюда англ. *art*, итал. *arte* и т.п.) воспринималось как нечто имевшее довольно близкое отношение к ремеслу. Однако «искусство» активно занималось созданием резных и живописных изображений, а тематика последних была сосредоточена на Царствии Небесном, слабыми отражениями которого они были призваны стать. Следовательно, «искусство» было зеркалом, в котором средневековое человечество рассматривало себя. В отличие от иудаизма и ислама, христианство разрешало изображать человеческие существа и даже Бога в его человеческом образе. Подобный подход делал искусства существенным элементом христианского гуманизма (илл. 59–62).

К концу X в. появились каменные замки, и в развитии их архитектуры с XI по XV в. прослеживается постепенное вытеснение военных функций чисто дворцовыми, по мере того как феодальный сеньор все более превращался в аристократа эпохи Возрождения.

По всему миру латинского христианства распространились два последовательных архитектурных стиля: романский в XI и первой половине XII в. и – со второй половины XII в. – готический (илл. 74–75).

Романское творчество особенно наглядно проявилось в скульптуре и архитектуре, но в настоящее время едва ли

может быть оценено в полной мере ввиду того состояния, в котором находятся сегодня многие романские церкви, лишённые своего былого убранства, так что оказались обнажены некогда скрытые элементы их структуры. Когда-то романские церкви были ярко расцвечены и украшены, в них стояли раскрашенные статуи, а стены были драпированы вышитыми занавесями и гобеленами.

В середине XII в. из своей колыбели в Иль-де-Франс стал распространяться новый художественный стиль, который позднейшие хулители (начиная с Лоренцо Валлы в XV в. и продолжая критически настроенными сторонниками классицизма XVII–XVIII вв.) заклеймят как «готический», т.е. «готский», а иначе говоря – «варварский», – уничижительный термин, который, однако, романтики XIX в. превратят в хвалебный. Этот стиль был отмечен новой архитектурной особенностью – стрельчатой аркой, которая позволила возводить более массивные здания и придать большее разнообразие сводам. Другой чертой этого стиля стало постоянное стремление дать в помещение как можно больше света; отсюда высокие, парящие цветные витражи наподобие тех, что можно видеть в соборе Нотр-Дам в Шартре. И наконец, структура этого стиля была подчинена разумному порядку, напоминавшему собой порядок схоластической мысли.

Здесь можно назвать лишь величайшие соборы готической Европы: во Франции – церковь аббатства Сен-Дени, начатая аббатом Сугерием около 1144 г., архитектурный ансамбль в Сансе (1164 г.), в Лане (середина XII в.), собор Парижской Богоматери (между 1163 и 1200 гг.), собор Нотр-Дам в Шартре (между 1194 и 1220 гг.), соборы в Реймсе, Амьене и Бурже (XIII в.); в Англии – соборы в Кентерберии (с 1174 г.), в Линкольне (между 1192 и 1235 гг.) и в Солсбери (между 1220 и 1258 гг.); в германских землях – незаконченный Кёльнский собор, начатый в 1248 г., и собор в Страсбурге, заложенный во второй половине XIII в.; в бельгийской провинции Эно (носящей название исторического графства Эно – Геннегау) – собор в Турне (1243–1255 гг.); сильное французское влияние прослеживается в испанских соборах XIII в. в Толедо, Бургосе и Леоне; в Италии в 1296 г. началось возведение собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции.

Готика расцвела и в светских постройках, предназначенных для коллективного или частного использования, таких как коммунальные дворцы или ратуши в немецких и особенно в итальянских городах (Сиена, Флоренция, Венеция и т.д.), крытые торговые ряды (в Ипре и Кракове), изолированные замки или городские усадьбы знати и князей, а также каменные жилища богатых горожан.

Будучи наиболее заметно представленной в крупных архитектурных формах, готика сыграла не менее блестящую роль в скульптуре и живописи (как во фресковой, так и в миниатюрной). Наиболее выдающимся здесь был вклад Италии. Во второй половине XIII в. скульптор Николло Пизано и его сын Джованни изваяли большие мраморные кафедры для проповедей в соборах Сиены, Пистойи и Пизы, утвердив в скульптуре подлинно классический монументальный стиль. Что касается живописи, то мастера Ренессанса XVI в. рассматривали такого разностороннего мастера, как Джотто (ок. 1266–1337 гг.) в качестве одного из своих предшественников, представителем проторенессанса, иными словами – как первого настоящего художника в современном смысле слова.

Кроме того, готический стиль восторжествовал и в искусстве так называемых малых форм – работах по металлу, резьбе по слоновой кости или алебастру, а развитие прикладного искусства придало высочайшую утонченность средневековым жилищам, шла ли речь о мебели, гобеленах, стеклянных сосудах, керамике или вышитых тканях, – так формировалось зримое проявление нарождающейся Европы.

И, наконец, готика доказала ценность индивидуальной и частной жизни. В начале XIV в. появился реалистический портрет, и решающим техническим новшеством

здесь стало появление масляных красок (создание которых приписывается братьям Губерту и Яну Ван Эйку в начале XV в.) и станковой живописи. Искусство вошло в домашнее пространство и сделало его своим (илл. 173, 174).

Другие важные достижения проявились как в изобразительном искусстве, так и в литературе. Это было возрождение интереса к повествованию, или «историям». Большие новые красочные циклы представляли жизнь Иисуса и жизни святых, пытаясь передать при этом подлинную последовательность событий.

Уже с середины XII в. готическое искусство проявляло тенденцию к чрезмерному подчеркиванию своих стилистических особенностей; в результате наметилась эволюция к «перпендикулярному» стилю и в конце концов к искусству «пламенеющей готики», своего рода готической формы барокко. Этот поворотный пункт в развитии готики проявился в одном необычайно смелом, но все еще гармоничном шедевре – часовне Сент-Шапель в Париже, построенной для причисленного позднее к лику святых Людовика IX в его собственном дворце и предназначенной для хранения реликвий страстей Христовых.

Из произведений искусства и литературы известно, что в средневековье все более утонченными становились пять человеческих чувств. Зрение, например, было увлечено перспективой в живописи, развитие которой началось в XIII в. Органы обоняния испытывали удовольствие не только от аромата священного ладана, но и, причем во все большей степени, «от всех благоуханий Аравии». Вкус услаждался все новыми произведениями кулинарного искусства. Если говорить об осязании, то все более приятными становились телесные контакты – по мере того как поэты принялись призывать к заботе о женском теле, «*qui tant est souef*», «которое является столь нежным», как в XV в. выразился в своих стихах Франсуа Вийон (илл. 118). И, наконец, внимание мужчин и женщин средневековья все более привлекали свежие нюансы в музыке. Музыка рассматривалась как одна из наук, входящих в состав *квадрициума*, и наряду с архитектурой сделалась одним из великих европейских искусств. С появлением органа, лютни, скрипки, арфы, трубы и спинета, игра которых сопровождалась прежде всего свежим звучанием человеческого голоса, произошло усложнение инструментовки и рождение новых музыкальных тем. В течение долгого времени пение оставалось под сильным влиянием древнегреческой традиции, однако в чисто романской среде возникла новая форма песнопения римско-католической церкви – григорианский хорал, распространению и популярности которого в Европе содействовал Карл Великий. В XII и XIII вв. появилась полифония, связанная прежде всего со знаменитой школой собора Парижской Богоматери. Как и любой другой вид искусства, музыка не вполне могла отразить то всеобщее углубление чувствительности, которое произошло в XIV в., но появившееся в результате этого углубления «новое искусство» (*ars nova*) стало подлинным искусством Нового времени. Под сенью «ученой» музыки по-прежнему пробегали ручейки музыки народной, но их довольно трудно отследить (илл. 179).

В сфере изящной словесности на смену латыни в XII в. приходят народные языки. Первым большим жанром стала здесь военная поэзия, героический эпос, сосредоточенный, как правило, на фигуре героя и его родственниках. Позднее происходило разрастание эпических песен в циклы. Наиболее из известных нам эпосов на народном языке (в письменной форме XI в.) является, вероятно, англосаксонская эпическая поэма VIII в. «*Беовульф*» («пчелиный волк», т.е. «медведь»), хотя германская «Песнь о Нибелунгах», записанная около 1200 г., основывается на старинных преданиях, посвященных теме мести и восходящих к VI в. н.э. Записанная в конце XI в. «*Песнь о Роланде*» положила начало существованию в письменной форме великого франкоязычного эпического цикла, в центре которого стоит идеализированная фигура Карла Великого, героическому образу которого,

столь любимому воинственной феодальной знатью, придана изысканная литературная форма. Подобное образотворчество нашло соответствующее выражение в испанской «*Песни о моем Сиде*» (ок. 1140 г.), а также в отдельных эпических сказаниях на древнескандинавском языке, которые сохранялись в Исландии. Цикл памятников древнеисландской литературы «*Эдда*», составленный между VII и XIII вв., а также саги (сказания) XII и XIII вв. являются едва ли не наиболее выдающимися произведениями западной средневековой литературы. Именно благодаря эпосу такие герои, как Роланд, Карл Великий, Зигфрид (или Сигурд) и Сид, столетиями будоражили творческое воображение европейцев.

В XII в. на свет появляется и роман – еще один выдающийся литературный жанр западного мира. Он представлял собой повествование со строгой сюжетной линией; как правило, в нем рассказывалась история человека или пары, которые околдованы любовью – утонченной любовью в тогдашнем смысле этого слова, неразрывно связанной со смертью. В основе таких романов лежали старинные кельтские предания. В XII в. их сочиняли в стихах (например, сочинения французского поэта Кретьена из Труа), в XIII в. они превратились в прозу. Пропитанные рыцарской атмосферой придворные романы воспевали любовь и приключения, чаще всего оканчивавшиеся смертью героев.

Воображение европейцев обогатили новые, удивительные образы: король Артур и его рыцари Круглого стола, волшебник и провидец Мерлин, а также навязчивая и загадочная цель рыцарских исканий – священный Грааль. В XIII в. церковь сумела придать духовное и христианское значение этому мифологическому образу, пришедшему из древнего языческого прошлого. Рыцарский роман навязал Европе ее собственное видение трагической пары из кельтского мифа, Тристана и Изольды, ставших воплощением необоримой и магической силы любви, которую невозможно удовлетворить и которая неотвратимо влечет их к гибели (илл. 178).

Своеобразным контрапунктом подобным эпическим произведениям и рыцарским романам стала возникшая одновременно с ними лирическая поэзия. Ее творцами были поэты-певцы *трубадуры* (от франц. – находить, слагать стихи) Южной Франции (использовавшие провансальский язык), *труверы* (от франц. – находить, придумывать) Северной Франции (сочинявшие на старофранцузском) и немецкие *миннезингеры* (нем. – «певцы любви»), наиболее прославленным из которых стал творивший в начале XIII в. (ок. 1170–1230 гг.) автор любовных песен Вальтер фон дер Фогельвейде (илл. 177), творчество которого признано вершиной миннезанга. Появившийся в конце XIII в. итальянский *dolce stil nuovo* («новый сладостный стиль») дал начало еще более одухотворенному и возвышенному направлению.

Адепты монашеского идеала раннего средневековья с неодобрением смотрели на проявления веселья, которые теперь находили свое выражение в таких коротких комических повестях в стихах, какими были *фаблио* (франц. – побасенка). Театр, первоначально связанный с литургией, вышел из церкви на общественные подмостки, чтобы удовлетворять отныне вкусы новой аудитории из богатых горожан. К концу средних веков в драматургии развились два основных жанра: фарс (шуг, или филляр сделался важным персонажем как при дворе, так и в литературном произведении) и «моралите», или «страсти», представления которых все еще устраивались перед порталами храмов, – в них рассказывалось о страстях Христовых, а персонажи олицетворяли пороки и добродетели.

В XIII в. в странах Западной Европы распространяется французский язык, ставший почти что второй латынью. Поразительным успехом пользовались два французских произведения: реалистические и сатирические басни в «Романе о Лисе» (написанные между 1180 и 1250 гг.) и состоявший из двух частей стихотворный, аллегорический и натуралистический по своему характеру «Роман о Розе» –

аллегорическая поэма о любви поэта к цветку, олицетворяющему идеальную женственность.

Однако литературного гения, в творчестве которого поэзия средних веков нашла свое высшее выражение, дала все же Италия – им стал флорентинец Данте Алигьери (1265–1321 гг.), автор «Божественной комедии» (илл. 180).

Гуманистическое направление в литературе положило начало разрыву со средневековой традицией – это произойдет после Франческо Петрарки (1302–1374 гг.), который первым заклеил «средние века» как таковые. Тогда же наступил расцвет жанра короткого рассказа, или *новеллы*, представленного в таких двух шедеврах литературы XIV в., как итальянский «Декамерон» Джованни Боккаччо (ок. 1350 г.) (илл. 103) и появившиеся несколько десятилетий спустя «Кентерберийские рассказы» (1386–1389 гг.) англичанина Джеффри Чосера.

ИДЕИ, ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ВЗГЛЯДЫ

Средневековая цивилизация ощущала потребность мыслить и действовать в соответствии с христианской системой ценностей, основанной на следовании учению Бога и его Церкви, и таким образом компенсировать свою материальную и интеллектуальную слабость перед лицом грозных и все еще мало понятных природных сил. С точки зрения людей средневековья над обществом тяготела воля бога гнева (по своей сути, впрочем, доброго), ярость которого в любое время могли вызвать действия постоянно присутствующего рядом с человеком обманщика и искусителя – Дьявола (илл. 131). Отсюда средневековое обращение за помощью к авторитетам – как христианским, так и древним языческим в сфере обучения. Большая часть культурной деятельности средних веков сводилась к цитированию и заимствованиям, составлению глоссариев – собраний глосс – непонятных слов или выражений, комментариев, т.е., по сути, к компиляции. Новым в области культуры был главным образом самостоятельный выбор тех или иных авторитетов – кто-то мог, например, вводить и цитировать новых авторов, а также собственные способы упорядочения и интерпретации одного и того же набора текстов и идей. Европейцы привыкли рассматривать себя как наследников или учеников, хотя к XII в. у них все чаще проявлялось самосознание «современного народа» (*moderni*) как противопоставление себя «древним», так что и средние века обладали представлением о чем-то, что мы бы назвали «прогрессом». Средневековое христианство рассматривало совершенствование рода человеческого не только как процесс, развивавшийся в буквальном смысле от низшего к высшему (для христиан это была вера, устремленная к небесам), но и как процесс, расширявший горизонты человечества (путем завоеваний на суше и развития мореплавания), а также как процесс интернационализации личной, общественной и духовной жизни.

Индивидуальная и коллективная ранимость средневековых мужчин и женщин придавала особенную силу страстям, сопровождавшим их эмоциональную жизнь. Хотя в средневековом обществе было полное преобладание власти мужчин, открыто заявлявших, что дочери Евы со времени грехопадения их мифической матери суть опасные существа, женщины удерживали власть в домашнем хозяйстве, семье, эмоциональной сфере и, разумеется, воздействовали на общественную жизнь и даже на управление; красноречивым признаком растущего статуса женщин был происходивший по меньшей мере с XII в. необычайный расцвет культа Девы Марии. Главным объектом родительской заботы, любви и наставлений были, конечно, дети, но само детство едва ли рассматривалось в то время как состояние, обладавшее особой ценностью, а скорее воспринималось как всегда изменчивый и опасно уязвимый возраст, из которого следовало как можно скорее выйти. При этом умы

словно были затянuty какой-то пеленой. Мысли принимали подавляющую все прочее форму откровенной одержимости, если не тотального страха. Это был страх перед природными бедствиями, страх перед Дьяволом и проклятием, страх апокалиптического конца мира.

Главная навязчивая идея касалась греха. Церковь учила, что грех лежит в корне всего человеческого бытия. Наилучшее значение придавалось плотскому греху – в свете пояснений Отцов Церкви о том, что первородный грех был по преимуществу сексуальным. Грех коренился в пороке, и преодоление греха составляло главную ставку в духовной борьбе, которая велась за обеспечение вечного небесного блаженства. Церковь разработала иерархию «семи смертных грехов»: гордыня, алчность, гнев, зависть, похоть, чревоугодие, лень, впаив в которые нераскаявшийся грешник обрекал себя на вечное проклятие. Единственной поправкой к этой навязчивой мысли об аде стала возникшая в конце XII в. католическая доктрина, которая удачно вводила третью потустороннюю область – Чистилище, где отверженные могли быть очищены от своих менее тяжких грехов, чем «смертные грехи», чтобы получить доступ в рай.

Еще одним наваждением эпохи был навязчивый страх перед незримым и сверхъестественным. Люди средневековья были убеждены, что все видимые вещи пронизаны иной, невидимой реальностью, причем определенных границ и зияющего разрыва между нею и видимым миром не существовало. Сверхъестественное могло проявить себя на Земле в любой момент. Отсюда вера в важность снов (долгое время отвергавшаяся Церковью как языческое заблуждение), связанная с видениями, и всеобщая доверчивость по отношению к чудесам, воспринимавшимся как сверхъестественные проявления божественного могущества. Однако с начала XII в. большее внимание к природе повлекло за собой растущий интерес к чудесам природы самой по себе – чудесам, которые могли быть удивительными, редкими или неожиданными, но все еще понимались как часть естественного порядка. Европейцы прилагали усилия, чтобы отграничить священное от мирского и сверхъестественное от естественного, что сопровождалось попытками определить благую область подлинно чудесного и изумительного и четко противопоставить ее, насколько это было возможно, магическому и злему царству Сатаны и его демонов, ведьм и колдунов, которым не должно было находиться места в жизни христианина (илл. 131).

Другая навязчивая идея касалась памяти. Поскольку в этой цивилизации все еще господствовало устное слово, средневековое общество едва ли могло обойтись без культивирования чрезвычайно эффективных способов заучивания наизусть. Общественная жизнь и юридические прецеденты еще долго оставались обусловленными обычаями, то есть традицией, сохранявшейся в памяти – в особенности памяти старших поколений. Церковнослужители разрабатывали сложные мнемонические способы запоминания, известные как «искусство памяти». Но первенство, отдававшееся запоминанию, являлось помехой развитию собственно истории, т.е. осознанной и критической организации памяти с целью изложения событий прошлого как происходивших в соответствии с линейным течением времени: от Сотворения мира через Воплощение к Концу времен и Судному дню, который, возможно, наступит после «Тысячелетнего Царства» избранника Божия на Земле. Первенство памяти давало преимущество скорее циклическому восприятию времени, которое нашло выражение в непрерывном круговороте годовой литургии, посвященной воспоминанию о земной жизни Христа.

Вера в сверхъестественный порядок, рассматриваемый как подлинный мир истины, расположенный совсем рядом с дольной Землей, которая сама воспринималась лишь как несовершенное и искаженное отражение этой высшей реальности, имела следствием навязчивую тягу к символизму. Символические системы включали в себя

числа, считавшиеся выражением высшего математического порядка мира, а также множество образов и полный спектр цветов, каждый из которых имел свое особое значение.

Навязчивые идеи эпохи в социальной и политической сфере по-прежнему были связаны с представлениями об иерархии и порядке, но связь эта была довольно двусмысленной, тем более что им всегда сопутствовала не менее навязчивая идея свободы. Свобода имела два лица. Подлинная свобода принадлежала лишь привилегированным: духовенству, которое противопоставлялось мирянам, и знати, противопоставленной крепостным и вилланам. Но подобная идея свободы уже подразумевала представление о независимости и питала мысль о том, что незаконной или тиранической власти может быть отказано в повиновении. Так были посеяны ранние семена еще далекой демократической эры.

Главным поворотным пунктом в истории идей, ценностей и взглядов западного христианства стали XII и XIII вв. Новая концепция греха в большей степени акцентировала намерения грешника, чем его действительные прегрешения, следствием чего стал пересмотр практики исповеди. IV Латеранский собор (1215 г.), величайший церковный собор средневековья, обязал всех верующих исповедоваться по меньшей мере один раз в год, индивидуально и на ухо приходскому священнику. Таким образом, исповедник и кающийся вместе проникали в самые глубины сознания, и это спустя много столетий привело в конечном итоге к появлению интроспекции (самонаблюдения) и психоанализа. Судебная практика, дотоле сосредоточенная на обвинении, теперь переместила акцент на признание, что, возможно, привело бы к ее некоторым улучшениям, не будь эта процедура искажена в XIII в. церковью, более всего озабоченной тогда подавлением ереси, что привело к созданию святой инквизиции, стремившейся вырывать признание с применением пытки.

Все это время презрение к окружающему миру медленно трансформировалось в более позитивное отношение к земной поверхности; при таком подходе ценности с Небес в конечном счете были перенесены обратно на Землю. При этом религиозное рвение не ослабилось никоим образом. Новый подход состоял в следующем: ценности, которые когда-то рассматривались как относящиеся лишь к Небесам, за порогом смерти, теперь воспринимались как существующие и на Земле. Человек мог теперь добиться спасения, не отвергая этот мир, но с его помощью. Так труд стал формой участия в акте божественного творения и позитивным средством искупления. Время, которое некогда мыслилось принадлежащим лишь Богу, теперь также могло служить целям спасения, а те, кто, как, например, купцы, имели дело со временем, нашли теперь новое оправдание своей деятельности. С другой стороны, ученые, занимавшиеся наукой, являвшейся прежде еще одним неприкосновенным сокровищем Бога, теперь сделали доступным и вполне дозволенным знание, которое могло быть применено как для улучшения условий земного существования, так и для поиска путей, ведущих к Небесам. Священная символика более не затемняла чисел как табу, но позволяла им выполнять свою полезную функцию в арифметических действиях. Град земной перестал восприниматься как всего лишь искаженное отражение Града Божия, но стал рассматриваться как государственное образование, власти которого находили свое оправдание в служении интересам общества. Даже человеческое тело было реабилитировано. Были дозволены развлечения, игры и досуг, коль скоро они служили восстановлению телесной силы после работы, а в определенных формах и пределах могло быть оправдано и удовольствие само по себе. Схоластика уделяла немалое внимание определению законных условий для различных видов человеческой деятельности, и там, где ранее все вопросы – на манихейский манер – решались лишь в категориях абсолютного добра и зла, теперь возобладало понимание нюансов и чувство меры. Появилось множество возможных исключений

из различных запретов. Европа двинулась по пути толерантности, терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению, пути развития казуистики, т.е. рассуждения отдельных случаев в их связи с общими принципами права, морали. Личность стала все более выделяться из общины путем исповеди, создания ее или его портретов и возможного пребывания ее или его души в Чистилище.

Кризисом XIV в. началась «Осень средневековья», когда, по словам нидерландского историка и философа-идеалиста Йохана Хейзинги (*J. Huizinga*), «терпкий вкус жизни выявил столь резкие контрасты, что можно было почувствовать смесь запаха крови и роз». Пламенное благочестие отныне находило выход в преувеличенных эмоциях и откровенных фантазиях, размышления о смерти тонули в пристрастии к мрачным сюжетам, с их телами, черепами и скелетами, а ведущей темой живописи и поэзии сделался танец смерти.

Сам рыцарский идеал приобрел пламенеющие формы в одеждах, украшениях и даже в нереалистичной политике, проводившейся рыцарственными государями. В эпоху пышных развлечений в моду вошел повторяющийся мотив меланхолии. В этот осенний период умирающего средневековья рыцарские повести достигли романтических высот. Такими были эпопея «*Смерть Артура*» (издана в 1485 г.) английского писателя Томаса Мэлори, испанские «*Libros de caballería*», подобные «*Амадису Галльскому*» Гарсиа Родригеса де Монтальво (издана в 1508 г.); великие итальянские *romanzi* – в их числе фантастическая рыцарская поэма «*Большой Морганте*» Луиджи Пульчи (издавалась в 1460–1480 гг.) и шедевр Лудовико Ариосто героическая рыцарская поэма «*Неистовый Роланд*» (впервые издана в 1520 г.; окончательная версия вышла в 1532 г.).

Но отдельные блестящие тенденции средневековой цивилизации сохранялись и в XVI в.; за привычным термином «Ренессанс» скрывается факт, что продолжительная череда «возрождений» проходит через все средневековье. Таким «возрождением» был Каролингский ренессанс VIII и IX вв., за которым в X в. последовал еще один, выявленный учеными совсем недавно, а затем пришло и третье большое «возрождение» в XII в. Так называемый «великий» Ренессанс обнаруживает свои истоки в Италии XIII в. и уже отчетливо проявляется в XIV в. в сочинениях Петрарки, который подчеркнуто отвернулся от «среднего века». Италия, которая в культурном отношении находилась несколько в стороне от магистрального пути развития средневековой Европы, встала во главе «возрождения» XV в., главным выражением которого явился флорентийский гуманизм с присущей ему гражданственностью, с многогранным гением философов-эллинистов Джованни Пико дела Мирандола (1463–1494 гг.) и Марсилио Фичино (1433–1499 гг.), а также такими архитекторами, живописцами и скульпторами в одном лице, какими были Филиппо Брунеллески (1377–1446 гг.), увенчавший знаменитым куполом городской собор Флоренции, Санта-Мария дель Фьоре (илл. 180), Леон Баттиста Альберти (1404–1472 гг.), Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.) и Микеланджело (1475–1564 гг.). Новый гуманизм пришел и на север, во Францию, где Жак Лефевр д'Этабль (ок. 1450–1537 гг.) перевел Библию и Аристотеля. Но средневековье продолжало жить и в XVI в. Реформация, по существу, была первой победившей ересью. «Куртуазность» сделалась кодексом поведения «придворных», что можно наблюдать в трактате Бальдассарре Кастильоне «*Придворный*» (1528 г.), а «доблесть» превратилась в «честь» и «достоинство». Даже новые печатные станки, до того как они начали распространять идеи гуманистов, служили для издания традиционных религиозных сочинений.

Длительный период рождения новой эпохи проходил среди эпидемий чумы и войн, словно бы балансируя на грани меланхолии и безумия. В 1494 г. Себастьян Брандт опубликовал в Базеле свой «*Корабль дураков*», а в первые годы XVI в. Эразм Роттердамский посвятил «*Похвалу Глупости*» англичанину сэру Томасу Мору, будущему автору «*Утопии*».

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУРЕВИЧ А. 1972. Категории средневековой культуры. – М.
 — 1988. Medieval Popular Culture: Problems of Belief and Perception. Cambridge.
 — 1992. Historical Anthropology of the Middle Ages. Polity Press, Cambridge.
- BLOCH, M. 1939–1940. La Société féodale, 2 vols. Paris.
- BORST, A. 1973. Lebensformen ins Mittelalter. Frankfurt am Main, Propyläen.
- CAPITANI, O. 1979. Medioevo passato prossimo. Bologna, Il Mulino.
- CURTIUS, E. R. 1948. Europaischer Literatur und lateinisches Mittelalter. Berne, Francke.
- DE LORT, R. 1982. La vie au Moyen Âge. Paris.
- DEMIANS D'AMBAUD, G. 1968. Histoire artistique de l'occident médiéval. Paris.
- DUBY, G. 1976. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris.
 — 1978. Le temps des cathédrales. L'art et la société. Paris.
- FLASCH, K. 1986. Das philosophische Denken im Mittelalter. Von Augustin zu Machiavelli. Stuttgart.
- FOCILLON, M. 1965. Art d'occident. Paris.
- FUHRMANN, H. 1987, 1989. Einladung ins Mittelalter. Munich. Beck.
- GENICOT, L. 1961. Les lignes de faite du Moyen Âge. Tournai.
- HEER, F. 1961. Mittelalter, George Weidenfeld & Nicolson.
- HUIZINGA, J. 1919. Herfsttijd der Middeleeuwen.
- KANTOROWICZ, E. H. 1957. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton.
- KÖHLER, E. 1956. Ideal und Wirklichkeit in der höfischen Epik. Tübingen.
- LADNER, G. B. 1965. Ad imaginem Dei. The Image of Man in Medieval Art.
 — 1983. Images and Ideas in the Middle Ages.
- LE GOFF, J. 1964, 1984. La civilisation de l'occident médiéval. Paris.
 — 1968. Hérésies et sociétés dans l'Europe préindustrielle. Paris, The Hague.
 — 1985. L'imaginaire médiéval. Paris.
 — (ed.) 1990. Uomo medievale. Rome and Bari, Laterza.
- LOPEZ, R. 1962. Naissance de l'Europe (IV–XIVe siècles). Paris.
- MITRE, E. 1976. Introducción a la Historia de la Edad Media Europea.
- MOORE, R. I. 1967. The Formation of a Persecuting Society. Power and Deviance in Western Europe, 950–1250. Oxford.
- MORRALL, J. B. 1967. The Medieval Imprint. London.
- MURRAY, A. 1978. Reason and Society in the Middle Ages. Oxford.
- SOUTHERN, R. W. 1953. The Making of the Middle Ages. London.
- STANESCO, M.; ZINK, M. 1992. Histoire européenne du roman médiéval. Paris.
- TABACCO, G.; MERLO, G. G. 1981. La civiltà europea nella storia mondiale. Medioevo V–XV sec.
- VOLPE, G. 1965. Il Medio Evo. Florence.
- VON DEN STEINEN, W. 1965. Homo caelestis. Das Wort der Kunst im Mittelalter. 2 vols.
- WHITE, L. JR. 1962. Medieval Technology and Social Change. Oxford.
- ZUMTHOR, P. 1972. Essai de poétique médiévale. Paris.
 — 1980. Parler au Moyen Âge. Paris.

ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

12.1

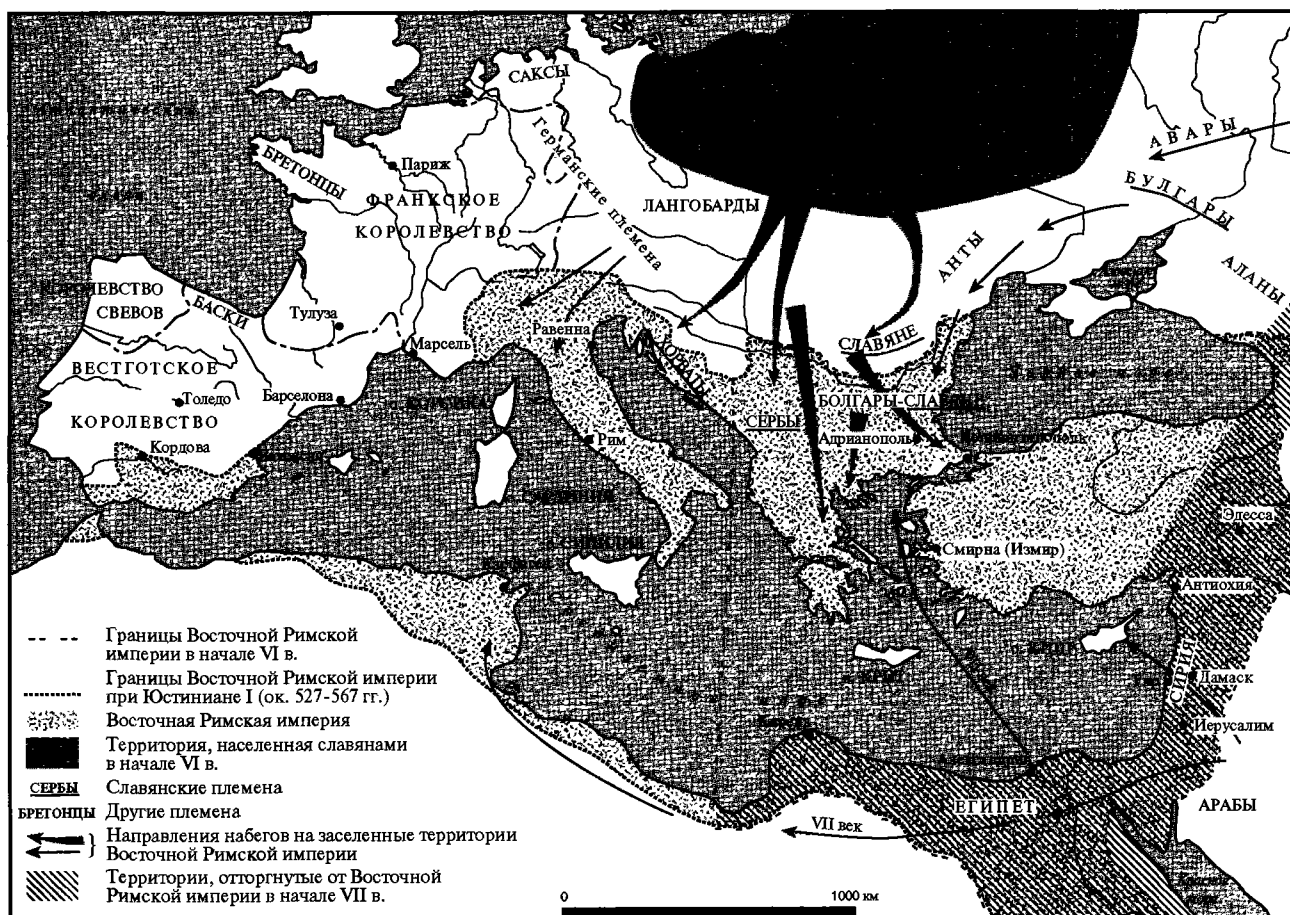
ЭТНИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Василка Танкова-Заимова

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПЕРИОД С VI В.
(см. карту 8)**

Географическое положение Балканского полуострова сделало его одним из «нервных центров» формирования пост-романской Европы. Начиная с IV в. Восточная империя стал-

кивалась с группами «варваров», время от времени пересекавшими дунайскую границу. Проблемы, вызванные переселением племен, существенно осложнились с VI в. (особенно со второй его половины), когда вторжения славянских и аваро-славянских племен усилились, что ускорило развитие этнического и демографического кризиса в регионе.

Карта 8. Этнические перемещения в Центральной и Юго-Восточной Европе в VI и VII вв.

Подобно предшествовавшим им германским племенам, славяне следовали путями, которые вели из Прикарпатской Украины и Волыни к восточным склонам Южных Карпат; одни из них начали свои переселения через территорию Словакии и Паннонии, другие – через равнину Валахии, в результате же и те и другие оказались в Дунайских провинциях (*Ditten*, 1978; *Theodor*, 1984). До начала VI в. происходило лишь проникновение славян через дунайскую границу, и эта незначительная миграция не отразилась в сочинениях авторов того времени, но некоторое представление о ней дают археологические и лингвистические свидетельства (*Tǎpkova-Zaimova*, 1966).

Со времен правления Юстиниана I (527–565 гг.) на территорию империи стали большими массами проникать целые племена и племенные союзы, следовавшие старыми наземными путями и водными артериями, которыми были притоки Дуная. Некоторые из тех, кто вторгнулся в Паннонию, в качестве своего рода «союзников» участвовали в походах, организуемых аварским каганатом, при этом они составляли пехоту, которая сопровождала конницу – ударную силу авар, этих бывших кочевников, к тому времени уже осевших между Дунаем и Тисой (*Avenarius*, 1974; *Pohl*, 1988).

К концу VI или началу VII в. славяне из Дакии, которые сами организовывали свои походы, и аваро-славяне из Паннонии проникли в Верхнюю и Нижнюю Мизию (дунайские провинции), в Илирию и соседние земли на адриатическом побережье (*Kovačević*, 1981). Более того, имеются свидетельства их присутствия уже южнее горных цепей Балканского п-ова – в Македонии, Фессалии и на Пелопоннесе, если, конечно, мы можем доверять нумизматическим и топонимическим данным (*Zaimov*, 1975; *Nystazopoulou-Pelekidou*, 1986). На своих небольших беспалубных парусных судах *монохилах* (*монохилае*), выдолбленных из единого древесного ствола, они промышляли в то время пиратством на островах Эгейского моря.

Первые военные кампании к югу от Дуная были проведены в основном славянами Дакии, но отчасти – и славянами Паннонии (так называемой «болгарской» группой). В первой половине VII в. к ним присоединились другие южные славяне – сербо-хорваты, которые были малочисленнее. Они продвигались в западные части полуострова. При этом, как представляется, были две волны сербо-хорватских переселений: вторая, вероятно, прошла после 626 г., т. е. после неудачи большого похода аваров и славян в южном и восточном направлениях, сопровождавшегося осадой Константинополя. Несмотря на отсутствие императора Ираклия (правил в 610–641 гг.), столицу Византийской империи удалось отстоять, а отступление аваров к Восточным Альпам открыло дорогу на Балканы сербо-хорватам.

Сербы заняли область между Динарским нагорьем и впадающей в Адриатическое море р. Неретвой, а также земли, расположенные южнее, – Захумье, Травунию и Диоклею (Дуклю). К северу и западу от них осели хорваты – частично в Далмации и частично по р. Сава, правому притоку Дуная (Далматинская Хорватия и Паннонская Хорватия) (*Kovačević*, 1981).

ПОСТОЯННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ СООБЩЕСТВ

При своих перемещениях аваро-славяне обычно передвигались по большим военным дорогам и вдоль течения рек, однако авары по окончании похода обычно возвращались в свои земли; в соответствии с кочевнической традицией они были прежде всего заинтересованы в грабеже и добыче. В отличие от них, славяне постепенно оседали на разоренных и опустошенных территориях и на оставленных местными жителями землях. Становилось все более заметным существенное снижение общего уровня

провинциальной культуры. Разрыв с достижениями поздней античности более всего проявлялся в придунайских городах, и этот процесс развивался, несмотря на все усилия константинопольского правительства укрепить дунайский *limes* (линия укреплений с валами, рвами, сторожевыми башнями. – *Прим. ред.*). Но даже внутри империи жизнь во многочисленных, некогда процветавших городских центрах словно бы замерла, поскольку их торговля терпела большой ущерб. С VII в. многие города стали приобретать сельские черты. В первой половине VII в. в дунайских провинциях и даже в Далмации исчезают следы денежного обращения (*Ferjančić*, 1984; *Jurukova*, 1969).

Однако мнение, что балканские провинции пришли в полное расстройство, является преувеличением. Безусловно, развитие событий и неспособность центрального правительства провести сбор податей на некоторых территориях неизбежно усиливали местный партикуляризм. Наиболее частым местоположением территориальных единиц, которые современники называли «Славиниями» или «Склавиниями», были внутренние районы, в различные периоды оказывавшиеся практически независимыми от провинциальной администрации (*Литаврин*, 1984). Тем не менее некоторые из этих «Славиний» заканчивали тем, что становились народами-данниками, подчиненными провинциальным властям Византийской империи. Этот процесс сделался заметным в правление Исаврийской (Сирийской) династии византийских императоров (717–802 гг.) и продолжался до IX в. Многие из этих племенных групп или союзов были постепенно включены в Болгарское государство и придали территории Дунайской Болгарии славянский этнический характер (*Angelov*, 1971).

БОЛГАРЫ К ЮГУ ОТ ДУНАЯ: ДУНАЙСКАЯ БОЛГАРИЯ

Среди «варваров», вторгавшихся в земли, расположенные к югу от Дуная в VI и VII вв., современники неизменно называли болгар, племена по преимуществу тюркского происхождения, которые в конце V в. находились на содержании империи, принимая участие в кампаниях против поселившихся в Италии готов. Гунны – народ, встречающийся под именем кутургуров или кутригуров на западе и ургуров или утригуров на востоке от Дона, к началу VI в. уже осевшие на берегах Азовского моря, неоднократно появлялись на Балканах (*Караяннопoulos*, 1978) – или совершая нападения на имперские провинции, или в качестве *федератов* на службе Юстиниана I. Данная система, унаследованная от предшествующего периода, использовалась также в отношениях со славянами и прочими «варварами»: федераты (с VI в. называвшиеся «друзьями» или «союзниками») получали разрешение селиться во главе со своими вождями в обезлюдивших пограничных областях. Здесь, с разной степенью лояльности по отношению к центральному правительству, они несли обязанности пограничной стражи.

В 630-х гг. в степях к востоку и северо-востоку от Азовского моря существовало государственное образование оногуров-булгар, возглавляемое ханом Ковратом (в русской литературе чаще называется Кубратом. – *Прим. пер.*), союзником Византии. Его влияние распространялось на малолюдные земли к северу от Днепра, на лежавшие к востоку от Азова территории по берегам Кубани и на земли к западу до Херсонеса Таврического (т. е. на Крым). Эта «Великая Булгария (Болгария)», или «Волжско-Камская Булгария (Болгария)», просуществовала недолго; после смерти Коврата она пала под ударами кочевых тюркских племен из Западной Азии – хазар. Болгары начали отходить на запад и на юг; некоторые проникли в Аварский каганат, принимая участие в походах авар. Другая группа болгар, возглавлявшаяся

Аспарухом (ок. 644 – ок. 700 гг.), вероятно, сыном Коврата, отошла к дельте Дуная, где осела, держа под контролем территории вплоть до Днестра (Dimitrov, 1987).

Отсюда начались походы Аспаруха на земли, лежавшие южнее Дуная, и к берегам Черного моря. Одержав верх над византийской армией, болгары обеспечили признание своего государства на Дунае, заключив мир с Константинополем (681 г.), в условиях, когда их нападениям подверглись укрепления в Балканских горах (горы Стара-Планина) (Vojnov, 1956).

Дунайская Болгария охватывала земли, где проживало славянское население, т.н. «семь родов» и северы, бывшие, возможно, *федератами* Византии. Хотя ее нельзя рассматривать как точную копию Волжско-Камской Болгарии, поскольку отсутствие степей ограничивало типичные для кочевого общества передвижения на большие расстояния, здесь все же сохранялась традиционная для болгар военная структура. Присутствие же славянского земледельческого населения обеспечивало материальную базу для военного ядра и развития экономики, которая частично была аграрной.

Таковы были демографические рамки, в которых происходили постоянные войны с Византией в VIII и в первой половине IX в. Болгарские ханы сохраняли верность языческим традициям и притязаниям на божественное происхождение своей власти и неизменно отстаивали их в борьбе с имперской идеологией Византии. В одном из военных столкновений, при возвращении из похода, совершенного на север от Балканских гор, к болгарской столице Плиска (в 811 г.), погиб византийский *басилей* (император) Никифор I. За этим последовал победоносный поход болгарского войска в Восточную Фракию до Черного моря; хан Крум остановился лишь перед воротами Константинополя.

После передышки, последовавшей за обращением болгар в христианство князем Борисом (864 или 865 г.), новая и не менее ожесточенная конфронтация началась в правление Симеона (893–927 гг.). После нескольких победных походов, в которых он чуть было не овладел византийской столицей, Симеон выдвинул претензии на титул *басилея* (*царя*) болгар и «римлян», стремясь, по существу, вытеснить византийского императора из балканских провинций. Этот титул *басилея*, распространившийся, однако, лишь на болгарские территории, был признан Константинополем за его сыном Петром после династического брака последнего с византийской принцессой (Tărkova-Zaimova, 1979; Fine, 1983).

В эти же столетия была достигнута национальная консолидация Болгарии путем культурного синтеза между более многочисленными славянами, давшими свой язык, и болгарями, оставившими свое имя этой национальной общности, которая родилась из слияния двух этнических элементов. Эти сложные процессы имели существенное воздействие на образование государств у других балканских славян, прежде всего у сербов и хорватов (илл. 150–153).

СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПОЛУОСТРОВА

В результате войн между Византией и аварами и этнических перемещений, которые последовали в западных провинциях полуострова, в пределах последних оформилась область Рашка, ставшая ядром объединения местных славянских сообществ, из которого в начале IX в. появился сербский народ (Ćirković, 1964). Сложилась своего рода система внутренней вассальной зависимости между несколькими местными правителями, среди которых титул «архонт» в 820-х гг. носил правитель по имени Владимир. Это указывает на то, что архаические структуры, характерные для западных регионов полуострова, уже прошли определенную эволюцию, и эта сербская общность действительно была государством.

Достижение государственного единства Хорватии было более трудной задачей, главным образом из-за столкновения политических интересов Византии, которая частично сохраняла свою власть над Далматинским побережьем, и интересов империи Карла Великого и его преемников в Восточной Франконии (т.е. исторической области в Германии). Сложилось своеобразное равновесие между так называемой Далматинской Хорватией и ее князем Борной и Паннонской Хорватией во главе с князем Людевитом. Серьезные стремления к политической интеграции проявились уже в ходе конфликта между ними в 820-х гг. Наконец, примерно до 852 г. Трпимир подписал грамоту как «князь (*кнез*) хорватов», а в начале X в. представителя Трпимировичей Томислава называли «*rex Croatiae*» («король хорватов»). В это время уже существовали прочная церковная организация и административный аппарат, служившие центральной власти, но это положение сохранялось недолго: появление в конце IX и начале X вв. в Паннонии венгров чрезвычайно осложнило политическое положение славян в западной части Балканского п-ова (Klaić, 1971; Fine, 1983).

Название «Босния» впервые появляется в середине X в. Этот регион, долгое время не имевший подлинной политической автономии, на западе граничил с Хорватией, а на востоке – с Сербией. Но в конце того же столетия Босния отстояла право на собственную политическую жизнь, а ее правитель принял титул *бан* (Ćirković, 1964).

Формирование национальных государств на Балканах привело к обострению скрытого конфликта между Византией и Болгарией. Последней в правление Симеона удалось включить в свои границы сербские территории, и было выдвинуто требование к Константинополю отказаться от системы политической вассальной зависимости на п-ове (Tărkova-Zaimova, 1979). Это длительное противостояние завершилось лишь в начале XI в. в результате войн Василия II (правил в 976–1025 гг.). Разгромив болгарского царя Самуила и его наследников, он восстановил на п-ове политическое верховенство Византии, которая вновь получила границы по Дунаю и адриатическому побережью.

Эти события вывели на историческую сцену румын и албанцев. Письменные записи на их языках тогда еще не появились, а византийские источники хранят молчание о процессах, лежавших в основе формирования этих балканских народов. Албанцы, бывшие потомками иллирийцев, пережили долгие периоды романизации и сменившего ее славянского воздействия, прежде чем им удалось, в условиях запутанных отношений на Балканах эпохи средневековья, утвердить свою национальную идентичность. Поэтому самые ранние сообщения о них в византийских источниках относятся лишь ко второй половине XI в.

Подобным образом обстоит дело и с румынами, которые не появляются под своим этническим именем ни в одном из византийских или болгарских памятников вплоть до войн царя Самуила в Македонии. Самые ранние связанные с ними письменные сведения относятся к романизированному населению, проживавшему к югу от Дуная, которое в это время называлось влахами (волохами) (Berza & Buda, 1980; Murrin, 1984).

Лишь после XI в. политические отношения между Византийской империей и боровшимися до этого времени за свою государственную независимость балканскими народами пошли по несколько иному пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛИТАВРИН Г. Г. 1984. Славяне VII–IX вв. Социально-политические организации славян. – Этногенезис народов Балкан и Среднего Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М., с. 193–203.
ANGELOV, D. 1971. Obrazuvane na bulgarskata narodnost [The Formation of the Bulgarian Nation] (in Bulgarian with English and German summaries). Sofia.

- AVENARIUS, A. 1974. Die Awaren in Europa. Bratislava, pp. 130–131.
- BAKALOV, G. 1985. Srednovekovnijat bŭlgarski vladetel: titulatura i insignii [The Bulgarian Ruler in the Middle Ages: Titles and Insignia] (in Bulgarian). Sofia, pp. 96–144.
- BUDA, A. 1980. Quelques questions de l'histoire de la formation du peuple albanais, de sa langue et de sa culture. In: *Studia Albanica*, I, pp. 41–61.
- ČIRKOVIĆ, S. 1964. Istorija srednjovekovne Bosanske drzave [History of the Bosnian State in the Middle Ages] (in Serbian). Belgrade, pp. 40 et seq.
- 1981. Istorija srpskog naroda [History of the Serb People] (in Serbian). Belgrade, pp. 141–155.
- DIMITROV, D. I. 1987. Asparuchovite bŭlgari prez poslednite dve desetiletija na VII v. [The Bulgars of Asparuch in the Last Two Decades of the 7th Century]. In: DIMITROV, D. I. (ed.) *Prabŭlgarite po severnato i zapadnato Černomorie* [The Proto-Bulgars on the Northern and Western Pontus] (in Bulgarian). Varna, pp. 195–206.
- DITTEN, H. 1978. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, pp. 73–160.
- FERJANČIĆ, B. 1984. Invasions et installation des Slaves dans les Balkans. Villes et peuplement, pp. 101–109.
- FINE, J. V. A. 1983. *The Early Medieval Balkans*, I. Michigan, pp. 141 et seq.
- 1983. op. cit., pp. 248 et seq.
- Istorija srpskog naroda [History of the Serb People], op. cit., pp. 143–145.
- JURUKOVA, J. 1969. Les invasions slaves au Sud du Danube d'après les trésors monétaires en Bulgarie. *Byzantinobulgarica*, Sofia, Vol. 3, pp. 255–264.
- KARAYANNOPOULOS, J. 1978. *Istoria tou Vizantinou Kratous* [History of the Byzantine Empire] (in Greek), Vol. I. Thessaloniki, pp. 597–600.
- KLAIĆ, N. 1971. *Provjest Hrvata u ranom srednjem vjeku* [History of the Croats in the High Middle Ages] (in Croatian), Zagreb, pp. 55 et seq.
- KOVAČEVIĆ, I. 1981. *Istorija srpskog naroda* [History of the Serb People] (in Serbian), Vol. I. Belgrade, pp. 108–124.
- Les peuples de l'Europe du sud-est et leur rôle dans l'histoire. 1969 (Berza, M. Roumanie; Buda, A. La place des Albanais dans l'histoire européenne du VIIIe au XVIIIe s.) Actes du premier colloque international des Etudes balkaniques et Sud-Est européennes. Sofia, III, pp. 51 et seq., pp. 57 et seq.
- MURNU, G. 1984. Studii istorice privitoare la trecutul Românilor de peste Dunăre [Historical Studies on the Past of the Romanians from the Far Side of the Danube] (in Romanian), pp. 67–77.
- NYTSTAZOPOULOU-PELEKIDOU, M. 1986. Les Slaves dans l'Empire byzantin. The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. New York, pp. 348–352.
- POHL, W. 1988. *Die Awaren. Ein Steppenvolk im Mitteleuropa (567–822)*. Munich.
- PRIMOV, B. 1981. *Istoria na Bŭlgaria* [History of Bulgaria] (in Bulgarian), Vol. 2. Sofia, pp. 133–142.
- TĀPKOVA-ZAIMOVA, V. 1966. Našestvia i etniĉeski promeni na Balkanite, VI–VIIv. [Invasions and Ethnic Changes in the Balkans in the 6th–7th Centuries: in Bulgarian, French summary] (in Bulgarian) Sofia, Academy of Sciences, pp. 567 et seq.
- 1979. L'idée byzantine de l'unité du monde et l'Etat bulgare. In: TĀPKOVA-ZAIMOVA, V. (ed.) *Byzance et les Balkans à partir du VIe s.* London: Variorum Reprints, No. XVIII, pp. 293 et seq.
- 1979. Genèse des peuples balkaniques et formation de leurs Etats. L'expérience bulgare. *Byzance et les Balkans à partir du VIe s.*, op. cit. No. XX, pp. 71 et seq.
- TEODOR, D. G. 1984. Origines et voies de pénétration des Slaves au sud du Danube (VIe–VIIe ss), Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Actes du Colloque organisé par l'Ecole française de Rome (Rome, 12–14 May 1982) (Paris), pp. 63–84.
- VOJNOV, M. 1956. Za Pŕvija dopir ne Asparuhovite bŭlgari sŕs slavjanite i za datata na osnovavaneto na bŭlgarskata dŕžava [The First Contact Between the Bulgars of Asparuch and the Slavs and the Date of the Foundation of the Bulgarian State: in Bulgarian with French Summary]. *Bulletin de l'Institut d'histoire bulgare*, Sofia, Vol. 6, pp. 453–478.
- ZAIMOV, J. 1975. Beitrag zur Erforschung der Bulgarischen Namen in Griechenland. *Zeitschrift für Balkanologie*, Jahrgang XI, Heft I, Munich, pp. 105–116.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ СЛАВЯН И ДРУГИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (В ОСОБЕННОСТИ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ)

Василка Танкова-Заимова

В качестве официальной религии христианство стало утверждаться в Юго-Восточной Европе в IX в. Это был процесс, продолжавшийся более столетия, на который повсеместно оказывало влияние длительное соперничество между римской и константинопольской Церквями.

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ В БАЛКАНСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

В течение столетий нашествий и сильнейших политических потрясений, и особенно в VII–VIII вв., деятельность старых епархиальных центров Иллирии, Верхней и Нижней Мизий на Дунае, Македонии и других постепенно затухала, а в некоторых местах прекратилась совсем. Достижения времен Юстиниана I, когда строительные и фортификационные работы распространились не только на общественные здания в больших городских центрах, но и на церкви, постепенно потускнели (см. карту 9 и илл. 145). Так произошло, например, с городами Сирмий в Паннонии, Юстиниана Прима (близ Ниша), Маркианополь на Черном море и т.д. (*Mirković*, 1981). Но епархии продолжали работу по созданию церковной организации – по крайней мере на черноморском и эгейском побережьях, не говоря уже о территории собственно Греции, где этот процесс прерывался редко или не прерывался вовсе.

С конца IV в. предпринимались попытки обращения в христианство оседлого населения и кочевых племен. Так было с «бессами» (т.е. фракийцами, обитавшими южнее Балканских гор), которых обратили в христианство в V в., и с готами, осевшими в окрестностях городов Никополь и Иструм, расположенных южнее Дуная. Эти готы приняли арианство, которое исповедовал император Валент (правил в 364–378 гг.), а их епископ Ульфила даже перевел на готский язык большую часть Библии (*Tǎrkova-Zaimova*, 1979). В конце IV в. произошла также христианизация крымских готов. Этот регион в Северном Причерноморье на протяжении долгого времени непрерывно оставался под византийским управлением, так что константинопольская Церковь сохраняла здесь свои епархии несмотря на сложные отношения, возникшие в VII–VIII вв. между Византией, с одной стороны, и хазарами и болгарами – с другой. Последние дошли даже до Фанагории – одной из наиболее известных крепостей юстиниановой эпохи (*Зубарь*, 1991).

Начиная с 840-х гг., когда в Византии прекратился иконоборческий кризис, имперские власти стали одерживать верх над сепаратистскими тенденциями азиатской аристократии. Вследствие этого особенно интенсивной

сделалась религиозная деятельность в славянском мире, и не только в юго-восточной его части, но также в Паннонии и Моравии, причем соперничество между Римом и Константинополем в организации здесь миссий продолжалось до середины IX в. С политической точки зрения отношения Рима и Константинополя чрезвычайно осложнялись из-за существования империи Карла Великого. Франкская империя вскоре распалась, это так, но правители, которые унаследовали ее земли, оспаривали права Византии на Иллирию и западные части Балканского полуострова. Между тем болгарские земли, и особенно Сербия и Хорватия, были частью старой епархии Иллирии, которая почти на два столетия была выведена из-под юрисдикции Рима (*Peri*, 1983).

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ – АПОСТОЛЫ СЛАВЯН

Таковы были отношения между Востоком и Западом, когда в Константинополе задумывалась миссия Кирилла и Мефодия. Она стала прежде всего результатом гибкой и дальновидной политики византийского патриарха Фотия.

Славяне Моравии, Чехии, Паннонии и Карантании (раннефеодальное государство словенцев), обращенные в христианство между VII и серединой IX в., уже имели прелатов, находившихся под западным контролем, когда в 863 г. в Моравии началась апостольская деятельность Кирилла и Мефодия. В сопровождении группы обученных ими миссионеров два брата, бывшие уроженцами Солуни (Салоники, Фессалоники), прибыли туда по приглашению между императором Михаилом и моравским князем Ростиславом. Их миссии предшествовал подготовительный период, в течение которого они перевели часть Священного Писания на славянский диалект, которому предстояло со временем превратиться в язык, известный как староболгарский. Алфавит, разработанный Кириллом для этой цели и известный как глаголица, был позднее упрощен и получил название кириллицы (*Dujčev et al.*, 1983) (илл. 106).

Миссия Кирилла и Мефодия действовала в благоприятных условиях в Моравии, а затем в Паннонии. Обучение местного духовенства и гибкая адаптация к нуждам славянского населения, которое могло получать христианское воспитание на понятном ему языке, в скором времени дали хорошие результаты. Однако некоторое время спустя проявилось недовольство баварского клира. Братьям пришлось отправиться в Рим, чтобы дать объяснения относительно введения славянского языка в литургию, и получили одобрение своих трудов: папа Адриан II

Карта 9. Основные города на Балканах в раннем средневековье (по Fine, 1983, *The Early Medieval Balkans*, Michigan)

освятил славянские книги, ученики Кирилла и Мефодия стали священниками и дьяконами. Но покинуть Рим Кириллу было не суждено: там он тяжело заболел и умер в 869 г. Мефодий продолжил свою апостольскую деятельность в Паннонии и Моравии, где, после новых несчастий, в том числе заключения в темницу, куда его бросили представители баварского духовенства, он в 885 г. окончил свои дни.

Миссия Кирилла и Мефодия оставила свой след в религиозной и культурной жизни славян Центральной Европы (Vavřínek, 1963). Тем не менее она завершилась неудачей: ученики двух братьев вскоре были изгнаны из Моравии. Однако их с радостью встретили к югу от Дуная, в Болгарии, где князь Борис закладывал в это время основы религиозной жизни своей страны. Два десятилетия ранее христианство было введено в Болгарии в качестве государственной религии (864 или 865 г.).

ОФИЦИАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО В БОЛГАРИИ: РАЗВИТИЕ СЛАВЯНО-БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обращение Болгарии происходило непросто. Дохристианские болгарские ханы ревниво оберегали «закон предков». У болгар, которые подобно иным тюркским народам поклонялись в первую очередь небесному божеству (богу Тангра, или Тенгри), существовал подлинный культ личности главы общины (если это был глава государства, то считалось, что он «венчан Богом»).

Но, как представляется, христианизация, проводившаяся византийскими миссионерами, все же имела определенные успехи среди некоторых славян, включенных в болгарское государство, большая часть которых, впрочем, в это время еще практиковала одну из форм язычества, тесно связанную с силами природы (Перун был богом молнии) и соответствовавшую образу жизни земледельческого населения.

Общая политическая ситуация и некоторые военные неудачи, особенно в борьбе против сербов и хорватов, привели Бориса к обращению в христианство в драматических обстоятельствах: часть болгарской аристократии подняла мятеж. В глазах знати верность древним обычаям означала независимость от Византийской империи.

Актом своего обращения Борис как бы признавал за Болгарией положение политического вассала по отношению к империи, что было неизбежным для правителя, только что принятого в христианское сообщество (*Gluzelov*, 1981; *Vojnov*, 1962). Но при этом он избрал такую линию поведения, которая в конечном счете привела к созданию автокефальной церкви. Делая первоначально ставку на Рим вместо Константинополя (он предпринял попытку установить контакты с папой Николаем I), Борис завершил ее тем, что получил из Византии архиепископа, который возглавил болгарскую Церковь (илл. 153). Позднее, в правление его сына Симеона болгарская Церковь получила статус патриархата (*Bakalov*, 1985).

Между тем, благодаря хорошему приему, оказанному представителям миссии Кирилла и Мефодия, Борис весьма преуспел в организации культурной жизни: двумя главными культурными центрами, где трудились Наум и Климент, бывшие учениками Кирилла и Мефодия и имевшие своих собственных учеников, являлись г. Преслав, столица христианского Первого Болгарского и Западно-Болгарского царств и г. Охрид в Македонии. За несколько десятилетий здесь получила развитие болгаро-славянская литература, которая не только выполняла посредническую функцию, но и сама создавала культурные образцы для европейского православия (*Obolensky*, 1963; *Tăpkova-Zaimova & Simeonova*, 1987).

МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ И РИМОМ: РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАПАДНЫХ ЧАСТЯХ ПОЛУОСТРОВА

Христианизация западных областей Балканского п-ова и поселившихся там южных славян началась, как и у остальных балканских славян, в VII в. – если верить более или менее легендарным оценкам, сделанным императором Константином VII Багрянородным в его сочинениях. Считается, что официальное обращение сербских и хорватских княжеств следует отнести к 820-м гг., когда возобновилась византийская экспансия в Далмации, сопровождавшаяся антивизантийским движением среди местного населения. После хорватской Далмации, где обращение не затронуло лишь племя неретлян, долго хранивших верность дохристианским верованиям, христианизация постепенно проникла на удаленные от Адриатики территории – Боснию, Сербию и Славонию, лежащую по р. Саве, притоку Дуная. Этот процесс принял особый размах при императоре Василии I Македоняnine (правил в 867–886 гг.) и патриархе Фотии. В середине и конце IX в. важную роль играл епископский центр Нин в Северной Далмации, но в X в., вследствие борьбы между Римом и Константинополем за первенство в организации и церковной юрисдикции хорватской Далмации, он прекратил свое существование. В любом случае, миссии в «христианскую Сербию», как называл ее в начале X в. Константин Багрянородный, посылали, по-видимому, епископские центры Далмации и Паннонии. Первыми известными христианами именами в Сербии стали имена внуков князя Властимира, родившихся в 870-х гг. (*Čirković*, 1981; *Maksimović*, 1992).

Политический партикуляризм, бывший характерной чертой отношений между западными областями Балканского полуострова, оказывал решающее воздействие на церковную организацию территорий на адриатическом побережье вплоть до начала XI в., когда Византия основала епархию в Диррахии (г. Дуррес в современной Албании), деятельность которой должна была создавать препятствия

подчиненной Риму епархии в г. Сплит (Спалато) в хорватской Далмации. В то же время сербская Церковь объединилась вокруг епархии в Рашке (*Наумов*, 1988).

ОБРАЩЕНИЕ В ХРИСТИАНСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Обращение восточных славян было частью великого начинания Византии, направленного на христианизацию славянского мира. Однако, несмотря на успех константинопольских миссий на южном берегу Крыма, направленных к поселившимся там готам, и на контакты этого населения с восточными славянами, населявшими южнорусские степи (черняховская культура, в которой обнаруживаются также иранские черты), данных о существовании здесь в VII и VIII вв. христианских общин нет. Не было подобных общин и в более ранний период – среди «скифского» населения, обитавшего вдоль северного побережья Черного моря и нижнего течения Днестра. Лишь во второй половине IX в. миссионеры из Константинополя начали свою деятельность в Киевском княжестве, которое к тому времени уже осуществило политическую организацию восточных славян (*Vodoff*, 1989).

Водный маршрут, называемый русскими летописцами путем «из варяг в греки», был в первую очередь торговым путем, но он был также тем путем, которым следовало войско киевских князей во время походов на византийскую столицу. В 860-х гг. русский флот почти подошел к стенам Константинополя. Столетием позже, в 957 г., княгиня Ольга приняла в Константинополе крещение, однако не смогла утвердить новую религию при дворе и среди знати в Киеве; не принесло плодов и ее обращение к германскому королю и императору Священной Римской империи Оттону I. Лишь в 989 г. (общепринятая дата – 988 г. – *Прим. ред.*) князь Владимир после женитьбы на сестре императора Василия II Анне официально принял христианство. Русская Церковь была организована под руководством присланных из Константинополя миссионеров. В переводе Писания приняли участие представители болгарского духовенства (*Рогов*, 1988) (илл. 157–160).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ВНЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Приверженность православию было сильной стороной Юго-Восточной и Восточной Европы в средние века. Но данное обстоятельство вовсе не означает, что эта сильная сторона не подвергалась испытаниям на прочность со стороны неконформистских религиозных течений. Религиозные диспуты, причиной которых были в основном богословские разногласия, приводили порой к социальным волнениям, главным образом среди людей, живших изолированной жизнью вдали от городов и епархиальных центров.

Одним из еретических движений было богомилство в Болгарии в X в. Богомилы отвергали церковную иерархию и почитание икон, упростили таинства и исповедовали крайний дуализм в своем понимании христианства (*Angelov*, 1979). Репрессивные кампании против богомилов, иногда проводившиеся византийским и болгарским правителями совместно, имели целью сдержать рост, который это движение переживало во второй половине X в. Но в XI–XII вв., в период возобновления византийской экспансии на Балканах, богомилы вместе с другими недовольными не раз поднимались против византийской власти. К концу этого периода богомилское религиозно-философское учение вышло и за пределы Болгарии. С некоторыми местными вариациями следы богомилов обнаруживаются в Боснии, где «национальная» боснийская Церковь (*Ecclesia Sclavoniae*) просуществовала вплоть до османского периода (*Dragošević*, 1987; *Čirković*, 1987). Влияние богомилства ощущалось

в конце XII в. и в XIII в. в Западной Европе – в дуалистических общинах патариев, катаров и альбигойцев. Наименование «болгары» (по-старофранцузски «*Bougres*», «*Bougarans*», «*Bougrès*») даже стало широко использоваться в качестве названия еретиков вообще (Primov, 1960).

Другие еретики – павликиане (от имени апостола Павла. – Прим. ред.), которые действовали в византийских провинциях Малой Азии, были известны в VII–VIII вв. и особенно в IX в. (Loos, 1974). Массовые депортации павликиан во Фракию и другие области привели к знакомству с их учением, близким к доктрине болгарских богомилов, широких масс в других частях Балканского п-ова. Авторы тех времен, посвящавшие свои сочинения опровержению данных учений, часто смешивали все эти ереси, создававшие серьезные административные и церковные проблемы для Византийской империи.

Помимо всего этого, постоянно продолжалась конфронтация римской и константинопольской Церквей, что также неизбежно сказывалось на интеллектуальной и политической жизни формирующейся Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЗУБАРЬ В. М. 1991. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. – Киев.
- НАУМОВ Е. П. 1988. Церковная организация в политической структуре сербских и хорватских земель (конец IX – начало XII в.). В: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. – М., с. 85–103.
- РОГОВ А. И. 1988. Культурные связи Киевской Руси с другими славянскими странами в период ее христианизации. В: Принятие христианства. – М., с. 207–234.
- ANGELOV, D. 1979. Il Bogomilismo – un'eresia bulgara. Bulzoni, Rome.
- BAKALOV, G. 1985. Srednovekovnijat bŭlgarski vladetal: titulatura i insignii [The Medieval Bulgarian Ruler: Titles and Insignia] (in Bulgarian). Sofia, pp. 96–113.
- ĆIRKOVIĆ, S. 1981. Istorija srpskog naroda [History of the Serb People] (in Serbian), I. Belgrade, pp. 150–153.
- 1987. Bosanska crkva u bosanskoj državi [The Bosnian Church in the Bosnian State]. In: Prilozi za istoriju Bosni i Hercegovini [Materials for the History of Bosnia and Herzegovina] (in Serbian), Vol. I, Sarajevo, pp. 191–254.
- DRAGOJLOVIĆ, D. 1987. Krstjani i jeretička crkva bosanska [The Christians and the Bosnian Heretic Church] (in Serbian). Belgrade.
- DUJČEV, I.; KIRMAGOVA, A.; PAUNOVA, A. 1983. Kirilometodievaska bibliografija 1940–1980 [Cyril and Methodius' Bibliography]. Sofia.
- GIUZELEV, V. 1981. Istoria na Bŭlgaria, [History of Bulgaria] (in Bulgarian), 2. Sofia, pp. 213–234.
- LOOS, M. 1974. Dualist Heresy in the Middle Ages. Prague.
- MAKSIMOVIĆ, L. 1992. The Christianization of the Serbs and the Croats. In: The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow, Thessaloniki, pp. 167–184.
- MIRKOVIĆ, M. 1981. Istorija srpskog naroda [History of the Serb People] (in Serbian), I. Belgrade, pp. 99–105.
- OBOLENSKY, D. 1963. St. Cyril and Methodius, Apostles of the Slavs. St Vladimirov Seminary Quarterly, New York, pp. 9 et seq.
- PERI, V. 1983. Gli 'jura antiqua' sulla patria dei Bulgari – un 'topos' canonico per un risveglio missionario, In: Atti dell'8° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo. Split, pp. 226–268.
- PRIMOV, B. 1960. Medieval Bulgaria and the dualistic heresies in Western Europe. Etudes Historiques. Vol. I, Sofia, pp. 89–103.
- TĀPKOVA-ZAIMOVA, V. 1979. Istoria na Bŭlgaria [History of Bulgaria] (in Bulgarian), I. Sofia, I, pp. 405–413.
- TĀPKOVA-ZAIMOVA, V.; SIMEONOVA, L. 1987. Aspects of the Byzantine cultural policy towards bulgaria in the epoch of Photius. In: Byzantine and Europe: First International Byzantine Conference, Athens, pp. 153–163.
- VAVŘÍNEK, V. 1963. Die Christianisation und Kirchenorganisation Grossmährens, Historia, Prague, pp. 5–56.
- VODOFF, V. 1989. Naissance de la chrétienté russe: la conversion du prince russe Vladimir de Kiev en 988 et ses conséquences. Paris, pp. 48–61.
- VOJNOV, M. 1962. Njakoi vŭprosi vŭv vrŭzka s obrzŭvaneto na bŭlgarskata dŭrŭŭva i pokrŭstvaneto na bŭlgarite [Some Problems Relating to the Formation of the Bulgarian State and the Evangelization of the Bulgars]. Bulletin de l'Institut d'histoire, 10 (in Bulgarian), Sofia, pp. 287–307.

12.3

ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ

12.3.1

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ

Василка Танкова-Заимова

Литература южных и восточных славян развивалась в культурной среде, которую можно обозначить как «православное славянство». В целом эта литература имела религиозный характер: ее назначением было служить миссионерам в их трудах среди недавно обращенного в христианство славянского населения. Поэтому многочисленными были переводы и адаптации византийских текстов.

ЛИТЕРАТУРА БОЛГАРИИ: ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Славяно-болгарская литература вышла непосредственно из традиции, заложенной святыми Кириллом и Мефодием (*Georgiev et al.*, 1962; *Kiev*, 1981). Самые ранние произведения, написанные на языке, позднее известном как староболгарский и стоявшем близко к тогдашнему разговорному языку южных славян, появились во второй половине IX и в начале X в.

Ассеманиево (Ватиканское) и Зографское Евангелия и немногие другие тексты были написаны глаголическими буквами, тогда как в Супрасльской летописи, Саввиной книге и других сочинениях использовался кириллический алфавит (см. рис. 25 а и 25 б). Большая часть этих памятников письменности восходит к концу IX (или X) в. Основные центры, где в правление Бориса и Симеона работали книжники, находились в Преславе и Охриде. Климент, называемый часто Климентом Охридским (Величским или Словенским), внес важный вклад в стилистику церковного красноречия своими составленными по случаю больших религиозных праздников «Похвалами» и «Гимнами», которые позднее оказали существенное воздействие на литературу других православных славянских стран (*Kliment Ochridski*, 1970–1977). Трудясь как апостол и просветитель, Климент вполне был достоин называться «вторым Павлом, говорящим со вторыми коринфянами – болгарами».

В Преславе монах («черноризец») Храбр написал свои «Послания» – полемический трактат, в котором он защищал заслуги святых Кирилла и Мефодия и подчеркивал выдающееся значение славянской азбуки (*Kiev*, 1967). Те же идеи встречаются в «Молении» ученика Мефодия Константина Преславского, первом поэтическом произведении болгарской литературы (*Graševa*, 1994). Во введении к своему «Учительному Евангелию» (сборник воскресных проповедей) Константин Преславский писал, что «народы без письмен сугь нагие народы». Другой преславский книжник того времени, Иоанн Экзарх, составил «Шестоднев»,

т.е. рассказ о сотворении мира в шесть дней, черпая вдохновение в византийских сочинениях на ту же тему, восхитившись ко временам св. Василия. «Шестоднев» Иоанна открывается впечатляющим описанием болгарской столицы, и в это предисловие включен портрет царя Симеона, восседающего на своем престоле (*Aitzetmuller*, 1958).

Своим расцветом болгарская литература была во многом обязана покровительству преславского двора. Борис видел в литературе еще одно средство ослабления зависимости христианской Болгарии от Константинополя – зависимости по своему характеру не только религиозной, но и политической. Царь Симеон, в свою очередь, сам взялся за перо: из-за его интереса к литературе его даже называли «новым Птолемеем». Ко времени правления Симеона восходят первые переводы греческих текстов. Продолжали составляться собрания дидактических повествований. Наиболее известное подобное собрание «Изборник Симеона» после обращения русских в христианство в 989 г. попало в Киевскую Русь, где в 1073 г. было переписано и получило название «Изборник Святослава» – по имени киевского князя, которым в предисловии было заменено имя царя Симеона (*Simeonov zbornic*, 1991).

СЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Литературная продукция Преслава и Охрида не могла не вызвать в скором времени откликов в таких областях, как Рашка или территории по р. Неретве. К концу XII в. на сербском языке были написаны такие литургические произведения, как Евангелие Мирослава и Евангелие Вукана (*Kašanin*, 1975; *Bogdanović*, 1980). Однако еще в X и XI вв. местные летописцы уже составляли летописи, из которых наиболее ранние, хотя и утраченные к настоящему времени, дали ценные материалы такому хорошо информированному византийскому автору X в., как император Константин VII Багрянородный (*Kašanin*, 1975). Вероятно, в середине XII в. священник из Дукли, Поп Дуклянин, создал обширную хронику приморских областей. Это сочинение, основанное на летописях или хрониках побережья Адриатического моря, было первоначально написано на латыни, но наряду с пространной латинской рукописью, относящейся к XV в., имеется и хорватский перевод XVI в. (*Mošin*, 1950).

Глаголическое письмо (глаголица) появилось в Хорватии и Словении в то время, когда миссия святых Кирилла

и Мефодия еще продолжала работать в Нижней Паннонии. После изгнания учеников Мефодия из Великой Моравии, некоторые из них были приняты в Хорватии, но вновь натолкнувшись здесь на враждебное отношение баварского духовенства. Тем не менее глаголическая азбука продолжала применяться в Хорватии до конца XVI в. (*Hamm*, 1963). Однако в качестве официального языка в Далматинской Хорватии, как и в прочих странах, ориентированных на римскую церковь, использовалась латынь.

Литература средневековой Сербии развивалась при покровительстве местных правителей и их семей. Выдающееся место среди книжников этой страны занял св. Савва, принадлежавший к правящему семейству Неманичей и ставший первым архиепископом Сербии. Он ревностно трудился над сохранением тесных отношений между православными Церквями и скончался в Тырнове, столице болгарских Асенов (Асенидов) (т.е. династии царей Второго Болгарского царства, созданного династией Асенидов в конце XII в.), возвращаясь из поездки в Никую (*Istorija srpskog naroda*, 1981).

Это было лишь началом тесных контактов, поддерживавшихся по инициативе представителей тырновской литературной школы. В последующие годы литературная продукция болгарской столицы стала оказывать решающее воздействие в областях, расположенных к северу от Дуная, т.е. в Валахии, Молдавии, а также на Руси – в особенности к концу XIV в., когда проникновение турок-османов на болгарскую территорию вызвало массовую эмиграцию тырновских книжников на север.

ОФИЦИАЛЬНАЯ И НАРОДНАЯ «НИЗОВАЯ» ЛИТЕРАТУРА

Параллельно с официальной литературной продукцией в Болгарии, а позднее в Сербии и других регионах широко распространялась литература, известная как «апокрифическая» или «историко-апокалиптическая». Она состояла из народных повестей (отсюда название «низовая литература»), хотя и религиозных по духу, но и представлявших весьма наивную и довольно упрощенную космогонию (*Täpkoval-Zaimova; Miltenova*, 1996). Подобные сочинения содержали «пророчества» о «конце дней» и наступлении «земных царств» накануне Второго Пришествия, т.е. сведения, очень важные с точки зрения народов Западной Болгарии и Сербии. Эти пророчества позднее были связаны с трагической судьбой сербского князя Лазаря Хребеляновича, павшего в битве на Косовом Поле (*Dragojlović*, 1976; *Mibalčić*, 1989).

Сведения такого рода были порою тесно связаны с религиозными и философскими представлениями богомилов. Произведений, созданных самими этими «еретиками», сохранилось немного, так как они подвергались преследованиям и уничтожению. Лишь благодаря латинской версии XII в. нам известна «Тайная книга богомилов». Гораздо лучше известен «Трактат против еретиков», созданный болгарским священником Космой, жившим при царе Петре (927–969 (или 970) гг.) (*Бегунов*, 1970). Это сочинение безжалостно бичует тех, кто отклонялся от истинной веры, но при этом отличается глубоко личной интонацией – одной из наиболее индивидуальных, что дошли до нас с тех времен; в последующих столетиях этот трактат активно использовался в качестве оружия против еретиков в Сербии и на Руси.

Как бы стоящими на полпути между официальной и «низовой» литературами были повествования, посвященные «историческим» сюжетам, т.е. воспроизводившие легенды классической греческой античности. Такими были «Роман об Александре» и «Повесть о Трое», которые проникли на Балканы с Запада и приобрели известность не только в Византии, но также в Сербии и Болгарии. Подобные романы в стихах стали весьма популярны в период после крестовых походов (*Marinković*, 1962, 1969).

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

Как и в других славянских землях, на Руси после обращения в христианство князя Владимира появилась литература, служившая нуждам Церкви. Помимо переводов Писания, в этот период были также созданы переложения византийских хроник. Важную роль в переносе литературной традиции и в религиозном просвещении играла средневековая Болгария.

Легенды и устная традиция, а также сказания о достопамятных военных подвигах, нашли позднее свое отражение в эпических песнях, известных как *былины* – подобные тем, в которых за свободу своей страны сражается знаменитый герой Илья Муромец. По бескрайним русским равнинам странствовали бродячие певцы и сопровождавшие их музыканты, игравшие на самобытных местных инструментах, а их песни слушали представители различных слоев населения. Возможно, ко второй половине XII в. восходит великая лироэпическая поэма Древней Руси «Слово о полку Игореве», сочиненная вскоре после похода князя Игоря против половцев (*Лихачев*, 1978; с. 132–204).

«Повесть временных лет» представляет собой русскую хронику, создание которой традиция приписывает летописцу Нестору (XII в.). Нестор трудился в Киевской лавре, где также писал жития святых. В действительности «Повесть временных лет» не является произведением одного автора, поскольку включает в себя несколько текстуальных слоев, которые накапливались на протяжении по меньшей мере полувека (*Лихачев*, 1978; с. 22–110).

В городах средневековой Руси сохранялась довольно необычная форма документации – грамоты на березовой коре (бересте). В Новгороде обнаружены образцы, датируемые XI в. (*Янин*, 1975).

СЛАВЯНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОДУКЦИЯ МОНАСТЫРЕЙ

Переводы текстов Ветхого и Нового Завета святыми Кириллом и Мефодием и их учениками ознаменовали начальную стадию литературных связей в славянском христианском мире. Вторую стадию этого процесса составило переложение основных памятников канонического права. Но особую роль в формировании духовного единства играли жития святых. После временного закрытия в X в. увеличилось количество монастырей на горе Афон; среди них были не только греческие обители, но также сербская (основанная св. Саввой), болгарская, русская, а позднее валашская. Число созданных здесь литературных произведений и особенно житий святых, постоянно росло. Вследствие этой постоянной работы сформировался обширный культурный регион, где литературные связи непрерывно поддерживались до времени, гораздо более позднего, чем хронологические рамки средневековья (*Picchio*, 1981, 1984).

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕГУНОВ Я. 1973. Косма-пресвитер в словенских литературах. – София.
- ЛИХАЧЕВ Д. С. 1978. Великое наследие. – М.
- ЯНИН В. Л. 1975. Комплекс берестяных грамот, №. 519–521. В: Общество и государство феодальной России. С. 30–39.
- AITZETMULLER, R. 1958–1975. Das Hexameron des Exarchen Johanne, 1–7, Graz.
- BOGDANOVIĆ, D. 1980. Istorija stare srpske književnosti [History of Old Serbian Literature] (in Serbian). Belgrade, pp. 29–140.
- DRAGOJLOVIĆ, D. 1976. Mit o 'zlatnom veku' i 'nebesnom kraljevstvu' u staroj srpskoj književnosti [The Myth of the 'Golden Age' and the

- 'Heavenly Kingdom' in Old Serbian Literature]. In: Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor [Contributions to Literature, Language, History and Folklore] (in Serbian), 42, pp. 1–4.
- GEORGIEV, E.; DUJČEV, I.; VELČEV, V.; DINEKOV, P.; ANGELOV, B. 1962. In: Istorija na bŭlgarskata literatura [History of Bulgarian Literature] (in Bulgarian), Vol. I. Sofia, pp. 23–242.
- GRAŠEVA, L. 1994. Konstantin Preslavski.
- HAMM, J. 1963. Vom kroatischen Typus der Kirchenslavischen. In: Wiener slawischen Jahrbuch, Vol. X, pp. 11–39.
- Istorija srpskog naroda [History of the Serb People] 1981 (in Serbian). Vol. I. Belgrade, pp. 238–240.
- KAŠANIN, M. 1975. Srpska književnost srednjem veku [Serbian Literature in the Middle Ages] (in Serbian). Belgrade, pp. 15–108.
- KLIMENT OCHRIDSKI 1970–1977. Šabrani sačinjenja [Complete works] (in Bulgarian). Vol. I–III. Sofia.
- KUEV, K. 1967. Černorizec Harbr [Harbr the Monk] (in Bulgarian). Sofia.
- 1981. In: Istorija na Bŭlgaria [History of Bulgaria] (in Bulgarian). Vol. II. Sofia, pp. 310–323.
- MARINKOVIČ, R. 1962. Južnoslovenski roman o Troiu [The South Slav Romance of Troy]. Anali filozofskog fakulteta [Annals of the Faculty of Philosophy] (in Serbian), Vol. I, Belgrade, pp. 9–66.
- 1969. Srpska Alexandria [The Serbian Alexander Romance] (in Serbian), Belgrade.
- MIHALČIĆ, R. 1989. Verski koreni [The Roots of Faith]. In: Junaci Kosovke legende [The Heroes of the Legend of Kosovo] (in Serbian). Belgrade, pp. 212–229.
- MOŠIN, V. 1950. Ljetopis popa Dukljanina [The Chronicle of the Cleric of Duklja] (in Croatian). Zagreb.
- PICCHIO, R. 1981. Mjastoto na starata balgarska literatura v kulturata na srednovkovna Evropa [The place of Old Bulgarian Literature in the Culture of Medieval Europe]. In: Literaturna mišal (in Bulgarian), Vol. XXV, 8, pp. 19–36.
- 1984. The impact of ecclesiastic culture on old literary technics. In: Medieval Russian Culture, BIRNBAUM, H. and PLIER, M. S. (eds). University of California Press, Berkeley, Los Angeles London, pp. 247–279.
- Simeonov sbornik [Collection of Simeon] 1991 (in Bulgarian). Vol. I. Sofia.
- TĀPKOVA-ZAIMOVA; MILTENOVA, V.-A. 1996. Istoriko-apokaliptičnata knižnina vŭv Vizantija i v srednovkovna Bŭlgarja [The Historical-Apocalyptic Literature in Byzance and in medieval Bulgaria] (in Bulgarian with French abstract). Sofia.

12.3.2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Василка Таткова-Заимова

Благодаря своему превосходству в художественной сфере, византийский Восток оказал решающее воздействие на формирование национальных культур на Балканах. Его культурное влияние выразилось прежде всего через литературу и искусство, которые наложили сильный отпечаток на этот регион, привнеся туда своеобразные черты, присущие им в рамках средневековой европейской цивилизации.

Как и в других христианских странах, в Византии существовала тенденция к преобладанию архитектуры, и особенно архитектуры церковной, над другими формами художественного выражения. Базилика с ее удлиненными формами, широко распространившаяся в качестве образца церковного здания с IV в., лучше всего представлена церковью Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне (начало VI в.). Вместе с тем в правление Юстиниана I (527–565 гг.) церковная архитектура усложнилась: появился купол, венчавший многоугольное основание, как, например, в 8-гранной церкви Сан-Витале (в только что воссоединенной с империей Равенне). Самым знаменитым сооружением в правление Юстиниана был храм св. Софии в Константинополе, ставший образцом нового, византийского церковного здания центрального типа, покрытого куполом (илл. 145). Но удлиненные базилики продолжали строиться в Фессалониках, городах Причерноморья, на Адриатике и во внутренних провинциях – повсюду, где христианство при помощи хорошо организованной сети епархиальных центров утвердилось более или менее прочно. Церковные здания служили не только для отправления религиозного культа, но и для нужд городской администрации. Так было во многих местах – например, в Маркианополе между Дунаем и Черным морем, в Ратиарии и Доростоле (Силистре) на Дунае, в Августе Траяновой, в Сердикe (нынешней Софии), в Юстиниане Приме вблизи Ниша, в Сплато (Сплит) на Адриатическом море и т.д. (илл. 63).

Стремление обратиться к христианству крымских готов привело к строительству большого количества базилик в Херсонесе Таврическом, всегда остававшемся византийской провинцией. Эти базилики тоже относятся к правлению Юстиниана I.

Строительство религиозных центров возобновилось после приблизительно двухвекового перерыва. Вследствие расселения славян в балканских провинциях многое из достигнутого на раннем этапе христианизации было утрачено, и новое проникновение христианства в эти изолированные и дохристианские славянские области происходило довольно медленно. В дунайской Болгарии, где культурная жизнь пользовалась покровительством протоболгарской аристократии, сохранялись старые кавказские и иранские традиции, которые как бы наложились на остатки провинциальной византийской культуры.

Заметный отпечаток этой далекой цивилизации несла первая, еще дохристианская столица Болгарии – г. Плиска, находившийся между Дунаем и хребтом Стара-Планина (Балканские горы): он имел построенную из массивного

камня двойную ограду (внешняя стена окружала «поле» площадью в 23 кв. км), монументальные дворцы и впечатляющих размеров общественные здания – все это было построено в течение VIII в. и в первой половине IX в.

Многочисленные росписи этих каменных блоков и так называемые протоболгарские надписи на греческом языке сообщают о подвигах болгарских ханов. Знаменитый «Мадарский всадник» представляет собой рельефное изображение, находящееся в 20 км от Плиски у скалы Мадара; символизируя идею власти, двойной власти правителя и верховного жреца, он является впечатляющим и уникальным памятником в художественной истории Балкан. Перед воротами укрепленных городов устанавливались изваяния львов.

Однако с середины IX в., когда христианство стало официальной религией Болгарии, на смену монументам предшествующей эпохи приходят памятники христианской культуры. Иоанн Экзарх в своей истории правления царя Симеона описывает великолепие преславского дворца, вызывавшее восхищение как местных жителей, так и чужеземцев.

Строительство церквей было излюбленной темой писателей этого периода. Более или менее легендарный текст сообщает, что отец Симеона Борис I (Преобразователь) (илл. 153) построил семь церквей. Вероятно, это произошло в епархиальных центрах, где новые церкви возводились в старой традиции базилики, несмотря на то что этот тип в византийской столице уже не использовался.

В результате археологических раскопок в районе Плиски было обнаружено 19 таких церквей, наиболее значительной из которых является Большая Базилика, стоявшая за пределами городских стен. Другие базилики были открыты в Преславе и его окрестностях; среди монастырей особого упоминания заслуживает Равна (ок. 60 км на запад от Варны).

Характерный для этого периода стиль обнаруживается также в церкви св. Софии в Охриде (XI в.), входившей в епархию св. Климента Охридского, первого ученика Кирилла и Мефодия, и в церкви в Брегалнице, также находящейся в Македонии. Базиликой является и островная церковь св. Ахиллея на оз. Преспа в Македонии. В конце X в. она была составной частью резиденции царя Западного Болгарского царства Самуила.

В IX и X вв. в недавно обращенных в христианство балканских странах, как и в самой Византии, становится правилом сооружение крестово-купольных храмов (купол на парусах опирается на 4 столба в центре здания, откуда расходятся 4 сводчатых рукава. – *Прим. ред.*). Одним из них является преславский храм, называемый Круглой церковью (он имеет форму ротонды), или из-за своего убранства Златоукрашенной церковью. Его художественное совершенство дополняют отделенные стройными колоннами глубокие ниши, богато декорированный пол и искусная резьба.

Церкви этого нового типа, с небольшими различиями в деталях, появляются также в Македонии (крестово-квадратные в плане) и в западных частях п-ова.

В Которе (Катаро) на Адриатике первая церковь с одним нефом появляется около 809 г. К этому же периоду относятся церкви Святой Троицы в Задаре, св. Архангела в Призрене и св. Петра близ Нови-Пазара.

Некоторые из храмов Далмации строились в плане с центральным нефом, вокруг которого располагались шесть или восемь апсид. В этих церквях проявляется сходство как с храмами Великой Моравии, так и с теми, что были построены в традиции Кирилла и Мефодия в других местах. Этот план с несколькими апсидами с каждой стороны нефа характерен не только для этого региона Европы – в тот же период он использовался в Армении и Грузии.

В XIII и XIV вв. в архитектуре центральной и восточной части Балканского п-ова появились некоторые новые черты. Позднейшая болгарская столица Велико-Тырново и г. Червен близ современного г. Русе на Дунае были окружены мощными валами, увенчанными крутыми каменными фасадами; этим они отличались от старых столиц Плиски и Преслава. В конструкции храмов преобладали крестовые своды (церкви св. Петра и св. Павла в Тырнове; св. Николая и св. Пантелеймона в Бояне близ Софии). В их стенах снаружи были сделаны неглубокие арочные ниши, игра света и тени в которых усиливалась керамическим декором. Прямо над Черным морем возвышались церкви Пантократора (Всевластителя) и св. Иоанна Алитургета в Месемврии (ныне г. Несебыр).

Скульптура использовалась главным образом в декоративных целях. Пальмовые листья и розетки преславского дворца, равно как и другие детали, были явным заимствованием из Западной Азии. Что же касается прочих скульптурных форм, то можно предположить, что они являются отзвуком предроманского западного стиля, который был особенно характерен для северных пограничных земель Хорватии и адриатического побережья.

Заметное влияние на иконографию балканского региона оказала византийская живопись эпохи, последовавшей за поражением иконоборчества. К наиболее замечательным фрескам X–XIII вв. относятся росписи церкви св. Георгия (софийской ротонды конца X в.) (илл. 154), созданные несколько позднее них фрески церкви св. Софии в Охриде, росписи церквей св. Петра в Рапке (XI в.), св. Михаила в Стоне (историческая область Дукля, XI в.) и, наконец, фрески церкви св. Пантелеймона в Нерезах возле Скопье (1164 г.) и церкви св. Георгия в Курбинове в Македонии (1191 г.).

Фрески во всех этих церквях и сейчас представляют собой подлинные шедевры; тамошние мозаики сохранились гораздо хуже. Однако и оставшегося достаточно, чтобы понять, что здесь использованы тот же стиль и та же техника, какие применялись, например, при украшении церквей св. Дионисия, св. Софии и других в Салониках (Фессалониках) (илл. 146). После IX в. характерной иконографической формой стали расписные керамические иконы, создававшиеся в монастырях вокруг Преслава, болгарской столицы того времени; мастерские этих монастырей производили значительное количество декоративных керамических изделий (илл. 155). При создании рукописных книг (на болгарском и др. языках) особое значение придавалось их иллюминированию (т.е. выполнению цветных миниатюр или орнаментов).

В XIII–XIV вв. мастера настенной росписи в Болгарии и Сербии достигли примечательных результатов в освоении реалистического стиля, который возник в Византии после иконоборческого периода. Новые выдающиеся достижения были сделаны в таких локальных центрах XI–XII вв., какими были монастыри в Бачково (в Родопских горах) и уже упоминавшиеся обители в Нерезах и Курбинове. Особенно в этом отношении замечательны фрески церкви в Бояне (1259 г.), а также в храмах в Беренде и в Земне в Западной Болгарии, в башне Хреля в Рильском монастыре, в церквях в Иваново (Северная Болгария) и фрески сербских монастырских церквей в Студенице, Сопочанах, Милешеве (XIII в.) и в Дечанах (XIV в.) (илл. 152).

Как и повсюду, в Юго-Восточной и Восточной Европе было широко распространено прикладное искусство. Первостепенное значение при создании рукописей заняло их иллюминирование (в Болгарии, на Руси) (илл. 151, 153). Среди находок археологов, сделанных вдоль путей славян на юг, встречаются изготовленные из золота, серебра и бронзы браслеты (или кованые плоские, или сплетенные из проволоки), ожерелья с драгоценными камнями или эмалью и наперсные кресты. Развитие производства этого вида художественных изделий было ускорено разработкой серебряных копей в Боснии, а повсеместное расширение производства роскошных одежд связано с утратой Византией в XII в. ее монопольного положения среди европейских стран в изготовлении шелковых тканей.

В IX в. на Балканах все еще сохранялась кочевническая традиция украшать боевую одежду воинов и их лошадей. В этом отношении большой художественный интерес представляет золотой клад из Наги-Сент-Миклош (в венском Музее истории искусств).

Свидетельств народной культуры южных и восточных славян сохранилось сравнительно немного. Их богатый фольклор (песни, танцы, музыкальные инструменты) дает некоторое представление о сложной системе идей, касавшихся природы, общества и человечества в целом. На Балканах дохристианские традиции (славянского происхождения) иногда сочетались с пережитками греко-римской и фрако-иллирийской древности. Примерами подобного синкретизма являются культ св. Георгия, в некоторых областях напоминающего Фракийского всадника, или различные народные иконы, на которых св. Илья со своими молниями поразительно похож на славянского богатыря Перуна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЗУБАРЬ В. М., ПАВЛЕНКО Я. В. 1978. Херсонес Таврический. – Киев, с. 69–76.
- РЫБАКОВ Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества, XII–XIII вв. – М., с. 75 и др.
- ТОКАРЕВ С. А. 1957. Религиозные верования восточнославянских народов. – М.–Л.
- ALEKSOVA, B.; MANGO, C. 1971. *Bargala: A Preliminary Report*, *Dumbarton Oaks Papers*, 25, pp. 265–281.
- BEŠEVLIJEV, B. 1963. *Die protobulgarischen Inschriften*. Berlin.
- CAIKANOVIĆ, N. 1973. *Mit i religia u Srba [Myth and Religion among the Serbs]* (in Serbian). Belgrade.
- ČANEVA-DEČEVSKA, N. 1988. *Čirkovnatna arhitektura v Bŭlgaria prez XI–XIV v. [The Ecclesiastical Architecture in Bulgaria, XI–XIV s.]* (in Bulgarian, with Russian and English abstracts). Sofia.
- DŽUROVA, A. 1980. *1000 godini bŭlgarska rŭkopisna kniga [A Thousand Years of Bulgarian Manuscript Books]* (in Bulgarian, with German, English and Russian abstracts). Sofia.
- GEORGIEVA, I. 1985. *Bulgarian Mythology*. Sofia.
- GRABAR, A. 1967. *Die Kunst des frühen Christentums: Von den ersten Zeugnissen christlicher Kunst bis zur Zeit Theodosius I. München*.
- HODINOTT, R. F. 1963. *Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia*. London.
- Istorija srpskog naroda [History of the Serbian People]* (in Serbian), vol. I, pp. 230, 273–296, 408–433.
- Istorija na bŭlgarskoto izobrazitelno izkustvo*. 1976 [The History of Bulgarian Decorative Art] (in Bulgarian). Sofia, pp. 67, 101–103, 125, 209–265.
- IVANOVA-MAVRODINOVA, V. 1967. *L'art et la culture du premier Etat bulgare*. Sofia.
- KRAUTHHEIMER, R.; ČURČIĆ, S. 1986. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth.
- MARASOVIĆ, T. 1988. *The Byzantine Component in Dalmatian Architecture from the 11th to 13th Century*. Belgrade.
- MAVRODINOV, N. 1959a. *Le Trésor de Nagy-Szent-Miklós*. Budapest.

- 1959*b*. Starobŭlgarskoto izkustvo [Old Bulgarian Art] (in Bulgarian), vol. I. Sofia, pp. 281–290.
- MILLET, G. 1919. L'ancien art serbe: Les Eglises. Paris, pp. 41–46.
- MOUTZOPOULOS, N. 1989. Byzantinische und nachbyzantinische Baudenkmäler aus Kleinprespa und aus HI (German). In: I basiliki tou hagiou Achilliou stin Prespa [The Basilica of Saint Achilleus at Prespa] (in Greek and other languages). Thessaloniki. No. 4, pp. 259–307.
- PURKOVIĆ, M. 1985. Srpska kultura srednjega veka [Serbian Culture in the Middle Ages]. Himmelstühr, pp. 80 et seq.
- RADOJČIĆ, S. 1964. Prilozi najstarijeg Ohridskog slikarstva. [Contributions of the Oldest Ohrid Painting] (German abstract available). Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines. Vol. VIII. No. 2. Belgrade, pp. 354–382.
- STRIČEVIĆ, D. 1961. La rénovation du type basilical. Actes du XIIe Congrès des études byzantines: Rapports. Vol. VII. Ochrid, pp. 187 et seq.
- TOTEV, T. 1979. Icônes peintes en céramique de Tuzlâlaka à Preslav. In: Culture et art en Bulgarie. Sofia, pp. 65–73.
- VAKARELSKI, H. 1974. Ethografia na Bŭlgaria [Ethnographie of Bulgaria] (in Bulgarian). Sofia.
- VAKLINOV, S. 1977. Formirane na starobŭlgarskata kultura [The Formation of Old Bulgarian Culture] (in Bulgarian with English, German, Russian and French abstracts). Sofia, pp. 79–166, 208–220.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА

Люсьен Мюссе

В ранний период средневековья эта обширная территория отличалась крайним разнообразием путей развития своих отдельных частей, и лишь с XI–XII вв. общая судьба – постепенное приобщение к западной цивилизации – понемногу сблизила эти части, хотя и позднее сохранялось немало ощутимых различий.

В VII в. почти все эти разные части находились на весьма архаической ступени развития. Многим германским народам была, конечно, известна руническая письменность, но применялась она крайне редко; денежное хозяйство оставалось для них неизвестным (стоимость драгоценных металлов определялась на вес, а использовались они главным образом как сырье для ювелиров); развитие городов едва-едва намечалось, а значительные пространства (за исключением Среднедунайской равнины) все еще были покрыты лесами; сохранялась политическая разобщенность, а непрочные объединения редко выходили за рамки того или иного племени. Лишь на тех немногих территориях, которые когда-то зависели от Римской империи, прогресс ощущался в несколько большей степени, что было особенно заметно в Баварии и соседних с нею областях.

Этническое разнообразие народов, населявших Центральную и Северную Европу, едва ли укладывается в рамки какой-либо иной системы, кроме основанной на чисто лингвистических критериях. На севере – в Скандинавии, на о-вах Датского архипелага и п-ове Ютландия – жили народы, говорившие на северных германских наречиях (Крайний Север, однако, был частично заселен лапландцами (саами), язык которых относится к финно-угорской языковой семье). Южные берега Балтийского моря, от р. Висла до окрестностей г. Килья, и лежавшие за ними внутренние районы, простиравшиеся до Карпат и средних излучин Дуная, были заселены различными группами славян, занявшими также Чехию и восточные предгорья Альп. Среднедунайская равнина долгое время оставалась регионом, в котором оседали полукочевые народы азиатского происхождения, как, например, в VII в. авары. И, наконец, почти все северные склоны Альп были заняты германскими племенами, говорившими на западногерманских диалектах (хотя здесь и сохранялись некоторые островки романской речи) (см. карту 10).

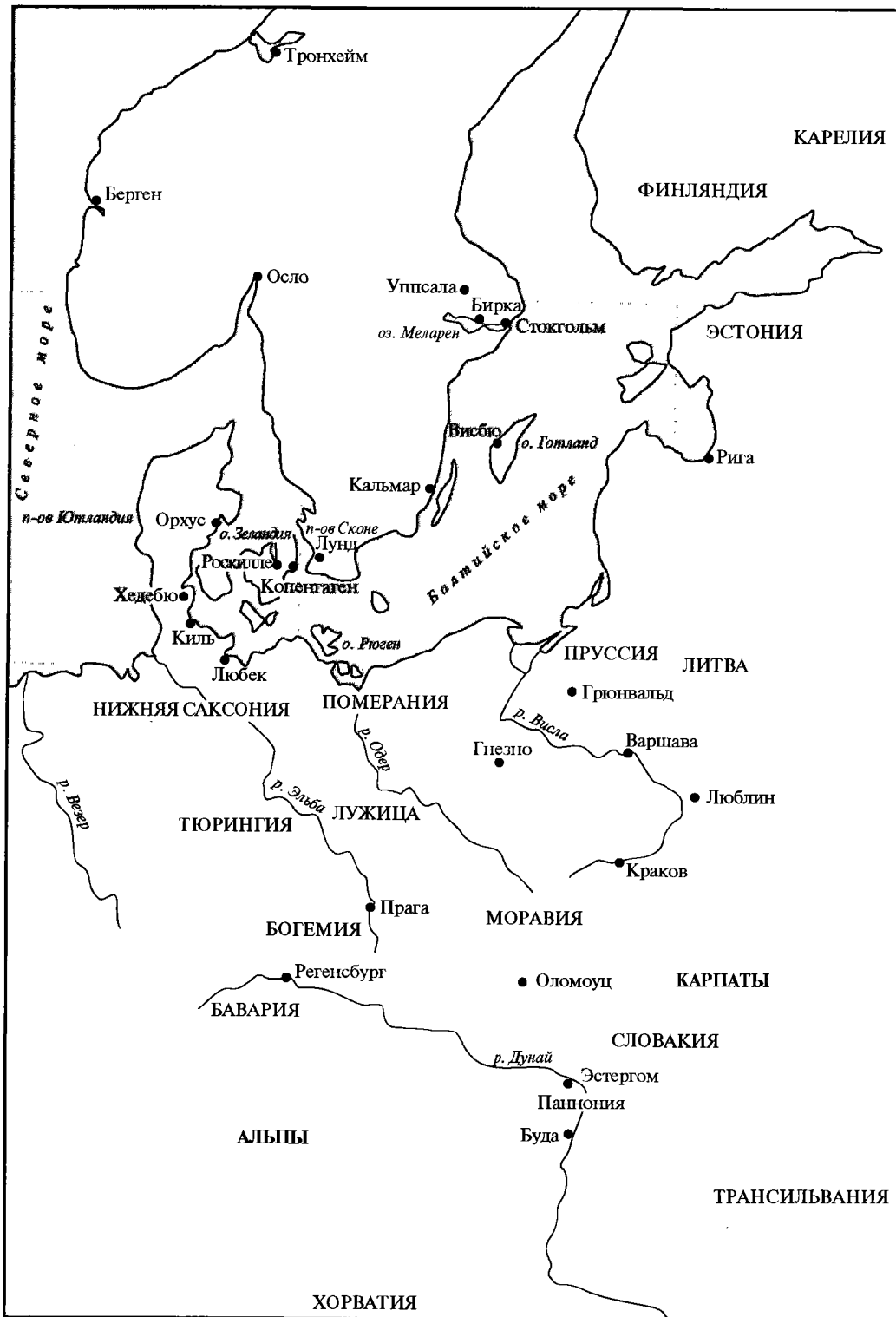
В нескольких частях скандинавского мира (в Центральной Швеции и на датских о-вах), а также у баваров и аваров, возможно, уже существовали относительно устойчивые монархические структуры. У славян они возникли лишь некоторое время спустя. Лишь на западных окраинах Центральной Европы имелись подлинные государственные образования – королевства Меровингов, центр которых находился в Галлии, и лангобардская Италия, однако их влияние на области, лежавшие севернее и восточнее, тогда только лишь начинало опускаться. Так, Нижняя Саксония упорно противилась насаждению любой подобной

организации вплоть до эпохи Карла Великого, хотя некоторые признаки существования такой системы в Тюрингии и Баварии заметны уже в более раннее время.

Это равновесное состояние подверглось первым изменениям приблизительно в начале VII в., когда у славян Центральной Европы возникли менее примитивные, чем ранее, государственные объединения. Наиболее древнее из них, связанное по преимуществу с Богемией, появилось около 625 г., когда франкский подданный, славянский князь Само, прибывший в качестве купца (вероятно, торговавшего со славянами), положил начало государственной организации земель, территориально соответствовавших Чехословакии наших недавних времен, которые вели в то время борьбу с аварами и Меровингами. Однако после смерти Само его государство распалось, и нового объединения не появлялось уже до второй трети IX в., когда возникло другое, более долговечное образование западных славян – Великоморавское княжество (Великая Моравия), главной силой которого была знать и укрепленные замки. В 862 г. в это княжество прибыла первая большая христианская миссия, возглавлявшаяся братьями Константином (Кириллом) и Мефодием, которые пришли из Фессалоник, побывав в Византии и Риме. После этого западные правители могли рассматривать государственную организацию, созданную славянами Центральной Европы, как вполне законную. Каролинги, а позднее императоры Оттоны из Саксонской династии согласились принять славян, после их обращения в христианство, в своего рода «братство» христианских монархий.

Славяне, жившие у берегов Балтийского моря, долгое время не могли пойти тем же путем, хотя их социальная эволюция испытала известный прогресс, на что указывает наличие многочисленных городских поселений, особенно в бассейне Вислы. Здесь в конце X в. появилась вторая территория, на которой оформилась монархия, сложившаяся вокруг семейства Пястов в земле племени полян (Польша). Официальное обращение в христианство здесь произошло около 990 г., а князь Мешко I был признан как Византийской империей, так и папством. Население областей, лежавших западнее, между Одрой (Одером) и Лабой (Эльбой), вплоть до XI и даже до XII в. оставалось крайне слабо политически организованным и упорно сопротивлялось христианским влияниям.

С этого времени наличие корон, освященных Церковью, появление религиозных центров (как, например, польское Гнезно), а также политические и брачные союзы между западными правителями и славянскими князьями обеспечили последним статус, практически равный статусу правителей старых христианских монархий, хотя большинство славянских княжеств и находилось в большей или меньшей степени в сфере влияния Священной Римской империи. Эта новая ситуация нашла свое символическое

Карта 10. Северная и Центральная Европа (рис. Musset)

выражение в распространении там западнохристианского искусства, в том числе каменной архитектуры, а также усвоении латыни в качестве единственного письменного языка (попытка использовать в Центральной Европе в качестве церковного языка славянские диалекты потерпела неудачу). Именно поэтому исторические судьбы этих групп славянства столь резко отличались от судеб как восточных славян, так и большей части славян на Балканах.

Крушение под ударами франков Аварского каганата (в 796 г.) привело к полному исчезновению этого народа, после которого зона по обоим берегам Среднего Дуная

осталась свободной. Территории, лежавшие выше по течению Дуная, а также простиравшиеся к югу от него до восточных предгорий Альп (тоже свободные), постепенно были заняты германцами (преимущественно из Баварии), которые заложили здесь основы того образования, которое в будущем станет Австрией. Раскинувшаяся ниже по течению Среднедунайская равнина – территория Паннонии с 895 г. стала прибежищем нового степного народа, по большей части финно-угорского (но отчасти и тюркского) происхождения – венгров (мадьяр), которые окончательно осели в этих краях в конце X в., после того

как в течение долгого времени они буквально терроризировали пол-Европы своими конными набегами. Венгерская династия Арпадов приняла крещение в 1000 г. и получила от папы королевскую корону. Вскоре после этого в г. Эстергом на Дунае был основан архиепископский престол. Позднее этот народ полностью перешел к оседлой жизни. В результате славяне Центральной Европы утратили почти все контакты со славянами на Балканах.

Балты, жившие между устьем Вислы и Финским заливом, не пошли по стопам славян. Вплоть до XIII в. они не имели никакой политической организации и упорно противились любым попыткам христианского проникновения.

Скандинавский мир с конца VIII до середины IX в. переживал период экспансии и реорганизации. Он известен всем как «эпоха викингов», поскольку наиболее заметным его проявлением в глазах людей Запада стали именно походы викингов (или «рожденных морем пиратов»). После периода относительной изоляции, продолжавшегося с VI в., скандинавы вдруг, незадолго до 800 г., обнаружили, что за морем они могут найти любые богатства, которые бы могли пожелать, не встретив на своем пути никаких непреодолимых препятствий. Это позволяло их вождям при возвращении домой утвердить свое социальное превосходство, окружая себя зависимыми людьми, скупая земли и купаясь в роскоши. Этот новый подход был связан со значительным техническим прогрессом в кораблестроении и мореплавании в открытых водах; первые стадии этого прогресса прекрасно иллюстрируют резные изображения на стеле с о. Готланд, расположенного в центральной части Балтийского моря. Скандинавы научились строить большие беспалубные суда, которые передвигались при помощи весел и паруса, обладали вполне удовлетворительной устойчивостью, отличались высокой маневренностью как на море, так и на реках, и были достаточно легкими, чтобы их можно было вытаскивать на берег, не нуждаясь таким образом в специальных портах. Этот тип судна очень мало изменился вплоть до XII в. (илл. 20, 165–167).

Одновременно, с целью получения выгоды от награбленных богатств, которые стекались со всех сторон, скандинавы стали основывать торговые фактории, где добычу и рабов можно было менять на предметы роскоши. Торговые центры такого типа существовали в нескольких легкодоступных местах, вроде шведского Хельгё, находящегося немногим западнее Стокгольма. С VIII в. эти фактории образовали своеобразный торговый путь. Особо важными пунктами на нем были Хедебю, лежавший на датско-немецком пограничье у самого основания Ютландского полуострова; Рибе, расположенный несколько северо-западнее, и Бирка на оз. Меларен в Центральной Швеции. Сюда любили приезжать христианские и мусульманские купцы, так как там, где домонетарное хозяйство Северной Европы вступало в контакт с денежным хозяйством Запада и исламского мира, сделки сулили невероятные прибыли (илл. 193, с).

Первые походы викингов, начинавшиеся по личной инициативе местных вождей, проводились беспорядочно и без какого-либо предварительного плана. Викинги отправлялись в путь просто при всяком удобном случае. Тем не менее уже довольно скоро выделился ряд присущих им характерных черт.

Шведы обычно плыли к восточным берегам Балтики. Поднявшись вверх по рекам, они обнаружили за теми территориями, где обитали финны и балты, земли, населенные восточными славянами. Пройдя через границы сегодняшней России, они добивались до окраин греческой империи и исламского мира. В те времена шведов можно было встретить в Северном Иране, на Кавказе и в Константинополе. На этом дальнем пути им удавалось сравнительно мирно ужиться со множеством разнообразных народов и извлекать выгоду в качестве купцов и торговцев там, где они переставали быть пиратами.

Датчане проявляли мало интереса к землям, расположенным на востоке и на юге. Их влекло главным образом на запад, по направлению к государствам франков (разделение которых существенно облегчало их походы) и англосаксонским королевствам (которые, однако, сумели оказать довольно эффективное сопротивление). Датские набеги быстро приобрели вид организованных военных экспедиций, сначала носивших сезонный характер, а затем совершавшихся по нескольку раз в год. Их целью, помимо непосредственного захвата добычи, было первоначально в основном вымогательство дани («*Danegeld*», т.е. «датских денег»), а затем и закрепление за собой территорий для эксплуатации и получения постоянного дохода, зачатую после того, как правитель того или иного государства формально передавал их захватчикам.

Пути, освоенные норвежцами, были гораздо разнообразнее. Они плавали главным образом на запад: к землям кельтов, а также в безлюдные или малонаселенные земли в северной части Атлантики – к Шетландским и Фарерским островам, в Исландию, а позднее в Гренландию и к северо-восточному побережью Северной Америки. Кроме того, они бывали в таких областях, как побережья Баренцева и Белого морей за мысом Нордкап. Их интересовали не столько коммерческие предприятия, сколько хозяйственное освоение заморских территорий, которое бы позволило им устраивать небольшие фермы и, как у себя на родине, заниматься разведением крупного рогатого скота. Порою, но отнюдь не систематически они добивались даже до христианского или мусульманского побережья Испании, а также появлялись в Западном Средиземноморье.

Чем объяснить этот необычайный динамизм, эту почти ничем не ограниченную экспансию – пусть даже в нее была вовлечена лишь сравнительно небольшая часть населения Скандинавии? Лежали ли в основе этого явления демографические причины? Едва ли, поскольку, за исключением немногих разрозненных районов, Скандинавия была заселена чрезвычайно слабо. Не был ли в таком случае причиной своего рода религиозный фанатизм, как в свое время считали западные монахи? Это также следует исключить, так как норвежские культы были слишком тесно связаны с родной почвой и были мало пригодны для экспорта. Более вероятной причиной представляется сама структура скандинавского общества, в котором повышение общественного статуса всегда оставалось возможным для тех, кто мог разбогатеть и окружить себя зависимыми людьми, привлекая тех щедрыми дарами, покупая рабов и земли и демонстрируя таким образом свое богатство и значение. Иногда, впрочем, могли сыграть свою роль и особые политические факторы, как это было с данами (датчанами), обеспокоенными вопросом, как избежать судьбы, которая выпала на долю соседней Саксонии, захваченной Карлом Великим.

«Первая эпоха викингов», начавшаяся вскоре после 780 г., завершилась приблизительно в первой трети X в., после страшных опустошений, нанесенных норманнами Галлии и Англии. Последовало полувековое затишье, в течение которого Север словно бы переводил дыхание, наслаждался захваченными богатствами и укреплял свою власть над завоеванными странами (на Руси, в Нормандии и Северной Англии), учился пользоваться деньгами, приобщаясь к новой хозяйственной организации, и в конце концов начал устанавливать первые интеллектуальные контакты с христианским миром – довольно эпизодические в случаях Швеции и Норвегии и более тесные в случае Дании, которая была единственной в это время страной, где имелись зачатки монархии. (Отметим, что версия о завоевании Руси скандинавскими викингами являлась спорной. – *Прим. ред.*)

На период между 980 и приблизительно 1066 гг. пришла «вторая эпоха викингов», оказавшая воздействие на более ограниченную территорию и связанная главным образом с данами. При короле Кнуде I Могушем (Великом) датчанам удалось на время завоевать Англию и основать

своеобразную обширную морскую «империю викингов», охватившую Северное море, однако распространить свою власть на Норвегию им так и не удалось. Соперником датчан выступила еще одна скандинавская сила – Нормандия. В это время власть над английским обществом находилась в руках англо-датских правящих кругов, что привело к переносу в северный мир множества плодотворных идей (в основном – об устройстве общества), сыгравших решающую роль в обращении Севера в христианство.

Эти события привели к глубинной трансформации Северной Европы, где появляются различные по степени прочности монархии и сеть городов, зарождается осознание принадлежности к латинской Церкви, распространяется использование денег и постепенно усваиваются основные черты западной цивилизации. Протекание этих процессов весьма различилось по скорости в зависимости от страны. Они начались в Дании, некоторое время спустя ими была охвачена Норвегия и позднее всего Швеция, однако они нигде не привели к полной ассимиляции. На протяжении всего средневековья у норвежцев (в самой Норвегии и особенно в Исландии) сохранялась самобытная культура, в основе которой лежало широкое использование наряду с латынью своего собственного языка. Все три страны сохранили оригинальную правовую систему, по своему духу близкую к той, которая была выражена в германских сборниках законов, преобладавших в меровингскую эпоху. В рамках этой правовой системы большой объем судебной и законодательной власти принадлежал иерархически организованным народным собраниям (*тингам*), действовавшим на уровне округа, провинции или королевства, и это устройство повсеместно сохранялось по меньшей мере до XIII в. Однако если в X в. язык северных германцев все еще оставался более или менее единым, то в XIII в. происходит его распад на весьма непохожие наречия, так что вскоре одни скандинавы уже не могли понимать других.

Глубокую реорганизацию пережила Дания, которая в последних десятилетиях XI в. прекратила свою экспансию за пределами бассейна Северного моря. Решающую роль в экономике и управлении стали играть датские города, бывшие центрами епархий, такие как Риббе и Орхус на п-ове Ютландия, Роскилле на о. Зеландия, Лунд на п-ове Сконе. Обладавшие обширными земельными владениями знатные семейства претендовали на положение местных правителей, однако в лице Церкви династическая монархия нашла мощную поддержку и датские короли сумели добиться усиления верховной власти, пользуясь такими преимуществами, как монополия на чеканку монеты и старинное право проведения смотров морских сил страны – право, которое, несомненно, приобрело систематическую форму под влиянием англосаксонских образцов. При этом, однако, между членами королевской семьи нередко случались кровавые конфликты. Реакцией на это со стороны крупных вельмож было сооружение замков по западному образцу, но, тем не менее, после каждой вспышки гражданской войны королевская власть всегда сохраняла свое превосходство. Увеличивалось количество сельских церквей и каменных соборов, что несомненно свидетельствовало об экономическом благополучии страны. К концу XII в. Дания была четко устроенной монархией, которая почти ни в чем не уступала монархиям Запада, хотя и не имела определенной столицы.

В этом отношении высшей точкой стало правление Вальдемара Великого (правил в 1157–1189 гг.). Он организовал единую оборонительную систему королевства (на юге страны была построена мощная стена, отделявшая Данию от германских земель. – *Прим. ред.*), упрочил союз с Церковью, которая намеревалась канонизировать его отца, и предпринял ряд своего рода крестовых походов против славян, живших на о. Рюген и в Померании. Он поощрял развитие блестящей латинской культуры, символом

которой вскоре стало создание клириком Саксоном Грамматиком «Десяти данов» – труда по национальной истории, опиравшегося как на классическую традицию, так и на северное наследие (вскоре после 1200 г.). В 1103 г. был учрежден архиепископский престол в Лунде, первоначально главенствующий во всей Скандинавии. Этот престол пользовался необыкновенной славой, в особенности при архиепископе Абсалоне, занимавшем его с 1178 по 1201 г. Этот архиепископ был одарен не только интеллектуальными, но политическими способностями. Именно Абсалом верно оценил значение местности, господствовавшей над Датскими (Балтийскими) проливами, и основал там будущую столицу страны Копенгаген. Он отправлял множество учащихся в парижские школы и устраивал походы против язычников-славян. Огромную выгоду приносили рыбные промыслы в Сконе, где появилась ярмарка.

В последние годы IX в. удалось, хотя и не без труда, добиться объединения Норвегии. Были объединены земли вдоль пути, шедшего по побережью (само название страны означает «Северный путь»), а объединителями выступили представители династии, происходившей из области вокруг Осло-фьорда в районе нынешнего Осло. Против результатов этого объединения выступили не только местные вожди (в особенности на севере Норвегии), но и короли Дании (попытавшиеся установить свой протекторат над югом страны). В конечном итоге после долгой борьбы король Олаф II Харальдссон Святой (правил в 1016–1030 гг.), когда-то бывший викингом, добился восстановления единства страны, а также возвращения к латинскому христианству. Впрочем, гражданские войны между претендентами на королевский престол оставались характерной чертой XI и XII вв. Тем не менее в это время появились несколько городов, в их числе – Осло, Берген и Тронхейм, ставшие центрами епархий. Тронхейм в 1152 г. получил собственного архиепископа после визита английского легата, который основательно реформировал местную Церковь. На Шетландских островах норвежское влияние постепенно убывало. На смену духу викингов пришел дух крестовых походов (около 1109 г. король Сигурд побывал в Палестине). Своего пика латинская цивилизация в Норвегии достигла в конце XII – начале XIII в., одновременно с развитием самобытной северогерманской цивилизации в Исландии. В сельских областях распространились в высшей степени оригинальные формы деревянного зодчества, а города испытывали нашествие торговых колонистов, главным образом германских, заинтересованных в торговле рыбой, древесиной и маслом. Но основными занятиями населения страны по-прежнему оставались земледелие и мореходство (илл. 168).

Эволюция Швеции происходила медленнее и была более сложной. Различные части ее населения – *свеи* (*svear*) вокруг оз. Меларен, жившие южнее *готы* (*gotar*) и, наконец, обитатели о. Готланд – обладали непохожими традициями. В конце XI в. обращение шведов в христианство было все еще далеко от завершения, а стабильной династии не сложилось до середины XIII в. Типы городов долгое время оставались такими же, как в эпоху викингов. В Упсале не было архиепископа вплоть до 1164 г., а Стокгольм как город появился лишь в последней трети XIII в. Привычка к экспансии еще долго толкала шведов на восток. В конце XIII в. они приступили к колонизации прибрежных островов и побережья Финляндии и некоторых районов Эстонии. Обращение в христианство финнов началось лишь в XIII в., но здесь соперниками шведов выступили русские (которым достанется Карелия), а также даны (в северной трети Эстонии). И, наконец, здесь действовали германцы, представленные в регионе рыцарями Тевтонского ордена и Ордена меченосцев, которые захватили подступы к Рижскому заливу. Как бы то ни было, в северной части Балтийской зоны со временем установилось шведское господство, а открытие полезных ископаемых, в том числе

железа и меди – принесло королевству благополучие, которое притягивало торговцев в его города.

Вскоре скандинавский мир оказался расколот распрями между выразителями противоположных точек зрения на отношения между короной и Церковью, между иммигрантами и коренным населением и, наконец, между все более мыслящими по-феодально лидерами аристократии и преобладавшими в сельских областях традиционалистами. После 1134 г. стало использоваться новое вооружение и боевые приемы, а ядром вооруженных сил стали рыцари и наемники, часто германские. Знать приступила к укреплению своих резиденций. В каждой стране на это отреагировали по-своему. В конечном счете монархия усилилась в Дании и Швеции, но оказалась в конце XIII в. почти разрушенной в Норвегии, зависимые территории которой получили автономию (как Исландия в 1264 г.). Старое право постепенно отмирало. Значительно обновилась архитектура благодаря распространению, особенно в городах, нового строительного материала – кирпича, с которым скандинавы познакомились на Юге. В целом вторая половина скандинавского средневековья разительно отличалась от первой.

Нам хорошо известно о происходивших тогда столкновениях между аристократами-епископами и короной. В последние годы XIII в. эта борьба имела поистине трагические последствия для Дании. Сотни людей подверглись изгнанию, королям пришлось уступить значительную часть своего достоинства германским, в основном голштейнским владетелям, и в начале XIV в. в государстве царила анархия.

В Норвегии королю Сверриру (правил в 1177–1202 гг.), обладавшему сомнительными правами на престол, все же удалось отстоять их в борьбе со сторонниками архиепископа Эйстейна и большей частью норвежской знати. Его преемники в XIII в. смогли построить сильную и своеобразную монархию, проникнутую английской и французской культурой, что привлекало торговцев в столичные города – Берген, а позднее Осло. Эти короли заложили основы законодательства, которое оставляло значительный простор для деятельности Церкви. Однако в конце XIII в. страну потряс политический и экономический кризис. Норвегия, которой приходилось обеспечивать себя зерном из Северной Германии, оказалась в зависимости от городов Ганзейской лиги, в особенности от ее центра – Любека, а норвежская знать все теснее сближалась с датской.

В Швеции новая династия Фолькунгов усилила свои позиции и завершила завоевание Финляндии. Развивались города, все большую роль играла добыча руд. Однако в конце XIII в. в стране произошли волнения, и власть захватила земельная аристократия. Поощрялось переселение в страну германских колонистов, в особенности на о. Готланд, который в определенной степени даже вошел в состав германской Ганзейской лиги и пережил период значительного процветания, свидетельством которого являются укрепления главного города Готланда – Висбю, а также сооружение около сотни каменных церквей, украшенных фресками и витражами. О Готланд фактически лежал в конце торгового пути, ведущего на Русь (в Новгород). Хотя в Швеции довольно поздно утвердились христианские идеалы (рабство было отменено лишь в 1335 г.), она дала католической церкви выдающуюся личность – святую Бригитту (1303–1373 гг.), основавшую монашеский орден, который был назван ее именем; это единственный орден, имеющий скандинавское происхождение (илл. 175).

Условия жизни сельского населения ухудшились повсеместно. Постоянные поборы для королевской казны, усиление военно-феодального порядка, гражданские войны и эпидемии привели некогда свободное крестьянство к зависимому состоянию, в некоторых случаях (например, в Дании) близкому к рабскому. С другой стороны, правящие классы, в состав которых проникало все большее количество

выходцев из Германии, стали более сплоченными и могущественными. Они усвоили западный образ мысли и сделались руководящей силой за спиной государственных советов, превратившихся к концу XIII в. в главные органы управления. Королевские чиновники и крупные землевладельцы образовали в XIV в. «совет королевства» и держали в своих руках бразды политической власти. В то же время Скандинавия сделала первые шаги к приобретению определенной интеллектуальной автономии: в Уппсале и Копенгагене практически одновременно (в 1477–1478 гг.) появились университеты, хотя их влияние еще долго оставалось весьма ограниченным, а зависимость от германских университетов очень сильной.

Как и в других европейских регионах, в Скандинавии на исходе средних веков проявились мощные объединительные тенденции. Им благоприятствовали династические обстоятельства и взаимное переплетение интересов правящих классов. Объединением в 1319 г. Швеции и Норвегии началась «эпоха уний». Позднее дело объединения продолжила в своих собственных интересах датская корона – после того как король Дании Вальдемар IV Аттердаг (1340–1385 гг.) посредством решительных мер навел порядок у себя дома. После ряда сложных событий три королевства в 1397 г. заключили Кальмарскую унию, в силу которой их общей правительницей стала королева-регентша, дочь Вальдемара IV Аттердаг Маргрете I (Маргарита Датская). Этот союз не имел реальных последствий, поскольку отдельные народности, государственные «советы» и вооруженные силы оставались разобщенными; уния приносила пользу главным образом Дании, которая, будучи самой богатой из этих трех стран, сумела извлечь немалые преимущества из упадка Норвегии.

Швеция, хозяйство которой стремительно развивалось, очень скоро серьезно усомнилась в необходимости унии. Грубые просчеты, допущенные вторым союзным правителем Эриком VII Померанским, вызвали первое всеобщее восстание в 1434 г. Это выступление было подавлено, но каждое новое поколение шведов вновь поднималось на борьбу. В конце концов, в 1471 г. Швеция добилась независимости во всех основных вопросах, хотя первое время и оставалась без своей собственной постоянной династии. Позднее, в 1520 г., датский король Кристиан II Ольденбург вновь попытался поставить страну под свой контроль («Стокгольмская кровавая баня» – казнь около ста видных шведских дворян и бюргеров по обвинению в ереси. – *Прим. ред.*), но был вынужден отступить. При королях из династии Ваза Швеция полностью вернула свободу.

Эти унии имели совершенно различные последствия для отдельных скандинавских стран. Вплоть до XIX в. сохранялась политическая вражда между Данией и Швецией, однако тесные связи между Данией и Норвегией просуществовали до 1814 г., кроме того, Дания и в XX в. сохраняла связи с территориями, некогда зависимыми от Норвегии. В результате длительного объединения с датчанами норвежцы почти утратили свой национальный язык, вытесненный датским; его удалось оживить лишь в XIX в., но и затем он оставался скорее искусственным. Тем не менее благодаря унии Скандинавия как единое целое отреагировала на возникшую в XVI в. проблему церковной реформы. Несмотря на глубокие отличия, скандинавские земли единодушно приняли Реформацию в ее лютеранской форме и отказались от католической традиции.

Период стремительного подъема пережила после 1000 г. и Центральная Европа. Развитие отдельных ее частей имело свой особый, во многом неповторимый характер. Большая часть этого региона попала в орбиту Священной Римской империи и подверглась германской колонизации, которая привела к германизации обширных территорий. Организация остального пространства осуществлялась вокруг трех полюсов – Польши, Чехии и Венгрии, которые сами включили в свои орбиты менее сильные образования, например

Литву. Конец средневековья ознаменовался здесь попытками политического объединения, сходными с теми, что имели место в Скандинавии (и на Пиренейском полуострове). Кдолговременным последствиям они привели лишь в Польше и Литве, которые до конца XVIII в. составляли единое государство, основанное, однако, лишь на династической унии. Попытка сформировать союз Польши и Венгрии окончилась неудачей; Богемия оказалась затронутой ею лишь мимоходом. Экономические и социальные процессы отнюдь не способствовали упрочению этих связей. Особое значение в этих условиях имели германские влияния, и в отношении европейского Запада и Юга с Центральной Европой германский мир иногда был барьером, а иногда передаточным звеном, но так или иначе все прочие влияния были практически исключены. Как и в Скандинавии, основными проводниками немецкого воздействия выступали города и аристократия.

У поляков, объединенных в конце X в. князем Мешко I, быстро выросло государство, в котором различные племена сплотились в Польское государство. Это государство не включало земли между Одером и Эльбой, и жившие там племена (по крайней мере, те, что жили вдоль балтийского побережья) испытывали в то время сильное скандинавское влияние. Соперником польского государства была Чехия (Богемия), с которой оно боролось за контроль над своими южными рубежами. Славянские племена, соседствовавшие с Польшей на западе, сохраняли верность язычеству и фактически стали заслоном на пути немецкой экспансии, что позволило государству польской династии Пястов сохранить свою самостоятельность перед лицом Священной Римской империи. В польских городах появились каменные церкви, в чем отчасти проявилась культурная традиция Великой Моравии, а отчасти – влияние оттоновской Германии. Подобно чешским, многие польские церкви первоначально были круглыми в плане, но в конце концов общепринятой стала форма базилики. Благодаря учреждению польским князем, а затем королем Болеславом I – с соизволения императора Оттона III – архиепископства, в Гнезно (в 1000 г.) была достигнута церковная автономия. Произошло постепенное усвоение латинской культуры, принявшей со временем вполне самобытный характер.

В конце IX в. на смену Великой Моравии, бывшей некогда политическим центром центрально-европейского славянства, пришла лежавшая южнее Польши Чехия (Богемия). В зависимости от нее находились Моравия и Силезия. Начиная с 1085 г. чешские правители из династии Пржемысловичей время от времени получали королевский титул (ставший постоянным с 1212 г.), но уже с 1004 г. страна была формально включена в состав Священной Римской империи. Чешская Церковь, подчиненная некоторое время баварской епархии в Регенсбурге, в 973 г. получила свой собственный епископский престол в Праге (а в 975 г. еще один – для Моравии, в Оломоуце). С середины XI в. количество церковных учреждений постоянно умножалось, а местная культура обогатилась сочинениями на латинском языке. Славянские епархии оставались подчиненными германскому архиепископу в Майнце.

Области между Одером и Эльбой так и не получили своей политической организации. Местное славянское население, разделенное на множество племен, стало с X в. объектом политического и религиозного давления со стороны Германии, а также – вдоль морского побережья – со стороны Дании. Соппротивление этих племен христианским миссиям привело в XII в. к крестовым походам, первый из которых состоялся в 1107 г., а самый крупный – в 1147 г. В конце концов, хотя многие вожди и сумели после своего обращения в христианство сохранить видимость своей власти, большая часть страны была покорена и оказалась под управлением германцев, главным образом саксов и вестфалов. Вдоль балтийского побережья и основных

путей, ведущих на восток, появилась сеть новых городов. Хозяйственная жизнь тамошних бюргеров, в основном германцев, основывалась на вывозе зерна и ввозе готовой продукции. Это было одной из причин появления Ганзы, федерации торговых городов. Тем не менее славянское крестьянство сохранялось в различных по компактности анклавах в среднем течении Эльбы вплоть до XVIII в., а в области Лужица (Лаузиц) сохраняется и по сей день.

Подобным образом происходила эволюция Венгрии. Она по-прежнему была прибежищем и местом ассимиляции для остатков различных степных народов, кочевавших в западном направлении (таких как печенеги в конце XI в. и половцы, или куманы, в XII в.). Поворотными пунктами здесь стали переход мадьяр к оседлой жизни и их обращение в христианство, сопровождавшееся освоением латинской формы цивилизации. Решающее значение в этом процессе имел разгром венгров германцами (Оттоном I) в битве на р. Лех у Аугсбурга в 955 г., а затем получение венгерским правителем Иштваном (Стефаном) в 1000 г. королевской короны от папы Сильвестра II и создание местной церковной организации. Полная победа этих новых тенденций наметилась, однако, лишь в последней трети XI в. Германская колонизация затронула лишь западный край Паннонского региона. В других местах германская иммиграция коснулась лишь городов и, несколько позднее, рудных областей в горах, окружавших собственно Венгрию (в Словакии и Трансильвании). Этнический состав королевства оставался смешанным. Наряду с венграми и германцами здесь жили славяне – многочисленные и на севере (словаки), и на юге (хорваты), а также румыны в Трансильвании. Преобладали все же мадьяры.

Постепенное формирование польского государства вокруг двух объединяющих центров, т.е. земель полян в среднем течении Вислы и земель вислян на территории вокруг Кракова, происходило при правителях из династии Пястов. Они опирались на свои вооруженные силы и управляли страной из Кракова. Региональные княжества они передавали под власть членов своей семьи, но в XII в. были вынуждены вступить в борьбу против глав аристократических кланов, базировавшихся в укрепленных городах. Жизнь местных общин регулировалась собраниями. Королевский титул правители страны стали регулярно получать лишь с середины XII в. Их зависимость от Священной Римской империи проявлялась довольно редко, но при этом Польша стала частью римской католической Церкви и даже посылала свои собственные миссии – хотя и с малым успехом – к своим балтийским соседям.

Тем временем усиливалось германское давление на западные и приморские территории, а на севере, в Пруссии, утвердился Тевтонский орден. В 1241 г. сильнейший удар по Польше нанесли прошедшие перед этим по Руси монгольские армии. Стала представлять опасность все еще языческая Литва. Кризис грозил отовсюду. И все же польская монархия сумела восстановить свою мощь, хотя с пресечением национальной династии на польском троне в начале XIV в. утвердились короли Чехии. Подобно Чехии, Польша вскоре признала правление Анжуйской династии (в действительности являвшейся италийской ветвью династии Капетингов), представители которой занимали польский престол между 1370 и 1386 гг. После этого эпизода польская знать сочла за благо установить союз с литовским государством, направленный против рыцарей Тевтонского ордена, что привело к принятию литовцами христианства. Их официальное обращение состоялось в 1385 г. Уния с Литвой, давшая Польше новую королевскую династию Ягеллонов, дала весьма ощутимые результаты. Тевтонские рыцари были окружены и разгромлены (в битве около деревень Грюнвальд или Танненберг в 1410 г.) и навсегда замкнуты в границах Восточной Пруссии.

Польша и Литва образовали союз, основанный на личных узах, бывший, однако, достаточно прочным, чтобы

объединить значительные территории, восточные рубежи которых, впрочем, оставались несколько неопределенными. В какой-то период эта уния охватила даже Чехию и Венгрию, хотя эти приобретения носили искусственный характер и не имели долговременных последствий. И Чехия и Венгрия остались совершенно отдельными национальными образованиями. Долговечным оказался лишь союз между Польшей и Литвой, и он еще более укрепился в XVI в. (в соответствии с соглашением 1505 г.) под властью короля, который позднее стал уже не наследственным, а выборным. Землевладельческая знать (*шляхта*) претендовала на расширение своей власти, располагая таким сословно-представительским органом, как сейм. Это привело к оформлению необычной «шляхетской демократии», придавшей в XVI и XVII вв. особый колорит жизни польско-литовского общества. В городах, многие из которых приняли германское законодательство (из Любека и особенно Магдебурга), сложился образ жизни, все более похожий на тот, что был присущ германскому миру, хотя в XV в. начинает развиваться культура на национальном языке. В 1364 г. Краков получил свой университет. На польской земле нашло прибежище множество евреев, изгнанных в то время из Западной Европы. Происходило становление перворазрядной европейской державы, которой, однако, впоследствии было суждено столкнуться с турецкой угрозой на юге и вести длительную борьбу с Россией на востоке (илл. 176).

Численность германского населения заметно увеличилась и в Богемии – вдоль ее западных и южных границ, в горнорудных областях и больших городах. Реакция на это со стороны славянской части населения была довольно бурной, хотя национальная династия Пржемысловичей пресеклась в 1306 г. и чешская корона на многие годы стала предметом борьбы между домами Габсбургов и Люксембургов. При Люксембургах страна пережила подлинный расцвет, хотя политика этих правителей была направлена прежде всего на приобретение международного престижа и распространение своей власти на внешние земли, лежавшие между Польшей и Священной Римской империей. Важной вехой в интеллектуальном развитии страны стало основание Пражского университета (1348 г.), который вскоре приобрел значительное влияние. Большое возбуждение здесь, в особенности среди чехов, вызывали новые идеи в области теологии (илл. 61).

Таков был контекст, в котором в первые годы XV в. в Чехии появился в высшей степени оригинальный мыслитель – Ян Гус (хотя он и вдохновлялся идеями, во многом близкими к тем, что проповедовал англичанин Джон Уиклиф, предшественник Реформации). Гус требовал реформы Церкви и отношения к Евангелиям как к единственному источнику веры, став подлинным предшественником протестантизма. Не раз осуждавшийся церковной иерархией, но поддерживаемый населением Чехии, Ян Гус в конце концов подвергся отлучению (1411 г.), позднее предстал перед церковным собором в Констанце и был казнен (1415 г.). Большая часть славянского населения Чехии считала его мучеником и поднялась на защиту его идей, в первую очередь идеи причащения «под обоими видами» (и Телом, и Кровью Христа) для всех мирян. При этом богословские умозаключения приводили многих гуситов к весьма опасным выводам. Разразилась настоящая религиозная война, в которой чехи проявили необычайный пыл, рвение и фанатизм. Их вооруженные отряды долгое время наводили страх на правителей и крестоносцев. Было совершено множество походов в глубь Восточной Германии (вплоть до побережья Балтийского

моря), в Моравию и Венгрию. Однако со временем среди экстремистов начались разногласия, и тогда более умеренной части гуситов удалось достичь некоторого взаимопонимания с Римом. После волны насилия, которой сопровождалась эта война, страна лежала в руинах. Более двух поколений провели жизнь в условиях повседневной жестокости и хаоса. После этого Чехия на непродолжительное время перешла под власть польско-литовской династии Ягеллонов (1471 г.).

В Венгрии, после того как схлынуло монгольское нашествие XIII в., главные политические проблемы были связаны с пресечением в самом начале XIV в. национальной династии князей и королей Арпадов. Короли из Анжуйской династии провели реорганизацию государства. С этого времени оно имело постоянную столицу в Буде, аристократию, состоявшую из «магнатов» и благородных (эта знать была представлена в собраниях «парламентах», где пользовалась латинским языком), а также хорошо структурированную местную администрацию, основанную на «комитатах». На общем фоне заметно выделялась городская цивилизация, особенно в Буде, которая вполне соответствовала западным стандартам, хотя те следы, которые могли остаться после нее, были позднее уничтожены османским завоеванием. Венгерские миссионеры принимали участие в проведении политики католической экспансии в Азии. Венгерская корона стремилась поставить под свою власть славянские земли на побережье Адриатики (Хорватия и Далмацию), развивала связи с Италией и довольно рано испытала влияние итальянского Возрождения. В XV в. наступил расцвет венгерского государства, во главе которого стояли такие национальные правители, как регент Венгерского королевства полководец Янош Хуньяди (ок. 1407–1456 гг.) и его сын Матяш Хуньяди (Матвей Корвин) (правил в 1458–1490 гг.). Однако уже около 1440 г. к южным рубежам страны приблизились турки-османы. Несмотря на неоднократные попытки западных христиан перейти в контрнаступление на Балканах и постоянные призывы к солидарности перед лицом общего врага, справиться с этой угрозой так и не удалось.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CAMPBELL, J. G. 1980. The Viking World. London.
 DVORNIK, F. 1949. The Making of Central and Eastern Europe. London.
 FASOLI, G. 1945. Le incursioni ungheresi in Europa nel secolo X. Florence.
 GIEYSZTOR, A. 1961. Recherches sur les fondements de la Pologne médiévale. Etat actuel des problèmes. In: Acta Poloniae Historica, IV, pp. 7–33.
 GRAUS, F. 1986. Die Nationenbildung der Westslawen im Mittelalter. Sig maringen.
 GRAUS, F.; LUDAT, H. 1967. Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden.
 HENSEL, W. 1960. Les origines de l'état polonais. Warsaw.
 HOMAN, B. 1940. Geschichte des ungarischen Mittelalters. Berlin.
 MUSSET, L. 1961. Les peuples scandinaves au Moyen Âge. Paris.
 — 1971. Les invasions. Le second assaut contre l'Europe chrétienne. Paris.
 ROESDAHL, E. 1989. Vikingernes verden. Vikingerne hjemme og ude. 3rd edn. Copenhagen.
 Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo XVI, i normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo. 1969. Split.
 Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo XXX. Gli slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. 1983. Split.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЛИЯНИЯ

Хосе-Луис Мартин-Родригес

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ: ШКОЛЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ И СОТРУДНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАН, ХРИСТИАН И ИУДЕЕВ

Сосуществование христиан и мусульман на Пиренейском п-ове и в Южной Италии сделало эти регионы начиная с X в. культурными посредниками между Востоком и Западом. Во многих христианских монастырях на севере п-ова уже тогда была известна индийская система цифр, которая распространилась благодаря трудам писавшего по-арабски математика иранского происхождения аль-Хорезми (ум. ок. 846 г.). Он изложил ее в «Книге о восстановлении и противопоставлении», латинская версия которой, сохранившаяся в Толедо, носит название «*Algorithmi de Numero Indorum*». В те же годы в Европу пришли некоторые технические новшества – такие как ветряная мельница, способы сохранения снега, способы подъема воды из реки, латинский парус и бумага. Последняя с VIII в. производилась в Туркестане и к началу X в. стала известна в Тунисе, откуда пришла в Сицилию и Южную Италию. Тогда же она стала известна в Испании, где использовалась при написании различных сочинений в середине X в. в некоторых монастырях на севере страны.

Наряду с этими техническими новшествами арабы принесли в Европу основополагающие математические и астрономические тексты, которые очень рано были переведены на латынь. В качестве примера можно привести сочинения, доставленные в каталонский Рипольский монастырь монахами, бежавшими из Кордовы. О содержании и обращении этих рукописей нам известно из биографии Герберта из Ориьяка, монаха, чья жизнь буквально перевернулась, когда в 967 г. его монашескую общину навестил граф Борелль Барселонский. Настоятель монастыря спросил графа, известны ли в его владениях «свободные искусства», и, получив утвердительный ответ, попросил этого владельца взять с собой в Каталонию монаха по имени Герберт. Так Герберт получил возможность глубоко изучить математику, о чем сообщил его ученик и биограф Рише, описавший также, как Герберт тремя годами позже сопровождал графа в Рим. Это посещение счастливо совпало с пребыванием в Риме императора Священной Римской империи Оттона I, который в свою очередь также был восхищен познаниями этого монаха в музыке и астрономии и приблизил его к своей особе. Со временем Герберт сделался папой под именем Сильвестр II, но прежде всего он прославился благодаря своим познаниям в арифметике, геометрии, музыке и медицине. Эти науки изучались им по переводам с арабского на латынь, сделанным в Испании и Италии. Герберт сам снимал с них копии или отдавал переписывать своим подчиненным. Страсть Герберта к книгам наглядно проявилась в его письмах, отправленных им аббату монастыря Сен-Жюльен в Туре и монаху Райнардо из Боббио, которых он упрашивал выслать ему труды по астрологии, риторике и оптике.

Переводы и переводчики

Хотя наиболее важным периодом в распространении арабской науки по Европе, несомненно, являются XII и XIII вв., но специализированная школа переводчиков в Кордове существовала, вероятно, уже в X в. Этот вывод можно сделать на основании сообщения мусульманского историка из Кордовы Ибн Джулдула, рассказавшего о судьбе книги, известной как «*De materia medica*» («О лекарственных средствах») древнеримского врача Диоскорида (илл. 126, 130). Сначала в IX в. этот труд был переведен в Багдаде Стефаном Греком с греческого на арабский, затем его подверг правке араб Хунайн Ибн Исхак, бывший христианином несторианского толка. В обоих случаях перевод был весьма неполон, так как ни греческий, ни арабский переводчик не были достаточно знакомы с необходимой терминологией и оставили непереуведенными множество греческих слов, не сумев найти их точные эквиваленты в арабском языке. Тем не менее этим переводом пользовались во всем исламском мире вплоть до 948 г., когда византийский император прислал кордовскому халифу многочисленные дары, среди которых был и список трактата Диоскорида в его оригинальной греческой версии, а также «*Historia adversus paganos*» («Страх против язычников») римского историка, священника Орозия в ее оригинальной латинской форме. К этим дарам византийский император приложил послание, в котором уверял халифа, что, если тот хочет извлечь полную пользу из сочинения Диоскорида, ему необходим переводчик, сведущий в медицинской науке. Тремя годами позже по просьбе халифа правивший в то время восточный император послал в Кордову монаха Николая, хорошо знавшего и латынь, и греческий. Прибыв на место, тот сразу же установил контакты с местными врачами, в том числе с еврейским доктором по имени Хасдай Ибн Шапрут. Эти люди были чрезвычайно заинтересованы тем, что сообщалось в трактате Диоскорида. С помощью таких специалистов стал возможным полный перевод этого греческого труда на арабский язык, без ошибок и оставленных непереуведенными слов, за исключением нескольких маловажных деталей.

Принятые ими принципы перевода мало отличались от тех, которым с первых веков существования ислама следовал мусульманский Восток. Эта система предусматривала сбор как можно большего количества версий с целью создания критического текста, на основании которого делался наиболее адекватный перевод. Халифы брали на себя труд собирать различные сочинения, скупая их, обмениваясь дарами, требуя в виде дани или же захватывая в качестве военной добычи, что так или иначе обогащало библиотеки исламского мира. Далеко не все из тогдашних переводов были верными, поскольку, хотя заказчик и стремился найти наиболее способного переводчика, последний

нередко передавал свою работу какому-нибудь помощнику, менее опытному или незнакомому с излагаемым в книге материалом. В некоторых случаях проводилась сверка перевода с участием двух человек, один из которых читал перевод, а другой – оригинальную версию. Часто перевод одного и того же труда делался несколько раз, о чем мы узнаём от уже упоминавшегося Хунайна Ибн Исхака, рассказавшего, что произошло с классическим трудом «О частях человеческого тела» греческого врача Галена. Первоначально один плохой переводчик переложил этот труд на сирийский, затем этот перевод исправил сам Хунайн Ибн Исхак в возрасте двадцати лет, опиравшийся в своей работе на имевшуюся у него не очень качественную греческую рукопись. Однако много лет спустя Хунайн получил доступ к нескольким греческим рукописям лучшего качества и сумел установить подлинный текст, который сравнил со старой сирийской версией, исправил ее, а затем переложил эту улучшенную сирийскую версию на арабский язык. Довольно часто, как и в этом случае, прибегали к помощи языка-посредника, которым на Востоке был сирийский, а на Западе – романский язык Испании. Следовательно, группы переводчиков сначала переводили с арабского на испано-романский, а затем – на латынь.

Распространение еврейми достижений исламской культуры

Культура евреев, проживавших в Испании, подверглась сильному влиянию со стороны мусульман и достигла своего расцвета в эпоху «мулук ат-тавайф» («удельных князев»), т.е. в мусульманских княжествах Испании, которые появились с распадом Кордовского халифата в начале XI в. Удельные правители приглашали евреев к своим дворам в качестве администраторов и чиновников, относясь терпимо, если не явно поощрительно, к развитию еврейской культуры в своих небольших княжествах Гранаде, Сарагосе, Валенсии, Дении и Бадахосе. Предпринятые в это время грамматические и филологические изыскания установили основные грамматические законы еврейского языка и внесли существенный вклад в очищение его литературного варианта. Переведенные на латынь, эти труды стали тем источником, на основе которого ученые эпохи Возрождения в свою очередь изучали еврейский язык.

Представители второго поколения еврейских ученых, жизнь которых началась в исламских землях, стали переезжать на христианские территории – после того как Аль-Андалус (южная часть Испании, находившаяся тогда под властью мусульман) был захвачен североафриканской династией Альморавидов. Мозес бен-Эзра (1055–1135 гг.), связанный узами дружбы и сотрудничества с мусульманскими учеными Гранады, был вынужден искать прибежища в Кастилии, откуда он перебрался в Наварру и Арагон, пока в конце концов не поселился в Барселоне. Этому ученому приписывается одно из золотых правил перевода: концентрироваться на смысле и не стремиться к буквальному переводу, так как языки характерны разными синтаксисами. Третье поколение работало уже исключительно в христианских королевствах, и отсюда еврейская и исламская культуры благодаря трудам таких людей, как Моше Сефарди, Абрахам бен-Эзра, Иегуда бен-Тиббон и его сын Самуил, распространились по Европе.

Моше Сефарди, который после обращения в христианство принял имя Петр Альфонса, стал личным врачом короля Англии Генриха I и первым человеком в Северной Европе, который занимался арабской математикой и астрономией. Его усилия по распространению культуры побудили многих европейцев совершить путешествия в Испанию с целью более близкого ознакомления с теми науками, которые, благодаря приезжим иудеям, стали известными в еврейских общинах Южной Франции. Так, Абрахам

бен-Эзра (1092–1167 гг.) из г. Тудела путешествовал между 1140 и 1167 гг. по крупным городам Италии, Франции и Англии, где занимался преподаванием испано-арабской науки, а также написал множество трудов по философии, грамматике, математике и астрономии – как по-еврейски, так и по-латыни. Иегуда бен-Тиббон (1120–1190 гг.) родился в Гранаде, а умер в Марселе. Он прославился как «отец переводчиков» благодаря своей работе и трудам своего сына, который переводил сочинения по философии (в том числе написанные по-арабски испанскими евреями), грамматике и религиозным вопросам. Один из его племянников стал преподавателем на медицинском факультете в Монпелье, тогда как другой член этой семьи переводил на еврейский и латинский языки сочинения Аверроэса (Ибн Рушда) и Аристотеля, а также сделал перевод ряда научных трактатов для императора Фридриха II (илл. 76 и 133).

Школы переводчиков

В начале XII в. различные мусульманские писатели довольно резко отзывались об испанских мосарабах (христианах, воспринявших арабский язык и культуру) и евреях, умевших говорить и читать по-арабски и потому способных передавать знания, которые приходили в Аль-Андалус с Востока. Эти мусульманские писатели не рекомендовали продавать книги научного содержания евреям и христианам, утверждая, что те переведут книги и припишут их авторство не мусульманам, а представителям своих религий или вовсе не сообщат имени авторов (последнее действительно подтверждается по отношению к многим рукописям, хранившимся в монастырях Северной Испании).

В те же годы ставший христианином Петр Альфонса написал на латинском языке свою повесть «Наставление клирику», являвшуюся собранием нравоучительных новелл восточного происхождения, которая широко распространялась по всей Европе. Тогда же в г. Тарасона при епископе Михаиле (1119–1152 гг.) существовала подлинная школа переводчиков, наиболее значительным представителем которой был Гуго Санкталленский. Здесь переводились сочинения по астрономии, математике, астрологии, алхимии и философии. Велик был интерес и к переводам самого Корана, о чем свидетельствуют усилия Петра Достопочтенного, аббата Клонийского монастыря, христианского ученого, писателя и церковного деятеля. Он был должен вести борьбу против ислама на идеологическом поле, но не имел возможности успешно заниматься этим, так как не знал, чему учит ислам; поэтому он нашел знатоков арабского языка и оплачивал их работу, когда они, следуя советам одного мусульманина, переводили Коран на латынь. Нам известны имена этих переводчиков: Роберт из Кеттона, Герман Далматинец, Петр из Толедо и Мухаммед «Сарацин».

Существование в Толедо после взятия города христианами в 1085 г. мусульман, евреев, мосарабов и других христиан (испанских и неиспанских) ускорило темпы подготовки переводов, хотя и не привело к появлению настоящей школы или коллектива переводчиков, о чем иногда пишут. Главным центром перевода стал Толедо, т.к. в силу того что в этом городе сохранилось большое количество различных сочинений, сюда продолжали стекаться образованные мосарабы и евреи, изгнанные из Южной Испании Альморавидами и их преемниками халифами Альмохадами; также причиной этого послужило то, что толедские архиепископы покровительствовали переводчикам и поощряли их деятельность. Среди переводчиков были уже упоминавшиеся сотрудники Петра Достопочтенного, которым принадлежит подготовка множества переводов трудов по астрономии, алхимии, алгебре и астрологии. К ним относятся также Иоанн Севильский, выполнивший более 37 переводов и написавший собственные сочинения. В некоторых

случаях переводчики работали в группах, как, например, клирик Доминик Гундисальв (Доминго Гундисальво) и его партнер, крещеный еврей Авендаут (Ибн Дауд), вместе переводившие труды арабских философов.

Во второй половине XII в. в Толедо работал Герард Крестонский, а в XIII в. переводами продолжали заниматься Марк из Толедо, итальянец Платон Тиволийский, Рудольф из Брюгге, англичанин Майкл Скот. Король Кастилии и Леона Альфонс X Мудрый поощрял работы по переводу на латынь и на кастильский, а в Бургосе епископ Гарсия Гудизель (1273–1280 гг.) вместе с христианином Хуаном Гонсалесом и иудеем Соломоном продолжал переводить сочинения Авиценны; позднее все трое продолжили свою работу в Толедо, где Гарсия стал архиепископом (1280–1299 гг.). Какой славой пользовалась тогда мусульманская наука, видно на примере одного из переводчиков, Дэниела Морли, который рассказал, как он в поисках знаний покинул родную Англию и прибыл в Париж, где, по его словам, нашел среди учителей лишь «глупых болтунов». Поэтому, зная, что в Толедо преподается арабская наука, он сразу же устремился туда, чтобы учиться у лучших на свете ученых. В заключение стоит вспомнить, что один из арабских трудов был переведен на кастильский, латинский и французский языки и таким образом мог стать известным Данте, дав сюжетную канву и концепцию его «Божественной Комедии». Этот арабский текст, известный в своей латинской версии как «*Liber Scalae*» («Книга лестницы»), представлял собою собрание легенд о путешествии пророка Мухаммеда в рай и ад. Еще до 1264 г. ее перевели на кастильский для короля Альфонса X; позднее Бонавентура Сиенский перевел ее на латынь и французский, и в одной из этих версий она могла стать известной Данте (илл. 180).

По подсчетам Ж.Верне (*J. Verne*), 47% трудов, переведенных на латынь и ставших благодаря этому известными в Европе, были посвящены тому, что мы могли бы назвать точными науками (математике, астрономии и астрологии); тексты по философии составляют 21%; 20% текстов посвящено медицине; оккультным наукам (в частности, алхимии) – 4%. Остальное представлено трудами по религии и физике. Латинские переводчики игнорировали строго филологические и литературные труды, однако их прилежно изучали и переводили евреи, возможно вследствие близкого лингвистического родства между еврейским и арабским языками.

ЭКСПАНСИЯ НА ВОСТОК: ВОЕННЫЕ ОРДЕНЫ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ; СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ; ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ДИПЛОМАТЫ

С конца XI по вторую половину XIII в. европейская история сосредоточена вокруг крестовых походов – войн, которые Запад вел с целью отвоевать Святую землю для христианства и обеспечить ее связь с Европой. Обзор этих военных предприятий требует хотя бы краткого рассмотрения положения в Европе и на Востоке.

Европейский мир, Византия и исламский Восток

Заметное с 1000 г. улучшение климатических условий, внутренний мир и совершенствование земледельческой техники привели к значительному росту производства и производительности, следствием чего стал рост численности населения. Избыточное население устремлялось в города или искало новые территории для проживания, примерами чего служат немецкий «поход на Восток», испанская Реконкиста и некоторые из первых крестовых

походов. Участниками этих походов выступали неудачливые крестьяне и младшие сыновья знатных семейств, которые не могли смириться со жребием, выпавшим на их долю – довольно незавидным в обществе, где все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Так как контроль над дальней торговлей в основном осуществляли Венеция и Генуя, то эти два итальянских города также приняли активное участие в организации крестовых походов, и их целью было обеспечение своих привилегий или создание территориальных анклавов, необходимых для обеспечения торговых операций. При необходимости и тот и другой город без колебаний использовал крестоносцев в качестве ударной силы для оттеснения в сторону своих конкурентов.

Однако поиски новых земель и торговые интересы итальянских городов все же не являются достаточным объяснением. В первую очередь и главным образом крестовые походы были проявлением средневековой набожности и власти, приобретенной к тому времени римскими понтификами, рассматривавшими себя духовными и политическими лидерами христианского мира и действовавшими в соответствии с этими представлениями о своей роли. В крестовых походах они видели идеальную возможность вновь заявить о своем могуществе – в то самое время, когда крестоносцы освобождали Святую землю от мусульман. К тому же изменились и сами формы набожности. Происходившее в то время расширение горизонта сознания европейцев приводило их к попыткам искупить свои грехи не только молитвой и раздачей милостыни, но и посещением мест, освященных пребыванием удивительных дев и апостолов, изобилием реликвий и прочих святынь, иначе говоря – совершением паломничеств, наиболее спасительными из которых считались паломничества в Рим, Сантьяго-де-Компостела и Иерусалим. Религиозное рвение паломников нередко соединялось с тягой к приключениям, в отдельных случаях могущим быть весьма опасными, как, например, путешествия к Святой земле, которую можно было достичь лишь после длительной поездки, невозможной без вооруженного сопровождения. Поэтому такое паломничество приобрело не мирный, а военный характер: это и был крестовый поход, руководство которым взял на себя Рим.

К середине XI в. Церковь шла к своему освобождению от светских властей и находилась под управлением римских понтификов, добившихся некоторых успехов в осуществлении идей церковной реформы. Результатом их деятельности стало после 1059 г. ограничение круга лиц, которые могут принимать участие в избрании папы, только коллегией кардиналов. Это положило конец практике, навязанной германским королем Оттоном I, который, силой подчинив в 962 г. Рим, постановил, что ни один папа не может быть избран без императорского согласия. Однако к концу XI в. папы уже не удовлетворялись требованиями независимости для себя и своего клира. Они стремились утвердить свою власть над всеми верующими, мирянами и духовенством, не исключая королей и императоров. Крестовый поход как военное предприятие с религиозными целями давал Риму блестящую возможность проверить, насколько признанным был его авторитет и в какой мере короли и императоры были готовы объединиться под знаменем римского первосвященника. Успешный исход крестовых походов означал бы триумф Рима не только на Западе, но и во всем христианском мире, т.е. в Византии и тех находившихся под властью мусульман регионах Востока, где сохранялись христианские общины, не признававшие римской верховной власти и сохранявшие отличавшиеся от римских литургию и элементы вероучения.

Подталкивало к этим походам, организация которых уже была облегчена хозяйственной, политической, религиозной и церковной ситуацией европейского мира,

и политическое положение на Востоке. Углубление тех различий между Востоком и Западом, что существовали со времен Римской империи, нашло свое выражение в оформлении двух христианских церквей – православной, или восточной, находившейся преимущественно под управлением Константинополя, и западной, управлявшейся из Рима. Окончательный разрыв произошел в 1054 г., когда римский епископ и константинопольский патриарх отлучили друг друга от Церкви; к религиозным различиям добавились политические противоречия, так как во второй половине XI в. норманны во главе с Робертом Гвискардом захватили византийские территории на Юге Италии и стали угрожать берегам Греции. Эти проблемы не помешали византийскому императору обратиться к Западу за военной помощью против турок, в 1071 г. захвативших Анатолию. Эта императорская просьба дала Риму огромный моральный капитал. Она стала предлогом для первого крестового похода, среди участников которого преобладали норманнские контингенты – как из самой Нормандии, так и с юга Италии.

Ход крестовых походов

Паломничества в Иерусалим, хотя бы и небольшими группами, происходили по крайней мере с IV в., когда были обнаружены грот Святого гроба, Голгофа и остатки Святого креста. В этих священных местах были возведены базилики, к которым были прикреплены церковные и монашеские общины, имевшие целью проведение богослужений и оказание помощи паломникам, стекавшимся, например, на праздник Поклонения Кресту, который показывали верующим 14 сентября. Именно этим ранним паломникам Европа обязана большим количеством реликвий, хранящихся в ее храмах и святых местах.

Количество пилигримов резко уменьшилось, когда Палестина в VII в. была завоевана мусульманами. Это время совпало с ослаблением Запада и внутренними войнами между германскими королевствами, сделавшими трудным и опасным любое путешествие. Однако восстановление Каролингами внутреннего мира дало путешествиям на Святую землю новый импульс. Позднее Карлу Великому приписывали не только личное паломничество на Святую землю, но также подписание некоего соглашения с халифом Харуном аль-Рашидом, гарантировавшего паломникам безопасность. В любом случае, вплоть до 1009 г. паломники не жаловались на нетерпимость мусульман, которые почтительно относились также и к христианским общинам, уже давно существовавшим на Святой земле.

Количество паломников зависело не столько от присутствия в Палестине мусульман, сколько от трудностей и опасностей самого путешествия. Многие стали отправляться в путь лишь с появлением двух наиболее реальных возможностей: доступа по морю, открывшегося тогда, когда Средиземное море превратилось в своего рода «итальянское озеро», и пути по суше, ставшего свободным после того как венгры во второй половине X в. окончательно осели в Европе, что положило конец происходившим с IV в. нашествиям различных народов. Именно св. Стефан, король и национальный герой венгров, обустроил дорогу в Иерусалим – с постоялыми дворами и больницами через определенные промежутки, тогда как на другом конце Европы приблизительно в то же время открылся путь в Сантьяго-де-Компостела. Но независимо от того, по земле или по воде стремились паломники к своей цели, они зависели от доброй воли Византии. Поэтому ее обращение за помощью после сокрушительного поражения, нанесенного ей в 1071 г. турками при Манцикерте в Малой Азии, было вполне естественно.

Ответ Запада на призыв папы Урбана II в Клермоне в 1095 г. имел под собой как религиозные, так и экономические

основания. Идея освобождения Иерусалима, на котором настаивала и которым руководила Церковь, уже сама по себе была достаточным основанием для привлечения христиан. Повсеместно наблюдавшиеся в то время чудеса и знамения, несомненно, свидетельствовали о справедливости этого дела, а надежда на искупление грехов путем паломничества к святым местам, к которой добавлялось убеждение, что в случае смерти во время этого предприятия душа непременно спасется, побуждала западных христиан принять в нем участие. Кроме того, на образном языке Библии Иерусалим описывался как земля, текущая молоком и медом, земля обетованная, и те несчастные, кому не хватало места и пищи в Европе, устремлялись под знамена крестового похода в надежде найти новые земли для поселения, а не имевшие своих владений младшие сыновья знатных семейств надеялись установить над этими землями свою власть. Некоторые паломники после похода собирались вернуться домой. Другие же брали на поиски земли обетованной своих жен и детей. Для многих гораздо важнее символического Иерусалима был Иерусалим земной, а наряду с такими походами, как крестовый поход бедноты или крестовый поход детей, которые возглавлялись лицами, подобными монаху-проповеднику Петру Лустынику и Стефану Пастуху, были крестовые походы под руководством феодальных господ, подобных герцогу Нижней Лотарингии Готфриду Бульонскому и его брату Балдуину Старшему, Роберту Нормандскому и князю Антиохии Боэмунду I Тарентскому. Это были люди, создавшие свои государства в Антиохии, Эдессе и Иерусалиме, что сильно беспокоило мусульман в Египте, ставших главной угрозой латинскому присутствию на Востоке.

Один из походов (четвертый. – *Прим. ред.*) был организован именно против Египта. Поскольку без венецианских судов перевозка участников похода была невозможна, египетский султан фактически купил нейтралитет Венеции и других торговых городов Италии, предоставив им значительные торговые привилегии в своих владениях. Опоздание северных крестоносцев с прибытием на итальянское побережье освободило Венецию от ее обязательств и превратило крестоносцев в должников за несостоявшееся путешествие. Венецианцы предложили крестоносцам расплатиться за их долг, оказав Венеции помощь в завоевании своего торгового конкурента на Адриатике – далматинского города и порта Зары (Задар), находившегося тогда под властью венгров. Когда в 1202 г. этот город был захвачен, крестоносному войску было предложено восстановить отстраненного от власти византийского императора на его троне в Константинополе. Это предложение заинтересовало всех: венецианцев, которые могли получить торговые привилегии, и крестоносцев, так как император предлагал деньги и людей для Египетской кампании, т.е. для крестового похода. Алексей IV вернулся на свой трон и, чтобы выполнить свои обещания, ввел новые подати, против которых восстало население, и с крестоносцами расплатиться не удалось. В результате крестоносцы в 1204 г. штурмом овладели Константинополем и выбрали императора провозглашенной Латинской империи из собственной среды – Балдуина Фландрского. Венеция переживала свой величайший триумф. Она снискала расположение Рима, поставив на место греческого православного патриарха венецианца, следовавшего обрядам римской церкви, и получила в свое владение кварталы, составлявшие три восьмых завоеванного города и наиболее удобные для торговой деятельности. Балдуин и его преемники носили императорский титул, но они не были подлинными императорами, так как под их непосредственной властью находилась лишь четверть территории тогдашней империи. Половина остальной территории отошла венецианцам, вторая же половина была разделена между прочими предводителями крестоносцев, получившими свои земли в качестве фьефов (феодов), теоретически находив-

шихся под верховным правлением императора организованной Латинской Римской империи. В свою очередь византийская аристократия частично сгруппировалась вокруг никейского императора Феодора II Ласкариса, который из Никеи стремился восстановить греческую империю и вел войны против латинян, болгар, турок; центрами сопротивления завоевателям были и другие независимые греческие государства – Эпирский деспотат (Эпирское государство, возникшее при распаде Византийской империи. – *Прим. ред.*) и Трапезундская империя (образовавшаяся также в 1204 г. после захвата Константинополя крестоносцами). В 1261 г. при помощи генуэзцев – давних соперников Византии никейские войска взяли Константинополь и восстановили разрушенную ранее крестоносцами Византийскую империю (илл. 63, 64).

Духовно-рыцарские ордены

Латинские владения на Святой земле просуществовали сравнительно недолго, но гораздо более долгий век выпал на долю другому детищу крестовых походов – военным орденам, которые были созданы для защиты паломников.

Еще с середины XI в. в Иерусалиме существовало братство, члены которого посвящали себя заботам о пилигримах в принадлежавших им странноприимном доме и госпитале, находившимися рядом с храмом св. Иоанна. С 1119 г. милосердное братство было преобразовано в монашеский орден, занимавшийся не одним лишь попечением о паломниках, но и их военной защитой. По своему старому госпиталю и из-за близости к храму св. Иоанна они получили названия – орден госпитальеров или орден св. Иоанна Иерусалимского (иоаннитов). Это преобразование, несомненно, совершилось благодаря примеру, поданному в 1118 г. крестоносцем из Шампани Гуго Пайенским, который с восьмью своими товарищами основал военно-монашеское братство, ставившее целью защиту паломников на их пути на Святую землю. Труды Гуго Пайенского были оценены королем Иерусалима, пожаловавшим братству часть владений королевского дворца – древний храм Соломона, откуда и происходит название этого ордена – Орден тамплиеров (от франц. *temple* – храм).

Члены двух этих орденов были одновременно монахами и воинами, приносившими обеты бедности, чистоты и послушания. Если госпитальеры сочетали свои прежние госпитальные труды с задачей защиты паломников, то тамплиеры являлись исключительно военной организацией. Эти воины-монахи отправлялись верхом в торговые города Палестины, чтобы встречать паломников, служили им вооруженной охраной на пути в Иерусалим и сопровождали их во время паломничества. Благоприятное отношение Запада к созданию этих орденов привело к быстрому увеличению численности относящихся к ним рыцарей, а вместе с этим и к росту их военного потенциала, который использовался иерусалимским королем в борьбе с мусульманами – как в открытом поле, так и в крепостях и замках, которые передавались этим рыцарям по всему королевству. В подражание тамплиерам и госпитальерам в Иерусалиме и других областях, где христианству угрожали мусульмане, создавались новые ордены. Среди них были орден Гроба Господня, основание которого приписывается иерусалимскому епископу Арнульфусу; Тевтонский (то есть германский) орден, созданный германскими рыцарями, которые впоследствии сделали полем своей деятельности германские и прибалтийские земли и слились с Орденом меченосцев, занятым завоеванием Эстонии и Латвии (XIII в.). На Пиренейском полуострове появились ордены Святого Иакова (Сантьяго), Калатравы и Алькантары в Кастилии в XII в., Ависский орден в Португалии и орден Милосердной Богородицы, основанный в Барселоне в XIII в. с целью выкупа пленников.

Вплоть до 1291 г. крестоносцы – а вместе с ними и рыцарские ордены – удерживали под своей властью порт Святого Иоанна (Акру), однако с потерей последних латинских владений на Святой земле первоначальные причины, обусловившие появления орденов, исчезли. После падения Акры рыцари ордена Святого Иоанна защищали Кипр, а в 1310 г. завоевали о. Родос и стали известны как родосские рыцари. Позднее, после того они были вытеснены с Родоса турками, император Карл V пожаловал им о. Мальту и их стали называть мальтийскими рыцарями. Тамплиеры же, окончательно утратившие всякий смысл своего существования, стали вскоре вызывать подозрения церковных и политических кругов: рыцарей нередко обвиняли в том, что их ритуалы и религиозные воззрения противоречат христианской вере. Кроме того, французская корона проявила заинтересованность в ликвидации этого ордена, поскольку тот, начав ссужать деньги паломникам с целью оказания им помощи в путешествии, вскоре сделался банкиром французской монархии. Инквизиционный процесс против тамплиеров, начавшийся в 1307 г., завершился указом папы Климента V об упразднении ордена.

Путешественники и дипломаты

Когда благодаря крестовым походам Европа вошла в прямой контакт с восточным миром, это оказалось лишь начальной стадией длительного процесса, кульминацией которого стало открытие Америки в 1492 г. Крестоносцы совершали свой путь на Восток по суше или по Средиземному морю. Отсюда они отправляли миссионеров, дипломатов и купцов, которым Европа в конечном счете была обязана своими знаниями о Центральной Азии, Китае и Индии – тех территориях, которые Христофор Колумб считал возможным достичь, совершая путешествие в противоположном направлении – морским путем через Атлантику на Запад.

Центральная и Восточная Азия впервые стали известны в Европе благодаря путешествиям и письменным отчетам монахов Джованни ПIANO Карпини (*John of Piano Carpini*) и Виллема Рубрука, посланцев папы римского и короля св. Людовика IX Французского к великому хану монголов. Сочинения этих монахов назывались соответственно *Historia Mongolorum* и *Itinerarium*. Первый из них совершил свое путешествие в 1246–1247 гг., второй – в 1253–1256 гг. Их отчеты произвели большое впечатление на представления европейцев о мире: у них сообщения об обширных новых пространствах, населявшем их множестве народов, их обычаях и образе жизни вызывали священный трепет. При дворе великого хана Карпини и Рубрук сталкивались с китайцами, корейцами, тибетцами, мусульманами из Туркестана и Персии, русскими и послами, прибывшими из Индии – людьми с территорий, дотоле воспринимавшихся западными европейцами как нечто совершенно легендарное.

Эти и другие миссионеры-послы проложили дорогу в Центральную Азию для европейских купцов. В 1250 г. венецианцы Никколо и Маттео Поло прибыли в монгольские владения и достигли Сарая, столицы Золотой Орды, правителю которой хану Берке они предложили свои товары. Этот хан благосклонно отнесся к их жесту и в качестве великого монгольского повелителя одарил двух братьев имуществом, вдвое более ценным, предложив им продать этот товар в его собственных землях. На это у Никколо и Маттео ушел целый год, после чего они решили отправиться назад в Венецию. Но обратное путешествие тем же самым путем оказалось невозможным из-за войны, вспыхнувшей между монгольскими предводителями. Поэтому двум венецианцам пришлось искать иной путь домой – через города Бухару и Самарканд, где сходились торговые пути из Китая, Южной Руси, Индии, Персии и Ближнего Востока.

В то время на Западе был хорошо известен лишь Великий шелковый путь, поэтому венецианцы (илл. 40) отправились по этому древнему тракту вместе с монгольскими послами, направлявшимися в Китай, с намерением отдать дань уважения великому хану Хубилаю (илл. 245). Этот верховный повелитель, резиденция которого находилась в Камбалуке, или Хан-Балыхе, к северу от современного Пекина, проявил немалый интерес к европейскому миру и попросил венецианцев действовать в качестве его послов к папе и просить того о посылке в Китай ученых мужей, способных проповедовать христианскую веру и вероучение. Выполнив поручение хана Хубилая, братья Поло в 1271 г. вновь отправились в Китай с письмом от папы к великому хану. На этот раз с ними был Марко – сын Никколо. Это путешествие завершилось спустя 25 лет и затем в 1298 г. Марко описал свои странствия в сочинении, известном под разными названиями: «Книга чудес», «Миллион», «Описание мира». Сообщения Марко Поло позднее были подтверждены и дополнены восточными путешественниками, добравшимися до Европы, а также обоснованными в Азии христианскими миссионерами (илл. 121).

ЭКСПАНСИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ В АТЛАНТИКЕ: ОТ РЕКОНКИСТЫ ДО ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ И ПОРТУГАЛЬСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ АФРИКИ

Со второй половины XIV в. распри между монгольскими правителями и анархия, воцарившаяся в Индии после 1351 г., создали огромные трудности для торговли с Востоком и путешествий через Средиземное море. Экономические последствия не заставили себя ждать. Шелк и пряности сделались редкостью, их цены на европейских рынках удвоились, а торговые города Средиземноморья стали утрачивать свое значение, в особенности после того как Восточное Средиземноморье оказалось под контролем Османской империи.

С этого времени путь в Индию и Китай должен был пролегать через Атлантику, по морскому пути, освоение которого было начато в конце XIII в. двумя генуэзцами – братьями Уголино и Вадино Вивальди, которые в 1291 г. снарядили два судна, чтобы попытаться добраться до Индии через Гибралтарский пролив, что можно рассматривать как предвестие будущего путешествия Христофора Колумба. Оба корабля пропали. Десять лет спустя сын Вадино пытался проследовать по их пути вдоль африканского побережья, но дошел лишь до берегов Марокко, где ему сообщили, что генуэзские суда потерпели крушение. Катастрофа, которой закончилась первая экспедиция, не привела итальянцев в уныние. В начале XIV в. генуэзец Ланчалотто (*Lancialotto*, по-португальски *Lancarote* – Лансароте) Малочелло (*Malocello*) достиг Канарских островов, а в 1341 г. совместная экспедиция генуэзцев и флорентийцев добралась до о. Мадейра, а возможно, и до Азорских островов. Приблизительно в то же время, в 1339 г., картограф с о. Майорка Анхелино Дульсерт (*Angelino Dulcert*) включил в свой *портолан* изображение р. Нигер, на берегах которой царствовал якобы невероятно богатый король. В 1346 г. мореплаватель Хауме Феррер (*Jaume Ferrer*) отплыл с о. Майорка на «золотую реку», однако ему также не удалось вернуться, возможно, из-за того, что средиземноморские суда были не лучшим образом приспособлены для плавания в водах Атлантики. В конечном счете именно атлантическим странам, Португалии и Кастилии, выпало на долю совершить новые открытия: португальцам – дойти до Индии вдоль африканского побережья, а кастильцам под командованием Христофора Колумба – добраться до Америки через Атлантику.

Португальские открытия

О существовании некоего золотоносного центра в Африке было известно с античных времен. Существовали караванные пути, соединявшие этот центр с городами на средиземноморском и атлантическом берегах Северной Африки. В позднее средневековье в конечных пунктах этих путей находились колонии купцов из Генуи, Каталонии и с Майорки, закупавших здесь в большом количестве золото и рабов. Дальнейший шаг был сделан в 1415 г., когда португальцы завоевали марокканский порт Сеуту во время военной кампании, представлявшейся обычно как продолжение Реконквисты, т.е. отвоевания коренным населением Пиренейского п-ова территорий, захваченных арабами. Однако в настоящее время известны и многие другие мотивы этого похода – и военные, и религиозные одновременно. Свою роль играли здесь поиски золота, рабов, слоновой кости, шелка и пряностей, а также жажда славы и богатства, проявлявшаяся у части португальской знати. Сыграли свою роль и торговые интересы купеческого сословия Лиссабона и Порту, стремившегося к контролю над Сеутой не только по причине ее торговой важности, но и с целью положить конец пиратству и более того – воспрепятствовать кастильской экспансии в Марокко, откуда Португалия получала значительную часть потребляемой ею пшеницы.

Поход на Сеуту пользовался поддержкой Рима. За два года до ее завоевания Святой Престол даже назначил архиепископа для «Карфагена», а в 1420 г. дозволил принцу Генриху Мореплавателю, выступавшему движущей силой португальских военных предприятий, осуществлять управление имуществом ордена рыцарей Христа с целью финансирования войн с мусульманами в Африке и в других местах. Из Сеуты и с португальского побережья позднее отправлялись многочисленные экспедиции, финансировавшиеся как частными лицами, так и государством. Их путь лежал вдоль африканской береговой линии. В 1434 г. был достигнут мыс Бохадор.

Помимо этих экспедиций португальцы предпринимали и другие – к островам, лежавшим в стороне от атлантического побережья Северной Африки, – Канарам, Мадейре и Азорам, т.е. к землям, которые были известны уже с XIV в., но еще почти никак не использовались и совершенно не были заселены. В XIV в. к Канарским о-вам отправлялись многие кастильские, португальские и каталонские экспедиции, ставившие перед собой специфические экономические цели (в первую очередь захват рабов и получение натуральных красителей). Однако в конце столетия каталонцы перестали участвовать в таких путешествиях, и главными соперниками в борьбе за контроль над архипелагом оказались кастильцы и португальцы. Впервые Канарские острова были заняты в 1402 г. норманнскими и французскими моряками и солдатами, находившимися на кастильской службе. Затем Генрих Мореплаватель между 1424 и 1434 гг. безуспешно пытался захватить о. Гран-Канарию. Двумя годами позже Кастилия получила от папы Евгения IV официальное признание своего суверенитета над этими островами, однако соперничество с Португалией тянулось до 1480 г.

Тем временем, между 1434 и 1444 гг., португальские суда достигли о-вов Зеленого Мыса и открыли устье р. Сенегал (илл. 24, 25). С этого времени продвижение на юг резко ускорилося. В 1460 г. была произведена разведка территорий Гвинеи, Сьерра Леоне, о-вов Зеленого Мыса. Вскоре после обследования происходила организация торговых факторий, подобных той, что в 1443 г. была основана в Аргумей и очень быстро превратилась в крупный торговый центр, откуда Португалия получала рабов, золото, пряности и слоновую кость. Изобилие всего этого отразилось в названиях, которые первооткрыватели давали этим территориям (илл. 124): Берег Райских Зерен (*malagueta*), Берег Слоновой Кости (илл. 265), Золотой Берег, Берег Рабов. В 1482 г. Диогу Кан достиг Габона, Конго и Анголы, а в 1488 г. Бартоломеу Диаш, открыв Мыс Доброй Надежды, обнаружил морской путь в Индию.

Христофор Колумб

Португальские экспедиции позволили понять и преодолеть трудности мореплавания в открытом море. Стали возможными более далекие, чем прежде, путешествия в западном направлении, однако их долго не предпринимали из-за отсутствия интереса, поскольку никаких новых земель на западе открыто не было. Однако в существование таких земель все-таки верили. Перед 1490 г. среди моряков на Азорах и Мадейре ходили легенды и слухи о неких западных землях. Делались умозаключения о возможном открытии этих земель во время какого-то путешествия, точные известия о котором могли дойти до Колумба. Но независимо от того, располагал ли он подобной информацией или нет, остается очевидным, что в определенный момент своей жизни Колумб оказался твердо убежден в возможности достичь восточного побережья Индии во время плавания через океан, на что ясно указывают его собственные записи. Он всегда приписывал это убеждение божественному наитию, однако подкреплял его своим собственным опытом мореплавания, приобретенным на португальской службе, а также знаниями, которые он мог почерпнуть в таких книгах, как «География» Птолемея, записки Марко Поло, «*Historia Rerum Ubique Gestarum*» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколomini (который стал папой под именем Пия II), а также сочинения «*Imago Mundi*» («Образ мира») французского кардинала Пьера д'Айи. Читая подобные книги, Колумб пришел к заключению, что, плывя на Запад, он сможет достичь Азии за сравнительно короткое время.

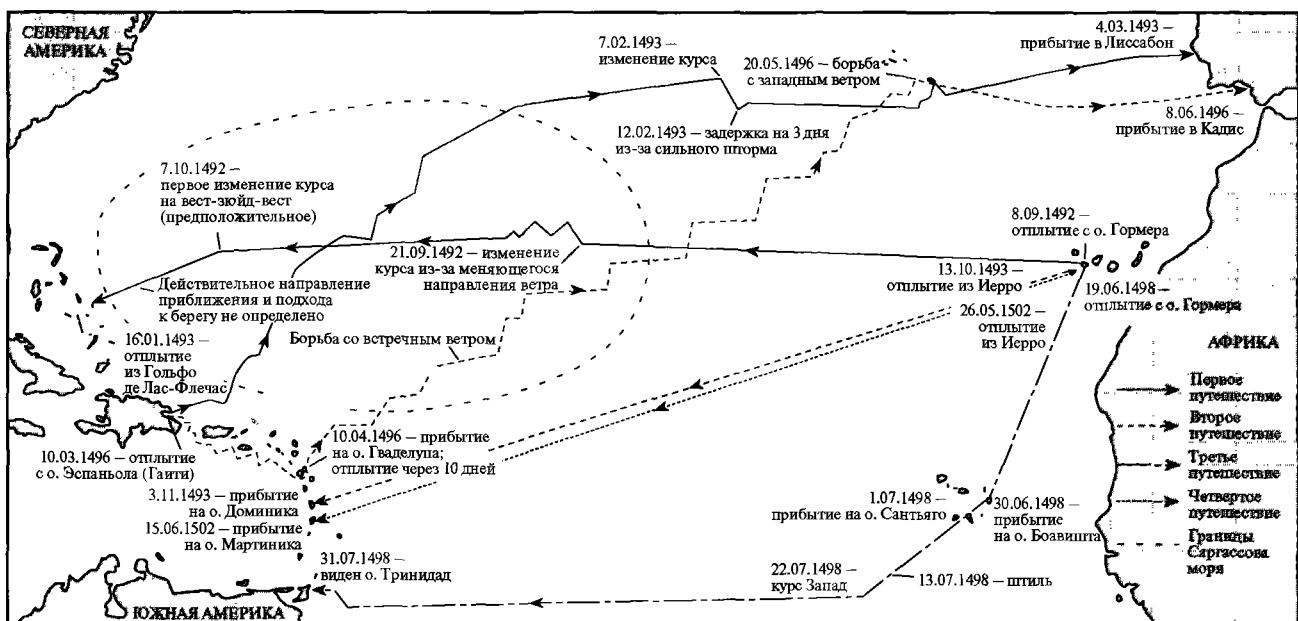
Проект Колумба был представлен португальскому двору. Нельзя сказать, что лиссабонские эксперты не поверили в теоретическую возможность достижения Индии, однако они разделяли в этом вопросе мнение итальянского картографа Тосканелли, считавшего расстояние до нее много большим того, о котором говорил Колумб, поэтому они полагали, что добраться до Востока проще, плывя вдоль берегов Африки. Потерпев неудачу в Португалии (1485 г.), Колумб перебрался в Кастилию, где на протяжении нескольких лет искал поддержки своим замыслам. Ему все время отказывали, так как он говорил, что Канарские о-ва и Индию разделяют лишь 800 лиг, тогда как эксперты считали, что это расстояние составляет более 2500 лиг — т.е. это расстояние было практически непреодолимым при

тех средствах, которые были доступны в то время. Однако, вопреки этим возражениям, католические монархи Испании не отталкивали мечтательного мореплавателя, а скорее сожалели о том, что в настоящее время не могут ничем помочь, и оставляли ему надежды на будущее. Эта возможность представилась в 1489 г., когда война с Гранадой казалась почти выигранной и когда было получено известие, что Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и португальцы открыли путь в Индию.

Возобновление военных действий Кастилии против Гранады приостановило заключение соглашения по проекту Колумба, и только после 2 января 1492 г., когда Гранада сдалась, королева Изабелла и король Фердинанд, рассудив, что это не слишком дорогостоящее предприятие может принести немалую прибыль, пожаловали Колумбу разрешение на осуществление его давней мечты. 17 апреля было подписано соглашение в Санта-Фе, согласно которому генуэзский моряк получал должность и титул «адмирал океанического моря» и права на все острова и участки материка, которые он мог открыть или завоевать. Четыре месяца спустя, подняв якоря в порту Палос, направившиеся на поиски «Индий» мореплаватели подняли паруса. 12 октября 1492 г. они достигли Нового Света (карта 11).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALPHANDÉRY, P.; DUPRONT, A. 1959–1962. La Cristiandad y el concepto de Cruzada. 2 Vols. UTEHA, Mexico.
- ARRANZ, L. 1987. Cristobal Colón. Historia 16. Madrid.
- ATIYA, A. S. 1962. Crusade, Commerce, and Culture. Bloomington, Indiana.
- CAHEN, C. 1983. Orient et Occident au temps des croisades. Paris.
- CHAUNU, P. 1969. L'Expansion européenne du XIIIè au XVè siècle. Paris.
- CORTESÃO, J. 1960. Os descobrimentos Portugueses. 2 vols. Lisbon.
- DIAS, M. N. 1963–1964. O capitalismo monarquico português, 1415–1549. 2 vols. Coimbra.
- GARCÍA, E. L. 1990. Primera travesía colombina. Aspectos meteorológicos. Salamanca Universidad.
- GODINHO, V.M. 1963–1971. Os descobrimentos e a economia mundial, 4 vols. Lisbon.
- 1990. Mito e mercadoria, utopia e prática de navegar. Séculos XIII–XVIII. Difel, Lisbon.

Карта 11. Путешествия Христофора Колумба в Америку (по Fernandez-Armesto, 1991, Columbus, Oxford University Press)

- GUILLEMAIN, B. 1969. *L'Eveil de l'Europe (1000–1250)*. Paris.
- LEMAY, R. 1963. Dans l'Espagne du XIIe siècle. Les traductions de l'arabe au latin. In: *Annales, Economies, Sociétés*, XVIII, Paris, pp. 639–665.
- LOMAX, D. 1976. *Las Órdenes Militares en la Península Ibérica durante la Edad Media*. Universidad Pontificia, Salamanca.
- LUCENA, M. 1982. *Descubrimiento y fundación de los reinos ultramarinos*. Rialp, Madrid.
- MENÉNDEZ PIDAL, R. 1951. Como trabajaron las escuelas alfonsíes, In: *Nueva Revista de Filología Hispánica*, pp. 363–380.
- 1956. España, eslabón entre la Cristiandad y el Islam. Madrid.
- 'Militia Christi' e Crociata nei secoli XI–XIII. 1992. In: *Atti della undecima settimana internazionale di studio*, Méndola, Università Cattolica, Milan.
- MILLAS VALLICROSA, J. M. 1987. *Estudios sobre la Historia de la Ciencia Española*, 2 vols. Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Madrid.
- MORALES, F. 1971. *Historia del descubrimiento y de la conquista de América*. Madrid.
- OLLIVIER, A. 1967. *Les Templiers*. Bourges.
- PROCTER, E. S. 1945. The Scientific Work of the Court of Alfonso X of Castile: the King and his Collaborators. *Modern Language Review* 40, pp. 12–29.
- ROMANO, D. 1971. Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli ebrei. In: *Acts of the International Congress on East and West in the Middle Ages: Philosophy and the Sciences*. Accademia dei Lincei, pp. 677–711. Rome.
- ROUX, J. P. 1967. *Les explorateurs au Moyen Âge*. Paris.
- SAENZ-BADILLOS, A. 1991. *Literatura hebrea en la España Medieval*. Universidad Nacional de Educación a Distancia, Madrid.
- SÁNCHEZ-ALBORNOZ, C. 1956. El Islam de España y el Occidente. *Settimane di Studio*, Split, XII, pp. 149–389.
- SETTON, M. K. 1976–1978. *The Papacy and the Levant (1204–1571)*. 2 vols. Madison, Wisconsin.
- SEWARD, D. 1971. *The Monks of War: The Military Religious Orders*. London.
- TAVIANI, P. E. 1974. *Cristoforo Colombo: la genesi della grande scoperta*, 2 vols. Novara. (Spanish trans., Barcelona 1983).
- VARELA, C. 1984. *Cristobal Colón, textos y documentos completos*, Madrid.
- VERNET, J. 1978. *La cultura hispanoárabe en Oriente y Occidente*. Barcelona.
- 1982. *El Islam y Europa*. Barcelona.
- WOLFF, P. 1971. *L'Eveil intellectuel de l'Europe*. Paris.

КОРИДОР МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

15.1

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Анатолий Петрович Новосельцев

После экспансии первых славян на юго-запад и восток из региона их начального проживания (V–VIII вв.) среди них стали постепенно вырисовываться три отчетливо различимые группы (западная, южная и восточная), каждая из которых представляла некое смещение истинных славян как носителей языка и различных этносов, усвоивших старославянский язык.

Восточные славяне населяли обширную территорию, охватывающую части современной Украины, Белоруссии и Российской Федерации, позднее они продолжили расселение на восток и северо-восток. В VIII–IX вв. там возникли ранние политические образования (княжества), наиболее важными из которых были Южное (Киевское) княжество, Северное княжество, столицей которого позднее стал Новгород, и Полоцкое княжество. С конца VIII в. и особенно в IX в. некоторые из восточных славянских княжеств перешли под власть (без потери суверенитета. – *Прим. ред.*) скандинавских (варяжских) конунгов (королей), тогда как другая часть оказалась под властью Хазарского каганата. Название Русь (Россия) также пришло к восточным славянам с севера. Не позднее X в. оно было принято всеми восточными славянами в качестве их общего названия, а варяги быстро славянизировались.

Примерно в последней четверти IX в. восточные славяне и некоторые другие племена (финны, балты, иранцы) образовали союз, начавший складываться на севере (на землях ильменских славян) и объединивший территории, расположенные главным образом вдоль жизненно важного торгового пути от Балтийского до Черного моря (путь «Из варяг в греки»). Союз концентрировался вокруг Киева на юге, а его правители носили титул великого князя – или *кагана* – Руси (заимствовано от хазар). В течение большей части X в. русское государство представляло собой своеобразную федерацию полунезависимых княжеств и земель, управляемых непосредственно из Киева.

В течение X в. великие князья боролись за освобождение от вассальной зависимости, воюя с Хазарским каганатом, который пал под их атаками в 60-е гг. во время правления князя Святослава Игоревича. Реформы княгини Ольги (матери Святослава) практически положили конец древней практике полюдья (периодическое взимание князем и его дружиной (войском) дани с зависимых земель) и установили более стабильную систему налогов. Внешняя политика Древней Руси все более концентри-

ровалась на разнообразных контактах с Византией, как зафиксировано в частично сохранившихся договорах между Русью и империей. В то время инициатором этих контактов выступал Киев, который был заинтересован в вывозе в Константинополь товаров, производившихся на его землях.

Ранние попытки принятия христианства, предпринимавшиеся в 60-е гг. IX в. и при княгине Ольге, также связаны с Киевом. Тем не менее окончательная христианизация страны произошла только в конце 80-х годов X в. при князе Владимире I Святославиче, провозгласившем эту религию государственной (988–989 гг.). Христианство пришло на Русь из Византии, откуда прибыли первые епископы и проповедники. В целом высшее духовенство церкви в Древней Руси перед монголо-татарским нашествием было греческим, и известны только два митрополита, которые были русскими от рождения (Иларион – в XI в. и Климент Смолятич – в XII в.). Иерархи церкви не вмешивались в мирские дела великих князей Киева. К концу X в. последние сумели ликвидировать все местные княжества, но вместо них Владимир I Святославич (980–1015 гг.) назначил своих многочисленных сыновей главами земель. Его наследникам приходилось учитывать местные тенденции к обособлению, принимавшие форму восстаний, возглавлявшихся вначале Святополком I Окаянным, а затем – как раз перед смертью Владимира – Ярославом Мудрым, князем Новгородским (Новгород – второй важнейший город на Руси). После смерти Владимира отделилось Полоцкое княжество и Русь была разделена между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом вдоль линии Днепра (после смерти последнего в 1036 г. Ярослав объединил государство и правил единолично).

Соперничество между сыновьями Ярослава Мудрого и потомками полоцкого князя Изяслава Владимировича (980–1001 гг.) усугубилось влиянием половцев в южной степи, где они разбили прежде победоносных печенегов. С этого времени князья Древней Руси то воевали с половцами, то заключали с ними союзы против общих врагов, которые часто являлись их ближайшими родственниками.

Во второй половине XI и первой трети XII в. Русь оставалась объединенной, хотя Любечский съезд в 1097 г. установил право отдельных князей править с передачей власти по наследству в своих землях. Возникновение раздробленности было спровоцировано появлением и усилением

частной собственности на землю (принадлежавшую князьям, монастырям, боярам или знати и т.д.) во второй половине XI и начале XII в. Этот процесс, однако, происходил в разное время в разных частях Руси.

Временный рост мощи русского государства при Владимире Мономахе, великом князе (между 1113 и 1125 гг.), скоро прекратился из-за усиления феодальной раздробленности. В XII в. было два главных центра объединения – северо-восток (Владими́ро-Суздальское княжество) и юго-запад (Галицко-Волы́нское княжество). Новгород оставался в стороне, превратившись в своеобразную феодальную республику, где богатые бояре и купцы занимались внутренней и иностранной торговлей. Тем не менее Новгород сильно зависел от своих соседей – в первую очередь от Владимиро-Суздальского княжества.

За Киев и титул великого князя вначале велась жесткая борьба, но во второй половине XII в. Киев стал терять свое значение, особенно для Северо-Восточной Руси. Вторжения половцев участились, хотя в общем с кочевниками старались поддерживать мирные отношения. Русь становилась все более раздробленной из-за растущего числа наследников легендарного Рюрика, и к моменту нашествия монголов (20–30-е гг. XIII в.) не было ни одного князя, способного возглавить борьбу против захватчиков. Международный престиж Руси, которая до этого имела тесные связи с Европой, резко снизился.

О культуре языческой Руси известно мало. Большинство данных относится к религиозным верованиям восточных славян до принятия ими христианства, хотя даже эта информация весьма ограничена. «Повесть временных лет» при описании первых религиозных реформ Владимира Святославича упоминает введение им официального пантеона нескольких, преимущественно южных и восточных славянских божеств. Пантеон возглавлял Перун, покровитель князя и его дружины. Кроме этого упоминаются несколько божеств небесной группы – в первую очередь Солнца, ветров и т.д. Некоторые из них (например Хорс – бог Солнца), заимствованные у скифско-сарматских племен, были ассимилированы восточными славянами и стали объектами поклонения части этноса Древней Руси. Интересно, что эти древние языческие боги были почитаемы даже некоторыми высокопоставленными представителями общества Руси спустя длительное время после принятия христианства, например Хорс, Троян (в строгом смысле слова богом не является, хотя играет важную роль в славянской мифологии) и прочие. Имелось и множество других богов – добрых и злых, – которым поклонялись еще сотни лет после принятия христианства в X в. (различные домовые, лешие, Род – дух рода и т.д.).

Весьма вероятно, что перед принятием христианства на Руси каменная кладка не была известна, и все культовые строения там (даже ранние христианские храмы, например храм св. Ильи в Киеве) строились из дерева. Первое упоминаемое в летописи каменное строение – Десятинная церковь в Киеве – было возведено князем Владимиром в 996 г.

Пика расцвета архитектура достигла при Ярославе Мудром (Великий князь Киевский с 1019 г.), когда были построены Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке. Затем, в течение XI–XII вв., Русь украсилась множеством каменных зданий (как религиозного, так и светского назначения), некоторые из них сохранились до настоящего времени (главным образом в Новгородской области и районе Владимира и Суздаля).

Сведения о введении письменности на Руси также достаточно скудны. Есть основания предполагать, что не позднее X в., т.е. еще до принятия христианства, обычная форма славянской письменности (кириллический алфавит) уже применялась в стране на государственном уровне, а иногда и в частной переписке. Тем не менее письменность широко распространилась на Руси только после принятия христианства. В это время князья стали открывать школы при церквях и писари занялись переписыванием славянских книг, а переводчики начали активную деятельность по переводу книг на славянский язык, понятный населению. Возникла оригинальная старорусская литература, отмеченная такими ранними вехами, как «Слово о законе и благодати» митрополита Иларiona. При Ярославе Мудром началось составление первых летописей (хотя, возможно, некоторые из них писались и ранее).

К сожалению, только малая часть старорусской литературы, главным образом церковного характера, сохранилась до наших дней. Наиболее известный памятник светской литературы – «Слово о полку Игореве», безымянное описание неудачного похода князя Северского против половцев в 1185 г. Поэма полна патетических призывов к объединению Руси против кочевников (прозвучавших в стихах, но не замеченных правителями страны в самый канун монгольского нашествия).

Сохранившиеся фрески киевского Софийского собора и оформление церквей Северо-Западной Руси демонстрируют примеры старорусского искусства. Они включают фрагменты сцен повседневной жизни, изображения князей и их семей, сцены охоты и т.п.

Определяющим фактором культуры Древней Руси были ее тесные связи с Византией, Западной Европой и частично с Ближним Востоком, оказавшие влияние на культуру страны. Например, старорусская иконопись возникла и развивалась под исключительным влиянием Византии. С другой стороны, старорусская архитектура, включая архитектуру церквей, была основана на древних традициях, прежде всего на применении специфического цвета в архитектуре – приема, который все чаще стал применяться в последующие столетия.

Достижения древнерусской культуры позже были унаследованы тремя восточными славянскими народами (русскими, украинцами и белорусами), вышедшими из древнерусского этноса и имеющими свои местные особенности, ясно обозначившиеся в период между XIV и XVII вв. в сложном историческом окружении, которое сложилось после монгольского нашествия (илл. 157–160).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГРЕКОВ Б.Д. 1949. Киевская Русь. – М.
 ГРУШЕВСКИЙ М. 1991–1993. История Украины – Руси, 3 тома. – Киев.
 Ипатьевская летопись. 1902. Полное собрание русских летописей. Т. II. – СПб.
 ЛИТАВРИН Г.Г., БАГРЯНОРОДНЫЙ К. 1991. Об управлении империей, 2-е изд. – М.
 НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. 1992. Древнерусское государство. История Европы. Т. 2. – М.
 ПРЕСНЯКОВ А.Е. 1993. Князьство право в Древней Руси. – М.
 СЕДОВ В.В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.
 ЩАПОВ Ю.Н. 1982. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. – М.

15.2

АРМЯНЕ

Виада Артуровна Арутюнова-Фиданян

На протяжении средних веков Армения, как и весь Кавказский регион, располагалась на перекрестке главных путей, связывающих Восток и Запад. Эти пути в самом центре сплетения различных религиозных и культурных потоков служили и для торговли, и для войны. В промежутке VII–XV вв. Армения последовательно оказывалась между, с одной стороны, Византийской империей и нестабильными государствами христианской Европы, принимавшими участие в крестовых походах, а с другой стороны – чередой исламских государств: халифатом Аббасидов, затем султанатом сельджуков и Османской империей. Когда халифат ослабел, Византия решительно выступила против арабов в союзе с правителями Армении. После полного восстановления армянской государственности в конце IX в. граница между византийскими и исламскими государствами превратилась из простого военного барьера в некий связующий страны условный мост, по которому двигались великие караванные торговые пути, ведущие из Индии, Китая и Центральной Азии в Константинополь и порты Черного моря. С этого момента быстрый упадок армянских городов и превращение их в арабские пограничные гарнизонные поселки был остановлен, а затем процесс пошел вспять.

Эти города возрождались и преуспевали в качестве перевалочных баз вдоль закавказского торгового пути между халифатом и византийской Малой Азией, откуда купцы могли двигаться далее в Южную Русь и в Поволжье. Города Двин, Ван и Нахчеван (позднее – Нахичевань) расцвели заново, одновременно с основанием новых поселений городского типа, таких как Ани, Карс, Арцн, Муш, Лори и Капан, которые вскоре стали крупными городами. Процветали города благодаря международной торговле.

В VIII–XI вв. основная масса населения армянских городов состояла из купцов и ремесленников, производивших свои товары в мастерских (*горцатунах*). Ткачество переживало подъем, росло производство шерстяных и шелковых тканей всех видов: драпировок, парчи, ковров. Обработка металлов была широко распространена и отличалась высоким качеством; изготавливаемые предметы включали медную посуду, инструменты, оружие. Ани славился своими ювелирами, а его гончары создавали не только обычные изделия из глины, но и полупрозрачный белый фаянс – имитацию китайского фарфора.

Усиление в X–XI вв. контроля Византии над основной частью Армении способствовало экономическому развитию многочисленных феодальных королевств и княжеств. Кратковременный упадок в начале нашествия сельджуков на рубеже XII и XIII вв. сменился экономическим ростом в результате успешной борьбы, начатой против сельджуков Арменией и единой в то время Грузией. Значительно увеличился поток торговых грузов по Черному морю из порта Трабзон (Трапезунд). Армянские купцы имели связи с Крымом, степняками-куманами (половцами), Русью и Польшей, а также торговали с Венецией и Генуей.

Киликийское армянское государство (феодалная монархия), основанное династией Рубенидов на побережье Средиземного моря, также участвовало в широкомасштабной торговле. Главный порт государства Айяс становится в XIII в. основным коммерческим центром на пути между Востоком и Западом. Но позднее, во второй половине XIII в., Закавказье земли и армянское государство были поработаны монгольским государством Хулагу-хана и его преемников, а экономика и культура Армении испытали резкий упадок.

Армянская культура вследствие географического и исторического положения страны между Востоком и Западом впитала самые разнообразные влияния.

К началу VII в. Армения создала цивилизацию, которая являлась синтезом эллинистических традиций, не только непосредственно унаследованных армянами, но и прошедших через соседние Сирию и Иран Сасанидов. Города окружающего византийского мира, включая сам Константинополь, а также Афины, Александрию и Эдессу, по-прежнему хранили богатства науки, литературы и искусства классической античности. Сюда армянская молодежь, опора проэллинистической школы своей страны, приезжала для получения высшего образования. Одним из величайших армянских приверженцев эллинистической системы обучения в VII в. был Анания Ширакаци, энциклопедические знания которого охватывали математику, астрономию, космографию и географию. Он создал искусство вычислений в своей стране и написал «Географию Армении». Наследие греческого, сирийского и римского театров, смешавшееся с местными театрализованными языческими ритуалами, дало рождение собственному армянскому драматическому театру, который существовал много веков. На VII в. пришелся также пик развития армянской архитектуры, наиболее ярким выражением которой может служить храм Звартноц, представлявший собой круглое трехъярусное сооружение с центральным куполом.

Владычество Арабского халифата в конце VII – IX в. сопровождалось экономическим и культурным упадком. Левонд, чья «История» охватывает период до 788 г., пишет о чрезмерных налогах, уничтожении целых знатных родов, расправах над простым народом и отчаянном сопротивлении. Борьба за освобождение породила не только череду мучеников, но и к появлению героического эпоса «Давид Сасунский». Последующий крах (по крайней мере, в Армении) правления халифата, восстановление армянской государственности Багратидами и подъем византийского культурного влияния, особенно в эпоху повторения имперской экспансии (X–XI вв.), были благоприятными для культурного развития Армении.

Ученые склонны воспринимать армянский этнос как монолитную сущность. Но между армянским и византийским мирами в значительной степени существовали взаимосвязь и общее влияние на уровне армянско-халкедонского сообщества, которое значительно отличалось от основного армянского этноса как в конфессиональном,

так и в культурном отношении. Цивилизация армян-халкедонитов была редкой в средние века культурой, готовой к восприимчивости и преобразованию различных влияний. В течение веков, и наиболее активно с VI по XIII в., армянские халкедониты играли ведущую роль посредников, которые не только обеспечивали постоянный контакт между Византией, Арменией и Грузией, но и создавали особую культурную среду. Фрески церквей, построенных в честь армяно-халкедонских святых и покровителей (церковь Тиграна Оненца в Ани, Плиндзаханк (Ахтала) Кирантс, Кобанр), являются синтезом архитектурных традиций Византии, Армении и Грузии.

Сильная историографическая традиция, поддержанная в «эпоху правителей Багратидов», дала толчок к созданию трудов историками как регионального (царства Васпуракан, Алуанк, Сюник), так и национального масштаба, такими как католикос Ованес Драсханакертци, Степаннос Таронечи (X в.) и Аристаке Ластивертци (XI в.). Все они являлись благородными людьми (или *вардатетами*) высокого ранга, выступавшими против феодальной раздробленности, и видели свою задачу в реализации идеи общей родины, что соответствовало взглядам их национальной Церкви. Их работы содержат богатейшие данные о событиях, происходивших в Армении, Грузии, Сирии и Византии. Ценны также работы их последователей – Матевоса Урхаеци (XII в.), описавшего события 952–1136 гг.; киликийского историка Смбата Спарапета, чья «Хроника» охватывает 951–1276 гг.; Киракоса Гандзакеци (XIII в.), очевидца и летописца монгольских нашествий, и Степаноса Орбеляна (XIII в.), высокообразованного автора «Истории княжества Сюник», изложенной на общем фоне истории Армении и ее соседей.

С конца XIII и до XVII в. армянская историография представлена в основном только небольшими летописями. Но в начале XIV в. по указу папы Климента V киликийский историк Гетум написал «Историю татар». Написанная по-французски, эта работа была немедленно переведена на латынь и стала в средневековой Европе одним из наиболее популярных повествований о Востоке. Позднее она была переведена почти на все европейские языки (Бабаян, 1981 г.).

На развитие армянской философии сильное влияние оказал Григор Пахлавуни (990–1058 г.), выдающийся ученый, философ, ритор и поэт. Новый этап в развитии философской мысли наступил в XIII–XIV вв. с приходом выдающихся последователей номинализма: Вахрама Рабуни, Ованеса Воротнеци, Григора Татеваци. Наиболее знаменитой работой в области правоправедения стал «Судебник» Мхитара Гоша (1130–1213 гг.), отражавший правовые нормы средневековой Армении. Он использовался не только в Армении, но и в армянских колониях в Европе. Заметное влияние на «Кодекс законов» Смбата Спарапета (основанный на «Судебнике» Гоша) оказали византийское и римское право.

Таким же высоким был уровень, достигнутый в X–XIV вв. армянскими беллетристами, особенно лирического направления. Первым великим лирическим поэтом Армении был Григор Нарекаци (950–1003 г.). Его лирико-мистическая поэма «Книга скорбных песнопений» имеет огромную художественную силу, вдохновлявшую армянских архитекторов, камнерезов и миниатюристов.

В изобразительном искусстве средневековой Армении (XII–XIII вв. и позднее) центральное место принадлежит иллюстраторам книг. Их творчество отличали ясность композиции, выразительность и искусность в выборе цветов, а также хороший вкус, проявившийся в разнообразии и красоте орнаментов. Торос Рослин и художники его школы в Киликии (вторая половина XIII в.) довели искусство армянской миниатюры до совершенства. Помимо великолетия отделки, щедрого применения золота и богатства красок, Торос в технике миниатюры представлял реальных людей со всеми их мирскими страстями. Торос Рослин-старший, современник Джотто и Данте, может быть по праву поставлен в один ряд с великими мастерами раннего Ренессанса (Драмбян, 1969 г.).

В XIII–XV вв. развитие армянской светской поэзии продолжали Фрик, Константин Ерзнкайский (около 1250–1340 гг.), Аракел Багишеци (XIV в.) и Мкртич Нагаш (1390–1475 гг.).

В XIII в. были построены несколько замечательных дворцов и храмов (дворец Саргиса в Ани, дворец Сахмадина в Мрене, памятники в Сюнике), но после второй половины XIV в. архитектура и изобразительные искусства начали приходить в упадок.

При этом уровень образования в Армении оставался на высоком уровне. Помимо начальных школ, существовавших при армянских монастырях с незапамятных времен, в XI–XIV вв. возникли высшие школы, или *варданетараны* (в Ани в XI–XIII вв.; в Сисе в XII–XIII вв.; в Гладзоре в XIII–XIV вв.; в Татевском монастыре в XIV–XV вв.). В этих учебных заведениях преподавали богословие, математику, астрономию, геометрию, историю, географию, грамматику, музыку, философию и риторику. Многие выпускники таких школ стали выдающимися фигурами в области искусства и культуры (илл. 156). Армянская наука X–XIV вв. была особенно сильна в областях историографии, философии и юриспруденции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АГАЯН Т.П. и др., МНАЦАКАНЯН А.С., АРУТЮНЯН В.М. 1976. Армянская культура IX–XI веков; ХАЧЕРЯН Л.Г. и др. Армянская культура XII–XIV веков. В: АГАЯН Т.П. и др. (ред.). История армянского народа. Т. III. – Ереван, с. 345–395, 789–879 (на арм. яз.)
- БАБАЯН Л.О. 1981. Историографические очерки по истории Армении (IX–XIII вв.). – Ереван (на арм. яз.)
- ДРАМБЯН Р.Г. (ред.). Армянские миниатюры. – Ереван.

ГРУЗИНЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ КАВКАЗА

Виада Артуровна Арутюнова-Фиданиян

В VII–XV вв. Грузия, как и ее соседка Армения, страдала от постоянных военных нашествий арабов, византийцев, сельджуков, монголов. Ослабление давления халифата Аббасидов в конце IX в. позволило Грузии восстановить государственность и возродить торговлю на своей территории и за ее пределами под присмотром армянского царского дома Багратидов. Давид IV Строитель, наиболее знаменитый из грузинских Багратидов, и его преемники действительно поддерживали торговлю, что позволило Грузии занять подобающее место в мировом хозяйстве. Одновременно правители Грузии боролись против феодальной разобщенности и избавляли свои города от власти феодальных господ. В XI–XII вв. такие грузинские города, как Тбилиси, Рустави, Самшвилде, стали важными центрами торговли и ремесел. В грузинских городах в период возрождения страны в IX в. успешно развивались и продолжали процветать до XIII в. столярное и камнерезное дело, сложная и простая металлообработка – от ювелирного дела до изготовления изящной столовой посуды из меди, серебра и золота, изготовление керамики, стеклотрунное дело, дубление кож и производство обуви, ткачество и изготовление тонких тканей из хлопка, шерсти и шелка, а также производство таких материалов для письма, как пергамент.

Грузинские города торговали не только с Арменией, но и с отдаленными странами – Византией, Персией и Египтом, экспортируя керамику, меха, шерсть, хлопок, шелк, одежду и ковры. Ввозили они сахар и в больших количествах драгоценности из Багдада, а также «греческие» ткани и шитую золотом парчу из Константинополя. Много ценных товаров поступало из соседней Армении. Поэтому в грузинских городах в IX–XIII вв. проживало много купцов и мастеровых.

Грузинская автокефальная Церковь также играла ведущую роль в хозяйстве страны: монастырские ленные владения расширялись, и в монастырях процветали ремесла, а Церковь в свою очередь участвовала в торговле, как внутренней, так и зарубежной. В то время как Церковь Армении активно поддерживала политику централизации власти армянских князей ветви Багратидов против феодальной вольницы, грузинское высшее духовенство, напротив, имело гораздо больше связей со своей местной знатью. Чтобы разорвать эти связи, грузинские Багратиды вынуждены были применять суровые меры, главным образом заменяя прямые назначения церковных чинов выборами духовенства.

Полное объединение Грузии позволило ей принять активное участие в ближневосточной международной политике. Ко второй половине XIII в. грузинское государство расширило свое влияние не только на все собственно грузинские земли, но также и на восточную часть Армении и даже на большую часть севера Малой Азии. Грузинские Багратиды носили титулы царей абхазов (Западная Грузия), картлийцев (Картли и Месхети), кахетинцев (Кахети) и армян. Они также притязали на господство над соседними мусульманскими *шахиншахами* и *ширваншахами*.

Хотя Кавказ славится огромным разнообразием этнических групп, все народы прожили бок о бок так долго, что их общая культура демонстрирует бесспорные свидетельства взаимовлияния и слияния. Русский востоковед Н.Я. Марр первым ввел понятие «кавказский культурный мир», а работы многих последующих кавказоведов сделали много для того, чтобы подтвердить правомерность такого определения. Общая христианизация с самого начала помогла укрепить кавказское культурное единство. Культ св. Григория Армянского в качестве небесного покровителя, который первым принес Евангелие на Кавказ, долго затмевал поклонение фигурам отдельных местных святых. Но затем внутренние различия неотвратимо разрушили единство церковей Армении, Грузии и Кавказской Албании (современный Ширван), и окончательно разрушив его в 726 г. на соборе в Манаскерте, где произошло столкновение армянской монофиситской и грузинско-халкедонской епархий. Албанская (кавказская) Церковь перешла под управление католикаса Армении. Но и много лет спустя после этого раскола грузинский автор XI в. Леонтий Мровели по-прежнему писал об изначальном духовном единстве всех кавказских народов (Туманов, 1963).

Культурный расцвет Грузии начался с созданием ее письменности. В VII–IX вв. преобладал книжный, церковный язык, как в работе «Мученичество Або Тбилисского». Но позднее, в IX и X вв., возник литературный язык, который уже использовался для перевода текстов с арабского, греческого, армянского, персидского и сирийского языков. Этот язык обладал такими живыми и народными оборотами, что часто переводы воспринимались как собственные труды грузинских авторов. Появились оригинальные жизнеописания грузинских святых (например «Жизнь Григория Хандзгийского» Георгия Мерчуле).

В истории средневековой грузинской культуры проявляется сильное влияние грузинских монастырей, активно действовавших как на территории страны, так и за ее пределами. Огромная литературная работа велась в монастыре Шатберд, коллектив писцов которого создал «Шатбердское собрание рукописей». Это собрание включало не только множество оригинальных грузинских текстов, таких как «Жизнь св. Нины» и «Обращение Картли» («Принятие Грузией христианства»), но и средневековые грузинские переводы важных классических греческих текстов – от обзора формирования греческой грамматики, составленного Дионисием из Фракии в I в. до н.э. (этот текст под названием «Искусство грамматики» представлен в более крупном труде «Учебник»), до армяно-грузинской редакции знаменитой греческой «Физиологии» (Бестиария). Научная грузинская литература XI в. была представлена работами Георгия Афонского и Ефрема Мцире, а история отражена в «Истории Грузии» («*Картлис цховреба*»). Ефимий Афонский, ученый-переводчик, работал в области правоведения, которое он обогатил созданием труда «Малый номоканон» (свод законов).

Грузинские монастыри на Синае, в Палестине (включая Иерусалим), на Кипре и горе Афон были пристанищем знаменитых переводчиков, филологов и других ученых,

грузинских и армянских (халкедонитов). Эти монастырские ученые обеспечивали культурную связь между средневековым кавказским обществом и миром Византии и Ближнего Востока, лежащим вдали от Кавказа. В самом деле, их совершенное знание не только классического греческого языка, но и арабских и персидских рукописей позволяло передавать опыт Востока на средневековый Запад. Например, «История Варлаама и Иоасафа», была переведена на греческий – через грузинский – с арабского варианта того, что изначально было историей Будды (Греков, 1953). В XI и XII вв. в дополнение к переводам с греческого появились грузинские версии переводов работ таких выдающихся персидских поэтов, как Фирдоуси («Шахнаме», или «Книга о царях»), Низами («Хосров и Ширин») и Гургани (поэма «Вис и Рамин»).

Философская мысль в Грузии была наиболее ярко представлена в работах представителя неоплатонизма Иоанэ Петрици (XI–XII вв.), который писал в монастыре Бачково на Балканах (в Болгарии).

Историография представлена работой «История Давида, царя царей» (Давид IV Строитель, царь Грузии в 1089–1125 гг.), работами трех летописцев царицы Тамары (царица Грузии в 1184–1213 гг.) и безымянным автором XIV в., который описывал политические события в Грузии XIII–XIV вв. В X–XIII вв. были созданы выдающиеся творения грузинской архитектуры, церковной и светской, а также замечательные фрески, миниатюры и предметы прикладного искусства (особенно гравировка по золоту и изделия из перегородчатой эмали).

Средневековая грузинская цивилизация в полной мере отразилась в светской поэзии. Наиболее знаменитой литературной работой этой классической эпохи была поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, посвященная царице Тамаре. Поэт изобразил реальных людей со всем присущим им комплексом чувств, страстей и мыслей. Автор с глубоким гуманизмом выразил любовь, восхищение женщиной и ее отстаиванием своей духовной свободы, провозгласил идею братства представителей разных народов и показал беззаветную преданность своей родине. Руставели по праву можно считать основателем нового грузинского литературного языка (Барамидзе, 1984). Его поэма входит в число лучших произведений мировой литературы, сочетая в себе классические идеи греческой философии и грузинского фольклора с тонким пониманием поэзии, которая тогда создавалась на персидском языке.

Начиная с X в. персидский язык стал основным литературным языком тех обширных регионов исламского мира, которые протянулись к востоку от арабских земель от Закавказья до Индии. В XI–XII вв. в регионе Кавказа персидский язык служил инструментом выражения чувств мусульманских поэтов Азербайджана Катрана, Хакани, Фалаки и Низами Гянджеви. Низами (1141–1209 гг.) был выдающимся поэтом-лириком, философом и гуманистом. Пять его великих повествовательных поэм – «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандернаме», или «Романтическая история Александра» – содержат множество социальных и философских раздумий с погружением в историю, объединенных темой любви (илл. 112, 113, 128). В его работах проступают армянские и грузинские мотивы, и, в свою очередь, он оказал заметное влияние не только на литературу исламского Востока, но также на поэзию соседних христианских стран Закавказья – особенно на грузинские светские стихи (Гула-заде, 1984). Двор царицы Тамары наводняли не только князья из христианской Грузии и принцы исламского Ширвана, но там собирались и поэты этих стран.

В этих условиях история «Сын слепого», долгое время бывшая популярной среди армян и осетин, перешла в язык тюркского Азербайджана во множестве фольклорных вариантов, наиболее распространенный из которых

стал в конце концов известен под названием «Кёр-оглы» (героический эпос огузов). В великом тюркском эпосе «Книге Деде Коркута» много упоминаний о ситуации на Кавказе и множество фольклорных нюансов, являющихся следствием взаимодействия между разными народами, проживавшими в пределах схожей географической, исторической и культурной среды (Мурадян, 1984).

Было подтверждено, что светская архитектура армянского города Ани в свою очередь оказала глубокое влияние на архитектуру его исламских соседей, а архитектурные украшения сельджуков в значительной мере перекликались с глубинными кавказскими мотивами: «(сельджукские) мавзолеи Ахлат, Эрзурум и др. являются продуктом, так сказать, прививки старохристианских стилей строительства церквей в Армении и Грузии» (Орбели, 1963).

Как бы то ни было, сложная кавказская культура X, XI и XII вв. была единой. Такое единство частично обеспечивалось самой эпохой, поскольку то было время, когда ислам проникал на Кавказ как культурная составляющая, которой суждено было закрепиться, поэтому мечети и церкви «стояли бок о бок», как выразился писавший на арабском языке географ XII в. Истахри (*Istakhrī*). Поскольку в XI и XII вв. Армения, Грузия и их исламские соседи имели столь схожую социальную среду, характеризовавшуюся бурным ростом городов, сильными династиями и пышной придворной жизнью, то не удивительно, что их общий культурный климат вызвал такое сходство художественных вкусов. Это великолепно отражено в «Витязе в тигровой шкуре» Руставели, «Хосров и Ширин» Низами и в архитектурных памятниках Ани.

В XII и XIII вв. в кавказском мире произошли этнические, политические и культурные изменения, имевшие далеко идущие последствия. Они размывали традиционную структуру национального и политического партикуляризма, что создало новые контакты и взаимное проникновение между христианским миром Кавказа и «миром ислама». Позднее, в конце XIII – XIV в., культурный и политический расцвет Грузии и ее кавказских соседей был резко прерван нашествием монголов.

По этой причине период с XIII по XV в. дал не много крупных работ в литературе, искусстве и архитектуре. К памятникам, которые следует упомянуть, относятся храм Метехи конца XIII в., церковь св. Саббаса в монастыре Сафари (*Safari*) и монастырь Чуле (*Chule*) XV в. в Самзхе (*Samzche*). Художники в эти времена все более предпочитали отделку архитектурных строений фресками, а не трудоемкой резьбой по камню. Во второй половине XIV в. был составлен «Ритуал грузинского двора». В конце XV в. был составлен новый вариант собрания грузинских летописей «*Картлис цховреба*», посвященный политическим событиям в стране в XI и XII вв. (так называемая «версия царицы Анны»).

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАРАМИДЗЕ А.Г. 1984. Грузинская литература. В: БЕРДНИКОВ Г.П. и др. (ред.). История мировой литературы. – М., т. II, с. 314–319.
- ГРЕКОВ Б.Д. 1953. Культура Грузии. В: ГРЕКОВ Б.Д. (ред.). Очерки по истории народов СССР, IX–XII вв., т. I, с. 578–596.
- ГУЛИЗАДЕ М.Ю. 1984. Литература Азербайджана. В: БЕРДНИКОВ Г.П. и др. (ред.). История мировой литературы. – М., т. II, с. 328–336.
- МАРП Н.Я. 1934. Ани. Изд-во Академии наук – М.–Л., с. 37–38.
- МУРАДЯН П.М. 1982. Культурный мир Кавказа и культ Григория Просветителя. Кавказ и Византия. – Ереван, т. 3, с. 5–20.
- 1984. Новые открытия в Кавказском мире. Кавказ и Византия. – Ереван, т. 4, с. 153–154.
- ОРБЕЛИ И.А. 1963. Избранные труды. Изд-во Академии наук. – Ереван, с. 364–365.
- TOUMANOFF, C. 1963. Studies in Christian Caucasian History. Washington, pp. 88 et seq.

15.4

НАРОДЫ КРЫМА

Сергей Павлович Карпов

Во все периоды своей истории Крым, или «Таврика», как его называли древние, был территорией, где происходило взаимодействие цивилизаций. Его население составляли многие этнические группы. Как в древности, так и в средние века города, расположенные на южном побережье п-ова, поддерживали тесную связь не только с Малой Азией, но и с кочевыми и полукочевыми народами внутренних степей на севере.

К VI в. Южный Крым и его восточные части вокруг г. Боспора были включены в состав Византийской империи. Другие части Крыма населяли сармато-аланы и готы, позднее произошла частичная ассимиляция последних. Крупный греческий *полис* (город-государство) Херсонес оставался главным городским центром владений Византии на п-ове. Херсонес чеканил собственные монеты и обменивал свои или византийские товары на зерно и продукты животного происхождения (главным образом меха), поставляемые обитателями степей. При византийском императоре Юстиниане I вдоль побережья и в центральной гористой части полуострова была построена цепь крепостей для защиты имперских владений от кочевников: Алустон (современная Алушта), Горзувитай (Гурзуф), Мангуп, Эски-Кермен и др. Распространение христианства сопровождалось интенсивным строительством в городах и крупных поселках церквей и баптистериев. В местонахождениях Херсонес, Мангуп и Парфениитай (*Parthenitai*), расположенных вдоль южного побережья, археологи обнаружили остатки нескольких храмов, украшенных мрамором и мозаикой.

В VII в. из-за набегов хазар, участвовавших к концу столетия, крымские города пережили упадок и жизнь в них стала приобретать сельский стиль. В VIII в. большая часть Крыма оказалась под властью Хазарского каганата, и одновременно на п-ове обосновались племена протоболгар. Однако в VIII–IX вв. наблюдались и периоды сравнительного экономического процветания. Отстраивались старые города, а в восточной и юго-восточной частях Крыма строились новые. Высококачественные гончарные изделия (глазурованные и неглазурованные) все больше заменяли грубую утварь домашнего изготовления.

Кризис иконоборчества в Византии спровоцировал бегство в Крым многих греческих ортодоксальных монахов и всех, кто по-прежнему поклонялся иконам, кто отвергал религиозную политику константинопольских императоров. Беженцы основали пещерные монастыри, высеченные в скалах вдоль морского побережья Крыма и в его горах. Эти выбитые в скалах церкви и часовни архитектурными и декоративными особенностями напоминают подобные сооружения, обнаруженные в Анатолии, особенно в Каппадокии. Известная в Крыму первая церковь с планом в форме креста, с центральным куполом, – церковь св. Иоанна Предтечи в Боспоре (современная Керчь) – относится к периоду на рубеже VIII и IX вв. Позднее в Крыму существовало четыре епархии – в Херсонесе, Готии, Судаке и Боспоре. Примерно в 861 г. св. Константин (Кирилл),

создатель славянского алфавита, осуществил миссию в Крым в попытке обратить хазар в христианство.

Власть хазар пошатнулась из-за нашествия печенегов в конце IX в. и позднее (в 965 г.) была свергнута киевским князем Святославом. В результате победы над Святославом в 971 г. византийцы восстановили свою власть над Готией. Тем не менее к концу X в. Восточный Крым с городом Корчев (Керчь) перешел под правление древнерусского Тмутараканского княжества. Позднее Крым, и в частности Херсонес, после кратковременной оккупации киевским князем Владимиром вновь стал важным пунктом на торговом пути, на этот раз между Византией, Киевской Русью и кочевниками северных причерноморских степей.

Ремесленники Херсонеса славилась резьбой по кости и дереву, изготавливали изящные изделия из металла и стекла. Их продукция, особенно глазурованная красная керамика и стеклянные браслеты, в больших количествах вывозилась в Киев, Новгород, Смоленск и Поволжье. Изделия крымских городов по художественному стилю и виду очень напоминали константинопольские и сирийские образцы, но при этом имели и собственные ярко выраженные черты. В целом крымское ремесленничество подверглось влиянию Ближнего Востока, Византии, славян и кочевников. Начиная с XIII в. здесь добавилось возрастающее влияние римско-католического Запада.

В конце XI – начале XIII в. Крымом владели куманы (половцы). Порт Судак стал тогда главным политическим и торговым центром Крыма. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Херсонес и другие византийские владения признали власть Трапезундской империи. В Крыму возникло несколько независимых княжеств, таких как Феодоро (Мангуп), где правила греческая династия Габрадезов (*Gabrades*); Кирк-Йер (*Kirk-Yer*) и другие. Со своей стороны Румский султанат в Анатолии предпринял попытку захватить Судак.

Этот период политической нестабильности закончился с завоеванием всего п-ова монголо-татарами в 1239–1242 гг. Вскоре Крым стал *улусом* (или «уделом», принадлежащим ветви монгольского рода) Золотой Орды, которая сама относилась к огромной западной части Монгольской империи. Первый независимый хан Золотой Орды Берке (правил в 1257–1266 гг.) приказал переписать все население своей империи, обязанное платить налоги. В список входило и население Крыма. Берке положил начало регулярной чеканке монет улуса Джучи (Золотой Орды) в крымских городах. Татарское население Крыма начало активно переходить в ислам во время правления Берке. Полная исламизация была достигнута при Узбеке (правил в 1312–1342 гг.), при котором широко распространилась арабская и персидская литература. Начиная с XIV в. братства дервишей, главным образом из Малой Азии, распространяли среди крымских мусульман учение суфизма, или исламского мистицизма.

Но войны, которые опустошали восточную часть Малой Азии в XIII и XIV вв., вызвали также значительный приток

армянского христианского населения в города Крыма. Армяне активно занимались торговлей и ремеслами, а их монастыри (Сурб Хач и другие) прославились созданием прекрасных иллюстрированных рукописей.

Тем временем, начиная с 60-х гг. XIII в., крымские порты сделались во многом морскими терминалами для караванных путей, связывавших Европу с Поволжьем, Центральной Азией, Индией и Китаем. Именно это побудило итальянские морские республики основать там свои торговые представительства. Таким образом, в 1265 г. генуэзские купцы обосновались в Кафе (прежняя Феодосия). Кафа стала наиболее важным пунктом в цепи черноморских колоний Генуи, куда также входили (помимо многих других) Чембало (Балаклава), Воспоро (Керчь) и Судак. Венецианцы первыми обосновались в Судаке около 1287 г., но их генуэзские соперники отняли у них эту колонию в 1365 г. Для распространения римско-католических миссий в этом регионе и для создания итальянских поселений с надлежащей церковной основой в начале XIV в. папа придал Воспоро статус епархии архиепископа, а францисканцы и доминиканцы построили здания капитулов в Кафе, Судаке и Воспоро с целью пропаганды католицизма среди «северных татар».

Это «латинское» присутствие в Крыму сопровождалось многими новыми факторами в культурном и социальном развитии региона. Кафа стала основным центром продажи рабов в Левант, а также центральным пунктом обмена товарами, сопутствующими технологиями и культурными достижениями самых разных стран. Собственный смешанный язык Кафы появился между XIII и XIV вв. Знаменитый *Codex Cumanicus*, латино-персидско-куманский словарь, наиболее вероятно, составлен именно в Кафе около 1303 г. Примерно столетие спустя учитель грамматики, который работал и писал в Кафе, Альберто Альфьери (*Alberto Alfieri*), следуя европейской моде того времени, сочинил аллегорическую поэму на латыни «*Octoad*», («Восемь глав»), в которой не только описал политическую борьбу в Милане и Генуе, но также уделил место красочному описанию Кафы. Фортификационные сооружения в Кафе, Солдае и Чембало, башни и стены которых частично сохранились до наших дней, наглядно подтверждают интеграцию Крыма в систему экономических и политических отношений, преобладавших в то время в Средиземноморском регионе, и об этом же свидетельствуют нотариальные записи и бухгалтерские книги, сохранившиеся в архивах Венеции и Генуи. Несмотря на периоды резкой конфронтации как с ханами Золотой Орды, так и с местными татарскими правителями, итальянские поселения смогли выжить (им не оставалось иного выбора), налаживая многосторонние отношения с различными народами региона Черного моря, Кавказа, Анатолии, а также Придунайскими областями, землями Руси, Польши и Литвы. Сама Кафа была населена греками, армянами, татарами, славянами, кавказскими народами, валахами, евреями и другими народами, где «латины» составляли меньшинство, хотя и формировали высший социальный слой.

Разнообразные культурные традиции можно проследить также на примере княжества Феодоро. И в архитектуре (комплекс дворцовых зданий в Мангупе), и в росписях стен (фрески в кладбищенской церкви Эски-Кермен и в пещерной часовне Черкес-Кермен) явно выражен поздний византийский стиль. Однако система укреплений Мангупа

и Каламита имеет, кроме местных и византийских, характерные генуэзские черты. Мраморные плиты с надписями и оружие с инкрустациями князей Мангупа сочетают в себе византийские, татарские и итальянские декоративные элементы.

Солхат (Старый Крым) был наиболее значимым татарским городом в Крыму в период между XIII и XIV вв. Великолепная мечеть с пристроенной медресе (исламской школой) была возведена здесь в 1314 г. ханом Узбеком. Ее портал – образец искусства исламской резьбы по камню. *Дюрбе*, или мавзолеи в Чуфут-Кале и Эски-Юрте также демонстрируют тесную взаимосвязь между стилями зодчества крымских татар и традициями архитектуры сельджуков в Малой Азии. В Кырк-Ер (Чуфут-Кале) в Центральном Крыму в XIV в. возникло укрепленное поселение караимов, или крымских евреев. Поселение славилось отличной библиотекой с книгами на иврите и служило религиозным и культурным центром караимов до XIX в.

Самостоятельный Крымский каганат возник между 1430 и 1440 гг., в начале распада Золотой Орды. Позднее, в 1475 г., все крымские колонии генуэзцев, в том числе и княжество Феодоро, были захвачены Османской империей. Крымские ханы династии Гиреев признали османских султанов своими верховными правителями. Государства крымских ханов были военизированными с упором на кавалерию. Лошадей поставляли племена татарских скотоводов. Финансовая система ханства в значительной мере зависела от внешних поступлений, взыскиваемых в виде дани или захватываемых как трофеи при набегах на северных соседей. Кроме того, крымские ханы зарабатывали на торговле рабами и получали значительные налоги с собственных христиан в сельской местности (для сравнения можно отметить, что гораздо меньшие налоги взимались с подданных татар-мусульман). Столица ханства Бахчисарай стала важным центром исламской цивилизации. Выдающиеся архитекторы построили здесь дворец ханов, мавзолей (*дюрбе*) Хаджи Гирея (1510 г.) и медресе (1500 г.), которая была широко известна в восточных исламских странах качеством преподавания Корана. Мечеть в Гезлеве (Евпатория) возводилась знаменитым османским архитектором Синаном (1552 г.). При этом в Крыму продолжали существовать греческие монастыри и строились новые.

Несмотря на жестокие разорения, традиции высокой культуры продолжали существовать в Крыму в средние века, что отражало тесный контакт и плодотворное взаимовлияние христианской, исламской и других цивилизаций (илл. 137).

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАРАНОВ И.А. 1900. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев.
 КАРПОВ С.П. 1991. Причерноморье в средние века. – М.
 МИЗ В.Л. 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев.
 ЯКОБСОН А.Л. 1974. Крым в средние века. – М.
 BALARD, M. 1978. La Romanie Génoise (XIIè–début du XVè siècle). Rome–Genoa.
 BENNIGSEN, A. et al. 1978. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris.
 BRĂTIANU, G. 1969. La Mer Noire. Munich.
 VASILIEV, A. 1936. The Goths in the Crimea. Cambridge. X.

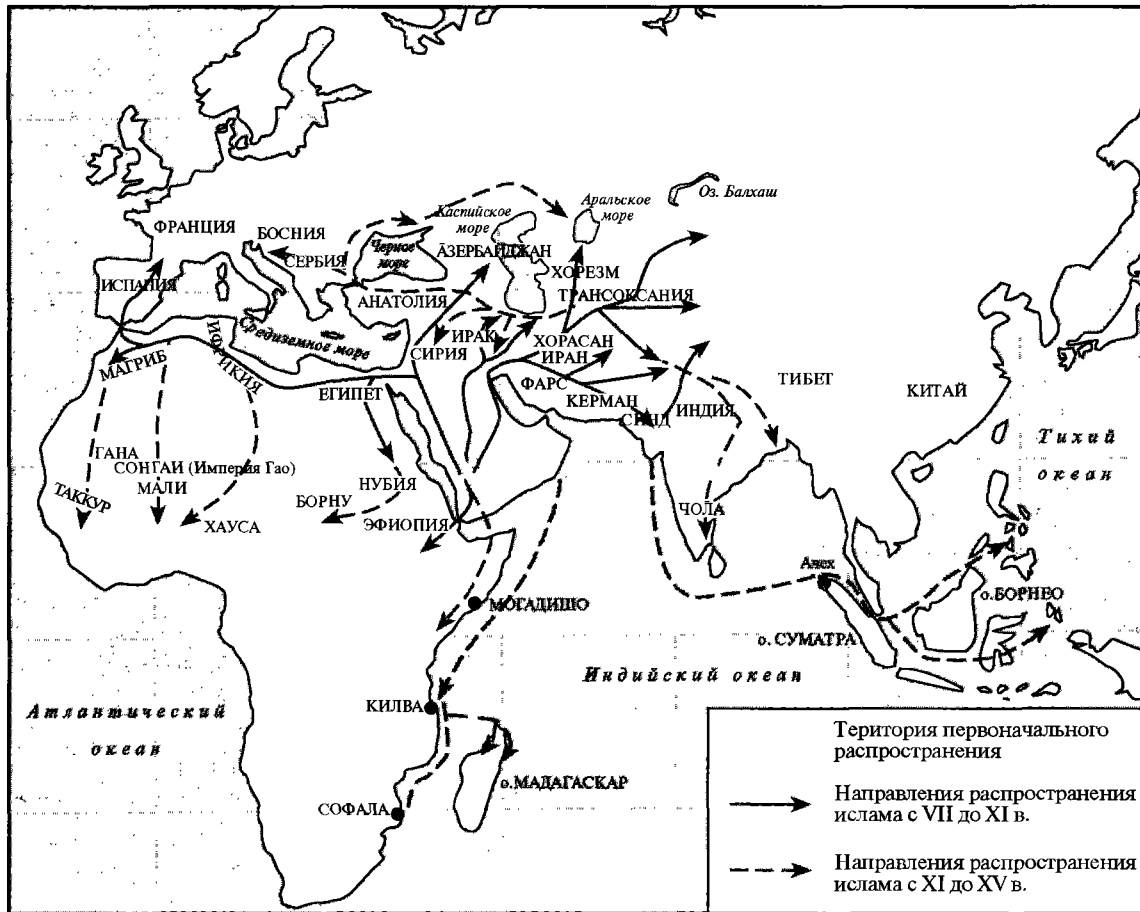
III. Мусульманский мир и его арабская часть

ВВЕДЕНИЕ

Абдул Азиз Дури

Когда в 622 г. Мухаммед перебрался из своего родного города Мекки в Ясриб (Ятриб, современная Медина), где его ожидала небольшая группа последователей, никто и представить себе не мог всех тех важных последствий этого события, которое даже враждебно настроенные члены рода курейшитов из Мекки, видимо, посчитали не более чем малозначимым эпизодом. Однако в течение следующих десяти лет на просторах Аравийского полуострова Пророк добился настоящего триумфа своей веры, и даже его смерть в 632 г. не остановила распространение ислама, несмотря на противодействие бедуинских племен.

В период правления еще не сформировавшихся династии халифов («праведных халифов»; 632–661 гг.) была сокрушена империя Сасанидов в Иране и завоеваны богатые восточные земли Византийской империи (Сирия, Палестина и Египет). Несмотря на внутренние разногласия, постоянно выливавшиеся в серьезные восстания (одно из которых и уничтожило его), халифат Омейядов (661–750 гг.) продолжил начатую экспансию, которая привела к установлению арабского господства на берегах Инда и Сырдарьи (древняя Яскарт) на востоке и на Пиренеях и побережье Атлантики на западе. Ислам как религия широко распространился

Карта 12. Направления распространения ислама в Старом Свете с VII до XV в. (рис. Mantran)

именно в этих географических пределах, а наиболее знаменательными переменами с тех времен можно считать распространение ислама в Малой Азии (Турция), в Африке южнее Сахары, в Южной Азии, Малайе и в Индонезии, а также потерю им позиций в Испании (карта 12).

Одной из наиболее характерных черт арабских завоеваний, молниеносных и обширных, какими они являлись на начальном этапе, было превращение завоевателей из пустыни в некую элиту, возглавившую многонациональную цивилизацию, причем покоренные народы принимали не только веру захватчиков, но зачастую и их язык. Даже когда вместе с упадком халифата Аббасидов (750–1258 гг.) навсегда исчезло политическое единство исламского мира, арабский язык и общая вера, а также торговые отношения, поддерживаемые ежегодными хаджами в Мекку, связали воедино различные исламские регионы посредством единой «высокой» культуры и множества общих особенностей социальной и материальной жизни.

И тут одной из наиболее заметных общих особенностей жизни являлся город. Действительно, большинство племен, формировавших первые армии арабских завоевателей, составляли бедуины или кочевники пустыни, но основная власть, по существу, оставалась в руках рода курейшитов, гораздо увереннее остальных чувствовавших себя в сфере торговли и в условиях городского образа жизни. Города-лагеря, такие как Куфа (Ирак) или Кайруан (Северная Африка), где арабские воины, сохранявшие свои племенные деления, предпочитали селиться вначале, со временем уступили место настоящим городам, развившимся и достигшим процветания благодаря халифам. Сюда можно отнести как древние города, такие как Дамаск, столицу халифата Омейядов, так и более молодые поселения, например Багдад, столицу халифата Аббасидов, или Каир, столицу Фатимидов.

Пышная городская жизнь в исламском мире была в резком контрасте с упадком городских поселений, характерным для «темных» и средних веков в Западной Европе. В исламском мире густая сеть караванных путей соединяла крупные города, и характерно, что именно эти маршруты сформировали основную сетку, к которой арабские географы привязали известный им мир. По этим путям перемещалась не только продукция ремесленников, но происходил обмен и самими ремеслами и технологиями. Благодаря им очень быстро распространилось производство бумаги, как только китайский секрет ее изготовления в VIII в. изучили в Трансоксании, так же как в обратном направлении распространилось, например, использование водяных колес (*сакия*) для привода механизмов.

Исламский мир, возродив Великий шелковый путь в Китай и поддерживая арабо-иранское мореплавание в Индийском океане и арабское – в Средиземном море, помог объединению различных стран Востока и Запада в единую торговую сеть. Поэтому в VII в. и позднее никогда не было такого значительного разрыва деловых связей между странами Средиземноморья, как полагает Пирен (*Pirenne*), хотя, несомненно, в некоторых местах и в определенные периоды вследствие арабских военных действий на суше и на море происходил некоторый упадок торговли.

Начиная с VIII в. культурная жизнь этого крупного региона была отмечена широким использованием арабского языка практически для всех целей образования и науки. Он заменил среднеперсидский, греческий, сирийский, коптский и латинский языки даже для иудеев и христиан, писавших свои труды в исламском мире на философские и научные темы. Одним из преимуществ арабского языка явилось наличие большого количества переводов на него научных греческих трудов (как древнейшего, так и эллинистического периодов), а также значительного числа переводов индийских научных текстов (в основном по астрономии и математике). Как только арабский язык сделался хранилищем столь богатого наследия, он начал обогащаться и далее за счет фундаментальных вкладов в области

философии и науки. Ар-Рази (латинизир. Разес, 860–932), Ибн Сина (Авиценна, 980–1037), аль-Бируни (973–1048), Ибн Рушд (латинизир. Аверроэс, 1126–1198) и Ибн Хальдун (1332–1406) – только некоторые из тех, кто прославил медицину, науку и философию (а в случае Ибн Хальдуна – и социологию).

Существовал и другой источник развития таких направлений, как история и жизнеописание известных людей на арабском языке. Он заключался в приверженности собиранию и записи устных преданий (*хадисов*) о поступках и изречениях Мухаммеда (*сура*), совокупность которых, признанных богословами достоверными, составляет *сунну*, которая устанавливает модель поведения для всех верующих. В то время как эти повествования формировали ранние сочинения о жизни и деяниях Пророка (например, Ибн Исхак, 704–767 гг.), проверка правдоподобности сведений, передаваемых рассказчиками хадисов, создавала почву для работы исследователей-биографов. «История посланников и царей» арабского историка Табари (839–923 гг.) является, вероятно, величайшей исторической работой раннего периода.

Развитие исламской теологии привело к формированию в VIII и IX вв. всеобъемлющей правовой системы, получившей название *фикх* (*fiqh*), в рамках четырех суннитских учений (Абу Ханифа, Малика ибн Анаса, аль-Шафии, Ахмада ибн Ханбала), а также учения шиитов (Джафари). В сфере богословских доктрин арабский богослов аль-Ашари (784–936 гг.) боролся против вероучения мугазилитов (араб. – «обособившиеся») – создателей ранней мусульманской теологии рационалистического характера. К X в. были созданы детальные контуры ортодоксального ислама, что привело в общественной жизни мусульман к высокой степени единообразия, несмотря на многочисленные различия во мнениях отдельных школ и на сохранившиеся противодействия местных обычаев.

Казнь Мансура Халладжа (*Hallaj*, 858–922 гг.) за его заявление «Я есть Бог!» ознаменовала общественное проявление понятных до тех пор лишь узкому кругу посвященных идей суфизма. С этого момента суфизм стал развиваться параллельно ортодоксальной теологии, с упованием на мистическую любовь, а не на ожидание награды или страх перед наказанием как на основной фактор смирения человека перед Богом.

Суфизм сделался открытым культом, со своими правилами, организацией и текстами проповедей. Поскольку он разделял общую антипатию к рационализму, то заслужил признание от аль-Газали (1058–1111 гг.), одного из крупнейших мусульманских теологов, философов и мистиков. Развиваемый далее, и особенно арабским мыслителем и поэтом, мистиком аль-Араби (1165–1240 гг.), суфизм пришел к учению о едином начале бытия и потому к вере в абсолютный монизм (*вахдат аль-вуджуд*). Таким образом, ислам выработал богатое разнообразие проявлений религиозной мысли, хотя почти неизбежно следствием этого явился ощутимый упадок в сфере научных достижений.

Оказавшись под влиянием ислама, более древние географические и исторические регионы в значительной степени сохранили свою идентичность, но языковая карта мира изменилась неимоверно. Из разговорного языка воинов, вышедших с малонаселенного Аравийского полуострова, арабский язык сделался на покоренных землях не только языком чиновников, ученых, купцов и горожан, но даже начал вытеснять обычные диалекты в деревнях и пустынных землях на просторах от Евфрата до Атлантики. Даже кочевники-берберы в Северной Африке в течение первого тысячелетия господства ислама в значительной мере перешли на арабский. В отсутствие каких бы то ни было значительных миграций, как, например, таких, которые привели к распространению германского или турецкого языков на больших территориях приблизительно в тот же самый период, продвижение арабского языка можно

считать замечательным достижением. Только в регионе Ирана он ограничился распространением в среде государственных чиновников и ученых. Более того, с X в. там началось настоящее возрождение персидского языка в его классическом виде, обогащенном в значительной мере словами арабского происхождения и арабскими стихотворными формами, хотя и с неукоснительным соблюдением «арийской» лингвистической структуры. Чудесный ренессанс персидского языка, давший таких поэтов, как Абулькасим Фирдоуси (ок. 940–1020 гг.), Джалаледдина Руми (1207–1273 гг.) и Шамседдин Хафиз (ок. 1325–1389 или 1390 гг.), и таких историков, как Рашидаддин (1248–1318 гг.), является славной страницей исламской цивилизации.

Пышно расцвели во всем исламском мире и некоторые направления в искусстве, например «сарацинская» архитектура, основанная на арочных конструкциях, с куполами и минаретами, с подчеркнутым сочетанием света и пространства, а также «арабески», или барельефы в виде сложного и прихотливого переплетения геометрических и стилизованных растительных мотивов. Имело место также общее преклонение перед красивой каллиграфией, как при нанесении надписей на камень, так и на кожу и бумагу; кувический стиль изящного письма затем был продолжен

величественным стилем *насх* (*naskh*) и роскошным стилем *насталик* (*nasta'liq*) (илл. 70, 71, 107–114).

И в распространении видов присутственных мест существовала подобная открытость. Если с самого начала основной постройкой для отправления обрядов прихожанами повсеместно являлась мечеть, то *ханках* (*khānqāh*), или «приют» сделался обычным местом, как только получил распространение суфизм. С XI в. наступила эпоха *медресе* («колледж») – основного типа высшего образования в исламе.

Без сомнения, для мусульманского общества была характерна высокая степень иерархичности, равно как и деспотичности правления, а социальное неравенство, вплоть до рабства и ограничения прав женщин, присутствовало практически повсеместно. Кроме того, ислам в восточных регионах своего распространения испытывал еще и существенное давление монгольских завоевателей, особенно когда его романтический союз с наукой и философией уже близился к закату. Тем не менее достижения ислама на тот период были столь выдающимися, что исламская цивилизация может по праву занимать высокое место в истории человечества того периода, который рассматривается в данном томе.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМА

16.1

ПОЯВЛЕНИЕ ИСЛАМА В АРАВИИ

Абдул Азиз Дури

Ислам возник в первой половине VII в. на Аравийском полуострове, в стране малонаселенных пустынь и оазисов. Объединенные новой верой, провозглашенной Мухаммедом как Пророком Господа, арабы быстро создали собственную империю и великолепную цивилизацию. Теперь уже признано, что это было нечто большее, чем просто движение кочевников, вызванное малопонятными циклическими изменениями климата и демографическими сдвигами. В наши дни все большее внимание привлекает систематизация тех сложных процессов, которые накапливались и развивались с течением времени в пределах Аравии. К ним можно отнести распространение оазисного сельского хозяйства, появление поселений городского типа, расширение караванной торговли и определенную унификацию культуры, основанную на распространении общепринятого арабского языка, который замещал различные диалекты как кочевых, так и оседлых сообществ. Эти разнообразные факторы уже к VI в. создавали предпосылки для того, чтобы арабские племена на границах с Византией и Ираном приобретали новую политическую силу и стремление к экспансии на земли своих соседей.

К VII в. земли в среднем и нижнем течении Евфрата и некоторые части Месопотамии уже были широко «арабизированы». В Сирии арабские племена распространялись в направлении на восток и юго-восток страны. Поскольку это нашествие кочевников представляло собой угрозу, Византия в IV–VI вв. стремилась поддерживать своих арабских союзников, таких как племена танух, салих и гассан. Они сделались вассалами Византии, служившими для защиты границ империи, отражения набегов кочевников и обеспечения дополнительной помощи византийской армии. Племя лахмидов находилось в аналогичном подчиненном положении по отношению к Ирану. Тенденция к созданию более крупных политических общностей в пределах Аравии может быть прослежена в преданиях о походах, описанных арабским поэтом Имру-Уль-Кайсам (*Imri' l-Qays*) из племени кинда, в Наджран на юго-западе Аравии, походах Сабайта (*Saba'ite*) в Карьят-эль-Фау и более поздних кампаниях Абраха (*Abraba*) против племени хулубан и некоторых других племен (предположительно в 552 г.).

Племена гассанидов и лахмидов участвовали в войнах между Византией и Ираном, но временами они проявляли независимость от своих верховных властителей. Род лахмидов перервался в 602 г., а гассаниды исчезли в начале VII в.

Племя кинда из Хадрамаута удерживало Карьят-эль-Фау, караванный центр на пути из Юго-Западной Аравии к Персидскому заливу, и продвигалось к северу. Эта федерация племен играла важную роль в V и VI вв. в Неджде и Ямаме. Однако федерация распалась, и племя кинда вернулось в Хадрамаут примерно в 570 г. Гассаниды защищали торговые пути – северную часть маршрута доставки благовоний, включая Вади-Сирхан, а также торговые рынки (*aswadq*) в Думе и Бусре. Они покровительствовали поэзии и пользовались арабским языком при ведении записей, а также в своих храмах. Лахмиды защищали торговый путь из Йемена, проходивший через Хиру. Хира сделалась важным городом и центром христианства. Ее письменность происходит от арамейской (набатейской), от которой берет свое начало и арабская письменность VI в.; по этой причине арабская поэзия процветала и здесь. Племя кинда также внесло значительный вклад в арабскую поэзию, особенно благодаря его поэту и правителю Имру-Уль-Кайсу, политическое возвышение которого, вероятно, привело к распространению арабского литературного языка в Южной Аравии.

В более поздних исламских преданиях этот период обозначен как период *джахилийи* («невежества») и вспоминается как время героизма и межплеменных конфликтов – *айям аль-Араб* («арабских сражений»), а также как время зарождения племенных кодексов чести (*мурува*). Однако следует помнить, что проникновение иудаизма и христианства во многие части Аравии означает, что там везде должно быть определенное сходство монотеистических воззрений и этических норм, отличных от присутствующих племенному строю. Литературный арабский язык, замещая племенные диалекты, значительно развился и к V в. распространился по всему п-ову. Доисламская арабская поэзия достигла своей кульминации в VI в., когда в Мекке была принята современная арабская система письма.

В VI в. наблюдалось постепенное возвышение Мекки как города, где сходились караванные пути, а также и как священного места. Предание приписывает Кусаю (начало V в.) выдвигание на историческую сцену рода курейшитов. Распространение сообщений о святилище (*хафам*) Каабы в Мекке и о курейшитах как о потомках Исмаила (сына Авраама) и как о стражах Каабы помогало поддержанию дружбы и преданности кочевников курейшитам – горожанам и торговцам, а паломничество часто сочеталось с проведением ярмарок. Хотя в Мекке находился пантеон

языческих богов, там наблюдались и зачатки монотеистических идей: троица богинь аль-Лат, Узза и Манат считалась дочерьми Аллаха, а местные священники (*ханифы*) рассматривали себя в качестве последователей веры Авраама и, следовательно, в качестве монотеистов.

Один из перевалочных пунктов на пути перевозки благовоний, Мекка полностью зависела от торговли, даже в вопросах обеспечения себя продовольствием. Все начиналось с местной торговли, которая затем развилась до международной. Падение Пальмиры и непрекращающиеся войны между Византией и Ираном благоприятствовали развитию торговых путей через Мекку, которая находилась в стороне от основного театра военных действий. Одновременно с этим упадок мощи племени химьяр позволил возвыситься роду курейшитов. Все общие проблемы племени в Мекке при курейшитах решались через *мала*, или совет из богатых мужчин и членов признанных «благородными» семейств. Племенные узы ощутимо ослабевали с ростом торговых отношений, и, таким образом, вид правления курейшитов можно определить как жесткую олигархию.

Именно в этом умеренно благополучном городе и родился Мухаммед. Важнейшим источником фактов его жизни и пророческих проповедей является Коран – собрание откровений (*вахй*), которые, как он утверждал, получены им от Бога и в которых рассказчиком был Бог, а сам Мухаммед – непосредственным слушателем. Тексты откровений были собраны вместе только после смерти Пророка (632 г.). В Коране они не выстроены в хронологическом порядке, и потому событие и его значение, связанные с конкретным откровением, часто известны только из более поздних пересказов и комментариев. В широком смысле слова, они разделяются на две группы: полученные еще в Мекке в 622 г. или до него и полученные позднее в Медине (622–632 гг.). Более ранние в основном связаны с вопросами веры, тогда как в поздних больше говорится о правовых аспектах организации четкого социального устройства.

Рассказы о Пророке в том виде, в каком они были услышаны от очевидцев, разносились повсюду, и когда их начали записывать, эти истории стали известны как *хадисы*. Из таких устных повествований сложились и были составлены систематизированные записи о жизни и деяниях Пророка (*сира/магхази*). Первые работы над сирой, относящиеся ко второй половине VII в., написаны Аббан ибн-Усманом (*Abban ibn Utbmān*, ок. 713 г.), Орва ибн аль-Зубайром (*Urwa ibn al-Zubayr*, 694–712 гг.) и дополнены Зухри (741 г.) и его современниками. Первая полная сира была создана Ибн Исхаком (761 г.), учеником Зухри. Вакиди (823 г.) и Ибн Саад (844 г.) довели этот жанр до совершенства в смысле стиля и содержания. Естественно, со временем развилась тенденция к некоторым преувеличениям, и, кроме того, быстро распространялись различные народные рассказы, часто лишённые какой-либо исторической достоверности. Поэтому историку не следует слишком полагаться на значительный объем благочестивой литературы подобного типа.

Пророку было, вероятно, 40 лет (ок. 609 г.), когда он получил первый призыв к началу своей миссии, и его деяния в Мекке продолжались около 13 лет, после чего, в 622 г., он переехал в Медину. Большинство преданий относит его рождение к 570 г., но единого мнения об этой дате не существует.

О жизни Мухаммеда до божественного призыва к пророчеству известно мало. Он происходил из уважаемой семьи, имевшей, однако, весьма скромный достаток, и в юные годы познал множество трудностей. Отец Мухаммеда умер до рождения сына (Коран, xciii. 6), он рано остался без матери, а скоро скончался и его дед Абдул-Мутталиб. Фактически его воспитал дядя Абу Талиб. Первые четыре или пять лет жизни Мухаммед провел в пустыне с племенем бани-саад, присматривая за овцами, принадлежавшими нескольким состоятельным жителям Мекки. Еще мальчиком он вместе с караваном своего дяди побывал в Сирии. Религиозные предания утверждают, что Мухаммед не принимал участия в идолопоклонстве,

и вполне вероятно, что он мог быть предрасположен к верованиям ханифов, мекканских монотеистов.

Мухаммеда называют *умми* (vii, 157), что обычно переводится как «неграмотный», но некоторые моменты указывают, что это определение, вероятно, используется потому, что он не мог читать священные (иудейские и христианские) писания (xxv. 4, 5); слово «умми» может также обозначать того, кто происходит не от иудеев (lxii. 2).

В 25 лет Мухаммед женился на Хадидже, богатой вдове, занимавшейся ростовщичеством и торговлей. Эта женщина включила его в свои торговые операции в Сирии и некоторых других местах (дважды в Джураше) и была в восторге от его человеческих качеств и честности. Она все время оставалась рядом с ним и родила Мухаммеду четырех дочерей и двух сыновей, которые оба умерли в младенчестве.

В Мекке Мухаммед стал известен как *аль-амин* («честный») и еще до своего пророческого зова во время перестройки здания храма Каабы выступал в качестве третьей стороны в разрешении спора о том, как там следует разместить священный Черный камень. Частично высокая репутация Мухаммеда могла быть следствием его растущего интереса к духовным вопросам, который выражался в периодическом уединении в пещере в горах Хира рядом с Меккой для молитв и благочестивых раздумий (что не могло оставаться незамеченным в Мекке), где его посещали различные видения. Тем не менее первое божественное откровение глубоко его потрясло.

Считается, что в суре xcvi. 1 ff изложено первое откровение, после которого последовали другие (начиная с сур lxxvii. 1–5), посещавшие Пророка до последних дней его жизни. *Вахи* (откровения) являлись ему в звуковой форме: говорили, что они возникали время от времени как звон колокольчиков или же ангелы говорили ему определенные слова (lxxv. 16–18, lxxvii. 6). Откровения приходили к нему так же, как и к предшествующим пророкам (iv. 163).

Первоначально, с момента, когда Мухаммед определился в основных требованиях полученного небесного зова, миссия в Мекке была секретной, но тремя годами позже он провозгласил ее открыто (xv. 94). Обращения в новую веру начались с его семьи и друзей; затем – члены его клана и население Мекки, к которому, естественно, и были обращены первые проповеди (vi. 93). Откровения приходили на арабском языке, родном языке народа Пророка (xiii. 37; xxvi. 194–5, 198–9), но, как указано в некоторых стихах мекканского периода, были адресованы всем народом (напр., vi. 90, xiii. 38, xxv. 1).

Основы вероучения были разработаны в период пребывания Мухаммеда в Мекке, а позднее в Медине развиты и дополнены законодательными и практическими положениями. Вера в единого Бога и в Судный день (vi. 2, 6–46; lxxviii. 1–6) являлась основополагающим элементом, на который делался особый упор, равно как и на отрицание политеизма и идолопоклонства. «Покорность» Богу (*аль-Ислам*) была определена в качестве основной добродетели, а поклонение Господу – ее внешним проявлением (iii. 18–19). В основах новой религии подчеркивались также моральные ценности, как честность, доброта, скромность и целомудрие. Предписывалось также уважение к родителям и подчинение им, соблюдение прав других людей и благотворительность, особенно по отношению к бедным и сиротам (ii. 177; iv. 36; xvii. 26). Особо поощрялось освобождение рабов (xc. 13; также iv. 92; lviii. 3).

Еще в Мекке был провозглашен первый из пяти «столпов» ислама – молитвы (xcvi. 9–10; lxxvii. 14–15) и было определено время их проведения (iv. 101–3). Пост был первоначально предписан на один день (*ашура*), как практиковалось и иудеями (10-го дня месяца *тишри*), и родом курейшитов. Основной пост (*ураза*) в месяц рамадан был введен в Медине в 624 г. (ii. 183–188). Затем обязательным было установлено паломничество в Мекку (ii. 158, 189, 196). Подаяние милостыни было рекомендовано в Мекке (ii. 19; xxvii. 3), а уже

в Медине оно было введено как обязательный элемент (xxxiii. 33) и были определены его размеры.

Положение верующего при произнесении молитвы (*кибла*) сначала было выбрано с ориентацией на Иерусалим, но в 624 г. было изменено в сторону Мекки (ii. 144, 149). Это изменение является существенным, поскольку подчеркивает связь ислама с пророком Авраамом, легендарным основателем храма Каабы (ii. 127). Ислам был объявлен возвращением к религии Авраама (араб. – Ибрахим) (ii. 130–135), который являлся ханифом и *мусульманником* (т.е. тем, кто «предает себя Богу») (iii. 67). В практическом смысле ислам безусловно выиграл в Аравии, используя имя ее «святейшего из святых», который здесь отождествлялся с признанным центром паломничества арабов.

Миссия Пророка продолжалась, поначалу не встречая особого сопротивления, до тех пор пока Мухаммед не начал ниспровергать языческих богов и столь явно покушаться на родовые верования жителей Мекки (xi. 62) и подрывать веру в богов их пантеона, что таило в себе угрозу для курейшитов, стражей храма Каабы. Особенно сильное противодействие новые воззвания встретили со стороны состоятельных людей, поскольку это определенно грозило их торговле (xxviii. 57). Вначале небольшая, но постоянно расширявшаяся группа последователей Мухаммеда включала его жену Хадиджу, его юного двоюродного брата Али (позже, в 656–661 гг., – четвертый халиф), его близкого друга Абу Бакра (первый халиф, 632–634 гг.), Омара (халиф в 634–644 гг.) и Османа (халиф в 644–656 гг.). Они, вместе с другими, были готовы проявлять исключительную силу духа и верность Пророку во всех суровых испытаниях, которые не замедлили последовать.

Мухаммед подвергался оскорблениям (xxiii. 70) и осмеянию (xv. 11; 95; vi. 10). Хотя благодаря поддержке Абу Талиба и его клана прямой угрозы жизни Пророка не было, против него втайне готовились заговоры (viii. 30; xxi. 3; xliii. 80). Обращенные в новую веру, особенно бедняки и рабы, не имевшие своих племен, которые могли бы оказать им поддержку, оказались тогда в тяжелейшем положении.

Поскольку Мухаммед не мог защитить своих последователей, он рекомендовал им перебраться в Абиссинию, и некоторые (по имеющимся предположениям, одиннадцать мужчин и четыре женщины) так и поступили на пятом году его проповедования. Годом позже эмигрировало более 80 человек, хотя некоторые затем вернулись. Курейшиты предприняли жесткие меры и выгнали клан Бани Хашима и Абу Талиба, поддерживавший Пророка, в долину (*шииб*) последнего, прекратив отношения с этим кланом. Однако это вполне могло быть не так тяжело для них, как представлялось более поздним исследователям ислама, тем более что через три года (в 619 г.) изгнанию пришел конец.

Правда, за это время Мухаммед потерял свою жену Хадиджу и Абу Талиба и не мог самостоятельно получить требуемой поддержки в Мекке. Он попытался обосноваться в Таифе (Эт-Таиф) к юго-востоку от Мекки, но потерпел неудачу. И тогда в сезон наплыва паломников он обратил свои проповеди к людям из Медины. В первый такой сезон (620 г.) новую веру приняли шесть человек, а во второй (621 г.) – двенадцать. С этими людьми был послан Мусааб ибн-Омайр для дальнейшего проповедования. К третьему сезону паломничества (622 г.) ислам распространился в Медине, и многие жители этого города тайно встречались с Пророком в Акабе, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение.

В 621 г. Пророк поведал своим последователям об *Исре* (ночном путешествии в Иерусалим) и о *ми радже* (вознесении на Небеса) (xvii. 1, 60). Айша утверждала, что оба путешествия были совершены духовно, тогда как другая жена Пророка заявляла, что они являлись реальным действием. Как полагал Ибн Исхак, возможны оба варианта, в то время как более позднее мусульманское предание настаивает, что оба путешествия являлись физическим действием. На это

ссылаются как на чудеса, которые были сотворены, чтобы должным образом освятить Пророчество.

После этого Мухаммед дал указание своим последователям в Мекке переселиться в Медину, и около 70 из них открыто сделали это. Сам Мухаммед вместе с Абу Бакром тайно последовал за ними несколько позднее. Курейшиты не хотели терять Мухаммеда из поля своего зрения, но он сумел ускользнуть от них и прибыл в Медину 24 сентября 622 г.

Переселение (*хиджра*) мусульман в Медину с ретроспективной точки зрения должно рассматриваться как весьма важное событие. В результате одного шага безоружная религия превратилась в некое государственное образование, а Мухаммед теперь сочетал ношение мантии Пророка со званием государственного деятеля. Значимость данного события стала настолько очевидной даже для современников, что при втором халифе Омаре (634–644 гг.) при введении мусульманского лунного календаря год *хиджры* был объявлен началом мусульманского летоисчисления.

Обосновавшись в Медине, Мухаммед всего себя посвятил делам. В первую очередь была возведена мечеть с покоем для Пророка. «Переселенцы» (*мухаджирь*), принятые мусульманами Медины – «помощниками» (*ансарам*), должны были селиться в собственных домах на землях, дарованных им ансарам. Было введено понятие *мухат* (братство): обычно мухаджир заключал союз с ансаром, получая от него поддержку даже в вопросах наследования имущества, но подобная практика была отменена после победы мусульман в сражении при Бадре (624 г.).

В самой Медине требовалось провести некоторое переустройство для четкого установления взаимоотношений между мусульманами и остальным населением и приведения в порядок дел зарождающегося государства. Это главным образом было отражено в *сахифа* (хартия) или *киتاب* (предписание). Этот документ объявлял создание *уммы* (сообщества), основанного на вере, включал соглашение с иудейскими племенами и излагал некое подобие конституции для функционирования молодого государства под управлением Пророка.

Племена сохранялись как единицы для выполнения определенных социальных функций, но преданность сообществу-умме начинала превалировать над внутриплеменными связями. Вопросы войны и мира решались Пророком, и он же являлся судьей во всех разногласиях между людьми, входящими в этот союз. Медина считалась харамом (святыней), а курейшиты рассматривались в качестве основных врагов.

Борьба с курейшитами началась в 623 г. с нескольких налетов на их небольшие караваны, и это вскоре стало создавать угрозу торговле купцов из Мекки. Пророк заключил соглашения с окрестными племенами, чтобы заручиться их поддержкой или нейтралитетом. Набег, проведенный Ибн Яхшем в священный месяц, был оценен как вполне правомерный (ii. 217).

Один из таких набегов с целью захватить крупный караван привел к сражению при Бадре. Курейшиты были наготове, и, хотя караван шел в безопасности, они почувствовали, что их торговля находится под угрозой, а потому решили нанести удар. В битве при Бадре (624 г.), протекавшей с переменным успехом (см. viii. 5–7), мусульмане все же победили, считая залогом своего успеха поддержку Господа (viii. 9, 12, 17). В эти годы были установлены правила дележа военной добычи (viii. 41) и прописаны нормы обращения с военнопленными. Кроме того, при этом обязательность вести *джихад* (войну с неверными) формально была возложена на всех мусульман.

Род курейшитов приготовился взять реванш и, при содействии своих союзников (из племен тхакиф, абд-манат и анабиш), большой группой двинулся по направлению к Мекке. Позиции мусульман ослабли после того как Абдулла ибн Убай отвел своих людей, а сам Пророк отказался разрешить полку иудейских союзников Ибн Убая сражаться на

своей стороне. Сражение при Ухуде (23 марта 625 г.) стало значительной неудачей для мусульман (iii. 152). Но и курейшиты не смогли добиться решающей победы и отступили.

После сражения при Ухуде Мухаммед продолжил свою политику нападений на караваны и на группы племен, подозреваемых во враждебном отношении. Было очевидно, что курейшиты, несмотря на относительный успех при Ухуде, по-прежнему не были способны обеспечить безопасность своих торговых путей в Сирию. Поэтому в тот момент они старались создать новый союз племен с целью нападения на Медину.

Мухаммед решил остаться в Медине и с целью защиты открытой северной части города выкопать ров. Осада продолжалась 15 дней (май 627 г.). Для мусульман это было критическое время (xxxiii. 10–11): «лицемеры» (*мунафикун*) накатывались волнами, а иудейское племя курайза начало склоняться к тому, чтобы принять сторону врагов (xxxiii. 26). Однако неудачная попытка кавалерии осаждавших прорваться через защитные сооружения, непогода и взаимные подозрения между союзниками курейшитов привели к провалу осады (xxx. 9, 25). Курейшиты не только потерпели поражение в противостоянии с Мухаммедом, но и их торговые связи стали приходить в упадок, равно как и престиж племени.

Пророк заключил с иудеями, которые были разделены на племена и кланы, сепаратные соглашения (*мувадаа*). Их помощь или, по крайней мере, нейтралитет в случае любых нападений на Медину были весьма важны. Поскольку иудеи являлись «людьми Писания», первоначально Мухаммед относился к ним мягко и рассчитывал обратиться к ним в свою веру. Однако иудеи отвергли обращение Мухаммеда рассматривать его как последователя их пророков, и это испортило взаимоотношения. Иудейское племя кайянука стало враждебным Мухаммеду после сражения при Бадре (viii. 58). Они были блокированы в городе, но позже племени было позволено покинуть Медину вместе с семьями (624 г.). После этого в Коране появилось предостережение против союзов с иудеями и христианами (v. 51, 57).

Примерно год спустя произошло столкновение с иудейским племенем Бану ль-Надира. Оно было обвинено в тайных замыслах против Пророка, предупреждено, а затем окружено. Часть принадлежавших племени пальмовых деревьев были вырублены (lix. 5), после чего ему было разрешено уйти в Хайбар (севернее Медины) и Сирию со всем своим имуществом, за исключением оружия, а земли, принадлежавшие племени, были объявлены собственностью (фай) Пророка (lix. 6) (625 г.).

Удар по иудейскому племени курайза был нанесен в 627 г., сразу же после снятия осады курейшитами, во время которой это племя попало под подозрение в оказании помощи осаждавшим. Наказание выразилось в казни всех мужчин племени, а женщин и детей взяли в рабство. Однако число убитых вполне может быть преувеличено в религиозных преданиях.

На этом весьма успешном для себя этапе Пророк уже не собирался уничтожать курейшитов, свой род, пользовавшийся большим авторитетом среди арабов; он стремился всего лишь нейтрализовать его противодействие своим планам, и его новая политика проявилась во время похода на Худайбийю. Мухаммед решил посетить Мекку в 628 г., относясь к этому визиту как к религиозному обряду (*умра*), а также для того чтобы продемонстрировать силу мусульман. Пророк избежал столкновения с армией, посланной курейшитами, и прибыл в Худайбийю (около 15 км от Мекки).

После проведенных переговоров было достигнуто соглашение, суть которого состояла в следующем: оговаривалось перемирие на 10 лет; всем другим людям предоставлялась свобода выбора – вступать в союз с Мухаммедом или же с курейшитами; а мусульманам разрешалось на следующий год посетить Мекку. Несмотря на некоторые неприятные детали, переговоры в долине Худайбийя обернулись победой Мухаммеда (xliviii. 18–21): ислам по-прежнему

распространялся с нарастающей скоростью и число его последователей множилось.

Поскольку Бану эль-Надир обосновался к северу от Медины, в Хайбаре, плодородном оазисе с пальмовыми рощами, населенном в основном иудеями, пришла очередь и этого поселения. Войска Пророка совершили стремительный бросок (628 г.), и Хайбар был захвачен. Земля, принадлежавшая жителям, была объявлена военной добычей, но иудеям было позволено остаться и заниматься сельским хозяйством за половину урожая в виде налога. Предпринятый далее поход против Мута (южная Сирия) (629 г.) оказался неудачным: три военачальника и некоторые другие видные деятели были убиты, и Халид ибн-Валид, ставший позже знаменитым, отступил.

Состоявшиеся перемирия с курейшитами было нарушено их союзниками, племенем бану-бакр, нападшими на союзников мусульман племени хузаа, которые обратились за помощью к Пророку. Ответ не заставил себя ждать: из Медины выступили большие силы мусульман (630 г.). Вождь курейшитов Абу Суфиан, прибывший для посредничества в переговорах, не увидел иного выхода, как принять ислам самому, и рекомендовал курейшитам сложить оружие. Весьма знаменательно, что в данном случае оппозиция такому предложению была слабой (резко выступили против некоторые вожди клана махзум).

Пророк, явно желая победить курейшитов, тем не менее приказал своим войскам не применять силу, а также объявил всеобщее помилование (s.xvi/126). Мухаммед вступил в Мекку в январе 630 г., и храм Каабы был очищен от идолов. Это была победа, открывшая всем арабам путь для принятия ислама (именно в тот момент Пророку явилось откровение «Победа», как указано в суре под номером сх).

Новая сила ислама проявилась во время восстания племен хавазин и тхакиф, попытавшихся оспорить власть Пророка. Мусульмане выступили на подавление этого восстания, теперь уже при поддержке добровольцев-курейшитов. Результатом явилось жестокое сражение с племенами бедуинов. Племя хавазин было разбито в 630 г. (ix. 29), но племя тхакиф с достаточным запасом провiantа укрылось в своей крепости. Племя хавазин приняло ислам, и взятые в плен их женщины и дети были освобождены, тогда как племя тхакиф в 630 г. выдержало осаду, и мусульмане отступили. Примерно спустя год делегация от племени тхакиф прибыла в Медину с решением о готовности принять ислам и о мирном присоединении к союзу.

После того как большая часть Аравии оказалась под его властью, Пророк направил свои войска на север, собрав большие силы в Медине и в союзных племенах, включая племя курейшитов. Целью похода он объявил захват поселения Табук, расположенного на пути в Сирию (630 г.), но из Табука Мухаммед неожиданно решил возвратиться в Медину.

В это время Пророк обратился к мирным способам осуществления своей миссии (*дава*). Девятый год после хиджры (630 г.) называют годом *вуфуд* («делегаций»). Под этим подразумевается большое число посланников от различных племен и кланов, особенно из Центральной и Южной Аравии, прибывавших к Пророку с целью объявить о принятии ислама и вступлении в союзнические отношения. В этот год во время хаджа было объявлено, что ни одному идолопоклоннику не будет более дозволено вступить в храм Каабы (ix. 28) и против таких людей с этого времени объявляется война (ix. 5).

В 632 г. Пророк совершил свое последнее паломничество в Мекку. В прощальном обращении, приписываемом ему, Пророк особое внимание верующих обратил на равенство среди мусульман, святость собственности и уз родства и объявил все соглашения и обязательства доисламской эпохи (*джахилийи*) недействительными. В тот же период были начаты приготовления к следующей военной кампании против Южной Сирии, но Пророк заболел и 7 июня 632 г. скончался.

Велики были деяния Мухаммеда во время его жизни, но исторические последствия его пророческой миссии стали открываться только тогда, когда его не стало. Говорят, что после смерти Пророка Абу Бакр заявил: «Те, кто почитали Мухаммеда, должны осознать, что он мертв. Но те, кто почитают Аллаха, знают, что Аллах жив и бессмертен».

Эти слова, вероятно не вполне достоверные, заключали в себе намного большее значение, чем намеревался в них вложить их автор. Историческая среда, в которой предполагалось проповедовать ислам в качестве веры, фундаментально изменилась вследствие триумфа этого религиозного учения. Сильная воля первого халифа Абу Бакра (ум. в 634 г.) и искусство управления государством его преемника Омара (634–644 гг.) сыграли важную роль сначала в укреплении ислама в пределах Аравийского полуострова, а затем в его появлении и быстром распространении уже в качестве воинствующей силы в других землях. Эта экспансия и обращение в свою веру иных народов, безусловно, придали новую силу и содержание той универсальности, которая всегда подразумевалась в монотеистической основе ислама, в котором предписывалось поклоняться единому Богу всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AL-'ALĪ SĀLEH. 1988. *Al-Dawla fi-'Ahd al-Rāsul* (The State in the time of the Prophet). al-Majma' al-'Ilmī al-'Irāqī. Baghdad.
- ANDRAE, T. 1960. *Muhammed, the Man and his Faith* (trans. by Menzel, T.). Harper Torchbooks. New York.
- AL-BALĀDHURĪ. 1959. *Anṣab al-Ashraf* (The Noble Companions), ed. by M. Hamidullah. Dār al-Ma'arif. Cairo.
- BLACHERE, R. 1952. *Le problème de Mahomet*. PUF. Paris.
- BUHL, F. 1961. *Das Leben Muhammeds* (The Life of Muhammad), 3rd edn. Heidelberg.
- DARWĀZA, M. L. 1384 AH/AD 1965. *Sirat al-Rasul* (The Life of the Prophet), 2 vols, 2nd edn. Cairo.
- GIBB, H. A. R. 1969. *Mohammedanism*. Oxford University Press, Oxford.
- HAMIDULLĀH, M. 1959. *Le Prophète de l'Islam, sa vie, son oeuvre*. Vrin, Paris.
- IBN-HISHĀM. *al-Sira al-Nabawiyya* (The Life of the Prophet), 4 vols, M. al-Saqqa et al. (eds). Dār Ihva'-Turāth al-'Arabī. Beirut.
- Majmu'at al-Wathāiq al-Siyasiyya li'l-'Ahd al-Nabawi wa'l-Khilāfa al-Rāshida (Collection of Documents Pertaining to Policy at the Time of the Prophet and the First Four [Orthodox] Caliphs), 2nd edn. Cairo.
- MAQRĪZĪ 1941. *Imtā 'al-Asmā* (Delight in Names). Maḥmūd Shakir (ed). Cairo.
- RODINSON, M. 1961. *Mahomet*. Paris. English transl. Mohammed. Penguin Books, Harmondsworth, 1971.
- ṬABARĪ. 1976–1977. *Tārīkh al-Rusul wa'l-Mulūk* (History of the Prophets and Kings), 10 vols, 2nd edn. A. F. Ibrāhīm (ed.). Dār al-Ma'arif. Cairo.
- 'UMARĪ, A. D. 1991. *al-Sira al-Nabawiyya al-Ṣaḥīḥa* (The Sound History of the Life of the Prophet), 2 vols. Qatar.
- WĀQIDĪ. 1966. *Kitāb al-Maghazī* (The Book of Military Campaigns). 3 vols. Marsden Jones (ed.). London.
- WATT, W. M. 1960. *Muḥammad at Mecca*, Oxford.
- 1962. *Muḥammad at Medina*. Oxford.

Азми Таха Аль-Сайед

Когда Мухаммед объявил, что он – посланник Аллаха (Бога), то было совершенно ясно, что он, иначе говоря, – человек, такой же, как и любой другой (Коран, iii. 144), и что религия, которую он проповедует, называемая исламом (букв. – «покорность»), или подчинением Богу (vi. 125 и др.), была предложена всем без принуждения (ii. 256; cix. 6). Собственные слова Аллаха составили Коран, а слова Пророка и описания его дел, свод которых позже получил название *сунна*, дополнили заповеди Корана. Эти два документа (позднее они стали определяться как два основных первоисточника ислама) рассматривались как составляющие всеобщности вероучения и религиозной практики при жизни Пророка.

Но вскоре после смерти Мухаммеда (632 г.) начали возникать вопросы, на которые невозможно было получить прямые ответы в Коране или же в бытовавших рассказах о словах и поступках Пророка. Такое положение вещей потребовало четкого определения правил, выводимых из принципов, содержащихся в Коране и в сунне. Собрание таких правил позже стало именоваться *иджтихадом* (*ijtihad* – «усилие») и рассматривается как третий первоисточник ислама.

Из этих трех документов Коран, являясь Словом Божиим, безусловно, почитается мусульманами как главный первоисточник. Но слова Корана требуются сначала понять, и традиционное мусульманское толкование признало, что некоторые стихи Корана изложены ясно и имеют единственный смысл (*мухкамат*), тогда как другие откровения не поддаются однозначной интерпретации (*мутасхабихат*). Несколько же стихов имеют смысл четко определенный и ограниченный ссылками на контекст, который можно найти только в текстах сунны. Работа по интерпретации Корана такими способами составляет *тафси́р* (комментарии), и в эту сферу, как принято считать, наиболее фундаментальный вклад сделал арабский историк Табари (ум. в 923 г.).

В вопросах вероучения Коран делает упор на веру в единого Бога, который является Создателем всего сущего, милосердным и великодушным Господом над всеми созданиями и существами, воздающим всем по заслугам в этом мире и точно так же воздаст в День Страшного суда, когда мертвые восстанут из могил. Богу служат ангелы, и среди них – архангел Джibriл (Гавриил), доносивший божественные откровения до Мухаммеда. Верующие предупреждаются о существовании падшего ангела аш-Шайтана (сатаны), или Иблиса (одно из обозначений дьявола, наряду с аш-Шайтаном), – врага Аллаха, который стремится совратить людей на путь зла.

Толкование этих вопросов занимает значительное место в Коране, особенно в части того, что имеет отношение к Аллаху и его божественной сущности. Коран предписывает безусловное подчинение Господу, поскольку это есть цель, ради которой тот и создал человека. Этот акт подчинения называется *ибада* («поклонение», «почитание») и

относится к действиям, которые соответствуют указаниям Аллаха, включающим и религиозные обряды.

Обязательные положения вероучения являются пятью *столпами* ислама. Сюда входят: *шахада* – словесное свидетельство, утверждающее, что «нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его»; *салат* – строго определенный ритуал, включающий пять обязательных молитв в течение дня и ночи; *саум* – пост в месяц рамадан; *закат* – обязательная милостыня в пользу нуждающихся и *хадж* – паломничество в Мекку, которое каждый дееспособный мусульманин должен совершить хотя бы раз в жизни.

В Коране недвусмысленно заявляется, что вероучение ислама идентично более ранним святым откровениям, полученным пророками Ибрахимом (Авраамом), Мусой (Моисеем) и Исой (Иисусом) (ii. 136). Хотя иудеи и христиане обвиняются в извращении текстов священных книг, дарованных как Моисею, так и Иисусу (ii. 140), они по-прежнему именуются «людьми Писания» (ii. 113, iv. 153, 171, v. 18–19 и др.) и призываются к тому, что Коран называет *калима саваа* (единым словом) между ними и мусульманами (iii. 64).

Вторым важнейшим элементом в Коране является *шариат* (*шариа* – «надлежащий путь») – комплекс закрепленных предписаний, служащий руководством в практических и правовых вопросах религии.

Шариат, содержащийся в Коране, включает правовые нормы по таким вопросам, как правила деления наследства между наследниками, положения о наказаниях за кражу и прелюбодеяние; устанавливает максимально возможное для мусульманина число жен (четыре) и запрет на азартные игры, ростовщичество, а также употребление некоторых продуктов и напитков (особенно свинины и вина).

Значительное внимание в Коране уделено поведению человека, особенно по отношению к другим людям. Коран подчеркивает принципы равенства людей, поскольку каждый человек происходит от единого отца, т.е. Адама, а Адам был сотворен Богом из пыли (ii. 213; iii. 59; vii. 26, 27). Кроме того, Коран устанавливает набожность (*таква*) как критерий различий между людьми (сравн. lix. 18).

Концепция высокой нравственности ассоциирована в Коране с «добродетелью», или с тем, что повелевает Аллах, тогда как «зло» соотносится с запрещениями, налагаемыми Господом. В Священной Книге делается значительный упор на похвальное поведение и такие его элементы, как милосердие, самоконтроль, уважение к старшим, забота о родителях, хорошее отношение к женщинам (особенно к женам) и к родственникам, дружелюбное отношение к соседям, воздержание от лжи и клеветы, а также помощь больным и нуждающимся (напр., xi. 86; xxvi. 1, 165; xxix. 7; xxxi. 13; xiv. 14; iv. 8; lxx. 19–34).

Сунна, мусульманское священное предание – второй источник ислама, объединяющий в себе все, что когда-либо сказал, сделал или одобрил Мухаммед. Сунна включает устные высказывания Пророка относительно исламского законодательства, которые и составляют ее основную

часть. Однако помимо этого сунна содержит и все имеющиеся свидетельства деяний Пророка, которые должны служить образцами правоверного поведения. Например, там указывается, как правильно производить омовения (*вуду*), читать молитвы (*салат*), совершать паломничество (*хадж*) или же отправлять судебные процедуры. В то же время другая категория текстов сунны содержит «то, о чем было согласие» (*такфир*), т.е. свидетельства молчаливого согласия Пророка с некоторыми высказываниями и делами, совершенными мусульманами в его присутствии.

Существует несколько стихов Корана, где мусульманам настоятельно рекомендуется подчиняться Пророку (напр., *xlviii. 33; xlviii. 17*), рассматривать его как образец для подражания, постоянно цитировать его слова и подражать ему. «Собеседники» Пророка стремились донести до людей все, что они слышали непосредственно от него, а также рассказать о его деяниях, свидетелями которых они были. Вот почему эти предания называют еще *хадисами*, или свидетельствами, передававшимися изустно. Халиф Омар ибн Абд аль-Азиз из династии Омейядов (719 г.) распорядился, чтобы все такие сообщения собирались и записывались.

Таким образом, между исходным свидетельством и его записью часто существовал значительный временной промежуток, поэтому мусульманские теологи должны были разработать определенный способ проверки подлинности всех преданий. Важно было определить, до какой степени можно было верить тому или иному собеседнику Пророка и более поздним пересказчикам. В IX в. аль-Бухари (ум. в 870 г.) и Муслим (ум. в 875 г.) составили два больших сборника хадисов, получивших название *аль-Сахи* («действительный» или «правильный») ввиду того, что входившие в них предания отбирались по самым высоким стандартам проверки подлинности.

Правда, шиитские теологи подвергают сомнению истинность многих из таких сборников *хадисов*, в основном подчеркивая достоверность только тех преданий, происхождение которых прослеживается от Али – двоюродного брата и зятя Пророка. Современные критические исследования также обнаружили множество проблем, связанных с эволюцией преданий, а также с подлинностью отдельных повествований (*Schacht, 1950*).

Сунна дополняет Коран. Это означает, что многие правовые нормы, которые не удается найти непосредственно в Коране, выводятся из сунны. В качестве примеров можно упомянуть указания о том, как обеспечивать соответствующее содержание жене, как поступать с наследованием по линии бабушки, а также запрещения браков между родственниками определенной степени родства или потребления мяса некоторых животных.

Иджтихад, третий «источник» ислама, буквально означает «усилие», т.е. работу, выполняемую компетентным исламским правоведом, который, основываясь на Коране и сунне, должен вывести правовые нормы по вопросам, которые не имеют однозначных толкований в двух первых источниках. Таким образом, эта составляющая часть исламского учения выступает подчиненной по отношению к Корану и хадисам и ограничена их содержанием.

Существует вид коллективного иджтихада, называемый *иджма* («единодушие», «согласие» – «консенсус»), т.е. обычай или правила, с которыми все мусульманские ученые во всеуслышание или молчаливо согласились (*имти-фак*). Большинство богословов (исключая, однако, шиитских) рассматривают иджму как надежную основу для шариа. Главным среди прочих принципов, которыми руководствуется иджтихад, а согласно аль-Шафии (*al-Shāfiʿī*, ум. в 820 г.), и единственно достоверным, является построение *кляс*, или аналогий: знаток законов изыскивает прецедент, приведенный в Коране или сунне, суть которого соответствует рассматриваемому делу. Если он находит подобный пример, то применяет к делу, которое ведет, такую же правовую норму.

Кроме того, существует другой метод исполнения иджтихада, к которому часто обращались в ханафитской школе, но который отвергался аль-Шафией. Он называется *истисла* (общие интересы). Суть его заключается в том, что если аналогия не найдена, то правовед должен оценить, будет ли соответствовать конкретный вариант правового решения в случае его принятия интересам общества или практической полезности (*маслаха*).

Здесь можно лишь кратко остановиться на истории формирования и развития закона ислама (шариата) после смерти Пророка (632 г.). Считалось, что непророческие функции Мухаммеда должны перейти к его *халифам* («преемникам»), первым из которых был Абу Бакр (632–634 гг.), затем – Омар I (634–644 гг.), Осман (644–656 гг.) и Али ибн абу Талиб (656–661 гг.). Во время правления этих не созданных династии («праведных») халифов, все из которых являлись соратниками Пророка при его жизни, была создана исламская арабская империя – Арабский халифат, а халифы, и особенно Омар I, приняли на себя многие финансовые, налоговые и административные функции по управлению государством. Более поздние правоведы, такие как, например, Абу Юсуф (ум. в 798 г.), рассматривали подобные меры как легитимные составляющие законодательства.

Поскольку не существовало закона о наследовании трона халифов, то против Али, который был женат на Фатиме, дочери Мухаммеда, выступил Муавийя из рода Омейядов, наместник халифа в Дамаске и племянник Османа. Али был убит соперниками, и после смерти его сына (внука Мухаммеда) Хусейна в Кербеле (680 г.) сторонники Али отделились в особую оппозиционную партию (по-арабски – *шиа*, от чего и пошло название – *шииты*); они считали, что Али обладал особой высшей святостью, которая передается его прямым наследникам.

Со временем шииты выдвинули положение об *имаме*, религиозном лидере, происходящем из рода Пророка и способном выработать совершенное законодательство, основанное на иджтихаде. Халифат Фатимидов в Египте (969–1171 гг.) принадлежал к крылу этой секты (исмаилиты). Впоследствии большинство шиитов (за исключением Исмаила и его ветви), особенно в восточных исламских землях, проявляли склонность к примирению с политической линией Двенадцати имамов, которая прервалась вместе со смертью двенадцатого имама в 873 г. С того времени функции иджтихада должны были осуществляться теми теологами, которые благодаря своей учености получали статус *муджтахидов*.

Среди большинства мусульман, которые в противоположность шиитам называли себя *ахль-сунна* (последователи сунны), или *сунниты*, распространились четыре основных «обычая» (*мадххаб*), или школы законоведения, основанных Абу Ханифой (ум. в 767 г.), Малик ибн Анасом (ум. в 795 г.), аль-Шафией (ум. в 820 г.) и Ахмадом ибн Ханбалом (ум. в 855 г.). Они имели разногласия (*ихтиляф*) между собой по принципиальным вопросам, таким как цель *рай* (персонального мнения) и *истихсан* (выбор лучшего решения), а также по множеству мелких деталей. Но в целом расхождения по вопросу о сущности права были не столь значительными, как, в частности, тяжба между суннитскими школами и мадххабом Двенадцати имамов, которая длилась до самой смерти шестого имама Джафара аль-Садика (ум. в 765 г.). Все четыре суннитские «обычая» рассматривались суннитами как вполне законные: верующий мог выбирать для себя любую школу самостоятельно, хотя выбор зачастую оставался за территориальной общностью или сообществом, к которому верующий принадлежал. Большинство суннитов в период средневековья полагали, что с учреждением этих школ «врата иджтихада закрылись». Однако некоторые теологи, например представитель школы Ханбала Ибн Таймийя (*Ibn Taymiyya*, ум. в 1328 г.), продолжали признавать необходимость иджтихада,

хотя и требовали установления жестких ограничений, в пределах которых он может осуществляться.

Если в основе сложной системы шариата была забота о регулировании отношений человека с человеком, то ислам как вера (*дин*) глубоко касался отношений человека с Богом. Согласно основному положению Корана, ислам означает предание, введение (себя) Богу (vi. 125; lxi. 7; xxxix. 22). Сущность же Бога и сущность человеческих отношений с ним неизбежно являлись объектами постоянно углубляющегося обдумывания и теоретизирования в исламе в первое тысячелетие его существования.

С появлением *мутазилитов* (от араб. *мутазила* – «обособившиеся») – сторонников учения, основоположниками которого обычно считаются Василь ибн Ата (ум. в 761 г.) и Аир ибн Убайд, появилась потребность в систематизации и, возможно, в частичной рационализации теологических принципов. Бог являлся настолько абсолютным и совершенным, что слова, использовавшиеся в Коране для наделения его человеческими чертами, могли рассматриваться исключительно как метафорические. Справедливость Всевышнего является безграничной и, следовательно, предопределенной. Коран, не являющийся вечным, создан для Господа, единственного в своей вечности. Эти теории оказывали значительное влияние до X в., когда арабский богослов аль-Ашари (ум. в 935 г.) оспорил их основные предпосылки и выдвинул базис более поздней суннитской теологии, основанный на зависимости от *манкул* (полученного текста), в противоположность выведенной рассудочным путем (*макул*). Слова Корана о Боге должны были восприниматься так, как они даны: человек не способен постичь совершенство Бога в его проявлениях; милосердие Господа, как и его справедливость, безгранично, а Коран не создан, а является вечным. Эти положения составили основу течения мусульманского богословия – *калам* (араб. – «речь», «слово»), или схоластического богословия.

Философские идеи, возникшие в значительной мере в результате знакомства с мыслями греческих философов, нашли свое выражение в трудах Ибн Сины (Авиценны) (ум. в 1037 г.), в которых просматривается его интерес к теориям «первопричины», гностицизма и бессмертия души. Ибн Рушд (Аверроэс) (ум. в 1198 г.) предпринял попытку дать определение истины, которая может быть достигнута как через приобретаемые знания, так и посредством чистого разума. Однако раньше Мухаммед аль-Газали (ум. в 1111 г.) повел жесткую борьбу против философских спекуляций и тем чрезвычайно укрепил догматическую систему теологии, которую сформулировал аль-Ашари.

Тем временем развилось религиозное течение, которое было призвано оказать существенное влияние на высшую мусульманскую философскую мысль, равно как и на общераспространенные верования. Это было мистическое движение, известное как *суфизм* (от араб. *суф* – «грубая шерстяная ткань», «рубище»), которое, как представляется, зародилось главным образом из отрицания идеи вознаграждения или наказания как фактора, побуждающего человека подчиняться Богу. Согласно суфизму, единственным допустимым мотивом поведения могла быть мистическая любовь к познанию Бога. Женщине-суфии Рабие аль-Адавийе (ум. в 801 г.) приписывается следующее высказывание: «Любовь к Господу настолько поглотила меня, что ни люб-

ви, ни ненависти к чему-либо еще не осталось в моем сердце» (цит. по *Gibb*, 1953, p. 133). Объектом духовного стремления являлся, таким образом, отказ от личного, мирского (*фана*), что должно приводить к слиянию с Богом (*висаль*). Объявивший во всеуслышание о якобы происшедшем полном слиянии себя с Господом знаменитый суфийский наставник Мансур аль-Халладж был даже казнен (922 г.). Но суфизм получил значительное распространение, несмотря на подобные жесткие (в целом все же единичные) меры, а со времен аль-Газали он обрел и юридическое признание.

При арабском мыслителе и поэте, мистике Ибн аль-Араби (ум. в 1240 г.), развивавшем учение суфизма, внутри этого течения возникло новое направление в виде монизма и пантеизма (или, по крайней мере, ограниченного пантеизма), которое трансформировало саму основу суфизма, особенно в восточной и центральной частях исламского мира. Необходимо помнить, что, несмотря на их расхождения с ортодоксальными теологами (*улемами*), суфисты ни в коем случае не отвергали принципы шариата и, помимо всего, утверждали, что суфистские истины снизошли на них непосредственно от Мухаммеда через цепь (*силсилах*) его потомков по линии Али. Таким образом, по их собственному представлению суфизм прочно опирался на пророчества Мухаммеда и выражал наиболее полное подчинение (*мумин*) верующего Богу. Это представление, естественно, не разделялось теологами основного течения, многие из которых продолжали выражать подозрение по отношению к мистическому пути (*тарика*) как к вызову, бросаемому официальному закону (*шариат*). Несмотря на подобные подозрения, суфизм сохранил свою привлекательность для тех, кто имел склонность к духовным исканиям, а суфистская цель отказа от мирского (*фана*) в своей любви к Богу вдохновила многих последователей. Этот дух особенно ярко отразился в творчестве таких персидских поэтов, как Джалаледдин Руми (1207–1273 гг.), Шамседдин Хафиз (ум. в 1389 г.) и Абдуррахман Джами (1414–1492 гг.). В арабской поэзии ранним представителем подобного направления являлся египетский поэт Ибн аль-Фарид (ум. в 1235 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Articles on Islam, Al-Ḳurʾān, Ḥadīth and Idjtiḥād. In Encyclopedia of Islam (new edition). 1986–1993. E. J. Brill. Leiden.
- COULSON, K. 1964. History of Islamic Law. Edinburgh University Press, Edinburgh.
- GIBB, H. R. 1953. Mohammedanism, an Historical Survey, 2nd edn. London. Now reprinted as Islam.
- GRUNEBaum, I. G. E. VON. 1961. Islam: Essays in the Nature and Growth of Cultural Tradition, 2nd edn. London.
- LEVY, R. 1957. The Social Structure of Islam, 2nd edn. Cambridge.
- MORGAN, K. W. (ed.) 1958. Islam Interpreted by Muslims. Ronald Press, London.
- NICHOLSON, R. A. 1914. The Mystics of Islam. London.
- 1921. Studies in Islamic Mysticism. London.
- SCHACHT, J. 1950. The Origins of Muhammadan Jurisprudence. Oxford.
- The Holy Qurʾān. 1965. English Translation and Commentary by Yusuf Ali. Dar-el-Arabiah, Beirut.
- TRITTON, A. S. 1962. Islam: Belief and Practice. Hutchinson, London.
- WATT, W. M. 1961. Muhammad: Prophet and Statesman. Oxford University Press, Oxford.

РАННИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Клиффорд Эдмунд Босуорт

В 632 г. халифом [араб. *халифа* буквально означает «преемник» (Пророка Мухаммеда)] и временным главой зарождающегося исламского сообщества в Мекке и Медине стал Абу Бакр. К тому моменту ни в городском, ни в племенном укладе Северной и Центральной Аравии не существовало прецедентов дальнейшего строительства мусульманского государства – и тотчас же появились самые разные вопросы, например, какими должны быть взаимоотношения главы правоверных со всем сообществом? Как выбирать этого главу? Каким должно быть теологическое обоснование его правления? Каким образом должны примиряться интересы различных религиозных группировок, возникших на ранних этапах в результате разных интерпретаций Корана и сунны?

Это были вопросы, которые следовало разрешать по возможности в рамках мусульманского сообщества. Но по мере того как возрастал наступательный порыв арабских завоеваний и все больше земель на Среднем Востоке и в Северной Африке попадали под власть завоевателей, вставала более широкая задача изменения взаимоотношений между исламской арабской военной аристократией и подчиненным ей населением – арамеями (коренным населением Сирии и Ирака), иудеями, коптами, греками, берберами, испано-романцами и персами. Дело в том, что значительная часть этих народов постепенно принимала ислам и, согласно вероучению, становилась такими же мусульманами, духовно равными правящей арабской элите. Таким образом, в первую очередь это был вопрос политического, финансового и правового статуса новых мусульман. Но за всем этим имелась более широкая социальная и культурная проблема, включавшая противоположные тенденции. С одной стороны, интернациональный дух ислама способствовал симбиозу наций. С другой – возникла напряженность между завоевателями-арабами, происшедшими из наиболее глухой и малоразвитой центральной части Аравийского полуострова, и населением новоприобретенных земель, из которых многие, в особенности персы, имели великое прошлое и непреходящее чувство национального самосознания, превосходящее все, что могли предложить арабы.

Народ Персии искренне принял исламскую веру, исходившую от арабов, но в отличие от большинства других народов сохранил собственный язык. Процесс симбиоза между арабами и так называемыми *аджамами* (что прежде всего означало «персы») привел в результате к эволюции общей арабо-персидской исламской культуры, но для достижения этого потребовалось три-четыре столетия.

Тема природы мусульманского сообщества и его лидерства почти полностью определяла развитие событий в период *рашидунов*, или «праведных» халифов (632–661 гг.):

Абу Бакра (632–634 гг.), Омара (634–644 гг.), Османа (644–656 гг.) и Али (656–661 гг.). На этом раннем периоде военной экспансии сначала в пределах Аравии, а затем вне ее – на византийских землях Ближнего Востока и землях Ирака и Персии, входивших в империю Сасанидов, юное мусульманское сообщество в массовом порядке (*levée en masse*) включило в себя членов арабских племен и родов – так называемых *мукатила*, или воинов. Только встав в ряды воинов, можно было стать полноправным гражданином нарождающегося мусульманского общества и пользоваться правами завоевателей, получая, помимо всего прочего, содержание от государства. Халифу же требовалось быть успешным полководцем и если не самому командовать армиями, то, по крайней мере, организовывать военные действия и выдвигать компетентных военачальников. Муавия (661–680 гг.), основатель и первый халиф династии Омейядов, добился победы над последним «праведным» халифом, миролюбивым и невоинственным Али, в значительной степени благодаря своему опыту командующего в войнах против Византии в Сирии и в Восточном Средиземноморье, а также своей славе *хилма*, определяемой как сочетание качеств истинного государственника, хитроумного судьи и, помимо всего прочего, великодушного человека.

В правление «праведных» халифов еще не был определен порядок выбора лидера. Все первые четыре халифа происходили из кланов мекканского рода курейшитов, хотя помимо этого все они имели определенные родственные связи с Пророком, либо по крови, либо через браки. Таким образом, был создан прецедент для возникновения раскола мусульман на суннитов и шиитов из-за слов, приписываемых преданием Мухаммеду: «Эта власть не должна отделяться от моего племени». Во всех случаях это должно было быть скреплено некой формой одобрения, исходящего пусть даже от небольшой группы руководителей общины, а не от всей массы верующих.

После некоторого периода внутренних разногласий и гражданской войны (656–661 гг.), унесшей жизни халифов Османа и Али, один из мекканских кланов, омейя, одержал победу и установил линию наследования из членов клана на 90 лет (661–750 гг.). Правда, принцип наследования власти от отца к сыну не стал основным до прихода к власти династии Аббасидов. Тем не менее, притязания Омейядов встречали сопротивление в Аравии и Ираке со стороны соперничавшего с ними мекканского рода зубайридов еще восемь лет (683–691 гг.), в течение которых существовал как халиф от Омейядов, так и анти-халиф. Помимо этого, члены семьи двоюродного брата Мухаммеда и его зятя Али, который был четвертым «праведным» халифом, считали, что только они обладают дарованным свыше правом на

халифат или имамат (*имам* означает «примерный, образцовый вождь»). Их интриги и возмущение, особенно после гибели сына Али Хусейна в сражении против сил Омейядов при Кербеле в Ираке (681 г.), были успешно использованы (хотя сами притязания оставлены без внимания) Аббасидами в своей подпольной агитации в период 720–747 гг. и в открытом восстании под руководством Абу Муслима в 747–750 гг., которое в конечном итоге привело к свержению Омейядов и приходу к власти другого мекканского рода – Аббасидов (от Аббаса – дяди Мухаммеда) из клана Хашим. Таким образом, в этот период зарождалось движение шиитов, выступавших за выдвижение на роль главы мусульманской общины потомков халифа Али и его жены Фатимы, или Алидов. Однако во времена династии Омейядов оно оставалось скорее мирным, неупорядоченным течением мысли, вызванным эмоциональным расположением к роду Али, чем таким последовательным движением, каким сделалось позже, обретя собственную правовую и богословскую основу.

В тот момент более насущной опасностью для Омейядов являлись *хариджиты* (от араб. *хваридж*, букв. – вышедшие, возмущившиеся) – радикальная мусульманская секта, выступавшая за равенство всех мусульман, придерживавшаяся жесткой трактовки Корана как высшего «судьи» во всех вопросах государства и общества. Хариджиты утверждали, что род курейшитов не имеет никакого особого божественного права выступать в качестве единственного поставщика лидеров исламской общины (халифов или имамов) и что любой набожный мусульманин, «даже черный раб», может являться кандидатом и быть избранным на этот пост. Омейядам, равно как и первым Аббасидам, пришлось бороться с жестокими, в основном неудачными восстаниями хариджитов в Сирии, Ираке и Персии, хотя к IX в. хариджитизм был искоренен в центральных частях халифата и вытеснен на периферию, в Хорасан и Систан на востоке, Оман на юго-востоке Аравийского полуострова, а на западе – в земли берберов в Северной Африке. Таким образом, пока шиитское движение стремилось консолидировать само себя, привлекало новых сподвижников и приобретало мощь и влияние в исламском мире (как можно видеть на примере установления халифата Фатимидов в Северной Африке, Египте и Сирии в X в.), хариджитизм мог существовать только как затухающее течение.

Если не считать опасности со стороны хариджитов, главная внутренняя угроза миру и стабильности во время правления Омейядов исходила не от сект или внешних военных врагов, а от фракционных и племенных разногласий среди самих же арабов. Маловероятно, что соперничество и антагонизм двух групп (кайсы, или северные арабы, и йемен, или южные арабы), которые проявились в ранний период правления Омейядов, имеют какие-либо доисламские предпосылки, и, скорее всего, любые различия в их географическом положении в древней Аравии уходят корнями в далекое прошлое. Вполне вероятно, что эти группы были вовлечены в борьбу за пастбищные земли в Северной и Центральной Сирии и Месопотамии и в соперничество за должности и влияние в центральных и провинциальных органах власти, но позже произошло их размежевание вследствие миграции арабских племен в места, подобные Египту и Хорасану в Восточной Персии. Действия этих племен, безусловно, способствовали некоторому ослаблению военной мощи халифата Омейядов, и более поздние халифы старались отказать от ориентации на формирование армии по родовому признаку и создавать более профессиональные войска. Однако этот процесс не был успешно завершён до возникновения необходимости подавить повстанческое движение Аббасидов, которые сумели привлечь к себе недовольные арабские племена в Хорасане под предлогом, что правительство Омейядов в далеком Дамаске пренебрегает их местными интересами.

До того как в конце концов быть свергнутой, династия Омейядов выдвинула выдающихся военачальников, к которым можно отнести Муавию, Марвана I (684–685 гг.), Абд ал-Малика (685–705 гг.), Валида I (705–715 гг.) и Хишма (724–743 гг.), которые успешно преодолевали различные политические и военные кризисы и расширили границы «Дома ислама» от Трансоксании на востоке до Пиренеев и берегов Атлантики на западе.

Тем не менее, сила Омейядов как правящей арабской династии и преобладание арабской племенной аристократии в армии постепенно ослабевали из-за преобразования исламского общества и многократного увеличения количества приверженцев ислама в период их правления. В конце VII и начале VIII в. все труднее становилось игнорировать притязания на социальное признание и определенную роль во властных структурах, исходящие от неарабских народов, принявших ислам. Особенно ярко это проявлялось в случаях, когда такие новообращенные обладали опытом и знаниями, чрезвычайно необходимыми для комплектования административной инфраструктуры империи, и только в конце VII в. арабский язык начал заменять такие языки, как коптский, греческий и персидский в *диванах*, или государственных учреждениях.

Новые последователи ислама при социальном преобладании арабской элиты должны были в первую очередь обеспечить себе устойчивое положение посредством поступления на службу к арабским племенам как *мавали* («вассалы»). При этом длительное время они оставались объектами значительной социальной и культурной дискриминации, например не рассматривались арабами как партнеры для вступления в брак. Но в IX и X вв. при правлении Аббасидов представители мавали, уже задолго до того не хуже чистокровных арабов владевшие вопросами права, теологии, философии и литературы, готовы были бросить вызов господству арабов (в виде литературного и культурного движения *шуубийя* среди народов, определяемых Кораном как народы *шууб*). В любом случае к тому времени арабы уже утратили монополию на политическую и военную власть.

Но для династии Омейядов эти проблемы пока оставались в будущем, а в тот момент главным, насущным и неотложным являлся финансовый аспект массового принятия ислама. Так называемые *дхимми*, или «защищаемые народы», иными словами – представители немусульманских религий, являющиеся «людьми Писания», согласно положениям Корана, обязаны были выплачивать *джизью*, или подушный налог. Точный характер и развитие налоговой системы во времена Омейядов продолжают оставаться предметом споров, но очевидно, что, когда немусульмане принимали ислам, они рассчитывали, что с этого момента станут намного свободнее от налоговых обязательств. В результате этого к концу VII в. многие крестьяне-земледельцы – неарабы из Ирака, богатейшей провинции халифата, начали покидать свои земли и стекаться в такие арабские города-крепости, как Басра и Куфа, принимая ислам и требуя статуса мавали. Известно, что в то время поступление налогов из Ирака существенно снизилось – как раз тогда, когда потребности государства в средствах на строительство общественных зданий, дворцов, ирригационные работы и т.п. возрастали. Таким образом, политика любого наместника в Ираке и Персии, такого как аль-Хадждаж Юсуф (ум. в 714 г.) (илл. 191, а), была направлена на то, чтобы вернуть крестьян в их деревни, туда, где они все-таки могли быть обложены налогом. Этой же политике придерживались и последующие наместники, в равной степени обеспокоенные снижением объема поступающих в казну налогов, причиной чему служил все убыстряющийся процесс обращения людей в ислам и бегство их в города и военные поселения, где они могли оставаться неопознанными. Но протестники династии Омейядов теперь получили возможность представлять

стремление наместников ограничивать или игнорировать требования, выставляемые мавали, уже в религиозном смысле – как попытки не позволять людям приобщаться к исламу, поэтому «благочестивая оппозиция» в Медине и других местах могла заклеить Омейядов как врагов ислама. Усилия Омара II (717–720 гг.) придать халифату окраску благочестия и даровать уступки по налогам для принявших ислам в прошлом (но не в будущем!) принесли мало пользы.

Значительное число мавали в начале VIII в. приняли участие в восстании в Персии и Ираке, возглавлявшемся Ибн аль-Ашатам, которое чуть не свалило халифат Омейядов. Это недовольство стало дополнительным элементом в ряду причин, приведших к свержению династии и низведшего арабский этнос к положению обычного народа в рамках исламской религии. Иными словами, окончание периода Омейядов ознаменовало переход от ситуации, когда неараб должен был фактически становиться подчиненным арабскому племени и, таким образом, в некоторой степени вступать в арабский этнос (что было подобно слиянию религиозной и этнической принадлежности, происшедшей в иудаизме), к последующему периоду обращения в ислам, который отделил принадлежность к исламу от этнической принадлежности к арабам и всему арабскому (*unuba* – *урубба*). Таким образом, в последующий период правления Аббасидов сделалось гораздо проще быть одновременно, скажем, и персом и мусульманином, т.е. человеку не требовалось отказываться от своей этнической принадлежности, чтобы стать мусульманином.

Французский историк Вие (*Gaston Wiet*, 1953), описывая халифат Омейядов со столицей в Дамаске и в основном сосредоточенный на военных действиях с греками, говорил о «неовизантийской империи Омейядов и неосасанидской империи Аббасидов», имея в виду, что Омейяды выступали в некоторой степени как наследники Византии на ее бывших ближневосточных территориях, тогда как Аббасиды со своей столицей в Багдаде обращали взоры больше на восток и стремились перенять многое из духа и культурного наследия императоров древней Персии. Следуя данному анализу, период Омейядов можно рассматривать как часть поздней античности, некое переходное звено между классическим миром Греции и Рима и мирами христианской Европы и исламского Среднего Востока в период средневековья и ранней Новой истории.

Хотя ведение сухопутных военных действий на границе, проходившей вдоль горного массива Тавр, и морских боевых действий в Восточном и Центральном Средиземноморье, включая две осады Константинополя (672–673, 716–717 гг.), характеризуют период правления Омейядов, все же жестких препятствий для культурных контактов в ту пору не было. Обе империи – Византийская и Арабская – разделяли общую точку зрения на устройство мира и имели схожее теологическое видение истории человечества, начинавшейся с акта Творения и заканчивающейся концом Света и Судным Днем, а также воспринимали друг друга как равные единицы. Передовые по тем временам достижения греков, прежде всего в таких необходимых для практики науках, как математика, механика, астрономия и медицина, высоко ценились арабами, а секретарь халифа Хишама даже заказал перевод на арабский язык ряда писем, якобы направленных Аристотелем своему наиболее блистательному ученику Александру.

Греческое влияние в практике делопроизводства административных и финансовых учреждений мусульманской Сирии и Египта оставалось весьма сильным. Только Абд ал-Малик (685–705 гг.) осуществил *накль аль-диван*, т.е. переход на использование арабского языка среди государственных чиновников, в то время как греческая система ведения бухгалтерии продолжала применяться и после периода Омейядов. Что касается денежной системы, то золотые *салиды* императора Ираклия широко использо-

вались мусульманами в западной половине халифата вплоть до реформы чеканки монет, проведенной Абд ал-Маликом в начале последнего десятилетия VII в., после чего были введены чисто исламские (без изображений профилей властителей) золотые динары (илл. 191, а–с, 192, а).

Об организации судов и судебном производстве в период Омейядов, в отличие от таковых у Аббасидов и Фатимидов, известно мало, поэтому сложно определить, сказалось ли как-либо влияние византийской судебной системы в Константинополе на халифов в Дамаске и изменило ли оно самосознание Омейядов как возвысившихся вождей племени. Но представляется очевидным, что арабы в Сирии не остались безразличными или невосприимчивыми к эстетическим качествам прекрасных каменных византийских дворцов и храмов, хозяевами которых они стали.

Нередко арабы использовали церкви или части церквей для собственных религиозных целей. Джибб (*Hamilton Gibb*, 1967 г.) высказал предположение, что мечеть Куббат ас-Сахра (Купол скалы) (илл. 45), возведенная Абд ал-Маликом в Иерусалиме, и мечеть Акса, построенная там же его сыном Валидом I, демонстрируют сознательное стремление воспроизвести и превзойти замечательные храмы христиан в Эдессе и иных местах. Данное предположение подтверждается и некоторыми арабскими историческими свидетельствами. У более поздних исламских историков бытует предание, что для украшения мечети Омейядов в Дамаске и мечети Пророка в Медине Валид получил от императора Византии помощь в виде присланных на работы греческих мастеров и поставок мозаичных блоков.

Влияние восточной культуры в период Омейядов не было столь значимым, каким оно будет в последующие времена. С приходом к власти халифата Аббасидов сказались их ориентация на Восток, а приход большого числа персов в военную гвардию первых халифов и на высшие административные должности (что выразилось даже в создании института визирей) положили начало постепенному симбиозу арабской и персидской культур. Но уже арабоязычные поэты периода Омейядов начали использовать все большее количество заимствованных персидских слов (особенно таких, которые относились к материальной культуре и отсутствовали в собственном словаре кочевников пустыни – арабов). Такие слова появлялись еще в работах поэтов доисламского периода и в текстах Корана, а во времена правления Омейядов начались массовые переводы трудов на среднеперсидском языке, сделавшие их доступными арабским читателям. Это переводческое движение особо связывают с именем Ибн аль-Мукаффа (ум. в 756 г.), который служил секретарем у разных правителей династии Омейядов и который донес до правящих арабских классов информацию о древних персидских традициях по управлению государством и о принципах царской власти. То, что с того момента возник интерес к подобным проблемам (по крайней мере у тех, кто не входил в консервативные арабцентристские религиозные и административные классы), явно усматривается в том, что, по некоторым сведениям, Хишам постоянно интересовался историей и практикой правления персидской империи Сасанидов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ARNOLD, T. W. 1924. The Caliphate. Oxford.
 BOSWORTH, C. E. 1983. The Persian Impact on Arabic Literature. In: A. F. L. BEESTON et al. (eds) The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period. Cambridge, pp. 483–496.
 --- 1996. Byzantium and the Arabs. War and Peace between Two World Civilisations. In: idem, The Arabs, Byzantium and Islam. Studies in Early Islamic History and Culture. No. XIII. Aldershot, Hants.

- CRONE, P. 1980. *Slaves on Horses. The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge.
- 1994. Were the Qays and Yemen of the Umayyad Period Political Parties? In: *Der Islam*, vol. 71, pp. 1–57.
- CRONE, P.; HINDS, M. 1986. *God's Caliph. Religious Authority in the First Centuries of Islam*. Cambridge.
- DENNETT, D. C. 1950. *Conversion and the Poll Tax in Early Islam*. Cambridge, Mass.
- Encyclopaedia of Islam, new edition. 1960. Leiden, Arts. Khalifa; Mawla; Umayyads.
- GARDET, L. 1967. *L'Islam, religion et communauté*. Paris.
- GIBB, H. A. R. 1962. Arab–Byzantine Relations under the Umayyad Caliphate. In: S. J. SHAW and W. K. POLK (eds) *Studies on the Civilisation of Islam*. Boston, pp. 47–61.
- GOLDZIHNER, I. 1967–71. Arab and 'Ajam. In: idem, *Muslim Studies*, trans. C. R. BARBER and S. M. STERN, 2 vols. London. Vol. I, pp. 89–136.
- GOODMAN, L. E. 1983. The Greek Impact on Arabic Literature. In: A. F. L. BEESTON et al. (eds) *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period*. Cambridge, pp. 460–482.
- GRABAR, O. 1964. Islamic Art and Byzantium. In: *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 18, pp. 69–88.
- 1973. *The Formation of Islamic Art*. New Haven, Conn.
- GRUNEUBAUM, G. E., VON, 1946. *Medieval Islam, A Study in Cultural Orientation*. Chicago.
- 1970. Ch. The Umayyads. In: *Classical Islam, A History. 600–1258*. London, pp. 64–79.
- HAMIDULLAH, M. 1970. Le Chef de l'état à l'époque du Prophète et des califes. In: *Recueils de la Société Jean Bodin*, 20, pp. 481–514.
- HAWTING, G. R. 1986. *The First Dynasty of Islam. The Umayyad Caliphate AD 661–750*. London and Sydney.
- KENNEDY, H. 1986. *The Prophet and the Age of the Caliphates. The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century*. London and New York.
- WATT, W. M. 1971. God's Caliph. Qur'anic Interpretations and Umayyad Claims. In: C. E. BOSWORTH (ed.) *Iran and Islam. In Memory of the Late Vladimir Minorsky*. Edinburgh, pp. 565–574.
- 1973. *The Formative Period of Islam*. Edinburgh.
- WIET, G. 1953. L'empire néo-byzantin des Omeyyades et l'empire néo-sassanide des Abbassides. In: *Journal of World History*, vol. I, pp. 63–70.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА И ЕГО ОТЛИЧИЯ В АЗИИ, АФРИКЕ И ЕВРОПЕ

17.1

ПОЛЮСА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА ИЗ АРАВИИ

Салех Ахмед Аль-Али

Среди самых важных результатов деяний Пророка следует отметить рост стабильности центральной власти и появление у людей чувства «арабизма», осознания себя арабами, часто превосходящего чувство преданности своему племени. Однако большинство кочевников и их вожди оставались верны традициям племенного строя. Они не все приняли новые исламские идеи и подняли бунт против первого халифа Абу Бакра (632–634 гг.), которому все же удалось подавить мятеж и стать полновластным правителем всего Аравийского п-ова, сделав Медину столицей своего государства, которое он расширил за пределы Аравии. Заселение арабами территорий, прилегающих к Аравийскому п-ову, началось задолго до появления ислама. Переход кочевников с места на место являл собой постепенный, естественный и вполне мирный процесс.

При изучении исламских завоеваний следует проводить различие между обстоятельствами, подтолкнувшими арабов к этим завоеваниям, с одной стороны, и факторами, обусловившими их успех, – с другой. Что касается последнего, то решающую роль в победах арабов сыграли две причины. Во-первых, после принятия арабами ислама и их объединения в едином арабском государстве возник новый уклад. Во-вторых, ко времени появления ислама на Востоке сложилась весьма непростая политическая ситуация. В течение ряда столетий этот регион делили между собой Византийская и Сасанидская империи. И та и другая страдали от экономического упадка, вызванного постоянными войнами, которые они вели друг с другом. Эти войны истощили их казну и подорвали их военные силы. Немалый вред империям нанесли и религиозные расколы, в значительной степени определявшие политическую ситуацию в государстве. Каждой из империй правили многочисленные этнические группы с разнообразными культурами и взглядами.

К другим факторам, которые помогли арабам-мусульманам одержать победу за сравнительно короткий промежуток времени, можно причислить, с одной стороны, личные качества этих людей, привыкших к трудностям и климатическим крайностям, а с другой – военное преимущество быстрых передвижений небольших формирований. Такое сочетание помогло им противостоять медленным и неповоротливым регулярным войскам противников.

Кроме того, и для Византии, и для Персии наступление арабов стало своего рода сюрпризом. Они не только не были подготовлены к такого рода войне, но и вообще не ожидали хоть сколько-нибудь серьезной угрозы со стороны Аравийского п-ова. Все оборонительные силы Персии были сосредоточены на северном фронте, обращенном в сторону Византии, и неожиданная атака с юга оказалась для страны смертельным ударом. Ее столица Ктесифон располагалась недалеко от юга и не была надежно защищена от вторжения с этого направления. За ее падением последовал развал всей политической структуры государства. Что же касается Византии, то, несмотря на нападение арабов с неожиданного направления, победа последних была далеко не столь убедительной. Приграничные укрепления Византийской империи вынудили арабов предпринять несколько атак, истощивших их силы и вынудивших их остановиться в предгорьях Тавра. Таким образом, в отличие от быстро сдавшихся Сасанидов, византийцы смогли удержать территории части своих провинций и их столицы.

ЦЕЛИ И ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Завоевания мусульман, равно как и почти все другие великие исторические завоевания, были обусловлены несколькими серьезными побудительными причинами и направлены на достижение ряда глобальных целей. Начало этим завоеваниям положил верховный приказ первых халифов, которые были первыми мусульманами и сподвижниками Пророка, что позволило им принять его взгляды и проникнуться необходимостью их практической реализации. Идеалы Пророка ясны из его высказываний, а также из главного направления его деяний. Основной задачей было создание широко распространенной политической системы, в которой высочайшим законом было бы слово Божье и где господствовал бы ислам в своем самом широком культурном смысле. При такой идеологии не запрещались другие идеи и системы, если только они не подрывали основные принципы нового порядка. Эти цели, без сомнения, были приняты теми, кто вершил политику нового государства, и в разной степени доведены до

всех мусульман, веривших, что Бог поддерживает их и вознаграждает тех, кто гибнет за его дело.

Этот верховный идеал ставился превыше всего, хотя не исключал и чисто материальных стремлений – захвата трофеев. Однако на раннем этапе завоеваний военные трофеи были весьма невелики, а результаты великих побед арабов еще не проявились.

ЗАВОЕВАНИЕ ИРАКА

Ирак был самой богатой провинцией Сасанидской империи. На юге он граничил с Аравией, причем здесь не было никакой географической преграды. Вследствие этого с давних времен арабы проникали в Ирак и влияли на его этническую структуру. Сасаниды оказывали поддержку арабской династии Мундхира в Хире, чтобы защитить западные границы своего государства от любой угрозы со стороны пустыни. Падение этой династии в 602 г. н.э. привело к устранению этой преграды, и арабы-кочевники стали нападать на Ирак все чаще и даже добились некоторого успеха именно в тот период, когда государство Сасанидов переживало внутренние неурядицы и общий упадок экономики.

Одним из правителей арабов, постоянно нападавших на приграничные территории Ирака, был аль-Мусанна, вождь племени бакр с группой своих сородичей. Когда халиф Абу Бакр подавил восстания в Аравии, аль-Мусанна примкнул к нему и связал свою деятельность со служением исламу. Учитывая это, Абу Бакр приказал Халиду ибн аль-Валиду выйти на границу с Ираком и взять под свое руководство вылазки арабов, время от времени происходившие там. Халид отправился к границе, одержал победу над Сасанидами, занял Хиру и примыкающие территории к западу от Евфрата и отправился на север, к границам византийских владений. Затем Абу Бакр приказал Халиду присоединиться к мусульманским войскам на границе с Сирией, а аль-Мусанну оставил вести боевые действия арабов против Сасанидов.

После Абу Бакра халифом стал Омар (634 г.). Новый халиф изменил военную политику мусульман: в отличие от Абу Бакра он позволил бывшим инакомыслящим поступать на службу в мусульманские войска, благодаря чему в завоеваниях смогло принять участие гораздо большее число арабов. Омар не колеблясь посылал их прямо на границы. Кроме того, приоритет теперь отдавался военным действиям на границе с Ираком, и Омар, не теряя времени, отправил туда армию из Медины, назначив командующим Абу Убейда аль-Тхакафи (*al-Thaqafi*). Однако эта армия потерпела поражение в битве под Джисром около Вавилонии, но Омар тут же послал в Ирак другую армию, состоящую в основном из йеменцев, под командованием Джарира, который одержал победу над персами в битве под Хирой. Развивая успех, Омар направил в Ирак огромную 20-тысячную армию, состоящую в основном из йеменских арабов и жителей Северного Неджда, под командованием Саада ибн Абу Ваккаса, опытного военачальника из Мекки. После тщательной подготовки тот вступил в бой с хорошо обученной армией персов под командованием сасанидского полководца Рустама. После трех дней ожесточенных боев в Кадиссии, на границе пустыни к западу от Хиры, арабы одолели Сасанидов. Эта победа имела огромное значение, так как в результате у персов оказались незащищенными богатейшие земли в центре Ирака, а арабам победа позволила укрепить моральный дух. Через несколько месяцев арабские войска продолжили поход и вошли в Ктесифон – столицу Сасанидов, войска которых отошли, даже не оказав серьезного сопротивления, и перегруппировались в Джалавле, в 260 км к востоку от Ктесифона, но арабы вскоре разбили их и взяли под контроль весь Ирак.

Остатки войска Сасанидов ушли в предгорья Загроса, где перегруппировали все оставшиеся силы, чтобы сразиться с арабами в жестокой битве под Мехавендом (641 г.). Арабы одержали решающую победу, наголову разбив армию Сасанидов. Персидский правитель Йездегерд III бежал, и бремя защиты пало на местных персидских князей; после этого персы практически уже не оказывали никакого организованного сопротивления. Арабам открылся путь для захвата всего Иранского нагорья.

ГРАНИЦЫ СИРИИ

Сирия была первой и главной целью экспансии арабов. Она граничит с Хиджазом, вследствие чего издавна была связана с ним как в этническом, так и в торговом отношениях. Пророк организовал несколько походов в этот регион, заключил соглашения с главами ряда городов и вождями многих племен и от многих из них принимал делегации.

Когда Абу Бакр подавил восстания и обеспечил себе господство над Аравией, он послал в Сирию четыре армии, каждая из которых насчитывала 7 тыс. человек, и нанес поражения византийцам в нескольких ничего не определявших сражениях.

Когда халифом стал Омар, он назначил главнокомандующим арабской армией Абу Убейда, и византийцы потерпели сокрушительное поражение в битве при р. Ярмук. Арабы тут же довели свою победу до логического конца, без труда захватив оставшиеся города Сирии, а также города Палестины и всего побережья. После ряда соглашений в 636 г. капитулировал Дамаск, в 638 г. – Иерусалим, а в 640 г. – Кесария. Но даже несмотря на эти победы, первые годы завоеваний были далеко не простыми; в частности, в управлении Сирией мусульмане сталкивались с множеством трудностей. Более того, их военная мощь была сильно ослаблена эпидемией чумы в 638 г. Тем временем византийцы собирали силы в близлежащих горах Тавр, их флот по-прежнему господствовал в Средиземном море. Вследствие этого арабам пришлось перераспределить свои силы по множеству направлений и укрепить несколько прибрежных городов. Таким образом они обезопасили себя от серьезных нападений со стороны византийских армий.

ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА

После завоевания Сирии переключение внимания арабов на Египет было совершенно естественным. Омар послал туда с четырехтысячной армией Амр ибн аль-Аса, который прошел по прибрежной дороге и вторгся в Египет через Рафах, Суэц и Фарму. Затем в помощь Амру халиф прислал еще 10 тыс. чел. Эта армия победила византийцев в битве при Айн-Шамсе и Вавилоне-на-Ниле и взяла Александрию после трехмесячной осады. В результате к 642 г. арабы заняли весь Египет. Затем исламские силы начали быстрое продвижение на запад и в том же году захватили Барку и Триполи.

ПОКОРЕНИЕ ДЖАЗИРЫ (СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ) И АРМЕНИИ

Завоевав Палестину и Сирию, арабы переключились на Джазиру (Северную Месопотамию), учитывая ее стратегическое и торговое значение. Населяли Джазиру в основном арамейцы и арабы. Мусульманские армии двинулись к Мосулу из Нижнего Ирака, а два года спустя – еще и из Сирии. В 641–642 гг. все джазирские города, включая Харран, Раху (Эдессу) и Нисибис, перешли в руки арабов.

Затем арабы повернули в сторону Армении. В ходе этой кампании они потерпели ряд неудач и только в 652 г. сумели установить контроль над этой страной.

ЗАВОЕВАНИЕ ИРАНСКОГО НАГОРЬЯ

После короткой паузы, последовавшей за покорением Ирака, халиф Омар даровал арабским силам разрешение вступить на Персидское (Иранское) нагорье. Вести войну в этом районе оказалось совсем не просто: если в Ираке арабы сражались на территории, которую знали достаточно хорошо и там им помогали местные арабские племена, то на Иранском нагорье они столкнулись совсем с другим климатом и с иной культурой. Некоторые города вообще оказывали стойкое сопротивление, а затем столь часто поднимали восстания против новых правителей, что их приходилось завоевывать многократно.

К 649 г. арабы полностью заняли Иранское нагорье, но им понадобилось еще пять лет, чтобы установить полную власть над главными городами Хорасана (современный Северо-Восточный Иран и Северный Афганистан), на который они напали при халифе Османе.

ЭКСПАНСИЯ ВО ВРЕМЯ ХАЛИФАТА ОМЕЙЯДОВ

Первая 15-летняя волна завоеваний, последовавших за востаниями бедуинов, или «войн с вероотступниками», привела к большому успеху, который оказался даже шире целей, поставленных Мединским халифатом. При Омейядах прошла вторая широкая волна завоеваний, распространившаяся на север, запад и восток. В 663 г. халиф Муавия вел военные действия в Анатолии, а в 668 г. с суши и моря осадил Константинополь. Однако эта кампания не достигла намеченных целей. Но в 672 г. арабы все же захватили сначала остров Родос, а затем и о. Крит. Они также попытались завоевать Сицилию, но неудавшаяся осада Константинополя привела к тому, что арабы утратили контроль над этими островами. В 676 г. Муавия послал Окбу ибн Нафи из Барки покорять Северную Африку. Там Окба основал первый мусульманский аванпост в Кайруане (современный Тунис), открывавший путь к завоеванию всего Магриба. Однако побережье Северной Африки постоянно переходило то от арабов к византийцам, то от византийцев к арабам. В основном это было вызвано тем, что Магриб населяли берберы, несколько раз переходившие то на одну, то на другую сторону, но в конечном итоге подчинившиеся арабам.

При Абд ал-Малике и его сыне Валиде экспансия арабов продолжалась в восточном и западном направлениях. Новый правитель этого региона Муса ибн Нусайр укрепил власть арабов в Магрибе, а его заместитель Тарик ибн Зияд захватил Танжер и Сеуту, расположенные на берегу пролива между Марокко и Испанией. На смену ему пришел Муса ибн Нусайр, продолживший победоносное продвижение арабов и покоривший Иберию (Испанию), которую арабы знали как Андалус (Андалусия). Это произошло в 710–713 гг., хотя некоторые территории арабам удалось поставить под свой контроль лишь в 759 г. К 721 г. мусульмане захватили власть над территорией, простиравшейся глубоко собственно в Европу и неоднократно совершали набеги на Южную Францию. Однако в 732 г. арабское войско под командованием Абдалрахмана аль-Гафики (*al-Ghāfiqī*) было разгромлено франкским майордомом Карлом в битве, происшедшей между Туром и Пуатье. Римский папа пожаловал Карлу титул «Мартелл» – «Молот Божий».

На востоке к этому времени арабы завершили покорение Трансоксании и некоторых областей Туркестана; эти завоевания – заслуга нескольких правителей, самым выдающимся из которых был Кутайба ибн Муслим. В 712 г. пала

Бухара, а в 713 г. – Самарканд. В 707–713 гг. командующему Мухаммеду ибн аль-Касим ал-Тхакафи покорился Синд. За военными действиями, поставками и подкреплением на восточном фронте следил правитель Ирака Хаджадж ибн Юсуф аль-Тхакафи.

В 716 г. халиф Сулейман ибн Абд ал-Малик развернул вторую военную кампанию против Константинополя, осадив город с моря и с суши. Но осада вновь не удалась, и новый халиф Омар ибн Абд аль-Азиз был вынужден приказать армии отступить.

Язид ибн аль-Мухаллаб, правитель Ирака и восточных территорий, смог вернуть области вблизи Каспийского моря – Кухистан, Гурган и Табаристан. Однако покорение некоторых из этих территорий, например Табаристана, оставалось лишь номинальным, и Язид довольствовался взиманием ежегодной дани.

К началу VIII в. господство центральной власти во многих областях начало ослабевать. В Магрибе берберы подняли восстание, победив мусульман в сражении при Ашрафе в 741 г., но халиф Хишам ибн Абд ал-Малик сумел отвоевать Магриб. Однако берберы совершенно четко обозначили свою оппозицию режиму Омейядов, присоединившись к хариджитской секте ислама, а точнее – к хариджитам-ибадитам.

Андалусию арабы вполне могли потерять из-за междоусобных стычек, но халиф Хишам, оценив ситуацию, послал туда в 742 г. нового наместника, который сумел восстановить в этой стране правление Омейядов.

В Трансоксании местные правители Ферганы и Куша нарушили мирное соглашение с мусульманами, а в Синде произошло несколько восстаний. На этом завершилась вторая волна завоеваний. Теперь главной задачей исламского государства было скорее упрочение власти на завоеванных территориях, нежели продолжение экспансии.

Впервые в истории арабам удалось покорить все регионы Западной Азии и присоединить к своему государству земли Северной Африки, Андалусии, Трансоксании, Туркестана и Синда. Осуществив это, они подготовили благоприятные географические условия для создания под эгидой ислама общей культуры, которая при этом ни в коем случае не ограничивалась одними только мусульманами (см. карту 12).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABU ZAKARIYYĀ AL-AZDĪ. 1967. *Tārīkh al-Mawṣil* (History of Mosul). Cairo.
- AL-'ALI, S. 1955. *Muḥāḍarāt fī Tārīkh al-'Arab* (Lectures on the History of the Arabs). Baghdad.
- 'ALI, J. 1961. *Tārīkh al-'Arab fī l-Islām* (History of the Arabs in Islam). Baghdad.
- ARNOLD, T. 1924. *The Caliphate*. Oxford.
- AL-BALĀDHURĪ. 1978. *Anṣāb al-Ashraf* (Lineages of the Noble Ones). Cairo, Vol. 1, n. d.; Vol. 1, pt. 4, Vol. 2, Beirut, 1974; Beirut, 1979; Vol. 5, Jerusalem, 1983.
- AL-BULDĀN FUTUḤ (Conquests of the Lands). 1866. Leiden. Also Cairo, 1956.
- AL-DĪNĀWARĪ. 1888. *Kitāb al-Akhbār al-Tiwāl* (Book of the Lengthy Reports). Leiden.
- DONNER, F. 1981. *The Early Islamic Conquests*. Princeton.
- DURI, A. 1960. *Muqaddima fī Tārīkh Sadr al-Islām* (Introduction to the History of the Heartland of Islam). Beirut.
- GIBB, H. 1923. *The Arab Conquest of Central Asia*. London.
- IBN 'ABD AL-HAKAM. 1914; 1922. *Kitāb Futuḥ Miṣrwa l-Maghrib wa l-Andalus* (Book of the Conquest of Egypt, the Maghrib and Spain). Arabic text ed. by H. Massé (*Le livre de la conquête de l'Égypte, du Maghreb et de l'Espagne*), Cairo 1914. Arabic text also ed. by C. C. Torrey, *The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain*, Yale University Press, New Haven, Conn. 1922. Partial French trans. with corresponding extracts of Ibn 'Abd Hakam's Arabic text, *Conquête de l'Afrique du Nord et de l'Espagne*, ed. and trans. by A. Gateau, Algiers 1948.

- IBN AL-ATHIR. 1851–1876. *Al-Kāmil fi l-Tārikh* (The Perfection in Chronicles). Leiden. New edn. 1987, Beirut.
- IBN AṬṬHAM AL-KŪFĪ. 1300 AH/AD 1883. *Al-Futūḥ* (The Conquests). Persian trans., Bombay; Arabic text, 1986, Beirut.
- IBN HISHĀM. 1955. *Al-Sīra al-Nabawiyya* (The Life of the Prophet). Cairo.
- IBN IDHĀRĪ. 1948–1951. *Al-Bayān al-Mughrib* (The Wondrous Elucidation). Leiden.
- IBN ISḤĀQ. 1976. *Al-Maghāzī wa l-Siyar* (Feats Of Arms and Biographies). Rabat.
- IBN KHAYYĀṬ, Khalifa. 1967. *Kitāb al-Tārikh* (Book of Chronicles). Najaf.
- IBN SAḌ. 1960. *Tabaqāt* (Categories). Beirut.
- IBN SALLĀM. 1353 AH/AD 1934. *Kitāb al-Amwāl* (Book of Wealth). Cairo.
- LEVI-PROVENÇAL, E. 1950. *Histoire de l'Espagne musulmane*. Paris.
- LEWIS, B. 1950. *The Arabs in History*. London.
- MANTRAN, R. 1967. *L'expansion musulmane, VIIè–IXè siècles*. Paris.
- SHABAN, M. A. 1971. *Islamic History*, vol. 1. Cambridge.
- SHOUFANY, E. 1972. *Al-Riddah and the Muslim Conquest of Arabia*. Toronto.
- AL-ṬABARĪ. 1881. *Tārikh al-Rusul wa-l-Mulūk* (The Chronicle of Prophets and Kings). Leiden. Also Cairo, 1986. French trans. by H. Zotenberg, *Chronique*, Paris, 1867–1874 and 1980.
- URWA IBN AL-ZUBAYR. 1982. *Maghāzī* (Feats of Arms). Riyadh.
- YAḤYĀ IBN ĀDAM AL-QURASHĪ. 1958. *Kitāb al-Kharāj* (Book of Taxes). Leiden.
- YĀQŪT AL-RUMĪ. 1866–1873. *Muʿjam al-Buldān* (Compendium of Lands). Leipzig.
- 1907–1931. *Irshād al-Arīb ilā Ma rifat al-Adīb* (Skillful Guidance unto the Learning of a Cultured One). Leiden.
- AL-WĀQIDĪ. 1989. *Kitāb al-Ridda* (The Book of the Apostasy). Paris.

ЭКСПАНСИЯ АРАБОВ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Салех Ахмед Аль-Али

ОСНОВАНИЕ НОВЫХ ГОРОДОВ

Первые крупные победы позволили арабам присоединить к своему государству обширные и богатые земли, вследствие чего возникла необходимость в создании в завоеванных областях постоянных центров, где можно было бы разместить военные гарнизоны. Поскольку это могло означать, что солдатам придется покинуть свои прежние дома и поселиться во вновь завоеванных землях, эти центры создавались в приграничных районах, где климат подходил для арабов и верблюдов, без которых нельзя было обойтись. Этими центрами стали Басра на юге Ирака и Куфа в центре этой страны; Эль-Фустат – в вершине дельты Нила в Египте; Джаваса – в Бахрейне и Джабия – в Сирии. Два последних города вскоре утратили свою важность, а три других со временем разрослись еще больше. Одним из подобных центров Омар считал и Медину – столицу халифата. Эти новые центры стали называть *амсар* (мн.ч. от слова *миср*) – «города».

Организация новых городов

Новые города создавались почти одновременно в различных регионах по мере установления в них власти арабов. Несмотря на большие расстояния, которые их разделяли, они мало чем отличались друг от друга по замыслу и организации. Каждый из них возводился неподалеку от какого-нибудь старого города; например, Басра была построена рядом с Убуллой, Куфа – рядом с Хирой, а Фустат – рядом с Гелиополем. Новые города служили административными центрами областей, завоеванных арабами, и отвечали за соблюдение закона, поддержание порядка и расширение границ государства. Арабы, населявшие эти города, пришли в основном из различных регионов Аравийского п-ова, принимавших участие в завоеваниях.

Эти новые города превратились в постоянные армейские лагеря, административные центры и общинные поселения, в которых под эгидой исламского государства можно было заниматься общественной, экономической и интеллектуальной деятельностью. Все население этих городов говорило по-арабски, впрочем, многие их жители были арабского происхождения.

Средоточием жизни в каждом городе была мечеть, для которой отводилось достаточно места, чтобы вместить всех молящихся; к ней непременно примыкала большая площадь, а также некоторое пространство, отведенное для резиденции правителя и ряда ведомств, связанных с его деятельностью. Это были единственные общественные здания в такого рода городах. Сначала они представляли собой простые глиняные постройки из высушенного на солнце кирпича, крытые тростником. Но к началу правления Омейядов их стали окружать высокими стенами и воздвигать тщательно

выполненные колоннады. Помимо предоставления помещения для богослужения, в частности для пятничного молебна, мечеть выполняла и другие функции: судья (кади) вершил в ней правосудие, а правитель обнародовал свои указы и распоряжения. Мечеть могла служить и военным штабом, в ней при необходимости мог укрыться правитель. Кроме того, в мечети поэты нередко декламировали свои стихи, в ней могли проводиться политические собрания.

От площади перед мечетью расходились несколько главных улиц к окраинам города, а между ними было множество узких перекрещивавшихся улочек и переулков. Земля между главными улицами и боковыми дорогами отводилась различным кланам, причем каждый подобный участок земли носил имя соответствующего клана. Членам клана выделялись небольшие участки, на которых они строили свои дома: сначала из глины и тростника, а потом из высушенного на солнце кирпича. Клан продолжал владеть этим участком земли, даже если кто-то из его членов переезжал в другой город, вследствие чего происходило некоторое смешение людей. Земли веками носили имя клана, которому принадлежали, несмотря на приток не имевших к нему отношения новых поселенцев или даже на распад клана, вызванный переселением большего числа его членов.

Неарабское население новых городов

С самых первых дней эти города помимо арабов населяли и люди неарабского происхождения: некоторые из них часто были иноземными солдатами, присоединившимися к арабам, например из племени асавира (*Asdūwira*) и сайабиджа (*Sayābija*) в Басре, Хамра ал-Дейлам (*Hamrā' al-Daylām*) в Куфе и Хамра в Фустате.

Другие неарабы стекались в эти центры в поисках работы или богатства. Селились они в основном вокруг рынков, вследствие чего их стали называть «людьми рынка» в противоположность арабам, которых именовали «людьми мечети». Неарабы выполняли множество работ, в которых нуждались горожане. Многие из них стали мусульманами и установили связи с арабами в экономической, общественной и интеллектуальной жизни. Некоторые разбогатели и заняли высокие посты в религиозных структурах, но в общем арабы относились к ним недоверчиво и даже презрительно. Помимо всего прочего, они не были включены в список получавших пособия и пожертвования, вследствие чего были лишены гарантий, которыми пользовались арабы, и это усиливало напряженность в их отношениях, угрожало стабильности и порядку.

Появление неарабов никак не изменило основной характер жизни города как центра размещения арабо-мусульманских войск. Подобное сочетание арабского, военного и исламского аспектов отличало новые города от более ранних арабских поселений.

Финансовая организация

Арабские воины получали от государства ежегодное денежное жалование и ежемесячно обеспечивались провиантом. Размер жалования варьировался от минимального в 200 *дирхамов* в Ираке и 20 *динаров* в Сирии и Египте до максимального в 2500 *дирхамов* или 200 *динаров* в год. Минимальное жалование позволяло воинам не бедствовать, а максимальное выражало признательность его получателю за службу, но, даже являясь суммой значительной, никак не могло считаться состоянием.

Все эти расходы возмещались доходами с провинций, подчиненных каждому конкретному городу. Такая система вела к обеднению сельских территорий и накоплению денег в городах, что стимулировало развитие производства и торговли, превращая города в важные экономические центры. Это, в свою очередь, породило класс состоятельных людей и способствовало развитию рыночных отношений, что, впрочем, никак не повлияло на простых сельских жителей.

Статус арабского языка и арабской культуры в новых городах

Тот факт, что подавляющее большинство населения новых городов составляли арабы, способствовал дальнейшему усилению привилегированного положения арабского языка в развертывавшейся в них общественной, политической и культурной жизни. Высокий статус арабский язык имел еще и потому, что это был язык Корана, исламских религиозных обрядов, двора халифа и политической элиты общества. С течением времени богатый словарь и гибкость этого языка сделали его разговорным языком широких масс на большей части территории империи; он применялся как для повседневного общения, так и для создания литературных произведений. Был еще ряд факторов, повлиявших на распространение арабского языка как интернационального на всей огромной территории исламского государства, где на нем многие говорили, а интеллектуалы использовали в качестве единственного письменного языка.

Арабы, заселявшие такие города, приносили с собой разнообразные знания вкупе с миром своих эмоций, чувств, пословиц, афоризмов, сказок и стихов. Благодаря дарованной государством свободе они получили возможность расширить свой кругозор и общаться с представителями других культур. Таким образом, арабский язык получил чрезвычайно широкое распространение, став языком культуры и образования. Появились выдающиеся ученые, которые своими успехами были обязаны традиционному интересу к гуманитарным наукам, а также отношению исламского государства, которое поддерживало интеллектуальные занятия, и финансовой системе, гарантировавшей арабскому населению минимально приемлемый уровень жизни. Немаловажную роль сыграл и относительно короткий срок военной службы: каждый мужчина призывался в армию не более чем на один сезон каждые три года.

ИСЛАМСКИЕ НАУКИ

Коран играл настолько важную роль, что его изучали со всех точек зрения; очень скоро это изучение развилось в несколько отдельных коранических наук, имевших дело с декламацией, этимологией и толкованием Корана. Другие исследования были связаны с различными аспектами ислама, включая высказывания Пророка и события его жизни, законоведение и т.п. Хотя этими предметами занимались ученые как арабского, так и неарабского происхождения, основным требованием к ним стало доскональное знание арабского языка. По всем этим причинам арабский язык получал все более широкое распространение, усиливая связь арабизма и уни-

версальных принципов ислама. Соответственно, с течением времени чисто арабское происхождение перестало играть решающую роль; мало-помалу его место занимало более гуманное и универсальное мировоззрение (илл. 107–109).

СОЗДАНИЕ АРАБАМИ НОВЫХ ВОЕННЫХ БАЗ

Дальнейшее расширение исламского государства повлекло за собой создание дополнительных военных баз для арабских воинов. Их расположили в безопасных районах, но неподалеку от наиболее слабо защищенных участков государственной границы. В первую очередь подобные базы создали в Сирии, так как ее северному побережью и границам угрожала Византия. Сначала войска дислоцировались в Дамаске, Хомсе и Палестине, затем в Киннасрине и, наконец, в провинции Джазира и в северных регионах – Рахе (Эдессе), Ракке, Мосуле и Ардебиле.

На востоке воины размещались в различных центрах: Казвине, Мараве и Тебризе (Тавризе) в Азербайджане, а также в Рейе, Исфакане, Масбадхане и Кередже. Затем появились базы в Куме, Гургане и Ширазе, но самыми важными были арабские поселения в Хорасане, основанные в середине правления Муавии (673 г.), когда туда были посланы войска для укрепления власти арабов и продвижения в Трансоксанию. Армию, насчитывающую вместе с их семьями 50 тыс. человек, разместили главным образом в Мерве, Нишапуре, Тусе, Мерв-аль-Рудхе, Герате, а позднее в Балхе. По мере развертывания очередной волны арабской экспансии в качестве военных баз для арабских сил, присланных из разных городов для охраны и расширения границ исламского государства, стали использоваться Бухара и Самарканд.

В Северной Африке арабы основали свой военный лагерь в Кайруане в начале правления Омейядов; когда же к их владениям добавилась Испания, они расположили свои войска сразу в нескольких центрах, основными из которых были Кордова и Севилья.

Заселение этих новых центров несколько снизило рост населения в первых исламских городах. Новые поселенцы сохраняли культурные связи со своей родиной, причем некоторые из них продолжали владеть собственностью на старых местах жительства. Более того, они поддерживали ту же общую организацию, что и в первых городах, и продолжали получать ежемесячное и ежегодное жалование. Они сохраняли также свои племенные структуры и организацию, а также арабский язык, суждения и исламское вероисповедание, хотя при этом они перенимали и некоторые неарабские особенности цивилизаций, окружавших их поселения.

Новые базы, заселяемые арабами во время миграций второй волны, хотя по-прежнему и назывались «городами» (*амсар*), являлись давно установившимися центрами поселений, большинство в которых составляли жители неарабского происхождения, занимавшиеся своими делами и ведущие свой образ жизни. В этом отношении новые базы отличались от более ранних, которые населяли главным образом арабы, не стремившиеся устанавливать близкие отношения с коренными жителями этих мест.

Арабские силы в Хорасане принимали непосредственное участие в политических событиях, обозначивших конец Омейядского халифата. Они охотно откликнулись на призывы иракских партий, настроенных против Омейядов, и сыграли решающую роль в восстании и последующем приходе Аббасидов к власти.

Несмотря на то что в новых поселениях изначально не было столь же активной интеллектуальной жизни, как в первых городах, они составили им вполне серьезную конкуренцию уже в первые годы правления династии Аббасидов. В любом случае, несмотря на географическую удаленность между собой, все эти центры имели некоторые общие свойства – сильную привязанность к арабскому языку и стремление защищать и распространять ислам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABU I-FARAJ AL-IŞFAHĀNĪ. Kitāb al-Aghānī (The Book of Songs). Bulāq, 1284–5 AH (= AD 1871–72); 20 vols; Vol. 21, Leiden, 1306 AH (= AD 1888); index, Leiden, 1900.
- AL-'ALĪ, S. 1969. Al-Tanzīmat al-Ijtīmā'īyya wa l-Iqtisādīyya fi l-Basra fi l-Qarn al-Awwal al-Ĥijrī (The Social and Economic Constitution in Basra in the First Century of the Islamic Era). Beirut.
- 1988. Al-Dawla fi 'Ahd al-Rasul (The State in the Time of the Prophet). Baghdād.
- 1989. Dirāsāt fi l-Idāra al-Islāmiyya (Studies in Islamic Administration). Baghdād.
- AL-BALĀDHURĪ Ansāb al-Ashraf (Lineages of the Noble Ones). Vol. II, Greif Swold, 1883; Vol. 5, Jerusalem, 1936, repr. 1983; Vol. 4, B. Jerusalem, 1938; Vol. 4, part III, Beirut, 1978.
- DENNET, D. B. 1950. Conversion and the Poll Tax in Early Islam. Cambridge.
- DURĪ, A. 1960. Muqaddima fi Tārikh Şadr al-Islām (Introduction to the History of the Heartland of Islam). Beirut.
- FAIŞAL SH. 1978. Al-Mujtama'āt al-Islāmiyya (Islamic Societies). Beirut.
- GIBB, H. 1969. Mohammedanism. London.
- IBN 'ABD RABBIH. 1940. Al-'Iqd al-Farīd (The Peerless Necklace). Cairo.
- IBN 'ASĀKIR. 1333 AH (= AD 1915). Tārikh Dimashq (History of Damascus). Damascus.
- IBN AL-ATHĪR. 1851–76. Al-Kāmil fi l-Tārikh (The Perfection in Chronicles). Leiden. Also Beirut, 1987.
- IBN DURAYD. Al-Ishtiqāq (Etymology). Göttingen, 1854; also Cairo, 1958.
- IBN KHALDŪN. Al-Muqaddima (An Introduction to History). Beirut, 1886. Also Cairo, 1958. English trans., The Muqaddimah, by F. Rosenthal, 3 vols, Princeton, 1958, repr. 1967.
- IBN AL-NADĪM. 1347 AH (= AD 1929). Kitāb al-Fihrist (The Book of the Catalogue). Cairo. English, trans. by Bayard Dodge, The Fihrist of al-Nadīm, 2 vols. New York, 1970.
- IBN QUTAYBA. 1904. Kitāb al-Shi'r wa l-Shu'ara (The Book of Poetry and Poets). Leiden. Arabic text of the introduction only also edited with French trans. by M. Gaudetroy-Demombynes, Ibn Qutaiba: Introduction au Livre de la poésie et des poètes, Paris, 1947.
- 1925. 'Uyun al-Akhbār (Sources of Reports). Cairo.
- 1931. Sharḥ Adab al-Kātib (Gloss concerning the Culture of the Scribe). Cairo.
- AL-JĀHĪZ. 1933. Rasā'il (Epistles). Cairo.
- 1938–1947. Al-Ḥayawān (The Animals). Cairo.
- 1948. Al-Bayān wa l-Tabayīn (Proof and Demonstration). Cairo.
- 1958. Al-Bukhālā' (The Misers). Cairo.
- AL-JAHSHIYĀRĪ. 1938. Kitāb al-Wuzarā' wa l-Kuttāb (The Book of Viziers and Scribes). Cairo.
- JUYNBOLL, O. H. A. (ed.) 1982. Studies on the First Century of Islamic Society. Carbondale, Ill.
- AL-KINDĪ. 1959. Kitāb al-Umara' wa Kitāb al-Quḍāt (The Book of Emirs and the Book of Judges). Beirut.
- AL-MAS'UDĪ. 1861–77. Murūj al-Dhahab (The Meadows of Gold); Arabic text with French trans., Les Prairies d'Or, by C. Barbier de Meynard and Pavet de Courteille; Arabic text revised by Ch. Pellat, Beirut 1965; repr. Arabic text, Beirut, 1987.
- MORONY, M. 1983. Iraq after the Muslim Conquest. Princeton.
- AL-MUBARRAD. 1874. Al-Kāmil (The Perfect One). Leipzig.
- SAUNDERS, J. J. 1965. A History of Medieval Islam. London.
- AL-SHĀFI'Ī. 1983. Kitāb al-Umm (The Motherbook). Beirut.
- AL-SHĪRĀZĪ. 1981. Ṭabaqāt al-Fuqahā' (Grades of the Jurists). Beirut.
- AL-ṬABARĪ. 1881. Tārikh al-Rusul wa l-Mulūk (The Chronicle of Prophets and Kings). Leiden. Also Cairo, 1986. France trans. by H. Zotenberg, Chronique, Paris, 1867–74 and 1980.
- UDOVITCH, A. L. (ed.) 1981. Studies in Economic and Social History. Princeton.
- WĀKĪ. 1947. Akhbār al-Quḍāt (Reports Concerning Judges). Cairo.
- WELLHAUSEN, J. 1902. Das Arabische Reich und sein Sturz. Berlin. English trans. The Arab kingdom and its Fall, Calcutta, 1927.
- AL-YA QŪBĪ. 1969. Tārikh (Chronicle). Leiden.
- AL-ZUBAYR IBN BAKKĀR. 1972. Al-Akhbār al-Muwaffaqiyyāt (Reports Concerning Favoured Matters). Baghdād.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИРАНА И ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Эхсан Яршатер

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ И ОСЛАБЕВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

Чтобы оценить возрождение персидской культуры после исламского завоевания, нужно вспомнить, что ослабло или исчезло в результате этого завоевания, что делали персы в промежутке между гибелью и возрождением, а также при каких обстоятельствах произошло это возрождение и какие формы оно приняло. Персия потерпела серьезное поражение от войск арабов-мусульман в 642 г. в сражении под Нехавендом, которое арабы назвали «победой побед». Оно стало погребальным звоном для могущественной империи, на которую арабы смотрели с восхищением и благоговением на протяжении многих веков. В течение 10 лет персидские провинции одна за другой покорялись наступающим войскам арабов. Бесславная смерть сбежавшего Йездегерда III, последнего из сасанидских правителей Ирана, от руки сельского мельника, польстившегося на увиденные у царя золотые деньги, в 652 г. поставила точку в судьбе долго царствовавшей династии (224–652 гг.) и одной из сверхдержав того времени (другой была Византийская империя). Арабское завоевание положило конец и гегемонии могущественной зороастрийской религии, которая властвовала в стране, идя в фарватере политики Сасанидов.

Ко времени зарождения ислама длительные войны с Византией, чрезмерное налогообложение (при том, что аристократия и духовенство налогов не платили) и различные злоупотребления правителей и священнослужителей ослабили Персию. Последние Сасаниды, окружив себя богатством и показной роскошью, демонстрировали внешнему миру пустое величие сияющей оболочки; вторжение арабов раскололо ее, обнажив пустое нутро. Внутренние распри и соперничество крупных феодальных домов почти полностью парализовали государственный аппарат, и страна созрела для социального переворота.

ПРИХОД ИСЛАМА В ПЕРСИЮ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПЕРСИДСКОГО ОБЩЕСТВА

Ислам – со своей пламенной духовной идеей и храброй преданной армией, которая следовала ей, – появился в подходящий момент. Это сочетание оказалось неодолимым, и начался процесс обращения людей в новую религию. Некоторые принимали ислам добровольно, других к этому принудили условия военного времени. В Трансоксании и Хорасане, например, где жители некоторых крупных городов оказали вооруженное сопротивление, а потерпев поражение, поднимали восстания, в мусульманскую веру людей чаще всего обращали силой. Даже несмотря на то, что последователям зороастризма (как и иудеям и христианам) в конечном счете стали относиться как к «людям (Священного) Писания», вследствие чего им позволили сохранить

свою религию и даровали защиту в обмен на уплату подушного налога, обращение в ислам, особенно в городских центрах, продолжалось и со временем только усилилось. Свой вклад в этот процесс внесло появление и постепенное усиление отрицательного и, зачастую, оскорбительного отношения к людям, пожелавшим сохранить свою веру. Им, например, отказывали в получении государственных должностей; если они становились жертвами какого-либо преступления, преступник получал более мягкое наказание; да и в вопросах наследования имущества государство благоволило к новообращенным за счет преданных своей старой вере. Не более чем через 100 лет страна, по крайней мере городская ее часть, стала мусульманской.

И все же некоторые жители, стремясь избежать унижений, которым они подвергались, пожелали переселиться в Индию; их потомки – индийские и пакистанские парсы, сохранившие религиозные тексты и обряды зороастризма и поддерживающие связь со своими персидскими братьями. В сельской местности и трудно доступных областях люди гораздо дольше терпели лишения из-за приверженности к своим убеждениям. В X в. значительная часть жителей Фарса, родины Сасанидов, по-прежнему исповедовала зороастризм, а небольшие общины преданных своей исконной вере людей и по сей день живут в провинциях (останах) Ирана Йезд и Керман, сохраняя память о зороастрийских традициях. Однако даже те, кто обратился в новую веру, часто чувствовали необходимость, следуя доисламскому обычаю арабов, примкнуть к арабскому племени или клану и стать его *мавлрой* (мн.ч. *мавали*), или «новообращенным» (вассалом), чтобы получить защиту племени и обрести опору в обществе. Число таких новообращенных быстро росло, и очень скоро они составили весьма значительную силу на арене исламской культуры и политики.

Тем временем арабский язык – язык завоевателей, Коран и ежедневные молитвы прижились в среде персидской знати. При Хадждадже ибн Юсуфе, правителе Ирана и Ирака (661–714 гг.), в *диванах*, или государственных канцеляриях, арабская письменность вытеснила среднеиранскую письменность пехлеви, подготовив тем самым почву для принятия арабской системы письма в Персии в целом.

Обращение в ислам означало глобальные преобразования в религиозном мировоззрении, доктринах и практике бывших зороастрийцев. На смену верховному божеству Ахурамазде пришел всемогущий Аллах, абсолютное единство которого не допускало существования рядом с ним каких-либо иных богов; Ахриман, князь тьмы, утратил свое независимое положение: в умах людей его место занял Сатана, сотворенный Богом; алтари огнепоклонников сменились мечетями; пост, который ранее отвергали, считая происками дьявола (поскольку голод был сотворен Ахриманом), и паломничество в Мекку стали непременными обязанностями правоверных, которые теперь, вознося ежедневную молитву, становились лицом к Мекке и закапывали

умерших в землю, вместо того чтобы оставлять их на съедение хищным птицам; четыре стихии (огонь, вода, земля и воздух) утратили свою святость, а собак, к которым раньше благоволили и присутствие которых считалось необходимым в некоторых религиозных обрядах для придания последним законной силы, стали считать «нечистыми» животными. Зороастрийские священнослужители, которые были главными хранителями персидского знания и учения, потеряли свое влияние; всё, что напоминало манихейские и маздакитские убеждения или магические верования, стало подозрительным. Персы начали проповедовать ислам и принимать участие в его священных войнах.

Важные преобразования произошли и в культурной жизни. Люди перестали читать книги на пехлеви, так как уже не понимали этого языка, вследствие чего Персия практически утратила связь со своим прошлым и еще сильнее вовлеклась в орбиту ислама. Все чаще в персидском языке стали появляться слова, заимствованные из арабского; сначала это были религиозные и административно-хозяйственные термины, а затем и многие другие. Персы писали стихи на арабском языке, а их метрическая система стихосложения была адаптирована к арабскому стихотворному метру. Ученые обсуждали литературу, ориентируясь на арабскую просодию и риторика (илл. 109).

УЧАСТИЕ ПЕРСОВ В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Приняв ислам, персы посвятили себя его укреплению и обеспечению его способности отвечать интеллектуальным, богословским и законодательским потребностям более искушенных жителей Среднего Востока, как это уже сделали образованные мусульмане в Ираке, Сирии, Северной Африке и Испании. Персы перевели на арабский язык свои основные литературные произведения и труды по истории своей страны, включая *Khwadāy-nāmag*, или «Книгу повелителей» – изложение национальной истории Персии и ее легенд; *Kātila wa Dimma* – собрание легенд индийского происхождения, широко распространенных в Персии (илл. 210, 211); многие исторические романы и философские труды; книги о манерах и придворном этикете, а также научные трактаты. Они содействовали также и дальнейшему развитию исламских наук. Список исламских ученых раннего и классического периодов пестрит персидскими именами (*Yarshater*, 1998, pp. 4ff, 54ff). Персидских ученых было так много, что Ибн Хальдун, знаменитый арабский историк, живший в XIV в., пришел к выводу, что, за несколькими исключениями, большинство мусульманских ученых, занимавшихся религиозными и интеллектуальными науками, были персами (*аджаи*) и что, даже если ученый имел арабское происхождение, он непременно говорил на персидском языке, воспитывался и обучался персами, и все это – несмотря на то, что ислам возник в арабской среде и его основатель был арабом (*Ibn Khaldūn*, 1958, III, p. 311). А современный исследователь ислама пишет:

«В конечном счете я считаю невозможным отрицать, что ислам гораздо больше обязан своим побежденным новообращенным неарабского происхождения, нежели нескольким победоносным арабским соплеменникам, и это – общезвестная истина, касающаяся как «центра», так и «периферии»... За свое развитие ислам как религия и политическая теория должен прежде всего благодарить мавали» (*Jayybol*, p. 483).

Вклад персов в развитие ислама и обогащение его культуры (*Browne*, 1902–1924: I, pp. 251ff), помимо участия в этих процессах преобладающего числа персидских ученых (*Brimmer*, in *EI2*, I, pp. 112; *Hodgson*, p. 446; *Yarshater*, 1998, pp. 90–94), можно оценить еще и по тому факту, что персами

по происхождению были такие светила, как Абд аль-Хамид Катиб (*Abd al-Hamid Kātib*) – основатель арабского эпистолярного жанра и «отец арабской прозы» (*al-Qādī*, 1992: p. 223); Ибн Мукаффа (*Ibn Muqaffa*, ум. в 756 г.) – писатель, переводчик, политический теоретик и основоположник арабской литературной прозы (*Latham*, 1990: pp. 154–164; *Latham*, *Ehr.*, VII; *Shaked*, 1984: pp. 31–40); Ибн Исхак (*Ibn Ishāq*, ум. в 767 г.) – один из первых биографов исламского Пророка (*Gillepsie*, 1970); Абу Ханифа (*Abū Hanīfa*, ум. в 767 г.) – выдающийся правовед и основатель ханафитской школы исламского права; Сибавейи (*Sibawayhi*, ум. в 793 г.?) – самый главный из первых арабских грамматистов; Мухаммед бен Муса Хорезми (ум. в 847 г.) – знаменитый математик и географ, «отец алгебры»; Ибрагим Мавсили (*Ibrāhīm Mawsilī*, ум. в 804 г.) и его сын Исхак (ум. в 850 г.) – выдающиеся музыканты; Ибн Кутайба (*Ibn Qutayba*, ум. в 877 г.) – прославленный ученый и литератор; Баязид (*Bāyazīd*, ум. в 875 г.), Джунайд (*Junayd*, ум. в 910 г.) и Халладж (*Hallāj*, ум. в 922 г.) – знаменитые мистики; Мухаммед ибн Джарир Табари (*Muḥammad ibn Jarīr Tabarī*, ум. в 923 г.) – автор самой важной «Истории пророков и царей» из когда-либо написанных на арабском языке; Разес (Абу Бакр Рази, ум. в 925 г.) – знаменитый врач и философ; Авиценна (Ибн Сина, ум. в 1037 г.) – выдающийся врач (автор «Канона врачебной медицины») и величайший философ исламского мира; Абу Рейхан Бируни (ум. после 1050 г.) – первый крупный исламский ученый-энциклопедист; Мухаммед Газали (ум. в 1111 г.) – самый влиятельный исламский теолог. К ним также следует причислить авторов шести суннитских канонических собраний *хадиса* (*Safā*, 1953–1992: I, p. 74). Будет справедливо отметить, что общая вера мусульман и использование арабского языка как общего в ученой среде смягчали национальные и региональные разногласия ученых.

Принимая во внимание исламизацию Персии, а также искреннее и действенное участие персов в создании и продвижении новой исламской культуры, можно было бы предположить, что арабский мир поглотит Персию, как это уже произошло с Сирией, Ираком и Египтом, и что она отречется от своих традиций и от особенностей своей культуры. Но это не произошло: Персия вновь встала на ноги, если не в политическом, то, по крайней мере, в культурном и лингвистическом смысле, и, сделав это, заложила основу для второй фазы исламской цивилизации.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Возрождение Персии произошло в IX в., почти через 200 лет после гибели Сасанидской империи. Персы не утратили сильной привязанности к национальному наследию и гордости за свое богатое прошлое. Эти чувства порой прорывались наружу, заставляя противиться арабизации общества и уравнивательным тенденциям, свойственным исламу. Одним из таких проявлений национальной гордости были особая позиция и культурная ориентация персидских секретарей (*катибов*) и чиновников *дивана*, особенно в период, названный «Золотым веком ислама» (749–847 гг.) (*Mas'ūdī*, 1965–1979: paras 585, 630; *Mas'ūdī*, 1894: pp. 87, 100; *Baribold*, 1968: p. 197; *Gibb*, 1953: pp. 63–64). Джахиз, знаменитый арабский литератор, живший в X в., в длинном пассаже своего трактата, посвященного порицанию этих людей, обвинил их в изучении и почитании мудрости исключительно сасанидских мыслителей, пренебрежении к исламским наукам и дискредитации арабских традиций (*Jāhiz*, 1988: pp. 122–125; *Bosworth*, in *Ehr*, I, p. 91; *Qādī*, 1992: p. 238). Аналогичным проявлением явилось и движение Шуубийя (*Shū'ūbiyya*) в VIII–X вв., целью которого было доказать превосходство неарабов, особенно персов, над арабами, восхваляя добродетели первых

и подробно останавливаясь на недостатках вторых (Goldziber, 1967–1971: I, pp. 137–198; Gibb, 1953: pp. 62–73).

Решающими обстоятельствами, усилившими эти чувства, послужили сразу несколько событий. Во-первых, огромное влияние оказало лидерство Абу Муслима, вождя восстания в Хорасане против Омейядов, приведшего к ликвидации в 749 г. Омейядского халифата и приходу к власти Аббасидов. Омейяды выступали за гегемонию арабов и обвинялись в подавлении мусульман неарабского происхождения, обращаясь с ними, вопреки предписаниям Корана, как с людьми низшего уровня. Сторонники Аббасидов пропагандировали более свободные идеи ислама и обещали предоставить *мавали* более широкие возможности. Войско, сокрушившее Омейядов, несмотря на значительную этническую пестроту, в основном было все же хорасанским (*Jābiz*, 1948: III, p. 366; *Sbaron*, 1983: pp. 19ff), и войны общались между собой на персидском языке (*Tabari*, 1879–1901: III/1, pp. 50ff; *Daniel*, 1979: pp. 74; *Sbaron*, 1983, p. 67; *Levy*, 1953: p. 74). Безоговорочная победа Абу Муслима и вступление на престол Аббасидов, не веривших в преданность племен (*Tabari*, 1879–1901: III/1, pp. 25, 414, 444; *Daniel*, 1979, p. 46, n. 112), открыли путь к широкому участию персов в делах исламского государства (*Tabari*, 1879–1901: III/2, pp. 1142; *Qādi*, 1992: p. 238). Благодаря этому у персов вновь появилось чувство самосознания. Когда аль-Мансур, второй аббасидский халиф, приказал убить Абу Муслима, этот поступок население Хорасана сочло вероломным и неблагодарным, вследствие чего в этом регионе произошло несколько восстаний религиозно-политического характера.

В 821 г. наместником Хорасана был назначен Тахир, талантливый военачальник аббасидского халифа алб-Мамуна, перса по происхождению. Тахир и его преемники (полунезависимая династия Тахиридов) на протяжении 52 лет правили Восточной Персией. Их правление частично совпало с началом ослабления политической мощи халифата и возвестило о появлении местных династий и ослаблении влияния халифа на наиболее удаленные территории.

Одной из таких династий была династия Саффаридов (первая фаза: 867–901 гг.), которая, можно сказать, формально ознаменовала возрождение Персии. Ее основателем был Якуб ибн Лейс (годы правления: 867–879) – необычайно храбрый и талантливый воин, который, несмотря на свое низкое происхождение (его отец был медником), стал правителем всей Восточной и Южной Персии и организовал военную кампанию против Багдада, бросив вызов аббасидскому халифу аль-Мутамиду. Когда один из поэтов его свиты написал в его честь хвалебное стихотворение на арабском языке (как это было принято при дворах Аббасидов и Тахиридов), Ибн Лейс одернул его, спросив, почему стихи нужно писать на языке, которого он не понимает, после чего Мухаммед ибн Васиф, который отвечал за его официальную переписку, написал хвалебную оду (*касыду*), обращенную к Якубу, на новоперсидском языке. Эта ода (если верить анонимному автору «Истории Систана», цитирующему это стихотворение) положила начало поэзии на персидском языке.

Однако данное притязание на первенство нельзя назвать вполне справедливым: существуют следы, даже примеры стихотворений, относящихся ко времени правления Тахиридов (*Рупка*, 1968: pp. 135–136), включая два произведения Ханзалы из Бадхыза, написанных в квантитативных метрах (*Lazard*, 1962–1964: I, p. 53; II, p. 12; *Safā*, I, pp. 163–182), поэтому можно предположить, что попытки к сочинительству не только по арабским шаблонам, но и в родных размерах временами делались и раньше, просто их результаты не дошли до наших дней (*de Blois*, 1992, pp. 42–58). Однако импульс, заданный Якубом к написанию стихов на персидском языке, положил начало традиции, которую подхватили и развили правители из династии Саманидов – истые борцы за возрождение персидской литературы.

Саманиды (819–1005 гг.) родом были из Балха (провинция в Северном Афганистане) и происходили от Бахрама Чобина (*Babram Chobin*), знаменитого военачальника при

сасанидском шахе Хурмазде (*Hurmazd*) IV. Основатель династии – Саман-худат принял ислам, и халиф аль-Мамун (илл. 215) сделал четверых его внуков наместникам различных областей Трансоксании. В 875 г. один из них, Наср ибн Ахмад, получил весь этот регион в наместничество. Его брат и преемник Исмаил добился еще большего могущества и укрепил границы своих владений, защитив их от тюрк-язычников, нападавших с северо-востока. В 900 г. он заслужил благодарность халифа аль-Мутамиды за победу над войском Амр ибн Лейса, преемника Якуба, основателя династии Саффаридов, и за захват в плен самого предводителя, за что был награжден включением в состав его владений Хорасана, в котором правили Тахириды и Саффариды. Его власть теперь распространилась на все земли от р. Яксарт (Сырдарья) на севере до индийских границ в Афганистане. Кроме того, он стал сюзереном нескольких местных государств-сателлитов, расположенных на периферии, в частности Хорезма на севере и Систана на юге.

Укрепив границы и обеспечив тем самым открытость торговых путей и безопасность караванов, а также укрепляя доверие со стороны аббасидских халифов, Саманидам удалось добиться благополучного состояния своего государства. Они славились справедливым отношением к своим подданным. Их двор в Бухаре и Самарканде стал центром учения и прибежищем для ученых, писателей и поэтов. Они учредили систему правления, основанную на модели Аббасидов, которые, в свою очередь, с небольшими видоизменениями переняли ее от Сасанидов (*Barthold*, 1968: p. 197; *Goldziber*, 1967–1971: I, pp. 108 ff; *Lewis*, in *El2*, I, p. 17b). Соответственно, они поручали управление своей администрацией визирю – образованному и культурному человеку с опытом, который возглавлял несколько правительственных ведомств, или *дуванов*. Административная, налоговая и правовая система, построенная Саманидами, стала моделью для последующих династий: ей следовали Газневиды, ее приняли Сельджукиды, так что ее основы оставались неизменными как до вторжения монголов, так и после него, даже в XIX в. (илл. 195, 216).

Важность правления Саманидов заключается не только в создании долгосрочного образца удачного администрирования. Они сделали нечто гораздо большее, всячески способствуя культурному возрождению Персии, активно поощряя персидскую поэзию и прозу, но при этом не отказывая в поддержке и арабской письменности. Их двор, которому старались подражать преемники, украшали собой многие поэты и писатели, включая Рудаки, отца персидской поэзии, и саманидского панегириста Наср ибн Ахмада (914–943 гг.); историка и путешественника Масуди из Мерва; Шахида (*Shahid*) из Балха; Мухаммеда Фаралави (*Farālāwī*); Абу Шакура (*Abū Shākūr*) из Балха; Абу Шуэйба (*Abū Shu'ayb*) из Герата; Хакима Майсари (*Hakim Maysarī*), автора учебника по врачебному делу в стихах; Абу'ль-Аббаса из Рабанджана; Абу Тахира Хусравани (*Abū Tabir Khusravānī*); Абу'ль-Муайяда (*Abū'l-Mu'ayyad*) из Балха; Абу Мансура Дакики из Туса; Касаи из Мерва; Маруфи (*Ma'rūfī*) из Балха; Валвалиджи (*Valvālījī*); Бади аз-Замана из Балха; Мунджика (*Munjik*) из Тирмада; Тахира Чагани (*Tabir Chaghānī*); Агаджи (*Āghājī*); Амара из Мерва; Каши Илаки и Абу'ль-Хайсама (*Abū'l-Haitham*) из Джурджана (*Awfī*, 1903: I, pp. 2–28; *Hidāyat*, 1957–1961, pp. 130ff; *Browne*, 1902–1924: I, pp. 445–480; *Safā*, 1953–1992: I, pp. 369–456; *de Blois*, 1992: I, s.v.; *Lazard*, 1962–1964: II, pp. 23–194). К этому внушительному списку следует добавить имя гения персидской эпической поэзии Абуль-касима Фирдоуси, который завершил первую редакцию своей монументальной эпической поэмы «Шахнаме» во время правления Саманидов до 1000 г., но в конце концов был вынужден посвятить ее неблагодарному Махмуду Газневи (правителю Газневидского государства в 998–1030 гг.).

Поэзия времен правления Саманидов (X в.) отличается, во-первых, огромным разнообразием: до наших дней сохранились отдельные образцы лирического, эпического, нравоучительного, повествовательного, панегирического,

философского, сатирического и обличительного жанров. Во-вторых, несмотря на физическую молодость, ей свойственна зрелость не только идей и чувств, но и языка и выражения. В лучших из этих поэм нет ничего архаичного, даже если по сравнению с более поздней персидской поэзией они не содержат словесных витиеватостей и отличаются краткостью и простотой. Они выявляют богатую культуру, имеющую глубокие корни. Поэзия этого периода примечательна также своим молодым и энергичным духом, радостным настроением и, в большинстве случаев, позитивным отношением к жизни, которым она пронизана. Хотя поэтам эпохи Саманидов не чужды размышления, они посвящены не отречению от мира, не вынашиванию аскетических или мистических переживаний и не содержат пренебрежительного отношения к удовольствиям мирской жизни. Их поэзия светится любовью к природе и радостным поклонением всему прекрасному и приятному. Зрелые мотивы звучат в темпе и синкопированных ритмах этих стихотворений. Основными риторическими фигурами были сравнения и краткие метафоры или тропы, в которых уподобляются два образа (например, губы и рубин, брови и лук, зубы и жемчужины), соблюдение конгруэнтности или *manasub* (*tanāsub*)¹ и тропов, основанных на олицетворении образов (например, рука судьбы, глаза алчности); однако многословные сравнения популярностью не пользовались. Лирическим стихам, зачастую адресованным молодым собеседникам-мужчинам, присуща легкая и игривая природа; пафос, рожденный безответной любовью или недоступностью любимой, столь типичный для горестных стенаний авторов *gazeliy* более позднего периода, стихам эпохи Саманидов не свойственен, несмотря на явно присутствующее в них осознание скоротечности времени и непостоянства судьбы.

Чувство гордости за прошлое Персии вызывало повышенный интерес к доисламской истории этой страны и ее легендам. Тогда появились несколько эпических поэм, излагающих легендарную историю Персии; одна из них принадлежала перу Масуди из Мерва, другую в прозе изложил Абуль-Муайяд из Балха, но до наших дней не сохранились ни та, ни другая. Еще одну поэму в прозе написал Абу Мансур Маамари (*Abū Mansūr Ma'marī*) [или Муаммари (*Mu'ammari*)], визирь саманидского наместника Хорасана Абу Мансура Мухаммеда; от этой поэмы осталось лишь введение. Другую поэму в стихах сочинил Дакики: он начал с истории Гушгасба и появления Зороастра (Заратуштры), но погиб, не успев завершить свой труд. Кульминацией всех этих попыток стала монументальная эпическая поэма Фирдоуси «Шахнаме», или «Книга о царях». В этом обширном труде, состоящем из почти 50 тыс. рифмованных двустиший и включающем тысячу строк, принадлежавших Дакики, подробно излагается традиционная история Ирана от мифологического первого в мире царя, Кеюмерса, до последнего сасанидского монарха Йездегерда III. Это очень мощное и красивое произведение с захватывающими эпизодами, драматическими событиями, духовными наставлениями, романтическими историями и философскими раздумьями, которое гений Фирдоуси возвел на поэтические высоты, достойные его величественного содержания. Страстная приверженность к идеям, идеалам и великим традициям Древней Персии переполняет страницы «Шахнаме». Судьбы благородных витязей, составляющие большую и наиболее выразительную часть поэмы, обусловлены их верой в свой долг – защищать целостность иранских земель и их символ – монархию. Лучше любого другого произведения «Шахнаме» демонстрирует дух патриотизма, который охватил жителей Восточного Ирана, как только они вновь обрели уверенность в себе и вознамерились возродить свою уникальную культуру и литературу, продолжая заниматься этим и в последующие века. В этом смысле поэма «Шахнаме» стала оплотом национальной гордости и идентичности и помогла сохранить эту идентичность на протяжении беспокойных периодов истории, когда Персия пала под натиском тюрков, монголов и татар.

В X в., при Саманидах или их вассалах, проявилось иное качество прозы на новоперсидском языке как языке науки и обучения; в результате был положен конец безраздельному властвованию арабского языка в этих сферах. Второе рождение, благодаря образованным чиновникам эпохи Саманидов, теперь переживал и персидский эпистолярный жанр, который при Омейядах, а также через новаторские послания Абуль-Ала Салима (*Abu'l Al'ā Sālim*) (*Latbam*, 1990: pp. 154–164) и Абд аль-Хамид Катоба оказал значительное влияние на арабскую литературную стилистику. Экономическое благосостояние и устойчивость управления государством способствовали повышению внимания к культурным занятиям: возрос интерес к чтению, расширился выпуск книг и увеличилось количество библиотек. Описание Авиценной обширной библиотеки саманидского шаха Нуха ибн Мансура (976–977 гг.) в Бухаре свидетельствует о богатой культуре той эпохи. Это возрождение персидской письменности произошло также благодаря нескольким важным новаторским трудам: переводу Абу Али Балами (*Abu 'Alī Bal'ami*) с арабского монументальной «Истории пророков и царей» Табари по указанию саманидского правителя Мансура ибн Нуха (961–976 гг.); появлению книги «*Tajsr i Tabari*» – перевода обширного комментария (принадлежащего Табари) к Корану по приказу того же правителя, который собрал вокруг себя ведущих знатоков исламского законодательства и добился для персов разрешения читать и цитировать Коран на персидском языке; географическому трактату *Hudūd al-'ālam* («Регионы мира») неизвестного автора; мистическому произведению *Nūr al-'ulūm* Абуль-Хасана Харакани (*Kharaqāni*); учебнику по медицине *Hidāyat al-mutī'allimīn* («Руководство для учащихся») Абу Бакра Джувайни (*Juwaynī*); введению в астрономию² *at-Tajfīm* Абу Рейхана Бируни; курсу философии³ (логики, метафизики, математики и естественных наук) «Данишنامه» («Книга знания») Авиценны и другим.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ПЕРСИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ВТОРАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Персидская культура, которая вновь проявилась в Восточном и Северо-Восточном Иране после 200 лет подспудного созреваания, как раз в то время, когда в классической исламской цивилизации появились первые признаки упадка, продолжала расти и развиваться при последующих династиях, которые правили в Персии. Эти правители, особенно Газневиды (первая фаза: 977–1038 гг.), Сельджукиды (в Персии и Ираке, 1038–1194 гг.) и хорезмшахи – правители Хорезма (1077–1231 гг.) (тюрки, пришедшие из степей Центральной Азии), искренне приняли персидскую культуру и литературные традиции этой страны и стали яркими сторонниками и распространителями этой культуры и традиций (*von Grunebaum*, 1970: p. 150). Двор Махмуда Газневи славился множеством выдающихся персидских поэтов, которых повелитель щедро одаривал, да и дворы Сельджукидов Мелик-шаха (1072–1092 гг.) и Санджара (1118–1157 гг.) могли похвастаться крупными поэтами. Один из сельджукских родов привил персидский язык, искусство и письменность в Анатолии, как это раньше уже сделали различные мусульманские династии, происходившие из Афганистана и Трансоксании, в случае с Индией. Этот процесс лишь ускорился, когда в XIV–XV вв. османы поглотили более мелкие тюркские династии в Анатолии (*Gibb*, 1900–1909: I, p. 29), а Делийский султанат XIII–XIV вв. упрочил свой административный контроль над Северной Индией и Деканским плоскогорьем. Когда Бабур, правитель из династии Тимуридов, предпринял поход на Индию, в 1526 г. занял Дели и основал империю Великих Моголов, персидские язык и культура уже получили широкое распространение в его владениях. Таким образом, персидский язык, литература, искусство, моды и манеры распространились повсюду и лишь

обогатились благодаря участию и поддержке иноземцев, так что, когда в 1258 г. Багдад пал под натиском монголов и объединявший до этого все свои земли халифат фактически исчез, Персия стала носительницей энергичной, плодотворной и растущей культуры, чего нельзя сказать о западных исламских территориях, культура которых когда-то была не менее богатой, но теперь они исчерпали свои возможности, истощились и погрузились в период бессилия и бесплодия и совсем скоро отошли к Османской империи (*Yarshater*, 1998, pp. 74ff). Монгольские ильханы и их преемники, среди них Тимуриды, продолжали распространять и укреплять персидскую культуру в своих владениях, а персидский язык служил для ведения дел и изящных бесед (*Hodgson*, 1961–1974, II, p. 486; *Spuler*, p. 472; *Fabriz*, pp. 683–688, 692). На персидском языке писали книги от Босфора до Бенгальского залива (*Toynbee*, 1939, V, pp. 514ff). Персидская поэзия, ее идеи, образы и условности служили образцом для поэтов восточных исламских территорий, независимо от языка, на котором они творили. В результате, когда в XVI в. восточные неарабские сообщества исламского мира объединились в три великие империи – Османов, Сефевидов и Великих Моголов, их письменная культура оказалась созданной по персидской модели (*Yarshater*, 1998, pp. 85ff, 96ff). Тем временем арабская литература, которая столь ярко сияла на протяжении всего Золотого века ислама, пришла в упадок, как и арабская политическая власть.

Таким образом, возрождение Персии, которое началось при Сафаридах и достигло кульминации при Саманидах, обеспечило исламскому миру вторую фазу жизнестойкости, развития и плодотворности культуры. Фаза длилась почти до конца XVIII в., когда эта культура столкнулась с культурой Запада и оказалась в тени его всепоглощающего влияния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот прием подразумевает на первый взгляд непринужденное введение в стих или сведение в нем вместе слов, которые ассоциативно связаны между собой или противоположны друг другу, например Солнце и Луна, день и ночь, четыре стихии, части тела и т.п.

² Очевидно, это персидский вариант арабского труда Бируни, переведенного им самим или одним из его современников (см. *Lazard*, 1963, pp. 58–62; *Bosworth* в *Elr*, IV, pp. 274–276).

³ Хотя эта работа была написана в Исфахане и посвящена правителю Ала ад-Даула Мухаммеду (*Ala al-Dawla Muhammad*), Авиценна, как и Бируни, который позднее примкнул ко двору Газневидов, родился и вырос в Трансоксании и изначально был придворным Саманидов; Бируни же сначала принадлежал к кругу династии Афригидов в Хорезме.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANON. 1935. *Tārikh-i Sīstān*. ed. M. T. Bahār. Zavvār, Tehran. Trans. M. Gold. 1976. *The Tārikh-i Sīstān*. ISMEO, Rome.
- ARBERRY, A. J. 1958. *Classical Persian Literature*. George Allen & Unwin, London.
- 'AWFI, MUHAMMAD. 1903. *Lubāb al-albāb*, 2 vols, ed. Browne, E. G. Luzac & Co. and E. J. Brill, London and Leiden.
- BARTHOLD, V. V. 1968. *Türkistan down to the Mongol Invasion*. 3rd edn, trans. V. Minorsky, ed. C. E. Bosworth. Luzac & Co, London.
- BAUSANI, A. 1968. *La Letteratura Neo-persiana*. In: A. PAGLIARO, A. BAUSANI, (eds) *La Letteratura Persiana*. Sasoni-Accademia, Roma, pp. 138–318.
- DE BLOIS, F. 1992. *Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey*, vol. V, part I. Poetry to AD 1100. Royal Asiatic Society, London.
- BROWNE, E. G. 1902–1924. (Reissued as a set, 1928) *A Literary History of Persia*. 4 vol. Cambridge University Press, Cambridge.
- Cambridge History of Islam. 1970. Eds Holt, P.M.; Lambton, A. K. S.; Lewis, B.; 2 volumes. Cambridge University Press, Cambridge.
- DANIEL, E. L. 1979. *The Political and Social History of Khurasan under Abbasid Rule 747–820*. Bibliotheca Islamica, Minneapolis and Chicago.
- Encyclopedia of Islam (EI2). 1960–1999. Vols. I–IX. Leiden.
- Encyclopedia Iranica (EI1). 1985 – Vols. I–IX. London, Costa Mesa, and New York.
- ETHE, H. 1904. *Neupersische Litterature*. In: W. GEIGER and E. KUHN (eds) *Grundriss der iranischen Philologie*. Karl J. Trubner, Strasbourg, II, pp. 212–368.
- GIBB, H. A. R. 1953. *The Social Significance of the Shu'ubiyya*. In: *Studia Orientalia Ioanni Pedersen Dicata*. Munksgaard, Copenhagen, pp. 105–114.
- GILLEPSIE, C. C. 1970. *Dictionary of Scientific Biography*, 15 vols. Charles Scribner's Sons, New York.
- GOLDZIEHER, I. 1967–1971. *Muhammedanische Studien*. Trans. S. M. Stern and C. R. Barber, ed. by S. M. Stern as *Muslim Studies*, 2 vols. George Allen & Unwin, London.
- GRUNEBaum, G. E. von. 1970. *Classical Islam. A History*, 600 A. D. – 1258 A. D. Trans. Katherine Watson. Aldine, Chicago.
- HIDĀYAT, R. 1957–1961. *Majma' al-fuṣaḥā'*, 6 vols. Amīr Kabīr, Tehran.
- HODGSON, M. G. S. 1961–1974. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*, 3 vols. University of Chicago Press, Chicago.
- IBN KHALDUN. 1958. 2nd edn. 1967. *The Muqaddima, an Introduction to History*, Trans. Franz Rosenthal, 3 vols. (Bollingen Series, XLIII). Princeton University Press, Princeton.
- IZ, FAHIR. *Turkish Literature*. In: *Cambridge History of Islam* (q. v.), II, pp. 652–694.
- JĀHĪZ, 'Amr ibn Baḥr. 1948–1950. *al-Bayān wa'l-tabyīn*. ed. Muḥammad Hārūn, 4 vols. Beirut, 2nd edn, repr. *Dār al-Jil and Dār al-Fikr*, n. d. — 1988. *Kitāb dhamm akhlāq al-kuttāb*. In: *Rasā'il al-Jāhīz*, ed. 'A. Muḥannā. Dār al-Ḥadātha, Beirut, pp. 119–134.
- JUYNBOLL. 1955. In: *Journal of the American Oriental Society* 115/3, (JAOS). p. 483.
- LATHAM, J. D. 1990. *Ibn al-Muqaffa' and Early 'Abbasid prose*. In: *The Cambridge History of Arabic Literature. 'Abbasid Belles-Lettres*, eds. Ashtiany, J. et al. Cambridge University Press, Cambridge, pp. 48–77.
- LAZARD, G. 1962–1964. *Les premiers poètes persans*, 2 vols. Librairie d'Amérique et d'Orient, Paris and Tehran.
- 1963. *La langue des plus anciens monuments de la prose persane*. C. Klincksieck. Paris.
- LEVY, R. 1953. *Persia and the Arabs*. In: A. J. ARBERRY, (ed.) *The Legacy of Persia*. Clarendon Press, Oxford.
- MAS'UDĪ, Abū'l-Ḥasan. 1894. *Al-Tanbih wa'l-ishraf*, ed. M. J. de Goeje (Bibl. Geog. Arab. V III). E. J. Brill, Leiden.
- 1965–1979. *Muruj al-dhahab*, 7 vols, ed. Pellat, C. Jami'a al-Lubnāniyya, Beirut.
- MUHAMMADĪ, M. 1995. *Farhang-i Irāni*. 3rd, revised edition of 1944 issue. Tūs, Tehran.
- NAFĪSĪ, Sa'īd. 1965. *Tārikh-i nazm u nathr dar Irān wa dar zabān-i farsī*. Furūghī, Tehran.
- QĀDĪ, Wadād. 1992. *Early Islamic State Letters: The Question of Authenticity*. In: *The Byzantine and Early Islamic Near East, I, Problems in Literary Source Material*. Cameron, A.; and Conrad, L. I. (eds). Darwin Press, Princeton.
- QAZVĪNĪ, M. 1933. *Muqaddima-yi qadīm-i Shāhnāma*, in *Bīst Maqāleh*, Part 2. Ed. 'Abbās Iqbāl. Matba'a-yi Majles, Tehran, pp. 1–64.
- RYPKA, J. 1968. *History of Iranian Literature*. D. Reidel Publishing Co., Dordrecht.
- ŠAFĀ, Dh. 1953–1992. *Tārikh-i adabiyāt dar Irān*. 5 volumes in 8 parts. Ibn Sīnā et al., Tehran.
- SHAKED, Sh. 1984. *From Iran to Islam: note on some themes in transmission*. In: *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 4, pp. 31–67.
- SHARON, M. 1983. *Black Banners from the East*. E. J. Brill, Leiden.
- SPULER, B. *Central Asia from the Sixteenth Century to the Russian Conquests*. In: *Cambridge History of Islam* (q. v.), I, pp. 468–494.
- ṬABARĪ, Abū Ja'far Muḥammad ibn Jarīr. 1879–1901. *Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk*, ed. de Goeje, M. J. et al., 3 parts in 15 vols. E. J. Brill, Leiden.
- TOYNBEE, A. A. *A Study of History*, 13 vols. Vol. I, 1935. Introduction: *The Genesis of Civilization*. 2nd edn, 1951. Vol. V, 1939. *The Disintegration of Civilizations*. Oxford University Press, London.
- YARSHATER, E. 1998. *The Persian Presence in the Islamic World*, eds Hovannisian, Richard and Sabagh, G. Cambridge University Press, Cambridge.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Франсуаза Обен

Рассматривая период, начавшийся в XI в. и длившийся 300 лет, историкам следует обратить внимание на Центральную Азию – эпицентр нескольких переворотов, в результате которых переплелись судьбы государств, расположенных в противоположных концах Евразии. Характер этого центральноазиатского мира – огромного пространства, раскинувшегося между границами великих империй, – определялся общим фактором – сложностью добычи и поиском наилучшего способа использования воды (карта 13).

Ответ на этот вопрос нашли тюркские и монгольские кочевники, происходившие из центра современной Монголии. Их группы постоянно перемещались с места на место, перегоняя свои стада – их эквивалент капитала и прибыли, с него получаемой, – по привычным для них пастбищам разных площадей в гористой или полупустынной степи, являвшейся для них средством производства. В средние века эти кочевники, ставшие агрессивными из-за суровых условий жизни, были уже готовы (вместе со своими семьями и стадом) откликнуться на призыв к оружию, брошенный харизматическим лидером. Оседлое население жило в оазисах и занималось сельским хозяйством, используя искусственное орошение. Отношения между этими двумя типами хозяйствования, социальной организации и двумя столь непохожими образами жизни могли быть, в соответствии со временем и местом, либо взаимодополняющими, либо основанными на постоянных конфликтах (Adshead, 1993: Chapter I, pp. 4–26).

С точки зрения распространения ислама сердце Центральной Азии находится в Западной Трансоксании, между двумя реками, впадающими в Аральское море – Сырдарьей на севере и Амударьей на юге (Яксарт и Окс – у писателей классической древности). Трансоксания, или, как называли

ее арабские географы, *Мавара ан-Нахр* (*Mā warā' an-Nahr* – «Заречье», т.е. область за Амударьей) – самый дальний аванпост экспансии ислама в Центральную Азию в VIII в. В период правления иранской династии Саманидов (864–999/1005 гг.) ее выдающиеся культурные центры Бухара и Самарканд (Узбекистан) из-за использования персидского языка превратились в независимые центры исламизации; этот процесс на востоке продолжался до начала XX в. (илл. 195).

ТЮРКСКАЯ И ИСЛАМСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ (XI–XII ВВ.)

К концу X в. давление союзов тюрков-кочевников в западном и юго-западном направлениях, которое начиная с VI в. то спадало, то вновь нарастало, привело к формированию в Трансоксании династий тюркского происхождения, принявших ислам.

Правящая династия, которую современные историки называют Караханидами, установила в своем государстве децентрализованную власть; их государство в XI в. распалось на две части. Восточное ханство, протянувшееся от берегов оз. Балхаш по юго-востоку Казахстана («области семи рек» – Семиречью, впоследствии ставшему оплотом некоторых наиболее мощных политических группировок), современному Узбекистану (средневековой Фергане) и юго-западу Восточного Туркестана (регион Синьцзяна в Китае) с его процветающими культурными центрами Кашгаром и Хотаном, всячески поощряло выражение тюркской идентичности и появление исламской литературы на тюркском языке, первой в своем роде. Западное ханство в Трансоксании ассимилировало в свою собственную культуру местную ирано-исламскую традицию.

Газневидский султанат (977–1186 гг.) представлял собой персоязычное политическое образование, основанное на территории современных Северного Афганистана и Восточного Ирана. Династия Газневидов берет свое начало не от аристократии степных племен, а из рядов тюркских воинов-рабов, служивших Саманидам. Внешняя политика султаната отличалась агрессивностью и стремлениями к завоеваниям, но внутри государства, благодаря персидским языку и культуре, чарам которых покорились Газневиды, развилась утонченная городская цивилизация (илл. 216).

К середине XI в. огромная военная сила тюрков приняла на себя роль поборника суннизма, который Багдадский халифат пропагандировал в этой части мира, где медленно, но верно распространялся шиизм. Это были сельджуки (1038–1194 гг.) – ветвь племен тюрков-огузов, которые все еще не отошли полностью от своих кочевых и военных корней. Газневиды наняли их для защиты Хорасана (Восточного Ирана), и они установили контроль над Трансоксанией, Ираном, Ираком и Анатолией. То было не только время возвращения суннизма к былому могуществу,

Карта 13. Основные средневековые географические территории Центральной Азии (рис. Aubin)

так как тогда же появилась организационная и архитектурная модель *медресе* (учебных заведений для изучения религии и законовещения), а мистики-суфии начали объединяться в *тарикаты* (*tariqat* – «пути») (А. Bausani, «Religion in the Saljuq Periods», in Boyle, 1968: Chapter 3, pp. 283–302).

Другой геополитической организацией, занимающей выдающееся место в процессе исламизации Центральной Азии, был Хорезм – регион Хивы, расположенный вдоль нижнего течения и в дельте Амударьи, между современными Узбекистаном и Туркменистаном. Четвертая и последняя династия хорезмшахов (титул, который носили правители Хорезма), которая правила здесь с 1097 по 1220 г. и превратила эту область в главную региональную силу того времени, знаменита не только своим противостоянием Арабскому (Багдадскому) халифату, но и замечательным культурным влиянием на него. Так, например, эта страна принимала участие в создании системы суфийских *тарикатов*, а ее правители продолжали действовать вплоть до начала резы, которую монголы учинили в 1220 г.

Наиболее важной особенностью этого периода возвышения первых тюрко-мусульманских династий, несомненно, является изменение суннитского ислама под влиянием усиления суфизма.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОИСЛАМСКИХ РЕЛИГИЙ И ГОСПОДСТВО МОНГОЛОВ (XII–XIII ВВ.)

Однако в XII и XIII вв. позиции ислама в Центральной Азии несколько пошатнулись из-за новых нашествий с востока. Сначала пришли каракитаи (1123–1218 гг.) – отколовшаяся ветвь некитайской династии киданей из Северного Китая (в X в. образовавших государство Ляо; скорее всего, они были предками монголов). В 1116–1123 гг. они были изгнаны другими захватчиками, пришедшими из лесов Маньчжурии, и оказались в сфере влияния Китая, создав в ныне мусульманском регионе между озерами Балхаш и Иссык-Куль объединение в виде союза кочевых племен, но имевшее китайские культурные черты. После ожесточенных сражений в 1141 г. каракитаи сумели установить свое прямое или косвенное правление во всех близлежащих регионах, превратив Караханидов и хорезмшахов в своих вассалов.

Таким образом, почти на два столетия Трансоксания оказалась во власти немусульман. Терпимость, а может быть, безразличие каракитаев в отношении к вопросам религии обусловили процветание несторианства (неортодоксальной формы христианства, возникшей в V в.) на востоке Трансоксании и возрождение манихейства (вероучения, возникшего в Иране в III в.) и буддизма в регионе Кашгара (илл. 54).

Вторжение монголов под предводительством Чингисхана (ок. 1162–1227 гг.) через сто лет после каракитаев наглядно продемонстрировало эффективность легкой кавалерии кочевников. На одном краю Азии в 1215 г. монголам покорились Пекин и Северный Китай (а в 1279 г. за ним последовал и Южный Китай); на другом краю в море крови и всеобщего ужаса в 1218 г. сдались Кашгар и Каракитайский регион, в 1219–1220 гг. – Трансоксания, а в 1221 г. – гордый Хорезм и Восточный Хорасан. При первых преемниках Чингисхана монголы продолжили свое неумолимое продвижение. В 1243 г. пал Западный султанат сельджуков, а в 1258 г. – Багдадский халифат Аббасидов (илл. 12, 243, 248).

Даже сегодня сложно дать уравновешенную и беспристрастную оценку империи Чингисхана (карта 29 далее), так как монгольские приемы завоевания (в этом отношении затмевающие тотальную войну современности) предполагали использование систематической пропаганды, направленной на создание их имиджа. Разрушение городов, жестокие расправы над их населением и превращение орошаемых

земель в пустыню были в высшей степени трагичными, но при этом весьма отличались по своим последствиям, которые в Центральной Азии были гораздо более тяжелыми, чем в Китае. Однако упадок, который на многих территориях последовал за монгольской оккупацией, фактически начался еще до вторжения монголов. Хотя падение Багдада и стало концом Аббасидского халифата, этого символа всемирного ислама, на самом деле эта роль халифата уже давно подвергалась нападкам со стороны правоведов, мистиков и некоторых султанов тех времен.

С другой стороны, «монгольский мир» (*pax mongolica*), охватывавший все владения Чингисхана, был отнюдь не таким уж спокойным и прочным, как нередко считалось (Allsen, 1987; Fletcher, 1986; Franke, 1994). В действительности он просуществовал лишь до 1259 г., когда умер четвертый Великий хан Мункэ, внук Чингисхана. При его преемнике Хубилае (тоже внуке Чингисхана. – Прим. ред.), правившем в Китае с 1260 по 1294 г., «монгольский мир» существовал лишь символически, а после этого практически ушел в небытие. Тем не менее, монгольский взрыв в первой половине XIII в. был первым глобальным событием во всей мировой истории (Adshad, 1993: Chapter 3, pp. 53–77). В результате политики всеобщей мобилизации имеющихся человеческих ресурсов и оживленной межконтинентальной торговли люди и культуры встречались и смешивались, как никогда ранее во всей допромышленной истории. Китай, подвергшийся влиянию этого феномена в наименьшей степени, перенял от мусульманского мира лишь несколько новшеств, связанных с календарем, астрономией, архитектурой, гидравликой и военным делом. Наиболее заметным фактором для Китая стал приход (в XIII и XIV вв.) из Трансоксании и Среднего Востока ислама, который здесь прижился, быстро и всеместно внедрившись в китайскую среду.

Благодаря таким обменам Европа приобрела новое видение мира, которое впоследствии побудит ее к организации исследовательских экспедиций и заимствованию ряда китайских нововведений: пороха, книгопечатания с использованием сменных литер, сегментно-арочных мостов, шлюзовых затворов, почтовых эстафет и многих других. Китайские методы управления и ведения финансовых дел оставили свой след в Трансоксании, на Среднем Востоке и в России. В ильханском Иране (1256–1335 гг.) (ильхан – титул монгольских ханов из династии Хулагуидов. – Прим. ред.) среди проявлений преимуществ культурного синкретизма можно назвать нововведения в искусстве создания миниатюр, написания трудов по истории и географии и новые веяния в медицине; в то же время иранские математика и астрономия распространились в Византию, Китай и Индию.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИСЛАМИЗАЦИИ И ПОВТОРНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (XIV–XV ВВ.)

В 1368 г. основатель китайской династии (бывший буддийский монах, выходец из социальных низов Чжу Юаньчжон. – Прим. ред.) Мин изгнал монголов из Китая, после чего они вернулись на степные земли своих предков (современная Монголия), с которых ушли тюрки, ранее их населявшие. К этому времени основанные монголами политические организации почти исчезли, хотя память о Чингисхане как о символе законности политической власти и воплощенном образце хорошего правителя продолжала жить в Центральной Азии вплоть до 90-х годов XX в.

Через несколько десятилетий, во второй половине XIII – первой половине XIV в., монгольская аристократия в своих западных владениях подверглась тюркизации и приблизилась к слою оседлых местных народов. Под нарастающим влиянием суфизма монголы приняли ислам; в XIV в. был

основан суфийский орден Накшбандия (*Naqshbandiyya*), который и в наши дни пользуется известной популярностью в Центральной Азии и Китае.

С приходом к власти Тамерлана (на тюркском – Темур; по-персидски – Тимур (–и Ленг, «Хромой»), годы жизни – 1336–1405) вновь началась череда жестоких завоеваний, но на протяжении века после его смерти, при его потомках – Тимуридах (1405–1507 гг.) Центральная Азия переживала захватывающее культурное и духовное возрождение. Оно было сосредоточено в центрах высокой тюрко-персидской культуры в Трансоксании и Хорасане, в частности в Самарканде и Герате – блестящих столицах новых – джагатайского (узбекского) и персидского (таджикского) – этнокультурных сообществ (илл. 26, 27, 186, 218).

В начале XVI в. Центральная и Западная Азия приобрели ту форму, которую имеют и по сей день. Мощной исламской силой теперь стала Османская империя. Возникнув в XIII в. как небольшой отдаленный туркменский эмират Сельджукского султаната для ведения священной войны против Византии, к началу XVI в. Османская империя протянулась от Балкан до арабских земель. Падение Каира, где тогда находилась резиденция халифа, в 1517 г. – дата не менее символичная, чем взятие Багдада монголами 250 лет назад.

Из принадлежавшего монголам ильханского Ирана, в XIV в. распавшегося на соперничающие друг с другом княжества и опустошенного сначала Тимуром, а в XV в. – многочисленными набегами тюркских племен, в 1502 г. возник Иран династии Сефевидов, провозгласивший шиизм своей национальной религией.

В 1480 г. Великое княжество Московское сбросило с себя иго Золотой Орды Чингисхана, которое оно несло с 1240 г., и стало претендовать на власть Руси над мусульмано-тюркскими ханствами, возникшими после распада Орды. Казахские орды заняли территории между Каспийским морем и Семиречьем (где и по сей день кочуют их потомки), а узбекские (озбекские) переселенцы вновь установили в Трансоксании власть кочевых племен, основой которых послужили уцелевшие золотоордынцы, и изгнали из этой страны Тимуридов. Члены одной из ветвей этой династии в 1526 г. основали в Северной Индии империю Великих Моголов (XVI–XVIII вв.).

Монголистан, последний наследник тюркизованных ханств Чингисхана, оставшийся кочевым государством, был основан представителями одного из родов Джагатая в 1360-х гг. к востоку от оз. Иссык-Куль, но после 1508 г. сократился до западной части Восточного Туркестана (т.е. до Синьцзяна, расположенного к востоку от горной системы Тянь-Шань). В первой половине XVI в. ислам окончательно установился как в этом регионе, так и дальше к востоку в Уйгурии (восток китайского Туркестана,

регион Турфанской и Хамийской котловин), а кочевой образ жизни постепенно сменялся оазисной цивилизацией. Если не учитывать дальнейшую монгольскую оккупацию Восточного Туркестана в XVI–XVIII вв., то к началу XVI в. большая часть Центральной Азии стала тюрко-исламской.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ПЛИТНЕВА С. А. 1982. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. – М.
- ADSHHEAD, S. A. M. 1993. *Central Asia in World History*. Macmillan, Basingstoke.
- ALLEN, T. T. 1987. *Mongol Imperialism: The Policies of the Great Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley and Los Angeles.
- BARTHOLD, W. 1968 (1st edn. 1928). *Turkestan Down to the Mongol Invasion*, 3rd edn. Luzac (E. J. W. Gibb Memorial Series, V), London.
- BASILOV, V. N. 1989. *Nomads of Eurasia*. Trans. M. F. Zirin. Natural History Museum of Los Angeles County; Los Angeles, Seattle.
- BOYLE, J. A. (ed.) 1968. *Cambridge History of Iran, vol. V. The Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge.
- Encyclopaedia Iranica. Vols IV and V. 1990 and 1992. Bukhārā, Central Asia, Chaghatayid Dynasty, Chinese Turkestan.
- Encyclopaedia of Islam. Vols I–VII. 1960–1991 Leiden, s. v. Baghdād, 'Caghatai', 'Cingiz Khān', 'Cingizids', 'Farghāna', 'Ghaznawids', 'Ilekkhāns or Karakhānids', 'Ilkhāns', 'Karā Khitāy', 'Khwarāzmi', 'Mā warā' al-Nahr', 'Mongols'.
- FLETCHER, J. 1986. *The Mongols: Ecological and Social Perspectives*, Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 46, No. 1, pp. 11–50.
- FOURNIAU, V. 1994. *Histoire de l'Asie centrale*. Paris (Que sais-je? No. 2821).
- FRANKE, H. 1994. *Sino-Western Contacts Under the Mongol Empire*. In: FRANKE, H. (ed.) *China Under Mongol Rule*. Aldershot, Variorum (Variorum Collected Studies Series, CS 429). Text No. VII, first published in: *Journal of the Royal Asiatic Society*, Vol. VI, Hong Kong, 1966, pp. 49–72.
- INALCIK, H. 1973. *The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600*. London.
- LAMBTON, A. K. S. 1988. *Continuity and Change in Medieval Persia: Aspects of Administrative, Economic and Social History, 11th–14th Century*. London.
- MORGAN, D. 1986. *The Mongols*. Oxford.
- SEAMAN, G. (ed.). *The Nomads: Masters of the Eurasian Steppe*. Vol. I, 1989, *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Vol. II, 1991, *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Vol. III, 1992, *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes*. Ethnographics; University of Southern California, Los Angeles.
- SOURDEL, D.; SOURDEL, J. 1968. *La civilisation de l'Islam classique*. Paris.

17.5 ИСЛАМСКИЙ ЗАПАД

17.5.1 МАГРИБ, ИСПАНИЯ И СИЦИЛИЯ

Юнес Шанван

Из географии известно, что большая часть побережья Северной Африки, включающая средиземноморские берега Марокко, Алжира и Туниса, а также гористая местность, окружающая г. Бенгази в Ливии, имеют климат, похожий на климат Испании, Южной Франции и Италии, отличающийся мягкой зимой с умеренным количеством осадков и засушливым летом. По этой причине растительность в вышеупомянутых странах относится к одному и тому же типу, который, как и климат, называется средиземноморским. С Гибралтарским проливом на западе и Тунисским (Сицилийским) проливом на востоке, западная часть Средиземного моря кажется достаточно надежно огражденным озером, не препятствующим легкому доступу ко всем землям, его окружающим. Есть и другие сходства: если на плоскогорье в центре Испании климат полусухой, зима прохладная, с небольшим количеством осадков, а лето теплое и засушливое, то похожие природные условия можно наблюдать и на другой стороне Гибралтара – на южных склонах Атласских гор. Таким образом, обе природные зоны обладают естественными условиями для пастушеского скотоводства, прекрасно сосуществующего с сельским хозяйством, которым занимаются жители менее засушливых областей, где вполне комфортно чувствуют себя виноградники и пальмовые деревья. Поэтому неудивительно, что на протяжении почти тысячи лет до вторжения ислама Западное Средиземноморье представляло собой особую историческую единицу. За нее боролись Рим и Карфаген, и в конечном счете весь регион оказался во власти Римской империи, а затем – христианства. Таким образом, можно было ожидать, что арабы, прорвавшись в Северную Африку со своей египетской базы, непременно будут стремиться превратить все Западное Средиземноморье в «исламское озеро».

Завоевание Магриба началось с захвата арабами региона г. Барки в Ливии в 643 г., вскоре после падения Александрии (642 г.). За ним в 647 г. последовал военный поход в Ифрикию (Тунис) через Триполитанию. Но эти страны только в 663–670 гг. окончательно покорились арабам под командованием омейядского военачальника Окбы ибн Нафи, который считается основателем в Ифрикии большого города-лагеря Кайруан (670 г.). Во второй раз возглавив армию в 680–683 гг., он прошел через Алжир и Марокко, достигнув побережья Атлантического океана. В Магрибе арабы столкнулись с берберами, которые во многом походили на арабов пустыни, так как тоже вели кочевой образ жизни, переезжая на верблюдах, и имели племенное устройство. Два последовавших друг за другом восстания под руководством Кусайлы (*Kusayla*) и некоей пророчицы

были подавлены арабами, после чего начался длительный и мучительный процесс обращения в ислам и арабизации берберских племен. Последний оплот Византии – Карфаген – был захвачен в 697 г., а берберская пророчица была захвачена и казнена в 701 г. одним из самых успешных наместников Омейядов Хасаном ибн аль-Нуманом (*Hassan ibn al-Nu'man*). В 705 г. арабские владения в Магрибе взял под свой контроль Муса ибн Нусайр (*Mūsā ibn Nuṣayr*), при котором настал черед Испании.

В Испании в то время правили вестготы. После Витики, последнего законного правителя вестготской династии, власть в Вестготском королевстве со столицей в Толедо перешла к его военачальнику, последнему королю вестготов Родериху. Юлиан, губернатор Сеуты, поссорившись с ним, предложил Мусе ибн Нусайру свою помощь во вторжении в Андалус (так арабы называли весь Пиренейский п-ов, а не только Андалусию или Южную Испанию). В 710 г. Тариф ибн Аби Зара (*Abī Zar'a*) организовал вылазку разведчиков на остров, который до сих пор носит его имя (Тарифа). В 711 г. Тарик ибн Зияд, берберский военачальник, пересек пролив, причем впоследствии место его высадки назвали в его честь (скала на испанском берегу – Гора Тарика, или, по-арабски, Джабаль-Тарик, что в испанском произношении звучит как Гибралтар), и победил Родериха при Вади-Лаго. Теперь путь в Андалус был открыт. К 716 г. мусульмане захватили Кордову, Толедо, Севилью, Сарагосу, Памплону и Барселону. Быстроте завоевания способствовал внутренний конфликт среди вестготов и отсутствие сопротивления со стороны населения, которое теперь, по мнению Хуана Верне (*Juan Verne*), получило гораздо большие возможности для самоуправления и менее тяжелые налоги, чем раньше. Да и насильного обращения местных жителей в ислам не было.

В 755 г. в Андалус прибыл один из Омейядов, спасшихся от пришедших к власти в Багдаде Аббасидов, – Абдаррахман (Абд ар-Рахман, 731–788 гг.), который в 756 г. под именем Абдаррахман I основал там династию Кордовских Омейядов, создав Кордовский эмират, независимый от халифата Аббасидов. Однако это не привело к культурному отделению Андалуса от Магриба или Востока; напротив, в вопросах культуры и образования он все больше опирался на Восток. Сам Абдаррахман стремился найти в Андалусе напоминания о своей родине (Сирии), поэтому он выстроил замок, который назвал Русафой в честь замка своего деда Хишама в Сирии; в Русафе он посадил пальмовое дерево, а в Кордове построил дом специально для певца из Медины.

В Андалусе обрели свой новый дом несколько мусульманских групп: арабы и берберы, испанские мусульмане – *мувалладун* (*muwalladūn*), вассалы арабских племен (*мавали*) и славяне, а также немусульмане – иудеи и христиане. Там же обособились и недавно (в 741 г.) прибывшие сирийские войска под предводительством Билдж ибн Бишр аль-Кушайри (*Bilj ibn Bisbr al-Qushayrī*). Уроженцы Дамаска селились в Эльвире; выходцы из Иордании – в Райо; из Палестины – в Сидонии; из Хомса (на западе Сирии) – в Севилье; из Киннастрина – в Хаэне; из Египта – в Беже, а часть – в Тудмире. Новым местам своего поселения в Андалусе солдаты из Сирии давали названия родных городов и довольно долго поддерживали связь с родиной.

Из расселения арабских племен ясно, что представители обоих арабских племен – аднана (северные арабы) и кахтана (южные арабы) – селились в городах юго-восточной части Испании. Берберы же заселяли более засушливые гористые территории Андалуса. Из-за близости родины берберы численно превосходили арабов и завидовали верховенству последних.

Берберы, селившиеся в Андалусе, происходили из двух групп – бутр (*Butr*) и баранис (*Baranis*); племена нафза (*Nafza*), микнаса (*Miknāsa*), хаввара и мадьуна (*Maḍyūna*) относились к группе бутр, а племена кутама (*Kūtāma*), занана (*Zanana*), масмуда (*Maṣmūda*), малила (*Malīla*) и санхаджа (*Sanhāja*) – к баранис. Занана пришли из района Сетифа (север совр. Алжира), а другие баранис – из более отдаленных областей на востоке Средиземноморья. В Андалусе представители племени нафза и микнаса селились между областью Галисия и г. Кордова, а хаввара и мадьуна – в районе Сантандера.

Христиан, которые в большом числе обращались в ислам во время завоевания и эмирата, называли *мусалимами* (*Musālīma*). *Мувалладунами* были мусульмане во втором поколении, которые составили большинство мусульманского населения Андалуса. Они были местными жителями и считали, что арабы отняли у них большую часть благ их земли. Из их рядов вышел знаменитый мятежник Омар ибн Хафсун (*Umar ibn Ḥafsūn*), который в конце IX в. поднял самое серьезное восстание, с которым когда-либо приходилось сталкиваться Омейядам. Крупный историк арабской Испании Ибн Хайян (*Ibn Ḥayyān*) (ум. в 1076 г.) описывает его так: «*Мусалимы* встали на сторону *мувалладунов*, христиане-дхимми (*dhimmīs* – народы, пользующиеся покровительством мусульман) присоединились к ним, и все они сплотились против арабов в ответ на призыв Ибн Хафсуна» (*Ibn Ḥayyān*, 3:1).

Мосарабы (*musta'rabūn*) были христианами, которые, живя среди мусульман, придерживались своей христианской веры, но их язык и культура подверглись арабизации. Подчиненным и близким к арабскому был общий для всего Андалуса романский язык – *аджамийя* (*ʿajamiyya*); присутствовали и берберские диалекты. Длительное сосуществование разных народов, религий и культур в одном регионе привело к их взаимному влиянию друг на друга, хотя арабский и исламский элементы оказались явно сильнее. Согласно М. Пидалью (*Menéndez Pidal*), христианский север, оказавшись отрезанным от греческого мира, не миновал участи западного римского мира, переживавшего общий упадок. Исламский юг, наоборот, процветал на волне общего возрождения, принесенного сюда арабской цивилизацией. Арабский язык стал богаче, став языком науки и культуры; важный вклад в этот процесс внес Андалус.

Андалус с множеством своих городов был богатой и пресуспевающей страной, о которой Ибн Хаукаль (*Ibn Ḥawqal*) написал:

«Я попал в Андалус в начале 337 года [948 г. н.э.], когда правителем был Абуль-Мутарриф Абдаррахман ибн Мухаммед [Абдаррахман III, правил в 912–961 гг.]... эта страна процветала, в большинстве своем земли

ее были возделаны и заселены. Повсюду можно найти проточную воду, деревья и пресноводные реки; это гостеприимная земля с хорошим климатом, где в комфорте и достатке могут жить как богачи, так и простолюдины».

Безопасность и устоявшийся уклад жизни в период халифата привели к росту населения Андалуса, в который потянулись многие жители Магриба. Это подтолкнуло Абдаррахмана III к строительству неподалеку от Кордовы города-дворца Мадина аз-Захра, который можно считать образом исламских городов в Андалусе. Строительство началось с постройки большой мечети – центра общественной жизни в исламских городах.

Из Испании арабы еще в ранний период начали совершать набеги на Южную Францию и уже к 720 г. заняли г. Нарбонн. Отпору, который они получили от Карла Мартелла в битве при Пуатье (732 г.), сейчас, оглядываясь назад, следует придать большую важность, чем он имел тогда, так как после этого сражения в Южной Франции остался лишь небольшой арабский плацдарм, который просуществовал совсем недолго. Аванпосты «сарацинских налетчиков», ставившиеся с 890 г. на побережье Прованса, были еще менее долговечные.

В отличие от Южной Франции присутствие мусульман на Сицилии было гораздо более длительным и оказало куда большее культурное влияние. Арабо-берберское завоевание Сицилии началось в 827 г. под предводительством арабских эмиров Аглабидов из Кайруана, а Сицилийский эмират просуществовал до норманнского завоевания (1060–1091 гг.). На земле самой Италии вскоре были также установлены два опорных пункта – в Бари (ок. 847–871 гг.) и Таранто (850–880 гг.). Влияние ислама ни в коей мере не уменьшилось с падением политического господства мусульман. Андалусийский путешественник Ибн Джубайр (*Ibn Jubayr*) посетил Сицилию и о ее правителе Уильяме I (вступил на престол в 1154 г.), сыне первого короля Сицилии Рожера II, который покровительствовал арабскому путешественнику и географу Идриси, написал:

«Он очень верит в мусульман, доверяя им во всех самых важных делах; у него даже главный повар – мусульманин... Странно то, что он читает и пишет по-арабски... Чиновники, являющие собой глаза его правительства и претворяющие в жизнь приказы от его имени, – тоже мусульмане; каждый из них в назначенное время соблюдает пост, добровольно и в ожидании вознаграждения [от Аллаха], и подает милостыню в надежде на одобрение и милость Аллаха».

Таким образом, норманнская Сицилия служила вторым после мусульманской Испании каналом, по которому арабские знания попадали на средневековый Запад (илл. 65–69, 72, 73).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ARIE, R. 1990 (2nd edn). Etudes sur la civilisation de l'Espagne musulmane, Leiden/New York; Spanish trans., 1982. España Musulmana (siglos VIII–XV). Barcelona.
- GARCÍA GOMEZ, E. 1967. Andalucía Contra Berbería. Madrid.
- GONZÁLEZ PALENCIA, Á. 1945. Historia de la Literatura Árabe-Andaluza. Madrid.
- IBN AL-'ABBĀR. 1963 (1st edn), 1987 (2nd edn). Al-Ḥulla Al-Sayra' (The Fruitful Adornment), 2 vols, ed. by Ḥusayn Mu'nis. Cairo.
- IBN ḤAWQAL. 1870–1873. Kitāb al-Masālik wa l-Mamālik (Book of Roads and Countries, also referred to as the Opus Geographicum), 1st edn of Arabic text by J. M. De Goeje, 2 vols (with text of al-Isṭakrī), Leiden; 2nd edn of Arabic text by Kramers, 1 vol. Leiden, 1938.

- IBN ḤAYYĀN. 1937. *Kitāb al-Muqtabis fī Tārīkh Rijāl al-Andalus* (i. e. collected surviving 'citations' from Ibn Ḥayyān on the history of the leading personalities of Muslim Spain); 1st edn by M. Antuña, *Chronique du règne du calife umayyade 'Abd Allāh à Cordoue*. Paris; other editions: Cairo 1971; Beirut 1973; p. Chalmeta ed., Madrid 1979.
- IBN ḤAZM. 1962. *Jamharat Ansāb l-'Arab* (Collected Genealogies of the Arabs), ed. by Ḥārūn. Cairo.
- 1980. *Rasā'il Ibn Ḥazm* (Epistles of Ibn Ḥazm). 4 vols, ed. by Iḥsān 'Abbās. Beirut.
- IBN 'IDĀRĪ. 1848–1851. *Kitāb al-Bayān al-Mughrib fī Akhbār Muluk al-Andalus wa l-Maghrib* (The Book of Wondrous Discourse upon the Chronicles of the Kings of Muslim Spain and Morocco); 1st edn of Arabic text by R. Dozy, 2 vols, Leiden; 3rd Vol. of Arabic text ed. by E. Lévi-Provençal, Paris 1930; re-ed. Of Arabic text in 4 vols, Beirut 1980. French trans. by E. Fagnan, Algiers 1901–1904.
- IBN JUBAYR. 1858. *Rihla* (Journey); 1st edn. of Arabic text by W. Wright. Leiden; 2nd corrected edn. By J. M. De Goeje. Leiden 1907; new Arabic edn, Beirut.
- IBN AL-QUṬIYYA. 1868. (The Son of the Gothic Lady), *Tārīkh iftitāh al-Andalus* (History of the Conquest of Spain), 1st edn of Arabic text by p. de Gayangos, E. Saavedra and F. Codera, Madrid; re-ed. Beirut 1956; Spanish trans. By J. Ribera, *Historia de la Conquista de España*. Madrid 1926.
- IBN SA'ID. 1964. *Al-Mughrib Fi Hula al-Maghrib* (Marvels upon the Adorned Robe of the West). Cairo.
- LÉVI-PROVENÇAL, E. 1950–1953. *Histoire de l'Espagne musulmane*, 711–1030, 3 vols. Paris/Leiden.
- MAKKĪ, M. 1961–1964. *Ensayo sobre las aportaciones orientales en la España musulmana* (Essay on the Eastern Contributions to Muslim Spain). In: *Revista del Instituto Egipcio de Estudios Islámicos*. Vol. IX YX (65–231), Vols. XI and XII (7–140). Madrid.
- AL-MAQQARĪ. 1855–1861. *Nafḥ al-Ṭib* (Fragrant Scents), 1st edn of Arabic text, *Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagnes*, ed. by Dozy, Dugat, Krehl and Wright. Leiden; re-ed. of Arabic text by Iḥsān 'Abbās, 8 vols, Beirut 1988; partial Engl. trans. by Pascual de Gayangos, *The History of the Mohammedan Dynasties in Spain*, London 1840.
- MENÉNDEZ PIDAL, R. 1977. *España, eslabón entre la Cristiandad y el Islam* (Spain, a Threshold between Christendom and Islam). Madrid.
- TORRES BALBAS, L. 1985. *Ciudades hispanomusulmanas* (Spanish-Muslim Cities), 2nd edn. Madrid.
- VERNET, J. 1978. *La Cultura hispanoárabe en Oriente y Occidente*. Barcelona; French trans. by G. Martínez Gros, *Ce que la culture doit aux Arabes d'Espagnc*. Paris 1988.

СУДАН И СТРАНЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Джибрил Тамсир Ниане

В Африке южнее Сахары, в отличие от Египта и Магриба, где обращение в ислам последовало за внешними завоеваниями, религия распространялась в основном через торговцев и ученых. Представители некоторых слоев общества вообще приняли мусульманский образ жизни и обычаи задолго до реального обращения в ислам. В Западной Африке (Мавритании, Сенегале) во время войн XI в. Альморавиды (династия и государство в Северной Африке) неожиданно для себя обнаружили, что многие берберские и темнокожие племена уже исповедуют ислам. Судан, верховья Нила и Восточная Африка были арабизованы параллельно обращению в ислам, но в большинстве своем коренное население принимало ислам, сохраняя при этом свою культурную самобытность.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТЕЙ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Еще в 666 г. н.э., всего через 46 лет после зарождения ислама, мусульманские войска под предводительством Окбы ибн Нафи, арабского завоевателя Египта, достигли оазисов Феццан (Феззан) и Хавар. В 682 г. из Сусского региона на юге Марокко в Черную Африку был снаряжен военный поход. В 734 г. Хабиб ибн Аби Обайд аль-Фихри (*Habib ibn Abi Ubayd al-Fihri*), внук Окбы, возглавил победоносный поход на юг Сахары и дошел до королевства Гана, вернувшись с золотом и рабами.

Хотя все эти экспедиции напоминали скорее рейды, нежели завоевания или миссионерские кампании во имя ислама, они позволили мусульманам познакомиться с темнокожими народами и увидеть, насколько богат этот регион.

Длительные отношения с Черной Африкой сумели завязать купцы путем организации торговых караванов. Тогда как в Магрибе укоренился ортодоксальный ислам завоевателей, к югу от Сахары новую религию суждено было установить «диссидентам», или хариджитам. Их базой стал северо-африканский город Тахерт, где они создали сильное сообщество, возглавляемое *имамами*. На протяжении двух веков Тахерт – место встречи торговцев из Басры, Куфы и Кайруана – являлся мостом в Черную Африку. В 903 г. тахертский торговец Ибн аль-Сагхир (*Ibn al-Saghir*) восхвалял справедливость и гостеприимство *имамов*-хариджита, который настолько преуспел в привлечении торговцев, что «дороги, ведущие в Судан [т.е. в Африку, расположенную южнее Сахары] и страны, находящиеся на востоке и западе, были всегда открыты для деловых контактов и торговли». Уже в VIII в. правители Судана и Тахерта обменивались дарами и посылали друг к другу миссии (*Ibn Al-Saghir*, 1980). Торговцев-ибадитов, принадлежащих к хариджитской секте, можно было встретить во всех городах полوسы сахеля, в Такруре, Гасте, Кумби и Гао. Отдаленное влияние ибадитов сохранилось в виде особой формы минаретов западноафриканских мечетей.

Хотя ибадиты были озабочены только торговлей и не стремились к навязыванию своей веры другим людям, они оказали огромное влияние на своих темнокожих торговых партнеров, принявших мусульманский образ жизни еще до обращения в ислам.

К XI в., когда началось обращение в ислам правителей, большая часть городского населения уже приняла ислам. В X в. в ислам обратился правитель государства Сонгаи (империи Гао); при археологических раскопках были обнаружены надгробные стелы его семьи, датированные этим временем.

Несколько больший объем информации имеется об обращении правителей Такрура (Сенегал) и Малела (Мали). Первый принял ислам в 1030 г., еще до того как Альморавиды навязали его берберским племенам Мавритании. Согласно арабскому географу аль-Бакри, после этого Уарджаби (*Ouardjabi*), правитель Такрура, начал распространять эту религию в другие города (*Al-Bakri*, 1857) и даже предоставил армию своему сыну, который выступил на стороне Альморавидов в их кампании по завоеванию Магриба.

Правитель Малела (Мали) обратился в ислам примерно в 1050 г. при весьма знаменательных обстоятельствах. На протяжении многих лет в его стране царил засуха, и, несмотря на многочисленные жертвы крупного рогатого скота, принесенные духам, правитель никак не мог вызвать дождь. Один из арабов, живших при его дворе, предложил владыке обратиться к Аллаху. Тот согласился, совершил вместе с этим арабом омовение и молился всю ночь. На рассвете начался долгожданный дождь, и восхищенный правитель обратился в ислам, а его семья и весь двор последовали его примеру.

В Центральной Судане народы области Канем, подобно народам Такрура и Ганы, склонились к исламу задолго до обращения их правителей. *Мау* (правитель) Канема Хуммай Джилими (*Hummay Djilimi*) (1080–1097 гг.) обратился в ислам и основал мусульманскую династию, а его сын и наследник совершил паломничество в Мекку.

Людей, и без того верящих в существование душ и духов, не было необходимости насильно обращать в новую веру, что, в общем, благоприятствовало распространению ислама. Они не чурались мусульман и даже стремились заполучить их амулеты и талисманы. Именно поэтому мусульман охотно принимали при дворе, а цари нередко прибегали к помощи молитв придворных ученых и марабутов (мусульманских отшельников).

Альморавиды

В XI в. только очень немногие берберы Мавритании уже приняли ислам. Тогда берберский вождь Яхья ибн Ибрагим (*Yahya ibn Ibrāhīm*) решил установить строжайшую ортодоксальность: он прибег к услугам Абдаллаха ибн Ясина, ученого, пришедшего с севера учить племена берберов

Корану и удалившегося со своими приверженцами в некое подобие военизированной духовной обители или монастыря – *рибат*. Около 1054 г. они вышли из стен этого монастыря и положили начало *джиада*. Эти Альморавиды (искаженная форма аль-мурабитун – «обитатели *рибата*») навязали ортодоксальность всем племенам Магриба и основали огромную империю, включавшую части Северной Африки и Испании.

В 1076 г. в ислам обратился Кая Маган (*Kaya Magan*), царь Ганы – самого могущественного государства Западной Африки. В его столице и торговом центре Кумби уже давно существовал арабский квартал с мечетями, да и некоторые советники Каи Магана были мусульманами (*Al-Bakri*, 1857). Как и повсюду в Западной Африке, обращение правителя в ислам прозвучало как смертный приговор для хариджизма. Людям народа сонинке или саракол, составлявшим большую часть населения Ганы, суждено было стать рьяными распространителями ислама.

Завоевания Альморавидов привели к миграциям населения. Согласно сенегальским преданиям, после обращения Уарджаби народ серер, живший у реки в регионе Фута-Торо, чтобы не принимать ислам, перебрался дальше на запад и обосновался в Сиро, на побережье Атлантического океана. (Этот народ до сих пор сохраняет традиционные верования. – *Прим. ред.*)

В XIII–XIV вв. расцвет переживали и средневековые империи западной и центральной частей Африки южнее Сахары. В империи Мали многие наследники легендарного правителя Сундьяты совершили паломничество в Мекку, а *манса* (король) Канкана Муса I вернулся со Святой земли вместе с архитектором, построившим мечети в Гао и Тимбукту (1325 г.). Во время правления *мансы* Сулеймана (1332–1358 гг.) Мали посетил выдающийся арабский путешественник Ибн Баттута, который остановился в столице Ньяни (илл. 259) (*Ibn Battuta*, tr. 1956–1971).

Торговля процветала, и торговцы из народов малинке и саракол разъезжали по всей огромной империи, переноса ислам даже за ее пределы. Тимбукту, Ньяни, Дженне и Гао также стали известными центрами учения. Их влияние чувствовалось даже на территории вокруг оз. Чад. «Летопись Кано» содержит сведения о прибытии торговцев из Мали, которые в XIV в. принесли в Кано (север современной Нигерии. – *Прим. ред.*) ислам.

В центральной области Африки южнее Сахары новую религию распространял народ хауса, очень рано обратившийся в ислам. Будучи, как сонинке и малинке, купцами, они основали много торговых городов, например Кано, Зария и Кацина, которые также славились своими школами.

Таким образом, между VII и XV вв. ислам постепенно продвигался в Черную Африку от Сенегала к оз. Чад; в новую религию была обращена территория почти всего пояса сахеля. Оставалось всего два очага сопротивления: народы моси, проживавший в излучине р. Нигер, и бамбара, живший вдоль этой реки, но число новообращенных продолжало расти благодаря торговцам, которые не знали границ.

ИСЛАМ В СУДАНЕ И ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

В данном контексте название *Судан* («земля черных людей») применимо только к Верхнему Египту, или Нубии. Этот регион был обращен в христианство, и христианские царства Нубии здесь существовали до XIV в. В этот бастион христианской веры вторжение ислама происходило совсем иначе.

С VII в. вслед за завоеванием Египта арабы пытались получить власть и над землями Верхнего Нила, но яростное сопротивление царей-христиан принудило их заключить с ними мир. Это привело к подписанию знаменитого «Бакта» (*Bakti*) – конвенции, которая на протяжении шести веков регулировала взаимоотношения мусульманских

правителей Египта с христианскими царями Нубии. «Бакт» положил начало ощутимой взаимной зависимости двух политических систем (*EP*, 1960–).

В Нубии возникли два разных государства: Мукурра и Алоа. Но здесь исламизация проходила медленно и сопровождалась передвижением арабского населения в южном направлении, что в результате и привело к арабизации всей страны. Поскольку «Бакт» определил правила, регулирующие торговлю между двумя регионами, мусульманские торговцы могли свободно приезжать в Нубию и уезжать из нее, руководствуясь исключительно своим желанием. Первые арабские поселенцы обосновались в основном между долиной Верхнего Нила и Красным морем; они создали несколько общин, которые вполне ладили с местным населением.

С XI в. началось обширное перемещение кабилских арабов из Египта в Нубию. Эти племена, поссорившись с Айюбидами и мамлюками, искали убежища в Нубии. В XII в. они начали прибывать сюда большими группами, и они спровоцировали столкновения арабов с нубийцами. Чтобы защитить свои южные границы, мамлюкский султан Байбарс (1260–1277 гг.) занял по отношению к Нубии наступательную позицию.

В XIV в. это давление привело к обращению в ислам правителей Мукурры. Один из арабских источников сообщает, что в 1317 г. собор Дункулы был (илл. 273) превращен в мечеть. Правителем здесь мамлюки назначили Сайфа аль-Дина Абдаллаха аль-Насира (*Sayf al-Din Abdallah al-Nasir*), нубийского царя, который обратился в ислам. Упадок Мукурры был отмечен арабизацией царской семьи и аристократии. Правители, назначаемые мамлюками, уже ничего не значили, и Мукурра как организованное государство утратила жизнеспособность. Фактически же Нубию захватили арабские поселенцы.

Алоа тоже не удалось избежать процесса арабизации. В том же XIV в. арабы заселили самый центр этой страны близ Собы, а южной границей арабской экспансии стал город Арбаджи, основанный в 1475 г.

Таким образом, мы видим, что процесс обращения Нубии в ислам не имел четких временных границ. Здесь, как и в остальной Африке южнее Сахары, решающую роль сыграли торговцы, но отличительной особенностью исламизации Нубии стало проникновение в нее арабов. Однако на протяжении еще нескольких поколений здесь продолжали жить христиане, а церкви сохранялись вплоть до XVI в. Начиная с XV в. Нубия, которой впоследствии предстояло стать современным Суданом, представляла собой сложную арабо-африканскую организацию – «микрокосм Африки». Она была местом встречи двух миров – земля кочевников и тропической Африки.

В Восточной Африке ислам появился в самый первый век своего появления. Этот регион, расположенный на побережье одного из наиболее оживленных океанов мира, с самых ранних времен поддерживал связь с внешним миром. Прибрежная полоса, которую арабы называли «землей *зинджей* (чернокожих африканцев)», являлась выходом к морю для более отдаленных плодородных районов, откуда поступали золото, слоновая кость и рабы.

Впервые мусульманские торговцы появились в прибрежных городах в VII в. Постепенно здесь обосновались арабы и персы, установившие прочные отношения с коренными народами, происходившими от народов банту. Как и в Сенегале, Мали и Канеме, исламизация повлияла на городское население еще до обращения в ислам правителя и его двора.

Но все же исламизация была результатом действий главным образом торговцев, прибывших с берегов Персидского залива, но в особенности из Шираза в Южном Иране. Эти контакты арабов, персов и коренных народов породили цивилизацию суахили и язык кисуахили, в основе которого лежит язык банту, но большая часть его словарного запаса заимствована из арабского языка. Прежде

чем стать языком, на котором изъясняются жители всего региона, этот язык использовался в качестве языка общения в прибрежных регионах.

Высшего уровня развития цивилизация суахили достигла в период между XII и XV вв. Арабские, персидские и индийские переселенцы до такой степени перемешались с населением банту, что термин «суахили» уже невозможно применить ни к этническому, ни к социальному сообществу.

В XIV в. (1332 г.) арабский путешественник Ибн Баттута описывал Могадишо как большой мусульманский город, где ученых уважительно принимал султан, как город, кипящий деятельностью и где царствовала торговля (*Ibn Baṭṭūṭa*, tr. 1956–1971).

К XIII в. язык суахили превратился в письменный язык на основе арабского алфавита и начал применяться для целей религии, торговли и права. В письменную форму были обращены официальные документы, такие как своды прав и привилегий, регулирующие отношения в обществе.

Одним из естественных последствий распространения ислама стало строительство мечетей. Тогда как в Западной Африке здания в городах и деревнях продолжали строить из глины, в Восточной Африке для этих целей начали использовать камень. При раскопках в Килве были обнаружены различные артефакты этой цивилизации, например масляные лампы и вазы, которые подтверждают арабо-персидское влияние.

При султани аль-Хасане ибн Сулеймане II (*al-Ḥasan ibn Sulaymān*, 1310–1333 гг.) в Килве были возведены шедевры суахили-исламской архитектуры (илл. 35, 271, 272).

Как и во всех государствах, расположенных к югу от Сахары, именно благодаря торговле появилась, преуспела и разрослась эта цивилизация. Но, подобно Такруру, Тимбукту и Дженне, как только нарушилась торговая модель, цивилизация пришла в упадок. Эта чрезмерная надежда почти исключительно на торговлю была одной из слабых сторон цивилизации суахили.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABŪ 'ABD ALLĀH MUḤAMMAD IBN IBRĀHĪM IBN HABĪB AL-FAZĀRĪ. Eighth-cent. (AD) geographer quoted by AL-MAS'ŪDĪ in the *Murūj al-Dhahab* ('Meadows of Gold'), ed. of Arabic text with Fr. trans., *Les Prairies d'Or*, by C. Barbier de Meynard and Pavet de Courteille, Paris 1861–1877, Vol. I, p. 39. Arabic text revised by Ch. Pellat, Beirut 1965. Arabic reprint., Beirut 1987.
- AL-BAKRĪ, ABŪ 'UBAYD ABD ALLĀH. 1857. *Kitāb al-Masālik wa al-Mamālik* (Book of the Pathways and Kingdoms). Portion of Arabic text ed. with French trans. (*Description de l'Afrique septentrionale*)

- by Baron William MacGuckin de Slane, Algiers 1857; reprint of French text, Adrien Maisonneuve publ., Paris 1965.
- CHITTICK, H. N. 1963. Kilwa and the Arab Settlements of the East African Coast, in: *Journal of African History*, 4, 2, pp. 179–90. Oxford University Press, London/New York.
- 1966. Kilwa, a Preliminary Report. In: *Azania* I, pp. 1–36. Nairobi.
- 1974. Kilwa: an Islamic Trading City on the East African Coast. Nairobi/London.
- Encyclopaedia of Islam. 2nd edn. (E²), 1960– (in progress). Brill, Leiden.
- IBN 'ABD AL-ḤAKAM 1914; 1922. *Kitāb Futūḥ Misr wa al-Maghrib wa al-Andalus* (Book of the Conquest of Egypt, the Maghrib and Spain). Arabic text ed. by H. Massé (*Le livre de la conquête de l'Égypte, du Maghreb et de l'Espagne*), Cairo 1914. Arabic text also ed. by C. C. Torrey, *The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain*, Yale University Press, New Haven, Conn. 1922. Partial French trans. with corresponding extracts of Ibn 'Abd al-Ḥakam's Arabic text, *Conquête de l'Afrique du Nord et de l'Espagne*, ed. and trans. by A. Gateau, Algiers 1948. [Chronicle deals with conquest of Kawas (AD 666) and Sousse (AD 734).]
- IBN BAṬṬŪṬA. 1853–1859. *Rihla* (Journey) full medieval Arabic title: *Tuḥ fat al-Nuẓẓār fī 'Aja'ib al-Amsār* (Gift unto the Observers Concerning the Marvels of the Lands). First edn of Arabic text with French trans. by C. Defréméry and B. R. Sanguinetti, 4 vols. Paris 1853–1859. English trans. by H. A. R. Gibb, *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa*, Hakluyt Society, Cambridge, 1956–1971. Arabic text only: *Rihla Ibn Baṭṭūṭa*, ed. by Talāl Harb, Dār al-Kutub al-'Ilmiyya. Beirut 1992.
- IBN HAWQAL. 1873; 1938. *Kitāb Ṣurat al-Arḍ* (Book of the Figure of the Earth). Arabic text ed. by M. J. De Goeje (1873), Leiden; and J. H. Kramers (1938), Leiden. French, trans. by J. H. Kramers and G. Wiet, *Configuration de la Terre*. Paris 1965.
- IBN KHALDŪN. 1868 edn *Kitāb al-'Ibar* (Book of Admonition = Universal History), Arabic text, 7 vols. *Bulāq*, 1868; Beirut 1958. Partial French trans., 4 vols. by Baron W. MacGuckin de Slane, *Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale*, Algiers, 1852–1856; reprint Paris 1925 1926. New complete French trans., 7 vols. Beirut 1956–1959.
- IBN AL-SAGHĪR. 1980. *Chronique sur les Imams rustamides de Tahert* (Chronicle of the Rustamid Imams of Tahert). Arabic text with English trans. In: *Actes du XIVe Congrès International des Orientalistes*, pp. 3–132; see English text p. 5, n. 5. Paris 1980.
- AL-IDRĪSĪ. 1864–1866. *Kitāb Nuzhat al-Mushtāq fī 'khtirāq al-Afaq* or *Kitāb Rujjār* (Book of Delight unto him who would Wander through Distant Horizons, or Book of Roger – after the work's twelfth-century patron. King Roger II of Sicily). Partial edn of Arabic text with French. trans. by A. Dozy and M. J. De Goeje, *Description de l'Afrique et de l'Espagne*. Leiden.
- AL-'UMARĪ, IBN FADLALLĀH. 1924. *Masālik al-Absār fī Mamālik al-Amsār* (Glances of the Eyes throughout the Districts of the Lands); Arabic text, Cairo 1924. French trans. by M. Gaudefroy-Demombynes, *L'Afrique moins l'Égypte*, Paris 1927. [See ch. 10 on Mali].

ИСЛАМСКИЙ МИР: ОБЩЕСТВЕННАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, КЛАССЫ И СООБЩЕСТВА

18.1

ОБЩЕСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСЛАМСКОГО МИРА

Мунира Шатуто-Ремади и Радхи Дагфу

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

«Ислам родился в пустыне» (*De Phlanbol*, 1993) или, точнее, в ее оазисах: большая часть Аравийского п-ова состоит из «суровых, обособленных земель, почти полностью находящихся во власти пустыни» (*Miquel*, 1977a: p. 22). На п-ове может быть выделено три зоны: горный хребет Хиджаз, тянущийся вдоль Красного моря на запад, нагорья Йемена, поднимающиеся к югу; наконец, простирающиеся между ними плоскогорья Надж. Последние переходят в еще более пустынные красноватые земли Руб-Эль-Хали или «Пустой стороны» на юго-востоке и в несколько песчаных пустынь Нефуд к северу, на полпути между заливом Акаба на Красном море и государством Кувейт на берегах Персидского залива.

Отсюда арабы устремились к созданию необъятной империи, раскинувшейся от р. Инд до Атлантического океана. Огромные пространства, занятые арабами, которые со временем сделали «исламским миром», образовали полосу территорий, лежащих практически целиком между безводными и частично безводными зонами. Осадков здесь недостаточно, и сельское хозяйство почти полностью зависит от орошения, в то же время пустыни являлись родным домом для кочевников. На востоке этого региона лежат обширные пустыни Аравийского п-ова и пустынное Иранское нагорье, а на западе расстилается Сахара. Среди этих пустынных территорий, составляющих единый компактный географический регион, обнаруживаются обширные пространства, такие как Сахара с ее песчаными массивами (*эргами*) и каменистыми пустынями (*хамадами*), или же гористые пустоши, как в Иране, или небольшие пустыни, как на Синайском п-ове. Но хотя исламский мир и был обделен благодатным климатом, но он имел исключительно выгодное географическое положение, позволявшее ему контролировать перекрестки великих торговых путей: это был «район всех перешейков» (*Lombard*, 1977a), там имелись густонаселенные сельскохозяйственные зоны в долинах рек (Нила, Евфрата, Амударьи и Сырдарьи), а также множество более мелких долин и оазисов.

ОБЩЕСТВО

Общественная и экономическая жизнь бедуина и его «маргинализация»

Проживавшие на плоскогорьях и в пустынях северной и центральной части Аравии племена бедуинов кочевали в поисках корма для верблюдов, совершали набеги на оазисы и караваны, чтобы пополнить свои скудные припасы, и воевали между собой за право контролировать колодцы и пути перегона стад, которые пересекали п-ов во всех направлениях (*Eickelman*, 1981: pp. 61–81). Но, кроме того, в дни ярмарок бедуины также стекались в оазисы, где выращивались финики и зерно, чтобы обменять продукты скотоводства на те продукты и товары, что выращивали или производили оседлые жители оазисов. Некоторые бедуины принимали участие в торговле, выступая в качестве охранников караванов, проходивших через Хиджаз и перевозивших благовония и специи с юга и юго-востока в средиземноморские земли. Эти караваны пошли через Хиджаз после того, как южная Аравия пришла в упадок, а торговые пути по Евфрату и через Персидский залив были нарушены в результате бесконечных войн между Византией и Персией.

К VI в. бедуины познакомились с новыми социальными и экономическими условиями, а некоторые из них даже приняли иудаизм или христианство. В социальном плане бедуины начали отслеживать свои корни от общего эпического героя. Это признание общности корней обеспечило определенную степень социального сплочения, поскольку при этом признавались родственные связи между соответствующими племенными кланами (илл. 182).

Кочевые и полукочевые племена явились проводниками быстрой экспансии арабов и ислама. Но при том, что бедуины не сразу отказались от своих древних обычаев, очень многие из них приспособились к жизни в городах при заселении новых центров ислама, которые разрастались из племенных «лагерей» в поселения городского типа. Тем не менее эта экспансия не преобразовала экономику

завоеванных областей и регионов, как и не привела к распространению там кочевого образа жизни.

В исламском мире существовало два типа кочевников: постоянные кочевники, жизнь которых была связана с верблюдами, и сезонные кочевники, занимавшиеся выпасом овец (*De Phlambol*, 1993). Аравийские кочевники постоянно находились в контактах с оседлым населением оазисов и городов. Когда они сами оседали где-либо, то часто «возвращали к жизни» земли, которые когда-то были покинуты прежними жителями, но были, тем не менее, уже в какой-то степени разработанными. Многочисленная арабская исламская знать, владевшая земельной собственностью, безусловно, проявляла живейшую заинтересованность в возделывании принадлежавших ей сельскохозяйственных угодий. Ни ислам сам по себе, ни позже арабские завоеватели, а именно фискальная политика последующих халифов и чрезвычайное обогащение их сборщиков налогов, а потом военных наемников привели к тому, что некоторые земли были покинуты и вновь превратились в пустыни.

Халифы династии Омейядов опирались на арабскую аристократию, основанную на происхождении по рождению и на родственных связях с одной из двух самых многочисленных конфедераций племен Аравийского п-ова – Аднан и Кахтан (*Rodinson*, 1979). Основная слабость династии заключалась в племенной междоусобной вражде, которая для сохранения баланса часто вынуждала халифов выказывать расположение сначала одной племенной группировке, а затем – другой. Арабский *диван* (налогово-финансовое ведомство) ввел регистрационные списки для учета большинства воинов; им были установлены ежегодные пособия в денежной и имущественной форме. Источником этих богатств служили трофеи, награбленные в завоевательных походах, и доходы, получаемые из провинций.

Халифы династии Аббасидов лишили племена военных функций, упразднив их содержание как наемных воинов. Ядро армии при Аббасидах формировалось из хорасанцев (иранцев, а также арабов, осевших в Иране), которые составили элитные подразделения, преданные режиму (*Saban*, 1971; 1976; *Kermech*, 1986). Некоторое время существовал отряд верноподданных арабов – «Араб аль-Даула», или «Государственные арабы», но он утратил свое значение. В скором времени большая часть войска стала состоять из специально обученных рабов, в основном тюрков из Центральной Азии. В результате арабы разных племен постепенно покинули *амсар*, или «города-лагеря», – некоторые для того, чтобы вернуться к кочевой жизни, от которой они реально никогда и не отказывались, в то время как другие перешли к оседлому образу жизни на завоеванных землях. В этот период название «араб» стало относиться исключительно к кочевникам.

Постепенная автономизация провинций на востоке и на западе империи Аббасидов вылилась в появление ряда независимых государств. Однако некоторые группы кочевников-арабов распространили свое влияние на Верхнюю Месопотамию и Северную Сирию, основав недолговечные, но блистательные бедуинские династии, такие как Хамданиды в Мосуле и Алеппо (Халеб) в X в., а позднее Мирдасиды в том же Алеппо.

Система ценностей бедуинов основывалась на признании специфических особенностей, которые могут быть определены как жесткость характера, вкус к поэзии и красноречию, чрезвычайно раннее чувство чести, усиливаемое обычаями кровного родства и уважения гостеприимства, и самовосхваление в таких качествах (храбрость, мужество, благородство, самообладание – и хитрость при этом), которые, как считалось, составляют признаки мужественности, или *мурува*. Вдобавок ко всему бедуины заявляли, что их язык – самая чистая форма арабского языка.

Ислам при своем рождении не мог не учитывать как условия, налагаемые образом жизни арабов-кочевников, так и идеалы бедуинов. Но новая вера видоизменила доисламские ценности существенным образом. Так, как только

Мухаммед утвердился в Ятрибе (Медине), он стал проповедовать исламское братство (*мухатм*) взамен клановой солидарности (*асабийя*) и выработал концепцию общности, или *уммы*, включающей всех мусульман, вне зависимости от племенной принадлежности.

Исламские завоеватели по большей части постепенно ассимилировались с более древними городскими цивилизациями Востока (Месопотамия, Сирия). Те же бедуины, которые остались верны старым традициям, оказались вновь вытесненными в пустыню. Это были, например, племена бану-хилал и бану-силаим, которых халиф Абд аль-Малик в начале VIII в. выслал на Суэцкий перешеек для проводки караванов или чтобы вернуть их к обычной жизни, заключавшейся в странствиях и набегах. В целом, система ценностей бедуинов подверглась глубоким изменениям под влиянием ислама.

Если рассматривать арабов-бедуинов как единое целое, то они постепенно были вытеснены на задворки общества, но сам кочевой образ жизни не исчез окончательно ни в Аравии, ни на других территориях, завоеванных мусульманами (таких как Ирак, Сирия, Египет). По этой причине остается под вопросом, можно ли целиком принимать аргумент, отстаиваемый многими востоковедами и географами, включая Ренана (*Renan*), Марсэ (*Marçais*), Ксавьера де Планхоля (*Xavier de Planhol*), о том, что ислам является «по-существу верой городов».

Жизнь в городе и в пустыне

Безусловно, условия жизни в пустыне (или *бадийя*) кардинально отличались от жизни в обжитой сельской местности (или *риф*). Типы городов в Ираке различались от поселений типа Куфы и Басры, выросших из лагерей военных наемников в крупные города (*амсар*), до более поздних образований наподобие Багдада, но во всех них основными видами деятельности по-прежнему оставались торговля и ремесла. То же самое имело место в Сирии, Египте, Иране, в городах Северной Африки (Кайруан, Махдийя, Тунис, Фес), а также в Кордове, столице Кардовского халифата. В Аравии, однако, города Мекка и Медина сделали двойным религиозным полюсом ислама: первый – вследствие нахождения там святыни Кааба, а второй – из-за того, что там был похоронен Пророк.

Тем не менее основной ячейкой общества осталась семья. Аристократическая городская семья придерживалась пережитков принципа построения бедуинских семей, собирая вокруг себя всех родственников разных поколений, а также своих вассалов, или *мавали*. Но в менее богатых слоях общества когда-то огромные семьи уменьшались до элементарных ячеек по мере того, как они раскалывались из-за необходимости обеспечивать получение средств к существованию.

Важной особенностью повседневной жизни исламских городов был базар, или *сух* (мн.ч. – «*асвак*»), и *кайсарийя*, где располагались все более или менее специализированные мастерские; все они теснились вокруг главной мечети. Более того, такие культовые постройки, как главные мечети, или *джавами*, где читались пятничные проповеди, и более мелкие «приходские» мечети, или *масаджид*, осуществлявшие обычные богослужения, являлись атрибутом каждого города, равно как и богословские школы, или *медресе*, возникшие в период правления Сельджуков (XI в.). Кроме того, характерными чертами исламских городов могут считаться общественные купальни, или *хаммамы*, придававшиеся молевым домам как обязательное дополнение, и общественные фонтаны, или *сабилы* (илл. 184).

Подобные города нуждались в управлении. Когда жители городов поднимались во время народных восстаний, как случилось время от времени в Центральной Азии, в этих проявлениях можно было усмотреть стремление к местной

автономии, а недовольство обычной системой городского чиновничества при этом становилось очевидным. Обычно город был населен юридически свободными членами исламского сообщества, но там жило и множество рабов и лиц, платящих дань, или *дхимми*. Все горожане проживали в кварталах, разделенных по этническим признакам, принадлежности к общему роду или к единому вероисповеданию. Каждый квартал мог гордиться собственными культовыми зданиями, общественными купальнями и небольшим базаром, или *сувайка*, а также общественным очагом.

За пределами города трудно было провести четкое разделение между кочевниками-скотоводами бедуинами и оседлыми крестьянами-земледельцами, хотя между этими крайними группами населения и существовали определенные отличия. Некоторые регионы являлись полностью земледельческими, и весь скот там находился у крестьян. Но в других местах земледельцы-крестьяне и пастухи-кочевники пользовались землей совместно. В некоторых регионах сезонные перегоны стад с долин в нагорья и обратно были обычным явлением при том, что там также практиковалась и земледелие, которое вели сами скотоводы-кочевники.

Наконец, существовали некоторые территории, где полную власть имели чисто кочевые племена, а крепостные крестьяне возделывали землю в оазисах для своих господ-кочевников. Очень часто противопоставление «пустыни» и «засянной земли» являлось пресувеличенным: по большей части виды деятельности скотоводов и земледельцев дополняли друг друга.

Однако вопрос о балансе власти между двумя сторонами являлся весьма деликатным. В некоторых городах-оазисах, стоявших на караванных путях, купцы контролировали все базары и пальмовые рощи. В других случаях оазисными крестьянами управляли кочевники, использовавшие их вместе с бесправными рабами как рабочую силу или же взимавшие с крестьян дань (*хува*). Подобные ситуации разнобразили систему ценностей кочевников: преисполненные чувством собственной свободы, они начинали рассматривать себя в качестве вышестоящего класса не только по отношению к *феллахам* (т.е. крестьянам), но и по отношению к городскому населению.

Баланс между скотоводством и земледелием мог нарушаться некоторыми природными факторами. Историческими данными подтверждается постепенное обезвоживание Сахары и это, вне сомнения, нарушало соотношение между производством зерновых культур и оливок, с одной стороны, и пастушеством – с другой. Кроме того, в дело могли вмешиваться демографические факторы, особенно в тех местах, где популяции кочевников начали превосходить возможности природных ресурсов. Когда правителям удавалось распространить свою власть на значительные территории равнин, то для удовлетворения возрастающих потребностей городов там начинали развивать и земледелие. Переломными стали X и XI вв.: турецкие кочевники проникли в Иран и Анатолию, бедуины племени хилалы вторглись в Ифрикию (Тунис), а берберы с окраин Сахары распространились на север вплоть до Андалуса (Испания).

Роль городов в развитии культуры

Ибн Хальдун утверждает, что в его время искусства «процветали только в городах. Качество и число ремесел (буквально «искусств», *сана'и*) зависели от степени цивилизованности городов и культуры оседлого населения, а также уровня роскоши, которым они обладали, поскольку (искусства) являются дополнительным к той деятельности, которая просто обеспечивает существование» (Ибн Хальдун, 1958). В дополнение к политической, экономической и религиозной ролям исламские города служили также некими «плавильными тиглями» для интенсивной интеллектуальной деятельности и центрами, где в пол-

ном масштабе развивалась исламская и арабская литературная культура. Эта культура выкристаллизовалась в IX в., но некоторые ее жанры, такие как поэзия, восходят к доисламской эпохе (Miquel, 1960; Wiet, 1966).

Исламский город, выполняя политическую функцию центра власти и играя интеллектуальную роль в качестве центра творчества, много сделал для дальнейшего развития культурной жизни. Пример, поданный Багдадом, был подхвачен всеми столицами провинций: Дамаском, Кордовой, Кайруаном, позднее Махдийей, а затем Тунисом, Фесом и Каиром. Покровительство, оказываемое культуре правителями и богатыми горожанами, поощряло развитие городской литературы. В IX в. визири Бармесида выступали защитниками письменности и искусств. В X в. крупным покровителем литературы выступал Сайф аль-Давла аль-Хамдани, державший свой двор в Алеппо. Известные арабские поэты аль-Мутанабби и Абу Фирас и не менее блестящий составитель фундаментальной антологии арабской и арабоязычной поэзии VII–X вв. Абуль-Фарадж аль-Исфахани, автор «Книги песен» (*Китаб аль-Агани*), посвящал свои работы именно ему. Вполне вероятно, что X в. явился высшей точкой развития исламской культуры.

Три основных слоя городского общества

Высшее чиновничество

Прежде всего, во главе городов стояли правители, представлявшие центральную власть в лице халифа, визири, губернатора провинции, султана или эмира. Несколько визирей и группы чиновников формировали окружение каждого правителя. Писцы, или *киттабы*, выполняли административную и финансовую работу в *диванах* (канцеляриях). Постепенно при Аббасидах такие *диваны* преобразовались в учреждения, которые вели «внутренние и иностранные дела, контролировали финансы, армию, дипломатическую переписку (с копиями для архивов), почтовую систему (с цензурой корреспонденции), основные системы связи и пропаганды» (Gardet, 1977).

Останавливаясь на военных и полицейских вопросах, например, можно отметить, что префект полиции Багдада поддерживал общественный порядок и располагал собственными воинскими подразделениями, отличными от регулярной армии, а также собственным штатом финансовых чиновников. Эти чиновники, или *уммаль*, занимались сбором налогов. *Мухтасиб*, одновременно «блюститель нравов» и страж исламской морали, следил за общественным поведением и пресекал хозяйственные преступления. Правосудие вершилось судьей (*кади*) согласно исламскому праву.

Во времена династии Омейядов армия по-прежнему формировалась из членов арабских племен, но, как упоминалось выше, при Аббасидах она все чаще составлялась из хорасанских рекрутов и тюрков-рабов. Некоторые полководцы получали в управление целые провинции и, таким образом, становились квази-автономными правителями. Другие чиновники, выходцы из персидской провинции Дайлам, сделались в X в. «протекторами» халифов и, в соответствии с этим, принимали титул «эмира эмиров» (*эмиф аль-умара*); это относится к династии Буидов (шиитская ветвь ислама). Правители провинций, султаны и эмиры постепенно создавали вокруг себя такое же бюрократическое окружение, как и халифы в Багдаде, и имели военные формирования, организованные по похожему принципу.

Купечество

Завоевания привели к созданию обширной и унифицированной с экономической точки зрения империи, отличительной чертой которой являлось установление

связей между странами Средиземноморья и бассейна Индийского океана. В городах ведущую роль играло купечество (Rodinson, 1966; 1970; Ibrahim, 1990). Крупные купцы формировали то, что Родинсон назвал «капиталистическим сектором».

Крупные и средние купцы назывались *туджар*. Наиболее богатые из них либо ввозили в города продовольствие и сырье из сельской местности, либо специализировались на широкой экспортно-импортной торговле с дальними странами и назывались *раккадуны*. Это были люди, которые снаряжали караваны и фрахтовали суда. Некоторые (*хузаны*) специализировались на хранении товаров в больших складах, другие вели оптовую торговлю. Во всех сферах торговли активно участвовали купцы-иудеи, равно как и купцы-христиане. Торговля тканями, специями, сырьем, изделиями ремесленников и драгоценностями приносила большие прибыли. Самые разбогатевшие купцы оставались дома, а дела от их имени вели погонщики караванов и капитаны судов.

Среди класса купечества выделялись менялы, задачей которых была оценка истинной стоимости монет и которые являлись преданными помощниками властей. Неудивительно поэтому, что им доверяли сбор налогов. Многие купцы были весьма образованны, поскольку им требовалось вести бухгалтерские книги и кредитные записи; они были искусными в искусстве составления шифров и секретных посланий и были знакомы с индийской системой счисления. В общем, им приходилось прибегать к новым методам в сфере платежей, кредитования и банковского дела, и они же получали преимущества от активного оборота денежных средств, что позволяло им накапливать в своих руках огромные богатства.

Купцы приобретали изысканные манеры, всеми путями подчеркивали свою образованность и вкус к поэзии и не чужались оказывать покровительство искусствам, одновременно содействуя украшению культовых зданий и финансируя строительство религиозных учреждений – *медресе*, фонтанов и иные работы в общественных интересах. Формирование их облика благодетелей общества дополнялось еще и тем, что они за свой счет содержали подающих надежды учеников и их наставников и давали убежище странствующим паломникам. Наконец, такие купцы усиливали свое влияние на интеллектуальную жизнь городов, оказывая поддержку деятелям литературы, особенно поэтам, путем субсидирования их творчества. Многие богатые купцы даже становились визириями (Sourdel, 1960), а Гоитейн пишет о подъеме «купеческой буржуазии» в этот классический период (Goitein, 1968).

Ученые

Слой *улама*, или «образованных», мог включать в себя как религиозных деятелей, так и деятелей науки: они оставались в прямом контакте с правителями и подданными, привязанные, как и все остальные классы, к культуре мечети. Ученые пользовались уважением современников, а исламские города гордились своими учеными жителями и их числом. Такие люди могли много путешествовать в поисках знаний и собирали вокруг себя большое число учеников. Среди ученых, перечисленных и описанных в биографических трудах и словарях, известных как *табакат* и *тараджим*, следует выделить специалистов по традиционным высказываниям Пророка, толкователей сур Корана, экспертов по праву, теологов, врачей, математиков, астрономов, физиков и философов.

Из числа ученых вышли многие религиозные деятели и даже государственные чиновники: муфтии, кади (судьи), нотариусы (*удулы*), присяжные заседатели (*мухруды*) и *мухтасибы* (блюстители нравов). Некоторые преподавали в учебных заведениях, находивших приют под крышами мечетей, а позднее – в медресе.

С религиозными деятелями соседствовали литераторы и иные светские ученые, которые группировались вокруг

правителя и его двора. Среди таких людей кроме этнических арабов имелося много новообращенных с персидскими или византийскими корнями. Л. Гарде выделял три основные группы литераторов: «писцы; люди высокой разносторонней учености (ученые-энциклопедисты) и люди, пишущие на темы морали («моралисты»); философы и прочие ученые-гуманитарии» (Gardet, 1977). Первая категория – писцов-секретарей (*кумтабов*) развилась в отдельную влиятельную касту, откуда вышли многие высшие чиновники. Для их подготовки были написаны специальные трактаты. От писцов требовалось умение справляться с большими объемами информации в самых разнообразных областях научных знаний и обладать своего рода гуманизмом, известным как *адаб*. Вторая категория (ученые-энциклопедисты) в основном тяготела к популяризации философии и научных знаний; наиболее широкую известность среди них получили писатели и ученые аль-Джахиз (Абу Усман Амр ибн Бахр Джахиз), аль-Тавхида (*al-Tawhidi*) и Мискавай (*Miskawayh*). Представители третьей категории – философы и ученые-гуманитарии – составили настоящую славу этой классической эпохи. Сюда относятся астролог аль-Кинди (Абу Юсуф Якуб бен Исхак аль-Кинди) при халифе аль-Мамуне, философ аль-Фараби (Абу Наср ибн Мухаммед аль-Фараби) при дворе Сайфа аль-Давла, Ибн Сина при дворах шиитских эмиров Хамадана и Исфакана, а также такие личности, как Джабир Ибн Хайян, Мухаммед бен Муса аль-Хорезми, аль-Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни и Ибн аль-Хайсам (лат. Альгазен).

Отношения между сообществом и государством

Сообщество, или *умма* являлось прежде всего единым религиозным образованием, связующей основой которого выступал ислам. И тем не менее, с самого начала, как было установлено пророком Мухаммедом в Медине – согласно «Мединской конституции», известной как *сахифа* (Serjeant, 1964; 1978; Watt, 1956), – *умма* была открыта для всех жителей оазисов, даже немусульман. Рассматривавшиеся в качестве равноправных партнеров, в *умму* включались *ансары* или «помощники» из племен аус и хазрадж, вместе с их членами-иудеями, а также «переселенцы» (*мухаджирьы*) из Мекки.

Позднее признание принадлежности к сообществу было оставлено исключительно за мусульманами, однако без ограничения по этническому признаку, т.е. за арабами, персами, берберами, турками и другими. *Умма* в качестве единого целого рассматривалась как государственное образование, управляемое халифом, который обладал значительной властью, по крайней мере до конца X в. Халиф был окружен большим числом помощников и правительственных чиновников, отвечавших за исполнение четко определенных функций: за правосудие, армию, полицию, налогообложение и управление перепиской.

Членам *уммы* внушалось чувство мусульманской солидарности. Даже в тех случаях, когда мусульмане оказывались в полной зависимости от того или иного временного правителя, они никогда не признавали его в качестве источника права власти (поскольку для них таким источником являлся Коран) (Lapidus, 1975). Такое отношение стало еще более заметным, когда исчезло правление центрального халифата и власть перешла к правителям, имевшим сомнительную легитимность и часто этнически чуждым для своих подданных.

Централизация и сопротивление

Следует иметь в виду, что власть была централизованной буквально с самого момента зарождения исламского государства под управлением пророка Мухаммеда. Династии Омейядов и затем Аббасидов усилили централизацию, создав в государстве постоянные органы управления и с-

пециализированный персонал: писцов, чиновников разного уровня во главе разнообразных канцелярий (*диванов*), визирей, кади и мухтасибов. Однако эту централизацию несколько сдерживало более или менее активное сопротивление в различных регионах империи.

Хотя ислам как религия не делал никаких этнических различий, определенные местные настроения все-таки существовали в пределах «Дома ислама» (*Дар эль-Ислам*) (Наартман, 1980; *Al-Dūrī*, 1987). Так, вполне справедливо говорить о персидских провинциальных чувствах или о египетских, берберских или курдских формах партикуляризма. Подобные тенденции начиная с X в. породили ряд провинциальных династий, которые обладали большей или меньшей степенью независимости от халифата. Такие региональные центры власти становились заметными еще в IX в.; в отдаленных западных провинциях империи это были Аглабиды в Ифрикии (Северной Африке) и Идрисиды в Марокко; в восточных провинциях – Тахириды и Саффарины в Хорасане, Саманиды в Трансоксании, затем Газневиды в Афганистане и Индии. Наконец, подобные династии возникли и на самом Ближнем Востоке – Тулуниды и затем Ихшидиды в Египте, Хамданиды в Северной Сирии и Зияиды, а затем Юфуриды в Йемене.

Все проявления партикуляризма регионов сопровождались сектантскими движениями, вызванными религиозными спорами относительно легитимности политической власти после смерти Пророка. Следствием этого явилось возникновение государства карматов (приверженцев наиболее радикальной из подсект исмаилитов. – *Прим. ред.*) в Бахрейне, имамата Тахерт в Алжире и государства Зейдит в Йемене. Еще более серьезный раскол в единстве *уммы* был отмечен возникновением у халифата Аббасидов двух соперников – Омейядов в Испании и Фатимидов в Магрибе, а затем в Египте.

Кроме того, случались и различные социальные потрясения, серьезнейшим из которых стало восстание рабов в Нижнем Ираке.

Этническое разнообразие: *шуубийя*

Несмотря на старания Омейядов и ранних Аббасидов объединить и унифицировать империю, исламский мир все-таки оказался расколотым из-за включения в него новых народов. Это сделало еще более пестрой и без того этнически разнородную картину: иранцы на востоке, турки в Центральной Азии, арабизированные семиты в Месопотамии (арамейцы) и Сирии (говорящие на сирийском языке), копты в Египте, берберы в Северной Африке. Темнокожее население в *Билад аль-Судан* («Стране чернокожих») включало как эфиопов (или *хабаш*), так и народы Мали. В Испании жило не только местное население, но и славянские наемники, не говоря уже о рабах различных национальностей, ввозимых отовсюду. Все эти народы смешивались с арабами и большей частью принимали ислам.

Однако на Иран арабизация не распространилась в той степени, в какой она произошла повсеместно. Здесь по-прежнему продолжали говорить на персидском языке, но поскольку арабский оставался языком религии, иранцы читали Коран на арабском и заимствовали многие арабские слова. Они остались верны многим своим традициям и гордились достижениями, что находило выражение в диспутах, затрагивавших сравнительные заслуги арабов и неарабов (*аджамов*) в становлении и развитии ислама (*Gibb*, 1953; *Goldziher*, 1967; *Mottahedeh*, 1980).

Письменные источники увековечили эти дебаты под общим названием *шуубийя* («принадлежащее народам»). Слово о *шуубийя* происходит из основной части Корана (49:13). Спор о *шуубийя* возник из-за притязаний *шууб* («народов»), точнее – завоеванных народов навязать обществу свои моральные и духовные идеалы. Истоки

движения восходят к концу периода правления Омейядов. Его сторонники тогда ограничивались призывами к равенству среди всех мусульман – арабов и *мавали*, и потому такие апологеты *шууби* часто назывались *Ахл аль-Тасвийя* – «люди равенства». С приходом к власти Аббасидов ситуация изменилась, и *мавали* в Персии добились такого социального равенства с арабами, что к концу VIII в. само слово *мавали* перестало применяться.

В то время как понятие *шуубийя* применялось в определенных редких случаях различными политическими движениями, отражавшими заметную «этническую» или «региональную» специфику (например, движением Саффаринов), большинство сторонников *шууби* не имели явной политической ориентации и оставались в большинстве своем верными слугами халифата.

В X в. великая литература Персии проявилась в новой форме персидского языка: персидская эпическая поэзия, имевшая доисламские корни и описывавшая традиционную историю Ирана и его правителей, вновь вышла на передний план в 1010 н.э. с появлением «Книги о царях» (*Шахнаме*) поэта Фирдоуси (*Von Grunebaum*, 1955). Однако в этом возрождении персидской литературы не проявлялась никакая-либо тенденция к сепаратизму, оно лишь вновь подчеркнуло те достижения, которыми мог гордиться Иран.

Соперничество между различными исламскими народами проявлялось в разных местах и сферах, но движение *шуубийя*, как таковое, имело своих явных сторонников главным образом в Андалусе и в Персии с той разницей, что персидское возрождение было более широким. При Аббасидах среди иранцев стали проявляться тенденции к пробуждению «национального самосознания». Возрастающее иранское влияние отразилось в том, что Аббасиды начали назначать своих визирей из семейства Бармаки (Хорасан, Восточный Иран) и Бану-Сахль, также имевшем персидское происхождение.

Движение *шуубийя* отражало и смещение имперского центра тяжести от Средиземноморья к азиатской части. Начиная с IX в. ислам проявлял значительные усилия в распространении на север и на восток. Об этом свидетельствуют путешествия Ибн Фадлана на Волгу и в русские земли, Али Ибн Дулафа в Китай и, наконец, Сулеймана-Купца, который добрался до Восточной Азии через Персидский залив и Индийский океан, и чьи приключения легли в основу тех, которые позднее приписывались знаменитому Синдбаду-Мореходу.

Элита и массы

При описании общества мусульманские авторы использовали два основных понятия – такие как *хасса* для определения элиты, или аристократии, и *амма*, определяющего простых людей или массы, противостоящие элите (*Brunschwig*, 1962; *Ziyāda*, 1982). Но эти части являлись не столько двумя социальными классами, сколько различными группами со своими особенностями и внутренними иерархиями.

Элита включала тех, кто концентрировался вокруг правителя – халифа, султана или князя, и такие придворные сановники могли происходить из самых различных социальных слоев. В первую очередь следует упомянуть о «военной аристократии», которая состояла из высших офицеров, или эмиров. Их важными обязанностями являлись руководство военными походами и поддержание внутреннего порядка в стране. Эта аристократия являлась частью того круга сановников, которые были допущены к участию в совете халифа. В конечном итоге военные эмиры стали играть доминирующую роль в правительстве и империи.

Но другая часть аристократии, такая как секретари, была сформирована главным образом из выдающихся писцов-администраторов (*киттабов*), возглавлявших

основные ведомства (*диваны*), созданные во всех исламских столицах – Багдаде, Каире или Кордове. Эта избранная группа также включала в себя таких высших чиновников, как *кади* и законоведы. Все эти люди составляли интеллектуальную элиту, аристократию учености и веры. Но и крупнейшие торговцы также принадлежали к элите, поскольку купцы и банкиры могли поддерживать правителя финансами в случае необходимости.

Амма же отнюдь не составляли какой-либо социальный класс, а представляли, скорее, совокупность групп населения, проживающих как в городах, так и в сельской местности в сложных, а зачастую и тяжелых условиях, не говоря уже о многочисленных рабах.

Городская масса состояла из мелких мастеровых, объединенных в гильдии. Эти ремесленники выступали и в качестве мелких торговцев, поскольку торговали собственной продукцией. К ним относились пекари, мясники, бакалейщики, водоносы, поставщики провизии, повара, кондитеры, ткачи, цирюльники, дубильщики кож. Безработные или те, кто составлял низы и презирал торговцев, принимали участие во многих городских восстаниях.

Нищие, а также мародеры назывались в исламских городах *айяруны* (буквально «бродяги»). В Ираке и Иране XI в. они организовали четко выраженные группы *футува*, связанные групповой солидарностью. Айяруны играли заметную роль в политических и религиозных волнениях, которые нарушали социальную структуру иракских и персидских городов. В Сирии подобные группы, известные под названием *ахдат* («молодые»), во времена, когда власти демонстрировали свою неспособность управлять, даже захватывали правление.

К этим разнообразным городским группам следует добавить неимущих в сельской местности, разорившихся земледельцев и безземельных издольщиков, судьба которых была воистину жалкой. Часть их них разорялась под бременем налогов, обычно повышавшихся одновременно с ростом стоимости жизни, что вынуждало их забрасывать земли и пополнять ряды городской бедноты и участвовать в восстаниях, будь то в Иране, Египте или в Сирии. Халиф аль-Мамун подавил восстание *зуттов*, или цыган нижней Месопотамии, и выслал их на византийскую границу.

Амму в городах составляло беднейшее и самое неспокойное население, чей образ жизни мало отличался от жизни бедняков в сельской местности. Эти слои общества формировали взрывоопасные социальные силы, восстания которых потрясли Багдад с IX по XI в. (*Sabari*, 1981). Кроме того, в городах не следует сбрасывать со счетов и такой дестабилизирующий фактор, как кочевники.

В целом исламское общество оставалось иерархичным и жестко разделенным. Оно основывалось на власти аристократии двух типов – религиозной и светской. Различия между аристократической элитой и основной массой народа определялись тем, что все элементы этого общества были очень далеки от интеграции.

Исламский «феодализм»

Существовало ли такое понятие, как «исламский феодализм»? Термин этот представляется неприемлемым, но продолжает существовать. Первым его в 1936 г. использовал Полиак (*Poliak*) и, несмотря на исследования и ясную позицию, занятую по этому вопросу Клодом Каеном (*Claude Caben*), он по-прежнему встречается, и это оправдывается имеющимися заблуждениями (*Lewis*, 1950). По сути же, реальные финансовая и военная системы, основанные на *икта* (пожаловании земельных наделов), имели мало общего с западноевропейским феодализмом.

Профессионализация армии при Аббасидах привела к введению системы заработной платы, источником которой являлись налоги. И хотя точное число постоянных военных

формирований неизвестно, социальное влияние армии возросло пропорционально расходам денег на нее. В дополнение к заработной плате солдаты получали средства на жилье и обмундирование, а также получали подарки по случаям вступления правителей на престол или по праздникам.

Военное ведомство (*диван аль-джайш*) превратилось в главный элемент имперской управленческой машины. В его регистрационные книги вносились имена людей, их места рождения, генеалогические и физические данные. Вся финансовая система государства – управление налогами и землепользованием, составление земельных кадастров, периодическая переоценка налогооблагаемой базы, исчисление доходов и их распределение – была ориентирована прежде всего на интересы военных. Из бюджета, доходившего во время высшего расцвета династии Аббасидов до 16 млн. динар, более половины расходовалось на содержание армии.

Поначалу халифы отписывали своим военачальникам земли из государственных владений. Считалось, что получатели будут управлять своим имуществом должным образом и, следовательно, будут способны платить необходимый *закат* или благотворительный налог (также известный в этих местах как *катай* или то, что «имеет отношение к недвижимому имуществу»). Эти земли передавались на условиях долгосрочной закладной аренды.

Но вскоре земель для передачи на таких условиях не осталось, поэтому появилась иная форма концессии: военные получили право взимать налоги с «налоговых земель» (*харадж*) в определенном районе; при этом предполагалось, что из сумм этих налогов они будут платить свой собственный *закат*. Такие концессии были известны как *икта* (*Caben*, 1953), и именно оформление такой концессии в обмен на службу офицера стало рассматриваться многими учеными как система, сравнимая с европейским феодализмом.

Действительно, *икта* усиливала власть тех, кто извлекал прибыль с земли. Но она не приводела к приватизации власти и не устанавливала наследование земельной собственности, а также не меняла характера социальных связей. В IX в. лицо, получавшее доходы с такой собственности (называемое *мухта*, или «держатель икты»), назначалось ответственным за проведение ирригационных работ и надлежащее землепользование. Безусловно, при этом такой «собственник» должен был стараться повысить свои доходы и снизить издержки. Он мог добиваться этого, предоставляя своим крестьянам за определенную плату «право на защиту» (*талджия*) как от разбойников, так и от вымогательства со стороны своих собственных сборщиков налогов. Но подобные особенности выходили за пределы влияния местного эмира. Он не выполнял функции судебной власти на манер того, как это делал феодальный барон в Европе, и, кроме того, земли, которые являлись его собственностью, на законных основаниях делились между наследниками после его смерти.

Способы, какими эти налоги собирались, составляли саму основу *икты*. За эмирами и их сборщиками налогов оставлялось право устанавливать размер подати, из которой, удерживая разницу, они платили свой собственный единовременный налог. Эта система стала общепринятой при Буидах (*Bosworth*, 1967) в Ираке, затем при Сельджуках в Иране, становясь известной как *икта иштигаль* (*istighlal*), или «сбор урожая». Человек, получавший привилегию взимать данный налог, мог также иметь право закладывать в размер налога сумму, соответствующую его персональной плате за военную службу, и при этом государство сохраняло тщательный контроль за этой службой, которую он должен был в обмен исполнять для государства. Однако между эмиром и временными владельцами собственности не было никаких постоянных или каким-то образом определенных связующих звеньев. Первым следствием такого состояния стало ухудшение положения тех крестьян, с которых теперь брали еще и налог на содержание армии, сочетавшийся с более высокими земельными налогами и повышающейся стоимостью «покровительства» (*химаия*).

Сельджуки (*Lambton*, 1965; 1988) и их визирь Низам аль-Мульк попытались реформировать систему, введенную Буидами, переводя владельцев бенефиций с одной икты на другую каждые несколько лет и выдавая разрешение на ее получение только эмиром. И если Хорасан при Саманидах и Газневидах не принял эту систему, то Сельджукам удалось распространить свою модель икты на Иран. Таким образом вожди племен и правители Сельджуков получили в управление обширные владения. В заключительный период династии икта, введенная Сельджуками, стала разрастаться, становиться более многочисленной и, что самое главное, более длительной, приобретая даже тенденцию быть закрепленной в наследное пользование.

В Сирии Нур аль-Дин и Салах-ад-Дин ввели как раз наследуемую икту (*Iruin*, 1977). При этом ожидалось, что мукта, уверенный в возможности передачи своей икты наследникам, станет проявлять больший интерес к повышению доходов от своих земель и защите крестьян.

В Египте (*Rabie*, 1970; 1972; *Al-Arini al-Bāz*, 1956; *Tarbān*, 1968) при династии Тулунидов и затем при Фатимидах также приняли икту в качестве способа финансирования армии. Земельные участки отдавались на откуп офицерам для сбора *хабраджа* (налога), и могли быть отобраны в любой момент. При Саладине икта становится наследуемой и в Египте. В период правления Мамлюков этот вид привилегий снова теряет наследуемый статус, и султаны очень часто меняют владельцев бенефиций в целях избежать слишком высокой концентрации власти на местах. Введение Мамлюками трехуровневой иерархии эмиров объясняет и соответствующую иерархичность их земельных дарений. Более того, в те времена существовало различие между икта для высших эмиров и более низших икта, жалусмых воинам из *халькасов*, или «кругов» (объединений свободных людей).

Рабство и его источники

Как и все древние и ближневосточные культуры, исламская цивилизация знала рабство (*Gordon*, 1987; *Lewis*, 1971). Помимо всего прочего, рабство являлось источником мускульной силы, используемой в домашнем хозяйстве, на плантациях, в коях, в городах и в армии (*Ayalon*, 1951; *Crone*, 1981; *Pipes*, 1980). Изначально имелось три источника получения рабов: военнопленные; рабы покупаемые в *Дар аль-Харб* («Дом войны»), т.е. на территориях, лежащих вне области распространения ислама; дети, рожденные рабынями уже на исламских землях.

Тремя основными заграничными территориями для приобретения рабов мусульманскими торговцами служили «Земля славян» (*Билад аль-Сакалиба*) – Центральная и Восточная Европа; «Земля тюрок» (*Билад аль-Атрак*) – Туркестан и Центральная Азия; «Земля чернокожих» (*Билад аль-Судан*) – саванны, окаймлявшие африканский лес.

В эпоху завоеваний работорговля приносила большие прибыли, поскольку в боевых действиях мусульманами захватывалось много пленных. Но к XI в. славяне-язычники были обращены в христианство, а язычники-тюрки – в мусульманство. Единственный доступный источник рабов оставался в Африке, но и здесь эта зона сокращалась по мере распространения ислама. Работорговля продолжала поддерживаться только рейдами, проводимыми вдоль границ стран, еще не принявших ислам.

Рабы, привозимые из областей, перечисленных выше, использовались для различных целей. Чернокожие рабы главным образом направлялись на домашние работы и в некоторых случаях, как в Нижнем Ираке и Ифрикии при Аглабидах, на плантации. Черные женщины использовались как наложницы и кормилицы. Рабы-славяне высоко ценились аристократией, и их часто кастрировали для службы в качестве евнухов и личных телохранителей у правителей. В частности, халифы династии Омейядов в Кордове со-

брали охрану из 10 тыс. славян, тогда как эмир Ибрагим I из династии Аглабидов окружил себя охраной из 5 тыс. чернокожих рабов (*Talbi*, 1966). Наконец, из рабов-тюрок получались великолепные солдаты, и тенденция покупать таких рабов для армии начала формироваться при халифе аль-Мамуне и достигла пика при аль-Мутасиме, когда в его войске насчитывалось 70 тыс. тюрок.

Рабы являлись высоко ценным товаром и, следовательно, таким, который создавал возможности для мошенничества: это можно увидеть из двух небольших трактатов о рабах, написанных Ибн Бутланом и Мухаммедом аль-Газали, в которых оба автора рассуждают о том, как «доводить» раба, т.е. суметь продать его лучшим образом, несмотря на дефекты (*Rosenberger*, 1987).

Раб являлся собственностью хозяина – он мог быть куплен, продан или завещан, однако не как в Римском праве, т.е. как «вещь», а как личность, со своими правами и обязанностями.

Определяя статус раба, ислам делал попытку смягчить условия его содержания. С купленным рабом предписывалось обращаться с «должной справедливостью и мягкостью»; раб мог тратить собственные деньги по собственному усмотрению; он мог иметь семью. Дети рабов до 7 лет не могли быть проданы отдельно от матери. *Мухтасиб*, или блюститель нравов обязан был следить за тем, чтобы рабы не подвергались жестокому обращению. Женщина-рабыня, взятая хозяином в качестве наложницы, рожала детей в рабство, но если она становилась «матерью сына» (*умм валад*), ей были обязаны дать освобождение после смерти ее господина. Однако если хозяин собирался взять женщину в качестве законной жены, он сначала должен был ее освободить. В любом случае раб не мог наследовать или завещать имущество. В случае смерти имущество раба переходило к его владельцу.

При всем том Коран определял освобождение рабов как благочестивое деяние. Более того, у невольника имелось право выкупить свою свободу, но при этом, уже будучи свободным человеком, он оставался весьма тесно связанным со своим прежним хозяином, иногда даже беря в жены одну из его дочерей. Многие вольноотпущенные рабы сыграли важную роль в исламском мире: достаточно вспомнить два таких имени, как Ахмед ибн Тулун и Кафур, которые возвысились до титулов правителей Египта и явились основателями династий Тулунидов и Ихшидидов.

С домашним рабом не всегда обращались жестоко. Его господин мог поручить ему вести торговое дело или же обучить его ремеслу – таким образом многие рабы управляли собственностью своих господ. Другие готовились для роли наставников и учителей хозяйских детей. Женщины-рабыни часто получали хорошее образование, учась музыке и пению; за таких *кьян*, или «песенниц» (*Pellat*, 1963; *Sbaroutot-Remadi*), давали высокие цены, а некоторые стали известны своими стихами, ученостью или же музыкальными сочинениями. Менее образованные *джавари* («помощницы») использовались как домработницы.

Наиболее тяжелые условия содержания были у рабов на плантациях в обширных землях владениях в Нижнем Ираке и Северной Африке. Группы чернокожих рабов использовались на дренажных и ирригационных работах в болотистых районах Нижнего Ирака для выращивания сахарного тростника (*Popovic*, 1976; *Al-Samir*, 1971; *Talbi*, 1982).

Городская автономия

Исламский город обычно изображается в противопоставлении как городам классической античности, так и средневековым европейским коммуна́м. Этот город и в самом деле имел довольно нечеткие формы, и ему не хватало характерных черт, что было обусловлено его полной интеграцией в имперскую административную систему. Конечно, на заре ислама местные сообщества как на территориях Са-

санидов, так и в бывших провинциях Византии сохраняли существенную долю самоуправления. Но по мере упрочения режима и распространения ислама формировался и новый порядок управления, постепенно делаясь всё более ощутимым в городах, которые являлись, помимо всего, активными центрами всей материальной и духовной жизни, а во всех равнинных местностях еще и местами пребывания властей. Множество чиновников и судей держали в своих руках все рычаги власти. В подчинении у правителя были *кади*, начальники полиции (*сахиб аль-иурта*) и командиры таких воинских формирований, как *ахдат* (ополчение), главным образом в Сирии (Asbtor, 1956; 1958) и Верхней Месопотамии.

Эти чиновники должны были представлять местное управление, консолидирующее городскую коммуну. На самом же деле они могли объединяться и начинать действовать против режима как факторы или элементы «сопротивления, вызываемого местными городскими настроениями». Но истинными местными элементами борьбы за автономию в исламских городах в их классическую эпоху были в значительной мере спонтанные взрывы недовольства, не имевшие ничего общего с официальными институтами.

Письменные источники сообщают о разнообразных солидарных связях (*асабия*), которые могли создаваться между разными мелкими группами или фракциями. Сохранившиеся узлы могли связывать племенных кровных родственников, чувство братства могло объединять единоверцев, или же альянсы могли возникать среди подданных одного правителя. Вступали в действие также и связи типа *футува* («группы молодых храбрецов») и *ияра* («группы бродяг»). *Фитьяны* – члены братства *футува* – были враждебно настроены к официальным властям, главным образом в прежних владениях Сасанидов, в таких городах как Куфа, Басра, Багдад и в городах Хорасана. Выступления *фитьянов* были подавлены, но в городах, где не хватало сил правопорядка, они все-таки продолжали сохранять некоторое влияние, иногда добровольно вступая в вооруженные отряды охраны (*иурта*). В провинциях, когда-то бывших владениями Византии, таких как Сирия и Египет, *ахдаты* объединялись под руководством *раиса* («капитана») и, таким образом, самостоятельно формировали действенное городское ополчение.

Айяруны («бродяги») являлись настоящими лицами вне закона – отверженными, лишившимися всех средств к существованию. В их число входили и разорившиеся ремесленники из пригородов таких городов, как Багдад. *Айяруны*, как и *фитьяны*, выработывали свои солидарные связи, проявлявшиеся всякий раз, как только городские власти выказывали признаки слабости по отношению к кражам и грабежу, и грабевали собственные поборы, включая незаконный сбор денег якобы на «защиту» (*химаия*).

Существование городского чувства автономии по отношению к правителям и военным режимам, воспринимавшимся местным населением как чужаки, в основном находило выражение в значении, приобретаемом такими группировками, как *фитьян* и *ахдат*. Ибн Баттута упоминает *сукур* («детей ада») на исламском Западе, которых он сравнивает с *иуттарами* («негодьями») в Ираке и зуарами («разбойниками с большой дороги») в Сирии. Однако рассматриваемые здесь социальные особенности были характерны главным образом для восточных земель.

Объединения

Вне всякого сомнения, исламский мир в своих городских центрах был знаком с организациями по профессиональному признаку (Cabern, 1970) и с другими формами коллективной солидарности. В исламских городах ремесла разных видов занимались территориально в разных кварталах. Поэтому производители дорогих тканей или книготорговцы, как и другие ремесленники и деловые

люди, обычно считающиеся богатыми, вроде ювелиров, банкиров и др., стремились расположить свои лавки ближе к центру города, рядом с главной мечетью. «Грязные» производства, требовавшие большого количества воды, такие как, например, мастерские по окрашиванию тканей и дублению кож, были вынесены на окраины. Торговцы продовольственными товарами могли располагаться в разных кварталах города, в то время как те, чьи торговые операции были связаны с внешним миром, размещались в пригородах или рядом с городскими воротами.

Наряду с частными торговыми предприятиями (некоторые из них могли обслуживать государство на условиях поставок, не облагаемых налогами) существовали и такие, профессиональная деятельность которых была напрямую связана с государством: занимавшиеся общественными работами, обслуживающие арсеналы, верфи военного флота, рудники, монетные дворы или *дар аль-дарб* («дом кузнечного дела»), изготовлявшие папирус и особенно такие мастерские, где ткали *тираз*, т.е. ткани для правителей (Cabern, 1964). Королевские производители ценной продукции имелись во всех столицах государств. В мастерских по изготовлению *тираза* ткали роскошные ткани, шитые золотом и серебром, предназначенные для гардеробов правителя и его свиты. К наиболее прославленным товарам относились «муслин» из Мосула (отсюда и происхождение названия этой ткани) и «дамасские» шелка из столицы Сирии.

Производство сладостей, а также изготовление стеклянных изделий, керамики или дубление кож требовали незначительных рабочих площадей и простых инструментов. Мастерские в этих производствах были организованы по самому элементарному принципу: во главе каждой стоял мастер, окруженный подмастерьями и учениками. Продовольственных лавок было очень много; в них трудились пекари, торговцы специями, мясники, зеленщики, водonoсы, продавцы шербета и кебаба, кондитеры; были и держатели придворных закусокных. Некоторые виды деятельности считались «низкими» (Brunschwig, 1962). К их представителям можно отнести изготовителей грубых тканей, аптекарей, которые ставили медицинские банки, и, в общем, всех цирюльничков-зубодеров, дубильщиков, виноторговцев и др.

Надзор за базарами обеспечивали *мухтасибы*, или «блюстители нравов» (Essid, 1993). Назначение на эту официальную должность производилось *кади*, а не членами базарных профессиональных объединений. Прерогативы и обязанности занимавших данную должность определялись специальным руководством (*хисба*). *Мухтасиб* отвечал за проведение торговых сделок, соблюдение точности мер и весов, за хождение только законных монет. В более крупных городских центрах ему помогали несколько подчиненных. На западе империи такие чиновники назывались *амини* («те, кому доверяют»), а на Востоке – *арифы* («знающие»), причем предполагалось, что они знакомы с соответствующим ремеслом.

Организация торговых операций не имела тех масштабов, какие были, как правило, характерны для объединений типа гильдий. Гильдии обычно определяются как «частная ассоциация, объединяющая мастеров одного ремесла, определяющая нормы, в соответствии с которыми такое ремесло осуществляется, и устанавливающая рамки деятельности ее членов даже вне их обычных часов работы – особенно ту ее часть, которая относится к отправлению членами гильдии религиозных обрядов и их взаимопомощи». Организаций подобного типа в исламском мире не было вплоть до XVI в., вопреки аргументам Л. Масиньона (L. Massignon) и М. Ломбара (M. Lombard). Эти ученые считали возможным признать существование объединений типа гильдий в группах *футува* (Cabern, 1953b; 1955) и в ячейках исмаилитов мистического толка (Marquet, 1961), которые к X в. были широко распространены среди городских мастеров.

Следует однако признать, что большинство видов торговли стали известны нам только из списков имен, составленных

различными средневековыми религиозными учеными (приведенные в них имена часто указывают на связь самих имен с конкретным видом ремесла), и что существуют, безусловно, некоторые свидетельства о наличии по меньшей мере нескольких форм корпоративной солидарности, во всяком случае – в Центральной Азии к XIII в. Но все же вплоть до XVI в. нет смысла говорить о каких-либо особых правилах, составленных для каждого объединения, и о склонности человека к мистицизму, необходимой для того, чтобы быть допущенным в конкретное объединение ремесленников.

Положение женщин

В средневековом исламском обществе женщины играли весьма ограниченную роль (Keddie (ed.), 1992). Тем не менее меры, направленные на некоторое улучшение положения женщин, предусмотренные Кораном и сунной («традицией»), показывают, что их доля в доисламском обществе была еще более тяжелой. После принятия ислама было запрещено умерщвление младенцев-девочек (Коран 16: 57–59) и их право на жизнь было подтверждено в нескольких стихах Корана. Официально женщине всегда отводилась второстепенная роль, но она могла пользоваться определенными четкими установленными материальными гарантиями.

Сура Корана о женщинах разрешает мужчине иметь четыре законные жены и, кроме этого, любое число наложниц, однако требует равенства для всех супругов и хорошего обращения с наложницами (Коран 4: 2–3). Ислам также установил правила вступления в брак вместе с запретом кровосмешения (Коран 4: 22–24). В той же суре Корана перечислены права женщины, касающиеся ее приданого и наследства, и такие нормы для вступления в брак и наследования явились, безусловно, шагом вперед по сравнению с прошлым.

Но эти права, конечно, никак не могли сравниться с правами мужчин. Первый вариант упомянутой суры о женщинах подчеркивает ее подчиненное положение по отношению к мужчине уже в соответствии с самим порядком и обстоятельствами акта Творения¹. Согласно законам *шариата*, женщина должна находиться под защитой покровителя-мужчины – отца, брата или иного кровного родственника; этот же покровитель обладает правом выдать ее замуж с ее согласия. Она должна быть покорной мужу, который, в свою очередь, при этом должен хорошо с ней обращаться и обеспечивать ее содержание. Мужчины обладают преимущественным правом объявлять о разводе. Конечно, женщина тоже имеет право требовать развода в определенных обстоятельствах: при импотенции мужа, психических расстройствах, заболевании проказой или в случае отказа ей в ее правах, но при этом она, в отличие от мужчины, должна обращаться к кади.

Неравенство также проявилось себя в законах о наследовании. В случае смерти супруга вдова получала одну восьмую часть его состояния; остальное делилось между детьми мужа, если он имел таковых, в соотношении две части на каждого сына и одна часть на дочь. Вдова получала четверть состояния покойного, если он не имел детей. Если покойный имел только дочерей, то им доставались две трети наследства (Коран 4: 11–12). Кроме того, в соответствии с шариатом свидетельские показания женщины приравнивались по значимости к половине показаний мужчины, и не имели никакого значения, если исходили только от женщины.

Постоянное заточение женщин в стенах дома являлось наиболее очевидным примером неравного положения. Сама планировка исламского города и исламского жилища диктовалась требованием затворничества женщин. Понятие *харам* (нечто одновременно священное и запретное) являлось основным для распределения общественных и частных мест внутри города. В структуре дома обязательно предусматривалось огражденное, скрытое от взоров пространство – местоположение женщин; сама его архитектура

и планировка служили логике затворничества женщин (Brunschwig, 1947). Если женщина все-таки выходила на улицу, несмотря на повторяемые запреты богословов, она обязана была спрятать лицо за чадрой и облечься в одежды, скрывающие контуры тела (Chapoutot-Remadi, 1995). В таком же виде она должна была появляться в лавках торговцев (*суks*), на кладбищах, в мечетях и на праздниках. В больших городах даже женщины *дхилми* (немусульманки) носили чадру (Talbi, 1994) (илл. 188).

Некоторые из наиболее бедных свободных женщин были вынуждены наниматься на работы в качестве служанок в дома или прядильщицами на ткацкие производства (Abd-al-Raziq, 1973; Schatzmiller, 1994). Женщины-рабыни могли стать певицами, и некоторые пользовались большой популярностью из-за своей красоты и таланта. В среде политической и религиозной аристократии некоторым женщинам, хотя и очень немногим, удалось стать даже правящими королевами (Mernissi, 1990; Chapoutot-Remadi, 1977), тогда как другие оставили свой след в архитектурном облике больших городов, жертвуя средства на возведение мечетей, медресе, мавзолеев и других памятников архитектуры, некоторые из них дожили до наших дней². Иные женщины стали известными благодаря своей учености, особенно как пересказчицы *хадисов*, и их имена включены в крупные биографические словари (Berkey, 1979).

Идеальная женщина, которая главным образом являлась в воображении мужчины-мусульманина, должна быть одной из «избранных», т.е. быть либо одной из жен Пророка (среди них Хадиджа, Хафса, Айша и Мария Коптская), или его родная дочь от Хадиджи Фатима, либо принадлежать к сонму женщин-суфий, которые почитались как святые защитницы, способные даже общаться с Господом. Мавзолеи таких женщин-суфий можно было найти в любом городе, и богословская литература подробно описывает их добродетели. Таким образом, заточенные и скрытые от глаз, многие женщины все же смогли оставить свой след в образах ислама, начиная от героинь арабской любовной поэзии и кончая персонажами сказок, входящими в «Тысячу и одну ночь» (илл. 187).

Миграции

В течение всего средневекового периода исламский мир сталкивался с целыми сериями миграций народов с одной земли в другую. Особо следует отметить перемещения кочевых и полукочевых племен хилали в XI в. и произошедшее в этот же период переселение тюрков-сельджуков, за которыми последовало монгольское нашествие XIII в. (Roux, 1984). Хорошо изучены также две волны миграции берберских племен в направлении Испании и Египта, особенно двух сильных династий берберов, Альморавидов и Альмохадов, которые, выступив из Южного Марокко, завоевали почти весь исламский Запад. Но более мелким миграциям посвящено гораздо меньше исследований – например, переселениям армян и курдов (Ashtor, 1972; Caben, 1971) или даже таким важным перемещениям, как те, в которые были вовлечены целые социальные слои – купцы, ученые или паломники.

На востоке первая фаза арабских нашествий совпала с набегами на Трансоксанию, начиная с VII в., вооруженных групп тюркоязычных племен огузов (Caben, 1988). В XI в. группы огузов, возглавляемые сельджуками, победили династию Газневидов и захватили многие города Ирана. Правитель сельджуков Тугрил Бек вступил в Багдад, положив конец династии Буидов, и установил собственный военный режим, который затем поддерживался его преемниками Альп-Арсланом и Мелик-шахом. Сельджуки захватили также часть Сирии и вторглись в Малую Азию (Caben, 1934).

Вторжение тюрков-сельджуков имело важные последствия для всего исламского мира. Они постепенно захватили Анатолию и укрепили там влияние суннизма. Изменился и социальный баланс (Caben, 1973; 1982) из-за внедрения

турецких военных в общественную среду и переезда большинства турецких правителей из Трансоксании в Месопотамию. Эта первая волна турецкой миграции привела к другим, таким как продвижение хорезмийцев, которые в XIII в. добились недолгого влияния в Западном Иране, и вступление курдов-шахразуридей в тот же период в Сирию.

Второй период миграций связан с нашествием монголов (Роик, 1993), которые в середине XIII в. достигли Сирии. В 1220-х гг. монголы проникли в Иран (Ayalon, 1963; Morgan, 1988), взяли в 1258 г. Багдад и двигались дальше с целью завоевания остального Ирака и Сирии до тех пор, пока их наступление не было остановлено мамлюками у Айн-Джалута в 1260 г. Монгольское нашествие вызвало опустошение в восточном исламском мире. На раннем этапе своего правления монголы, исповедовавшие шаманизм, проявляли терпимость к иным верам, допуская даже укрепление несторианского христианства и буддизма. Однако во второй половине XIII в., вступив на исламские земли, они в массовом порядке приняли ислам (илл. 12).

Первой крупной волной миграции на исламском Западе стало переселение арабов-кочевников племен банухилаль и бану-сулайм, которые двинулись в середине XI в. в Ифрикию (Тунис и часть Алжира), откуда распространились по остальному Магрибу. Эти кочевники происходили из регионов Наджд и Хиджаз (на Аравийском п-ове). Многие их семьи по приказам халифа Хишама из династии Омейядов в 727 г. были выселены в Египет для службы в качестве погонщиков верблюдов. В 978 г. Фатимиды выселили племена хилаль и сулайм в регион Хауф в Верхнем Египте. В середине XI в. фатимидским халифом аль-Мустанширом часть людей этих же племен была послана в Ифрикию по двум причинам: частично с целью наказания своего мятежного зиридского вассала аль-Муиза и частично для вывода этих племен из Египта, поскольку они нарушали там экономическое и политическое равновесие.

Переселение племени хилали втянуло в свою орбиту около 200 тыс. чел. и имело важные последствия для Ифрикии и Магриба. Она оказала влияние на языковую арабизацию и религиозную исламизацию сельской местности Ифрикии, одновременно ослабив режим Зирида, и, таким образом, внесла вклад в рост ряда городов-государств как во внутренних частях страны, так и по побережью. В результате хилальских набегов в районе Ифрикии сократилась доля оседлого сельского хозяйства, но расширилось скотоводство. В экономическом смысле нашествие племен хилали привело к упадку сельского хозяйства и смещению торговых путей к морю³.

В другие нашествия и миграции на Западе оказались вовлеченными этнические группы берберов, хотя и в меньшем количестве. Первыми пришли Альморавиды (Bosch-Vila, 1956), которые хлынули из Западной Сахары и создали империю, занимавшую большую часть Магриба и всю исламскую Испанию, до того времени расчлененную между противостоящими городами-государствами, правители которых на испанском языке назывались *Рейес де Тауфас* («короли группировок»). В XII в. Альморавидов сменила другая берберская династия – Альмохады (Garcin, 1987), которые захватили почти весь Магриб и установили там собственное правление.

ТЕХНОЛОГИИ; МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Способы орошения и сохранения воды

Большая часть территории исламского мира не получала необходимого количества осадков. Некоторые оазисы могли рассчитывать только на временное поступление воды, тогда как другие имели постоянные источники. В первом случае доступ к воде и земле по необходимости был коллективным. Во втором случае вода и земля могли находиться в частной семейной собственности. Отдельный

пользователь, таким образом, получал преимущества от свободного доступа к воде, если система подачи воды принадлежала исключительно ему, но в случае коллективного пользования он должен был ожидать своей очереди.

Иначе обстояло дело в тех оазисах, которые были расположены у подножий холмов и, таким образом, имели постоянный приток воды, питаемый дождями и снегами с их вершин. Именно так дело обстояло в *вади* (руслах пересыхающих рек) в южном Марокко или в Бараде (Сирия) и в Оксе. Но расширение орошения требовало проведения весьма сложных работ.

Во многих оазисах, лежавших на равнинах, могли быть вырыты колодцы, дававшие доступ к подземным водам. В большинстве подобных случаев воду было необходимо поднимать на уровень обрабатываемых полей. Для этого требовалось применять лебедки (вороты), либо черпаки и устройства типа «журавлей», поэтому использовались египетские *шадуфы* или андалусийские и сирийские *нория* (черпаковые подъемники) (илл. 16, 18).

Иная система позволяла организовать подачу подземных вод на поверхность без механических устройств, используя принцип водостока – это было возможно в тех местах, где обрабатываемые земли располагались ниже уровня источника воды. В этом случае прокладывались подземные галереи вверх по склону к источнику воды, по которым вода подавалась вниз на поля и которые одновременно служили для дренажа верхних полей. Это была иранская система, известная как *канат*, которая затем распространилась как на восток, так и на запад по всему исламскому миру. В разных регионах она называлась по-разному: *карез*, *фоггара*, *хеттара* (Goblot, 1979).

Распространение культурных растений

Арабские литературные источники дают широкий спектр видов растений и животных, известных в то время в арабском и исламском мире (Miquel, 1980; Caben, 1977(a); Shapoutot-Remadi, 1974; Bolens, 1974; Marin & Waines, 1994). Можно отметить различия между пристрастиями оседлых жителей и кочевников, а также между «старыми культурами» Средиземноморья, выращенными методами неполивного земледелия (зерновые, оливки, виноград) и завезенными «новыми культурами», которые требовали орошения (рис, сахарный тростник, апельсины, финики). Распространение таких культур было обусловлено способом, которым формировался сам исламский мир – путем связывания двух зон – Средиземноморья и Индийского океана. Эти два типа земледелия – неполивное и поливное – дополняли друг друга и, в свою очередь, создавали высокий спрос в отношении разнообразия продовольственных товаров в городских исламских центрах. Письменные источники подчеркивают разницу между семенами и зернами, которые должны быть посеяны, и теми культурами, урожай которых собирается с кустов.

Рис попал в Средиземноморье из Индии и Нижней Месопотамии, где он был известен еще в дохристианскую эпоху (Canara, 1959). Оттуда рис распространился сначала в долину р. Иордан, где обеспечивалось орошение водой из этой реки, а также в Файюм и другие оазисы Египта, в Йемен, в иранскую часть Хузистана, в регион вокруг Каспийского моря, в Хорасан и другие части Центральной Азии, в марокканскую долину Суси, наконец, на испанские низменности по берегам р. Гвадалкивир и вокруг Валенсии.

Сахарный тростник распространился с востока на запад как в жаркой, так и в более умеренной зонах. Завезенный из Индии в Месопотамию в VI в., он на волне распространения ислама в конце VIII в. достиг Египта, где под плантации сахарного тростника были отведены самые плодородные земли (Ashtor, 1972). Его выращивали на побережьях Каспия, Аральского моря и Персидского залива, а также в Хорасане, Хузистане, Фарсе, Кермане, вдоль си-

рийско-палестинского побережья, в Йемене, на Сицилии, в Испании (в долине р. Эбро) и в Марокко.

Огородные растения, кустарники и цветочные растения являлись характерными для исламского земледелия и были распространены по всему Средиземноморью. В первую очередь следует упомянуть дыни, арбузы, огурцы и тыквы, которые в конечном итоге прижились и в Западной Европе около 1400 г. Бобовые культуры возделывались главным образом в Египте, в Сирии-Палестине. Приправы вроде перца, тмина, гвоздики, шафрана, горчицы, кунжута и имбиря в основном поставлялись из Индии. В садах и огородах выращивались также разнообразные лекарственные растения. Сырьем для изготовления благовоний служили сандаловое дерево, нард, мускус, янтарь и ладан, которые поступали из Аравии. Духи получали из цветов. Фарс была родиной розового масла, которое экспортировалось в Китай, страны Магриба и Индию.

Оливки выращивались в Ифриики, Сирии и Испании, оливковые плантации распространились также и в Марокко. Египет кроме этого потреблял иные виды растительного масла – кунжутное, сурепное, льняное, касторовое и горчичное.

Финиковая пальма происходила из Месопотамии, и там располагались самые большие рощи. Но еще в доисламскую эпоху финиковая пальма была завезена на юг Сирии, в Египет и на юг Туниса. В исламский период ее успешно начали выращивать в Северной Сирии, на Сицилии, в Испании и Западной Сахаре.

Виноград в Средиземноморье возделывался повсеместно, но основными местами производства являлись Палестина, Северная Сирия, Дельта Нила, ифрикийская сахель (тунисские степи к северу от Сахары) и Южная Испания.

Фруктовые деревья росли везде, где позволяла почва и орошение, их было много в зеленых поясах вокруг городов. Апельсиновые и лимонные деревья попали из Индии в Оман, отсюда они распространились в Месопотамию, и затем в X в. в Сирию, откуда их завезли на Сицилию, юг Марокко, в Малагу в Испании, Египет и в Киренаику (историческая область в Ливии. – *Прим. ред.*). Редчайшие и наиболее экзотические виды доставлялись из отдаленных регионов для посадок в королевских садах. Испания ввозила фруктовые деревья из Персии и Сирии, а Каир – из оазиса Гута близ Дамаска. В садах в большом количестве росли также шелковицы – их выращивали не только из-за плодов, но также из-за листьев, которыми кормились гусеницы тутового шелкопряда, из коконов которого получали натуральный шелк.

Из других промышленных культур в Месопотамии, прикаспийских низменностях, в Египте (особенно в оазисе Файюм), в Магрибе, на Сицилии и в Испании широко культивировался лен (*Lombard, 1978*). Хлопок выращивался от Марокко до Систана (юго-запад Афганистана) с высокими урожаями на таких территориях, как Сирия. Красители получали из хны, шафрана, сафлора и марена. Таким образом, желтые, оранжевые и красные цвета могли быть получены почти везде. Кустарники индигоферы произрастали вдоль берегов Нила, и отсюда во многих исламских языках появилось название голубого цвета – *нила*.

Распространение видов животных

Одногорбый верблюд, или дромадер, стал известен человеку примерно на тысячу лет позднее его двугорбого центрально-азиатского собрата: имеются свидетельства о его существовании в Аравии между XVI и XIV вв. до н.э. (*De Planhol, 1993; Bulliet, 1975; Hill, 1975*). Однако домашний дромадер широко распространился в Северной Африке только в первые века н.э. В VIII – XI вв. зоны использования верблюдов пролегли между Центральной Азией, Ираном и Месопотамией, с одной стороны, и Аравией, Эфиопией, Нубией и Западной Сахарой – с другой. Затем верблюд появился в Северной Сирии, Малой Азии, южнорусских степях, в Ис-

пании и западноафриканском Судане. В разных регионах в соответствии с разными целями применения выводились, разводились и выращивались более крупные или более мелкие животные, способные переносить различные объемы поклажи (илл. 182–184).

Персидская порода лошадей была распространена в районе Персидского залива и в Индии (*Lombard, 1978*). Обычную лошадь можно было встретить в любой стране Средиземноморья. Тюркско-монгольская лошадь проделала путь до Китая, а также в Восточную и Западную Европу, в то время как сирийская лошадь была завезена в Наджд, а оттуда также к Персидскому заливу, в Индию и средиземноморские земли (илл. 12). Осел распространился так же широко, как и лошадь. Лучших ослов выращивали в Египте, откуда их продавали в Магриб (илл. 11).

Овец разводили повсеместно там, где это вызывалось нуждами текстильного производства, и их число множилось на пастбищах Плодородного Полумесяца, в Трансоксании и на Иранском нагорье. Испанские меринеры, название которых происходит от династии Меринидов (Бану Марин) в Марокко, появились в результате скрещивания марокканских и испанских видов и давали отличную шерсть, на которую в Европе был большой спрос. Испанцы заимствовали у берберов систему, которая превратилась в христианской Испании в *Месту* – объединение крупных овцеводов, преимущественно феодалов. Естественно, разведение овец не происходило без ущерба растениеводству и лесам, особенно для последних (члены Месты имели право на вырубку лесов на пути следования овец при перегонах стад. – *Прим. ред.*). Испанская Места ответственна за уничтожение значительной части растительности.

Климатические особенности ограничивали разведение крупного рогатого скота, хотя он встречался на атлантических равнинах Марокко, в алжирских *теллах*, в Испании и Египте, откуда он поставлялся в Иран, Азербайджан, Армению и Хузистан. Индийские буйволы обрели новую родину на болотистых равнинах Нижнего Ирака, куда они попали вместе с *зуттами*, или цыганами. Буйволы распространились даже до долины р. Оронт в Северной Сирии (илл. 18, 185).

Восточные и средиземноморские сады: их распространение в Европе

«Сады ислама» являются выдающейся особенностью мусульманской цивилизации. Везде в Коране явственно проступают образы садов как «земли обетованной». Согласно Марсэ (*Marçais, 1957*), садоводческое искусство распространялось вместе с исламом с востока на запад и, особенно, из Персии в Ирак и далее в Испанию. Как представляется, ислам заимствовал садоводческие приемы разбивки кустарниковых и орошаемых плантаций из Персии вместе со способом полива *канат*. Отсюда же берут начало аббасидские сады развлечений в Самарре и такие же сады у Фатимидов в Каире, Аглабидов и Фатимидов в Кайруане и Хафсидов в Тунисе. Все эти сады сравнимы по великолепию с королевскими парками. В их середине располагался *бифка*, или пруд, который служил как для орошения, так и для украшения, на нем были прогулочные лодки.

При Омейядах в качестве поместья халифа или резиденций господ, видимо, в Андалусии, появилась *муния*, или «мечта», – вид усадьбы с плантацией, которая располагалась на окраине города. Земельную собственность господ, которая доставляла им «как удовольствие, так и урожай», называли *рахаль*. Любые из подобных андалусийских поместий могут быть сравнимы с королевскими парками в иных местах (*Barrucand, 1988; Lagardère, 1993*). В современном испанском языке «андалусийский сад» во всех его аспектах определяется как *уэрта*, т.е. и как плодовый сад, и как сельскохозяйственное угодье.

Египетские *гаиты* (*ghayf*) или *бустаны* в значительной степени напоминали *агдали* марокканских берберов, поскольку эти усадьбы также сочетали в себе сад и плантацию (*Bebrens-Abouseif*, 1992). Усадьбы типа *рияд* (мн.ч.) или *равда* (ед.ч.) встречались как в Северной Африке, так и в Андалусии, но не в Египте. Скорее их можно было называть «городскими садами», поскольку они служили для украшения внутреннего пространства в архитектуре жилых строений (илл. 187).

Инфраструктура торговых путей: караваны, порты и суда

При рассмотрении данного вопроса следует разделить морские пути в Средиземном море и Индийском океане и наземные маршруты. Существовала также восточная и юго-восточная торговля, а также торговля западная и африканская.

Главными портами в Персидском заливе, по крайней мере до начала XI в., являлись Басра, Сираф и Ормуз, а затем Сухар и Маскат. Мореплавателями были в основном арабы из Омана и Ирака, а также персы. Они плавали в порты на Малабарском берегу и в Шри-Ланке и далее до Малакки в порт Кала (к северо-западу от современного Сингапура), до Индокитая и даже до китайского порта Гуанчжоу (Кантон, «Зайтун» по-арабски).

Вдоль этих морских путей на побережьях возникали мусульманские колонии. Купцы везли из дальних краев древесину алоэ, тика, цезальпинию, а также фарфор и малазийское олово. На обратном пути суда плыли прямо из Индии в Аравию или же двигались в обход, вдоль восточных берегов Африки, прежде чем вернуться в Персидский залив. В Восточной Африке купцы из земель у Персидского залива старались держаться вместе, собираясь в торговых портах вдоль побережья или на прибрежных о-вах, лежащих далеко на юге – на Занзибаре, Коморах и Мадагаскаре (илл. 200).

В Красном море существовали давние связи между Йеменом, Эфиопией и Сомали. Суда ходили на север до Джидды, которая служила портом для Мекки и Медины, и в сезон паломничества была наводнена толпами людей. Египетские купцы попадали в Джидду через порт Айдхаб на Красном море предварительно совершив переход через пустыню из Куса на Ниле. Суда из двух заливов Кулзум и Вайла (по обеим сторонам Синайского п-ова) также добирались до Джидды, после чего, держась берега, огибали Аравию и достигали Басры. Двумя портами, игравшими на этом пути главную роль, были Аден в Йемене и Сухар в Омани, и оба рассматривались как «передняя Китай» (*Miquel*, 1980).

Следующим по важности за этим великим морским путем следует считать наземные маршруты, пересекавшие Азию и состоявшие, главным образом, из двух больших транспортных сетей. Так называемый Великий шелковый путь связывал Китай и Средиземноморье, принизывая всю Азию с востока на запад через цепь оазисов. Он шел от Ирана в Ирак через Багдад и Мосул, далее в Алеппо, где маршрут разделялся на два направления: в сторону городов в долинах Сирии и на Константинополь.

Вторым великим торговым путем являлся более северный «Меховой путь», заканчивавшийся в лесах Польши, Руси и Сибири. Клады аббасидских и особенно саманидских монет, которые были найдены на берегах Балтики и в Скандинавии, подтверждают важность торговли, которая поставляла рабов и меха в исламский мир (илл. 193, в).

На дальнем Западе империи морские пути вели с Атлантического побережья Марокко через Гибралтар в Средиземноморье. Андалусия соединялась с Марокко сетью перекрещивающихся морских маршрутов и, кроме того, по суше торговые пути пролегали в государство Каролингов в Галлии. Как иудейские купцы, так и испанские купцы-христиане (*мозарабы*) проходили через города на севере

Испании, чтобы достичь страны галлов. В X в. распространилось мусульманское пиратство; пираты обогащались в основном при набегах на побережья Прованса и Италии. В центральном Средиземноморье суда, отплывавшие из Ифрикии, достигали Сицилии и Египта.

С целью защиты своего королевства Аглабиды укрепили восточное побережье Туниса фортами (*рибатами*) и сторожевыми башнями (*махариссами*), которые служили также военными базами во время походов. Эта тенденция была подхвачена Фатимидами в Тунисе, где они основали крепость Махдия, подкрепив в какой-то мере свою роль над Средиземноморьем. Итальянские порты Неаполь, Гаэта и Амальфи поддерживали торговые связи как с побережьем Северной Африки, где они основывались на работе, так и с Византией. Кроме того, Константинополь был связан с Северной Италией через Грецию и Адриатику.

Наземные маршруты связывали Египет через Ифрикию с остальным Магрибом, и множество путей пересекало Северную Африку с востока на запад. Кайруан стоял на перекрестке крупнейших из этих путей. Такие города, как Тахерт и Сиджильмаса являлись отправными пунктами для торговых караванов, следовавших через пустыню в Черную Африку, где соль и товары ремесленников обменивались на золото и рабов. В результате этой торговли расцвели несколько южных городов в Магрибе – Агмат, Тамдул, Тозер и Тубна. Заметное благосостояние Тахерта было подорвано расцветом Сиджильмасы в X в., когда Фатимиды распространили свое влияние на Центральный Магриб (илл. 192, г).

Мусульманские купцы в эту раннюю эпоху контролировали большинство торговли, однако Ибн Хурдадбек (начало IX в.) сообщает, что такой северный товар, как рабы и меха в исламский мир поставляли купцы из Руси, да и иудейские купцы, известные под названием «радханиты» (*«Radhanites»*), в то время тоже были весьма активны. Существование и происхождение этой группы торговцев вызвало много споров. «Радхан» – это название района Савад к востоку от р. Тигр – часть Ассирии, принявшая христианство, и Вавилон назывались «страна Радхана». Изначально «радханитами» могли являться иракские иудеи, которые позднее осели в Нарбонне в империи Каролингов, где получили особый статус: знание многих языков позволяло им свободно перемещаться и проникать в исламский мир, достигая даже Восточной Азии и, таким образом, связывать Восток и Запад.

В XI в. сформировалась ось Фустат – Мазара – Махдия – Альмерия, приносящая значительные выгоды Андалусу (исламской Испании). Вдоль этой линии после длительного периода расцвета пиратства возродилась средиземноморская торговля. Поскольку в этот период главным пунктом контактов между исламским миром и Византией остался лишь Трапезунд (Трапезунд) на пути в Армению, купцы из Амальфи, двигавшиеся по линии Фустат – Альмерия, установили связи с Ифрикией и исламской Сицилией, и учредили торговую базу в Каире, откуда они вели оживленные дела с Египтом.

Это возрождение средиземноморской торговли, возможно, было связано с изменениями на азиатских торговых путях. После 870 г. торговля сместилась к линии побережья Фарса и приносила наибольшие прибыли Сирафу, откуда велись поставки в Шираз, и Ормуз. Но когда карматы, обосновавшиеся в Бахрейне, прервали этот маршрут и быстро убили здесь торговую активность, торговцы ушли из Персидского залива и перенесли свои пути в Красное море, используя порт Аден в качестве перевалочного пункта. Товары из Восточной Азии разгружались в Адене, переправлялись морем в порт Айдхаб, откуда по суше доставлялись в Фустат и далее в Средиземноморье. В XIV в. открытие порта Кусейр (Эль-Кусейр) на египетском побережье Красного моря позволило использовать суэцкий маршрут. Меховые пути приходили в упадок в результате турецкого давления на Трансоксанию и Хорезм и возникновения нового центра политической власти – Газни на путях в Индию, куда теперь направлялись купцы. Азиатские

торговые пути постепенно начинали сходиться в Египте, новом центре Леванта и неизбежном теперь перекрестке торговых маршрутов между Востоком и Европой до начала эпохи Великих географических открытий.

Путешественники передвигались караванами или же собирали морские конвои. Исторические источники сообщают о перевозках товаров на верблюдах или мулах, для которых было достаточно самых простых дорог. Наземная перевозка грузов в исламском мире осуществлялась в основном выючными караванами, а не колесным транспортом. Були (Bulliet, 1975) показывает, как применение верблюдов вытеснило использование колеса еще в доисламскую эпоху и придерживается той точки зрения, что само по себе это не являлось признаком регресса, поскольку давало экономические преимущества от использования этого выючного животного как вида транспорта. Вместе с тем колесные повозки исчезли не везде – они продолжали применяться там, где позволяли природные условия и климат.

На наиболее оживленных торговых путях, особенно рядом с большими городами, для защиты купцов и их товаров были построены караван-сарай, известные в Сирии как *хань*, в Египте как *викалы* и в Магрибе как *фундуки* (рис. 26). В городах Магриба для хранения особо ценных товаров служили *кайсариш*. Много подобных зданий было выстроено правителями и знатными гражданами, и доходы, которые они приносили, откладывались как *вакф*, или благочестивые пожертвования для поддержания религиозных учреждений (мечетей, медресе или *завийя*).

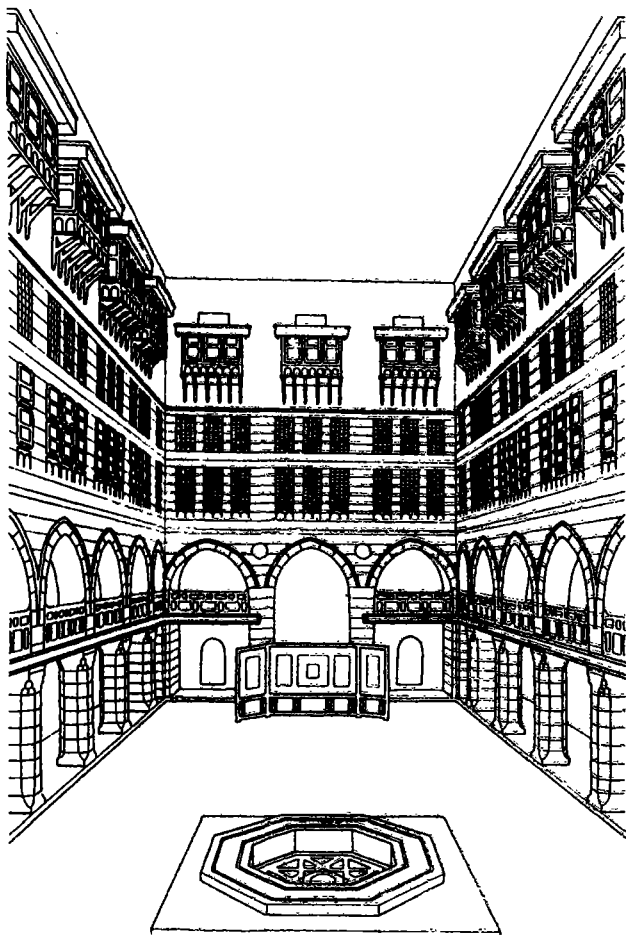

Рис. 26. Схема внутреннего двора *фундука*, или *хана*, постоянного и торгового двора для караванов, купцов и склада их товаров; Каир, XV в. Термин «караван-сарай» происходит от персидского словосочетания, означающего «убежище для караванов». На нижнем этаже располагались животные и товары, купцы жили на верхних галереях (по Gabrieli et al., «Maometto in Europa», Верона, 1983, р. 78)

Кроме того, через некоторые реки были построены мосты (Al-Hassan & Hill, 1986).

Морская торговля зависела от сезонных ветров – муссонов на Индийском океане при плаваниях в Индию и Китай. Зафрахтованные для плавания в Индию корабли из Персидского залива отплывали в январе и возвращались в июле.

Перевозки товаров по Красному морю начались в основном после X в. (Cabern, 1969; Serjeant, 1978 (b)). Главной гаванью здесь был Аден, расположенный на южном побережье Аравийского п-ова. Сюда приходили суда из Индии, а также джонки из Китая, товары с которых затем перегружались на арабские суда, курсировавшие по Красному морю. В северной его части навигация была опасной из-за ветров и рифов, поэтому обычно эти суда предпочитали швартоваться в Айдхабе на африканском побережье, откуда караваны верблюдов отправлялись с товарами в 15-дневный путь в Асуан и Кус. Там товары перегружались на речные суда, следовавшие по Нилу до Каира и далее в Средиземное море.

Когда суда христианских стран заходили в порты Александрии, Дамьетты (Думьят), Тинниса, Розетты (Рашид) или в Настару, составлялись списки пассажиров и товаров. Товары разгружались и перевозились в *фундуки*. Иноземцы, как правило, размещались в этих портах и платили акцизный сбор, обычно равный десятине.

Арабы сыграли ключевую роль в развитии мореплавания, привнеся на Запад такие усовершенствования, как латинский парус, первоначально использовавшийся на судах на Красном море, магнитный компас, изобретенный в Китае, морские навигационные карты, которые южные европейцы знали как *порталаны* (Fabri, 1973; Al-Nakbini, 1974; Charpoutot-Remadi, 1995) (илл. 21, 22).

Денежная система

Исламская денежная система была основана на монетах, чеканившихся из одного из двух металлов: на серебряном стандарте, который был унаследован от серебряной *драхмы* Сасанидов, и на золотом стандарте, который являлся наследием золотого византийского *солида*, или *номизмы* (Ehrenkreutz, 1959; 1963). Эти системы были переняты у прошлого и продолжали действовать до того, как омейядский халиф Абд аль-Малик не предпринял настоящую денежную реформу, приведя все монеты, находившиеся в обращении, либо к стандарту серебряного *дирхема* (2,97 г), либо золотого *динара* (4,25 г), чеканные надписи на которых были сделаны на арабском языке, а символика выполнена в соответствии с канонами ислама (Grierson, 1960; 1979; Cabern, 1982 (b)). Первые золотые монеты были отчеканены в Сирии и Египте, а первые серебряные – в Ираке. Новые монеты постепенно распространились по всему исламскому миру, а *динары* дошли даже до Южной Руси и Западной Европы.

Эти два вида монет помогли увязать до тех пор изолированные денежные системы и постепенно ввести двойной, или «биметаллический» (золото и серебро), стандарт по всему Средиземноморью. К концу IX в. *дирхем* составлял 7/100 *динара*, а стандартное соотношение при обмене золота и серебра было установлено как 1:10.

Однако к X в. девальвация золота и серебра привела официальную монетную систему к абстрактному, идеальному стандарту: теперь деньги были разными в разных регионах. В то время как серебряные монеты стали нормой на тех территориях, которые ранее являлись частями империи Сасанидов (Ирак, Иран, Афганистан и Центральная Азия), а также в Испании, золотые монеты распространились на бывших территориях Византии (Сирия, Египет) (Cabern, 1984) и в Северной Африке, а также в Аравии. Официальные разменные монеты, *филы*, чеканились из меди и бронзы по византийскому образцу. Эти медные монеты служили для небольших каждодневных операций, *дирхемы* применялись для более значительных торговых сделок, а *динар*,

эталонная монета всего средневекового исламского мира или «доллар средних веков» (Cipolla, 1956), предназначался главным образом для выплаты таких крупных сумм, как дань провинций или налоговые сборы.

Монетные дворы существовали как в столицах империи, так и в крупных провинциальных центрах. В каждом из них усердно трудились плавильщики, чеканщики и граверы. Из-за притока золота в исламский мир в виде добычи от завоеваний, способствовавших возврату части желтого металла в оборот, а позднее – особенно из-за торговли суданским золотом (Caben, 1981), в X в. фактор золотого запаса стал преобладающим. На этом фоне сфера использования серебра сужалась, несмотря на разработку серебряных рудников в Гиндукуше, до той поры пока в XIII в. не наметилась обратная тенденция.

Помимо этого, вклады в виде монет способствовали развитию банковской системы и повышению роли банкиров. Последние стремились к четкому функционированию своих денежных лавок в городах и усовершенствовали систему кредитования посредством улучшения технологий обмена денег, применяя обменные аккредитивы, комиссионные и долговые векселя, и отсюда пошли такие итальянские технологии, как *камменда* (Udovitch, 1970). Термин арабских банкиров для обозначения долговых расписок или векселей (*сажж*) дошел до наших дней как слово «чек» (илл. 190–194).

Денежное обращение и проблемы торговли между Европой и Востоком

Вначале исламский мир имел немного собственных золотых приисков – только в Аравии и на границах Армении. В Азию золото поступало с Кавказа, Урала, Алтая, Тибета и из Туркестана. Но гораздо больше его попадало к мусульманам из *Билад аль-Судана* (или Страны Чернокожих), т.е. со всей части территории между Нилом и Красным морем – из Нубии-Эфиопии, а также из Западной Африки. Кроме того, исламский мир добывал собственное серебро в копиях Испании, Северного Ирана, Афганистана и Центральной Азии. Медь добывалась в Центральной Азии и на Кавказе, в Верхней Месопотамии, на Кипре, в нагорье Кабиле в Алжире, в долинах Дра и Сус в Марокко и в Испании. Однако олово (арабское название *касдир* от греческого *касситерос*) приходилось доставлять из двух основных внешних источников – с Британских о-вов и из Малайзии, чей продукт был известен как *калай*.

Касаясь торговли в этот период между Европой и Востоком, историки и нумизматы вступают в чрезвычайно оживленные споры (Ломбар, 1971b)⁴. Принять чью-либо сторону весьма сложно ввиду неточности данных. В любом случае здесь следует выделить несколько региональных торговых связей: между Центральной Азией и Восточной Европой; между Йеменом и Индийским океаном; между Ближним Востоком и Византией; между Магрибом и Чёрной Африкой; наконец, связь Северной Африки и Испании с Сицилией и остальной средиземноморской Европой. Таким образом, следует отказаться от упрощенной версии торговли только по трем направлениям лишь между тремя сторонами – исламским миром, Византией и Западной Европой с циркуляцией различных драгоценных металлов и денег только между ними. Вместо этого следует обратить внимание на чрезвычайно разнообразные экономические зоны, которые различались по своей сути.

К концу VI в. чеканка золотых монет на Западе стала меняться, сами монеты отходили от византийских образцов. Позднее, в VIII в., там же проявилась обратная тенденция, а серебро стало использоваться вместо золота.

Находки в Италии и Англии арабских золотых монет, датированных периодом между 750 и 870 гг., и арабских серебряных монет в Швеции, относящихся ко времени после 890 г., свидетельствуют о том, что исламская экспансия

несомненно способствовала общему оживлению денежных отношений в Западной Европе. Окончание притока африканского золота как результат арабских набегов в Средиземноморье могло послужить толчком к пересмотру Западом своих возможностей и экономических нужд, что привело к чеканке собственных серебряных *динариев*. В любом случае, существование некоей формы торговли, базирующейся на различной котировке золота и серебра, маловероятно, поскольку в этот период расширение присутствия исламского золота на Западе отмечено вполне определенно. Обращение золотых *динаров* подтверждается не только многочисленными находками подобных монет по всей Западной Европе, но и упоминаниями в текстах, датированных временем между 770 и 970 гг., особенно в Италии и в Англии.

В скандинавский мир восточные арабские монеты попадали между 870 и 930 гг., причем в огромных количествах: 200 тыс. таких монет были найдены на берегах Балтийского моря, в России и особенно в Швеции (60 тыс. только на одном о. Готланд); 25 тыс. монет обнаружены в Польше и 4 тыс. – в Дании. Монеты поступали из Багдада или из Центральной Азии, находившейся под властью Саманидов и были связаны с серебряными копиями в Шаше (район современного Ташкента в Узбекистане) и в Панджшерской долине (Афганистан), что позволяет сделать вывод о том, что в этом направлении был открыт новый торговый путь.

Увеличение числа таких монет в обращении на Западе в конце X в. подтверждает сосуществование в Европе различных денежных традиций. Испания и Южная Италия, остававшиеся встроенными в средиземноморский мир, были знакомы с монетной системой, основанной на различных металлах и отчеканенных как по византийским, так и по исламским образцам. В то же время остальная Европа оставалась верна исключительно серебряному стандарту. Этот период окончился на Западе только с постепенным возвратом к чеканке золотых монет с 1252 г. в Генуе и Флоренции и с 1285 г. в Венеции (илл. 190–194).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неравенство мужчины и женщины, согласно акту Творения, было доминирующей точкой зрения и в средневековом христианстве (Delumeau, 1978).

² Как, например, мавзолей королевы Чагарат аль-дурр в Каире, построенный ею самой, и многие другие религиозные памятники времен Айюбидов и мамлюкских султанов в Дамаске и Каире. Можно также отметить мечеть и медресе, построенные принцессой Атф в Тунисе в период Хафсидов.

³ Количество материалов о хилали постоянно увеличивается, и проблема вызывает оживленные дебаты (Caben, 1971; Berque, 1978, p. 53–67; Daghfous, 1977; 1995).

⁴ См. также идеи бельгийского историка Пиренна (H. Pirenne), который утверждает, что арабские завоевания вызвали серьезное нарушение средиземноморской экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 'ABD AL-RĀZIQ, A. 1973. La femme au temps des Mamluks. Institut français d'archéologie orientale. Cairo.
 ABDELKEFI, J. 1989. La Médina de Tunis. Paris.
 'ABDUL LATIF 'ABDULLAH IBN DUHAISH. 1989. Growth and Development of Islamic Libraries. Der Islam, LXVI/2, pp. 289–302.
 AL-'ARĪNĪ AL-BĀZ. 1956. Al-Iqā' al-harbī zaman salaṭīn al-Mamlūk. (The War Fief of the Mamlūk Sultans). Cairo.
 ARNALDEZ, R. 1991. Les théories classiques de la guerre sainte, Les religions et la guerre (Judaïsme, Christianisme, Islam). Paris, pp. 375–385.
 ASHTIANY, J. et al. (eds). 1990. Abbassid Belles Lettres. Cambridge University Press, Cambridge, New York.

- ASHTOR, E. 1956. L'administration urbaine en Syrie médiévale. *Revista degli Studi orientali*, 31, pp. 71–128.
- 1958. L'urbanisme syrien à la basse époque, *Revista degli Studi orientali*, 33, pp. 181–209.
- 1972. Migrations de l'Irak vers les pays méditerranéens. *Annales ESC*, XXVII, No. I, pp. 185–214.
- 1976. *A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages*. London.
- ATYA, A. S. 1968. *History of Eastern Christianity*. London.
- AYALON, D. 1951. *Lesclavage du Mamelouk*. Jerusalem.
- 1961. *Furusiyya Exercises and Games in the Mamluk Sultanate*. *Studies in Islamic History and Civilization, Scripta Hierosolymitana*, Jerusalem, Vol. IX, pp. 31–62.
- 1963. The European Asiatic Steppe: A Major Reservoir of Power for the Islamic World. *Proceedings of the 25th Congress of Orientalists, Moscow*, II, pp. 47–52.
- BARRUCAND, M. 1988. Gärten und gestaltete Landschaft als irdisches Paradies: Gärten im westlichen Islam. *Der Islam* 65/2, pp. 244–267.
- BEESTON, A. F. L. et al. (eds) 1983. *Cambridge History of Arabic Literature: Arabic Literature to the End of the Umayyad Period*. Cambridge University Press, Cambridge, New York.
- BEHRENS-ABOUSEIF, D. 1992. Gardens in Islamic Egypt. *Der Islam*, 69/2, pp. 302–312.
- BELKHODJA, M. H. 1992. Guerre et paix dans l'optique de la tradition musulmane: Les religions et la guerre. *Der Islam*, pp. 357–371.
- BERARDI, R. 1979. Espace et ville en pays d'Islam. In: D. CHEVALLIER (ed.) *L'espace social de la ville arabe*, Paris, p. 107.
- BERKEY, J. 1979. Women and Islamic Education in Mamluk Egypt. In: D. CHEVALLIER (ed.) *Women in Middle Eastern History, L'espace social de la ville arabe*, Paris, pp. 143–163.
- BERQUE, J. 1958. Cité éminente, les villes. *Ecole Pratique des Hautes Etudes*, Paris, pp. 50–63.
- 1978. Les Hilaliens au Maghreb. De l'Euphrate à l'Atlas, I. *Espaces et moments*, Paris, pp. 53–67.
- BOLENS, L. 1974. Les méthodes culturelles au Moyen Âge d'après les traités d'agronomie andalous: traditions et techniques. Geneva.
- BOSCH-VILA, J. 1956. *Les Almoravides*. Tétouan.
- BOSWORTH, C. E. 1967. *Military Organization Under the Buyids*. *Oriens*, XVIII–XIX.
- BRUNSCHVIG, R. 1947. Urbanisme médiéval et droit musulman, *Revue des études islamiques (REI)* (reprinted in *Mélanges d'Islamologie*, Vol. II, 1976, pp. 7–36).
- 1962. Les métiers vils en Islam. *Studia Islamica (SI)*, Vol. XVI, pp. 41–60 (reprinted in *Etudes d'Islamologie*, Paris 1976, Vol. I, pp. 145–166).
- BULLIET, R. W. 1975. *The Camel and the Wheel*. Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- CAHEN, C. 1934. La campagne de Manzikert d'après les sources musulmanes. *Byzantion*, IX, pp. 613–642.
- 1953a. L'évolution de l'iqta' du IXe au XIIIe siècle, *Annales ESC*, pp. 25–52.
- 1953b. Notes sur les débuts de la futuwwa d'al-Nasir. *Oriens*, VI, pp. 18–22.
- 1955. Mouvements et organisations populaires dans les villes de l'Asie musulmane au Moyen Âge: milices et associations de futuwwa. *Recueils de la Société Jean Bodin*, VII, La ville, pp. 273–288.
- 1960. Réflexion sur l'usage du mot féodalité. *Journal of Economic and Social History of the Orient (JESHO)*, III, pp. 2–20. Leiden.
- 1964. Un texte inédit relatif au Tiraz égyptien. *Arts Asiatiques*, XI, pp. 165–168 (reprinted in *Makhzumiyat*, pp. 190–193).
- 1965. Y a-t-il eu des corporations professionnelles dans le monde musulman classique? Quelques notes et réflexions. In: HOURANI, A. H.; STERN, S. M. (eds) *The Islamic City, Proceedings of the Oxford Symposium*, Oxford, 1970, pp. 51–63.
- 1966. Le commerce musulman dans l'Océan Indien au Moyen Âge, Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. 8th Maritime History Symposium, Beirut, Service d'Édition et de Vente des Publications de l'Éducation Nationale, Paris, 1969, pp. 179–193.
- 1970a. *L'Islam des origines au début de l'empire ottoman*. Paris. (reprinted 1995).
- 1970b. *L'immigration persane des origines de l'Islam aux Mongols*, *Convegno internazionale sul tema: la Persia nel Medioevo*, Roma. *Atti del Accademia Nazionale dei Lincei*, CCCLXVIII, No. 160, Rome, 1971, pp. 181–193.
- 1971. Notes sur les Hilaliens et le nomadisme (Miscellanea). *JESHO*, XIV, pp. 63–68.
- 1973. Nomades et sédentaires dans le monde musulman du milieu de moyen âge. In: RICHARDS, D. S. (ed.) *Islamic civilization, 950–1150*. Oxford, pp. 93–104 (reprinted in *Les Peuples Musulmans*, pp. 423–437).
- 1977a. *Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale*. Damascus.
- 1977b. *Makhzumiyat, Etudes sur l'histoire économique et financière de l'Égypte médiévale*. Brill, Leiden.
- 1981. *L'or du Soudan avant les Almoravides: mythe ou réalité. Le sol, la parole et l'écrit, Mélanges en hommage à Raymond Mauny, Société française d'Outre-Mer*, Paris. Vol. II, pp. 539–545 (first published in *Revue française d'histoire d'Outre-Mer*, 66, 1979, pp. 169–175).
- 1982a. Le rôle des Turcs dans l'Orient musulman médiéval. Le cuisinier et le philosophe, *Mélanges Maxime Rodinson*, Paris, pp. 97–102.
- 1982b. Deux questions restées sans réponse sur la réforme monétaire de 'Abd al-Malik. *Mélanges offerts à Raoul Curjel, Studia Iranica*, XI, pp. 61–64.
- 1983. *Orient et occident au temps des croisades*. Paris.
- 1984. La circulation monétaire en Égypte des Fatimides aux Ayyubides. *Revue numismatique, 6th series*, XXVI, pp. 208–217.
- 1988. *La Turquie pré-ottomane*. Institut français d'études anatoliennes, Istanbul and Paris.
- CANARD, M. 1959. *Le riz dans le Proche-Orient*. *Arabica*.
- CHALMETA, p. 1973. *El Señor del Zoco en España*. Instituto Hispano-árabe de cultura, Madrid.
- CHAPOUTOT-REMADI, M. 1974. L'agriculture dans l'empire mamluk d'après al-Nuwayri. *Cahiers de Tunisie*, pp. 23–45.
- 1977. Chagarat al-durr, esclave mamluke et sultane d'Égypte. *Les Africains*, Paris, pp. 101–128.
- 1995a. Femmes dans la ville mamluke. *JESHO*, pp. 145–164.
- 1995b. La médecine, un maillon entre Orient et Occident. In: ANNABI, H.; CHAPOUTOT-REMADI, M.; KAMMARTI, S. (eds) *Itinéraire du savoir, les temps forts de l'histoire tunisienne*, CNRS-ALIF-IMA, Paris.
- 1996. Liens et relations au sein de l'élite mamluke sous les premiers sultans bahrides, (648/1250–741/1340). Damascus.
- forthcoming. *Les esclaves musiciennes: l'époque mamluke*. *Mélanges 'Abd al-'Aziz al-Duri*.
- CIPOLLA, C. 1956. *Money, Price and Civilization in the Mediterranean World*. Princeton.
- COOPER, R. 1977. *Agriculture in Egypt, 640–1800, Geschichte der islamischen Länder, Handbuch der Orientalistik*, Leyde-Cologne, pp. 188–204.
- CRONE, p. 1981. *Slaves on Horses*. London.
- DAGHFOUS, R. 1977. Contribution à l'étude des conditions de l'immigration des tribus arabes (Hilal and Sulaym) en Ifriqiya. *Cahiers de Tunisie*, Nos. 94–98, pp. 23–60.
- 1995a. La migration des Hilaliens au Maghreb et ses répercussions (in Arabic) *Histoire de la nation arabe*. Alecco Publication, Tunis.
- 1995b. *Le Yaman islamique des origines jusqu'à l'avènement des dynasties autonomes (VIII A. H–VII/IXe s.)*, Tunis.
- DELUMEAU, J. 1978. *La peur en Occident, XIVe–XVIIe siècles: une cité assiégée*. Paris.
- DENNET, D. C. 1951. *Conversion and the Poll Tax in Early Islam*. Cambridge.
- DJAÏT, H. 1986. *Al-Kufa – Naissance de la ville islamique*. Paris.
- AL-DURI 'ABD AL-'AZIZ, 1945. *al-'Asr al-'Abbasi al-Awwal (The First 'Abbasid Age)*, Baghdad.
- 1987. *Al-Takwin al-Tārikhī lil-Umma al-'Arabīyya (The Historical Formation of Arab Community)*. Beirut.
- EBEID, R. Y.; YOUNG, M. J. L. 1976. *Les Arabes ont-ils inventé l'Université? Le Monde de l'Éducation*, pp. 41–42.
- EHRENKREUTZ, A. S. 1959. *Studies on the Monetary History of the Near East in the Middle Ages, the Standard of Fineness of some Types of Dinārs*. *JESHO*, Vol. II/part 2, pp. 128–143.

- 1963. Sequel, II, The Standart of Fineness of Western and Eastern Dinars Before the Crusades. *JESHO*, Vol. VI/part 3, pp. 243–278.
- EICKELMANN, D. F. 1981. The Middle East, An Anthropological Approach. London.
- ESPERONNIER, M. 1985. Al–Nuwayrî: les fêtes islamiques, persanes, chrétiennes et juives. *Arabica*, XXII (I), pp. 80–101.
- ESSID, Y. 1993. At–Tadbîr Oikonomia, Pour une critique des origines de la pensée économique arabo-musulmane. Tunis.
- FAHMI, 'Aïf M. 1973. Muslim Naval Organization in the Eastern Mediterranean, from the Seventh to the Tenth Century. New Delhi.
- GARCIN, J. C. 1984. Toponymie et topographie urbaine médiévale. *JESHO*, XXVII, p. 140.
- 1987. Les Almohades, Encyclopédie berbère, IV. Edisud, Aix-en-Provence.
- et al. 1995. Etats, sociétés et cultures du monde musulman médiéval, Xè–XVè siècle, Vol. I, Paris.
- GARDET, L. 1954. La cité musulmane: vie sociale et politique. Paris (2nd edn. 1961).
- 1977. Les Hommes de l'Islam. Paris.
- GIBB, H. A. R. 1953. The Social Significance of the Shu'ubiyah. *Studia Orientalia Ianni Perdersen, Haunia*, pp. 105–114.
- GOBLOT, H. 1979. Les Qanâts, une technique d'acquisition de l'eau. Paris; The Hague, New York.
- GOITEIN, S. D. 1968. The Rise of the Middle Eastern Bourgeoisie in Early Islamic Times. *Studies in Islamic History and Institution*, Leiden, pp. 217–242.
- 1967, 1971, 1975, 1981, 1985. *A Mediterranean Society*.
- GOLDZIEHER, I. 1967. *Muslim Studies*, Vol. I, pp. 137–163, London.
- GORDON, M. 1987. L'esclavage dans le monde arabe, VIIè–Xxe siècle. Paris.
- GRIERSON, p. 1960. The Monetary Reform of 'Abd al-Malik. *JESHO*, III, pp. 241–264 (reprinted in *Dark Ages Numismatic, Variorum Reprints*, London, 1979, No. XV).
- HAARMANN, U. 1980. Regional Sentiment in Medieval Islamic Egypt. *BSOAS*, Vol. XIII.
- 1984. The Sons of the Mamlûks as Fief-holders in Late Medieval Egypt. In: TARIF KHALIDI (ed.) *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East*, Beirut, pp. 141–168.
- AL-HASSAN, Y.; HILL, D. R. 1986. *Islamic Technology. An Illustrated History*. UNESCO, Paris.
- HILL, D. R. 1975. The Rôle of the Camel and the Horse in the Early Arab Conquests, In: PARRY, V. J. AND YAPP, M. E. (eds) *War, Technology and Society in the Middle East*. Oxford University Press, New York, Toronto.
- HODGSON MARSHALL, G. S. 1974. *The Venture of Islam*, 3 vols. University of Chicago Press, Chicago.
- HOURANI, A. 1991. *A History of the Arab Peoples*. Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- HUMPHREYS, R. S. 1992. *Islamic History, a Framework for Inquiry*. American University in Cairo Press, Cairo.
- IBN KHALDÛN, 1858. *Al-Muqaddîma*, Quatremère, E. (ed.), 3 vols. (Paris: Duprat). English. trans. F. Rosenthal, 3 vols, Princeton, Bollinger, 1958.
- IBRAHIM, M. 1990. *Merchant Capital and Islam*. University of Texas Press, Austin.
- IRWIN, R. 1977. Iqta' and the End of the Crusader States. *Eastern Mediterranean Lands in the Age of the Crusades*. Warminster, pp. 62–73.
- JACQUART, D.; MICHEAU, F. 1990. *La Médecine arabe et l'Occident médiéval*, Paris.
- KEDDIE, N. R. (ed.) 1992. *Women in Middle Eastern History. Shifting Boundaries in Sex and Gender*. Yale University Press, New Haven and London.
- KENNEDY, H. 1986. *The Prophet and the Age of the Caliphates*. London and New York.
- KING, D. 1987. *Islamic Astronomical Instruments*. Variorum Reprints, London.
- KISTER, M. J. 1971. Rajab is the Month of God: A Study in the Persistence of an Early Tradition. *Israel Oriental Studies*, I, pp. 191–223.
- 1979. Sha'bân is my Month: a Study of an Early Tradition. *Studia Orientalia memoriae D. H. Baneth Dedicata*, Jerusalem, pp. 15–27.
- 1989. Do not Assimilate Yourself . . . Jerusalem *Studies in Arabic and Islam*, 12, pp. 321–371.
- LAGARDÈRE, V. 1993. *Campagnes et paysans d'al-Andalus VIIIè–XVè siècles*. Paris.
- LAMBTON, A. K. S. 1965. Reflections on the Iqta'. In: MAKDISI, G. (ed.) *Arabic Studies in Honor of H. A. R. Gibb*, Leiden, pp. 358–376.
- 1988. The Iqta', state land and crown land, *Continuity and Change in Medieval Persia*, London, especially pp. 97–129.
- LAOUST, H. 1965. *Les schismes dans l'Islam*. Paris.
- LAPIDUS, I. M. 1967. *Muslim Cities in the Later Middle Ages*. Cambridge, Mass.
- 1975. The Separation of State and Religion, *IJMES*, VI, pp. 363–385.
- 1988. *A History of Islamic Societies*. Cambridge University Press.
- LEWIS, B. 1950. *The Arabs in History*. London.
- 1971. *Race and Color in Islam*. New York.
- LOKKEGAARD, F. 1951. *Islamic Taxation in the Classical Period*. Copenhagen.
- LOMBARD, M. 1971a. *l'Islam dans sa première grandeur (VIIIè–XIè siècle)*. Paris.
- 1971b. *Monnaie et Histoire de Mahomet à Charlemagne*, Paris.
- 1974. *Les métaux dans l'ancien monde du Vè au XIè siècle*. Paris, The Hague.
- 1978. *Les textiles dans le monde musulman. VIIè–XIIè*. Paris, The Hague, New York.
- MARÇAIS, G. 1957. Les jardins de l'Islam. *Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'Occident musulman*, Vol. I, pp. 236–256.
- MARIN, M.; WAINES, D. 1994. *La alimentación en las culturas islámicas*. Madrid, pp. 11–21.
- MARQUET, Y. 1961. La place du travail dans la hiérarchie ismaïlienne des Ikhwân al-Safâ, *Arabica*, VIII, pp. 225–237.
- MERNISSI, F. 1990. *Sultanes oubliées*. Paris.
- MEYERHOF, M. 1984. *Studies in Medieval Arabic Medicine, Theory and Practice*, Variorum Reprints, London.
- MIQUEL, A. 1969. *La littérature arabe*, Paris.
- 1967, 1975, 1980, 1988. *La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIè*, Paris, The Hague.
- 1977. *L'Islam et sa civilisation (VIIè–XXè s.)*. Paris.
- MONROE, J. T. 1970. *The Shu'ubiyah in al-Andalus*. Berkeley, p. 69.
- MORABIA, A. 1994. La notion de jihâd dans l'Islam médiéval, des origines à al-Ghazâlî, Paris.
- MORGAN, D. A. 1988. *Medieval Persia, 1040–1797*. London and New York.
- MOTTAHEDEH, R. P. 1980. The Shu'ubiyah controversy and the social history of early Islamic Iran. *IJMES* VII/2, pp. 161–182.
- AL-NAKHILÎ, D. 1974. *Al-Sufûn al-Islâmiyya 'alâ Hurûf al-Mu'jam*. Alexandria.
- NASR, S. H. 1993. *Sciences et savoir en Islam*, Paris.
- PELLAT, C. 1963. Les esclaves-chanteuses de Gahiz, *Arabica*, X, pp. 121–147.
- Kayna, EI², IV, pp. 853–857.
- 1986. *Cinq calendriers égyptiens*. Cairo.
- PIPES, D. 1980. *Slave Soldiers in Islam: The Genesis of a Military System*.
- DE PLANHOL, X. 1993. *Les Nations du Prophète*, Manuel géographique de politique musulmane. Paris.
- POLIAK, A. N. 1936. La féodalité islamique, *REI*, pp. 247–265.
- 1937. Some notes on the feudal system of the Mamlûks. *JRAS*, pp. 97–107.
- 1939a. The Ayyubid Feudalism. *JRAS*, pp. 428–432.
- 1939b. *Feudalism in Egypt, Syria and Lebanon 1250–1900*. London.
- POPOVIC, A. 1976. *La révolte des esclaves en Iraq*. Paris.
- POUZET, L. 1988. *Vie et structures religieuses dans une métropole islamique*. Beirut.
- RABIE, H. 1970. The Size and the Value of the Iqta' in Egypt 564–741/1169–1341 AD. In: COOK, M. (ed.) *Studies in Economic History of the Middle East*, London, pp. 129–138.
- 1972. *The Financial System of Egypt A. H. 564–741/AD. 1169–1341*. London; cf. Cahen, C., *JESHO*, XVI/Part I, pp. 107–111; Chapoutot-Remadi, M., *Arabica*, XX/1973, pp. 323–325.
- RODINSON, M. 1966. *Islam et capitalisme*. Paris.
- 1970. Le marchand musulman. In: RICHARDS, D. S. (ed.) *Islam and the Trade of Asia*.
- 1979. *Les Arabes*. Paris.
- ROSENBERGER, B. 1985. *Maquiller l'esclave, el-Andalus (XIIè–XIIIè siècle)*. Proceedings of the Third International Symposium of Grasse, *Les soins de beauté*, CNRS, Faculty of Literature and Human Science, Nice, 1987, pp. 319–347.

- ROUX, J. P. 1960. *Les Explorateurs au moyen âge*. Paris.
- 1984. *Histoire des Turcs, deux mille ans du Pacifique à la Méditerranée*. Paris.
- 1993. *Histoire de l'empire mongol*. Paris.
- SABARI, S. 1981. *Mouvements populaires à Bagdad à l'époque abbasside, IXè–XIè siècle*. Paris.
- AL-SAMIR, F. 1971. *Thawrat az-Zanj (The Revolt of the Zanj)*. Baghdād.
- SAMSO, J. 1978. *Un calendrier tunisien d'origine andalouse?— du XIXè siècle*. *Cahiers de Tunisie*, XXVI, pp. 67–84.
- SARTON, G. 1960. *Introduction to the History of Science*, 2 vols. Baltimore.
- SCHATZMILLER, M. 1994. *Labour in the Medieval Islamic World*. Leiden.
- SERJEANT, R. B. 1964. *The Constitution of Medina*. *Islamic Quarterly*, VIII, pp. 3–16.
- 1978a. *The Sunnah Jami'ah Pact with Yathrib Jews, and the Tahrim of Yathrib. Analysis and Translation of the Documents Comprised in the So-called Constitution of Medina*. *BSOAS*, XII, pp. 1–42.
- 1978b. *Maritime Customary Law off the Arabian Coasts, Sociétés et Compagnies de Commerce*, pp. 195–207.
- SHABAN, M. A. 1971. *Islamic History I*. Cambridge.
- 1976. *Islamic History II*. Cambridge.
- SIRAT, C. 1988. *Le parchemin, Le papier. Le livre au moyen âge*, Glénisson, J. (ed.), preface by L. Holtz, Paris, CNRS, pp. 22–23, 32–33.
- SOUISSI, M. 1995. *Les mathématiques et l'astronomie entre Ifriqiyya et Maghreb and Les Sharfi et la cartographie*. In: ANNABI, H.; CHAPOUTOT-RAMADI, M. AND KAMMARTI, S. (eds) *Itinéraire du savoir, les temps forts de l'histoire tunisienne*, CNRS-ALIF-IMA, Paris.
- SOURDEL, D. 1960. *Le visirat abbasside*, 2 Vols. Damascus.
- SOURDEL, D.; SOURDEL-THOMINE, J. 1968. *La civilisation de l'Islam classique*. Paris.
- TALBI, M. 1966. *L'Emirat aghlabide*, p. 136.
- 1982. *Etudes d'histoire ifriqiyenne et de civilisation musulmane médiévale*. Tunis.
- *Les courtiers en vêtements en Ifriqiyya au IXè–Xè siècle d'après les Masā'il al-Samāsira d'al-Ibyanī, Etudes d'histoire ifriqiyenne*, pp. 231–262.
- *Droit et économie en Ifriqiyya au IIIè/IXè siècle. Le paysage agricole et le rôle des esclaves dans l'économie du pays. Etudes d'histoire Ifriqiyenne*, pp. 185–230.
- 1994. *Vivre dans la cité, Les différents aspects de la culture islamique, l'individu et la société en Islam, sous la direction de Bouhdiba (Abd al-W.)*, UNESCO Publishing, Paris, pp. 444–448.
- TARHĀN, I. 1968. *Al-Nuẓūm al-Iqtā'iyya fī al-Sharq al-Awsaṭ fī al-'Uṣūr al-Wuṣṭā, (The Iqtā' System in the Medieval Middle East)*, Cairo.
- TROUPEAU, G. 1954. *Le livre des règles de conduite des maîtres d'école*. REI, pp. 81–182.
- UDOVITCH, A. L. 1970. *Partnership and Profit in Medieval Islam*. Princeton University Press.
- VERNET, J. 1978. *La cultura Hispanoárabe en Oriente y Occidente*, 2nd edn. Barcelona.
- VON GRUNEBaum, G. E. 1955. *Firdausi's concept of history. Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition. Comparative Studies of Cultures and Civilizations*, No. 4, REDFIELD, R. and SINGER, M. (eds) *The American Anthropologist*, Vol. 57. No. 2/2, pp. 168–184.
- WATT, M. 1956. *Muhammad at Medina*. Oxford.
- WATSON, A. M. 1983. *Agricultural Innovation in the Early Islamic World: The Diffusion of Crops and Farming Techniques*, 700–1100. Cambridge University Press, Cambridge.
- WEIT, G. 1966. *Introduction à la littérature arabe*. Paris.
- 1969. *Fêtes et jeux au Caire. Annales Islamologiques VIII*, pp. 99–128.
- YOUSKEVITCH, A. P. 1976. *Les mathématiques arabes (VIIIè–XVè siècle)*, trans. by Cazenave, M. and Jaouiche, K., Paris.
- ZIYADA, K. 1982. *Al-Khissīs wa'l-naf'īs fī al-madīna al-islāmiyya, al-fi'at fī al-madīna al-islāmiyya (Base-born and Noble-born in the Islamic City, gangs in the Islamic City)*. *al-Fikr al-'Arabi*, No. 29, 4th year, pp. 153–161.

НЕМУСУЛЬМАНЕ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Бенджамин Броуд, Ирфан Хабиб, Камаль Салиби и Ахмад Тафаццоли, при координации Мунира Шапато-Ремади и Радхи Дагфу

Хотя ислам как религия не признает и даже борется с расовой нетерпимостью и этнической сегрегацией, в то же время он узаконивает религиозные различия. При этом немусульмане – христиане, иудеи, последователи зороастризма, индуисты и даже сабейцы и самаритяне рассматривались как «находящиеся под защитой» и поэтому получали статус *дхимми* (Fattal, 1958), который давал им свободу вероисповедания, передвижения, проживания и самоуправления в рамках их собственных религиозных представлений при условии уплаты специального подушного налога или *джизии* (Dermet, 1951; Lokkegaard, 1951). Эти терпимые исламом сообщества определялись либо как «люди Писания» (Stillman, 1967; Lewis, 1984), т.е. обладатели богооткровенного Писания, либо как «люди Соглашения», с которыми заключался договор о предоставлении защиты (покровительства) (известный также под названием «Соглашение Омара»).

Начиная с IX в. между сторонниками различных религиозных убеждений развернулась полемика главным образом из-за опасения, что их прихожане могут отречься от своей веры, и из-за заинтересованности в удержании паствы в лоне соответствующей веры. Но в любом случае эта полемика не могла предотвратить существенного взаимопроникновения разных верований в ближневосточном обществе по крайней мере до начала XI в. Разумеется, многие немусульмане уже приняли к этому времени ислам и перестали платить *джизию*. Но такие новообращенные в эпоху Омейядов составляли только низшую категорию общества, известную как *мавали*, или «вассалы». На раннем этапе исламской эры им не позволялось иметь равный статус с арабами-мусульманами. В то же время им запрещалось возвращаться к своей изначальной вере под страхом наказания обвинением в отступничестве (*ридда*) и, соответственно, вынесения смертного приговора.

При этом между мусульманами и немусульманами существовало значительное финансовое неравенство, которое ложилось тяжким бременем в основном на беднейшие слои тех, кто «находился под защитой». Кроме того, практиковалась и правовая дискриминация, которая делала почти невозможным противостояние *дхимми* мусульманам в судебных разбирательствах.

ИУДЕИ

Бенджамин Броуд

Жизнь иудеев в средневековом исламском обществе – период величайших культурных достижений в их истории иудаизма (Braude & Lewis, eds., 1982). На столетия после возникновения ислама арабский язык, который, как правило, при письме излагался буквами иврита (иудейско-арабским), стал одним из основных инструментов для самовыражения иудейского народа в области религии, литературы,

науки и философии. В Андалусии, Египте и Ираке иудейские мыслители, таким образом, внесли вклад не только в культуру своего сообщества, но и в культуру исламского мира и остальной мировой цивилизации. Результатом явилось создание того, что позднее получило название иудейско-исламской традиции, которая имеет существенно большую историческую реальность, чем иудейско-христианская традиция, с которой она может быть сравнена.

Влияния этой традиции не ограничивались рамками высокой культуры, поскольку она преобразовывала и повседневный жизненный опыт иудеев. Наиболее заметным элементом явился переход ближневосточного еврейства в целом с арамейского языка на смешанный язык (*лингва франка*), т.е. на арабский язык. Ключевым показателем степени и быстроты арабизации можно считать перевод Библии на арабский, выполненный одним из крупнейших мыслителей своего времени Саадия Гаоном (892–942 гг.). Принятие смешанного языка – сравнительно необычный феномен в практике евреев в период до Нового времени и является явным свидетельством успеха их интеграции в арабское общество в целом, а также взаимной открытости еврейского и исламского сообществ.

Моисей Маймонид (Моше бен Маймон, 1135–1204 гг.), философ, юрист, врач и видный общественный деятель, является наиболее яркой фигурой той эпохи. Превратности судьбы Маймонида отражают как открывавшиеся возможности, так и опасные препятствия, с которыми сталкивались в ту эпоху евреи. В возрасте 13 лет его спокойная и безопасная жизнь в Кордове, главном городе Андалусии, была жестко нарушена вторжением из Южного Марокко *муваххидунов* (*альмохадов*) – представителей экстремистского мусульманского движения, стремившихся объединить под своей властью весь исламский запад.

Муваххидуны захватили все земли Северной Африки и заняли Андалусию (Tolan, 1965). Они не допускали трактовки ислама, отличной от их собственной (поэтому против мусульман, которые не принимали их взгляд, проводилась «чистка»), и кроме того, они отвергали терпимость к «людям Писания», устанавливаемую *шариатом*¹. Муваххидуны пытались проводить насильственное обращение евреев и христиан в ислам. Вероятно, именно в это время христианство исчезло в Северной Африке. Евреи испытывали большие страдания, но сопротивлялись (Hirschberg, 1974), и позднее уже правители из династии Альмохадов разрешили *дхимми* отправлять свои религиозные культы в соответствии с законом.

Семья Маймонидов бежала из Андалусии и после двух десятилетий дальнейших опасностей и скитаний поселились в Каире. Благодаря своему таланту врачей Маймонид добился славы и уважения, став придворным врачом Салах-ад-Дина, основателя династии Айюбидов в Египте, где мирно дожил до конца своих дней.

В Египте евреи играли важную роль не только в медицине, но и в управлении, особенно во времена Фатимидов,

когда Якуб ибн Киллис в 977 г. стал визирем. Многие другие евреи занимали важные посты в египетской и сирийской администрациях.

В дополнение к той интеллектуальной роли, которую евреи играли в культурной жизни стран ислама той эпохи, они внесли и иной вклад, который засвидетельствован в бесценных древних записях. Евреи помогли создать процветающее международное хозяйство, которое объединяло и поддерживало весь мусульманский мир от Индии до Испании. Эти записи хранятся в Дженизе, хранилище, примыкающем к синагоге в средневековом квартале Каира, где верующие, чтобы не допустить гибели такой ценной святыни, когда-то захоронили свитки с первыми записями на иврите. В XX в. ученые (в первую очередь Гойтейн (*Goitein*)) нашли эти разнообразные записи – списки покупок, документы на право собственности, стихи, священные манускрипты и деловую переписку – и, таким образом, восстановили целый мир, который в противном случае был бы потерян для потомков. Документы из Дженизы являются одним из наиболее ценных источников при изучении реалий средневекового исламского общества в целом.

ХРИСТИАНЕ

Камаль Салиби

В мусульманском мире исторические сообщества коренных жителей-христиан существовали главным образом на землях Плодородного Полумесяца (Ирак, историческая Сирия, включающая современную Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину с Израилем), а также в Египте и Северной Африке.

Когда арабы завоевали эти земли, они не заставляли и не поощряли городских и сельских христиан принимать ислам. Вместо этого они гарантировали им право исповедовать свою религию при условии, что христиане выплачивают *джизию*. Постепенное принятие ислама этими христианами в VIII и IX вв. вызвало первое существенное сокращение числа христиан в Сирии и более заметное сокращение – в Ираке (*Bulliet*, 1979; *Levitzion*, 1979).

В ранние века ислама арабы-христиане в Сирии и Ираке внесли свой вклад в обогащение исламской цивилизации в научной, медицинской и философской сферах, выполнив переводы на арабский язык многих трудов из греческого наследия.

В Египте христиане-копты (*Little & Northrup*, 1990), вероятно, продолжали составлять большинство населения до времен крестовых походов. Так же, возможно, обстояло дело с христианами (мельхиты, яковиты и марониты) и в Сирии. До периода мамлюков они играли очень важную роль в управлении этих стран, особенно служа *киттабами*, или секретарями: они, практически монополизировали финансовые ведомства (*диваны*). Однако в обеих этих странах число мусульман постепенно росло, приводя к тому, что христиане со временем превращались в меньшинство.

Защищенные, как правило, мусульманскими государственными властями, христиане в арабских странах редко подвергались гонениям, а если таковые и имели место, то никогда не были систематическими или продолжительными. Как и у евреев, их положение заметно ухудшилось во время правления Альмохадов, и в середине XII в. христиане в Северной Африке исчезли (*Talbi*, 1990). Дополнительным фактором в изменении отношения к христианам стали крестовые походы, поскольку тогда мусульманские правители начали опасаться, что их христианские подданные в военное время встанут на сторону врага – сначала, например, византийцев, затем франков. Но фактически, за единственным исключением в виде испанских христиан, связанных с римской Церковью, все другие христиане на Востоке принадлежали к раскольническим церквям, отделившимся от основной ветви христианства из-за религиозных разногласий.

ЗОРОАСТРИЙЦЫ

Ахмад Тафаццولي

Зороастризм – религия Зороастра (Заратуштры), древнего пророка Ирана, являлся официальным верованием этой страны до конца правления династии Сасанидов (226–635 гг.). Среди мусульманских правителей существовали некоторые колебания по поводу того, должны ли зороастрийцы пользоваться теми же правами меньшинств, что иудеи и христиане. Но ввиду большого числа приверженцев этой религии и их значительного опыта в управлении государством, было все-таки принято решение рассматривать зороастрийцев как «людей Писания»¹. Таким образом, у них был выбор – принять ислам или платить подушный налог (*джизию*). Подавляющее большинство, особенно в городах, приняло ислам, однако многие оставались приверженцами зороастрийской веры довольно длительное время.

В эпоху четырех «праведных» халифов (632–661 гг.) права зороастрийцев иметь свои храмы огня, свободно отправлять обряды и праздновать собственные праздники в основном уважались. Однако при правлении Омейядов (661–750 гг.) стала проводиться более жесткая политика. Приход к власти Аббасидов при поддержке иранских мусульман не предвещал изменения ситуации к лучшему. При халифе аль-Мамуне (813–833 гг.), однако, стал преобладать дух терпимости: большинство дошедших до наших дней зороастрийских книг на среднеперсидском языке (пехлеви) написаны в IX в., а в исламских источниках на зороастрийских ученых ссылаются как на признанные авторитеты в сфере истории, культуры и религии Древнего Ирана.

В Хорасане и Восточном Иране жизнь зороастрийцев была куда тяжелее, поскольку мусульманские правители стремились обратить их в ислам силой, как, например, в конце X в. Наиболее упорные в своей вере перебрались морем в Гуджарат на северо-западе Индии, где со временем сформировали процветающее сообщество. О зороастрийцах в Иране периода XIII–XV вв. известно мало. Двумя главными центрами зороастризма в этой стране оставались Йезд и Керман. Но во время правления Сафавидов их положение ухудшилось, а в XVIII в. султан Хусейн (1694–1722 гг.) приказал обратить последователей зороастризма в ислам и разрушить их храмы.

ИНДУИСТЫ

Ирфан Хабиб

Впервые арабы столкнулись с индийским населением, когда военачальник династии Омейядов Мухаммед ибн Касим в 710–714 гг. захватил Синд и Южный Пенджаб. Естественно, завоеватели присвоили индийцам статус *дхимми*, аналогично тому, как это было сделано в отношении зороастрийцев в Иране. Индийцы должны были платить земельный налог (*харадж*) и подушный налог (*джизию*) – первый, очевидно, собирался в сельской местности, а второй – в городах по трем стандартным ставкам. Сбор налогов был оставлен за брахманами-жрецами, а также сборщиками налогов, которые работали при прежнем правлении. Брахманам было разрешено поклоняться своим идолам и принимать дары, как это делалось и ранее. Более того, ограничения и запреты, налагаемые на «отверженных» при кастовой системе, были однозначно подтверждены и продолжали существовать². Поскольку эта территория оставалась под арабским контролем, пока не перешла под правление Газневидов в XI в., эти положения, по-видимому, послужили образцами для последующих режимов.

При дельийских султанах (1206–1526 гг.) подушный налог в сельской местности не взимался. Земельный налог независимо от того, назывался он *харадж* или *джизия*, или

же *харадж-джизия*, налагался как на индуистских, так и на мусульманских крестьян. Представляется, что *джизия* как подушный налог по-прежнему взимался с индийцев в городах, и только брахманы как жрецы были освобождены от его уплаты. Во время правления Фируза Туглука (1351–1386 гг.) этот налог, по крайней мере на бумаге, был введен и для индийцев-крестьян, но просуществовал он очень непродолжительное время – столь же короткое, что и время, когда он был в городах распространен на брахманов (*Rayachaudhuri & Habib*, 1982). В XV в. упоминания о подушном налоге практически исчезают, и трудно понять, какой вид налога или налогов император Великих Моголов Джелаль-ад-дин Акбар действительно упразднил, когда он в 1564 г. официально отменил *джизию* для индийцев.

Как можно заметить, периоды толерантности в истории сменялись периодами гонений (*Ali*, 1991). Индуистские храмы, безусловно, разрушались во времена войн и походов. Но в 857 г. арабский правитель Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана при двуязычном письме мог использовать написание слова «Бог» на языке хинди (*Om*). Победитель Горидов Муизуддин ибн Сам (ум. в 1206 г.) на некоторых своих золотых монетах мог изобразить индуистскую богиню Лакшми – особенность, которой специалисты по нумизматике не находят аналогий в мусульманской истории.

Терпимость распространялась также на религиозные моления, хотя гонения на еретиков и отдельных индуистских святых иногда происходили. Возможность получения высоких постов для индийской знати и чиновников была важной особенностью Делийского султаната. Аналогичным образом у кашмирского султана Зайнул Абидина (1420–1470 гг.) было много брахманов среди министров и чиновников. В Бенгалии один из знатных индийцев, Ганеш, стал правителем (1415–1418 гг.), не обращаясь в ислам, хотя его сыну и преемнику уже пришлось принять эту веру (*Habib & Nizami*, eds, 1970/1982).

Все эти факты напоминают нам, что несмотря на приверженность правителей в крупных частях Индии исламу, начиная с XIII в. и позднее мусульманские сообщества приспособились к сосуществованию со сравнительно устойчивым индуистским большинством, так что говорить о каком-то едином «мусульманском обществе» в Индии весьма сложно. Индийцы формировали основную часть сельской аристократии и преобладали в сферах торговли и финансов. В повседневной жизни они в значительной мере подчинялись собственным обычаям и законам. Таким образом, индийский субконтинент с трудом можно вписать в концепцию *Дар аль-Ислам* мусульманских богословов, поскольку закон и богословие неизбежно шли на большие уступки ради обеспечения государственного управления, да и просто ради удобства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выдающееся исследование Гойтейна (*Goitein*) по иудаизму той эпохи основано на документах из Дженизы в Каире и, вне сомнения, остается наиболее важной работой не только по данной проблеме, но и об обществе и экономике средневекового исламского и арабского мира в целом. (См. *Goitein*, 1967–1988).

² Эта информация приводится по книге «Шахнаме» («Книга о царях») замечательного арабского сборника рассказов и документов того периода, сохранившегося в дословном персидском переводе XIII в. (См. *Duadpota*, 1939, pp. 207–216).

БИБЛИОГРАФИЯ

- (‘ABD ALLĀH) ‘INĀN MUḤAMMAD. 1965. ‘Asr al-Murabitīn wa al-Muwahhidīn fī al-Maghrib wa al-Andalus (The Age of the Almoravids and Almohads in North Africa and Spain), 2 vols. Cairo.
- ATHAR ALI, M. 1991. Encounter and Efflorescence: The Genesis of Medieval (Indian) Civilization. Proceedings of the Indian History Congress, 50th Session (Gorakhpur), Delhi, pp. 2–9.
- BOYCE, M. A. 1977. Persian Stronghold of Zoroastrianism. Oxford.
- 1979. Zoroastrians. London, Boston, Henley.
- 1992. Zoroastrianism. Costa Mesa, California and New York.
- BRAUDE, B.; LEWIS, B. (eds) 1982. Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society, Vol. I: The Central Lands, ix, 449, Vol. II: The Arabic speaking Lands, ix, 248, Holmes and Meier Publishers, New York.
- BULLIET, R. W. 1979. Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History, Cambridge, Mass.
- CERETTI, C. G. 1991. An 18th-Century Account of Parsi History, the Qesse-ye Zardoshtān-e-Hendustān (The Story of the Zoroastrians in India). Napoli.
- COHEN, M. 1994. Under Crescent and Cross. The Jews in the Middle Ages. Princeton University Press, Princeton.
- CUOQ, J. 1984. L’Église d’Afrique du Nord du IIe au XIIe siècle. Paris.
- DAUDPOTA, M. (ed.) 1939. Chachnāma. Delhi.
- DENNET, D. C. 1951. Conversion and the Poll-Tax in Early Islam. Cambridge, Mass.
- EDULJI, H. E. 1991. Kisseh-i Sanjān. Bombay.
- FATTAL, A. 1958. Le Statut légal des non-musulmans en pays d’Islam. Beirut.
- GERVERS, M.; BIKHAZI, R. J. (eds) 1990. Indigenous Christian Communities in Islamic Lands, Eighth to Eighteenth Centuries. Pontifical Institute of Medieval Studies, Toronto.
- GOITEIN, S. D. 1967–1988. In: A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Berkeley.
- HABIB, M.; AND NIZAMI, K. A. (eds) 1970/1982. Comprehensive History of India, V. New Delhi, pp. 754, 1151–1152.
- HALKIN, A. 1956. The Judaeo-Islamic Age. In: SCHAWARTZ, I. W. (ed.) Great Ages and Ideas of the Jewish People. Random House, New York. XXVII, pp. 215–263.
- HIRSCHBERG, H. Z. 1974. A History of the Jews in North Africa. Leiden, I.
- KARAKA, D. F. 1884. History of the Parsis, 2 vols. London.
- LEVITZION, N. (ed.) 1979. Conversion to Islam. New York.
- LEWIS, B. 1984. The Jews of Islam. Princeton University Press, Princeton, XII.
- LITTLE, D. P.; NORTHROP, L. 1990. In: Indigenous Christian Communities. Toronto, pp. 253–262; 263–288.
- LOKKEGAARD, F. 1951. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen.
- MODI, J. J. 1934. Qisseh-i Zardushtīān-i Hindustān (The Story of the Zoroastrians in India). Bombay.
- QURESHI, I. H. 1942. The Administration of the Sultanate of Delhi. Lahore.
- RAYCHAUDHURI, T.; HABIB, I. (eds) 1982. Cambridge Economic History of India, I. Cambridge, pp. 60–67.
- SADIQI, G. 1993. Jonbeshhā-ye Dīnī-ye Irānī dar Qarnhā-ye dovvom-ō sevvom-e Hejri (The Iranian Religious Movements in the Second and Third Centuries AH). Tehrān.
- SPULER, B. 1952. Iran in Früh-islamischer Zeit, pp. 183–204.
- STILLMANN, N. 1967. The Jews of Arab Lands: A History and Source Book. Philadelphia, the Jewish Publication Society of America.
- TALBI, M. 1990. In: Indigenous Christian Communities. Toronto, pp. 313–351.
- TRITTON, A. S. 1970. The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of ‘Umar. London, A. S. Cass.

АРАВИЯ И ВОСТОЧНЫЕ АРАБСКИЕ ЗЕМЛИ (ЭЛЬ-МАШРИК)

Фарук Омар Фавзи

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА (С СЕРЕДИНЫ VIII В. ДО СЕРЕДИНЫ XI В.)

Успех *давы* («зов, призыв»: миссионерское движение или религиозная пропаганда) Аббасидов, а также создание ими халифата ознаменовали важный поворотный момент в истории исламского государства и общества. Победа Аббасидов важна по причине радикальных перемен, которые последовали за ней как в политической, так и в культурной сферах. Аббасиды сами первыми подчеркнули, что их движение является неким переворотом, революцией, вследствие чего свою новую систему они назвали *давла* (букв. «перемена времен, поворот судьбы», а в более широком смысле «государство, государственное устройство») (*al-Mubarrad*, I, p. 144).

При внимательном изучении возникновения аббасидской *давы* и ее последствий на протяжении раннего периода их правления выявляется важность роли арабов и их активного участия в движении Аббасидов. Политическая пропаганда этого движения была направлена главным образом против династии Омейядов и тех сирийцев, которые пользовались их благодеяниями. Вождями *давы*, впоследствии ставшими халифами в новом государстве, были арабы-хашимиты. Главной опорой исторического блока (сравн. *al-Jābirī*, 1992: pp. 329 ff.), включающего различные группы, которые оказывали поддержку этому движению, а затем и государству, также были арабские племена, в частности ямани и раби, а также иранские *мавали* (ед. ч. *мавла*, «вассалы-обращенные», т.е. новообращенные в первый век существования ислама), мусульмане неарабского происхождения, которые получили этот статус вследствие своего присоединения к группе арабских племен; позднее, при Аббасидах, этот термин приобрел более общее значение – «освобожденный человек»). Арабы (включая племя бану-хашим) продолжали занимать главные политические, административные и военные посты, а халифы полагались на них в разрешении всех сложных задач и деликатных ситуаций (*Omar*, 1970: *passim*). Если быть более точным, то хотя в ранний период правления Аббасидов арабы и не утратили своего главенствующего положения, но у людей неарабского происхождения появилось больше возможностей получить свою долю власти.

Новый режим привел к важным социальным переменам. Касту воинов мало-помалу вытеснили другие социальные группы: купцы, мелкие торговцы и ремесленники, землевладельцы, секретари (служащие государственных канцелярий), ученые, правоведы и другие. В то же время перемены коснулись и главных городов: из военных баз они превратились в настоящие города с культурными

центрами, рынками и школами. Однако это не должно удивлять, ибо то был век богатой исламской цивилизации, возникшей в результате смешения многих народов, каждый из которых обладал своим уникальным опытом. Города стали средоточием социальной, экономической и интеллектуальной деятельности. Эта новая исламско-арабская цивилизация являла собой не просто обновленную версию сасанидской или византийской цивилизаций, как готовы были предположить некоторые ученые (*Wiet*, 1953), но обладала собственной индивидуальностью, унаследованной как от исламских, так и от арабских традиций, и в то же время включавшей в большом количестве элементы соседних или более древних цивилизаций.

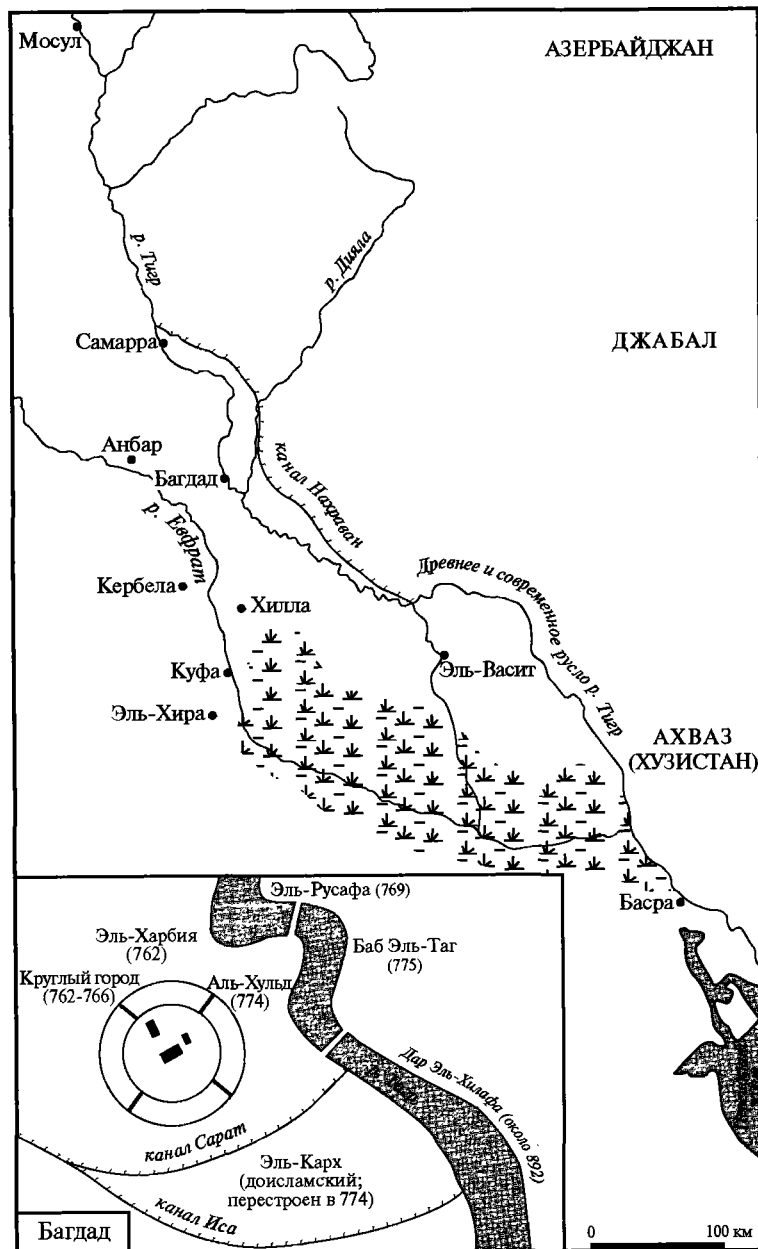
Расширение городов, сложность городской жизни во всех ее аспектах, развитие сел и сельского хозяйства, а также увеличение числа профессий, ремесел и расширение торговли привели к появлению новых типов организации. Возникли такие предвестники организаций по видам производств, как гильдии, которые получили более ярко выраженное развитие в IX и X вв.

Политические условия

Первый халиф Аббасидов Абу-ль-Аббас Сафвах («проливающий кровь», щедрый) официально был объявлен халифом в мечети Куфы в октябре 749 г. Абу-ль-Аббас завещал халифат своему брату Абу Джафару Абдаллаху (аль-Мансуру), который вступил на престол в июле 754 г.

Историки полагают, что именно аль-Мансур был реальным основателем новой династии и сумел добиться того, чтобы она стала могущественной и прославленной. «Именно он основал это государство, создал империю, написал устав, ввел закон и сделал все, что нужно было сделать» (*Ibn al-Tiqtaqā*, 1899; англ. перев. 1947: p. 160). Аль-Мансур действительно успешно отражал все опасности, угрожавшие халифату.

Во время правления аль-Мансура произошли коренные изменения в центральной администрации: были определены полномочия уже существующих государственных ведомств и созданы новые. Правительство стремилось к централизации и начал с формирования регулярной армии, преданной государству, после чего построил новую столицу – *Мадинат эль-Салам* («город мира») – Багдад, ставшую центром государства с правительственными учреждениями и штаб-квартирой военных. Город был построен в 758–766 гг. Затем аль-Мансур начал строительство города Эль-Русафа к востоку от р. Тигр и приказал своему преемнику аль-Махди поселиться в этом городе и расширять его. Аль-Мансур планировал добиться наследования халифата по своей линии, а потому готовил своего сына

Карта 14. Ирак в начале правления династии Аббасидов (по Lapidus, 1984)

Мухаммеда к принятию этого наследства после своей смерти. С этой целью он вел обширную пропаганду, называя сына аль-Махди (араб. – мусульманский мессия, спаситель. – Прим. ред.), что в конечном итоге привело к вынужденному отказу от управления халифатом законного наследника – Исы ибн Мусы в пользу аль-Махди, который в октябре 775 г. был объявлен халифом.

По сравнению с жестокостью тяжелыми испытаниями, выпавшими на время правления аль-Мансура, Аббасидский халифат аль-Махди характеризовался политической стабильностью и экономическим благополучием. Значительное внимание аль-Махди уделял борьбе с новой религиозной группой – *зиндиками* (*zindiqs* – свободомыслящие, еретики или агитаторы). Он основал государственное управление, целью которого было их преследование и наказание.

Багдад (карта 14) разросся, его базары и владения процветали, строительство Эль-Русафы завершилось; открылись новые государственные управления. Аль-Махди ввязался в *джихад* (религиозную завоевательную войну), вследствие чего военные действия не прекращались почти круглый год. В своих военных походах Аббасиды дошли

до Индии, Трансоксании и Анатолии. Под влиянием Хайзурана (*Khauzuran*) аль-Махди решил сделать своими преемниками сыновей Мусу аль-Хади и Харуна ар-Рашида.

Муса аль-Хади принял халифат в августе 785 г., но его правление было недолгим: около года спустя он внезапно скончался при таинственных обстоятельствах. В сентябре 786 г. халифом стал Харун ар-Рашид, который, несомненно, является самым известным и самым знаменитым из всех аббасидских халифов не только по знакомым всем сказкам из цикла «Тысяча и одна ночь», но и по свидетельствам историков (Отта, 1977). Однако мнения о нем и его политике разнообразны и противоречивы. В некоторых из них ар-Рашид представлен халифом, которого не волновали дела его подданных и который «вверил их Бармакидам» (представители иранского рода, занимавшие важнейшие государственные посты. – Прим. ред.); другие же сводят его роль к минимальной и на первый план выводят других лиц, не менее важных в управлении и политике, чем Бармакиды.

Эпоха ар-Рашида была временем значительных достижений в сфере строительства, развития городов, а также гражданского самоуправления и общественных институтов.

Халиф занимался обеспечением безопасности и стабильности на обширной территории халифата. Он вызвал новый прилив энтузиазма по отношению к *джихаду* и сам повел армию в сердце Византийской империи, впервые за всю историю правления Аббасидов дойдя даже до окраин Константинополя. Он занялся приграничными землями и реорганизовал их в административном и военном отношениях. Большое внимание правитель уделял и средиземноморскому флоту, перестраивая гавани и размещая в них военные гарнизоны. Эти достижения, вместе с прогрессом в сферах науки и культуры, сделали его широко известным в мире того времени; например, посольства каролингских франков поспешили в Багдад, чтобы укрепить дипломатические связи с халифатом. Возродились торговля и сельское хозяйство и появились новые способы уплаты *хараджа* (поземельного налога): теперь в его счет шла часть собранного урожая. Для больных и прокаженных начали строить приюты. Созданные при Аббасидах институт визирей стал приобретать новую форму: более четко определились его функции и полномочия. Таким образом, эпоха ар-Рашида, со всеми ее культурными и интеллектуальными достижениями, казалась золотым веком. И все же случались инциденты, предупреждавшие грядущее политическое разделение и распад управления. Возникновение на востоке и западе сепаратистских течений и злоупотребление некоторыми правителями своими полномочиями создавали сложности для центрального правительства, находившегося в Багдаде.

Сначала Харун ар-Рашид передал управление халифатом своим сыновьям Мухаммеду аль-Амину, Абдаллаху аль-Мамуну и аль-Касиму (аль-Мутамину). Он поделил между ними административные области и стал первым халифом, всех трех сыновей которого после его смерти признали халифами. Арабский историк Табари приводит слова о нем простых людей того времени: «Он посеял раздор между нами, и деяние его имело ужасные последствия». Харун ар-Рашид умер в Тусе у Машхеда (в Фарсе), куда отправился подавлять движение Рафи ибн аль-Лайса; в апреле 809 г. халифом стал Мухаммед аль-Амин. Все годы его правления, длившегося до 813 г., шла гражданская война, возникшая из-за его вражды с братом аль-Мамуном. Войска аль-Мамуна осаждали Багдад 14 месяцев, на протяжении которых аль-Амин и его сторонники оказывали яростное сопротивление, сражаясь за каждую улицу; в конце концов в сентябре 812 г. аль-Амин погиб в сражении с войском Тахира ибн аль-Хусейна (*Ibn Tayfur*, 1994, pp. 52 ff.).

Хотя аль-Мамун объявил себя халифом Хорасана и всего Востока еще в марте 811 г., официально его титул был признан только в сентябре 812 г., когда из Багдада ему прислали знаки отличия правителя халифата. Он решил обосноваться в Марве (Мерве), центре Хорасана, по совету своего *визира* аль-Фадла ибн Сахла, индивидуальность которого затмевала личность самого халифа. Ибн Сахл старался ввести при дворе и в государстве персидские традиции (илл. 215) и назначил своего брата аль-Хасана ибн Сахла правителем Ирака. Но Ирак, который всегда был центром аббасидского халифата, ясно обозначил свое неприятие новой политики аль-Фадла ибн Сахла, и народ Багдада остался в оппозиции, а в июле 817 г. провозгласил новый халифат Аббасидов, противостоящий халифату аль-Мамуна. В 819 г. из-за этих событий аль-Мамун вынужден был вернуться в Ирак и избавиться от Али аль-Рида и своего *визира* аль-Фадла ибн Сахла.

В последний год своего правления аль-Мамун попытался сделать мутазилитизм официальным вероучением своего государства, каковым он и оставался до прихода к власти аль-Мутаваккила. Первые аббасидские халифы, судя по всему, не оказывали особого предпочтения какому-то конкретному вероучению перед всеми остальными, несмотря на свою благосклонность к *ахл ал-хадис* (последователям традиции пророков – традиционалистам) и дружеским отношениям с некоторыми выдающимися хадисскими теологами. Аль-Мамун благоволил к людям ученым, мыслителям,

философам и рассудительным теологам, и явно находился под впечатлением от рационалистических аргументов мутазилитов, которые защищали доктрину ислама посредством новых логических методов и полемических приемов, заимствованных у греков. В то время мутазилиты положили начало спору, в котором их поддерживал аль-Мамун и предметом которого был вопрос о происхождении Корана. Этот спор привел к появлению *михна* (*mihna* – «суровое испытание, суд»), или инквизиции. Мутазилиты утверждали, что Коран был сотворен; другими словами, он не был ни вечным, ни существовавшим до того, как появилось всё, так как противное означало бы, что Коран наделен одним из атрибутов Бога – существованием, предшествовавшим существованию всего, а это было бы нарушением *тавхида* (строгого единобожия). По этой причине мутазилитов стали называть *ашаб ат-тавхид* (*ashab at-tawhid* – приверженцы единобожия). Особое значение мутазилиты придавали свободе воле, утверждая, что люди могут выбирать, что им делать, что они ответственны за свои действия и что, вследствие этого, они заслуживают награды или наказания в потустороннем мире. За это их стали называть *ахл аль-адл* (*ahl al-'adl* – «люди правосудия»). Однако в действительности, когда мутазилиты пришли к власти, они подвергли гонениям всех, кто придерживался других взглядов, и началась михна – инквизиция, во время которой пострадали такие ученые, как Ахмад ибн Ханбал и его последователи и Ахмад ибн Наср ал-Хузай. Михна вызвала волну яростных протестов, которые вполне могли привести к массовому кровопролитию, если бы не благоразумие и рассудительность халифа аль-Мутаваккила.

Аль-Мамун умер во время военного похода против византийцев и был похоронен в Тарсусе (совр. Турция) в августе 833 г. Его прямой наследник, Али аль-Рида, умер в 819 г. Вскоре после начала болезни, имевшей летальный исход, аль-Мамун назначил преемником своего брата аль-Мутасима.

Личность аль-Мутасима в корне отличалась от личности его предшественника: его занимали не столько интересные идеи, культура и науки, сколько война и военные действия. Таким образом, учение мутазилитов поддерживалось не потому, что новый халиф особенно в него верил, а лишь потому, что он следовал политике своего предшественника и руководствовался его указаниями. Он реорганизовал армию и набрал в нее гораздо больше тюрок, отдав предпочтение их войскам перед прочими. Он положил конец многим волнениям, которые ранее нарушали спокойствие его государства, в частности, движению хуррамитов под руководством Бабека в Азербайджане, Джебале и Джазире (у р. Евфрат) и тайному заговору аль-Афшина, могущественного тюркского военачальника.

Еще одним результатом привлечения тюрок в армию и управленческий аппарат Аббасидов стало основание в 835 г. нового города – Самарры, куда был перенесен центр государства. Самарра стала штаб-квартирой и местом размещения государственных управлений (илл. 206). Возможно, самым важным фактором, ставшим причиной переноса столицы, были культурные различия городских жителей Багдада и грубых тюркских воинов-кочевников, приводившие к конфликтам между ними. Однако Самарра не заменила Багдад, который по-прежнему оставался культурным, образовательным и торговым центром, хотя на некоторое время (до 892 г.) и утратил статус столицы халифата Аббасидов.

В день смерти аль-Мутасима, в январе 843 г., халифом стал аль-Ватхик (*al-Wathiq*). За время его правления большая доля власти перешла к нескольким тюркским военачальникам: Ашнасу, Васифу, Итакху и Бугхе Старшему. Сильным оставалось и влияние мутазилитов, особенно Ахмада ибн Аби-Дуада, одного из двух советников, мнению которых доверял халиф; вторым был визирь Мухаммед ибн Абдулмалик аз-Зайат.

Аль-Ватхик не назначил своего преемника, что позволило военной и гражданской бюрократии вмешаться в выбор

нового халифа. Это создало опасный прецедент, которому суждено было возмездием обернуться для будущего халифата. Благодаря поддержке некоторых тюркских военачальников и лидеров мутазилитов власти пришел аль-Мутаваккил. С самого начала он решил проводить новую политику, составив блок лояльных к себе людей, задачей которых было управление исполнительной властью, положил конец коррупции и постепенно стал предпринимать некоторые действия для ослабления влияния военных на политику и управление. Его враждебность к мутазилитам и жестокость по отношению к сторонникам Алидов и находящимся под покровительством немусульманам (*джимми*) обеспечили ему поддержку некоторых религиозных законовевов, а с ними и определенных слоев населения. Он постарался использовать эту поддержку в своей конфронтации с группой тюркских военачальников, когда начал осознавать опасность, которая грозила халифату в их лице.

Эти и другие меры, например, перевод старых самаррских подразделений из Самарры в Дамаск, затем в Джафарию и, наконец, их включение в состав вновь организованной армии, вызвали недовольство тюркских военачальников. Они убили аль-Мутаваккила и избрали халифом его сына аль-Мунтасира, который участвовал в этом заговоре против своего отца. Правление аль-Мутаваккила запомнилось отказом от мутазилитов как официального вероучения государства. Однако в отношениях с лидерами мутазилитов аль-Мутаваккил проводил умеренную политику, характеризовавшуюся терпимостью. В самом деле, если бы он не был у власти и не предпринял бы необходимых шагов для предотвращения назревавшего конфликта против мутазилитов, устроивших инквизицию, то могла подняться волна народного возмущения. Мутазилиты представляли собой обособленную группу людей, которые доходили до крайностей в своей рациональной и логической аргументации. Решение покончить с их влиянием халиф принял, следуя настроениям всего общества, а особенно ашаритов.

Политика аль-Мутаваккила постепенно привела к появлению нового религиозного течения людей *сунны* (суннитов) (сунна – мусульманское священное предание – совокупность изречений и поступков Пророка, служащих прецедентами для законодательства и дошедших до нас в виде *хадисов*) и их сообщества, которое пока еще только формировалось. В дополнение к указу, в котором аль-Мутаваккил убеждал правверных «распространять добро и препятствовать злу» и критиковал мутазилитов, он также требовал от знатоков хадисов распространять новое учение среди людей и поощрял сочинителей к созданию работ об этой доктрине и об основах религии. Так, Али ибн Раббан аль-Табари написал труд «Религия и государство», а аль-Джахиз – трактат «В ответ христианами». Целью этих и других трудов было описание добродетелей ислама и опровержение аргументов его противников. Однако правоведы и знатоки хадисов, включая Ахмада ибн Ханбала, все еще с подозрением относились к правителю; а аббасидские халифы теперь не принимали определенной стороны в отношении соперничающих религиозных течений или школ и никого не принуждали придерживаться какого-то определенного вероучения.

Вслед за убийством аль-Мутаваккила в ходе первого военного переворота в ранний период правления Аббасидов, тюркские военачальники почувствовали себя уверенно, так как больше никто не угрожал их интересам, и при назначении и свержении халифов, а также в управлении государством стало преобладать их влияние.

Это время характеризуется появлением на востоке и западе региональных политических образований – явный признак политической слабости центрального правительства. В то же время некоторые из этих образований сыграли заметную роль в войне против византийцев (Хамданиды) или против тюрк-немусульман и индийцев (Саманиды и Газневиды) и в распространении ислама в новых землях.

Политический раскол, быть может, и не был столь фатальным, так как являлся скорее отражением многообразия культур, существовавших в пределах единой цивилизации мусульманского сообщества, особенно если вспомнить, что халифат Аббасидов уже почти изжил себя, потеряв способность играть ведущую роль. Так что именно эти новые образования, окружая свои дворы теологами, законоведами, сочинителями и философами, оказались средством дальнейшего распространения ислама. Эти люди были носителями нового мышления, культуры и науки, оказавшись чрезвычайно важными для развития арабо-исламской цивилизации, которая со всеми своими ценностями и традициями продолжала удерживать верховную власть над всем обществом. Другими словами, появление этих политических образований вызвало ряд относительных перемен, которые привели к преобразованию политической географии исламского мира.

И всё же исламская цивилизация сохраняла стабильность и целостность, несмотря на постоянно изменявшиеся государственные границы и всевозможные сепаратистские движения. При правлении аль-Мансура отделился Андалус (Испания); в эпоху ар-Рашида и аль-Мамуна за ней последовали Магриб (Северо-Западная Африка) и Ифрикия (современный Тунис), а также государство Тахиридов в Хорасане. Затем в евфратской Джазире появилась династия Хамданидов, в Египте – династия Тулунидов (868 г.) и Ихшидидов, в Магрибе и Египте – династия Фатимидов, в Табаристане (864 г.) – Зейдиты, в Фарсе (867 г.) – династия Саффаринов, в Трансоксании и Хорасане (873 г.) – династия Саманидов. В 750 г. Хариджиты-ибадиты успешно основали свой собственный имамат в Омане, а ибадиты и Хариджиты-суфрии то же самое сделали в Магрибе и Северной Африке (*Bosworth, 1967; De Zambaur, 1927*).

Аббасидский халифат раздирали не только внутренние распри между политическими группировками в государстве и в армии: против него выступили и другие силы, желавшие свергнуть правящую династию; к ним относились восстания зинджей, карматов и Саффаринов.

Зинджи были африканскими рабами, которых вместе с рабами из соседних городов и деревень заставляли поднимать целинные земли южных районов Ирака. Они работали большими группами, не получая за свой труд регулярной платы и довольствуясь горстью муки, несколькими финиками да плошкой жидкой овсяной каши в день. Их вождь, Али ибн Мухаммед, не был ни чернокожим, ни рабом, но поняв, в каком ужасном положении находятся эти люди, стал обещать им землю и богатство. Он выступил с религиозными лозунгами, объявив себя долгожданным *махди* (мессией), и рабы потянулись к нему. В 869 г. он поднял их на мощное восстание. Сначала путем расправ со своими противниками и насаждения террора ему удалось установить контроль над Басрой и окружающей ее территорией, а также захватить власть в Ахвазе и эль-Васите. В этом ему также помогли настроенные против властей арабские племена, проживавшие в этой области. Однако преемнику халифа аль-Муваффаку удалось мобилизовать армию и предпринять ряд военных и административных действий, одержав в 883 г. победу над мятежниками-зинджами.

Движение карматов (приверженцев шиитской секты исмаилитов. – *Прим. ред.*) в районе Персидского залива и Западного Ирака по своей организации и целям было связано с исмаилитами и способствовало распространению недовольства в Заливе, Западном Ираке и Южной Сирии. В южном Ираке и Бахрейне к нему примкнули племена бедуинов. Начиная примерно с 900 г., карматы, возглавляемые Абу Саидом аль-Джаннаби, совершили ряд нападений на армию халифата в районах Хаджара, Басры и Куфы и в нескольких областях Сирии; земли, на которые они напали, подвергались опустошению, а их жители – жестокой расправе. Движение карматов достигло пика развития после 913 г., когда Абу Тахир ибн Аби Саид аль-Джаннаби после

гибели своего отца стал во главе этого движения. Он одержал ряд побед над армией халифа, разорил множество городов и караванов паломников и торговцев и устраивал жуткую резню. Все это вызвало в Багдаде сильнейшее недовольство визирем Ибн аль-Фуратом, на которого пало подозрение в заговоре с карматами.

В 929 г. во время ежегодного паломничества Абу Тахир напал на Мекку; он вырезал паломников, собравшихся в Заповедной мечети Мекки, похитил священный Черный камень и увез его в Хаджар. Набеги Тахира продолжались до самой его смерти в 943 г., которая, вместе с тем, ознаменовала начало упадка власти карматов, так как в самом их движении стали возникать разногласия. Карматы выразили готовность к переговорам с правительством Багдада и с Буидами, когда последние в 945 г. захватили власть в Багдаде. Целью этих переговоров был дележ прибыли, получаемой от сухопутной и морской торговли, и Буиды добились своего. Более того, участие карматов во внутренних распрях различных политических группировок, существовавших в пределах халифата Аббасидов, особенно во время правления Буидов, привело к дроблению их власти, а несколько серьезных поражений, которые они потерпели, постепенно подрывали их влияние.

В конце периода военного хаоса, перед самым приходом к власти Буидов, в халифате Аббасидов, несомненно, началась эпоха увядания. Там беспрестанно происходили волнения, беспорядки и восстания сепаратистов, и вместе с тем не находилось никого, кто воспрепятствовал бы устремлениям византийцев; более того, хозяйственная жизнь пребывала в упадке, а коррупция процветала.

Тузун, предводитель тюрков, стремившийся занять пост *амир аль-умара* (главнокомандующего), в 942 г. сумел занять Багдад, и халиф аль-Муттаки назначил его главнокомандующим, коим он и оставался до своей смерти в 945 г. Преемником Тузуна стал его секретарь Ибн Ширзад, занимавший этот пост в течение всего трех месяцев, после чего, практически не встретив сопротивления, в Багдад вошел Ахмад ибн Буй (Муизз аль-Давла), который его и свергнул (*Ibn Kbalidūn*, p. 162).

Следующий период, в течение которого судьба Аббасидского халифата находилась в руках Буидов, длился с 945 по 1055 г. Буиды (Бувейхиды) были родом из региона Дейлем, расположенного к югу от Каспийского моря. Это были воинственно настроенные люди, среди которых к концу VIII в. распространился ислам зейдитского толка. Буиды Али, аль-Хасан и Ахмад, сыновья Абу Шуджа Бувейха, впервые прославились еще будучи солдатами и сражаясь в армиях местных военных правителей. Воспользовавшись хаосом, царившим в экономике и политике, они поделили между собой области Фарса. Так, Али (Имад аль-Давла) стал править в Фарсе, аль-Хасан (Рукн аль-Давла) – в Джабале, а Ахмад ибн Буй (Муизз аль-Давла), захватив власть в Ахвазе, нацелился на Ирак и Багдад. Он вошел в город в январе 946 г., где аббасидский халиф аль-Мустакфи вынужден был даровать ему и двум его братьям те титулы, под которыми они стали известны. Муизз аль-Давла покорил Хамданидов на севере, подавил волнения турецкой армии в Багдаде и решил проблемы с Баридитами в Басре. Муизз аль-Давла был настроен крайне враждебно по отношению к халифу аль-Мустакфи, поэтому не прошло и двух недель после его вступления в Багдад, как он сверг халифа и посадил на его место своего двоюродного брата, которому даровал титул аль-Мути ли-Ллах. Так начался период, который Минорский (*Minorsky*, 1932) называет иранской интермедией между эпохой правления арабов в начале зарождения ислама и тюркским вторжением XI в.

В самом сердце Аббасидского халифата Буиды основали передаваемое по наследству княжество, которое получило поддержку армии, состоявшей в основном из дейламитов (*Daylamis*) и тюрков. Таким образом, халифат стал чисто формальным институтом, который Буиды не тронули

исключительно из административных и оппортунистических соображений. Вся власть принадлежала буидскому *амир аль-умару* (главнокомандующему). Если же говорить о цивилизации и культуре, то X в. был, по выражению Меца (*Mez*, араб. перев., 1957), эпохой возрождения ислама. Это было время поочередного правления пяти халифов: от аль-Мустакфи би Ллаха до аль-Каима би-Амр Аллаха. Из всех знаков власти над халифатом у этих халифов остались лишь титул да обязательное упоминание в *хутбе* (проповеди во время пятничного богослужения), но и эти привилегии, не говоря уже о множестве других, они делили с буидскими военачальниками.

Институт визирей был создан еще в ранний аббасидский период, должность визиря стала официальным постом с достаточно определенными полномочиями и важными обязанностями, хотя в ранний период правления Аббасидов влияние визиря во многом ограничивалось желанием халифа. Но даже при таком положении дел визирь, которого назначали, выбирая из гражданской бюрократии (или, по выражению Каэна, из «секретарской аристократии»; *Caben*, 1970: p. 150), считался главой центральной администрации. В эпоху Буидов власть аббасидских визирей исчезла полностью, а у каждого халифа появился свой секретарь (*катиб*, мн. ч. *куттаб* – «писец, секретарь»), который вел делопроизводство. Буидский же правитель, или верховный главнокомандующий, напротив, держал при себе визиря, который пользовался огромным влиянием, даже несмотря на то, что по законам того времени при увольнении имущество визиря подлежало конфискации.

В результате развития общества и усложнения различных аспектов жизни в городах стало появляться все больше правовых школ, которые занимались решением повседневных проблем. Так родилась наука *фикх* (исламское правописание), которая была представлена двумя школами: *ахл аль-хадис* (знатоки хадисов) в Хиджазе и *ахл аль-райи* (сторонники единоличного правосудия) в Ираке. Видимо, Абдаллах ибн аль-Мукафа был первым, кто упомянул о кодификации законодательства, которая позволила получать информацию из единого источника. Халиф аль-Мансур попытался с помощью Малика ибн Анаса создать капитальный труд по законодательству, к которому в случае необходимости могли бы обращаться юристы и судьи, работающие в рамках созданной системы.

С развитием юридических учреждений связано и появление *хисбы* (*al-Māwardī*, 1966: p. 260) – новой религиозно-гражданской должности. Кроме надзора за рынком и гильдиями, в должностные обязанности человека, ее занимавшего, входили охрана общественной нравственности, наблюдение за выполнением запрета на монополию и изготовление фальшивых денег, а также проведение ценовой политики. Проникновение представителей оппозиционных течений в гильдии торговцев добавило *мухтасибу* (занимавшему пост хисбы) ко всем прочим еще одну служебную обязанность – надзор за политической деятельностью, оппозиционной политике государства. Стремление ранних Аббасидов рассматривать жалобы и контролировать соответствующие учреждения появились из их твердого убеждения, что они пришли, чтобы даровать людям правосудие и поступать в соответствии с Кораном и *сунной*. Судья Абу Юсуф (*Abū Yūsuf*, 1932: pp. 111–112) настаивал на необходимости личного контроля халифа за рассмотрением жалоб, что непременно стало бы известно его подданным и испугало бы правонарушителей, которые впредь не осмелились бы творить злодеяния.

Еще в начале правления Аббасидов была учреждена должность главного судьи (*кади ль-кудах*), а в X в. при Буидах из-за быстрого роста количества судей, носивших один и тот же титул *кади ль-кудах* в одном городе, появилась новая должность – *акда ль-кудах* (верховный судья). Абу ль-Хасан аль-Маварди, автор «Верховных законов», первым получил этот титул в 1037 г., так как преемственно

ладил с буидскими военачальниками. Пост судьи оказался среди ряда должностей, право на которые монополизировали некоторые хорошо известные семьи, и в IX–X вв. он вошел в число квазинаследственных постов. Одной из таких семей была семья Абу ль-Шавариба, 8 членов которой стали судьями в Багдаде, а 16 – в других регионах; второй – семья Бану Аби Бурда. Несмотря на все, что было сказано о фанатичной политике Буидов, судьи того времени могли весьма расходиться в своих личных суждениях и принимаемых решениях; среди них были и мутазилиты, и захириты, и шафииты. При Абуде аль-Давле четверо багдадских судей были мутазилитами, а главный судья – захиритом. Однако, к какому бы рангу или школе права ни принадлежал судья, он все равно считал свой пост религиозным и тесно связанным с Багдадским халифатом и твердо верил, что одной из его обязанностей является поддержание веры перед лицом радикальных или экстремистских течений типа исмаилитов, батинитов, атеистов и *зидикитов* (*Ibn al-Jawzi*, 1938: Vol. 7, pp. 226, 264; *Kabir*, 1959).

В начале эпохи Аббасидов военное ведомство претерпело важное изменение: впервые за всю историю исламского государства появилась армия, которую можно назвать профессиональной регулярной, людей в которую набирали из Хорасана, причем как арабов, так и *мавали*, и скорее по личным качествам, а не по племенной принадлежности. В военном ведомстве их регистрировали не по названию племени, а по названиям городов и деревень, откуда они прибыли, и вскоре они оказывались связанными верноподданническими узами с государством, которое кормило, одевало и обучало их. С течением времени Аббасиды ощутили настоятельную необходимость притока в армию «свежей крови» и начали подготовленную кампанию по набору в нее наемников, особенно тюрок и других жителей исламского Востока.

Когда Буиды установили контроль над Багдадом, реальная власть попала в руки военачальников. В начале своего правления Буиды не сумели ни реорганизовать армию, ни заручиться ее поддержкой, хотя армия и состояла из дейламитов, к которым принадлежали и сами Буиды. Так случилось потому, что дейламитами, будучи наемниками, привыкли подчиняться командующему, который давал им все, в чем они нуждались. Поэтому они и переходили от одного военачальника к другому, в зависимости от тех выгод, которые они могли получить. Подобное состояние дел постепенно привело к тому, что Буиды стали полагаться больше на тюрок, которых они считали действенной силой, способной подавить любое недовольство дейламитов.

Социальные и экономические условия

Переворот, совершенный Аббасидами, некоторые историки называли «буржуазной революцией», так как он отражал устремления среднего класса, который только начал формироваться в городах, постепенно обогащаясь и приобретая влияние. Однако в социальном контексте аббасидский переворот был отражением критического состояния общества, а его истоки следует искать в общественной, экономической и политической ситуации, которая сложилась к концу правления Омейядов. Революция стала лишь откликом на эту ситуацию и послужила дополнительным стимулом, который, наряду с другими, способствовал распространению в обществе городского уклада жизни.

Багдад, столица халифата новой династии, построенный аль-Мансуром вскоре после начала правления Аббасидов, являл собой идеальную иллюстрацию новых тенденций в обществе. При выборе места халиф-основатель должным образом учел все факторы, которые могли оказать жизненно важными для развития Багдада как центра городской жизни: удобные коммуникации, хорошая почва и мягкий климат, изобилие воды и потенциальная

возможность превращения его в торговый центр. Стабильность и взаимовыгодное сосуществование разных народов в рамках четко определенного пространства, свойственные Багдаду, приводили к еще большему их смешению, что, в свою очередь, постепенно ослабляло верность людей своему племени и усиливало дух городской жизни, в большой степени определявшейся географией.

С самого начала ислам благоволил оседлому образу жизни, поэтому возведение городских поселений и городов всячески поощрялось, и было построено много новых городов. Арабы, заселявшие сами города и городские территории, обретали новые источники средств к существованию в сельском хозяйстве, торговле и ремеслах. Тем временем, различные школы права и исламские группы поощряли изучение *шариата* (исламского права) и науки. Борьба между обычаями разных племен и новыми концепциями ислама усилилась, но начавшиеся социальные перемены остановить уже было нельзя.

Как совершенная Аббасидами революция, так и созданное ими государство способствовали возникновению более общего взгляда на ислам. Первые Аббасиды попытались увеличить число сторонников ислама за счет большего количества *мавали* и других групп, в дополнение к арабам, которые в начале правления Аббасидов по-прежнему численно преобладали в обществе. Важность арабов как военной силы была неоспорима; именно они сыграли основную роль в приходе к власти Аббасидов, аббасидские халифы были арабами и гордились своим наследием; при дворе они поощряли арабские традиции и обычаи и, возвысив представителей бану-хашима, советовались с ними по всем важным вопросам. Придворными халифа были в основном арабы, причем при аль-Мансуре их было 700 человек, а при аль-Махди – 500.

Второй по численности группой были *мавали*; их нельзя назвать однородной социальной группой, так как некоторые из них явно не бедствовали. Их преуспевание началось ближе к концу эпохи Омейядов – началу эпохи Аббасидов, поскольку они занимались торговлей и ремеслами, владели землей и пользовались покровительством династии или ее верноподданных. *Мавали* стекались в крупные города, и их число росло по мере того как определялся их новый социальный статус. Некоторые становились учеными, специализируясь на *хадисах*, в законоведении и подобных сферах деятельности, обучаясь, естественно, у арабов, которые здесь занимали ведущие позиции. Кроме того, развитие управленческого аппарата породило потребность в чиновниках, которые могли бы работать в государственных ведомствах. Большинство секретарей в центральных и региональных государственных канцеляриях какдо, так и после их перехода к использованию арабского языка составляли *мавали*.

Появление *мавали* при Аббасидах и их более заметная, нежели ранее, роль были обусловлены исключительно временным фактором и историческим развитием. Аббасиды делали особый акцент на выгодах жизни в городах и стимулировали процесс сотрудничества и смешения многочисленных социальных групп, включая *мавали*, что способствовало росту этих групп и появлению новых знаний и умений в различных сферах деятельности. Так возникла новая норма определения социального статуса человека: этническая принадлежность (кровное родство) уже не имела основополагающего значения, ей на смену пришли критерии культуры и верности исламу и его принципам (*Ibn Khaldun*: Vol. 3, p. 507).

Третьей группой общества были *джимми* – люди немусульманского вероисповедания, принадлежащие к одному из религиозных сообществ и обладавшие дозволенным и признанным (однако все же второстепенным) статусом в исламском государстве. За уплату *джизии* (подушный налог, взимаемый с немусульманского населения) эти люди (а среди них были иудеи, христиане, сабиане (члены секты,

упоминающейся в Коране наряду с христианами, иудеями и мусульманами как верящие в истинного Бога. – *Прим. ред.*) и мяги (члены древней персидской жреческой касты. – *Прим. ред.*) получали защиту халифа. Как и *мавали*, *дхимми* занимались ремеслами, торговлей и производством; при Аббасидах некоторые из них стали визирями, врачами, финансовыми инспекторами, переводчиками и учеными-богословами. Подозрения насчет того, будто *дхимми* сеют скептицизм в отношении исламских верований или будто некоторые из них заодно с византийцами, были использованы некоторыми из первых аббасидских халифов, чтобы оправдать суровые меры, которые они предприняли против *дхимми*. Однако эти меры были в основном формальными, так как *дхимми* продолжали работать в администрации и служить при дворе, а также принимать активное участие в жизни общества. Наблюдения аль-Джахиза (ум. в 869 г.), видного арабского писателя и богослова эпохи Аббасидов, свидетельствуют о смешении *дхимми* с мусульманами и о заметном социальном и экономическом статусе, достигнутом первыми. У каждого сообщества был лидер, который отвечал за своих людей перед государством и назначался указом самого халифа; принятие каждым из этих сановников жалужной должности сопровождалось особыми церемониями. Главу христиан называли *джатхалик* (католикосом), а главу евреев – *рас аль-джалут*, «глава *галуты* (диаспоры)». Эти люди должны были платить *джизию*, которая была для них гарантией покровительства, защиты и безопасности. От уплаты этого налога освобождались дети, женщины, старье и немощные, монахи и больные люди, которые не могли работать.

Практически с момента создания исламского государства магов причисляли к *дхимми* и относились к ним как к *ахл аль-китаб*, «людям Писания», поэтому они тоже платили *джизию*. Маги были приверженцами Заратуштры, и Кристенсен (*Christensen*) полагает, что влияние зороастризма ощущалось во многих частях Фарса, несмотря на то, что число его последователей уменьшалось по мере обращения людей в мусульманскую веру. Что касается жителей Сабы (Сабейского царства) – сабиан (сабейцев), то из беседы аль-Мамуна с представителями их аристократии следует, что у них была своя собственная вера и личные убеждения, отличавшиеся от веры и убеждений других народов, входивших в группу *дхимми*. Изначально они поклонялись звездам и называли себя харранитами (*Harrānīs*). Однако их малая численность, тайный характер их верований и намеренное отделение от остальных обусловили их крайне незначительное влияние на общество. Среди них были выдающиеся переводчики в *Байт аль-Хикма* (Доме мудрости) в Багдаде, а также астрономы, ювелиры и граверы по металлу; а некоторым из них в то время удалось занять важные административные должности.

Четвертую социальную группу составляли рабы. Рабство существовало в различных обществах задолго до возникновения ислама и было одним из проявлений острого социального неравенства. Ислам несколько смягчил рабовладельческую систему и ввел некоторые ограничения, облегчившие участь рабов, а также поощрял их освобождение, что со временем привело к сокращению этого класса. Одним из источников рабской силы в арабо-исламском государстве были военнопленные, которые считались военным трофеем; другим – работорговля. Более того, некоторые феодалы предлагали рабов как часть уплаты ежегодного налога, которым они были обложены, а также дарили их своему халифу или местному правителю. Рабов, привозимых на восточные территории исламского государства, можно было разделить на две группы: рабы с побережья Восточной Африки и рабы византийского, славянского или тюркского происхождения. Работорговля процветала вследствие многочисленных завоеваний и роста обычной торговли. В исламском обществе рабов освобождали по разным причинам: религиозным, гуманистическим, личным и экономическим; однако после освобождения взаимоотношения

между бывшим рабом и его хозяином сохранялись, при этом они регулировались определенными обязательствами, связанными, в частности, с наследованием. На официальном уровне государство интересовалось состоянием рабства, поэтому одной из обязанностей *мухтасиба* был надзор за рынком рабов. Рабы же отличались друг от друга своим статусом, образованием и родом занятий. Некоторые завоевывали доверие своих хозяев и становились их торговыми представителями, помогали вести различные дела или прислуживали им в доме; домашней прислугой в основном становились евнухи. Некоторые рабы добивались высоких званий на военном поприще, занимали важные политические и государственные посты. С другой стороны, зинджи, вынужденные осваивать болота на юге Ирака, терпели ужасные лишения, которые приводили к бунтам, начавшимся в середине IX в.; как уже упоминалось, их восстание смогло подавить лишь через 15 лет.

Человек в исламском обществе мог выбрать профессию или ремесло по душе; имеющиеся источники (например, *al-Dūrī*: 1959, p. 154) перечисляют множество видов занятий, при которых ремесленники постепенно поднимались по социальной лестнице от учеников до ремесленников, работающих по найму у мастеров. *Ихван ас-сафа* («Братья чистоты», или «Чистые братья») составили классификацию видов занятий по степени предпочтения одних занятий другим. Prestиж некоторых профессий, например, ювелирного и парфюмерного дел, обуславливался материалами, которые в них использовались; важность других, например, ткачества, пахоты и строительства, проистекала из потребности в них людей. Третьи – носильщики и прислуга – могли оказать какую-то услугу общего характера, а музыкантов, художников, актеров и им подобных высоко ценили уже только за их умения и мастерство. Представители каждой из этих профессий нередко объединялись в гильдии. Религиозно-политические движения пытались привлечь и использовать в своих целях наиболее активные группы мастеров-ремесленников, поэтому государству приходилось привлекать внимание к деятельности гильдий через *мухтасибов* и полицию.

Подобно тому как ранее изменился традиционный взгляд на торговцев, теперь иначе стали относиться и к ремесленникам, на которых раньше смотрели свысока; люди начали уважать и почитать их (*al-Jābiz, Kitāb al-bukhala'*, p. 51). Многие традиционалисты и законоведы того времени владели разными профессиями и ремеслами, которые перестали быть занятиями *мавали* и *дхимми*; теперь в этих сферах трудились и арабы.

Аббасидское общество отличалось высокой степенью урбанизации: центрами торговли и производства были города. Соответственно, базары исламских городов служили естественным местом деятельности торговцев и ремесленников. Судя по всему, тенденция представителей какой-либо профессии собираться на одном базаре, зародившаяся в середине VII в., достигла кульминации на базарах Багдада. Халиф аль-Мансур правильно оценил всю важность географического расположения этого города и его потенциал для торгового преуспеяния, когда делал Багдад столицей нового государства. Со времени его основания в 762 г. в этот город переместилось множество рабочих, производителей, ремесленников и торговцев, благодаря чему он приобрел характер международного центра и влиял на развитие урбанизации в других городах. Это ясно из слов аль-Хатиба аль-Багдади (*al-Khatīb al-Baghdādī*: Vol. 1, p. 119):

«Во времена ар-Рашида ни один город мира не мог соперничать с Багдадом в красоте и пышности, в числе ученых и великих людей, в разграничении элиты и простолюдинов... во множестве дворцов, домов, дорог, улиц, лавок, базаров, переулков, аллей, мечетей, бань, архитектурных стилей [*turiz*] и *ханс* [караван-сараев]; в великом воздухе, сладкой воде, прохладной тени... в огромном множестве горожан, числе строений и людей».

В 774 г. аль-Мансур из соображений безопасности перенес базары из города в аль-Арбад и отвел каждой гильдии отдельные ряды и строения. Представители каждой профессии обосновались на выделенных им улицах и с тех пор ни одно ремесло или сообщество не смешивалось с другими.

Ислам весьма заботился о положении семьи в обществе и стремился добиться ее сплоченности. Ислам уважал и женщин и в законодательстве закрепил за ними определенные права. В результате, на протяжении VII в. и большей части VIII в. их социальный статус был защищен. Вместе с тем, связи вне брака по-прежнему не запрещались, а увеличение количества рабынь и обогащение мужчин возымели обратный эффект на положение женщин: свободных женщин изолировали и не допускали в общество. Ревность была одной из причин использования в качестве прислуги евнухов, вследствие чего возрос спрос на них на рынке; евнухов описывали такие авторы того времени, как аль-Джахиз и Абу Хайян аль-Тавхиди. Но, несмотря на это, некоторые женщины достигали известности в религии, литературе и политике, в благотворительных и богоугодных делах, в строительстве и общественной деятельности как в начале правления Аббасидов, так и позднее. В Багдаде и других городах были женщины, которые хорошо разбирались в *хадисах* и у которых учились многие знатоки хадисов. К таким женщинам относятся Шахда аль-Ибари, Таджани аль-Вахбанийя, Зейнаб аль-Шарийя, а также многие другие – в поэзии, литературе, политике, музыке и пении (*al-Kharrāb al-Baghdādī*: Vol. 14, pp. 430–447).

Аль-Якуби в своей книге «Сходство людей и их времени» утверждает, что люди гораздо легче находят общий язык со своими сверстниками, нежели с родителями, и обычно придерживаются того же вероучения, которое исповедуют их правители. Это заявление не голословно: его подтверждают различные явления общественной жизни того времени. Тогда в обществе вводились новые традиции и нормы поведения; некоторые из них сначала принимал двор и привилегированные слои общества, а потом и остальные. Однако все перемены происходили не сразу, а постепенно. Ко времени ар-Рашида широкое распространение получили приобретение певиц и рабынь, пение и музыка, вино и совершенно непристойная поэзия, вследствие чего время ар-Рашида стали называть «эпохой свадебных празднеств». Аль-Якуби рассказывает, как склонность халифа аль-Амина продвигать при дворе мальчиков-рабов (*ghilman*) привела к тому, что Умм Джафар стал переодевать симпатичных стройных девочек-рабынь в одежду мальчиков. После этого богачи стали покупать таких девочек с коротко остриженными волосами и называть их *аль-гхуламайят* («юношами женского пола»).

Высокий уровень жизни представителей элиты и обеспеченных людей, с ними связанных, создал повышенный интерес к еде и к появлению новых блюд, описанных в многочисленных кулинарных книгах того и более позднего периодов; некоторые из них упоминаются в «Указателе» (аль-Фахризиди) Ибн аль-Надима (*Ibn al-Nadīm*: p. 424). Разнообразных блюд существовало множество: одни были распространены и обычными, другие – редкими и дорогостоящими. Было множество фруктов, сладостей и закусок.

При Аббасидах росла и развивалась тенденция исламского общества к урбанизации. Государство пыталось оказывать подданным разного рода помощь; законовед Абу Ханифа, живший в начале этого периода, полагал, что все бедняки должны получать максимальное пособие, которое в его время составляло менее 200 *дирхемов* или 20 *динаров*. Аль-Маварди, который творил в конце рассматриваемого периода (XI в.) называл три класса бедняков: (1) люди, которые работают на базаре и зарабатывают себе на жизнь, но доход которых недостаточен и которым не хватает лишь одного динара, чтобы подняться из крайней нужды на более приемлемый уровень жизни; (2) бедняки, которым необходимо пособие из-за их неспособности работать, болезни или

большой семьи, и эти люди должны получать большее пособие, нежели первые; (3) бедные рабочие, которые могут зарабатывать достаточно для себя и семьи, а потому не могут претендовать на получение пособия.

Для всего вышесказанного требовалось вмешательство государства, которое должно было обеспечивать жизненно важные потребности обычных людей, и особенно бедняков, с помощью различных средств, включая *мабаррат* (благотворительные взносы в пользу бедных и слабых) и *джайрат* (дневной рацион). В правление аль-Мансура назначался специальный чиновник по распределению дневного рациона между слепыми, сиротами и старыми женщинами; при правлении аль-Махди в эту категорию включили также прокаженных и заключенных. «Когда [аль-Махди] выезжал из дворца, с ним всегда были огромные мешки с деньгами, и своей собственной рукой он одаривал всех, кто просил у него; а остальные люди подражали ему». Ар-Рашид дал людям много и прославился тем, что организовал места для отдыха (водоемы, наполненные дождевой водой) на дорогах в Мекку, Медину, Мину и Арафат; он также построил жилье для войск, охранявших границы государства.

Немало сделала для людей и Зубейда (*Zubayda*), создав множество мест отдыха (водоемов с дождевой водой), систем искусственного орошения и мест для ритуального омовения вокруг Большой мечети. При ней в Арафате и Мине построили фонтаны и оросительные системы, а вдоль дороги в Мекку вырыли колодцы; неимущим стали жертвовать земельные наделы. Она выделяла деньги на больницы и дарила беднякам поместья с доходом до 100 тыс. динаров, расположенные на приграничных землях.

Аль-Мансур расширил Большую мечеть; это начинание продолжил его сын аль-Махди в 776 и 780 гг. Государство строило тюрьмы, дороги и мосты и охраняло их от нападения воров и грабителей с большой дороги. Примечательно, что в год, когда разразилась очередная эпидемия, визирь Али ибн Иса Али аль-Джаррах писал врачу Синану ибн Тхабиту:

«Да продлит Бог твою жизнь, а я думал о тех, кто сейчас в тюрьме, ибо их так много и живут они в столь тяжелых условиях, что непременно заболели... потому, да поможет тебе Бог, нужно назначить врачей, которые будут приходить к ним ежедневно с лекарствами и снадобьями... и пусть они лечат всех больных и облегчают их страдания».

Некоторые состоятельные люди и государственные мужи вносили свой вклад в обеспечение всей этой помощи.

Типичными для эпохи Аббасидов были роскошь и развлечений, но в то же время в обществе появились и противоположные явления: аскетизм и отшельничество. Отшельники выказывали крайнюю набожность и отчужденность от обычных мирских занятий. Это движение являло собой некоторого рода духовную или общественную реакцию как на классовое неравенство и общественные пороки, так и на легкомыслие, бесстыдство, роскошь и политическое безвластие, которые пришли на смену эпохе могущества и процветания в ранний период правления Аббасидов. Массиньон (*Massignon*, 1922) утверждает, что склонность к аскетизму и мистицизму обычно произрастает на почве внутреннего волнения, которое охватывает душу и приводит к бунту людей против социальной несправедливости. Это касается не только противостояния с другими людьми: все начинается с борьбы с самим собой. Суфиан аль-Тхаври (ум. в 777 г.) советовал одному из своих друзей: «Стремись к безвестности... Ибо когда-то люди, встречаясь, помогали друг другу; но сегодня не те времена, и спасется тот, кто людей избегает» (*Mez*, араб. пер.: Vol. 2, p. 28).

Объем сведений о явлениях, происходивших в обществе, растет с течением времени, так что о X в. нам известно значительно больше, чем о начале эпохи Аббасидов. Как и

следовало ожидать, переход власти в халифате к Буидам (правление которых длилось весь X в. и половину XI в.), вызвал заметные перемены в обществе. Однако, судя по всему, ценности новой арабо-исламской цивилизации возымели ощутимое влияние на общество в целом: они стали его доминирующими элементами и основным фактором, который обусловил равенство и единство всего населения, несмотря на разнообразие обычаев, традиций, культур, языков и вероисповеданий. Регионы, оказавшиеся в подчинении у Буидов, населяли разные народы: арабы, персы, турки, дейламиды, курды и зутты (цыгане). Такое многообразие народов гораздо заметнее было в городах, чем в сельской местности. Несмотря на то, что уже говорилось о склонности буидских военачальников к зейдитскому, а иногда и имамитскому вероучению, некоторые из них, например Адуд аль-Давла, были весьма благосклонны к мутазилитам. Нет доказательств, что они воспринимали эти вероучения или что их ислам отличался особой строгостью. Об этом говорит тот факт, что вероисповедание людей почти не изменилось по сравнению с тем, каким оно было во время прихода Аббасидов к власти. Вероучения ханифитов, шафиитов и захиритов по-прежнему господствовали в пределах сферы влияния Буидов, хотя там же встречались и центры сект зейдизма, мутазилизма, иманизма и исмаилизма. Соперничество этих вероучений в некоторой степени проявилось лишь в конце X в., а потом вновь в XI в. (*Munāẓima*, 1987).

Мез (*Mez*, араб. пер.: Vol. 2, p. 268) отмечает, что у халифов, военачальников и правителей вошло в привычку основывать небольшие курортные города, которые, начиная с середины IX в., стали появляться на западе и востоке исламской империи. В самом начале эпохи Аббасидов неподалеку от Куфы выросла Эль-Хашимия, а рядом с Багдадом – Эль-Русафа; позднее около Самарры выстроили Эль-Джафарии, около Фустата – Эль-Катаи, около Кайруана – Раккаду, а при Адуд аль-Давле около Ширази появился Курд Фана-Хусрау; в то время самой богатой областью был Фарс. В Ираке Адуд аль-Давл восстановил Багдад, который сильно пострадал во время восстаний и религиозных волнений. Аль-Рудхравари (*Al-Rūdhrāwari*, 1961: Vol. 3, pp. 68–69) свидетельствует: «...он желал блага для Багдада..., он трудился, чтобы вернуть его былое богатство, он построил больницу, сделал большое пожертвование на ее нужды и отправлял в нее отовсюду разное оборудование и лекарства; следы этих свершений видны и по сей день».

Переход арабов от примитивного существования, свойственного кочевым племенам, к сложной жизни в городах и прогресс, которого они достигли во всех областях цивилизации, привели к тому, что больше внимания стало уделяться экономическим сферам: сельскому хозяйству, торговле и производству. В начале эпохи Аббасидов власть стремилась также поощрять многообещающую урбанизацию и, главное, обеспечивать государству экономическое процветание. Насколько сильной была эта тенденция можно понять из слов, приписываемых халифу аль-Мутасиму: «В развитии существует несколько особо важных сторон, и первая из них – обработка земли, ибо от нее зависят все люди, она обеспечивает уплату поземельного налога, дает в изобилии деньги и пищу скоту; поэтому цены низки, прибыль велика, а доход растет».

Разнообразные климатические условия, достаточное количество воды, благоприятное географическое положение и гарантия безопасности были важнейшими факторами, обеспечившими развитие сельского хозяйства и возможность выращивания разных культур в восточных областях исламского государства того времени. Наиболее ярким свидетельством этого развития являются реестры уплаты поземельного налога, которые, несмотря на то, что их сохранилось относительно немного, полностью доказывают процветание сельского хозяйства в провинциях. Сельское хозяйство действительно было краеугольным камнем экономики: сельскохозяйственные угодья простирались

вокруг городов и в сельской местности, причем во многих частях империи собирали по два урожая в год.

Системы землевладения и землепользования всегда были актуальным вопросом для средних слоев общества, так как, несмотря на процветание ремесел, производств и торговли основным средством производства в эпоху Аббасидов оставалась земля. Для начала нужно уяснить разницу, которая в то время существовала между землевладением и землепользованием. Первые аббасидские халифы понимали, что в эпоху правления Омейядов в системе землевладения и налогообложения царил произвол, поэтому они пытались развивать сельское хозяйство и призывали состоятельных людей приобретать землю и вкладывать в нее собственные деньги. Отношение правоведов к этим нововведениям в основном определялось попытками примирить шариат с существующим положением дел, так что их позиция изменялась вместе с изменениями в сельскохозяйственной системе, хотя некоторые из них были против «неумеренности», которая, на их взгляд, не соответствовала шариату.

Когда с конца IX в. в государстве начался общий упадок, то под давлением политической ситуации халифы вынуждены были назначить правителей в регионах, надев их финансовыми полномочиями по надзору за сельскохозяйственными угодьями и обложению их налогом. Основным методом землепользования стал *даман* (облагаемое налогом хозяйство), впоследствии развившийся в так называемый «административный *икта*» (*икта* – земельный надел, пожалованный феодалам. – Прим. ред.), благодаря которому победоносные военачальники получили абсолютный контроль над подчиненными им землями. На этом переходном этапе в децентрализованном государстве получила распространение практика раздачи земли военными или гражданскими правителями, которую Шабан (*Shaban*) вследствие этого называет «административно-военным даром». Лембтон (*Lambton*) считает, что данный этап развития был промежуточным между *даманом* и военным *даром*, который ввели Буиды. Казн (*Cazen*) полагает, что из метода *даман* возникла целая система землевладения, а аль-Дури (*al-Duri*) уверен, что в то время использовались разные виды безвозмездной передачи земли и лишь потом в совершенно определенной форме появились военные дары Буидов. Другие разновидности землевладения оставались неизменными со времени прихода к власти Аббасидов, допускались лишь изменения в некоторых правах собственности. Земли халифа назывались «имперскими поместьями». Четкое различие проводилось между *икта аль-тамик* (предоставление земли в частную собственность), при котором владелец *икта* получал землю в полную собственность и мог завещать ее своим наследникам, и *икта аль-вазифа* (предоставление земли в пользование), которое не было наследственным и, будь оно военным или гражданским, могло быть аннулировано халифом. Когда визирь, правитель или военачальник заступал на свой пост, он получал право на *икта*, который у него отнимали после ухода с должности и передавали его преемнику. Землями *вакф* продолжал распоряжаться *кади*, хотя визирь Али ибн Иса Али аль-Джаррах создал особое правительственное управление, названное *диван ал-бирр* («канцелярия благочестивых дел»), обязанность которого состояла в управлении землями *вакф*.

В период правления Буидов в системе землевладения произошел определенный сдвиг. Буиды считали захваченные ими земли своей собственностью – трофеем, который они завоевали силой. Когда оказалось, что они не в состоянии выплачивать своей армии регулярное денежное содержание, они прибегли к практике военных земельных даров, что привело к упадку сельского хозяйства и, соответственно, к дефициту дохода государства. С X в. начался финансовый кризис, с которым государство старалось справиться изо всех сил, но с приходом Буидов он только обострился по причине их расточительности, неумелого

управления и большого числа волнений и конфликтов, происходивших в то время. Немаловажную роль в сложившейся ситуации сыграло и то, что Буиды соглашались на любые финансовые запросы своей армии. Они продолжали вводить систему военных земельных даров: военачальники получали землю взамен положенного им денежного содержания, целые регионы отдавали во временное владение солдатам, которые потом могли выжать из них свои деньги через доходы, приносимые землей, а с течением времени путем протекции или других средств они получали эту землю в свою собственность. Раздача земель военным расширилась при Адуд аль-Давле, который наделял свою армию землями *вакф* и отбирал имперские поместья, чтобы отдать их буидским военачальникам. Поворотным стал 945 г., когда землю начали отдавать в основном военным, и такие военные земельные дары стали преобладать над всеми остальными формами землевладения.

Многие восточные регионы были богаты драгоценными металлами и полезными ископаемыми. Мез рассказывает, что на востоке добывали серебро, а на западе – золото; золотые прииски располагались в Верхнем Египте и Судане, а самые крупные серебряные рудники – в Гиндукуше и особенно в долине Панджшю к северо-востоку от Кабула.

Смолу, нефть и соль добывали из земли и считали их не менее важными, чем воду. Смолу использовали для покрытия стен домов, бань, лодок и для обеспечения водонепроницаемости, где это было необходимо; в Ханакине и Баку имелись большие нефтяные колодцы, приносящие немалый доход. По нашим источникам, залежи нефти были известны во многих областях Фарса, Ирака, Центральной Азии, Аравийского полуострова, Египта и Азербайджана. Первая ссылка на ее использование в военных целях датируется 752 г., когда аль-Махди сказал о Фарсе: «Земля его полна полезными ископаемыми». В их число входили железо, свинец, ртуть, сера, нефть и соль. В районе Дарабджирда в Фарсе из земли били нефтяные фонтаны. В Кермане и Хорасане находились железные рудники, а аль-Тхаалиби рассказывает, что среди самых известных в X в. драгоценных камней были бирюза из Нишапура, жемчуг из Омана, хризолит из Египта и сердолик из Йемена.

Благодаря изобилию сырья сельскохозяйственного, животного и минерального происхождения, а также большому спросу, вызванному высоким уровнем жизни, восточные регионы исламского государства активно занимались различного рода производством, особенно ткачеством. В то время эта отрасль производства достигла очень высокого уровня развития, особенно в Фарсе, Хорасане и Египте, а изделия отличались особым изяществом. Производили разные виды материала, стремясь удовлетворить спрос на одежду, шторы, ковры, балдахины, подушки и т.п. Производство красителей было тесно связано с ткачеством; используемые краски получались из растений и иногда из минералов.

Производство духов, например, розовой воды, и мыла сосредоточивалось в крупных городах типа Багдада и городов Фарса, которые славились умением экстрагировать эссенции из растений и семян. В Багдаде существовал специальный рынок благовоний, а Куфа славилась своим левкоевым маслом. Город Джур (Гур, Фирузабад) был знаменит розовой водой, которую производили в таком количестве и такого качества, что ее стали называть *джуровой* розовой водой.

Бумага (*кагхад*) была новым материалом; в начале эпохи Аббасидов ее стали использовать для письма вместо *киртас* – материала из пергамента и папируса. Уже в первой половине IX в. бумага получила широкое распространение; технологии производства бумаги совершенствовались, и в Багдаде росло количество бумагоделательных фабрик. Эту знаменитую бумагу «багдади» использовали составители официальных документов в государственных канцеляриях, книготорговцы и каллиграфы, переписывавшие Коран и другие книги. В Багдаде были и магазины,

торговавшие бумагой. Таким образом, этот период стал решающим в производстве бумаги, которая получила распространение во многих странах. Аль-Тхаалиби пишет, что различные виды самаркандской бумаги вытеснили из употребления старомодный египетский *киртас* (*Shaban*, 1971–1976, араб. пер.: Vol. 2, pp. 89 ff.). В Фарсе для письма изготовляли тушь, но по качеству она уступала китайской (*Ibn Hawqal*, p. 262) (илл. 108).

Существовали и другие ремесла, например, изготовление оружия, поддерживающее «оружейный рынок» Багдада; кузнечное дело, необходимое для производства инструментов, весов и гравюр; обработка кож; сушка фруктов и виноделие. Вино производили преимущественно на территории или вблизи мужских монастырей, окруженных виноградниками. Оживленную торговлю с дальними странами в X в. Мез описывает как «одно из блестящих достижений ислама... Мусульманские купцы стояли в первых рядах международной торговли» (*Mez*, араб. пер.: Vol. 2, pp. 271). В таком развитии торговли IX и X вв. стали поворотным временем в стремлении арабского общества к богатству и роскоши. Багдад и Александрия устанавливали цены на предметы роскоши по всему миру.

Развитие и процветание торговли в эпоху Аббасидов (особенно в X в. и позднее) обусловлено несколькими факторами. Самым главным из них, вероятно, было благосклонное отношение ислама к торговле и растущий спрос нового городского общества как на товары первой необходимости, так и на предметы роскоши. Кроме того, важную роль играло географическое местоположение исламского Востока, позволившее ему господствовать на международных торговых путях Востока и Средиземноморья. И, наконец, немаловажной была и относительная безопасность араб-исламского мира и его преуспевание, определенную роль в которых, несомненно, сыграло стремление государства охранять и защищать дороги, обеспечивать безопасность караванов, ловить разбойников и с помощью *мухтасибов* предотвращать мошенничество на базарах.

Интеллектуальная жизнь

Вообще говоря, интеллектуальное движение началось одновременно с появлением ислама. Ко времени прихода Аббасидов к власти стадия формирования этого движения сменилась периодом его консолидации, так что к X в. это было уже зрелое и прогрессивное движение. Интеллектуальное пробуждение произошло под влиянием многих факторов, включая поддержку ученых и литераторов государством в лице аббасидских халифов и других высокопоставленных лиц. Появление различных правовых школ, схоластического богословия и философии, соперничество различных исламских группировок, разнообразие социальных и религиозных структур, включавших как мусульман, так и *дхимми*, внесли вклад в обширность интеллектуальных устремлений с самого раннего периода правления Аббасидов. Интеллектуальное пробуждение, достигшее наивысшей точки в X в. и позднее, можно объяснить высоким культурным уровнем, которого исламское общество достигло в различных областях, атмосферой относительной безопасности и свободы, и, наконец, что тоже немаловажно, открытостью по отношению к другим культурам и идеям. Всеобщая природа ислама способствовала взаимодействию и взаимному оплодотворению культуры и интеллекта с целью усвоения всего, что казалось полезным в других цивилизациях.

В начале правления Аббасидов немало трудов было написано в областях традиционной и рационалистической наук, или в науках древних. Обитель Мудрости (*Байт аль-Хикма*) в Багдаде сыграл выдающуюся роль в переводе греческих трудов на арабский язык. Аль-Мансур стал «первым халифом, при котором на арабский язык перевели древние книги». В это же время Мухаммед ибн Исхак

(аль-Мансур) написал «Книгу военных кампаний пророка». Абу Джафар занимался наукой и пересказывал *хадисы*, и в его время знание находилось на высоком уровне» (*al-Ya'qubi*: р. 54).

В обществе не было намеренного противопоставления различных работ или профессий, поэтому некоторые историки (*Wellhausen*, 1902; *Van Vloten*, 1894), возможно, преувеличивают, полагая, что при Омейядах существовала социальная, экономическая и политическая дискриминация *мавали*. Безусловно, при Аббасидах ситуация была иной: вряд ли стоит удивляться замечанию Ибн Хальдуна, что «в исламском государстве большинство ученых людей были неарабского происхождения» (*Ibn Khaldun*: р. 173). Когда ислам только возник, арабы, естественно, были заняты главным образом политикой, управлением и войной, тогда как *мавали* не оставалось ничего другого, кроме как возвыситься в иных сферах, включая науку и культуру. Именно эти арабы обучали мавали и одобрительно относились к их стремлению найти свое место в новом исламском обществе. Согласно одному из историков, «когда умерли первые [арабские] знатоки, законоведение во всех странах стало прерогативой мавали» (*Yaqut al-Hamawi*, статья о Хорасане).

Саид ибн аль-Мусаййаб аль-Кураши был правоведом в Медине до того, как там появились Зайд ибн Аслам и другие; Саид ибн Джубайр, правовед из Куфы, учился у Абдаллаха ибн Аббаса, аль-Хасан аль-Басри – у Имрана ибн Хасина и аль-Нумана ибн Башира; Мухаммед ибн Сири – у Абу Хурайры, Абдаллаха ибн Омара и Анаса ибн Малика: все эти ученые-мавали в свое время учились у арабов. Все население Басры вышло проводить *маваля* аль-Хасана аль-Басри в его последний путь, а о *мавале* Саиде ибн Джубайре Ахмад ибн Ханбал писал: «В целом мире нет ни одного человека, который не извлек бы пользы из его знаний». Вряд ли можно считать обоснованным утверждение ибн Хальдуна, будто в первые века после появления ислама в обществе преобладали бедуины и что изучение наук оставалось единственным занятием *мавали*, так как арабы презирали их и не допускали их вмешательства в дела государства.

В начале правления Аббасидов, частично в результате интенсивной переводческой деятельности, появилась наука *калам* (схоластическое богословие; букв. – слово, речь), которая основывалась на логике, аргументации и полемике. При Бармакидах общественные собрания посещало так много ученых и сочинителей самых разных школ, что халифу ар-Рашиду пришлось запретить ведение споров и дискуссий в мечетях и на улицах. Халиф аль-Мамун, симпатизировавший мутазилитам (в среде которых и возник калам во второй половине VIII в. – *Прим. ред.*), напротив, поощрял всевозможные дискуссии и сам устраивал прения между учеными. Наиболее выдающимися представителями *калама* в то время были Василь ибн Ата, Амр ибн Убайд, аль-Аллаф и аль-Наззам.

Именно в этот период в различных областях знания выделась ученая элита. Аль-Халил ибн Ахмад аль-Фарахиди первым систематизировал грамматические правила, составил словарь, названный «Книга Источника» («*Kitab al-ayn*»), и первым описал законы стихосложения. Выдающимся грамматистом был Сибавайн, а Абдаллах ибн аль-Мукаффа славился своей прозой и переводами с языка пехлеви (среднеперсидского) на арабский. Его последователями были Ибн Кутайба аль-Динавари и аль-Джахиз – наиболее плодотворные сочинители того времени. Некоторые ученые, например, Яхья ибн аль-Харис аль-Дхимари (ум. в 762 г.) и Хамза ибн Хабиб аль-Зайят (ум. в 772 г.), специализировались на деталях альтернативного прочтения Корана. Харун ибн Муса аль-Басри (ум. ок. 786 г.) первым подверг прочтение Корана критическому изучению, а специалисты по *тафсиру* (комментарии к тексту Корана. – *Прим. пер.*) начали собирать и записывать все, что им передавали, не пытаясь проверить точность полученных сведений; одним

из таких специалистов был Мукатил ибн Сулейман аль-Азди (ум. в 767 г.).

Мутазилииты попытались толковать Коран на рационалистической основе. Одним из первых это сделал Абу Бакр аль-Асамм (ум. в 854 г.). Арабские ученые, например, аль-Фарра (ум. в 822 г.) создавали труды с толкованием наиболее непонятных стихов Корана и, как правило, называли их «Значения Корана». Правоведы в то время тоже писали книги, называя их «Предписания Корана». Аль-Кисаи, аль-Асмай, Абу Убеида и грамматист Халаф интересовались языком, правописанием и литературой. Аль-Муфаддал аль-Дабби представил халифу аль-Махди свою «Антологию» (*Rosenthal*, pp. 108 ff.).

Мусульмане очень интересовались *хадисами*, так как они являлись одним из источников законодательства. В IX в. этим предметом занимались два выдающихся автора: Мухаммед ибн Исмаил аль-Бухари (ум. в 869 г.) и Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Кушайри (ум. в 874 г.). Труды обоих носили одно и то же название «Подлинный»; это были самые знаменитые книги о *сунне*. В это же время возникло правоведение как наука, которое разделилось на две школы: *ахл аль-хадис* в Хиджазе и *ахл аль-рай* в Ираке. Среди выдающихся правоведов были Малик ибн Анас из Медины, Абу Ханифа аль-Нуман из Куфы, а позднее Мухаммед ибн Идрис аль-Шафии, Ахмада ибн Ханбал и Джафар аль-Садик. На основе принятых ими судебных решений эти люди написали несколько трудов.

В начале правления Аббасидов в поэзии возникло новое направление, наиболее известным представителем которого был Абу Нуvas. Поэзия преследовала множество целей и затрагивала много тем: аль-Бухтури славился поразительными описаниями, Абу Таммам аль-Таи – философскими размышлениями, Ибн аль-Руми – глубиной образности, Башшар ибн Бурд – разнообразием тем и точностью описаний. У каждой правовой школы или секты были свои поэты, которые писали стихи с целью распространения их взглядов. Так возникло множество самых разных поэтов, чьи стихи могли носить политическую, сектантскую или аскетическую окраску, но были среди них и такие, кто писал о любви и богатстве.

История ислама берет начало в *хадисах* Пророка. В исламском государстве существовали не только две правовые, но и две исторические школы, представляющие две разные тенденции: исламскую (традиционализм), центр которой находился в Медине в Хиджазе, и племенную (генеалогическую), которая базировалась в Куфе и Басре в Ираке. Первые историки, которые занимались хадисами, были под влиянием хадисоведческого метода критики как текста, так и всей цепи повествований. Их занимали военные кампании Пророка и его биография – дисциплина, возникшая из хадисоведения и занимавшаяся жизнью Пророка. Первые исторические исследования в начале эпохи Аббасидов провела группа ученых, в которую входили Муса ибн Укба (ум. в 758 г.), Муаммар ибн Рашид (ум. в 767 г.), Мухаммед ибн Исхак (ум. в 767 г.) и Абдулмалик ибн Хишам (ум. в 813 г.). Ибн Исхак, автор «Биографии Пророка» (*аль-Сира*), а затем Мухаммед ибн Умар аль-Вакиди (ум. в 822 г.), автор «Военных походов Пророка», и Мухаммед ибн Сад (ум. в 844 г.), автор «Великого биографического словаря», считаются первыми историками; они были также и знатоками хадисов, но уже в меньшей степени.

Вторая школа, занимавшаяся генеалогией, легендарными деяниями, битвами и славой племен, включала группу летописцев и специалистов в генеалогии, живших в главных иракских городах. Среди них были Авана ибн аль-Хакам (ум. в 764 г.), Абу Михнаф (ум. в 774 г.), Сайф ибн Умар (ум. в 796 г.), Наср ибн Музахим (ум. в 827 г.) и аль-Мадаини (ум. в 839 г.). Самыми знаменитыми в генеалогии были Мухаммед ибн аль-Саиб аль-Калби и его сын Хишам, затем Абу ль-Якзан, а после него Мусаб аз-Зубайри (ум. в 850 г.).

Благодаря распространению торговли, всевозможных сухопутных и морских путешествий и переводам многочисленных текстов других культур, в эпоху Аббасидов одна за другой начали появляться первые книги по географии и путешествиям. «Книга путей и царств» была написана Ибн Хордадбехом в начале эпохи Аббасидов и стала первой в своем роде географической книгой. Когда Аббасиды основали в Ираке свое государство, около Багдада оказалось по меньшей мере два центра иноземной (особенно греческой) культуры: Харран, населенный Сабиянами (сабейцами), которые знали арабский и греческий языки и помогали переводить греческие труды на арабский, и Джундишапур в Ахвазе (провинция Хузистан), служивший убежищем для греческих философов и врачей, подвергшихся гонениям; впоследствии он стал центром обучения греческим знаниям в этом регионе. Благодаря созданию Обители Мудрости (*Bayt аль-Хикма*) при первых Аббасидах были переведены на арабский язык множество книг по философии, медицине, астрономии, математике, алхимии и другим предметам. Наиболее известными переводчиками того времени были Тхабит аль-Харрани, Хунайн ибн Исхак, Куста ибн Лука и семья Навбакхт. На приобретение книг по наукам древних и последующий их перевод на арабский язык ар-Рашид и Бармакиды, аль-Мамун, семейство Мусы ибн Шакира и другие правители тратили большие суммы денег. Такой подход дал желаемые результаты, и некоторые мусульманские ученые добились выдающихся успехов в различных областях: они усвоили древнее знание и добавили ряд новых дисциплин, повлиявших на прогресс человеческой науки и культуры. Среди этих ученых – Мухаммед бен Муса аль-Хорезми в алгебре, Джабир ибн Хайян в алхимии, аль-Хаджадж ибн Артаа в архитектуре, Имран ибн аль-Ваддах в арифметике, астроном Абу Машар, астролог аль-Харитх, Абу Сахл ибн Навбакхт в науке о звездах, а также Джабраил ибн Бухтияшу, Ибн Масавайх и Хуньян ибн Исхак в медицине (*al-Nasbshār*: Vol. 1, pp. 76 ff.). Кроме того, в начале эпохи Аббасидов внимание мусульман стало привлекать искусство возведения зданий и их украшения, особенно после постройки Багдада, Самарры и Эль-Джафарии, а также различных зданий и общественных построек в этих городах (*Cresswell*, 1938–1949; *Grabar*, 1972).

Вероятно, наиболее примечательной чертой следующего периода (IX–X вв.) является тот факт, что превратности политической ситуации, сложившейся в государстве, как правило, не отражались на делах ученых. Несмотря на то, что в политическом отношении исламский Восток весьма напоминал мозаику, в управлении государством царил полный хаос, а тюркские командующие и буидские правители толком не знали арабского языка и потому не могли ни оценить арабскую литературу, ни понять значение рациональных наук, их дворы были полны учеными, которых они заставляли соперничать между собой, чтобы одновременно и привлечь, и поощрить. Поскольку правители чуть ли не соперничали друг с другом в привлечении возможно большего числа ученых, то создается впечатление, что изменилось само отношение общества к наукам: из простых и презренных ремесел, которыми их (за исключением наук, изучающих религиозный закон) считали ранее, они превратились в нечто, получившее выдающийся статус в обществе.

В этот период ведущее положение в исламском научном мире продолжал занимать Ирак, поэтому наивысшей концентрации интеллектуальной деятельности в виде школ, библиотек, книготорговцев, переписчиков и сочинителей достигла в Багдаде, что ясно показал аль-Хатиб аль-Багдади в своем труде «История Багдада», содержащем его оценки ученых из различных сфер знаний.

Несмотря на то, что халиф аль-Мутаваккил отказался от мутазилизма как от официального вероучения Аббасидского государства, это движение по-прежнему играло активную роль в делах интеллектуальных. Среди наиболее известных ученых-мутазилистов того времени можно на-

звать Абу Али аль-Джуббаи и его ученика Мухаммеда ибн Омара аль-Саймари, а также главного *кади* Абдулджаббара (ум. в 1024 г.). Абу ль-Хасан аль-Ашари (ум. в 941 г.) был учеником аль-Джуббаи, но выступил против мутазилизма и создал независимую школу, привлекая многих ученых, включая Абу Хамида аль-Исфараини, который преподавал в Багдаде до своей смерти в 1015 г. В Ираке процветал *фикх* (законоведение), и было множество *муджахидов* (букв. – ревностных – представителей высшей категории мусульманских богословов-законоведов, принимающих независимые решения по правовым или богословским вопросам), таких как Дауд аль-Захири (ум. в 883 г.) и Мухаммед ибн Джарир аль-Табари (ум. в 922 г.), автор «Экзегезы» (толкований Корана) и «Истории пророков и царей»; он был одним из самых знающих людей в законах различных вероучений; кроме них, работал мутазилиит аль-Замахшари, автор труда «Разоблачающий». В это время усилилось влияние ханбалитов (*Makdisi*, 1985: pp. 216 ff.), их лидерами были Абдаллах ибн Ахмад ибн Ханбал (ум. в 902 г.) и Абу Бакра Абдулла ибн Дауд аль-Азди аль-Сиджистани (ум. в 928 г.).

Учение суфизма в этот период приобрело законченность; вполне возможно, что некоторые идеи оно позаимствовало из греческой и индийской философии через *аль-Хариса аль-Мухасиб* (ум. в 857 г.) и достигло апогея при суфийском мистике аль-Джунайде (ум. в 909 г.), утверждавшем: «Суфизм – это чистота личного отношения человека к Богу». Одним из его учеников был аль-Халладж, убитый в 921 г. за то, что посмел утверждать, будто он общался с Богом.

В результате конфликта мнений в отношении правоведения и гуманитарных предметов в целом возникла так называемая литература расхождения доктрин и были разработаны принципы полемики, которые предполагали сначала понимание некоторой точки зрения, а затем ее опровержение. Правоведческая литература, всевозможные описания и биографические словари содержат массу исторических примеров рассмотрения противоречивых случаев, а принципы подхода к ним разрешению можно понять из слов Абу Ханифы: «Это наша позиция, но мы никого не принуждаем придерживаться этого мнения и не требуем, чтобы человек принимал его против своей воли; если у кого-то есть лучшее мнение, пусть он предложит его» (*al-Awānī*: 1981: p. 91).

К области языка и литературы относятся несколько книг Мухаммеда ибн Дурайда аль-Азди аль-Омани (ум. в 933 г.), из них наибольшую известность получили «Собирание вместе» и «Происхождение». За ним последовали Абу Али аль-Кали, автор «Предписаний», Абу Саид аль-Сирафи и Абу Бакр ибн аль-Анбари (ум. в 939 г.), писавший на различные литературные и правовые темы. Были также многочисленные поэты, писавшие стихи на разные темы.

В исторических трудах, начиная с IX в., наблюдается заметное увеличение используемого материала (*Muṣṭafā*, 1979: Vol. 2, pp. 68 ff.); причин тому немало: стабильность государственных институтов, доступность архивов историкам и обширная переводческая деятельность, предоставившая массу новой информации ученым, которые раньше предпочитали путешествовать, чтобы самим все увидеть и услышать. Одним из наиболее выдающихся историков этого времени был Ахмад ибн Яхья аль-Баладхури (ум. в 892 г.), который писал о завоеваниях и генеалогиях; другим – арабский историк и географ Ахмад ибн Якуб аль-Якуби (ум. в 897 г.). Он и его современники Абу Ханифа аль-Динавари (ум. в 895 г.) и Мухаммед ибн Муслим ибн Кутайба (ум. в 889 г.) выражали всеобъемлющий взгляд на историю и на концепцию всемирной истории. Однако наивысший уровень освещения исторических тем, которого к тому моменту достигли мусульмане, представлен трудами Мухаммеда ибн Джарира аль-Табари (ум. в 922 г.). Его взгляд на историю и историческую литературу сформировался под влиянием полученного им образования в области правоведения и хадисоведения, что явствует из его книги «История пророков и царей».

Новая тенденция, возникшая в исторической литературе, приняла вид местных историй отдельных регионов, расположенных в хронологическом или в биографическом порядке. В таком стиле написаны «Книга завоеваний Египта и их описаний» Ибн Абдулхакама (ум. в 870 г.), «История Багдада» Ибн Аби Тахир Тайфура (ум. в 893 г.), «История Мосула» Абу Закарий аль-Азди (ум. в 945 г.), «Хроники Мекки» Мухаммеда Абдаллаха аль-Азраки (ум. ок. 858 г.).

К началу X в. культурное движение достигло своего апогея. «Указатель» Ибн аль-Надима (ум. ок. 988 г.) дает некоторое представление о множестве авторов в различных науках. Второе поколение Буидов как в Ираке, так и в Фарсе было более благосклонно к арабскому языку, арабской культуре и учениям. Среди них особого внимания заслуживают правитель Адуд аль-Давла и *визирь* Ибн аль-Амид, аль-Сахиб ибн Аббад и аль-Мухаллаби, чьи библиотеки были сокровищницами исламской и иноземной мысли, а ученые встречи – истинными интеллектуальными форумами.

Адуд аль-Давла из Буидов благоволил к сочинителям, поэтам и ученым, принадлежавшим его двору в Ширазе или Багдаде (*al-Tha'ālibī*: Vol. 2, p. 216). Мискавейх приводит наглядную картину позиций Адуда аль-Давлы в отношении интеллектуальных проблем того времени, его интереса к традиционной и рационалистической науке и пишет о покровительстве, которое он оказывал многим астрономам, врачам, философам и сочинителям. Аль-Мухадаси описывал библиотеку Адуд аль-Давлы в Ширазе, которая по праву могла соперничать с библиотеками аль-Сахиб ибн Аббада, Ибн аль-Амида или Саманидов в Бухаре. Ибн аль-Амид был визирем Рукн аль-Давлы, также из Буидов, был весьма сведущ в логике, архитектуре, философии, естественных и религиозных науках, а также в литературе. Мискавейх курировал его библиотеку, содержащую книги по всем областям науки и литературы. Именно его знаменитое собрание посещали многие ученые и писатели. Аль-Сахиб ибн Аббад был учеником и другом Ибн аль-Амида; он стал визирем Муайида аль-Даулы и Фахр аль-Давлы. Аль-Сахиб был мутазилистом и занимался изучением правоведения, литературы и лингвистики. Ему было знакомо хадисоведение, исламское богословие и основы религии. Он проводил собрания ученых, которые пользовались популярностью.

Интерес к учению, поддержка книгоиздания и библиотек были свойственны не только этим визирям; их примеру последовали и другие, например, Абу Абдаллах Садан, *визирь* Самсам аль-Давлы, и Абу Наср Сабур, *визирь* Баха аль-Давлы, который основал для ученых дом в Кархе в Багдаде и назвал его *Дар аль-Илим* (Дом учености), в котором он собрал более 10 тыс. томов. Абу ль-Ала аль-Маарри и аль-Шариф аль-Ради из Багдада воспели этот Дом в своих одах.

В 988 г. Шариф аль-Давла построил обсерваторию, похожую на ту, что существовала при Аббасиде аль-Мамуне; ее руководителем он назначил Ибн Рустама аль-Кухи, а его помощником – Абу Хамиду аль-Астурлаби.

В это время были сделаны первые попытки возродить иранскую культуру. Уже упоминалось о социальных последствиях движения *шуубитов*, возникшего в начале правления Аббасидов. В культурном отношении это движение было враждебно арабскому языку и наследию, так как пропагандировало неарабское наследие и возрожденные соответствующих культур (*Gibb*, 1953).

Вторая тенденция, существовавшая в начале эпохи Аббасидов параллельно с движением *шуубитов* (*shu'ūbiyya*), была связана с *зиндикитами* (*zindīqs*) (*Vajda*, 1938). Ученые до сих пор спорят о точном происхождении и лингвистическом смысле этого термина, в те же времена с официальной и исторической точки зрения это учение рассматривалось как новое манихейство. Это было организованное интеллектуальное движение, приверженцы которого стремились к распространению манихейства,

что, естественно, являлось угрозой исламу, так как манихейская литература на арабском, персидском и сирийском языках получила широкое распространение. Манихейские авторы оспаривали как стиль, так и содержание Корана и отвергали «божественные» (дарованные) религии. Аль-Джахиз критиковал *зиндикитов* и ставил их в один ряд с *шуубитами*.

Несмотря на то, что в самом начале эпохи Аббасидов *шуубиты* и *зиндикиты* потерпели неудачу, в некоторых областях Ирана (например, в Фарсе и Хорасане) сохранилось религиозное, лингвистическое и культурное наследие персов. Но Буиды из Дайлема, установившие контроль над западными областями Ирана (в частности, над Фарсом), не осознавали своей реальной связи с персидской культурой, поэтому, захватив власть в Ираке, они оказались втянутыми в энергично развивающуюся арабо-исламскую культуру. Более того, они были покорены ею и всеми силами старались способствовать ее развитию. При персидских Саманидах Хорасан начал играть важную роль в возрождении новой персидской культуры. Фактически движение, направленное на ее возрождение, началось с переводческой деятельности в ранний аббасидский период и лишь усилилось за время сепаратистских движений на востоке при Тахиридах и Саффаридах. Своего апогея это движение достигло в X в. при Саманидах, найдя выражение в работах Рудаки, Баллами и Фирдоуси (ум. ок. 1020 г.). Таким образом, вклад Буидов в персидскую культуру был весьма ограничен по сравнению с тем, насколько они обогатили арабское учение.

Этот отрезок времени, когда процветали все направления исламской мысли, включил также и борьбу умов различных правовых школ и схоластического богословия. Борьба началась в ранний аббасидский период, а окрепла и созрела к моменту прихода сельджуков (в середине XI в.). Интеллектуальное возрождение, которому сопутствовали взаимодействие и конфликты *ахл аль-хадис* (которых впоследствии стали называть *ахл аль-сунна ва-ль-джамаа*) с мутазилистами, шиитами, последователями суфизма, философами и другими богословами (*Goldziher*, 1910; *Watt*, 1973: pp. 33 ff.), продолжалось, несмотря на политическую слабость Багдадского халифата в правление Аббасидов. Эта слабость была обусловлена тем, что управляли им Буиды, из Египта и Сирии ему угрожали Фатимиды, посылавшие своих миссионеров с целью распространения исмаилизма в исламском мире, а в восточных областях исламского государства Газневиды конфликтовали с новой тюркской силой (сельджуками).

Буиды не только покровительствовали выдающимся шиитам и мутазилистам, но и поддерживали философов. Адуд аль-Давла отвел в своем дворце особое место, где собиравались мудрецы и философы, с тем чтобы их учение развивалось и процветало. Среди них были *Ихван аль-Сафа* и Ибн Сина (Авиценна; ум. в 1036 г.), который считается ведущим философом конца X в. Он пытался примирить ислам с философией, однако эта попытка подверглась критике богословов-схоластов и правоведов (*Afnan*, 1958: pp. 71 ff.).

Противоречие возникло также между учеными-суннитами и группой сторонников суфизма (суфии), которые начали появляться в конце IX – начале X вв. и отделились от *шариата*, исламского закона, уверовав, будто они обладают озарением и откровением. Религиозные обряды они толковали с эзотерической точки зрения, а от обязательных религиозных служб вообще отказались. Таким образом, спор между *суфиями* и ортодоксальными богословами стал неизбежен. В результате этого спора появились книги «Блистательная книга суфийского мистицизма» Абу Наср аль-Сарраджа аль-Туси (ум. в 988 г.) и «Биографический словарь суфиев» Абу Абдаррахмана аль-Сулами (ум. в 1021 г.). За этими авторами последовал Абу ль-Касим аль-Кушайри (ум. в 1072 г.) со своим знаменитым трактатом, в котором он стремился вновь согласовать суфизм с исламским законом и очистить его от разрушительных доктрин, которыми он оброс.

Наконец, что немаловажно, в конце X в. – начале XI в. произошло заметное интеллектуальное сближение шиитов-имамитов с мутазилистами, несмотря на то, что их философские школы были явно оппозиционны друг другу, что подчеркивают многочисленные споры, о которых упоминалось ранее. Хотя отдельные аспекты мутазилизма присутствуют в работах ряда имамото-шиитских авторов X в. (например, аль-Муфида, аль-Туси и аль-Шарифа аль-Ради [аль-Шариф аль-Муртада? (*al-Sbarif al-Murtaḍā*)]), влияние этого направления калама было непродолжительным.

Мутазилизм пережил период возрождения в различных областях исламского Востока, например, в Райе, где правил *визирь*-мутазилит аль-Сахиб ибн Аббад, в Ахвазе (Хузистан), Ширазе и Хурмузе в Фарсе. Столкнувшись с подобным скрытым неповиновением, халиф аль-Кадир би-Ллах в 1018 г. издал указ, что любой, кто учит, будто Коран был сотворен, является неверным и на законных основаниях может быть казнен.

Однако этот халиф не смог претворить в жизнь свой последний план, целью которого было положить конец правлению Буидов в Багдаде (*al-Baybaḡo*: p. 80). Так произошло потому, что в 1030 г. умер его сторонник Махмуд Газневи, а на следующий год и он сам. Буиды же продолжали управлять Багдадом, пока их не вытеснила новая восточная сила – тюрки-сельджуки.

ЭЛЬ-МАШРИК МЕЖДУ 1050 И 1500 ГГ.

В 1050 г. аббасидский халиф аль-Каим би-Амр Аллах пожаловал сельджукскому правителю Тогрулу титул *дукн аль-дин* («оплот религии»), соответствующий его статусу; этот титул стал подтверждением со стороны халифата законности Сельджукского султаната. Следует отметить, что в центре Аббасидского халифата дела обстояли не совсем благополучно: царьки из Буидов, взявшие правление в свои руки, лишили халифа его светской власти. В последние дни царствования Буидов выдающийся тюрк Абу ль-Харис Арслан аль-Басасири обладал неограниченной властью, но при этом ситуация в Багдаде ухудшалась в результате борьбы различных сект, а отношения между тюрками, эффективной силой буидского Багдада, и их хозяевами-буидами испортились окончательно. По всем этим причинам халиф воззвал к Тогрулу-беку как к единственному человеку, который мог спасти халифат. В 1055 г. Тогрул-бек решил пойти на Багдад, где встретил теплый прием, и тем самым освободил халифат от власти Буидов-шиитов. Судя по всему, он надеялся объединить под своим знаменем весь исламский мир, поэтому он не удовлетворялся одним лишь подчинением различных княжеств халифата своему владычеству, а провозгласил себя *султаном* всех княжеств, оказавшихся в сфере его влияния. Этим он установил в исламском мире новый порядок, и халиф был вынужден подтвердить это как свершившийся факт и подчиниться ему (*al-Rāwandī*, 1960: p. 157; *al-Husainī*, 1933: p. 14). Тогрул-бек сумел спасти Аббасидский халифат от распада, когда позднее, в его отсутствие, Багдад захватил аль-Басасири, который в течение года в Багдаде вел пропаганду в поддержку Фатимидского халифата.

После смерти Тогрул-бека правителем государства Сельджукидов стал султан Алп-Арслан, прославившийся своими войнами против византийцев, в частности, знаменитой битвой при Манцикерте (26 августа 1070 г.) с византийским императором Романом IV Диогеном. Одержанная Арсланом победа открыла ворота Анатолии, в которые хлынул поток тюрков-мусульман, особенно после того как византийское войско, стоявшее на их пути, было разбито (*Ibn Al-Athīr*: p. 109; *al-Rāwandī*: p. 189). (Это поражение Византии означало утрату ею Малой Азии. – *Прим. ред.*)

Преемник Арслана Мелик-шах сумел расширить империю Сельджукидов, захватив большую часть Анатолии, за

исключением ее прибрежных районов. Кроме того, он отвоевал у Фатимидов Сирию и установил контроль над Джазирой, или Верхней Месопотамией. Своим *визирем* Мелик-шах назначил Низама аль-Мулька, который в той же должности служил его отцу, Алп-Арслану. Низам аль-Мульк – автор знаменитого персидского трактата о политике и управлении «*Sūtiyāsāt-nāme*» («Книга о правлении»).

После смерти Мелик-шаха и убийства его *визиря* Низама аль-Мулька, произошедшего за месяц до этого, в империи Сельджукидов начались непрекращавшиеся волнения. Многочисленные сельджукские князьки вступили в борьбу за трон, что привело к расколу Сельджукской империи на четыре части, доставшиеся иранским и иракским Сельджукидам (1092–1194 гг.), керманским Сельджукидам (1092–1187 гг.), сирийским Сельджукидам (1082–1117 гг.) и Сельджукидам из Рума (Рима), или Анатолии (1092–1308 гг.). Из всех этих сельджукских государств самым важным и долгоживущим оказался Румский султанат в Анатолии (*Ibn Al-Athīr*: p. 28; *F. Omar*, 1983: p. 82).

В отношении военной, административной и финансовой систем Сельджукиды переняли исламские порядки (илл. 193, в); определенное влияние на них оказали также порядки и культура Ирана (илл. 197, 206). В то же время в общественной жизни они продолжали руководствоваться своими прежними тюркскими традициями, но в целом при Сельджукидах культурный и научный прогресс продолжался быстрыми темпами. Конфликт богословия и науки достиг своего апогея в результате отказа от рациональной политики мусульманского теолога, философа и мистика Мухаммеда аль-Газали (ум. в 1111 г.), который при этом старался примирить богословие с суфизмом, а также Мухийя ль-Дина ибн аль-Араби (ум. в 1240 г.), Ибн Таймийи (ум. в 1328 г.) и других. К стремлению учиться Сельджукиды относились с одобрением, особенно при *визире* Низаме аль-Мульке (илл. 114, 126, 182–185). Они способствовали возрождению исламской науки и культуры и создавали школы для обучения различным наукам и искусствам, получившим название *низамия* (илл. 11, 18, 108, 210). В многочисленных исламских городах Сельджукиды также построили учебные центры-больницы (*ишфа-кханех*), в которых, помимо основного их назначения, можно было получить медицинскую подготовку.

Это время характеризуется распространением орденов мистиков-суфиев, особенно в Анатолии. Суфийские монастыри, способствовавшие распространению знаний и умений, носили разные названия, например *техке* и *завийя*. После периода правления Сельджуков самыми важными суфийскими орденами стали Акбарийя, основанный Мухийя аль-Дином ибн аль-Араби (ум. в 1240 г.), и Мавлавийя (тюркский Мевлеви), основанный султаном Валадом ибн Джалал ад-Дином Руми. За ними следовал орден Кадирийя, основанный Абдулкадиром Гилани (аль-Джилани) (*Ibn Al-Athīr*, 1962: pp. 170 ff.; *Ibn Shaddād*, 1953: p. 122). Растущее влияние суфизма спровоцировало яростную критику со стороны Ибн Таймийи (ум. в 1328 г.) (*Ibn Al-Athīr*, 1963: pp. 170 ff.; *Ibn Shaddād*, 1953: Vol. 1, p. 122).

С XI по XIII вв. Сирия и Египет подвергались нападению «франков» (крестоносцев). Ослабленный Аббасидский халифат в Багдаде не мог активно включиться в оказание военного и политического отпора франкским захватчикам, но оказал поддержку и дал благословение Имаду ад-Дин Занги, его сыну Нур ад-Дин Махмуду, а позднее и Салаху ад-Дину аль-Айюби (Саладину), которые пытались противостоять вторжению иноземцев (*Abū Shama*, 1956: pp. 410 ff.).

Общепризнанной целью крестовых походов франков было установление контроля над Святой землей в Палестине и, особенно, над Иерусалимом (илл. 45, 46). Однако крестоносцами двигали не только религиозные, но и вполне мирские устремления, включавшие политические, экономические и торговые цели. Первая империя крестоносцев включила в себя многочисленные города в Большой

Сирии и, что наиболее существенно, Иерусалим в 1099 г. Франки основали в Большой Сирии четыре государственных образования крестоносцев: Иерусалимское королевство, которому подчинялись Антиохийское княжество (Антиохия), графство Триполи и Эдесское графство (по-турецки – Урфа; по-арабски – Эль-Руха). Когда в 1161 г. франки напали на Египет, фатимидский халиф аль-Адид призвал на помощь Нур ад-Дина Махмуда. Нур ад-Дин послал Ширкуха и Салаха-ад-Дина аль-Айюби, которые прогнали франков. В 1171 г. Салах-ад-Дин свергнул династию Фатимидов и приказал читать *хутбу* (пятничную проповедь) во имя Аббасидского халифа. В 1173 г., полагаясь лишь на свои силы и ресурсы, Салах-ад-Дин объединил Египет и Большую Сирию. В 1192 г. он вступил с крестоносцами в битву при Хаттии, из которой вышел победителем, благодаря чему сумел вернуть Иерусалим. Султаны, сменившие его, были не столь могущественны, но и сила крестоносцев шла на убыль, поэтому мамлюкские султаны в Египте и Большой Сирии, одержав в 1260 г. победу над монголами у Айн-Джалута (илл. 30, 31), сумели окончательно разгромить их.

Усилия *атабеков* (военачальников) и Айюбидов дополнили научные и интеллектуальные устремления Великих Сельджукидов и имели своей целью возродить дух *джихада* (священной войны) и оказать сопротивление исмаилитским («террористическим») и экстремистским течениям, охватившим исламский мир в то время. Продолжалось строительство школ, причем сам Нур ад-Дин основал две школы в Алеппо (Халебе). Нур ад-Дин также создал мужские и женские *ханаки* (странноприимные дома с мечетью и кельями, по сути монастыри) для молитв, учения и сочинительства. Богословы-суфнии пользовались уважением правителей, особенно Нур ад-Дина, который полностью им доверял. Нур ад-Дин также покровительствовал изучению *хадисов* (записей о высказываниях и деяниях Пророка) и делал существенные религиозные пожертвования (*вакф*) в пользу учреждений, занимавшихся их изучением. Эти средства давали учителям и ученикам возможность полностью посвящать свои жизни приобретению знаний. Среди выдающихся ученых и мыслителей этого времени можно называть Имада ад-Дина аль-Исфахани, Кутба ад-Дина из Нишапура, аль-Хафиза («кладезь традиции») Ибн Асакира. Как и Нур ад-Дин Махмуд, Салах-ад-Дин аль-Айюби построил немало школ и суфийских монастырей, щедро одаривая их религиозными жертвованиями.

Ситуация, в которой на тот момент оказался исламский восток (*эль-Машрик*), включая вторжение франков и распространение учения *исмаилитов*, судя по всему, оказала свое влияние на учебные программы того времени. Они сосредоточились в основном на изучении *хадисов* и обучении *фикху* (правоведению), на побуждении людей к *джихаду* и возрождению духа мученичества через изучение *джихада* и учебных предметов, способствующих росту духа сопротивления у людей. Аль-Кади ль-Фадил («отличный судья») открыл школу, где обучал Корану. Баха ад-Дин ибн Шаддад был одним из выдающихся представителей интеллектуальных кругов наряду с другими мыслителями, которые одним или несколькими поколениями ранее закончили сельджукские школы *низамии*.

Великое бедствие обрушилось на исламский восток с приходом монголов. Первоначально монголы были кочевым народом, проживавшим на территории Северо-Восточной Азии, известной как Монгольское плоскогорье. Их племена вели бесконечные междоусобные войны, в результате которых их единственным вождем стал Чингисхан. Он основал империю, простиравшуюся от границ Китая до Туркестана. Чингисхан начал завоевание исламского мира в 1219 г. с вторжения в Хорезмское царство, выросшее на руинах государства Сельджуков, включавшего Иран и Ирак. Несмотря на то, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед ибн Текеш (1119–1199 гг.) сумел покорить правителей Трансоксании и Хорасана, беспешому натиску монголов

противостоять он не смог: уже в первом бою с монголами его войска были разбиты, а сам он бежал на остров в Каспийском море, где и умер. Войска Чингисхана вторглись в Иран и захватили большую часть его территории. Чингисхан умер в 1227 г., поделив свою империю между сыновьями. Вместо него государством стал править его третий сын Угедей, под руководством которого монголы захватили всю территорию, подвластную хорезмшаху Джелал ад-Дину Менгуберги, проложив тем самым себе путь к дальнейшему движению на запад. При старшем сыне Толуя, внуке Чингисхана Мункэ монголы под предводительством Хулагу-хана напали на халифат Аббасидов. Слабый, раздробленный и еле дышащий халифат не выдержал натиска монголов: армия багдадского правителя была разгромлена, а его столица Багдад была легко захвачена Хулагу-ханом в 1258 г. и почти полностью разрушена, а Ирак стал частью Монгольской империи. Монгольские войска вторглись и в Сирию и установили контроль над большей ее частью, но были изгнаны оттуда после битвы при Айн-Джалуте между монголами и мамлюками в 1260 г. Захватив владения Аббасидов, Хулагу-хан начал править практически в одиночку и, приняв титул ильхана, положил начало династии Хулагуидов (ильханов), которая правила до 1335 г. и столицей которой был г. Марага (Мераге) в окрестностях оз. Урмия, в Азербайджане. При Газан-хане (1295–1304 гг.) из династии Хулагуидов монголы обратились в ислам. Более того, Газан-хан в целях сближения с иранской знатью принял ислам в качестве официальной религии государства Ильханов, несмотря на то, что формально оно было связано с Монгольской империей. Монголы, перебираясь в исламские города и культурные центры, привыкали к исламской цивилизации, принимая ее наследие и мышление. Так, после совсем короткого перерыва, возобновился процесс перехода кочевых племен к оседлости и к сопутствующей ему урбанизации (B. Spuler, 1968: pp. 58 ff.) (илл. 12).

Последний ильханский султан умер в 1335 г. Поскольку он не оставил сына, который сменил бы его на престоле, держава распалась, и правители отдельных регионов объявили о своей независимости. Одним из главных в их рядах был Хасан-и Бузург (Великий), который в 1339 г. основал государство Джалаиридов, объединившее Ирак, Хузистан и Диярбакр (Диярбакыр). После его смерти в 1356 г. его преемники сделали попытку расширить это государство, но оно пало под натиском Тимуридов. Тимур (Тамерлан) разорил и опустошил Ирак и Сирию. Захватив Малую Азию, Тимур в 1400 г. вторгся в Сирию, разрушая города и убивая их жителей. В 1401 г. он неожиданно напал на Багдад и устроил там кровавую бойню. Из черепов людей, убитых по его приказу, Тимур обычно сооружал башни. Его вторжение в Сирию привело к столкновению с Османами, однако эта сторона не имеет отношения к настоящему повествованию. Хотя Джалаириды и сумели отвоевать часть своих территорий, их борьба с Тимуридами завершилась только со смертью Тимура в 1404 г. Династии же Тимуридов пришел конец, когда последний из султанов Ахмад погиб от рук туркменского князя Кара-Юсуфа из племени Кара-Коюнлу (илл. 185, 186).

Кара-Коюнлу (черные бараны) были ветвью тюрок-огузов. Сначала они подчинились Джалаиридам, но к концу XIV в. Кара-Мухаммед смог основать княжество Кара-Коюнлу, а его сын Кара-Юсуф превратил его в государство. Однако сначала Кара-Юсуф не смог расширить территорию своего нового государства из-за воцарения Тимуридов. После смерти Тимура Кара-Юсуф провел два сражения с Тимуридами. Он захватил Азербайджан и Тебриз (Тавриз), в который перенес свой административный центр. Победа, которую он одержал над Ахмадом Джалаиридом, открыла перед ним ворота арабского Ирака, который он продолжал завоевывать.

После смерти Кара-Юсуфа его преемник не смог продолжать властвовать, так как возникли разногласия между

ним его и братьями. Братья позвали на помощь сына Тимура, правителя государства Тимуридов Шахруха. При Джахан-шахе государство расширилось, охватив территории от Хорасана до границ Османской империи. Джахан-шах погиб во время военной кампании, которую он развернул против государства Ак-Коюнлу, и после его смерти в 1467 г. государство Кара-Коюнлу распалось, так как не смогло выдержать набегов племени Ак-Коюнлу, постепенно захватывавшего его владения.

Ак-Коюнлу (белые бараны) также относились к тюркам-огузам. Отдельные представители этого племени участвовали в военных походах Тимура против Ирака и Сирии, и Тимур сделал область Диярбакр их феодалом; именно там в 1402 г. они основали свое княжество. Узун (длинный) Хасан был одним из самых знаменитых правителей этого государства; он навел в нем порядок и расширил его, а также перенес столицу из Диярбакара в Тебриз. После смерти Узун Хасана в 1478 г. усилилась борьба за власть между мелкими князьями, верховная власть переходила от одного слабого правителя к другому, в результате чего государство было поделено на несколько частей. Параллельно с этим ухудшением состояния дел Сефевиды собирались с силами под руководством основателя династии шаха Исмаила I, который сумел взять под свой контроль области Ирана, находившиеся под влиянием Ак-Коюнлу. Затем он вторгся в Ирак и захватил его (Woods, 1976: pp. 23 ff.).

Сефевиды принадлежали к туркменской династии, включавшей шейха Сефи ад-дина Исхака, предка шаха Исмаила I (R. M. Savory, 1980: pp. 76 ff.). Сефи ад-дин основал суфийский орден Сефевие (Сефевийе), который стал очень популярен среди туркменов-кочевников. (Самого шейха Сефи принято считать шиитом и потомком двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда. – Прим. ред.) После его смерти в 1334 г. орден перешел к сыну Сефи ад-дина, а затем к его внукам, самым известным из которых был Исмаил Сефевиды, сумевший выделиться среди множества учеников своего отца и деда в Ардебиле (город на северо-западе Ирана). Он провел несколько военных операций, которые позволили ему получить контроль над Тебризом, столицей Ак-Коюнлу, основать там Сефевидское государство и затем распространить его влияние на остальную Иран и Диярбакр. В 1508 г. он захватил Багдад. Однако в 1514 г. Исмаил Сефевиды потерпел сокрушительное поражение в битве при Чалдыране (в верховьях р. Аракс) от османского султана Селима I Явуза (Грозного), захватившего обширные области владений Сефевидов на западе, включая столицу, Тебриз, хотя через год Сефевиды сумели ее отвоевать. Шах Исмаил I продолжал править своим государством до самой смерти в 1524 г. Его декларация от 1501 г. сделала шиизм двенадцатиричников (главное в шиизме направление имамитов, считавших, что 12-й и последний имам, таинственно исчезнувший в IX в., и будет долгожданным спасителем-махди. – Прим. пер.) официальной и обязательной религией империи и положила начало процессу обращения всего народа, ранее исповедовавшего в основном суннизм, в шиизм. Сирия же (вместе с Хиджазом и Египтом) оказалась в составе Османской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABDUJABBĀR (Mu 'tazilī qādi (judge)). 1966. al-Mughnīf abwāb at-tauhīd wa-l-'adl (The Dispenser in Matters of Unity and Justice). Cairo.
- ABŪ SHAMĀ. 1956. Al-Rawdatayn fi Akhbār al-Dawlatayn (The Book of the Two Gardens concerning the Two Dynasties), vol. I, Cairo, pp. 410 ff.
- ABŪ YŪSUF. 1932. Kitāb al-kharāj (The Book of Land Tax). Cairo.
- AFNAN, A. 1958. Avicenna. London.
- Akhbār al-daula al-'abbāsīya (An Account of the 'Abbāsīd State). 1971. Beirut.
- ALLARD, M. 1965. Le problème des attributs divins dans la doctrine d'Al-Ash'arī et de ses premiers grands disciples. Beirut.
- AL-ALWĀNĪ, T. J. 1981. Adab al-ikhtilāf fi l-Islām (The Literature of Doctrinal Divergence in Islam). Herndon, USA.
- AMĪN, A. n. d. Duḥā l-Islām (The Forenoon of Islam). Beirut.
- Zuhr al-Islām (The Midday of Islam), Vol. I, 1945, Beirut; Vol. 2, 1952, Cairo; Vol. 4, 1964, Cairo.
- AL-ASH'ARĪ. al-Ibāna 'an ustul al-diyāna (Exposition of the Foundations of Religion). Cairo, n. d. English translation by W. C. Klein, 1940, New Haven, Conn.
- ASHTOR, E. 1976. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. London.
- AZIZI, M. 1938. La domination arabe et l'épanouissement du sentiment national en Iran. Paris.
- BADAWĪ, A. A. 1988. Al-Tārīkh as-siyāsī wa-l-fikrī li-l-madhhab al-sunni (Political and Intellectual History of the Sunni Rite). Cairo.
- AL-BAGHDĀDĪ. 1973. al-Farq bayn al-firaq (The Distinction between the Sects). Beirut.
- AL-BALĀDHURĪ. 1978. Ansāb al-ashraf (The Genealogies of the Nobles). Beirut.
- AL-BAYHAQĪ. 1956. Tārīkh al-Bayhaqī (al-Bayhaqī's History). Arabic trans. from Persian. Cairo.
- AL-BĪLĪ, O. I. 1989. A Study of Some Aspects of the Reign of al-Mu'tasim. Qatar.
- BOSWORTH, C. E. 1967. The Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Handbook. Edinburgh.
- BOWEN, H. 1928. The Life and Times of Ali Ibn Isa. Cambridge.
- BUSSE, H. 1975. Iran under the Buyids. In: Cambridge History of Iran, vol. 4, pp. 250–304. Cambridge.
- CAHEN, C. 1963. Points de vue sur la révolution 'abbāsīde. Revue Historique, pp. 295–338.
- 1965. L'évolution de l'iqtā' du IXe au XIIIe siècle. In: Cahen (ed.) 1977, pp. 238 ff.
- 1970. L'Islam des origines au début de l'Empire Ottoman. Paris.
- CHRISTENSEN, A. 1944. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen.
- COULSON, N. J. 1964. A History of Islamic Law. Edinburgh.
- 1969. Conflicts and Tensions in Islamic Jurisprudence. Chicago.
- CRESWELL, A. 1938–1940. Early Muslim Architecture, 2 vols. Oxford. 2nd revised edition of Vol. I, 1969. Reprinted: New York, 1980.
- DE GOEJE, M. J. 1886. Mémoire sur les Carmathes du Bahrain, 2nd edition. Leiden.
- DE ZAMBAUR, E. 1927. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanover.
- DENNET, D. 1939. Marwān ibn Muhammad. Unpublished thesis, Harvard University.
- DJAIT, H. ; AL-KUFA. 1986. Naissance de la ville islamique. Paris.
- AL-DŪRĪ, A. A. 1945a. Dirāsāt fi l-'ustul al-'abbāsīya al-muta'akhhira (Studies in the Late 'Abbāsīd Period). Baghdād.
- 1945b. Muqaddima fi tārīkh sadr al-Islām (Introduction to the History of Early Islam). Baghdād.
- 1959. Nushḥ al-asnāf wa-l-hiraf (The Development of Guilds and Trades). Majallat Kulliyat al-Adab wa-l-'Ulum (Journal of the Faculty of Literature and Science). Baghdād.
- 1960. Baḥṭh fi nash'at 'ilm al-tārīkh 'ind al-'Arab (Study on the Emergence of the Science of History among the Arabs). Beirut. English trans.: L. Conrad, The Rise of Historical Writing among the Arabs, Princeton, 1983.
- 1970. Nash'at al-iqtā' fi l-mujtama'āt al-Islāmiya (The Emergence of Feudal Tenure (iqta') in Islamic Societies). In: Majallat al-Majma' al-'Ilmī al-'Irāqī (Journal of the Iraqi Academy of Sciences), Vol. 20, pp. 14–25.
- 1977. Tārīkh al-'Irāq al-iqtisādī fi l-qam al-rābi' al-hijrī (Economic History of Iraq in the Fourth Century AH), 2nd edition. Beirut (1st edition, Baghdād, 1948).
- ESS, J. van. 1971. Frühe mu'tazilitische Haeresiographie (Heresiography of the Early Mu'tazilis). Beirut.
- FATTĀḤ, I. A. 1974. Nash'at al-falsafa al-ṣūfiya wa-ta'awwuruh (The Genesis and Development of Sufi Philosophy). Beirut.
- GABRIELI, F. 1929. Al'Mamūn agli 'Alidi (Al'Mamūn and the 'Alids). In: Morgenländische Texte und Forschungen, Vol. 3. Leipzig.
- GIBB, H. A. R. 1953. The Social Significance of the Shu'ūbiyya. In: Studia Orientalia Ioanni Pedersen Dicata. Copenhagen, pp. 105–114.

- Reprinted in H. A. R. Gibb, *Studies on the Civilization of Islam*, edited by S. J. Shaw and W. R. Polk, Boston, 1962, pp. 62–73.
- 1961. *Government and Islam under the Early Abbasids: The Political Collapse of Islam*. In: *Colloque de Strasbourg, 1959: L'élaboration de l'Islam*. Paris, pp. 114–127.
- 1962. Article on 'Tārīkh' (History). In: *Studies on the Civilization of Islam*. Boston.
- GOITEIN, S. D. *The rise of the Near Eastern bourgeoisie*. Islamic Culture. Vol. 23.
- GOLGZHER, I. 1910. *Vorlesungen über den Islam (Lectures on Islam)*. Heidelberg. French translation by F. Arin, *Le dogme et la loi de l'Islam*. Paris, 1920. English translation by R. and A. Hamori, *Introduction to Islamic Theology and Law*. Princeton, 1981.
- GRABAR, O. 1972. *Studies in Medieval Islamic Art*. London.
- GRUNEBAUM, G. E. von. 1953. *Medieval Islam: A Study in Cultural Orientation*, 2nd edition. Chicago.
- AL-HAMADHĀNĪ. 1961. *Takmilat Tārīkh al-Tabarī (Supplement to the History of al-Tabarī)*. Beirut.
- HILĀL AL-ŠĀBĪ. 1919. *Kitāb al-tārīkh (The Book of History)*. Cairo.
- 1958. *Kitāb al-wuzarā' (The Book of Ministers)*. Cairo.
- 1964. *Rusūm dār al-khilāfa (Customs of the Caliph's Palace)*. Baghdad. Trans. by E. A. Salem 1977: *The Rules and Regulations of the Abbasid Court*. Beirut.
- AL-HUSAYNĪ. 1933. *Akhbar al-daula al-saljuqiya (Account of the Seljuk Empire)*. Lahore, p. 14.
- IBN AL-ATHIR. 1963. *Al-Tārīkh al-bāhir fī l-daula al-atabakiya (The Brilliant History of the Regime of the Atābegs)*. Cairo, pp. 170 ff.
- 1965–1967. *al-Kāmil fī l-tārīkh (The Complete Chronicle)*, 13 vols. Beirut.
- IBN AL-FAQĪH. 1885. *Mukhtaṣar Kitāb al-buldān (Summary of the Book of Countries)*. Leiden.
- IBN ḤAWQAL. 1938. *Kitāb Surat al-ard (The Book of the Configuration of the Earth)*. Kramers ed. Leiden.
- IBN AL-JAWZĪ. 1938. *al-Muntaz am fī tārīkh al-mulūk iva-l-umam (The Well-Ordered History of Kings and Nations)*. Hyderabad.
- IBN AL-JIQAQĀ. AH 1317/AD 1899 *Kitāb al-Fakhrī (Fakhr's Book)*. Cairo. (English trans. by C. E. P. Whitting, London, 1947).
- IBN KHALDŪN. 1975. *al-Muqaddima (The Prolegomena)*. Beirut.
- IBN KHURDĀDHĒN. 1889. *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik (The Book of Itineraries and Kingdoms)*. Leiden.
- IBN AL-MUQAFFA'. 1960. *Risāla fī l-ṣahāba (Epistle on the Companions of the Prophet)*. Beirut.
- IBN AL-MURTAḌĀ. 1952. *Ṭabaqāt al-mu'tazila (Biographical Dictionary of the Mu'tazilis)*. Beirut.
- IBN AL-NADĪM. 1347 AH/AD 1929–1930. *Al-Fihrist (The Catalogue)*, Arabic text, 2nd edn. Cairo. English trans. by B. Dodge.
- IBN QAYYIM AL-JAWZĪYA. 1965. *Ahkām ahl al-dhimma (Statutes Relating to the Dhimmīs)*. Cairo.
- IBN SHADDĀD. 1953. *Al-Aḥq al-khatīra fī dhikr umarā' al-Shām wa-l-Jazīra (Weighty Nuggets concerning the Princes of Shām (Syria) and the Jazīra (Upper Mesopotamia))*, Vol. 1, ed. D. Sourdel, Damascus, p. 122.
- IBN TAYFŪR. 1904. *Kitāb Baghdad (The Book of Baghdad)*. Leipzig.
- IBN TAYMIYA. 1964. *Minhaj al-sunna al-nabawiya (The Path of the Prophetic Tradition)*, publ. Maktabar Dar al-Uruba.
- AL-IṢFAHĀNĪ, ABŪ L-FARAJ. AH 1284–1285/AD 1867–1868. *Kitāb al-aghānī (The Book of Songs)*. Būlāq.
- AL-IṢṬAKHRĪ. 1961. *Kitāb al-masālik wa-l-mamālik (The Book of Itineraries and Kingdoms)*. Cairo.
- AL-JĀBIRĪ, M. A. 1992. *al-'Aql al-siyasi al-'arabi (The Arab Political Mind)*. Beirut.
- AL-JĀḤIẒ. *Kitāb al-Bukhala' (The Book of Misers)*. Damascus.
- 1938. *Kitāb al-ḥayawān (The Book of Animals)*. Cairo.
- *Rasā'il (Letters)*, edited by A. Harun. Cairo.
- *al-Radd 'alā l-naṣāra (Reply to the Christians)*. In: *Rasā'il (Letters)*, pp. 16–18.
- *Risāla fī l-qiyān (Letter concerning Maidservants)*. In: *Rasā'il (Letters)*, p. 70.
- AL-JAHSHIYĀRĪ. 1938. *Kitāb al-wuzarā' wa l-kuttāb (The Book of Ministers and Secretaries)*. Cairo.
- AL-KHAṬĪB AL-BAGHDĀDĪ. AH 1349/AD 1930. *Tārīkh Baghdad (History of Baghdad)*. Cairo.
- KABIR, M. 1956. *Cultural Development under the Buwayhids of Baghdad*. *Journal of the Asiatic Society of Pakistan*, Vol. I.
- 1959. *Administration of Justice during the Buwayhid Period*. *Islamic Culture*, Vol. 33.
- 1961. *The Religious Background to the Rise and Fall of the Buwayhid*. *Indo-Iranica*, Vol. I.
- LAMBTON, A. K. S. 1965. *Reflexions on the Iqtā'*. In: G. MAQDISI (ed.) *Arabic and Islamic Studies in Honour of A. R. Gibb*. Leiden, pp. 358–376.
- 1980. *Theory and Practice in Medieval Persian Government*. London.
- LAOUST, H. 1961. *Les schismes dans l'Islam*. Paris.
- LAPIDUS, I. 1988. *A History of Islamic Societies; Part I: The Origins of Islamic Civilization: The Middle East from Goa to 1200*. Cambridge.
- LASSNER, J. 1970. *The Topography of Baghdad in the Early Middle Ages*. Detroit.
- 1980. *The Shaping of Abbasid Rule*. Princeton.
- 1984. *Khitat Baghdad fī l-'usūr al-'abbāsiya al-ūlā (Plans of Baghdad in the Early 'Abbasid Period)*. Arabic translation of 'Notes on the Topography of Baghdad'. Baghdad.
- LE STRANGE, G. 1924. *Baghdad during the Abbasid Caliphate*. Oxford.
- LEVY, R. 1957. *The Social Structure of Islam*. Cambridge.
- LEWIS, B. 1937. *The Islamic Guilds*. *English Historical Review*.
- 1940. *The Origins of Ismailism*. Cambridge.
- 1966. *Government, Society and Economic Life under the 'Abbasids and Fatimids*. *Cambridge Medieval History*, new edition. Cambridge.
- LOMBARD, M. 1971. *L'Islam dans sa première grandeur*. Paris.
- 1978. *Les textiles dans le monde musulman*. Paris.
- MAKDISI, G. 1962–1963. *Ash'arī and the Ash'arites in Islamic Religious Thought*. *Studia Islamica*, Vol. 17, pp. 37–80; Vol. 18, pp. 19–39.
- 1985. *Hanbalite Islam*. In: M. Schwartz (ed.) *Studies on Islam*. New York.
- AL-MAQDISI (also al-Muqaddasi) 1906. *Ahsan al-taqāsīm ilā ma'rifat al-aqālim (The Best Divisions for Knowledge of the Regions)*, 2nd edition. Leiden.
- MASSIGNON, L. 1922. *Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane*, 2nd edition. Paris, 1945.
- AL-MAS'ŪDĪ. 1873. *Murūj al-dhahab wa-ma'adin al-jawhar (The Meadows of Gold and the Mines of Precious Stones)*. Edited and translated by Barbier de Meynard, Paris.
- AL-MĀWARDĪ. 1966. *al-Aḥkām al-sulṭāniya (The Principles of Government)*. Cairo. French trans.: E. Fagnan. *Les statuts gouvernementaux*. Reprinted. Paris, 1982.
- MEZ, A. 1922. *Die Renaissance des Islams*. Heidelberg. English trans.: S. Khuda-Bukhsh; D. S. Margoliouth, *The Renaissance of Islam*, London, 1937. Reprinted: Beirut, 1973; New York, 1975.
- MINORSKY, V. 1932. *La domination des Daylamites*. Paris.
- MIQUEL, A. 1967–1980. *La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle*. Paris.
- MISKAWAYH. 1914. *Tajārib al-umam (The Experiences of the Nations)*. Cairo.
- MOSCATI, S. 1946. *Le Califat d'al-Ḥādī*. *Studia Orientalia*, Vol. 13, No. 4.
- 1946–1949. *Studi storici sul califfato di al-Mahdī (Historical Studies on the Caliphate of al-Mahdī)*. In: *Orientalia*, Vols 13, 14.
- AL-MUBARRAD. 1956. *Kitāb al-kāmil (fī l-adab) (The Compendium (of Literature))*. Cairo.
- AL-MURTAḌĀ. 1967. *al-Amālī (The Dictations)*. Beirut.
- MUṢṬAFĀ, S. 1979. *al-Tārīkh al-'arabi wa-l-mu'arrikhūn (Arab History and the Historians)*. Beirut.
- NETTON, I. R. 1982. *Muslim Neoplatonists: An Introduction to the Thought of the Brethren of Purity*. London.
- NÖLDEKE, T. 1892. *A Servile War in the East*. *Sketches from Eastern History* (English trans. by J. S. Black). Edinburgh.
- OMAR ('UMAR), F. 1968. *The Composition of the Early 'Abbasid Support'*. *Journal of the Faculty of Literature and Science*. Baghdad.
- 1969. *The 'Abbasid Caliphate*. Baghdad.
- 1970. *Ṭabī'at al-da'wa al-'abbāsiya (The Nature of the 'Abbasid Da'wa)*. Dār al-Irshād, Beirut.
- 1971. *Harun al-Rashīd*. *Encyclopaedia of Islam*, 2nd edition. Leiden.
- 1973. *al-'Abbāsīyūn al-awā'il (The Early 'Abbasids)*. Beirut. Vol. 2 (author: Vol. I, Beirut, 1971; Vol. II, Damascus, 1973; Vol. III, Amman, 1982).

- 1974. Barmakids. *Encyclopaedia Britannica*, 15th edition.
- POPOVIĆ, A. 1986. *La révolte des esclaves en Iraq: IIIè–IXè siècle*. Paris.
- QUDĀMA IBN JA'FAR. 1889. *Kitāb al-kharāj wa-sinā'at al-kitāba* (The Book of Land Tax and the Craft of Secretaryship). Leiden.
- AL-QUSHAYRĪ. 1915. *al-Risāla al-qushairīya* (The Epistle of Qushayrī). Cairo.
- AL-RĀWANDĪ. 1960. *Rāhat al-sudūr* (Repose of Hearts) (Arabic trans. from the original Persian). Cairo, p. 157.
- ROSENTHAL, F. 1952. *A History of Muslim Historiography*. Leiden. 2nd revised edition, 1968.
- 1970. *Knowledge Triumphant: The Concept of Knowledge in Medieval Islam*. Leiden.
- AL-RŪDHRAWĀRĪ. 1961. *Dhail Tajarib al-umam* (Supplement to the Experiences of the Nations). Cairo.
- SADIGHI, G. H. 1938. *Les mouvements religieux iraniens au IIè et au IIIè siècle de l'Hégire*. Paris.
- SATO, T. 1982. The Iqtā' System of 'Iraq under the Buwayhids. *Orient*, Vol. 18, pp. 82 ff.
- SAVORY, R. M. 1980. *Iran under the Safavids*. Cambridge, pp. 76 ff.
- SHABAN, M. A. 1970. *The 'Abbasid Revolution*. Cambridge.
- 1971–1976. *Islamic History: A New Interpretation*, 2 vols. Cambridge. (Arabic trans. *al-Tārīkh al-Islāmī. Tafsir jadid*, Beirut, 1986).
- AL-SHAYKHALĪ, S. D. 1976. *al-Aṣnāf wa-l-ḥiraf fi l-'aṣr al-'abbāsī* (Guilds and Trades in the 'Abbasid Age). Baghdad.
- AL-SHĪRĀZĪ. 1949. *Sirat al-Mu'ayyad fi l-Dīn dā'i l-du'ah* (Biography of the Chief Missionary, *al-Mu'ayyad fi l-Dīn*). Cairo.
- SOURDEL, D. 1959–1960. *Le vizirat abbaside de 749 à 936 (132 à 324 de l'Hégire)*, 2 vols. Damascus.
- SPULER, B. 1968. *Die Mongolen in Iran, 1220–1350*. Berlin, pp. 58 ff.
- SUBARI, S. 1981. *Mouvements populaires à Bagdad à l'époque abbaside: IXè–XIè siècles*. Paris.
- SUBĪA M. 1969. *Nazariyat al-imāma ladā al-shī'a al-ithnā'ashariya* (The Theory of the Imāmate among the 'Twelver' Shī'is). Cairo.
- AL-SUBKĪ. AH 1324/AD 1906. *Tabaqāt al-shāfi'iya* (Biographical Dictionary of the Shāfi'is). Cairo.
- AL-ṢŪLĪ. 1938. *Akhbār al-Rādī wa-l-Muttaqī* (Accounts of al-Rādī and al-Muttaqī). London.
- AL-ṬABARĪ. 1881. *Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk* (History of the Prophets and Kings). Leiden. (Persian translation by Bal'amī, Cawnpore, 1906; French translation of the Persian text by H. Zotenberg, Paris, 1867–1874).
- AL-TANŪKHĪ. 1921. *Nishwār al-muḥaḍ ara*. English trans.: D. S. Margoliouth. *The Table-Talk of a Mesopotamian Judge*, 2 vols. London.
- ṬARKHĀN, I. A. 1968. *al-Nuẓūm al-iqtā'iya fi al-sharq al-awsat fi l-'usur al-wusta* (Systems of Feudal Tenure in the Middle East in the Middle Ages). Cairo.
- AL-ṬHA'ĀLIBĪ. 1974. *Yatimat al-dahr* (The Orphaned Daughter of Fate). Cairo.
- TRIMMINGHAM, J. S. 1971. *The Ṣūfi Orders in Islam*. Oxford.
- TRITTON A. S. 1930. *The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of Umar*. Oxford. Reprinted: London, 1970.
- TYAN E. 1960. *Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam*, 2 vols. Leiden.
- UDOVITCH, A. L. (ed.) 1981. *The Islamic Middle East, 700–1900: Studies in Economic and Social History*. Princeton.
- 'UTHMĀN, A. 1967. *Qāḍi l-quḍāh 'Abduljabbār* (The Chief Judge 'Abduljabbār). Beirut.
- VAJDA, G. 1938. *Les zindiqs en pays d'islam au début de la période abbaside*. *Revista degli studi orientali*, Vol. 17, pp. 173 ff.
- VLOTEN, G. VAN. 1894. *Recherches sur la domination arabe, le chiitisme, et les croyances messianiques sous le Khalifat des Omayyades*. In: *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van wetenschappen te Amsterdam, Afdeeling Letterkunde*. Deel I, No. 3. Amsterdam.
- WAIT, W. M. 1973. *The Formative Period of Arabic Thought*. Edinburgh.
- WELLHAUSEN, J. 1902. *Das arabische Reich und sein Sturz*. English trans. by M. G. Weir, *The Arab Kingdom and its Fall*. Calcutta, 1927. Reprinted: Beirut, 1963.
- WIET, G. 1953. *L'empire néo-byzantin des Omayyades et l'empire néo-sassanide des 'Abbasides*. *Cahiers d'histoire mondiale*, UNESCO, Paris, Vol. 1, 1953, pp. 63–71.
- WOODS, J. E. 1976. *The Aqqyunlu: Clan, Confederation, Empire*. Minneapolis and Chicago, pp. 23 ff.
- AL-YA'QŪBĪ. 1892. *Kitāb al-buldān* (The Book of Countries). Leiden.
- AH 1323/AD 1905. *Mushakalat al-nās li-zamānihim* (The Resemblance of People to their Time). Tehrān.
- AH 1377/AD 1957. *al-Tārīkh* (The History). Najaf.
- YĀQŪT AL-ḤAMAWĪ. 1955–1957. *Mu'jam al-buldān* (Geographical Dictionary). Beirut.

СЕВЕРНАЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

20.1

МИСР (ЕГИПЕТ)

*Айман Фуад-Сайид***ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ФАТИМИДОВ (1171 Г.)
(карта 15)****Политическая история**

Со времен арабского завоевания в 640 г. Египет оставался под управлением халифата, и им последовательно правили из Медины, Дамаска и Багдада. В этот период, когда наместников присылали или назначали халифы, византийские элементы управления, включая греческий язык в качестве официального, постепенно вытеснялись новыми учреждениями и ведомствами, в которых все чаще использовался арабский язык. К концу VIII в. переселенцы арабского происхождения, составлявшие элиту (*вуджух*), заменили коптов на наиболее важных должностях в налоговом управлении, а при Аббасидах в Египет было также послано немало хорасанских чиновников. Постепенно росло число жителей Египта, принявших ислам, а вместе с этим распространялась и арабская речь. В некоторой степени происходила и иммиграция кочевых арабов. Однако нельзя забывать, что вплоть до IX в. многие египтяне по-прежнему исповедовали христианство, а коптский язык, видимо, все еще оставался языком большинства жителей этой страны.

Только в 868 г. наместнику Египта, назначенному аббасидскими халифами, Ахмеду ибн Тулуну (ум. в 884 г.), удалось основать в Египте первое независимое государство. Но его амбиции ограничились созданием наследственной династии, которая признавала верховную власть халифата Аббасидов. В 905 г. династия Тулунидов была свергнута армией Аббасидов. Но восстановленному было прямому правлению из Багдада пришел конец в 935 г., когда власть в Египте захватили Ихшидиды, добившиеся возвращения к автономному правлению.

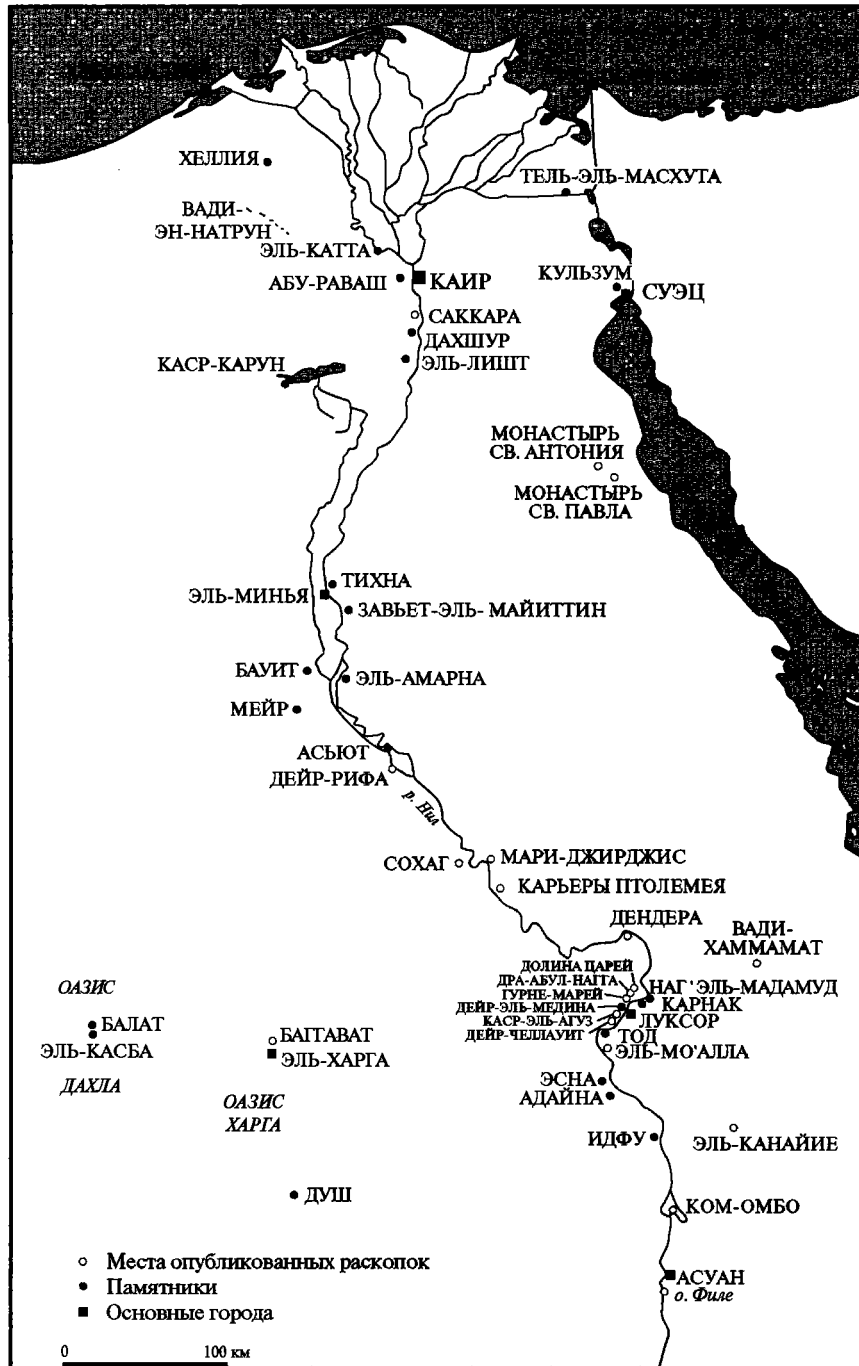
При Ихшидидах (935–969 гг.), по завершении правления основателя этой династии Мухаммеда ибн Тутджа (935–946), реальная власть сосредоточилась в руках Кафура, талантливого нубийского евнуха, державшего под своим контролем все управление государством. К тому времени власть Фатимидов распространилась на большую часть Магриба, куда они посылали своих миссионеров, сумевших склонить к исламу большое число местных жителей. Смерть Кафура в 968 г. устранила последнее препятствие для захвата Египта Фатимидами.

Завоевание Египта в 969 г. под предводительством знаменитого Джавхара, полководца фатимидского халифа

аль-Муиззы (935–975 гг.), означало не просто замену одного режима другим; на самом деле оно было равносильно религиозному, политическому и социальному перевороту. Теперь Египет управлялся династией, которая не только не признавала багдадского халифа даже номинально, но и всеми средствами старалась свергнуть его. Новый режим был имперским и революционным одновременно. Правители династии Фатимидов стояли во главе широкого религиозного движения и мечтали ни больше ни меньше как поставить под свой контроль весь исламский мир. Они считали себя истинными *имамми* по божественному праву, которое унаследовали, будучи потомками дочери Пророка Фатимы и его двоюродного брата Али через Исмаила, сына имама Джафара аль-Садька (ум. в 765 г.). Государство Фатимидов в Египте черпало свою силу из непревзойденной способности его правителей извлекать выгоду из разногласий, раздиравших множество социальных и этнических сообществ, проживавших в Египте. Они умело использовали чуждые этой стране элементы, особенно выходцев из Магриба, тюрков, дайлемитов и армян, но при этом полагались и на коптов и прочих немусульман, назначая их на ответственные административные и связанные с финансами посты и отдавая им важные государственные должности, на которые не допускались сунниты.

Однако религиозные последователи Фатимидов оставались в меньшинстве, из-за чего правители были лишены активной поддержки большей части населения страны. Но на протяжении достаточно длительного времени они располагали пассивным признанием населения, которое объяснялось сильной экономикой и общим благополучием Египта, обусловленным политическими успехами Фатимидов. Более того, они получили поддержку немусульман, так как избрали в их отношении политику религиозной терпимости, за исключением гонений, которые последние пережили при Халифе аль-Хакиме (996–1021 гг.). Все остальное время правления Фатимидов для немусульман было эпохой процветания и терпимости. Однако это либеральное отношение не распространялось на суннитов.

В конце X в. и в XI в. при халифах аль-Азизе (975–996 гг.), аль-Хакиме, аль-Захире (1021–1036 гг.) и аль-Мустансире (1036–1094 гг.) Фатимиды создали не только мощную сухопутную армию, но и достаточно сильный флот, ведший военные действия на Средиземном море, и продолжали удерживать Сирию. Они утратили лишь

Карта 15. Египет

владения, изначально принадлежавшие им в Северной Африке; в 1051 г. на этих землях воцарились Зириды. Господство над Йеменом, которого Фатимиды добились в 1047 г., имело немаловажное значение для доходов государства, так как эта страна вела прибыльную торговлю специями с Индией. Кроме того, Фатимиды контролировали экспорт золота из Судана, да и сам Египет вывозил в Европу немалые объемы шерстяных тканей, льняного полотна и изделий из стекла; в этой торговле активно участвовали Венеция и Генуя. Таким образом, в экономическом отношении режим Фатимидов в свои лучшие времена был несомненно успешным.

Во второй половине XI в. в государстве Фатимидов начался политический упадок. Вторжение сельджуков в Сирию (1069–1070 гг.) и рост могущества государств крестоносцев подорвали их власть. Даже сильное правление

двух армянских визирей и военачальников Бафра аль-Джамали (ум. в 1094 г.) и его сына аль-Афдала (ум. в 1121 г.), не смогло остановить начавшийся упадок. В 1171 г. династию Фатимидов сверг ее последний визирь Салах ад-дин, знаменитый Саладин, египетский султан с 1175 г., основавший династию Айюбидов.

Интеллектуальное развитие

Первые суннитские школы

Зарождение исламской интеллектуальной жизни в Египте скрыто мраком неизвестности. На папирусе сохранилась *сахифа* (*sahifa*) Абд Аляха ибн Лаххи (VIII в.), рассказывающая о преданиях, относящихся к Судному дню.

На самом раннем этапе большое значение в Египте приобрело маликитское вероучение. Считается, что его ввел *мавла* (мусульманин неарабского происхождения) Абд аль-Рахим ибн Халид (ум. в 779 г.). Маликитская доктрина властвовала безраздельно до 813 г., когда в Египет приехал имам Ибн аль-Шафия, у которого скоро появилось множество последователей. Он проповедовал до самой смерти в 820 г. Ханифитское вероучение от случая к случаю представлял судья-ханифит, присланный из Багдада; однако оно столкнулось с местным сопротивлением. До появления Фатимидов в Египте властвовали маликитское и шафиитское вероисповедания.

Исмаилизм

При Фатимидах началась эпоха решительного насаждения исмаилизма (исмаилиты – приверженцы шиитской религиозной секты, возглавляемой фатимидскими правителями как *имамами*). Правоведы и богословы получали специальную плату за обучение исмаилитской доктрине в мечети Амра в Фустате (Каир). Свою выгоду из этого извлекал и мечеть аль-Азхар. Считается, что в 988 г. халиф аль-Азиз завещал 37 теологам один из своих дворцов около мечети аль-Азхар, чтобы поддерживать их.

Раскол произошел из-за того, что аль-Хаким поощрял веру в то, что он является воплощением Бога на земле – веру, которой по сей день придерживаются сирийские и ливанские шиитские сектанты-друзы. Исчезновение или убийство аль-Хакима (1021 г.) привело к полному опровержению *давой* (миссионерской элитой) Фатимидов его притязаний и гонениям его приверженцев.

Обучение и библиотеки

Самым замечательным вкладом Фатимидов в развитие обучения следует считать основание халифом аль-Хакимом в 1005 г. Дома мудрости (*Дар аль-хикма*). Это был истинный культурный центр Каира и всего Египта того времени и предвестник медресе (школ), созданных полвека спустя сельджукскими султанами. Основатель этого заведения хотел, чтобы оно напоминало *Бейт аль-хикма* (Обитель Мудрости), основанный Аббасидом аль-Мамунем в Багдаде. Аль-Хаким внимательно следил за организацией этого заведения и оборудовал для него специальное здание. Там открылась богатая библиотека, в которую вошли книги, переданные из личного собрания халифа. Эта библиотека была открыта для публики, а работа в ней облегчалась наличием необходимых материалов и инструментов – бумаги, чернил и перьев.

Прекрасное описание великолепной библиотеки Фатимидов оставил аль-Мусабихи. Другой источник сообщает, что она включала 18 тыс. книг, посвященных древним наукам. Ибн аль-Тувайр и Ибн Аби Тайи сообщают, что «в ней содержалось более 200 тыс. переплетенных томов и несколько непереплетенных».

Суннизм при Фатимидах

Сразу после окончательного завоевания Египта Фатимидами суннизм был практически запрещен. Однако Фустат, столица этой страны (на территории современного Каира. – *Прим. ред.*), по-прежнему питал сильную привязанность к этому вероисповеданию.

Суннитским центром оставалась и Александрия. В то время сюда приезжало немало богословов из Северной Африки и Андалусии; в их числе был и маликитский ученый Абу Бакр Мухаммед ибн аль-Валид аль-Туртуши. Проведя несколько лет в Багдаде, в 1097 г. он поселился

в Александрии. Источники сообщают об Александрийской школе, в которой преподавал аль-Туртуши.

Вскоре после смерти халифа аль-Амира в 1130 г. суннитское вероучение снова начало распространяться по стране. В 1136 г. халиф аль-Хафиз назначил своим визирем суннита Ридвана ибн Валахши, который через год построил в Александрии школу для преподавания маликитской доктрины. 14 лет спустя другой суннитский визирь, аль-Адил ибн аль-Салар приказал построить в этом же городе вторую школу, но на этот раз для обучения шафиитской доктрине.

Научное развитие

При Фатимидах большие успехи были достигнуты в сфере науки, особенно в медицине и астрономии. Здесь можно упомянуть лишь о самых важных ученых.

Ибн аль-Хайсам (латинизир. Альгазен, 965–1039 гг.) был одним из известнейших арабских математиков и, быть может, величайшим арабским натурфилософом. Родившись в Басре, он приехал в Египет во время правления аль-Хакима (996–1021 гг.) и попытался зарегулировать сток Нила, но безуспешно. Большая часть его многочисленных работ (некоторые из них очень короткие) посвящена математике и физике, но он касался и вопросов философии и медицины. Наибольшую известность получил его труд «Сокровище оптики», который в XII в. был переведен на латинский язык, а автор стал известен в Европе как Альгазен.

Абуль-Хасан Али ибн Ридван аль-Мисри (ум. в 1061 г.), главный египетский врачеватель эпохи халифа аль-Мустансира, был автором медицинских текстов и полемиком. Около 20 его работ сохранились до наших дней. Ибн Ридван демонстрировал глубокое знание древней медицины, но не был оригинальным мыслителем: он лишь толковал суждения Гиппократов и Галена. Среди самых важных его трудов – трактат о здоровье и болезнях в Египте и Каире «О предотвращении телесных недомогогий в земле Египетской», – повествует о чуме и причинах, ее вызывающих, о мерах предосторожности и правилах гигиены и содержит медицинскую топографию современного ему Каира и его окрестностей.

Ибн Юнус аль-Садафи (ум. в 1009 г.) был одним из самых знаменитых мусульманских астрономов. Его важный трактат по астрономии «Великий альманах, посвященный аль-Хакиму» (который, судя по всему, сохранился лишь частично), был начат приблизительно в 990 г. и завершен незадолго до смерти автора. Ибн Юнус ссылался на множество астрономических наблюдений (затмений и других явлений), причем некоторые из них были проведены его предшественниками, жившими в IX и X вв., а другие сделал в Каире он сам. Если рассматривать этот труд в целом, он содержит самый обширный из имевшихся к тому времени список астрономических наблюдений средневековья. Исследования своих предшественников Ибн Юнус описывает очень аккуратно, а критикуя ошибки и неточности, содержащиеся в их работах, выражается удивительно современным языком. Американский астроном Саймон Ньюком (1835–1909 гг.) изучил его наблюдения и был поражен их потенциальной полезностью для оценки векового ускорения Луны. Ибн Юнус также написал несколько оригинальных работ по тригонометрии и стереометрии.

Архитектура

Если говорить об искусстве или архитектуре периода до египетской династии Тулунидов, правивших в 868–905 гг., то до наших дней не сохранилось ничего, о чем стоило бы упомянуть, кроме мечети Амра в Фустате, имеющей скорее историческую, нежели археологическую ценность, да расположенного на о. Равда устройства для измерения

уровня воды в Ниле («нилометр»), которое было восстановлено в 861 г. Настоящая история исламской архитектуры в Фустате начинается с Тулунидов. Хотя до наших дней сохранилась лишь мечеть Ибн Тулуна, нам известна точная дата ее возведения, а потому она является одной из достопримечательностей архитектуры Каира.

Первая фатимидская мечеть в Египте, мечеть аль-Азхар, видимо, была построена (970 г.) по плану мечети Ибн Тулуна. Несмотря на то, что большая часть оригинальной постройки не сохранилась, вид обширного центрального двора (*аль-сахн*), окруженного галереями, увенчанными персидскими арками, и молитвенного зала, пять пролетов которого расположены параллельно стене с *киблой*, соответствует оригинальному проекту (илл. 204).

Мечеть аль-Хакима (990–1013 гг.) также была спроектирована по образцу мечети Ибн Тулуна, но имеет более изящные кирпичные колонны, а также ряд новых особенностей, например, монументальный главный вход, созданный, несомненно, под влиянием аналогичного элемента фатимидской мечети аль-Махдии в Северной Африке.

Портик такого же типа, но гораздо меньших размеров, можно увидеть в фатимидской мечети аль-Акмара (1125 г.) (илл. 70) и в мамлюкской мечети аль-Захир Байбарса (1266 г.), где иллюзию внушительного размера создают боковые фасады, украшенные тремя глухими аркадами; в мечети аль-Хакима таких аркад всего две, а в мечети Махдии – лишь одна.

Фасад мечети аль-Акмара декорирован богатым лиственным орнаментом и надписями – в Каире он первый в своем роде. Сложный и изысканный вид ему придает использование *мукарн* (выступы в виде «сталактитов»).

В Египте Фатимиды также построили святилище нового типа (илл. 32) – памятник над захоронениями главных Алидов, похороненных в этой стране. Самым древним из этих захоронений, наземный план которого сохранился по сей день, является «Земля мученика ал-Джуйуши» на вершине горы Мукааттам.

ЕГИПЕТ С 1171 ПО 1517 ГГ. (карта 15)

Политическая история

Айюбиды (1171–1250 гг.)

Салах-ад-дин ибн Айюб (Саладин), курдский офицер Нур ад-Дина (ум. в 1174 г.), приобретающий могущество властелина Сирии, в 1169 г. под защитой армии, посланной его повелителем, стал визирем фатимидского правителя. В сентябре 1171 г. он объявил о падении Фатимидского халифата и о формальном возвращении Египта в лоно Багдадского халифата Аббасидов. Исламизм был запрещен, суннизм стал официально разрешенным, а особое расположение выказывалось его шафритской школе.

Саладин (ум. в 1193 г.), стремясь одновременно возродить некогда богатую страну и взять под контроль все сухопутные подходы к Египту, описав его территории своим кровным родственникам, основал династию Айюбидов. Он ввел в Египте систему *икта* (территориального налогообложения), которая позволяла содержать армию, и реорганизовал флот. Его желание любыми средствами дать отпор крестоносцам принесло плоды, и в 1187 г. в битве при Хаттине франки потерпели поражение, после чего Саладин взял Иерусалим. Одновременно реорганизованный Саладинов флот срывал набеги византийцев и западноевропейцев с моря.

Истинным организатором государства Айюбидов был брат и преемник Саладина султан аль-Малик аль-Адил (1200–1218 гг.). Как и Саладин, он не взял себе землю в личную собственность, разделив все свои владения между тремя сыновьями, а один из сыновей Саладина, аль-Захир Гази получил в управление Алеппо.

Однако совсем скоро между сыновьями аль-Малик аль-Адила начались распри, вследствие которых их владения превращались в единое государство лишь на короткое время. Однако все эти князья избегали ввязываться в дорогостоящие военные действия и предпочитали развивать торговые связи с Западом, так что постепенно Египет превратился в торговый центр Леванта, заменив в этом качестве государства крестоносцев.

Мамлюки (1250–1517 гг.)

Напряжение, сопутствовавшее двум военным кризисам (в 1249–1250 гг.), спровоцированным французским королем Людовиком IX Святым, а затем вторжение монголов в Сирию (1259–1260 гг.), способствовали падению власти египетской ветви династии Айюбидов и приходу к власти в Египте и Сирии мамлюков из так называемого Бахрийского полка (*Бахр* – египетское название Нила). Бахрийское военное формирование состояло из *китчакских мамлюков* или вооруженных тюркских рабов; ее создал айюбидский султан аль-Малик аль-Салих Айюб (1240–1249).

В 1250 г. трон занял один из бахрийских военачальников Айбек аль-Туркумани под именем аль-Малик аль-Муизза. Но когда в 1259 г. в Сирию начали вторгаться монголы, власть в султанате узурпировал могущественный мамлюкский офицер Кутуз. Вместе с еще одним мамлюком, знаменитым Бейбарсом, он возглавил поход экспедиционных войск в Палестину, где 3 сентября 1260 г. в битве у Айн-Джалута одержал победу над монголами. Однако вскоре после этого Бейбарс возглавил заговор против Кутуза, в результате которого тот был убит, и захватил власть в султанате.

Истинный основатель мамлюкского султаната Бейбарс правил сравнительно долгое время (1260–1277 гг.), причем ему удалось добиться стабильности внутри государства.

Бейбарс стремился узаконить свою власть. Для этого он наделил аббасидского князя в Каире титулом халифа и обеспечил официальную передачу (состоявшуюся в июне 1261 г.) этим марионеточным халифом всех полномочий ему как общесламскому султану. Потомки этого аббасидского князя, в свою очередь, должным образом признавались халифами Египта и Сирии вплоть до завоевания этих стран османами.

Династия Бейбарса ненадолго пережила своего основателя. В августе 1279 г. трон захватил один из его прежних собратьев по оружию, Калавун аль-Алфи. Теперь стала ясна логика новой политической системы: новый режим был построен таким образом, чтобы максимально усложнить передачу власти в пределах одной семьи. Власть скорее зависела от личной преданности группы мамлюков конкретному правителю, с которым была связана их судьба. Сам Калавун (ум. в 1290 г.) был второй крупной фигурой нового султаната. Ему, как и Байбарсу, удалось в 1281 г. одержать победу над монголами в битве при Химсе. Но, несмотря на то что на престоле друг друга действительно сменяли прямые потомки сына Калавуна, аль-Насира Мухаммеда (правил в 1310–1341 гг.), тот факт, что менее чем за полвека власть побывала в руках двенадцати султанов, служит доказательством их реальной слабости.

Затем, в ноябре 1382 г. мамлюк черкесского происхождения Баркук ибн Анас сверг династию Калавуна и захватил власть в султанате. Власть нового султана опиралась на бурджийских мамлюков, «людей башни», получивших это название от башен (бурдж) каирской цитадели, в которых располагались их казармы. Их полк был сформирован Калавуном. Этим черкесским мамлюком суждено было удерживать власть в Египте и Сирии до самого османского завоевания в 1517 г.

На протяжении XIV и XV вв. мамлюкский султанат Каира выступал в качестве ведущей силы арабского мира.

Мамлюкские султаны стремились к контролю над всем побережьем Средиземного моря от Киренаики до Анатолии. Необходимым дополнением к этой устремленной на север политике было распространение их влияния и в южном направлении – к Красному морю и еще дальше – вглубь Африканского континента.

Упадок государства ильханов в первой четверти XIV в. стал одной из причин произошедшего ко второй половине того же века смещения в Египет основных потоков мировой торговли. В то время монополию на средиземноморскую торговлю удерживали итальянцы и каталонцы, а египетские купцы *каримиты* преобладали в торговле на исламских землях. На эту эпоху пришелся расцвет их деятельности, которая заключалась не только в продаже местной продукции, но и в торговле с Йеменом, странами, расположенными на побережье Индийского океана, и Суданской Африкой.

Судя по всему, мамлюкский Египет достиг своего апогея при аль-Насире Мухаммеде (1310–1341 гг.), когда в дельте Нила вырыли каналы, благодаря которым весьма ощутимо расширилась площадь обрабатываемых земель. При этом правителе в Каире активизировалась строительная деятельность. Договор, который он заключил с монголами (ильханами) в 1323 г., утвердил Евфрат границей, разделяющей две державы.

После смерти аль-Насира Мухаммеда в 1341 г., когда в Египте и Сирии разразилась эпидемия бубонной чумы, называемой «Черной смертью», мамлюкский Египет вступил в продолжительную пору экономических трудностей. Чума возвращалась раз за разом на протяжении следующих 150 лет и имела для населения Египта долговременные и весьма печальные последствия. Смерть большого количества людей приводила к сокращению сборов урожая, а потому и к снижению налоговых поступлений и утере богатства мамлюкского режима. Сейчас на этой причине долговременного ослабления мамлюкского государства делается большой акцент, нежели на предполагаемом падении государственных доходов мамлюков из-за того, что после 1498 г. часть торговых путей Португалии с Востоком вместо Средиземного моря стала проходить вокруг мыса Доброй Надежды.

Свой вклад в упадок мамлюкского государства, вероятно, внесли и военные факторы, хотя мамлюки одними из первых в исламском мире стали применять порох; оружие на его основе описывает аль-Калкашанди (ум. в 1418 г.); ко времени же правления султана Каит-бея (1468–1496 гг.), возможно, в огнестрельном оружии использовались и фитильные замки. Однако это оружие принесло мало пользы в 1516–1517 гг. в сражениях с османскими войсками, которые уже гораздо лучше к нему приспособились.

Религиозная жизнь

При Айюбидах структура исмаилизма Фатимидов быстро разрушилась, сменившие их мамлюки тоже были преданы суннитской ортодоксальности. Для создания противовеса местному шафиитскому влиянию мамлюкские правители использовали как маликитскую, так и ханифитскую школы. Примером тому служит назначение верховным судьей знаменитого тунисского ученого маликита Ибн Хальдуна (ум. в 1406 г.) после его переезда в Египет в 1382 г. Мамлюки также покровительствовали суфийским учреждениям, что привело их к конфликту в Дамаске с ученым-ханбалитом Ибн Таймийей (ум. в 1328 г.).

Одним из важнейших религиозных учреждений, развившихся в эпоху правления мамлюков, была мечеть аль-Азхар. При Айюбидах ею пренебрегали. При мамлюках ситуация изменилась, и с этого времени началось процветание аль-Азхара как мечети и учебного заведения. Султан Бейбарс построил для мечети несколько новых зданий, поощрял

обучение наукам и вернул мечети привилегию вознесения *хутбы*. Но не только благодаря помощи местных правителей существовала эта мечеть: в еще большей степени ее богатство выросло в результате опустошения монголами Востока и отступления ислама на Западе – событий, которые вместе привели к исчезновению или упадку множества ранее преуспевших древних *медресе* (илл. 204).

Литература и обучение

К XIV в. арабский язык стал всеобщим разговорным языком Египта, полностью заменив коптский. На востоке исламского мира параллельно происходило постепенное вытеснение арабского литературного языка персидским, поэтому, когда монгольские завоевания XIII в. повергли Ирак в политический мрак, Египет (вместе с Сирией в качестве его придатка) превратился в главный центр арабской литературы и обучения (илл. 90, 110, 140, 217).

Арабская поэзия типа *газелей* (лирики) обрела заметную фигуру в лице аль-Бахи Зухайра (ум. в 1187 г.), а вскоре после этого Омар ибн аль-Фарид (ум. в 1235 г.) в традиционные словосочетания о вине и любви вплеп суфийские мотивы. Благочестивая религиозная поэзия получила классическое выражение в панегирике Пророку «*al-Burda*», написанном аль-Бусири (ум. в 1296 г.). В поздний мамлюкский период Ибн Судун (ум. в 1464 г.) писал юмористические и сатирические стихи с использованием оборотов разговорной речи.

Образцами для величавой «секретарской» прозы (*инша*) послужили произведения аль-Кади аль-Фадия (ум. в 1199 г.), а позднее аль-Калкашанди. У Ибн Аби Усайбии (ум. в 1270 г.) можно найти первые примеры разговорных арабских оборотов, которые использовались в «приличном обществе».

Египетская арабская литература этого периода была особенно богата историческими трудами, особенно работами аль-Макризи (ум. в 1442 г.) и Ибн Тагрибирди (ум. в 1469 г.), причем последний критиковал прежние анти-тюркские предубеждения. Ибн Хаджар аль-Аскалани (ум. в 1449 г.) с огромным усердием собирал аналитические руководства по изложению *хадисов* и писал биографии ученых. Макризи составлял биографии египетских ученых, а энциклопедист аль-Суйюти (ум. в 1503 г.) писал биографии языковедов.

Произведение аль-Калкашанди «Субх аль-Аша» – важный источник исторической и географической информации о исламском мире и, кроме того, представляет ценность как руководство по *инша*.

Несмотря на то, что знаменитое собрание сказок «Тысяча и одна ночь», судя по всему, приобрело свой окончательный вид уже после Османского завоевания (1517 г.), вряд ли можно сомневаться, что большая часть сказок, заимствованных у разных цивилизаций, была собрана уже в мамлюкский период, а некоторые из них имели чисто египетские корни.

Мамлюки, будучи тюрками по происхождению, поощряли переводы арабских и персидских работ на древний анатолийско-тюркский язык, и султан Каит-бей (ум. в 1496 г.) оставил после себя сборник стихов на этом языке. Таким образом, мамлюкский Египет сыграл свою роль в развитии турецкого литературного языка.

Архитектура

С приходом Айюбидов к власти египетские методы строительства не изменились, а некоторые новые элементы добавились лишь в отделке зданий. Поскольку учреденные суннитами медресе служили для обучения *фишху*, в то время они были широко известны в Египте. Большинство

зданий, построенных Айюбидами, до нас не дошли. Самыми важными постройками, сохранившимися до настоящего времени, являются стены и цитадель Саладина (1176–1184 гг.), мавзолей имама аль-Шаффи (1211 г.) и мавзолей султана аль-Малик аль-Салих Айюба (1250 г.).

Мамлюкские султаны добавили новые типы построек к тем, что были известны в Египте при Фатимидах и Айюбидах. При мамлюках продолжали развиваться медресе; в Каире появились ханаки, или суфийские монастыри, которые брали вдохновляющий пример с медресе, даже несмотря на то, что самая древняя в своем роде ханака Саида аль-Суада (1173–1174 гг.), построенная в Египте, была заложена еще при Айюбидах. Впредь гробницы султанов и других высокопоставленных персон примыкали к ханаке или медресе, к которым в конце рассматриваемого периода добавились еще *сабил*, или источник питьевой воды и, в довершение, *куттаб*, или начальная школа.

Кроме того, эпохе мамлюков были хорошо знакомы мечети, украшенные портиками, например, мечеть Бейбарса (1269 г.) и мечеть аль-Насира Мухаммеда в цитадели (1318–1335 гг.), тогда как мечеть шейха аль-Муайяда (1415–1420 гг.) около Баб-Зувайлы стала последней подобной святыней, построенной в мамлюкском Каире.

Постепенно медресе вытеснили мечети, а некоторые мечети стали строиться по наземному плану медресе, имеющему форму креста и постепенно заменявшему все другие типы построек. Мечеть-медресе султана Хасана (1356 г.), один из величайших памятников Каира, является одним из завершенных из таких крестообразных построек XIV в. В черкесский период медресе численно превосходили мечети, а крестообразный план остался излюбленным образцом для медресе всех четырех суннитских толков.

На протяжении всего мамлюкского правления цитадель оставалась местом пребывания правительства султана. Наиболее важное строительство мамлюков в цитадели происходило при аль-Насире Мухаммеде; тогда была построена большая мечеть с портиками (1318 г.) и дворец (1314 г.), названный «Пестрым замком» из-за двухцветных камней, из которых были сложены арки главного зала (*каа*). От дворцов эмиров, которые при Макризи располагались на южных склонах насыпи цитадели, сейчас не осталось и следа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- EI² = Encyclopedia of Islam, 2nd edn. Leiden.
- ALLOUCHE, A. 1994. Mamluk Economics. A Study and Translation of al-Maqrizī's Ighāthah. University of Utah Press.
- AYALON, D. 1977. Studies on the Mamluks of Egypt. Variorum Reprints, London.
- 1997. The End of the Mamluk Sultanate, SI LXV, pp. 125–148.
- BLACHERE, R. 1973. La Fondation du Caire et la renaissance de l'humanisme arabo-islamique au IVe siècle. In: Colloque International sur l'Histoire du Caire.
- CAHEN, C. 1960. article: 'Ayyubids', EI², I, pp. 796–807.
- 1970. L'Islam des origines au début de l'Empire ottoman. Paris.
- 1983. Orient et Occident à l'époque des Croisades. Paris.
- CANARD, M. 1965. Article: 'Fatimides' EI² II, pp. 870–884.
- CRESWELL, K. A. C. 1952, 1958. The Muslim Architecture of Egypt, I. Iksids and Faṭimids, II. Ayyūbids and early Mamluks. Oxford.
- DAHMANNS, F. J. 1975. Al-Malik al-'Adil. Ägypten und der Vordere Orient in den Jahren 589/1193 bis 615/1218, Giessen.
- DARRAG, A. 1961. L'Égypte sous le règne de Barsbay, 825–841/1422–1438. Damascus.
- ECHE, Y. 1967. Les Bibliothèques arabes publiques et semi-publiques en Mésopotamie, en Syrie et en Égypte au Moyen Âge. Damascus.
- EHRENKREUTZ, A. S. 1972. Saladin. Albany, NY.
- ELISSEFF, N. 1977. L'Orient musulman au Moyen Âge (622–1210). Paris.
- FU'AD SAYYID, A. 1992. Al-Dawla al-faṭimiyya fi Miṣrtafsirun dgadid, Cairo.
- 1997. La Capitale de l'Égypte jusqu'à l'époque Fatimide. Beirut.
- GARCIN, J.-C. 1976. Un centre musulman de la Haute Égypte médiévale. Qus. Cairo-IFAO.
- 1995. Etats, sociétés et cultures du monde musulman médiéval, X^e–XVe siècles: I, L'Évolution politique et sociale. Paris.
- GOITEIN, S. D. 1967. A Mediterranean Society, Vol. I: Economic Foundations. Princeton.
- GOLDSTEIN, B. R. 1971. Article: 'Ibn Yunus', EI², III, pp. 969–970.
- GOTTSCHALK, H. L. 1958. Al-Malik al-Kāmil von Ägypten und seine Zeit. Wiesbaden.
- HOLT, P. M. 1991. Article: 'Mamluks', EI², VI, pp. 314–331.
- 1995. Early Mamluk Diplomacy (1260–1290). Treaties of Baybars and Qalāwān with Christian Rulers. Brill, Leiden.
- HUMPHREYS, R. 1977. From Saladin to the Mongols. Albany, NY.
- INĀN, MUHAMMAD 'ALĪ. 1958. Tārīkh al-Jamī' al-Azhar (History of the Mosque of al-Azhar). Cairo.
- IRWIN, R. 1986. The Middle East in the Middle Ages. The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382. London.
- JOMIER, J. 1960. article: 'al-Azhar', EI², I, pp. 813–821.
- KHOURY, R. C. 1981. Une description fantastique des fonds de la bibliothèque royale, hizanat al-kutub au Caire. In: Actes du IXe Congrès de l'Union européenne des arabisants et islamisants, Leiden, Brill, pp. 123–140.
- LABIB, S. 1965. Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter 1171–1517. Wiesbaden.
- LEV, I. 1999. Saladin in Egypt. Brill, Leiden.
- LEWIS, B. 1949–1950. The Faṭimids and the route to India. Revue de la Faculté des Sciences économiques, Université d'Istanbul, XI, pp. 50–54.
- LYONS, M. C.; JACKSON, D. E. P. 1982. Saladin. Cambridge.
- MAQDISI. 1906. Aḥsan al-Taqaṣīm fi ma'rifa al-aqālīm, ed. Goeje, Leiden, Brill.
- MAQRISI. 1853. Khiṭaṭ: al-mawā'iz wal-i'tibār fi dhkr al-khiṭaṭ wal-aṭhār, 1–2. Bulāq.
- 1934–72. Al-Sulūk li ma'rifa al-duwal al-mulūk, ed. Muh. M. Zīlāda and S. 'Ashūr. Cairo.
- MEINECKE, M. 1992. Die Mamlukische Architektur in Ägypten und Syrien (648/1250 Bis 923/1517). Glückstadt.
- MIQUEL, A. 1971. L'Égypte vue par un géographe arabe du IVe/Xe siècle: al-Muqaddasī. Annales Islamiques, X, pp. 109–139.
- MUSABBIHI. 1978–1984. Akhbār Miṣr (fragment), ed. A. F. Sayyid, T. Bianquis and H. Nissar. Cairo.
- PETRY, C. 1994. Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power. State University of New York Press.
- RABBAT, N. O. 1995. The Cairo Citadel. Brill, Leiden.
- ROGERS, M. 1978. article: 'al-Kāhira', EI², IV, pp. 424–440.
- SCHACHT, J. 1971. article: 'Ibn Riḍwān', EI², III, pp. 969–970.
- AL-SHINNĀWĪ. 1983. 'Abd al-'Azīz, Al-Azhar, Jāmi' wa Jāmi'ā (Al-Azhar, Friday Mosque and University). Cairo.
- SOURDEL, D.; SOURDEL, J. 1983. La civilisation de l'Islam classique. Paris.
- THORAU, P. 1987. Sultan Baibars I von Ägypten, Wiesbaden; The Lion of Egypt, Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century, English version with additions by P. M. Holt, London, 1992.
- VERMULAN, U. And DE SMET, 1995. Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Leuven.
- VERNET, J. 1971. article: 'al-Haytham', EI², III, pp. 811–812.
- WIET, G. 1932. L'Égypte arabe. Paris.

20.2 МАГРИБ

Мохаммад Бенабуд

Историей культуры и науки Магриба ученые, как правило, пренебрегали, несмотря на то, что в ней было немало интересного. Из регионов, находящихся в этой части Африки, особое внимание привлекают Ифрикия, включавшая современные Тунис и восточную часть Алжира, в период приблизительно с 650 по 1000 г., и Марокко – приблизительно с 1000 по 1500 г. (карта 16).

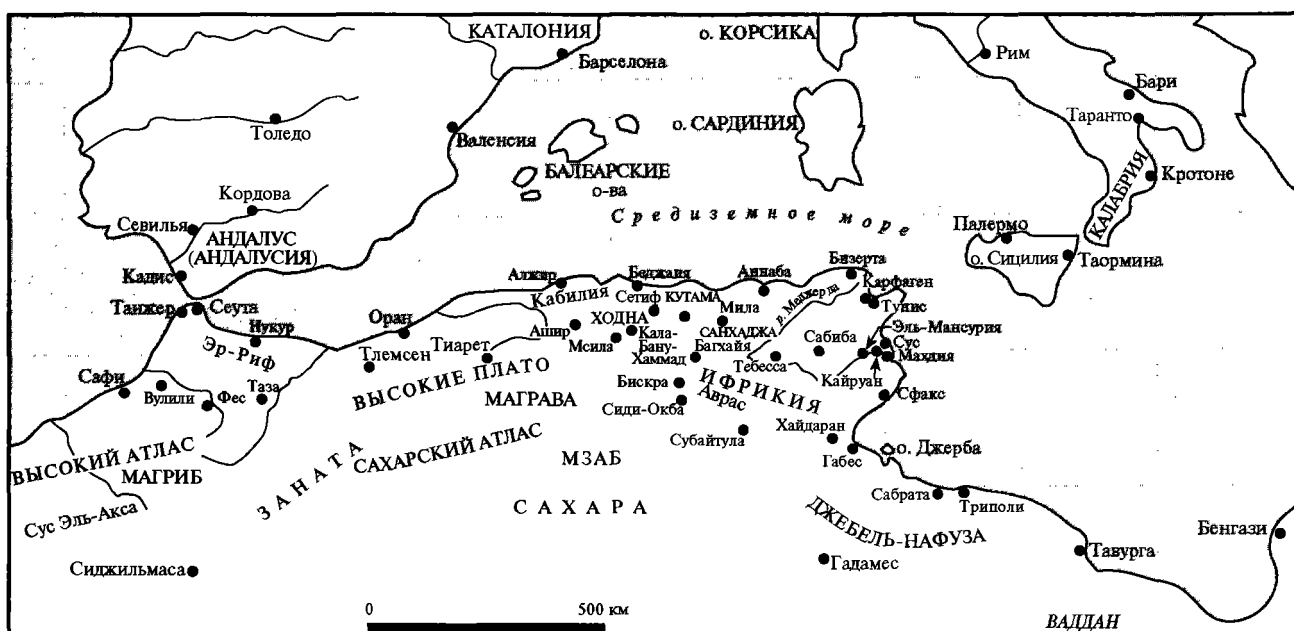
Развитие культуры Магриба характеризовалось ее способностью постоянно включать в себя новые внешние элементы. С возвышением государства Альморавидов и присоединением к нему Аль-Андалуса (Андалусии), т.е. исламской Испании (XI в.), в Магриб начал активно вводиться андалусский культурный элемент. Будучи в эпоху Омейядского халифата независимым политическим государством, Андалусия вступила в конфликт с Ифрикийским халифатом Фатимидов из-за Марокко. Теперь же покоренные Альморавидами андалусийцы навязывали свою культуру Магрибу. На протяжении всей эпохи «Альморавидов» (*аль-Мурабитун*, ок. 1064–1145 гг.), «Альмохадов» (*аль-Муваххидун*, ок. 1120–1269 гг.) и «Маринидов» (*Бану Марин*, 1259–1420 гг.) магрибское искусство, архитектура, наука и знание в целом несли сильный отпечаток андалусской культуры. Это касалось самых важных магрибских городов: Кайруана, Тлемсена, Сеуты и Феса. Такие магрибские ученые, заслужившие между XI и XIV вв. всеобщее признание, как правовед *кади* Ийад (1083–1149 гг.), философ Абу-ль Валид Ибн Рушд (Аверроэс, 1126–1198 гг.), ученый-энциклопедист и политик XIV в. Ибн

Марзук из Тлемсена или историк и философ Ибн Хальдун, – были тесно связаны с Андалусией.

Развитию магрибской культуры при Альморавидах, Альмохадах и Маринидах способствовали два фактора – правители и *улемы* (ученые). Говоря о правителях, можно привести в пример Аль-Махди Ибн Тумарта (ум. ок. 1130 г.), который сам был выдающимся ученым, Якуба аль-Мансура аль-Муваххиди (правил в 1162–1184 гг.) и Абу Инан аль-Марини (правил в 1348–1358 гг.), основавшего школы во многих марокканских городах. Щедрая финансовая поддержка культурных проектов при Альмохадах и Маринидах (1257–1559 гг.) во многом объясняет научный и культурный прогресс, достигнутый в тот период. От *улемов* пришла правовая традиция, которая составила общую основу для развития маликизма.

МАЛИКИЗМ

Маликизмом называется не только правовая школа, основанная в VIII в. Маликом ибн Анасом в Медине, но и культурное движение в Магрибе. Во многих частях Магриба и Андалусии маликизм стал официальной верой. Причины, обусловившие успех маликизма в Магрибе, – предмет спора ученых, равно как и вопрос об определении данного термина. Маликизм охватил столько аспектов культурной жизни Магриба, что его можно считать выражением культурного развития этого региона.

Карта 16. Средневековый Магриб (по Hrbek, 1984, in General History of Africa, vol. 4)

Сначала, в VIII в., маликизм появился в Ифрикии, а затем распространился в других частях Магриба, включая Марокко. Развиваясь, он подвергся ряду преобразований, весьма обогативших его. Истоки маликизма по-прежнему неясны, хотя Миклош Мораньи (*Myklos Moranyi*) недавно изучил самые ранние документы маликиитских ученых. Исследование Мораньи указывает на то, что многие магрибские ученые в Ифрикии сделали важный вклад в развитие маликизма уже тогда, когда он находился еще в зачаточном состоянии. Изменения, которые на протяжении нескольких веков маликизм претерпевал в Магрибе и Андалусии, можно считать результатом его способности адаптироваться к новым обстоятельствам и социально-культурным условиям.

Хотя некоторые ученые традиционно считали маликизм препятствием для развития свободной мысли в Магрибе и Андалусии, последние исследования позволяют принять более позитивные подходы к этой доктрине. Несколько династий, правивших в Магрибе, принимали маликизм в качестве официального вероучения. В XI в. Альморавиды признали маликизм в качестве официальной школы правоведения и богословия, а их государство впервые объединило обширную территорию, простиравшуюся от Марракеша и Кордовы на севере до Ифрикии на востоке. Успех маликизма как официального учения не означает, что его навязывали насильно, напротив, он пользовался такой популярностью, что государство решило принять его в качестве официальной веры. Маликиитские правоведы и ученые, которые при Альморавидах получили политическое влияние, приобрели широкую известность, поскольку выступали против введения налогов на немусульманское население и прочих непопулярных мер. Маликизм пользовался популярностью еще и потому, что некоторые его принципы, например, *аль-мусалим аль-мурсала*, который в определенных случаях отдавал приоритет «высшим интересам», на протяжении многих веков и во многих государствах помогали ему приспособиться к переменам, происходившим в обществе.

Маликизм достиг успеха и в культурном отношении, так как ему удалось ориентировать культуру Магриба и Андалусии даже несмотря на то, что в этом регионе на смену друг другу приходили государства с противоположными идеологиями. Однако создается ощущение, что историки делают излишний упор на особый союз маликизма с конкретными государствами, например, государством Альморавидов. Литературное творчество *улемов* этого периода противоречит широко распространенному мнению, будто он был временем застоя в области культуры и мышления.

Ясно, что при Альморавидах маликизм внес свой вклад в несколько аспектов культурной жизни Магриба. Во-первых, было опубликовано множество трудов по различным отраслям знания. Биографические и библиографические словари содержат внушительное количество публикаций эпохи Альморавидов и Альмохадов в области *фикха* или правоведения, а также истории и литературы. Примерами таких словарей являются «Китаб Аль-Сила» Ибн Башкувала или «Аль-Такмила ли Китаб аль-Сила» Ибн Аль-Аббара, содержащие труды ученых XI и XII вв. Во-вторых, обширные знания некоторых интеллектуалов того времени, например, кади Ийада в области права, отражают высокий культурный уровень того периода. Защищая маликизм в своем биографическом словаре маликиитских правоведов, кади Ийад в политическом отношении поддерживал Альморавидов и выступал против Альмохадов. В-третьих, важны вклады простых людей в культурные достижения этого периода, потому что именно они создали основу для успеха маликизма как культурной традиции. Народный аспект маликизма отражается, например, в том, что он продолжал процветать даже при Альмохадах – ярых противниках Альморавидов, покровителей маликизма.

Мнение о том, что Альмохады создали государство, являвшееся полной противоположностью государства

Альморавидов, требует внимательного изучения. Не следует путать позицию Аль-Махди Ибн Тумарта, основателя династии Альмохадов, в отношении маликизма, с его позицией в отношении маликиитских правоведов (*фукахов*). К маликиитским правоведам он относился враждебно, обвинял их в том, что они полагаются не на священные источники, а на маликиитские тексты, из-за чего в *фикхе*, или правоведении вводится человеческий элемент. Кроме того, он обвинял их в приписывании Аллаху телесных признаков, т. е. в стремлении представить Бога через человека. Эти фундаментальные разногласия привели Аль-Махди к неприятию альморавидских *фукахов* – политике, которой придерживался и его преемник Абд аль-Мумин (правил в 1129–1162 гг.).

Однако сам Аль-Махди считал, что положительно относится к маликизму. Он написал сокращенный вариант труда «Аль-Муватта» Малика ибн Анаса, озаглавленный «Мухадхи-ль-Муватта», в котором воспроизвел тексты изречений Пророка, содержащиеся в труде Малика. С помощью этой книги Аль-Махди намеревался привести в систему духовную жизнь своих последователей.

Следует отметить, что разногласия Аль-Махди ибн Тумарта с маликиитскими учеными находились в определенных рамках. Он не оспаривал факт существования двух главных источников исламского права – Корана и *хадисов* (изречений Пророка). В некоторой степени он даже соглашался с *фукахами*, что необходимо полагаться на *иджмау*, или единодушие и на *кыйас*, или аналогию. Однако понятие «единодушие» он толковал по-своему, ограничивая его непротиворечивыми решениями сподвижников Пророка из числа жителей Медины (маликизм же говорит о единодушии всех жителей Медины, бывших современниками Пророка). Кроме того, он расходился с альморавидскими *фукахами* в вопросе аналогии, отвергая *кыйас аль-шахид* (аналогию, основанную на свидетельстве) и поддерживая *аль-кыйас аль-шафи* (правовую аналогию) или рассуждение по аналогии путем вывода неизвестного из известного.

Хотя Альмохады действительно ввели несколько новшеств на уровне религиозной догматики и культуры, при них в государстве продолжал процветать маликизм. Альмохады даже обогатили его, поддерживая новые культурные тенденции в Магрибе и Андалусии, которой тоже правили. В это время, как никогда ранее, процветало свободомыслие. Среди наиболее выдающихся интеллектуалов можно отметить андалусских философов и богословов, которым покровительствовали Альмохады. Это Ибн Туфайль (латинизир. Абубацер), автор «Повести о Хайе ибн Якзане», предтечи «Робинзона Крузо» Даниеля Дефо, Ибн Рушд (Аверроэс), один из самых знаменитых андалусских философов, а также правовед и врач, и Ибн Баджа (Авемпас), ученый, философ, государственный деятель, поэт и музыкант. Абу-ль-Хадждадж Юсуф Аль-Миклати написал опровержение философского подхода в богословии (*ильм аль-калам*). Подобные труды Альморавиды запрещали.

В это время процветали новые науки, например, математика и науки, изучающие Коран. Математик Ибн аль-Ясин Аль-Фаси написал работу по алгебре в стихах (*уржуза*). Важно также, что маликизм продолжал благоденствовать и по окончании правления Альмохадов, а особенно при Маринидах, которые пришли к власти сразу после них и правили вплоть до XV в.

Здесь необходимо отметить вклад, который сделали маликиитские ученые из Андалусии в марокканский маликизм. Поскольку в течение некоторого времени политических границ просто не существовало, а географически Андалусия и Марокко были соседями, то на протяжении всего средневековья маликиитские правоведы и богословы обеих стран поддерживали тесные культурные и религиозные связи. Еще одним объединяющим фактором являлось их постоянное культурное общение с исламской Западной Азией и Египтом. В Магрибе очень сильным было

влияние маликитских правоведов из Андалусии, например, Абу-ль-Валид Аль-Баджи и Ибн Абд аль-Барра.

Однако важность маликизма в Магрибе, вероятно, наиболее ярко символизирует кади Ийад со своими разносторонними знаниями, пылкой защитой маликизма и глубоким проникновением в правоведение. Его монументальный труд «*Тартиб аль-Мадарик*» показывает различные аспекты развития маликизма как культурной силы в Магрибе и Андалусии. Введение в эту работу является образцом пылкой защиты маликизма как вероучения, образа мышления и подхода к жизни. Среди прочих высоко развитых методов полемики Ийад использовал изложение критики маликизма со стороны других исламских школ, после чего он опровергал эту критику и оправдывал позиции маликизма в различных вопросах.

Другая интересная особенность его книги состоит в методологии классификации, главная цель которой – защитить маликизм. Он включил в свой труд только маликитских правоведов и начал его с защиты Малика ибн Анаса и его идей. Затем он разделил свою книгу на группы или категории маликитских правоведов в соответствии с поколениями, а в получившиеся части ввел подразделы в соответствии с регионами, где проживали ученые. И Магриб, и Андалусию он считал важными регионами, поэтому биографии магрибских ученых каждого поколения можно найти в разных томах этого труда. Кади Ийад вступал в острую полемику с такими авторитетными учеными, как иракский мутахлит, правовед аль-Замахшари. О славной репутации Ийада можно судить по следующим словам: «Не будь Ийада, никто так и не узнал бы о Магрибе». Таким образом, фундаментальную роль в развитии культуры и образования в Магрибе сыграли маликитские *улемы*.

БИБЛИОТЕКИ, ПЕРЕПИСЧИКИ И КАЛЛИГРАФЫ

Как показали некоторые недавние исследования Мухаммеда аль-Мануни (*Mubammad al-Manūnī*) и Бинбина (*Binbin*), на протяжении всего средневековья библиотеки играли чрезвычайно важную роль в культуре Магриба. Их было много, и зачастую они отличались узкой специализацией. Производство и распространение рукописей отчасти отражало образовательную деятельность, которая была широко распространена в Магрибе в средние века и достигла своего апогея при Альмохадах и Маринидах. Книги в магрибских библиотеках тщательно сохраняли даже в XIII в., когда великие книгохранилища некоторых крупнейших восточных культурных центров ислама, например, Багдада, были уничтожены во время монгольских нашествий. Хотя магрибские библиотеки и не были так важны, как библиотеки Западной и Центральной Азии, они спаслись благодаря относительной стабильности этого региона при Маринидах.

История книг средневекового Магриба тесно связана с производством бумаги, превращением ученых в авторов и ролью переписчиков (среди которых были и специалисты-каллиграфы) в записывании этих книг. Мы располагаем некоторой информацией относительно способов и материалов, которые использовали магрибские переписчики и каллиграфы.

Считается, что арабская каллиграфия стала известна в Магрибе во время исламских завоеваний VII в. В документах упоминается прекрасный почерк Салиха аль-Баргвати, который правил с 744 г. Андалусский географ XI в. аль-Бакри рассказывает о каллиграфах из Феса, которые трудились в начале X в. Очень рано арабской каллиграфией начали пользоваться в Кайруане, причем были приняты оба рукописных шрифта: *куфи* и *наскхи*. В Кайруане обнаружили несколько рукописей X в., написанных шрифтом *куфи*. Кади Ийад рассказывает о самом старом магрибском каллиграфе, *факих* Абу Усман Саид ибн Хальф

Аль-Рийахи, переписавшем большую часть работ о маликизме, существовавших в то время (илл. 107).

Магрибская каллиграфия подверглась радикальному преобразованию при Альморавидах, когда андалусский шрифт постепенно вытеснил кайруанский. Тогда же вместо кожи (преимущественно выделанной из оленьих шкур) для письма все чаще стали использовать бумагу. Производство бумаги было развито в Фесе, где, по документальному свидетельству, действовали 104 бумагоделательных предприятия. При Альморавидах в Фесе жили несколько переписчиков, в том числе и Яхья ибн Мухаммед ибн Аббад аль-Лакхми, работавший для правителей в XII в.

Эпоха Альмохадов считается золотым веком магрибской каллиграфии, потому что именно тогда эта традиция превратилась в особое искусство, которому обучали профессионалы, а некоторые каллиграфы стали специализироваться на переписывании определенных книг, например, Корана. Каллиграфы экспериментировали со всеми известными арабскими шрифтами того времени. Некоторые знаменитые каллиграфы обучали своему искусству детей Альмохадов. Абд Аллах ибн Сулейман аль-Хариси, скончавшийся в 1215 г., был преподавателем у детей альмохадского халифа Якуба аль-Мансура в Марракеше. Все 13 детей халифа Абд аль-Мумина были каллиграфами. Аль-Муртада, один из альмохадских правителей, великолепно писал тремя различными шрифтами. Совершенное владение искусством каллиграфии считалось показателем положения в обществе, так что андалусский поэт Ибн Муджбир восхвалял *амира* Омара ибн Абд аль-Мумина как выдающегося каллиграфа. Альмохадский правитель аль-Муртада вообще содержал особое ведомство, в котором трудились переписчики и каллиграфы.

В эту эпоху также процветало и переплетное дело, принявшее изысканные художественные формы. Халиф Абд аль-Мумин устроил праздник специально по случаю привоза в Марракеш из Кордовы великолепного переплета, изготовленного для копии Корана, по общему мнению, принадлежавшей третьему «праведному» халифу Осману. Омару ибн Мурджи аль-Ишбили было поручено украсить обложку этой книги драгоценными камнями. Переплетные книги распространились настолько, что Абу Амр Бакр аль-Ишбили написал книгу по переплетному делу, содержащую описание сложных методов этого искусства. При желании вполне можно увидеть некоторые из выполненных тогда переплетов, сохранившиеся по сей день.

Процветало и производство бумаги: при Якубе аль-Мансуре и его сыне аль-Насире в Фесе насчитывалось 400 бумагоделательных предприятий. В честь производителей бумаги один из кварталов города был назван аль-Каггатин. Одни из городских ворот Феса называли *Баб аль-Варраким*, или «Ворота каллиграфов», а одна из улиц Сеуты, где также было развито бумагоделательное производство, получила название *Зикак аль-Варрак*, или «Улица каллиграфов». Вспомним, что в христианской Европе, несмотря на ее географическую близость, бумага тогда еще не использовалась.

В эпоху Альмохадов искусство каллиграфии высоко ценилось в Магрибе, и в биографических и библиографических словарях, например, в работе аль-Марракуши «Аль-Дхайлу ва-ль-Такмила» наряду с великими учеными и правоведами упоминались многочисленные каллиграфы. Среди них были Мухаммед ибн Ахмад аль-Марракуши (ум. ок. 1193 г.) и Мухаммед ибн Ахмад аль-Сабти (работал около 1119 г.). Некоторые из этих каллиграфов также владели искусством украшения книг. Отдельные их произведения сохранились до наших дней, например, копия Корана в 10 томах, переписанная альмохадским халифом Абу Хафс Омар аль-Муртадой в 1267 г. с использованием нескольких шрифтов: магрибского (*мабсут*) и машрикских *тахлути* и *наскхи*. Тот же альмохадский халиф переписал и знаменитый труд Малика ибн Анаса «Аль-Муватта» в двух томах, который можно увидеть и сейчас.

Каллиграфия приобрела такую популярность, что при Альмохадах ею начали заниматься и женщины, в том числе и приехавшие из Андалусии. Среди них были Саида бинт Мухаммед аль-Тутили, вместе со своей сестрой работавшая переписчицей в Марракеше, и Варка бинт аль-Хаджа аль-Тулайгулия (ум. ок. 1145 г.), которая славилась в Фесе своей прекрасной каллиграфией. Большое число андалусских переписчиков и каллиграфов, переехавших в Марокко, чьи имена упоминаются в биографических словарях, объясняет появление в Магрибе андалусской каллиграфии и прямое влияние, которое она оказала на каллиграфию магрибскую, продолжавшую также заимствовать элементы машрикской каллиграфии. Один и тот же каллиграф часто писал и магрибским, и машрикским шрифтами.

При Маринидах в городах Марракеш, Мекнес, Таза, Сета и Салэ продолжали успешно работать переписчики и каллиграфы. Это искусство, хотя и в достаточно искаженном виде, подвергшемся критике знаменитого историка Ибн Хальдуна (XIV в.), распространилось даже в сельской местности. Именно при Маринидах окончательно оформился магрибский шрифт, имевший явно выраженный отпечаток андалусского. Но при этом магрибский шрифт периода Маринидов несколько отличался от андалусского. Это отличие выражалось в иной форме букв, пропуске точек на некоторых буквах и в отсутствии деления слова между концом одной строки и началом следующей.

Вновь разработанный магрибский шрифт периода Маринидов подразделялся на пять типов, каждый из которых служил конкретной цели. Первый, *аль-мабсут*, применялся при переписывании Корана. Он и по сей день служит декоративным целям. Второй шрифт, *аль-мжахвар*, являлся общеупотребительным не только среди народа, но и применялся Маринидскими султанами в официальной переписке, а также султанами (затем королями Марокко) Алаутиской династии (основанной в 1669 г.), например, Мухаммедом IV. Третий шрифт, *аль-муснад*, или *аль-замани*, использовался в правовой документации и для личных записей. Четвертый, *аль-мшарки*, измененный под влиянием магрибских каллиграфов, служил декоративным целям. Пятый шрифт, *аль-куфи*, будучи измененным вариантом машрикского шрифта *куфи*, использовался для письма на коже. Этот шрифт также применяли для украшения камней или оштукатуренных стен мечетей, школ, гробниц и т. д. (илл. 11).

При Маринидах каллиграфия была широко распространена, а публичные библиотеки этого периода стали центрами работы переписчиков и каллиграфов. Последние специализировались на Коране или особых типах книг. Одной из главных причин повышения качества каллиграфии было введение усовершенствованных способов письма и письменных принадлежностей. При дворе Маринидов эти принадлежности зачастую принимали весьма экстравагантные формы, так как там для их изготовления использовались серебро и золото. Бумажное производство оставалось высококачественным в Фесе и других городах, но к концу правления Маринидов оно пошло на убыль по сравнению с другими регионами – Багдадом, Сирией или Египтом, где производилась бумага значительно более высокого качества. Теперь во многие части Магриба бумагу привозили из Венеции и других европейских регионов, хотя фесские и андалусские ученые продолжали пользоваться бумагой местного производства. В своем собрании судебных постановлений под названием «Аль-Мийяр» аль-Ваншариши сообщает, что внука Ибн Марзука в 1409 г. попросили издать указ о законности использования бумаги, привозимой из Европы, после чего он написал трактат на эту тему.

Среди выдающихся каллиграфов той эпохи можно назвать Сарах бинт Ахмад аль-Хальбийю (XII в.) и Абу Яхья ибн Факхир аль-Абдари Аль-Салави (ум. в 1301 г.), который, как считается, переписал 20 копий Корана. Ибн Марзук в своем труде «Аль-Муснад» характеризует султана Абу-ль-

Хасана Али аль-Марини (ум. в 1351 г.) как превосходного каллиграфа. Он сам переписывал копии Корана, которые затем посылал в мечети Медины, Мекки и Иерусалима. Другим каллиграфом высокого происхождения был Абу Инан (ум. в 1358 г.). Он сделал копию книги изречений пророка Мухаммеда, которая сейчас хранится в Главной библиотеке Рабата. Эта копия написана в прекрасном магрибском стиле. *Мджахвар* с ярко выраженным андалусским влиянием. В своей истории марокканских библиотек Мухаммед аль-Мануни изучил работы более 70 переписчиков и каллиграфов эпохи Маринидов. Оказалось, что эти люди отличались еще и высокой производительностью своего труда. Например, Мухаммед ибн Саид аль-Руайни аль-Фаси (ум. в 1376 г.) помимо своих собственных книг переписал более 150 книг других авторов. К каллиграфам, как правило, относились очень почтительно, о чем свидетельствует стремление вышеупомянутых султанов или судей, например, марракешского *кади* Абу-ль-Хасана Али Аль-Масмуди аль-Сакти, приобрести соответствующее умение.

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ

Развитие мышления в Магрибе в период с 600 по 1492 г. характеризовалось разнообразием, динамизмом и оригинальностью во многих областях. Разнообразие объясняется множеством факторов, например, развитием в Магрибе разных областей знания и существованием двух религиозных традиций – мусульманской и иудейской. В некоторых источниках, например, в био- и библиографических словарях, описаны различные области знания, процветавшие в Магрибе, причем некоторые магрибские мыслители отличались исключительной оригинальностью и немалыми творческими способностями. Важно также, что иудейские мыслители преуспели в развитии другого аспекта магрибского мышления, который послужил необходимым дополнением к вкладу мусульманских мыслителей.

Мусульманские мыслители

Наиболее важный вклад магрибские ученые сделали в религиозные науки, входящие в маликизм: *ильм усул аль-дин*, занимающуюся основами религии; *усул аль-фикх*, или основы правоправедения; мистицизм и философию истории. Считается, что основы раннего развития маликитской мысли в Магрибе заложили Ибн Аби Зайд аль-Кайравани и Сахнун. Ощутимый вклад в развитие политической мысли и богословия внесли соответственно Абу Бакр Мухаммед аль-Муради аль-Хадрами (ум. в 1095 г.) в эпоху Альморавидов и Аль-Махди Ибн Тумарт в правление Альмохадов. Абу-ль-Хасан аль-Шадхили (ум. в 1253 г.), живший при Альмохадах, внес весомый вклад в окончательное направление магрибского суфизма, развившегося в рамках маликизма и распространившегося в такие отдаленные районы, как Египет и многие части Африки. Ибн Хальдун (XIV в.) отличался оригинальным мышлением не только в философии истории, но и в других областях, например, в социологии истории и истории социологической мысли.

Если учесть положение Магриба в Средиземноморье, становится понятно, что идеи в эту страну попадали либо из Египта, либо из Андалусии – точно так же, как раньше они приходили из Рима. Однако Магриб внес в сферу мышления и свой вклад, хотя его, по большому счету, никто не заметил. Например, ранние маликитские ученые Ифрикии Ибн Аби Зайд аль-Кайравани, Сахнун и многие другие разработали в Магрибе основы маликизма, который только после этого распространился в Андалусии. Аль-Махди Ибн Тумарт своей книгой «*А'аззу ма Ютлаб*» сделал вклад в развитие богословия. Аль-Шадхили создал разновидность мистицизма, породившую новое направление суфизма в Магрибе, которое

существует и по сей день. И все же лучший пример оригинальности магрибской мысли дал, вероятно, Ибн Хальдун. Его сочинение «*Мукаддима*» или «Введение» в его же всемирную историю является важной вехой в развитии историографии не только Магриба, но и всего исламского мира.

Аль-Муради аль-Хадрами внес свой вклад в политическую мысль своей «Книгой Политики». В ней описаны политическая теория и практика эпохи Альморавидов. Из введения в этот труд явствует, что автор обращается к правителю, а через него – к людям. Из полного названия книги также понятно, что ее главной темой является управление государством.

Сочинение аль-Хадрами следует рассматривать в более общем контексте интереса к политике в эпоху Альморавидов. В то время в Андалусии появилась еще одна работа на эту же тему – труд Ибн Хазм аль-Андалуси «*Нахт Аль-Арус*» о категориях правителей. По сравнению с этой работой, состоящей из введения в политическую историю многих государств и народов, сочинение аль-Хадрами отличается теоретическим размахом. Поскольку написана она была в качестве руководства для правителя по управлению государством, автор объединил прагматические рассуждения и обращение к опыту с этическим и эпистемологическим аспектом, делая особый акцент на том, что в управлении власть имущие должны полагаться на знание.

Темы, обсуждаемые аль-Хадрами, раскрывают его как изощренного политического теоретика, почти полностью лишенного склонности к религиозным рассуждениям. Первоисточники этого труда можно разделить на философские и политические. С философскими первоисточниками автор скорее всего познакомился, заинтересовавшись богословием (в форме *калама*). Любопытно, что аль-Хадрами, переработав различные документы своей эпохи, создал в целом оригинальную работу. Преимущественно политическое направление этого труда свидетельствует о глубоких размышлениях автора на тему политических событий эпохи Альморавидов и (что, вероятно, представляет наибольший интерес) о его способности выражать реальность в теоретической форме.

Труды Ибн Хальдуна (1332–1406 гг.) – ярчайший пример магрибской мысли (илл. 123). Его «*Мукаддима*» выделяется как крупный вклад в философию истории и глубокое размышление на тему социологического и исторического развития исторической мысли и теории. Основная ценность этой работы состоит в том, что она охватывает множество дисциплин, включая и те, которые привлекают интерес современных ученых; больше всего это касается социологии. Среди прочих рассматриваемых дисциплин стоит упомянуть урбанизм, экономику, философию, политику, лингвистику, антропологию, этнологию, психологию, географию и религиозные науки, связанные с изучением Корана. Основал ли Ибн Хальдун какую-то новую науку, вероятно, не так уж важно. Исключительность его работы состоит в том, что он первым внес такой обширный вклад в создание труда, столь сильно отличающегося от других сочетанием теоретического и практического аспектов, а также в его способности связать историческую мысль с таким большим числом других дисциплин.

Иудейское мышление

Важность иудейского мышления в Магрибе обусловлена тремя факторами: ее непрерывностью на протяжении многих веков, ее существованием в разных частях Магриба (от Ифрикии до Марокко), а также ее тесной связью с исламскими направлениями мышления в Магрибе, которые она дополняла. Важно отметить, что иудейское мышление процветало в Магрибе при исламских династиях различной идеологической направленности, включая Аглабидов, Зиридов и Хафсидов в Ифрикии и Альморавидов,

Альмохадов и Маринидов в Марокко. Некоторые из ранних арабских источников сообщают о проживавших в Магрибе иудейских племенах фенделава, неффусса и фаззаз. Столь раннее присутствие евреев доказывает непрерывность вклада, внесенного в историю Магриба этим важным элементом. Культурная и интеллектуальная принадлежность магрибских евреев нашла лингвистическое отражение: евреи, как правило, писали на иудейско-арабском или иудейско-берберском языке, т. е. на арабском или берберском языке, но шрифтом иврита.

Развитие иудейской и исламской мысли в Магрибе шло параллельно. В иудейском мышлении при этом можно выделить две категории – религиозную и мирскую. Первая категория развивалась исключительно в рамках еврейской общины, а вторая была тесно связана с основными интеллектуальными течениями в Магрибе.

Для мусульман моделью был Коран, а для магрибских евреев – библейский текст. В обоих случаях в качестве образца для формирования своих убеждений общины выбирали религиозные критерии. Не менее интересно сравнить иудейское и мусульманское мышление в Магрибе на уровне образования; магрибские евреи приняли образовательную систему, похожую на мусульманскую: мусульмане учили наизусть Коран, а евреи в большой степени полагались на запоминание текстов Библии или Талмуда.

Сходство магрибских евреев с мусульманами также интересно и на других уровнях. Они разделяли похожие религиозные убеждения: поклонялись святым, рассказывали одни и те же истории, почерпнутые из Библии и Корана, и читали общую популярную литературу (с одинаковыми историями, в которых фигурировали либо исламские, либо иудейские имена). Даже музыка у них была одинаковая. Как и мусульмане, евреи увлекались и андалусской музыкой, и различными формами популярной музыки, например *малхун*, а их собственная музыка носила сильный отпечаток андалусской и машрикской.

Иудейская культура и мысль несколько изменялись от региона к региону, так как в Магрибе существовало множество разных языков, диалектов и литературных традиций. Язык магрибских евреев во многом отличался от языка евреев из Андалусии: последние говорили на высокообразованном языке, поднимавшемся на эту ступень благодаря многочисленным литературным трудам, написанным на нем, тогда как магрибские евреи ревниво оберегали классический язык, соблюдая традиционные лингвистические конструкции. Об этом свидетельствует развитие двух различных языковых теорий магрибских и андалусских евреев, ставших предметом спора Дунаша ибн Лабрата Аль-Фаси (X в.) и его учеников, защищавших необходимость дальнейшего использования библейского языка, с андалусийцем Менахемом ибн Саруджем (910–970) и его последователями.

Иудейское мышление было распространено в большинстве крупных магрибских городов. Вплоть до X в. кайруанские евреи развивали разные области знания, после чего они переехали в другие города Ифрикии. В иудейском богословии наиболее заметной фигурой был основатель Иудейского университета Джозеф бен Ниссим бен Джосиас. Среди еврейского населения Кайруана развивалась и медицина, о чем свидетельствует появление там таких врачей, как знаменитый Исаак Бен Амран Хамуссалема и его ученик Исаак Исраэли (X в.), написавших несколько книг о лихорадках, диетах и медицинской этике. Один из учеников Маймонида, Йосеф ибн Акнин, родился и жил в Сеуте. Он написал несколько работ на арабском языке, например, «Введение в Талмуд». Самый известный магрибский лингвист из среды евреев Йегуда ибн Курайш, которого считают отцом грамматики иврита, родился в Тахерте и жил в Фесе в IX в. Он знал Коран, понимал арабский язык, а также другие семитские языки и применил сравнительный подход к преподаванию иврита.

Наибольшего расцвета иудейское мышление достигло в Фесе, особенно в X в., причем арабская грамматика и литература во многих отношениях обогатили иудаизм. Среди крупных иудейских филологов и религиозных деятелей, живших в Фесе, следует упомянуть Дунаша ибн-Лабрата и Давида бен Авраам аль-Фаси (X в.) и Йегуду Хайуджа (XI в.). Давид бен Авраам аль-Фаси был представителем одной из наиболее консервативных иудейских сект – караимов, признававших только те священные книги, которые были написаны на иврите. Родом из Феса был и один из самых знаменитых иудейских философов Йегуда бен Ниссим ибн Малка. Некоторые знаменитые иудейские мыслители из Андалусии, например, Симон бен Семах Дуран, в XIV–XV вв. переехали в Алжир. Таким образом, развитие иудейской мысли в Магрибе оставило важный след в интеллектуальной истории данного региона в средние века и даже позднее.

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА

В этот период в Магрибе быстрыми темпами развивалась литература. Несмотря на то, что в магрибской литературе преобладают берберский и арабский элементы, немалый вклад в нее внесли и другие этнические и религиозные группы, среди которых жители африканских стран, расположенных южнее Сахары, население Андалусии и, конечно, евреи. Степень важности каждой из этих групп в магрибской литературе различна в зависимости от части данного региона и рассматриваемого периода. В литературе яркое отражение нашли как племенной строй, так и городской уклад жизни, так как в отличие от Андалусии в Магрибе бок о бок с оседлыми сообществами проживали кочевые берберские и арабские племена.

В Ифрикии при Аглабидах в VIII–IX вв. появилась утонченная поэзия, с которой начался золотой век литературы, продолжившийся при Зиридах (ок. 984–1148 гг.). Затем в литературе начался упадок, но Хафсидам (XIII – начало XVI вв.) удалось ее возродить. Судя по документальным источникам, в Марокко при династии Идрисидов (конец VIII – X в. – *Прим. ред.*) и первое время после них литературная деятельность была весьма ограниченной, а процветание литературы характерно для эпох Альморавидов, Альмохадов и Маринидов.

При Альморавидах литературное выражение принимало различные формы. Самым почитаемым литературным жанром была поэзия. Одним из знаменитых магрибских поэтов был Ибн Рашик аль-Кайравани, который в XI в. перебрался из Ифрикии в Андалусию, где умер в крайней нищете.

Одним из главных стимулов развития литературы в Магрибе было покровительство правителей. Это явление достигло кульминации при Маринидах, но возникло и практиковалось еще при Альморавидах в результате тесных связей с Андалусией. Даже местные правители в Андалусии и городах вроде Сале приглашали ко двору поэтов и ученых для пополнения группы придворных альморавидского правителя. В то время поэтам покровительствовали эмиры Ибрахим ибн Юсуф ибн Ташуфин, Ташуфин ибн Али и Мухаммед ибн аль-Хадж. Среди литераторов, принимавшихся во дворце Альморавидов в Марракеше, были поэты Абд аль-Джалиль ибн Вахбун и Абу-ль-Ама ат-Тутили (*Abu-l-A'mā at-Tuṭīlī*), а также историк Альморавидов Юсуф ибн Ас-Сайрафи. Поэзию ценили представители обоих полов и разных классов. Известно, что в тот период была по крайней мере одна поэтесса – аль-Хурра Хавва. Большинство правоведов эпохи Альморавидов были литераторами, а некоторые еще и поэтами.

В поэзии эпохи Альморавидов преобладали религиозные темы, например, темы *джахада* или мистицизма. Э. Гарсия Гомес (*E. García Gómez*) подчеркивает другие особенности поэзии того времени, например ее народное направление, представленное творчеством Ибн Кузмана, придумавшего

новые виды стихосложения – *аз-заджал* и *аль-мувашишах*, существовавшее параллельно с консервативной поэзией Ибн Хафаджа и Ибн аз-Заккака в стране, которая в то время была альморавидской провинцией Андалусией.

Не менее оригинально при Альморавидах развивалась и магрибская проза, и особенно ее эпистолярный жанр (*расаил*). Этот литературный жанр во всех его многочисленных аспектах особенно хорошо представлен творчеством аль-Кади Ийада из Сеуты. Этот автор вел переписку по правовым, богословским и литературным вопросам со множеством ученых из Ифрикии и Машрика. Некоторые из написанных им писем вообще не требовали ответа. Другие, отличавшиеся высоким литературным стилем, относятся к разряду «братских посланий».

Тесные культурные связи Магриба и Машрика, существовавшие при Альморавидах, были обусловлены признанием этими правителями Багдадского халифата. Альморавиды даже посылали в Багдад официальные дипломатические миссии вроде той, которую возглавил Абу Бакр ибн аль-Араби. Магрибские ученые, совершавшие паломничество в Мекку, нередко встречались с другими учеными в Египте, Сирии, Палестине и Ираке. Стоит заметить, что корреспонденция из Марокко проходила через Сеуту, шла через все Средиземное море и попадала в ифрикийскую Махдию, египетскую Александрию, где жил знаменитый ученый Абу Бакр Ат-Туртуши, и в некоторые части Западной Азии.

Эпистолярный жанр эпохи Альморавидов можно разделить на несколько категорий. Представителем этого жанра в целом является *Кади* Ийад. Он написал «письмо» Пророку Мухаммеду, в котором преобладала тема духовности; он писал письма реальным литераторам, и в них преобладали литературные темы, и, наконец, он вел переписку с другими учеными по правовым или религиозным вопросам, и в этих письмах доминировали правовые или методические аспекты. В каждой категории его писем использованы разные стили, разные формы выражения и разные языковые обороты. В них затрагивались многие темы – от природы до женщин. При Альморавидах в Магрибе процветал еще один жанр – литературная критика. И в этот жанр Ийад внес немалый вклад.

При Альмохадах литература начала развиваться еще быстрее, что обуславливалось несколькими факторами: стабильностью государства, распространением литературы как в официальных кругах, так и на уровне простого народа, финансовой поддержкой, которую правители оказывали литераторам и распространением образования. Литература этого периода отличалась высоким качеством и поощрялась привилегированным слоем интеллектуалов (*талабат аль-хадар*). Некоторых литературных деятелей того времени, например Ибн Хаббуса аль-Фаси, Абу-ль-Аббаса аль-Джирави, Ибн Хаббазу, Абу-р-Раби Сулеймана аль-Муваххиди, Абу Зайда аль-Фаззази и Абу Хафса аль-Агмати ас-Сулами, можно считать представителями магрибской литературы на наивысшем уровне ее развития. Среди поэтических форм, характерных для этого периода, можно назвать панегирики пророку Мухаммеду, придворную поэзию и мистическую поэзию. Возникли и новые литературные жанры – эпическая поэзия, *мувашишах* и *заджал*. Были распространены и другие разновидности литературного выражения: *расаил* или «письма» разных типов, например, официальная переписка. Абу Джафар ибн Атия создал руководство по написанию официальных писем, которое использовалось как в Магрибе, так и в Андалусии на протяжении следующих веков. При Альмохадах возник новый литературный стиль – агиография (жизнеописание святых), представленный Ибн аз-Зайата ат-Тадили, Абу-ль-Аббас аль-Азафи ас-Сабти и Мухаммеда ибн Касима Ат-Тамими аль-Фаси. В этих работах историческая информация сочетается с воображением авторов. При Маринидах авторы подражали литературным моделям

эпохи Альмохадов, не стремясь ввести какие-либо новшества за крайне редкими исключениями типа новых метриков.

В один ряд с высокими литературными достижениями Магриба можно поставить отчеты о путешествиях, отражающие контакты этой территории с другими культурами. Эти путешествия могли иметь как образовательную и политическую, так и религиозную мотивацию. Отчеты о путешествиях эпохи Маринидов занимают в магрибской литературе выдающееся место и содержат подробные описания Магриба и Машрика. Примером этого литературного жанра в XIV в. являются работы Ибн Рашида, в которых он описывает Тунис, Сирию, Палестину и Аравийский п-ов. Аль-Абдари рассказывает о Магрибе, начиная с алжирского Тлемсена, переходя к Тунису, Ливии, Египту и даже Аравии. Он подвергает резкой критике городские и сельские общества, в которых ему довелось побывать. Среди других путешественников эпохи Маринидов стоит упомянуть аль-Туджиби и Абу Якуба аль-Бадиси. Но лучше всех остальных путешествия описывал, конечно, Ибн Баттута (ок. 1304–1378), включавший в свои повествования подробное описание городов, традиций, религий и даже фауны азиатских стран, в частности Индии и Китая, и практически всего исламского мира. Труды Ибн Баттуты также служат важным источником истории Магриба, Машрика и отдаленных регионов Азии.

Естественные науки, включая географию, медицину, математику, технические проблемы и астрономию, хотя и не достигли столь высокой степени развития, как литература и культура в целом, занимали в Магрибе далеко не последнее место.

На развитие многих областей магрибской науки в XI–XV вв. естественное влияние оказали тесные культурные связи, существовавшие между Марокко и Андалусией при Альмохадах и Маринидах. Маринидский халиф Якуб аль-Мансур основал в Марракеше крупную психиатрическую больницу, которую историк Абд аль-Вахид аль-Марракуши описывал как одну из величайших в мире, а один из врачей этой больницы был родом из Дении, города в восточной Испании. В больнице были мужское и женское отделения, а также операционная. Аль-Марракуши подробно описывает прекрасное здание этой больницы и сады, его окружавшие.

О влиянии Андалусии свидетельствуют и названия родных городов лекарей, врачевавших альмохадских халифов. Врач халифа Абд аль-Мумина был родом из Севильи, врач халифа Юсуфа – из Кордовы, врач халифа Мансура – из Сарагосы, а халифа аль-Мустансира лечил врач из португальского г. Бежа.

Медицина была на высоком уровне при Альморавидах и Альмохадах, но оказалась в застойном состоянии и пришла в упадок при Маринидах. Но все же Абу-ль-Хасан Али ат-Тадил аль-Фаси написал труд по эпидемиям, а Абу-ль-Фадл аль-Салави, живший в XIII–XIV вв. и работавший в психиатрической больнице г. Салé, написал несколько медицинских работ, включая труд по эпидемиологии и питанию.

В Магрибе развивались также и другие науки, включая механику и гидравлику. Найдены труды, связанные с торговой деятельностью, например, работа о весах Абу-ль-Хасана Али ибн аль-Каттана (ум. в 1230 г.) и работа по весам и денежной стоимости Абу-ль-Аббаса Ахмада аз-Зади аль-Сабти (1161–1264 гг.).

Развивалась в этом регионе и математика. Труд по математике написал Абу-ль-Аббас аль-Сабти, математик Абу-ль-Хасан ибн Фархун изучал математику в Фесе, Абу Абд аллах Мухаммед ибн аль-Ясмин (ум. в 1208 г.) написал несколько стихотворений, посвященных различным разделам математики, в частности алгебре.

Самыми знаменитыми магрибскими математиками XIII–XIV вв. были Абу Али аль-Хасан аль-Марракуши (ум. ок. 1272 г.), Абу-ль-Аббас Ахмад аль-Хатиб ибн аль-Кунфуди (ум. в 1407 г.) из Константины (Алжир), Якуб

аль-Муваххиди, живший в XIV в. на юге Марокко, Абу-ль-Хасан Али ибн Хайдар (ум. в 1413 г.) из марокканского г. Тадла и Абу-ль-Аббас Ахмад аль-Азиди, известный под именем Ибн аль-Банни (1256–1321 гг.). Последний, написавший 14 книг по математике, жил и умер в Марракеше.

Магриб внес свой вклад и в земледелие, в основном под влиянием андалусских агрономов XI–XII вв. К агрономам эпохи Маринидов следует отнести и только что упомянутого Ибн аль-Банну, который написал две работы по земледелию. Другие его работы связаны с толкованием Корана, богословием, правоведением, мистицизмом и оккультными науками.

При Альмохадах развитие географии как самостоятельной науки наиболее ярко представлено трудами ученого магрибского происхождения Абу Абдаллаха Мухаммеда аль-Идриси, который родился в Сеуте в 1100 г., а умер на Сицилии в 1166 г. Обширный вклад, который аль-Идриси внес в географию, описан в главе 21 этого тома.

Другими магрибскими географами в правление Альмохадов, чьи работы, хотя и утраченные, цитируются более поздними источниками, были Ибн Фатима и Абдаллах ибн Харун, получивший прозвище «Китаец» из-за своих многочисленных поездок в Китай.

Вывод о заметном уровне развития географии в Магрибе можно сделать исходя из присутствия во многих исторических работах географического аспекта. Среди подобных работ, написанных при Альмохадах в XII в., можно отметить труд «Аль-Муджиб» Абд аль-Вахида аль-Марракуши и работу «Аль-Истибсар» неизвестного автора. Первый описывает провинции Магриба и Андалусии, их города, реки, границы и природные ресурсы, а второй – культурные традиции различных городов Магриба, а также сами города и реки. Рассказывая о литературе, мы уже упоминали об отчетах путешественников, которые, безусловно, являются основными источниками географической информации.

АРХИТЕКТУРА

Уровень развития архитектуры в Магрибе отличался от эпохи к эпохе настолько, что архитектура времен правления Аглабидов мало чем похожа на архитектуру Альморавидов, Альмохадов или Маринидов. Тогда как в первой чувствуется сильное влияние Машрика, последняя была, в сущности, андалусской. Аглабидский эмир Зийядат Аллах, правивший в Ифрикии (современный Тунис), снес Кайруанскую мечеть, возведенную в 670 г., и вновь построил ее в 836 г. Эта мечеть (или 202) с внутренним двором, занимающим две трети ее общей площади, и святилищем-*михрабом* в аббасидском стиле, украшенным большими квадратными керамическими плитками, является характерным примером искусства эпохи Аглабидов. В этой мечети также имеется прекрасная кафедра-*минбар* тонкой работы, отделанная небольшими панелями из резного тика; считается, что это самый древний в мире *минбар*, сохранившийся в первоизданном виде. Колонны этой мечети имеют Т-образную форму. Эта мечеть служила образцом, по которому строили многие другие мечети, включая мечеть Зайтуна в Тунисе, возведенную в 864 г. Во дворцах Аглабидов в Раккаке, неподалеку от Кайруана, чувствуется влияние искусства Омейядов и Аббасидов; в них были построены большие гидравлические системы – акведуки – и огромные емкости для воды типа знаменитого «Бассейна Аглабидов», который прекрасно сохранился до наших дней. Эти дворцы окружали роскошные сады. Искусство эпохи Аглабидов можно назвать симбиозом культурных течений, наиболее заметными из которых были аббасидское и сирийское влияние. Несмотря на некоторое андалусское влияние в IX в., которое просматривается, например, в куполах (*куббах*) мавзолеев святых как в городах, так и в сельской местности, искусство времен Аглабидов и Фатимидов в

основном вдохновлялось влияниями Машрика, пока вторжение племени бану-хилаль не погубило Магриб.

Империи Альморавидов и Альмохадов (1069–1259 гг.) господствовали во всем Магрибе и в большей части Пиренейского п-ова, или Андалусии. В результате альморавидская и альмохадская архитектура попала под сильное андалусское влияние. Так, построенные в Андалусии памятники Альмохадов, например, Торре-де-Оро («Золотая башня») и башня Хиральда в Севилье, или минарет «Башня Хасана» в Рабате и мечеть Кутубия в Марракеше, представляют собой именно такие архитектурные смещения (илл. 203 и рис. 27 далее). Поскольку Альморавиды и Альмохады правили во всем Магрибе, влияние Андалусии распространилось от Атлантического побережья до Кайруана. После вторжений бану-хилаль (1057 г.) Ифрикия была готова воспринимать влияние Андалусии, которое началось при Альморавидах и Альмохадах и продолжилось при их преемниках Хафсидах.

После крушения империи Альмохадов в Магрибе возникли три династии: Мариниды в Фесе (1229–1465 гг.), Бану Абд аль-Вадды в Тлемсене (1235–1255 гг.) и Хафсиды в Тунисе (1235–1554 гг.). Интересно сопоставить некоторые особенности архитектуры периодов Хафсидов и Маринидов, так как эти династии, правившие в двух географически противоположных областях Магриба, следовали двум разным традициям.

Как и другие виды искусства в Магрибе, разнообразная архитектура XIII–XV вв. носила в основном религиозный характер, а некоторые здания этого периода получили известность как символы определенных династий. Сравнимая мечеть г. Кайруана в Ифрикии, мечеть-университет Карауин в Фесе и мечеть Кутубия в Марракеше, можно видеть отличия магрибских мечетей, выражающие разнообразие культурных традиций разных эпох. Просто поразителен контраст между сравнительно небольшим круглым минаретом мечети в Кайруане, который почти теряется в ее огромном внутреннем дворе, отражающем влияние искусства Машрика, и огромной квадратной «Башней Хасана» в Рабате, которая величественно возвышается над рекой Бу-Регрег и городом Сале, или минарета мечети Кутубия в Марракеше, который, подобно «Башне Хасана», отличается огромными размерами (илл. 201, 202, 203). В отличие от вышеупомянутых минаретов достаточно простой минарет мечети Карауина в Фесе, построенный еще при Идрисидах, никак не выделяется на фоне крытого здания мечети и даже теряется среди окружающих его многочисленных строений. Эти минареты служат образцами архитектурных традиций Аглабидов, Идрисидов, Альмохадов и Маринидов соответственно.

Как Хафсиды, так и Мариниды построили много мечетей, которые должны были служить религиозным, образовательным и политическим нуждам, медресе или школ, которые часто включали и общую спальню (дортуар) для воспитанников, и *завийя* (мн.ч. *завайя*), или обитель религиозного братства. Некоторые тунисские мечети периода Хафсидов напоминают особенности марокканской архитектуры. Это явствует из альмохадского влияния на построенную в Тунисе в 1235 г. мечеть Касба с ее квадратным минаретом, 43 колоннами и *мукарнами* или сталактитоподобными украшениями на куполе. В других мечетях эпохи Хафсидов, например, в Аль-Хава, основанной принцессой Атиф, отсутствует внутренний двор. Марокканское влияние чувствуется и в *завайя*, построенных в Ифрикии при Хафсидах, например, в Сиди Бен Ароус (в честь Бени Ароус в северном Марокко), построенной в Тунисе, и Сиди Касим аль-Джализи, возведенной в пригороде Туниса, где по марокканской модели построили священную гробницу с пирамидальной крышей, отделанной зелеными изразцами. В эту *завийю* входит также мечеть, построенная по андалусскому образцу.

Когда Хафсиды заново отстроили мечеть Зайтуна, которая сильно пострадала в XII в., они ввели в нее такие

элементы, как *мида*, или комнаты для омовений и двор с галереями и новыми дверями, некоторые из них явно напоминают андалусский стиль. Первое медресе, названное аль-Шамайя, Хафсиды построили в Тунисе в 1249 г., а Мариниды создали более тщательно спланированные школы типа тех, что находились в Фесе. Среди других школ, построенных Маринидами, следует упомянуть такое прекрасно сохранившееся сокровище архитектуры, медресе в г. Сале, с его простым *михрабом* и классной комнатой, фонтаном для омовений и небольшим внутренним двориком, окруженным маленькими кельями на первом и втором этажах, в которых жили учащиеся. Идеальное использование этого малого пространства в сочетании с марокканско-андалусской отделкой разноцветными изразцами, деревом и камнем представляет искусство эпохи Маринидов в его наилучшем виде.

Другие архитектурные веяния нашли отражение в общественных и частных банях (*хаммам*) или в рынках, таких как *аль-Аттарин* в Тунисе. На архитектуру Хафсидов в этих случаях влияло машрикское искусство, унаследованное от Аглабидов, и андалусское искусство, переданное при Альморавидах и Альмохадах.

В архитектуре эпохи Маринидов проявился возврат к андалусскому искусству (илл. 111, 201). Консервативность ученых и святых эпохи Маринидов отразилась в построенных ими зданиях, включавших здания для суфийских братств и школы для обучения государственных чиновников. В декоративных элементах эпохи Маринидов сочетались особенности архитектуры Альморавидов, Альмохадов и даже испанских Насридов (1232–1492 гг.). Зодчество времен династии Маринидов выделяется поразительным отпечатком, который оно оставило в архитектуре главных магрибских городов, включая их столицу Фес и г. Тлемсен, столицу бану-зайан с середины XIII до середины XIV в.

Отмечается резкий контраст между обстановкой в Магрибе (например, в Ифрикии) с бесконечными внутренними волнениями, в Андалусии, где проигранная берберами битва при Лас Навас де Толоса (1212 г.) стала символическим предвестником конца исламской Испании, и непрерывным культурным динамизмом, который так ярко выражался в развитии архитектуры. Около 20 крупных объектов и архитектурных сооружений было возведено только при Абу Саиде Османе, Абу-ль-Хасане Али и Абу Инан Фарис аль-Марини (1310–1348 гг.).

Для архитектуры эпохи Маринидов характерен выход на первый план разных декоративных элементов, отражающих ранние Андалусские тенденции. В отличие от простых строений Альморавидов и монументальных масштабов зданий Альмохадов, постройки эпохи Маринидов свойственен роскошный и изысканный внешний вид даже тогда, когда они имеют большие размеры, как медресе *Бу-Иччания* в Фесе, дортуар которого рассчитан на сотню учащихся.

Большая часть мечетей периода правления Маринидов не дожила до наших дней неповрежденными, но то время, наверное, больше всего знаменито прекрасными богословскими школами, которые обычно включали мечеть и дортуар. Среди памятников той эпохи можно отметить отреставрированную мечеть-университет Карауин и гробницу Мулай-Идриса в Фесе, Большую мечеть в г. Таза с ее ребристым куполом над *михрабом*, позволявшим свету проникать внутрь здания, и по-новому украшенную Большую мечеть в Новом Фесе, построенную в 1276 г. Декоративными новшествами этой мечети являются купол над ее первым арочным пролетом и цветной минарет в северо-западном углу внутреннего двора. При ремонте в мечеть ввели дополнительные декоративные элементы: кирпичи минарета перемежаются с *зуллайдж* (глазурованными мозаичными керамическими изразцами из Андалусии), а потолок украшен звездной плиткой.

Сохранность зданий различных богословских школ эпохи Маринидов в Фесе, Мекнесе и Сале, возможно,

объясняется их непрерывным использованием. Все эти школы имели некоторые общие черты: внутренние дворы, полностью покрытые геометрическими, цветочными и эпиграфическими узорами, нанесенными на штукатурку или вырезанными на кедре, мраморе и *зуллайдж*, а также фонтан или бассейн под тесными кельями учащихся. Галереи в этих дворах и декоративные украшения напоминают дворец Альгамбры близ Гранады в Испании, относящийся к эпохе Насридов. Хотя маринидская архитектура напоминает андалусскую архитектуру Насридов, некоторые школы, построенные Маринидами, например, медресе в г. Сале, несут отпечаток альмохадского искусства. Они отличаются разнообразием размеров и художественных форм. Большие размеры и роскошь медресе Ас-Саффарин (1271 г.) и медресе Абу Инана (1355 г.) в Фесе контрастируют с простым и небольшим медресе Ас-Сбайн, в котором одновременно учились не более 11 человек.

Возможно, благодаря дальнейшим археологическим раскопкам мы увидим и другие памятники эпохи Маринидов, такие как найденная в руинах в Рабате *завийя* Абу Инана аль-Марини, посередине внутреннего двора которой находился большой бассейн. Среди других нерелигиозных памятников того периода можно отметить городские стены, ворота, бани, акведуки, фонтаны и склады, а около Тлемсена были обнаружены даже остатки дворца. Около Сеуты в Бельюнеше стоит жилая башня, а между Сеутой и Танжером в Эль-Каср Ас-Сагире в 1997 г. были найдены несколько небольших домов того периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КРАЧКОВСКИЙ И. И. 1949. История арабской географической литературы. – М. – Л.
- 'ABDAL-HAMID, S. Z. 1979. *Tārikhal-Maghrib al-'Arabī min al-Fath ila Bidāyat 'Usūr al-Istiqālāl* (History of the Arab West (Maghrib) from the (Islamic) Conquest to the Beginning of the Era of Independence), 2 vols., Al-Ma'arif Publishers, Alexandria. pp. 436, 641.
- 'ABDAL-ALIL, A. 1987. *Madkhal ila Tārikhal-Musiqa l-Maghribiyya* (An Initiation into the History of Maghribi Music). 'Alam al-Ma'rifa (World of Knowledge Publishers). Kuwait.
- 1988. *Al-Musiqa l-Andalusiyya l-Maghribiyya* (Andalusian and Maghribi Music). 'Alam al-Ma'rifa. Kuwait.
- 'ABD AL-WAHAB, H. H. 1972. *Waraqāt 'an al-Hadāra al-Maghribiyya bi l-Ifriqiyya al-Tunisiyya* (Documents on Maghribi Civilization in Tunisian Ifriqiyya). Vol. I. Tunis.
- ABU DAYF AHMAD, M. 1986. *Athar al-Qaba'il al-'Arabiyya fi l-Hayat al-Maghribiyya, mundhu l-Fath al-'Arabī ila Suqut al-Dawla al-Mustaqilla* (Traces of the Arabian Tribes in Moroccan Life, from the Time of the Arab Conquest until the Fall of the Independent State) (AH 23–296 /AD 643–909). Vol. 1. Dār al-Nashr al-Maghribiyya (The Moroccan Publishing House). Casablanca.
- ABU LUGHOT, J. 1980. *Rabat: Urban Apartheid in Morocco*. Princeton.
- ABUN-NASR, J. M. 1975. *A History of the Maghrib*. Cambridge.
- BENALHAJ SOULAMI, J. 1986. *La vie littéraire au Maghreb sous les Almohades (515–668/1121–1269)*, 2 vols. Thèse de Doctorat de 3e cycle, Université de Paris IV–Sorbonne.

- BENCHEKROUN, M. B. A. *La vie intellectuelle marocaine sous les Mérinides et les Wattassides (XIIIe, XIVe, XVe, XVIe siècles)*. Rabat.
- BOUYAHYA, C. 1972. *La vie littéraire en Ifriqiyya sous les Zirides*. Tunis.
- DJEBBAR, A. 1980. *Enseignement et recherches mathématiques dans le Maghreb des XIIIe–XIVe siècles*. Typescript, Université de Paris–Sud.
- ETTINGHAUSEN, R.; GRABAR, O. 1989. *The Art and Architecture of Islam 650–1250*. Reprinted: London.
- HOAG, J. D. 1975. *Islamic Architecture*. Milan.
- ISMA'IL, M. 1980–1992. *Susyulujyyat al-Fikr al-Islāmī* (The Sociology of Islamic Thought), Vols 1–3. Dār al-Thaqāfa (Cultural Heritage House Publishers). Casablanca.
- JULIEN, C. A. 1969. *Histoire de l'Afrique du Nord, Tunisie–Algérie–Maroc, de la conquête arabe à 1830*, 2nd edn. Paris.
- KABLY, M. 1986. *Société, pouvoir et religion au Maroc à la fin du Moyen Âge*. Paris.
- LAROUJ, A. 1970. *L'Histoire du Maghreb, un essai de synthèse*. Paris.
- LOMBARD, M. 1971. *L'Islam dans sa première grandeur (VIIIe–XIe siècles)*. Paris.
- MANUNI, M. 1983. *Al-Masādir al-'Arabiyya li Tārikh al-Maghrib, min al-Fath al-Islāmī ila Nihāyat al-'Asr al-Ḥadīth* (Arabic Sources for the History of Morocco, from the Islamic Conquest to the End of the Present Period), Vol. 1. Kulliyat al-Arab bi l-Ribāt (Rabat Literary College). Casablanca.
- 1988. *Al-'Ulum wa l-Adab wa l-Funūn 'alā 'Ahd al-Muwahhidīn* (The Sciences, Literature and the Fine Arts in the Age of the Almohads). Dār al-Maghrib li l-Tarjama wa l-Nashr (Moroccan House for Translation and Publication). Rabat.
- 1991. *Tārikh al-Wirāqa l-Maghribiyya, Sinā'at al-Makhtūt al-Maghribī min al-'Asr al-Wasīl ila Fatrat al-Mu'āsira* (The History of Paper Manufacture in Morocco, and the Arts of the Moroccan Manuscript Book from the Medieval Age to the Present Period). Kulliyat al-Adab bi l-Ribāt. Casablanca.
- MURADI (AL-) AL-HADRAMI, A. M. 1981. *Kitāb al-Siyāsa awal-Ishāra fi Tadbīr al-Imāra* (The Book of Policy, or Guide to the Management of Rulership). ed. Sami al-Nashshār Dār al-Thaqāfa. Casablanca.
- MUSA, I. 1983. *Al-Nashat al-Iqtisādī fi l-Maghrib al-Islāmī khilal al-Qarn al-Sādīs al-Hijrī* (Economic Activity in the Muslim West during the Sixth Islamic Century (= thirteenth century AD)). Dār al-Mashriq (House of the East Publishers). Beirut–Cairo.
- Al-Nazariyya al-Khaldūniyya wa Tafsīr al-Adab al-Maghribī (Ibn Khaldūn's Viewpoint and the Interpretation of Maghribi Literature). In: *Al-Manāhil* (Springs), No. 40, September 1992, pp. 124–165. Rabat.
- RAZZUQ, M. 1991. *Dirāsāt fi Tārikh al-Maghrib* (Studies on the History of the Maghrib). Casablanca, Ifriqiyya/ Al-Mashriq.
- SHAHIDI (AL-), H. 1983. *Adab al-Rihla bi l-Maghrib fi l-'Asr al-Marīnī* (Travel Literature in Morocco in the Merinid Age), Vol. 1. Rabat.
- SHAQQUR, A. 1983. *Al-Qadī 'Iyād al-Adīb* (Al-Adab al-Maghribī fi Dhīl al-Murābitīn) (Judge 'Iyād the Lettered One: Maghribi Literature under the Aegis of the Almoravids). Dār al-Fikr al-Maghribī (House of Moroccan Thought). Tangier.
- TALBI, M. *Al-Dawla al-Aghlabiyya 184–296/800–909* (The Aghlabid State, AH 184–296/AD 800–909). Dār al-Gharb al-Islāmī (House of the Islamic West). Beirut.
- ZAFRANI, H. 1983. *Mille ans de vie juive au Maroc*. Maisonneuve et Larousse. Paris.

МУСУЛЬМАНЕ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ, СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ И ОСТРОВАХ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

Мануэль Санчес-Мартинес

Существует арабская поговорка, приводимая Риццитано (*Rizzitano*, 1975), гласящая, что «наука – это зерно, выращенное в Медине, провяленное в Багдаде, размолотое в Кайруане, просеянное в Кордове и съеденное в Фесе». И хотя некоторые важные этапы этого образного шествия науки тут упущены, трудно подобрать другую метафору, более четко отображающую процесс продвижения восточной культуры в западный мир. Нашей целью является внимательное рассмотрение превратностей этой передачи знаний на территории западного Средиземноморья, но вначале потребуются обозначить исторические и политические условия того времени, которые необходимы для понимания этого важнейшего процесса.

С занятием вестготской Испании в 711 г. исламская империя достигла самых западных пределов известного тогда мира. Последующее завоевание Сицилии (827–878 гг.) превратило западное Средиземноморье в настоящий плавильный тигель, где влияние восточной культуры перемешивалось с веяниями из Магриба, и в результате создавался культурный сплав особой жизненной силы. Благодаря глубокому воздействию исламской культуры Пиренейский п-ов и Сицилия, принадлежавшие христианскому миру, стали действенными каналами для передачи в Западную Европу культурного наследия античности, переработанного и дополненного комментариями мусульман. В этом смысле, продолжая метафору, приведенную выше, «зерно» науки было в конечном итоге усвоено в Западном мире, сделав интеллектуальную жизнь первых европейских университетов более плодотворной.

ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ – «МУСУЛЬМАНСКОЕ ОЗЕРО» (С VII В. ПО НАЧАЛО IX В.)

После завоевания Египта мусульмане-арабы начали продвигаться дальше в направлении Ифрикии и в 670 г. Окба ибн Нафи основал город Кайруан (Кайраван) как базу для походов на Запад. После занятия этих африканских территорий начались морские кампании в центральном и западном Средиземноморье, хотя первая высадка на Сицилию произошла еще в 652 г. Следует отметить, что эти походы (как и все, что были предприняты в VIII в.), имели официальный характер и тщательно планировались на Востоке или в Ифрикии. Губернатор (*вали*) этой провинции Муса ибн Нусайр был назначен ответственным за ведение наступления на Запад (705–708 гг.). Как только был завоеван Магриб, начал готовиться и план завоевания Испании.

Первое столетие Аль-Андалуса и завоевание Сицилии мусульманами

В июле 711 г. у р. Гуадалете войска Тарика ибн Зияда, вассала Мусы ибн Нусайра, набранные в основном из берберов, разбили армию Вестготского королевства, положив начало завоеванию его территорий. Тарик продвинулся к столице вестготов Толедо, где соединился с самим Мусой, который высадился на п-ов с армией, составленной в основном из арабов. Успешные кампании привели к взятию городов Сарагоса, Леон, Памплона и Барселона, и таким образом через 5 лет после высадки армии Тарика значительная часть Испании оказалась под контролем (хотя и не сплошным) арабов и берберов.

Было бы невозможно объяснить быстроту и относительную легкость, с которой развивалось это завоевание, если не принять во внимание два фактора: степень внутренних разногласий в Вестготском королевстве и в обществе, а также искусство дипломатии мусульман, которые, применяя ту же тактику, что и на Востоке в VII в., предлагали покоренным территориям весьма благоприятные условия существования.

В последующие годы были захвачены территории по другую сторону Пиренеев: города Нарбон, Ним и Каркасон были взяты в 725 г., а далее, двигаясь по долине Роны, мусульмане достигли Бургундии, где сожгли г. Отён. Однако их продвижение было остановлено у Пуатье франками под командованием майярдома Карла Мартелла (732 г.), и мусульмане вынуждены были отступить к Нарбону. В любом случае, их контроль над Лангедоком (областью между Пиренеями и Роной) был весьма слабым, а франки достаточно искусно использовали внутренний кризис в Аль-Андалусе (Андалусии) в середине VIII в., чтобы вернуть себе Нарбон в 759 г.

Как случилось в старину на Востоке, в Андалусии также стали возникать заметные противоречия между удаленным центром государства в Дамаске и завоевателями. Конфликт усугублялся конфронтацией между арабами-мусульманами, которые прибыли сюда первыми, и последующими волнами переселенцев. Таким образом, сильный кризис 740–755 гг. определялся двумя основными факторами: конфликтами в вопросах собственности на землю и этническими раздорами между арабами и берберами, а также между различными группами арабов.

Выступив в поддержку крупного восстания хариджитов в Магрибе, берберы Андалусии также восстали против арабской олигархии. Двигаясь с гористой местности в центре п-ова, они разбили *вали* Ибн Каттана. В этот критический момент халиф Дамаска послал 10 тыс. солдат (*джундис*) из

военных гарнизонов в Сирии. *Джундис* смогли разгромить берберов, но при этом они низложили самого Ибн Каттана и утвердили в Кордове собственного лидера Балджа. Угроза надвигающейся гражданской войны была устранена только с прибытием нового губернатора Абу-ль-Хаттара, который разместил сирийцев в разных провинциях: солдат из Дамаска – на территории с городами Гранада и Альмерия, выходцев из Химса – в Севилье и т. д. Следует подчеркнуть, что поселение *джундис* на постоянное жительство в середине VIII в. возвестило начало процесса «сирианизации» андалусской культуры и быта и, тем самым, перенесение технологий и знаний с Востока на Запад.

Принц Абд ар-Рахман из рода Мерванов избежал безжалостного уничтожения, которому подверглись Омейяды после свержения Аббасидами их власти в Дамаске (750 г.). Ускользнув от Аббасидов и найдя убежище среди берберов, он установил контакты с вассалами Омейядов в Андалусии с целью подготовки своего прибытия на п-ов. Наконец, в 755 г. Абд ар-Рахман высадился в Андалусии. Разбив войска *вали* аль-Фихри и утвердившись в Кордове, принц основал независимый от Багдада эмират (мусульманское княжество) Омейядов – Кордовский эмират, просуществовавший почти два с половиной столетия. В период правления Абд ар-Рахмана I (Абдаррахмана I) (755–788 гг.) распространение сирийских культурных традиций получило дополнительный импульс от массового притока вассалов Омейядов из рода Мерванов, которые служили главной опорой династии. Многочисленные подробности частной жизни исторических лиц того времени, дошедшие до наших дней, позволяют заметить ностальгию при дворе правителей Кордовы по сирийским культурным обычаям.

Во время правления Хишама I (788–796 гг.), преемника Абдаррахмана I, были предприняты серьезные военные кампании против христианских королевств на севере, принесшие существенную добычу Андалусии. Но с точки зрения культуры наиболее выдающейся особенностью того времени явилось принятие *маликидских* обрядов. Как показано далее, крайняя суровость этой школы будет играть решающую роль в развитии теоретической мысли. Исламские правоведы в Андалусии (их арабское название *факих*, испанское – *альфаки*) отличались крайней непримиримостью (которую резко осуждал Ибн Хазм в начале XI в.) и выступали против любых попыток сломить преобладающие маликидской ортодоксальности.

Исламское присутствие в западном Средиземноморье и оккупация Пиренейского п-ова сразу не остановили процесс упадка городов и не положили конец застою в морской торговле (эти явления были известны еще со времен кризиса поздней Римской империи). Фактически все древние города, которые вскоре должны были быть возвращены к жизни мусульманами, и политические центры новых территорий, завоеванных исламом, располагались во внутренних частях соответствующих стран, будь то Магриб или Андалусия. Прибрежные территории, с другой стороны, чажли на обочине политического влияния и практически не имели важных поселений городского типа. Именно из этих прибрежных областей в IX в. морем был предпринят ряд пиратских набегов на острова и побережья западного Средиземноморья.

Об этих набеггах известно очень мало: поскольку их организация шла бесконтрольно со стороны политической власти, о них редко упоминается в арабских источниках, и приходится обращаться к латинским текстам, в которых присутствуют разрозненные упоминания о различных злодеяниях – иногда преувеличенных – *сарацинов* и *мавров*, которые наводнили *Латинское* море. Морские экспедиции на о. Мальорку (798 и 799 гг.), которые, вероятно, начинались с восточного побережья Андалусии и вряд ли контролировались эмиром Кордовы, как раз относятся к этой категории. Сюда же относятся вторжения на Корсику и Сардинию (с 806 по 810 гг.), на о-ва Пантеллерию

(806 г.), Понцу, Лампедузу и др. (812 г.), нападение на порт Чивитавеккья (813 г.) и т. д.

Набеги, подготавливаемые из Андалусии, временно прекратились в 813 г. Этот перерыв может быть связан с появлением андалузцев в восточной части Средиземного моря (*Guichard*, 1977). В 816 г. андалузцы захватили Александрию, сделав этот порт базой для своих набегов. Будучи выбиты из Египта, они высадились на Крите, где в 827 г. создали независимый эмират, просуществовавший до 961 г., когда островом вновь овладел Византия. Но если в течение некоторого времени Андалусия не являлась причиной беспokoйства, то вместо этого набеги на острова и итальянское побережье начали проводиться из Ифрикии, практически независимой территории с 800 г. при династии Аглабидов.

В 827 г. из североафриканского порта Сус в направлении Сицилии отплыла экспедиция из арабов, берберов и андалузцев под руководством известного правоведа Асада ибн аль-Фурата, которая высадилась в Мадзаре на Сицилии. Процесс завоевания острова был медленным и трудным: попытки проложить путь на Сиракузы оказались бесплодными, и эта древняя греческая колония успешно противостояла атакам мусульман в течение последующих 50 лет. Только после взятия арабами Палермо (831 г.) началось объединение территории путем укрепления городских поселений и строительства укрепленных анклавов: Сефалу (*Cefalu*) пал в 859 г., а после длительной осады наконец сдались и Сиракузы. После взятия Сиракуз в 878 г. пришел конец суверенитету Византии над островом. Примерно в то же время (870 г.) было закончено покорение Мальты, на которой жило много мусульман еще с начала IX в. В данном случае захват был быстрым и полным, как, равным образом, и процесс исламизации. Арабский язык, от которого позднее произошел мальтийский, взял верх.

В то время как процесс завоевания Сицилии затянулся, мусульмане усилили свои набеги на юг Италии. Следует отметить, что удивительный успех многих таких вылазок был бы необъясним без учета того факта, что мусульмане встретили пособничество в стане противников, которое обуславливалось соперничеством и разнообразной игрой местных интересов, что сталкивало правителей и города один с другим. Так, в 835 г. мусульмане вмешались в конфронтацию между Неаполем и принципатом (княжеством) Беневенто, что позволило им разграбить г. Бриндижи (838 г.).

На Адриатическом побережье Апеннинского п-ова был основан эмират Бари (847 г.), откуда начали организовываться набеги на итальянское и греческое побережья. Примерно в то же время мусульмане заняли г. Таранто и начали угрожать морской торговле Венеции в этом регионе. В Тирренском море мусульмане закрепились в Неаполитанском заливе, откуда были подготовлены две эффективные вылазки против Рима. Римские базилики, расположенные вне городских стен, были разграблены в 846 г. В 849 г. нападение, наконец, было остановлено у пригорода Рима Остии благодаря ряду военных операций, проведенных под руководством папы Льва IV. Начиная с середины IX в., Каролинги стремились остановить продвижение мусульман на юг Италии, вновь овладев своими колониями Бари и Таранто соответственно в 876 и 880 гг. Но арабские набеги, организуемые с полустационарной базы ур. Горильяно, продолжались вдоль побережий Кампании и Лацио (882–915 гг.). Почти ежегодно монастыри в этом регионе (Монте-Кассино, Фарфа) выдерживали тяжелые штурмы. Только после 885 г., с возрождением Византии мусульмане были отброшены к востоку от линии между п-овом Гаргано (на Адриатике) и г. Салерно.

Тем не менее, к концу IX в. возродилось мусульманское пиратство в других областях Западного Средиземноморья. Это явилось результатом создания в 890 г. базы во Фракснетуме (Ла Гарде-Фрейне у залива Фрежюс). Из этого оперативного центра мусульмане достигали альпийских перевалов, где их появление произвело столь впечатляющее

воздействие на паломников и купцов, что в середине X в. торговля между Европой и Италией оказалась существенным образом подорванной. После нескольких неудачных попыток колония Фраксинетум была, наконец, уничтожена в 972–973 гг.

КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ АНДАЛУСИИ ПРИ ОМЕЙЯДАХ. СИЦИЛИЯ ПРИ ФАТИМИДАХ И КАЛЬБИДАХ

На рубеже VIII и IX вв. в обществе Андалусии возникли новые черты, предвестники больших перемен, которым суждено было произойти в середине IX в. В отличие от предыдущего периода новые восстания, которые потрясли режим аль-Хакама I (796–822 гг.), имели не племенную природу, а порождались новым обществом, стремящимся заявить о себе, обществом, в котором *мулади* (коренные жители, обращенные в ислам) и мосарабы (христиане, жившие на исламской территории, но сохранившие свою веру) занимали всё более видное положение. Следует иметь в виду, что по мере того как государство кордовских Омейядов консолидировалось, династия обрела склонность набирать своих слуг из среды, чуждой племенному арабскому окружению, т. е. из *мулади*, мосарабов, берберов и рабов европейского происхождения, которые занимали высокие посты в гражданских и военных учреждениях государственной системы эмирата. С другой стороны, расселение арабов-мусульман дало развитие ремеслам и торговле для удовлетворения потребностей арабской аристократии, и в результате через столетие после периода завоеваний ремесленники и купцы уже составляли значительную часть социальной структуры городов. Крупное восстание в Аррабале (или пригороде Кордовы) против эмира аль-Хакама I в 818 г. возглавляли купцы, ремесленники и учащиеся, изучавшие исламское право и богословие. Это восстание может рассматриваться как силовое проявление стремлений указанных социальных слоев, порождение нового общества, находившегося в процессе становления. Восстание было жестоко подавлено, и некоторые его участники бежали в Александрию и позднее поселились на Крите.

Правление кордовского эмира Абдаррахмана II (822–852 гг.) принесло серьезные перемены по сравнению с предыдущим периодом как с точки зрения организации государства Омейядов, так и в сфере культуры. В этот период были приняты политические и культурные модели, успешно опробованные ранее на востоке у Аббасидов. Была установлена строгая иерархия дворцовых чиновников, а службы канцелярий и финансовые управления были реорганизованы. В сфере культуры те манеры и стили, которые преобладали в Багдаде, стали преобладать и на всем п-ове. Prestиж государства Омейядов считался высоким во всем Средиземноморском бассейне и нашел свое выражение в установлении дипломатических отношений с Византией и вассальных отношений с династией Рустамидов в Тахерте, являвшемся крупным торговым центром, связанным с торговыми путями в Сахаре.

Несмотря на внешнее благополучие, проявление недовольства, приглушаемое жестокой политикой репрессий аль-Хакама I, выплеснулось наружу в периоды правления эмиров Мухаммеда (852–886 гг.), аль-Мундхира (886–888 гг.) и Абд Аллаха (888–912 гг.). К концу столетия Андалусия превратилась в мозаику независимых феодалных владений (принадлежавших арабам, берберам, *мулади*), и эта ситуация чуть не привела к падению Кордовского эмирата. 890 г. стал особенно критическим: эмир контролировал только сам город Кордову и его окрестности, тогда как остальная территория представляла собой множество автономных владений.

Между 912 и 929 гг. новый эмир Абдаррахман III принял попытку подчинить мятежные анклав в Андалусии, одновременно начав военные кампании против христиан-

ских королевств. В 929 г., год спустя после подавления андалусского бунта, эмир Кордовы принял титул халифа. Хотя провозглашение халифата являлось признаком военного превосходства государства Омейядов в Андалусии и вне ее, принятие этого решения было ускорено также событиями в Магрибе. В 910 г. правитель Фатимидов принял титул «эмир всех правоверных», впервые нарушив, таким образом, религиозное единство исламской империи, управляемой из Багдада. Поскольку относительное объединение Магриба под Фатимидами представляло серьезную угрозу андалусским торговым путям в Северной Африке, провозглашение халифата в Кордове могло служить эффективным идеологическим прикрытием планировавшейся борьбы против «еретического» халифата в Магрибе.

Правления Абдаррахмана III (929–961 гг.) и аль-Хакама II (961–976 гг.) ознаменовали вершину могущества Кордовских Омейядов. Их военные походы укрепили престиж династии за пределами Андалусии и, таким образом, способствовали обеспечению безопасности их торговых путей, а также приносили существенные трофеи халифу и тем, кто участвовал в подобных кампаниях. По отношению к королевствам на севере, на одном этапе Кордова даже играла роль арбитра во внутренней политике христианских королей, и следствием этого являлся постоянный поток эмиссаров между Барселонной, Леоном, Кастилией и халифатом. Prestиж государства Омейядов поднялся даже до уровня обмена послами с Византией, Священной Римской империей Оттонов и самим папой Иоанном XII. Вряд ли стоит подчеркивать важность таких обменов для развития культуры.

Самые ранние признаки кризиса внутри этого монументального политического сооружения могут быть замечены во вполне успешных с первого взгляда внешнеполитических ходах, предпринятых Мухаммедом ибн Аби Амиром. Эта одиозная фигура с весьма туманным прошлым не гнушалась никакими средствами, чтобы добиться максимальной власти и свергнуть законного халифа Хишама II. В 981 г. Аби Амир присвоил себе титул аль-Мансур би-ль-ллах и другие имена, которые могли использоваться исключительно халифами. С целью заручиться поддержкой маликидских кругов он продемонстрировал пример суровой набожности, нашедшей выражение в безжалостной чистке, которой подверглась великолепная библиотека, собранная аль-Хакамом II, и в выделении значительных средств на расширение Большой мечети в Кордове. Но наиболее эффективным инструментом сохранения власти была война: достаточно сказать, что аль-Мансур би-ль-ллах предпринял многочисленные походы против христианских королевств, включая кровопролитные кампании против Сантьяго де Компостелы и Барселоны.

Возвращаясь к положению вокруг Сицилии, можно отметить, что установление халифата Фатимидов в Тунисе и распространение его власти на значительную часть Магриба имели также незамедлительные последствия для острова. Считая себя преемником свергнутых эмиров Аглабидов, фатимидский халиф назначал на остров губернаторов, но из-за упорства сицилийского сопротивления остров не входил целиком в сферу правления Фатимидов до 917 г. Новые конфликты разрывали Сицилию при Фатимидах до тех пор, пока она не была усмирена в 948 г. с прибытием туда *вали* аль-Хасана ибн Али, при котором началось правление Кальбидов. Хотя теоретически остров оставался под управлением халифата Фатимидов, он фактически стал независимым наследуемым эмиратом, особенно когда в последней трети X в. центр политической активности Фатимидов сместился из Магриба в Египет.

При Кальбидах (948–1053 гг.) исламская Сицилия пережила период наивысшего расцвета. С военной точки зрения необходимо отметить победу над войсками Оттона II при Кортоне (982 г.), которую можно расценивать как последнюю крупную победу мусульман над

христианами на итальянской земле (*Rizzitano*, 1975). За несколько лет до этого, в 972–973 гг., Сицилию посетил восточный путешественник Ибн Хавкаль, оставивший удивительное описание острова во время его максимального экономического подъема. Он отмечает плотность населения Сицилии, изобилие и многообразие выращиваемых сельскохозяйственных культур и достижения в области поливного земледелия. Помимо всего прочего Ибн Хавкаль дает подробное описание г. Палермо с его пятью районами и 300 мечетями, богатым базаром, большой соборной мечетью и насыщенной духовной жизнью.

Как отмечает М.Ломбар (*M. Lombard*), исламские завоевания как на Востоке, так и на Западе помогли разрушить относительную изоляцию важных экономических центров, способствуя образованию обширной территории, в пределах которой беспрепятственно могли перемещаться люди, идеи, товары и технологии. Андалусия очень быстро ощутила выгоды от исламского завоевания, поскольку п-ов получил богатый арсенал технологий, которые сравнительно быстро распространились и в западном христианском мире. Завоевание такого важного стратегического плацдарма, как Сицилия в значительной мере способствовало созданию разнообразных каналов, по которым знания и технологии перетекали с Востока на Запад. Иногда это являлось результатом особых политических обстоятельств: как уже упоминалось, через какие-нибудь 30 лет после завоевания поселения *джундис* из Сирии дали толчок интенсивному процессу копирования культуры Востока, способствуя «сирианизации» образа жизни и среды обитания. Достаточно сказать, что выращивание шелковицы и разведение тутового шелкопряда в середине VIII в. в провинциях Ильбира и Хаэн началось, вероятно, в результате расселения в этих краях сирийцев из Дамаска и Киннастрина. Столетием позже в культурных подражаниях произошел поворот от аббасидского Багдада к двору Абдаррахмана II. В процессе такой передачи культуры заметную роль сыграл иракский музыкант и певец Зириаб (ум. в 857 г.), который принес в Кордову стиль и манеры двора Харун ар-Рашида.

Менее эффективными внешне, но, по меньшей мере, равно (если не более) эффективными являлись другие каналы культурного обмена, такие как частые путешествия на Восток представителей интеллектуальной элиты, главной целью которых могли быть паломничество или же торговля, но которые извлекали преимущества от своего пребывания там, перенимая опыт и знания восточных специалистов. Хорошим средством обмена культурными ценностями служили также посольства: в качестве всего лишь одного примера можно указать, что трактат «О лекарственных средствах» греческого врача Диоскорида (I век н.э.) попал в Кордову как дар византийского императора Константина VII халифу Абдаррахману III. Но именно торговые связи сыграли самую значительную роль в перемещении товаров, технологий и культуры с Востока на Запад: еврейский врач Хасдай ибн Шапрут в X в. выразил важность андалусской зарубежной торговли, когда указал:

«Здесь мы видим толпы купцов, в больших количествах стекающих сюда из дальних стран, особенно из Египта, и привозящих с собой благовония, драгоценные камни и другие ценные вещи для принцев и богатей, а также и другие египетские продукты, которыми пользуемся мы все».

Последствия исламского завоевания наиболее наглядно проявились в сфере сельского хозяйства. Выражение «арабская сельскохозяйственная революция» использовалось при ссылах на способ, каким в обиход вводились новые виды растений, и, помимо всего, на впечатляющий способ, которым эти виды распространились по всему исламскому миру. Большинство таких видов

(рис, твердые сорта пшеницы, сахарный тростник, хлопок, цитрусовые (апельсины, лимоны, лаймы и грейпфруты), бананы, дыни, шпинат, артишоки и баклажаны) выращивались в Азии (Индия, Иран и т. д.), и когда распространились на землях древней империи Сасанидов, восточные провинции мусульманского мира стали своеобразными воротами, через которые подобные продукты могли свободно перемещаться в Месопотамию, Египет, Магриб, на Сицилию и в Андалусию.

Появление указанных и многих других культур на Сицилии и Пиренейском п-ове было тесно связано с расширившимся применением орошения. Сеги оросительных каналов, устройства для подъема воды (от простого колодезного «журавля» до огромного персидского водоподъемного колеса) и иранской технологии *канат* (использование которой документально подтверждено на о. Мальорка) широко применялись в Андалусии (илл. 16). Фактически большая часть испанских слов, относящихся к орошению, являются арабскими по своему происхождению. То же можно сказать и про Сицилию, где в сицилийском диалекте также сохранились слова арабского происхождения, касающиеся сельского хозяйства и садоводства.

Благодаря «*Китаб аль-анва*», работе, которая более известна как «Календарь Кордовы», написанной в X в. Арибом ибн Садам и Реземундом-мосарабом, нам оказалась доступной важная информация, относящаяся к выращиваемым культурам и технологиям обработки земли, применявшимся в Андалусии во времена халифата. Помимо таких традиционных культур, как зерновые, виноград и оливки, исламское влияние более всего заметно в садоводстве и выращивании деревьев и, в частности, в разведении растений, применявшихся для изготовления и окраски тканей. Выращивание льна и хлопка (ввезенного, вероятно, на п-ов в конце IX в.), а также производство шелка, стали основой для развития андалусского ткацкого производства, изделия которого, согласно разным источникам, экспортировались в христианские королевства на север, а также в Магриб, Египет и на самые дальние рубежи Аравии.

Представляется логичным, что первые четко различимые плоды в сфере андалусского мышления, науки и литературы следует искать не ранее середины IX в. или, более определенно, уже в период халифата. Действительно, это стало возможным только после глубокой исламизации страны и консолидации на п-ове многообразного и сложного городского сообщества, сравнимого с подобными исламскими сообществами на Востоке. Помимо этого не следует забывать важность покровительства со стороны халифов, таких как Абдаррахман III и аль-Хакам II, которые, как руководители государства, имеющие большой престиж, превращали свои дворы в центры притяжения для ученых и литераторов, а также обеспечивали стимулы для развития интеллектуальной жизни. Таким образом, например, появление труда Диоскорида «О лекарственных средствах» при дворе Абдаррахмана III привело к формированию особой группы ученых, финансируемой еврейским врачом Хасдаем ибн Шапрутом, упоминавшимся выше. В эту группу входил византийский монах, сицилийский араб со знанием греческого языка, и пять андалусцев, которые трудились не столько над переводом текста Диоскорида, сколько над адаптацией данного труда к использованию в Андалусии (илл. 130). Позднее, в период правления аль-Хакама II, к этой группе присоединился Ибн Джулджул (ум. после 994 г.), который затем стал личным врачом Хишама II. Его работа «Поколения врачей и мудрецов» представляет собой одно из наиболее древних собраний биографий медиков. В качестве источников при написании этой книги использовались работы латинских авторов, таких как Орозий, св. Иероним и Исидор Севильский, впервые переведенные здесь на арабский язык. В более

поздний период появились такие врачи, как Абу-ль-Касим аль-Захрави (латинизир. Абулкас) (ум. в 1013 г.), автор медицинской энциклопедии, часть которой была переведена на латынь в Толедо в XII в. Жераром Кременским. Эта работа, имевшая широкое хождение на Западе, вскоре стала образцовым пособием по хирургии.

Но настоящим покровителем наук и искусств периода халифата был аль-Хакам II, при дворе которого собирались интеллектуалы как с Востока, так и из Ифрикии. По преданиям, его библиотека содержала 400 тыс. томов и являлась самой значительной библиотекой на Западе. Как уже было сказано, она подверглась жестокой чистке аль-Мансуром и, очевидно, не пережила кризис халифата. Математик и астроном Абу-ль-Касим Маслама аль-Мажрити (что означает «он из Мадрида») (ум. в 1007 г.), «ведущий математик своего времени в Андалусии, чьи знания в астрономии превосходили знания всех людей до него», согласно историку XI в. Ибн Саиду, работал именно при правлении аль-Хакама II. Он написал трактат по применению арифметики в торговле, краткое пособие по использованию астролябии и перевел на арабский язык труд Птолемея «*Planisphaerium*». Его перу принадлежат также комментарии к астрономическим таблицам аль-Хорезми и адаптации их данных к меридиану Кордовы. Маслама основал серьезную научную школу, которая, как станет видно ниже, дала основные результаты в период «королевств *таифа*».

Интересно отметить, что феномен передачи культурных знаний от Андалусии на север в христианский мир был чрезвычайно быстрым: многие мосарабские монахи, осевшие в христианских монастырях в середине X в., являлись проводниками андалусских знаний. Одним из наиболее выдающихся примеров являлся монастырь св. Марии в г. Риполь (Каталония), записи которого являются «самым древним подтверждением исламского влияния на культуру западного мира» (Vernet, 1978). Не зря Герберт из Ориака, будущий папа Сильвестр II, совершил около 960 г. поездку в Риполь и вел переписку с переводчиками этого монастыря.

До XI в. развитие философской мысли в Андалусии сталкивалось с большими трудностями из-за непримиримости маликидского духовенства. Первой бесспорной фигурой андалусского мышления является Ибн Масарра (883–931 гг.). Происходивший, вероятно, из *мулади*, или обращенных, Ибн Масарра следовал учению мутазилитов, которое исповедовал его отец, до тех пор пока *факихи* его не обвинили в защите теории свободной воли, после чего ему пришлось уехать на восток, где он имел возможность познакомиться с учениями многих выдающихся людей. По возвращении в Андалусию Ибн Масарра встретил там атмосферу гораздо большей терпимости, преобладавшей в правление Абдаррахмана III. Удалившись в горы под Кордовой, он основал общину аскетов, среди которых и излагал свою доктрину. Когда к власти пришел аль-Мансур, вновь вернулся дух нетерпимости, и последователи Ибн Масарры вынуждены были разойтись и жить скрытно.

Рассматривая культурную жизнь Андалусии, следует обратиться ко второй половине IX в., чтобы отметить, как манеры и стили, привнесенные с Востока поэтом и музыкантом Зириабом, уступили место творчеству целого созвездия поэтов и прозаиков, сформировавшихся в период Кордовского халифата. Следует понимать, что андалусская поэзия рождалась и развивалась в тесной связи с восточной поэзией: размеры, жанры и метафоры были такими же, как те, что использовались в Багдаде при Аббасидах. Среди придворных поэтов халифов можно выделить Ибн Абд Раббихи (860–939 гг.), который работал в жанре *урджуза*, или исторической поэмы и был автором «*Икд аль-Фарид*», энциклопедического текста, адаптированного к литературному жанру *адаб*, и Абу Абд аль-Малик Марвана (ум. в 1009 г.), правнука Абдаррахмана III. Еще два выдающихся поэта

жили несколько позднее, в период кризиса халифата: Ибн Даррадж аль-Кастали (ум. в 1030 г.), известный как «Мута-набби из Андалусии», воспев подвиги аль-Мансура и его сына, покинул Кордову для путешествия по дворам *тайфов* и окончил свои дни в Дении; и Ибн Шухайд (ум. в 1035 г.), являвшийся замечательным представителем неоклассической поэзии Андалусии.

Сущность искусства Андалусии при эмирате и халифате воплощена в двух зданиях: мечети в Кордове и дворцовом городе Мадина аль-Захра. Возведение главного молельного зала было начато Абдаррахманом I в 785 г., и ранние постройки выполнены из римских и вестготских материалов. Мечеть была расширена при правлении Абдаррахмана II, но основное ее расширение было проведено при аль-Хакаме II, т. е. в период расцвета халифата. Стена *киблы* и *михраб* были покрыты мозаикой, изготовленной специалистами, выпущенными из Византии, а мраморные части и капители изготовлены с применением технологии сверления и украшены тончайшими многоцветными рисунками. Перед этой изумительной стеной тянутся нефы с чередующимися красными и черными колоннами, а многосводчатая арка появляется именно в искусстве халифата. В мечети Кордовы традиции времен Аббасидов начинают, наконец, преобладать над древнеримскими, вестготскими и сирийскими влияниями (рис. 27 и илл. 65–67).

Мадина аль-Захра, типичный дворцовый город в число исламских традиций, был построен Абдаррахманом III в 936 г. у подножия гор Кордовы. Хроники дают детальное и подробное описание этого недолгого (всего 75 лет) просуществовавшего города. В них говорится о множестве каменных блоков и колонн, использованных при его строительстве, о стенах города, его садах, парках, фонтанах, залах, бассейнах, деталях отделки и т. д. В наши дни Мадина аль-Захра представляет собой скопище руин, где регулярно с 1910 г. проводились археологические раскопки. Глядя на эти замечательные раскопанные развалины, можно забыть о сомнениях в достоверности красочных описаний хроник.

Что касается Сицилии, то в виду недостатка информации относительно ее культурной жизни в IX–X вв., представляется, что науками, которые развивались там, являлись только относившиеся к религии. Как напоминает Риццитано, возможно, что последовательная смена двух династий – Аглабидов и Фатимидов, последовательно правивших островом, с учетом различий в их догматах и антагонистических политических принципов, подавила интеллектуальную жизнь и не способствовала появлению выдающихся мыслителей и ученых.

С самого начала Сицилия, как и Андалусия до начала XI в., являлась прочным оплотом маликизма. Не следует забывать, что руководитель похода на остров, который закончился его завоеванием – Асад ибн аль-Фурат, – установил именно это направление богословской школы в Северной Африке, и что Ифрикия при Аглабидах была центром наиболее суровой религиозной ветви маликизма в Магрибе. Таким образом, на Сицилии можно было встретить только тех ученых, которые занимались науками, непосредственно связанными с Кораном. Это такие личности, как Ибн Хамдун аль-Кальби (ум. в 883 г.) и, прежде всего, Аль-Каттан, известный также под именем Ибн аль-Каххала (ум. в 895 или 901 г.), автор многих работ, которые помогли укреплению маликизма на острове. Возможно, что нерушимая монополия этой школы явилась причиной столь ограниченного интереса к философским размышлениям. Источники не содержат никаких следов исследований в области астрономии, медицины или математики на Сицилии, хотя сведения о некоторых медицинских исследованиях, которые проводились в недалеком расположенном Кайруане, вероятно, могли достигать острова.

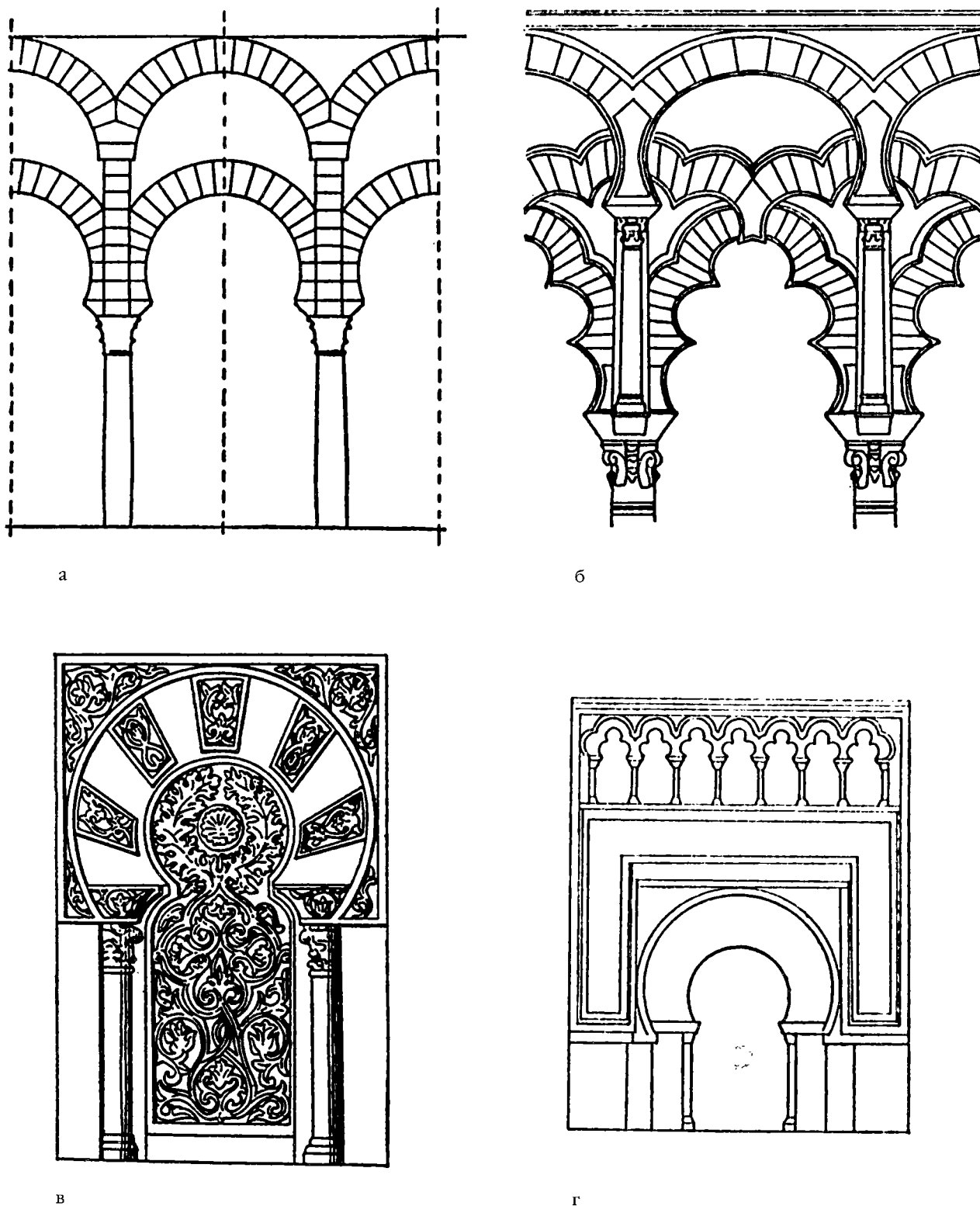

Рис. 27. Образцы исламской архитектуры в Кордове (Испания), X в.: а) двойные подковообразные арки в главном молельном зале в Большой мечети; б) многосводчатые арки у места моления халифа в Большой мечети; в) *михраб* (ниша, указывающая направление на Мекку) Большой мечети; г) деталь резного декоративного (глухого) окна во дворце Мадина аль-Захра в пригороде Кордовы; камень (по *Otto-Dorn*, *Kunst des Islam*, Baden-Baden, 1964, pp. 119, 121)

XI ВЕК: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КУЛЬТУРНОЕ БОГАТСТВО В АНДАЛУСИИ И НА СИЦИЛИИ ПРИ КАЛЬБИДАХ

В ходе XI в. в истории мусульманского присутствия в Средиземноморье была перевернута новая страница. Ба-

ланс сил, который до конца X в. складывался в пользу ислама, изменился, и инициатива перешла к христианским королевствам Северной Испании и к городам Пиза и Генуя в Италии. Истории Пиренейского п-ова и Сицилии совпадают во многих отношениях в этот период. Политически единый халифат в Кордове распался почти на 30 небольших

городов-государств – тайфов, чрезвычайно разношерстных и постоянно меняющихся по ходу столетия, руководимых *мулук ат-таваифами* – «удельными князьками», постоянно враждующими между собой и не способными оказать действенное сопротивление северным христианским королевствам. Подобным же образом последние времена правления Кальбидов на Сицилии характеризовались расколом территории о-ва на множество соперничавших мелких владений, что способствовало завоеванию его норманнами.

Эти внутренние обстоятельства были обращены в свою пользу также христианского рыцарства – привилегированного социального слоя, возникшего в результате так называемой «феодальной революции», и могущественными морскими «республиками» Италии. Фактически сразу после наступления 1000 г. становится очевидным демографическое и экономическое возрождение христианства в ущерб исламу. Хотя в начале XI в. еще и отмечались отдельные дерзкие рейды испанских арабов по Средиземноморью (такие, как поход короля Муджахида из Дении против Сардинии), основные морские пути к этому времени уже перешли под контроль Пизы и Генуи: Сардиния была отвоевана христианами в 1016 г. и затем вновь в 1050 г.; пизанцы совместно с генуэзцами атаковали Махдию (1087 г.); каталонцы и пизанцы совершали рейды на Балеарские острова (1114–1115 гг.), а норманны начали завоевание Сицилии в 1061 г. В Андалусии продвижение войск христианских королевств отодвинуло границу мусульманских владений до р. Тахо, а вскоре в руках христиан оказался весьма стратегически и символически значимый г. Толедо (1085 г.).

Однако в противовес этим мрачным событиям уровень материального благополучия и культурной жизнеспособности, достигнутый в таких городах, как Севилья, Сарагоса, Толедо и Палермо, оставался очень высоким. В XI и XII вв. андалусская культура способствовала высочайшему развитию наследия халифата: достаточно упомянуть о таких личностях как Ибн Хазм, Маймонид и Аверроэс (Ибн Рушд), поднявших уровень литературы, медицины и философии Андалусии на высший уровень в анналах всемирной науки и культуры. Несмотря на то, что исламская культурная традиция на Сицилии была прервана христианским завоеванием, она по-прежнему давала замечательные плоды и в период правления норманнов.

Андалусия при правителях государств *тайфов*

Хотя Абд аль-Малик продолжил экспансионистскую политику своего отца аль-Мансура, халифату был нанесен смертельный удар. В 1009 и 1010 гг. произошел ряд событий, которые ярко продемонстрировали новое положение вещей: впервые испано-арабские силы, которые боролись за власть в Кордовском халифате, обратились за помощью к правителям христианского севера, меняя на противоположное традиционное направление политики, которого они придерживались целое столетие. Захват христианами Кордовы ознаменовал начало феодальной агрессии против Андалусии. Более того, при правлении Сулеймана аль-Мустина (1013–1016 гг.) берберы, служившие халифу, получили в награду за свою службу различные провинции в свое управление, что положило начало политическому дроблению Андалусии и стало предвестником развала единого халифата на указанные выше «удельные княжества» – *тайфы*.

Не давая детального описания событий, которые последовали за тяжелыми последними днями халифата, укажем лишь, что между 1023 и 1031 гг., в период пика общего кризиса государства при отсутствии налоговых поступлений ситуация была такой, что при последовательном правлении трех халифов-*марвани* (из рода Омейядов) их власть не распространилась далее окрестностей Кордовы. В 1031 г. знать Кордовы заняла Алькасар (королевский дворец) и низложила последнего омейядского халифа

Хишам III. В Кордове началась эра республики Бану-Джавхар, а Андалусия стала представлять собой новую политическую структуру, состоящую из тайфов.

Но до того как главенствующее культурное положение от Кордовы перешло к Сарагосе, Толедо и Севилье, в прежней столице халифата появилась одна из величайших фигур андалусской философии и литературы, крупный энциклопедист Ибн Хазм (994–1063 гг.). То сложное время, в котором он жил, сначала принесло Ибн Хазму славу визиря, затем тяжесть тюремного заточения и горечь изгнания. Его лояльность к политике Омейядов стоила ему конфискации имущества, вынудила бежать из Кордовы и искать убежища в разных городах. На Мальорке он получил защиту у правителя Ибн Рашика, вокруг которого собралась замечательная группа деятелей культуры. Позже, при кратковременном возвращении к власти Омейядов, он опять занимал пост визиря при халифах аль-Мустазхире и аль-Мутагиде, но, снова попав в опалу в 1027 г., он отошел от политической жизни и целиком посвятил себя литературе, создав в этот период большую часть своих трудов. Его неустанные споры с кругами ограниченных ученых-маликидов, его абсолютный неконформизм и его более поздняя позиция, направленная против Аббасидов в Севилье, давали ему мало шансов для маневров в жестокой политической жизни XI в. Публичное сожжение в Севилье некоторых трудов Ибн Хазма вызвало его саркастический отклик: «Вы можете сжечь бумагу, но вам не сжечь того, что она содержит в себе, поскольку я храню это в своей груди...». Его работа была плодотворной – считают, что он оставил после своей смерти 400 рукописей, – и охватывала всю сферу интеллектуальной деятельности того времени. Его главным научным трудом является «Критическая история религий, сект и школ», представляющий собой впечатляющее сравнительное исследование различных религий, в котором Ибн Хазм проявляет поистине удивительную эрудицию и проницательность. Трудом, в котором наилучшим образом проявлены его философские взгляды, психологическая интуиция и талант как поэта и прозаика, является «*Тавк аль-Хаммама*» («Кольцо голубки»), замечательный трактат о любви, наполненный множеством забавных подробностей, почерпнутых автором из собственной жизни, книга, являющаяся одним из богатейших источников информации, которая доступна любому, кто желает больше узнать о цивилизации в Кордове в период угасания халифата.

Почти одновременно с Ибн Хазмом жил Ибн Зайдун из Кордовы (1003–1070 гг.), крупнейший неоклассический поэт в истории Андалусии. Подобно Ибн Хазму, он жил в дни кризиса и агонии халифата, занимал пост визиря (в Кордове при Бану-Джавхаре и в Севилье при аль-Мутагиде) и стал жертвой интриг, предпринявших его судьбу. Наиболее личные поэмы Ибн Зайдун – такие как его несравненная *касида ан-нун*, повествуют о его отношениях с принцессой Валладой из династии Омейядов, к чьей утраченной любви он взывал в садах и окрестностях Кордовы. Это стихи, которые чем-то напоминают чувствительность романтической поэзии Запада.

Крохотные дворы *тайфов* пытались повторить каждую деталь быта исчезнувшего халифата, и это незамедлительно нашло отражение в сфере культуры. С одной стороны, каждый правитель стремился привлечь достаточное число культурных людей, способных решать насущные управленческие задачи, но, стараясь показать себя равным халифу, каждый эмир старался как-то обосновать подобные притязания, создавая блестящий двор и состязаясь с соседом в привлечении к этому двору лучших ученых и поэтов для прославления династии. Так, например, согласно историку Ибн Хайяну, двор в Сарагосе был сравним по блеску с двором халифа в Кордове: правитель «собрал там много людей, составивших часть великолепного окружения аль-Мансура, таких как его личные секретари и поэты Ибн Даррадж и Саид, получив при этом их хвалебные стихи – пропаганду своей

эпохи» (*M. J. Viguera*). В период аль-Муктадира (1046–1081 гг.) в Сарагосе был построен дворец Альхаферия – один из немногих образцов андалусского искусства при *майфах*, дошедших до наших дней. То же можно сказать про двор *майфа* в Дении при правлении Муджахиды (1017–1040 гг.) и его сына Икбала аль-Давла: город стал одним из наиболее активных культурных центров Средиземноморья, его влияние простиралось до Балеарских о-вов, которые в то время были в его подчинении. Ко двору Муджахиды стекались интеллектуалы с Востока и из других частей Андалусии, например, такие люди, как великий филолог и лексикограф Ибн Сида из Мурееи. Пытаясь подражать своему тезке, который основал в Багдаде «Дом мудрости», правитель аль-Мамун (1037–1074 гг.) превратил Толедо в передовой центр науки на п-ове, предоставив свое покровительство группе астрономов.

Если Толедо был столицей науки, то Севилья сделалась наиболее блестящим центром андалусской поэзии и музыки. При Бану-Аббаде и особенно в период правления аль-Мутамида (1069–1091 гг.), при котором династия достигла вершин своего политического и культурного расцвета, Севильское государство даже могло на определенном этапе мечтать о восстановлении территориальной целостности халифата, особенно после того как присоединило к себе прежнюю столицу Кордову.

Как отмечалось выше, заметным центром андалусской науки являлся г. Толедо при короле аль-Мамуне ибн Дхи-ль-Нуне. Городскому судье (*кади*), Ибн Саиду (ум. в 1070 г.) было поручено проведение в действие научной программы правителя: он сочинил трактат по астрономии (ныне утраченный), но прежде всего он являлся автором труда «*Табакат аль-Умам*» («Книга категорий народов»), считавшегося первым систематизированным и упорядоченным сочинением, посвященным истории общества. В этих же условиях работал и великий аль-Заркали (латинск. Азаркиль – первый европейский астроном до Кеплера, который, согласно Милласу Валикресе (*Millás Vallicrosa*), составил так называемые «Толедские астрономические таблицы», ставшие позднее основой для подобных таблиц, составленных Альфонсом X (Мудрым – королем Кастилии и Леона в 1252–1282 гг. – *Прим. ред.*). Он также изобрел устройство, названное *азифеа* (*azafea*), сделавшее гораздо более удобным применение астролябии. XI в. явился поистине великой эпохой андалусской астрономии, в которой блистали ученики аль-Маслама из Мадрида, среди них Ибн ас-Самх (ум. в 1035 г.), автор комментариев к «Началам» Евклида, и Ибн аль-Саффар (ум. в 1035 г.), который свел воедино астрономические таблицы и написал трактат о применении астролябии.

Толедо был также одним из центров агрономической науки в Андалусии. Врач и фармаколог Ибн Вафид (ум. в 1074 г.), ученик Абу-ль-Касима, разбил там так называемый «Сад короля», в котором проводил интересные эксперименты по акклиматизации различных видов растений. Он также написал трактат по сельскому хозяйству, который стал весьма популярным в эпоху испанского ренессанса. Его преемником в качестве попечителя «Сада короля» стал Ибн Бассал, чей объемный труд (*сумма*) по агрономии в сокращенном виде был переведен на кастильский язык в конце средних веков.

После перехода Толедо к христианам Ибн Бассал переехал в Севилью, где создал новый королевский сад и начал сотрудничество с другой группой агрономов, в которую входили Ибн Хаджадж, Абу-ль-Хайр и аль-Тигхнари, уроженец Гранады. Богатая подборка текстов по агрономии была сведена в книгу «*Китаб аль-Филаха*», написанную севильтцем Ибн аль-Аввамом (ок. 1175 г.). Эта работа была переведена на кастильский в XVIII в. и бесспорно использовалась при проведении многих сельскохозяйственных экспериментов в эпоху Просвещения.

Сельскохозяйственная наука Андалусии формировалась на традициях классической античности (в частности, на работах римлян Варрона и Колумеллы), но, кроме того, и на трудах авторов поздней империи и Византии, а также на

знаменитом «Набатейском сельском хозяйстве» Ибн Вахшиий. Кроме того, следует не забывать и о постоянных экспериментах, проводимых в обширной лаборатории, каковой являлся весь исламский мир (*Дар аль-Ислам*). Применение новых технологий означало, что земля становилась гораздо более продуктивной, чем в прошлом, вследствие лучшего знания различных типов почвы, чаще проводившейся обработка и более регулярному внесению удобрений.

Как уже упоминалось, родным домом для андалусской поэзии в течение XI в. по праву может считаться Севилья при Аббасидах и особенно при правлении аль-Мутамида. Сюда стекались самые прославленные поэты Андалусии, Сицилии и Ифрикии. Ибн Аммар, возвысившийся до титула визиря благодаря его дружбе с правителем и таланту поэта, также перебрался в Севилью. Царившая там доблестная атмосфера, при которой, по словам Гарсия Гомеса, поэт-импровизатор мог быть награжден должностью визиря, а сама поэзия была товаром, подлежащим купле-продаже, способствовала развитию лирической поэзии, правда, в определенной мере лживой и показной, как можно видеть из многих поэм самого Ибн Аммара.

XI в. был также богат на талантливых географов. Жанр географических путевых заметок развился на Востоке еще в X в., но именно два андалусских географа развили его на исламском Западе. К ним относятся аль-Удри из г. Альмерия (ум. в 1085 г.), чья работа историко-географического характера является лучшей в своей области из написанных в Андалусии, и его ученик аль-Бакри (ум. в 1091 г.), который кроме географии (сохранился только фрагмент его капитального труда «*Китаб аль-Мамалик ва-ль-Масалик*») занимался богословием, ботаникой и филологией. В области истории доминирует фигура Ибн Хайяна из Кордовы (987–1076 гг.), который сумел правдиво показать общество тех дней; от его трудов также уцелели лишь фрагменты, но написанные с исключительной живостью и вдохновением, они являются наиболее прямыми и яркими свидетельствами бурной истории Андалусии XI в.

В 1085 г. Альфонс VI Храбрый, король Кастилии, отвоевал у арабов г. Толедо. Как сказал Абд Аллах, последний правитель Гранады из династии Зиридов, это известие «прогремело на всю Андалусию, наполняя жителей страхом и убивая все надежды на возможность дальнейшей жизни на этой земле». Правители Севильи, Бадахоса и Гранады, отложив на время свои разногласия, обратились за помощью к марокканским Альморавидам. Юсуф ибн Ташуфин снарядил в Андалусию армию и одержал серьезную победу над Альфонсом VI в сражении при Салаке, или Саграхасе (1086 г.). Второй случай, когда Альморавиды вошли в Андалусию, был менее благоприятным для *майфов*: в 1090 г. Юсуф занял Гранаду и Малагу, заручившись мнением правоведов (*фатвов*) о законности оккупации страны Альморавидами и свержения местных правителей. Несколько позже наступила очередь Севильи, Альмерии и Мурсии, тогда как *майф* в Валенсии сохранился при правителе Сиде (Сид – араб. – господин, прозвище испанского рыцаря Родриго Диаса де Бивара, отвоевавшего у арабов Валенсию и защищавшего ее от нападков Альморавидов. – *Прим. ред.*). В конечном итоге, после смерти Юсуфа в 1106 г. вся Андалусия, за исключением Сарагосы, оказалась в руках Альморавидов и в истории Испании началась новая глава.

Кризис Сицилии Кальбидов

Так же, как и в Андалусии, переход от X к XI в. ознаменовался началом политического кризиса на Сицилии, но здесь этот процесс ускорился в период правления эмира аль-Акхала (1019–1036 гг.), когда во внутренние дела острова начали вмешиваться внешние силы – сначала Зириды из Махдийи, а позднее византийцы. Когда последний кальбидский эмир аль-Самсам (1053 г.) был лишен власти, территория острова разбилась на множество мелких

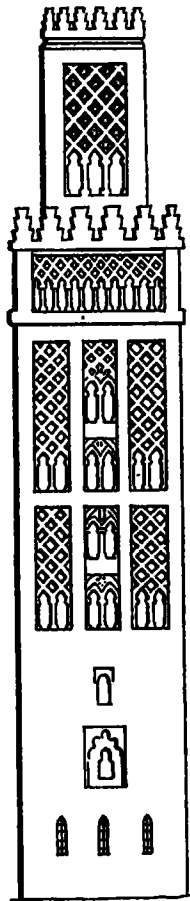

Рис. 28. Пример исламской архитектуры в Севилье (Испания), XII в.: внешний вид оригинального минарета Большой мечети, построенного при правлении династии Альмохадов около 1190 г., рисунок с рельефа 1499 г. в кафедральном соборе г. Бургоса. Минарет, впоследствии сильно измененный и переделанный в церковную башню, сейчас носит название Хиральда («флюгер») и является символом Севильи (по *Otto-Dorn*, *Kunst des Islam*, Baden-Baden, 1964, p. 125)

феодалных владений и спор за власть пошел между различными *каиди*, такими, например, как Ибн аль-Хавваз, «повелитель» Агригенто, Ибн аль-Маклати, «повелитель» Катании и Ибн аль-Тхимма, «повелитель» Сиракуз. В конце концов после своего поражения Ибн аль-Тхимма обратился за помощью к норманнам, которые в 1061 г. высадились на Сицилии с целью завоевания о-ва. Норманны проявили упорство и в 1072 г. добились капитуляции Палермо.

Несмотря на подобные политические повороты, арабская культурная жизнь в тот момент на Сицилии находилась в пике своего расцвета, и вторжение норманнов явилось серьезным нарушением ее хода. В период правления Кальбидов вновь расцвели традиционные науки, развивавшиеся с IX в. В то же время появились новые для о-ва литературные жанры, такие как поэзия, находя прекрасную питательную среду в атмосфере, которая окружала двор последних кальбидских эмиров и которая была подобна той, что сложилась в андалусских *тайфах*.

В Палермо особенно процветала филология. Это происходило в первую очередь благодаря работам таких авторов, как Ибн аль-Бирр и, более всего, благодаря его ученику Ибн аль-Каттану, грамматисту, историку и лексикографу, который, проведя некоторое время в Сарагосе, окончил свои дни в Египте. Он составил антологию арабской сицилийской поэзии, и часть этого труда дожила до наших дней.

Интересная правовая школа, включавшая таких ученых, как Ибн Омар, прозванный «аль-имам аль-Мазари», Ибн Муслим и Ибн Аби-ль-Фарадж, сформировалась вокруг

так называемой «группы Мазара», но и она была разрушена при новом завоевании острова.

Наряду с местными авторами необходимо упомянуть и иноземных. Стратегическое положение острова и величие двора Кальбидов привлекали многих интеллектуалов, которые внесли большой вклад в передачу знаний и развитие исследований по различным дисциплинам. Например, в XI в. многие андалусцы покидали Пиренейский п-ов по политическим мотивам и оседали на Сицилии, где организовывали свои школы – как это было в случае лексикографа аль-Рабаи и филолога Ибн Мукрама. Эти культурные взаимоотношения были особо плодотворными в области поэзии. «Книга песен» крупнейшего сицилийского поэта Ибн Хамдиса сохранилась целиком. Вероятно, сам поэт окончил свои дни на Мальорке (в 1132 или 1133 гг.) после эмиграции из аббасидской Севильи и путешествия через Магриб и Ифрикию. В Агмате (Магриб) он разделил свое изгнание с аль-Мутамидом, который был свергнут с трона Альморавидами. Хотя Ибн Хамдис находился под влиянием неоклассической аббасидской лирической поэзии, лучшим представителем которой был Муттаноби, самые личностные особенности его поэзии отражены в ностальгии, с которой он вспоминает утраченную для него Сицилию, и в ярких описательных фрагментах, появление которых, вероятно, во многом обязано андалусскому влиянию.

АНДАЛУСИЯ ПРИ ИМПЕРИЯХ АЛЬМОВИДОВ И АЛЬМОХАДОВ (XII И XIII ВЕКА). ИСЛАМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ИСПАНИИ И НОРМАННСКОЙ СИЦИЛИИ

Около 1110 г. Андалусия вновь объединилась, став провинцией, зависимой от империи с центром в Марракеше. В результате начало XII в. ознаменовалось кульминацией власти Альморавидов на п-ове, но такое положение продолжалось недолго. В 1118 г. в результате крестового похода во главе с королем Арагона и Наварры Альфонсом I Воителем был отвоеван у мусульман г. Сарагоса, а вскоре после этого – города Туделу, Тарасону, Калатаюд и Дароку. Примерно в то же время стали проявляться первые признаки нарушения политического согласия на андалусской территории.

Тем временем в Магрибе Абд аль-Мумин провозгласил себя халифом и, таким образом, положил начало мятежу Альморавидов, которому в итоге было суждено свергнуть империю, основанную Ибн Ташуфином. После 1144 г. Андалусия еще раз подверглась политическому дроблению и распалась на крошечные государства (так называемые «вторичные *тайфы*»). Большая часть западной Андалусии попала под контроль суфия Ибн Каси, тогда как Сайф аль-Давла («Сафадола») занял Хаэн и Гранаду, а персона, известная в истории как Ибн Марданиш, создала независимое феодальное владение на востоке п-ова.

Призванные под свои знамена мятежником Ибн Каси, Альмохады высадились в Андалусии в 1146 г. и, как это делали Альморавиды почти век тому назад, занялись покорением отдельных *тайфов*. В конце концов, вступив в союз с левантийскими регионами, альмохадский халиф Абу Якуб Юсуф утвердился в Севилье и вновь сумел объединить Андалусию – на сей раз под эгидой Альмохадов. Его преемник халиф Абу Юсуф Якиб аль-Мансур, при правлении которого (1184–1199 гг.) династия достигла зенита славы (рис. 28 ниже), нанес серьезное поражение королям Наварры, Кастилии и Леона при Аларкосе (1195 г.), которое, согласно историку аль-Марракуши, явилось достойным отмщением за поражение при Салаке, которое арабы потерпели веком ранее.

Однако с приходом к власти четвертого халифа Альмохадов аль-Насира (1196–1213 гг.) начался упадок династии: племенные распри в Магрибе и мощное наступление христиан в Андалусии после 1208 г. ознаменовали собой

начало ее конца. После победы при селении Лас-Навас-де-Толоза (1212 г.) граница мусульманских владений отодвинулась к р. Гвадалквивир, и христиане, распространяясь по долине этой реки, несколькими годами позднее уже смогли занять богатейшие и наиболее урбанизированные регионы п-ова. Король Арагона Хайме I Завоеватель захватил Балеарские острова (1229 г.) и королевство Валенсия (1238 г.), в то время как св. Фернандо III Кастильский занял Кордову (1236 г.), – город, на протяжении 500 лет бывший столицей андалусского ислама, а также Хаэн (1246 г.) и Севилью (1248 г.). В 1232 г. Мухаммад ибн Наср, «повелитель» Архоны, начал создавать для себя королевство на юго-востоке п-ова с Гранадой, Малагой и Альмерией как главными городами. Но лишь в 1246 г., когда король Гранады стал вассалом короля Кастилии, последняя исламская политическая структура на п-ове – королевство Насридов в Гранаде смогло получить политическое признание.

Хотя было бы неверно преувеличивать данное воздействие, но, тем не менее, совершенно очевидно, что смена обстановки, вызванная установлением правления Альморавидов в Андалусии, стала причиной важных перемен и в сфере культуры. Естественно, исчезновение того покровительства, какое оказывали дворы многих *тайфов*, означало, например, упадок поэтической активности. Подобным образом преобладание *факихов*, или исламского духовенства в непосредственном окружении двора Альморавидов также имело последствия и для научной мысли: достаточно привести пример публичного сожжения в 1109 г. труда «Ихья» богослова и мистика аль-Газали, идеи которого противоречили маликидскому праву.

Беллетристика в Севилье при Альморавидах встречалась реже, чем лояльность, и на тех, кто занимался этим видом искусства, как говорилось, «обращали внимание меньшее, чем на Луну зимой». Эти слова Ибн Бассам могут служить иллюстрацией того, что Гарсия Гомес назвал «затмением» поэзии в Севилье в зру Альморавидов. Однако бывали и исключения: в андалусском Леванте два поэта из г. Альсира подняли неоклассическую испано-мусульманскую лирическую поэзию на большую высоту, особо развивая флористическую поэзию в своих описаниях садов Валенсии. Этими людьми были Ибн Хафаджа (ум. в 1138 г.) – не зря его прозвали «Садовником» – и его племянник Ибн аль-Заккак, который оживил игру метафор, популярную в старинной арабской поэзии.

В период правления Альмохадов общедоступная поэзия была обогащена введением (вероятно, Авемпасом) нового вида строфической поэзии – *заджал* (мелодия). Написанный на народном арабском языке, *заджал* имел изменяемую схему рифмованного стиха и был насыщен романскими словами и разговорными выражениями. Крупнейшим представителем стиля *заджал* был поэт Ибн Кузман из Кордовы (ум. в 1160 г.). В отличие от правильной и лишь изредка искажаемой классической поэзии, лирическая поэзия Ибн Кузмана представляла собой «глас улиц» (Гарсия Гомес) и воспевала триумф непринужденности: его *заджалы*, радостные и свободные по стилю, являются еще и отражением повседневной жизни в Андалусии в середине XII в. (илл. 187, 188).

Если XI в. был важным периодом для андалусской астрономии, то для следующих двух столетий характерен расцвет медицины и философии. В области медицины выдающейся фигурой был житель Севильи Абд аль-Малик ибн Зухр (ум. в 1162 г.) (латин. Авензоар), принадлежавший династии врачей, блиставших целое столетие. Его наиболее значительная работа «*Тайсир*» представляет собой трактат по терапии и диетологии, написанный по просьбе Ибн Рушда (Аверроэса). Труды Авензоара, переведенные на иврит и латынь, имели широкое хождение в средние века.

Сам Аверроэс, более известный как философ, был также врачом Абу Якиба, альмохадского халифа и являлся автором медицинского труда «*Китаб аль-коллият*», переведенного на латынь под названием «*Colliget*». Семь книг этой энциклопедии охватывают анатомию, физиологию,

патологию, гигиену и терапию и содержат множество отступлений философского толка.

Другой выдающейся личностью в области медицины был андалусский еврей, знаменитый философ Моше бен Маймон, или Моисей Маймонида (1135–1204 гг.), являвшийся придворным врачом султана Салах-ад-дина (Саладина). Его сочинение «*Китаб аль-фусул фи-т-тибб*» представляет собой сборник 1500 афоризмов, почерпнутых из трудов Галена. Он написал также семь полностью оригинальных книг по различным вопросам медицины.

Течение неоплатоников, вдохновившее в X в. Ибн Масарру и его учеников, оказало сильное воздействие на развитие мистической школы в Альмерии под руководством Ибн аль-Арифа. Когда *факихи* маликидов сожгли труд аль-Газали, суфии Альмерии открыто осудили эту акцию. Позднее эмир Альморавидов повелел выслать Ибн аль-Арифа и его ученика Ибн Барраджана в Марракеш, где было проведено следствие по поводу их учения.

Другой ученик Ибн аль-Арифа – Ибн Каси организовал недолговечное «королевство» в Альгарве: на собрании (*рабита*) мусульман в Силвише призвал к восстанию против Альморавидов и убедил Альмохадов начать вторжение в Андалусию.

Но все же самой заметной фигурой андалусского суфизма (мистицизма) был Ибн Араби (1165–1240 гг.) из Мурсии по прозвищу *Мухий аль-Дин*, «возрождающий религию», который до самой смерти в Дамаске много странствовал по Андалусии, Магрибу и Востоку, посещая суфийские общины. Помимо выдающихся работ по доктрине суфизма и духовным началам, он написал «Послание святости» (*Рисалат аль-кудс*), который является уникальным историческим документом, рассказывающим о его собственной жизни и том мире, в котором суфизм существовал в Андалусии.

В течение этого значительного столетия в философской сфере доминировали такие выдающиеся личности, как Ибн Баджа (Авемпас), Ибн Туфайл (Абубауер), Ибн Рушд (Аверроэс) и Ибн Тумлус. Ибн Баджа из Сарагосы (ум. в 1138 г.) был врачом, астрономом, музыкантом и поэтом, но прежде всего он являлся вторым величайшим андалусским философом после Ибн Рушда. В своем сочинении «Образ жизни уединившегося», кроме демонстрации знания греческой и исламской философии (и цитирования, помимо прочих, Платона, Аристотеля, аль-Фараби и Авиценны), Ибн Баджа дает обзор мистической мысли, отстаивая утверждение о том, что путь человечества к совершенству проходит параллельно совершенствованию разума, и что конечная цель заключена в достижении уровня чистого интеллекта.

Блестящая столица Севилья, где правитель Альмохадов Абу Якуб Юсуф окружил себя учеными и мыслителями, также притягивала Абу Туфайля (ум. в 1184 г.), философские идеи которого собраны в «Повести о Хайе ибн Якзане», работе, которая была широко распространена в средние века. Этот труд, известный благодаря переводу на латинский язык в 1672 г. под названием «Философ-самоучка», рассказывает историю ребенка, брошенного на пустынном острове, и аллегорически повествует о Разуме, который будучи движимым одним только Стремлением, овладел наиболее возвышенным Знанием. В свое время внимание к этой работе Ибн Туфайля было привлечено благодаря определенному сходству с романом Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», написанным в начале XVIII в.

Ибн Рушд (ум. в 1198 г.), величайший арабский философ, родился в Кордове в знатной семье, принадлежащей к династии прославленных правоведов. В Кордове он получил образование и позднее отправился в Магриб, где был представлен Ибн Туфайлем халифу Абу Якубу аль-Мансуру. Ибн Рушд пользовался благосклонностью халифа, получив должность великого кади (судьи) Севильи и Кордовы, до тех пор, пока примирение аль-Мансура с маликидскими кругами не привело в 1195 г. к опале философа: его труды были сожжены, а сам он сослан в небольшое поселение под

Кордовой. Хотя вскоре преемник Абу Якуба халиф Абу Юсуф и вернул Ибн Рушда к своему двору и восстановил его во всех правах, но прожил он после этого недолго и скоропостижно скончался в Марракеше. Большинство из его 46 книг посвящены философии и медицине, хотя он писал труды и по богословию, астрономии и праву. Самой выдающейся работой Ибн Рушда являются его комментарии к учению Аристотеля, которые, будучи частично переведены на латынь в начале XIII в. Майклом Скотом, попали на гуманитарный факультет в Париже, положив начало так называемому «латинскому аверроизму», и вызывали горячие споры в университетах, возникавших тогда в Европе. Вряд ли стоит отмечать значение комментариев Ибн Рушда в деле доведения до Запада учения Аристотеля. Уже только по этой причине данный труд может считаться выдающимся памятником истории развития научной мысли (илл. 127).

Маймонид, о врачебной деятельности которого уже упоминалось, был современником Ибн Рушда. В 1148 г. преследование евреев, начатое Альмохадами, вынудило его бежать из Кордовы и обосноваться в Египте. Наиболее выдающейся его философской и богословской работой является «Далалат аль-хайрин» («Путеводитель колеблющихся»), в котором он пытается примирить библейское откровение и арабский аристотелизм (илл. 76). Как отмечает Буркхардт (Burckhardt), этот и другие труды Маймонида играют такую же роль для иудаизма, как труды св. Фомы Аквинского для католического христианства, поскольку встраивают греческую философию в том виде, в каком она была представлена и развита арабами, в структуру иудейской веры.

Ибн Тумлус из г. Альсира, ученик Ибн Рушда, занявший после учителя место придворного врача Альмохадов, являлся автором «Введения в искусство логики».

Ибн Тумлус не дожидаясь завоевания своей земли каталонно-арагонской армией, в отличие от других литераторов и ученых. Победа при Лас-Навас-де-Толоса и взятие городов в долине р. Гвадалквивир заставили многих интеллектуалов перебраться в Северную Африку и на Восток. Как сказал Ибн Хальдун век спустя, когда упадок захлестнул исламские столицы, «ковер науки был свернут со всем, что лежало на нем... для перенесения в другие великие исламские города». Но перед тем как это в конечном итоге произошло, исламская культура пережила последний миг величия, и произошло это на самом юго-востоке Пиренейского п-ова в королевстве Насридов в Гранаде.

Несмотря на христианское завоевание – полное в случае Сицилии и не до конца завершённое в Андалусии, – мусульманское влияние на обеих территориях было слишком заметным, чтобы не остался его отпечаток на культуре столетия. В истории науки и духовной мысли существовал один из наиболее решающих моментов: благодаря переводам арабских трудов на латынь и иврит большая часть знаний античности, а также науки, развившейся в исламском мире, стала известна в Западной Европе, обогатив интеллектуальную жизнь университетов, возникавших в таких городах, как Париж, Болонья и Монпелье.

В самом деле, многие европейские ученые приезжали в христианские королевства на Пиренейском п-ове, где можно было найти большое число арабских рукописей, а кроме того и людей, способных выполнить перевод таких текстов – мосарабов или евреев со знанием арабского языка. Толедо, называемый «городом трех религий», занимал выдающееся место в этом процессе передачи знаний. Хотя там отсутствовала «школа» как таковая, в смысле централизованной и тщательно планируемой программы деятельности, бесспорно то, что почти все интеллектуалы, работавшие на п-ове (независимо от того, где – в Барселоне, Леоне, Тарасоне или Толедо), переписывались друг с другом и обменивались мнениями и методиками; некоторые даже вели преподавание в Толедо и размышляли над организацией систематизированного

процесса передачи знания. Таким образом, Толедо не был просто пристанищем для переводчиков, а служил одним из наиболее оживленных и плодотворных центров интеллектуальной деятельности в Европе XII в. (илл. 78, 79).

Имена некоторых людей, способствовавших передаче научных знаний, известны: Платон Тиволийский, который в Барселоне в сотрудничестве с неким евреем перевел книгу Ибн аль-Сафара по применению астролябии; Герман (Hermann) Каринтийский, о котором известно, что он трудился в Леоне и в долине Эбро и другие. Однако наиболее выдающейся фигурой в первой половине XII в. был загадочный «Иоанн Севильский» (его настоящее имя до сих пор вызывает споры), который перевел на латынь большое число арабских научных трактатов.

Во второй половине столетия замечательно проявил себя Жерар (Gerard) Кременский (1114–1187 гг.), предпринявший специальную поездку в Толедо, поскольку только там он мог получить доступ к труду Птолемея «Альмагест». Изучив арабский, Жерар выполнил титанический труд, переведя 70 работ по философии («Аналитику» Аристотеля, труды аль-Фараби, аль-Кинди), математике (Евклида, Хорезми), астрономии (аль-Фаргани, Ибн Курры) и медицине (Галена, ар-Рази, Авиценны и Абу-ль-Касима). Таким образом, согласно Верне (Vernet, 1978), ко времени смерти Жерара Кременского большая часть восточных научных достижений или античных научных трудов (через восточные тексты) была переведена на латинский язык.

Деятельность переводчиков в Толедо продолжилась и в XIII в. Еще до утверждения на Сицилии власти Фридриха II Штауфена шотландец Майкл Скот (ум. ок. 1235 г.) посетил Толедо, где, помимо прочего, перевел работу Аристотеля по зоологии. Ему также приписывают перевод комментариев Ибн Рушда к этой работе великого греческого философа. Следует также вспомнить труды Германа Германского, переведшего часть философских трудов Авиценны, аль-Фараби и Ибн Рушда.

Несомненный расцвет толедской школы переводчиков наблюдается во время правления Альфонса X Мудрого (1226–1288 гг.). Этот кастильский монарх, слышавший серьезным покровителем наук, заказал перевод большого количества работ научного и литературного характера с арабского на кастильский язык. В большинстве случаев эти переводы выполнялись евреями, знавшими арабский и романские языки, такими как члены знатного семейства Тиббон. Наиболее известным из членов этой семьи был Профейт (Profeit) Тиббон (ум. в 1305 г.).

Король Кастилии проявлял большой интерес к работам в области астрономии и астрологии, и поэтому Толедо в XI в., как было показано ранее, являлась столицей андалусской астрономии. Именно в Толедо в 1272 г. двумя евреями были составлены так называемые «Альфонсийские таблицы», которые стали астрономическими таблицами, наиболее часто используемыми в Западной Европе.

Если XIII в. стал пиком в процессе передачи знаний из мусульманского мира в мир христианства, то можно сказать, что этим он во многом обязан важным успехам, достигнутым при дворе Альфонса X; эти успехи, в свою очередь, были подготовлены тем, что происходило на Сицилии при Фридрихе II Штауфене в первой половине этого столетия. Поэтому целесообразно рассмотреть ситуацию на этом средиземноморском острове после занятия его норманнами.

Как уже отмечалось, норманнское завоевание, несомненно, сильно подорвало богатую культурную жизнь Сицилии при Кальбидах: после бегства многих правоведов и поэтов в Египет, в Магриб и Андалусию некоторые науки и литературные жанры, бывшие в течение значительного времени традиционными для этого острова, перестали культивироваться там. Но это затронуло главным образом представителей интеллектуальной элиты. Большинство простого мусульманского населения осталось на Сицилии, а традиционное исламское учение по-прежнему препода-

валось во многих уцелевших мечетях. Понятно, что решающим фактором, способствовавшим развитию взаимоотношений между христианами и мусульманами, являлась политическая терпимость, проявлявшаяся представителями Отевилльской (*Hauteville*) династией. Во время правления Рожера II (1130–1154 гг.) эта политика принесла свои первые плоды: сам монарх и некоторые его придворные знали арабский язык, а Палермо сделался центром притяжения для многих мусульманских ученых, чье присутствие там в некоторой степени сгладило последствия эмиграции многих мыслителей, вызванной завоеванием.

Наиболее ярким примером может служить работа, проведенная при дворе Рожера II ученым Идриси (ум. в 1166 г.), крупным исламским географом, который довел до совершенства жанр «путевых заметок», разработанный еще в XI в. в Андалусии. Идриси родился в Сеуте, учился в Кордове и много путешествовал по различным восточным и западным странам, после чего поселился в Палермо. Здесь в 1154 г. по поручению и под покровительством норманнского монарха он создал карту мира, явившуюся выдающимся достижением исламской картографии. Для ее пояснения Идриси собирал информацию от путешественников, купцов, паломников и послов, которую позднее использовал для написания своего большого и ценного географического труда (наиболее обширного из подобных, написанных на арабском языке), который вскоре стал известен как «Книга Рожера», поскольку был посвящен королю Сицилии (илл. 123).

Однако Идриси был не единственный мусульманский специалист, трудившийся в Палермо: там работал также астроном Ибн Абд аль-Муним, а такие поэты, как аль-Бухтури или Ибн Башрун, прославляли короля Рожера в своих одах.

Ибн Джубайр, андалусский путешественник, живший некоторое время на Сицилии в конце XII в. (1184–1185 гг.), оставил живое описание островного общества и атмосферы при норманнском дворе. Ибн Джубайр имел возможность наблюдать, как христиане и мусульмане проживали бок о бок, и видел много сохранившихся мечетей, где верующие могли беспрепятственно совершать свои обряды. Но больше всего путешественника удивила мусульманская атмосфера, которая преобладала при дворе Уильяма II (1166–1189 гг.). Король, который мог говорить и писать по-арабски, окружил себя арабскими советниками (визирями и камергерами, подчинявшимися *каиду*), которые являлись официальными лицами и имели статус придворных. При короле находились мусульманские врачи и астрологи, имелась королевская мастерская, где работали мастера-мусульмане, изготовлявшие роскошную парчу исламского типа (вероятно, разновидность исламской ткани *тираз*).

Достоинным подражателем Рожера II в его интересе к арабской исламской цивилизации был Фридрих II Штауфен (1197–1250 гг.) из Швабской династии. Как и Рожер II, Фридрих проявил себя правителем, способным собрать вокруг себя выдающихся христианских, исламских и иудейских ученых, превратившим свои итальянские владения в блестящий культурный центр. С этой точки зрения Фридрих II был достойным предшественником Альфонса X Мудрого (Кастильского). Под его покровительством сицилийский двор играл ту же роль, что предстояло сыграть Толедо в период правления короля Альфонса, т.е. служил своеобразным каналом для обмена культурными ценностями между Востоком и Западом. Точно так же не напрасно обосновался на Сицилии и Майкл Скот после своего плодотворного пребывания в Толедо, так как именно отсюда он внес большой вклад в распространение идей Аристотеля, прошедших через арабо-исламское осмысление Авиценной и Аверроэсом. Скот также написал работы по астрологии и алхимии, посвященные императору. После его смерти это место занял Теодор Антиохский, настоящий посредник между Сицилией и арабской культурой – как ближневосточной, так и магрибской.

Несмотря на наличие уже очевидного и блестящего наследия арабо-мусульманской культуры при дворе

Манфреда, правителя Сицилии в 1258–1266 гг., переводы арабских текстов по астрологии, астрономии и математике продолжались выполняться при нем как на самом острове, так и в мусульманской колонии Лучера. Эта территория Апулии продолжала принимать послов из Египта от мамлюков и оставалась активным центром исламской культуры в Италии до своего падения в 1300 г. (илл. 72, 73, 213).

Конец андалусского ислама: королевство Насридов в Гранаде (1246–1492 гг.)

Ранее упоминалось, что Мухаммед ибн Наср основал в Гранаде небольшое королевство, вскоре расширенное присоединением средиземноморских городов Малаги и Альмерии. Благодаря так называемому Хаэнскому пакту (1246 г.) Мухаммед получил статус вассала св. Фернандо III Кастильского, и эта зависимость от могущественного северного соседа стала определяющей чертой политической жизни султаната в следующие два с половиной столетия. Однако очень скоро это, безусловно, значимое влияние стало перемижаться с влиянием Бану-Марина из Магриба: в третий раз в испанской истории северо-африканская империя пыталась вмешаться в дела Андалусии.

Поддав отдельные очаги мятежа, династия Насридов во второй половине XIII в. смогла укрепить власть, но первая половина следующего столетия охарактеризовалась борьбой за Гибралтар, так называемой «Войной за Пролив». Фактически, как только этот путь в Атлантику стал доступен, за контроль над Гибралтаром начали сталкиваться разные коммерческие интересы: в наибольшей степени в проливе была заинтересована Генуя, но от нее не отставали и ее торговые соперники – Каталония и Мальорка. Таким образом, борьба за главенство в проливе очень скоро переросла в борьбу международного уровня, приведя к конфликту между Кастилией, Каталонией, Генуей, Мальоркой и новой династией Маринидов, захватившей власть в западном Магрибе. Маленькому султанату в Гранаде требовалось проявить высокий уровень дипломатического такта и политического благоразумия, чтобы не упустить свои интересы при таком количестве заинтересованных сторон. После жестокого сражения за Гибралтар при Эль-Саладо (1340 г.), окончившегося поражением правителя Маринидов Абу-ль-Хасана и захватом г. Альхесира кастильцами (1344 г.), Гранада, тем не менее, во второй половине XIV в. достигла высот своего политического и культурного развития.

При эмирах Юсуфе I (1333–1354 гг.) и Мухаммеде V (1354–1391 гг.) были созданы прекрасные дворцы и здания комплекса Альгамбра в Гранаде, построено медресе Юсуфа, а все города Насридов были заново украшены (илл. 198). Но ситуация в Гранаде кардинально изменилась в течение неблагоприятного XV в., ставшего кануном окончательной катастрофы: бесконечные гражданские войны в самом султанате способствовали усилению давления Кастилии, которое начало принимать формы учащающихся военных столкновений на границе, постепенно перешедших в захват крепостей. Во время правления Абу-ль-Хасана (1464–1485 гг.) процесс политического распада насридской Гранады вступил в конечную фазу. Тем не менее, в 1465 г. «Гранада с ее комплексом Альгамбра была одним из наиболее величественных и красивейших городов исламского мира» – так было написано одним из последних восточных путешественников, посетившим город незадолго до его падения.

Целенаправленный и систематический захват султаната начался в 1482 г.: католические монархи постепенно завоевывали окраинные районы (Малага, Альмерия) до тех пор, пока не занятой осталась одна столица. 2 января 1492 г. капитуляция султана Абу Абд Аллаха («Боабдил» в кастильских текстах) положила конец последнему оплоту ислама на землях Пиренейского п-ова.

С точки зрения культуры и по очевидным историческим причинам крошечный султанат Гранады был открыт большинству разнородных влияний, особенно исходящих из соседней Кастилии, но также и из более отдаленных мест. Не следует забывать, что с окончанием «Войны за Пролив» все гавани между Валенсией и Лиссабоном (а, следовательно, и насридские порты) стали важными остановочными пунктами на Атлантическом морском пути. Таким образом, каталонские, мальоркские, венецианские и другие купцы вели дела во многих торговых центрах султаната, а в отдельных случаях имели постоянные консульства в Малаге, Альмерии и в самой столице. Помимо всего, генуэзские купцы селились на земле Насридов в таком количестве и с таким упорством, что в XV в. проникновение сюда Генуи достигло уровня, сравнимого с колониальным господством. Такие семьи, как Спинола, Дория, Пенгуриони и Вивальди богатели на контроле за вывозом знаменитого гранадского шелка (достаточно качественного, чтобы он мог конкурировать с восточными шелками), сахара и сушеных фруктов.

Естественно, интеллектуальный престиж, унаследованный королевством Гранады, наиболее полно ощущался в Магрибе. Значительные изменения, произошедшие во внешнем облике и социальной структуре Ифрикии при Хафсидах, в большой степени явились результатом контактов с государством Насридов (*M. Talbi*), а влияние Гранады внесло решающий вклад в политическое оформление султаната Тлемсен при Зайянидах, один из наиболее важных правителей которого воспитывался на культуре Насридов и окружил себя андалусскими помощниками. Но наибольшее влияние просматривается в контактах самого разного рода (политических, военных, общественных, хозяйственных, культурных и научных), сложившихся у Гранады с Марокко при Маринидах: учителя из Марокко преподавали в медресе Гранады, а интеллектуалы из государства Насридов (среди других – Ибн аль-Хатиб) ездили учиться в Фес.

В султанате развивались науки, особенно медицина, которая выдержала серьезную проверку в 1348 г. во время эпидемии «черной смерти» (чумы), по итогам борьбы с которой три прославленных врача – Ибн аль-Хатиб, аль-Сакури и Ибн Хатим написали серьезные научные трактаты.

В области поэзии выдающейся фигурой являлся Ибн Замрак (1333–1393 гг.), автор многочисленных *касидов*, эпиграмм, стихов-экспромтов и *мувашиахисов*. Главная особенность его поэтического наследия (как и Ибн аль-

Джайяба, «поэта Альгамбры») состоит в том, что он сочинил почти все те поэмы, которые украшают стены, фонтаны и ниши Альгамбры. Отлично сказал Гарсия Гомес, что «Ибн Замрак, вероятно, единственный в мире поэт, чьи произведения были изданы с такой роскошью».

Но в области интеллектуальных творений здесь определенно доминирует фигура великого ученого-энциклопедиста Ибн аль-Хатиба (1313–1375 гг.). Историк, поэт, автор работ по медицине и трактатов на мистическо-философские темы, этот автор жил в период наибольшего расцвета султаната Насридов во второй половине XIV в. и был, несомненно, самой мощной интеллектуальной личностью в период заката андалусского ислама. Основными его работами являются «*Ихата фи Тарик Гарната*», прекрасное описание города и, помимо этого, полный свод биографических данных самых известных в городе людей, а также «*Ламха аль-бадрийя*», сборник биографических очерков о правителях Насридов. Эти труды составляют две монументальные «фрески» – интеллектуальную и политическую, дающие представление о жизни султаната до середины XIV в. Ибн аль-Хатиб, ставший известным западному читателю под такими явно преувеличенными именами, как «Саллюстий (знаменитый римский историк – *Прим. ред.*) королевства Гранады» и «Король арабско-гранадской литературы», он, тем не менее, бесспорно был выдающимся представителем эпохи заката литературы Насридов, характеризуемой Гарсией Гомесом как «истолкование толкований, комментарии и демонстрация эрудированности; многократные повторения в поэзии и прозе художественных приемов, тем и стереотипов прошлого века». Короче говоря, можно считать, что в ней не осталось ничего от той самобытности и интеллектуальной жизни, какой славилась Андалусия два века ранее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- GARCÍA GÓMEZ, G. E. 1971. *Poemas arábigoandaluces*. Espasa Calpe. Madrid.
- GUICHARD, p. 1977. *Structures sociales 'orientales' et 'occidentales' dans l'Espagne musulmane*. Paris.
- LÉVI-PROVENÇAL, E. 1950. *Histoire de l'Espagne Musulmane*, 3 vols. Paris.
- RIZZITANO, U. 1975. *Storia e cultura nella Sicilia saracena*. Palermo.
- VERNET, J. 1978. *La cultura hispano-árabe en oriente y occidente*. Barcelona.

IV. Азиатский мир

ВВЕДЕНИЕ

Ирфан Хабиб

Если поставить задачу идентифицировать основные цивилизации азиатского континента, относящиеся к IV части настоящего тома, то можно с уверенностью обозначить три таковых, существовавших в начале рассматриваемого нами периода (ок. 600 г. н.э.), – китайскую, индийскую и иранскую. Последняя оказалась под мощным воздействием извне, начиная с VII в.: арабские завоевания делают арабский язык на последующие два столетия практически единственным литературным языком в регионе. Именно через арабский язык иранцы внесли свой неограниченный вклад в изучение ислама, а также в науки, унаследованные из эллинистических источников. Разговорный иранский язык претерпел колоссальные изменения в основном благодаря многочисленным заимствованиям из арабского языка. В то же время миграция тюркских народов начиная с VI в. вызвала медленный, но стабильный процесс, в результате которого иранские диалекты, такие как согдийский и хорезмский, вытесняются новообразованиями молодого тюркского языка. Персидский в качестве разговорного языка выходит из употребления в большей части Центральной Азии к концу рассматриваемого периода.

Однако если в течение первых двух столетий или чуть более иранская цивилизация почти исчезает, то уже в X в. начинается процесс возрождения персидской культуры и языка, набирающий силу век за веком. И уже совсем скоро персидский язык в своем возрожденном виде становится литературным языком всего восточного исламского мира, включая и его тюркскую часть, а начиная с XI в. под влиянием персидского языка и культуры все больше попадает и Индия.

Со становлением Делийского султаната (1206–1526 гг.) начинается значительное проникновение в Индию и ислама, и персидского языка и культуры, которые оказывают в этот период глубокое воздействие на всю индийскую цивилизацию. Это воздействие наглядно проявляется в технологической сфере, в частности, в появлении здесь бумаги, прядильных станков, введении арочной архитектуры. Индия приобщается и к великим центрам исламского просвещения и персидской литературы, а их взаимодействие с классической индийской традицией приводит здесь к подлинному расцвету культуры, полностью затмившему отблески пожарищ и разрушений, вызванных иностранными вторжениями и периодами оккупации.

Китайская цивилизация была, возможно, в наименьшей степени затронута внешними факторами, несмотря на длительное монгольское владычество (1211–1276 гг.), кульминацией которого стало правление династии Юань (1271–1368 гг.). Из Индии в Китай пришел буддизм, и на VII и VIII вв. приходится, возможно, пик паломничества китайцев в Индию для овладения учением буддизма и последующей передачи его и письменных источников своим

правителям. Однако магистральное развитие китайской цивилизации опиралось на внутренние духовные источники и процессы. На рассматриваемый нами период приходятся моменты ее наивысшего триумфа в самых разных сферах. Китай дарит внешнему миру некоторые из своих величайших изобретений – бумагу, прялку, магнитный компас, книгопечатание, порох и многие другие. А походы флота империи Мин под предводительством Чжэн Хэ (предпринятые в период 1405–1433 гг.) в район Юго-Восточной Азии и в восточно-африканские порты Индийского океана были по любым меркам исключительно смелым предприятием. За всем этим стоял расцвет ремесел и торговли в Китае, о которых Марко Поло (1254–1324 гг.) лишь немного поведал миру за сто с небольшим лет до этого.

В рассматриваемый нами период кочевой образ жизни оказал огромное влияние на ход мировой истории. Ибн Хальдун (1332–1406 гг.), арабский историк и социолог, считавший отношения между кочевыми племенами и оседлыми обществами одной из основных проблем исторической науки, как никто другой является выразителем духа рассматриваемого периода.

Сведения о гуннах, относящиеся к более раннему периоду, теряются в глубине веков, хотя один важный след в истории они оставили, пройдясь огнем и мечом по огромным пространствам на всем протяжении от Латинского Запада до Индии. Тюрки, с другой стороны, гораздо лучше позаботились об освещении своего прошлого. Они оказались самыми успешными кочевниками в истории, начав свою экспансию в VI в. от границ своей исторической родины – пустыни Гоби в Китае и Монголии. По мере того как они всё дальше продвигали границы своей империи (в VI и VII вв.), достигшей поначалу огромных размеров, но оказавшейся на деле весьма непрочной, они завоевывали и безлюдные степи, и зоны активного земледелия. Таким образом, уже в самые ранние периоды бок о бок с кочевниками оказывались оседлые представители тюркских народов (или, по крайней мере, тюркоязычных). Тюркская экспансия продолжилась еще большими темпами при Сельджуках в XI и XII вв., а также в ходе нашествия монгольских орд в XIII и XIV вв. И лишь в конце рассматриваемого периода тюркская речь утвердилась в границах, в которых она звучит и по сей день, – от Малой Азии и Волги до Синьцзяна и Киргизии.

Самой великой империей кочевников стала монгольская, основанная Чингисханом (правил в 1206–1227 гг.). Она единственная приблизилась к статусу мировой, и в этой связи весьма нелегко дать однозначную оценку ее роли. С одной стороны, мы видим колоссальные разрушения и бесчисленные жертвы, которые монгольское войско оставляло после себя на завоеванных землях; с другой

стороны, нельзя не отметить роль монгольских правителей в развитии торговли и ремесел, о чем писал еще В. Бартольд (*V. Barthold*). По мере того как представители разных цивилизаций начинали сотрудничать с новыми правителями и служить им в разных частях этой огромной империи, взаимное обогащение различных культур неизбежно ускорялось. Так, например, в Пекине были построены исламские обсерватории, а в Иране были выпущены «бумажные» деньги по китайскому образцу. И вообще считается, что именно монголы сделали возможным распространение в западном направлении ряда изобретений, среди них не в последнюю очередь – книгопечатания и пороха.

Узкие рамки этих вступительных замечок позволяют лишь кратко коснуться событий, затрагивающих столь обширные пространства. Следует однако отметить, что культурный вклад в историю редко находится в пропорциональной зависимости от размеров той или иной страны. Например, в развитии книгопечатания не последнюю роль сыграла Корея; а царства Юго-Восточной Азии, использовавшие санскрит, как известно, раньше континентальной Индии взяли на вооружение десятичные дроби и ноль. Такие факты должны служить нам напоминанием о том, что все народы Земли внесли свой неповторимый вклад в развитие человеческой цивилизации.

ИРАН

Сейед Хоссейн Наср

Период между 600 и 1600 г. почти полностью совпадает с первым тысячелетием истории ислама, а также и с исламским периодом в истории Ирана¹. Персидская империя, простиравшаяся от Ирака до границ Китая, в которой в начале VII в. правила династия Сасанидов, пала после разгрома ее войск арабами в сражениях при Кадисии (637 г.) и Нехавенде (642 г.), что подготовило почву для распространения ислама на этих территориях. Процесс обращения Ирана в ислам, отнюдь не скоротечный и не всегда насильственный, занял несколько веков,² в течение которых культура доисламской Персии претерпела заметные изменения и в свою очередь внесла присущий ей колорит в персидскую культуру исламского периода (илл. 190, а; 191, б). Вместе с тем, по мере внедрения идей Корана в интеллектуальную и культурную среду Персии, за исключением обрядовой и судебной сфер, происходил также и обратный процесс, который некоторыми исследователями был охарактеризован как проникновение персидской традиции («персианизация») в исламскую мысль и культуру (Frye, 1976). Как бы то ни было, сформировалась иранская, или персидская зона внутри необъятной исламской цивилизации, которая явным образом отличалась от арабской и центром которой являлся Иран, но которая вместе с тем оказывала влияние на всю Центральную Азию, а позднее на Индостан и даже на Западный Китай (карта 17).

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культурная и интеллектуальная жизнь в последние годы правления Сасанидов, накануне появления ислама, уже затрагивалась другими авторами в III томе настоящего издания (например, в главе Филиппа Жинью – гл. 8, параграф 8.3. – *Прим. ред.*), и поэтому мы не будем касаться ее здесь. Возникновение ислама на исторической арене привело к созданию крупной мировой цивилизации, в которой Иран оставался в течение веков одним из главных центров. Персы не только приняли откровения Корана, но и в значительной мере были причастны к выработке исламского мировоззрения, основанного на Коране и хадисах (преданиях о поступках и изречениях Мухаммеда), и были среди первых их собирателей. Наиболее известное собрание хадисов в суннитском мире принадлежало Бухари (Мухаммед ибн Исмаил аль-Бухари, 810–870 гг. – *Прим. ред.*) и находилось в г. Бухаре, который был крупнейшим центром персидской культуры в ранние периоды исламской истории. Персы были также первыми толкователями Корана, достаточно назвать такие имена, как Байдави, Замахшари и Табари. Персидские мыслители причастны также к разработке исламской космологии, богословия, правопедения, философии,

мистицизма и многих других дисциплин и направлений, которые рисовали общую картину мира, интеллектуальную основу, а также социальные и этические нормы как для самих персов, так и для других мусульман.

Этот ранний период исламской истории Ирана был также отмечен крупным вкладом персов, в частности, двух их представителей – Сибуйеха (*Sibūyeh*) и Ибн Мукаффы, в разработку арабской грамматики и в развитие арабской прозы (илл. 210).

Но самым важным достижением персидской культуры в области лингвистики в период с IX по X в. является создание персидского языка на базе языков пехлеви, дари и словарных заимствований из Корана. В результате этого синтета родился язык, который после арабского стал наиболее употребительным языком исламской цивилизации, на котором и сегодня говорят иранцы, афганцы и таджики и который понимали многие поколения турок, индийцев и даже китайских мусульман (см. подраздел 17.3) (илл. 109, 112).

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИРАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

При Сасанидах персидское общество было строго иерархичным, и в нем верховная власть принадлежала двум группам зороастрийских жрецов – мубади (*mūbads*) и военно-политической верхушке. При этом персидский царь совмещал в одном лице функции правителя и религиозного вождя. Единство общества основывалось на религиозном учении иранского происхождения, при этом этническая структура общества была весьма однородной. Со временем, однако, социальное расслоение общества достигло таких масштабов, что явилось одной из причин народных волнений на религиозной почве, предводителями которых были Мани и Маздак. В конце правления Сасанидов персы уже мечтали о приходе мессии и многие из них искренне полностью уходили в ислам, обещавший равенство всех мусульман перед Богом, в надежде уйти от проблем, связанных с вопиющим социальным неравенством.

Обращение в ислам народов, проживавших на Иранском нагорье, было, однако делом постепенным, и еще спустя 300 лет после падения династии Сасанидов в Иране продолжали существовать довольно крупные зороастрийские общины, и даже манихейство дожило до раннего исламского периода. С началом процесса исламизации старая классовая структура общества начала меняться по мере того, как ислам постепенно распространялся из городов в сельскую местность. Происходила также весьма значительная миграция арабов в Иран, и многие персы стали называться мавали (*mawālī*) – неарабами, оказавшимися в окружении арабских племен под властью

Карта 17. Иран и соседние территории

арабов из династии Омейядов (661–750 гг.). Это вызвало серьезное недовольство персов, считавших себя в культурном отношении гораздо выше арабских завоевателей. И поэтому, наряду с обращением большинства персов в ислам, в их среде росли антиарабские настроения. Некоторые религиозные движения, такие как движение Бабека (Бабек-э-Хуррам Дин), в IX в. стали выразителями религиозных чаяний иранцев, стремившихся к освобождению от арабского господства. Но, не сумев пустить глубокие корни, они достаточно быстро исчезли.

Более долгосрочные последствия имело настоящее восстание персов в Хорасане под руководством харизматического религиозного лидера Абу Муслима, выступившего под знаменами ислама и семьи Пророка Мухаммеда против Омейядов, которые видели будущее ислама в основном как религии для арабов. В результате этого восстания династия Омейядов была сброшена, и к власти пришли Аббасиды, построившие свою столицу Багдад рядом со старой столицей Сасанидов Ктесифон. Следствием этой победы стало не только усиление влияния персов в аббасидской верхушке, где большая часть бюрократических структур была построена по модели Сасанидов (это копирование мы видим также и у Омейядов), но и гораздо большая местная автономия внутри самого Ирана, что привело в IX и X вв. к образованию независимых местных иранских династий, таких как Сафариды, Саманиды и Буиды.

В то же самое время, в контексте общего противостояния арабского и персидского элементов в халифате, получило развитие движение *шубуийа* (*shu' ubiyya*), открыто выступившее в защиту персидской культуры и выразившее неприятие арабского господства над персидским обществом. Все это происходило не только в условиях, когда визирями в Аббасидском халифате были персы, также как и большинство высших чиновников в центре, но и в ситуации, когда персы вносили поистине фундаментальный вклад в формирование государственных институтов, развитие религиозной мысли, искусств, науки и других важнейших аспектов новой исламской цивилизации.

В X и XI вв. тюркские племена, пришедшие на юг из района Аральского моря, завоевали значительную часть северных территорий Ирана и прочно ассимилировали их в этническом отношении. Постепенно они приобрели и политическое влияние на правящие династии Газневидов – в X в. и Сельджуков – в XI и XII вв. Последние – стойкие сунниты, в отличие от некоторых более ранних династий, имевших прошиитские настроения или бывших формально шиитскими, полностью поддержали Аббасидский халифат, но в культурном отношении были полностью «персианизированы». Многие правители Сельджуков были истинными покровителями персидской литературы.

Миграция тюркских племен постепенно привела их на территорию нынешнего Западного Ирана. Оттуда они пробили себе дорогу в Анатолию, полностью заселили этот регион и установили здесь османское правление, которое в XIV в. привело к образованию Османской империи.

В самом Иране это крупное событие изменило жизнь на территории Азербайджана, где до сих пор люди говорят на азари, который относится к огузской группе тюркских языков, но при этом используют и персидский, однако исключительно для литературных целей. В результате этой миграции на территории Ирана оказались некоторые тюркские племена, например, кашкайцы, которым суждено было сыграть важную роль в дальнейшей истории Ирана, и которые выжили до наших дней. Тюркская миграция в Иран стала вторым по счету проникновением на его территорию иноземных сил в течение нескольких веков (первыми были арабы). Но и из первого, и из второго нашествия персидская культура сумела воспринять новые элементы, что придавало обществу новую энергию.

Однако самое разрушительное и ужасное вторжение Ирану еще только предстояло пережить. В XIII в. монголь-

ские орды обрушились на Трансоксанию, затем захватили Хорасан, а затем уже и весь Иран, оставив лежать в руинах некоторые из его величайших городов, такие как Нишапур, и уничтожив большую часть оросительных систем и сельскохозяйственной инфраструктуры. В результате этого опустошения погибли миллионы людей и были уничтожены многие важные институты общества.

Несмотря на катастрофические последствия этого вторжения для экономики и общественного устройства, интеллектуальная жизнь в государстве продолжала теплиться. В полной мере она возродилась в XIII и XIV вв. в значительной степени благодаря дальновидности персидского астронома и философа Насира аль-дина Туси, который сумел завоевать доверие монгольского правителя Хулагу-хана, терпимо относившегося к учению, и, таким образом, смог спасти часть школ и библиотек, а также сохранить жизнь целому ряду ученых (илл. 12, 139).

Интересно отметить, однако, что Хулагу-хан со своим войском дошел до Багдада и казнил последнего Аббасидского халифа Мустасима – символ политического единства ислама, но внук Хулагу Ульджаитгу принял ислам под именем султана Мухаммеда Худабандеха. Монголы, исповедовавшие буддизм и шаманизм, очень скоро были поглощены исламским миром. Более того, благодаря их господству в Китае и созданным ими каналам обмена между Ираном и Китаем, они в значительной мере способствовали возрождению искусств, особенно живописи, которая достигла вершин совершенства при Тимуридах, преемниках Тимура (Тамерлана), многие из которых были ценителями и покровителями искусств и наук (илл. 186, 218).

В социальном и политическом планах опустошение, вызванное нашествием монголов и последовавшим за ним завоеванием Ирана Тамерланом в конце XIV в., привело к длительному периоду разброда, когда моменты относительного благополучия и спокойствия в провинциях сменялись периодами беспорядков и крутых перемен. В это же время, отчасти из-за падения суннитского халифата, а, с другой стороны, благодаря деятельности суфийских общин, которые выполняли роль посредников между суннитами и шиитами, последние активно завоевывали позиции в Иране, пока в конце XV в. Сефевидам не удалось, наконец, объединить Иран под знаменами шиизма и создать национальное Иранское государство.

РЕЛИГИЯ, ТЕОЛОГИЯ И СУФФИЗМ (МИСТИЦИЗМ)

Религия

В начале VII в. Иран был в основном в сфере влияния зороастризма, но здесь имелись и последователи манихейства, и остатки тех, кто участвовал в религиозном восстании Маздака. Существовали также заметные христианские общины, не только в таких районах, как Армения, которые находились в сфере влияния Сасанидов, но также и внутри самого Ирана. В районах Хамадана и Исфохана традиционно проживали старейшие еврейские общины. Как уже упоминалось, приход ислама превратил Иран в преимущественно исламское государство, но доисламские меньшинства, за исключением манихейства, продолжали существовать. Последователи зороастризма превратились в меньшинство, а большая часть их потомков на протяжении трех столетий обратилась в ислам. Другая их часть мигрировала в Индию, создав общину парсов, которая и сегодня занимает в этой стране заметное место. Еврейская община не только смогла выжить, но и играла активную роль в медицине, фармакологии, музыке. Христиане, которые поначалу были основными хранителями греко-александрийского наследия, в частности, в медицине, значительнополнили свои ряды во времена Сефевидов, когда при шахе

Аббасе в Иран хлынули армяне, и сформировали общину, прославившуюся развитием ремесел и торговли.

Что касается ислама, то вначале, т.е. с VII по XIII в., Иран был преимущественно суннитским – в отличие от бытующих взглядов. Но уже с самого начала в Иране нашлось место и шиизму. Любовь персов к Али (четвертый «праведный» халиф, двоюродный брат и зять Мухаммеда; объявлен шнитами первым имамом) и к «семье Пророка» (*ахл-аль-байт*) подталкивала многих последователей пророка Мухаммеда искать в Иране убежище от преследования Омейядов и позднее – Аббасидов, и страна и сегодня усеяна мавзолеями членов семьи пророка Мухаммеда, или *имам-заде* (*imām-zādehs*), являющимися местами паломничества и религиозного обожания; самые известные из них в Мешхеде и Куме.

Теология

До монгольского вторжения в XIII в. Иран оставался под влиянием религиозных школ шафии, ханафи и в некоторой степени – ханбали. Здесь были возвращены многочисленные суннитские толкователи Корана, собиратели и исследователи хадисов, доктора права и теологи (*мутакаллиму*). Достаточно просмотреть основные тексты, используемые и поныне суннитскими религиозными университетами (медресе), как, например, университетом аль-Азхар в Каире, чтобы понять вклад персов в развитие классического суннитского наследия. В X и XI вв., когда большая часть Аббасидского халифата была захвачена шиитскими войсками Буидов в Иране, Хамданидов в Сирии, Фатимидов в Египте и на значительных территориях Северной Африки, Хорасан стал оплотом суннизма, и такие люди, как имам аль-Харамайн Джувайни (ум. в 1085 г.) и Абу Хамид Мухаммед аль-Газали (ум. в 1111 г.) сыграли решающую роль в защите интеллектуального наследия суннитского ислама. Газали, персидский теолог, юрист и суфий был, возможно, самым влиятельным ученым суннитом со времени прихода ислама. Даже в более поздние века персы продолжали вносить свой вклад в теологию суннизма, что следует из работ таких духовных авторитетов XIII и XIV вв., как Фахр ад-дин Рази (ум. в 1209 г.), Мир Саид Шариф Джурджани (ум. в 1413 г.), Адуд аль-дин Иджи (ум. в 1355 г.) и Саад аль-дин Тафтазани (ум. в 1380 г.), труды которых до сих пор изучаются в суннитских школах.

Интересно отметить, что центром шиитской теологии также был Иран. Большинство ранних мыслителей исмаилитов, таких как Абу Якуб Сиджистани (ум. в 971 г.), Абу Хатим Рази (ум. в 933 г.), Хамид аль-дин Кирмани (ум. в 1017 г.) и Абу Муин Насир Хосров (ум. ок. 1075 г.), являвшихся, строго говоря, одновременно и теологами и философами, были персами по национальности. Шиитское учение «Двенадцати имамов» также было разработано главным образом в Иране. Авторы четырех позднейших собраний шиитских хадисов – Мухаммед ибн Якуб Кулайни (ум. в 940 г.), Ибн Бабуйех (ум. в 991 г.) и Мухаммед Туси (ум. в 1068 г.) были родом из центральных провинций Ирана и Хорасана, как и весьма плодотворный ранний шиитский теолог Шейх-и Муфид (ум. в 1022 г.). В систематизированном же виде появление шиитской теологии обязано еще одному персу – Хваджаху Насиру аль-дину Туси (ум. в 1273 г.), чей «Катарсис учения» («*Таджрид аль-итикад*») является важнейшей частью шиитской теологии «Двенадцати имамов».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ШИИЗМА

Как уже упоминалось, шиизм школы «Двенадцати имамов» (*ibnā-ashari*) распространился в Иране именно в первые два века после монгольского завоевания как след-

ствие множества религиозных, социальных и политических факторов, включая уничтожение суннитского халифата Аббасидов, переход в ислам наиболее влиятельных преемников Хулагу-хана, которые сконцентрировали в своих руках политическую власть и даже правили в Иране, и распространение некоторых суфийских общин, занимавшихся миссионерской деятельностью и сыгравших определенную роль в распространении шиизма. Но только завоевание и объединение Ирана Сефевидами, которым помогали кызылбаши (тюрк. – красноголовые, объединение тюркских кочевых племен в Иране, составлявших главную военную силу Сефевидов. – Прим. ред.) сделало возможным превращение Ирана в подлинно шиитское государство, каким оно является сегодня, и открыло длительный период процветания шиитской теологии и мысли в целом (*Nasr*, 1991: pp. 395 ff.).

СУФИЗМ

Суфизм представляет собой эзотерическое учение ислама и берет свое начало в мистическом, понятном только для посвященных содержании Корана, а также в духовном учении и аскетической практике пророка Мухаммеда. Его можно также назвать исламским мистицизмом, если этот термин понимать в его первоначальном значении божественной тайны. Суфии прибегали в более поздние времена к множеству языков для выражения своих идей, а также использовали символизм, почерпнутый из большого числа источников, от неоплатонизма и христианства до зороастризма, индуизма и буддизма. Собственные внутренние идеи и практика суфизма, однако, коренятся не в этих источниках, а в откровениях самого ислама. Именно универсальный характер учений суфизма как высшего откровения, совершенство которого наделяет его поразительной способностью гармонично соединять в себе различные составные части, позволил ему использовать такое множество символов и форм для самовыражения, основанного на доктрине единства высшей реальности (*аль-тавхид*) и на поиске путей достижения этого единства и слияния с ним.

Свое начало суфизм берет от сподвижников пророка Мухаммеда, особенно Али ибн Аби Талиба, который приобщил к суфизму Хасана аль-Басри (ум. в 728 г.), считающегося ныне одним из самых ранних его патриархов, который в свою очередь распространил учение в VIII в. на весь Ирак и позднее на Хорасан. В IX в. багдадская и хорасанская школы получили широкую известность и подчеркивали каждая свой неповторимый тип суфийской духовности. Интересно отметить, что многие из самых блестящих последователей багдадской школы, например, Абу-ль-Касим Джунайд (902 г.), были персидского происхождения, а такие известные представители хорасанской школы, как Ибрагим Адхам (ум. в 776 или в 790 г.), Баязид Бастами (ум. в 874 г.), Хаким Тирмидхи (ум. ок. 932 г.) и Абуль-Хасан Харракини (ум. в 1034 г.) все были персами. Небезынтересно также, что выдающиеся труды по суфизму, написанные арабами и на арабском языке, появились на гораздо более поздних этапах истории ислама, а в ранние века, с VIII по XII, большинство писавших о суфизме, в том числе по-арабски, были персами. В подтверждение этого достаточно вспомнить раннюю классику суфийской этики: сочинение «Воспитание сердец» («*Кут аль-кулуб*»), написанное Абу Талибом аль-Макки (ум. в 996 г.), «Трактат об озарении» («*Китаб аль-лума*») Абу Насра аль-Сарраджа (ум. в 988 г.), «Трактат Кушайри» («*Рисалат аль-кушайрийя*») имама Абу-ль-Касима аль-Кушайри (ум. в 1074 г.) и «Вводную книгу» («*Китаб аль-та арруф*»), написанную Калабадхи (ум. в 990 или 994 г.). Все эти работы были написаны по-арабски. Сюда же относится и работа на персидском языке «Разоблачение масок» (*Kashf al-makjub*) аль-Худжвири

(ум. ок. 1071 г.), святого покровителя Лахора. Эти труды были написаны персами. Но здесь нельзя также не вспомнить самое подробное и авторитетное исследование по этике в исламской истории Абу Хамида Мухаммеда аль-Газали «Возрождение наук о вере» (*«Ихья улум аль-дин»*), написанное на арабском языке.

Хорасан оставался крупным центром суфизма на протяжении всех ранних веков ислама и дал миру, в дополнение к уже упомянутым выше ученым, Ахмада аль-Газали, брата Абу Хамида, а также многих поэтов-суфиев, о которых мы будем говорить чуть ниже. Но суфизм процветал и в других городах Ирана. Один из наиболее известных ранних суфиев Хусаин ибн Мансур аль-Халладж (ум. в 922 г.) был родом из предместий Шираза, так же как и великий мастер суфийского фольклора Рузбехан Бакли (ум. в 1209 г.). Самое подробное раннее жизнеописание святых в суфизме принадлежит перу Абу Нуайма аль-Исфахани (ум. в 1037 г.). Из Исфахана происходит также суфий Абу Мансур Исфахани (ум. в XI в.). Одного из самых ранних суфийских поэтов Баба Тахира (ум. в начале XI в.) подарил миру Хамадан, а два века спустя отсюда же вышел один из величайших мыслителей-суфиев Айн аль-Кудат Хамадани (ум. в 1132 г.). Можно показать на любую другую точку на карте Ирана и обнаружить крупных деятелей суфизма, родившихся в этом месте: Хваджеха Абдаллаха Ансари (ум. в 1089 г.) из Герата; Абу Сахль Тустари (ум. в 896 г.) из г. Шустар в Хузестане; Авхада аль-дина Кирмани (ум. в 1237 г.) из Кирмана, Афдаля аль-дина Кашани (ум. в 1213–1214 г.) и Абдаль-Раззака Кашани (ум. в 1330 г.) из Кашана, шейха Махмуда Шабистари (ум. в 1320 г.) из Азербайджана и других (*Schimmel*, 1975).

Важно также отметить, что большинство крупных суфийских орденов, таких как *кадирийя*, *сухравардийя*, *мавлавийя*, *чистийя* и *накшбандийя*, которые пользовались огромным влиянием на территориях от Филиппин и Китая до Албании и Марокко, появились либо в самом Иране, либо на территориях, входивших в сферу влияния персидской культуры. Без учета влияния этих суфийских орденов нельзя понять историю религии и культуры большей части Азии и Африки (*Nasr*, 1971; Part I, pp. 3 ff.; *Trimingham*, 1971).

С усилением влияния Сефевидов, которые сами опирались на суфийский орден, основанный Сафи аль-дином Ардибили (ум. в 1331 г.), начался период противостояния государства и некоторых суфийских орденов, особенно ордена *ниматуллахи*, самой влиятельной в Иране в тот период. В результате к 1600 г. последователи этого ордена были практически уничтожены, а остатки их нашли убежище на территории Деканского плоскогорья в Индии, откуда они вернулись в Иран только в XVIII в. Ордены кадирийя и накшбандийя сумели выжить в среде суннитов в Курдистане и Белуджистане, а некоторые другие ордены, например, *дхахаби* и *хаксар*, продолжали действовать в шиитских регионах.

ЛИТЕРАТУРА

Как уже упоминалось, в ранние века ислама персы писали на арабском, но постепенно, к IX в., как следует из дошедших до нас памятников поэзии того периода, начала развиваться литература на персидском языке. Однако большинство поэтов той поры довольствовались лишь подражанием великим арабским поэтам, стихотворным размерам и ритмике арабской поэзии³. В X в. с появлением Абу Абдаллаха Джафара Рудаки (ум. в 940 г.) из Самарканда родилась собственно персидская поэзия. Легенда приписывает Рудаки более ста тысяч стихотворных строк, из которых до нас дошло всего лишь несколько тысяч, однако он по праву считается отцом и одним из светочей персидской поэзии, создавшим на базе классической арабской поэзии свою, персидскую. В XI в. его

последователем стал блестящий поэт Ахмад Манучихри (ум. ок. 1040 г.), который был близок ко двору Газневидов. Будучи знатоком религиозных наук того времени, специалистом в области медицины и арабской поэзии (многим образцам которой он подражал), Манучихри большую часть своей поэзии посвятил описаниям природы. Еще один поэт из Хорасана того же периода Абуль-Касим Унсур (ум. в 1039 г.) также был близок к двору Газневидов и получил известность как автор романтической поэмы «Вамик и Адхра» (*«Wāmiq wa Adbrā»*).

Хорасан был центром, где родилась и развивалась ранняя персидская поэзия, и именно здесь уже к XI в. были созданы ее классические формы, такие как касиды (*qasīdab*), газель (*ghazal*), маснави (*mathnawī*) и рубаи (*rubāʿī*), некоторые из них заимствованы из арабского, другие созданы самими персидскими поэтами. В Хорасане родился, творил и здесь же умер в 1020 г. величайший автор эпической классики персидской поэзии Хаким Абулькасим Фирдоуси. Его эпическая поэма «Шахнаме», или «Книга о царях», написанная в стиле маснави – рифмованного двустипа, является важнейшим письменным источником иранской древности и истории иранцев как самостоятельной нации. В своем произведении этот «персидский Гомер» воспел чувство иранского самосознания в доисламский период, хотя сама работа была написана уже во времена ислама. Автор, являвшийся противником арабского господства в Иране, был, тем не менее, правоверным мусульманином и получил от соотечественников приставку к своему имени «хаким» (мудрец). В «Шахнаме» образы древних персидских героев, реальных и вымышленных, от Джемшида и Фаридуна до Залы и Рустама и от Исфандиара до правителей Сасанидов написаны с такой художественной достоверностью, что в сознании персов и других народов, говорящих на персидском, например, таджиков и живущих в целом в зоне влияния персидской исламской культуры, они и сегодня остаются живыми, реальными героями. Литературный шедевр Фирдоуси является основополагающим для понимания национального самосознания персов и служит своего рода зеркалом, в котором персы-мусульмане были отражены через мифы своего далекого прошлого.

После Фирдоуси основное направление персидской поэзии оказалось под еще большим влиянием суфийского эпоса, что вылилось в создание подлинной сокровищницы поэзии суфизма, к которой мы вернемся несколько ниже. Но существовали также крупные поэты, которые не были суфиями в полном смысле слова, хотя суфизм и оказал на их творчество некоторое влияние. Одним из наиболее одаренных таких поэтов был Ибрахим Хакани Ширвани (ум. в 1199 г.), который служил при дворе правителей Ширвана, но также много путешествовал по остальному исламскому миру, включая Ирак, где на развалинах древней столицы Ктесифон написал одну из наиболее ярких *касид* в истории персидского языка об уроках, которые преподносит нам жизнь относительно мимолетности всего сущего. Хакани, один из самых сложных для понимания поэтов персидского языка, является автором и знаменитого «Дивана» («Сборника») стихов, а также еще одного хорошо известного собрания стихов «Дар двух Ираков» (*«Tuxfat al-irākayn»*) (имеются в виду арабоязычный и персоязычный Ирак).

Еще одним великим поэтом, с которым дружил Хакани, был Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами Гянджеви (ум. в 1209 г.). Низами, которому суждено было написать эпитафию своему другу поэту; он был автором ряда знаменитых романтических поэмов огромной художественной силы, из которых черпали сюжеты художники, создавшие впоследствии многочисленные рисунки-миниатюры, вышедшие в «Пятерицу» («Хамсе»), состоящую из пяти поэм, в частности: «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», а также «Хосров и Ширин». Эти работы считаются жемчужинами

персидского языка и, помимо своих художественных достоинств, исполнены мудрости и глубокого философского смысла. Низами был высокообразованным поэтом-философом и его работы представляют большой интерес в силу их вселенского символизма, а также богатства красок, образов и сюжетного мастерства. Подобно своему великому предшественнику поэту-философу Насиру Хосрову, который был известен как поэт-моралист, Низами тоже уделял большое внимание этике, затрагивая в своем творчестве тончайшие аспекты человеческой любви. Многие считают, что Низами соткал поэтическую «оболочку», в которую позднее Руми вдохнул «дух» суфизма. Низами явился источником вдохновения для многих более поздних поэтов, таких как Амир Хосров, живший в Дели в начале XIV в., и Джами, к которому мы вскоре перейдем (илл. 112, 113, 218).

Несмотря на то, что в более поздней персидской поэзии доминировали поэты-суфии, продолжали существовать и другие поэтические жанры. С приходом шиизма появилось множество поэтов, писавших элегии имамам и повествовавших о трагедиях шиитской истории, среди них следует упомянуть прежде всего Мухташама Кашани (ум. в 1587 г.). Постепенно сформировался нарочито усложненный, вычурный тип стихосложения, известный под названием «индийский стиль» («*сабки хинди*»), самым видным мастером которого был сайид Мухаммед Али Табризи, известный также как Саиб (ум. в 1675 г.). Однако его творчество относится ко времени, выходящему за рамки рассматриваемого периода.

Прежде чем вновь обратиться к поэзии суфизма, необходимо сказать несколько слов о персидской литературной прозе. Персидская проза начала развиваться в X и XI вв. и несколько трактатов по философии и другим наукам были написаны в этот период на персидском языке философами-исмаилитами и такими замечательными людьми, как Ибн Сина и Бируни. Философские труды Насири Хосрова XI в., все на персидском языке, имеют особое значение с литературной точки зрения. Но чисто литературными произведениями, имеющими важное историческое значение, можно считать работы суфиев и просветителей, а также мистических философов. В этом контексте необходимо упомянуть «Мунаджат», написанный Хваджехом Абдаллой Унсури из Герата, и особенно «Саваних» (*Sawānih*) Ахмада аль-Газали (ум. в 1126 г.), работу, являющуюся одной из жемчужин персидского языка, положившую начало целому литературному жанру, который в последующем мы находим в таких произведениях, как «Божественные озарения» («*Ламаат*») Фахра аль-дина Ираки (ум. в 1289 г.), «Лучи божественного озарения» («*Ашли ат аль-ламаат*») и «Искры» («*Ламаат*») Абдуррахмана Джами (ум. в 1492 г.). Что касается философской прозы, то, с точки зрения литературных достоинств, особую важность имеют работы Айн аль-Кудата Хамадани (1131 г.), Шихабалдина Яхья Сухраварди (ум. в 1191 г.) и Афдаля аль-дина Кашани.

ПОЭЗИЯ СУФИЕВ

По любым критериям персидская суфийская поэзия является драгоценным камнем в короне персидской литературы и культуры, пропитана глубочайшим исламским пафосом, исполнена высокой нравственности, присущей персидской культуре, и облечена в красивейшую поэтическую форму, когда-либо существовавшую в каком бы то ни было языке. Для мистической поэзии не найти более богатого языка, чем персидский. Универсальный смысл этой поэзии изменил литературную и даже религиозную среду во многих странах за пределами Персии и способствовал рождению национальных литератур в различных странах от Малайи до Турции. Она оказала большое влияние на многих деятелей литературы за пределами исламского мира, начи-

ная от бенгальского поэта Тагора и кончая Гёте и Эмерсоном (американский философ-идеалист и писатель, 1803–1882 гг. – *Прим. ред.*). Сегодня переводы персоязычного поэта-суфия Джалаледдина Руми на английский соперничают по популярности в Америке с произведениями наиболее читаемых поэтов, писавших на английском языке.

Самые ранние суфийские стихи, которые дошли до нас – это нежные, задушевные четверостишья Баба Тахир Урияна из Хамадана, а также прославленного шейха Абу Саида ибн Аби-ль Хайра (ум. в 1049 г.) из Хорасана. Но настоящей зрелости персидская суфийская поэзия достигла лишь в XII и XIII вв. с появлением Абуль Маджда Санаи (ум. в 1131 г.), Фарида аль-дина Атгара (ум. в 1220 г.) и Джалаледдина Руми (ум. в 1273 г.), которые следовали один за другим, каждый последующий лучше предыдущего к абсолютной вершине, «трубадуру духа» Руми (*Schimmel*, 1982). Санаи, первый из этой прославленной тройцы, был родом из Хорасана, как, впрочем, и Аттар и Руми. Санаи сначала занимался религиозными науками, затем обратился к суфизму и разработал маснави (рифмованное двустушие), некую форму для выражения суфийского учения, проповедующего божественное знание и божественную любовь. Его работа «*Хадикат аль-хакаик*» («Запретный сад истины») приоткрывает завесу над многими внутренними тайнами Корана и свидетельствует о глубине постижения им тайного смысла откровений ислама, а также рассказывает о перипетиях духовного пути.

Его последователь Аттар из Нишапура также был высокообразованным человеком и одновременно очень набожным, который в состоянии религиозного экстаза сжигал свое «Я» в огне божественной любви, что помогало ему изливать свое духовное состояние в строки многочисленных поэтических произведений, таких как «Трактат о божественных тайнах» («*Асрарнаме*»), «Божественная книга» («*Илахинаме*») и «Книга бед» («*Мусибатнаме*»). Но самым крупным его поэтическим произведением является «Разговор птиц» («*Мантик аль-тайр*»), известный в Европе с XVIII в. благодаря переводу на французский, выполненному Сильвестром де Саси. Затем последовали многочисленные переводы на другие западные языки. «Разговор птиц» Атгара занимает особое место даже среди величайших образцов классической поэзии на персидском языке. Но Аттар был одновременно и мастером персидской прозы, и его «Мемориал святых» («*Тадххират аль-авийя*»), повествующий о житиях суфийских святых, является уникальным литературным шедевром в этом жанре (илл. 3).

Наследие Атгара перешло к Джалаледдину Руми, отец которого однажды взял его с собой в Нишапур на встречу с престарелым Аттаром, когда Джалаледдин был еще мальчиком. Родившийся в Балхе и вынужденный бежать с семьей от монгольского нашествия, Руми оказался в Анатоллии, где поселилась вся семья. Уже после того как он овладел религиозными науками и стал известным учителем, в его жизнь вошел один из самых загадочных странствующих дервишей Шамс аль-дин Тебриз (ня, буквально означающее «Солнце религии Тебриза»). Их судьбоносная встреча породила гигантские волны в океане внутреннего духовного мира Руми, которые выплеснулись наружу в виде ни с чем не сравнимых «Мистических двустушии» («*Матхнави*») и лирического «Поэтического сборника Солнца Тебриза» («*Диван-и Шамс-и Табризи*»). «Мистические двустушии», которые Джами назвал «Кораном персидского языка», на самом деле являются толкованием внутреннего смысла Корана и, без сомнения, представляют собой величайший образец мистической дидактической поэзии в персидском языке. Что касается поэтического сборника («*Дивана...*»), то эта работа состоит из 30 тыс. стихов в форме газели, написанных разными стихотворными размерами, столь богатыми по своему разнообразию, что делают это произведение сокровищницей не только трепетного поэтического слова, но и персидской метрики стиха.

Едва ли найдется хоть какой-нибудь тайный аспект человеческого естества или поиска человеком истоков своего существования и его природы в общей системе вселенского устройства, который Руми не исследовал бы во всей глубине. Руми глубоко почитаем и персами, и турками и всеми другими народами, говорящими на персидском, как выдающийся духовный лидер, основавший суфийскую общину *мавлавийя*, пользовавшуюся огромным влиянием в Османской империи. Переводчик большинства его работ на английский язык Р.А. Никольсон считал его величайшим поэтом-мистиком, когда-либо жившим на земле. Как бы то ни было, творчество Руми является апофеозом суфийской персидской поэзии и имеет огромное духовное и культурное влияние в Иране по сей день.

Прежде чем перейти к более поздним поэтам – суфиям, следует вкратце несколько слов о наиболее известном на Западе восточном поэте Омаре Хайяме (ум. ок. 1132 г.). Известный европейцам благодаря очень талантливым, но весьма неадекватным переводам на английский язык его стихов Эдвардом Фицджеральдом, Хайям стал почти культовой фигурой в викторианской Англии и ассоциировался некоторыми исследователями с гедонизмом и эпикурейской философией. Однако подлинный Хайям гораздо ближе к суфийской традиции, особенно если рассматривать его хорошо известные четверостишия «Рубаи» совместно с его немногими сохранившимися философскими трудами, в которых он восхваляет суфизм и разъясняет мистическое знание суфизма («*марифат*»). И даже его стихи при внимательном чтении предстают очевидным подтверждением вечности Абсолютного и мимолетности всего остального, в частности, большинства преходящих вещей, которые люди принимают за вечное и совершенное, но которые, будучи относительными, очень скоро исчезают как дым.

Может сложиться впечатление, что с Аттаром и Руми поэзия суфизма должна была исчерпать свои творческие возможности, однако это далеко не так. Следующие столетия после Руми дало миру двух великих поэтов из Шираза Саади и Хафиза, которые довели персидский язык до вершин литературного совершенства.

Муслих аль-дин Саади (ум. в 1292 г.) принадлежал к суфийскому ордену сухравардийя, но его творчество связано не только с суфизмом, хотя два его самых известных шедевра «Бустан» (Сад) и «Гулистан» (Розовый сад) содержат, возможно, наиболее проникновенные поэтические строки во всей персидской поэзии суфизма. Саади был поэтом-моралистом и чутким наблюдателем различных сторон человеческой жизни. Он прожил долгую жизнь и много и далеко путешествовал, что позволило ему глубоко познать все самые невероятные перипетии человеческого существования. Его труды стали зеркалом той жизни, которую он наблюдал и изучал, и по этой причине он по сей день является для нас бесценным источником знания, необходимого для понимания образа жизни, шкалы ценностей, этических норм персидского общества. Его богатый язык также стал образцом, по которому оценивали всю последующую персидскую литературу, и все поколения образованных персов читали его «Гулистан», а многие даже пытались имитировать его стиль.

Если Саади воспевал земное человеческое существование, то Шамседдин Хафиз (Хафиз Ширази; ум. в 1389 г.) был поэтом вневременных грез. Величайший лирический поэт персидского языка, этот «трубадур мира божественного», будучи суфием, переводил самые чувственные человеческие переживания на язык спиритических образов и описывал самые сокровенные божественные тайны языком человеческой любви и яркими образами мира чувств. У Хафиза процесс одухотворения телесного и приземления одухотворенного достигает подлинных вершин, и его слова приобретают над человеческой душой почти сверхъестественную власть, которая тем больше, чем больше его читаешь. Подобно лестнице, протянутой с земли на небо,

поэзия Хафиза притягивает людей из всех слоев общества, от самых простых до высокоодухотворенных, и в этом смысле универсальность его поэзии уникальна. Вряд ли найдется хотя бы один дом в Иране, в котором бы на самом почетном месте рядом с Кораном не лежал бы томик его стихов «Диван» – единственное произведение, которое он оставил после себя. Хафиз даже считался современниками «посланником невидимого мира» в том смысле, как это трактует Коран, и его почетный титул – «язык невидимого» («*лисан аль-гхайб*») как нельзя лучше соответствует его вкладу и роли в культурном наследии.

Шедевры персидской суфийской поэзии продолжали появляться и после Хафиза и, пожалуй, самым замечательным из них был «Сад божественных тайн» («*Гульшани раз*») Шайха Махмуда Шабистари (ум. ок. 1321 г.) Но уже в XIII в. суфийская поэзия попадает под влияние идей андалусского мудреца Ибн Араби, чему наглядным свидетельством являются произведения Авхада аль-дин Кирмани (ум. в 1238 г.) и Факра аль-дин Ираки (ум. в 1289 г.). Этот вид «поэзии мудрости» достиг наивысшего расцвета в замечательном коротком и вдохновенном произведении Шабистари. Поэма «Сад божественных тайн», написанная всего за несколько дней человеком, который в поэтическом жанре не написал более ничего, считается одним из самых утонченных изложений идей суфизма в изысканной поэтической форме. Не удивительно, что эта работа стоит в ряду самых известных и авторитетных в поэзии суфизма и ее часто и много комментировали в более поздние века.

Среди других заметных поэтов суфизма этого периода можно упомянуть Шаха Ниматаллаха Вали (ум. в 1431 г.), автора крупного сборника стихов и основателя ордена *ниматуллахия*, самого распространенного сегодня в Иране. Было также несколько авторов в Индии, которые писали на персидском языке суфийские стихи, подражая поэзии Амира Хосрова. Но самой важной фигурой поздней суфийской поэзии стал Абдурахман Джами, член ордена нанкинбандия из Герата, которому присвоили неофициальный титул «печать поэтов», означавший, что «его имя завершает список» классиков персидской поэзии. Джами, находившийся под влиянием и Руми и Ибн аль-Араби, а также Атгара и Низами, писал одни из самых красивых романтических стихов, когда-либо обращенных к теме божественной и земной любви, в частности, «Юсуф и Зулейха», очень похожих на романы Низами в его «Пятерице», но с большим акцентом на учения суфизма. Джами, кроме того, являлся главным популяризатором идей Ибн аль-Араби и писал комментарии к работам андалусского мастера, в частности, к поэме «Геммы премудрости» («*Фузус аль-Хаким*»), а также собственные труды высокого литературного достоинства, такие как «Внешние символы» («*Лавайх*»), переведенный даже на китайский язык. В целом Джами был довольно популярен в исламской части Азии, и не только в Китае и Индии, но и в Малайском мире, где он сыграл важную роль в формировании малайзийской литературы.

При Сефевидах суфийская литература продолжала существовать, однако не на столь высоком качественном уровне, как при Ильханах или Тимуридах. Среди наиболее заметных поэтов-суфиев этого периода был шейх Бахааддин Амали (ум. в 1621 г.), религиозный деятель, авторитетный теолог, математик, астроном. Его незатейливые мотивы, такие как «Хлеб и сладости» («*Нан ва халва*») остаются популярными по сей день. И хотя на горизонте появлялись новые поэты, великие мастера классического периода, о которых говорилось выше, продолжали и продолжают оказывать огромное духовное и культурное влияние на Иран. Переводы их произведений, начиная с конца XVIII в. и позднее, выполненные такими мастерами, как Уильям Джонс, не только способствовали приобретению персидской суфийской поэзией известности в Европе, но и привели к тому, что под ее воздействием оказались

многие выдающиеся деятели европейской и американской литературы, в частности, Гёте, Рюккерт, Эмерсон, Теннисон (*Yobannan*, 1977).

ФИЛОСОФИЯ

Иран всегда был известен своими философскими школами. Об этом говорят, например, свидетельства пифагорейцев о том, что некоторые маздакистские идеи оказали влияние на Платона или что Плотин стремился вступить в римскую армию, чтобы попасть в Персию для изучения философии. Об этом же говорит известность Зороастра (Заратуштры) как философа и пророка в эллинистическом мире и в Западной Европе периода средневековья и эпохи Возрождения. Но в доисламский период философская мысль в Иране была частью религиозной сферы, как и в большинстве остальных восточных цивилизаций, и для того чтобы понять философию маздакизма, следует обратиться к соответствующим первоисточникам. И только при исламе философия становится самостоятельной дисциплиной, выросшей из греческого философского наследия, индийской и собственно персидской доисламской философской мысли, естественно, в рамках постулатов Корана. Исламская философия возникает как большая новая интеллектуальная среда, даже, пожалуй, многоплановая среда. Она продолжает быть тесно связанной с религией, но теперь все же стоит особняком от теологии и права, отнормировавшихся к религиозной сфере.

Исламская философия является неотделимой частью общего интеллектуального наследия и не может рассматриваться под углом его многочисленных этнических составляющих в угоду различным течениям современного национализма. Это, разумеется, ничуть не более арабская философия, чем иранская, если рассматривать термин «арабская» в современном контексте. И хотя большинство исламских трудов по философии написано на арабском, множество других работ было написано на персидском, и несмотря на то, что некоторые величайшие философы ислама были арабами, например, аль-Кинди и Ибн Рушд, большинство среди них, тем не менее, составляли персы. И в XIII в., в период упадка исламской философской мысли в арабском мире, включая Магриб и Андалусию, именно в Иране и в иранской зоне исламской цивилизации философия сохранилась как живая интеллектуальная традиция.

ФИЛОСОФИЯ РАННЕЙ «ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

Первым исламским философом этого симбиоза ислама, аристотелизма и неоплатонизма, который в арабском языке стал называться *машшаи* (*mashshāʾī*), или «перипатетической» философией, был араб Абу Якуб аль-Кинди, работавший в Багдаде. Наиболее известные его ученики Абу Заид Балхи (ум. в 933 г.) и Ахмад ибн Тайиб Сарахси (ум. в 899 г.) были родом из Хорасана, который после IX в. стал крупным центром исламской философии (*Corbin*, 1993; *Sbarif*, 1963–66; *Nasr*, 1996; *Nasr & Leaman*, 1966). Абу Наср ибн Мухаммед Фараби (ум. в 950 г.), родоначальник исламской политической философии, чей «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» является основополагающим в этой области, был также крупнейшим комментатором Аристотеля и отцом исламской формальной логики. Он был родом из г. Фараба в Хорасане и первую часть своей жизни провел там, позднее посетил Багдад и окончательно поселился в Дамаске⁴. Фараби завершил составление арабского философского словаря и сформулировал основные идеи школы *машшаи*. Его влияние присутствует во всей последующей исламской философии.

После Фараби лидерство от багдадской школы перешло к хорасанской, где Абуль Хасан Амири (ум. в 992 г.) написал несколько работ, в частности, «Время внутри вечности» («*аль-Амад ала-ль-Абад*») и «Декларация о достоинствах ислама» («*аль-Илам би-Манакиб аль-Ислам*»), в которых элементы персидской политической мысли доисламского периода влетали в ткань принципов школы машшаи. Кроме этого, он обращался также к коренному вопросу о соотношении разумного и божественного, который до него волновал также Фараби и почти всех последующих иранских философов.

Хасана Амири затмил величайший из всех философов перипатетической школы и самый выдающийся и почитаемый ученый – философ Абу Али ибн Сина (Авиценна) (ум. в 1037 г.), который остается культурным и почти мифическим героем не только для персов, но и для нескольких других народов. Редкий гений, который уже в восемнадцатилетнем возрасте был известным философом и врачом, Ибн Сина, уроженец Бухары, всю свою жизнь путешествовал по Ирану и проживал в городах Рей, Исфahan, Хамадан и др. При этом он написал свыше 200 трудов, включая «Канон врачебной науки» («*аль-Канун фи-ль-тибб*»), самую известную монографию в истории медицины, а также фундаментальную философскую и научную энциклопедию машшаи – «Книгу исцеления» («*Китаб а-шифа*»). Ибн Сина был также автором первой философской работы машшаи на персидском языке «Научный труд, посвященный «Ала аль-Даулах» («*Данишنامه-йи ала'и*»), которая сыграла важную роль в дальнейшем развитии этого языка, так как положила начало традиции в исламской философии изложения идей в систематизированном виде на персидском языке. В более поздние времена это стало распространенной практикой, в чем можно убедиться на примере трудов Насира Хосрова, Сухраварди, Афдаля аль-дин Кашани, Туси и других. При Ибн Сине философия машшаи достигла наивысшего расцвета, и ему удалось создать обширный синтез знаний, который оказал влияние на всю последующую исламскую философскую мысль. В самом Иране влияние Ибн Сины просматривается во все последующие века, несмотря на хулу, возводившуюся на него и его школу последователями арабского богослова аль-Ашари (один из основателей калама – мусульманской ортодоксальной схоластической теологии. – *Прим. ред.*), в частности, аль-Газали и Факром аль-дином Рази в XI и XII вв.

Ученики Ибн Сины Бахманяр ибн Марзубан (ум. в 1067 г.) и Хусейн ибн Зайлех (ум. в 1048 г.) продолжали его дело на протяжении всего XI в., однако в результате широкого противодействия со стороны теологов философия машшаи в Иране оказалась забытой на целых полтора столетия, но продолжала развиваться в Андалусии.

В Иране единственной заметной фигурой из философов в XII в. был Хайям, который перевел одну из речей Ибн Сины с арабского на персидский. В целом он гораздо шире известен как математик и поэт, несмотря на его весьма существенные заслуги как философа. Уход в тень учения Ибн Сины оказался, однако, временным. В XIII в. его идеи возродил один из величайших иранских философов и ученых Насир аль-дин (Насирэддин) Туси, чей комментарий к последнему труду Ибн Сины «Книга указаний и наставлений» («*аль-Ишарат ва-ль-танбихат*») вернул к жизни книгу великого предшественника и восстановил в Иране школу машшаи в качестве полноценного направления мысли, существующего по сей день.

НЕЗАВИСИМЫЕ ФИЛОСОФЫ

В исламской философии идеи, выдвигаемые различными школами, традиционно главенствуют над индивидуальными позициями отдельных философов. Но существует целый ряд заметных фигур этого периода, которых нельзя

полностью отнести ни к одной философской школе. Главные среди них Абу Бакр Мухаммед бен Закария Рази (ум. ок. 932 г.) и Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (ум. ок. 1051 г.). Рази, блестящий врач, известный в Европе под именем Разес, был также философом и считал себя равным Платону и Аристотелю. Он выдвинул весьма дерзкую по тем временам идею, что постичь истину можно посредством одной лишь философии, не обращаясь за этим к пророчествам, разумеется, категорически отвергнутой иерархиями ислама. В результате большинство его философских трудов было утрачено, и поэтому в памяти потомков он остался в основном как выдающийся врач. Но некоторые его философские работы сохранились, как, например, трактат «Философская жизнь» («*аль-Сират аль-фальсафийях*»), и наглядно демонстрируют его чрезвычайно оригинальные философские позиции.

В отличие от Рази, Бируни твердо верил в силу божественного откровения, но в то же время, как и Рази, был самобытным ученым и проявлял интерес к трудам последнего, в частности, именно он составил их каталог. Бируни не имел собственных чисто философских работ, но выступал с критикой натурфилософских идей машшаи, в частности, в ряде дискуссий с Ибн Синои, которые они вели в виде взаимных вопросов и ответов. В своей работе «Индия», которая считается самым ранним исследованием в области сравнительной религии, он не только описал религиозные воззрения индийцев, но и затронул вопросы общеполитического значения.

Необходимо также упомянуть еще одну работу «Трактаты» («*Расасил*»), написанную «Братьями чистоты» («*Ихван аль-Сафа*») в XI в. в Басре, где тесно переплетались интересы и настроения персидской и арабской общин. Хотя «Трактаты» впоследствии вошли составной частью в философию исмаилитов, это произведение все же являлось продуктом более широкого шиитского мировоззрения. Но как бы оно ни рассматривалось – частью ли философии исмаилитов или сочинением независимых философов, важнее, что оно пользовалось большой популярностью в самых различных кругах за глубокие философские рассуждения, в которых просматривалось сильное влияние пифагорейцев. Даже если «Трактаты» и не принадлежат перу исмаилитов, они, тем не менее, полностью отражают философские воззрения шиитских кругов в Ираке и Иране в X в.

ШКОЛА ОЗАРЕНИЯ (ИШРАК)

В XII в. была основана новая крупная школа исламской философии, известная как «школа озарения» или *ишрак* (*isbraq*, букв. – блеск, сияние). Родоначальником ее был «мастер озарения» («*Шейх аль-ишрак*») Шихабдин Яхья Сухраварди, родившийся в западном Иране, получивший образование в Исфахане и принявший мученическую смерть в Алеппо. Этот выдающийся метафизик сумел в рамках исламской гносеологии («*марифа*, *ирфан*) соединить учение об ангелах и космологию времен Маздака в Иране с более ранней исламской философией и создал таким образом новую философскую школу, которую с полным основанием следует именовать «теософской» (если этот термин понимать в его первоначальном, а не в современном искаженном значении). Философия Сухраварди, являясь одним из наиболее важных направлений научной мысли в самом Иране на протяжении всех девяти веков с момента его смерти, оказала также глубочайшее влияние на исламскую философскую мысль в Индии и имела большое число последователей в османской Турции. Сухраварди писал свои блестящие работы не только на арабском, как, например, «*Хикмат аль-Ишрак*», название которой Генри Корбин (*Henry Corbin*), первый исследователь его творчества в Европе, перевел как «Восточная теософия света». Он был и мастером философской прозы на персидском языке.

Сухраварди был обвинен в ереси и казнен. Но после краткого периода забвения его учение возродили в XIII в. Мухаммед Шахразури (ум. ок. 1288 г.) и Кут-ад-дин Ширази (ум. в 1311 г.), которые стали ведущими толкователями «Восточной теософии света». Впоследствии появилось множество философов, которые причисляли себя к последователям «мастера озарения», например, Джелал аль-дин Давани (ум. в 1501 или 1502 г.) и ученый начала XVII в. Мир Дамад. «Школа озарения» сыграла важную роль в слиянии нескольких направлений исламской мысли, которое осуществил Мулла Садр (ум. в 1640 г.) уже в более поздний период, выходящий за рамки настоящего тома.

ИСЛАМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИРАНЕ В ПЕРИОД С XIII ПО XVI В. И ИСФАХАНСКАЯ ШКОЛА

В период с XIII по XVI в. в Иране началось сближение различных исламских философских школ раннего периода исламской истории, которые до этого сохраняли свою индивидуальность. Философия Ибн Сины, которую возродил Туси, «Школа озарения», доктрины исламского гностицизма, связанные с Ибн Араби (ум. в 1240 г.) и Садром аль-дином Кунави (ум. в 1274 г.), а также суннитские и шиитские школы *калам* (мусульманского схоластического богословия) постепенно перемешались. Некоторые философы, как, например, Кут-ад-дин Ширази, пытались соединять доктрины *машиши* и *ишрака*, другие, как Афдаль аль-дин Кашани, объединяли суфизм и машшаи, третьи, в частности Давани, принадлежавший к ширазской школе, – калам и фальсафах. А Ибн Туркх (ум. в 1432 г.) попытался свести воедино сразу три учения: ирфан, машшаи и ишрак, подготовив таким образом почву для возникновения нового синтеза философских течений, связанного с Исфаханской школой.

В XVI в. крупный мастер поздней исламской философии Мир Дамад, который сам являлся истолкователем Ибн Сины в ишраке, а также блестящим шиитским религиозным исследователем, возродил изучение философии в Исфахане, основав новую философскую школу, которая так и стала называться – Исфаханская. Его ученик Мулла Садр сумел синтезировать все те школы, о которых говорилось выше, в единое целое, которое он назвал «трансцендентной теософией» («*аль-хикмат аль-мута ашйя*»). О ней он написал несколько хорошо известных работ, главная из которых «Четыре путешествия» («*Аль-асфар аль-Арбаа*») стоит в одном ряду с наиболее важными работами исламской философии в Иране – трудами Авиценны по медицине и философии и работой Сухраварди «Восточная теософия света». Как философ Мулла Садр позднее пользовался большим влиянием в Индии, что не мешало ему оставаться в течение последних трех столетий одним из главных авторитетов философской науки в самом Иране. Как и Сухраварди, он не был известен в Европе вплоть до XX в., в отличие от Ибн Сины, имевшего большое влияние на средневековый Запад, и лишь теперь собственные философские идеи Муллы Садра и их роль в философской традиции Ирана начинают постепенно получать широкое признание.

НАУКА И ТЕХНОЛОГИЯ – ПРЕДЫСТОРИЯ

На протяжении нескольких тысячелетий своей истории Иран не был в стороне и от некоторых из наиболее важных научных открытий и технических изобретений человечества, начиная с того, что еще 8 тыс. лет назад на Иранском нагорье выплавляли сталь. Начиная с эпохи Ахеменидов, Персидская империя господствовала на значительных территориях Греции, имела отношения с Индией, а по Великому Шелковому пути – и с Китаем.

У ахеменидских правителей были греческие врачи, а медицину и астрономию при Сасанидах преподавали в Персии по учебникам, написанным еще на санскрите. Но пик расцвета наук в Иране приходится на исламский период и многое из того, что считается достижением исламской науки, было сделано персами.

НАУКА И ТЕХНОЛОГИЯ В ИСЛАМСКОМ ИРАНЕ

Как и к философии, к исламской науке трудно подходить с современными мерками в вопросе о ее «национальной» принадлежности, поскольку те, кто занимались наукой, часто пересекали границы, которые сегодня считаются национально-государственными. Поэтому мы вынуждены ограничить эти заметки теми направлениями исламской науки, которые были развиты именно этническими персами и только в контексте персидской культуры и в сфере ее влияния.

Исламская наука впитала в себя все достижения доисламских цивилизаций, начиная с греко-александрийской до индийской и до специфически иранской в контексте исламского мироощущения. Поначалу она существовала исключительно в среде арабского языка, хотя позднее персидская идиоматика также стала важной частью научного языка. Персидские ученые писали, следовательно, и на арабском и на персидском языках и внесли огромный вклад в формирование арабского как языка науки (Nasr, 1975–1991; 1987; 1995; King, 1986; Hartner, 1968; Hamarneh, 1983; Sezgin, 1970–1974; Ullmann, 1972). Приход ислама, судя по всему, способствовал росту интереса среди персидских ученых к сфере «абстрактного», общему ускорению научной и философской мысли, что наглядно прослеживается в резком росте научной активности в Иране, начиная с IX в.

АСТРОНОМИЯ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

В соответствии с традиционной исламской классификацией наук, как и в пифагорейском *квадривиуме* (повышенный цикл «семи свободных искусств») астрономия считалась ответвлением математических наук. У мусульман в дополнение к арифметике, геометрии и музыке сюда относились также и несколько других дисциплин, например, алгебра и оптика.

Исламская астрономия в Иране развивалась на основе достижений сасанидской астрономии и таких трудов, как «Царский альманах» («*Зидж-и шахрияр*»), а также «Книга тысяч» («*Китаб аль-улуф*»), которые были переведены на арабский язык. Позднее важнейшее значение придавалось энциклопедии «Альмагест» Птолемея (Kenedy, 1983). Многие персидские астрономы участвовали в исследованиях, проводившихся при дворе аль-Мамуна в Багдаде в IX в. В том же столетии распространением знаний о персидской астрономии и астрологии занимался Абу Маашар аль-Балхи (ум. в 886 г.), а Мухаммед ибн Муса Хорезми (умер ок. 863 г.) составлял астрономические альманахи («*зиджи*»). К этому же периоду относится и деятельность Аббаса аль-Фергани (умер ок. 861 г.), чья «Книга о движении небес и собрание наук о звездах» («*Китаб фи-ль харакат аль-Самавийя ва Джавами Ильм аль-Нуджум*»), известная также под названием «Принципы астрономии», открыла новую главу в истории астрономии и пользовалась большим авторитетом в Европе. Современник аль-Фергани, Абуль Аббас Найриси (ум. ок. 922 г.) составил один из первых комментариев к «Альмагесту» Птолемея.

X в. был особенно плодотворным для исламской науки в Иране. Это время стало свидетелем многих новых астрономических открытий. Крупнейшей работой по изучению звезд в исламской науке считается сочинение «Звездные фигуры» («*Сувар аль-Кавакиб*») Абд аль-Рахма-

на Суфи (ум. в 986 г.). В свою очередь ведущие математики Абуль-Вафа Бузджани (ум. в 998 г.) и Абу Махмуд аль-Худжанди (ум. в 1000 г.) провели важные астрономические исследования движения Луны и Солнца, соответственно. Но самым крупным астрономическим исследованием того времени стал «Канон Мас'уда об астрономии и звездах» («*аль-Кунан аль-Масуди*»), автором которого был Бируни, обобщивший математические расчеты и результаты астрономических наблюдений своего и предшествующего исторического времени. Бируни, которого следует считать одним из самых великих исламских ученых, также написал первую работу по астрономии и астрологии на персидском языке под названием «Книга астрологии» («*Китаб аль-Тафхим*»), труд, значение которого для развития персидского языка как языка науки, трудно переоценить (Nasr, 1993: pp.105 ff.). Несколько отошедшая в тень при Сельджуках, астрономия ожила вновь в период правления Ильханов благодаря усилиям Насира аль-дин Туси, чьи труды «Памятка по астрономии» («*аль Таджират*») и «Ильханские астрономические таблицы» («*Зидж-И Иль-Хани*»), наряду с работами Кутад-дина Ширази, например, с сочинением «Пределы познания» («*Нихайат аль-идрак*»), засвидетельствовали наивысший расцвет исламской астрономии. В этих работах, наряду с критикой планетарной теории Птолемея, содержались новые модели движения планет. Более поздние персидские работы по астрономии вплоть до 1600 г., написанные Али ибн Мухаммедом Кушчи (ум. в 1474 г.), и «Новые астрономические таблицы» Улугбека («*Зидж Улугбека*») (ум. в 1449 г.) следуют в русле идей школы Насира аль-дина Туси, основанной в Маргае.

Для иранской астрономии в исламский период характерен большой интерес к новым наблюдениям, что вообще было свойственно исламской астрономии в целом (илл. 135, 139). Это, с одной стороны, привело к разработке новых приборов, таких, как астролыбия, квадрант, секстант (секстан) и других, а с другой – к созданию обсерватории как научного учреждения. Астрономические инструменты совершенствовались на протяжении веков и в практическом, и в эстетическом отношении, особенно астролыбия, отдельные, самые лучшие экземпляры которой, сделанные в Иране при Тимуридах и Сефевидях, считаются шедеврами тончайшей художественной работы. Маратинская обсерватория, построенная Туси при династии Хулагуидов, была первым полноценным научным учреждением такого рода в истории, где группа ученых вела совместные наблюдения Вселенной и проводила математический анализ движения небесных тел (Sayili, 1960). Она послужила прототипом при создании обсерваторий в Самарканде, Стамбуле и позднее в Европе в эпоху Возрождения, например, обсерватории Тихо Браге.

Переходя к математике, следует отметить, что в рассматриваемый период заметное развитие получили практически все ее разделы (Матвеевская и Розенфельд, 1983). В астрономии, как и в математике, соединились в единое целое греческая, индийская и иранская школы и образовали некое новое целое, из которого берет начало исламская математика как таковая. Так называемые «арабские» цифры были позаимствованы из индийских источников на территории Ирана и впервые появились в работе аль-Хорезми «Сложение и вычитание в индийской арифметике» («*аль-Джам ва'ль-тафрик би Хисаб аль-Хинд*»). Эта книга принесла арабские цифры в Европу, и поэтому имя персидского автора сохранилось в европейских языках и поныне в математическом термине «алгоритм» (*algorismo* в испанском, *algorithm* в английском). В более поздние века персидские математики продолжали проявлять большой интерес к теории чисел и числовым прогрессиям, как мы это видим у Ихвана аль-Сафа, Абу Бакра Караджи (ум. ок. 1020 г.), Бируни и особенно у Гийатдина Джемшида Кашани (ум. ок. 1436 г.), при котором исламская

техника вычислений достигла наивысшего уровня развития. Он придумал десятичные дроби и ему же приписывается изобретение счетной машины. Более поздние работы в математике, такие, как «Ключ к арифметике» (*«Мишмах аль-хисаб»*) шейха Бахаальдин Амили являются в большей или меньшей степени обобщениями работ Кашани.

В геометрии мусульмане пошли по стопам греческих математиков, но и здесь они достигли новых больших результатов. В IX в. братья Бану Муса, жившие в Багдаде, много писали на тему геометрических фигур и составили рецензию на работу «Конические сечения» Аполлония Пергского. В X в. Найризи и Абу Абдаллах Махани (ум. ок. 880 г.) написали достойный внимания комментарий к творчеству Птолемея, а Абу Сахл Кухи (ум. ок. 988 г.) занимался проблемами, которые до него уже поднимали Архимед и Аполлоний Пергский. В XII в. знаменитый персидский поэт, математик и философ Омар Хайям дополнил новой главой историю геометрии, в которой пересмотрел пятый постулат Евклида, касающийся теоремы о параллельных линиях, тем самым создав прецедент пересмотра работ предшественников, которому позднее последовал и Туси. Но ни один из этих исследователей не довел свою работу до логического завершения, что могло бы привести их к неевклидовой геометрии.

Персидским математикам суждено было сыграть большую роль и в развитии плоской и сферической тригонометрии. Вообще тригонометрия в том виде, как она существует сегодня, была основана исламскими математиками. Одной из главных фигур здесь является Абуль-Вафа Бузджани (ум. в 997 или 998 г.), написавший работу под названием «Альмагест», в основном касающуюся тригонометрии. Он был также первым, кто дал доказательство теоремы синусов для сферического треугольника. В своей работе «Ключи к науке астрономии» (*«Макалид Ильи аль-Хай'а»*) Бируни впервые рассматривал тригонометрические функции как самостоятельный раздел математики. В XIII в. Туси в своей работе «Книга о фигуре сектора» (*«Китаб Шикль аль-кита'а»*) окончательно определяет тригонометрию как крупную самостоятельную ветвь математической науки.

Говоря об алгебре, следует отметить, что название этой дисциплины происходит от арабского названия знаменитой книги аль-Хорезми, известной под названием *«Китаб аль-джебр Валь-мукабала»* – «Книга о восстановлении и противопоставлении». Да и само происхождение алгебры как раздела математики связывают с этой книгой. Она содержала множество глубоких идей, позволивших более поздним математикам Худжанди и Караджи значительно развить этот предмет и подготовить почву для работ Омара Хайяма и Шарафа аль-дина Туси (ум. во второй половине XII в.) в области алгебраической геометрии и собственно алгебры. «Алгебра» Омара Хайяма является самым полным трудом в своей области на арабском, а перевод данной книги познакомил европейцев с этим важным разделом математики.

Что касается физики и оптики, то в кратком абзаце, который мы можем посвятить этой теме, можно было бы упомянуть работы по изучению мер и весов, которые проводили вслед за Архимедом Бируни и Абд аль-Рахман Хазини (ум. ок. 1100 г.), а также комментарии XIII в. Камали аль-дина Фарси (ум. ок. 1320 г.) к шедевру Ибн аль-Хайсама в области оптики «Сокровища оптики» (*«Китаб аль-Маназир»*). Кроме того, начиная с Ибн Сины персидские натурфилософы выдвигали обоснованную критику аристотелевой теории движения и предлагали собственные концепции, которые сыграли важнейшую роль в последующем развитии механики и динамики на Западе (Nasr, 1995, pp. 139 ff.).

МЕДИЦИНА

Как уже упоминалось, около 600 г. г. Джундшапур был самым крупным центром медицинских исследований в

Западной Азии и в Средиземноморье, в котором сошлись воедино греческая индийская и персидская школы. Отсюда берет свое начало и багдадский центр медицины раннего аббасидского периода, здесь же были созданы предпосылки к становлению исламской медицины в целом. Уже к IX в. это раннее наследие полностью трансформировалось в исламскую медицину. Стали появляться первые крупные письменные работы в этой области, начиная с «Райских куц мудрости» (*«Фирдаус аль-Хикма»*), первого систематического исследования состояния исламской медицины, вобравшего в себя греческий и индийский опыт и принадлежавшего перу Али ибн Раббана Табари (ум. в 1058 г.) (Elgood, 1951).

Весьма примечателен тот факт, что не только Табари, но и три других автора, писавших серьезные трактаты по медицине в X и XI вв., – Рази, Маджуси и Ибн Сина – были персами. Мухаммед бен Закария Рази (Разес) был крупнейшим исламским врачом-практиком и автором широко известной медицинской энциклопедии *«аль-Хави»* («Воздержанность»), а также еще одного важного труда «Царская книга» (*«Китаб аль-Малики»*). Он же руководил знаменитой больницей Адуд аль-Давла в Багдаде. Эти работы в свою очередь получили блестящее развитие в трактате Ибн Сины «Канон врачебной науки», который без всякого сомнения является самой знаменитой монографией в истории медицины как на Востоке, так и на Западе. Известный в латинском мире под именем Авиценна, где его называли «Царем докторов», Ибн Сина создал синтез наук, который господствовал в европейской медицине вплоть до эпохи Возрождения и до сих пор все еще признается на Индийском субконтиненте, где его называют *юнани* (*yūnānī*, по-гречески букв. «ионическая») (илл. 133, а–е).

Ранние корифеи медицины соединили воедино не только греческую, индийскую и доисламскую персидскую медицину, но также включили сюда и достижения Гиппократов и Галена как часть греческой и римской медицины. Они проводили широкие клинические наблюдения, впервые диагностировали некоторые серьезные заболевания, такие как оспа, и расширили фармакопейные знания, включив туда не только то, что было известно еще Диоскориду, но и огромный массив знаний в области фармакологии древних персов и индийцев. Они изучали связь между здоровьем и диетой, между психическим и физическим здоровьем, уделяли много внимания вопросам развития гигиены, строительству больниц и бесплатных амбулаторий для бедняков, совершенствовали искусство хирургии, которое достигло небывалых высот в исламской медицине в Испании.

После Ибн Сины огромное древо исламской медицины пустило ответвления в различных направлениях, в частности, в Андалусию и Магриб, на арабский Восток, а позднее в Турцию и на п-ов Индостан. И хотя влияние персидского опыта ощущается во всех этих ветвях, лишь поздняя исламская медицина в Индии осталась тесно связанной с развитием медицины в самом Иране и, по сути, большинство самых известных в Индии практикующих врачей еще два века назад были персидского происхождения.

В Иране почти все более поздние работы по медицине находились полностью под влиянием трудов Ибн Сины. В XII в. теолог Факар аль-дин Рази посвятил медицине один из разделов своей научной энциклопедии «Книга шести наук» (*«Китаб аль-Ситтанин»*), близко следуя за трудами Ибн Сины. В том же веке вышла первая крупная работа на персидском языке «Сокровищница, посвященная правителю Хорезма» (*«Джаххирех-йе Хваразмиаххи»*) Зайн аль-Дина Исмаили Джурджани (ум. в 1135 или в 1136 г.), которая тоже была написана по образцу «Канона». Эта книга была, пожалуй, самым авторитетным трудом после «Канона» в поздней исламской медицинской литературе Ирана и Индии. С нее же началась и большая серия трудов по медицине на персидском языке в Иране и Индии, продолжавшаяся

вплоть до Нового времени. Следует отметить, что большинство работ по исламской медицине и фармакологии, вышедших в Индии, были написаны на персидском языке.

Медицина процветала в Иране даже после монгольского завоевания. В период правления Ильханов Кутад-дин Ширази написал труд «Подарок Сааду» (*«аль-Тухфат аль-са'идийя»*), который считается самым глубоким комментарием к «Канону», который когда-либо существовал. Визирь ильханов Рашид аль-Дин Фадлаллах (ум. в 1318 г.) построил целый университетский город в Тебризе – «Четырехугольник Рашида» (*«Раб'-и Рашиди»*), где особое внимание уделялось изучению медицины. Рашид аль-Дин не только собственноручно написал медицинскую энциклопедию, но и повелел составить трактат по китайской медицине на персидском языке, который сохранился по сей день.

Медицинские исследования с успехом продолжались при Тимуридах в XIV и XV вв. и в других персидских городах, а некоторые персидские врачи, как, например, Гийат аль-дин Исфакхани, писали трактаты по заказу османских султанов и даже преподавали медицину в османском мире.

При династии Сефевидов сохранилась и получила дальнейшее развитие большая часть наследия Тимуридов, а самый известный врач того времени Баха аль-Давлах, который первым детально описал сенную лихорадку и коклюш, жил как при Тимуридах, так и при Сефевидах. Его труд «Квинтэссенция опыта» (*«Хуласат-Таджариб»*), написанный по образцу энциклопедии *«аль-Хави»* Рази, является, возможно, важнейшим в области медицины при Сефевидах. В этот период проявлялся также большой интерес к хирургии, как видно на примере работы «Идеальная сокровищница» (*«Джахира-йе Камилех»*) Хакима Мухаммеда (ум. в XVII в.), полностью посвященной проблемам этого раздела медицины. Классические медицинские традиции продолжали успешно развиваться до самого конца сефевидского периода и далее в XVIII и XIX вв., когда в Иране, как и повсюду в исламском мире, европейская медицина стала вытеснять традиционную исламскую, если не полностью, то, по крайней мере, в весьма значительной степени, за исключением, пожалуй, п-ова Индостан.

ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ

В рассматриваемый период в Иране получили свое развитие различные ответвления естественных наук и география, которые мы, к сожалению, не можем рассмотреть в рамках данной работы. Однако необходимо все же упомянуть о развитии прикладных наук и технологий.

Исламская наука уделяла много внимания алхимии, которая представляла собой не просто прелюдию к появлению современной химии, но также и определенное искусство, и науку о душе и космосе. И те, кто стремился к совершенствованию искусства алхимии, помимо изучения теоретической стороны вопроса разрабатывали и инструментарий, ставший прообразом оборудования современных химических лабораторий. Самым известным исламским алхимиком был Джабир ибн Хайян (VIII в.), который, по некоторым сведениям, был родом из Хорасана. За ним следует Мухаммед бен Закария Рази, который первым сумел превратить алхимию в собственно химию, и которому ставится в заслугу открытие многих веществ, пригодных к использованию в медицине, например, спирта. И теория происхождения химии из опытов с кислотами берет свое начало в экспериментах с серой и ртутью, которые проводили эти и другие алхимики.

В этот же период персы разрабатывали методы строительства. И хотя письменных источников на данную тему практически не осталось, результаты в виде архитектурных шедевров, созданных на протяжении столетий, воистину поражают воображение (илл. 26, 27, 71, 89, 199). То же самое относится к разработке многих других технологий, например, изобретению красителей, которые позволяли создавать

великолепные цветные ковры, ткани, керамическую плитку, дошедшие сквозь века до наших дней. В том же духе персы развивали сасанидские технологии выплавки металла, строились оросительные системы, включая *канат* – систему подземных каналов, дамб и т.д., многие из которых существуют и сегодня. Иными словами, на протяжении тысячелетия, которое мы рассматриваем в настоящей главе, были разработаны многочисленные технологии – от развития металлургии до изготовления стекла, от использования кирпичной кладки в строительстве до окраски шерстяных тканей – все то, что не только облегчало жизнь людей, проживавших на Иранском нагорье, но и способствовало появлению многочисленных произведений персидского искусства, причем некоторые из них считаются величайшими мировыми шедеврами. Более того, именно через Иран многие технологии китайского происхождения попадали в арабский мир и на Запад, и главная из них – способ производства бумаги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Персидская культура в исламский период, хотя и подвергшаяся влиянию как с Востока, так и с Запада, все же добилась собственных замечательных результатов практически во всех сферах человеческой деятельности. Исламская культура Ирана в такой степени способствовала расцвету философии, науки, литературы, искусства, что и большинство историков, и весь исламский мир в целом стали теперь уже привычно именовать «персидскими» и «иранскими» те регионы исламской цивилизации, где проявились эти достижения. Ее влияние простерлось далеко за пределы чисто исламского мира, на цивилизации, в развитие которых Персия внесла заметный вклад, – Китай, Юго-Восточную Азию – на Востоке, Византию и латинскую Европу – на Западе. Классическая персидская культура остается также душой современной иранской культуры и во многом жива до сих пор. Выходя далеко за рамки просто предмета исторического интереса, эта культура сегодня является тем стержнем, который объединяет людей, живущих в Иране, связывает их с их древней историей и с остальным исламским миром, и даже шире – со всем миром, благодаря универсальным ценностям, которые поддерживают его наиболее восприимчивые и мудрые представители.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящем обзоре мы использовали оба названия – «Иран» и «Персия» и производные от них прилагательные – «иранский», когда речь идет о названии страны (за исключением случаев, когда мы говорим о Персидской империи), и «персидский» – для обозначения языка, культуры и народа.

² Имеются некоторые разногласия относительно темпов распространения ислама в Персии, но в любом случае известно, что еще даже в X в. в Иране существовала значительная доля населения, исповедовавшего зороастризм. По данному вопросу см.: *Shaban*, 1971: pp. 479–490; *Shaban*, 1970; *Madelung*, 1988; *Zarrinküb*, 1975; *Spuler*, 1952.

³ Существует ряд исследований по истории персидской литературы – от классической работы *E. G. Browne* до публикаций *A. J. Arberry*, *J. Rypka* и *A. Bausani*. Но самое подробное и авторитетное исследование в этой области принадлежит *Safā, Dh. «Тарих-э адабийят дар Иран»*, на сегодняшний день – в семи томах, начиная с самого раннего периода и вплоть до XVIII в.

⁴ Первым исламским философом в Иране был не Фараби, а Ираншахри, работы которого утрачены, но ссылки на которые сохранились в работах Бируни, Насири Хосрова и других. На наш взгляд, среди ранних авторов следует упомянуть иранских философских мыслителей исламского периода и философов исмаилитской школы, уже названных, наряду с автором или авторами загадочной «Умм аль-китаб», увидевшей свет в VIII в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- РОЗЕНФЕЛЬД Б.А. 1983. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды. – М.
- CORBIN, H. 1993. The History of Islamic Philosophy. London (French original: Histoire de la philosophie islamique. Paris 1964).
- ELGOOD, C. E. 1951. A Medical History of Persia and the Eastern Caliphate from the Earliest Times until the Year AD 1932. Cambridge.
- FRYE, R. N. 1976. The Heritage of Persia. London.
- HAMARNEH, S. K. 1983. Health Science in Early Islam, (ANEES, M. A. (ed.)). Blanco. Texas.
- HARTNER, W. 1968. Oriens–Occidens. Hildesheim.
- KENNEDY, E. S. 1983. Studies in the Islamic Exact Sciences. Beirut.
- KING, D. 1986. Islamic Mathematical Astronomy. London.
- MADELUNG, W. 1988. Religious Trend in Early Islamic Iran. Albany. New York.
- NASR, S. H. 1971. Islamic Spirituality – Manifestations. Part I, pp. 3 ff.
- 1975–1991 An Annotated Bibliography of the Islamic Science. Tehran
- 1987. Science and Civilization in Islam. Cambridge.
- 1991. Theology, Philosophy and Spirituality, In: NASR, S. H. (ed.), Islamic Spirituality – Manifestations. New York, pp. 395 ff.
- 1993. An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines. Albany, New York, pp. 105 ff.
- 1995. Islamic Science – An Illustrated Study. Chicago.
- 1996. The Islamic Intellectual Tradition in Persia. London.
- NASR, S. H.; LEAMAN, O. (eds) History of Islamic Philosophy. Routledge. London.
- SAYILI, A. 1960. The Observatory in Islam. Ankara.
- SCHIMMEL, A. M. 1975. Mystical Dimension of Islam. Chapel Hill, North Carolina.
- 1982. As Through a Veil. New York, pp. 49 ff.
- SEZGIN, F. 1970–1974. Geschichte des arabischen Schrifttums, Vols 3–5. Leiden.
- SHABAN, M. A. 1970. The 'Abbasid Revolution. Cambridge.
- 1971. Khurāsān at the Time of the Arab Conquest. In: BOSWORTH, C. E. (ed.) Iran and Islam. Edinburgh. pp. 479–490.
- SHARIF, M. M. 1963–1966 (ed.) A History of Muslim Philosophy. Wiesbaden.
- SPULER, B. 1952. Iran in frühislamischer Zeit. Wiesbaden.
- TRIMINGHAM, J. S. 1971. The Sufi Orders in Islam. Oxford.
- ULLMANN, M. 1972. Die Natur-und Geheimwissenschaften im Islam. Leiden.
- YOHANNAN, J. 1977. Persian Poetry in England and America. New York.
- ZARRĪNKŪB, 'A. 1975. The Arab Conquest of Iran and its Aftermath. In: FRYE, R. N. (ed.) The Cambridge History of Iran. Vol. 4. Cambridge.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Мухамед С. Асимов и Нуман Негматов

В конце VII и начале VIII в. исторические области Бактрия, Маргиана, Парфия, Согд, Хорезм и соседние с ними оазисы, степные и горные районы были завоеваны Арабским халифатом в ходе нескольких походов на них, и на этих территориях было создано удельное княжество Хорасан со столицей в городе Мерв. Помимо Ирана и Хорасана в него были постепенно включены все территории к северу и востоку от Амударьи, и все эти владения халифата стали именоваться *Мавераннахр*, буквально «то, что находится за рекой», т.е. земли, лежащие за рекой Окс (древнее название Амударьи) (*Gafurov, 1972*). Позднее этот регион получил название Центральная Азия. В VII и VIII вв. Мавераннахр, таким образом, оказался в экономической, торговой и идеологической сфере влияния крупнейшей империи того времени – Арабского халифата.

Период раннего средневековья стал свидетелем исторического процесса чрезвычайной важности – формирования таджикской нации на базе целого ряда этнических групп: согдийцев, бактро-тохар, маргиано-парфян (хорасанцев), хорезмийцев и ферганцев, а также степных и горских племен саков, массагетов, канглов – всего местного восточно-иранского этнического, языкового и культурного субстрата Трансоксании. Этногенез современных таджиков, начавшийся в рамках государства Сасанидов в Хорасане, впоследствии распространился и на регион Трансоксании и в основном завершился в границах государства Саманидов (карта 18) на огромных пространствах от Гиндукуша и Тянь-Шаня до Каспийского моря и Памира (*Негматов, 1990*).

С VI по VIII в. в степях северной Трансоксании и некоторых районах в бассейне Сырдарьи шел еще один исторический процесс, вызванный приходом сюда и расселением тюркских племен и кланов и образованием на этих землях первых тюркских племенных объединений, явившихся ранней тюркской этнической подосновой будущих тюркских народов в регионе (*Баскаков, 1990*).

Местная власть, военные силы и миссионеры Омейядского халифата насаждали ислам всеми доступными способами. Были захвачены Бухара, Самарканд, Мерв, Балх, Герат и другие большие и малые города (*The History of Bukhārā, 1954*). Арабское завоевание привело к постепенному разрушению многих аспектов доисламской культуры.

Ограничения политических и религиозной свобод в VII–X вв. стали причиной ряда мощных народных выступлений против Омейядов и способствовали возникновению движений в защиту культуры и науки. Особенно заметной была деятельность движения «носителей белых одежд», последователей Муканны. Существовало также движение сопротивления засилью арабской культуры, которое возглавляли представители интеллектуальной части населения и которое получило название шуубиты (*шу убийя* – производное от слова «народ»).

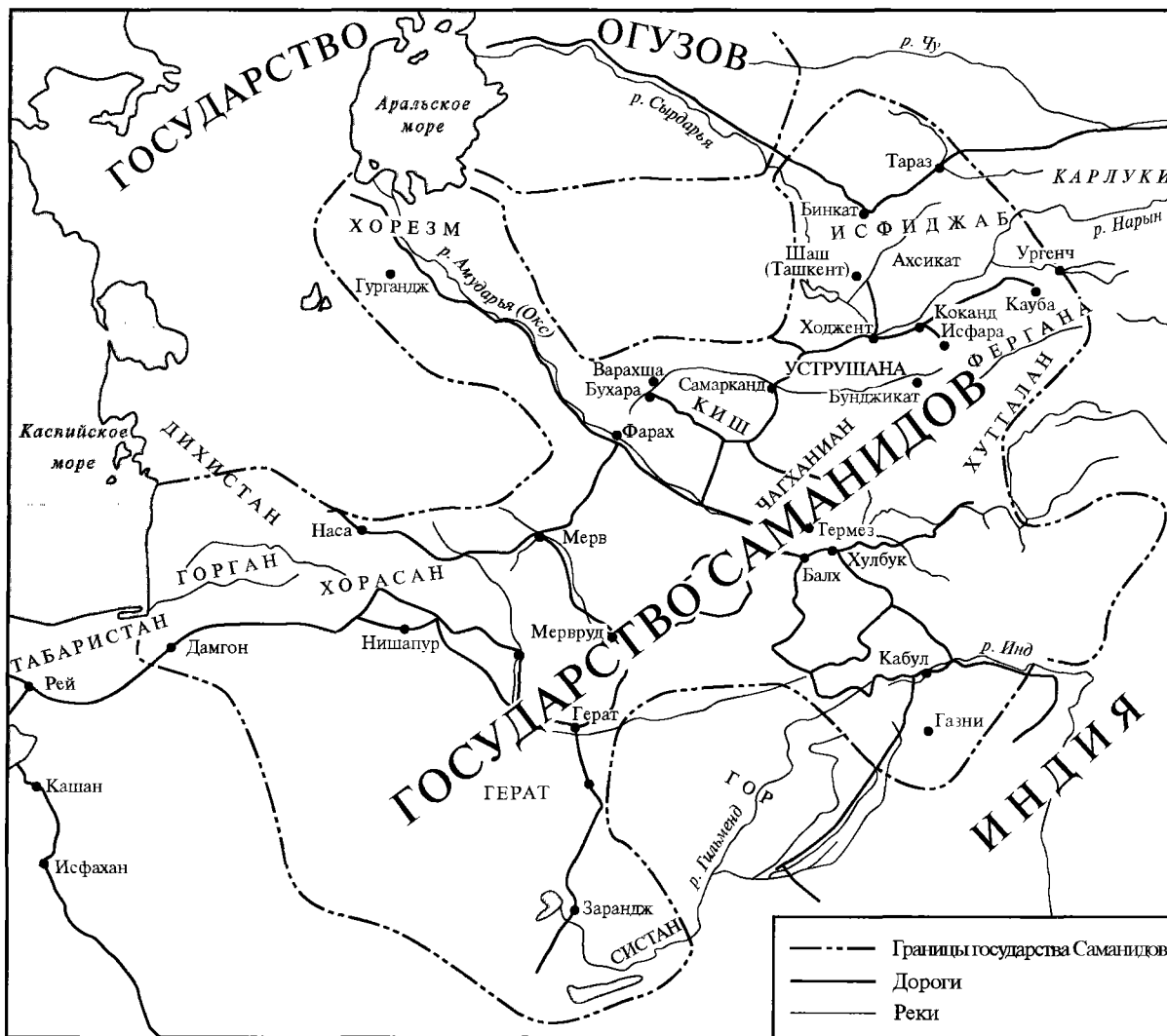
Захватившая власть династия Аббасидов вынуждена была поменять политику в отношении восточных земель халифата и стала привлекать персидскую, таджикскую и тюркскую военную и интеллектуальную элиты к совместному управлению халифатом в целом, и в Хорасане в частности, где в г. Мерв будущий аббасидский халиф аль-Мамун (813–833 гг.) несколько лет учился в обстановке высококультурного иранского окружения (илл. 214, 215). Так на историческую сцену вышли Бармакиды из Балха, Афшины из Уструшана, Тахириды, Сафарида и, наконец, Саманиды. Постепенно сформировались условия для образования полусамостоятельных государств Тахиридов и Сафаридов, а затем уже и полностью независимого таджикского государства Саманидов (819–999 гг.) со столицей в Бухаре. Это высокоцентрализованное государство объединило все территории, населенные восточными иранцами (таджиками) от Газни и Герата на юге, Балха, Нишапура, Мерва, Бухары, Самарканда, Ходжента, Пенджикента, Хулбука и Термеза в центре, до Гурганджа и Тараза на севере.

Здесь были собраны воедино экономические, политические, технические и культурные ресурсы государства, и в течение 150 лет крестьяне, ремесленники, торговцы, учителя, поэты, архитекторы, строители, защищенные от опустошительных набегов степных кочевников и других завоевателей, получили возможность плодотворно работать и создавать в мирных условиях.

На историческую сцену вышли такие государственные деятели, как Ахмад ибн Асад и Исмаил ибн Ахмад, основатели династии Саманидов и их визири Балами и Джайхони (илл. 195).

Достижения в интеллектуальной сфере в IX–X вв. оказали значительное влияние на развитие всего общества, его экономики, на государственное устройство. В целом эпоха Саманидов стала периодом возрождения местного самоуправления, местных традиций и временем расцвета экономики. Именно в IX и X вв. у таджиков происходило формирование государственности. Одновременно более широкое распространение стали получать таджикская наука и литература, внесшие огромный вклад в общую сокровищницу человечества. В это же время в Хорасане и Мавераннахре сформировался классический литературный персидский язык (фарси) – *дафи*, которому суждено было стать языком межнационального общения огромного азиатского региона и признанным языком поэзии. Известный специалист по Ирану А.М. Оранский (1960 г.) писал:

«Когда в IX и X вв. в восточной части Арабского халифата, в Хорасане, Систане, Мавераннахре были созданы подлинно независимые государства с местными династиями, сложились благоприятные условия для развития письменной литературы на персидском языке,

Карта 18. Государство Саманидов между 874 и 999 гг. (рис. Негматова)

который к этому времени уже стал родным языком для большинства населения этих обширных провинций».

В Бухаре в период Саманидов усилиями целого созвездия поэтов были созданы ставшие классическими многочисленными жанры таджикско-персидской поэзии. Наиболее видной фигурой среди них был Абу Абдаллах Джафар Рудаки, родившийся в таджикском селении Пянджруд в 100 км к востоку от Самарканда. Поскольку он был широко известен как поэт и музыкант, его пригласили ко двору Саманидов в Бухаре. К сожалению, сохранилось лишь несколько тысяч из 1,3 миллиона *бейтов* – написанных им двустиший. Это он создал и довел до совершенства такие литературные жанры, как *касыда* (панегирик) и *газель* – глубокомысленные, исполненные мудрости стихи. Он был автором и целого ряда поэмы дидактического содержания, часть из которых дошли до наших дней. Основы героического эпоса заложил Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед Дакки, успевший до своей трагической смерти написать около 1000 двустиший «Шахнаме». Его усилия продолжил Фирдоуси, «чье творчество по самой его природе следует отнести к саманидскому кругу» («История персидской и таджикской литературы», 1970 г.).

«Шахнаме» Фирдоуси, в силу своего гуманизма, безусловно, относится к шедеврам мировой литературы. Главными источниками, из которых поэт черпал вдохновение при написании этого творения, было прозаическое произведение «Шахнаме» Абу Мансура и книга Азада Сарва

Мерви. Фирдоуси широко пользовался народными сказаниями, древним устным фольклором и историческими преданиями. В «Шахнаме» нашли полное отражение философские и научные идеи того времени, а также этические нормы и народная мудрость. Лейтмотивом этого произведения выступает борьба добра со злом, осуждение братоубийственных войн и восхваление мира. «Шахнаме» – это также эпическая история правителей Ирана.

Эпические стихотворные произведения поэты писали на темы, которые они черпали из истории царствования Александра Македонского. Три таких сочинения, которые, к сожалению, не сохранились, написал Унсури. Эти традиции продолжил Фахр ад-дин Гургани в поэме «Вис и Рамин», сюжет которой напоминает фавулу «Тристана и Изольды».

Авиценна ввел понятие философского четверостишия – *рубайи*, выражающего законченную мысль, которое Омар Хайям, также уроженец Хорасана, довел до совершенства.

Природные условия в низовьях Амударьи и в районе Аральского моря вынуждали местное население вести бесконечную борьбу за выживание, что заключалось главным образом в строительстве и поддержании в рабочем состоянии оросительных систем в сельском хозяйстве и в снабжении водой городов. У Геродота есть указание на то, что р. Окс (Амударья) была разделена на 360 каналов и впадала в Аральское море по 40 рукавам. Оросительные системы в этом регионе строились и перестраивались непрерывно. Основные каналы достигали 60–70 км в длину и 20–40 м в ширину. Их рыли с учетом определенного

перепада высот в начальной и конечной точках канала, с тем чтобы скорость течения в нем позволяла воде самоотекать на поля. Существовал также технически сложный и трудоемкий способ подземного орошения (*карез*), при котором делались фильтрационные галереи с вертикальными колодцами, использовавшимися в ходе их строительства и обслуживания.

Разветвленная оросительная сеть существовала в долине р. Зерафшан, в частности, в Бухарском оазисе. На главном Зерафшанском канале были построены дамбы со шлюзами для отвода воды в боковые каналы. На других территориях Трансоксании также проводились водосберегающие работы (*Гулямов, 1957*). Крестьяне, проводившие эти работы, руководствовались своими знаниями сезонных и календарных циклов, сверяя их с положением Солнца и звезд. Они также проводили обследование земель и наблюдения за сельскохозяйственными угодьями, изучали поведение рек Амударьи и Сырдарьи и рукавов в их дельтах. Короче говоря, они накапливали большой объем информации о земле, воде, окружающей среде, которая была жизненно важна для успешного ведения сельского хозяйства.

Получили развитие горное дело и металлургия. Из письменных источников и из археологических материалов нам известен длинный список полезных ископаемых, добывавшихся в Центральной Азии. В Бадахшане, Карране, Рушане, Шугране добывали гранаты, рубины, серебро, золото, лазуриды, горный хрусталь, асбест. В Хутталане добывали золото и серебро, а в горах Махастана – каменную соль. Золото, серебро, сульфаты, железо, медь, аммиачная селитра и каменная соль встречались в Уструшане, а в Фергане были золотые и серебряные копи, добывались минеральные смолы, асбест, железо, медь, свинец, ртуть, аммиачная селитра, каменный уголь, олово, нефть и другие минералы и природные ископаемые. В Илаке в X в. были запасы серебра и свинца, уступавшие по мощности лишь панджширским шахтам Гиндукуша. Добывались также каолиновая глина, тигельная глина, абразивный камень, квасцы, аметисты, серпентин и бирюза.

Археологи и геологи обнаружили остатки целых рудодобывающих районов с добывающей инфраструктурой X–XII вв. в долинах Базардара и на западе Памира (Пшарт), а также остатки крупнейших средневековых разработок серебра и свинца в Кони-Мансуре в холмах Карамазара рядом с Ходжентом и шахтерского поселка, датируемого IX–X вв. В районе Кони-Мансура в средние века велось не менее десяти крупных разработок, а в горах Илака самыми крупными после Кони-Мансура разработками были месторождения в Алтынтепкане.

Археологические и геологические исследования показали, что методы разведки и добычи полезных ископаемых были весьма совершенны. Железную руду добывали путем проходки вертикальных и наклонных шахт, горизонтальных галерей и устройства камер, а также открытым способом. Шахты достигали глубины более 150 м. Добывали руду почти повсеместно с помощью нагрева породы с последующим резким охлаждением ее холодной водой. Затем появился шахтерский инструмент: железные и деревянные клинья, каменные и железные молотки, кирки, мотыги, лопаты и т.д. Шахты и галереи укреплялись деревянными подпорками, столбами и стропилами, а также сводами и колоннами из самой скальной основы. Был придуман и «высокотехнологичный» способ сборного крепежа. Освещение в шахтах осуществлялось с помощью ламп, обеспечивалась вентиляция выработок, их дренирование по подземным каналам. Руду подавали на поверхность с помощью деревянных воротов или по ступенчатым проходам.

В X в. были предприняты большие усилия по развитию металлургии. По свидетельствам аль-Бируни, кузнецы и металлурги Трансоксании и Хорезма производили четыре типа черных металлов: кованое железо, мягкую сталь, чугун и тигельную сталь. Одним из центров по

производству стали (в частности, для получения затем дамасской стали) был Герат, где из стальных заготовок ковали «индийские» сабли. Еще одним крупным центром металлургии был город Марсманд в богатом железной рудой районе Минк в Уструшане.

Из имеющейся информации можно сделать вывод, что технология производства и обработки металла того времени была весьма совершенна и опиралась на научные изыскания. Методика и технология металлургического процесса были разработаны во всех деталях. В частности, большого совершенства достиг процесс производства серебра и свинца, который состоял из четкой последовательности операций (добыча, обогащение и купельция). Имеются также сведения, что в металлургии использовались достижения алхимии.

Развитие орошаемого земледелия, горного дела и металлургии, особенно в IX и X вв., позволило обеспечивать ремесленное производство весьма разнообразным сырьем. Процветанию ремесел способствовало также бурное развитие городов, где, собственно, и производилась и потреблялась большая часть товаров. Важную роль в производстве высококачественной бумаги играл Самарканд, откуда китайская технология производства бумаги распространилась на весь исламский мир.

Одним из наиболее развитых и жизненно важных ремесел было производство большого ассортимента тканей, одежды и других предметов из шерсти и хлопка. Другие сферы деятельности включали производство всевозможной металлической утвари, инструментов и оружия, глазурованных и простых гончарных изделий – кухонной посуды, фаянсовых изделий, сосудов, предметов повседневного пользования – стеклянных сосудов для косметики и фармацевтики, ваз и других емкостей, оконного стекла, изделий и одежды из кожи. Следует упомянуть также и о роскошных украшениях и ювелирных изделиях из металла, камня и искусственных материалов (глина, стекло и пр.). Большим спросом пользовались изделия художественных промыслов – резьба по дереву и металлу, деревянные статуэтки и фигурки из искусственного мрамора, произведения живописи и скульптуры. Существовали профессиональные ассоциации и гильдии, школы и мастерские архитекторов, ювелиров, художников, достигших высокого мастерства в своем деле. Исторические города Самарканд, Мерв, Пенджикент, Хулбук, Термез, Варахша и многие другие средневековые города, открытые археологами и вызывающие восхищение в наши дни, были творением рук этих мастеров (илл. 214).

Бурное развитие переживали многие области знания, включая математику, астрономию, медицину, химию, ботанику, географию, геологию, минералогию, историю, философию и литературу (*Джалилов, 1973*).

Центральная Азия была, прежде всего, одним из основных мировых центров развития точных наук. Здесь получила мировую известность целая плеяда блестящих ученых, чьи труды дали очень многое для последующего развития средневековой математики и астрономии как на Востоке, так и в Европе. Одним из их числа был замечательный хорезмский энциклопедист, математик, астроном и географ Абу Джафар Мухаммед бен Муса аль-Хорезми (ок. 780 – ок. 850 гг.), также известный под именем аль-Маджуси, основатель математической школы в государствах арабского Халифата. Аль-Хорезми проводил большую часть своих научных изысканий в Багдадской академии, известной как «Обитель мудрости» (*Бейт аль-хикма*). В своем трактате «Сложение и вычитание в индийской арифметике» (*«Китаб аль-джем ва ль-тафрик би хисаб аль-Хинд»*) он впервые познакомил арабов и европейцев с индийской системой чисел (*Sarton, 1949*). В другом трактате «Книга о восстановлении и противопоставлении» (*«Китаб аль-джебр ва ль мукабала»*) аль-Хорезми впервые вводит в оборот термин «алгебра» (*аль-джебр*). Две эти работы по

арифметике и алгебре принесли аль-Хорезми мировую известность. Еще одним его трудом огромного значения стал *зидж*, или астрономический календарь, состоявший из астрономических таблиц с теоретическим комментарием, который еще долго использовался в последующих исследованиях в этой области андалусским астрономом Маслама аль-Маджрити (ок. 1007 г.). В своем труде по математической географии «Книга описаний Земли» или «Картина населенных пространств» (*«Китаб сурат аль-ард»* или *«Расм аль-рубу аль-ма'мур»*), написанном в виде таблиц-зидж, он указал географические координаты 537 городов в семи климатических зонах и 209 горных вершин. Он описал моря, острова и реки, подверг пересмотру более ранние описания климатических зон, составил собственные карты. Этот труд открыл новую эру в географии и использовался позднее, в XI в. при составлении «Толедских таблиц». В XII в. он был переведен на латинский язык и его латинизированная форма «алгоритм» стало применяться для обозначения любых систем счета и регулярных вычислительных процедур.

Перечень имен других известных ученых включает Ахмада Абуль-'Аббаса аль-Сарахси (ум. в 860 или в 861 г.), автора работ по алгебре, арифметике, музыке и логике; Ахмада ибн Абдаллаха аль-Марвази (аль-Хабаш аль-Хасиб), специалиста по тангенсам, котангенсам и их таблицам (ум. ок. 870 г.); Абу Машар Джафара ибн Мухаммеда аль-Балхи (ум. в 886 г.), автора 40 работ по астрономии; Абу ль-Аббаса Ахмада аль-Фергани (IX в.), который был известен в Европе вплоть до XVIII в. по его трактату «Книга о небесных движениях и антология наук о звездах» (*«Китаб фи-харакат аль-самавийя ва йавами ильм аль-нуджум»*), переведенной в XII и XIII вв. на латинский и другие европейские языки; астронома Абу Хамида аль-Астурлаби Сагхани (ум. в 989 или в 990 г.); математика и астронома Ахмада Саджизи; Абу Наср ибн Ирака из Хорезма, учителя аль-Бируни; Абу Махмуда аль-Худжанди, астронома и создателя астрономических приборов; Абу ль-Вафа аль-Бузджани (940–998 гг.), специалиста в области тригонометрии.

Многие таджикские ученые оставили след в истории географии: Хафиз ибн Мансур аль-Марвази (автор «Книги о налогах в Хорасане»); литератор и географ Ахмад аль-Сарахси (ум. в 899 г.); Абуль-Аббас Джафар аль-Марвази; известный географ Ибн Хуррададхби, автор «Книги о дорогах и царствах» (*«Китаб аль-масалик ва ль-мамалик»*); основатель классической школы арабоязычных географов Абу Зайд Ахмад аль-Балхи (ок. 850–934 гг.), автор 60 работ; географ, путешественник и поэт Абуль Муайяд аль-Балхи (X в.) и Абу Абдаллах Мухаммед аль-Джайхани, образованный визирь саманидского эмира Насра II.

Значительного прогресса в саманидский период достигли медицина и врачевание. Основатель саманидской школы врачей Абу Бакр Мухаммед ибн Закария ар-Рази (865–925 гг.) был известен в Европе под именем Разес. Он написал первый в истории трактат по медицине с описаниями оспы и кори (*«Китаб аль-Джадари ва ль-хасба»*) и большой медицинский справочник «Книга, посвященная царю Мансуру» (*«Китаб аль-Мансури»*), а также «Всестороннюю книгу» (*«Китаб аль-Хави»*). Он систематизировал и обогатил знания о медицине своим клиническим опытом, черпая многое из работ ученых-медиков античного периода, особенно Гиппократ и Галена, «проводил опыты по определению удельного веса веществ с помощью гидростатических весов. Кроме того, он делал попытку классификации химических веществ» (Sarton, 1949).

Среди медиков-ученых и практиков X в. можно назвать Абу Бакра Ахавайни аль-Бухари, или «того, кто из Бухары», автора «Книги о пульсе» (*«Китаб-и Набз»*) и «Книги об анатомии» (*«Китаб-и Таширх»*); Хакима Майсари, автора «Книги мудрости» (*«Данишنامه»*); врача и фармаколога Абу Мансура Мунафика аль-Харави («того, кто из Герата»), автора справочника на персидском языке о 585 лекарствах;

Абу Мансура аль-Бухари (ум. в 991 г.), автора ряда работ по медицине, также на персидском; Абу Сахла Масихи (ум. в 1000 г.), автора медицинского травника «Книга из ста глав», одного из учителей Авиценны и друга Аль-Бируни; просветителя в сфере медицины Абу Сахла ибн Абдаллаха Натили и химика-фармаколога Абу ль-Хакима Мухаммеда ибн Абд аль-Малика аль-Хорезми.

Успехи в области медицинской науки и практики подготовили почву для появления самого выдающегося медицинского мыслителя средневековья Абу Али Ибн Сины (Авиценны).

Развитие медицины шло в тесной связи с развитием химии. Химики проводили многочисленные опыты, открывали новые препараты, усовершенствовали методы получения веществ и совершенствовали химическое оборудование. Они оставили систематизированные описания своих методов исследования: растворения, фильтрации, плавления, перегонки, кальцинирования, амальгамации и т.п.

В период с VII по X в. появились также работы по истории и филологии. Они включают 10-томную историко-литературную антологию «Источники известий», справочник «Книга о науках» (*«Китаб аль-маариф»*), библиографический словарь «Книга поэзии и поэтов» (*«Китаб аль-шир ва ль-шуара»*), а также учебник по секретарскому делу «Хорошие манеры переписчика» (*«Адаб аль-катиб»*), автором которых был Ибн Кутайба (IX в.). Центральноазиатскими учеными написаны также «История Багдада» (автор – Ахмад ибн Аби Тарих Тайфур), «История Сафаридов» (Абу Абдаллах Мухаммед аль-Ахбари), «История Бухары» (Абу Абдаллах Мухаммед аль-Бухари), «История, касающаяся хроник царств Хорасана» (*«аль-Тарих фи ахбар вулат Хурасан»*) (Абу Али Хусейн ибн Ахмед аль-Салами аль-Байхаки (*al-Bayhaqi*)). И, наконец, «История Бухары» (*«Тарихи Бухара»*), была написана блестящим таджикским историком Абу Бакром Мухаммедом ибн Джафаром Наршаки (ум. в 959 г.).

Особого внимания заслуживает работа выдающегося таджикского историка Абу Али Мухаммеда аль-Балами (ум. в 974 г.), визиря Саманидов, который сделал сокращенный перевод с арабского на персидский всеобщей «Истории посланников и царей» (*«Тарих аль-русул ва ль-мулук»*), написанной аль-Табари, включив в перевод ряд собственных дополнений, почерпнутых из жизни иранского народа. Этот труд Балами пользовался большой популярностью и был переведен на турецкий, французский и даже обратно на арабский языки.

Центральноазиатские ученые сумели накопить колоссальный объем фактического материала о природе и обществе и провели широкие исследования во многих областях науки, тем самым подготовив почву для перехода к попыткам систематизировать весь этот объем знаний. И хотя подобного рода попытки предпринимались двумя вышеуказанными учеными и энциклопедистами Мухаммедом аль-Хорезми и Закария ар-Рази, вторым – в сфере математики и астрономии, а вторым – в области медицины и химии, тем не менее, обобщения универсального характера явились заслугой лишь трех выдающихся энциклопедистов Абу Насра аль-Фараби (873–950 гг.), Абу Али ибн Сины (980–1037 гг.) и Абу Рейхана аль-Бируни (973–1048 гг.). Они все родились в Центральной Азии на берегах той или иной из трех ее великих рек Сырдарья, Зеравшана или Амударья, на территории, где проживали восточные иранцы – таджики.

Абу Наср аль-Фараби был автором следующих работ: «Второй учитель» (*«Аль-Муаллим аль-Тхани»*); «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» (*«Рисала фи Мабади Ара Ахл аль-Мадина ат Фадила»*), трактат о том, как правильно управлять людьми; «Происхождение наук»; «Что следует знать, прежде чем браться за изучение философии»; «Геммы премудрости» (*«Фусус аль-хикам»*), комментарии к введениям в первую и пятую книги Евклида;

комментарии к «Альмагесту» Птолемея и «Трактат о том, что верно и неверно в приговоре звезд». Еще одна его работа – «Большая книга о музыке» («*Китаб аль-музыка аль-кабир*»).

Аль-Фараби, который обладал всесторонним мышлением в сочетании с исключительными способностями, стал одним из величайших мыслителей средневековья и основателем рационализма на Востоке. Он пользовался особенно большим авторитетом в сфере философии, логики, этики и музыки. Его называли «второй учитель», имелось в виду – после Аристотеля.

Перечень работ Абу Али ибн Сины включает «Канон врачебной науки» («*Аль-Канун фи'ль-тибб*»), «Книга исцеления» («*Китаб аль-Шифа*»), «Книга знания» («*Данишنامه*»), «Книга знамений и предостережений» («*Китаб аль-ишарат ва ль-танбихат*»), «Книга указаний и наставлений» («*Китаб аль-хидаят*»), «Трактат о секретах восточной мудрости» («*Расаиль фи астаф аль-хикма аль-машракийя*»), «Трактат о душе» («*Расалат фи ль-нафс*») и многие другие труды. На сегодняшний день известны свыше 40 его трудов по медицине, 185 – по философии, логике и теологии, 30 – по астрономии и естественным наукам, три работы по музыке, а также его литературные произведения «Послание о птицах» («*Расалат аль-Тайр*») и несколько великолепных социально острых стихотворений на его родном таджикском языке.

Ибн Сина был величайшим ученым средневековья и независимым, самобытным мыслителем. В своих работах он затрагивал проблемы таких наук, как медицина, философия, логика, психология, этика, математика, космография, химия, ботаника, лингвистика, музыка и другие. Он стремился стимулировать интерес к изучению природы, придавал большое значение опыту и практическим навыкам, методам объективного наблюдения. Особенно впечатляют его достижения в медицине, философии, логике и психологии. Его величайшим трудом является медицинская энциклопедия «Канон врачебной науки» в пяти частях, гениальный труд, который в течение многих веков изучали и который был обязательным руководством для врачей как на исламском Востоке, так и в средневековой Европе. Его переводили на многие языки, начиная с XII в. и только на латинском языке он выдержал около 30 изданий. В нем содержится общая теория медицины, анатомии, физиологии, хирургии, диагностики, терапии, лекарственных средств, профилактики болезней и хронических заболеваний (илл. 133, а–е).

«Ибн Сина установил инфекционную природу туберкулеза и факт передачи заболеваний через воду и почву. Его «Канон» содержит множество примеров исключительной наблюдательности автора, сумевшего отличить медиастинальную плевру от плеврита; показать заразную природу туберкулеза; выявить пути распространения болезней; дать тщательное описание кожных болезней, половых расстройств и извращенный, заболеваний нервной системы. *Materia Medica* («Канон») рассматривает также около 760 лекарств (Sarton, 1950).

Перу Абу Рейхана аль-Бируни принадлежат следующие труды: «Картография», «Астрология», «Хронология» (история предыдущих поколений), «Сферическая тригонометрия», «Удельные веса», «Геодезия», «Хорды», «Тени», «Прохождения через меридиан», «Рашики», «Наука о звездах», «Индия», «Канон Мас'уда об астрономии и звездах», «Минералогия» и «Фармакология». Здесь приведены сокращенные названия лишь самых значительных его трудов. Из общего количества 150 работ только 26 дошли до наших дней, включая некоторые многочисленные. Вся его жизнь была наполнена драматическими событиями, в ходе которых он показывал пример подлинного мужества и подарил миру огромный объем научных достижений.

«Такие его качества, как критический взгляд на вещи, терпимость, правдолюбие [и] интеллектуальная смелость были практически уникальны в средневековом мире... Среди его достижений – методика точного определения географической широты и долготы... Аль-Бируни обсуждал вопрос, вращается ли Земля вокруг своей оси или нет, не придя, однако, к определенному заключению... Он проводил исследования по определению удельного веса... Удивительно точно определил удельную плотность 18 видов драгоценных камней и металлов... [Он пришел к заключению, что] долину реки Инд следует рассматривать как бассейн древнего моря, заполненный наносными образованиями» (Sarton, 1949).

С именами Аль-Фараби и Ибн Сины связано распространение аристотелизма на исламском Востоке. Вслед за Аристотелем Ибн Сина проповедовал идею единой и вечной природы материального мира и его божественного создателя, а также важную роль человеческих чувств в процессе восприятия. В своих трудах по медицине и естественным наукам он придерживался принципов причинно-следственных связей. Эта позиция Аль-Фараби и Ибн Сины расходилась с каламом – мусульманским схоластическим богословием, официальной философией ислама. Сторонники калама (аль-Газали и Фахр аль-дин аль-Рази) отстаивали идею сотворения мира и зависимости этого мира от божественной воли.

В XI в. значительно усилились позиции исмаилитов, с которыми были тесно связаны философские взгляды таджикского поэта и мыслителя Насира Хосрова. Исмаилиты верили в гармоническое строение Вселенной (или «Макрокосма»), которое они связывали с гармонической природой человеческого тела («Микрокосмом»). В период с X по XIII в. широкое распространение получило весьма неоднородное философское течение суфизм, крайние идеи которого сочетали мистический пантеизм с элементами гуманизма. Главным апологетом философии суфизма был поэт и мыслитель Джалаледдин Руми, который был родом из Балха (Хорасан), но жил и умер в Конье, в Турции. В соответствии со взглядами Руми, мир пронизан борьбой противоположностей, стремящихся к достижению гармонии, и материальный мир можно понять только через постижение противоположностей. В своих произведениях «Маснави» (рифмованные двустишия) и «Диван» (сборник стихов) он проповедовал идеи гуманизма.

В центральной Азии, особенно в Бухаре, в рассматриваемый период исламские теологи стали активно собирать предания о деяниях и изречениях пророка Мухаммеда – хадисы. Самое известное из этих собраний принадлежало имаму Мухаммеду ибн Исмаилу аль-Бухари (810–870 гг.), пользовавшемуся широким авторитетом, особенно среди иранских и турецких мусульман.

Сохранились местные доисламские традиции в сфере изящных искусств. Так, например, архитектура развивалась на базе более ранних традиций, с использованием привычных технологий в планировке, строительстве, отделке. Даже новые исламские архитектурные формы использовали достижения прежних мастеров архитектуры. Например, первые исламские мавзолеи были построены в стиле ранних средневековых дворцов и доисламских усыпальниц или храмов. Основные стилистические каноны и мотивы традиционной архитектурной отделки также сохранились в исламский период (илл. 195).

Свидетельства единства критериев в искусстве саманидского периода мы находим в многочисленных архитектурных памятниках, произведениях живописи, образцах резьбы по дереву, изделиях из искусственного мрамора (стукко) и глины, в чеканке и резьбе по металлу, в ювелирных украшениях, изделиях из терракоты, изящной посуде и стекле из Самарканда, Пенджикента, Хулбука, Сайода, Аджинатепе, Балаликтепе и Варакша, а также в богатейшей коллекции образцов резьбы по дереву из долин рек Зерафшан и Исфара.

В этих произведениях с удивительным мастерством и с большой художественной силой отражено все богатство духовной культуры народов региона, от героического эпоса, представленного персонажами «Шахнаме» Джамшидом, Сиявушем и Рустамом, до божественных и демонических пантеонов Ахурамазды, Митры, Нанайи, Вешпаркара, Афрасиаба, Заххака и других.

Светские темы в изобразительном искусстве также играли очень большую роль и были частью грандиозного эпоса, посвященного борьбе сил добра и света с силами зла и тьмы. Он, в частности, получил отражение в настенной живописи на исторических памятниках в Пенджикенте (на севере Таджикистана), где изображены сцены борьбы Рустама с различными демонами и силами тьмы, а также в многометровых резных деревянных панно в Малом зале дворца Афшина с эпизодами боя между силами Фаридуна и кузнеца Кавы и войском жестокого царя Заххака из «Шахнаме». Оба эти памятника являются шедеврами мирового искусства. Еще один шедевр – Капитолийская волчица, кормящая двух младенцев Ромула и Рема, находится в том же дворце в Бунджикенте, столице Уструшаны. Многие другие памятники в Пенджикенте, Бунджикенте и в других упомянутых выше городах демонстрируют огромное разнообразие сюжетов в декоре, выполненных с различной степенью реализма и стилизации. Эти же сюжеты присутствуют практически на всех предметах прикладного искусства – домашней утвари, орнаментах, тканях, одежде, культурных предметах и т.п. (илл. 214).

В конце X в. в Семиречье возникло тюркское государство под предводительством хана из кочевого племени ягма, известного в истории как Караханиды. В 999 г. их орды захватили Бухару, и Саманидское государство пало под их натиском. Государство Караханидов простиралось от Кашгара до Амударьи, и Мавераннахр оставался под властью этих завоевателей почти два столетия. Власть Караханидов рухнула в 1212 г., когда весь регион вошел составной частью в государство Хорезмских шахов.

Одновременно с формированием государства Караханидов в центральной и северной частях современного Афганистана стало постепенно обретать форму независимое государство Газневиды. После падения Саманидов Газневиды взяли под свой контроль Хорасан, Хорезм, Чагханийан, Хутгалан, Рей и Пенджаб и таким образом превратили свое государство в одно из самых мощных на Среднем Востоке.

К середине XII в. в Хорасане появилось новое тюркское государство Сельджуков (по имени одной из ветвей тюрков-огузов) со столицей в Мерве. Сельджуки быстро покорили Иран, Ирак, Азербайджан, Курдистан, Кухистан, Армению и Малую Азию.

Являясь кочевниками, сельджуки вынуждены были для управления государством нанимать таджиков, персов и оседлых тюрков – представителей местной знати. Во второй половине XI в. на политическую авансцену вышел крупный политический деятель, таджик из Хорасана Абу Али Хасан ибн Исхак, известный под неофициальным титулом Низам аль-Мульк («Порядок царства»). Этот умный, образованный человек был визирем с 1063 по 1092 г. Используя опыт Саманидов, он навел порядок в управлении государством, много делал для сохранения саманидских культурных традиций и провел ряд реформ с целью ограничения произвола военных наместников и феодалов. Заботясь о главном – усилении власти Сельджуков и пополнении бюджета государства, Низам аль-Мульк не забывал также и о развитии культуры и образования и сам написал политический трактат «Книга о правлении» («Сиясатнаме»).

В течение XII и XIII вв. Трансоксания полностью или частично входила в состав того или иного политического формирования, в частности, с 1137 по 1216 гг. – в государство Каракитаев, позднее – в состав Хорезмского государства, с XI по начало XIII в. царствовавшего в самом Хорезме, а с конца XII в. до 1220 г. распространившего свою

власть на все пространство от северных прикаспийских территорий до Персидского залива и Гиндукуша.

Всеобщая катастрофа, постигшая народы всего региона, грянула в 1219–1220 гг. с нашествием орд Чингисхана. Первые удары прились на Отрар (древний город в среднем течении Сырдарьи. – *Прим. ред.*), Ходжент, Ургенч, Бухару и Самарканд. Беспощадному уничтожению подверглись население, вся жизненная инфраструктура и культурные ценности. В течение XIII и первой половины XIV вв. в Трансоксании монголами был создан Джагатайский (Чагатайский) улус (удел) Монгольской империи. Последствия полного краха городской жизни, культуры, торговли, сельского хозяйства в период первого удара удалось преодолеть лишь к концу XIII в. Это произошло благодаря возрождению торговли с Китаем по Великому Шелковому пути, а также денежной реформе, предпринятой в начале XIV в., которая смогла поправить ситуацию во внутренней торговле и развитии ремесел.

След за проникновением в Центральную Азию и расселением здесь тюркских кочевых народов сюда хлынули кочевые монгольские племена (барласы, илаиры и др.), что вызвало значительные изменения в этническом, языковом и культурном составе региона.

Письменное тюркское литературное наследие в Центральной Азии вырабатывалось на протяжении XI, XII и последующих веков. Вклад в него делали такие люди, как Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Хафиз Хорезми, Турди, Алишер Навои, Захиреддин Бабури и Бабарахим Машраб. На основе это наследия впоследствии получили свою собственную литературу узбеки, казахи, киргизы, уйгуры, туркмены и каракалпаки.

В XIV и XV вв. Центральная Азия оказалась под властью Тимура и династии Тимуридов. Сам Тимур (1336–1405 гг.) появился на политическом небосклоне Мавераннахра и Хорасана в период расдробленности и феодальных междоусобиц, которые раздирали этот регион в 1350-х – 1360-х годах.

При Тимуре и Тимуридах социальные отношения в Мавераннахре и Хорасане достигли наивысшего развития. Много было сделано для подъема сельского хозяйства и расширения возделываемых площадей и оросительных сетей. Значительно разрослись торговля и ремесла, процветала торговля с другими странами. Бурно развивались города, получили мощное развитие архитектура и строительные технологии, преуспевали прикладные виды искусства – производство гончарных изделий, керамической плитки как элемента архитектурного декора, чеканка и резьба по металлу, ювелирное дело, ткачество, вышивание. На базе этого расцвета местных художественных промыслов, в немалой степени благодаря использованию таланта ученых, архитекторов, художников, ремесленников, каллиграфов, поэтов, музыкантов и прочих знатоков своего дела, насильно привезенных из захваченных соседних государств, особенно из Ирана, в Трансоксании, в частности в Самарканде и Шахрисабзе, возник некий синкретизм стилей в архитектуре, архитектурном оформлении и в прикладных видах искусства.

Исключительно высокий уровень мастерства был достигнут в изготовлении манускриптов, каллиграфии и создании художественной миниатюры. Сформировались целые школы выдающихся каллиграфов в ряде культурных центров, но особенно в Герате. Здесь был разработан стиль письма, известный как *насталик*, одно из самых замечательных достижений восточной каллиграфии. Верхом совершенства в этой области в тот период, остающимся таковым и по сей день, стала рукопись, в которой каллиграфически была воспроизведена поэма Фирдоуси «Шахнаме». Среди известных каллиграфов можно назвать Аскара Герати, Султана Али и Султана Мухаммеда Хандаль. Из мастеров художественной миниатюры особой славой пользовались Хваджех Мухаммед Наккаш и Мирак Устад.

Последний был учителем широко известного восточного художника Камаля аль-дина Бихзада, миниатюры которого украшают древние рукописные книги, хранящиеся в крупнейших библиотеках мира, и который оставил миниатюрные портреты своих соотечественников, включая портрет Алишера Навои исключительной работы (илл. 3, 26, 27, 112, 113, 186, 211, 218).

XIV и XV вв. стали свидетелями удивительного расцвета таджикско-персидской и турецкой литературы. Достаточно указать имена Камаля Худжанди, Убейда Закани, Насири Бухари, Салмани Саваджи, Бадра Шаши, Васифи и Бадриддина Хилали. В XVI в. Самарканд и Герат стали главными центрами таджикско-персидской и турецкой литературы. Здесь жили и работали два самых крупных поэта того времени – Абдуррахман Джами (писал на персидском языке) и Алишер Навои (на тюрки и на фарси) (илл. 112). Литературное наследие Джами состоит из трех лирических сборников-*диванов*, книг притч «Весенний сад» («*Бахаристан*») и цикла поэм, собранных вместе под общим названием «Семь корон». Из последних особого внимания заслуживают поэмы «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун» и «Мудрость Александра».

Алишер Навои написал четыре сборника стихов (*диванов*) и пять больших поэм, известных под общим названием «Хамсе» («Пятерица»). Его произведения «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун» пользуются особой известностью. Под псевдонимом «Фани» Навои оставил после себя также сборник стихов на персидском языке.

Во времена правления самаркандского эмира Улугбека значительную социальную и образовательную роль стали играть медресе, школы, где готовили государственных чиновников, учителей, деятелей культуры и представителей духовенства. В Самарканде в медресе Улугбека преподавали астрономию и другие естественные науки, а также теологические дисциплины (илл. 136).

В XV в. особенно большой рывок вперед совершили математика и астрономия. Этому в значительной степени способствовало появление в Самарканде обсерватории, о строительстве которой позаботился Улугбек, и созданная на ее базе целой научной школы. Здесь работали такие великие ученые, как Кади-заде Руми (1360–1428 гг.), Джамшид Кашани (Кашаи) (ум. ок. 1430 г.), Ала аль-дин Али Куишчи (ум. в 1474 г.). Секстант, который построил здесь Фахри по чертежам более раннего астронома и мастера Абу Махмуда аль-Худжанди (X в.), имел в радиусе почти 40 м и был установлен в обсерватории. Точность наблюдений, проводимых в Самаркандской обсерватории, можно оценить хотя бы по тому факту, что ее собственная географическая широта и угол между плоскостями небесного экватора и эклиптики были определены с погрешностью, не превышающей несколько десятков секунд. Для того времени это была удивительная точность, учитывая, что все наблюдения велись невооруженным глазом. Самым выдающимся достижением астрономов обсерватории являются астрономические таблицы, в которых содержатся теоретические основы астрономии, а также новый каталог положений 1018 звезд, определенных впервые со времен Гиппарха и с точностью, непревзойденной вплоть до появления работ Тихо Браге.

В течение XV и XVI вв. было написано множество работ по истории. Особо следует отметить работы Абдаллаха ибн Лютаф Аллаха, известного также под именем Хафиза Абу («*Маджа аль-Таварих*»), Низама аль-дина Шами («*Зафарнаме*»), Шарафа ад-дин Язди («*Зафарнаме*») и Мирхванда с его многотомной общей хроникой («*Равзат аль-Сафа*»). Все эти работы являются основными источниками по истории Тимура и периоду его правления (илл. 186).

В XIV в. в Центральной Азии возникла известная суфийская община накшбандия. Ее основателем был некто Баха аль-дин Мухаммед, обычно известный как Баха аль-дин *Накибанд* («Художник»). Святые этой общины призывали

своих последователей не удаляться от суетного мира подобно отшельникам, а, наоборот, «пребывать в миру» и усердно «выполнять там свой скромный труд». Среди членов общины, так называемых «мастеров» («*хваджган*»), была такая выдающаяся личность, как *Хваджех* (Мастер) Ахрар. Эти люди играли важную роль духовных лидеров при Тимуре и его преемниках.

При Тимуре и его последователях бурное развитие получило градостроительство, особенно в двух столицах – Самарканде и Герате, но также и в родном городе Тимура Шахрисабзе и таких крупных городах, как Бухара, Ходжент, Термез. Значительно был перестроен Самарканд, где были выпрямлены улицы и кварталы города, а также построен новый центр (площадь Регистан) с прилегающими архитектурными комплексами и лавками ремесленников и торговцев. Среди построенных великолепных памятников архитектуры мечеть Тимура, медресе Ханым, мечеть Биби-Ханым и медресе Улугбека на площади Регистан, а также мемориальный ансамбль Шахи-Зинда и мавзолей Гур Эмир. В Шахрисабзе (в раннее средневековье назывался Кеш. – *Прим. ред.*) был построен Ак-Сарай («Белый дворец»), «Дом золотых дел мастеров» («*Дар аль-Тилават*») и «Дом Владыки» («*Дар аль-Сиядат*»). В Бухаре было возведено медресе Улугбека и ряд других зданий. В Ходженте также строили новый комплекс зданий в центре города – «Рынок четверга» («*Пянджиамбах*») и грандиозный культовый комплекс «*Сайх Муслим аль-Дин*». В Герате были построены несколько мечетей и медресе (илл. 26, 27).

Вокруг Самарканда были разбиты парки и сады с дворцами, павильонами, клумбами, системами полива и ажурными крытыми оранжереями: «Сад, изображающий весь мир» («*Багх-и Накиш-и Джахан*»), «Райский сад» («*Багх-и Бихишт*»), «Сад, расширяющий сердца» («*Багх-и Дильгуша*»), «Сад северного ветра» («*Багх-и Шамаль*»), «Сад-поле для игры в поло» («*Багх-и Майдан*»), «Вороний сад» («*Багх-и Загхан*»), «Сад платонов» («*Багх-и Чинар*») и «Новый сад» («*Багх-и Нав*») – всего 12 садов, согласно письменным источникам. Города были обнесены новыми защитными стенами с круглыми башнями и укрепленными воротами и окружены рвами с водой.

Искусство эпохи Тимуридов было, без преувеличения, исполнено сияющего гуманизма. В творческом поиске архитекторов, художников, каллиграфов, специалистов по керамике того времени прослеживаются новаторство и стремление к прорывам в своих областях, которые нашли воплощение в колоссальных и в то же время изысканных архитектурных комплексах Самарканда, Бухары, Герата и Шахрисабза и в отдельных шедеврах, таких, как мавзолей Мухаммеда Башара в Пенджикенте, мечеть Кок-Гумбаз («Голубой купол») в Ура-Тюбе и усыпальница Хаджа Ахмеда Ясави в г. Туркестан (*Пугаченкова и Ремпель*, 1965 г.).

Вне всякого сомнения, Центральная Азия в период с VII по XIV в. была одним из самых культурно развитых регионов исламского мира. Но центральноазиатская цивилизация развивалась в тесном соприкосновении с культурами практически всего мира, в частности, Ирана, Китая, Индостана, арабских стран. Но, конечно, ближе всего она была связана с Ираном.

Более того, народы этого общего центральноазиатского – иранского региона часто почти все оказывались подданными одних и тех же государств или государств со схожими системами государственного устройства. Таджиков и персов к тому же объединяли еще и общий язык и литература. Среди великих центральноазиатских поэтов, писавших на персидском языке и в равной мере причастных к созданию этого общего культурного наследия, назовем Рудаки, Насири Хосрова, Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади, Хафиза, Камалю Худжанди, Джалаледдина Балхи (или Руми) и Абдуррахмана Джами. К этому списку можно было бы с полным основанием добавить многие имена поэтов, писавших на персидском языке и живших на территории

Индостана, многие из которых, как, например, выдающийся мастер Амир Хосров Дехлеви из Дели, гордились своими центральноазиатскими корнями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абу Али ибн Сина и его эпоха (К 1000-летию со дня рождения). 1980. – Душанбе.
- АСИМОВ М.С. 1985. Аль-Хорезми и опыт культурно-исторического синтеза. В кн.: Великий ученый средневековья аль-Хорезми. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 1200-летию со дня рождения. – Ташкент, с. 13–15.
- 1988. Величие Авиценны: Торжество разума. Материалы Международного семинара, посвященного 1000-летию со дня рождения Абу Али ибн Сины (Авиценны). – Изд-во Дониш. – Душанбе, с. 3–18.
- 1990. Историко-культурные аспекты этногенеза народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I. Общие вопросы. – М.
- БАСКАКОВ НА. 1990. Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии. В: Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I: Общие проблемы. – М., с. 76.
- БИЛЯЛОВ А.И. 1980. Из истории ирригации Уструшана. – Душанбе.
- БУЛАТОВ М.С. 1978. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. – М.
- ДЖАЛИЛОВ А.Д. 1973. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем средневековье. – Изд-во Ирфон. – Душанбе.
- ГАФУРОВ Б.Г. 1972. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., с. 303–316.
- ГУЛЯМОВ Я.А.Г. 1957. История орошения древнего Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент.
- КИЛЬЧЕВСКАЯ Е.В., НЕГМАТОВ Н.Н. 1979. Шедевры тюркистики Уструшана. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – М.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А. 1990. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект). В: Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I: Общие вопросы. – М., с. 21–41.
- МАНДЕЛЬШТАМ А.М. 1956. Отрывок из «Послания» Фатха ибн Хакана аль-Джахиза. (К истории культуры Средней Азии IX в.). Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 61., с. 28.
- МАССОН В.М. 1990. Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане. Вып. I: Общие вопросы. – М., с. 42–53.
- МУХАМЕДЖАНОВА П. 1978. История орошения Бухарского оазиса. – Ташкент.
- НЕГМАТОВ Н.Н. 1977. Государство Саманидов. – Душанбе.
- 1985. Научно-технические основы хорезмской цивилизации и Мухаммед аль-Хорезми. – Материалы, посвященные 1200-летию со дня рождения аль-Хорезми. – Ташкент, с. 44–49.
- 1990. О концепции и хронологии этногенеза таджикского народа. В: Проблемы, этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I: Общие проблемы. – М., с. 85–97.
- 1997. Таджикский феномен: история и теория. – Душанбе.
- НЕГМАТОВ Н.Н., АВЗАЛОВ Р.З., МАМАДЗАНОВА С.М. 1987. Храм и мечеть Бунджиката на Калай Кахкаха I. – Материальная культура Таджикистана. – Изд-во Дониш. – Душанбе, ч. I, с. 177–210.
- ОРАНСКИЙ А.М. 1960. Введение в иранскую филологию. – М., с. 27.
- ПУТАЧЕНКОВА Г.А., РЕМПЕЛЬ Л.И. и др. 1982. Очерки искусства Средней Азии. – Изд-во «Искусство». – М.
- BARTHOLD, W. 1928. *Turkestan Down to the Mongol Invasion*. London.
- BELENITSKY, A. 1968. *Central Asia*. Cleveland and New York.
- AL-BĪRŪNĪ. 1897. *Al-Āthār al-Baqīya (Vestiges of the Past)*. Ed. And trans. By Sachau; Vol. I: Arabic text; Vol. 2: English trans. London.
- GIBB, H.A. R. 1923. *The Arab Conquest in Central Asia*. London.
- AL-HASSAN, A., HILL, D.R. 1986. *Islamic Technology: an Illustrated History*. UNESCO, Paris.
- MEZ, A. 1922. *Die Renaissance des Islam*. Heidelberg. English trans. By S.K. Bulkhshand and D.S. Margoliouth, *The Renaissance of Islam*. London.
- AL-NARSHAKHĪ, ABŪBAKR MUḤAMMAD. *Tārīkh-i Bukhāra (История Бухары: краткий список XII в. на персидском языке с утерянного подлинника десятого века)*. Persian text publ. By Ch. Schefer, *Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de texts relatifs à la Transoxiane*. Paris, 1892. Russian trans. By N. Lukoshin. Tashkent, 1897. Engl. Trans. By R.N. Frye, *The History of Bukhara*. Cambridge, Mass. 1954.
- NEGMATOV, N.H. 1998. *The Samanid State*. In: *History of Civilizations of Central Asia*, vol. IV. UNESCO Publishing, Paris.
- РЫПКА, Y. (ed.) 1968. *History of Iranian Literature*. Dordrecht.
- SARTON, G. (ed.) 1950. *Introduction to the History of Science*, Vol. VI. Baltimore, pp. 563, 609, 710.
- SINOR, D. (ed.) 1990. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge University Press.

ТУРЕЦКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ЗАПАД

24.1

ИСЛАМИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ, ОГУЗЫ И ТУРКМЕНЫ

Клиффорд Эдмунд Босуорт

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН С ИСЛАМСКИМ МИРОМ

Арабы со своим войском впервые переправились через р. Окс (Амударью) в Центральную Азию или Трансоксанию (по-арабски букв. «земля за рекой») во второй половине VII в., и в течение нескольких десятилетий после этого главной их заботой было установление своего господства над местными иранскими народами Трансоксании и Хорезма. В летописях имеются упоминания о контактах в этот период согдийских (согдианских) правителей с тюркскими племенами Западного Тюркского каганата, обитавшими в среднеазиатских степях за Сырдарьей, которые периодически помогали им обороняться от арабов. О проникновении этих тюркских племен вплоть до согдийских «Железных ворот» и теснины Бузгала между Кишем и Тирмидом на Амударье (на юго-востоке современной Республики Узбекистан) сообщается в орхонских тюркоязычных наскальных надписях в Монголии, являвшихся анналами правителей Кок-тюркской империи (первая половина VIII в.).

Любые контакты между арабами и тюрками в этот период ограничивались, разумеется, лишь военными столкновениями двух противоборствующих сторон. Правда, о тюрках имеются упоминания в ранней арабской поэзии, если, конечно, признать такие упоминания подлинными, но они кажутся скорее попытками зафиксировать достаточно смутные представления о земле тюрков как о «царстве за семью морями», дошедшие до них через Иран. В начале правления династии Аббасидов отношения между арабской знатью Трансоксании и кочевыми тюркскими племенами носили по-прежнему враждебный характер. В ряде арабских хроник содержатся различные упоминания об оказании тюркскими племенами помощи арабским повстанцам и местным иранским вождям Трансоксании, а с 800 г. мы узнаем об образовании тюркских племенных конфедераций, вышедших из старой западной Кок-тюркской империи, таких как Карлуки в Семиречье (современная Киргизская Республика и юго-восток Казахской Республики) и в среднем течении Сырдарьи и Огузы в нижнем течении Сырдарьи и в степях к северу от Аральского моря. И теперь, наряду с прежней враждеб-

ностью, возникают и отдельные очаги мирного сосуществования (см. подраздел 24.2), внутри которых, судя по всему, происходят первые случаи обращения тюрков в ислам на приграничных территориях. Однако еще долго ислам существовал здесь наряду с несторианским христианством, буддизмом и манихейством, которые легковверные и податливые степные народы исповедовали наряду со своим коренным шаманским анимизмом.

ПОЯВЛЕНИЕ ТЮРОК КАК ВОИНОВ-РАБОВ

Первый массовый приток тюрков из Центральной Евразии на исламские земли происходил в IX в., когда Аббасидские халифы, начиная с Харуна ар-Рашида (786–809 гг.), стали набирать тюркских воинов-рабов (*гулямов* или *мамлюков*) в свое новое профессиональное войско, главным образом в кавалерию. Считалось (хотя, как показали события, не всегда верно), что эти отважные степные воины будут до конца преданы своим хозяевам-халифам, а в дальнейшем и их вассалам в провинциях и независимым правителям в отдаленных провинциях халифата – Тахиридам, Сафаридам, Саджидам, Буидам в Иране, Тулунидам, Икшидидам и Фатимидам в Сирии и Египте и т.д. Этих тюркских рабов либо брали в плен во время походов по степям Южной Руси и Центральной Азии, либо привозили на невольничьи рынки Трансоксании или Закавказья как пленников, а также брали наемников с междоусобных войн, которые тюркские племена вели между собой. Процесс исламизации начинался в Бухаре, Самарканде и Дербенте. Позднее, когда над исламскими землями нависла внешняя неисламская угроза в виде христианских франков-крестоносцев и монгольских язычников, среди тюркских народов стала широко распространяться идея об их особой миссии, данной им от Бога, – защитить исламский дом и оживить мусульманскую веру путем придания ей нового благочестия. Получили широкое хождение предания (хадисы) о делах и изречениях пророка Мухаммеда, из которых следовало, что Пророк предначертал тюркским народам эту историческую миссию.

Поток тюркских воинов, купленных внутри страны или пригнанных из степей и обращенных в ислам,

не иссякал несколько столетий. Впоследствии из этих войск возникали крупнейшие в средневековой истории ислама провинциальные династии, такие как Тулуниды в Египте и Сирии (865–905 гг.), Газневиды в Восточной Персии, Афганистане и Северной Индии (977–1186 гг.) и особенно династия правителей, известных как Мамлюки, – «воины-рабы», которые правили в Египте и Сирии с 1250 по 1517 гг. Независимые мамлюкские султаны, в отличие от остальных правителей исламского мира, часто не считали необходимым для себя подчиняться законам шариата или божественному закону. В своей политике они следовали традициям древних иранских династий, которые по-своему определяли понятие суверенитета и способы управления государством.

Мамлюки много строили. Ахмед ибн Тулун (правил в 868–883 гг.) построил одну из крупнейших каирских мечетей; Махмуд Газневи (998–1030 гг.) (илл. 216) заслужил у современников репутацию защитника ортодоксального суннитского ислама от исламских раскольников – музаилитов и исмаилитов, а также прозвище «молота» в борьбе с неверными индийцами. Мамлюки завоевали широкую известность в исламском мире (илл. 217), после того как сильно потеснили последние оплоты крестоносцев на побережье Леванта и остановили казавшееся неумолимым наступление монголов, выиграв битву при Айн-Джалуте в Палестине (1260 г.). Репутация тюркских народов как прирожденных воинов была исключительно высока, и к XVI в. тюркским правителям покорились все исламские государства от Алжира до Бенгальского залива, за исключением государств Аравийского полуострова и Африки к югу от Сахары.

ПЕРВЫЙ ПРИТОК КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ; ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ОГУЗОВ

Итак, мы рассмотрели появление на исламских землях в сравнительно небольшом числе представителей тюркских народов в качестве профессиональных воинов. По мере того как их предводители сами становились правителями, создавались и местные военные элиты, управлявшие этими массами рядовых воинов, главным образом персов, курдов, арабов или армян. Но в начале XI в. приток тюркского населения стал превращаться в более широкий демографический процесс. Волны переселенцев следовали одна за другой из Центральной Азии, с территорий, лежащих за Амударьей и Сырдарьей. Дело в том, что они получили возможность переселиться на исламские земли после того как династия Саманидов (819–1005 гг.), составлявшая северо-восточный барьер иранского мира от степных народов, рухнула под объединенным натиском тюркских племен караханидов (см. ниже) с севера и газневидов с юга и востока. В отличие от своих более ранних соплеменников новые переселенцы не были воинами-рабами, а представляли собой свободные группы степных кочевников, передвигавшиеся верхом и гнавшие с собой весь свой многочисленный скот. И хотя первые их группы, пересекавшие р. Окс во второй четверти XII в., насчитывали лишь по несколько тысяч человек, постоянный приток все новых групп тюркских кочевников на протяжении двух или трех веков неизбежно привел к крупным демографическим и социальным сдвигам в Трансоксании и на «северном ярусе» Среднего Востока, на землях, простиравшихся от Афганистана на запад через Иран в Анатолию. Там земли, заселенные многими народами, постепенно заполнялись тюркским населением, пришедшим и поселившимся на них. В частности, территория Трансоксании, которая была оплотом древнейшего иранского мира, «внешним Ираном», стала практически полностью тюркской, и сегодня от того исторического наследия остался, по сути, лишь Таджикистан. Во многих частях северного Хорасана и почти во всем Азербайджане иранское

население также было вытеснено тюркским. Огромный приток приграничных воинственных тюрков (*гази*) и кочевников захлестнул также Армению и Анатолию. В конечном итоге их военная и политическая мощь здесь возросла и они одержали верх в противостоянии с местными армянскими правителями, а затем и с греческими властителями в Константинополе и Трабзоне и обратили в ислам население на значительных территориях.

Последствия этой миграции тюркских народов для экономики и землепользования в этих районах были столь же значительными. Многие плодородные оазисы Трансоксании, нагорные равнины Хорасана и Азербайджана и Анатолийское плоскогорье были весьма привлекательны для кочевников с их стадами. В результате большинство занятых ими земель были превращены в пастбища. Все это сопровождалось распространением новой системы землевладения «икта» – раздачи земельных наделов, которая началась в IX в. в Аббасидском халифате как форма поощрения государственных гражданских и военных служащих, главным образом профессионалов из тюрков, получавших право сбора податей на этих территориях, по существу выпавших в результате этого из-под контроля центрального правительства. Такие процессы, безусловно, способствовали росту местной обособленности и децентрализации государства. В результате, несмотря на то что султанат Великих Сельджуков в свои лучшие времена при султанах Алп-Арслане (1063–1073 гг.) и его сыне Мелик-шахе (1073–1092 гг.) контролировал колоссальную территорию от Туркестана до Сирии, влияние центральной власти было значительно слабее, чем при предшественниках Сельджуков. Местные историки Трансоксании также считают, что после того как тюркская империя Караханидов пришла на смену иранским Саманидам, налоги были значительно снижены, а политическая власть оказалась раздробленной.

Тюрки в течение долгого времени жили на северных окраинах саманидского эмирата Трансоксании. Саманиды прилагали значительные военные усилия для предотвращения проникновения через свои северные границы тюрков из степей, периодически проводя карательные походы и устраивая укрепленные посты (*рибаты*) вдоль границ, где могли собираться самые ярые борцы за исламскую веру – гази и проводить свой джихад против язычников. С другой стороны, в то же время существовал и некий симбиоз в экономике и торговле кочевых племен с их продуктами животноводства и оседлых земледельцев с их продукцией и готовыми изделиями, например тканями. О том, что военные действия вдоль границ Центральной Азии отнюдь не были обычным явлением, свидетельствует, в частности, миссионерская деятельность суфийских шейхов и других посвященных в степях среди кочевых племен, хотя конкретной информации на этот счет очень мало. Однако известно, что в племена карлуков ислам пришел мирным путем, после того как первым обратился в ислам предводитель племени Сатук Бутхра Хан, один из караханидских правителей середины X в. Карлуки, возможно, были той движущей силой, которая стояла за государством Караханидов, пришедшим в конце X в. на смену Саманидам в Трансоксании и существовавшим там в течение двух столетий до прихода монголов.

При Караханидах те тюрки, которые поселились в городах, приобрелись к высокой культуре местного населения и оставались в тесных отношениях с уйгурской цивилизацией бассейна р. Тарим. Первые древние литературные памятники тюркских авторов – «*Диван Лугхат аль-Турк*» Махмуда из Кашгара и «*Кутадгу Билиг*» Юсуфа родились именно в такой среде.

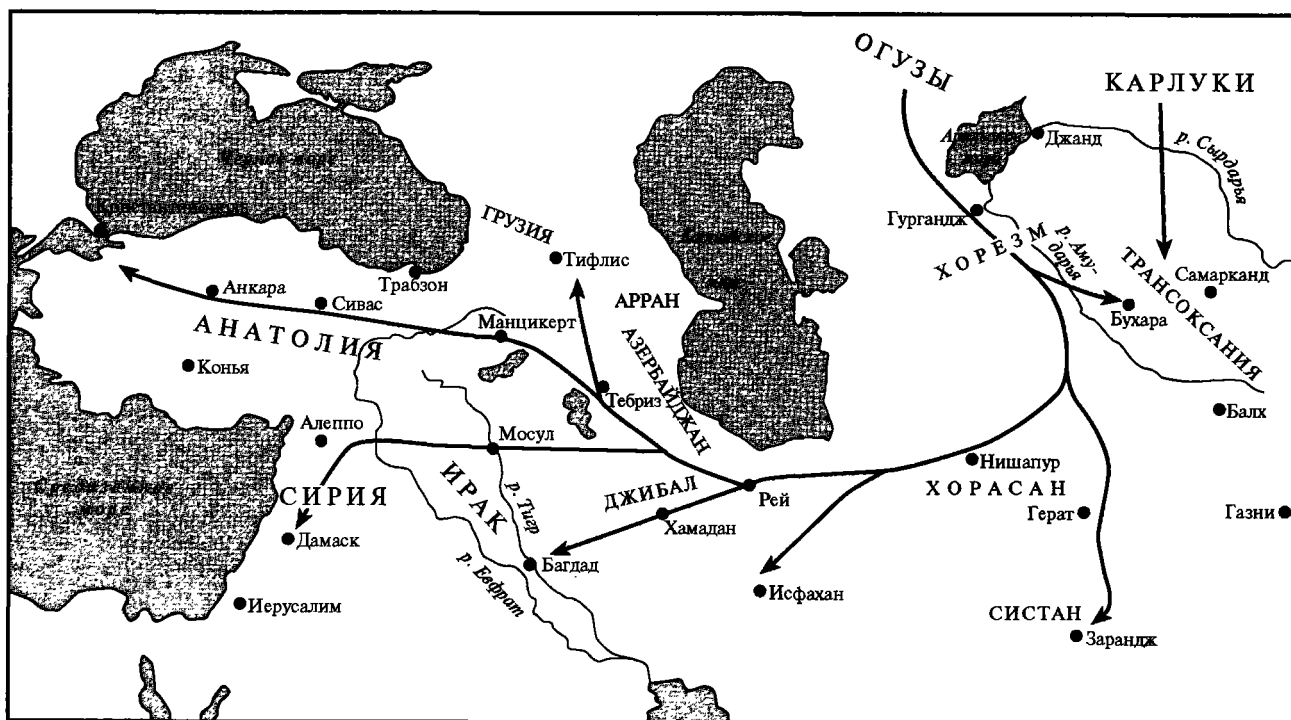
Еще одна большая группа тюркских кочевых племен на границах Саманидского эмирата – огузы (в отношении которых в XI в. стало применяться еще одно название неизвестного происхождения и значения – «туркмены»), в X в.

находилась явно на более низкой ступени культурного развития по сравнению с карлуками (о чем имеются свидетельства арабского путешественника Ибн Фадлана, который в 922 г. предпринял путешествие через Бухару и Хорезм к волжским болгарам в среднем течении Волги и прошел через земли тюрок-огузов на плато Устюрт к дельтам Урала и Эмбы и был свидетелем их кочевого образа жизни). Тем не менее от племени *киник* этой племенной группы отделилось семейство Сельджука, родоначальником которого считается Дукак, отец Сельджука. Нам известно, что около 1000 г. это семейство проживало в Джанде в устье Сырдарьи, и приблизительно в это же время, в конце X в., семейство Сельджуков и еще одна параллельная ветвь племен под предводительством Ябгу – главы племени огузов, приняла ислам, хотя большинство из них почти наверняка еще долгое время после этого оставалась язычниками. Приход в качестве наемников на службу хиреющей империи Саманидов позволил Сельджукам закрепиться на исламских землях, и они поселились со своим скотом на пастбищах в окрестностях Бухары. В последующие десятилетия Сельджуки и последовавшие за ними огузы играли немаловажную роль в гражданской войне, которую вели Караханиды, и в военной политике Газневидов. Их постоянные опустошительные набеги на северный Хорасан в северо-восточной оконечности Иранского нагорья приводили в негодование газневидских султанов, которые изгнали часть огузов назад в район Устюрта, но одновременно сами стали продвигаться в северные районы Персии, так что к 1030 г. туркменские группы проникли на запад до самого Азербайджана. Основные силы под предводительством семейства Сельджуков закрепились в Хорасане и в 1040 г., благодаря своей мобильности, разгромили в степях при Данданкане между городами Мерв и Сарахс тяжело вооруженное, но неповоротливое войско Газневидов, после чего в их руках оказался весь Хорасан. Эта победа стала мощным моральным стимулом для дальнейшего продвижения Сельджуков вглубь Персии, и их лидер Тогрул-бек (основатель династии) по мере наступления своего войска поочередно переносил свою столицу из Нишапура в Исфахан и далее, пока в 1055 г. не вошел в Багдад как защитник Аббасидского халифа и его освободитель от опеки бундских шиитов.

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ СЕЛЬДЖУКОВ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И ПЕРВЫЕ НАБЕГИ НА АНАТОЛИЮ

Уже в 1035 г. Тогрул-бек и его соплеменники назвали себя «слугами предводителя правоверных», а в 1038 г. в Нишапуре Тогрул-бек возложил на себя все титулы верховного правителя, положенные в исламе. С этого момента начинается переход султанов династии Сельджукидов в лоно ортодоксального суннизма, что на деле означало признание морального и духовного статуса халифа Аббасидов в Багдаде, в то время как светская власть в империи Сельджукидов прочно находилась в руках Великих Сельджукидских султанов. Только после смерти Мелик-шаха в 1092 г. и в связи с усилившейся борьбой за власть между его сыновьями и внуком халифат смог вернуть себе большую часть принадлежавшей ему раньше исполнительной власти и стать влиятельной военной и политической силой в Ираке и Западной Персии. Между тем, несмотря на то что багдадский халиф аль-Каим женился на племяннице Тогрул-бека, последнее стоило больших дипломатических усилий, подкрепленных также финансовым давлением на халифа, чтобы тот согласился в конце концов в 1062 г. выдать замуж за безграмотного Тогрул-бека одну из своих дочерей.

К моменту смерти Тогрул-бека в 1064 г. Сельджукидские султаны, владевшие огромной империей, судя по всему, не имели сколько-нибудь продуманных планов военного противоборства с Византийской империей, которая, в силу своих древних культурных и политических традиций, все еще сохраняла престиж в глазах мусульман и в течение почти всего предыдущего столетия была неуязвима перед лицом арабских происков. Султаны довольствовались укреплением своих границ на северо-западе Персии и Закавказья, где они покорили местных армянских князей и создали оплот против воинственных христианских царей Грузии. Но Византийская империя уже не была тем плотно сжатым кулаком, как раньше, с сильной центральной властью в Константинополе. Ее все сильнее раздирали споры о наследовании престола внутри императорской семьи, измены амбициозных генералов, раздоры среди различ-

Карта 19. Турецкие переселения X и XI вв. (рис. Bosworth)

ных этнических групп в Анатолии (греков, армян, сирийцев). Наряду с этим полностью прекратился набор рекрутов в местные ополчения, которые прежде защищали Анатолию от внешних нападений. Вследствие этого отряды туркменов, в основном независимых или частично независимых от Сельджукидов, могли свободно совершать набеги по всей Анатолии и грабить такие города, как Цезаря (Кайсери), Икониум (Конья) и Аморион (Аммурия). Возможностей для таких набегов стало еще больше после битвы при Манцикерте в 1071 г., когда сельджукский султан Алп-Арслан полностью разгромил византийские войска и пленил императора Романа IV Диогена. Сам султан все еще не был готов обрушить на Византию всю военную мощь империи Сельджукидов в силу неотложных обстоятельств в Закавказье и в Хорасане, но туркменские отряды теперь уже могли безнаказанно совершать свои набеги вплоть до берегов Эгейского моря. Система административной власти Византийской империи в Анатолии фактически прекратила свое существование, и страна стала раскалываться на отдельные княжества, где местные конкурирующие элиты боролись за власть, как, например, турецкие эмиры и командир франкских наемников Руссель (Roussel) в Северной Анатолии или армянские князья в районе Тавра. Последним удалось создать некое ядро, из которого впоследствии образовалось царство Малая Армения, пережившее монгольское нашествие и просуществовавшее вплоть до середины XIV в.

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРКМЕНСКИХ КНЯЖЕСТВ РУМСКОГО И СЕЛЬДЖУКСКОГО СУЛТАНАТА

Вскоре после битвы при Манцикерте появляются первые сведения о деятельности в Анатолии четырех сыновей одного из членов семейства Сельджуков – Куталмиша или Кутлмуша; потомки этих сыновей, Сулейман-шахи, основали свой местный сельджукский султанат, столица которого сначала располагалась в Никее, а затем в Конье. После смерти Мелик-шаха в 1092 г. сын Сулейман-шаха Килидж Арслан I сумел бежать из плена, был поставлен во главе туркменских групп в Никее (Изник) в Северо-Западной Анатолии и вынужден был перенести столицу в Конью после того, как франки – участники первого крестового

похода отбили Никею у сельджуков в 1097 г. Сыну Килиджа Арслана Масуду I (1116–1165 гг.) во второй половине своего царствования удалось подчинить себе Данишмендов (см. ниже) и укрепить сельджукский султанат в Руме (в середине XII в. титулы *малик* (царь) и *султан* были, судя по всему, в равной степени применимы к правителям Сельджуков), внутри которого, тем не менее, находилась достаточно изолированная территория Центральной Анатолии, где с помощью крестоносцев византийцам удалось отвоевать северо-западную ее часть, а греки, армяне и франки удерживали Северную Сирию и Юго-Восточную Анатолию. Но самое главное заключалось в том, что в Северной и Восточной Анатолии появились другие туркменские княжества, возникновение которых сделало Конийских Сельджуков лишь одной из многих сил в регионе. Самым мощным в Северной Анатолии с центром в Цезарее (Кайсери) был эмират Данишмендов, основанный предводителем туркмен с персидским именем *данишменд* («ученый, образованный человек»). Позднее, в середине XIII в., он был воспет в эпической поэме «Данишменднаме», где его имя звучит наряду с именами более ранних героев ислама, в частности, – знаменитого арабского воина периода войны с Византией Сиди Баттала. В первой половине XII в. Данишмендский эмират уже был сильнее Сельджуков в военном отношении, и его отряды совершали военные походы (*газават*) против «неверных» – христиан, поэтому в 1135 г. Аббасидский халиф и султан Великих Сельджуков в Ираке и Западном Иране удостоил лидера Данишмендов Гази титула *малик* за его службу в «священной войне» – джихаде.

Далее в Востоку еще одна ветвь туркменских племен – Салтуки, базировавшиеся в районе Эрзурума, совершали свои военные походы против греческих колоний на Черном море и в Грузии. По монетам, которые чеканили Салтук и его сыновья, можно сделать вывод, что они признавали Сельджуков своими правителями, иными словами, они были в большей степени связаны с ирако-персидским миром, чем с эмиратами Анатолии, располагавшимися западнее, но в самом начале XIII в. сблизилась с набиравшими силу Сельджуками Рума. Кроме того, в Эрзинджане, Дивриги и других городах Восточной и Центральной Анатолии один из Менгюджеков основал собственное княжество, об истории возникновения которого мало что известно и которое, впрочем,

Карта 20. Турецкие княжества в Анатолии в XII в. (рис. Bosworth)

также оказалось в сфере влияния эмирата в Конье, но устояло до самого прихода монголов.

И, наконец, самые восточные и юго-восточные районы Анатолии также находились под контролем местных династий, основанных туркменскими предводителями сельджуцких войск, самыми известными из которых были Артуки в Диярбакыре и династия Шахарменов в Ахлате. Но их политические и культурные связи тяготели больше к арабо-персидским регионам Верхней Месопотамии и Западной Персии, чем к западным землям Анатолии.

РАСЦВЕТ РУМСКОГО СУЛТАНАТА СЕЛЬДЖУКИДОВ

Мощь и влияние султаната Сельджукидов в Руме начали возрастать по мере того, как пришел в упадок эмират Данишмендов, который в 1147 г. с трудом отбил наступление византийской армии при Конье под предводительством императора Мануэля I Комнина. Килидж Арслан II отомстил византийцам за это нападение, нанеся крупное поражение императорской армии у оз. Эгридир в 1176 г.; после этого надежды Византии отвоювать Анатолию у тюркских племен были полностью похоронены, что было окончательно закреплено захватом Константинополя крестоносцами во время четвертого похода в 1204 г., и владения Византийской империи в Анатолии превратились в небольшой район вокруг Никеи. Для Сельджукидов эта победа открывала прямую дорогу на Средиземноморское побережье, к портам Анталы и Аланья, а ближе к концу XIII в. туркменский эмир из г. Токкат захватил порт Самсун, выведя таким образом турецкие войска к Черному морю и окончательно укрепившись здесь вскоре после захвата Синопа.

Все это обеспечило турецким эмиратам Анатолии, до тех пор запертым в пределах Анатолийского плоскогорья, доступ к морю и возможность получать выгоду от контроля за торговыми путями, проходившими через территорию Анатолии с севера на юг. В частности, в Анталы Сельджукиды смогли начать весьма прибыльную торговлю с венецианцами – врагами греков, и султанат получал, кроме того, выгоду от торговли Венеции с Александрией. Торговля между анатолийскими портами на Черном море и крымским портом Судак находилась под контролем греческого княжества в Трабзоне, но, пользуясь приходом на Русь и в Крым монгольских войск Золотой Орды в 1225–1239 гг., Сельджукиды через г. Кастамону и свои владения на Черноморском побережье смогли на короткое время установить господство над Судакон (1225–1227 гг.).

Об интенсивности внутренней торговли в Анатолии в самом конце XII в. и на протяжении всего XIII в., несмотря на вторжение монголов в 1240-х гг. (см. ниже), говорит значительный рост строительства Сельджукидами и их местными вассалами за свой счет мостов через реки Анатолии и караван-сараяв вдоль анатолийских дорог. Наряду с этим шло также широкое строительство религиозных зданий: элегантных небольших мечетей, медресе и усыпальниц, многие из этих зданий, находящиеся в различной степени сохранности, еще можно увидеть и сегодня (илл. 207). С учетом обстановки военного времени, полным ходом шло строительство фортификационных сооружений, остатки которых в виде городской стены можно увидеть сегодня в Аланье (а в Конье такие же стены были снесены совсем недавно). Дворцы Сельджукидов в Кубадабаде на берегу оз. Бейшехир, к сожалению, не сохранились выше фундамента, а одна цитадель в Конье сохранилась лишь частично. Мы только сейчас, благодаря археологическим раскопкам, начинаем узнавать особенности этого типа построек.

Материальное процветание султаната Сельджукидов сопровождалось и богатой религиозной и культурной

жизнью¹. Процесс обращения в ислам народов Анатолийского плоскогорья проходил довольно медленно. Местное христианское население сильно страдало от непрекращавшихся военных действий и набегов диких туркменских племен, в большинстве своем все еще не приобщенных к исламской религии и культуре (Сельджукиды специально стремились подталкивать их в западном направлении, на Анатолию, подальше от их исконных территорий в Персии и Ираке) и угонявших в рабство все местное молодое мужское население.

В целом наблюдалось весьма заметное перемещение христиан с центрального плато в сторону побережья и в горные районы, куда туркмены проникли лишь постепенно и значительно позже. Тем не менее, заметная часть христианского населения продолжала проживать в городах и сельских районах Центральной Анатолии вплоть до начала XX в. Несомненно, имели место и браки между этим населением и тюркскими завоевателями, и греческие источники тех времен пишут о новом поколении анатолийцев смешанного происхождения (*миксo-варварax*), которых можно было часто встретить в отрядах тюркских властителей. Эти смешанные браки, усугубляя и без того бесправное социальное и юридическое положение немусульманского населения в исламском мире, способствовали в определенной степени переходу людей в ислам и уменьшению числа христиан в Анатолии. И тем не менее, как представляется, положение христиан в Центральной Анатолии при тюрках было намного лучше, чем на коренных арабо-персидских территориях, в самом оплоте ислама. Сельджукидские султаны Рума сохранили некую долю терпимости или безразличия к иноверцам, которая в целом была присуща тюркским народам и монголам в Центральной Азии: они брали себе в жены грузинских и греческих принцесс, при них продолжали действовать церкви и монастыри, а греческое духовенство могло свободно общаться со своей патриархией в Константинополе. Не следует также забывать, что в те времена тюркские племена на землях Анатолии, где они правили, находились все же в меньшинстве и присутствие греко-армянской христианской общины в этом регионе, как уже говорилось выше, сохранялось вплоть до начала XX в.

С того момента как британский классицист Хэслак (*Hasluck*) впервые выдвинул гипотезу о некоторой возможной степени синкретизма христианской и мусульманской религий на Анатолийском плоскогорье, ученые много спорили на данную тему, однако очень сложно получить надежную информацию в подтверждение явления, само существование которого представляется весьма сомнительным. Однако не вызывает сомнений тот факт, что в султанате Сельджукидов шла активная религиозная и культурная жизнь, и это выражалось не только в интенсивном строительстве культовых сооружений, о котором говорилось выше.

В то время как арабский язык сохранял статус основного в правоведении, богословии и науке, в культуре двора Сельджукидов и в светской литературе в значительной степени преобладал персидский язык. Это следует хотя бы из того, что уже на заре своей династии Сельджукиды выбирали себе имена из персидского эпоса (Кубад, Кай Хосров и т.д.), и подтверждается тем, что в качестве литературного языка использовался персидский (тюркский применялся в это время скорее для повседневного разговорного общения). Росту влияния персидской культуры в жизни государства Сельджукидов в XIII в. в значительной степени способствовал приезд в Конью двух выдающихся людей – Бахааддина Валада и его сына Джалаледдина Рума (1207–1273 гг.), бежавших от монгольского нашествия. Эпическое произведение Рума *«Масневи-и манави»*, написанное в Конье, является признанным шедевром классической

персидской литературы. Выбор Коньи, одного из центров суфизма (исламского мистицизма), Руми и его отцом в качестве постоянного места жительства указывает на одну из негласных сторон религиозной жизни в султанате – особое почитание суфизма. Здесь, в центре султаната в Конье возник дервишский суфийский орден Мавлавия, сформировавшийся уже после смерти Мавлана Джалаледдина, в период правления его сына султана Валада. В ходе обрядовых церемоний члены общины слушали музыку, танцевали. То же самое делали и в других суфийских орденах, но в Мавлавии все это было доведено до совершенства. В Конье и сегодня еще можно увидеть подобную церемонию, увы – бледную копию прежних, ориентированную лишь на туристов.

ПЕРИОД УПАДКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СУЛТАНАТА

После смерти султана Кубада I в 1237 г. политическая жизнь султаната стала постепенно приходить в упадок, хотя бурлила по-прежнему интеллектуальная жизнь, оставалось высоким материальное благосостояние в султанате, так же, как и раньше, процветала торговля. Но на смену Кубаду пришли люди, которые в политическом плане были значительно слабее его, а между тем им пришлось столкнуться с рядом серьезных проблем во внешней политике. В 1240 г. вспыхнуло и было подавлено крупное туркменское восстание под предводительством харизматического религиозного лидера шейха Баба Исхака. А вслед за этим в Анатолию вторглись монголы, которые разбили армию Сельджукидов в сражении при Кёзедаге к востоку от г. Сивас (1243 г.). Султанат превратился в вассала монгольских Илханов и вынужден был платить им дань. При Муине аль-дине Парванехе, умелом администраторе и фактическом сельджуком правителе, наступил период относительно благополучной жизни, однако после его смерти в 1277 г. монгольские наместники установили прямой контроль. И все же династия Сельджукидов, обладавшая теперь лишь тенью своего бывшего могущества, номинально оставалась правящей до 1308 г. Затем наступает новый период в истории Анатолии, период раскола на мелкие княжества (*бейлики*), из которых впоследствии вышла династия Османов (Оттоманов).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По мнению Х. Инальчика (*H. Inalcik*), члена Международной комиссии по новому изданию «Истории человечества», небывалое процветание Анатолии при Сельджукидах было в первую очередь следствием перемещения сюда в XIII в. при монголах межконтинентальных и морских торговых путей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BARTHOLD, W. 1945. *Histoire des Turcs d'Asie Centrale*, French trans. Paris.
- 1968. *Turkestan Down to the Mongol Invasions*, English trans. 3rd edn. Gibb Memorial Series, N. S. V. London.
- BOSWORTH, C. E. 1970. *The Turks in the Islamic Lands up to the Mid-11th century*. *Philologiae Turcicae Fundamenta*, Vol. 3. Separately published, Wiesbaden.
- 1973. *The Ghaznavids, Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran 994–1040*, 2nd edn. Beirut.
- CAHEN, C. 1949. *Le Malik-Nameh et l'histoire des origines Seldjukides*. *Oriens*, Vol. 2, pp. 31–65.
- 1968. *Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330*. London.
- GOLDEN, P. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*. O. Harrassowitz, Wiesbaden.
- HASLUCK, F. W. 1929. *Christianity and Islam Under the Sultans*, 2 vols. Oxford.
- KAFESOĞLU, I. 1988. *A History of the Seljuks. Ibrahim Kafesoğlu's Interpretation and the Resulting Controversy*. Trans., ed. and with an introduction by G. Leiser. Southern Illinois University Press, Carbondale and Edwardsville.
- KÖPRÜLÜ, M. F. 1992. *The Seljuks of Anatolia. Their History and Culture According to Local Muslim Sources*. Trans., and ed. By G. Leiser, Salt Lake City.
- TURAN, O. 1953. *Les souverains seljoukides et leur sujets non-musulmanes*. In: *Studia Islamica*, Vol. 1, pp. 65–100.
- 1970. *Anatolia in the Period of the Seljuks and Beyliks*. In: HOLT, P. M.; LAMBTON, A. K. S.; LEWIS, B. (eds) *The Cambridge History of Islam*, Vol. I. *The Central Islamic Lands*. Cambridge, pp. 231–262.
- VRYONIS, S. 1971. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh to the Fifteenth Century*. Berkeley, Los Angeles and London.

НАБЕГИ ТУРКМЕНОВ НА ЗАПАДНУЮ АНАТОЛИЮ И БАЛКАНЫ

Робер Мантфран

СУЛТАНАТ СЕЛЬДЖУКИДОВ И ТУРКМЕНЫ

Прочно обосновавшийся на Анатолийском плоскогорье в начале XII в. Сельджукский султанат со столицей в Конье в середине XIII в. оказался перед лицом двух взаимосвязанных угроз. Первая состояла в том, что в восточные земли Анатолии внезапно вторглись монгольские полчища, поставив под удар Центральную Анатолию и стабильность самого султаната. Вторая заключалась в наплыве в эти районы огромных масс туркмен из высокогорной и Центральной Азии, бежавших на запад от монгольского нашествия. Туркменских беженцев враждебно встречали ранее обосновавшиеся здесь тюрки, которые рассматривали Анатолийское плато как свою безраздельную собственность. И хотя оседлые тюрки не составляли большинства населения Центральной Анатолии, их было здесь достаточно много, что доказывает хотя бы тот факт, что некоторые европейские летописцы XII в. называли эти земли *Тюрция*. Кроме того, следы пребывания оседлого тюркского населения в Анатолии мы находим в весьма характерных памятниках архитектуры – культовых сооружениях (мечетях, медресе, усыпальницах и пр. в Конье, Кайсери и Сивасе), а также в свидетельствах Джалаледдина Руми о культурных и даже религиозных контактах мусульман с христианами в Конье и в торговле, которая привлекала генуэзских и венецианских купцов и способствовала строительству в Анатолии многочисленных караван-сараяв. Вновь прибывавших туркменских беженцев сельджуки повсюду отгоняли к северу, западу и югу, в приграничные районы, поближе к территориям, находившимся под контролем византийского императорского двора, который располагался в то время в Никее. Расчет строился на то, что ослабленная в военном отношении Византия не сможет долго сдерживать наплыв новых переселенцев в свои пределы.

В 1261 г. византийцы вернули себе Константинополь, но вынуждены были постоянно оборонять город от осаждавших его крестоносцев. Этим объясняется их спокойное отношение к действиям анатолийских тюрок, тем более что туркменские племена не пытались в тот период расширять свои владения, а наоборот стремились укрепить свои поселения, наладить повседневную жизнь, установить контакты с соседями, особенно с греческими городами, которые были средоточием экономических контактов и обменов. Ни византийские, ни тюркские источники последней трети XIII в. не содержат упоминаний о сколь угодно серьезных конфликтах между греками и тюрками. В летописях имеются сведения о присутствии на территории Византии немногочисленных тюркских христианских общин, представители которых, по всей видимости, служили посредниками в контактах анатолийцев со странами в бассейнах Эгейского и Черного морей. На сегодняшний

день нам не известно о существовании какого-либо значительного архитектурного памятника, в частности культового здания, построенного туркменами в этот период. Это может свидетельствовать о том, что они к этому времени не были полностью оседлыми, как и не были уже только кочевниками. Они, несомненно, были мусульманами, но вполне возможно, что их гордость за свое тюркское происхождение была сильнее их преданности исламу: их правители называли себя беями, а не эмирами, и имели тюркские, а не мусульманские имена. Пограничные области, в которые их вытесняли Сельджукиды, назывались *уджати* и были разделены на *бейлики* (эмираты или княжества), а система политического устройства их общества уходила корнями в тюркские традиции. В духовном отношении они находились под влиянием своих неортодоксальных дервишей, которые были своего рода преемниками шаманов Центральной Азии.

Постепенный распад султаната Сельджуков в период с 1280 по 1308 г. и последовавший за этим его уход с исторической арены полностью развязал руки туркменским беям и позволил им действовать без оглядки на кого-либо. Монгольские султаны, обосновавшиеся в Иране, были слишком далеко и не представляли угрозы, особенно беям Восточной Анатолии, которые стали теперь крайне активными и агрессивными, в частности по отношению к византийским владениям, но и к соседним беям в окрестных бейликах. Одной из возможных причин экспансии туркмен в направлении византийских территорий могла стать высокая концентрация населения на занимаемых ими территориях.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ТУРКМЕНОВ В ЗАПАДНУЮ АНАТОЛИЮ

Туркменские племена, жившие до этого вдоль границ Анатолийского плоскогорья, двинулись в направлении богатых равнин у побережья Эгейского и Мраморного морей. Византийский император Андроник II, до этого сокративший расходы на содержание войска в этом районе и ослабив тем самым свои позиции, теперь безуспешно пытался заключить военный союз с монгольским правителем Персии Газан-ханом. В конечном итоге ему удалось направить против беев войско каталонских наемников под предводительством Рожера де Флора и Рамона Мунтанера (1304 г.), которое выдвинулось с п-ова Кизик и прошло через всю Западную и Южную Анатолию до перевала Киликийские ворота, откуда тем же путем вернулось в Константинополь. После его ухода туркменские беи вновь захватили земли, с которых их временно согнали. Таким образом, Византия этот поход ничего не дал, более того, он лишь способствовал активизации действий беев, которые в последующие два десятилетия

пробились к побережью Эгейского и Мраморного морей. Успех этого наступления был во многом результатом действий особых отрядов мусульманских фанатиков – гази, борцов с «неверными» за ислам. Их успешным действиям способствовала и полная дезорганизация обороны на западных границах Византии в тот период. Не получив защиты от Византийского государства, греки, жившие в сельских районах западной части Малой Азии, где у Византии оставались лишь несколько укрепленных городов, дружно переметнулись на сторону завоевателей.

Удар тюркских войск был нанесен по двум направлениям. На первом целью была равнина вдоль побережья Эгейского моря, где в долинах рек Меанд (Большой Мендерес) и Кайстрас тюркский бейлик Айдыноглу занял города Пиргос, Эфес, Нису, а затем поочередно акрополь и порт в г. Смирна (Измир). После этого их вождь Умур-бей со своим войском прошел по греческим островам в Эгейском море. Севернее от этих мест бейлик Сарухан захватил город Магнезия (ныне Маниса), сделал его своей столицей, а затем захватил все территории вокруг него, вплоть до Эгейского побережья, за исключением Новой Фокеи, которая находилась в руках генуэзцев. Тем временем бейлик Кареси захватил города Пергам, Эдремит и весь п-ов, на котором была расположена древняя Троя. На втором направлении, в долине реки Сангариос (ныне Сакарья) была захвачена область Вифиния, в которой обосновался бей Осман, имени которого обязана своим названием Османская (Оттоманская) династия. После победы над византийцами в июле 1301 г. он распространил свое владычество на всю западную Вифинию и вплотную подошел к городам Бруса (Бурса), Никея (Изник) и Нико-медия (Измит). Все эти три города захватил уже его сын и преемник Орхан в 1326 – 1337 гг.

Продвижению турок-османов во многом способствовала гражданская война, которую вели между собой византийские императоры Андроник II и Андроник III, а также отсутствие ожесточения у наступавшего войска, которое не проявляло насилия в отношении местного населения на вновь занимаемых территориях, чем обеспечило его

поддержку. Жители Византии, возможно, были даже рады избавиться от своих властителей с их бесконечными междоусобицами. В дальнейшем победители и побежденные, кажется, даже сумели выработать некий *modus vivendi* в вопросах распределения собственности, работы и уплаты земельной ренты.

Беи западных районов Анатолии, в частности Умур из г. Айдын, двинулись в сторону моря и вторглись на территории Византии и Латинской империи на побережье Эгейского моря. Тюрки, несмотря на свою репутацию «сухопутных» воинов, построили действующий флот, водить который им, по всей видимости, помогали греки. Рейды турецких корсаров по византийским и латинским владениям подтолкнул их противников к созданию коалиции, которая, впрочем, оказалась малоэффективной. А успехи Умура в Западной Анатолии были столь велики, что Иоанн Кантакузин (из византийского знатного рода) обратился к нему с просьбой помочь в противоборстве с Иоанном Палеологом за византийский престол.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ОСМАНСКОГО БЕЙЛИКА

Обосновавшиеся на азиатском берегу пролива Дарданеллы беи династии Кареси занялись пиратством. Но Османы, продвигаясь с востока, постепенно положили конец византийскому присутствию в этом районе и захватили бейлик Кареси. У греков остался лишь Хрисополь (ныне Ускудар) и его окрестности, а также азиатский берег пролива Босфор. Гражданская война, разгоревшаяся в Византии между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином в 1341 г., разожгла амбиции Османов. Их правитель Орхан, ставший затем Кантакузином и сменивший Умур-бея из Айдына в роли союзника византийского императора, решил воспользоваться ситуацией и направил войска во Фракию, где им удалось закрепиться (в 1352 г.). Этому примеру последовали другие турецкие правители, и 20 лет спустя ими была оккупирована вся Фракия, включая Адрианополь (ныне Эдирне) (1361 и 1366 гг.). Газават – военные походы

Карта 21. Наступления османов в XIV и XV вв. (рис. Mantran)

против «неверных», свойственный более раннему периоду, в середине XIV в. скорее всего был уже неактуален, поскольку, во-первых, Османы вступили в Европу по просьбе Византии и, во-вторых, по имеющимся сведениям, в их войске было довольно много христиан (карта 21).

Туркменское население, зависимое от Османов, в целом хотя и вело прежний не вполне оседлый, а сезонно-кочевой образ жизни, к 1300 г. стало также приобщаться к оседлому или даже городскому образу жизни. Осман, а затем его преемник Орхан сделали города Енишехир, Бурсу и позднее Адрианополь основными центрами своего государства. В этих и других городах началось строительство культовых сооружений (мечетей, медресе) и других объектов общественного назначения – бань, караван-сараяв, мостов. При Орхане оформилась и административная структура молодого Османского государства: государство стало принадлежать семейству, его главой, в соответствии с тюркской традицией, избирался один из членов соответствующей фамилии. Другие члены семьи получали посты в правительственном совете (*диване*), а после завоевания Фракии – и в органах управления провинций Румелии (Европы). Источниками финансовых поступлений в казну были налоги, например *джизья* (подушный налог на немусульман) и *уш*, а также и налог на землю, отошедшую к Османам или оставленную на вечное пользование (*тимар*) в руках бывших ее владельцев – христиан, налоги с торговли и военные трофеи.

Очень скоро исполнительная власть в городах перешла к военному начальнику и к мусульманскому судье кадию (*кади*). Образовались профессиональные сообщества (*акхи*) – братства ремесленников, а также возникавшие на базе мечетей объединения мусульман, собиравшихся для своих церемоний в помещениях при мечети – *завия* или *текке*. Бывший шаманизм туркмен обрел более популярную форму ислама, практикуемого дервишами (*баба, абдал*).

В восточных районах Малой Азии и во Фракии турки были этническим меньшинством среди преимущественно греческого населения. Приход на эти византийские земли Османов и смена власти никак не повлияли на мирное сожительство многочисленных масс простых людей и представителей интеллектуальных элит. Так, мусульманское и христианское духовенство сблизились на почве общего интереса к религиозному мистицизму. Ни в коей мере не утверждая, что имело место примирение двух религий – византийского христианства и тюркского ислама, можно, тем не менее, констатировать, что контакты между ними имелись уже во второй половине XIII в. в связи с деятельностью суфийских общин Садреддина Конев и Джалаледина Руми. В XIV в. этот диалог продолжился, отчасти по политическим соображениям, но также и в связи с поисками ортодоксальными христианами путей сохранения своей религиозной самобытности. Столкнувшись с общим противником – латинянами, эти христиане и мусульмане искали альянса, выгодного обеим сторонам. Это вылилось в совместные философские дискуссии, сравнительные экскурсы в мистическую практику двух религий, а следовательно – во взаимообогащение двух культур. Возможно, именно этим объясняется расселение в этот период все большего числа турок-мусульман на территориях, традиционно принадлежавших византийским христианам, которое трудно объяснить одними лишь политическими и военными событиями того времени.

ОСМАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ЕВРОПЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

Во времена правления Мурада I (1362–1389 гг.), вначале именовавшегося беєм, но позднее присвоившего себе титул султана, Османы вторглись в Болгарию, Сербию и Македонию. Правители этих государств признали, хотя

и неохотно, свой статус вассалов. Король Венгрии Сигизмунд I, оказавшись перед лицом угрозы, обратился за помощью к Западу, но войско крестоносцев под его командованием было разгромлено под Никополем в 1396 г. турецкой армией под предводительством Баязида I, который также вел осаду Константинополя (1394–1396 гг.). Путем междинастических браков, захвата территорий и просто силой оружия большинство бейликов Западной и Центральной Анатолии были включены в состав Османских земель, которые при Баязиде I (1389–1402 гг.) уже представляли собой внушительные владения по обе стороны Эгейского моря.

В 1402 г. нашествие войск Тамерлана на Малую Азию на целое десятилетие подорвало господствующие позиции Османского государства в регионе. Но уже Мехмед I (1412–1421 гг.) и позднее Мурад II (1421–1451 гг.) вернулись к политике завоеваний, высшим достижением которой стал захват Константинополя Мехмедом II в 1453 г. В этот период в недрах турецко-греческого сообщества зародилось новое массовое политическое движение, направленное против династии Османов. Его основал мусульманский мистик Бедреддин; он и позднее его ученики поддерживали отношения с представителями греческих религиозных кругов. Перспектива возникновения весьма нежелательной коалиции политиков и мистиков, пользующейся поддержкой широких масс, подтолкнула турецких султанов и греческих иерархов церкви к совместным действиям для противодействия этой потенциальной угрозе целостности империи. В результате этих усилий и весьма ограниченной исламизации страны Османское государство было постепенно превращено в своего рода религиозный и культурный плавильный тигель, в котором из многочисленных культурных и религиозных традиций огромного региона выплавилась специфическая османская культура, просуществовавшая вплоть до XIX в.

В сфере управления и экономики османское правительство ввело султанский законодательный кодекс, действовавший наряду с исламскими законами и регулировавший положение личности в каждой провинции по отношению к представителям центральной власти. Эти своды законов, регулярно обновляемые и периодически изменяемые в соответствии с меняющимися обстоятельствами, должны были служить защитой гражданам против злоупотреблений властью со стороны недобросовестных чиновников. Позднее они стали основой для выработки «Кануннаме» – свода законодательных положений Османской империи, действовавшего в стране начиная со второй половины XV в. Захваченные в ходе завоеваний сельскохозяйственные земли либо оставались в собственности бывших владельцев, либо, что случалось гораздо чаще, передавались в соответствии с системой военно-ленного наследственного землевладения *тимар* или *зийамет* в пожизненное владение бывшим военным или гражданским чиновникам – *синахам*, на которых возлагалась ответственность за управление на этих территориях, обработку земли, сбор налогов с проживавших здесь граждан и, в случае необходимости, за подготовку рекрутов. При Баязиде I была введена система «живого налога» – *девширме*, принудительного набора христианской молодежи из подчиненного христианского населения Балкан в янычарские части (янычары – тур., букв. – «новое войско». – Прим. ред.). После насильственного обращения в ислам и прохождения начального турецкого образования этих молодых людей направляли либо на службу при дворе или правительстве, либо в армию, где они составляли основной костяк османских государственных и военных формирований, особенно начиная с правления Мехмеда II (1451–1481 гг.).

Территориальная экспансия Османской династии, временно приостановленная в 1402 г., была с успехом возобновлена в Малой Азии. Это стало возможным в силу

относительно спокойной обстановки в европейских владениях империи, где властью сознательно проводилась политика умиротворения населения. Вернув себе большинство потерянных ранее владений в Анатолии, Османы при Мураде II устремились в Боснию, Албанию, Венгрию, Трансильванию, на п-ов Пелопоннес, а также в Караманский бейлик в Малой Азии. Когда к власти пришел Мехмед II, единственным крупным шагом, который оставалось сделать на пути к окончательному объединению Османского государства, был захват Константинополя, который произошел 29 мая 1453 г. Эта дата и является фактическим днем появления Османской империи (илл. 194, г).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ANGELOV, D. 1956. Certains aspects de la conquête des peuples balkaniques par les Turcs. *Bysantinoslavica* 17, pp. 220–227.
- BELDICEANU, I. 1989. Les debuts: Osmân et Orkhân. In: MANTRAN, R. (dir.) *Histoire de l'Empire ottoman*. Paris, Ch. I, pp. 15–35.
- BELDICEANU, N. L'organisation de l'Empire ottoman (XIVe–XVe siècles). *Ibid.*, pp. 117–138.
- CAHEN, C. 1988. *La Turquie pré-ottomane*. Institut français d'Etudes anatoliennes. Istanbul–Paris.
- INALCIK, H. 1954. The Ottoman Methods of Conquest. In: *Studia Islamica* ii, pp. 103–129.
- 1973. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. London.
- KÖPRÜLÜ, M. F. 1928. Anadolu Beylikleri tarihine ait notlar (Notes on the History of the Beyliks of Anatolia), *Türkiyat Mecmuası* II, Istanbul, pp. 1–32.
- 1935. *Les origines de l'Empire ottoman*. Paris.
- LEMERLE, P. 1957. *L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident*. Paris.
- TAESHNER, F. 1929. Beiträge zur Geschichte der Achis in Anatolien (14.–15. Jhdt.). *Islamica*, IV, pp. 1–47.
- VATIN, N. 1989. L'ascension des ottomans (1362–1451). In: MANTRAN, R. (dir.) *Histoire de l'Empire ottoman*. Paris. Ch. II, pp. 37–80.
- VRYONIS, S. 1971. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century*. Berkley, Los Angeles and London.
- WITTEK, p. 1934. *Das Fürstentum Mentesehe*. Istanbul.
- 1938. *The Rise of the Ottoman Empire*. Royal Asiatic Society Monographs, XXIII. London.
- 1938. De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople, *Revue des Etudes Islamiques*. Paris, XII/1, pp. 1–3.

ТУРКМЕНИ В ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ И ИХ ЭМИРАТЫ

Халил Инальчик

Согнанные со своих исконных земель и гонимые монгольским нашествием группы туркмен пришли в Западную Анатолию и захватили эту территорию. Спустя некоторое время к ним присоединились оседлый трудовой люд, дервиши, представители церковного сообщества, военной элиты, управленческой бюрократии, также бежавшие в поисках новой лучшей жизни из континентальных районов Азии, занятых монгольскими завоевателями, в западные приграничные земли. Эти люди, уже приобщенные к достижениям высокой исламской цивилизации, помогли полудиким приграничным племенам туркмен создать жизнеспособные султанаты и обустроить жизнь в соответствии с традициями исламского мира на вновь заселенных землях Западной Анатолии, от ее южных районов до побережья Мраморного моря на севере. Очень скоро жители этих эмиратов освоили торговое ремесло итальянских городов-государств, которые вели оживленную торговлю в портовых городах вдоль всего побережья Эгейского моря и в конечном итоге сами стали активно участвовать в международной торговле.

Через портовые города Западной Анатолии вывозилось большое количество местного зерна, шерсти, хлопка, ковров в обмен на европейские шерстяные ткани и металл. Важным товаром в транзитной торговле через эти порты был также иранский шелк.

Начиная с тридцатых годов XIV в., у тюрк-османов западных приграничных районов Анатолии территория соседних Балкан стала ассоциироваться с понятием «земля обетованная». Поток переселенцев на Запад в разное время то усиливался, то ослабевал, но никогда не останавливался и шел в одном направлении. Основными балканскими территориями, на которых возникали турецкие поселения и куда перемещались племена, была долина р. Марица, а далее передвижение происходило через перевалы западного Балканского горного хребта Стара-Планина и на юге – через Фессалоники в Албанию. Коренное греческое и славянское население этих территорий после первых же набегов на свои приграничные земли в массовом порядке обращалось в бегство. Однако как только начальный, самый жестокий период завоеваний закончился и на захваченных землях были созданы местные эмираты, власти этих новых образований предпринимали все меры к восстановлению общественного спокойствия и стремились обеспечить условия для мирного сосуществования новых тюркских поселенцев и коренного населения. Именно умелая политика Оттоманов, направленная на примирение мусульманских завоевателей и коренного христианского населения на вновь завоеванных территориях выдвинула их среди множества эмиратов на главенствующие позиции основоположников империи.

В период расцвета туркменских эмиратов существовало несколько основных социальных групп, составлявших культурный стержень исламского общества на вновь завоеванных территориях: рядовые воины – газии, главным образом туркменского происхождения; странствующие дервиши, представители мусульманского духовного сословия – *факиры*,

а также *ахи* – предводители ремесленнических братств. Исламские дервиши, придерживавшиеся неортодоксальных позиций в исламе, почитались новыми переселенцами – туркменами как самые уважаемые религиозные авторитеты. Понятно поэтому, что они занимали доминирующие позиции в культурной и общественной жизни туркменского общества. Лидеры популярных дервишских орденов стали к тому же носителями нового самобытного турецкого фольклора, который гармонично соединил в себе и разнородные элементы исконного тюркского шаманизма, и различные формы пантеистического мистицизма, повсеместно распространенного в Иране и в Анатолии во времена Сельджуков. Существовавшая среди простых людей система представлений о дервишах как о миротворцах распространилась и в среде христиан, живших бок о бок с турками на недавно оккупированных территориях. Третья крупная группа – факихи состояла из людей, получивших религиозное образование в духовных учебных заведениях. Несмотря на подавляющее влияние дервишей в туркменском обществе, правовое верховенство шариата оставалось неизменным принципом, сформулированным и общепризнанным в Османской империи еще во времена первых ее правителей. Наконец, четвертой значимой организованной социальной группой в османском обществе были ремесленнические братства (*ахи*). По свидетельствам марокканского путешественника Ибн Баттуты, посетившего Анатолию в 1330-х годах, *ахи* представляли собой одну из наиболее заметных и влиятельных общественных групп как в городах, так и в сельской местности. Вот как он описывает жизнь таких братств в анатолийских городах, где он побывал: «Они есть во всех тюркменских землях аль-Рума, в каждом округе, городе и деревне. Во всем мире не найдется никого, кто бы мог сравниться с ними в гостеприимстве по отношению к незнакомым людям, в их стремлении угодить гостю в пище и в исполнении его желаний, в ограждении его от карающей руки власть предержащих, в готовности расправиться с доносчиками полиции и их сообщниками. *Ахи* на их языке – это предводитель братства, которого избирают на сходе все члены артели, включая молодых неженатых и принявших обет безбрачия мужчин...

Каждый *ахи* создает приют для членов своего братства... В течение дня все члены братства работают, чтобы получать средства к существованию, а после вечерней молитвы приносят ему заработанные за день деньги. На них община приобретает фрукты, пищу и другие вещи, необходимые для жизни в приюте. Если в поселке появляется чужестранец, они предоставляют ему ночлег. Всем, что они имеют, они делятся с гостем..., а после еды они поют и танцуют». (*Gibb, H.A.R. 1956–1971, The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, Vol. II, pp. 419 – 420. Hakluyt Society, Cambridge, Engl. tr.*)

Все это составляло общий фон, на котором зарождалась Османская империя. Ее создатели, сумевшие направить экспансионистские устремления тюркских племен в сторону Балкан, к концу XIV в. объединили туркменские эмираты Анатолии и малые государства на Балканах в огромную империю.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

25.1

ИНДИЯ

Ирфан Хабиб

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ФОРМАЦИИ****Индийский феодализм 600–1200 гг.**

В индийской историографии промежуток времени в I тысячелетии между падением последней крупной североиндийской империи Харшавардхана (Харша) (ум. в 648 г.) и началом правления Делийских султанов в 1206 г. часто называется «поздней древностью» или «ранним средневековьем». Выбором таких терминов историки подчеркивают стойкую неспособность государств того периода на территории Индии достичь имперского статуса или, по крайней мере, высокой степени централизации. Со своей стороны, Косамби (Kosambi, 1956) и Шарма (Sharma, 1980) подвели более глубокий базис под определение этих шести веков, назвав их периодом «индийского феодализма» (карта 22).

Усиливающуюся изоляцию деревень – явление, несущее чисто «феодальный» характер, Косамби (Kosambi, 1956: p. 243 ff.), например, объясняет распространением ремесел. К концу I тысячелетия завершается и превращение касты «неприкасаемых», или отверженных, в безземельный пролетариат (Habib, 1993, p. 131). Самодостаточность деревень подрывает сами основы торговли, и в течение всего периода вплоть до 1000 г. происходит повсеместный упадок городов (Sharma, 1987; Yadava, 1993: p. 20–25). Золотые и серебряные деньги постепенно перестают применяться, а затем и вовсе исчезают, что, безусловно, свидетельствует о значительном сокращении крупных торговых сделок (Deyell, 1990, а также Gopal, 1989).

Как следует из косвенных свидетельств китайского путешественника (И Цзина) (ок. 690 г.), крупные землевладельцы при обработке земли могли себе позволить выбор между наемными слугами и работниками, трудившимися за вознаграждение, или крестьянами, которые отдавали им часть урожая (Takakusu, 1896, p. 61–62). Однако в целом обработкой земли занимались именно крестьяне, которые сдавали часть выращенного урожая своему правителю, или посредникам, или местному властелину. Имеются достаточные основания утверждать, что крестьяне могли быть насильно приписаны к своим деревням, хотя о существовании рабства говорить вряд ли можно. Практика отчуждения фискальных прав восходит

своими корнями еще к началу II в., когда правители из династий Шака (*Saka*) и Сатавахана (*Satavāhana*) дарили земли брахманам в Махараштре. Подобная практика дарения земель правителями своим соплеменникам, вассалам за военную службу и чиновникам становится распространенной значительно позднее – не ранее VIII в., а как установившийся обычай – и того позднее, в XI в. Распространение системы подобных земельных дарений светским лицам совпало по времени с возникновением того явления, которое Гошал (*Ghoshal*, 1929) назвал «клановыми монархиями», в которых княжества делились между членами господствующего клана. В качестве примеров таких кланов можем назвать династии Гурджара-Пратихаров, Гахадалов и Чахаманов на севере Индии.

Такое направление развития индийского варианта феодализма было в значительной степени ускорено появлением новых методов ведения военных действий и новой военной организации. К VII в. колесницы в армии повсеместно перестали применяться, им на смену пришла кавалерия. На санскрите вооруженный всадник элитного войска назывался *раджанутра* (*раута* на праkritах и *раджпут* на хинди). Отряды, состоявшие из таких вооруженных преимущественно копыями всадников, могли контролировать большую территорию, а разбившись на группы, держали в повиновении отдельные ее части. Над раджанутрами, с их земельными владениями, высился целый класс властителей, именовавшихся *самантами*, *тхаккурами*, *ранаками* или *найками*. Верховный правитель раджа постепенно становился лишь номинальным руководителем конфедерации таких местных княжеств. И чем пышнее были его титулы, тем меньшей реальной властью он обладал.

В Южной Индии существовали такие же децентрализованные государственные образования, что дало основание Стайну (*Stein*, 1980) ввести понятие «сегментарного государства». Стайн объясняет его возникновение примитивным патриархальным характером общества (при отсутствии поместного дворянства или помещиков), состоявшего из двух каст (варн) – брахманов (священников) и шудр, земледельцев из низшего сословия. В отличие от Северной Индии, здесь не было каст «дважды рожденных» – кшатриев (военной аристократии) и вайшиев (в основном торговцев). Однако представляется, что здесь Стайн слишком большое значение придает одной лишь кастовой принадлежности, и эта идея не нашла широкого

Карта 22. Индия в X в. (рис. Habib)

признания, особенно в отношении империи Чола, существовавшей в Южной Индии в X и XI вв. (Jha, 1993: pp. 118–144).

Военная и военно-морская доблесть, проявленная династией Чола (захват Шри-Ланки в 993 г., экспедиции на Малаю и Суматру), безусловно, впечатляет. Экономическая сила династии Чола коренится, возможно, отчасти в той роли, которую играла Южная Индия в контроле торговых путей, проходивших через Индийский океан, поскольку являлась удобным перевалочным пунктом для торговых караванов государств Красного моря и Персидского залива и Юго-Восточной Азии. Монополия правителей Чола на ввоз к себе в страну иранских скакунов (Yule & Cordier, 1921; II, p. 340) давала дополнительные преимущества их сухопутным силам, и они утверждали, что их армия подчинила себе даже могущественную династию Палов в Бенгалии. В остальном здесь действовали все те же «феодальные» механизмы, что и на севере.

В социальном плане появление «индийского феодализма» было тесно связано с изменениями в кастовой системе,

которая, судя по всему, именно в этот период стала ужесточаться и приобретать свои классические формы. В 712–714 гг. арабы, завоевавшие Синд, обнаружили здесь (и оставили без изменений) унижительные законы в отношении пастушеского и земледельческого сообщества джатов (крупная группа племен, заселявших западные районы Пенджаба. – Прим. ред.). Аль-Бируни (ок. 1035 г.) писал, что ткачи, например, стояли на социальной лестнице даже ниже восьми самых бесправных каст и могли, по его словам, жить лишь за пределами городов и деревень, в которых проживали представители четырех основных каст (Sachau, 1910: p. 101). Но, придавая слишком большое значение «букве» священных писаний индуизма – *смирти* и информации от брахманов, Бируни, возможно, представил нам более суровую картину, чем это было на самом деле. В более позднем и широко известном сборнике притч и новелл на санскрите «Панчатантра» (санскр. – «Пятикнижие») есть история о том, как ткач выдавал себя за представителя более высокой касты вайшиев.

Ужесточение кастового деления в обществе выражалось во введении более строгих правил в отношении женщин, наиболее ярким свидетельством чему стало *самосожжение вдовы на погребальном костре мужа*, принятое в среде высших индийских каст. В VII в. известный поэт и писатель Бана критиковал сати, но уже к XI в. этот обычай распространился в Индии почти повсеместно (за исключением самых южных районов) среди правителей, придворной знати и военачальников (*Altekar*, 1956: pp. 124–130). Документы, датированные 1230–1231 гг., в «*Lekhnapaddhati*» («*Lekhnapaddhati*») свидетельствуют, что при продаже женщин в рабство они по закону теряли свою кастовую и семейную принадлежность и их под постоянной угрозой пыток можно было заставить выполнять любую работу по дому или в поле, включая самую грязную (*Gopal*, 1989: pp. 71–80).

Но кастовая система, разумеется, не оставалась неизменной и, наряду с прямым противодействием ей в обществе, в ее недрах происходили вертикальные и горизонтальные подвижки. Каиварты (*Kaivartas*), считавшиеся, в соответствии со сводом законов Манусмрити (*Manusmṛiti*), кастой неприкасаемых, в XI в. подняли восстание в Бенгалии и добились от царя Балласены (1159–1185 гг.) признания своей касты «чистой». Подобное же перевоплощение пережила и каста джатов в Синде, которые из пастушеской касты неприкасаемых в VII в. превратились в силу, которая дерзнула противостоять Махмуду Газневи (правил в 1000–1030 гг.) на речных судах, а в классификации аль-Бируни они числились как шудры (четвертая каста).

Средневековые преобразования в 1200–1500 гг. (карта 23)

Делийский султанат, сменивший империю Махмуда Газневи (1000–1030 гг.), был создан на территориях Северной Индии, завоеванных султаном Мухаммедом Гури (ум. в 1206 г.) из династии Гуридов. Эти два правителя оставили Делийскому султанату наследство в виде двух крупных государственных установлений: *икта* – практики жалования правителем своим вассалам обусловленного военной службой земельного владения, облагавшегося поземельным и военным налогом, и *харадж* – собственно поземельного налога, налагаемого государством, часть которого присваивали себе владельцы *икта* в качестве частной феодальной ренты. Султаны возлагали на получателей *икта*, известных как *мукта*, обязанности по содержанию и экипировке конного войска, состоявшего главным образом из лучников, и требовали выплаты им части *хараджа*, имевшей название *фавазил* (излишки), т.е. как бы оставшейся после отчисления доли, предназначенной *мукта*. Часть земельного фонда, так называемую *халиса*, султаны оставляли в своем непосредственном подчинении, из доходов с которого они платили жалование солдатам регулярной армии (*хашми-и калб*) наличными деньгами или предоставлением в субаренду той же земли.

Своим безжалостным налоговым прессом, деспотической централизацией страны и широким использованием военной силы султанат резко отличался от государств предшествующего периода на севере Индии, в результате чего историки отдают ему в определении «феодальный» (*Moreland*, 1929: pp. 216–223). И действительно, на протяжении почти всего XIII в., несмотря на обширные владения султаната на севере Индии, население на большинстве территорий вокруг его укрепленных военных гарнизонов оставалось мятежным, а местные правители в других частях страны лишь платили дань, номинально подчиняясь центральной власти. Эта ситуация стала меняться к концу столетия. При Ала-ад-дине Хальджи (правил в 1296–1316 гг.) были завоеваны Гуджарат и центральные районы Индии, а значительные территории Деканского

платокорья и Южной Индии оказались под контролем султана. Таким образом, была, наконец, создана первая реальная общендийская империя со времен династии Маурьев (в III в. до н.э.). Под стать широкой территориальной экспансии с размахом было поставлено и взимание налогов. Поземельный налог – *харадж*, размер которого был установлен в половину урожая, взимался очень строго на огромных территориях. Претензии на часть поземельного налога местных наследственных властителей – *чаудхури* и деревенских старшин были сильно урезаны. Зерна, поступавшего в уплату налогов, а также продававшегося крестьянами для получения денег на уплату налогов, в целом было так много, что, контролируя цены на него, Ала-ад-дин Хальджи смог добиться общего снижения цен на все товары и контролировать их в своей столице г. Дели.

Территориальная экспансия и централизация власти продолжались и при преемниках Ала-ад-дина Хальджи. При Гияс-ад-дине Туглаке (1320–1324 гг.) и Мухаммеде Туглаке (1324–1351 гг.) – правителях из династии Туглаков была вновь захвачена Бенгалия (1324 г.), и под их прямым правлением оказались территории вплоть до самой южной оконечности п-ова Индостан. С целью дальнейшего упрочения своей власти над местной знатью центральные правители разделили в рамках *икта* функции взимания *хараджа* и управления войском. Не прекращавшееся усиление налогового прессы приводило к крестьянским бунтам, в частности в Дообе неподалеку от Дели (1332–1334 гг.) Это вынудило Мухаммеда Туглака прибегнуть к весьма необычной тактике – раздаче кредитов крестьянам для стимулирования развития сельскохозяйственного производства.

В последние годы правления Мухаммеда Туглака политический кризис усилился, во многих гарнизонах поднимали мятежи военачальники (*амиран-и сада*), султанат начал приходить в упадок. В результате в Декане образовались два новых самостоятельных государства Виджаянагар (индуистское. – *Прим. ред.*) и Бахмани (мусульманское). Некоторую стабильность Делийскому султанату принесло правление Фируза Туглака (1351–1388 гг.), который пошел на серьезные уступки знати, сделав их территориальные владения и посты наследуемыми. Все это, естественно, способствовало обособлению отдельных провинций, а после смерти Фируз-шаха привело к преобразованию их в самостоятельные государства (Бенгалия, Джаунпур, Гуджарат, Малва, Хандеш, Мултан). Процесс окончательного распада Делийского султаната был довершен опустошительным вторжением орд Тимура (1398 г.). Влачившая жалкое существование династия Сайидов (1414–1451 гг.) в Дели, уступила место династии *Алганских правителей Лоди* (1451–1526 гг.), расширившей свои владения за счет весьма внушительных частей территории Северной Индии. Но поражение делийского султана Ибрагима от тимурида Бабур (потомок знаменитых Тимура и Чингисхана. – *Прим. ред.*) в битве при Панипате в 1526 г. привело к окончательному падению Делийского султаната и образованию Бабуром в Индии новой империи Великих Моголов.

Государства-преемники Делийского султаната стремились к сохранению его базовых институтов – земельной ренты (*мал*) и *икта* – предоставления земельных наделов за военную службу, теперь уже называвшейся по-своему в каждом регионе: *ваджх* и *саркар* в Делийском султанате в последние годы его существования, *мукаса* в Деканских султанатах, *патта* в Раджастанханах; кроме того, *найка* – чин «капитана» и *амара* – полагавшееся при нем земельное владение в Виджаянагаре. В Виджаянагаре имели место, безусловно, сознательные попытки местных правителей воспользоваться опытом султаната в административной и военной сфере, что отчасти объясняет их успешное противостояние пройскам Бахманидов, а также воинственных соседей.

Карта 23. Индия в XIV в. (рис. Habib)

В султанатах были сохранены основные институты, унаследованные ими от «индийского феодализма». Сельская община и кастовая система были сохранены вне всякого сомнения в силу того, что они облегчали эксплуатацию сельскохозяйственного производителя. Крестьянин, теоретически считавшийся свободным (*хурр*), на самом деле был полностью опутан целой системой зависимостей неэкономического характера. Тем не менее политическим переменам сопутствовали важные изменения в экономике. В частности, были введены денежные отношения, а также поземельный налог был доведен до уровня ренты. Это вызвало активный рост торговли, в частности приток зерна и других сельскохозяйственных продуктов в города. Параллельно происходило возрождение и рост самих городов. Дели и Даудатабад в XIV в. входили в число крупнейших городов мира. Кроме них к числу крупных городов, безусловно, относились Мултан, Кара, Джаунпур, Гаур, Камбей, Гулбарга и Виджаянагар. Богатейшие нумизматические находки, относящиеся к началу XIII в. и говорящие о нача-

ле массовой чеканки золотых, серебряных и медных монет делийскими султанами, свидетельствуют в первую очередь о резком подъеме торговли и значительном увеличении количества крупных сделок. Несмотря на монгольское вторжение в западные приграничные земли, объем внешней торговли Индии, как сухопутной, так и морской, в этот период неуклонно рос. Сегодня достоверно установлен и ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Индия в этот период была крупным импортером золота и серебра (Digby, 1982: pp. 93–101).

Контакты с внешним миром привели к распространению в стране многих важных технических новшеств (см. ниже), что в свою очередь повлияло на ремесленное производство. Появление в Индии прялки в XIV в. способствовало увеличению производства хлопковых тканей, а к XV в. в Бенгалии было освоено производство шелка. В XIII в. в Дели уже в больших количествах производили бумагу. К концу XIII в., по некоторым данным, в Дели и его окрестностях активно работали винокурни. Строитель-

ство приобрело новый масштаб с началом широкого применения извести и гипса, а также с применением методов строительства сводчатых перекрытий.

Однако все эти достижения имели и обратную сторону. Работоторговля, хотя и существовала в Индии уже давно, тем не менее, значительно расширилась в XIII–XIV вв. из-за притока большого количества рабов, захваченных в ходе многочисленных войн, и из-за их поставок вместо уплаты налоговых долгов. Рабов использовали для выполнения хозяйственных работ в быту и в ремесленном деле (I. Habib, 1982: pp. 89–93). В какой-то степени использование рабского труда помогло преодолеть нехватку рабочих рук в тех новых сферах деятельности, которые бурно развивались или где касты еще не сложились.

Весьма нелегко определить тип общественной формации, существовавшей в Индии в XIII–XIV вв. в соответствии с критериями и оценками, которые использует историческая наука. Развитие городов, широкое использование денег и процветание торговли никак не позволяют определить ее как «индийский феодализм». Отсутствие различия между налогом и рентой, казалось бы, подсказывает сходство с характеристикой Маркса «азиатского способа производства», при условии, что мы проигнорируем то, что ряд других элементов этого периода не подходит для данного определения, как, например, оплата земельного налога произведенной продукцией и отсутствие крупных городов. А поскольку для рассматриваемых двух столетий были присущи развитые товарно-денежные отношения и расцвет городов, то, видимо, правильнее будет пока отказаться от попыток дать конкретное определение средневековому периоду индийской истории.

ТЕХНОЛОГИЯ

Сельское хозяйство

По мере того как в древние времена индийские крестьяне начали выращивать два урожая зерновых культур в год, орошение становилось все более важным звеном в сельскохозяйственной производственной цепочке. Свойства местности в центральной части страны и на п-ове Индостан замечательным образом подходили для строительства искусственных водохранилищ путем перегораживания рек вдоль узких горных ущелий и горловин. На протяжении почти целого тысячелетия, с 600 по 1500 гг. Индия была одной из ведущих стран, где орошение сельскохозяйственных угодий осуществлялось из искусственных водоемов. Остатки инженерных сооружений огромного водохранилища в Бходжа в Центральной Индии, датируемые XI в., или такие же руины XV в. в местечке Мадаг в штате Карнатака наглядно показывают, работы какого огромного масштаба выполняли строители того времени. В последнем примере одна из трех земляных плотин имела в основании толщину 260 м и высоту 30 м и удерживала озера длиной 18–26 км. Гигантские шлюзы крепились на двух монолитных каменных основаниях массой по 20 т. В XI в. или несколько позднее при династии Чола была построена кирпичная плотина «Великая Аникат», длиной более 300 м, толщиной 20 м и высотой 6 м, для отвода оросительных каналов от р. Кавери.

В северных равнинных районах, где нельзя было построить плотины, методы прокладки длинных каналов от рек появились, по всей видимости, значительно позднее. Тем не менее, при Фирузе Туглаке (правил в 1351–1388 гг.) удалось построить целую сеть каналов для отвода воды от рек Сатледж, Гхатгар и Кали и два канала от р. Ямуна, на месте которых ныне действует Западный Ямунский канал.

Значительная часть оросительных систем в Индии питалась и питается до сих пор путем подъема подзем-

ных вод. Для этих целей использовали волов, которые вытягивали из колодца с помощью блока веревку с укрепленными на ней кожаными мешками. Для бесперебойной подачи воды использовались *нории* – черпаковые подъемники, известные еще в Древней Индии под названием *арахатта*. К VI в. индийцы применяли водоподъемные колеса с укрепленными на них глиняными горшками, а с появлением из Западной Азии шестеренчатого приводного механизма, получившего в Индии название «персидское колесо» (*сакья*), облегчившего подачу воды, водоподъемные устройства по всей Индии стали приводить в действие уже исключительно с помощью рабочего скота.

В ранних индийских летописных источниках не сохранилось каких-либо упоминаний об использовании скота, привязанного к тяловому рычагу и движущегося по кругу, для приведения в действие молотилок, маслобоек и подобных им устройств, а позднее и «персидского колеса», поэтому маловероятно, чтобы это изобретение могло попасть в Индию из района Средиземноморья или Китая ранее 700 года н. э., когда начинают появляться первые описания таких устройств (Gopal, 1963–1964: p. 56).

В районе Гандхара (область на северо-западе Пакистана) археологи обнаружили остатки примитивных винокурен, относящихся к первым векам н.э. Однако более совершенные устройства для перегонки спирта были завезены в Индию скорее всего из Западной Азии в конце XIII в. К этому времени перегонные аппараты (*бхатти*) были уже во всех городах и деревнях вокруг Дели, и в них производили спиртное из сахарного тростника. К XV в. крепкие спиртные напитки в Бенгалии делали из риса и из пальмового (кокосового) сока.

Получение шелковой нити от дикого и частично окультуренного шелкопряда (*эри*, *муга*, *тасар*) было известно в Индии еще в древние времена, однако настоящее шелководство развилось здесь лишь во времена Бенгальского султаната в XV в. Сейчас неизвестно, пришло ли это искусство в Индию непосредственно из Китая или через Иран, но за последующие два столетия Бенгалия превратилась в одного из крупнейших мировых экспортеров шелка.

Ремёсла

В производстве своего главного продукта – тканей из хлопка индийцы раньше других народов стали использовать два устройства: хлопкоочистительный механизм с червячным приводом для отделения семян от волокон, который изображен на фресках VI в. в Аджанте, и дуговое устройство для трепки и разделения самих хлопковых волокон, которое упоминается в *джатаках* – сказаниях, датируемых ранними веками н.э. Второе из указанных устройств нашло распространение в исламском мире в XI в., откуда в XV в. попало в Западную Европу.

В прядильном деле, однако, Индия не добавила ничего существенного к практически общеизвестному процессу скручивания нити пальцами прядильщицы. Гениальная идея прядильного колеса принадлежит китайцам, которые реализовали ее еще в I в. н.э. В Индию это изобретение было привезено через Центральную Азию и Иран в середине XIV в. и сразу завоевало широкую популярность. Столь же значимое, как и само это изобретение, усовершенствование прялки путем добавления к ней педального привода также принадлежит китайцам и в Индии впервые описано в 1468–1469 гг.

При раскопках в Индии были найдены древние глиняные блоки, предположительно использовавшиеся в качестве штампов для нанесения рисунка на ткани, однако подтверждения такого их назначения в древних источниках не имеется вплоть до XIV в., когда в летописях появляются конкретные термины *чхита* (клеймо для ткани) и *чхата*

(отпечатывать), применяемые в связи с производством тканей. Искусство раскрашивания тканей быстро распространилось по всей Индии, и уже в XVI в. индийская ткань с печатным рисунком – «чинци» (*чхинт*) стала едва ли не основным видом индийского текстиля.

Другим, абсолютно новым делом, которое в Индии распространилось необъяснимо поздно, стало производство бумаги. Сегодня невозможно объяснить, почему индийцы продолжали использовать пальмовые листья, кору деревьев и ткань в качестве материала для письма, когда китайцы, жившие в Индии (как, например, Йицзин, живший в Индии в 671–695 гг.), пользовались для этих целей бумагой. Начало производства бумаги в Дели зафиксировано в XIII в., а в XIV в. она была уже настолько дешевой, что торговцы сладостями применяли ее как упаковочный материал.

В металлургии в XIV–XV вв. получила распространение технология лужения металлов – *калай*. Она позволяла, в частности, использовать дешевую луженую медную посуду для приготовления и хранения пищи вместо более дорогой бронзовой и латунной. Индийские мастера внесли свой вклад в разработку процесса получения концентрата цинка, который к XIV в. начали производить в Заваре (Раджастан) (*Ambers & Bowman*, 1994: pp. 107–109).

В начале XIII в. крупные преобразования произошли в методах строительства. С древних времен до этого века для индийской архитектуры был характерен почти исключительно архитрав. Индийцы использовали при строительстве зданий из камня и кирпича ряды колонн и длинные балки в качестве основы горизонтальных перекрытий, а башни делали путем наклона стен. При такой технологии чем больше был размер строящегося здания, тем более крупные каменные блоки приходилось использовать. Кирпич почти не применялся, поскольку ни известковый, ни цементный раствор для укрепления кладки еще не был известен. С приходом к власти в Индии мусульманских султанов в архитектуру вошли новые формы: арка, арочный свод, купол, а также новые строительные материалы – гипсово-известковый раствор, строительный кирпич и бутовый камень. Это было настоящей революцией в строительном деле не только при строительстве монументальных и общественных зданий, но и в городском жилищном строительстве для людей среднего достатка и при возведении торговых помещений.

Сухопутный транспорт и судоходство

В древнеиндийских хрониках имеется описание только одного вида верблюдов – двугорбого бактриана, который не годился для работы в жарком климате. Первые упоминания об одnogорбом верблюде дромедаре мы находим в «Записках» (648 г.) китайского путешественника, буддийского монаха Сюань-Цзана о своем путешествии по Синду в 640-х годах (*Watters*, 1905: II, p. 252). Арабские завоеватели (в начале VIII в.) привели с собой дромедаров других пород, и с тех пор это животное стало основным вьючным и упряжным средством в Северо-Западной Индии. Стадо этих верблюдов изображено на одном из фриз в Мандоре, относящемся к XII в.

В сфере судоходства важным событием стало знакомство с астролябией и солнечными часами, которые в доисламские времена в Индии не были известны. К XIII в. в «Индийских морях» уже активно использовался китайский магнитный компас (намагниченная игла на поверхности воды).

Военные технологии

К VII в. индийская армия полностью отказывается от конной колесницы как основного боевого транспортного средства. Основной упор тогда был сделан на кавалерию,

о чем свидетельствуют, в частности, все более часто встречаемые в этот период скульптурные композиции с участием всадника. Тем не менее седло, которое сделало всадника в Европе основным действующим лицом еще в ранние века н.э., в Индию пришло очень нескоро. Среди многочисленных скульптурных изображений X в. в Кхаджурахо, изображающих всадников, бесполезно искать характерное европейское высокое и вогнутое седло. Изображение коня под седлом, относящееся примерно к тому же периоду, было случайно обнаружено в Индии всего лишь в фрагменте одной конной статуи (*Prakash*, 1967: p. 88).

Столь же медленным было распространение в Индии металлического стремена. Его нет на целом ряде скульптурных изображений всадников, например в Канаудже (IX в.), Бхубанешваре (начало XI в.), Мандоре (XII в.). Широкое (по-видимому, деревянное) стремя появляется на скульптурах в Кхаджурахо (X в.), и еще одно в виде кольца (очевидно, из кожи) – на знаменитой статуе всадника в Конараке (ок. 1250 г.). На скульптурных изображениях в Хойсале (государство, в XII–XIII вв. занимавшее главным образом территорию современного Мансура. – *Прим. ред.*) стремя уже является обязательным атрибутом, но опять же в основном кожаное и деревянное и лишь изредка металлическое (*Deloche*, 1989, p. 31). С другой стороны, металлическое стремя было обязательным элементом экипировки кавалерии султанских армий (начиная с XIII в.).

Третье важное нововведение в кавалерии – подкова также пришло в Индию с армиями Газневидских султанов. Но и его здесь стали использовать не сразу. В 1290 г. Марко Поло сообщал, что на юге Индии невозможно было подковать привозного коня, поскольку кузниц там просто не существовало (*Yule & Cordier*, 1921: II, p. 340).

Эти три принципиальных новшества в кавалерии сделали конного лучника основным видом воина в султанских армиях. Однако переход от копья к луку как основному вооружению всадника в индийской армии занял, судя по всему, еще больше времени, чем внедрение самих этих новшеств, о чем говорят, в частности, скульптуры Хойсалы, и лишь в XV в. правители Виджаянагар стали набирать конных лучников в свое войско.

Арабские завоеватели, вторгшиеся в Синд, уже в 712–714 гг. использовали новое изобретение византийских греков – «греческий огонь», зажигательные снаряды со смесью из смолы, нефти, серы, селитры и др., а также специальные медные трубы для них (*манджаник*), позволявшие вести навесный огонь, которые в дальнейшем продолжали применять в бою и султанские войска. Из Китая ок. 1400 г. распространились пиротехнические смеси, приготовленные на основе селитры, а в XV в. в Декане и, вероятно, в Северной Индии использовались пороховые ракеты (*Khan*, 1977: pp. 20–29). Бабур в 1526 г. в боях при Панипате пролил реки крови благодаря использованию пушек и мушкетов, основным передаточным звеном которых на этот раз была Османская империя.

НАУКА

Индийские достижения 600–1200 гг.

В древности редко случалось, чтобы научная теория, появившаяся сначала как смутная философская идея, затем получила бы реальное применение и в конечном итоге стала бы эффективнейшим образом использоваться в повседневной жизни. И, тем не менее, теоретические концепции нуля и десятичной системы счисления были сформулированы индийскими философами задолго до начала рассматриваемого нами периода (*Sarma*: 1992, pp. 400–405), а реальное использование этих чисел в повседневном написании и счете началось лишь в VI в. или позднее.

Первое письменное подтверждение использования десятичной системы в индийских надписях найдено на манканских (*Mankani*) табличках в Гуджарате, относящихся к 346 г. в десятичном обозначении (595–596 гг. н.э.). Еще один такой достоверный пример найден на надписи в Центральной Индии и датирован 849 г. (791–792 гг.). В IX в. использование десятичной системы стало в Индии общепризнанным и повсеместно присутствует в сохранившихся надписях. В надписях на пластинах, относящихся к VIII в., ноль изображается точкой, а в виде кружка он появляется в надписях, относящихся к 870 и 876 гг. Десятичные цифры и ноль найдены в текстах и надписях на санскрите в Юго-Восточной Азии и датированных еще началом VII в.

Индийская система записи цифр только к 718 г. стала известна в Китае, а исламский мир первым познакомился с ней аль-Хорезми (ок. 825 г.). В западной Европе она стала применяться лишь в XIII в. Преимущество этой системы в смысле облегчения счёта со всеми вытекающими из этого последствиями для развития торговли и науки во всем мире настолько очевидны, что вряд ли требуют подтверждения.

Десятичная система счисления явилась плодом творения бурно развивавшейся индийской математической школы. Она достигла своего высшего уровня при Брахмагупте (598–660 гг.), написавшем величайший математический трактат «*Брахмаспхутасиддханта*» («Пересмотр системы Брахмы») (628 г.). О том, насколько далеко продвинулся автор в развитии математической науки, можно судить уже хотя бы по перечню предметов, которые он затрагивает в своем труде: «квадратный и кубический корень, тройное правило, проценты, прогрессии, геометрия (включая рассмотрение свойств прямоугольных треугольников и элементов круга), элементарное измерение твердых тел, задачи о проекциях, отрицательные и положительные величины, ноль, иррациональные числа, простое алгебраические тождества, неопределенное (и простое) уравнение первой и второй степени» (*Keith*, 1920: p. 524). В рассмотрении большинства из перечисленных выше предметов у индийских математиков (а во многих случаях это был один Брахмагупта), насколько известно, не было предшественников.

Последующие индийские авторы дополнили эти достижения своими работами. Так, алгебраические знаки (например, ноль, x и минус) впервые появились в манускрипте, автором которого был Бахшали (VII в.) (*Hayashi*, 1985). Махавира (ок. 850 г.) занимался рядом задач, связанных со сложными процентами. Бхаскара (Бхаскара Ачарья) (1114 – ок. 1185 г.) написал две известные работы: очень подробный труд «*Лилавати*» по арифметике, и «*Биджаганита*» по алгебре. В последней он дал методы решения ряда алгебраических и теоретико-числовых задач и разработал циклический метод (*чакравала*) решения уравнений типа $Nx^2 + 1 = y^2$, $Nx^2 + c = y^2$, считающийся в истории математики важным этапом в развитии теории чисел (*Bose, et al.*, 1979: p. 169). Как и Махавира, Бхаскара был знаком также с задачей о квадратном корне из отрицательных величин. Основные достижения индийских математиков, например извлечение квадратного и кубического корней, разработки в области тригонометрии и алгебры появились в арабском мире в период с VIII по XI в., а уже оттуда попали в средневековую Европу.

Несмотря на то, что основным стимулом развития математики были, конечно, потребности повседневной жизни, Ариабхата в своем трактате «*Ариабхатиам*» (499 г.) распространил математические методы на решение астрономических задач, в частности в сфере эпициклики. Варахамихира (VI в.), автор трудов «*Панчасиддхантика*» и «*Брихатсамхита*», выступил в поддержку правильного научного объяснения природы лунных и солнечных затмений, данного до него Ариабхатой.

Брахмагупта в своей работе «*Брахмаспхутасиддханта*» («Пересмотр системы Брахмы») проявил более системный и глубокий подход к проблемам астрономии и математики, чем его предшественники, но в то же время серьезно подорвал свою репутацию критикой выводов Ариабхаты о том, что Земля совершает суточный оборот вокруг своей оси и его верных научных объяснений природы затмений. В более поздней своей работе «*Кхандакхадияка*» («*Khandakhadyaka*») Брахмагупта сосредоточился на упрощении и уточнении астрономических расчетов, но при этом в значительной мере использовал систему Ариабхаты. Оба его научных труда в VIII в. были переведены на арабский язык под названиями «Синдхинд» и «Арканд» и, таким образом, сыграли свою роль в распространении теоретических разработок индийских астрономов в исламском мире. Идеи индийских астрономов критически описал и проанализировал аль-Бируни в своем классическом фундаментальном труде «*Китаб аль-Хинд*» (ок. 1035 г.), где он ссылается на Брахмагупту как на самый крупный авторитет (*Sachau*, 1910).

Но и после Брахмагупты в области астрономических исследований было сделано немало. Особого внимания заслуживает вклад Бхаскара, чей труд «*Сиддханта-широмани*» («Венец системы») (1150 г.) целиком посвящён эпициклическим – эксцентрическим теориям планетарных движений.

Сегодня трудно сказать, сколько литературы по древней индийской медицине – аюрведе, относящейся к периоду до 600 г., дошло до нас в неизменном виде. Однако из манускрипта Боуэра (*Bower Manuscript*, IV в.) следует, что большинство традиционных школ со своими письменными источниками к IV в. уже сформировались.

В рассматриваемый нами период появляется большое количество новых работ по медицине. В VII в. Вагхатой были составлены краткие заметки по восьми ключевым проблемам медицины «*Аштангасамграха*», а вслед за ним появился медицинский трактат «*Аштангахридаясамхита*» другого Вагхаты. Еще одно, ставшее весьма авторитетным исследование по проблемам диагностики и патологии «*Ругвинишчая*» написал в IX в. Мадхавакара. Приблизительно в это же время Дридахала пересмотрел и расширил более раннюю работу по медицине «*Чарака-самхита*». За этим последовали и другие компилятивные работы, в частности, трактат по терапии «*Чикитсасара-самграха*», составленный ок. 1600 г. Чакрапанидаттой.

Важным требованием индийской медицины аюрведа являлась обязательность лекарственного лечения и воздержания, а также признание допустимости хирургического вмешательства в простых случаях. Кроме этого был разработан достаточно подробный кодекс врачебной этики. Суеверия и предрассудки в чисто медицинских вопросах, судя по всему, играли очень незначительную роль.

В IX в. появились переводы на арабский язык трудов по медицине двух индийских авторов – Сушрута и Чараки «*Самхита*», и аюрведа вошла составной частью в арабскую медицину, основа которой, тем не менее, оставалась греческой. В Юго-Восточной Азии, в частности в Кампучии, «Самхита» Сушруты также упоминается в надписях IX в.

Подобно тому как суеверия людей, связанные с положением звезд и планет на ночном небе, способствовали развитию астрономии, точно так же вера человека (*расавидия*) в чудеса алхимии привела к становлению химии. Основной целью индийских алхимиков было создание эликсира жизни, и главным объектом исследований была ртуть. Большинство письменных источников по алхимии (*раса*) появляется после IX в., в частности работа Нагараджуны «*Расаратнакара*».

С древних времен в санскритской литературе встречаются описания различных механических устройств – *янтра*, –

как реальных, так и фантастических. При этом следует признать, что теоретический интерес к технике в Древней Индии никогда не был особенно высок. Вот почему работа «*Самаранганасутрадхара*» на эту тему XI в., принадлежащая Бходже, является редким исключением. К сожалению, механические устройства, описанные в этой работе, в большинстве своем являются чистым фантазерством, так как ни механические, ни химические принципы, в соответствии с которыми они якобы должны действовать, чаще всего не приводятся.

Взаимодействие с арабско-персидской наукой в 1200–1500 гг.

Абу Рейхан аль-Бируни (род. 973 г.), писавший в 1035 г. в Лахоре (Пакистан) свой широко известный труд об индийской науке, религии и обычаях, мог позволить себе делать эту работу с позиций исключительного здравого смысла и критического анализа, запечатлев, таким образом, подлинный «момент в истории». Но уже два столетия спустя ислам изменился до неузнаваемости, когда к рациональным научным воззрениям в обществе стали относиться с нескрываемой враждебностью, как, например, это видно в работах Мухаммеда аль-Газали (ум. в 1111 г.).

Эти идеологические перемены следует учитывать при рассмотрении вопросов проникновения арабских и персидских научных знаний в Северную Индию в период после завоевания ее Гуридами (ок. 1200 г.). Теперь, когда доступ к огромной сокровищнице арабских научных достижений казался бы был открыт, на деле он оказался чрезвычайно затруднен бесчисленными запретами религиозного и идеологического характера. Так, например, известный мистик Низамуддин Делийский (ум. в 1324 г.) объявил еретическими выводы ученых о том, что планеты движутся сами, а историк Зия Барани (1357 г.) выступал с нападками на правителя Делийского султаната Мухаммеда Туглака (правил в 1324–1351 гг.), который считал плоды творения человеческого разума (*макуль*) важнее прописных истин священных текстов (*манкулат*) и дружил с учеными и философами.

Неудивительно поэтому, что в течение XIII–XIV вв. в Индии практически не проводилось фундаментальных научных исследований и все научные интересы были сосредоточены вокруг астрономии и медицины.

В области астрономии выдающимся результатом стали выводы Амира Хосрова о том, что Земля вращается с запада на восток и обращается вокруг Солнца (*Siddiqui*, 1994). Стали применяться астролыбия и другие приборы наблюдения за небесными объектами, изобретенные арабскими и персидскими учеными. Султан Фируз Туглак основал обсерваторию в Дели, где применялись в основном экзотические приборы, работавшие по принципу астролыбии, и поэтому заметным событием здесь стало использование индийских водяных часов *схарьяла*.

В области медицины известны попытки использования индийских методик наряду с греко-арабскими. В столице султаната Дели Мильхана (XIII в.) написал важную работу на санскрите, посвященную индийским аюрведическим методам терапии – «*Чикитсамрита*». В работах Барани (начало XIV в.) имеются ссылки на известных аюрведических практиков, работавших в Дели. Махмуд Хаджи, построивший больницу в Манду (Мадхья-Прадеш, Индия) в 1442–1443 гг., приказал готовить лекарства независимо от того, прописаны они «исламскими» или «индустскими» врачами (*Shibab-Hakim*, 1968: р. 64). Наконец, в 1512–1513 гг. Бхувах составил на персидском языке сборник «*Маадани Шифаи Сикандаршахи*» всех основных аюрведических текстов, имевшихся на санскрите, а самые важные из них – тексты Сушрута и Чараки даже назвал в предисловии к сборнику.

РЕЛИГИЯ

Триумф брахманизма, 600–1200 гг.

По свидетельствам китайских монахов Сюань-Цзана (602–664 гг.) и И Цзина (635–713 гг.), посетивших Индию, буддизм здесь в тот период все еще сохранял сильные позиции в обеих своих формах: ранней – тхеравада и более поздней – махаяна. Однако уже в XI в. аль-Бируни мог писать о буддизме, опираясь лишь на устные предания. Свидетельства, которые содержатся в древних надписях относительно пожертвований культовым учреждениям и отдельным людям, еще более красноречивы: повсеместно они указывают на растущее благосостояние брахманов и их культов, с одной стороны, и упадок буддизма – с другой.

Одной из сильных сторон брахманизма, несомненно, было то, что он создал целую систему неформальных культов, законов и обрядов для мирян как часть «науки о благочестии» – *дхармашастры*, и в этой сфере буддизм не мог противопоставить ему ничего или почти ничего существенного. Основные тексты таких законов (*смрити*) продолжали создаваться вплоть до начала рассматриваемого нами периода и последним из них стал «*Брихаспати*», датируемый VI или VII в.

В рассматриваемый период к *смрити* уже только писались комментарии и составлялись их краткие конспекты. Так, Асахая в VIII в. написал комментарий к *смрити* Наряды, а Виджнанешвара в XI в. – к *смрити* Яджнавалкья. Одним из самых ранних кратких обзоров *смрити* является «*Смритикамтатару*», составленный Лакшмидхарой в начале XI в. В этих работах под кастовую систему подводилась религиозная основа, и каждая каста получала свои ритуалы и правила. И хотя теория и установленные правила могли зачастую мало соответствовать реальной практике, связь брахманизма с кастовой системой всегда была тесной и непоколебимой.

Еще одним важным аспектом брахманизма, способствовавшим росту его популярности в народе, было *бхакти* (санскр., букв. – преданность, любовь к богу), или благочестие. Вишнуизм к 600 г. выработал целую систему верований, в которой Вишну мог пониматься как Бог, в то время как его воплощения (*аватары*), особенно в образе Кришны-Васудеви, могли возбуждать страстную эмоциональную преданность через благочестивое восприятие и поклонение его образу. О степени распространенности этого культа можно судить по многочисленным надписям, которые появляются начиная с IV в. А уже в XI в. аль-Бируни утверждает о существовании в Индии строгого монотеизма, и что весьма примечательно, уже тогда предвидел, что «Бхагавадгита» станет главным сводом философских и моральных постулатов индуизма (*Sachau*, 1910). На юге Индии последователи вишнуизма создали свой самобытный культ с песнопениями на тамильском языке (VI–IX вв.). В X в. у них появились последователи в Ачария (*Āchāryas*), первыми из которых стали Натхмуни (*Nāthmuni*). Божественный образ Кришны и любовь, которую он вызывал у своих почитателей, вдохновили Джаядеву на создание в конце XII в. одного из величайших эпических творений на санскрите «Гита-Говинда».

Соперником вишнуизма за влияние на паству, контролируемую брахманами, выступал культ Шивы, высшего всемогущего бога созидания и разрушения, и его супруги Парвати, олицетворявшей энергию. Этот культ приобретал различные формы: сначала это был ортодоксальный, или пуранический шиваизм. Наряду с ним всё большую популярность приобретал более древний культ Шивы в образе Пашупати, покровителя домашних животных. На юге Индии наянары в VII–IX вв. придали теистический уклон развитию культа Шивы, позволяя всем желающим, независимо от культовой принадлежности, принимать участие в религиозных песнопениях. Таким образом,

и шиваизм стремился к созданию своей собственной традиции бхакти.

С самых ранних времен шиваизм своим культом Парвати-Дурга, проповедовавшим женское начало мироздания, заложил основы тантризма. Многие почитатели Шивы следовали идеям тантризма, изложенным в «*Агаммах*» – текстах, впервые появившихся в V в. Затем появились «*Ямалы*» (VI–X вв.), тексты, посвященные новому пантеону богинь (Калика, Кали и др.) – носительниц различных аспектов «шакти», представлений о некоем полевом энергетическом начале. В силу эзотерического характера некоторых ритуалов тантризма некоторые наиболее развитые этические и моральные аспекты этого учения зачастую оставались в тени или были отодвинуты на задний план (Avalon, 1952).

Этот период был также временем расцвета философии брахманизма. Последователи мимансы (санскр., букв. – исследование), одной из шести ортодоксальных (признающих авторитет Вед) систем индийской философии, исходившей главным образом из абсолютного значения ведийского ритуала, не признавали претензий буддизма на сокровенное знание и отрицательно относились к религиозному отшельничеству. Философия *самкхья*, стоявшая на позиции признания двойственности материального и духовного начал и независимости идеи переселения душ, была подробно рассмотрена Вачаспати Мишрой (ок. 850 г.) в его работе «*Самкхьятаттвакаууди*».

Самый известный философ этого периода Шанкарачарья (ок. 750 г.) полностью пересмотрел положения *ведант*, вернувшись к учению «Упанишад». Для Шанкары главным было знание, поскольку лишь через знание, согласно его взглядам, можно было постичь реальность существования Бога (Брахмана). Выступая в защиту учения «Упанишад» от неортодоксальных течений, он синтезировал все предшествующие ортодоксальные системы, развил учение *адвайта-веданты*, превратив его в единую цельную философскую систему, базирующуюся на предпосылках о реальности не-двойственности (*адвайта*) мира и его иллюзорности двойственности (*майя*). Определив более высокий приоритет пантеизма в сфере знания и более низкий уровень иллюзорности в практических делах, Шанкарачарья смог совместить свои самые высокие истины с огромным разнообразием верований и ритуалов ортодоксального брахманизма. Тем самым он создал идеологическую основу для «единства в многообразии», с помощью которой средневековый и современный индуизм смог развиваться в цельную монотеистическую религию. Шанкара написал комментарии (*бхашья*) к «Веданга-сутре», «Бхагавад-гите» и многочисленные комментарии к «Упанишадам». Несмотря на усилия, приписываемые самому Шанкаре и его последователям, по распространению его учения, потребовалось значительное время, прежде чем оно получило всеобщее признание в Индии. Его доктрина распространилась в Северной Индии, вероятно, лишь в XV–XVI вв.

Самые эффективные нападки на прочтение «Веданты» Шанкарой были осуществлены Рамануджей (ум. в 1137 г.), который, как и Шанкара, был родом с юга. В своем труде «Ведангасара» и в других работах он проповедовал идею независимого существования душ и ратовал за достижение вечного блаженства через *бхакти*, т.е. преданность, любовь к божеству. Философия Рамануджи послужила основой для возникновения позднее множества школ. Одну из них в XII в. возглавил Мадхва, определивший пять основных «дуализмов» (*двайта*), другую несколько позднее – Валабха (1376–1430 гг.), соединивший монизм с бхакти и считавший роль наставника столь высокой, что последний, по его мнению, сам являлся святым.

Что касается буддизма, то его упадок затронул обе школы – и тераваду, и махаяну. Школа махаяны, не являясь в целом теистической религией, трансформировалась в сторону большего внешнего изящества своих обрядов, и в ней

стали преобладать тантристские тенденции, выразившиеся в подчеркивании роли символов: мантр (заклинаний), мудр (положения пальцев рук) и ритуалов. Все это присутствовало уже в VI в. в течениях *Лихьясамаджа* (*Gyhyasamāja*) и *Манджушримулакальпа* (*Manjusrīmūlakalpa*). Все большую популярность приобретает культ божественного персонажа бодхисатвы Авалокитешвары и его супруги Тары, богини сострадания. На основе махаяны с тантристским уклоном разовьется впоследствии тибетский буддизм.

Джайнизм, при всей малочисленности своих последователей, оставил в рассматриваемый период весьма значительное культурное и литературное наследие. Наиболее плодотворными представителями этого философского течения, в центре которого стояла идея жесткой взаимосвязи между преходящим и вечным, были Харибхадра (VIII в.) и Хемачандра (ум. в 1172 г.).

Несмотря на то что многочисленные школы брахманизма, буддийские секты и джайны исповедовали разные верования, это не мешало им в целом мирно сосуществовать. Поскольку в тот период их основным языком был санскрит, то все они, естественно, принадлежали к одному и тому же интеллектуальному и образовательному кругу. Но, несмотря на эту общность, высшее образование тогда можно было получить лишь в религиозных учреждениях своей собственной секты. Самой высокой репутацией среди таких образовательных учреждений пользовался буддийский монастырь в Наланде, описанный Сюань-Цзанем (ок. 670 г.). В нем преподавали «несколько тысяч» наставников, «сотни из которых были в высшей степени уважаемыми и знаменитыми людьми» (Watters, 1905: II, pp. 164–170). Этот огромный монастырский университет просуществовал почти до середины XIII в. и устоял под напором различных политических событий, включая резню, устроенную Мухаммедом Бахтияром Хальджи около 1200 г.

После ислама

В 712–714 гг. Синд и Южный Пенджаб перешли под контроль арабского халифата Омейядов и начался независимый приток мусульман в Индию. Торговцы-мусульмане также селились в портовых городах на западном побережье, особенно в Гуджарате и Керале. Лахор при Газневидах (в XI и XII вв.) также становится излюбленным местом расселения мусульман. В XIII в., после завоеваний Гуридов и образования Делийского султаната мусульманские сообщества появляются по всей Северной Индии. По тому же сценарию происходили события и в XIV в. на Деканском плоскогорье севернее р. Тунга-Тургабхадра; можно сказать, что вслед за чужеземным флагом приходила и чужая вера.

К 1200 г. ортодоксальная исламская теология в лице *улемов* или *данишмендов* (исламских богословов) в основном нашла общий язык с апологетами мистицизма, в качестве которых выступали суфии или дервиши. Суфии, как правило, не посягали на сферу влияния исламских теологов, также как и улемы терпимо относились к традиции полнейшего раболепства суфиев перед своими *тирами* – учителями, главами своих сект. В то же время *сама* – публичные чтения обращенной к Богу суфийской поэзии любви – все еще воспринимались по-разному.

Уже в конце XI в. в Лахаре появляется одно из крупнейших произведений суфийского мистицизма «*Кашифуль-Махджуб*» на персидском языке, автором которого был Али Худжвири. В XIII и XIV вв. большое влияние приобрели суфийские мистические общины – *силсила* Сухраварди в Мултгане и *чиштиев* – в Дели. Шейх Низамуддин, член общины чистиев, предложил классическое представление о суфизме допантеистического периода в книге своих бесед, записанных в 1307–1322 гг. и собранных в сборнике «*Фава'idиль-Фувад*».

Суфизм стал приобретать пантеистические черты лишь с появлением идей Ибн аль-Араби (1165–1240 гг.),

сначала через поэзию двух персидских суфиев – Джала-ледина Руми (1207–1273 гг.) и Абдуррахмана Джами (1414–1492 гг.), а затем благодаря усилиям Ашрафа Джахангира Симнани (начало XV в.). Удивительным образом эта волна зрелого пантеизма захлестнула и увлекла за собой всю исламскую мысль в Индии как раз в то самое время, когда пантеистические идеи «Веданты» Шанкарачарьи начинали будоражить умы приверженцев брахманизма. Идентичность этих двух направлений была в конечном итоге недвусмысленно признана Джахангиром (1864: р. 176) в начале XVII в.

Важным достоинством исламских правителей в Индии было то, что уже на самых ранних этапах соприкосновения ислама и индуизма, которым суждено было прожить вместе долгую историю, они предпочли мирное сосуществование двух религий. В частности, завоеватель Мухаммед Гури (ум. в 1206 г.) повелел отчеканить образ богини Лакшми на некоторых своих золотых монетах. В Делийском султанате, несмотря на то что в среде высших государственных чиновников преобладали мусульмане, местными правителями в основном оставались индийцы, а в XIV в. индийцев стали назначать губернаторами и командующими гарнизонов. Индийцы за такое хорошее отношение отвечали таким же. Так, в армии империи Виджаянагара среди командиров и солдат было много мусульман. Поэтому, когда в XV в. Рана Кумбха строил свою знаменитую Башню победы в Читтуре, он позаботился о том, чтобы скульптурное изображение индуистского пантеона богов было увенчано надписью «Аллах», исполненной многократно великолепной арабской вязью.

Вопрос о том, насколько глубоко повлиял ислам на развитие некоторых верований в индуизме, ставился неоднократно. Присутствие ислама в Индии ни в коей мере не было причастно к возникновению монотеистической тенденции в индуизме, поскольку такая тенденция существовала уже давно. Но, возможно, оно повлияло на сдвиг индуизма к более центристским позициям и до некоторой степени ограничило влияние на него учения самкхья о двойственности. Неясным остается вопрос о том, до какой степени теоретическое религиозное равенство внутри мусульманского сообщества способствовало активизации критики кастовой системы внутри индийского общества. Это сомнение возникает в силу того, что в этот период социальное расслоение внутри самого мусульманского общества было столь же прочно закреплено законом и существовавшей практикой, и поэтому прямая критика мусульманами кастовой системы вряд ли была возможной.

Существовала и еще одна плоскость, в которой могло проявляться влияние ислама в Индии, – понятие религии. Для арабов и иранцев Индия первоначально была «Хинд», а индийцы были «индусами». Но по мере того как в стране росло мусульманское сообщество, название «индус» вполне естественно стало относиться к индийцам, которые не были мусульманами, и все многочисленные религиозные течения в Индии в глазах мусульман попадали в один разряд – индуистских. Соответственно, и в среде индусов (как они стали сами себя называть начиная с XV в.) стали формироваться представления об индуизме как о некоей единой вере, которые начались с попыток разобраться во внутренних противоречиях индуизма, что-то пересмотреть, отобрать, уточнить, сменить акценты. Таким образом, трансформация всей этой громадной брахманской системы верований в индуизм происходила, по сути дела, по своим внутренним законам, даже если первоначальный импульс к этому и само название новой религии поступили извне.

Формированию такого более цельного представления об индуизме в значительной мере способствовало появление ряда юридических и философских документов. Первыми в Митхиле (северный Бихар) появились законодательские трактаты Чандешвары «*Смриттиратнакара*» (конец XIII в.) и Вачаспати Мишры «*Вивадачинтаман*» (XV в.).

В работе «*Сарвадаршанасамграха*» (ок. 1375 г.), написанной Мадхва на юге Индии, представлены 16 систем вероисповедания (*дарана*) (включая считавшиеся ошибочными секты сторонников чарваки (локаяты), буддистов и джайнов), которые, по мнению автора, охватывали весь спектр интеллектуальной и теологической мысли того, что сейчас может быть названо индуизмом. Шестнадцатая из этих школ – веданта подчеркнуто выделена автором в качестве самой совершенной из всех.

Вполне логичным в этой связи стало появление в Индии некоего народного монотеизма. В XIII в. в Карнатаке возникла шиванитская секта, называвшая себя вирашайва, известная также как лингайты, основателем которой стал брахман Басава (род. в 1125 г.). Согласно его вероучению, существует только один Бог (Пара-Шива), кастовое деление общества отрицается, женщины имеют более высокий социальный статус и брахманы не являются более единственными священнослужителями. Использование лингайтами языка каннада (каннара, язык, относящийся к дравидийским языкам. – *Прим. ред.*) безусловно указывает на простонародный характер этого движения. Похожая, но менее организованная параллельно община появилась в Тамилнаде у сиддхаров, которые пели на тамильском языке об одном Боге, ругали кастовую систему, брахманов и отрицали веру в переселение душ.

Две загадочные личности, возможно, сыграли определенную роль в ознакомлении народов Северной Индии с бхакти и с монотеизмом южан. Один из них – Намдев (ум. в 1350 г.), по профессии набойщик ситца из Махараштры, был последовательным монотеистом, противником идолопоклонства и кастовых различий. В более поздние времена он почитался как прямой предшественник Кабира (ок. 1500 г.), известного проповедника монотеизма и противника кастового строя на севере Индии. Еще более таинственной является фигура Рамананда (ок. 1450 г.), брахмана, последователя Рамануджи, проповедника из Варанаси, который в брахманских легендах предстает в качестве «наставника» большинства ведущих проповедников монотеизма начала XVI в. (включая Кабира, о котором подробнее см. т. V «Истории человечества»).

Еще одним религиозным течением, которое приобрело известное влияние в рассматриваемый период, было *сиддха-натха*, восходящее корнями к горахнатхам (XI–XII вв.). Оно объединяло различные культы Шивы, шакти и йоги в рамках тантристского мистического учения, которое бесчисленные странствующие нищие проповедовали по всей стране.

ЛИТЕРАТУРА

Языки

Как это водилось в большинстве ранних культур, литературный язык обычно отличался от тех, на которых говорил простой народ. В Индии существовало большое разнообразие региональных языков, которых индийский поэт, ученый, музыкант Амир Хосров Дехлеви (1253–1325 гг.) насчитывал двенадцать. Величайший классический язык Индии санскрит появился как язык жрецов, чиновников и ученых и к VII в. почти повсеместно заменил Prakritы (группа среднеиндийских языков и диалектов, на которых говорили простые люди). Санскрит сохранял свое господствующее положение литературного, управленческого и юридического языка вплоть до конца XII в., когда он был вынужден разделить свое первенство с персидским. Как и санскрит, персидский язык был в Индии средством общения исключительно представителей элиты, языком правителей и образованных людей.

За пределами южной зоны распространения дравидийских языков Prakritы (использовавшиеся в некоторых

литературных языках и диалектах, таких как махараштри, саурасени и магадхи) применялись очень ограниченно, в основном среди джайнов. В то же время к VI в. появился новый устойчивый литературный язык, получивший название *анабхрэмши* и возникший в результате синтеза региональных диалектов с праkritами и санскритом.

Современные региональные языки, такие как бенгали, ория и гуджарати и, возможно, хинди (или, скорее, один из диалектов, которые современный хинди вытеснил и впитал в себя), восходят к фрагментарным литературным источникам, датируемым XII в., или относятся к XIII в., как в случае с языком маратхи. Полноценная литература на этих языках появляется гораздо позднее.

На юге развитие шло заметно по-другому. Первые надписи на тамильском языке относятся приблизительно к началу тысячелетия, а позднее этот язык использовался как литературный в сангамских текстах. В рассматриваемый период он в основном сохранил свое значение, хотя в духовных и официальных документах чаще использовался санскрит. Первые надписи на языке каннада относятся к VI или VII в. Литературные источники на телугу исследователи относят к XI в. Малайялам – четвертый из групп дравидийских языков приобрел прочный статус самостоятельного литературного языка, отличного от тамильского, только в XV в.

Литература на санскрите

Если бы не грандиозная фигура Калидасы, писавшего на санскрите еще в IV в., то шестисотлетний период с 600 по 1200 гг. мог бы считаться временем наивысшего расцвета и богатства санскритской литературы (илл. 100, 101, 102).

Примерно к 600 г. н.э. исследователи относят творчество многих авторов, писавших на санскрите, хотя точную хронологию конкретных произведений определить иногда сложно. Бхартрихари (поэт VII в.) написал последний выдающийся учебник санскритской грамматики – *«Вакиатадия»*, а также три сборника лирических стихов и афоризмов (*шатака*). Дандин (прибл. VI–VII в.) написал ставшее классикой большое романтическое произведение *«Похождения десяти принцев»* (*«Дашакумарачарита»*) – сказки, рассказанные ими самими, и трактат *«Зеркало поэзии»* *«Кавьядарша»* по теории стихосложения. Субандху создал свою большую романтическую поэму *«Васавадатта»*, стиль которой был более сложным и трудным для восприятия, чем у Дандина.

Но, пожалуй, более сложного автора, чем Бана (ок. 640 г.) трудно вообразить. Его романтическая поэма *«Харичарита»* является одновременно и художественным произведением, и биографией его венценосного покровителя Харши, правителя государства в Северной Индии. Страсть Баны к аллитерации, двусмысленностям и необычным звукосочетаниям сделала его творчество образцом для будущих поколений писателей и одновременно оказала сомнительную услугу языку. Еще одно известное прозаическое произведение Баны – *«Кадамбари»* представляет собой повествование в виде сказок внутри сказок. Но, несмотря на сложность стиля и манеры выражения мысли, Бана безусловно обладает искусством создания характеров и передачи настроения героев и состояний природы.

Первый дошедший до нас большой словарь санскрита *«Амаракоша»*, составленный Амарасинхой, следует датировать, скорее всего, VIII в. Вamana (конец VIII в.) в своем исследовании поэтических стилей *«Кавьяламкара»* предложил более изящное решение прежних стилистических форм. Один из его последователей Бхачхана написал работу под таким же названием, но по-другому подошел к систематизации стилей и к их качественным и количественным параметрам. Споры по вопросу о том, что считать душой поэзии – чувство или внушение, стали важными

с появлением эстетической доктрины *«Дхваньялока»* теоретика литературы Анандавардхана (ок. 850 г.) из Кашмира.

Другой автор из Кашмира – Бильхана (конец XI в.) написал историческую эпическую поэму *«Викраманкадевачарита»*; он заслуживает упоминания как предшественник первого настоящего индийского историка Калхана, автора *«Раджатаранджини»* (1149 г.) – летописей правителей Кашмира. Наиболее достоверными можно считать его записи, относящиеся к периоду после примерно 850 г., поскольку с этого времени у него больше нет героев и он может свободно судить о людях, анализировать их характеры и обстоятельства и обличать людские пороки как никто другой в индийской литературе, за исключением, возможно, лишь Зийя Барани (примерно в 1350 г.).

Сборник басен, сказок, новелл и притч «о животных» нравоучительного характера *«Панчатантра»* («Пятикнижие»), впервые появившийся в Индии, стал достоянием мировой литературы. Один из его ранних вариантов был переведен в VI в. на пехлеви, а с него к 750 г. на арабский под названием *«Калила ва Димна»* (илл. 210–211). Уже с арабского были сделаны переводы на другие языки. В 1100 г. вышло новое издание этих поучительных сказок в адаптированном виде. С него Пурнабхадра в 1199 г. сделал свой вариант, а другой сборник сказок *«Хитопадеша»*, составленный в Бенгалии Нараяной, является еще одним переделанием *«Панчатантры»*.

Видимо, правильно было бы закончить этот перечень позднейшей санскритской литературы обзором творчества Джаядевы (ок. 1175 г.), в произведении которого *«Гита-Говинда»* рассказывается о Кришне, Радхе и девушках-пастушках (*гопи*). Сама форма танцевальной драмы, язык, музыка, оригинальность и благочестивый дух этого произведения делают его поистине уникальным в своем роде.

Установление султанатов «ника реально не сказался на санскритской литературе» (*Mebendale & Pusalker*, 1960: р. 464), о чем следует помнить при рассмотрении природы проникновения ислама в Индию. Вместе с тем, санскрит теперь становился больше инструментом обучения, чем творчества, а основные произведения, написанные на нем, относятся к сфере религии и права, как, например, работы Мадхавы и Вачаспати Мишры. Вначале влияние арабского и персидского языков на санскрит почти не ощущалось, однако в конце XV в. Шривара изложил известный фольклорный сюжет многих народов Востока о Юсуфе и Зулейхе на санскрите в форме традиционной любовной лирики, последняя часть которой была посвящена Шиве.

Персидская литература

Персидская литература появилась в Индии уже со своей классической поэзией и прочно сложившимися традициями прозаического жанра. Но и Индия внесла значительный вклад в развитие персидской литературы.

Самой крупной фигурой персидской поэзии рассматриваемого периода является Амир Хосров Дехлеви (1253–1325 гг.), поэт, сумевший поднять жанр газели до небывалых лирических высот. Он затрагивал также все виды прозы, как, например, в *«Иджази Хосрови»*. Им написан сборник (*«Хамсе»*) из пяти романтических поэм – *маснави*, или рифмованных куплетов, «Пять сокровищ» (*«Пандж Гандж»*) и исторический любовный роман *«Деваль Рани Хижр Хани»*. Среди его многочисленных прозаических и поэтических работ в историческом жанре выделяются *«Сокровища победы»* (*«Хазинул Футух»*) и *«Девять небесных сфер»* (*«Нух Ситихр»*), содержащие хроники времен султанов Ала-ад-дина Хальджи (1296–1316 гг.) и Кутб-ад-дина Мубарака Хальджи (1316–1320 гг.). Можно согласиться с тем, что Амир Хосров писал слишком много и что его взгляды часто менялись в угоду его высоким покровителям, и все же заслуги его весьма велики. Несмотря на свое

турецкое происхождение. Хосров был первым индийским поэтом-патриотом, писавшим на персидском. В поэме «Девять небесных сфер» он воспеваеет Индию, ее природу, языки, особенно санскрит, ее науку, искусство, музыку, ее людей и животный мир.

Другим крупным жанром индийской литературы на персидском языке был исторический. Здесь особняком стоят два произведения: «*Табакат-и Насири*» Минхаджа Сираджа (1259–1260 гг.) и «*Тарих-и Фируз Шахи*» Зии Барани (1357 г.). Работа Минхаджа формально является учебником всемирной истории, но замечательна, в частности, своими описаниями биографических подробностей из жизни знати той поры и информацией о монголах. Барани выступает в своей книге не только как летописец, но и как автор теории истории, включающей теорию конфликтного треугольника, внутри которого происходит столкновение и урегулирование интересов деспотических монархов, влиятельной знати и выходцев из низшего класса. Мастерство прозаика, способность давать точные оценки людям и событиям применительно к его собственной теории делают Барани одной из крупнейших фигур средневековой историографии. Его перу принадлежит также исследование об искусстве управления государством «*Фаттава-и Джасандари*».

Этот период появляется также масса литературы на персидском и арабском языках по теологии, мистицизму, праву и различным наукам, но вся она следует в русле традиционных подходов, принятых в исламском мире (илл. 219).

Литература на других индийских языках

В этот период появилась и вскоре исчезла литература на языке апабхрамша. Здесь есть два произведения, заслуживающих внимания: первое – «*Сандашарасака*» Абдур-Рахмана (XII в.), поэма в стихах о разлуке девушки с ее возлюбленным, и второе – сборник трактатов Тхакуры Пхеру, написанных в Дели в 1290–1320 гг. и посвященных описанию монет, ювелирных изделий, различных товаров, что делает это произведение уникальным литературным источником по истории экономической жизни Индии. Значительную часть литературных источников на языке апабхрамша и на пракритской форме махараштры составляют произведения джайнов. Один из самых известных таких авторов Хемачандра много писал также и на санскрите.

Среди региональных индийских литератур, появившихся в рассматриваемый период, ранние литературные произведения обычно представляют собой тексты религиозных песнопений или светских баллад, первоначально существовавших в виде устного фольклора. На языке гуджарати, например, баллады (*раса*) приобрели полноценную форму лишь во времена Ваджрасены (ок. 1170 г.), а Нарасимха Мехта (ум. в 1481 г.) сочинял религиозную лирику, обращенную к Кришне (илл. 220).

Литература на дравидийских языках в целом является более зрелой и богатой, чем литература на языках Северной Индии. Об этом свидетельствует тот факт, что ранние эпические произведения у дравидов появились значительно раньше. Так, перевод «*Рамаяны*» на тамильский, выполненный Камбаном, появился в XI в. Версия «*Рамаяны*» на языке каннада появилась в переводе джайна Пампы II в XII или XIII в. На язык телугу Ранганатха перевел это произведение в XIII в. «*Махабхарату*» Нанниах начал переводить на телугу в XI в. Виллипуттурар переложил ее тамильским стихом в XIV в., а перевод Наранаппы на язык каннада появился в XV в. На языке малайала самый первый литературный памятник «*Рамачаритам*», основанный на сюжете «*Рамаяны*», появился, видимо, не ранее XIV в. Помимо религиозной набожной поэзии имелись и примеры светской литературы, например юмористические стихи (и целые сюжеты), приписываемые тамильскому поэту XV в. Каламекаму.

ИСКУССТВО

Архитектура

Начиная с VII в. в Индии получила развитие классическая каменная архитектура. Дошедшие до нас архитектурные памятники предшествующего периода в подавляющем большинстве представляют собой монолитные образования – пещеры и постройки, выдолбленные в скалах. Этот вид архитектуры продолжал существовать и давать миру такие великие памятники, как пещерный храм в Эллоре (штат Махараштра) и пещерный храм Шивы в Элефанте. Но главный упор теперь делался на сооружения из камня.

В V в. в Бхитаргаоне в Северной Индии был создан прообраз такой постройки: каменный храм с плоской крышей, но с полноценной аркой над центральным входом. Однако это был лишь мимолетный эпизод. Арка, своды и купол, равно как и известково-цементный раствор для кладки, были неведомы индийским каменщикам вплоть до XIII в. В результате при строительстве крупных зданий приходилось сооружать высокие крыши в виде башен, стены которых постепенно отклоняли внутрь и сужали кверху, чтобы свести их вверху, а также строили толстые колонны, способные выдерживать массивные поперечные балки перекрытий. Чем крупнее было здание, тем большего размера монолитные каменные блоки приходилось применять. Неизбежное в этом случае впечатление тяжеловесности зданий приходилось скрывать обилием скульптурных композиций, которые со временем стали использоваться все шире. Основным видом построек, характерных для этого монументального типа архитектуры, были брахманские храмы. В святилище такого храма, называемом *вимана*, имелась темная комната или келья (*гарбха-гриха*), в которой помещалась статуя божества или священный символ. Над виманой ставилась *шикхара* – ребристый или витой шпиль. К святилищу примыкал зал с колоннами (*мандана*), иногда с промежуточной комнатой (*антарала*) с трансептами и портиком. По этому же образцу строили свои храмы и джайны.

Внутри этой общей храмовой архитектурной традиции различают два стиля, так называемый «индоарийский» (северный) и «дравидийский» (южный). В отличие от простой ребристой конусообразной шикхары индоарийского стиля дравидийская шикхара выполнялась в виде башенки с уступами; крыша индоарийского храма обычно плоская или пирамидальная, у дравидийского – чаще всего шаровидная (Fergusson, 1876).

Оба эти стиля присутствуют в ранней архитектуре времен правления Чалукьев из Декана. Здесь в Эллоре (современный штат Махараштра) было построено самое крупное в Индии сооружение, целиком вырезанное в монолитной скале, – шиваитский храм Кайласанатха (VIII в.). Каменотесы высекали его вертикально в огромном массиве монолитной скалы, получая прямоугольное в плане пространство размерами 100 м x 60 м, в точности повторяя стиль обычного дравидийского храма. О высоте здания красноречиво говорит шикхара высотой 30 м.

Приблизительно в то же время в Южной Индии времен правления династии Паллавов начался переход от вырезания помещений в монолитных скалах, характерного в VII в., к классическому способу строительства (VIII–IX вв.). И в том и в другом вариантах присутствовали элементы характерного дравидийского стиля. В Мамаллапураме к югу от Мадраса было построено 17 пещерных храмов (*ратхи*), увенчанных Прибрежным храмом. Самым ярким образцом классического строительного искусства периода Паллавов является знаменитый храм Кайласанатха в Канчи (ок. 700 г.).

Два огромных храма, построенных в государстве Чола, в Танджуре (ок. 1000 г.) и Гангайкондачолapuraме (ок. 1025 г.), превосходят по размерам все построенные до этого в Индии культовые сооружения. Шикхара в одном из них

возносится от основания на высоту 70 м. Во втором из указанных храмов имеется также огромный зал со 150 колоннами (*мандапа, чавадиди*); впоследствии такие залы стали традиционными в храмовой архитектуре.

В конце правления династии Пандьев (XII–XIV вв.) и их преемников появилась новая тенденция к увеличению общей площади храмового комплекса, который стал принимать вид прямоугольного форта с мощными стенами, часто концентрическими, вокруг открытых дворов (*пракарамов*) и массивными воротами (*готурамами*), которые полностью закрывали основной храм, как, например, в Тируваннамалаи (ок. 1300 г.). Эта тенденция наиболее ярко проявилась при постройке храмов в Мадурай (полностью завершены в XVII в.) и Срирангаме (строился с XIII по XVIII в.).

В самом дравидийском архитектурном стиле сложилось еще одно направление, представленное храмами периода династии Хойсалов, относящихся к XI–XIII вв., в частности в Белуре и Халабиде. Особенностью их архитектуры является четкая прорисовка горизонтальных делений и богато украшенная скульптурной резьбой шикхара.

«Арийские» храмы также имели предшественников в виде архитектурных памятников времен Чалукьев из Айхолы и Бадамы. Но по масштабам храмового строительства безусловное лидерство было за Ориссой. Из 17 храмов в Бхуванешваре, строительство которых продолжалось с 750 по 1250 г., самым величественным является храм Лингараджа с основным огромным святилищем, окруженным многочисленными меньшими его копиями и возведенной вокруг них массивной стеной (илл. 225). А храм Джаганатха (*Jaganmāth*) в Пури (*Puri*) (ок. 1100 г.) по размерам даже больше, чем Лингараджа: только пирамида над его святилищем (*диул*) имеет 70 м в высоту.

Но одним из поистине величайших достижений орисской архитектуры является храм Солнца в Конараке (так называемая «Черная пагода») (ок. 1250 г.). Его создатели задумали и реализовали свое творение в виде колесницы бога Солнца, включив в композицию двенадцать огромных колес, которые должны были создавать эту иллюзию. Гигантская башня над главным залом храма, верхняя часть которой позднее обрушилась, достигала невероятной для того времени высоты – 75 м. Чтобы усилить впечатление пышности, храм украшают богатейшие скульптурные изображения (илл. 221).

Еще одно направление «североиндийского» архитектурного стиля представлено группой брахманских и джайнистских храмов в Кхаджурахо в Центральной Индии (IX–XI вв.). Эти храмы замечательны прекрасными пропорциями, нежели размерами, а также изящными силуэтами и богатством настенной скульптурной отделки.

К концу XII в. в Индии возник совершенно новый архитектурный стиль, получивший название «сарацинский». Его главной особенностью было использование арок, сводов, куполов, а также скрепляющего раствора (цемента). Это позволило добиваться легкости и изящества, с которыми традиционному индийскому архитектурному равняться было сложно. Обилие света и пространства в таких постройках и «суровая простота» резко контрастировали с «пластическими излишествами» традиционной индийской архитектуры (*Chand*, 1963: pp. 243–243).

В сарацинской архитектуре начального периода (XIII в.) еще чувствуется отсутствие необходимого опыта у местных мастеров, что не позволяет им во всей полноте раскрыться при реализации непривычных для них архитектурных решений. Например, при строительстве мечетей Кувватт-уль-Ислам в Дели (1190-е гг.) и Дрхай-дин ка Джхонпир в Аджере (начало XIII в.) пришлось строить декоративные арки и отказаться от возведения настоящих куполов.

Что же касается высоты построек, то здесь индийцы по-прежнему были «на высоте». На одном из наружных углов мечети Кувватт-уль-Ислам в начале XIII в. был построен знаменитый минарет Кутб Минар (илл. 209). Первоначально

она была четырехъярусной и имела высоту 78 м. В XIII в. ее перестроили, сделав пятиярусной и увеличив общую высоту до 80 м. Несобыкновенная высота Кутб Минара, отделка его граненых ярусов, контраст между чередующимися поясами гладкого камня и резного орнамента и плавное сужение кверху делают всю башню поистине величественным сооружением.

Во вторую фазу сарацинская архитектура вступила, когда индийские мастера приобрели необходимый опыт в сооружении арок и куполов. Первая дошедшая до нас настоящая индийская арка была построена в Дели в гробнице султана Балбана (ум. в 1287 г.), а первый купол – в храме Ала-и Дарваза (1310 г.) – одной из жемчужин исламской архитектуры в Индии.

В первой половине XIV в. недалеко от Дели был основан город Туглакабад (*Tughluqābād*). В нем султан Гияс-ад-дин Туглак (ум. в 1324 г.) построил для себя усыпальницу, удивительное сооружение из красного песчаника и мрамора с наклонными стенами, расположенное внутри небольшой крепости (илл. 196). Внешне похожим являлся и мавзолей Шаха Рукн-и Алама в Мултане (ок. 1324 г.). При Фируз-шахе Туглуке (правил в 1351–1388 гг.) в Дели развернулось небывалое по размаху строительство, но не все результаты его впечатляют: в основном строили утилитарные, невзрачные сооружения. Редким образцом свежести в архитектурном подходе можно считать ступенчатую пирамиду, состоящую из террас с аркадами, которая служила основанием для Ашокской колонны, привезенной Фируз-шахом из предгорий Гималаев.

В XV в. в различных частях Индии начали появляться определенные региональные стили архитектуры, например в Шарки (с центром в Джаунпуре), Бенгалии (г. Гаур), Малве (г. Манду) и в Гуджарате (г. Ахмадабад). Гуджаратский стиль с его явными включениями традиционных элементов и мотивов архитектурного оказал значительное влияние на архитектуру времен Моголов. Архитектурный стиль султаната Бахманидов с основными памятниками в его столицах Гулбарге и Бидаре (штат Карнатака) впоследствии стал основой для формирования провинциальных архитектурных стилей в Голконде и Биджапуре. Интересный памятник мусульманского искусства в Гулбарге – храм Джамы Масджид (ок. 1400 г.) – замечателен тем, что все его помещения подведены под крышу площадью более 10 тыс. кв. м, представляющую собой 63 небольших купола. В Кашмире существовал собственный архитектурный стиль, для которого характерно строительство зданий почти исключительно из дерева. Другой его особенностью является пирамидальная крыша.

Удивительно, но арочная техника практически не затронула архитектуру Виджаянагара (Карнатака) (XIV–XVI вв.). Большой столичный город со всеми его величественными культовыми и светскими сооружениями построен с использованием технологии архитектурного в дравидийском стиле.

Скульптура

По-видимому, ни в одной стране мира не было создано так много скульптурных произведений из камня, как в Индии в 600–1500 гг. Огромные храмы строились из каменных плит, каждый сантиметр внешней поверхности которых строители обычно стремились покрыть резными фигурами или изображениями. Большинство из них носило религиозный характер и изображало мифологические сюжеты. К 700 г. все иконографические условности уже были разработаны до мельчайших деталей и строго соблюдались при создании сложнейших композиций на темы шиваитской и вишнуитской мифологии, которые полностью вытеснили преобладавшую до этого более простую буддийскую скульптуру на сюжеты «Джатаки».

То, что все эти условности не мешали создавать подлинные произведения искусства, великолепным образом демонстрируют скульптуры в Эллоре, относящиеся к брахманскому и джайнскому периодам, например те, что находятся в храме Кайласанатха в Канчи (VIII в.). Здесь размещены пользующиеся заслуженной славой статуи «Шива-аскет», «Шива-Натараджа» («Танцующий Шива»), «Шива, предупрежденный своей супругой Парвати о происках демона Раваны» и «речные богини». На о. Элефанта недалеко от Бомбея среди множества прекрасных скульптур находится знаменитая гигантская скульптура трехликого Шивы. Выражения лиц этого Шивы-Махешамурти (трехликого) передают и чувство сострадания, и мудрость божества. Этот эффект достигается в скульптуре, как, впрочем, и во всем индийском искусстве, очень тщательным изображением позы и некоторыми тонкостями в изображении глаз и губ.

На севере Индии, в Бенгалии и Бихаре при Палах (VIII–XII в.) буддийское искусство скульптуры входит в свою заключительную фазу. Оно привлекает своими несомненными художественными достоинствами, однако гораздо больший интерес искусствоведов привлекли две другие основные традиции – орисская (VIII–XIII вв.) и школа Кхаджурахо (IX–XI вв.). Здесь мы видим настенные панно с барельефами и бесконечной чередой фигур, среди которых встречаются трогательные сцены, как, например, Яшодха, взбивающий масло (в Бхуванешваре), или стадо оленей во всей своей беззащитности (в Кхаджурахо). В храме Конарака (ок. 1250 г.) можно увидеть примеры противоположного характера – демонстрацию мощи и силы в колоссальных скульптурных изображениях слона и лошади. И в Ориссе, и в Кхаджурахо в скульптуре повсеместно свободно присутствует эротика. Однако ни она сама, ни ее бесконечное тиражирование не могут заслонить подлинных проявлений искусства и мастерства авторов (илл. 52, 53, 100).

Столь откровенное потакание сексуальным мотивам чуждо скульптуре юга Индии, особенно шиваитской традиции, однако это искусство отмечено некоторой принужденностью отдельных фигур. Вместе с тем скульптура на юге получает совершенно иное наполнение, будучи выполненной в меди и бронзе. Самым замечательным ее образцом является статуя «Танцующий Шива» (в воплощении танцора Натараджи) (илл. 222).

В сарацинской архитектуре скульптура перестала играть главенствующую роль. Теперь лишь каллиграфически исполненные надписи на арабском языке да геометрические и растительные орнаменты, вырезанные в камне, украшали здания. Но эта резьба по камню нередко свидетельствовала о высоком мастерстве ее исполнителей и как часть архитектурного дизайна поднималась до уровня настоящего искусства (илл. 209).

Живопись

VII в. стал свидетелем угасания традиции наскальной пещерной живописи, последние образцы которой мы видим в Аджанте и Багхе. С ее исчезновением классический период древней индийской живописи, судя по всему, закончился (илл. 80). «Средневековая» традиция, ранние образцы которой переключаются с памятниками в Аджанте и Эллоре (VIII–IX вв.), характеризуется четкостью линий, наличием граней, отсутствием цветового моделирования и склонностью к пестроте в декоре. Этот средневековый стиль еще более выражен в настенной живописи в южно-индийских храмах (XII–XIV вв.).

Наконец мы подходим к гуджаратской миниатюре (появилась ок. 1100 г.), обычно встречаемой в манускриптах джайнов. Стилизация здесь достигает крайних форм (например, на профиле человеческого лица изображены оба

глаза, один из которых несколько выступает вперед) (илл. 220). Классическая традиция, тем не менее, сохранилась в живописи периода Палов в Восточной Индии и Непале и встречается в рукописях вплоть до XIII в. (илл. 101).

С приходом мусульманства появилась традиция настенной росписи, особенно в частных домах. Под влиянием китайской и монгольской традиций с XIII в. новый импульс получила книжная миниатюра. Известная школа такой живописи возникла в Малве, где в 1468–1469 гг. была изготовлена рукопись словаря «*Мифтаху-ль-Фузола*» с многочисленными иллюстрациями, тонкая работа и тщательность изготовления которых изумляют.

Музыка и танцы

В рассматриваемый период классическая музыкальная и танцевальная культура Индии вступает в период зрелости. В индийской музыке никогда не было системы нотной записи и поэтому она передавалась на слух, вследствие чего большая часть раннего музыкального наследия безвозвратно потеряна. Важным источником информации об истории музыки является «*Натияшастра*» (III в.?), но полноценная музыкальная литература появилась значительно позднее, как, например, «*Самгитаратнакара*» Сарнгадевы (начало XIII в.). Затем появляется работа Дамодара «*Самгитадарпана*» и сочинение неизвестного автора «*Гхуниату-ль-Муния*» на персидском языке (1374–1375 гг.), дающее наглядное представление о том, какое большое внимание уделялось индийской музыке при дворах султанов.

В «Натияшастре» содержатся также правила индийского танца (*нрития*). Однако в том, что касается положений тела и движений в классическом индийском танце в рассматриваемый период, источником для нас являются в основном скульптурные композиции (илл. 222–224).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALL, M. A. 1990. The Medieval Civilization: Genesis and Efflorescence. Presidential Addresses in Proceedings of the Indian History Congress, Gorakhpur Session, 1989–90. Delhi.
- ALTEKAR, A. S. 1956. The Position of Women in Hindu Civilization. Benares.
- AMBERS, J.; BOWMAN, S. 1944. British Museum ¹⁴C Measurements XXIII: Zavar Series, Radiocarbon, London, Vol. 38 (1), pp. 107–109.
- AVALON, A. (ed.) 1952. Principles of Tantra, 2nd edn. Calcutta.
- BOSE, D. M.; SEN S. N.; SUBBARAYAPPA, B. W. (eds) 1971. A Concise History of Science in India. New Delhi.
- BROWN, P. 1951. Indian Architecture (Islamic Period). Bombay.
- 1956. Indian Architecture (Buddhist and Hindu Periods). Bombay.
- CHAND, T. 1963. Influence on Islam of Indian Culture, 2nd edn. Allahabad.
- CHATTOPADHYAYA, D. (ed.) 1982. Studies in the History of Science in India, 2 vols. New Delhi.
- COOMARASWAMY, A. K. 1964. The Arts and Crafts of India and Ceylon, 2nd edn. New York.
- DATTA, B.; SINGH, A. N. 1962. History of Hindu Mathematics – A Source Book. Bombay (single-volume edn).
- DELOCHE, J. 1989. Military Technology in Hoysala Sculpture. New Delhi.
- DEYELL, J. S. 1990. Living Without Silver: The Monetary History of Early Medieval India. Delhi.
- DIGBY, S. 1971. War-Horse and the Elephant in the Delhi Sultanate. London, Oxford.
- 1982. Contributions. In: RAYCHAUDHURI, T.; HABIB, I. (eds) Cambridge Economic History of India, I. London.
- FERGUSON, J. 1910. History of Indian and Eastern Architecture, 2nd edn. 2 vols. London.
- GHOSHAL, U. N. 1929. Contributions to the History of the Hindu Revenue System. Calcutta.
- GOPAL, L. 1963–1964. Article. In: University of Allahabad Studies, Ancient History Section. Allahabad.

- 1989. *The Economic Life of Northern India, c. AD 700–1200*, 2nd (revised) edn. Delhi.
- HABIB, I. 1980. *Changes in Technology in Medieval India, Studies in History*. Delhi, II (1).
- 1982. Contributions. In: RAYCHAUDHURI, T.; HABIB, I. (eds) *Cambridge Economic History of India, I*. London.
- 1995. *Essays in Indian History: Towards a Marxist Perception*. New Delhi.
- HABIB, M.; NIZAMI, K. A. (eds) 1990. *A Comprehensive History of India*, V. New Delhi.
- HAYASHI, T. 1985. *The Bakhsali Manuscripts*. Rhode Island. (Ph. D. thesis, Brown University).
- JAHĀNGĪR, 1864. *Tuzuk-i Jahāngīrī*. ed. Saiyid Ahmad, Ghazipur and Aligarh.
- JHA, D. N. 1993. *Economy and Society in Early India*. New Delhi.
- KEITH, A. B. 1920. *A History of the Sanskrit Literature*. Oxford.
- KHAN, I. A. 1977. Article. In: *Indian Historical Review*. Delhi, IV (1).
- KOSAMBI D. D. 1956. *An Introduction to the Study of Indian History*. Bombay.
- MEHENDALE, H. A.; PUSALKER, A. D. 1960. In: MAJUMDAR, R. C. (ed.) *The History and Culture of the Indian People*, Vol. VI (The Delhi Sultanate). Bombay.
- MORELAND, W. H. 1929. *Agrarian system of Moslem India*. Cambridge.
- PRAKASH, V. 1967. *Khajuraho: a Study in the Cultural Conditions of Chandella Society*. Bombay.
- QURESHI, I. H. 1942. *The Administration of the Sultanate of Delhi*. Lahore.
- RAY, H. C. 1931. *The Dynastic History of Northern India*, 2 vols. Calcutta.
- RAY, P. C. (ed.) 1956. *History of Chemistry in Ancient and Medieval India*. Calcutta.
- SACHAU, E. C. 1910. *Alberuni's India*, 2 vols. (translation). London.
- SARMA, S. R. 1992. Article. In: KAPILA VATSYAYAN (ed.) *Kālatattvakośa: A Lexicon of Fundamental Concepts of the Indian Arts*. Delhi, New Delhi.
- SHARMA, R. S. 1980. *Indian Feudalism, AD 300–1200*, 2nd edn. Delhi.
- 1987. *Urban Decay in India (c. 300–1000)*. New Delhi.
- SHIHAB-HAKĪM. 1968. *Ma'āshir-i Maḥmūd Shāhī*. Ed. Nurul Hasan Ansari, Delhi.
- SIDDIQUI, I. H. 1994. *Science and Scientific Instruments in the Sultanate of Delhi*. Address in Proceedings of the Indian History Congress, 54th session (Mysore). Delhi.
- STEIN, B. 1980. *Peasant State and Society in Medieval South India*. Delhi.
- TAKAKUSU, J. 1896. (Translation of Yijing's I-tsing's) *A Record of the Buddhist Religion*. Oxford.
- TRIPATHI, R. P. 1956. *Some Aspects of Muslim Administration*, 2nd edn. Allahabad.
- WATTERS, T. 1905. *On Yuan Chwang's Travels in India, 629–645 AD*, 2 vols. London.
- YADAVA, B. N. 1973. *Society and Culture in Northern India in the Twelfth Century*. Allahabad.
- YULE, H.; CORDIER, H. 1921. (Translation of) *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*. 2 vols. London. (Supplement, London, 1920).

Кингсли М. де Сильва

Непосредственная близость Шри-Ланки к территории Индии делала влияние последней на религиозную, культурную и политическую жизнь острова на протяжении всей его длительной истории почти неизбежным. С другой стороны, равным по значению фактором явилось наличие узкой полосы моря, отделяющей остров от Индии, что позволило сформироваться здесь самобытной культуре и укладу жизни, которые имели явные признаки индийского происхождения, но несли в то же время неповторимый местный отпечаток. В силу своего географического положения остров находился на пути торговых караванов в Индийском океане, что приводило к проникновению сюда культурных традиций из других регионов, в частности из Юго-Восточной Азии, арабского мира и Китая (*Bandaranayake et al. 1990: pp. 61–84, 179–190*).

История Шри-Ланки с VII по XV в. распадается на две неравные части. Разделение приходится на XIII в., когда началось разрушение шри-ланкийской оросительной цивилизации. Создание и расширение разветвленной оросительной системы было главной предпосылкой зарождения, становления и упрочения всей цивилизации на Шри-Ланке, сложившейся в засушливой равнинной зоне на северной половине острова, простиравшейся на юг вдоль восточного побережья до меньшей по площади южной равнины. Основной культурой был рис, однако его выращивание зависело полностью от капризов погоды, в частности от северо-восточных муссонных дождей. Успешное производство риса в этих условиях требовало настоящего мастерства, поскольку необходимо было собирать и длительное время удерживать на полях дождевую воду. С ростом численности населения острова возникла необходимость освободиться от погодной зависимости в связи с частой засухой. Для решения этой задачи была создана очень сложная оросительная система, удивительным образом приспособленная к геологическим и географическим особенностям острова. Еще в III в. до н.э. ланкийским мастерам был известен принцип действия гидротехнического затвора, применявшегося ими при строительстве гидротехнических сооружений, регулировавших подачу воды на поля из искусственных водохранилищ или резервуаров. Некоторые из таких сооружений имели колоссальные размеры и свидетельствовали о чрезвычайно высоком уровне развития техники, как и разветвленная сеть каналов, по которым вода подавалась на поля. И вполне закономерно, что эти гидротехнические устройства шри-ланкийских мастеров древности выдвинули остров в разряд одного из мировых лидеров поливного земледелия той поры.

Политическая система, сложившаяся на острове, не имела жесткой авторитарной или тяжеловесной бюрократической организации, которая, по мнению Карла Виттфогеля (*Wittfogel*), самого крупного теоретика цивилизаций, связанных с поливным земледелием, была обязательным сопутствующим элементом такой системы хозяйствования

в любом государстве. Социально-политическое устройство Шри-Ланки было значительно ближе к европейскому феодализму, чем к социальной системе Древнего Китая, который Виттфогель относит к классическому типу государства поливного земледелия.

В Шри-Ланке имело место постоянное взаимодействие множества мощных факторов и сил, включая движения сторонников ревностно оберегаемой изоляционистской традиции, действия влиятельного буддийского ордена (сангха), позиции местных князьков (*парамукхов*) и нетитулованного дворянства (*кулина*), тесно связанных с клановой структурой сингальского общества, а также целой армии землевладельцев, появившихся благодаря установленному законом праву на частную собственность, на покупку и продажу земли. Со временем общество оказалось разделенным на касты, но это деление носило условный характер и служило для классификации людей по профессиональной принадлежности, и, в отличие от Индии, в шри-ланкийском буддийском обществе не существовало каких-либо религиозных санкций в отношении той или иной касты.

В Северо-Центральном регионе острова возникли два главных очага сингальской цивилизации, контроль над которыми предоставил сингальским правителям необходимые ресурсы для распространения в рассматриваемый период своей власти на большую часть острова. Был также и третий центр в Рохане, в засушливой зоне на юго-востоке острова, который был заселен приблизительно в те же сроки, что и северная часть центральной равнины. Литературные источники, эпиграфический и археологический материал указывают на то, что на юго-западном побережье острова также существовали поселения, в частности вокруг некоторых портов. Несмотря на прочную власть над всем островом сингальского правителя, располагавшегося в Анурадхапуре, первой столице древней Шри-Ланки, управление отдаленными провинциями острова из столицы было для него столь же трудноразрешимой задачей, как и для многих властителей на Индийском субконтиненте. Рохане периодически удавалось отстоять свою независимость, и эта территория становилась прибежищем для опальных сингальских правителей или претендентов на трон, но не менее часто она все же находилась под контролем верховного правителя, и при этом она никогда не могла соперничать с северо-центральными провинциями по уровню экономического развития и наличию человеческих ресурсов.

Буддизм появился на острове примерно в III в. до н.э. и стал здесь со временем государственной религией и сердцевиной сингальской культуры и всей цивилизации. Слияние религии и «национального» самосознания оказало глубочайшее воздействие на мироощущение сингальского общества, зародив у него веру в свою особую миссию защитника и хранителя буддизма в своем островном доме. Сангха стала важнейшим фактором общественной жизни, несмотря на противоречия между ее различными течениями,

а в дальнейшем даже оказывала сдерживающее влияние на всевластие правящей монархии.

Шри-Ланка пользовалась чрезвычайно высоким престижем в регионе как родина буддизма тхеравады. После того как буддизм практически исчез на своей исторической родине в Индии, буддисты Мьянмы, Таиланда и Кампучии стали рассматривать Шри-Ланку как вторую, почти равную ей по значению святую землю буддизма, поскольку в основных островных буддийских центрах хранились частички мощей Будды. Столь высокое положение Шри-Ланки в буддийском мире привлекало на остров китайских буддийских книжников и подстегивало интерес к ней со стороны китайцев в целом.

Ступы, или четни, обычно полусферические куполообразные строения, где хранились мощи Будды и еще более чтимые реликвии раннего буддизма, были среди самых заметных архитектурных особенностей Шри-Ланки в рассматриваемый период. Самые древние из этих построек были скопированы с индийских образцов, но со временем новые такие сооружения приобретали специфический шри-ланкийский стиль. В Анурадхапуре они преобладали в профиле города и служили величественным напоминанием о приверженности государства буддизму и свидетельством экономического благополучия правящей династии.

Анурадхапура постепенно разрасталась и в свои лучшие времена считалась одним из крупнейших городов Южной Азии периода древности. Два архитектурных памятника в Анурадхапуре – *Абхайджитри* и *Джетхавана* – по своей высоте превышали знаменитую третью египетскую пирамиду в Гизе и считались чудом архитектуры своего времени. Джетхавана была, возможно, самым высоким отдельно стоящим монументом во всем буддийском мире.

Среди каменных скульптурных памятников Сингальского государства имелись различные по размерам изваяния Будды, некоторые из которых были выполнены в изысканной манере в соответствии с концепцией *самади*, другие же – исполинских размеров в полный рост, как, например в Авукане и Будурувагале. Со временем изваяние Будды стало рассматриваться на Шри-Ланке как обязательный предмет обстановки буддийского храма, а главным объектом для выражения религиозных чувств стала полукруглая плита из лунного камня, богато украшенная барельефом, которая укладывалась у основания ступеней, ведущих в основные храмы. Эта традиция, заимствованная в Андхре, получила наиболее полное развитие на Шри-Ланке.

Самые ранние бронзовые скульптуры, обнаруженные на Шри-Ланке, изображают сидящего в медитации Будду. Камень имел весьма ограниченное применение в сингальской архитектуре и использовался лишь в деталях орнамента и для вспомогательных целей. Именно эти детали дошли до нашего времени, в отличие от деревянных конструкций, составлявших основу сингальской архитектуры.

Полоннарува, столица государства сингальцев в XI в., была более компактна по сравнению с Анурадхапурой, но имела в своих границах все атрибуты древней столицы Шри-Ланки: резервуары для воды, ступы, дворцы и парки со всеми их архитектурными и скульптурными украшениями. Традиционные связи, существовавшие у Шри-Ланки с государствами Юго-Восточной Азии, оставили свой след в архитектуре некоторых буддийских памятников в этом городе и в других местах.

При всей очевидности того факта, что в период с VI по XIII в. избыточное сельскохозяйственное производство Шри-Ланки давало казне достаточно много средств для строительства таких крупных городов, как Анурадхапура и Полоннарува, все же масштаб и сложность построенных здесь памятников, а также потребность в выделении денег на расширение и ремонт системы орошения свидетельствуют, что одних только этих средств, скорее всего, не могло хватить на финансирование таких крупных предприятий. Совершенно очевидно, что значительные

дополнительные ресурсы поступали на эти цели также от торговли. Археологические раскопки последнего времени предоставили убедительные доказательства того, что государство Шри-Ланки вело весьма оживленную региональную и внешнюю торговлю через свои основные порты и столицу Анурадхапуру, выполняя функцию перевалочной базы в морской торговле между Китаем и арабским миром. Эта торговая деятельность обеспечивала существенное пополнение государственной казны и большие доходы самим торговцам.

Ко времени, когда буддизм появился на острове, здесь уже прочно укрепился брахманизм. Распространение и влияние последнего уменьшилось в последующий период, а после VI в. н.э. на острове появился также индуизм как религия тамильского этнического меньшинства. В результате торговых связей со странами Индийского океана на острове появился ислам с небольшими группами арабских торговцев, которые начали селиться на острове в VIII в.

Помимо своих передовых оросительных технологий и буддийского наследия, шри-ланкийское общество обладало еще двумя специфическими чертами, позволившими ему обрести собственную уникальную культуру. Первой из них была языковая однородность, которая сложилась благодаря развитию и распространению сингальского языка по всему острову. Сингальский язык, который относится к индоарийской группе индоевропейской семьи языков, используется только на Шри-Ланке. Начиная с VI в. н.э. создавалось богатое литературное наследие на сингальском языке как в жанре прозы, так и в поэзии, и сингальская литература сумела сохранить свою неповторимость, даже несмотря на то что в ней явно просматривается влияние и литературной техники, и стиля двух других языков – санскрита и пали. Сингальский язык на острове был оторван от своих исторических и географических индоарийских корней на севере Индии и отделен от них обширной территорией, где господствовали дравидийские языки, которые также оказывали на него свое влияние, особенно тамильский.

Второй чертой была историческая память шри-ланкийцев. Древняя и средневековая история острова удивительно полно и точно была описана на языке пали в двух хрониках – *«Махавамса»* (начатая в VI в., но скорее всего законченная несколько позже) и ее продолжении *«Чулавамса»* (составленная в XII в. и продолженная в XIV и XVIII вв.). Несмотря на недостатки, которые неизбежны в такого рода документах, составленных буддийскими монахами, членами буддийских орденов, со всеми религиозными (в том числе сектантскими) предубеждениями, содержащимися в них, *«Махавамса»* как исторический источник не имеет аналогов во всей Индии, и существует всего лишь несколько индийских источников, сравнимых с *«Чулавамсой»* по полноте и точности описаний. В этом отношении по сохранности исторических анналов Шри-Ланку следует сравнивать не с Индией, а с Китаем и арабским миром.

Процветающая поливная культура северных равнинных областей Шри-Ланки оказалась весьма уязвимой перед лицом разрушительных вторжений из южных районов Индии. Самые первые такие вторжения происходили уже в I в. до н.э., а после VI в. н.э. эти нападения участились и приводили уже к гораздо более разрушительным последствиям. Причиной этого явилось то, что в V и VI вв. н.э. с появлением на юге Индии династий Пандьев, Паллавов и Чола резко возрос фактор нестабильности в политике всей полуостровной части Индии.

Сингальцы сами создали все свои проблемы, обратившись к южноиндийским дравидийским племенам за помощью в разрешении спорных претензий на шри-ланкийский трон и династических дрязг. Со временем приглашенные войска индийских соседей стали важнейшей и едва ли не самой сильной составной частью армий сингальских правителей и непредсказуемой, неуправляемой силой, которая часто становилась угрозой для политической

стабильности государства. Иноземцы составляли также ядро влиятельной тамильской группировки при дворе. Шри-Ланка оказалась втянутой в конфликты между упомянутыми южноиндийскими династиями и стала прямым участником силовой политики в регионе. В дополнение ко всему тамильские поселения на острове по сути превратились в опорные пункты южноиндийских агрессоров.

В середине IX в. сингалы оказались напрямую вовлеченными в соперничество южноиндийских династий с катастрофическими последствиями для себя, поскольку спровоцировали враждебность по отношению к себе и разожгли экспансионистские амбиции набравшей силу династии Чола. При Раджарадже (984–1014 гг.) Чола, завоевавшие до этого всю Южную Индию, захватили Северо-Центральный регион Шри-Ланки и правили этой территорией как провинцией империи Чола в течение почти 75 лет. Чола обосновали свою столицу в Полоннаруве на северо-востоке засушливой зоны острова у р. Махавели. Перенос столицы был обусловлен соображениями безопасности и экономической целесообразности. Чола в конечном счете были изгнаны из Шри-Ланки в 1070 г. сингальским царем Виджаябаху I, который выступил из Роханы, являвшейся оплотом его сил.

После овладения Анурадхапурой Виджаябаху не стал размещать здесь столицу, а оставил ее там, где она была при Чолах – в Полоннаруве. В течение 40-летнего правления Виджаябаху страна полностью оправилась от разрушительных последствий оккупации Чола, однако после Виджаябаху престол оспаривали три претендента, следствием чего явился длительный период гражданской войны, пока наконец Паракрамабаху I не вернул острову стабильность. Установив единоличное централизованное управление всем островом, он правил с 1153 по 1186 г., развернул широкое строительство оросительных систем, зданий общественного назначения и культовых сооружений. В частности, Паракрамабаху осуществил строительство самого крупного ирригационного сооружения древней Шри-Ланки – Моря Паракрамы (Паракрамасамудра). Его дамба имела почти 16 км в длину при средней высоте 13 м. Но столь энергичные попытки возрождения былого величия в конечном итоге исчерпали ресурсы страны. После прихода к власти Ниссанки Маллы (1187–1196 гг.) наступило десятилетие спокойствия и стабильности, в течение которого Полоннарува достигла наивысшего расцвета как столица. Ее архитектурные памятники теперь вполне могли соперничать с шедеврами Анурадхапуры. Четыре колоссальных статуи Будды в пещерном храме Гал-Вихара являются свидетельством высочайшего художественного мастерства зодчих и скульпторов Полоннарувы. А вот среди буддийских и индуистских бронзовых изваяний в Полоннаруве можно встретить и подлинные шедевры, и вполне заурядные работы.

Возобновившиеся противоречия среди сингалцев и споры по поводу престолонаследия спровоцировали ряд заморских вторжений на остров из южных провинций Индии, самым страшным из которых стал захват и разграбление острова войском Магхи из Калинги. Масштабы разрушений были беспрецедентными, и после них знаменитая система поливного земледелия Шри-Ланки уже не смогла оправиться. Упадок, а затем и полный крах системы поливного земледелия в сухой зоне Шри-Ланки стал одним из поворотных моментов в истории острова (*Indrapala*, 1971).

Первым и самым главным последствием этой катастрофы было переселение сингальских правителей в юго-западную часть острова. Этот шаг явился одновременно и причиной и следствием резкого снижения финансовых ресурсов государства и изменения самой структуры формирования доходов бюджета. Государство было вынуждено переключиться с полномасштабного производства риса на поливных землях на систему земледелия, полностью

зависевшую от наличия осадков. В результате как никогда ранее высокое значение в системе приоритетов правителей острова приобрела торговля. Одним из главных предметов экспорта стала корица, и прежде всего – в центральной сингальской провинции. Экспортная торговля находилась преимущественно в руках мусульманских переселенцев. По мере того как эта торговля стала приобретать все большее значение, они стали в массовом порядке расселяться в прибрежных районах и вокруг портов, а уже затем постепенно проникли в глубь острова.

Вторым следствием вторжения войск Магхи на Шри-Ланку стало создание на ее территории впервые в истории самостоятельного тамильского царства. Его оплотом стал п-ов Джаффна на севере Шри-Ланки. История этого государства была недолгой, но полной драматических событий. Его могущество и влияние на острове достигло наивысшего уровня в XIV – начале XV в., после чего начался долгий период упадка, пока в начале XVII в. островом не овладели португальцы. Его политический статус и влияние в разные периоды времени менялись самым радикальным образом: в течение короткого периода это было очень мощное государство, в какой-то период оно стало спутником воинственных дравидийских монархий Южной Индии, а временами, попадая под контроль часто менявшихся верховных сингальских правителей, оно признавало их власть.

Паракрамабаху VI (1412–1467 гг.), последний сингальский правитель, подчинивший себе весь остров, захватил Джаффну в 1450 г. Однако после его смерти новый сингальский монарх не смог удержать власть над северными районами страны, и тамилы в Джаффне восстановили свою независимость.

Третьим проявлением центробежных тенденций, возникших вследствие вторжения Магхи, стали претензии правителей центрального региона острова на политическую независимость. Они явились прологом к возникновению государства Канди, которому со временем выпала роль последнего независимого сингальского государства.

Политическая нестабильность явилась главной проблемой Шри-Ланки в рассматриваемый период. В результате, когда португальцы оказались на острове в начале XVI в., они обнаружили, что остров разделен между тремя независимыми, воюющими друг с другом царствами (илл. 55, 84, 223, 234).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ARIYAPALA, M. B. 1968 *Society in Medieval Ceylon*. Colombo.
- BANDARANAYAKE, S. 1974. *Sinhalese Monastic Architecture*. Leiden.
- BANDARANAYAKE, S. et al. (eds). 1990. *Sri Lanka and the Silk Road of the Sea*. Colombo.
- DEWARAJA, L. S. 1988. *The Kandyan Kingdom of Sri Lanka 1707–1782*. Colombo.
- GEIGER, W. 1960. (BECHERT, H., ed.) *Culture of Ceylon in Medieval Times*. Weisbaden.
- GUNASINGHE, P. A. T. 1987. *The Political History of Yapuhuwa, Kurungela and Gampala*. Colombo.
- GUNAWARDANA, R. A. L. H. 1971. *Irrigation and Hydraulic Society in Ceylon. Past and Present*, 53, pp. 3–27.
- 1982. *Society Function and Political Power: A Case Study of State Formation in Irrigation Society*. In: CLASSEN, H. J. M. and SKALNIK, P. (eds) *The Study of the State*. The Hague, pp. 133–154.
- 1985. *Prelude to the State*. *Sri Lanka Journal of the Humanities*, VIII (1 and 2).
- HETTARACHCHI, T. 1972. *History of Kingship in Ceylon up to the 4th Century AD*. Colombo.
- INDRAPALA, K. (ed.) 1971. *The Collapse of the Rajarata Civilization in Ceylon and the Drift to the South West: A Symposium*. Peradeniya, University of Ceylon.

- KARUNATILAKA, P. V. B. 1988. Caste and Social Change in Ancient Sri Lanka. In: LIYANAGAMAGE, A. (ed.) Studies in the Social History of Sri Lanka (Social Science Review 4). Colombo, pp. 1–30.
- LEACH, E. R. 1961. Pul Eliya: A Village in Ceylon: A Study of Land Tenure and Kinship. Cambridge.
- LIYANAGAMAGE, A. 1968. The Decline of Polonnaruwa and the Rise of Dambadeniya. Colombo.
- MENDIS, V. L. B. 1983. Foreign Relations of Sri Lanka from Earliest Times till 1965. Dehiwala. Tisara.
- PARANAVITANA, S. (ed.) 1959–1960. University of Ceylon History of Ceylon: From the Earliest Times to 1505, I, (1) and (2). Colombo.
- PATHNAMATHAN, S. 1978. The Kingdom of Jaffna, Part I (c. AD 1250–1450). Colombo.
- PIERIS, R. 1956. Sinhalese Social Organization: The Kandyan Period. Colombo.
- RAGUPATHY, P. 1987. Early Settlements in Jaffna: An Archeological Survey. Madras.
- SOMARATNA, G. P. V. 1975. The Political History of the Kingdom of Kotte. Colombo.

25.3

НЕПАЛ

Александр У. Макдональд

В рассматриваемый период Непал как политическое и территориальное образование не существовал. В наше время Непал является самостоятельным государством с населением примерно 19 млн. чел. и занимает территорию в виде вытянутого прямоугольника длиной 800 км вдоль южных склонов Центральных Гималаев. На севере он граничит с Китайской Народной Республикой. Со всех других сторон Непал окружен индийской территорией. Его столица Катманду сегодня представляет собой довольно грязный базар, где собираются торговцы со всего света, и расположена в небольшой долине площадью лишь 640 кв. км практически в самом центре страны. Катманду находится над уровнем моря на той же отметке (1343 м), что и вершина Бен-Невис, самой высокой горы Великобритании. Лежащая на полпути между жаркими малярийными равнинами на юге и заснеженными тибетскими плоскогорьями на севере, Катманду всегда была важным промежуточным пунктом на одном из главных торговых путей Индии и Китая в Тибете.

Условно Непал можно разделить на четыре географические зоны. В направлении с юга на север вначале лежит полоса заболоченных субтропических равнин терай на высоте до 900 м над уровнем моря. Затем начинается полоса невысоких холмов с умеренным климатом. Еще выше начинаются труднопроходимые, извилистые тропы Гималайских гор и высокогорные долины, где климат уже субальпийский. Эти самые северные долины в культурном и этническом отношении являются чисто тибетскими. Примерно пять веков назад расположенный здесь г. Мустанг, например, был важным центром развития и распространения буддизма. Но главные события социальной, политической и религиозной жизни, которые привели к объединению народов Непала, происходили южнее, в холмистых предгорьях Гималаев.

С давних пор среди этих холмов жили многочисленные племена, говорившие на тибетско-бирманских диалектах – магары, гурунги, райи, лимбу. Незадолго до XI в. племя, известное как кхаси, проживавшее на северо-западе региона, начало перемещаться к востоку в западный «Непал», ассимилируясь с местным населением и иммигрантами с юга, среди которых были раджпуты (военно-феодалная кастасловие в средневековой Индии. – *Прим. ред.*). Кхаси были предками нынешних четриев (кшатриев – санскр.), самой многочисленной касты в стране. Один из их правителей – Нагараджа/Нагадава основал государство, которое до конца XIV в. господствовало в восточном «Непале» на территории вплоть до Гуркхи, в нынешнем Кумаоне и Гархвале, а также в Гудже и Пуранге в юго-восточном Тибете. Столица государства располагалась в г. Синджа, политическая система была феодальной и сильно децентрализованной. Цари были буддистами и поощряли строительство ступ и буддийских храмов. К северу от Суркхета найдены сделанные ими на каменных колоннах надписи на санскрите, тибетском и древнем непальском языках. После распада этого государ-

ства на его месте образовались две конфедерации: Баиси в районе р. Карнали и Чаубиси в районе р. Гандак. Впоследствии из этих двух образовалось одно небольшое царство Горкха, находившееся в 60 км к северо-западу от Катманду.

Долину, в которой сейчас стоит Катманду, первоначально, возможно, населяли невары, которые также говорили на тибетско-бирманском языке, хотя их этническое происхождение неоднородно. Сегодня имеется гораздо больше исторического материала, относящегося к событиям в долине, чем в какой-либо другой части страны. До наших дней дошло более 190 эпиграфических свидетельств, относящихся к периоду 464–879 гг. н.э., и лишь около десятка надписей, датируемых периодом 879–1200 гг. Восстановить картины прошлого историкам помогают остатки архитектурных сооружений и скульптурных изображений, монеты, отчеты иноземных путешественников, особенно китайцев, а также *вамшавали* – генеалогические таблицы, самые ранние из которых были составлены в XIV в. Описания событий, как правило, делятся на периоды в соответствии с названиями правящих династий: Личчхави – с V по IX в.; Тхакури – с IX по XII в.; Ранняя Малла – 1200–1382 гг. и Поздняя Малла – 1382–1768 гг. При династии Личчхави санскрит был принят в качестве государственного языка, буддизм и индуизм процветали. Многие из наиболее известных скульптурных памятников Непала датируются серединой VII в., среди них, например, изображение Варахи («ветряк») – одного из воплощений Вишну; лежащего бога Вишну в Баладжу и в Буддханилаканта. В летописи сообщается, что в VII в. правитель Тибета взял себе в жены принцессу из долины, которую звали Бхркути.

В период правления династии Тхакури ее глава Гунакамадева (980–998 гг.) основал Катманду. Город Лалитпур рядом с Катманду к X в. стал центром тантристского учения, и сюда приходили из Индии и Тибета и ученые и студенты, желавшие совершенствоваться в этом течении буддизма. Около 600 г. н.э., в соответствии с традицией, в Бодхнатхе близ Катманду была заложена большая ступа. Самые ранние изделия из бронзы, найденные в Непале, относятся к XI в.; к XIV–XV вв. обработка металлов в Неваре достигла наивысшего уровня. Один неварец, которого китайцы звали А-ни-ко (1244–1306 гг.), привел в Китай 80 мастеров ко двору императора династии Юань. Первые неварские манускрипты с цветными художественными миниатюрами относятся к 1028 г., а уже к XIII в. возник особый неварский стиль художественной книжной миниатюры.

Обзор событий, происходивших с VII по XVI в., показывает неуклонное продвижение кхаси в восточном направлении, распространение их языка – кхаскура, который постепенно развился в непальский язык, ставший общим для всей страны. Однако лишь к концу XVIII в., в период, выходящий за рамки нашего обзора, и после завоевания Катманду в 1769 г. индуистским правителем кхасов из Гуркха Непал начал оформляться в своих нынешних

географических границах и проявлять первые признаки политического и национального единения. В то же время холмистые районы средней части страны находились под полным влиянием кшатриев уже к концу XVI в.

В высокогорных долинах главным источником вдохновения для архитекторов и художников был тибетский буддизм. В долине Катманду неварями, у которых в духовной и художественной сферах не было ничего общего с кхаси, напротив, были созданы в этот период одни из самых утонченных в Азии образцов индуистских и буддийских архитектурных, скульптурных и живописных произведений, которые сохранились в Азии до сегодняшнего дня. Походы кхаси из Карнали против неваров между 1287 и 1334 гг. не смогли подавить их творческие традиции в искусстве. Ко времени царствования Джаястхити Малла (1382–1395 гг.) общество в долине Катманду уже приобрело многие из своих постоянных черт. Неженатые монахи к этому времени уже сходили с исторической сцены. Их место занимали женатые жрецы ваджрайаны, которые мирно уживались с индуист-

скими жрецами. Невары определили для себя приблизительное положение в индуистской кастовой системе. Они даже придумали культ поклонения богине Свастхани, который широко распространен сегодня среди непальских индийцев. К этому же периоду, возможно, относится и сочинение «Сваямбхупураны», в котором содержатся объяснения многих современных буддийских обрядов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- HUTT, M. et al. 1994. Nepal: A Guide to the Art and Architecture of Kathmandu Valley. Stirling.
- MACDONALD, A.W.; VERGATI STAHL, A. 1979. Newar Art: Nepalese Art from the Malla Period. Warminster, Aris and Phillips; Les Royaumes de l'Himalaya MACDONALD, A.W. (ed.) 1982, Collection orientale de l'imprimerie nationale, Paris, pp. 5–25, 165–208.
- SLUSSER, M.S. 1982. Nepal Mandala: A Cultural Study of the Kathmandu Valley. Princeton, New Jersey.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И АЗИАТСКИЕ ОСТРОВА В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Дени Ломбар

Страны, территории которых примыкают к региону, получившему неофициальное название «Средиземноморье Юго-Восточной Азии», ныне пытаются найти общие корни в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а между тем они могли бы без труда найти эти корни, заглянув в историю рассматриваемых девяти веков и далее – в предшествовавшие им доисторические времена.

Государства Юго-Восточной Азии, которые сегодня столь различны по своему политическому устройству и религиозной ориентации, в те времена все стремились к единой модели государственности – монархическому режиму по индийскому образцу (*Coedes*, 1964). Идеологически это было вызвано широким распространением индуизма и буддизма и огромной притягательной силой великих индийских мифов («Рамаяна», «Махабхарата», буддийской «Джатаки» и т.п.). Необходимо также учесть лингвистический фактор, поскольку тогда санскрит играл роль *койне* – единого языка общения этих народов, подобно латинскому языку в Западной Европе или, в некоторой степени, английскому в современной Юго-Восточной Азии. Однако в отличие от Римской империи, утвердившейся по обеим сторонам Средиземного моря, здесь никогда не существовало единой политической структуры, которая объединяла бы эти страны. Тем не менее какое-то чувство культурной общности у этих народов присутствовало на протяжении многих веков, что объясняет наличие множества схожих черт в их культурах, попытки разобраться в которых мы сегодня наблюдаем.

Эта упрощенная картина сразу требует двух существенных уточнений. Первое – это то, что данный процесс государственного строительства был гораздо более выражен на западе региона (п-ов Индокитай, Суматра, Ява, Бали и т.д.), чем в восточных районах, где островные государства (индонезийский «Дальний Восток», Минданао, Лусон и др.) оставались в стороне от крупных политических и урбанистических образований еще очень долго. Второе уточнение состоит в том, что и на западе огромные территории, в основном в горной местности, также не были затронуты процессами централизации и продолжали оставаться для этих формирующихся государств резервами различных натуральных продуктов (строительного леса, смол, благовоний, пряностей, лечебных растений и т.д.). Уже тогда иноземные купцы приезжали издалека за этими товарами (главным образом из Китая и Индии, а также с Ближнего Востока). Здесь, кроме всего прочего, имелись неисчерпаемые людские ресурсы, и крупные государства широко пользовались этим легкодоступным источником столь необходимой им дешевой рабочей силы.

На протяжении всего рассматриваемого периода и гораздо позже (вплоть почти до середины XX в.) вся территория

Юго-Восточной Азии была покрыта сплошными густыми лесами лишь с небольшими разрывами в отдельных местах, где условия позволяли перейти от примитивной подсечно-огневой системы земледелия к орошаемому возделыванию земли. Население этих районов, находившееся вдалеке от первых центров по производству металла (в долинах рек Хуанхэ и Ганга), не было знакомо с металлическим инструментом и очень медленно вырабатывало способы борьбы с наступающими джунглями.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

В основном наши знания по истории этих девяти веков в течение долгого времени базировались на реконструкциях, сделанных на основе эпиграфических текстов (нескольких сотен надписей, вырезанных на камне и на меди), описаний иноземных путешественников, главным образом китайских и арабских, и находок на местах крупных археологических местонахождений на Яве, Пагане (город в Бирме, важный религиозный центр; в средние века столица одноименного государства. – *Прим. ред.*) и в Анкоре (Кампучия), изучавшихся еще с конца XIX в. Но в последние несколько десятков лет во многих местах были сделаны новые археологические находки, которые пока еще не нашли отражения в обобщающей литературе. В частности, самые важные из них были сделаны в Кота-Чайна, Барусе, Джамби и Палембанге (о. Суматра); Бантене, Лелесе, Тубане и Чайне (о. Ява); в различных местах в Лембах-Буджанге (штат Кедах в Малайзии на п-ове Малакка); на новых местонахождениях так называемой культуры «Очео» (открытых вьетнамскими археологами в дельте р. Меконг); на сравнительно недавно обнаруженной археологической площадке в порту Вандона (в заливе Алонг), а также на несколько лучше известном местонахождении в Сатингпра (на перешейке Кра).

Кроме того, во всем регионе в последнее время имел место подлинный прорыв в подводных археологических исследованиях (было обнаружено свыше 15 древних затонувших судов, включая один в штате Паханг в Малайзии и один – в Бутане на о. Минданао, Филиппины), которые позволили получить бесценную информацию о древних торговых судах и их грузах.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИСОВОДЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Сегодня бесспорным является тот факт, что главной особенностью начальной фазы рассматриваемого периода является формирование оседлых, организованных

сельскохозяйственных обществ. Об их становлении мы узнаем из древних надписей на камнях, в которых говорится о намерении местных правителей организовать массовое производство риса и о создании с этой целью поселений или монастырей с соблюдением некоторых «условий», а конкретно – об обустройстве этих мест путем вырубке лесов для получения посевных площадей.

В действительности этот процесс начался значительно раньше в дельте Красной реки (р. Хонгха во Вьетнаме), где во времена китайской императорской династии Хань (III в. до н.э.) использовался китайский способ выращивания риса. Здесь поселок городского типа Тонг-бинь (впоследствии переименованный в Тханг-лонг; а затем в Ханой) стал провинциальным центром уже в 607 г., но имеется достоверная информация, что в этом регионе существовали и более древние крупные поселения городского типа (Ко-лоа, Лонг-бьен и др.). Район, впоследствии получивший название «Вьет» (Тонкин – европейское название северных районов Вьетнама в XVI–XIX вв. – *Прим. ред.*), в те времена рассматривался как единое целое с территориями, именовавшимися «Юэ» (современная китайская провинция Гуандун). «Юэ» и «Вьет» были, по сути, двумя разными произношениями одного и того же слова (и обозначавшиеся одним и тем же иероглифом). Вплоть до X в. территория Северного Вьетнама являлась составной частью Китайской империи.

Подобная же ситуация, но имевшая отношение к индийскому влиянию, возникла в более поздние времена в западной части Юго-Восточной Азии: в долине р. Иравади, где с VII в. существовало процветающее государство Пьи (вокруг Прома, города, окруженного в те времена кирпичной стеной), в котором использовался тибетско-бирманский язык; в долине р. Менам, где археологи обнаружили остатки монского государства Дваравати; в дельте р. Меконг и в Южном Лаосе, где сформировалось государство, которое китайские источники после VI в. называют «Чен-ла»; на Западной Яве, где один из правителей еще в V в. с гордостью сообщает в надписях на камне о том, что по его приказанию был вырыт крупный канал; в центральной части о. Ява, где из надписей на каменных изваяниях VII и VIII вв. хорошо известны имена нескольких правителей (некоторые из них принадлежали к буддийской династии Сайлендра).

Наряду с этими государствами, которые можно с уверенностью характеризовать как аграрные, существовали также торговые государства-посредники, все благополучие которых держалось на морской торговле между аграрными производителями во внутренних лесных районах и купцами из далеких стран. Самый известный примером такого государства-посредника может являться Шривиджайя, государство в Индонезии, о котором много писали арабские путешественники и китайские паломники. Центром этого государства некоторое время был Палембанг на юге Явы, и один из его правителей провозгласил себя «великим царем» (*махараджей*), о чем говорят различные надписи на камнях, датируемые начиная с VII в. (они также встречаются по всей Южной Суматре). Это, безусловно, следует интерпретировать как признак существования разветвленной складской сети, перевалочных баз, располагавшихся в устьях крупнейших рек по обеим сторонам Малаккского пролива. Китайские источники упоминают также несколько более мелких торговых портов на побережьях п-ова Малакка и в других районах Индокитая, где, в соответствии с эпиграфическими источниками, существовало государство Чампа (на территории Нхатранга и Пхантранга), также активно занимавшееся морской торговлей.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ IX И X ВВ.

В IX и X вв. произошел ряд важных перемен, но мы пока не можем с уверенностью говорить, что все они были частью единого процесса. Аграрные государства, до этого едва

известные, поднялись в полную силу и радикально изменили сельский ландшафт своими огромными культовыми сооружениями, которые и сегодня вызывают восхищение.

Самым ярким примером этого может служить Ангкор (это название является искаженным санскритским словом *нагара*, означающим «город», или, скорее, «обжитое» пространство – в противовес все еще диким пространствам, покрытым лесами). Место для его строительства было выбрано в 802 г. н.э. посередине между горными хребтами Кулен, состоявшими из песчаника и выполнявшими роль естественной водонапорной башни, и богатым рыбой оз. Тонле-Сап, из которого имелся прямой доступ в р. Меконг, а по ней – к морю. В последующие века кхмерские цари создали огромные водохранилища (*барай*) для орошения и построили столь же грандиозные и поражающие воображение «храмы-горы» в виде ступенчатых пирамид, которые представляли собой символические копии Горы Меру (являющейся осью мироздания в индуистской космологии). Вокруг этой столицы, а точнее – вокруг каждой последующей столицы, поскольку каждый новый великий правитель создавал свою, новую, выросла огромная империя, простиравшаяся на восток за Меконг, а на севере и западе контролировавшая территории, которые сегодня принадлежат Лаосу или Таиланду. Во времена Джайявармана VII (XIII в.), правление которого, вероятно, пришлось на самый расцвет этой цивилизации, была построена целая сеть магистралей для его передвижения, вдоль которых одна за другой стояли виллы для отдыха (*сала*) и где был обеспечен идеальный контроль за прилегающими пространствами (илл. 82, 226, 229–231).

IX в. стал также свидетелем создания новых царств на востоке региона, в долине р. Иравади: Пегу – на юге и Паган – на севере. Первое было основано монами (в 825 г.) и росло по мере расширения его морской торговли. Второе основали бирманцы (в 849 г.), воспользовавшиеся естественными богатствами бассейна Кьяуксе (сразу же за местом слияния рек Иравади и Чиндуин) и построившие огромный город, который очень скоро уже стоял в окружении величественных буддийских храмов.

На о. Ява мы также наблюдаем нечто похожее – рост числа новых царств, но не на материале самих мест древних поселений, которые пока плохо разработаны, а на основе изучения эпиграфических памятников и, в первую очередь, исходя из огромных размеров этих памятников. Построены они были сначала в центре острова (на территории, известной под названием Матарам, недалеко от г. Джокьякарта. В частности, в X в. здесь были построены храмы в Боробудуре, в X в. – в Севу и Прамбанане), затем в XII в. – восточнее, в районе Кедири, и, наконец, в XIII в. – в Сингхасари (илл. 224, 228).

В 1990 г. на о. Лусон (неподалеку от Лагуна-де-Бэй) была обнаружена медная пластина с выбитым на ней текстом, документ на острове сегодня хотя и единственный в своем роде, но подлинный, датирован 822 г. эпохи Сака, т.е. 900 г. н.э. Написанный на нусантарийском языке, он содержит и тагальские (тагалогские) термины и является долгой распиской. Эта находка порождает важнейший вопрос о том, насколько далеко на Филиппинских о-вах проникла государственность «индийского типа». Археологи уже привлекали внимание к некоторым другим «старым» сельскохозяйственным регионам, история которых пока мало изучена, но которые вполне могут оказаться ровесниками той первой волны развития государственности, в частности к территории вокруг г. Ифугао (на самом севере о. Лусон), а также к району Буаяна (в южной части о. Минданао).

Одновременно с аграрными государствами вели свою торговлю морские государства. В XI в. царь Шривиджайя поддерживал отношения как с правителями династии Чола в Южной Индии, так и с императором Китая. В Чампе были найдены надписи на арабском языке, датируемые тем же периодом, подтверждающие существование активного

товарообмена, который начиная с IX в. по крайней мере связывал порты Персидского залива с Гуанчжоу (через перевалочные порты в Малакском проливе, на о. Тиоман, на побережье государства Чамов (во Вьетнаме и Кампучии) и на о. Хайнань).

В заключение необходимо упомянуть одно важное событие. В 939 г. вьетнамцы освободились от китайского господства и перед лицом мощной угрозы со стороны северных соседей встали на путь строительства собственного сильного национального государства. Их жизнеспособность проявилась не только в создании прочного централизованного государства с аппаратом чиновников (мандаринатом), которые должны были проходить через систему экзаменов, но и в стойкой агрессивности по отношению к соседним чамам. Эти агрессивные устремления вылились в постепенное продвижение вьетнамцев на юг – на территории, где было сильно индийское влияние, а вместе с их приходом здесь началось наступление «китайской культуры иероглифического письма» (илл. 227).

ПЕРЕЛОМ XIII В.

Если вплоть до конца XIII в. о «синхронности» событий в разных частях региона можно говорить лишь с определенными оговорками, то монгольское нашествие, грянувшее внезапно, совершенно очевидно, явилось поворотным моментом в истории Юго-Восточной Азии, как, впрочем, и всей Евразии. С одной стороны, неожиданные входы великого хана Хубилая, предпринятые всего лишь за каких-то два десятилетия не только против Японии (1274 и 1282 гг.), но и против Чампы (1283–1285 гг.), Вьетнама (1285 г.), Пагана (1287 г.) и Явы (1293 г.) в некотором смысле предвосхитили развитие гораздо более поздней волны японской экспансии 1942 г. В то же время они положили начало гораздо более важному событию – активному проникновению в регион китайской модели цивилизации. За исключением Верхней Бирмы, где китайско-монгольским армиям удалось нанести сокрушительный удар государству Паган, в других местах завоеватели терпели поражения, которые впоследствии историки стран, подвергшихся нападению, особенно Вьетнама, представляют как имеющие особое символическое значение. Однако данный факт вовсе не свидетельствует о том, что это нашествие прошло для них совсем бесследно.

Одним из наиболее значимых таких последствий стало, в первую очередь, появление на исторической сцене тайских народностей. Они расселились наряду с другими «меньшинствами» (и, хмонг, яо и др.) на огромном карстовом плоскогорье к северу от больших долин Индокитайского п-ова, и, хотя они были обращены в буддизм и пользовались рукописями индийского происхождения, говорили они, тем не менее, на родственных китайскому тональных (тоновых) языках и на протяжении длительного времени подвергались процессу китаизации. Подобно вьетнамцам в X в., они освободились от китайского и монгольского владычества как раз в тот период, когда монголы стремились утвердить свое владычество в южных регионах и начали свое «историческое» наступление, на этот раз против монов и кхмеров. В XIII в. эти народы группы таи обосновались в верховьях р. Менам, изгнали кхмеров из Сукхотхאי и основали г. Чиангмай (1296 г.) и первое крупное тайское государство Сукотай. В 1350 г. они основали г. Аюттхая всего в 100 км от моря и несколько раз осаждали Анкор (в 1353, 1393, 1431 гг.). Еще одна группа таи основала государство Лао Лансанг (1353 г.). С «дальнего севера» они принесли с собой свои обычаи и традиции, в частности 12-месячный календарь, имеющий широкое хождение у тюрко-монгольских народов, в котором каждому месяцу соответствовало определенное животное.

Другим не менее важным последствием было укрепление здесь китайской диаспоры. К тому времени существовало уже несколько китайских сообществ в *наньянге*, или «южных морях» (общий термин на языке чиновников феодального Китая для обозначения того, что европейцы значительно позже назвали Юго-Восточной Азией), в частности в Ангоре, где китайцы часто изображаются на барельефах XIII в. в центральном храме Байон. Более того, китаец по имени Чжоу Дагуан оставил великолепное описание Ангора, относящееся к 1296 г. Но начиная с XIV в. число этих сообществ китайских торговцев, пришедших в основном из Фуцзяня и Гуандуна, стало увеличиваться. В начале XV в. китайский флотоводец и дипломат Чжэн Хэ обнаружил китайских поселенцев практически в каждом порту в регионе.

Остров Ява, находившийся на самой южной оконечности рассматриваемого региона, достаточно долго оставался несколько в стороне от новых тенденций. Но в истории Восточной Явы был период процветания при царях династии Моджопахит с конца XIII по начало XVI в. Это государство, довольно хорошо изученное по древним надписям и археологическим материалам, а также по целому ряду литературных произведений (в частности, «*Назапекртагама*», 1365 г.), было, как и Аюттхая, с которым они существовали в одно и то же время, одновременно и классическим аграрным государством, и морской торговой державой. Многочисленный флот Явы, по некоторым оценкам, контролировал в этот период целый ряд перевалочных торговых пунктов, местоположение которых на карте совпадает в основном с районом, находящимся в границах современной Индонезии (и Малайзии).

РАСПИРЕНИЕ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ И ПОЯВЛЕНИЕ ИСЛАМА

В XIV в. события в Центральной Азии частично нарушили привычный ритм сообщения по древнему Шелковому пути, что косвенным образом способствовало активизации морских путей доставки товаров и, как следствие, резкому росту товарооборота во всем регионе «Средиземноморья» Юго-Восточной Азии.

Присутствие здесь ислама подтверждается наличием всевозможных мусульманских усыпальниц и мечетей, которые датируются в Гуаньчжоу IX в., в Куанчжоу – X в., в Чампе и на Восточной Яве – XI в., на севере Суматры – XIII в., а на п-ове Малакка – началом XIV в. Ислам был основной религией этих новых торговцев, и там, где возник межнародный товарообмен, ислам становился религией элиты, а затем уже в некоторых регионах – и религией большинства. Аграрная модель развития государства, о которой упоминалось выше, постепенно уступала место модели портового города, открытого для всех желающих и полностью занятого торговлей. Первым таким «султанатом», существование которого подтверждено документально, был Пасай (на севере Суматры). О нем упоминал еще Марко Поло, а Ибн Баттута весьма красочно описал его в середине XIV в. как большой космополитический перекресток морских путей.

XIV и XV вв. отмечены распространением такой «султанатской» модели – сначала в г. Малакка (в XV в.); затем в г. Аче на самой северной оконечности Суматры; в Демаке, Чиребоне и Бантене на северном побережье Явы (XVI в.). Повсеместно это были города нового типа, обращенные к внешнему миру, озабоченные не столько ведением хозяйства на своих внутренних землях (за исключением производства перца, предназначенного для экспорта), сколько поддержанием и сохранением коммерческой инфраструктуры. Иноземные сообщества из остальной Азии (среди которых и первые европейцы – итальянцы и португальцы также стремились захватить себе место) расселились

отдельными «кварталами», компактными группами (*камтунг*), и каждое из таких поселений имело название той этнической группы, которая в нем проживала: Кампунг келинг, или Индийский квартал, Китайский квартал, Пегунский квартал, Яванский квартал и т.д.

Параллельно с этим расширением морской торговли шло развитие новых морских торговых путей дальше на восток, в частности в направлении Молуккских островов, притоки которых все больше ценились на мировом рынке. Возникло несколько новых перевалочных центров в восточной части «Средиземноморья» Юго-Восточной Азии, имевших торговые связи как с портами Восточной Явы, так и с портами Фуцзена, в обход древнего маршрута вдоль берегов Индокитая, ставшего непопулярным из-за постоянных нападений Вьетнама на Чампу (в частности, одно из них в 1471 г. привело к падению Виджайи). Среди этих новых образований был султанат Бруней (XV в.), давший название о. Борнео (Калимантан), в северной части которого он расположен, а также Тернате (XVI в.) в северной части Молуккских островов. Таким же образом появилась на карте и большая группа островов, которые позднее получают название Филиппинские, среди них – главный торговый перевалочный центр Миндоро (или *Майиу*, как именовали его китайские источники XIII в.); старая Манила (обнаруженная археологами в местонахождении Санта-Ана); Бутуан на о. Минданао (местоположение которого уверенно подтверждается найденными многочисленными черепками глиняной посуды и обломками затонувших древних кораблей).

К концу рассматриваемого периода Юго-Восточная Азия оказалась уже более-менее в границах тех территорий, которые она занимает сегодня. Что же касается формирования культурной общности народов южной части этого региона (современной Индонезии), то этот процесс уже развивался достаточно быстрыми темпами путем постепенного проникновения сюда ислама.

ПИСЬМЕННОСТЬ И ЯЗЫКИ

Множество языков и разные виды письменности, имевшиеся в регионе, представляют одну из самых больших трудностей для историка. Но это одновременно и «источник», позволяющий проследить усилия различных обществ по овладению определенной техникой письма и последующему ее усовершенствованию.

Сначала следует отдельно рассмотреть языковую ситуацию во Вьетнаме, где существовала иероглифическая письменность, как и во всех землях ЮЭ, еще со времен первых контактов с более северными частями Китая. К XIV–XV вв. вьетнамцы разработали свою собственную письменность, известную как *нам*, и стали писать на своем языке с использованием китайских иероглифов, приспособленных к особенностям фонетического строя языка.

В остальных частях Юго-Восточной Азии к VII в. получила широкое распространение индийская слоговая азбука (в восточно- и южноиндийском вариантах), с помощью которой выполнено несколько надписей, относящихся к довольно раннему периоду (III в. – на полуострове, V в. – на Яве, VI в. – на Суматре), и которая постепенно стала применяться в письменности многочисленных местных языков. Слоговая азбука, первоначально использовавшаяся для записи санскрита, постепенно стала основой письменности различных языков региона, что позволяет нам составить приблизительную лингвистическую карту Юго-Восточной Азии на начало рассматриваемого периода. Этот вид письменности первыми стали использовать австронезийские (мон и кхмерский) и австронезийские (малайский, яванский, балийский и чамский) языки, а за ними – тибето-бирманские языки и, наконец, после монгольского нашествия (в XIII в.) – тайские языки. В бирманском и тайском

языках, являющихся тональными, слоговое письмо в ходе его адаптации к такому фонетическому строю претерпело значительные модификации.

С XIV в. в связи с расширением торговли и распространением ислама произошли и другие изменения. Первые надписи на малайском языке, выполненные арабскими буквами (найденные в штате Тренгану в Малайзии, на восточном побережье п-ова Малакка), датируются 1303 г. и знаменуют собой начало радикальных преобразований, которые начались в регионе в XV–XVI вв. Санскрит потерял здесь свою роль языка *койне* и уступил место малайскому, который на длительный период стал языком всей торговли, от портов Суматры и п-ова Малакка до Молуккских островов. Когда в 1521 г. Антонио Пигафетто прибыл на Молуккские острова с кораблями Магеллана, он составил небольшой словарь языка «неизвестного» местного племени, который на самом деле уже тогда был малайским языком.

Как и в странах, находившихся под индийским влиянием, первые образцы письменности были исполнены на камне, бронзовых пластинках и, прежде всего, на листьях (на *лонтап*), в частности на листьях пальмы (*Borassus flabelliformis*), материале очень дешевом, но недолговечном. Те немногие документы на листьях, которые дошли до нас (как, например, упоминавшаяся «Нагаракертагама»), являются копиями, старательно переписываемыми из поколения в поколение, а все основные архивы древних аграрных цивилизаций безвозвратно утрачены. Имеются сведения об использовании бумаги (изготовленной по китайской технологии) во Вьетнаме с очень ранних времен, но вряд ли она дошла до островных государств. Начиная с XVII в. большинство малайских манускриптов писались на бумаге, изготовленной в Европе.

Решения, которые находили писцы, чтобы приспособить индийское слоговое письмо к особенностям различных местных языков, сами по себе представляют интерес для лингвистов. Еще одна особенность прослеживается в эволюции правил стихосложения (иногда иллюстрируемой несколькими трактатами). Говоря в целом, весь «индийский» мир постепенно переходил от индийского метрического стиха к рифмованному китайскому стиху. Это явилось грандиозной переменной, создавшей многочисленные проблемы.

Но главное значение распространения письменности, без сомнения, заключается в том, что она знаменует собой новшество, которое стоит в одном ряду с созданием великих рисоводческих городов-государств и было необходимо и строителям, и чиновникам, которые через приобщение к письменной грамоте входили в круг элиты при дворах своих правителей. Следует также отметить, что вьетнамцы оказались единственными, кто заимствовал (еще в XII в.) китайскую систему конкурсного отбора чиновников.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Отсутствие письменных источников с теоретическими текстами, относящихся ко времени до XVI в., не позволяет нам проследить развитие «строго научной» мысли, но история техники богата событиями, хотя иногда она вызывает больше вопросов, чем может быть найдено ответов. К сожалению, эта тема слишком мало изучена, и, хотя этнологи предоставили четкие описания целого ряда «традиционных» технологий, мало кто из историков стремился исследовать их происхождение или восстановить картину их развития.

Вместе с тем в первом приближении можно было бы выделить три «технологические революции», имевшие место в Юго-Восточной Азии. Первая произошла задолго до начала VII в., хотя и трудно сказать точно, когда именно (и даже – где именно). Это так называемая «неолитическая»

революция, заключающаяся главным образом в окультуривании риса (который изначально был водяным растением) и в одомашнивании зебу (*Bos indicus*); последнее сначала произошло, вероятно, в Индии, а затем распространилось дальше на восток.

Вторая «революция» произошла в самом начале рассматриваемого периода после сооружения великих гидротехнических систем и строительства монументальных городов. Она состояла в стремлении оптимально использовать растительные ресурсы (это стремление оставалось почти неизменным вплоть до прихода сюда через Филиппины и Фуцзянь в XVI в. таких американских культур, как табак, сладкий картофель, маис, земляной орех), а также в попытках организовать свое жизненное пространство таким образом, чтобы сделать город людей похожим на мир богов. Речь здесь идет о всех инновациях, сознательно заимствованных (из индийских трактатов и китайского опыта) архитекторами Камбоджи и Явы. В частности, использовались архитектурные приемы создания эффектов перспективы, которые были особенно тщательно изучены в Анγκоре. Во Вьетнаме, Кампучии и Сиаме постепенно научились изготавливать китайскую декоративную керамическую плитку и керамику вообще.

Третья «революция» произошла после XIII в. и была связана с появлением портовых городов. Важнейшим событием явилось распространение чеканки монет, которая с давних пор была хорошо известна во Вьетнаме, но другим аграрным городам была практически незнакома (Пром, где начали чеканить монеты в VII в., был одним из редких исключений). В некоторых местах, например на Яве, использовались деньги китайского происхождения, но в Анγκоре в ходу был только натуральный товарообмен. Султанат Пасай был первым «современным» государством, начавшим производство собственных золотых монет (в конце XIII в.), и его примеру последовало большинство султанатов в регионе (Малакка в XV в., Ачех в XVI в.). Постепенно распространение получило и огнестрельное оружие; его использование отмечено на Яве уже в XIII в. (во время китайско-монгольского вторжения), и оно было хорошо известно в султанатах п-ова Малакка еще до прихода португальцев (Д'Альбукерке, мореплаватель и вице-король Португальской Индии, захватил целый ружейный арсенал после победы над Малаккой в 1511 г.). Процветание султанатов способствовало введению целого ряда морских новшеств (например, применения галер), а также новых видов металлообработки (обработки золота, чеканки и т.п.).

Но так же, как и в случае с упоминавшимся выше переходом от индийского типа стихосложения к рифмованному китайскому, необходимо отметить три главных направления развития, по которым вслед за китайским миром пошла вся Юго-Восточная Азия: 1) переход от индийского типа одежды, состоявшей из цельного куска ткани, обмотанного вокруг тела, к сшитой одежде (пошитой с помощью игл, имеющей пуговицы и т.д.); 2) переход от строительства жилья у рек на сваях к строительству домов на сухих местах (этот процесс продолжается и поныне); 3) переход от циновок к стульям с появлением мебели (кроватей, столов и т.п.). Эти три важнейших преобразования даже больше, чем появление монет или огнестрельного оружия, на деле знаменуют собой приход нового общества.

ПРАВОВАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ

Изучение тех немногих правовых текстов, которые сохранились в надписях (акты дарения земли или приговоры суда), и, не в последнюю очередь, кодексов, ведущих свои истории от аграрных государств (*Законы Моджопахита*, принятые на Яве в XIV в., *Кодекс*, действовавший во Вьетнаме в XV в.), а также установлений султанатов (например, *Законы Малакки*, составленные в XV в.) дает возможность

увидеть социально-политическую картину последствий перехода от аграрного сообщества к торговому городу и позволяет проследить основные направления этих радикальных перемен.

Аграрный город был выстроен сознательно как микромир, копируя микромир божественный. Строго иерархическое построение общества в нем было задумано как неизблемое (вне зависимости от того, существовала ли в нем индийская кастовая система или нет). Вокруг божественного правителя стояла его семья, затем следовали высокие придворные, а за ними высшие по рангу мандарины, представлявшие власть на местах. У основания этой пирамиды был деревенский народ, почти рабы, некоторые из них были насильно согнаны из окрестных лесов или с лесных участков, расчищенных под пашню. Их видение пространства было простым и геометрически правильным, каким оно только и могло быть в оседлой общине (*мандала*): центром был местный горный храм (или дворец правителя), далее – расходящиеся концентрическими кругами жизненное пространство, которое внушало уверенность своей внешней очевидностью, но исключало какую-либо инициативу снизу. В противоположность видению пространства понятие времени у этих людей было чрезвычайно сложным, поскольку в тот период речь еще не шла о математически измеренном времени как однородном целом, а существовало качественное его понятие, которое в разные моменты, торжественные и повседневные, разумеется, не могло иметь для них одно и то же значение (и существовал весьма сложный комплекс календарных знаний, который, как утверждается, позволял определять грань между этими разными значениями).

Торговый город, с другой стороны, в значительной степени вдохновленный исламом, вышел на передний план в XIII в., провозгласив своим лозунгом связь со всем миром – и прежде всего, разумеется, с людьми *умма* (или *уммат* на малайском), т.е. мусульманами, – и ось для населения города теперь проходила через Мекку. Здесь общество было в принципе более эгалитарным, хотя, конечно же, всегда находились отдельные оторванные от своих корней чужаки, становившиеся рабами, как это случилось с мамлюками в Египте (но в качестве компенсации в обществе появилось понятие благотворительности по отношению к таким людям). Вокруг знатных особ (*оранг кайя*) образовалась новая прослойка, обычно состоявшая из крупных торговцев. Вместо того чтобы группироваться вокруг своего правителя, как это было принято по большим праздникам в провинции в прежние времена, толпа теперь (только мужчины) обращалась лицом к западу в коллективной пятничной молитве, а султану оставалось довольствоваться правом стоять на коленях в первом ряду этой молящейся массы. В этом обществе, ориентированном на торговлю, пространство стало понятием скорее географическим, и центристические силы в нем исчезли. Что касается понятия времени, то и оно постепенно перестало быть качественным и приобрело линейность и направленность, а вслед за этим в обществе появился вкус если не к постижению смысла истории, то, по крайней мере, к составлению «хроник».

В завершение следует отметить, что есть основания утверждать о «кризисе сознания», который пережила Юго-Восточная Азия в рассматриваемый период. Этот регион, искушаемый в течение длительного времени идеологией, которую называют «индийской моделью», «индианизированной» идеологией, но которую правильнее было бы назвать просто «аграрной», стал свидетелем возвышения величайших государств, которые когда-либо существовали в Азии (Анкор, Моджопахит), а затем под влиянием китайцев и монголов и посредством морской торговли дал миру множество крупных торговых центров – города Пасай, Малакка, Ачех, Бруней и др., ничем не уступавшие Брюгге, Генуе или Венеции. Эти факты наводят на мысль о том, как много может дать сравнительное изучение этого региона для лучшего понимания концепции «современности».

БИБЛИОГРАФИЯ

- AUNG THWIN, M. 1985. Pagan. The Origins of Modern Burma. Honolulu.
- COEDÈS, G. 1964. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. 3rd edn. Paris.
- DUMARÇAY, J. 1986. Le savoir des maîtres d'oeuvre javanais aux XIIIe et XIVe siècles. Ecole Française d'Extrême-Orient: Paris.
- GROSLIER, B. P. 1979. La cité hydraulique angkoriennne: Exploitation ou surexploitation du sol. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Paris, 66, pp. 161–202.
- KASETRISI, C. 1976. The Rise of Ayudhya: The History of Siam in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Oxford University Press: Kuala Lumpur.
- LÊ THÃNH KHÔI. 1982. Histoire du Vietnam des origines à 1858. Sudestasie: Paris.
- LIAW YOCK FANG, 1976. Undang-undang Melaka. The Laws of Melaka. Nijhoff: The Hague.
- LOMBARD, D. 1990. Le carrefour javanais. Essai d'histoire globale, 3 vols. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales: Paris.
- MANGUIN, P. Y. 1980. The Southeast Asian Ship: An Historical Approach. Journal of Southeast Asian Studies, Singapore, II, 2, pp. 266–276.
- MILLIES, J. V. G. 1970. Ma Huan, Ying-yai Sheng-lan, The Overall Survey of the Ocean's Shores (1433), Hakluyt Society: Cambridge.
- PIGEAUD, T. 1960–1963. Java in the Fourteenth Century. A Study in Cultural History. The Nagara Kertagama by Rakawi Prapanca of Majapahit, 1365 AD. third edition revised and enlarged by some contemporaneous texts with notes, translations, commentaries and glossaries, 5 vols. Nijhoff: The Hague.
- WHEATLEY, P. 1961. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malaya Peninsula before AD. 1500. University of Malaya Press: Kuala Lumpur.
- WICKS, R. S. 1992. Money, Markets and Trade in Early Southeast Asia. The Development of Indigenous Monetary Systems to AD 1400. Cornell University Press, Southeast Asia Program: Ithaca, N. Y.
- ZOETMULDER, P. J. 1974. Kalangwan: A Study of Old Javanese Literature. Nijhoff: The Hague.

КИТАЙ

Гуанда Чжан

Китайские историки уже давно привыкли рассматривать долгую историю своей страны как последовательность правящих династий, разрываемую лишь изредка периодами междоусобиц, и преподносят ее в привязке к династическим циклам. В соответствии с этим сложившимся традиционным подходом в настоящей главе рассмотрены шесть династических периодов начиная с возрождения воссоединенного Китая при династии Суй (581–618 гг.) и вплоть до 1500 г., когда династия Мин (1368–1644 гг.) оказалась перед рядом серьезных внутри- и внешнеполитических угроз. Четыре остальных промежуточных династических периода – это династия Тан (618–907 гг.); период Пяти династий и Десяти царств (907–960 гг.); династия Сун (960–1279 гг.), государство Ляо (киданей, или китаев, 916–1125 гг.), династия Цзинь (чжурчженей, 1115–1234 гг.) и династия Юань (монгольская, 1260–1368 гг.).

Удобная с точки зрения упорядочения огромного исторического материала классификация китайской истории в соответствии с династическими циклами далеко не всегда позволяет осветить все важнейшие направления исторического развития Китая. Если подходить к данному вопросу с позиций исторической преемственности, то совокупные социально-экономические изменения и особенности ряда исконных культурных традиций могут уходить корнями в очень далекое прошлое и, разумеется, могут выходить за династические рамки. Во всей истории эволюции китайского общества период более чем девяти веков, с 581 по 1500 гг., находится ровно посередине между древностью и началом Нового времени и служит неким переходным этапом к более поздней фазе китайского Нового времени. Большинство китайских, японских и западных исследователей склонны рассматривать заключительную фазу династии Тан и время правления династии Сун как переходный период в том смысле, что многие долговременные тенденции обновления, принципиально изменившие китайское общество по сравнению с тем, которое было в предшествующий период, проявились в конце правления династии Тан и достигли пика своего развития во времена династии Сун. Речь, в частности, идет о постепенном уходе с исторической сцены старой аристократии и всех ее клановых группировок, стоявших у трона; об окончательном установлении авторитарного режима; об изменениях в порядке назначения должностных лиц; о приходе на политическую арену образованных людей, ученых-чиновников и установлении господства новой бюрократической элиты; об изменении социального положения простых людей; о подъеме сельского хозяйства, ремесел, развитии межрегиональной торговли и введении денежных отношений в экономике; развитии рынков и росте городов-крепостей с их деловыми предместьями и т.д.

Но эти 900 лет являются также и тем замечательным периодом, когда Китай из молодого государства превратился в полноценную азиатскую державу и продолжал укреплять свою государственность, развивать уникальную, блестящую литературу и философию и совершенствовать свои научные и технические достижения. Во времена династии Тан Китай добился процветания не только в экономике. В политической и культурной сферах он также был одной из ведущих стран восточноазиатского мира и оказывал серьезное влияние на своих соседей. Основные государственные институты династии Тан с их кодифицированным законодательством и системой административного регулирования на всех уровнях, унаследованной от династии Суй, были во многом скопированы и распространены в период средневековья по всей Восточной Азии, служили моделью административного устройства таких различных по своим традициям соседних с Китаем государств, как Корея, Япония, Вьетнам, государства Бохай в Северо-Восточной Азии и Наньчжао (на территории современной провинции Юньнань). Именно в период династий Тан и Сун Китай дал Восточной Азии новую политическую модель государственного устройства, новую форму конфуцианства (нео-конфуцианство), китайский вариант буддизма, китайскую письменность и литературную культуру, а всему миру – такие свои важнейшие изобретения, как бумага и книгопечатание, порох и компас.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР**Династия Суй (581–617 гг.): воссоединение**

Китай вновь стал объединенным в 589 г. в период правления Ян Цзяня (581–604 гг.), основавшего династию Суй. Это воссоединение Китая означало окончание наиболее важного и длительного этапа в истории страны, когда она на протяжении почти четырех веков была разделена на две враждующие части – Север и Юг и включала в себя ассимиляцию прежде враждебных кочевых народов Севера, процесс этнической реконструкции всей китайской расы.

Ян Цзянь, человек очень способный, предпринял энергичные меры по созданию сильного централизованного бюрократического аппарата и утверждал свою власть императора жесткими авторитарными методами. Он реорганизовал центральное правительство, координируя деятельность большого числа правительственных ведомств, которые существовали при трех предыдущих династиях: Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), Вэй (220–265 гг.) и Цзинь (265–419 гг., в том числе 317–419 гг. – Восточная Цзинь). Делами государства занимался разветвленный чиновно-бюрократический аппарат, состоявший из трех центральных палат – *шэнью*

(Имперского секретариата, Имперской канцелярии и Управления государственными делами), которым помогали шесть *бу* (министерств) при Управлении государственными делами, которым в свою очередь помогали девять *сы* (коллегий или судов) и пять *цзянов* (дирекций). Получив в наследство от прошлого высоко иерархичную систему построения общества, в которой представители аристократических, «знатных» семей в период раздробленности страны захватили все основные должности в органах управления на местах и при императорском дворе, Ян Цзянь стремился разрушить эту систему социально-политических привилегий, а также монополию на официальные назначения на всех уровнях социальной лестницы, принадлежавшую нескольким видным семействам еще со времен династий Вэй и Цзинь. Именно он ввел административную практику назначений всех основных чиновников вплоть до префектур и округов решением центрального правительства или даже собственным решением, а также «правила замещения должностей», в соответствии с которыми чиновники не могли назначаться на ключевые должности в префектурах и округах, в которых они проживали. Ян Цзянь ввел систему имперских экзаменов как дополнительный инструмент пополнения аппарата управления за счет ученых людей.

Ян Цзянь начал строительство общенациональной системы сообщений. В 587 г. он приказал разработать проект строительства Великого канала. Первая часть Великого канала была построена при его сыне Ян Гуане (годы правления – 605–618) в период с 605 по 610 гг.; усовершенствован он был в более поздние эпохи. Эта важнейшая транспортная артерия сыграла решающую роль в экономических связях Севера и Юга и эффективно работала вплоть до конца XIX в. В непосредственной близости от двух столиц – Дасин (Сиань) и Лоян были построены несколько зернохранилищ. К 609 г. государство Суй насчитывало 8907536 домохозяйств при численности населения 46019956 чел.

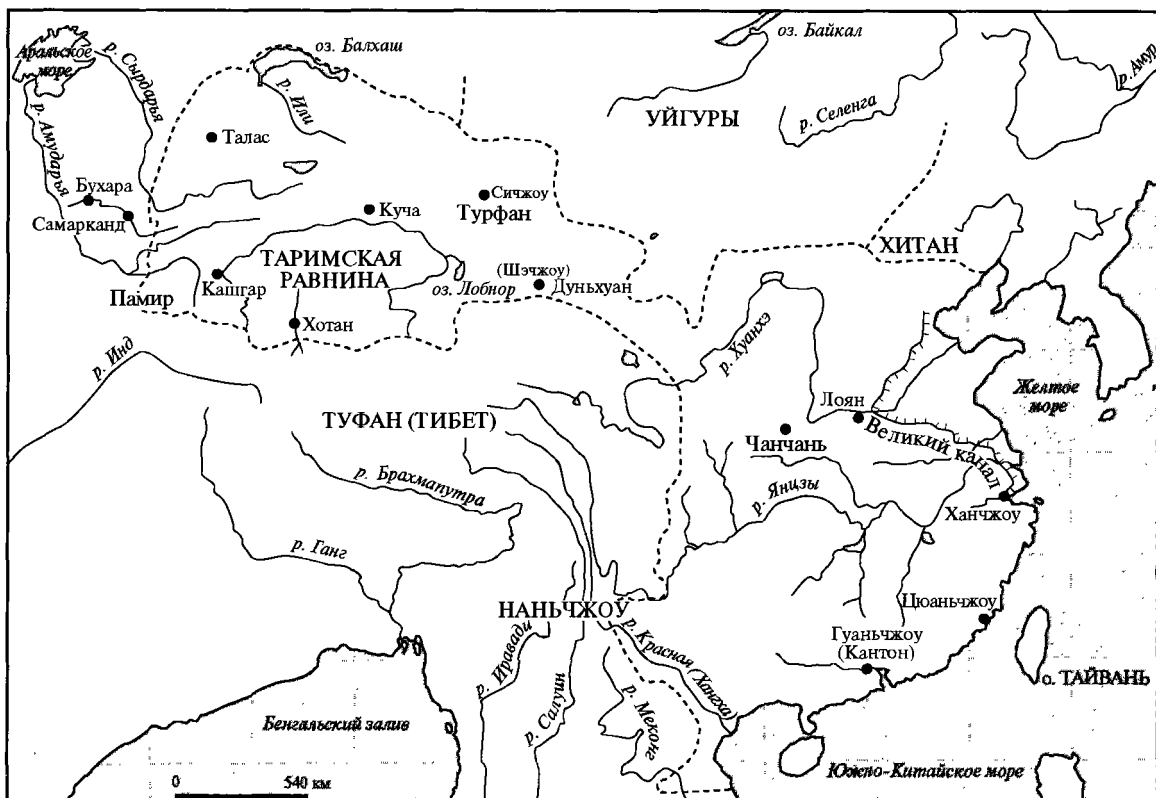
Как и династия Цинь в III в. до н.э., Суй имела всего двух правителей. Династия Суй пала в 618 г. главным образом

из-за жестокого тиранического правления Ян Гуана, его личной расточительности, грандиозных и разорительных проектов и нескольких военных походов в Корею, которые опустошили казну и истощили человеческие ресурсы страны. Но, несмотря на краткость своего существования, династия Суй дала миру множество инноваций, была процветающей и богатой. Созданная при ней система централизованного управления государством явилась прочным основанием для становления последующего монархического режима – династии Тан, которая, подобно династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), сменившей недолго царствовавшую династию Цинь (221–206 гг. до н.э.), затем благополучно просуществовала почти три столетия.

Династия Тан (618–907 гг.)

Воспользовавшись смутой, вызванной начавшимися в стране крестьянскими восстаниями, Ли Юань, высокопоставленный чиновник, находившийся в родстве по браку с императорским домом Суй, в 618 г. провозгласил себя императором новой династии Тан (см. карту 24).

Административная и исполнительная ветви центральной власти династии Тан – три центральных палаты (*шэн*) (*Чжуншю шэн*, *Мэнся шэн* и *Шаншю шэн*) и шесть *бу* (министерств) при *Шаншю шэн* – были построены полностью по модели политической системы династии Суй. Палата *Чжуншю шэн* являлась Имперским секретариатом, главной функцией которого являлось составление проектов императорских указов. *Мэнся шэн* (Имперская канцелярия) представляла мнение высокопоставленных советников и пользовалась правом рассмотрения, правки и отклонения проектов указов или распоряжений Имперского секретариата. *Шаншю шэн* (Управление государственными делами) и его шесть *бу* (ведомств: чинов (*ли бу*), финансов (*ху бу*), ритуалов (*ли бу*), военное (*бин бу*), наказаний (*син бу*) и общественных работ (*гун бу*)) были рабочим органом и проводили в жизнь окончательные решения, принятые двумя вышестоящими *шэн*-ами.

Карта 24. Империя Тан в 755 г. (рис. Guangda Zhang)

В начале правления династии Тан было пересмотрено и заново кодифицировано законодательство династии Суй, включавшее все основные нормы единого административного регулирования. Свод уголовных кодексов (*люй*) и административных статутов (*ши*) пересматривался в среднем каждые 20 лет. При каждом пересмотре они дополнялись новыми указами (*зе*) и нормативными правилами (*ши*), которые готовили Управление государственными делами и подчиненные ему центральные министерства, советы, суды и дирекции. Таким образом, с помощью этой периодической ревизии *люй-лин-зе-ши* обеспечивалось стабильное функционирование единой и централизованной системы управления.

Двумя самыми известными в истории императорами династии Тан являются Тайцзун (Ли Шиминь, годы правления – 626–649) и Сюаньцзун (Ли Лунцзи, правил в 713–755 гг.) (илл. 237). У обоих был великолепный двор. Энергичный и умный Тайцзун был известен своей способностью подбирать компетентных помощников и готовностью прислушиваться к мнению своих советников. Во многом благодаря его социально-экономической политике удалось оживить сельское хозяйство. Состояние общества было стабильным. Народ жил в мире и благополучии. Число граждан во всей стране, приговоренных к смертной казни, в 630 г. составляло всего 29 человек. Периодом правления Тайцзуна в китайской истории традиционно восторгались и называли его «добрые старые времена Чжэньгуана» (императорский титул Тайцзуна).

После блестящего правления Тайцзуна Китай единственный раз в своей истории получил полноправного монарха-женщину. У Цзэтянь (Ужоу, годы правления – 684–705), супруга болезненного Гаоцзуна (Ли Чжи), преемника Тайцзуна, в 690 г. провозгласила себя Императрицей У. Она получила поддержку ученых-чиновников, предоставив им большие возможности продвижения по службе. При ней новые вакансии заполнялись преимущественно кандидатами, прошедшими отбор по экзаменационной конкурсной системе. Система отбора кандидатов на руководящие должности в стране на основе деловых качеств была сильнейшим ударом по старой аристократии еще со времен династий Вэй и Цзинь и тем рычагом, с помощью которого в конечном счете удалось преодолеть монополию власти, находившейся в период раздробленности Китая в руках высшей аристократии.

Сюаньцзун (Ли Лунцзи), внук императрицы У, правил Китаем 45 лет. Первый этап его правления (713–741 гг.), известный в истории Китая как «славные времена правления Кайюаня» (императорский титул Сюаньцзуна), совпал с периодом наивысшего расцвета и мощи династии Тан. К 754 г. в Китае было зарегистрировано 9069154 домовладения и 52880488 человек населения – вдвое больше, чем в первые годы правления династии Тан.

Широкие экономические и культурные контакты с внешним миром эффективно способствовали процветанию империи Тан. Лошади, изделия из кожи, меха, экзотические наряды Севера; слоновая кость, сандаловое дерево, лекарства, благовония Юга; хлопчатые и шерстяные ткани, стекло, драгоценные камни Западного Китая, наряду с достижениями индийской религии и астрономии; персидские и согдийские золотые и серебряные сосуды, семь светил манихейства, хотанская техника живописи – все это сделало г. Чанъань, столицу империи Тан, крупнейшим центром международной торговли своего времени. Торговцы со всего света наводнили все крупные города Китая. А вместе с ними в страну пришла новая музыка и прибывали танцовщицы из Центральной Азии и других регионов.

Однако ранее, в 740-х гг., империя Тан пережила резкий спад. В то время как в богатом, но коррумпированном обществе нарастали социальные и политические проблемы, Сюаньцзун устранился от государственных дел и, предавшись праздному образу жизни, пустил все в государстве

на самотек. Он лишь назначал одну за другой специальные комиссии (*ши*), наделенные чрезвычайными полномочиями, для решения самых неотложных налоговых проблем. Перед лицом постоянной угрозы со стороны тибетцев, оправившихся тюрок, киданей и других потенциальных приграничных агрессоров полицейские силы, созданные в ранний период династии Тан, были постепенно дополнены профессиональной набранной или наемной армией, и император предоставил своим премьер-министрам право наделять специальных военных уполномоченных (*изедаши*) правами на использование этих пограничных контингентов. В 730-х гг. огромные приграничные пространства были организованы в десять стратегических военных округов. Вскоре эти военные уполномоченные, опираясь на военную силу, сосредоточенную в гарнизонах, стали прибирать к рукам и гражданскую власть на местах.

Поворот наступил в 745 г., когда Сюаньцзун попал под сильное влияние своей новой фаворитки, наложницы Янь Гуйфей, которая являлась его невесткой. Ее родственники быстро захватили управление имперским двором. В 750 г. местный правитель Наньчжао, царства на юго-востоке провинции Юньнань, поднял мятеж. Войска, посланные на подавление мятежа, были разбиты, потеряв при этом 60 тыс. чел. В 751 г. в Центральной Азии танские войска потерпели поражение на р. Талас в битве с арабами, которым помогли тюрки-карлуки. Это произошло 19 лет спустя после победы Карла Мартелла (в 732 г.) над арабами при Пуатье в Европе.

В конце 755 г. очередной мятеж поднял Ань Лушань, военный уполномоченный одной из северо-восточных провинций. Само по себе это изолированное событие не имело большого значения, но оно знаменовало собой начало переломного этапа в китайской истории. Своим восстанием Ань Лушань сразу же вверг империю в хаос. Правительство оказалось полностью неготовым к такому развитию событий, учитывая, что более 100 лет государство жило в условиях мира.

Восстание продолжалось восемь лет. Целые префектуры и округа вокруг Лояна были превращены в руины. Но еще более важным последствием этой катастрофы было то, что в политике на передний план выдвинулись авантюристы, прежде всего из военных уполномоченных, которые и после окончания восстания оставались мощной политической силой вплоть до конца периода пяти династий (907–960 гг.). Высокомерные и неуправляемые, многие из этих новых имперских провинциальных правителей содержали свои собственные войска и телохранителей, пользовались неограниченной властью в контролируемых ими префектурах и округах, сами назначали местных чиновников и подбирали себе подчиненных из числа оппозиционно настроенных к центральной власти образованных людей, не получивших должностей в центральных органах власти после сдачи квалификационных экзаменов. Эти правители стали передавать свои титулы по наследству, и таким образом значительная часть территорий империи Тан попала в руки независимых или полунезависимых от центра местных военачальников, называемых *фанчжэнь*. Все это означало сползание к региональному сепаратизму и привело к ослаблению централизованного государства и нарастанию всеобщей нестабильности в обществе, что, в свою очередь, повлекло за собой окончательный уход с политической арены старой аристократии.

Два танских императора Дэцзун (Ли Гуа) (правил в 779–805 гг.) и Сяньцзун (Ли Чунь) (годы правления – 805–820) предпринимали попытки восстановить благополучие династии. Главной своей задачей они видели реорганизацию налоговой и финансовой систем, поскольку само существование и военной, и гражданской власти и, разумеется, двора полностью зависело от уровня сбора налогов и уплаты ренты. В качестве вынужденного шага, вызванного многолетними негативными процессами в экономике

и кризисом фискальной системы, Дэцзун с помощью своего первого министра Янь Яна ввел новую систему налогообложения, так называемую двухразовую (*лян шуи*), при которой налог взимался два раза в год. По новым правилам налоги взимались в основном с собственности, а не с числа взрослых мужчин в семье, как это было ранее. Это изменение носило радикальный характер, поскольку оно означало признание свободы частной собственности, а в расчет налогообложения теперь вводились такие категории, как деньги и собственность. Эта налоговая система оставалась базовой вплоть до 1581 г.

При Сяньцзуне императорский двор вернул себе значительную часть утраченной ранее власти путем проведения жесткой политики в отношении провинций. Успех этой политики заключался в использовании военной силы, в частности дворцового войска, однако постепенный переход управления этим войском в руки придворных евнухов привел к катастрофическим последствиям при преемниках Сяньцзуна, оказавшихся слабыми правителями.

Во второй половине IX в. центральная власть, парализованная контролем евнухов над армией и расколом в рядах министров, стала рушиться, как карточный домик. Всеобщее недовольство разгулом коррупции во всех эшелонах власти и природные катаклизмы привели к волне крестьянских бунтов. Номинально империя Тан существовала до 907 г., когда Чжу Вэнь, в прошлом один из лидеров крестьянского восстания, а теперь – могущественный военачальник в ранге императорского военного уполномоченного, сверг марионеточного императора и захватил трон, положив тем самым начало периоду Пяти династий и Десяти царств в китайской династической истории.

Пять династий и Десять царств (907–960 гг.); государство киданей Ляо

Пятьдесят три года китайской истории – с 907 по 960 гг. – были временем полного хаоса в стране и известны под названием «период Пяти династий и Десяти царств». На севере поздние династии Лянь (907–923 гг.), Тан (923–937 гг.), Цзинь (937–947 гг.), Хань (947–950 гг.) и Чжоу (951–960 гг.) стали именоваться Пятью династиями, а девять государств на юге и одно на месте современной провинции Шаньси обычно называют общим термином «Десять царств». Три из пяти династий – поздняя Тан, поздняя Цзинь и поздняя Хань были основаны тюрками. Иноземные племена вторглись также и в северные районы Китая. Этот период разброда имел особенно тяжелые последствия для простых людей. Народ страдал от постоянных войн и непомерно высоких налогов. Посреди этого политического хаоса остатки государственности империи Тан сохранились лишь в относительно спокойных юго-восточных и юго-западных частях страны. С использованием труда беженцев из центральных равнинных районов Китая на юге начали активно разрабатывать природные ресурсы. В IX в. юго-восточные провинции Китая, особенно в нижнем течении Янцзы, стали выделяться в экономическом развитии, особенно в сельскохозяйственном производстве. Этот процесс явился решающим фактором постепенного перемещения сюда экономического центра тяжести Китая.

Широкое распространение культурных достижений империи Тан на соседних территориях способствовало подъему культуры у кочевых и пастушеских народов Китая. Тангуты, одна из ветвей кочевого тибетского народа, жившего вдоль северо-западных границ страны, основали свое государство Си-Ся, которое контролировало северо-западный горный перевал из Китая в Центральную Азию. В Манчжурии и Восточной Монголии возникла новая империя под предводительством в основном пастушеского народа, называвшегося кидани (китаи). Возможно, они говорили на языке, родственном монгольскому.

Карта 25. Северная империя Сун в 1111 г. (рис. *Guangda Zhang*)

Слова «Катай», как называли в средневековой Европе северный Китай, и «Китай» – русское название Китая происходят от названия «китан», или «китаи». В 916 г. кидани образовали государство Ляо, которое просуществовало до 1125 г. В нем параллельно существовали две системы управления государством, одна – для собственного населения, где действовали племенные законы, и другая – для населения сельскохозяйственных районов, где действовали старые законы империи Тан.

Северная империя Сун (960–1127 гг.) (карта 25)

Династия Сун (960–1127 гг.) началась с узурпации трона Чжао Куанинем (Тайцзу, правил в 960–976 гг.), начальником дворцовой гвардии (илл. 238). В период Пяти династий это было рядовым явлением, учитывая существование института имперских военных уполномоченных еще со времен средней империи Тан, который продолжал существовать после этого практически по всей стране еще больше двух веков. Недаром сам Чжао Куанинь, который был выходцем из военной среды, прилагал огромные усилия, чтобы лишить власти своих бывших коллег, представлявших непосредственную угрозу его трону. Его планы состояли в том, чтобы обеспечить политическое урегулирование ситуации в стране, после чего один правитель сосредоточивал бы в своих руках абсолютную власть и ставил военных под начало и контроль гражданских чиновников. Всеобщее недовольство в стране, вызванное бесконечными войнами, помогло Куаниню добиться своей цели. С милитаризмом в стране удалось справиться относительно легко.

Однако такой контроль императора над армией имел для династии катастрофические последствия. Империя Сун в военном отношении была очень слабой и с каждым годом была вынуждена покупать мир все более дорогой ценой для бюджета, поскольку терпела одно поражение за другим от киданей, тангутов, чжурчженей и монголов. Содержание огромной армии ложилось постоянным и тяжким бременем на финансовые и материальные ресурсы правящего режима.

Период правления этой династии распадается на два периода. Империя, основанная Куанинем со столицей

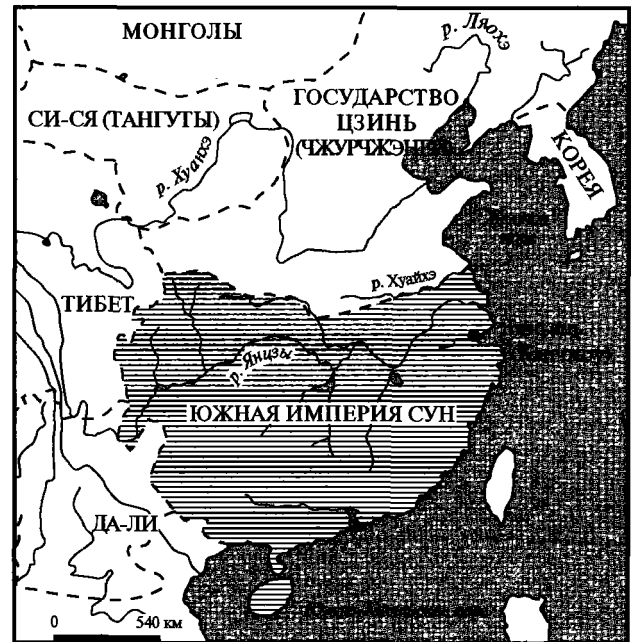
в Бяньляне (современный Кайфы), называлась Северной Сун (960–1127 гг.). Через полтора столетия императорский двор под натиском чжурчжэней был вынужден пересечь к югу от Янцзы и в конечном итоге разместился в г. Ханчжоу, называвшемся в те времена Линьянем («временно безопасный», позднее описанный Марко Поло как Куинсэй – «временная имперская резиденция»). Империя, смирившаяся с ситуацией «временной безопасности» вплоть до своего падения, известна как Южная Сун (1127–1279 гг.).

Для управления воссоединенной страной правители Сун разработали сложную систему сдержек и противовесов, распределяя среди чиновников мизерные, четко разграниченные полномочия или давая частично дублирующие друг друга поручения сразу нескольким чиновникам. Полномочия высших имперских советников частично передавались также чиновникам двух независимых учреждений центрального правительства – Бюро по военным делам и Государственной финансовой комиссии. Подобные же противовесы были введены на региональном уровне. Штатные должности перемежались с нештатными. Официальные названия должностей не имели ничего общего с реальными функциями чиновников.

Добившись полного сосредоточения власти в своих руках, правители Сун пошли дальше, провозгласив конфуцианский лозунг о том, что лояльный подданный не служит двум хозяевам: «*Не бывает двух солнц на небе, не может быть и двух правителей в одном государстве*». Начиная с XI в. постоянно расширявшаяся система конкурсного экзаменационного отбора на государственные должности стала единственным каналом поступления на службу. Школа Ху Юаня (993–1059 гг.) была названа образцовой в сфере подготовки идеальных служащих на основе сочетания конфуцианского классического учения и практических занятий. Два современника Ху – Сунь Фу (992–1057 гг.) и Ли Гоу (1009–1059 гг.) также были известными учителями ранней Сунн. Известный ученый-служащий Фань Чжуньян (989–1052 гг.) ввел в практику обучения государственных чиновников конфуцианский принцип ставить интересы общества выше своих собственных. Он, в частности, провозгласил, что настоящий просвещенный служащий «должен первым принимать на себя заботы о проблемах мира и последним наслаждаться его удовольствиями». Но со временем система экзаменационного отбора служащих превратилась для ученых в способ собственного карьерного продвижения.

После почти 80 лет внешней стабильности сунский двор оказался перед лицом серьезного социально-экономического кризиса. К середине XI в. регулярная армия насчитывала 1,25 млн. чел. В 1065 г. на военные расходы тратилось 83 % национального дохода (Smith, 1993, р. 81), но тем не менее страна проиграла все крупные сражения со своими противниками на границах. Экономическое положение ухудшалось также из-за больших расходов на содержание раздутого чиновничьего аппарата и из-за ежегодной выплаты дани серебром и шелком киданям и тангутам. Концентрация сельскохозяйственных земель в руках членов императорской семьи, придворной знати, чиновников и помещиков, на которых принудительно вынуждены были работать простые крестьяне, и прочие злоупотребления властей приводили к повсеместным мелким бунтам, даже в непосредственной близости от столицы.

Когда кризис достиг угрожающих масштабов, император Шэньцзун (Чжао Сюй, годы правления – 1067–1085) и многие высокопоставленные чиновники пришли к выводу о необходимости проведения срочных реформ. В 1069 г. Шэньцзун назначил Ван Аньши (1021–1086 гг.) своим первым министром и поручил ему проведение реформ. Аньши, известнейший поэт и писатель, а также выдающийся государственный деятель, наметил широкую программу реформ, известную в китайской истории под названием «новой политики» (*синь фа*). Он разработал программу,

Карта 26. Южная империя Сун в 1028 г. (рис. Guangda Zhang)

получившую название «ссуды под зеленые побеги» (*цинъю фа*), в соответствии с которой местные власти выдавали крестьянам в весеннее время ссуды на приобретение семян под низкий процент, которые те должны были возратить после сбора урожая. Целью этой меры было освободить крестьян от эксплуатации помещиков и ростовщиков. Аньши смягчил систему принудительных общественных работ, заменив ее периодическими денежными выплатами. На эти «откупные» деньги власти нанимали работников, которые за деньги выполняли эти общественные работы. Он ввел также более упорядоченную шкалу земельного налогообложения, основанную на оценке плодородия земли и тщательном учете размеров надела. Он учредил систему государственных амбаров, которые помогали поддерживать стабильные цены на основные продукты и давали прибыль государству. Аньши пытался поправить положение в армии, а также усилил систему социальной безопасности, учредив институт деревенской общины и круговой поруки – *баоцзя фа*.

Эта новая политика дала некоторые результаты. Доходы государства несколько выросли. Но все, кого Ван зачислил в категорию «монополистов», – крупные землевладельцы, чиновники, владевшие землей, крупные торговцы и ростовщики – были настроены категорически против этих реформ. После смерти Шэньцзуна первым министром императора стал честный, но консервативно мыслящий историк Сыма Гуан (1019–1085 гг.), который аннулировал большинство реформ Вана. С возвращением всех прежних злоупотреблений правительство долго не устояло в борьбе группировок, выступавших за и против реформ, а просчеты в вопросах заключения союза с киданями и чжурчжэнями привели к захвату последними сунской столицы.

Династия Цзинь (чжурчжэней, 1115–1234 гг.); Южная династия Сун (1127–1279 гг.)

В последние годы своего существования Северная Сун оказалась перед лицом новой агрессивной силы – чжурчжэней, племени тунгусского происхождения, говоривших на тунгусо-маньчжурских языках, предков маньчжуров. В 1115 г. чжурчжэни создали государство

и династию Цзинь (1115–1234 гг.), а в 1125 г. при поддержке империи Сун разгромили государство киданей Ляо. В 1127 г. воинственные Цзинь после долгой осады захватили столицу Северной Сун Кайфы и расправились с последним императором Циньцзуном и его отцом Хуэйцзуном, положив трагический конец династии Сун.

Войска Сун отступили на юг. Ученые-конфуцианцы при дворе и патриотически настроенные генералы провозгласили Гаоцзуна (Чжао Гоу, 1127–1162 гг.), единственного сына бывшего императора Циньцзуна, избежавшего участи отца, новым императором. Так было положено начало династии Южная Сун (1127–1279 гг.) (карта 26).

Борьба между Сун и Цзинь за обладание долиной р. Янцзы тянулась до 1142 г., когда был заключен мир. Граница была проведена по реке Хуайхэ. В ходе длительного периода противостоения Чжао Гоу проявлял откровенное стремление умиротворить Цзинь любой ценой. Он приказал сначала арестовать Юэ Фэя, выдающегося полководца, известного своей непримиримостью к Цзинь, за упорное противодействие мирным переговорам, а затем тайно казнить его в тюрьме, что и сделал первый министр Цинь Гуй. По мирному договору 1142 г. император Сун признал себя вассалом империи Цзинь и согласился платить большую ежегодную дань последней в размере 250 тыс. таэлей (*лянов*) серебра (лян – единица массы, равная 31,2 г) и 250 тыс. кусков шелковой ткани. И хотя этот унижительный договор был сильным ударом по гордости китайцев, мир, купленный в 1142 г., сохранялся в течение всего последующего периода правления династии Южная Сун. Китай оставался разделенным на северную и южную части вплоть до монгольского нашествия. В вопросах внутренней политики Южная Сун не известна какими-либо нововведениями, какими, например, в свое время славилась Северная Сун. Однако, несмотря на отсутствие новых инициатив в политической сфере и гораздо меньшие размеры территории государства, Южная Сун смогла достичь такого экономического процветания, какого до этого в Китае никогда не было. Это время было также периодом расцвета внутренней и заморской торговли.

Китай в монгольской орбите: династия Юань (1271–1368 гг.) (карта 29)

Монголы, завоевавшие господство в Азии (см. карту 29 в гл. 30) под предводительством своего талантливого военного руководителя Чингисхана (Темучина), пришли в Китай из Хэйлунцзяна, который сегодня является самой северной провинцией Китая. В 1206 г. на курултае предводителей ханского рода и кочевой знати, собравшемся у истоков р. Онон, Темучин был провозглашен всемонгольским повелителем (*кааном*) под именем Чингисхан. В течение двух последующих десятилетий Чингисхан завоевал все соседние государства, установив свое господство на большей части территории Евразии. Он умер в 1227 г., но его преемники продолжали завоевательные походы. В 1234 г. под натиском монголов пала наконец династия Цзинь. В 1264 г. великим ханом был признан внук Чингисхана Хубилай (годы правления – 1260–1294). Он перенес столицу в Пекин и назвал ее Ханбалык («Великий город») – по-монгольски, или Камбалюк – по-тюркски, как в своей книге называет Пекин Марко Поло. В 1271 г. Хубилай как император Ши-цзу основал династию Юань, и этим именем назван и период его правления.

Начав кампанию против Южной Сун, Хубилай натолкнулся на весьма прочные фортификационные сооружения вдоль Янцзы. В жестоких сражениях обе стороны использовали порох и всевозможные взрывные устройства. Известный сунский министр Вэнь Тяньсянь (1236–1282 гг.) организовал отчаянное сопротивление. В 1276 г. монгольским войскам удалось захватить столицу Южной Сун Линьянь.

К 1279 г. уже весь Китай оказался под властью империи Юань, первой в истории страны иностранной империи.

Монголы стали управлять Китаем в столь же двойственной манере, как это делали предшествующие завоеватели Ляо и Цзинь. Большинство монгольской знати поначалу пыталось попросту превратить страну в огромное пастбище для скота, но Хубилай сохранил китайскую бюрократическую систему правления и при ее организации на местах полагался в основном на самих китайцев. Один из его преемников в 1315 г. даже восстановил систему экзаменационного отбора кандидатов на должности.

Юаньские власти делили население на четыре категории по этническому принципу. Правящую верхушку составляли сами монголы, в ведении которых сосредоточилось административное управление и руководство войсками. Сразу за ними следовали так называемые «*самужэнь*» – «люди разных рас» («разного цвета глаз») – население со всей Евразии. Третью категорию составляли «*ханьжэнь*» (кидани, чжурчжэни и северные китайцы). На самой нижней ступени социальной лестницы стояли «*южане*». Поскольку подданные Южной Сун покорились последними, они стали наиболее притесняемыми.

Воссоединение Китая способствовало ассимиляции различных народностей и реинтеграции китайской экономики. Заметно улучшилось сообщение. Был построен новый Великий канал. Налаживание каботажного морского сообщения позволило перевозить большие количества зерна. Были введены общенациональные бумажные деньги, как это когда-то было сделано в империи Сун. Благодаря огромным размерам монгольской империи период правления династии Юань был временем небывалого расцвета внешней торговли и культурного обмена.

В конечном итоге юаньские правители и монгольская верхушка оказались неспособны воспользоваться плодами своих завоеваний в оседлом обществе с развитым аграрным производством. Они имели в своем подчинении огромное количество крестьян и ремесленников, но по привычке обращались с ними в соответствии со своими кочевыми традициями. Наряду с введением непомерных налогов на крестьян, они навязали им тяжелый подневольный труд. В конце концов экономические неурядицы и целая серия природных катаклизмов вынудили крестьянство к открытым выступлениям против иноземных правителей. В середине XIV в. монгольские войска потерпели поражение в стихийной войне, на которую поднялась вся страна. Монголы без больших потерь отошли на свои исконные земли на севере. Юаньская династия пала в 1368 г., но монголы по-прежнему продолжали угрожать северным границам пришедшей ей на смену династии Мин.

Династия Мин (1368–1644 гг.): ранний период (см. том 5, карту 27)

Основателем новой китайской династии стал Чжу Юаньчжан. Крестьянский сын, сирота, Чжу в раннем возрасте стал странствующим монахом одного из буддийских монастырей. В дальнейшем он оказался участником народного восстания с религиозным уклоном, получившего название восстания «Красных повязок» («Красных войск»), и благодаря своему властолюбивому характеру выдвинулся в лидеры. В начале 1368 г. в Нанкине он объявил себя императором династии Мин под именем Тайцзу (1368–398 гг.), с императорским титулом Хун-у (илл. 239).

Тайцзу был монархом способным, но с крайне подозрительным характером. Он создал высокоцентрализованный механизм управления страной с единственной целью не упустить власть из своих рук. В 1380 г., обвинив первого министра Ху Вэйюна в заговоре и измене, он ликвидировал пост первого министра и весь подчинявшийся ему Имперский секретариат и разделил его функции между

шестью министерствами (*лю бу*). Это важнейшее решение, в результате которого он подчинил себе деятельность этих ведомств и которое известно в китайской истории как «ликвидация *чжуншу*», имело своей главной целью полностью лишить Имперский секретариат его традиционного участия в проведении государственной политики. Этот шаг также означал дальнейшее укрепление авторитарического режима императорской власти за счет власти первого министра, на которую в китайской истории всегда покушались императоры. Был создан новый орган под названием Большой секретариат (*нэйге*), заменивший распущенный Имперский. В него входили в качестве советников многочисленные послушные чиновники, набравшиеся в основном из академии Ханьлин. Они служили советниками императора, писали памятные записки и составляли проекты императорских указов. Этот орган, наряду с институтом евнухов, составлял часть «Внутреннего двора». В результате деятельность органов власти при последующих слабых или недалеких императорах была неэффективной или оказывалась под сильным влиянием дворцовых евнухов.

Поскольку отступившие в свои земли монголы тем не менее представляли постоянную угрозу для северных районов Китая, третий император династии Мин Чэнцзу (под титулом *Юн-лэ*; годы правления – 1402–1424) решил в 1421 г. перенести столицу из Нанкина на место бывшей юаньской столицы Ханбалык. Перестройка новой столицы, получившей название Шунтянфу («Столица волею небес»), продлилась 15 лет. План города представлял собой три правильных прямоугольника из стен и зданий, один внутри другого, из которых самый внутренний являлся комплексом Императорского города с императорским дворцом и сегодня известен в Пекине как Запретный город.

Для защиты от монгольской конницы Мин перестроили Великую Китайскую стену. Новая стена имела протяженность 6350 км и была разделена на четыре гарнизонных зоны. Восточный участок стены, проходившей недалеко от Пекина, тянулся от провинции Шаньси на восток до провинции Ляонин на 1487 км и проходил по горам, следуя рельефу местности. Стена, отделанная снаружи кирпичом, имела толщину у основания 6 м, сужаясь до 5,4 м наверху. Высота стены равнялась 8,7 м и имела зубцы высотой 2 м с северной

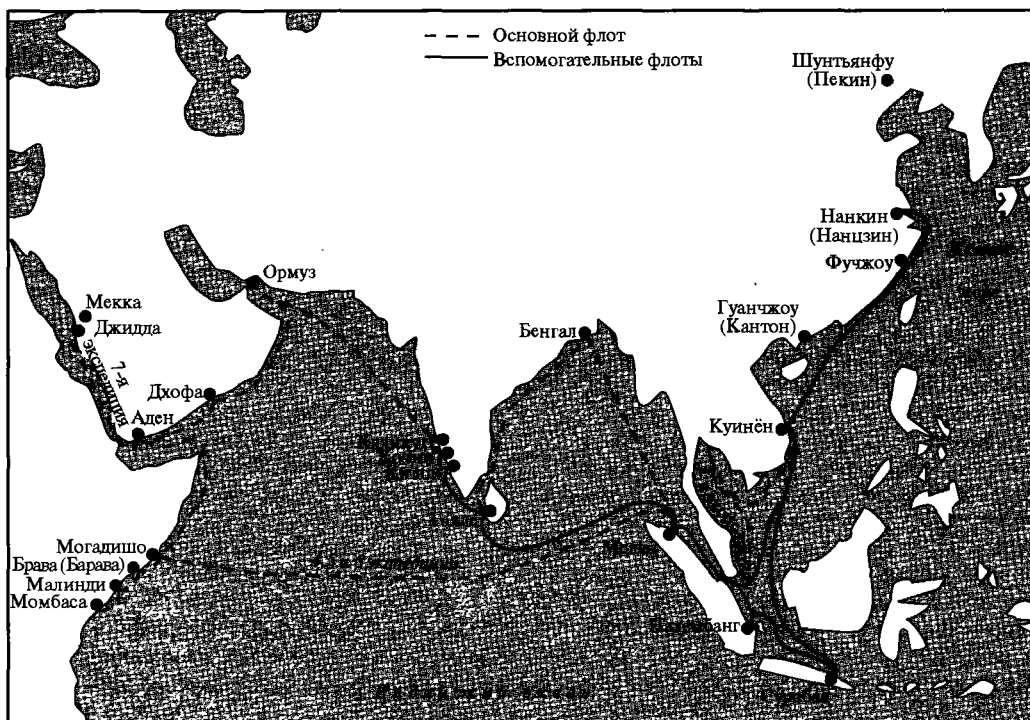
стороны, откуда исходила монгольская угроза. Через каждые 70 м на стене располагались сторожевые башни.

Первые годы империи Мин были периодом экспансии на море. В период между 1405–1433 гг. Чэнцзу снарядил семь грандиозных морских походов, материальной подготовкой которых занимался его талантливый министр финансов Ся Юаньчжи и командовал которыми флотоходец Чжэн Хэ (1371–1433 гг.), внук, придерживавшийся исламского вероисповедания. Каждый флот насчитывал от 100 до 200 кораблей, из которых от 48 до 62 были так называемыми «кораблями для сокровищ» (*бао чуан*). Самые большие из них имели 150 м в длину и 60 м в ширину, 12 парусов и команду из 300 чел. Имея на бортах 27800 опытных людей различных профессий, флот посетил Яву, Суматру, о-ва Малайского архипелага, Шри-Ланку, Индию, Аравию, побережья Красного моря и Восточной Африки и останавливался в портах более 30 стран. В экспедицию корабли везли золото, серебро, шелк, фарфор, эмальевую и металлическую посуду, а назад возвращались со львами, жирафами, страусами, зебрами и другими экзотическими диковинами. Эти походы Чжэн Хэ на полвека опередили экспедиции Васко да Гамы и Колумба (карта 27).

Период ранней Мин известен также вышедшими в это время в свет научными трудами. Самым выдающимся из них стала грандиозная энциклопедия «*Юн-лэ да дэнь*» («Великий свод годов правления Юн-лэ», или «Энциклопедия Юн-лэ»), составленная по заказу правительства. Она состояла из 22 тыс. томов и насчитывала 370 млн. иероглифов.

В течение еще целого столетия после Чэнцзу империя Мин процветала. Сельскохозяйственное и ремесленное производства к середине эпохи Мин достигли высшего уровня. Это способствовало в свою очередь активному развитию товарной экономики в больших и малых торговых городах. Перепись 1393 г. зафиксировала численность населения в 60545812 чел. (*Ho Ping-ti*, 1959, p. 10). К концу XV в. численность китайского населения выросла до более чем 100 млн. чел.

Но ко времени, когда Европа подошла к эпохе великих открытий, общество Мин, казалось, погрузилось в бездействие и стало постепенно терять свою энергию и жизненную силу, и уже к середине правления династии сложились условия для будущего политического и культурного соперничества Китая и Запада.

Карта 27. Морские походы Чжэн Хэ в 1405–1433 гг. (рис. *Guangda Zhang*)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Китай являлся преимущественно аграрной страной. Самые явные перемены в жизни общества в рассматриваемый период – миграция населения на юг, развитие интенсивного сельскохозяйственного производства и диверсификация китайской экономики по мере развития промышленности и торговли.

Миграция населения на юг

Основными сельскохозяйственными культурами в Китае традиционно являлись пшеница, несколько видов проса, соевые бобы и рис. Нараставшие из года в год в долине р. Хуанхэ процессы эрозии сельскохозяйственных земель из-за нерегулярности осадков приводили к постоянным неурожаям зерна и ставили северные равнинные районы Китая в зависимость от сельскохозяйственных ресурсов юга страны. Постепенное перемещение традиционной житницы Китая из районов долины Хуанхэ в южные провинции началось еще в правление династии Тан. Волна миграции населения на юг набирала силу по мере того как накапливались социальные проблемы на севере в последние годы этой династии, а также после вторжения с севера конницы кочевых династий Ляо и Цзинь в период Пяти династий, когда огромные массы людей были вынуждены сниматься со своих насиженных мест, пытаясь спастись от ужасов войны. Они в дальнейшем составили значительную часть населения государства Сун. Этот демографический рост на юге Китая стал вполне очевидным в прибрежных районах в период Южной Сун, поскольку площадь территории империи в ходе войны с северными и северо-западными соседями уменьшилась более чем вдвое. Так, численность населения в Южном Китае выросла с неполных 4 млн. дворов в середине VIII в. до более чем 12 млн. в конце XIII в. (Kracke, 1955, p. 480, note 2).

Административный контроль за экономической деятельностью в ранней империи Тан; перемены, уходящие корнями в позднюю Тан

В период династий Суй и ранней Тан основная экономическая деятельность регулировалась единой системой кодифицированного административного законодательства, статутов, правил и дополнительных подзаконных актов (*люй-лин-ге-ши*). По земельному уставу «Тан лин» империи Тан каждому мужчине старше 18 лет полагался надел пахотной земли площадью 100 му (6,6 га), при этом 20 му закреплялись за ним навечно, а оставшиеся 80 му возвращались государству после его смерти или в возрасте 60 лет, когда он переставал быть налогоплательщиком. Этот равный для всех надел земли служил основой для исчисления одинакового для всех подушного налога. В соответствии с налоговым законодательством (*ху лин*) каждые три года полагалось проводить перепись населения и составление подворных реестров, куда вносились имена и возраст каждого жителя домовладения, а также статус и площадь земельного надела всех взрослых мужчин. Все облагаемые налогом дворы должны были платить ежегодный подушный налог с каждого взрослого мужчины: зерна – 2 мешка (1/40 урожая), шелковой ткани – около 7 м, пеньковой ткани – около 8 м. Кроме того, каждый взрослый мужчина должен был отработать 20 дней трудовой повинности в пользу центрального правительства и гораздо больший срок – в пользу местной власти. Однако эта повинность могла быть заменена

выплатой определенной суммы денег или натурой в виде шелковой и пеньковой ткани. В результате изучения новых рукописей танской эпохи по вопросам распределения земли, найденных в Дуньхуане и Турфане, большинство исследователей склоняется к выводу о том, что в качестве официальной правовой основы для регистрации и распределения земельной собственности эта система просуществовала вплоть до антиправительственного мятежа военачальника Ань Лушаня в середине VIII в., но нигде полностью не соблюдалась и, возможно, вовсе не соблюдалась на юге. Возможно, наиболее строго она соблюдалась в Турфане, но с многочисленными изменениями, диктовавшимися местными условиями.

Крупные земельные наделы и поместья раздавались членам императорского клана и высшим сановникам в соответствии с занимаемым положением. Принц мог иметь 10000 му (666 га), а чиновник высшего ранга – 6000 му (400 га). Различные по размерам участки земли предоставлялись всевозможным государственным учреждениям, а также буддийским и даосским монастырям на покрытие государственных расходов, текущих затрат и содержания монахов и монахинь. Денежное жалование чиновников складывалось из средств, поступавших в виде ренты за находившуюся в их владении земля, а также из прибыли на вклады капиталов, предназначенных для подобных целей.

Уделяя первостепенное внимание сельскому хозяйству, правительство заставляло чиновников центрального и местных уровней поощрять земледелие. Местным должностным лицам вменялось в обязанность следить за своевременностью обработки земли и обеспечивать крестьянам всевозможные стимулы, такие как строительство новых ирригационных сооружений, водораспределительных механизмов, общественных зернохранилищ. Грандиозные проекты осуществлялись под руководством специальных административных органов и уполномоченных.

После восстания Ань Лушаня (755–763 гг.) танское правительство не стало восстанавливать систему наделного землепользования. Описанный выше единый фиксированный подушный налог зерном и тканями, предусмотренный в рамках такой системы, был в 780 г. заменен системой «двух налогов», прогрессивным налогом в денежной форме, основанным на оценке размеров собственности каждого крестьянского двора, особенно обрабатываемых земельных площадей, собираемым два раза в год, соответственно весной и осенью. Частные сделки купли-продажи земли стали обычной и широко распространенной практикой на селе.

Такой же строгий контроль правительство ранней Тан осуществляло в городах, в частности, в вопросах торговли. Город был разбит на прямоугольные кварталы, окруженные стенами. Большая часть торговли в городах осуществлялась на специально оборудованных рынках, обнесенных стеной. В Чанъане и Лояне было всего лишь по два больших городских рынка и по одному в каждой префектуре. Часы их торговли, требования к качеству продукции и ценообразование (как следует из соответствующих документов, обнаруженных в Дуньхуане и Турфане) жестко регламентировались в соответствии с торговым законодательством и подлежали правительственному контролю и регулированию. Лишь к середине династии Тан торговцы получили возможность перемещаться свободно, самостоятельно подыскивая себе подходящие места для торговли. Старая государственная система организации рыночной торговли (Twitchett, 1966, pp. 202–248) со всеми ее многочисленными ограничениями постепенно отмерла сама собой.

В отличие от ранней Тан, когда за сельским хозяйством, ремеслами и торговлей был установлен государственный надзор и осуществлялось их регулирование, в средней Тан, особенно после восстания Ань Лушаня, властям пришлось учреждать целый ряд новых фискальных механизмов, таких как государственная соляная монополия, с тем чтобы

взять под свой контроль новые финансовые источники. В связи с переходом на денежную форму налогообложения (систему «двух налогов») и ростом торговой активности в стране танское правительство коренным образом пересмотрело свою прежнюю политику жесткого централизованного управления экономикой.

Сельское хозяйство

Развитие сельскохозяйственных технологий и появление новых методов орошения в значительной мере способствовали увеличению объемов сельскохозяйственного производства на юге Китая. Подъем сельскохозяйственного производства, помимо использования быстро созревающих сортов риса, во многом был и результатом реорганизации системы землевладения на селе и объединения земель в большие хозяйства (*чжужан юань*), появления системы сдачи земли в аренду, а также роста городов как рынка сбыта урожая за деньги.

В период династий Тан, Сун и Юань наблюдается все более широкое распространение металлических орудий труда. Детальное описание металлического плуга периода Тан с изогнутым отвалом, состоящего из 11 деталей, содержится в работе Лю Гуименя (*Lu Guimeng*) (? – ок. 881 г.) «Канон о средствах обработки земли». В плуг запрягали водяного буйвола, единственное тягловое животное, которое можно было использовать на илистых рисовых полях.

Рост китайского сельского хозяйства обусловлен также расширением обрабатываемых площадей. В древние времена в Китае обрабатываемые площади были сосредоточены в долине р. Хуанхэ, затем, в ханьский период, стали возделывать земли вдоль р. Янцзы. После династий Тан и Сун уже весь юг Китая представлял собой сплошную зону земледелия. Интенсивные технологии использования земли, в частности севооборот, преобразили когда-то пустовавшие бесплодные земли, превратив их в высокопродуктивные поля. Когда в равнинных районах не осталось больше пригодных для распашки земель, огромные территории были освоены в период династии Сун в холмистых местностях, где поля устраивались в виде террас, а также в болотистых местах вокруг озер путем строительства защитных дамб. Террасные поля, впервые появившиеся при династии Сун, для обеспечения их полной продуктивности требовали много воды. Во времена Тан энергия падающей воды использовалась в основном для приведения в действие водяных колес и мельниц. В Южной Сун, наряду с конвейерным устройством подачи воды (водяное колесо «*хребет дракона*»), приводимым в действие усилиями человека, вращавшего педали, использовался и новый вариант такого же устройства, приводившегося в действие тягловым животным и поднимавшего воду из водоема на берег, где она направлялась по каналам на рисовые поля. Эти механизмы позволяли поднимать воду на высоту более 30 м.

В «Трактате по земледелию» («*Нон Шу*») Чэна Фу (*Chen Fu*), написанном в 1149 г., приводилось детальное описание технологии выращивания рассады риса и пересадки ее на рисовое поле, «постоянного удобрения поля» навозом и применения других средств повышения плодородия почвы, а также практическое руководство по шелководству, начиная с посадки тутовых деревьев и кончая выращиванием кокона.

Еще один справочник по сельскому хозяйству, также под названием «*Нон Шу*», написан в период с 1295 по 1314 г. Ван Чжэнем (*Wang Zhen*), известным агрономом во времена династии Юань. В качестве инспектора нескольких округов в провинциях Аньхой и Цзянси Ван Чжэнь первостепенное внимание уделял сельскому хозяйству и часто посещал с проверками подчиненные ему территории. Главная идея его труда состояла в том, что сельскохозяйственное производство – основа всей китайской экономики. В работе суммировался сельскохозяйственный

опыт в масштабах всей страны – возделывание пахотных земель в долине р. Хуанхэ и производство риса в районах южнее р. Янцзы. В книге рассматриваются не только технологии выращивания зерновых культур, но и методы лесоводства, животноводства, организации вспомогательных производств, рыбоводства и много других близких тем, в частности совершенствование инструмента и идеи создания новых механизмов (например, водяной мельницы с шестеренчатым приводом от одного водяного колеса сразу к девяти жерновам).

Внедрение нового скороспелого сорта риса *чампа* около 1012 г., в период династии Сун, представляется событием большого значения. Ведь этот высокопроизводительный сорт риса, вызревавший менее чем за 120 дней, позволял получать два урожая в год. В течение одного столетия этот сорт риса распространился по всей стране, и в результате рис стал в Китае основной сельскохозяйственной культурой.

Дополнительные культуры, такие как сахарный тростник и чай, также выращивались по всей стране, а чай в конечном итоге стал одним из главных продуктов. Многие крестьянские хозяйства занимались производством шелка и пенькового волокна, а позднее – и производством чая. Во времена ранней Тан шелк производили главным образом на северо-востоке страны, но после восстания Ань Лушаня его производство быстро распространилось в долине р. Янцзы и в провинции Сычуань.

Хлопок выращивался первоначально в западных регионах Китая. Слово «хлопок» появилось в китайской поэзии в начале IX в. Хлопок, выращиваемый на территории Турфана, тут же чесали, пряли и делали из него ткань, которая шла на внутренний рынок. Однако в Китае хлопок в виде ткани для одежды и как товар появился из Южной Азии, в частности из Чампы и Да-ба-тан (*Da-batang*) – неизвестной страны в «Южном океане». Судя по всему, методы выращивания хлопка были впервые успешно опробованы в прибрежных районах нынешней провинции Гуандун в начале IX в., а по всему Китаю хлопок распространился в XII–XIII вв. (*Goodrich*, 1944, pp. 408–410). В истории китайской текстильной промышленности с развитием новых способов производства тканей связано имя Хуан Даопо, женщины из Сунцзяна (*Songjiang*) (ныне одного из районов Шанхая). С конца XIII в. обработка хлопка стала одним из широко распространенных производств в сельских районах страны.

Долгую историю имеет производство вина в Китае. После завоевания империей Тан Сериндии (*Serindia*) в Китай попал новый сорт винограда «кобылий сосок» (*mapu nytao*), а с ним и технология изготовления вина. В соответствии с сунскими летописями, китайцы умели производить крепкие алкогольные напитки путем двойной перегонки со второй половины X в.

Возникновение больших поместий: арендаторы и наемные работники

Свободное землевладение широко распространилось в Китае с середины правления династии Тан. Накопление земельного богатства в руках частных лиц начиная с середины IX в. привело к образованию крупных частных поместий (*чжужаньюань*). В 843–846 гг. все богатства, которыми владели храмы, в особенности – монастырские земли – «храмовые уголья» (*сичжужань*), которые формировались на протяжении сотен лет как буддийская собственность, были конфискованы правительством и распроданы в связи с политикой ограничения деятельности буддистов в стране. Чиновники в провинции и семьи новой землевладельческой знати во многих регионах делали целые состояния на покупке и присоединении к своим владениям конфискованных участков земли, объединяя их в

крупные поместья. Крестьяне же, у которых отобрали землю, становились арендаторами или работниками в хозяйствах крупных землевладельцев. Сдача земли в аренду стала обычной практикой.

В империи Сун статус большинства людей в сельской местности определялся прежде всего в зависимости от наличия у них земельной собственности. Бурное развитие крупных поместий привело к возникновению между землевладельцем и крестьянином отношений главенства и подчиненности. В сельском обществе появились новые категории земледельцев: арендаторы – *дяньху* (*dianhu*) и наемные работники – *гуйюньген* (*guiyongren*), многих из которых в официальных регистрационных списках именовали *кеху* – безземельные и без постоянного места жительства, но при этом свободные люди. Некоторая часть беднейших крестьян находила укрытие от налогов и рабства у крупного влиятельного землевладельца, обрабатывая как собственный надел, так и землю, взятую в аренду у хозяина.

Появились и контрактные отношения типа наниматель – наемный работник. В период династии Сун наемный труд был широко распространен. Наемных работников набирали на правительственные предприятия, в военные гарнизоны, в мастерские ремесленников. В Сюйчжоу (ныне провинция Цзянсу) в XI в. имелось 36 плавильных цехов, в каждом из которых трудилось по более чем 100 наемных работников. Летописная запись, относящаяся к 1181 г., гласит, что в Шучжоу (в современной провинции Аньхой) на сталеплавильном производстве работало 500 наемных рабочих.

Ремесленное производство

В ранней Тан ремесленников и мастеровых, достигших высокого уровня мастерства, обычно передававшегося по наследству из поколения в поколение, или обладавших особыми талантами, прикрепляли к государственным артелям. Чиновники не просто инспектировали эти артели, а напрямую управляли деятельностью мастеровых, которые имели статус рабов. Предметы роскоши, выполненные на высочайшем художественном уровне руками мастера по шелку, золотых дел мастеров, изготовителей фарфора, предназначались для императорского двора или для придворной знати. Больше всего мастеров работало в столицах и городах. Что касается шелковых тканей, то из различных провинций и городов ко двору присылали уникальные образцы ткани в качестве ежегодной дани (*тугон*): парчу (*цзин*), газ (*ша*), камчатное полотно (*инь*), атлас (*дуань*), шелк (*чоу*), бархат (*рон*), шелковую ткань с крупным выпуклым жаккардовым рисунком (*кеси*) и т.д.

Помимо деления самих ремесленнических предприятий Тан на имперские и местные, можно также в первом приближении разделить производившуюся ими продукцию на артельную и индивидуальную. Строго говоря, местные ремесла являлись побочным видом деятельности в рамках сельскохозяйственного производства, осуществляемой на дому с участием всей семьи в неурочный сезон. Их продукция, например домашняя ручная пряжа или плетеные корзины, была необходима для повседневной жизни и не предназначалась для продажи. Отдельные ремесленники занимались кузнечным и гончарным делом, плотничали, ткали и красили грубую ткань, дубили кожу, делали бумагу, изготавливали сухие чернильные палочки, печатали книги.

В период династии Сун традиционное ремесленническое производство в Китае находилось уже на более высоком технологическом уровне. Так, уже само правительство создавало или контролировало крупные предприятия по добыче соли, изготовлению фарфора, текстиля. В некоторых видах ремесел, например в производстве чернильных палочек, бумаги, книгопечатании, в результате совер-

шения технологий или появления новых технических средств возникло более строгое разделение труда и узкая специализация. Кроме того, более выраженной стала тенденция к специализации отдельных промышленных центров, таких как Цзиндэчжень в провинции Цзянси, «город фарфора», где работало более 300 обжиговых печей; Цзяннан, центр по производству шелка; хлопкообрабатывающие центры в Цзянсу и Чжэцзян; металлургический центр в Фошани (провинция Гуандун), верфи на южном побережье Китая, прежде всего в Гуанчжоу (Кантон), Цюаньчжоу и Нинбо.

Наиболее характерной формой организации городских ремесленников была гильдия мастеров (*хан*, или *цзо*). Возможно, что объединения мастеров-ремесленников оставались основной формой торгово-ремесленнической организации со времен Тан, о чем свидетельствуют многочисленные надписи, принадлежащие различным гильдиям мастеров в буддийских пещерах в районе Фаньшэн на юго-запад от Пекина и в Лунмэне вблизи Лояна, а также в некоторых документах из пещерных храмов Дуньхуана, касающихся художников и гильдии изготовителей красок. Во времена Сун существовало 160 гильдий в Кайфыне и 414 в столице южной Сун Линьане.

Добыча железной руды и металлургия: использование угля

Возникшая огромная потребность в изделиях из металла – сельскохозяйственных инструментов, оружия, якорей, гвоздей, деталей для строительства судов, тяжелых поддонов для обработки соли и т.д. вызвала небывалый рост производства ковкого железа. Шахтеры и металлурги Северной Сун в 1049–1053 гг. в среднем производили 71241 тыс. *цинней* (приблизительно 35,6 тыс. т) железа при ежегодном росте производства более чем на 200 т в 1064–1067 гг. К 1078 г. по некоторым оценкам в год производилось уже от 75 до 150 тыс. т стали (*Hartwell*, 1962), но, возможно, эта цифра преувеличена.

Заметный технический прогресс наблюдался и в добыче других металлов, в частности золота, серебра, меди, свинца, олова.

Увеличение спроса на металл в эпоху Сун в свою очередь вызвало нехватку леса, что привело к использованию каменного угля, «черного камня», как его называл Марко Поло. После первоначального применения его в быту уголь стали использовать и в качестве топлива при плавнении железной руды. Остатки древней угольной шахты периода Сун в районе Хеби в современной провинции Хэнань представляют собой вертикальный ствол глубиной 46 м. Люди научились пользоваться углем и в повседневной жизни. Более миллиона дворов в округе Хэдунг (современная провинция Шаньси) и столичный город Кайфын со своими окрестностями использовали уголь, чтобы приготовить пищу.

Сталелитейное производство

Начиная с периода Пяти династий, широкое применение благодаря использованию глиняных форм получила техника отливки больших и объемных изделий из стали. В условиях отсутствия какой-либо механизации труда такая работа требовала большого искусства и четкой организации. Гигантская чугунная статуя льва эпохи Северной Чжоу (954–960 гг.) в г. Ганчжоу в провинции Хубэй и железная пагода династии Северная Сун в Даньяне в той же провинции – одни из самых больших стальных отливок в мире. Огромный железный колокол, установленный на Большой колокольне в Пекине, был отлит в 1420 г. во времена императора Чэнцзу (Чжу Ди) из династии Мин. Высота колокола 6,75 м, внешний диаметр 3,3 м, а толщина его стен

18,5 см. Весит он 46,5 т. На внешних и внутренних поверхностях колокола выгравированы более 270 тыс. иероглифов семнадцати буддийских сутр и тантр.

Фарфор

Технология производства фарфора развивалась довольно быстро. Танские мастера разработали знаменитый «трехцветный» глазурированный фарфор (обычно зеленого, желтого и белого цветов). Красота фарфоровых изделий более позднего периода состоит в их внешней хрупкости и нежной одноцветной или многоцветной окраске под слоем сверкающей глазури. Среди самых известных типов фарфора, демонстрирующих свойственное только им очарование глазури, можно назвать следующие: «зелень тысячи вершин» производства мастеров из Юэ и белый фарфор из Синя танских мастеров; «безоблачное небо после дождя» из Северной Чжоу (951–960 гг.); «тайный», или «запретный» цвет, по преданиям называвшийся так из-за того, что предзначался только для императоров Уэ (*Wuyue*) (907–960 гг. одного из десяти царств, находившихся в самом бурно развивавшемся районе Китая в дельте р. Янцзы); «стократно потрескавшиеся вены» мастеров Ге (*Ge*); «белый жадит» и «сладостный белый» мастеров Дин; «коричневый мотылек» и «нога цвета стали» мастеров Гуань (*Guan*); «мех черного зайца» и «пятна куропатки» мастеров Цзян; и особенно «яобян» (цветовые варианты глазури, получающиеся в результате различных видов обжига, когда образуется покрытие медного цвета с пятнами, полосками или брызгами других оттенков) мастеров Цунь (*Jun*) сунской династии; «голубое и белое» и «голубое и белое в красной глазури» мастеров Юаня; желтовато-зелено-белая и голубая с белым глазурь эпохи Мин.

Большую роль в развитии производства фарфора сыграло совершенствование конструкции обжиговых печей в эпоху династии Сун. Так, в Лункуане обжиговая печь имела форму, напоминавшую тело мифического китайского дракона, и построена вдоль подножья холма, повторяя его изгиб. Ее колоссальное внутреннее пространство было способно вместить более 170 рядов по 1300 изделий, а это означало, что за один раз в такой печи можно было обжигать сразу 20–25 тыс. изделий. Все это достигалось тщательным распределением нагрева всего внутреннего пространства печи путем ее изгиба в центральной части, который играл роль демпфера, снижавшего скорость пламени в печи (Институт истории естественных наук, *Ancient China's Technology and Science*, 1983, р. 198).

Судостроение и морская навигация

Достижения в судостроении были еще одним триумфом технологии периода династии Сун. На верфях вдоль морского побережья и по берегам рек строились самые разнообразные суда, в том числе способные вмещать от 200 до 600 человек. Государственные верфи строили военные корабли и суда для перевозки зерна, в то время как на гражданских верфях производились торговые и прогулочные суда. В 977 г., например, было построено в общей сложности 3337 кораблей и судов. В 1974 г. в районе Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь), который во времена Южной Сун был одним из крупнейших портов мира, откопали и достали с морского дна хорошо сохранившиеся остатки океанского грузового судна той эпохи. Судя по размерам корпуса (34,5 м длиной, 9,9 м шириной и 3,27 м высотой), его водоизмещение должно было составлять 374,4 т.

Судостроители Сун, по всей видимости, умели строить гигантские корабли самых разных типов. В трюм большого корабля (типа «дракон») укладывался балласт в виде 400 т железа для большей остойчивости. Суда с гребным

колесом, которые строили в сунский период, имели длину от 70 до 100 м (самый большой такой корабль имел длину 110,5 м и ширину 12,6 м) и вмещали 700–800 человек. Целый флот из таких кораблей был построен Гао Сюанем, военачальником в армии Ян Яо, командовавшим крестьянскими повстанческими силами на озере Дунтинху в провинции Хунань. Колесный корабль Ян Яо имел трехэтажную укрепленную палубную надстройку и команду, состоявшую из 1000 чел. Количество гребных колес на кораблях постепенно увеличивалось – от 4 на двух осях в ранних моделях до 8, а затем до 24 и 32 на соответствующем числе осей (Институт истории естественных наук, *Ancient China's Technology and Science*, 1983, р. 492).

В результате социально-экономического развития и технического прогресса в Китае при поздней династии Сун, династии Юань и ранней династии Мин были созданы мощные военно-морские силы. Во времена Сун флот находился под управлением специального государственного органа, который назывался *Янхай чжичжунши си* (Управление имперского комиссара по контролю и организации в прибрежных районах), учрежденного в 1132 г. Попытка чжурчженей высадиться в Китае в 1161 г. закончилась неудачей, после того как их флот был разгромлен сунским флотом под командованием Ли Бяо в районе о. Чэньцзя у берегов провинции Шаньдун. Это было первое в истории морское сражение с применением огнестрельного оружия. В 1237 г. флот Южной Сун был уже эффективным средством ведения боевых действий на море и насчитывал 52 тыс. чел. в 20 эскадрах. Вслед за династией Сун юаньский двор также начал осуществлять гигантскую программу судостроения. В строительстве флота правителям Юань помогли крупные судовладельцы, такие как Пу Шугэн (*Pu Shougeng*), уроженец Западной Азии, который предоставлял им свои услуги и корабли.

Как уже говорилось выше, в начале XV в. внучка императора Чэнцзу флотоводец Чжэн Хэ в период с 1405 по 1433 г. совершил семь больших морских экспедиций. В каждой из них участвовало от 100 до 200 судов.

Расширение торговли и введение бумажных денег

В социальной и экономической жизни эпохи Сун начали складываться торгово-денежные отношения, шел бурный рост больших и малых городов, неуклонно росло их население – явление, которое наблюдалось впервые в китайской истории. Особенно важным для развития торговли было резкое увеличение количества небольших рынков и ярмарок в сельской местности, которые со временем составили широкую рыночную сеть. Развитие ремесленного производства и существенное усовершенствование транспортной системы позволили значительно расширить зону распространения этой новой экономики периода Сун. Налоги рассчитывались и взимались в денежной форме. Огромные массы землевладельцев и крестьян, которые до этого были изолированы и вели натуральное хозяйство, оказались втянутыми в рыночную стихию и в разной степени оказались вовлеченными в торговые операции. Часто земля возделывалась с единственной целью вырастить урожай на продажу.

Оживленная торговля привела к значительному росту оборота серебра и появлению большого количества медных и железных денег. К концу эпохи Северной Сун запасы серебра в казне составляли в денежном выражении приблизительно 40 млн. таэлей (лянов). Ежегодный выпуск медных денег в начале XI в. достиг 1,83 млн. связок монет, а в 1080 г. – 5,06 млн. связок (*Shiba*, 1983, р. 92). Из-за хронической нехватки медных и железных денег богатые купцы вместо денег начали выдавать векселя или переводные чеки. Первые сделки с такими бумагами, получившими

название *фэйцзянь* («летающие деньги»), отмечены уже в 811 г. Во времена Сун это нововведение, приспособленное к потребностям бурно растущей торговли, стало применяться повсеместно. В начале правления императора Чжэньцзун (Чжао Хан) (998–1022 гг.) 16 крупных торговцев из г. Чэнду (современная провинция Сычуань) выпустили некое подобие банкнот, обеспеченных денежным эквивалентом, названных *цзяоцзы* (*jiaozzi*), в качестве средства оплаты сделки в кредит. В 1023 г. правительство Сун взяло в свои руки права на выпуск *цзяоцзы*, изъяв эти права у частных предпринимателей, и превратило ассигнации в обычное платежное средство. Таким образом мир впервые получил бумажные печатные деньги. Бумажные деньги были основным платежным средством в Южной Сун. В 1246 г. 17-й и 18-й выпуски *хуэйцзы* (ассигнаций) в юго-восточных районах Китая были уже эквивалентны 650 млн. связок монет, и в этом соотношении проявился очередной этап застарелой к тому времени инфляции.

Жизнь в городах

Основной отличительной чертой городской жизни эпохи Сун было процветание. Более пяти городов имели в то время численность населения свыше 0,5 млн. чел., включая Кайфын, Нанкин, Ичжоу и Чэнду. В Линьане (нынешний Ханчжоу), столице Южной Сун, постоянно проживало 2 млн. чел. в самом городе и еще столько же в пригородах. Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло приводит весьма яркое описание этого огромного города и его богатой, бьющей ключом жизни. Вокруг городов возникали жилые округа или районы с большей плотностью населения, как, например, *каоши* («сенной рынок») в южном пригороде Ичжоу (нынешний Ичан, провинция Хубэй).

Расширились городские службы, такие как пожарная, по уборке мусора и отходов и др. В городах было много мест развлечений, где ежедневно можно было посмотреть на акробатов, жонглеров, борцов, шпагоглотателей, укротителей змей, а также посетить кукольное или театральное представление, развлекательные шоу, послушать рассказчиков. В чайных, рюмочных, ресторанах и театрах выступали девушки, которые пели и играли на различных музыкальных инструментах. На картине XII в. Чжен Цзэдуна (*Zhang Zeduan*) «Праздник на берегу реки в Циньмине», выполненной в виде длинного полотна, скатывавшегося в свиток, очень подробно изображены сценки из городской жизни на набережной реки Бянь в Кайфыне, показаны представители всех социальных слоев и удачно передана атмосфера бьющей ключом жизни в преуспевающей столице Северной Сун (илл. 9, 241).

Перемены в обществе в переходный период

Как и в сфере экономики, время правления династий Тан и Сун стало поворотным в том, что касается изменения социального состава китайского правящего класса. Так, во времена династии Тан 98 крупнейших аристократических семей дали императорскому двору 369 первых министров, но уже в поздней Тан и в период Пяти династий, когда произошло ослабление центральной власти и бразды правления на местах оказались в руках военных, старые аристократические фамилии уже больше не могли поддерживать свой прежний социальный статус высшей элиты общества и сохранять былые господствующие позиции в правительстве. Во времена Сун на политическую авансцену вышла новая профессиональная бюрократическая элита, состоявшая в основном из представителей ученых-чиновников и поместного нетитулованного дворянства. Этот новый класс формировался уже не на принципах знатного происхождения и хорошей родословной,

а исходя из образования, деловых качеств, опыта работы в центральных или местных органах власти и наличия земельной собственности. Родственные семьи в каждом регионе обычно объединялись в клан для защиты своих общих интересов, но они уже были совершенно не похожи на старые аристократические фамилии.

В обществе, вставшем на коммерческие рельсы, в бурный водоворот экономической стихии оказались вовлеченными все четыре доселе строго разграниченные традиционные социальные группы китайского общества: *ши* (ученые-чиновники), *нун* (земледельцы), *гун* (ремесленники) и *шан* (торговцы). *Ши* не могли не измениться в этих обстоятельствах. Пропасть, до того времени разделявшая *ши*, служивших в органах власти и занимавших господствующие позиции в обществе, и *шан*, подвизавшихся на поприще торговли и коммерции, постепенно сужалась. Основной пункт разногласий между государственными чиновниками в эпоху Сун касался вопроса о том, как относиться к торговле (*Hymes & Schirokauer*, 1993, p. 47). Чиновники зачастую сами включались в торгово-коммерческую деятельность. А сунское правительство напрямую было вовлечено во внутреннюю и заморскую торговлю. Большая доля доходов правительства поступала от агентств, контролировавших государственную монополию на соль и чай. Даже члены императорского двора нередко имели долю в частных предприятиях.

При всей грандиозности этих перемен они тем не менее происходили в рамках национальных традиций, т.е. это были вполне понятные по традиционным меркам перемены. Благодаря этому небывалому росту коммерческой активности в стране и сопутствующим ему социальным переменам, династии Тан и Сун дали название очередному этапу в истории Китая: «переходный период династий Тан-Сун». И это справедливо, поскольку все основные характерные черты завершающего периода китайского средневековья начали проявляться именно в это переходное время.

НЕОКОНФУЦИАНСТВО

Историю традиционного китайского мышления можно разделить на три периода. Первый – классический – обычно называют периодом соперничества различных философских школ. Он начинается с Конфуция (551–479 гг. до н.э.) и продолжается до конца III в. до н.э., когда императорская династия Цинь (221–206 гг. до н.э.) создала первую единую империю на территории Китая и заложила прочные основы централизованного бюрократического режима на два последующих тысячелетия. В 140 г. до н.э. конфуцианство в слиянии с практикой легалистов было принято в Китае в качестве ортодоксальной государственной философии и этики. Однако начиная с III в. н.э. конфуцианство оказалось отодвинутым на второй план вышедшими на авансцену даосизмом и буддизмом, которые пользовались особым влиянием в сфере религии. В IX в., после нескольких столетий забвения древние идеалы Конфуция вновь привлекли к себе внимание интеллектуальной мысли в Китае. Затем, с XI по конец XIX в., наступает третий период – эпоха неоконфуцианства.

В середине эпохи Тан возросло влияние буддизма на метафизические и этические концепции конфуцианства. Монах Цзунми (*Zongmi*, 780–841 гг.) из школы буддизма *чан*, например, избрал предметом изучения и возвышения человеческую природу, чем вызвал оживленную дискуссию. Хань Юй (768–824 гг.), самый известный эссеист в китайской истории, философ и литератор, помня о своей ответственности последователя Конфуция и обращаясь к традиционным источникам философской мысли, в своих произведениях придавал особое значение человеческому уму (*синь*), природе (*син*) и человеческим чувствам или эмоциям (*цзин*). По аналогии с концепцией буддийской

школы *чан* о том, что истина передается из поколения в поколение от одного патриарха мысли к другому, Хань Юй проповедовал идею о том, что передача конфуцианского *дао* – великого истинного пути происходит по цепочке от древних мудрецов-правителей, начиная от Конфуция и Мэн-цзы (последователь Конфуция, сформулировавший тезис о незыблемости деления людей на правящих и управляемых. – *Прим. ред.*). Его коллега Ли Ао (ум. ок. 844 г.) в своем литературном творчестве пошел еще дальше по пути буддийских аналогий. Его метафизические концепции принципа (*ли*), природы (*син*) и др. совершенно очевидно проистекают из постулатов двух крупнейших в Китае буддийских школ *хуаян* (*Huayan*) и *тяньтай* (*Tiantai*). Движение интеллектуальной мысли, которое зародилось благодаря усилиям Хань Юй и Ли Ао в защиту конфуцианских идей и против засилья буддизма в эпоху средней Тан, привело к полномасштабному возрождению конфуцианства во времена династии Сун.

Это возвращение конфуцианской традиции началось около 1000 г., очень осторожно, с сочетания конфуцианства и буддизма, с привлечением также даосской терминологии, и лишь во времена Южной Сун этот процесс оформился окончательно, и в конечном итоге конфуцианство вновь стало в Китае основной, ортодоксальной философией, известной китайцам под названием «*лисюэ*» («постижение принципа *ли*» – нравственно-мироустроительного закона), или «*даосюэ*» («постижение великого истинного пути») или «*синсюэ*» («постижение человеческого разума»). В западной литературе это обновленное конфуцианство получило название «неоконфуцианство». Последователи возрожденного учения, по-новому описав процесс космогенеза, ввели понятие «нравственного принципа» (*ли*) как замену буддийскому принципу *небытия* (*ву*). И если и было что-то действительно «новое» в этой фазе конфуцианства, то это метафизические рассуждения именно об этих понятиях – *ли* (*принцип*), *син* (*природа* вместо Вселенной), *ци* (материальная сила) и др., которые в первоначальном, древнем конфуцианстве играли весьма незначительную роль. Не менее важной категорией, чем метафизические рассуждения, была для неоконфуцианства конечная цель бытия, которая не была ни буддийским *спасением*, ни даосским *бессмертием*, но достижением «*совершенства личности и гармонии в обществе*» или «*мудрости внутри и царственности снаружи*». Это достигалось работой ума и усвоением моральных ценностей в сочетании с обучением наукам, с тем чтобы стать идеальным человеком в конфуцианском смысле этого понятия.

Широкое признание *синсюэ* и *даосюэ* во времена династии Сун было также следствием ряда обстоятельств. Существенный сдвиг во внутренней политике, предпринятый правителями Сун в направлении развития гражданского общества с целью предотвращения попыток прихода к власти какой-либо из региональных военных группировок, расширение системы экзаменационного отбора кандидатов на государственную службу и вытекающая из этого широкая потребность в обновлении системы образования способствовали начиная с XI в. значительному распространению в китайском обществе идей конфуцианства. После бесплодных попыток добиться территориальной целостности Китая, сунские правители в конечном итоге смирились с подчиненным статусом своей империи по отношению к северным соседям и в то же время не были готовы к новым реформам, не говоря уже о войне за возвращение центральных равнинных районов, поэтому китайским философам не оставалось ничего другого, как отстаивать идею превосходства китайских культурных традиций. Многие убежденные приверженцы конфуцианства, впавшие в уныние в связи со сложившейся политической ситуацией, покинули государственную службу и посвятили себя науке и просвещению. Неоконфуцианство в конечном итоге превра-

тилось в четкую, цельную философскую систему, в которой слились воедино метафизика, этика, социальные воззрения, политические стремления и культ морального и интеллектуального самосовершенствования.

Одним из самых значительных первопроходцев неоконфуцианства считается философ эпохи Сун Чжоу Дуньши (1017–1073 гг.). Взяв за основу идею даосизма *Ицзинь* (1017–1073 гг.). Взяв за основу идею даосизма *Ицзинь* и переосмыслив ее, он составил «*Тайцзы ту*» – «*Великий предел*» (некий график мирового процесса), в котором выразил представление о строении Вселенной и по-новому описал процесс космогенеза, а также поднял вопрос о начале и конце мироздания, в том числе человека и его места во Вселенной. Он считал, что Вселенная является бесконечной, абсолютной реальностью, образовавшейся из Великой пустоты (*вуйцзы*). Беспредельное *вуйцзы* дало начало Великому пределу (*тайцзы*). Последний через движение и действие *дунь* (*dong*) порождает мужское начало *ян*. Это движение или действие, достигнув предела, уступает место неподвижности или покою *цзинь* и с их помощью создает женское начало *инь*. Из преобразования и соединения *ян* и *инь* возникают затем пять стихий (*вусинь*) – вода, огонь, дерево, металл и земля. Все существе образуется из взаимодействия *ян* и *инь* и состоит из этих пяти стихий. Чжоу Дуньши считал, что эти пять стихий имеют отношение к тому, что он называл *ци* и что отличает предметы один от другого. Космология Чжоу Дуньши получила развитие в работах Шао Юна (*Shao Yong*) (1011–1077 гг.), занимавшегося исследованием символов и чисел.

Авторами концепций *ли* и *ци*, положившими их в основу новой доктрины, были Чжан Цзай (*Zhang Zai*, 1020–1077 гг.) и братья Чэн (*Cheng*). Из двух концепций Чжан Цзай более полно исследовал *ци*, в то время как братья Чэн больше внимания уделили концепции *ли*. Чжан Цзай рассматривал *ли* не как отличающуюся от *ци* или стоящую выше нее, а как закон, в соответствии с которым действует *ци*. Братья Чэн – Чэн Хао (по прозвищу Миндао, 1032–1085 гг.) и Чэн И (прозванный Ичунь, 1033–1108 гг.) находились в тесных отношениях со своими современниками, последователями неоконфуцианства. Чжоу Дуньши был их учителем, Шао Юн был их другом, а Чжан Цзай приходился им дядей. Продолжая наследие Хань Юя, они развили аргументы против буддизма и даосизма. Они отвергли концепцию *ли* (принципа), как ее понимали буддисты из школ *тяньтай* и *хуаян*, и, в свою очередь, трактовали ее как прямую причину всех явлений, а *ци* как материю Вселенной.

Как правило, считается, что концептуальная «школа *ли*» времен династий Сун и Мин была основана братьями Чэн. Они оба считали, что обязательным условием существования любой вещи в природе является присущее только ей *ли* (принцип или первопричина) и что *ли* является неотъемлемой частью природы (*син*) самого человека и всех других существ. Однако существовали едва заметные различия в подходах братьев к идее *ли*, которые, хотя и были весьма незначительными, но привели, тем не менее, к возникновению внутри неоконфуцианства двух основных течений: «школы изучения принципа» и «школы изучения разума». Младший из братьев – Чэн И был убежден, что принцип (*ли*) лежит в основе всех явлений, и питал склонность к изучению физического мира, который он считал осязаемым. «Все существе можно постичь через этот основополагающий принцип» путем осмысления или изучения. Эта школа изучения *принципа* в последующем была развита в работах одного из основоположников неоконфуцианства Чжу Си (Чжу-цзы) (1130–1200 гг.) и получила название «Школа изучения принципа». Девизом этой школы было выражение «природа есть принцип» (*син = ли*). Для старшего брата – Чэн Хао принцип или божественный принцип есть не более чем сила, заложенная в каждом конкретном предмете, и как таковой не может существовать отдельно от этого предмета. В соответствии с этой точкой зрения, знание не приобретается извне, а существует внутри вещей. В результате разум и его

собственный внутренний опыт постепенно приобрели для Чэн Хао большее значение, чем предметы. В дальнейшем эту теорию развивал Ли Цзюань (*Lu Jiyuan*, 1139–1193 гг.), а еще позднее Ван Шурун (*Wang Shouren*) по прозвищу Янминь (*Yangming*, 1472–1529 гг., самый видный представитель интуитивной школы), и представители этого течения от изучения *ли* постепенно перешли к исследованию разума. Разум человека не есть следствие его природы, он является функцией принципа как такового; «разум есть принцип» (*син = ли*). «Все вещи внутри нас, таким образом, имеют заверщенный характер».

Братья Чэн никогда не обращались к теме *Великого предела*. Это выпало уже на долю Чжу Си веком позже. Он объединил воедино метафизику, этику, социально-политические идеалы, вопросы внутренней самодисциплины и самовоспитания человека и создал более цельную философскую систему. Чжу Си, унаследовавший учение Чэна И, принял во внимание точки зрения и других неоконфуцианцев северной империи Сун. Согласно Чжу Си Вселенная состоит из абстрактных принципов (*ли*) в динамическом сочетании с «веществом» (*ци*) – материальной причиной вещей, которая делает их конкретными и представляет собой движущую силу всех явлений. *Ли* неотделимо от *ци*.

Тем не менее *ли* относится ко всему, что не имеет внешних очертаний или предшествует физическим формам, в то время как *ци* имеет отношение ко всему, что заключено во внешние очертания или вытекает из физических форм. Сумма всех принципов есть Великий предел. Все предметы, в дополнение к свойственным только им конкретным признакам, отличающим их от других предметов, содержат в себе Великий предел. Другими словами, все предметы имеют один и тот же высший принцип. Великий предел является единым для всех предметов, но имеет бесчисленное количество конкретных проявлений, подобно тому, как «луна отражается в тысячах протоков» – «принцип один, но имеет множество проявлений».

Для Чжу Си важнее всего было *ли* с точки зрения этической и социальной природы человеческого сознания. Человек черпает свою внутреннюю природу из *ли*, а свою внешнюю физическую оболочку – из *ци*. Только природа остается постоянной. Основные моральные принципы, такие как благожелательность, справедливость, высокая нравственность, мудрость и честность, являются проявлениями *ли*, т.е. человеческая природа во всей своей полноте идентична Великому пределу. Люди отличаются один от другого в силу того, что различно их материальное содержание из-за различного сочетания в них *ли* и *ци*, а также из-за различной степени чистоты *ци* в различных индивидуумах.

Затем встал вопрос о том, как исследовать принцип. Для Чэна И и Чжу Си принципы содержатся в предметах и проникнуть в суть принципов всех материальных предметов и явлений можно через *геву* («исследовать предметы») и *чжичжи* («развить познание»). Сформулированная как «исследование принципов (*ли*) предметов» и «развитие познания *ли*», данная теория стала обязательным элементом интеллектуального и морального воспитания в образованной среде китайского общества.

Целью каждого человека является реализация потенциала его *ли*. Человек может достичь этой цели, посвятив себя «воспитанию собственной личности», например путем достижения подлинного понимания самого себя. Поскольку чувства человека возникают в его физической оболочке, они становятся «человеческим желанием» или, если они являются чрезмерными, – «эгоистическим желанием». А поскольку любой поступок, мотивированный эгоистическим желанием, является аморальным, то человек не должен нарушать божественные принципы и должен подавлять в себе человеческие желания. Обновление общества может быть достигнуто через последовательность хорошо продуманных шагов и ступеней личного и коллективного самосовершенствования. Большая часть богатого письменного насле-

дия Чжу, например его «Комментарии к четырем книгам» («Великая наука», «Доктрина среднего»; «Литературные сборники Конфуция и Мэн-цзы», а также «Размышления о повседневных вещах»), направлена на достижение этих целей в самом широком смысле слова.

Лу (*Лу*) и Ван (*Ванг*) ожесточенно оспаривали этот внешний подход. Лу в противовес позициям школы Чэна-Чжу не только подчеркивал центральное место человеческого разума в природе, но и утверждал, что разум есть не что иное, как принцип. По мнению Лу, исследование принципа означало исследование разума. Поскольку все люди обладают врожденной способностью делать добро, то они естественным образом обращают эту свою способность в действие. Ван еще дальше продвинул теорию Лу, сделав акцент на интуитивном начале в человеческом разуме в противовес интеллектуальному. Называя принцип (*ли*) «интуитивным знанием» (*лянчжи*), Ван считал «развитие интуитивного познания» (*чжи лянчжи*) главной целью процесса познания. Для Вана принцип и предметы составляют единое целое, познание и действие – одно и то же.

Совершенно очевидно, что принципы, которые исследовали неоконфуцианцы, не являются законами природы в эпистемологическом смысле. Как указывалось выше, *геву* («исследовать предметы») и *чжичжи* («развить познание») как неотъемлемые составные части неоконфуцианской программы самообучения имели своей целью всего лишь духовную подготовку и моральное развитие личности. Конфуцианство как философия, господствовавшая в Китае на протяжении более чем двух тысячелетий, скорее представляет собой некий моральный кодекс, а неоконфуцианство – дальнейшую метафизическую разработку доктрины человеческих взаимоотношений. Главным предметом этих философских течений было определение того, каким образом достичь гармонии в семейных отношениях, порядка в государстве и, наконец, мира и процветания в обществе.

Для неоконфуцианцев преданность, сыновнее почтение к родителям, доброта и честность представляли собой воплощение абстрактных принципов человеческой природы. Поэтому вполне естественно, что концепция человеческих взаимоотношений в интерпретации Чжу Си оказалась весьма привлекательной для авторитарических правителей Китая. Акцент в ней сделан на моральной ответственности личности перед другими, на полном подчинении и послушании детей родителям, младших старшим, жены мужу, простых людей знати и представителям власти, а последних своему правителю. С начала XIV в. неоконфуцианство получило статус единственной государственной идеологии. К концу XIV в., когда Китай оказался в руках монгольских завоевателей, работа Чжу Си «Комментарии к четырем книгам» была принята в качестве официальной государственной инструкции и учебника для сдачи экзамена на замещение государственных должностей. Правители Мин и Цзинь (чжурчжэни) многократно подтверждали свою приверженность конфуцианской идеологии Чжу и перенесли ее основные идеи в свои «священные эдикты», превратив ее, таким образом, в своего рода имперское конфуцианство.

Конфуцианские и неоконфуцианские идеи долгое время питали также ряд литераторов и ученых. В китайской истории личное самосовершенствование в неоконфуцианском духе всегда было идеалом для ученых-чиновников и помогало многим поколениям интеллектуалов выживать в обстановке острого противоборства с соперниками путем оттачивания своего ума на разработке моральных ценностей.

В последние годы некоторые исследователи утверждают, что наследие Конфуция, судя по всему, сыграло немалую роль в бурном развитии экономики ряда государств Восточной и Юго-Восточной Азии. Более того, некоторые из неоконфуцианских ценностей являются, по мнению многих, источником вдохновения для нынешнего поколения молодежи и помогают формировать личности «нового

типа», лучше приспособленные к требованиям современного и будущего мира (*de Bary*, 1988, p. 138).

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИЯ

Поклонение предкам

Имеющие древнюю историю религиозные верования в Китае могут быть охарактеризованы кратко как полное отсутствие единой общенациональной религии и, наоборот, как стихия поклонения местным божествам. Возможно, единственной коренной традицией, прослеживаемой на протяжении всей китайской истории и практикуемой на всех уровнях социальной лестницы, от императора до последнего нищего, был культ предков. Конфуцианцы подчеркивали, что почтение к родителям является этическим фундаментом гармонии в семье, социального мира в обществе и политической стабильности в государстве. В обществе строго соблюдались правила поминовения усопших родителей, регулярно совершались поминки жертвоприношения у мест захоронения предков. С ростом влияния буддизма во всех слоях китайского общества во времена правления династий Тан и Сун буддийское духовенство стало вовлекаться в эти ритуальные действия, которые иногда совершались в монастырях в память об умерших родственниках в надежде добиться перерождения их душ в раю. Детальные описания участия священников в таких церемониях содержатся в многочисленных свитках и манускриптах, обнаруженных в пещерном храме в Дуньхуане.

Предписанные ритуалы

В течение более чем двух тысячелетий имперской истории Китая исполнение ритуалов при рождении, женитьбе и смерти в соответствии с предписанными правилами было еще одной традиционной чертой повседневной жизни китайцев, которая объединяла выходцев из разных социальных слоев общества на протяжении всего этого периода. На высшем государственном уровне формализованные предписания и стереотипные процедуры для обычных ритуалов были разделены на пять категорий: жертвоприношения богам, Земле, почве, урожаю, предкам, а также по случаю земледельческих праздников (*цзи*); мероприятия по случаю смерти, траура, похорон и подношения через определенные промежутки времени (*сюн*); воинские ритуалы (*цзюнь*); соблюдение правил гостеприимства по случаю визита вассала и удостоивание его аудиенции (*бин*); свадьбы, клановые застолья, загородные выезды с трапезой и поиски различных добрых предзнаменований (*цзя*). Что касается государственных служащих и частных граждан, то и ритуалы их жизненного цикла – рождения, женитьбы, смерти и т.д. были регламентированы в соответствии с предписанными правилами.

Буддизм

Буддизм стал распространяться в Китае в IV в. н.э. Ко времени появления Северной и Южной династий (420–589 гг. н.э.) он уже был широко распространен с одним важным различием: последователи буддизма на севере уделяли больше внимания *дхьяне* (сосредоточенной медитации), в то время как буддисты-южане следовали *праджне* (мудрости). Тогда же в Китае начали на регулярной основе и в массовом порядке переводить на китайский язык буддийские тексты и толкования к ним. Благодаря совместным усилиям буддийских миссионеров не китайского происхождения и их китайских единоверцев, трудившихся на

протяжении десяти веков, созданный ими китайский вариант буддийских канонов получился значительно более полным, чем в любом другом языке, и в нем сохранились многие тексты, оригиналы которых на пали и санскрите были утрачены.

В период династий Суй и Тан влияние буддизма в Китае как ведущей силы в общественной, религиозной и интеллектуальной жизни общества достигло своего апогея. Одна за другой появлялись школы махаяны, пытавшиеся приспособить буддизм к образу мышления китайцев.

Сторонники учения о трех этапах проповедовали идеи универсальности природы Будды и доводили свое учение до абсолютной крайности, утверждая, что не существует различий между буддистами и не-буддистами. Это течение в буддизме танский двор подверг гонениям. Еще одна школа, тяньтайская, опиравшаяся на учение «*Сутры Лотоса*», вела хорошо скоординированную пропаганду своего учения силами нескольких буддийских общин и сформулировала систему теоретических взглядов, базировавшуюся на соединении учения *Бхутататхаты* («истинного сходства», известного в Китае под названием «единый абсолютный разум») и мира явлений в форме «нечистых вещей». Школа *Аватамсака* («Великолепие цветов»), каноническим текстом которой была «*Аватамсака сутра*», придерживалась доктрины *Дхармадхату* (мир Истины). Они развивали теорию об установлении всеобщей причинности явлений и проповедовали всеобщую гармонию между миром вещей и миром *принципа* – буддийский синтез феномена (постигаемое чувствами) и ноумена (умопостигаемое).

Известный китайский путешественник, буддийский монах Сюань-цзан (602–664 гг.) был одной из самых значительных фигур в истории буддизма в Китае. Он в течение 17 лет путешествовал по Средней и Центральной Азии и Индии и за это время покрыл расстояние в 25 тыс. км, оставив нам бесценное описание своего паломничества под названием «*Буддийские записки о Западной мире в период великой империи Тан*». Самый образованный буддийский монах своего времени, он посвятил остаток своей жизни переводу буддийских текстов на китайский язык. Вместе со своими учениками он перевел 1335 томов оригинальных буддийских рукописей. Эти переводы до сих пор считаются образцовыми по стилю и точности. Кроме того, он познакомил Китай с буддийским течением *Йогакара* (*Yogacara*) и основал здесь школу *Дхармалаксана* (*Dharmalakšana*), или «Школу мысленных образов» («Вейши»), целью которой было постижение самых тонких аспектов природы всех явлений, внутренних причин и движущих сил «*сокровищница сознания*» («*алайя-виджняна*»).

В VIII в. усилиями Цзинаньчжи (Ваджрабодхи), Букон (Амогхаваджра) и др. в Китай из Индии проникли тантрийские учения системы Ваджраяны и образовалась тантрийская община. Среди других школ, возникших в Китае во времена династии Тан, были «Школа трех трактатов» («Санлун»), школа «*Винайя*» («Дисциплинарная» или «Лю»), школа «*Абхидхарма-коса*» («Философский компендиум») и школа «*Саттия-сиддхи*» («Ченши»).

Большинство этих школ-учений были «однодневками». Из десятка основных китайских школ, которые появились в период династий Суй и Тан, всего лишь две – школа «Исконной земли» («*Цзинту*») и «Дхьяна» («Школа медитации», или «Чан») – продолжали действовать при последующих династиях в силу простоты своих обрядов, сутью которых было отождествление разума с подлинным Буддой. Школа «Исконной земли» проповедовала восхваление священного имени Амитабхи Будды, чтобы его последователи могли в будущей жизни возродиться на своей исконной земле. Но среди всех буддийских школ в Китае самой китайской по духу и самой влиятельной была школа Чан («Дхьяна»).

Южная ветвь школы Чан проповедовала интуитивный путь мгновенного озарения. Патриархи этой школы никогда не одобряли письменного изложения своего учения и

никогда не полагались на священные писания и метафизические словопрения. Они обычно обращались к своим последователям со словами: «Вашей единственной целью должен быть сам человеческий разум, взглядывайте в природу [человеческого разума] и стремитесь к слиянию с Буддой». Как считал высоко чтимый в Китае шестой патриарх Хонэн (*Huineng*) (638–713 гг.), человеческий разум изначально абсолютно чист. Единственный способ добраться до этого первоначального состояния разума, т.е. первоначального разума Будды, состоит в том, чтобы заниматься воспитанием в себе воли через отказ от самовоспитания, а также в том, чтобы освободить разум от всякого подчинения и не позволять себе увлекаться мыслью в процессе мышления. Считая наилучшим способом «передачи истины непосредственно от разума к разуму», они предпочитали простые, непосредственные и доходчивые методы ее постижения, такие как вопли, удары, загадочные фразы, нелепые жесты, остроумные метафоры в вульгарном стиле, чтобы стимулировать в адептах пробуждение буддийского начала. Соединяя сублимированное сознание с повседневным, некоторые из учителей школы Чан пришли к осознанию того факта, что «ничего особенного в буддизме нет», что «духовное взаимопонимание и божественное действие состоят в том, чтобы ходить по воду и колоть дрова».

В силу активного насаждения и повсеместного изучения, идеи буддийских школ в Китае имели значительное влияние на образованную часть населения. Это особенно относится к школе Чан, монашеское сообщество которой при династии Сун обладало неслыханными материальными благами и духовным влиянием при монаршем и великокняжеском покровительстве.

Обряды верующих в изображениях пещерных храмов Лунмыня и Дуньхуана

Императрица У Цзэтянь (684–705 гг.) была родом из очень набожной буддийской семьи. В поисках божественной благодати она с готовностью приняла на себя роль буддийской императрицы и повелела вырезать из камня большое количество статуй в пещерных храмах Лунмыня, в районе г. Лоян, включая огромную статую «Будда Вайрочана» высотой 15 м.

В 14 км к юго-востоку от Дуньхуана, города-оазиса на восточном окончании Великого шелкового пути, на западе современной провинции Гансу, находятся пещеры Могао, известные также как пещерный буддийский монастырь Цяньфодун («Тысяча пещер Будды»). Здесь в период с IV по XIV в. верующими были выдолблены в скалах более тысячи пещер-святилищ. Большинство из 480 сохранившихся пещер (60–70%) были созданы во времена династий Суй и Тан. Стены и потолки этих святилищ украшены скульптурой и росписями, иллюстрирующими сборник сказаний о перерождении Будды «Джатака» и буддийские сутры. Здесь представлены образцы иконографии и художественного мастерства в их развитии на протяжении свыше тысячи лет, и это место является богатейшим собранием предметов буддийского искусства в мире. Подсчитано, что росписи пещер Могао, если их соединить вместе, могут покрыть стену пятиметровой высоты длиной 25 км. Пещеры известны также своими расписными статуями высотой от 10 см до 33 м из искусственного мрамора, исполненными в реалистичной манере в изящных позах.

Тысячи манускриптов в виде свитков, огромное количество росписей, тканей и лент с вытканными на них изображениями Будды и портретами жертвователей были найдены замурованными еще в начале XI в. в пещере-святилище № 17. Благодаря сухому воздуху в пещере они сохранились в первозданном виде, пока их не обнаружили в 1899 или 1900 г. Время разметало эти бесценные реликвии по всему миру, и сегодня свитки манускриптов и картины

по отдельности хранятся в музеях Лондона, Парижа, Санкт-Петербурга, Нью-Дели и Пекина (илл. 85, 87, 235).

Даосизм

Даосизм пользовался статусом привилегированной религии при династии Тан, поскольку правящий дом вел свою родословную от обожествленного Лао-цзы. Эти претензии на родство с легендарным основателем даосизма служили для правящей династии средством укрепления своего престижа. На протяжении всего периода правления династии Тан даосизм материально был обеспечен, но его последователям приходилось соперничать с буддистами. Из трех крупнейших религиозных традиций – конфуцианства, буддизма и даосизма последний стал доминировать над первыми двумя начиная с 625 г.

Даосизм пользовался особым покровительством императорского дома в период правления Сюаньцзун (Ли Лундзи), императора династии Тан. Сюаньцзун сделал даосизм государственной доктриной. Он ввел отдельный экзамен (*даоцзю*) на знание даосского учения для кандидатов на поступление на государственную службу. Он лично отредактировал императорский комментарий к каноническому сочинению даосизма «*Дао дэ цзин*» и разослал его по всей империи. Кроме того, он предпринял попытку объединить все сохранившиеся оригинальные даосские тексты в единый канон, подобно тому как это сделали для себя буддисты.

В более поздние времена даосизм еще раз становился государственной религией в начале XI в. и даже пережил период расцвета при императоре Хуэйцзун (Чжао Цзи) (1101–1125 гг.) из династии Сун. Хуэйцзун также отредактировал подготовленный комментарий к «*Дао дэ цзин*» и к концу своего правления издал даосский канон. Еще несколько даосских общин возникло при династии Цинь (1115–1234 гг.) в северных провинциях. Одна из таких общин – движение аскетов «*Цюаньчжень*» («Полное совершенство») – постепенно развилось в полнокрвное даосское монашеское братство.

Манихейство

Манихейство появилось в Китае с иранцами, скорее всего с согдийскими миссионерами и торговцами в VI или VII в., и первое упоминание о нем в письменных источниках относится к 694 г. Именно в этом году *фу-до-дан* (епископ) из Персии прибыл к танскому двору и представил «*Сутру двух принципов*». Интерес императорского двора к манихейству проявился в период правления императрицы У Цзэтянь. В 731 г. высочайшим повелением манихейскому жрецу было приказано составить трактат об основных положениях манихейского учения – «*Компендиум учений Мани, Будды света*». Но уже через год эта религия была полностью запрещена в Китае.

Но манихейство вновь возродилось после 763 г. в двух столицах танской империи Чанъане и Лояне и в некоторых провинциальных городах Китая, после того как в 762 г. Бёгу Каган (*Bogu Qaghan*), властитель грозного Уйгурского царства в Центральной Азии, на которого опирался танский двор при подавлении восстания Ань Лушаня, избрал манихейство своей государственной религией. И по мере того как Уйгурский каганат богател на торговле при активной поддержке согдийских сторонников манихейства, уйгурские правители оказывались под все большим влиянием согдийцев в вопросах религии и государственной политики. Начиная с 840 г., когда Уйгурский каганат утратил свое политическое господство на монгольских плоскогорьях и переместился на запад, манихейство потеряло былые позиции и в самом Китае. В 843 г., с началом

широкомасштабного преследования различных религиозных течений в Китае, манихейство было строго запрещено.

Тем не менее манихейство сохранилось и при династиях Сун и Юань и даже позднее, выступив под другим названием – «*религия света*» (*минцзяо*), слившись с крестьянским движением. Оно стало еретическим тайным религиозным течением, особенно в прибрежных провинциях Фуцзянь и Чжэцзян. Некоторые манихейские сообщества здесь были поглощены мессианскими буддийскими сектами, разделявшими идеи прихода спасителя *Маймпрея* (будущего Будды). Явные свидетельства присутствия последователей манихейства на этих территориях прослеживаются по манихейскому храму, который ныне называется *Цаоань* (*Sao'an*). Он находится в 20 км к югу от Цюаньчжоу (современная провинция Фуцзянь) и упоминается в сунской литературе. Этот памятник можно считать единственным в мире сохранившимся манихейским монастырем.

Еще одним местом, представляющим интерес для современных исследователей манихейства, является Турфан и местность вокруг него в Синьцзяне (Восточный Туркестан). Среди большого разнообразия археологических находок здесь были открыты манихейские настенные росписи, а также рукописи на иранском (парфянском, среднеперсидском и согдийском) и тюркских языках, украшенные превосходными художественными миниатюрами. Предполагается, что манихейские общины существовали на территории Турфана (*Sundermann*, 1992, p. 64) вплоть до прихода монголов, но в других местах манихейские храмы уступили место буддийским уже с XI в., а кое-где – даже раньше (илл. 54).

Маздакизм

Маздакизм вместе с его вариациями в форме дуалистического персидского зороастризма проник в Китай с персидскими миссионерами и согдийскими торговцами раньше, чем другие религии Западной Азии. Некоторыми исследователями обнаружены следы маздакитского влияния на даосских авторов. Можно предположить по этим, пусть шатким свидетельствам, что это проникновение состоялось даже раньше.

Судя по всему, мало кто из китайцев обратился в эту веру, которую в китайской литературе называли *сянь*. В период династии Суй, а возможно и раньше, была введена система официальных жертвоприношений для иноземных последователей этой религии в Китае. При династии Тан в Чанъани и в провинциях властями назначались *сабао* (жрецы). В 621 г. в Чанъани был основан «Храм *сяньских варваров*». Это, возможно, был единственный известный ныне маздакитский храм в танском Китае. В 631 г. маздакитский жрец *Муху* был принят при императорском дворе. Небезынтересно, что во времена танской империи, как следует из найденных письменных источников, осевшие в Китае маздакитские секты согдийцев вели достаточно активную деятельность в Турфане и Дуньхуане.

Несторианство

Самое раннее датированное упоминание христианства в Китае относится к 635 г., когда в Китай из страны под названием Тацинь (*Taqin*) (относится в целом к римскому Востоку, или, более конкретно, к Сирии) прибыла несторианская миссия. Несторий умер ок. 439 г., но уже в 635 г. Алобэн (*Aloben*) (*раббани*, учитель) прибыл в Китай, и в 638 г. в Чанъане был открыт храм, получивший название *Поси ху си* (*Posi hu si*), которое впоследствии, в 745 г., было изменено на другое – *Дацинь си* (*Daqin si*). Во времена империи Тан последователи этой религии называли себя *цзин цзяо* («блестящая религия»). Самым известным ее памятником

является надпись на камне на двух языках (китайском и сирийском) под названием «Памятник распространению в Серединном царстве блестящего учения Дацинь». Создан он был в 781 г. и обнаружен в 1625 г. недалеко от места, где находился первый храм.

Некоторые христианские манускрипты («Псалтырь», «Новый Завет» и др.) на сирийском, согдийском и уйгурском (тюркском) языках археологи находили во многих местах в районе Турфана (*Sims-Williams*, 1992, pp. 43–44). Китайский вариант канона «*Gloria in Excelsis Deo*» (Великое Славословие: «Слава в вышних Богу и на земле мир...») был найден в пещерном храме в Дуньхуане («Коллекция Пеллио» № 3847 в Национальной библиотеке в Париже).

В период между 1000 и 1200 гг. христианство распространилось среди некитайских племен вдоль северных границ Китая, в то время как в самом Китае оно практически исчезло. Во времена монгольского господства тюркские племена онгутов (*Ongut*) исповедовали главным образом несторианское христианство. Они оставили после себя большое количество надмогильных памятников с надписями и крестами. Многие члены династии Чингисхана, например его внук Гююк (правил в 1246–1248 гг.), были воспитаны в христианской вере. Ко двору последнего стекались священники и ремесленники со всего света – из Сирии, Греции, Франции, с Кавказа. Соркактани (*Sorqaqtani*), мать великого хана Мункэ (правил в 1251–1259 гг.), и великий хан Хубилай (правил в 1260–1294 гг.) были несторианами. С монголами несторианство вновь попало в Китай и в последний раз пережило период расцвета. Самыми известными патриархами несторианства в столице династии Юань Ханбалыке (нынешний Пекин) были Мар Джабалаха III (1245–1317 гг.) и его более старший коллега Раббан Саума (1230?–1294 гг.), притом Мар Джабалаха происходил их онгутов. Цепь архиепископов и епархий теперь можно было встретить на всем протяжении от Самарканда до Ханбалыка. Несторианских храмов в Ханбалыке и еще один в Ганьчжоу (ныне Чжанье, в провинции Ганьсу) были посвящены матери хана Хубилая Соркактани. Достоверной несторианской реликвией периода династии Юань являются два расписанных резьбой камня в Храме креста Господня (*Шицзы си*) в горах под Фаньчэном, в 25 км к юго-востоку от Пекина.

Францисканские миссии

В 1245 г. папа Иннокентий IV отправил посольство Плато Карпини с визитом к монгольскому великому хану. Несколько лет спустя король Франции Луи IX одобрил решение фламандца, францисканского монаха Виллема Рубрука посетить двор великого хана. Около 1265 г. в столицу хана Хубилая прибыли Никколо и Маттео Поло, купцы из Венеции. Их приняли и довольно быстро отправили назад с посланиями к папе. В 1289 г. францисканский монах Иоанн из Монте-Корвино (1246 или 1247–1328 гг.) отбыл из Рима с назначением на должность архиепископа Ханбалыка. Он прибыл в Китай в 1294 г. и за годы пребывания там перевел Евангелие на монгольский язык, обратил тысячи людей в христианство, открыл два католических храма, один в 1298 (или 1299) г., а другой – в 1305–1306 гг. Вернувшись в 1266 г. в Венецию Никколо и Маттео Поло (отец и дядя Марко Поло) привезли от Хубилая письмо с просьбой направить к нему еще 100 католических священников, и в 1307 г. семеро францисканцев были отправлены в помощь епископу Иоанну. Один из этих священников, отец Перегрин в 1318 г. стал епископом г. Цюаньчжоу. Затем отец Одорик из Порденоне прибыл в Китай в 1323 г. (?), а еще один его соотечественник, францисканец Иоанн из Мариньоли – в 1342 г. Последний преподнес великому хану в подарок крупного коня европейской породы, который произвел на ханский двор огромное впечатление.

Придворным поэтам, в частности, было приказано сочинить хвалебные оды в честь коня. Перепись населения, проведенная в 1300 г. в Чжэньцзяне (в нынешней провинции Цзянсу), учитывала христиан наряду с другими иноземными гражданами, проживавшими в Китае. После падения династии Юань римская католическая церковь была изгнана из Китая, однако уже через два столетия она вновь вернулась сюда из Европы.

Евреи

Об истории еврейской общины в Китае известно очень мало. В Данданулике в районе г. Хотан, в бассейне р. Тарим археологами был найден плохо сохранившийся фрагмент иудейско-персидской рукописи (*Stein, Ancient Khotan. Vol I, pp. 306–309; 570–574; Vol. II, plate cxix*). Еще одну небольшую рукопись IX или X в., написанную на иврите, обнаружили в пещерном храме в Дуньхуане (*Journal Asiatique, 1913, pp. 139–175*). Евреев среди прочих иноземцев в Ханьфу (Гуанчжоу) в IX в. упоминает Абу-Заид. Затем в XIII в. Марко Поло сообщает о евреях, проживающих в Ханбалыке, а монахи-францисканцы – о проживающих в Ханбалыке и Цюаньчжоу. Синагога в Кайфыне была построена, по всей видимости, в 1163 г.

Ислам

Тесные отношения между китайцами и арабами (известными в китайских источниках как «даши», от персидского «гаджик») установились, скорее всего, со второй половины VII в. В 651 г. ко двору в Чанъане прибыло первое арабское посольство третьего халифа Османа. В последующие почти сто лет, с середины VIII по начало IX в., в Китай прибыло более 30 посольств из арабских стран. Сегодня невозможно точно определить, когда в Китае была построена первая мечеть. Имеется одно летописное свидетельство о том, что в 725 или 726 г. в Чанъане была построена мечеть после прибытия туда посольства во главе с Сулейманом и его 12 спутников.

Хорошо известно, что финансовое благополучие Арабского халифата Аббасидов зависело в значительной мере от торговли с Китаем и Индией. В течение всего периода правления династии Тан и в период Пяти династий арабские и персидские торговцы буквально наводнили все крупные китайские города. Они шли сюда пешком или прибывали морским путем. В IX в. морское путешествие из Персии, например, в Гуанчжоу занимало 130–140 дней. В китайских городах существовали целые кварталы для иностранцев, где обособленно проживали тысячи торговцев-мусульман. Одни торговали жемчугом, драгоценными камнями, шелком. Другие держали небольшие лавки, продавая виноградное вино и экзотические продукты. Из арабских источников – сочинений Абу Заида (*Abu Zayd*) и Масуди известно, что в ходе крестьянского восстания (приведшего к падению династии Тан) под предводительством Хуан Чао в 879 г. во время штурма Гуанчжоу восставшими было убито свыше 120 тыс. проживавших там арабов и персов.

В то же время китайские суда, отплывавшие из Гуанчжоу, который во времена династии Тан был главным торговым портом Китая, заходили даже в такие далекие порты, как Басра в Персидском заливе. Через мусульманский мир во многие страны Африки и Европы попадали китайский шелк, продукция ремесел, такие изобретения как бумага, магнитный компас, порох.

Но подлинное проникновение ислама в Китай произошло при династии Юань. Монгольские правители благоволили к этой чужестранной религии. Начиная с династии Юань, ислам широко распространяется в Китае. Юаньский двор назначил своим официальным торговым

представителем в провинциях Фуцзянь и Гуандун торговца Пу Шугэна. Известный путешественник Ибн Баттута (1304–1377 гг.) отмечал по прибытии в Китай из Танжера (Марокко) в 1347 г., что китайцы повсеместно относились с глубоким уважением к его мусульманскому образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Поэзия

Когда при династиях Суй и Тан произошло воссоединение Китая, сложилась целая плеяда выдающихся поэтов, которые, сменяя друг друга, в порыве вдохновения, вызванного приходом перемен, стали обличать декадентский и лживый характер искусства предыдущей эпохи. Поэзия (*ши*) вдруг обрела новую жизнь и достигла подлинной зрелости. Сегодня ни у кого не вызывает возражений утверждение, что времена династии Тан явились золотым веком китайской поэзии. Поэты той эпохи, сохранив прежние поэтические формы, сумели в то же время создать и новые (*цзиньши*, или «современное стихосложение»). Таким образом, в китайской поэзии стали различать «новый» и «старый» – (*гуши*) поэтические стили. Из вновь разработанных поэтических форм наибольшего внимания заслуживают нерифмованный стих (*цзюэцзю*) и рифмованный стих (*люши*). Нерифмованный стих представлял собой четверостишие, в котором было по 5 или 7 ударных слогов, а рифмованный – два четверостишия со строгими правилами рифмования двух средних строк. Строго говоря, две эти новые формы не были новыми в полном смысле слова, но теперь они подчинялись строгим правилам подбора высоких и низких тонов (*пиньцзе*) в соответствии с правилами тонального благозвучия (илл. 95, 96).

К середине VIII в. танская поэзия при поддержке имперского двора предстает в подлинном блеске. Наличие поэтического дара было непременным качеством, которым должен был обладать каждый, кто стремился получить признание в высшем свете или успешно сдать экзамены для продвижения по службе. Список имен даже выдающихся поэтов того времени слишком велик, чтобы привести его здесь полностью. Самыми великими из них по всеобщему признанию были Ли Бо (701–762 гг.) и Ду Фу (712–770 гг.). Они были современниками и друзьями, хотя и разными по темпераменту.

Ли Бо, который с детства был одержим идеями рыцарства (*ся*) и известен своим пристрастием к вину и любовью к даосским легендам о бессмертии, называл себя «бессмертным, изгнанным из Рая». Нарочито нарушая официальные правила стихосложения, он поражал современников удивительной многогранностью своего таланта и буйной романтической фантазией. Его творчество широко известно также в Японии и Корее.

Ду Фу был более серьезным и вдумчивым поэтом. Как человек, хорошо знавший жизнь и общество, он использовал свой поэтический дар для обличения вопиющей социальной несправедливости. В народе больше всего любили те его стихи, в которых он подробно описывал тяготы, нищету и страдания, выпавшие на долю незащитных простых людей из-за безжалостных правителей. Учитывая, что большинство его стихов было написано в беспокойное время (когда династия Тан шла к своему закату) и во всех мелочах отражало сложности того периода истории страны, его творчество называли «историей в стихах» (*ши-шу*), а его самого единодушно признавали «мудрейшим из поэтов» (*ши-шен*).

Начиная с IX в. стало формироваться сатирическое направление в поэзии (*синьюэфу* – «новые музыкальные баллады»), критиковавшее злоупотребления в высших эшелонах власти. Самым выдающимся мастером этого жанра был Бо Цзюйи (772–846 гг.). Являясь одним из самых авторитетных поэтов после Ду Фу, он написал около

60 сатирических произведений, включая «Старик со сло- манной рукой», «Старик-продавец угля», «Жена торговца солью». Бо Цзюй-и также известен своими длинными по- вествовательными балладами, в частности, «Песней о бес- конечной тоске» и «Лютней». В отличие от Ду Фу, который писал возвышенным стилем, Бо Цзюй-и использовал в сво- их произведениях народные словечки и, вообще, понят- ный простым людям язык. Говорили, что перед тем, как за- кончить произведение, он читал его вслух неграмотной старой женщине, заменяя слова до тех пор, пока оно не стало для нее полностью понятным.

Второй по значимости поэт IX в. Хань Юй (768–824 гг.), более известный как эссеист и руководитель движения *гу- вэн*, или «классической прозы», являлся сторонником ясно- сти языка и стремился привнести больше свежести в поэзию.

В период поздней империи Тан произошло возвраще- ние в поэзию тяжелого языка аллюзий. Только в XI в., во времена средней империи Сун, китайская поэзия вновь обрела былую творческую и жизненную силу. Следуя при- меру своих предшественников периода империи Тан, пи- сатели династии Сун создали свой собственный простой, но в то же время элегантный, утонченный поэтический стиль. Среди большого числа выдающихся поэтов этого периода самым известным был Су Ши (по прозвищу Дун- по, 1037–1101 гг.). Этот государственный деятель, гениаль- ный мастер изящного стиля, мастерски владевший всеми литературными жанрами, художник и каллиграф, достиг непревзойденной высоты экспрессии и в поэзии, и в про- зе. Его эссе и поэмы легки и стремительны, как «летающие по небу облака и бегущие по горам стремнины», «без вся- ких видимых следов прикосновения к ним пера автора». Еще один взлет поэтического творчества периода династии Сун наблюдается уже в конце самой династии в рабо- тах Лу Ю (1125–1210 гг.).

До нас дошли около 50 тыс. стихотворных произведе- ний периода династии Тан. «Антология династии Тан», со- ставленная лишь в XVIII в., содержит 48,9 тыс. произведе- ний не менее чем 2300 авторов.

Возникновение и развитие жанра «цы»

К концу династии Тан в моду все более определенно и широко стал входить новый поэтический жанр, известный под названием *цы*. Этому виду лирических стихов «песен- ного типа» были присущи чередование строк различной длины, жестко предписанные тональные модели и музы- кальное сопровождение. Первые стихи в стиле *цы* появи- лись, должно быть, еще в средней империи Тан, о чем, сре- ди прочего, свидетельствуют многочисленные работы ано- нимных авторов, найденные в знаменитой кладовой манускриптов, открытой археологами в пещерном храме Дуньхуана на северо-западе Китая в начале XX в.

Найденные тексты в целом подтверждают гипотезу о том, что жанр *цы* берет начало в народном песенном твор- честве певчих девушек и музыкантов. Позднее, благодаря усилиям профессиональных музыкантов, *цы* развился как полноценный самостоятельный жанр. Начиная со времен поздней империи Тан и Пяти династий и вплоть до начала Северной Сун, эти стихи писались в стиле *сяоинь* или «ко- ротких куплетов». К началу правления сунского импера- ра Жэньцзуна (Чжао Чжэня, 1023–1064 гг.) в моду вошла более длинная строка (*манцы*) и «медленный лирический стих». Со временем тематика *цы* расширилась и стала вклю- чать многие темы, которые до этого были присущи лишь классическим формам поэзии, в частности, *ши*. Затем му- зыкантами-профессионалами, такими как Чжоу Вэньян (ок. 1056–1121 гг.) и Цзиан Куэй (ок. 1155–ок. 1221 гг.), были созданы более строгие размеры стиха *цы*, и он обрел более сложную ритмическую и рифмовую форму и в таком виде существовал параллельно с *ши* вплоть до наших дней.

Из всех поэтов периода Пяти династий, сочинявших *цы*, возможно, самым замечательным был Ли Юй (937–978 гг.) или Ли Хочжу, последний правитель небольшого царства Южное Тан (937–975 гг.). Родившийся и живший в уедине- нии своего дворца и воспитанный придворными служан- ками, Ли Юй до конца своих дней был поэтом поистине неземного девственного чувства. Плененный в ходе наступ- ления сунских войск и содержавшийся под стражей в сто- лице империи Сун, он писал стихи, исполненные смешан- ных чувств отчаяния и унижения, вспоминая об ушедших счастливых днях и давая волю своим горестным чувствам:

Одиноким, вечерами стою на стене.

Вижу реки и горы во мгле.

Как легко расставание с ними,

и как трудно вернуться туда.

Пролетают года,

опадает цветы, убегают вода.

Жил на небе – живу на земле.

(Перевод В. Тихомирова; Библиотека всемирной лите- ратуры, т. 16, с. 333)

На западной башне стою,

вижу закатные дали,

Месяца медный крюк,

Осень таится в глубоком саду –

платаны стоят вокруг.

Грустные мысли – не пряжа,

их оборвешь едва ли.

Хочешь распутать –

только запутаешь вдруг.

Время долгих разлук

В сердце оставило

тонкий привкус печали.

(Перевод В. Тихомирова; Там же)

Его *цы* – не просто отражение душевных пережива- ний поэта, они – воплощение общечеловеческой скор- би. «Подобно Шахья-Муни и Иисусу Христу, Ли Юй, воз- можно, несет бремя всего человечества», – заметил вы- дающийся исследователь Ван Куо-вэй (*Wang Kuo-wei*, 1877–1927 гг.).

Период династии Сун считается временем наивыс- шего расцвета данного поэтического жанра. Многие поэты того времени обрели известность благодаря сво- им *цы*. В 1940 г. впервые был издан, а в 1964 г. переиздан монументальный сборник *цы* (полное собрание стихов *цы* эпохи Сун), в котором содержатся около 20 тыс. про- изведений 1330 авторов *цы*. А в целом в литературных источниках времен империи Сун упоминаются имена по крайней мере, 3812 авторов *цы*. Вышеупомянутый уче- ный чиновник Су Ши сыграл важную роль в разработке более серьезного, эпического направления жанра *цы*.

Подобно Су Ши, Синь Цици (1140–1207 гг.) писал *цы* в широкой, свободной манере, живым языком. Он роди- лся в Северном Китае и еще молодым человеком воевал про- тив чжурчженей. Уже позднее, находясь на юге, он не раз обращался к теме возвращения утраченных территорий в центре страны. Его *цы* полностью отражают патриотиче- ские настроения поэта и его обеспокоенность судьбами расколотой страны.

Лу Юй был хорошо известен как поэт уж возрасте 17 лет. Его поэтический дар был весьма многогранным. Всего он написал более 9 тыс. *ши* и *цы*, в которых отражал и повседневную жизнь, и свои собственные чувства и на- строения. Отличительной чертой его творчества является тоска по утраченной родине, которая проходит через все его произведения, и он прославился именно своим горя- чим патриотизмом. В своей последней поэме «Моему сыну» он сожалеет о том, что не видит свою страну единой, мечтает о том дне, когда императорская армия освободит

центральные равнины, и дает сыну наказ после своей смерти не забыть дать ему знать в мир иной о воссоединении страны, когда это произойдет.

Ли Цинчжао (1081–1145 гг.), чрезвычайно эрудированная женщина-поэт, пользовалась необыкновенной популярностью за свои великолепные цы. Счастливое замужество послужило толчком к подлинному расцвету ее творчества. Затем ее родные края были захвачены чжурчжэнями, и муж погиб во время их совместного бегства на юг. После этого ее стихи наполнились горечью одиночества и тоской по родине.

Близким по духу к цы был другой стихотворный жанр — *цзю*, или *санцзю*. Стихи этого жанра впоследствии стали перекладывать на северные песенные мотивы. Цзю составлял значительный элемент юаньской драмы.

Классическая проза (*гувэн*) периодов Тан и Сун

Проза великих мастеров литературы времен династии Хань была простой и естественной. После эпохи Хань эта простота уступила место нарочитой эlegantности. Многие писатели питали страсть к цветистым аллегориям и частым обращениям к историческим параллелям. Это всеобщее стремление к пышному стилю неуклонно набирало силу и достигло своего наивысшего выражения в период Пяти династий в так называемой параллельной прозе (*пянь-вэнь*). Большинство приверженцев этого течения с упоением занимались оттачиванием стиля, построением коротких фраз из четырех–шести иероглифов и тщательным подбором слов с двойным значением (*пяньти*).

В период ранней династии Тан в вопросах стиля авторы продолжали ориентироваться на образцы «параллельной прозы» предшествующего периода, особенно в материалах, предназначенных для императорского двора, и в официальной переписке. Однако росла и неудовлетворенность искусственным характером этого стиля, и со временем неприятие его многими авторами вылилось в создание так называемого движения классической прозы (*гувэнь*), которое возглавили Хань Юй и Лю Цзунюань (773–819 гг.). Как и следует из названия этого движения, его целью было реформирование литературного стиля путем радикального отхода от «параллельной прозы» и возврата к простому и ясному стилю периода династии Хань. За этим стояло также стремление возродить высокие моральные принципы конфуцианства и возвысить роль конфуцианства в обществе в противовес буддизму и даосизму. Одно из самых известных эссе Хань Юя озаглавлено «Юань Дао» или «О происхождении Дао (Пути, Истины)», в котором он под воздействием и в русле идей буддийского течения *чан* выдвинул теорию об ортодоксальном характере учения *дао*, ниспосланном свыше через целую плеяду мудрых правителей древности времен Конфуция и Мэн-цзы. Хань Юй, конечно, не был философом-мыслителем, он был известен как блестящий эссеист, но вместе с еще одним человеком, Ли Ао, его современником, он сыграл выдающуюся роль в формулировании философских постулатов *дао*, имевших в дальнейшем большой резонанс в китайском обществе. В частности, неоконфуцианская школа времен династий Сун и Минь получила свое название от этой теории. Хань Юй страстно отстаивал также идею об особой роли литературы в пропаганде учения *дао*. В обоих случаях он стремился не только к возвращению литературы в старое классическое русло, но и к тому, чтобы наполнить ее идейным содержанием.

С уходом Хань Юя и Лю Цзунюаня некоторые их последователи стали писать в жанре «заумной» прозы, которая не имела большого успеха. В результате этого в прозе и в поэзии завершающего периода империи Тан вновь возобладал параллельный стиль (*пяньти*). В период ранней Сун прозаические произведения в стиле *пяньти*, называемые

мые *шивэнь* («современный стиль»), и поэтические произведения, называемые *сикун*, стали особенно распространены благодаря новаторству Яна И (974–1020 гг.), Лю Юна и других авторов, в силу того, что только стихи и проза, написанные в этом стиле, гарантировали славу и имя. И лишь в XI в., с приходом в литературу Оуяна Сю, длительное время боровшегося за возвращение классической прозы *гувэнь*, удалось решить эту задачу. Оуян Сю писал в этом стиле все мыслимые виды текстов, от памятных записок, писем и предисловий к книгам до эпитафий и надгробных речей. Всё написанное им было столь непревзойденно ярко и свежо, что многие ученые-чиновники вокруг Оуяна Сю, в частности, реформаторы Фэн Чжонъян, Ван Аньши, а также некоторые противники Вана, например, Су Ши, подражали его стилю. Ко времени его смерти стиль *гувэнь* прочно утвердился в качестве наиболее признанного стиля литературной прозы и с этого момента стал образцом китайской прозы, каковым оставался вплоть до переворота в литературе Китая 1919 г., после чего *гувэнь* стал постепенно уступать место бытовому китайскому языку.

Во времена династии Мин Мао Кун (1512–1601 гг.) собрал прозаические произведения танских писателей Хань Юя и Лю Цзунюаня, а также работы писателей времени династии Сун Оуяна Сю и его учеников: Су Ши, его брата Су Чжэ, Ван Аньши, Цзэн Кона, Су Сюна (отца Су Ши) в хрестоматийное издание под названием «Шедевры восьми мастеров прозы династий Тан и Сун». И с тех пор почетное звание «мастер» всегда сопровождает эти имена.

Жанр короткого рассказа (*чуанцы*) периода династии Тан

В период династии Тан короткий рассказ, или *чуанцы* из жанра небольшого анекдота, каковым он был в предшествующие времена, превратился в полноценную новеллу. В самом начале правления династии Тан Чжан Чжуо (660? – 740? гг.) написал свой знаменитый рассказ «Посещение волшебной пещеры», за приобретение которого «посланники из Японии и государства Силла были готовы платить золотом» (*Jui Tang shu*, Ch. 149, p. 4024). Он повествует о том, как во время путешествия по делам службы автор провел ночь в волнительном напряжении в компании двух девушек. Этот жанр был особенно популярен с середины VIII по начало IX в. Такие короткие рассказы танской эпохи дают нам сегодня весьма живое, иногда даже натуралистичное представление о повседневной жизни той поры или о каких-то конкретных чертах того общества. Весьма показательным в этом смысле является рассказ под названием «Вечный укор совести», написанный Чэн Хоном (*Chen Hong*), ученым, современником Бо Цзюйи (*Bai Juyi*), автора большой баллады в прозе на ту же тему и под тем же названием. И рассказ Чэня, и эта баллада дают нам яркое представление о степени падения нравов и порочном образе жизни танской правящей элиты, погрязшей в разврате и развлечениях, тратившей на это целые состояния, но в то же время авторы с огромной симпатией повествуют о преданной, всепобеждающей любви. Еще в одном произведении, «Рассказе о подушке» герою Лу снится, что удачно начав карьеру, он попадает в тюрьму по обвинению в клевете, которую он возвел на другого человека в погоне за властью и деньгами. Проснувшись, Лу в состоянии острого раскаяния решает покинуть службу. В произведениях «Дочь принца Хуо» и «История Ин-ин» повествуется об историях трагической любви нескольких женщин. Героини несут свой тяжкий крест только потому, что ошиблись в выборе возлюбленных. В рассказе «Старик из восточного города» рассказывается об ужасах войны.

Большинство авторов *чуанцы* писали в увлекательной манере. Ими написано много произведений, в которых всего лишь несколькими штрихами нарисованы яркие картины социальной жизни.

Подъем народной литературы

Толкования буддийских сутр сыграли очень важную роль в расширении тематики и социальной базы народного стиля китайской литературы. Некоторые самобытные литературные формы периода династии Тан, в частности, относящиеся к устному творчеству, как представляется, произошли от существовавшей традиции разъяснять буддийские тексты на доступном для простых людей разговорном языке. В большинстве буддийских храмов монахи проводили разъяснительные беседы о буддизме на разговорном языке для малообразованных или вовсе безграмотных прихожан. В коллекции манускриптов пещерного храма в Дуньхуане было найдено целое собрание текстов *чандао* (напевы сутр для начинающих) и *суцзян* (лекций на популярном уровне). Очевидно, что первоначально эти примитивные лекции по буддизму и песнопения существовали в устном варианте, и лишь потом были записаны. Они стали основой для возникновения таких видов словесного фольклора, как *бяньвен* (популярных устных рассказов), особого народного литературного жанра в буддийских традициях, повсеместно распространенного в период поздней династии Тан и Пяти династий. Письменные рассказы (*хуабэнь*) времен сунской династии имели много общего с *бяньвен*. Многие другие виды фольклорной литературы, такие как театральные баллады в форме *чжугондяо* (*zhugondiao*), лирические напевы северных провинций, известные под названием *цзю*, или *санцзю*, как полагают, появились подобным же образом. Кроме того, во времена династии Тан многие крупные буддийские храмы представляли свои внутренние дворники для массовых увлечений по случаю праздников или торжественных церемоний, на которых обычно присутствовали представители самых различных социальных групп, включая членов императорской семьи.

Развитие торговли при династии Сун дало значительный импульс развитию городской народной культуры, в том числе жанру устного рассказа и театральным представлениям. Таким образом, период династии Сун оказался важнейшим этапом формирования всех видов народного литературного и художественного творчества в китайской истории.

Драматическое искусство времен династии Юань

С конца династии Южная Сун до конца династии Юань самые впечатляющие успехи в литературе были достигнуты в жанре театральной драмы – *цзацзю*. Период династии Юань был временем высочайшего расцвета драматического искусства. В исторических анналах числятся имена более чем 200 драматургов, написавших около 700 пьес, из которых до нас дошли 150.

Драматическое произведение времен династии Юань предназначалась главным образом для вокального и актерского исполнения. Уже упоминавшиеся санцзю, лирические стихи и арии, положенные на мелодии, которые до этого были любимы широкими массами городских жителей Южной Сун, теперь становились частью вокальных партий театральных постановок в юаньском театре. Санцзю, которые исполнялись как оперные арии, постепенно трансформировались в *цзацзю*, прославленную юаньскую драму. Большая часть этих постановок имела хорошую режиссуру. Пьесы обычно состояли из четырех действий, иногда – со вступлением. Здесь были и диалоги, и пантомима, и танцы, а также различные постановочные элементы, заимствованные из балаганной акробатики.

Самыми известными драматургами юаньского периода были Гуань Ханьцин, Ван Шифу (*Wang Shifu*), Бо Пу (*Bai Pu*) и Ма Чжюань, из которых первые двое были самыми плодовитыми и выдающимися.

Гуань Ханьцин (ок. 1210–1300 гг.) уроженец юаньской столицы Ханбалыка, в молодости служил чиновником в имперской медицинской академии. За свою жизнь он написал 60 пьес на самые различные темы. Он имел богатый жизненный опыт и был не понаслышке знаком с повседневной жизнью простого человека с улицы. Самой известной его работой является пьеса «Снегопад посреди лета», написанная на тему судебной несправедливости. Его героиня – невинно осужденная на смертную казнь смелая женщина с сильным характером. Перед смертью она бросает полный горечи упрек, адресованный Земле и Небесам: «Увы, Земля, ты не можешь различить добро от зла, как же ты можешь быть Землей? Увы, Небеса, вы не смогли обеспечить справедливость, вы – пустые Небеса!» И все же она твердо верит, что они докажут ее невиновность, посылая людям снегопад посреди жаркого лета.

Ван Шифу творил в конце XIII – начале XIV в. Он больше всего известен как автор шедевра под названием «Западная комната». Главная тема этого произведения – любовь молодого ученого и девушки из богатой семьи.

Роман ранней династии Мин

Романы периода ранней династии Мин ведут свое начало от народных преданий времен династий Сун и Юань. Наиболее значимыми из них являются «Берег», «Болотные разбойники» (в переводе известный также под названием «Все люди – братья») и «Романтическая история трех царств». В романе «Берег» описываются героические подвиги и благородные подвиги группы восставших крестьян, рыбаков, армейских командиров, мелких чиновников и некоторых землевладельцев. Навесный устными преданиями периода династии Сун под общим названием «Сказки времен Сюаньхэ», сюжет этого романа, судя по всему, был позднее переписан известным писателем Ши Найяном (*Shi Nai'an*) (1296–1370 гг.), а затем многократно перерабатывался более поздними авторами. Сочинение «Романтическая история трех царств» приписывается Луо Гуаньчжуну (*Luo Guanzhong*), который предположительно жил и работал во второй половине XIV в. В нем описана вымышленная история поздней Хань и последовавшее за этим смутное время – период Трех царств (220–280 гг.) – политическая и вооруженная борьба различных группировок. Эти романы оказали колоссальное влияние на всю последующую литературу и на общественную жизнь Китая, и сегодня они известны почти в каждом китайском доме.

ЖИВОПИСЬ

Китайская школа живописи достигла особого расцвета при династии Тан. В VII и VIII вв. многих знаменитых мастеров портретной живописи, таких как Янь Либэн (*Yan Liben*), У Даоцзы (*Wu Daozi*), Чжан Сюань (*Zhang Xuan*) и Чжоу Фан (*Zhou Fang*), приглашали ко двору и оказывали им высочайшее покровительство. Их стиль и манера исполнения портретов правителей той поры, важных чиновников, иностранных послов и знатных дам получали благосклонную оценку императоров и пользовались большой популярностью в высоких кругах. Ян Либэн, например, писал свои портреты исключительно с помощью прямых линий, которые, по оценкам современников, смотрелись как жесткая стальная проволока. Мастерское владение искусством светотени позволяло художникам достигать эффекта объемности изображаемых фигур. У Даоцзы, самый знаменитый из придворных художников эпохи Тан, известный также как «рисующий святой», писал портреты как духовных лиц, так и людей светских в более мягкой, пластичной манере. Под его кистью женский платок или лента выглядели так выразительно элегантно, что

казалось, будто они колышутся на ветру. Работы Чжан Сюаня «Девушки с шелком» и Чжоу Фана «Настройка лютни за чаепитием» показывали дворцовую жизнь в утонченном, изысканном исполнении.

По мере того, как в VII и VIII вв. буддизм становился в Китае самой массовой религией, ведущие художники все больше обращались к теме иконографического прославления многочисленных буддийских божеств. У Даоцзы, в частности, исполнил не менее 300 талантливейших фресок на стенах ведущих храмов двух столиц – Чанъяня и Лояна. Огромные настенные панно в его исполнении, а также кисти других авторов, всевозможные статуи из искусственного мрамора, расшитые многоцветные, объемные шелковые панно и картины, украшавшие храмы, помогли верующим более наглядно представлять себе образы всемирнолюбившего Будды и бадхисатв, а также все многоцветие буддийского рая.

Период династии Тан стал также временем развития пейзажной живописи. Ли Сысюнь (651–716 гг.) и его сын Ли Чжоудао создали так называемый золотой зелено-голубой пейзаж (*цинбишаньцзи*) – основоположник «графического пейзажа», особого стиля изображения мельчайших деталей природы, отвечавшего распространенным при дворе вкусам и ставшего официальным. В середине VIII в. известный поэт, ученый и живописец того времени Ван Вэй создал новый тип пейзажного рисунка чернилами, исполняемого в свободной манере кистью и импонирующего своими эстетическими и художественными достоинствами образованной части общества. Для литературно образованных представителей интеллектуальной элиты творческая фантазия автора и непринужденная манера исполнения имели гораздо большее значение, чем высокая техника, которая считалась в этих кругах прерогативой лишь придворных художников. Развитие этой тенденции привело к дальнейшему изменению вкусов образованной части населения от придворного стиля пейзажной живописи и выразилось в появлении новой техники распыления (Чжан Цзао) или разбрызгивания и разливания чернил по шелковому полотну (Ван Мо, называемый также Ван Ця), а также исполнения рисунка в неестественной или вычурной манере (буддийский монах Гуан Сю).

В период Пяти династий (907–960 гг.) и Десяти царств (907–980 гг.) в Северном Китае существовало пять признанных мастеров пейзажа: Цин Хао (*Qin Hao*), Ли Чен (*Li Cheng*), Гуан Тон (*Guan Tong*) и Фан Куан (*Fan Kuan*). Менее аскетичный южный стиль пейзажа был представлен Дунь Юанем (*Dong Yuan*) и его последователем Цзу Раном (*Ju Ran*). Строгий стиль северных мастеров и более непринужденная манера южных художников сформировали два четко обособленных направления китайской пейзажной живописи, сохранившихся вплоть до Нового времени (илл. 251).

Портретная живопись указанного периода была представлена Ку Хончжоном (*Ku Hongzhong*) и Чжоу Вэнцзю (*Zhou Wenju*). Замечательная работа Ку Хончжона «Ночные развлечения Хан Сицзао» показывает развратный образ жизни министра – главного персонажа. Чжоу Вэнцзю был известен своими портретами придворных дам, изображениями играющих фрейлин и музыкальных развлечений. Его картина «Женщины, купающие детей» является иллюстрацией к внутренней жизни императорского двора.

В период Пяти династий вошли в моду и стали самостоятельным направлением изобразительного искусства рисунки цветов и птиц. Хуан Цюань (*Huang Quan*) разработал технику под названием *могу хуа*, что означает «размытый рисунок без наброска», которой пользовались в основном профессиональные художники. Образованная интеллигенция восхищалась легкими зарисовками в этой манере художника Сю Си (*Xu Xi*). Во времена ранней Сун в этой технике работал его преемник Куй Бо (*Cui Bo*).

Пейзажная живопись времен династии Сун представлена группой ученых-художников, в которую входили Су

Ши, Ми Фу и его сын Ми Йоурен (*Mi Youren*), Вэн Тон (*Wen Tong*) и Ли Гонлин (*Li Gonglin*). Последний был мастером стиля *баймяо*, для которого были характерны простая линия, отсутствие цвета, светотени и размытки. Кроме этого он был известен также своими рисунками лошадей. Ученые-художники особо ценили произведения, которые точно передавали дух оригинала. В живописи они стремились к интеллектуальному самовыражению. Иногда в своих работах они пытались добиться более ярко выраженной непосредственности – «*сиэ и*» (*xie i*), дословно: «писать мысли», «помещая» свои мысли и чувства в «заимствованные (у природы) формы» – бамбук, горные вершины и даже в засохшие деревья и причудливые скалы. Более того, с сунских времен стало обычной практикой включать в живописное произведение кроме собственно живописи также стихи в виде каллиграфически исполненного текста.

Императоры Северной Сун с энтузиазмом оказывали покровительство искусствам. Самым известным среди них ценителем искусств был император Хуэйцзун (1101–1125 гг.). Он, обладавший самой крупной в имперской истории коллекции предметов искусства, в том числе 6400 картин 231 мастера, составил великолепный каталог этих картин и в целом диктовал вкусы в кругах художников и литераторов. Он и сам был замечательным каллиграфом и художником, рисовавшим в основном птиц и цветы. Выдающихся художников он производил в члены имперской Академии художеств.

Во времена Южной Сун Академия художеств была воссоздана и размещалась во временной столице Линьянь. Безупречные монохромные полотна Южной Сун, которые заказывались двором, отличались тщательной проработкой деталей и в целом высоким мастерством исполнения. Их авторами были четыре выдающихся мастера Ли Тан (*Li Tang*), Луэй Сонянь (*Lui Songnian*), Ма Юань (*Ma Yuan*) и Ся Гуй (*Xia Gui*).

Художники времен династии Юань, писавшие главным образом пейзажи, вырывались из жестких рамок, в которые их загоняла официальная Академия династии Сун. Ученые-художники сами вырабатывали свой индивидуальный стиль. И их полотна, по мнению современников, раскрывали характер самого автора. Наиболее известными в тот период своей свободной манерой письма были Хуан Гунван (*Huang Gongwang*), Ван Мэн (*Wang Meng*), У Чжень (*Wu Zhen*) и Ни Цзань (*Ni Zan*). Их так и называли – «четыре великих художника династии Юань».

НАУКА И ТЕХНИКА

Во времена династий Тан, Сун и Юань научные и технические знания в Китае были уже на достаточно высоком уровне. При династии Сун составлялись официальные жизнеописания различных правителей, энциклопедии, писались всевозможные трактаты по летоисчислению, астрономии, музыке, гармонии. Ученые-чиновники и специалисты в различных областях знаний сочиняли специализированные трактаты по сельскому хозяйству, медицине, акупунктуре, архитектуре, военным технологиям, географии, картографии и по «ста технологиям». Прикладные науки и новые технологии получали мощную финансовую поддержку, если они приносили явную пользу императорскому двору и бюрократии в целом. В результатах прикладных исследований по указанным научным направлениям нуждались и сами ученые-чиновники для успешного выполнения своих обязанностей.

Математика

В период царствования династий Сун и Юань произошел ощутимый прорыв в развитии традиционной китайской математической науки. Математические изыскания

того периода характеризуются творческим подходом и большим количеством работ высокого уровня. Они связаны в основном с именами четырех великих математиков: Цинь Цзюшао, Ли Е (*Li Ye*), Ян Хой (*Yang Hui*) и Чжу Шичэ. Цинь занимался решением уравнений высокого порядка. Ли изобрел счетную матрицу для решения уравнений, прообраз конторских счётов. Ян упростил процедуру счета, составив специальные мнемонические рифмы. Труды Чжу вобрали в себя два других эпохальных открытия: решение нелинейных систем с четырьмя неизвестными и решение задач методом конечных разностей (*Ancient China's Technology and Science*. Составлено Институтом истории естественных наук, 1983, с. 54–55).

Дальнейшее совершенствование счетной матрицы привело к созданию счетных костяшек. Счеты появились как раз вовремя, поскольку позволили решить проблему быстрого счета, особенно в торговле, которая начала бурно развиваться во времена династии Тан. А уже при династиях Сун и Мин повсеместное распространение получили мнемонические рифмы, которые невероятным образом ускорили и облегчили работу на счетах.

Календарь и альманах

В монографиях, посвященных официальной летописи династий Тан и Сун, разработка календарей и составление справочных альманахов числились в разделе математики. При династии Тан ревизия календаря проводилась достаточно часто, поскольку китайский календарь состоял не только из годов, месяцев и дней, он содержал также предсказания движения Солнца, Луны и пяти планет, прогнозы солнечных и лунных затмений, солнечных периодов, а также справочную информацию. Среди всего многообразия календарей, упоминающихся в хрониках династии Тан, важнейшее место занимал календарь буддийского монаха Исиня Даяна (*Yixing Dayan*). Опубликованный в 728 г., этот календарь давал намного более точные, чем прежде, расчеты движения Солнца по эклиптике и видимых колебаний скорости его видимого движения. Исинь внес также большой вклад в развитие математики, пользуясь индийским опытом.

Следует отметить, что многие книги времен династии Тан, посвященные проблемам календаря, альманаха

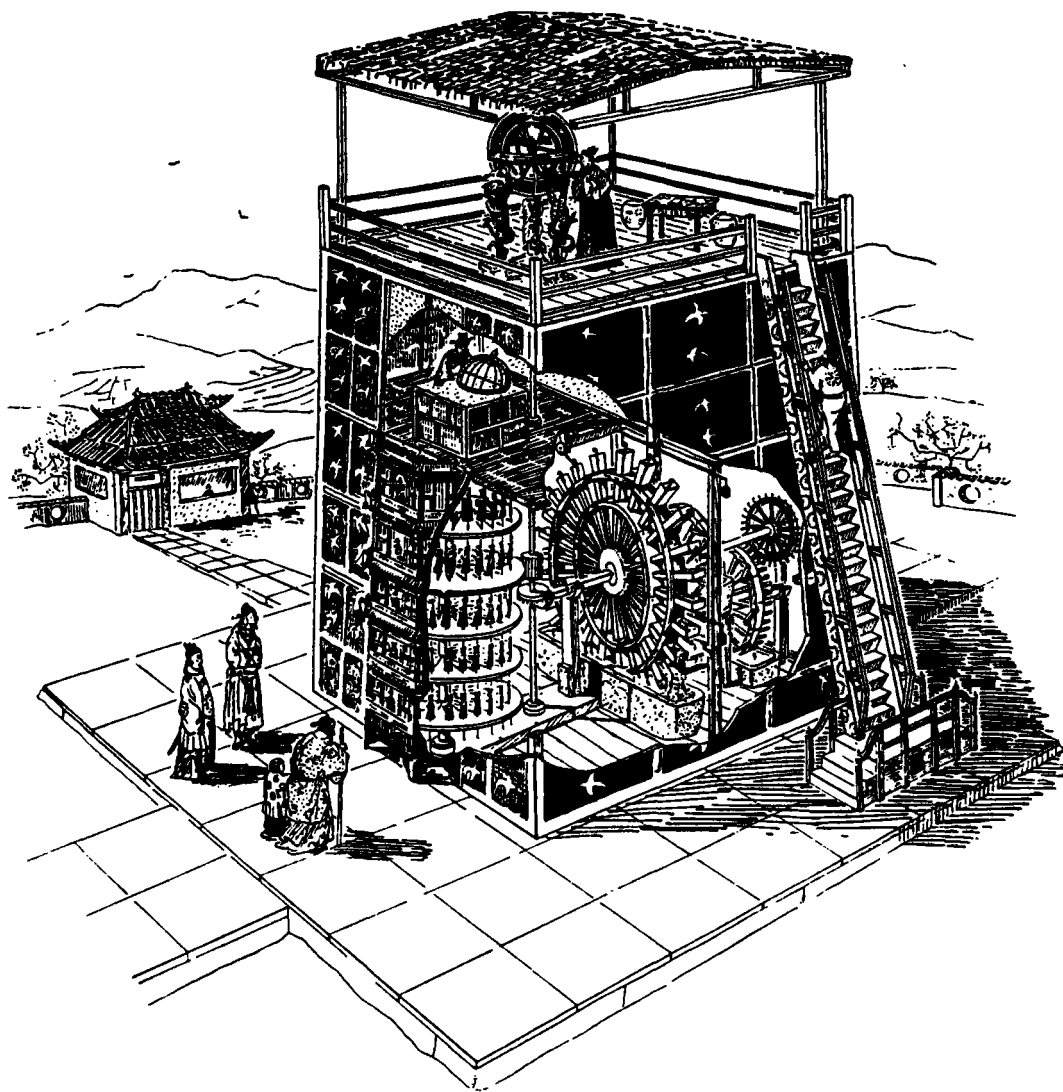

Рис. 29. Астрономические часы в виде башни, построенные в Кайфыне в XI в. по приказу императора, приводились в действие от водяного колеса с помощью сложного шестеренчатого привода (на рис. справа в центре башни в разрезе), который вращал сферу, состоявшую из металлических обручей (наверху под соломенной крышей), и звездный глобус (внутри башни на втором этаже). Дополнительные шестерни вращали пять горизонтально расположенных дисков (в центре рисунка слева), на которых располагались фигурки, появлявшиеся при вращении дисков в окошках на стене башни. Эти забавные фигурки показывали время с помощью указателей, барабанчиков или гонга (из Kotker, Fitzgerald, *The Horizon History of China*, NY 1969, p. 155; по Needham, *Science and Civilization in China*, Cambridge, 1952)

и астрологии, сочинялись на основе материалов исследований, проведенных в Индии и в странах Восточной Азии. Так, например, индийский «Альманах семи светил» имел широкое хождение, начиная с VII в. Служилый монах Амогхавайра (*Amoghavajra*) и его китайский ученик перевели на китайский и снабдили собственным комментарием индийские труды по методике составления календаря. Согдийская копия с манихейского текста «Семи светил» времен династии Тан, переписанная китайскими иероглифами, оказалась среди манускриптов, найденных в пещерном храме Дуньхуан.

В 725 г. Исинь и его коллега Лянь Линцзань (*Liang Lingzan*) построили звездный глобус с часами, приводимый в движение водой. Однако самым совершенным образцом подобного астрономического прибора стали водяные астрономические часы башенного типа, которые изобрел и построил в 1088 г. Хан Гонлянь (*Han Gonglian*) при содействии Су Сона (*Su Song*), тогдашнего министра человеческих ресурсов. Прибор представлял собой большую деревянную башню (рис. 29), высотой более 12 м. Как описывал ее сам Су Сон в своей книге «Новая конструкция небесного глобуса» в 1090 г., на верхнем этаже башни-часов располагалась сфера из множества металлических оброчей, соединенных шестернями с механизмом, приводившимся в движение водой, падавшей на водяное колесо. С помощью такого устройства сфера из оброчей на вершине башни повторяла движение небесной сферы относительно Земли и удерживала Солнце в поле зрения наблюдателя. Под верхней платформой в помещении внутри башни располагался звездный глобус, также приводившийся в действие механическим путем и повторявший вращение небесной сферы, ориентируясь на созвездия. Еще ниже находились водяное колесо и оригинальная и очень сложная система индикации времени. Водяное колесо было снабжено храповиком.

Шэн Гуа (*Shen Gua*) (1031–1095 гг.), еще один выдающийся китайский ученый времен Северной Сун, изобрел солнечный календарь из 12 циклов и обнаружил небольшое отклонение к востоку стрелки магнитного компаса, которое во времена династии Сун было значительно большим, чем в наши дни. В последние годы своей жизни он уединился в Саду Мэнси (*Mengxi*) («Поток мечтаний») и здесь написал свой самый знаменитый труд «Мэнси битан» («Заметки из Потока мечтаний»), в котором мы находим первые упоминания о создании рельефных карт, описания ископаемых окаменелостей и многие другие результаты научных исследований и технических разработок (магнитный компас, книгопечатание с помощью наборного шрифта и др.).

Во времена династии Юань Гуо Шоуцзин (*Guo Shoujing*) (1231–1316 гг.), выдающийся астроном, географ и специалист по сохранению водных ресурсов создал десятки инструментов для астрономических наблюдений и точных расчетов. Он высчитал продолжительность земного года в 365,2425 дня – т. е. с ошибкой всего лишь в 26 секунд. Составленный им календарь-альманах имеет тот же цикл, что и григорианский календарь (илл. 134).

Изготовление бумаги

Способ изготовления бумаги был изобретен в Китае еще до I в. до н.э., однако ее широкое использование в качестве материала для писем началось только во времена династий Тан и Сун. Многочисленные управленческие процедуры, оживление деловой активности, развитие системы экзаменационного отбора государственных служащих, наконец, официальная политика государства, направленная на развитие образования, – все это способствовало повышению спроса на бумагу и постепенному совершенствованию ее качества.

В указанный период были введены многочисленные новшества в процесс производства бумаги. Бумага для документов изготавливалась из коры видов тутового дерева, которая назывались *чу* (*Broussonetia papyrifera*), откуда произошло общее название бумаги – *чужжи*. Бумага из конопляной соломы была высокого качества и называлась *мачжи*. Наряду с наиболее распространенным сырьем – конопляной соломой и корой тутового дерева, для производства бумаги со временем стали использовать также кору волчегородника, рисовую и пшеничную солому и бамбук. Изготовление бумаги из бамбука особенно быстро развивалось в южных районах Китая, где бамбук рос в изобилии. Древесная или бамбуковая пульпа тщательно размельчалась и взбивалась для придания ей большей однородности. В качестве наполнителя и скрепляющего вещества во времена династии Тан в пульпу вводили крахмал. В период династии Сун крахмал заменили клейким овощным соком – *чжи-яо* («лекарство для бумаги»), который смягчал волокна и способствовал более равномерному их распределению в водяной взвеси. Для извлечения очередной порции взвеси (будущего листа бумаги) из чана с пульпой использовали специально разработанный щиток, изготовленный из плотно сплетенных тонких, полированных бамбуковых полосок.

Во времена династии Тан мастерские по производству бумаги можно было встретить повсюду. Около сотни бумажных фабрик работало по берегам Янцзы в крупных производственных центрах современных провинций Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянши, Хунань и Сычуань (*Tsien Tsuen-Hsueh*, 1985, p. 45). Бумага особенно высокого качества, называемая «податная бумага» (*гончжи*), производилась по заказу двора как подать 11 провинций императору. Судя по всему, бумагоделательные мастерские существовали и в северо-западном регионе Китая. Среди документов, найденных в Турфане в 1972 г., был обнаружен один лист, датированный 620 г. с именем изготовителя бумаги (*чжжши*) – Вэй Сянну. Другой листок содержал текст о направлении осужденных на работу в местную мастерскую по производству бумаги.

В этот же период появились первые пособия по изготовлению бумаги: книга «*Чжжшю*» («Учебник по изготовлению бумаги»), изданная в 986 г.; «*Шу цзиан ту*» («Учебник по изготовлению сычуаньской писчей бумаги»), изданная при династии Юань; глава 13 очень интересного издания «*Лянгон Кайюэ*» («Объяснение трудов природы»), написанная в 1637 г. Сон Инсином (*Song Yinxing*) при династии Мин, и другие.

Появление бумаги в огромной степени способствовало распространению и сохранению литературных и религиозных текстов. Помимо значительных потребностей в бумаге для тиражирования конфуцианской классики, огромное количество бумаги уходило также на публикацию даосских и буддийских текстов. В пещерном храме в Дуньхуане и в районе Турфана в целом было найдено невероятное количество документов, манускриптов в свитках, писем, различных других текстов и бумаг, датированных периодом с IV по XI в. Несколькими сотнями манускриптов из дуньхуанского грота с буддийскими, даосскими и конфуцианскими текстами содержат выходные данные с указанием даты их составления. Самым ранним из них является текст буддийской *винайи*, датированный 406 г. н.э. (кодовый номер Штейна 797 Библиотеки Британского музея).

Бумага получила широкое распространение во всех структурах управления. Во времена династии Тан, например, правительство каждые три года проводило полную перепись населения в общинах (*ли*), округах (*сянь*) и префектурах (*чжоу*). Переписные листы, обнаруженные в Дуньхуане и Турфане, содержат следы очень бережного обращения с ними, как того требовали местные законы. Необходимые письменные принадлежности для переписи – бумага, кисточки, чернила оплачивались путем взимания одной монеты с каждого человека, занесенного в переписной лист.

Бумагу использовали также для печатания платежных документов и обменных сертификатов на соль и чай – *цзяоинь*. Бумажные деньги, которые в народе поначалу называли *чуби* (*тутовые деньги* – на бумаге из коры тутового дерева), постепенно получили хождение по всей стране. Выпуск бумажных денег в правление династии Сун привел правительство к организации производства специальной бумаги для изготовления банкнот. Эта практика была продолжена и при династиях Юань и Мин.

Большое количество всевозможных сортов бумаги производилось для художественных целей, в частности, для рисования и каллиграфического письма. Художники и писатели стали использовать в своем творчестве бумагу уже начиная с династии Тан. К началу правления династии Сун бумага стала идеальным носителем для художественного творчества. Самым известным сортом бумаги для художественных целей был и остается *сяоаньчжи* (*xiaozhiji*).

Изобретение книгопечатания

Затем в обиход вошла печать с помощью деревянных клише (ксилография). Текст писали на листе тонкой полупрозрачной бумаги, который затем наклеивали лицевой стороной на деревянную доску, выпиленную чаще всего из ствола финиковой пальмы или груши. После этого буквы вырезали по тексту резцом в негативном изображении. Доску с вырезанным текстом смазывали чернилами, накладывали сверху лист бумаги и равномерно проводили по листу мягкой кистью, как это делают при копировании методом притирания (илл. 115).

Предполагается, что деревянное печатное клише было изобретено в VII в., хотя образцов, датированных периодом ранее VIII в., не сохранилось. Потребность в книгопечатании была вызвана, скорее всего, необходимостью массового тиражирования буддийских текстов и особенно огромного количества изображений. Одним из основных требований буддийского благочестия было переписывание текстов и воспроизведение рисунков. Самый древний в мире образец печатного текста представляет собой отрывок из *«Дхарани-сутры»*, обнаруженный в 1966 г. в буддийском храме в Пулгук-са в Кёнджу, на юго-востоке Кореи. Предполагается, что он был напечатан в период между 704 и 751 гг. Еще один древний печатный текст, относящийся примерно к тому же периоду, глава 17 *«Сутры лотоса»*, был найден в Турфане. Альманах, пользовавшийся широким спросом, был отпечатан с доски и продавался в 830-х гг. на рын в Сычуани, одном из ведущих центров этого способа книгопечатания той поры. Самым ранним четко датированным печатным текстом является изысканно вырезанный экземпляр *«Алмазной сутры»*, найденный в пещерном храме Дуньхуана, на котором стоит дата «Пятнадцатый день четвертой луны девятого года Сянтон» (Сянтон – титул императора Ицзуна танской династии, 868 г.).

В период Пяти династий и Десяти царств в больших количествах печаталась конфуцианская классика, даосские тексты, антологии литературных произведений, всевозможные энциклопедии, а также буддийские сутры и календари. Повсеместно было распространено частное книгопечатание. При династии Сун все более совершенствовалось искусство книгопечатания с резных досок; именно книги эпохи Сун пользуются особым спросом среди коллекционеров.

В период династии Сун некто по имени Би Шэн (*Bi Sheng*) (? – 1051 гг.) изобрел метод книгопечатания с помощью наборного шрифта. Как следует из описания в работе Шэн Гуа *«Менси битан»*, Би Шэн начал с того, что делал шрифт из глины, каждый иероглиф отдельно, с дубликатами для часто встречающихся иероглифов, и обжигал их в печи. Для набора использовался квадратный металлический лист с металлической рамкой по краям, на

который слоем клали смесь из смолы, воска и бумажной золы. Сверху укладывали набираемый шрифт. Когда наборный лист заполнялся шрифтом, его нагревали на огне и сверху ровной доской вдавливали шрифт в расплавленную массу.

Интересно отметить, что до нас дошли печатные доски с бронзовым шрифтом для печатания денег, изготовленные во времена династий Сун и Юань. Что касается наборного шрифта, то до нашего времени сохранилось несколько книг не китайского происхождения, отпечатанных этим способом. Несколько сотен деревянных печатных досок на уйгурском языке начала XIV в. были найдены в Дуньхуане и сейчас хранятся в музее в Гиме Париже.

Порох и огнестрельное оружие

Еще до прихода к власти династии Тан китайские алхимики накопили некоторый опыт обращения с «огненным лекарством» – *хуояо*, представлявшим собой смесь селитры, серы и древесного угля, которая обладала свойством мгновенно возгораться и взрываться при соприкосновении с открытым огнем. В период ранней Тан известный фармаколог-алхимик Сунь Симяо (*Sun Simiao*) (581–682 гг.) смог «укротить серу» для безопасного использования в алхимических опытах, и описал технологические детали этой работы в своих письменных трудах.

Но гораздо более обширная информация об использовании пороха в военных целях появилась лишь в период Пяти династий. Самое раннее дошедшее до нас изображение огнестрельного оружия содержится в рисунке на буддийском ритуальном шелковом полотне из дуньхуанского храма, датированном около 950 г., ныне хранящемся в парижском музее Гиме. На рисунке среди прочего изображен демон, держащий горизонтально копье, с конца которого вырывается пламя (*Needham*, 1985, pp. 8–11). С 1100 г. династия Сун начинает использовать порох в военных целях в борьбе с чжурчжэнями династии Цинь. В 1000 г. Тан Фу представил сунскому императору действующие модели огненных стрел (*хуоцзынь*), огненных шаров (*хуоцю*) и других подобных изделий. В 1002 г. Ши Пу изобрел ряд боевых сосудов-гранат с зажигательной смесью и стрел. В «Собрании наиболее значимых военных технологий» (*«Вуцзин Цзон Яо»*), военном сборнике, работа над которым была начата по приказу сунского императора в 1040 г. и закончена под руководством Цзен Гонляня (*Zeng Gongliang*) в 1044 г., Цзен описывает многие виды зажигательных и взрывчатых боеприпасов и приводит многочисленные способы изготовления пороховых зарядов.

Правительство Северной Сун организовало массовое производство пороха. Около 1130 г. Чэнь Гуй (*Chen Gui*) в своей книге «Оборона города» (*«Шоу чен лю»*) описывает способы использования огненного копья против атакующих на примере города к северу от Ханьгу. В последние годы Северной Сун против чжурчжэней стали применять новые виды взрывных устройств – *тилиао* (бомба «удар грома») и *чжэньтяньлей* («гром, сотрясающий небо»).

Еще один важный вклад в развитие огнестрельного оружия сделали крестьяне-повстанцы. В 1132 г. появилось ствольное огнестрельное оружие, получившее название *хуоцянь* («огненное копье»), за которым в 1259 г. последовало *тухуоцянь* («копье, плюющееся огнем»). Ствол для этого вида оружия изготавливали из толстых бамбуковых трубок.

Бронзовые и стальные стволы для настоящего огнестрельного оружия появились при династии Юань. Они назывались *хуочон* (огненное ружье) и получили прозвище *тонцяньцун* («бронзовые генералы»). Самое старое сохранившееся такое ружье находится в Историческом музее Пекина, оно было отлито в 1332 г. (илл. 42, 43).

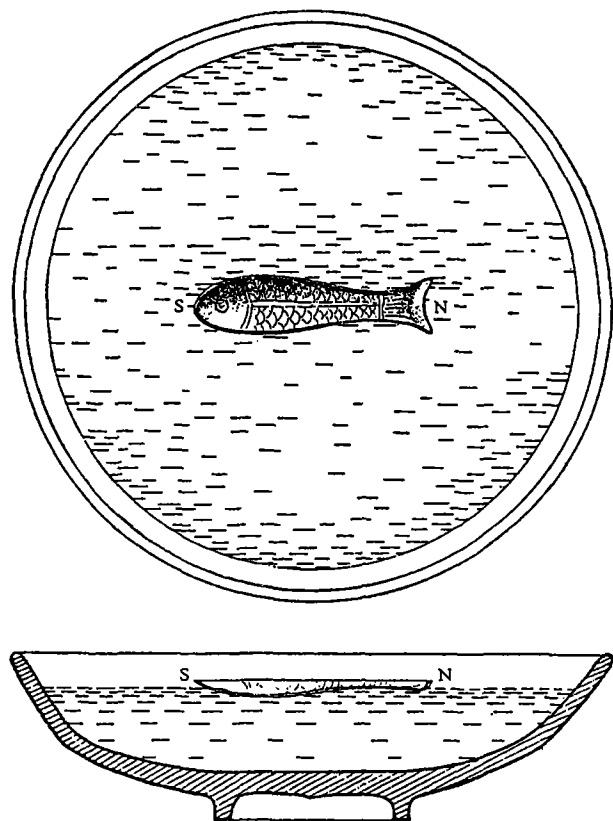

Рис. 30. Древний китайский компас: плавающая металлическая (из листа) рыбка в миске с водой

Магнитный компас

Искусственный магнетизм был обнаружен в Китае очень давно. В двух изданиях времен династии Сун – «*Вуцзин Цзон Яо*» Цзена Гонляня в 1044 г. и «*Менси битан*» Шэна Гуа в 1086 г. описывается тонкая пластинка из намагниченного железа в форме рыбки, которая, если ее положить на воду, поворачивается головой на юг (рис. 30), и такая же игла. Несколько позже, чем Шэн Гуа, намагниченной иглой с лимбом в виде земного диска и шкалой с 24 делениями, прообразом современного морского компаса, пользовались колдуны и предсказатели. Упоминание о таких дисках, которые назывались *дилуо* (*diluo*) или *люоцизинтан*, можно найти в книге Чжэна Сани «*Рассуждение о причинах вещей*» («*Тон хуа ли*») времен Южной Сун (*Needham, Science and Civilization in China. Vol. 4, 1962, p. 306*).

Самое раннее упоминание об использовании компаса на море содержится в книге Чжу Юй (*Zhu Yu*) «*Застольные разговоры в Пинчжоу*» («*Пинчжоу кетан*»), написанной в 1119 г. в Северной Сун. По словам Чжу Юй, «когда небо затянуто облаками, моряки ориентируются в плавании по игле, указывающей острым концом на юг». Во времена Южной Сун компас нашел широкое применение на китайских торговых судах, плававших в Юго-Восточную Азию и Индию. К началу правления династии Юань все важнейшие морские пути были нанесены на карты с детальными пометками показаний компаса в различных точках маршрутов. Такие карты назывались *лоопанчжен лю* (записи показаний компаса). Они упоминаются в «Учебнике по навигации» (*Хайдао цзин*) и в «Сведениях о морских путешествиях при великой династии Юань» («*Да Юань хайюнь ци*»). Китайский компас во всех его модификациях мог попасть в Западную Азию с персидскими и арабскими купцами, которые путешествовали на китайских судах в XII и XIII вв., а оттуда через арабский мир – в Европу.

Картография

В правление династии Тан происходило бурное развитие географических исследований и создание географических карт. Пей Сю (*Pei Xiu*) (223–271 гг.) придумал шесть способов измерения расстояний по карте с помощью крохотных квадратиков. А выдающийся картограф своего времени Цзя Дан (*Jia Dan*) (730–805 гг.), воспользовавшись этим методом, составил карту всей империи за период с 785 по 801 г. Карта, которую он назвал «*Карта китайских и варварских народов между четырьмя морями*» («*Хайней Хуа И ту*»), имела 9 м в длину и 10 м в высоту и была составлена в масштабе 1 кан (2,94 см) к 100 ли (1 танский ли = 18000 канов). На карте была отражена территория площадью 30000 ли с востока на запад и 33000 ли с севера на юг.

Период династий Сун и Юань был золотым веком китайской картографии. Два самых удивительных памятника средневековой китайской картографии, сохранившиеся по сей день, были выгравированы на камне в 1136 г. Ныне они хранятся «Лесу стел» в г. Сиань, административном центре провинции Шэньси. Первый называется «*Карта Китая и варварских стран*» («*Хуа И ту*»), второй – «*Карта путей Ю*» («*Ю цзи ту*»). Обе карты имеют размер приблизительно 1 кв. м.

В период юаньской династии Чжу Сибен (*Zhu Siben*) (1273–1337 гг.), молодой современник астронома Гуо Шуцзина (*Guo Shoujing*), составил свою знаменитую карту звездного неба («*Юй ту*»). Карта была большая, и ее создание заняло 10 лет. В последующем, во времена династии Мин, она была исправлена и расширена картографом Ло Хунсианем (*Lo Hunsian*) (1504–1564 гг.) и названа «*Расширенный звездный атлас*» («*Гуан юй ту*»).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Существовал обычай во время жертвоприношения предкам объявлять важные семейные новости их духам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BODDE, D. 1991. Chinese Thought, Society, and Science. The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-Modern China. Honolulu.
- BOL, P. K. 1993. Government, Society and State: On the Political Vision of Ssu-ma Kuang and Wang An-shih. In: HYMES, R. P., SCHIROKAUER, C. (eds) *Ordering the World*, Berkley, pp. 128–192.
- DE BARY, W. T. 1981. *Neo-Confucian Orthodoxy and the Learning of the Mind-and-Heart*. New York.
- 1983. *The Liberal Tradition in China*. Hong Kong.
- 1988. *East Asian Civilizations: A Dialogue in Five Stages*. Cambridge, Mass.
- 1989. *The Message of the Mind in Neo-Confucianism*. In: DE BARY, W. T.; CHAFFEE, J. W. (eds) *Neo-Confucian Education: The Formative Stage*. Berkeley.
- EBREY, P. B.; GREGORY, P. N. (eds) 1993. *Religion and Society in Tang and Sung China*. Honolulu.
- ELVIN, M. 1972. *The High-level Equilibrium Trap: The Causes of the Decline of Invention in the Traditional Chinese Textile Industries*. In: WILLMOTT, W. E. (ed.) *Economic Organization in Chinese Society*. Stanford.
- 1973. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford.
- FENG YUANJUN 1983. *An Outline History of Classical Chinese Literature*, trans. By Yang Xianyi and Gladys Yang. Hong Kong.
- GERNET, J. 1956. *Les aspects économiques du Bouddhisme dans la société chinoise du Ve au Xe siècle*. Saigon.
- 1962. *Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion 1250–1276* trans. by WRIGHT, H. M. London.
- 1972. *Le monde chinois*. Paris.
- GOLAS, P. J. 1980. *Rural China in the Song*. *Journal of Asian Studies*, Vol. 39, No. 2, pp. 291–325.

- HARTWELL, R. A. 1962. A Revolution in the Iron and Coal Industries During the Northern Sung. *Journal of Asian Studies*, Vol. 21, No. 1, pp. 152–162.
- 1967. A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China 75–1350. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, Vol. 10, pp. 102–159.
- 1982. Demographic, Political and Social Transformations of China, 750–1550. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 42, No. 2, pp. 354–442.
- HO, PING-TI. 1959. *Studies on the Population of China, 1368–1953*. Cambridge, Mass.
- HUANG, R. 1974. *Taxation and Finance in Sixteenth-Century Ming China*, Cambridge.
- 1981. *1587: A Year of No Significance*. New Haven, Conn.
- HUCKER, C. O. 1975. *China's Imperial Past. An Introduction to the Chinese History and Culture*. Stanford.
- HYMES, R. P.; SCHIROKAUER, C. (eds) 1993. *Ordering the World. Approaches to State and Society in Sung Dynasty China*. Berkeley.
- INSTITUTE OF THE HISTORY OF NATURAL SCIENCES, Chinese Academy of Science. 1983. *Ancient China's Technology and Science*. Beijing.
- KRACKE, E. A. JR. 1955. Sung Society: Changes within Tradition. *Far Eastern Quarterly*, Vol. XIV, No. 4, pp. 479–488.
- LIU, J. T. C. 1988. *China Turning Inward: Intellectual Political Changes in the Early Twelfth Century*. Cambridge, Mass.
- LIU, J. T. C.; GOLAS, P. J. (eds) 1969. *Change in Sung China. Innovation or Renovation?* Mass.
- LIU XU et al. 1975, new imp. 1987 [Jiu] Tang Shu. *Zhonghua Shuju*, Beijing.
- LO JUNG-PANG. 1955. The Emergence of China as a Sea Power During the Late Sung and Early Yüan Periods. *Far Eastern Quarterly*, Vol. 14, pp. 489–503.
- MCMULLEN, D. 1988. *State and Scholars in Tang China*. Cambridge.
- MIYAKAWA HISAYUKI. 1955. An Outline of the Naitō Hypothesis and its Effects on Japanese Studies of China. *Far Eastern Quarterly*, Vol. 14, No. 4, pp. 533–552.
- NEEDHAM, J. et al. *Science and Civilization in China*. Cambridge.
- 1960 (2nd edn 1986) *Heavenly Clockwork. The Great Astronomical Clocks of Medieval China*. Cambridge.
- 1985. *Gunpowder as the Fourth Power, East and West*. Hong Kong.
- OU YANGXIU et al. 1974. *Xin Wu Dai Shi [Wu Dai Shi Ji]*. *Zhonghua Shuju*. Beijing.
- 1975 (new imp. 1987) *Xin Tang Shu*. *Zhonghua Shuju*, Beijing.
- OWEN, S. 1981. *The Great Age of Chinese Poetry: The High T'ang*. New Haven, Conn.; rev. *JAS* Vol. 42, No. 3, 1983.
- ROSSABI, M. (ed) 1983. *China Among Equals*. Berkeley.
- SHIBA YOSHINOBU. 1970. *Commerce and Society in Sung China*, trans. by Mark Elvin. Ann Arbor, University of Michigan Center for Chinese Studies.
- 1983. *Sung Foreign Trade: Its Scope and Organization*. In: ROSSABI, M. (ed) *China Among Equals*, pp. 89–134.
- SIMA GUANG. 1956. *Zi Zhi Tong Jian (Comprehensive Mirror for Aid in Governance)*. Guji Chubanshe. Beijing.
- SIMS-WILLIAMS, N. 1992. *Sogdian and Turkish Christians in the Turfan and Tun-huang Manuscripts*. In: *Turfan and Tun-huang: The Texts*. Florence, pp. 43–61.
- SMITH, P. J. 1991. *State Power and Economic Activism during the New Policies, 1068–1085*. In: HYMES, R. P.; SHIROKAUER, C. (eds) *Ordering the World*. Berkeley, pp. 76–126.
- SONG LIAN et al. 1976. *Yuan Shi*. *Zhonghua Shuju*. Beijing.
- SUNDERMANN, W. 1992. *Iranian Manichaean Turfan Texts Concerning the Turfan Region*. In: *Turfan and Tun-huang. The Texts*. Florence, pp. 63–84.
- TANG ZHANGRU. 1992. *Wei-Jin-Nanbeichao-Sui-Tang Shi Sanlun (Three Treatises on Wei-jin Northern and Southern Dynasties – Sui-Tang History)*. Wuhan.
- TOQTO et al. 1977. *Song Shi*. *Zhonghua Shuju*. Beijing.
- TSIEN TSUEN-HSUIN. 1985. *Paper and Printing*. In: J. NEEDHAM'S *Science and Civilization in China*, Vol. 5, part 1.
- TWITCHETT, D. 1963. (2nd edn. 1971). *Financial Administration under the T'ang Dynasty*. Cambridge.
- 1966. *The Tang Market System*. *Asia Major*, n. s. 12, part 2, pp. 202–248.
- 1968. *Merchant, Trade, and Government in Late Tang*. *Asia Major*, n. s. 14, part 1, pp. 63–95.
- (ed.) 1979. *The Cambridge History of China*, Vol. 3, Part 1: *Sui and Tang China*, pp. 589–906. Cambridge.
- 1992. *The Writing of Official History under the T'ang*. Cambridge.
- WATSON, B. 1984. *The Columbia Book of Chinese Poetry*. New York.
- XU SONG, (comp.). 1957. (reprint of 1809 MS). *Song Hui Yao Ji Gao*. *Zhonghua Shuju*. Beijing.
- XUEJUZHENG et al. 1976. (Jiu) *Wu Dai Shi*. *Zhonghua Shuju*. Beijing.
- YANG LIEN-SHENG. 1957. *Buddhist Monasteries and Four Money-Raising Institutions in Chinese History*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 20, pp. 36–52.
- YANG XIANYI; YANG, G. (trans.) 1984. *Poetry and Prose of the Tang and Song*. Beijing.

ЯПОНИЯ И КОРЕЯ

28.1

ЯПОНИЯ

Франсин Эрай

Период с VII по XVI в. в Японии делится на две основные части: первая – до XII в., когда страна имела только один центр – императорский двор, и в течение этого периода японская культура ограничивалась лишь кругом светской аристократии; вторая часть, начинающаяся с XII в., характеризуется появлением второго центра власти – называемого двором *сёгуна* (букв. – верховного военачальника), в задачу которого входило поддержание порядка. На передний исторический план этих воинов, многие из которых имели совершенно не знатное социальное происхождение, выдвинуло время – несколько периодов внутренних беспорядков, продолжавшихся до XVI в. и завершившихся возникновением небольших княжеств. *Сёгуны* не оспаривали права придворной аристократии, они способствовали распространению в массе народа японской цивилизации, придавая ей своеобразный характер, отличающийся от китайской цивилизации, которая служила для Японии исходной моделью, и от цивилизации Кореи, в которых преобладали бюрократические элиты, набираемые путем применения системы специальных экзаменов.

ПЕРИОД С VII ПО XII В.

Принятие китайской модели: «государство, управляемое сводами законов»

Северное побережье острова Кюсю находится менее чем в 200 км от Кореи. Таким образом, цепь островов, на которых расположена Япония, находится на сравнительно небольшом расстоянии от материка, а потому не могла быть полностью отрезанной от влияний, исходящих оттуда, и, вместе с тем, находится достаточно далеко, благодаря чему эти влияния достигали Японии позднее, чем Кореи. Вследствие этого Япония оказалась лучше защищена от полной гегемонии Китая.

Начиная с I в. н.э., в Японии становится совершенно очевидным влияние Китая, как прямое, так и косвенное, проявлявшееся через Корею. Правители государства Ямато (занимавшего области на о. Хонсю между городами Нара, Осака и Киото) с древних времен нанимали на службу корейских эмигрантов, воспринимая от них зачатки культуры и философии Китая и, в частности, китайской письменности.

Однако язык, на котором они говорили, отличался от китайского. Этот язык был многосложным (в то время как китайский является односложным) и использовал отглагольные суффиксы и падежные энклитики, тогда как в китайском нет ни склонений, ни спряжений; в японском языке глагол ставился в конце предложения, а в китайском он следовал за подлежащим. Население Ямато не имело письменности к началу контактов с китайским шрифтом, составленным из идеограмм, каждая из которых несла собственное значение, неотделимое от звучания. К I в. н.э. Китай уже обладал долгой традицией письма и богатым собранием работ по философии, истории, этике и поэзии. Государство Ямато все еще оставалось на этапе исключительно устной передачи таких литературных произведений, как рассказы и поэмы. Потребовалось несколько столетий знакомства с китайской письменностью и приобретения достаточных знаний о китайских трудах, чтобы иметь возможность понимать и переводить их.

Три столетия, начиная с VII–VIII вв., ушло у японцев на переход от сложной записи поэмы и генеалогических сведений с использованием китайских символов, воспринятых фонетически, и чтения китайских текстов на оригинальном китайском языке, к усвоению китайского языка через собственный способ чтения, а также на изобретение слоговой азбуки. На этом пути японцы существенно развили диапазон собственных методов письменного выражения мыслей: они могли писать на хорошем китайском языке, на упрощенном китайском, применявшемся для административных нужд, или на японском языке с варьируемыми добавками китайско-японских слов (илл. 98, 99).

Чтение и письмо на китайском языке были ключом к развитию Ямато. Местные правители копировали китайские государственные институты, определенную политическую мораль и религию – буддизм. Однако характерно то, что подражание Китаю было продуманным и организованным, а необходимые адаптации к местным условиям делались чрезвычайно искусно. Китайская модель не была навязана завоеванием или давлением со стороны близкого соседа. Ее принятие явилось решением двора Ямато, вероятно из-за того, что последний не хотел быть в тени (по крайней мере, по цивилизованности) блистательной материковой империи.

К концу VI в. при дворе Ямато уже существовала группа людей, которые могли читать и понимать китайскую науку

и которые уже хорошо разбирались в учении буддизма – религии, официально принятой к тому времени. Правителю Ямато Сётоку-тайси (574–622 гг.) (илл. 128) преданим приписывается честь проведения политики по введению китайской системы государственных учреждений и по созданию бюрократического аппарата по образцу китайского. Предполагается, что он явился автором основного законодательного текста, озаглавленного «Конституция семнадцати статей», которая в определенной мере повторяет некоторые китайские тексты. Этот документ, будучи сборником моральных рекомендаций для подданных суверена, являлся более чем конституцией.

Сётоку предпринял также шаги для лучшего знакомства с Китаем, для чего организовал несколько миссий, в которые входили учащиеся, некоторые из них оставались на материке в течение нескольких десятилетий. С этого времени двор Ямато обладал четким осознанием собственной своеобразности и стремлением подняться до уровня двора династии Суй, как это видно из строк письма, отправленного с посольством от двора Ямато императору Китая: «Сын Неба страны, где восходит Солнце, обращается к Сыну Неба страны, где заходит Солнце». Для Китая эта попытка Ямато избежать возможности выглядеть неким зависимым государством была неприемлема, но он соглашался с определенной степенью особого уважения к посольствам в течение VIII и IX вв., уклоняясь при этом от необходимости обмениваться официальными грамотами.

VII в. был периодом реформы, вражды кланов, отработки новых государственных учреждений, развитием доктрины буддизма, основанием храмов и созданием столицы по китайскому образцу под руководством правящей династии. Эти процессы достигли кульминации в 702 г. с введением в действие административного и уголовного кодексов, которые с некоторыми исправлениями копировали своды законов китайской династии Тан.

«Государство, управляемое сводами законов», по всей видимости, являлось централизованной монархией. Правителю помогала бюрократия, которая, надо признать, была не слишком многочисленной – менее 1000 чиновников на население в 5–6 млн. чел. Корпус чиновников составлялся из людей, которые получали чины и должности с учетом их происхождения и заслуг. Каждый год служащие проходили проверку, а их жалование выплачивалось натурой из государственных запасов или, для чиновников высшего ранга, из доходов от рисовых полей или недвижимости, переданной им. Ведение всех дел было предоставлено совету из знатных сановников, который выносил свои предложения на решение императора. Центральная гражданская служба, составленная из ведомств разной значимости, в первую очередь занималась управлением двором и столицей, которая с 694 по 710 г. располагалась в городе Фудзивара-кие, затем до 784 г. в Хэйдзэ-кие (Нара), в 784 г. – в Нагаоку и, наконец, в 794 г. – в Хэйан-кие (Киото), который долго оставался столичным городом. Для надзора за 68 провинциями и островами двор назначал управляющих, отвечавших за контроль над всей деятель-

ностью населения и обеспечивавших уплату налогов. Для того чтобы дать возможность населению эти налоги платить, была принята китайская система деления рисовых полей. Каждый человек получал надел земли пожизненно (для того чтобы платить налоги, большая часть крестьян существовала главным образом за счет неполивного и подсечно-огневого земледелия). Эти меры имели целью обеспечение оседлости населения и поддержание должного учета земель. Несмотря на помощь местной знати, выбираемой в качестве управляющих округами и деревнями, эти формы надзора не могли являться оперативными и эффективными. Однако бюрократия от такой схемы управления не отходила.

В материальном смысле Япония также многое взяла от Китая, как прямо, так и косвенно. Она приняла китайскую систему мер для составления земельных кадастров и ведения строительства. Технологии строительства были усовершенствованы и стали более разнообразными, развилось производство черепицы. В начале VIII в. двор стремился одеваться строго по китайской моде. Столица Японии была спланирована как шахматная доска, а расположение и ориентация дворцовых построек повторяли в меньшем масштабе планы столиц Китайской империи (рис. 31).

Ассимиляция китайских влияний

Первыми текстами, написанными в Японии, были тексты по истории и законодательству, написанные на китайском языке. В результате с первого взгляда все представляется китайским – от учреждений и этической и политической мысли до внешнего вида столицы, костюмов и многих обычаев. С другой стороны, однако, подражание Китаю, как представляется, дало возможность японцам осознать собственные отличительные, оригинальные особенности, которые они начали стремиться защищать и сохранять.

Само название страны – Нихон – «место появления Солнца», было выбрано с учетом расположения относительно Китая и впервые введено двором Ямато при его взаимодействии с династией Тан в Китае и с одним из ранних корейских государств Силла. Это позволило избежать названия «Вакоку», «земли Ва» – слова, которое на китайском обозначается символом, означающим карлика (сами японцы писали это слово символом *wa* – гармония и читали его как «Ямато»).

Это название появляется в заголовке первой настоящей японской историографической работы «Нихон Сёки» («Хроники Японии»), которая была завершена в 720 г. (она следовала за первой подобной работой 712 г., называвшейся «Кодзика» – «Записи древних дел», которая была сделана на языке, содержащем существенно больше японских выражений, и написана символами, что затрудняло перевод). Когда двор решил расширить господство над страной вплоть до ее прошлого, чтобы таким образом укрепить власть, он перенял и китайскую историографию. Вот почему мифология, «история корней», рассматривалась в Японии именно

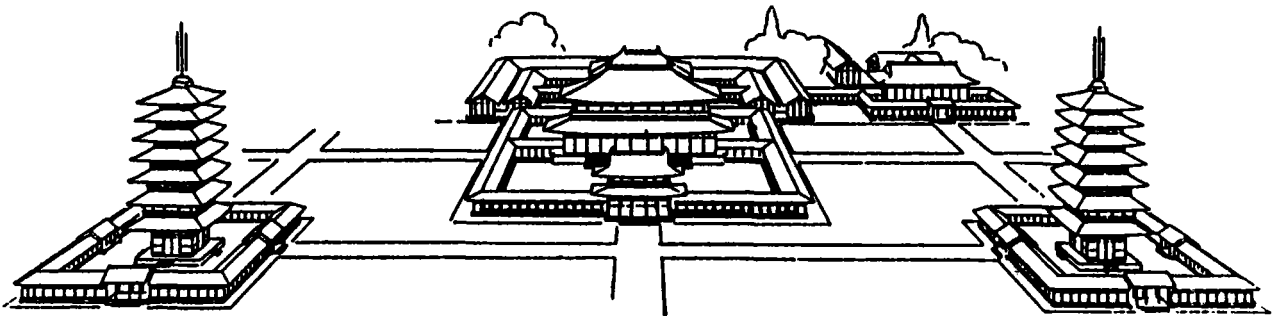

Рис. 31. Схематический вид Тёдайдзи (Япония), VIII в. (по Sickman, Soper. The Art and Architecture of China, London 1956, p. 267)

как «история», а поколения правителей как бы следовали непрерывно за поколениями правителей божественных. В это же время был принят формат летописей, как правило, применявшийся государственными органами для составления официальной истории. Такой способ записи сделал возможным ввести прецеденты, удобные для власти предрержащих. Но в отличие от официальных исторических летописей Китая, в которых имелись разделы, посвященные жизни министров и других влиятельных личностей, равно как и хроники императоров и монархии по различным аспектам жизни империи, «*Нихон Сёки*» и летописи, последовавшие за этим произведением, концентрировали внимание на императоре и дворе, и содержали только анналы каждого правящего режима.

Именно благодаря подражанию Китаю Япония сумела ввести собственную хронологию. Она позаимствовала лунно-солнечный календарь, применявшийся на материке, и практику деления времени на эпохи, которые редко совпадали с царствующей династией. Одной из прерогатив императора являлась возможность выбирать название эпохи, чтобы таким образом демонстрировать власть над Временем. Император менял название через нерегулярные интервалы в расчете на перемену к лучшему благодаря «обновлению времени», особенно после череды катастроф. Япония никогда не желала использовать китайские названия эпох, как это делала Корея, поскольку это явилось бы знаком раболепия.

Термин, который стал применяться для обозначения суверена, также был китайским – *тэнно* (небесный государь), что в настоящие времена переводится как «император». Фактически это слово даосского происхождения обозначает Полярную звезду, сохраняющую почти неизменное положение на небе при видимом суточном вращении небесной сферы. Император, таким образом, являет собой аналогичный центр, придающий всем предметам их значения и места. Или же, следуя другой китайской формулировке, император есть дитя небес и, следовательно, подобен Солнцу, которое дарует тепло и благословение и находится в уникальном положении: «нет в небе двух солнц, и нет на земле двух суверенов».

Тем не менее, имперская идеология не была полностью китайской. Божественное происхождение династии, подкрепляемое преданиями, написанными по указанию двора, подкрепляло правомочность и власть императора, который правил в силу обещания длительного, вечного права, данного своим потомкам божественным предком, верховной богиней, олицетворением Солнца Аматэрасу, которой поклонялись в храме Исэ. Дар из трех регалий – зеркала, меча и магического ожерелья из драгоценных камней – предметов, которые всегда должны быть рядом с императором, придавал весомость божественному обещанию. Император был единственным посредником между Аматэрасу и страной. На основании этого божественного происхождения Япония отвергала китайскую теорию о доверии небес, которое переходило к новой династии, когда предыдущая уже не заслуживала его.

В целом Япония приняла китайскую идеологию. Теоретически, правил император – все указы исходили от него и все отчеты должны были поступать именно к нему. Однако император не являлся полным самодержцем: прислушиваться к советам являлось его обязанностью. Роль советника в Японии отводилась выдающимся знатым особам. Соответственно, с конца X в. советы исходили главным образом от регента, *сэссе*, или, если император достигал совершеннолетия, от главного советника, *камтаку*. При видимой исключительной и единственной ответственности императора фактически все деяния его диктовались данными лицами. Это несоответствие становилось возможным из-за особенности японского общества, отличающей его от китайского, в котором власть императора передавалась по отцовской линии. В Японии же во многих

случаях в браке главенствующей считалась материнская сторона (пары жили с семьей жены), а дед по материнской линии являлся ответственным за воспитание внуков. Один из ведущих аристократических родов, Фудзивара оказался способным добиться постов регента и главного канцлера именно вследствие того, что его дочери вышли замуж за членов семьи императора. С середины IX в. этот род, таким образом, добился положения защитника императора, который все еще оставался несовершеннолетним.

Общая доктрина делала императора покровителем людей, его долгом было обеспечение каждого достаточными средствами к существованию и возможностью работать в безопасности. Для достижения этого был необходим корпус честных чиновников, способных наставлять и поучать людей, направляя их деятельность. Для выполнения этих задач за промежуток в 200 лет с начала X в. двор издал огромное количество детальнейшим образом прописанных указов и правил.

Тем не менее, с самого начала японское государственное управление отличалось от китайского. В первую очередь (не самое главное, но показательное) бросается в глаза тщательность при частом использовании терминов, отличавшихся от применявшихся в династии Тан для названия различных государственных ведомств. Далее, не только меньшие размеры страны и меньшая численность населения обеспечивали меньшее число учреждений, но сама структура гражданской службы отличалась от китайской тем, что не делалось реального различия между ведомствами, которые управляли двором, и ведомствами, управлявшими страной в целом.

Спустя два века единство страны и ее управленческой структуры опиралось не столько на бюрократический и не персонифицированный характер системы, сколько на личные и семейные связи, сформированные в чиновничьих кругах столицы, а также на связи между этими кругами и провинциальной местной знатью.

Политическая идеология Древнего Китая не была уравнительной. Неравенство между милосердными высшими слоями и подчиненными им нуждающимися низшими слоями, между молодыми и старыми и т.п. обеспечивало гармонию. Каждый индивидум был обязан работать на общее благо, выполняя обязанности, соответствующие его или ее статусу. Очевидно, что и Япония уже имела устойчивую традицию в этой сфере: в одном из первых китайских текстов об обычаях жителей Японских о-вов отмечается, что низшие должны падать ниц перед высшими, что подразумевало существование уже сформировавшегося осознания иерархии. Китайские подходы в этой сфере только усилили характерные черты, которые уже имелись, и дали им юридическое обоснование.

Другой особенностью «режима свода законов», ввезенного из Китая, стало принятие во внимание заслуг человека. Существовали конкурсные экзамены для поступления на гражданскую службу, и чиновники ежегодно проходили проверку для продвижения по службе. В то время как в Китае при династии Сун роль экзаменов повышалась, в Японии происходило обратное, и важность экзаменов снизилась. В начале IX в. быстрый подъем интереса к Китаю привел к созданию должностной карьеры в области искусства, где кандидаты держали конкурсные экзамены. Некоторые ученые добились признания на этой почве, и многие из них вошли в группу высшего чиновничества. Одна из таких наиболее замечательных личностей – великий поэт Сугавара Митидзанэ (845–903 гг.) – перед тем как попасть в опалу, был министром. Но ученые не имели ни власти, ни, возможно, стремления влиять на путь развития страны, чтобы закрепить систему отбора и продвижения чиновников по службе, основанную на заслугах. Япония осталась приверженной принципу, при котором главенство придавалось знатности рождения, хотя вместе с тем и заслуги личности полностью не отвергались.

Один из уроков китайской системы японский двор горячо приветствовал – таковым стала важность ритуала. При этом обрядам придавалось иное значение, чем то, которое определялось трудами конфуцианских ученых. В учении Конфуция роль обрядов была первичной для демонстрации иерархии, обучения каждого действовать в соответствии со статусом и для внушения спокойствия и дисциплины, а сама вера в силу ритуалов над сверхъестественными существами была не слишком явной. В Древней Японии религиозным ритуалам придавалось особое значение, а вера в их действенность была крепкой. В течение данного периода времени произошел значительный рост числа церемоний. Даже сами административные процедуры постепенно стали более ритуальными – в них преобладала форма.

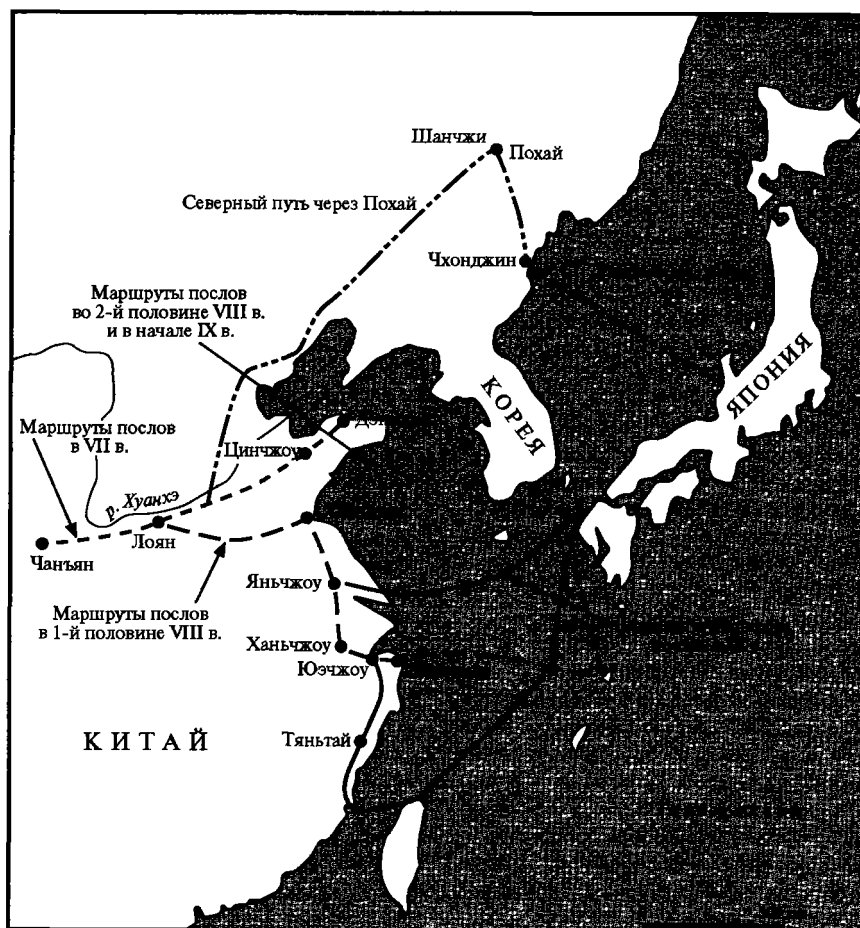
Буддизм попал в Японию тоже из Китая, но на начальных этапах эта религия проникала в основном через Корею. Двор многое извлек из обещаний, содержащихся в некоторых сутрах, о том покровительстве, которое Будда оказывает стране, чьи монархи цитируют сутры, и установил разнообразные последовательности церемоний для процветания и мира в стране и во здравие ее правителя. Число монахов, особенно после X в., стало увеличиваться. Были созданы крупные монастыри, сначала в Нара: Хорюдзи (основан правителем Сётоку), Якусидзи и Тедайдзи, где в середине VIII в. была построена гигантская статуя Будды – ипостась всех Будд. В то же самое время двор в дальнейшем подражании Китаю учредил по два официальных храма в каждой провинции. Эти монастыри являлись не только церемониальными центрами в честь процветания страны, но также центрами изучения доктрин разных школ буддизма. Позднее, начиная с IX в., преобладали две школы – Тэндай и Сингон. Первая имела как экзотерическое (общедоступное), так и эзотерическое

(понятное только для посвященных) направление, тогда как последняя была чисто эзотерической.

Двор покровительствовал буддизму и в то же самое время старался его контролировать, частично – чтобы предупредить уклонение от налогов, и частично – чтобы предупредить чрезмерное использование влияния буддийских ритуалов (илл. 81, 236).

Покровительство, оказываемое буддизму двором, не мешало последнему снисходительно относиться и к прежним народным божествам: напротив, словно для того, чтобы подчеркнуть собственное отличие, в Японии присвоили общее имя Синто («путь богов») всем легендам и культам, относящимся к великому множеству местных богов. В стране придали видное значение Департаменту божеств, который непосредственно подчинялся Государственному совету, главному органу администрации. Двор всегда был весьма внимателен к вопросам поклонения национальным божествам. У него имелся список большинства божеств, чтобы чествовать их, совершая подношения в различные дни в году либо непосредственно, либо через провинциальных правителей. Празднования в святилищах в честь местных божеств всегда главенствовали над буддийскими праздниками.

Наконец, вместе с китайским календарем в Японию был завезен целый набор понятий *инь* и *ян*, посредством которого стало возможным обозначать благоприятные и неблагоприятные дни и «хорошие» или «плохие» направления движения и т.п. на основании расположения реальных или воображаемых планет или богов, связанных с пятью элементами. Была создана группа специалистов по календарю и божественным вопросам, в задачу которой входило определять дни для действий двора и давать разъяснения, какие дни должны быть «запретными» для деяний, чтобы избежать неудач или провести очищение. В данной

Карта 28. Схема отношений между Китаем и Японией в VII–IX вв. (рис. Herald)

области также был сделан акцент на японские особенности в виде обязательств, относящихся к чистоте, и применявшихся способов самоочищения от загрязнения в результате, в частности, контактов с телами умерших, кровью или, например, с людьми, пребывающими в трауре.

Таким образом, каждый нюанс культуры, религии или государственного устройства, вносимый из Китая, ассимилировался, подвергаясь адаптации. С середины IX в. политический упадок в Китае и последующие волнения, сопровождавшие падение династии Тан, вызвали временное прекращение дипломатических миссий в эту страну. Хотя официальные миссии не возобновлялись длительное время, отношения между двумя странами поддерживались японскими монахами, путешествовавшими по Китаю, и китайскими торговцами, посещавшими северную часть о. Кюсю. Япония продолжала скупать уезды флориды тому новому, что появлялось в Китае в области философии, литературы и религии буддизма, а также следила за развитием там искусства (карта 28).

Расцвет аристократической цивилизации

К началу X в. Япония освоила китайскую письменность: многие символы теперь имели «японское прочтение», равно как и «китайско-японское чтение», т.е. произношение, отличное от того, что использовалось в Китае. Вследствие этого Япония получила возможность приобрести к богатству китайской научной мысли и литературы, приспособившая их к собственным потребностям.

Это существенно изменило уложения, введенные сводами законов. Двор сохранил идею о том, что он ответствен за процветание и безопасность страны и нравственность народа, но не стремился достичь этого идеала посредством постоянного вмешательства в жизнь провинций или прямого надзора за действиями своих представителей там, или жесткого соблюдения норм на рисовые наделы, или же сбора налогов. Представлялось более удобным назначить в каждую провинцию губернатора, который бы отвечал за поддержание порядка, сбор и отправку в столицу на нужды двора всего производимого на местах. Двор требовал отчета лишь в конце срока правления губернатора и увольнял того только в случае беспорядков в провинции или же из-за большого количества жалоб от жителей провинции в столицу.

Таким образом, дворцовая аристократия существовала на основе вассальных взаимоотношений между ней и государственными чиновниками среднего уровня, губернаторами, а последние стремились поддерживать действия своих подчиненных. При этом личные отношения начали подтачивать чисто административные методы управления.

Двор и далее не терял своего источника дохода, так как только он контролировал официальный отбор губернаторов провинций, уволить которых он всегда имел возможность. В течение XI в. двор ввел новый способ получения доходов, не полагаясь более только на губернаторов в качестве поставщиков основной прибыли. Поместья различного размера были постепенно выведены из подчинения губернаторов, сначала путем освобождения их от налогов, а затем через издание указов, что никто не имеет права вступать в эти поместья для поддержания порядка. Эти поместья принадлежали членам императорской семьи, семьям высших аристократов и религиозным орденам, и управлялись владельцами через назначаемых ими смотрителей. Таковыми иногда являлись потомки исходных владельцев, которые в обмен на право продолжать управлять поместьями передавали владения могущественной личности, способной защитить их от притязаний губернатора.

С целью поддержки власти над страной двор императора имел склонность полагаться на авторитет, полученный благодаря божественному происхождению правящей

династии. Двор сосредотачивал значительную часть своей деятельности на организации буддийских и синтоистских обрядов, которые предназначались для получения покровительства всей страны от Будды и местных божеств, а также на дворцовых церемониях, рассчитанных на показ собственного величия и высокой степени цивилизованности, которая была достигнута.

Жизнь аристократии была соответствующим образом регламентирована праздниками в святилищах, особенно в местах поклонения в Камо, к северу от столицы, и в Ивасимидзу (на юге), а также в других местах, куда они отправляли посланников с подношениями.

Буддийские обряды в храмах и резиденциях аристократов часто продолжались целый день, а иногда и несколько дней. Они включали трапезу, шествие в процессиях видных религиозных деятелей, облаченных в роскошные одежды, пение на санскрите, китайском и японском языках, мирские песни, а иногда и танцы.

Гражданскими обрядами являлись пиры, сопровождавшиеся музыкой и танцами, и собрания, где сочинялись поэтические произведения в китайском стиле. Иногда двор устраивал у себя обсуждения по вопросам классической литературы или буддийского вероучения.

Все виды искусства вносили вклад в красоту обрядов и церемоний. Они проходили при дворе или в резиденциях аристократов – в больших группах павильонов, расположенных симметрично вокруг сада. Павильоны представляли собой просторные залы под широкими, величественными крышами, опирающимися на колонны, и окруженные галереями. Гладкое коричневое дерево, покрытия из кипарисовой коры, деревянные перегородки и шторы в целом придавали строениям темный, сдержанный вид, оттеняемый занавесями с красными кистями; вереницы высокопоставленных вельмож и женщин мелькали за шторами. Разрисованные ширмы располагались таким образом, чтобы создать видимость разделенного пространства. При дворе существовала собственная студия художников (сохранились только их имена). Они рисовали пейзажи и мифологические сценки в китайском стиле, а также японские пейзажи и жанровые сцены, изображающие времена года и ежегодные японские церемонии.

Китайские и японские поэмы калиграфически писались на рисунках. Позднее, в XII в., стали создаваться разрисованные свитки, иллюстрировавшие мирские и религиозные истории. Один из древнейших таких свитков, роман *«Гендзи моногатари»* («Приключения Гендзи»), является также одним из самых знаменитых (илл. 258). Для буддийских обрядов существовали рисунки, которые прямо соответствовали стандартной иконографии. Развитие амидаизма привело к появлению нового сюжета – нисхождение Будды Амиды (санскр. Амитабха), появляющегося над горами. Однако работы, созданные в Японии, всегда можно отличить от работ из Китая по совершенно иному чувству пространства, поскольку в них не была представлена глубина. Кроме того, аристократы заказывали множество религиозных статуй камнерезным мастерским, главные мастера которых награждались религиозными титулами. Вкусы японцев были менее сосредоточены на металле, глине и лаке; японцы отдавали предпочтение резьбе по дереву и технике составления картин из формованных кусочков дерева по вертикали и горизонтали (илл. 81, 236).

Храмы и резиденции аристократов располагались фасадом к саду, представлявшим собой своего рода мир в миниатюре с прудом, рекой, стоящими камнями и склонами. От этих дворцов и садов мало что сохранилось. Несколько предметов, главным образом шкатулки и письменные доски, свидетельствуют о высоком уровне искусства лаковой живописи, достигнутого в Японии. Завезенную из Китая технику здесь развили до совершенства, особенно технику наложения золота и перламутра. Также усовершенствовали в Японии и печать, которая была изобретена в Китае. Один

из, вероятно, старейших печатных текстов найден в Японии и содержит защищающие заклинания; такие тексты помещались в маленьких пагодах в 770 г. В течение всех средних веков тексты печатались с резных досок в основных храмах центрального региона, но печатные книги не были широко распространены до конца XVI в.

Значительный расцвет двора пришелся на начало XI в., когда Фудзивара-но Мичинага (966–1027 гг.) являлся главным советником и главенствовал на сцене японской политической жизни. В течение нескольких десятилетий множились произведения искусства, начало которым положили женщины. Поскольку они не могли пользоваться аристократическим языком (китайским) или же сочинять китайские поэмы, как это делали мужчины, женщины писали романы, например такие, как знаменитый «Гэндзи моногатари», созданный выдающейся писательницей XI в. Мурасаки Сикубу (ок. 976–1016 гг.), личные дневники, эссе вроде «Макура-но сёши» («Записки у изголовья») Сэй Сёнагон (*Sei Shōnagon*), исторические повествования, такие как «Эйга моногатари» о великолепии периода правления Мичинага, а также поэмы на японском языке. В этом обществе поэзия служила обычным способом общения, а иногда проводились и соревнования в области поэзии. Эти произведения, проникнутые чувствами любви, ревности, ностальгии, печали, ощущением непостоянства и соперничества с природой, не имеют аналогов в Китае. Эта литература, которая была в основном создана женщинами и является единственным образцом, оставшимся от своей эпохи, известным и оцененным в настоящее время, существенно искажает образ аристократического общества, зачастую описывая его более сложным и более обогащенным эстетическими ценностями, чем это имело место на самом деле (илл. 257, 258).

В реальности мужчины были вовлечены в борьбу за власть. Аристократы поддерживали отряды часто весьма жестоких вассалов, а буддийские монастыри располагали группами псевдомонахов, которые более занимались боевыми искусствами, чем религиозным учением. Жизнь в столице и провинциях до середины XII в. нарушалась убийствами, поджогами и грабежами в той мере, в какой это, вероятно, считалось приемлемым. Однако после середины XI в. в буддизме стала укореняться философская школа, проповедовавшая, что боги могут отвернуться от страны, если она будет плохо управляться, и это способствовало распространению в придворных кругах пессимизма и ощущения времен упадка. Теория о том, что в 1052 г. мир вступил в конечный период буддийского права, *матто* («последний закон»), способствовал успеху амидаизма, характеризующегося верой в спасительную власть Будды Амиды (Амитабхи). Отказ от положений свода законов привел некоторых аристократов к заявлениям о том, что боги разгневались и позволяют происходить эпидемиям и другим несчастьям.

Для уменьшения волнений двор назначил чиновников среднего уровня, которые постепенно специализировались в военном деле и наборе военных отрядов. В 1156 г., когда в императорской династии закончились споры по наследованию престола, воины, главным образом из семейств Тайра и Минамото, враждебных роду Фудзивара, встали на сторону противоборствующих кланов, что привело к войне между ними (илл. 256). С 1159 по 1180 г. правитель Тайра Киёмори (1118–1181 гг.) главенствовал в столице, что подрывало традиционную иерархию и престиж двора. Минамото взял реванш после 1181 г. и уничтожили клан Тайра в результате пятилетней борьбы, в течение которой столица лежала в руинах. Юный император утонул при последнем сражении с кланом Тайра в битве при Данноуре. Эти войны, которые не обошли стороной ни один регион страны, стали темой знаменитого произведения «Хэйке моногатари» («История Хэйке»), длинной саги, пересказываемой поколениями рассказчиков по всей Японии.

ПЕРИОД С XII ПО XVI ВЕК

Первое бакуфу, или правительство воинов

С давних времен знать на местах состояла из всадников и лучников. В период Хэйян они назначались, чтобы поддерживать порядок в своих провинциях. Кроме того, многие младшие сыновья государственных чиновников, которые не могли найти работу в столице, отправлялись жить в провинции. Таким образом, обе категории могли получать посты в местных администрациях. В XII в. назначенный двором губернатор посылался в провинцию как представитель правительства, тогда как остальная часть служащих набиралась непосредственно в провинциях. Местная знать в зависимости от своего происхождения могла быть назначена также на должности управляющих поместьями. Многие ее представители защищали свои права или пытались добиться новых привилегий с мечом в руке. Когда центральная власть в конце XII в. оказалась ослабленной смутой и войнами, совпавшими с голодом и эпидемиями в центральных регионах, Ёритомо Минамото (1147–1199 гг.), находясь в ссылке на востоке страны, воспользовался полномочиями, связанными с приказом принца двора изгнать клан Тайра. При этом он искал случай отомстить за поражение своей семьи в 1159 г. и, когда представилась возможность, выступил в качестве лидера, который мог умиротворить страну.

Ёритомо в первую очередь, и более всего, был организатором, а не военачальником. Он не принимал участия в основных сражениях против Тайра, но с первых дней старался управлять великими кланами воинов, сначала на востоке, а затем, по мере продвижения его армии на запад, и в других регионах. Он подтверждал права тех, кто объявлял себя «людьми его дома» (*гокенин*), его вассалами. С 1183 г. двор уполномочил его поддерживать порядок на востоке в расчете, что ему удастся собрать налоги, необходимые для покрытия дворцовых расходов. Когда на него была официально возложена миссия по преследованию клана Тайра, которые считались бунтовщиками, Ёритомо получил также и право надзирать за делами воинов и на остальной территории страны. В 1180 г. он сделал своей резиденцией маленькое рыбацкое селение Камакура на востоке (недалеко от современного Токио), разместив там официальные службы своего дома, которые вели дела с воинами, управляли финансами и вершили правосудие, и набирал персонал из низшего и среднего класса чиновников столицы. Таким путем последние привнесли в *бакуфу* некоторые традиции старой администрации и структуру ее судебных учреждений. Наконец, в 1192 г. император пожаловал Ёритомо титул *сейи тайсёгун*, или сокращенно *сёгун*, которому было суждено остаться титулом глав трех последовательных правительств (*бакуфу*) до 1868 г.

Поскольку он имел право назначать администрацию провинций на востоке и военных управляющих и губернаторов повсеместно, Ёритомо находился в положении, когда мог награждать своих верных вассалов. Даваемые им права позволяли получать доходы, в частности, обеспечивали право удерживать проценты с налогов, получаемых с поместий по поручению владельцев, находившихся либо в столице, либо проживавших в данном регионе.

Бакуфу в Камакура обрело свою окончательную форму только после 1221 г. Ёритомо умер в 1199 г., оставив двух малолетних сыновей. Ходзё, семья его жены, к которым перешла власть, уничтожили мальчиков. После 1219 г. сёгун избирался из рода Фудзивара или императорской семьи, но реальная власть принадлежала семейству Ходзё, особенно тем, кто находился при верховной власти или в качестве регента (*шиккен*).

Двор посчитал невозможным для себя и далее идти на уступки, которые он вынужден был сделать Ёритомо. Когда в 1221 г. двор попробовал лишить сёгуна данных ранее

привилегий, вассалы бакуфу не подчинились приказу двора считать Ходзэ Ёситоки бунтовщиком. Войска, посланные из столицы, были разбиты, и верховная власть бакуфу в результате этого инцидента только усилилась. Был учрежден совет, *Хиддзэ-шу*, составленный из глав ведомств (во многих случаях, наследуемых) и представителей основных вассальных семейств. В задачи совета входил в основном надзор за выполнением прав собственности, и к этой работе были привлечены вассалы, военнотрудовые и военные губернаторы. В 1232 г. бакуфу обнародовало кодекс «Дзээй Сикимоку» («Свод правил Дзээй»), который остался основой законодательства всех последующих бакуфу.

Однако учреждения и законы, введенные двором, не были отменены. Законы остались в силе в провинциях, а учреждения там продолжали рассматривать жалобы и давать указания. Придворные вельможи и члены императорской семьи сохранили владение поместьями по всей стране. Права на эту собственность были сложными, путаными и различались в зависимости от обстоятельств: существовали права знатных землевладельцев, которые различались от получения доли с налогов до назначения и увольнения управляющих поместьями; права управляющих поместьями, постоянно там проживающих, права военных управляющих, назначенных бакуфу, права собственников налогооблагаемых земель и права тех, кто фактически обрабатывал землю и кто в определенных случаях отличался от собственников. В системе владения собственностью существовали неотъемлемые долгосрочные риски для знатных землевладельцев, придворных вельмож, но и в XIII в. данная система по-прежнему давала им соответствующий доход. Полицейское отделение при дворе Хэйян активно действовало в столице в течение XIII в., и двор фактически распространил свое покровительство на группы ремесленников, купцов и мореплавателей, которые поставляли рыбу и соль, а также перевозчиков, живших в центральных районах, и тех, кто работал в регионе Внутреннего моря, там, где располагались территории с наиболее активной деятельностью. Та верховная власть, которая еще оставалась удвора, держалась главным образом не на силе, а на традициях и сохранившемся престиже.

Во второй половине XIII в., когда стране пришлось столкнуться с угрозой монгольского нашествия, бакуфу принимал решения единолично. Двор лишь назначал религиозные церемонии и выражал свои пожелания. В 1274 и 1281 гг. делам обороны страны существенную помощь оказала стихия – тайфуны и штормы.

Но после этого окончательного успеха, который дал режиму Ходзэ время установить более сильное влияние в западных районах страны и над морскими путями во Внутреннем море, наступил период спада. Хотя ранее этот режим стремился управлять своими вассалами, которые позволяли ему поддерживать порядок, ему пришлось столкнуться с растущим недовольством «людей его дома» (*гокенин*), число которых возросло и которые становились все беднее из-за разделения наследуемой собственности, оказываясь, как следствие, все более опутанными долгами. По мере того как Ходзэ оказывал больше милости своим людям по сравнению с вассалами бакуфу, росло число случаев незаконного присвоения государственных доходов, беспорядков и грабежей бандами пиратов и бунтовщиков. Окружение правительства раздирали кровавые стычки.

Когда в 1318 г. Годайго (1288–1339 гг.) стал императором, он начал выстраивать политику, направленную на уничтожение бакуфу и восстановление власти двора. В 1331 г. после ряда инцидентов бакуфу удалось изгнать императора Годайго. Однако после этого, в 1333 г. правительство, покинутое значительной частью своих вассалов, особенно, такими как Асикага Такаудзи (1305–1358 гг.), оказалось в подчинении у воинов, не являвшихся вассалами бакуфу, среди которых можно назвать широко известного Кусуноки Масасиге, вокруг которого некоторые *гокенин* объ-

единили свои силы. В эпоху Кемму император Годайго смог вернуться в Киото и попытаться восстановить свое правление. Фактически эта попытка реставрации основывалась на непонимании ситуации, так как вассалы бакуфу в Камакуре и не свергли императора, поскольку рассчитывали на возвращение к прежнему режиму, а также не желали подчиняться приказам чиновников в Киото или же принимать пересмотр титулов на владение поместьями, которыми они уже владели или же завладели в данный период. В результате сложилась ситуация, совершенно противоположная той, на которую рассчитывал император Годайго, а провал попытки реставрации привел к еще более быстрому ослаблению двора и постепенному его расхищению. Начиная с 1335 г. взаимоотношения Асикаги Такаудзи с двором ухудшились. В 1336 г. он изгнал императора Годайго из столицы. В предыдущие десятилетия бакуфу в Камакуре организовал последовательность восхождения на трон двух чередующихся ветвей потомков императора, который правил с 1242 по 1246 гг. Когда император Годайго, который происходил из ветви Дайкакудзи, создал собственный двор в Ёсино к югу от региона Нара, стало возможным свергнуть императора ветви Дзиммиё-ин в Киото. Таким образом, образовалось два двора, и страна оказалась вовлеченной в долгий период конфликтов.

Хаос при бакуфу Асикаги

До 1392 г. существовал непримиримый раскол между императорским домом и двумя дворами – северным двором в Киото и южным в Ёсино. Страна была разделена, однако какой-то четкой границы между регионами, принадлежащими к разным дворам, не существовало. Сторонники каждого существовали бок о бок, и большинство выбирали тот двор, который лучше подходил их интересам, без сожаления переходя с одной стороны на другую или же без сожаления выходя из зависимости от обеих сторон. Император северного двора возложил титул сёгуна на Асикагу Такаудзи, который считал себя потомком Минамото (илл. 14).

Бакуфу Асикаги, известное также как бакуфу Муромати по имени района столицы, где третий сёгун устроил свою резиденцию, представлял собой слегка видоизмененный вариант предыдущего. При нем не было регента (*сиккена*), но имелся заместитель сёгуна *канрей*, должность которого не была наследуемой, но сохранялась за членами трех главных семей военных правителей. Глава ведомства, занимавшегося делами воинов, являлся также и военным губернатором провинции Ямасиро и, таким образом, был ответственен за обеспечение порядка в столице и контроль над ее многочисленным населением, состоявшим из торговцев и ремесленников. На эти посты имели право назначаться только члены четырех семейств. Ведомство гражданской службы, которое отвечало за финансы, приобрело важность в конце XIV в., когда бакуфу стало создавать капиталы из налогов, уплачиваемых ростовщиками и производителями сакэ.

Военные губернаторы, назначавшиеся в каждую провинцию, принадлежали к основной части семейств, имевших общее происхождение с Асикагой, но этого было недостаточно для гарантии их лояльности. В предыдущий период они назначались только для того чтобы наказывать убийц и вооруженных грабителей и созывать *гокенинов*. Однако из волнений, происходивших в XIV в., и из необходимости вести борьбу с теми, кто поддерживал южный двор, губернаторы извлекали преимущества для расширения собственных прерогатив. Они вмешивались в управление поместьями и землями, которые оставались под юрисдикцией властей провинций, и добивались (часто лишь временно) права повышать там налоги или же забирали половину от того, что причиталось владельцам. Они старались скрывать обращения людей ко двору сёгуна.

Военные губернаторы часто проживали в столице и, поскольку некоторые из них отвечали сразу за несколько провинций, они назначали представителей, которые иногда использовали такую возможность для удовлетворения собственных амбиций. Управляющие восточных провинций сообщали Асикаге о младшей ветви двора, которая располагалась в Камакуре, а те, кто надзирал на о. Кюсю, отчитывались перед генерал-губернатором острова (*mandai*) о состоянии дел. Эти чиновники с разной степенью успеха старались подчинить и сделать вассалами более мелких местных воинов, управляющих поместьями и даже владельцев рисовых полей, за работой которых они надзирали – другими словами, подчинить как воинов, так и крестьян.

За предыдущее столетие крестьянские общины стали достаточно организованными и приобрели определенное правовое положение. Эти как их обязательство платить фиксированную ставку налога считались обоснованными в правовом отношении (самые ранние известные из таких обязательств относятся к 1240 г.). К концу XIII в. некоторые общины разработали и свои собственные правовые нормы.

Таким образом, в спорах участвовали четыре группировки: (1) землевладельцы, придворные вельможи и главные религиозные деятели; (2) мелкие провинциальные воины; (3) крестьянские общины; и (4) представители правительства бакуфу. Мелкие местные воины могли объединяться с крестьянами против господ из поместий или подавать прошения военному губернатору с целью добиться права самим управлять поместьем или крестьянской общиной. Они могли даже создать и собственное объединение (*икки*) в противовес военному губернатору. Военные управляющие в провинциях зачастую не слишком колебались относительно того, чтобы использовать придворных вельмож в своих целях и добиваться для себя больших прав. Крестьяне могли использовать в своих интересах споры между своими господами, зависевшими от них в получении средств к существованию. В целом, крупные монастыри и храмы защищали свою собственность лучше, чем придворная знать. Сельские общины также могли вступать в союзы с местными воинами и получать их защиту, но некоторые из них просто сами брались за оружие и сами себя защищали.

После воссоединения двух дворов в 1392 г., которое явилось более выгодным для северного двора, бакуфу Асикаги достигло зенита своей славы. Третий сёгун Ёсимитсу (1358–1408 гг.), после того как сумел заставить подчиниться некоторых крупных военных правителей, принес стране несколько лет мира и процветания. В дополнение к своему посту сёгуна он сумел в 1382 г. убедить двор назначить его также министром левого крыла и главным министром государства в 1394 г., когда он передал пост сёгуна одному из своих сыновей. На следующий год он стал монахом, хотя и продолжал руководить бакуфу через своего сына. У него была великолепная резиденция Китаяма, построенная на холмах к северу от Киото. С целью улучшения собственного финансового положения, которое позволяло ему покупать верных людей и играть роль знатного аристократа и покровителя искусств, он возобновил официальные (т.е., неравноправные) отношения с Китаем. При первой подходящей возможности он принял титул *ё* («князь» или «король»), который использовался правителями подчиненных Китаю стран; при этом, с одной стороны, как бы исключалось наличие императора, но, с другой стороны, император и не компрометировался. Ёсимитсу добился получения лицензии на торговлю с Китаем и выгодно вел дела. Его преемник, разочарованный неравноправностью отношений, прервал их, несмотря на явные выгоды от торговли, но уже его собственный преемник (родной брат) изменил решение, и торговля по лицензиям продолжилась, хотя она и обогащала *даймё* (могущественных феодалов) и религиозные организации, особенно буддийские храмы Дзэн-буддизма, в большей степени, чем правительство бакуфу. С исчезновением угрозы монгольского вторжения в

XIV в. на о. Кюсю, о-вах Цусима и по всему западу страны началась активная деятельность, которая частично была пиратской, частично торговой. Энергичные усилия бакуфу по устранению тех, кто поддерживал южный двор на о. Кюсю, в сущности имели целью добиться разделения прибылей от торговли с Кореей и Китаем. Помимо всего прочего, это означало, что таким образом можно получать валюту, которая настоятельно требовалась Японией для внутреннего обмена, поскольку чеканка монет была приостановлена еще в X в. и не возобновлялась до конца XVI в.

После убийства второго преемника Ёсимитсу в 1441 г. бакуфу вступило в период упадка, хотя в конце столетия сёгун Ёсимаса (1436–1490 гг.) сумел построить изящную резиденцию Хигасияма в восточном Киото, собирать там произведения искусства, организовывать собрания по сочинительству поэтических произведений и проводить чайные церемонии. Центральная власть рухнула, и страна вступила в фазу быстрых перемен, социальных преобразований и смены иерархии; этот период современники называли «низшие побеждают высших», «ниспровержение» или *гекокудзё*. Беспорядки распространились еще шире после войны 1467–1477 гг. (война Онин), возникшей как следствие разрешения спора о наследовании в семействе сёгуна между двумя союзами *даймё* в центральных регионах. Период с 1467 г. до падения бакуфу Асикаги в 1537 г. историки называют *Сенгоку дзидай* («Период воюющей страны»).

Конец XV в. и XVI в. явились временами восстаний и борьбы, главным образом, в центральных регионах, но и остальные части страны не остались в стороне. Крестьянские общины пользовались определенной автономией, могли проводить собственные собрания; они управляли общими землями и системами орошения. Когда жителей не устраивал местный господин, они иногда создавали «коммуны», называемые также *икки*, и представляли свои требования в столь резкой форме, что слово *икки* приобрело значение крестьянского восстания. После 1428 г. крестьяне и землевладельцы лошадей часто выступали с требованиями проведения «актов милосердия» (*токусейпей*), или издания указов, отменяющих долги. В столице такие бунты были направлены против ростовщиков, которых часто защищало правительство бакуфу, поскольку те платили налоги. В других случаях лозунгами восстания были снижение налога на землю или устранение таможенных постов на дорогах, многие из которых были расположены в центральных регионах. Иногда восстания охватывали всю провинцию. Некоторые бунты были направлены против военных губернаторов. В 1487 г. жители провинции Ямасиро изгнали армии обоих соперников, которые боролись между собой за титул военного правителя. В течение семи лет они пытались управлять провинцией самостоятельно, но это им не удалось. С другой стороны, секта амидистов, известная как Иккёсю (секта тех, кто обращен только в одном направлении, кто верит только в Амида Будду (Амитабу); другое имя истинной секты «Буддизма чистой Земли»), преуспели в управлении провинцией Кага и вели его в течение 100 лет.

В конечном итоге другие волнения, подобные указанным войнам, потрясли семейства военных правителей, *даймё* или «великие имена». В семействах воинов имелась тенденция определять только одного наследника, что приводило к частым ссорам из-за наследования, в которых участвовали многие вассалы. В результате, были ослаблены несколько знатных семейств *даймё*, и амбициозные вассалы оказались способными довольно легко заменить своих господ, тем более, что военное искусство давало им возможность либо избежать полного поражения, либо не достигнуть полной победы. Многие люди в те времена носили оружие, и создать вооруженные группы не представляло труда. Некоторые *даймё* в XVI в. произошли от военных губернаторов, однако другие возникли вновь, иногда имея совершенно незнатные

корни. Ни одному даймё не удалось установить стабильное правление в центральных регионах. Как правило, каждый местный господин старался организовать собственную территорию, учредить управленческие структуры, взимать налоги, осуществлять законодательные меры и, помимо всего, добиваться лояльности воинов.

Тем не менее, в середине данного периода смятений, сражений и соперничества отмечался прогресс в области экономики. В XVI в. каждый даймё был заинтересован в процветании собственной территории посредством развития городов и рынков, выращивании, например, хлопка. Впечатление, что Японию в средние века сотрясали постоянные войны и восстания, не вполне верно, поскольку беспорядки часто имели непродолжительный характер и не происходили повсеместно в одно и то же время. Этот период явился временем обновления элиты общества, экономического прогресса, возникновения новых религиозных движений и развития новых литературных жанров.

Средневековая цивилизация

Средневековая эпоха, особенно XIII в., вновь стала временем интенсивной религиозной активности. В период Камакура были созданы несколько новых сект. Их верования не были совершенно новыми и неизвестными в Японии, так как они по большей части содержались в доктрине школы *тендай*. Новые секты делились на две группы: амидизм и дзэн.

Амидизм появился в конце X в. по мере роста опасений, что начинается эпоха «современного закона», *матто*, когда вера в обещание Будды Амиды спасти всех, кто верует в него, представлялась единственным путем к спасению. В XIII в. возникли три секты. Первой была секта Чистой земли, Дзедосю, основанная Хененом (1133–1212 гг.), который выступал за обращение к Амиде, но не отрицал монашескую жизнь. Один из ее наиболее радикальных последователей, Синран (1173–1262 гг.) считал, что обряды монахов и монахинь не уместны для тех, кто исповедует веру в высшую власть и верит в обещания Амиды. Он основал истинную секту Буддизма чистой земли, Дзэйдэ синсю. Женившись, Синран отправился проповедовать на восток, где организовал группы верующих. После начала смуты его потомки, в частности Реннёо (1415–1499 гг.), стали считать себя наследственными лидерами секты. Секта широко распространилась по деревням, и к концу XV в., как уже было указано, она преобладала в провинции Кага. В XVI в. ее главный центр Хонган-дзи в Исияме (на месте современного г. Осака) длительное время боролся против Нобунаги Ода. Другой монах в XIII в. – Иппен (1239–1289 гг.) распространял веру в религиозные ритуалы в виде танца, которые были весьма популярны в народе. Он создал секту амидизма под названием Дзисю, которая развивалась на иной основе, чем секта, основанная Синраном (илл. 81).

Дзэн (от китайского слова *чань*, которое в свою очередь происходит от санскритского *дхьяна* – созерцание, самопогружение), являющийся методом медитации, представляет собой способ достижения Просветления, т.е. открытия вновь «природы Будды», которая находится внутри любого человека. Секта тендай была уже знакома с этими методами, но не сосредотачивала свое учение на них. В отличие от амидизма, течение дзэн опиралось на веру в то, что пробуждение может быть достигнуто через усилия самого верующего, того, кто опустошит свой ум, применяя метод тихого сидения, *задзэн*.

Два монаха, подготовленные по вероучению тендай, отправились в Китай. Первый, Эйсай (1141–1215 гг.) вернулся с методиками дзэн школы Ринзай, а второй, Деген (1200–1253 гг.), один из величайших мыслителей средних веков, привез методика школы Сете. В учении дзэн письмен-

ная передача знаний теоретически считается низшим этапом, хотя это не препятствует монахам дзэн много заниматься писанием. Аналогичным образом, теоретическое учение дзэн противостоит эзотерическому буддизму и его действующим ритуалам, которые были столь популярны в период Хэйян. Однако на практике средневековый дзэн оставался весьма насыщен эзотеризмом учения тендай. Монахи, особенно приверженцы школы Ринзай, пользовались значительным покровительством бакуфу Камакура и Муромаша. Поскольку многие из них побывали в Китае, они играли важную роль в передаче неоконфуцианской философии. Секта Ринзай была организована по китайской модели «Пять гор» («*Гуцзан*») с иерархией монастырей, верховные служители которых назначались государственными властями. Дзэн-буддизм дал много монахов, выдающихся своими талантами в китайской поэзии, навыками дипломатов, проявившимися как во времена внутренних конфликтов, так и в отношениях с Китаем. Кроме того, из дзэн-буддийских монастырей вышли компетентные финансисты: монастыри давали деньги в займы и принимали активное участие в торговле с Китаем. Монахи обладали и техническими навыками, поскольку в монастырях была широко развита печать религиозных текстов и текстов китайских поэтов, а также многочисленными художественными дарованиями – ведь именно в храмах дзэн были созданы образцы сухих садов, а монохромная пейзажная живопись была доведена до совершенства Сьюбуном и его учеником Сэсю (настоящее имя Тоё Ода, 1420–1506 гг.) (илл. 254).

Некоторая реформа школы тэндай, лишаящая ее эзотерического характера, была проведена монахом Ниширеном, который основал единственную доморощенную буддийскую секту, носящую его имя и иногда еще называемую *хоккэсю*, поскольку она по сути своей основывается на «*Сутре Лотоса*». Секта обрела многих последователей среди торговцев и ремесленников в Киото. Ниширен замышлял коренное изменение амидизма, а последователи его секты естественным образом оказались в противостоянии с сектой *ижжо*, как еще называли дзэйдэ синсю, которая была широко распространена среди крестьян на окраинах столицы, часто находившимися в долгах у городских ростовщиков. Эта враждебность, как и та, что проявилась у школы Тендай по отношению амидизму и секте Ниширен, внесла существенный вклад в нестабильность в XV и XVI вв.

Процветало и учение синто. Эра паломничества в г. Кувано (на юге п-ова Кии) началась в XII в., и в XIII в. знать, воины и задолго до этого простые люди отправлялись в г. Исе (тоже на п-ове Кии. – *Прим. ред.*). Взаимоотношения между буддизмом и синто изменились: если в начале средневековья проявлялась тенденция к поклонению реинкарнациям Будды, то затем японские мыслители, такие как Есида Канетомо (1435–1511 гг.) пересмотрели это соотношение и сделали божественные существа главными сущностями, инкарнациями которых был Будда.

Все более нишающая придворная знать стремилась сохранять репутацию, обходительность и учтивость. Она культивировала то, что считалось ее особой чертой, – поэзию *вака*, т.е. короткие стихи из пяти строк, и двор продолжал заказывать официальные сборники антологий до 21-й и последней по счету в 1439 г. Древняя музыка *гагаку* просуществовала до XV в., переживая постепенный упадок. Именно война Онин (см. выше) привела к тому, что музыканты разбрелись кто куда, и двор потерял свои оркестры. Также одной из сильных сторон знати была эрудиция, и придворные стремились повышать свою образованность, особенно в вопросах, связанных со старым двором, циклами празднований, церемониями, учреждениями и комментариями к великим работам прошлого. Эти темы были для них окрашены ностальгией. Посредством изучения таких вопросов они старались поддерживать память прошлого,

казавшегося все более славным по мере того как оно отдалялось. Соответственно, придворные создавали справочники по вопросам протокола и энциклопедии по таким предметам, как доктрина *инь* и *ян*, а также об обычаях, костюмах и обрядах.

Среди множества имен некоторые заслуживают отдельного упоминания. В начале XIII в. Фудзивара-но Тэйка (1162–1241 гг.), составитель поэтической антологии «*Син кокин вакасю*» и издатель более ранних текстов, стал первым из тех, кто сохранял древнюю поэзию. В XIV в. Китабатаке Шикафуса (1293–1354 гг.) составил справочник по древним институтам «*Сокугенсё*» и по истории страны «*Дзиннё сётё ки*» («Хроники прямого наследника божественных владык»), которые вызвали огромный интерес в последующие столетия. Тенонин Кинката (1293–1360 гг.) создал небольшую и всестороннюю энциклопедию двора «*Сюгайсё*». Наконец, крупным ученым XV в. был Ичидзё Канзёси (1464–1514 гг.), являвшийся главным советником и автором комментариев к «*Тендзи моногатари*», «*Кокин вакасю*», «*Нихон Сёки*» и многим другим работам. Война Онин нанесла ему также жестокий удар, когда собранная им библиотека сгорела дотла.

Воины XIII в. в большинстве своем были неграмотны и посвящали себя в большей степени стрельбе из лука на скаку по движущимся мишеням, чем литературе и искусствам. Однако элита воинов, начиная с Ёритомо Минамото и продолжая Ёсимитсу Асикага и Ёсимаса Асикага, нисколько не презирали культуру придворных вельмож, а старались учиться у них и у монахов дзэн, которые приобщали их к философии и искусствам Китая. Средневековая цивилизация не просто наследовала цивилизацию аристократии. Она усилила ее такими народными дополнениями, как старинные развлечения, известные под названием *саругаку* (иногда переводится как «обезьяньи танцы»), или же истории, певшиеся странствующими сказителями, благодаря которым «*Хэйке моногатари*» («История Хэйке») стала самой известной работой в японской литературе и источником многих пьес театра Нох.

Именно в Киото, где после XIV в. обосновалось особенно много воинов и где проживало также много купцов, произошло смешение этих культур. Даже бездомные люди, известные как *каварамон*, поскольку они жили по берегам р. Камо, участвовали в художественной жизни своего времени, особенно как устроители садов. Группы людей, которые присматривали за внутренним убранством, расположением предметов искусства, организацией встреч с обсуждением стихосложения и чайными церемониями в домах *сёгуна* или главных *даймё*, часто набирались среди личностей с весьма скромным происхождением. Эти люди назывались *дэбё* и скрывали свое происхождение за формой религиозного имени, оканчивавшегося на *-ами* (что обозначает принадлежность к секте Дзи). Таким был, например, Зеами, известный мастер театра Нох, Зенами, мастер по разбивке садов, а также Ёйями, Ноами и Соами, организовавшие чайные церемонии для Ёсимасы. В XV в. богатый купеческий город Сакай (восточная часть современного г. Осака) также внес вклад в развитие некоторых форм искусства, в частности всех аспектов чайной церемонии.

Средние века знали два периода взлета – в начале XV в. при Ёсимитсу (период, называемый Китаяма, по названию его виллы), и в конце столетия при Ёсимаса (период, называемый Хигасияма, по названию его резиденции). От симметричного расположения и размаха аристократических жилищ более раннего периода отказались в пользу более свободного пространственного устройства павильонов. Монастыри дзэн создали образцы обособленных жилищ меньшего размера, каждое из которых имело свой собственный сад. Была изменена внутренняя планировка павильонов: увеличилось количество стен (что уменьшило размеры комнат), пол теперь полностью покрывали циновками, а деревянные ставни и жалюзи между внеш-

ней галереями и внутренними частями дома заменили на полупрозрачные бумажные перегородки. Было разработано убранство некоторых комнат – появились возвышения, альковы, украшенные рисунками или вазами, с примыкающими асимметричными деревянными полками или шкафчиками. Этому стилю суждено было стать доминирующим в домах знати и состоятельных людей в течение последующих веков.

Начало XV в. ознаменовалось созданием и развитием театра Нох, теоретик, автор пьес и актер в котором Зеами (1363–1443 гг.) был фаворитом Ёсимитсу. Театр имел народные корни и вначале также и народную аудиторию. Стало чрезвычайно популярным в среде низших воинов и торговцев развлечение, заключающееся в составлении рифмованных строф несколькими участниками, каждый из которых сочинял половину *вака*. Этот обычай уже был известен и ранее, но не использовался среди аристократии, которая предпочитала поэтические состязания.

Чайная церемония, которую начали разрабатывать в деталях с XV в., оказала влияние на архитектуру, ландшафтное садоводство, изготовление гончарных изделий, живопись и составление цветочных композиций. Сёгуны, и Ёкимаса особенно, создали подборку предметов и произведений искусства, связанных с чайной церемонией. Первый знаток и теоретик этого процесса Мурата Сукё (1423–1502 гг.) испытал сильное влияние культуры дзэн. Он имел много учеников по всей стране, но группа из богатого купеческого города Сакай заслуживает особого внимания – там были подготовлены такие специалисты как Такено Дзёё (1502–1555 гг.), затем – Сэн Рикию (1521–1591 гг.), который служил Тоётоми Хидзэси и был связан с элитой воинов, но трагически погиб.

До наших дней не дошло великих романов из литературы того времени, которое, тем не менее, заслуживает внимания за поэтические произведения. Монахи дзэн-буддисты создали многочисленные сборники китайской поэзии (Го-зан *бункагу*, «Литература Пяти гор»), содержащие великолепные произведения; из них самые ранние в значительной степени основаны на религиозной тематике, но со временем эта поэзия постепенно приобрела мирской характер.

Один из наиболее известных поэтов, хотя и являвшийся маргиналом по отношению к остальным, – Иккю Сёдзюн (1394–1481 гг.), который до возвращения в светское общество вел жизнь странствующего монаха. Он наиболее остро чувствовал беды своего времени и критиковал упадок нравов правящих монастырских верхов. Один из его сборников «*Киеунсу*» («Безумные облака») все еще пользуется успехом. Он оказал влияние как на мастеров чайной церемонии, таких как Мурата Суке, так и на специалистов *ренга*. *Ренга*, буквально «нанизанные строфы», являлась типичной японской поэзией средних веков, которую создавали в группе, где каждый участник сочинял половину *вака*. Двумя главными собраниями в данном стиле являются «*Цужубасю*» середины XIV в. и «*Синсэн Цужубасю*», датированный 1495 г. Наиболее часто упоминаются имена Сёги (1421–1502 гг.) и Сёчэ (1448–1532 гг.). Теоретики искусства чая и поэты, такие как авторы пьес для театра Нох, в большинстве своем происходили из простых людей. Это, вместе с определенной приверженностью к оригинальному, не конформистскому поведению, обычной среди воинов и простых людей, является характерным для средневековой цивилизации.

Когда в 1573 г. бакуфу последнего сёгуна и рода Асикага было свергнуто Нобунагой Ода (1534–1582 гг.), правителем о. Хонсю, начавшим процесс воссоединения после периода «воюющей страны», Япония в течение 30 лет находилась в контакте с причалившими к острову португальцами. Нобунага Ода получил от них два мушкета и по их образцу налаживал производство оружия в самой Японии. Это оружие сыграло свою роль в борьбе на переломе столетий, которое привело к объединению страны под властью Тоётоми

Хидэёси (1536–1598 гг.). Дальнейшие меры, такие как разрушение населения, резкое разделение, проведенное между воинами и остальным народом, и новый земельный кадастр, который устранил последние следы более ранней поместной системы, укрепили процесс воссоединения. После последней битвы у Сэкигахары, Иэясу Токугава (1542–1616 гг.) смог в 1603 г. основать третье и последнее бакуфу. Япония вступила в эпоху Новой истории.

ПРИМЕЧАНИЕ

Слово «цивилизация», применяемое автором, должно пониматься в его французском смысле, т.е. как весь социальный феномен религиозного, нравственного, эстетического и технического характера, общий для данного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AKIYAMA, T. 1961. *La peinture japonaise*. Geneva, Skira.
- BROWN, D. M. (ed.) 1993. *Ancient Japan*, Vol. I. Cambridge. XXII <2> (The Cambridge History of Japan).
- COLLCUTT, M. 1981. *Five Mountains: The Rinzaï Zen Monastic Institution in Medieval Japan*. Council on East Asian Studies, Harvard University (Harvard East Asian Monographs, 85). Cambridge, Mass.
- COOPER, M. (ed.) 1976. Introduction by DOI, T. *The Southern Barbarians: The First Europeans in Japan*. Palo Alto, Kodansha International in co-operation with Sophia University. Tokyo.
- ELISSEEFF, V. AND D. 1980. *L'art de l'ancien Japon*. Paris.
- FRANK, B. 1958. *Kata-imi et Kata-tagae, étude sur les interdits de direction de l'époque Heian*. Maison Franco-japonaise (Bulletin de la Maison Franco-japonaise, tome V, Nos. 2–4). Tokyo.
- 1993. *Le pantheon bouddhique au Japon*, collection d'Emile Guimet. Réunion des musées nationaux. Paris.
- GOMI, F. 1988. *Kamakura to Kyoto* (Kamakura and Kyoto). Vol. 5, Shogakkan (Taikei Nihon no rekishi). Tokyo.
- GROSSBERG, K. A. 1981. *Japan's Renaissance: The Politics of the Muromachi Bakufu*. Council on East Asian Studies, Harvard University (Harvard East Asian Monographs, 99). Cambridge, Mass.
- HALL, J. W., MASS, J.P. (eds) 1988. *Medieval Japan: Essays in Institutional History*. New Haven, Conn. (reprinted, Stanford, California, Stanford University Press).
- HALL, J. W., TOYODA, T. (eds) 1977. *Japan in the Muromachi Age*. Berkeley, Calif.
- HALL, J. W., NAGAHARA, K., YAMAMURA, K. (eds) 1981. *Japan before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650*. Princeton, NJ.
- HÉRAIL, F. (ed.) 1990. *Histoire du Japon*. Le Coteau, Horvath.
- JOÛON DES LONGRAIS, F. 1958. *L'Est et l'Ouest*. Maison Franco-japonaise. Tokyo.
- MASS, J. P. (ed.) 1982. *Court and Bakufu in Japan: Essays in Kamakura History*. New Haven, Conn.
- 1979. *The Development of Kamakura Rule, 1180–1250: A History with Documents*. Stanford, Calif.
- MASS, J. P., HAUSER, W. B. (eds) 1985. Foreword by JANSEN, M. B. *The Bakufu in Japanese History*. Stanford, Calif.
- MORRIS, I. 1964. *The World of the Shining Prince: Court Life in Ancient Japan*. Knopf, New York, Oxford University Press, Oxford, England, (reprinted, Penguin Books, Harmondsworth, Middx, 1964; Tuttle, Tokyo, 1978).
- NAGAHARA, K. 1988. *Nairan to Munshu (Civil War and the Common People)*. Vol. 6. Tokyo, Shogakkan (Taikei Nihon no rekishi).
- NOMA, S. 1966 and 1967. *The Arts of Japan, I: Ancient and Medieval. II: Late Medieval to Modern* (trans. By ROSENFELD, J. and WEBB, G. T.) Kodansha International. 2 vols. Tokyo, New York.
- REISCHAUER, E.; CRAIG, A. M. 1989. *Japan: Tradition and Transformation*. Houghton Mifflin. rev. edn. Boston, Mass.
- SUGIMOTO, M.; SWAIN, D. L. 1978. Foreword by SIVIN, N. *Science and Culture in Traditional Japan, A. D. 600–1854*. MIT Press (MIT East Asian Science Series, 6) Cambridge, Mass. (reprinted, Tuttle, 1989. Tokyo).
- TANAHASHI, M. 1988. *Ōchō no shakai (Heian Aristocratic Society)*, Vol. 4. Tokyo, Shogakkan (Taikei Nihon no rekishi).
- VARLEY, H. P. 1967. *The Ōnin War: History of its Origins and Background with a Selective Translation of the Chronicle of Ōnin*. Columbia University Press (Studies in Oriental Culture, I). New York.
- VERSCHUER, C. VON. 1987. *Le commerce extérieur du Japon, des origines au XVIe siècle*. Collège de France, Institut des hautes études japonaises. Maisonneuve et Larose. (Bibliothèque de l'Institut des hautes études japonaises). Paris.
- WAKITA, H. 1988. *Sengoku daimyō [Feudal Lords (daimyō) of the Sengoku Era]*, Vol. 7. Tokyo, Shogakkan (Taikei Nihon no rekishi).
- YAMAMURA, K. (ed.) 1990. *Medieval Japan*, Vol. 3. Cambridge, XVIII <3> (The Cambridge History of Japan).
- YOSHIDA, T. 1988. *Kodai kokka no ayumi (The Ancient State)*. Vol. 3. Shogakkan (Taikei Nihon no rekishi). Tokyo.
- YOSHIE, A. 1986. *Rekishi no akebono kara dento shakai no seijuku he (From the Dawning of History to the Maturation of Traditional Society)*, Vol. I. Yamakawa shuppansha (Nihon tsushi). Tokyo.

28.2

КОРЕЯ

Огг Ли

ПОЛУОСТРОВ ПОД ВЛАСТЬЮ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА

После нескольких лет военных действий в борьбе за господство на Корейском п-ове победу одержало государство Силла (существовало с 57 г. до н.э. до 918 г. н.э.). Оно сумело подчинить соседей – Когурё (с 37 г. до н.э. по 668 г.э.) на севере и Пэкче (с 18 г. до н.э. по 660 г. н.э.) на западе. Для достижения этой цели Силла вынуждено было призвать на помощь армию китайской династии Тан, единственной целью которой при вступлении в войну между государствами полуострова было расширение собственных территорий на восток. Как только китайская династия продемонстрировала, что она желает добиться контроля над территориями побежденных государств, разразилась война против династии Тан. Силла добилась успеха, вытеснив китайцев на север, но они не «возвращали» Силле контроль над частью территории к югу от бассейна реки Тэдонган до 735 г.

При сильном влиянии Китая цивилизация Силла переняла радикальные перемены, особенно в течение VI и VII вв. Правящий класс стремился перенять китайский образ жизни, как можно видеть из факта, что придворные правителя уже в 649 г. стали одеваться в китайском стиле, а сам правитель Тэйёнг (Taejong, 654–661 гг.) носил одежды, подаренные ему императором династии Тан – верный признак «подчинения» китайской цивилизации. В связи со значительным расширением территории объединенного государства появилась потребность в дополнительных администраторах для обеспечения должного управления. С этой целью в государстве была учреждена в 682 г. национальная школа (*кххак*), где молодые аристократы проводили 9 лет, изучая не только китайское искусство государственного управления, но также китайскую историю и философию. Тем не менее, до 728 г., когда было получено разрешение китайского императора, этим учащимся не разрешалось проходить обучение в китайском Государственном институте (*гусюэ*). Но в действительности из 58 таких учащихся, которые сдали выпускные экзамены в корейской национальной школе, более десяти продемонстрировали настолько блестящие результаты, что получили титулы китайских государственных служащих.

Буддийские монахи также ездили в Китай для завершения образования, среди них Вонч'ук (*Wonch'uk*, 613–696 гг.) и Юисан (*Uisang*, 625–702 гг.). Ученик замечательного китайского путешественника, буддийского монаха Сюаньцзана Вонч'ук во время своего пребывания в Китае помогал в переводе буддийских рукописей на китайский язык. Юисан известен как основатель в Силле секты хваум (по-китайски *гуайянь*, на санскрите – *аватамсака*). Нескольким монахам удалось добраться до Индии, и среди них Гиечо (Гуйчао по-китайски) (704–? гг.), который по возвращению в Китай также участвовал в переводе буддийских рукописей на китайский язык и написал (на китайском) хорошо известный «Дневник путешествия в пять стран Индии». С конца VIII в.

на полуострове широко распространилась вера в Амитабху и в «возрождение в западном раю». Действия сторонников этой «спасательной» веры в значительной мере поддерживались монахом Вёнхьё (617–686 гг.).

В государстве Силла пользовались корейской письменностью, применяя способ, известный как *иду*, при котором корейские семантемы представлялись посредством китайских идеограмм эквивалентного значения, тогда как частицы и суффиксы, характерные только для корейского языка, записывались с использованием фонетического значения китайских символов.

Буддийская корейская храмовая архитектура и скульптура также испытала сильное влияние достижений эпохи Тан, в которую Китай сам заимствовал многое из Центральной Азии и греко-буддийского искусства. Большинство статуй и барельефов этой эпохи, особенно образцы VIII в. из Соккурама, рядом с Кёнджу, столицей Силлы, могут быть приравнены к шедеврам Центральной Азии.

Также из Китая народ Силлы узнал о технологии создания печатных оттисков с деревянных блоков. Это стало известно из бумажного свитка, обнаруженного в 1966 г., на котором в конце VII в. был напечатан китайский перевод *дхарани*, озаглавленный «Сутра чистого света». Согласно специалистам по Корее, считается, что это древнейший в мире образец ксилографической печати.

Одним из знаменитых купцов, участвовавших в то время в частной торговле между Китаем и полуостровом, был Чан Пого (еще известный как Кунбок или Кунпэ), умерший в 846 г. Во время службы офицером китайской армии, несшей гарнизонную службу на территории современной провинции Ганьсу, где начинались маршруты в Центральную Азию, Чан получил от правителя Хундока (*Hungdok*, 826–836 гг.) задание заниматься пиратскими, как китайскими, так и другими, которые в те времена наводнили западное побережье Кореи. Имея предприимчивый характер, Чан Пого быстро организовал свою штаб-квартиру на о. Ван, откуда, используя имевшиеся у него джонки, сумел установить собственный контроль над частью торговли между Китаем и Силлой. Это событие может служить подтверждением известных из иных источников сведений как о государственной, так и частной торговле, и о каперстве, которое было обычным явлением в те времена в открытых водах вдали от побережий полуострова и далее к югу вокруг Японии.

Ожесточенная борьба между различными группировками аристократов, боровшихся за политическую власть, привела к тому, что к концу своего существования и особенно в IX в. монархия уже была нестабильной. Беспорядки вылились в итоге в состояние крайнего хаоса, и с начала X в. ситуация еще усугубилась восстаниями крестьян, которые собирались в вооруженные группы. Один из крестьянских лидеров, Ван Гон (877–943 гг.) основал государство, названное Корё (918–1392 гг.), и в 936 г. сумел объединить под своей властью всю территорию полуострова.

ЭПОХА КОРЁ (918–1392 ГГ.)

На раннем этапе своей истории в 993 и 1010 гг. правителям Корё пришлось столкнуться с вторжением армий киданей, образовавших в X в. государство Ляо (907–1125 гг.). Позднее, в 1115 г. племена чжурчженей, основатели государства и династии Цзинь (115–1234 гг.), угрожали существованию Корё, которое в 1125 г. вынуждено было им подчиниться. Эти серии беспорядков, провоцируемых чжурчженями, вновь повысили в обществе влияние военных, которые (хотя и традиционно презирались образованными гражданскими служащими) составляли один из двух правящих классов, или *янбань* (букв. – «два класса»). В 1170 г. военный правитель Чьён Чунбу (?–1178 гг.) провел успешный переворот. Далее военные руководители сменяли друг друга на наиболее важных постах в правительстве, установив, таким образом, период военной диктатуры, который продолжался около 250 лет. В начале XIII в. обозначилась явная угроза со стороны монголов, и их отряды вооруженных всадников вторглись на территорию Корё в 1231 г. Для исполнения повелений монгольского императора на всей территории полуострова были назначены «местные комиссары». В это время двор Корё бежал на о. Канхва и оставался там до 1270 г., тем самым проявляя своего рода сопротивление непреклонным требованиям монгольских властей. После подчинения себе двора Корё монголы заручились его существенной поддержкой в попытках организовать два вторжения в Японию в 1274 и 1281 гг. Обе морские экспедиции окончились неудачей из-за сильных штормов – *камикадзе* («божественный ветер»), которые обрушились на армии захватчиков и не позволили им высадиться на японское побережье. Монгольская Юаньская династия была свергнута в 1368 г., после чего новой китайской династией стала династия Мин. Вопрос о подчинении новой китайской династии в 1392 г. привел государство Корё к близкому краху, который и наступил чуть позже, когда государство пало жертвой неизбежного политического и экономического упадка.

При 2 млн. населения, несмотря на многочисленные вторжения и их разрушительные последствия, Корея в эпоху Корё переживала времена необычайного расцвета, плодами которого пользовалась в первую очередь знать. Свидетельства этому можно найти в жалобе некоего Чоэ Сюньо правящему монарху: «Богатые постоянно стараются превзойти один другого и строят огромные дома. (Поступая так)... они преуспели только в истощении состояний собственных семей. Кроме того, они притесняют крестьянство». В другом случае, во время правления Йеджона (*Yejong*, 1105–1122 гг.) гражданский служащий по имени Хань Анинь критиковал роскошный стиль жизни знати. В 1168 г. правитель Юиджон (*Uijong*, 1124–1170 гг.) лично выражал недовольство подобным укладом жизни: «Роскошь становится нормой. Шелковая парча становится повседневной одеждой, а золото и нефрит используются для домашней посуды». В работе «*Корё са*» («История Корё») в главе СХХIX содержится критика некоего Чоэ Чунгона за то, что тот снес более 100 домов, чтобы построить свой собственный, и за то, что собрал там и в двух других своих домах в столице огромное богатство в виде золота, драгоценных нефритов, монет и зерна. Из этого же источника можно узнать, что этот знатный вельможа имел телохранителя, который охранял его дома и следовал за ним всюду, куда бы он ни отправился, и с таким шиком, что можно было подумать, что вельможа «отправляется на войну». Нельзя точно выразить, как велики были суммы, которые эти аристократы считали необходимым тратить на поддержание своего статуса, чтобы не «потерять лицо». Кроме этих расходов рассыпались щедроты на обычно весьма большое число зависимых людей, которых каждому знатному вельможе приходилось поддерживать, если не попросту содержать.

Под покровительством двора в Корё процветал буддизм, но в то же время монахи-буддисты терпимо относились к обрядам и верованиям шаманизма. По возвращении после двух лет, проведенных в Китае, Уйчон (*Uichon*, 1050–1101 гг.), известный также как Учитель Тэгак, с 1086 г. работал над созданием собственного вероучения. Оно представляло собой синтез учения Кио (по-китайски *цзяо*), т.е., те пять принципов *виная*, *дхарма*, *дхамата*, *нирвана* и *аваттамсака*, согласно которым просветление и освобождение могут быть достигнуты только через знание канонических текстов. В то же время, оно объединяло буддийские секты *дхьяна* (по-корейски *сон*, по-китайски – *чань*, по-японски – *дзэн*), которые верили, что пробуждение и освобождение достигаются только через медитацию и аскетизм. Помимо теологической значимости, это учение представляло попытку создать главенствующее положение для двух сект учения – чондэ (по-китайски *тианьтай*) и хваум (по-китайски *гуайянь*), которые находились под опекой Юичёна, и таким образом позволить набожной правящей династии (Уйчон был четвертым сыном правителя Муджона (*Mujong*, 1047–1083 гг.) заручиться защитой от природных несчастий и судьбы, которые Будда, *бодхисатвы* и магические заклинания *дарани* (*дхарани*) представляли собой в глазах аристократической элиты Корё, которые были настолько же прагматичны, насколько и суеверны. Хотя стремление к объединению, предпринятое монахом Чинулом (известным также как Поджо; 1158–1210 гг.) и объясняет синкретический характер корейского буддизма с тех времен, дополнительной причиной в данном случае могло быть стремление обеспечить более пристальное наблюдение за действиями руководителей этих сект, которые, как известно, были членами аристократических кругов.

На поэзию в китайском стиле в период Корё сильное влияние оказали идеи школ *махаяны*, *нирваны*, Амитабхи и *дхьяны*. Все это позволяет понять, что династия Корё приняла публикацию канонического собрания текстов буддизма «Трипитака» (санскр. – «Три корзины») в расчете на изгнание со своей территории захватчиков киданей, которые пришли из Манчжурии. Еще более удивительными были действия, предпринятые во времена монгольского нашествия. Как средство для обеспечения покровительства Будды двор издал в 1236 г. указ о том, что тексты буддийских рукописей должны быть выгравированы на пластинах и несколько экземпляров должны быть напечатаны. Этот удивительный проект был начат на о. Канхва и завершен там в 1251 г. В наши дни эти пластины общим числом 81 137 хранятся в Хаэин-са (*Haein-sa*), храме в провинции Кёнсан-Пукто. Но вопреки надеждам в рассматриваемый период случились несчастья, вызвавшие потерю доверия к защитительной силе буддийских текстов и образов.

Одной из технологий, проникших из Китая в первой половине XII в., явилось искусство «изготовления селадона» (так назывались в Европе вазы с рельефным орнаментом), которое в руках корейцев достигло степеней, близкой к совершенству, и даже получило признание в самом Китае. Наиболее изысканными образцами являются вазы с черной и белой глазурями, которые, как считается, сделаны корейскими гончарами во второй половине XII в. Кроме ваз, керамика эпохи Корё включает жаровни, курильницы для благовоний, блюда, бутылки и чашки, некоторые – для чая, другие – для алкогольных напитков, и декоративные изделия: фигурки черепашек, драконов, *килинов* (единорогов), обезьянок, зайцев, уток, гусей, рыбок, цветки лотоса и побеги бамбука.

Особенно заслуживают упоминания достижения в технике печати. В главе XI книги «*Тонгук Йи Сангук чин*», написанной ученым Ли Кюбо (*Yi Kyubo*, 1168–1241 гг.), можно прочесть, что 28 экземпляров произведения, озаглавленного «*Саньён ёмун*» («Собрание ритуалов»), написанного при правлении Инджонга (*Injong*, 1123–1146 гг.), были

напечатаны с использованием наборного металлического шрифта. Точная дата печатания неизвестна, а сама книга не сохранилась. Однако это в значительной степени компенсируется имеющимся экземпляром второго из двух томов «Пульчо чикчи шимче йоджол» или «Духовное отождествление с Буддой через дзэн», в выходных данных которого сообщается: «Данная книга была напечатана с использованием металлического шрифта в храме Хундок поблизости от Чхонджу в седьмом месяце седьмого года Сюангуан» (1372 г.). Этот бесценный образец древней культуры хранится в настоящее время во Французской национальной библиотеке в Париже.

Ученые люди Корё, познакомив свою страну с неоконфуцианством китайского философа и историка Чжу Си (1130–1200 гг.) в XII в., получали удовольствие от показа пороков буддийских монахов и коррумпированных гражданских чиновников, чьи постыдные махинации неминуемо вели страну к полному разрушению. При правлении династии Ли (1392–1910 гг.) корейские ученые, выигравшие от смены династий, поставили ортодоксальное неоконфуцианство на прочную основу (илл. 86, 97, 125).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BALAIZE, C. et al. 1991. La Corée. Collection Que sais-je? Paris.
- COURANT, M. 1985. La Corée ancienne à travers ses livres. Centure d'Etudes coréennes du Collège de France. Paris.
- GARDINER, K. H. J. 1969. The Early History of Korea. Honolulu.
- GOMPERTZ, G. ST. G. M. 1963. Korean Celadon and other Wares of the Koryo Period. London.
- HENTHORN, W. E. 1963 Korea: The Mongol Invasions. Leiden.
- JEON, SANG-WOON. 1974. Science and Technology of Korea. Cambridge, Mass.
- KIM, CHE-WON; KIM, WON-YONG. 1966. Corée, 2000 ans de création artistique, Bibliothèque Arts. Paris
- KIM, WON-YONG. 1986. Art and Archeology of Ancient Korea. Seoul.
- LEE, KIBAIK. 1984. New History of Korea. Seoul.
- LEE, P. H. 1969. Lives of Eminent Korean Monks: The Haedong Kosungchon. Cambridge, Mass.
- LI, OGG. 1989. La Corée des origines à nos jours. Paris and Seoul.
- 1980. Recherche sur l'antiquité coréenne – ethnie et société de Koguryo. Centre d'Etudes coréennes du Collège de France. Paris.

СИБИРСКО-МАНЬЧЖУРСКИЕ НАРОДЫ

29.1

СИБИРСКИЕ И МАНЬЧЖУРСКИЕ НАРОДЫ: КОЧЕВНИЧЕСТВО

Михаил Васильевич Воробьев

Сегодня практически не существует письменных источников, которые освещали бы средневековую историю племен, проживавших на обширных территориях Сибири, поскольку письменность появилась здесь лишь после XV в. В этой связи мы можем делать лишь самые общие выводы об истории и культуре Сибири в период с VII по XV в., и все изложенное в настоящей главе носит во многом условный характер. Можно лишь с уверенностью утверждать, что в Сибири существовали в указанный период зачатки племенных и государственных образований, главным образом на южных территориях, которые впоследствии сформировали северное образование тюркских и уйгурских каганатов и улусов Монгольской империи. Однако не все из того, что будет сказано нами об этих образованиях, может быть отнесено ко всей территории Сибири.

С VI по VIII в. в Саянах, на Алтае и в Минусинской котловине расселились тюркские племена тай-лай (*Tie-lie*) и тю-кю (*Tiu-kiu*). Выяснив силой отношения с народом руран (*Ru-ran*), племена тай-лай основали государство племенного союза тюрков – первый Тюркский каганат (552–745 гг.) с центром в районе Алтая. В сферу его влияния попали многие местные племена, например, енисейские кыргызы (древний тюркоязычный народ, обитавший в Минусинской котловине. – *Прим. ред.*). Но борьбу за влияние на эти племена каганат нередко проигрывал Китаю. Основу системы хозяйствования тюркских племен составляло кочевое скотоводство, дополняемое охотой. Для изготовления оружия использовалось железо. Они также изобрели свою письменность на основе рунических знаков. Внутренние распри привели к расколу этого первого каганата на Восточный тюркский каганат (центральноазиатский; существовал с 583 до 740 г.) и Западный тюркский каганат (среднеазиатский, 562–745 гг.).

После окончательного распада первого Тюркского каганата его место заняли уйгуры. С V по VIII в. они входили в состав каганата Ру-ран, а затем – Восточного тюркского каганата. Собственно Уйгурский каганат (750 – 840 гг.) располагался в бассейнах рек Селенга, Орхон и Тола. Главным занятием здесь было кочевое скотоводство, хотя уйгуры были также знакомы с техникой возделывания и орошения земли и умели изготавливать металлические ору-

дия труда. Они пользовались собственным вариантом письменности первого Тюркского каганата.

Древние кыргызские племена жили на Енисее. Уже в VII в. они объединились в военный союз, а в середине IX в. разгромили Уйгурский каганат и создали свой. Раннефеодальное государство енисейских кыргызов – Кыргызский каганат (840–1209 гг.) стал первым реальным союзом древних тюркских племен, основная часть которого располагалась на территории Сибири. Главной опорой системы хозяйствования в нем были земледелие и скотоводство. Со временем существенную роль в хозяйстве каганата стали играть ремесла (обработка металла и гончарное дело), а также торговля. У древних кыргызов существовали собственная письменность и литература.

По мере захвата монголами все новых территорий, начиная с XIII в., в Сибири и Манчжурии сам собой прекратился и процесс возникновения новых местных государственных образований. С середины XIII в., с появлением системы улусов, огромная монгольская держава, за исключением самых северных окраин, была поделена между прямыми наследниками Чингисхана – его четырьмя сыновьями. Так, на Дальнем Востоке был создан улус избранного великим ханом Угедея, в Восточной Сибири – улус Чагатая (Джагатая), а в Западной Сибири – улус (Золотая Орда) старшего сына Чингисхана Джучи. Сибирь и Манчжурия стали северными частями этих улусов. После распада Золотой Орды на различные ханства в 1420-х гг. в Западной Сибири образовалось феодальное государство Сибирское ханство (просуществовавшее до конца XVI в.). Россия установила отношения с ним уже в конце XV в.

О событиях в Манчжурии в тот же период известно несколько больше в силу двух причин. Одна заключалась в том, что все происходившее здесь определялось местными условиями, другая – в том, что значительный объем информации дошел до нас благодаря непрерывности китайской летописной традиции. К началу рассматриваемого нами периода некоторые народы уже сошли с исторической сцены, другие обрели новые названия, третьи только еще формировались.

После падения каганата Сианби (*Sianbi*), его земли перешли к племени ку-мо-хи (*Ku-mo-hi*). Оно компактно располагалось в регионе Чахара (*Chahar*) и состояло из пяти

больших групп, каждая из которых проживала на своей территории. Люди жили в арбах с войлочным верхом и постепенно перемещались в пределах своей территории вслед за своими стадами. Ку-мо-хи были известны как искусные охотники, стрелявшие с седла, и прославились своими набегами, особенно походами против киданей. Со временем из недр этой группы племен на лидирующие позиции выдвинулся клан ауэй (*Abuei*). В VII в. ку-мо-хи были покорены Тюркским каганатом, но уже в 629 г. их вылазки в Китай возобновились. В 660 г. они подняли восстание против своих поработителей, а в 710 г. предводитель племени примкнул к китайцам, при этом формально не отказываясь от статуса вассала Тюркского каганата. В 847 г. произошло крупное восстание северных племен ку-мо-хи, которое было подавлено. В 868 г. племена ку-мо-хи, жизнь которых в значительной степени зависела от поставок китайского зерна и тканей, отправили свое последнее посольство к китайцам, а приблизительно в 911 г. их земли отошли под контроль киданей.

Племя ши-вэй (*Sbi-wei*) проживало на землях вдоль р. Зея. Эти люди были охотниками и скотоводами, но были знакомы и с примитивными формами земледелия (возделывала землю мотыгами и неким подобием плуга). Жених выкупал невесту, бесплатно работая в течение трех лет в доме ее родителей. Передвижение племени осуществлялось на повозках, накрытых шкурами и запряженных волами. Металлы (железо и золото) выменивались на другие товары в Корее. Всего существовало до пяти этнических территориальных образований ши-вэй. С VII по IX в. они контролировали северную часть внутренней Монголии, часть провинции Ляонин и левый берег Амура. В 629 г. они повезли соболей в Китай, тем самым признавая свой статус вассалов по отношению к династии Тан, а в VIII и IX вв. такие поездки стали регулярными. Население племени проживало отдельными кочевыми станами и не имело единого вождя. В VII в. было 17 основных поселений, самое малое из них насчитывало до тысячи дворов, самое крупное – несколько тысяч. На огромных территориях, занимаемых племенем, хозяйственная деятельность его членов в различных регионах варьировалась в зависимости от местных условий.

В первой половине VII в. восточные и юго-восточные регионы Маньчжурии вошли в состав корейского государства Когурё. В течение более чем 500 лет это государство представляло собой силу в регионе и на Корейском полуострове, с которой приходилось считаться соседям. Это было сильное, независимое государство с высоким уровнем культуры, но в рассматриваемый период оно находилось в постоянном и жестком противостоянии с Китаем, которое закончилось падением Когурё в 668 г.

Группа тунгусских племен мохэ и их предки с давних времен жили на северных землях племени когурё. Эта группа состояла из семи независимых племен, различавшихся прежде всего численностью постоянного войска. Каждое из племен проживало на своей территории, а общая территория всех этих племен располагалась в бассейнах рек Сунгари, Уссури и Амур. Мохэ жили отдельными поселениями, во главе каждого стоял местный вождь. Они разводили лошадей и свиней, использовали лошадей для обработки земли, сеяли просо, пшеницу и рис и добывали соль методом выпаривания. Браки заключались по взаимному согласию жениха и невесты, прелюбодеяние строго наказывалось. Различные племена мохэ действовали независимо друг от друга – по крайней мере, четыре племени отправили свои посольства в Китай. На рубеже VI и VII вв. ветвь чанбошан (*Changboshan*) племени мохэ признала себя вассалом государства Когурё, а после падения последнего перешла под власть китайской династии Тан. Начиная с 622 г. мохэ довольно часто посылали посольства в Китай с щедрыми дарами, что свидетельствовало о некоторой устойчивости этих отношений. Предводитель Ту-

диджи (*Tudiji*) одного из племен встал во главе союза племен, сделал свой пост наследуемым и усилил связи с Китаем. Его собственное племя состояло из 1000 семей (5–6 тыс. чел.), которые содержали около 1000 домашних рабов; у богатых было по несколько сотен свиней. Но в 688 г. мохэ потерпели сокрушительное поражение от китайцев.

Ветвь сумо (*Su-mo*) племени мохэ совместно с Когурё создали государство Бохай (698/713–926 гг.) в Северо-Восточной Азии – на восточном побережье Маньчжурии и северо-восточной части Кореи. Это было первое настоящее государство с развитой инфраструктурой, созданное коренным населением Маньчжурии. Предводитель нового государства провозгласил себя верховным правителем, и Китай тут же признал его в этом качестве, но новоиспеченный монарх пошел дальше и ввел в стране свои деньги, что китайский император счел «своеволием». За спиной у правителей Бохай китайцы в 723 г. заключили союз с предводителями ветви хэйшуй (*Hei-shui*) племени мохэ. Бохай ответил нападением на г. Дэнчжоу (на Шаньдунском п-ове) в 732 г. Но уже на следующий год нападению со стороны соседнего государства Силла подверглось само Бохай. В этой сложной обстановке правители Бохай, в попытке укрепить свои позиции, перенесли в 755 г. свою главную столицу на север, к р. Хухань (*Huban*). Сохраняя тесные связи с Китаем (о чем свидетельствует направление в Китай более 130 посольств за 200 лет), Бохай в 727 г. установило отношения с Японией, которые поддерживало вплоть до самого своего падения. До 818 г. под контролем Бохай находились несколько племен в Северной Маньчжурии. Основываясь на китайской модели, бохайцы создали у себя разветвленный административный аппарат с центральными и местными органами управления страной, при этом необычным был факт наличия в Бохае сразу пяти столиц. Развилась и сложная система социального устройства общества. На вершине социальной лестницы находился монарх со своей семьей, ниже располагались несколько десятков знатных семей, под ними – класс служащих, еще ниже находились свободные граждане и, наконец, на самых нижних ступенях – простолюдины и рабы. Система хозяйствования была достаточно развитой, но основу ее составляло земледелие. Землепользователи брали землю в аренду у государства и платили налоги с прибыли. Существовал целый ряд специфических ремесел. В ходу были как собственная бохайская, так и китайская письменность. Государство Бохай оставило и значительное литературное наследие. Высоким был уровень духовной культуры, в частности, процветал буддизм с его храмами, монахами и сутрами. Археологические находки в Бохае подтверждают, что здесь существовала культура значительно более развитая, чем любая из ранее известных в Маньчжурии.

Ветвь хэйшуй племени мохэ была самой северной и сильнейшей из семи групп в союзе мохэ. Эти племена обитали в среднем и нижнем течении Амура и в низовьях Сунгари. В 628 г. они заявили о себе, отправив посольство в Китай. К этому времени уже завершилось формирование вокруг них племенного союза из 16 местных кланов. После визита в Китай в 722 г., который был принят с явной целью пожаловаться на соседний Бохай, на их территории был создан китайский анклав Боличжоу (*Bolizhou*), а его правитель получил китайское имя Ли Сянь-чен (*Li Xian-cheng*). Система хозяйствования строилась на тех же началах, что в других племенах мохэ. Под постоянным давлением со стороны государства Бохай некоторые племена ветви хэйшуй признали его власть, остальные же переселились в Корею. Судя по археологическим находкам на Амуре (включая раскопки в селе Троицкое), племена хэйшуй-мохэ населяли и левый берег Амура. В частности, оружие, найденное в захоронениях, свидетельствует о связях с правым берегом и чжурчжэнями (илл. 246–250).

Кидани долгие годы жили к югу от р. Шара-Мурэн и к северу от Хуанлона (*Huanglong*). К началу рассматриваемого периода их насчитывалось восемь племен. Все они вели обособленный образ жизни, занимаясь охотой и скотоводством, но в войну вступали только с общего согласия племен, причем их верховный правитель имел решающее слово при принятии решений. По сведениям из источников, иногда противоречащих друг другу, верховный правитель избирался на этот пост и мог быть смещен советом старейшин. Члены последнего избирались на срок до трех лет. В начале VII в. кидани находились под тюркским господством, хотя отдельные их племена сохранили отношения с Китаем (607 г.), а некоторые из них даже перешли в подчинение Китаю (621, 648 гг.). В 696 г. вспыхнуло восстание киданей против китайцев, которое удалось с трудом подавить лишь в 699 г. Начиная с 715 г., на землях покоренных киданей китайцы стали создавать свои государственные структуры. В 744 г. кидани стали вассалами уйгуров, но в 842 г. они вновь перешли под власть китайцев. В 906 г. их предводитель Апоки договорился с главами других семи племен и стал единоличным лидером всех киданей. В 907 г. – в год падения династии Тан, Апоки объявил о создании своего собственного государства. В этом деле ему активно помогли китайские советники. В 916 г. он построил свою верховную столицу Шаньцзин (*Shangjing*) и провозгласил себя императором. Протivoдействие племен ку-мо-хи и ши-вэй было подавлено еще до создания государства. В 926 г. кидани наголову разбили государство Бохай и на его месте оставили крошечное княжество Донтан (*Dongtan*), во главе которого был посажен сын Апоки (926–936 гг.).

Столь же активно, как и в военной области, кидани проявляли себя в сфере культуры: они создали два вида собственной письменности – полную (920 г.) и сокращенную (924 г.), а также заложили основы двойной системы управления: одна была предназначена для собственного населения, а другая – для покоренных народов.

Разгром царства Бохай не сделал жизнь киданей легче в этой части Маньчжурии. Племя Ву-ре на р. Ялудзян основало княжество Динан (*Dingan*) (938–1112 гг.), которое поддерживало отношения с Китаем. Пять других образований создали некое подобие федерации в низовьях р. Сунгари. Все восточные и северо-восточные территории Маньчжурии были заселены «непокорными» чжурчжэнями, которые платили киданям дань. Более мирные соплеменники чжурчжэней в южных районах находились под полной властью киданей. К 947 г. кидани основали первую империю, которая охватывала не только всю Маньчжурию, но и часть соседних территорий, и дали ей имя Великая Ляо. Но при этом их самые существенные и впечатляющие завоевания имели место не в Маньчжурии, а в Корее, Северном Китае и в Монголии. В Маньчжурии их влияние было косвенным. Кидани ввели у себя систему пяти столиц (1044 г.), четыре из которых были расположены на их собственных землях, т.е. там, где они возводили усыпальницы императоров, ставили памятные и надгробные стелы, строили буддийские храмы, пагоды и школы, ставили обжиговые печи, а также печатали буддийские сутры.

Мощь киданей сокрушили чжурчжэни, их недавние соседи и по сути дела вассалы. Новый верховный вождь чжурчжэней Агуда, избранный в 1113 г., в первый же год своего правления захватил важный пограничный город Нинцзянчжоу (*Ningjianzhou*). В 1115 г. Агуда провозгласил себя императором нового государства Цзинь и на следующий год освободил своих соплеменников на Ляодунском п-ове. В 1122 г. чжурчжэни заключили договор с китайской династией Сун о совместном выступлении против империи киданей Ляо, и хотя войну вели практически одни чжурчжэни, она закончилась полным разгромом Ляо в 1125 г. Чжурчжэни распространили свою политическую власть значительно дальше, чем кидани. В их руках оказалась

вся Маньчжурия и целый ряд прилегающих к ней территорий, левый берег Амура и восточная Монголия.

Еще в 1125 г. война против Ляо стала перерастать в войну против китайской династии Сун. И еще более впечатляющих побед и обширные завоевания были достигнуты чжурчжэнями в Северном (1126–1130 гг.) и Центральном (1130–1136 гг.) Китае. Большинство соседних с Китаем континентальных государств признало главенство династии Цзинь. Маньчжурия оставалась территорией чжурчжэней, но при этом в 1114 г. началось и до 1188 г. длилось организованное массовое переселение чжурчжэней в Китай. В 1133 г. оба плененных китайских императора династии Сун были отправлены в Вугуочен (*Wuguocheng*) (один из них умер там в 1135 г.). До 1153 г. управление всей империей осуществлялось из Шаньцзина, и лишь в 1153 г. верховная столица была переведена в Яньцзин (Пекин). Восставшим киданям позволили вернуться в Маньчжурию в 1177 г., и даже в период, когда чжурчжэни находились в зените своей власти, Маньчжурия сохраняла свое этническое отличие. В 1143 г. восстали и вырвались из-под владычества Цзинь племена менгу (*Meng-gu*). В 1161 г. восстали кидани, и их с трудом удалось усмирить. В 1181 г. чжурчжэни были вынуждены начать строительство крупной оборонительной системы для отражения нападений монголов на северных границах империи, а в 1192 г. – на северо-западе. Но, несмотря на все усилия, именно через Маньчжурию монголы во главе с Чингисханом проникли на территорию империи Цзинь и покорили ее.

Захватив территорию, чжурчжэни занялись укреплением военных территориальных округов Мэн-ан (*Meng-an*) и Мо-ке (*Mou-ke*), которые они превратили в свой военный и хозяйственный оплот. В Маньчжурии была создана своя административная и территориальная структура, включавшая систему пяти столиц, три из которых располагались к северу от Великой китайской стены. Вначале действовала двойная система управления страной, одна для чжурчжэней, а другая – для китайцев, но постепенно они слились в единую систему. Семьи чжурчжэней получали от государства землю, скот и сельскохозяйственный инвентарь, за которые они платили специальный налог в виде упряжки тягловых быков. Уже на самом раннем этапе были созданы две системы письменности, одна – с прописными буквами в 1119 г. и другая – с применением строчных букв – в 1138 г., и с 1172 г. изучение их было для чжурчжэней обязательным. В 1160-х гг. были предприняты определенные усилия по переводу избранных китайских философских и научных трудов с китайского на чжурчжэньский язык. Интенсивное военное строительство в регионе носило весьма оригинальный характер и было связано с большим объемом земляных работ и возведением укреплений. Основная часть населения оставалась под сильным влиянием шаманизма, и лишь управленческая элита сумела оценить достоинства китайской культуры (буддизм, неоконфуцианство). Чжурчжэни стали первым тунгусским народом, основавшим собственную империю уже в средние века. Созданная ими культура оказала заметное влияние как на их современников, так и на последующие поколения жителей Маньчжурии и левого берега Амура.

Новые времена наступили для Маньчжурии в 1212 г., когда туда хлынули орды Чингисхана, в то время как основные силы чжурчжэней удерживались в Китае. Монгольские войска вскоре повернули на юг, а кидани, воспользовавшись ситуацией в Маньчжурии, переметнулись на сторону завоевателей и создали свою собственную структуру – Великое Ляо (1213–1217 гг.). Местные чжурчжэньские военачальники также поторопились обособиться и основали свою империю Великая Цзинь, или Восточная Ся (1215–1233 гг.). К началу 1230-х гг. власть чжурчжэней в Маньчжурии была окончательно свергнута, и монгольские военачальники получили целые улусы в свое безраздельное владение. Только в 1267 г. Хубилай-хан разделил Маньчжурию

на районы, а в 1272 г. организовал перепись домовладений. К 1288 г. Маньчжурия территориально и административно стала частью китайской (монгольской) империи Юань. Однако подлинные интересы и силовые действия монголов были сосредоточены вокруг южных районов Маньчжурии, граничивших с Северным Китаем и Кореей, и 150 лет их владычества в Маньчжурии не оставили здесь практически ни малейшего следа их военной или административной деятельности. После своего поражения в Китае в 1368 г. монголы отступили в Маньчжурию, где они продержались еще около 20 лет, основав империю Северная Юань (1370–1387 гг.). При монголах численность местного населения резко сократилась и уровень жизни упал: земледелие уступило место охотничьему промыслу, а оседлый образ жизни – кочевому, хотя власти чжурчжэней и шуи да-да (*Shui Da-da*) в военных поселениях были обязаны обеспечивать возделывание земли. Другая часть местного населения, занимавшаяся охотой и собирательством, вынуждена была часть своей добычи – соболей, охотничьих соколов, корни женьшеня отдавать монголам.

Падение династии Юань и ее властных структур привело к полной дезорганизации жизни в Маньчжурии. Брошенные на произвол судьбы чжурчжэни, народы шуи да-да («речные татары»), йе-рены (*Ye-ren*), и ву-чже (*Wu-zhe*) были вынуждены владеть первобытное существование, пока освобождение от монгольского ига не открыло им путь к экономическому и социальному возрождению. Постепенно стал расти спрос на лошадей, и отдельные племена сумели оправиться от невзгод (например, чжурчжэни). Возникшая новая китайская династия Мин (1368–1644 гг.) невольно сыграла роль катализатора в этом процессе возрождения. Твердо усвоив урок истории о том, что все вторжения в Китай происходили с севера, китайцы сразу же после освобождения страны обратили свои взоры к Маньчжурии. В ее южных районах, где этнические китайцы по-прежнему составляли весьма значительную часть населения, очень быстро была восстановлена китайская система управления. Вся территория (провинции Ляодун и Ляоси) была изрезана земляными оборонительными сооружениями. Местность к северу от земляных валов находилась под наблюдением часовых (всего было около 400 постов), командовали которыми лояльные к центральной власти местные вожди, а Цзянчжоу стал самым мощным укрепленным пунктом в регионе (с 1403 г.). Дальше к северу существовала еще одна полоса обороны, усиленная крепостными сооружениями. В 1404 г. был образован

укрепленный район Нуеркан (*Nuerkan*) как дополнительный оборонительный рубеж, но без четко обозначенных северных границ. Чем дальше на север, тем слабее было влияние китайцев, и посты выставлялись местными военачальниками не столько для охраны китайской границы, сколько для обороны собственных территорий, и в результате к XVI в. на базе этих постов сформировалась целая система местного самоуправления.

В 1410 и 1432 гг. китайцы предприняли две крупные исследовательские и колониальные операции. Эти экспедиции (первая в составе 1000 человек на 25 судах, а вторая – 2000 человек на 50 судах) прошли по Амуру через всю Маньчжурию до самого устья, где на о. Тир построили буддийский храм и воздвигли мемориальную стелу с надписями на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках. Насколько мы можем сегодня судить, эти надписи на камне являлись отражением культурного, лингвистического и этнического состава населения региона того времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БУТИН Я.М. 1984. Корея. От Чосона к трем государствам (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – Новосибирск.
- ВОРОБЬЕВ М.В. 1961. Древняя Корея. (Историко-археологические очерки). – М.
- ГИБЕРТ Л. 1968. История Сибири. т. I: Древняя Сибирь. – Л.
- 1986. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.
- CHANG POCHÜEN. 1985. Tungbei difang shigao. Changchun. 1893. Chinding Manzhou Yüanliu Gao. Hangzhou.
- EBERHARD, W. 1942. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden.
- GIBERT, L. DE. 1934. Dictionnaire historique et géographique de la Mandchourie. Hong Kong.
- HAMBIS, L. 1956. The Ancient Civilization in Manchuria. East and West (Rome), vol. 7, No. 3, pp. 218–227.
- LEE CHI RING, KANG IN SUK. 1976. Konguryo shi yöngu. Pyongyang.
- 1958. Litai ketsu chuanchi hueipien. Vols. I and II, parts 1 and 2. Beijing.
- LI CHI. 1932. Manchuria in History. The Chinese Social and Political Science Review (Shanghai), vol. 16, No. 2, pp. 1–43.
- MACGOVERN, W. M. 1939. The Early Empires of Central Asia. Leiden.
- RINOUE MASAFUMI. 1989. Chugoku kodai-no sho minzoku. Tokyo.
- SHIRATORY, K. (ed.) 1914. Beiträge zur historischen Geographie des Manschurei. Tokyo.

ТЮРКСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ СТЕПНЫЕ НАРОДЫ: ПАСТУШЕСКОЕ КОЧЕВНИЧЕСТВО

Луи Базен

С начала VIII по конец XV в. неуклонно нарастало движение в западном направлении кочевых скотоводческих племен из азиатских степей. Первыми эту миграцию начали тюрки, за которыми в XIII в. при Чингисхане последовали монголы. И те, и другие создали свои империи и частично перешли к оседлому образу жизни, активно взаимодействовали с местным населением, что неизбежно приводило к взаимопроникновению культур и языков (илл. 185, 186, 243–245).

Азиатские степи занимают огромную территорию от берегов Тихого океана до побережья Каспийского моря и от южных границ сибирской тайги до северных районов Китая, Тибета, Индии и Ирана, от которых они отделены сначала Великой китайской стеной, а затем высокими горными хребтами. Эти степи как будто специально приспособлены к разведению большого количества скота. Горы Тянь-Шаня и Алтая делят их пополам, имеют проходы в некоторых местах. Горные склоны, частично покрытые степной растительностью, особенно на востоке, являются прекрасными летними пастбищами. На большей части степей пастбища богаты растительностью, а в засушливых районах полностью не высыхают, и лишь малая часть степных территорий приходится на солончаки или безводную пустыню. Почти плоский рельеф местности на большей части территории степей позволяет довольно быстро передвигаться верхом на лошадях (около 50 км в день во время военных походов).

Наездничество и выращивание лошадей было главным занятием тюркских и монгольских кочевых народов¹. В рассматриваемый период их табуны могли насчитывать сотни и даже тысячи животных. Лошади являлись основным средством передвижения и главным источником военной силы кочевников, а обмен лошадями на необходимые товары – важным элементом их хозяйствования. Всадники в составе войска играли ключевую роль в ходе военных сражений, обеспечивая большое преимущество над противниками, ведшими оседлый образ жизни. Они были непревзойденными мастерами дрессировки боевых лошадей, их конные лучники представляли собой грозную силу. В основе их тактики была мобильность: они стремились окружить противника или, делая вид, что отступают, заманивали противника за собой, осыпая его градом стрел, а затем неожиданно перешли в наступление. Исход сражения в основном зависел от действий всадников, а задачей пеших воинов был захват территории. Их основными видами оружия были составной лук, пика и меч, который позднее был заменен на саблю. Изготавливалось оружие из дерева, рогов животных и железа, которое и тюрки, и монголы хорошо умели производить и обрабатывать. В бою наиболее уязвимые части на теле воинов и некоторых лошадей прикрывали кожаные доспехи, усиленные металлическими пластинами. Высокая мобильность войска кочевников исключала возможность применения тяжелого

вооружения. Только оседлое население строило крепости, обычно окруженные рвами и земляными валами. Оборонительные сооружения вокруг военных лагерей строили только в тех случаях, когда готовились к длительному пребыванию (илл. 12, 248).

На всех уровнях племенной организации все здоровые и физически крепкие лица мужского пола с самого детства проходили постоянное обучение ратному делу и могли быть в любой момент призваны местными военачальниками и зачислены в боевые отряды в соответствии с их положением в племенной иерархии. В течение всей своей жизни кочевые пастухи были одновременно воинами; в ходе войны их задачей был захват новых пастбищ, скота, рабов и другой добычи. Кроме того, кочевники забирали с собой оставшихся в живых воинов противника и сразу же начинали обучать их военному делу прямо в своих рядах. Таким способом им удавалось за короткий срок намного увеличивать численный состав своего войска. Это полностью объясняет удивительный на первый взгляд факт, что, выступая вначале с относительно небольшим войском, тюркские или монгольские предводители очень скоро оказывались во главе огромных армий и молниеносно завоевывали колоссальные территории, обретая неслыханные богатства и власть.

Образ жизни тюркских и монгольских кочевников был в целом одинаков. Их привычный пищевой рацион составляли мясо и молоко, получаемые от домашнего скота, в основном – овец. Последние, благодаря способности накапливать воду в жировых мешках на хвосте, позволяли кочевникам выживать в засушливой степи, и поэтому их разводили в больших количествах. В тех местах, где воду добывали из колодцев, например, в северных районах современной Монголии, также разводили домашних животных. Но мелкий скот здесь был менее распространен. В этих местах выращивали двугорбых верблюдов (бактрианов), которых использовали как тягловых или вьючных животных для торговых караванов и которые, благодаря способности накапливать воду в двух своих горбах, как нельзя лучше подходили для суровых степных условий. Кроме этого верблюды вносили хоть и ограниченный, но очень ценный вклад в хозяйство кочевников.

Охота была любимым занятием кочевников, нарушавшим монотонный ход жизни. Вожди часто затевали крупную охоту, привлекая к ней подчас все племя. Овощи и растительная пища, которые появлялись иногда в результате собирательства, составляли очень незначительную часть пищевого рациона, поскольку только оседлые народы занимались сельским хозяйством. Покорив эти народы кочевники наряду с деньгами требовали от них дань в виде зерна и других продуктов.

Дань, которой облагались покоренные кочевые народы, военные трофеи и добыча от набегов – все это также

высоко ценилось у завоевателей, а их вожди иногда получали в свое распоряжение такие предметы роскоши, как спиртное или шелк.

Когда добычи не хватало, кочевники могли вполне обходиться собственными ресурсами: из овечьей шерсти делали войлок, которым накрывали свое традиционное куполообразное жилище – юрту (илл. 85), и более легкие конструкции, а также изготавливали одежду, ткали ковры и мешки; шкуры и кожа домашних животных использовались для многих других целей; их мастера умели изготавливать изделия из металла, включая драгоценные металлы, а также из шерсти и кости. Кроме того, они искусно плели корзины.

В мирное время тюрки и монголы занимались торговлей, охотно меняя скот (лошадей, овец, верблюдов) и изделия своих промыслов (шерстяные изделия, войлок, ковры, кожу, дубленую кожу и пр.) на другие товары. Сделки имели форму натурального обмена или оценивались в кусках китайского шелка или местной шерстяной ткани строго определенного размера, являвшихся в азиатских степях более распространенным платежным средством, чем металлические монеты. Помимо этого, контролируя основные караванные торговые пути между Китаем и Западной Азией, тюрки и монголы облагали данью проходившие по ним караваны.

Военная машина кочевников питала хозяйственную систему общества, а та, в свою очередь, обеспечивала армию, которая росла в численном отношении за счет набора взятых в плен воинов противника, а также за счет собственных новобранцев. В результате бесконечных военных кампаний, в которых и у тюрков, и у монголов друг против друга выступали соперничавшие племена, политический ландшафт степей постоянно менялся: несколько поражений подряд одной из воюющих племенных группировок могло привести к потере части или всех занимаемых ею территорий, и наоборот, несколько побед кряду могли настолько расширить территориальные владения победителей, что речь могла идти о создании собственной империи.

Не вдаваясь в детали политической и военной истории этих империй, мы, прежде чем перейти к оценке их роли в культурном развитии человеческой цивилизации, кратко расскажем об их возникновении, развитии и распаде.

Около 600 г. н.э. на просторах от Жёлтой реки (Хуанхэ) до Аральского моря возникла первая тюркская империя – Тюркский каганат, созданный союзом тюркских племен, родиной которых был район Алтайских гор. Империя занимала территорию от излучины р. Хуанхэ до Аральского моря, включала в себя Монголию и степи Центральной Азии до Амударьи и несколько дальше, но, по сути дела, была разделена Алтайским хребтом на восточную часть, где хозяйничали тюркские народы Монголии, и западную, во главе с западными тюркскими племенами. В период с 630 по 680 гг. китайская династия Тан, сумевшая противопоставить военной машине тюрков свою собственную, воспользовалась разногласиями между вождями тюркских племен и навязала свою гегемонию почти на всей территории бывшей империи. В 682 г., после восстания против китайского владычества, в Монголии возникла вторая независимая тюркская империя – Восточный тюркский каганат, но военные экспедиции, организованные ее предводителями для покорения западных тюрков с целью восстановления прежней великой империи VI в., не достигли цели, а племена в западной части разделились на соперничающие группировки. История Тюркской монгольской империи довольно хорошо известна из китайских источников и из надписей на стелах, поставленных на местах захоронений ее основных предводителей (включая известные орхоно-енисейские надписи), самых древних текстов на тюркском языке, датированных периодом с 700 по 735 гг. Эта вторая империя – Восточный тюркский каганат – рухнула в 742 г. в результате восстания ряда пле-

мен, которое закончилось установлением владычества в Монголии другого тюркоязычного народа – уйгуров. В 763 г. уйгурский правитель обратился в манихейство и сделал это религиозное течение государственной религией всей империи. Под напором еще одного тюркоязычного народа – енисейских кыргызов, вторгшихся в Монголию в 840 г., уйгуры вынуждены были отступить в юго-западном направлении в восточную часть Тянь-Шаня и в оазисы бассейна р. Тарим – регион, в котором проживали коренные индоевропейские народы (тохары), большинство которых исповедовало буддизм. Новое уйгурское государство развилось в государственное объединение, которое впоследствии стало известно как Китайский (Восточный) Туркестан и имело хорошие отношения с Китаем периода династии Тан. Значительная часть уйгуров расселилась в оазисах в бассейне р. Тарим, а в их городах основной религией стал буддизм. Подданных этого нового государства со столицей в г. Куча относительно недалеко от г. Турфан часто (и ошибочно) называют «турфанскими уйгурами», хотя было бы правильнее называть их «западными уйгурами». Несколько групп уйгуров, бежавших из Монголии, ушли на территорию современной провинции Ганьсу и основали свою столицу Ганьчжоу (Чжанье).

Вначале западные уйгуры объединились с целью создания новой империи, протянувшейся от Дуньхуана в Китае до Трансоксании (Мавераннахра) в Средней Азии, и поддерживали контакты и с китайцами, и с согдийцами, и с восточными иранцами из Бухары и Самарканды, а также постепенно прибрали к рукам оазисы тохаров. В начале XI в. территория империи была уже значительно меньше в размерах, но уйгуры прочно держались за оазисы в бассейне Тарима и за район Турфана, пока во второй четверти XII в. их не подчинили себе каракитаи, а в 1209 г. они стали вассалами Чингисхана и верными подданными Монгольской империи.

Каракитаи были монголоязычным народом, а их правители находились под сильным влиянием Китая. Они вышли из племенного объединения киданей, которые вторглись в Северный Китай и дошли до территории южного Пекина. Их предводители правили в Китае с 936 по 1122 гг., приняли буддизм и китайскую культуру. Когда же в Северный Китай вторглись чжурчжэни, то каракитаи, отступая, заняли территории от Кашгара до Бухары, на которых располагались княжества караханидов – исламизированных оседлых тюркских народов, и основали на этих землях свою империю, которая включала в себя долину реки Или, земли уйгуров и Трансоксанию. Очень скоро каракитаи начали конфликтовать с хорезмскими правителями (хорезмшахами), которые когда-то были их вассалами, но сумели освободиться из-под этого владычества. Затем в 1210–1211 гг. каракитаи выступили против алтайского племени найманов, но были разбиты. Последовавшее за этим многолетнее противостояние хорезмийцев и найманов открыло дорогу великому монгольскому нашествию.

Монголия недолго оставалась в руках кыргызских племен, пришедших сюда с верховьев Енисея в 840 г. В 920 г. их вытеснили кидани. После этого ситуация в регионе оставалась нестабильной. С северо-востока сюда волнами мигрировали монголы, выдавливая на запад тюркские племена кочевников. Движение с востока на запад происходило также на сибирском окаямлении тюрко-монгольского мира. Результатом его был наплыв больших масс тюркского населения в Центральную Азию и даже в Европу, в восточные степи которой вторгались среди прочих кипчаки (половцы) с верховий Оби и региона Иртыша. Но самые большие потрясения, начиная с XIII в., были вызваны небывалыми по своим масштабам завоеваниями Чингисхана и его преемников и образованием в Евразии огромной Монгольской империи (см. главу 30).

После того как эта империя стала рушиться и от нее стали отпадать одно за другим владения: в 1335 г. Анатолия,

Месопотамия и Иран, в 1368 г. – ее часть Китая, а затем захваченные Тимуром (Тамерланом) в период с 1370 по 1405 гг. Трансоксиания и соседние регионы (см. главы 22 и 23), центр власти Монгольской империи Чингисхана переместился в Восточную Европу – в Золотую Орду. После 1370 г. в самой Монголии наступил период анархии. Следует отметить, что в ходе своей широкомасштабной территориальной экспансии за пределами родных территорий монголы со временем неизбежно ассимилировались с тюркскими народами, многие из которых были обращены в ислам, и в результате сами монголы зачастую становились тюрко-язычными мусульманами. И хотя в конце XIV в. к востоку от Тянь-Шаня монголы все еще сохраняли свой кочевой образ жизни и культуру, и там продолжали существовать кочевые племена, жившие в степях и полупустынных регионах, в большинстве своем тюрко-язычные и зачастую обращенные в ислам, тем не менее, урбанизация и тенденция к оседлости постепенно делали свое дело, и ни в Европе, ни в Азии уже не осталось государств кочевников.

Учитывая, что история развития общества, культуры, интеллектуальной мысли и религиозной жизни мусульманского мира (часть III) и, в частности, принявших ислам тюркских и монгольских народов (часть IV, главы 23, 24 и 30) рассмотрена в этом томе отдельно, мы остановимся лишь на истории тех представителей тюрков и монголов, которые не были обращены в ислам. В этой связи отметим, что существует большое сходство исторических традиций и путей развития этих двух этно-лингвистических групп, которое позволяет использовать при описании явлений их социального и культурного развития общий термин «тюрко-монгольские» (явления, события и т.д.).

Тюрко-монгольские сообщества кочевых пастухов и воинов в рассматриваемый период (с VII по XV в.) имели практически одинаковые высоко иерархичные структуры общества, в частности, в сфере родовых и семейно-брачных отношений. В основе социальной организации общества была расширенная семья патриархального типа, главой которой являлся старейший член семьи по отцовской линии. Такая семья была также и патрилокальной: выходя замуж, женщина переставала быть членом семьи своего отца и вместе с детьми становилась членом семьи своего мужа. Если не было каких-то исключительных обстоятельств, жена проживала в семейной юрте, зачастую вместе с родителями мужа. Несколько семей, происходивших от одного и того же мужского предка, составляли клан. В соответствии со строгими правилами перекрестные браки двух родственных кланов не допускались: мужчины одного из двух родственных кланов могли брать себе жен из другого, но мужчины из этого другого клана не могли брать жен из первого. Наиболее предпочтительным считался брак, при котором юноша брал в жены дочь своего дяди по материнской линии (в отличие от арабской племенной традиции, где жених брал в жены дочь дяди по отцовской линии). Родственные связи при такой системе могли, следовательно, быть очень широкими. Многоженство допускалось, но существовало только в среде племенной верхушки. Первая жена теоретически обладала властью над остальными женами, а ее сыновья наследовали достояние отца строго по старшинству. Старший сын первым после отца получал бразды правления в семье. При наследовании высших постов, например, в большом племени или союзе племен, а особенно – в государстве, требовалось, однако, согласие племенных вождей и старейшин, которые могли, собравшись вместе, по своему усмотрению избрать в качестве преемника одного из младших сыновей или племянника или дядю умершего вождя по линии отца. Это часто приводило к вооруженным столкновениям. В частности, после смерти в 716 г. Капган-кагана, правителя тюркских народов Монголии, его преемником был провозглашен не старший сын, а сын его старшего брата, бывшего правителя Эльтериш-

кагана. Вспыхнула непродолжительная гражданская война, в ходе которой погибли все наследники умершего владыки. То же самое происходило и у монголов. Хурал (сход) вождей монгольских племен провозглашал Темучина сначала ханом группы племен, затем в 1197 г. – ханом всех монголов и, наконец, в 1206 г. – Чингисханом (великим ханом), хотя он не являлся законным наследником ни одного из этих постов, став сиротой уже в 12 лет.

В этом обществе была выстроена жесткая этно-политическая вертикаль власти от семьи к клану, от клана к племени и объединению племен и далее до царства или империи, позволявшая организовать четкое взаимодействие гражданской и военной власти с подданными, с тем чтобы обеспечить безусловное выполнение воли правителя и поддержание армии в боеспособном состоянии. Племенная структура не была чем-то застывшим и не обязательно означала наличие общих предков у членов одного племени. Будучи в целом этнической общностью, племя было одновременно и политическим объединением, возникавшим и распадавшимся в зависимости от военно-политической обстановки. Старый как мир лозунг «Горе побежденному!» был практическим правилом.

Институт семьи и брака также был достаточно гибким, несмотря на принципы, заложенные вековыми традициями. Приемные дети могли занять место родных, а мужчины могли стать кровными братьями, смешав свою кровь в бокале и выпив из него, подобно ритуалу скифов, описанному Геродотом; дети рабынь-наложниц, взятых как «военная добыча», могли быть признаны законнорожденными и приняты в клан как равные. Другими словами, общественные устои еще не сложились. Этнический состав многих племен, по сути дела, радикально менялся по мере их миграций. В среде знати и правителей, поддерживавших контакты с дипломатами из других стран, частыми были браки с иностранками, например китайянками, или браки между тюрками и монголами. Более того, всякий, кто попадал в племя по усыновлению, по браку или по собственному решению, переставал быть «иноземцем». Сильной стороной тюрко-монгольского общества было то, что, являясь жестко структурированным и иерархичным, оно при этом оставалось открытым.

Эта открытость, отсутствие расовых предрассудков и отторжения открывали путь к некоему универсализму в сознании людей, отвечали политическим и религиозным взглядам и тюрков, и монголов, в основе которых лежала утопическая идея о вселенском правителе, назначенном волей Небес. В эпитафии (732 г.) своему брату Кюль-Теги-ну тюркский правитель Монголии Бильгэ-каган провозгласил себя «сыном звезд» и, говоря о сотворении мира, на третье место после сотворения земли и появления человека поставил своих предков: «[Первыми] людьми правили мои предки Бумин-каган и Истэми-каган». Монгольский великий хан Мункэ в 1254 г. в письме королю Франции Людовику IX писал: «Воля Небес такова: есть только один Бог на небе и только один правитель на земле – Чингисхан, сын Божий»; Чингисхан умер в 1225 г., но продолжает править в лице своего внука великого хана Мункэ.

В представлениях имперской тюрко-монгольской религии главным божеством был Тенгри, бог Небес, абсолютный властелин Вселенной, назначавший и вдохновлявший вселенского правителя на Земле. Как свидетельствуют тюркские надписи VIII в. Монголии, Умай, богиня-мать в мифологии древних тюрков, была покровительницей супруги кагана, всех матерей и младенцев. Священная земля и вода также упоминаются в этой связи, но все на Небесах и на Земле совершается по воле Тенгри. Законы Монголии провозглашались «именем Неба».

Это высшее вселенское божество могло под тем же именем быть единым монотеистическим Богом для тех тюрков и монголов, которые обратились в христианство (чаще всего в форме несторианства) или в ислам. Этим же

именем могло называться любое божество в других религиях, например, в манихействе, которое в 763 г. стало государственной религией монгольских уйгуров, или в буддизме, много последователей которого, начиная с VI в., было среди тюркской аристократии в Монголии, и который позднее стал основной религией уйгуров, а также во второй половине XIII в. – восточных монголов. Политика в сфере религии тех тюрко-монгольских правителей, которые не приняли ислам, являла собой образец высочайшей религиозной терпимости, с сильным уклоном в сторону синкретизма. Последний наглядно проявился при объединении уйгурами манихейства, принятого ими в его китайском виде, в котором Мани был Буддой света, и буддизма. Не обращенные в ислам правители Монголии, – и те, что сохранили верность исконной религии Тенгри, и принявшие буддизм, – позволяли несторианским христианам беспрепятственно отправлять свой культ и даже принимали католических миссионеров с середины XIII в. по середину XIV в. Причина была одна: вероисповедание подданных не имело для них большого значения, лишь бы граждане молились за своих правителей. Эта религиозная эклектичность явилась следствием общего универсализма во взглядах тюрко-монгольских правителей, благодаря которому им удавалось сохранять мир в пределах своих владений, где универсальность считалась главной ценностью².

Религия, которую исповедовали простые тюркские и монгольские кочевники, представляла собой некую форму шаманизма, какую и сегодня еще можно встретить среди тюркоязычных народов Сибири и у монголов Бурятии. Она существовала параллельно с культом Тенгри, но никогда не сливалась с ним. В основе шаманизма был всеобщий анимизм, приписывавший сверхъестественную силу растениям и животным, а также горам, рекам и озерам, населенным, по представлениям этих людей, бесчисленными духами, над которыми шаман имел полную власть, а иногда даже совершал путешествие сквозь пространство и время, чтобы воздействовать на Тенгри и божество подземного мира Эрлика (Ирлика) («могучий государь», «ладья веры» – аналог владыки буддийского ада Ямы). Эти верования, первоначальная форма которых неизвестна из-за отсутствия документальных источников, постепенно вобрали в себя элементы других религий, особенно буддизма. Шаман выступал одновременно в двух ролях – предсказателя и целителя. Он мог быть также и всемогущим колдуном, специалистом в черной магии. Некоторые шаманы специализировались на магическом управлении погодой, в частности вызывали дождь³.

Тюрко-монгольские народы в целом и их правители, в частности, проявляли большой интерес к различным религиям, присматриваясь к ним со всей серьезностью и обращаясь в различные вероисповедания, а иногда и переходя из одной веры в другую или смешивая разные верования. В рассматриваемый период среди этих народов всегда находились небольшие группы ученых людей, чаще всего священнослужители (буддийские, манихейские и даже христианские), которые переводили на родной язык религиозные тексты из различных источников. Более всего в этом преуспели уйгуры, оставившие наибольшее количество ценных текстов той эпохи, либо переведенных, либо адаптированных с тохарского, согдийского, санскрита и особенно с китайского языков. Многие подлинники таких текстов были утрачены, сохранились лишь их тюркские переводы, которые являются основными источниками при изучении истории культуры, прежде всего указанных религий, а также некоторых аспектов китайского даосизма, китайского буддизма, китайской и индийской астрологии и астрономии с их чрезвычайно сложными техническими расчетами для составления календарей и альманахов.

Другими важнейшими документами являются подлинники тюркских и монгольских текстов, содержащих све-

дения о самобытной культуре и истории этих народов. В частности, здесь имеются в виду, главным образом, тюркские надписи VIII в. на надмогильных памятниках, сохранившиеся в Монголии. Самые известные из них – и, безусловно, заслуженно – орхоно-енисейские надписи (732 и 735 гг.), в которых в форме народного эпоса прослеживается история тюркских народов и излагается политическая доктрина императора Бильгэ-кагана. С ними исторически связаны более поздние уйгурские надписи в Монголии, которые, начиная с того же периода, и вплоть до X в. высекали на надгробиях представители тюркоязычных народов, в частности кыргызы с верховьев Енисея. Таких памятников в десятки раз больше, чем древних надписей, и хотя это в основном короткие и незамысловатые по содержанию эпитафии, они все являются несомненными подлинниками и содержат богатую информацию о культуре и обществе этих народов. Живым и непосредственным языком в них зафиксированы факты личной и семейной жизни умерших предков, достояние, оставленное ими потомкам, дело, которым они занимались при жизни, а также скорбь родственников в связи с этой потерей. У монголов самым главным историческим памятником, несомненно, является «Тайная исповедь монголов» (написанная вскоре после 1240 г. и известная также под названием «Сокровенное сказание»), которая дошла до нас в виде китайской фонетической транскрипции монгольского текста. Этот довольно большой документ живым языком повествует об интригующих подробностях жизни правителей, содержит генеалогические мифы, традиции кланов, биографии Чингисхана и его братьев, все тайные и явные подробности его прихода к власти, его завоевательных походов и обстоятельства прихода к власти его преемников. По своей силе и оригинальности этот документ не имеет себе равных в историографии этого периода и является исключительно ценным этнографическим документом.

Оценивая вклад неисламских тюрко-монгольских народов Туркестана и Центральной Азии в культурное развитие человечества в период с 600 по 1500 гг., мы не должны забывать о том, что эти кочевые пастушеские племена, в течение длительного периода своей истории не имевшие широких контактов с крупными оседлыми цивилизациями, поздно получили письменность: тюрки – в VI в., а монголы – в XIII в. До этого их традиции передавались от поколения к поколению в устной форме, и все, что мы знаем о них – это лишь несколько более или менее точных свидетельств, записанных иностранными историографами, не позволяющих составить целостное представление об их культуре более раннего периода. Что же касается периода после образования первого Тюркского каганата на территории Монголии и Центральной Азии в середине VI в. и особенно после возникновения огромной Монгольской империи в XIII в., то вырисовывается иная картина: имеются достаточно хорошо документированные записи о быте, социально-экономических условиях жизни, гражданской и военной организации общества, идеологии и верованиях. Из этих же источников нам становятся ясны и масштабы их культурного и материального обмена с народами Азии от Китая до Европы и с исламским миром. Эти народы несомненно держали в своих руках контроль над Великим шелковым путем, по которому следовали караваны, соединявшие торговыми нитями эти континенты.

Это положение тюрко-монгольских народов в центре торговых путей приобщало их к великим оседлым цивилизациям Евразии и делало их важной частью процесса перемещения материальных ценностей и технологий, а также культурного достояния и научных открытий с востока на запад и в обратном направлении. Наземная торговля, которую они контролировали и в которой участвовали сами, была важным дополнением к морской торговле, о которой сегодня известно больше, и играла

существенную роль в жизни внутриконтинентальных регионов. Хорошо известной иллюстрацией этому является экспорт на Запад китайского шелка, за которым туда пришла из Китая и сама технология разведения шелкопряда, но не менее важным был приход в Европу из того же Китая технологий производства бумаги и книгопечатания. Уже в X в. тюрки-уйгуры широко использовали бумагу в повседневной жизни и, следуя примеру китайцев, пытались изготавливать деревянные резные доски для книгопечатания методом ксилографии⁴.

А вот алфавит пришел к тюрко-монголам с Запада. Он был основан на алфавите согдийцев (народ в иранской Трансоксании, представители которого водили караваны и занимались торговлей, играя важнейшую роль в распространении культуры в Центральной Азии). Тюркская вязь появилась около 600 г. н.э. и в XIII в. легла в основу монгольского алфавита, который, в свою очередь, был использован маньчжурами при разработке собственного алфавита. Последние, как известно, правили в Китае с середины XVII в. до 1911 г.

Во времена династии Тан от согдийцев и тюрков элементы ирано-тюркской культуры попали к китайцам, в частности, речь идет о музыке и музыкальных инструментах. В среде китайской аристократии одно время даже существовала мода на «тюркские мотивы» в одежде, в поэзии, песенном фольклоре, театральных сюжетах. И во многом именно благодаря тюркам и монголам западный мир познакомился с Китаем и его культурой. Пик культурного взаимодействия востока и запада Евразии в средние века пришелся на период расцвета Монгольской империи, особенно на время пребывания у власти великого хана Хубилая (1214–1294 гг.), покровителя Марко Поло. Так, например, контакты между китайской и арабской астрономическими школами позволили добиться значительного прогресса в сфере этой науки.

Но тюрко-монголы не были простым передаточным звеном в передаче чужих культур. Сохраняя свои специфические традиции в социальной сфере, они вместе с тем активно впитывали научные и технические достижения великих культур оседлых народов, а также различные новые религиозные веяния. Более того, они соединяли воедино элементы различных культур, используя достижения других народов себе во благо и поддерживая таким образом мощь и процветание своих «степных империй». Разумеется, нельзя отрицать, что их завоевательные походы сопровождались невероятной жестокостью и превращали жизнь побежденных ими народов в крошечный ад, но врожденное чувство организованности, унаследованное ими от высоко-иерархичной племенной структуры, побуждало их к созданию на завоеванных территориях новых государств, в которых из симбиоза культур покоренных ими народов (с которыми они ассимилировались в той или иной степени) выростала новая, более высокая культура. И в этом состоит их вклад в мировую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

Мы выражаем благодарность профессору Ирфану Хабибу, который дал следующий существенный комментарий к данной главе. Его цитаты приведены в кавычках.

¹ Следует отметить важную «роль тюрков в распространении прогрессивных технологий, в частности, всего, что касается лошадиной упряжи: хомута, подковы, железного стремени». «Все эти неоценимые новшества попали из Китая/Сибири в Западную Азию и Европу именно в тот период (с VI по XI в.), когда происходило проникновение тюркских кочевых народов в эти регионы». «Возможно также, что прядильное колесо, почти одновременно впервые упоминающееся в Иране, Индии и Западной Европе в XIII–XIV вв., попало на эти территории из Китая, где оно было изобре-

тено, с монголами или еще более ранними тюркскими народами (например, сельджуками)».

² Следует сделать оговорку относительно отождествления тюрко-монголами божества *Тенгри* только с Богом (в монотеистическом понимании). В VII в. Кашгари (*Kashghari*), автор известного тюрко-арабского словаря, отмечал, что язычники-тюрки называли именем *Тенгри* не только небо, но и любую высокую гору или большое дерево, которым они поклонялись».

³ «Предположение о том, что шаманизм в целом преобладал среди языческих тюркских племен, нуждается в пересмотре, поскольку не существует практически никаких упоминаний о «шаманах» или «шаманизме» в источниках, датируемых ранее XIII в.».

В любом случае, следует с осторожностью переносить на более ранние периоды тюрко-монгольской истории современные формы сибирского шаманизма, о котором до XIX в. почти ничего не было известно. О том, что *предсказатели* действительно существовали у тюркских народов, сообщают китайские и византийские источники, например, Кашгари в XII в. «*аль-Кахины*»; он, в частности, писал, что эти люди распевали магические заклинания (*рикьят*). Эти «маги» («*кам*» на древнем тюркском) имели много общего с шаманами, и то же самое слово использует сегодня тюркское население в Сибири для обозначения современных шаманов, хотя, конечно, за прошедшие века многое в их практике изменилось.

⁴ «Технология изготовления бумаги пришла в Европу иным путем, чем технологии книгопечатания. Роль тюрков в этом вопросе состояла в том, что они привезли китайских мастеров по изготовлению бумаги в Самарканд, а дальше распространением бумаги занимались арабы. Что касается распространения книгопечатания, то здесь монгольская империя сыграла решающую роль».

На Западе часто подчеркивают особое значение распространения бумаги по всему миру, но не меньшее значение имеет тот факт, что в Индию (через Синьцзян и Самарканд) «бумагу привезли именно тюрки. Ну и, разумеется, использование бумаги в исламском мире сыграло огромную роль в распространении здесь научных знаний».

Вот некоторые хронологические подробности: бумага была изобретена в Китае примерно в 100 г. н.э.; использовать бумагу в регионе Турфана начали уже до 400 г. н.э.; китайские изготовители бумаги, попавшие в плен после битвы в районе р. Талас, в 751 г. были привезены в Самарканд арабами; бумагу производили в Багдаде с 793 г., а в мусульманской Испании – с 950 г.; отсюда началось постепенное распространение бумаги по Европе, где ей еще долго предпочитали пергамент.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABE, T. 1955. Nishi Uiguri kokushi no kenkyū [Étude de l'Histoire nationale des Ouigours occidentaux]. Kyoto.
- BAZIN, I. 1991. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Académiei Kiado/Éditions du CNRS. Paris and Budapest.
- CHAVANNES, E. 1903. Documents sur les Tou-kine (Turcs) Occidentaux. Académie Impériale, St. Petersburg.
- 1904. Notes additionnelles sur les Tou-kine (Turcs) Occidentaux. Académie Impériale, St. Petersburg.
- CLEAVES, F. W. 1949. The Mongolian Names and Terms in the «History of the Archers» by Grigor of Akanc. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. XIII, pp. 400–443.
- GROUSSET, R. 1941. L'empire des steppes. Reprint 1960, Paris.
- 1941. L'empire mongol (première phase). Paris.
- HAENISCH, E. 1948. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Harrassowitz, Leipzig.
- HAMBIS, L. 1969. Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. Paris.
- (ed.) 1955. Marco Polo. In: La description du Monde. Paris.
- HAMILTON, J. R. 1955. Les Ouigours à l'époque des cinq dynasties. Paris, reprint 1988.
- 1986. Manuscripts Ouigours du IXe – Xe siècle de Touen-houang. 2 vols., Vol. XXIII, Paris.

- HOWORTH, SIR HENRY. 1876. *The History of the Mongols*, 4 vols. London, reprint 1927.
- KWANTEN, L. 1979. *Imperial Nomads: A History of Central Asia 500–1500*, Leicester.
- LEMERCIER-QUELQUEJAU, C. 1970. *La paix mongole*. Paris.
- LIU MAU-TSAI, 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*, 2 vols. Harrassowitz, Wiesbaden.
- MACKERRAS, C. 1972. *The Uigur Empire, According to the T'ang Dynastic Histories*, Vol. IX. Asian Publications Series, No. 2, Canberra.
- MORGAN, D. 1949. *The Mongols*. New York, reprint 1986. Oxford.
- PELLIOT, P. 1949. *Histoire Secrète des Mongols. Complete Mongolian text and French translation of Chaps. I–IV*. Librairie d'Amérique et d'Orient, Paris.
- PINKS, E. 1968. *Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960–1028)*. Asiatische Forschungen, Band 24, Vol. XI, Wiesbaden.
- ROUX, J. P. 1984a *La religion des Turcs et des Mongols*. Paris.
- 1984b *Historie des Turcs*. Paris.
- 1993. *Historie de l'empire Mongol*. Paris.
- RUBROUCK, G. DE. 1993. *Voyage dans l'empire Mongol (1253–1255)*, CLAUDE-CLAIRE; KAPPLER, R. (eds), Paris.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Шагдарин Бира

СОЗДАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА ЧИНГИСХАНОМ: ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ

Географическое положение Монголии в самой сердцеvine Центральной Азии было главным природным фактором, определившим особый характер исторического и культурного развития населявших его народов. «Великая монгольская степь», являющаяся огромным естественным пастбищем, была самой природой предназначена для разведения домашнего скота.

Животноводство требовало ничуть не меньших знаний, умения и навыков, чем земледелие. Кочевые народы не смогли бы выжить, если бы не умели приспособляться к многочисленным трудностям жизни в степи. В результате был накоплен огромный объем знаний и опыта по выращиванию домашнего скота, являвшийся народной наукой монгольских кочевников. Традиционные способы приготовления продуктов животноводства и обработки исходных продуктов, хотя и не очень многочисленные и кустарные по своей сути, были отработаны до мелочей и обеспечивали кочевников всем необходимым для жизни. К началу XIII в. кочевое монгольское общество достигло достаточно высокого уровня социального и культурного развития. Традиционная организация общества претерпела радикальные изменения. Примитивная клановая структура, державшаяся на кровном родстве, по сути дела изжила себя. Общественное сознание членов монгольского общества определялось теперь больше общностью социально-экономических интересов, территориальные факторы и общность этнокультурных связей приобретали все большее значение в отношениях между племенами и племенными объединениями.

В 1206 г., победив в ходе решающих сражений своих самых сильных соперников, Чингисхан (ок. 1162–1227 гг.) созвал хурал, сход вождей монгольских племен, который состоялся в верховьях р. Онон. На хурале он был провозглашен правителем всех монголов – ханом и получил титул Чингис (Великий) (*Secret History of the Mongols*. Vol. I, p. 141; *History of the Mongolian People's Republic*. Vol. 1, pp. 170–191). Это событие, по сути дела, ознаменовало собой рождение нового государства на территории Монголии – единого Монгольского государства.

Период с 1206 по 1211 гг. Чингисхан посвятил созданию и реорганизации гражданской и военной администрации в государстве. В административном отношении Монголия была поделена на три больших тумена («мириады») – правый, левый и центральный, каждый из которых, в свою очередь, состоял из десятков, сотен и тысяч. Одной из важнейших мер, осуществленных Чингисханом в сфере управления обществом, было принятие законодатель-

ного кодекса под названием «Еке яса» («*Yeke Jasa*») (тюркский эквивалент – *Yāsā* – «Великий закон»). И хотя текст его до сих пор не найден, данные из нескольких источников подтверждают, вне всякого сомнения, факт существования древнего текста «Великой Ясы».

«Великий закон», авторство которого приписывается самому Чингисхану, являлся сводом законодательных норм, установленных для регулирования различных сторон общественной жизни, и стал законодательной базой молодого Монгольского государства. Затем, после образования Монгольской империи, этот свод законов в конечном итоге стал самым авторитетным документом в монгольском правоведении, и его положения в течение десятилетий были строго обязательны к соблюдению на всех вновь завоеванных территориях стремительно расширявшейся империи.

На пятнадцатом году правления Чингисхана, т.е. в 1220 г., в верхнем течении р. Орхон была заложена столица монгольского государства – город Каракорум (монг. – Хара-Хорин. – *Прим. ред.*) (*Cleaves*, 1952). Создав мощную политическую и военную машину, Чингисхан сразу же встал на путь расширения своей державы военным путем.

В 1219–1224 гг. он осуществил победоносные завоевательные походы против империи Хорезмшаха Ала-ад-дина Мухаммеда, которая в тот период пребывала в состоянии упадка вследствие внутренних распрей. В результате вся территория империи с ее великими городами Самаркандом, Бухарой, Ургенчем, Отраром, Нишапуром, Мервом и другими была оккупирована монголами. Все крупные культурные центры были превращены в руины, а их население вырезано. А такие города, как Балх и Бамиан завоеватели вообще сравнивали с землей.

Очень вероятно, что наиболее распространенная форма порабощения захваченных народов степными империями находилась в полном соответствии с общими замыслами Чингисхана. В соответствии с этими замыслами, завоевателям было выгоднее, чтобы эти народы жили в своих «уделах» (улусах), нежели самим заниматься организацией жизни на захваченных территориях. По отношению к оседлым обществам Чингисхан предпочитал такую форму эксплуатации их стран, как сбор налогов и дани.

Он был действительно невероятно удачлив во всех своих завоевательных начинаниях, прежде всего, в силу значительного превосходства в военной мощи. Но не меньшую роль играло и то, что он был военным гением и крупнейшим политическим стратегом своего времени. Главной силой Чингисхана и его преемников была легкая конница – всадники на низкорослых, быстрых монгольских лошадях, вооруженные луками. Помимо этого монголы были в высшей степени изобретательны во всем, что касалось искусства ведения войны, быстро осваивая все

новинки военного дела и приспособлявая их к своим нуждам с помощью советников из Китая и мусульманских стран.

МИРОВАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ
(карта 29)

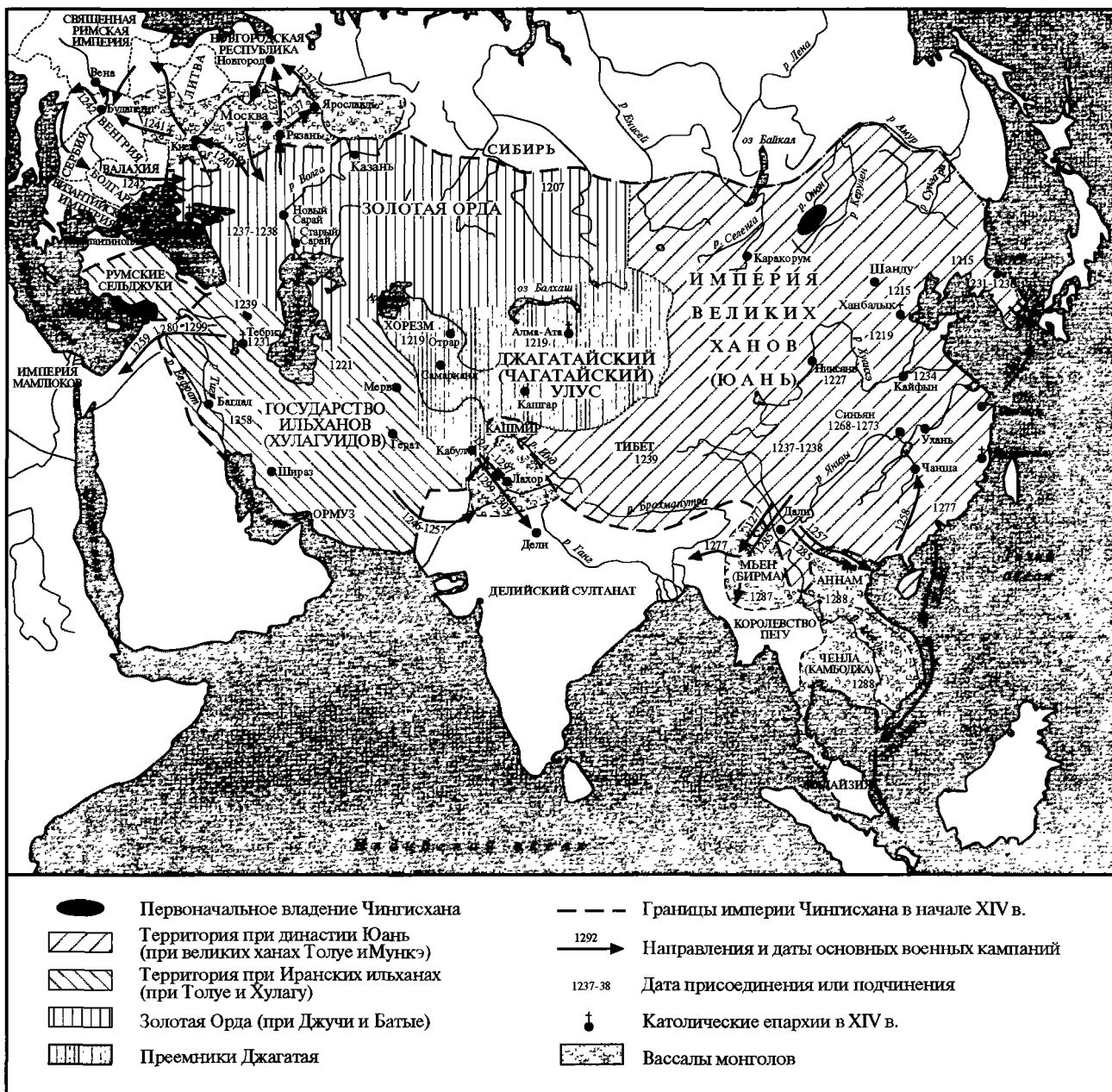
В отличие от Александра Македонского, империя которого даже не пережила своего основателя, Чингисхан оставил после себя великую империю кочевников, которая при его преемниках стала самой большой из когда-либо существовавших до нее.

Преемники Чингисхана, заявлявшие о приверженности заветам своего великого предшественника, на деле отбросили его главный принцип – стоять в стороне от «цивилизации» и не жертвовать идеалами кочевого общества ради другой жизни. Угедей (1229–1241 гг.), Гуюк (1246–1248 гг.) и Мункэ (1251–1259 гг.) продолжали расширять свою империю, поработав великие оседлые общества.

Империю монголов обычно подразделяют по географическому принципу на пять основных частей: сама тер-

ритория Монголии – центр империи, начиная с правления Чингисхана и кончая смертью великого хана Мункэ в 1259 г.; Юаньская империя (и династия) в Китае, начиная с воцарения великого хана Хубилая; государство ильханов (Хулагуидов) в Персии; Золотая Орда на территории Руси; и Джагатайский (Чагатайский) улус в Центральной Азии. Несмотря на тот факт, что Монгольская империя представляла собой немыслимый конгломерат стран и народов, культур и общественно-экономических образований, у отдельных ее частей было, тем не менее, много общих черт и существенных сходств, делавших ее единым организмом на протяжении почти всего периода существования. С другой стороны, невозможно отрицать наличие существенных различий и даже несовместимости отдельных частей этой империи, которые, в конечном итоге, и привели к ее распаду.

Йеху Чукай (*Yehü Chucai*), мудрый советник монгольских ханов, происходивший из племени киданей, по преданиям, часто напоминал Угедю одну древнюю китайскую мудрость: «Верхом на лошади можно завоевать империю, но управлять империей, сидя в седле, невозможно»

Карта 29. Монгольская империя: завоеванные территории и военные кампании в XIII в. (по Aubin; in Encyclopaedia Universalis, vol. II, 9th ed., p. 250, 1977)

(Kwanten, 1979, p. 142). Без сомнения, монгольские великие ханы хорошо понимали это, когда перед ними вставала задача организации управления созданной ими огромной империей. Можно по-разному оценивать этот факт, но наследники Чингисхана предприняли историческую по своему значению попытку создать административную систему, которая бы объединяла традиционные политические и военные механизмы управления, присущие кочевому обществу, с централизованной, бюрократической административной моделью китайского и персидско-центральноазиатского образца.

В процессе такого слияния традиционные институты кочевого общества сыграли особую роль, но при этом часто модифицировались в соответствии с требованиями времени. В частности, *хурал*, являвшийся старейшей формой политической организации у кочевых народов, приобрел гораздо большее значение, чем когда-либо раньше. Он стал подлинно представительным собранием правящей элиты монгольского общества – князей и прочей знати, которые принимали решения в соответствии с древними традициями и обычаями по важнейшим государственным делам, таким как возведение на ханский трон, объявление войны, принятие новых законов и формирование политики государства.

Монгольская империя была создана силой оружия в завоевательных походах, и монгольские ханы считали армию самым главным институтом имперской власти. Система организации войска на основе десятичной системы не только сохранялась ханами из поколения в поколение на протяжении десятилетий, но и служила моделью для формирования других армий более поздними последователями и претендентами на право считаться членами семьи Чингисхана по всей Центральной Азии. Важнейшим новым элементом структуры монгольского войска, введенным после смерти Чингисхана, был институт *тамга*. Это был особый род войска, созданный по приказу имперского правительства для удержания захваченных территорий. В дальнейшем на его базе образовались постоянные воинские контингенты в подчиненных ханствах, создаваемых самими монголами на вновь завоеванных территориях, таких как персидское государство ильханов (Хулагуидов).

Одним из первых учреждений, созданных монголами на захваченных территориях, была почтовая служба с использованием лошадей (по-монгольски – *ям* [*jam*, по-тюркски – *yam*]). Ее основы были заложены еще Чингисханом, но в качестве обширной сети почтового сообщения, охватывавшей континенты, она оформилась в 1234 г., когда хан Угедей стал создавать почтовые станции в своих владениях.

Основой этой системы были почтовые станции (*ямы*), отстоявшие друг от друга на расстоянии дневного перехода на лошадях, т.е. 40–50 км. На почтовых станциях держали в готовности свежих лошадей и запас корма для путешествовавших. Обычный почтовый курьер проезжал в день 40 км, срочный курьер мог ехать гораздо быстрее.

Значение этой не знавшей границ системы сообщения для развития отношений между странами и народами трудно переоценить, поскольку, наряду с почтовыми курьерами монгольских ханов, доставлявшими срочные приказы и депеши, почтово-ямской службой пользовались посланники, миссионеры, торговцы и все, кого манили приключения.

Монголы первыми создали и многие другие государственные институты и службы, которые не только исправно функционировали в различных частях империи, но и оказали заметное влияние на формирование в более поздние времена гражданского управления и правительственных структур в покоренных ими странах. Одним из ключевых учреждений в структуре монгольских органов управления на местном уровне было ведомство *даругачи* (*darugachi*), которое действовало на всех свразийских территориях, находившихся под монгольским владычеством – в Персии, Китае и на Руси. Термин *даругачи* (*талугачи* –

по-китайски, *даруга* – по-русски, *баскак* – по-тюркски, *даруга* – на персидском) был хорошо известен во всех концах империи и означал титул имперского монгольского чиновника (судьи).

Монгольские ханы использовали различные формы налогообложения в регионах империи. Они искали максимально эффективный способ экономической эксплуатации находившихся под игом империи стран и народов.

Первые три преемника Чингисхана строго придерживались идеи сохранения Монголии центром их империи. В этом отношении период правления Мункэ был самым важным в истории империи. Ведь именно при его правлении империя значительно расширила свои границы и приняла законченные организационные формы. Мункэ сумел создать эффективную систему управления всеми территориями из единого центра в Монголии. Он также установил верховенство великого хана в Каракоруме над любым ханом или князем, независимо от его родословной, и над любым кланом или семейным союзом. Великий хан также стоял во главе сильной бюрократической структуры, которая формировалась на наднациональной основе: в нее, кроме собственно монголов, входили уйгуры, кидани, китайцы, представители центральноазиатских народов, персы.

Вне всякого сомнения, не имеющее аналогий в истории восхождение монгольских кочевников к высотам мировой цивилизации не могло не сказаться на их собственной социальной и культурной жизни. Монгольское общество постепенно стало приобретать феодальные черты. Архаичная клановая структура общества ушла в прошлое. Монгольская государственность приобрела законченные формы и функционировала весьма эффективно. С созданием мировой империи традиционные взгляды монголов на прерогативы ханской власти претерпели значительные изменения под влиянием политических систем и практики управления оседлых народов. Империя приобретала все больше общих черт с традиционными институтами как кочевых, так и оседлых обществ.

Монголы придавали очень большое значение идеологическому обоснованию своего политического господства с позиций тех религий, с которыми они познакомились в ходе своих завоеваний.

В «Тайной исповеди монголов» («Сокровенном сказании») проповедовался тезис о божественном происхождении «золотого клана» Чингисхана. В самом начале этой книги говорится о том, что род Чингисхана ведет свое начало от первопредка Бөрте-Чинó, «рожденного по воле Небес» («Сокровенное сказание», с. 2). Еще одна легенда, содержащаяся в той же книге, гласит, что Алан-гоа, мифологическая прама́терь всех монголов, была чудесным образом оплодотворена небесным (солнечным) божеством и родила сына Бодончара (Боденжара), прямого предка клана Чингисхана (там же, с. 4). Эти легенды были призваны внедрить в сознание покоренных народов две важнейшие идеи относительно происхождения монгольской нации: ее божественной природы и близости к Свету.

Эти идеи могли возникнуть в среде монголов как результат их встречи с многочисленными религиями и культурными традициями покоренных народов. Поклонение богу Тенгри, в общем-то, было частью ритуалов шаманизма, и оно же было краеугольным камнем древних монгольских представлений о легитимности ханской власти. Но это не исключает того, что концепция происхождения ханской власти монголов по благословению Неба могла в завершающей фазе своей эволюции быть навязана высоко развитыми политическими доктринами китайцев, в частности доктриной мандата Неба (*тяньмин*) (*de Rachewiltz*, 1973). Можно пойти еще дальше в поисках других источников этого влияния и обнаружить еще один его пласт, на этот раз – влияния более отдаленной цивилизации, например, иранской, а точнее – зороастрийско-манихейской

концепции Света, которая, возможно, вдохновила монголов на создание своего варианта легенды о непорочном зачатии Алан-гоа солнечным божеством (Bira, 1989).

Эти источники подтверждают гипотезу о том, что идеи божественного мандата и необычного происхождения клана Чингисхана были в конечном итоге развиты в оригинальную имперскую концепцию, вдохновлявшую монголов в их усилиях по строительству империи.

Исторические условия, сложившиеся в Монголии естественным образом способствовали ее культурному развитию. И хотя точно не известно, когда монголы познакомились с согдийско-уйгурской письменностью, которая, в свою очередь, восходит к финикийско-арамейскому письму, вполне возможно, что ее широкое применение началось уже с возникновением делопроизводства в монгольском государстве при Чингисхане. С той поры знакомство монголов с письменностью и грамотой уже не прекращалось. Самые ранние образцы монгольского письма мы находим в камне, в так называемых «надписях Чингиса», относящихся приблизительно к 1225 г. Это был памятник, воздвигнутый в честь Есунге (Esunge), племянника Чингисхана (ок. 1190–1270 гг.).

Величайшим монгольским литературным памятником является «Тайная исповедь монголов» («Сокровенное сказание»), предположительно написанная в период с 1228 по 1240 г. на берегах р. Керулен. Автор ее не известен. Этот самый ранний из дошедших до нас памятников монгольской литературы представляет собой не только образец героического эпоса, но и важнейший исторический источник. Он содержит и богатейшее собрание монгольского фольклора. Произведение можно условно разделить на три части: генеалогия предков Чингисхана, рассказы о его жизни и подвигах и короткое повествование о хане Угедее. Основная тема развивается во второй части, в которой описания подвигов уступают место более достоверным историческим свидетельствам.

Из исторических источников мы знаем о существовании и других книг по истории Монголии, в частности, «Золотой книги» («Алтан Дебтер»), к которой много раз обращался персидский историк Рашидаддин (см. ниже).

Во времена монгольской империи по мере укрепления позиций монгольских ханов в Китае и Иране литературная деятельность монгольских авторов постепенно перемещалась в страны, оказавшиеся под монгольским владычеством, и там монголы напрямую знакомились с высокой литературой и наукой. Особым покровительством монгольских ханов пользовались исторические исследования, и к их написанию привлекались иностранные авторы. В силу господствующего положения монголов в империи доминировали и их взгляды на историю, и история семейного клана Чингисхана рассматривалась в качестве официальной истории государства. Легенда об Алан-Гоа, прародительнице «Золотого клана» высоко почиталась и пользовалась всеобщим признанием во всей империи от Ирана до Тибета.

Во времена монгольской империи как никогда прежде расширились знания друг о друге доселе разобщенных и разделенных огромными расстояниями народов в ее составе. Источником информации «из первых уст» о далеких странах и народах были многочисленные путешественники и торговцы. Монголы и их империя не только оказались в центре всеобщего интереса в мире, но и сами накопили большой объем сведений о странах и народах, втянутых ими в свою орбиту. В «Тайной исповеди монголов» проявляются удивительные знания автора о географии самой Монголии, но в ней содержатся также весьма точные сведения о других странах, их городах и населении.

Европейцы, посетившие Китай и Монголию, такие как францисканцы Плато Карпини, фламандский путешественник, монах Виллем де Рубрук, Марко Поло и другие поведали соотечественникам богатейшую информацию о Монголии и других азиатских странах, а арабские

и персидские путешественники первыми познакомили монголов и китайцев со странами Центральной Азии и Среднего Востока.

Несмотря на жестокость, которую проявляли монголы в ходе захватнических походов, религиозный фанатизм был им чужд. В своей многонациональной империи они проводили политику религиозной терпимости. И трудно согласиться с исследователями, утверждающими, что такая политика являлась следствием безразличия или элементарного неведения монгольских властей. Скорее это было расчетливым действием, вызванным стремлением «завладеть душами» покоренных ими людей, принадлежавших к различным этническим группам и исповедовавших самые различные религии. Монголы изучили в этот период почти все великие религии мира. При великом хане Мункэ в привилегированном положении оказались последователи несторианства. По свидетельству францисканского монаха Виллема де Рубрука, лично встречавшегося с великим ханом Мункэ, тот высказал следующее отношение к различным религиям:

«Мы, монголы, считаем, что существует один Бог, по воле Которого мы живем и умираем, и Ему мы отдаем свои сердца. Но, подобно тому, как Бог дал нам разные пальцы на руке, таким же образом Он дал разные способы людям [поклоняться Ему]» («*The Mission of Friar William of Rubruck*», 1990).

Монголия на некоторое время стала местом, где сходились вместе различные народы, культуры и религии. Каракорум, столица империи, превратилась в космополитический город, где можно было встретить христиан, мусульман, буддистов, китайцев, венгров, русских, западных европейцев, армян и других. Город был связан со всеми уголками империи широкой сетью дорог вдоль маршрутов следования ямской почтовой конной эстафеты. Неблизкий путь к монгольскому двору проделывали посольства многих стран мира, включая западноевропейские королевства и папство. Францисканские монахи Плато Карпини и Виллем де Рубрук, посетившие Монголию во времена правления сына Угедая Гююка (1246–1248 гг.) и Мункэ, оставили удивительные отчеты о своих путешествиях, которые являются великолепным первоисточником для изучения истории монголов.

Путевые заметки содержат, например, живые описания событий художественной жизни в Каракоруме, выставок произведений искусства под открытым небом (рис. 32). На Виллема де Рубрука большое впечатление произвел ханский дворец и большое дерево у входа в него, сделанное из серебра парижским мастером Вильямом. Он пишет, что ханский дворец напоминает базилику с центральным нефом, ограниченным с обеих продольных сторон рядами колонн, и с тремя дверями на южной стороне.

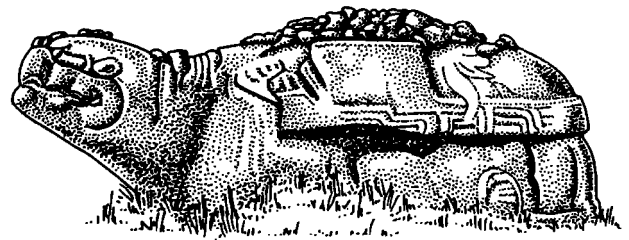

Рис. 32. Гранитная черепаха, найденная у развалин дворца в Каракоруме (Хара-Хорине), Монголия, XIII в. Эта скульптура когда-то служила опорой каменной стелы, на которой была нанесена официальная надпись (рис. Kiselev, in Phillips, E.D. *The Mongols*, London, 1969)

Город был поделен на две части. Одна предназначалась для «сарацинов» (персов), со множеством базаров и большим скоплением торговцев; в другой проживали китайские ремесленники. Здесь же располагались большие дворцы, принадлежавшие секретарям суда, и 12 буддийских храмов, две мечети и христианская церковь (*Mission of Friar William of Rubruck*, 1990, p. 221). Из другого источника известно, что при Утедее был построен фундамент под буддийский храм, законченный уже при Мункэ. Над огромной ступой был построен высокий павильон, содержащий помещения, вокруг которых были установлены статуи Будды в различных воплощениях – в полном соответствии с указаниями буддийских *суп* (*Cleaves*, 1952) (илл. 233, 247).

Город был окружен земляным валом с четырьмя проходами в нем. У восточных ворот продавали просо и другое зерно; у западных ворот торговали овцами и козами; у южных ворот – крупным рогатым скотом и повозками; и у северных – лошадьми.

МОНГОЛЬСКИЕ ХАНСТВА И КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ НИМИ

Юаньская империя

Империя Юань была создана Хубилаем, великим монгольским ханом, который правил Китаем с 1260 по 1294 г. Он сосредоточил свои главные усилия на увещевании власти монголов в этом величайшем оседлом государстве. Именно Хубилай, после нескольких столетий раскола Китая на южный и северный, вновь объединил их в единое государство. Несмотря на то, что монгольское правление в Китае являлось иноземным господством, в годы правления Хубилая положение страны значительно улучшилось, и к концу его царствования Китай превратился в единое, процветающее, мощное государство, имевшее широкие контакты со многими странами мира.

Хубилай был великим реформатором, взявшим на вооружение при строительстве своей степной империи совершенно новые политические методы. Унаследовав мировую империю, он не стал полагаться в управлении ею на одну только китайскую административную и политическую практику, а привлекал к этому все, что находил полезного в пределах своего многонационального государства.

В целом, монголам не удалось слишком сильно изменить традиционную бюрократическую и политическую систему Китая, но у них было свое собственное видение способов управления государством, и они, например, реформировали некоторые военные и управленческие структуры в Китае. Хубилай хорошо знал конфуцианство и был окружен китайскими советниками – последователями этого философского учения. Тем не менее, в своей практической деятельности конфуцианству он предпочел буддизм и в конечном итоге провозгласил его государственной, или имперской религией. Он сам и все члены его семьи обратились в буддизм. Тибетские источники свидетельствуют о том, что Хубилай установил тесные связи с сектой са-ския (*Sa-Skya*). Он пригласил предводителя секты Пакба-ламу (1235–1280 гг.) ко двору и поставил его во главе имперской буддийской церкви, присвоив ему титул *гуоши* или «имперского наставника». Хубилай умело использовал его духовный авторитет в своей религиозной политике. В своих многочисленных трудах Пакба-лама называл монгольских ханов «вселенскими императорами» (*чакравартиями*), таким образом ставя их в один ряд с древними буддийскими императорами Индии. Хубилаю приписывается и авторство политики «двух принципов», которая подразумевала близость трона и алтаря, т.е. ханской власти и ее идеологического обоснования (*дхапмы*) (*Bira*, 1978).

Политика Хубилая в области религии и в ряде других областей в той или иной мере была продолжена его пре-

емниками. А буддизм в глазах монгольского двора еще долго пользовался престижем.

Смелой попыткой нововведений со стороны Хубилая в области культуры явилось принятие новой системы письменности. В 1269 г. новая письменность была введена специальным декретом. Автором нового алфавита был упомянутый выше Пакба-лама, и предполагалось, что новая письменность позволит записывать тексты на всех многочисленных языках империи и заменит различные виды письменности, существовавшие на ее территории, – монгольскую, китайскую и другие. Алфавит был назван именем автора, или «квадратным письмом» из-за квадратной формы букв, а также «государственным письмом» (*гуоцзы*) в связи с его предназначением. Принятие этого алфавита Хубилаем полностью отвечало космополитическому духу времени. Это был синтез нескольких систем письма, известных тогда в империи. Он был составлен почти целиком на базе тибетских букв, которые, в свою очередь, произошли от индийских брахми, но запись осуществлялась вертикальными строками, подобно монгольско-уйгурскому письму, а буквы имели квадратную форму, как китайские иероглифы; наконец, в этом алфавите использовалась вертикальная черточка для соединения букв, нечто подобное соединительной линии индийского письма деванагари, но с характерными отличиями.

Управляя Китаем, монгольские ханы не могли не считаться с огромным авторитетом у китайцев конфуцианского учения об искусстве управления государством. Хубилай и особенно его преемники были вынуждены руководствоваться прагматичными идеями конфуцианства. Они, в частности, использовали существовавшие в Китае учреждения и традиционную бюрократическую систему для усиления своего господства. Хубилай стремился получить все возможные prerogatives для провозглашения себя «сыном Неба». В этом случае, по его мнению, можно было бы обеспечить абсолютную власть хана. Он был бы тогда не только законным преемником Чингисхана, но и «сыном Неба» в Китае и «чакравартином», т.е. «господином земли» в Тибете.

Помимо всего прочего, Хубилай был еще и великим ханом всей монгольской империи. Он пользовался поддержкой и признанием правителей – наместников в других частях империи. В широком смысле проводимая им политика приобрела поистине космополитический характер. Монгольский хан был окружен целой толпой советников и изгнанников со всего света, готовых служить при императорском дворе. Хубилай стремился создать разноплеменное, наднациональное правительство; это позволяло монголам, мусульманам, тибетцам, китайцам и представителям других народов и религий работать всем вместе на благо империи.

Весьма показательно, что при императорах династии Юань сухопутные связи между Востоком и Западом достигли наивысшего расцвета. Получила дальнейшее развитие и морская торговля между Китаем и Индией, странами Юго-Восточной Азии и Персией.

В свою очередь, очень тесным и плодотворным было сотрудничество китайских и арабо-иранских астрономов. В 1267 г. Хубилай пригласил к себе в Китай иранского астронома Джамалетдина (*Jamal al-Din*) для ознакомления с его открытиями. В «Юань ши» на двух–трех страницах представлены схемы и описания моделей астрономических приборов из «западных стран», которые были переданы Хулагу-ханом или его преемником Хубилаю именно через вышеупомянутого Джамалетдина (*Needham*, 1979a). Среди описаний этих приборов (которых всего было семь) были чертежи модели небесной сферы, состоявшей из металлических обручей, солнечных часов, астролябии, глобуса Земли и небесного глобуса (*Franke*, 1966).

Именно во времена Юаньской династии великий китайский астроном Го Шоуцзин (*Guo Shoujing*) (1231–1316 гг.), занимавший высокое положение при монгольском дворе,

построил одну из самых знаменитых астрономических обсерваторий того времени в Пекине (илл. 134). Здесь он и его прославленный иранский коллега Джамалетдин проводили свои исследования. Иранский астроном предложил Хубилаю свой вариант календаря, известного на китайском как *Ванниан Ли* (*Wannian Li* – «Календарь на десять тысяч лет»). Его китайский коллега Го Шоуцзин, воспользовавшись иранскими диаграммами и расчетами, создал собственные приборы и составил свой календарь, *Шоуши Ли* (*Shoushi Li* – «Календарь времен года»), который с небольшими изменениями использовался на протяжении всего правления династии Мин. Этот календарь основывался на наиболее точных астрономических расчетах. В нем, в частности, указывалось, что продолжительность одного земного года равнялась 365 дням 2 часам 42 минутам и 5 секундам (*Chiu Shu-Sin*, 1984) (в то время как точное время, за которое Земля совершает полный оборот вокруг Солнца, составляет 365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд).

Большой популярностью во времена монгольского правления в Китае пользовалась арабо-иранская медицина. Трижды, в 1285, 1288 и 1290 гг. Хубилай отправлял в Южную Индию своих людей для поиска не только драгоценных товаров, но и квалифицированных мастеров и лекарей. Были открыты две имперские больницы в Кайфыне и на севере Китая для лечения императора и членов его двора. Врачами в них работали выходцы из Ирана и стран Центральной Азии. Лекарства Хубилай выписывал также из Кореи. В его дворцовой библиотеке содержались 36 томов рецептов арабских и иранских лечебных средств. Хубилай также учредил имперскую медицинскую академию (по-китайски *Taiyu guan*).

Известно, что монголы с самых первых своих завоевательных походов начали пользоваться услугами китайских и центральноазиатских специалистов в области техники и технологий. В Китае на сооружении гидротехнических объектов они также использовали труд иранских и центральноазиатских специалистов. Арабский инженер Саид Аджаладин, губернатор Юньнана, внес большой вклад в ирригационные работы в районе Куньмина (*Needham*, 1979b). Был и еще один крупный арабский инженер Шамс (*Shams*) (1278–1351 гг.), написавший трактат по водохозяйственным технологиям «Детальное объяснение мер по защите рек», вышедший в свет в 1321 г. В его биографии содержатся сведения о том, что помимо гидротехнических работ он хорошо разбирался также в астрономии, географии, математике и музыке, точнее – в теории акустики.

В юаньский период монголы непосредственным образом познакомились с целым рядом культур – китайской, тибетско-буддийской, арабо-иранской и центральноазиатской. Широкое распространение среди монголов получили буддийская культура и литература. Буддийская литература переводилась на монгольский с самых разных языков, но преимущественно с тибетского. В начале XIV в. над переводом буддийских текстов и написанием собственных трудов активно работал известный монгольский исследователь Чойиджидстер (*Choyijidster*). Он перевел на монгольский язык знаменитый буддийский трактат Шантидевы «Бодхиচারиватара» и написал собственный комментарий к нему, который в 1312 г. был издан уйгуро-монгольским письмом в сотнях экземпляров. Монгольские традиции приписывают ему также заслугу в составлении первой монгольской грамматики «Джирукен-у толта» (*Jiriken-ü tolta*) по образцу санскритской и тибетской грамматик. В 1313 г. была переведена с китайского на уйгурский, а в 1328 г. – с китайского на монгольский буддийская сутра, известная под названием «Сутра Большой Медведицы». Монгольский вариант был исполнен печатными буквами и размножен в 2000 экземплярах. Во времена династии Юань была также переведена на монгольский и издана письмом Пагба-па известная работа *Sa-skyu Panāṭṭa Kum-dGa' rGyal-m Tshan* – «Субхаситаратнанидхи» (монг. *Saiin yugetu'erdene-ün san*),

четырёхстраничный фрагмент которой был найден в Турфане (китайский Туркестан) в начале XX в. Ученые считают, что перевод Сономгары этой же книги, в том виде, в котором она дошла до нас в уйгуро-монгольском варианте, также относится к периоду династии Юань.

Немало монголов овладело китайским языком и китайским иероглифическим письмом. Они принимали участие в литературной жизни и в переводе книг, а некоторые даже писали свои работы на китайском. Вместе с монголами работали уйгуры, тангуты, китайцы и представители центральноазиатских народов. Монгольский ученый Тимурдаши вместе с китайскими, уйгурскими и тангутскими коллегами работал над составлением исторических хроник династий Ляо, Цзинь и Юань. Чаган (*Chagan*), уроженец Хотана, известный полиглот, перевел на китайский несколько монгольских книг, в частности, «Тобчиян» (*Tobchiyān*), историю Монголии, упоминаемую в хрониках походов Чингисхана («Юань Ши»), и лучше известную под китайским названием «Чжэнгури Циньчжэн Лу» (*Zhenguri qinzheng Lu*), поскольку она сохранилась только на китайском и некоторых других языках. В 1307 г. Болодтимур, бывший в тот период государственным чиновником, представил хану Кайсану (*Qaisan*) (годы правления 1307–1311 гг.) переведенный на монгольский язык и написанный письмом Пагба-па текст произведения Конфуция «Сяоцзин» (*Xiaojing*). Хан издал декрет, в котором констатировалось, что это произведение содержит самые важные и глубокие идеи Конфуция, и предписывалось всем гражданам, от знати до простолыдинов, впредь неукоснительно следовать им. Он также приказал изготовить клише с текстом этой книги и напечатать ее, и она была впоследствии широко распространена. Некоторые исследователи считают, что автором монгольского варианта «Сяоцзин» в варианте Пагба-па был сам Болодтимур. Они также уверены, что должен был существовать более ранний перевод этого текста на монгольский язык, поскольку, начиная уже с 1229 г., «Сяоцзин» преподавалась членам монгольской императорской семьи. Один или несколько вариантов этого более раннего перевода и могли служить исходным текстом для перевода 1307 г. в письменности Пагба-па, а также для перевода этого произведения на монгольский язык, поскольку до нас он дошел лишь в уйгурской транскрипции (*de Rachewiltz*, 1982).

Примечательно, что на монгольский язык переводились и произведения центральноазиатских авторов. Стихи Мухаммеда аль-Самарканди были переведены на арабский, персидский, уйгурский и монгольский языки. Но на монгольском языке сохранилось всего несколько строф переведенного текста, и поэтому он представляет собой уникальный образец этих ранних переводов.

Сегодня точно известно, что сюжеты известного произведения «Поэма об Александре» (*Romance of Alexander*) были известны монголам уже в начале XIII в. Один из министров императора Мункэ Махмуд Ялавач (*Yalavach*) однажды повелел своему повелителю мусульманскую версию одного из сюжетов этой поэмы и «привел хана в неописуемый восторг» (*Rashid al-Din*, 1971). Подлинной сенсацией стала находка исследователей в 1950-х гг., когда был обнаружен и идентифицирован анонимный фрагмент «Поэмы об Александре» на монгольском языке (*Porpe*, 1957; *Cleaves*, 1959). Предполагается, что перевод на монгольский язык был сделан в начале XIV в. с уйгурской тюркской версии. Произведение «Поэма об Александре» (на монгольском – «Сулгарнаи» [*Sulqarnai*] от персидского – «Зу-ль-Карнайн» [*Zu-l-Qarnayn*]), которое, в свою очередь, происходит от арабского *Дху-ль-Карнайн* [*Dhu-l-Qarnayn*]), было широко распространено на эфиопском, сирийском, арабском, персидском и тюркском языках по всему Ближнему Востоку и в Центральной Азии еще с древности. Монгольский фрагментарный текст, в котором основной является тема поиска бессмертия, состоит из четырех

четких эпизодов: 1) восхождение на гору Шумер; 2) спуск на морское дно; 3) спуск в царство тьмы; 4) возвращение в город Мисир.

В результате литературной и переводческой деятельности монгольских авторов их письменный язык приобрел свою классическую форму, которая продолжала совершенствоваться вплоть до Нового времени. Были выработаны нормы правописания, словарный состав языка обогатился за счет заимствования слов и выражений из других языков, в первую очередь – санскрита (его согдийско-уйгурского варианта), а также китайского и тибетского. Очень важным с культурной точки зрения был факт освоения монголами китайской техники ксилографии. Книги на монгольском языке, отпечатанные таким способом, оказывались не только более доступными для читателя и для библиотек, но и имели больше шансов сохраниться для последующих поколений. Книгопечатание методом ксилографии сохранялось в Монголии вплоть до недавнего прошлого, и таким способом было напечатано огромное количество книг.

Правление монгольских ханов в Китае длилось в общей сложности одно столетие. Несмотря на то, что очень многие представители монгольской правящей элиты в Китае приобщились к китайской культуре и цивилизации в целом, все же монгольский правящий класс в своем подавляющем большинстве не был ассимилирован. Ученые давно отмечали, что монголам на протяжении всего периода их господства в Китае удивительным образом удавалось сохранять многие традиционные черты национального быта, от кулинарии, обычаев в одежде и языка до организации армии.

Государство ильханов (Хулагуидов)

После создания Хулагу-ханом (1256–1265 гг.) (называвшим себя *ильханом* – «ханом племени») собственного государства, Персия и Ирак, а также большая часть Анатолии окончательно перешли под монгольское владычество. Государство Хулагуидов просуществовало 70 лет. Династия ильханов подчинялась великому хану. Авторитет великого хана, особенно Хубилая, был непререкаем, и связи Китая и Персии оставались прочными и дружескими даже при монголах. Этот фактор в огромной степени способствовал развитию отношений между этими двумя величайшими центрами человеческой цивилизации.

При монголах монгольско-китайское влияние на Персию и Средний Восток стало сильнее, чем когда-либо прежде. В Персии, как и в Китае, монголы оказались лицом к лицу с процветающей культурой. Их вторжение, особенно на начальном его этапе, нанесло этой культуре огромный ущерб уже тем, что большинство представителей интеллектуальной элиты и ремесленников были физически уничтожены или силой увезены в Монголию или Китай.

Монголы не были способны противопоставить уничтоженной ими культуре равноценные или превосходящие ее собственные достижения. Но в заслугу им может быть поставлен тот факт, что они сыграли важную посредническую роль в привнесении восточно-азиатских элементов в персидскую культуру и религию. Говоря о религии, можно отметить, например, что ислам, бывший до монгольского вторжения относительно однородной культурой, теперь претерпел коренные изменения.

Политика религиозной терпимости, которую проводили монголы, привела к возрождению неисламских традиций в Персии. При том, что отношение монголов к религии диктовалось, вне всякого сомнения, политическими соображениями, нельзя недооценивать тот факт, что преемники и потомки Чингисхана брали себе в жены кераитских принцесс, которые исповедовали христианство в форме несторианства, и вводили в их свои семьи. Здесь следует, в частности, упомянуть феномен Соркоктани, жены Толуя, три сына которой Мункэ, Хубилай и Хулагу

стали великими правителями. Известно, что она была кераитская принцесса и правверная христианка. Она могла влиять на своих сыновей. Возможно, именно под ее влиянием Хулагу также взял себе в жены христианскую принцессу из Кераита по имени Докуз Хатун. И сын Хулагу Абака, унаследовавший власть от отца, как и отец, был женат на христианке, которую звали Мария.

Христиане-несторианцы были влиятельной силой в государстве Хулагуидов. Некоторые из них служили при дворе ильханов в качестве монгольских послов в странах Европы. Например, Раббан Саума и Марк, два уйгур-несторианца, являлись личными посланниками Хубилая и Аргуна (*Arghun*) (рис. 8).

Самым интригующим фактом религиозной жизни при Хулагуидах было то, что короткое время благосклонностью двора пользовался буддизм. Это было отдаленным отголоском общей политики монгольской империи в отношении религии. Хулагу лично благоволил к буддизму. В Тибете у него был личный интерес: под его юрисдикцией находился один из крупнейших буддийских центров Тибета Паг-мо-Група. При его преемниках, особенно при Аргуне, буддизм еще больше укрепил свои позиции в империи. Благодаря монголам некоторые тибетские религиозные и культурные традиции достигли Персии. Однако материальных свидетельств этого в Персии почти не осталось, так как буддийские памятники уничтожались или приспособлялись под исламские, после того как монгольская верхушка обратилась в ислам. Сегодня можно увидеть лишь руины буддийских храмов в районе г. Мераге.

Явное восточно-азиатское, монгольское, буддийское и китайское влияние прослеживается в некоторых образцах персидской живописи монгольского и постмонгольского периодов. Например, две миниатюры из коллекции Н.2152 библиотеки Топкапи (*Топкапи*), изготовленные для тимуридского князя Байсунгура и содержащие главным образом образцы тимуридской и ильханидской живописи и каллиграфии, несомненно свидетельствуют о том, что буддийский живописный стиль монгольского периода был столь популярен, что его копировали и художники более поздних поколений эпохи Тимуридов (*Esin*, 1977; *Needham*, 1979с).

Ильханы, как известно, также поощряли развитие наук и просвещения. Известный философ и астроном Насир аль-дин аль-Туси (1201–1274 гг.) являлся одним из советников Хулагу. Последний поручил ему постройку обсерватории в г. Мераге, в Азербайджане, к югу от Тебриза. Эта обсерватория была оснащена самыми современными по тем временам приборами, а в ее библиотеке, как предполагалось, насчитывалось более 400 тыс. томов. Здесь встречались ученые из разных стран. В обсерватории бывал и работал блистательный мусульманский астроном из Испании Яхья ибн Мухаммед ибн Аби ль-Шукр аль-Магриби аль-Андалуси.

Нельзя не упомянуть также замечательный труд Рашидаддина (1247–1318 гг.) по медицине. Он служил придворным лекарем при монгольских правителях Персии и занимал также высокий пост визиря. Около 1313 г. он составил свою энциклопедию китайской медицины «Сокровищница ильханской китайской науки». В ней излагались результаты исследований по таким направлениям китайской медицины, как сфигмология (диагностика по пульсу), анатомия, эмбриология, фармацевтика и т.д.

Историография пользовалась особым вниманием и покровительством ильханов, которых, естественно, волновала проблема увековечения «великих свершений» их предков и своих собственных. Для написания таких работ они привлекали знатоков древности и историков из разных стран, открывали им свои архивы и предоставляли официальные хроники. В качестве иллюстрации можно привести два известных персидских трактата «История завоевателя мира» Ата Малика Джувейни (1226–1283 гг.) и «Всемирная история» («*Джами аль-Таварих*») Рашидаддина. Оба автора занимали высокое положение в государстве

Хулагуидов и были непосредственными свидетелями и участниками многих важнейших событий своей эпохи. Джувейни начал работу над своей книгой во время своего пребывания в Каракоруме в 1252–1253 гг. по настоянию своих монгольских друзей, близких ко двору великого хана Мункэ. Закончил он свой труд, скорее всего, после возвращения в Иран, вскоре после 1260 г.

Рашидаддин писал свою книгу с 1300 по 1311 гг. по повелению правителей Газан-хана и Олджайту-хана. Его «Всемирная история» была первой по-настоящему всеобщей историей, т.е. историей всех евразийских народов, оказавшихся втянутыми в водоворот монгольских завоеваний. В книге, которая начинается от Адама и патриархов, помимо истории монголов, излагается история доисламских персидских царей, Мухаммеда и Арабского халифата вплоть до падения последнего от рук монголов в 1258 г.; персидских династий после возникновения ислама; Огуз-хана и его потомков, тюрков, китайцев, евреев; франков, их императоров и пап, а также индийцев, с подробным рассказом о Будде и буддизме (Boyle, 1971).

Последний, третий том истории содержал «географические и даже топографические карты мира, в том виде, как его представляли в те времена, а также информацию о системе дорог в Монгольской империи, с упоминанием основных ориентиров на местности, устанавливавшихся по высочайшему повелению, а также список почтовых станций» (Jabn, 1964).

У Рашидаддина была уникальная возможность консультироваться с учеными из разных стран мира, находившихся при дворе ильханов. Так, история Индии писалась при активном участии кашмирского монаха-отшельника Камалашри (*Kamalashri*), а история Китая – при содействии монгольских и китайских знатоков истории, например, Болуда Чинсьяна (*Bohud Chingsiyang*), который был, пожалуй, самым крупным авторитетом по истории Китая той поры.

Основное место в книге уделено истории монголов, сведения о которой базировались исключительно на национальных источниках, ныне по большей части утраченных. Рашидаддин мог позволить себе также обращаться за помощью и содействием к влиятельным лицам в государстве, например, к самому Газан-хану, к Болуду Чинсьяну. Есть все основания полагать, что все материалы, имевшие отношение к монголам, которые детально изложены в книге Рашидаддина, были либо пересказаны ему, либо специально подготовлены для него его монгольскими коллегами на основе монгольских источников, таких, например, как «Золотая Книга» «Алтан Дебтер», экземпляр которой всегда хранился при дворе в сокровищнице ханов, и на которую неоднократно ссылается автор в своей книге. Ученые справедливо считают, что первоначальный вариант самых ранних текстов «Джами аль-таварих» был написан не на персидском, а восходит к монгольской версии, скорее всего написанному Болудом Чинсьяном и другими монгольскими специалистами в области генеалогии. В результате это монументальное историческое исследование превратилось в многоязычный труд и существовало на персидском, арабском и, возможно, также на монгольском и на восточно-тюркском языках (Togan, 1962). Читая главы книги персидского историка, посвященные монголам, включая историю преемников Чингисхана, неважно, на каком языке, – либо на языке оригинала – персидском, на английском или на русском в современном переводе, любой монгол легко распознает традиционные монгольские манеры и стиль исторического повествования, которые разительно отличаются от манеры и стиля исламской персидской исторической литературы.

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЧАГАТАЙСКИЙ УЛУС

Роль этих двух ханств в культурной жизни империи была не очень заметной. В отличие от ханств в Китае и Иране, они стояли в стороне от имевшего место активного

культурного обмена, оставаясь провинциями огромной империи. Они были расположены близко друг к другу, коренное население их территорий составляли в основном группы тюркских народов, которые в этническом, культурном и языковом отношении были ближе к монголам и стояли на том же уровне культурного и социального развития, что и монголы. На завоеванных степных пространствах монгольские кочевники чувствовали себя по-домашнему уютно, и охотно вступали в прямые контакты с местным тюркским населением.

Завоевав Русь, ханы Золотой Орды не стали селиться в глубине ее территории. Выбирая место для своей ставки, основатель Золотой Орды хан Батый (1236–1255 гг.) предпочел построить столицу ханства Сарай в дельте в нижнем течении Волги, недалеко от Астрахани. Территории, населенные кипчаками (половцами), с их пастбищами привлекали монголов больше, чем крупные русские города. Половецкие степи были сердцем Золотой Орды, поэтому она была известна также под названием Кипчакское ханство.

Русь, разоренная нашествием монголов, оказалась в положении монгольского вассала. Административно исконные русские земли никогда не входили в состав Орды. Остались практически неприкосновенной и прежняя система княжеского правления. Но Русь была обложена тяжелой данью и налогами.

Чагатай (Джагатай), второй сын Чингисхана, получил от своего отца обширные владения от государства уйгуров на востоке до Бухары и Самарканда на западе. Собственно Чагатайское (Джагатайское) ханство (улус) было создано много лет спустя после смерти самого Чагатай-хана (ум. в 1242 г.), под именем которого оно вошло в историю. Независимое монгольское ханство основал Алулу (ум. в 1265/66 г.). Он даже расширил прежние чагатайские владения, подчинив своему владычеству всю Центральную Азию.

Объединение стольких народов под сильной властью монголов, естественно, способствовало их сближению и интеграции различных культур и традиций. В этой связи интересно отметить небывалое смещение «центра тяжести» в социально-политической и культурной жизни народов Центральной Азии при монголах в сторону неисламских монгольско-тюркских элементов. Монголы привнесли в общую культурную копилку региона свои культурные элементы – язык, письменность, веру, опыт кочевой жизни, а также традиции ханского правления, знание и опыт управления большими территориями. В Золотой Орде делопроизводство велось на монгольском языке. Некоторые «ярлыки» – ханские указы, написанные монгольским шрифтом и относящиеся к концу XIV в., сохранились по сей день. К этому же периоду относятся последние монеты хана Тохтамыш (потомок хана Джучи, хан Золотой Орды. – Прим. ред.), на которых монгольскими буквами отчеканено его имя.

С другой стороны, монгольское господство в двух ханствах вызывало усиление тюркского элемента, который в конечном итоге стал преобладающим. Следует отметить, что монголы в обоих ханствах были в абсолютном меньшинстве по отношению к тюркскому населению и вынуждены были приспособляться к местному этно-культурному окружению, в котором ислам и исламская культура утвердились задолго до монгольского нашествия. Монголы были вынуждены обратиться в ислам, и такие монгольские кланы, как Барлас (*Barlas*), Доулат (*Doughlat*), Джалайр (*Jalayir*) и др. полностью ассимилировались среди тюркского населения, продолжая играть важную роль в истории Центральной Азии даже после падения монгольского владычества. Известно, что из них вышли некоторые выдающиеся правители, например, эмир Тимур (Тамерлан) из клана Барлас, который позднее основал великую империю и династию Тимуридов по образу и подобию центрально-азиатских государств Чингисидов.

Историки могут спорить о том, существовал ли *Pax Mongolica*, но каковы бы ни были политические и военные последствия монгольских завоеваний, невозможно отрицать тот факт, что Монгольская империя объединила под своим началом большую часть государств Евразии с их разными народами и культурами. Это была, по-видимому, первая и последняя в истории цивилизации величайшая по размерам сухопутная империя, существовавшая в единых границах. Она была создана слишком высокой ценой, которая вряд ли была оправдана. Тем не менее, нельзя не учитывать, что в тех конкретных исторических условиях такое развитие событий способствовало установлению контактов между народами и культурами на глобальном уровне, что привело к исключительно плодотворному обмену материальными и интеллектуальными богатствами между народами и имело весьма благоприятные последствия для дальнейшего прогресса человечества (илл. 12, 243–248).

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

После того как рукописные тексты авторов этого нового издания «Истории человечества» были розданы членам Международной комиссии, Халил Инальчик (*Halil Inalcik*) прислал в редакцию записку следующего содержания: «Влияние монгольской империи на ход мировой истории, в частности, в вопросе распространения китайских технологий на Запад, очень велико: экспорт шелка из Китая в Средиземноморье и в страны бассейна Черного моря позволил наладить производства шелка в Италии; традиционные азиатские торговые пути по Индийскому океану и Красному морю значительно сократились, переместившись в Анатолию и на Черное море (*Heud*, 1879)».

БИБЛИОГРАФИЯ

- БИРА Ш. 1978. Монгольская историография XIII–XVII веков. – М., с. 78–91.
- BIRA, S. 1989. The Traditional Historiographical Mutual Relationship between India and Mongolia. In: BIRA, S. (ed.) *Mongolia and India*, Ulan-Bator, pp. 30–33.
- BOYLE, J. A. 1974. Introduction to his English translation of Rashid al-Din's book 'The Successors of Chingis Khan', New York and London, p. 7.
- CHIU SHU-SIN. 1984. Survey of the History of the Yuan Dynasty (Mongolian translation). Hayilar, Inner Mongolia.
- CLEAVES, F. W. 1952. The Sino-Mongolian Inscription of 1346, HJAS, Vol. 15. Nos. 1–2.
- 1959. An Early Mongolian Version of the Alexander Romance (translated and annotated). *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 22, pp. 2–99.
- ESIN, E. 1977. A Pair of Miniatures from the Miscellany Collections of Topkapi. *Central Asiatic Journal*, 21 (1), p. 15.
- FRANKE, H. 1966. Sino-Western Contact under the Mongol Empire. *Journal of the Asiatic Royal Society (Hong Kong Branch)*, 6, p. 60.
- HEYD, W. 1879. *Histoire du commerce du levant au Moyen Age*, 2 vols, ed. F. RAYNAUD, Leipzig.
- 1966. History of the Mongolian People's Republic (in Mongolian). Ulan-Bator. Vol. 1, pp. 170–191.
- JAHN, K. 1964. The Still Missing Works of Rashid al-Din. CAJ, IX/2, p. 7.
- KWANTEN, L. 1979. Imperial Nomads. Leicester. p. 142.
- Mission of Friar William of Rubruck, The. 1990. (Trans. by JACKSON, P. and MORGAN, D.) p. 221, London.
- NEEDHAM, J. 1979a. Science and Civilisation of China, Vol. 3 (reprinted in 1979, Cambridge University Press, London. p. 49).
- 1979b. Science and Civilisation of China, Vol. 1, p. 141.
- 1979c. Science and Civilisation of China, Vol. 1, p. 218.
- POPPE, N. 1957. Eine Mongolische Fassung der Alexanderage. *Zeitschrift*, 107, pp. 105–109.
- RACHEWILTZ, I. DE. 1971. Papal Envoys to the Great Khāns. London. p. 136. cf. The Mission of William Friar of Rubruck (trans. by JACKSON, P. and MORGAN, D.) London, 1990, p. 236.
- 1973. Some Remarks on the Ideological Foundation of Chinggis Khān's Empire. Paper on Eastern History, No. 7, pp. 21–26.
- 1982. The Preclassical Mongolian Version of the Hsiao-ching. *Zentralasiatische Studien*, Vol. 16, p. 18.
- RASHĪD AL-DĪN. 1971. The Successors of Chinggis Khān. (Trans. by BOYLE, J. A.) New York and London, p. 212.
- Secret History of the Mongols, The (SHM). 1982. (Trans. and edited by CLEAVES, F. W.) Cambridge, Mass., and London. Vol. 1, pp. 2, 4, 141.
- TOGAN, A. Z. V. 1962. The Composition of the History of the Mongols by Rashid al-Din. CAJ. Vol. VII, No. 1, p. 64.

ЗОНА ТИБЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Йонтан Гиаци и Фернан Мейе

ЦАРИ-ЗАВОЕВАТЕЛИ И КУЛЬТУРНЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ (VII–IX ВВ.)

В начале VII в. китайские летописцы отметили появление к северу от Гималаев, в далеком центре высокогорного плоскогорья народа, который они назвали *туфан*. Их земли, которые на местном языке назывались *Бод* (*Bod*), в средневековой Европе были известны как Тибет. Местный наследный правитель земель в долине р. Ярлунг, южного притока р. Брахмапутра, незадолго до этого значительно расширил свои владения путем присоединения территорий соседних вождей. Эта территориальная экспансия получила дальнейшее развитие при его сыне – царе Сронцзангамбо (ум. в 649 г.), который завершил объединение местных племен в единое государство и в соответствии с местной традицией считается основателем тибетского государства и его институтов. Очередные преемники династии придали своему владычеству имперский размах, и до распада империи в середине IX в. тибетское государство представляло собой территориальную и военную силу, с которой приходилось считаться соседним государствам Центральной Азии.

Наши достаточно скудные знания о политике и культуре тибетского государства того периода почерпнуты из имеющихся источников (археологические находки, китайские хроники, важные тибетские документы, обнаруженные в пещерах Дуньхуана в китайской провинции Ганьсу) и из более поздней тибетской историографии.

Тибетское нагорье было населено со времен палеолита. Древнейшая из доисторических стоянок тибетцев имеет возраст около 50 тыс. лет, и таких мест в Тибете немало. Этнический состав населения региона был, по всей видимости, весьма разнообразен. Язык, на котором говорило большинство населения, составившего ядро нового государства, был близок к мьянмарскому из тибетско-бирманской языковой группы, которую, в свою очередь, обычно относят к огромной китайско-тибетской семье языков. Начиная с VII в., в результате военной экспансии началось присоединение к государству новых народов, которые в те времена считались враждебными, но которые довольно быстро ассимилировались; это произошло, в частности, с населением княжества Чжанчжун в западной части Тибетского нагорья, язык которого был родственным некоторым современным языкам и диалектам региона западных Гималаев; то же произошло и с тюрко-монгольскими и тибетско-бирманскими народами на северо-востоке и востоке. Помимо этого, существовала практика демобилизации тибетских войск на границах империи и создания таким путем новых населенных территорий, большинство которых сохранилось по сей день. Ко второй половине VII в. тибетцы контролировали уже огромные территории

за пределами своего и без того обширного нагорья. В ходе завоевательных походов они поневоле соприкасались с величайшими мировыми цивилизациями. В южных предгорьях Гималаев они подчинили себе княжество в долине Катманду – Непал, как оно называлось в древних хрониках; не боялись они совершать набеги даже в долину Ганга. Эти регионы еще хранили свидетельства высочайших достижений классической индийской культуры периода империи Гуптов (320 – ок. 500 гг.). На востоке тибетцы соприкасались с могущественной китайской империей Тан (619–907 гг.), иногда как союзники, иногда как враги. С ней же они соперничали на севере за господство на землях в бассейне р. Тарим, где в космополитических оазисных городах, расположенных вдоль Великого шелкового пути, давным-давно перемешались влияния трех великих цивилизаций – китайской, индийской и иранской. На протяжении VIII и начала IX вв. продолжалась тибетская экспансия в западном направлении в район верхнего течения Инда и к горной системе Каракорум, где преобладала индийская культура, а затем еще дальше – в регионы, недавно завоеванные арабами у персидской империи Сасанидов. В другом конце «Верхней Азии», к северу от современной китайской провинции Юньнань, тибетцы в течение всего VII в. удерживали на положении вассала государство Наньчжао, а с конца VIII в. до середины IX в. тибетские войска занимали регион Дуньхуана в восточном окончании Великого шелкового пути. На всех этих территориях мощнейшим культурным фактором являлся буддизм. Объединение огромных территорий под властью тибетцев в самом сердце Азии сделало возможным свободное перемещение на большие расстояния людей, предметов и идей.

Необходимость эффективного управления новым государством и развитие международных контактов потребовали создания письменности. Судя по тибетскому традиционному мнению, инициатором ее появления стал уже упоминавшийся тибетский царь Сронцзангамбо, добивавшийся ее создания в начале VII в. на базе индийского алфавита. В то же время была разработана и грамматика, благодаря которой тибетцы получили мощный стимул к развитию языка.

Тибетская культура, хотя и остававшаяся к этому времени преимущественно устной, вовсе не была рудиментарной. Она к этому времени уже опиралась на смешанную экономику, что само по себе оставалось ее характерной особенностью и связывало ее с культурами Западной Азии. Выращивание зерновых культур и развитие животноводства требовали перехода части общества к оседлому образу жизни. С огромными расписными царскими шатрами, по сведениям древних источников, могли соседствовать оборонительные сооружения из камня – цитадели, являвшиеся центрами власти, сторожевые башни, жилые дома в несколько этажей с плоскими крышами. В этих постройках уже

просматривались важные черты более поздней тибетской архитектуры: несущие стены, плоские крыши, монументальные формы. Способы строительства и применявшиеся строительные материалы также роднят тибетскую архитектуру с западноазиатской и, напротив, – коренным образом отличают ее от китайской. Анналы китайской империи Тан хранят упоминания о высочайшем профессионализме тибетских мастеров по металлу и об изделиях, выпедших из-под их рук: зооморфных предметах, фигурках людей (иногда с мельчайшими деталями), миниатюрных моделях городов и других из золота и серебра, а также о чешуйчатых доспехах для воинов и лошадей, полностью покрывавших их тела, и о металлических подвесных мостах. Собственные тибетские документы того времени подтверждают существование богатых традиций устного творчества, в частности, антифонного хорового пения и различных религиозных обрядов и ритуалов с жертвоприношениями и поклонением духам гор, хотя и неизвестно, была ли это единая религия под сенью официальной власти. Особенно пышными ритуалами сопровождалась похороны, и среди многочисленных погребений, обнаруженных в большинстве своем сравнительно недавно, царские захоронения отличаются впечатляющими размерами надмогильных курганов, ни один из которых пока не вскрывался. Тибетцы наделяли своих правителей чертами небожителей, что выражалось в приписывании им сверхъестественных качеств в силу божественного, по их представлениям, происхождения самой династии. Тем не менее власть эта была ограничена авторитетом могущественных вассалов, имевших огромные феодальные владения и участвовавших в управлении. Высокоразвитая гражданская и военная организация общества имела черты, схожие с аналогичными системами в Китае и у тюрко-монгольских народов.

В конце VIII в. тибетские правители объявили своего предка Сронцзангамбо родоначальником династии, основателем буддизма в Тибете, а также основателем в начале предшествующего века великого ламаистского храма в Лхасе. Даже если он и не был при жизни таким преданным последователем буддизма, каким его представляла последующая легенда, самые древние участки храмового комплекса вполне могли быть действительно заложены в VII в.

Но официальная поддержка буддизма со стороны царствующей династии стала ощутимой только при Тисоне Детсене (*Thisong Detsen*) (755–797 гг.), который объявил тантристское направление буддизма государственной религией и повелел создать первый монастырь в Самье (*Samye*) (ок. 775 г.). С этого времени двор взял на полное обеспечение монахов и мирян-тантристов. Они также были освобождены от уплаты налогов и военной обязанности. В дальнейшем правители предоставляли монахам и земельные наделы вместе с семьями арендаторов, которые обрабатывали их. С начала IX в. влияние буддизма усилилось, когда власти начали привлекать монахов к активному участию в политической жизни, что было воспринято той частью придворной знати, которая была настроена враждебно к новой религии, как угроза ее привилегиям.

Приход в Тибет буддийских миссионеров, расширение культурных контактов с соседними государствами и повышение интереса к их религиозным учениям привели к активизации работ по переводу на тибетский язык под эгидой правящей династии буддийских текстов с санскрита и китайского. Для строительства и внутренней отделки буддийских храмов и монастырей, часть которых, по мнению тибетских историков, строилась по индийским образцам, приглашались иностранные мастера. Судя по всему, эти здания соединяли в себе индийские, непальские, китайские и центральноазиатские архитектурные и технические традиции с местными тибетскими, в результате чего сформировался некий эклектичный стиль, от которого, правда, сегодня мало что осталось. А картины на холсте, написанные в Дуньхуане для тибетских заказчиков, воз-

можно даже тибетскими художниками, были исполнены в индийском стиле, который, безусловно, был в те времена популярен в самом Тибете. По мере того как тибетское царство переходило к буддизму, оно становилось более открытым и для индийских и китайских достижений в науках – медицине, астрологии, оккультизме.

ЗАКАТ ДИНАСТИИ И ВОЗРОЖДЕНИЕ БУДДИЗМА (IX–XII ВВ.)

Представители придворной знати, недовольные ростом политического и экономического влияния буддийских монастырей, начали плести заговоры. В 838 г. они убили буддийского царя Тибета Репачена (*Repachen*) и привели к власти его брата Лангдарма (*Langdarma*), который, по преданиям, собирался покончить с буддизмом. На деле же преследованиям подвергся, вероятно, не сам буддизм, а лишь монашеские братства и их связь с государством. Когда сам Лангдарма разделил участь брата, борьба за престолонаследие привела к краху центральной власти и потере контроля над всей тибетской языковой и культурной территорией на периферии государства, которая в тот период простиралась, как в целом и сегодня, от густонаселенных «тибетских» регионов в китайских провинциях Ганьсу, Цинхай и Юньнань на востоке до хребта Ладакх в Индии – на западе. Местные вожди выделили себе независимые наделы, и огромная территория величественной горной страны, расположенной на средней высоте около 4500 м над уровнем моря, распалась на мелкие феодальные владения.

В то время как буддийские монашеские братства в центральном Тибете, связанные с двором, оказались в эти смутные и малоизученные времена отодвинутыми на задворки общественной жизни почти на 150 лет, на отдаленных территориях этого не случилось, и здесь буддизм в той или иной степени сохранил свое положение или даже укрепил его благодаря близости соседних буддийских центров. Таким образом, этот культурный ренессанс, «второй приход буддизма» в X в., о котором гласит тибетское предание, начался с восточных и западных окраин обширной тибетской территории. На восточной окраине бывшей империи наследники династии Ярлунгов (*Yarlung*) во второй половине IX в. основали несколько княжеств, включая Ладакхское, которые поддерживали отношения с Кашмиром, где буддизм в его недавно появившемся направлении – тантристском переживал период расцвета. Монашеские братства в этих новых княжествах пришлось создавать заново. Тантристские ритуалы и таинства в некоторой степени продолжали совершаться «белым» духовенством в деревнях и скитах, но, судя по всему, в искаженном виде. Со всей актуальностью вставал вопрос о возврате к подлинным источникам буддизма. И хотя княжества поддерживали разнообразные культурные контакты с соседями, на том этапе выбор был сделан главным образом в пользу Индии.

Интерес к возрождению буддизма получил поддержку монархий и в Западном Тибете. Ими для изучения буддийских учений была отправлена в Кашмир и Северную Индию группа молодых людей среди которых был и небезызвестный Ринчен Цанбо (*Rinchen Zangpo*) (958–1055 гг.). Но возрождение буддизма связано во многом и отдельным простым людям, которые с этой же целью по собственной инициативе переходили через Гималаи в Непал и Индию. В свою очередь индийские, непальские и кашмирские учителя буддизма приходили в Тибет. Одним из первых был Атиса (*Atiśa*) (982–1054 гг.) – выдающийся ученый из знаменитого монастырского университета Викрамасила (*Vikramāśīla*) в Бенгалии. В то же время некоторые тибетцы отправлялись в путь, чтобы припасть к ногам *махасидхов* (*mahāsiddhas*), «великих совершенных» – *йо-гов*, которые, в противовес более традиционной школе,

представленной Атисой, презрев схоластику и условности монашества, стремились достичь «Озарения» посредством прямого мистического опыта высших тантр, считавшегося в те времена кратчайшим путем к достижению этой цели. Так Тибет стал крупнейшим наследником индийского буддизма и накопленных им знаний в области эпистемологии, изысканной поэзии, лексикографии, медицины, астрологии, оккультизма и расчета календарей, изящных искусств и технических умений. Он оставался таковым вплоть до мусульманского завоевания Северной Индии в конце XII в. и Кашмира двумя столетиями позже. Государство в долине Катманду, которое эти невзгоды обошли стороной, продолжало оказывать значительное влияние на развитие буддизма в Тибете.

В период второго распространения буддизма было сделано множество переводов с санскрита как новых буддийских трактатов, так и текстов, унаследованных со времен монархии и требовавших пересмотра. Тибетские учителя собирали вокруг себя учеников – монахов и светских последователей тантризма. Им они передавали свои знания, почерпнутые из индийских источников, и таким образом возникали целые сообщества, ряд которых позднее развился в самостоятельные буддийские школы. Параллельно с прилежным копированием индийской буддийской традиции тибетские авторы не только начали составлять целые тома разъяснений и комментариев к буддийским текстам, но и писали собственные сочинения самого различного толка: работы по духовному наставничеству и основам морали с использованием народных преданий, жизнеописаний известных людей, исторических хроник, описаний ритуалов, мистических песнопений, медицинских трактатов и т.п. Стали появляться и так называемые вновь открытые тексты, которые якобы были запрещены во времена монархии и поведаны миру теми, кому это было предназначено свыше. Возрождение буддизма сопровождалось также подъемом еще одного организованного религиозного течения – *бон* (*Bon*), которое по своим традициям восходило к династическому периоду. Очень похожее на буддизм, оно никогда не пользовалось широким признанием верующих, которых было немного, хотя в некоторых районах его проповедникам удавалось организовать довольно большие общины.

Культовые сооружения продолжали строить по образу и подобию индийских. Местными были только методы строительства, приспособленные к конкретным условиям. Также по индийскому примеру в храмах устанавливалось большое количество скульптур на религиозные сюжеты, которые соседствовали с богатой настенной иконографией или росписью по ткани, выполненной техникой, подобной гуаши. Буддийский пантеон богов, описанный в буддийских текстах или представленный в живописи в строгом соответствии с иконометрическими правилами буддизма, был к этому периоду уже весьма многообразен и многочислен и включал в себя также местных тибетских божеств, защитников местной веры.

Искусство этого периода находилось под глубоким влиянием, прямым или доходившим через Непал, северо-восточного индийского стиля, возникшего во времена правления династии Пала-Сена (*Pāla-Sena*) (VIII–XII вв.). Буддийское искусство, которому покровительствовали правители Западного Тибета и образцы которого можно видеть сегодня в Толинге, Табо и Алчи, находилось под сильнейшим влиянием соседнего Кашмира.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЕРАРХИ И ИНОСТРАННЫЕ ЗАЩИТНИКИ (XIII–XVI ВВ.)

В период второй волны распространения буддизма в Тибете здесь происходил бурный расцвет религиозной, культурной и творческой жизни, который способствовал

постепенному возрождению страны и формированию ее будущего. Тем не менее Тибет оставался раздробленным на независимые феодальные владения, а некоторые правящие семьи возглавляли и религиозные школы. Объединение страны было ей фактически навязано в XIII в. возникшей незадолго до этого и стремительно расширявшейся иностранной державой – Монгольской империей, созданной Чингисханом. В 1244 г. Годан-хан объявил о признании Шакья-пандита, влиятельного иерарха тибетской школы Шакаяпа, местным правителем, через которого он мог осуществлять монгольский суверенитет над Тибетом. Этот союз светского покровителя и буддийского священника приобрел всю полноту политического и религиозного альянса после того, как его взяли под контроль и утвердили Пагба (1235–1280 гг.), племянник и преемник Шакая-пандита, и Хубилай, основатель юаньской династии, при объявлении себя императором Китая в 1271 г. До самого падения монгольской династии в 1368 г. ее императоры продолжали оказывать покровительство иерархам Шакаяпы, имевшим статус имперских священников, делая это даже тогда, когда пошатнувшаяся у них под ногами власть уже не позволяла им отстаивать привилегированное положение буддийских священников в Тибете с прежней эффективностью. Около 1354 г. последователи Шакаяпы были изгнаны из Тибета другой влиятельной феодальной династией, возглавлявшей религиозный буддийский орден – Пхагмодупа (*Phagmodupa*). Новая политическая верхушка, легитимность которой монгольский двор мог лишь подтвердить, не имея возможности вмешаться, реорганизовала систему управления в Центральном Тибете, стремясь восстановить исконную тибетскую модель правления.

Именно в этот период ученые «Страны снегов», изучившие и освоившие колоссальное индийское наследие, создали свои первые выдающиеся труды, в которых обобщили и классифицировали большой объем знаний в сфере вероучений, мистицизма, иконографии, науки. Одновременно в Индии канонические знания были собраны в двух колоссальных трудах «*Канжур*» («*Kanjur*») и «*Танжур*» («*Tanjur*»). В это же время буддийский святой Тантон Гелбо (*Tangtong Gyelpo*), по преданиям, создал тибетский театр. Книгопечатание методом ксилографии, известное еще с древних времен, стало применяться в Тибете лишь с XV в., поэтому во всех слоях общества, включая образованную элиту, очень долго было популярным устное литературное наследие. Оно стало тем средством, благодаря которому широко распространились и много позже стали частью национального эпоса некоторые народные предания, такие как легенда о народном герое Гезаре (*Gesar*).

Тесные политические и религиозные связи, установившиеся между Тибетом, воссоединенным под эгидой Шакаяпы и Пхагмодупы, и Китаем периода династии Юань, имели важные культурные и экономические последствия. С одной стороны, тибетские монастыри получали крупные пожертвования от монгольского двора. Тибетские правители, владевшие целыми округами страны и зачастую связанные родством по браку с правящим домом Шакая, создавали крупные религиозные организации. Мастера юаньского двора, приглашенные для работы в Центральном Тибете, приносили новые архитектурные и декоративные стили. Они общались не только со своими тибетскими коллегами, но и с мастерами из соседнего Непала, множество которых также были приглашены по приказу иерархов Шакаяпы. В этот период в Тибете были заимствованы элементы монгольского опыта управления армией и обществом. С другой стороны, такая поддержка монголами тибетского буддизма породила огромный спрос, даже в самом Китае, на различные изображения божеств и предметы для литургии, произведенные руками тибетских и непальских мастеров, которые создали свой собственный китаиско-тибетский художественный стиль, пользующийся и поныне неувядающей популярностью.

В Центральном Тибете и сегодня можно увидеть в ансамбле монастыря Шалу (*Shalu*), восстановленного и расширенного в XIV в., удивительное сочетание старого тибетского архитектурного стиля, китайских веяний и традиционных непальских мотивов того времени, которые присутствуют в постройках монастыря каждый в своем первоначальном виде, а не слиты воедино. Эти стилистические направления индийско-непальского искусства прослеживаются также в отделке великолепного религиозного комплекса начала XV в. Гиантзе (*Gyantse*). Затем они сливаются в единую, собственно тибетскую художественную школу и присутствуют в более поздних произведениях в определенных пропорциях, в зависимости от региональных особенностей или специфики религиозной школы, имеющей отношение к тому или иному архитектурному памятнику.

Приход к власти в Китае династии Мин (1368–1644 гг.) не имел прямых политических последствий для Тибетского государства, хотя императоры новой династии, как и их предшественники, взяли на себя роль покровителей иерархов различных школ тибетского буддизма, официально закрепив за ними их статус, подтверждая тем самым де-факто сложившуюся ситуацию. В начале XV в. Тсонгхапа (*Tsongkhapa*) (1357–1419 гг.) основал школу Гелугпа (*Gelugpa*), последний из крупных тибетских религиозных орденов. Последний сразу получил широкое распространение и в результате оказался втянутым в территориальные споры, разгоревшиеся после того, как в 1435 г. временно господствовавшая школа Пхагмодупа потеряла свое влияние. Эти политические баталии не повлияли, однако, на религиозную и культурную жизнь самого Тибета и на его контакты с минским Китаем. Первое ксилографическое издание собрания канонических учений, приписываемых Будде, «*Канжур*» («*Kanjur*»), вышло в свет в Пекине в 1410 г. в период правления императора Юн Лэ под покровительством императорского двора. Оно было богато иллюстрировано изображениями божеств в китайско-тибетском стиле, унаследованном от династии Юань, и в немалой степени способствовало его популяризации. В это же время в имперских мастерских зародилось и вплоть до самого падения династии процветало искусство изготовления великолепных статуй в том же стиле. Последние разошлись по всему Центральному Тибету и оказали большое влияние на его культуру, начиная с XVI в. Наряду с этим под влиянием китайской декоративной живописи того времени в Тибете возник и собственный художественный стиль, который связывали с религиозным орденом Кармапа (*Karma*).

Возникшая незадолго до этого буддийская школа Гелугпа, оказавшаяся вовлеченной в политические конфликты, будоражившие Тибет на протяжении всего XVI в., нашла себе сильного союзника в лице монголов, которые с 1577 г. стали в массовом порядке переходить под ее крыло. Именно при военной поддержке монголов Тибет в XVI в. вновь обрел единство под знаменами этого религиозного течения, вдохновителем которого был пятый Далай-Лама. Период его правления стал золотым веком тибетской культуры, достигшей состояния, которое можно смело назвать этапом классической зрелости (илл. 83).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BECKWITH, C. I. 1987 *The Tibetan Empire in Central Asia*. Princeton.
- BOGOSLOVSKIJ, V. A. 1972. *Essai sur l'histoire du peuple tibétain*. Paris.
- CHAYET, A. 1994. *Art et archéologie du Tibet*. Paris.
- KARMAY, H. 1975. *Early Sino-Tibetan Art*. Warminster, United Kingdom.
- MACDONAL, A. 1971. *Essai sur la formation et l'employ des mythes politiques dans la région royale de Srong-btsan sgam-po*. In: *Études tibétaines dédiées à la mémoire de Marcelle Lalou*. Paris.
- PAOLA MORTARI VERGARA; BÉGUIN, G. 1987. *Demeures des hommes, sanctuaires des dieux. Sources, développement et rayonnement de l'architecture tibétaine (bilingue italien-français)*. Rome.
- PARFIONOVITCH, Y.; MEYER, F.; DORJE, G. 1992 *Tibetan Medical Paintings*. London.
- PRATAPADITYA PAL 1983. *Art of Tibet*. Los Angeles.
- RHIE, M. M.; THURMAN, R. A. F. 1991. *Wisdom and Compassion. The Sacred Art of Tibet*. New York.
- RICCA, F.; LO BUE, E. 1993. *The Great Stupa of Gyantse*, London.
- SCHROEDER, U. VON 1981. *Indo-Tibetan Bronzes*. Hong Kong.
- SNELLGROVE, D. 1987. *Indo-Tibetan Buddhism*. London.
- SNELLGROVE, D.; RICHARDSON, H. 1968. *A Cultural History of Tibet*. London: Wiedenfeld & Nicolson. Reprint: Boulder, Ed. Prajna Press, 1980.
- SNELLGROVE, D.; SKORUPSKY, T. 1979–1980. *The Cultural Heritage of Ladakh*, 2 vols. Warminster, United Kingdom.
- STEIN, R. A. 1972. *Tibetan Civilization*. Stanford.
- TUCCI, G. 1973. *Transhimalaya*. London.
- 1980. *Tibetan Painted Scrolls*, 2 vols. Kyoto.
- 1988–1989. *Indo-Tibetica*, 7 vols. New Delhi.
- URAY, G. *The Narrative of Legislation and Organisation of the mKhas-pa'i dga'-ston*. In: *Acta Orient. Hung.*, XXVI. 1. pp. 11–68.
- VITALI, R. 1990. *Early Temples of Central Tibet*. London.

V. Африканский континент

ВВЕДЕНИЕ

Секене Моду Сиссоко

По современным историческим данным африканские страны, расположенные южнее Сахары, в период с VII по XVI в. переживали расцвет цивилизаций на большей части территории. Термин «средние века», имеющий особый смысл в европейской истории, в применении к Африке ни о чем не говорит. Спорны даже две временные границы (600 и 1492 гг.) определенного этапа развития материка. Первая из этих дат не привязана к какому-либо историческому факту. Ислам проник в африканские страны к югу от Сахары лишь в VIII–X вв. Точно так же и 1492 г. не имеет значения для Африки, поскольку первые португальские экспедиции прибыли на континент в середине XV в. и открывали его еще целый век. Следует отметить, что, за исключением восточного побережья, история Африки разворачивается не в прибрежных зонах, а внутри материка. На самом деле, рассматриваемый период должен включить большую часть XVI в. в отношении многих территорий, поскольку там исторические события сменяли друг друга непрерывно (карта 30).

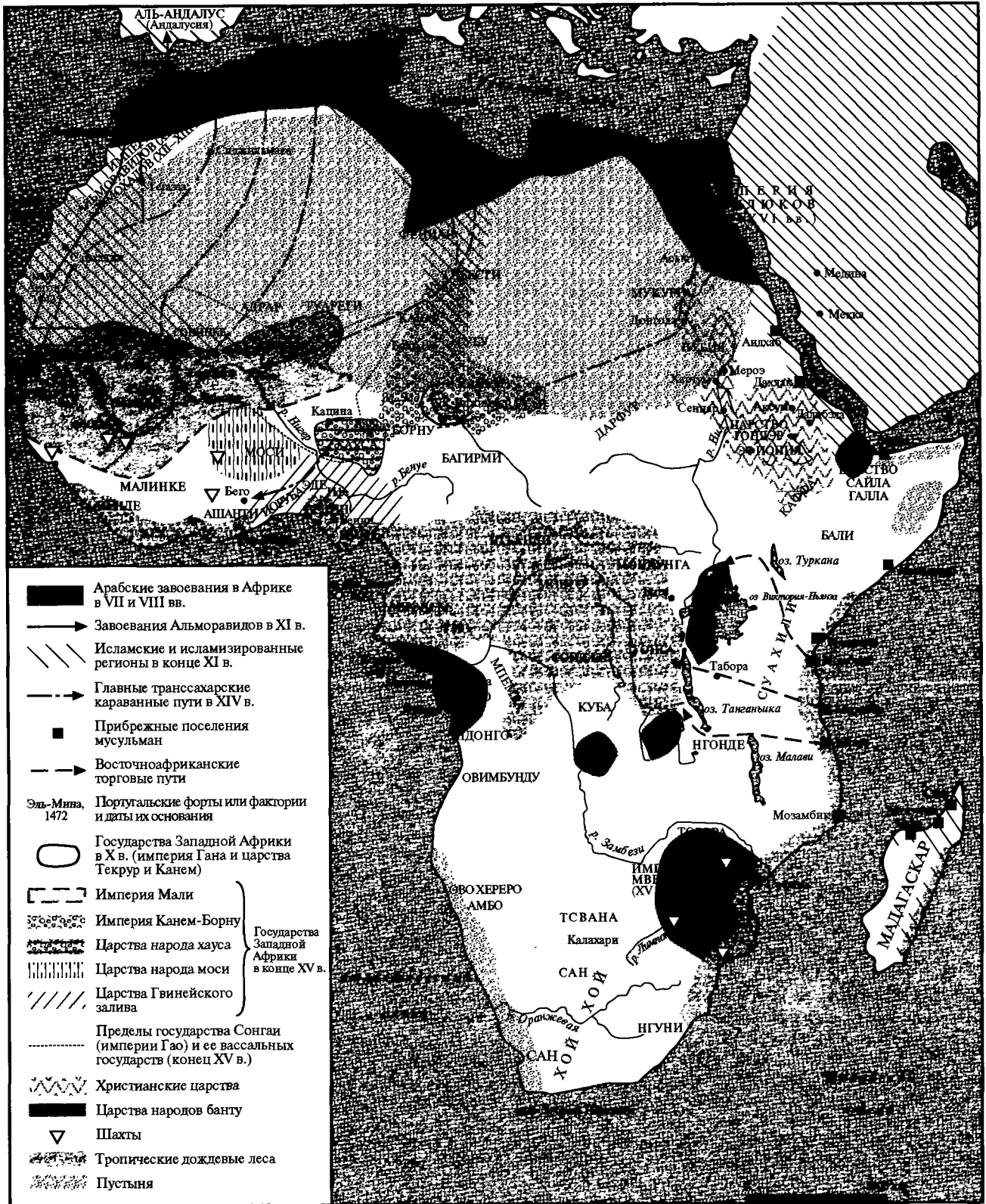
Изучение этого периода затруднено тем, что наши знания о прошлом Африки ограничены. Поскольку алфавит и письменность, способствующие сохранению культурного наследия, не были известны практически ни одной из африканских стран к югу от Сахары, мы черпаем сведения об их истории из внешних источников арабского и европейского происхождения. Проникновение ислама в африканские страны к югу от Сахары после завоевания арабами Египта в VII в. усилило контакты и разнообразие обмена между мусульманами Северной Африки (арабами и берберами) и африканцами. Путешественники, представители духовенства, торговцы и воины, соприкоснувшись с африканским миром, создали огромный объем информации, которая теперь составляет один из основных источников истории Африки. Среди них такие значительные авторы, как Ибн Хаухал (X в.), Бакри (XI в.), Идриси (XII в.), Ибн Саид (XIII в.), ал-Омари (XIV в.), великий путешественник Ибн Баттута (XIV в.) и Ибн Хальдун (XIV в.), чьи работы стали классикой среди источников на арабском языке.

Постепенно попадая под исламское влияние в VIII–X вв. и далее, некоторые из африканских стран южнее Сахары стали участниками всплеска интеллектуальной деятельности, выдвинув значительные культурные фигуры в Томбукту (Тимбукту), Валате, Канем-Борну и т.д. Историки из Томбукту, например Махмуд Кати (XIV в.), Ахмед Баба (XVI в.) и Абдаррахман аль-Сади (XVII в.), из Борну, например Ибн Фартува (*Ibn Fartuwa*) (XVI в.); и другие более или менее известные личности оставили после себя замечательные исторические труды в виде летописей, которые были дополнены устными преданиями и составили основу для написания истории Африки. Устные источники в некоторых регионах чрезвычайно богаты и незаменимы для изучения очень далекого прошлого. Другие дисциплины, например этнология, линг-

вистика и прежде всего археология, сделали большой вклад в открытие африканских цивилизаций. В высшей степени достоверными источниками являются также рассказы первых португальских мореплавателей, например венецианца Кадамосто (1450 г.), Бартоломеу Диаша (1488 г.) и Васко да Гамы (1498 г.), которые прошли из Атлантического океана в Индийский вдоль африканского побережья. Таким образом, история Африки в рассматриваемый период, основанная на надежных источниках различного происхождения и времени, известна достаточно хорошо и охватывает время, когда африканские цивилизации переживали расцвет, а сам континент в некоторой степени открылся внешнему миру. Разумеется, эти источники не дают полной картины научного, технического и культурного развития. Археология, несмотря на свою молодость, оказала огромную помощь в установлении важных дат в истории Африки и описании условий жизни и деятельности африканских народов. Более поздние исследования помогли заполнить пробелы и пропуски, оставленные древней историографией, в описании цивилизаций африканских стран южнее Сахары и занимавших важное место в истории человечества в так называемые средние века. Часть V этого тома посвящена исключительно африканским странам, расположенным южнее Сахары, а это огромная территория, простирающаяся от Сахары до мыса Доброй Надежды и от Атлантического океана до Индийского. Эта территория подразделяется на несколько климатических зон (Сахаро-тропическая саванна, дождевые леса и т.д.) и включает две огромные пустыни – Сахару и Калахари. Ее омывают два великих океана – Атлантический и Индийский, отрезая от внешнего мира и в то же время давая возможность общаться с остальным человечеством. Главная характеристика этого региона – разнообразие географических условий, народов и культур, несущее еще одну особенность – преобладание значимых человеческих и культурных групп. Соответственно этим делениям, в данном томе рассматриваются четыре главные исторические области: Западная Африка; центральная и южная территории, населенные народами банту; нило-эфиопский регион, а также восточное побережье и острова Индийского океана.

Западная Африка, обычно известная как Судан, заняла видное положение в результате появления на ее территориях больших империй (Гана, Мали, Сонгаи, Канем-Борну), могущественных государств и блестящих цивилизаций хауса и йоруба. Контакты с исламом и обширные транссахарские и межрегиональные торговые связи способствовали развитию городской цивилизации (сахельской и йоруба) и значительному развитию искусств, особенно вокруг залива Бенин.

История Центральной и Южной Африки, населенной главным образом народами, говорящими на языке семьи банту, которые распространились на большей части данного

Карта 30. Африка в период между VII и XV вв.

региона, сейчас хорошо известна благодаря археологическим исследованиям, устным преданиям и письменным источникам, особенно португальского происхождения. Отличительной особенностью этого периода являются миграции и расселение народов, а также формирование и развитие государств, таких как Зимбабве и Мвене Мутапа (X–XV вв.), а также царств Теке, Конго, Лунда и Луба между XII и XVI вв.

Африканский регион на Ниле и на территории Эфиопии, сыгравший ведущую роль в древней истории континента, очень рано установил контакты с регионами у Красного моря

и Средиземноморьем, из которого пришло христианство. Мероэ и Аксум были важными центрами металлообработки еще до рассматриваемого нами периода. В христианской (коптской) Нубии возникла собственная цивилизация, которая сопротивлялась влиянию ислама вплоть до XV в. То же можно сказать об Эфиопии, которая в течение нескольких веков боролась за сохранение христианской религии и в конце концов объединилась вокруг династий типа Соломоновых.

Что касается восточного побережья Африки, населенного банту (зинджами), и близлежащих островов (Мада-

гаскара и Маскаренских), то в их истории сыграли роль их внешние отношения с арабо-исламским миром и даже с азиатским миром, приведшие к изменениям в составе населения (Мадагаскар), в экономическом и социальном развитии и в культуре банту. В X–XIII вв. ислам способствовал развитию городской цивилизации (городов Килва, Могадишо, Момбаса, Занзибар, Пемба и др.) вдоль всего восточного побережья. Арабский язык, смешавшись с языками банту, породил суахили – новый язык и новую культуру, распространившиеся по всему региону.

Эти обширные регионы, основной предмет рассмотрения в данной части тома IV, добились успехов – в большей или меньшей степени – во всех областях развития. Среди важных факторов, повлиявших на развитие африканской цивилизации в рассматриваемый период, были крупные перемещения народов по всему континенту, особенно в Центральной Африке, где переселения народов банту длились на протяжении всего первого тысячелетия. Арабские или арабо-берберские народы селились в сахельской зоне Судана, нильской зоне Судана, Эфиопии и вдоль восточного побережья, тем самым способствуя формированию человеческой сущности Африки, влияние которой чувствуется и по сей день.

Африка, подобно другим частям света, подверглась огромному влиянию ислама при его распространении и закреплении во многих регионах, особенно на судано-сахельской территории, вдоль побережья Красного моря и в землях зинджей. Ислам помог глубоко преобразовать африканские общества и культуры, которые, сохранив свою идентичность, стали частью арабисламского мира и претерпели подлинное экономическое и социальное развитие. В Западном Судане, где особое значение имела транссахарская торговля с Магрибом и Востоком, появились подлинные города-государства с сообществами местных и иностранных торговцев и университетами, такие как Валата, Томбукту, Дженне, Кано, Кацина и Бильма.

Однако на протяжении данного периода ислам оказал влияние лишь на очень малую часть африканских стран южнее Сахары, т.е. на самые окраины этого региона, и поэтому не уничтожил их основные культурные традиции, а приспособился к ним, пустив свои корни. Таким образом, большинство частей африканского континента, несмотря на некоторое восприятие внешних влияний, развили собственные цивилизации, различные в разных регионах и у разных народов. В этот период африканское общество организовывалось на основе кланов, племен и этнических групп, а народы определялись по принципу этнического родства, например мандинго, сонгаи, йоруба, фанг, конго и шона. На всем континенте народы объединялись в государства, и некоторые, вроде Мали и Конго, охватывали огромные территории.

Африканские общества, как правило, основывались на ведении сельского хозяйства, охоте и рыболовстве. Сельское хозяйство (выращивание зерновых, клубневых, маниоки, хлопка, растений, из которых делают специи) и скотоводство были направлены, главным образом, на удовлетворение местных потребностей, нежели на внешнюю торговлю с арабским миром или, начиная с XV в., с европейскими странами. Технологии, известные еще до рассматриваемого периода, были развиты и усовершенствованы ремесленниками, работавшими по металлу (железу, меди и цинку), дереву (различные инструменты) и глине; хорошо развиты были также рыболовство и мореплавание. С другой стороны, такие важные изобретения внешнего мира, как колесо, корабль, плуг и порох, здесь не использовались, хотя и были известны путешественникам и паломникам. Анимизм по-прежнему составлял основу религиозных верований на большей части континента. Даже на исламизированных территориях южнее Сахары верования предков и поклонение божествам, связанным с миром природы, определяли образ поведения людей и формировали их мировоззрение.

Анимизм придал решающий импульс художественному творчеству в некоторых регионах, например в мирах

йоруба и банту (илл. 269), где были созданы такие произведения искусства (деревянные, металлические и глиняные статуэтки), которые по сей день свидетельствуют о художественном гении африканцев того времени.

Все эти аспекты будут рассмотрены в последующих четырех главах, должным образом учитывающих отличительные особенности каждого региона. Подход к изложению будет разным в зависимости от объема имеющихся источников. Так, исламизированная часть Африки рассмотрена более подробно, чем Африка народов банту, а социально-политическим аспектам уделено большее внимание, чем науке и технологии. Поскольку невозможно охватить многое при таком незначительном объеме, читатель обнаружит немало пробелов. При всех этих ограничениях делается попытка коснуться основных моментов данной темы и помочь читателю понять социальную и культурную историю Африки по мере ее развития в рассматриваемый нами период.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AL-BAKRĪ, ABU 'UBAYD ALLĀH. 1857. *Kitāb al-Masālik wa l-Mamālik* ('Book of the Pathways and Kingdoms'). Portion of Arabic text ed. with French, trans., *Description de l'Afrique septentrionale*, by DE SLANE, W. M., Algiers 1857; repr. of French text, Adrien Maisonneuve publ., Paris 1965.
- CADA MOSTO, A. D. 1550. *Le navigazioni* ('The Navigations'). Italian text in collection of RAMUSIO, G. B., *Navigazioni e viaggi* (Venice); Vol. I of complete edition of RAMUSIO by MILANESI, M., EINAUDI publ., Turin 1978. English trans. in CRONE, G. R., *The Voyages of Cadamosto, and Other Documents on Western Africa in the Second Half of the Fifteenth Century*, Hakluyt Society, London, 1937.
- FERNANDES, v. 1940; 1951. *O manuscrito Valentim Fernandes*, ed. by the Academia portuguesa de história, Lisbon 1940. Portuguese text edn with French trans. by MONOD, T., TEIXEIRA DA MOTA, A., MAUNY, R., *Description de la côte occidentale d'Afrique*, 1506–1510. Centro de estudos da Guiné Portuguesa, Bissau, No. II, 1951.
- IBN BAṬṬŪṬĀ. 1853–1859. *Rihla* ('Journey'; full medieval Arabic title: *Tuḥ fat al-Nuzarfi'Ājā'ib al-Amṣār*, 'Gift unto the Observers concerning the Marvels of the Lands'). English trans. by H. A. R. GIBB, *The Travels of Ibn Battuta*, Hakluyt Society, Cambridge, 1956–1971. Arabic text only: *Rihla Ibn Battūta*, ed. by Talāl Harb, *Dār al-Kutub al-'Ilmiyya*, Beirut 1992.
- IBN HAWQĀL. 1842; 1873; 1938; 1965. *Kitāb Surat al-Ard* ('Book of the Figure of the Earth'). Arabic text edn by DE GOEJE, M. J. (1873), Leiden; and KRAMERS, J. H. (1938), Leiden. Partial French trans. by DE SLANE, W. M., *Description de l'Afrique*, Paris 1842; full French trans. by KRAMERS, J. H. and WIET, G., *Configuration de la Terre*, Paris 1965.
- IBN KHALDŪN. 1868 ed. *Kitāb al-'Ibar* ('Book of Admonition' = 'Universal History'). Arabic text, 7 vols, Bulaq, 1868; Beirut, 1958. Partial French trans, 4 vols, by DE SLANE, W. M., *Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale*, Algiers, 1852–1856; repr. Paris 1925–1926. New complete French trans., 7 vols, Beirut 1956–1959.
- KA'TI, MAHMŪD. 1913–1914; 1964; 1981. *Tārīkh al-Fattāsh* ('Chronicle of the Investigator'). First edn of Arabic text with French trans. by HOUDAS, O., and DELAFOSSE, M., Paris 1913–1914; repr. with rev., Paris 1964; UNESCO repr. of first edn, Maisonneuve, Paris 1981.
- LEO AFRICANUS. 1550. *Descrizione dell' Africa*. Original Italian text in collection of RAMUSIO, G. B. (Venice); Vol. I of complete edition of RAMUSIO by MILANESI, M., EINAUDI publ., Turin 1978. English trans. by PORY, J., *The History and Description of Africa*, by Leo Africanus, London 1600; repr. by BROWN, R., London 1896.
- PACHECO PEREIRA, D. 1898. *Esmeraldo de Situ Orbis* ('The Emerald, concerning the Situation of the World'). Sixteenth-century English trans. by G. H. T. Kimble, Hakluyt Society, London 1937.
- AL-SA'DĪ, 'ABD AL-RAHMĀN. 1898; 1900; 1964. *Tārīkh al-Sūdān* ('Chronicle of the Sudan'). First edn of Arabic text by HOUDAS, O. and BENOIST, E., Paris 1898. French trans. by HOUDAS, O., Paris 1900, repr. with revised trans., Maisonneuve, Paris 1964.
- AL-'UMARĪ, IDN FADL ALLĀH. 1924. *Masālik al-Abṣār fi Mamālik al-Amṣār* ('Glances of the Eyes throughout the Districts of the Lands'); Arabic text, Cairo 1924. French trans. by GAUDEFRY-DEMOMBYNES, M., *L'Afrique moins l'Égypte*, Paris 1927.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА

32.1

Народы

Секене Моду Сиссоко

Западная Африка занимает территорию в несколько млн. кв. км, простираясь от Атлантического океана до оз. Чад и от пустыни Сахара до Гвинейского залива. Ее основная особенность – климат, сыгравший решающую роль в истории ее заселения¹. В этом регионе можно выделить последовательность трех тропических климатических зон: на севере – Сахара; ее южная кромка – сахель, т.е. переходная полоса от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки; обширная территория Судана, охватывающая все внутренние области Западной Африки. Первая зона представляет собой, в основном, пустыню; в сахели сезон дождей длится 3–4 месяца (среднее количество осадков в год от 100 до 400 мм). В Судане дождей выпадает больше, причем их количество увеличивается к югу. Саванна с ее растительностью и зерновые растения распространены в той области, где выпадает до 800 мм осадков в год; за ее пределами в южном направлении вплоть до океана простирается постепенно густеющий лес. Именно здесь выращивают корнеплоды и фрукты, включая знаменитый орех колы, появление которого означает разницу между севером и югом.

Большая часть региона также орошается двумя большими реками: Сенегалом, текущим с востока на запад, и Нигером, текущим с юга до севера сахели, где он делает огромный изгиб и вновь течет на юг, впадая в Гвинейский залив. В каждом подрегионе, особенно на юге, есть множество водных источников разной производительности, которые благоприятствуют поселению и передвижению народов.

Таким образом, Западная Африка в целом – благоприятный для жизни человека регион. С самых ранних времен она была населена людьми, численность которых менялась в зависимости от времени и места. Ученые, специализирующиеся на доисторическом времени, считают, что во времена неолита в Сахаре жили люди, так как в то время она все еще была влажной, орошаемой реками, в которых водились рыба и крокодилы, а на суше обитали жирафы, слоны и другие животные. Единственный скелет человека, найденный в Западной Африке, – это скелет асселарского человека (на севере Мали), который относится к периоду неолита. Когда Сахара высохла между четвертым тысячелетием и примерно 1500 г. до н.э., народы, жившие там, расселились во всех направлениях, особенно с севера на юг и с востока на запад. В средневековые произошло два вели-

ких переселения, белых и черных, в результате которых сформировался облик Западной Африки, существующий до сегодняшнего дня.

БЕЛЫЕ

Следует различать белых людей двух типов: ливийско-берберского и берберо-арабского. Первые известны с более ранних времен, чем вторые. С античных времен дошли свидетельства о гарамантах – ливийско-берберском народе, колесницы которого пересекали Сахару между Нигером и Чадом. В средние века различные ливийско-берберские народы, ведущие кочевой образ жизни, заняли Сахару и сахель.

На западе правили санхаджа (*Sanhaja*), занимавшие регион от Атлантического океана до долготы г. Томбукту. Они делились на несколько подгрупп: годдала, жившие вблизи Атлантического океана, лемтуна (*lemtina*), обладавшие политической властью, и месуфа на востоке, контролировавшие транссахарскую торговлю до излучины р. Нигер. В XI в. две первые подгруппы сформировали могущественный союз, вызвавший движение Альморавидов и завоевавший всю западную территорию вплоть до Испании. В XI в. Аудагост, разбогатевший на торговле солью и золотом, был крупным многонациональным центром племен санхаджа, в котором жили чернокожие и берберы племен нефуса, лувата (*luata*), зената, нефзава (*nefzawa*) с севера.

Вторая ливийско-берберская подгруппа состояла из народов, говорящих на языке тамашек и известных как туареги. Со средних веков и до наших дней они занимали центр и восток западной части Сахары от плато Тасилин-Аджер и нагорья Ахаггар на севере до излучины р. Нигер и плато Аир на востоке. Географическая область Азавад, район г. Аддар на плато Ифорас и плато Аир были основными территориями тех тайно проживающих кочевых берберов, которые контролировали транссахарские пути через Тадмекку (*Tadmekka*) и Такедду (*Takedda*) – их основные рынки. Контакт с чернокожим населением в долине р. Нигер произошел в очень давние времена. Некоторые племена даже основали г. Томбукту в XII в., а другие были демографически подавлены своими же чернокожими рабами, так как порой их было гораздо больше чем хозяев.

Вторая группа белого населения – арабские берберы – занимала западную часть региона – почти всю Мавританию. Арабы появились здесь во времена экспансии ислама в VII в. Хотя оз. Чад (территория Кавар) войска арабского завоевателя Укба ибн Нафи достигли в 666 г., западноафриканские страны южнее Сахары соприкоснулись с арабами лишь в VIII в. Арабские войны Омейядов, побежденные и захваченные в плен войсками государства Гана, очень быстро ассимилировались. Таким образом, до вторжения бедуинских племен бану хиляль (*Banu Hilal*), посланных в XI в. египетскими Фатимидами против тунисских Зиридов, в Западной Африке было совсем немного самостоятельных арабов, среди них – торговцы, священники или путешественники. В XIV и XV вв. хиляльские и макильские арабы, пришедшие с севера, заняли всю Мавританию, подчинив себе племена санхаджа и тем самым взяв под контроль огромные транссахарские торговые пути. Таким образом, к XV–XVI вв. арабский язык и цивилизация через ислам были навязаны всем берберам, за исключением туарегов, что привело к появлению нового народа – берберо-арабов.

Необходимо также отметить присутствие нескольких еврейских анклавов в некоторых частях Сахары, например, в Туате. «Тарик аль-Фатташ» упоминает большую еврейскую колонию, существовавшую за счет садоводства и земледелия в Тендирме, у излучины р. Нигер.

Таким образом, можно видеть, что поселения берберов (либийских или берберо-арабов) располагались преимущественно на пустынных или полупустынных территориях Западной Африки. Но далеко не всегда они были однородными или изолированными от чернокожего населения, составлявшего большинство обитателей Западной Африки.

ЧЕРНОКОЖИЕ НАРОДЫ

Современные историки считают, что во времена неолита Сахара была населена чернокожими или негроидными народами, которые вели оседлый образ жизни и занимались сельским хозяйством, охотой, рыболовством, а также разводили крупный рогатый скот. По мере высыхания Сахары чернокожие народы двигались на юг, восток и запад, а некоторые из них, например харатины, оставались в изоляции вблизи множества оазисов.

Это переселение продолжилось и в рассматриваемый период, когда черные народы окончательно расселились в той части Южной Сахары, которая известна арабам под названием «Билад аль-Судан» – «земля черных». По климатическому признаку в этой области были три зоны поселения чернокожих: судано-сахельская зона (северосуданская), покрытая лугами и саваннами; южносуданская зона, покрытая саванной; гвинейская зона с обилием водных ресурсов и лесов.

Эти три зоны заполнились во время переселений, продолжавшихся веками, и народы, формирующие семейные и культурные сообщества, в итоге образовали этнические группы разной численности, которые существовали главным образом благодаря земледелию, охоте и рыболовству.

Самыми крупными и наиболее известными народами в сахель-суданской зоне были вакоре (сонинке) и ванкара (мандинго). Сонинке, или сараколе поселились в южной сахели, где основали империю Гана в первом тысячелетии. Они обрабатывали землю и торговали и со временем распространились по всей территории от долины р. Сенегал до излучины Нигера в Южном Судане, где их переселения продолжаются и по сей день. Племена мандинго (малинке, бамбара и т.д.) издавна занимали оба южных берега Нигера и Сенегала, где земледелие (главным образом, выращивание зерновых), охота и наличие залежей минералов (золото, железо) помогли им сформировать политические организации, которые в XIV в. объединились в империю Мали. Мандинго, став торговцами (диола), марабутами

(*мурабитунами* – исламскими проповедниками) и завоевателями, расселились по всей Западной Африке вплоть до земель народа хауса (XIV в.) и лесных регионов вдоль побережья Атлантического океана. Так появилась многоликая территория мандинго, охватывающая большую часть Западной Африки.

Эти перемещения можно сравнить с переселением фулани. Установить точное происхождение этого народа не удалось, но с очень высокой степенью вероятности можно утверждать, что во времена неолита они проживали в Сахаре, а затем двинулись на юг, но их язык и культура остались негро-африканскими. Фулани были пастухами, вели кочевой образ жизни и благодаря непрерывным переселениям в конце концов заняли большую часть зоны сахели от запада до востока: плато Фута до XIV в., затем районы Бахуну и Масины в XV и XVI вв.

Кроме этих трех крупных этнических групп, распространявшихся по всему региону, в сахель-суданской зоне проживали и другие не менее значимые народы. На части территории современных государств Сенегала и Гамбии жили народы волоф, серер и диола, а в излучине Нигера, у истоков рек Белая Вольта и Черная Вольта – группы, включающие курумбу, гурму, дагайба и, конечно, моси – основателей знаменитых средневековых царств. Племена сонгаи, жившие вокруг восточной части Нигера, были рыбаками, земледельцами и воинами и в XV–XVI вв. господствовали во всей долине этой реки от земли хауса на востоке до района г. Дженне на западе.

Между р. Нигер и оз. Чад народ хауса, постепенно перебирившийся сюда с востока и севера, начиная с VII в. селился в городах-государствах, которые быстро росли благодаря расположению в местах пересечения торговых путей. Семь городов (*бакве-хауса*), которые считались «предками» (Даура, Кано, Кацина, Зария, Гобир, Бирам (*Biram*), Рано (*Rano*)), были крупными рынками, торговыми со всеми странами этой части региона. Борну на востоке, Йоруба, Джукун и Нупе на юге и городами на севере сахели.

Об истории стран «гвинейского» юга Судана до прибытия португальцев в XV в. известно мало. Однако эта область ни в коей мере не была изолирована от сахель-суданской зоны, которую она снабжала орехами колы, солью и поставляла туда рабов, а народы мандинго попадали через нее прямо на побережье. В целом это была лесная зона, с саванной во многих областях. Она была заселена с очень давних времен многочисленными автономными этническими группами, жившими за счет земледелия, собирательства, рыболовства и охоты.

Авторы описывают множество независимых народов от Сенегала и Гамбии до Кот д'Ивуар, живших в деревенских или родственных общинах и придерживавшихся анимизма. Народы диола, баланте и фелуп занимались земледелием; наличие многочисленных народов – байнук, биафада, ландума, бага, булом, киси, кру и многих других – свидетельствует о плотной населенности данной области, которая, вероятно, создавалась здесь во времена неолита.

От побережья, заселенного народом кру, до залива Бенин большая группа народов (акан, эве, фон и др.) существовала за счет различных промыслов в лесу, саванне и по берегам лагун. Акан, возможно, пришли с севера, из региона между оз. Чад и верховьями р. Бенуэ, в несколько этапов. За несколько переселений они заняли большую часть региона, смешиваясь с другими народами и разделяясь с течением времени на этнические подгруппы. Некоторые их части, связанные с саваннами Судана, занялись знаменитой торговлей орехами колы и золотом; рынок в Бито, или Биту (на севере современной Ганы), уже был центром, хорошо известным торговцам народа мандинго. Сообщества аканов были образованы независимыми родственными общинами, в которых преобладало наследование по материнской линии.

В XIV–XVII вв. некоторые из них обособились и превратились в этнические подгруппы, разъехавшиеся во всех направлениях.

Между этими народами и Суданом, в переходной зоне между лесом и саванной, обосновался народ йоруба, пришедший сюда между VII и XI вв. с северо-востока несколькими последовательными волнами. Земледельцы и искусные ремесленники йоруба основали города со своими политической организацией, религией и искусством. Ифе, Ойо и, больше других, Бенин (Эде), вызвавший восхищение европейских мореплавателей в XVI в., приобрел огромное влияние на все соседние народы.

Эти немногочисленные примеры свидетельствуют о том, что поселения Западной Африки не так уж сильно отличались от современных. Основные народы уже заняли свои места. Конечно, была и разница между народами Судана и сахели, которые организовались преимущественно в иерархические государственные общества, и южными народами, которые объединялись в рамках племенного рода и деревни, а их хозяйственные и культурные обмены происходили в рамках ограниченной географической территории.

Что касается численности населения, то территория была достаточно густо заселена. Конечно же, поселения не распределялись по всей территории равномерно. Одни ее регионы были совершенно пустыми, другие – плотно заселенными. Так, по сравнению с нашим временем, города Судана и сахели были даже перенаселены.

Излучина Нигера, земля хауса, земля йоруба и Бенин включали множество деревень, что говорит о высокой плотности средневекового населения. У европейских авторов, посетивших побережье Западной Африки, тоже осталось впечатление огромного и рассеянного по обширной территории сельского населения. Необычно большая численность воинов в армиях правителей или в их свитах, указанная в арабских источниках, также говорит об очень многочисленном населении сахель-суданского региона. Транссахарская торговля, климатические проблемы и всевозможные бедствия, судя по всему, не стали серьезным препятствием для роста населения и развития хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ На протяжении всей главы мы будем ссылаться на труды, основанные на арабских и португальских источниках. Самыми значительными их авторами являются Ибн Хаукал (X в.), Бакри (XI в.), Идриси (XII в.), ал-Омари (XIV в.) и Ибн Баттута (XIV в.), две суданские хроники из Томбукту (XV–XVII вв.), португальские авторы XV в.: Валентин Фернандиш, Диего Гомеш и Кадамосто и арабский и итальянский ученый Лев Африканский (XVI в.).

БИБЛИОГРАФИЯ

(См. раздел 32.3)

Секене Моду Сиссоко

Период между VII и XV вв. – время значительного экономического развития, особенно в сфере торговли.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство оставалось главным занятием народов Западной Африки. Умение обрабатывать железо и медь эти народы приобрели еще до V в. до н. э.¹, что произвело коренной переворот в сельской жизни (илл. 261, 262). Использование мотыг различных конструкций повысило производительность труда. Кузнецы и другие ремесленники, объединившись в касты или по отдельности, изготавливали жизненно важные инструменты: мотыги, топоры, ножи, косы, рыболовные крючки, оружие (копья и стрелы) и различные предметы, необходимые для домашней и крестьянской жизни. В результате этого расширилось производство, росла численность населения; повышался и уровень жизни крестьян. Хозяйства представляли собой семейные владения, так как землей владел не отдельный человек и редко – политическая власть, а почти всегда семья первых поселенцев. Естественно, существовали и исключения в богатых речных долинах (Нигера, Сенегала), где земля принадлежала тем, кто обладал властью, а обрабатывали ее их пленники и данники в обмен на десятую долю урожая.

В то время в сельском хозяйстве использовались вспахивание под пар, расчистка и выжигание для подготовки полей перед сезоном дождей; удобрением служил навоз. В долинах рек (особенно Нигера), вокруг оазисов и колодцев применялись орошение и поливное садоводство и огородничество.

Вид сельскохозяйственного производства зависел от климатической зоны. В сахели росли финиковые пальмы и различные сорта пшеницы, а в Судане преобладали зерновые (просо, сорго, росичка тонкая, рис), бобовые, тыква, лук и др.; лесные зоны изобиловали клубневыми, пальмами, бананами²) и растениями для получения специй (например, перец мелегета). В Судане, особенно на его исламизированных территориях, основной культурой был хлопок, благодаря которому произошел переворот в производстве одежды. В целом в отношении способов производства и разнообразия выращиваемых видов сельское хозяйство Западной Африки было достаточно продуктивным и удовлетворяло потребности населения.

Наряду с сельским хозяйством существовало пастушество, так как каждая деревня обычно держала животных. Некоторые кочевые племена в зоне сахели, например берберы-санхаджа, туареги и фулани, даже специализировались в широком разведении крупного рогатого скота, овец и верблюдов, так как вели кочевой образ жизни и существовали в симбиозе с земледельческими сообществами. В рассматриваемый период важную роль играли охота и рыболовство. Изобилие дичи в Судане с самых ранних времен привело к возникновению братств охотников, которые

в большей или меньшей степени были колдунами, а в некоторых случаях – воинами, и в ряде стран добивались верховной власти. Вероятно, до VII в. отдельные группы рыбаков (племен сорко, бозо, сомоно) уже монополизировали ловлю рыбы в Нигере и его притоках. Вблизи побережья Атлантического океана в XV в. португальские мореплаватели встречали лодки без парусов, с которых рыбачили местные жители. Таким образом, охота и рыболовство давали значительное количество белков для питания, одновременно поддерживая торговлю. Копченую или сушеную рыбу развозили по всей Западной Африке и отвозили даже в центр Сахары.

ТОРГОВЛЯ И ГОРОДА

В Западной Африке была очень развита торговля между местными и региональными сообществами, а больше с внешним миром через Сахару и Средиземное море. Западная Африка включилась в мировую экономику, и в ней произошли важные социальные, культурные и политические перемены.

Развитие торговли формировалось под действием различных факторов, включая общую безопасность, свойственную как югу, так и северу Сахары. Могущественные политические организации (суданские империи, города-государства) гарантировали безопасность и порядок, защищая людей и рынки. Марокканский арабский путешественник Ибн Баттута, пересекший в 1352–1353 гг. империю Мали с севера на юг и с запада на восток, превозносит повсеместный мир и чувство справедливости среди чернокожих.

Таким образом, торговля могла развиваться беспрепятственно и обеспечивать перенос местных продуктов и товаров с севера на огромные рынки, появившиеся на сахель-суданской территории на земле йоруба и в Бенине. Вторым ключевым фактором была высокая продуктивность, которая являлась следствием технологической революции, обусловленной умением обрабатывать железо и медь, наряду с наличием разнообразного природного сырья, пользовавшегося высоким спросом, прежде всего золота и соли. Золотые прииски Западной Африки были известны во многих странах, так как именно из них поставлялась большая часть золота в Европу и страны Средиземноморья до открытия подобных приисков в Америке. Золото было жизненно важным товаром в торговле, различные элементы которой рассмотрены далее.

Пути и средства связи

Несмотря на свою очевидную обширность, обособленность и отсутствие интереса в Атлантическом океане, Западная Африка не была отрезана от мира. Крупные

торговые пути связывали разные ее части между собой, пересекая Сахару и достигая Атлантического океана.

Очень выносливые животные ослы, вьючный рогатый скот и, прежде всего, рабы преимущественно служили средствами транспорта к югу от сахели. Во многих торговых центрах существовали корпорации погонщиков ослов. В середине XV в. мореплаватель Кадамосто рассказывает о караванах рабов-носильщиков в лесной зоне как об обычном явлении для всей Западной Африки.

Главные реки – Сенегал, Нигер, Гамбия и другие водные артерии играли жизненно важную роль в транспортировке товаров. На Нигере, недалеко от того места, где транссахарские караваны начинали разгрузку, находились крупные суданские рынки, включая Томбукту, Дженне, Диа и Гао, а также рынки в устье реки и в землях племен хауса и йоруба. Это был естественный путь для торговли севера с югом и востока с западом. Каждый автор подчеркивает интенсивную деятельность на реке, используемой тысячами больших каноэ в течение почти десяти месяцев в году. Некоторые каноэ могли перевозить до 5 т грузов вместе с многочисленными путниками. Команда пользовалась не парусами, а веслами. Португальские авторы XV в., описывавшие деятельность на этих реках, были поражены отсутствием парусов вдоль всего побережья Атлантического океана.

Главные пути, по которым осуществлялась транссахарская торговля, изменялись в VII–XV вв. Вплоть до XII в. в основном использовались западные пути. Они тянулись с юга Марокко (Тамелельт) и Тафилельта (Сиджилемаса) к процветающей тогда империи Гана. С возникновением в XI–XII вв. небезопасной обстановки, сократившей производство мавританских соляных шахт, караваны начали загружаться в Тегаззе, расположенном глубже в пустыне, но в большей степени ориентированном на нигерийский Судан. Эти пути были более длинными, менее безопасными и содержали меньше источников пресной воды; они связывали оазисы и крупные рынки Северной Сахары, особенно Туат с городами Валатой, Томбукту и Гао. Промежуточный пункт в Сахаре Тегазза снабжал караваны каменной солью – продуктом, являвшимся основой сахель-суданской торговли. Через Туат, связанный с Тафилельтом (на юге Марокко), Тлемсеном (Алжир), Туттургом (*Tuggurt*) (Тунис) и Феццаном (Ливия) города Судана вступали в торговлю со Средиземноморьем и Европой. Гао, восточный полюс региона, был связан с крупными сахарскими рынками (Тадмеккой, или Эс-Сухом), медными шахтами в Такедде и с регионом Кавар, где добывалась каменная соль. Старые, даже древние, пути, которые использовались гарамантами, начинались на ливийском побережье и тянулись через Феццан и Такедду, достигая излучины Нигера или оз. Чад. По-прежнему продолжали действовать пути, которые использовали римляне через Кавар к оз. Чад, причем даже больше в средние века.

Таким образом, можно видеть, что две стороны Сахары были связаны между собой путями, дававшими возможность производить обмен товарами, людьми и идеями. Караваны останавливались на крупных рынках сбыта на южной полосе сахели (Гана, Валата, Томбукту, Гао, Кацина, Кано); отсюда новые пути вели в южном направлении в лесную зону и даже на побережье. Город Дженне, расположенный на притоке Нигера р. Бани, города хауса и другие промежуточные пункты действовали как склады, в которых сосредоточивались и распределялись товары, поступающие с севера и с юга.

Торговцы, способы торговли; веса и меры

Мелкая торговля включала продавцов и покупателей всевозможных товаров, но настоящая торговля принадлежала особой категории торговцев, крупных и мелких.

На местном или региональном уровне странствующие лоточники поодиночке или группами посещали рынки и

торговали всем понемногу. С очень ранних времен транссахарская торговля пробудила склонность к этой деятельности у ряда этнических групп, из которых вышли крупные торговцы. Народы сонинке, ванкара (малинке) и хауса принимали активное участие в торговле по всему Западному Судану. Летописи хауса свидетельствуют о ключевой роли ванкара в торговле и распространении ислама в городах хауса в XIV в. На протяжении средних веков их деятельность постепенно распространилась от сахели до саванны и леса вплоть до побережья Атлантического океана, куда они везли товары, привнесли ислам и свою собственную культуру.

В Гвинейском заливе преобладали торговцы хауса и йоруба, там появилась новая группа – женщины, занимавшиеся торговлей. В заливе Бенин и среди племен группы аканов вожди, владевшие золотом и рабами, принимали активное участие в выгодной для них торговле. Арабо-берберские торговцы осуществляли торговлю по транссахарским путям. Североафриканцы, обосновавшиеся во всех городах Судана, в основном были родом из Марокко и Алжира (района Тлемсен), а также из Туниса, Ливии и Египта. На рынках преобладали жители крупных оазисов Сахары и сахели. Жители Туата, Тафилельта, Феццана, района Дра, мавританцы (тишит, чингетти, вадане), носильщики из племен месуфа и берабише сформировали торговый социальный слой; они селились кварталами во многих городах Судана и сахели, сохраняли свои культурные традиции.

Большинство городских жителей зарабатывало себе на жизнь посредничеством в торговле. Они выступали посредниками между торговцами с севера и с юга; у них были магазины и дома; они хранили продукцию и перепродавали ее, когда цены повышались, и потому почти всегда оставались в выигрыше. Вполне справедливо говорили, что все обитатели Томбукту занимались торговлей; во всяком случае, они определенно извлекали гарантированную прибыль от торговли города на дальние расстояния.

Торговцы и деловой мир придерживались принципов свободной торговли. Наиболее распространенным типом организации торговли как среди берберо-аравов, так и среди суданцев, был семейный. Крупные торговцы работали с членами своих семей, со своими приверженцами и друзьями на различных рынках. Известен пример братьев аль-Маккари (XIII в.) из Тлемсена, распределивших между собой торговлю через Сахару и Судан под единым руководством. Безусловно, некоторые торговцы и лоточники работали самостоятельно, но существовали также и гильдии торговцев, связанных договоренностями и дележающимися между собой полученной прибылью.

Западноафриканские торговцы не ограничивались простым бартером и использовали все способы, применявшиеся на севере Африки: рекламу, кредит, векселя, разъездную торговлю, влияние на цены путем управления предложением и спросом, услуги курьеров, экспресс-связь и т.д. При покупках расплачивались не монетами, так как африканцы денег не чеканили, а предметами и товарами, которые имели хождение в качестве валюты: раковины каури (илл. 274), хлопковая ткань, соль и т.д. Арабские источники упоминают о тайной торговле в VII–XI вв. в некоторых южных областях, когда продавцы и покупатели обменивались товаром, не видя друг друга. Бартер не исчез окончательно, а использовался для частных обменов. В транссахарской торговле и при крупномасштабных сделках, когда счет шел на тысячи динаров, чаще всего использовались расчетные монеты арабского происхождения, *динары*, эквивалентные мискалю (4,72 г золота). Арабский путешественник Ибн Хаухал утверждал, что проезжая через Аудагост в конце X в., видел там вексель на 42 тыс. динаров – сумма, по его мнению, исключительно крупная в мусульманском мире. Каури расплачивались в мелкой и средней торговле. До XV в. мусульманские торговцы привозили их с Мальдивских о-вов и из Индонезии, но в начале

XVI в. их стоимость упала из-за появления обширного европейского импорта.

Торговцы пользовались весами различных типов, мерами веса, емкости и длины, адаптированными к местным условиям и продаваемым товарам. В исламизированных странах вдоль сахель-суданской пограничной области использовались *the Prophets moud* (местная мера), *мискаль* и *квинтал*; в прочих местах и особенно в лесных зонах, населенных эдо, аканями и другими народами, в качестве единиц и средств измерения использовались разные металлические и деревянные предметы.

Рынки

В Западной Африке рынок располагался в центре или рядом с городом на открытом воздухе или часто в здании. Там размещались люди, показывающие товары, продавцы, покупатели, мужчины, женщины, а также пищевые продукты, местные продукты; торговля обычно осуществлялась путем бартера.

Основные продажи производились в домах, магазинах и на складах, расположенных в пределах рынка или в городе. Так было в крупных городах Судана и сахели.

Рынки и ярмарки проводились регулярно, каждые 3, 5 или 8 дней; они привлекали огромные толпы торговцев, покупателей и простую публику. По сути, рынок представлял собой зрелище, праздник, место, где происходил обмен идеями в рамках народной культуры. Порядок поддерживался бдительным представителем власти, который к тому же наблюдал за сделками, проверял веса и меры, а также должным образом поднимал налоги.

Крупные рынки можно было найти повсюду на сахель-суданской территории, на перевалочных или конечных пунктах главных дорог (в Аудагосте, Гане, Валате, Томбукту, Гао, Тадмекке, Такедде) и в их аналогах в Судане (Силле, Ниани, Диа, Гундиуру, Буре, Кацине, Кано). Дальше к югу, на границе между саванной и лесом, были рынки в Ойо, Ифе, Бенине и Биде (Нупе), в лесу (в Биту) и в приисковых центрах в землях аканов. Португальские мореплаватели во второй половине XV в. обнаружили рынки разной величины вдоль побережья Атлантического океана от устья р. Сенегал до устья р. Нигер. Они отметили интенсивную деловую активность в долине р. Гамбия, в Сьерра-Леоне, на бывшем Золотом Береге, вдоль лагун и в городе-государстве Бенина. Эти рынки устраивались регулярно, были крупными центрами, куда люди из соседних областей съезжались, чтобы обмениваться товарами, особенно золотом и специями, что повлекло за собой создание вдоль побережья европейских факторий.

Что же обычно продавалось на этих африканских рынках? Кроме местной продукции международная торговля на дальние расстояния предоставляла товары из Средиземноморья, Европы, Магриба, с Востока, из Сахары и из всех отдаленных районов Западной Африки. Главными объектами торговли были соль и золото. Каменная соль, пользовавшаяся наибольшим спросом, добывалась в шахтах Сахары. Авлил на мавританском побережье Атлантического океана разрабатывался до XI в. Иджил и Тегазза обеспечивали большую часть продукции в XII–XV вв. Шахты в Каваре обслуживали страны к северо-востоку от Гао и прежде всего города хауса и империю Канем-Борну. Каменной солью, перевозимой в кусках особыми «соляными» караванами (известными как *азалай*) племен берабише (*berabiche*) и месуфа, снабжалась по транссахарским путям вся Западная Африка. Морскую соль, добываемую на побережье Атлантического океана, было нелегко транспортировать и хранить. Торговля морской солью была развита не столь хорошо, как торговля солью, добываемой в Сахаре, и, судя по всему, не вышла далеко за пределы прибрежных районов.

Золото Судана было главным объектом торговли с иностранцами в Африке в средние века. С самых ранних времен оно привлекало берберо-арабских торговцев; некоторые авторы даже верили, будто в Гане оно растет из земли как растения! Западная Африка действительно была богата золотом. Самые лучшие из известных шахт располагались в глубине Судана. Шахты в Бамбуке и на р. Фалеме (Галам) давали золотую пыль (*тибар*), шахты в Буре, на р. Лоби и в Васулу – самородки отличного качества. Из земель аканов, которые в хрониках называются «Биту», и из Томбукту поступали такие количества золота, что в XV в. европейские мореплаватели обосновались на побережье, известном под названием «Золотой берег». Таким образом, шахты Африки поставляли на мировой рынок значительные объемы золота.

Европейские историки, например Готье, Бродель и Хирс (*Heers*) подчеркивали важность роли суданского золота в мировой экономике в XIV–XVI вв. до открытия золотоносных шахт в Америке. Золото было главным богатством Судана; города вроде Ганы, Томбукту, Дженне и Гао были обязаны ему своей репутацией. Магрибские города, итальянские города (Генуя, Пиза, Милан, Венеция), прибрежные районы Португалии и Испании, в частности о. Майорка, и мусульманский Восток (Египет) торговали в основном суданским золотом. Это был своего рода вклад Судана в европейскую эпоху Возрождения. Кроме того, Западная Африка экспортировала рабов, зерновые, сушеную рыбу, орехи масляного дерева, товары из хлопка (особенно города хауса), специи, слоновую кость и орехи колы из лесной зоны.

С севера поступала масса товаров, полученных в обмен: всевозможные изделия (венцианские и генуэзские ткани, галантерейные товары, женские накидки и другие текстильные изделия из Магриба), металлы (медь, сахарское серебро, олово, железо), оружие (копья, кинжалы, мечи), ювелирные украшения, стеклянные изделия, бусы, раковины каури, бумага, книги, скобяные изделия и домашняя утварь). Кроме того, были еще и пользующиеся высоким спросом арабские скакуны и верблюды из оазисов и сахели. К середине XV в. европейская торговля на побережье Атлантического океана специализировалась на более или менее определенном ассортименте товаров, в который входили преимущественно ткани, металлические изделия, ювелирные украшения, бусы, скобяные изделия – в целом ряд недорогих товаров.

При этой торговле Западная Африка испытывала дефицит баланса, так как ввозила гораздо больше товаров, чем вывозила. Торговля основывалась на сырье, а не на местной продукции, которая в рассматриваемый период была преимущественно сельскохозяйственной. Создается ощущение, что за исключением нескольких городов вроде Томбукту, Кано или Биде (Нупе), где местные ремесленники достигли высокого уровня производительности, торговля в VII–XV вв. не вызвала экономического и технологического развития, сравнимого с европейским в тот же период. С другой стороны, хотя торговля и не способствовала глобальным изменениям в системе производства, она привела к важным переменам в природном и культурном окружении Западной Африки. Именно благодаря торговле ислам закрепился по всему Судану и сахели, а Африка открылась Средиземноморью и Европе как ведущий экономический партнер.

Города

Одним из следствий развития торговли стало появление городов и зарождение городского образа жизни на всей территории. С окраин Сахары до стран залива Бенин вдоль главных торговых путей повсюду возникали города с населением в несколько тысяч жителей. В 1324 г. *манса*

(король) Муса, правитель Мали, даже сказал хозяевам, принимавшим его в Каире, что его империя включает 400 городов (см. илл. 259)!

Типичными городами можно считать Томбукту, Дженне, Бенин и Кано – огромные рынки, или политические столицы. Численность населения в них составляла почти 100 тыс. чел. в Томбукту в XVI в.³, 30–40 тыс. чел. в Дженне и столько же в Бенине в XV в. (илл. 34).

Население Томбукту, как и других городов Судана и сахели, было многонациональным, жило исключительно за счет торговли и связанных с ней видов деятельности. Этот расположенный на р. Нигер порт Сахары был самой настоящей торговой метрополией со своими рынками и многочисленными мечетями, среди которых двумя самыми знаменитыми были Джингеребер и Санкоре. В прекрасных домах с террасами, нередко имеющих больше одного этажа, проявлялся изящный стиль суданской архитектуры. Томбукту был религиозной и интеллектуальной столицей и в конце XV в. собрал знаменитых учителей и множество учеников из всех этнических групп и племен Африки. Дженне на р. Банифунг, притоке Нигера, – двойник Томбукту, расположенный южнее и контактировавший с рынками саванны и лесной зоны, а также с золотоносными шахтами в Манде и внутренних районах, был плотно заселен и унаследовал культурную традицию Дженне-Джено, самого старого города этого региона, известного еще до нашей эры⁴. Обращенный в ислам в XIV в. Дженне был украшен прекраснейшей жемчужиной архитектуры суданского стиля – знаменитой мечетью принца Кои Комборо. Как и Томбукту, Дженне был построен без какого-либо геометрического плана. Дома, расположенные близко друг к другу без удобств, с залом и внутренним двором, разделенные извиляющимися тропинками, были построены на террасах.

Совершенно иначе выглядел Бенин, который португальские мореплаватели увидели в XV в. Построенный по прямоугольному плану, окруженный стенами, открытыми в концах четырех больших бульваров, пересекающихся под прямыми углами, город Бенин – политическая столица государства – казался почти современным. Европейские гости были весьма удивлены расположением домов вдоль улиц, обрамленных деревьями, отделкой и архитектурным стилем королевского дворца и домов аристократии, а также исключительной чистотой города.

Что касается Кано, основанного в конце XI в., то он вырос благодаря своему господству над соседними деревнями. Со своей длинной и высокой стеной с семью воротами, дворцом, который расширил царь Румфа в конце XV в., и многочисленными мечетями Кано стал самой важной политической и исламской столицей земли хауса. Рынок Кано, будучи крупным торговым центром, в котором встречались северная сахель, Канем-Борну и, конечно же, Нуле и государство народа йоруба, собирал и распределял продукты со всех регионов. Большую часть продукции своего крупного производства хлопковых тканей, которые обычно окрашивались красителем индиго, Кано экспортировал на север. Его жители были подлинными горожанами, жившими торговлей, ремеслами и разведением огородов в пригороде.

Эти несколько примеров развития городов являются признаками перемен и движения, которое началось в западноафриканских обществах, вероятно, еще до VII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обработка железа производилась в Западной Африке еще до V в. (илл. 261, 262). Историки утверждают, что железо ввозилось из Мероэ в IV в. до н.э., из финикийской Северной Африки до или после начала н. э. или добывалось здесь же из недр, богатых железом.

² По мнению некоторых авторов, бананы были завезены из Азии на восточное побережье Африки в начале средневековья. Они попали в зону лесов и затем в Западную Африку, где их назвали бананами задолго до введения других их видов португальцами в начале XVI в. (*Maury*, 1961; *Marees*, 1605).

³ Секене Модии Сиссоко считает, что число жителей, которое указывает Р. Мауни (*R. Maury*) в *Tableau géographique*, р. 497, гораздо больше 25 тыс. чел.

⁴ Согласно двум американским археологам, Родерику Дж. и Сьюзан К. Макинтош в *Afrique Histoire*, 7, 1983, основание города Дженне-Джено восходит к III в. до н.э., а своего расцвета этот город достиг в VII в. н.э.

БИБЛИОГРАФИЯ

(См. библиографию к разделу 32.3.)

ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

*Секене Моду Сиссоко***ОБЩЕСТВА**

Как и народы, общества значительно изменялись во времени и пространстве. Народы сахели и Судана, которые испытывали влияние экономических обменов, нередко изменявших отношения в обществе и способствовавших смешению людей и социальной интеграции, выглядели иначе, чем южные и лесные народы, которые отличались большей независимостью и были неразрывно связаны с семьей и другими структурами племенного типа.

С этого времени уже можно говорить о «людях проса» (из саванн) и о «людях ямса» (на юге), изучая их стили жизни и их культуры. В пределах каждой зоны общества имели разный уровень развития. В Томбукту и Дженне торговая или интеллектуальная часть населения, открытая миру, дополнялась земледельческими сообществами с очень давними традициями и образом жизни, который не менялся на протяжении многих веков. Однако в целом, за исключением нескольких небольших изолированных групп, живших со времен палеолита за счет охоты, рыболовства и земледелия, население Западной Африки состояло из земледельцев, которые зарабатывали себе на пропитание в деревнях с незначительным разделением труда.

Семья в широком смысле, клан или племя, включала людей, произошедших от общего предка, реального или легендарного. Основной особенностью многих обществ был клан, имевший название, свою землю и собственную организацию. Считалось, что он гарантирует безопасность своих членов и дает им все необходимое для того, чтобы выжить. Устные предания мандинго гласят, что кланы кейта, конате (мансаринг), суссуко-думбия (була), траоре и камара образовались до правления Сундьяты (XIII в.). Общество во времена империи Гана, самой древней из известных, уже основывалось на кланах, среди которых были кланы правителей и кланы подчиненных. Подобная организация охватывала весь запад Судана даже после установления ислама. Клан, возглавляемый старейшиной деревни, разделенной между родами, нередко занимал большую территорию, достаточно обширную, чтобы стать потенциальным центром политической власти. Кроме того, кланы или племена нередко лишались большого числа своих членов в результате непрерывной миграции народов. Таким образом, к XV–XVI вв. некоторые названия кланов соответствовали уже не конкретному обществу, а прошлому или условному. То же самое касалось племен, выживших в сахели и лесных зонах, где общества сохранили свою сплоченность, чтобы защитить себя от окружающей среды и от своих соседей. Какое бы сообщество мы ни рассматривали, клан или род, поражает одно – насколько хорошо структурированным оно было и как могущественны были узлы, объединявшие его членов. Так, возраст давал привилегию власти старшим (отцам, старшим братьям) и разделял группу на возрастные подгруппы. У каждой подгруппы, независимо от воз-

раста, была собственная организация со своим вождем, жившая по своим правилам и бравшая на себя некоторые специфические задачи обеспечения работой и безопасностью свободного сообщества.

В рассматриваемый период общинное сообщество превратилось в иерархическое и утратило некоторую долю своей сплоченности во многих частях Западного Судана. Технологический переворот, связанный с началом использования железа и других металлов, ускорил процесс разделения труда и расслоения общества согласно сферам деятельности. В результате рост сельского населения, приведший к росту его потребностей, открытость деревень торговым обменам, переселение народов на протяжении веков и смешение народов привели к глубоким переменам в обществе. Сельская общинная организация ослабела, а между людьми стали преобладать отношения, отличающиеся от кровных, определяющихся общим предком.

В сахельско-суданской зоне к концу XV в. преобладало дифференцированное общество, упорядоченное почти иерархически в соответствии со статусом отдельных людей, наличием у них собственности и их общественной деятельностью. Новая иерархическая структура стала основой общества, усилилась и вышла на уровень, близкий к государственному.

Так, мужчины по своему статусу делились на три категории: свободные, несвободные и ремесленники, – независимо от того, входили они в организованные касты или нет. Свободные люди, судя по всему, составляли большинство населения, особенно в южных или лесных областях. Видимо, широко распространено было семейное рабство, и рабы по рождению, или домашние рабы, имели почти те же права, что и свободные люди. В Мали и Сонгаи рабы, как правило, жили деревенскими общинами и имели некоторую свободу в качестве платы за сделанную работу. В Бенине, где человеческие жертвоприношения были обычным делом, жертвами становились многочисленные королевские рабы. На этой территории, вплоть до земель йоруба и аканов, где жили многие ремесленники (ткачи, кузнецы, ювелиры, гончары, различные художники), понятие касты было не известно, в отличие от Судана и сахели, где оно возникло еще до рассматриваемого периода. Каждый из занимавшихся специализированной деятельностью или ремеслом принадлежал к эндогамной, но отнюдь не к неприкасаемой касте. Кузнецы и музыканты (гриоты и исполнители родовых преданий) имели огромное влияние и выполняли экономические, политические и социальные функции, несоразмерные с их численностью, особенно в монархических обществах. Открытие межрегиональной и транссахарской торговли на дальние расстояния привело к формированию торговой и интеллектуальной аристократии и к появлению круга ремесленников, царствовавших во всех сферах жизнеобеспечения города: ткачей, красильщиков, ювелиров, сапожников, гончаров, плотников, кузнецов, рыбаков, носильщиков,

весовщиков, мясников и т.д., – целого мира вне племенной организации, вплетенного в рыночную и торговую систему хозяйствования.

Некоторые слои общества, рано определившиеся со своей профессиональной специализацией, в конце концов даже образовали квазиэтнические торговые группы, например, принадлежность к вакоре (сонинке) и ванкара (малинке) стала автоматически предполагать торговца в Судане.

С рождением государств возникала политическая аристократия. Новые политические формации, независимые от того, были они объединениями знатных, рабов или кастовые, создавались господствующими кланами. Новой аристократии недоставало монополии на землю, которая по-прежнему принадлежала общине, однако она приобретала власть, богатство и влияние, выполняя управленческие функции. В городах народов хауса и йоруба, как и в суданских империях, эта аристократия оставалась открытой для элиты других слоев общества, так как управление не полностью потеряло свой общественный характер.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Общинное сообщество геронтократической ориентации возглавлял совет старейшин, которым руководил почтенный старец из данного клана или племени. Этот совет состоял из вождей (старейшин) различных родов клана или деревни и занимался всеми проблемами, возникавшими в этой группе. Решения принимались путем установления единого мнения и выполнялись возрастными группами.

С появлением нового дифференцированного и иерархического сообщества отношения между людьми стали определяться объективными правилами и подчиняться требованиям власти. Повсюду в сообществах и странах Западной Африки, судя по всему, утверждалась государственная власть. По всей Западной Африке, от суданских империй (Ганы, Мали, Сонгаи, Моси) до царств Сенегамбии (Текрура, Джолоф, Серера) и городов-государств народа хауса и йоруба люди и территории объединялись в государства. Об этом периоде авторы приводят множество подробностей, касающихся суданских империй, которые представляли собой объединения или союзы царств под руководством этнической группы воинов, объединившейся вокруг господствующего клана. Царь Мали, или *наба* моси, был почти священной фигурой, его двор подчинялся строгим правилам этикета. Наследственная власть правителя обрела законность в соответствии с традициями предков, и передача ее крайне редко основывалась на силе оружия. Правителю помогал совет, состоявший из принцев, но включавший еще и предводителей пленников, свободных людей, каст (гриотов) и некоторых сообществ-данников.

Совет под руководством царя действовал как судья на всех уровнях и контролировал правительство, отвечавшее за управление делами. В Гане и Мали царь доверял функцию правительства премьер-министру (*визирю*), которому помогали многочисленные сановники, возглавлявшие различные департаменты – финансов, армии, иностранцев, дворца и т.д. Империя делилась на завоеванные провинции и царства-данники. Первыми управляли губернаторы (*фарин*, или *фарба*, у мандинго и сонгаи), назначаемые правителем. Государства, платившие дань, сохраняли автономное правление своей законной династии, но должны были платить дань натурой и предоставлять империи определенное число солдат. В крупных исламских торговых городах, например в Томбукту, Дженне и Валате, судья-кади отправлял правосудие и пользовался уважением.

Значительные ресурсы государство получало с таможи, так как на границе торговцы платили пошлины за ввоз и вывоз товара. В большей степени развитие суданских государств зависело от ресурсов каждой страны. Налоги на некоторые продукты, в частности на соль и золото, военные

трофеи, разного рода дань, продукты с королевских владений, дары, рабы и т.п. становились надежной экономической основой царской власти, которая обычно содержала администрацию, многочисленное царское окружение и немалую армию. Наряду с царской гвардией некоторые государства, например Мали и Сонгаи, содержали регулярные армии, насчитывавшие в ряде провинций по несколько тысяч человек (илл. 15). Однако армия собиралась в полном составе только в случае военных действий; тогда это были не только собственные царские войска, но и те военные силы, которые поставляли в счет квоты государства, платящие дань.

Суданское государство занимало весьма значительную территорию. В XIV в. империя Мали протянулась от Атлантического океана (Сенегал) до Гао (карта 30). Такая география определила высокую степень децентрализации при своеобразном союзе различных автономных этнических групп. Государство народа хауса было меньше, а политическое единство всей страны так и не было достигнуто.

К XIV в. средоточием власти стал город, окруженный крепостной стеной. По сути это было царство, включающее город и окружающие его деревни, которое управлялось царем (*сарки*), избираемым знатными правителями различных сообществ. Царь вверял управление страной премьер-министру (*галадима*), которому помогали ведущие личности, ответственные за администрацию, армию, финансы, религию и т.д. Власть правителя, в сущности, была ограниченной и контролировалась местной аристократией.

Эта модель напоминала форму правления в городах народа йоруба, где власть обеспечивала некоторую степень демократии. Фактически это была группа почти автономных городов, образовавших царство *Ойо* – главную политическую единицу этой страны. Каждый город и окружающая его территория находились под управлением сената (*бале*), члены которого, кооптированные из рядов городского состоятельного населения, следили за администраторами, работавшими парами. Сенат нес ответственность перед народом, представлял ему отчет. Глава государства царь (*алафин*) *Ойо* избирался советом государства (*Ойо-меси*), состоящим из семи членов, которые не имели знатного происхождения, но обладали реальной властью и могли даже приказывать правителю покончить жизнь самоубийством.

В Бенине в XII–XV вв., в отличие от государства йоруба, не было абсолютной монархии. Царь (*оба*) обожествлялся и жил в соответствии с мистическим ритуалом, включавшим человеческие жертвоприношения. Его окружала аристократия из наследных великих советников (*оризама*) и многочисленных сановников, представлявших различные территориальные сообщества, но выбираемых им и зависящих от его воли (илл. 267–269).

Помимо этого уникального случая, во всей Западной Африке власть в большей или меньшей степени распределялась между правителем и главами различных сообществ. Географические условия, низкий уровень экономического и технологического развития и чувство общности сдерживали дифференциацию общества, чем и объясняется относительная децентрализация и ограниченность власти. В целом, Западная Африка прошла с разным успехом через все формы государственности от правления вождя-патриарха до городской демократии.

БИБЛИОГРАФИЯ (32.1–32.3)

- ADAMU, M. 1984. The Hausa and the Neighbours in Central Sudan. In: General History of Africa, UNESCO, California, Vol. IV, pp. 266–300.
- ADDE. 1972. La croissance urbaine en Afrique noire (CNRS), Paris. Atlas Jeune Afrique. 1973. Le continent africain. Paris.
- AL-BAKRĪ, ABŪ 'UBAYD ALLĀH. 1857. Kitāb al-Masālik wa l-Mamālik (Book of the Pathways and Kingdoms). Portion of Arabic text ed. with French. trans., Description de l'Afrique septentrionale, by W. M. de Slane, Algiers 1857; repr. of French text, Adrien Maisonneuve publ., Paris 1965.

- BOAHEN, A. A. 1974. Who are the Akan? In: Bonduku Seminar Papers.
- BOHANNAN, P.; DALTON, C. 1962. Markets in Africa. Illinois.
- BOVILL, E. W. 1933. Caravans of the Old Sahara: An Introduction to the History of Western Sudan. London.
- 1958. The Golden Trade of the Moors. OUP, Oxford.
- BRAUDEL, F. 1946. 'Monnaies et civilisation: de l'or du Soudan à l'argent d'Amérique', Annales ESC, I. Paris.
- CAHIER AFRIQUE NOIRE' 5, 1982. Histoire des villes et des sociétés urbaines en Afrique noire: les villes précoloniales. Paris.
- CISSÉ, Y. T.; KAMISSOKO, W. 1988. La grande geste du Mali, des origines à la fondation de l'empire. Paris.
- CISSOKO, S. M. 1975. Tombouctou et l'empire songhay: épanouissement du Soudan nigérien aux XVe–XVIIe siècles (NEA) pp. 20–22. Paris.
- CROWDER, M. 1962. The History of Nigeria. London.
- CROWDER, M.; AJAYI, J. F. A. (EDS) 1971. The History of West Africa. London.
- CUOQ, J. 1975. Recueil des sources arabes concernant le Bilād al-Sūdān (CNRS). Paris.
- DESCHAMPS, H. Les institutions politiques en Afrique. Collection 'Que sais-je?', No. 549, Paris.
- DIAGNE, P. 1967. Pouvoir politique traditionnel en Afrique occidentale. Présence africaine. Paris.
- 1981. Le concept du pouvoir en Afrique, UNESCO.
- DIOP, C. A. 1960. Afrique noire précoloniale. Présence africaine. Paris.
- FERNANDES, V. 1940; 1951. O manuscrito Valentim Fernandes, ed. by the Academia portuguesa de história, Lisbon 1940. Portuguese text edn with French trans. by T. MONOD, A. TEIXEIRA DA MOTA, R. MAUNY, Description de la côte occidentale d'Afrique, 1506–1510. Centro de estudos da Guiné Portuguesa, Bissau, No. II, 1951.
- FORTES, M.; EVANS-PRITCHARD, E. 1947. African Political Systems. Oxford University Press. Repr. London/New York 1987.
- GAUTIER, E. F. 1935. 'Le problème de l'or au Moyen Âge', Annales d'histoire économique et sociale. Paris.
- GENERAL HISTORY OF AFRICA, UNESCO, California, Vol. IV: 1984. Vol. III: 1988.
- GOMES EANES DE AZURARA. Crónica do descobrimento e conquista de Guiné (1482). (Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea). Portuguese text: Santarém ed, Paris 1841; J. de Bragança ed., Oporto (Porto) 1937; A. J. Dinis Dias ed, Lisbon 1949; Reis Brasil ed., Lisbon 1989. English trans. in G. R. Crone, The voyage of Cadamosto, and other documents on Western Africa in the Second Half of Fifteenth Century. Hakluyt Society, London, 1937.
- GRAY, R.; BIRMINGHAM, D. 1970. Precolonial African Trade. Oxford University Press.
- HEERS, J. 1958. 'Le Sahara et le commerce méditerranéen à la fin du Moyen Âge', Annales de l'Institut d'Etudes Orientales, No. XVI. Paris.
- HERODOTUS. Histories. Book IV, § 183. (Loeb edn of the Greek text with English trans. A. D. Godley, 4 vols. London/Harvard 1921–1924.)
- IBN BAṬṬŪṬA. 1853–1859. Riḥla ('Journey'; full medieval Arabic title: Tuḥ fat al-Nuzzarfī 'Ajā'ib al-Amṣār, 'Gift unto the Observers concerning the Marvels of the Lands'). First edn of Arabic text with French trans. by C. Défréméry and B. R. Sanguinetti, 4 vols. Paris 1853–1859. English trans. by H. A. R. GIBB, The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, Hakluyt Society, Cambridge, 1956–1971. Arabic text only: Riḥla Ibn Baṭṭūṭa, ed. by Ṭalāl Ḥarb, Dār al-Kutub al-'Ilmiyya, Beirut 1992.
- IBN ḤAWQAL. 1842; 1873; 1938; 1965. Kitāb Ṣurat al-Arḍ (Book of the Figure of the Earth). Arabic text edn. By M. J. De Goeje (1873), Leiden; and J. H. Kramers (1938), Leiden. Partial French trans. by Baron William MacGuckin de Slane, Description de l'Afrique, Paris 1842; full French trans. by J. H. Kramers and G. Wiet, Configuration de la Terre, Paris 1965.
- IBN KHALDŪN. 1868 ed. Kitāb al-'Ibar ('Book of Admonition' = 'Universal History'). Arabic text, 7 vols, Bulāq, 1868; Beirut, 1958. Partial French trans. 4 vols, by DE SLANE, W. M., Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale, Algiers, 1852–1856; repr. Paris 1925–1926. New complete French trans., 7 vols, Beirut 1956–1959.
- KA'TI, MAHMUD. 1913–1914; 1964; 1981. Tarīkh al-Fattāsh ('Chronicle of the Investigator'). First edn of Arabic text with French trans. by O. Houdas and M. Delafosse, Paris 1913–1914; repr. with rev., Paris 1964; UNESCO repr. of first edn, Maisonneuve, Paris 1981.
- KI ZERBO, J. 1972. Histoire de l'Afrique noire, pp. 161–164, Hatier, Paris.
- LA CHAPELLE, F. DE. 1969. Esquisse d'une histoire du Sahara occidental, Hespéris, X. Paris.
- LOMBARD, J. 1965. Structures de type feudal en Afrique noire. Paris.
- MARÉES, P. DE. 1605. Description et récit historique du riche Royaume d'Or de Guinée. Amsterdam.
- MAUNY, R. 1961. Tableau géographique de l'Ouest africain au Moyen Âge (Mémoire, IFAN). Paris.
- MONOT, T. 1939. Contribution à l'étude du Sahara occidental. Paris.
- MONTEIL, C. 1929. Les Empires du Mali, BCHS AOF, XII. Dakar.
- 1951. Problèmes du Soudan occidental: juifs et judaïsés. Hespéris, XXXVIII. Paris.
- PACHECO PEREIRA, D. 1898. Esmeraldo de Situ Orbis (The Emerald, concerning the Situation of the World). Sixteenth-century. Portuguese text ed. by R. E. de Azevedo, Lisbon, other Portuguese editions: A. da Epiphânio da Silva Dias, Lisbon 1905; D. Peres, Lisbon 1954. Portuguese text ed. with English. Tr. by G. H. T. Kimble, Hakluyt Society, London 1937. French trans. by R. Mauny, Bissau, Publicações do Centro de estudos da Guiné Portuguesa, No. XIX, 1956.
- PALAU MARTÍ, M. 1964. Le roi dieu du Bénin. Paris.
- PERÈS, H. 1937. Relations entre le Tafilelt et le Soudan ... du XIIIe au XIVe siècle. In: Mélanges géographique et oriental. Tours, pp. 409–414.
- ROBERT, D. S.; DEVISSE, J. 1970. Tégdaoust. I. Recherches sur aoudaghost. Paris, Vol. I.
- RODERICK, J.; MCINTOSH, S. K. 1983. In: Afrique, Histoire, 7. Paris.
- RYDER, A. F. C. 1984. From the Volta to Cameroon. In: General History of Africa, UNESCO, California, Vol. IV, pp. 339–370.
- AL-'UMARĪ, IBN FAḌL ALLĀH. 1924. Masālik al-Abṣār fī Mamālik al-Amṣār ('Glances of the Eyes throughout the Districts of the Lands'); Arabic text, Cairo 1924. French trans. by GAUDEFRUY-DEMOMBYNES, M., L'Afrique moins l'Égypte, Paris 1927.

32.4

РЕЛИГИИ

32.4.1

ТРАДИЦИОННЫЕ АФРИКАНСКИЕ РЕЛИГИИ

Исаак Адеагбо Акинджогбин

В большинстве западноафриканских сообществ религия проникала во все сферы жизнедеятельности общества: политику, экономику, межличностные отношения и даже питание. По поводу рождения и похорон устраивались пышные религиозные действия. В связи с этим, чтобы понять западноафриканское общество, нужно понять его религиозные убеждения и обычаи.

В 600–1500 гг. в Западной Африке существовало три вида религиозной практики. Первый вид – традиционная африканская религия (ТАР), была местной и основывалась на суммарном историческом и философском опыте жителей Африки. Второй религией был ислам, введенный в XI в. В результате религиозной деятельности правителей Суданских государств, особенно царств Мали, Сонгаи и Канем, к XVI в. исламу суждено было превратиться в важную социально-политическую силу в Западной Африке. Третьей религиозной практикой было христианство, введенное через пять веков после ислама.

Со времени введения двух последних религий религиозный опыт западноафриканских сообществ характеризовался интенсивными взаимодействиями между ТАР и иноземными религиями (Greenberg, 1946; Nadel, 1970). ТАР нередко стремилась влиять на последние, тем самым время от времени вызывая в тех движения за возрождение старой веры (Hiskett, 1984). В этом разделе в основном рассмотрена ТАР, так как, во-первых, эта религия продолжала влиять на жизнь большинства жителей Западной Африки и, во-вторых, целесообразно понять природу ее верований.

ТАР часто считали самой низкой формой религии (P'Vitek, 1970) и для ее описания применяли такие уничижительные термины, как «анимизм», «язычество», «фетишизм» или «вудуизм». Некоторые утверждают, что это даже не религия, а всего лишь «мистерии». К тому же как мусульманские, так и христианские миссионеры заявляют, что до появления их религий жители Западной Африки не имели собственной «истинной» религии.

Диффамация ТАР основывалась на наблюдении, связанном с тем, что важнейшее место эта религия отводила сделанным людьми предметам, например амулетам, талисманам, оберегам и т.п. и что она практиковала ритуалы, унижающие человеческое достоинство (Adediran Biodun, 1985). Однако при этом часто не учитывалось, что большинство мировых религий на определенном этапе своего развития содержали рукотворные предметы и

практиковали подобные «унижающие» ритуалы. ТАР же на самом деле проводит различие между этими ритуальными предметами и божествами, которым люди поклоняются. У аканов, например, *суман* (оберэг) не эквивалентен *обосам* (божество), а у йоруба *эбо* (жертва) – это совсем не то же самое, что и *ориса* (божество). Сотворенные человеком предметы и ритуалы предназначались либо для того, чтобы помочь молящимся сосредоточиться, либо ради умиротворения божества, которое являлось главным объектом поклонения.

Несмотря на многочисленность божеств-посредников, Западную Африку нельзя назвать политеистической. Во всем регионе общепринятой и универсальной была концепция высшего естества, находящегося надо всем и управляющего всем (*Одиуоуе*, 1983). Ему поклонялись как всемогущему создателю всего (включая божеств-посредников), дарителю жизни, управляющему судьбами всех и верховному судье человеческих поступков, ибо он видел и знал всё. Как правило, его физического изображения не было в местных пантеонах, где находились фигурки других божеств, так как его считали недоступным человеческому пониманию.

Однако нельзя считать, будто монотеистические концепции были однородны по всей Западной Африке. Этого просто не могло быть, ибо они появились из разных источников. Дело, скорее, обстоит следующим образом: эти концепции были *подобными* в пределах каждой языковой группы, причем каждая группа создала свою концепцию на основе собственного исторического опыта и мировоззрения. Тот факт, что эти концепции были записаны современными учеными, вовсе не означает, что именно они ввели соответствующие слова и имена. Например, Боладжи Идову (*Bolaji Idowu*) писал об *Олодумаре*, верховном Боге йоруба, в 1950-х гг. Это не значит, что Боладжи Идову придумал само понятие или имя. Испанские миссионеры, посетившие побережье Аджа (современная Народная Республика Бенин) в конце XV – начале XVI в., записали монотеистическую концепцию жившего там народа и опубликовали свои изыскания в книге *Doctrina Christiana*. Изучение работ Джона Мбити приводит к мнению о том, что нечто подобное было во всех африканских странах южной Сахары. Однако несмотря на сходство, верховное естество получало в разных частях Западной Африки разные имена (*Imasogie*, 1985; *Mbiti*, 1977): менде его называли Нгеве (*Ngeve*), или Леве (*Leve*) (Верховный создатель).

Тенда	Хоунноунга	(<i>Hounnoungea</i>)	(Неизвестный)
Акан	Онйаме	(<i>Onyame</i>)	(Верховное естество)
Эве	Маву-се	(<i>Mawu-se</i>)	(Бог – Верховный Бог)
Ган	Маву/Лиса	(<i>Mawu/Lisa</i>)	(Верховный создатель)
Йоруба	Олодумаре	(<i>Olodumare</i>)	(Всемогущий)
Эдо	Осанобуа	(<i>Osanobua</i>)	(Создатель мира)
Урхобо	Огене	(<i>Ogbene</i>)	(Хозяин всего)
Нупе	Тсоци	(<i>Tsoci</i>)	(Владеющий нами, наш господин)
Тив	Аондо Гба Тар	(<i>Aondo Gba Tar</i>)	(Бог, плотник)
Яка	Убаси	(<i>Ubast</i>)	(Создатель)
Бамум	Ньиньи	(<i>Nyinyi</i>)	(Вездесущий)
Игбо	Чинке Чукву	(<i>Chinke Chukwu</i>)	(Создатель – великий дух)
Догон	Амма	(<i>Amma</i>)	(Верховное естество)
Сонгаи	Ирквой	(<i>Irkooy</i>)	(Всемогущий)
Хауса	Убанджиджи	(<i>Ubangiji</i>)	
Кпелле	Герзе	(<i>Gerze</i>)	
Гбауда	Нгала	(<i>Ngala</i>)	
Маман	Вала	(<i>Wala</i>)	
Киси	Хала	(<i>Hala</i>)	

Примечательно, что местное имя верховного божества всегда имело единственное число и не имело признаков рода. У него не было изображений, ибо он был слишком могуществен, чтобы быть постигнутым человеческим разумом. Он обладал такой огромной силой, что простые смертные не могли приблизиться к нему иначе, чем через посредников.

Эти посредники были божествами. Считалось, что они специально созданы всемогущим Богом как посланники и особые помощники. Возможно, именно эта особенность отличает ТАР от других основных религий мира. Среди этих божеств были духи предков и сверхъестественные существа. Были также и божества, связанные с местными предметами окружающей среды, например с холмами, реками и деревьями, которые считались местами обитания божеств. Точно так же некоторые растения и животные, сыгравшие выдающуюся роль в историческом развитии сообщества, считались тотемами, или символами, с которыми устанавливалась священная связь.

Вот почему список западноафриканских божеств не постоянен, да и божества в разных местах не обязательно одинаковы. Исторический опыт людей, живших в разных местах, диктовал создание божеств, которые существовали именно в этих местах. Общая концепция заключалась в следующем: все творения, живые или неживые, наделены душами, способными общаться с Богом. Если некоторые объекты выделялись среди других своими размерами (например деревья, реки, камни или горы), или если у отдельных людей проявлялись необычные харизматические качества, то им обычно приписывали необычную долю духовного дара от Бога. Примеров тому множество во всей Западной Африке, где люди почитали большие реки – Гамбию, Сенегал, Нигер, Вольгу, Ману, Веме, Огун, Осе, Бенуэ и другие, протекавшие через их земли, прежде всего потому, что они поддерживали жизнь: помогали производить продукты сельского хозяйства, получать пищу (рыбу), облегчали перевозку товаров и т.п. Точно так же скалы и холмы, например Фута-Джаллон, Атакора, Дала и Адамава, обожествлялись как защитники во время войны. Народы средней зоны Западной Африки, обнаружив, что пересеченная местность данного региона пригодна для укрытия от агрессивных соседей с юга и севера, создали большое количество связанных с холмами божеств, которым до сих пор поклоняются народы дагомба, моси, талленси, боргу, джукун и тив. Кроме того, в пантеонах различных народов найдено огромное количество местных героев и героинь: от дающих свое имя основателей вроде Баяджи (хауса), Одулвы (йоруба) до основоположников политики вроде Осея Туту (ашанти) и Шанго (йоруба). Такая распространенность богов и

богинь позволяет предположить, что западноафриканские народы решали сходные проблемы, используя одинаковые особенности окружающей среды, причем народы могли и не перенимать это друг у друга (*Akinjogbin*, 1978).

Были, кроме того, и другие духи, или мистические силы, которых признавали и с которыми считались. В эту категорию входили носители способностей к колдовству, магии и волшебству. Предсказателей просили помочь решить насущные проблемы. Кроме того, существовали обереги, амулеты и т.п., которые использовались в целях защиты и нападения. Наконец, ТАР создала утонченные ритуалы, жертвоприношения и церемонии, тесно связанные с различными аспектами жизни: сельским хозяйством, вынашиванием детей, лечением болезней, предотвращением бедствий и т.д. В этом отношении религия была связана с наукой. Нередко местный жрец был кладезем знаний физической, экономической и человеческой географии своего сообщества. Это знание, которое, как считалось, было подарено ему богами, он отдавал в распоряжение сообщества после надлежащих консультаций с богами. Таким образом, божества были великодушными, ибо существовали для мирного урегулирования жизни общества.

Хотя ТАР прежде всего занималась тем, что происходит «здесь и сейчас», она, как и все другие религии, все же отражала стремление жителей Западной Африки понять силы природы, управляющие ими, что привело к попыткам познать неизвестное и потусторонний мир. Эти поиски породили искусство геомантии (т.е. гадание по фигурам, получающимся при бросании горстей земли. – *Прим. ред.*), практикуемое во всей Западной Африке (*Trantman*, 1939; *Bascom*, 1966; *Abimbola*, 1976). Даже несмотря на то, что детали различались от места к месту, обычаи, связанные с гаданием на орехах колы, раковинах каури, пальмовых орехах или песке, были похожи друг на друга, как будто произошли из одного источника. Известная под названием *ифа* у народа йоруба, *афа* у нупе, *фа* среди фон, *ите* у обуду Юго-Восточной Нигерии и *азбигба* у нигерийских народов р. Кросс, геомантия выросла в высокоорганизованную систему образования, включающую множество дисциплин: историю, математику, теологию, земледелие, психологию, физические науки, физиологию, медицину и философию, предназначенных для решения возникающих проблем, с которыми могли столкнуться отдельные люди или сообщество (*Abimbola*, 1968; *Opeola*, 1988).

Хотя коренная религиозная практика в Западной Африке названа «традиционной», она никогда не была статичной. Напротив, верования отражали ощутимые перемены, соответствующие историческому опыту разных народов. Введение ислама и христианства, например, имело далеко идущие последствия для коренных верований, но и сами эти верования повлияли на местную практику чужеземных религий. В рассматриваемый период история этого процесса изобилует компромиссами и конфликтами. Например, несмотря на то, что к концу XI в. ислам достиг ощутимого успеха в Западной Африке, так как эту религию приняла правящая династия государства и города Гао, одного из важнейших торговых центров, приезжие торговцы, с которыми ислам появился в Западной Африке, отлично понимали, что им придется адаптировать новую религию к местным верованиям (*Hiskett*, 1984). Это привело к религиозному синкретизму, обусловившему частые *джихады*, целью которых было очищение ислама в Западной Африке; в целом они повысили престиж этой религии и поспособствовали ее широкому распространению, особенно в зоне саванн, к 1600 г. с расширением торговой деятельности и возникновением крупных имперских структур мусульманское духовенство получило широкое покровительство, а исламские обычаи были приняты повсеместно, даже если в большинстве случаев они адаптировались к местным особенностям. С другой стороны,

христианство, введенное в последней четверти XV в., оказалось менее терпимым к коренным религиозным верованиям западноафриканских народов. Оно полностью отвергало любые попытки местных народов адаптировать новую религию к своим традиционным практикам. Это привело к провалу первых попыток установления христианства в Западной Африке (*Ryder, 1969*), тогда как мусуль-

манские священнослужители преуспевали в быстрой исламизации этого региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

(См. раздел 32.5).

Секене Моду Сиссоко

Средневековая Западная Африка не осталась нетронутой крупными переселениями, происходившими в то время в Азии и Европе. Ее относительная изоляция была нарушена в XI в. появлением ислама, который уже распространился по всему северу материка от Египта до Атлантического океана¹. В XV–XVI вв. с прибытием португальских каравелл появилось христианство, но оно не прижилось. В результате в некоторых регионах традиционные культуры поглотили новые монотеистические и универсалистские верования, и возникший симбиоз вылился в крайне оригинальный синкретизм.

Ислам был завезен в Сахару уже в 666 г. экспедицией Укба ибн Нафи в Феццан и Кавар, но только в IX–X вв. эта религия утвердилась в Западном Судане, т.е. в судано-сахельском регионе. Год за годом транссахарская торговля и путешественники, принадлежащие к разным этносам, способствовали распространению ислама вглубь Западной Африки, и к концу рассматриваемого периода (XVI в.) он достиг даже некоторых лесных и прибрежных регионов. В конце концов ислам утвердился в Африке, а Западная Африка стала частью исламского мира.

От атлантического побережья Сенегамбии (распространенное название региона Западной Африки в междуречье Сенегала и Гамбии. – *Прим. ред.*) до оз. Чад, от сахели до земель йоруба ислам закрепился, приспособившись к традиционным обществам и верованиям. Представители аристократии крупных государственных образований (Мали и Сонгаи), Такрура и северных хауса да и многие другие обратились в новую религию и поддерживали тесные отношения (хозяйственные, религиозные и культурные обмены, переселения) с исламским и афроазиатским мирами. Ежегодно тысячи африканских паломников посещали Мекку, Египет и Нильский Судан. Арабо-мусульманские предприниматели тоже приезжали в Западную Африку, а некоторые из них даже оставались там жить. Но самыми прочными во всех сферах, безусловно, были связи между берберским и арабским Магрибом, причем эти регионы даже образовали единый африкано-исламский блок.

Западно-африканский ислам стал городским, элитарным вероисповеданием. Он установился в городах сахели (Шингетти, Уаддана, Томбукту, Гао, Агадире и Тадмекке) и Судана (Дженне, Диа, Ниани, Силле, Гонжуре, Кано и Кацине), которые были важными торговыми центрами в этом регионе. Он повлиял и на внешний вид суданских городов, густонаселенных, с домами в несколько этажей, с монументальными постройками типа мечетей (например мечети Санкоре и Джингребер в Томбукту (илл. 34) и усыпальницами *аскиев* (царей) в Гао, похожими на пирамиды (суданский стиль, сохранившийся и в современной архитектуре).

Ислам принес с собой письменность и исламскую науку, а также способствовал созданию нового африканского общества. Берберы, арабы и особенно чернокожие африканские интеллектуалы распространяли новую религию, не прибегая к джихаду, или священной войне, а путем обращения в нее политической и торговой элиты. Важную

роль сыграли школы, которые сделали возможным истинное интеллектуальное развитие в сахельско-суданском регионе. Каждый марабут (праведник) имел школу Корана, где обучали азам арабского языка и Корана. В некоторых городах, например Валате, Дженне, и конечно Томбукту, открывались учебные заведения, которые можно приравнять к университетам, причем самым знаменитым был университет в Томбукту (*Cissoko*, 1996). В XVI в. в городе было 150–180 школ Корана и мечеть Санкоре на северо-востоке, которая привлекла тысячи учеников, собиравшихся вокруг знаменитых учителей, например Махмуда Багайого, *кадиев* Омара и Мухаммеда Акитов, Анда Аг Мухаммеда, крупного ученого Ахмеда Баба (*Humwick*, 1980, 1981) и др.

Список преподаваемых предметов включал классические исламские науки (теологию и право), арабский язык и литературу, диалектику, астрономию, медицину, историю и другие. Блестящие учителя создавали замечательные работы, соответствующие уровню великих учителей восточного ислама. К настоящему времени было найдено немало работ Ахмеда Баба (конец XVI в.), и, судя по всему, он был величайшим ученым своего времени, как по широте эрудиции (грамматика, теология, история, право и т.д.), так и по глубине своего мышления и силе влияния на интеллигенцию Магриба и Судана. Однако он сам восхищался трудами своего наставника Махмуда Багайого, которые, к сожалению, найдены лишь частично.

Две хроники Томбукту, *«Тарих ал-Фаттаиш»* («История ищущего») сонинке Махмуда аль-Кати и его преемников (XV–XVI вв.) и *«Тарих ал-Судан»* Абд ар-Рахмана аль-Сади (XVII в.), базирующиеся на трудах Ахмеда Баба, свидетельствуют о высоком уровне исторического исследования, использующего точный метод, близкий к методам современной науки.

Тем не менее влияние ислама ограничилось малой областью Западной Африки. Даже в сахельско-суданском регионе ислам проник лишь в сельскую местность и суданские саванны. Необходимо также признать, что даже в зоне своего распространения ислам не искоренил традиционных верований. Наиболее типичен случай народов сонгаи, сонинке и малинке, которые очень рано соприкоснулись с исламом, но переработали его, приспособив к своему образу жизни и своим убеждениям. Поэтому с самого начала ислам укоренялся в этой стране благодаря своей терпимости и способности адаптироваться к условиям африканских народов (*Monteil*, 1964).

Христианство, появившееся здесь с прибытием португальских мореплавателей XV–XVI вв., не закрепилось в Западной Африке. Каравеллы были переполнены мореплавателями и товарами для продажи, а отнюдь не миссионерами. Первые путешествия XV в. по исследованию Гвинейского залива были истинными авантюрами, и только в XVI в. они стали сопровождаться основанием факторий, особенно в заливе Бенин.

Только о-ва Зеленого Мыса, населенные португальцами и их рабами, могли гордиться церковным зданием, но это не оказало никакого влияния на материк в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Существует множество работ по этой теме, которая стала почти классической в истории средневековой Африки. Не стремясь дать слишком исчерпывающую информацию, мы сошлемся на тома III и IV «Общей истории Африки» ЮНЕСКО и «Энциклопедию ислама». См. также: *Guethner*, 1984; *Triaud*, 1973. Кроме того, см. библиографию в части III, раздел 17.5.2 данного тома.

БИБЛИОГРАФИЯ

CISSOKO, S. M. 1996. Tombouctou et l'Empire Songhay. L'Harmattan. Paris.
Encyclopaedia of Islam, 1960. 2nd edn. (E1²) E. J. Brill. Leiden.

General History of Africa. UNESCO, California. Vol. IV: 1984. Vol. III: 1988.
GUETHNER, P. 1984. Histoire de l'islamisation de l'Afrique de l'Ouest, des origines à la fin du XVIème siècle. Librairie orientaliste P. Guethner, Paris.
HUNWICK, J. O. 1980. Gao and the Almoravids: A Hypothesis. In: SWARTZ B. K. and DUMETT R. F. (eds.) pp. 413–430.
HUNWICK, J. O., MEILLASSOUX, C., TRIAUD, J. L. 1981. La géographie du Soudan d'après Al-Bakrī. Trois lectures. In: *Le Sol, la Parole et l'Écrit*. Vol. I, pp. 401–428.
MONTEIL, V. 1964. L'Islam noir. Seuil, Paris.
Tarikh al-Fattāsh. 1913. French trans. O. Houdas, Paris. Al-Sadi: HOUDAS, O.; DELAFOSSE, M. (ed. and French trans.). Paris.
TRIAUD, J. L. 1973. Islam et société soudanaises au Moyen Âge: étude historique. In: *Recherches voltaïques*, N16. Collège de France, Paris.

Исаак Адеагбо Акинджогбин

От Сьерра-Леоне до р. Кросс и от побережья до саванн религия породила различные формы художественного выражения. Неуклонное развитие городской культуры, последовавшее за неолитической революцией в Западной Африке, способствовало развитию искусств, и с конца первого тысячелетия западноафриканские художники работали с доступным им материалом, будь то камень, дерево или металлы, создавая как религиозные, так и мирские предметы. Среди самых знаменитых этнических групп в истории западноафриканского искусства стоят йоруба, эдо, акан, бауле и бамбара (Fraser, Cole, 1972; Goldwater, 1964). Среди других хорошо известных групп можно назвать игбо, нупе, эфик и менде.

Обширная коллекция предметов искусства, собранных из разных частей Западной Африки, свидетельствует о том, что они создавались под влиянием одних и тех же идей и что, судя по всему, весь этот регион следовал одной художественной традиции и исторически переходил от плетения корзин к каменной скульптуре, гончарному делу и к металлургии (Willet, 1967). Плетение корзин и скульптура из камня появились до VII в. После этого на первый план вышли пластические искусства, особенно по мере появления в разных частях Западной Африки постоянных городских поселений. Контакты с исламом несомненно оказали большое влияние на традиционное искусство (Braumann, 1974), о чем свидетельствует распространение восточных архитектурных стилей в Западном и Центральном Судане к XVI в. С X в. металл, судя по всему, стал самым распространенным материалом для производства различных художественных форм; использовались медь, латунь, бронза, свинец и железо. Эта ступень развития, тем не менее, не вытеснила предыдущие, так как западноафриканские художники продолжали использовать камень, дерево и глину наряду с металлами (илл. 15, 260–270). Кроме того, в регионах, где имелись золото и слоновая кость, они использовались в не меньшей степени. Например, народы сонинке из старой Ганы, аканы из современной Ганы и бауле из современного Кот-д'Ивуара (Берега Слоновой Кости) часто пользовались золотом, а слоновая кость была основным материалом от лесной зоны современного Кот-д'Ивуара до Нигерии.

Формы и предметы, созданные из этих материалов, многочисленны и разнообразны: они составляют часть выдающегося художественного наследия человечества. В скальных пещерах сохранились резные и рисованные изображения деятельности человека. В лесной зоне найдены вырезанные из дерева маски, используемые для различных религиозных церемоний, например посвящения или судебных процедур. Множество деревянных и терракотовых фигурок изображают богов, богинь и предков. Бронзовые и латунные головы из Ифе и Бенина (илл. 267), представляют знаменитых царей и воинов – мужчин и женщин, некоторые из них выполнены в натуральную величину (Kaplan, 1981; Rottray, 1959). Но и это еще не всё.

Бауле и аканы делали из золота прекрасные украшения. Эдо изготавливали из слоновой кости столь необходимые в домашнем хозяйстве ложки и гребни. По всей Западной Африке для мощения внутренних дворов святилищ и домов знаменитых людей, а также многолюдных улиц использовались черепки, побочный продукт гончарного производства. Было налажено и производство бус, развившееся между XII и XV вв. Бусы носили члены королевской семьи, а также знатные мужчины и женщины (Thompson, 1970). Знаменитыми центрами производства бус стали Ифе и Бенин, но это производство было широко распространено во всей Западной Африке, так как камни, содержащие кристаллический кварц, имелись повсеместно.

Мастерство ремесленников достигло высокого уровня, стал богатым выбор материалов, разнообразными формы изделий ко времени прибытия португальцев на побережье Западной Африки в 1470-х гг. Количество, разнообразие и сложность произведений искусства были напрямую связаны с урбанизацией и благоприятными социально-экономическими условиями. Появление устойчивых политических систем дало людям возможность выражать свои мысли. Разделение труда, повлекшее повышение благосостояния в таких сообществах, позволяло богатым людям оказывать покровительство искусству и тем самым поддерживать слой населения, создающий произведения искусства. Ифе, Бенин и Мансо, которые имели сильное правление и были центрами государств с обширными сферами влияния, были, помимо этого, и центрами великой художественной цивилизации (илл. 265–270).

Подавляющее большинство произведений искусства создавалось под покровительством правителя. Например, в Бенине художники объединялись в гильдии, которые назывались *игун*, причем каждая из них была связана с отдельной придворной группой вождя клана. Гильдия литейщиков латуни (*игун энвомон*) и гильдия мастеров по железу (*игун эматон*) были связаны с придворной группой *ивебо*. Гильдия резчиков (*игун игбесамон*) и гильдия ткачей (*игун овина*) были связаны с дворцовыми начальниками *ивегуае*. Через этих руководителей-придворных правитель (*оба*) покровительствовал рабочим и контролировал их. Царские требования, передававшиеся через разных придворных, создавали здоровую конкуренцию и приводили к экспериментированию (Igbafe, 1980).

Коренные религии Западной Африки также породили научные открытия. Постоянное стремление разгадать непознанное привело к важным новшествам, особенно в медицине, земледелии и технологии (Dalziel, 1955; Field, 1961; Verger, 1967). Лучший пример этому – развитие медицины. Местные жрецы знали множество трав и кореньев и умели использовать их для лечения болезней и недомоганий. Лечение нередко включало обряды, поэтому существовали некоторые культовые группы, которые специализировались на лечении различных заболеваний. Среди таких групп можно назвать *дибиа* уигбо, *бабалаво* уйоруба, *симо*

у бауле и женские тайные сообщества народа менде. С помощью опыта, накопленного при лечении различных болезней в течение многих лет, и ряда экспериментов с травами, кореньями и способами лечения, местные врачеватели развили новые методы и усовершенствовали свои навыки лечения болезней (*Bascom, 1969*).

Подобное экспериментирование привело к важному развитию наук, связанных с сельским хозяйством и питанием. Наскальная живопись, резьба по камню и различные предметы материальной культуры показывают попытки окультурить различные растения и одомашнить животных для конкретной географической зоны. Например, есть картины, относящиеся примерно к XVIII в., на которых изображены некоторые виды животных, теперь вымерших, но предположительно одомашненных в то время: крупный рогатый скот, козы и цесарки, которые, судя по всему, были одомашнены к XVI в. (*Blake, 1937*). Широко распространенное производство инструментов еще во времена неолита свидетельствует о ранних попытках окультуривания растений. Культуры типа ямса, масличной пальмы, тыквы, сорго, проса, дыни, африканского хлебного дерева и перца малагеты росли в Западной Африке и были окультурены очень рано (*Isichei, 1983; Shaw, 1972; Davies, 1965*). Когда здесь появились бананы, ямс, таро, лук, маниок и маис, постоянное экспериментирование привело к созданию разновидностей этих растений, приспособленных к условиям Западной Африки. Используя эти культуры, как местные, так и привезенные, западноафриканские народы создали различные рецепты, которые являются вкладом в развитие теории питания.

Развитие сельского хозяйства ускорило технологический прогресс, так как ряд достижений появился и в производстве. Первым рывком, судя по всему, было изобретение шахт и обработка железа. Ко II в. добыча железной руды и технология получения из нее железа, уже развивалась в юго-восточной части Судана, откуда технология обработки железа, судя по всему, распространилась в юго-западном направлении в другие части Западной Африки (*Diop, 1968*). Например, археологические раскопки в западном бассейне оз. Чад, в районе Дайма, свидетельствуют о замечательных технологических достижениях к 500 г., включавших обработку железа, усовершенствование земледелия с использованием животных и параллельное одомашнивание многих видов животных, среди которых был крупный рогатый скот, овцы и козы (*Shaw, 1969*). К 700 г. обширная культура, связанная с обработкой железа, существовала на плато Джос. Здесь были найдены свидетельства древней обработки железа – еще в железном веке: кованые предметы, железная окалина, фурмы, фрагменты статуэток и домашние гончарные изделия. Этот регион, давший название археологической культуре железного века НОК (по селению Нок) стал важным центром распространения технологии обработки железа в Западной Африке.

Благодаря своей твердости железо использовалось для производства многих изделий, инструментов и оружия. В большинстве западноафриканских сообществ существовали ритуалы, связанные с добычей руды и обработкой железа, а божества, ассоциировавшиеся с железом, занимали важное положение в местных пантеонах. Обширные залежи железной руды существовали и разрабатывались местными кузнецами. Кузнечное дело стало важной хозяйственной деятельностью. Крупные центры по обработке железа располагались на территориях с железистой почвой, содержащих залежи железной руды. В преданиях рассказывается, что во всей Западной Африке многие основатели государств и выдающиеся личности с XVIII в. либо были кузнецами, либо были связаны с обработкой металла. К 1500 г. производство Западной Африки уже выпускало высококачественные железное оружие, щиты и инструменты.

Развивались и другие области металлургического производства. Уже в XVIII в. золото было распространено объектом торговли в Судане, а первое централизованное государство данного региона Уагадугу прославилось благодаря золотодобывающей деятельности своих граждан. Еще до XVI в. другие западноафриканские народы разработали методы добычи, получения и обработки различных полезных ископаемых, например золота, меди, латуни, бронзы и соли. Таким образом, к концу XV в. выдающейся особенностью системы хозяйствования Западной Африки была обширная торговля, поддерживаемая сельским хозяйством и добывающей промышленностью, развившейся за века благодаря научному экспериментированию.

Невозможно отрицать, что к концу XVI в. в различных частях Западной Африки были получены важные технологические достижения. И все же научные инициативы данного периода не смогли поднять Западную Африку на значительные технологические высоты. Поэтому вполне уместен вопрос: почему Западная Африка не смогла улучшить достигнутое к 1502 г.? Основная причина этого заключалась в том, что научные новшества не получили полного развития. Сама природа западноафриканского общества ответственна за это. В местных обществах знания передавались из уст в уста, а потому многое зависело от памяти людей и от того, что мог запомнить отдельный рассказчик и что он хотел передать. Кроме того, большая часть художественных и производственных занятий основывалась на родовых отношениях. Каждый род нередко пытался монополизировать свои знания и умения и потому ревностно их оберегал. Более того, связь многих научных методов с обрядами делала их использование сложным для непосвященных. Многие методы производства применялись втайне, и более крупные сообщества, оставшиеся непосвященными в обрядовые таинства, не имели возможности приобрести необходимые знания или умения путем наблюдения и практики. Даже для посвященных ученичество могло означать долгий и рискованный период лишений, что обескураживало и сводило на нет интерес многих. В результате всего этого с уходом поколения исчезала и часть научного знания, которое оно применяло на практике.

Наконец, существовала еще и работорговля, вызывавшая всеобщую панику и подрывавшая мирный ход жизни, создавая атмосферу, непроницаемую для научных исследований, и часто приводя к отъезду наиболее предприимчивых членов общества, которые при ином положении вещей могли бы заняться развитием наук.

БИБЛИОГРАФИЯ (32.4.1 и 32.5)

- ABIMBOLA, W. 1968. Ifa as a Body of Knowledge and as an Academic Discipline. Lagos Notes and Records. Lagos.
- 1975. Sixteen Great Poems of Ifa. UNESCO. Lagos.
- 1976. Ifa: An Exposition of Ifa Literary Corpus. Ibadan.
- ADEDIRAN, B. 1985. The External Factor in the Development of an African Historiography. Islam and Modern Age. New Delhi. Vol. XVI/3, pp. 127–145.
- ADEGBOLA, B. A. (ed.). 1983. Traditional Religion in West Africa. Ibadan.
- AKINJOGBIN, I. A. 1978. History and Nation Building. Ile-Ife.
- AKINJOGBIN, I. A.; OSOBA, S. O. (eds.) 1980. Topics on Nigerian Economic and Social History. Ile-Ife, pp. 19–34.
- BASCOW, W. R. 1966. Odu Ifa, the Names of the Signs. Africa. Cambridge, pp. 408–421.
- 1969. Ifa Divination: Communication Between Gods and Man in West Africa. Bloomington, Indiana.
- BLAKE, J. W. 1937. European Beginnings in West Africa, 1485–1578. London, pp. 79–80.
- BRAVMANN, R. A. 1974. Islam and Tribal Art in West Africa. Cambridge.
- DALZIEL, J. M. 1955. The Useful Plants of West Tropical Africa. London.
- DANQUAN, J. B. 1968. The Akan Doctrine of God. London.

- DAVIES, O. 1968. *The Origins of Agriculture in West Africa*. Current Anthropology. London.
- DIOF, L. M. 1968. *Métallurgie et l'âge du fer en Afrique*. Bulletin de l'IFAN. Dakar.
- DOUGLAS, M.; KABERRY, P. M. (eds) 1969. *Man in Africa*. London.
- FIELD, M. J. 1961. *Religion and Medicine of the Ga People*. London.
- FORDE, D. I. (ed.) 1970. *African Worlds: Studies in the Cosmological Ideas and Social Values of African Peoples*. London.
- FRASER, D.; COLE, H. M. 1972. *African Art and Leadership*. Madison, Wisconsin.
- GOLDWATER, R. 1964. *Bambara Sculpture*. New York.
- GREENBERG, J. 1946. *The Influence of Islam on a Sudanese Religion*. New York.
- HISKETT, M. 1984. *The Development of Islam in West Africa*. London.
- IDOWU, E. B. 1973. *African Traditional Religion*. London.
— 1977. *Olodumare: God In Yoruba Belief*. London.
- IGBAFE, P. A. 1980. *The Pre-Colonial Economic Foundations of the Benin Kingdom*. In: AKINJOGBIN, I. A.; OSOBA, S. O. (eds.) *Topics on Nigerian Economic and Social History*. Ile-Ife, pp. 19–34.
- IMASOGIE, O. 1985. *African Traditional Religion*. Ibadan.
- ISICHEI, E. 1983. *A History of Nigeria*. London, pp. 21–83.
- KAPLAN, F. S. (ed.) 1981. *Images of Power, Arts of the Royal Court of Benin*. New York.
- LOUIS-VINCENT, T.; RENÉ, L. 1975. *La terre africaine et ses religions*. Paris.
- LOCAS, E. O. 1948. *The Religion of the Yoruba*. Lagos.
- MAUPOLL, B. 1943. *La géomancie à l'ancienne côte des esclaves*. Paris.
- MBITI, J. S. 1977. *Concepts of God in Africa*. London.
— 1977. *African Religions and Philosophy*. London.
— 1986. *Introduction to African Religion*. London.
- MERCIER, P. 1962. *Civilisation du Bénin*. Paris.
- MURDOCK, G. P. 1959. *Africa: Its Peoples and Their Culture History*. New York.
- NADEL, S. F. 1970. *Nupe Religion*. London.
- ODUYOYE, M. 1983. *Polytheism and Monotheism: Conceptual Difference*. In: ADEGBOLA, B. A. (ed.) *Traditional Religion in West Africa*. Ibadan.
- OPEOLA, S. M. 1988. *A Way of Applying Science Education to Interpret Ifa Literary Corpus*. ODU: *Journal of West African Studies*. Ile-Ife, No. 33, pp. 149–162.
- P'BITEK, O. 1970. *African Religions in Western Scholarship*. Kampala.
- PALAU-MARTI, M. 1964. *Le roi-dieu au Bénin, sud Togo, Dahomey, Nigeria occidentale*. Paris.
- PARRINDER, E. G. 1962. *African Traditional Religion*. London.
— 1962. *West African Religion*. London.
— 1969. *Religion in Africa*. London.
- ROTTRAY, R. S. 1959. *Religion and Art in Ashanti*. London.
- RYDER, A. 1969. *Benin and the Europeans, 1485–1897*. London, pp. 24–84.
- SHAW, T. (ed.) 1969. *Lectures on Nigerian Prehistory and Archaeology*. Ibadan.
— 1972. *Early Agriculture in Africa*. *Journal of the Historical Society of Nigeria*. Ibadan.
- SMITH, E. W. (ed.) 1961. *African Ideas of God*. London.
- THOMPSON, R. F. 1970. *The Sign of a Divine King: An Essay on Yoruba Bead Embroidered Crown with Veil and Bird Decoration*. *African Arts*. Los Angeles, 3, pp. 8–17; 74–78.
- TRANTMAN, R. 1939. *La divination à la Côte des esclaves et à Madagascar*. *Memoires de l'IFAN*. Dakar.
- VERGER, P. 1957. *Notes sur le culte des Orisa et Vodun à Bahia, la baie de tous les saints au Brésil et l'ancienne côte des esclaves en Afrique*. *Institut Français d'Afrique Noire, Dakar, Mémoires*, No. 51.
— 1967. *Awon Ewe Osanyin [Yoruba Medicinal Plants]* *Institute of African Studies, Osogbo*. No. 8.
- WILLET, F. 1967. *Ife, in the History of West African Sculpture*. London.

НУБИЯ И НИЛЬСКИЙ СУДАН¹

Юсуф Фадл Хасан

Цивилизация средневековой Нубии известна, несомненно, лучше, чем цивилизация ее предшественников, благодаря отчасти изобилию археологических находок из Нижней Нубии и Донголы, отчасти большому объему информации, содержащейся в средневековых арабских источниках и, наконец, суданским устным преданиям (*Monnert de Villard*, 1938; *Adams*, 1977; *Hasan*, 1967, pp. 172–213). Цивилизация Нубии, подобно цивилизациям фараонского Египта и цивилизации Напата (древний город в Судане, религиозный центр Мероитского царства, сменившего царство Куш), относящейся к 750 г. до н.э. – 350 г. н.э., обосновалась на узкой полосе долины Нила между его первым порогом и местом слияния Голубого и Белого Нила. Это была цивилизация преимущественно оседлых народов (*Sbinnie*, 1967, p. 62), в которой процветали развитые центры власти.

Вследствие распада царства Мероэ образовались три независимых государства. В арабских источниках того времени их называют *Билад аль-Нуба*, а их обитателей – *нуба*, или нубийцы. Этот регион также составлял восточную часть территории, которую средневековые мусульманские географы называли – *Билад аль-Судан*, «Земля черных». Это название относилось к поясу африканских стран, расположенных южнее Сахары, который протянулся от Красного моря до Атлантического океана. Однако к концу XIX в. название «Судан» стало все чаще относиться к территориям южнее Египта, т.е. к Нубии и землям народа беджа (бедауйе). Название «Нильский Судан» относится к прибрежным территориям вплоть до Сеннара.

Первым из трех нубийских царств, если смотреть с севера, была Нобатия (по-арабски Эль-Марис) со столицей в Баджраше (современный Фарас), протянувшаяся от первого до второго порога Нила. Второе царство Мукурра (по-арабски Эль-Мукурра) охватывало регион среднего Нила, протянувшийся до пятого порога (и, возможно, еще южнее, до Эль-Абваба) (*Monnert de Villard*, 1938, p. 153; *Hasan*, 1967, p. 6). Когда в 651–652 гг. арабы напали на Донголу, этот город был столицей двух северных царств. Однако сами регионы управлялись по-разному, поэтому в течение многих веков использовались два названия, Нобатия и Мукурра (*Kirwan*, 1935, pp. 60–61).

Третьим царством было Алодия (по-арабски Алоа) со столицей Соба, находившейся в нескольких километрах южнее современного Хартума. Южную границу государства Алоа определить сложно, хотя, судя по всему, его влияние простиралось до Сеннара, где были найдены останки христиан (*Crowfoot*, 1927, XIII, p. 142; *Arkell*, 1959, XI, 45).

Восточная и западная границы Нубии представляли собой участки обрабатываемых земель на обоих берегах Нила, порой достигающие ширины в 1,5–2 км. Остальная часть была пустыней, местами заселенной кочевниками,

самыми значимыми из которых были беджа, жившие в восточной пустыни. Пустыни пересекались караванными путями, связывавшими Нубию с тропической и Западной Африкой, с Египтом и портами Красного моря.

На ограниченной территории обрабатываемых земель Нобатии и Мукурры нубийцы занимались земледелием на низких, затопляемых при разливе Нила равнинах, а также в естественных низинах или бассейнах, куда направлялась вода при подъеме уровня Нила. Более высокие участки орошались с помощью устройств для поднятия воды, которые появились еще во время Мероэ, – *шадуфов*, или журавлей, управляемых вручную, и водяных колес, приводимых в движение быками.

В Алоа было больше плодородных земель, располагавшихся, во-первых, вдоль берегов Нила и двух его главных притоков и, во-вторых, на луговых обрабатываемых равнинах Бутаны и Гезиры – землях между Голубым и Белым Нилом (*Adams*, 1977, 20, pp. 52–54).

Хотя система хозяйствования этих трех царств базировалась в основном на земледелии, она, помимо торговли, дополнялась пастушеством, к которому люди обращались как к альтернативной деятельности в тяжелые времена. В Алоа, на тех территориях, где осадков выпадает достаточно для разведения овец и верблюдов, люди вели кочевой или полукочевой образ жизни.

Промежуточное положение, которое Нубия занимала между развитыми цивилизациями Средиземноморья и культурами тропической Африки, обусловило ее восприимчивость ко многим достижениям в области культуры и идеологии. Египет времен фараонов, а затем и сменившие его государства оказывали возрастающее со временем влияние на Нубию, которое оставило неизгладимые отпечатки почти на всех сторонах кушитской цивилизации, включая религиозные убеждения, храмы, погребальные обычаи, методы строительства и способы орошения.

ОБРАЩЕНИЕ НУБИИ В ХРИСТИАНСТВО

Между VII и XVI вв. Нобатия, Мукурра и Алоа подверглись влиянию двух важных культурных течений, которым суждено было стать доминирующими факторами в истории и культуре этих царств. Первым из них было обращение в христианство народов Нобатии, Мукурры и Алоа примерно в 580 г., с этих пор христианство доминировало на протяжении более 800 лет.

Однако не успело христианство стать в этих государствах господствующим вероисповеданием, как в Египте, Нобатии и Мукурре появилось второе культурное течение – ислам. Постепенно ислам получил признание, заполнив культурный вакуум, образовавшийся в результате

распада нубийского христианства. Процесс обращения в христианство начался с прибытием из Египта гонимых христиан. Впоследствии он усилился с появлением двух официальных миссионерских групп, представлявших две соперничавшие христианские доктрины: диофиситов, придерживавшихся идеи о двойственной природе Христа, и «яковитов», или монофиситов, учение которых было осуждено как ересь Халкидонским собором в 451 г. Напротив, диофиситская секта выступала сторонницей официального вероучения византийской Церкви, которая осудила учение монофиситов. Движение монофиситов обычно отождествляли с египетской коптской Церковью.

Детали произошедшего обращения мы обсуждать не станем. Достаточно установить, что к 580 г. во всех трех царствах произошел формальный процесс обращения, особенно среди представителей правящей элиты. Хотя постепенно главным положением в Нубии заняли монофиситы, существует ряд свидетельств, подтверждающих, что в течение долгого времени в этой стране практиковались и диофиситские обряды. После VII в. нубийская Церковь установила прочные связи с монофиситской коптской Церковью и волилась в нее. Начиная с VIII в., нубийская Церковь признавала патриарха Александрийского, главу коптской Церкви, своим духовным главой. Именно он назначал епископов, многие из которых, вероятно, были египтянами по происхождению; эта практика продолжалась почти до того времени, когда политическую власть захватили мусульмане.

Принятие нубийцами христианства произвело фундаментальную перемену в идеологии их цивилизации. Новая вера стала важным фактором в культурной жизни нубийцев и привела к существенным переменам, которые отделили этот период от предыдущих и последующих периодов истории Судана.

Влияние христианства проявилось в погребальных обрядах, архитектуре зданий, орнаментации и символах. Вероятно, лучшим примером, демонстрирующим быстроту перехода от языческих верований к христианству, был отказ от языческих погребальных обрядов, и с христианством появилось совершенно иная форма погребения умерших. Исчезла древняя практика захоронения вместе с усопшим его вещей, а также вера в божественную природу царей. Лишенный своих прежних атрибутов царь перестал быть центральной фигурой в христианской Нубии. Люди начали прославлять «небесного царя», который имел большую власть над умами и душами людей, чем государство. Прежние убеждения сменились новыми канонами веры, искусства, архитектуры и литературы. Если рассматривать этот процесс в целом, то можно считать, что на протяжении всего средневековья христианское вероисповедание оставалось главным двигателем нубийской цивилизации (Hasan, 1967, pp. 8–9; Adams, 1977, pp. 439–440, 481–501; Shinnie, 1978, p. 557; Gaddalak, 1959, XI, pp. 38–42; Torok, 1988, pp. 70–71).

НУБИЙСКИЕ ДОГОВОРЫ

Исламское завоевание Египта в 641–642 гг., который ранее был византийской провинцией, решительным образом изменило его политический и идеологический статус. Став провинцией исламского халифата, Египет мало-помалу превратился во влиятельную арабизованную и исламизованную страну. Кроме того, враждебное отношение Египта к господству Византии и к учению о двойственной природе Христа, облегчив арабское завоевание, способствовало созданию у арабских правителей благоприятного отношения к монофиситам. Монофиситская коптская Церковь стала национальной Церковью с немалой автономией. Поэтому неудивительно, что коптская Церковь оказала большое влияние на развитие нубийской Церкви, а также на искусство, архитектуру и литературу Нубии. Тесная связь между двумя этими Церквями получила

дальнейшее подтверждение в виде заключения договора между ними (*Бакма*) (Adams, 1977, pp. 446, 506–7).

Вторжение мусульман в Нубию, вероятно, было спровоцировано пограничными набегами нубийцев в поддержку своих собратьев-христиан в Египте. Арабы организовали две крупные кампании: одну – в 641–642 гг. и вторую – в 651–652 гг. Они столкнулись с отважным сопротивлением знаменитых нубийских лучников. Но при второй военной кампании нубийцы были особенно напуганы катапультами, бомбардировавшими кафедральный собор Донголы. Арабы все же приняли предложение нубийцев о мире, не сумев одержать решительную победу. Достигнутая договоренность была ни чем иным, как «договором о безопасности», или пактом о ненападении, в соответствии с которым ни одна из сторон не могла нападать на другую. В этом договоре также признавались обоюдные торговые интересы обеих сторон. Стороны пришли к соглашению, что нубийцы будут ежегодно поставлять 400 рабов мусульманскому правителю Египта в обмен на продовольствие и одежду. Мусульманам было позволено приезжать в Нубию, но только в качестве торговцев, а не для постоянного проживания; эта же привилегия давалась нубийцам, приезжавшим в Египет (*al-Maqrizi*, 1922, III, pp. 290–293; *Ibn Abd al-Hakam*, 1920, p. 189; *Hasan*, 1967, pp. 20–24; *Hinds & Sakkout*, 1981, pp. 210–216). Это соглашение, известное под названием *бакма*, оставалось в силе и прослужило основой мусульманско-нубийских отношений в течение шести столетий. Этим договором была заложена прочная основа мира и экономического процветания, ставшие существенными характеристиками средневековой нубийской цивилизации.

Вероятно, именно в это время произошло объединение Нобатии и Мукурры. Донгола стала главным центром политической власти в этих двух регионах. Однако ведущую роль в экономическом и культурном росте по-прежнему играла Нобатия. Организация торговых сделок между Мукуррой и исламским миром в соответствии с условиями *Бакма*, судя по всему, привела к расширению этой торговли и ее выходу за пределы традиционных рынков, а также к выгоде для обеих сторон (Adams, 1977, pp. 453–454, 464, 501–506). Нубийцы экспортировали рабов, финики, медь, слоновую кость, гончарные изделия (и золото из Нубийской пустыни) в обмен на промышленные товары типа тканей, стекла и керамики и продукты питания (Michalowski, 1981, p. 335; *Jakobielski*, 1986, p. 232). Для соблюдения условий *Бакма* и удовлетворения растущей потребности мусульман в рабах нубийцам, которые выступали в роли посредников, приходилось искать их, все дальше подвигаясь к юго-западу от Нубии (*Al-Istakbrī*, 1870, pp. 41–42; *Nāṣirī Khusraw*, 1945, p. 46; *Hasan*, 1967, p. 46).

После VII в. мусульманские торговцы получили разрешение свободно селиться в Нижней Нубии. Создание свободной торговой зоны и активное участие мусульманских торговцев привели к введению денежного хозяйства, основанного на исламских деньгах. Отношения с Египтом регулировал губернатор Нобатии, глава епархии, или *Сахиб аль-Джабал*, от имени царя. Центральный регион, расположенный южнее второго порога Нила, оставался закрытым для иноземных торговцев; здесь царю принадлежала монополия на торговлю, проводившуюся путем обмена; царь был и единственным собственником земли (Adams, 1977, pp. 461, 504–505; *Torok*, 1975, p. 296; *Jakobielski*, 1986, p. 232).

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ ДОМОВ

В начале VIII в. как Мукурра, так и Нобатия были преуспевающими странами, что нашло отражение в расширении их поселений и росте строительства религиозных и светских зданий (Adams, 1977, pp. 488–494, 501).

Развитие архитектуры коснулось жилого сектора: в ранний христианский период дома были небольшими,

тесными, с бессистемной планировкой и небрежно построенными из камня или необожженного кирпича. Плоские крыши домов были сделаны из деревянных балок, тростника (или соломенных матов) и глины. После 900 г. дома стали лучше, красивее и строились уже из обожженного кирпича. Стандартный дом состоял из одной или двух передних комнат, одной или двух небольших кладовых, соединенных узким коридором, заканчивающимся уборной в задней части дома (Adams, 1977, p. 491). Такое стремление к обеспечению внутренней «канализационной системы» было важным свидетельством развития средневековой нубийской строительной архитектуры.

К XIII в. дома стали меньше, но крепче из-за увеличения толщины стен. Изменение внешнего вида и дальнейшее развитие архитектуры были обусловлены двумя факторами. Во-первых, деревням северной Нубии приходилось бороться с наступающими из пустыни на их территорию песчаными дюнами. Во-вторых, в этот же период начались внутренние политические волнения и вмешательство армий мамлюков в дела нубийцев (этот вопрос рассмотрен ниже). Прочные дома, более приспособленные для противостояния наступлению песка, все же не годились для целей обороны.

Решением стал двухэтажный дом, похожий на мини-атюрный замок. Оборонительные характеристики и архитектурные особенности таких двухэтажных домов стали достижением профессиональных архитекторов. Этим высококлассных строителей, нубийцев или приезжих, вероятно, стимулировал дух военного феодализма, к XII в. охвативший Европу и Западную Азию. Оттуда новый дух, судя по всему, проник в Нубию. Военный феодализм и оборонительная тенденция в строительстве привели к появлению вышеописанного двухэтажного дома, а затем «блокгауза» (дома типа оборонительного сооружения). Строение первого типа считалось «роскошным» домом. Второе, имея аналогичную конструкцию, было намного больше и обычно строилось на стратегически важном месте в деревне. Оно, вероятно, служило укрытием, в котором могли спрятаться жители деревни во время опасности, захватив с собой самые необходимые запасы. Вместе с тем, строительство подлинных замков не получило большого развития в Нижней Нубии и не пошло дальше «блокгаузов». Во всех остальных местах богатые «феодалы» пользовались старыми мероитскими укреплениями, а все прочие довольствовались большими двухэтажными домами. Вероятно, наибольшего развития строительство замков достигло в Мукурре, в регионе между третьим и пятым порогами Нила (Adams, 1977, pp. 515–518).

АРХИТЕКТУРА НУБИЙСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Почти с самого начала у нубийских христиан развились собственные художественные и литературные традиции. Самые важные их достижения относятся к церковной архитектуре, украшениям стен, домашним ремеслам (особенно гончарному делу) и религиозной литературе. Важной частью обрядовой архитектуры было строительство церквей. Поэтому неудивительно, что почти во всех нубийских поселениях центральное место занимала церковь (Jakobielski, 1988, p. 216).

Нубийские архитекторы, приняв убеждения новой веры, создали свою церковную архитектуру по образцу церковной архитектуры Византийской империи. Несмотря на отсутствие прямых контактов с основными зарубежными архитектурными центрами христианства, нубийские архитекторы пытались подражать передовым архитектурным моделям и совершенствовать свои технические методы (Gartkiewicz, 1982, p. 9).

Церковное здание типа базилики, широко распространенное в Северной Нубии, – это вытянутое по линии вос-

ток-запад здание, разделенное на три нефа – средний и два боковых. Ранние нубийские церкви напоминали церкви Египта. Однако, когда в 1964 г. польские археологи открыли церковь в Донголе, стало ясно, что церковная архитектура создавалась под влиянием и других архитектурных образцов. В плане старая церковь Донголы представляет собой центральное крестообразное сооружение, вписанное в прямоугольник (или сочетание плана крестообразной церкви с планом церкви с гранитными колоннами) (Jakobielski, 1982a, p. 52; Jakobielski, 1988, pp. 216–217) (илл. 273).

К VIII в. нубийская Церковь приобрела ряд отличительных архитектурных особенностей, которые сохранились на протяжении многих веков. Среди них можно отметить узкий коридор, проходящий за апсидой и соединяющий две угловые комнаты, и расширение алтарной части за счет нефа. Другим архитектурным усовершенствованием было постепенное уменьшение размера церкви. К середине XI в. она сжалась еще больше и стала менее тщательно отделанной, а точнее – совершенно простой. Церкви в то время были слишком уязвимы для песчаных дюн, сметающих все на своем пути. Вероятно, в ответ на такую опасность была использована концепция купольной церкви. «Новая» церковь была квадратной в плане и увенчивалась высоким центральным куполом (Adams, 1977, pp. 476–477; Jakobielski, 1988, pp. 217–219).

В Донголе до сих пор сохранилось двухэтажное царское здание, которое долго считалось церковью. Оно было построено на пороге VIII в. В нем был царский тронный зал, и когда-то она была украшена фресками (Jakobielski, 1988, p. 200). В 1317 г. при правителе Шарифдине Абдаллахе аль-Насире Баршамбу это строение было превращено в мечеть (Hasan, 1967, p. 124 и примечание 180, p. 244). До недавнего времени его продолжали использовать для религиозных целей.

Лучшим примером архитектурного мастерства и культурного развития нубийцев служит кафедральный собор в Фарасе, который чудом удалось откопать польским археологам. Этот собор, хоть и лишившись крыши, хорошо сохранился благодаря пескам, которые на многие века полностью скрыли его под своей толщей. Это величественное сооружение было построено в VII в. Оно состояло из одного основного нефа и двух боковых. В 707 г. собор был значительно перестроен и заметно расширен. Теперь он состоял из одного основного нефа и четырех боковых. В промежутке между серединой VII и концом XII в. стены собора были расписаны прекрасными картинами, причем некоторые из них накладывались прямо поверх ранее написанных (Shinnie, 1978, p. 575).

ИСКУССТВО СТЕННОЙ РОСПИСИ

Первые архитектурные украшения нубийских церквей, судя по всему, ограничивались использованием лепных капителей, перемычек, дверных косяков и карнизов, изготовленных из камня или дерева. К VII в. на смену этому стилю пришли ярко раскрашенные живописные фрески. Созданные по образцам византийских фресок и мозаик, эти картины стали высочайшим воплощением христианской цивилизации Нубии. Первым подтверждением этих достижений были находки фрагментов цветной штукатурки в заброшенных церквях по всей Нубии. Самые крупные находки настенных украшений были сделаны в соборе Фараса и в двух небольших церквях. Полное собрание картин из этих трех церквей не имеет аналогов в анналах средневековой христианской Африки: 120 отдельных ярко раскрашенных картин были умело сняты со стен собора Фараса. Кроме религиозных сцен, например изобразений рождества Христа, Христа и Девы Марии, на стенах были изображены портреты святых, архангелов, епископов и сцены из Старого и Нового Завета.

Найденные картины демонстрируют господство коптского влияния, а также отражают влияния Византии, Сирии и Палестины. Без труда можно выявить и нубийские приемы, особенно в стиле, исполнении и деталях.

Пример местных особенностей – изображение этнических нубийцев (епископов или правителей) с более темной кожей, чем на изображениях Христа, Святого семейства, святых и ангелов, которых, как правило, изображали со светлым цветом лица (илл. 5б, 276–278).

Религиозные изображения ни в коем случае не ограничивались церковной тематикой, они включали обширный диапазон аспектов повседневной жизни. Стены домов периодически украшались оберегающими изречениями из Библии. Ими же украшали и поверхности керамических сосудов. Некоторые люди носили кожаные амулеты, в которых был записан оберегающий отрывок из Священного Писания (Adams, 1977, pp. 464–496; Adams, (a), 9–10).

ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Гончарное дело – древняя традиция, в которой нубийцы с мероитских времен достигли совершенства. В ранний христианский период на нубийских гончарных изделиях были простые украшения, как на римской красной посуде. К концу VIII в. производилось огромное количество разнообразных чаш, ваз и кувшинов, ярко раскрашенных, с геометрическими узорами, изображениями цветов и животных. Такой была изысканная посуда, умело изготовленная, изящно украшенная и поэтому очень дорогостоящая в отличие от обычных мисок для еды и горшков для приготовления пищи (Shinnie, 1978, p. 570; Adams, 1997, pp. 496–498).

Создание гончарных изделий в соответствии с новой художественной традицией производства так называемых классических христианских гончарных изделий, было широко распространено в разных центрах. В X или XI в. производство внезапно резко прекратилось. Однако в более поздний христианский период гончарное дело снова стало процветать и изделия обрели прежние высокие качества. Именно тогда нубийцам удалось добиться более тщательного контроля над температурой обжига и температурой окружающей среды, что позволило создавать сосуды различных оттенков оранжевого и желтого цвета (Shinnie, 1978, p. 498).

С середины XIII в. в производстве изделий на гончарном круге произошел резкий спад, как количественный, так и качественный, и к концу христианского периода оно совсем заширилось. Производство гончарных изделий с помощью круга прекратилось, а местный спрос удовлетворяли изделия, сделанные женщинами вручную, как в доисторические времена (Shinnie, 1978, pp. 520–521).

Одним из важных домашних производств было ткачество из верблюжьей шерсти. Нубийские шерстяные одеяния украшались, главным образом, чередующимися яркими цветными полосами, реже – клетчатым узором. Нубийские ремесленники ковали железные инструменты (например, мотыги и ножи), украшения (наперсные кресты), а также золотые и серебряные медальоны, изображающие священные фигурки. Домашние производства также включали работу с кожей (изготовление сандалий, ремней и хлыстов); плетение циновок, корзин; изготовление художественно украшенных тарелок, или *табакс*, деревянных инструментов и жерновов. Производство изделий из пальмовых волокон, судя по всему, развилось в специализированную отрасль типа гончарного дела с использованием колеса. Последнее производство стало частью обширной торговой сети, в отличие от первого (включая горшки для приготовления пищи, или *кантушес*, и ведра, или *кадушес*, используемые для набора воды с помощью *сакуйяс* или *шадуфов*) (Adams, 1977, p. 500; Jakobielski, 1988, p. 206; Adams, (a), p. 14).

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКИ

Во время проникновения в Нубию христианства в этой стране не было установившегося письменного языка. Мероитский язык (язык надписей Мероитского царства) уже почти исчез. Греческий использовался очень мало, главным образом для официальных объявлений. Однако поскольку это был язык египетской Церкви, то после триумфа христианства он также стал литургическим языком Нубии. Когда египетская Церковь разорвала отношения с Византией, она приняла коптский язык. Однако нубийская Церковь не перешла на коптский язык и на протяжении всего средневековья при написании текстов и надписей продолжала пользоваться греческим языком.

С VII в. и коптский, и старый нубийский языки постепенно приобрели некоторую известность как языки, которые использовали для составления документов и надписей (особенно в Нобатии). Коптский язык поддерживался египетским духовенством и монахами, которые играли важную роль в развитии культуры Нубии. Старый нубийский язык был исконным языком нубийцев-христиан и записывался с помощью коптского алфавита.

В церквях и монастырях были найдены несколько сотен фрагментов пергаментных (а позднее и бумажных) текстов и нанесенные красками надписи на стенах. Главным образом это религиозные канонические тексты. Эта религиозная литература, судя по всему, не содержала никаких новшеств, за исключением использования старого нубийского языка в качестве средства для письма. Средневековая нубийская литература, подобно архитектуре и фрескам, а также другим культурным и художественным проявлениям, судя по всему, находилась под присмотром духовенства. Среди сохранившихся литературных произведений можно отметить пять полных книг молитв или требников, многочисленные отрывки из Евангелий, жития и изречения святых, проповеди и обряды – все это было типично для ранних христианских трудов. Тексты эти демонстрируют обширное лингвистическое разнообразие – применение греческого, коптского и старого нубийского языков.

Арабский язык использовался при дипломатических и торговых контактах, особенно в Нижней Нубии. Там, в местах типа Каср-Ибрим, проживало многоязычное общество (нубийцы и арабы).

Хотя на протяжении всего средневековья основная масса населения была неграмотной, в средневековой Нубии, вероятно, было больше людей, владеющих письмом, чем раньше (Shinnie, 1974, pp. 41–47; Shinnie, 1978, pp. 573–575, 580–581; Adams, 1977, pp. 447–448, 484–485; Jakobielski, «Polish Excavations at Old Dongola», 1969. In: *Dunkler, E. (ed.) Kunst und Geschichte Nubiens in Christlicher Zeit, Recklinghausen*, 1970, процитировано в Adams, 1977, p. 485).

УПАДОК НУБИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Возникновение в Египте мамлюкского султаната (1250–1517 гг.) стало началом новой главы в мусульманско-нубийских отношениях. Мамлюки потребовали немедленного возобновления действия договора (Бахта) и возвращения всех задолженностей. Не сумев достигнуть этой цели, они с помощью арабских соплеменников организовали против Мукурры ряд кампаний, которые длились целый век. Еще до вооруженного нападения мамлюков нубийский правитель Давуд, чувствуя изоляцию после захвата мамлюками города и порта на Красном море Суакин, начал вести агрессивную политику, в 1272 г. захватив и разграбив Айдхаб, богатый торговый порт Египта на Красном море.

Армии мамлюков несколько раз опустошали Нобатию и Мукурру, тем самым подрывая политическую структуру Нубии и подготавливая почву для ее окончательного падения. К этому же исходу вели и другие факторы. Члены

царской семьи, раздираемые династическими распрями, искали у мамлюков поддержки против своих соперников.

Христианское царство Нубии реально прекратило свое существование 29 мая 1317 г., когда мамлюкские силы возвели на нубийский престол одного из претендентов – Сайфаддина Абдаллаха Баршамбу, который принял ислам, пока содержался под арестом в Каире. Хотя исламизация царских верхов стала серьезным ударом для христианской нубийской монархии, она не означала конца христианской веры или христианской цивилизации, продолжавшихся еще около полутора веков. Более того, христианская политическая власть не была уничтожена полностью, как было принято считать (Hasan, 1967, pp. 106–120, 125).

Христианское царство Дотаво продержалось до конца XV в. Оно находилось в южной части Нижней Нубии. Кожанный свиток из Каср-Ибрима, датированный 1464 г., сообщает, что тогда царь Джоэл и епископ Мерки, оба нубийского происхождения, обитали в Каср-Ибриме; 20 лет спустя они по-прежнему были живы и жили в Гебель-Адде (Hasan, 1967, pp. 109–110; Adams, 1977, pp. 531–536, 541–542).

Несмотря на постепенный распад Церкви как государственного учреждения, христианство продолжало жить и продержалось в некоторых изолированных местах возможно до конца XVI в. В XIV и XV вв. нубийских паломников видели в Палестине (von Suchen, 1895, p. 103; Fabri, 1987, p. 209). Завершающий удар по христианству в Нубии нанесли арабы-кочевники, которые, будучи измучены политикой правящей элиты Египта, особенно мамлюков, с X в. небольшими группами начали проникать в Нубию. Некоторые селились в Нобатии и женились на нубийках. Благодаря системе наследования по женской линии некоторые из этих иммигрантов, так называемые *бени кануз*, наследовали титул местного вождя. Мало-помалу они стали реальными хозяевами Матиса, женились на представительницах царской семьи из Донголы и в 1323 г. захватили нубийский престол. В результате христианская династия Нубии подверглась арабизации и исламизации (Hasan, 1967, pp. 98–99, 111, 119, 120).

Медленное миграционное движение усилилось к концу XIII в. и продолжалось на протяжении двух столетий. Арабы-переселенцы проникали в Нубию вдоль Нила большими группами вместе с мамлюкскими войсками или самостоятельно. Одиночки шли по восточному пути, где на землях народа беджа уже поселились многие арабы из Египта и из самой Аравии, переправившись через Красное море. Новоприбывшие отправлялись в Бугану или Гезиру; остальные переправлялись через Нил на плато Кордофана и Дарфура. Там они встречались с другими переселенцами, которые шли вдоль западного берега Нила и через вади (сухие долины) Эль-Мелик и Эль-Мукаддам прорывались на плато Кордофан, Дарфур и к оз. Чад. До того как этот поток превратился в тонкую струйку, земли царства Алоа были разграблены арабами-мародерами, которые нанесли смертельный удар его обнищавшей столице Собе примерно в 1450 г. (Hasan, 1967, pp. 42, 90, 124–125, 128, 132, 135).

Пока что здесь мало сказано о культурном и художественном развитии Мукурры и еще меньше – о развитии Алоа, потому что нет информации, которую можно было бы сравнить с данными, обнаруженными в отношении Нобатии. Действительно, большая часть общих замечаний, сделанных по данной теме, основана на подробных примерах, в большей степени типичных для Нобатии, где область между первым и вторым порогами Нила была тщательно исследована археологами прямо перед ее затоплением в связи с сооружением высотной Асуанской плотины. Хотя скудные данные археологических раскопок были получены и из южных регионов, т.е. Мукурры и Алоа, многие важные места еще не изучены.

История Алоа полна неясностей. Соба крайне редко упоминалась в источниках своего времени. В соответствии

с данными археологических раскопок царство Алоа как независимое государство очевидно пришло в упадок к XII в. Царю аль-Абаба, государство которого находилось у северных границ Алоа, было уделено некоторое внимание в арабских источниках. До возникновения мамлюкского султаната влияние мусульман чувствовалось только в торговых сделках, которых между Алоа и исламским миром совершалось множество. С усилением вмешательства мамлюков в жизнь Мукурры влияние мусульман, очевидно, усилилось (Mufaqqdal, 1919; II, p. 237; Ibn 'Abd al-Zabir, 1961, pp. 143–144; Hasan, 1967, pp. 128–130).

Как и в Мукурре, важную роль в культуре южного нубийского царства играла Церковь. Византийское влияние отчетливо проявлялось в планах раскопанных в 1981–1983 гг. церковей-базилик. Каждая из этих двух церковей по площади больше собора в Фарасе. Из тех же раскопок следует, «что греческий язык продолжал использоваться вплоть до XI в.» (Welsby, Daniels, 1991, XVIII, p. 9). Однако с усилением давления мусульман Церковь попала в изоляцию и лишилась эффективного руководства. В середине XIII в. патриарх Александрийский приостановил отправку священников в Алоа. Иоанн Сирийский, посетивший Алоа незадолго до 1520 г., утверждал, что там все еще насчитывается 150 церковей, однако во времена Абу Салиха аль-Армани (ок. 1203 г.) их было не менее 400. Согласно Альваресу, людям настолько не доставало христианских наставлений, что они не были «ни христианами, ни маврами, ни иудеями и жили в желании быть христианами» (Alvarez, 1961, II, p. 461; Abū Ṣāliḥ, 1894, p. 120). Ослабление Церкви – один из аспектов общего упадка царства Алоа. Ко второй половине XIV в. оно было не в состоянии противостоять натиску бедуинов.

С исчезновением центрального правительства в Донголе, а затем и в Собе, начался хаос. Кочевые арабские племена опустошили большую часть территории Мукурры и Алоа. Роль этих кочевников и их грабежи в Нубии кратко объясняет знаменитый арабский историк Ибн Хальдун: «Когда они [нубийцы] обратились в ислам, они перестали платить *джизью* (подушный налог, взимаемый с немусульманского населения стран). Затем несколько кланов арабских племен *джухайна* рассеялись по их стране и поселились в ней. Они захватили власть и наполнили землю беспорядком и хаосом» (Ibn Khaldūn, 1958, V, pp. 922–923). Господство атмосферы опасности также подтверждают данные археологов. Развитие оборонительных сооружений, о которых упоминалось выше, вероятно, было следствием крупномасштабных переселений арабского населения в эту область в конце XIII в.

Хотя общий характер проникновения арабов, судя по всему, был мирным, стычки с крестьянами, местными правителями и вожаками караванов были неизбежны. Кочевники с их хищническим нравом испокон веков были врагами оседлых народов и организованных государств. Именно они погубили жизненно важную торговлю, процветавшую вдоль берегов Нила. Эта торговля была основной составляющей процветания Нубии. Утратив мир и потеряв основу своего экономического благополучия, цивилизация христианской Нубии выжить не могла.

Необразованные бедуины действительно не питали особого уважения к оседлой жизни и связанным с ней усовершенствованиям, но не только они были причиной упадка нубийской цивилизации. Признаки распада в нубийских монархиях появились задолго до нападения мамлюков. Тогда и Мукурре, и Алоа было более 700 лет. Вторжение мамлюков ослабило Мукурру настолько, что подняться это государство больше не смогло. Нубийские лучники уже не могли соперничать с профессиональными мамлюкскими воинами. Нубийская церковь еще больше отошла от повседневной жизни. Ослабла духовная поддержка со стороны Александрийской епархии, а в XIII в. в Донголу и Собу вообще перестали отправлять священников.

Упадок торговли был отчасти обусловлен внешними факторами. Со времени заключения Бакта нубийская торговля влилась в мусульманскую и в результате этого стала восприимчивой к колебаниям мировой экономики в отношении спроса и предложения, а также к смене главных торговых путей. Отрицательное влияние могли также иметь закрытие шахт по добыче золота и изумрудов в Нубийской пустыне и падение спроса на рабов (*Hasan*, 1967, pp. 49, 58, 80–81, 129). Усилившийся дух военного феодализма, проявившийся в появлении феодалов – земельных собственников, оборонительные сооружения и растущее соперничество между претендентами на престол Донголы тоже были признаками общего упадка. Все эти факторы привели к крушению нубийской монархии и распаду цивилизации христианской Нубии.

Последний удар нанесли бедуины. Мирной, преуспевающей, творческой цивилизации христианской Нубии пришел конец. Исчезли все признаки государства или организованной Церкви. Замерла торговля на дальние расстояния, а вместе с ней литературные, художественные и архитектурные традиции. Перестали производить раскрашенные изделия, сделанные на гончарном круге, и сохранилась только практика изготовления керамики вручную (*Adams*, 1977, p. 521).

В условиях господствовавшей анархии нубийское общество, судя по всему, испытало социальный упадок. В возникший вакуум были брошены семена новой культуры, новой веры и новой письменности. Переход Нубии от христианства к исламо-арабской культуре был не менее грандиозным, чем превращение кушитов в христиан.

АРАБИЗАЦИЯ И ИСЛАМИЗАЦИЯ СУДАНСКОГО НАРОДА

Арабизация и исламизация нубийцев и других суданских сообществ стали прямым следствием проникновения в этот регион на протяжении веков большого числа кочевых арабских племен – процесса, прекратившегося к концу XV в. Сначала арабы ставили свои палатки на окраинах пустыни и постепенно продвигались к берегам Нила, где и селились. Те, кто оставался на постоянное место жительства, смешивались с местным населением, заключая браки с нубийцами; тем самым повторялся процесс, который уже сработал в Эль-Марисе. Благодаря практике наследования по женской линии, свойственной народам этого региона, они наследовали положение вождей и/или их имущество. Другие создавали собственные владения, пользуясь политическими манипуляциями или применяя военную силу. Таким образом, медленно, но неотвратимо части или провинции нубийских государств одна за другой попадали под власть арабов-мусульман. Новоприбывшие, в основном кочевники, численно превосходили крестьян и других постоянных обитателей берегов Нила и господствовали над ними.

Проникновение в Нубию многочисленных арабов-кочевников и их постоянное пребывание там выровняли «экологическое равновесие между пустыней и обрабатываемой землей». Кочевые и полукочевые арабские племена, которых не привлекала оседлая жизнь, могли оказывать сильное влияние на земледельцев благодаря своей подвижности и воинственному нраву. В самом деле, военное равновесие, возможно, впервые за всю историю Судана отклонилось от речных народов в пользу степных и пустынных племен (*Adams*, 1977, pp. 548, 590).

Похожие процессы арабизации и исламизации, завершившиеся главным образом в «Темные времена» (1317–1504 гг.), шли рука об руку. Многие суданцы подверглись арабизации и были ассимилированы в племенную структуру. Они приняли арабские родословные и обычаи, а те, кто подвергся полной арабизации, поменяли свой родной язык на

арабский. Однако огромное множество нубийцев, живших севернее четвертого порога, и беджа, которым суждено было ощутить влияние арабской культуры и исламской власти первыми, вплоть до настоящего времени продолжают говорить на своих родных языках. Этническая и культурная ассимиляция была двухсторонним процессом, который включал как арабизацию коренных жителей, так и уподобление арабских иммигрантов местному населению.

Господство арабской культуры, помимо всего прочего, свидетельствует о том, что арабские захватчики прибыли большими группами и поэтому могли оказывать значительное влияние на суданские народы. Преобладание у новоприбывших кочевых образа жизни приводило к тому, что их культурное влияние на коренные народы было в основном повсеместным. Однако кочевники сталкивались с серьезными различиями окружающей среды, в некоторых случаях вынуждавшими их в своем кочевом существовании использовать не верблюдов, а крупный рогатый скот при пересечении южных частей плато Кордофана и Дарфура.

Степень арабизации, судя по всему, была тесно связана с числом новоприбывших. Больше всего их было в областях между четвертым порогом Нила и Сеннаром, в Бутане, Гезире и на северных равнинах Кордофана и Дарфура. Там происходил аналогичный процесс слияния двух культур. Степень арабизации в разных племенах была разной. Арабы, выбравшие оседлую жизнь по соседству с арабизированными нубийцами, вероятно, гораздо меньше смешивались с коренным населением, чем арабы-кочевники, разводившие овец и верблюдов. И все же, несмотря на некоторые исключения, касающиеся в основном кочевых арабских племен, понятие «араб» все больше и больше утрачивало свой этнический смысл (*Hasan*, 1967, pp. 135–136, 167, 174–176).

В итоге, по завершении по меньшей мере двух веков тесной связи арабов с народами Судана родился гибрид, этнически и культурно арабизованный. Важным моментом этого симбиоза стало обширное принятие арабского происхождения, «арабской» родословной, частично даже среди тех, кто толком и не говорил по-арабски, но всей душой уверовал в ислам. Действительно, тесная связь ислама с «арабской» идентичностью означала для умов новообращенных, что стать мусульманином – все равно что стать арабом.

Процесс исламизации в Нубии был неразрывно связан с арабизацией. Изначально распространение ислама шло от двух групп мусульман. В первую входили торговцы, которые, несмотря на ограниченность масштаба своей миссионерской деятельности, распространяли ислам, осуществляя торговые сделки на протяжении почти восьми веков. Вторую группу составляли кочевники, вторгнувшиеся в эту страну. Великое множество этих кочевников, хотя они и не были особо сведущи в исламской доктрине и не имели миссионерского рвения, в действительности сыграли основную роль в исламизации народа Судана. Это достигалось прежде всего их смешением с местным населением и заключением браков с местными жительницами (*Hasan*, 1971, pp. 75–76).

Сфера исламизации не ограничивалась жившими на берегах нубийцами, приверженцами христианства, но включала в себя и последователей африканских верований, живших на луговых территориях. Последние представляли широчайшие возможности для исламской власти. Хотя распространение ислама на этой стадии, в «Темные времена», вероятно, было очень слабым, усилия двух первопроходческих групп были подкреплены работами некоторых мусульманских учителей.

Суданские устные предания повествуют о двух религиозных учителях. Первым был Пулям Аллах Ибн Айд, ученый из Йемена, посетивший Донголу в конце XIV в. Он решил поселиться в этом городе, потому что «место это было в чрезвычайном затруднении и заблуждении из-за недостатка ученых людей. Он построил мечети и обучал Корану и религиозным наукам» (*MacMichael*, 1922, II, p. 35) (илл. 273).

Вторым был Хамад Абу Дуннана, марокканский миссионер-суфий, который основал на территории Судана религиозный орден Шахидилия примерно во второй половине XV в. Хотя влияние двух этих личностей не могло быть очень большим, всё же они являются первопроходцами религиозного обучения в этой стране. Однако истинная исламизация началась с приходом к власти царей Абдаллаби и султанов Фунгов (*Fung*).

Согласно впечатляющему суданскому преданию, падения Собы добились главным образом арабские племена под предводительством Абдаллаха по кличке *Джамма*, или «собиратель» (*Holt*, 1960, XXII, pp. 1–12; *Hasan*, 1972, pp. 23–37). Примерно в 1450 г. он основал в Судане первое арабское государство, вероятно, имевшее племенную структуру, и правил этой страной из г. Карри, находившегося примерно в 80 км севернее Собы. К началу XVI в. это вновь основанное арабское государство вынуждено было вступить в борьбу с серьезным противником – династией Фунгов. Происхождение правителей из этой династии остается спорным. Это были темнокожие люди, установившие свое господство над южным регионом Гезиры. Суданские предания наделяли их арабским происхождением, но, скорее всего, они обратились в ислам достаточно поздно. Примерно в 1504 г. у Арбаджи столкнулись эти две силы, и Фунги сделали царя Абдаллаби просто наместником. Из Сеннара, своей династической столицы, Фунги правили как арабскими, так и неарабскими подданными, проживавшими вплоть до третьего порога Нила. На юге граница исламского султана Фунг (и граница ислама) более или менее стабилизировалась вдоль 10–11 град. с. ш. К востоку от Нила под их властью оказались земли беджа, тогда как на западе яблоком раздора между правителями и исламскими государствами тегали, мусабаатов и фур оставалась территория плато Кордофан (*Holt*, 1963, IV, pp. 39–55; *Hasan*, 1965, XLVI, pp. 27–32).

Основание сильного правительства под властью султанов династии Фунгов обеспечило стране некоторое единство и стабильность, которые подготовили почву для надлежащей исламизации. При правлении Фунгов и арабских вождей теплый прием и приглашение на постоянное место жительства были гарантированы некоторым ученым, главным образом правоведом и суфиям из Египта и Хиджаза (*Hasan*, 1971, p. 75).

Согласно Ибн Дайф Аллаху (*Dayf Allāh*), туземному автору *Tabaqāt*, биографического словаря праведников и правоведов, первым суданцем, учившимся в Каире, был Махмуд аль-Араки. В первой половине XVI в., он по возвращении основал школу, где обучал исламскому праву. Его ученики открыли не менее 17 школ в долине в нижнем течении Белого Нила. Другим правоведом, обучавшимся в Каире, был Ибрахим аль-Булад ибн Джабир (ок. 1570 г.), который ввел обучение по двум маликитским учебникам: «*Risāla*» Ибн Абу Зайда аль-Кайравани (ум. в 996 г.) и «*Mukhtaṣar*» Халила ибн Исхака. Он, его братья и их потомки способствовали распространению традиции учения во многих частях страны (*Ibn Dayf Allāh*, 1992, pp. 40–41, 45–46, 250, 344).

Как только исламизация продвинулась вглубь Нубии, образованные нубийцы перебрались на территории, которые еще не были сильно исламизированы. Одними из первопроходцев в этом отношении были нубийцы-махас, которые в первой половине XVI в. переселились из области между вторым и третьим порогами на берега Нила и Голубого Нила вблизи Собы². Их поселение в этом регионе привело к развитию важных религиозных центров. Вскоре многочисленные религиозные школы, или *хальвас* распространились во всей области между четвертым порогом и Гезирой (*Trimingham*, 1949, note 2, pp. 99). Однако стремление образованных мусульман поднять уровень религиозной подготовки было не очень простой задачей в такой обширной, изолированной и отсталой стране.

Появление в 1577 г. шейха Таджаддина аль-Бихари из Багдада, последователя суфийского ордена Кадирия, привело к разнобразию отличительных черт исламской культуры в Судане. За время своего пребывания в этой стране он привлек в орден множество выдающихся суданцев. Суфийские миссионеры представили более популярный и менее суровый вариант ислама. Ко времени распространения суфизма в Судане он уже подвергся влиянию некоторых неортодоксальных течений и здесь, в отсутствие сильной интеллектуальной поддержки, впитал многочисленные предрассудки. Суфизм становился все популярнее, пока не завоевал сердца большинства мусульман. По существу мистики стали более уважаемыми, чем правоведы. Однако в конечном итоге две функции – правовед и суфия – слились в одном человеке – *факихе*, который стал проводником новых перемены в идеологии и культуре (*Ibn Dayf Allāh*, 1922, pp. 41, 127–128; *Hasan*, 1971, pp. 80–82).

Превосходство ислама и арабской культуры проявилось со времени возникновения исламского султаната Фунгов. Постепенно начал внедряться *шафиат* – исламский закон (*Kropacek*, 1984, p. 415). Важным моментом был переход от системы наследования по женской линии к передаче наследства по линии мужчины.

В новой культурной обстановке мечеть символизировала основное выражение новой веры и ее культурных проявлений. Там преподавались как письменные элементы новой веры, так и суфийские обычаи. В целом, была подготовлена основа для дальнейшего укрепления исламской веры и арабской культуры, которые, в конечном итоге, проложили путь к большему сплочению различных этнических групп и разных культурных сообществ Нильского Судана и его постепенному поглощению арабским миром. Первые нубийцы стали неотъемлемой частью нового афроарабского исламского культурного преобразования, охватившего большие области Нильского Судана. Так началась новая глава в истории культуры этого региона – глава, заключение к которой еще предстоит написать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При написании этой главы я почерпнул немало полезной информации в работах нубийских археологов и историков. Самыми важными из них являются труды профессоров Адамса (*W.Y. Adams*), Якобьелски (*S. Jakobielski*) и Шинни (*P.L. Shinnie*). Всем им я выражаю благодарность. Благодарен я и профессору Ахмаду М.А. аль-Хакиму (*Abmad M.A. al-Hakem*), председателю Национального комитета Судана по античности и музеям за предоставленные фотографии музейных экспонатов.

² Мне кажется, что нубийцы-махас мигрировали несколько раньше, чем предполагает автор, вероятно, в конце XV в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- IBN 'ABD AL-ḤAKAM. 1914; 1922. *Kitāb Futūḥ Miṣr wa l-Maghrib wa l-Andalus* (Book of the Conquest of Egypt, the Maghrib and Spain). Arabic text ed. by MASSÉ, H. (Le livre de la conquête de l'Égypte, du Maghreb et de l'Espagne), Cairo 1914. Arabic text also ed. by TORREY, C. C., *The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain*, Yale University Press, New Haven, Conn. 1922.
- IBN 'ABD AL-ZĀHĪR; MU'IN AL-DĪN. 1960. *Tashrif al-Ayyām wa l-Uṣūr fi Sīrat al-Malik al-Manṣūr* (The Nobility of the Days and Ages in the Course of Life of the Victorious King). Cairo.
- ABŪ SĀLIḤ AL-ARMANĪ. 1894. *Tārīkh al-Shaykh Abi Salih al-Armani*. (Chronicle of the Shaykh abu Salih al-Armani Abi) EVETTS, T. A. (ed.). Oxford.
- ADAMS, W. Y. 1977. *Nubia: Corridor to Africa*. Allen Lane, London.
- (a). *Medieval Nubia: Another Golden Age*. (in press).
- (b). *The Ballana Kingdom and Culture: Twilight of Classical Nubia*. (in press).

- ÁLVARES, F. 1989. Verdadeira informação das terras do Preste João das Índias (1540). New edn., Lisbon. English trans. By BECKINGHAM, C. F., HUNTINGFORD, G. W. B. Hakluyt Society, Cambridge, II. 1961.
- ARKELL, A. J. 1959. Medieval History of Darfur and Nilotic Sudan. Sudan Notes and Records, Vol. XL, pp. 44–47.
- CROWFOOT, J. W. 1927. Christian Nubia. *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. XIII, pp. 141–150.
- IBN DAYF ALLĀH, MUḤAMMAD AL-NŪR. 1990. Kitāb al-Tabaqāt fi Khusus al-Awliyā' wa l-Salihīn wa l-'Ulama' wa l-Shu'arā' fi Sudān (Book of Categories regarding the Saints, Worthies, Learned Divines, and Poets of Sudan). Ed. by HASAN, Y. F. Khartoum.
- FABRI, F. 1897. The Book of Wanderings of Brother Felix Fabri. The Library of the Palestine Pilgrims Text Society, Vol. VII, pp. 373, 435. London.
- GADALLAH, F. F. 1959. The Egyptian Contribution to Nubian Christianity. Sudan Notes and Records. Vol. XL, pp. 38–42.
- GARTKIEWIEZ, P. M. 1982. New Outline of the History of Nubian Church Architecture. In: MOORSEL P. VAN (ed.) *New Discoveries in Nubia. Proceedings of the Colloquium on Nubian Studies*. The Hague, 1979. Leiden, pp. 9–10.
- 1987. Nubian Church Architecture: Unity or Distinctness. In: HAGG, T. (ed.) *Nubian Culture Past and Present*. Stockholm.
- ḤASAN, Y. F. 1965. The Umayyad Genealogy of the Funj. Sudan Notes and Records. Vol. XLVI, pp. 27–32.
- 1967. The Arabs and the Sudan. From the Seventh to the Early Sixteenth Century. Edinburgh.
- 1971. External Islamic Influences and the Progress of Islamization in the Eastern Sudan Between the Fifteenth and Nineteenth Centuries. In: ḤASAN, Y. F., *Sudan in Africa*, Khartoum, pp. 73–86.
- 1972. Muqaddima fi Tārīkh al-Mamālic al-Islāmiyya fi al-Sudān al-Sharqī, (Introduction to the History of the Islamic Kingdoms in Eastern Sudan). Beirut.
- HINDS, M., SAKKOUT, H. 1981. A Letter from the Governor of Egypt to the King of Nubia and Muqurra Concerning Egyptian–Nubian Relations in 141/785. In: AL-QĀDĪ W. (ed.) *Studia Arabica and Islamica*, Beirut, pp. 209–29.
- HOLT, P. M. 1960. A Sudanese Historical Legend: The Funj Conquest of Soba. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. XXII, pp. 1–17.
- 1963. Funj Origins: A Critique and New Evidence. *Journal of African History*, Vol. IV, pp. 39–55.
- AL-ISTAKHRĪ, IBRĀHĪM IBN MUḤAMMAD. 1870. Kitāb Masālik al-Mamālic (Book of the Routes of the Kingdoms). De Coeje, M. J., ed. of Arabic text. Leiden.
- JAKOBIELSKI, S. 1982a. A Brief Account on the Churches of Dongola. In: MOORSEL, P. VAN (ed.) *New Discoveries in Nubia. Proceedings of the Colloquium on Nubian Studies*. The Hague, 1979. Leiden, pp. 51–56.
- 1982b. Remarques sur la chronologie des peintures murales de Faras aux VIIIe et IX siècles. In: JAKOBIELSKI, S. (ed.) *Nubia Christiana*. Warsaw, pp. 141–172.
- 1986. North and South in Christian Nubian Culture: Archeology and History. In: MOORSEL, P. VAN (ed.) *Nubian Culture Past and Present*. Stockholm.
- 1988. Christian Nubia at the Height of its Civilization. In: EL FASI, M. (ed.) *General History of Africa*. Vol. III, Africa from the Seventh to the Eleventh Century. UNESCO, Paris, pp. 194–223.
- IBN KHALDŪN. 1868. ed. Kitāb al-'Ibar ('Book of Admonition' = 'Universal History'). Arabic text, 7 vols, Bulaq, 1868; Beirut 1958. Partial French trans., 4 vols, by Baron W. MacGuckin de Slane, *Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale*, Algiers, 1852–1856; repr. Paris 1925–1926. New complete French trans., 7 vols, Beirut, 1956–1959. [See Vol. V of the 1958 Beirut Arabic edn.]
- KIRWAN, L. P. 1935. Notes on the Topography of the Christian Nubian Kingdoms. *Journal of Egyptian Archeology*. Vol. XXI, pp. 60–61.
- KROPACEK, L. 1984. Nubia from the Late 12th Century to the Funj Conquest in the Early 15th Century. In: NIANE, D. T. (ed.) *General History of Africa*. Vol. IV. Africa from the Twelfth to the Sixteenth Century. UNESCO, Paris, pp. 398–422.
- MACMICHAEL, H. A., 1922. *A History of the Arabs in the Sudan*. Cambridge, 2 vols.
- AL-MAQRĪZĪ. 1922. Kitāb al-Mawā'iz wa l-I'tibar bi-Dhikr al-Khitat wa l-Āthār. (Book of Admonitions and Exhortation in the Mention of Land-Tracts and Traces). WIET, G. (ed.). Cairo, Vol. III.
- MICHALOWSKI, K. 1981. The Spreading of Christianity in Nubia. In: MOKHTAR, G. (ed.) *General History of Africa*. Vol. IV, Ancient Civilizations of Africa. UNESCO, Paris, pp. 326–340.
- MONNERT DE VILLARD, U. 1938. *Storia della Nubia Cristiana*. Pontificio Institutium Orientalium Studiorum, Roma.
- MUFADDAL IBN ABĪ L-FADĀ'IL. 1919. *Al-Nahj al-Sadid wa l'Durr al-Farid fi mā ba'd Tarikh Ibn al-Āmid* (The Proper Path and Peerless Pearl in What Follows upon the Chronicle of Ibn al-Āmid) BLOCHET, E. (ed.) Vol. II. Paris.
- NĀSIR-I KHUSRAW. 1881; 1945; 1992. *Safar-Nameh* (The Book of Travels). Persian text ed. with French trans. By SCHEFER, C. Paris, 1881. Standard Persian text ed. by M. D. Siyāqī. Tehran AH 1370 (solar) = AD 1992. Arabic trans. By M. al-Khashshāb, Cairo 1945.
- PLUMLEY, J. M. 1982. The Christian Period in Nubia Represented on the Site of Qasr Ibrim. In: MOORSEL, P. VAN (ed.) *New Discoveries in Nubia. Proceedings of the Colloquium on Nubian Studies*. The Hague, 1979, Leiden, pp. 100–110.
- SHINNIE, P. L. 1967. *Meroë: A Civilization of the Sudan*. New York.
- 1974. Multilingualism in Medieval Nubia. In: ABDALGADIR MAHMOUD ABDALLA. (ed.) *Studies in Ancient Languages of the Sudan*. Khartoum, pp. 41–47.
- 1978. Christian Nubia. In: FAGE, J. D. (ed.) *The Cambridge History of Africa*. Cambridge, Vol. II, pp. 556–588.
- SUCHEN, L. VON. 1895. *Description of the Holy Land*. The Library of the Palestine Pilgrims Text Society, Vol. VII. London.
- TOROK, L. 1975. *Money, Economy and Administration in Christian Nubia*. In: *Etudes Nubiennes. Colloque de Chantilly*, pp. 2–6, 7, 1975, 287–311.
- 1988. Late Antique Nubia. In: *History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt*, c. 4th–6th Century AD. Budapest.
- TRIMMINGHAM, J. S. 1949. *Islam in the Sudan*. Oxford.
- WELSBY, D. A.; DANIELS, C. M. 1991. *Soba, Archaeological Research at a Medieval Capital on the Blue Nile*. Memoir 12. British Institute in East Africa, London.

ЭФИОПИЯ

Э. Й. ван Донцель

В начале VII в. Аксумское царство вплотную соприкоснулось с исламом. Мусульманские источники сообщают о дружеских отношениях пророка Мухаммеда с нажаши (*najashi*), царем Эфиопии. Во время *первой хиджры* пророк отправил нескольких своих последователей к нажаши, который очень дружелюбно их принял (EP, 1960). В первой половине VIII в. нажаши фигурирует в «круге царей», от которых халифы династии Омейядов стремились получить подтверждение законности своей власти (Erllich, 1994, p. 11). Положительное отношение ислама к Эфиопии по сей день отражается в знаменитом предании IX в., в соответствии с которым Пророк сказал: «Не трогайте жителей Эфиопии, покуда они не трогают вас» (Erllich в: EP (Encyclopaedia of Islam, 2nd edition), 1994, pp. 14 ff.). Подобные предания отразились в часто цитируемом высказывании, приписываемом (Trimmingham, 1952, p. 52) Ибн Хаукалу. Согласно этому высказыванию, Абиссиния не была объектом *джихада*. Однако Ибн Хаукалу говорит лишь о том, что там не было войны (*харб*), которая тогда велась на земле народа беджа (Erllich в: EP, 1994, pp. 14 ff.). После 750 г., когда Аббасиды перенесли центр мусульманской власти из Дамаска в Багдад, Эфиопия перестала интересовать мусульман, имея значение лишь как поставщик рабов (Van Donzel, 1988, pp. 113–121).

Принято считать, что ислам разорвал связи Эфиопии с внешним миром. Новая религия, действительно, сделала невозможной связь Эфиопии с ее союзником – Византией, однако этот разрыв произошел еще в 575 г., когда персы, противостоявшие Византии, вынудили эфиопов уйти из Южной Аравии, завоеванной ими примерно в 525 г.

Вновь возвращенное к собственным политическим и культурным ресурсам Аксумское царство начало расширяться в южном направлении. Период VIII–XIII вв. часто называют «Темными временами». Однако этот термин приемлем только в том случае, если его понимать как «времена, о которых недостаточно исторических документов». Примечательным исключением здесь являются великолепные высеченные из камня церкви в Лалибэле, датируемые XII–XIII вв. (илл. 280). Именно в этот продолжительный период возникла семито-кушитская культура – характерная особенность Эфиопии.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИИ (Pankhurst, 1961)

Земледелие

Марко Поло (ум. в 1324 г.) пишет, что Эфиопия изобиловала всем, что нужно для жизни, и упоминает о пшенице, мясе, молоке и кунжуте как о сельскохозяйственных

продуктах. Ибн Фадл Аллах аль-Омари (ум. в 1349 г.) также рассказывает о широко распространенной полевичке абиссинской (*Eragrostis abyssinica*), подчеркивая, что в год получали по два урожая. Три века спустя португальские авторы восхваляли плодородность почв этой страны. Плуги представляли собой палки-копалки, оснащенные рукоятками для разбивания пахотного слоя почвы; их тянули волы, которые также использовались для раздавливания кукурузы. Выбор выращиваемых культур обуславливался высотой полей над уровнем моря. Кат (*Catha edulis*) (Schoppen, 1978), считавшийся коренной эфиопской культурой (его разводят ради листьев, заменяющих чай), был привезен в Йемен при Расулиде аль-Малике аль-Муайяде Дауде (правил в 1296–1322 гг.), а кофе, если верить арабскому источнику, был завезен из Эфиопии в Аравию в XV в. (*Kabwa*, *Becca* в EP, 1994, p. 34). Одной из самых ходовых тканей был хлопок. Сахарный тростник упоминается в XIV и XV вв., а мед, должно быть, использовался с более раннего времени для производства медового напитка. Из фруктов выращивались бананы, цитроны, лимоны, гранаты, абрикосы и виноград, но вина появились только в XVII в.

Земля

Согласно преданию, Менелик I, сын царя Соломона и царицы Савской и первый царь Эфиопии, разделил всю землю страны на три равные части: одну – для Короны, одну – для Церкви и одну – для людей. В сущности, до 1974 г. богатство и могущество Короны и Церкви основывались на этой традиции. Теоретически вся земля принадлежала императору, так что каждый, кто ее обрабатывал, был его арендатором. Следовательно, сообщество земледельцев должно было содержать правительство, включая провинциальное, армию и Церковь. Часть церковных земель обрабатывали священники и монахи, а остальную отдавали в аренду крестьянам (Ullendorff, 1960, p. 188).

Налоговые выплаты владельцу земли или императору включали часть урожая, определенное количество ткани или горшок меда и иногда птицу.

Торговля и валюта

Торговлей занимались главным образом мусульмане и люди неэфиопского происхождения, так как местные христиане считали это занятие недостойным для себя. По сведениям Ибн Фадла Аллаха аль-Омари, товарообмен практиковали как мусульмане в своих султанатах, так и христиане в своем царстве. Обычно считается, что деньги в виде монет использовались в Аксумском царстве в период

с III по IX–X вв. После этого золотые монеты и монеты с греческими надписями вообще стали редкостью, что говорит об упадке международной торговли. Тогда вместо денег стали использовать золотые и железные слитки и соль, а на севере в ход пошли также грубая хлопчатобумажная ткань и перец. Во многих частях страны, и особенно около Аксума и в Ласте, были вырыты железные шахты. Для мусульманских торговцев железо было обычным средством торговли, и народы агау обменивали его на золото, которое привозили из регионов, расположенных к югу от Голубого Нила.

На кузнецов, серебряных дел мастеров, гончаров и других ремесленников смотрели свысока. Этими ремеслами занимались фалаша – эфиопские евреи.

Рабство

Об эфиопском рабстве упоминалось уже в *Periplus Maris Erythraei* («Плавание по Красному морю») (I в.), а эфиопские рабы трудились в Мекке еще до возникновения ислама. В Эфиопии этот общественный институт основывался на законе Моисея и позднее был утвержден в *Fetba Nagast*. Основание мусульманских торговых центров вдоль путей, ведущих из портов Красного моря в глубь материка, расширило объем работорговли, которая, в свою очередь, способствовала исламизации, так как принятие мусульманства стало для плененного христианина единственным способом избежать рабства: согласно мусульманскому праву мусульманин не мог стать рабом мусульманина. Арабские географы Идриси (ум. ок. 1165 г.) и Ибн Саид аль-Магриби (ум. в 1286 г.), а также итальянский путешественник Людовико ди Вартема (*Ludovico di Varthema*) (ум. в 1510 г.) писали, что эфиопов, которых мусульмане брали в плен в больших количествах, отправляли как рабов в Мекку, Каир, Южную Аравию, Персию и Индию. Согласно Ибн Фадл Аллаху аль-Омари, кастрация была открыто запрещена указом императора, но проводилась бандитами в регионе, известном под названием Васлу, куда мусульманские торговцы обычно отвозили своих рабов. Панкхерст (*R. Pankhurst*, 1961, p. 388) подсчитал, что в начале XIX в. ежегодный вывоз рабов из Эфиопии мог составлять 25 тыс. чел. Это говорит о том, что из населения, насчитывавшего, вероятно, около 10 млн. чел., около 2,5 млн. чел. были увезены из страны за одно столетие. На основе этих расчетов можно с уверенностью утверждать, что в рассматриваемый период работорговля из Эфиопии через Красное море и границу Судана процветала.

ХРИСТИАНСКОЕ ЦАРСТВО ЭФИОПИИ И ИСЛАМ

600–1270 гг.

В процессе расширения Эфиопии в южном направлении на земле народов агау были основаны военные поселения. К началу X в. арабские историки Ибн Хаукал, аль-Масуди и аль-Якуби, работы которых являются единственными источниками информации об этом периоде, рассказывают о великом царстве, управляемом нажаша, данником которого стало кушитское Сидамо, расположенное на плато Шоа. Согласно «Истории Александрийских патриархов» (*History of the Patriarchs of Alexandria*) (Evetts, 1904, p. 171) языческая царица, возможно происходившая из Сидано, подвергла гонениям и убила христианского царя Эфиопии (*Tamrat*, 1972, pp. 38–39). Еще сильнее христианское царство ослабло из-за раскола в самой Церкви. «Стабильность царства, несомненно, зависела от объединения народов агау, которые теперь оказались в радиусе действия монофиситского христианства» (*Ullendorff*, 1960,

pp. 61–62). Такое объединение произошло в религиозной сфере, так как в определенный момент цари Загуэ, принадлежавшие к племени агау, обратились в христианство. Однако многовековое противостояние семитов и кушитских народов не исчезло, о чем свидетельствует явная враждебность ориентированного на Аксум духовенства и правителей Загуэ (*Van Donzel*, 1997a).

Именно в этот период внутренней слабости христианского царства в стране начал появляться ислам. С бережий Индийского океана, где жили данакилий, из Сомали, из восточного Шоа, из Харэра на востоке и с оз. Звай на юго-западе ислам распространился среди народов беджа на севере и сидамо на юге. Мусульманские торговцы, проезжавшие на рынки деревень, расположенных вдоль торговых путей, начали просить свободы вероисповедания, обращаясь за поддержкой к Египту, но христианский царь и его духовенство ответили на их просьбы отказом. «То было начало исторической роли Египта как поборника ислама в Эфиопии» (*Tamrat*, 1972, p. 46) и, можно добавить, эфиопского царя как защитника коптов в Египте. Выдающую роль со стороны египтян сыграли Бадр аль-Джамали (*Badr al-Jamālī*) (ум. в 1094 г.) и армянский визирь аль-Мустансир Биллах (*al-Mustansir bi-llāh*), фатимидский халиф в Каире (*Van Donzel*, 1999). Эти страны были связаны друг с другом, несмотря на противоречивые основы этой связи, хотя с обеих сторон заявление об оказании поддержки меньшинству противоположной стороны было маловероятным. Эфиопская Церковь и соответственно Эфиопское государство были связаны с патриархом Александрийским, главой Церкви, назначавшим архиепископа Эфиопии. Эфиопским Церкви и государству приходилось иметь дело с халифом и его визирями через патриарха. В Египте же опасались, что эфиопы могут перегородить Нил или изменить его русло, отклонив его к Красному морю. Этой легенде суждено было сыграть свою роль в отношениях между двумя странами (*Van Donzel*, 1997b).

В то время как на юго-востоке распространялся ислам, на севере происходили важные перемены. Семитское царство Аксума постепенно уступало свою политическую и военную власть кушитским народам агау, особенно агау из Ласты. При династии Загуэ (начало XII в. – 1270 г.) на смену Аксуму пришла новая столица Роха в Ласте. Впоследствии ее переименовали в Лалибэлу, в честь самого знаменитого царя этой династии, которому приписывают возведение одиннадцати известных во всем мире скальных храмов (илл. 280) (*Gerster*, 1968; *Van Donzel*, 1997a).

В 1270 г. династию Загуэ сверг Йекуно-Амлак (*Yekuno Amlak*), которого считали потомком Делнаода (*Delnaod*), якобы последнего царя Аксума, предположительно восставшего династию Соломонидов.

1270–1500 гг.

К рассматриваемому здесь времени христианское царство протянулось от Шимазаны и р. Мараб на севере до северной части плато Шоа на юге, и от р. Тэкэзе, южного Бэгемдыра и восточных притоков Голубого Нила на западе до края плато Шоа на востоке (*Tamrat*, 1972, p. 212). Это более или менее единое христианское царство временами находилось в состоянии войны с семью мелкими мусульманскими государствами Йифат, Даваро, Бали, Хадья, Арабабни, Шарха и Дарах. В 1285 г. Йифат разгромил султанат Махзуми в Восточном Шоа, который, согласно преданию, был основан в 896–897 гг. (*Trimingham*, 1952, pp. 58, 64).

Сын Йекуно-Амлака Ягби-Сион (*Yagbea Syon*) (правил в 1285–1294 гг.) был первым эфиопским правителем, который отправил письмо эфиопскому сообществу в Иерусалиме. В 1290 г. один из эфиопских посланников, возможно глава делегации, был мусульманином (*Cerulli*, 1943,

р. 89). Будущие цари должны были следовать этой процедуре в своих отношениях с Египтом.

Внук Йекуно-Амлака – Амда-Сион (*Amda Syon*) (1314–1344 гг.) считается сторонником борьбы против мусульманских государств. При нем началось слияние Церкви и государства, ставшее в последующие века главной особенностью Эфиопии.

Из-за необходимости сообщения с портами Красного моря христиане зависели от мусульман. Стремясь исправить эту ситуацию, Амда-Сион напал на Йифат и разрушил его. Сначала войска христиан столкнулись с серьезным сопротивлением, но в конце концов им покорились Дамот и Хадья. Чтобы сохранить эфиопские торговые пути открытыми, царь напал на Даваро, Мору и Адаль.

В смутное для Египта время около середины XIV в., когда за 15 лет (1348–1363 гг.) на престоле сменились пять халифов, престонародье Каира подвергло коптов гонениям. Царь Эфиопии Сэйфэ-Арыд (правил в 1344–1371 гг.) встал на защиту своих единоверцев. Правители Египта дали указание патриарху Маркосу (правил в 1348–1363 гг.) послать к эфиопскому царю делегацию с требованием прекратить враждебные действия против мусульман. Тем временем центр мусульманской власти был перенесен из Йифата в Адаль, откуда было легче контролировать торговые пути. Царь Давит (*Dawit*) (правил в 1380–1412 гг.) организовал против Адаля несколько кампаний и даже достиг Зайлы, где был пленен и казнен предводитель мусульман Сад аль-Дин (*Sa'd al-Din*).

С 1270 г. эфиопское царство значительно расширилось. На юге были завоеваны Дамот и Хадья, да и в районе проживания сидамо сильно чувствовалось влияние христиан. Годжам подвергся нападению при царе Йисхаке (*Yisshaq*) (правил в 1413–1430 гг.), а на северо-западе под христианским влиянием постепенно оказалось княжество народа фалаша. Все эти завоевания открыли обширные регионы, в которые была готова проникнуть эфиопская Церковь. Фалаша, которые обычно причисляли себя к *Beta Isra'el*, или «Дому Израилеву», жили севернее оз. Тана в Бэ-гемдыре, Сымене и Дамбийе. Они были кушитским народом из группы агау, которые исповедовали своеобразную разновидность иудаизма. Это породило их притязание на принадлежность к «эфиопским евреям». Впервые они упоминаются в царских хрониках царя Амда-Сиона (правил в 1314–1344 гг.). По мнению Уллендорфа, фалаша являются потомками тех жителей Аксумского царства, которые не пожелали принять христианство. Тогда их так называемый «иудаизм» – это не более чем отражение тех древнееврейских и иудейских обрядов и верований, которые были привиты в некоторых частях юго-западной Аравии в первые века после христианства и впоследствии перенесены в Абиссинию (*Ullendorff*, 1960, pp. 111–112). Кауфман Шелемей, напротив, делает попытку показать, что «Дом Израилев» является не просто частью эфиопской среды, а был сформирован ею (*Kaufman Shelema*, 1986, p. 17).

Еще в первые годы правления Соломонидов в Дабра-Дамо в современной провинции Тигрэ, куда примерно в 1241 г. приехал Йасус Моа (*Yasus Mo'a*, родившийся ок. 1211 г.), началось религиозное возрождение. В 1248 г. он переехал на юг и поселился на острове на оз. Хайк. Одним из его учеников на этом острове был Такла-Хайманот, великий святой эфиопской Церкви (родился в Шоа ок. 1215 г.). Их встреча привела к длительному противостоянию Дабра-Хайка и Дабра-Либанос (который тогда назывался Дабра-Асбо) – монастыря в Шоа, основанного Такла-Хайманотом. Бацалота Микаэль (*Ba-salota Mika'el*), последователь Йасуса Моа, продолжал бороться с падением моральных устоев (выступал резко, например, против совместного проживания монахов и монахинь) и открыто нападал на царя Амда-Сиона за двоеженство и содержание многих других женщин. В 1237 г. в Эфиопию прибыл новый митрополит Якуб. В противоположность своим предшествен-

никам, старавшимся быть поближе к царю, он отдалился от двора, поддержал реформистское движение монастырей и попытался убедить царя Сайфа-Арада жить с одной женой. Но царь отправил его назад в Египет, а монахов, сторонников реформ, выслал в южный район страны. В результате этого регионы вокруг оз. Звай открылись для обращения в христианство.

Другим великим святым эфиопской Церкви в средние века являлся Евстафий (*Ewostatewos*) (ок. 1273–1352 гг.), который основал общину в Сарийе – регионе к северу от Аксума. Около 1337 г. он уехал из Эфиопии и побывал в Каире, Палестине, на Кипре и в Армении, где и умер. Причиной его отъезда с родины стал спор о священном дне отдохновения (субботе). Он был ярким сторонником того, что субботу следует праздновать так же, как и воскресенье. Противостояние его ордена, названного «Домом Евстафия», и митрополита и патриарха из Александрии было настолько сильным, что орден был исключен из списков получающих священные указания. Вследствие этого сообщества данного ордена были почти полностью отделены от Церкви. Для служения священной мессы к ним отовсюду присылали посвященных в духовный сан священников, но последние допускались к мессе только после того, как на них была наложена епитимья за то, что они были членами других сообществ (*Tamrat*, 1972, p. 212). Антисубботную группу, которая следовала доктрине коптской церкви Александрии, поддерживали царь Давит, большинство монастырей и новый митрополит Бартоломевос (*Bartolomewos*), прибывший в Эфиопию в 1398–1399 гг. На синоде в 1400 г. последователи Евстафия были осуждены, но отказались пойти на уступки. К 1403 г. им позволили соблюдать субботу, но они должны были принять верховенство александрийской Церкви и главенство митрополита. Царь, очевидно, желал объединения двух сторон, но влияние «Дома Евстафия» продолжало расти, а престиж митрополита падал (*Rodinson*, 1964, pp. 11–19). Защитники субботы нашли подтверждение своих взглядов в Апостольских посланиях (*Perier*, 1912; *Muyser*, 1937, pp. 89–111), в монастырских «Правилах святого Пахомия», которые ранее были переведены с греческого языка, а также в «Житии Павла-отшельника» и «Житии святого Антония» – трудах, являвшихся фундаментальными для христианского монашества (*Cerulli*, 1956, pp. 25–26).

При эфиопском императоре Зара-Якобе (правил в 1434–1468 гг.), считавшемся одним из выдающихся царей Эфиопии из-за его военных кампаний и церковных реформ, соблюдение субботы возродилось. Верного сторонника царь обрел в лице выдающегося ученого и писателя Гиоргиса (*Gbiorgbis*) из Саглы. Однако монахи Дабра-Либаноса остались приверженцами александрийской Церкви. Тогда Зара-Якоб обратился за помощью к Микаэлю и Габриэлю – двум египетским епископам, пришедшим на смену епископу Бартоломевосу. На совете в Дабра-Митмаке в Шоа, который возглавил царь и на котором присутствовали оба епископа, последователи Евстафия и настоятели главных монастырей, последователи Евстафия согласились, что священные указания должны давать египетские епископы, которые, в свою очередь, разрешили соблюдать субботу в эфиопской Церкви. Другими темами обсуждения на совете стали состав Троицы, единство Бога, взгляды стефанитов, которые отказались от почитания святого Креста и Девы Марии, и учение микаэлитов, отрицавших возможность познания Бога (*Taurat*, 1966, p. 226; *Hammerschmidt*, 1967, pp. 56–57, 62).

После успешного завершения совета Зара-Якоб начал реформу церкви, влияние которой, на его взгляд, было неудовлетворительным. Земли завоеванных народов были распределены в качестве ленов (феодов) среди вновь прибывших христианских чиновников (*Tamrat*, 1972, pp. 98–103; 231), но духовенство не могло обеспечить ни одной формы обучения, христианского или любого другого. Самой

насушной проблемой была нехватка священников и дьяконов, поэтому царь отправил епископа Микаэля в Амхару, а епископа Габриэля – в Шоа. Каждый из основных монастырей получил собственную сферу религиозного влияния.

Зара-Якоб принял суровые меры против языческих обрядов и поощрял крещение, вознаграждая вновь обращенных. Каждый христианин должен был ходить в церковь по субботам и воскресеньям, а священник обязан был ездить на выходные дни к каждой группе христиан, жившей слишком далеко от церкви и не имеющей возможности посещать службы. У каждого христианина также должен был быть свой духовник (до недавнего времени эта практика являлась отличительной особенностью эфиопской Церкви), рекомендация которого была необходима, чтобы быть допущенным в священное сообщество. Зара-Якоб также приказал, чтобы при каждой церкви организовали библиотеку с религиозными книгами для наставления. Обращение за помощью к знахарям, жертвоприношение языческим богам и использование магических заклинаний были запрещены под страхом смерти. Каждый христианин должен запечатлеть в своей памяти имена Отца, Сына и Святого Духа, а символ креста должен был присутствовать на одежде, оружии и даже на плугах. Строгое соблюдение многочисленных постов и священных дней контролировали настоятели монастырей, в чем им помогали царские войска, члены царского дома и доверенные лица. Несмотря на угрозу патриарха Александрии, что всякий, кто противится мерам, принимаемым царем, будет отлучен от церкви, все равно последовали политические волнения. Сам Зара-Якоб, хотя и был строгим реформистом, оставался многоженцем, склонным к предрассудкам и жестокости. И все же возрождение эфиопской литературы и реорганизация Церкви – его заслуга на долгие времена.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношения с Египтом

До XVI в. Эфиопия оставалась одинокой в своей борьбе с исламом. Пока что не имеется никаких документов эфиопского происхождения, подтверждающих, хотя бы косвенно, что крестоносцы вообще контактировали с Эфиопией (Cerulli, 1943, pp. 20–26; Neubold, 1945, pp. 220–224). Однако ко времени завершения эпохи крестовых походов с захватом Акры мамлюкским султаном аль-Ашраф Халилем (1291 г.) европейские власти стали подумывать об Эфиопии как о возможном союзнике в борьбе с исламом. Знаменитая легенда о Голубом Ниле была учтена в военных планах Запада. С другой стороны, эфиопы, по крайней мере жившие в Иерусалиме, проявляли желание поближе познакомиться с христианами Запада. Но прямые связи с Европой еще не установились.

Царь Амда-Сион возглавил успешную кампанию на север и даже достиг Красного моря, но это не было ощутимой угрозой для Египта. Отношения Эфиопии и Египта стали напряженными при царе Сэйфэ-Арыде. При султанах аль-Салих Салах ад-Дин Салихе (правил в 1351–1354 гг.) волнения в Египте привели к гонениям на коптов. Церкви разрушали, церковные земли конфисковали, а коптских писцов прогоняли (EP, 1994, s.v. Mamlūks; ibid, al-Salah, al-Malik). Согласно эфиопскому источнику патриарх Маркос сообщил Сэйфэ-Арыду, что султан посадил его в тюрьму. Когда эфиопский царь двинулся в северном направлении, султан сдался. Согласно другой версии, гонениям подвергались эфиопские мусульмане, которые и воззвали к султану о помощи (Tamrat, 1972, p. 253).

Египетский историк ал-Макризи (1364–1442 гг.) сообщает (Quatremure, 1811, pp. 276–277), что царь Давит в 1381 г. дошел до самого Асуана и что патриарх Матевос

(Matewos) (1378–1408 гг.) по приказу султана написал ему, что он должен положить конец вражде. Рассказ ал-Макризи подтверждают и эфиопские источники (Tamrat, 1972, p. 255); в некоторых отмечено, что царь Давит намеревался дойти до Иерусалима.

При Зара-Якобе на Эритрическом плато были основаны военные колонии. Несколько округов были сгруппированы и отданы под власть бабр-нагаша (Babr-Nagash), или правителя прибрежных провинций. Зара-Якоб также послал дружественное письмо черкесскому султану Барсбая (Barsbāy) (правил в 1422–1437 гг.), в котором просил у него защиты своих христианских подданных и уважения к их церквам. Но в 1441 г. патриарх Йоханнес (Yohannes) XI (1428–1453 гг.) написал, что по приказу Барсбая была разрушена церковь Митмак (аль-Мақта). Тогда Зара-Якоб велел построить новую церковь в Эгубе в Тагуалате, которую он назвал Митмак (Cercelli, 1943, p. 12; Perruchon, 1893, p. 56). В очень резком письме он упрекнул султана Джакмака (Jaqmaq) (правил в 1438–1452 гг.), заявив, что преследование коптов является нарушением абсолютной свободы, дарованной им предыдущими мусульманскими правителями, так как имущество христиан конфисковано, а их церкви осквернены. Он писал, что сам хорошо относится к мусульманам, живущим в Эфиопии, не взимая с них подушный налог (он использовал арабский термин *джизья*); он также отметил, что мог бы отклонить русло Нила, но не делает этого из-за боязни Божьей кары и во избежание великих страданий, которые за этим последуют. Зара-Якоб попросил султана продолжить традиционные хорошие отношения. Джакмак отправил к Зара-Якобу посланника с дарами, но отказал в просьбе восстановить церкви (al-Sakbawi, 1896, pp. 67–72; Wiet, 1938, pp. 124–125). Тогда царь удержал при себе египетского посланника, и после своей крупной победы в 1445 г. над Бадлеем (Badley), мусульманским правителем Адаля, очень плохо с ним обошелся. В отместку Джакмак жестоко избил патриарха Йоханнеса и послал в Эфиопию новое требование – освободить его посланника.

Отношения с Европой

В средние века Эфиопия для европейцев была «землей пресвитера Иоанна». Легенды о могущественном христианском монархе, который правил в Центральной Азии и напал на мусульман с тыла, судя по всему, ходили еще до 1141 г., когда войска сельджукского султана Санджара потерпели поражение в Ушрушане. Вест об этом дошла до крестоносцев, благодаря которым о ней узнала христианская Европа. С течением времени царство пресвитера стали называть «Высокой Эфиопией». В XVII в. в Европе ходило множество легенд о «пресвитере Иоанне».

Первым европейским монархом, пославшим письмо в Эфиопию, был английский король Генрих IV Ланкастер (правил в 1399–1413 гг.), посетивший Святую Землю в 1392 г. Целью его письма, видимо, было приглашение царя Давита принять участие в крестовом походе. О первой эфиопской делегации в Европу сообщается в 1402 г. (Cerulli, 1943, p. 208). Царь Йисхак, видимо, послал европейским правителям предложение заключить христианский союз против ислама (al-Maqrizi, 1790, p. 8). В 1427 г. он послал делегацию к королю Альфонсу Арагонскому в Валенсию (De la Roncière, 1925, pp. 115–116). В 1432 г. неаполитанец Пьетро вернулся из Эфиопии, где он был в составе делегации, посланной герцогом Беррийским. Он прожил в Эфиопии несколько лет и женился на эфиопке (Scheffer, 1892, p. 148). В 1450 г. Зара-Якоб послал к королю Альфонсу другую делегацию, которую возглавил сицилиец Пьетро Ромбуло (Trasselli, 1941, p. 176; Creone, 1902, pp. 71–72, 75–76), который уже давно жил в Эфиопии. Его вместе с тремя эфиопскими спутниками принял папа римский Николай V

(понтификат 1447–1455 гг.), однако нет никаких свидетельств, позволяющих считать этот визит восстановлением отношений с Римской католической церковью. Точно также не было официальной делегации эфиопской Церкви и на Соборе, который проходил в 1441 г. во Флоренции (*Tamrat*, 1972, p. 265). Король Альфонс V Африканский (1432–1481 гг.) пообещал отправить в Эфиопию ремесленников и каменщиков, однако неизвестно, приехали ли они туда. В европейских документах упоминаются еще две делегации, отправленные королем Альфонсом в 1452 и 1453 гг. К концу XV в. при эфиопском дворе жили несколько европейцев. Одним из них был Педро де Ковилья (*Pédro de Covillbá*) – португалец, посланный на Восток в 1487 г. королем Португалии Жуаном II. Другим европейцем был венецианец Николао Бранкалеоне (*Nicolao Brancalione*), приехавший в Эфиопию в 1480 (или 1487 г.). Считают, что именно он написал картину «Дева Мария с младенцем», очень оскорбившую эфиопов, так как мать держала младенца на левой руке. Альварес встречался с ними обоими, когда приехал в Эфиопию в 1520 г. (*Beckingham-Huntingford*, 1961, p. 279).

В 1477 г. царь Бэйдэ Марьям (1468–1478) созвал собор, на котором был поднят вопрос о целесообразности сохранения духовной зависимости эфиопской Церкви от коптской Церкви в Александрии. Его преемник, царь Эскендер (*Eskender*) (1478–1494 гг.) был коронован в возрасте шести лет. Власть была в руках Рас Амда-Микаэля (*Ras Amda-Mika'el*), который на соборе в Матмаке в 1450 г. Упорно отстаивал мнение, что эфиопская Церковь должна и дальше зависеть от александрийской. Важного оппонента он обрел в лице Илени (ум. в 1522 г.), принцессы из Хадьи, которая в 1445 г. вышла замуж за Зара-Якоба. Во время правления Бэйдэ Марьяма она исполняла обязанности царицы-матери, так как родную мать царь потерял. В период правления маленького сына Эскендера Амда-Сиона II (1494 г.), разразилась гражданская война. Царь Наод (правил 1494–1508 гг.) добился успеха в своих кампаниях против Бали и Даваро, но у христианской армии было множество слабостей, тогда как интенсивность мусульманских нападений постоянно росла. Царь Наод был убит в сражении с войском Йифата. Тем временем малые государства Йифат, Бали и Даваро стали центрами мусульманской власти. Именно в этих местах Ахмед Грань в 1529 г. одержал свою самую первую и самую убедительную победу. Его с радостью приняли фалаша, агау, жившие на юге озера Тана, а также население Хадьи и Ганза. Только в Шоа, в северном течении р. Аваш, в восточной части Годжама, в Дамбини и в Вагара государство и религия образовали достаточно надежный оплот, чтобы оказать сопротивление вторжению мусульман.

Литература

В рассматриваемый период эфиопская литература в большинстве своем носила религиозный христианский характер. Она отражала параллельный рост Церкви и государства, которые при этом оставались независимыми. Еще до 600 г. с греческого языка были переведены Библия вместе с так называемыми девтероканоническими (т.е. включенными позднее в библейский канон) книгами, сочинениями о монашестве, некоторыми трудами Кирилла Александрийского, частями проповедей различных отцов Церкви и *Fisalgos*, или нравоучительным «Бестиарием». Несмотря на то что все эти труды появились сравнительно рано – до XIII в., зрелость трудов этого периода говорит о давней традиции применения письменности (*Cerulli*, 1956, p. 35). Литературная деятельность, судя по всему, началась ближе к концу XIII в. с переводов с арабского языка. Первым был выполнен перевод труда «Легенды пророка Аввакума», заверченный 15 октября 1293 г., очевидно, при Ягбеа-Сионе (*Yagbe'a Syon*) (правил в 1285–1294 гг.). *Senodos*, правовой и

религиозный труд, содержащий каноны коптской Церкви, был переведен в 1300 г. Множество работ, в большинстве своем агиографии (т.е. жизнеописания святых) на арабском языке, были переведены на эфиопский при поддержке митрополита Саламы (1350–1390 гг.). Их целью была борьба с инакомыслием в монастырях. Однако самым важным трудом данного периода является *Senkessar* (*Sinaxarium*) – собрание кратких наставлений и жизнеописаний святых, которые нужно было читать в день поминовения святого (илл. 49, 279) (*Cerulli*, 1956, pp. 69–70; *Guidi*, 1932, pp. 34–35, 75, 81; *Wallis Budge*, 1928).

Обширная литературная деятельность развилась при царе Амда-Сионе I (правил в 1314–1344 гг.). Его победные компании описаны в хронике, написанной между 1331 и 1344 гг. (*Perruchon*, 1889, pp. 271–363, 381–494; *Cerulli*, 1956, pp. 37–43). Фундаментальным эфиопам считают труд «*Кеб-ра Нагаст*», т.е. «Слава царей», написанный Исааком, церковником из Аксума, между 1314 и 1322 гг. Предназначенный в качестве библейской основы легитимности династии Соломонидов (илл. 49), он рассказывает историю царя Соломона и царицы Савской, рождения их сына Менелика I, его путешествия в Эфиопию, тайной перевозки Ковчега Завета из Иерусалима в Аксум и коронации Менелика первым царем Эфиопии. Меньшая часть данного труда посвящена историям и объяснениям, которые доказывают, что главнейшие монархи во всем мире происходят от Израиля, а цари Эфиопии имеют еще более высокое происхождение – от Иисуса, прапредка Христа. В конце своего труда Исаак отмечает, что книга «Слава Царей» была переведена с коптского языка на арабский в 1225 г., т.е. при Загуэ, вероятно, царе Лалибэлы, но он не был затем переведен на эфиопский язык, так как «правители не были израильтянами» (*Cerulli*, 1956, pp. 43–52; *Bezold*, 1905; *Wallis Budge*, 1922; *Ullendorff*, 1960, pp. 143–144, *Van Donzel*, 1997a, *Aethiopia*).

Оригинальным эфиопским трудом является *Mashafa mestir za-samay wa-medr* – «Книга тайн неба и земли» (*Perruchon*, 1907; *Grebaut*, 1911; *Wallis Budge*, 1935). Написанный монахом Йисхаком (*Yis'haq*), учеником настоятеля монастыря Бахайла Микаэля (*Ba-hayla Mika'el*), этот труд носит апокалиптический характер и состоит из четырех частей, рассказывающих о тайнствах Творения и восстании ангелов, с эзотерической интерпретацией Апокалипсиса, интерпретацией тайны Божественности и каббалистическим объяснением расчетов и чисел, присутствующих в Священном Писании.

К XIV в., вероятно, принадлежит и *Zena Eskender* или «[Христианская] История Александра [Великого]». Этот роман, судя по всему, является оригинальной эфиопской работой, написанной под влиянием «Истории Александра», созданной псевдо-Каллисфеном (*Kallisthenes*). Неизвестный автор рассказывает об Александре, идеале целомудрия и сдержанности, как о раннем христианском царе Эфиопии, который получил способность совершать свои великие дела через пост и молитву (*Wallis Budge*, 1933, pp. 236–256). XIV веком также датируются военные песни в честь Амда-Сиона, прославляющие его победы над мусульманами Вага, Хадьи и Бали. В поэзии данного периода преобладают религиозные песни, например в честь мученика Меркурия (*Mercurios*), мучеников Нажрана (*Najran*) и распятия Христа (*Cerulli*, 1956, pp. 62–67).

«Деяния»

«Деяния» (*Gadl*) – это повествование о жизни святого, напоминающее агиографию. Многие «Деяния» были написаны при Амда-Сионе и Сайфа-Араде для поддержки взглядов выдающихся монахов в вопросах, касающихся отношений Церкви и государства. Большое внимание уделяется тому, что эти монахи настаивали на строгом соблюдении

религиозных предписаний, а также противостоянию митрополита и белого духовенства – с одной стороны, и монастырей – с другой. «Деяния» содержат огромное разнообразие тем, но единодушно нападают на царя Амдасиона I за то, что тот женился на вдове своего отца – практика, обычная в Сидамо и в Каффе. Царь Сайфа-Арад подвергался нападкам за многоженство. Другими, обычными для этого вида литературы темами являлись обвинения митрополита в симонии (продаже и покупке церковных должностей или духовного сана. – *Прим. ред.*), клевета белого духовенства на монахов, а также спор о дате празднования Рождества Христова. Наиболее известны «Деяния» Филиппоса (*Philippos*) – третьего настоятеля Дабра-Либаноса; вышеупомянутого Бацалота Микаэля; Самуэля – настоятеля Дабра-Вага на юго-востоке Шоа и современника царя Давита I; Аноревоса (*Anorewos*) – настоятеля монастыря Сигага, ученика Такла-Хайманота и большого почитателя Бацалота Микаэля; Аарона Тауматурге (*Aaron Thaumaturge*) – настоятеля Дабра-Дарета (*Daret*) в Бэгемдыре (*Tamrat*, 1972, p. 275).

К другой группе относятся «Деяния» царей Загуэ Лалибэлы, Нааквето ла-Аба (*Na'akweto la-Ab*) и Йемерханна-Кристоса (*Yemerhanna-Kristos*), а также царицы Лалибэлы-Маскал-Кебры (*Mascal Kebra*). Большинство этих произведений, вероятно, были написаны в XV в., но рукопись «Деяний» царя Лалибэлы, принадлежащая Британскому музею, датируется XIV в. (*Wright*, 1877, no. 719).

Еще один цикл «Деяний» включает жизнеописание Йасуса Моа – основателя Дабра-Хайка (ум. в 1292 г.) и Такла-Хайманота – основателя Дабра-Либаноса (ум. в 1313 г.). В «Деяниях», носщем его имя, Йасус Моа чествуется за то, что в 1270 г. он «возродил» династию Соломонидов; уважение к Такла-Хайманоту выражено в части, носящей его имя.

Литературная деятельность северной части страны того времени была нацелена на прославление монастырей Тигре. В «Деяниях» так называемых Девяти святых описывается, как девять сирийских монахов, в VI в. подвергнутые византийцами гонениям за их монофиситскую веру, ушли в Эфиопию. Однако их биографии, в отличие от вышеупомянутых «Деяний», не содержат изложений исторических событий. Самыми известными в данном цикле считаются «Деяния» За-Микаэля Арагани (*Za-Mika'el Aragawi*) – основателя монастыря Дабра-Дамо в Тигре; Либаноса или Маты (*Mata*), которому приписывают перевод Евангелия от Матфея; Гаримы (*Garima*); Панталевона (*Pantalewon*); Афсе (*Afse*) и Яреда (*Yared*) – предполагаемого автора *Degguu*, или эфиопской церковной музыки.

В Южной Эфиопии «Деяния» посвящались жизни людей, действующих в этих регионах, например, о Габра Манфас Кеддусе (*Gabra Manfas Qeddus*) – основателе монастыря Зуквала на юге Шоа, и об Иоанне Восточном, или Йоханнесе Месракави (*Yohannes Mesrakawi*), которого также звали Иоанном Сагаро (*Sagaro*), по названию монастыря, который он основал в Мензе.

Согласно Серулли (*Cerulli*, 1943, *Il libro*; 1956, pp. 105 ff.), одним из самых важных произведений эфиопской литературы и, безусловно, наиболее типичным является *Ta'amra Maryam*, или «Чудеса Марии». Это произведение было создано во Франции примерно в середине XII в. и широко распространилось в Европе, впитывая множество местных элементов. В результате оно превратилось в большое собрание историй, легенд и преданий. Между 1237 и 1289 г. одна из его версий была переведена на арабский язык. Эта версия, в процессе перевода обогащенная подобно западным, была переведена на эфиопский язык в конце XIV в. Эфиопский перевод, тоже обогащенный местными историями и преданиями, содержит важные свидетельства о событиях, произошедших в XIV в. Царь Зара-Якоб приказал читать «Книгу чудес» в церкви, в результате чего возникла каноническая серия из 33 историй – гораздо меньше, чем огромное собрание историй, известное по-

всюду. В эфиопской версии Серулли обнаружил истории, происходящие из Испании, Италии и Франции. С Ближнего Востока есть истории из Сирии (св. Мария из Саидны, близ Дамаска), из Палестины (Иерусалим, Вифлеем), из Египта (монастырь Самуэля в Каламоне; Скете; Эль-Мактас (Митмак), Кускам) и из самой Эфиопии, появившиеся при Давите I и его сыне Зара-Якобе.

Зара-Якоб

Царь Зара-Якоб заслуживает особого упоминания. Проведя несколько лет в царской темнице горы Гешен в Амхаре (*Tamrat*, 1972, p. 275), он поставил целью положить конец внутренним распрям в государстве и побороть ереси стефанитов и микаэлитов. Его имя стоит на нескольких трудах, потому что он либо написал их сам, либо они были написаны под его руководством. *Mashafa Berhan* («Книга Света») и *Mashafa Milad* («Книга Рождества») содержат призывы противостоять врагам престола; указания, как преодолеть привычки и обычаи, считающиеся несовместимыми с христианской верой; предписания против магических обрядов и культа языческих божеств и пространное опровержение учений стефанитов и микаэлитов. «Книга Света» описывает организацию «Дома Евстафия». Зара-Якоб также является автором двух менее капитальных произведений – «Книга бытия» и «Соблюдение таинства».

В эпоху Зара-Якоба, описываемую как важнейший период эфиопской литературы, создана «одна из прекраснейших жемчужин эфиопской поэзии» (*Cerulli*, 1956, p. 147) – военная песнь в честь царя Исаака (правил в 1414–1429 гг.). Религиозная поэзия, например *Egziabber nagsa* («Бог правит») – написанная по заказу Зара-Якоба и представляющая собрание гимнов, имеет меньшую художественную ценность. *Arganona Maryam* («Арфа Марии»), сложенная по просьбе Зара-Якоба никому не известным Георгием Армянином, – это собрание гимнов, прославляющих Деву Марию. Темы, например «Красота», взяты из Библии.

Царь Наод (правил в 1494–1508 гг.) сочинял стихи о евхаристии, Деве Марии и св. Михаиле, которые исполняются и по сей день.

Наконец, в XV в. появился новый жанр поэзии, известный как *кене* и практикуемый в наше время. Согласно известной поговорке, кене принадлежит своему автору, как творение – своему Творцу, т.е. только автор кене способен полностью оценить свою поэзию, как один только Творец обладает полным знанием о Своих творениях (*Hammerschmidt*, 1967, pp. 126–127; *Ullendorff*, 1960, p. 109).

Архитектура

Судя по всему, до наших дней не сохранилось ни одного здания, построенного из кирпича, скрепленного известковым раствором, которое датировалось бы рассматриваемым периодом. Возникает вопрос, а были ли такие здания вообще, ведь в Эфиопии нет известняка? Общественные здания и прежде всего церкви строили в основном из камня, причем в Северной Эфиопии они имели в плане форму прямоугольника, что до сих пор можно увидеть в Дабра-Дамо, а в южных регионах – форму круга. Все церкви состояли из трех частей. Центральная часть, имевшая форму квадрата, называлась *meqdes* («святая святых»), там хранился *tabot* – простой деревянный или каменный столик, который ставили на алтарь во время евхаристии. В круге вокруг центральной части, называемом *qeddest*, осуществлялось святое причастие. Здесь же стояло духовенство, не участвующее в проведении службы. Внешняя галерея, где певчие (*debtaras*) пели гимны, называлась *qene mabiet*. Три части церкви соединялись тремя дверями, а стены между ними были украшены изображениями,

нарисованными на ткани (*Hammerschmidt*, 1967, pp. 126–127; *Ullendorff*, 1960, p. 109).

Знаменитые на весь мир церкви в Лалибэле в провинции Ласта (рис. 33) представляют собой огромные прямоугольные массивы скалы, получившиеся с четырех сторон выработкой громадных котлованов в твердой горной породе. Отдельный центральный блок превращался в церковь изнутри и снаружи. Построение 11 церквей приписывают царю Лалибэлы из династии Загуэ. Вероятно, они были построены, чтобы сформировать центр новой столицы Роха, которая должна была заменить старую столицу Аксум. Согласно эфиопскому преданию, церкви были вырублены для того, чтобы новый город мог заменить Иерусалим после того, как в 1187 г. Священный город был захвачен Саладином (*Van Donzel*, 1997a, *Aethiopia*). Были описаны также многие другие замечательные каменные церкви (*Geister*, 1968) (илл. 280 и рис. 33).

Обычным типом дома был так называемый «тукуль» – круглая хижина с конусообразной крышей, способная выстоять при сильных ветрах и проливных дождях. Водонепроницаемой крыша становилась благодаря теплу, поднимающемуся от очага. Каркас хижины делали из стволов деревьев, а промежутки между ними заполнялись ветвями, связанными с помощью соломы, а затем обмазывали смесью грязи и соломы, так как в рассматриваемый период цемент еще не был изобретен. Такая штукатурка нередко не выдерживала сильных ливней. Воздух и свет попадали в хижину через низкий вход, так как окон не было. На севере, где дожди обычно были не столь сильными, как на юге, каменные дома имели плоские крыши (*Ullendorff*, 1960, pp. 175–176).

Рукописи и живопись

«Ни одна страна не написала на пергаменте столько, сколько Эфиопия» (*Leroy*, 1961, p. 6). В Эфиопии произ-

растал папирус, но пока нет свидетельств, что папирус использовался в Эфиопии для письма, несмотря на продолжительные ее отношения с Суданом и особенно с Египтом. Бумага, появившаяся в Египте уже в VIII в., судя по всему, очень медленно осваивалась в Эфиопии, несмотря на то, что греческий термин *кертас* часто использовался в литературе на геэзском (эфиопском, мертвом семитском) языке. Эфиопские рукописи, написанные на бумаге, до XIX в. встречались очень редко (*Pankhurst*, 1961, p. 353). В большинстве своем они были выполнены за пределами этой страны, писцами в Каире, Александрии, Иерусалиме и Риме. В прибрежных регионах у Красного моря бумагу использовали египетские торговцы-евреи для написания отчетов в Египет (*Sergew Hable Sellasie*, 1981) и, вероятно, мусульмане.

Большинство эфиопских рукописей содержат рисунки. Раскраска использовалась главным образом на тонком пергаменте, так как козья кожа более высокого качества, чем овечья. Чтобы изготовить необходимый пергамент для некоторых самых больших рукописей, приходилось убивать 100–150 коз. Дести (печатные листы) обычно состояли из 5 листов, т.е. 10 ин-фолио или 20 страниц, и у каждой дести был порядковый номер. Обычно на одной странице располагались две колонки, в самых больших рукописях – три, а в небольших – одна. Переплетами служили толстые деревянные доски, часто обтянутые кожей. Том целиком помещался в специальный ящик с лямками, который можно повесить на плечо (*Ullendorff*, 1960, p. 141). Эфиопских рукописей старше XIV в. очень мало, однако те, что сохранились, демонстрируют каллиграфию высокой степени совершенства, что говорит об уже существующей каллиграфической традиции. Художниками и раскрасчиками были священники и монахи, желавшие напрямую передать свои религиозные наиздания. Поэтому картины выглядят живыми, яркими и понятными, а на изящности или искусности делается куда меньший акцент (илл. 49, 279).

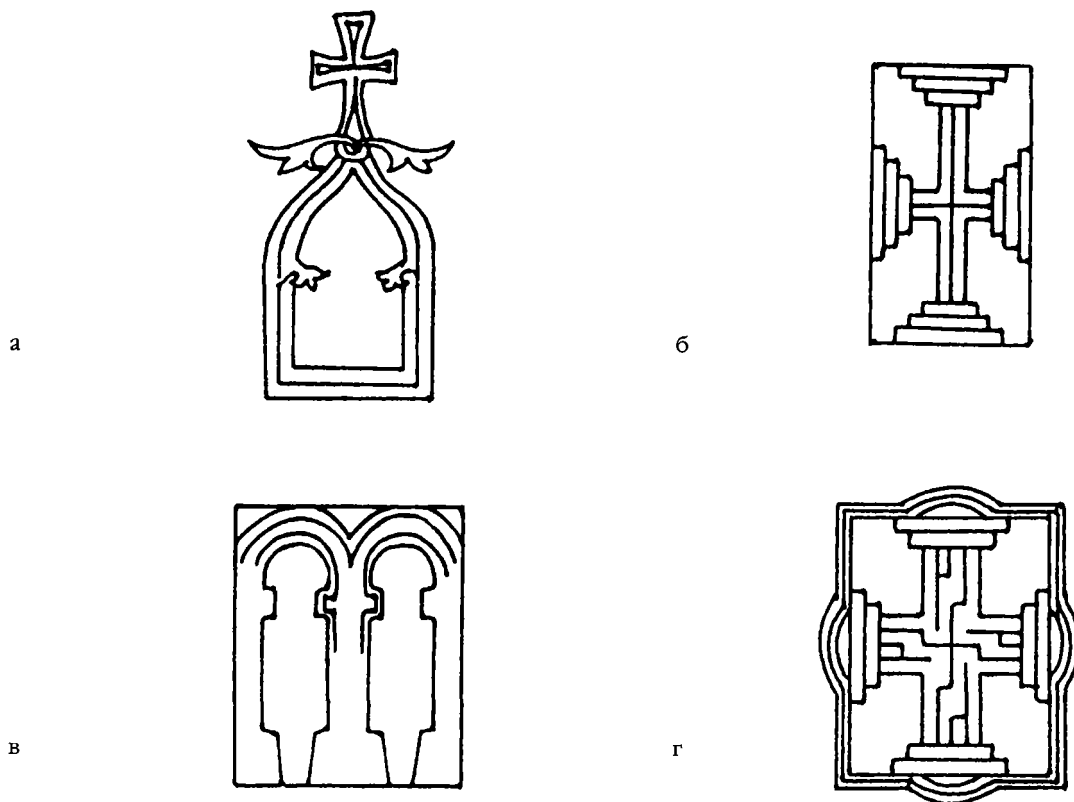

Рис. 33. Резные окна трех каменных церквей в Лалибэле (Эфиопия), конец XII–XIII вв.: а – церковь св. Гиориса; б – церковь св. Марьям; в, г – церковь св. Микаэля (по *Beckwith; Fisher*, *The Horn of Africa*, London, 1990, p. 16)

Картины писали главным образом на холсте и на стенах церквей. Считается, что эфиопская живопись находилась под влиянием византийского, сирийского и коптского стилей. Один из самых популярных сюжетов, выполненный на всевозможных материалах и в огромном множестве вариантов, – история царя Соломона и царицы Савской, как она рассказана в *Kebrā Nagast* («Слава царей») (илл. 49). Другим широко распространенным сюжетом было изображение на иконе, названное *kwer'ata re'esu* или «удар по его голове», на которой изображен Иисус, избиваемый тростью по голове (Матфей, 27). Она связывается с «часовней оскорбления» в Иерусалиме, которая попала в руки эфиопов во второй половине XV в. (Cerulli, 1943, pp. 265–275; 1947, pp. 109–129; *Chojnacki*, 1985). Наконец, следует упомянуть об изображениях св. Георгия из Лидды, одного из самых популярных святых (*Wallis Budge*, 1930).

Музыка

Эфиопская музыка и особенно гимны еще ждут своего изучения; в частности, интерес представляет так называемый *Deggua* («Сборник церковных гимнов») – собрание гимнов, которые обычно приписывают Яреду (*Yared*). Самый ранний текст датируется XV в. Почти все рукописи сборника содержат своеобразную нотную запись, знаками в которой выступают буквы, точки и кружочки, помещенные над нужным слогом. Они обозначают повышение или понижение голоса, а также прочие тональности, создаваемые голосом.

Музыкальные инструменты, используемые в церкви, включали щипковые инструменты с шестью или десятью струнами (*qfar*), с восемью или десятью струнами (*bagzma*), однострунную скрипку *масенко*, тамбурин (*коберо*), длинный барабан неграит и систрум (*senasel*). Пение фальцетом, хлопанье в ладоши и отбивание ритма молитвенной палкой (*mekwama*) являлись неотъемлемой частью религиозных церемоний (*Ullendorff*, 1960, p. 172; *Kaufman-Shelemay*, 1986).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BECCARI, C. 1903–1913. *Rerum Aethiopicarum Scriptores Occidentales irediti a saeculo XVI ADXIX*. 15 vols. Rome.
- BECKINGHAM, C. F.; HUNTINGFORD, G. W. 1961. *The Prester John of the Indies*, 2 vols. Cambridge University Press. London, New York, Toronto.
- BEZOLD, C. 1905. *Kebrā Nagast. Die Herrlichkeit der Könige. Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Munich.
- CERULLI, E. 1943, 1947. *Etopi in Palestina. Storia della Comunità Etiopica di Gerusalemme*, 2 vols. La Libreria dello Stato, Rome.
- 1943. *Il libro etiopico dei Miracoli di Maria e le sue fonti nelle letterature del Medio Evo-latino*. Rome.
- 1947. *Il 'Gesù percosso' nell'arte etiopico e le sue origine nell'Europa del XV secolo*. *Rassegna di studi etiopici*. Vol. VI.
- 1956. *Storia della letteratura etiopica*. Nuova Accademia Editrice, Milan.
- CHOJNACKI, S. 1985. *The 'Kwerata Re'esu': its iconography and significance; an essay in the cultural history of Ethiopia*. Instituto Universitariale Orientale. Naples.
- CREONE, F. 1902, 1903. *La politica orientale di Alfonso di Aragona*. Archivio storico per le Province Napolitane. Vol. 27.
- Encyclopaedia of Islam, 1960. 2nd edn. (E²). E.J. Brill, Leiden.
- ERLICH, H. 1994. *Ethiopia and the Middle East*. Lynne Rienner Publishers, Boulder, London.
- EVETTS, P. T. A. (ed.) 1904. *Patrologia Orientalis I*, fasc. 2.
- GERSTER, G. 1968. *Kirchen im Fels. Entdeckungen in Äthiopien*. Kohlhammer, Stuttgart.
- GRÉBAUT, S. 1911. *Le Livre des mystères du ciel et de la terre*. *Patrologia Orientalis*. Vol. VI, 3.
- GUIDI, I. 1932. *Stiria della letteratura etiopica*. Istituto per l'Oriente. Rome.
- HABLE, SELLASIE, S. 1981. *Bookmaking in Ethiopia*. Leiden.
- HAMMERSCHMIDT, E. 1967. *Äthiopien. Christliches Reich zwischen Gestern und Morgen*. Otto Harrassowitz, Wiesbaden.
- KAUFMAN SHELEMAY, K. 1986. *Music, Ritual, and Falasha History*. African Studies Center, Michigan State University, East Lansing.
- LEMMAY, T. 1975. *Ethiopian Musical Instruments*. Addis Abeba.
- LEROY, J. 1961. *Aethiopiens. Buchmalereien. Einleitung Jules Leroy. Texte Stephen Wright und Otto A. Jäger*, New York Graphic Society in Übereinkunft mit der UNESCO.
- AL-MAQRIZI. 1790. *Al-Ilmam bi-akhbār man bi-ard al-Habasha min multk al-Islam*. ed. and trans. RINCK, F. T. Leiden.
- MUYSER, J. 1937. *Le samedi et le dimanche dans l'église et la littérature coptes*. Appendix to TOGO MINA, 1937. *Le martyre d'Apā Epīma*. Cairo.
- NEWBOLD, D. 1945. *The Crusaders in the Red Sea and the Sudan*. Sudan Notes and Records. Vol. XXVI, Part 2.
- PANKHURST, R. 1961. *An Introduction to The Economic History of Ethiopia from Early Times to 1800*. Lalibela House. Addis Abeba.
- PÉRIER, J. and A. 1912. *Les canons des Apôtres*. *Patrologia Orientalis*, Vol. VII.
- PERRUCHON, J. 1889. *Historire des guerres d'Amā Seyon, roi d'Ethiopie*. *Journal Asiatique*. Série 8, tome XIV.
- 1893. *Les chroniques de Zar'a Ya'qob et de Ba'eda Maryam*. Paris.
- 1907. *Le Livre des Mystères du Ciel et de la Terre*. *Patrologia Orientalis*. Vol. I, I.
- QUATREMERIE, E. 1811. *Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines*, 2 vols. Paris.
- RODINSON, M. 1964. *Sur la question des 'influences juives' en Ethiopie*. *Journal of Semitic Studies*, Vol. IX.
- RONCIERE, C. DE LA. 1925. *La découverte de l'Afrique au Moyen Âge*. *Mémoires de la Société Géographique d'Égypte*. Vol. IV.
- AL-SAKHAWI. 1896. *Al-Tibr al-masbuk fi Dhayl al-Suluk*. Cairo.
- SCHEFER, C. 1892. *Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Brocquière*. Paris.
- SCHOPPEN, A. 1978. *Das Qat. Geschichte und Gebrauch des Genussmittels Catha Edulis Forsk*. Yemin.
- TAMRAT, T. 1966. *Some Notes on the Fifteenth-century Stephanite 'Heresy' in the Ethiopian Church*. *Rassegna di Studi Etiopici*, vol. XXII. Rome.
- 1972. *Church and State in Ethiopia 1270–1527*. Clarendon Press. Oxford.
- TRASSELLI, C. 1941. *Un Italiano in Etiopia nel secolo XV: Pietro Rombulo di Messina*. *Rassegna di studi etiopici*. Vol. I.
- TRIMINGHAM, J. S. 1952. *Islam in Ethiopia*. Oxford University Press. London, New York, Toronto.
- ULLENDORFF, E. 1960 (3rd edn. 1973). *The Ethiopians. An Introduction to Country and People*. Oxford University Press. London, New York, Toronto.
- VAN DONZEL, E. J. 1988. *Ibn al-Jawzi on Ethiopians in Baghdad*. In: BOSWORTH, C. E. E. A. (ed.) 1988. *The Islamic World. From Classical to Modern Times. Essays in Honor of Bernard Lewis*. The Darwin Press, Princeton, NJ.
- 1997a. *Ethiopia's Lalibala and the fall of Jerusalem in 1187*. *Aethiopica I*. Hamburg.
- 1997b. *The legend of the Blue Nile in Europe. The Nile, Civilizations, History, Myths*. *Proceedings of the Congress held in Tel Aviv 1997*.
- 1999. *Bard al-Jamāli, the Copts in Egypt and the Muslims in Ethiopia*. *Festschrift C. E. Bosworth (E²)*, E. J. Brill, Leiden (forthcoming).
- WALLIS BUDGE, E. A. 1922. *The Queen of Sheba and her only Son Menyelek*. London.
- 1928. *The Book of the Saints of the Ethiopian Church*. Cambridge University Press. Cambridge.
- 1930. *George of Lydda, the patron saint of England. A study of the Cultus of St. George in Ethiopia*. Luzac and Co. London.
- 1933 (repr. 1976). *The Alexander Book in Ethiopia*. Oxford University Press. London.
- 1935. *The Book of the Mysteries of Heaven and Earth*. London.
- WIET, G. 1938. *Les relations égypto-abyssines sous les sultans mamelouks*. *Bulletin de la Société d'Archéologie copte*. Vol. IV.
- WRIGHT, W. 1877. *Catalogue of the Ethiopian Manuscripts in the British Museum Acquired since the Year 1847*, No. 719. London.

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ И ОСТРОВА ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

35.1

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИИ

Эдвард А. Алтерс

Восточное побережье Африки, протянувшееся на 3000 км от юга Сомали до юга Мозамбика, стало одной из самых протяженных и самых важных территорий данного материка в течение двух последних тысячелетий. Из-за огромной протяженности этого берега, даже если исключить его северную и южную оконечности, следовало ожидать, что со временем здесь возникнут сложные взаимодействия со множеством вариаций. Так и произошло. Однако удивительнее всего то, что в ту эпоху на этой территории возникла особая африканская цивилизация, которая заняла не только побережье и находящиеся в открытом море острова, но и берега о. Мадагаскара и Коморские о-ва. В данном разделе как раз и рассматриваются силы, способствовавшие появлению этой цивилизации и ее формированию.

В климате побережья чем южнее к Мадагаскару, тем больше преобладает режим сезонных муссонов, господствующих в западной половине Индийского океана. Именно муссоны влияли на эффективность хозяйства побережья в рассматриваемый период, определяя сельскохозяйственный цикл, а также влияя на общение и обмен товарами через Индийский океан и с народами внутренних областей Африки. Северо-восточные муссоны преобладают с начала ноября до конца марта. В последующие месяцы климат этой части континента в основном определяется преобладанием устойчивого атмосферного давления в экваториальной зоне, приводящим к важному сезону сильных дождей. В июне, когда заканчиваются проливные дожди, устанавливается юго-западный муссон, который держится с июля по сентябрь, а ближе к октябрю в районе экватора наступает второй, более спокойный период экваториального давления. Весь год можно разделить на две, несколько не равные, части: период ветров из Южной и Юго-Восточной Азии при преобладании северо-восточного муссона вместе с периодом ветров из Восточной Африки в указанные регионы при преобладании юго-западного муссона, и период с двумя промежуточными и более короткими переходными сезонами. Следует также отметить, что количество осадков несколько уменьшается как к северу, так и к югу от современной границы между Кенией и Танзанией, а период сильных ливней приходит на север позднее, чем на юг.

В начале рассматриваемого периода на побережье, очевидно, жили северо-восточные бантуязычные земледельцы,

которые владели широко распространенной культурой, ассоциирующейся прежде всего с традицией производства керамики, известной как керамика Таны¹. Как правило, эти люди вели смешанное сельское хозяйство, основанное на выращивании (с использованием мотыг) зерновых, бобовых и некоторых фруктов; они также разводили крупный рогатый скот и дополняли свой рацион продуктами охоты и рыболовства. Что касается северной части, то имеются свидетельства интенсивного взаимодействия, нашедшего отражение в словаре скотоводства, между народами, говорившими на языке сабаки, и южными носителями кушитского языка (*Nurse, Spear, 1985*). Не останавливаясь на культурном переходе, произошедшем в конце первого тысячелетия по причине возникновения языков суахили и комора в языковой подгруппе сабаки и введения ислама (см. разделы 35.2 и 35.3), обратимся к специфическим методам, используемым народами этого побережья в рассматриваемый период для создания своей культуры.

Глубокие корни сельского хозяйства на побережье идут от самых первых поселенцев бантуязычных народов Восточной Африки. Из зерновых выращивали, в основном, просо и сорго, а в некоторых областях, например на Коморских о-вах, постепенно большое значение приобретал рис; среди бобовых главную роль играли местные разновидности бобов и гороха. Кроме того, здесь росли сахарный тростник, ямс, тыквы и огурцы, а также некоторые плодовые деревья. Позднее, к концу первого тысячелетия, из Азии были ввезены бананы и кокосы, которые распространились вдоль всего побережья и на прибрежных островах. Лингвистические свидетельства говорят о существовании обширного словаря земледельческого языка протобанту, соответствующего модели ведения хозяйства в условиях муссонного климата. В данный период, несомненно, возникла некая разновидность вспахивания земли под пар. Из зерновых не только готовили каши, но, вероятно, варили пиво, а обнаруженные во время археологических раскопок в некоторых прибрежных областях глиняные печи свидетельствуют о том, что к концу XII в. здесь пекли хлеб (*Chittick, 1975, vol. I, p. 35; Chittick, 1982, p. 60*).

Хотя основным занятием жителей побережья было сельское хозяйство, свой рацион они пополняли, разводя крупный рогатый скот, занимаясь рыболовством и охотой. Они занимались также пчеловодством или собирали мед в лесу

в дуплах диких пчел. Из литературных источников и по обнаруженным при археологических раскопках остаткам костей стало известно, что мясо крупного рогатого скота, овец, коз и кур потреблялось в разной степени, в зависимости от расположения поселения. Существование рыболовства, которым занимались в основном на мелководье с помощью копий, сетей и ловушек, как и охоты на морских черепахах и догоней, также подтверждается данными археологических раскопок и документами.

На основе систематического анализа остатков фауны (включая кости рыб и животных), проведенного британским археологом Хортоном (*Horton*) и кенийским остеологом Мудидой (*Mudida*) на о. Шанга (Кения), было подсчитано, что процентное содержание белка в рационе местного населения с 800 г. по 1400 г. постоянно росло, а домашняя живность, за исключением кур, стала важным продуктом только после 1050 г. (*Horton & Mudida*, 1993). Аналогичные данные, представленные древней фауной Коморских о-вов, свидетельствуют о похожих тенденциях в потреблении продуктов, в то же время подчеркивая важность рыболовства в зависимости от расположения конкретного поселения (*Wright*, 1992).

Выше отмечено, что широко распространенная традиция производства керамики связывала эти географически разбросанные прибрежные сообщества и общества находящихся в открытом море островов. До распространения ислама и значительного развития городов, сопутствовавшего большему объединению побережья с остальным миром Индийского океана в конце первого тысячелетия, местное гончарное дело было распространено на всем побережье, во всех местах, где проводились раскопки. Согласно восточно-африканским археологам Масао и Муроро, «двумя отличительными местными керамическими изделиями данного периода являются мешкообразные горшки для приготовления пищи, украшенные резным орнаментом на ободке и выступе, и красная полированная керамика» (*Masao & Muroto*, 1988, p. 594; см. *Wright*, 1993, p. 660), а также различные чаши и лампы.

Известно, что жители побережья обрабатывали железо. Свидетельства плавления иковки встречаются в самых ранних слоях на о-вах Манда и Шанга в кенийской группе о-вов Ламу, на нескольких стоянках на о. Занзибар, на о. Килва на юге Танзании и в Чibuэне на юге Мозамбика, хотя данные археологических раскопок мало что могут сообщить об ассортименте производимых изделий. Среди других производств, о наличии которых свидетельствует археология, можно назвать бусы из ракушек, в изобилии встречающиеся на о. Занзибар, а с первой половины второго тысячелетия – терракотовые веретена, указывающие на существование прядения и производство хлопчатобумажных тканей. Есть также свидетельства о получении морской соли выпариванием вдоль побережья Танзании, где соль и по сей день добывают таким образом (*Chittick*, 1975). Несмотря на то, что в археологических или документальных данных есть пробелы, можно говорить о постоянном развитии достаточно разнообразной и сложной технологии на побережье и о-вах Восточной Африки на протяжении всего рассматриваемого периода.

Возможно, лучший пример отсутствия свидетельств в отношении технологии побережья – наше полное неведение о всем, что связано с мореплаванием. Несмотря на то что есть документальные свидетельства применения лодок – «Периплов Эритрейского моря» из (*Periplus of the Erythraean Sea*, ок. 130–140 гг.) и от португальцев конца XV в., а также из резных рисунков на стенах в некоторых местах, нет материальных свидетельств об этих явно распространенных судах (*Chittick*, 1980). Но, несмотря на этот недочет, нет сомнений, что прибрежное мореплавание, включая умение переплывать проливы между материком и о-вами, например Занзибаром и Коморскими о-вами, было важной составляющей жизни обитателей побережья в рассматриваемый период (илл. 22).

Доказательством этого служит диапазон их расселения и общая культура всего побережья.

Единственная сфера деятельности, – архитектура. До IX в. большинство прибрежных жилищ были прямоугольными в плане (хотя некоторые из них были круглыми, до того как им на смену пришли прямоугольные дома) и строились из глины и прутьев с крышами из пальмовых листьев; этот способ строительства и по сей день существует среди простого народа. С расширением международной торговли и развитием городов, а также появлением ислама, которое рассматривается в двух следующих разделах, образовалось достаточно материальных возможностей для появления и развития особого стиля строительства, идеи которого возникали в связи с применением местных материалов – кораллового известняка и столбов из мангрового дерева, из местных представлений о проектировании и отделке, а также основывались на более общих идеях исламской архитектуры, известных тогда в западной части Индийского океана.

Люди добывали кораллы и, обжигая их, получали известковый раствор; из этого известняка производили штукатурку и бетон, и с течением времени методы строительства развились от постройки зданий из простых блоков, скрепляемых глиняным раствором, до более долговечных, сложных, эстетически тонких элементов строения, которые включали фундаменты, скрепленные с помощью известковых растворов, и отливки из смеси бетона с кусками кораллов, обеспечивавшие большую пластичность при сооружении сводов и куполов. На о. Манда строительство домов началось в конце первого тысячелетия, когда из квадратных коралловых блоков и глиняного раствора возводили фундаменты для строений из прутьев, обмазанных глиной, а затем и стены из кораллового известняка.

Судя по всему, похожая архитектура существовала и на о. Килва в первые века второго тысячелетия. К XIII в. при строительстве мечетей в Шанге применялись эти новые методы, а век спустя произошел всплеск строительства каменных домов, тогда как на о. Килва они применялись еще раньше. В самом расцвете развития побережья в XIII–XIV вв. в г. Килва-Кисивани был построен необыкновенный комплекс, носящий название Хусуни-Кубва, и мечеть значительных размеров. В этот же период стали строить из коралловой крошки и известкового раствора уникальные образцы прибрежной восточноафриканской архитектуры – так называемые колонные гробницы, созданные в пору расцвета о. Шанга (ок. 1320–1440 гг.). Строительная деятельность совершенно определенно свидетельствует о появлении на побережье Восточной Африки очень искусных ремесленников, например, о классных мастерах «резьбы по кораллам исключительно высокого качества, существовавшей в начале XII в. на Занзибаре» (*Horton*, 1992, p. 8). Тем не менее, несмотря на то что небольшие прибрежные поселения тоже принимали данный стиль строительства, следует помнить, что большинство людей по-прежнему жили в строениях из прутьев, обмазанных глиной, в обществе, которое постепенно превращалось в иерархическое (илл. 35, 200, 271, 272).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Более ранние упоминания о «керамике Таны» (*Abungu*; *Muroto*, 1993, p. 702) включают и «древнюю кухонную утварь», и «керамику суахили». Тесно связанные современные традиции производства керамики были обнаружены в Монало на севере Мозамбика и в Чibuэне на юге Мозамбика (*Sinclair et al.*, 1993, pp. 419–420, 423–424), а также на Коморских о-вах (*Wright*, 1993, p. 660).

БИБЛИОГРАФИЯ

(См. раздел 35.5)

ТОРГОВЛЯ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Эдвард А. Алтерс

Несмотря на то что в предыдущих работах, например в трудах Стандеса (*Standes*, 1989) и Купланда (*Coupland*, 1938), культурное и торговое развитие Восточной Африки объяснялось исключительно внешними влияниями, приходящими со стороны Индийского океана, существуют веские доказательства влияния местных факторов на развитие торговли и рост городов этого региона.

В качестве отправной точки в начале рассматриваемого периода целесообразно подойти к данному региону как к ряду соседних районов, свободно связанных вдоль побережья западными границами Индийского океана. Другими словами, мы рассмотрим побережье в этот период не как центр разнообразной деятельности (даже несмотря на то, что раздел сосредоточен как раз на этом вопросе), а как границу рассеянных сообществ, занявших данное побережье в процессе общего переселения бантуязычных народов в Восточной Африке. Население побережья несомненно поддерживало тесные отношения с жителями внутренних областей материка, с которыми в большинстве случаев их связывали язык и культура, хотя на севере эти взаимодействия затрагивали и южные народы, говорящие на кушитских языках (см. раздел 35.1). Что касается торговли и более крупных субрегиональных хозяйств того времени, то можно предположить существование симбиоза прибрежных и внутренних регионов, в котором обмен товарами и, в частности, продуктами питания практиковался как часть социально-экономической системы, включавшей также родственные отношения и обмен женами и невестами. Такая система обмена основывалась на неравномерном распределении природных ресурсов, например железа и соли, а также на дифференцированном влиянии экологических ниш на сельскохозяйственное производство и продуктивность животноводства. Особым преимуществом прибрежных жителей в такой системе был доступ к высококачественной морской соли, с одной стороны, и к морепродуктам, в том числе к рыбе и раковинам, – с другой. Эти схемы также служили структурной основой региональных стратегий преодоления опасности голода, когда отсутствие пищи в экологических зонах становилось критическим.

Несмотря на то что свидетельства такой реконструкции в данный период отрывочны, они согласуются с тем, что достаточно подробно известно о более поздних периодах жизни восточноафриканского побережья. Более того, существуют свидетельства, относящиеся ко второй половине первого тысячелетия. Так, кенийские археологи Абунгу и Муторо (*Abungu & Mutoro*, 1993) приводят замечательный пример такой субрегиональной сети, связывающей прибрежное поселение Унгуана, основанное в конце первого тысячелетия в устье р. Тана в Кении, с районами нижнего и среднего течения этой реки. Эта долина, считают они, образует сложную, взаимозависимую систему достаточно разнообразных экосистем, которые исторически поддерживали земледельцев, скотоводов и охот-

ников-собираателей. Связи побережья с внутренними регионами страны подтверждают лингвистические свидетельства и описанная выше традиция производства керамики. Однако археологических данных, свидетельствующих о торговле, очень мало. Одной из причин этого может быть то, что товары, которыми торговали внутренние и прибрежные народы с жителями внутренних регионов страны, в большинстве своем были скоропортящимися, как, например, продукты питания и прочие органические вещества, которые невозможно увидеть в археологической «записи» (там же, р. 703). Устные предания, напротив, повествуют о важных связях народов долины р. Тана с жителями побережья и о связях других прибрежных народов с жителями внутренних регионов страны. Кроме того, социальные связи нередко соединяли обширные родовые группы прибрежных сообществ с группами из внутренних регионов; эти связи были подобными тем, которые в период после 1500 г. в Момбасе подробно описал американский историк Берг (*Berg*, 1968). На самом деле, намеки о такой связи присутствуют в устных преданиях, собранных по всему побережью. Да это и неудивительно: для жителей внутренних областей континента прибрежные поселения открывали доступ к ресурсам Индийского океана, а их сообщества, в свою очередь, контролировали доступ к богатым ресурсам суши. Если учесть, что первые жители побережья действовали на самой дальней границе материка, то симбиоз побережья с внутренними регионами приобретает первостепенное значение.

Точно так же, как сложно найти физические свидетельства торговли, которая велась в этих субрегиональных зонах, крайне трудно выделить обмен между прибрежными сообществами из общей океанской торговли в первые века рассматриваемого периода. Однако точные свидетельства существования такой торговли датируются IX–X вв. благодаря керамике, привезенной со Среднего Востока и иногда из Китая, особенно распространенной в прибрежных областях. Поселения, разбросанные на дальние расстояния, были небольшими и самостоятельными, поэтому их, вероятно, точнее было бы называть деревнями, нежели городами – вплоть до XI в.

Хотя в рассматриваемый период во многих поселениях, несомненно, проживали отдельные мусульмане, отсутствие мечетей во всех, кроме нескольких (самая ранняя мечеть конца VIII в. обнаружена на о. Шанга), свидетельствует о том, что на побережье исламом было охвачено меньшинство жителей. Следует отметить, что эти поселения основаны восточноафриканскими народами, что неопровержимо доказывают результаты археологических раскопок.

В ходе каждой из крупных раскопок прибрежных поселений обнаруживалось, что под долговечными, иногда поразительными каменными архитектурными сооружениями, которые относятся к периоду расцвета побережья в последние века рассматриваемой эпохи, находятся более древние основания жилых построек африканцев. Самая

поразительная находка была сделана Хортоном (*Horton*) на о. Шанга, где обнаружился блок круглых и прямоугольных хижин и прямоугольный центральный загон для скота, удивительно напоминающий по пространственной организации такие же строения жителей сообществ близлежащих внутренних районов. То же самое можно высказать и о далеко расположенных сообществах в Момбасе, на о. Занзибар, на о. Килва и на Коморских о-вах.

В этот древний период процветала также заморская торговля. Данные археологических раскопок повсеместно свидетельствуют о постоянном увеличении количества привезенной керамики, а некоторые данные с африканской стороны показывают, что в другие страны вывозили слоновую кость и черепаший панцирь. Эти отдельные слабые намеки подтверждаются документальными свидетельствами. Арабский путешественник и географ аль-Масуди, который в последний раз посетил Восточную Африку в 916–917 гг., упоминает оба эти вида сырья. Среди вывозимых товаров в письменных источниках упоминаются серая амбра, хлопчатобумажная ткань, леопардовые шкуры, железо, благовония, дерево и специи. Не известно, где и как происходила торговля, но есть свидетельства вывоза из Восточной Африки рабов, поскольку установлено, что в IX в. на огромных соляных равнинах Нижнего Ирака жило очень много порабощенных *зинджей* – данный термин арабские авторы обычно использовали для описания народов этой части Африки, хотя к ним же они относили и народы Африканского Рога. Наконец, как и в более поздние века, важными товарами, ввозимыми через Индийский океан для населения прибрежных сообществ, в это время были далеко не вечные товары вроде тканей.

С начала второго тысячелетия и затем гораздо интенсивнее к концу XII в. на побережье и прибрежных островах расширилась торговля и развивались города. Изучение археологических местонахождений показало, например, что число поселений, как больших, так и малых, значительно выросло. Каменные здания, появившиеся сначала в более крупных поселениях, распространились с ростом благосостояния. Расширились главные города: Килва, например, разрослась в XI в. до площади в 30 га (*Wright, 1993, p. 667*), – и они становились все более иерархическими и мусульманскими (карта 31). Некоторые данные позволяют предположить, что главные города были инициаторами образования более мелких городов, по мере того как на яркий огонь процветающей в XIII в. и начале XIV в. индоокеанской торговли сюда стекалось все больше людей. Археологические раскопки показали, что в пору расцвета прибрежной торговли и развития городов существовала богатая архитектура – многочисленные крупные жилые (и, возможно, торговые) здания, а также множество мечетей, причем некоторые из них имели внушительный размер и конструкцию. От описаний Хортоном Шанги конца VIII в., в которой мусульман явно было немного, и от Мтамбве-Мкуу на о. Пемба в Танзании, где в XI–XII вв., судя по результатам раскопок мест захоронений, существовало «смешанное население из мусульман и немусульман, которых хоронили вместе» (*Horton, 1992, pp. 2–3*), мы переходим к середине XIV в., к свидетельствам великого арабского путешественника Ибн Баттуты. Его описания Могадишо и Килвы не оставляют никаких сомнений в том, что в городах побережья жили мусульмане, даже если этого нельзя сказать о жителях внутренних регионов материка (см. раздел 35.5).

Карта 31. Остров и город Килва (карта основана на морской карте N-661 Английского адмиралтейства, на археологических раскопках, проведенных Британским институтом в Восточной Африке под руководством Невилла Читтика (*Neville Chittick*), а также на сведениях из сочинений средневековых арабских авторов) (рис. *Matveiev*, 1984 г.)

Причиной резкого повышения благосостояния стало расширение торговли золотой рудой, добываемой в шахтах на плато Зимбабве; эта руда затем перепродавалась по суше на южное побережье Мозамбика в Софалу – место, которое, очевидно, сначала подчинялось Могадишо, а затем Килве. Следующим ярким знаком благосостояния, обеспеченного торговлей золотом и характерного для всех крупных прибрежных городов того времени, является появление отчеканенных здесь же монет, прежде всего медных, хотя некоторые монеты делали из серебра и совсем мало – из золота. Монеты чеканили в Килве, в Могадишо и на Занзибаре, но клады в основном фатимидских золотых и серебряных монет середины XI в. в Мтамбве-Мкуу свидетельствуют о расширении исламского мира. Можно считать, что к концу рассматриваемого периода побережье

Восточной Африки и сообщаемые с ним острова были неразрывно связаны с более обширным мусульманским миром и через него со Средиземным морем и с Востоком. Это явление не было новым, о чем напоминают «Периплы Эритрейского моря», но с приходом ислама, его распространением по всему бассейну Индийского океана и ростом торговой деятельности трех последних столетий этой эпохи данная часть африканского мира оказалась под гораздо более сильным влиянием этих течений, чем когда-либо ранее (илл. 22, 35, 200, 271, 272).

БИБЛИОГРАФИЯ

(См. раздел 35.5)

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ И МЕСТНЫЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АФРИКИ И ОСТРОВОВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Виктор Владимирович Матвеев

Особая, оригинальная культура, по праву образующая отдельную общность, возникла на восточном побережье Африки и на островах Индийского океана в результате взаимодействия нескольких народов. Ее появление стало результатом экономических, социальных и культурных процессов, происходивших в рамках местного общества. Имеющаяся у нас информация собрана из данных археологических раскопок, документальных источников на арабском, персидском и китайском языках, а также устных и письменных источников на суахили. Однако эта информация скудна и не дает полного представления об историческом и культурном фоне данного региона. Наибольший интерес представляют африканские источники на суахили и в некоторых случаях на арабском языке, так как вместе с фактическими данными они помогают понять внутреннюю организацию и дают разумное объяснение жизни восточноафриканского общества. Подобная информация, как правило, отсутствует во всех неафриканских источниках и, главное, в источниках, написанных на арабском языке. Эти и другие источники предоставляют достаточные объемы информации, однако их авторы интерпретировали все увиденное и услышанное с традиционной точки зрения своих, как правило, мусульманских, обществ. Археологические свидетельства неопровержимы, но их можно по-разному интерпретировать и датировать. Более того, во время раскопок можно найти лишь артефакты, произведенные из долговечных материалов, – в тропическом климате объекты растительного происхождения очень быстро портятся.

Население данного региона однородным не было. Оно состояло главным образом из африканцев, говорящих на языках группы банту. Меньшую часть составляли чужеземцы, которые становились временными или постоянными жителями этого региона. В эту группу входили арабы, персы, индийцы и другие. Судя по всему, они составляли малую долю от общего населения, но были все же достаточно многочисленны, так как африканцы подразделяли их на группы ва-арбу (*Wa-arbu*), ва-шаму (*Wa-shamu*) и ва-ширази (*Wa-shirazi*). Не отличалось однородностью и местное население. Большинство составляли народы и группы, пришедшие на побережье и острова сравнительно недавно и сохранившие свои традиционные племенные отношения. Остальные жители проживали на побережье уже долго и были более развитыми в социальном и культурном отношении, хотя и они придерживались некоторых традиций своего племенного общества. Первую группу арабские источники называли *зинджи*. Второй группой были *суахили* (от арабского слова «*sābil*» [мн. ч. «*sawābil*», что значит «берег»). Следует отметить, что в арабских источниках термин «зинджи» ис-

пользуется для обозначения более поздних переселенцев только в тех случаях, когда он появляется рядом с термином «суахили». В отсутствие подобной связи этот термин обозначает все население Восточной Африки и островов, а также другие народы. Впервые он встречается в арабских источниках в VII в., но, возможно, существовал еще до этого времени. Слово *sawābil* в значении «суахили» впервые упомянул арабский писатель и богослов Джахиз (767–869 гг.). Именно в VII в. из «плавильного тигля» культур всех этих групп впервые начала возникать единая культура. VII–X вв. стали периодом ее формирования, X–XII вв. – периодом подъема; в XIV в. наступил расцвет этой культуры, а XV в. стал свидетелем ее упадка и гибели после вторжения португальцев. Народ суахили сыграл главную роль в формировании этой культуры, которую иногда называют «цивилизацией суахили». Ее развитие стимулировала трансокеанская торговля со Средним Востоком, проводившаяся после сезона муссонов.

Вклад разных народов в формирование этой культуры был различным, но одинаково ценным и важным. Зинджи материковых территорий и крупных островов сохраняли традиции и занимались самыми важными видами деятельности, без которых общество не выжило бы, – земледелием и в некоторых местах скотоводством и охотой на крупных животных. Охотники предоставляли товары для продажи – слоновьи бивни, рога носорогов и шкуры леопардов. Кроме того, зинджи занимались деревообработкой, плетением, а позднее выращиванием хлопка, прядением и ткачеством.

Население суахили, судя по всему, занималось тем же самым, но не везде и в гораздо меньшем масштабе. Их деятельность была в большей степени сосредоточена на рыболовстве и промысле различных видов морских животных, собирании раковин, добывании жемчуга и т.п., на мореплавании, кораблестроении и занятиях астрономией. Кроме того, известно, что суахили также занимались добычей золота и железа и в некоторой степени обработкой железа и работоторговлей, использовали продукты почти всех видов деятельности для торговли в обмен на фарфор из стран Западной и Восточной Азии, бусы и различные ткани. Они строили небольшие жилища, а в XI–XII вв. появились постройки из камня и коралловых блоков.

Иноземцы принесли с собой ислам и сумму знаний и правил, с ним связанных, включая правовую систему (в XIII–XIV вв.), а также знания и умения, свойственные их странам.

Идеологические концепции африканских народов зинджи и суахили были, в сущности, концепциями доклассового общества. Однако относить восточноафриканское общество VII в. к примитивным и общинным было бы ошибочным. И все же эта эпоха и последующие периоды стали

свидетелями упадка этого общества и выдвижения племенных правителей из новой элиты влиятельных людей, разбогатевших на торговле. Новая социальная система подкреплялась ростом неравенства во владении собственностью. Самые ранние записи, касающиеся положения людей, датируются X в. В них отмечено, что уравнивательные принципы примитивной общинной идеологии изжили себя. Возникла потребность в новой идеологии, и именно ислам ее удовлетворил. Конкретное подтверждение этого присутствует в сочинениях арабского историка и путешественника Масуди, относящихся к 916 г. Он пишет о правителях зинджи и суахили, а также об о. Канбалу (Пемба), населенном мусульманами, которые не говорили на языке зинджи. Они правили этим островом, взяв живущих там зинджи в плен. Это говорит о том, что суахили были мусульманами, а зинджи – более простыми и отсталыми людьми.

Появление письменности на некотором этапе, очевидно в X–XIII вв., стало важным событием в развитии культуры суахили. Основанная на арабском алфавите, эта письменность была не простым заимствованием, а, скорее, творческим использованием готового материала. Исследование, проведенное русским ученым В.М. Мисюгиным, показало, что для понимания записанных текстов требуется глубокое знание языка суахили, а это говорит о том, что именно народ суахили изобрел свой письменный язык, главным образом для ведения торговли, учета и прочих записей.

Морская торговля суахили повлекла за собой появление множества поселений на берегу материка и на островах, причем с течением времени многие из них превратились в города, которые первоначально состояли из простых традиционных хижин, а позднее – из каменных зданий, начиная с мечетей (в XI–XII вв.) и продолжая строениями, выполняющими другие функции, – в XIV–XV вв. Методы строительства зависели от местных условий и обстоятельств; самыми выдающимися примерами этой архитектуры являются Большая мечеть в Килве (которая была отреставрирована) и дворцовый комплекс Хусуни-Кубва (илл. 35, 271, 272).

К XII в. общество суахили, язык которых развился за последние пять веков, формировалось, оставшись многоэтническим. Восточная Африка так и не стала арабоязычным регионом; исламизация проходила мирно, а взаимодействие языков суахили и арабского привело к обогащению первого важными быденными словами, заимствованными из последнего.

Отказ от прежних убеждений и принятие ислама означали, что народу суахили нужно найти свое место в идеологической, исторической и политической космографии исламского мира. В результате этого родилась целая серия этногенетических легенд, связывающих происхождение всего народа или его правящей фамилии со знаменитым исламским персонажем или какой-нибудь династией Ближнего Востока. Практически все города Восточной Африки и почти всех африканских стран, в которых распространился ислам, имеют такие легенды, которые должны подтверждать, что основатели восточноафриканской культуры по происхождению были арабами или персами. Это не значит, что именно так все и было или что корни культуры суахили, в сущности, не местные. Это противоречит нашему мнению, которое приписывает восточноафриканской культуре эндогенные корни, имея для этого достаточные основания. В.М. Мисюгин считал письменные документы суахили не столько хрониками событий, сколько официальными записями о вступлениях на престол различных династий. Это, в свою очередь, помогло

прояснить характер и правила наследования власти. Судя по всему, в правящих династиях восточноафриканских государств власть передавалась по мужской линии, но не напрямую от отца к сыну, а от поколения отцов и дядей к поколению сыновей, в пределах же одного поколения (*ндугу*) – от старших братьев к младшим. Женщины правящего клана были хранительницами этой власти, но приобретение ее зависело от брака – церемонии, которая также была причиной перехода власти к следующему в роду. Для сохранения власти браки старались заключать в пределах правящего клана. Однако иногда имели место и браки вне клана, которые открывали путь к власти мужчине, не принадлежащему к данному клану. Так, видимо, произошло с Сулейманом (*Sulaymān*) – основателем династии ал-Набхани (*al-Nabhanī*) в Пате, женитьба которого на представительнице правящего клана легла в основу ряда этногенетических легенд.

Подобные притязания на ложную родословную подтверждались и в более поздние времена, когда различные восточноафриканские группы или кланы стали претендовать на арабское или персидское происхождение, несмотря на свои неоспоримо африканские корни. Таким образом, существование описанной системы наследования среди правителей восточноафриканских поселений и городов показывает, что эти правители были африканцами (суахили), а не арабами или персами, имевшими другую систему наследования.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что культура народов Восточной Африки и островов, сформированная под влиянием местного общества, впитала некоторые черты различных источников, но в основе своей осталась местной культурой – африканской и суахили.

БИБЛИОГРАФИЯ

- МИКУЛУХО-МАКЛАЙ М.С. 90, Африканский этнографический сборник, 6. – М.
- МИСЮГИН В.М. 1966. Суахильская хроника средневекового государства Пате: В: Африка, культура и язык народов Африки. Академия наук СССР. Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая, 90, Африканский этнографический сборник, 6. – М.
- ЧИПТИК, Н. Н. 1974. Kilwa: An Islamic Trading City on the East African Coast. Nairobi.
- 1980. L'Afrique de l'Est et l'Orient: les ports et le commerce avant l'arrivée des Portugais. Paris, pp. 15–26.
- FREEMAN-GRENVILL, G. S. P. 1962. The Medieval History of the Coast of Tanganyika. London.
- 1962. The East African Coast: Selected Documents from the First to the Earlier Nineteenth Century. Oxford.
- INGRAMS, W. H. 1931. Zanzibar, Its History and Its People. London.
- MASAO, F. T.; MUTORO, H. W. 1988. East African Coast and the Comoro Islands. In: General History of Africa. Vol. III. UNESCO, Paris, pp. 586–615.
- MATHEW, G. 1966. The East African Coast Until the Coming of the Portuguese. In: OLIVER, R.; MATHEW, G. (eds) History of East Africa. Oxford, pp. 94–128.
- MATVEIEV, V. V. 1984. The Development of Swahili Civilization. In: General History of Africa. Vol. IV. UNESCO, Paris, pp. 455–480.
- 1960. Northern Boundaries of the Eastern Bantu (Zinj) in the tenth century, according to Arab sources. Oriental Institute, Moscow.
- OLIVER, R. 1970. Afrique orientale. In: DESCHAMPS, H. (ed.) Histoire générale de l'Afrique noire des origines à 1800. Paris, pp. 424–432.
- STIGAND, C. H. 1966. The Land of Zinj. London.

СМЕШАННЫЕ КУЛЬТУРЫ МАДАГАСКАРА И ДРУГИХ ОСТРОВОВ

Рафоло Андрианавоаривони

Индийский океан с его многочисленными морями с самых ранних времен служил для мореплавания на дальние расстояния, которое к первым векам н.э. научило моряков искусно использовать муссоны – ключ к плаванию между Индией, Персидским заливом, Красным морем и побережьем Восточной Африки (илл. 22). Заселение Мадагаскара в середине первого тысячелетия и Коморских о-вов в VIII–IX вв. стало следствием поездок мореплавателей и торговцев с Индонезийского архипелага, из Юго-Восточной Азии, Южной Индии, Персидского залива и Красного моря в западную часть Индийского океана. Однако заселение Маскаренских о-вов (Маврикий, Реюньон, Родригес) и Сейшельских о-вов началось только в XVII в., хотя и в средние века эти острова были хорошо известны арабским мореплавателям.

Индийский океан, связывающий Океанию, Азию и Африку, поставял народы и культуры на Мадагаскар и Коморские о-ва, где они обосновывались и порождали смешанные культуры: австронезийской, восточноафриканской (банту), частично, арабо-исламской на Мадагаскаре и арабо-исламской, восточноафриканской и австронезийской – на Коморских о-вах.

В данном разделе мы не будем определять степень влияния каждой культуры на цивилизацию островов; постараемся описать эти смешанные культуры в их новой среде, а также рассмотреть культурную и технологическую способность создавать, свойственную этим обществам в период с 600 по 1492 г.

ПОСЕЛЕНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

С VII по XIII в., когда в основном завершилось заселение Мадагаскара как вдоль побережья, так и во внутренних областях острова, каждая волна иммигрантов обладала собственными культурными характеристиками. Среди них были афро-индонезийцы с юго-востока о. Борнео (VII–IX вв.), которые, вероятно, провели достаточно долгое время на восточноафриканском побережье, тем самым положив начало прекрасному симбиозу австронезийской и восточноафриканской культур, развившемуся на земле Мадагаскара; «ширази», высадившиеся на Коморских о-вах и на севере Мадагаскара в XI в.; в XII в. за ними последовали исламизированные группы: *зафираминия* (*Zafiraminia*), которые после краткого пребывания на севере острова обосновались в его юго-восточной части, и группа *анталаомсе* (*Antaloaise*) («народ открытого моря») – городские торговцы, которые селились на островах и на берегах заливов северного и северо-западного побережий, подобно «Народу побережья» восточноафриканских городов суахили. В то же время все большее чис-

ло индонезийцев, в разной степени оказавшихся под влиянием цивилизации банту, высаживались в бухтах в восточной части северо-востока острова, намереваясь занять его внутреннюю область. В XIII в. на юго-востоке страны появились другие исламизированные группы: *зафиказимамбо* (*Zafikazimambo*) (потомки *казимамбо* и *антеморо-анакара* (*Antemoro-Anakara*) («Народ берега»), владевшие шрифтом *sorabe* («крупное письмо»), с помощью которого малагасийский язык записывали арабскими буквами задолго до принятия латинского алфавита в 1820 г.

Изменение малагасийской среды началось с первыми прибывшими, и деятельность каждого нового поселения приводила к сокращению обширных лесных массивов и к расчистке крупных земельных участков сначала под пахотные земли, а затем – для создания рисовых полей в низинах и долинах. Это и привело в XI или XII в. к исчезновению почти всей крупной фауны, например гигантского лемура (*Archaeolemur*), крупной наземной черепахи (*Geochelone grandidieri*), эпиорниса («слоновьей птицы», *Aepyornis*) и карликового гиппопотама (*Hippopotamus lemerlei*).

Появление людей на Коморских о-вах – Нгазидже, или Гранд-Коморе, гористом и не имеющем постоянных рек; Мвали, или Мохели, Ндзуани или Анжуане и Маоре, или Майотта с их щедрыми плодородными почвами и непересыхающими реками – происходило так же, как и на Мадагаскаре. Сначала, возможно уже в V в., там появились небольшие группы афро-индонезийцев (*Masao & Mutoro*, 1990, р. 633); затем, в VIII–X вв., на островах побывали одна за другой небольшие группы арабов, которые еще не подверглись исламизации (это подтверждают раскопки найденных захоронений). Этот период подъема был отмечен так называемой культурой дембени (*Wright*, 1984, 1992, *Allibert*, 1990), к которой мы вернемся позднее. Исламизированные группы появились на островах в XI–XIV вв.; среди них особенно выделялись ширази, занимавшиеся распространением ислама в юго-западной части Индийского океана и обратившие в эту религию всю группу островов.

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЯ И ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ (карта 32)

Типы поселения менялись в зависимости от периода и места и могли быть простыми или укрепленными. От первых мало что осталось, и их местоположение порой сложно определить, так как нет ничего, что обозначило бы их границы. На Мадагаскаре таковыми являются поселения рыбаков на юге (Сародрано, V в.; Талаки, XI в.), каменные укрытия и пещеры на севере, включая Андавакоеру, относящуюся к 405 г., – на данный момент старейшее из известных поселений на Большом о-ве, или археологические местонахождения простейших жилищ на берегах водных

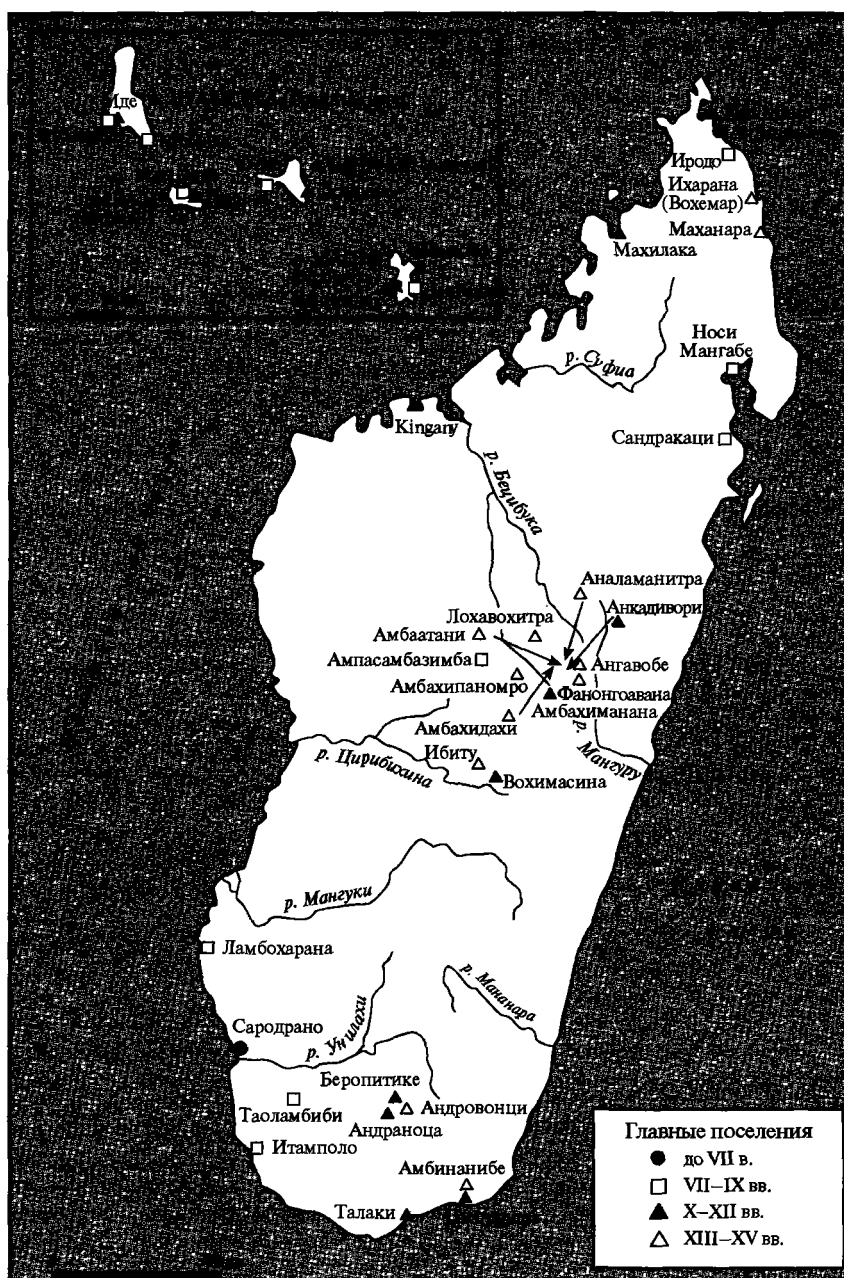
путей (Беропитике, XI в., на юге Мадагаскара) или вблизи водных источников (местонахождения в округе Махафале, XV в.). На Коморских о-вах встречаются остатки маленьких деревушек, основанных в XII в. В некоторых подобных местах присутствуют внушительные каменные строения, например, каменные ограды сухой кладки в центральной и южной частях Мадагаскара (XIV–XVI вв.), служившие, судя по всему, загонами для животных, и архитектурные остатки (дома, захоронения, мечети) в факториях, расположенных на берегах Коморских о-вов и севера Мадагаскара и процветавших в IX в. на Коморских о-вах и к XI–XII вв. – на Мадагаскаре.

Укрепленные поселения строили на склонах холмов или на их вершинах. Оборонительные стены возводились вокруг поселений на Коморских о-вах с XV в., а на Мадагаскаре – с XI в., если не раньше, поселения окружались рвами с водой. В частности, такие поселения, окруженные рвами, расположены на центральном нагорье и на крайнем юго-востоке Мадагаскара, а самыми старыми из ныне известных являются Ам-

бахиманана (XI в.) и Анкадивори (XIII в.), расположенные в районе современной столицы Мадагаскара г. Антананариву.

Старые малагасийские жилища того времени строились из недолговечных материалов (дерева, листьев, коры, веток и т.п.) и имели прямоугольную в плане форму, как в Индонезии. Во влажных областях дома ставили на столбы, в горной местности – на каменные опоры, а в теплых районах юга и запада – прямо на землю. Площадь домов колебалась от 20 до 30 кв. м, а в XVI в. могла достигать 50–70 кв. м, если то был дом правителя. Дома строились вдоль оси север-юг с входом на западной стороне и глухой стеной на востоке, чтобы защитить обитателей от холодных ветров. Организация жизненного пространства определялась рельефом местности и конкретными очертаниями каждого места, но приоритет, как правило, имела северная сторона за исключением южных частей острова, где обычно выбирали южную сторону.

На Коморских о-вах камень использовали для постройки фундамента домов с самых ранних культурных периодов

Карта 32. Археологические местонахождения, известные и датированные на Мадагаскаре и Коморских о-вах, относящиеся к периоду с 600 по 1500 г. (рис. Rafolo)

VIII–X вв., самыми типичными местами которых были Дембени (*Dembeni*) (Маоре) и Старая Сима (*Old Sima*) (Ндзуани). С появлением ислама использование камня возросло, но большинство домов строилось из растительных материалов.

УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Образ жизни

Подсечно-огневое земледелие – древняя индонезийская и африканская традиция, было жизненно необходимо для людей, привыкших к иным сельскохозяйственным методам, например, к выращиванию риса на орошаемых или затопленных полях или горного риса. Эти методы им пришлось отложить до лучших времен, когда будут подготовлены долины и расчищен лес. Большие количества сожженных рисовых зерен, найденные в Дембени (V в.) на о. Майотта и в некоторых местах во внутренней области Мадагаскара (Фанонгоавана, XIII в. и Лохавахитра, XV в.), свидетельствуют о практике выращивания риса. Кроме риса, на Коморских о-вах на обрабатываемых участках земли выращивали просо, бобовые, кокосовые пальмы, бамбук, бананы и таро (*Wright*, 1992); эти же растения были обнаружены и на Мадагаскаре наряду с сахарным тростником и азиатским ямсом. Население, помимо этого, собирало различные корни и лесные фрукты.

Образ жизни охотников-собираателей, судя по всему, не был превалирующим, за исключением некоторых регионов Мадагаскара, и всегда нуждался в сельском хозяйстве. Имеются свидетельства о повсеместном разведении домашних животных в данный период на Мадагаскаре и Коморских о-вах по найденным в больших количествах костям зебу (*Bos indicus*), быков (*Bos taurus*), коз, овец и свиней (*Sus scrofa domestica*), в частности, в Дембени задолго до появления ислама). В малагасийских поселениях внутренней области есть ограждения, напоминающие о поселениях-краях восточноафриканских банту, от которых местные жители также переняли использование крупного рогатого скота в качестве капитала. Также практиковалась охота на насекомоядных животных – тенреков (щетиных ежей) на Коморских о-вах в VIII–XI вв. и на юге Мадагаскара в XI в. Во многих малагасийских поселениях ели мясо морских свинок (*Poramochoerus larvatus*), а на крупных животных охотились даже в XIII в. на самой северной части острова (*Deuar & Rakotovololona*, 1992). В рационе рыбаков прибрежных поселений, как на Мадагаскаре (Сародрано, Талаки), так и на Коморских о-вах (Багамойо, X–XIII вв., на Майотта), преобладали морепродукты: рыба, ракообразные, черепахи и моллюски, пойманные с помощью гарпунов, крючков, удочек и сетей. Рыболовством занимались также жители внутренних областей островов.

Технологии

Люди, высадившиеся на Мадагаскаре и Коморских о-вах, привезли с собой собственную технологию и навыки, которые они приспособивали в зависимости от типов и, прежде всего, качества материалов, имевшихся в новой для них окружающей среде.

Дерево, распространенный и доступный материал, использовалось для строительства жилищ и изготовления мебели для дома, а также для некоторых погребальных принадлежностей, музыкальных инструментов, посуды, оружия и ловушек, так что некоторые регионы можно на совершенно законных основаниях описать как использовавшие технологии обработки дерева.

Сильное влияние местных материалов проявляется также в гончарном деле, отличающемся характерными чертами творчества. Так, малагасийцы для изготовления гон-

чарных изделий выбирали почвы со слюдой, кварцем или полевым шпатом для обезжиривания, а также подмешивали в глину графит для глазурования. Эти изделия они изготавливали вручную, а обжиг производили на открытом воздухе при низких температурах (500–800°). Формы сосудов и декоративные сюжеты, одинаковые по всей стране, свидетельствуют о единой культуре и распространении технологий. Среди изделий встречаются чаши, кувшины, крынки, горшки для приготовления пищи (самые старые напоминают те, что производили из стеатита, или мыльного камня на исламских стоянках), глиняные водоохладители, глазурованные при применении графита тарелки с ножками, типичные для центральных нагорий, масляные лампы и ковши, сделанные из обожженной глины. Помимо этого были еще игрушки и некоторые инструменты, например, веретена. Формы и стили совершенствовались со временем, так что возникла замечательная культурная непрерывность в течение данного периода и даже выходящая за его пределы.

Сюжеты орнаментов были чисто геометрическими; это, например, отпечатки маленьких треугольников или кружочков, рисунок в «елочку», параллельные или крестообразные насечки, рельефные или резные.

На Коморских о-вах отличительной особенностью местной керамики является традиционное украшение изделий ракушками с зазубренными краями, включая арочные узоры – арка, упомянутые археологами Райтом (*Wright*, 1984) в Дембени и Аллибертом (*Allibert*, 1983) в Багамойо. Другая оригинальная разновидность местной керамики носит название «красной керамики Дембени» с полированной и глазурованной красной полосой.

Остальные изделия были совершенно обычными и походили на керамику малагасийцев или суахили. Так, керамика периода Маджикаво (VIII в.) напоминает изделия поселения Иродо (северо-восток Мадагаскара), а керамика периода Ханьундру (XI–XIII вв.) – изделия из Махилака на северо-западе Мадагаскара. Самыми распространенными изделиями являются большие чаши, иногда килевидной формы, глазурованные, красного цвета, иногда украшенные узором арка. Второе место занимают сферообразные кухонные горшки с узкими горлышками.

Древние малагасийцы добывали гранит с помощью теплового удара (нагрев и быстрое охлаждение). Мыльный камень, распространенный в северо-восточном и юго-восточном районах и используемый для изготовления горшков, резали ножами, а затем обтачивали и/или выдалбливали.

Обработка металла, появившаяся с первыми переселенцами, оставила множество следов (инструменты, окалину, мастерские, шлифовальные камни, оружие, украшения) в поселениях, появившихся до IX–X вв. на побережьях Мадагаскара и Коморских о-ов и до XII в. – в центре и на юге Мадагаскара. Первые малагасийцы получали железо из порошковой руды или железосодержащих камней в небольших глиняных печах, используя в качестве топлива древесный уголь, а в качестве флюса – известняк (CaCO_3) (*Radimilaky*, 1985, pp. 63–66). Свидетельства обработки драгоценных металлов, например золота и серебра, были получены благодаря шлифовальным камням разной формы, найденным в нескольких местах внутреннего региона Мадагаскара.

Обработка кожи, изготовление корзин и ткачество оставили меньше следов, да они и относятся к более позднему периоду (XII–XIV вв.). Это, например, металлические крючки, костяные напильники, следы плетения корзин, случайно отпечатавшиеся на дне сосудов перед обжигом, и веретена.

ТОРГОВЛЯ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Большое количество ввезенных предметов, обнаруженных во время раскопок, свидетельствует об интенсивной торговле по морским путям, связывающим острова

юго-западной части Индийского океана с Восточной Африкой, Красным морем (а оттуда, несомненно, со Средиземным морем), Персидским заливом (особенно с портом Сираф) и Дальним Востоком через Южную Индию, Юго-Восточную Азию и Индонезию. В VII–XI вв. этой торговлей занимались в основном австронезийские купцы, а Мадагаскар, помимо всего прочего, вывозил благовония, лекарственные растения и специи (*Domenichini-Ramiramanana*, 1990; *Domenichini*, 1988). Коморские о-ва также посещали неислаимизированные арабские торговцы (*Wright*, 1992). Между XII в. и концом XV в. торговля в этом регионе попала под господство арабов, и острова стали частью исламского мира и его системы хозяйствования. Вследствие этого в малагасийской культуре появились лунный календарь, астрология, названия дней недели, арабская письменность, словарь предсказаний, использование монет и весов и запрет на потребление свинины.

На Коморские о-ва последовательные поселения мусульманских торговцев привнесли культурные традиции, очень близкие культуре народа суахили, который на Мадагаскаре имел фактории, аналогичные поселениям *анталаотсе* (*antalaotse*) вдоль северо-западного и северо-восточного берегов. Расширение их деятельности, ориентированное в основном на открытое море, превратило их в настоящие города, поначалу небольшие, площадью 8–15 га, как Дембени, Сима и Домони (на о. Ндзуани) в период Ханьундру на Коморских о-вах, а позднее – более крупные, как Махилака, площадью до 60 га, согласно исследованию, которое проводил Радимилахы (*Radimilaky*). «Порт» представлял собой песчаный берег, к которому причаливали одномачтовые каботажные суда для разгрузки и загрузки при малой воде. Затем суда ждали прилива, чтобы вновь вернуться в море.

Среди перевозимых товаров (иногда попадавших на территории, весьма далекие от побережья, например в Центральную и Южную части Мадагаскара) были сельскохозяйственные продукты, в частности, специи, различные жидкости (вода, масла, сиропы), рабы, большие количества исламской керамики времен Сасанидов (глиняные кувшины, чаши), после XI в. – расписные сосуды (крапчатые глазурованные и покрытые тонким слоем специальной глины керамические изделия из исламских стран), так называемая красная керамика Дембени, горшки с Мадагаскара из стеатита для приготовления пищи, красный сердолик из Индии, керамика из Западного Индокитая (залив Мартабан, современный Моутама), «бело-голубой» и «желто-черный» китайский фарфор, китайская утварь зеленого цвета с изображением ивы у мостика через ручей (тарелки, чаши, горшки, чайники и т.п.), стекло (уже в X в.), бронзовые зеркала, серая амбра и многие другие товары, от которых до наших дней не сохранилось ни следов, ни воспоминаний.

На протяжении всего рассматриваемого периода западная часть Индийского океана и в частности Мадагаскар были местом встреч соседних народов, обитающих на островах Индийского океана и вокруг него. Таким образом, огромный остров был центром распространения идей, а также всевозможных товаров и растений на восточное побережье Африки. Однако и в обратном направлении поток был не менее мощным, так как большая часть населения, ряд культурных компонентов, исламская религия, а также многие продукты, изготовленные на продажу, проходили через Восточную Африку, прежде чем попасть на Мадагаскар.

РАЗВИТИЕ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

Вполне вероятно, что переселенцам каждого периода были знакомы сложные концепции и формы политической и социальной организации стран, где они родились или жили какое-то время. Тем не менее пока не было необходимости устанавливать их в тех странах, куда они

приехали, на Мадагаскаре или Коморских о-вах, если принять во внимание размер сообществ и их изолированность. Элементарная организация для управления хозяйством и проведения религиозных обрядов удовлетворяли только до XII в., когда численность групп выросла настолько, что понадобилось принять иную, более подходящую систему организации, например государство, т.е. стоящую над народом власть (*Vérin*, 1992), идея которой, возможно, была навеяна извне. Такая смена политической организации не была одновременной во всех регионах: некоторые области Мадагаскара познакомились с ней лишь в XIX в. На Коморских о-вах она произошла с появлением *фани* (первых мусульманских начальников) в XII–XIII вв., и режимы султанского правления возникли в XV в., а на Мадагаскаре они появились в XII в. с возникновением царств в различных частях острова и городов-государств в главных факториях (*Vérin*, 1975, 1992).

РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ

Религия древних малагасийцев основывалась на понятии Бога, создавшего всё, который персонифицируется в виде мужских божеств, именуемых Занахари («творец») или Андриаманитра («благоухающий повелитель»); на представлениях о предках, которые, как считалось, следят за живыми, духах природы, амулетах, назначение которых состояло в защите их владельца или причинении вреда другим; на гадании, основанном на счастливых или несчастливых промежутках времени (*винтана*) и на геомансии (*сикиди*), т.е. на предсказаниях, основанных на фигурах, которые образуются при бросании горстей земли. *Омбьяса* (целитель-предсказатель), *мтисикиди* (предсказатель) и *мтитан-казаманга* (владелец амулета, которых и по сей день очень много на западе и юге Мадагаскара) были так называемыми святыми людьми малагасийской традиционной религии (*Vig*, 1973). Древние малагасийцы вызывали Бога, предков или духов в различных священных местах, например в северо-восточном углу дома, у могил, около некоторых камней, деревьев, гор, родников, озер и т.п. Эти верования сохранились при распространении ислама, который смог лишь поверхностно закрепиться только на северо-западном и северо-восточном побережьях острова. На Коморских о-вах, напротив, отчасти из-за небольшой протяженности этой островной группы и малого числа жителей, ислам, сначала шиитский (XI–XIII вв.), а затем суннитский (XIV в.), сумел одержать полную победу и оставить глубокий отпечаток на цивилизации этих островов.

Появление ислама в этой части Индийского океана было обусловлено несколькими факторами, включая торговлю и религиозные гонения. Секты и братства, считавшиеся еретическими, в частности – некоторые суфийские секты, которые приветствовались далеко не везде, так как считались обскурантистскими, мистическими и слишком иррациональными, отправляли в изгнание, иногда в очень отдаленные регионы. В результате западный регион Индийского океана, уже хорошо известный арабским торговцам и мореплавателям, стал убежищем: тех, кто подвергался гонениям и высылался, с радостью принимали в Восточной Африке и на Коморских о-вах местные жители, которые поселились здесь раньше и впоследствии обратились в исламскую веру.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLIBERT, C., ARGANT, A.; ARGANT, J. 1983. Le site de Bagamoyo (Mayotte), *Etudes Océan Indien*, Paris, No. 2, pp. 5–10.
— 1990. Le site de Dembéné (Mayotte, Archipel des Comores), *Etudes Océan Indien*, Paris, No. II, pp. 63–172.

- CHANUDET, C.; VÉRIN, P. 1983. Une reconnaissance archéologique de Mohéli, *Etudes Océan Indien*, Paris, No. 2, pp. 41–58.
- DESCHAMPS, H. 1972. *Histoire de Madagascar*. Paris.
- DEWAR, R.; RAKOTOVOLOLONA, S. 1992. La chasse aux subfossiles: les preuves du onzième siècle au treizième siècle, Taloha. Antananarivo, No. II, pp. 4–15.
- DOMENICHINI-RAMIARAMANANA, B. 1990. Madagascar. In: *General History of Africa*. Vol. III. UNESCO, Paris, pp. 681–703.
- DOMENICHINI, J. P. 1988. *L'Histoire de Madagascar aujourd'hui*, Antananarivo.
- ESOAVELOMANDROSO, F. V. 1984. Madagascar and the Neighboring Islands from the 12th to the 16th Century. In: *General History of Africa*. Vol. IV. UNESCO, Paris, pp. 597–613.
- MASSAO, F. T.; MUTORO, H. W. 1990. The East African Coast and the Comoro Islands. In: *General History of Africa*. Vol. III (UNESCO, Paris.), pp. 586–615.
- OTTINO, P. 1976. Le Moyen Âge de l'Océan Indien et les composantes du peuplement de Madagascar. *Asie du Sud-Est et Monde Insulindien (ASEMI)*. Paris, Vol. VII, Nos. 2–3, pp. 3–8.
- RADIMILAHY, C. 1985. La métallurgie ancienne du fer à Madagascar Musée de l'Université Antananarivo.
- RAFOLO, A. 1987–1988. L'alimentation carnée chez les anciens Malgaches. In: *Nouvelles du centre d'art et d'archéologie*. Antananarivo. Nos. 5–6, pp. 22–26.
- 1989. Habitats fortifiés et organization de l'espace dans le Vonizongo (Centre-ouest de Madagascar); le cas de Lohavohitra. University of Paris-I, doctoral thesis. Paris.
- RASAMUEL, D. 1984a. Alimentation et techniques anciennes dans le Sud malgache à travers un dépotoir du XIe siècle. In: *Etudes Océan Indien*. Paris, No. 4, pp. 81–109.
- 1984b. L'ancien Fanongoavana. University of Paris-I, Third Cycle thesis. Paris.
- 1989. Madagascar (Archéologie). In: *Universalia. Encyclopaedia Universalis*, Paris, pp. 229–233.
- TOUSSAINT, A. 1961. *Histoire de l'Océan Indien*. Paris.
- VÉRIN, P. 1975. Les échelles anciennes du commerce sur les côtes nord de Madagascar. Service de reproduction des thèses, 2 vols. Lille.
- 1990. Madagascar. Paris.
- 1992. Etats ou cité-états dans le nord de Madagascar. Taloha. Antananarivo, No. II, pp. 65–70.
- VÉRIN, P.; WRIGHT, H. T. 1981. Contribution à l'étude des anciennes fortification de Ngazidja (Grande Comore). In: *Asie du Sud-Est et Monde Insulindien (ASEMI)*. Paris, No. XI, pp. 289–303.
- VIG, I. 1973. Les conceptions religieuses des anciens Malgaches. Impr. Catholique. Tananarive.
- WRIGHT, H. T. 1984. Early Seafarers of the Comoro Islands: the Dembeni Phase of the IXth–Xth Centuries AD. *Azania*. Nairobi, No. XIX, pp. 13–59.
- 1990. Trade and Politics on the Eastern Littoral of Africa AD 800–1300. In: *Urban Origins in Eastern Africa/Working Papers 1989*. Central Board of Swedish Antiquities. Stockholm.
- 1992. Early Islam. Oceanic Trade and Town Development on Nzwani: the Comorian Archipelago in the XIth–XVth Centuries AD, *Azania*. Nairobi, No. XXVII (in press).

Эдвард А. Алтерс

Без сомнения, народы развивающейся культуры суахили восточного побережья Африки и океанских островов, как и народы любых других культур, считали, что они живут в центре Вселенной. Однако с точки зрения всемирной истории, и даже истории Индийского океана или африканского континента, данный регион находился на периферии мира, известного в те времена. И все же этот регион ни в коем случае нельзя назвать неизвестным, а с появлением, развитием и распространением ислама он все больше втягивался в преобладавшие международные торговые и культурные течения. В результате на протяжении рассматриваемых 900 лет этот обширный регион африканского мира притягивал внимание и считался важным в международной торговле, прежде всего как источник до того недоступных предметов роскоши. Несмотря на некоторые важные достижения местной культуры, для чужеземцев этот регион не был источником культурного вдохновения или мирового лидерства.

В начале этого долгого периода – около 600 г., изоляция данного региона, судя по всему, была большей, чем в начале первого тысячелетия н.э., когда, по данным «Периплов...», он был хорошо известен, хотя и удаленной частью более обширного Средиземноморского мира. Рассматривая торговлю и развитие городов (см. раздел 35.2), мы видели, что он оставался достаточно маргинальным примерно до 1100 г. Иногда эту ситуацию объясняют значительным перерывом в раннем развитии мусульманской торговли в регионе Индийского океана, вызванным восстанием рабов-зинджи в Нижнем Ираке и Персидском заливе в 866–883 гг., из-за которого были закрыты самые важные порты залива и возникли серьезные препятствия для морской торговли. Если допустить, что рабы-зинджи попали в Ирак с восточноафриканского побережья или, по крайней мере, вследствие торговли через это побережье, несмотря на то, что мы не можем с полной определенностью проследить их происхождение и знаем лишь, что они не говорили по-арабски, то становится очевидным, что берег Восточной Африки оказал сильнейшее влияние на Аббасидский халифат в конце IX в.

Ко времени последнего посещения Восточной Африки историком и путешественником Масуди, всего три десятилетия спустя, уже была заложена основа оживленных торговых отношений, которые возникнут в последующие века, и начиная с этого времени можно наблюдать влияние культурных течений мусульманского мира на общество побережья. Например, описывая торговлю слоновой костью на побережье, Масуди отмечает, что большая часть этого товара перевозилась с побережья в Оман, откуда слоновую кость везли в Индию и Китай, жалуясь, что «если бы ее не приходилось отправлять в эти страны, то в мусульманском мире слоновой кости было бы очень много». В Китае, как поясняет автор, из слоновой кости вырезали трости, которые носили все чиновники, и ручки для дверей храмов, а в Индии ее использовали для изготовле-

ния рукояток кинжалов и рукоятей (эфесов) сабель, но особенно для шахматных фигур и фигурок для игры в триктрак (*Mas'udi*, 1965, pp. 323–324). Около полувека спустя, утверждает Хортон, в европейской культуре, христианской и мусульманской, «произошла радикальная перемена», обусловленная появлением изумительной резьбы по слоновой кости, основная масса которой, по его мнению, «приходила из Восточной Африки» (*Horton*, 1987, p. 86). Таким образом, на основании разных аспектов развития в X в. можно видеть международное признание превосходства африканской, особенно восточноафриканской, слоновой кости из-за ее пригодности для тонкой резьбы.

По мере распространения в мире славы восточноафриканского сырья рос и интерес к данному региону. Подобно тому как жители побережья были связующим звеном с внутренними регионами Африки, мусульманские торговцы поддерживали физические связи побережья с внешним миром. Господство арабов и индийцев в торговле через Индийский океан гарантировало, что сведения о Восточной Африке и островах и доступ к ним будут осуществляться преимущественно по арабским каналам. Различные арабские литературные источники, разделяющие взгляды Масуди, красноречиво подтверждают это. В то же время вследствие своей близости к важным исламским регионам Восточная Африка стала обширным, а потому безопасным пристанищем для различных мусульманских инакомыслящих (религиозных и политических) из Южной Аравии и Персидского залива, а также регионом богатых возможностей для авантюристов. Сложная история поселения мусульман и развития ислама на восточноафриканском побережье дает многочисленные свидетельства для такой реконструкции, даже если детали остаются источником постоянных споров ученых. К сожалению, неизвестно, в какой степени жители побережья участвовали в распространении массовых (в противовес литературным) знаний и представлений Восточной Африки в этот период, что они, несомненно, должны были делать. Вряд ли можно сомневаться в том, что жители побережья принимали участие в торговле через Индийский океан в качестве моряков, даже несмотря на то, что международные морские пути почти полностью принадлежали арабским, персидским и индийским судам. И, подобно всем мореплавателям, по крайней мере, в портах этого региона, включая Красное море, они, должно быть, рассказывали друг другу истории о своей родине, будившие воображение слушателей. Мы никогда не сможем подтвердить эту утраченную историю документально, но она, несомненно, имела эффект.

Не существует лучшего способа уловить аромат этого мира и его репутацию среди других народов, чем узнать свидетельство очевидца Ибн Баттуты, который во время своих путешествий 1331 г. провел по несколько дней в каждом из двух самых важных городов побережья – Могадишо и Килве. Могадишо Ибн Баттута описывает так: «...огромный город. Живут в нем торговцы, владеющие широкими

ресурсами; им принадлежат большие количества верблюдов, сотни которых они ежедневно режут [на мясо], и большие стада овец. Здесь производят ткани, которые называются в честь города, которым нет равных и которые продают в Египет и другие страны» (англ. перевод *Gibb*, 1956–71, vol. II, pp. 419–420). Поскольку Ибн Баттута был не торговцем, а литератором, то и гостил он не у местного торгового посредника, а у *кади* (судьи). Его представили правителю города, который носил титул *шейха* и говорил как на местном языке (из текста не ясно, идет речь о языке сомали или суахили), так и на арабском. Когда его принял кади, который был «египтянином по происхождению», ему подали «листья бетеля с кусочками семян пальмы арека» – продукты из Южной Азии, символизирующие гостеприимство в Индии, а руки его омыли в «розовой воде из Дамаска». Еда, которую подали Ибн Баттуте, отражала кулинарное влияние Индии, Персидского залива и Африки, да и одежда, которую ему предложили для пятничных молитв, тоже отражает эти космополитические влияния. Среди других аспектов чужеземного влияния, на которые обратил внимание путешественник, были манера приветствия шейха его сторонниками, которая «ничем не отличается от обычая народа Йамана (*Yaman*)», и четыре балдахина, увенчанных фигурками золотых птиц, которые, по мнению британского арабиста Гибба (*Gibb*), аналогичны церемониальным зонтам фатимидского Египта. На следующий день Ибн Баттута посетил еженедельные судебные слушания в резиденции шейха и заметил, что по одним делам решение было вынесено в соответствии с исламским правом, а по другим – согласно обычному праву (*Gibb*, 1962, vol. II, pp. 375–378).

Остановившись в Момбасе лишь на одну ночь (признак того, что этот город, которому после 1500 г. суждено было стать центром международного соперничества между португальцами и оманскими арабами, еще не достиг столь высокого уровня в политической экономике побережья), марокканский путешественник отправился в Килву, «большой город на морском побережье, большинство жителей которого были зинджи [*sic*], черными как смоль». Там он узнал о морском пути в Софалу и времени, которое нужно затратить, чтобы попасть во внутреннюю область Южной Африки, откуда золото привозили на берег, в Софалу. Килва произвела на него впечатление «одного из самых прекрасных и очень основательно построенных городов», он также заметил, что ее обитатели «в большинстве своем религиозны и честны и следуют шафитскому (*Shafi'ite*) обряду». Можно понять, что для Ибн Баттуты Килва находилась на краю мусульманского мира, так как он отметил, что султан «нередко принимал участие в экспедициях на землю зинджи [*sic*], во время которых мусульмане грабили эти земли и захватывали военные трофеи», пятую часть которых султан отдавал на благочестивые нужды, как предписывает Коран. Рассуждая о благочестии, смирении и щедрости султана, Ибн Баттута поименно называет нескольких *шарифов* из Ирака и Хиджаза, посещавших Килву, что является еще одним подтверждением важности ее положения в международном восприятии (*Gibb*, 1962, vol. II, pp. 379–381) (илл. 35).

Важность восточноафриканского побережья в этот период признавалась не только арабами в частности и не только мусульманами в целом. Распространение предметов роскоши с этого континента в Азию и Средиземноморье, должно быть, поддерживало его репутацию очень богатого региона или, по меньшей мере, места, откуда богатство можно получить. Тем не менее удивительно мало информации о Восточной Африке или африканцах в Индии можно почерпнуть из индийских источников в отношении всего этого периода (*Talib*, 1988, pp. 731; *Devisse with Labib*, 1984, p. 656). Однако китайские источники изображали рабов-зинджи в высшей степени негативно, хотя в то же время сама Восточная Африка описывалась как место,

в некотором роде, заслуживающее внимания из-за ее природных ресурсов. Наконец, предприняв последовательно семь отважных документально зафиксированных морских походов в 1405–1433 гг. с использованием необычно большого флота, китайцы сами попытались проникнуть в Индийский океан, дважды достигнув Восточной Африки в 1417–1419 гг. и в 1421–1422 гг. Во время первой экспедиции флот высадился в Малинди, на побережье Кении к северу от Момбасы, и его командующие послали императору жирафа, который считался символом удачи. Во время второй экспедиции китайцы достигли Могадишо и Барауэ, расположенного южнее, и оставили увлекательные описания их обитателей (*Talib*, 1988, pp. 731–733; *Devisse with Labib*, 1984, p. 658; *Wheatley*, 1975; *Shen*, 1995 – критический обзор того, как эти источники временами неправильно интерпретировали и использовали).

В XV в. произошел поворот в судьбе разных городов восточноафриканского побережья, когда важность Килвы и Могадишо несколько уменьшилась, а влияние Момбасы, Малинди и Занзибара возросло. Однако побережье Восточной Африки и ее острова, хотя они по-прежнему оставались на периферии мировой деятельности, заняли в регионе прочное место. Тем не менее, когда в конце XV в. в воды Индийского океана вошли португальцы, знавшие немало о богатстве Востока, особенно в отношении специй, им мало что было известно о богатой региональной культуре, процветавшей на побережье Восточной Африки (илл. 22, 200, 271, 272).

БИБЛИОГРАФИЯ (35.1, 35.2, 35.5)

- ABUNGU, G. H. O.; MUTORO, H. W. 1993. Coast–Interior Settlements and Social Relations in the Kenya Coastal Hinterland. In: SHAW, T. et al. (eds) *The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns*. London, New York, pp. 694–704.
- BERG, F. J. 1968. The Swahili Community of Mombasa, 1500–1900. *Journal of African History*. London, Vol. IX, No 1, pp. 35–56.
- CHITTICK, H. N. 1974. Kilwa: An Islamic Trading City on the East African Coast. *British Institute in Eastern Africa, Nairobi*. 2 vols (Memoir No. 5).
- 1975. An Early Salt-Working Site on the Tanzanian Coast. *Azania*. *British Institute in Eastern Africa, Nairobi*. Vol X, pp. 151–153.
- 1980. Sewn Boats in the Western Indian Ocean, and a Survival in Somalia. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exportation*. London, Vol. 9, No. 4, pp. 297–309.
- 1982. Medieval Mogadishu. *Paideuma*. Wiesbaden. No. 28, pp. 45–62.
- COUPLAND, R. 1938. *East Africa and its Invaders*. Oxford.
- DEVISSE, J. (in collaboration with LABIB, S.) 1984. Africa in Inter-Continental Relations. In: NIANE, D. T. (ed.) *General History of Africa, IV: Africa from the Twelfth to the Sixteenth Century*. UNESCO, Paris; London, Berkeley, pp. 635–672.
- HARRIS, J. E. 1971. *The African Presence in Asia*. Evanston, Ill.
- HORTON, M. September 1987. *The Swahili Corridor*. *Scientific American*. Washington, XXX, pp. 86–93.
- 1992. Archaeology and the Early History of Zanzibar. Paper presented at the International Conference on the History and Culture of Zanzibar, Zanzibar.
- HORTON, M.; MUDIDA, N. 1993. Exploitation of Marine Resources: Evidence for the Origin of the Swahili Communities of East Africa. In: SHAW, T. et al. (eds) *The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns*. London, New York, pp. 673–693.
- IBN BAṬṬŪṬA. 1853–1859. *Rihla* ('Journey'; full medieval Arabic title: *Tuhfat al-Nuzzārīfī 'Aja'ib al-Amṣār*, 'Gift unto the Observers concerning the Marvels of the Lands'). First edn. Of Arabic text with French trans. By C. Defréméry and B. R. Sanguinetti, 4 vols, Paris 1853–1859. English trans. By H. A. R. Gibb, *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa*. Hakluyt Society, Cambridge, 1956–1971. Arabic text only: *Rihla Ibn Baṭṭūṭa*, ed. by Talāl Harb, *Dār al-Kutub al-'Ilmiyya*, Beirut 1992.
- MASAO, F. T.; MUTORO, H. W. 1988. The East African Coast and the Comoro Islands. In: EL FASI, M.; HRBEK, I. (eds) *General History of Africa, III: Africa from the Seventh to the Eleventh Century*. UNESCO, Paris; London, Berkeley, XXV, pp. 586–615.

- AL-MAS'ŪDĪ. 1861–1877. *Muruj al-Dhahab (The Meadows of Gold)*; Arabic text with French trans., *Les prairies d'or*, by C. Barbier de Meynard and Pavet de Courteille; Arabic text revised by Ch. Pellat, Beirut 1965; repr. Arabic text, Beirut 1987.
- MATVEYEV, V. V. 1984. The Development of Swahili Civilization. In: NIANE, D. T. (ed.) *General History of Africa, IV: Africa from the Twelfth to the Sixteenth Century*. UNESCO. Paris; London, Berkeley, pp. 455–480.
- NURSE, D.; SPEAR, T. 1985. *The Swahili: Reconstructing the History and Language of an African Society, 800–1500*. Philadelphia.
- SHEN, J. 1995. New Thoughts on the Use of Chinese Documents in the Reconstruction of Early Swahili History. *Madison*, Vol. 22, pp. 349–358.
- SINCLAIR, P. J. J. 1982. Chibueni: An Early Trading Site in Southern Mozambique. *Paideuma*. Wiesbaden, 28, pp. 149–164.
- SINCLAIR, P. J. J. et al. 1993. A Perspective on Archaeological Research in Mozambique. In: SHAW, T. et al. (eds) *The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns*. London, New York, pp. 409–431.
- STRANDES, J. 1961. *The Portuguese Period in East Africa (Berlin, 1899)*. Translated by Jean F. Wallwork; edited with topographical notes by KIRKMAN, J. S., East African Literature Bureau, Transactions of the Kenya Historical Society, Nairobi, Vol. II.
- TALIB, Y. 1988. based on a contribution by Samir, F., *The African Diaspora in Asia*. In: EL FASI, M.; HRBEK, I. (eds) *General History of Africa, III: Africa from the Seventh to the Eleventh Century*. UNESCO, Paris; London, Berkeley, pp. 704–733.
- UNESCO. 1980. *Historical Relations Across the Indian Ocean*. Report and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port Louis, Mauritius, 15–19 July 1974. *The General History of Africa: Studies and Documents 3*. Paris.
- WHEATLEY, P. 1975. *Analecta Sino-Africana Recensa*. In: CHITTICK, H. N.; ROTBERG, R. I. (eds) *East Africa and the Orient: Cultural Syntheses in Pre-Colonial Times*. New York, London, pp. 76–114; Appendix 2, pp. 284–290.
- WRIGHT, H. T. (with contributions by KNUDSTAD, J. E.; JONSON, L. W.; REDDING, R. W.) 1992. *Early Islam, Oceanic Trade and Town Development on Nzwani: The Comorian Archipelago in the XIth–XVth Centuries AD*. Azania. British Institute in Eastern Africa, Nairobi, Vol. XXVII, pp. 81–128.
- 1993. *Trade and Politics on the Eastern Littoral of Africa. AD 800–1300*. In: SHAW, T. et al. (eds) *The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns*. London, New York, pp. 658–672.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА

Исидор Ндайвел-э-Нзием

Центральная и Южная Африка – огромная территория континента между примерно 4 град. с.ш. и мысом Доброй Надежды, за исключением области между линией, проведенной от оз. Виктория до оз. Малави (Ньяса), и Индийским океаном. Этот регион, занимающий более трети всего материка и более половины Африки, расположенной южнее Сахары, имеет величайшее разнообразие географических особенностей: горы – наивысшие точки материка, великие реки, например Замбези и Лимпопо, впадающие в Индийский океан, или Оранжевая и Конго, впадающие в Атлантический океан.

Растительный покров этой области является своего рода воспроизведением, но в обратном порядке, природного покрова Западной и Северной Африки. После саванны, занимающей северную часть Центральной Африки, начинается обширнейшая зона лесов, преобладающая на территории, расположенных вдоль экватора и по главным водным путям; далее располагается зона великих южных лугов, которая на юго-западе отступает перед пустыней Калахари, а затем начинается зона умеренного климата, простирающаяся до самой южной оконечности материка. В основном климат здесь тропический, за исключением региона, расположенного вдоль экватора, охватывающего Габон, юг Камеруна и Демократическую Республику Конго (ДРК, бывш. Заир), где климат экваториальный, и юго-западной части, включающей Намибию, Ботсвану и западную часть Южной Африки, где преобладает сахель или даже пустыня. Несложно понять причину повсеместной низкой плотности населения, если не считать нескольких районов, например Руанды и Бурунди, территорий, окружающих крупные городские центры, и южной прибрежной зоны (*van Chi-Bonnardel*, 1973, 25–41).

Приблизительно до 1000 г. эта часть материка была практически полностью изолирована от остального мира, за исключением некоторого индонезийского влияния, появившегося на восточном побережье. И все же с самых ранних времен она была заселена, о чем свидетельствуют многочисленные каменные производства, обнаруженные там археологией¹, занимающейся доисторической эпохой.

В Южной Африке коренной, старейший слой современного населения состоит из охотников-собирателей и пастухов, известных как бушмены и готтентоты, соответственно. Явно родственные друг другу и очень похожие по физическому типу, эти две группы населения говорят на сходных языках, у них очень похожие способы существования и материальные культуры. Впоследствии пастухов-готтентотов стали называть кой-коин, а охотников-бушменов – сан; слияние двух этих названий породило название койсан (*Parkington*, 1981, pp. 639–670). В начале новой

эры в их среде обитания появились люди, использующие железо, которые пришли с севера.

Сан, вероятно, представляют древнейшее население Южной и Восточной Африки. Изначально они не были коренными жителями Калахари и, возможно, обитали в некоторых частях Сахары, где обнаружены пещеры с наскальными рисунками, стиль которых напоминает стиль рисунков, выполненных в Юго-Западной Африке. Кой-коины, вполне возможно, – результат смешения сан с ново-прибывшими белыми с северо-востока. Областью их распространения, судя по всему, был регион Великих озер Восточной Африки, а Южной Африки они, видимо, достигли только после переселения сан.

Разбросанных по региону пигмеев, которые и по сей день живут в отдаленных областях, в Центральной Африке считают остатками коренного населения данного региона. Они живут отдельными группами в верхней долине р. Итури к востоку от ДРК, в лесах Габона и Южного Камеруна и в долине р. Убанги и р. Санга (*Schebesta*, 1957; *Vansina*, 1966a, pp. 53–69). Эти люди, вероятно, были рассеяны по всему рассматриваемому региону африканского материка и жили главным образом за счет собирательства, охоты и рыболовства, обменивая мясо дичи на злаки и клубни. Их небольшой рост, судя по всему, послужил источником сказок о «маленьких людях с большими головами», сохранившихся в преданиях банту о самых первых хозяевах этой земли, которых прогнали новоприбывшие. Чтобы оправдать захваты лучших земель, переселенцы в своих завоевательских преданиях рассказывают, как все легче становилось прогонять «маленьких людей», так как упав, они не могли подняться без посторонней помощи из-за массы своей головы, и потому их так легко уничтожили.

На самом деле все было далеко не так просто, как гласят предания, и не все древнейшие хозяева Центральной Африки были пигмеями. Уже в столь ранний период отмечено существование человеческих групп, напоминающих современных банту. Историям об истоках, очевидно, придали этиологическую форму лишь для того, чтобы оправдать *фактическую* ситуацию, когда прибытие новых жителей привело к поглощению, безусловно, менее многочисленных групп, существовавших ранее. Их подавили и присоединили доминирующие группы, так как они имели превосходство, поскольку владели методами металлургии, одомашнивания животных и земледелия.

Однако отдельные небольшие группы этих древних народов, стремясь сохранить независимость, удалялись жить в самые неблагоприятные области, чем и объясняется современное существование пигмеев, сан и кой-коин в демографическом составе Центральной и Южной Африки.

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ (карта 33)

Переселения ради поиска пропитания были постоянной и даже неизменной особенностью субэкваториальной Африки. В зависимости от времени года возникала необходимость отправиться на поиски земли с более обильной дичью, более плодородной, если обрабатываемые земли начинали давать меньшие урожаи или до них было слишком далеко.

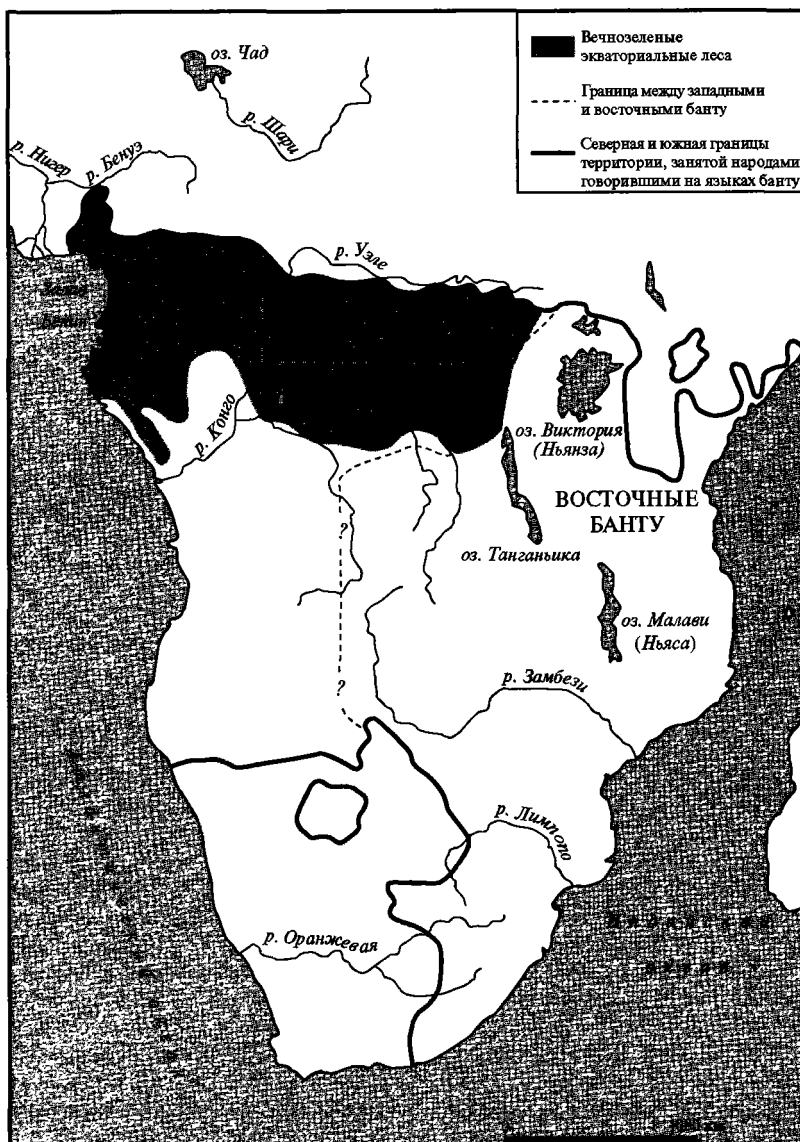
Таким образом, мобильность была неотъемлемой особенностью существования, так как без нее было трудно выжить. Далеко не всегда она была сознательной и запланированной; логично, что мысли о переселении появились лишь тогда, когда ресурсы пропитания на месте проживания полностью исчерпывались. Постоянная необходимость приближать жилища к тем местностям, где можно заниматься собирательством, также приводила к постепенному перемещению, которое обнаруживалось всем народом лишь годы спустя.

Крупные переселения, произошедшие здесь, были совершенно разными. Необходимость в них возникла как следствие переселения людей из северных областей из-за постепенного высыхания Сахары; помимо этого, были и другие факторы, которые служили импульсом к переселениям: голод, эпидемии, войны или простой дух авантюризма.

Первой миграцией было расселение банту (*Obenga*, 1985; 1989). Проблема точной идентификации этого народа имеет долгую историю. Лингвисты первыми заметили, что подавляющее большинство народов, заполняющих южную треть материка, говорит на близко родственных языках.

В 1862 г. на основе схожести слов, имеющих значение «люди» в этих различных языках (*бато* у дуала, *бот* у фанг, *баару* у тьо, *банту* у конго, *банто* у монго, *вар* у нгуни, *баар* у динг, *баат* у бушонго, *банту* у луба, *абанту* у руанда, *ванху* у шона и *абанту* у гереро), У. Блик (*W. Bleek*) назвал эту группу языков «банту». Дело в том, что сходство этих языков слишком значительно, чтобы оказаться простой случайностью или обычным заимствованием; оно, скорее, свидетельствует об общем происхождении. Соответственно, исходный язык был назван «протобанту» – язык, который предположительно породил данное языковое семейство, исчезнув в динамическом процессе лингвистического дробления.

В работе Г. Джонстона (*Johnston*, 1886) впервые предложена серьезная гипотеза относительно местонахождения колыбели этого общего древнего языка, которое позволило бы определить его географические координаты, а значит, и происхождение банту. Затем ученые стали пытаться воссоздать процесс их распространения по континенту. Несколько специалистов посвятили свою

Карта 33. Распространение народов банту в Центральной и Южной Африке (по *Vansina*, 1988, *General History of Africa*, Heinemann – UNESCO)

жизнь решению этой проблемы; среди них были лингвисты, археологи, антропологи, историки и др.²

Однако эта широкая заинтересованность, позволившая за несколько десятилетий сформировать множество разных подходов, не приблизила к лучшему пониманию, а в некоторых аспектах даже стала источником новой путаницы³. Одно из доказательств этого заключается в том, что даже на современном этапе исследования по-прежнему очень сложно точно определить происхождение банту и причины их распространения по всей субэкваториальной Африке, даже сам принцип «переселения» не является таким определенным, каким он мог показаться. Языки банту могли распространиться без какого бы то ни было сопутствующего переселения народа банту, как это произошло в случае с романскими языками, которые распространились из Лацио по всей Западной Европе, несмотря на то, что население Лацио на значительные расстояния не переселялось, или с арабским языком и культурой, проникшими в большую часть Египта и другие районы Северной Африки без крупномасштабного переселения народа с Аравийского п-ова.

Выдающийся историк Оливер (*Oliver*) выдвинул первую правдоподобную теорию, объясняющую историю распространения банту из их родной области по всему матерiku вплоть до Южной Африки: он предположил, что противоречивые на первый взгляд гипотезы Гринберга (*Greenberg*) и Гатри (*Gutbrie*) на самом деле являются взаимно дополняющими. С помощью последних данных эту историю можно кратко представить следующим образом (по крайней мере, пока не будут обнаружены свидетельства, опровергающие это).

Бантуязычные народы проживали на плато, расположенном на территории между современными Нигерией и Камеруном, точнее, в области среднего течения р. Бенуэ, как раз на границе двух этих стран. Их распространение в южном направлении началось во времена неолита, между 1000 г. до н.э. (или даже раньше) и 400 г. до н.э. (*de Maret; Nsuka, 1977, pp. 43–66*). Это был длительный процесс и проходил он в четыре этапа: сначала очень быстрое переселение вдоль водных путей Конго маленьких групп, говоривших на протоязыках банту, из лесов Центрального Камеруна и долины р. Убанги в похожие регионы к югу от экваториальных лесов, где окружающая среда напоминает природу их родины; затем постепенное объединение и оседание переселенцев, а также их распространение через лесной пояс, простирающийся от берега одного океана до другого и охватывающий регион Центральной Африки между устьем р. Конго на западном побережье и р. Рувума в Танзании на восточном побережье; позднее быстрое проникновение банту в более влажный регион к северу и югу от территории их прежнего проживания; и наконец, заселение оставшейся части современной Африки, занятой банту. Весь этот процесс завершился только к 1500 г. (*Lwanga-Lunyigo & Vansina, 1988, pp. 140–162*).

Начиная с северных саванн, это движение разделилось на две ветви: одна из них потянулась по западной стороне материка, а вторая – по восточной. Таким образом, возникли две группы языков банту: западные языки банту (особенно те, что принадлежат к группе конго) и восточные языки банту (особенно языки региона Великих озер Восточной Африки), которые распространились дальше на юг.

Вдоль западного «пути» на родном языке данной группы, как считают ученые, все еще говорили в течение первого тысячелетия на территории между р. Алима и лесом, на правом берегу р. Конго, т.е. в переходной зоне между лесом и саванной, как располагалась и родина этого народа. Оттуда этот родовой язык распространялся и подвергался дроблению, его переносили рыбаки вдоль различных рек в регионе и отдельные люди из деревни в деревню. Распространение языка было настолько быстрым, что от ранее существовавших здесь коренных

языков не осталось и следа, так как их поглотили или подавили языки этих народов.

В восточной области восточные протобанту селились на западных берегах оз. Танганьика между 600 и 400 г. до н.э. или позднее, тремя последовательными волнами. Первую составляли предки народа лега-гура в ДРК, распространившиеся к западу от западной Африкано-Аравийской рифтовой системы; вторая – предками приозерных банту Руанды, Бурунди и Восточной Уганды; третья волна – предками тули из Восточной, Центральной и Южной Африки. Распространение металлургии на территории от Великих восточноафриканских озер до современных провинций Трансвааль и Натал может соответствовать этому лингвистическому распространению от Великих озер до мыса Доброй Надежды. Это грандиозное расселение было главной особенностью демографической характеристики данного региона, дополненной внутренними переселениями, разделившими всю территорию между более мелкими сообществами.

Но демографическая идентичность всего региона полностью сформировалась лишь с более поздним появлением здесь других народов. В северной саванне Центральной Африки суданский и нильский элементы смешивались с носителями банту настолько тесно, что иногда заимствовали их языки, как это произошло с алур на северо-востоке ДРК. В целом это заложило основу появления этнических групп со смешанной культурой – занде, мангбету и нганди⁴.

В Малави, как и во всей Восточной, Центральной и Южной Африке, этот дальнейший приток населения обеспечили также негры из Занзибара, а в Южной Африке – иммигранты-буры и представители других европейских и азиатских народов. Однако это не помешало развитию к концу первого тысячелетия региональной культуры и созданию социальных и экономических институтов, организуемых жизнь в данном пространстве.

ТЕХНОЛОГИИ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

История переселений позволяют определить тот тип окружающей среды, который ранее лучше всего подходил для обеспечения жизнедеятельности. Это были переходные зоны между лесом и саванной. Отсюда, с одной стороны, открывался доступ к многочисленным и разнообразным продуктам растительного и животного происхождения, которые давал лес, но не было недостатков лесной среды с ее нездоровым климатом, обширными расстояниями и дикостью. С другой стороны, здесь были и продукты саванны, которые служили дополнением к дарам леса и гарантировали выживание.

Самые ранние технические средства были связаны с выживанием, собирательством и производством пищи. Способы ловли животных ради их мяса, которой занимались в основном мужчины, сначала заключались в расстановке простых ловушек. Новшеством в способе добывания продуктов животного происхождения стала охота с использованием сети. Затем постепенно параллельно такой охоте начали использовать копья, что стало прелюдией к изобретению стрел, хотя некоторые народы, видимо, сразу перешли к стрелам – по сути коротким копьям, которые не требовали затрат человеческой энергии, безусловно ограниченной, чтобы преодолевать значительные расстояния. Все же охота и рыболовство не гарантировали постоянного питания, поскольку успех во многом зависел от случая. Охотникам не всегда сопутствовал такой успех, а потому добычу мяса предсказать было невозможно.

Постоянной пищей были продукты растительного происхождения, и их собиранием занимались преимущественно женщины. Кроме того, собирались разнообразные овощи, фрукты, насекомые и гусеницы. Заодно эта деятельность

позволяла выявить съедобные продукты в окружающей среде. Объем знания о таких продуктах варьировался от одной группы к другой в зависимости от особенностей ее среды обитания, что и объясняет крайние отклонения в привычной пище, наблюдаемые и по сей день.

Западные банту определяли съедобность овощей и фруктов, наблюдая за животными. Дикие грибы считались не ядовитыми, а пригодными в пищу, так как люди видели, что их едят многоножки; аналогично – дикие фрукты едят обезьяны, значит они годятся в пищу и для людей.

В областях, где добывалась пища, необходимость вводить или транспортировать разные виды растений, дающих съедобные плоды, и защищать их от уничтожения – особенно от пожаров – создавала благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Эта задача, постепенно ведущая к окультуриванию растений, привела к независимому созданию земледелия в начале нашей эры. Перемещающееся по территории подсечно-огневое земледелие, скорее всего, и есть отголосок этой древней практики производства необходимых продуктов, сменившее собирательство.

Пока что нет полного списка пищевых растений местного происхождения. Известно, что большинство из них относится к видам, пригодным для окультуривания, например разные виды ямса, кабачков и бобов; зерновые – сорго и разные виды проса; масличные растения и растения, возбуждающие нервную систему, например масличная пальма и орех колы, соответственно, не говоря уже о различных овощах, которые пока еще не идентифицированы этноботаникой, но которые являлись основными овощами данного региона, выращиваемыми в домашних условиях.

Земледелие было усовершенствовано в 400–200 гг. до н.э., когда в Африку привезли растения азиатского происхождения, например рис, азиатский ямс, таро, возможно, сахарный тростник, бананы и множество их разновидностей, пригодных для использования как в качестве основного продукта, так и в качестве дополнения к основному рациону⁵.

Скотоводство оставалось побочным, отдельным от земледелия занятием в основном специализированных этнических групп: кой-коин из Калахари, кочевых народов танзанийских лугов или пастухов народа тутси из Руанды и Бурунди в регионе Великих озер Восточной Африки. Дело не в том, что земледельцы сами не занимались скотоводством – они держали небольшие стада крупного рогатого скота, домашнюю птицу, свиней, коз и овец, – но оно играло второстепенную роль и вряд ли оказывало влияние на общее хозяйство. Еще совсем недавно крестьяне нередко воздерживались от потребления «домашнего мяса» и ели только «дикое мясо», хотя этот принцип не играл никакой роли, когда речь шла о продуктах растительного происхождения, окультуренные они или дикие.

Одомашнивание – особенно некоторых видов собак – положило начало приручению многих видов животных, например кур, уток, овец и коз. Местное происхождение собаки становится ясным, когда видишь, какое место она занимает в домашней жизни. Собак использовали как помощников на охоте, приносили в жертву во время обрядов, а также разводили на мясо. Появление в засушливых регионах коз и овец избавило собак от двух последних функций и оставило им роль помощников на охоте⁶.

Преобладало сельское хозяйство, потому что оно опиралось на использование железа. Именно это в гораздо большей степени, чем применение огня, обеспечило возможность расчистки значительных лесных площадей и, вероятно, их вспашки. Однако несмотря на это знание и наличие площадей, масштаб земледелия оставался ограниченным. Использование мотыги и мачете, а не плуга, не давало возможности собирать два урожая в год, так как выращиваемые культуры, в основном корнеплоды и местные зерновые, не подходили для этого, и такая возможность появилась только после того, как стали выращивать маис.

В результате, традиционное земледелие оставалось лишь в зачаточном состоянии, несмотря на свое продолжительное существование и использование железа.

В Центральной Африке археология обычно связывает ранний железный век с ямочной керамикой, украшенной ямочным орнаментом, известной в межозерной области, включающей оз. Киву в Демократической Республике Конго. Даты, установленные археологией, подтверждают хронологию, составленную по следам захоронений в Санге и Катото в верховьях р. Луалабы (Конго) и свидетельствующую о том, что использование железа началось в самые первые века новой эры⁷. Это же касается и Южной Африки, где знание технологии металлов существовало на юге р. Лимпопо не позднее IV–V вв. (*Phillipson*, 1981, pp. 671–692; *Posnansky*, 1981, pp. 533–550). К югу от р. Замбези культуры начала железного века – первого тысячелетия были вытеснены в XI–XII вв. культурами обществ, керамика которых была более гладкой, и которые также делали глиняные фигурки людей и ввозили жемчуг, стекло и другие предметы. Считается, что именно эти сообщества построили впечатляющий комплекс «Большой Зимбабве» (илл. 33 а, б) (*Fagan*, 1984, pp. 525–550).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Личность и сообщество

Коренные и переселившиеся народы не могли занимать доступную им окружающую среду, не учитывая ее особенности и не развивая внутреннюю социальную организацию. Основой более тесного объединения стала семья.

Главной особенностью были отношения между кровными родственниками – отношения, из которых исключались все остальные люди. Да и сам род не смог бы выжить при появлении внутренних разногласий. Родство по браку не рассматривалось равным родству по крови, которое безусловно считалось самым важным вследствие его неоспоримости. Чтобы превратить его в практический принцип организации, особенно в вопросах наследования, традиция должна была принять одну из двух линий родства – материнскую или отцовскую. Таким образом, братьев считали «кровными» по одной из линий и крайне редко сразу по обеим⁸. Из двух вышеназванных линий наследования материнская линия старше – она соблюдалась в тех областях, где сейчас преобладает наследование по линии отца (*de Heusch*, 1972, pp. 99–111; *Cheikh Anta Diop*, 1960).

В рамках кровного сообщества индивид принадлежал к той же «группе», что и люди, с которыми его связывали семейные узы. Соответственно, все братья являлись «отцами» ребенка, родившегося у любого из них. Это объясняет упрощение условий обращения. «Отцом» ребенка называл не только своего биологического отца, но и всех его братьев. То же самое касалось других членов такой расширенной семьи.

Эта структура позволяет установить существование семейных «групп», включающих родителей и прародителей, отличавшихся от «групп» детей и внуков. Отношения в пределах «группы» основывались на взаимности, тогда как межгрупповые отношения были иерархическими: человек мог обратиться к своему брату, но не к отцу или дяде. Тем не менее это разделение на «младших» и «старших» имело свой нюанс при контактах поколений: нередко они подшучивали над этими традиционными взаимоотношениями⁹.

Родство по браку основывалось на необходимости формировать взаимоотношения через брачные узы между семейными сообществами. Индивид мог обеспечить своему семейному сообществу несколько альянсов, прибегая к полигамным союзам.

В Центральной Африке брачные союзы, считавшиеся наиболее желательными, могли обновляться с помощью других брачных союзов, чтобы род не исчез. Эти *избирательные* браки обычно заключались между двоюродными братьями и сестрами или между внучкой и ее «групповым» дедом, чаще всего, внучатым племянником ее деда.

Семейные ячейки

Здесь, как и везде, существовали разные по количественному составу семейные ячейки – от малых до самых сложных социальных организаций. Следует отметить, что поскольку обычная малая (нуклеарная) семья, состоящая из родителей и детей, является общим узлом двух кровных родов, ее нельзя считать подразделением одного из них. В малой семье, «нуклеарном роду», самой маленькой ячейке генеалогии по женской линии или по мужской линии, как правило, наследование происходило по линии матери и ее детей в случае родства по женской линии или по линии отца и его детей – в случае наследования по мужской линии (*Ndaywel è Nziet*, 1981, pp. 272–282). Из таких «малых семей» создавались другие социальные структуры, среди которых выше всех стоял клан, а род был промежуточной структурой.

Род – группа кровных родственников, которые могут проследить свое родство, обычно ограничивался тремя-четырьмя, реже более, поколениями. Но это не означало, что в последующих поколениях родство по крови не имело значения, так как они принадлежали к братству клана, а «клан» представлял собой макроструктуру, включающую всех тех, кто претендовал на родство друг с другом, даже если эти «родственники» уже не помнили точной генеалогии своего родства. Чтобы отслеживать такие отношения и тем самым избегать возможности инцеста в браках, общество сформировало формальные критерии, согласно которым «братья клана» узнавали друг друга. Так, у каждого клана было свое имя, один или несколько запрещенных к употреблению продуктов и иногда девиз (включающий ссылку на запрещенный к употреблению продукт). По этим элементам, даже те люди, которые раньше ничего не знали друг о друге, могли определить свою принадлежность к клану¹⁰.

Таким образом, клан мог расширяться неограниченно, так как никто не мог предсказать, когда наступит конец расширения. В действительности же из-за постоянных переселений распространенность клана выходила за пределы этнических границ, так что братство клана соперничало с братством этноса. Если территория распространения клана выходила за пределы проживания этноса, то и этническое общество могло включать несколько кланов, которые на самом деле были многочисленными долями более обширных клановых единиц, вышедших за ограниченные рамки этнических групп. Таким образом, клан был межэтнической единицей, подобно тому как этническая группа по своему строению представляла собой совокупность многих кланов (*Vansina*, 1980, pp. 135–155; *Perrot*, 1985, pp. 1289–1305).

От семьи к государству

В основе политической практики лежит иерархический принцип, который уже работал, как мы видели, в семье. Входящие в одну клановую единицу роды располагались по иерархии подобно тому, как могли бы располагаться кланы в данной группировке. Терминология, предусматривающая эти отношения подчинения, была заимствована из семейной практики. Так, наиболее распространенные различия были между политической структурой «старших» и структурой «младших» или структурами «мужей» и «жен». Переход от семейной организа-

ции к политической явно произошел на основе такого же разделения на «старые» и «молодые» деревни.

Все началось именно с такого дифференцирования, но в итоге наступило время, когда «царский» или «аристократический» клан выделился из прочих подобных ему образований (*Balandier*, 1970). Идеология рода послужила опорой для царской власти, наделив царей религиозным значением. В конечном итоге царя стали считать сверхчеловеком, наделенным сверхъестественными способностями и общающимся с потусторонним миром. Раз он мог пользоваться силами природы, то считался автором любого новшества, включая технологические нововведения. Царь был общепризнанно значимой фигурой, и власть его мог оспорить только другой «сверхчеловек», т.е. другой член его клана.

Клан и этническая группа – это две структуры, которые, судя по всему, позволили создать политические структуры на основе семейной организации, хотя у них был разный образ действий. Дело в том, что клан представлял собой совокупность семей, а этническая группа была культурным сообществом, определяемым, в принципе, применением одного и того же языка и использованием одних и тех же общественных институтов¹¹. Таким образом, этническая группа действовала как совокупность кланов, точнее, подкланов, имевших одинаковую культурную структуру и осознающих свою общность. Принадлежность к этносу, в свою очередь, определялась членством в одном из родственных кланов.

Из двух этих общественных образований более старым, очевидно, является клан. На стадии протобанту он представлял собой сообщество поселений. Однако после переселений и смешения с народами, жившими в новых местах поселения, все банту уже не могли говорить на одном языке. Если подобное разделение стало проблемой, то в большей степени из-за необходимости экзогамии, запрета браков в пределах одного рода, вследствие чего супруги непременно должны были принадлежать к разным родам. В конце концов жены перенимали язык, на котором говорили их мужья. Можно сказать, что в результате один и тот же язык стал использоваться большинством кланов, т.е. кланами мужей и кланами многих жен из других деревень. Это новое многоклановое лингвистическое сообщество стало новой социальной структурой. Клан, однородная реальность, выраженная через родство, теперь сосуществовал с этнической группой – многоклановым образованием, порожденным им самим.

Важность этнических групп росла. Из-за необходимости переездов первые группы поочередно делились, порождая другие похожие единицы. Они развивались совершенно по-разному в зависимости от обстоятельств и динамики появившейся аристократии. В одних создавалась собственная внутренняя иерархия, и они становились политическими единицами; другие продолжали разделяться, порождая множество подобных себе структур; третьи, вовлекая повсюду чрезвычайно большое количество коренных жителей или новых иммигрантов, вновь превращались в составные культурные единицы. Однако в конечном итоге этот общественный институт стал тем типом организации, который распространился по всей Африке южнее Сахары. В тех местах, где он вызвал процесс создания государств, он получил поддержку и опору в виде структур, позволивших верхушке иерархии контролировать и защищать ее более низкие уровни. Регулярная уплата дани была выражением признания верховной власти и верности ей, а любая неуплата считалась политическим вызовом или стремлением к независимости.

Этнические структуры оставались отделенными от чисто политических образований – деревень, поместий или вожеств, царств и империй: одна этническая группа могла включать несколько политических обществ, равно

как и одно политическое общество могло охватывать несколько этнических групп. Первым случаем было общество народа ши в современной области Киву ДРК, включавшее несколько царств, самыми известными из которых являются Кабаре и Нгвеше (*Bisbikwabo*, 1982), или единственное общество группы лунда, которое смогло создать несколько политических аристократий на юге ДРК, на севере Анголы и в Замбии: царства *Мвант-яв*, *Касанже*, *Казембе*, *Луэна* и *Куамфу* (*Vansina*, 1966b). Такая же модель была и в политическом пространстве между Калахари и регионом Софалы в Индийском океане, по крайней мере, после смерти *мвене мутана* (царя), который завоевал эту область и создал политическую организацию. Здесь появились два соперничавших государства, воевавших друг с другом на протяжении всего XVIII в.: *Кабанга* и *Розви*. Тем не менее вместе они составили этническое сообщество *шона* (*Ki-Zerbo*, 1978, pp. 188–189). Второй случай является более распространенным и относится к огромному множеству когда-либо существовавших африканских царств и империй, каждый раз объединявших несколько этнических групп. Например, слово *куба* изначально обозначало этническую группу, но царство, носящее это имя, включало бушонго, луба, монго и кете. В таких ситуациях покоренные группы принимали обычаи своих завоевателей и даже их традиции, как это сделали мбунду, подчинившиеся двору царя Конго; таким же образом возник сложный язык народности куба (*Vansina*, 1964; 1974, pp. 171–184).

Торговля

Самой важной экономической организацией до 1000 г. был рынок. Он определял выбор направления региональной и межрегиональной торговли. Центральная и Южная Африка вряд ли подвергались влиянию международных торговых связей, развившихся на других территориях, за исключением торговой зоны, центром которой был Меденосный пояс, косвенно контактировавший с Индийским океаном до 1100 г., тогда как интеграция части Зимбабве и Трансваала в международную торговую сеть произошла еще позднее (*Devise*; *Vansina*, 1988, pp. 750–793).

Местный и межрегиональный рынки отличались друг от друга как товарами, так и происхождением торговцев. Местные рынки собирали покупателей из деревни и с окружающей ее территории, а межрегиональные рынки, на которых предлагался более широкий ассортимент товаров, собирали торговцев, порой приехавших издалека. Продавались товары не только повседневного спроса; были также и изделия ремесленников.

Каждый регион имел свой календарь торговых дней, чтобы они не проводились в одни и те же дни. В некоторых областях, например в юго-западной саванне, в связи с потребностями рынка была создана система исчисления времени. На основе изменения фаз Луны, которая за месяц проходит четыре четверти по семь дней, были введены семь четырехдневных недель, составляющие месяц. И каждая неделя имела особый рыночный день, отличный от дней, посвященных отдыху и земледелию.

Товарооборот через рынки не мог бы достигнуть сколько-нибудь значительной степени, не будь финансовой системы, которая изначально, должно быть, имела вид простого обмена. Обменивались два товара, имевшие равную стоимость.

Когда интенсивность товарооборота возросла, такой тип оценки перестал удовлетворять. Постепенно возникла идея оценки с помощью единого продукта. Некоторые товары (раковины, ткань и металлические предметы) приобрели двойное значение: они стали как объектами, так и средством обмена.

Есть данные об использовании раковин (называемых *нзимбу*) на побережье Анголы (илл. 274). Царь контролировал их добычу и пускал имеющиеся «деньги» в оборот. Раковины были, несомненно, выбраны по причине их долговечности и неделимости; их даже можно было стандартизировать. С помощью специального сита маленькие раковины отделялись от больших; кроме того, изготавливались мерные корзины, вмещающие определенное количество раковин (*Dartevelle*, 1953; *Balandier*, 1968, p. 122).

Ткань по своим свойствам – одно из самых ранних изделий человеческих рук, послужившее объектом торговли. Ее использовали по прямому назначению, а также в качестве повседневной валюты и престижной валюты при заключении брачных сделок. Но это средство было менее точным, недостатком его была невозможность стандартизации, хотя ткань и являлась самым распространенным средством обмена в Центральной Африке.

Некоторые средства обмена изготавливали из металлов, особенно из меди и железа; это были предметы местного производства. Железо тоже служило товаром и валютой одновременно; его начали использовать раньше, чем медь – есть свидетельства его использования уже в V в. в качестве ожерелий или брусков. Использование значительно менее доступной меди резко возросло из-за распространения «крестов» – крестообразных слитков. Территория их производства в основном ограничивалась Меденосным поясом (на территории ДРК и Замбии), где их использовали для «покупки» женщин и рабов, а также для приобретения изделий ремесленников; но «кресты» встречаются и на побережье Индии, что доказывает развитие торговли на дальние расстояния к концу первого тысячелетия.

Все эти социальные, политические и экономические структуры свидетельствовали об освоении окружающего пространства. Во втором тысячелетии народы Центральной и Южной Африки проявили еще большие творческие способности и создали социально-экономические системы, рост и развитие которых были заторможены только из-за вмешательства внешних сил.

Искусство и формы выражения

Появление пластического искусства обуславливают три элемента: потребность людей в самовыражении; использование физического материала в качестве средства выражения; существование пластических форм выражения, понятных людям одной культуры.

Практика пластического искусства во всей Центральной и Южной Африке свидетельствует о желании самовыражения народов этого региона. Это средство выражения было, судя по всему, естественным следствием потребности производства утвари и, соответственно, необходимости изготовления стандартизованных инструментов, пригодных и для этой цели. Об этом свидетельствует тот факт, что для изготовления утвари и произведений пластического искусства использовались одинаковые материалы, имеющие минеральное («мягкий» камень, керамика, железо, медь), растительное (дерево) или животное (слоновая кость, раковины) происхождение. На эти материалы наносились отпечатки других объектов, независимо от того, превращались они в утварь или нет. Художественная направленность всегда была обращена на обитателей невидимого мира, божества и духов предков. Таким образом, художественная деятельность была глубоко религиозна, являлась ли она инструментом молитвы, мольбы, благодарений или проклятий.

Каковы же основные причины подобного подхода? Скорее всего, правильными окажутся самые простые из них. Поиск абсолюта присущ всему миру. А здесь огромное разнообразие окружающей среды (реки, озера, горы, лес, саванна) вместе с ее внезапными и порой безжалостными

нападками (засухи, эпидемии, дикие животные) и столь же безмерной щедростью, в избытке оправдывающей любые ожидания или надежды (множество животных, на которых можно охотиться, рыбы, которую можно ловить, фруктов и ягод, которые можно собирать, и много видов лекарственных трав), могли вызвать потребность как-то контролировать события, чтобы ощущать себя в большей безопасности. Если бы все оказалось именно так, то мы получили бы объяснение не только направления этой художественной деятельности, но и ее характерных особенностей.

Предметы искусства в Центральной и Южной Африке практически всегда служат какой-либо цели. Их неизвестные создатели руководствовались ранее установленными канонами (*Mabiala Mantuba*, 1994), что позволяет определить географическую область, где создавалась конкретная модель, и, в принципе, также определить исторический период, с которым она была связана, что и попытался сделать Гиллон (*Gillon*, 1984)¹².

Древняя скульптура известна по предметам (обычно глиняным), найденным при раскопках (илл. 275). Доклассическая скульптура более утонченная и выполнена из менее хрупких материалов, например, из камня и бронзы. Эта категория включает каменные статуэтки XI в. из Зимбабве, откуда государственное образование народов банту Мвене Мугапа (Мономотапа) – центр каменной скульптуры – распространило свое влияние на окружающие территории (*Bastin*, 1984, pp. 50–52). В царстве Конго (запад ДРК, Северо-Запад Анголы) также вырезали скульптуры из камня, представляющие политических вождей или глав семей (*минтади* и *битумба*). Когда человек уходил в мир иной, такую скульптуру ставили на его могилу, где она продолжала обеспечивать защиту сообщества. Классический период, сменивший доклассический, был чрезвычайно продуктивным в отношении традиционного африканского искусства. Практически все предметы, сделанные африканцами для личных нужд и найденные европейцами у коренного населения, относятся к этому периоду. На самом деле, многие предметы, обнаруженные европейцами вплоть до конца XIX в. и имеющие отпечаток этой традиции, следует относить именно к данной категории, отличающейся от *современной* скульптуры, в темах и целях которой проявляются признаки внешнего влияния.

Существует несколько способов классификации африканских искусств по географическим признакам. Самый распространенный способ – разделение на лесные культуры и культуры саванны. Отличительная особенность лесной скульптуры – ее религиозный символизм, проявляющийся в масках и статуях экваториальной зоны. Народы нгбака, мболе, йела и лега из ДРК, например, знамениты своими овальными антропоморфными или зооморфными масками, которые помогали живым, символизируя постоянное присутствие и защиту со стороны духов их предков. Занде и мангбету, живущие на этой территории, отличаются своей исключительной художественной восприимчивостью и особым статусом своих художников и ремесленников (*Neut*, 1981, pp. 21–71).

В центральной и южной саванне искусство в большой степени было связано с аристократией и было вовлечено в политическую жизнь, а его развитие зависело от вождей и царей. То же самое можно сказать об искусстве народов лугов Камеруна (бангва, бамилеке и бамун) в северной части саванны.

В центральной саванне было несколько важных художественных центров культур пенте, чокве, луба и сонгаи. Во всех них основные символы имеют отношение к магии, религии, к политике и военной сфере (*Cornet*, 1972, pp. 17–286). Самым впечатляющим примером является царство Куба, столица которого состояла из небольших хижин, но почти каждая из них была произведением искусства. Великолепие царского двора, оригинальность и изысканность дворцов, особенно в царском огороженном

квартале, различные маски, которые надевали во время церемоний, и прекрасные расшитые бусами рафиевые одеяния, сшитые из волокон пальмы рода рафия, которые носил царь и высшие чиновники, свидетельствуют о высоком уровне достижений этой политической культуры в сердце Центральной Африки (*Cornet*, 1982).

В области архитектуры самым эффективным примером является район Зимбабве, расположенный между реками Замбези и Лимпопо с остатками монументальных руин крупных каменных построек. Эти постройки остаются в некотором роде загадкой из-за их гигантских размеров и таинственного происхождения. В настоящее время нет абсолютно никаких сомнений в африканском происхождении этого творения, так как эти постройки сделаны из местных материалов в соответствии с архитектурными принципами, которые преобладали в данном регионе на протяжении веков¹³.

Масштаб руин вблизи г. Масвинго (ранее Форт-Виктория) таков, что их можно считать квинтэссенцией Зимбабве – Большим Зимбабве. В данном комплексе можно выделить несколько частей. Во-первых, это Большая ограда, представляющая самую эффектную часть со средней высотой 7,3 м, толщиной 5,5 м у основания и от 1,3 до 3,6 м наверху, украшенной кладкой «в елку» на длине свыше 52 м. Кроме того, комплекс включает параллельные стены и внутренние ограды и две конические башни по углам. Дальше на холме расположен «акрополь» – остатки гигантской крепости. Между ним и внутренними ограждениями по всей долине разбросаны остатки жилых домов. Даже несмотря на то, что эту совокупность скудных данных сложно интерпретировать из-за многочисленных грабежей, которым подверглось это место, мы можем предполагать, что эти впечатляющие постройки имели непосредственное отношение к иерархическому порядку и были местом обитания правителя Большого Зимбабве. Это государство, несомненно, возникло раньше характерной монументальной архитектуры. Наиболее интенсивное заселение этого места началось, должно быть, в XI в., но ни одна из каменных стен не могла быть воздвигнута до XIII в., так как именно тогда или чуть позднее, в XIV в., ниже акрополя были построены первые здания. Большая ограда строилась постепенно, на протяжении XV в. (*Fagan*, 1985, pp. 579–588) (илл. 40 а, б).

Статуи, по общему признанию, гораздо реже встречались в Южной Африке, но интерес к скульптуре проявился в других объектах, например в изящно вырезанных из дерева головах с прекрасной патиной народа шона в Зимбабве, «куклах плодородия», сделанных из тыкв и бус у народа нгуни, а позднее в державках для свечей или пороха у сото (*Bastin*, 1984, pp. 381–384). Статуэтки, маски и другие высоко ценимые предметы отражали основные занятия людей и в то же время продолжали выполнять функциональную роль в повседневной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По этому вопросу см. специальный выпуск *Etudes d'histoire africaine* (IX–X, 1977–1978), посвященный «археологии в Центральной Африке» и синтезу имеющейся информации, выполненному *K. Muya*, 1987. О раскопках в верхней Лулабе, исключительно важных для понимания археологической истории данного региона, см. работу *de Maret*, 1985.

² Наиболее известными являются исследования *Johnston*, 1919–1922; *Guthrie*, 1962, pp. 273–282; *Greenberg*, 1972, pp. 189–216; *Oliver*, 1966, pp. 361–376.

³ В *Le phénomène bantu et les savants*, 1981 (pp. 495–503), Ван-сина (*Vansina*) предупреждает об опасности применения междисциплинарного подхода без надлежащего ему следования при изучении банту, когда «гипотезы, выдвинутые в одной дисциплине, принимаются как несомненные факты в других». Это предостережение и по сей день остается уместным и является еще одним источником сложностей, сопряженных с изучением истории банту.

⁴ О самобытных культурах этих народов читатель может узнать из трудов *Thuriaux-Hennebert*, 1964; *Ngbakpwa-te*, 1992.

⁵ О ранней истории съедобных растений в африканских странах, расположенных южнее Сахары, см. труды *Portures*, 1962, pp. 195–210; *Portères & Barrau*, 1981, pp. 687–705.

⁶ Некоторые сообщества Центральной Африки до сих пор едят мясо собак в определенных ситуациях или при исключительных обстоятельствах.

⁷ См. специальный выпуск *Etudes d'histoire africaine*, IX–X, 1977–1978, посвященный «археологии в Центральной Африке»; *Van Noten et al.*, 1981, pp. 620–638.

⁸ Так называемое универсальное наследование на самом деле является ситуацией, при которой сосуществуют два типа однолинейного наследования (а не наследование, представляющее собой комбинацию двух линий), как у народов лунда, у которых «народ» придерживается наследования по женской линии, а «аристократия» – по мужской (*Crine-Mavar*, 1974, pp. 87–90).

⁹ Из-за этой близости чередующихся поколений детей могли называть «отец» и «мать» их собственные родители, так как между детьми и их дедушками и бабушками, являющимися родителями их родителей, существовали близкие отношения.

¹⁰ Без подтверждения антропологии ничто не может показать, действительно ли это социальное родство основано на общем биологическом наследовании.

¹¹ Случай этнических групп тутси и хуту в Руанде и Бурунди, говорящих на одних и тех же языках киньяруанда и кирунди, свидетельствует о том, что существуют исключения из этого правила и что различные этнические группы, осознающие свои различия, могут говорить на одних языках (*Chrétien*, 1985, pp. 129–166).

¹² Этот автор выделил четыре периода в истории пластического искусства в Африке. На смену первому, архаическому, периоду (ок. 500 г. до н.э. – 800 г. н.э.) пришли доклассический период (IX–XVII вв.), классический период (XVII–XIX вв.), предоставивший все музейные экспонаты, и современный период (с 1900 г. до настоящего времени).

¹³ Фаган (*Fagan*, 1985, p. 588) отмечает, что эта архитектура была кульминацией обширных ограждений, отведенных для вождей, за исключением того, что стал широко применяться камень, так как поблизости находились огромные залежи гранита.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BALANDIER, G. 1968. Daily Life in the Kingdom of the Kongo from the Sixteenth to the Eighteenth Century. London.
 — 1970. Political Anthropology. London.
 BASTIN, M. L. 1984. Introduction aux art plastiques d'Afrique noire. Arnouville.
 BISHIKWABO, C. 1982. Histoire d'un état shi en Afrique des grands lacs: Kaziba au Zaïre (c. 1850–1940). Leuven [PhD thesis in History].
 CHRETIEN, J. P. 1985. Hutu et Tutsi au Rwanda et Burundi. In: AMSELLE, J. L.; MBOKOLO, E. (eds) Au coeur de l'ethnie, Paris.
 CORNET, J. 1972. Art de l'Afrique noire au pays du fleuve Zaïre. Brussels.
 — 1982. Art Royal Kuba. Milan.
 CRINE-MAVAR, B. 1974. L'avant-tradition zaïroise. Revue zaïroise des Sciences de l'Homme. Kinshasa.
 DARTEVELLE, E. 1953. Les nzimbou, monnai du royaume du Congo. Brussels.
 DEVISSÉ, J.; VANSINA, J. 1988. Africa from the Seventh to the Eleventh Century: Five Formative Centuries. In: General History of Africa. Vol. III. UNESCO, Paris, California, pp. 750–793.
 DIOP, C. A. 1960. L'unité culturelle de l'Afrique noire. Paris.
 FAGAN, B. M. 1984. The Zambezi and Limpopo Basins: 1100–1500. In: General History of Africa, Vol. IV. UNESCO, Paris, California, pp. 525–550.

- GILLON, W. A. 1984. Short History of African Art. London.
 GREENBERG, J. 1972. Linguistic Evidence Regarding Bantu Origins. Journal of African History, 12, 2. London.
 GUTHRIE, M. 1962. Some Developments in the Pre-History of the Bantu Languages. Journal of African History, 3, 2. London.
 HEUSCH, L. DE. 1972. Le roi ivre on l'origine de l'Etat. Paris.
 JOHNSTON, H. 1919–1922. A Comparative Study of the Bantu and Semi-Bantu Languages, 2 vols. Oxford.
 KEIM, C. 1979. Precolonial Mangbetu rule: Political and Economic Factors. In: Nineteenth Century Mangbetu History, PhD thesis, Indiana University.
 KI-ZERBO, J. 1978. Histoire de l'Afrique noire d'hier à demain. Paris.
 LWANGA-LUNYIGO, S.; VANSINA, J. 1988. The Bantu-speaking Peoples and their Expansion. In: General History of Africa. Vol. III. UNESCO, Paris, California, pp. 140–162.
 MABIALA MANTUBA-N. 1994. Méthodologie des arts plastiques de l'Afrique noire. Cologne.
 MARET, P. DE. 1985. Fouilles archéologiques dans la vallée du haut Lualaba, 2 vols. Tervuren, MRAC.
 MUUYA, K. 1987. La préhistoire du Zaïre oriental, 2 vols. Brussels.
 NDAYWEL È NZIEM, I. 1981. Histoire clanique et histoire ethnique: quelques perspectives méthodologiques. In: Les Civilisations anciennes des Peuples des Grands Lacs. Paris, pp. 272–282.
 NEYT, F. 1981. Arts traditionnels et histoire au Zaïre. Brussels.
 NGBAKPWA, TE M. 1992. Histoire des Ngbandi du Haut-Ubangi (des origines à 1930). Doctoral thesis. Brussels.
 OBENGA, T. 1985. Les Bantu, langues, peuples et civilisations. Paris.
 — (ed.) 1989. Les peuples Bantu, migrations, expansion et identité culturelle, 2 vols. Paris.
 OLIVER, R. 1966. The Problem of the Bantu Expansion. Journal of African History, 7, 3. London.
 PARKINGTON, J. E. 1981. Southern Africa: Hunters and Food-Gatherers. In: General History of Africa. Vol. II. UNESCO, Paris, California, pp. 639–670.
 PERROT, C. H. 1985. L'appropriation de l'espace: un enjeu politique pour une histoire du peuplement. Annales, 6. pp. 1289–1305.
 PHILLIPSON, D. W. 1981. The Beginning of the Iron Age in Southern Africa. In: General History of Africa. Vol. II. UNESCO, Paris, California, pp. 671–692.
 PORTERES, R. 1962. Berceaux agricoles primaires sur le continent africain. Journal of African History, 3, 2. London.
 PORTERES, R. and BARRAU, J. 1981. Origins, development and expansion of agricultural techniques. In: General History of Africa. Vol. I. UNESCO, Paris/London.
 POSNANSKY, M. 1981. Introduction to the Later Prehistory of Sub-Saharan Africa. In: General History of Africa. Vol. II. UNESCO, Paris, California, pp. 533–550.
 SCHEBESTA, P. 1957. Les pygmées du Congo–Belge. Namur.
 THURIAUX-HENNEBERT, A. 1964. Les Zande dans l'histoire du Balm el Chazal et de l'Equatoria. Brussels.
 VAN CHI-BONNARDEL, R. (ed.) 1973. Grand Atlas du continent africain. Paris.
 VAN NOTEN, F. et al. 1981. Central Africa. In: General History of Africa. Vol. II. UNESCO, Paris/London.
 VANSINA, J. 1964. Le royaume kuba. Tervuren, MRAC.
 — 1964. Le phénomène Bantu et les savants. In: Le sol, la parole et l'écrit. Mélanges offerts à R. Mauny. Paris.
 — 1966a. Introduction à l'ethnographie du Congo. Kinshasa.
 — 1966b. Kingdoms of the Savanna: a History of the Central African States until European Occupation. Madison, Wisconsin.
 — 1974. Les langues bantoues et l'histoire: le cas kuba. In: Perspectives nouvelles sur le passé de l'Afrique noire et de Madagascar, Mélanges offerts à H. Deschamps. Paris, pp. 171–184.
 — 1980. Lignage, idéologie et histoire en Afrique équatoriale. In: Enquêtes et documents d'histoire africaine, 4. pp. 135–155.

VI. Цивилизации Америки

ВВЕДЕНИЕ

Кристина Нидерберже и Луи Базен

Периодизация этого тома, в котором рассматривается период истории с 600 г. по 1492 г., даты открытия Нового Света Христофором Колумбом и его командой, представляет определенные сложности в силу специфики истории (а точнее – предыстории) американского континента и ближайших к нему островов. Дело в том, что начальная дата рассматриваемого периода была выбрана как обозначение имевшего большое значение для Старого Света появления и распространения ислама, но к Новому Свету эта дата не имеет равным счетом никакого отношения.

Америка (часть света, образуемая двумя материками – Северной и Южной Америкой и в состав которой входит о. Гренландия и ряд других близлежащих островов) расположена очень обособленно между Атлантическим и Тихим океанами, и как географическая единица четко очерчена с севера, юга, востока и запада. Во все доколумбовы времена этот континентальный массив отличался огромным разнообразием в этническом составе населявших его народов, в их образе жизни, языках, типах общественного устройства, вероисповеданиях, – столь же широких, как и особенности климата и среды обитания. Берингов пролив расположен на таком же расстоянии от Огненной Земли, как от Дакара или мыса Доброй Надежды. Эти колоссальные географические масштабы американского континента превосходят даже бескрайние евразийские пространства. А естественные препятствия – горы, леса, пустыни и узкий Панамский перешеек затрудняли общение и контакты между разными народами и, за редким исключением, были причиной чрезвычайно низкой плотности населения и его дробления на многочисленные образования по этническому, языковому и социально-политическому признакам.

Разнообразие населения было отмечено первыми покорителями Нового Света и шедшими вслед за ними католическими миссионерами, которым приходилось заучивать свои проповеди на многочисленных местных наречиях, чтобы донести до слушателей суть своего религиозного учения. Богатая языковая палитра до определенной степени сохранилась и сегодня, хотя за это время произошли значительные процессы слияния и перегруппировки традиционных местных языков (кечуа, майя, аймара, гуарани, ацтекский (науатль) и др.), составляющих важное культурное наследие древних народов.

Написание истории многочисленных американских групп населения осложняется тем, что от большинства сформированных ими «государств», за исключением, может быть, государств майя, сапотеков, миштеков или ацтеков, не осталось никакого письменного наследия. Географическая система ацтеков в том виде, в каком она существовала незадолго до испанских завоеваний, представляется чрезвычай-

но трудной для расшифровки, поскольку состоит практически из рисунков, представляющих собой полную загадку. А вот сложнейшее кодовое письмо майя «классического» периода, являющееся примером системы словесно-слоговой письменности, к настоящему времени в значительной степени расшифровано благодаря настойчивости ученых и использованию компьютерных технологий. Поэтому есть все основания рассчитывать на то, что удастся получить значительный объем информации по истории и культуре этих народов доколумбовой эпохи (карта 34).

Первые европейские завоеватели не имели возможности расшифровать попадавшиеся им местные письменные источники, но все же они получали большой массив исторической, экономической и социально-культурной информации, касающейся доиспанских времен, у носителей языков, дававших объяснения им. Образованные испанцы (главным образом – члены религиозных орденов), а также представители местных аристократических фамилий записывали рассказы местных жителей, и эти записи сегодня составляют бесценное письменное наследие тех времен. Тем не менее при изучении любой культуры к устным повествованиям следует относиться с большой осторожностью, и уж в любом случае научное исследование никак не должно полагаться на них целиком. В отношении более глубокой древности наши знания должны базироваться в значительной степени на результатах археологических изысканий.

Хотя в настоящем томе затрагиваются главным образом вопросы истории, в данной части VI, касающейся истории всех частей Америки, мы предпочли избрать термин «предыстория», поскольку американский континент в рассматриваемый период еще не мог быть предметом исторического исследования, ибо для этого требуется полномасштабное изучение письменных источников. Отсутствие их объясняется несколькими причинами. Ко времени «открытия» Америки в 1492 г. было уже фактически утрачено умение читать некоторые записи, например с использованием письменности майя первого тысячелетия. Нельзя забывать и о систематических массовых сжиганиях, или *аутодафе* рукописей доколумбовой эпохи испанскими пришельцами в начале XVI в. на территориях, населенных равнинными майя, и на Мексиканском нагорье, где существовали подлинные библиотеки, собранные правителями местных династий и содержавшие книги по самым различным сферам человеческой деятельности, от политики и экономики до географии и поэзии.

Сам факт существования таких письменных источников исключает, следовательно, использование термина «доисторическая» в отношении культуры этих народов. Более того, в ходе современных исследований на основе

Карта 34. Территории распространения американских культур (по Schmidt, 1971)

изучения устных преданий и этно-исторических источников XVI в. удалось восстановить ряд сведений, которые можно признать имеющими хотя бы отчасти историческую ценность. Представляют интерес также унаследованные от прошлого и сохранившиеся способы приготовления и потребления пищи, строительства жилья и ведения сельского хозяйства, являющиеся важным наследием доколумбовой эпохи.

Готовясь писать или восстанавливать историю цивилизации Америки за период с начала VII в. до 1492 г. (поворотного пункта в истории этого региона, за которым последовали войны, взаимопроникновение культур и глубокие изменения в экономике), мы накопили значительный объем информации, хотя и несколько одностороннего характера, не только исторической, но и в области археологии, антропологии, а также сравнительной лингвистики.

Относительное значение каждой из этих четырех областей исследований для конечного результата сильно варьируется в каждом конкретном регионе. Но все они дают нам взаимодополняющую информацию о двух величайших культурных зонах, разделенных Панамским перешейком и горными массивами Колумбии, – о Мезоамерике и Центральном Анде.

Первая зона – Мезоамерика, юг и восток которой, включая п-ов Юкатан и территорию Гватемалы, населяли народы майя, создавшие высокую цивилизацию. Остальную ее часть занимали многочисленные этнические группы, включая сапотек и миштеков, расселившиеся на обширной территории вокруг современного г. Оахака. Ацтеки, пришедшие в межгорную котловину, на которой расположен г. Мехико, значительно позднее, частично восприняли культуру местных племен и сами построили великолепную столицу, вокруг которой создали свою воинственную теократическую империю, продолжавшую расширяться даже во времена испанских завоеваний.

Вторая зона – Центральные Анды, где инки основали столь же высокоразвитую теократическую империю, в социальном отношении организованную на установленной законом и детально разработанной единой основе (с полным отсутствием частной собственности на землю). У инков был один язык – кечуа. Древние инки использовали также систему передачи информации на материальных носителях, но четкого представления об этой системе мы сегодня не имеем.

Три выдающиеся группы народов – майя, ацтеки и инки создали крупные политические образования, каждое со своим языком. Эти языки либо сохранились до настоящего времени (майя, наутатль), либо продолжают распространяться (кечуа). Столь высокий уровень культуры этих групп отчасти облегчил завоевателям задачу получения значительного объема информации об их истории и обычаях.

В настоящее время международное научное сообщество (прежде всего латиноамериканские ученые) расширяет сферу охвата своих культурно-исторических исследований, включая в них значительные территории, выходящие за пределы двух упомянутых выше регионов, на которые обращается повышенное внимание, Мезоамерики и Центральных Анд, и обращаясь к соседним с ними более северным регионам Мексики и другим центрам древней культуры Северной, Центральной и Южной Америки.

Авторы глав 38 и 39 настоящего тома имели возможность оценивать достижения культуры упомянутых древних народов на основе всех имеющихся на сегодняшний день результатов исторических и археологических исследований. Но встречались ситуации, когда автор вынужден был полагаться исключительно на данные, полученные археологами (например в отношении регионов американского континента, расположенных к северу от Мезоамерики и к югу от Центральных Анд).

Ряд исследователей, сочетая методы археологии и культурной антропологии, сумели получить уникальные дан-

ные о способах добычи пищи, структуре поселений, торговле, социально-политическом устройстве общества указанных народов, их похоронных ритуалах и верованиях.

Что же касается разделов настоящего тома, посвященных материке Северной Америки (от арктического побережья почти до самого Северного тропика), включая территорию Канады, Соединенных Штатов и северной части Мексики, то количество и качество информации об этих районах коренным образом отличается от наших знаний о более южных территориях: данные об этих регионах гораздо беднее и получены как правило в результате этно-исторических исследований и археологических изысканий. Так, первые посещения Исландии (984 – ок. 1000 гг.) со стороны юго-восточного побережья Гренландии норманнским мореплавателем Эйриком Рауди (Эйрик Рьжкий) и походы в Винланд (южную часть п-ова Лабрадор) его сына, исландского викинга Лейфа Эйриксона (Лейф Счастливы), носили разовый, эпизодический характер и фактически не имели последствий. Настоящее изучение Северной Америки началось лишь после 1497 г.

Авторы разделов 37.1–37.5 настоящего тома, к сожалению, не имели полноценных исторических источников, но прибегли к методам исследователей доисторических эпох, используя данные, полученные в результате анализа археологических находок, которых, к счастью, в последнее время стало появляться все больше.

Интерпретация этих находок в некоторых случаях вынужденно проводилась с использованием методов дедукции и индукции на базе этнографических, лингвистических и исторических данных более позднего происхождения. Такая методика (выражаемая с помощью особой терминологии) во многом опирается на теории культурной эволюции, принятые и усовершенствованные в 1950-х гг. американскими антропологами Стюардом (Steward) и Сервисом (Service). И поскольку эта методика по большей части незнакома читателю, привыкшему к классическому типу исторического исследования, редакторы тома III «Истории человечества» сочли целесообразным включить следующее примечание (стр. 539 русскоязычного издания) к введению к разделу VIII «Америка», написанные именно для объяснения такого подхода, которые мы сочли уместным привести здесь повторно:

«При чтении данного раздела читателю следует иметь в виду, что для определения и описания доисторических социальных, политических и экономических институтов и систем Уильям Т. Сандерс и Филипп Вейганд используют терминологию эволюционной культурной антропологии. Эта терминология включает в себя такие термины, как группа, племя, вождество, государство, клановость, стратификация, урбанизация. Эти ученые рассматривают археологию как часть всего поля антропологии, и поэтому многие их идеи берут начало в этой более широкой области знания».

Археологические находки на территории Северной Америки, которые детально рассматриваются в разделах 37.1–37.5, позволили сделать большой шаг вперед в понимании ранних цивилизаций, располагавшихся на юго-западе нынешней территории США и квази-полурбанистических сообществ в долине Миссисипи; к сожалению, находки пока не позволяют установить точную периодизацию этих культур. Но в любом случае строгое соблюдение условных хронологических рамок с 600 г. по 1492 г., применительно к данному конкретному региону, не имело смысла, поскольку лишено научного обоснования. Поэтому и наши авторы предпочли избежать этого «прокрустова ложа», разумеется, позаботившись о том, чтобы не повторять в своих материалах сведений, изложенных в томе III настоящего издания. Редакторы тома IV согласились с таким исключением из правила,

которое в данных обстоятельствах вряд ли вообще было применимо на практике.

Таким образом, данные, приведенные в разделах о доколумбовой Северной Америке, позволяют составить довольно подробную картину о расселении, пищевых ресурсах (добываемых охотой, собирательством, рыболовством, путем применения ранних форм земледелия), технических знаниях и навыках, структуре общества, способах художественного самовыражения, представлениях о космосе, погребальных ритуалах, военном искусстве ее обитателей и, насколько возможно, о языковом многообразии и его эволюции вплоть до начала испанской Конкисты.

Особое внимание было уделено изучению археологических остатков диких и культивируемых растений на территории Северной Америки. Их перечень, по мере проведения исследований, включает в себя все большее количество культурных растений, завезенных из Мезоамерики и выведенных на месте. Анализ социально-политического устройства ранних цивилизаций и их мифологических верований в некоторых регионах Северной Америки также свидетельствует о явном влиянии с юга.

По сути дела, в части VI тома IV рассматриваются образцы древних американских цивилизаций, существовавших еще до того, как история американского континента стала частью мировой истории. Отсюда этот разительный

контраст с другими материалами данного тома (за исключением, возможно, только главы об истории Океании), посвященными Европе, Азии и большей части Африки, в отношении которых с самого начала рассматриваемого нами хронологического периода, т.е. с 600 г., историков ждало колоссальное и постоянно растущее количество документальных источников.

Но контраст не только в изобилии и недостатке прямых исторических источников. Весьма различны и сами методы, пригодные для классического изучения истории и те, что требуются в подходе к предыстории. Последняя в значительной степени опирается на результаты археологических поисков и на разработку на их основе теорий культурной эволюции, являющихся до сих пор предметом немалых споров в самой Америке, где эти теории были впервые разработаны методологически и где они ныне вынуждены конкурировать с другими теоретическими концепциями.

И даже если оставить в стороне вопрос о теориях и методах, сам по себе накопленный большой объем знаний, сопровождаемый аргументированными выводами исследователей и столь же определенно поставленными нерешенными проблемами, открывает перед читателем исключительно цельную и в то же время невероятно сложную картину долгого пути, по которому шло развитие культуры доколумбовой Америки.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

37.1

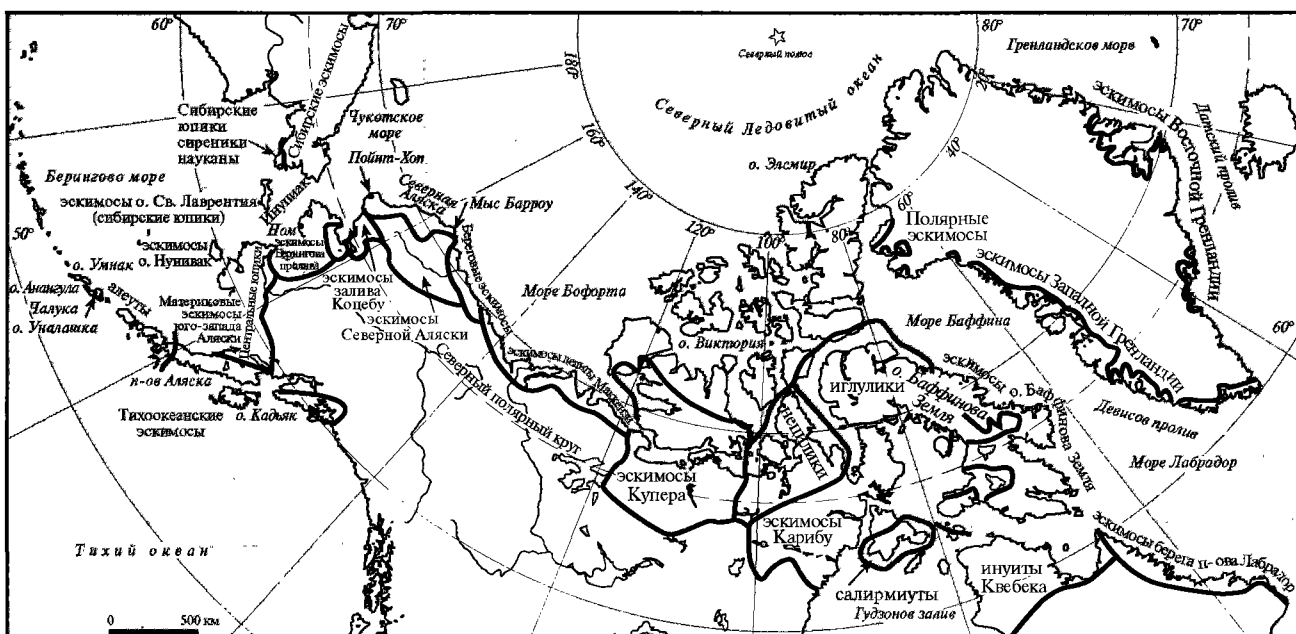
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Жан Энье

Протяженность береговой линии арктической зоны Североамериканского материка – 77 тыс. км. Зона эта тянется от п-ова Аляска на западе до п-ова Лабрадор и о. Гренландия на востоке (карта 35). Она граничит с Беринговым морем, северной частью Тихого океана, Северным Ледовитым и Атлантическим океанами. В нее входят прилегающие к Северному Ледовитому океану безлесные пространства, бережные пастбища Алеутских о-вов и соседние с ними лесистые берега тихоокеанского побережья Аляски. Прибрежная зона – основное традиционное место постоянного проживания народностей Северной Америки, говорящих на эскимосско-алеутских языках, и сезонное место проживания нескольких групп северных народностей, говорящих на атапаскских и алгонкинских языках. Общая численность местного населения в период, предшествовавший их первым контактам с европейцами, – примерно 90 тыс. чел. Данный раздел посвящен в основном эскимосам и алеутам, проживающим на Алеутских о-вах, на восточном и западном побережьях Берингова моря, на о. Св. Лаврентия (юпики –

Yup'ik) и в районе Берингова пролива (инуиты – *Inupiat*), и их истории в период с 700 г. по 1500 г., а также, безусловно, и в более ранние времена. Эти народности называют себя алеутами, юитами и инуитами.

Во всей прибрежной арктической зоне на протяжении года наблюдаются значительные колебания в распределении, разнообразии и плотности естественных ресурсов в зависимости от климата, географической долготы и широты местности, степени освещенности и рельефа береговой линии. Общая тенденция такова, что плотность и разнообразие ресурсов выше у западного побережья северной части Тихого океана и Берингова моря. Это особенно наглядно проявляется в районе Алеутских о-вов и о. Кадьяк, где незамерзающие акватории и морские восходящие системы (подъем глубинных вод на поверхность) создают благоприятные условия для обитания многочисленных видов морской фауны: рыбы, морских млекопитающих и птиц. Менее разнообразны и менее многочисленны морские ресурсы в районе Берингова пролива, куда мигрируют горбатые киты,

Карта 35. Расположение племенных территорий в Арктике (Arctic, 1984, Smithsonian Handbook of North America)

различные виды тюленей и моржи. Еще беднее они в глубоких фьордах Западной Гренландии. Но хуже всего в этом смысле обстоят дела вдоль покрытой вечными льдами прибрежной полосы Северного Ледовитого океана, в частности центральных арктических районах Канады. Здесь и в некоторых других местах главным естественным ресурсом для человека являются сухопутные животные.

От наличия и разнообразия ресурсов в тех или иных регионах зависели состав и плотность населения, размер местной общины, ее мобильность, а также развитость социальных отношений и технической вооруженности. У наиболее оседлых народов, долгое время живших сообществами на Алеутских о-вах и о. Кадьяк, сложились элементы стратифицированного общества с признаками вожинства. О богатстве и высоком положении членов знатных семей говорят, в частности, пышные, богатые захоронения. Молодежь и старики, мужчины и женщины из таких семей пользовались различными привилегиями как при жизни, так и после смерти. В восточной части Алеутских о-вов отдельные деревни объединялись в некое подобие политических союзов, внутри которых существовали главные поселения и главные вожди. Использование военной силы и социальная организация типа вожинства появились и широко распространились здесь, очевидно, в поздний доисторический период (после 700 г.).

Иерархическое деревенское общество существовало на берегу Берингова пролива в самом крупном поселении китобоев, насчитывавшем свыше 300 чел. Некоторые деревни разрастались настолько, что преобразовывались в несколько меньших деревенских единиц, которые группировались вокруг старшины китобоев и каждая имела свою культовую постройку. Другие поселения исторически связанными групп были небольшими, с одним лишь китобойным старейшиной и членами его команды со своими семьями. Старшина должен был постоянно доказывать свою состоятельность вождя успешной охотой на китов. Технические и социальные аспекты китобойного промысла стали складываться в период между 700 и 1000 гг.

Не знаящие классовых отношений народности в районе Берингова моря и на западе Гренландии, рыболовы и охотники на морских млекопитающих, были относительно более мобильны. Их легкие поселения были малочисленны и не оставались подолгу на одном месте. Как исключение, народности в бассейнах рек Юкон и Кукоквим приобретали некоторую сезонную оседлость в связи с добычей идущего на нерест лосося, а в оставшееся время года совершали переходы к океану для охоты на тюленей. Но более типичной было морское рыболовство и охота в прибрежной тундре. Такие племена меняли стоянку 5–6 раз в году и изредка переносили место своей главной зимовки.

Но по-настоящему кочевыми народами были жители центральных арктических районов Канады, жившие малыми, нестабильными группами по 25–50 чел. Такое непостоянство места обитания и состава было типичным для этих народностей, которые занимались рыболовством, охотились на суше и добывали тюленей.

Несмотря на языковые и культурные различия между алеутами, юитами и инуитами как в прошлом, так и ныне, все они, тем не менее, имеют общее азиатское происхождение. Около 18–16 тыс. лет тому назад, в период последнего материкового оледенения уровень Мирового океана понизился примерно на 100 м. Восточная Сибирь и большая часть Аляски составляли тогда единый материк, называемый Берингией. Огромные пространства представляли собой безводную тундру-степь. Надвинувшиеся ледники перекрыли доступ к юго-западному побережью Аляски, к восточным районам Канады и к Гренландии примерно до 8000 г. до н.э. Побережье Северного Ледовитого океана было в те времена необитаемым. У южного побережья Берингова моря водились млекопитающие, различные виды рыб, птицы и некоторые беспозвоночные. Ког-

да началось потепление, лед стал таять, уровень Мирового океана повысился и вода разделила континент на азиатскую и американскую части. Береговая линия эпохи голоцена сильно изменилась в результате поднятия земной коры, тектонической активности и процессов эрозии. В эпоху позднего плейстоцена и голоцена протяженность береговой линии Берингова моря значительно увеличилась и она стала более вогнутой.

Большинство археологов сходятся во мнении, что предки нынешних алеутов, юитов и инуитов в период от 18 до 10 тыс. лет тому назад начали постепенно продвигаться из Азии вдоль океанского побережья на юго-восток в направлении Аляски. Их переселение заняло, без сомнения, несколько тысячелетий, пока эти люди привыкли к более теплому климату, открытой воде, отсутствию льда в зимнее время года, большему разнообразию морских ресурсов. Опыт не прошел для них даром, ибо самое раннее найденное нами субарктическое алеутское поселение на о. Анангула неподалеку от о. Умнак в восточной части Алеутской гряды существовало уже более 9–8,5 тыс. лет тому назад.

Это самое древнее из найденных поселений располагалось на крутом берегу у океана. Прямо под ним располагались охотничьи угодья, где его древние обитатели добывали морского зверя и ловили рыбу. Здесь же рядом находятся сезонные гнездовья морских птиц. Само поселение состояло из нескольких полуподземных строений размером 3х5 м, некоторые с небольшим, выложенным из камня домашним очагом, внутри которого сохранились остатки жира. Общее расположение поселения, его архитектура, восстановленная картина быта морских охотников и даже использование внутреннего пространства жилища – все это прослеживается и в более поздних поселениях в восточной части алеутского архипелага, построенных 4 тыс. лет тому назад в местонахождении Чулука на о. Умнак, а также в других археологических местонахождениях. Таким образом, мы имеем достаточно полную картину жизни и деревенского быта алеутов на протяжении тысячелетий.

Незадолго до первых контактов русских первопродовцев с местным населением в 1759 г., здесь уже появились общества типа вожества с иерархической структурой. В восточных регионах такие сообщества насчитывали 100 и более человек, которые проживали вместе в одном или нескольких полуподземных домах длиной 25–50 м и шириной 5–10 м. Общество делилось на знать, простолюдинов и рабов. Последние, как правило – пленные алеуты и юиты. Представитель знатного рода мог по своему усмотрению казнить или миловать раба.

Знатный предводитель и его семья жили богато, но на общих основаниях участвовали в повседневных работах общины. Сюда входили рыбная ловля в открытом море, охота на птиц, охота на морского зверя, осуществлявшаяся с каяков и с берега, собирание птичьих яиц из гнезд, промысел лосося пиками, на крючок, на силки и, возможно, сетями, а также собирание растений и беспозвоночных животных, выброшенных на берег. Такое разнообразие видов деятельности (за исключением морской охоты, считавшейся привилегией мужчин), доступных всем членам общины, развитая технология и организация хозяйственной деятельности, наряду с богатством и разнообразием естественных ресурсов Алеутских о-вов, позволяли обеспечивать всем необходимым большое число жителей с их сложной системой социальной организации.

В повседневной жизни простые и знатные алеуты различались между собой по одежде и ее отделке, которая строго соответствовала месту и роли человека в обществе. Умерших богатых людей всех возрастов ожидали пышные похороны, требовавшие много времени и усилий на подготовку и одевание усопшего. Мумии алеутов с тщательно удаленными внутренностями хорошо известны с начала XVIII в., а пещеры для захоронения мумий существовали задолго до этого времени. С поздних доисторических времен существовали

и другие способы погребения умерших, также требовавшие значительных затрат труда. Один из них предусматривал захоронение в могиле на высоком холме. Тщательно подготовленное и красиво убранное тело помещали в могилу и насыпали высокий холм земли, на который сверху укладывали валуны, принесенные с берега океана.

Сравнительно недавно начаты археологические исследования, способные пролить свет на процессы зарождения социального расслоения общества, появления вождеств и организацию быта всей общины под единой крышей. Исследования, проведенные на о-вах Уналашка и Умнак, свидетельствуют о появлении между 700 и 1500 гг. относительно новой тенденции к дифференциации в устройстве жилищ. В поселениях, относящихся к этому периоду, появились различные типы домов: множество небольших овалных построек, рассчитанных на одну семью, несколько больших, многосемейных домов и жилища для богатых. Некоторые из этих домов имеют в плане сложную форму: прямоугольное основное помещение длиной около 15 м с овальными пристройками диаметром до 5 м в каждом углу. Можно представить, как эти помещения могли быть расширены за счет пристроек вдоль боковых стен, чтобы расселить дополнительные семьи под одной крышей. Пространство внутри такого жилища распределялось между членами общины в соответствии с положением в племенной иерархии: вождь располагался в восточной части, а далее в нисходящем порядке размещались остальные – чем ниже положение, тем ближе к западной стене здания.

Юго-западная арктическая прибрежная зона стоит особняком по отношению ко всему региону, потому что приморская цивилизация сложилась здесь раньше, чем в остальных частях региона, здесь наиболее ярко выражена преэсментность жизни древних людей, и здесь обнаружена самая развитая социальная организация общества. Период 700–1500 гг. был заключительным этапом развития иерархической структуры вождеств в обитаемых частях островной гряды.

В примыкающей северной части Тихого океана, в районе о. Кадьяк существовала параллельная, менее развитая цивилизация. Здесь также найдены следы адаптации к приморским условиям, а самое древнее из найденных на сегодняшний день местонахождение имеет возраст более 6 тыс. лет. Имеются данные, свидетельствующие о том, что материальная культура постепенно развивалась и усложнялась, достигнув наивысшего развития, в том числе и в аспектах погребальных церемоний, после 700 г. К моменту первых контактов с русскими путешественниками в середине XVIII в. здесь уже развилась система власти типа вождества. Имеются свидетельства того, что в период 700–1500 гг. происходил рост численности населения, усиливалось соперничество и стали появляться новые формы социальных отношений.

Что же касается районов Берингова моря и Берингова пролива, а также побережья Северного Ледовитого океана, то здесь период 700–1500 гг. можно считать временем кардинальных перемен и этногенеза многих обществ. Языковые различия народностей инуупиаки (*Inupiaq*) и юпики (*Yupic*), проживавших на берегах Берингова моря, напрямую связаны с длительностью их пребывания в этом районе и степенью развития у них промысловой культуры, что подтверждают и археологические находки, сделанные в этом районе. Меньшее разнообразие и богатство языков народностей инуупиаки свидетельствуют об их сравнительно недавнем появлении в этих краях, что подтверждают археологические находки вдоль всего арктического побережья.

Археологи обычно считают, что зарождение цивилизации в Беринговом море шло лишь в направлении с юга на север. Но вполне возможно, что древнейшие люди, населявшие эти берега, первоначально проживали на освободившемся от воды побережье Берингии, которое в эпоху голоцена отступило на восток. Люди просто перемещались вместе с перемещением береговой линии. Когда

уровень Мирового океана установился, протяженность побережья Берингова моря увеличилась, предоставив людям новое жизненное пространство. Судя по некоторым общим чертам быта, имели место активные контакты жителей южных районов бассейна Берингова моря и представителей народностей северной части Тихого океана. В то же время жители северных районов активно общались со своими ближайшими соседями, жившими на противоположном берегу Берингова пролива.

В этот исторический период проживавшие в районе Берингова моря охотники и рыболовы проявляли широкое разнообразие форм адаптации к жизни в местных условиях в зависимости от того, какими естественными ресурсами они располагали. В южной части побережья Берингова моря, где в изобилии водились морские млекопитающие, а в реках нерестились лососи, промысел этих двух видов составлял основу деятельности человека. Сообщества, проживавшие в постоянных жилищах по берегам рек на Аляске, появились по крайней мере уже 3 тыс. лет тому назад. При раскопках одного из таких поселений найдены постройки длиной около 4 м, немного углубленные в почву. Вход в дом закрывался шкурами морских животных, внутри имелся очаг, на полу обнаружены обгорелые кости лосося. Вся эта обстановка свидетельствовала о сезонных вылазках жителей поселения к океану для добычи морского зверя и рыбы. Часто существенным подспорьем для этих людей была охота на северного оленя карибу. Обнаружены и достаточно древние орудия охоты на тюленей, наличие которых доказывает существование довольно развитых мореходных средств.

Археологические исследования периода после 700 г. фиксируют в качестве основного занятия местного населения оседлую охоту и рыболовство. На протяжении тысячелетий реки Юкон и Кускоким с проходными лососями обеспечивали безбедное существование многочисленных оседлых общин потомственных рыболовов, численностью от 50 до 100 человек. Преэсментность их образа жизни и традиций материальной культуры прослеживается от начала исторического периода. В частности, в культурном слое 2000-летней давности в дельте Юкона под толстым слоем ила найдены хорошо сохранившиеся культовые предметы. Культурные традиции местных эскимосов (юпиков) представлены, например, деревянными масками, свидетельствующими об их богатой церемониальной практике. Традиции, переходящие из поколения в поколение, способствовали формированию в период 700–1500 гг. исторических общностей северных народов. Постепенно поселения перемещались вверх по реке. К такому переселению местное население вынуждал приход в эти места жителей более северных районов, а вместе с переселенцами широкое распространение получали и новые технические достижения. Естественно, что при такой ситуации границы расселения местных народностей и принадлежность к той или иной группе носили в тот период весьма условный характер.

Побережье Аляски в Беринговом проливе, включая п-ов Сьюард и северо-запад Аляски, предоставляло местным жителям широкий выбор естественных ресурсов. В основных местах проживания, таких как Пойнт-Хоп, скорее всего, водилось немало морских млекопитающих и северных оленей. На севере п-ова Сьюард в недавние времена стада северного оленя карибу и тюлени у побережья составляли основные природные ресурсы. Население южных районов полуострова добывало себе пропитание преимущественно морской охотой и рыбной ловлей. С давних времен эти люди обменивали излишки добычи на другие необходимые продукты и изделия во время летних ярмарок. Иногда местные народности объединялись, чтобы противостоять пришельцам из Сибири. Имеются все основания полагать, что уже в доисторический период каждому из этих народов была присуща культурная самобытность.

Возраст археологических находок в местах стоянок древних жителей прибрежных районов северной части Берингова моря составляет по меньшей мере 4 тыс. лет. На мысе Крузенштерна на стоянках охотников за тюленями найдены следы материальной культуры, относящейся к тому же периоду и распространившейся по всему восточному арктическому побережью. Так, у жителей Аляски и у восточных народов существовала схожая культура, сосредоточенная в основном на охоте на тундровых и прибрежных животных, главным образом – на тюленей и северных оленей. Вместе с тем ловля лосося незнакома жителям крайнего севера, так как большая часть северных территорий лежит вне зоны проходов этой рыбы. Технология изготовления каменных орудий жителями северных районов Берингова моря и арктического побережья была унаследована еще от сибирских охотников эпохи неолита.

Самые первые северные охотники могли быть родом с северо-восточного побережья азиатского континента. В дальнейшем к ним, возможно, присоединились жители Аляски, перенявшие их образ жизни, или это могли быть представители более древнего народа, жившего у северного побережья Берингова моря, которые получили секрет изготовления каменных орудий охоты от своих сибирских собратьев. Ясно одно – они первыми освоили охоту в открытых прибрежных пространствах Северного Ледовитого океана, и их расселение в этих местах было стремительным. Возможно, поначалу местный животный мир был слишком доверчив к новому виду хищников. История этих народов после их прихода на американский континент лучше известна жителям восточных районов Арктики, чем обитателям Аляски. Тем не менее археологи предполагают, что племена, жившие позднее в районе залива Нортон и группы народа ипиутак (*Ipiutak*), жившие вдоль северного побережья Берингова моря и Берингова пролива со стороны Аляски, имели контакты с этими первопроходцами, но, возможно, избегали соперничества с ними за контроль над лучшими участками побережья. Культура ипиутака датируется 400/500 – 1200 гг. н.э. Многочисленные ее образцы относятся к более поздним временам и найдены в отдаленных северных районах.

Система хозяйствования племен ипиутака и с залива Нортон основывалась везде, где это было возможно, на прибрежной охоте. В районе Берингова пролива главными видами добычи были тюлень, морж и северный олень. В периоды потепления климата лосось поднимался до широты г. Ном на юге п-ова Сьюард и также становился желанной добычей. Обычно общины ипиутака были небольшими, и группы меняли места стоянок несколько раз в году. Их техническая оснащенность была вполне достаточной для жизни в условиях севера, но не могла сравниться с достижениями культур народов с другой стороны Берингова пролива, которые начали проникать на территории к северу от залива Нортон и на территории племен ипиутака после 500 г. Эти чужаки охотились коллективно с умиаков – открытых больших лодок, используя съемные гарпуны и поплавки, удерживавшие загарпуненного зверя у поверхности воды; у них были собачьи упряжки и хитроумные приспособления для лова тюленей у лунок.

Только в районах, исключительно богатых природными ресурсами, жители севера Аляски могли позволить себе перейти на максимально возможный оседлый образ жизни, обрести материальное благополучие и спокойную жизнь благодаря своим техническим достижениям и социальной организации. Мыс Пойнт-Хоп был как раз таким местом: тюлени, моржи, небольшие киты и олени водились здесь в изобилии круглый год. Всех этих животных жители стабильно добывали с помощью набора охотничьих приспособлений, которые, по мнению ученых, существовали у северных народов уже более 4 тыс. лет тому назад и сохранялись на протяжении тысячелетий.

Начиная с 400–500 гг. на протяжении нескольких веков район мыса Пойнт-Хоп был местом проживания особенно благополучной общины ипиутака. Район известен своим поселком из нескольких сотен бревенчатых домов, а также примечательным кладбищем. Индивидуальные захоронения, вероятно, предназначались для шаманов. Многие надгробия украшены изделиями из оленьих рогов и предметами с великолепно выполненной резьбой по кости. На некоторых надгробиях из бревен имеются маски, собранные из кусочков кости с кружками из моржового клыка в глазницах. Дома в поселке были четырехугольные, основательные, с большим очагом в центре дома, вокруг которого устанавливались низкие скамьи. В нескольких домах при входе имелись закрытые кладовые для хранения мяса. Дома немного отличались по размерам и богатству отделки, но эти различия зависели лишь от мастерства их владельцев, и в любом случае они слишком незначительны, чтобы говорить о наличии в общине социального расслоения или иерархических отношений, свойственных, например, жителям Алеутских о-вов и о. Кадьяк. Некоторые различия в количестве и составе домашней утвари зависели от того, кто проживал в доме, например, совсем малый (2 x 2 кв. м) дом явно принадлежал холостяку, а просторный (5 x 5 кв. м) дом – многодетной семье, так как в нем найдено большое количество игрушек и миниатюрных предметов. В целом поселение было, как представляется, постоянным, благополучным и безопасным, особенно по суровым арктическим меркам.

Поселение в Пойнт-Хопе, к сожалению, прекратило свое существование, хотя опыт адаптационной стратегии его жителей, безусловно, является ценным вкладом в общий опыт народов северной части Берингова моря. И, как упоминалось выше, народы, обитавшие к югу от п-ова Сьюард, также длительное время оседло проживали на своих землях, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. Приблизительно с 1000 г. в эти регионы Аляски началось проникновение культурных новшеств на побережье Берингова моря, в которых проявлялись адаптационные стратегии, из прибрежных районов Сибири и с о. Св. Лаврентия. Кроме того, по данным лингвистических исследований, около 1500 г. произошло массовое расселение групп, говоривших на языках ипиутака, в северном прибрежном регионе Берингова моря.

Коренное население прибрежных районов арктического побережья и прилегающей к нему тундры пришло сюда с запада около 4000 лет тому назад. Образ жизни этих древних людей, живших за Полярным кругом, во многом сходен с образом жизни современных эскимосов (инуитов). Однако многие виды охотничьей оснастки и способы охоты на открытой воде с каяков и умиаков, охоты на тюленей, использования ездовых собак были им либо вовсе неизвестны, либо были примитивными. Археологические находки, среди которых имеются предметы охотничьих орудий из кости, а также остатки пищи, свидетельствуют о том, что древние люди занимались главным образом охотой в прибрежной тундре и рыболовством. И если останки некоторых видов тюленей и моржей присутствуют в культурном слое довольно часто, то останки мигрирующих гренландских тюленей и крупных китов встречаются здесь очень редко. Отмечены здесь следы охоты на мускусного быка (овцебыка), карibu, белого медведя, зайца, лису, птиц, а также рыбной ловли. Способы обработки камня этими людьми, как уже отмечалось, соответствуют сибирским неолитическим традициям. Какая бы ни была природа этих связей, образ жизни древних народов Арктики, предшественников культуры дорсет, очень похож на быт более поздних иуитов и инуитов. Их адаптация позволила им первыми освоить арктический север. Особенно много следов их пребывания найдено на базовой для них территории вокруг бассейна Фокс и Гудзонова пролива, а в периоды

потепления климата они поднимались в высокие арктические широты вплоть до 75-й параллели.

Первоначальное продвижение людей в прибрежные арктические районы более 4 тыс. лет тому назад совпало с окончанием периода потепления. Они достигли крупных островов Канадского арктического архипелага в высоких арктических широтах и Гренландии. Большинство этих людей покинуло северные побережья с наступлением очередного похолодания приблизительно 3,5 тыс. лет назад и, обосновавшись на материке примерно в то же время, продолжали продвигаться к югу. Временами холод вынуждал многие группы уходить южнее вдоль побережья п-ова Лабрадор, и они вытесняли с этих земель прибрежных древних индейцев, приходивших на побережье для сезонной охоты. Эти первые колонисты оставались на арктических берегах приблизительно до 1000 г., до времени, когда в эти районы началось вторжение племен туле (инуитов).

Представители позднего периода культуры дорсет (500–1000 гг.) и заключительного периода культуры дорсет (1000–1500 гг.) унаследовали от первопроходцев культуру и способы выживания в условиях Арктики. С наступлением первого же потепления климата за целое тысячелетие племена поздней дорсет направились в высокие арктические широты. Среди археологических находок встречаются художественные изделия, преимущественно культового значения. Все они небольшого размера, но представляют собой образцы великолепной резьбы по кости и дереву. Большинство построек являлись простыми укрытиями от ветра или небольшими шалашами для одной семьи, но в позднем дорсете обнаружены длинные каменные строения в виде высоких каменных стен без крыш шириной 5–7 м и длиной около 14 м; одно такое строение имело в длину 32 м. Внутри не сохранилось почти никаких следов жизнедеятельности, из чего был сделан вывод, что это были ритуальные постройки, где люди собирались в сухое, бесснежное время года. С приходом в эти места после 1000 г. инуитов культуры туле население поздней культуры дорсет стало сокращаться, и следы этой самобытной культуры также постепенно исчезают. Поселения этих народностей стали встречаться крайне редко, а сами они либо вымерли, либо растворились в среде туле.

Исчезновение культуры дорсет связано с особенностями хозяйствования и социальной организации общества. Успешно развиваясь на протяжении 3 тыс. лет, они тем не менее не смогли выдержать конкуренции с более высокой культурой туле. Люди культуры дорсет охотились в непосредственной близости от своих поселений, на расстоянии однодневного пешего перехода. Тюленя они промыслили не в открытом море, а в узких протоках. Животных они добывали там, где их больше всего, сбор птичьих яиц на птичьих базарах они предпочитали более трудной охоте на перелетную пернатую дичь. Их охотничьи орудия оставались примитивными. Согласованность действий всех участников охоты была решающим фактором успеха всего племени, и несколько неудачных попыток в течение сезона могли серьезно ослабить группу. Было сделано предположение, что племена дорсет не смогли выжить в условиях, когда им пришлось делить охотничьи угодья с группами туле, которые передвигались на большие расстояния на своих лодках-умиаках и собачьих упряжках, имели более специализированное охотничье снаряжение и были мастерами коллективной охоты.

История сибирских племен юитов (говоривших на сиреникских – центральносибирских и науканских языках юпиков) прослеживается на 2 тыс. лет назад. Их исторические корни уходят в охотничью культуру, развившуюся на островах Пунук, Диомида, Св. Лаврентия и на побережье Чукотки. Они известны как древние культуры Берингова моря оквик (0–700 гг.) и пунук (700–1500 гг.). Пунукская культура или ее материковый американский вариант культура бирнирк внесла большой вклад в форми-

рование культуры туле около 1000 лет тому назад, от которой берут начало инуиты (современные эскимосы). Традиции культуры, лежащие в основе северной прибрежной цивилизации оквик побережья Берингова моря, только еще предстоит изучить.

Пунукская культура эскимосов на островах и побережье Берингова моря, возникшая около 700 г., выделяется большим количеством дошедших до нас декорированных предметов, инструментов, полированных наконечников для метательных орудий, ножей и *улусов* (женских ножей), грубых гончарных изделий и широкого набора изделий из кости и моржового клыка – наконечников для гарпунов и копий. В ранний период пунукской культуры ее представители активно использовали технические новинки для весенне-летней охоты с каяков на открытой воде; в частности, применялись съемные гарпуны, а также поплавки из кожи морских животных. Имелись и особые приспособления для зимней охоты на тюленей в ледяных лунках. В ходу были и собачьи упряжки. Снаряжение местных шаманов было общепринятым. Стремление добывать главным образом крупных морских животных привело к существенным социальным переменам. Владелец, он же старшина команды китобойной лодки (*умялик*), постепенно стал приобретать более высокий социальный статус в своем сообществе, которое теперь организовывалось вокруг него, членов его команды и их семей, а мужчины собирались в отдельно построенном доме для работы и совершения обрядов. Число поселений возросло, они стали крупнее, а жилища, строившиеся из китовых костей, стали более просторными. Рост численности населения привел в свою очередь к расширению контактов между поселениями и к увеличению числа конфликтов между ними. Характерными археологическими находками этого периода являются доспехи из костяных пластин, новые копья, усиленный лук, защитные нарукавники.

К 500 г. возросшая конкуренция между племенами в северных прибрежных регионах вынуждала некоторые из них уходить все дальше вглубь американского континента. Следы культуры бирнирк присутствуют в основных поселениях охотников на морских животных в районе Берингова пролива, включая поселение Пойнт-Хоп. В некоторых из этих поселений найдены следы китобойного промысла, в других – свидетельства охоты на тюленя на льду и на открытой воде. Дома культуры бирнирк у мыса Барроу с длинным туннельным входом имеют размеры 2,5х3 м. В глубине дома располагался спальный настил. Источником тепла и света были лампы. Количество жителей в поселениях, вероятно, было небольшим. У мыса Крузенштерна такое сообщество вообще состояло из двух небольших домов. Здесь охотились на тюленей и карибу. Способы обработки найденных орудий охоты из камня свидетельствуют о контактах местных жителей с носителями культуры ипиутак.

Вновь прибывшие группы культуры биркук оказались удачливыми. Например, они имели преимущества по сравнению с местными группами охотников и рыболовов, жившими на побережье залива Нортон, в частности, на территории у г. Ном. Пришельцы умели охотиться на тюленей в течение всего года, тогда как местное население зависело от сокращения улова рыбы в зимнее время и от наличия стад карибу.

Представители культуры пунук (бирнирк) сыграли важную роль в появлении культуры туле на американском континенте около 900 г. В течение одного-двух столетий племена туле широко расселились в восточном направлении. Развитие и адаптация их культуры и ее распространение определялись двумя или тремя взаимосвязанными факторами. Один из них – следование опыту пунуков в изготовлении орудий охоты и социальной организации, что позволило им вести коллективную охоту на крупного морского зверя и на китов с умиаков. Второй фактор –

потепление климата в Арктике в период 900–1350 гг., которое способствовало освобождению ото льда обширных пространств в арктических морях и привлекло сюда большое количество китов и других крупных морских млекопитающих, сделав эти регионы привлекательными и для племен северных приморских охотников. Третий фактор – перенаселение северо-восточных районов Сибири из-за притока туда больших масс людей. По мнению археологов группы пунукской культуры двигались в восточном направлении именно из-за перенаселенности, к тому же расширялась приемлемая для них среда обитания по мере потепления климата. Пунукские группы принесли с собой на Аляску способы охоты на китов и весь связанный с этим уклад жизни. Одна из интерпретаций имеющихся на сегодня археологических исследований сводится к тому, что возникновение народности туле стало результатом тесного социального взаимодействия пунуков и бирнирков.

В тех местах на Аляске и в районе Берингова пролива – у Пойнт-Хоп, на мысе Барроу и на мысе Принца Уэльского, где туле собственно и сформировались как самостоятельная народность, они сохраняли и расширяли свои китобойные сообщества. Огромные расстояния, разделявшие наиболее крупные китобойные поселения, не были помехой для общения – туле преодолевали их на лодках и собачьих упряжках. Летние ярмарки также способствовали развитию регулярных контактов между общинами. В этом общении участвовали также группы с п-ова Сьюарда и северного склона хребта Брукса. Но здесь и на мысе Крузенштерна крупные поселения китобоев постепенно уступили место малонаселенным деревушкам из домиков в одну комнату. Испытывая недостаток такого жизненно важного пищевого продукта, как китовое мясо, люди здесь вынуждены были перейти в основном к рыболовству, и местным охотникам приходилось много передвигаться в поисках добычи.

Группы туле научились перемещать между поселками свои многочисленные орудия охоты и различные приспособления к ним, а также тяжелое охотничье и домашнее снаряжение. Большое разнообразие имевшихся в их распоряжении орудий позволяло охотиться в любых условиях, – будь то на льду моря или на открытой воде, – на птиц, тюленей и китов. Просторные, добротные дома с поднятыми над полом спальными настилами и тамбурами, защищавшими от проникновения внутрь холодного воздуха, позволяли жить в тепле. Помимо снаряжения облегчала суровые условия жизни эскимосов туле более совершенная социальная организация их общества. Китобойные команды и их предводители составляли прочную общность людей, проживавших совместно под единым началом, с четкой организацией труда, жестким распределением обязанностей и всеми необходимыми средствами для достижения общей цели.

Всего за несколько столетий племена туле достигли Гренландии. Наиболее вероятный маршрут их продвижения, учитывая расположение сохранившихся древних поселений туле, пролегал вдоль побережья материка к югу от о. Виктория, далее к северо-востоку от него по южному краю о. Девон, затем по восточному побережью о. Элсмир к северной части Гренландии. Некоторые из племен туле, зашедшие в высокие арктические широты, повернули затем на юг. Пока неизвестно, заходили ли в арктические районы более ранние племена туле, двигавшиеся на восток.

В 1100–1300 гг. племена эскимосов туле проникли практически во все арктические регионы за исключением п-ова

Лабрадор, современной провинции Квебек и островов на крайнем северо-западе. Среди найденных древних поселений были такие, где стояли долговременные зимние дома (большие полуподземные строения из камня, дерна и костей китов). Внутреннее пространство имело сложную планировку, здесь были кладовые для мяса, высокие настилы, под которыми размещали домашний скарб, и подстилки из китового уса для дополнительной теплоизоляции. Летом эскимосы туле жили под навесами на открытом воздухе. Количество стоянок в высоких Арктических широтах росло по мере того, как люди шли дальше на север в Гренландию, а затем поворачивали на юг по ее восточному побережью. Но наиболее заметный рост численности населения был на юге: исследователи связывают его благоприятными климатическими условиями, вливанием в этот людской поток местного населения поздней культуры дорсет, а также прибытием все новых волн переселенцев с запада.

В течение всего периода потепления с 900 по 1350 г. туле, судя по всему, выходили на китовый промысел при первой же возможности. Экипировка для такой охоты включала в себя все необходимые орудия, большую лодку (умиак) и слаженную команду (из гарпунщика, рулевого и нескольких гребцов). Однако не каждая община китобоев могла рассчитывать на добычу большого кита в каждый охотничий сезон. В восточных арктических районах основной добычей охотничьих сообществ были тюлени, северные олени и моржи. Для Туле служили добычей и зайцы, птицы, овцебыки (если они водились), а также птичьи яйца и моллюски. При этом они использовали широкий набор специальных охотничьих орудий и приспособлений. Археологи нашли и свидетельства охоты во льдах, сквозь лунки и с плавучих льдин, а также использования народностями туле для охоты легких лодок-каяков. Присутствие среди находок на Баффиновой Земле и в Гренландии металлических изделий и предметов европейского происхождения свидетельствует о ранних контактах народностей туле со скандинавами в гораздо более северных широтах, чем об этом говорят сами скандинавские источники.

Культура туле стала меняться после 1250 г. Произошло массовое перемещение этих племен к югу, и, соответственно, расширились возможности адаптации к среде обитания. В 1350–1500 гг. и позднее представители культуры туле, приспособляясь к изменяющемуся составу естественных ресурсов, стали больше охотиться на моржа, северного оленя, нарвала (единорога) и овцебыка. Это изменение и дифференциация культуры туле было связано с климатическими изменениями, выразившимися в общем похолодании, приведшем к более холодному летнему периоду, и в росте ледниковых образований на островах Баффинова Земля и Гренландия. В отдельных районах севера дрейфующие паковые льды летом могли заполнять столь обширные пространства, что морская охота становилась невозможной. Ближе к югу тонкие прибрежные льды стали таять значительно позднее и долго не позволяли спускаться на воду тяжелые китобойные умиаки, сокращая таким образом сезон морской охоты. Огромные поля дрейфующих льдов во всех арктических морях значительно сократили ареал распространения китов. Данные археологов подтверждают это резкое сокращение добычи китов после 1400 г. К 1600 г. народности культуры туле уже хорошо приспособились к особенностям местных экологических условий и разделились на устойчивые группы, которые были известны уже первым исследователям.

Рой Л. Карлсон

К Северо-Западу североамериканского материка относятся территории к западу от Скалистых гор, к югу от арктического побережья и к северу от Большого Бассейна. Этот район непосредственно примыкает к Тихому океану, и его нередко называли «лососевой территорией», поскольку эта рыба имела для местного населения жизненно важное значение и занимала центральное место в культуре и во всем укладе жизни, сложившемся на этих территориях. В наше время в состав северо-западного региона входят южный клин штата Аляска, большая часть провинции Британская Колумбия, весь штат Вашингтон, западная часть штата Орегон, северо-запад штата Калифорния и западные окраины штатов Айдахо и Монтана. Северо-Запад часто делят на две культурные области: северо-западное побережье, лежащее между прибрежной горной грядой и берегом Тихого океана, и Внутреннее плато, расположенное между Береговым хребтом и Скалистыми горами в системах двух крупнейших рек – Колумбия и Фрейзер. В этих двух областях были проведены крупномасштабные археологические изыскания, показавшие, что местные этнографические культуры являются конечным продуктом культурных традиций, берущих начало тысячи лет назад в доисторической эпохе (карта 36).

Благодаря проходящему вдоль побережья теплomu Аляскинскому течению в этих местах сложился умеренный влажный климат с относительно короткими зимними холодами на севере и зачастую полным отсутствием их на юге.

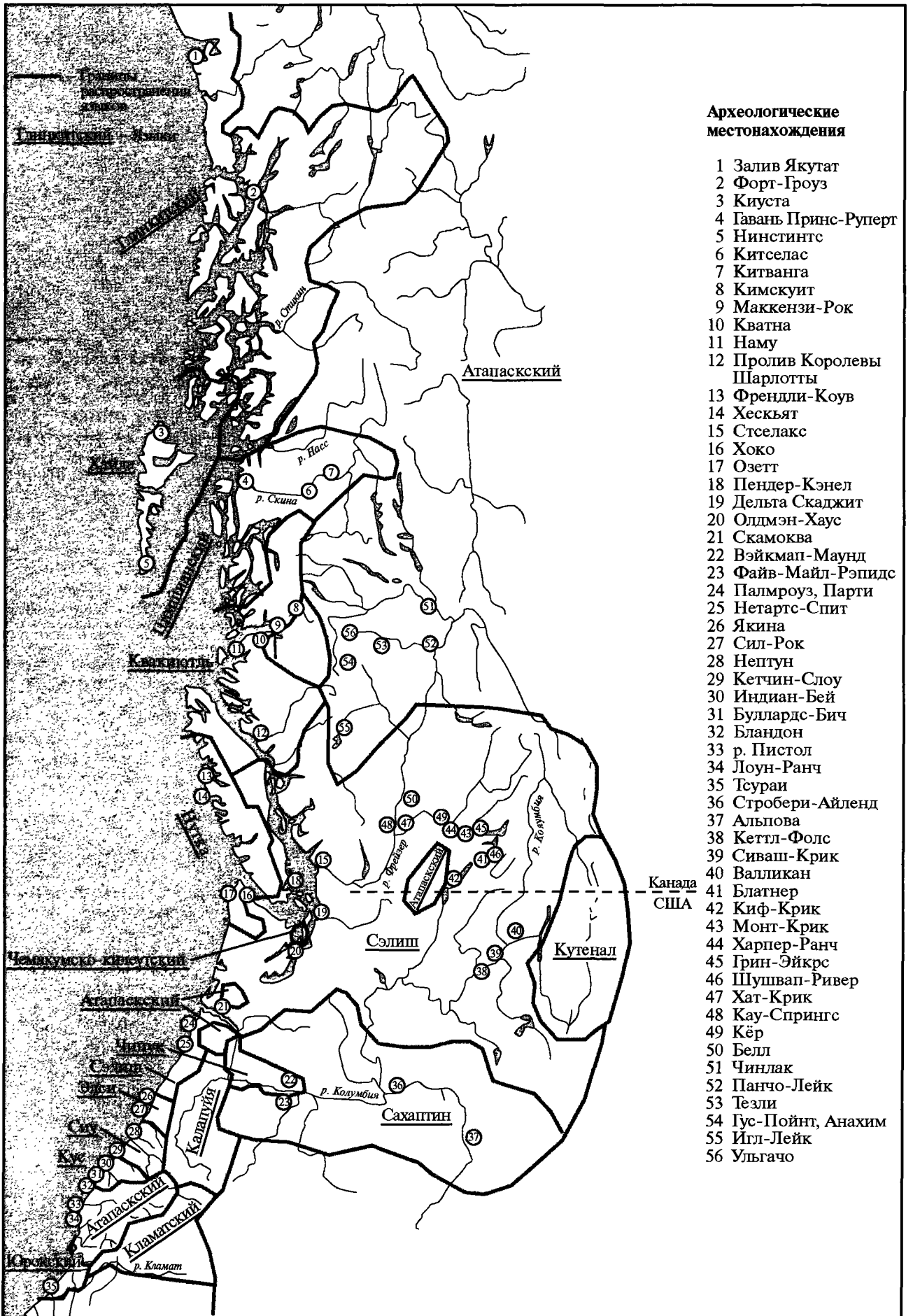
Хвойные еловые, пихтовые, тсуговые и главное – кедровые (из западного красного кедра – *Thuja placcata*) леса покрывали все побережье от береговой линии до верхней границы распространения лесов. Растительный мир во внутренних районах плато был реже, но значительно разнообразнее; обширные луга разнотравья и поляны перемежались с лесами, где преобладали сосна обыкновенная и исполинская сосна Дугласа. Большие пространства на самой северной части плато занимали также леса из лиственных пород, например осины. Зима здесь длилась дольше и была холоднее, а лето было более жарким, чем на побережье. Все эти факторы делали жизнь в этих районах более суровой и трудной, и в результате плотность населения здесь была значительно меньшей по сравнению с прибрежными районами.

Береговой хребет в канадской провинции Британская Колумбия, перерастающий в Каскадные горы в штатах Вашингтон и Орегон, отделяет побережье от Внутреннего плато. Но две эти территории связывают крупнейшие речные системы, которые не только обеспечивают пути миграции для лосося и угря, идущих из моря в реки на нерест, но испокон веков служили человеку в качестве путей сообщения между двумя этими регионами. Главными такими путями были обширные бассейны рек Фрейзер и Колумбия с их многочисленными крупными и мелкими притоками. Средние реки Кламат, Стикин и Скина также служили этим целям, как, впрочем, и еще более мелкие

речки Насс и Белла-Кула, впадавшие в глубокие фиорды. Уникальным морским путем сообщения в направлении север-юг, которым с давних пор пользовались народности, имевшие мореходные навыки и плавательные средства, являлся сквозной, отделенный островами от открытого океана путь вдоль побережья Тихого океана от залива Линн-Канал на юге Аляски до залива Пьюджет-Саунд в штате Вашингтон. В устьях крупных рек, включая р. Колумбия, с небольшим разрывом в районе залива Пьюджет-Саунд, он переходил в водный путь в направлении восток-запад.

Вся эта территория была местом проживания 150–200 тыс. чел. коренных народностей, говоривших на десятках различных языков, но во всем остальном вполне похожих. Различия в уровне развития их культур коренились в особенностях исторического пути тех или иных народов и в факте неравномерного распределения природных ресурсов в различных частях региона, следствием чего стала неодинаковая плотность населения и разный уровень благосостояния, позволявший или не позволявший общинам содержать своих мастеров и умельцев, не занятых в процессе добывания пищи. Люди в более обеспеченных регионах достигли и более высокого уровня развития культуры по сравнению с бедными регионами. В специальной литературе, посвященной проблемам антропологии этого региона, языковые группы коренного населения чаще всего именуется общим термином «племена», хотя представители этих групп никогда не составляли политической общности, а были объединены лишь по этнической принадлежности и в силу признания ими своей языковой и культурной близости. Поселение, а не племя, было у них основой политической организации общества. Одни поселения были связаны с другими узами родства и взаимодействия. Вся система взаимоотношений базировалась на организации социальных связей в регионе, и взаимодействие происходило без учета физико-географических и языковых границ. Нет никаких оснований полагать, что в доисторические времена здесь существовала более сложная система политической организации общества. Крупные «племена», которым антропологи присвоили те или иные названия, не что иное, как результат слияний уже в исторические времена более мелких выживших групп местного населения в одно или несколько поселений. Плотность населения, вероятно, всегда была выше у побережья, где, в отличие от отдаленных северных районов с их суровой природой, климат был теплее и имелся широкий выбор морских, наземных и речных ресурсов.

Языки, на которых говорили жители Северо-Запада, были сгруппированы в 10 языковых семей лингвистами М.Д. Кинкейдом (*M.D. Kinkade*) и В. Саттлсом (*W. Suttles*). Эти ученые отмечают, что основные элементы всех этих групп языков, такие как фонетика, грамматика, семантика, очень похожи, что говорит об их взаимодействии на протяжении длительного периода времени. Очень важным достижением местных цивилизаций была способность

Карта 36. Языковые группы, реки и основные археологические местонахождения на северо-восточном побережье Северной Америки в 700–1500 гг. (по Carlson, Schmidt)

заимствовать слова и понятия из родственных языков и внедрять их в собственные языки. Некоторые континентальные племена, говорившие на атапаскских языках, полностью перешли на язык тлинкитов. Возможно, следствием таких заимствований было увеличение числа перекрестных браков, а также распространение определенных товаров по различным регионам путем торговли. О контактах различных групп в доисторические времена свидетельствует широкое распространение обсидиана, морских раковин разных видов, а также разнообразных инструментов, например лезвий для тесел из нефрита далеко от места их происхождения.

В очень многих археологических местонахождениях найдены предметы, относящиеся к культуре периода, который непосредственно предшествовал приходу европейцев. Во многих случаях такие предметы относятся либо к раннему доисторическому периоду, либо ко времени, когда европейцы уже находились на континенте, либо к обоим. Самые известные из таких местонахождений кратко описаны в этом разделе по регионам, начиная от северо-западного побережья, и места их расположения показаны на карте 36.

На северной оконечности северо-западного побережья, в районах проживания индейского народа тлинкитов имеется несколько археологических местонахождений на берегу залива Якутат и местонахождение Форт-Гроуз у устья залива Линн-Канал. На о-вах Королевы Шарлотты находится стоянка Киуста в Клоук-Бэй и еще одна – Нинстинтс (*Ninstints*) – на о. Энтони. Не установлено, как долго жили люди в последнем поселении (занесенном в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО) до того, как на американском континенте началась торговля пушниной. Большое количество археологических раскопок более поздних поселений имеется в гавани г. Принс-Руперта на территории индейского народа цимшианы, а в долине р. Скина находится стоянка в каньоне Китселас (*Kitselas*) и мощное укрепление Китванга (*Kiwanga*).

Южнее, в средней части побережья провинции Британская Колумбия самым важным местом, где велись раскопки, относящиеся к рассматриваемому нами периоду, был залив Кватна (*Kwatsna*). В этнографическом отношении это место является родиной народностей, говоривших как на языке сэлиш (*Salish*) племени белла-кула, так и на языке квакиотль племени белла-белла. В деревне Нутлитликуотланк (*Nutlitiqotlank*) археологи обнаружили остатки большого дощатого дома, относящегося к 1280 г. По соседству, на раскопе в селении Аксети (*Axeti*) в устье р. Кватна были обнаружены остатки запруды из прутьев для ловли рыбы и заполненное водой хранилище для вымачивания плетеных изделий, фрагменты плетеного короба, гнутые гарпуны для ловли рыбы, изготовленные из цельного куска дерева, составные гарпуны, плетеные корзины, циночки из коры кедра, куски веревки, деревянные клинья для колки дров, деревянные рукоятки для стамесок или зубил и целый набор инструментов из камня и кости. Отдельные раскопки были проведены также в селениях Кимскуит и Макензи-Рок у канала Дин. Последнее селение названо в честь шотландского купца, который дважды пересек Америку, Александра Макензи – это место было крайней западной точкой, которой достигла его экспедиция в 1793 г. А раскопки в Наму на территории племени белла-белла показали, что люди непрерывно жили здесь в течение 10 тыс. лет.

Западное побережье о. Ванкувер и северо-западная оконечность штата Вашингтон заселены индейским народом, говорящим на языке нутка. Основные раскопки проводились здесь в четырех местах – в бухте Френдли-Коув (*Cove*), Хескят (*Hesquiat*), Хоко (*Hoko*) и Озетт (*Ozette*). Последняя из перечисленных раскопок дала самую обширную и богатую на всем побережье информацию, относящуюся к позднему доисторическому и раннему историческому периодам. Дело в том, что процветающее поселение Озетт было в одночасье погребено под грязевым оползнем,

и в результате здесь практически в первозданном виде сохранился полный набор артефактов из дерева и волокнистых материалов, которые обычно просто истлевали от времени. Потрясающая коллекция этих предметов хранится ныне в Музее племени мака на берегу залива Низ-Бей. Племена, говорившие на языке нутка, и, возможно, их ближайшие южные соседи были единственными среди народностей северо-западного побережья, которые отваживались выходить в Тихий океан на китобойный промысел, и в Озетте сохранилось большое количество орудий этой охоты, а также ритуальных принадлежностей. В поселении Юкуот (*Yuquot*) в бухте Френдли-Коув во времена пушной торговли в начале XIX в. жил известный китобой и вождь племени Макенна (*Maquinna*). Проведенные здесь раскопки показали, что способы охоты на китов уходят корнями в далекое прошлое, по крайней мере к 800 г., т.е. до того как европейцы появились на американской земле.

Регион у пролива Джорджия и залива Пьюджет-Саунд был местом проживания народностей, говоривших на языке салиш. О древней этнографии этого региона известно гораздо меньше, чем об истории народностей, проживавших южнее и западнее этих мест. Морская выдра (калан), чей мех очень ценился купщиками пушнины, здесь почти не водилась, и поэтому описаний этих мест торговцами и путешественниками сохранилось мало. В довершение всего, этот район привлек к себе повышенное внимание европейских колонистов и всевозможных миссионеров, в результате чего упадок местной самобытной культуры происходил здесь быстрее, чем в соседних регионах. Но тем не менее археологических объектов в этом районе достаточно много, и он справедливо считается одним из основных центров развития раннего художественного творчества коренных народов. Из археологических местонахождений более позднего периода, в которых проводились раскопки, можно назвать Олдмэн-Хауз в заливе Пьюджет-Саунд – место, где родился Вождь Сизэл (*Sialyt*), Стелакс-Виллидж в устье р. Фрейзер, несколько мест в дельте р. Скаджит, а также ряд сезонных стоянок на о. Сан-Хуан и других островах в заливе. В поселении Сиваш-Крик в устье каньона р. Фрейзер при раскопках были найдены предметы позднего доисторического периода. Раскопки в Стелаксе проводились внутри сохранившихся остатков дощатого дома индейского племени муского и выявили уровень культурного развития до первых контактов с европейцами, ничуть не меньший, чем у других народностей северо-западного побережья.

Существует много известных археологических местонахождений в нижнем течении р. Колумбия, на побережье штата Орегон и на северо-западе Калифорнии. Население в нижнем течении р. Колумбия почти все погибло в 1830 г. в результате эпидемии, вызванной, как считается, малярией, поэтому этнографические данные в отношении этого региона не столь подробны, как о многих других регионах. Из 152 известных местонахождений древних поселений племени чинук (*Chinook*), клатсоп (*Clatsop*), катламет (*Kathlamet*) и уишрам (*Wisbram*) по крайней мере восемь содержат следы поздней доисторической культуры. Поселение Вэйкмап-Маунд на р. Колумбия недалеко от Даллеса, вероятно, самое известное из этих мест. Люис (*Lewis*) и Кларк (*Clark*) посетили его в 1803 г. и обнаружили, что жители покинули это место. Раскопки показали, что в культурном слое много предметов художественного творчества, относящихся к концу доисторического периода. Прямо напротив Вэйкмап-Маунд, на противоположном берегу р. Колумбия находится поселение Файв-Майл-Рэпидс (*Five Mile Rapids*), где археологи обнаружили наиболее длительную последовательность культурных слоев, самый ранний из которых имеет возраст 10 000 лет, а последний принадлежит уже к исторической эпохе. Из 168 известных местонахождений в северной и центральной частях побережья штата Орегон и из 135 таких мест в южной части

побережья как минимум 19 относятся к позднему доисторическому периоду. Многие местонахождения представляют собой скопления остатков морских раковин, в других имеются остатки деревянных строений и другие типичные элементы прибрежных культур. Местонахождение Сэнд-Спит (*Sand Spit*) на территории народности тилламук (*Tillamook*) известно, видимо, больше других. В северо-западной части штата Калифорния в Тринидад-Бей есть древнее поселение Тсурай (*Tsurai*), также ведущее свою историю от доисторических времен.

В среднем и верхнем течении р. Колумбия и в среднем течении р. Фрейзер было также обнаружено множество древних поселений. В отличие от прибрежной зоны, где деревянный дом был излюбленным типом жилища, здесь, на плато люди предпочитали жить в полуподземных строениях. Другие следы жизнедеятельности человека – погребки для хранения продуктов, помосты для временного проживания, кучи осколков от изготовления каменных орудий, ямы для поджаривания пищи и наскальные рисунки. Характерный для плато культурный комплекс в поселениях из зимних полуподземных жилищ включал подземные кладовые для провианта; сезонные стоянки для сбора и заготовки летних плодов; запасы лосося, сделанные в сезон захода его на нерест в местные реки; вырытые в земле кострища-жаровни для приготовления растительной пищи; инструменты для обработки дерева; каменные наконечники из отщепов для охотничьих стрел; всевозможные резные фигурки, в том числе изображающие животных; наскальные надписи и рисунки; курительные трубки; наборы из различных минералов – обсидиана, оникса, нефрита и раковин, предназначенные для меновой торговли. Вне всякого сомнения, в этот список входили и такие недолговечные изделия и материалы, как плетеные корзины, веревки, сети, одежда из шкур животных и многое из того, чем человек пользовался еще в доисторическую эпоху. Самая древняя из известных землянок обнаружена в местонахождении Альпова (*Alpowa*) и датируется возрастом около 5000 лет. Во многих из названных местонахождений есть следы пребывания человека, как в доисторическую, так и в последующую эпоху. К наиболее известным, относящимся ко временам до прихода европейцев, местонахождением относятся, в частности, следующие: Валликан (*Vallican*), Блаттнер (*Blattner*), Киф-Крик (*Keefe Creek*), Монт-Крик (*Monte Creek*), Харпер-Ранч (*Harper Ranch*), Кер (*Curr*), Грин-Эйкс (*Green Acres*), Шушвап-Ривер (*Shushwap River*), Хат-Крик (*Hat Creek*), Кау-Спрингс (*Cow Springs*) и Белл (*Bell*) в провинции Британская Колумбия; Кеттл-Фоллс (*Kettle Falls*), Альпова (*Alpowa*) и Стробери-Айленд (*Strawberry Island*) в штате Вашингтон. Около 1730 г. через более южные племена индейцев на плато попали первые лошади, которые изменили образ жизни местного населения, особенно в открытых, безлесных частях плато.

В верхней части бассейна р. Фрейзер, на той части плато, где проживали народы индейцев кэрриер (*Carrier*) и чилкотин (*Chilcotin*), говорившие на атапаскских языках, имеется не менее 19 доисторических местонахождений, где проводились раскопки или брались пробы. Важнейшие из них – Чинлак (*Chinlac*), Панчо-Лейк (*Punchaw Lake*), Тезли (*Tezli*), Гус-Пойнт (*Goose Point*), Игл-Лейк (*Eagle Lake*) и Ульгачо (*Ulgatcho*). На этих местонахождениях обнаружены предметы древней культуры, во многом схожие с теми, которые обнаружены в более южных районах плато – на территориях, население которых говорило на языках сэлиш (*Salish*) и сахаптин (*Sabapitin*), за исключением фигурок из камня и кости. Отсутствие этнографических предметов среди находок неудивительно: они были изготовлены из бересты и других недолговечных материалов. Имеются землянки, но есть и дома из дерева, построенные по технологии, явно заимствованной с побережья, и часто называемые «дома потлача», что подразумевает заимствование у прибрежных народов и самого праздника потлач,

ради которого в основном и строились такие дома. Произошло ли это заимствование до 1500 г. или позднее – неизвестно. Неясно также, когда именно предки народов кэрриер и чилкотин пришли и расселились в верховьях р. Фрейзер и на ее притоках. Они могли переселиться сюда относительно недавно с территории Юкон и внутренних районов Аляски, где до сих пор живет самая многочисленная северная группа народов, говорящих на атапаскском языке. Данные археологических исследований на этот счет противоречивы, и разные археологи интерпретируют их по-разному.

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ (700–1500 ГГ.)

Данные археологических исследований в вышеперечисленных местонахождениях, а также соответствующие этнографические исследования показывают, что значительные достижения в развитии местных культур северо-западного региона – результат глубоких знаний проживавших здесь людей о растительном и животном мире, который их окружал. Они овладели техническими навыками по преобразованию природных материалов в орудия труда, одежду, жилища, средства передвижения, наконец, в пищу. Прежде всего следует подчеркнуть их способность обеспечить себе нормальные условия жизни в данной среде, не имея навыков земледелия и при отсутствии металлических орудий труда. Ни один из народов, проживавших в этом регионе, не занимался выращиванием пищевых растений или разведением домашних животных, за исключением собак. Выживание людей целиком зависело от умения ловить рыбу, охотиться и собирать всевозможные дары природы, а также от умения сохранять все эти продукты. Лосось был важнейшим из всех природных видов пищевых ресурсов везде, кроме самых верховий основных речных систем.

Один антрополог насчитал 63 вида приспособлений только для ловли лосося, применявшихся в этнографический период. Археологические данные подтверждают эти наблюдения, учитывая, что наиболее распространенными находками в местонахождениях на побережье, относящимися к периоду, непосредственно перед первыми контактами с европейцами, составляют небольшие костяные крючки, которые были частью гарпуна, остроги, пики и других орудий, что говорит об очень развитых способах рыбной ловли. Эти древние орудия и огромное количество рыбных костей, вместе с которыми их находят, свидетельствуют об умении людей ловить не только лосося, но и палтуса, треску, сельдь и многие другие породы рыб, используя огромное разнообразие гарпунов, ловушек, запруд и сетей.

Такие же инструменты для рыбной ловли найдены и на плато, но там они встречаются гораздо реже; в этих районах гораздо чаще можно встретить небольшие наконечники для стрел, полученные из сколов (отщепов). Радиоуглеродный анализ образцов доисторических костей из местонахождений в среднем и верхнем течении р. Фрейзер показывает, что белок морского происхождения, который должен быть белком лосося, составлял от 40 до 60% белкового рациона человека, жившего вдали от побережья, и что по мере продвижения к верховьям этот показатель уменьшался. Подобной статистики по другим речным системам не имеется, но, вероятно, там были бы те же показатели – чем дальше от побережья океана, тем меньше лососины было в рационе человека и больше продуктов наземного происхождения. Повадки морских животных также хорошо были известны древнему человеку, жившему на побережье, и важны для них, особенно для охотников народа нутка, мастеров охоты на китов. Все группы владели способами охоты на наземных млекопитающих.

Знание особенностей растительного мира также играло большую роль в жизни древнего человека; из растений получали лекарства, материалы для различных ручных

поделок, для строительства жилищ и каноэ. В западных районах только одного штата Вашингтон в повседневной жизни использовали по крайней мере 135 различных растений, от вечнозеленого хвойного дерева тсуга, внутренняя часть коры которого повсеместно использовалась в пищу, до кизила флоридского, кора которого применялась как слабительное средство, и до западного красного кедра, из которого строили дома, делали каноэ и многие другие нужные в быту вещи. Такие же знания свойств растений были и у народов других северо-западных регионов.

Археологические свидетельства массовой переработки съедобных корней доисторическими людьми были найдены в верховьях долины Хат-Крик в Британской Колумбии. Там были раскопаны 11 больших (от 2,77 м до 5 м в диаметре) круглых землянок, выложенных изнутри большим количеством камней. На этой территории в рассматриваемый этнографический период произрастали 16 видов растений, имеющих съедобные корни. Были обнаружены 11 ям-«сковородок» для поджаривания корней, которые использовались в разное время в период с 800 г. до первых контактов с европейцами. Для качественного приготовления и хранения растительной пищи требовалось знание о свойствах тех или иных видов камней долго сохранять тепло и о температуре, до которой их требовалось разогреть, чтобы только запечь или пропарить растения, а не испортить их. Особо ценились у древних людей на северо-западе Америки в качестве деликатеса бутоны дикой лилии (*квамассия*), которые даже вывозились для товарного обмена в регионы, где это растение не произрастало. Но очень важно было уметь отличить съедобные бутоны от таких же, но смертельно ядовитых, что можно было сделать только на распутившемся цветке.

В крайних северо-западных частях Калифорнии важным пищевым ресурсом были дубовые желуди. Здесь местные жители владели технологией выщелачивания и применения ее для выведения из желудей ядовитой таниновой кислоты, чтобы сделать их съедобными. У климатов значительную часть пищевого рациона составляли семена желтой водяной лилии. Со временем они отработали технологию перемалывания их в муку на особых каменных жерновах с двумя ручками.

Приведенные примеры – лишь небольшая часть широких познаний в ботанической сфере жителей Северо-Запада, которые, помимо использования в пищу самих растений, широко использовали кору деревьев и древесину для изготовления всевозможной тары для их хранения и обработки. Образцы такой тары найдены при раскопках в Озетте. Эти люди, кроме того, хорошо знали физические свойства использовавшихся ими природных ресурсов и извлекали из этого пользу.

Образ жизни обитателей поселений заключался в планировании ими сезонных перемещений в экологических зонах, простиравшихся от океанского побережья до альпийских лугов в строго определенное время для своевременного заготовления лосося и других продуктов. Продукты требовалось не только собрать, но и подготовить к хранению и сохранить. Только тогда можно было рассчитывать на их использование в зимний период для потребления, обмена и снабжения таких членов сообщества, как вожди, шаманы и ремесленники, которые лишь изредка участвовали в заготовке продуктов. Заготовка производилась разными способами: продукты сушили на открытом воздухе, как например в долине р. Фрейзер, где в конце лета преобладали теплые ветры с океана; коптили, если не удавалось их высушить, или же заливали продукты растительным маслом; после этого заготовленные продукты убирали в глубокие землянки, где температура хранения оставалась низкой. В районе поздних поселений индейцев кэрриер в Чинлаке на р. Стюарт в верхнем течении р. Фрейзер было найдено свыше 2000 таких землянок на гребнях гор недалеко от поселений. Такие землянки для хранения продуктов встречаются в меньших количествах и в других

местонахождениях на плато и на побережье, например в каньоне Китселас. Они назывались «зимними поселками» и играли особую роль в жизни местного населения. У одного из поселений на о. Пендлер при раскопках обнаружено несколько слоев пустых раковин съедобных морских моллюсков в непосредственной близости от небольших круглых очагов, где, вероятно, древние индейцы сушили моллюсков на продажу или запасали на зиму. Кучи таких же пустых раковин были найдены во многих других местах.

«Зимние поселки», которые на плато обычно состояли из нескольких землянок, а на побережье – из одного или нескольких больших деревянных зданий, были не только местами хранения зимних запасов провианта – эти помещения выполняли еще и роль важнейших центров социально-политической жизни на этой территории. На побережье в зимние месяцы в больших зданиях собиралась вся община, они были местами совершения коллективных обрядов и способствовали расцвету местной культуры и ремесел. Излишками продуктов распоряжался местный вождь, который распределял их, использовал для поддержки своего рода, для традиционной раздачи в ходе праздника потлач, а также для обеспечения мастеров, привлекавшихся для различных временных работ. И снова Озетт предоставляет нам самый богатый археологический материал, позволяющий реконструировать образ жизни этих людей, хотя в большинстве исследованных зимних поселков на побережье найдено и много предметов искусства, не предназначенных для хозяйственных целей. Большинство из них в поселениях северо-западного побережья делались, к сожалению, из дерева и сохранились лишь в редчайших случаях. Меньшие по размерам полуподземные жилища на плато, очевидно, были менее пригодны для церемониальных действий и использования в качестве производственных мастерских, но самые крупные из них вполне могли служить местом сбора всей общины.

Рабство и военные столкновения также были важными элементами жизни прибрежных народов и являлись неотъемлемой частью их системы хозяйствования. Рабов захватывали, нападая на соседние поселения, и использовали для выполнения ручных работ, а также для сбора продуктов питания для владевших ими. Функционирование этой системы трудно восстановить по археологическим данным. Предметы, найденные на местах древних стоянок на севере северо-западного побережья и явно напоминающие боевые дубины, имеют возраст свыше 3 тыс. лет. Имеются также захоронения воинов более поздних времен. На некоторых останках человеческих скелетов имеются следы переломов костей левого предплечья, что могло быть следствием ранения, полученного при отражении удара в ходе рукопашного боя. Известно, что тлинкиты были непревзойденными воинами и безжалостно расправлялись с русскими в ранний исторический период. Укрепленные поселения и убежища от врагов, построенные на вершинах крутых скал, типичны для большей части северо-западного побережья и относятся, очевидно, к позднему доисторическому и раннему историческому периодам. На наскальных рисунках более позднего периода в Джамп-экресс-Крик (*Jump-across Creek*) в районе Кимскуит изображены воины, несущие отрезанные головы побежденных противников; возможно, рисунки были сделаны в честь удачного боевого похода одного из местных вождей. На плато также найдены явные свидетельства межплеменных столкновений, относящиеся к позднему доисторическому периоду, в частности останки людей, убитых стрелами. Но в континентальных районах рабство и войны были менее распространены, чем на побережье.

Важным достижением народов северо-западного региона было умение превращать камень, кость и дерево в оружие, дома и каноэ. Это умение было основано на технических навыках, а также на знании свойств материалов животного и растительного происхождения, а также

минералов. У прибрежных народов были умельцы, непревзойденные мастера обработки дерева как для бытовых нужд, например жилых построек и каноэ, так и для ритуальных действий – масок, тотемных столбов и праздничной посуды. В этнографический период это искусство было наиболее развито у тлинкитов, хайда и цимшианов, проживавших на северном участке побережья Британской Колумбии и на южной части побережья Аляски. Каменные тесаки и лезвия, найденные в местонахождениях на северной части побережья, не встречаются больше нигде на северо-западе. Народность хайда была знаменита своими большими каноэ, мастерски выдолбленными из целого ствола дерева, которые пользовались широким спросом, а также необычайно красивыми резными тотемными столбами, возвышавшимися над всеми их поселениями, дома в которых также строились из дерева. В лесах на о-вах Королевы Шарлотты, в частности, в бассейне р. Якоун (*Yakoun*), археологами было найдено много следов массового производства каноэ в виде огромных стволов кедра, обтесанных снаружи в форме каноэ, но почему-то так и недостроенных, а также множество стоящих кедров с вырезанными в них отверстиями для проверки качества древесины.

Когда-то ученые полагали, что высокоразвитая технология изготовления деревянных скульптур у местных народностей напрямую связана с появлением у них металлических инструментов, завезенных европейскими купцами. Теперь известно, что это не так: как показали найденные археологами многочисленные фигурки из камня и кости и сохранившиеся в воде деревянные фигурки, а также инструменты для их изготовления, искусство изготовления скульптур восходит к далеким доисторическим временам и является собственным достижением коренного населения этих мест. Изделия древних резчиков отличаются по стилю и уровню мастерства в зависимости от региона, но основной набор инструментов – клинья, каменные зубила и тесаки, деревянные колотушки – все это присутствует в культурном доисторическом слое местонахождений на побережье и плато. Способы обработки дерева были разработаны по крайней мере 3500 лет назад и, возможно, уходят корнями в еще более древние традиции местных умельцев, освоивших технологию раскалывания местной гальки.

Найденные предметы искусства местных мастеров эпохи, предшествовавшей появлению европейцев, являются наилучшей информацией о системе верований тех людей. В этнографическом плане стремление изменить судьбу, вызывая духов, будь то с помощью шамана, или через других людей, общавшихся с духами, было весьма распространенным явлением на всем северо-западном побережье, хотя и со своими местными отличиями. Заказчики произведений искусства преследовали две основные цели: повысить собственный престиж в глазах соплеменников и обрести заступничество сверхъестественных сил. Первое было типичным для жителей прибрежных районов, второе было важным и для народов побережья, и для народов плато. В прибрежных общинах излишки провианта находились в руках местного вождя, который пользовался ими для развития местных художественных традиций и для расчетов со специалистами-рисовальщиками и резчиками за картины и скульптуры, обладание которыми, с одной стороны, повышало его престиж, а с другой – служило напоминанием каждому об особом статусе и древней истории его рода. Кроме того, для публичного подтверждения своего богатства и особого статуса вождь периодически организовывал праздники потлач, сопровождавшиеся исполнением ритуальных танцев в масках и раздачей членам общины щедрых подарков. Письменности не существовало, но ее место занимали художественные произведения, служившие для передачи семейной истории из поколения в поколение как символы рода иставлявшиеся на всеобщее обозрение в качестве напоминания о его славных делах и древней истории.

Самым ярким свидетельством богатства художественной традиции народов, населявших прибрежные районы, являются археологические находки, сделанные в Озетте, которые относятся к несколько более позднему периоду, чем тот, который является предметом нашего рассмотрения – к 1500–1850 гг. Об этом же свидетельствуют изделия из рога оленя в виде масок и шаманских символов из местонахождения в районе Пендер-Кэнел, датируемые гораздо более ранним периодом – между 2000 и 1500 гг. до н.э. В обоих местонахождениях найдены фигурки морского буреветника, совы и волка, а также нескольких других животных, духи которых играли важную роль в жизни местных аборигенов. На плато самые распространенные формы художественного творчества – наскальные рисунки, изображающие духов – хранителей рода, а также небольшие резные фигурки из камня и оленьего рога, скорее всего использовавшиеся шаманами. Кроме того, в отдаленных местах плато найдены стены и пирамиды из камней, возможно, возведенные молодыми людьми в стремлении заручиться поддержкой духов.

В Озетте найдены ткацкие приспособления для изготовления одеял из собачьей и козьей шерсти – челноки и детали веретена для вития пряжи. В Озетте и в Кватне найдены снасти для ловли рыбы и охоты на морского зверя, деревянные короба из гнутых на пару прутьев, плетеные корзины и другие предметы, свидетельствующие о высоком мастерстве местных умельцев. Вымачивание дерева и прутьев, практикуемое мастерами в этих двух поздних поселениях, а также в более ранних, имеющих возраст 2500–3000 лет, таких как Хоко и Муским (*Musqueam*) свидетельствует о том, что плетение корзин, обработка паром прутьев и палок для выгибания из них рыболовных снастей и другие виды обработки дерева существовали с очень давних времен.

Важнейшие научные и культурные достижения народов, населявших северо-западное побережье Тихого океана, уходят корнями в гораздо более ранний период, чем 700–1500 гг. Археологические данные подтверждают как сам этот факт, так и то, что за последние 4000 лет и даже более в этой древней культуре мало что изменилось, а знания в сферах мореходства, выживания и изготовления орудий труда и быта существовали у народов северной и центральной части северо-западного побережья Америки не менее 10 000 лет. Самые древние жители этих мест попросту не смогли бы выжить без этих знаний и навыков. Прямые свидетельства использования лосося в пищу первыми людьми, жившими вдоль здешних рек, относятся к доисторическим временам и имеют возраст приблизительно 7500 лет, а данные раскопок у поселения Наму на побережье говорят о том, что лосось был основным продуктом питания местных жителей уже 4000 лет тому назад. Косвенные данные позволяют сделать вывод, что тогда же сложилась система сезонных перемещений групп местных народов в строго определенное время года с целью максимальной эффективной заготовки лосося. Заготовка продуктов на зиму и зимние поселки также уже были широко распространены в то время, хотя прямые доказательства этого еще предстоит найти. Данные, полученные в ходе раскопок в Пендер-Кэнел, свидетельствуют, что праздник потлач, самый распространенный в культурах северо-западного побережья, а также местная традиция изготовления миниатюрных резных фигурок возникли около 3500 лет тому назад.

Эти достижения, а также весь запас научных знаний и технических навыков, благодаря которым они стали возможными, и составляют основное содержание культуры народов северо-западного побережья. Вся эта система оказалась настолько успешной, что местные народы смогли с минимальными изменениями сохранить свою культуру вплоть до прихода сюда европейских вейяни. Перемены как следствие изменения состояния среды обитания и всевозможных природных катаклизмов, вынуждавших людей

уходить из каких-то районов, несомненно происходили. Кроме того, создавались новые орудия охоты и труда, например лук и стрелы, которые появились здесь около 500 г., а также новые обычаи, в частности курение трубки. Но все они очень мало влияли на образ жизни местного населения в целом. И даже в наши дни многие элементы культурного и научного наследия здешних аборигенов, уходящие корнями в доисторическую эпоху, сохраняют актуальность для коренных народов северо-западного региона Северной Америки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CARLSON, R.L. (ed.) 1983. Indian Art Tradition of the North-West Coast. Archeology Press, Simon Fraser University, Burnaby.
- FLADMARK, K.R. 1986. British Columbia Prehistory. National Museum of Man, Ottawa.
- GREENGO, R.E. (ed.) 1983. Prehistoric Places on the Southern Northwest Coast. Thomas Burke Memorial Washington State Museum, Seattle.
- GUNTHER, E. 1945. Ethnobotany of Western Washington. Seattle.
- KINKADE M.D.; SUTTLES, W. 1987. New Caledonia and Columbia (Linguistics). In: Historical Atlas of Canada, Vol. I. Toronto.
- KIRK, R.; DAUGHERTY, R.D. 1978. Exploring Washington Archeology. Seattle.
- KROEBER, A.L. 1939. Cultural and Natural Areas of Native North America. Berkeley.
- LAGUNA, F.D.E. 1972. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. Smithsonian Contributions to Anthropology, Vol. 7, Washington DC.
- LOVELL, N.C.; CHISHOLM, B.S.; NELSON, D.E.; SCHWARZ, H.P. 1986. Prehistoric Salmon Consumption in Interior British Columbia. In: Canadian Journal of Archeology, Vol. 10, pp. 99–106.

ВОСТОЧНЫЕ ЛЕСНЫЕ ЗОНЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Джеймс Б. Столтмен

Восточные лесные зоны Северной Америки – это обширный, сложный и чрезвычайно разнообразный регион как в отношении окружающей среды, так и в отношении способов адаптации коренного населения (карта 37). Именно в 700–1500 гг. в этой области впервые получили широкое распространение земледельческие сообщества, а во многих регионах развились сложные социальные системы, причем некоторые из них по своему масштабу и уровню сложности приблизились к обществам Мезоамерики. Два столетия, последовавшие за 1500 г., стали свидетелями прибытия растущего числа иммигрантов из Европы, постоянно усиливавшегося культурного взаимодействия новоприбывших с коренными народами и, наконец, уничтожения или вытеснения большинства коренных народов. Таким образом, период 700–1500 гг. – последняя по настоящему американская глава истории человечества в восточных лесных зонах Северной Америки.

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ (ОКОЛО 700 Г.)

Археологическая карта восточных лесных зон около 700 г. продемонстрировала бы сложную мозаику региональных культур. Из-за громадного разнообразия крайне сложно рассматривать восточные лесные зоны, обобщая их особенности и при этом не искажив сложной картины разнообразной культурной адаптации, которую смогли сложить археологические исследования данного региона.

Большинство культур этого времени называют «поздними лесными культурами». При этом общества обычно характеризовались малыми автономными деревенскими сообществами с уравнивающей социальной организацией и существовали прежде всего за счет охоты и собирательства, дополнявшихся выращиванием садовых растений. Широко распространено было сооружение земляных курганов для захоронения умерших, хотя количество энергии, затрачиваемой на сооружение гробниц и похоронные принадлежности значительно снизилось по сравнению с погребальными обрядами ранней и средней лесной культуры.

Наиболее примечательной особенностью технологии этих поздних лесных обществ было изготовление керамических емкостей. Хотя гончарные изделия поздних лесных культур обычно представляли собой кувшины простых форм и делались из мягкой глины, смешанной с дробленым камнем и песком, широкий ряд региональных керамических традиций – общепризнанный факт. Особенно примечательная особенность географического распределения этих керамических традиций – их целостность во всем регионе, которая сохранялась на переломе средних и поздних лесных культур вплоть до 700 г. Другими словами, региональная непрерывность и преемственность в отношении как культуры, так и населения, судя по всему, была определяющим фактором жизнедеятельности в восточных лесных зонах того времени.

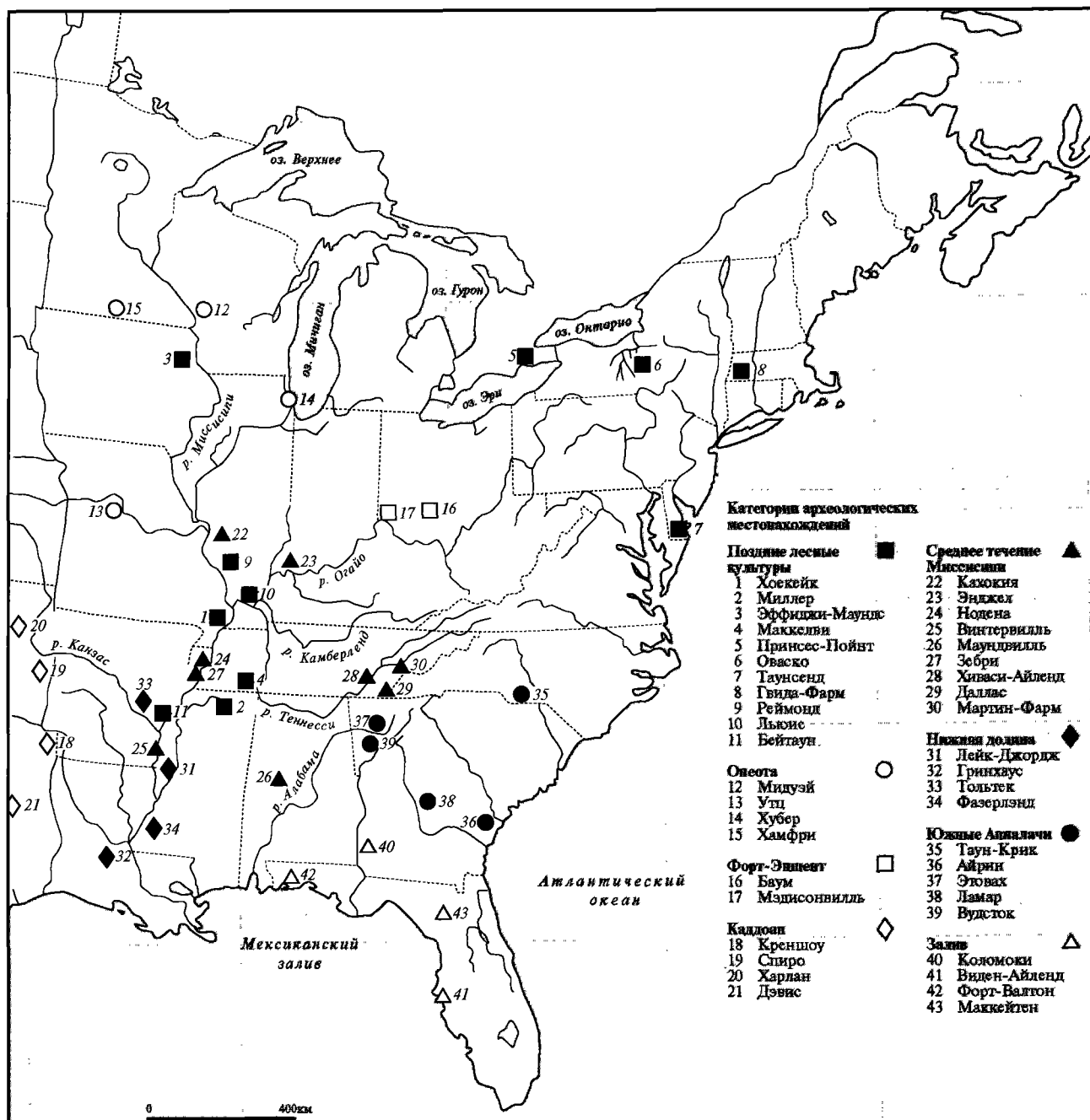
В некотором смысле использование термина «поздние лесные культуры» как археологического таксона имеет серьезные недостатки. Его часто используют для обозначения временного периода, особенно с 400 по 1000 г., но существование лесных культур, типологически относящихся к предыдущей средней стадии, на протяжении этого периода в некоторых частях северо-восточного, среднеатлантического регионов и Аппалачей делает этот термин неуместным для применения в общевосточном масштабе. Однако более важна следующая проблема: включение обширного диапазона культур в один таксон типа «поздние лесные культуры» поддерживает мнение о том, будто все они каким-то образом еще недавно имели общий источник. Но это слишком далеко от истины. И именно по этой причине термин «поздние лесные культуры» таксономически лучше рассматривать как этап, т.е. как чисто гомотаксиальную группу культур, которые не обязательно связаны друг с другом во временном и в культурно-историческом смысле. Здесь данный термин используется именно в таком смысле.

Некоторые примеры поздних лесных культур, датированных примерно 700 г. и имеющих корни в своих регионах, включают виден-айленд на севере Флориды; коулз-крик в долине низовой Миссисипи; фоурш-малин на юге за Миссисипи; миллер III, макелви и гамилтон на среднем юге; патрик и реймонд на юге Иллинойса; ньютаун на юге Огайо, эффиджи-маунд и принсес-пойнт в области Великих озер. Именно такие поздние лесные сообщества стали почвой, в которую были посеяны семена социальной неоднородности, проросшие к 1000 г.

ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В 700–1000 ГТ.

Период 700–1000 гг. наиболее ярко характеризуется четырьмя широко распространенными социально-культурными тенденциями: 1) интенсификацией сельского хозяйства; 2) сооружением гражданских церемониальных центров с насыпями в виде платформ и связанных с ними религиозных заведений, объединявших многообщинные социальные единицы; 3) появлением иерархических социальных систем и 4) определенными технологическими новшествами. Хотя все эти достижения нередко объясняли влиянием Мезоамерики, современные результаты археологических раскопок не дают надежных доказательств важных внешних культурных связей в данный период. Напротив, гораздо разумнее рассматривать этот период как время преимущественно местных культурных перемен, которые произошли предположительно в результате возросшего общения и взаимодействия различных народов поздних лесных культур.

Важную роль в преобразованиях культуры, ярко характеризующих период с 700 по 1000 г., сыграла интенсифи-

Карта 37. Восточные лесные зоны Северной Америки (Stoltman; Schmidt)

кация земледелия. Этот процесс нельзя объяснить введением новых культурных растений, за возможным исключением бобов, маиса и тыквы, наряду с возделыванием местных культур – подсолнечника, табака, горца и других, которые выращивали во многих восточных регионах задолго до 700 г. Растущее число свидетельств в виде остатков обуглившихся растений убедительно доказывает, что маис, появление еще к 200 г., стал основным элементом рациона питания в восточных лесах только к 900 г. В настоящее время удовлетворительного объяснения подобной отсрочки не существует. Безусловно, и растениям, и людям был необходим некоторый период адаптации после первоначального появления маиса, так как это было тропическое растение, попавшее в среду с умеренным климатом. Одно из возможных, хотя и весьма гипотетических объяснений заключается в том, что более теплые климатические условия (неоатлантический климатический эпизод с потеплением) облегчили распространение выращи-

вания маиса в то время. Другой распространенный взгляд объясняет интенсификацию выращивания маиса быстрым ростом численности населения, однако такая концепция является чрезвычайно ненадежной и не может иметь эмпирического подтверждения. В качестве такого свидетельства также не следует принимать увеличившийся размер поселений, так как формирование нуклеарных групп может и не сопровождаться ростом численности всего населения.

Распространение гражданско-церемониальных центров с комплексами насыпей в виде платформ, играющих роль их ядра, свидетельствует о важных социальных, политических и религиозных переменах, которые также проявились в данный период, особенно на юго-востоке. Поскольку такие гражданско-церемониальные центры получили широкое распространение на юге – от Флориды до Оклахомы – только после 900–1000 гг., нет необходимости искать источник их появления за пределами восточных лесов. Скорее всего, насыпи-платформы с религиозными,

погребальными или элитными жилыми сооружениями на вершине, являющиеся отличительным признаком этих центров, развились из более простых плоских насыпей, которые повторяются в различных поздних и даже средних лесных культурах от долины в нижнем течении Миссисипи (в Марксвилле и местонахождении Коулз-Крик), через штат Теннесси к штату Северная Каролина (в местонахождении Пинсон и Гарден-Крик), через Джорджию (в местонахождении Анневаки-Крик, Мандевилль и Коломоки) до культуры стоянки Виден-Айленд на севере Флориды.

Результаты заранее намеченного коллективного труда членов сообществ в виде возведенных монументальных объектов и существование жилых и погребальных огороженных территорий с высоким статусом свидетельствуют о том, что к 1000 г. некоторыми из этих гражданско-церемониальных центров управляла наследственная элита. Например, между 900 и 1000 г. в поселении Кахокии на юго-западе штата Иллинойс началось строительство на двух важных насыпях, расположенных по оси север-юг: насыпи Монкс (монаха) (колоссальной платформе высотой свыше 30 м и площадью основания в 7,3 га) и Насыпью кургане 72 (содержавшей 200 захоронений, многие из которых были могилами представителей элиты, а остальные – людей, принесенных в жертву).

Гражданско-церемониальные центры эпохи 900–1000 и последующих годов отличаются от их предшественников в восточных лесах однозначной связью первых с интенсивным выращиванием маиса и так называемым юго-восточным Церемониальным комплексом; этот термин применяется для обозначения широко распространенного межкультурного набора религиозных убеждений и образов, явно проявляющегося в тщательной иконографии, выполненной на отдельных медных, ракушечных, керамических и каменных предметах, нередко находимых в захоронениях людей высокого статуса в местонахождениях от севера Флориды до востока Оклахомы.

Археологический горизонт этого периода отмечен двумя полезными, хотя порой, видимо, несколько переоцениваемыми технологическими новшествами. К концу данного периода широкое распространение получил новый, более надежный способ постройки дома, при котором несущие столбы стен стали устанавливать не в отдельные ямы, а в траншеи (так называемые дома с траншейными стенами); еще до 900 г. такие дома появились в некоторых частях штатов Теннесси и Арканзас, а затем в большом числе на юго-востоке и Среднем Западе. Предположительно, увеличение затрат труда на постройку таких домов отражает растущую оседлость людей, связанную с интенсификацией земледелия. Второе новшество было связано с существенным изменением технологии производства гончарных изделий в связи с появлением исходных смесей глины с измельченными раковинами. Экспериментальные свидетельства подтверждают, что использование таких смесей улучшает обрабатываемость некоторых видов глины и позволяет изготавливать более тонкие и вместе с тем более прочные стенки сосудов с более высокой теплопроводностью. Считается, что эти преимущества привели к широкому распространению таких смесей на юго-востоке и Среднем Западе вслед за их появлением, очевидно, в некоторых частях штатов Арканзас и Миссури вскоре после 700 г. Хотя и разумно согласиться с преобладающим мнением о том, что использование подобных смесей для изготовления гончарных изделий было новшеством, введенным коренными народами долины среднего течения Миссисипи, следует проявлять осторожность и не приравнивать распространение этой технологии к «распространению» самого народа. Третье важное технологическое новшество, лук и стрелы, вероятно, впервые появилось немного раньше, но широкое распространение получило именно в этот период.

В большинстве литературных работ о восточных лесных зонах преобразование поздних лесных культур посредством этих технологических новшеств (интенсификации земледелия, развития гражданско-церемониальных центров и возросшей социальной сложности) считается началом традиции Миссисипи, которая затем просуществовала почти на всем юго-востоке до времени контакта с европейцами.

КОНЦЕПЦИЯ МИССИСИПИ

Термин «концепция Миссисипи» является одним из самых почитаемых и распространенных терминов в литературе по предьстории Северной Америки. Его популярность настолько велика, что археологи постоянно вводят новые определения, чтобы сделать его использование максимально широким. К сожалению, новые определения зачастую противоречат старым, и, поскольку старые определения подобны старым солдатам (они никогда не умирают), то литература изобилует противоречивыми вариантами использования данного термина. В данном разделе не ставится цель разрешить эту проблему, но рассматриваются основные альтернативы, чтобы сформировать определенный подход, который будет использован при попытке проанализировать культурные образцы периода с 700 по 1500 г., открытые благодаря археологическим исследованиям.

Термин «Миссисипи», или «миссисипский» как археологический таксон происходит от названия Средней Миссисипи, которым Холмс (*Holmes*, 1903) обозначил одну из одиннадцати «керамических» провинций, на которые он подразделил восточную часть Северной Америки в своем первопроходческом исследовании доисторической керамики данного региона. Эта провинция, включившая смежные части штатов Иллинойс, Кентукки, Миссури, Арканзас и Теннесси, отличалась своими разнообразными и нередко сложными керамическими изделиями из глины, смешанной с размельченными раковинами.

В 1930-х гг. археологический смысл традиции Средней Миссисипи расширился вследствие добавления многочисленных особенностей, например насыпей с плоским верхом, домов с траншейными стенами и отполированных каменных дискообразных изделий, которые связывали с особенностями керамики данной провинции. В то же время было введено еще более емкое понятие «модель Миссисипи», включившее новый комплекс Средней Миссисипи и ряд типологически подобных комплексов в Огайо и долинах Верхней Миссисипи. Все последующие попытки переопределить концепцию Миссисипи вынуждены были соперничать с этим глубоко укоренившимся и основанным на артефактах («формальным» в противоположность временному или пространственному) определением. Каким бы ни было любое новое понятие «миссисипский», оно неизменно включает или напоминает поздние доисторические культурные комплексы долины центральной Миссисипи, которые составили основу оригинального подхода Холмса.

Сегодня литература по предьстории восточных лесных зон включает широкий ряд определений термина «традиция Миссисипи», большую часть которых можно отнести к одной из двух категорий – временной или формальной. В качестве временного определения понятия «традиция Миссисипи» используется на юго-востоке и Среднем Западе для обозначения промежутка времени, в течение которого процветали типологически «миссисипские» культуры и который обычно считают длившимся примерно с 900/1000 гг. до времени появления европейцев. Поскольку культуры, которые считаются «миссисипскими» при почти всех формальных определениях не встречаются во многих частях восточных лесов, этот термин не годится для обозначения истинно общевосточного

периода. Поэтому для обширных территорий Великих озер, северо-востока и средне-атлантического региона этот же период обозначается как «поздние лесные культуры», а не «традиция Миссисипи».

Независимо от этого, большинство современных археологов пользуются своего рода формальным определением «миссисипский», применяя его к культуре, традиции или этапу. Несмотря на отсутствие сомнений в приоритете формы над временем при выводе и продолжающемся использовании концепции Миссисипи, археологи никак не могут прийти к согласию в отношении критериев, которые следует использовать в формальном определении. Распространенный подход заключается в том, чтобы ограничить применение определения «миссисипский» теми комплексами, которые обладают основными чертами, учтивавшимися создателями средне-западного таксономического метода, распространившими термин «Средняя Миссисипи» с «керамической» провинции на вполне развившуюся археологическую совокупность. При таком применении, которое можно назвать «ограниченным культурным» подходом, определения «миссисипский» и «Средняя Миссисипи» по сути являются эквивалентными.

В противоположность «ограниченному культурному» подходу некоторые ученые защищают так называемый «широкий поведенческий» подход к определению «миссисипский». Например, в важном обобщающем труде, опубликованном в 1967 г., Гриффин (*Griffin*) предложил использовать определение «миссисипский» для обозначения тех обществ, у которых «развилась зависимость от земледелия как главного источника основных пищевых запасов», и тем самым рекомендовал распространить определение «миссисипский» на культуры, не относящиеся к Средней Миссисипи и существовавшие на юге за Миссисипи, в долине Нижней Миссисипи и регионах южных Аппалачей. В аналогичном русле, делая упор не на материальную культуру, а на социально-экономическое поведение народов, Смит (*Smith*, 1978) определил миссисипские общества как характеризующиеся «ранжированной формой социальной организации и ... специфической комплексной адаптацией к линейным, ограниченным окружающей средой пойменным зонам обитания». В еще одной попытке дать определение «миссисипский» в большей степени через действия, нежели чем через совокупности артефактов, Найт (*Knigt*, 1986) предложил рассматривать понятие «миссисипский» как «общую ритуальную модель». Помимо упора на поведение – экономическое, социальное или ритуальное вместо материальной культуры, все эти попытки переопределить понятие «миссисипский» в формальном (а не временном или пространственном) ключе имеют общее следствие. Все они приводят к более широкому применению этого определения, чем «ограниченный культурный» подход, каждый раз объединяя разное число обществ, не относящихся к культуре Средней Миссисипи, под названием «миссисипские».

Итак, должно быть уже понятно, что определение «миссисипский» для каждого человека означает что-то свое. Признать это необходимо, чтобы понимать литературу, написанную о предыстории восточных лесных зон; однако сейчас поиски согласия в отношении «лучшего» применения были бы тщетны. В конце концов, эту проблему нельзя считать чисто семантической. Каждый случай применения определения «миссисипский» отражает собственную проблему ориентации и различные взгляды на прошлое. Несмотря на то что поиск новых мнений о прошлом всегда должен приветствоваться, ученые, занимающиеся предысторией востока Северной Америки, в конце концов непременно столкнутся с тем, что постоянное переопределение одного и того же термина препятствует взаимопониманию. Пока это не будет достигнуто, нам суждено зависеть от многочисленных и зачастую противоречивых определений. При таком состоянии можно лишь надеять-

ся, что авторы ясно формулируют свои цели и объясняют свой принцип применения термина, продолжая использовать его именно в заранее обозначенном смысле, по меньшей мере, в рамках одного труда.

В данной главе представлен обзор ранних культурных процессов, происходивших в восточных лесных зонах в период с 700 по 1500 г. Главным в этих культурных процессах было постоянство разнообразных региональных технологических и адаптивных моделей, в разной степени обогащенных межрегиональным взаимодействием, но не связанных с широкими передвижениями населения. Чтобы избежать двусмысленности при обсуждении этого вопроса, мы вообще не станем использовать определение «миссисипский», а будем применять названия конкретных региональных проявлений, например Средняя Миссисипи, Южные Аппалачи или Каддоан. Этот подход можно назвать подходом «снизу», в отличие от подхода «сверху», так как больший упор делается на документирование и объяснение природы межрегиональной изменчивости, а не на признание общерегиональных сходств.

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВОСТОЧНЫХ ЛЕСНЫХ ЗОН (700–1500 ГГ.)

Восприятие прошлого зависит не только от имеющихся данных, но и от подхода к археологическим данным «сверху» или «снизу». Это положение можно иллюстрировать с помощью метафоры – разницы между слоеным пирогом и веревкой, скрученной из нескольких прядей. Если к предыстории обширной и сложной территории типа восточных лесных зон подходить «сверху» (т.е. стремясь найти общерегиональные закономерности), то удобнее будет разделить ее на периоды или фазы. История будет выглядеть с такой точки зрения как гигантский пирог, состоящий из ряда последовательных слоев.

Некоторые попытки синтеза предыстории некоторых частей восточных лесных зон основывались именно на таком подходе (например, *Funk*, 1983; *Griffin*, 1983; *Muller*, 1983; *Smith*, 1986; *Steponaitis*, 1986). Из множества полученных результатов несомненно следует, что этот «послойный» подход привел к многим ценным выводам. Старые термины типа «поздняя лесная культура» и «миссисипская культура», равно как и более новые понятия, например «эмергентная миссисипская культура», обычно используются для обозначения «слов» и служат для концентрации внимания на широко распространенных тенденциях развития, которые в противном случае могли остаться незамеченными.

Противоположностью этого подхода является подход «снизу», лучшим примером которого является работа Колдуэлла (*Caldwell*, 1958). Подчеркивая важность межрегионального разнообразия и стремясь объяснить, как возникли и сохранились эти региональные различия, данный подход способствует восприятию предыстории в форме веревки из множества переплетенных между собой прядей.

Если подойти к предыстории восточных лесов после 700 г. «снизу», то в первую очередь мы, скорее всего, встретим известную «нить», обычно называемую «традицией Средней Миссисипи». Со времени ее формального определения в 1930-х гг. археологические исследования постепенно распутали эту нить, показав, что она составлена из множества региональных вариантов и, кроме того, каждый региональный вариант имеет длительную историю и даже независимое происхождение. Точка зрения, что традиция Средней Миссисипи – это унитарная культура, распространившаяся из единого центра – долины в среднем течении Миссисипи, сейчас не состоятельна. Среднюю Миссисипи правильнее рассматривать как группу независимых региональных культур, «выросших» вместе во взаимно благоприятном процессе культурного обмена и взаимодействия как

между собой, так и с культурами, не относящимися к Средней Миссисипи. Эту основную точку зрения более полувека назад представил Гриффин (*Griffin*, 1946), но до недавнего времени отношение к ней было неоднозначным.

Взросшее согласие специалистов по предыстории принять полифилетический взгляд на происхождение традиции Средней Миссисипи, несомненно, можно объяснить постоянно растущим количеством свидетельств, подтверждающих непрерывность индивидуальных региональных культур Средней Миссисипи и местных проявлений поздних лесных культур в том же регионе. Например, вариант культуры Средней Миссисипи, обнаруженный в среднем течении реки (местонахождение Кахокия и окружающие его земли), своими корнями, очевидно, уходит в позднюю лесную культуру Южного Иллинойса (лейт-блафф), которая явно отличается от континуума маккелви/вест-джефферсон северной Алабамы, лежащего в основе культуры маундвилль, или континуумов масон/бэнкс и гамилтон/мартин-фарм, которые лежат в основе сформировавшихся культур Средней Миссисипи на западе и востоке штата Теннесси.

Теперь, когда мнение об унитарном происхождении культурной группы Средней Миссисипи подвергается серьезным сомнениям, возможно, настало время для критического переосмысления миссисипской концепции вообще в предыстории восточных лесных зон. В литературе существует явная тенденция говорить о миссисипской культуре в единственном числе, как в выражениях типа «распространение миссисипской культуры» или «распространение миссисипской культурной адаптации», что, по нашему мнению, противоречит превалирующему подходу «сверху». Если термин «традиция Средней Миссисипи» считать множественной, а не унитарной культурной категорией, о чем говорят современные свидетельства, как в таком случае пользоваться более широкой и емкой концепцией Миссисипи в единственном смысле без чрезмерного упрощения картины предыстории восточных лесных зон?

Фундаментальной проблемой в использовании понятия «миссисипский» в «широком поведенческом» смысле является отнюдь не то, что первостепенная зависимость от земледелия, сложная адаптация земледелия к пойменным зонам обитания или определения общепотребительная ритуальная модель не имели места или не заслуживают признания, но что эти практики были распространены на гораздо более обширной территории, чем культурная провинция Средней Миссисипи. Из-за тесной исторической и этимологической связи между концепциями Средней Миссисипи и «миссисипской» нельзя пренебрегать тем фактом, что включенные в них культуры, не относящиеся к Средней Миссисипи (например культуры Нижней долины, Каддоана, Южных Аппалачей или Залива), тоже являлись ее ответвлениями. Это очень спорное мнение, и оно нуждается в гораздо более внимательном критическом изучении, которое вряд ли приветствуется в концептуальных рамках «обширного поведенческого» подхода. Именно по этой причине определение «миссисипский» в этом разделе отсутствует.

Нет никаких сомнений в том, что после 900–1000 г. между провинцией Средней Миссисипи и окружающими ее регионами происходило значительное культурное взаимодействие. Однако при рассмотрении «снизу» также становится ясно, что на юго-востоке (в традиционной провинции «Миссисипи») задолго до 700 г. и вплоть до момента появления европейцев сосуществовали и сохраняли распознаваемые идентичности по меньшей мере четыре важных культурных «нити», или традиции: Залив, Южные Аппалачи, Нижняя долина и Каддоан.

Традиция Залива, примерами которой являются культуры местонаждений Виден-Айленд и Форт-Валтон, процветала на прибрежной равнине на севере Флориды, на юге Джорджии и на юге Алабамы. Гончарные изделия

из песчано-глиняной смеси с резным и точеным орнаментом, иногда с лепным рельефным орнаментом, а также общинные погребальные подношения «убитых» керамических сосудов в курганах, но не в отдельных захоронениях, отражают основную непрерывность, связывающую эти две культуры. Кроме того, следует отметить, что гражданско-церемониальные центры с насыпными платформами, площадками, и, по меньшей мере, намеки на значительную социальную дифференциацию общества в погребальных обычаях проявляются в культуре виден-айленд в гораздо более ранний период, чем в культуре форт-валтон.

К северу от этого региона, в центральной и северной Джорджии, в большей части Южной Каролины и на юго-западе Северной Каролины песочно-глиняная керамика с отличительным, резным и тисненым орнаментом служит признаком традиции Южных Аппалачей, которая выжила на протяжении всего рассматриваемого периода. Здесь также важно отметить, что сооружение насыпей с платформой наверху происходило задолго до появления «миссисипской» традиции.

К югу и западу от культурной Средней Миссисипи с центром в долине Миссисипи ниже р. Арканзас базируется традиция Нижней долины, представленная культурами коулз-крик и плакемайн. В этом регионе существовала длительная традиция изготовления керамики из смесей, сооружения насыпей с платформами и имелись признаки дифференциации общества, возникшей в культуре коулз-крик до 900 г.

Последней из четырех основных традиций, не относящихся к Средней Миссисипи, является традиция Каддоан, местонахождения которой расположены в южной части региона за Миссисипи к западу от нижней долины Миссисипи. Эта традиция характеризуется полированной резной керамикой, нередко изготовленной из смеси глины с костью; элитными захоронениями и особым чередованием в поселении дворов, свободных пространств и церемониальных центров. В целом традиция Каддоан проявляет «сплошную» преемственность с предшествовавшей ей культурой форш-малин.

В каждом из четырех указанных юго-восточных регионов, как и в средней долине Миссисипи, интенсивное выращивание маиса, сооружение гражданско-церемониальных центров, ранжирование социальных систем и появление керамических новшеств типа смесей глины с размолотыми раковинами получили широкое распространение только после 900–1000 г. Именно поэтому авторы постоянно относят поздние стадии всех этих региональных традиций к «миссисипским», причисляя их к одной группе. У такого подхода «сверху» есть значительное преимущество, но в то же время он не лишен и скрытого недостатка – опасности отнесения всех включенных в данный раздел культур к преемникам культурной группы Средней Миссисипи. Имеющиеся археологические свидетельства в своей совокупности противоречат такому мнению и показывают, что культуры Средней Миссисипи были не только «донорами», но и получателями в сложной сети культурного взаимодействия, присущего восточным лесным зонам в рассматриваемый период.

В это время как на большей части юго-востока региона развивались сложные социальные системы, культуры, существовавшие к северу от р. Огайо, следовали по иному пути развития. Как и на юго-востоке, интенсификация земледелия началась здесь после 1000 г. Однако поскольку главная возделываемая культура маис является тропическим растением, существовали важные климатические пределы (примерно 120 дней без заморозков), вне которых эффективное выращивание маиса было невозможно. Кроме того, малые площади плодородной легко вспахиваемой наносной почвы, восстанавливающейся естественным путем, распространенной в долинах крупных рек юго-востока и любимой земледельцами, также очень ограничивало

интенсивность выращивания маиса в большей части северной половины восточных лесных зон. Для большинства людей, выращивавших маис на Среднем Западе и северо-востоке, бесплодность или недоступность почвы (из-за наводнений или плохого осушения) и краткость сезонов выращивания были факторами, столь сильно сдерживающими интенсификацию земледелия, что этим людям пришлось даже перенести его в районы нагорий, покрытых лиственными лесами. Эту стратегию земледелия на возвышенностях обыкновенно связывали с меньшими по размеру и менее оседлыми поселениями, чем те, в которых могли жить земледельцы на берегах рек юго-востока, что, несомненно, затрудняло формирование ранжированных социальных систем на большей части территорий Среднего Запада и северо-востока.

Во многих частях Среднего Запада переход от собственной поздним лесным культурам практики производства гончарных изделий из смеси глины с песком к собственной «миссисипской» практике использования смеси глины с раковинами ассоциируется с появлением интенсивного выращивания маиса около 1000 г. Двумя самыми известными региональными выражениями этой тенденции являются культура онеота в долине верхнего течения Миссисипи и культура форт-эншент в долине среднего течения р. Огайо; обе культуры характеризуются самыми ранними оседлыми земледельческими поселениями на соответствующих территориях. Однако ни в одной из этих культур не проявились более сложные формы ранжированной социальной организации, характерные для большинства обществ Средней Миссисипи. Явно внезапное появление этих культур и их общее типологическое родство с культурами Средней Миссисипи сделали свой вклад в устоявшееся убеждение, что они произошли от культур Средней Миссисипи или сформировались по их образу. Действительно, по средне-западному таксономическому методу культуры онеота и форт-эншент были отнесены к фазе Верхней Миссисипи модели Миссисипи и, таким образом, включены (и нередко включаются до сих пор) в раздел «миссисипских» культур (Deuel, 1937; Griffin, 1943, 268–302).

Судя по всему, появление обеих культур было связано с преобразованием местных сообществ поздних лесных культур путем взаимодействия с культурным миром Средней Миссисипи. Однако вопрос о том, как происходило это взаимодействие, является сложной и очень спорной темой. Появление черт, характерных для Средней Миссисипи вследствие переселения новых народов в долины верхнего течения Миссисипи и среднего течения Огайо было принято как постулат. В долине среднего течения Огайо перемены в технологии производства керамики между фазами культур поздней лесной коул и ньютаун и самыми ранними фазами культур форт-эншент, баум и андерсон, вместе с отсутствием «чистых» скоплений культур Средней Миссисипи, убедительно свидетельствуют против теории происхождения культуры форт-эншент, связанной с переселением. В долине верхнего течения Миссисипи, напротив, отсутствие ясно выраженного промежуточного комплекса между местными проявлениями поздних лесных культур (например, культуры эффиджи-маундс) и культурами онеота, наряду с найденными скоплениями в северо-западном Иллинойсе, юго-восточной Миннесоте и южном Висконсине, несущими яркий отпечаток варианта культурной группы Средней Миссисипи, позволяют теории переселения сохранять свою действенность.

Существует большое количество свидетельств, указывающих на то, что культурные воздействия (через перемещение населения или другим способом), исходящие больше всего от Кахокии, были широко распространены в долине верхнего течения Миссисипи в период с 1050 по 1200 г. В зависимости от интерпретации имеющихся данных, полученных с помощью радиоуглеродного анализа, эти влияния Кахокии были либо связаны с возникновением

культуры онеота от ее предполагаемого предшественника – поздней лесной культуры после 1050 г., либо были встречены уже существующим комплексом онеота, который, как считается, развивался по меньшей мере на век раньше как адаптивный отклик на интенсификацию выращивания маиса, предшествовавшей первой волне взаимодействия Кахокии.

За географическими пределами культур онеота и форт-эншент после 1000 г. северная половина восточных лесных зон и восточное побережье вплоть до Южной Каролины характеризовались множеством местных культурных комплексов, которые обычно относят к поздним лесным культурам. Эти народы широко практиковали выращивание маиса, хотя объем его потребления в рационе питания был существенно разным. Обычно народы поздних лесных культур, жившие в смежных частях штатов Мичиган, Огайо, Западная Виргиния, Пенсильвания и Нью-Йорк, а также на юге провинции Онтарио в Канаде, больше остальных зависели от выращивания маиса. Действительно, радиоуглеродный анализ человеческих костей из культурного комплекса мононгахела в Западной Виргинии показал, что эти люди поздней лесной культуры были совершенно идентичны народам форт-эншент в отношении потребления маиса, тогда как и те и другие зависели от маиса сильнее, чем все народы Средней Миссисипи, известные в настоящее время! Это создает интересную дилемму для тех, кто хотел бы определить концепцию Миссисипи через первостепенную зависимость от земледелия.

Очевидно, что различные народы поздних лесных культур, жившие между Великими озерами и восточным побережьем, после 1000 г. вели оседлый образ жизни, так как впервые археологические данные, относящиеся к этому времени, подтверждают круглогодичное проживание сообществ. Широкое распространение укрепленных участков деревень показывает, что социальные конфликты между сообществами не ограничивались только более плотно населенными регионами юго-востока. За возможным исключением народа поухатан с прибрежной равнины в штате Виргиния, все известные народы поздней лесной культуры и народы исторического периода в северной половине восточных лесов имели эгалитарные социальные системы.

Как и в случае с миссисипской концепцией на юго-востоке, поздние лесные культуры в регионе Великих озер и на северо-востоке следует понимать как обозначающие группу культур, которые, хотя и таксономически эквивалентны, но не обязательно произошли от общего предка. Действительно, если поздние лесные культуры северной половины восточных лесов рассмотреть «снизу», то можно увидеть, что они имеют строение сложной «веревки», состоящей из большого количества независимых, но переплетающихся друг с другом «нитей», или сохраняющихся региональных традиций. Общая географическая модель, различимая по археологическим данным о народах поздних лесных культур после 1000 г., строение которой обычно объясняют передвижениями населения, теперь все больше видится как результат культурного взаимодействия оседлых региональных популяций. Разнообразие культур севера позднего лесного мира только возросло благодаря дифференцированному взаимодействию с «миссисипскими» культурами, расположенными южнее. К востоку от долины в верхнем течении Миссисипи (где между 1000 и 1200 г. культура кахокия столь сильно взаимодействовала с расположенными к северу от нее землями) основным источником влияний «миссисипских», судя по всему, была культура форт-эншент. Южная часть штата Мичиган и северная часть штата Огайо являются северо-восточными пределами скоплений керамики, в которую были включены такие «миссисипские» черты, как смешивание глины с раковинами и использование ручек на кувшинах; эти скопления относятся к культурам, которые во всех остальных

отношениях представляют собой поздние лесные культуры. Таким образом, нет необходимости обращаться к переселению народов, чтобы аргументированно объяснить появление таких «миссисипских» особенностей вдоль северной периферии культуры форт-эншент (илл. 283–288).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BADGER, R. CLAYTON, R. and L. A. (eds) 1985. *Alabama and the Borderlands from Prehistory to Statehood*. The University of Alabama Press.
- BAREIS, C. J.; PORTER, J. W. (eds) 1984. *American Bottom Archaeology*. Urbana, Illinois.
- BRAIN, J. P. 1976. The Question of Corn Agriculture in the Lower Mississippi Valley. In: *Southeastern Archaeology Conference Bulletin*, 19: 57–60.
- CALDWELL, J. R. 1958. Trend and Tradition in the Prehistory of the Eastern United States. *American Anthropological Association Memoir* 88.
- CUSTER, J. F. (ed.) 1986. *Late Woodland Cultures of the Middle Atlantic Region*. Newark, Delaware.
- DEUEL, T. 1935. Basic Cultures of the Mississippi Valley. *American Anthropologist*, 37(3): 429–445.
- 1937. The Application of a Classificatory Method to Mississippi Valley Archaeology. In: COLE, F. C.; DEUEL, T. (eds) *Rediscovering Illinois*, Chicago, pp. 207–219.
- FAULKNER, C. H. 1972. The Mississippian–Woodland Transition in the Middle South. *Southeastern Archaeological Conference Bulletin*, 15: 38–45.
- FORD, R. I. (ed.). 1985. *Prehistoric Food Production in North America*. University of Michigan, Museum of Anthropology. *Anthropological Papers* 75.
- FOWLER, M. L. 1974. Cahokia: Ancient Capital of the Midwest. Addison–Wesley Module in Anthropology No. 48.
- 1975. A Pre-Columbian Urban Center on the Mississippi. *Scientific American*, 233(2): 92–101.
- FUNK, R. E. 1983. The Northeastern United States. In: JENNINGS, J. D. (ed.) *Ancient North Americans*. San Francisco, pp. 302–371.
- GIBBON, G. E. (ed.). 1982. *Oneota Studies*. University of Minnesota Publications in Anthropology.
- GRIFFIN, J. B. 1943. *The Fort Ancient Aspect: Its Cultural and Chronological Position in Mississippi Valley Archaeology*. Ann Arbor, Mich.
- GRIFFIN, J. B. 1946. Cultural Change and Continuity in Eastern United States Archaeology. In: JOHNSON, F. (ed.) *Man in Northeastern North America, Papers of the S. Peabody Foundation for Archaeology*, 3: 37–95.
- (ed.) 1952. *Archaeology of Eastern United States*. Chicago.
- 1967. Eastern North American Archaeology: A Summary. In: *Science*, 156 (3772): 175–91.
- 1983. The Midlands. In: JENNINGS, J. D. (ed.) *Ancient North Americans*. San Francisco, pp. 242–301.
- HOLMES, W. H. 1903. *Aboriginal Pottery of the Eastern United States*. Twentieth Annual Report of the Bureau of American Ethnology, pp. 1201.
- JENNINGS, J. D. (ed.). 1983. *Ancient North Americans*. San Francisco.
- JOHNSON, F. (ed.) 1946. *Man in Northeastern North America*. Papers of the Robert S. Peabody Foundation for Archaeology.
- KNIGHT, V. J., JR. 1986. The Institutional Organization of the Mississippi Region. *American Antiquity*, 51(4): 675–687.
- MCKERN, W. C. 1939. The Midwestern Taxonomic Method as an Aid to Archaeological Culture Study. *American Antiquity*, 4(4): 301–313.
- MASON, R. J. 1981. *Great Lakes Archaeology*. New York.
- MILANICH, J. T.; FAIRBANKS, C. H. 1980. *Florida Archaeology*. New York.
- MORSE, D. F.; MORSE, P. A. 1983. *Archaeology of the Central Mississippi Valley*. New York.
- MULLER, J. 1983. The Southeast. In: JENNINGS, J. D. (ed.) *Ancient North Americans*. San Francisco, pp. 372–419.
- RITCHE, W. A. 1965. *The Archaeology of New York State*. New York.
- SMITH, B. D. 1984. Mississippian Expansion: Tracing the Historical Development of an Explanatory Model. *Southeastern Archaeology*, 3(1): 13–32.
- 1986. The Archaeology of the Southeastern United States: From Dalton to de Soto, 10, 500–500 B.P. *Advance in World Archaeology*, 5: 1–92.
- STEPONAITIS, V. P. 1986. Prehistoric Archaeology in the Southeastern United States, 1970–1985. *Annual Review of Anthropology*, 15: 363–404.
- STOLTMAN, J. B. (ed.) 1986. *Prehistoric Mound Builders of the Mississippi Valley*. The Putnam Museum, Davenport, Iowa.
- WILLEY, G. R. 1966. *An Introduction to American Archaeology*, Vol. I. Englewood Cliffs, New Jersey.

37.4

БОЛЬШОЙ ЮГО-ЗАПАД

Линда С. Корделл

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ И ПОСЕЛЕНИЯ

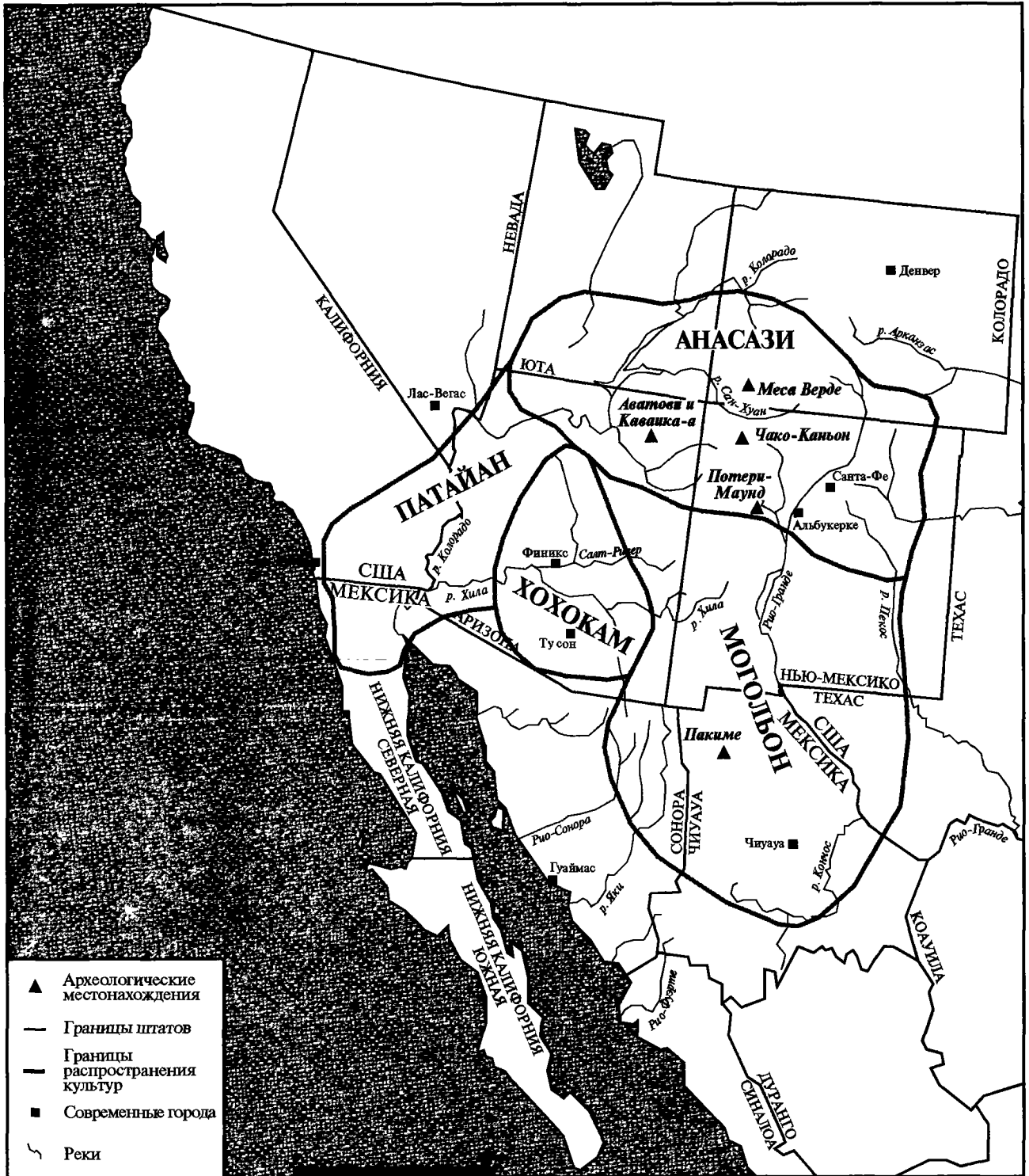
Большой Юго-Запад – регион с разнообразной природной средой, в который входят штаты Аризона и Нью-Мексико Соединенных Штатов и штаты Чиуауа и Сонора Мексики, а также части штатов Юта, Колорадо, Техас США, Коауила, Дуранго и Синалоа Мексики (карта 38). В ландшафте встречаются лесистые горы, пустынные бассейны, травянистые долины и лесистые плоскогорья (*меса*). Высоты варьируются от близких к уровню моря до пиков высотой 4265 м. Весь регион в целом объединяет пустынный и полупустынный климат и его изменчивость, которая обуславливает невозможность полагаться на сельское хозяйство. Тем не менее народы Большого Юго-Запада изначально выращивали зерно, бобы, тыквы, хлопок и табак. Именно сельскохозяйственная традиция и сопутствующие ей обстоятельства (относительно постоянные деревни и высокая плотность населения) отличают Юго-Запад от культур Запада, Востока и Севера. В противоположность мезоамериканским культурам Юга с высокостратифицированными обществами, находящимися на уровне государства, а также урбанизация не были свойственны претерпевшему Большому Юго-Западу. Скорее на протяжении всего тысячелетия происходили сдвиги от явно уравнилельных к слабо стратифицированным общественным системам и обратно.

Сегодня на Большом Юго-Западе проживает большое и разнообразное индейское население, включающее потомков членов обществ, известных археологам. Четыре важные доисторические культурные традиции выделены в литературе по археологии: хохокам, патайан, могольон и анасази. Территория традиции хохокам лежит в бассейне рек Хила и Солт-Ривер центральной части штата Аризона, а также в примыкающих низменных пустынях, где редко идут дожди и преобладает пустынная растительность. Обычно представителей культуры хохокам считают предками современных народов пима и папаго. Народы культуры Патайан занимали долину р. Колорадо и прилегающие к ней нагорья, более прохладные, менее засушливые и поросшие лесом. Современные юманоязычные племена обычно считаются потомками традиции патайан. Культура могольон занимала южную и восточную части территории горных долин с вулканическими горными массивами. Луговые долины преобладают на более низких высотах, а леса и лесистые горы расположены выше. Хотя большинство археологов считает, что представители культуры могольон были предками многих современных народов пуэбло в штатах Нью-Мексико и Аризона, предполагалась также их связь с народами тараумара из Чиуауа. Термин «анасази» применяется в отношении доисторической культуры, сосредоточенной в бассейне р. Сан-Хуан и на плато Колорадо. Временами в поздний доисторический период поселения анасази также распростра-

лись в восточном направлении на Великие равнины. Территория анасази включает обширные области почти горизонтальных горных образований, прорезанных крутыми каньонами. Большую часть области данной культуры также покрывают лесистые горы и луговые долины. Осадки выпадают не только слишком редко, чтобы гарантировать успешное земледелие, но на территории большей части северной половины Большого Юго-Запада продолжительность вегетативного периода недостаточна для получения надежного урожая. Все признают преемственность культур анасази и современными пуэбло. В XVI в. народы, говорящие на атапаскских языках и жившие на территориях, пределами которых были внутренние районы Канады и Аляски, переселились в Нью-Мексико и начали распространяться к западу и югу на территории, оставленные или лишь эпизодически используемые пуэбло. Потомки этих новоприбывших – современные народы навахо и апачи из группы атапаскских.

Доисторические народы Юго-Запада переняли свои основные растительные культуры (маис, бобы, тыкву и хлопок), а также сельскохозяйственную технологию от народов Мезоамерики, которые окультурили эти растения. Маис рос на Юго-западе уже около 1500 г. до н.э. Хотя с течением времени люди стали зависеть от урожая сильнее, эти культуры осваивались параллельно с самой древней традицией охоты и собирательства, сохранившей свою важность. Дикое растение, например мескитовое дерево и кактус в пустынных областях, семена сосны, семена дикой травы, фрукты и ягоды на более высоких территориях всегда были частью рациона народов Юго-Запада. Повсеместно распространенными домашними животными были собаки, а у народов анасази были одомашнены индейки. И все же охота продолжала играть важную роль. В средства существования входили олени, антилопы снежные бараны, зайцы, кролики, более мелкая дичь, птицы и рыба – там, где она водилась.

В 700–1500 гг. большинство групп зависело от окультуренных растений, составлявших основную часть их пропитания, и эта зависимость требовала различных технологических приспособлений и умений, которые позволили бы достичь больших успехов в земледелии. На территории культуры хохокам важную роль играло орошение, и оросительные системы здесь производят по любому меркам сильное впечатление. По меньшей мере 580 км доисторических оросительных каналов этой культуры были нанесены на карту только вблизи г. Финикса (штат Аризона). Каналы культуры хохокам, как правило, имели U- или V-образное поперечное сечение и были выложены жирным суглинком. Для отбора воды от рек к полям, где в областях, получающих менее 25 см осадков в год, выращивали пшеницу и хлопок, использовались запруды, каналы и насыпи; для их сооружения применяли хворост. Народы культуры могольон и анасази тоже использовали различные устройства для регулирования стока воды в зависимости

Карта 38. Большой Юго-Запад Северной Америки с доисторическими культурными территориями и археологическими местонахождениями, упоминающиеся в тексте (Cordell; Schmidt)

от конкретных условий и особенностей топографии. На некоторых территориях они использовали оросительные системы с каналами, канавами и заслонками. В других местах они строили террасы на склонах холмов, а также возводили каменные запруды поперек ручьев. Некоторые поля анасази включают участки, огражденные каменными стенами, с покрытием (мульчей) из гравия величиной с кулак. Такое мульчирование, служащее для уменьшения амплитуды колебаний температуры почвы в течение суток и для ослабления испарения влаги, видимо, смягчало влияние коротких вегетативных периодов в некоторых областях. Анасази также сооружали водяные емкости, подоб-

ные тем, что находятся в Месса-Верде, для домашних целей, а не для нужд земледелия.

Доисторические жители Юго-Запада, вероятно, полагались на сочетание точного астрономического знания с ритуалом, чтобы обеспечить урожай, хотя это и непросто доказать из-за отсутствия письменности и документов. Различные специалисты в современных юго-западных индейских сообществах ведут небесные наблюдения с целью предсказания солнцестояний. Археoaстрономы предположили, что в доисторические времена некоторые архитектурные особенности построек могли использоваться в качестве «окон» для этой цели. Кроме того, при

археологических раскопках были обнаружены глиняные трубки и тростниковые мундштуки, в которые набивали табак, которые могли служить для «создания облаков» во время соответствующего ритуала, как это сейчас делается у некоторых современных индейцев Юго-Запада.

К 700 г. большинство юго-западных народов жили в поселениях и деревушках, различавшихся по архитектурному стилю и степени проживания в них людей (илл. 281). С 700 до примерно 1250 г. народы хохокам занимали поселения, состоящие из пространственно разделенных жилищ малых или расширенных семейных единиц. Полы в их домах, называемых домами-ямами, делались немного ниже поверхности земли, а надстройки делались из столбов и переплетенных веток. После 1250 г. на земле хохокам были построены многоэтажные «большие дома» с глинобитными стенами и одноэтажные бараки с такими же стенами. В нагорьях территории патайан с 700 по 1000 г. круглые или овальные дома-ямы беспорядочно располагались в поселениях. После 1000 г. и приблизительно до 1200 г. поселения на большей части нагорной области патайан представляли собой одноэтажные каменные строения с 8–10 смежными помещениями. Архитектурных остатков в этой части территории патайан вдоль нижнего течения р. Колорадо не известно. Уже в исторические времена племена юма занимались земледелием в пойменной долине Колорадо, но на зиму перебирались в более высокие области. Строения, связанные с земледельческим сезоном, были недолговечными, а места их расположения менялись с изменениями русла реки, чем и можно объяснить отсутствие остатков строений и стратифицированных археологических местонахождений доисторических народов культуры патайан вдоль реки.

Народы культуры могольон и анасази тоже занимали деревни из беспорядочно размещенных домов-ям. Около 850 или 900 г. на территории анасази на смену этим домам пришли одно-, а затем часто многоэтажные пуэбло (поселения индейцев) со смежными комнатами. Переход от домов-ям к одноэтажным пуэбло в регионе могольона произошел около 1000 г. На территории анасази в течение XI и XII вв., некоторые пуэбло строились в три или четыре этажа. В частности, в Чако-Каньоне и других местах бассейна р. Сан-Хуан пуэбло были большими, хорошо спланированными каменными строениями с многоэтажными, расположенными уступами блоками комнат, с центральными площадями и большими круглыми полуподземными церемониальными залами (кива). Много- и одноэтажные пуэбло, построенные из камня или глинобитные, с несколькими площадями и круговыми или прямоугольными кивас продолжали строиться в области анасази в исторические времена и сейчас заняты индейцами народов пуэбло. Временные вариации архитектурных стилей, наряду со стилистическими изменениями гончарных изделий являются основанием для составления хронологии фаз, используемых археологами при изучении Юго-Запада. Следует отметить, что развитию хронологии в археологии Юго-Запада было уделено большое внимание, так что весьма небольшие территории, например, части речных долин, получили уникальные схемы развития по фазам.

ИСКУССТВА, РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ, РЕЛИГИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Гончарные изделия, расписанные разноцветными красками, производились вручную на всем Юго-Западе в домашних условиях и служили предметами торговли. Узоры, геометрические и изобразительные, умело наносились минеральными или растительными красками. Настоящая, основанная на оксидах железа глазурь использовалась в некоторых областях, но только в качестве декоративного

пигмента, которым никогда полностью не покрывали поверхности сосудов. Керамическое искусство представителем могольонской ветви мимбрес, как и жителей местонахождения Пакиме (Касас-Грандес), мексиканский штат Чиуауа, особенно хорошо известно и почитается сегодня (илл. 282, а, б, в, г, д).

В больших количествах производили также ювелирные изделия и украшения из раковин и камня, которыми торговали на большие расстояния. Культура хохокам особенно хорошо известна благодаря изделиям из раковин. Большинство раковин (например, *Glycymeris* и *Cardium*) добывали в Калифорнийском заливе. Их превращали в резные и гравированные браслеты и подвески, кольца и бусы. Самыми распространенными формами, которые вырезали из раковин, были лягушки, птицы и змеи. Также практиковались тонкие способы использования кислоты для травления узоров на поверхности раковин. Изделиями из раковин народы хохокам торговали на своей территории, а также продавали их народам могольон и анасази. Народы хохокам и анасази применяли инкрустацию на изделиях, используя черный янтарь, бирюзу и раковины. Анасази широко использовали бусы из раковин, а также добывали бирюзу, торговали ею и делали различные бусы и подвески. На стоянках анасази также были найдены ювелирные изделия из лигнита и серпентина.

Известно, что на всей территории доисторического Юго-Запада производили цветные, сложного плетения ткани, хотя из-за их недолговечности они нечасто попадают в археологических слоях. Изделия из юкки, агавы, молочая, мескитового дерева, можжевельника, меха, волос, перьев и домашнего хлопка окрашивали в разнообразные яркие цвета. Среди найденных при раскопках тканей встречаются твил (саржа), плетеные вручную ткани, марля и крашеные веревки. В поздний доисторический период на территории народа пуэбло стены кивас иногда украшали изысканными цветными фресками. В кивас Потерри-Маунд и Куауа в бассейне р. Рио-Гранде и Аватови и Кавайка-а в стране хоппи сохранились многочисленные слои настенных росписей с изображением различных натуралистических сцен, смысл некоторых элементов в них опознают современные индейцы пуэбло.

Самые обширные, разнообразные и тщательно выполненные свидетельства ремесленной продукции получены при раскопках руин периода Эн-Меджо в местонахождении Пакиме. Для производства медных колоколов и топорищ использовалось литье по выплавляемым моделям. Среди других медных предметов следует упомянуть браслеты из листовой меди, бусы в виде дисков, кольца и подвески. Также производилось множество изделий из раковин, включая музыкальные трубы из раковин *Strombus*.

Как отмечает Вудбери (Woodbury, 1979), рассматривая социальную интеграцию на Большом Юго-западе, происходит «слабая стратификация общества, которая, однако, сопровождается успешными совместными усилиями при строительстве религиозных зданий и осуществлении крупномасштабного орошения; упор делается на совершенствование церемоний и религиозного, а не политического управления». Сохранившиеся в археологическом отношении религиозные сооружения включают насыпи с платформами наверху и площадки для игры в мяч у народов хохокам и жителей Пакиме, кивас (в том числе огромные) у анасази, а также огромные кивас народов культуры могольон. Среди северных ветвей культуры анасази в качестве религиозных зданий могли быть башни. На важность этих особенностей указывают значительные трудовые усилия, которые затрачивались на их постройку. Кивас продолжают использоваться для религиозных целей среди современных индейцев пуэбло. Несмотря на религиозный консерватизм этих народов, из-за отсутствия письменных источников мы не можем точно знать степень сходства с прошлыми религиозными обычаями или точные

религиозные функции площадок для игры в мяч или насыпей-платформ там, где они встречаются.

На протяжении значительной части доисторического периода народы Большого Юго-Запада жили в относительно малых, рассеянных деревнях. В настоящее время различные коренные индейские сообщества политически независимы друг от друга. И все же создается ощущение, будто в доисторический период в течение коротких промежутков времени процветали регионально интегрированные системы. Самая ранняя из них (около 950–1150 гг.) возникла в местонахождении Чако-Каньон. Эта система включала более 70 стоянок в бассейне р. Сан-Хуан, по стилю очень похожих и связанных со стоянками, расположенными в самом каньоне, обширной системой доисторических дорог. В рамках этой системы велась торговля гончарными изделиями и бирюзой и, вероятно, другими товарами. Пакиме, видимо, являлся центром хорошо развитой региональной системы, включавшей специализированное ремесленное производство и торговлю. Сложные приспособления для регулирования расхода воды, дороги и сигнальные пункты являлись чертами систем Чако и Пакиме. Датирование развития Пакиме остается спорным вопросом, хотя разумным представляется интервал с XII по XV в.

Хуже археологически документированные региональные системы предлагалось относить к культурам хохокам XI в. и западного пуэбло XIV в. Система хохокам могла включать обширные торговые сети (особенно по продаже раковин и минералов), религиозные взаимодействия и координацию функций для прокладки систем орошения. Система западной культуры пуэбло могла быть связана с обменом средствами к существованию (особенно продуктами сельского хозяйства), который регулировали пред-

ставители элиты, обменивавшиеся между собой некоторыми видами керамики.

Появление европейцев в 1540 г. на Юго-Западе заметно воспрепятствовало дальнейшему развитию чисто коренных сложных обществ. Европейские болезни уничтожили многие народы Юго-Запада; домашний скот значительно изменил хозяйство местных народов, а поселения и политическая организация европейцев подорвали местные системы торговли и обмена, а также взаимозависимость сообществ. И только благодаря силе духа коренных народов и их способности к самовосстановлению столь большая часть их традиционных верований и образа жизни сохранилась до нашего века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CORDELL, L. S. 1984. Prehistory of the Southwest. Orlando.
- HAURY, E. W. 1976. The Hohokam, Desert Farmers and Craftsmen: Excavations at Snaketown, 1964–1965. Tucson, Arizona.
- HIBBEN, F. C. 1975. Kiva Art of the Anasazi at Pottery Mound. Las Vegas.
- KENT, K. P. 1983. Prehistoric Textiles of the Southwest, School of American Research. Albuquerque, New Mexico.
- QRTIZ, A. (ed.) 1979. Southwest. Handbook of North American Indians, Vol. 9. Smithsonian Institution, Washington.
- 1983. Southwest. Handbook of North American Indians, Vol. 10. Smithsonian Institution, Washington.
- REYMAN, J. E. 1976. Astronomy, Architecture, and Adaptation at Pueblo Bonito. Science, 193: 957–962.
- WOODBURY, R. B. 1979. Prehistory: Introduction. In: Southwest, ORTIZ, A. (ed.) Handbook of North American Indians, Vol. 9, pp. 22–30, Smithsonian Institution, Washington.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ МЕКСИКА

Джерми Ф. Этштейн

ГЕОГРАФИЯ ТЕРРИТОРИИ И ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Территория Северо-Восточной Мексики включает мексиканские штаты Тамаулипас (севернее р. Сото-де-ла-Марина), Нуэво-Леон, Коауила, восточную часть штата Чиуауа и смежные части Техаса (карта 39). Все индейские группы, жившие в этом регионе, были охотниками-собираателями. Племена, жившие к югу и западу, напротив, занимались сельским хозяйством, как и население Мезоамерики; у северной границы жили различные племена, культура которых являлась производной культуры Равнин или Восточных лесов.

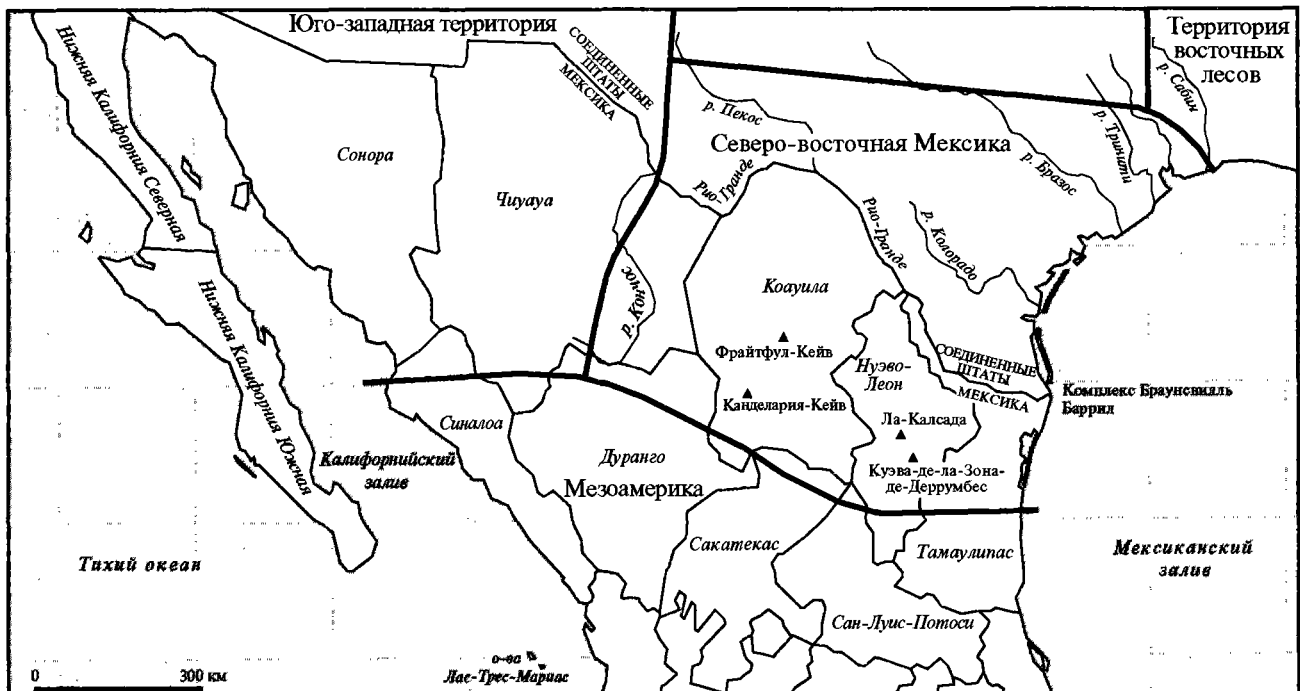
В регионе преобладают три важные физико-географические особенности. На восточном краю находится прибрежная равнина, с одной стороны упирающаяся в залив, а с другой постепенно поднимающаяся до высоких скалистых гор цепи Восточная Сьерра-Мадре. К западу от Сьерры находится горно-равнинное пространство Северной мессы (плоскогорья). Основная водная система региона включает Рио-Гранде, в которую впадает р. Сан-Хуан в Тамаулипасе, реки Сабинас в Коауиле и Кончос в Чиуауа. Единственный важный источник стоячей воды располагался на юго-западе Коауилы, где р. Насас втекала в бассейн р. Паррас, образуя оз. Майран.

Климат в Северо-Восточной Мексике жаркий и сухой; земледелие без орошения невозможно. Растительность

включает мескитовые деревья, колючие кустарники, кактусы, агавы и пустынные травы. Разнообразие высот, типов почвы и наличие (или отсутствие) воды создают разнообразные экологические ниши. За исключением мескитовых деревьев, другие деревья встречаются редко, хотя вдоль рек местами встречаются трехгранный тополь и дубы, а на большой высоте – сосны и можжевельник. В настоящее время из млекопитающих чаще всего встречаются олени, кролики, американские зайцы, белки и пекари. В XVI в. на севере Коауилы водились бизоны.

КУЛЬТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVI В.

Северо-Восточная Мексика – одна из наименее изученных территорий Северной Америки. Ранние исторические источники, начиная с Кабеса де Вака, жившего среди индейцев в 1534–1535 гг., подчеркивают лингвистическое и культурное разнообразие сотен групп коренного населения, но дают мало конкретной информации об их языках. В XVII в. в результате вторжений испанских поселенцев с юга и индейцев группы апачи с севера, местным индейцам пришлось покинуть свои родные земли; к XIX в. большинство индейцев вымерло. В результате этого современные ученые не решаются положительно утверждать о распространении в XVI в. индейских

Карта 39. Территории культур Северо-Восточной Мексики (Epstein; Schmidt)

племен и языков, на которых они говорили, по территории Северо-восточной Мексики, пока в их распоряжении не будет больше информации.

Разнообразие языков и культур, описанное Кабеса де Вакай в начале XVI в. и Алонсо де Леоном в XVII в., осложняет обобщение культуры всей территории и установление связей археологических материалов с конкретными народами. Не были обнаружены особенности, которые характерны для оседлых народов; нет свидетельств о занятиях земледелием, признаков поселений, письменности, медицины, науки или скульптуры. Согласно историческим источникам, внешние атрибуты религии – божества, жрецы, храмы, ритуалы – тоже отсутствовали. Магический-религиозный элемент воплощал собой шаман, который излечивал, извлекая инородные предметы (т.е. занозы, кусочки костей) из тела. Важным видом церемониального действия, в которое включились все члены племенной группы, был танец, митоте, который устраивали часто, чтобы отогнать опасности или отпраздновать приятные новости. Это действие нередко продолжалось два-три дня.

Хотя Кабеса де Вака и Алонсо де Леон дают мало информации о культурных моделях, они сочли пищевой рацион индейцев и их образ жизни заслуживающими довольно подробного описания. Индейцы Северо-восточной Мексики жили за счет охоты и собирательства. У каждой группы имелась собственная территория для собирания зимой, а летом несколько групп делили одну территорию, так как продовольствия там было в избытке. Поселения часто переносили с одного места на другое; такие перемещения были связаны с истощением местных запасов пищи. Туземные постройки из гибких шестов, покрытых циновками, травой или тростником, можно было легко разобрать и поставить заново. Небольшой очаг обычно располагался в центре жилища. Дом среднего размера мог вмещать 8–10 человек, а поселение среднего размера, возможно, состояло из 15 домов.

Мужчины, как правило, не носили одежду вообще. Источники говорят о том, что некоторые женщины носили набедренные повязки из травы или листьев; другие же носили юбки из оленьей кожи, украшенные бусами или нитями из ракушек улиток, зубами животных и твердыми семенами. Представители некоторых групп носили одеяния из кроличьей кожи. В областях, где росли колючие кустарники, жители носили сандалии.

Рацион питания туземцев отличался разнообразием, хотя количество и ассортимент пищи зависел от времени года. Список животной пищи включал мясо крупных и мелких млекопитающих – оленей, кроликов, крыс, мышей, а также птиц, змей и насекомых. Из растительных продуктов можно выделить корни и стебли агавы, плоды и листья опунции, стручки мескитового дерева, фрукты, цветки кактуса. Стебли агавы готовили в течение двух дней, чтобы они стали вкусными, а стручки мескитового дерева деревянными пестиками перетирали в муку.

Большое впечатление производит умение туземцев находить воду и пищу. Некоторые группы переносили воду в вогнутых листьях опунции. Народы, жившие вблизи Рио-Гранде, хранили воду в бутылках, сделанных из тыкв, которые они собирали, спустившись по Рио-Гранде в сезон наводнений. Вдоль побережья для рыболовства использовались каноз; рыбу ловили сетями или били из луков стрелами. Там, где водились моллюски, в пищу шли и они. На севере Коауилы люди охотились на бизонов.

Хотя способы охоты и ловли рыбы, казалось, должны были обеспечивать богатые запасы пищи, на самом деле все обстояло не так. Ранние историки отмечали, что индейцы находились на грани голода всю зиму, зачастую живя без еды по несколько дней. Это говорит о том, что в любое время года люди полагались на то, что смогут найти.

АРХЕОЛОГИЯ

Археологические данные показывают, что историческая модель, описанная выше для Северо-Восточной Мексики, существовала практически без изменений на протяжении тысяч лет. Самое важное новшество, лук и стрелы, появилось где-то между 500 и 700 г. Сначала луки использовались наряду с атлатль (копьем), но к 1000 г. атлатль перестал использоваться.

Археологические данные подчеркивают сложные условия жизни туземцев. Свидетельства собирательства найдены в скальных укрытиях и на открытых лагерных стоянках, причем последние были обнаружены по скоплениям очагов. Кости животных и засохшие фекалии из пещерных отложений (культурный комплекс поздней Коауилы в пещере Фрайтфул-Кейв, материалы фазы Линарес из пещеры Куева-де-ла-Зона-де-Деррумбес и из местонахождения Ла-Калсада в штате Нуэво-Леон) подтверждают эклектическую природу основанного на собирательстве рациона питания и предоставляют свидетельства о существовании ряда предметов, не упомянутых в отчетах историков.

Наиболее поразителен тот факт, что почти все остатки артефактов связаны с поисками пищи. Об охоте и собирательстве свидетельствуют луки, стрелы, дубинки, корзины и сети. О приготовлении пищи говорят мельничные камни для размалывания диких семян, орехов и костей мелких животных; ступы в виде отверстий в твердых горных породах свидетельствуют о веках перетирания мескитовых бобов деревянными пестами. Есть признаки разных способов приготовления пищи: скопления обгоревших каменных очагов для жарки; деревянные щипцы для поворачивания горячих камней при кипячении воды; фрагменты сгоревших корзин, которые могли использоваться для сушки семян. Множество сандалий, сохранившихся почти в каждом сухом горном убежище, является самым веским археологическим доказательством постоянного хождения при собирательском образе жизни.

Данные, связанные с захоронениями, не указывают на преобладание археологических и этноисторических данных. Исторические источники отмечают, что шаманов кремировали, тогда как остальных людей хоронили в полях, при этом останки часто накрывали колючими ветками опунций и камнями, чтобы уберечь от животных, питающихся падалью. Однако из этих источников следует, что ни кремации, ни погребений на открытых местах обнаружено не было. Несколько найденных к настоящему моменту захоронений были раскопаны из куч хозяйственных отходов в скальных укрытиях и отнесены к двум типам: к захоронению тел в согнутом положении и к захоронению только связок костей, а не всего тела. В захоронениях редко встречаются какие-либо предметы, что предполагает отсутствие различий в статусе людей. За исключением второго варианта захоронений, очевидно, умершим не уделялось какого-либо внимания. Эти варианты захоронений дают возможность предполагать, что одни и те же скальные укрытия использовались группами разных культур, а это подтверждает культурное разнообразие, отмеченное в исторических источниках. Однако озадачивает отсутствие кремации и захоронения на открытых местах.

Хотя важным новшеством в данном регионе являлось применение лука и стрел, одновременные перемены, происходившие по периферии, свидетельствуют о местном культурном разнообразии, торговле и контакте с другими территориями. На юге Техаса различные группы производили собственные гончарные изделия (*Epstein et al*, 1980). Вблизи устья Рио-Гранде некоторые сообщества специализировались в вырезании подвесок из раковин (фаза Баррил в комплексе Браунсвилль), причем некоторые из них, возможно, продавались вплоть до юго-запада Коауилы (*Campbell*, 1960). Эти народы также торговали с уастеками из Южного Тамаулипаса.

Примечательная погребальная практика (комплекс Майран) появилась на юго-западе Коауилы, где охотники-собиратели контактировали с народами Мезоамерики, жившими к западу и югу от них. Лучшим объектом, свидетельствующим об этом комплексе, датируемом приблизительно 1250 г., является пещера Канделария в Больсон-де-Делисьяс. Впечатление производят затраты энергии, о которых свидетельствуют как извлеченные из захоронений предметы, так и способ погребения. Усопших, завернутых в простыни из тонкой ткани, сделанной из волокон юкки вместе с их инструментами, одеждой и украшениями аккуратно укладывали в глубокие труднодоступные природные провалы вдалеке от жилищ. Среди погребальных украшений были нитки бус из морских раковин как с побережья Тихого океана (*Olivella dama*), так и с берега Мексиканского залива (*Marginella apicina*, *Oliva reticularis*). Другие погребальные предметы свидетельствуют о связях с шаманскими обрядами XVII в.; среди них отрезанные олени рога, которые бросали в огонь во время обрядов, олени черепа, которые могли использоваться как головные уборы, и скарификаторы, которые использовались для пускания крови. В другой пещере, Ла-Пайла, обнаружены украшенные бутылки из тыкв и другие предметы торговли, известные по мезоамериканским культурам Западной Мексики.

Не ясно, кто были эти люди или где точно они жили. Быть может, это были более оседлые охотники-собиратели или племена из современного мексиканского штата Сакатекас на юге, испытывавшие влияние культур Мезоамерики. Хотя между их погребальным культом и историческим периодом шаманизма существует преемственность, тем не менее, испанские монахи, поселившиеся в регионе Лагуны в начале XVII в., не упоминали о людях, изготавливающих тонкие ткани; нет также никаких упоминаний и о погребальном культе или о торговле морскими раковинами на дальние расстояния.

Судя по всему, этот погребальный комплекс исчез за век или около того до испанского завоевания. Его исчезновение вполне могло быть связано с общим распадом мезоамериканских культур в Чиуауа, Сакатекасе и Дуранго около 1350–1400 г. Хотя причины этого распада не известны, важную роль в нем, должно быть, сыграла суровая окружающая среда северной части Мексики.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AVELEYRA ARROYO DE ANDA, L.; MALDONADO-KOERDELL, M. AND MARTÍNEZ DEL RÍO, P. 1956. Cueva de la Candelaria. Memorias del Instituto Nacional de Antropología e Historia. V. México.
- CABEZA DE VACA, A. N. 1984. The Narrative of Álvar Núñez Cabeza de Vaca. In: HODGE, F. W. (ed.), Spanish Explorers in the Southern United States 1528–1543. Texas Historical Society, Austin, pp. 1–126.
- CAMPBELL, T. N. 1983. Coahuiltecan and Their Neighbors. In: STURTEVANT, W. B. (gen. ed.) Handbook of North American Indians, Vol. 10, pp. 22–30, Smithsonian Institution, Washington, DC.
- EPSTEIN, J. F. 1969. The San Isidro Site: An Early Man Campsite in Nuevo León, Mexico. Anthropological Series, Department of Anthropology, University of Texas at Austin.
- EPSTEIN, J. F.; HESTER, T. R.; GRAVES, C. (EDS) 1980. Papers on the Prehistory of Northeastern Mexico and Adjacent Texas. Special Report No. 9, Center of Archaeological Research, The University of Texas at San Antonio, San Antonio.
- LEÓN, A. DE. 1975. Relación y Discursos del Descubrimiento, Población, y Pacificación de Este Nuevo Reino de León, In: GARCÍA (ed.) Documentos inéditos o muy raros para la Historia de Mexico. Mexico, Vol. 60, pp. 97–101.
- MACNEISH, R. S. 1958. Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas, Mexico. Transactions of the American Philosophical Society 48, Part 6.

МЕЗОАМЕРИКА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

38.1

МЕЗОАМЕРИКА

Пол Джэндрон, Хаиме Литвак Кинг и Пауль Шмидт

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СЕВЕРНАЯ ТЕРРИТОРИИ

Падение великого города Теотиуакана должно рассматриваться как нечто большее, чем лишь эпизод в истории культуры. Эта столица главенствовала в Мезоамерике в течение почти 600 лет и наложила свой отпечаток на культуру элитарных слоев общества данного региона (карта 40). Большинство крупных городов выросло благодаря тому, что оказались связующими пунктами торговых путей на территории, подвластной Теотиуакану, или были вынуждены приспосабливаться к этой роли, чтобы выжить. Продукты из различных климатических зон Мезоамерики поступали в центр, где обменивались на товары из других мест. Чужеземные династии заключали браки со знатью из Теотиуакана, а изображение длинноносого бога воды надежно закрепилось в скульптурах и росписях в самых отдаленных регионах.

Теотиуакан был наследником обширной территории ольмеков. Городу, расположенному на плато, потребовалось 400 лет, чтобы стать в Мезоамерике наиболее важным поселением – крупнейшим узловым пунктом. Падение Теотиуакана привело к переустройству всего региона. Города приходили в упадок и расцветали в зависимости от их участия в прежней торговой сети.

Падение Теотиуакана по-разному сказалось на разных районах. Город Оахака сам выключился из этой торговой цепи задолго до рассматриваемого времени, в период Монте Альбан IIIb, и поэтому в данном регионе нет свидетельств, которые перекликались бы с событиями в долине Мехико. На северо-восточной культуре уастеков данное событие практически не отразилось. Есть основания считать, что местонахождения Тахин на севере штата Веракрус и Сьерра-Горда в штате Керетаро (место добычи киновари), непосредственно связанные с уастеками, не только выжили, но и развивались, поскольку их торговля больше не должна была конкурировать с торговлей на Центральном плато, где доминировал Теотиуакан.

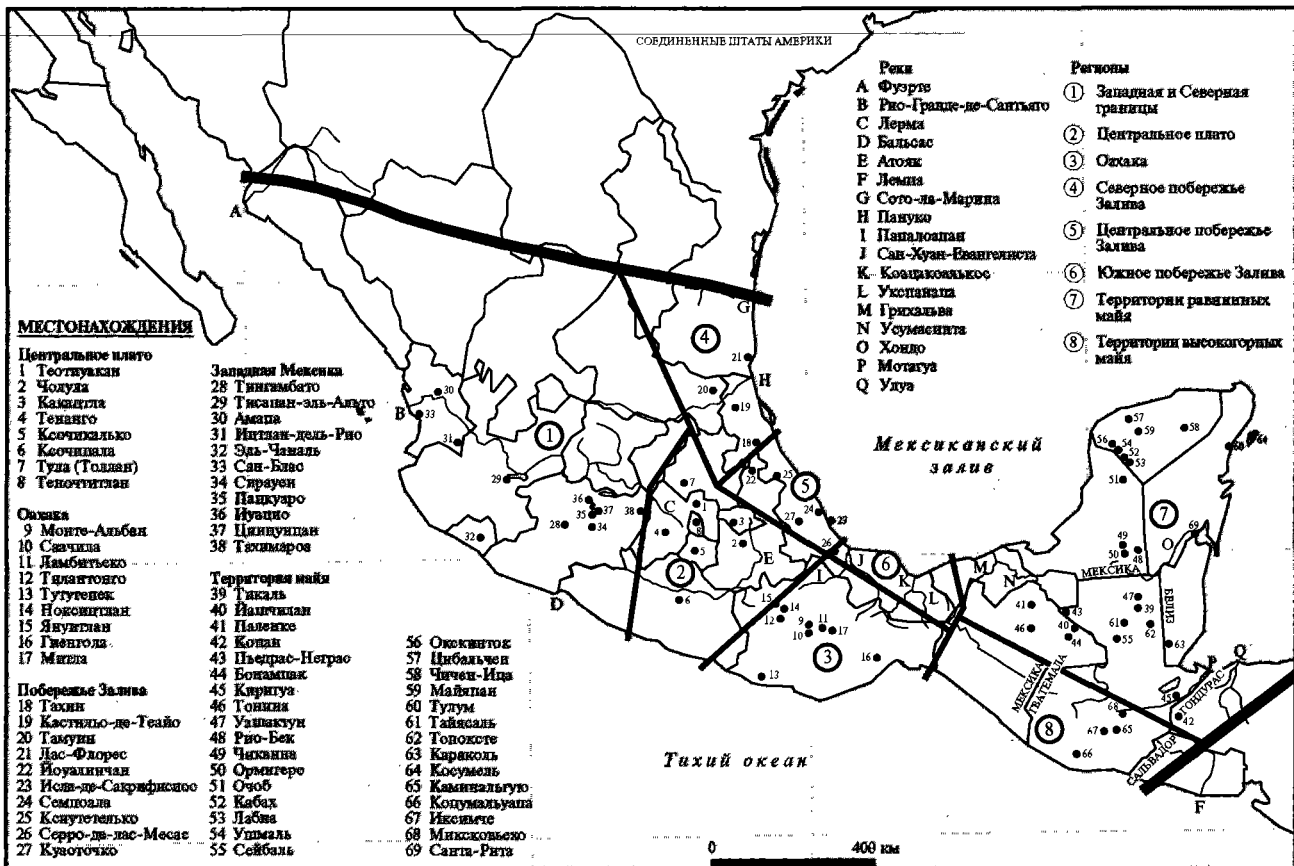
Местонахождения, периферийные по отношению к долине Мехико, такие как Чолула и Какахтла на востоке и Ксочикалько на юге, а также многие другие местонахождения и регионы, которые, по-видимому, завязаны с могущественным центром, претерпели в материальной культуре явные изменения, совпадающие по времени с падением Теотиуакана. В случае последних двух местонахождений их отношения с прибрежной территорией побережья Мексиканского залива и через него – с регионом майя, значительно разви-

лись, чему имеются яркие примеры в монументальном искусстве, настенной росписи, гончарных изделиях, подтверждающие эти связи, в частности знаменитый рельеф Ксочикалько, изображающий сидящих людей в характерных головных уборах майя; росписи в стиле майя в Какахтле; скульпы майя в штате Герреро, Окстотитлане и Ксочипале.

Была затронута общая структура всего региона. Фокусирование всех связей на Теотиуакане, сложившееся под его влиянием (по крайней мере до той поры пока его господство стало ослабевать около 600 г.), никогда не было смещено на другой властный центр, сравнимый по мощи с этим классическим городом. Последовал период разобщения культур, в который, судя по всему, Ксочикалько в центральной части Мексиканского нагорья пытался заполнить возникший вакуум власти. Распространение артефактов, в которых проявлялось влияние культуры ксочикалько, в том числе фигурок со скрещенными руками, показывает, что возможные направления контактов пролегали от р. Бальсас к Оахаке, а оттуда – к современному штату Чьяпас на юго-востоке. Между 750 и 900 гг. следы культуры ксочикалько встречаются во многих местонахождениях, самое важное из которых – Тенанго в долине Толука, к западу от рассматриваемой территории. Весьма вероятно, хотя пока и не объяснена, связь между стилями Ксочикалько и Тахина. Однако Ксочикалько не удалось добиться гегемонии, и в течение 150 лет, как представляется, разные географические части Мезоамерики следовали собственными путями развития с чрезвычайно слабыми попытками добиться большего, чем местной гегемонии.

Возможным свидетельством восстановления торговой сети, по крайней мере в ее уменьшенном и локализованном варианте, является распространение гончарных изделий с красной росписью на темно-желтом фоне, производимых в Койотлателко; эта сеть, по-видимому, включала долины Толука, Морелос, Пуэбла и Мехико. Такие же изделия обнаружены в Теотиуакане в строениях, возведенных на развалинах города, а по времени они предшествуют подобным изделиям тольтеков из Масапы.

После 900 г. возникло множество сильных региональных поселений. Насколько можно судить, в регионе долины Оахака господствовали миштеки, народ, который, как известно, ранее проживал в горах на северо-западе, и, возможно, составлял основную часть населения города Чолула. Есть предположения, что они завоевали долину Оахака, населенную главным образом сапотеками, и стали жить в уже су-

Карта 40. Территория, занятая археологическими культурами Мезоамерики (по Schmidt)

ществовавших поселениях. Они стали вновь использовать покинутый центр Монте-Альбан в качестве места погребения своих вождей. Тула (Толлан) в Центральной Мексике, населенная тольтеками (этому имеется документальное историческое подтверждение), разрослась и сделалась господствующим центром всего региона; влияние этого центра распространилось значительно далее его собственных границ и, вероятно, достигало территории майя. Очевидные свидетельства этому присутствуют в архитектуре зданий Чичен-Ицы, в именах на языке наутль, даваемых правителям майя в северной части п-ова Юкатан, и в местных поверьях, утверждающих, что вожди были обязаны получать символы своей власти в месте, называвшемся Тула (илл. 299).

Господство тольтеков обеспечило не только появление новой центральной власти, борющейся за контроль над всей областью Мезоамерики, но также и возрождение торговли в нескольких направлениях. Хотя изделия тольтеков из Масапы, особенно плоские статуэтки, служат важным свидетельством расширения влияния Тулы, основные предметы торговли делались не тольтеками. По-видимому, тонкая «оранжевая» керамика появилась с крайнего юго-востока региона Залива, а стиль «плумбат» — единственная доиспанская глазурованная керамика — считается появившимся в южной части современной Мексики на границе с Гватемалой. Один из их характерных типов скульптуры тольтеков — статуя полужающего Чак Мооля, судя по всему, имеет западно-мексиканское происхождение.

Тольтеки формально являются первыми в Мезоамерике, кто начал пользоваться железом. Данная культурная область странным образом запоздала с развитием многих технологий, что резко контрастирует с предшествующими достижениями в науке, астрономии и математике — достаточно сравнения с Центральной и Южной Америкой, главным образом с регионом Анд, где обработка металлов появилась значительно раньше.

Видимо, металлообработка в Мезоамерике никогда не достигала того состояния, при котором металлические орудия могли бы вызвать бурные изменения в обществе. Основными материалами являлись медь, золото и в меньшей мере серебро, хотя, как считают некоторые исследователи, применялись и сплавы меди с оловом, подобные бронзе. Однако свидетельства существования таких сплавов имеются лишь в виде артефактов из частных коллекций и, следовательно, не заслуживают большого доверия. Представляется, что навык применения металлов проник из Центральной Америки в Западную Мексику, распространившись главным образом в районе Оахаки и достигнув Юкатана. Большинство найденных металлических изделий имеют ритуальное значение, а ювелирные украшения связаны с обрядами похорон и жертвоприношений. Из обычной домашней утвари было обнаружено большое число игл и прочих мелких предметов.

Основные местонахождения, которые могли бы рассматриваться как богатые источники металлических предметов, не оправдали ожиданий. Хотя установлено, что испанские завоеватели имели возможность собрать много золота, его количество в данном регионе не может сравниться с собранным в Перу. Золото в виде самородков добывалось главным образом на реках. Были обнаружены медные копи доиспанского периода, но они располагались в окраинных областях на западе Мексики, поэтому нет свидетельств, что вклад металлургических производств серьезно влиял на систему хозяйствования всего региона. Большинство золотых изделий, по-видимому, поставлялось из Коста-Рики. Технологии обработки металлов ограничивались ковкой и литьем по выплавляемым моделям; регулирование высоких температур было редкостью в Мезоамерике.

Господство тольтеков длилось недолго. Тула, судя по ацтекским повествованиям, была разрушена варварами, пришедшими с севера около 1000 г. Центральная Мексика вновь

стала нестабильным регионом, где соперничавшие города (главным образом Тескоко, Кулуакан и Аскапоцалько) боролись исключительно за локальное господство, хотя их союзы связывали эти города с вождествами на других территориях. Документы несколько более позднего периода, например Кодекс Ксолотль, содержат изображения людей, вооруженных луками и стрелами, вероятно, заимствованными с севера, оказавшими влияние на ведение военных действий и охоту, поскольку заменило атлатль, традиционное метательное приспособление для метания дротиков, которое по-видимому, являлось символом положения в обществе (рис. 34).

Власть тольтеков не распространялась на столь обширную территорию, как власть Теотиуакана. Хотя доподлинно и не известно, а местные предания не позволяют выдвинуть однозначной версии, все же совершенно очевидно, что некоторые поселения достигли регионального верховенства и выработали собственные традиции правления. После падения Тулы Центральная Мексика осталась конгломератом торговых городов, воюющих между собой без четкого выявленного победителя, до тех пор, пока в качестве главной силы здесь после 1428 г. не утвердились ацтеки.

Экспансия ацтеков подтверждена документально. Она распространилась далее, чем любая иная сила, на территорию майя, собирая дань с побережья штата Чьяпас и создав торговую факторию Синакантиан на нагорье Чьяпас. Хотя ацтеки рассчитывали на какао как на платежное средство, они так и не смогли установить контроль над его главными источниками на побережье Мексиканского залива в регионе Табаско. Когда ацтеки попытались распространить свою власть на Западную Мексику, они потерпели серьезное поражение от тарасков из Цинцунцана, чья власть рухнула только при испанском завоевании.

Господство ацтеков в Мезоамерике продолжалось до появления европейских завоевателей, к которым присоединились некоторые группы индейских племен, приветствовавшие их как союзников в борьбе против ацтеков. Надо отметить, что с самого начала господство ацтеков было осложнено трудностями с перевозками: в регионе не было крупных выючных животных и местные жители не знали колеса. Кроме того, здесь не были разработаны подходы к управлению многоэтнической империей: все ограничивалось лишь завоеванием городов окрестных поселений, а собственная социальная организация завоевателей не позволила сформировать сильное централизованное национальное образование.

Очень мало известно относительно социальной организации групп в Мезоамерике в период, предшествовавший ацтекам. Многочисленные указания колониальных историков и летописцев, касающиеся организации правления ацтеков, должны рассматриваться с существенной долей недоверия вследствие необъективности источников информации и недостатка приемлемых сравнительных моделей, которыми располагали европейцы в те времена.

Как представляется, Теночтитлан, столица ацтеков, огромный город с населением, превышавшим, по имеющимся сведениям, четверть миллиона человек, находился в процессе перехода от земледельческой столицы к настоящему урбанизированному центру. У них был могущественный, недоступный правитель, соединивший в себе черты монархов Европы и вождей африканских зулусов. Имелось централизованное регулирование торговли и рынка, но одновременно существовал и более ранний способ распределения земли и собственности. В религии главенствовало могущественное жречество, связанное с монархией, но жрецам были присущи качества, которые заставляли их одновременно придерживаться верований, связанных с тра-

Рис. 34. Атлатль, приспособление для метания дротика у миштеков или ацтеков (Мексика); дерево и листовое золото; ок. 1400 г. Музей антропологии и этнографии, Флоренция (по LeVinson (ed.) et al., circa 1492: Art in the Age of Exploration, Yale and London, 1992, p. 561).

диционными сельскохозяйственными божествами. Насколько можно судить, в то же самое время некоторые главные боги считались покровителями местных племен, что перекликалось с космогоническими легендами на ацтекском языке (науатль) (илл.300–307).

Информация социальной организации в Теотиуакане отсутствует. Археологические находки позволяют представить огромный город, безусловно значительно больший, чем тот, которым могли управлять власти вождества. Ранее установилось стереотипное представление о нем как о мирном, невоенном поселении, но имеются и многочисленные противоположные свидетельства. Тула, согласно историческим источникам, управлялся либо двойной монархией, которая слишком легко отождествлялась историками с религиозными и светскими чертами правления, либо же там происходило соперничество между вождями, границы власти которых не были тогда четко определены.

Ко времени ацтеков вождество находилось в состоянии перехода к организации более территориальной, менее связанной с племенной формой. Ауисотль, один из последних правителей ацтеков, пытался реформировать разрастающуюся бюрократию методами, включающими назначение на государственные посты лиц незнатного происхождения, но его последователь прекратил эти преобразования.

Во времена испанского завоевания в мезоамериканской культуре происходили постоянные изменения. Территориальное господство ацтеков явно находилось под угрозой и безвозвратно ослабевало. Их общество переживало процесс перехода от своих первичных устоев к формированию новых структур, которые по современным понятиям уже приближались к строению государства. Технологии ацтеков, хотя и примитивные, начинали включать в себя использование металла, что в свою очередь вызывало дальнейшие социальные изменения. Испанцы застали этот мир в самом разгаре критических перемен. Появление европейцев именно в то время обеспечило им более легкое завоевание региона и подготовило почву для быстрого принятия здесь европейской религии, технологии и обычаев.

ОАХАКА

Как и Теотиуакан, Монте-Альбан переживал период резкого упадка, и хотя и не был полностью покинут. Он перестал быть центром деловой и культурной жизни (возможно, как предполагали некоторые авторы, с падением Теотиуакана исчезло давление, которое оправдывало затраты на жизнеобеспечение Монте-Альбана как крупного населенного центра на возвышенностях). В восточных ответвлениях долины Оахака (местонахождения Куилапан, Саачила) развились центры культуры сапотек аналогично тому, как они возникли на востоке (Ламбитьекко). Эти поселения следовали традиции сапотек, хотя никогда и не достигали размеров прежней классической столицы. С середины VII до середины VIII в. Ламбитьекко представлял собой один из наиболее выразительных образцов культуры сапотек позднего классического периода. Его погребальная архитектура и жертвенники вокруг внутренних дворов представляют некоторые из наиболее сохранившихся образцов типичных табlero Оахаки с их рельефными плитами, всегда подчеркиваемыми тонкими глубокими полосами, создающими резкие линии теней и помогающие подчеркнуть основные архитектурные объемы. Редким примером сохранения традиций является лепная расписная рельефная отделка в центре каждой резной плиты в Ламбитьекко, замечательные лица стариков на входе в склеп 6, а также крупные маски Косихо, бога грома и дождя (аналог сапотек мексиканского Тлалока, бога Тахина в Веракрусе или бога Чака у майя).

В этом регионе, который внес значительный вклад в создание мезоамериканской системы «глифической», т.е.

рельефной резной письменности и счета (илл. 94), имела тенденция к замене стел «генеалогическими реестрами», которые вырезались на каменных дощечках и содержали записи о браках и других событиях. В определенный момент поселение Саачила пыталось добиться политического господства, но не преуспело в этом, возможно, вследствие начинавшейся экспансии своих соседей миштеков, жителей нагорий, которые создали независимый региональный стиль (стиль Ньюинье), проявляющийся в применении крупных монолитных блоков (с резными надписями на рельефе в Уамелулпане), установленных по углам возведенных насыпей-платформ.

Миштеки вошли в историю Мезоамерики в постклассический период, во время которого началась их экспансия к долине Оахака. С этого времени одной из главных культурных особенностей элиты миштеков была чрезмерная забота о чистоте своего происхождения и стремление показать эту чистоту в сложных сводах генеалогических записей, безошибочный стиль которых влиял на многие стороны мезоамериканского мира в последние столетия перед испанским завоеванием.

Принц Тилантонго и правитель Тутутепека, 8-й Олень «Коготь ягуара», являющийся героем множества преданий миштеков, прекрасный пример особенностей исторического смысла, вложенного в подобные «генеалогические кодексы». Родившийся в восьмой день месяца «олень» в двенадцатом году «тростника» (1011 г.) в Тилантонго, этот принц избрал Тутутепек на побережье в качестве базы действий, откуда он и начал создание своего бюрократического государства. Во время его правления была предпринята попытка политической консолидации миштеков. Как и одновременное изменение календаря, на это изменение, вероятно, повлияла модель тольтеков. Искусная система возделывания земли, известная в тех краях как *лама-бордо* и позволившая вести более интенсивное сельское хозяйство, также развилась в долинах Ночицтлан и Януитлан в области Миштека-Альга. За завоевание в 1044 г. Акатепека 8-й Олень «Коготь ягуара» в следующем году был удостоен особой чести: проткнули его носовую перегородку и в течение пышной церемонии вставили в отверстие украшение в виде стержня (вполне возможно, что для этой цели ему пришлось побывать в Туле).

Удивительно, насколько большую важность приобрели родословные среди членов миштекской аристократии: порой они даже перевешивали привязанность к своему непосредственному месту рождения – вследствие высокой мобильности некоторых из принцев и королей, благодаря своему высокому положению, а также сопровождаемые своими верными слугами (по сути невольниками), они могли поселяться там, где желали. Эта практика, подкрепленная браками и иными видами союзов, в значительной мере объясняет неформальный контроль, осуществляемый миштекским меньшинством над сапотекками из долины Оахака в поздний постклассический период, а также перенос столицы сапотек из Саачилы в Гиенголу (*Guiengola*) на перешейке Теуантепек.

Ювелирные украшения из золота, серебра и горного хрусталя и, в общем случае, предметы, сделанные из кости, раковин и дерева (такие, например, как найденные в знаменитой гробнице 7 в Монте-Альбано, древней сапотекской гробнице, использовавшейся повторно миштекскими правителями), дают представление о роскоши, которой аристократия миштеков окружала себя; среди находок – ожерелья и крупные нагрудные украшения, кольца и наперстки тонкой золотой отливки по выплавляемым восковым моделям; держатели для опахал, скипетры, приспособления для метания дротиков (характерные мезоамериканские атлатли) и т.д. Хотя обработка металлов развилась здесь позднее, чем в Центральной и Южной Америке, очень скоро были достигнуты вполне приемлемые технические

и эстетический уровни, о чем свидетельствуют ювелирные изделия миштеков.

Подобное мастерство в изящных искусствах, выраженное также изысканными, безупречными цветными росписями гончарных изделий, составляет одно из многих доказательств существования действительно высокого интеллектуального уровня создателей поздних строений, таких как в Митле, последнем священном городе Оахаки. О том, чьей культуре принадлежит это место, сапотек или миштеков, велось много дискуссий. Взвешивая все «за» и «против», можно утверждать, что архитектура Митлы – важный элемент табlero сапотек, в котором были применены декоративные фризы, т.е. стилистическая черта, отличающая классический период, в котором отразился последний этап развития данной культуры. Хотя она сохраняет вид, который нельзя ни с чем спутать, в настоящее время ее роль сведена к роли основы, которая вносит в общий рельеф отличительные вариации сюжета повторяющегося прямоугольного орнамента. Прямоугольный орнамент был достаточно широко распространен в Мезоамерике (появлялся он иногда и в классической архитектуре сапотек). При том, что данный элемент часто встречается в отделке ритуальных гончарных изделий миштеков постклассического периода, особенно часто он попадает в поздней классической архитектуре в области Пуук на Юкатане. Ему сопутствует одна особенность, обнаруженная в Митле, – небольшой, но четко выраженный наклон фасадов зданий. Кроме того, тот факт, что теперь жилые зоны преобладали над зонами церемониальными, может отражать общий переход к жизни, которая теперь чаще велась во дворцах. Настенные росписи, украшающие монолитные потолки некоторых дворцов в Митле, точно совпадают по стилю с описанными в генеалогических записях миштеков. При этом некоторые наблюдения более общего характера вполне подтверждают эти данные.

В спорах о влиянии миштеков в этот период истории не следует упускать из виду один весьма важный момент. Хотя повсеместно в Мезоамерике в течение первой фазы постклассического периода преобладало политическое и культурное влияние тольтеков (сохранившееся до наступления периода ацтеков, легендарная аура которых превратила это период в синоним искусности и утонченности), в течение трех столетий перед испанским завоеванием преобладали именно традиции искусства миштеков, особенно в отношении малых форм. Так продолжалось до момента, когда эти традиции стали высшим проявлением «хорошего вкуса» при дворе ацтеков, а также в других регионах. Так, ясный стиль традиций миштеков различим на фресках в Тулуме в штате Кинтана-Роо и на фресках в Санта-Рите в Белизе. Формы гончарных изделий миштеков преобладали тогда в Мезоамерике, как происходило незадолго до этого с формами искусства тольтеков (или даже еще ранее с искусством Теотиуакана). При наличии двух направлений в постклассической культуре, можно говорить о комбинации на различных уровнях тольтекских и миштекских элементов. Примечательно, что как только обнаруживается особенно утонченный образец искусства, не принадлежащий к периоду, близкому к Конкисте, на него почти всегда ссылаются как на «ацтекский», или «миштекский». Хорошо известно, что по мере укрепления власти ацтеков к концу XV в., их новые правители привлекали наиболее знаменитых художников и мастеров того времени, которых доставляли в Мехико и Теночтитлан; первыми из них были мастера из региона миштеков-пуэбло, который в те времена занимал территорию от центральных долин Оахаки до долины Пуэбла-Тлаккала.

Завоевание Оахаки было определено нелегкой задачей для ацтеков, наиболее воинственный король которых Ауисотль, был разгромлен в Гиенголе на перешейке Теуантепек правителем сапотек Косихоэсой.

ТЕРРИТОРИИ МАЙЯ

Явный упадок культуры Теотиуакана и Монте-Альбана в период 650–700 гг. совпал с началом величайшего расцвета классического периода равнинных майя.

На 681 г. пришлось реставрация старой династии в г. Тикаль (в современном Гондурасе), наиболее ярким представителем которой во второй четверти V в. был Сиело Торментос (как точно установлено, происходивший из Теотиуакана). Данное событие послужило предлогом для торжественного открытия первого из двух комплексов пирамид-близнецов, строительство которых должно было продолжаться в городе на переходе от одного катун (20-летний период) к следующему. Этот архитектурный ансамбль состоит из огромной искусственной террасы, на восточном и западном краях которой поднимаются две ступенчатые одинаковые пирамиды – простые приподнятые церемониальные платформы без храмов наверху и с лестницами с каждой стороны. Напротив восточной пирамиды, как правило, находилось девять пар плоских, ничем не украшенных стел и алтарей, а на перпендикулярной оси в южном направлении стояло длинное низкое здание, имевшее, как правило, девять дверей. В северном направлении имелось огороженное место, в которое входили через дверь в форме арки майя, т.е. пары скульптурных монолитов, каждая стела которых имела изображение царствующего правителя в ритуальной позе сеятеля.

В 682 г. на трон Яшчилана взошел правитель – возмужавший захватчик с территории Пуук на северо-востоке п-ова Юкатан. Он и его преемник сумели придать искусству Яшчилана заметные чувственные качества.

Примерно в то же самое время правитель Пакаль завершил возведение своего тайного мавзолея в Храме надписей в Паленке, где он и был похоронен с большой пышностью в 684 г. Основатель династии правителей – покровителей искусств Пакаль, вероятно, стал первым, кто сделал город Паленке истинно революционным явлением в искусстве майя, главным образом при поддержке Тикаля, и это искусство стало преобладать практически на всей территории майя. Архитектура, созданная в Паленке в эти годы (наиболее ярким выражением которой можно назвать три храма «группы Креста»), представляется логическим завершением ряда попыток идти против архитектурных традиций, преобладавших до того на равнинах майя.

Зубчатые стены, легкие, но прочные по конструкции, являются непосредственным продолжением центральной стены, обеспечивая, таким образом, большой обзор и доступ к двум продольным проходам. Наклон стен различными способами стремились делать для восприятия как можно менее заметным, для этого делались встроенные ниши, поперечные своды, тонкие стены, широкие проемы, верхняя лепнина, идущая параллельно внутренним поверхностям арок и т.д. В результате получалось строение одинаково легкое и элегантное, сочетающее структурную логику и цельность со многими эстетическими достижениями и изысканностью. Зубчатые стены, лепнина и главный фасад покрыты тонкими рельефами из искусственного мрамора; во внутреннем святилище, встроенном в заднюю стену, установлено множество крупных валунов с тонкими резными рельефами, заменяющих упомянутые выше монолитные стелы. Все эти элементы свидетельствуют о правившей династии, о ее религиозных верованиях и культе предков.

692 г., который был особо знаменателен для искусств, в области науки был отмечен расчетом лунных месяцев в г. Копане с записью дат петроглифами. Это событие наряду с традиционными наблюдениями за движениями Солнца и Венеры дали майя возможность делать астрономические расчеты (совершенствовавшиеся в Копане, начиная с VI в.) с такой точностью, которая позволила астрономии майя на том этапе достичь уровня, намного превосходящего уровень развития астрономии в остальном

мире. Тропический год майя по вычислениям жрецов-астрономов в Копане имел продолжительность 365,2420 дней – удивительно точная цифра с погрешностью лишь 3×10^{-4} дня в год относительно современных расчетов.

VIII в. начался в Тикале с сооружения Храма I (называемого по сюжетам резьбы по дереву на одной из внутренних перемычек также Храмом Гигантского ягуара). Этот монумент характеризует архитектуру города, в которой проявилась наиболее четко тенденция к использованию вертикалей, которая стала заметной еще веками ранее и подчеркивалась такими особенностями, как утопленные углы фундамента и величественные зубчатые парапеты, идущие к задней стороне храма.

Утонченность барельефов в Паленке, богатство как свободно стоящих, так и встроенных скульптур в Копане, не говоря уже о точном ощущении композиции и чувственном рельефе в Пьедрас-Неграс и Яшчилане, делают скульптурные композиции VIII в. центрального региона майя, ввиду их огромного разнообразия и масштаба, одним из высших художественных достижений доколумбовой эпохи.

Удивительно, что несмотря на упадок Теотиуакана к данному времени, его культурное влияние проявилось с новой силой в регионе майя. И подобно тому как многие иконографические особенности Теотиуакана (такие как «знак года» или маска бога Тлалока) появлялись среди атрибутов и регалий многочисленных правителей майя, так и архитектурные комплексы строились по более или менее точным образцам Теотиуакана (мотивы *талуд-таблеро*).

Стенные росписи достигли удивительного совершенства в Бонампаке. Чувство композиции в некоторых сценах (которое проявилось в выдающихся образцах скульптуры, таких как Стела 12 или конструктивная перемычка 3 в Пьедрас-Неграс) в сочетании с правдоподобными живыми позами многих персонажей и особенно с теплой и яркой цветовой гаммой, относит мастера из Бонампака к совершенно особой категории (илл. 296). К перечисленному следует отнести и керамику тонкой работы, часто покрытую росписями, представлявшими мир мифов в миниатюре, и искусные резные изделия из дерева, кости, нефрита и других полудрагоценных камней.

Рискуя излишне упростить ситуацию, можно утверждать, что изобразительное искусство майя на центральной территории складывалось в течение VIII в. В Паленке, например, были созданы знаменитые рельефы из искусственного мрамора в Большом дворце, а также «плита надписей» в Храме надписей; в Тонине – отдельно стоящие скульптуры пленников; в Яшчилане – тонкие каменные перемычки; в Пьедрас-Неграс – впечатляющая последовательность стел, которые ставились каждый хотун (или период в пять ритуальных лет, в каждом из которых было 360 дней) в течение более двух веков без перерыва; изящные стелы, алтари и встроенные скульптуры в Копане; огромные тщательно отделанные монолиты в Киригуа, как стелы, так и знаменитые «зооморфы», настоящий «тропический кошмар» (илл. 92, 93, 294, 295 и 297).

«Кульм стел», который имел такую силу на юге территорий майя, значительно меньше был распространен у северных майя; этот северный регион внес замечательный вклад в обогащение архитектуры и архитектурных скульптурных композиций, в которых воплотились проекты в большей степени геометрического характера, с более резкими контурами, требующие от мастеров менее тщательного исполнения. На п-ове Юкатан, начиная с VIII в., если не ранее, имелось два центра развития – регионы Рио-Бек и Пуук.

Стиль Рио-Бек между VII и VIII вв. породил странные «башенные ансамбли» (как в хорошо известном Храме Б или Рио-Бек Б) и создал фантастические порталы в форме челюстей змей (как в строении II в Чиканна и Ормигеро или – в регионе Лос-Ченес, далее к северу – главные здания в Очобе и Табаско). Архитектура района Пуук прошла сложный ряд преобразований, выработав к началу VIII в.

стиль, в котором преобладали порталы (особенность, фактически отсутствовавшая в более южной классической архитектуре майя). Она же представила разнообразные варианты использования конструкций купола у майя, который не только перекрывал внутреннее пространство, но и позволял создавать проходы под лестницами или замечательные монументальные арки, как, например, в Кабахе, Лабне и Ушмале. В архитектуре этих городов, появившейся в «полуостровной» период с конца IX и до середины X в. (т.е. в крайне поздний период), проявился один из наиболее выдающихся стилей, когда-либо создававшийся в Мезоамерике, и последний в классическом мире майя. В этой связи стоит лишь упомянуть такие примеры, как Кодс-Пооп в Кабахе, арку в Лабне, Площадь жриц и Дворец правителя в Уксмале, где четкие приемы использования объемов сочетаются с богатым и хорошо сбалансированным скульптурным орнаментом.

Следует отметить, что во время, когда Пуук переживал наиболее созидательный период, остальная часть мира майя практически вся без исключения уже приходила в упадок. Свидетельство применения элементов, чуждых традициям, преобладавшим на равнинах майя до данного периода, проявилось в Паленке еще в 799 г., в 810 г. – в Пололе, а между 849 и 889 гг. – в Сейбале. По мере того как проявлялось смешение культур, в одном за другим городах майя прекращали устанавливать стелы и другие монументы с датами, наносимыми через регулярные интервалы времени, как они делали в течение прошедших столетий, и это в целом означало исчезновение традиций. Этот процесс шел в Копане (801 г.), Яшчилане (807 г.), Пьедрас-Неграс и Киригуа (810 г.), Окскинток (869 г.), Химбаль и Уаксактум (889 г.). Особенно значимо то, что тогда как 19 городов майя воздвигали монументы с датами для обозначения конца катунa (9.18.0.0.0) в 790 г., только 12 продолжали соблюдать этот обычай в 810 г. (9.19.0.0.0), а уменьшение этого количества происходило настолько быстро, что только три монумента были воздвигнуты в начале бактуна 10 (10.0.0.0.0). Конец наступил в 909 г. (10.4.0.0.0), когда были зафиксированы только две известные даты в удаленных городах Тонина (штат Чьяпас) и Дсибальчен (штат Кинтана-Роо).

Оценка культуры этого классического периода майя – не простая задача. Помимо великолепия произведений искусства восхищение вызывает их особая способность вывести упорядоченную систему из астрономических наблюдений, включающую не только одну из двух известных форм представления нуля, но также отличающуюся высочайшей точностью расчетов солнечного года и невероятной смелостью расчетов, таких как вычисление затмений планеты Венера на период в миллионы лет. Помимо своей внутренней красоты Дрезденский кодекс в этом отношении еще и яркое свидетельство научных достижений.

С колониального периода сохранились несколько текстов, или кодексов, позволивших узнать о некоторых аспектах верований древних майя между концом классического периода и прибытием конкистадоров. Так, страница из Кодекса Троано ясно демонстрирует циклическую концепцию явления, чрезвычайно глубоко укоренившуюся в мезоамериканском мышлении: сначала изображен бог дождя Чака, ухаживающий за растением, затем появляется Ах-Пуч, бог смерти, выкорчевывающий то же самое растение. Таким являлся неумолимый – и необходимый – цикл жизни и смерти, рассматривавшийся как две грани реальности. Сходным образом на фантастических, изобилующих изображениями монстров порталах (которые, как портал в Чиканне, вероятно, связаны с культом Ицамны, создателя мира) знаки жизни и смерти чередуются с небесными, земными и загробными символами в нескончаемой и ужасной борьбе противоположных, но дополняющих друг друга начал.

С отдельными вариациями, в зависимости от региона, в монументальном искусстве майя можно видеть череду многих божеств, составляющих живописный пантеон.

Кинич-Ахау, бог Солнца, выделяется среди больших масок из искусственного мрамора в Кохунличе; центральное заканчивающее украшение – флерон Лестницы Ягуаров в Копане представляет собой лицо бога планеты Венера, а изящные бюсты поющих юношей, появляющихся среди распускающихся цветов на фризе Храма 22 в том же городе, символизируют инкарнации молодого бога майса. В засушливом Юкатане всесторонний культ бога дождя был воплощен в Кодс-Поопе в Кабахе в виде похожего на нескончаемую молитву повторения на всем фасаде сотен крупных масок бога Чака с его широким крючковатым носом.

В то время как культ Чака был очень распространен особенно в северной части территорий майя, некоторые божества были более загадочными, чем другие и, должно быть, почитались почти исключительно в определенных кругах властной элиты, поскольку ее представители часто ассоциируются с характерными атрибутами Чака (как «бога скипетра-манекена»). Так, в Паленке в тронной комнате (или Доме E) в качестве декоративного фриза содержится изображение «небесного хозяина», который превращается в двухголового монстра, а стражами надгробия короля Пакаля служат Болонтикуу, или «девять хозяев ночи». Некоторые темы, такие как «маисовое дерево» (или «дерево жизни»), в Паленке являются почти исключительно местным явлением. Существует также множество мифологических существ (часто узнаваемых в легендах более позднего периода), которые изображены на монументах, ритуальных керамических изделиях, в кодексах и на других предметах. При отсутствии письменных источников, которые могли бы помочь понять замечательный классический мир, за последнее столетие делались усилия объяснить его по аналогии с собранными устными преданиями, такими как эпос народа киче «Пополь-Вух»: как представляется, легендарные изложения этих преданий иногда ссылаются на сцены, представленные в искусстве классического периода. В то же время имеются разнообразные указания на то, что многие культурные особенности исчезли с падением классического мира. Так, от сложной системы расчета дат, известной как длинный счет, к началу испанского завоевания осталась только упрощенная и гораздо менее точная версия – короткий счет.

Какими бы ни были многочисленные и сложные причины гибели цивилизации майя, археологическими исследованиями точно установлено, что к началу X в. – началу постклассического периода – все города майя на южных равнинах были покинуты, за исключением лишь нескольких городов в районе Пуук (таких как Ушмаль и Чичен-Ица) (илл. 298). Начиная с этого времени и не считая нескольких более поздних изолированных поселений, таких как Тайясаль на оз. Флорес или Топосте на оз. Йаксха, эта тенденция ограничивалась двумя главными областями: южной областью майя (особенно в нагорьях Гватемалы, где производилась керамика Тохил-Пломиса, наиболее известная в период тольтеков своими антропоморфными и зооморфными вазами и своим металлическим блеском из-за добавляемого в глину графита) и северной частью п-ова Юкатан, включающей береговую полосу от г. Кампече на западе до штата Кинтана-Роо на востоке.

Город Чичен-Ица, который развился с конца классического периода под влиянием Пуука, заполнил культурный промежуток первой половины постклассического периода (с конца X в. до начала XIII в.), представляя собой последний этап великого доиспанского развития – так называемый эпизод майя-тольтеков, созданный, согласно устным преданиям мексиканского высокогорного плато, тольтеками, которых привел из далекой Тулы легендарный Кецалькоатль. Некоторые современные авторы усматривают в новой Чичен-Ице нечто большее, чем простую «колонию» тольтеков на территории майя, и приписывают ему более активную роль в развитии феномена тольтеков. Допуская такую возможность, следует заметить,

что существовал сильный фактор смешения культур, в котором действия воинственных и кровожадных тольтеков сочетаются в различной степени с великими архитектурными традициями майя, унаследованными от Пуука. Монументальная архитектура с встроенными скульптурами отражает каждый уровень такого смешения и гибридации. Характерные особенности астрономической обсерватории, которые угадываются во многих постройках, или архитектурные ансамбли классического периода четко просматриваются в Караколе, а золотые диски, на которых отображена борьба между двумя этническими группами, выделяются среди золотых ювелирных украшений, найденных в Священном сеноте (или колодце) вместе с другими зооморфными изделиями в стиле Кокле, заимствованным из Панамы.

Майяпан, который сделался главенствующим городом после Чичен-Ицы с 1224 по 1461 г., во многих отношениях не более чем бледная копия последнего, хотя он и тщетно старался возродить некоторые старые традиции золотого века майя, такие как возведение стел с резными датами и строительство зданий, образующих прямоугольные кварталы. Однако от метода длинного счета здесь давно отказались в пользу упрощенной, но гораздо менее точной системы короткого счета. С другой стороны, верования и древние пророчества сохранились в устных преданиях, которые прочно укоренились в этих регионах: собранные в книге под заголовком «Чилам Балам», они составляют один из наиболее важных местных источников исторических данных.

В архитектуре и других отраслях искусства, однако, ничто не могло сдержать постепенное вырождение, которое достигло такого уровня, что лишь спустя столетие после падения Майяпана, когда испанцы начали завоевание Юкатана, они обнаружили весь полуостров в состоянии совершенного культурного и политического хаоса. Только некоторые небольшие города на карибском побережье в штате Кинтана-Роо, такие как Тулум, казалось, избежали беспорядков, но их внешне впечатляющий облик лишь маскировал убогость действительности и вынужденную ограниченность пространства, в которой точно отражался культурный уровень эпохи. Это не помешало о. Косумель у восточного побережья п-ова Юкатан в то же время оставаться одним из наиболее почитаемых центров паломничества на территории майя с его святилищем в честь Иш-Чель, жены Ицамны, богини Луны и покровительницы медицины, и родов и качества.

В то время, когда Юкатан раздирался соперничеством мелких упадочных государств, на высокогорьях Гватемалы на дальнем конце территории майя сформировался другой центр цивилизации, оставшийся дееспособным, хотя и слегка упадочным и неоднородным в некоторых отношениях. Этот регион, который сыграл решающую роль в формировании культуры и после возникновения в Каминальгуйю настоящего анклава Теотиуакана только в ограниченной степени участвовал в формировании величественного классического периода майя, тем не менее преуспел в создании интересного культурного центра в Коцумальуапа в Санта-Лусии, возможно, в определенной мере некоторым влиянием Теотиуакана. Последовательная череда миграций позднее привела к постепенной «мексиканизации», вплоть до того, что в их укрепленных городах (таких как Иксимче, Микско-Вьехо и Кахьюп) с их двоянными храмами и широкими лестницами, разделенными на короткие пролеты последовательными вертикальными (таблери) и наклонными (талуд) объемами, стало проявляться больше сходства с традициями чичимеков и ацтеков, правивших позднее на Центральном мексиканском плато, чем со старыми классическими традициями равнинных майя. Киче и другие воинственные народы

с высокогорий Гватемалы знакомы и даже гордятся своим давним пришествием из Мексики, хотя и не перестают при этом хвалиться связями с культурой древних майя, от которых они унаследовали чрезвычайно жизненную устную традицию: две величайшие жемчужины в этих преданиях – «Пополь-Вух» и замечательная эпическая поэма «Рабиналь-Ачи» были собраны в течение последнего столетия.

ПОБЕРЕЖЬЕ МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Не связанное с культурой майя мезоамериканское побережье Мексиканского залива обычно четко подразделяется на три отдельных региона: северный, или территория уастеков, примерно от р. Сото-ла-Марина на севере до р. Касонес на юге; центральная область – от р. Касонес до р. Папалопан и южная область, простирающаяся до р. Тонала.

Северная область

Во времена Конквисты эта территория была заселена племенами, говорившими на языке уастек языковой семьи майя. В определенное время они, возможно, занимали центральное побережье Залива, будучи, вероятно, отрезанными от основной территории проживания майя вторжением других языковых групп – тотонаков и науа. На этой территории проведено очень мало археологических раскопок. Как и в других регионах Мезоамерики, постклассический археологический горизонт может быть разделен на ранний (900–1200 гг.) и поздний (1200–1500 гг.) периоды.

В ранний постклассический период (900–1200 гг.) происходила экспансия в данный регион тольтеков из Центральной Мексики, устанавливаемая по керамике, найденной в таких поселениях, как Кастильо-де-Теайо. Здесь расположена ступенчатая пирамида высотой 11 м с лестницей на северо-западной стороне и с развалинами храма на вершине. Пирамида построена из каменных блоков неодинакового размера, скрепленных известково-песчаным раствором. Выступающие камни в основании применялись для удержания толстого слоя штукатурки. В этом месте практически не проводились археологические раскопки, поскольку здесь в настоящее время расположен современный город. Другим впечатляющим местонахождением является Какауатенко. Здесь сохранилось множество пирамид, в одной из которых – Эль Кастильо, имеющей в основании стороны длиной по 45 м, проявляется некоторое сходство с пирамидой Эль-Кастильо в Чичен-Ице на Юкатане.

Круглые здания очень характерны для этой территории, и возможно, лучшие образцы расположены в городах Тамуин и Лас-Флорес. Для здешних мест также типичны разнообразные резные предметы из раковин: браслеты, миниатюрные черепа, серьги и ожерелья с искусно вырезанным изображением культового героя Кецалькоатля.

Примечательны также образцы крупной каменной скульптуры. Изображения людей в конических шляпах, пирамидальных юбках и с очень реалистичными чертами лиц, вырезались на плитах известняка в виде барельефов, и только головы делались в полном объеме. На тыльной стороне некоторых статуй имеется изображение черепа. Руки и ноги этих статуй покрыты мелкой резьбой, что свидетельствует о применении скарификации. Наиболее заметной скульптурой является объемная фигура «юноши» высотой 1,45 м и со всеми подробностями изображающая обнаженного человека, несущего на спине ребенка. Обе руки и правая нога покрыты мелкой резьбой. Для скульптуры этого региона также типичны преданмерно слегка изогнутые стелы с тонко вырезанными символами, относящимися к Кецалькоатлю.

Вполне вероятно, что многие характерные особенности раннего постклассического периода проявлялись и в

позднем постклассическом периоде (1200–1500 гг.), но в керамике появились весьма заметные новые черты. Наиболее типичны так называемые портретные сосуды из белой глины, разрисованные красно-коричневыми и черными сюжетами, часто имеющие изогнутые носики. Рисунки, изображавшие лица, делались так, чтобы подчеркнуть характерные черты. Сюжеты рисунков, комбинации прямоугольников, кругов и треугольников часто сравнивались с аналогичной росписью гончарных изделий культуры анасази на юго-западе США, однако формы сосудов там иные.

Центральная область

Ранний постклассический период (900–1200 гг.) был периодом расцвета Тахина, города индейцев-тотонаков, крупнейшего из известных доиспанских городов на побережье Мексиканского залива (его развалины – в штате Веракрус, Мексика) и одного из самых больших в Мезоамерике. Его архитектурный стиль характерен обратными скосами, карнизами, нишами, панно с узорами в виде «греческого» меандра, большими открытыми окнами и плоскими крышами толщиной до 85 см, не требовавшими никаких промежуточных опор; он занимал площадь более 10 кв. км на холмах, покрытых плотным дождевым лесом. Два крупнейших города классической эпохи – Тахин и Чолула интересны также и тем, что не были покинуты к 900 г. Однако в то время как Чолула продолжал оставаться крупным центром и во время испанского завоевания, Тахин все же был брошен к 1200 г.

Основное строительство велось в Тахине именно в данный период; было, например, построено здание с семью колоннами диаметром 1,1 м, покрытыми барельефами. Сюда можно отнести и Южную площадку для игры в мяч с шестью каменными панно с искусно вырезанными барельефами, изображающими разных персонажей и игроков в мяч, и украшенными завитками. Этот стиль очень схож с отделкой, встречающейся на пальмах, «веригах», обухах топоришков, на предметах, которые могли относиться к игре в мяч, поскольку они изображены на панно, а также на стенах туннелей, соединяющих различные части города.

Другим крупным поселением, подобным Тахину, являлся Йоуалинчан. Во многих городах имелись площадки для игры в мяч, туннели, пирамиды и большие платформы: Паксиле, Апарисио, Серо-Монтосо, Исла-де-Сакрифисиос, Семпоала (в его самый ранний период) и Ксиутетелько, Куэлактлан и Серро-де-лас-Месас (в их последний период).

Как и во многих других частях Мезоамерики, этот период идентифицируется по характерным чертам культуры тольтеков, особенно по таким керамическим изделиям, как тарелки из Масапы, украшенные множеством волнистых параллельных красных линий. Тонкие оранжевые гончарные изделия в форме ваз для цветов с опорными основаниями, вероятно, местного изготовления, широко распространены в этом регионе и в других частях Мезоамерики. Разнообразные образцы такой же керамики, но покрытой глазурью, обнаружены в Исла-де-Сакрифисиос.

Хотя действительно крупные города, такие как Тахин, Йоуалинчан и Ксиутетелько, были покинуты к началу позднего классического периода, общее количество поселений к этому моменту заметно увеличилось. Во время испанского завоевания имелся только один крупный город – Семпоала, последняя столица тотонаков. Летописец Берналь Диас-дель-Кастильо определил его население равным примерно 30 тыс. жителей и восхищался широкими улицами города и великолепными домами. Город занимал площадь более 5 кв. км на прибрежной равнине. Раскопки проводились только в центральной части города, где были обнаружены десять групп зданий. Среди них найдена пирамида с 13-ю уровнями, различные пирамиды мень-

шего размера и круглое строение с зубцами, которые также украшали верхние части стен других зданий.

Название «Семпоала» означает «изобилие воды», что подтверждается сложной городской системой водоснабжения. Акведуки подавали воду к выложенным камнем подземным каналам, разветвлявшимся по всему городу. Система, применявшаяся для подачи воды в дома, состояла из слегка наклонного канала, ведущего к домовому резервуару, от которого к следующему дому шел другой канал, и так далее. От последнего дома выпускной канал подавал воду к оросительному каналу.

К концу данного периода как в керамике, так и в архитектуре уже обозначилось сильное центрально-мексиканское влияние. Расписная керамика, алебастровые сосуды и крестообразные гробницы, относящиеся к культурному комплексу пуэбло-миштека с центром в Чолула, встречаются во многих местах к югу от Семпоалы до области, называемой Миштекилья. В Куаоточко найдена четырехуровневая пирамида в ацтекском стиле.

ЗАПАДНАЯ МЕКСИКА

Термин «Западная Мексика» традиционно применялся к территории, включающей современные штаты Наярит, Синалоа, Халиско, Колима, Мичоакан и части штатов Гуанахуато, Керетаро и Герреро. Эта территория не может быть описана в терминах какой-либо культурной традиции из-за недостатка адекватных исследований – раскопки были проведены лишь в небольшой части перспективных в археологическом смысле мест. Большинство характеристик классического периода (110/300–900 гг.) Центральной и Южной Мезоамерики в Западной Мексике либо не встречается, либо, в лучшем случае, фрагментарны. Свидетельства культуры ольмексов как базы для этой территории (двойной календарь на 260 и 365 дней, письменность и приметы городского быта) в доклассическом археологическом горизонте здесь отсутствуют. За исключением Тингамбато, поселения в штате Мичоакан, которое имеет планировку, схожую с Теотиуаканом, использование каменной кладки в строительстве встречается крайне редко. В то время как в промежуток с 100 по 300 гг. в Центральной и Южной Мезоамерике просматривается четкий переход от доклассической деревенской организации к городскому быту классического периода, в Западной Мексике таких изменений не наблюдается. Вероятность, что данный факт является либо результатом недостатка исследований, либо такой процесс вообще здесь не проходил, вызвала множество дискуссий относительно связей данного региона с остальной Мезоамерикой. Рассматривается вариант, что данная территория была либо отдаленной окраиной более обширной культурной зоны, развитие которой шло неравномерно, либо она сама по себе являлась совершенно иной культурной территорией.

В течение постклассического периода (900–1521 гг.) контакты с Центральной Мексикой становятся более заметными. Этот культурный горизонт делится на два периода: ранний и поздний постклассический. Первый из них идентифицируется главным образом по появлению признаков культуры тольтеков из Центральной Мексики, тогда как второй в первую очередь связывается с империей индейского народа тарасков с центром в Мичоакане.

В ранний постклассический период (900–1200 гг.) в Мезоамерике возникла обработка металлов. Наиболее ранние свидетельства этого, относящиеся примерно к 700–800 гг., обнаружены в южной части Западной Мексики в бассейне р. Бальсас. Короткое время спустя, в ранний постклассический период зачатки металлургии распространяются по всей Западной Мексике и остальной части Мезоамерики. Кованые медные колокольчики и кольца были

обнаружены в различных местах, таких как Тисапан-эль-Альто и Амапа, а бусы из железного колчедана встречались в северном направлении до Амапы, расположенной недалеко от северо-западного побережья.

В это время экспансия тольтеков распространилась на всю Западную Мексику. Свидетельством этого главным образом является наличие соответствующих керамических изделий, таких как плумбаты, тонкие оранжевые чаши и вазы, тарелки с красно-коричневой росписью, называемые *койотлателько*, шарообразные кувшины с пересекающимися белыми линиями, наносимыми кистью, и плоские глиняные статуэтки, характерные для культуры Тулы, столицы тольтеков, расположенной на Центральном плато. Алебастровые и расписные керамические сосуды в стиле культуры миштека-пуэбла с востока и юго-востока межгорной мексиканской котловины, встречаются к северу до штата Синалоа, граничащего с территорией, которая не считается далее мезоамериканской. Разнообразие керамики дополняют многочисленные различные изделия, характерные для данной территории, включая клуазонне (перегородчатую эмаль), гончарные изделия с резными орнаментами, расписные, двуцветные и одноцветные.

Широко распространены в данном регионе призматические обсидиановые лезвия, жернова, ступки, каменные палитры, глиняные блоки для веретен и мозаики из бирюзы.

Погребальные обычаи в Западной Мексике известны не столь хорошо, как в других частях Мезоамерики. Одной из выразительных черт этого периода представляется исчезновение шахтных захоронений, характерных для более ранних периодов. Появление самых ранних погребений тел в согнутом и сидячем положении известны по местонахождению в Тисапан-эль-Альто, а сжигание тел усопших на платформах производилось в Амапе.

Как общественные, так и жилые дома строились в виде мазанок часто возводились на вершинах небольших насыпных земляных холмов. Только в позднем постклассическом периоде более характерной стала каменная кладка.

При раскопках в местонахождении Ицтлан-дель-Рио в штате Наярит была обнаружена круглая каменная платформа с двумя одинаковыми храмами на вершине, окруженными стеной с крестообразными отверстиями, относящаяся к позднему постклассическому периоду. В этом местонахождении располагалась также большая жилая зона и мастерская по обработке обсидиана.

Самыми крупными поселениями данного периода вне сферы влияния тарасков были Эль-Чаналь в Колиме и Сан-Блас в Наярите. Церемониальный центр Эль-Чаналь, по размерам являющийся городским поселением, содержит пять больших ступенчатых пирамид и, вероятно, площадку для игры в мяч. Там были обнаружены глиняные статуэтки танцоров и воинов, а также кости более 100 сожженных тел. Были выявлены многочисленные наскальные рисунки, включая изображения бога дождя Тлаока, которые найдены и на некоторых валунах, использованных для строительства пирамид. В качестве погребальных подношений встречаются предметы из меди, серебра и золота. В Сан-Бласе были обнаружены участки площадью до 500 тыс. кв. м, на одном из которых расположено до 246 курганов. Поскольку поселения располагались близ моря, то представляется, что значительную долю рациона питания местных жителей составляли устрицы. В данных местах были также обнаружены наскальные рисунки.

Империя тарасков

Наиболее хорошо известная культура Западной Мексики соотносится с Тарасканским государством. При последовательной смене столиц в Сирауене, Пацкуаро и Цинцунцане тараски доминировали на большей части территорий современного штата Мичоакан и части штатов

Гуанахуато, Керетаро и Герреро. Их культура была описана в нескольких испанских источниках XVI в. История этого народа до позднего постклассического периода остается неизвестной. Возможно, это является следствием недостаточных археологических изысканий, но в настоящее время представляется, что эти люди появились на мезоамериканской сцене внезапно и не имеют здесь совершенно никакого прошлого. Их язык – тараско – не родственен ни одному другому мезоамериканскому языку; лингвисты считают, что он близок языку кечуа – официальному языку государства инков до колонизации Мезоамерики. Ацтеки предприняли попытку завоевать тарасков, но потерпели жестокое поражение в историческом сражении при Тахимароа на восточной границе владений тарасков.

Мало известно о тарасках вне области вокруг оз. Пацкуаро. Вся система хозяйствования здесь зависела в значительной степени от самого озера. Как и язык, архитектура их культовых зданий уникальна для Мезоамерики. В Цинцунцане они строили ансамбли, называвшиеся *йакатас*, представлявшие собой несколько смежных прямоугольных и круглых в плане ступенчатых построек, размещенных на вершине очень большой прямоугольной платформы. В Иуацио церемониальный центр состоял из двух пирамид, стоящих бок о бок, с большим четырехугольным двором перед ними. Это сооружение немного напоминает пирамиды ацтеков, которые имели две лестницы, ведущие к сдвоенным храмам.

Скульптура и каменная кладка Тараскана груба по сравнению с другими произведениями искусства и ремесел, в которых этот народ преуспел, такими, как обсидиановые цилиндры со стенками толщиной в лист бумаги и гладко отполированные обсидиановые вставки для носа. Кроме того, тараски были талантливыми металлургами, специа-

лизировавшимися на ковке меди. До настоящего времени городок Санта-Клара-дель-Кобре, расположенный на противоположном берегу оз. Пацкуаро, почти целиком живет этим ремеслом. Обрабатывалось в этих местах и золото.

Керамика Тараскана относится к наиболее тонкой во всей доиспанской Мезоамерике. Красивые вазы с росписью черным по красному, а также многоцветные черные, красные и желтые изделия при большом разнообразии форм в виде двойных чаш, бобовидные тарелки, различные рукоятки, кувшины и трубки – просто великолепны.

БИБЛИОГРАФИЯ

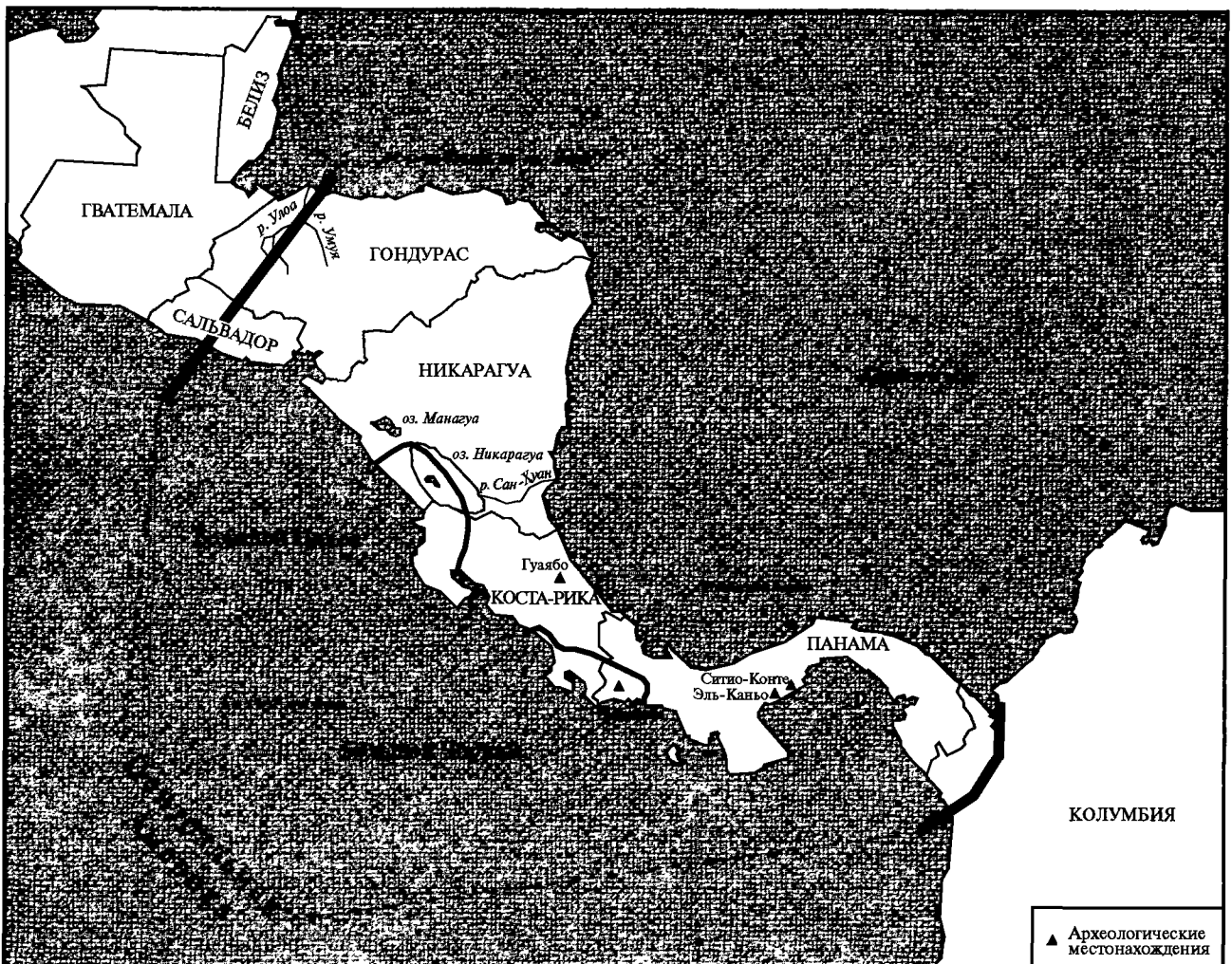
- BERNAL, I. 1965. Archaeological Synthesis of Oaxaca. Handbook of Middle American Indians, Vol. III, Part 2, pp. 788–813. Austin, Texas.
- CASO, A. 1969. El tesoro de Monte Albán. inah, Mexico.
- COE, M. D. 1966. The Maya. New York.
- COVARRUBIAS, M. 1956. Indian Art of Mexico and Central America. New York.
- CULBERT, T. P. (ed.) 1973. The Classic Maya Collapse. Albuquerque, New Mexico.
- DAVIS, N. 1973. The Aztecs: A History. Norman, Oklahoma.
- FLANNERY, K.; MARCUS, J. (eds) 1983. The Cloud People: Divergent Evolution of the Zapotec and Mixtec Civilizations. New York.
- GENDROP, P. 1978. Les Mayas. «Que Sais-Je?», Paris.
- 1983. Los estilos Río Bec. Chenes y Puuc en la arquitectura maya. unam, Mexico.
- MOSER, C. L. 1977. Nuiñe Writing and Iconography of the Mixteca Baja. Nashville, Tennessee.
- PADDOCK, J. (ed.) 1966. Ancient Oaxaca: Discoveries in Mexican Archaeology and History. Stanford, California.
- THOMPSON, J. E. 1970. Maya History and Religion. Norman, Oklahoma.
- 1977. The Toltecs, Until the Fall of Tula. Norman, Oklahoma.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

Вольфганг Хаберланд

Центральная Америка была культурной частью более крупного образования, охватывающего пространство между Центральными Андами на юге и Мезоамерикой на севере (карта 41). Она граничит с Мезоамерикой. Считается, что границами в этом регионе, достаточно непостоянными и нечеткими, служат Рио-Хибоя в центральном Сальвадоре и Рио-Улоа в Западном Гондурасе. Западная граница данной области находится во впадине Аtrato на северо-западе Колумбии. Центральная Америка, таким образом, включает в себя современные государства Панама, Коста-Рику и Никарагуа, а также восточную часть Сальвадора и большую часть Гондураса.

Географически Центральная Америка является узкой полосой земли между Карибским морем и Тихим океаном. Ее внутреннюю часть занимают горы; за исключением Панама, в этой части имеется много действующих вулканов. Полоса тихоокеанского побережья в основном узка и прерывается отрогами гор, выступающими из внутренней части суши. В противоположность этому, равнины вдоль побережья Карибского моря (за исключением Центральной Панама) широки и тянутся непрерывно. Этот резко разграниченный на зоне ландшафт формирует весьма разнообразные климатические и экологические условия и затрудняет передвижение по нему.

Карта 41. Центральная Америка (Haberland, Schmidt)

История Центральной Америки до 1500 г. может быть восстановлена лишь с помощью проведенных археологических изысканий, изредка дополняемых сомнительными свидетельствами ранних колониальных времен. Карибское побережье в основном не исследовано, а вдоль побережья Тихого океана и во внутренних районах имеются большие участки совершенно не известные или обследованные лишь поверхностно. Таким образом, современные знания о развитии, взаимовлиянии и миграции местных культур основаны на весьма скудных данных. Безусловно, знания эти будут серьезно пересмотрены в ближайшем будущем. Нынешнее понимание истории этого региона также затрудняется природой центральноамериканских культурных сообществ и политических структур: здесь не существовало ни всеобъемлющих культурных связей, ни сфер культуры, охватывавших всю Центральную Америку. Чаще всего культурные сообщества были слишком малы как из-за раздробленного ландшафта, так и из-за различных внешних влияний.

Период около 700 г. был временем определенных сдвигов. Старый порядок рухнул – в меньшей степени вследствие внутренних причин, а в основном из-за внешнего влияния и давления. Этот старый порядок формировался много веков и был специфически центральноамериканским по своим проявлениям. В хозяйственном отношении многочисленные и разнообразные культуры региона поддерживали свое существование возделыванием маиса, бобов, тыквы, сладкого маниока, а также других важных окультуренных видов растений. Рацион питания дополнялся корнеплодами и плодами деревьев, сбором диких растений, охотой и, где это было возможно, рыболовством и собиранием моллюсков. Существовало подсечно-огневое земледелие, но на очень плодородных вулканических почвах северной и центральной частей Центральной Америки не требовалось длительного оставления земли под парами.

Такие условия привели к расширению постоянных поселений, а поселения в результате существовали на одном месте веками. Периоды длительных и обильных дождей делали ненужным орошением. Крупных государств не существовало. Самое большое, что можно предположить – здесь имелись небольшие вождества, вероятно, не превышавшие по своим размерам несколько деревень. Никаких явно выделяемых «столиц» в то время не существовало. Исключением из данного правила служила Панама, где имелись церемониальные центры, такие как Эль-Каньо в Кокле и Барилес на побережье залива Чирики. Возможно, там существовало правление более высокого политического уровня. В Кокле глав этих крошечных государств хоронили в богато украшенных могилах вместе с золотом и рабами. Современные этим захоронения вождей в Никоя (Коста-Рика) содержат набор особых каменных предметов, являвшихся символами положения в обществе: троны, покрытые искусной резьбой (часто ошибочно называемые *метатес*), наконечники жезлов и нефритовые подвески. Таким образом, можно предположить, что на территории Центральной Америки, появились зачатки стратифицированного общества.

В области технологий была хорошо развита обработка камня, включая создание статуй в центральной и западной частях Панамы, а также уже упомянутые троны в Большом Никоя. Большая часть керамики была хорошего качества и красиво украшена резными, лепными, вдавленными орнаментами. Роспись ограничивалась двумя или тремя цветами. Настоящие многоцветные росписи присутствовали лишь в Центральной Панаме. Здесь же, кроме этого, добывался и использовался металл, в частности золото (илл. 308). Эти знания и умения, а также многоцветные росписи и более сложные политические структуры могли отражать влияние с юга, из Колумбии. Религиозные верования пока понятны не слишком хорошо. Характер погребения с укладыванием в могилы предметов обихода указывает на веру в загробную жизнь. Женские статуэтки,

возможно, представляют богинь плодородия, тогда как изображения и/или скульптуры животных или человеческих существ с головами животных могут представлять другие божества – «повелителей зверей». Среди таковых наиболее распространены аллигатор или его разновидности («драконы») (илл. 309–310). Обслуживали духовные потребности и оказывали медицинскую помощь скорее шаманы, а не жрецы.

Первые изменения стали происходить на юге. Около 600 г. н.э. началось извержение вулкана Чирики, что привело к гибели культуры агуас-буэнас (или бутаба), которая возникла около 700 г. до н.э. Несколько позднее культуры, предположительно родственные культурам Центральной Панамы, укрепились в регионе Большой Чирики (включавшем провинцию Чирики в Панаме, Вале-дель-Хенераль, Дикис и на п-ов Оса в Коста-Рике), принеся с собой, помимо всего прочего, многоцветную керамику и, возможно, зачатки металлургии. Сложившаяся при таком взаимодействии культура – «классическая чириуи» вместе с современными ей культурами в Центральной Панаме (ее восточная часть слабо изучена) существовала до самого прихода европейцев. Центральные панамские культуры продолжали существовать так же, как и до 700 г., но постепенно они нищали, вероятно, вследствие потери ими монополии на золото.

Во времена Конкисты сравнительно большое число маленьких княжеств существовало вдоль тихоокеанского побережья. Часто их территории простирались во внутренние части материка, что приводило к интеграции различных природных зон и формировало самодостаточные экономические сообщества.

Военные действия носили сугубо локальный характер и приводили к возвышению привилегированного класса воинов. Другим их следствием стало строительство оборонительных сооружений в главных поселениях в виде частотолов из бревен, иногда со рвами. Эти поселения, насчитывавшие до 1500 жителей, состояли из круглых строений с бревенчатыми или тростниковыми стенами и коническими тростниковыми или соломенными крышами. Не существовало каких-либо постоянных каменных построек, возможно, из-за того, что главная часть более крупных поселений располагалась на береговых равнинах. Даже «дворцы» правителей, как представляется, были не более чем обычными домами, просто больших размеров. Не известно, существовали ли здесь специальные храмы.

Изменение на другом краю Центральной Америки, т.е. в ее северо-западной части, было спровоцировано, насколько можно судить, не естественными причинами, а вторжениями из Мезоамерики, возможно, вследствие перемещения, происходивших в то время в Центральной Мексике, – из-за падения империи Теотиуакана или разрушения торговой сети. Катастрофическое извержение вулкана Илопанго в III в., которое на столетия сделало территорию примерно в 10 тыс. кв. км в Сальвадоре безлюдной, уже разорвало вековой торговый путь вдоль тихоокеанского побережья из Мексики и возвышенностей Гватемалы. Возникли новые торговые пути – один из бассейна р. Улоа, особенно по р. Умуя к р. Гуаскоран, которая впадает в залив Фонсека на тихоокеанском побережье, и, следовательно, этот путь этот шел по старому пути вдоль побережья на юг. Другой путь пролегал на судах вдоль карибского побережья Гондураса и Никарагуа к р. Сан-Хуан и далее вверх по ней до Большого Никоя и возвышенностей Коста-Рики. После 600 г., когда повторно были заселены опустошенные районы Сальвадора, были вновь открыты и старые тропы вдоль побережья Тихого океана.

Археологически и исторически первыми группами людей, которые пришли в Центральную Америку из Мезоамерики в рассматриваемый период, были племена чоротегуа, поселившиеся около 800 г. в регионе Большой Никоя (включавшем п-ов Никоя и Гуанакасте в Коста-Рике, перешеек Ривас и о. Ометепе в Никарагуа). Они, вероятно, двигались

по р. Улоа, поскольку расписная керамика Лас-Вегас Центрального Гондураса очень похожа на многоцветную керамику Папагайо из Большого Никоя. Многоцветная роспись на керамике, часто на беловатом или бежевом фоне, вместе с некоторыми формами гончарных изделий и их орнаментами являются наиболее заметными новшествами, которые чоротега принесли с собой. Сюжеты росписей, среди которых изображены животных и мистических существ, таких как пернатый змей, ягуар и индейка, указывают на пришельцев с севера. Индейка, возможно, вообще была впервые завезена в рассматриваемое время в Центральную Америку. Другие новшества отмечены не столь четко; возможно, чоротега положили начало вторичному захоронению в урнах в Большом Никоя, но, очевидно, такая форма была распространена только в северных (никарагуанских) частях региона, как и роспись кистью внешних поверхностей домашних гончарных изделий, подковообразные сосуды или статуи людей в натуральный рост и мистических существ. Причины различий между северными и южными частями Большого Никоя пока не выяснены.

Вероятно, только одна небольшая группа переселенцев прибыла в Большой Никоя и мирно ассимилировалась с прежними жителями, постепенно создавая культуру или множество культур, включающих в себя элементы как мезоамериканского, так и центральноамериканского происхождения, иногда смешанные с непонятными компонентами. Особенно удивляет факт, что «более высокий уровень» в хозяйственной и/или политической сфере не был достигнут: сельскохозяйственная деятельность не изменилась; в некоторых местах она, как представляется, даже испытала спад, как произошло вдоль берегов Баия-де-Кулебра, где собирательство моллюсков приобрело большее значение, чем ранее. В политическом отношении продолжался период вождств без каких-либо указаний на то, что всем или большинством населения, жившего в Большом Никоя, управлял некий «верховный вождь». Этот «застой» в важных областях культуры может быть объяснен лишь хозяйственными причинами: прежние «центральноамериканские» жители уже достигли уровня оптимального использования окружающих природных ресурсов, и это состояние уже не могло быть улучшено за счет притока новых людей и новых идей.

Сохранение этой, достаточно ранней стадии политического развития также было характерно для всех других известных культур Центральной Америки. По-прежнему применялось подсечно-огневое земледелие, основанное на выращивании маиса, бобов, тыквы и в некоторых местах маниока в качестве главного продукта, дополняемое корнеплодами и плодами фруктовых деревьев. Собирали орехов, фруктов и т.п., а также моллюсков, продолжалось наравне с охотой и рыболовством. Не строились крупные города, каменные здания и высокие пирамиды. Единственным типом искусственных холмов – с одним исключением – являются низкие погребальные курганы, встречающиеся главным образом в Центральной Коста-Рике и Большом Чириуи. В таких курганах содержится много индивидуальных захоронений, иногда в могилах с каменными стенами и/или каменными потолками. Поддерживающие стены и каменные указатели, иногда украшенные резьбой, являются дополнительными элементами этих курганов. Ремесла, такие как гончарное производство, резьба по камню и ткачество, очевидно являлись только временными занятиями, а не направленной деятельностью специалистов. Однако из этого правила бывали некоторые исключения: обработка металлов, особенно золота, которая постепенно распространялась из центральной части Панамы к северу по крайней мере до возвышенностей Коста-Рики и, возможно, даже до южной части Большого Никоя, выполнялась странствующими мастерами, путешествовавшими от «двора» одного правителя к «двору» другого и изготавливавшими украшения по их заказам. Некоторые виды гон-

чарных изделий, такие как тонкий, хорошо обожженный и выполненный по определенным стандартам бисквитный (неглазурованный) фарфор из Сан-Мигеля в Большом Чириуи, также, вероятно, делались специалистами, но это, безусловно, было исключением.

Политически Центральная Америка оставалась раздробленной на многочисленные крошечные вождства, часто враждовавшие между собой. Не существовало ни более крупных государств, ни каких-либо известных попыток создать таковые. Сложнопереосеченный ландшафт часто рассматривается как одна из причин, препятствовавших появлению таких государств, но это слабый аргумент, так как подобное положение не помешало возникновению государств в Мезоамерике. Скорее, отсутствие проблем, побуждающих большое число людей к такому сотрудничеству, как, например, создание ирригационных систем или террасовых полей, следы которых до сих пор не обнаружены в Центральной Америке, явилось определяющим фактором отсутствия в данном регионе политической организации более высокого уровня. Какова бы ни была причина этого, Центральная Америка осталась весьма запутанным клубком племенных поселений и разнообразных, слабо связанных культур.

Торговля в Центральной Америке, как и в прилегающих областях, играла значительную роль в распространении идей и технологий. Золотые изделия и технологии их обработки еще до рассматриваемого периода появились в Панаме из Колумбии, откуда они распространились севернее. Вначале это была односторонняя форма торговли, ставшая потом двусторонним предприятием, при котором колумбийские золотые изделия попадали в Коста-Рику, а золотые изделия из Панамы были обнаружены далеко на юге – в долине р. Каука. Эта торговля, более или менее ограниченная тихоокеанской стороной перешейки, была весьма оживленной, и при этом чужеземные стили часто становились настолько «модными», что начинали производиться местные копии изделий, привозимых издалека, которые затем даже вывозились еще дальше вдоль всей линии побережья: панамские копии так называемых дарьенских подвесок встречаются даже в Сеноте в Чичен-Ице. Какие еще товары служили предметами торговли между Панамой и Колумбией, до конца не выяснено, и не в последнюю очередь потому, что современные археологические данные о Восточной Панаме весьма ограничены (Дарьенским участком). Существует также мнение, что другие, более сильные влияния (даже миграции) из Южной Америки достигли Центральной Америки, двигаясь, возможно, вдоль побережья Карибского моря, которое пока исследовано очень слабо. Такие события могли вызывать некоторые, еще не объясненные явления. Одно из них касается местонахождения Гуаябо-де-Турриальба и подобных мест на атлантическом склоне гор в центральной части Коста-Рики. В этом поселении расположена группа низких круглых и усеченных пирамид, очевидно, служивших основаниями жилищ. Пирамиды облицованы камнем, имеют лестницы или пандусы, а перед ними расположены прямоугольные дворы. Дороги, мощенные булыжником, каменные мосты и подземные водоводы являются характерными чертами этих поселений. Они уникальны для Центральной Америки и очень напоминают деревни Таирона в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта в Колумбии, но никаких прямых связей между ними не установлено. Кроме того, последнее проявление инородной культуры в виде характерной керамики на о. Ометепе Никарагуа, датированное примерно 1400 г., имело явные южноамериканские черты, но и здесь какие-либо доказательства прямой связи отсутствуют.

То, что знания об отдаленных регионах у жителей Центральной Америки имелись, доказывается фактом, что первые сведения, полученные испанскими завоевателями об империи инков в Перу, поступили к ним именно от жителей Панамы, включая и описание лам. Некоторые каменные

и керамические скульптуры из Большого Чириуи и Коста-Рики даже могли изображать это животное, которого не было в Центральной Америке.

Торговля с Мезоамерикой продолжалась в течение всего описываемого периода по торговым путям, упомянутым выше. Такие изделия, как плумбаты из Тоила на тихоокеанском побережье Гватемалы, были обнаружены в Большом Никоя и Лас-Вегазе, а многоцветная керамика из центрального Гондураса – в Туле (Центральная Мексика). Вскоре после 700 г. первые золотые изделия из Коста-Рики появились на юге Мезоамерики (Копан, Тасумаль). Около 900 г. обработка металлов стала известна в Мексике, а истоки этих знаний, по крайней мере частично, были в Панаме. Безусловно, многие другие предметы, которые не оставили явных археологических следов, использовались в торговле между двумя культурными территориями, например такие изделия, как крашенные пурпурные ткани из Большого Никоя, упоминавшиеся в ранних колониальных записях.

Параллельно с торговлей продолжалось и давление из Мезоамерики. Последнее вторжение произошло в XIV или XV в., когда племена никарао, говорившие на языке науа, вторглись в Никарагуа и расселились вдоль западных берегов оз. Манагуа. Что удивительно – не было найдено никаких пирамид или других зданий, возведение которых могло быть приписано этому народу. В единственном типе керамики – многоцветных гончарных изделиях манагуа, проявляются чересчур существенные мексиканские элементы, чтобы этот тип был отнесен к захватчикам. Никарао могло быть лишь сравнительно небольшой группой, отколовшейся от группы племен пипили, которые в свою очередь незадолго до этого заняли западную и центральную части Сальвадора (южная граница Мезоамерики). Зна-

чение никарао в истории культуры Центральной Америки, очевидно, было сильно принижено испанцами, с которыми они добровольно сотрудничали.

Современные знания о достижениях в этом регионе да и везде в Центральной Америке в сферах, которые можно было бы изучить не по археологическим данным, крайне недостаточны. Не существует никаких письменных местных источников, а ранние завоеватели оставили лишь немногие и часто искаженные сведения о местной культуре. Безусловно, существуют устные предания, но в настоящее время многие из них утеряны, а проследить пути возникновения таких преданий едва ли возможно. Также утеряно и большинство музыкальных сочинений; сохранились лишь инструменты – флейты, свирели, трубы, трещотки, барабаны. Утеряны также медицинские знания, календари, которые могли существовать, и другие элементы культуры, которые не выявляются по археологическим находкам.

К 1500 г. Центральная Америка почти превратилась в место встречи мезо- и южноамериканской культур. Возможно, столетием позже эти культурные территории установили бы прямые контакты, началась бы новая эра с непредсказуемыми последствиями в культурной и политической сферах. Европейское завоевание воспрепятствовало этому развитию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- LANGE, F. W.; STONE, D. Z. (eds) 1984. *The Archaeology of Lower Central America. A School of American Research Book.* New Mexico.
- ROUSE, I.; ALLAIRE, L. 1978. Caribbean. In: TAYLOR, R. E.; MEIGHAN, C. W. (eds) *Chronologies in New World Archaeology*, pp. 431–481. New York.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

39.1

ТЕРРИТОРИИ ВОКРУГ КАРИБСКОГО МОРЯ
И РЕГИОН ОРИНОКО-АМАЗОНКИ*Марио Санюха и Ираида Варгас Аренас***ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ВОЖДЕСТВА
НА СЕВЕРЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ.
КОЛУМБИЯ: ПОБЕРЕЖЬЕ
АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА (карта 42)****Низина Момпосина**

Около VII в. н.э. различные племенные группы, видимо, достигли образа жизни, соответствующего вождествам. В низовьях р. Магдалены уже существовали группы, обитавшие в жилищах, построенных на платформах из утрамбованной земли, об устойчивости и территориальном постоянстве которых свидетельствует большая глубина обнаруженных там археологических отложений.

Эти сообщества жили главным образом за счет выращивания маиса и кассавы (съедобного маниока), а также охотой и рыболовством. Данная деятельность, должно быть, была достаточно плодотворной, чтобы обеспечить демографический рост, о чем свидетельствует постоянно усложнявшаяся природа местного общества в целом. Об этом говорит существование многочисленных деревушек, причем каждая из них связана с огромными кладбищами, основной особенностью которых является погребение в специальных сосудах-урнах.

В некоторых местах, например в Бетанси-Вилории и местах археологических раскопок в Бахо Сан-Хорхе, сообщества вводили очень продвинутые способы выращивания маиса и кассавы в областях, периодически затопляемых р. Магдаленой. Доказательством этому служат сотни гектаров приподнятых обрабатываемых полей с осушенными и орошаемыми почвами, которые ежегодно засеивались.

Иерархическую природу этих коренных сообществ в Бахо Сан-Хорхе и Бахо-Сину раскрывают такие социальные особенности, как особое обращение с телами некоторых умерших при захоронении: их помещали в большие глиняные урны с более богатыми и разнообразными ритуальными предметами, чем у обычных людей. В некоторых могилах находятся богатые керамические подношения, что позволяет догадываться о существовании знатных людей или, быть может, жрецов, имевших власть. Чтобы руководить, строить и следить за обширными приподнятыми полями, а также определять время сева и

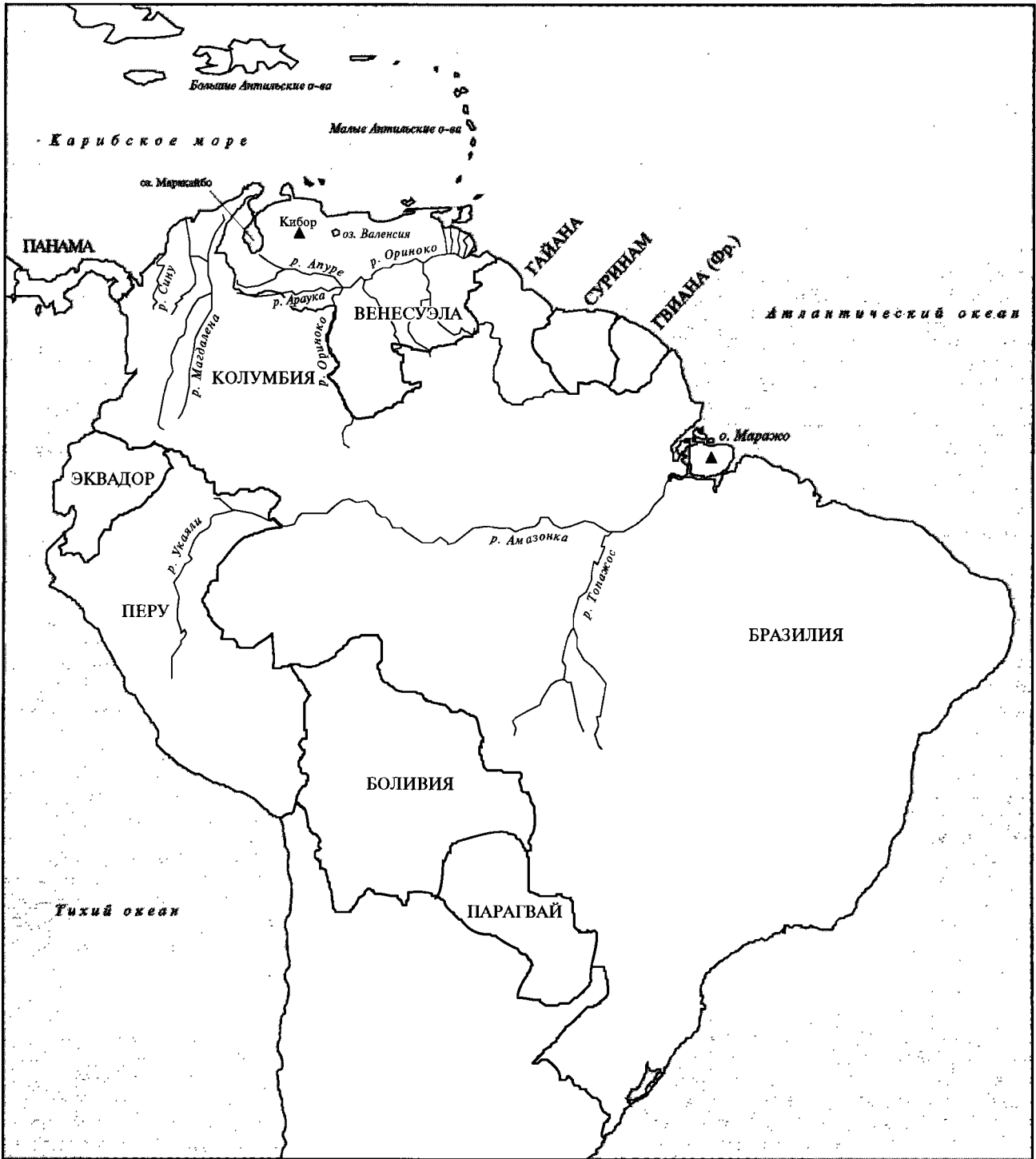
сбора урожая, требовалась определенная централизованная власть и система передачи полномочий. Высокое качество формы и производства гончарных изделий и предметов из золота и серебра говорит о существовании групп специалистов, изделия которых, видимо, предназначались для использования во время церемоний.

Сьерра-Невада-де-Санта-Марта

Между VI и VIII вв. в атлантическом регионе Колумбии развилось общество тайрона. Его главные поселения располагались в горах Сьерра-Невада-де-Санта-Марта.

Народ тайрона особенно примечателен своими достижениями в архитектуре, металлургии, гончарном деле и гидравлике. Прочная материальная основа их общества свидетельствует о существовании социальных отношений, которые соответствуют периоду разложения племенного общества. Эта особенность важна для анализа исторической динамики племенных иерархических стилей жизни (вождеств и феодальных отношений), существовавших на северо-западе Южной Америки, поскольку в некоторых случаях (хотя между правителями и их подданными, безусловно, существовало неравенство) товары и услуги продолжали распределяться между автономными деревнями. Когда образ жизни, свойственный иерархическому вождеству, привел к разложению племенного общества, возникли общественные отношения, имеющие статистическую природу, если вообще не государство. Иерархическая организация проявляется в каждом общественном секторе: в территориальном аспекте, в неравных отношениях между поселениями разного размера, а также в циклах производства, распределения и потребления товаров и услуг. Обрядовые центры, характерные для некоторых иерархических вождеств, также содержат многочисленные иерархические элементы, касающиеся конструкции домов, общественных зданий и рабочих участков.

Что касается политической организации, то тайрона группировались вокруг плотно заселенных обрядовых центров с очень сложной структурой. Здания помещались на платформах, окруженных каменными стенами, на которые поднимались по лестницам. Эти центры, подобно

Карта 42. Территории вокруг Карибского моря и регион Ориноко-Амазонки в 700–1600 гг. (по Schmidt)

центрам в Коста-Рике, были связаны дорогами, вымощенными камнем. Они также соединялись с менее важными центрами и окружающими их деревеньками.

Во многих местах имелись системы доставки воды из источников и рек, а также общественные здания для гражданских и религиозных целей. Обрядовые центры свидетельствуют не только о дифференциации труда по полу и возрасту работника, но и о существовании специализирующихся на определенном занятии производителей, а также мастерских по производству керамики, золотых и серебряных изделий, резьбе по камню и обработке кости.

Товары, изготовленные в этих производственных центрах, распределялись по периферийным территориям через рынки и торговцев, перевозивших товары на дальние

расстояния и обменивавших золотые и серебряные предметы, бусы, одеяла и глиняные сосуды на сырье: изумруды, золото, рыбу и другие продукты. Некоторые из этих предметов, например глиняные сосуды, украшенные лепными или резными узорами, и предметы, вырезанные из камня, судя по всему, достигали Сьерра-де-Периха и северо-западного берега озера Маркайбо.

Основой сельского хозяйства было выращивание маиса. У тайрона имелись сложные системы каналов, пруды, в которых хранилась вода для орошения, и террасирование, позволявшее использовать склоны холмов при сохранении плодородного слоя почвы.

О важности обрядов свидетельствует существование больших круглых деревянных храмов, построенных на

огромных искусственных платформах. Украшенная керамика дает сведения о предметах, используемых при этих обрядах, и об иерархической природе общества, которую можно заметить благодаря рельефному изображению человеческих фигур. Они представляют жрецов или воинов в сложных головных уборах и впечатляющих масках, скрывающих лица.

В XVI в., когда сюда прибыли испанцы, городские центры населяли тысячи людей. В летописях этого периода особый упор делается на существование специализированных гончаров, серебряных и золотых дел мастеров, резчиков по камню и на наличие гражданско-религиозного класса, обладавшего политической властью в каждом из округов или районов, на которые, видимо, подразделялось общество.

Между X и XVI вв. каждый округ тайрона был организован по иерархической схеме, включавшей главный региональный центр, характеризующийся монументальной архитектурой и структурой обрядовой гражданской власти, регулировавшей общественную жизнь всего региона. Вокруг этого главного центра располагались вторичные центры с аналогичными монументальными зданиями, гражданско-церемониальными и жилыми районами. Ниже по иерархической лестнице находились деревушки с очень простыми строениями из камня и небольшими жилыми насыпями и, наконец, отдельные дома и сезонные поселения.

Пирамидальная организация районов, на которые подразделялась территория тайрона, контрастирует с отсутствием общей сплоченности между группами, управлявшими каждым из них. Создается впечатление, что гражданские, военные и жреческие власти соперничали друг с другом и вели кровопролитные войны, хотя, при определенных обстоятельствах, они могли образовывать конфедерации или временные союзы в целях взаимной обороны. Такое соперничество между различными частями общества, видимо, характеризует некоторые племенные стили жизни, при которых население создало отношения, подобные государственным или псевдогосударственным. Судя по всему, оно также является общей характеристикой возникающего классового общества, которое развилось без образования надгосударственных форм социально-политического контроля, как это произошло в городах-государствах Древней Греции. Эта фаза получила название имперской фазы общества тайрона.

Регион Кундибойя

Самыми последними жителями этого региона до появления испанцев были муиски. Первые европейцы обнаружили плотно заселенный регион, разделенный на две обширные зоны, называвшиеся Сипастро (*Zipazgo*) и Сакасго (*Zacazgo*). Правителя первой называли сипа (*zipa*), второй – саке (*zaque*). По-видимому, каждое из этих крупных подразделений состояло из нескольких областей, управляемых вождями и образующих федерацию под руководством каждого из этих правителей.

Народы обоих регионов часто втягивали в борьбу за контроль над территорией или деревнями, чтобы получать с них дань. Правящая группировка формировалась по материнской линии. Представители этой группировки жили в больших домах, которые испанские летописцы называли «дворцами» из-за их размера и величия, и обычно передвигались в богато украшенных носилках.

Главные вожди обладали абсолютной властью над своими подданными. Никому не дозволялось видеть их лица, а любой просивший их аудиенции обязан был поднести им дар.

Палеопатологические изучения населения муисков говорят о том, что их общество было стратифицировано по полу и социальному статусу мужчин и женщин. Найденные в регионе Соача (*Soacha*) скелеты указывают на то, что женщины практически не ели мяса, но потребляли очень

много углеводов. Об этом свидетельствует множество болезней, вызванных недоеданием.

Испанские летописцы сообщают о существовании многоженства в обществе муисков. Данные археологических раскопок показали присутствие необычайно большого числа останков скелетов женщин на кладбищах, например, в Соаче. Судя по останкам, эти женщины происходили из других групп, нежели мужчины, что, видимо, свидетельствует о существовании брачных союзов патрилокальной природы. Некоторые женщины, судя по всему, питались более сбалансированно, чем другие, что указывает на их привилегированное положение в обществе, позволявшее им получать какие-то съедобные подношения от своих мужчин. С другой стороны, искусственные повреждения черепа чаще встречаются у женщин.

Вполне возможно, что ткачество и гончарное дело были важными ремеслами, которыми занимались женщины, и в этом случае многоженство могло быть способом получения прямого доступа к труду большого числа женщин. Существование множества разных типов веретен, обычно сделанных из камня, и декоративных узоров говорит о сложности способов прядения и, возможно, ткачества, существовавших среди муисков.

Останки скелетов мужского населения заметно однородны, что подтверждает тот факт, что после женитьбы мужчины оставались в родительской деревне. Как и среди женщин, судя по скелетам, некоторые мужчины были сильнее и выше остальных. Эти скелеты обычно встречаются с наконечниками копий или стрел, которые изготавливали из кусочков костей человека. Это может означать существование касты воинов, имевшей очень высокий социально-экономический статус.

Изготовление муисками изделий из золота и серебра, судя по всему, было узко специальным родом деятельности, достигшим очень высокого уровня, и занимались им, возможно, только мужчины. Как можно судить по комплексу знанию химии металлов и смесей и способам подготовки литейных форм, золотых и серебряных дел мастера, должно быть, составляли особую группу специалистов. Их продукция, очень дорогая по своей природе, видимо, распространялась по торговым путям, существовавшим как на территории муисков, так и за ее пределами. Их продукты или идеи достигали и столь удаленных областей, как Панама, Коста-Рика и северо-западная Венесуэла (илл. 313–315).

Результаты археологических раскопок подтверждают строго иерархическую природу общества муисков. Об этом свидетельствует и утонченный церемониал, связанный с назначением «Повелителя» Сипастро или Сакасго, который произвел столь сильное впечатление на европейцев.

Существование некрополей с различными типами погребения, например, гробниц шахтного типа с несколькими продольными камерами, купольные гробницы, в которых умерших хоронили вместе с подношениями, и захоронения непосредственно в земле на общих кладбищах также свидетельствуют о степени расслоения общества муисков.

Религия была сосредоточена на поклонении Солнцу. Почитанию Солнца и Луны посвящались огромные храмы. Существовали также площадки поля размером до 500 кв. м для совершения обрядов, с юга и востока огражденные каменными колоннами. В центре этих полей располагались каменные монолиты или колонны, которые, судя по всему, служили для определения периодов солнцестояния и равноденствия. Можно предположить, что были специалисты (жрецы), которые занимались изучением времени и предлагали свои знания в обмен на дань или подношения.

Хотя и существовали деревянные храмы, посвященные культуре астрономических божеств, например храм Солнца в Согамосо и храм Горанча в Тунхе (что служит доказательством формализованной религиозной деятельности), муиски также принимали участие и в более

индивидуализированных обрядах, о чем свидетельствует наличие святынь или соответствующих мест, расположенных в пещерах или на открытом пространстве. Там хранились подношения в виде гончарных изделий, каменных инструментов и ожерелий, представлявшие собой своеобразную дань другим божествам или духам природы, которые управляли некоторыми аспектами окружающей среды или контролировали их.

В основе системы хозяйствования лежало выращивание таких культур, как маис, хлопок и разновидностей клубневых растений, типичных для высокогорного региона Анд, например, картофель и *ульюко*. Существование «обсерваторий», таких как упомянутые выше, говорит о важности предсказаний для организации сельскохозяйственной деятельности. В некоторых частях территории муисков были прорыты оросительные каналы, а также сделаны искусственные террасы для использования склонов холмов в сельском хозяйстве.

Видимо, существовали и сети, по которым готовый продукт и сырье распространялись как по территории муисков, так и за ее пределы. Были также рыночные центры, где различные сообщества вели торговлю между собой. Это также благоприятствовало региональному объединению разных этнических групп, составлявших общество муисков. Среди продуктов, оборачивающихся в этих сетях, были соль, добываемая в основном в копиях Сипакиры, гончарные изделия, предметы из золота и серебра, хлопчатобумажная ткань, табак, *йопо* и листья кустов коки.

Структура и внешний вид археологических местонахождений, связанных с обществом муисков, судя по всему, указывают на один тип поселения, основанного на разбросанных деревушках и имеющего нуклеарный характер: группировались вместе несколько деревень, жителей которых связывали кровные узы. Также, вероятно, существовали и обрядовые и культовые центры, в которых временами (в некоторые сезоны года) собиралось множество людей.

Общественные организации муисков, подобно другим обществам, занимавшим большую часть межгорных долин Колумбии между VI и XV вв., можно классифицировать как иерархические вождества, т.е. общества, «в которых отношения между деревнями стали по-настоящему политическими. Специализация социальных задач в одной или нескольких деревнях вкупе с разрывом внутривидовых связей (за исключением семейных) и их заменой политическими и статусными связями между различными родами деревни привели к появлению характерных признаков, которые стали преобладать в политической, религиозной и экономической сферах. Взаимодействие между деревнями и внутри каждой деревни, расположенной на территории проживания племени, уступило место отношениям подчинения, которые выражались через уплату дани главному центру и *касику*, или главному вождю, который в одно и то же время мог быть только военным вождем или жрецом, или политическим, военным и религиозным вождем в классе менее важных и подчиненных ему правителей, выполнявших аналогичные функции в своих владениях. Также возникла необходимость, чтобы военные не только обороняли территорию племени, но и гарантировали присоединение новых территорий и уплату дани» (*Vargas Arenas*, 1990: 112–116).

ВЕНЕСУЭЛА (карта 42)

Северо-западный берег озера Маракайбо

Северный регион бассейна оз. Маракайбо, видимо, лежал на периферии иерархических обществ, развившихся вдоль карибского побережья Колумбии, порождающая ситуацию, аналогичную иерархическим вождествам и феодальным отношениям, продолжавшим существовать в рождающемся мезоамериканском классовом обществе не как про-

стые остатки племенной структуры, а как органичные социально-политические единицы в государственных взаимоотношениях центра с периферией. В этом отношении мы видим, что к XVI в. возникли обширные сети, связывающие север Колумбии с регионами, расположенными к югу и западу от оз. Маракайбо. Эти сети были важны не только для распространения сырья и ценностей, например, так называемых золотых *aquillitas* или *caracurries*, но и для распределения скоропортящихся продуктов и различных вещей: соли, рыбы, маиса, шкур животных и тканых хлопчатобумажных одеял, а также для поддержания системы союзов с дружественными и надежными посредниками (и для сохранения пути духовных обменов магическо-религиозными обрядами, ритуалами культа мертвых, обрядами плодородия, излечения и т.п.), чтобы гарантировать определенную степень совместимости в отношениях субординации или дополнительности, которые могли установиться между государственным обществом и иерархическими или уравнительными обществами на периферии.

Регион Анд

Заселение высокогорных областей (между 1000 и 3000 м) Анд на юго-западе Венесуэлы племенными народами, судя по всему, началось около 600 г. н.э. Первые сообщества, относящиеся к так называемой фазе микиму, жили в простых деревнях, построенных на берегах рек; возможно, они занимались сельским хозяйством, охотились и ловили рыбу в реках.

На стоянке микиму обращают на себя внимание находки крылатых подвесок в виде летучих мышей, вырезанных из камня и подобных тем, что уже встречались среди иерархических вождеств долины Кибор в Северных Андах по меньшей мере с начала нашей эры; их изготавливали из полудрагоценных камней, морских раковин или костей животных.

В жизни сообществ Анд, судя по всему, произошли важные перемены, особенно в X в. В горах Сьерра-де-Мерида появились сообщества, известные под названием фазы Сан-Жеронимо; для нее характерны квадратные дома, связанные с подземными камерами, называемыми *минтойес* (*mintoyes*), которые в одних случаях, видимо, использовались для захоронения умерших, а в других, вероятно, – для хранения продуктов.

В этот период, судя по имеющимся данным, строились террасы для выращивания растений на склонах холмов и простые оросительные системы. Эти технологии, которые использовались по всему региону Анд на протяжении многих веков, только что достигли долины Кибор и могли быть связаны с периодом максимального распространения племенного общества в этом регионе, началом его распада и распространением иерархических вождеств на северо-западе Южной Америки.

Система хозяйствования сообществ венесуэльских Анд основывалась на выращивании маиса, картофеля, кассавы и перуанской моркови.

Система земледелия, развившаяся в этом регионе, позволяла расти достаточно постоянным деревням не только потому, что получить более разнообразную и прибыльную продукцию не составляло труда, но и потому, что участие в общественных работах, например в строительстве и поддержании террас для земледелия и оросительных каналов, означало формирование системы коллективного владения землей и сельскохозяйственного капитала, который непрерывно усиливал связи между сообществом и землей.

Гончарные изделия у этих сообществ украшались просто: применялся лепной и резной орнамент, а наиболее типичными формами изделий были сосуды на трех–четырех ножках в виде курильниц.

Другим важным средством эстетического выражения у народов Анд была каменная скульптура, самыми заметными

проявлениями которой являются женские статуэтки и крылатые подвески в виде летучих мышей. На некоторых местонахождениях, например на Мокао-Альто в штате Мерида, были мастерские по производству нагрудных украшений и тарелок из серпентина, которые впоследствии, вероятно, распространялись в другие сообщества региона Анд и за его пределы посредством товарообмена.

Обрядность, видимо, достигла уровня формализма и сложности, превышающего аналогичный уровень на других территориях Венесуэлы. Она проявлялась в святилищах и местах подношений, расположенных в пещерах или в горных расщелинах в самых недоступных частях холодных пустошей и, согласно испанским летописцам, в маленьких деревянных храмах, за которыми смотрели жрецы. В существовании крылатых подвесок в виде летучих мышей, возможно, проявлялся своеобразный культ умерших, возможно, они также служили формой выражения социального-политического единства сообществ Анд.

Большинство этнографов согласны с тем, что археологические находки, относящиеся ко времени, которое начинается примерно с X в., связаны с этническими группами, жившими в данном регионе в XVI в. Они известны как тимоте (*Timotes*) или тимоти (*Timotis*), а племена куика являются диалектной разновидностью этой группы. Тимоти-куика, но прежде всего тимоти, видимо, занимали нагорья высотой более 2000 м, тогда как куика селились ниже. Однако, как показывают данные археологии, эту схему нельзя считать жесткой, так как тимоте, по-видимому, селились и на более низких восточных склонах венесуэльских Анд, особенно в бассейнах рек Канагуа, Пауэй и Санто-Доминго, оставляя обширные кладбища в долине Турбио и, возможно, также в долине Кибор, к северу от Анд. Учитывая лингвистические особенности языка, их включали в группу индейских народов макрочибча, а их присутствие объяснялось распространением иерархических вожеств народов чибча, которые одновременно развились в регионе Кундибойя в Колумбии.

К X в. северо-запад Венесуэлы был историческим регионом, который в долинах ниже Анд заселяли коренные народы, причем их стиль жизни определялся иерархическим вождем устройством. Согласно археологическим данным, а также летописцам XVI в., народы Анд и северо-запада Венесуэлы достигли мирного *модус вивенди* в данном регионе. В XVI в. между куика из Анд и какетио с северо-запада Венесуэлы установились прочные торговые связи. Они даже могли жить в одних поселениях, как это было в Хакаригуа (возможно, Акаригуа в современном венесуэльском штате Португеса). Исходя из археологического материала, найденного на доколумбовом кладбище в Серро-Мансано, можно предполагать, что группы тимоти или куика селились даже в долине р. Турбио, где сегодня расположен г. Баркисимето.

Несмотря на дружеские отношения тимоти-куика и какетио, в их политической организации наблюдаются ощутимые различия. Первых, судя по всему, характеризуют разбросанные поселения из групп независимых деревень, укрепленных оградами или окруженных рвами с водой. В некоторых случаях в жилищах, видимо, обитали малые, нуклеарные семьи.

Нет оснований предполагать существование вождей, обладавших значительной политической властью или контролем над многочисленными деревнями; объединяющим фактором в сообществах тимоти-куика, видимо, служила религия. Роль целителей, жрецов и прорицателей играли *моаны* (*moans*), выполнявшие свои обряды не только в пещерах и святилищах, но и в небольших деревянных храмах, которые существовали в различных местах на территории Анд, как это было в Эскуке, где поклонялись Икаке, богине, возможно, связанной с культом плодородия.

Храм, посвященный Икаке, служил местом встречи местных народов, приходивших из многих областей андийского региона Венесуэлы, чтобы принести дань в виде клуб-

ков нити или хлопчатобумажных одежд, *китерос* или *китритас* (ожерелий, сделанных из ракушек, или костяных бус), человеческих черепов, оленины, соли и т.д. Доступ в храм был запрещен всем, кроме жрецов или моанов, которые проводили в храме обряды гадания и приносили искупительные жертвы, чтобы гарантировать хороший урожай.

Ясно, что обрядовая сторона жизни, выраженная в совместной деятельности моанов или жрецов, была механизмом социального объединения в регионе, который, казалось бы, лежал за пределами власти местных вождей. Жрецы тимоти-куика, видимо, составляли организацию слуг общества, главной задачей которых было посредничество между богами и обычными людьми.

Северо-западный регион

Исторический регион Северо-Западной Венесуэлы – это обширная территория, простирающаяся в направлении север-юг от Карибского моря до северных подножий венесуэльских Анд и с запада на восток – от восточного берега оз. Маракайбо до холмов, образующих западный край бассейна оз. Валенсия. Археологические свидетельства указывают на то, что с самого начала нашей эры здесь существовали иерархические вожества, которые контролировали долину Кибор и долину р. Турбио и окружающие их горные регионы, а также долины, покрытые тропическим лесом, соединяющие Карибское море с бассейном оз. Валенсия.

Уровень развития, которого достигли сообщества исторического региона Северо-Западной Венесуэлы, сохранялся до VII–X вв. н.э., когда в нем произошли качественные перемены. Весь этот регион начали занимать люди, производившие многоцветные гончарные изделия, формы, лепные и резные узоры которых отличались от изделий, делавшихся в этом регионе ранее. Ранние гончарные изделия были разноцветными и украшались геометрическими узорами в виде четко стилизованных сюжетов, заключенных в квадраты, трапеции и треугольники, очерченные сплошными черными, белыми или красными линиями и расположенные вокруг круглых площадок, служивших центрами всего орнамента.

Судя по данным археологических раскопок, к X в. в долинах вокруг г. Карора жили коренные народы, достигшие высокого уровня развития. Люди там жили в среднего размера деревушках с земляными насыпями, укрепленными каменными стенами, которые служили основой для жилищ. Они были связаны с обширными возделываемыми террасами, бассейнами для хранения воды и оросительными системами. В фазу сикаригуа эти деревни были связаны с коллективными рабочими площадками для размалывания манса, на которых найдено множество резаных *метатес* (кривых камней для молоты), предназначенных для этой цели.

Между X и XV вв. коренное население распространилось по другим долинам этого региона, а также к подножиям Анд, основывая поселения, напоминающие поселения фазы гвадалупе, для которых характерны расположенные по кольцу группы из 10–12 насыпей для жилых построек, возведенных из утрамбованной глины (в некоторых случаях они имеют пирамидальную форму) и образующих круговое пространство или своего рода площадку, где также были найдены многочисленные метатес. В радиусе 4–5 км от этих групп насыпей были обнаружены другие археологические местонахождения без насыпей, которые, видимо, дополняли первые. В некоторых из этих крупных центров расширение и повышение искусственных насыпей привели к формированию центральной площадки, окруженной настоящим кольцом или огромным кольцевым гребнем утрамбованной глины. В других центрах, например на стоянке Эль-Москитеро, вокруг большой жилой насыпи возводили меньшие, диаметр которых не превышал 4–5 м, и иногда они служили как гробницы.

В одной из таких насыпей, в верхнем слое глины, были сооружены печи для обжига и сушки керамики, а на 2 м ниже был найден ряд больших глиняных сосудов, покрытых, судя по всему, пеплом, оставшимся от кремации тел умерших. Сосуды, связанные с таким погребением, напоминают те, что производились, например, в Мириндае у подножия Анд. Другие подобные места захоронения располагались в местах без насыпей, около Гвадалупе.

Строения в местах обитания, например в Эль-Ботикине, говорят о том, что структура домашнего пространства могла быть иерархической: характерной особенностью в этом отношении является один общий очаг, окруженный более маленькими очагами. Что касается домашних принадлежностей, то для всех очагов существовал один набор кухонной утвари: больших шарообразных сосудов, мисок или чаш, сосудов из тыквы и треножников с разноцветным орнаментом. Хотя рацион обычных людей состоял из мяса кроликов, агути и игуан, а также речной рыбы, наземных моллюсков, домашней птицы и маиса, мясо крупных млекопитающих, например оленей, видимо, приберегали для тех, кто пользовался центральным очагом. Наконечниками стрел, сделанными из кости, тоже пользовались только те, кто собирался вокруг этого центрального очага.

Археологические данные из фазы гвадалупе свидетельствуют о процессе сосредоточения населения в иерархизированных жилых пространствах. Та же тенденция проявляется в дифференциации общественных функций и распределения товаров, полученных или произведенных сообществом. Параллельно этому происходило разграничение территории и превращение ее в иерархию мест от тех, которые были заняты сложными центральными сообществами, например Лос-Арангес и Сикаригуа, до второстепенных центров с насыпями вроде Гвадалупе, Эль-Москитеро, Эль-Ботикина и Ороче, которые, в свою очередь, имели дополнительные места обитания без насыпей, например Охо-де-Агуа. Такое деление, видимо, свидетельствует о существовании центра власти, возможно, места пребывания «Повелителя» региона, который контролировал прочие периферийные населенные центры меньшей важности, оставленные во власти более мелких вождей, которые, в свою очередь, контролировали ограниченный регион, образованный меньшими по размерам и менее сложными деревнями.

Между VII и XVI вв. коренное население долин Карора, Кибор и Турбио было этнически однородным. Сосуды одинаковой формы со своеобразными стилистическими интерпретациями в многоцветном украшении керамики найденные в низинах у подножия Анд в штате Трухильо; в то время здесь, должно быть, обитали группы куика. Множество подобных сосудов было также найдено на берегах Карибского моря в штате Фалькон, где, вероятно, жили группы какетио.

Испанские летописцы XVI в. указывают, что коренное население современных штатов Фалькон, Лара и Яракуй произошло из группы индейских народов араваков. Если допустить, что именно они производили многоцветную керамику поздней стадии в этом регионе, то можно согласиться и с тем, что они распространились в направлении долин на севере венесуэльских Анд, заключая браки и формируя союзы с куика. Это могло связать их с процессом социально-политической интеграции, который в XVI в. проходил среди народов какетио данного региона. В этом отношении следует обратить внимание на учреждение титула *Диао* (*Diaó*), или «Повелителя повелителей». Диао являлся религиозным и военным лидером одновременно: он был средоточием огромной магической и религиозной власти, и все сообщества этого обширного региона платили ему дань. Его носили в гамаке, чтобы ноги не касались земли. Судя по всему, все сообщества были иерархическими, и власть в них передавалась по наследству. Диао окружала свита родственников, а отличительной особенностью представителей военного слоя обще-

ства была их символическая связь с некоторыми животными, например с ягуаром.

Все это свидетельствует об образе жизни, характерном для заключительной фазы племенной системы хозяйствования, которая означала распад племенной структуры. Она также могла означать зарождение общественных отношений государственного типа, которые могли проявиться в форме политического господства, выражаемого в иерархизации территории, но еще не достигли уровня разделения на города и сельские поселения, как это произошло у народа тайрона.

Бассейн озера Валенсия

После VII в. бассейн оз. Валенсия заняли коренные индейские народы, с археологической точки зрения относящиеся к фазе валенсия. Эта колонизация произошла, судя по всему, в результате переселений со среднего течения р. Ориноко и с р. Апуре, которые относятся к так называемой традиции араукин. Помимо региона озера, в период 1150–1550 гг. народы фазы валенсия контролировали не только обширные долины современных штатов Карабобо и Арагуа, но и межгорные долины, например Каракас, и другие территории штата Миранда, например те Антильские острова, которые принадлежат Венесуэле.

Здесь существовали важные центральные деревни и множество более мелких деревушек вокруг них. Одна из центральных деревень, видимо, располагалась на юго-восточном берегу озера и совпадает с рядом обширных насыпей для жилых построек в Токороне, Ла-Мате, Камбури-то и Эль-Замуро.

В пределах территории вождества можно выделить три типа поселений: в межгорных долинах, окружающих озеро; на краю побережья Карибского моря; на островах и островках у центрального побережья Венесуэлы.

По вышеприведенным причинам вождь региона оз. Валенсия пользовался весьма разнообразными природными ресурсами либо непосредственно, либо через сеть подчиненных ему деревень. Это помогало оптимизировать и разнообразить производство, тем самым гарантируя постоянный рост территории племени с подчинением и/или дополнением периферийных деревень.

Продукты, товары и сырье были предметами регулярного обмена между местами, образующими центральное ядро, и периферийными поселениями; особенной популярностью пользовались разнообразные ракушки, из которых делали украшения, крючки и т.п.

Все поселения имели множество культурных черт, общих с центральной деревней, в частности, одинаковые гончарные изделия. Тем не менее, очевидно, что работы, представляющие интерес для всего общества, особенно строительство террас, сосредоточивались, как и следовало ожидать, на берегах озера, где располагалась центральная власть.

Разнообразие существовавших процедур захоронения свидетельствует о наличии неравенства. Некоторых людей хоронили в больших глиняных урнах, куда также клали подношения в виде гончарных изделий, предметов роскоши и принесенных в жертву животных, в частности собак или обезьян; других же хоронили прямо в земле с более простыми подношениями или вообще без них.

Можно сделать вывод не только об иерархизации пространства, явствующей из сооружения погребальных, жилых и сельскохозяйственных насыпей, но и о существовании специализированного или полуспециализированного производства некоторых товаров, в частности роскошных керамических изделий и сырья – янтаря, ракушек, жадеита и золота.

Из совокупности проанализированных результатов археологических раскопок можно сделать вывод, что бассейн оз. Валенсия является «так называемой «археологической

зоной оптимального стечения обстоятельств», так как почва здесь была плодородной, фауна – богатой, пресной воды – в изобилии, климат – мягкий. Здесь встречались равнины, защищенные от сильных ветров, выпадение осадков отличалось стабильностью и укладывалось в пределы нормы, а доступ к другим экосистемам был легким. Все эти свойства обеспечивали естественные условия для реализации всего производительного и прибыльного метода работы, обеспечившего саморазвитие социальной базы традиции араукин. Это проявлялось в процессе реорганизации рабочей силы, демографическом и территориальном расширении и подчинении эгалитарных сообществ в обширной сети деревень, связанных культурными отношениями или (как могло показаться) господством» (*Vargas Arenas*, 1990: 238–239).

Хотя некоторые авторы на основе тех же этноисторических данных отождествляли иерархические вождества бассейна оз. Валенсия с карибами-индейцами Карибского бассейна, они все же считают их какетио. Археологические свидетельства указывают на связь между стоянками Валенсии и иерархическими вождествами Больших Антильских о-вов.

Бассейн Ориноко

Около VII в. регион среднего и нижнего течения р. Ориноко попал, прямо или косвенно, под влияние традиции араукин. Эту традицию в среднем течении Ориноко можно считать связанной со смешанным эгалитарным образом жизни, несмотря на существование мест с жилыми насыпями, разбросанных по берегам рек этого региона. Барранкас, расположенная в нижнем течении Ориноко, является наиболее развитой фазой одного из сельскохозяйственных эгалитарных образов жизни на этой территории. Ни один из двух образов жизни в данном регионе не достиг той степени социальной иерархизации общества, какой достигли народы оринокского происхождения в центре Венесуэлы.

Система хозяйствования этих сообществ основывалась на выращивании кассавы как основной культуры и маиса, который использовался главным образом для приготовления *чичи*, алкогольного напитка, который пили во время обрядов и общественных событий. После VII в. распространение традиции араукин достигло апогея, заняв все деревни, которые до этого находились во власти традиции барранкас.

Между VII и XVI вв. население в нижнем течении р. Ориноко увеличилось почти одновременно с ростом производства и потребления сельскохозяйственной продукции и явным сокращением количества дичи и рыбы. Также выросло производство гончарных изделий, вследствие чего ухудшилось эстетическое великолепие их орнаментов, которое было одной из отличительных характеристик прежнего общества традиции барранкас.

Судя по всему, расположение народа культуры араукин в нижнем течении Ориноко привело к развитию более узких традиций, например, макапаимы. Доказательством этого является основание простых центров, например, тех, что существовали в месте впадения р. Карони в Ориноко. Некоторые из этих центров продолжали существовать до XVII в. Подобно деревням барранкас, поселения макапаимы были относительно стабильными, характеризовались ростом населения, расширением производства, обработки и потребления кассавы в виде хлеба (*касабе*) из муки кассавы и спроса на гончарные изделия и развитием их производства. При этом домашние пространства включали одновременно жилища, места захоронения и мастерские, где люди занимались различным производством. Эти особенности связывают поселения макапаимы с одним из сельскохо-

зяйственных эгалитарных образов жизни, которые были распространены в нижнем течении Ориноко.

На основе этноисторических данных об этом регионе и в соответствии со свидетельствами очевидца XVI в. англичанина Уолтера Рэли в отношении деревень устья р. Карони, некоторые авторы предположили, что народы, преобладавшие в бассейне р. Ориноко между VII и XVI вв., могли быть связаны с карибскими народами. Археологическое исследование, проведенное Саноха и Варгас Арена в этом регионе, свидетельствует о существовании больших деревень, населенных людьми, родственными традициями макапаима, которые в начале XVII в. были связаны с карибами, населявшими берега Ориноко на юге штата Ансоатеги. Поскольку макапаима, скорее всего, является боковой ветвью традиции араукин, считающейся представителем карибской культуры, группы этой традиции, перебравшиеся в бассейн оз. Валенсия около 700 г., тоже, должно быть, были карибами.

Северо-восточный регион

Согласно Стюарду и Фарону (*Steward & Faron*, 1959), анализ этноисторических данных позволяет установить, что к XVI в. на северо-восточном побережье Венесуэлы существовали иерархические формирования типа вождеств, связанные с народами паленке, куманагото и чайма. Однако, если верить Варгас Арена (*Vargas Arenas*, 1990: 216), археологические свидетельства недостаточно убедительны, и на их основании трудно определить существование в этом регионе общества такого рода; она считает, что можно лишь более или менее обоснованно говорить о сообществах, которые вели сельскохозяйственный эгалитарный образ жизни, вероятно, свойственный главным образом народам карибского происхождения, которые примерно в то же время начали занимать большую часть Малых Антильских о-вов.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВА КАРИБСКОГО МОРЯ (карта 42)

Малые Антильские острова

Туземные деревушки, существовавшие на Малых Антильских о-вах между VII и XV вв., были относительно простыми и малонаселенными. Существование многочисленных петроглифов, захоронений с подношениями и антропоморфных скульптур из камня свидетельствует о влиянии материка и Больших Антильских о-вов. Этноисторические выводы, основанные на описаниях, сделанных в XVI в. итальянским гуманистом, первым историком испанских завоеваний в Америке Педро Мартиром де Англиерия и Лабатом (*Labat*) (*Fewkes*, 1914), позволяют говорить о существовании деревень или жилищ вблизи побережья или на берегах рек, где были хорошие возможности для ловли рыбы, сбора морских или наземных моллюсков и для охоты на дичь. Здания одного типа служили общими жилищами, а здания другого типа, занимавшие центральное положение в деревнях, использовались как святилища, где хранились ритуальные камни *семис* (*zemis*). В некоторых деревнях имелось до 20–30 домов, расположенных кольцом вокруг центральной площади. В каждом доме жила родовая группа, включавшая главу семейства, его жен и неженатых детей.

Большие Антильские острова

На Больших Антильских о-вах, включающих, среди прочих, Пуэрто-Рико, Гаити и Кубу, самой примечательной

исторической особенностью между VII и XVI вв. было появление иерархических образований типа вождеств, известных как культура таино или традиции бока-чика, вызвавшие глубокие перемены в способах поселения, социально-политической организации и обрядовой жизни. Характерной чертой является возведение из утрамбованной земли искусственных насыпей различного типа, служивших местами общих жилищ, полями для выращивания кассавы и маиса и местами захоронений. В ряде случаев комплексы подобных насыпей располагаются вокруг поля для игры в *пелоту*, или *bameti*, обозначенного рядом камней, иногда украшенных петроглифами.

В некоторых случаях создавались настоящие некрополи, в которых поражало великолепие погребальных подношений, состоявших из гончарных изделий и предметов, вырезанных из камня и ракушек. С другой стороны, высокой степени сложности достигли также формы и способы изготовления каменных и деревянных статуй. Среди них выделяются резные пирамидальные камни, называемые *семис* (*zemis*), которые изображают Юка-у Багуа Маорокоти (*Yuca-bu Bagua Maorocoli*), бога кассавы.

Люди жили за счет выращивания горькой кассавы, из которой делали муку и хлеб (*касаве*), как и на севере Южной Америки, маиса и различных клубневых; кроме того, они ловили рыбу, собирали морские продукты и охотились. В сельском хозяйстве преобладал метод подсечно-огневого земледелия, главной составляющей которого было окультуривание диких растений. Это явствует из главенства божества Юка-у в мифологии таино. С другой стороны, хлеб из кассавы, который пекли на блюдах, предназначенных для выпечки маисового хлеба (*бударес*) и украшенных насечками, напоминает обычаи культуры барранкас народов нижнего течения р. Ориноко и культуры саладос народов северо-восточной части Венесуэлы. Из более мелкой муки они могли печь хлеб, предназначенный для потребления самыми важными вождями. С каждой стороны такой хлеб украшали геометрическими или биоморфными сюжетами, которые, возможно, были связаны с родословной конкретного человека.

К концу XV в. общество таино стало аристократическим по своему характеру и в высшей степени стратифицированным. Самое важное положение в обществе заняли главные вожди, что, видимо, определялось происхождением по материнской линии. Затем следовала свита из «знатных людей» (*ниттаинос*), а потом слуги или рабы – *набория*. Возможно, существовало и классовое общество. Мы полагаем, что общество таино, или традиция бока-чика, могло строиться по образцу иерархических вождств Венесуэлы, Колумбии и юга Центральной Америки. Последние представляют собой форму племенной организации в эпоху разложения первобытнообщинного строя и характеризуются развитием иерархических общественных отношений, государственных по своему характеру, что является фундаментальной особенностью, которая постепенно преобразуется, тем самым создавая возможность развития государств и законодательного аппарата классового общества.

Среди наиболее выдающихся особенностей традиции бока-чика можно назвать распространение игры *пелота*, или *bameti*, и всех принадлежностей, с ней связанных, например, встречающихся в изобилии изделий в виде «ярма» (*юго*) и «локтей» (*кодос*), тщательно изготовленных из камня. Эти в высшей степени замечательные предметы говорят о возможных связях региона с Мезоамерикой через п-ов Юкатан между VII и IX вв. (илл. 289–293).

ДЕЛЬТА АМАЗОНКИ (карта 42)

Около VI в. в дельте р. Амазонки появился народ, культура которого известна в археологии под названием фазы маражоара; он вытеснил простые садовые сообщества,

продолжавшие вести тот же образ жизни, что и первые поселенцы со времени начала последнего тысячелетия до н.э. Здесь начало чувствоваться культурное влияние народов тапе и гуарани из Южной Бразилии.

Самыми выдающимися материальными характеристиками общества маражоара являются большие искусственные насыпи из утрамбованной земли и производство многоцветной керамики очень сложных форм. Насыпи различались в зависимости от их назначения: группы небольших и низких насыпей для жилых построек располагались прямо наверху насыпей, и жилые постройки могли служить общим жилищем. Каждая группа жилых насыпей была связана по меньшей мере с одним погребальным насыпным холмом; самый большой из них мог иметь 225 м в длину, 30 м в ширину и 10 м в высоту.

Исследование захоронений фазы маражоара указывает на хронологические различия в способах погребения и на различия в способе обращения с умершими. В более старых слоях самыми распространенными являются захоронения в больших простых урнах или урнах, украшенных многоцветной росписью или резьбой и накрытых сосудом в виде полусферы, служившем крышкой. Некоторые скелеты, возможно, женские, сопровождалась своеобразной *танга*, или керамической покрывалкой на лобковой зоне, украшенной разноцветными сюжетами; в урнах находились также небольшие сосуды и подношения в виде принесенных в жертву животных. В более поздних слоях кремация вытесняет вторичные погребения: используемые урны меньше и скромнее украшены, исчезает и обычай сопровождать похороны покрытием лобка. Некоторые захоронения связаны с множеством других урн, тогда как часть скелетов закапывалась непосредственно в землю. Эти обычаи, видимо, указывают на важные перемены, которые, должно быть, произошли в общественных отношениях народа маражоара, в частности, исчезновение простого различия по полу, существовавшего в эгалитарных обществах, и его замена определенными формами неравенства, которое проявилось в предоставлении некоторым индивидам привилегии быть захороненными вместе с останками других людей, которые, возможно, входили в их окружение.

Археологические находки свидетельствуют о существовании некоторой степени организации труда для выполнения коллективных работ, например, возведения насыпей-холмов для жилых построек или погребальных насыпей и широкого производства предметов для нерепродуктивных целей, например, погребальных подношений. Рузвельт (*Roosevelt*, 1987) выдвинул идею о формировании вождства в нижнем течении Амазонки, основываясь не только на работах по сооружению жилищ и террас, но также и на существовании поселений с кольцевой планировкой, в которых группы общинных жилищ располагались вокруг центральной территории и окружались огромными земляными стенами. Численность населения подобных поселений составляла от 360 до 1200 человек.

Фаза маражоара выделяется среди других культур доколумбовых народов, живших в бассейне рек Ориноко и Амазонки, по причине своего социально-исторического развития. Ее истоки и последующее включение в регион, столь изолированный и удаленный от основных южноамериканских цивилизаций, породили множество предположений в отношении ее формирования. Целесообразно, например, рассмотреть гипотезу Эванса и Меггерс (*Evans & Meggers*, 1968), которые относят происхождение маражоары к фазе напо, сложившейся на восточных склонах эквадорских Анд, несмотря на то, что метод радиоуглеродного анализа датирует находки в этом регионе более поздним временем (1168 и 1320 гг.), чем культуру нижнего течения Амазонки. Согласно этим авторам, народ маражоара отделился от развитых народов Анд, постепенно теряя культуру и деградируя до уровня культуры тропических

джунглей из-за своей неспособности приспособиться к окружающей среде Нижней Амазонки. С другой стороны, Рузвельт (*Roosevelt*, 1987), видимо, склоняется к амазонскому происхождению данной культуры.

При доказательстве или опровержении обеих гипотез следует учитывать тот факт, что в истории ничто не происходит случайно, но в ответ на четко установленные потребности общества. Имея в виду тот объем информации, которым мы обладаем в настоящее время в отношении региона Амазонки, трудно считать фазу маражоара результатом внезапной мутации, отколовшейся от очень простых местных сообществ. Особенности обществ, относящихся к этой фазе, явно связывают их с другими подобными обществами (мы считаем их иерархическими), которые, судя по всему, существовали в регионе боливийской Амазонки. Однако в этом отношении мы не можем ограничиться при рассмотрении всего одним количественным критерием, например, существованием жилых насыпей на о. Маражо и в бассейне боливийской Амазонки, которое можно интерпретировать иначе, в соответствии с социально-историческим контекстом, в котором они появились. Возможно, фаза маражоара не зародилась в бассейне Нижней Амазонки, но мы также не верим в то, что народы могут развиваться или возвращаться в прежнее состояние исторически. Сложные общества, существовавшие в XVI в. на берегах рек Сантарен и Тапажос, являются окончательным свидетельством того, что появление туземных обществ в нижнем течении Амазонки – это результат общей динамики, преобладавшей на территориях Анд и Амазонки. Их проникновение в устье Амазонки означало возникновение сложных местных перемен, совпавших с другими подобными процессами на севере Южной Америки, в Централь-

ной Америке и на Антильских о-вах. Тем не менее эти общества Амазонки следует анализировать, развивая теорию этих обществ не только как количественного явления, но, главное, учитывая их качественное содержание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CASSÁ, R. 1974. Los taínos de La Española. Universidad Autónoma de de Santo Domingo. Dominican Republic.
- CRUXENT, J. M.; ROUSE, I. 1961. Arqueología cronológica de Venezuela, 2 vols. Washington, DC.
- EVANS, C.; MEGGERS, B. 1968. Archaeological Investigations on the Rio Napo, Eastern Ecuador. Washington, DC.
- FEWKES, W. 1914. Relations of Aboriginal Culture and Environment in the Lesser Antilles. Contributions of the Heye Museum, No. 8, New York.
- OSGOOD, C.; HOWARDS, C. 1943. An Archaeological Survey of Venezuela, No. 27. New Haven, Conn.
- RALEIGH, SIR WALTER. 1595. The discovery of the large, rich, and beautiful Empire of Guiana, with a relation of the great and golden city of Manoa (which the Spaniards call El Dorado). Performed in the year 1595 by Sir Walter Raleigh, Knight. In: R. HAKLUYT, Voyages and Discoveries (London, 1598–1600). J. Beecham ed., London 1972, pp. 386–410.
- ROOSEVELT, A. C. 1987. Chiefdoms in the Amazon and Orinoco. In: DRENNAN, R.; URIBE, C. A. (eds) Chiefdoms in the Americas. Maryland.
- SANOJA, M.; VARGAS, I. 1987. Antiguas formaciones y modos de producción venezolanos. Monte Avila Editores. Caracas [2nd edn].
- STEWART, J.; FARON, L. 1959. Native Peoples of South America. New York.
- VARGAS ARENAS, I. 1990. Arqueología, ciencia y sociedad. Caracas.

Луис Мильонес

Беглый взгляд на продолжительную культурную историю Анд свидетельствует о том, что главенство переходило от сообществ побережья к высокогорным обществам и обратно (карта 43). Если за начало отсчета взять так называемую формативную эпоху или культуру чавин, то можно увидеть, что с 1000 г. до н.э. идеологическим и культурным двигателем Северного Перу была культура гор. Затем последовал период с 200 по 700 г. н.э., который археологи называют Ранним промежуточным периодом, или периодом мастеров-ремесленников, в котором господствующее положение заняла культура оазисов на пустынных побережьях, развившаяся в центры так называемой культуры мочика на севере и наска на юге. Было сделано предположение, что эти колебания идеологического и социально-политического господства были связаны со значительно более общими явлениями изменения окружающей среды, однако этот вопрос еще предстоит изучить.

В рассматриваемый период культурное развитие, судя по всему, происходило вокруг южных гор Перу и Северной Боливии, плато Кольяо, где возникли первые организации, которые с некоторой долей определенности можно назвать государствами. Вскоре после возникновения они достигли своего расцвета как политические образования в центральных нагорьях Перу в современном департаменте Аякучо. Хотя данное мнение разделяют не все специалисты, существуют некоторые свидетельства, позволяющие предположить, что количественные и качественные изменения действительно произошли в организации поселений, планировке архитектурных сооружений и оформлении идеологии, «очеловечившей» фигуры андского пантеона, т.е. наделившей божества определенными человеческими образами. Это могло совпасть с упадком теократических политических образований, утратой значимости жреческих каст и замной обрядовых центров настоящими городами.

Для демонстрации данного процесса могут послужить стоянки Тиауанако и Уари.

ТИАУАНАКО – ГОРОД НА КРЫШЕ МИРА

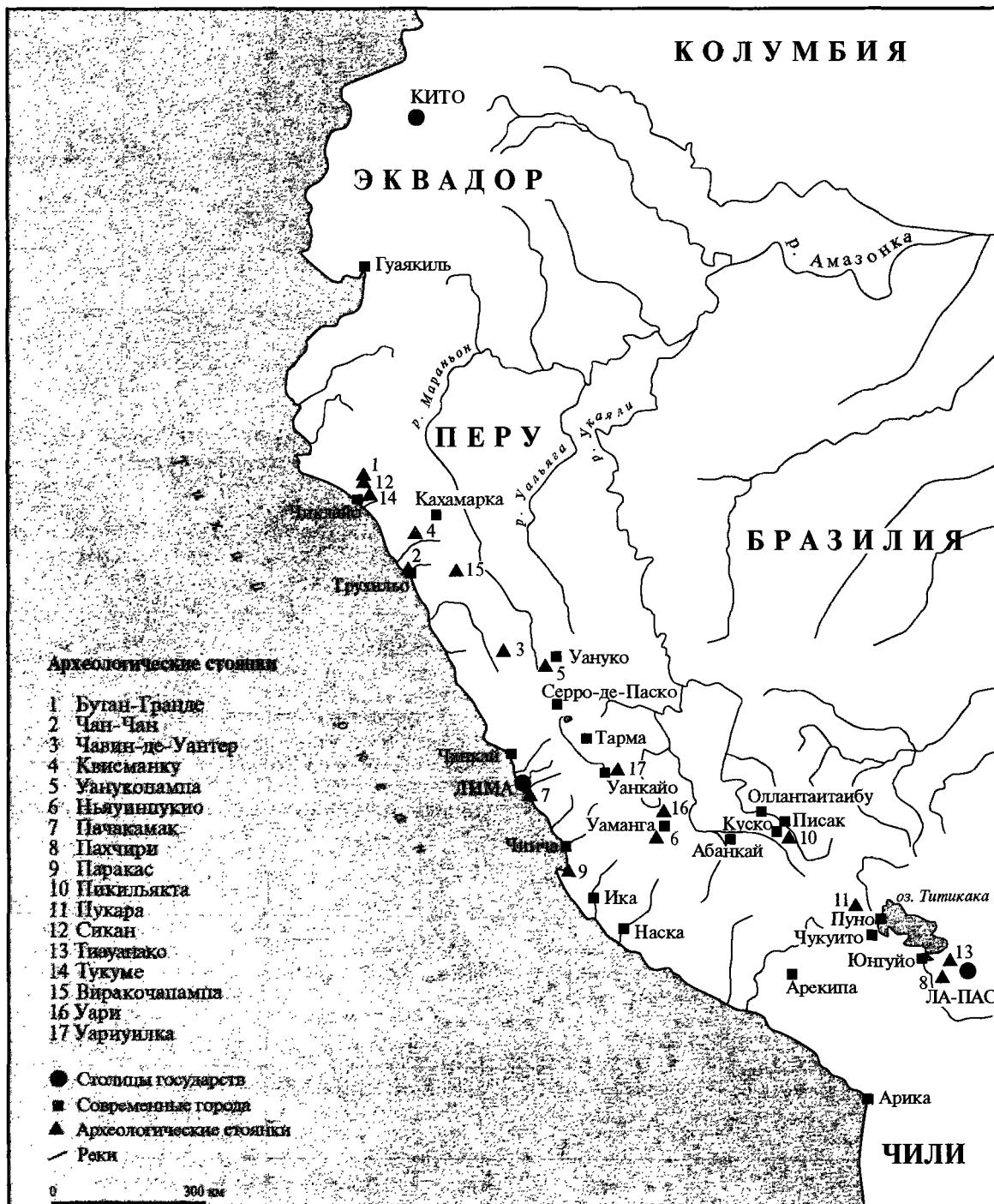
Региональная история Тиауанако как организованного города-государства является древней. На месте площадью 3 x 1,5 кв. км, носящем это же название, на высоте 3850 м над уровнем моря это был один из самых высоко расположенных культурных центров или столиц во всем мире. На плато Кольяо вблизи оз. Титикака, этот город достиг расцвета в период, носящий название классического Тиауанако и, вероятно, приходившийся на 500–900 гг. н.э. Столицу окружали другие второстепенные центры, например, Лукурмата, Пахчири, Охе и Уанкане, которые также располагались неподалеку от оз. Титикака на каждой стороне современной границы Перу и Боливии, включая остров Эстевес.

Появление этих центров власти вокруг оз. Титикака, должно быть, было связано с изменением уровня воды в озере, который стабилизировался на уровне, известном нам сегодня, где-то между 2000 г. до н.э. и началом н.э. Предшественником Тиауанако был центр Пукара, расположенный примерно в 60 км от оз. Титикака и ставший первым вестником грядущего социального развития. Однако, поскольку его господство было относительно коротким (400 г. до н.э. – 100 г. н.э.), он не достиг столь же высокого уровня, как Тиауанако, хотя за 500 лет его существования правящие жрецы использовали четко налаженное караванное сообщение на ламах для управления хозяйством или, по меньшей мере, оказания влияния на территорию, протянувшуюся от Куско на севере (около 150 км от города) до северного Чили на юге (около 900 км).

В идеологическом отношении можно утверждать, что «бог с посохом», которому поклонялись правители Тиауанако и Уари, имел явных предшественников в иконографии Пукара.

Судя по всему, значительная власть была сосредоточена в самом Тиауанако задолго до его расширения. Об этом может свидетельствовать строительство полуподземного храма в северо-восточном секторе монументальной культуры города. Внутри храма обращает на себя внимание стела с изображением бородатого человека. Другие памятники, такие как Каласасая и Пумапунку, обозначают своего рода физическую структуру, предшествовавшую политическому и идеологическому расширению. Эта система строений завершается пирамидой Акапана, расположенной в центре городища, прямо на юго-восток от комплекса Каласасая. Это самое высокое и самое объемное строение во всем городище.

Известно, что вокруг оз. Титикака был громадный центр для сельскохозяйственных экспериментов, поскольку эта территория обладает различными типами микроклимата, а также разнообразной флорой и фауной. Одна из технологий, относящаяся к данному периоду и учитывающая эти условия, называется *уару-уару* (*wari wari*); это технология выращивания растений на приподнятых террасах, которая обеспечивала множество преимуществ, таких как улучшенный дренаж, удержание влаги, орошение, более легкая прополка и определенное увеличение плодородности бедных почв. Использовались поднятые террасы нескольких различных типов, и эта технология могла распространиться до области Льянос-де-Мохос на восточных склонах Анд при возможной попытке освоения территории джунглей. Однако экономика и само существование человека на Альтиплано, т.е. на западной части внутреннего плоскогорья Центральных Анд, зависели от одомашнивания верблюдовых, которых использовали во многих целях и которые давали возможность караванам перевозить высококачественные товары и распространять идеологические воззрения. Нельзя забывать, что пастушество, особенно как часть центральной политической системы, тоже было важным средством расширения территории

Карта 43. Центральные Анды в 700–1600 гг. (рис. Millones)

обитания. С помощью лам и альпаков открывались пути к побережью и джунглям (илл. 323).

Каменная архитектура и скульптура Тиауанако наводит на мысль о сложной религии, иконографию которой можно проследить до очень древних антропоморфных фигур Чавина в северных горах Перу, относящихся примерно к 1000 г. до н.э. В 1932 г. североамериканский археолог У. Беннетт (*Wendell Bennett*) обнаружил красноватый каменный монолит, который теперь носит его имя. Этот монолит, стоявший, должно быть, в затопленном внутреннем дворе вышеупомянутого полуподземного храма, был перевезен в Ла-Пас. Его высота 7,3 м делает его самой крупной скульптурой в регионе Анд. Монолит изображает знатного или обожествляемого человека в роскошном одеянии и богато украшенном головном уборе. В одной руке он держит церемониальный сосуд, или *коро*, в другой – жезл.

Получение строительного камня из горной породы андезит и его транспортировка в Тиауанако, должно быть, требовали тщательного планирования и огромных затрат труда. Вполне возможно, что материалы привозили с п-ова Копакабана и транспортировали через оз. Титикака. Но на этом работа не заканчивалась. Как только камень попадал в церемониальный центр, скульпторы должны были создавать и воспроизводить центральные моменты очень сложного культа, который продержался вплоть до появления европейцев на континенте.

Из всех строений в Тиауанако самым замечательным являются так называемые Ворота Солнца, которые сейчас находятся на одной стороне Каласаси, на месте, где изначально они не стояли. Ворота Солнца – это арка из массивных каменных глыб, центральный фриз которой содержит один из самых важных образов религиозного

пантеона Тиауанако. На рельефном изображении доминирует антропоморфная фигура высотой около 70 см в маске, от которой расходятся лучи, подобные лучам Солнца, заканчивающиеся кругами или головами животных. Тело богато украшено, а ноги – очень короткие. В руках фигуры – два посоха, нижние концы которых оформлены в виде головы кондора.

Множество различных интерпретаций выдвигалось для объяснения смысла фигур, изображенных на Вратах Солнца, на обеих сторонах которых, помимо вышеописанной фигуры, изображены другие существа, которые, видимо, отдают дань почтения центральной фигуре, кланяясь ей, становясь на колени или выбегая навстречу. Все эти существа имеют крылья и изображены в профиль, глядящими на бога с посохом (как его обычно называют) (рис. 35). Их головы подобны либо голове центральной фигуры, либо головам кондора, и в обоих случаях они держат посохи, напоминающие посох в руках центральной фигуры. Бога с посохом идентифицировали по-разному: и как Виракочу, и как Ильяпу. Оба этих бога принадлежат пантеону инков, а их изображения растащили орды европейцев вскоре после появления Писарро. Эти интерпретации не имеют значительной формальной поддержки, так как нет доку-

ментального описания изображений в Кориكانче (Храме Солнца в Куско), какими их увидели европейцы. Тем не менее невозможно отрицать идеологическую связь инков с приозерной территорией. Действительно, один из мифов инка о сотворении мира гласит, что первая пара людей возникла из вод озера.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА УАРИ

Порядка 30 га занимает территория, которая теперь называется сердцем археологических остатков столицы первого имперского эксперимента в Андах. Эти остатки города Уари расположены между городами Уаманга и Уанта в перуанском департаменте Аякучо, на высоте около 3000 м над уровнем моря. Территория, занятая руинами, обширна и производит впечатление беспорядка, свидетельствующего о том, что, вероятно, здания возводились в разные периоды. Это доказывает, что данная территория была постоянно занята. Более того, все, что сегодня представляется нам скоплением фрагментов, в свое время, благодаря сложности жившего там общества, принадлежало к строениям, имевшим различные функции. Кроме того, это городище не раз подвергалось разграблению.

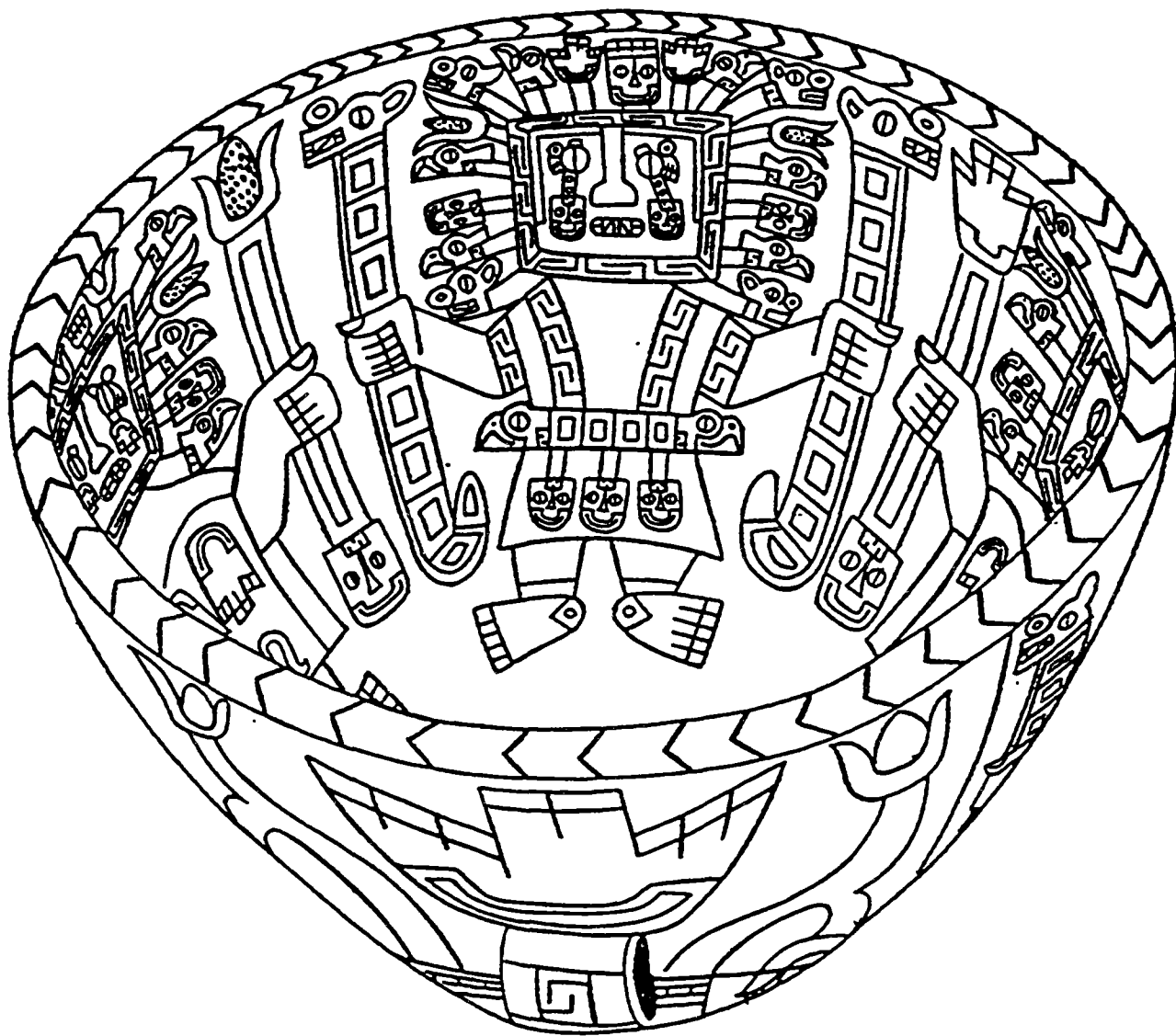

Рис. 35. Изображение «Бога с посохом», или «Плачущего бога» Тиауанако (Боливия) на большой урне, найденной в Наске (Перу) и относящейся ко времени захвата территории побережья государством Тиауанако (1000–1300 гг. н.э.) (по Hagen. Realm of the Incas, NY, 1957; p. 29)

Около 500 г. н.э. в Уари был полуподземный храм, построенный из прямоугольных и многоугольных камней, грани которых были идеально подогнаны для соединения. Однако квадратная в плане площадь и отсутствие вертикальных резных камней отличают этот храм от его двойника в Тиауанако. Это строение располагается в центре городища, покрытого, как уже упомянуто, каменными фрагментами, из которых трудно составить определенные строения. Число строений оценивается от 3 до 13, что само по себе говорит об отсутствии подробного общего плана стоянки. Однако монументальная архитектура из грубого камня, найденная в соседних городищах Чакипампы и Ньяуинпуки, производит сильное впечатление. Возможно, эти городища предшествовали сосредоточению власти в Уари, жители которого воспользовались материалами из этих мест для строительства новой столицы.

Невозможно хоть сколько-нибудь точно определить число жителей «городской» зоны Уари в пору расцвета этого города. Оно варьируется от 5 тыс. до 100 тыс. чел. Реалистичная цифра, основанная на возможной плотности населения на один гектар, может составлять порядка 30 тыс. чел., что сделало бы Уари крупнейшим священным городом Южной Америки того времени. В отношении Тиауанако точных цифр тоже нет, но, судя по всему, он был не больше столицы Аякучо. Естественно, возникает вопрос о том, как выжила эта значительная масса людей.

В отличие от Тиауанако Уари расположен в засушливой местности с малым количеством водных источников. Это контрастирует с высоким уровнем занятости и количеством товаров, производимых в мастерских ремесленников. Даже если не принимать во внимание этот признак и допустить проживание в более плодородных областях, люди Уари не смогли бы выжить, если бы не привозили продовольствие из отдаленных мест. Это один из аргументов, которые выдвигаются для объяснения экспансионизма региона Аякучо. Демографическое давление и идеологическое обоснование в виде бога, подобного богу с посохом, способствовали военным завоеваниям или обменам товарами и идеями с другими регионами. Важно отметить, что несмотря на то, что в Тиауанако и Уари было одно и то же главное божество и сопутствующие ему крылатые фигуры (ангелы), в Боливии их обычно вырезали из камня, а в Аякучо изображали на гончарных изделиях, особенно на больших сосудах, вся поверхность которых, включая внутреннюю, расписывалась, и в виде каменных статуэток типа амулетов. Другим фактором, отличающим эти два культурных комплекса, является использование деревянных дощечек (для вдыхания галлюциногенов), которые были широко распространены в Тиауанако, но не найдены в Уари.

На примере Уари можно объяснить природу спора относительно имперского характера этих культурных комплексов. Безусловно, терминологический спор, связанный с правомерностью интерпретации, базирующейся на европейском опыте, не мог продолжаться вечно, и на основании городского плана и по стилистическим причинам стало ясно, что в местах, далеких от г. Уаманга, строились жилые и обрядовые центры по типу Аякучо. Это, например, Виракочапампа в Уамачуко (северные горы Перу) и Пикильякта вблизи Куско. То же можно сказать и о Пачакамаке, где долгое время продолжалось влияние Аякучо. На северном побережье уари, судя по всему, достигли ряда соглашений с народом мочика. Это явствует из их более поздней керамики. На востоке колонии уари, вероятно, селились в нижнем течении р. Апуримак за краем джунглей, отмечающим границу с группой индейских народов пано, которые были отличными путешественниками и очень хорошими торговцами, по крайней мере, в более поздние периоды.

Мало что известно об этом сложном процессе. В VII–IX вв. предки современных народов, говорящих на языках пано (относящихся к периоду, известному как Куманкая), поселились на р. Укаяли в конце так называемого миграци-

онного процесса. Последовательные волны этого народа вытеснили группы индейцев-араваков с аллювиальных равнин р. Укаяли, а те, в свою очередь, оказали давление на предков амуеша, ашенинка (кампа) и махигенга, которые, должно быть, установили тесные связи (по принципу обмена или подчиненности) с народом Уари или его потомками.

Современное состояние исследования пока что не может прояснить суть отношений Тиауанако и Уари. Ясно, что имел место обмен художественными сюжетами. Это могло происходить путем передачи тканей мигрирующими народами, например кальяуя, которые перевозили их на животных семейства верблюдовых, служивших незаменимым транспортным средством. Но культурное содержание обеих социальных единиц скорее склоняет к мнению о независимом развитии.

К 1000 г. политическое влияние Уари исчезло, но прежде оно заложило основы того, что, видимо, стало первым имперским экспериментом. Дороги, системы уплаты дани (особенно в виде трудовой повинности) и, возможно, *митимаес* (*mitimaes* – группы людей, вынужденных заселять земли, далекие от места их рождения) могут рассматриваться как наследие, которое государство Уари оставило различным «царствам и союзам», выросшим на его пепле. Позднее вблизи Пикильякты появились его самые прилежные ученики – инки.

КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Период, известный археологам под названием Ранне-го промежуточного периода, или периода мастеров-ремесленников, достиг на побережье Перу наивысшего уровня развития около 600 г. Само название периода говорит о характеристиках гончарных изделий и очень изысканном художественном развитии вообще, а также о том, что ряд поселений вблизи рек у побережья породил высоко дифференцированные местные культурные разновидности, теперь свободные от влияния своего общего предка – культуры чавин. Позднее влияние культурных комплексов Уари-Тиауанако придает независимым культурам побережья объединяющие их черты.

Последние исследования, судя по всему, указывают на то, что здесь влияние культур высокогорья было нерегулярным как по времени, так и по степени контроля или торговым связям с народами мочика и наска. Очевидно, что наиболее остро влияние этих народов проявлялось на южном побережье. В некоторой степени культура Уари возникла в результате связей между местными культурами Аякучо, например уарпой, и более поздними фазами культуры наска.

На севере высокий профиль города Чан-Чан и великолепные памятники долин Моче, Чикама и Као уменьшили важность археологических находок в районе г. Ламбаеке. Более того, открытие в 1988 г. могилы правителя на территории городища Сипан привело к новым поискам в долинах Ла-Лече, Ламбаеке и Санья. В результате этого возобновившегося интереса теперь можно утверждать, что в то время существовали два культурных образования с похожими характеристиками, одно в долинах Моче и Чикама, а другое – в долинах Ламбаеке. В широком смысле оба этих образования можно отнести к культуре мочика, причем культурное превосходство попеременно переходило от одной культуры к другой. Сначала доминировала та территория, самые важные городища которой находятся в долине Моче. Затем власть, видимо, разделилась между этой долиной и стоянками Батан-Гранде, получившими название культуры ламбаеке, или сикан (илл. 314, 315).

В рассматриваемый период на протяжении короткого времени (700–800 г.) уари начали оказывать влияние на оба культурных центра севера. В результате этого присутствия высокогорья северные долины стали сильнее, и с полным основанием можно говорить о царстве Сикан в

Батан-Гранде и царстве Чиму в долине Моче. Наконец, около 1200 г., правитель государства Чиму силой захватил долины Ламбаеке и установил там свою власть, которая продержалась до появления инков (1400 г.).

Археологи решили использовать название Чиму для обозначения ряда культурных характеристик, а название Чимор оставить для доколумбового государства, просуществовавшего до XV или XVI в., когда оно боролось с инками. Колониальные документы свидетельствуют о том, что коренные жители называли себя мочика по меньшей мере до XVIII в.

Типичным северным памятником этого периода является г. Чан-Чан (рис. 36), расположенный в долине Чикама вблизи Тихого океана, в нескольких километрах от современного г. Трухильо. Центральное ядро города занимало площадь порядка 6 кв. км, но остатки стен и связанных с ними построек расположены в радиусе 20 км. Центральная часть включает 9 или 10 прямоугольных «цитаделей» (это слово используется для обозначения огороженной территории, прилегающей к зданию, в данном случае – к центру Чан-Чана). Самая крупная из этих цитаделей теперь называется Гран-Чиму. Ее размеры – 550 на 350 м, а ее мощные стены сделаны из саманных блоков и имеют высоту 8 м, хотя раньше они, возможно, были выше (илл. 316).

До 1100 г. это поселение было достаточно большим городом с населением 7–8 тыс. чел., которые существовали за счет сельского хозяйства и рыболовства. Представители элиты, вероятно, жили в старейших цитаделях вроде тех, которые сейчас называют Тельо и Уле; предполагается, что после смерти владельцев эти цитадели использовались для их погребения. После этой даты государство Чимор распространилось вдоль побережья, поддерживая торговые связи и союзы с Кахамаркой. В пору своего расцвета оно, судя по всему, протянулось от г. Тумбес на севере до г. Касма на юге, хотя некоторые считают, что оно достигло долины Римака, и в том случае его протяженность составляла не менее 400 км.

Живя в долинах, образованных извилистыми реками, народ Чиму тщательно разработал систему каналов, которые давали ему возможность постоянно заниматься земледелием. Аллювиальные террасы, расположенные

на возвышенных местах, высыхали естественным путем, но на берегах рек из-за постоянного орошения происходило засоление почв. Сам Чан-Чан получал воду из 140 источников, расположенных в пределах цитаделей и прочих внутренних зданий, известных как «дворцы», а также строений, где, предположительно, обитали слуги и люди более низкого ранга. На южном краю города использовалась система «затопленных садов». Она заключалась в раскапывании земли до грунтовых вод и высевании там сельскохозяйственных культур. Самыми важными из них были хлопок, маис и бобы.

Если принять во внимание физическое строение перуанской береговой линии, то становится ясно, что с древних времен была незаменимой система дорог, связывающих долины. Народ Чимора пользовался дорогой, следы которой до сих пор сохранились между Мотупе и Чао и между Хекетепеке и Моче.

Около 1350 г. очевидными стали некоторые перемены, которые указывают на стремление к расширению территории. В это время начали действовать провинциальные административные центры, например, Фарфан в долине Хекетепеке и Чикито-и-Вьехо в долине Чикама. Также очевидно и перемещение в направлении Чан-Чана умелых ремесленников, особенно ткачей, золотых дел мастеров, резчиков по дереву и камню. Следует отметить и скопление лам в примыкающих к городу долинах. Так происходило потому, что их нельзя было держать рядом с городом из-за пустынной местности.

Специалисты немало размышляли об упадке гончарного дела у народа мочика в это время. Высказанные в этом направлении соображения необходимо подвергнуть ревизии ввиду того, что политическое образование типа Чиму требовало значительного количества простых утилитарных сосудов, и литейные формы стали использоваться повсеместно именно для того, чтобы удовлетворить непрерывающийся спрос. Самой распространенной формой здесь был сферический кувшин со слегка уплощенным основанием и шейкой в виде серьги или хомута. В тело сосуда иногда вставляли трубчатую дугу, к которой добавляли небольшую фигурку животного или

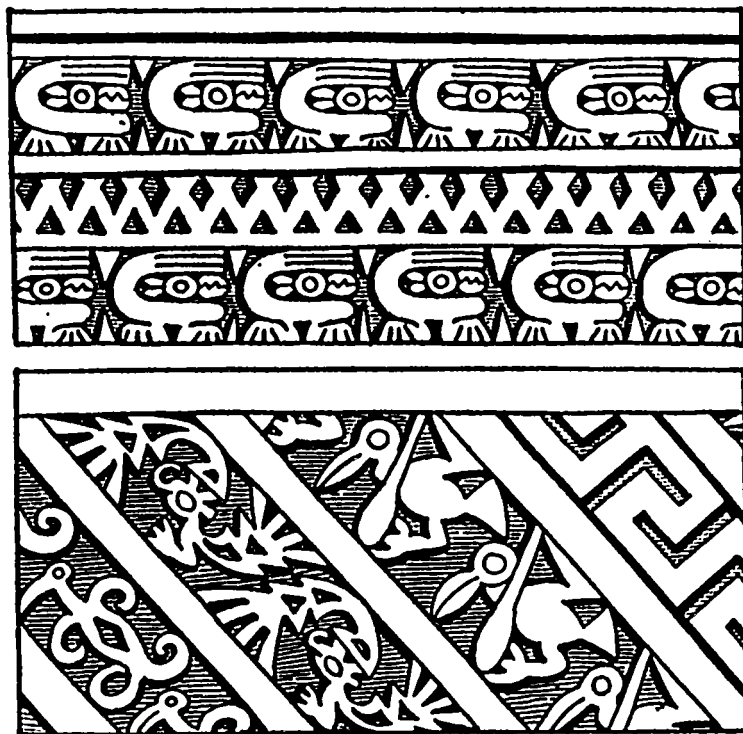

Рис. 36. Архитектурный орнамент Чиму, вылепленный из глины в Чан-Чане (Перу), 1000–1466 гг. (по Hagen. Realm of the Incas, NY 1957, p. 30)

человека. Также встречаются формы в виде людей, животных, растений и фруктов (илл. 317–319).

Как уже отмечалось выше, около 1400 г. государство Чимор покорило своего соседа в Ламбаеке, создав важное политическое образование, которое заключало союзы с народами северных гор, стремясь создать заслон против экспансии инков. На территории Кахамарки и Уамачуко интересы инков и северных народов столкнулись друг с другом, приводя к вспышке враждебности, последующему рассеиванию чиморской знати и раздроблению ее царства среди правителей, которые были всего лишь марионетками Куско.

ПРАВИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРИБРЕЖНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Три примыкающие друг к другу долины, образованные реками Чильон, Римака и Лурина, пересекают пустыню центральной части побережья Перу с севера на юг. Незадолго до этого в районе Касмы или Уармея влияние северных культур ослабло, поскольку здесь проявились два возможных местных образования, которые можно идентифицировать по их материальным остаткам, но которые имели малое политическое влияние. Все, видимо, указывает на то, что ни одно из них не имело преимущества перед другим.

Небольшое царство Коля народа кольике, или колья, как они, видимо, назывались изначально, располагалось в долине Чильон и стремилось расширяться в сторону гор. Его границей в горах был регион Чаупиунга (на высоте около 1500 м), где оно соприкасалось и боролось против канта, еще одной этнической группы, за обладание западными склонами Анд, где росла разновидность коки (*Erythroxylon novagranatense truxillense*), известная инкам как *туна*, листья которой считались более качественными, чем у разновидности, которая росла на восточных склонах этих гор.

К северу это царство граничило с другим небольшим царством Чанкай, от которого осталось много керамических изделий и текстиля, но мало исторических сведений, а его памятники вряд ли когда-то изучались. На юге в долинах Римака и Лурина самым примечательным местом было святилище Пачакамак.

Под улицами Лимы, возможно, похоронено небольшое образование феодального типа – Ичма. Парадный плац Писарро располагался на месте, которое могло быть церемониальным центром Ичма, святилищем с оракулом местного значения, давшим свое имя р. Римака. Это название можно перевести как «тот, кто говорит».

Но ни один из памятников этого государства не мог соперничать с архитектурным комплексом Пачакамак. Расположенное в долине реки Лурина, прямо у берега моря, это место имеет долгую историю идеологического главенства над окружающими долинами. Его название образовано от имени одного из самых важных богов побережья, и многие летописцы (Каланча, Сантьян и другие) рассказывают, что это божество получало дары, сравнимые с дарами, которые подносили Солнцу – официальному богу в религии инков. Управление здесь, должно быть, осуществлялось подобно туземной версии Ватикана, так как имелась группа жрецов, которые осуществляли культ и занимались паломниками, приходившими со всех Анд. Ясно, что власть этого центра была сильно подорвана с появлением инков, построивших храм Солнца и сооружение, посвященное жрицам Солнца, на этой священной для местного населения земле. Однако престиж этого места не исчез полностью, и два последних верховных правителя инков, Уаскар и Атауальпа, консультировались у оракула в Пачакамаке, чтобы узнать, унаследуют ли они власть от своего отца, Уайны Капака (1493–1525 гг.). Если верить испанским летописцам, то Уайна Капак тоже поклонялся богу побережья.

Самыми примечательными строениями доинковского периода являются пирамиды I и II с наклонными плоскостями. Эти пирамиды, сделанные из глины, скорее всего, наиболее интенсивно использовались в Поздний промежуточный период, т.е. в период формирования доинкских царств и их союзов.

Нам не известно, какие связи они поддерживали с соседним государством Чинча, располагавшимся в долине с тем же названием к югу от р. Лурина. Чинчи были превосходными моряками и путешествовали до государств в северной части побережья. В то же время обменная деятельность, должно быть, внесла свой вклад в распространение культуры Пачакамака, жрецы которого требовали, чтобы в царстве Чиму ставили копии изображений бога побережья.

Должно быть, во многом престиж Пачакамака обуславливался тем, что он был «богом землетрясений». Поскольку центральное побережье Перу – это сейсмически активный район, подверженный постоянным землетрясениям, вера в этого бога не ослабла с исчезновением политического влияния этого места.

ОЗЕРНЫЕ ЦАРСТВА

В период распада Тиауанако, до которого уже были проложены относительно надежные караванные пути и налажена стабильная торговля, озерные государства и образования феодального типа, которыми правили *кураки*, начали соперничать за главенство в данном регионе. Пока нам известно о существовании четырех таких образований: Коля и Лупака на северо-востоке и Пакахе и Омасуйо на юго-востоке. О связях первых двух с западными долинами и побережьем достаточно хорошо свидетельствуют археологические находки. Керамика Аллита-Амайя, соответствующая культуре Лупака, тесно связана с такими комплексами, как Чурахон (Арекипа), тогда как гончарные изделия культуры, которая, судя по всему, относилась к народу колья, были найдены в Альго-Каплине (Такна, Перу) и Асапе (Арика, Чили).

Из всех вышеупомянутых групп на образование Лупака было обращено значительное внимание благодаря публикации *La visita hecha a la provincia de chuquito* («Посещение провинции Чукито») автора – Гарсии Диеса де Сан-Мигеля в 1576 г. Это длинный отчет, в котором содержатся данные о численности коренного населения и о ресурсах семи деревень Чукито, древнего центра культуры лупака. Данные были собраны с целью взимания налогов, но, независимо от задачи, которую выполнял посетитель, данный источник дает нам историческую информацию о коренном населении и о том, как правители Куско относились к народу и территории данного региона. К сожалению, природа документа такова, что он содержит мало информации о сторонах жизни, не связанных с налогами. Более того, информация, содержащаяся в летописях, которая была получена из устных преданий инков, очень скудна и не может служить дополнением к материалу, полученному при указанном визите. Не облегчает нашу задачу и тот факт, что это был индейский народ, говоривший на языке аймара. Хотя сегодня на языке аймара говорят более миллиона человек, факт их проживания бок о бок с кечуа на протяжении почти двух тысяч лет сгладил культурные различия, когда-то существовавшие между ними. Аймара относятся к языковой семье хаки, а до наших дней сохранились всего два других языка, принадлежащих к этой группе, – хакуру и хауки, на которых говорят в Перу.

Во время визита Сен-Мигеля население Лупака (около 100 тыс. чел.) было сосредоточено вдоль берегов озера, но населяли они и западные склоны плато. Это были постоянные поселения, поддерживавшие связи с родным регионом. Они пасли стада, выращивали маис, собирали

листья коки или стручковый перец, а также соль и птичий помет вдоль побережья Тихого океана.

Как Лупака, так и соседние государственные образования занимали земли за пределами своего политического центра, в результате чего поселения Лупака можно встретить на территории Пакаке, и наоборот. Эта система «непостоянного землевладения» не ограничивалась сложными политическими образованиями. В 1593 г. феодальные владения кураков и деревни камана имели небольшие участки на соседней территории. Было ли это своеобразной стратегией, призванной защитить их скудные урожаи от природных стихий вроде морозов, или то был способ гарантировать их взаимозависимость, чтобы предотвратить войны? Поскольку убедительного ответа нет, можно подумать над ним, используя экологические критерии.

Картина распределения земли напоминает архипелаг, т.е. ряд «островов», принадлежащих одной системе. Лупака показали, что в условиях окружающей среды Анд в целях обеспечения ресурсами для выживания, необходимо присутствие в различных экологических нишах. В Чукито «острова» продолжали зависеть от хозяев, которые правили ими с берегов озера, и эти связи продолжали поддерживаться даже во время колониального периода, когда поселенцы претендовали на свою принадлежность к этническим группам, оставшимся на Альтиплано.

Эта гипотеза согласуется с идеей вертикальности как ментальной картины взаимоотношений в мире Анд и поддерживает идею о том, что обитатели плато Колья поддерживают тесные связи с населением на побережьях Перу, Чили и с северо-западной частью Аргентины. Но какой бы обоснованной эта гипотеза ни казалась за пределами данного региона, сейчас она пересматривается. Судя по всему, в Северном Перу превосходство побережья («перевернутая вертикальность» или «горизонтальный архипелаг») распространилось на склоны Анд, где «феодалное образование» Квисманку, или Гусманго (Контумаса, Кахамарка), вынуждено было платить дань Чимору с «островами», которые когда-либо были обнаружены на восточных склонах горной гряды.

Провинция Чукито была организована вокруг семи первоначальных деревень (Чукито, Акора, Льяве, Жули, Помата, Юнгую, Сепита), разделенных, в соответствии с обычаем Анд, на две единицы (*alasa* и *maasaa*), называемые на кечуа *sayas* (*сайяс*). Согласно данным *kinu* («узловое письмо» – средства для запоминания передаваемых сообщений), провинция включала 28 080 хозяйств, большая часть которых была разделена между двумя основными этническими группами – аймарами (15 788 хозяйств) и урусамы (4129 хозяйств). Если предположить, что одно хозяйство включало пятерых человек, то здесь проживало примерно 100 тыс. аймаров и урусов.

Кто такие урусы? Словарь, составленный в 1612 г., определяет их как «индейский народ с низким интеллектом, который презирают все и который обычно занимается рыбной ловлей», однако документ Чукито изображает их совсем иначе и сообщает, что «эти люди не менее умны и способны, чем все остальные аймары, но их подчинили и подавили настолько, что не позволили им стать более благородными... Мелчор Аларкон (*Melchor Alarcón*) (королевский писец, обосновавшийся в этом регионе во время посещения) видел, что они очень хорошо работают. Их поля или поля их господ засеваются первыми в провинции, то же касается полей других индейцев, которые дают им листья коки, напитки или другие виды уплаты натурой... и он знает и видел, что... поля, которые они обрабатывают, лучше, чем у аймаров, и принесут большой урожай».

Существование подчиненных народов не является необычным в доевропейских условиях, но особенно примечательным следует считать их отнесение к конкретной этнической группе и особой отрасли деятельности («ры-

боловство»). Презрительное отношение к ним можно объяснить тем, что источник принадлежит аймарам.

Инки заставили урусов и аймаров перебраться в Арику и Атакаму. До сих пор ведутся споры о том, возникли ли эти группы на побережье Чили или познакомились с этой областью когда-то в прошлом. Один из рассказов, датированный 1581 г., упоминает о 400 урусах из Атакамы, которые «были не крещеными», не жили в сосредоточенном поселении и никому не платили дань, хотя и отдавали рыбу правителям Атакамы в знак подчинения им. «Они очень примитивны. Они никогда не сеют и не жнут и живут лишь за счет рыбы». С XVI в. урусы и еще две группы рыбацких сообществ – каманчака и проанче – стали известны под названием чангос, а их присутствие было обнаружено в Антофагасте (Чили) на более поздней стадии. Археологические находки в Арике и Атакаме говорят о том, что одежда чангос напоминала одежду аймаров. Наряду с подношениями и рыболовными принадлежностями были обнаружены остатки домашнего имущества и пищи.

Однако это была не единственная этническая группа на Альтиплано. В «Переписи одной тысячи богатейших индейцев в провинции Чукито» (*Padrón de los indios más ricos de la Provincia*) рассказывается об охотниках чукилья, в отношении которых также высказываются презрительные замечания, подобные тем, что высказывались об урусах. О них говорили так: «...они охотники. Их немного, и они не знают ничего, кроме убийства диких животных и практики идолопоклонства. Они колдуны и, поскольку никогда не видят испанцев, предпочитают оставаться среди своих *уакас* (священных мест или предметов)». Из более позднего документа можно сделать вывод, что народ хатун-колья имел охотничьи угодья, зарезервированные для чукилья (согласно указаниям правителей государства инков Тауантинсуйу). Эти территории располагались на очень влажном субальпийском безлесном плоскогорье и в дождливой альпийской тундре, где чукилья ставили силки и рыбачили. Чукилья, должно быть, занимали высокогорную область вокруг центра Колья. Каких-либо сведений об этом народе нет, но они, вероятно, жили достаточно благополучно в колониальный период. Их вождь, Гуарекальо, считался могущественным человеком в *urinsaya* Чукито.

В политическом отношении территория вокруг озера, видимо, была очень нестабильной. Летописи объясняют, что именно поэтому она была завоевана, а завоевание приписывают Инке Виракоче. Согласно более подробной версии, Кари, «царь» Чукито, и Сапана, правитель «Хатун-Колья», оспаривали эту территорию. Их стычки чередовались с частыми вторжениями в долину Куско. Виракоча решил положить конец этой угрозе и, победив канчи и заключив договор с кана (обе эти этнические группы располагались вблизи долины Куско), он отправил посланников в Колю. Достигнув плато, инки обнаружили, что ситуация уже определилась: кари победили колья и заключили договор с Куско, символом которого стало закапывание сосуда, из которого наливался напиток для провозглашения тоста за новую дружбу. Местный летописец Хуан Санта Крус Пачакути записал гимн, отражающий этот союз:

*Ты, правитель Куско,
И я, правитель Колю,
Давай вытъем,
Давай поедим.
(И) давай решим,
что ни один (из нас) не станет печалиться.
Я, приверженец серебра,
ты, приверженец золота,
ты, почитающий Виракочу,
ты, поддерживающий мир,
я, почитающий Солнце.*

Несмотря на то, что в тексте гимна оба правителя наделены равным статусом, эту ситуацию не подтверждает отчет Гарсии Диеса де Сан-Мигеля, на которого ссылались выше. Инки требовали большую дань от своих южных соседей: соль, картофель, кинуа и верблюдовых в качестве основных ресурсов; перья и красивую одежду как предметы роскоши; рабочую силу для изготовления повседневной одежды и обуви; квалифицированных специалистов для выделки тонких тканей и работы с перьями; *митайос* (сменных рабочих) для добычи минералов и строительстве зданий в Куско; *митимаэс*, или поселенцев, чтобы обживать отдаленные места; солдат для военных походов; жен для знатных инков и, наконец, людей для жертвоприношений. С другой стороны, подношения инков были более чем символическими: одеяла и рубашки из *кумби* (тонкая ткань) для кураков, а также поставки продуктов питания на праздники, установленные в Куско, столице государства инков Тауантинсуйу. Инки не могли бы повести себя более жестоко по отношению к земле, где родились их предки – первый инка Манко Капак («Великий») и его сестра-жена Мама Окльо.

ПРАВИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОР

Несмотря на то что между высокогорным народом и государством Чиму на севере страны создавался ненадежный союз, особенности владений и феодальных образований центральнойного побережья осложняли поддержание нормальных отношений.

Если рассмотреть регион между Уанкайо, оз. Хуниин (также известным как Бомбон или Чинчайкоча) и долиной Чанчамайю в высокогорных джунглях, то можно обнаружить, что в период, предшествующий появлению инков, там проживали три этнические группы с большим населением. Во-первых, там жили уанка. Уанка, возможно, были самым многочисленным народом и населяли земли, орошаемые р. Мантаро, между городами Уанкайо и Хауха, а также все пересекающиеся между собой долины, расположенные неподалеку. Затем здесь жил народ тарма, или тарма, земли которого простирались от долины Тарма до восточного края пуны Хунина. Наконец, склоны Анд, тянувшиеся до Гран-Пахонал, населяли племена ашенинка, или кампа, структура населения которых, судя по всему, была родственна структуре племен Амазонки. Однако следует отметить, что кампа (и их соседи амуэша) всегда поддерживали более тесную связь с народами гор, чем другие народы тропических джунглей.

Об уанка имеется достаточно большой объем информации, оставшейся от колониальных времен, в частности потому, что они, подобно народу каньяри с гор Эквадора, вскоре отказались от своего статуса вассалов инков, чтобы примкнуть к испанской армии. Это говорит о том, что их взаимоотношения с правителями Куско, которые, должны быть, господствовали в центральных горах до 1450 г., были сложными.

Трудно определить, какой политический центр властвовал над тарма или уанка. Городище с самой высокой плотностью построек принадлежит крупнейшей группе в долине Янамарка, но, судя по всему, это было обусловлено отнюдь не необходимостью установления связей между сообществами, а скорее концентрацией населения, которая, видимо, больше нигде не повторялась. В этом поселении территория была разделена между равными блоками, составляющими пары, которые повторялись с некоторой регулярностью. Кроме того, наблюдается тенденция располагать постройки на возвышенных местах, что, видимо, свидетельствует о своеобразной оборонительной модели. В любом случае самые распространенные здания, судя по всему, использовались для очень узких целей, например для хранения продуктов питания. То же самое от-

носится и к тарма, но в меньшем масштабе. Долина Палкамайю с лучшей почвой была жилым центром этой этнической группы.

Основным жизненным ресурсом обоих народов было пастушество. Наряду с ламами и альпаками, они использовали местную фауну, так как территория вокруг оз. Чинчайкоча является местом с величайшим разнообразием животных видов пуны. Подобно оз. Титикака в южных горах, с древних времен это озеро, хотя и меньшего размера, также служило народу центральной пуны нишей для экспериментов с окультуриванием растений и одомашниванием животных. Его роль в духовной жизни этого народа изучена не была. Во всяком случае, храм Уариуилка, построенный Уари, судя по всему, оказал больше влияния на уанка, которые считали его легендарным местом своего происхождения.

Что касается индейских народов кампа, то центром их территории была часть речной системы, включающей р. Апуримак, которая, сливаясь с р. Мантаро, далее течет как р. Эне, а ниже эта река сливается с р. Перене, образуя р. Тамбо, которая вместе с притоками далее образует р. Укалли. Народ кампа, живший разрозненными автономными группами вдоль рек, поддерживал постоянные связи с народами нагорий. Примечательно, что в 1742 г., через два века после Писарро, андийский метис Хуан Сантос Атауальпа взял имя верховного инки Атауальпы (1500–1533 гг.) и объединил вокруг себя индейцев. (Это восстание на целый век остановило продвижение европейцев.) Их вождь был канонизирован как Апо Капак Уайна, или *Jesús Sacramentado* («Иисус Пресуществленный»), и, согласно легенде, на глазах своих последователей вознесся на небо, где обитает среди богов кампа. Как и в случае с инками, для кампа самым важным божеством был бог Солнца.

ЧАНКА – МЕЖДУ МИФОМ И ИСТОРИЕЙ

Гораздо сложнее найти ответы на вопросы, касающиеся формирования высокогорных политических объединений после Уари на территорию в регионе Аякучо. С падением Уари исчезли крупные города, на смену им пришли довольно случайные поселения, которые в основном располагались в более высоких горных районах и в плане были круглыми или квадратными. Тогда получили распространение два типа гончарных изделий низкого качества: один с простыми расписными сюжетами и другой – раскрашенный тремя характерными для этого периода цветами – белым и черным по красному фону с геометрическими узорами.

Если верить летописям, то первоначальная территория чанка располагалась в современном департаменте Уанкавелика, так как мифы чанка о сотворении мира повествуют об их происхождении из оз. Чоклокоча в округе Пипилчака. Это озеро лежит на высоте 4511 м на территории длиной 9 км и шириной 3 км. Изначально его воды вытекали в бассейн Атлантического океана по р. Пампас, разделяющей департамент Аякучо на две части. Впоследствии русло этой реки изменилось, и теперь она впадает в бассейн р. Ика, орошая землю этого региона.

Ко времени прибытия европейцев это озеро носило название Ача, хотя легендарное воспоминание о битве двух вождей чанка породило его новое название, которое можно перевести как «озеро кукурузных початков». Согласно местным археологам, территория чанка простиралась от Кастровиррейны (г. Уанкавелика), включая весь департамент Аякучо и часть департамента Апуримак, до ее естественной границы в месте слияния рек Пампас и Апуримак.

Как и в типах феодальных образований в центральных горах, здесь тоже нет важных монументальных центров, а поселения напоминают описанные выше. Судя по остаткам, они появились в Андах около 1100 г. н.э. и, подобно остальным народам на территории Куско, были поглощены около 1400 г.

Когда хроники упоминают о чанка, они неизменно говорят об их воинственной природе. Как будет показано, это мнение в большей степени обусловлено интерпретацией инками своей собственной истории, в которой чанка сыграли особую роль. Они также ссылаются на местное предание, согласно которому они произошли от пумы, причем шкуры пум используются в качестве церемониальных одеяний.

Интересно, что, хотя инки в одном из своих мифов признавали оз. Титикака местом своего происхождения, появление Тауантинсуйу как панрегионального государства (занимавшего территорию современного Перу, Боливии, Эквадора, север Чили и северо-запад Аргентины. – *Прим. ред.*) они приписывают победе Инки Пачакутека над чанка.

С небольшими вариациями имперская сага инков повествует о том, как Инке Виракоче угрожал Усковилка, вождь соседнего племени чанка, стремившийся померяться силой с правителями Куско. Виракоча решил не оказывать сопротивления и отошел в столицу своего небольшого царства вместе с сыном Урко, которого избрал своим преемником. Другой его сын, по имени Инка Юпанки, решил принять на себя оборону Куско и для этого заручился божественной помощью. Согласно одним версиям, Солнце, а согласно другим – бог Виракоча (не путать с отцом Юпанки, который носил то же имя) явился ему во сне и пообещал победу. В заключительном сражении Инка Юпанки был почти подавлен численно превосходящими воинами чанка, но бог сдержал свое обещание, и камни, окружающие город, превратились в воинов, которые одержали победу над нападавшими.

Инка Юпанки взял себе имя Пачакутек (Переворачивающий Вселенную), низложил своего отца и отменил решение, назначающее преемником Урко. При своем продолжительном правлении он основал институты, заложившие основы империи «четырех углов мира».

Интересный аспект этой легенды состоит в том, что она отвергает предположение о происхождении политической модели, которой впоследствии следовали инки, из региона Аякучо. Это противоречит археологическим свидетельствам, согласно которым Уари, несомненно, был первым опытом в строительстве трансрегионального государства, структуры которого, как физические (дороги, *уснос*, т.е. государственные здания, и т.п.), так и административные (*митимаес*, *тамбос*, т.е. склады, *чакис* – поляны), должны были унаследовать инки.

История Пачакутека походит на идеологическую подтасовку, направленную на отрицание прямого отцовства. По данному сценарию чанки, которых представляли потомками могущественных варваров, были идеальными соперниками.

Однако этот презрительный взгляд на историю невозможно применить к взаимоотношениям инков с Уари в целом. В Вилкашумане инки построили один из самых важных церемониальных храмов. Вильяк Уму, или Верховный жрец, ездил туда перед церемонией своего посвящения в пастыри религиозной жизни инков.

ДЕТИ СОЛНЦА

Ни одно из высокогорных царств, возникших после падения Уари, не могло соперничать с главенством прибрежного царства Чиму, контролировавшего северное побережье и угрожавшего народам близлежащих гор. В Чиму существовала компактная система управления и идеология, распространявшаяся за пределы самого государства, а технология его не знала себе равных. Однако маятник власти вновь отклонился в сторону гор, и правители Куско распространили свое влияние на всю территорию Анд, оказывая особое внимание своим северным соседям.

Исследователям еще предстоит составить разумный объем знаний об инках. Частично это объясняется тем, что

Куско заселялось непрерывно, а современная территория города располагается над старым колониальным и доиспанским городищем. В результате этого возникают материально-технические проблемы и разгораются страсти, которые осложняют проведение раскопок на этой территории. Похожие проблемы появляются и при изучении документов, которые, как и все письменные источники, сохранившиеся в архивах на территории Анд, имеют низкое качество и ограниченное число изданий. Эти документы во многом уступают, например, мексиканским. Только в последние десятилетия стали появляться критические издания, а также труды по этнографии и фольклору, хотя эти области привлекали значительное внимание еще в 1940–1950-х гг.

Если соединить фрагменты имеющейся информации, то станет ясно, что около 1200 г. н.э. долина Куско разделилась на несколько образований феодального типа, возглавляемых кураками и постоянно воевавших друг с другом, хотя ни одно из них не смогло захватить власть во всем регионе. Индейское племя инков, появившееся позднее, ненамного отличалось от индийских племен санью, алькависа или аямарка, которые считаются коренными жителями этих территорий. Все они имеют общую историю войн и довольно ненадежных союзов, где пакты, направленные против третьих сторон, столь же часты, сколь и браки по династическим причинам. Такая ситуация, видимо, изменилась, когда по инициативе группы инков началась работа по осушению болотистой почвы долины.

Нельзя утверждать, что вышесказанное автоматически опровергает информацию о происхождении «первой династии», так как часть ее, несомненно, описывает ситуации, сопутствующие развитию зачатков государственности. Так, согласно легенде, в первые дни Верховный Инка и боги проживали вместе в Интиканче – своеобразном дворце с церемониальным центром, причем считалось, что Инка творит чудеса с помощью талисманов и заклинаний, и т.п. Это может свидетельствовать о том, что тогда гражданская и религиозная власти, сегодня известные нам по отдельности, были тесно связаны.

Однако по мере развития государства Тауантинсуйу эта картина значительно изменилась, в частности потому, что расширение правящего класса требовало увеличения объема дани и приводило к расхождению интересов. Более того, возникла необходимость в специализации ремесленных производств. Для этого требовался качественный и количественный скачок, преобразующий более или менее свободный союз феодальных владений кураков в единое государство. Легендарный язык хроник того времени объясняет этот процесс через «войну с чанка», о которой уже упоминалось.

В археологическом отношении гончарные изделия, производство которых развилось в пору расцвета империи инков (1300–1500 гг.), видимо, базировалась на традициях местной керамики, названной кильке и встречающейся в основном в бассейне р. Уатанай, одной из ближайших к монументальной столице. Аналогично, в долине р. Лукре, которая тоже протекает недалеко от Куско, были обнаружены артефакты, напоминающие об Уари. Руины зданий здесь напоминают остатки г. Пикильякта, к тому времени уже заброшенного. Керамика, найденная в районе Лукре и относящаяся к культуре котакальи, свидетельствует о том, что этот регион смог пережить присутствие народа из Аякучо и что кильке и котакальи – это две из групп, появившихся здесь, когда исчезло правление уариев.

В социальном отношении, учитывая всех и каждого жителя города и обеспечивая элитный статус членов семей-основателей, правители Куско были двойной иерархической группой правящих чиновников на службе у государства Тауантинсуйу.

Хорошо известно, что их первые военные походы проводились по высокогорному пути, и победив чанка на севере, они должны были повернуть на юг, чтобы взять под

контроль озерные царства. Затем, покорив народы северо-западных перуанских гор, они продолжили свое довольно вьющее продвижение к Кито. Центральное побережье было территорией, к которой они стремились, продвигаясь в этом направлении медленно, но верно. То же можно сказать и об их продвижении к святилищу Пачакамак. Как указывалось выше, несложно увидеть, как инки застраивали места, оставленные для некогда могущественного бога землетрясений Уариив. Иногда эту связь сложно объяснить, как в случае с созданием государственного образования «феодалного типа» у чинча. Судя по всему, оно было политическим объединением с центральным правительством и бартерной системой хозяйствования, а сами чинча плавали практически вдоль всего перуанского побережья на больших плотах. Когда в 1532 г. в засаду, устроенную Ф. Писарро, попал правитель инков Атауальпа, многие испанцы считали, что этот человек – правитель чинча из-за его одеяния и числа слуг, его сопровождавших.

Это контрастирует с деструктивным отношением более поздних инков к северному побережью, где город-государство Чан-Чан был в руинах, когда его впервые увидели европейцы. Существовали разные мнения в отношении того, подчинить ли огромную территорию, в конечном счете находившуюся под властью инков, или заключить союз с живущим там народом. Империя инков, протянувшаяся от г. Пасто в Колумбии до р. Мауле в Чили и захватившая горы с притоками Амазонки на восточной границе, была крупнейшей политической организацией, когда-либо существовавшей в Новом Свете.

Любопытно, что упоминания о завоевании восточного склона Анд носят своего рода «извинительный» характер: согласно официальным источникам, «чунчос», или дикари не стоили и попытки завоевания. Вместе с тем есть доказательства, что именно такие попытки инки делали не раз. Как ни странно, эти попытки не начинались по естественному течению рек Апуримак и Урубамба, охватывающих регион Куско с двух сторон, а затем севернее образующих р. Укаяли. Упорно, но тщетно инки предпочитали двигаться по территории, занятой джунглями вокруг самого Куско, начиная с долины Юкай и основав поселение Вилькакамбо, которое впоследствии стало их последней стоянкой. Другие, более поздние, попытки начинались с Мадре-де-Диоса в направлении на северо-восток от Куско, но их результаты были столь же тщетны.

Вероятно, механизм общественного контроля лучше всего работал в группах населения, живших по хорошо известным производственным циклам, прежде всего – связанным с сельскохозяйственным производством; в такой системе ярмарки и различные календарные события (например собрания) могли проводиться под эгидой щедрого патрона (Верховного Инки или его чиновников). Цель постройки или реставрации монументальных комплексов (таких как Уанакопампа) заключалась в превращении фактического подчинения местных групп в празднование, чтобы эти группы считали строения и чиновников Куско (или чиновников, подготовленных в Куско) устроителями своей жизни.

Подобно правителям Уари, инки превратили свою архитектуру в символ своего политического присутствия. Некоторые здания, такие как *усно*, можно встретить почти в каждом уголке Тауантинсуйу. В некоторых случаях в их сосудах, простых и функциональных, например в *керос*, сохранялись предшествующие традиции, и декор, в основ-

ном геометрического характера, тоже был перенят у предшествовавших культур. Однако нельзя делать поспешные заключения на основании лишь имеющихся письменных отчетов, а не из систематических раскопок Куско, которые еще не начались. Здания, которые можно увидеть в столице, постоянно были заняты с 1532 г. вплоть до наших дней, что осложняет проведение археологических работ, которые должны были быть предприняты уже давно. Но даже в этом случае руины недавнего прошлого (в городах Писак, Оллантаитамбу или Саксауаман) дают нам некоторое представление о том, каким мог быть город городов доколумбовой Америки (илл. 320–322).

БИБЛИОГРАФИЯ

- BONAVIA, D. 1991. Perú hombre e historia. De los orígenes al siglo XV. Ediciones Edubanco, Lima.
- CASAEVITZ, R.; SAIGNES, T.; TAYLOR, A. C. 1988. Al este de los Andes. Relaciones entre las sociedades amazónicas y andinas entre los siglos XV & XVII. Ediciones Abya-Yala-IFEA, Lima and Quito.
- COOK, A. G. 1994. Wari y Tiwanaku: entre el estilo y la imagen. Pontificia Universidad Católica, Lima.
- CONZÁLEZ CARRÉ, E. 1992. Los Señoríos Chankas. Indea, Lima.
- HUERTAS, L. 1990. Los chances y el proceso distributivo en los Andes. In: Historia y Cultura, No 20. Lima.
- ISBELL, W. H. 1985. El origen del estado en el valle de Ayacucho. In: Revista Andina, No. 1, pp. 57–106.
- MANZANILLA, L. 1992. Akapana: Una pirámide en el centro del mundo. Instituto de Investigaciones, Mexico City.
- MATOS, R. 1994. Pumpu. Centro Administrativo Inka de la Puna de Junín. Editorial Horizonte, Lima.
- MILLONES, L. 1987. Historia y poder en los Andes centrais (desde los orígenes al siglo XVII). Alianza Universitaria, Madrid.
- 1997. El rostro de la fe. Doce ensayos sobre religiosidad andina. Pablo de Olavide. El Monte, Seville.
- MORRIS, C.; THOMPSON, D. E. 1985. Huanuco Pampa. An Inca City and its Hinterland. Thames & Hudson, London, Madrid.
- MORRIS, C.; VON HAGEN, A. 1993. The Inca Empire and its Andean Origins. American Museum of Natural History, New York.
- PARSONS, J.; HASTINGS, C. 1992. Late Intermediate Period. In: KEATING, R. W. (ed.) Peruvian Prehistory. Cambridge University Press, Cambridge.
- RAYMOND, S. 1992. A View from the Tropical Forest. In: KEATING, R. W. (ed.) Peruvian Prehistory. Cambridge University Press, Cambridge.
- RICHARDSON, J. 1994. People of the Andes. St. Rémy Press and Smithsonian Institution, Montreal.
- ROSTOROWSKI, M. 1997. Costa Peruana Prehispánica. Instituto de Estudios Peruanos, Lima.
- SHIMADA, I. 1995. Cultura Sicán. Edubanco, Lima.
- TOPIC, J. R. 1985. Huari and Huanachuco. Paper prepared for Huari Round Table. Dumbarton Oaks (16–19 May 1985), Washington, DC.
- TOPIC, T. L. 1990. Territorial expansion and the kingdom of Chimor. In: MOSELEY, M. E. and CORDY, A. C. (eds) The Northern Dynasties, Kingship and Statecraft in Chimor. Dumbarton Oaks, Washington, DC.
- UCEDA, S.; MÚJICA, E. (eds) Moche, propuestas y perspectivas. Universidad Nacional de Trujillo and IFEA, Lima.
- ZARZAR, A. 1989. Apo Capac Huaina, Jesús Sacramentado. Mito, utopía y milenarismo en el pensamiento de Juan Santos Atahualpa. Ediciones CAAAP. Lima.

ЮЖНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Ана Мария Лоранди и Даниэль Шавельсон

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ПОСЛЕ 700 Г. Н.Э.

Территория долин и пуны северной части Чили, особенно вокруг современных городов Арика и Сан-Педро-де-Атакама, связана с культурами пукара и тиауанако, помимо других культур Альтиплано (карта 44). Влияние культуры пукара было особенно сильным в прибрежных долинах в ранний период, а потом уступило место культуре тиауанако, к которой относились колонии во многих долинах вдоль южной части побережья Перу и Арика; эти колонии имели связи с районом современного г. Сан-Педро-де-Атакама, по-видимому, торговые по своей природе. Развитие этой территории не зависело от больших центров: типы гончарных изделий, деревянные таблички и ложки, а также характерное ткачество свидетельствуют об автономии и определенной степени регионализма. Предметы, ввозимые из пуны или с севера и из долин Аргентины, доказывают, что Сан-Педро являлся центром их перераспределения. В могилах находятся красные или черные керамические изделия из центральных долин, таких как Кондоруази, или с территории Кебрада-де-Умауака. Все эти связи составляли около 800 г. н.э. сеть, включающую отношения элементов местных культур с культурой тиауанако. В Арике влияние Альтиплано в деревнях среднего периода начало проявляться в эпоху пукара, относящуюся к фазе альго-рамирес. Более поздняя керамика майтас относится к периоду тиауанако.

Доступ к этим долинам с севера играл важную роль: в обмен на маис, стручковый перец, хлопок и рыбу население долин могло получать из нагорий другие ресурсы в дополнение к картофелю и ламам. В этот период способы существования и методы получения излишков продукции явно расширялись, что было обусловлено колонизацией или торговлей. Этим можно объяснить развитие культуры тиауанако, которая, должно быть, использовала вспомогательные территории для консолидации своей политической и религиозной власти. В это время излишки, развитие деревень и начало развития городов на данной территории в совокупности обеспечивали появление центров власти со сравнительно зависимыми окраинными областями.

В Средний период (650–1000 гг.) на северо-западе Аргентины распространилась культура агуада. Она развилась из комплекса аламито Раннего периода на восточной окраинности северо-западной территории и распространилась по всему региону (*González*, 1964). Возможно, она наложилась на культуру сенега с центром в Катамарке, и носители обеих культур существовали бок о бок; она также могла сохраниться и сосуществовать в данном регионе с культурами других групп, развившимися не в Андах, с их собственными моделями или ответвлениями от старых культурных компонентов.

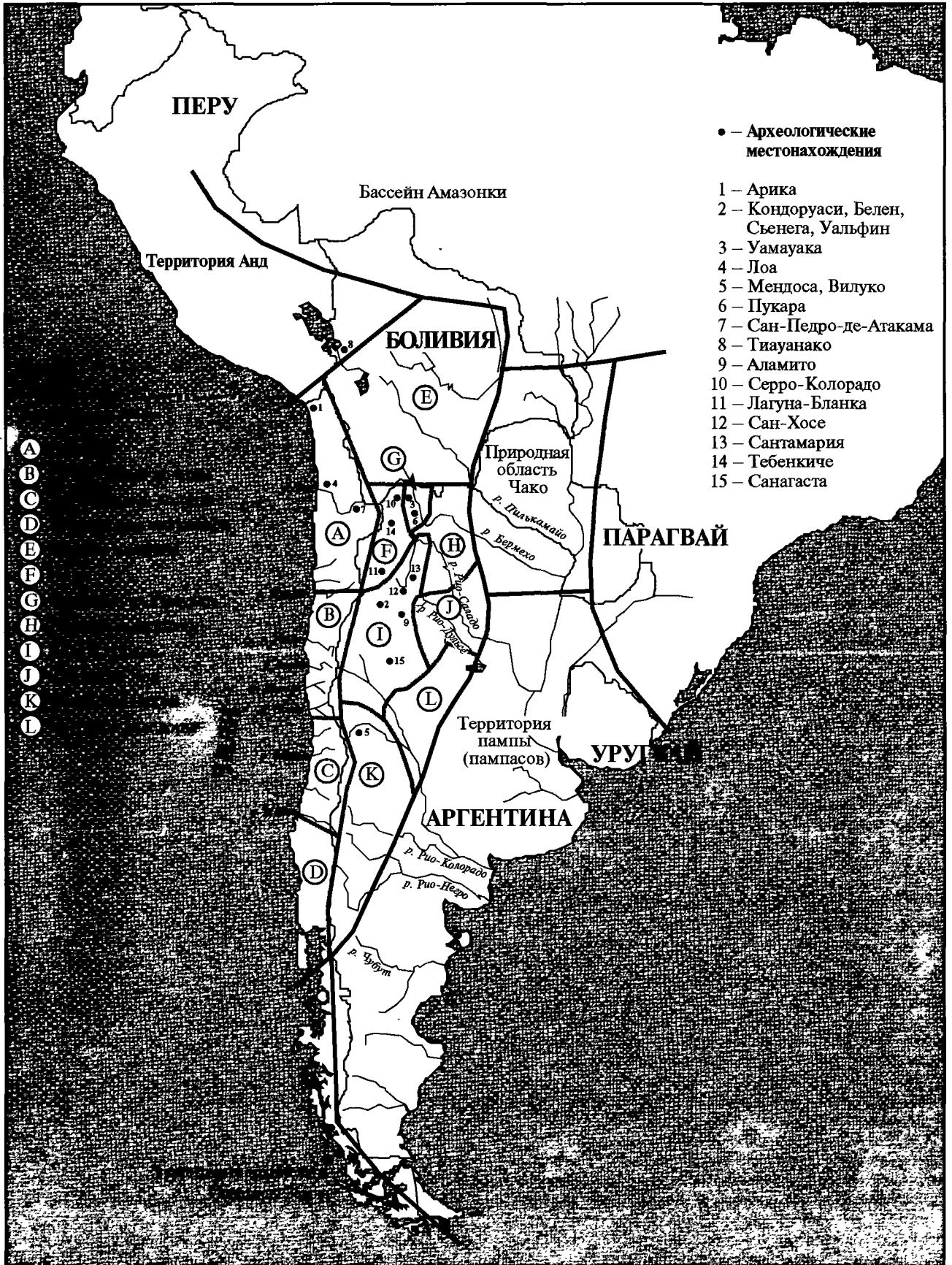
Распространение культуры агуада, судя по всему, было связано с обрядами, центрировавшимися вокруг вида кошачьих и воинских характеристик, что следует из иконо-

графии этой культуры, применения сложных орнаментов и онейроидных форм, которые иногда могут указывать на шаманские культы. Война и культ могли быть исходными факторами социальной сплоченности и принуждения, практиковавшегося представителями богатой элиты. Украшения принимали различные формы в разных регионах. В долине Уальфин преобладает черная керамика с резным орнаментом, а в Амбато находят как расписную керамику, так и изделия с резным орнаментом: большие урны с декоративно раскрашенными фигурами, кошачьи маски и большие крючковатые носы. На севере Ла-Риоха распространены изделия с разноцветной раскраской. Символические элементы, представленные в керамике, резьбе по металлу и по дереву, свидетельствуют о прямом влиянии культуры тиауанако.

В культуре агуада способы изготовления гончарных изделий достигли значительного развития, так как в бывших местах обитания людей и на свалках было найдено множество разновидностей керамики. Встречаются различные типы ее орнаментов, прежде всего – раскрашенных и резных. Среди первых можно назвать двухцветные росписи, черные узоры на красно-желтом фоне, а также красные, черные и трехцветные росписи с черными и темно-красными узорами на естественном фоне. Декоративными сюжетами являются геометрические формы или фигурки кошачьих. Самыми распространенными сосудами можно считать цилиндрические и конические кувшины, шарообразные горшки и горшки в виде полушара, а также полусферические сосуды (*тужос*) различных профилей. Встречаются также красновато-желтые антропоморфные фигурки, обычно облаченные статуэтки с большими раскосыми глазами и сложными прическами, но с руками и ногами, напоминающими простые обрубки.

Большинство статуэток представляют собой стоящие фигуры. Преобладают мужские фигурки, хотя особенностям пола уделяется мало внимания. Встречаются и глиняные трубки с фантастическими фигурами – человеческими лицами или кошачьими мордами, дьявольскими или чудовищными изображениями; такие трубки использовались в качестве курильниц. Во время раскопок были обнаружены также человеческие статуэтки из мягкого камня, которые часто копируют глиняные фигурки, и цилиндрические вазы, сделанные из стеатита, с фигурками кошачьих и воинов в сложных головных уборах, с топорами.

В области металлургии более широко стала использоваться технология литья: найдены топоры, украшенные фигурами драконов или изображениями кошачьих на лезвиях. Особого упоминания требуют так называемые диски. На диске Лафоне Кеведо, возможно, самым выдающимся из подобных изделий, изображена центральная фигура с богато украшенными головой и грудью, двумя фигурками кошачьих на плечах, простирающихся вниз подобно крыльям дракона.

Карта 44. Южная часть Южной Америки в 700–1500 гг. (Schmidt, на основе рис. 4–1, 7–1, 7–15, Willey, 1971)

Типичным поселением являлась деревня, хотя в Амбато есть поселения с церемониальными насыпями, подобными тем, что встречаются в Аламито в предыдущий период. На севере провинции Ла-Риоха есть сложные блоки каменных жилищ, которые пока мало изучены. Имеются свидетельства о существовании ремесленников с техническим и художественным опытом работы в металлургии бронзы. В остальной северо-западной части Аргентины продолжали существовать типичные деревенские поселения Раннего периода. Есть городища, относящиеся к этому периоду, такие как Санта-Ана-де-Абралаите на севере пуны и фаза Серро-Колорадо в Яве на северо-востоке пуны, в которых незаметна связь с поселениями в северной пуны, например, с Лагуна-Бланка и Тебенкиче, за исключением того, что типичным поселением продолжает оставаться деревня, связанная с возделыванием полей и террас, как в Санта-Ана, или насыпями, как в Серро-Колорадо и Посуэлосе.

Общего стилистического образца в гончарных изделиях, судя по всему, не было. В основном использовались геометрические узоры. На стоянках жили сообщества, собиравшие хорошие урожаи и содержавшие животных. Они, видимо, не формировали больших политических единиц, жили в поселениях, состоявших из раздробленных обществ пуны, без каких-либо заметных отклонений от этого образца.

В Кебрада-де-Умауаке, с другой стороны, можно видеть переход от маленьких деревень к более крупным с большими структурными элементами, которые могли быть связаны с более сложной политической моделью. Это свидетельствует о начале формирования небольших центров власти с земельной собственностью, расположенной на разных высотах; эти центры использовали горизонтальную модель прав на землю. Вероятно, такая ситуация оказала влияние на общественные отношения, обмен женщинами и на создание ассоциаций, по своей природе скорее символических и ритуальных, нежели политических.

Проявления культуры агуада также встречаются в самой южной части региона Анд на севере территории Куйо, особенно в Сан-Хуане. Жилища в поселениях на дне долин построены из длинных глинобитных стен, поставленных в одно время. Для остальной части Куйо была характерна постархаическая культура или ранняя культура агрело, стилистически связанная с комплексом Молле в центре и Норте-Чико в Чили.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД (1000–1480 ГГ.)

Переход от Среднего к Позднему периоду на центральной территории Северо-Западной Аргентины, должно быть, вызвал изменения в населении. В остальных областях изменения обнаружить сложно, хотя на севере Чили могло происходить заселение прибрежных долин народами с Альгипиано. Присутствие на центральной территории народов низин вместе с их характерными особенностями, очевидно, обуславливалось несколькими последовательными волнами переселения на эту территорию.

Между 800 и 1000 гг., сразу по завершении влияния культуры агуада, возникло несколько региональных комплексов, в которых проявились значительные перемены, ставшие очевидными позднее. В целом гончарные изделия этих региональных образований подобны тем, что существовали в Санагасте, Уальфине, Ангуаласто и Сан-Хосе, и имеют стилистические элементы, продолжавшие старые традиции, ослабленные влиянием культуры агуада.

Данный период характеризуется технологическим прогрессом, более высокой плотностью населения и культурными единицами, распространившимися по каждой из главных долин, особенно в Уальфине, Кальчаки и Кебрада-де-Умауаке. Несмотря на культурное единство этих новых образований, политическая структура не выглядит в

равной степени единой. Существовали вождества с небольшими территориями и платящая дань база, включавшая от 2-3 до 11 деревень. Наличие укрепленных фортов в долинах, расположенных в пределах взаимной видимости, и сведения, оставшиеся от колониальных времен, свидетельствуют о постоянных конфликтах, выявляют относительно раздробленную организацию, которая не препятствовала развитию постоянных поселений, строительству крупных деревень с каменными жилищами, часто обнесенными стенами, созданию церемониальных центров крупного размера с очень обширными террасами, как в Коктаке, и растущему контролю за системами орошения.

Многие долинские сообщества основывали колонии в нагорьях Аконкиха, Пампа-Гранде и Сьерра-де-Санта-Виктория. Оттуда они могли контролировать лесистые восточные склоны. В направлении пуны они могли выходить на территории пастбищ и соляных озер, которые позволяли расширять производственную базу. Сосредоточение полугородского населения особенно заметно в Кебрада-де-Умауаке, долинах Кальчаки и Уальфине, а также на территориях культур умауака, санта-мария и белен. В южном направлении в культуре санагаста, где слитные поселения были редки, больше распространены деревни и жилища, окруженные полями.

На северо-востоке пуны в бассейне р. Яви-ла-Киака, впадающей в р. Пилькомайо, в культуре яви-чико, датируемой между 930 и 1460 гг., проявились некоторые признаки, связывавшие ее с народами чича Южной Боливии. Тип расселения был различным – от слитного поселения (конгломерата) до полуконгломерата. Керамика здесь тоже имела стилистические связи с мало известными комплексами в Санта-Виктории на востоке и Посуэлосе на севере пуны.

Сложно установить, в какой степени общества Позднего периода торговали между собой и как они получали припасы. Нет явных свидетельств о существовании организованного рынка даже в Тасиле, одном из самых крупных поселений (12 га) того времени. Формирование подобных конгломератов приводит к специализации, например, к крупномасштабному производству ткани, которое, в свою очередь, могло вызвать появление местной бартерной торговли. Однако, согласно Оттонелло (*Ottonello*), «даже в Тасиле общая ситуация, видимо, ничем не отличалась от положения на остальной территории центральной части Анд и, в частности, от южных нагорий, т.е. там шел поиск возможностей для самообеспечения посредством контроля над максимально возможным числом экологических ниш, разнообразная продукция которых могла дополнять продукцию центральной области» (*Ottonello & Lorandi*, 1987). Это совершенно очевидно в отношении народов Санта-Марии и Кебрады, которые установили связи с пуной и нагорьями Анд, или народа культуры белен в долине Уальфин с поселениями вблизи Антофагасты на севере пуны.

Поздние поселения в пуны сосредоточены в бассейне рек Гуатайок и Салинас-Грандес, на высотах более 3500 м. Объединения поселений в пуны связаны с обширными возделываемыми землями на склонах холмов и важной скотоводческой деятельностью, поскольку пуна – это переходная область, связывающая долины и каньоны с территорией Атакамы. Связи с южной частью Альгипиано, судя по всему, были менее интенсивными.

Связи между археологическими культурами Южной Боливии, среди которых преобладает так называемый Южный трехцветный горизонт, и Северо-Западной Аргентины выявляются благодаря присутствию наборов иконографических элементов, характерных для восточных нагорий данного региона и распространившихся за территорию Анд в направлении земель Чако-Сантьяго. В настоящее время невозможно установить географически непрерывных связей на данной территории между этими регионами, хотя связи между сюжетами орнаментов имеются. Однако такая непрерывность в связях с культурами Альгипиано проявляется на

нагорьях Аконкиха, хотя их и нельзя отнести к каким-то особым контактам или взаимоотношениям.

Несмотря на то, что влияние этих связей с боливийскими нагорьями было очень реальным, оно не могло проникнуть на равнины и в каньоны, где политические образования умели сохранять сравнительную культурную независимость, придававшую им характерные особенности, такие как распространенность похорон в урнах или сооружение многочисленных склепов для захоронения умерших взрослых вместе с множеством погребальных предметов. Часто встречаются настоящие кладбища, хотя погребения в деревенских дворах или в жилищах можно считать характерными для Кебрада-де-Умауаки и Эль-Торо. Пуна, в которой захоронения выполнялись во впадинах или небольших пещерах на склонах гор, — это единственная область, где выявлена данная особенность, в целом типичная для Альтиплано. Обработка металла, особенно бронзы, получила очень широкое развитие в центральных долинах. Бронза использовалась для производства ритуальных предметов, например, дисков с антропо-зооморфными изображениями, характерных для этого периода.

Резьба по дереву играла важную роль в ритуальных местах. Раскрашенные резные фигурки изображали богов-защитников. Качество гончарных изделий ухудшилось, но были и исключения, например в Сантьяго-дель-Эстеро и Тукумане, керамику которых позднее очень ценили инки.

Именно к этому периоду и региону относятся погребальные урны для детей. В Санта-Марии и Уальфине встречаются урны и *тужос*. Кувшины и огромное множество других форм были характерны для Кебрада-де-Умауаки. Черная керамика практически исчезает, уступая место двух- и трехцветным украшениям изделий, которые варьируются от одного региона к другому.

В горных областях ниже хребта Анд и в Сантьяго-дель-Эстеро более поздние типы поселений приспособлялись к лесным условиям. В Сантьяго, начиная с 800 г. и до колониальных времен, встречались деревни. Остатки от различной деятельности собирались в кучи, составлявшие части поселений. Между поселениями строились запруды, удерживавшие воду после дождей и наводнений. Захоронения умерших проводились либо в урнах, либо в основании насыпей, очевидно, без каких-либо погребальных предметов.

В это время север Чили все сильнее начинал зависеть от государственных и феодальных образований Альтиплано. Прибрежные образования с важными деревенскими поселениями и керамикой в стиле Сан-Мигель, Покома и Хентилар, современные вождествам или союзам племен урко (на Альтиплано) с особыми правами или связями с прибрежными долинами, составляли обширную территорию. Сложные сети заимствований продуктов связывали племена ума, живших в восточных долинах, с населением побережья.

Большая часть информации об этом периоде в долинах Арики получена на основании изучения предметов из захоронений; данных о более поздних поселениях значительно меньше, но в некоторых местах очевидных связи между высокогорьем и побережьем. Средние долины служили важными местами организации перевозок между различными регионами. Об этом свидетельствуют Уанкаране в долине Камаронес и Серро-Сомбреро в долине Асапа. Остатки материальной культуры в них говорят о важных поселениях с ямами для хранения пищи или о местных культовых центрах; распространение керамики с Альтиплано либо ограничивалось конкретной областью, как в Уанкаране, либо она использовалась вместе с местной, как в Серро-Сомбреро. В обоих случаях продукты с побережья, такие как маис и стручковый перец, были распространены столь же широко, как и продукты высокогорного происхождения.

Мало что известно о Позднем периоде в оазисах пуны. В местонахождениях у истоков рек Лоа и Токонсе проявляются черты культуры альтиплано (Castro et al., 1977). Ритуал

погребения здесь напоминает ритуал аймаров. Это были пастушеские сообщества, но террасы и другие признаки, например лопаты или деревянные мотыги, свидетельствуют о занятиях земледелием. Тип сооружения *chullpa* в Токонсе не встречается в аргентинской пуно, что, видимо, свидетельствует о контактах в основном между центральной частью Альтиплано, пуной и чилийской стороной.

На крайнем юге территории Анд, в Куйю и центральных горах, перемен, по сравнению с предыдущим периодом, происходило меньше. Типичные небольшие рассеянные поселения указывают на присутствие раздробленных обществ. На севере в гончарных изделиях преобладал стиль культуры ангуаласто, а на юге провинции Мендоса основной культурой была вилуко.

В провинции Кордова рассеянные поселения, иногда с полуподземными жилищами, относились к культурному комплексу комечингоне исторических времен. Гончарные изделия с резными орнаментами, статуэтки и костяные наконечники были частью достаточно однородного археологического контекста, типичного для смешанной системы хозяйствования с преобладанием охоты и собирательства, но и без отказа от земледелия.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ АРГЕНТИНЫ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД

Культурные образования того времени в данном регионе разнообразны. О достигнутом уровне можно судить по типам поселений в трех фазах культуры белен. На первой фазе типовыми были общие дома площадью 17 x 20 кв. м, в которых жили 3-4 семьи; эти дома располагались группами по 4-5 домов в каждой. Затем последовала фаза отдельных жилищ с каменными стенами, которые впоследствии группировались в полугородские центры, главным образом, в стратегически важных местах. Дома с несколькими комнатами представляли собой прямоугольные строения с узкими дверями. Металлургия развивалась параллельно с развитием культуры в регионе Санта-Мария. Металлические диски часто использовались в качестве гладких и украшенных щитов. Встречаются топоры, латные рукавицы и колокола, отлитые из бронзы, а характерным элементом культуры являются небольшие прямоугольные металлические подвески с двумя зооморфными фигурами, обращенными друг к другу. Гончарные изделия обычно производили из красной глины, а типичной формой были урны высотой 35-40 см для погребения умерших детей; урны делались из плотной глины, хорошо обжигались, и изделия приобретали насыщенный красный цвет, после чего расписывались черными линиями на красном фоне в виде геометрического узора из горизонтальных полос. Изображения змей с двумя или более головами и фантастических животных могли иметь символическое значение.

Типы поселений, относящиеся к культуре санта-мария, развивались в несколько этапов. Вначале люди жили в больших общих домах, а население, включавшее расширенные семьи, вероятно, распределялось по сельской местности. Затем появились деревушки с прямоугольными каменными домами, сгруппированными вместе и составлявшими истинные городские центры. Типом поселения на последнем этапе может служить Лома-Рика (Катамарка), где стояли 210 жилищ с открытыми пространствами типа площадей. Городские стены были толстыми, и по ним можно было ходить. У жилищ не было дверей, так что входили в них, должно быть, через крышу.

Керамика украшалась двух-трехцветными росписями, но резные орнаменты не делались, а лепные узоры встречались редко. Типичной особенностью декора была поверхность, полностью покрытая геометрическими сюжетами. Характерным типом гончарных изделий, отнесенным к культуре санта-мария, были большие яйцообразные

урны с тремя отделениями, коническим основанием и почти цилиндрическим горлом с ручками, украшенные изображениями похожими на человеческие лица. Изображались также антропоморфные элементы, крайне стилизованные земноводные и нанду (американские страусы), а также змеи.

Другими стилями являются многоцветный йокавилль и красный йокавилль на белом фоне. Обычными формами изделий являлись *пукос* или *керос*, причем края некоторых из них украшались зооморфными рельефами. Пукос изнутри украшались стилизованными изображениями птиц.

Больших успехов достигла и металлургия. Были найдены диски, нагрудные пластины, топоры, латные рукавицы и колокола, отлитые из металлов. Круглый диск представлял собой изделие высокого качества. Его украшение контрастировало со строгим орнаментом урн: у дисков поверхности гладкие и открытые, а линии – чистые. Узоры имеют метафорический смысл; это изображения человеческих голов, змей, антропоморфных фигур в любом сочетании. На оборотной стороне диска орнамент не делался, там есть лишь две ручки, за которые диск можно держать при защите. Обладание таким диском, вероятно, символизировало власть и статус владельца.

Путь через Кебрада-де-Умауаку был основным путем, по которому народы низменных субтропических дождевых лесов вблизи Сан-Сальвадор-де-Жужуй могли попасть в пуно и на боливийское Альтиплано, поэтому с древних времен по этому пути шли оживленная торговля и переселения разных народов. Типом поселения в этой культуре служили группы жилищ в стратегических пунктах с населением примерно 200 чел. Жилища были прямоугольными в плане, имели каменные стены и открывались в сторону расширенных пространств, похожих на площади. Встречаются гончарные изделия с декоративными сюжетами черного цвета на красном фоне. Декор типа тилкара отличается тонкостью и изяществом. Обычными формами являются шарообразные или яйцеобразные вазы с боковыми ручками, либо сосуды с узким горлышком и горизонтальными ручками, либо вообще без горлышка. Орнамент разнообразен и сложен и включает геометрические узоры с вертикальными или горизонтальными полосами. Металлургические изделия встречаются редко и украшаются бедно. Встречаются большие костяные трубы с вырезанными на них концентрическими кругами, предметы, используемые в текстильном производстве, и емкости для хранения напитков.

Среди деревянных предметов можно отметить дощечки для подношений, большие ножи для сельскохозяйственных нужд, латные рукавицы и колокольчики, используемые при выпаске лам. Обычным было погребение умерших взрослых в круглых склепах, располагавшихся в углах жилища. Детей хоронили в урнах. Обезглавленные скелеты, найденные во время раскопок, служат доказательством существования культа, согласно которому голова служила трофеем. Погребальные предметы отличаются разнообразием, варьируясь от очень богатых до очень бедных, что свидетельствует о четко выраженных социальных различиях.

Кебрада-дель-Торо, как и Умауаку, служил одним из путей в Боливию; здесь наиболее представительным местонахождением является Санта-Роза-де-Тасгил с населением более 2,5 тыс. чел. Строения здесь имели достаточно низкие стены, сложенные из камня способом сухой кладки, открывающиеся в сторону площади в 12 га. Жилища в плане имели прямоугольную, квадратную или неправильную форму. Есть улицы, площади и склепы для захоронений. Защитных строений нет.

Эта культура замечательна своими тканями и текстильными изделиями, центром производства и торговли которыми она стала. Самыми распространенными изделиями являлись шапочки, наличие которых, должно быть, соответствовало определенному социальному статусу. Их делали из шерсти ламы или викуньи, используя простой способ пле-

тения. Применялись и человеческие волосы, из которых, возможно, делали парики. Использовались и способы производства гобеленов; особого внимания заслуживают вышивка по подготовленной поверхности, украшения из толстых материалов с локонами человеческих волос. Искусство работ по камню представлено петроглифами на каменных стенах и резными изображениями на поверхностях каменных осколков разных размеров. Изображались фигуры с длинными ногами и изогнутыми хвостами, антропоморфные фигуры, верблюдоподобные животные, а также геометрические формы в виде сочетаний прямых линий.

Засушливый климат пуны позволил сохраниться деревянным изделиям и предметам одежды, изготовленным из недолговечного материала: сумкам, гребням, шапкам и шляпам. Самыми замечательными из деревянных предметов являются трубки для глотания галлюциногенных веществ, украшенные антропоморфными и зооморфными фигурами. Края некоторых изделий инкрустированы полудрагоценными камнями. Они сопровождаются украшенными костяными или деревянными трубками. Умерших хоронили в *чутьнас* – небольших, напоминающих очаги домиков, поставленных у стен, или в расщелинах скал, что можно увидеть на пиктографических письменах наскальных изображениях.

Деревня Яви – уникальное место. Здесь имеется два типа поселений: одни – на сельскохозяйственных угодьях, с квадратными и прямоугольными жилищами с фундаментами, сделанными из камня и глиняного раствора и возвышающимися на метр над уровнем земли. Над фундаментом идет глинобитная стена от 30 до 60 см высотой; другие – прямоугольные здания с каменными стенами. Обширное пространство занимают обрабатываемые террасы.

Поверхность керамики отполирована, а орнамент выполнен красным по черному в виде узоров из тонких линий. Самыми распространенными узорами являются тонкие крестообразные штрихи, круги и прямоугольники, оканчивающиеся переплетающимися спиралями. Типичная форма представлена шарообразной вазой с антропоморфной фигурой на горлышке.

В культурах санагаста или ангуласто типом поселения являются разбросанные сообщества. Жилища в этих местах, где нет камня, построены из недолговечного материала – *самана*. Обработка металла менее качественная, чем в предыдущий период. Найдены некоторые деревянные предметы, например дощечки и трубки, а также наконечники стрел и костяные булавки с фигуркой наверху для одежды.

Умерших взрослых хоронили прямо в земле с относительно бедными погребальными приношениями. Характерной особенностью являются гончарные изделия, в частности погребальные урны для детей, сделанные из толстых слоев глины двух или трех цветов. Они сопровождаются пукос, служившими крышками. Существуют урны двух типов: трехцветные типа Сан-Хосе, украшенные черным по красному или белому. Орнамент на корпусе урны представляет собой вертикальные полосы с изображениями страусов, жаб, зубчатых колес или розеток, а на основании обвивающие параллельные линии с поперечными штрихами между ними образуют крупные усеченные S-формы. Урны другого типа выполнены более грубо, украшены геометрическим орнаментом.

ПЕРИОД ИНКОВ

Благодаря хроникам можно предположить, что эти территории были завоеваны инками группы Топа, взявшими в вассальную зависимость индейцев региона Тукуман, которые тогда находились под давлением групп кочевников из Чако, стремившихся завладеть центральными долинами северо-запада Аргентины. Калчаки, ветвь племени диагитов с юга, и чилийцы оказали сопротивление, которое

было постепенно сломлено натиском больших отрядов племен митмакуна, привлеченных из окрестностей Куско, Северного Альтиплано или самого доиспанского Тукумана. Эти люди поселились в центральных долинах Катамарки. Политика привлечения новых поселенцев требовала постройки административных центров вдоль всего главного пути, пересекавшего пуну с севера на юг, в долинах народа калчаки и его боковых ветвей.

Верховная власть в чилийской Норте-Гранде проявлялась относительно редко. Судя по всему, здесь инки осуществляли управление косвенным путем – через царства Альтиплано. Однако совсем иначе обстояли дела в поперечных долинах Норте-Чико и в центре, где, как и на северо-западе Аргентины, сопротивление местных жителей требовало активного и бдительного надзора. Контроль государства Куско достиг самого центра Мендосы, а также долины Аконкагуа через долину Успаллата.

Присутствие инков в этих регионах с крупными административными и ремесленными центрами было очень ощутимым: об этом свидетельствуют некоторые постройки и обряды. Были возведены также центры и форты на большой высоте, защищавшие империю инков.

Численность поселенцев из племен митмакуна выявлена по наличию иноземных стилей гончарных изделий и их влиянию на местную керамику в результате общения групп, живших в одном пространстве, и во время выполнения ими общих работ. Важность иноземной керамики здесь была столь велика, что возникает убеждение в том, что на этом ее изготовлении основывалась часть системы хозяйствования данного региона. В Потреро-Чакиаге, недалеко от Андалгалы, где основным видом деятельности были ремесла, сравнительно недавно начались интенсивные исследования. Там находится акведук, по которому

вода доставлялась в один из округов, где концентрировалось производство и хранение керамики.

Важную роль, должно быть, играли гончарные разработки, особенно в Чили. В хрониках приводятся реестры караванов, переправлявших золото в Куско в 1534 г., когда туда прибыл Диего де Альмагро, сподвижник Ф. Писарро.

Присутствие инков явствует из керамики, украшенной сюжетами, обычными для этого народа, – *aribalos* или *aribaloids*, и плоских блюд с ручками в виде головы и хвоста утки. Были обнаружены металлические топоры, предназначенные для военных целей, о чем свидетельствует их усовершенствованное острие и более высокая эффективность по сравнению с теми, что использовались в этом регионе раньше. Широкое распространение получило использование металла для практических нужд: золотых и серебряных дел мастера производили предметы для подношений – маленькие фигурки лам, полые антропоморфные фигурки и украшения. Распространены были также бронзовые шары-бола и головоломки. Широкое применение бронзового оружия, вероятно, было одним из факторов, облегчивших завоевание инками столь огромной территории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BENNET, W. C.; BLEILER, E. F.; SOMMER, F. H. 1948. Northwest Argentine Archaeology. Yale University Publications in Anthropology, 38, New Haven, pp. 5–158.
- GONZÁLEZ, A. R. 1963. Cultural Development in North Western Argentine. Cultural Developments in Latin America, pp. 102–117. Smithsonian Miscellaneous Collections. Washington.
- GONZÁLEZ, A. R.; PÉREZ, J. A. 1975. Argentina Indígena, Vísperas de la Conquista. Paidós, Buenos Aires.

VII. Океания и другие острова Тихого океана

ОКЕАНИЯ И ДРУГИЕ ОСТРОВА ТИХОГО ОКЕАНА

Жаклин де Ла-Фонтинель и Мишель Офрэ

Название «Океания» определяется по-разному в зависимости от того, используется оно в физической географии или в общественных науках. Иногда это слово используют в качестве синонима термина «тихоокеанский», и тогда оно включает все острова и береговые линии, омываемые океаном с одноименным названием, но при этом название «Оксания» также может применяться только к морям и островам центральной и западной частей Тихого океана. Применение данного названия изменяется от автора к автору и от эпохи к эпохе. Более того, несмотря на географическое положение, Японию, Филиппины и Индонезию относят к Азии, а Австралию, западное побережье которой омывается Индийским океаном, помещают иногда в Океанию, а иногда вообще рассматривают отдельно. Таким образом, протяженность этого «морского континента» колеблется в зависимости от угла, под которым его изучают, и к «Океании» географов, историков и экономистов следует добавить те аспекты применения этого термина, которые учитывают этнографы и лингвисты, рассматривая австронезийские культуры и языки.

Австронезийская языковая семья имеет своих представителей в континентальной Азии, на Филиппинах, на Тайване, в Индонезии и на Мадагаскаре, а также повсюду в Тихом океане; понятие «относящийся к Океании» (*Oceanian*) ограничивается либо центральной и западной частями Тихого океана, либо только западной его частью. Эти сложности в некоторой степени объясняют, почему авторы продолжают использовать терминологию, предложенную в 1831 г. французским мореплавателем и океанографом Дюмон-Дюрвилем (1790–1842 гг.) – одним из тех, кто открыл «Великий Океан». Он разделил территорию Океании на три зоны, сгруппировав все острова под тремя названиями: Микронезия («маленькие острова»), Меланезия («черные острова») и Полинезия («множество островов»). Это разделение, основанное на географических критериях, но позднее использованное в отношении народов и культур, способствовало распространению расовых предрассудков против меланезийцев: термин «Меланезия», описывающий высокие острова, казавшиеся черными на фоне неба, истолковали как говорящий о цвете кожи их обитателей.

Островная группа Микронезия включает Марианские, Маршалловы и Каролинские острова, расположенные на западе Тихого океана к северу от экватора; Меланезией называют крупные, обычно гористые острова в юго-западной части Тихого океана, ее главные острова и группы – Новая Гвинея, Соломоновы о-ва, о-ва в составе государства Вануату, Новая Каледония и о-ва Фиджи; Полинезия включает все архипелаги центральной части Тихого океана: о-ва Самоа, Тонга, Кука, Уоллис, Футуна и о-ва Французской Полинезии, простираясь на севере до Гавайских о-вов, на востоке до о. Пасхи и на юге до трех о-вов Новой Зеландии – единственного архипелага вне Тропиков.

Только после 1968 г., когда гипотеза «новой глобальной тектоники», наконец, подтвердила теорию Альфрера Лотара Вегенера о дрейфе материков (1912 г.), начала формироваться история заселения Австралии живыми организмами,

включая представителей человеческой расы. Австралия, как часть единого континента Пангея, в противоположность огромному океану Пантамасса, который был предшественником Тихого океана, контактировала с другими континентами – с Азией и Южной Америкой, с каменноугольного периода до конца мелового периода, о чем свидетельствуют ископаемые и ее современные флора и фауна. Позднее, когда Австралия переместилась к тропику Козерога, она стала последним сохранившимся убежищем для сумчатых и яйцекладущих (однопроходных) млекопитающих (ехидны и утконоса). К северу от Австралии природные условия, воспрепятствовавшие переходу других млекопитающих с Зондской платформы в зону шельфа платформы Сауль (линии Уоллеса и Вебера), породили мнение о том, что человек тоже не способен преодолеть столь обширные водные пространства. Поскольку считалось, что мореплавание возникло во времена неолита, ученые полагали, что аборигены попали в свою среду обитания позднее. Датирование артефактов оз. Мунго (где сейчас находится пустыня) говорит о том, что заселение этой области людьми произошло 50 тыс. лет назад; на Северной же территории, вблизи Кабаду, теперь известного туристского курорта, датирование, проведенное с помощью углеродного анализа, показало, что отпечаткам рук на стенах пещер не менее 60 тыс. лет. Таким образом, эти отпечатки становятся самым древним свидетельством присутствия человека. Более того, вероятно, что по мере развития археологии мы придем к тому, что даты заселения Австралии аборигенами нам придется отодвинуть еще дальше.

Продолжительность обитания людей на этом континенте объясняет огромное лингвистическое разнообразие и сложность художественных культур местных обществ в том виде, в каком они предстают перед нами сегодня. Поскольку эти народы вели жизнь охотников-собирателей и кочевников, то вторгнувшись на континент исследователи вовсе не удосужились понять их и, будучи «цивилизованными» людьми, отказались дать им место в человеческой культуре. В результате Австралия не только вошла в нашу историю лишь через несколько тысячелетий после ее заселения людьми, но и присутствие аборигенов «цивилизованные» люди приняли только через 200 лет, когда нехотя была признана и ценность своеобразных местных культур. Очевидно, что именно по этой причине многое было утрачено безвозвратно.

КОНТАКТ С ВНЕШНИМ МИРОМ

Некоторые азиатские и индонезийские народы обследовали океан не только у своих побережий. В китайских документах сохранилось мало свидетельств о контактах с народами соседних территорий, хотя арабы, вероятно, через малайский мир контактировали с населением ближайших островов Тихого океана. До XVI в. и в первую его половину, т.е. при династии Мин, китайские суда ходили между островами западной части Тихого океана и, возможно,

достигали побережья Австралии (*Needham*, 1974, p. 171). Китайские джонки были обнаружены на о. Россел (в архипелаге Луизиада к востоку от о. Новая Гвинея) и на о-вах Футуна (Хорн) в Западной Полинезии (*Guiart*, 1983, p. 19). Возможно, китайские моряки доходили даже до Гавайских о-вов (*Langdon*, 1971, p. 23). Но даже в тех случаях, когда мы располагаем документальными свидетельствами, бывает сложно определить, о каких островах идет речь, да и документы, очевидно, составлены позднее, чем происходили сами обмены.

Что касается осведомленности европейцев об Австралии, то в эпоху Возрождения у них проявлялись смутные признаки существования *Terra australis incognita* (неизвестной южной земли), которая, как считалось, «уравновешивает» массу всех известных земель и лежит где-то за морями. Разные европейские моряки открыли части Австралии в XVI и XVII вв.: нидерландский мореплаватель Абель Тасман открыл южный остров «Землю Ван-Димена» (Тасманию) в 1642 г., а Джеймс Кук исследовал восточное побережье этого континента и заявил на него права Англии в 1770 г.

Проблема незаписанной «истории»

Австралия сохранила лишь немного фрагментарных следов того, какими были ее древние сообщества. В современных туземных культурах и языках проявляются крайне редкие следы прошлого, оставшиеся после двухвековой безудержной колонизации. Вспомним, что до недавнего времени ученые спорили даже о праве аборигенов называться людьми или считаться принадлежащими к той же человеческой расе, что и их завоеватели.

Нельзя также забывать, что ни одна из относящихся к Океании культур не имела письменности, за очень ограниченным исключением – письма *ронго-ронго* на о. Пасхи, которое до конца еще не расшифровали. Более того, лишь немногие из этих табличек, испещренных знаками, избежали разрушительной веры христианских миссионеров, а археологические раскопки лишь недавно стали систематическими. Еще очень многое предстоит открыть в долгой истории человечества в некоторых частях Тихого океана и в том, как происходила колонизация этих девственных земель.

Сейчас историческая стабильность, которую обычно приписывали культурам «без [письменно документированной] истории», находится под вопросом, и нам приходится принять, что общества, о существовании которых мы можем лишь догадываться, возникали и сменяли друг друга до воздействия на этот континент европейцев при его открытии. Устные предания полинезийцев повествуют о политической перемене и поочередном поклонении разным «богам» – Таароа, Тане, Ту, Оро и другим, в котором проявлялся захват власти различными местными группами. На о. Маре (в составе о-вов Луайоте в группе о-вов Новая Каледония) повествования о битвах с Элеток следует понимать как уничтожение одной группы другой (*Dubois*, 1975). В Австралии древние культуры охотников-собираателей, которые первыми поселились там, были сметены двухвековой неистовой европейской колонизацией, а языки и культуры аборигенов, существующие сегодня, являются не более чем редкими сохранившимися из совершенно другого мира.

Отвергнув гипотезу о том, что традиционные общества имели свою историю и передавали ее из поколения в поколение (без письменности) с помощью «мифов», антропологи считают, что мифы можно анализировать не только по Фрейду или в понятиях искусства, но что они также содержат в скрытом виде информацию о прошлом, часть которой можно расшифровать.

Устные туземные предания очень богаты, и их распространением темой является процесс очеловечивания.

«Время Мечты» (именно так переводят название того времени; см. также т. I «Истории человечества», с. 300. – *Прим. ред.*) переносит нас в мир, где различия между природой, животными и людьми постоянно перемещаются. Все является протоформой, что и объясняет те преобразования, которые произошли и превратили животных в предков, словесное общение с которыми поддерживали лишь избранные, прошедшие обряд посвящения. Все это в то же время регулирует природу и основные модели поведения семьи и общества.

Таким образом, создается ощущение, что данные документы свидетельствуют о древнем проживании людей на этой земле, а не о прибытии людей на незаселенную территорию или ее занятии другими людьми, что, например, следует из полинезийских документов. То прошлое, которое человеческая память не сумела сохранить, превратилось в «мифы». Таким образом, противостоят различные группы, пути предков, которым следовали их потомки, и священные места, где периодически встречались племена, хранятся в памяти этих «илиад» и «одиссей», восходящих к самому началу времен.

Исторические гипотезы, основанные на лингвистическом сравнении

«Неограмматисты» XIX в. использовали лингвистическое сравнение для установления родственных отношений между индоевропейскими языками и таким образом воссоздали «материнский язык» – язык, предшествовавший самым ранним из сохранившихся письменных источников.

Аналогичным образом, на основе языков, все еще используемых в тихоокеанском регионе, современные лингвисты стремились установить типологии и создать модели протоязыка, но, очевидно, без использования письменных источников. Отто Демпвольф (*Otto Dempwolf*) изучил весь доступный ему материал и между 1920 и 1938 гг. предложил модель протоавстронезийского языка – предка современных языков этого региона. Его первоначальная работа получила дальнейшее развитие и значительное обогащение (особенно благодаря материалам о языках Тайваня). Более поздняя работа Дайена (*I. Dyen*) и Капелла (*A. Capell*) по «статистико-лексикографии» позволила предположить, как древние народы поселились в Океании. Отличия, наблюдаемые между современными языками, а также между ними и реконструированной моделью, включают временной фактор: степень различия является функцией числа веков или тысячелетий, прошедших со времени отделения от материнского языка. Этот метод позволяет предложить приблизительные даты поселения австронезийских народов; археологические открытия могут подтвердить предполагаемое прибытие людей на остров, но, очевидно, никогда не удастся узнать точно, соответствует ли форма языка, на котором говорят сегодня, форме, определенной лингвистической гипотезой.

Таким образом, обе гипотезы – исторической и лингвистической реконструкции – основаны на ряде не поддающихся проверке положений. Предполагается, что когда австронезийские путешественники поселились в Океании, они говорили если не на одном языке, то по меньшей мере на очень родственных языках. Нам по-прежнему точно не известно место их происхождения, а критерии, на которых основаны теории, – цвет кожи и счет родов (особенно до второй мировой войны), культурные или лингвистические признаки, – со временем изменились. Выдвигалось много гипотез, включая индийское или дравидийское происхождение, или приход австронезийцев с побережий Китая, Южной Америки или Бorneo. Любопытно отметить, что в настоящее время специалисты не дают определенного решения этой проблемы; они считают, что

возможно, «относящиеся к Океании народы» прибыли из Азии, во всяком случае, – с запада Тихого океана, но не отказываются они и от мысли об одиночных морских путешествиях с побережий Америки, особенно Южной, так как существует ряд свидетельств, поддерживающих эту гипотезу. Именно для подтверждения своей теории первоначального заселения о-вов Полинезии из Америки Тур Хейердал в 1947 г. проплыл с экипажем на плоту «Кон-Тики» от Перу до Полинезии – о-вов Туамоту. Сладкий картофель, судя по всему, был завезен из Южной Америки и в настоящее время служит основной пищей на территориях, расположенных далеко от побережья, например в центре Новой Гвинеи; это говорит об очень давней связи Америки с Океанией. Примечательны также некоторые физические и культурные характеристики, например, сходство *marae*, полинезийских священных мест, с храмами майя, но при современном состоянии знания невозможно оценить важность подобных путешествий для истории Тихого океана.

Спорным является и вопрос о том, каким образом австронезийцы покорили открытые ими земли. Не вызывает сомнения тот факт, что до австронезийцев на острова центральной и восточной частей Тихого океана не ступала нога человека, и именно австронезийцы первыми колонизировали эти земли, но в Меланезии, где лингвистические и культурные различия огромны, волнам австронезийской иммиграции могло предшествовать очень древнее заселение или, опять-таки, эти острова могли быть заселены последовательными волнами австронезийских иммигрантов. В настоящее время предпринимаются некоторые попытки определить различные модели колонизации, которые соответствовали бы археологическим открытиям: колонизация могла произойти в результате внезапного или постепенного уничтожения более ранних групп или слияния с ними, но необходимо рассматривать все возможности: небольшое количество людей, прибывших на уже занятую землю; массовое вторжение иноземцев и т.п.; материальные уровни вышеупомянутых групп могли отличаться, причем в разной степени в различных случаях, и т.д.

Передаваемая из поколения в поколение история относящихся к Океании народов

В настоящее время ученые начинают всерьез воспринимать местные устные предания, в которых описывается появление коренных народов и возникновение земледелия. Островитяне фактически рассказали историю своего происхождения сами. «Мифы», в частности, используют язык символов для описания как происхождения сообщества, так и глобальных проблем, с которыми столкнулись первые поселенцы. Судя по всему, они подтверждают гипотезу об очень древнем заселении некоторых островов и недавнем заселении других.

Обычно считается, что предки пришли из другого мира. Выбор земных или морских символов играет важную роль, так как он иногда позволяет предьявлять права на землю тому, кто первым занял ее, а иногда вспоминать о внешнем происхождении сообщества. Таким образом, народы, появление которых восходит к древним временам, например народы Новой Гвинеи, Австралии и Меланезии, создали хтонический (земной) символизм для выражения мнения о себе как о первых поселенцах на этой земле, а потому имеющих на нее право. Это аллегорическое повествование использует тропы (слова и обороты речи в переносном значении. – *Прим. ред.*), упоминающие о стабильной Вселенной, в частности, о скалах, деревьях, клубневых растениях и рептилиях, которым приписывают происхождение людей. Этот символ помещается в точно расположенный контекст и становится защитником линии и архетипа политических и

территориальных властей данного сообщества. Короче говоря, это мифическая география. Тексты, пересказывающие события «времени Мечты», связаны с ландшафтом и топонимикой. Таким образом, места и пути служат векторами коллективной памяти и являются разновидностью живой истории, которой пользуется данная группа, чтобы продемонстрировать свой статус наистарейшей в данном регионе.

Некоторые меланезийские мифы также содержат образы, одновременно нелепые и ужасные: людоедов, чудищ и подземных существ. Эти рассказы имеют историческое значение, так как представляют собой комментарий новоприбывших относительно коренных побежденных обитателей. И наоборот, некоторые мифы являются свидетельствами более ранних обитателей, повывавших прибытие иноземцев: иногда они представляются предвестниками смерти – в виде масок, которые выходят из морских глубин, наводя на людей ужас, огромных собак-людоедов и т.п., а иногда их видят как культурных новаторов, привозящих огонь, гончарные изделия и новые растения.

Народы, прибывшие позднее, например, полинезийские, рассказывали историю своего прибытия в виде аллегорий, тропы которой позаимствованы из морского мира и связаны с предками, появившимися из моря; рассказывается о появлении плавучих камней, островов, всплывших из моря, переселении птиц, рыб, акул или черепах. Более того, живучесть воспоминаний об их поселении вновь обнаруживается в символике социальной организации: различные части пирога и расположение людей на борту во время первого путешествия воспроизводятся на суше в социальной иерархии и ролях; точно так же и архитектура их жилищ напоминает строение лодок.

Следует также отметить, что в традиционных полинезийских сообществах важную роль играли генеалогии. Некоторые из них, дошедшие до нас, простираются на десять поколений. Ряд европейских исследователей попытались использовать их для датировки прошлого островных групп. Однако информация, которой они нас снабжают, крайне незначительна. Многие генеалогии были собраны в XIX в. европейскими чиновниками, путешественниками и миссионерами. Поскольку они были связаны с политическими властями и землевладельцами, то многие сведения подтасовывались или искажались с целью усиления власти и удовлетворения притязаний одной группы перед другой в глазах колониальной администрации.

Археологические данные

Человечество уже имело долгую историю в этой части света, когда Европа узнала о существовании островов. Наши знания о поселениях людей в данном регионе очень новы и далеки от определенности.

Археологические раскопки, которые стали действительно значимыми лишь после 1960-х гг. в разных частях, относящихся к Океании, постоянно отодвигают назад даты освоения этого региона человеком. Было выдвинуто предположение о том, что первое поселение людей возникло в Ледниковый период. Метод углеродного анализа дает вероятную цифру в 48 тыс. лет до н.э. в отношении вырезанных камней оз. Мунго на юго-востоке Австралии и 38 000 лет до н.э. в отношении заселения п-ова Хуон на северо-востоке Новой Гвинеи. Что касается западной Меланезии, Новой Британии и Новой Ирландии, то недавно было принято, что в этих областях человек непрерывно присутствует уже на протяжении 30 тыс. лет, что предполагает возможность других «сюрпризов» в отношении присутствия людей там, где, как считалось, они поселились «поздно».

ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ И ИСТОРИЯ ОКЕАНИИ

Если интерпретировать предысторию Океании должным образом, нужно учитывать и физическую эволюцию всей планеты. Люди из современной Азии переправлялись и селились на континентах, занимавших часть Океании, до того как поднялся уровень воды в океане в связи с общим потеплением климата. На западе располагалась Зондская платформа в зоне Индонезии, а на востоке – платформа Сауль, включавшая Новую Гвинею, Австралию и Тасманию; их разделяла линия Уоллеса, мешавшая плацентарным животным распространяться в восточном направлении, благодаря чему выжили сумчатые. Однако, если верить археологам, эта линия не мешала переселениям людей из Новой Гвинеи на Соломоновы о-ва. Расстояние между островами, в среднем 350 км, не требовало знания особо сложных методов навигации.

Таким образом, после выдвигения многочисленных гипотез и различных обсуждений, в результате порой идеологических, нежели научных обменов, современный взгляд состоит в том, что древние народы, становясь очень разными как в биологическом, так и в культурном отношении, селились в Австралии, Новой Гвинее и Меланезии в конце плейстоцена и что во втором тысячелетии до н.э. происходила быстрая колонизация, постепенно распространявшаяся на необитаемые острова. Размышление о заселении островов Тихого океана основано не только на материальных остатках, но и на ботанических исследованиях (изучении появления окультуренных растений, например таро, ямса и кокосовой пальмы) и зоологических исследованиях (присутствия собак и свиней китайского и индонезийского происхождения, завезенных в некоторые регионы людьми).

КУЛЬТУРА ЛАПИТА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ АВСТРОНЕЗИЙЦЕВ

Ранняя колонизация островов Океании приписывалась новой культуре, известной под названием австронезийской, и подогревала спор, возникший в отношении происхождения керамики лапита – от названия археологического местонахождения в Новой Каледонии. Черепки керамики лапита были найдены на о-вах Тонга еще в 1920 г. и были отнесены к культуре полинезийцев – светлокожих людей, которых европейцы ставили на ступень выше всех остальных жителей Океании. После второй мировой войны, когда археология Океании действительно начала развиваться, некоторые предвзятые идеи пришлось пересмотреть. Так, в конце 1950-х гг. археолог Дж. Голсон (*J. Golson*) обнаружил в Меланезии черепки гончарных изделий, похожие на найденные на Тонга, тем самым показав, что, несмотря на физические отличия, меланезийцы и полинезийцы имели одни и те же культурные черты. Затем лингвистические и этнографические исследования подтвердили принципиальное единство австронезийских культур, рассматривая даже их особенности как вариации на одну и ту же древнюю тему. Идею о двух разных расах, последовательно поселившихся на о-вах Тихого океана, сначала поставили под вопрос, а затем вообще отвергли. Сегодня все сходится в том, что австронезийцы пришли из Азии, и у них было достаточно времени для развития разных, последовательных культур по мере своего распространения. Культура лапита, столь поразительная в своих изысканных материальных свидетельствах, вероятно, является всего лишь одним из по-прежнему осязаемых проявлений культуры австронезийских народов.

Эти фрагменты керамики лапита выявляют последовательные этапы в быстром продвижении австронезийцев в сторону центральной части Тихого океана. Их присутствие около 3000 лет назад подтверждается на Соломоновых о-вах,

о-вах в составе Вануату, в Новой Каледонии и архипелаге Фиджи, откуда около 1000 или 1200 г. до н.э. они перенесли свою культуру на Тонга, а затем на Самоа. После приблизительно 500 г. н.э. материальных свидетельств культуры лапита уже не обнаружено.

В Полинезии движение народов на восток достигло Маркизских о-вов, где присутствие человека зарегистрировано около 120 г. до н.э. Оттуда полинезийцы распространились в Центральную Полинезию (о-ва Общества и Кука); затем, около IV в. н.э., они достигли Гавайских о-вов, а между 400 и 500 гг. н.э. – о. Пасхи. Распространение завершилось лишь около 800 или 900 г. н.э. заселением Новой Зеландии.

Эти мореплаватели знали астрономию и имели навыки навигации, пользовались картами, сделанными из деревянных полосок, скрепленных вместе, на которых раковины изображали течения и острова, а также суда, способные перевозить их на длинные расстояния (тогда как катамараны и пироги с выносными уключинами не подходили для открытых морей, этого нельзя сказать о двойных пирогах, способных вместить до 200 человек, скот, лес и провиант). Маркизские о-ва расположены примерно в 3000 км от Гавайских о-вов и на таком же расстоянии от о. Пасхи.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОСТРОВАМИ

Между островами среди полинезийских сообществ и обитателей более отдаленных регионов Меланезии и Микронезии возникали огромные сети взаимоотношений, по которым происходил обмен женщинами и товарами. Во время пышных празднеств, служивших поводом для взаимных церемониальных обменов и принесения в жертву свиней, собиравших множество людей, занимавшихся производством пищи и разных предметов, происходил обмен как ритуальными песнопениями и танцами, так и материальными предметами, а также возникали союзы, соперничества и разные формы власти. Этнографы смогли увидеть в действии некоторые из таких политико-экономических и культурных обменов. Так, Малиновский (*Malinowski*, 1989) описал *кула* – сложные, зашифрованные, системные обмена, длящиеся по несколько лет, посредством которых перламутровые нагрудники, раковины кауры и гигантские моллюски попадали с о-вов Тробриан, где их собирали, на высокое плато Новой Гвинеи, обитатели которого даже не имели названия для океана, остававшегося за пределами их кругозора. Между Вануату и Новой Каледонией с о-вами Луайоте происходил обмен жадеитовыми топорами на жен. Тихоокеанские женщины занимались садоводством и гончарным делом, привозя в регионы, куда их отправляли, свои ботанические достижения и стили гончарных изделий.

Все эти обмены, свидетельствующие о древних связях, существовавших между разными народами, служили средством распространения культуры, и хотя не гарантировали понимание языка, но поддерживали условия для общения и, на основе общего наследия, несмотря на множество местных различий, безусловно, являлись средством установления культурных и лингвистических постоянных, которые сегодня помогают нам определить особенности развития Океании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALLEN, J.; WHITE, P. 1980. Melanesian Prehistory: Some Recent Advances. Science. Washington, No. 207, pp. 728–734.
 — 1989. The Lapita Homeland: Some New Data and an Interpretation. Journal of Polynesian Society. Auckland, Vol. 98, No. 2, pp. 129–146.
 BEAGLEHOLE, J. C. 1966. The Exploration of the Pacific. London.

- DAHL, O. 1976. Proto-austronesian. Scandinavian Institute of Asian Studies, series No 15. Curzon Press, London.
- DEMPWOLFF, O. 1934; 1937; 1938. Vergleichende Lautlehre des Austronesischen Wortschatzes. Beihefte zur Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen, Hef 15, 17, 18. D. Reimer, Berlin.
- DUBOIS, M. J. 1975. Mythes et traditions de mare – Nouvelle-Calédonie – Les Eleton. Publications de la Société des Océanistes No. 35, Musée de l'Homme, Paris.
- DYEN, I. 1963. A Lexicostatistical Classification of the Austronesian Languages. Memoir No 19. Interpretational Journal of American Linguistics. Baltimore.
- GARANGER, J. 1987. L'archéologie océanienne: résultats et perspectives. Journal de la Société des Océanistes. Paris, Vol. 84, No. 1, pp. 101–102.
- GOLSON, J. 1961. Report on New Zealand, Western Polynesia, New Caledonia and Fiji. Current Research in Pacific Islands Archaeology. Asian Perspectives. Hong Kong, Vol. 3, No. 2, pp. 166–180.
- 1971. Both Sides of the Wallace Line: Australia, New Guinea and Asian Prehistory. Oceania. Sydney, No. 6. pp. 124–144.
- GUIART, J. 1983. La terre est le sang des morts. Paris.
- LANGDON, R. 1971. Les naufrages européens dans le Pacifique antérieurement à la période de Cook (trans. Jaunez, B.). Bulletin de la Société des Etudes Océaniques, Papeete, tome XV, No. 1, No. 174, pp. 21–40.
- MALINOWSKI, B. (re-ed.) 1989. Les Agronautes du Pacifique. Gallimard, Paris.
- NEEDHAM, J. 1973. Chinese Science; Explorations of an Ancient Tradition. MIT Press, Cambridge, Mass.
- ÖSTÖRAKOS. 1981. Europeans and Islanders in the Western Pacific, 1520–1840. Vienna, Institut für Völkerkunde der Universität Wien.
- SHARP, A. 1960. The Discovery of the Pacific Islands. Oxford.
- SPATE, O. H. K. 1979. The Pacific since Magellan, the Spanish Lake, Vol. I. Canberra.
- TERRELL, J. 1986. Prehistory in the Pacific Islands. Cambridge.

ТАБЛИЦА

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>538 г. Появление буддизма в Японии</p> <p>552–630 гг. Основание первых тюркских государств в Монголии</p> <p>553–630 гг. Западный тюркский каганат в Центральной Азии</p> <p>581–618 гг. Династия Суй; объединение Северного и Южного Китая</p> <p>593 г. Изобретение в Китае печати с помощью резных деревянных пластинок</p> <p>595–596 гг. Первые индийские записи в десятичной системе счисления</p>		500 г. н.э.
<p>VII в. Манускрипт Бахшали (Индия): первое применение алгебраических знаков нуля, неизвестной и отрицательной величин. Цейлонский литературно-исторический текст «Махавамса» на языке пали. Возникновение буддийского государства Шривиджайя на о. Суматра, Индонезия</p> <p>600–1185 гг. Абсолютизм в Японии</p> <p>Ок. 600 г. Обращение в буддизм населения Суматры, Явы и окружающих островов Индонезии</p> <p>602–664 гг. Сюань-Цзан, китайский буддийский монах, ученый и путешественник, автор знаменитого описания Индии</p> <p>605 г. Основание г. Лояна, столицы ряда китайских династий</p> <p>606–648 гг. Правление Харшавардханы (Харши) в Северной Индии, империя которого после его смерти быстро распалась на множество государств. Последняя фаза классической индийской настенной живописи в пещерном монастыре Аджанта</p> <p>618–907 гг. Династия Тан в Китае</p> <p>Ок. 628 г. Трактат индийского математика и астронома Брахмагупты «Усовершенствованное учение Брахмы»</p> <p>630–635 гг. Первые несторианцы в Китае</p> <p>630–680 гг. Протекторат Китая над Монголией и тюрками Центральной Азии</p>	<p>VII в. Государство Гана – первое известное политическое образование в Западной Африке</p>	<p>600 г.</p> <p><i>Мезоамерика</i></p> <p>600–900 гг. Поздний классический период на территории южных майя. Расцвет городов типа Паленке</p>

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
<p>636 г. В Севилье умер Исидор Севильский, один из учителей Западной Церкви, автор энциклопедического труда «Этимологии, или Начала»</p> <p>653 г. Обращение германского племени лангобардов в христианство</p>	<p>634–662 гг. Основание славянского государства Богемия-Моравия славянским князем Само (государства Само)</p> <p>634 г. Монофелитизм и моноэнергизм – доктрины, направленные на компромисс между ортодоксальной догмой и монофиситами. Осуждены в 649 г., затем в 680–681 гг. совместно с монофиситством</p> <p>673–677 гг. Осада Константинополя мусульманами. Использование «греческого огня» византийцами</p> <p>679 г. Основание первого Болгарского царства болгарским ханом Аспарухом во Фракии</p>	<p>632 г. Смерть Мухаммеда</p> <p>632–644 гг. Арабский халифат Абу Бакра, первого из четырех «праведных халифов»</p> <p>634–644 гг. Арабский халифат Омара I. Активные завоевательные действия арабов в Сирии и Ираке</p> <p>636 г. Арабы в Иране: победа при Касидии; сражение при Ярмуке в Сирии</p> <p>641 г. Реорганизация административного аппарата халифата при Омаре I.</p> <p>642 г. Основание г. Фустат (будущий Каир) в Египте</p> <p>644–656 гг. Арабский халифат при Османе, третьем из «праведных халифов»</p> <p>653 г. Составление канонического текста Корана</p> <p>656–661 гг. Арабский халифат Али, четвертого из «праведных халифов»</p> <p>660 г. Муавия провозглашен халифом. Основание династии Омейядов (660–750 гг.). Дамаск становится столицей Арабского халифата</p> <p>670 г. Начало экспансии арабов в Северную Африку. Основание г. Кайруана в Тунисе</p> <p>680 г. В Карбеле (Ирак) убит Хусейн, сын халифа Али, третий шиитский имам. Основание шиизма – одного из двух основных направлений в исламе; религиозное и политическое противостояние суннитам и суннитским халифам</p> <p>Ок. 690 г. Арабский язык используется в качестве языка управления; выпуск в обращение динара – арабской золотой монеты</p> <p>691–695 гг. По указанию халифа Абд аль-Малика из династии Омейядов возведена мечеть Куббат ас-Сахра (Купол скалы) в Иерусалиме, на месте древнееврейского храма Соломона</p> <p>695–698 гг. Завоевание Магриба арабами</p>
<p>700 г.</p>		<p>705 г. Возведение Великой мечети в Дамаске</p> <p>705–714 гг. Арабы в Трансоксании</p> <p>709 г. Возведение мечети Аль-Акса в Иерусалиме</p>

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>Ок. 640 г. Индия: поэт Бана написал биографическую поэму «Жизнь Харши» («Харшачарита»)</p> <p>640–641 гг. Тибет во владении Китая</p> <p>Ок. 650 г. Появление поэмы Бхатти на санскрите, посвященной подвигам Рамы</p> <p>Ок. 663 г. Изобретение фарфора в Китае</p> <p>682–742 гг. Новая тюркская империя в Монголии. Возобновление поклонения небесному божеству Тенгри в противовес «китаизации» и насаждению китайской культуры и буддизма в Монголии</p> <p>685 г. Буддизм становится государственной религией в Японии</p> <p>692 г. Отчет о путешествии на Суматру и в Индию китайского буддийского монаха И-Цзина</p>	<p>634–644 гг. Завоевание Египта арабами</p> <p>641 г. Арабы в Нубии; взимание дани рабами</p> <p>652 г. Сопротивление королевства Дункула арабам</p> <p>666 г. Поход Окба Ибн Нафиса в Кавар (Сахара)</p> <p>670 г. Первые завоевания арабов в Северной Африке</p> <p>695–698 гг. Завоевание Магриба арабами</p>	<p style="text-align: right;">700 г.</p> <p><i>Анды</i></p> <p>700–1100 гг. Государство Уари в Центральных Андах; города Уари и Тиауанако</p> <p><i>Мезоамерика</i></p> <p>Ок. 700 г. Конец классического периода культуры Монте-Альбана, крупнейшего города в долине Оахака</p> <p>Ок. 710 г. Основание города Чичен-Ица индейцев майя на п-ове Юкатан</p>
<p>699–759 гг. Ван Вэй, китайский живописец и поэт</p> <p>700–737 гг. Период появления великих тюркских надписей в Центральной Азии</p> <p>701–762 гг. Ли Бо, китайский поэт</p> <p>710 г. Постройка императорского дворца в г. Нара (Япония)</p>		

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
711 г.	Вторжение арабов в Испанию. Падение Вестготского королевства		711–718 гг. Завоевание Испании 712–714 гг. Завоевание Синда (в Пакистане и Индии)
719 г.	Св. Бонифаций, монах-бенедиктинец, начинает проповедь христианства и устройство Церкви в германских землях	717–741 гг. Правление Льва III Исавра (Сирийца), императора Византии, основателя Исаврийской (или Сирийской) династии	
732 г.	Франкский майордом Карл Мартелл разгромил арабское войско при Пуатье	725 г. Эдикт Льва III, запрещающий почитание икон; начало эпохи иконоборчества	
735 г.	В Ярроу (Нортумбрия) умер Беда Достопочтенный, один из учителей англосаксонской Церкви		749–750 гг. Абу ль-Аббас Сафрах провозглашен халифом. Конец династии Омейядов. Начало династии Аббасидов (750–1258 гг.)
		753 г. Вселенский собор в Константинополе, осуждающий почитание икон	751 г. Победа арабов над китайцами в битве при Таласе (Центральная Азия)
			756 г. Основание Кордовского эмирата Омейядов – арабского государства в Европе
			762 г. Основание Багдада, столицы халифата Аббасидов, халифом аль-Мансуром. Установление первых торговых связей с Китаем через Цейлон
768 г.	Карл Великий, король франков, коронован как римский император в 800 г.	769 г. Начало христианизации Коринфии	
783–804 гг.	Алкуин, англосаксонский ученый, глава дворцовой школы Карла Великого	780–797 гг. Регентство Ирины; с 797 г. – императрица Византии	
		787 и 815 гг. Соборы в Никее и Константинополе, восстановившие почитание икон	786 г. Строительство мечети в Кордове (Испания), одной из крупнейших в мире 786–809 гг. Арабский халифат Харун ар-Рашида из династии Аббасидов. Начало производства бумаги в Ираке (технология завезена из Китая)

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
712–756 гг. Сюаньцзун (Ли Лунцзи), император Китая, покровительствует искусствам и наукам		
720–780 гг. Хань Гань, китайский живописец		
725 г. Основание в Китае Императорской академии наук		
735 г. Объединение Кореи под властью государства Силла	730–739 гг. Арабские фактории в Пембе, Килве и Могадिशю	
744–840 гг. Государство уйгуров в Монголии	734 г. Провал похода Омейядов против государства Гана (в Западной Африке)	
750 г. Сахарный тростник завезен в Египет из Индии Вторая половина VIII в. Грандиозный индуистский (шиваистский) монолитный храм Кайла санатха в Эллоре, Индия		Ок. 750 г. <i>Мезоамерика</i> Разрушение и опустошение Теотиуакана 750–900 гг. Период, в течение которого в промежутке между падением Теотиуакана и подъемом государства тольтеков на Центральном плато Мексики развивались независимые государства, такие как Ксочикалько и Какацтла <i>Северная Америка</i>
763 г. Манихейство объявлено государственной религией в Монголии		750–1500 гг. Развитие культур анасази, могольон и хохокам на юго-западе Северной Америки. Развитие традиции миссисипи в центральной долине Миссисипи и Эфиджи Маундс в верхней долине Миссисипи <i>Центральная Америка</i> Развитие многоцветной традиции керамики
768–824 гг. Хань Юй, китайский эссеист и философ		
771 г. Первый монастырь лам в Тибете поблизости от Лхасы		
788–820 гг. Шанкара, индийский мыслитель, реформатор индуизма, развил учение адвайта-веданты (веданты недвойственности)		

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
793 г.	Первые набеги викингов на Ирландию и Англию		Конец VIII в. Начало создания арабской грамматики и лексикографии
800 г.		Ок. 800 г. Основание викингами Датского королевства	800 г. Арабская династия Идрисидов в Марокко (800–930 гг). 800–847 гг. Основание г. Фес в Марокко Мухаммед бен Муса Хорезми (аль-Хорезми) – астроном, автор основополагающих трактатов по алгебре
804 г.	Строительство Дворцовой капеллы Карла Великого в Ахене		
807 г.	Основание Гамбурга. Распространение христианства в Северной Европе	810–813 гг. Осады Константинополя болгарами	
		817 г. Умер Феофан, византийский хронист, автор «Хронографии», охватывающей период III–IX вв.	826–902 гг. Завоевание Сицилии Аглабидами, наместниками Аббасидов в Ифрикии (Тунисе)
827 г.	Король Уэссекса Эгберт объединяет под своей властью семь англосаксонских королевств и становится королем Англии, которую защищает от набегов викингов	829 г. Проповедание Евангелия Ангсаром в Скандинавии. Умер патриарх Никифор, противник иконоборчества, автор «Краткой истории» (602–769 гг.)	Ок. 827 г. Введение учения мутазилитов, философского учения, утверждающего равноправие разума и веры, в качестве государственного вероучения
842 г.	«Страсбургские клятвы», в которых ранние формы французского и немецкого языков впервые фигурируют как официальные языки. Европейцы заимствуют стремена у испанских арабов: появление тяжелой кавалерии (рыцарей)	842–843 гг. Восстановление иконопочитания; торжество православия в Византии	830 г. Основание «Дома мудрости» (<i>Bayt аль-Хикма</i>) в Багдаде, знаменитого интеллектуального центра
843 г.	Верденское соглашение: разделение Франкской империи между тремя сыновьями Людовика Благочестивого: Карлом Лысым (Западное франкское королевство), Людовиком Немецким (Восточное франкское королевство) и Лотарем I (Лотарингия, территории от Фризии до Италии)		836 г. Строительство Великой мечети в Кайруане, Ифрикия (Тунис)
Вторая половина IX в.	Набеги викингов на все атлантическое побережье Европы		Ок. 850 г. Тюрки в Трансоксании
852 г.	Формирование первых гильдий на севере Европы	860 г. Расселение мадьяров вдоль Дуная. Основание Новгорода После 860 г. Купцы из Киева прибывают в Константинополь 862 г. Варяг Рюрик захватил власть в Новгороде и овладел всем русским севером	(801)–860 гг. Абу Юсуф Якуб бен Исхак Кинди (аль-Кинди), арабский астроном, философ, математик, врач

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
794 г. Киото становится имперской столицей Японии	789 г. Кайя Маган Сиссе, император Ганы	
800 г. Строительство буддийского храма Боробудур на о. Ява	Ок. 800 г. Основание государства Канем в Центральной Африке	800 г. <i>Мезоамерика</i> Фрески Бонампака.
802 г. Поклонение царю-солнцу в Камбодже		Упадок культуры майя на южных равнинах. Почти все города запустели
805 г. Распространение в Японии потребления чая, завезенного первоначально из Китая	808 г. Создание в Западном Судане государства Санхалжа. Основание города Аудагост	
	833 г. Города Гана и Гао упоминаются в трудах аль-Хорезми	
840–1209 гг. Уйгурское государство в Восточном Туркестане		
850 г. Меланезия: появление населения на о. Новая Каледония	Ок. 850 г. Основание мусульманского королевства Ифат (Восточная Африка). Дия'Ого основывает государство Текрур (Западная Африка)	850/900 – 1500 гг. Развитие северной культуры майя (Рио-Бек и Ченес) и последующее развитие городов, таких как Майяпан и Чичен-Ица на севере п-ова Юкатан

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
<p>881 г. Появление «феодальной» «Поэмы Святой Евлалии», первой поэмы на старофранцузском языке</p>	<p>863 г. Перевод Евангелия на язык славян Кириллом и Мефодием; христианизация славянской Моравии</p> <p>864 г. Принятие крещения Борисом I, основателем Болгарского царства</p> <p>865 г. Возникновение Древнерусского государства (Киевской Руси) со столицей в Киеве</p> <p>867–1056 гг. Правление в Византии Македонской династии, основанной императором Василием I Македонянином (867–886 гг.)</p> <p>872 г. Основание Норвежского королевства</p> <p>885–965 гг. Хазарский каганат в Южной Руси</p> <p>895 г. Основание Венгерского королевства на Дунае, в Паннонской низине династией венгерских князей из племени Арпадов</p>	<p>868–906 гг. Династия Тулунидов в Египте (основатель – наместник Аббасидов в Египте Ахмед ибн Тулун)</p> <p>869–883 гг. Восстание черных рабов (<i>зинджи</i>) в Нижнем Ираке</p> <p>(810)–870 гг. Мухаммед ибн Исмаил аль-Бухари (Бухари), бухарский теолог, автор «Собрания достоверных хадисов»</p> <p>877–907 гг. Восстания во главе с карматами в Ираке</p> <p>879 г. Постройка мечети Ибн Тулуна в Фустате (Каире)</p> <p>885 г. Умер Ибн Хурдадби, глава отделения почтовой службы в Багдаде, путешественник и географ</p> <p>891 г. Умер Якуби, арабский историк, географ, автор «Книги стран» и других сочинений (Ирак)</p> <p>892 г. Умер аль-Баладхури, историк, автор «Книги о завоеваниях стран»</p>
<p>900 г.</p> <p>905 г. Сантьяго-де-Компостела, крупнейший паломнический центр Западной Европы</p> <p>910 г. Основание бенедиктинского аббатства Клуни (Франция), которое становится главным центром движения за монастырскую реформу</p> <p>911 г. Норманнский вождь (вождь датских викингов) Роллон получил в лен территорию Нормандии</p>	<p>Ок. 907 г. Поход киевского князя Олега против Византии. Мирный договор 911 г.</p> <p>913–959 гг. Правление Константина Багрянородного (905–959 гг.), императора Византии и писателя (сочинение «О церемониях византийского двора» и др.)</p>	<p>Начало X в. Появление депозитных банков, обменных контор; установление отношений с Китаем, Индией, Русью</p> <p>909 г. Свержение власти Аглабидов в Северной Африке. Основание шиитского халифата Фатимидов, династии халифов-исмаилитов</p> <p>921 г. Установление контроля Фатимидов над Магрибом. Основание г. Махдия (в Тунисе)</p>

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>868 г. Первая четко датируемая печатная книга – китайская буддийская сутра из Дуньхуана</p> <p>872–882 гг. Народное восстание в Китае</p> <p>889 г. Основание Ангора, столицы феодального государства кхмеров</p> <p>Конец IX в. Падение династии Паллавов, правителей государства Паллавов на юге Индии. Начало расширения владений династии Чола</p>	<p>890 г. Правители Кукуя распространяют свою власть на Гао (Западная Африка)</p>	
<p>907 г. Падение династии Тан в Китае. Разделение империи на Северный Китай и Южный Китай</p> <p>916 г. Основание государства киданей Ляо на территории современного Китая (Внутренняя Монголия)</p>	<p>Ок. 900 г. Основание государства Бенин (Западная Африка)</p> <p>Ок. 908 г. Арабы в районе Африканского Рога</p> <p>918 г. Распад союза Санхаджа</p> <p>921 г. Фатимиды распространяют свою власть на Магриб</p>	<p style="text-align: right;">900 г.</p> <p><i>Мезоамерика</i> 900–1200 гг. Период государства империи тольтеков (столица г. Тула) в центральной и северной частях Мезоамерики. Господство индейцев-тотонаков (центр – г. Тахин в шт. Веракрус, Мексика) над севером центральной части побережья Мексиканского залива</p>

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
			921–922 гг. Отчет арабского путешественника Ибн Фадлана о поездке в Булгар (столицу Булгарии Волжско-Камской) и на Волгу
			922 г. Казнь в Багдаде суфийского проповедника Абу Мансура аль-Халладжа (858–922 гг.)
			(839)–923 гг. Аль-Табари, арабский историк, написал на персидском языке «Историю пророков и царей»
		927 г. Расширение Болгарского государства при царе Симеоне I	
		ок. 930 г. Викинги основали свободное государство Исландия	929 г. Абдаррахман III принял титул халифа и провозгласил Кордову столицей Кордовского халифата Омейядов.
936 г.	Отгон I Великий коронован в Ахене (Термания); коронован императором в Риме в 962 г.	935 г. Убийство чешского князя Вацлава (Венцеслава) Святого, патрона Чехии	936 г. Закладка новой резиденции халифа, города-дворца Мадина аз-Захра в пригороде Кордовы
		940 г. Социально-религиозное движение богомилов на Балканах. Король Дании Харальд I Синезубый принимает западное христианство	
		941–944 гг. Походы киевского князя Игоря на Константинополь. Мирный договор 944 г.	
			956–957 гг. Написание арабским историком Масуди (в Египте) сочинения «Золотые луга»
		964 г. Основание Лавры – монастырского комплекса на горе Афон	965 г. Умер аль-Мутанабби, арабский поэт (Сирия)
		966 г. Католичество становится государственной религией Польши	969 г. Завоевание Египта Фатимидами. Основание новой столицы Фатимидов Каира и мечети Ал-Азхар (979 г.)
		976–1025 гг. Правление византийского императора Василия II Болгаробойца	977–997 гг. Себюктигин, турецкий правитель Газни (Афганистан) распространяет свою власть на части Ирана и Индии
			977–988 гг. Труд «Картина мира» географа Ибн Хаукала
987 г.	Гуго Капет избран и коронован (Франция, 987–996 гг.); основал династию Капетингов	982 г. Крещение князя Киевской Руси Владимира по византийскому обряду; массовое крещение в Киеве (988 г.)	987 г. Восстание берберов-зиридов, объявивших о своей автономии в Ифрикии
988 г.	Лондонская гильдия		
991 г.	Вторжение германских племен данов в Англию		
			996–1021 гг. Халифат аль-Хакима из династии Фатимидов в Каире; его загадочная смерть привела к основанию одной из мусульманских шиитских сект – друзов
		997 г. Основание Стефаном I (Иштваном) (коронован в 1001 г.) Венгерского королевства	998–1030 гг. Правление Махмуда Газневи в государстве Газневидов, включившем части территорий Афганистана и Индии

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
	922 г. Основание главных городов народа хауса: Кано, Кацина, Зариа, Гобир	
935 г. Объединение под властью правителя государства Корё Ван Гона всей территории Корейского п-ова		
947 г. Северный Китай включен в состав государства киданей Ляо	947 г. Прибытие малайцев на о. Мадагаскар	947–999 г. <i>Мезоамерика</i> Правление легендарного правителя тольтеков Се Акатль Топильцина, принявшего имя Кецалькоатль (Пернатый Змей)
960 г. Воссоединение Китая при династии Сун (правила с 960 по 1279 г.)	956 г. Нападение нубийцев на Асуан и захват Верхнего Египта	
973 г. Династия Чалукьев, правителей ряда государств на территории Деканского плоскогорья в Индии	969 г. Завоевание Египта Фатимидами. Соглашение между Нубией и Египтом; вершина расцвета Нубии	
978 – ок. 1014 гг. Писательница Мурасаки Сикибу, автор романа «Гендзи моногатари»		
993 г. Завоевание Шри-Ланки династией Чола; изгнана в 1070 г.	Ок 990 г. Правитель Ганы осаждают Аудагост, в котором пребывал арабский путешественник Ибн Хаукал	
998–1186 гг. Династия Газневидов, правившая в Газневидском государстве на территории Восточной Персии, Афганистана и Пенджаба; распространение ислама на северо-западе Индии		

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА		ИСЛАМСКИЙ МИР	
999 г.	Герберт из Ориака, первый француз, избранный папой римским (Сильвестр II, 999–1003 гг.), способствует принятию христианства поляками и венграми; как прославленный ученый вводит обучение испано-арабской математике				
1000 г.				(1003)– ок. 1075 гг.	Абу Муин Насир Хосров, таджикский и персидский поэт, философ и путешественник
1006 г.	Церковь св. Филибера в Турню (Франция); начало расцвета романского стиля в архитектуре			1004 г.	Поэма «Шахнаме» персидского и таджикского поэта Абулькаси-ма Фирдоуси
1010 г.	Основание медицинской школы в Салерно	1008 г.	Завершение христианизации Швеции	1010–1030 гг.	Распад халифата Омейядов в Испании; образование малых независимых эмиратов
1015–1035 гг.	Кнуд Великий, король Дании, Англии (ок. 994–1035 гг.) и Норвегии, создатель обширной морской «империи» викингов				
1023 г.	Трактат по музыке Гвидо д'Ареццо (реформа нотного письма – основа современной нотации)	1021 г.	Первый сборник законов на Руси, появившийся в Новгороде		
1037 г.	Постройка собора в Майнце (романский «имперский» стиль)			Ок. 980– 1037 гг.	Ибн Сина (Авиценна), персидский ученый, философ, врач и политический деятель
1042 г.	Эдуард Исповедник стал королем Англии	1040 г.	Строительство Софийского собора в Киеве (византийский стиль)	1037–1063 гг.	Тогрул-бек (ок. 993–1063 гг.), основатель и первый правитель (с 1038 г.) государства Сельджуков, основатель династии Сельджукидов
		1045 г.	Основание школы права и школы философии в Константинополе	1042 г.	Основание династии и государства Альморавидов на юге Марокко
		1047 г.	Захват византийцами древнеармянского Анийского царства. Основание Осло	(973)–1050 гг.	Умер аль-Бируни, персидский ученый-энциклопедист, создатель важнейших трудов по истории Индии
1054 г.	Начало Великого раскола христианской Церкви на восточную и западную, православную и католическую	1054 г.	Начало Великого раскола христианской Церкви на восточную и западную, православную и католическую	1052 г.	Вторжение в Ифрикию арабских племен бану-хилаль и бану-сулям, руководимых Фатимидами
1059 г.	Предводитель норманнов Роберт Гвискар – правитель Апулии и Сицилии			1054–1062 гг.	Расширение владений Альморавидов в Магрибе

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА		ИСЛАМСКИЙ МИР	
1066 г.	Битва при Гастингсе. Завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем, герцогом Нормандии	1067 г.	Набеги тюркоязычных племен половцев (кипчаков) на южнорусские степи	1062 г.	Основание г. Марракеш в Марокко
1073–1085 гг.	Избран папой Григорий VII, реформатор церкви, противник германского короля Генриха IV, поборник папской теократии и единоличного права пап назначать епископов вместо жалования им должностей (инвеституры) светскими королями	1071 г.	Разгром византийских войск сельджуками при Манцикерте	1071 г.	Победа сельджуков над византийцами при Манцикерте. Вторжение Сельджуков в Рум (Анатолия)
1075	«Книга Страшного суда» (поэтическая перепи́сь) в Англии	1075 г.	Умер Иоанн Ксифилин, правовед и патриарх Константинопольский		
		1078 г.	Умер Михаил Пселл, выдающийся византийский философ, политический деятель и историк		
		1081 г.	Вступление на византийский престол Алексея I Комнина (правил в 1081–1118 гг.), основателя династии Комнинов (1081–1185 гг.)		
		1083–1148 г.	Анна Комнина, дочь византийского императора Алексея I Комнина, автор «Алексиады» и других произведений		
1085 г.	Альфонс VI, король Кастилии и Леона, отвоевал у мусульман (мавров) древнюю вестготскую столицу Испании Толедо. Начало широкомасштабного испано-арабского культурного влияния на Западную Европу	1083 г.	Поселение венецианских купцов в Константинополе	1085 г.	Король Кастилии и Леона Альфонс IV отвоевал Толедо у мусульман
				1086 г.	Альморавиды в Испании
1088 г.	Основание Университета права в Болонье, старейшего в Европе			1088 г.	Строительство Соборной мечети в Исфахане, Иран
1093 г.	Возведение первого в Великобритании Нервюрного свода над главным нефом в романском соборе в Дареме	1091 г.	Изгнание тюркских племен печенегов из Фракии		
1095 г.	Церковный собор в Клермоне. Призыв папы к крестовому походу против сельджуков	1095 г.	Церковный собор в Пьяченце (Италия); обращение императора Византии Алексея I Комнина к папе за помощью против турок		
1098 г.	Основание монастыря Сито (Цистерциум) близ Дижона (Франция)				
1099 г.	Взятие Иерусалима крестоносцами			1099 г.	Захват Иерусалима крестоносцами (первый крестовый поход)
1100 г.		Первая половина XII в.	Украшение мозаикой собора св. Софии в Константинополе		
1102–1125 гг.	Начало общинного движения на севере Франции и в Нидерландах				

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>1060 г. Сочинение Чакрапанидаты по теории</p> <p>1069–1076 гг. Реформы первого министра Китая Ван Аньши (1021–1086 гг.): новая система налогообложения, административные и военные реформы</p> <p>1069 г. Сыма Гван (1019–1086 гг.): «Хронологическая история Китая»</p> <p>1090 г. Сочинение по суфизму Али Худжвири «<i>Кашфу ль-маджуб</i>» (на персидском языке) (Лахор)</p>	<p>1065 г. Описание Западной Африки аль-Баكري</p> <p>1070 г. Империя Мали; обращение в ислам манса (короля) Барамандама</p> <p>1085 г. Король Хуммай, правитель империи Канем-Борну, принимает ислам</p>	<p>Ок. 1060 г. Основание империи инков полубоготворным правителем Манко Капаком (1022–1107 гг.)</p>
<p>После 1100 г. Полинезия: демографический рост на Маркизских о-вах и расселение на о-ва Туамоту и в Новую Зеландию</p> <p>1101–1126 гг. Правление китайского императора Хуэйцзуня (Чжао Цзи), живописца и каллиграфа</p> <p>1102 г. Применение китайцами компаса на море</p>	<p>ХII в. Экспансия народа йоруба: металлические изделия из Ифе. Основание Мвене Мутапой династии Шона (Восточная Африка)</p> <p>Ок. 1100 г. Основание г. Томбухгу, вначале лагеря туарегов. Основание империи Мали</p>	<p style="text-align: right;">1100 г.</p> <p><i>Анды</i></p> <p>Ок. 1100 г. Возникновение культуры чибча на высокогорном плато Богота в Колумбии</p> <p>После 1100 г. Основание Куско; постепенное расширение господства</p>

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
1104 г. «Песнь о Роланде», эпическая поэма на старофранцузском языке, записанная, вероятно, нормандским бардом Турольдом	1111 г. Поселение пизанских купцов в Константинополе	1111 г. Умер аль-Газали (родился в 1058 г.), мусульманский богослов, правовед и «критик философов»
1115–1153 гг. Св. Бернар Клервский, аббат монастыря в Клерво (Франция), вдохновитель второго крестового похода, боролся с ересью катаров, обличал коррупцию в церковной среде	1118–1143 гг. Правление византийского императора Иоанна II Комнина	
1119 г. Основание духовно-рыцарского ордена храма Соломона – ордена тамплиеров, или храмовников		
1122–1157 гг. Петр Достопочтенный (ок. 1092–1157 гг.), аббат Клонийского монастыря, ученый, писатель, церковный деятель, инициатор перевода Корана на латинский язык (1141 г.)		1122 г. Основание династии Альмохадов на юге Марокко Ибн Тумартом. Умер Харири, автор <i>макам</i>
1132 г. Готическая церковь аббатства Сен-Дени во Франции – начало готического стиля в архитектуре		
1137 г. Основание Школы медицины в Монпелье, Франция		
1138 г. Основание новой германской династии Штауфенов, поддержанной папой		
	1143–1180 гг. Правление византийского императора Мануила I Комнина	1144 г. Захват христианского города Эдесса турками-сельджуками 1150–1159 гг. Завоевание Марокко Альмохадами, получившими плацдарм в Испании (Алмерия, Севилья, Гранада)
1152–1190 гг. Правление Фридриха I Барбароссы, короля Германии	1154 г. Победа шведов над финнами; христианизация Финляндии	
1154–1189 гг. Правление Генриха II Плантагенета, короля Англии	1156 г. Поселение генуэзских купцов в Константинополе	
1157 г. Рыцарский роман «Тристан и Изольда» на старофранцузском языке. Рыцарские романы Кретьена де Труа (ум. в 1183 г.) о короле Артуре		1158 г. Возведение мечети Кутубия в Марракеше
1162 г. Начало строительства Собора Парижской Богоматери		
	1169 г. Владимир – столица Владимиро-Суздальского княжества на Руси	1165 г. Умер Идриси (родился ок. 1099 г.), арабский путешественник и географ

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
	1107 г. Основание государства Занзибар	
1113–1150 гг. Правление Сурьявармана II: расцвет кхмерской империи Камбуджа-деша		
	Ок. 1120 г. Город Килва заменяет Могадишо и нарушает монополию г. Софала на торговлю золотом; город становится столицей государства мусульманских торговцев, в котором развивается цивилизация суахили (Восточная Африка)	
1123–1146 гг. Правление Инджонга в государстве Корё, во время которого для печати стал использоваться подвижный металлический шрифт	1122 г. Возникновение династии Альмохадов на юге Марокко	
1125 г. Родился Басава, основатель шиваитской монотеистической секты лингайтов в Южной Индии		
1126 г. Завоевание севера Китая племенами чжурчженей из восточной части Монголии		
Ок. 1130 г. Производство пороха в Китае		
1130–1209 гг. Домонгольское государство каракитаев в Центральной и Восточной Азии		
1130–1140 гг. Постройка храма Анкгор-Ват в Камбодже		
1137 г. Новая изобразительная форма – иллюстрации на горизонтальных свитках – макимону; свиток романа «Гендзи моногатари», показывающего жизнь японского двора. Умер Рамануджа, индийский религиозный философ, основатель вишишта-адванты, послужившей основой многих течений бхакти, критик Шанкары		
1140–1210 гг. Лаин Кай, китайский художник		
1150 г. Создание Калханой «Раджатарангини», истории Кашмира		
1151 г. Распространение христианства среди монгольских племен в Центральной Азии		
Ок. 1162–1227 гг.	Чингисхан, монгольский завоеватель	
1162 г.	Книга Су Си (<i>Xby Xi</i>) по практическому китайскому языку	

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
<p>1175 г. Начало строительства кафедрального Кентерберийского собора в графстве Кент (Англия)</p> <p>1179–1223 гг. Вступление на престол и правление Филиппа II Августа, короля Франции</p> <p>1189–1199 гг. Правление Ричарда I Львиное Сердце, короля Англии</p> <p>1189–1192 гг. Третий крестовый поход</p> <p>1190 г. Появление в Средиземноморье компаса – китайского изобретения, завезенного арабами</p> <p>1195 г. Создание Тевтонского (Немецкого) рыцарского ордена. Сицилия под властью Гюгенштауфенов</p> <p>1197 г. Папа Иннокентий II. Вершина политической власти</p>	<p>1181 г. Поселение германских купцов в Новгороде</p> <p>1185–1205 гг. Политическая анархия в Константинополе</p>	<p>1171 г. Саладин (Салах-ад-дин) становится султаном Египта; основана династия Айюбидов. Строительство Большой мечети в Севилье</p> <p>Ок. 1180 г. Купцы Карима выходят в Индийский океан</p> <p>1180–1192 гг. Хорезмшахи овладели Ираном и Багдадом</p> <p>1187 г. Салах-ад-дин разбил крестоносцев при Хаттине и захватил Иерусалим</p> <p>1190 г. Умер Фарид-ад-дин Аттар, персидский и таджикский поэт-суфий из Нишапура</p> <p>1190–1192 гг. Третий крестовый поход</p> <p>1192 г. Салах-ад-дин разрешает христианским паломникам посещать храм Гроба Господня</p> <p>1193 г. Умер Салах-ад-дин (родился в 1137 г.). Разделение его государств (Сирии, Палестины, Египта). «Хиральда» в Севилье (минарет Большой мечети)</p> <p>1195 г. Победа Альмохадов над кастильцами при Аларкосе</p> <p>(1126)–1198 гг. Ибн Рушд (Аверроэс) из Кордовы, арабский правовед, философ и врач</p> <p>Конец XII в. Минарет Джам в Афганистане</p>
<p>1200 г.</p> <p>Ок. 1200 г. «Песнь о Нибелунгах», эпическая поэма на старогерманском языке</p> <p>1202 г. Появление «арабских» цифр в Италии, в труде «Книга абака» Леонардо Пизанского (Фибоначчи)</p> <p>1204 г. Завоевание Константинополя крестоносцами во время четвертого крестового похода. Роман «Парсифаль» немецкого поэта-миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха – вершина искусства рыцарских романов</p>	<p>1203 г. Автокефальная болгарская церковь</p> <p>1204 г. Завоевание Константинополя крестоносцами во время четвертого крестового похода; основание Латинской Римской империи со столицей в Константинополе; образование «латинских» государств – Фессалонийского королевства, Ахейского княжества и др. Основание Трапезундской империи (1204–1461 гг.)</p>	<p>(1135)–1204 гг. Моисей Маймонид (Моше бен Маймон) из Кордовы, еврейский философ</p>

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>1172 г. Умер Хемачандра, индийский писатель и философ (родился в 1088 г). Расцвет искусства бронзовой скульптуры в Южной Индии и Шри-Ланке</p> <p>Ок. 1175 г. Поэма Джаядевы «<i>Лита-говинда</i>», посвященная Кришне</p> <p>1177 г. Разграбление Ангкора (Камбоджа) племенами чамов</p> <p>1181–1218 гг. Правление Джаявармана VII, строителя столицы кхмеров Ангкор-Тхома с комплексом храмов</p> <p>1184 г. Чжу Си провел реформу китайского языка посредством разделения разговорной и письменной форм</p> <p>(1114)–1186 гг. Бхаскара (Бхаскара Агарья), индийский математик и астроном, установивший законы движения планет</p> <p>1186–1193 гг. Завоевание Северной Индии султаном Муиззудином из династии Гурридов. Захват Дели (1193 г.)</p> <p>1192–1867 гг. Правление сёгунов в Японии</p> <p>1199 г. Постройка минарета Кутб-Минар (Башня Победы) в Дели: зарождение индоисламской архитектуры</p>	<p>Конец XII в. Первые монеты, отчеканенные в Килве</p>	
<p>1200 г. Школа живописи династии Сун в Китае</p> <p>Ок. 1200 г. Маркизские острова: <i>тохуа</i> – прямоугольные деревенские кварталы, окруженные террасами</p>	<p>Ок. 1200 г. Лалибела, король Эфиопии из династии Загве, строитель скальных монастырей и церквей</p> <p>1200–1235 гг. Западный Судан под властью правителя Сосо</p>	<p style="text-align: right;">1200 г.</p> <p><i>Мезоамерика</i></p> <p>После 1200 г. Миграция ацтеков с северо-запада в долины на Мексиканском нагорье</p> <p>1200–1500 гг. Империя ацтеков со столицей Теночтитлан, основанной в 1325 г. (на месте современного Мехико)</p>

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
<p>1209 г. Св. Франциск Ассизский основал нищенствующий орден меньших братьев (миноритов, или францисканцев), один из самых ранних итальянских поэтов</p> <p>1211 г. Начало строительства Реймского собора (Франция)</p> <p>1212 г. Битва при Лас Навас де Толоса – крушение власти мусульман в Испании</p> <p>1214 г. Битва при Бувине, укрепление монархии во Франции</p> <p>1214–1294 гг. Роджер Бэкон, английский философ и естествоиспытатель</p> <p>1215 г. Великая хартия вольностей в Англии. Основание Парижского университета</p> <p>1216 г. Утверждение папой Гонорием III ордена странствующих проповедников (доминиканцев)</p> <p>1218–1250 гг. Фридрих II Штауфен, король Германии, император Священной Римской империи (с 1220 г.)</p> <p>1226–1230 гг. Завоевание Пруссии рыцарями Тевтонского ордена</p> <p>1226–1270 гг. Правление во Франции короля Людовика IX Святого</p> <p>1235–1250 гг. Строительство часовни Сент-Шапель в Париже (вершина готического стиля и витражей в архитектуре)</p> <p>1245 г. Начало строительства Вестминстерского аббатства в Лондоне</p> <p>1249 г. Оксфордский университет</p>	<p>1204–1222 гг. Правление Феодора I Ласкаря, основателя Никейской империи (1204–1261 гг.)</p> <p>1242 г. Победа Александра Невского над немецкими рыцарями (Ледовое побоище)</p> <p>1249 г. Основание Стокгольма</p>	<p>(1141)–1209 гг. Низами Гянджеви, персидский поэт и мыслитель</p> <p>1212 г. Битва при Лас Навас де Толосе; поражение Альмохадов от объединенных сил христианских государств Испании во главе с кастильцами; крушение власти мусульман в Испании</p> <p>1220 г. Мечеть Ала аль-дин в Конье, Турция</p> <p>1220–1237 гг. Правление Кайкубада I, вершина расцвета Румского султаната сельджуков</p> <p>1229–1574 гг. Правление династии Хафсидов в Тунисе</p> <p>1235–1239 гг. Завершение завоевания Ирана монголами</p> <p>1236 г. Взятие Кордовы Фердинандом III Кастильским</p> <p>1236–1393 Династия Зианидов в Алжире</p> <p>1237 г. Независимость последнего арабского государства на Пиренейском п-ове – Гранадского эмирата Насридов</p> <p>1240 г. В Дамаске умер Ибн аль-Араби (родился в Испании), арабский мыслитель и поэт, мистик</p> <p>1248 г. Взятие Севильи Фердинандом III</p> <p>1248 г. Умер Ибн аль-Байтар из Малаги, автор работ по ботанике</p> <p>1250 г. Мамлюкские военачальники захватывают власть в Египте, в 1260 г. – и в Сирии</p>

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>1206 г. Чингисхан, объявленный верховным правителем, объединяет Монголию. Кутб-ад-дин Айбак (ум. в 1210 г.), наместник Пуридов в Индии, основывает Делийский султанат</p>		
<p>1211–1215 гг. Завоевание Северного Китая монголами</p>		
<p>1219–1230 гг. Все территории от Кореи до Восточной Руси оказываются под властью монголов</p>		
<p>1227 г. Угедей (ум. в 1241 г.) избран великим ханом монголов; Батый, внук Чингисхана (ум. в 1256 г.), стал правителем западного улуса (позднее – Золотая Орда)</p>		
<p>1228–1240 гг. Неизвестным монгольским автором написано «Сокровенное сказание» («Тайная исповедь монголов»)</p>	<p>1230–1255 гг. Император Мали Сундьята Кейта побеждает Сосо, но сохраняет его власть</p>	
<p>1245–1246 гг. Плано Карпини, итальянский монах-францисканец (ок. 1182–1252 гг.), посещает Монголию и Центральную Азию</p>	<p>1230–1259 гг. Вершина расцвета государства Канем во время правления Дунама Дибалами</p>	
<p>1246–1248 гг. Правление Гуюка, великого хана монголов</p>	<p>Ок. 1230 г. Торговля с Китаем на побережье Восточной Африки; работорговля</p>	
<p>ок. 1250 г. Постройка храма Солнца в Коннараке, Восточная Индия</p>	<p>Ок. 1250 г. Основание государства Моси в Уагадугу (Западная Африка). Развитие прибрежных королевств, среди которых Конго (Центральная Африка). Объединение народа йоруба в королевство Ифе (Западная Африка). Великое переселение народов банту (Центральная и Западная Африка)</p>	
<p>1251–1259 гг. Правление Мункэ, великого хана монголов</p>		

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР	
1252 г.	Чеканка первых золотых монет (флоринов) во Флоренции			
1255 г.	Университет в Саламанке, Испания			
1257 г.	Кембриджский университет, Англия			
			1258 г.	Захват и разграбление Багдада монголами; падение Багдадского халифата Аббасидов
			1260 г.	Мамлюки под предводительством султана Бейбарса наносят поражение монголам у Айн-Джалута (Сирия)
		1261 г.	1261 г.	Халиф Аббасидов бежит в Каир
1265 г.	Первый английский парламент. Начало работы над «Суммой теологии» Фомы Аквинского (1225–1274 гг.), итальянского монаха-доминиканца, богослова и философа-схоласта, старавшегося примирить веру и разум. Рождение Данте (ум. в 1321 г.), итальянского поэта	1261 г. Взятие Константинополя никейским императором Михаилом VIII; изгнание крестоносцев		
		1261 г.		
1266 г.	Рождение Джотто, итальянского живописца			
1267 г.	Производство бумаги в Италии	1267 г.		
			1267 г.	Начало правления династии Маринидов (Меринидов) в Марокко со столицей в Фесе
1273 г.	Рудольф Габсбург избран императором Священной Римской империи. Основание династии Габсбургов (1273–1918 гг.)		1273 г.	Умер Джалаледдин Руми (родился в 1207 г.), персоязычный поэт-мистик (суфий); его сын, султан Велед, основал братство «мевлевийя» в Конье (Турция)
1274 г.	II Лионский собор по вопросу объединения римско-католической и византийской церквей			
			1277 г.	Умер султан мамлюков Бейбарс
		1282–1328 гг.	Ок 1280 – ок 1324 гг.	Осман I, эмир в Малой Азии, основатель Османской династии
1284 г.	Начало чеканки венецианского дуката		1284–1285 гг.	Основание больницы и мечети султана Калауна в Каире
			1291 г.	Падение Акры, последнего оплота крестоносцев на Востоке. Умер Саади из Шираза, персидский писатель, поэт и мыслитель
			1295 г.	Мекка под властью мамлюков. Дворец-замок Альгамбра близ Гранады – яркий образец позднемавританской архитектуры в Испании
Ок. 1298 г.	«Книга чудес» Марко Поло			

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
1253–1254 гг. Миссия Виллема Рубрука, знаменитого путешественника, монаха-францисканца, в Монголию по поручению короля Франции Людовика IX Святого		
1254–1332 гг. Чжао Минфу, китайский художник и каллиграф		
1255 г. Хулагу, брат Мункэ, стал правителем улуса, включавшего часть территории Центральной и Западной Азии; первый ильхан («хан племен»), основатель династии Ильханидов (ум. в 1265 г.) и государства Хулагуидов		
1258 г. Разрушение Багдада монголами		
1260 г. Приход к власти Хубилая (ум. в 1294 г.), внука Чингисхана, великого хана монголов и основателя китайской (монгольской) династии Юань (1271–1368 гг.) в Китае. Перенос столицы в Яньцзин (совр. Пекин)		
1271–1292 гг. Пребывание Марко Поло в Центральной Азии и Китае		
Ок. 1275–1315 гг. Правление тайского короля Рамы Камхинга; ввел тайскую письменность	1276 г. Христианское (православное) государство Мукурра в долине Нила в Нубии (столица Донгола) переходит под протекторат мамлюков	
1290–1320 гг. Правление династии Хальджи в Делийском султанате	1285 г. Основание султаната Килва. Усиление империи Мали при правлении мансы (короля) Сакура (1285–1300 гг.)	
1295 г. Постройка первой христианской церкви в Пекине. Принятие ислама монгольскими ильханами при Газан-хане (правил в 1295–1304 гг.)		
1296–1316 гг. Правление Алауддина Хальджи, наиболее могущественного из султанов Делийского султаната		

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
1300 г.	Начало XIV в. Окончание периода расцвета имперского византийского искусства мозаики в церкви монастыря Хора (Кахриджами) в Константинополе	Начало XIV в. Конец династии Сельджуков в Руме. Независимость местных туркменских эмиратов. Юнус Эмре, турецкий поэт-мистик (суфий)
1304–1373 гг. Петрарка, итальянский поэт	1308 г. Москва заменяет Киев в качестве места пребывания патриархата Русской православной Церкви	1312–1313 гг. Составление «Хроник правителей Андалусии и Магриба» Ибн Идхари
1309–1376 гг. «Авиньонское пленение» пап	1321–1328 гг. Мятеж византийского принца Андроника Младшего против своего деда императора Андроника II Палеолога; при поддержке Иоанна Кантакузина он становится Андроником III (1328–1340 гг.)	Ок 1324 – ок 1362 гг. Правление Орхана, эмира из династии Османов
1313–1375 гг. Джованни Боккаччо, итальянский поэт	1326–1331 гг. Взятие Бурсы и Никеи турками-османами	1326–1331 гг. Взятие Орханом Бурсы и Никеи
	1331 г. Стефан Душан (1308–1355 гг.) становится царем Сербии; венчан на царство в 1346 г. Присоединение Албании, Македонии и других территорий	1328 г. Умер Ибн Таймийя, теолог ханбалитов
	1332 г. Умер Феодор Метохит, ученый, философ и историк, глава императорского университета в Константинополе при Андронике II	1332–1406 гг. Ибн Хальдун, арабский историк и философ
	1333 г. Казимир III Великий (1309–1370 гг.) становится королем Польши	
	1335–1405 гг. Феофан Грек, русский иконописец, мастер монументальной росписи	
1337 г. Начало войны между Францией и Англией (Столетняя война)		1337 г. Мариниды (берберская династия, правившая в Марокко) в Тлемсене, Алжир
	1340–1351 гг. Полемика о исихазме, религиозно-философском учении Григория Паламы, в Константинополе	
	1341–1347 гг. Мятеж Иоанна Кантакузина против Иоанна V Палеолога. Провозглашение Иоанна Кантакузина императором Византии Иоанном VI (1341–1354 гг.)	1346 г. Конец династии Ильханов в Персии
1346 г. Победа англичан над французами при Креси, захват французского порта Кале. Первое применение пороха на полях сражений Европы, начало упадка рыцарства		
1347–1352 гг. Эпидемия чумы «Черная смерть» в Европе		

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
		1300 г.
1301–1374 гг. Ни Цзань, китайский художник		
1308 г. Иоанн из Монте-Корвино, архиепископ Пекина	1307–1331 гг. Правление мансы (короля) Мали Канкана Мусы. Вершина расцвета королевства	
	1315 г. Постепенная исламизация Нубии	
1318 г. Казнен Рашидаддин, автор труда «История мира» и визирь правительства ильханов. Знаменитый индо-персидский поэт Амир Хосров Дехлеви (1253–1325 гг.) написал поэму «Nubsiptir», проникнутую патриотизмом		
1324–1351 гг. Правление Мухаммеда Туклака, амбициозного правителя Делийского султаната	1325 г. Завоевание королевств Гао и Сонгаи мансой Канканом Мусой	
	1328 г. В Эфиопии христианское царство амхаров Шоа подчиняет мусульманский султанат Ифат.	
	1331 г. Посещение Килвы Ибн Баттуты	
1335 г. Падение монгольской династии в Иране	1335 г. Основание г. Мбанзаконго, столицы королевства Конго (Центральная Африка)	
Ок. 1335–1347 гг. Поездки выдающегося арабского путешественника Ибн-Баттуты в Индию и Китай		
1336 г. Основание Виджаянагарской империи в Южной Индии	1336 г. Али Колен освободил Гао и основал династию Сонни (Западная Африка)	
1343 г. Город Виджаянагара стал столицей		
1347 г. Основание Бахманского султаната на плоскогорье Декан (Индия)		
1350 г. Первое упоминание о прылке в Индии		
Ок. 1350 г. Умер Намдев, индийский монотеист		
1350–1389 гг. Вершина расцвета индонезийской империи Маджапахит с центром на о. Ява		
1350–1767 гг. Королевство Аюття (принятое в литературе название государства Сиам и его столицы) в Таиланде		
		Ок. 1350 г. <i>Мезоамерика</i> Миштеки, индейский народ в Мексике, приходят к власти на западе государства Оахака; постепенно их господство распространяется к востоку до Монте-Альбана и других центров народа сапотек

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
		1351–1358 гг. Медресе (школа) Бу-Инания в Фесе (Марокко)
		1354 г. Мечеть-медресе султана Хасана в Каире
	1360 г. Никифор Григорас, богослов и философ, противник исихазма, написал «Греческую историю»	
	1362 г. Адрианополь (Эдирне) захвачен османами у Византии и объявлен их столицей в 1365 г.	1362–1389 гг. Мурад I (родился в 1319 г.), третий султан Османов и фактический основатель Османской империи
		Ок. 1365 г. Формирование отрядов янычар по указанию Мурада I
	1369 г. Обращение византийского императора Иоанна V Палеолога к Западу с просьбой об организации крестового похода против турок	(1304)–1369 гг. Ибн Баттута, арабский (мавританский) путешественник, совершивший путешествие через весь исламский мир от Испании до Китая и в регион южнее Сахары с 1325 по 1353 г.
	1370–1371 гг. Османы занимают практически всю территорию Македонии; Болгария превращается в вассала османов	
	1370–1424 гг. Ян Жижка, полководец, предводитель чешских последователей Яна Гуса, национальный герой чешского народа	
1376–1384 гг. Джон Уиклиф, английский религиозный мыслитель, предшественник Реформации, опровергавший большинство догматов церкви; поддержал восстание крестьян		
1378–1418 гг. Великая схизма в католической церкви		
1386 г. Основание университета в Гейдельберге, Германия		
1387–1390 гг. «Кентерберийские рассказы» Джефри Чосера		
1388 г. Швейцарская конфедерация		
	1389 г. Поражение сербов от турок-османов на Косовом поле	1389 г. Победа над сербами и смерть Мурада I на Косовом поле
		1389–1402 гг. Правление Баязида I Молниеносного, султана Османской Турции
		1390 г. В Ширазе умер Шамседдин Мухаммед Хафиз, персидский поэт-суфий
		Ок. 1395 г. Введение турками-османами <i>девширме</i> («налог кровью», т.е. детьми) среди данников-христиан
	1396 г. Битва при Никополе. Поражение венгров и крестоносцев под командованием венгерского короля Сигизмунда I от турецкого султана Баязида I. Блокада Константинополя турками	1396 г. Победа турок-османов над венграми и крестоносцами при Никополе.
	1397 г. Кальмарская уния – объединение всех скандинавских государств под верховной властью датских королей	Тимур (Тамерлан) устанавливает свою власть над Ираном и Ираком. «Анатолийская крепость» на Босфоре (Анадолу-хисар)

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
1351–1388 гг. Правление Фируза Туглака в Северной Индии, правителя Делийского султаната и строителя каналов		
1353 г. Основание лаосского государства Лансанг	1353 г. Посещение Томбукту Ибн Баттутой	
1357 г. Сочинение « <i>Tārīkh-i Firuzashāhī</i> » (на персидском языке) индому-сульманского историка Зия Барани		
1363 г. Появление театра Но – японской драмы	Ок. 1360 г. Основание королевства Джолоф (Западная Африка)	
1364 г. Основание династии Шань в государстве Ава (Центральная Бирма)		
1368–1644 гг. Правление династии Мин, основанной после изгнания монголов и свержения монгольской династии Юань		
1370–1405 гг. Правление Тимура (Тамерлана) (1336–1405 гг.), создателя государства со столицей в Самарканде; его завоевания в Центральной Азии, Сирии, Анатолии, Южной России и Северной Индии		
	Ок. 1380 г. Развитие Зимбабве в связи с торговлей на восточном побережье Африки	
	1382–1411 гг. Попытки царя Эфиопии Дауита I сдерживать мусульманское давление	
	Ок. 1385 г. Вершина расцвета Кано и Кацины. Начало исламизации территорий с народом хауса (Западная Африка)	
1397 г. Сооружение «Золотого павильона» (Кинкакудзи) в Киото		
1398 г. Захват и разграбление Дели Тамерланом		
1399–1420 гг. Программа Тамерлана по строительству монументов в Самарканде		
1392–1910 гг. Правление династии Ли в Корее		
Конец XIV в. Полинезия: строительство огромных храмов на побережье	Конец XIV в. Начало исхода перемещения арабских племен, вытесняемых из Египта мамлюками, в направлении оз. Чад. Расселение танджуров на плато Дарфур и Кордофан и в районе Вадды	

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
1400 г.		
1396–1475 гг. Паоло Уччело, итальянский живописец; развитие линейной перспективы		Начало XV в. Племена ак-коюнлу устанавливают контроль над территориями Восточной Анатолии, принадлежавшими союзу племен кара-коюнлу (в Западном Иране и Ираке)
1401–1402 гг. Первые банки в Барселоне и Франкфурте		1402 г. Поражение и пленение Баязида I Тимуром (Тамерланом) при Ангоре (Анкаре). Беспорядки в государстве Османов
	1406 г. Постройка Гур-Эмира, усыпальницы Тимура и Тимуридов в Самарканде	
	1410 г. Победа польско-литовского войска (при поддержке русских отрядов) над войсками Тевтонского ордена при Танненберге (Трюнвальдская битва)	1412–1421 гг. Реорганизация Османского государства Мехмедом I 1415–1420 гг. Строительство «Зеленой мечети» в Бурсе (Турция), первой столице Османского (турецкого) государства 1415–1481 гг. Мехмед II Завоеватель (Фатих), султан османской Турции
	1420–1434 гг. Крестовые походы против гуситов, сторонников антикатолического и национального движения в Чехии	1421–1451 гг. Правление Мурада II, шестого султана Османской империи 1422–1438 гг. Правление Барсбея, султана мамлюков
	1426 г. Появление икон Андрея Рублева в Кафедральном соборе в Москве	1424 г. Основание обсерватории Улугбеком в Самарканде
1429–1431 гг. Сражения с англичанами с участием Жанны д'Арк (1412–1431 гг.) в ходе Столетней войны		
1431–1474 гг. Франсуа Вийон, французский поэт 1432 г. Нидерландский художник Ян ван Эйк (ок. 1390–1441 гг.) создал монументальный многочастный алтарь для собора в Генте «Поклонение агнцу»; начало фламандской школы письма маслом и создание атмосферной перспективы		
1434–1464 гг. Пребывание Козимо Медичи (1389–1464 гг.), купца и банкира, во Флоренции		
1436 г. Возведение купола собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции архитектором Ф. Брунеллески		
1439 г. Вселенский Ферраро-Флорентийский собор; подписание акта об унии (<i>Lacientur Coeli</i>) между римско-католической и православной церквями	1438–1439 гг. Вселенский Ферраро-Флорентийский собор. Подписание акта об унии, означавшего союз римской и православной церкви; уния была отвергнута населением и духовенством православных стран (в том числе Руси)	

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)		АФРИКА	АМЕРИКА
			1400 г.
XV в.	Постепенная исламизация Явы, прибрежных регионов Суматры и Восточного Туркестана	Начало XV в. Империя Сонгаи постепенно захватывает Мали. Экспансия Бенина	<i>Анды</i> 1400–1500 гг. Вершина расцвета империи инков во время правления Пачакутека Юпанки (1438–1471 гг.). Экспансия на высокогорные плато Боливии, северо-запад Аргентины и Центральную часть Чили. Во время правления Уаяна Капака (1493–1527 гг.) – экспансия к границам Колумбии
1400 г.	Постройка 63-купольной мечети Джамии Масджид Гульбарга в Индии		
1405–1433 гг.	Экспедиции китайского флотоводца Чжен Хэ в Южно-Китайское море и Индийский океан		
1406 г.	Пекин: постройка Запретного города		
1407 г.	Государства Явы и Малайи под владичеством Китая		
1410 г.	Ашраф Джахангир Симнани популяризирует в Индии идеи Ибн аль-Араби		
1420–1506 гг.	Сэсю, крупнейший японский художник второй половины XV в. Завершение строительства ансамбля «Храма Неба» в Пекине, объявленном столицей империи	1419–1460 гг. Планомерное исследование побережья Западной Африки португальцами 1420 г. Первое государство народа луба в Центральной Африке	
1423 г.	Индия: строительство Пятничной мечети в Ахмадабаде. Расцвет индомусульманской архитектуры		
1425–1470 гг.	Расширение государства Ойратов (западных монгольских народов) от р. Или до Монголии		<i>Мезоамерика</i> 1427–1440 гг. Конец господства народа тепанеков (г. Тлакопан); завоевание большей части долины Мехико царем ацтеков Итцкоатлем 1430–1472 гг. Мирное правление Несуалькойотля, великого строителя и поэта (на языке науатль); столица Тескоко становится крупнейшим культурным центром
1434 г.	Основание Пномпеня, столицы Камбоджи	1435 г. Захват Томбукту туарегами	
		1440 г. Начало правления Эваре в Бенине: вершина расцвета королевства. Расцвет металлообработки	
		1441 г. Начало доставки африканских рабов в Португалию	1441 г. Правитель ацтеков Моктесума I («Монтесума» I) устанавливает власть над обширными территориями в Центральной Америке

(продолжение)

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА		ИСЛАМСКИЙ МИР	
				(1363)–1442 гг.	Аль-Макризи, египетский историк, автор «Хитат» (топография Фустата, Каира, Александрии) и «Истории Египта»
1448 г.	Изобретение печати с наборных литер Иоганном Гутенбергом в Майнце, Германия	1448 г.	Русская православная автокефальная церковь		
		1449–1453 гг.	Правление Константина XI Драгаса, последнего императора Византии	Середина XV в.	Постройка Голубой мечети в Тебризе; вершина искусства исламской керамической мозаики в Иране. Расцвет исламской цивилизации в Центральной Азии
				1450–1535 гг.	Бихзад, мастер художественных миниатюр в Герате; вершина исламского изобразительного искусства
				Вторая половина XV в.	Ахмад Ибн Маджид, арабский мореплаватель, лоцман в Индийском океане; предполагают, что он являлся лоцманом, проводившим корабли Васко да Гамы к Индии
1452 г.	Рождение Леонардо да Винчи, итальянского живописца, скульптора, архитектора, ученого, инженера	1452 г.	Сооружение османской крепости «Румелия» на Босфоре	1452 г.	Крепость «Румелия» на Босфоре
		1453 г.	Осада Константинополя султаном Мехмедом II; захват города 29 мая	1453 г.	Взятие Константинополя султаном Мехмедом II, переименование города в Стамбул, перенос столицы в 1458–1459 гг.
1455 г.	Издание Библии Иоганном Гутенбергом			1454 г.	Первые правила («Кануннаме») Мехмеда II по управлению Османской империей
1455–1485 гг.	Война Алой и Белой роз в Англии				
		1458 г.	Начало правления русского царя Ивана III (1458–1505 гг.)		
1461 г.	Смерть португальского принца Генрика Мореплывателя, покровителя и организатора португальских исследований африканского побережья. Создание португальским живописцем Нуну Гонсалвишем «Алтара святого Винченца»	1461 г.	Взятие войсками османского султана Мехмеда II Трапезунда – столицы Трапезундской империи		
1461–1483 гг.	Правление Людовика XI, короля Франции			1463–1471 гг.	Строительство мечети Фатиха в Стамбуле
				1463 г.	Строительство Арсенала в Стамбуле
		1468 г.	Умер Геннадий II Схолярый (в миру Георгий), противник объединения церквей, первый патриарх Константинопольский при османах	1468–1469 гг.	Правление султана мамлюков Каитбей
1469–1494 гг.	Лоренцо де Медичи – фактический правитель Флорентийского государства; период наивысшего расцвета ренессансной культуры Флоренции	1474–1478 гг.	Подчинение Ростовского и Новгородского княжеств Ивану III; складывание территориального ядра единого Российского государства	1475–1478 гг.	Строительство султанского дворца Тонкапы в Стамбуле
1478 г.	Создание «Аллегории весны» («Весна») Сандро Боттичелли, Флоренция; «неоязычество» в искусстве			(Ок. 1400)–1480 гг.	Ашик-паша-заде, османский летописец
1481 г.	Инквизиция в Испании	1481 г.	Падение монголо-татарского ига	(1481)–1512 гг.	Правление Баязида II, султана Османской империи
1482 г.	Строительство Сикстинской капеллы в Риме				

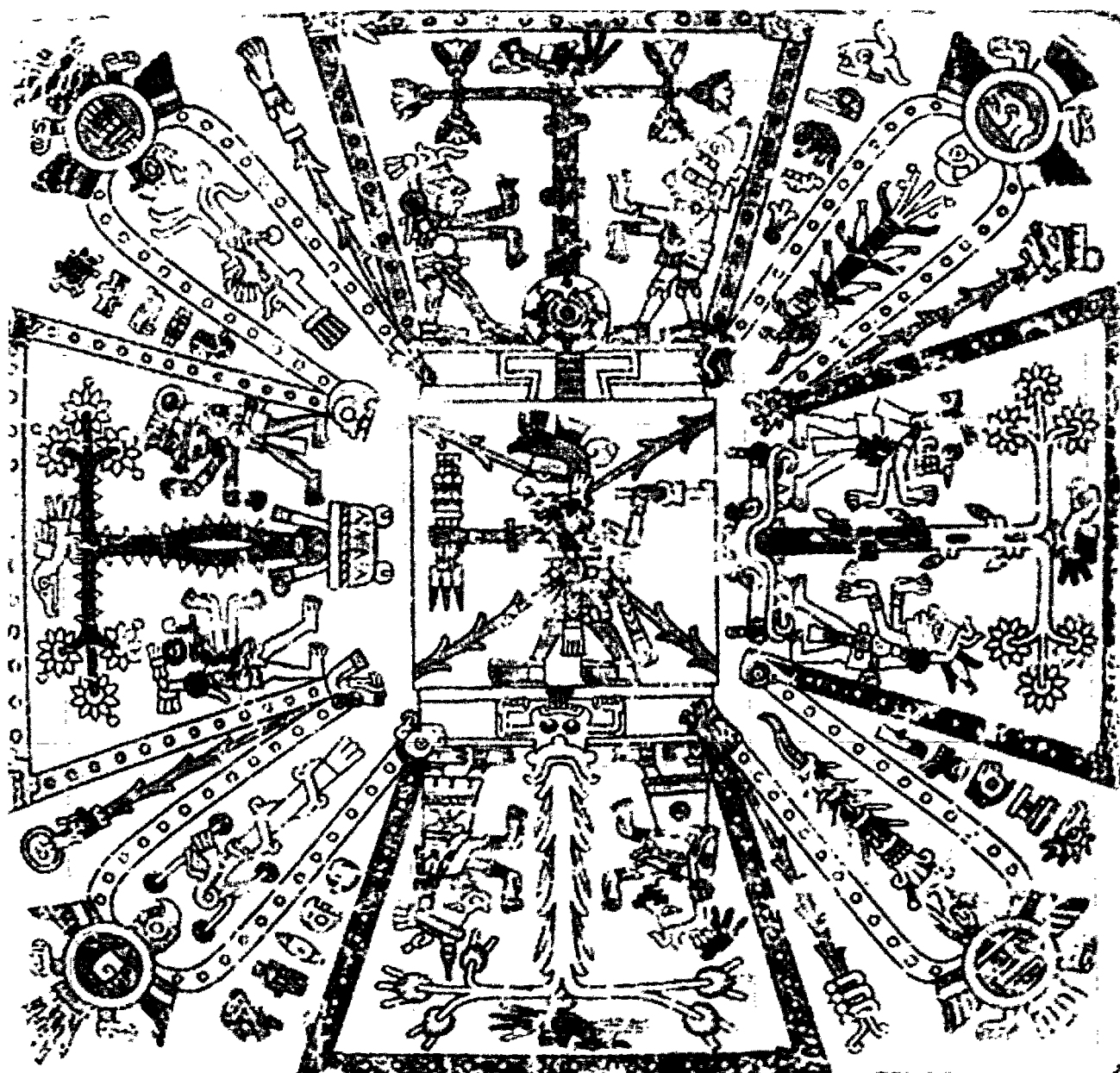
АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>1451–1526 гг. Династия Лоди в Делийском султанате. Поэзия индийского поэта Кабира (ок. 1440 – ок. 1518 гг.) из Бенареса (Варанаси) на языке хинди: индо-мусульманский духовный синтез</p> <p>1467–1477 гг. Гражданская война в Японии. Разрушение Киото</p> <p>1480 г. Художник Кано Масанобу основывает школу японской живописи Кано в Японии</p>	<p>Ок. 1450 г. Создание народами пель (фула) и лемгуна княжеств на правом берегу р. Сенегал</p> <p>Ок. 1450–1497 гг. Правление Мухаммеда Румфа, султана Кано, великого строителя</p> <p>1461 г. Колонизация о-вов Зеленого мыса (современное государство Кабо-Верде) португальцами</p> <p>1464–1492 гг. Правитель династии Сонни Али захватывает города Томбукту и Дженне</p> <p>1465–1497 гг. Правление султана Али Гаджи ибн Дунама в Борну</p> <p>1471 г. Португальцы высаживаются в Камеруне и Габоне. Открытие мыса Доброй Надежды португальцем Бартоломеу Диашем</p>	<p><i>Мезоамерика</i></p> <p>1481–1520 гг. Величайшая экспансия империи ацтеков при правлении Аутцотля (1481–1502 гг.) и Монтесумы II (1502–1520 гг.)</p>

(продолжение)

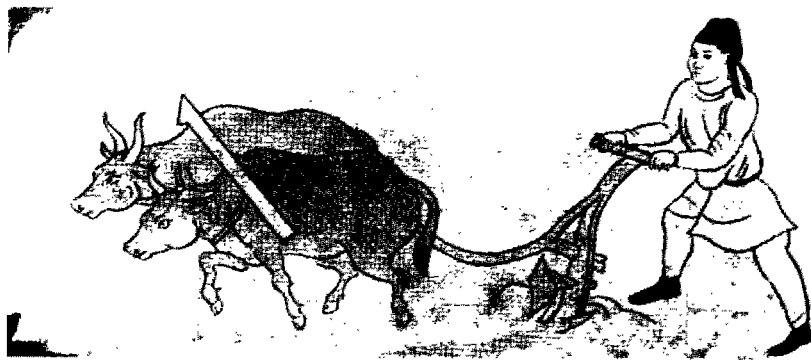
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА		ВИЗАНТИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	ИСЛАМСКИЙ МИР
1483 г.	Рождение Рабле, Рафаэля и Лютера		
1485 г.	Основание королевской династии Тюдоров в Англии (1485–1603 гг.). Издание английским первопечатником Уильямом Кэкстоном эпопеи «Смерть Артура» Томаса Мэлоури, последнего из великих романов о короле Артуре в средневековых традициях. Первые операции Фюгтерсов как банкиров в Аугсбурге		
1488 г.	Португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш достиг мыса Доброй Надежды		
1492 г.	Гранада захвачена «католическими монархами» Кастилии и Арагона. Начало изгнания евреев и мусульман из Испании. Христофор Колумб открывает острова Карибского моря		1492 г. Взятие Гранады испанцами. Конец династии Насридов. Оттоманы принимают евреев, изгнанных из Испании, в Фессалониках и Стамбуле. В Герате умер Абдуррахман Джами, персидский поэт и философ-суфий
1494 г.	На основании папской буллы Испания и Португалия заключили в Тордесильясе договор о разделе сфер владения в Западном полушарии		
1498 г.	Португальский мореплаватель Васко да Гама обгибает Африку и достигает портового города Каликут на юго-западном побережье Индии		1499 г. Запрещение ислама в Испании
1500 г.			
1500 г.	Португальский мореплаватель Педру Алвариш Кабрал, следуя путем Васко да Гамы, отклонившись от курса, достиг Бразилии		1501 г. В Герате умер Низаматдин Мир Алишер Навои, ведущий тюркский (узбекский) поэт, мыслитель, государственный деятель

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ)	АФРИКА	АМЕРИКА
<p>1498 г. Открытие Васко да Гамой морского пути в Индию; высадка на Малабарском побережье Аравийского моря в Каликуте</p>	<p>Ок. 1490 г. Первые католические миссии в Африку. Обращение в христианство народов империи Конго</p> <p>1493 г. Империей Сонгаи в течение столетия начинает править новая династия Аския, основанная одним из вождей племени сонинке Аския Мухаммедом I (1493–1528 гг.). Вершина расцвета исламской школы Санкор в Томбукту</p> <p>1498 г. Васко да Гама обгибает мыс Доброй Надежды и достигает Каликута (Индия)</p>	<p>1487 г. Освящение Кафедрального собора в Теночтитлане <i>Острова Карибского моря</i></p> <p>1492 г. Христофор Колумб высаживается на о-ве, которому дал название Сан-Сальвадор, полагая, что достиг восточного края Азии <i>Северная Америка</i></p> <p>1497 г. Джон (Джованни) Кабот (Кабото) совершил плавания у берегов Северной Америки в районе о. Ньюфаундленд</p>
<p>1505 г. Начало португальской колонизации Шри-Ланки, затем Гоа (1510 г.) и Малакки (1511 г.)</p> <p>1510 г. Захват португальцами крепости Гоа, которая становится штаб-квартирой владений Португалии на Востоке</p>	<p>1500 г. Португальский мореплаватель Педру Альварши Кабрал достиг Бразилии, отклонившись от курса в Индию</p> <p>1504 г. Падение христианского Нубийского государства</p> <p>1505 г. Захват Килвы португальцами. Начало португальской колонизации Мозамбика и торговли рабами с Америкой</p>	<p style="text-align: right;">1500 г.</p> <p><i>Южная Америка</i></p> <p>1500 г. Португальцы (Кабрал) достигли Бразилии; превращение ее в колонию Португалии</p> <p>1507 г. Немецкий картограф Мартин Вальдземюллер на своей карте мира назвал новый континент Америкой в честь итальянского мореплавателя Америго Веспуччи</p>

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Кодекс Фехервари-Майера (*Fejérváry-Mayer*), ацтекская цивилизация, вторая половина XV в. (Мексика). Доколумбова рукопись из Центральной Мексики, нарисованная на обработанной оленьей коже. Изображены девять «Повелителей ночей», управляющие ритуальным 260-дневным календарем, знаки которого распределяются между четырьмя направлениями Вселенной. (С согласия Ливерпульского городского музея, Ливерпуль, Великобритания)

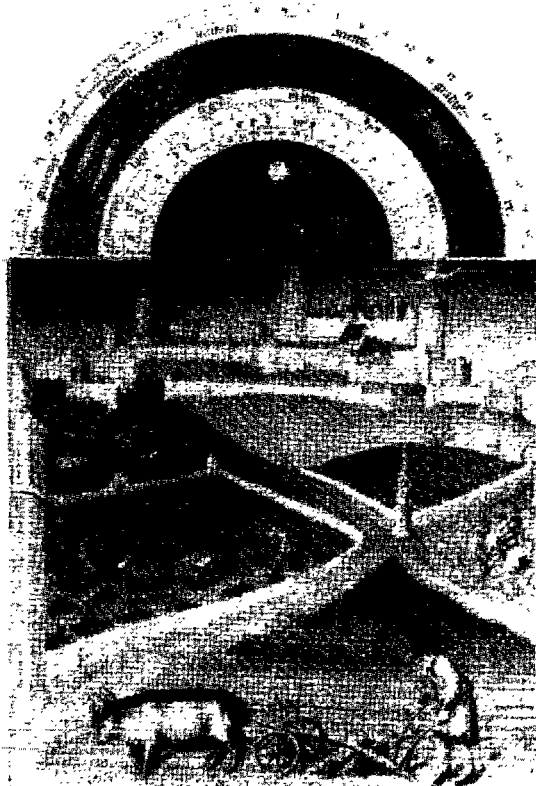
Илл. 2. Китайский крестьянин с плугом и двумя волами, запряженными в ярмо. Настенная роспись гробницы, династия Тан, VII в. (Репродукция из *Peintures murales des Han et des Tang*, издания на иностранных языках, 1974 г. (С согласия национального управления культурной собственностью (*National Administration for Cultural Property*), Пекин, Китай)

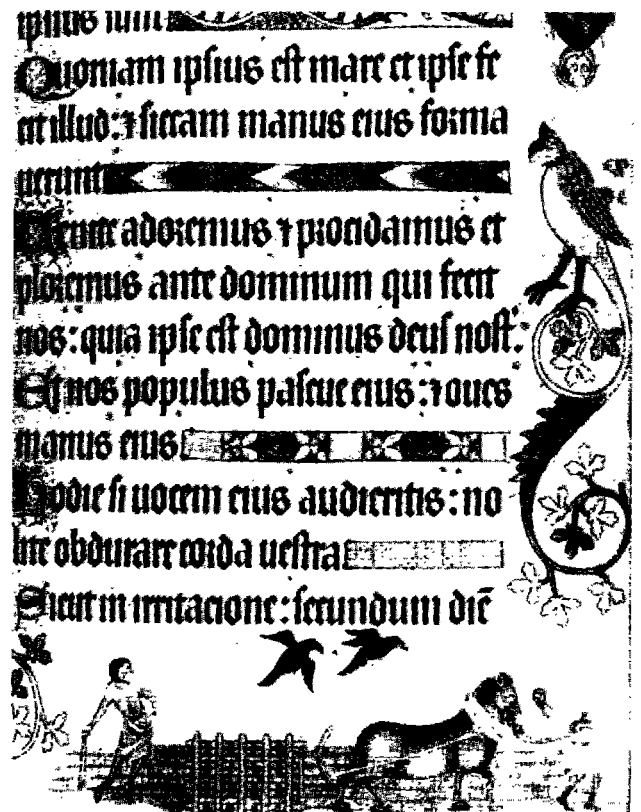
Илл. 3. Мусульманский крестьянин с плугом и двумя волами, запряженными в ярмо. Часть иллюстрации к мистической поэме на персидском языке «Беседа птиц» (*Mantiq at-Tayr*) поэта Аттара из Нишапура (Иран), XII в.; рисунок Бихзада из Герата (современный Афганистан); рукопись датирована 1483 г. (63.210.49) (Метрополитен-музей, Фонд Флетчера, Нью-Йорк, США)

Илл. 4. Верблюд и пара волов тянут плуги в римской провинции Северная Африка. Римский провинциальный рельеф, II в. (?). «Запряжка верблюда с помощью ремня, перекинутого через шею и тянущегося по бокам, была в Северной Африке новшеством» (по *R.W. Bulliet*) (Библиотека г. Трир, Германия)

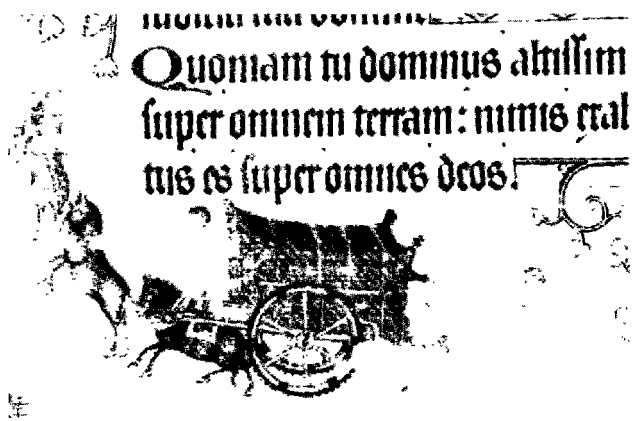
Илл. 5. Французский крестьянин с колесным плугом и двумя волами, запряженными в ярмо. Из «Богатейшего часослова герцога Беррийского» (*Les Très Riches Heures du Duc de Berry*), Франция, 1413–1416 гг.; цветная иллюстрация братьев Лимбург к месяцу марту. На заднем плане изображен замок благородного семейства Лузиньянов, отмеченный изображением крылатой змеи, в которую превратилась фея Мелюзина (Мелизанда), с фамильного гербового щита (Музей Конде, Шантийи, Франция)

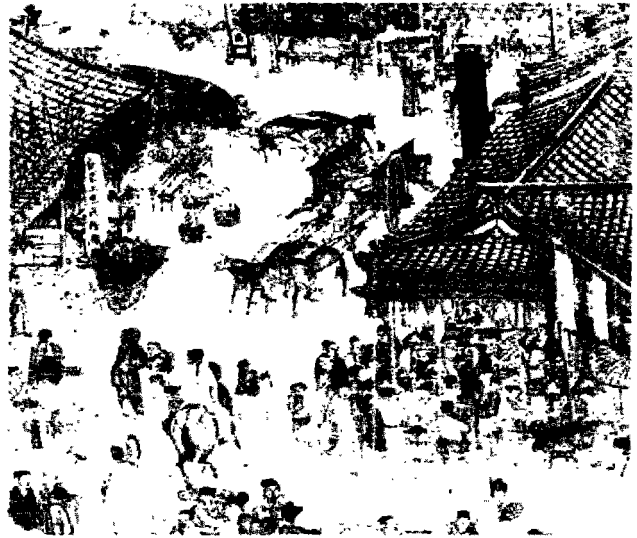
Илл. 6. Английский крестьянин, боронящий на «лошади, запряженной с помощью эффективного хомута» (по *R.W. Bulliet*). Из *Luttrell Psalter*, ок. 1335–1340 г. (Англия). (С согласия Британской библиотеки, Великобритания)

Илл. 7. «Современная» хомутная упряжь в Европе. Фрагмент рукописи Каролингов, Германия, ок. 800 г., «самая ранняя иллюстрация современной хомутной упряжи в Европе. Несмотря на то, что эффективную упряжь в Северной Африке, вероятно, применили раньше, расширение использования лошадей для перевозки пассажиров в повозках и вспашки земли датируется примерно этим периодом. Ранее используемая для упряжи подпруга, охватывавшая горло лошади, стягивала ее шею и ограничивала силу ее тяги» (по R.W. Bulliet). (Городская библиотека, Трнер, Германия)

Илл. 8. Конный рессорный экипаж, поднимающийся на холм, из «Luttrell Psalter». Конный рессорный экипаж с лошастью, запряженной с помощью хомута, и колесами с железным бандажом, 1335–1340 гг. (Англия). (С разрешения Британской библиотеки, Великобритания)

Илл. 9. Транспорт в бывшей столице Китая – Бейцзин (Кайфын): а, б – фрагменты свитка «Весеннее празднество на реке» художника Чжан Цзедуана; династия Сун, 1127 г. Видны экипажи с запряженными в них ослами (с хомутами) и волами (с ярмами); тачки, толкаемые вручную; паланкины; кортежи вьючных ослов; лошадей под седлом; мастерские колесных мастеров и таверны для путников вдоль улицы. (С согласия музея Летнего дворца, Пекин, Китай)

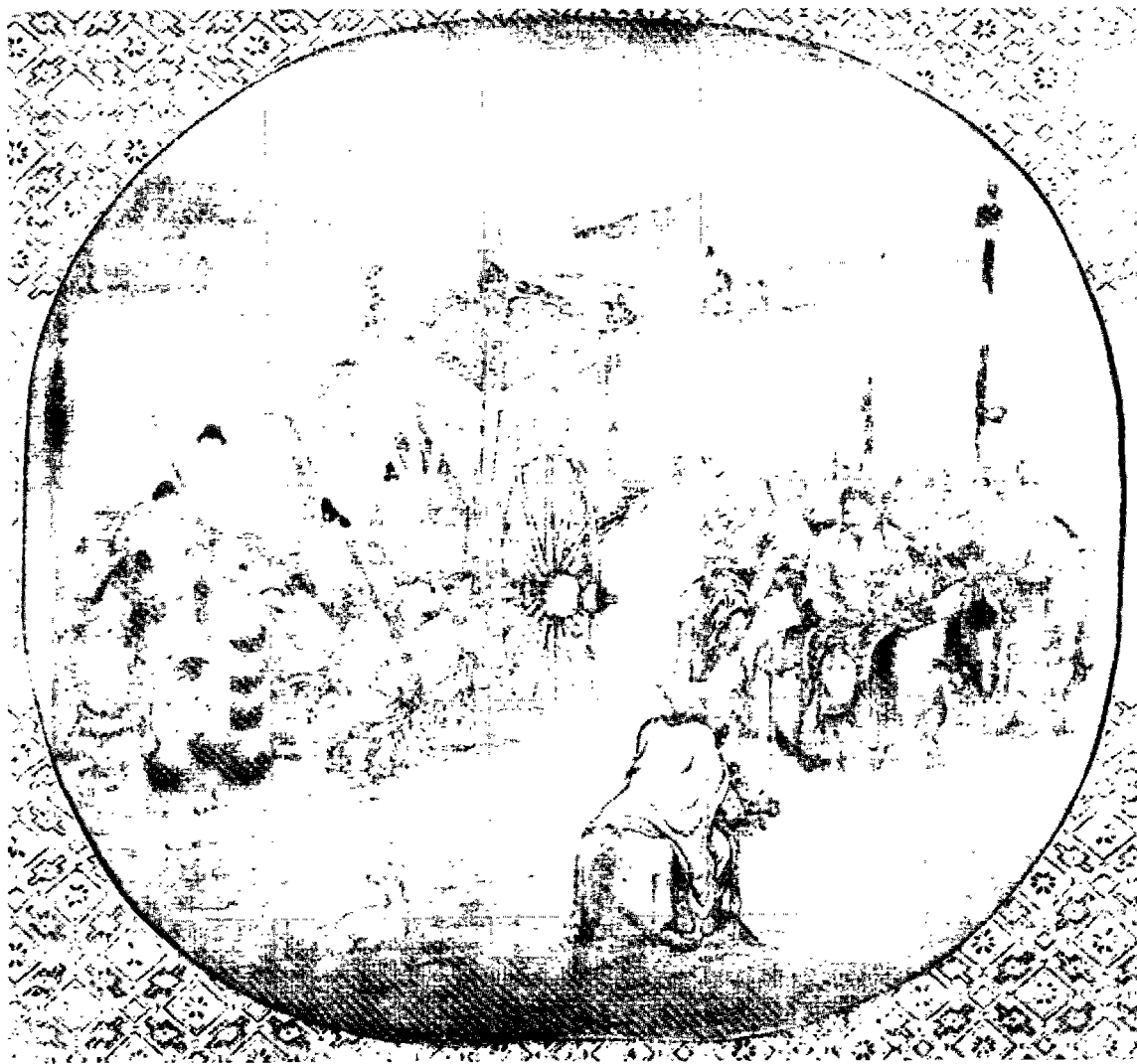
Илл. 10. Западноевропейская геральдика. Из «Книги турниров короля Прованса Рене» (*«Le Livre des Tournois du roi René»*). Иллюстрация франко-фламандского живописца Бартеlemi д'Эйка (*Barthélémy d'Eyck*), ок. 1460 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 11. Исламская геральдика. Иллюстрация художника аль-Васити к «Собранию новелл» (*Макамат*) литератора аль-Харири, XII в. (Ирак). (С разрешения Британской библиотеки, Великобритания)

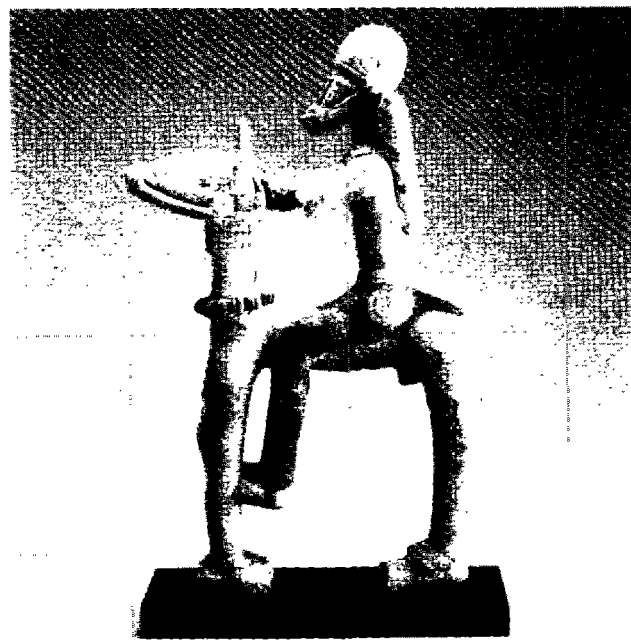
Илл. 12. Центральноазиатская конница. Фарамарз преследует царя Кабула. Иллюстрация к персидскоязычной поэме «Книга о царях» (*Шахнаме*) эпического поэта XI в. Фирдоуси; Тебриз (Иран). (Фото *H. Lewandowski*; Лувр, Париж, Франция)

Илл. 13. Монгольская княгиня в высоком колесном экипаже с впряженным в него верблюдом пересекает реку; XI или XII в. Плохое состояние дорог во всей Евразии и Северной Африке способствовало появлению вьючных обозов и предпочтению поездкам верхом на лошади перед колесным транспортом, особенно со времени изобретения стремена; династия Сун (Китай). (В ведении Музея дальневосточных древностей. Стокгольм, Швеция)

Илл. 14. Японский конный аристократ. Портрет сёгуна Асикаги Такаудзи (1305–1358 гг.). (Коллекция Мория, Национальный музей, Киото, Япония)

Илл. 15. Западноафриканская фигурка всадника. Керамика, 70,5 см; ок. XIII–XV вв., регион Внутренней дельты р. Нигер (Мали). (Фото *Franko Khoury*; Национальный музей африканского искусства, Смитсоновский институт, Вашингтон, округ Колумбия, США)

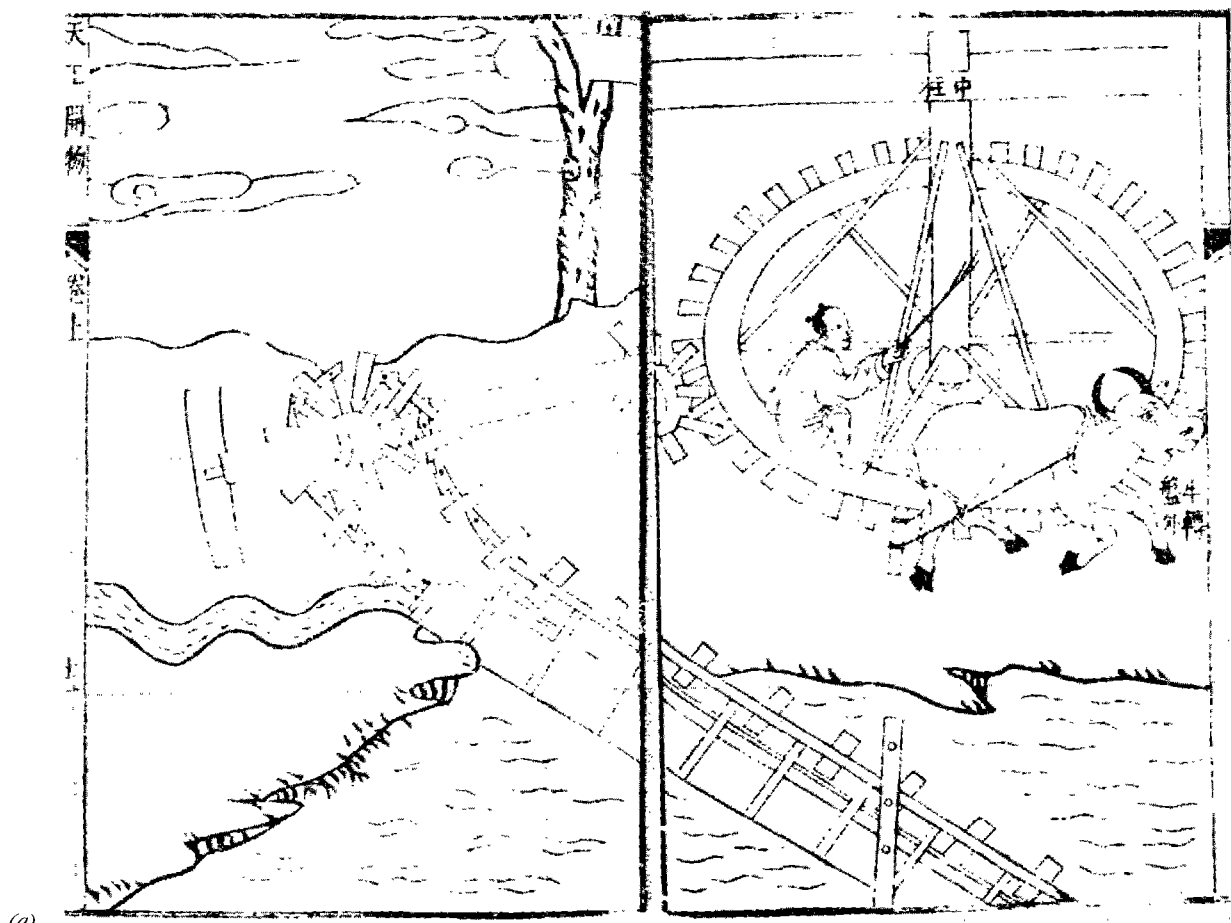
Илл. 16. Изображение мельницы и водяного колеса. принц Баяд падает в обморок у реки. Иллюстрация к «Балладе о Баяде и Рияде» (*Hadith Bayad wa Riyad*), XIII в., Марокко или исламская Испания. (С согласия библиотеки Ватикана, Ватикан)

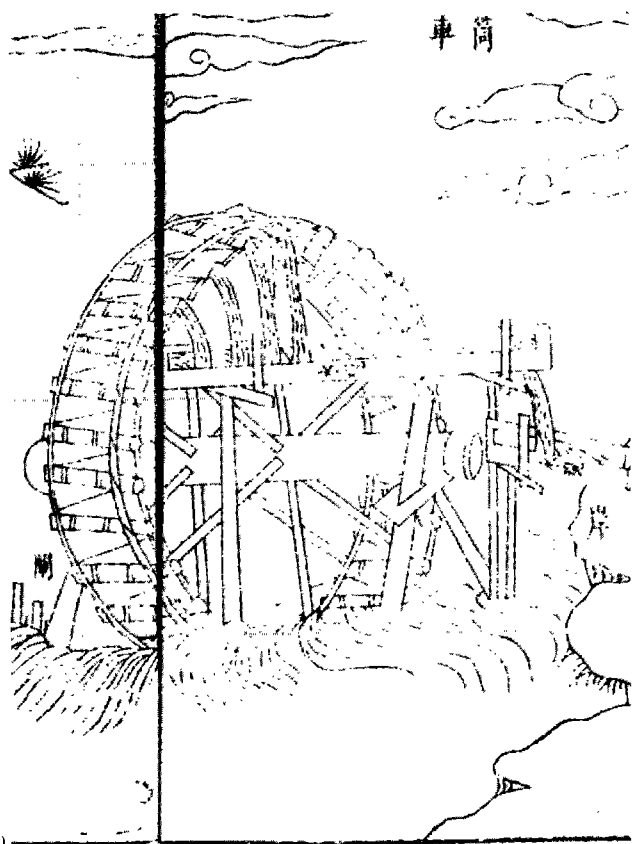
Илл. 17 Французская крестьянка несет зерно на мельницу; изображено водяное колесо. Иллюстрация франко-фламандского живописца Бартеlemi д'Эйка к аллегорическому сочинению короля Прованса Рене «*Le mortifement de vaine plaisance*» («Поддавление пустого удовольствия»), ок. 1470 г. Влияние способов земледелия мусульманской Испании на христианскую Европу было глубоким. (С согласия Муниципальной библиотеки Меца, Франция)

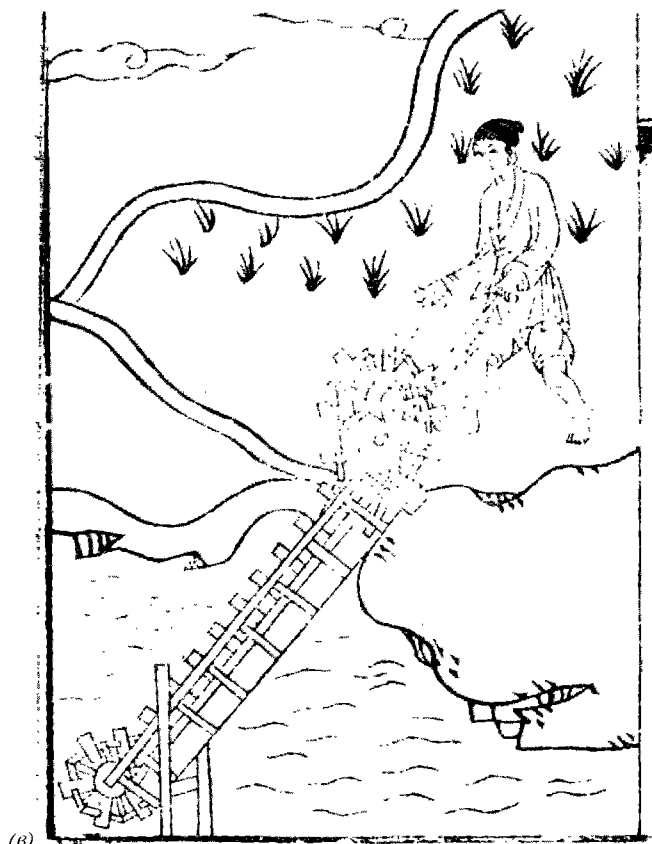
Илл. 18 Водяное колесо, которое приводят во вращение волю. Иллюстрация художника аль-Васити к книге аль-Харири «Собрание новелл», 1237 г., Багдад (Ирак). «Это устройство, чаще известное под его арабским названием сакия (*saqiya*), все еще используется от Марокко до Индии. Хотя это не видно здесь, цепь из глиняных горшков, проходя по колесу, спускается на дно колодца, шестерни соединяют ее с колесом, которое вращают волю» (по R.W. Bulliet) (Национальная библиотека, Париж, Франция)

(a)

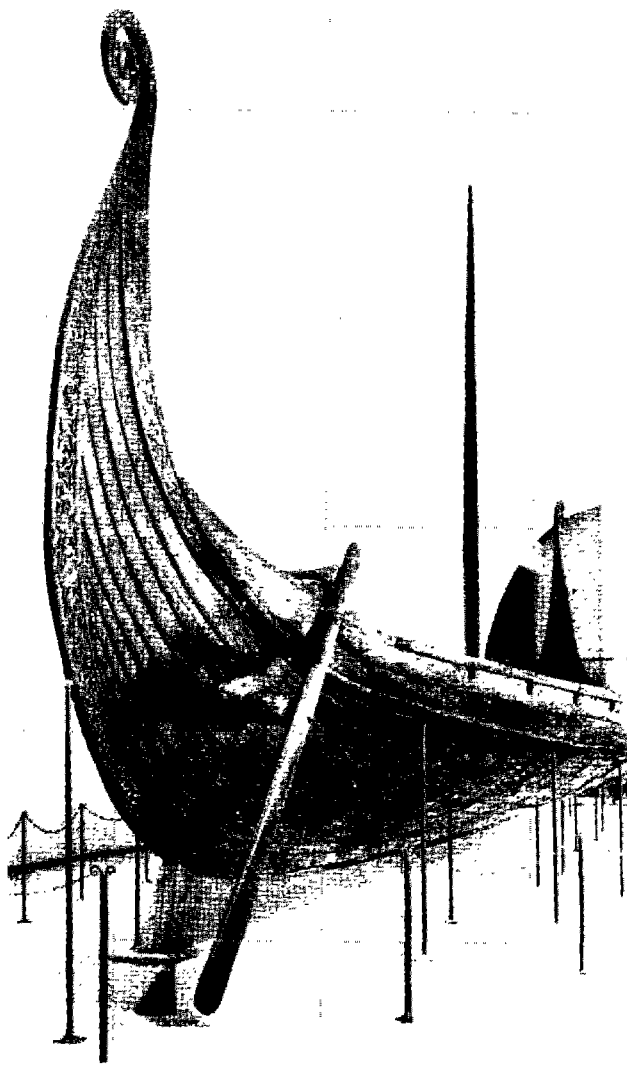

(б)

(в)

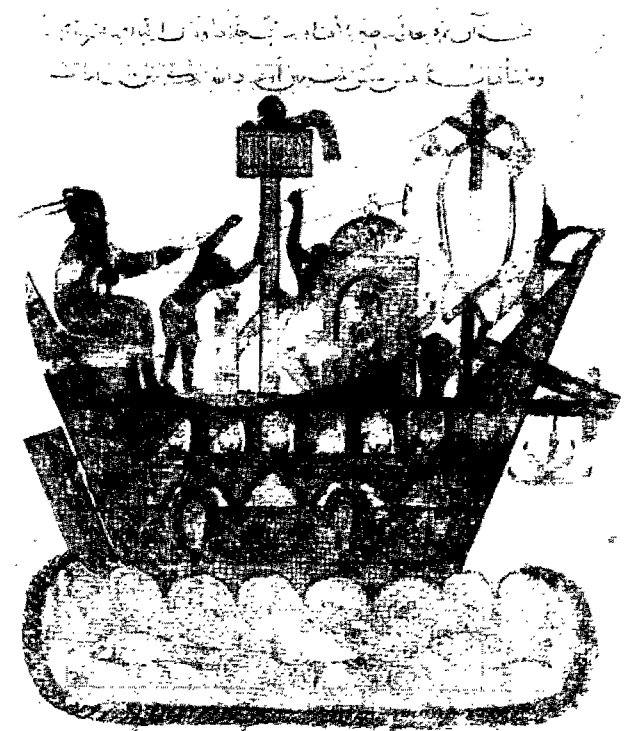
Илл. 19. Использование энергии воды в Китае: (а) цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое в движение волон; (б) цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое во вращение водяным колесом; (в) цепное устройство для подъема воды поддоном, приводимое в движение вручную. (Фото из «Song Yingzong's Tian Gong Kai Wu» («Использование творений природы»), изд. 1637 г., переизданное Zhonghua Shuju, 1959 г., Шанхай, Китай)

Илл. 20. Торговое судно викингов (норманнов, варягов, IX в.), найденное в Усеберге под Осло (Норвегия). Этот норвежский корабль, сохранившийся в мире лучше других, управлялся как древние мореплавательные средства с помощью отдельного рулевого весла, прикрепленного к правому борту судна. (Музей корабля викингов, Осло, Норвегия)

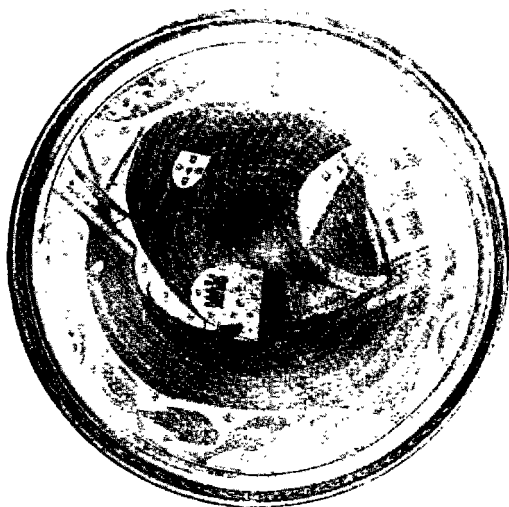
Илл. 21. Крепление руля на ахтерштевне китайского судна. Эта деталь из свитка начала XII в. «Весеннее празднество на реке» художника Чжана Цзедуана изображает самый первый из известных примеров руля на ахтерштевне в мире. (С согласия Музея Летнего дворца, Пекин, Китай)

Илл. 22. Мусульманское одномачтовое каботажное судно, используемое в Персидском заливе и Индийском океане: иллюстрация аль-Васити к книге аль-Харири «Собрание новелл» (Макама), 1237 г, Багдад (Ирак). Члены команды выливают воду из трюма. Корабельные доски традиционных для Индийского океана судов скрепляли с помощью пальмового волокна, а не гвоздей. Свидетельства этого способа в данном регионе существуют по меньшей мере с VI в., но новой отличительной особенностью этого судна является руль с шарнирами на ахтерштевне, как здесь показано, перенятый у китайцев и используемый мусульманскими мореплавателями в водах Индийского океана к XIII в. Следует обратить внимание, что экипаж корабля и пассажиры приезжали из Восточной Африки, а также из Западной и Южной Азии. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 23. Венецианское парусное судно, из цикла картин из жизни св. Урсулы («Легенда о святой Урсуле») итальянского живописца Витторе Карпаччо, конец XV в. Эти широкие корабли для средиземноморской торговли, один из которых был посажен на мель для проведения ремонта, отличались скругленным корпусом, рулем на ахтерштевне и квадратным парусом, перенятым у атлантических «коггев». (С согласия Галереи в Венеции, Италия)

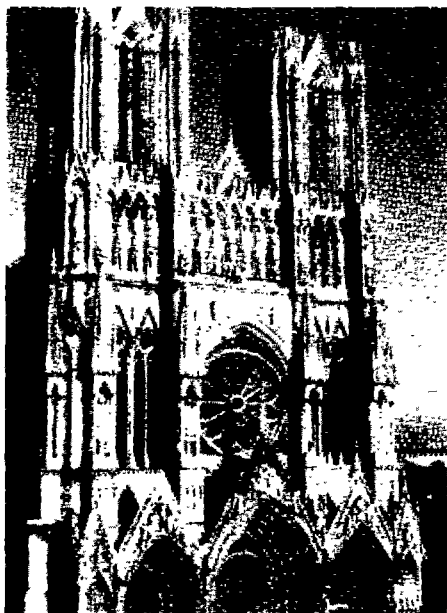
Илл. 24. Португальская каравелла начала XV в. глазами мусульманского гончара из Испании: глазурованный глиняный сосуд с глянцевым декором из Малаги времен Гранадского эмирата Насридов, Испания, ок. 1425–1450 гг. На квадратном парусе судна изображен португальский герб. Конструкция каравеллы, изобретенной на португальских верфях XV в., сочетает в себе атлантические и средиземноморские особенности: скругленный корпус, руль на ахтерштевне, квадратный парус на главной мачте и треугольный парус на бизань-мачте, позволяющие лучше маневрировать при любом ветре. (Музей Виктории и Альберта, Лондон, Великобритания)

Илл. 25. Полностью оснащенная португальская каравелла при полном попутном ветре (конец XV в.); ее особенности: скругленный корпус, руль на ахтерштевне, квадратные паруса на бушприте и главной мачте, два свернутых треугольных паруса на двух бизань-мачтах и оружейные порты под планширами для артиллерийских орудий. Такие плавучие крепости, оснащенные для любых морей, использовали обе державы Пиренейского п-ова для завоевания Атлантического и Индийского океанов в конце XV в. (Гравюра из *Estoria do muy noble Vespasiano Emperador de Roma*, Torre de Tumbo, Лиссабон, 1496 г.)

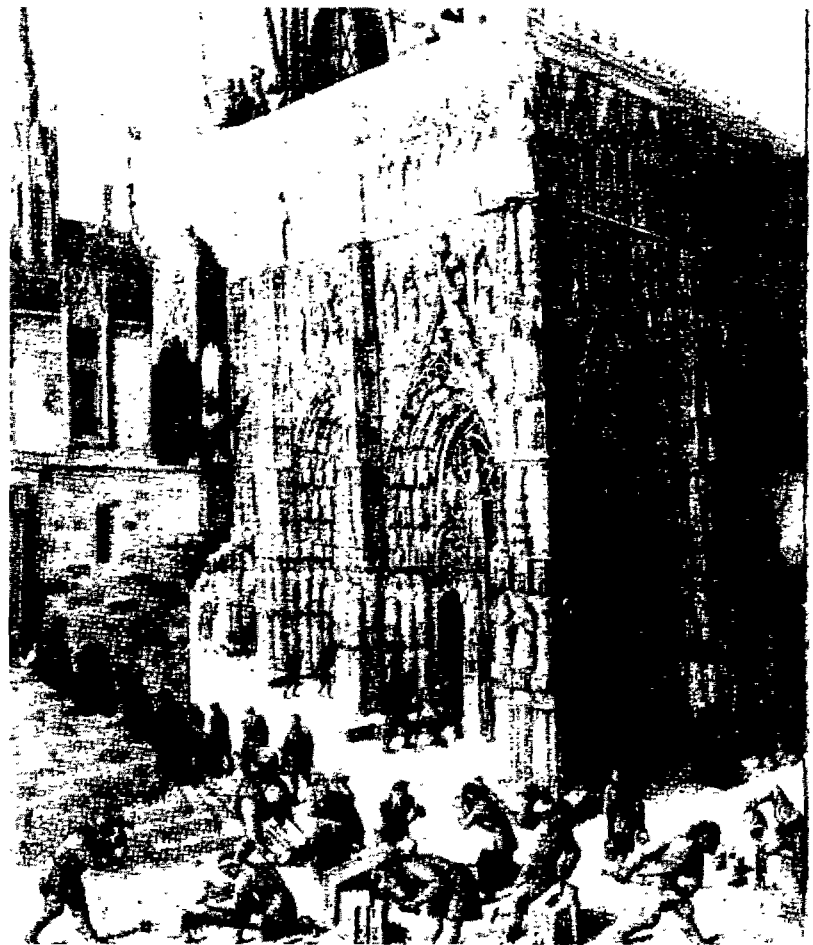
Илл. 26 Строительство Великой мечети Тимура в Самарканде (Узбекистан) Иллюстрация художника Бихзада из Герата к персидскоязычной летописи о Тимуре *Зафарнаме* или «Книге побед» Шарафадина Йезди в рукописи, датированной 1468 г и иллюстрированной ок. 1488 г. Использование мусульманами Центральной Азии слонов для тяжелых строительных работ было перенято из Индии. Обращают на себя внимание участок для резки скульптур, глазурованная мозаика на минарете и воловий экипаж на высоких колесах конструкции, используемой в Монголии по сей день (Библиотека Университета Дж. Хопкинса, Балтимор, США)

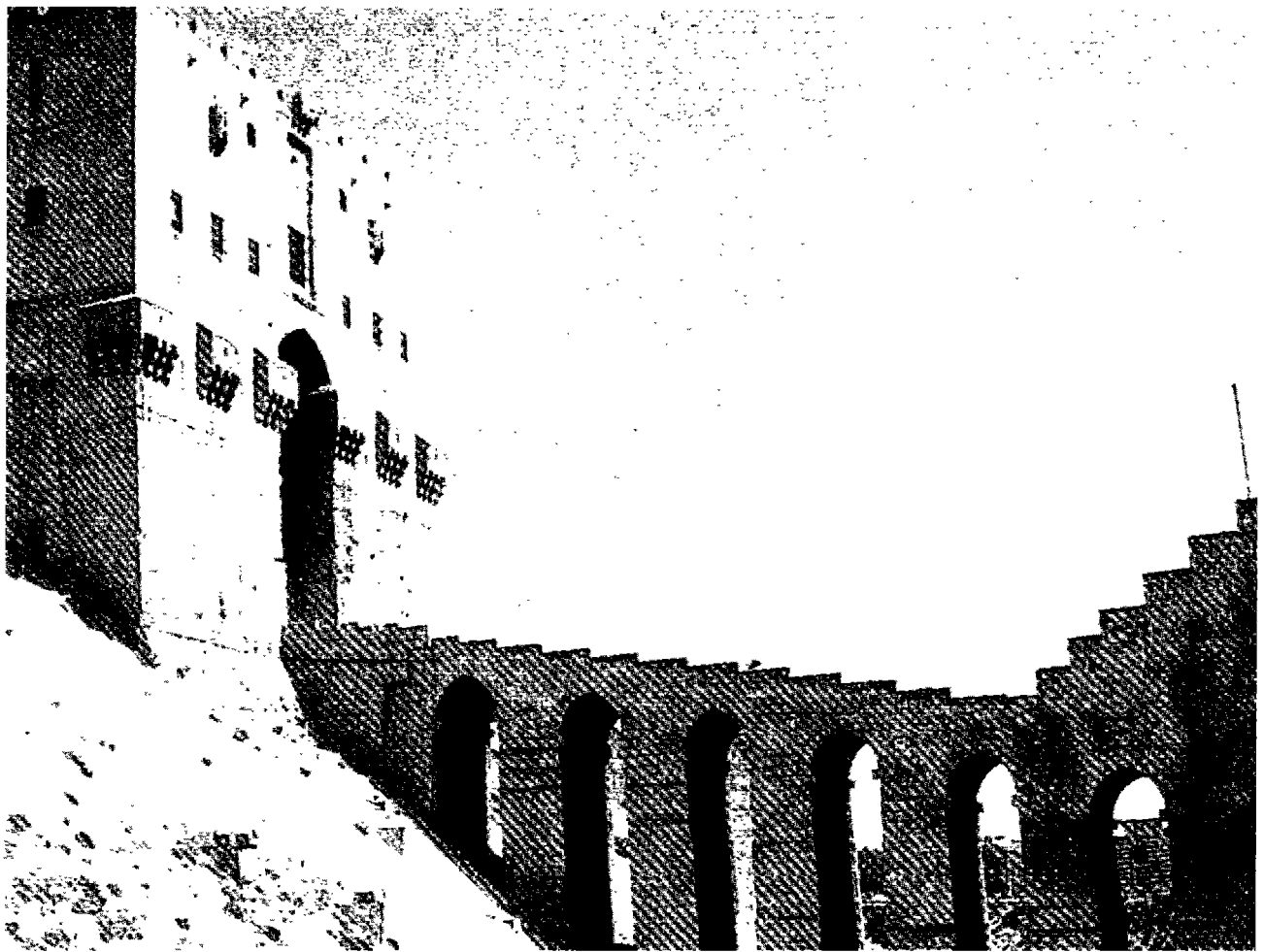
Илл. 28 Реймский собор, строившийся с 1211 г. до конца XIII в (Франция) (Фото ICOMOS, Париж)

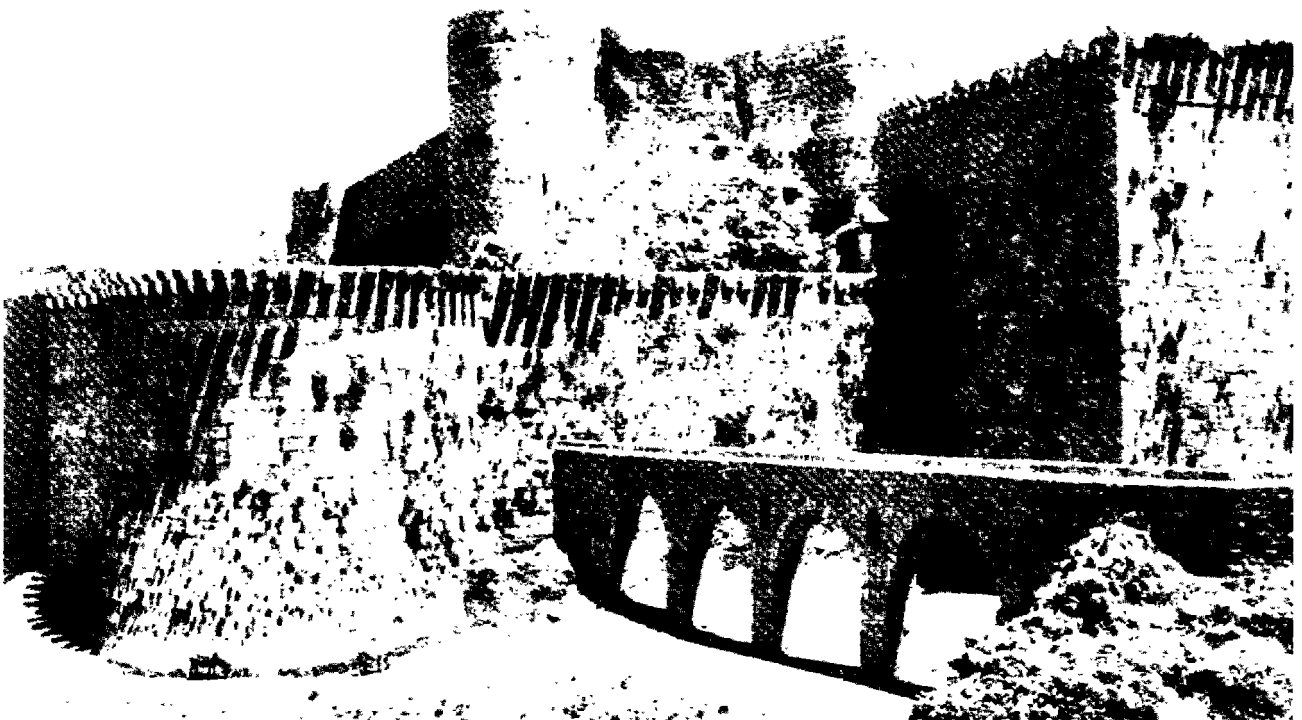
Илл. 27. Строительство замка Хаварнак, иллюстрация Бихзада из Герата для персидскоязычных сказок азербайджанского поэта XII в. Низами в рукописи, датированной 1494 г. Обращает на себя внимание изображение постройки из обожженного кирпича, заостренной арки, строительных лесов, применение тачки и известковой ямы. (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 29 Изображение строительства готического собора в г. Тур (Франция) Иллюстрация Жана Фуке, ок. 1470 г. для французского переиздания «Иудейских древностей» древнееврейского историка Иосифа Флавия (I в н.э.). Обращают на себя внимание камнерезный двор для изготовления скульптур, спускоподъемное колесо и известковая яма (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 30. Цитадель Алеппо (Сирия), построенная правителем аль-Малик аль-Захиром из династии Айюбидов в 1209–1210 гг., с входом, отреставрированным мамлюкским правителем Кансух аль-Гхури (*Qansub al-Ghuri*) в 1507 г. (Фото в Barbara Brend, *Islamic Art*, p. 101; British Museum Press, London, UK, 1991)

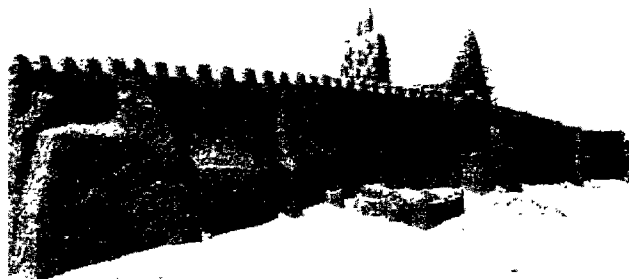
Илл. 31. Крак-де-Шевалье, замок крестоносцев; XII в. (Сирия). Обращает на себя внимание влияние христианских и мусульманских строителей замка. (Фото *Gérard Degeorge* в Jean Favier, *La France médiévale*, Fayard, Paris, 1983, p. 453)

Илл. 32. Баб-Зувейла, крепостной вал с воротами; династия Фатимидов, конец XI в., Каир (Египет). Купол и минареты относятся к мечети султана Муайада, династия мамлюков, ок. 1415 г. (Фото *Ayman Fu'ad Sayyid*)

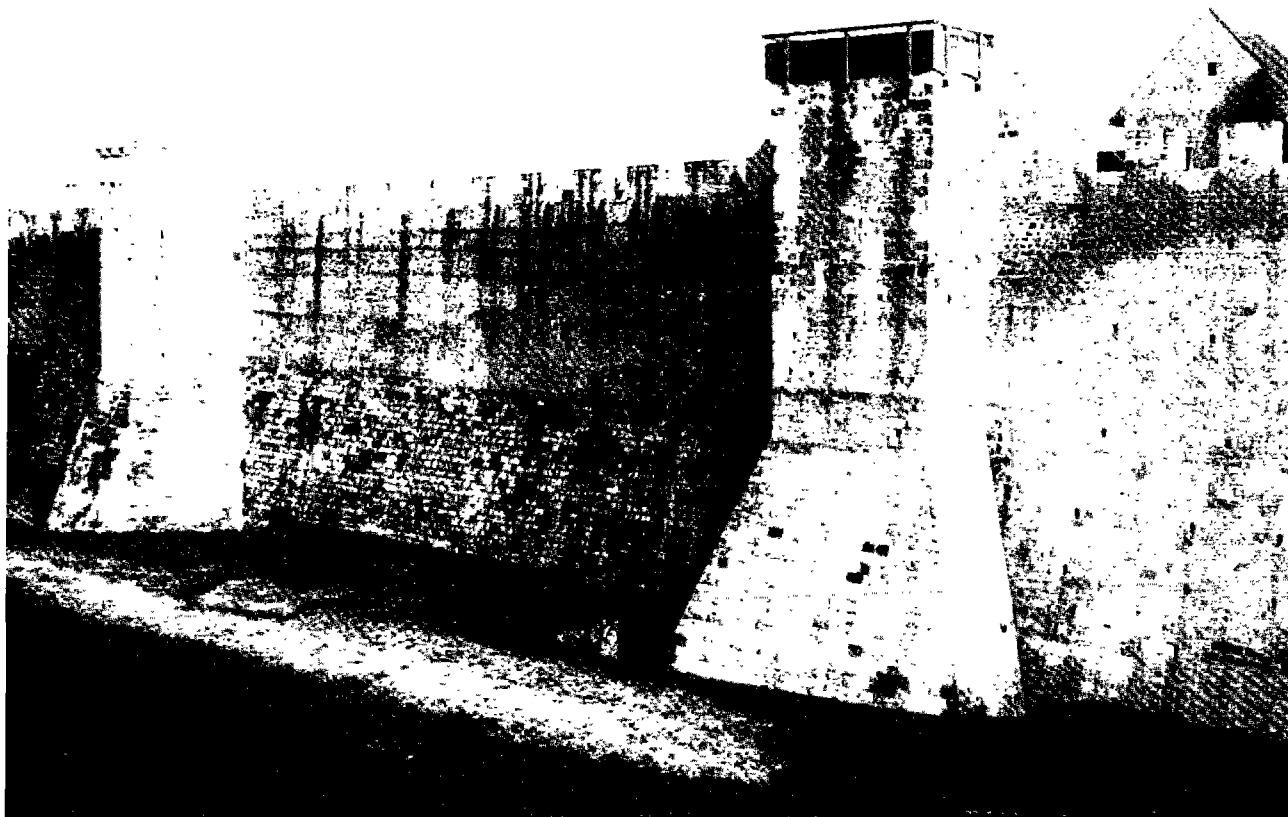
Илл. 33. Большой Зимбабве, XIII–XIV вв. (Зимбабве): (а) вид сверху; (б) башня и вал. «Строительство крепости Зимбабве на вершине холма и мощного замкнутого ограждения на равнине, должно быть, потребовало усилий, сопоставимых с теми, что были затрачены при строительстве египетских пирамид» (по В.В. Матвееву). (Фото в журнале «Курьер ЮНЕСКО», май 1984 г.)

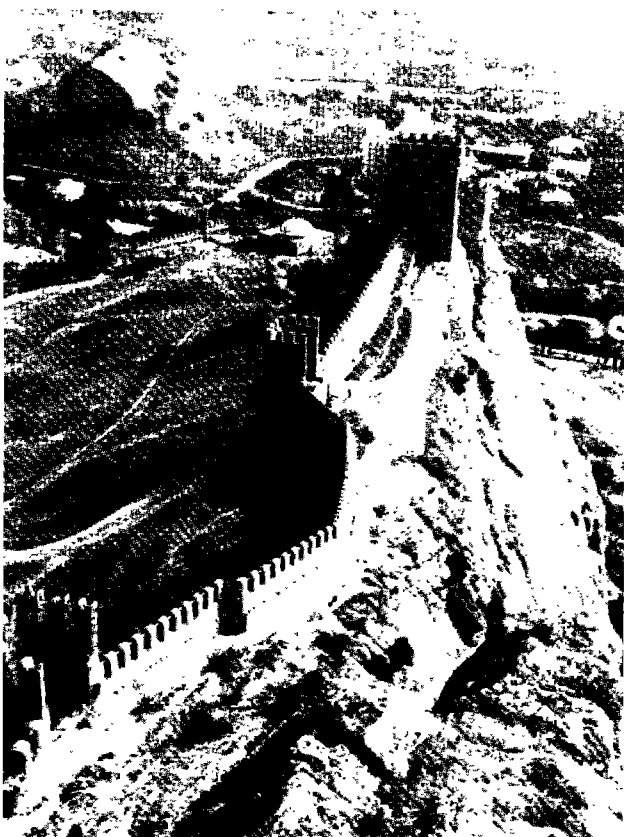
Илл. 34. Крепостной вал и минареты мечети Джингеребер, Томбукту (Мали); основана мансой (королем) Мусой в 1325 г. До наших дней не сохранилась. (Фото *Roger-Viollet*)

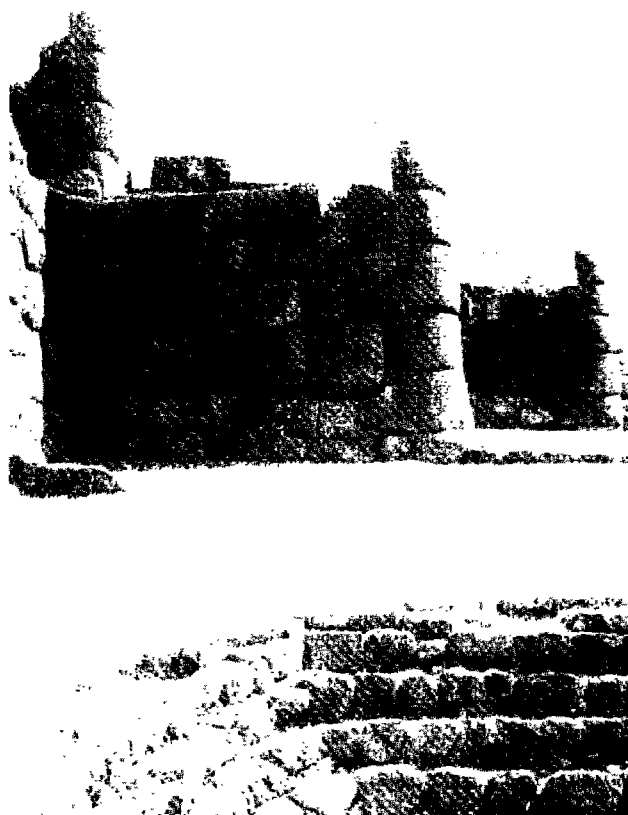
Илл. 35. Ворота форта Килва-Кисивани, о. Килва (Танзания). Цивилизация суахили, XIV–XV вв. (Фото *Unwin, S.* в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1984, vol. IV, ch. 18)

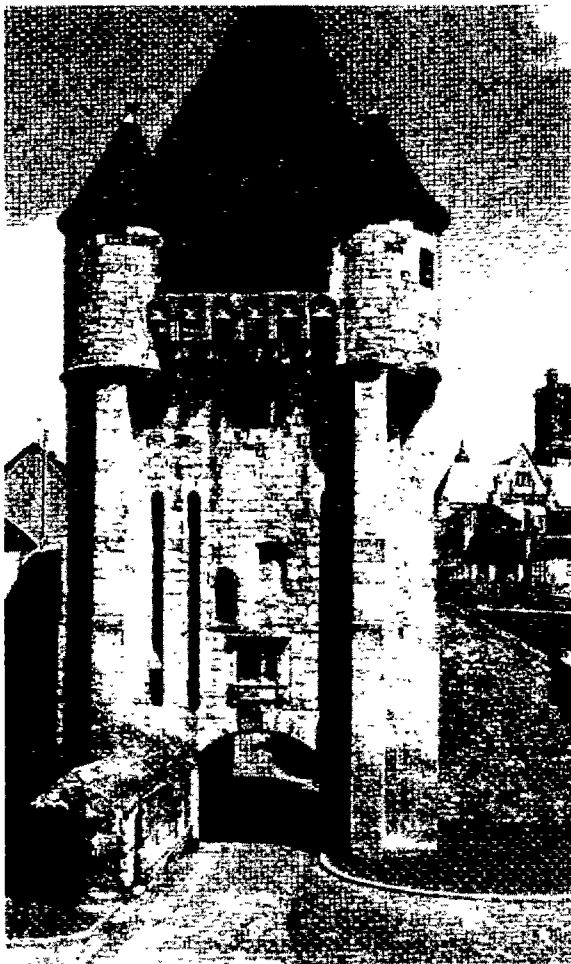
Илл. 36. Крепостные валы и ров с водой, XIII в., Провен (Франция). (С согласия Городского муниципалитета, Провен)

Илл. 37. Генуэзская крепость в Судак, Крым (Украина); XIV–XV вв., с небольшой мечетью XVI в., построенной османами на территории крепости. (Фото С.П. Карпова)

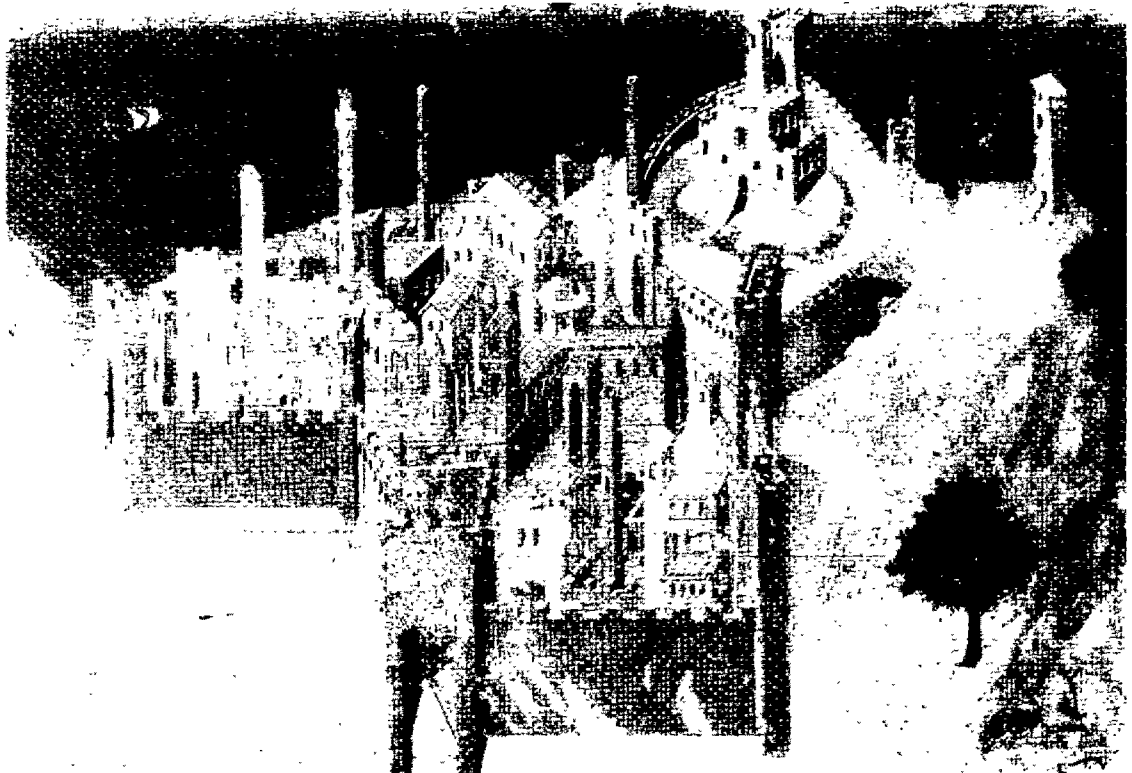
Илл. 38. Крепость Саксауаман («Королевский орел»), близ Куско (Перу); возвышается над столицей инков Куско, построена между 1438 и 1500 гг. (Фото L. Millones)

Илл. 39 Укрепленные ворота «Porte du Croix», Невер (Франция); XIV в., с соборной башней XIII в на заднем плане. (Все права защищены)

Илл. 40 Североевропейское представление о Венеции, единственном крупном средневековом европейском городе, не окруженном стенами, так как он был полностью защищен водой (Италия) Из рукописи «Путешествий» Марко Поло, *Il milione*, XIV в., Ms Bold 264, fol. 218 r (Бодлианская библиотека, Оксфорд, Великобритания)

Илл. 41. Укрепленный итальянский приморский город с цитаделью, подъемным мостом и главной башней, художник Амброджо Лоренцетти, ок. 1318–1348 гг. (С разрешения Национальной пинакотекки, Сиене, Италия)

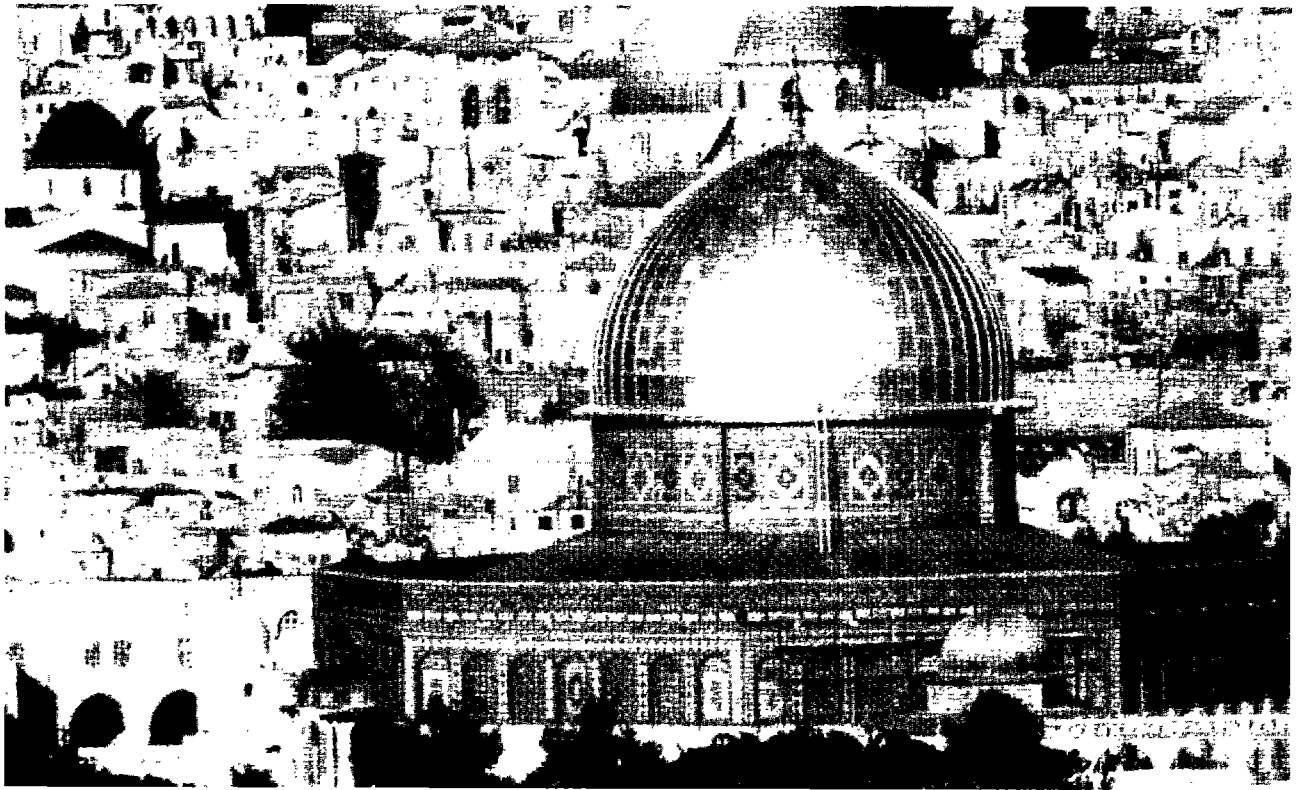
Илл. 42. Демон с огненным копьём на буддийском флаге (Китай); ок. 950 г.; самое раннее из известных изображений пороха. (Музей Гиме, Париж, Франция)

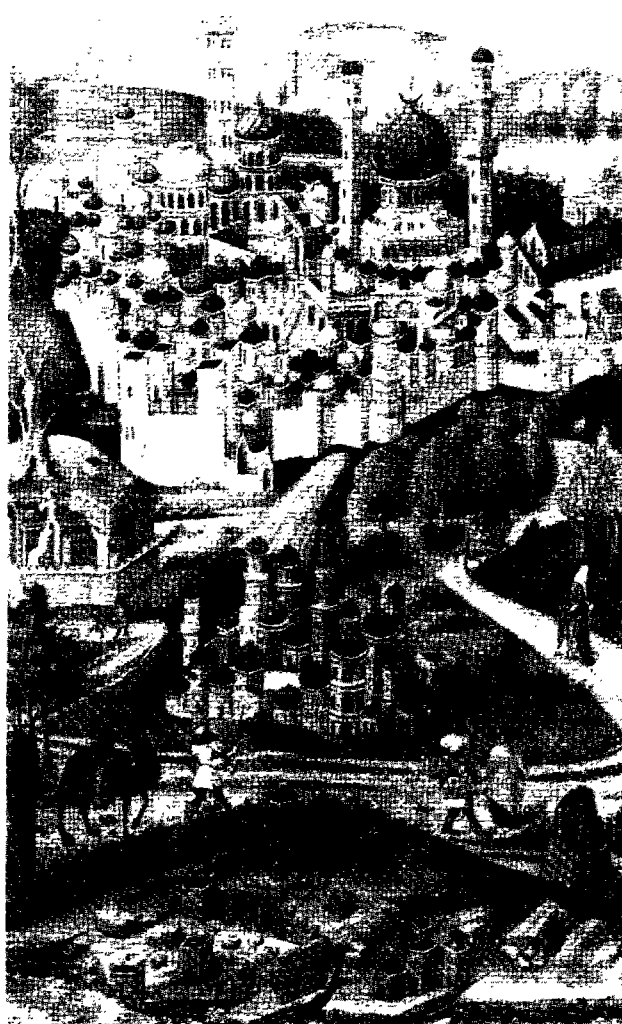
Илл. 43. Древняя бронзовая пушка, отлитая в 1331 г. (Китай)
(Государственный исторический музей, Пекин, Китай)

Илл. 44. Английский граф Уорик осаждает французский укрепленный порт Кан с пушками в 1417 г., во время Столетней войны между Англией и Францией. Из «Хроник Ричарда де Бошана, графа Уорика», или «Летописей Бошана», Англия, XV в. (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Соединенное Королевство)

Илл. 45. «Купол скалы» (Куббат ас-Сахра, Иерусалим; построен в 687–691 гг. халифом Абд ал-Маликом из династии Омейядов. (Фото F. Alcosseba; Фототека UNESCO, Париж)

Илл. 46. Средневековый взгляд французов на Иерусалим с «Куполом скалы»; XV в. Из «Passages d'Outremer». (Национальная библиотека, Париж, Франция)

זה שלמה המלך העושה משפט משהו נשים

Илл. 47. «Соломонов суд», иудейский молитвенник, Тур (Франция); конец XIII в., царь Соломон как идеальный правитель изображен в виде короля Франции тех времен. (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

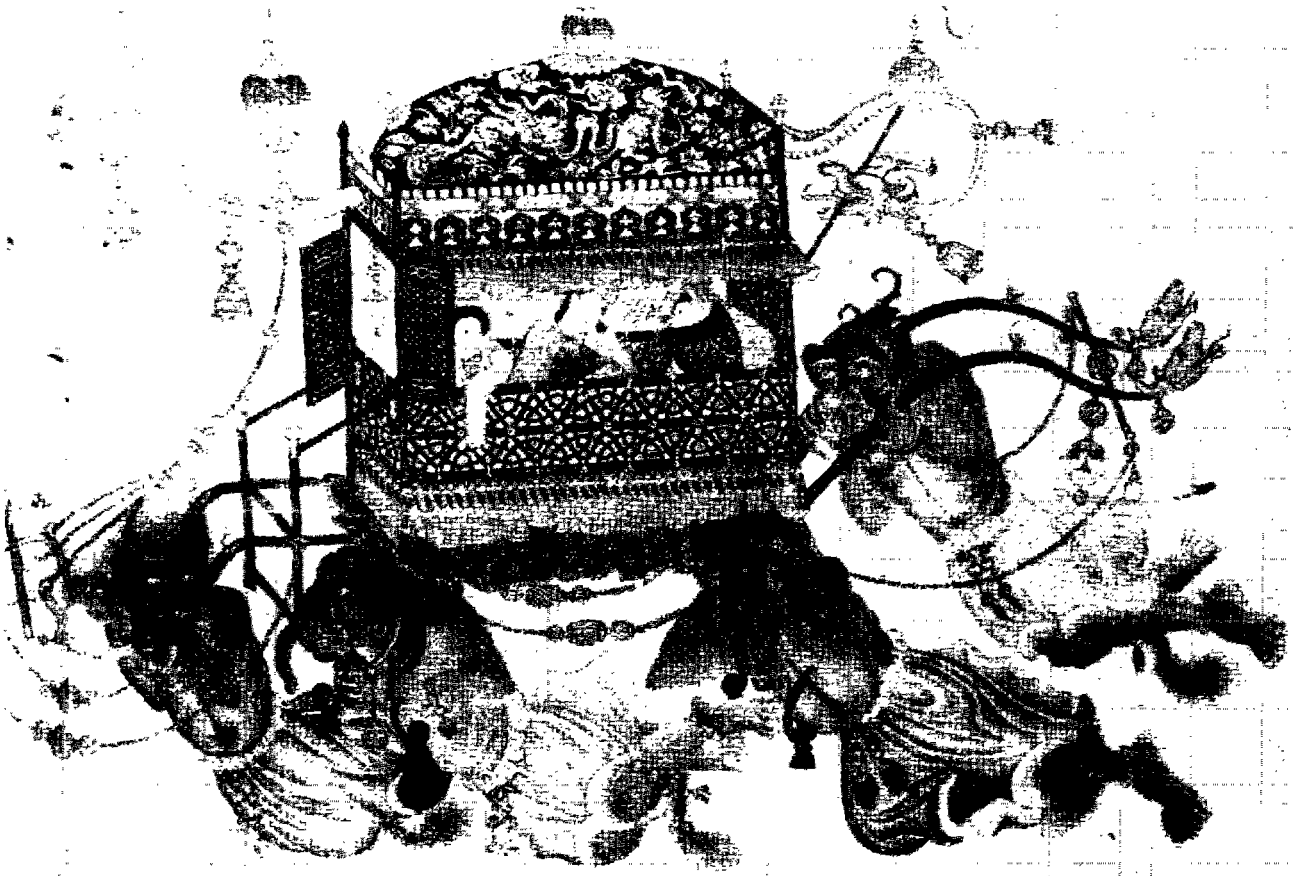
Илл. 48. Царь Израильско-иудейского царства Соломон с царицей Савской, символизирующие венчание божественно вдохновенной царской Мудрости с душой человека. Статуи на главном входе собора Нотр-Дам-де-Корбей, Франция, конец XII в. (Музей Лувр, Париж, Франция)

Илл. 49. Царь Соломон, рассматриваемый как основатель царского рода. Из «Книги псалмов», Эфиопия, ок. 1470 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 50. Царь Соломон держит свою волшебную печать как Властелин всех людей, духов и животных, Тебриз (Иран). (Библиотека дворца Тонкапы, Стамбул, Турция)

Илл. 51. Царя Соломона, царицу Савскую и их министра Асафа несут покорные духи (джины). Стиль мастера Мухаммеда Сийя-Калама (*Siyab-Qalam*) («Черное Перо»); возможно, Тебриз, Иран, туркменский период, XV в. Образ слонов-джинов коренится в индуистском боге Ганеше. (Библиотека дворца Тонкапы, Стамбул, Турция)

Илл. 52. Ганеша и его Шакти, или воплощение его женского двойника; комплекс храмов Кхаджурахо (Индия); XI–XII вв. Почитание Ганеши, одного из самых важных божеств индуистского и брахманистского пантеона, распространилось далеко за пределы Индии. (Археологический музей Кхаджурахо, Индия)

Илл. 53. Ганеша как властелин процветания и покровитель торговцев; XIII в., Центральная Индия. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

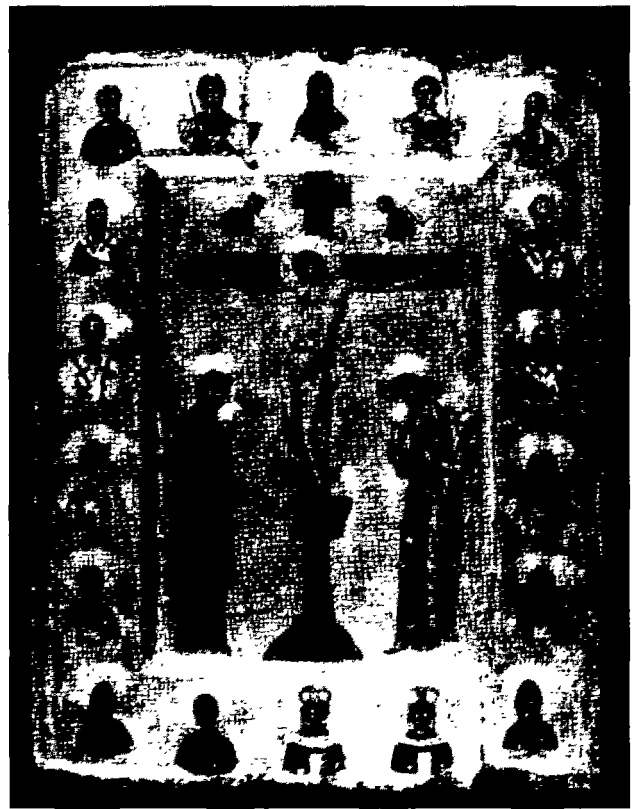
Илл. 54. Ганеша и другие индуистские божества (Китай). Фрагмент манихейской рукописи из принадлежавшей Китаю Центральной Азии; VIII–IX вв. (С согласия Государственного музея культурного достояния Пруссии, отдел индийской культуры, Берлин, Германия)

Илл. 55. Ганеша, восседающий в царственной позе на лотосе, Полоннарува (Шри-Ланка); XI в. (Анурадхапура, Археологический музей, Шри-Ланка)

Илл. 56 Иисус Христос как Вседержитель-Пантократор в позе императора-защитника, со св. Менасом (*Menas*) Восточная христианская Церковь: Египет, коптская Церковь, икона на доске, ок. 600 г. Раннее изображение бородатого Христа, которое стало преобладать лишь к VI в. (Фото Н. Lewandowski; Музей Лувр, Париж, Франция)

Илл. 57 Иисус Христос – Спаситель Распятый Спаситель между Девой Марией и св. Иоанном Восточная христианская Церковь византийская икона, XII в., из греческого православного монастыря св. Екатерины, Синай (Египет)

Илл. 58 Погребение (*Entaphios*) Восточная христианская Церковь византийская вышивка, XIV в., Фессалоники (Греция) (С согласия Музея византийской культуры, Фессалоники, Греция)

Илл. 59. Христос-Пантократор в состоянии гнева; Каталония (Испания). Западная христианская Церковь: фрагмент апсиды церкви св. Климента в Тауле, ок. 1123 г. (С согласия Национального музея искусства Каталонии, Барселона, Испания)

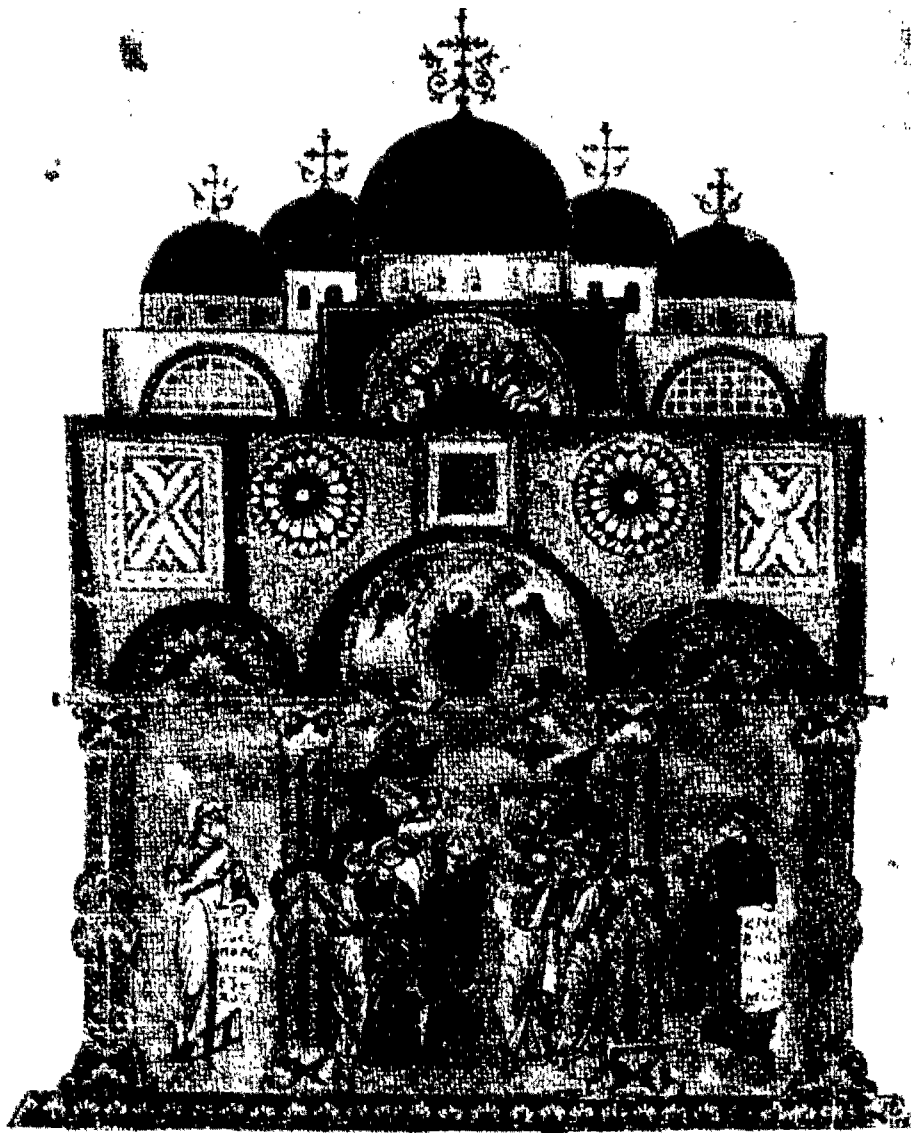
Илл. 61. Христос с ранами после распятия обнимает свою мать в раю; Прага (Чешская Республика). Западная христианская Церковь: из «Книги Страстей аббатисы Кунегунды», Прага, ок. 1320 г. (Народный книгохранилище, Клементинум, Прага, Чешская Республика)

Илл. 60. Иисус Христос-Спаситель; «Распятие», Арrezzo (Италия). Западная христианская Церковь: фрагмент деревянного распятия, автор – представитель проторенессанса Джованни Чимабуэ, ок. 1270 г. Церковь Сан-Доменико. (Фототека А.Р.Т., Арrezzo, Италия)

Илл. 62. «Ессе Ното» («Се человек»): Христос – тайный Бог. Западная христианская Церковь: XV в. (Португалия). (Национальный музей старинного искусства, Лиссабон, Португалия)

Илл. 63. Вознесение Девы Марии, увиденное перед императорской базиликой святых апостолов в Константинополе. Иллюстрация к «Наставлениям Девы Марии», написанным монахом Джеймсом из Коккиновафоса, первая половина XII в. Изображенное здесь здание XI в. более не существует (Национальная библиотека, Париж, Франция)

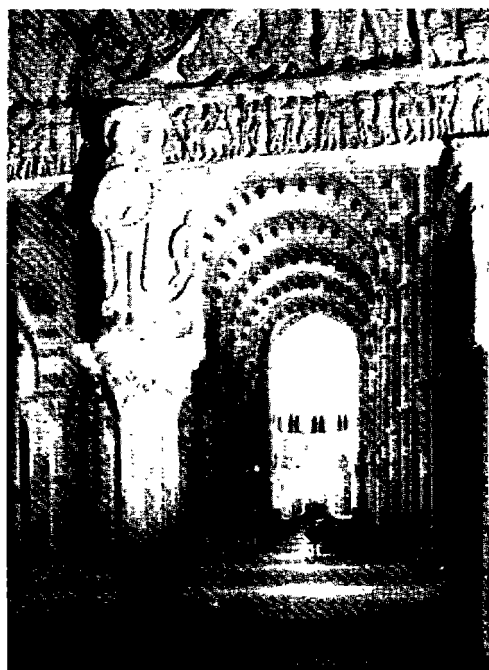
Илл. 64. Фрагмент написанной маслом картины живописца Джованни Беллини «Процессия со Святым Крестом на площади Сан-Марко», Венеция (Италия), конец XV в. Теперь на фасаде византийского типа появились готические детали XIV в. (С согласия Галереи Академии в Венеции, Италия)

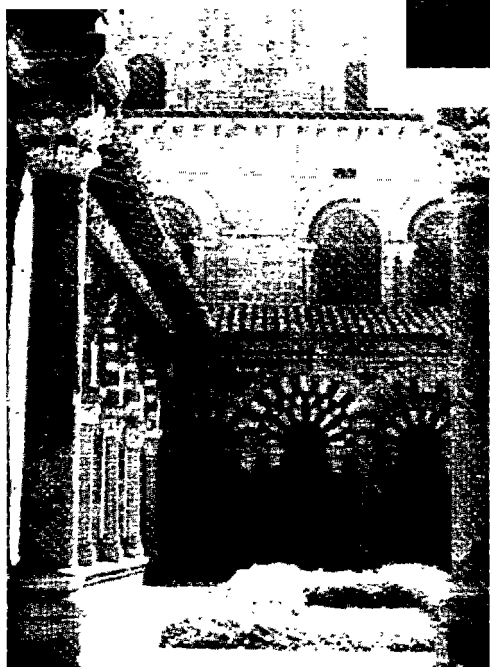
Илл. 65. Большая мечеть Кордовы (Испания). Полосатые арки молитвенного зала. Исламская Испания. Кордовский халифат Омейядов, X в. (Фото ICOMOS, Париж)

Илл. 66. Отдельная моельня халифов в Большой мечети Кордовы (Испания). Дольчатые арки уединенной моельни халифов. Кордовский халифат Омейядов, X в. (Фото ICOMOS, Париж)

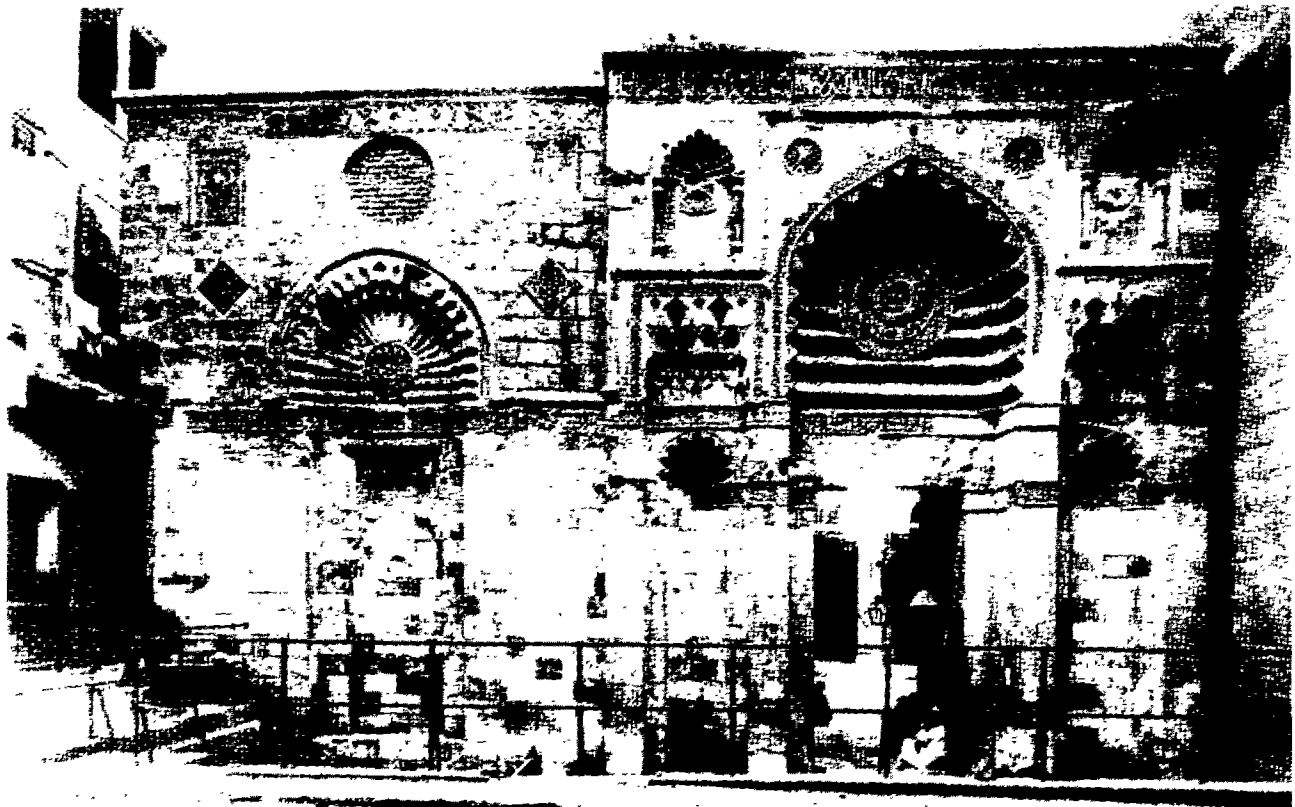
Илл. 67. Полосатые арки в нефе аббатства Церкви св. Мадлен, Везлэ (Франция). Романский стиль с влияниями Кордовы, XI–XII вв. (С согласия Бюро туризма, Везлэ, Франция)

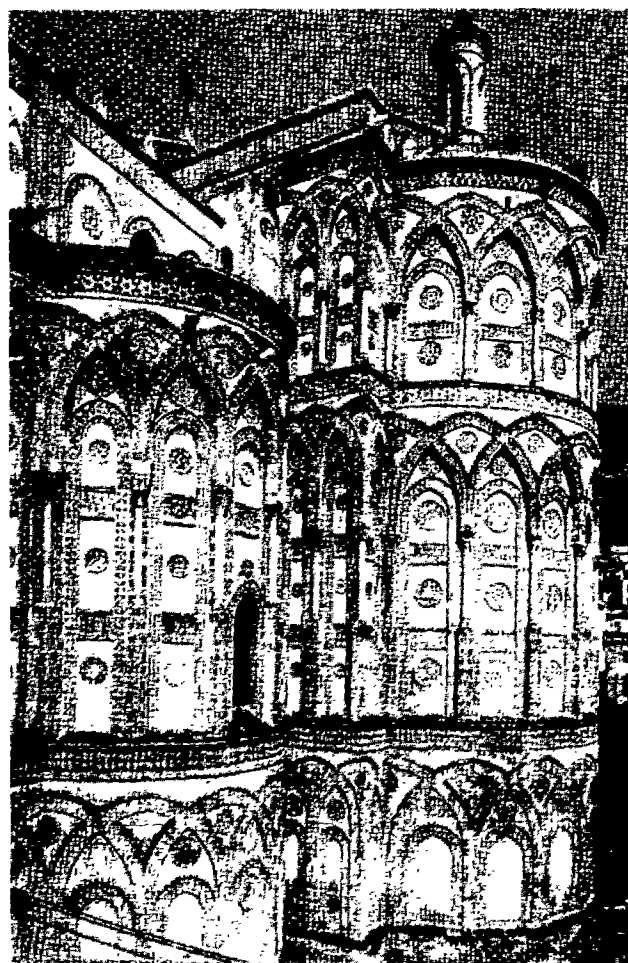
Илл. 68. Полосатые арки в галереях собора Нотр-Дам, Ле-Пюи-ан-Велэ (Франция); XII в., романский стиль с влияниями Кордовы. (Все права защищены)

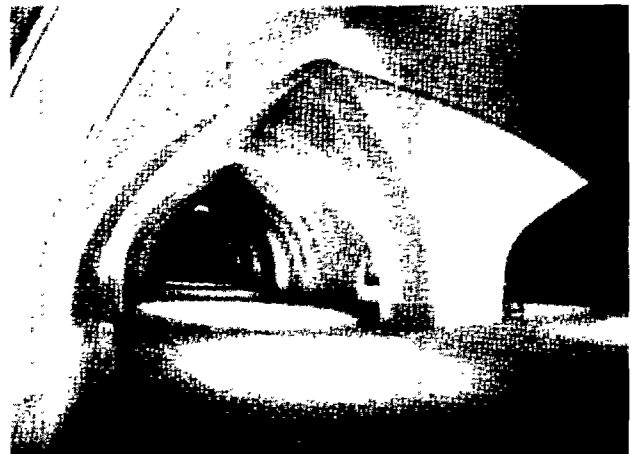
Илл. 69. Дольчатые арки портала часовни Сен-Мишеля д'Агилье (Saint Michel d'Aiguilhe), Ле-Пюи-ан-Велэ (Франция). Романский стиль с влияниями Кордовы, конец XI–XII в. (С согласия Бюро туризма, Ле-Пюи, Франция).

Илл. 70 Глухие стрельчатые арки фасада мечети аль-Акмар, Каир (Египет); династия Фатимидов. Построена в 1125 г. (Фото *Ayman Fu'ad Sayid*)

Илл. 72 Глухие стрельчатые арки в фатимидском стиле на апсиде Собора, Монреале (Сицилия) Норманнская династия, начало строительства в 1174 г (Все права защищены)

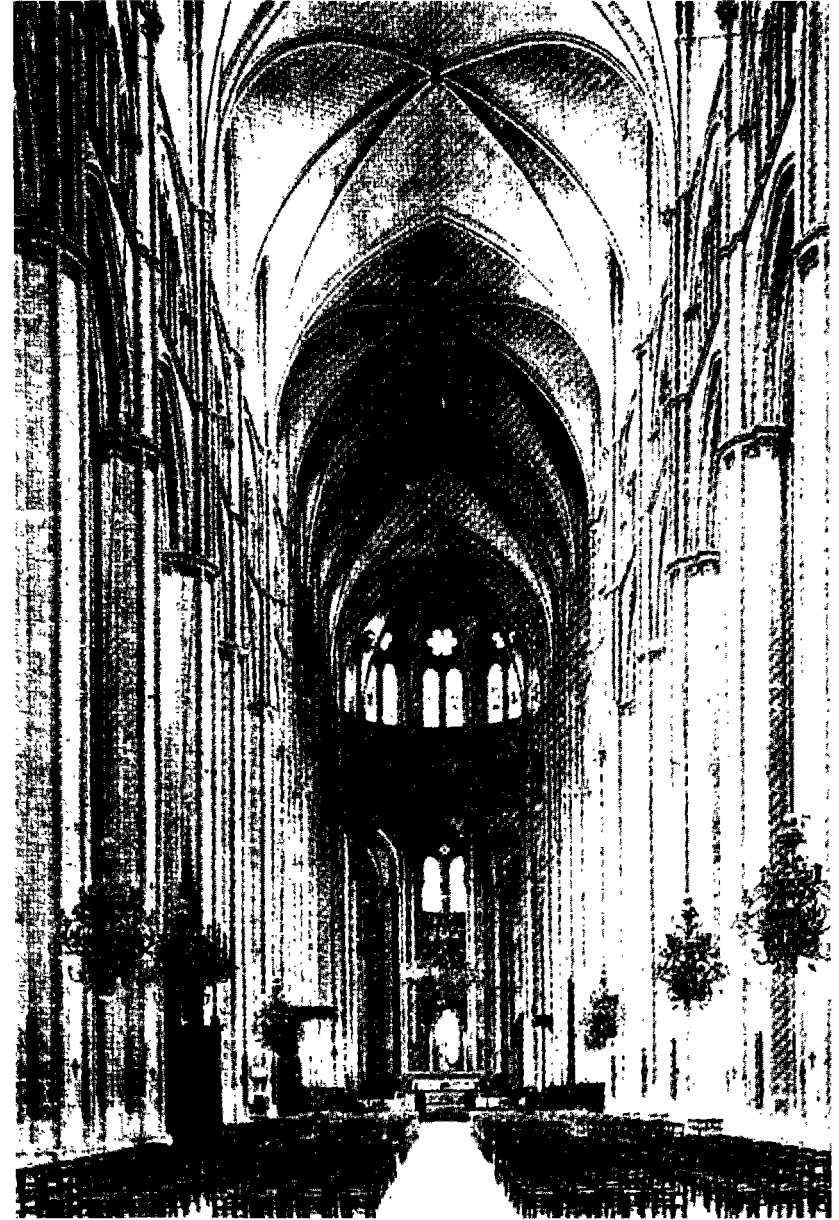
Илл. 71 Стрельчатый свод в молитвенном зале Масджид-и Джами («Соборной мечети»), Исфахан (Иран) Династия Сельджуков, строительство началось в 1121 г (Все права защищены)

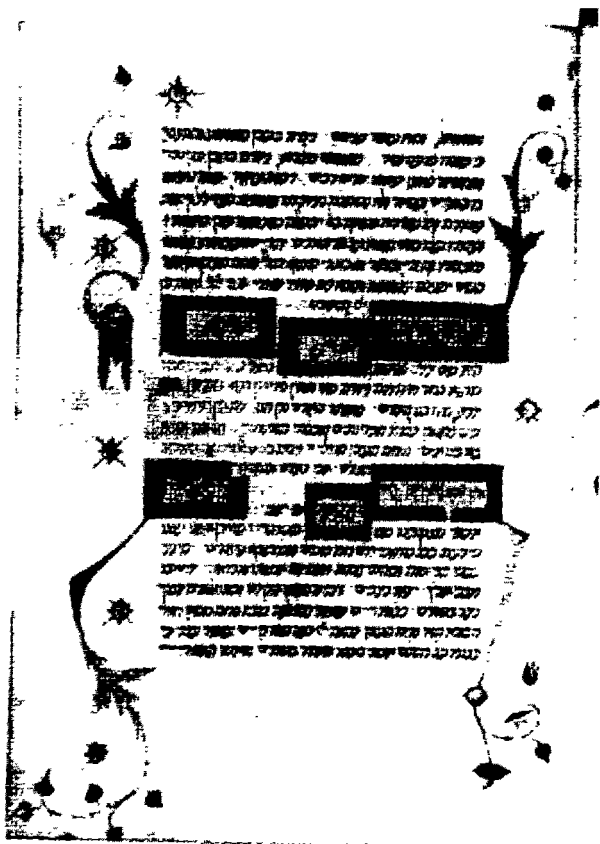
Илл. 73. Стрельчатые арки в фатимидском стиле в крытой аркаде собора, Монреале (Сицилия). Норманнская династия, конец XII в (Все права защищены)

Илл. 74. Романский собор в Дареме (Англия); начало XII в. (Фото Центра мирового наследия ЮНЕСКО, Париж)

Илл. 75. Собор Сент-Этьенн в Бурже (Франция). Внутренняя часть собора, ок. 1200 г. (Фото Центра мирового наследия ЮНЕСКО, Париж)

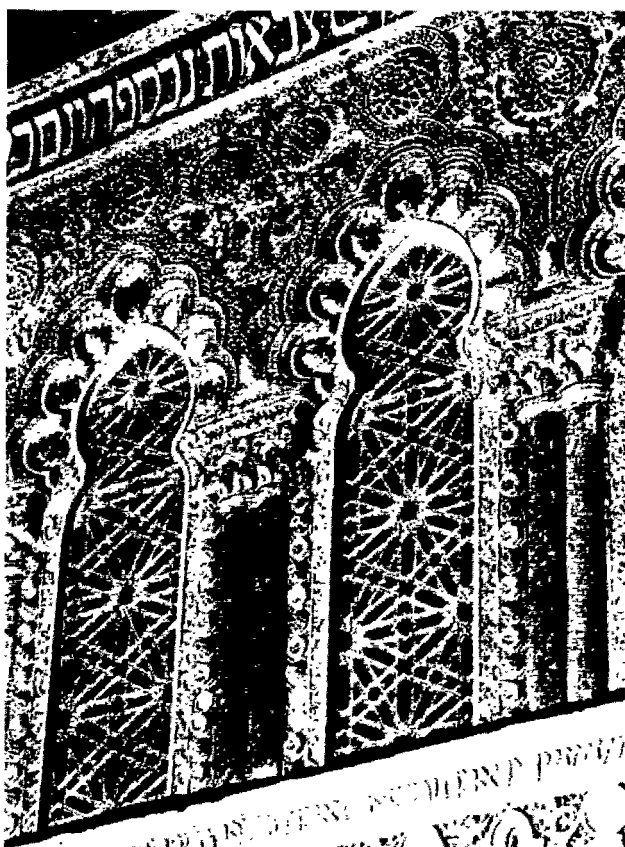

Илл. 76. Страница на древнееврейском языке из «Путеводителя колеблющихся» Моисея Маймонида (Испания); XV в. Написан испанским философом еврейского происхождения Маймонидом (XII в) на арабском языке, но еврейскими символами; затем в конце XIII в переведен на древнееврейский французскими раввинами (С согласия Департамента «Иудаизм» Королевской библиотеки, Копенгаген, Дания)

זה דוד המלך נביל

Илл. 77. Царь Давид, изображенный в образе короля Франции, Тур (Франция). Молитвенник на древнееврейском языке, конец XIII в (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 78. Окна в исламском стиле синагоги Эль-Трансито, Толедо (Испания) (Все права защищены)

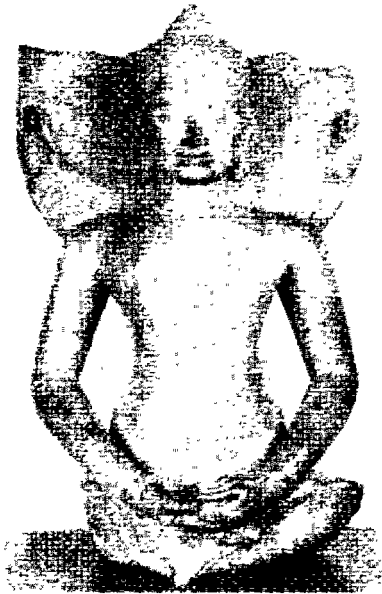
Илл. 79. Смешанная иудейская и арабская каллиграфия в синагоге Эль-Трансито, Толедо (Испания). Эта синагога в «мавританском стиле» на самом деле была полностью построена при правлении кастильцев-христиан (XIV в) (Все права защищены)

Илл. 80. Изображение лица царевича Гаутамы (Сиддхартхи) как бодхисатвы; Аджанта (Индия). Стенная роспись пещерного храма; начало VII в. (Все права защищены)

Илл. 81. Изображение лица бодхисатвы махаяны Авалокитешвары, олицетворения идеала космического сострадания. Фрагмент фрески «Рай Амитабхи Будды» (по-японски – Амиды). Шестая панель храма Хорюдзи; Нара, Япония; конец VII в. (Все права защищены)

Илл. 82 Будда Шакьямуни медитирует под убежищем Наги, или Царя Кобр, Ангкор (Камбоджа) Стиль раннего храма Байон, конец XII в., буддизм направления хиньяна. (Музей Гиме, Париж, Франция)

Илл. 83. Будда Акшобхья («невозмутимый») медитирует, касаясь Земли, XIII в., Тибет, буддизм направления махаяна. (Все права защищены)

Илл. 84 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара в царской позе, Верагала (Шри-Ланка) Символ космического сострадания, позолоченная бронза, хрусталь и драгоценные камни. VIII–IX вв (Фото *Jean-Louis Noi*, Национальный музей, Коломбо, Шри-Ланка)

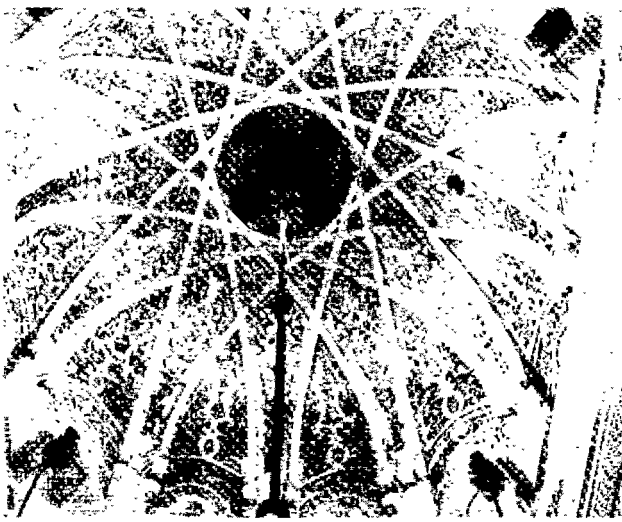
Илл. 85 Бодхисатва Авалокитешвара в царской позе, династия Сун (Китай). Резное, лакированное и позолоченное дерево. Династия Сун, ок 1200 г (Музей Виктории и Альберта, Лондон, Великобритания)

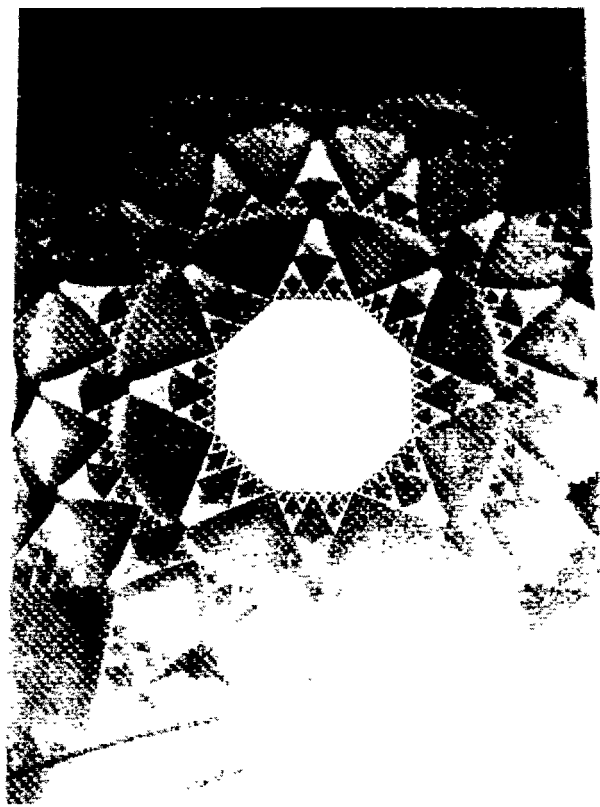
Илл. 86 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара в королевской позе (Корея). Тушь, краски и золото на шелковом свитке, фрагмент Династия Корё, XIV в (С согласия Галереи искусств Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США)

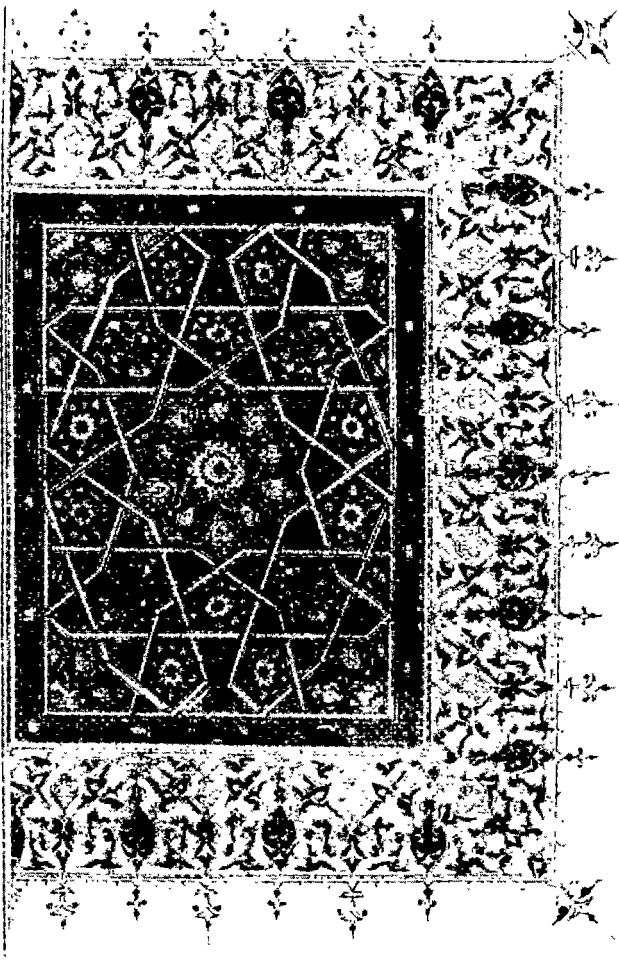
Илл. 87 Бодхисатва махаяны Авалокитешвара, представленный как проводник души человека. Тушь и краски на шелке, Дуньхуан (Китай). Эпоха Пяти династий, X в. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

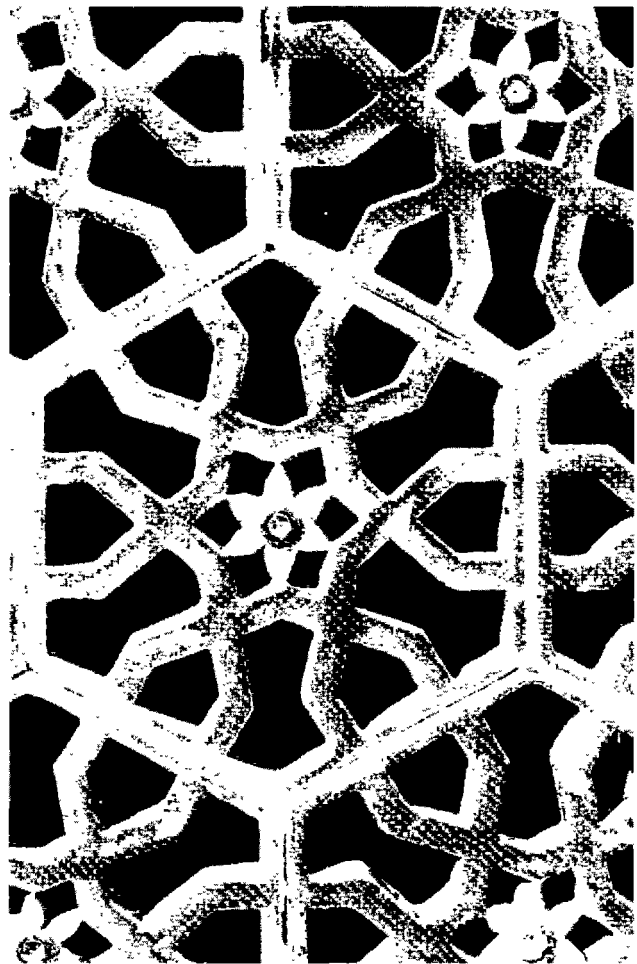
Илл. 88. Большая мечеть г Тлемсен (Алжир), 1136 г (Фото *Jean Mazenod* в «*L'Islam et l'art musulman*». С согласия издательства *Editions Citadellas et Mazenot*, Париж)

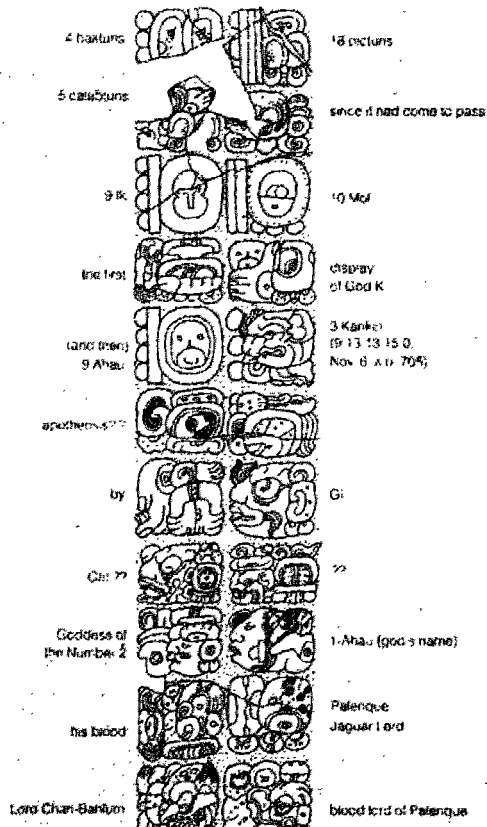
Илл. 89. Отверстие в вершине купола над могилой суфийского учителя Шах-Ниматулла Вали (*Shāh Ni'matullāh Walī*), Махан (Иран) Божественное как источник исходящего света, династия Тимуридов, 1436 г (Все права защищены)

Илл. 90. Страница многогомого Корана, Каир (Египет) Божественное как источник исходящего лабиринта света первая страница тома IX Каир, династия мамлюков, XIV в (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

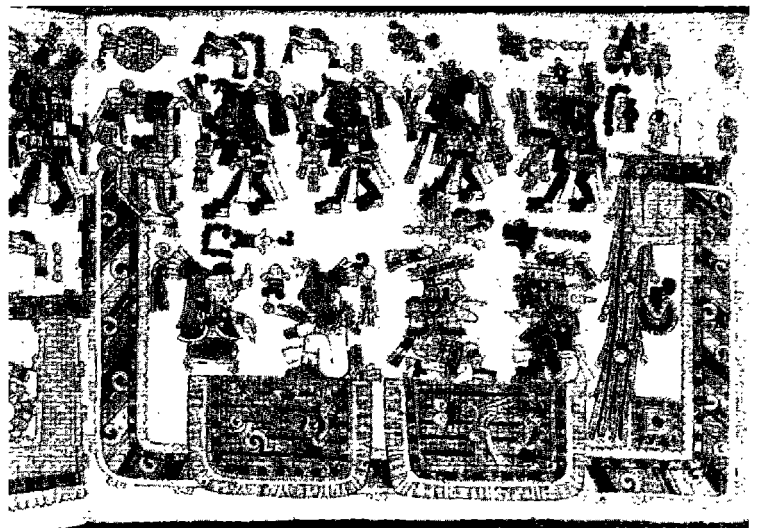
Илл. 91. Изразцовый орнамент над предполагаемым захоронением суфийского учителя Шамси-Табризи, Мултан (Пакистан) Период Делийского султаната, XIV в (Фото *G Degeorge*, Париж, Франция)

Илл. 93. Идеограммы, или глифы (символические знаки) майя, Паленке, штат Чьяпас (Мексика). Надпись на известняковой табличке в Храме 14, прославляющая победу правителя Чан-Балума II (*Chan-Bahum*) над владыками Подземного мира. Известняк, поздний классический период, 600–900 гг. (датировано ок. 703 г.), цивилизация майя. (По рис. *Ian Graham* в книге *Linda Schele & Mary Ellen Miller, The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art*, New York, 1986, p. 273; интерпретация глифов L. Schele & M.E. Miller)

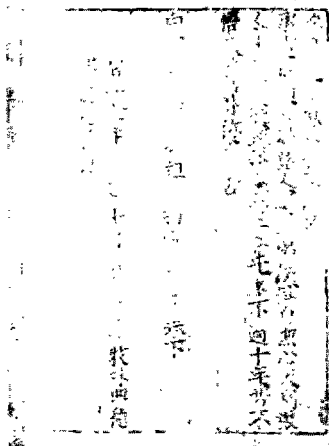
Илл. 92. «Писец», Паленке, штат Чьяпас (Мексика). Рельеф изображает правителя Паленке А-куль-А-Наба (*Ab kul Ah Nab*) (или Чаакля III; он правил с 722 по 764 г. Известняковая панель, поздний классический период, 600–900 гг.; цивилизация майя. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

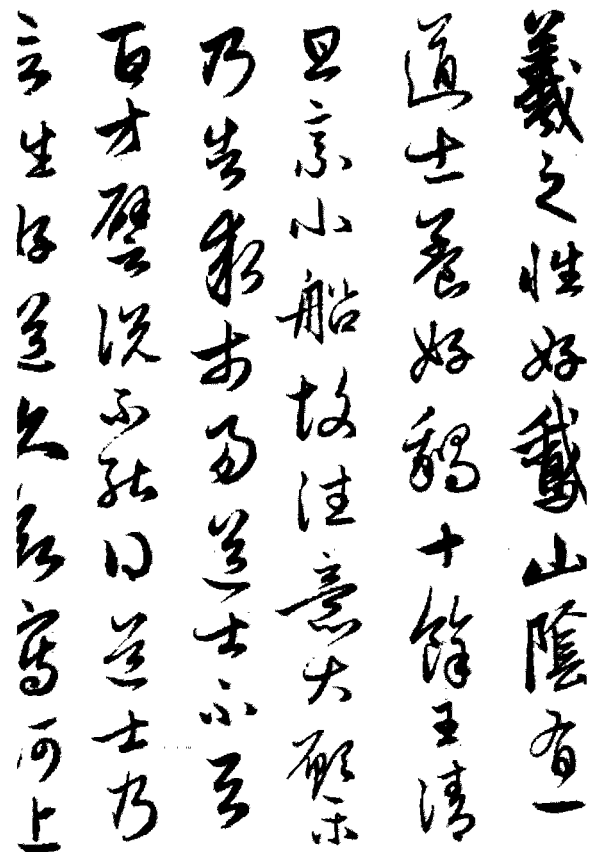
Илл. 94. Письмо миштеков, регион Пуэбла–Оахака (Мексика). Страница 36 из Кодекса Соуре-Нуттале (*Zouche-Nuttall*). Повествуя в основном об истории, эта страница изображает (справа налево) Повелителей 7 Дождя, 1 Дождя, 4 Змея, 7 Змея, которые, видимо, движутся в направлении челюстей Земного крокодила, в то время как две пары сидят над водным царством и беседуют. Кодекс на оленьей коже, поздний постклассический период, ок. 1250–1521 гг.; цивилизация миштеков. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

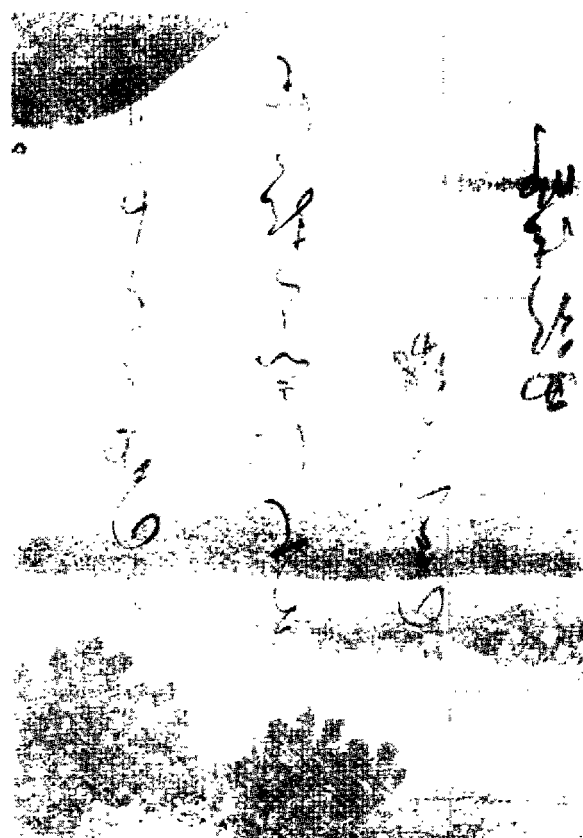
Илл. 95. Портрет китайского поэта времени династии Тан Ли Бо (701–762 гг.). Южная династия Сун (Китай); каллиграфическая работа кистью художника-каллиграфа Лян Кая; начало XIII в. (Национальный музей, Токио, Япония)

Илл. 97. Классически оформленная каллиграфия. Последняя страница *Pulch Chikchi Shimphe Yojol* (отождествление духа с Буддой через практику дзен-буддизма); Корея (дата неизв.). (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 96. Курсивная каллиграфия; династия Юань (Китай). Фрагмент свитка, написанного художником-каллиграфом Чжао Менфу (1254–1322 гг.). (Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США)

Илл. 99. «Травяная» каллиграфия стихов знаменитых поэтов, период Камакура (Япония). Фрагмент картины императора Фусими (правил в 1278–1298 гг.). (С согласия Галереи искусств Фрэнклинского института, Вашингтон, США)

Илл. 98. Портрет поэта Акахито (*Akabitō*) с его кистью, бумагой и ящичком писца, из «Собрания портретов тридцати шести знаменитых поэтов», приписываемого художнику Фудзиваре Нобузана (*Fujiwara Nobuzane*) (1176 – ок. 1265 гг.), период Камакура (Япония). (Все права защищены)

Илл 100 Образованная индийская женщина, пишущая на пальмовом листе; XI в.; комплекс храмов Кхаджурахо (Индия) (Индийский музей, Калькутта)

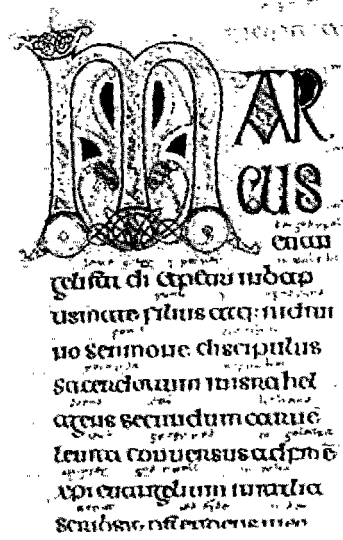
Илл. 102 Буддийский миссионер в Китае читает манускрипт на санскрите. Картина периода династии Юань (Китай) (Национальный дворцовый музей, Тайбэй, провинция Тайвань)

Илл 101 Астасahasрика-Праджна-Парамита (*Astasāhasrikā-Prajñā-Pāramitā*) Манускрипт, написанный на санскрите, на пальмовом листе, X в (Непал) (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

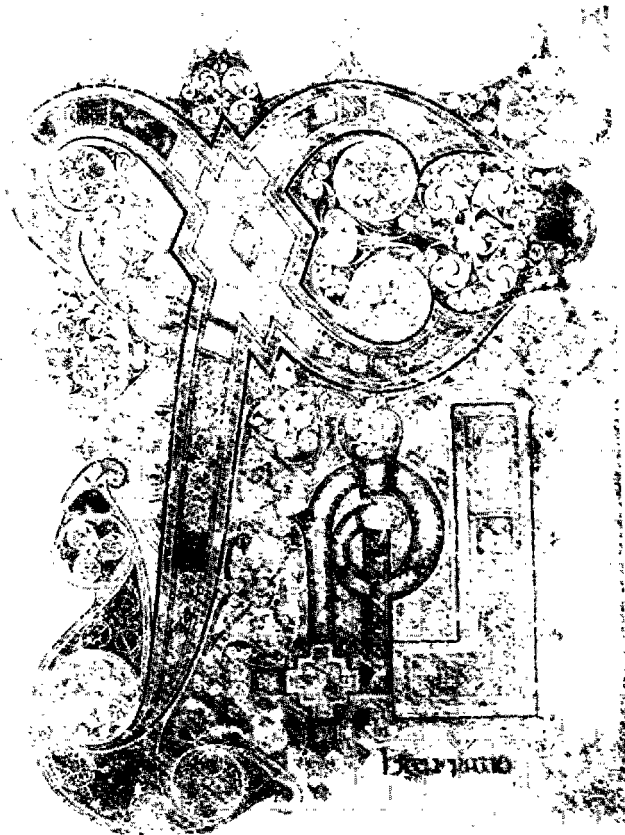

Илл. 103. Джованни Боккаччо (1313–1375 гг.) за своим письменным столом, с фигурой Судьбы. Иллюстрация к французскому переводу его написанного на латинском языке *De Casibus Virorum et Feminarum Illustrium* («О знатных мужчинах и женщинах»), ок. 1415–1420, Париж (Франция). (Национальная библиотека Франции, Париж, Франция)

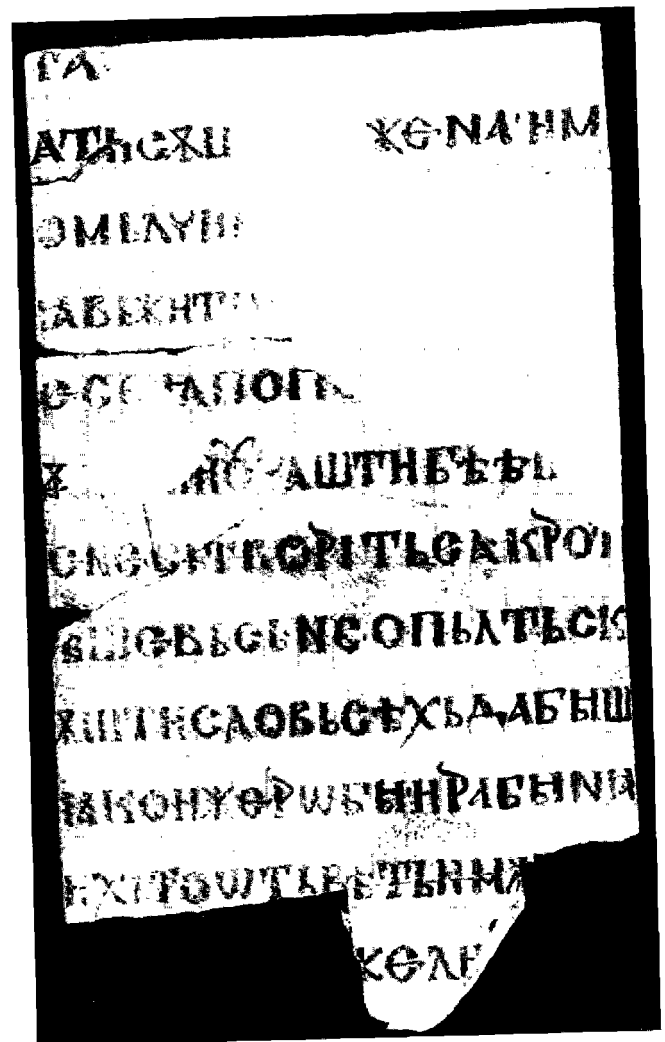

Илл. 104. Маркус (Марк): начальная буква Евангелия от св. Марка, из латинских «Линдисфарнских Евангелий» писца и художника Идфрига (*Eadfrith*) из островного монастыря Линдисфарн, 698 г. (Англия). Между латинских строчек виден англо-саксонский перевод. (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

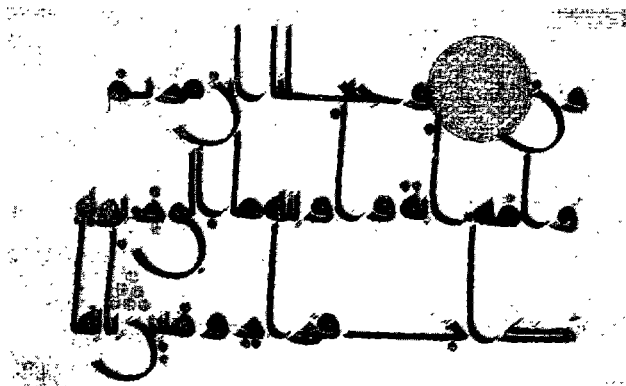
Marcum sed corpus dui
 per uerbum digne uocis
 animam in uero euange
 licae praedicationis os
 tendens in qua haec lect
 scilicet caritatem carnis
 in uero caritate adueniens
 habet uerbum debent
 agnoscere aq: iuse uerbu
 uocis quod in conuersione
 pendit erat in uerue
 deua: et per uero euange
 opus uerue ad uerue
 dicitur conuersione

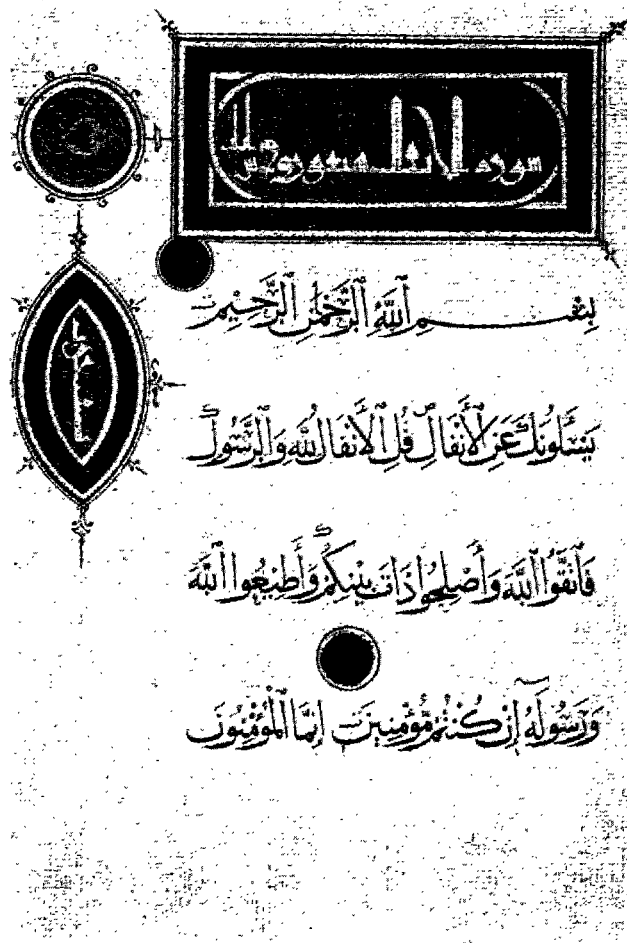
Илл. 105. Изображение двойных греческих инициалов имени Христа. Иллюстрация к Евангелиям книги «Book of Kells», Матфей I:18, конец VIII в. (Ирландия). (Тринити-колледж, Дублин, Ирландская Книга Кельтов)

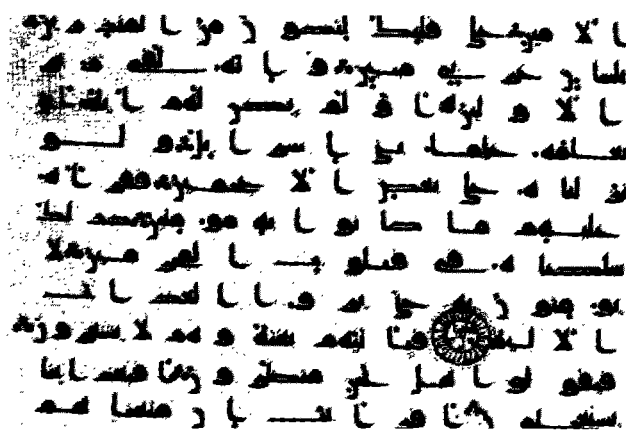
Илл. 106. Кириллица на керамической пластинке: X в., Преслав (Болгария). (Академия изящных искусств, София, Болгария)

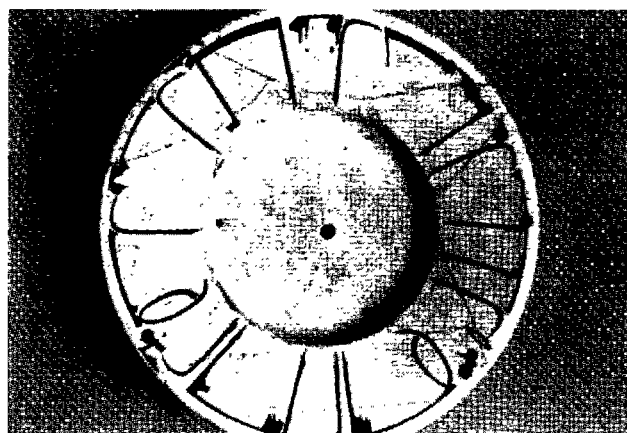
Илл. 107. Страница каллиграфии стиля *куфи* из Корана на пергаменте. Династия Фатимидов, X в. (Коллекция аль-Сабах, Дар аль-Атхар аль-Исламия; с согласия Музея исламского искусства, Кувейт)

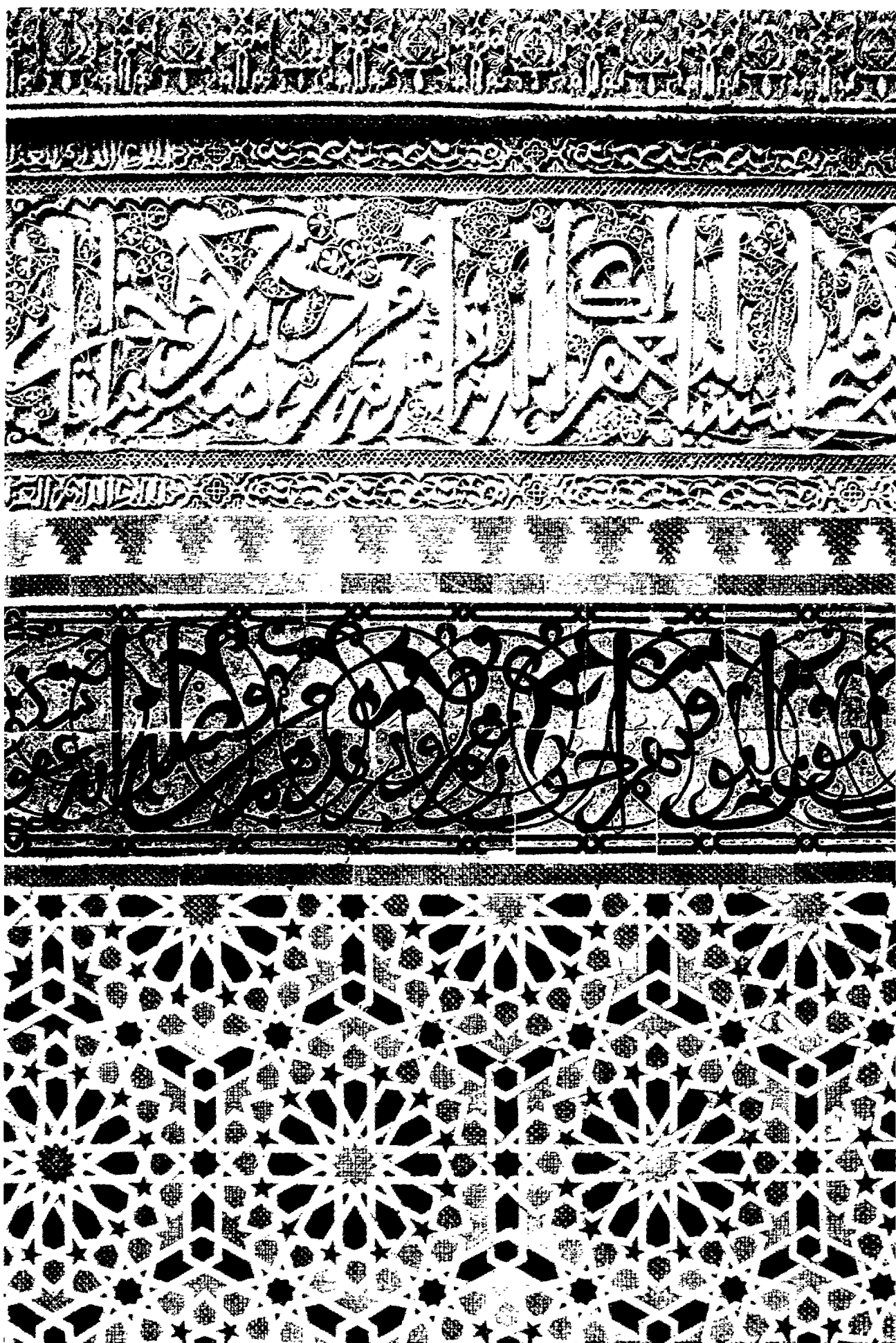
Илл. 110. Страница каллиграфии стиля *наш* (стандартной курсивной каллиграфии) из Корана на бумаге. Династия мамлюков, XIV в., Каир, (Египет). (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

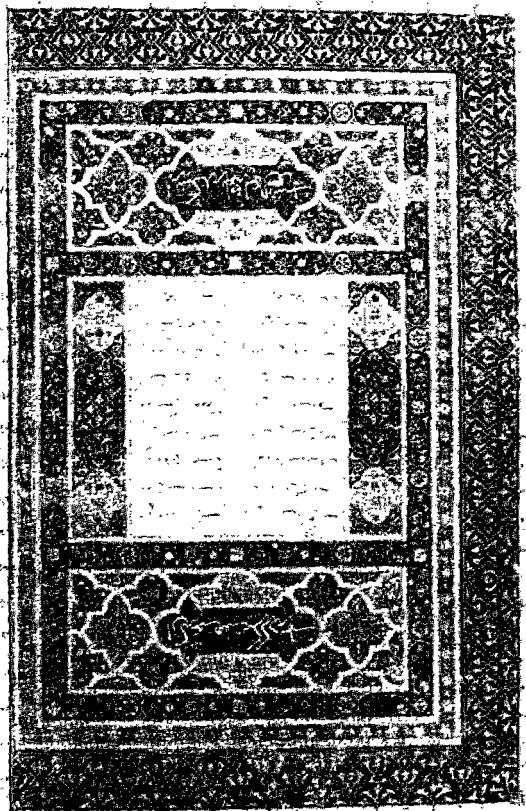
Илл. 108. Страница каллиграфии стиля *куфи* из Корана на тонком пергаменте. Династия Аббасидов, X в. (Ирак). (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 109. Молитва (до и после еды), написанная каллиграфией стиля *куфи* на раскрашенном глиняном блюде, Нишапур (Иран). Династия Саманидов, X в. (Фото M.P. Chuzeville, Лувр, Париж, Франция)

Илл. 111 Настенный орнамент из плиток и искусственного мрамора (стукко) с полосами курсивной каллиграфии стиля *thuluth*, медресе Аль-Аттарин (Семинария торговцев духами), берберская династия Маринидов, XIV в., Фес (Марокко) (Все права защищены)

Илл. 112. Арабский шрифт, использованный для персидского языка в каллиграфии *nasta'liq* («висячий курсив»). Титульная украшенная страница «Хамсе» («Пятерицы») пяти поэм на персидском языке поэта XII в. Низами из Азербайджана, переписанных в Герате в 1494–1495 гг. (Афганистан). (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 113. Арабский шрифт, использованный для языка тюрки в каллиграфии *nasta'liq* («висячий курсив»). Иллюстрация живописца Касима Али к поэмам на тюрки узбекского поэта Низамаддина Мир Алишера Навои, изображенного (второй сверху справа) коленипреклоненным перед великими персидскими поэтами прошлого из всех частей персидской культурной области. Из поэмы «Искандерова стена» Алишера Навои, переписанной в Герате (Афганистан) в 1483 г. (Ms Elliot 339, fol. 95 v, Бодлианская библиотека, Оксфорд, Великобритания)

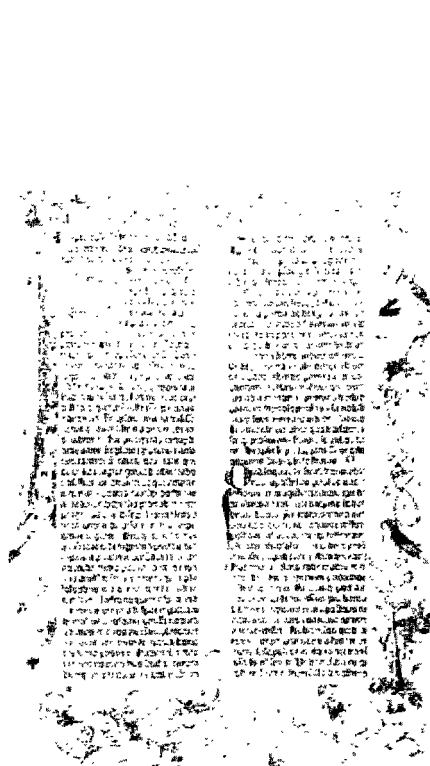
Илл. 114. Арабский писец, пишущий тростниковым пером на колене. Фрагмент иллюстрации художника аль-Васити к «Собранию новелл» (*Макама*) литератора XII в. аль-Харири; 1237 г., Багдад (Ирак). (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 115. Китайская печать: китайский перевод с санскрита «Алмазной сутры». Фронтиспис самой первой известной в мире печатной книги: ксилография на бумаге, 868 г. Дуньхуан (Китай). (С согласия Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 116. Арабская ксилография (Западная Азия); XI в. (?) «Печатать в мусульманском мире начали, судя по всему, в IX в.; в XIV в. печать, вероятно, практически исчезла, но вдохновила печатные эксперименты в Европе» (по R. Bulliet). (Собственность Собрания редких книг и манускриптов библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йорк, США)

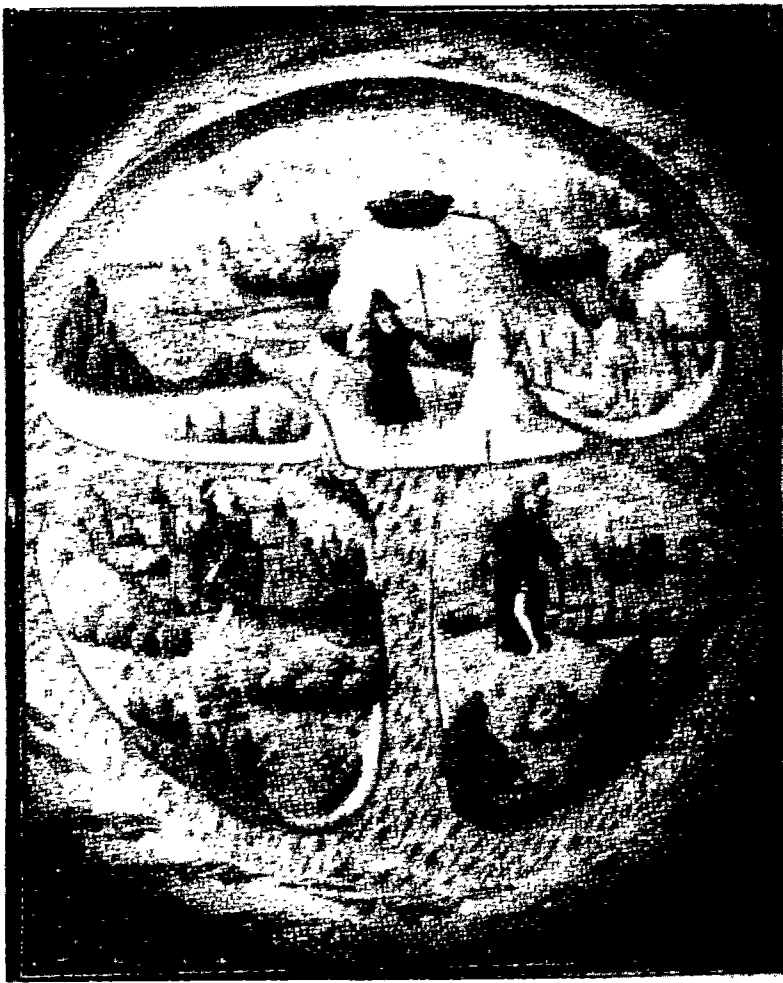
Илл. 117. 42-строчная Библия, отпечатанная с наборных литер. Майнц (Германия). Отпечатана ок. 1453–1455 гг., вероятно, Гуттенбергом, Фустом и Шеффером. (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Le tondeur que feist
ledit Villon quant
il fut iugie

Je suis francois dont ce me poise
De be paria empres pontoise
Dont dure corde dure toise
Saura mon col que mon cul poise

Илл. 118. Поэт Франсуа Вийон: фронтиспис к первому изданию его произведений, с портретом-ксилографией и стихами, отпечатанными с наборных литер; Париж, печатный пресс Пьера Лева, 1489 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

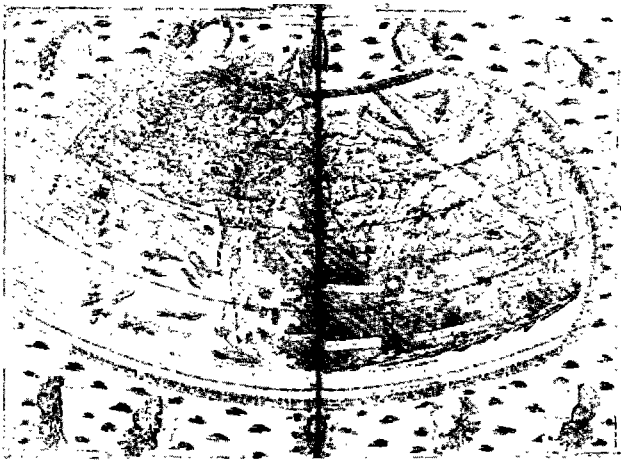
Илл. 119 Мир глазами франкофламандца Жана Манселя: три континента, окруженные океанским течением, завещанные Богом Симу (Азия), Хаму (Африка) и Иафету (Европа). Космографическая иллюстрация к *Fleur des Histoires*, или «Цветку хроник» Жана Манселя, XV в. (Королевская библиотека Альберта I, Брюссель, Бельгия)

Илл. 120. Уродливые создания. иллюстрация XII в. к трудам Солиния (*Solimus Polyhistor*, III в.), XII в., Арнштейн (Германия). (Британский музей, Лондон, Великобритания)

Илл. 121 Марко Поло пробует образцы перца на Малабарском побережье Индии: иллюстрация к *Livre des merveilles*, или «Книге чудес», переписанной для Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундии, дат 1410 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 122. Птолемея карта мира, II в., опубликованная в Ульме (Германия), 1482 г. Здесь Африка простирается слишком далеко на восток и достигает «Золотого полуострова» (Малайзии), о котором складывали легенды, тем самым ошибочно превращая Индийский океан в замкнутое озеро. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 123. Средневековый арабский взгляд на мир. Копия карты мира, составленной марокканским географом Идриси из Сеуты (1100–1160 гг.) для норманнского христианского короля Сицилии Рожера II и включенной в так называемую «Книгу Рожера»; карта воспроизведена на фронтиспise рукописи «Мукаддима», или «Введение в историю», тунисского философа и историка Ибн Хальдуна (1331–1406 гг.). Здесь «всеобъемлющий океан» (*Бахр Мухит*) окружает мир-остров и теоретически допускает существование «прохода» (*мадхаль*) между Атлантическим и Индийским океанами. (Воспроизведено в соответствии с современной ориентацией, с севером вверху). (Бодлианская библиотека, Оксфорд, Великобритания)

Илл. 124. Карта мира Генрикуса Мартеллуса (*Henricus Martellus*), Флоренция (Италия); дат. 1489 г. Немецкий картограф Генрих Гаммер («*Henricus Martellus*») первым обозначил на этой карте, что португальцы обогнули мыс Доброй Надежды в предыдущем году, показав, что карта мира Птолемея ошибочна и что Атлантический и Индийский океаны на самом деле связаны. (С согласия Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 125. Копия фрагмента (1470 г.) корейской карты мира, датированной 1420 г. Запад расположен вверху, изображены побережья Малайзии, Индокитай, Китая, Кореи и самые южные острова Японии (С согласия Библиотеки Университета Рюкюку, Киото, Япония)

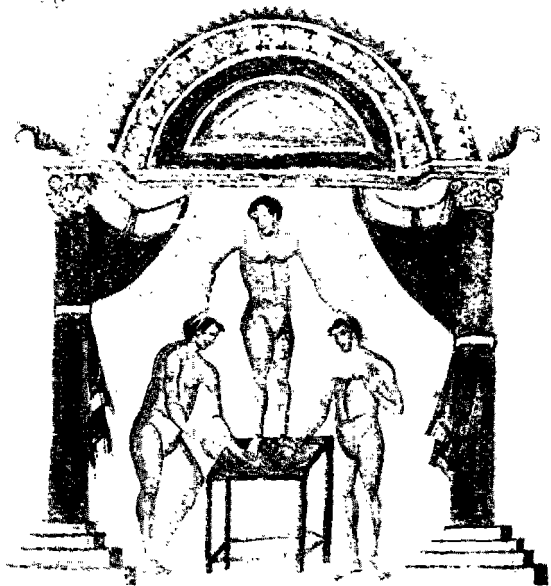

Илл. 126. Арабский перевод сочинения Диоскорида «О лекарственных средствах»; 1229 г. Передача греческого учения арабам. Портрет древнеримского врача, грека по происхождению, Диоскорида (I в.), скопированный из византийской рукописи в греческой манере (но врач уже одет в мусульманский тюрбан), наставляющего двух студентов-мусульман. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 128. Правитель государства Ямато Сётокутайси со своими сыновьями (Япония). Передача китайского учения японцам: «Принц Сётоку (574–622 гг.) был буддистом и реформатором, положившим начало прямым культурным связям с династией Суй в 607 г. Японских студентов стали отправлять в Китай» (Япония). (Изображения Курби [Courbis], Лондон, Великобритания)

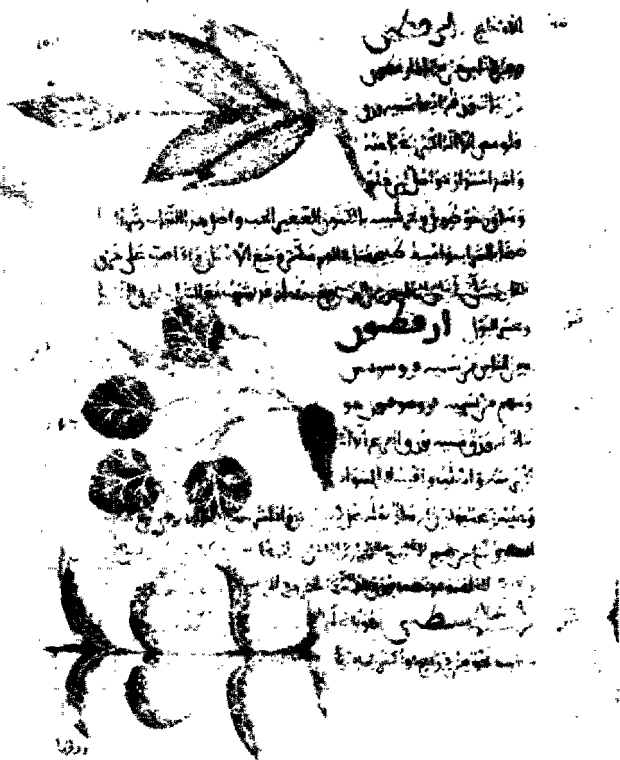
Илл. 127. Торжество св. Фомы Аквинского. Фреска Франческо Траини (Francesco Traini) в церкви св. Катарины, Пиза, XIV в. Передача учения арабов латинам. Св. Фома Аквинский (1225–1274 гг.), вдохновленный Христом, святыми, а также Платоном и Аристотелем, торжествует над испанским философом-мусульманином Ибн Рушдом («Аверроэсом», 1126–1198 гг.), лежащим у его ног. «Но, подробно цитируя латинские переводы Аверроэса, казалось бы, для того чтобы опровергать его взгляды, св. Фома тем самым вынудил западных христиан читать труды этого знаменитого арабского мыслителя вдумчиво и серьезно, что, вероятно, и являлось намерением этого великого теолога Церкви». (По Jacques Le Goff). (Фото Nicolò Orsi Battaglini, Национальный музей, Флоренция, Италия)

Илл. 129. Миниатюра из трактата Аполлония Китионского о вывихах костей. Византийская рукопись, Константинополь, X в. (Библиотека Medicea Laurenziana, Флоренция, Италия)

Илл. 131. Сатана насылает болезнь на Иова. Иллюстрация к *Moralia in Job* папы Римского Григория I (пр. 590–604) (Франция). Начало XII в. (Муниципальная библиотека, г. Дуэ, Франция)

Илл. 130. Страница с изображением лекарственных растений из арабского перевода «О лекарственных средствах» Диоскорида; XIII в. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 132. Фигура церковника в очках. Собор г. Мо (Франция). Церковник (вероятно, св. Иероним): редкая скульптура XV в., украшающая западный портал собора XIII–XV вв. Первые свидетельства о появлении в Западной Европе очков относятся к XIV в. (Согласно Jean-Charles Périgaux, Франция)

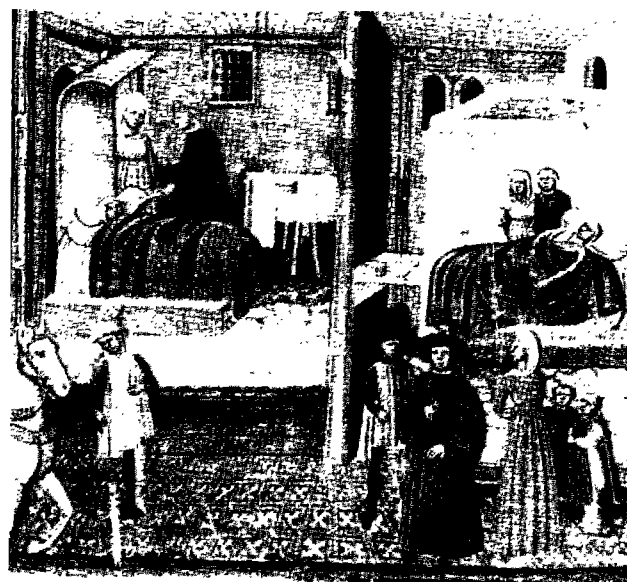
(a)

(b)

(c)

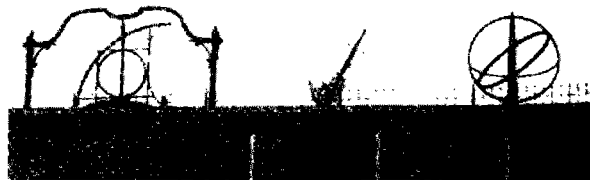
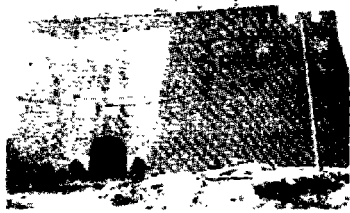

(d)

(e)

Илл. 133. «Канон врачебной науки» (Аль-Канун) Авиценны (Ибн Сины): блестящий иудейско-итальянский перевод XV в. с арабского языка на иврит. Предварительно относимая к Венеции в первой половине XV в. Джулиано Тамани (*Il Canon Medicinæ di Avicenna nella tradizione ebraica*, Падуя, 1988 г.), эта рукописная иудейская версия арабского «Канона» великого ученого из Центральной Азии Авиценны (980–1037 гг.), является наиболее красочно иллюстрированным средневековым учебником по врачебному делу из всех известных. Несмотря на то, что костюмы и обстановка – итальянские, описанные в книге методы в XV в. в равной степени использовались мусульманами, иудеями и христианами. В своих латинских версиях «Канон» Авиценны главенствовал в обучении врачебному делу в Европе до конца XVI в. (по аль-Хасану): (a) Авиценна, читающий лекцию; (б) врач, исследующий мочу; (в) магазин аптекаря; (г) вызов врача на дом; (д) кровопускание. (Фото с согласия Ministero per i Beni culturali e Ambientali, библиотека Болонского университета, Италия)

Илл. 134. Астрономическая обсерватория в Пекине (Китай). Построена при монгольском императоре Хубилае (пр. в 1260–1294 гг.), династия Юань. (Фото из книги *Khubilai Khan. His Life and Times* автора *Morris Rossabi*, University California Press, Беркли, Лос-Анджелес, Лондон, 1988 г.)

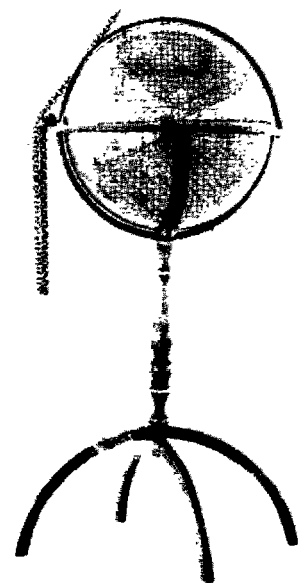
Илл. 135. Созвездие Персея (Иран). Иллюстрация к арабской «Книге неподвижных звезд» (*Kitāb al-Kawākib al-Thābita*), составленной Абдаррахманом Суфи ок. 960 г. в Парсе (совр. Фарс); этот текст был скопирован (вероятно, в Парсе) в 1009 г., а рисунок добавлен несколько десятилетий спустя. Ms Marsh 144, р. III. (Бодлианская библиотека, Оксфорд, Великобритания)

Илл. 136. Центральноеазиатское изображение созвездия Волопаса. Иллюстрация к арабскому трактату на арабском языке Абдаррахмана Суфи, скопированному для астронома – правителя Самарканда Улугбека (Узбекистан), ок. 1430–1440 гг. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 137. Созвездие Водолея. Иллюстрация из *Liber de stellis fixarum* («Книга неподвижных звезд»), латинский перевод XIII в. арабского трактата. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 138. Небесный глобус (Иран). Датирован 1430–1431 гг. и подписан Мухаммедом ибн Джафар ибн Омар аль-Астураби («Создателем астролябии»), известным также как Хилали («Принадлежащий полумесяцу»). (Британский музей, Лондон, Великобритания)

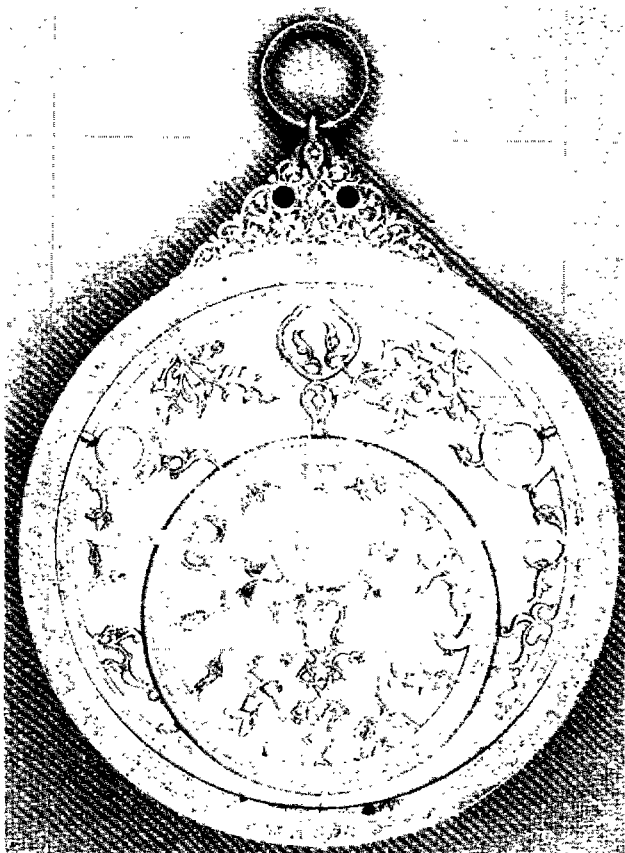
Илл. 139 Астролябия (Иран) Миниатюра, изображающая иранского ученого XIII в Насирэддина Туси и его коллег в Марагинской обсерватории (г Марага, Иран). Из «Антологии науки», составленной и иллюстрированной в Ширазе ок 1410 г (С согласия Стамбульского университета Ректорлугю, Турция)

Илл 141 Астролябия (Франция). Духовные лица, измеряющие параметры неба с помощью астролябии. Иллюстрация к Псалтирю королевы Франции Бланки Кастильской, матери короля Франции Людовика IX Святого, XIII в (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 140. Астролябия (Сирия) Миниатюра, изображающая Аристотеля в одежде мусульманского ученого, объясняющего арабским учащимся, как пользоваться астролябией. Иллюстрация к произведению на арабском языке «Избранные мудрости и изящные высказывания» (Mukhtār al-Hikam wa Mabāsīn al-Kalim) аль-Мубашшира (al-Mubashshir), первая половина XIII в. (Стамбул, Библиотека дворца Тонкапы, Ахмет III, 3206)

Илл. 142. Астролябия (Египет). Латунная астролябия, сделанная в Каире в 1235–1236 гг. Абд ал-Каршом аль-Мисри (Британский музей, Лондон, Великобритания)

Илл. 143. Астролябия (Испания). Латунная астролябия, сделанная в исламской Испании Ибрагимом пбн Саидом аль-Сахли, XI в. (Национальный археологический музей, Мадрид, Испания)

Илл. 144. Камень Солнца, или календарный камень ацтеков (Мексика). Базальтовый рельеф, диаметр 360 см, масса 25,5 т, из древнего города Теночтитлана (на месте современного Мехико). Основным изображением является лицо бога Солнца Тонатиу (*Tonatiuh*), с высунутым языком в форме ножа, держащего в руках человеческие сердца. Его окружают символические изображения четырех предыдущих веков и последовательные кольца, символизирующие промежутки по 20 дней, солнечные лучи, драгоценности и два Огненных змея, обращенных друг к другу. Поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (С согласия Института антропологии и истории, INAH, Мехико, Мексика)

Илл. 145. Император Константин (справа), основавший в IV в. Константинополь, символически предлагает свой город-крепость, и император Юстиниан (слева), основавший в VI в. храм св. Софии в Константинополе, символически предлагает свою церковь Деве Марии и младенцу. Обращает на себя внимание нимб, окружающий головы императоров и святых, который является символом святости или божественности, характерным для христианского (а также буддийского) искусства. Мозаика в храме Айя-София, Константинополь (Стамбул), X в. (Все права защищены)

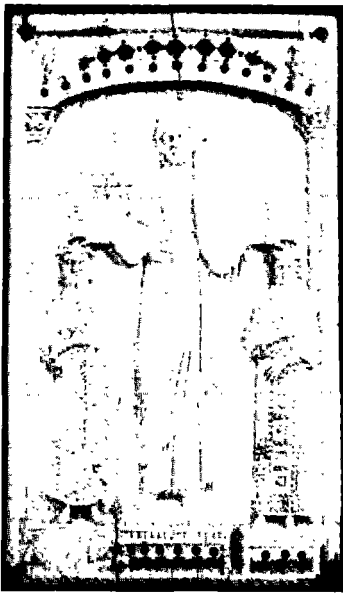
Илл. 146. Св. Деметрий в позе Верховного защитника над архиепископом (религиозная власть) и правителем (мирская власть), Фессалоники, базилика св. Деметрия (Димитрия), ок. 635 г., Фессалоники (Греция) (С согласия Национального управления по туризму Греции)

Илл. 147. Христос-младенец как Всевластитель с Девой Марией на троне, Византия. Икона на доске, Константинополь, ок. 1200 г. (Коллекция Эндрю Меллона, Национальная галерея искусства, Вашингтон, США)

Илл. 148. Византийский император Иоанн II Комнин и его супруга императрица Ирина, с Девой Марией и младенцем. Мозаичное изображение на южной стороне, храм св. Софии (Айя-София). Константинополь (Стамбул), XII в. (Все права защищены)

Илл. 149. Христос коронует германского императора Оттона II и его супругу, византийскую императрицу Феофану, Византия. Панель из слоновой кости, Константинополь, X в. (Фото R. M. N.; Музей Лувр, Париж, Франция)

Илл. 152. Сербский король Милутин (Стефан Урош II) символически предлагает свою церковь Благовещения в Граканике. Фреска, ок. 1320 г. (бывш. Югославия). (Все права защищены)

Илл. 150. Император Мануил II Палеолог. Иллюстрация к рукописи, Константинополь, первая половина XV в., Византия (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 151. Царь Болгарии Иван Александр со своей семьей. Из Евангелия царя Ивана Александра, написанных и иллюстрированных в 1355–1356 гг. в Тырново (Болгария). (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

Илл. 153. Крещение болгар при князе Борисе I в 865 г. Болгарская рукопись (X в.?) (Болгария). (Академия изящных искусств, София, Болгария)

Илл. 154. Голова архангела. Фрагмент настенной росписи в церкви Святого Георгия в Софии (Болгария), X в. (Академия изящных искусств, София, Болгария)

Илл. 155. «Святой Феодор», керамическая икона из Преслава (Болгария), X в. (?). (Академия изящных искусств, София, Болгария)

Илл. 156. «Преображение Господне». Из Евангелия четырех евангелистов (Армения) XII—XIII вв. (Галерея искусств Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США)

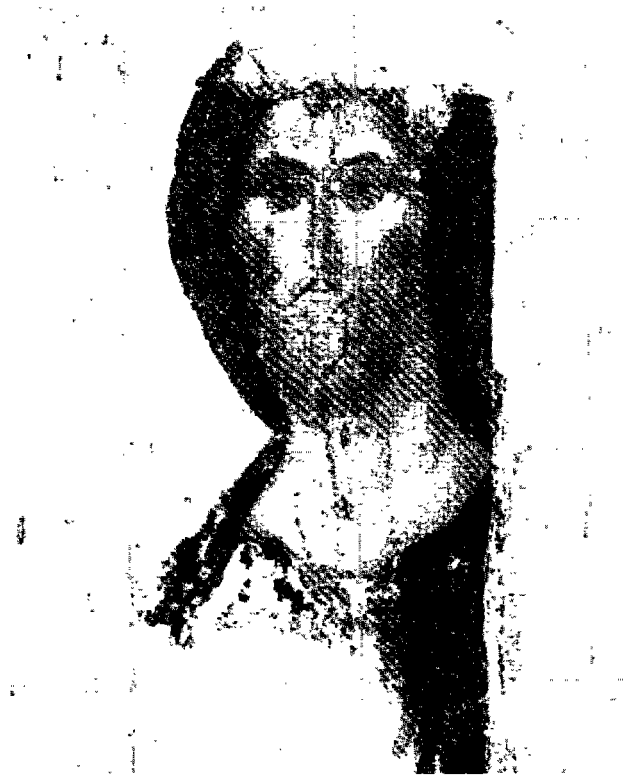
Илл. 157. Крещение Руси. (Академия изящных искусств, София, Болгария)

Илл. 158. Святой Борис и святой Глеб, Московская школа. Икона на доске, конец XIII или начало XIV в. (Русский музей, Санкт-Петербург, Россия)

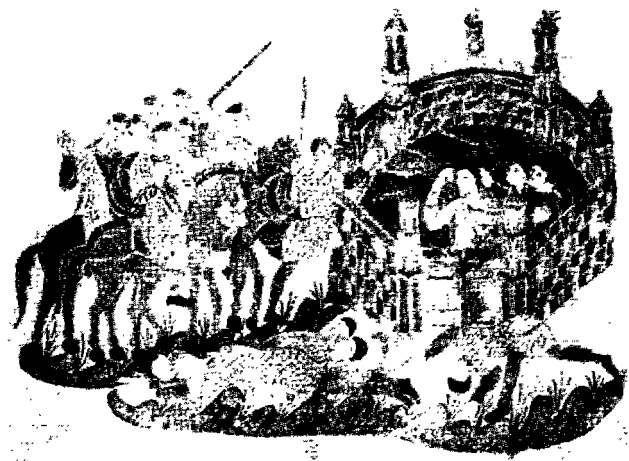
Илл. 159. «Троица». Икона на доске Андрея Рублева, Москва, ок. 1411 г. Троица, символизируемая тремя ангелами. (Третьяковская галерея, Москва, Россия)

Илл. 160. «Спас» из Звенигородского деисусного чина. Икона на доске Андрея Рублева, Москва, начало XV в. (Третьяковская галерея, Москва, Россия)

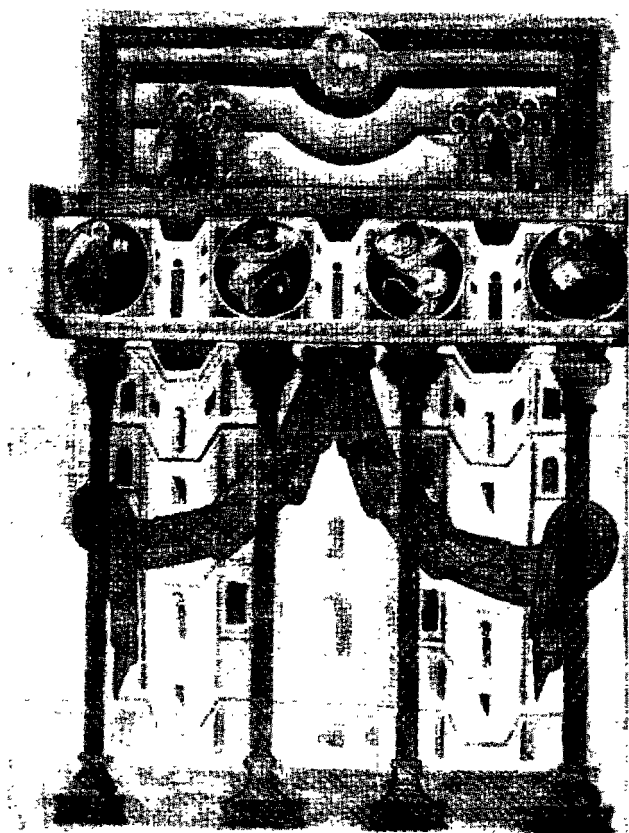
Илл. 161. Бронзовая статуэтка всадника – императора Карла Великого; ок. 800 г. Обращает на себя внимание то, что император все еще ездит без стремян. (*L'Univers des Formes*, Gallimard, Париж, Франция)

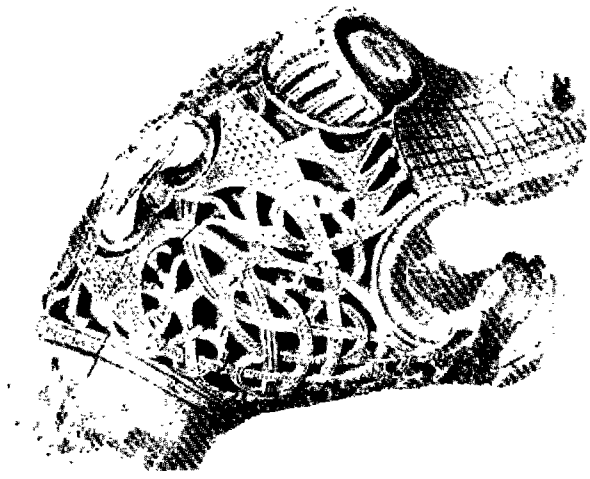
Илл. 162. Франкские конные воины, Каролингская империя. Фрагмент иллюстрации к псалму 59 из *St Gall Golden Psalter*, ок. 841–883 г. Всадники пользуются стременами, которые на этом рисунке изображены впервые в Европе. (*L'Univers des Formes*, Gallimard, Париж, Франция)

Илл. 163. Рабан Мавр (784–856 гг.), христианский богослов и писатель, аббат Фульдского монастыря, дарит свою книгу папе Римскому Григорию IV; Каролингская империя. Иллюстрация к рукописи, начало IX в. (Австрийская национальная библиотека, Вена, Австрия)

Илл. 164. Мистическое видение св. Иоанна поклонения агнцу Божьему, Каролингская империя. Иллюстрация к прологу св. Иеронима к Евангелиям на латинском языке, переписанным для двора Карла Великого, начало IX в. Из *Gospels of Saint-Médard de Soissons* (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 165. Голова дракона, резная главная мачта из могильника корабля викингов в Озеберге (Норвегия); ок. 850 г. (Университетский музей национальных древностей, Осло, Норвегия)

Илл. 166. Голова дракона, орнамент к оглобле лошади из Маммена (Дания). Позолоченная бронза (дерево – современная реконструкция); IX–X вв. (Национальный музей Дании)

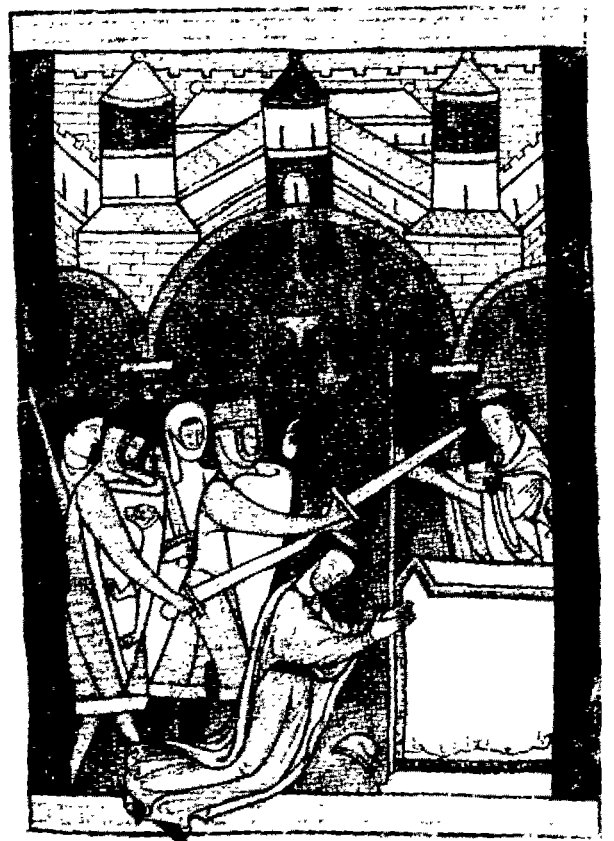
Илл. 167. Голова воина-викинга из Сигтуны (Швеция). Резной конец мачты из лосиного рога; X–XI вв. (Фото *Nils Lagergren*, Национальный исторический музей, Швеция)

Илл. 168. Скульптурное изображение головы короля Норвегии Эйстейна I Магнуссона, Берген (Норвегия); дат. 1122 г., в короне с рунами и крестом, из *Mariae Kirke* («Церкви Марии») XII в. (Фото *Ann-Mari Olsen*, Исторический музей Бергенского университета, Норвегия)

Илл. 169 Франкский (и одновременно римский) император Карл Лысый (пр в 843–877 гг.) получает Библию в знак почтения от настоятеля монастыря Сен-Мартен-де-Тур. Император на верхнем уровне, окруженный своими знатными мирскими подданными, благословлен рукой самого Господа, а духовенство почтительно стоит ниже. Из «Библии Карла Лысого», ок. 870 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 171 Убийство архиепископа Томаса Бекета в 1170 г. рыцарями короля Англии Генриха II в его собственном Кентерберийском соборе. Генрих II так и не смог загладить скандал, связанный с мученичеством своего архиепископа, Церковь канонизировала Томаса в 1173 г. Миниатюра из Латинского Псалтиря, Англия, ок. 1200 г. (С разрешения Британской библиотеки, Великобритания)

Илл. 170. Германский император Генрих II (пр в 1004–1024 гг.) – «король, коронованный Богом» (*Rex a Deo Coronatus*), изображенный во время коронации самим Христом, получает от святых Петра и Павла свой меч мирской власти и жезл (накрытый митрой епископа) религиозной власти, что, по сути, делает его королем-священником (Баварская государственная библиотека, Мюнхен, Германия)

Илл. 172 Робер Анжуйский, неаполитанский король, стоя на коленях, получает корону от епископа св. Людовика Тулузского, картина Симоне Мартини из Сиены, ок. 1319–1320 гг. (С согласия Национального музея и галереи Каподимонте, Неаполь, Италия)

Илл. 173. Надгробный скульптурный портрет королевы Беатрисы де-Бурбон в базилике Сен-Дени (Франция); дат. 1383 г. (Фото R.Delon/Castelet, Париж, Франция)

Илл. 174. Портрет супругов итальянского купца из Брюгге Джованни Арнольфини и Джованны Ченами нидерландского художника Яна Ван Эйка, Брюгге (Бельгия). Масло; дат. 1436 г. (Национальная галерея, Лондон, Великобритания)

Илл. 175. Святая Бриджет (Bridget) из Вадстены. Фрагмент надaltarной полки конца XV в. из Тёрневальской церкви, Остерготланд (Швеция). (Фото J.Anderson, Исторический музей, Стокгольм, Швеция)

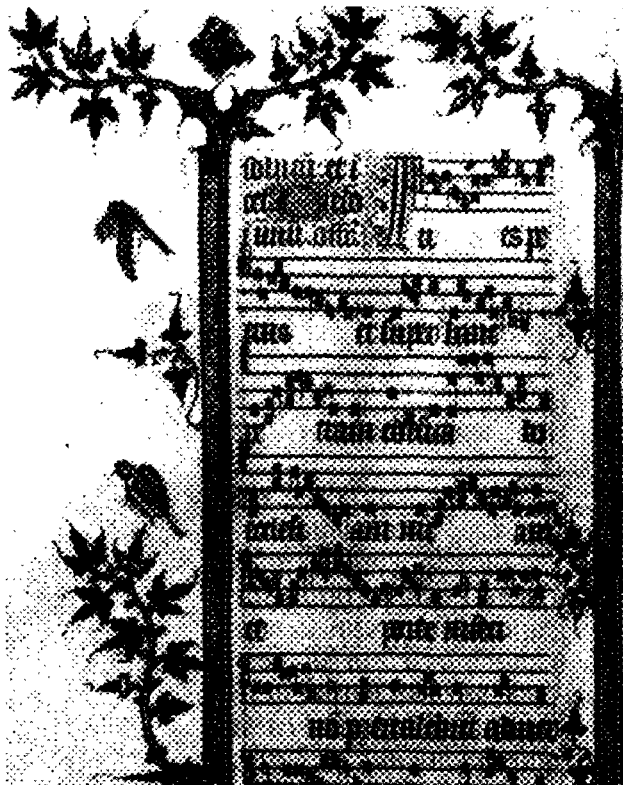
Илл. 176. Дева Мария Креуцлова (Kreuzlowa) (Польша). Фрагмент деревянной статуи, XV в. (С согласия Национального музея, Краков, Польша)

Илл. 177. Австрийский поэт-лирик и рыцарь Вальгер фон дер Фогельвейде. Миниатюра из поэтического сборника «*Manessischen Liederhandschrift*», Германия, начало XIV в. (Библиотека Гейдельбергского университета, Германия)

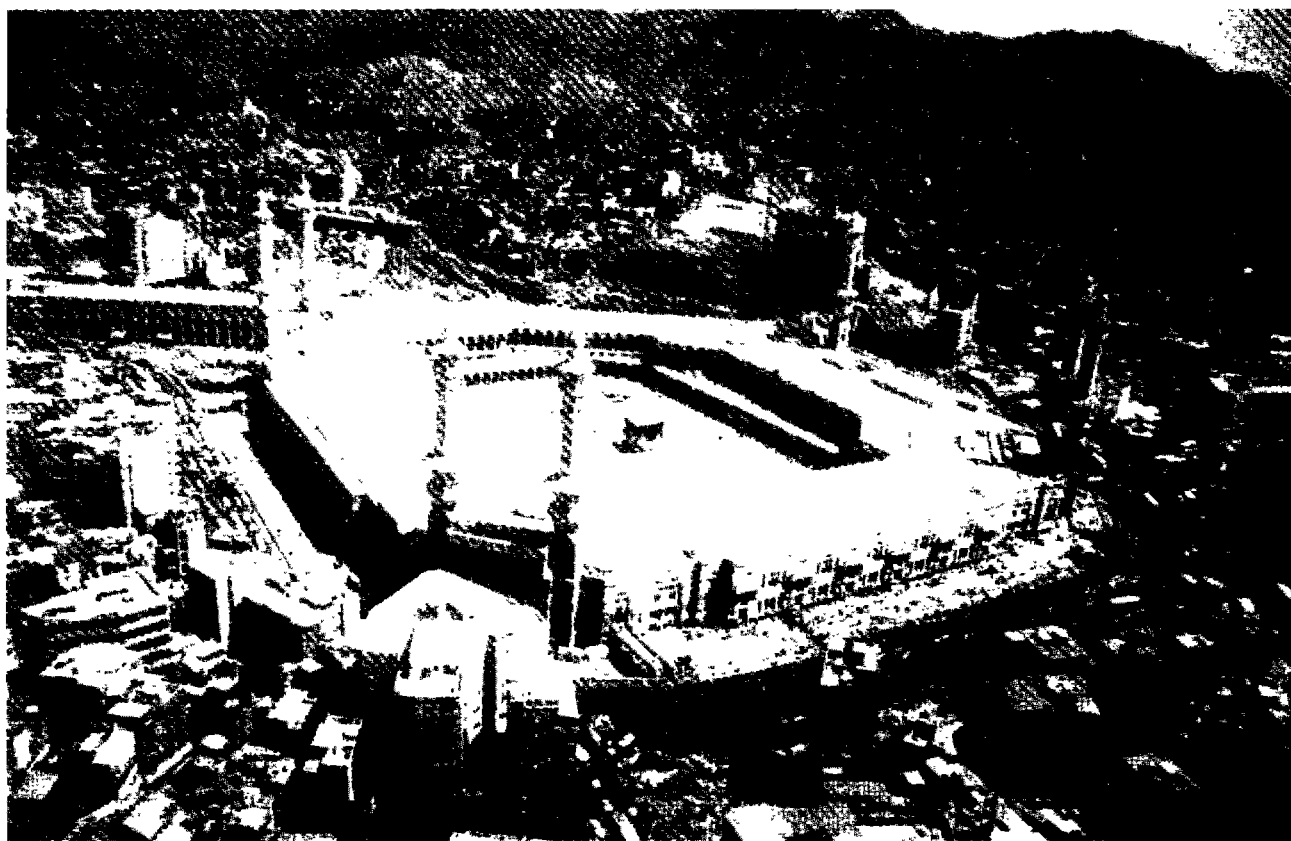
Илл. 178. Рыцарская любовь: коленопреклоненный рыцарь и дама его сердца; Вестфалия (Германия). Расписная шкатулка; ок. 1330 г.; 6,7x18,8x10,2 см. (Музей искусства и истории культуры земли Северный Рейн-Вестфалия, Мюнстер, Германия)

Илл. 179. Нотная запись: фрагмент из служебника Сен-Дени (Франция); ок. 1350–1351 гг. Современная нотная запись – это изобретение средневековой Европы, приписываемое итальянскому монаху, музыкальному теретнику Гвидо Д'Ареццо (ок. 990–1050 гг.). (Музей Виктории и Альберта, Лондон, Великобритания)

Илл. 180. «Данте предостерегает Флоренцию», фреска Доменико ди Микилино, Флоренция (Италия); середина XV в. Художник изображает все три части космологии – Ад, Чистилище, Рай «Божественной комедии» Данте Алигьери, первые строфы которой появляются в открытой книге поэта. Фреска сохранилась в соборе Санта-Мария дель Фьоре, Флоренция. (Фото *Nicolò Orsi Battaglini*, Национальный музей, Флоренция, Италия)

Илл. 181. Мекка, мечеть Харам с древним святилищем Кааба в центре. Храм Кааба имеет форму куба, в нем хранится черный камень, в сторону которого во время молитвы поворачиваются все мусульмане; храм окружен мощеной дорогой, по которой паломники совершают ритуальные прохождения. (С согласия *Serageldin, I*)

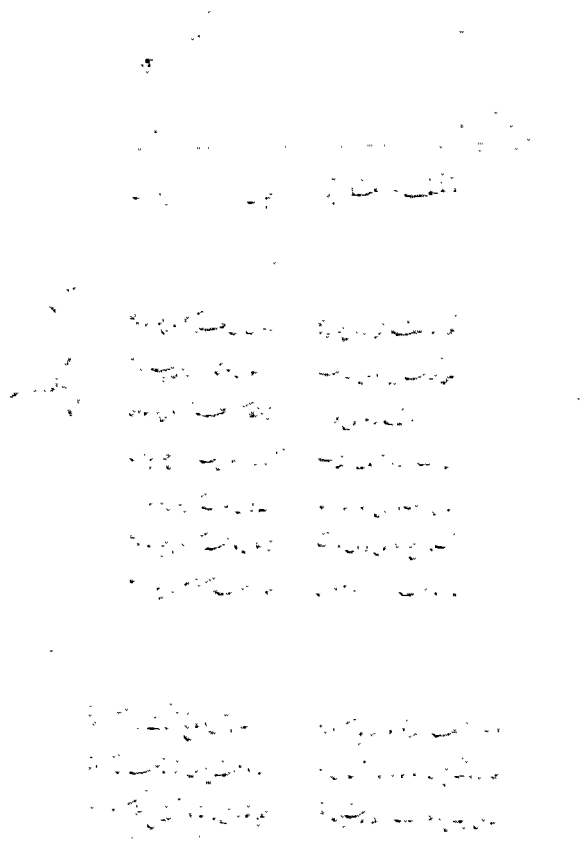
Илл. 182. Девушка-бедуинка со стадом верблюдов. Иллюстрация художника аль-Васити к «Собранию новелл» (*Макама*) литератора аль-Харири; 1237 г., Багдад (Ирак). (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 183. Выход каравана паломников. Иллюстрация художника аль-Васити к «Собранию новелл» (*Макама*) литератора XII в. аль-Харири; 1237 г., Багдад (Ирак). (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 184. Путешественники в иракской деревне. Иллюстрация художника аль-Васити к «Собранию новелл» (*Макама*) литератора XII в. аль-Харири; 1237 г., Багдад (Ирак). (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 185. Семьи кочевников с круглыми войлочными палатками (юртами) тюрко-монгольского типа. Украшение краев приписывают художнику Джунайду для сборника стихов (*дивана*) на персидском языке поэта, адаптировавшегося к чужой культуре, тюрко-монгольского правителя Ирака и Западного Ирана султана Ахмада Джалаира; ок. 1405 г., Багдад (Ирак). (Национальная галерея Смитсоновского института, Вашингтон, США)

Илл. 186. Празднование возведения на престол Тимура у его юрты правителя; Герат (современный Афганистан). Фрагмент иллюстрации вступления Тимура во власть в г. Балхе (современный Афганистан) в 1370 г., художника Бихзада, для персидскоязычной летописи деяний *Зафарнаме*, или «Книги Побед» Тимура Шараф аддина Йезди. Герат, рукопись датирована 1467–1468 гг., иллюстрации добавлены ок. 1488 г. (Библиотека университета Дж. Хопкинса, Балтимор, США)

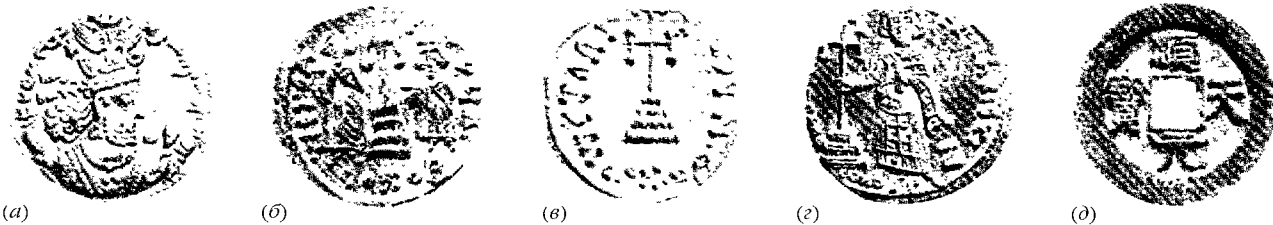
Илл. 187. Принц Баяд играет на лютне для госпожи Рияд и ее служанок. Иллюстрация к арабской «Истории Баяд и Рияд»; Испания или Марокко, XIII в. (С согласия библиотеки Ватикана, Ватикан)

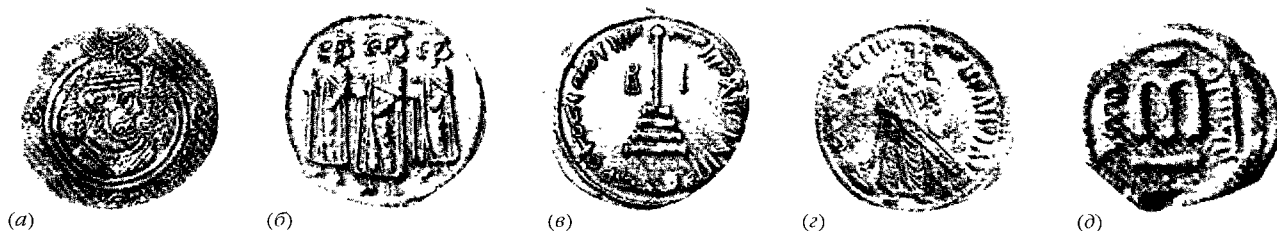
Илл. 188. Служанка Шамуль приносит письмо от госпожи Рияд принцу Баяду. Иллюстрация к арабской «Истории Баяд и Рияд». Закутанные в паранджу, на улице такие служанки играли роль связных между разделенными мирами знатных мужчин и женщин; Испания или Марокко, XIII в. (Библиотека Ватикана, Ватикан)

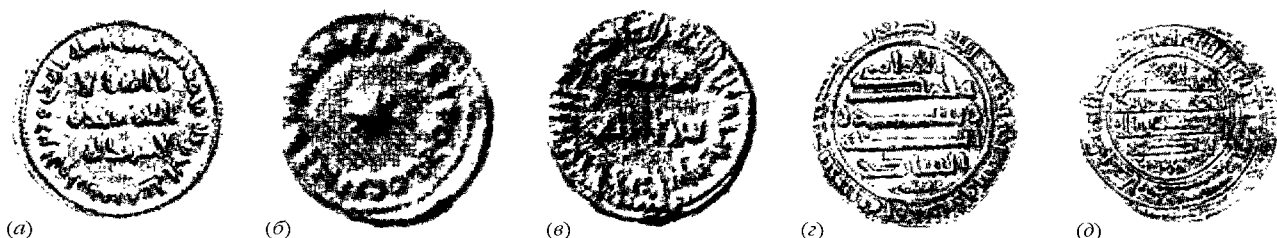
Илл. 189. Традиционный особняк (Йемен). (Фото из Фототеки ЮНЕСКО, Париж)

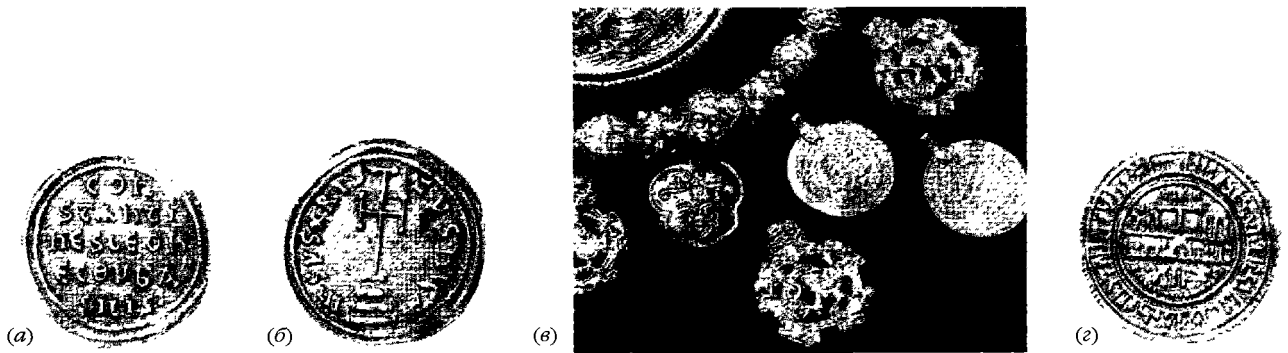
Илл. 190. Доисламские монеты: (а) Иран при Сасанидах: серебряная драхма с изображением царя Хосрова II Парвиза (пр. в 591–628 гг.), увенчанного крыльями бога войны и победы Веретрагны (Национальная библиотека, Париж, Франция); (б) Византия: обратная сторона золотого солида, выпущенного императором Константином IV (пр. в 668–685 гг.); монета изображает крест на ступенчатом постаменте, по бокам которого находятся византийские императоры Тиберий II (пр. в 578–582 гг.) и Иракий (пр. в 610–641 гг.). (Национальная библиотека, Париж, Франция); (в) Византия: обратная сторона другого золотого солида, выпущенного императором Константином IV, изображающая крест на ступенчатом постаменте (Национальная библиотека, Париж, Франция); (г) Византия: обратная сторона золотого солида, выпущенного Юстинианом II (первое пр. в 685–695 гг.), изображающая императора, который держит крест на ступенчатой подставке. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (д) Китай при династии Тан: бронзовая монета «Эпохи Шун-Тьян» (ок. 760 г.), отчеканена Шин Симином во время восстания против Танов. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

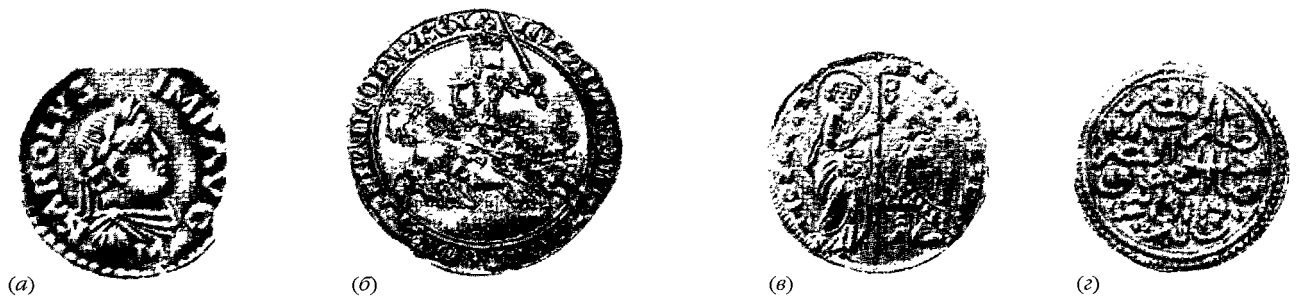
Илл. 191. Ранние монеты династии Омейядов с изображением фигур: (а) серебряная драхма (дирхем) Омейядов сасанидского типа. Лицевая сторона. Отчеканена для первого халифа династии Омейядов, Муавии I, с арабской надписью *Bismillab* («Во имя Господа»), 661–662 гг., Иран. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (б–в) Золотой солид (динар) Омейядов византийского типа. Отчеканен для халифа династии Омейядов, Абд аль-Малика ибн Марвана, между 691 и 694 гг. в Дамаске. Дата не установлена. На лицевой стороне изображен халиф, одетый в плащ византийского стиля, справа и слева от него стоят два чиновника. На обратной стороне изображен столб, полученный из креста, поперечина которого убрана, на ступенчатой платформе, с арабской надписью *Bismillab, La Ilaba ila-Llab Wahdabu, Muḥammad Rasūl Allāb* («Во имя Господа, нет другого Бога, кроме Единого Аллаха, и Мухаммед – пророк Его»). (Национальная библиотека, Париж, Франция); (г, д) медные монеты династии Омейядов византийского типа. Отчеканены для халифа династии Омейядов Абд аль-Малика (пр. в 685–705 гг.) в Иерусалиме. Дата не установлена. На лицевой стороне изображен халиф с мечом, в так называемой моленной позе, с арабской надписью *Muḥammad Rasūl Allāb* («Мухаммед – пророк Аллаха»). На обратной стороне изображена греческая буква М, знак стоимости (= 40 *нулли*), унаследованный из Византии. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

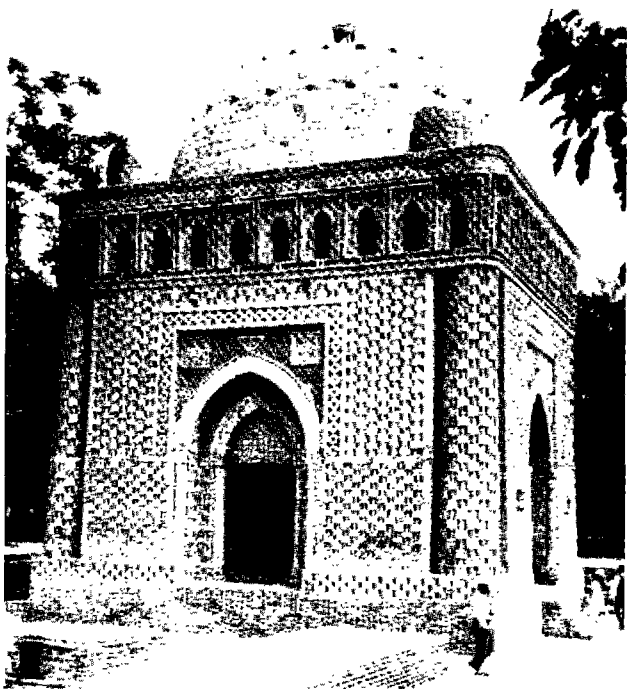
Илл. 192. Исламские монеты только с надписями: (а) Золотой динар Омейядов. Обратная сторона. Первый выпуск без всяких изображений; монета отчеканена для халифа династии Омейядов Абд аль-Малика ибн Марвана, в Дамаске (?), 696–697 гг. Надпись на арабском языке: *Allāb Aḥad, Allāb al-Ṣamad, lam yalid wa lam yūlad* (Бог – Един, Бог – Вечен, Он никого не порождает и Сам не был порожден). (Национальная библиотека, Париж, Франция); (б, в) Испанский латино-арабский золотой солид или динар Омейядов. Отчеканен в 716–717 гг. с надписью на латинском и арабском языках, без всяких изображений, в недавно завоеванной Испании, при халифе Сулеймане из династии Омейядов. На лицевой стороне (с надписями на латинском языке) изображена звезда. Обратная сторона (на арабском языке) содержит исламский символ веры. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (г) Золотой динар династии Фатимидов. Обратная сторона. Отчеканен с использованием золотого песка из излучины р. Нигер в Кайруане (Тунис) в 912–913 гг. для эмира из династии Фатимидов Абдаллаха, претендовавшего на халифат вместо Аббасидов, с его титулом на реверсе: *Al-Imām al-Mahdī Bi-Llāb*. Древние исламские династии обладали реальной монополией на доступ к источникам африканского золота. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (д) Золотой динар альморавидского типа. Обратная сторона. Отчеканен в Севилье (Испания) в 1144–1145 гг. для халифа из династии Альмохадов Ташфина ибн Али. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 193. Влияние исламских монет на христианскую Европу: (а, б) Византийские монеты, отчеканенные под влиянием ислама: серебряный милиаресион, отчеканенный для императора Константина V Копронима (пр. в 740–755 гг.), иконоборца, отвергавшего любые образы. Лицевая сторона (на латинском языке) содержит имя императора; на обратной стороне изображен крест на ступенчатой платформе. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (в) Серебряные дирхемы Аббасидов, найденные в кладе шведских викингов в Верби. Превращенные в подвески, эти аббасидские монеты X в. из Ирака были найдены среди ювелирных украшений викингов, спрятанных под камнем в Верби, в лене Сёдермантенде, на водном пути из Стокгольма в Хельгё. (Национальный исторический музей, Стокгольм, Швеция); (г) Золотой кастильский динар (*мараведи*) альморавидского типа. Лицевая сторона. Отчеканен королем Альфонсом VIII Кастильским в Толедо в 1255 г. Первые христианские кастильские монеты точно, вплоть до надписей, копировали более древние испано-арабские модели. Однако над арабской каллиграфией отчетливо виден христианский крест. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 194. Возвращение всей Европы к золотому стандарту: (а) Серебряная монета Карла Великого. Отчеканена в Майнце, Германия, между 806 и 814 гг. Европейцы, исповедовавшие католичество, вернулись к чеканке золотых монет, только завоевав большинство городов исламской Испании с их огромными запасами золота из Западной Африки, в течение XIII в. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (б) Золотой франк короля Франции Иоанна II Доброго. Отчеканен в Париже в 1360 г., известен под названием «первый франк». (Национальная библиотека, Париж, Франция); (в) Венецианский золотой дукат. Монета отчеканена в Венеции в 1485–1486 гг. при доже Марко Барбариго, изображенном на обратной стороне стоящим на коленях в знак почтения перед св. Марком (евангелистом), покровительствующим этому городу. Венецианский дукат стал преобладающей, стандартной валютой средиземноморских стран в XV в. (Национальная библиотека, Париж, Франция); (г) Первая османская золотая монета султани. Обратная сторона. Отчеканена в Константинополе в 1478–1479 гг. султаном Мехмедом (Мухаммедом) II. До завоевания Константинополя в 1453 г. османы не чеканили золотых монет. Эту монету заказал султан Мехмед II на базе массы и стандарта венецианского дуката как приличествующую новому имперскому достоинству его государства. (Национальная библиотека, Париж, Франция; Комната медалей)

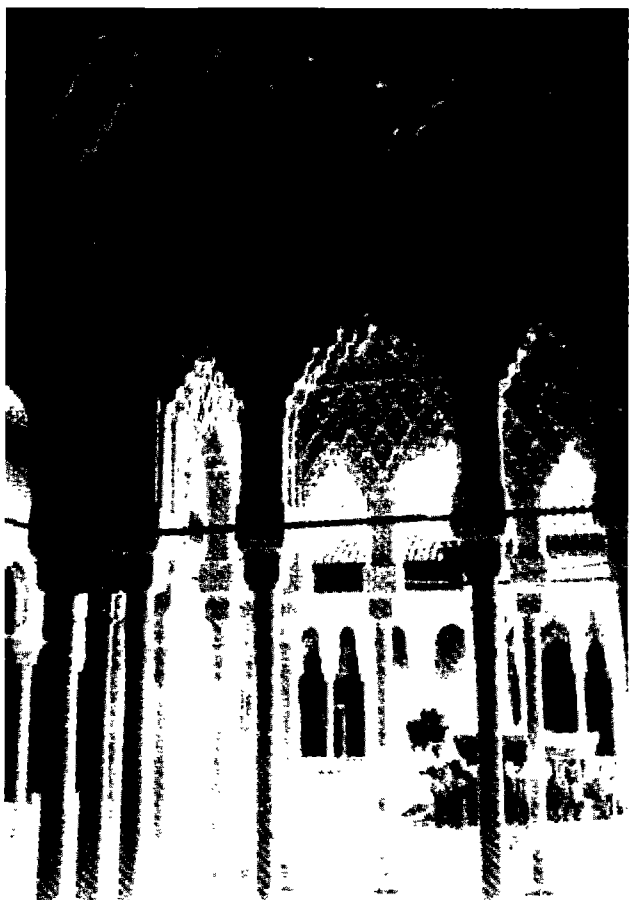
Илл. 195. Мавзолей шаха Исмаила из династии Саманидов, Бухара (Узбекистан); ок. 907 г. Мавзолей построен из кирпича, имеет купол и четыре стрельчатые арки, по образцу которых позднее строились царские мусульманские гробницы в Индии. В проекте мавзолея использована конструкция доисламского сасанидского огненного храма (персидский *char-taq*, «четыре арки»). (Фото из Фототеки Юнеско, Париж, Франция)

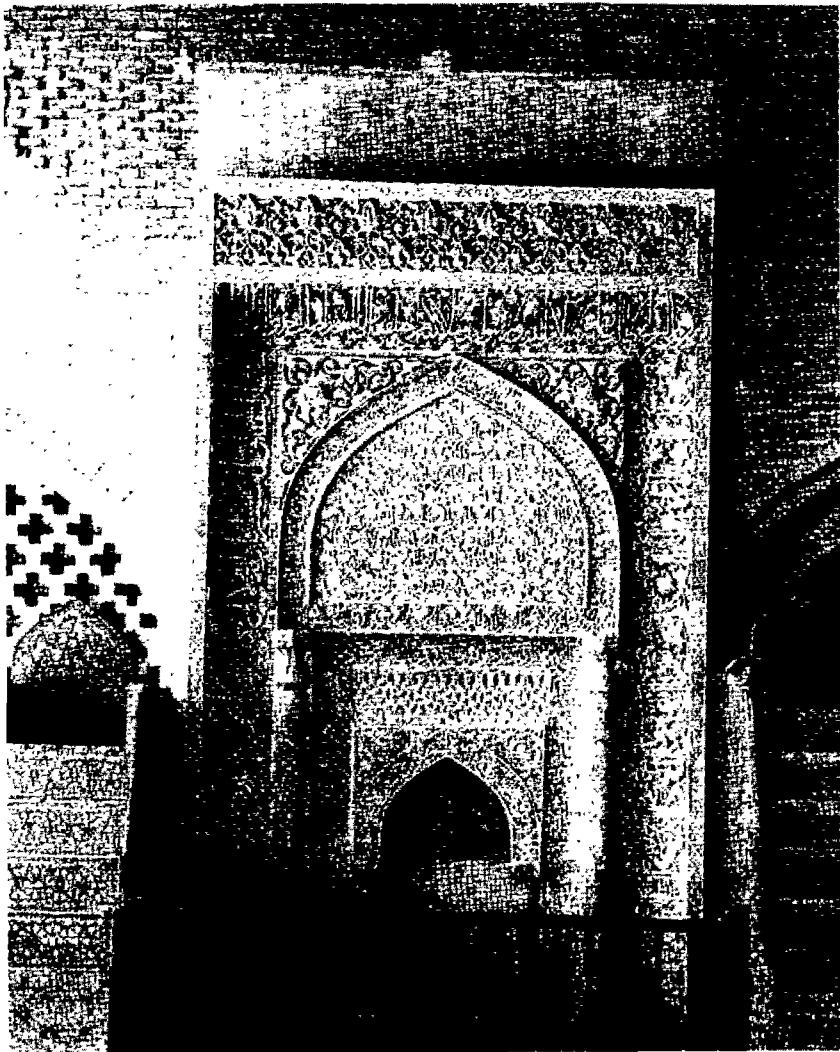
Илл. 196. Мавзолей Гияс-ад-Дина Туглака, Дели (Индия); ок. 1325 г. (Фото из репродукций в «*Delhi: Architectural Remains of the Delhi Sultanate Period*» авторов *Tatsumo Yamamoto, Matsuo Ara, Takifusa Tsukinowa*; опубликовано Институтом культуры Востока, Токийский университет)

Илл. 197. Медресе «Цитадели», Багдад (Ирак); ок. 1240–1250 гг. Кирпичная кладка и стрельчатые арки украшены отделкой искусственным мрамором (из полированного гипса с добавками) в виде мукарн, или «сталактитов». Самая ранняя школа-медресе или центр высшего исламского образования такого типа, была основана в Багдаде в XI в. (Фото *G. Degeorge*. В *Flammarion/UNESCO*, p. 46)

Илл. 198. Дворик львов в Альгамбре («Красном дворце»), Гранада (Испания); дворец-замок мавританских властителей в Испании построен Мухаммедом V (пр. в 1354–1391 гг.) из династии Насридов. Кирпичная кладка и стрельчатые арки, украшенные стукко в виде мукарн, или «сталактитов», окружают внутренний дворик и фонтан. (Фото ICOMOS, Париж)

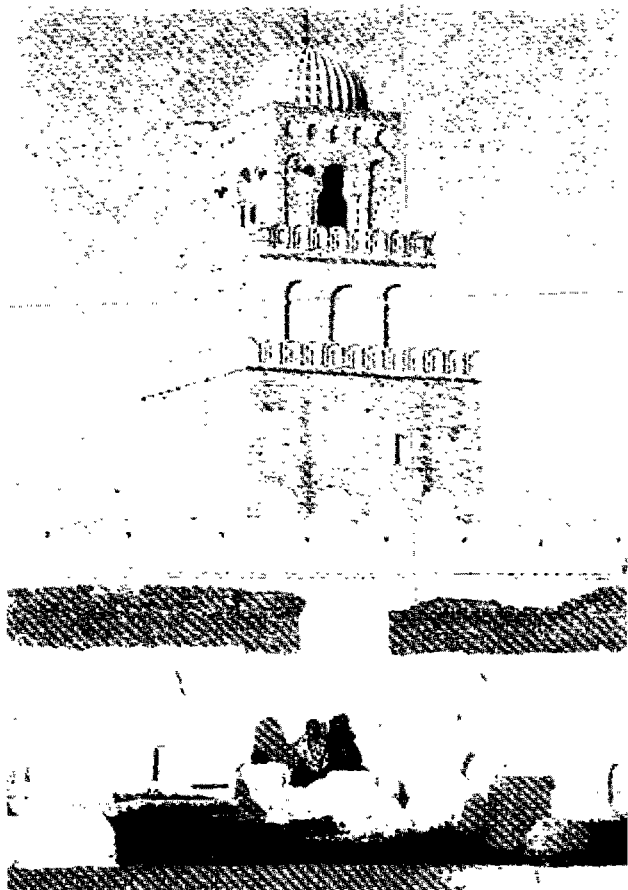
Илл. 199 Стрельчатая глухая молитвенная ниша, или михраб, обращенная к Мекке. С каждой стороны михраба расположена кафедра (минбар) для проповедника; отделана в 1310 г при монгольском ильханском правителе Ольджейту Соборная мечеть, Исфахан (Иран) (С согласия *Kamzan Adl*)

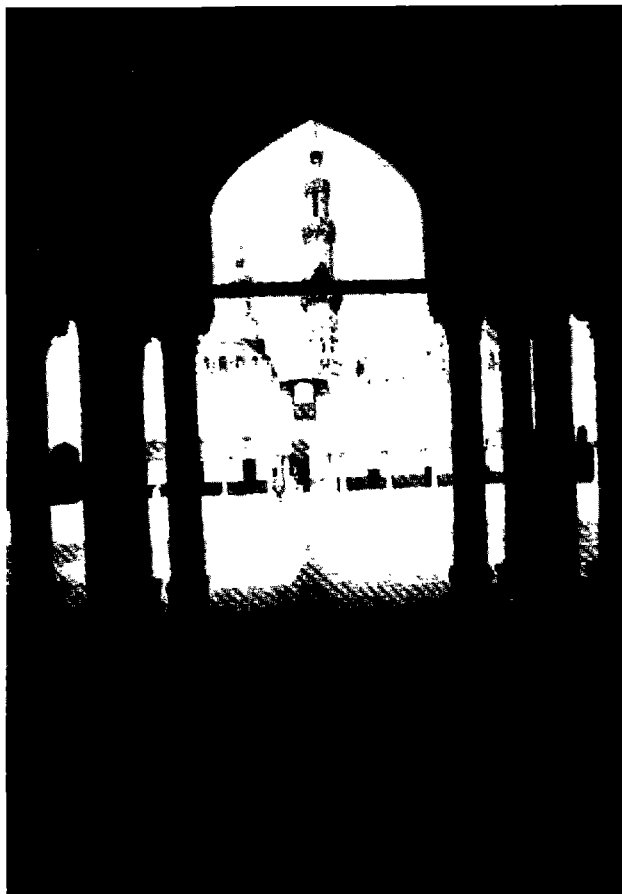
Илл. 200 Дольчатый стрельчатый михраб (украшенный китайским фарфором) мечети Джума на о Мафия (Танзания); конец XIV или XV в (Фото *Unwin, S.* в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1984, vol IV, ch 18)

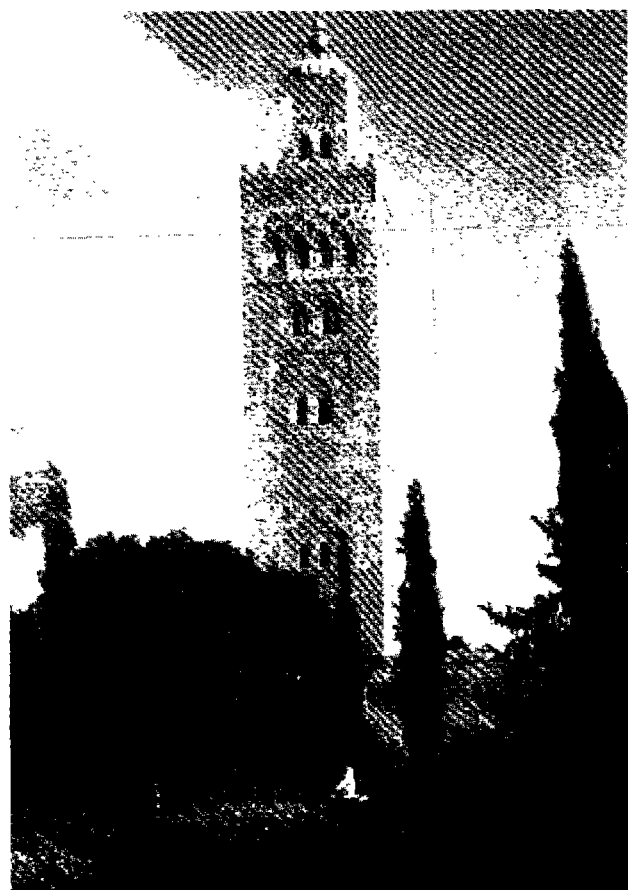
Илл. 201. Дольчатый подковообразный стрельчатый вход с мукарнами, или «сталактитами», ведущий из двора в молитвенный зал, в мечети Караун, Фес (Марокко), основанной в 859 г, но значительно отреставрированной в XII, XIV и XVII вв. (Все права защищены)

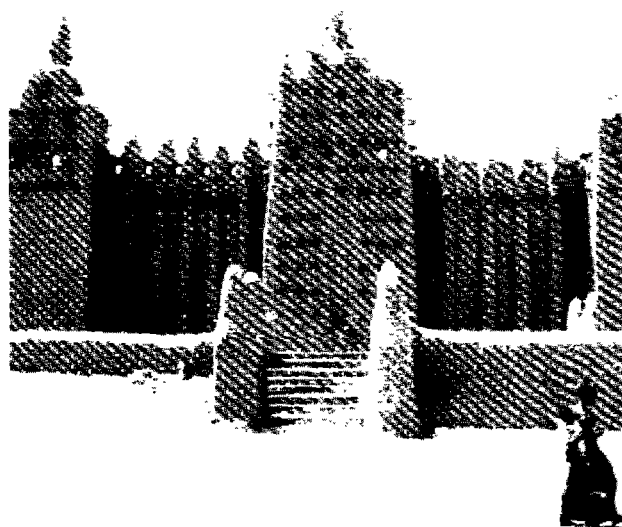
Илл. 202. Минарет Большой мечети (Сиди Окба) Кайруана (Тунис). Династия Омейядов, 724 г.; фонарь верхнего света и купол отреставрированы в XIII в. (Все права защищены)

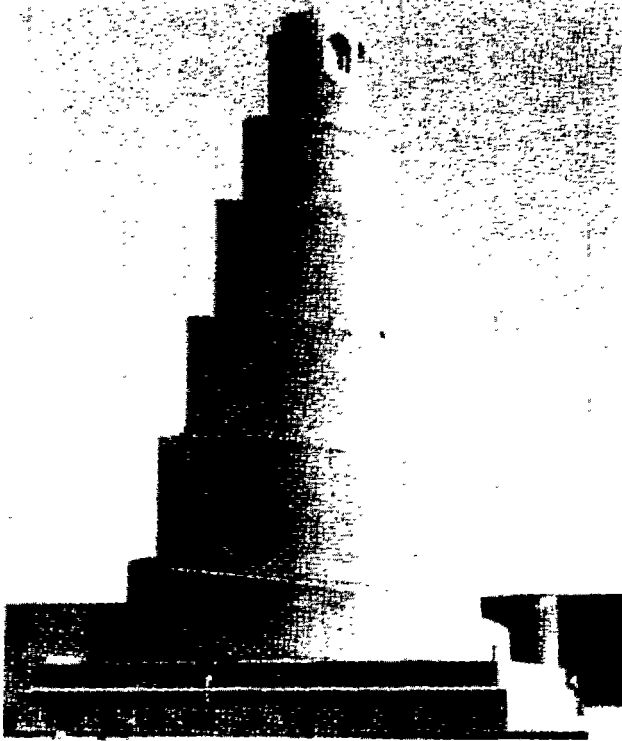
Илл. 204. Минареты мечети аль-Азхар, Каир (Египет). Минареты относятся к XV в. с дополнениями династии Мамлюков XVI в. к мечети аль-Азхар, основанной в 976 г. Фатимидами. (Фото G. Degeorges); Фототека ЮНЕСКО, Париж, Франция)

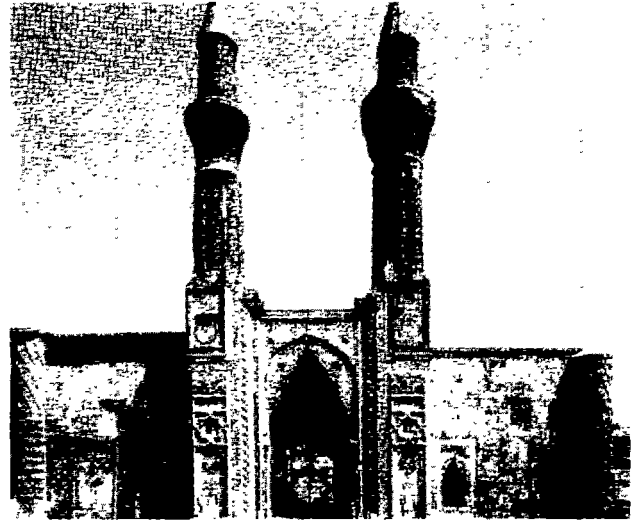
Илл. 203. Минарет «Книготорговцев» (Кутубия), Марракеш (Марокко). Династия Альмохадов, XII в. (Фото Roland Michaud)

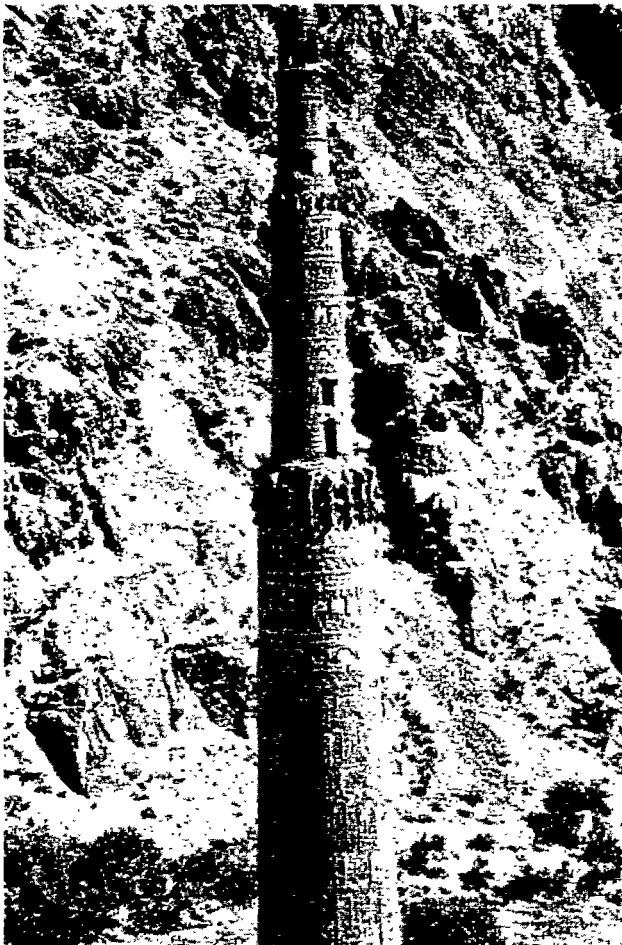
Илл. 205. Минареты, стоящие по бокам от входа в мечеть Джэнне (Мали). Построенная из высушенной на солнце земли и глины, такая мечеть датируется XIV в., но требует периодической реставрации после ежегодного сезона дождей; последняя реконструкция мечети произведена в 1935 г. (Фото ICOMOS, Париж, Франция)

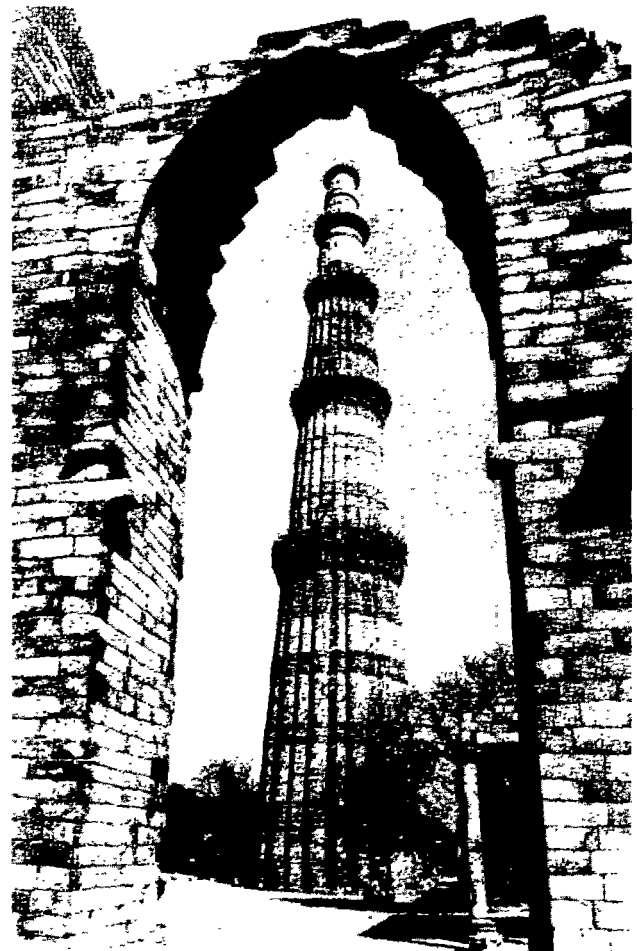
Илл. 206. Минарет мечети Самарры (Ирак). Построен при Аббасидах из кирпича в 848–852 гг; напоминает древний месопотамский зиккурат (Фото ICOMOS, Париж, Франция)

Илл. 207. Два каменных минарета, стоящие по бокам от входа в «Голубую медресе» (*Гёк Медресе*), Сивас (древние названия – Кабира, Диосполис, Себастья, Турция) Медресе основана сельджуками Румского султаната в 1271–1272 гг. Более поздние османские карандашеобразные минареты использовали этот стиль. (Все права защищены)

Илл. 208 Минарет Джам (Афганистан) Кирпич, стукко (искусственный мрамор) и голубая черепица. Династия Гуридов, ок. 1162–1202 гг Минарет был обнаружен в горах Афганистана только в 1957 г и в 1975 г. был отреставрирован ЮНЕСКО, но сейчас находится под угрозой разрушения Мечеть и окружающий ее город исчезли (Все права защищены)

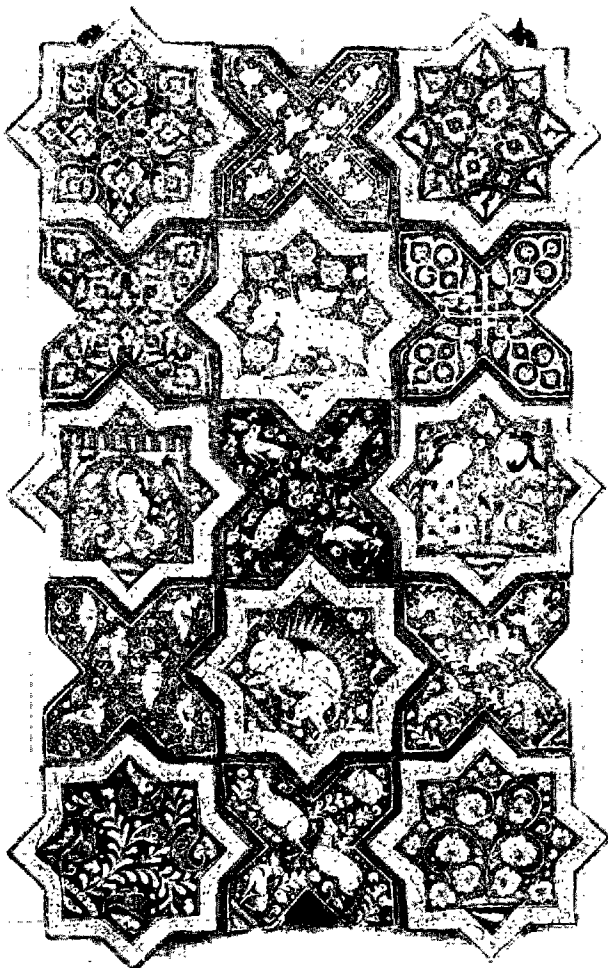
Илл. 209 Минарет Кутб-Минар (Башня победы), Дели (Индия) Красный песчаник, постройка начата завоевателями Северной Индии из династии Гуридов ок. 1199–1200 гг и сочетает в себе афганский стиль Гуридов и местный индийский стиль, вершина перестроена ок. 1375 г (Фото из репродукций в «*Delhi: Architectural Remains of the Delhi Sultanate Period*» авторов Tatsuno Yamamoto, Matsuo Ara and Takifusa Tsukinowa; опубликовано Институтом культуры Востока, Токийский университет)

Илл. 210. Шакал Димна и Король-Лев, Багдад (Ирак). Иллюстрация Ибн аль-Мукаффы к басням о Калиле и Димне VIII в.; с оригинала, написанного на санскрите («Пачатантра»); ок. 1225 г. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 211. Король-Лев убивает Быка Шанзабу, а шакалы Калила и Димна смотрят на это. Иллюстрация к более позднему персидскому пересказу памятника дидактической литературы «Калила и Димна», переписанному в 1430 г. для принца Байсонгора (*Baysonqor*) из Герата (Афганистан). (Библиотека дворца Тонкапы, Стамбул, Турция)

Илл. 212. Узорчатая плитка в виде крестов и звезд с изображениями животных и других сюжетов из мастерских Кашана. Изначально обожжена с целью украшения стен святилища в Дамгане (Иран) в 1267 г. (Дувр, Париж, Франция; Отдел восточных древностей, исламская секция)

Илл. 213. Грифон, исламская работа. Бронза, XI в. Явно исламское творчество, хотя приписывается либо Египту при Фатмидах, либо исламской Испании. Грифон был куплен или захвачен пизанскими моряками в XII в. и до XX в. увенчивал башню Пизанского собора (Италия). (Музей собора в Пизе, Италия)

Илл. 214. Доисламские владыки Согдианы с чашей в руке в сасанидской царственной позе. Фреска из Пенджикента (Таджикистан), VII в. Царственные манеры и этикет Сасанидов оказывали глубокое влияние на стиль исламской придворной жизни, начиная со времен Аббасидов в VIII в. и далее. (Государственный музей Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Илл. 215. Аббасидский халиф аль-Мамун с чашей в руке в сасанидской царственной позе. Серебряное блюдо с позолотой, возможно, из Мерва (Туркменистан), где аль-Мамун (пр. в 813–833 гг.) был наместником халифа, своего отца Харуна ар-Рашида. (Государственный музей Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Илл. 216. Мусульманский завоеватель Северо-Западной Индии (возможно, султан Махмуд) на троне в сасанидской царственной позе. Серебряное блюдо с позолотой, относимое сотрудниками Эрмитажа (Санкт-Петербург) В. Лукониным и И. Ивановым к мастерской из Газни (Афганистан); начало XI в. Помимо своего трона с двумя львами у подножия, ассоциирующегося в древних иранских верованиях с героем-царем V в. Бахрам-Гуром, мусульманский правитель, изображенный здесь, всё еще носит корону сасанидского типа с крыльями бога войны и победы Веретрагны. (Государственный музей Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

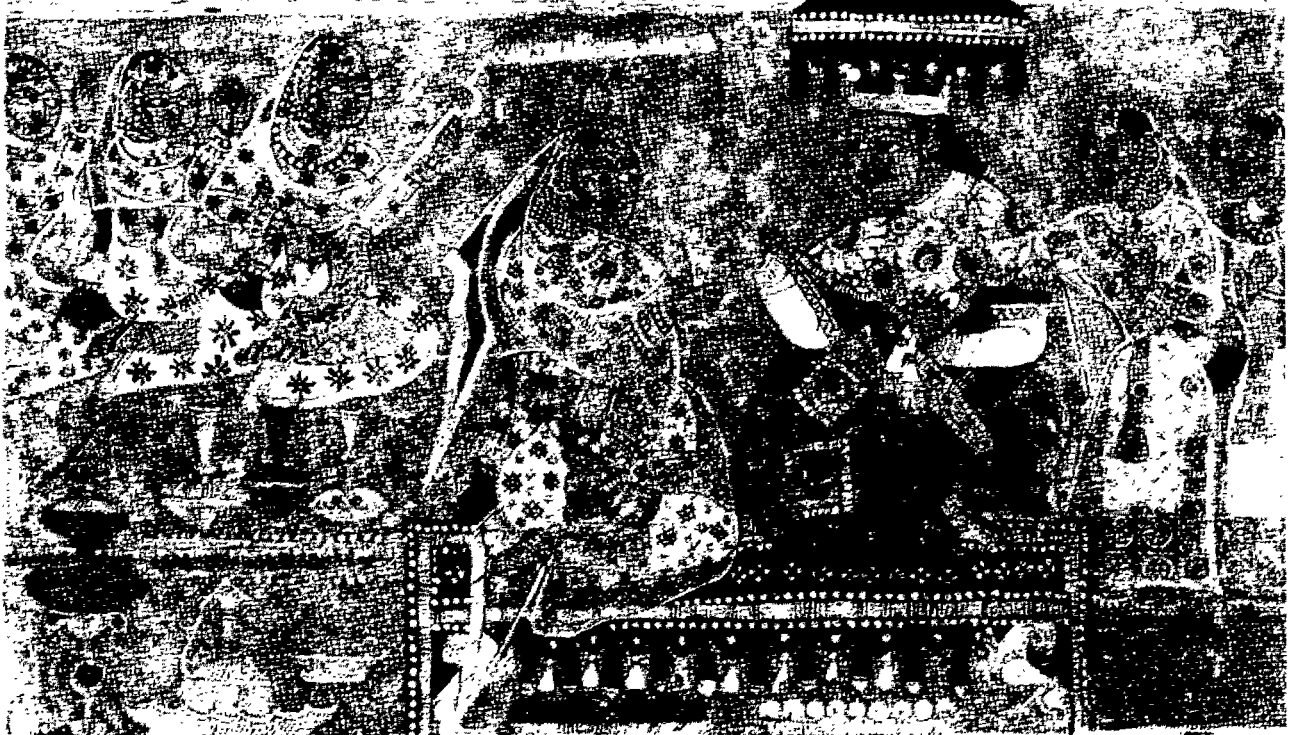

Илл. 217 Мамлюкский султан с чашей в руке в традиционной царственной позе. Иллюстрация к «Собранию новелл» (*Макама*) литератора XII в аль-Харири, скопированная в Каире (Египет) в 1334 г (Австрийская национальная библиотека, Вена, Австрия)

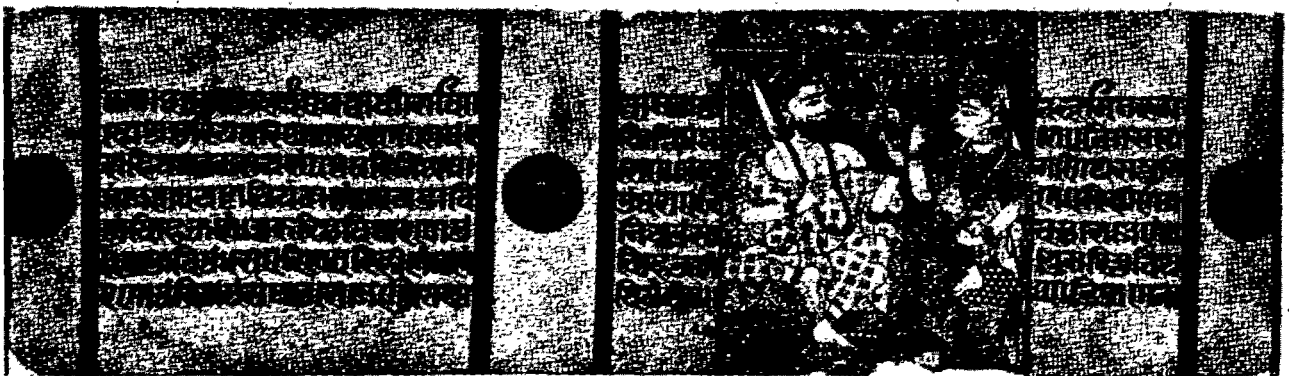
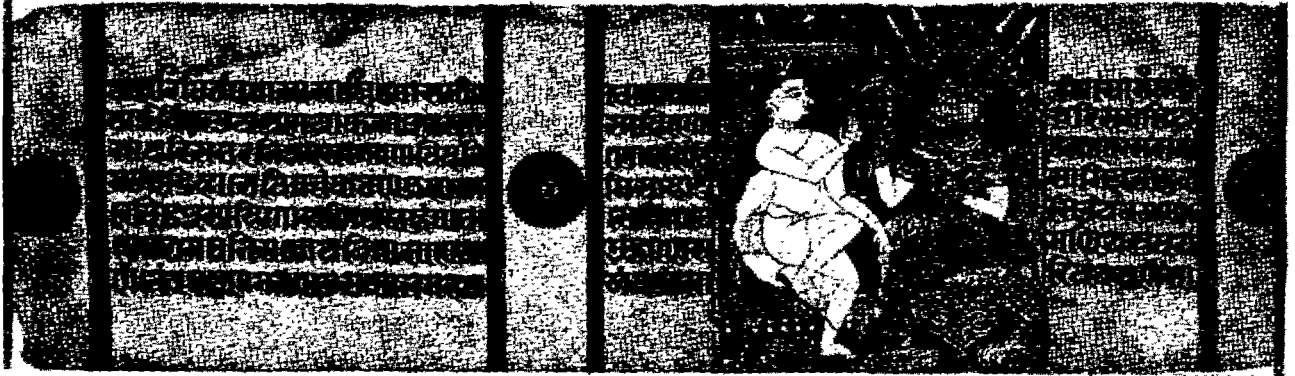
Илл. 218 Султан Хусейн Мирза Баїкара из Герата под покровом ночи смиряется перед святым. Иллюстрация художника Бихзада к персидской «Поэме об Александре» (*Искандернаме*) в двух частях (*Шарифнаме* и *Нибалнаме*) поэта и мыслителя XII в Низами Ганджеви из Азербайджана. Художник изображает легендарного завоевателя, наделяя его чертами своего султана, святой выглядит как современный художнику мусульманский суфий, а замок на заднем плане является идеализированным изображением цитадели Герата. Из «Хамсе» («Пятерицы») Низами. Герат (Афганистан), 1494 г (С разрешения Британской библиотеки, Лондон, Великобритания)

می گفت زودش بار آمد / دلان شاه در هر چه بود / بنام ز قیامش چون ماه نور
 یک هفته بویغ ماهی نهفت / ز آنکه رود بر او ای حفت / راست باغ گشت از کران تا کران
 بنام ز قیامش چون ماه نور / ز شاکه و دلوان را سر کران

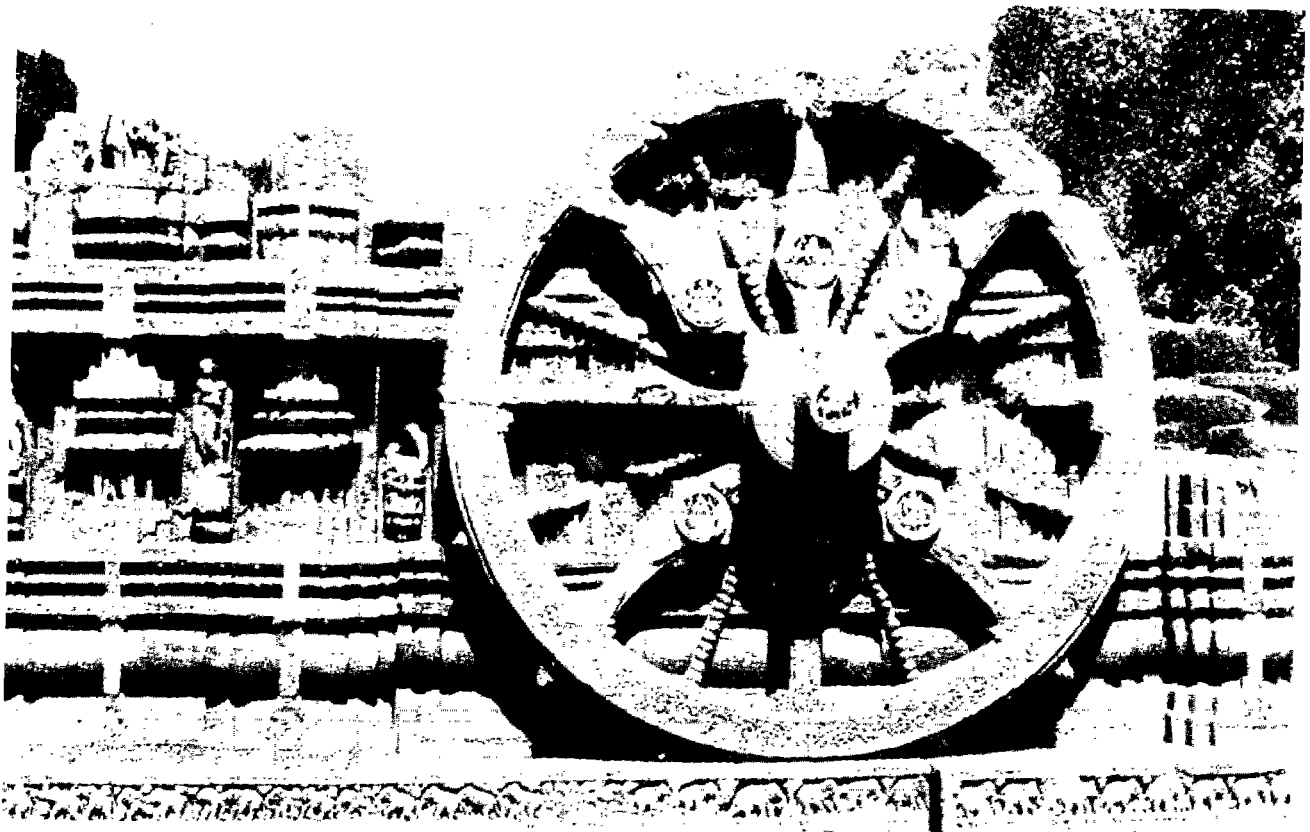

هرگز که بگوشت که هفت روز / هر سینه با ایالت پیا جین / ز لبان ز ایروز کوبیدل
 ز دیان و ز بدر هاب هم / ز بوی بدینا فان سیر و کم / بستند منور بر در تیان
 هم از جوسن خود ذکر ز کلام / هم پاک شاهجی کران تا کران

Илл. 219 Иранский герой Сиявуш со своей невестой Фарангис. Изображены как индомусульманская королевская чета. Иллюстрация к персидской «Книге о царях» («Шахнаме») эпического поэта XI в. Фирдоуси для мусульманского двора государства Гуджарата (Индия), ок. 1450 г. (Фото Wettstein & Kauf; Музей Ритберг, Цюрих, Швейцария)

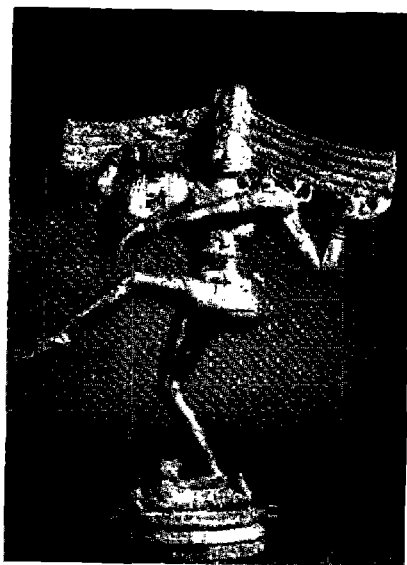
Илл. 220 Калпасутра и Калакахарья Катха. Иллюстрации к джайнским священным писаниям, скопированные на бумагу в Гуджарате (Индия) ок. 1400 г. (Все права защищены)

Илл. 221. Храм-колесница Джгамоханы, Конарак, штат Орисса (Индия); XIII в. (Фото ICOMOS, Париж)

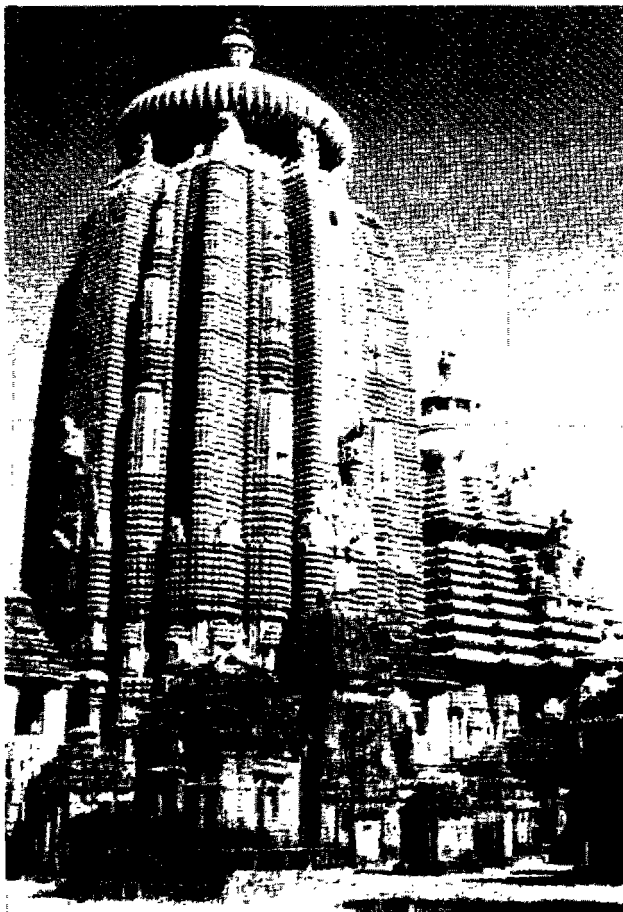
Илл. 222. Шива-Натараджа («танцующий»), штат Тамилнад (Индия), XI или XII в. В левой верхней руке держит человеческий череп, из которого поднимается пламя. (Музей Гиме, Париж, Франция)

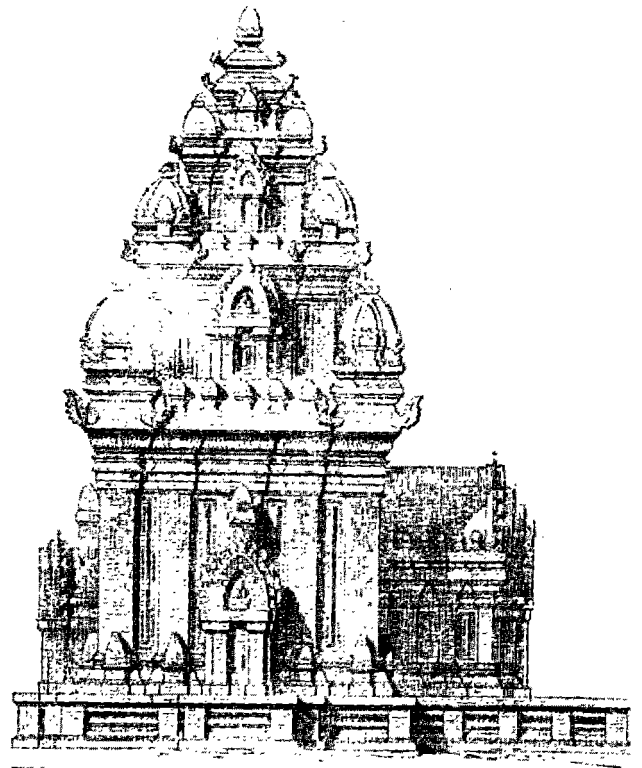
Илл. 223. Шива-Натараджа («танцующий»), Полоннарува (Шри-Ланка). Бронза; XI или XII в. Очень близкий вариант сюжета соседнего с Индией острова. (Национальный музей, Коломбо, Шри-Ланка)

Илл. 224. Ваджранртия (*Vajranritya*), богиня бурного танца, о. Ява (Индонезия). Бронза, одна из 18 статуэток из буддийской мандалы. Центральный яванский период, из Сураколо, начало X в. (*Suaka Peninggalan Sejarah dan Purbakala*, DIY, Богем, Каласан, Индонезия)

Илл. 225. Храм Лингараджа, г. Бхубанешвар, штат Орисса (Индия); X–XII вв. (Фото *Archaeological Survey of India*)

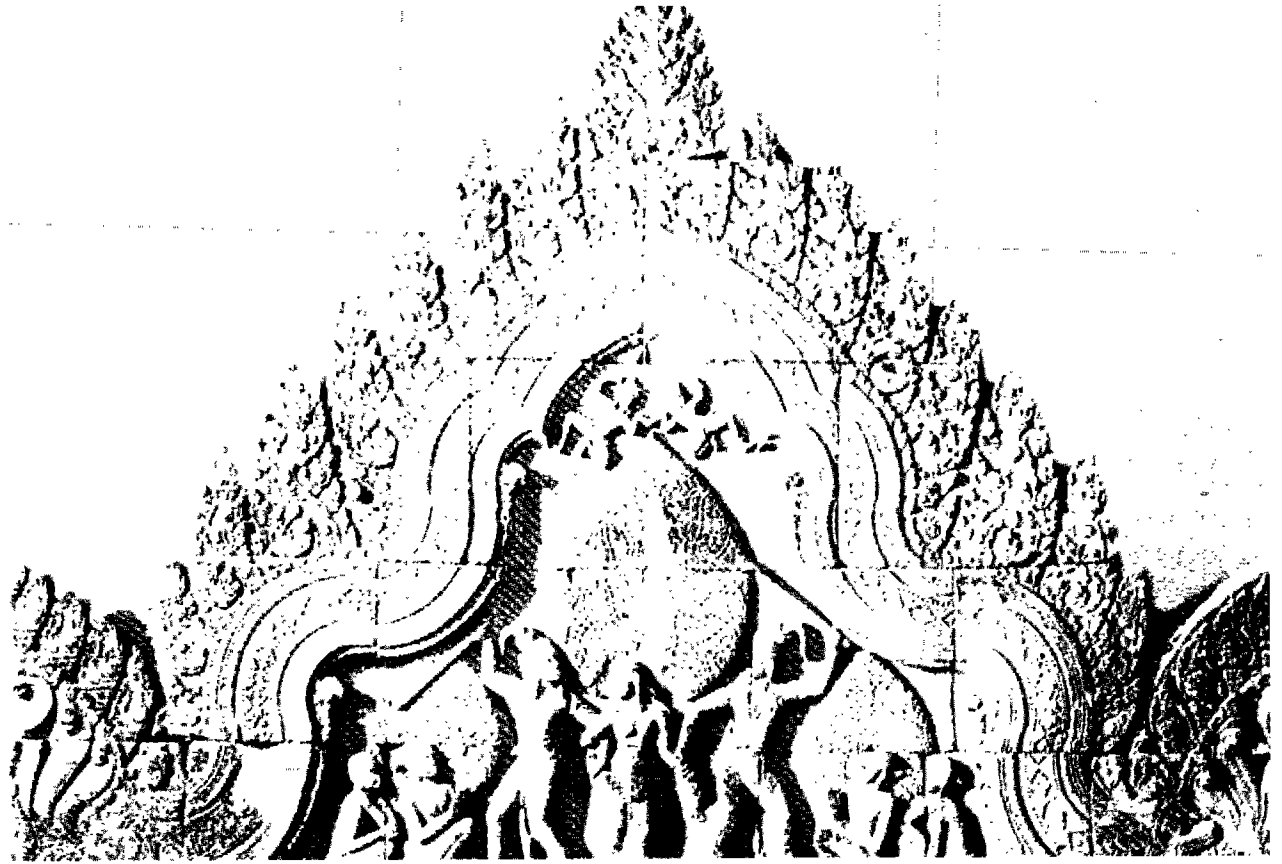
Илл. 227. Общий силуэт центрального храма Байон в Ангкор-Вате (Камбоджа). Кхмерская цивилизация, ок. 1200 г., храм-гора короля Джаяварамана VII (1182–1220 гг.). (Фото ICOMOS, Париж)

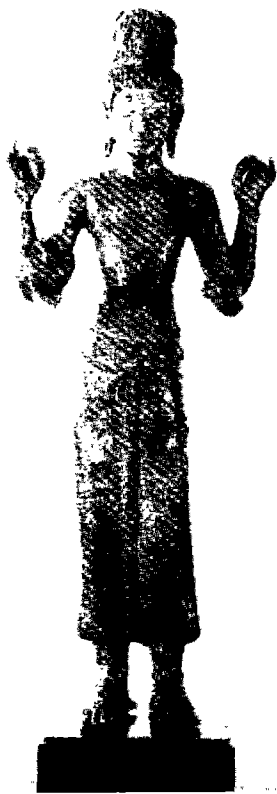
Илл. 226. Южный фасад мавзолея По Клаунг Гарая (*Po Klaung Garai*), Биньдинь (Вьетнам). Цивилизация тьямов, конец XIII в. (Рисунок по Н. Parmentier, *Inventaire descriptif des Monuments chams de l'Annam*, Французская школа по изучению Дальнего Востока (EFEO), Париж, 1909 г.; репродукция из В. Ph. Groslier, *Indochine, carrefour des arts*; колл. *L'Art dans le Monde*, édition Albin Michel, Paris, 1961, p. 201)

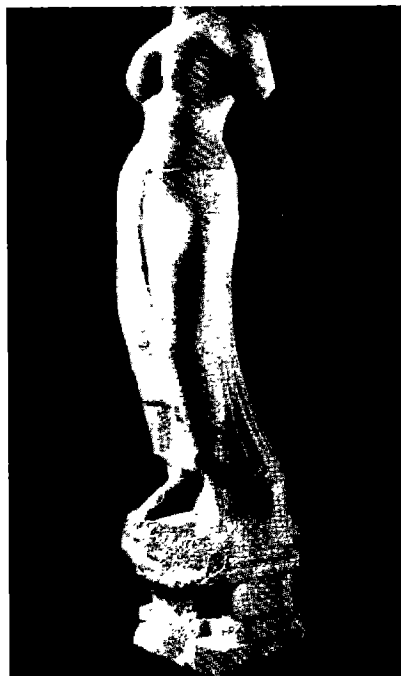
Илл. 228. Буддийский храм Боробудур на о. Ява (Индонезия). Вход на пятый ярус, через который можно попасть на три круглые террасы и к центральной ступе. Центральная Ява; строительство начато в конце VIII в. Буддийский храм-гора Боробудур содержит такие индуистские мотивы, как это гневное «Лицо Славы» (*Kirtimukha*) над входом, через который должны проходить все поклоняющиеся Шиве. (Фото ICOMOS, Париж)

Илл. 229. Декоративный фасад храма Шивы в Бантеай-Срей (Камбоджа). Кхмерская цивилизация, 967 г. Боги заставляют двух небесных демонов, Сунду и Упасунду, прекратить бунтовать и вместо этого соперничать друг с другом, послав к ним прекрасную апсару Тишотгаму. Наги (кобры) украшают фасад по бокам. (Музей Гиме, Париж, Франция)

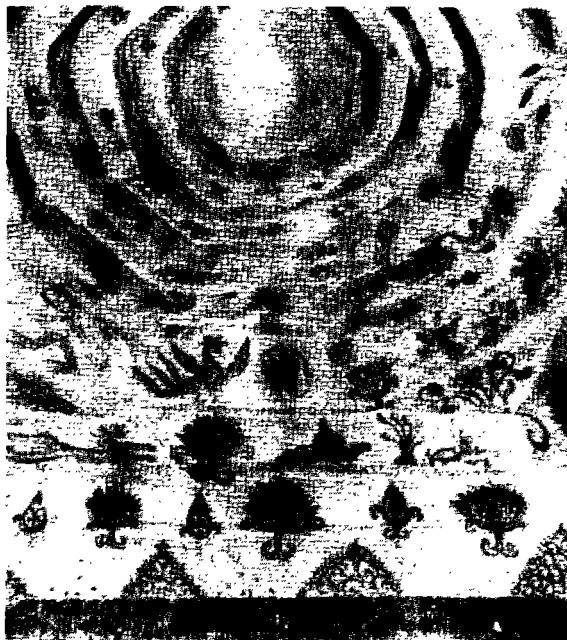
Илл. 230. Будущий Будда Майтрея (Камбоджа). Бронза с серебром. Кхмерская цивилизация, доангкорский период, ок. VIII в. (Музей Гиме, Париж, Франция)

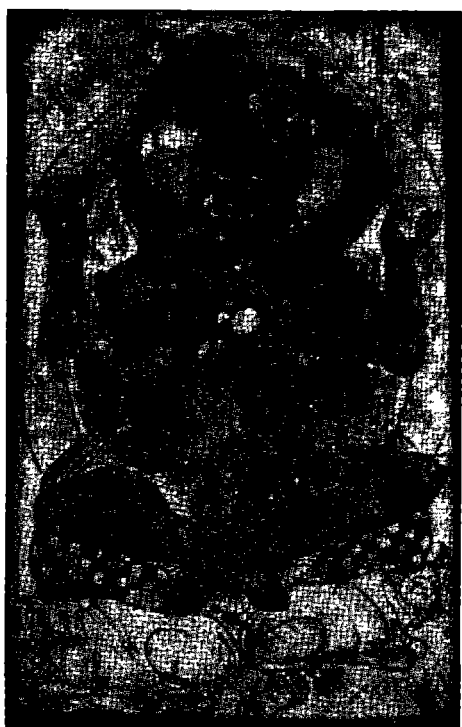
Илл. 231. Дурга Махисасурамардини (Камбоджа). Серый песчаник. Кхмерская цивилизация, доангкорский период, стиль Самбор Прей Кук (Кампонгчхом), первая половина VII в. (Фото John Gollings, Пномпень, Камбоджа, Национальный музей)

Илл. 232. Увенчанная короной голова Будды (Таиланд). Бронза. Стиль Аюттхая (Аютия, столица древнего государства Сиам), конец XV–XVI вв. (Музей Гиме, Париж, Франция)

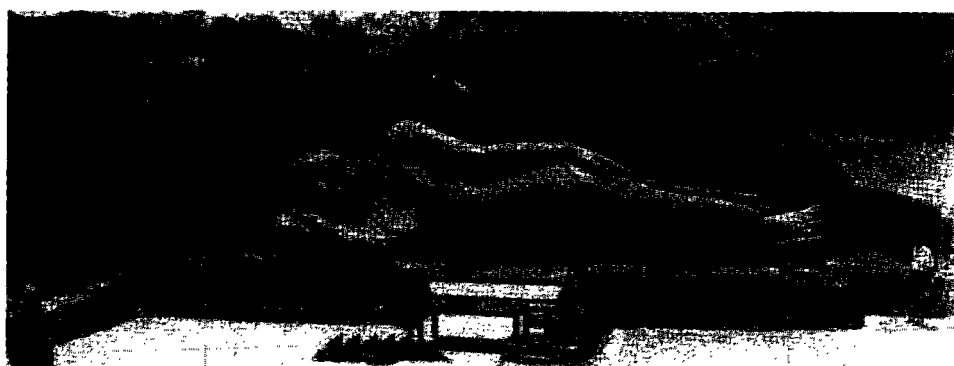
Илл. 233. Рисунок на потолке погребальной камеры в могильном холме Когурё. (Фото М.В. Воробьева)

Илл. 235. Многорукий Шива, восседающий на быке Нанди, Дандан-ойлик (Китай). Раскрашенное дерево, ок. 600 г. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

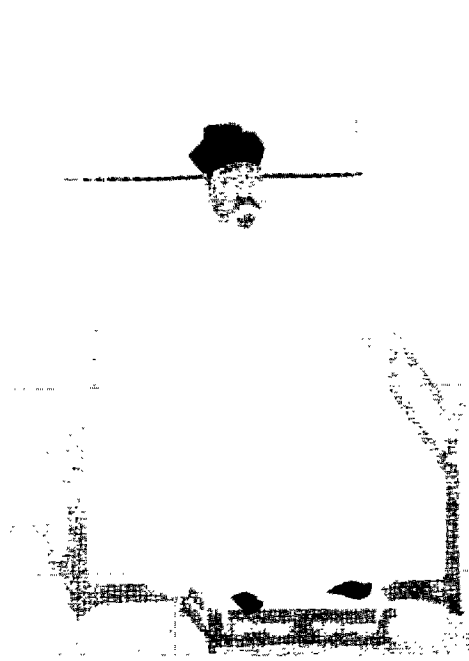
Илл. 236. Многорукий вариант бодхисатвы Авалокитешвары, Киото (Япония). Дерево, покрытое лаком и золотым листом, Школа Джокей, ок. 1256 г., храм Тогенджи (с репродукции открытки, отпечатанной P.J. Graphics Ltd, London W3 8DH, © Попечители Британского музея, 1991 г. (С согласия храма Тогенджи)

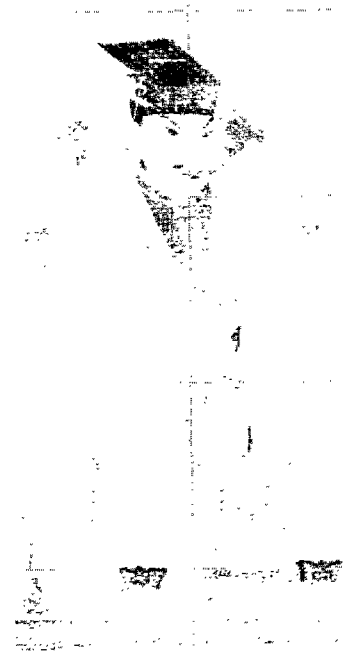
Илл. 234. Галвихара, Полоннарува (Шри-Ланка); XI–XII вв. (С согласия H.W. Cowe, Коломбо, Шри-Ланка)

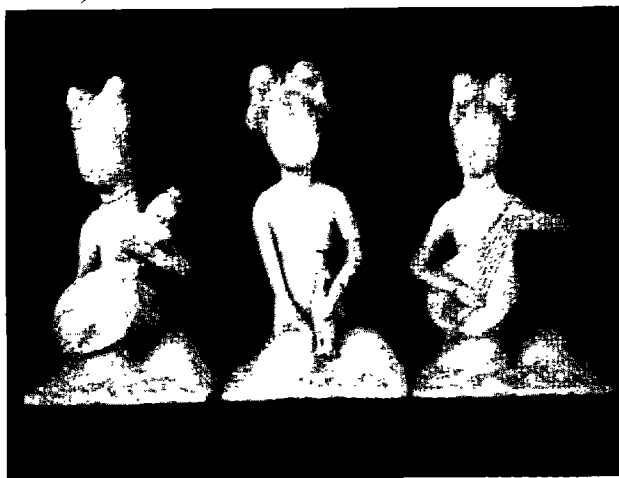
Илл. 237. Император Тайцзун (Ли Шиминь) из династии Тан (Китай). Правил в 627–649 гг. (Национальный дворцовый музей, Тайбэй, Тайвань)

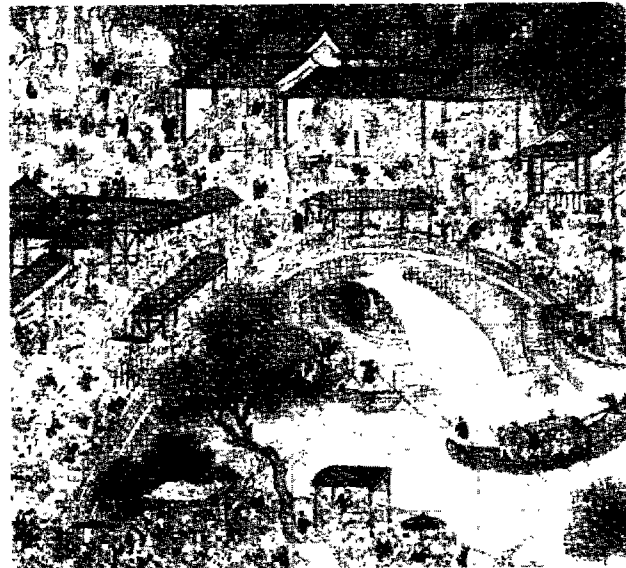
Илл. 238. Император Тайцзу (Чжао Куаньинь) из династии Сун (Китай). Правил в 960–976 гг. (Национальный дворцовый музей, Тайбэй, Тайвань)

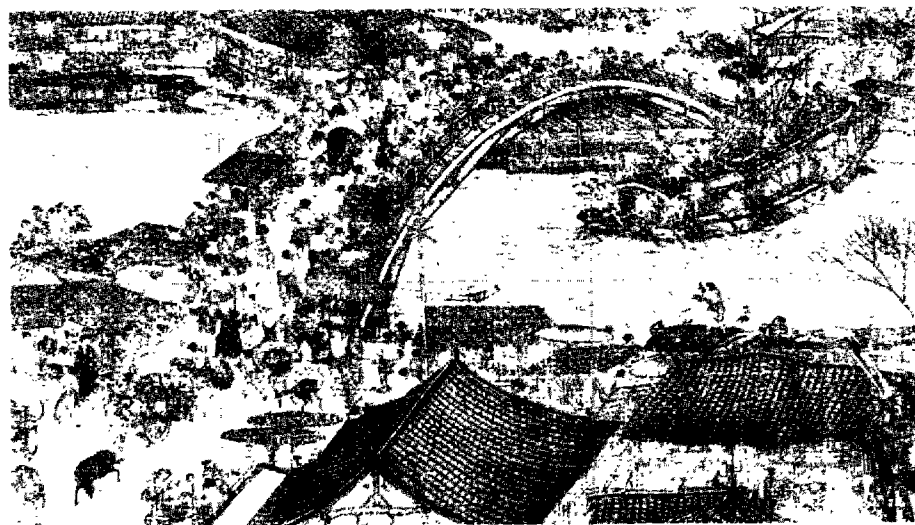
Илл. 239. Император Тайцзу (Чжу Юаньчжан), основатель династии Мин (Китай). Правил в 1368–1398 гг. (Национальный дворцовый музей, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 240. Три музыкантши, династия Тан (Китай). Погребальные статуэтки, терракота, VIII в. (С согласия Этнографического музея, Гейдельберг, Германия)

Илл. 242. Отдых членов династии Мин. С картины «Весеннее празднество на реке» (Китай). Детали предыдущей картины (илл. 241), ок. 1600 г.: пример сознательного подражания архаическим формам выражения культурного величия династии Сун правителями династии Мин в Пекине. (Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США)

Илл. 241. Плотные толпы горожан на мосту и вокруг него в столице династии Сун XII в. Кайфыне. Фрагмент свитка «Весеннее празднество на реке» художника Чжан Цзедуана, начало XII в. (С согласия Музея Летнего дворца, Пекин, Китай)

Илл. 243. Чингисхан (правил ок 1160–1227 гг.).
(Фото Национального дворцового музея, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 246. Бронзовая погребальная маска киданей (Монголия). Период правления киданей, 946–1125 гг. (фото М.В. Воробьева)

Илл. 249. Керамические плитки из Погая. (Фото М.В. Воробьева)

Илл. 244. Хан Угедей (пр. ок. 1229–1241 гг.).
(Национальный дворцовый музей, Тайбэй, Тайвань)

Илл. 247. Фрагмент фрески из дворца хана Угедая, Каракорум (Монголия); XIII в. Фрески, найденные под дворцом хана Угедая в Каракоруме. (Фото в работе: С.Б. Киселев, Л.А. Евтухова и др., «Древнемонгольские города», Москва, 1965, с. 141, *илл. 11*)

Илл. 250. Металлический амулет древних жителей степи.
(Фото М.В. Воробьева)

Илл. 245. Хан Хубилай (пр. ок. 1260–1294 гг.).
(Национальный дворцовый музей, Тайбэй, Тайвань)

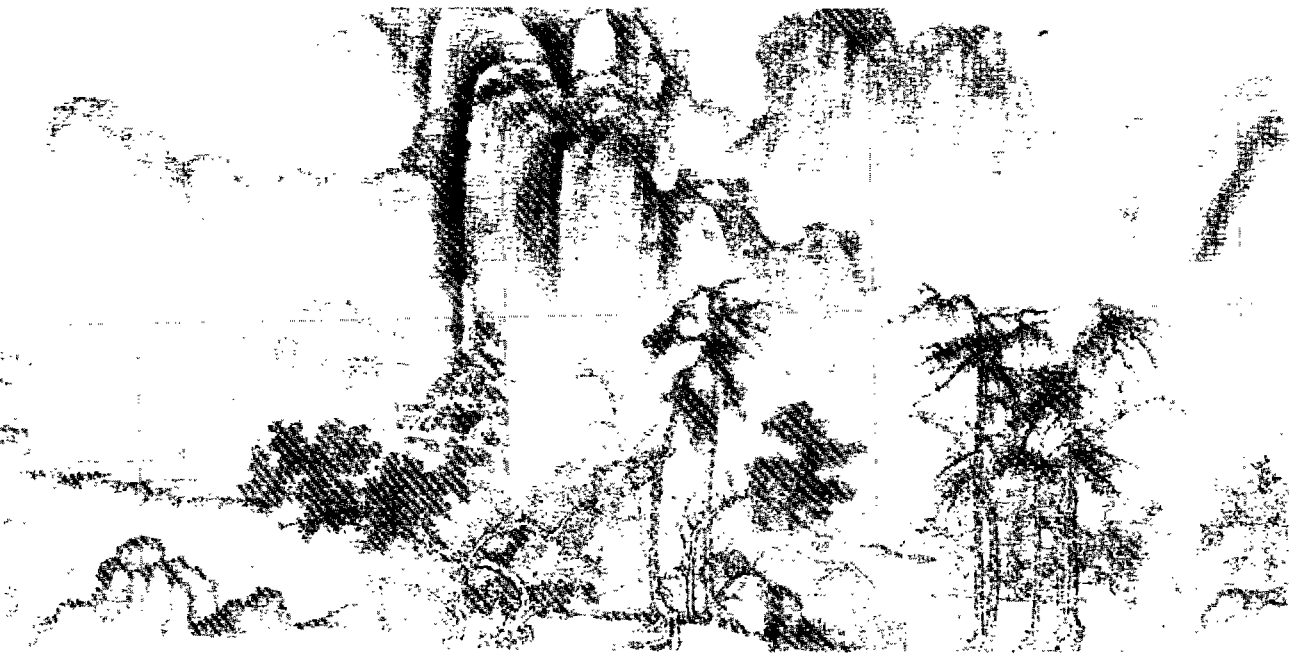
Илл. 248. Монгольский всадник и его добыча. Китайский рисунок времен династии Юань (Китай), XIII–XIV вв. (Музей Гиме, Париж, Франция)

Илл. 251. «Постоялый двор в горах». Тушь и светлые краски на шелке Йень Цзую (*Yen Tz'u-yu*), конец XII в. Картина китайского последователя даосизма, династия Сун (Китай). (Галерея искусств Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США)

Илл. 253. «Осенний пейзаж». Вертикальный свиток, тушь на бумаге. Автор – Сэсю Тое (1420–1506 гг.), последователь даосизма (Япония). (Национальный музей, Токио, Япония)

Илл. 252. «Осень в речной долине». Фрагмент свитка на шелке, тушь и светлые краски. Автор – Го Си, вторая половина XI в. Картина китайского последователя даосизма, династия Сун (Китай). (Галерея искусств Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США)

Илл. 254. «Пятицветный длиннохвостый попугай на цветущем абрикосовом дереве», династия Сун (Китай) Академическое изучение пятицветного попугая Автор – император Хуэйцзун (Чжао Цзи), династия Сун, пр в 1101–1125 гг, ум в 1135 г. Свиток на шелке, тушь и краски, 53,3x125,1 см. (Фонд Марии Антуанетты Эванс, Музей изящных искусств, Бостон, США)

Илл. 255. Овца и коза, династия Юань. Автор – Чжао Менфу (1254–1322 гг), династия Юань (Китай) (Галерея искусств Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США)

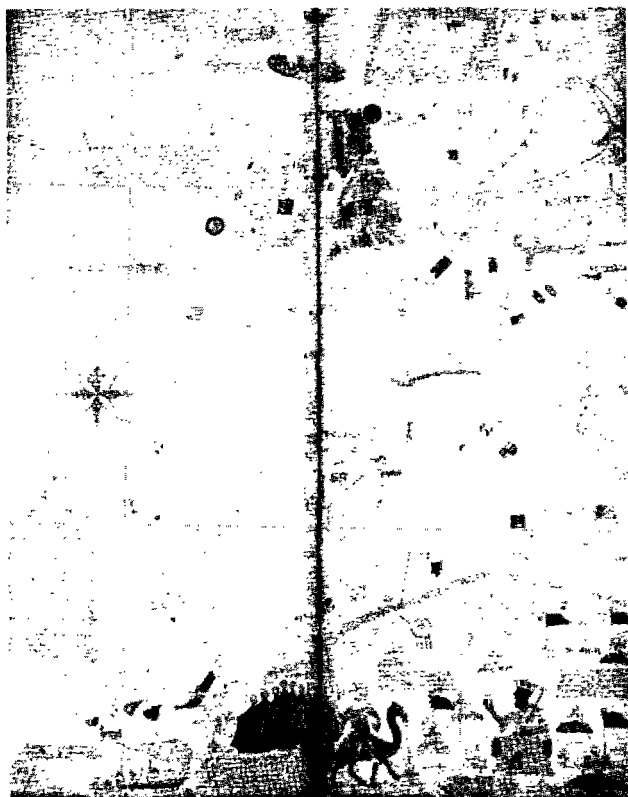
Илл. 256. Министр Тайра-но-Сигэмори (Япония). Вертикальный шелковый свиток. Автор – Фудзивара Таканобу (*Fujiwara Takanobu*) (1142–1205 гг.). (С согласия Кенгаку Таннучи, Киото, Япония)

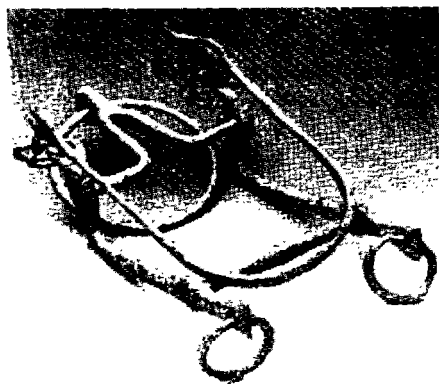
Илл. 257. Портрет госпожи Коданокими, поэтессы (Япония). Из «Собрания портретов тридцати шести знаменитых поэтов», приписываемого Фудзиваре Нобузана (1176–ок. 1265 гг.). (С согласия Музея Ямато Бункакан, Япония)

Илл. 258. Принц Ниономия и его жена принцесса Уйя (Япония). Иллюстрация к произведению XI в. «Гендзи-монogatari» писательницы Мурасаки Сикибу; горизонтальный свиток, краски на бумаге, 1-я половина XII в. (Коллекция Реймейкай, Токио; на хранении в музее Токугава, Нагоя, Япония)

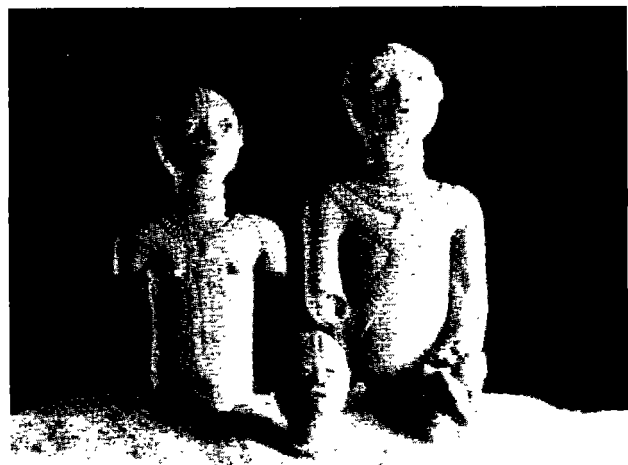
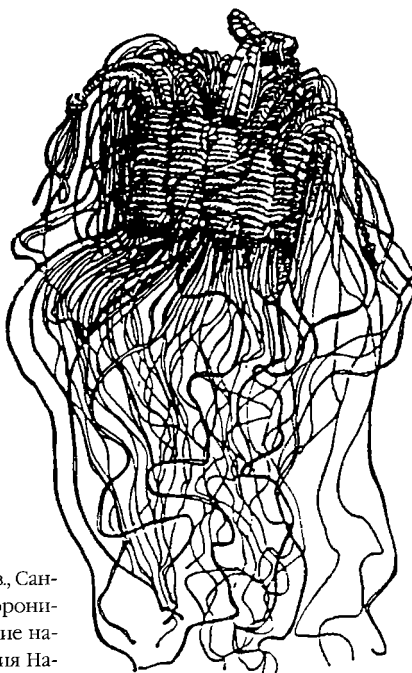

Илл. 259. Международная известность империи Мали, занимавшей в период с XIII по XV в. большую часть Западной Африки, отражена в знаменитом «Каталонском атласе» (1375), составленном А. Креске (*Abraham Cresques*) для короля Франции Карла V. Империя Мали (*ciutat de Meli*) изображена рядом с этим портретом ее мансы (императора) в короне европейского типа. Правитель держит большой золотой самородок, символизирующий баснословное богатство Мали. Перед ним изображен вождь туарегов на верблюде. (Национальная библиотека, Париж, Франция)

Илл. 262. Железные удила, XIV в., Кумби Сале (Мавритания). (С согласия Национального музея Ниамея, Нигер)

Илл. 263. Накладка, волокна и солома, XI–XII вв., Санга (Мали). Умерших женщин народа теллем хоронили в погребальных пещерах, закрепив две такие накладки на бедрах с помощью пояса. (С согласия Национального музея, Мали)

Илл. 260. Пара: терракотовые статуэтки (Нигер); ок. X в. (Фото *Gado, B.* в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1988, vol. III, ch. 28)

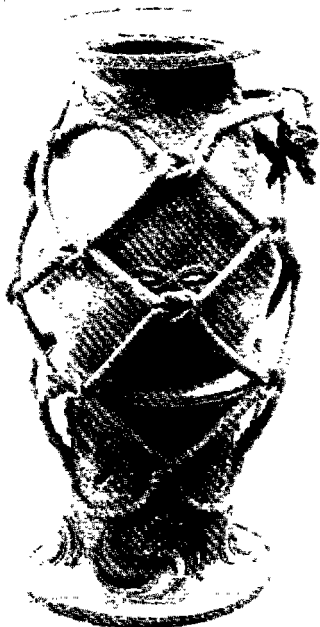
Илл. 261. Железная шпилька для волос. XII в., Санга (Мали). (С согласия Национального музея, Мали)

Илл. 264. Деревянная статуэтка додогонского периода, X в. (Мали). (Фото *Hughes Dubois*, Архивный музей Даппер, Париж, Франция)

Илл. 265. Португальский рыцарь глазами жителей Западной Африки, государство Бенин (Нигерия). Солонка из слоновой кости, конец XV в. Португальцы завязали отношения с правителями нигерийского побережья и привозили лошадей в основном из региона плато Фута-Джаллон (в современной Гвинее). (Музей античного искусства, Лиссабон, Португалия)

Илл. 266. Бронзовый оплетенный сосуд, Игбо-Укву (Нигерия). (Фото *Shau, Tb* в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1984, vol. IV, chap. 14)

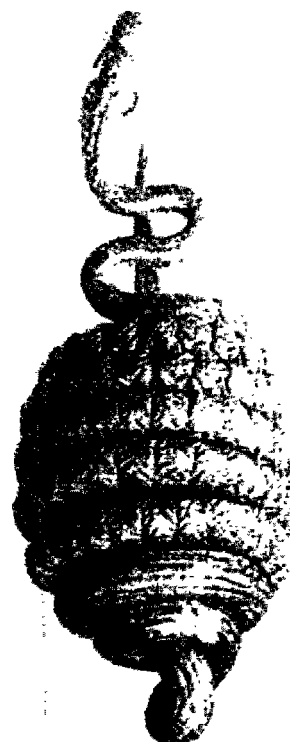
Илл. 267. Бронзовый бюст королевы-матери, царство Бенин (Нигерия). Медный сплав и железо, народ эдо; начало XVI в. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

Илл. 268. Голова молодого *они* (царя), Ифе (Нигерия). Бронза, ок. XIII–XIV вв. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

Илл. 269. Предполагаемый портрет Орсон, супруги *олёво* (царя), правившего в Ово (Нигерия). Терракота, Ово (народ йоруба), Нигерия XV в. (Фото *Shau, Tb* в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1984, vol. IV, ch. 14)

Илл. 270. Декоративный бронзовый набладшник для посоха священнослужителя, Игбо-Укву, IX в. (Нигерия). (С согласия Национального музея Лагоса, Нигерия)

Илл. 271 Большая мечеть Килвы (Танзания) (Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО», август–сентябрь 1979 г.)

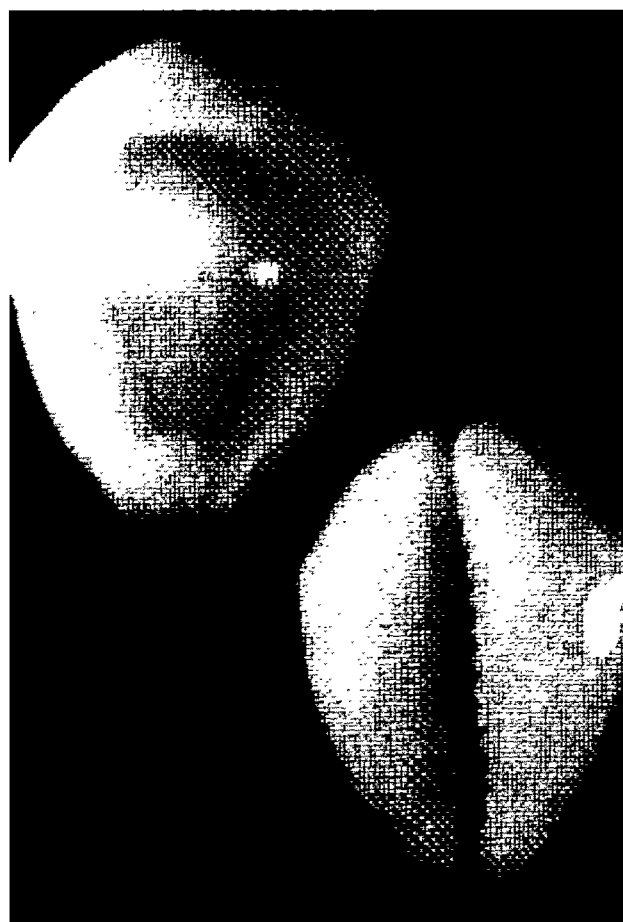
Илл. 272 Арки Большой мечети Килвы (Танзания) (Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО», август–сентябрь 1979 г.)

Илл. 273 Королевский дворец в Донголе, превращенный в 1317 г. в мечеть (Фото Y.F Hasan)

Илл. 275. Захоронение времен классического периода Кисальян, X–XIV вв., местонахождение Санга (Фото Pierre de Maret в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1988, vol III, ch. 23)

Илл. 274 Средство платежа – раковины каури, играли роль африканской валюты (Фото из журнала «Курьер ЮНЕСКО», Париж, январь 1990, с 23)

Илл. 276. Епископ Фараса Мариано (*Marianos*) (пр. в 1000–1036 гг.) под защитой Девы Марии и младенца. Фреска из церкви Фараса, христианская Нубия; начало XI в. (Судан). (Фото Исследовательского центра по археологии Средиземноморья, Польская Академия наук, Варшава, в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1988, vol. III, ch. 8)

Илл. 277. Марта, королева-мать, с Девой Марией и младенцем (Судан). Фреска из церкви Фараса, христианская Нубия; XI в. (Фото *Y.F. Hasan*)

Илл. 278. Рождество Христово. Фреска из церкви Фараса, христианская Нубия (Судан); XI в. (Фото *Y.F. Hasan*)

Илл. 279. Святой Марк (Эфиопия). Иллюстрация к Евангелиям на геэзском языке; Эфиопия, начало XIV в. (Национальная библиотека, Париж)

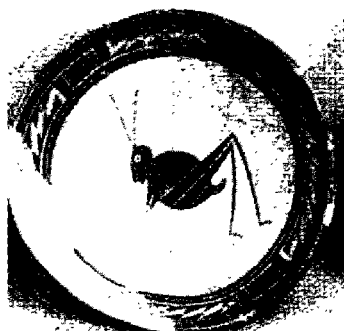
Илл. 280. Высеченная в скале церковь Бета-Гиоргис: Обитель Св. Георгия; конец XII в., Лалибела (Эфиопия). (Фото E. Haberland, Институт Фробениуса, в *General History of Africa*, UNESCO, Paris, 1984, vol. IV, ch. 17)

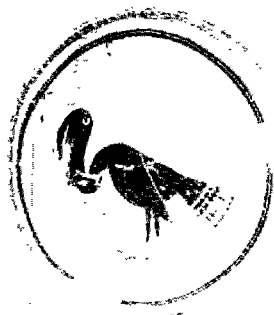
Илл. 281. Каньон-де-Челли: Белый Дом, культура «жителей скальных пещер», штат Аризона (США). Заброшен после великой засухи 1276–1299 гг. «Cbelly» – перевод на испанский язык выражения навахо *Tse-Yi* – «В скалах». (Все права защищены)

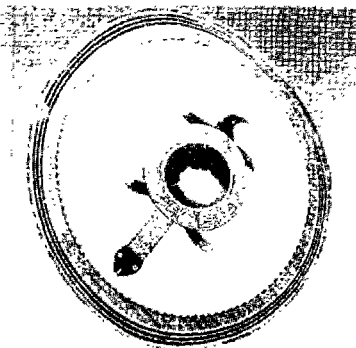
(а)

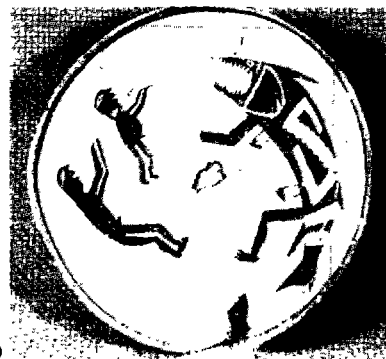
(б)

(в)

(г)

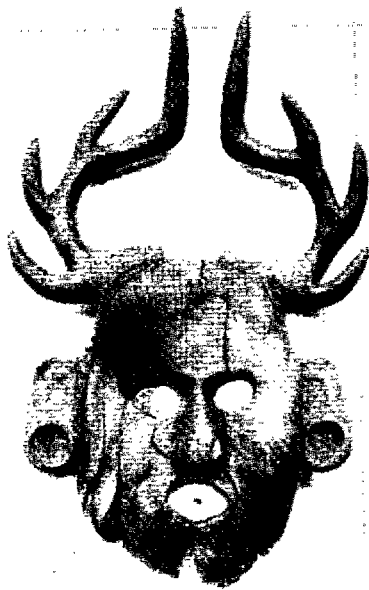

(д)

Илл. 282. Расписные гончарные изделия Мимбрес, штат Нью-Мексико, ок. XII в.: (а) птица; (б) кузнецик; (в) индейка; (г) черепаха; (д) сцена, изображающая мифологическое или ритуальное событие. (Все права защищены)

Илл. 283. Резная фигурка головы оленя. Дерево; с отделяемыми ушами. Найдена в Ки-Марко, на западном побережье штата Флорида (США); культура болаг (*глейдс*), ок. 1000 г. (Все права защищены)

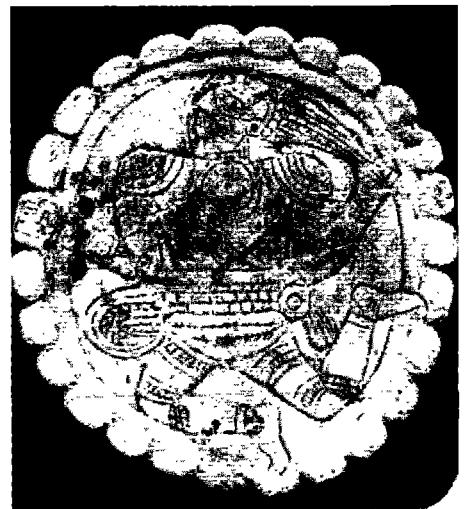
Илл. 284. Голова человека с оленьими рогами. Деревянная маска с инкрустацией из раковин. Из Темпл-Маунд («Храмовый холм»), Спиро, штат Оклахома (США); культура строителей насыпей, 1080–1550 гг. (Все права защищены)

Илл. 285. Голова воина, барельеф на металле, медь. Из Темпл-Маунд («Храмовый холм»), Спиро, штат Оклахома (США); культура кахокия (?), ок. 1000–1200 гг. (Все права защищены)

Илл. 286. Воин. Нагрудный знак, резная раковина. Из Кастильян-Спрингс, штат Теннесси (США); культура Каддо-Миссисипи, ок. 1300 г. (Все права защищены)

Илл. 287. Танцующий шаман. Нагрудный знак, резная раковина. Из Темпл-Маунд («Храмовый холм»), Спиро, штат Оклахома (США). Культура Каддо-Миссисипи, ок. 1300 г. (Все права защищены)

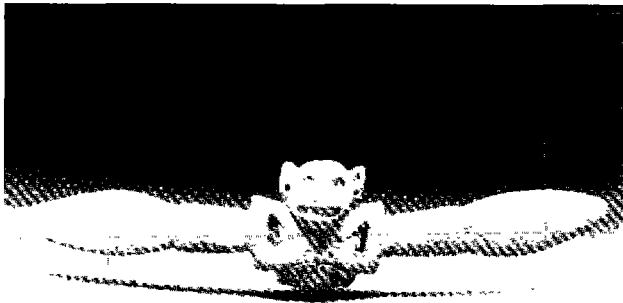
Илл. 288. Сосуд в виде человеческой головы. Фаянс (красный цвет на светло-желтом). Сделан в штате Арканзас, найден недалеко от Пандуки, штат Кентукки (США). Культура Средней Миссисипи (Нодена), 1400–1650 гг. (Все права защищены)

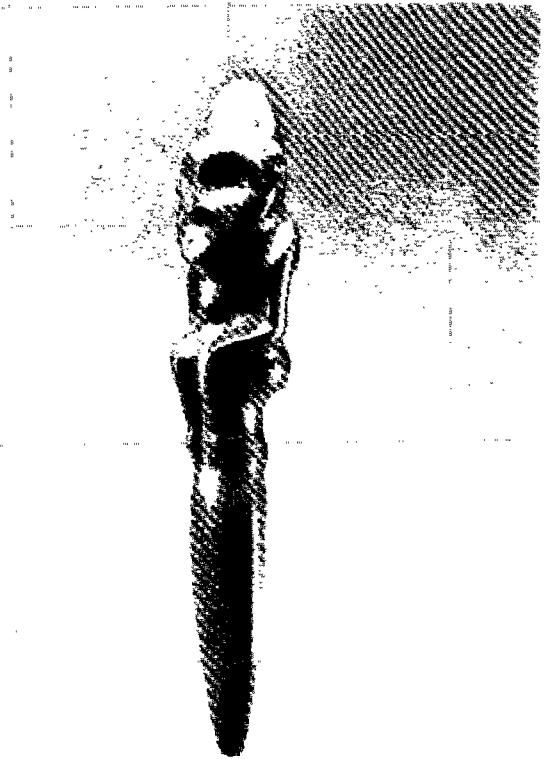
Илл. 289. Камень с тремя выступами, Санто-Доминго (Доминиканская Республика). Высеченное из камня изделие из Ла-Романы, Санто-Доминго, изображающее голову человека в шлеме; лицо сформировано простыми линиями и отверстиями и представляет божество, или «селит», связанные с плодородием. 1000–1500 гг., культура таино. (Фото *Dirk Bakker*; Fundacion Garcia Arevalo, Санто-Доминго)

Илл. 290. Камень с тремя выступами, Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико). Такие скульптуры изображают различных богов и богинь-создателей, а также бога Юкаху (Yucahu), бога маниока, а потому пищи. Некоторые ученые полагают, что впадины были выложены вычеканенным золотом. 1000–1500 гг., культура таино. (Фото *Dirk Bakker*; Музей Университета Пуэрто-Рико)

Илл. 291. Лопаточка, Хигуэй. Санто-Доминго (Доминиканская Республика). Вырезанная из кости ламантина в виде летучей мыши с раскрытыми крыльями, она использовалась в «ритуале кохабы»: при еде растертых зерен кохабы (акации) у людей таино вызывалась рвота, и это было частью ритуального самоочищения. 1000–1500 гг., культура таино. (Фото *Dirk Bakker*; Fundacion Garcia Arevalo, Санто-Доминго)

Илл. 292. Кинжал или скипетр, антропоморфный предмет, вырезанный из камня, Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико). Кинжал или скипетр изображает сидящего человека, что достигается с помощью простых форм; голова равна примерно одной четверти от полного роста тела. 1000–1500 гг., культура таино. (Фото *Dirk Bakker*; Музей Университета Пуэрто-Рико)

Илл. 293. «Пояс» или «ожерелье», Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико). Вырезанный из камня предмет, связанный с ритуальной игрой в мяч или «batey», аналогичной мезоамериканской игре. Пояс, вероятно, защищал талио игрока, хотя также мог служить и трофеем победителя. 1000–1500 гг., культура таино. (Фото *Dirk Bakker*; Музей Университета Пуэрто-Рико)

Илл. 294. Обожествленный предок, проявившийся в фигуре змея, Яшчилан, штат Чьяпас (Мексика). Змеем изрыгает основателя династии Яшчилана, одетого воином, в «маске Тлалока», бога войны и жертвоприношений. Основатель является в видении царицы Ксок, после того, как она пролила свою кровь, проколов язык шипом ската. Известняковая перемычка из Яшчилана, на которой написана дата, соответствующая 23 октября 681 г.; поздний классический период, 600–900 гг.; цивилизация майя. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

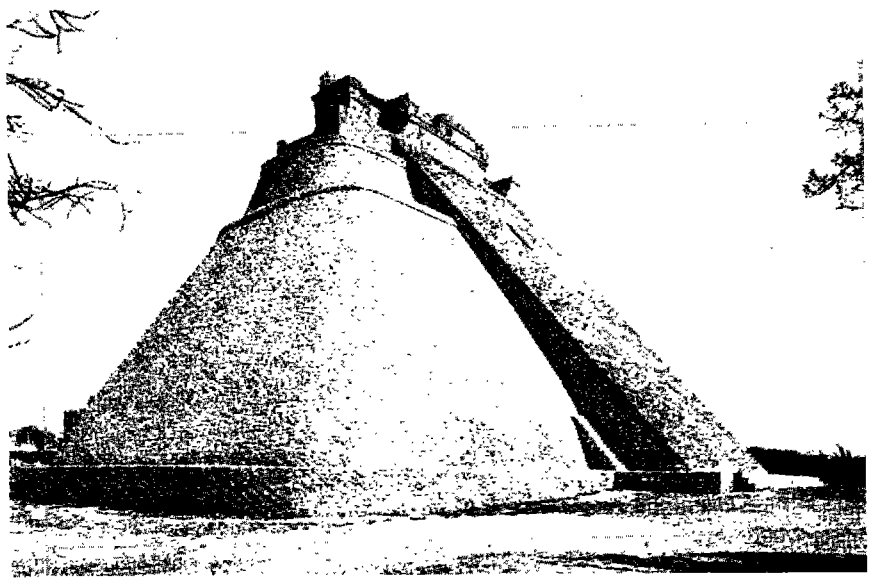
Илл. 295. Обряд кровопускания, Яшчилан, штат Чьяпас (Мексика). Царица Ксок перед своим мужем, царем Шильдом Ягуаром II, протаскивает плеть с шипами через отверстие в языке, чтобы войти в зрительный транс и вызвать видение змея. Известняковая перемычка, датированная 28 октября 709 г.; поздний классический период, 600–900 гг.; цивилизация майя. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

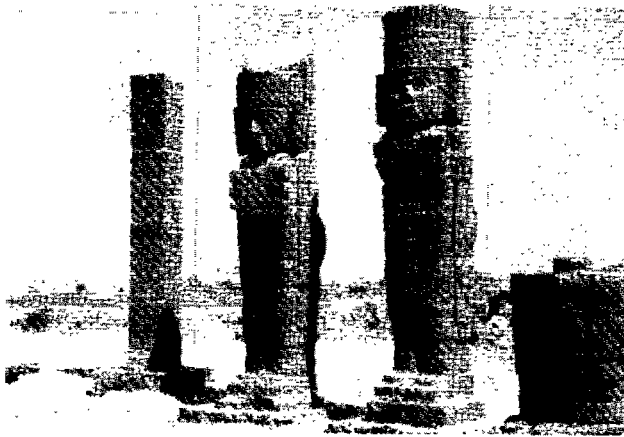
Илл. 296. Правитель и знать с военнопленными, Бонампак, штат Чьяпас (Мексика). Король Чаан Муан II и знать стоят на вершине здания, а несколько военнопленных изображены связанными для принесения в жертву; эта война произошла в августе 792 г. Фреска, написанная темперой, из зала 2 Храма картин, поздний классический период, 600–900 гг., цивилизация майя. (С согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)

Илл. 297. Голова правителя, Паленке, штат Чьяпас (Мексика). Вылепленная из гипса с добавками (т.е. из стукко) голова, найденная в захоронении за Храмом надписей и изображающая короля Пакала II (603–683 гг.); волосы короля причесаны и очень модно уложены. Размер реальной человеческой головы; поздний классический период, 600–900 гг., цивилизация майя. (С согласия Национального института антропологии и истории, INAH, Мексика)

Илл. 298. Пирамида дель-Адивино, Ушмаль, штат Юкатан (Мексика). Пирамида Волшебника – одно из самых впечатляющих строений древнего города майя Ушмаля, так как в ней сочетаются два различных архитектурных стиля: Ченес, предполагающий изображение зооморфных чудовищ с открытой пастью (двери), и Пуук, связанный с каменной мозаикой и геометрическими орнаментами. Поздний классический – ранний постклассический период, 700–1250 гг., цивилизация майя. (С согласия Национального института антропологии и истории, INAH, Мексика)

Илл. 299. Статуи-колонны, Тула, штат Идальго (Мексика). Четыре антропоморфные колонны с резными рельефами изображают Бога утренней звезды (Венеры) – один из вариантов бога Кецалькоатля как воина; на них надеты плюмажи, напоминающие бабочку нагрудные украшения, изображены щиты и устройства для метания дротиков. Базальт, высота 4 м; ранний постклассический период, 1000–1250 гг., цивилизация тольтеков. (С согласия Национального музея антропологии, Мехико, Мексика)

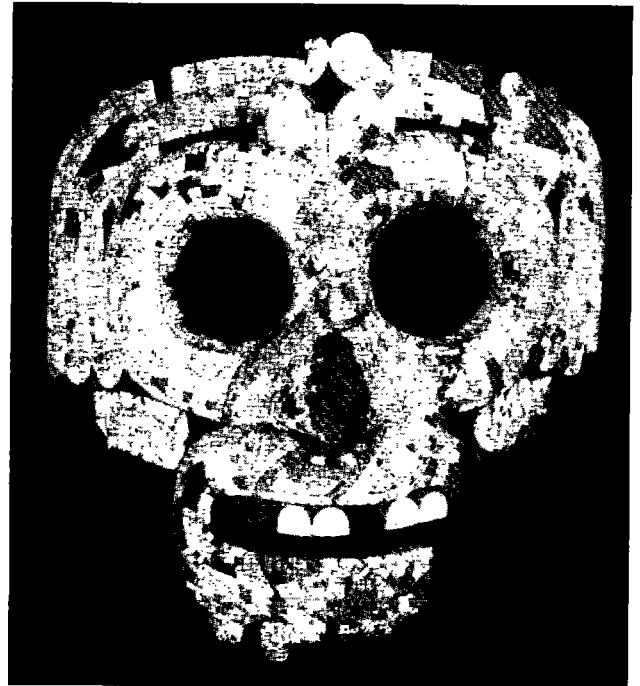
Илл. 300. Барабан с изображением змея, Мехико (Мексика). Вырезанная на поверхности деревянного барабана и известная под названием «тепонакстль» «teponaxtli» фигура изображает извивающуюся гремучую змею с открытой пастью в головном уборе из перьев. Дерево; поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (С согласия Национального института антропологии и истории, INAH, Мехико)

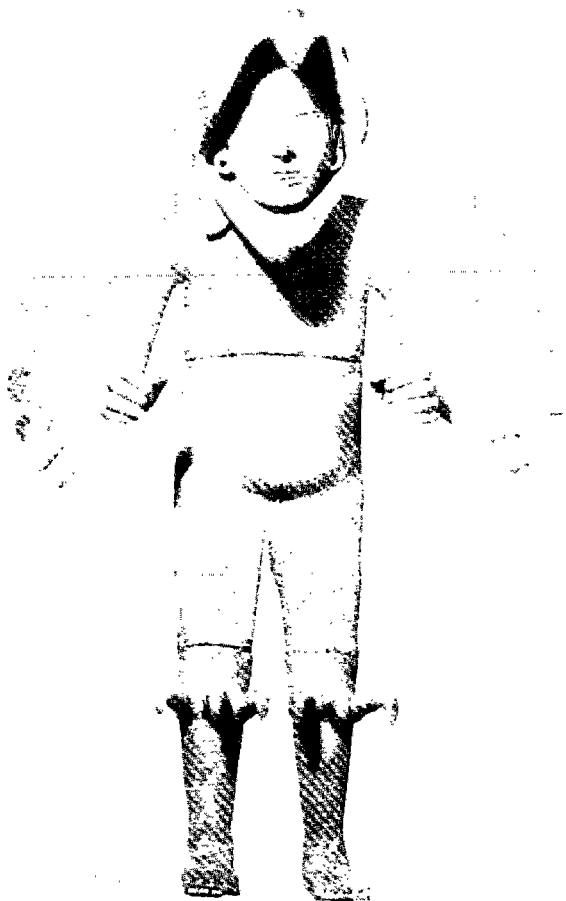
Илл. 302. Сидящий на корточках Бог, Мехико. Почти обнаженный; в головной убор входит сложенная бумага, что присуще божествам воды, а изо рта торчат два зуба. Эти особенности связывают каменный образ с богом Тепейолотлем («Сердце гор»), а не с Шипутектли (богом огня и вулканов). Резной базальт; поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (Британский музей, Лондон, Великобритания)

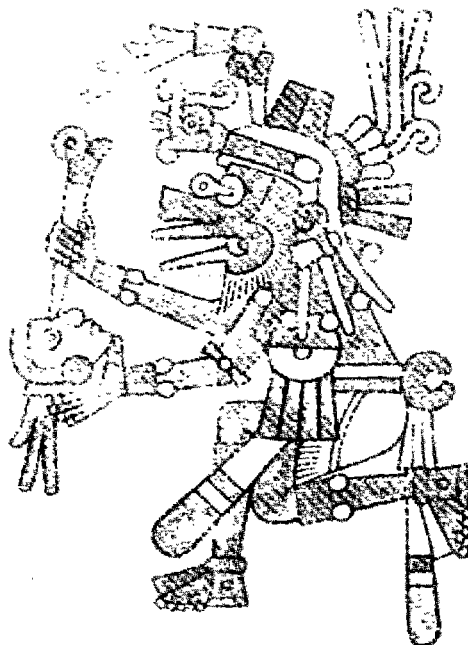
Илл. 301. Кецалькоатль в виде человека и змея, Мехико (Мексика). Скульптура изображает бога Кецалькоатля в наряде пернатого змея. Бог сидит в согнутом положении, а змеем его обвивает; голова змея служит шлемом. Резной красный порфир; поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (Музей человека, Париж, Франция)

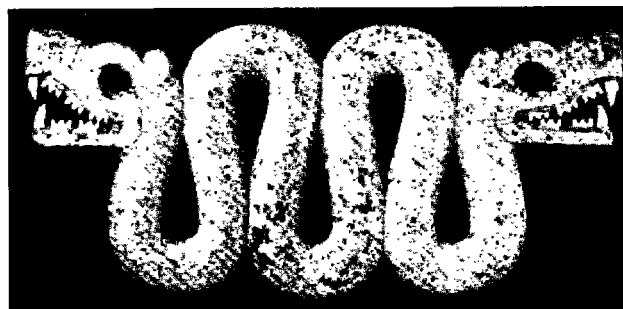
Илл. 303. Бирюзовая маска, Мехико. Возможно, маска Тлалока («Заставляющий расти»), бога дождя и грома, повелителя всех съедобных растений: его лицо образуют два переплетенных между собой змея. Вероятно, предмет из части сокровищ, отданных королем ацтеков Монтемухой II Эрнандо Кортесу в 1520 г. Мозаика из бирюзы и раковин на дереве; поздний постклассический период 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (Музей человечества, Лондон, Великобритания)

Илл. 304. Воин-орел, Мехико. Обнаружен в Доме Орлов в Большом храме Теночтитлана. Воины, одетые орлами и ягуарами, составляли элиту вооруженных сил ацтеков. Орел ассоциировался с Уцилопочтли («колибри левой стороны» или «колибри-левша»), богом войны, и отождествлялся с Солнцем. Эта полая структура немногим меньше роста реального человека. Раскрашенная глина, поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (С согласия Национального института антропологии и истории, INAH, Мексика)

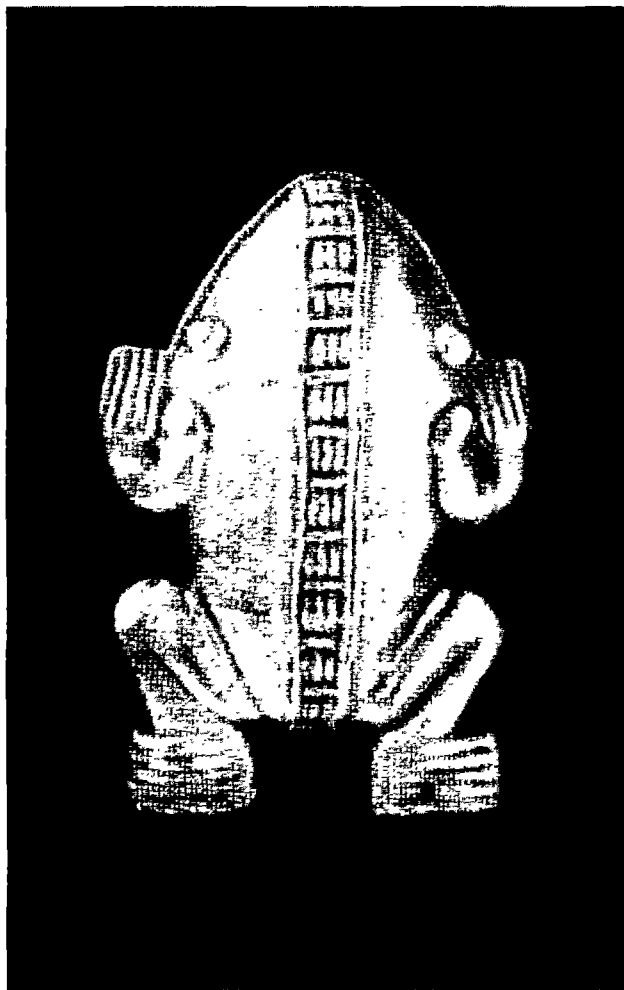
Илл. 305. Кецалькоатль как повелитель ветров приносит жертву; регион миштеков–пуэбла (Мексика). Разноцветная иллюстрация к рукописи на коже животного, покрытой гипсом, из Кодекса Фехервари-Майера (*Fejérvári-Mayer*). По своему содержанию этот Кодекс является религиозным и обрядовым. Оленья кожа; поздний постклассический период, 1250–1500 гг., цивилизация миштеков или ацтеков. (Ливерпульский городской музей, Ливерпуль, Великобритания)

Илл. 306. Двухголовый змей, Мехико. Нагрудное украшение. Вероятно, часть сокровищ, отданных правителем ацтеков Монтесумой II Эрнандо Кортесу в 1520 г. Мозаика из бирюзы, кораллов и раковин на дереве; поздний постклассический период, 1325–1521 гг., цивилизация ацтеков. (Музей человечества, Лондон, Великобритания)

Илл. 307. Ацтекский храм-пирамида, г. Мехико. Это одно из немногих святилищ ацтеков, которое сохранилось до наших дней почти нетронутым. Ее можно увидеть в Санта-Сесилия-Акатитлане, к северу от Мехико. Человеческие жертвы приносили на камне, расположенном на краю верхней платформы. Поздний постклассический период, 1325–1521 гг., ацтекская цивилизация. (Все права защищены)

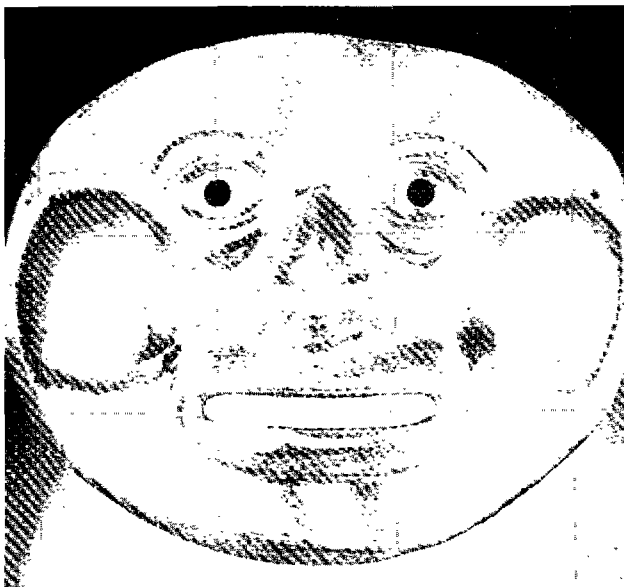
Илл. 308. Золотая лягушка, Панама. Одно из наиболее часто изображаемых животных, лягушка встречается в виде полых подвески и/или является частью ожерелий. Такие украшения сначала изготавливали из воска, затем покрывали глиной, чтобы создать форму, в которую золотых дел мастера заливали расплавленное золото (или сплавы золота, серебра и меди). Золотое литье, 700–1500 гг., стиль Верагуа. (Фото Wolfgang Habefland, Аренсбург)

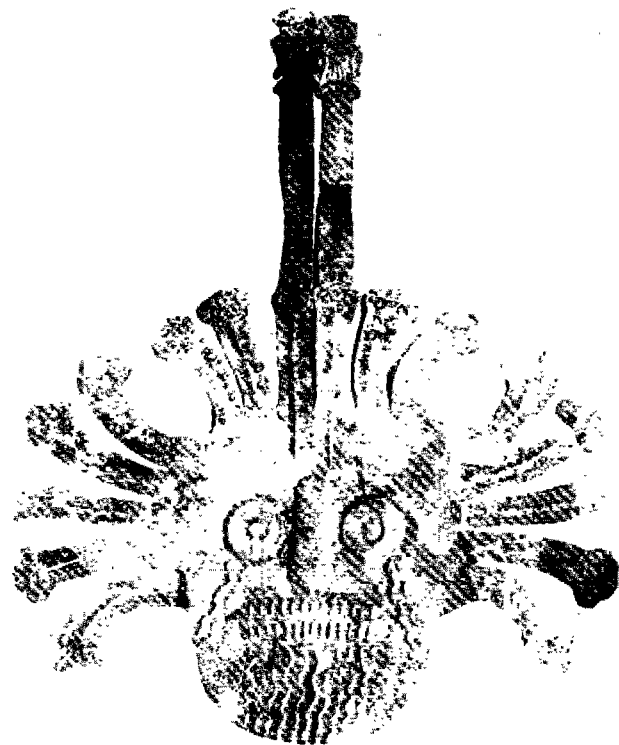
Илл. 309. Бог-«аллигатор», Рио-де-Хесус, провинция Верагуа (Панама). Отождествляемый с «аллигатором» (иногда с лягушкой) Бог Эта фрутера (емкость для фруктов) содержит разноцветное изображение животного с геометрическими чертами: широким лицом, большим ртом, короткими руками и длинными ногами, 700–1500 гг., стиль Верагуа. (Фото Wolfgang Habefland, Аренсбург)

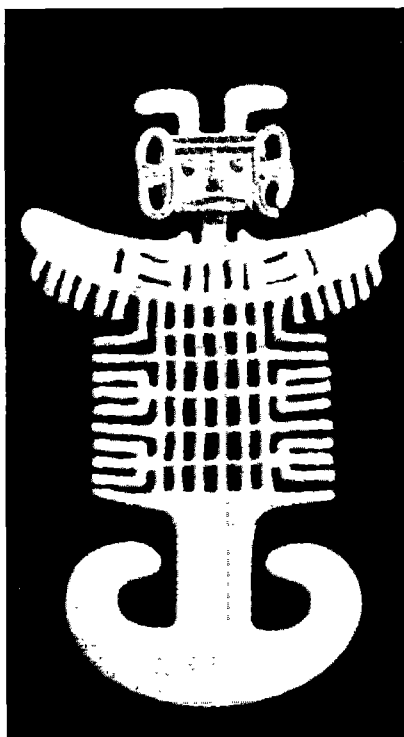
Илл. 310. Бог-«аллигатор», Кукле (Панама). Другое изображение Бога-«аллигатора» на коротких с поднятыми руками, в которых он держит над головой какой-то предмет. Изображение на нагрудном диске, сделанном из ковачного золота. 700–1300 гг., стиль Верагуа. (Коллекция виллы Думбартон-Окс, Вашингтон, США)

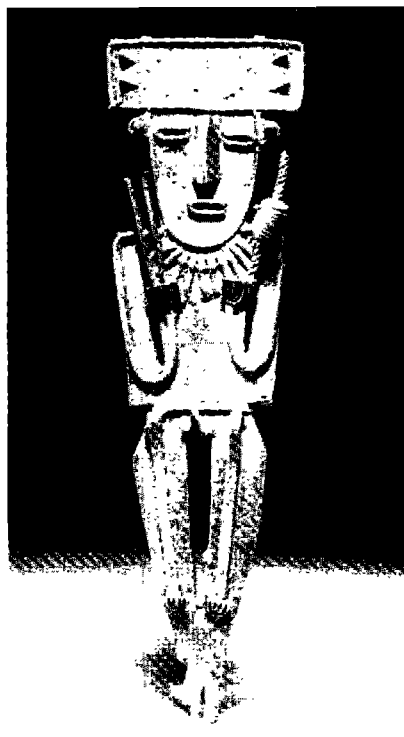
Илл. 311. Погребальная маска, Толима (Колумбия). Изображение на маске выполнено из чеканного золота, раскрашено в красный цвет и инкрустировано изумрудами; такими масками покрывали лица усопших аристократов, чтобы защитить их во время путешествия в потусторонний мир. Золото, 600–1150 гт., культура кимбая. (Коллекция Яна Митчелла. Фото выставки «*The Art of Precolumbian Gold*» в Метрополитен-музее, Нью-Йорк, 1986 г. © Фото Метрополитен-музея, Нью-Йорк, США)

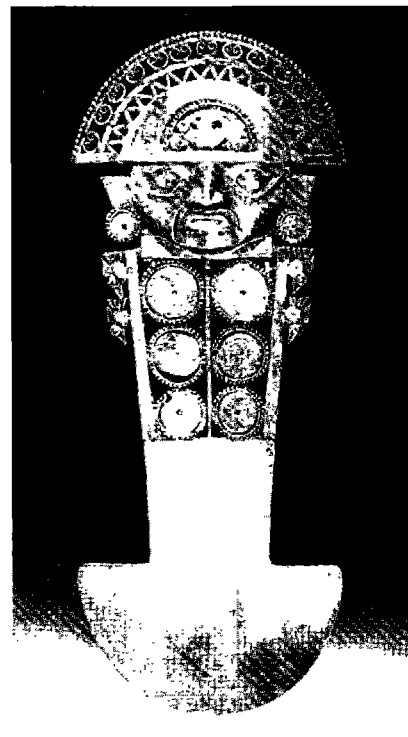
Илл. 314. Золотая маска, Наска (Перу). Маска сверхъестественного существа в сложном головном уборе или со сложной прической. Иконография изделия напоминает изображения, связанные с культом бога-творца. Золото, 300–600 гт., культура наска. (Музей человека, Париж, Франция)

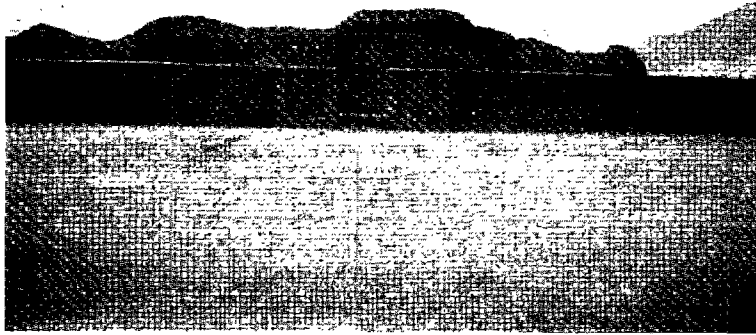
Илл. 312. Стилизованная золотая фигура, Толима (Колумбия). Возможно, ритуальный нож, изображающий птицу с крупными серьгами и связанный с культом Солнца. Чеканное золото, 600–1150 гт., культура кимбая. (Мемориальная коллекция Майкла Рокфеллера. Метрополитен-музей, дар Нельсона А. Рокфеллера, Нью-Йорк, США)

Илл. 313. Фигура из тайника, Тунха (Колумбия). Геометрическая и стилизованная человеческая фигурка, держащая в поднятых руках два разных предмета. Золото, 1150–1540 гт., культура мунсков или чибча. (Коллекция Яна Митчелла. Фото выставки «*The Art of Precolumbian Gold*» в Метрополитен-музее, Нью-Йорк, 1986, © Фото Метрополитен-музея, Нью-Йорк, США)

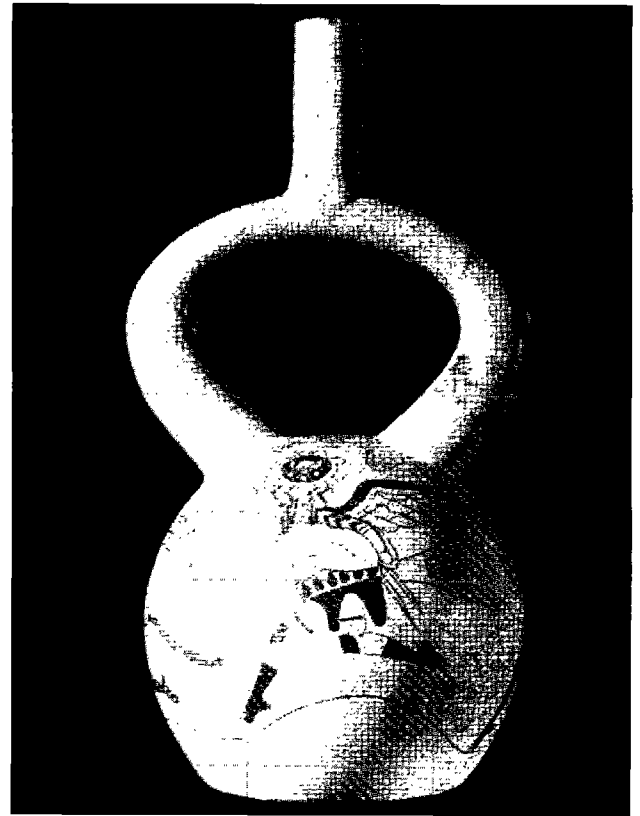
Илл. 315. Церемониальный нож, или «Туми». Стилизованная золотая фигурка, Толима (Колумбия). Ритуальный нож используется при проведении обрядов или служит скальпелем при трепанации черепа. Он выполнен в виде головы человека с полукруглой прической и большими серьгами. Золотая отливка с бирюзой, 850–1150 гт., культура чиму. (Коллекция Яна Митчелла. Фото выставки «*The Art of Precolumbian Gold*» в Метрополитен-музее, Нью-Йорк, 1986, © Фото Метрополитен-музея, Нью-Йорк, США)

Илл. 316. Чан-Чан, древний город в долине р. Моче (Перу). Большой столичный город Чан-Чан (площадью 20 кв. км) был построен в основном из сырцового кирпича. В зданиях выявлены несколько декоративных сюжетов: геометрические формы, животные, птицы и рыбы. В одном из них признали Ни, бога моря. Апогей ок. 1200–1400 гг., культура чиму. (Фото *L. Millones*)

Илл. 317. Антропоморфный сосуд, Северное Перу. Составленные из двух вертикальных половин погребальные урны полировали, раскрашивали в красный, черный и белый цвета и обычно снабжали ручкой в виде скобы, или серги. Среди наиболее интересных – урны с реалистическими человеческими лицами, или «портреты». Керамика, 300–800 гг., культура мочика. (Национальный музей Дании, Копенгаген)

Илл. 318. Керамический сосуд с мифологической сценой (Перу). Разноцветные сюжеты часто связаны с религиозными, ритуальными или сюжетными сценами. В этом примере танцующий шаман или жрец принимает облик орла и держит в правой руке растение. Керамика, 300–800 гг., культура мочика. (Музей Rautenstrauch-Joest, Кёльн, Германия)

Илл. 319. Золотая погребальная маска, Ламбайек (Перу). Художественная традиция, широко распространенная в Андах. Золотые маски, которые клали на тела усопших вместе со сложенными в узелок погребальными предметами, служили для защиты усопших. Кованое золото, красная краска, изумруды; 1100–1300 гг., культура чиму. (Метрополитен-музей, дар *Alice K. Bacbe*, 1974 и 1977 гг., Нью-Йорк, США)

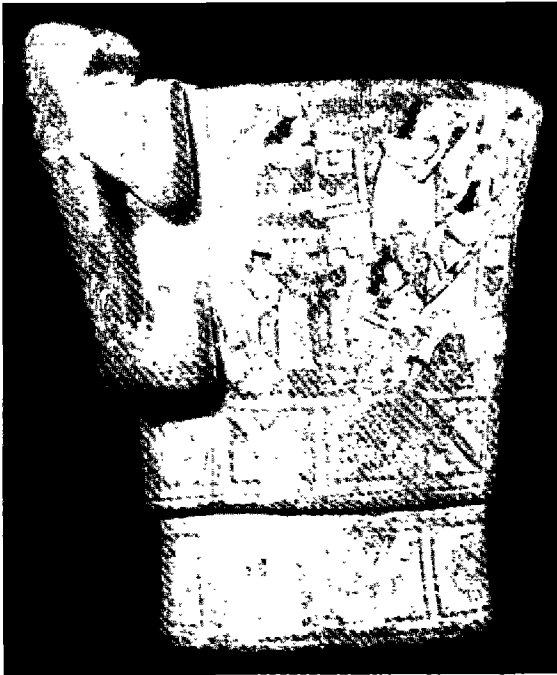

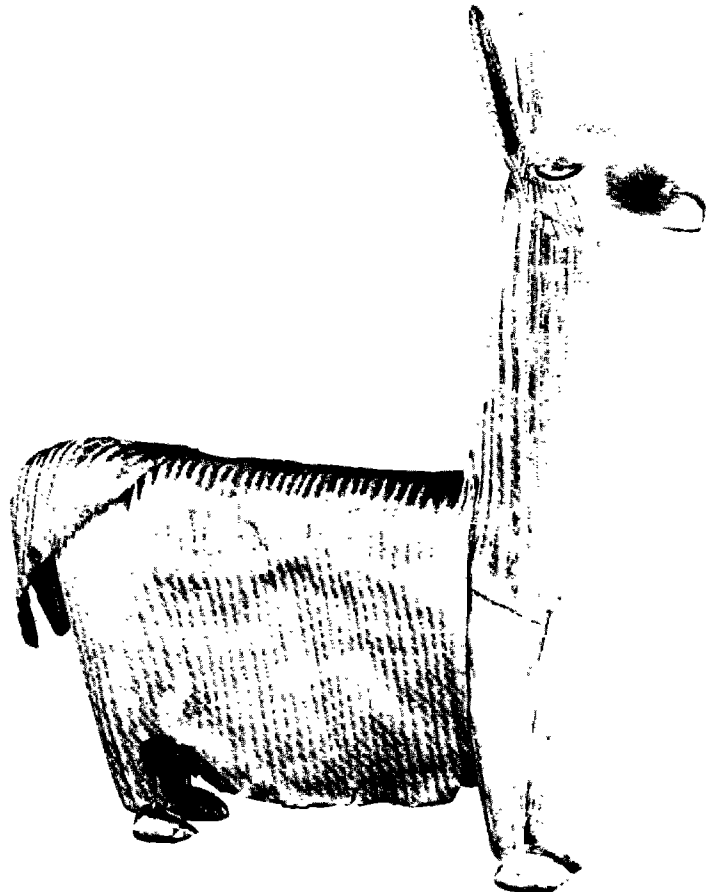
Илл. 320. Террасы Писака, г. Куско (Перу). Террасы служили основой для домов, храмов и обрабатываемых полей. 1400–1540 гг., цивилизация инков. (Фото L. Millones)

Илл. 321. Мачу-Пикчу, город-крепость и святилище инков, г. Куско (Перу). Этот город был построен на склонах горы близ р. Урубамба. Одним из главных зданий Мачу-Пикчу являлся Храм Солнца. Его наземный план напоминает подкову; его стены из идеально обработанных и подогнанных камней не нуждались в известковом растворе. Во внутреннем зале находилась статуя бога Солнца. 1400–1540 гг., цивилизация инков. (Фото L. Millones)

Илл. 322. Керамический сосуд (Перу). Воины инков. Вазы, или *керосы*, считаются одними из самых искусных керамических изделий инков. Раскрашенные яркими цветами (красным, желтым, черным, белым), их сюжеты часто смешивают геометрические и антропоморфные фигуры. На данном изделии изображена группа воинов или охотников. 1400–1540 гг., цивилизация инков. (Музей Америки, Мадрид, Испания)

Илл. 323. Фигурка альпаки из серебра, район оз. Титикака (Перу–Боливия). Найдена вблизи Священного утеса на острове, на оз. Титикака, между современными Перу и Боливией. Обработка золота и серебра достигла высокого уровня развития в доколумбовы времена в южноамериканских Андах, о чем свидетельствует эта альпака, которую можно узнать по стройной шее и длинной шерсти. Альпак выращивали ради их шерсти и мяса, в отличие от лам, которых использовали в качестве вьючных животных. Серебро, 1400–1540 гг., цивилизация инка. (Американский музей естественной истории, Нью-Йорк, США)